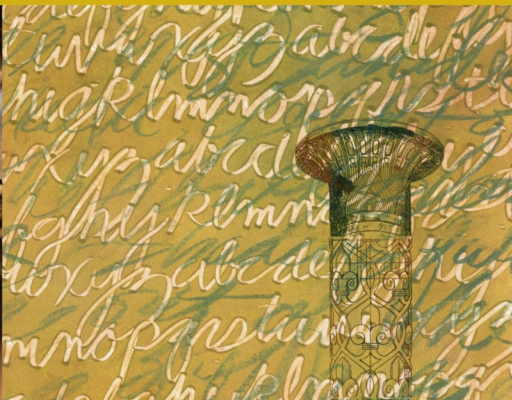

НАУКА ЮРГУ

МАТЕРИАЛЫ
66-Й
НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

СЕКЦИИ
СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК

Министерство образования и науки Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет

Ч48
Н34

НАУКА ЮУрГУ

Материалы 66-й научной конференции

СЕКЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2014

ББК Ч481.46.я43 + Ч215.1.я43
НЗ4

Оргкомитет 66-й научной конференции

Ваулин С.Д. (председатель), Рождественский Ю.В., Спасибожко В.В., Шабиев С.Г., Сафонов Е.В., Карпов А.Н., Радченко Г.И., Шестеркина Л.П., Парфентьева Н.Д., Хомутова Т.Н., Келлер А.В., Горшенин В.П., Гузев В.И., Майсак В.Н., Казаринов Л.С., Солдатова Е.Л., Кундикова Н.Д., Михайлов Г.Г., Авдин В.В., Шиндина Т.А., Баев И.А., Белоножко А.Т., Классен А.Н., Волошина И.А., Шестакова Л.И., Демин А.А., Эрлих В.В., Окольников И.Ю., Чванова Е.Е., Чуманов В.И., Плаксин О.А., Балахонова И.М., Серко И.А., Борщенок В.Н., Давыдова О.И., Романов Е.В., Кравцов А.И., Орлова Е.Ю., Шкерина Г.А.

Ответственный за выпуск Ваулин С.Д.

Н 34   **Наука ЮУрГУ** [Электронный ресурс]: материалы 66-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – – Электрон. текст. дан. (51,7 Мб). – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2014. – 1 электрон. опт. диск (DVD); 12 см – Системные требования: PC не ниже класса Pentium I; ОЗУ 512 Mb; ОС Windows 2000/XP/Vista/7; Adobe Acrobat Reader; DVD-ROM дисковод. – Загл. с экрана.

Представлены материалы 66-й научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и сотрудников, которая состоялась в апреле 2014 года.

Отпечатано с авторских оригиналов.

ББК Ч481.46.я43 + Ч215.1.я43

ISBN

© Издательский центр ЮУрГУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИТЕКТУРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

<u>Шабиев С.Г. Методология непрерывного высшего образования по направлению «Архитектура» в Южно-Уральском государственном университете.....</u>	20
<u>Зимич В.В. Энергосбережение в современной архитектуре.....</u>	25
<u>Алёшин А.Ю. Архитектурная гармонизация исторического центра города Челябинска.....</u>	30
<u>Афанасьев А.Г. Участие архитектурных школ в профессиональных конкурсах.....</u>	36
<u>Баранов Б.А. Архитектурно-историческая реконструкция комплекса «Алое поле» в городе Челябинске.....</u>	41
<u>Большаков В.В. Образ города. Пространственная среда города Челябинска.....</u>	45
<u>Васильев В.И., Чучелов К.И., Агапов И.А. Водопонижение территории завода с утилизацией дренажных вод в производственном водоснабжении.....</u>	49
<u>Васильев В.И., Чучелов К.И. Использование дренажных и подземных вод застроенной территории на хозяйственные нужды населения.....</u>	54
<u>Гундарев А.А. Моногорода челябинской области: ресурсы и барьеры модернизации. Пространственный вектор социально-экономического развития.....</u>	58
<u>Давыдова О.В. Организация научной деятельности первокурсников архитектурного факультета.....</u>	63
<u>Жаринова Е.А. Городское планирование для поколения «Y».....</u>	68
<u>Иванов В.И., Некрасова К.Е. Эволюция планировочных структур Челябинска.....</u>	72
<u>Иванов В.И., Соколова С.Н. Формирование городского ландшафта малых городов Челябинской области.....</u>	78
<u>Иванов В.И. Пространственный анализ плоскостного изображения.....</u>	83
<u>Иванов В.И., Жаринова Е.А. Различия менталитетов в градостроительстве.....</u>	87
<u>Иванов В.И. Композиция исторического города. Методика анализа.....</u>	93
<u>Ивашенко Ю.А. Архитектурные фасады зданий с периферийной конструктивной несущей системой.....</u>	98
<u>Игнатьев Ю.В., Костин А.М. Городской транспорт и подземная урбанистика.....</u>	102
<u>Колясников В.А. Концепция развития отечественного инновационного градостроительства в XX веке.....</u>	105
<u>Леканова С.Н. Современная архитектура Европы.....</u>	113
<u>Масленников А.А. Энергоэффективные технологии в индивидуальном</u>	116

<u>жилом строительстве</u>	
<u>Терёшина О.Б. Вопросы анализа предметно-пространственной среды</u>	121
<u>Тюрин М.Ю. Проблема поиска архитектурного образа в проекте реконструкции электростанции Баттерси в Лондоне</u>	125
<u>Филимоненко Л.А. О новых тенденциях в динамике общества на рубеже третьего тысячелетия</u>	130
<u>Худяков А.Ю. Межевание застроенных территорий</u>	134
<u>Худяков А.Ю. Старые карты и новые города</u>	140
<u>Цветкова Е.С. Реконструкция малоэтажной застройки в структуре города-миллионника</u>	145
<u>Чудинова В.Г. Архитектурный стиль как инструмент современной практики дизайна</u>	149
<u>Чудинова В.Г. Архитектурная инфографика</u>	154
<u>Юдин В.Ю. Традиции строительства русского деревянного иконостаса</u>	163
<u>Воронина М.Д. Некоторые правовые аспекты архитектурного менеджмента</u>	167
<u>Лебедева М.А. Архитектура санаториев советского периода</u>	174
<u>Нестеров Д.И. Эволюция цветowych конструкций. Барокко</u>	183
<u>Новокшинова Н.А. Произведение дизайна в свете реформирования гражданского законодательства</u>	191
<u>Останина Е.А. Спорные вопросы защиты авторского права на произведение архитектуры</u>	197
<u>Птицына Л.М. Дизайн городской среды в свете глобальных проблем современности</u>	200
<u>Смирнова Ю.А. Особенности формирования объёмно-планировочной структуры объектов быстрого питания</u>	205
<u>Федорова М.Ю. Особенности дизайна пульта управления кабины бурильщика</u>	211
<u>Шабалина Н.М. Индустриальное наследие В.Г. Шухова в Челябинске и проблема сохранения инженерных сооружений</u>	215
<u>Варгот Т.А. Актуальность теории и практики цветоведения в условиях современности</u>	219
<u>Граханов Д.А. Дада до дада и после дада: вечное возвращение онтологического истока</u>	224
<u>Конюхова А.А. Исторический аспект цветового решения дизайнерско-архитектурного ансамбля в городе Челябинске</u>	232
<u>Ли И.С. Тектоника?.. Или?.. Архитектоника, атектоника, антитектоника, псевдотектоника</u>	236
<u>Пономарёва Ж.В. Современные проблемы образования и воспитания молодежи: культура чтения</u>	240
<u>Раскин А.М. Теория и методология дизайн-проектирования как</u>	244

<u>базовая дисциплина подготовки дизайнера</u>	
<u>Сидоренко М.Ю. Восприятие образа города через колористическое решение его среды</u>	248
<u>Сурин Д.Н. Рисование с натуры, по памяти и представлению – важный этап становления архитектора и дизайнера</u>	252
<u>Сурина Л.Б., Лычагин Ф.И. Роль дизайнера в организации фестиваля электронной музыки как качественного многофункционального массового мероприятия</u>	256
<u>Терёшина О.Б., Мацюк О.А. Типологические основы дизайн-проектирования электронных средств обучения</u>	260
<u>Финаева О.В. Роль пленэрной практики в современном архитектурно-художественном образовании</u>	265
<u>Черных Д.Г. Использование этнокультурных мотивов в оформлении научных изданий</u>	269
<u>Швайгер А.М., Решетов А.Л., Карманова Л.Л. Информационные технологии для магистров-дизайнеров</u>	277
<u>Бокова О.Р. Анализ состояния архитектурно-световой среды г. Челябинска по материалам социологических исследований</u>	282
<u>Мотовилова И.А. Академический архитектурный рисунок. Традиции и современность</u>	287

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

<u>Агеева Ю.П. Микроцикл К. Федина «Сказочки» как особая литературная форма</u>	292
<u>Белова Л.И. Конструктивистский и традиционный социологический подход к освещению социальных проблем в современных СМИ</u>	297
<u>Борченко И.Д. Междисциплинарный подход к пониманию социальных медиа</u>	302
<u>Булаева М.Н. Особенности жанра заметки в интернет-СМИ</u>	305
<u>Васильева В.П. Специфика социального мифотворчества в массовых печатных изданиях</u>	308
<u>Виноградова О.А. Ещё несколько слов о природе петербургского текста</u>	312
<u>Воронина Э.А. Художественный приём потока сознания в романе У. Фолкнера «Когда я умираю»</u>	315
<u>Выборнова Л.В. Типы структурных моделей фразеологических единиц со значением оценки умственных способностей</u>	320
<u>Гончарова В.Н. Современный русский риторический идеал глазами студентов</u>	324
<u>Горбачевский Ч.А. Топосы невольничьего ада в мемуарах политкаторжан</u>	328
<u>Добрикова А.А. PR как средство трансляции базовых ценностей компании (на примере ОАО «Челиндбанк»)</u>	332

<u><i>Драгунов А.В.</i> Финал правления Юревича или об особенностях «независимости» СМИ на Южном Урале.....</u>	336
<u><i>Егорьева М.П.</i> Словообразовательное гнездо с корнем ви- в древнерусском книжно-литературном языке.....</u>	343
<u><i>Епифанова А.Г.</i> Особенности дизайна рекламы в современной культуре.....</u>	347
<u><i>Ермилова Т.В.</i> Применение методов политического исследования.....</u>	350
<u><i>Зыховская Н.Л.</i> Принципы организации ольфакторного пространства в прозе М.Ю. Лермонтова.....</u>	356
<u><i>Исмаилов А.Ю.</i> Деонтологический аспект деятельности журналиста в контексте важнейших антропологических констант свободы и ответственности.....</u>	361
<u><i>Канищева Е.В.</i> Специфика ритмической организации прозы М. Цветаевой.....</u>	365
<u><i>Корнилова Л.Н.</i> Глагольный компонент процессуальных фразеологизмов семантики становления.....</u>	371
<u><i>Лободенко Л.К.</i> Классификация аналитических жанров рекламной журналистики.....</u>	376
<u><i>Пелленен Л.В.</i> Связи с общественностью в рамках реализации корпоративной социальной ответственности.....</u>	383
<u><i>Пелихов Д.А.</i> Особенности перевода поэзии Чеслава Милоша.....</u>	390
<u><i>Поляева Н.К.</i> Индивидуальный стиль регионального журналиста.....</u>	397
<u><i>Пономарева Е.В.</i> Историческая действительность в цикле А. Кабакова «Московские сказки».....</u>	402
<u><i>Семьян Т.Ф.</i> Челябинская поэзия как «локальный текст».....</u>	408
<u><i>Соловьева Т.С.</i> Роль рекламы в продвижении IT-компаний.....</u>	414
<u><i>Супрунова Л.В.</i> Метафора в речи преподавателя как прием смыслового акцентирования (историографический аспект).....</u>	417
<u><i>Тезина Е.В.</i> Описание лексико-семантических групп многокомпонентных терминов сферы рынка сотовой связи.....</u>	423
<u><i>Хакимова Е.М.</i> Конструкции с семантикой пояснения и уточнения в современных русскоязычных текстах массовой коммуникации: ортологический аспект.....</u>	429
<u><i>Раева Т.В., Харитонова О.Ю.</i> Изменения в восприятии актуальной международной информации студентами факультета журналистики.....</u>	433
<u><i>Хлызова А.А.</i> Методологические аспекты исследования телевизионной журналистики.....</u>	439
<u><i>Чигинцева Т.А.</i> Визуальные особенности компьютерного набора в текстах современных писателей.....</u>	447
<u><i>Чуракова М.В.</i> Моделирование процесса развития научно-методической компетенции преподавателя вуза.....</u>	451
<u><i>Шаманова О.С.</i> Мультимедийная заметка как ведущий жанр интернет-сайтов региональных телекомпаний.....</u>	454

<u>Шестеркина Л.П. К вопросу о воспитании и подготовке профессионала современной медиасферы</u>	457
---	-----

ИНСТИТУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<u>Лихолетов В.В., Шмаков Б.В. Би-система в преподавании дисциплин на курсах дополнительного образования</u>	462
<u>Шмаков Б.В. Развитие дополнительного образования с переходом на двухуровневую систему обучения</u>	473
<u>Волошина И.А., Котлярова И.О. Формирование компетенций управления НИОКТР в национальном исследовательском университете как критерий качества дополнительного образования</u>	489
<u>Саранская Т.В., Шумилина И.В. Интерактивность как фактор мотивации обучения: возможности СДО «moodle»</u>	496

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<u>Алексеева Е.Ю. Прогнозирование кусочно-стационарных процессов</u>	502
<u>Ангеловский А.А. Международная академическая мобильность как эффективный механизм международной интеграции в образовательном пространстве</u>	506
<u>Ангеловский А.А. Международный рынок образовательных услуг высшего образования: проблемы и перспективы российской образовательной системы</u>	513
<u>Березовская Я.Л. Формулы обращения в китайском речевом этикете</u>	521
<u>Бернат О.С., Раевская М.В. Обучение говорению как виду речевой деятельности на занятиях по русскому языку как иностранному (I сертификационный уровень)</u>	525
<u>Боталов С.Г. Китай и Россия: исторические истоки цивилизационного параллелизма</u>	530
<u>Доронина Е.Г. Артикуляционная гимнастика в корректировочном фонетическом курсе на занятиях по РКИ</u>	532
<u>Дьяченко О.М. Разработка маркетингового плана мероприятий по продвижению образовательных программ университета среди иностранных абитуриентов</u>	536
<u>Казакова Ю.В. Реализация межпредметных связей в обучении русскому языку иностранных студентов гуманитарного профиля</u>	544
<u>Каточков В.М., Волченкова К.Н. Лингвистическая подготовка преподавателей вуза как необходимое условие вхождения университета на рынок международных образовательных услуг</u>	547
<u>Можеевская А.Е. Работа с видеоматериалами в иностранной аудитории</u>	553
<u>Подповетная Ю.В. Проблема адаптации иностранных студентов</u>	558

<u>к обучению в вузах России</u>	
<u><i>Полякова Ю.В.</i> Мотивация студентов института международного образования к изучению русского и английского языков как иностранного</u>	563
<u><i>Радченко Е.В.</i> Лингвистические основы преподавания русского языка как иностранного</u>	570
<u><i>Супрунова Л.В.</i> Использование изобразительно-выразительных средств на уроках русского языка как способ улучшения подготовки иностранных студентов</u>	574
<u><i>Таиров А.Д.</i> Изучение памятников ранних кочевников северного и центрального Казахстана в первом десятилетии XXI века</u>	578
<u><i>Тарануха Л.В.</i> Интонационные конструкции как средства фонетической организации речи</u>	584
<u><i>Харко Н.Н.</i> Корреляция мотивации получения специальности «зарубежное регионоведение» и последующего выбора профессии</u>	587
<u><i>Харко Н.Н.</i> Репрезентация концептуального представления «работа» в лексикографии</u>	590
<u><i>Шарафутдинова О.И.</i> Проблемы адаптации художественного текста (на материале детской литературы)</u>	593
<u><i>Шестакова Л.И.</i> Интернационализация образования как инструмент развития компетенций при подготовке магистров</u>	598

ИНСТИТУТ СПОРТА, ТУРИЗМА И СЕРВИСА

<u><i>Бахарева А.С., Епишев В.В., Клещенко Н.Е., Ушаков А.С., Баймухаметова Э.Ф.</i> Особенности функционального состояния вегетативной нервной системы и нервно-мышечного аппарата лыжников-гонщиков в мезоцикле</u>	601
<u><i>Аминов А.С., Бахарева А.С.</i> Оценка развития аэробных механизмов энергообеспечения у лыжников-гонщиков в подготовительном мезоцикле по результатам корреляционного анализа</u>	605
<u><i>Быков В.С., Платунова Н.Я.</i> Организационно-педагогические основания программы профилактики наркомании в учебных заведениях</u>	611
<u><i>Еганов В.А., Задорина Е.В.</i> Билатеральные двигательные предпочтения выполнения технико-тактических действий занимающихся спортивным каратэ</u>	616
<u><i>Громов В.А., Шайхетдинов Р.Г.</i> Физическая культура студентов – основа военного обучения в вузе</u>	620
<u><i>Еганов А.В., Быков В.С., Полько Г.М.</i> Тест оценки психического здоровья учащейся молодежи и профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений высшего профессионального образования</u>	626
<u><i>Кокин В.Ю., Лешуков В.С.</i> Субъектное развитие личности в процессе физического воспитания студентов в вузах нефизкультурного профиля</u>	631

<u><i>Мирмович В.Г.</i> Принципы менеджмента качества в области непосредственной работы с клиентом.....</u>	638
<u><i>Журавлев В.В.</i> Реконструкционистский подход к организации деятельности на предприятиях сферы индустрии гостеприимства.....</u>	643
<u><i>Айхель К.В.</i> Современные формы организации малого бизнеса в России, с учетом зарубежного опыта.....</u>	649
<u><i>Бай Т.В.</i> Роль и перспективы технологий удалённого доступа в системе высшего образования.....</u>	653
<u><i>Ишматова А.Р., Бондарчук Т.В.</i> Постинтернатное сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья.....</u>	657
<u><i>Викторов Д.В.</i> Физкультурное образование в вузе на основе федерального государственного образовательного стандарта.....</u>	659
<u><i>Горбунова И.А.</i> Проблемы комплексной оценки туристских ресурсов для развития региона.....</u>	664
<u><i>Гурова Е.В.</i> Выявление эффективности применяемых специальных гимнастических упражнений, психологических игр и массажа для детей 7–10 лет с нарушениями речи.....</u>	670
<u><i>Дерябин А.В.</i> Совершенствование организации оказания медицинских услуг городским учреждением здравоохранения сельскому населению.....</u>	679
<u><i>Дерябина А.В.</i> Анализ инвестиционной привлекательности Варненского района Челябинской области.....</u>	685
<u><i>Епишев В.В., Хусаинова Ю.Б., Смирнов А.С., Шепилов А.О.</i> Взаимосвязь нарушений ритма сердца, статокинетической устойчивости и состояния позвоночника у пловцов 12–14 лет.....</u>	694
<u><i>Изаровская И.В., Ненашева А.В., Смирнова Л.В., Сумак Е.Н.</i> Метаболические сдвиги при формировании резистентности у детей дошкольного возраста к неблагоприятному воздействию окружающей среды.....</u>	698
<u><i>Ишматова А.Р., Бондарчук Т.В.</i> Особенности психического развития детей в условиях социальной депривации.....</u>	704
<u><i>Климова Т.Е., Бай Т.В.</i> Развитие исследовательской компетенции будущих магистров туризма в системе «задача – диалог – игра».....</u>	711
<u><i>Климова Т.Е., Третьякова Т.Н.</i> Коучинг-технология педагогического управления научно-исследовательской деятельностью будущих магистров туризма.....</u>	718
<u><i>Котлярова О.В.</i> Методологические подходы к оценке туристско-рекреационного потенциала административных территорий челябинской области.....</u>	726
<u><i>Лаврова Е.Н., Лавров А.А.</i> Сувенирно-подарочная продукция для рынка В2В и ее дизайн.....</u>	729
<u><i>Лаврова Е.Н., Котлярова О.В.</i> Оценка туристско-рекреационного потенциала верхнеуральского района челябинской области.....</u>	734
<u><i>Лопарева А.М.</i> Предпосылки для развития туристической индустрии.....</u>	738

<u>на Южном Урале</u>	
<u><i>Малыженко М.Н.</i> Историко-культурное наследие региона как концепт реализации образовательных программ туристского профиля</u>	741
<u><i>Меньщиков А.А.</i> Здоровье: целевой уровень глюкозы</u>	744
<u><i>Мордина Е.М., Стовба И.Р., Столярова Н.В.</i> Роль игровых технологий при изучении дисциплин общепрофессионального цикла: опыт и перспективы</u>	752
<u><i>Николаенко А.А.</i> Бизнес-план предприятия сервиса</u>	758
<u><i>Петрожак О.Л.</i> Исследование адаптивных возможностей сердечно-сосудистой системы на занятиях аэробики с психофизической саморегуляцией</u>	764
<u><i>Пищулина Е.С.</i> Специфика и особенности туристической деятельности на Урале</u>	769
<u><i>Плетнев А.А., Ляпкало В.И.</i> Оценка функций дыхательной системы у студентов-хоккеистов</u>	772
<u><i>Савиных В.Ф.</i> Формирование профессионального мастерства специалиста анимационной деятельности</u>	779
<u><i>Смирнова Л.В., Ненашева А.В., Сумак Е.Н., Изаровская И.В.</i> Изучение показателей функции внешнего дыхания спортсменов 16–18 лет, занимающихся спортивными бальными танцами</u>	784
<u><i>Стовба И.Р., Столярова Н.В.</i> Сравнительная характеристика показателей уровня физического развития и физической подготовленности студентов 1 курса ЮУрГУ</u>	792
<u><i>Столярова Н.В., Стовба И.Р.</i> Сравнительные результаты сканирования позвоночника студентов татаро-башкирской и русской национальностей</u>	796
<u><i>Сыромятникова Ю.А.</i> Методология курса «сервисная деятельность» в контексте профессиональной подготовки бакалавров туризма и сервиса</u>	799
<u><i>Тарханова Н.П.</i> Проблемы организации самостоятельной работы в вузе</u>	807
<u><i>Третьякова Т.Н.</i> Формирование компетенций у студентов первого курса в условиях выездных интерактивных занятий</u>	818
<u><i>Угарова Г.Л.</i> Проблемы учета и налогообложения в сфере туризма</u>	826
<u><i>Фатеев В.Н.</i> Дивергентный подход к подготовке менеджеров</u>	830
<u><i>Фрейнкина И.А.</i> Модель формирования профессиональных ценностей бакалавров туризма</u>	833
<u><i>Худякова Т.А.</i> Повышение роли контроллинга устойчивости в условиях мирового кризиса</u>	840
<u><i>Цейликман В.Э., Козочкин Д.А., Сеницкий А.И., Мишарина М.Е., Комелькова М.В., Деев Р.В., Лапшин М.С.</i> Поведенческая активность и устойчивость к гипоксии у крыс с различным уровнем микросомального окисления при введении глюкокортикоидного препарата кеналога</u>	844
<u><i>Черепов Е.А.</i> Особенности внеклассной работы по физическому</u>	847

<u>воспитанию с подростками с выраженным синдромом гиперактивного поведения</u>	
<u><i>Янчик Е.М., Янчик В.В., Моторин Б.М.</i> Индивидуальный подход при проведении занятий со студентами специальной медицинской группы в вузе</u>	851

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

<u><i>Боталов С.Г.</i> Новые аспекты культурно-типологических интерпретаций (по материалам погребения комплекса Уелги)</u>	856
<u><i>Боталов С.Г., Васина Ю.В.</i> Каменная скульптура лошади: случайная находка из урочища Бузыкай</u>	860
<u><i>Грудочко И.В.</i> Реконструкция уздечных наборов из могильника Уелги</u>	866
<u><i>Епимахов А.В.</i> Концепция фронта в исторических и археологических исследованиях. Современное состояние</u>	875
<u><i>Мосин В.С.</i> Единство жизненного пространства населения неолита-энеолита в различных природно-ландшафтных зонах Зауралья</u>	880
<u><i>Таиров А.Д., Иванов А.А., Коноплева К.Г., Плешанов М.Л.</i> Курган Шихан (Уба-Тау): раскопки 2012–2013 гг.</u>	886
<u><i>Балакин В.С.</i> Потребности, потребление и система распределения в СССР. 1970-е – начало 1980-х годов. К постановке проблемы</u>	894
<u><i>Балакина Л.П.</i> Преобразование природы в СССР: идеология, ведомственность, последствия (вторая половина XX века)</u>	899
<u><i>Богданов А.В.</i> Обеспечение жильем и товарами народного потребления иностранных рабочих и специалистов в 1930-е годы: мифы и реальность</u>	904
<u><i>Богданова Ю.С.</i> Нарастание продовольственного кризиса и введение нормированного снабжения продовольственными товарами в челябинской области (начало 1980-х годов)</u>	910
<u><i>Мирошниченко М.И.</i> Женотделовки на Урале (1919 – январь 1930 года)</u>	913
<u><i>Нарский И.В.</i> Работа над прошлым в семейном интерьере: коммеморативные практики в советских семьях в позднем СССР</u>	922
<u><i>Раева Т.В.</i> Проблема правового регулирования рабочего времени и времени отдыха в имперской России: историографический обзор</u>	927
<u><i>Тимофеев А.А.</i> Роль Транссиба в мобилизации ресурсов для ведения Первой мировой войны</u>	933
<u><i>Бикмухаметов М.Е., Масленко Е.Л.</i> Китайцы на дальнем востоке России и их хозяйственная деятельность с начала XVIII века по 1917 год</u>	939
<u><i>Волков Е.В.</i> «Было ощущение, что побывали в каком-то фантастическом мире»: устные свидетельства советских кинозрителей</u>	944
<u><i>Журавлева Н.С.</i> Специфика создания Челябинского отделения Союза советских писателей</u>	948
<u><i>Ковин В.Н.</i> Осмысление морального фактора русской военной мыслью</u>	954

<u>в XIX–XX вв.</u>	
<u><i>Сёмочкина Е.И.</i> Микроистория: воспоминания студенток исторического факультета Челябинского государственного педагогического института (1947–1951 гг.)</u>	962
<u><i>Сибиряков И.В.</i> Челябинский государственный технический университет в годы радикальных социально-экономических реформ</u>	970
<u><i>Форсова Н.К.</i> Исторические традиции и гражданское общество в России</u>	977
<u><i>Черепанова Р.С.</i> Личный дневник В.Н. Антонова как исторический источник: к вопросу об особенностях интеллигентских автобиографических текстов</u>	982
<u><i>Андреева Р.В.</i> Неформальные политические институты в сравнительной политологии</u>	990
<u><i>Докучаева С.В.</i> Энергоэволюционизм М. Веллера как метод анализа политической активности общества</u>	995
<u><i>Никонова О.Ю.</i> Патриотизм как предмет политической коммуникации: методологические подходы</u>	999
<u><i>Трегубов Н.А.</i> Муниципальные выборы в России: особенности электорального поведения студенческой молодежи</u>	1004
<u><i>Ковтун О.А.</i> Смысл ключевых компетенций в контексте проблемы модернизации высшего образования</u>	1008
<u><i>Никифорова О.В.</i> Евхаристическая практика как проявление религиозности сельского православного населения Оренбургской епархии (вторая половина XIX– начало XX века)</u>	1012
<u><i>Парфентьев Н.П.</i> Об источниках для изучения творчества выдающегося московского мастера-распевщика Фёдора Крестьянина (ум. ок. 1607 г.)</u>	1020
<u><i>Парфентьева Н.В., Парфентьев Н.П.</i> Из истории авторского творчества в Троицкой обители преподобного Сергия Радонежского. Диакон Иона Зуй (XVI в.)</u>	1029
<u><i>Разувев А.В.</i> Экономические аспекты истории изобразительного искусства России в XIX – начале XX вв.: постановка задач исследования</u>	1039
<u><i>Трифорова Г.С.</i> Научная концепция художественной выставки как опыт осмысления христианской темы в произведениях художников Челябинска</u>	1047
<u><i>Федотова Ю.В.</i> Внутренняя структура филармонических организаций в 40–70 гг. XX в. (на материалах Челябинской, Свердловской, Пермской, Курганской и Оренбургской филармоний)</u>	1055
<u><i>Беспечанский Ю.В.</i> Философия русского космизма в художественном творчестве Ивана Ефремова</u>	1062
<u><i>Дыдров А.А.</i> Осмысление понятия нового в контекстах философско-антропологических концепций. Языковая ткань как пространство стратификации смыслов</u>	1069

<u><i>Колчинская В.Ю.</i> Социальное самочувствие учителей: профессиональные аспекты</u>	1072
<u><i>Нарская Н.В.</i> Особенности производства и потребления медицинских услуг в Российской Федерации</u>	1080
<u><i>Русских Л.В.</i> Социальная адаптация студентов из малых городов и сельской местности</u>	1084
<u><i>Русских Л.В.</i> Отношение населения к социальному сиротству как показатель духовного кризиса общества</u>	1088
<u><i>Ханнанова А.С.</i> Культурная политика как функция государства</u>	1091
<u><i>Хвесьюк Н.Г.</i> Пути оптимизации социальных отношений в корпорациях</u>	1096

ФАКУЛЬТЕТ ЛИНГВИСТИКИ

<u><i>Бабина О.И.</i> Оценка машинной переводимости текстов</u>	1101
<u><i>Белик Т.И., Полетаева Н.А.</i> Обучение английскому языку при помощи музыки</u>	1109
<u><i>Белкина О.В., Сергеева Л.М.</i> Роль межвузовского студенческого сотрудничества в развитии профессионально-ориентированной деятельности студентов</u>	1112
<u><i>Бернат О.С.</i> Гибкость и вариативность риторического образования</u>	1117
<u><i>Бороненко Г.Ф., Баишмакова Л.Ю.</i> Использование аутентичных материалов на уроках английского языка в высшей школе как средство концептуального познания иностранного языка</u>	1122
<u><i>Бундина К.В.</i> Применение инновационных технологий в самостоятельной работе студентов вузов на примере изучения иностранного языка</u>	1127
<u><i>Ваганова Е.В.</i> Дублирование понятия «террористический акт» в текстах электронных СМИ</u>	1131
<u><i>Вейнгарт О.С.</i> Особенности формирования «придаточных дополнительных» на материале французского языка</u>	1134
<u><i>Веселова В.П.</i> Англицизмы в современном русском языке</u>	1138
<u><i>Волков А.С.</i> Лингвокультурный и гендерный аспекты при переводе рекламы в глянцевах журналах</u>	1145
<u><i>Волченкова К.Н., Семенова Я.В.</i> Использование видеоматериалов сайта ted.com в обучении английскому языку студентов вузов неязыковых специальностей</u>	1151
<u><i>Выговская Д.Г.</i> Ассоциативный эксперимент как один из методов в психолингвистике</u>	1157
<u><i>Голованова А.В.</i> Особенности и актуальность освоения межкультурной коммуникации в процессе изучения иностранных языков</u>	1165
<u><i>Долгополова Е.Г., Кондакова Н.У.</i> Многоязычие как фактор профессионального успеха специалистов направления подготовки «туризм»</u>	1168

<u><i>Жаринова Л.Л.</i> Домашнее чтение как один из аспектов языковой подготовки студентов.....</u>	1171
<u><i>Жежеря Е.А.</i> Специфика обучения иностранным языкам в условиях дополнительного профессионального образования: методический аспект.....</u>	1179
<u><i>Зайкова А.Н.</i> Особенности формирования рецептивного лексического навыка при обучении чтению на английском языке.....</u>	1186
<u><i>Измайлова В.Э.</i> Развитие коммуникативной компетенции в процессе иноязычной подготовки студентов неязыковых специальностей.....</u>	1190
<u><i>Истомина Е.М.</i> Текстовая модальность как эмоциональный способ авторской оценки.....</u>	1195
<u><i>Кирякова Е.М.</i> Феномен антично-аллюзивной интертекстуальности в трагедиях Шекспира.....</u>	1199
<u><i>Ковалёва О.И.</i> Когнитивный подход в обучении говорению студентов специальности «туризм».....</u>	1204
<u><i>Колова С.М.</i> Страноведческая компетенция и критерии отбора лингвострановедческого материала для интерактивного курса «английский язык в социокультурном аспекте».....</u>	1206
<u><i>Колтышева С.Я.</i> Репрезентация языковой личности посредством метонимии в шоу-дискурсе России.....</u>	1210
<u><i>Кравица Е.В.</i> Научный дискурс в интегральном подходе.....</u>	1217
<u><i>Кузнецова Е.Л.</i> Курс «лексикология» в подготовке студентов, обучающихся по программе «переводчик в сфере профессиональной коммуникации».....</u>	1222
<u><i>Кусарбаев Р.И.</i> Социокультурная компетенция как ключевой компонент межкультурного общения при обучении иностранным языкам студентов вузов.....</u>	1225
<u><i>Лелекова Н.В.</i> Перевод в аспекте межкультурной коммуникации: система фоновых знаний.....</u>	1228
<u><i>Мамонтова М.Г.</i> Энциклопедический мультимедийный словарь ассоциативного типа: социальный аспект.....</u>	1234
<u><i>Нохрин А.В.</i> Моральное пространство англоязычных научных текстов.....</u>	1239
<u><i>Машакаева Э.М.</i> «Термин» и «Профессионализм».....</u>	1246
<u><i>Ненахова Е.А.</i> Опрос как метод исследования языкового сознания.....</u>	1251
<u><i>Овинова Л.Н.</i> Педагогическое стимулирование инициативности как основа развития творческого потенциала личности студентов в образовательно-досуговом процессе.....</u>	1256
<u><i>Передриенко Т.Ю.</i> Англоамериканизмы как способ языковой компрессии.....</u>	1258
<u><i>Плешков Е.С.</i> Лингвокультурологические особенности англоязычных названий музыкальных групп, альбомов и песен, образованных на основе химических терминов.....</u>	1263
<u><i>Постникова Е.В.</i> Реализация стратегии самопрезентации в публикациях Фиделя Кастро.....</u>	1267
<u><i>Раевская М.В.</i> Роль предлогов в стандартизации делового языка.....</u>	1271

<u>последней четверти XVIII века (на материале «Дела челябинского духовного правления о разводе крестьянина Нижнеуvelьской слободы Василия Бобылева с женой 6 октября 1779 года – 31 октября 1781 года»)</u>	
<u><i>Разуева О.С.</i> Формирование умения синтеза в рамках развития критического мышления у студентов первого курса неязыкового вуза при обучении английскому языку.....</u>	1275
<u><i>Распаева Г.Д.</i> Виды прецедентных феноменов со сферой-источником «христианская религия» в произведениях Л.Н. Толстого.....</u>	1278
<u><i>Ретьевская М.В.</i> Образ героя в сознании современных студентов по результатам свободного ассоциативного эксперимента.....</u>	1283
<u><i>Санатина М.В.</i> Основные метафорические модели футбольного дискурса</u>	1286
<u><i>Семашко Л.А.</i> Организация подготовки аспирантов к сдаче кандидатского экзамена по иностранному языку.....</u>	1292
<u><i>Скоробогатова А.С.</i> Использование современных образовательных технологий при проведении эвристической комбинированной олимпиады по иностранным языкам.....</u>	1297
<u><i>Снегарёва Л.Л.</i> Психолого-лингвистические особенности чтения художественных текстов.....</u>	1300
<u><i>Соколов А.Д.</i> Языковые особенности современного медиадискурса в аспекте межкультурного сопоставления (на материале американских, британских и русских медиатекстов тематической группы культура)....</u>	1307
<u><i>Солопова О.А.</i> «Прошлое страстно глядится в грядущее»: творцы будущего России в текстах XIX века.....</u>	1312
<u><i>Ставцева И.В.</i> Принцип управляемой многозадачности при обучении чтению студентов.....</u>	1317
<u><i>Телешова Е.А.</i> Условия успешного учебно-педагогического взаимодействия в высшем учебном заведении.....</u>	1322
<u><i>Трубникова М.А.</i> Семантический анализ английских фразеологических единиц с космонимами.....</u>	1329
<u><i>Турбина О.А.</i> Антропологические основы психосистематики.....</u>	1334
<u><i>Фаткулин Б.Г.</i> Извлечение имен собственных из текстов (named entity recognition) по тематике ШОС на китайском языке при помощи простейших скриптов unix.....</u>	1339
<u><i>Федотова О.В.</i> Комплекс упражнений по формированию операциональной компетенции переводчиков.....</u>	1342
<u><i>Финаева Т.В.</i> Формирование перцептивной компетенции дискурса у студентов 1 курса факультета лингвистики.....</u>	1346
<u><i>Федюнина Е.Н.</i> Использование коммуникативного метода в процессе обучения студентов инженерно-технических специальностей иностранному языку.....</u>	1351
<u><i>Фостаковский Е.А.</i> Создание вопросно-ответной системы человеко-машинного диалога закрытого типа на русском языке.....</u>	1358

<u>Хажеева И.А. Приемы активизации познавательной деятельности на уроке по английскому языку с помощью мультимедиа</u>	1362
<u>Харченко Е.В. Филология в системе высшего образования: чему и как учить современных студентов</u>	1367
<u>Хомутова А.А. Прагматический компонент фонологической компетенции</u>	1374
<u>Хомутова Т.Н. Научный текст: эстетический аспект</u>	1380
<u>Цытович М.В. Контекстный подход в обучении иностранному языку студентов технических направлений университета</u>	1384
<u>Чернышева А.М. Некоторые особенности транслитерации</u>	1388
<u>Чернышева М.А. Социологическая характеристика языковой нормы в интерпретации Ф. Перну</u>	1393
<u>Шапкина Е.В. О некоторых аспектах перевода научной статьи</u>	1399
<u>Шатрович Н.В. Фразеологизмы понятийной области «культура и народные традиции» как источник лингвокультурной информации</u>	1406
<u>Шрайбер Е.Г. Обоснование целесообразности воспитания профессионально значимых личностных качеств будущих юристов в студенческом возрасте</u>	1410
<u>Шульдайс Я.А. Особенности языкового сознания носителей русского языка на материале семантического поля «образование»</u>	1414
<u>Якушева О.В. Номинативные (бытийные) предложения с компонентом es в функции грамматического подлежащего в немецком языке и их синтаксические эквиваленты в русском языке</u>	1418
<u>Ярославова Е.Н. О мотивационном аспекте самореализации обучающихся в непрерывном иноязычном образовании</u>	1422
<u>Яшан О.О. Гендерные особенности рекламного дискурса</u>	1427

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

<u>Астаева А.В., Пырьева Е.А. Нейропсихологические особенности развития высших психических функций у детей старшего дошкольного возраста с расстройствами речи</u>	1431
<u>Васильева Т.И. Особенности профессионального самосознания будущих программистов</u>	1438
<u>Виноградова Н.В. Психофизиологические критерии оценки уровня психической депривации детей-сирот дошкольного возраста</u>	1446
<u>Глухов П.С., Грязева-Добшинская В.Г., Глухова В.А. Социокультурное пространство организаций: эмпирическое исследование</u>	1452
<u>Дмитриева Ю.А., Грязева-Добшинская В.Г., Глухова В.А. Мотивация достижения как ресурс инновационной активности менеджеров</u>	1460
<u>Завьялова И.Ю. Специфика идентичности личности в поздних возрастах</u>	1467
<u>Захарова Г.И. Особенности детско-родительских отношений в семьях подростков с девиантным поведением</u>	1471

<u><i>Конева О.Б.</i> Социально-психологические особенности работы с подростками 12–17 лет группы суицидального риска.....</u>	1479
<u><i>Молочкова И.В.</i> Психологические особенности младших школьников с разным уровнем развития морально-нравственных представлений.....</u>	1485
<u><i>Новохацки А.В., Чевардина Е.К.</i> Клинико-психологические характеристики специфики органических расстройств при алкоголизме</u>	1491
<u><i>Нохрина Н.А.</i> Особенности структуры визуального материала авторов с разным типом переживания.....</u>	1497
<u><i>Паришуква Л.П., Шакурова З.А.</i> Диагностика и развитие коммуникативных качеств студентов сервисных специальностей.....</u>	1505
<u><i>Петрожак О.Л.</i> Особенности психофизиологических состояний у студенток, занимающихся аэробикой с психофизической саморегуляцией</u>	1512
<u><i>Постовалова А.И.</i> Ценностно-смысловой аспект готовности к профессиональному выбору лиц юношеского возраста.....</u>	1518
<u><i>Рычкова Л.С.</i> Отражение культурологических аспектов феномена здоровья в гуманистической философии и психологии.....</u>	1524
<u><i>Столярова Н.В., Стомба И.Р., Брехова Л.Л.</i> Психофизиологический анализ механизмов адаптации студентов 1–3 курсов к социально-бытовым условиям.....</u>	1532
<u><i>Устьянцева С.В.</i> Опыт использования художественного фильма в обучении психологии студентов непсихологических специальностей</u>	1537
<u><i>Харисова Н.С., Астаева А.В.</i> Обзор тенденций изучения нарушений речи у постинсультных пациентов в зарубежной нейропсихологии.....</u>	1544
<u><i>Черняева Ю.Е.</i> Методики исследования «психологического благополучия».....</u>	1548
<u><i>Чулкова М.А.</i> Феномен межличностной изоляции, переживаемой как одиночество: понятие и структура.....</u>	1552
<u><i>Шляпникова И.А.</i> Структурные особенности личностной зрелости взрослого человека.....</u>	1558
<u><i>Штрахова А.В.</i> Кожные болезни: психодинамический аспект патогенеза</u>	1565
<u><i>Щелокова Е.Г.</i> Ценностные и карьерные ориентации студентов университета: кросс-культурный аспект.....</u>	1572
<u><i>Юсупова Ю.Л.</i> Особенности изменчивости оценок в зависимости от личностных особенностей оценивающих людей.....</u>	1581

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

<u><i>Большакова К.С.</i> Использование информационных технологий в процессе подготовки переводчиков.....</u>	1589
<u><i>Буздалина К.Ю., Щелканова Е.Е.</i> Перевод стилистически маркированных единиц в специальном тексте.....</u>	1593
<u><i>Глухова И.В.</i> Приемы и стратегии технологии развития критического мышления.....</u>	1597

<u>Гуняшова Е.С. Коммуникативно-тезаурусный подход к обучению медиаобразованности студентов вузов</u>	1602
<u>Дудина Ю.А. Основные русские сравнительные союзы в диахроническом аспекте</u>	1609
<u>Кошкарлова Н.Н. Способы речевого воздействия с агрессивным потенциалом в межкультурном политическом пространстве</u>	1616
<u>Кузьмина Н.Н., Кузьмин М.Г. Педагогическое творчество при формировании общечеловеческих ценностей</u>	1624
<u>Кулакович М.С. Цветофоника как средство характеристики персонажей в романе Н. Mantel “An experient in love”</u>	1627
<u>Немирова Е.А. Композиционно-текстовая основа научного стиля</u>	1630
<u>Нестерцова С.Г. Индивидуально-психологические и познавательные особенности «поколения Y»</u>	1634
<u>Тарханова Т.В. Интегративный подход как способ инноватизации системы высшего образования</u>	1639
<u>Юртаева Ю.А. Оценка развития познавательного потенциала студентов вуза</u>	1647

ФИЛИАЛ В г. АША

<u>Дорошенко Ю.А. Оценка интеграционного потенциала металлургического комплекса Урала</u>	1648
<u>Дорошенко Ю.А., Исенко Л.А. Формализация модели инновационного развития сельскохозяйственного предприятия</u>	1654
<u>Казакова В.И. Особенности развития речевой культуры у студентов негуманитарных направлений</u>	1659
<u>Калинкина И.Г. Использование алгоритма в формировании математической компетенции у студентов вуза (на примере решения комбинаторных задач)</u>	1662
<u>Кудрявцев К.Н. Об одной модели управления рекламным бюджетом</u>	1666
<u>Лазорак О.В. Роль гуманитарных дисциплин в формировании личности студентов технических специальностей</u>	1670
<u>Меденков С.А. Актуальные особенности управления промышленным предприятием в условиях рыночной экономики</u>	1673
<u>Меденков С.А. Особенности развития инфраструктуры на современном этапе</u>	1678
<u>Попов А.И. Институциональные изменения в системе образования Российской Федерации</u>	1684
<u>Сазонова Е.В., Алферова Л.В. Закономерности обеспечения населения Челябинской области овощами и картофелем как неотъемлемая часть продовольственной безопасности региона</u>	1687
<u>Сазонова Е.В. Готовность выпускников вузов к профессиональной</u>	1694

<u>деятельности как фактор повышения уровня их востребованности в промышленности</u>	
<u>Хардукаш Н.С., Храмцов В.А. Применение информационных технологий при изучении дисциплины «Металлургическая теплотехника»</u>	1697

ФИЛИАЛ В г. НИЖНЕВАРТОВСК

<u>Семерьянова Н.А. Исторические аспекты проблемы правового дискурса</u>	1704
<u>Рябова И.Г. Об актуальном состоянии перевода обучения и воспитания в высшей школе в формат новых образовательных технологий</u>	1707
<u>Федоренко О.А. Формирование критического мышления у студентов неязыкового вуза</u>	1711
<u>Зверева Е.А. Информационное сопровождение практик</u>	1715

ФИЛИАЛ В г. ОЗЕРСК

<u>Гришмановский Д.Ю. Проблемные вопросы, возникающие при признании брака недействительным</u>	1721
<u>Майоров А.В. Международный опыт защиты жертв преступлений</u>	1726
<u>Попов К.И. Личность преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации</u>	1731
<u>Пучков О.А. Правовая идеология в российской правовой системе: проблемы функционирования</u>	1739

ФИЛИАЛ В г. СНЕЖИНСК

<u>Бережной С.Б. О проблеме перевода санскритского философского буддийского текста</u>	1742
<u>Лепаловская О.В. Роль мотивации в изучении иностранного языка на неязыковых направлениях</u>	1750
<u>Чубаева М.П. О стилистических особенностях Кичигинской зооморфной гривны</u>	1754
<u>Орлова Е.Ю., Пушкарева О.В. Самостоятельная работа студентов и ФГОС Третьего поколения</u>	1758

АРХИТЕКТУРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

УДК 378.016:72

МЕТОДОЛОГИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «АРХИТЕКТУРА» В ЮЖНО-УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

С.Г. Шабиев

В статье рассматриваются особенности обучения по бакалавриату, магистратуре и аспирантуре, как единой системы высшего профессионального образования на кафедре «Архитектура» Южно-Уральского государственного университета. Приводятся особенности научно-методической подготовки бакалавров и магистров архитектуры, а также аспирантов по отрасли наук «Архитектура».

Ключевые слова: высшее образование, бакалавриат, магистратура, аспирантура, Южно-Уральский государственный университет.

На кафедре «Архитектура» факультета «Архитектурный» в ЮУрГУ осуществляется система непрерывного высшего профессионального образования по направлению «Архитектура». Эта система имеет следующие отличительные особенности от других архитектурных школ России по подготовке бакалавров и магистров архитектуры, кандидатов архитектуры:

- методическая взаимосвязь учебных дисциплин;
- приоритетная экологическая направленность научных исследований;
- практическая реализация проектных разработок, выполняемых в студии урбанистической планировки и архитектуры;
- наличие международного электронного научного журнала «Архитектура, градостроительство и дизайн»;
- организация международных научных конференций с публикацией материалов в сборниках трудов;
- ежегодная учеба лучших студентов в летней архитектурной школе Московского архитектурного института;
- организация зарубежных практик и стажировок в университетах Европы, Америки и Азии.

В соответствии с присоединением России к «Болонскому соглашению», принятому в 1999 г., в нашей стране было введено двух ступенчатое высшее образование по подготовке бакалавров и магистров архитектуры со сроком очного обучения 4,5 и 2,5 года соответственно. Это принято как альтернатива существовавшему специалитету с 6-летним сроком обучения. Для такого радикального изменения учебного процесса существовала объ-

активная потребность вхождения России в мировое образовательное пространство и необходимость непрерывного образования в новых условиях рыночной экономики. В ЮУрГУ велась подготовка по различным специализациям: «Архитектура жилых и общественных зданий», «Архитектура промышленных зданий и сооружений», «Градостроительство» и «Ландшафтная архитектура». В 2011 г. осуществлен переход на подготовку бакалавров архитектуры со сроком обучения по очной форме 5 лет и магистров архитектуры – 2 года.

Процесс организации непрерывного образования потребовал позднее необходимость присоединения к высшему образованию и аспирантуры, где осуществляется подготовка в течение 3 лет по очной форме обучения в единой системе научно-педагогических кадров по отрасли наук «Архитектура». Обучение завершается государственной итоговой аттестацией и выдачей диплома об окончании аспирантуры с последующей защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата архитектуры. Это принципиально новое положение по подготовке кадров высшей квалификации, рассматривающее аспирантуру как один из видов отечественного высшего образования*.

Эволюционные изменения в системе высшего образования являются адекватным реагированием и закономерным следствием совершенствования подготовки кадров с учетом современных требований рынка труда.

Кафедрой «Архитектура» ЮУрГУ, где подготовка архитекторов ведется в течение 25 лет с 1989 г. и выпущено более 500 специалистов, разработаны основные образовательные программы и ведется обучение бакалавров архитектуры (профили «Архитектурное проектирование», «Градостроительство и ландшафтная архитектура»), магистров архитектуры (программа – «Архитектура жилых и общественных зданий»), аспирантов (научная специальность «Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности»). Все основные образовательные программы отражают региональные потребности работодателей, соответствуют требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования.

В процессе непрерывного обучения осуществляется методическая взаимосвязь дисциплин, например, по компьютерной подготовке, по дисциплинам экологической направленности, по теории и истории архитектуры и др., что позволяет на научной основе обеспечить на разных стадиях учебы последовательно углубленное изучение проблемных вопросов.

---

*Приказ Министерства образования и науки РФ от 19 ноября 2013 г. № 1259 «Об утверждении порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)».

Основные образовательные программы по бакалавриату, магистратуре и аспирантуре включают соответствующее научно-методическое обеспечение дисциплин, в том числе монографии и учебные пособия с грифом УМО по образованию в области архитектуры, методические пособия и научные публикации [1, 2, 3, 9]. Ключевыми направлениями научных исследований кафедры «Архитектура» являются проблемы экологической архитектуры и градостроительной экологии, объективно обусловленные неблагоприятным состоянием охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Уральского региона [4, 7]. По этой проблематике в Московском архитектурном институте защищены две докторские диссертации по отрасли наук «Архитектура»: «Архитектурно-экологическое формирование предприятий металлургии и машиностроения Урала» (С.Г. Шабиев, 1993 г.), «Градостроительная экология Урала» (В.А. Колясников, 2000 г.). Защищены и готовятся к защите кандидатские диссертации, опубликованы многочисленные научные статьи, в том числе в изданиях РИНЦ, Web of Science (Scopus) в зарубежных журналах. Для расширения возможностей и стимулирования публикационной активности преподавателей на архитектурном факультете ЮУрГУ с 2014 г. издается международный электронный научный журнал «Архитектура, градостроительство и дизайн». Политика журнала рассчитана на появление оригинальных идей и инновационных решений научных задач, в том числе в образовательной сфере с привлечением известных отечественных и зарубежных ученых и специалистов. Основные рубрики журнала охватывают вопросы архитектуры, градостроительства, дизайна и образования.

Спецификой участия обучающихся в научно-исследовательской работе студентов является привлечение их к выполнению НИР с опубликованием результатов в сборниках научных трудов, в т.ч. международных и использованием этих материалов в ВКР [5, 6]. Отличительной особенностью непрерывного обучения на всех его стадиях является привлечение студентов к реальному проектированию на основе «Свидетельства о допуске к определенному виду работ по подготовке проектной документации, которое оказывает влияние на безопасность объектов капитального строительства», полученного ЮУрГУ. С этой целью на факультете «Архитектурный» создана студия урбанистической планировки и архитектуры под общим руководством профессора А. Франчини (Италия, г. Милан). В первую очередь, выполняются проекты для ЮУрГУ, для которого кафедрой «Архитектура» разработано более 50 проектов, половина из которых воплощена на практике [2, 8]. Наиболее социально значимым реализованным проектом в 2001–2003 гг. является реконструкция главного корпуса ЮУрГУ с башенной надстройкой и шпилем с общей высотой 86 м, который ранее имел всего семь этажей и высоту 28 м. В 2008 г. возведена западная вставка-пристрой к главному корпусу, в 2012 г. – восточная, со строительством ко-

торых он приобрел завершённый вид в едином стиле архитектурного неоклассицизма. Все эти материалы теоретически обобщены в монографии «Реконструкция зданий и сооружений комплекса ЮУрГУ», которая используется в учебном процессе по подготовке бакалавров по дисциплине «Основы реконструкции гражданских зданий» и «Основы реконструкции промышленных зданий», магистров – по дисциплине «Архитектурно-экологическое проектирование зданий», аспирантов – по дисциплине «Экологическая архитектура» и др.

Особенностью учебы в ЮУрГУ является то, что будущие бакалавры и магистры архитектуры имеют возможность обучения в ежегодной летней архитектурной школе Московского архитектурного института, куда направляются лучшие студенты-бюджетники и контрактники. Обучение в головном профильном вузе России дает возможность студентам ознакомиться с научно-методической базой вуза, выбрать направление научного исследования будущим магистрам и аспирантам, посещать публичные защиты ВКР и диссертаций на соискание ученой степени кандидата архитектуры. Эффективному непрерывному образованию способствует то, что ежегодно студенты имеют возможность прохождения зарубежных практик и стажировок, материалы которых используются в учебном процессе. В процессе зарубежных практик и стажировок студенты могут собрать исходные материалы для выполнения ВКР, изучить современную архитектуру в стране пребывания. С использованием таких материалов были выполнены ВКР для Великобритании, Италии, Индонезии, США и других стран. Выпускником кафедры «Архитектура» успешно апробирована защита кандидатской диссертации по теме «Концепция устойчивой архитектуры в высшем профессиональном образовании» на основе материалов ранее защищенной магистерской диссертации в США, где был получен международный грант для обучения по программе аспирантов имени Э. Маски.

Это создает привлекательный имидж архитектурной школе Южного Урала, где в настоящее время обучаются иностранные студенты и аспиранты из дальнего зарубежья – Китая, Монголии и Ирака.

Для полноценной организации непрерывного высшего образования по направлению «Архитектура» в ЮУрГУ используется система довузовской подготовки, включающей интерактивные профориентационные мероприятия в учреждениях общего образования, обучение абитуриентов на подготовительных курсах по творческим дисциплинам и др.

На основе концепции переподготовки специалистов факультета «Архитектурный» были разработаны специальные курсы и послевузовского образования. Например, по программе «Компьютерное моделирование в архитектурно-строительном проектировании» в объеме 90 часов прошли обучение 10 специалистов. По окончании курсов всеми слушателями получены удостоверения о повышении квалификации государственного об-

разца. Для специалистов проводятся специализированные лекции по актуальным вопросам современной архитектуры и градостроительства.

Перспективной задачей развития непрерывного высшего образования по направлению «Архитектура» в ЮУрГУ является дальнейшее качественное совершенствование содержательной части основных образовательных программ по бакалавриату, магистратуре и аспирантуре, с углублением в них научного начала. Эффективным представляется организация непрерывного высшего образования с выполнением ВКР по бакалавриату в виде научно-исследовательской дипломной работы или с научно-исследовательским разделом, углубляющийся в магистерской диссертации с последующим развитием в кандидатской диссертации. Планируется расширить контингент иностранных студентов с использованием в учебном процессе методических материалов из зарубежных университетов, где применяются другие образовательные стандарты. Языковая подготовка при необходимости для таких студентов может осуществляться по специальной программе «Лингва» на факультете «Лингвистика» ЮУрГУ.

Библиографический список

1. Шабиев, С.Г. Архитектурно-экологическое проектирование зданий: методические указания / С.Г. Шабиев. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – 18 с.
2. Вяткин, Г.П. Реконструкция зданий и сооружений комплекса Южно-Уральского государственного университета / Г.П. Вяткин, С.Г. Шабиев. – 2-е изд. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – 172 с.
3. Демидов, С.В. История промышленной специализации в архитектурной школе России: учебное пособие / С.В. Демидов. – Архитектон, 2006. – 280 с.
4. Колясников, В.А. Градостроительная экология Урала: автореф. дис. ... д-ра арх. / В.А. Колясникова. – М.: Изд-во УралГАХА, 2000. – 62 с.
5. Проблемы архитектуры, градостроительства и дизайна (наука и практика): материалы 1-й международной науч. конф. / под ред. С.Г. Шабиева. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – 274 с.
6. Огни большого города: инвестиционная привлекательность современного мегаполиса: сборник докладов международной научно-практ. конф. / под ред. С.Г. Шабиева. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – 146 с.
7. Шабиев, С.Г. Архитектурно-экологическое формирование предприятий металлургии и машиностроения Урала: автореф. дис. ... д-ра арх. / С.Г. Шабиев. – М.: Изд-во ЧГТУ, 1993. – 36 с.
8. Шабиев, С.Г. Реконструкция главного корпуса ЮУрГУ с учетом требований экологической архитектуры / С.Г. Шабиев // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2013. – № 2. – С. 57–59.

9. Шабиев, С.Г. Формирование комплекса по переработке бытовых отходов с учетом требований экологической архитектуры / С.Г. Шабиев // Международный электронный научно-образовательный журнал «Архитектура и современные информационные технологии». – 2013.

[К содержанию](#)

УДК 72.036 + 502.22

ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ

В.В. Зимич

В работе рассмотрено влияние экологической обстановки промышленных регионов мира, глобальных катастроф на вопросы энергосбережения в архитектуре. Изучены основные направления научных исследований в области архитектурного энергосбережения.

Ключевые слова: энергосбережение, ресурсосберегающие технологии в современной архитектуре, экологическая обстановка, уровень загрязнения.

Из-за расточительного отношения стран первого мира в XX веке [1], в настоящее время остро стоит вопрос о снижении потребляемых полезных ресурсов планеты и использование в промышленности побочных продуктов различных производств. Кроме того, в настоящее время мы стоим на пороге экологической катастрофы вследствие создания химического оружия, ядерной промышленности, бесконтрольного захоронения отходов этих производств в металлических контейнерах на дне океанов [2]. Телевидение с завидной частотой вещает нам о различных глобальных катастрофах (рис. 1, 2) [3, 4], о выбросах предприятиями вредных веществ в воздух (рис. 3, 4) [5, 6], о влиянии всех этих загрязняющих веществ на экологическую обстановку окружающей среды, в частности на животный и растительный мир, на здоровье человечества [7].

Источники свидетельствуют, что общий объем выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух в 2012 году в Челябинской области составил 975,7 тыс. тонн, из них 69,5 процента составили выбросы от стационарных источников. Около трети выбросов всех загрязняющих веществ производится стационарными источниками в Магнитогорском городском округе, 21,6 процента в Челябинском городском округе, 12,7 процента в Троицком городском округе [8].

Снижение потребляемых ресурсов – энергии, полезных ископаемых, использование побочных продуктов производства – является глобальной задачей всего человечества.

В этом направлении сейчас активно работают мировые ученые, исследовательские лаборатории и институты, разрабатывая технологии, позволяющие снизить негативное влияние их производств на экологическую ситуацию городов, модернизируют технологические процессы с целью введения в технологический процесс некондиционных материалов и различных модификаторов, позволяющих сократить расходы сырья на высокотемпературные процессы, снизить температуру спекания на 100–300 °С [9].

Рис. 1. Взрыв на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС 26.04.1986

Рис. 2. Взрыв на АЭС в Фукусиме 12.03.2011

Рис. 3. Экологическая ситуация в Республике Казахстан

Рис. 4. Экологическая ситуация в г. Челябинске в штиль

Это направление также является приоритетным в развитии российской экономики в целом [15].

Архитектура не остается в стороне. Достижения современных ученых позволяют создавать экологически-безопасные отделочные и стеновые материалы, благотворно влияя на архитектурную среду городов и микроклимат в помещении [10]. Также разрабатываются новые и новые технологии, позволяющие экономить расход электроэнергии, водных и тепловых ресурсов в жилых и общественных зданиях, при уличном освещении зданий, улиц и городов в целом в темное время суток, повышая архитектурную безопасность среды [11]. При освещении общественных зданий, промышленных парков и городских улиц важным моментом является оптимизация работы приборов освещения, повышение энергоэффективности осветительных приборов, снижение негативного влияния современных освети-

тельных технологий на здоровье граждан, а также синтез рекламного и архитектурного искусств, позволяющих повысить безопасность архитектурной среды и ее эргономичность.

Также немаловажным направлением снижения энергопотребления является внедрение технологий самоочищения фасадов зданий и сооружений. Это направление включает в себя как современные технологии нанесения специальных покрытий на поверхности стекол и облицовочных материалов и красок [12], так и введение в состав отделочных и штукатурных материалов с микрорельефной поверхностью, имеющую минимальную площадь контакта с загрязнителями и водой, водоотталкивающих компонентов, что препятствует осаждению на фасадах зданий сажи из выхлопных труб автомобилей и фабричных труб, промышленной и бытовой пыли и пр. [13]. Не маловажным является проблема снижения количества зеленых насаждений в городах-миллионниках, хотя зеленый фонд является органической частью планировочной структуры современного города и выполняют в нем санитарно-гигиенические и декоративно-планировочные функции [14].

Внедрение современных прорывных технологий энергосбережения позволяет создать энергоэффективный экологический умный дом (пассивный дом), в котором вся вырабатываемая энергия будет аккумулироваться и расходоваться на поддержание жизнеспособности дома. В настоящее время существуют различные организации, которые занимаются непосредственным внедрением таких технологий в современные жилые помещения.

Таким образом, при изучении вопроса энергосбережения в архитектуре, выделились основные направления, позволяющие охарактеризовать архитектурную среду как источник сохранения, аккумуляции, регенерации, экономии и эффективного использования различных ресурсов.

Рассмотрим основные научные направления энергосбережения в архитектуре и архитектурной среде: 1) экологическая архитектура, руководитель направления доктор архитектуры, профессор Шабиев С.Г. [16]; 2) градостроительная экология, руководитель направления доктор архитектуры, профессор Колясников В.А. [17]; 3) архитектурная безопасность и освещение, руководитель направления кандидат архитектуры, доцент Чудинова В.Г. Кроме того, выделены еще два направления архитектурного энергосбережения, которые формируются в настоящее время: 1) энерго- и ресурсосберегающие фасады в архитектурном облике городов; 2) сберегающие технологии, формирующие микроклимат и внутреннее пространство жилых и общественных зданий.

В данных направлениях ведут научно-исследовательские работы преподаватели, молодые ученые и студенты архитектурного факультета ЮУрГУ, делая большой шаг вперед в развитии архитектуры и архитектурной среды. Работы ориентированы на сохранение и восстановление зеле-

ного фонда, а также создание питомников в г. Челябинске (руководитель Худяков А.Ю.); вдохновение во вторичное сырьё новой жизни и внедрение их архитектурный облик городов мира (руководитель Жаринова Е.А.); повышение энергоэффективности жилого сектора России (руководитель Зимич В.В.) и мн. др. Особенность проводимых работ заключается в повышенном интересе к ним со стороны студентов архитектурного факультета.

Многие проекты занимают призовые места на международных смотроконкурсах, таких как «Фестиваль инновационных технологий в архитектуре и строительстве с международным участием «Зеленый проект»» [18], который стартовал в 2010 году и проходит теперь ежегодно, что отражает актуальность данной проблематики на мировой уровне.

Библиографический список

1. Брызгалов, В.И. Гидроэлектростанции / В.И. Брызгалов. – Красноярск, 2002. – Официальный сайт: <http://engineeringsystems.ru/gidroelektro-stancii/>.
2. Химическое оружие Гитлера под водой // Сетевой журнал Softmixer. – URL: http://www.softmixer.com/2012/03/blog-post_4689.html.
3. Взрыв был один, и он был ядерный... // Сетевой журнал Softmixer. – URL: http://www.softmixer.com/2014/04/blog-post_27.html.
4. Правда о Фукусиме (взрыв на атомной АЭС Японии). Видеофильм. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=64xh3UW8cCQ>.
5. Казахстан: проблемы окружающей среды. – URL: http://reservationsherman.blogspot.ru/2012/12/blog-post_3039.html.
6. Выбросы в Челябинске // Официальный сайт Челябинск 74.vc. – URL: <http://alfora74.ru/vybrosyche.html>.
7. Состояние окружающей среды в городе Челябинске. Официальная информация // Решение Челябинской городской Думы от 28.11.2006 N 17/10. – URL: <http://www.ecology-portal.ru/publ/9-1-0-402>.
8. Охрана окружающей среды Челябинской области на 2014–2016 годы // Официальный сайт Министерства по радиационной и экологической безопасности Челябинской области. – URL: <http://mineco174.ru/programmy/gosudarstvennye-programmy/2417/>.
9. Черных, Т.Н. Снижение температуры получения магнезиального вяжущего из бруситов / Т.Н. Черных, А.А. Орлов, Л.Я. Крамар, Б.Я. Трофимов // Инженерно-строительный журнал. – URL: http://engstroy.spb.ru/index_2013_03/chernyh.html.
10. Экологически безопасные материалы. – URL: <http://www.stylestroy.ru/it-is-important-to-know/423/>.
11. Хасиева, С.А. Архитектура городской среды: учебник / С.А. Хасиева. – М.: Стройиздат, 2001. – 200 с.
12. Самоочищающиеся стекла – это окна, которые не мыть! – URL: http://es174.ru/articles/samoochischayuschiesya_stekla-eto_okna_kotoryie_ne_myt.html.

13. Самоочищающаяся фасадная краска с эффектом лотоса. – URL: http://elport.ru/articles/samoochischayuschayasya_fasadnaya_kraska_s_effektom_lotosa 25.03.2011.

14. Роль зеленых насаждений в городе. – URL: <http://www.sdelaem-sami.ru/landdiz09.html>.

15. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2009 N 261-ФЗ (ред. от 28.12.2013) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2014) : [принят Гос. Думой 11 нояб. 2009 г. : одобр. Советом Федерации 18 нояб. 2009 г.] // © КонсультантПлюс, 1992–2014. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157142/.

16. Шабиев, С.Г. Архитектурно-экологическое формирование предприятий металлургии и машиностроения Урала: автореф. дис. ... д-ра арх. / С.Г. Шабиев. – М.: Изд-во ЧГТУ, 1993. – 36 с.

17. Колясников, В.А. Градостроительная экология Урала: автореф. дис. ... д-ра арх. / В.А. Колясников. – М.: Изд-во УралГАХА, 2000. – 62 с.

18. Зеленый проект. – URL: <http://greenproekt.com/archive/>.

[К содержанию](#)

УДК 72.036(470.55) + 72.01

АРХИТЕКТУРНАЯ ГАРМОНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА

А.Ю. Алёшин

По результатам проведенных исследований излагаются особенности и задачи компенсационного строительства при реконструкции сложившихся районов и пути их реализации при строительстве с незначительным или большим сносом существующего фонда. Также рассматриваются особенности реконструкции районов, имеющих историческую и художественную ценность. Приводится характеристика районов и памятников архитектуры по их роли в композиции города и рекомендации по застройке этих районов.

Ключевые слова: компенсационная застройка; памятник архитектуры, историческая улица, планировочная структура.

Эти исследования касаются частного аспекта градостроительных проблем композиционных связей новых и старых структур и в основном посвящены вопросам реконструкции центра города.

Исторически сложившиеся кварталы, хотя и занимают относительно небольшие территории в центре Челябинска, до сих пор имеют исключи-

тельное значение в современной структуре города. Они формируют его центральную, полифункциональную часть со сложным переплетением различных социальных процессов и транзитных транспортных связей. Эти районы значимы ценным материальным фондом, включая памятники архитектуры, истории, культуры, и во многом определяют художественный облик города. Проведён последовательный подробный анализ современного состояния исторической части Челябинска, жилых кварталов и формирующих их улиц. В результате обследования градостроительных узлов определены элементы планировочной структуры и архитектурные доминанты, сохранившие свою градостроительную и архитектурную ценность до наших дней. Анализ поэтапного развития застройки и пространственной организации исследуемого района проведён с целью выявления композиционных связей и их влияния на формирование современного облика города. В центральной части крупных городов продолжается процесс концентрации учреждений таких сфер деятельности, как общественное обслуживание, управление, бизнес, культура, и одновременно сокращаются функции постоянного жилища из-за оттока населения в новые районы.

Функциональная организация и планировочная структура исторических районов противоречит требованиям современного и перспективного развития городов. Наиболее важным узлом такого рода является общегородской центр. Как нигде в другом месте города, здесь своеобразно сочетаются современные требования к среде административно-общественного и делового центра и генетика города – напластования архитектурных эпох.

Да, город живет, постоянно изменяется, но ведь и каждый миг его архитектурной истории для современников – это волнующий мир чувств и эстетических переживаний. В этом отношении центральные кварталы Челябинска дают богатейший и необычайно актуальный сегодня материал для размышлений о принципах подхода к реконструкции старых районов. В сложных, противоречивых стилевых проблемах, возникают непростые вопросы организации связей нового со старым в нашем городе небогатом на архитектурные памятники. Именно поэтому необходимо грамотно и тактично заполнять пустующий архитектурный ряд.

Открытые пустые пространства образовались вокруг памятников архитектуры, за последние 15–20 лет, в результате массовых необоснованных сносов. Обоснованием этих решений было то утверждение, что некоторые постройки в историческом ядре города безнадежно постарели и сегодня играют роль только «заполнения», балласта. Не состоящие в списках охраны памятники Челябинска, составляющие среду архитектурных ансамблей, в застройке которых недопустимо появление элементов, нарушающих масштаб и характер. Свободные пространства, являются неотъемлемой частью сложившейся композиции и обеспечивают основные визуальные связи. Охранная зона памятника – это территория, непосредственно примыкающая к территории памятника или самому памятнику. В нее включаются

элементы исторически и художественно ценной городской среды, сохранившегося исторического ландшафта, участки улиц и открытых пространств, с которых обеспечивается оптимальное восприятие памятника, а также культурного слоя, ценного в археологическом отношении.

Цель установления охранных зон – обеспечение сохранности памятников и их среды, выявление и использование их архитектурно-художественных, градостроительных качеств, а также создание необходимых условий для массового ознакомления с ними населения и туристов.

В условиях плотно застроенных кварталов с ценным капитальным фондом (преимущественно малоэтажным) основным методом реконструкции является постепенное замещение утраченных раритетов, заполнение пустующих карманов равноценными стилистическими объектами.

Необходимо ввести ещё один компонент регулирования – зоны ограничения этажности застройки – это территории, находящиеся в пределах композиционного влияния одного или нескольких памятников архитектуры; с целью сохранения доминирующей роли памятника здесь ограничивается высота новой застройки.

Там, где такие связи возникли стихийно – там само новое заработало необычайно свежо и сильно. Но как работает старое на эту композицию? Как оно здесь использовано?

Панорама улицы Труда, её архитектурная трактовка, идея в целом, свидетельствуют, что связи со старым в таком колоритном, типично челябинском районе не были, к сожалению, задуманы, заложены в самой системе.

В ряде участков, например от примыкания улицы Свободы до улицы Пушкина старое не просто мелькает где-то, как фрагменты некоего фона, но входит в кадр и активно работает на всю развёртку. Именно здесь новое воспринимается особенно свежо. Офисы, построенные на северной стороне – это примеры современных и стильных зданий малой, средней этажности для компенсационного строительства, сочетающие их образное решение с мелко-детальной архитектурой, сбережённых памятников. На перекрёстке с улицей Советской десятилетие назад тоже было начато формирование цельного стилистического узла. Южные углы кварталов закреплены новыми зданиями по адаптированным проектам. Однако с большой остротой ощущаешь дисгармонию новой архитектуры из глубины старых кварталов, когда на завершении улицы Советской в кадр неожиданно попадает фрагмент новой башни, и скупая, жесткая геометрия остекленной стены приобретает вдруг качество разрушающего элемента в казалось бы завершённом ансамбле. Тем более, когда рядом мы обнаруживаем памятник архитектуры – деревянный особняк XVIII века.

Упрощенная композиция современных зданий активно работает, контрастируя со сложной, многоэлементной структурой старой улицы. Думается, что в ходе дальнейшей реконструкции кварталов, прилегающих

к южной стороне улицы Труда, есть еще немало возможностей довести, доработать ситуацию, уже учитывая созданную реальность.

Проблема композиционного включения новых зданий в старую структуру также остро проецируется в ситуации с формированием пешеходной улицы Кирова. Пешеходная зона соединила площадь Революции и улицу Труда. По концентрации архитектурных «жемчужин» эта часть улицы превосходит многие другие участки центра. Уцелевшие старые здания модернизировались и получали новое назначение с учётом новых владельцев и арендаторов. Фасады домов реставрировались с максимальным восстановлением кирпичной кладки, штукатурки, лепнины и родной расколеровки. Результатом такой реализации проекта было создание уютной улочки с общей исторической концепцией. Наиболее целостная и гармоничная картина сформировалась на западной стороне улицы. Новые современные компенсации на освобождённых участках скорее нейтральны, чем контрастны и по этажности и по масштабу детализации.

На восточной же стороне только развётка от пл. Ярославского до ул. К. Маркса выглядит безупречной. Но на других отрезках с приходом не контролируемых инвесторов, новая объемно-пространственная ситуация, возникшая на улице Кирова, воспринимается теперь по кусочкам. Высотная офисная башня «Челябинск-Сити» ломает историческую малоэтажную перспективу. Старая структура восточной стороны оказалась непростительно обедненной, лишившись живых связей со старыми кварталами и их окружением. Дальнейшее разрушение камерного масштаба старой застройки мы наблюдаем на пересечении ул. Цвиллинга и ул. К. Маркса. Полученный в качестве реконструкции завода чёрный параллелепипед ТРК «Куба» раздавил исторический строй на двух соседних улицах.

Невозможно добиться гармоничного сочетания новой и старой застройки, применяя в качестве акцентов дома башенного типа или пластины. Их масштаб не соответствует размерам сохранившейся застройки. Такие архитектурные доминанты, расположенные здесь, их пространственное и масштабное соотношение между собой и с формами исторического ландшафта являются примером пространственного разрушения городской среды. В результате пространственная композиция центра города перестала восприниматься как нечто целое.

Разве не правильнее было бы вводить новые объекты в ходе глубокого предварительного анализа градостроительной обстановки. Именно такой вывод можно сделать после обследования кварталов центрального района от ул. Цвиллинга до ул. Свободы. Именно здесь можно наблюдать гармоничное сочетание структуры застройки старого жилого района, в том числе и масштаба сохранившихся памятников, с целью сохранения архитектурного облика. Подобные ситуации возникли во многих местах, где старые улицы и переулки вошли в контакт с новой застройкой. Старый доходный дом по Пушкина д. 15 вклинился в строй жилых башен, и хотя он никак и

ничем не обусловлен в новой композиции, все же взял на себя роль весьма важного переходного элемента, «мостика» от нового к старому. Он не только не мешает, но обогащает композицию, придавая ей конкретность и содержательность. Однако даже элементы новой застройки столь же гармонизированы между собой, что особенно важно для возникающих благодаря такой подготовке связей, носят двухсторонний характер. Сложившаяся планировочная ситуация в этом районе показывает, что существует немало реальных возможностей органично связать старое с новым. Поэтому, прежде всего, необходимо соединить градостроительную ткань в единое, органичное целое.

Имеющиеся научные исследования позволяют уже на стадии генерального плана уточнить общие положения преобразования исторически сложившихся районов, охарактеризовать требования, которыми следует руководствоваться при выборе основных направлений реконструкции.

Вероятно, это можно сделать только с помощью комплексного проекта, включающего и благоустройство, и реставрационные работы. Но главное все же – не принимать дальше решений, которые сделали бы необратимым процесс эрозии этой интереснейшей среды. Такая опасность реально существует. Борьба за создание новых и сохранение существующих ансамблей в городе как будто бы должна всецело зависеть от самих архитекторов и тех утверждающих градостроительных организаций. Эта задача должна решаться на стадии разработки проекта генерального плана развития города, с учетом его народнохозяйственного профиля, особенностей местных условий, ценности градостроительного и архитектурного наследия и затем уточняется на последующих стадиях проектирования пространственно-планировочных структур. Результаты такого исследования позволят более целенаправленно проводить проектирование и выбрать оптимальное для каждого района решение.

Решения, направленные на улучшение городской среды в целом должны определить территориальные границы исторически сложившихся кварталов, характер реконструктивных мероприятий в соответствии со спецификой и значением исторического центра в структуре города, а также очередность осуществления реконструкции.

При значительной доле компенсационного строительства в процессе реконструкции старых жилых районов должны предъявляться высокие требования к индустриальным методам строительства жилых и общественных зданий. Речь идет не о копировании старых форм зданий на индустриальной базе, а о творческом подходе к существующей застройке.

Поэтому в качестве важнейших задач для новых челябинских зодчих необходимо определить:

- 1) разработку проектов индивидуальных зданий с развитым силуэтом, сочетающимся с силуэтом сложившегося ансамбля;
- 2) сохранение планировочной структуры, важные градостроительные

пространства, линию застройки и высоту зданий. При этом следует руководствоваться требованиями режима содержания охранных зон;

3) для компенсационного строительства разработать типологию домов и секций. Следует учесть, что они должны органично включаться в структуру сложившейся застройки, не нарушая ее архитектурного облика;

4) учитывать масштабную соразмерность между пространствами разного назначения формирование ландшафта крыш исходя из архитектурно-пространственной организации застройки и удовлетворения гигиенических требований при сохранении узких улиц.

От общего градостроительного замысла развития города, исторически сложившейся планировочной ситуации, природных условий и историко-архитектурной ценности застройки будут зависеть различные приемы преобразования районов в соответствии с преимущественной функцией. Поэтому особенно важно на стадии генерального плана установить целевое функциональное назначение каждого городского района и в соответствии с этим определить направленность и содержание реконструктивных мероприятий в свете современных и перспективных задач развития города.

Призыв «создавать новое качество» не означает всегда и везде строить будущие памятники архитектуры. Характер архитектурного качества должен определяться градостроительной ситуацией и общей концепцией архитектурного развития исторической среды.

Библиографический список

1. Алферов, И.А. Преобразование окружающей среды и планировочная структура Харькова. «Жилищное строительство» / И.А. Алферов, Р.Э. Любарский. – М., 1974. – 184 с.
2. Ананьев, В.Г. Пространственное различие / В.Г. Ананьев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. – 210 с.
3. Антонов, В.Л. Вопросы организации планировочной структуры крупнейшего города – центра машиностроения – В кн.: Генеральные планы крупных городов / В.Л. Антонов. – Киев, 1966. – 305 с.
4. Баранов, Н.В. Композиция центра города / Н.В. Баранов. – М.: Стройиздат, 1970. – 382 с.
5. Беккер, А.Ю. Развитие планировочной структуры столичного центра Москвы: дис. ... канд. арх. / А.Ю. Беккер. – М., 1972. – 138 с.
6. Бочаров, Ю.П. Планировочная структура современного города / Ю.П. Бочаров, О. К. Кудрявцев. – М.: Стройиздат, 1972. – 136 с.
7. Иконников, А.В. Архитектура города / А.В. Иконников. – М.: Стройиздат, 1972. – 320 с.
8. Касьянов, А.М. Центр города Харькова: дис. ... канд. арх. / А.М. Касьянов. – Киев, 1953. – 172 с.
9. Лавров, В.А. Город и его общественный центр / В.А. Лавров. – М.: Стройиздат, 1964. – 98 с.

10. Алферов, И.А. Преобразование окружающей среды и планировочная структура Харькова. «Жилищное строительство» / И. А. Алферов, Р. Э. Любарский. – М., 1974. – № 1. – 122 с.
11. Ананьев, В. Г. Пространственное различие /В.Г. Ананьев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. – 120 с.
12. Антонов, В. Л. Вопросы организации планировочной структуры крупнейшего города – центра машиностроения.– В кн.: Генеральные планы крупных городов /В.Л. Антонов. – Киев, 1966. – 208 с.
13. Кругляков, Ю.Г. Комплексная реконструкция старых кварталов / Ю.Г. Кругляков. – Л.: Стройиздат, 1971. – 184 с.
14. Любарский Р.Э. Реконструкция крупных городов. Методическое пособие для проектировщиков / Р.Э. Любарский. – М.: Стройиздат, 1972. – 208 с.
15. Реконструкция исторически ценных городов в СССР. – М.: ЦНТИ Госгражданстроя, 1972. – 96 с.
16. Махровская, А.В. Реконструкция старых жилых районов крупных городов (на примере Ленинграда) / А.В. Махровская. – Л.: Стройиздат, 1974. – 173 с.
17. Кругляков, Ю.Г. Комплексная реконструкция старых кварталов / Ю.Г. Кругляков. – Л.: Стройиздат, 1971. – 148 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.016:72 + 378.02:72

УЧАСТИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ШКОЛ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНКУРСАХ

А.Г. Афанасьев

В статье рассматриваются особенности обучения, как дополнительной стимуляции студентов творческой специальности в единой системе высшего профессионального образования.

Ключевые слова: высшее образование, школа архитектуры, конкурсы.

Множество архитектурных конкурсов несет различные значения и каждый конкурс уникален по ресурсам и методом проведения, начиная от предоставления работ до его оценки. Конкурсная программа включает как открытые творческие конкурсы концепций, идей, проектов, так и смотр-конкурсы реализованных достижений и продуктов в обозначенных категориях и номинациях. Также в рамках конкурсного задания возможно учре-

ждение специальных конкурсов и номинаций партнерами и спонсорами смотра-конкурса с обусловленными конкурсными заданиями.

Готовящиеся конкурсы ставят целью привлечь творческие силы к поиску архитектурных решений, обладающих композиционно-художественной выразительностью. Как работают архитектурные конкурсы. Архитектурный конкурс – это полёт фантазии и обещание счастья. В отличие от тендера он предоставляет возможность выбирать среди лучших и находить неординарный подход к проектированию пространства. Но почему-то на российской почве результат выходит неутешительным. Отчего так происходит? Для начала мы решили разобраться, как устроены архитектурные конкурсы и чего от них можно ждать.

Архитектурные конкурсы вошли в нашу жизнь вместе с именами архитектурных звёзд: Фостер собирался строить Пушкинский Музей, Перро – Мариинку, Курокава – стадион «Зенит». Ни один из проектов не был реализован. В принципе, начиная с конкурса на проект «Дворца Советов» в Москве 1930-х годов, международные конкурсы на российской почве постигала одна и та же судьба – они оставались на бумаге. Неудивительно, что когда не менее звёздные DillerScofidioRenfro выиграли конкурс на строительство парка в Зарядье, реакция публики и части профессионального сообщества оказалась довольно скептической. Приняв во внимание, что в России практика архитектурных конкурсов – довольно молодое явление по сравнению с Европой, где история архитектурных конкурсов теряется в веках и сумраке готических соборов, для начала предлагаем разобраться в том, какие бывают конкурсы вообще.

Какие бывают конкурсы. Конкурсы бывают двух типов – это конкурсы проектов и конкурсы идей. Целью проектных конкурсов является поиск наиболее подходящих решений для конкретного объекта, а победитель получает заказ на дальнейшую разработку концепции. Таким был конкурс для парка «Зарядье». Конкурсы идей чаще устраиваются для решения общегородских проблем в области планирования и архитектуры. Они не ведут к конкретным заказам и в них очень часто принимают участие студенты. Такие конкурсы позволяют оторваться от земли и подключить широкую публику к поиску новых решений. И конкурсы проектов, и конкурсы идей могут быть как открытыми, так и закрытыми. Открытые конкурсы широко афишируются и чаще всего не подразумевают денежного вознаграждения участников, кроме победителей. Закрытый конкурс организуется по-другому. Заказчик и группа советников отбирают пять–восемь команд, которых и приглашают к участию. В закрытом конкурсе, в отличие от открытого, каждая команда-участник получает гонорар после передачи конкурсных предложений комиссии. Как конкурсы на проектирование архитектурных объектов, так и конкурсы на планирование общественных пространств могут проводиться в один или два этапа. В том случае, если

объект не является крупномасштабным или комплексным, достаточно одного этапа. Если же подобный формат не подходит, конкурс проводится в два этапа. В таком случае сначала команды разрабатывают основы концепций до общепонятного уровня, либо подают пакет документов, описывающий их опыт и общее видение подхода к разработке проекта (тендерная процедура). Далее жюри отбирает несколько кандидатов для второго этапа. Важным аспектом является анонимность предложений, что обеспечивает непредвзятость решений жюри. Анонимность должна быть сохранена и при переходе от одного этапа к другому. Вся коммуникация между конкурсантами и организаторами возлагается на отдельно взятого члена команды организаторов, который не принимает участия в обсуждении предложений и принятии решений. Он обязан позаботиться о том, чтобы имена участников остались в тайне как от организаторов, так и от остальных конкурсантов.

Кто и как формулирует задачи. Каждый конкурс является уникальным и разрабатывается с нуля. Первым важным шагом является составление технического задания (ТЗ). Именно оно даёт четкое представление о заказчике и его интересах и описывает главную задачу и правила конкурса, а также требования, критерии оценки и условия последующего взаимодействия между заказчиком и победителем. Работа над ТЗ – самая трудоёмкая часть, требующая постоянной коммуникации между участниками, в которую должны быть включены не только заказчик с консультантом и другие специалисты, но и все стейкхолдеры (например, владельцы недвижимости или бизнеса по соседству), а также органы местного самоуправления и жители (особенно если речь идёт о подготовке конкурса на проектирование общественного пространства). Помимо понимания общего социального и пространственного контекста, при составлении задания очень важно правильно оценивать все остальные характеристики площадки: например, то, как организованы пешеходные и транспортные потоки, существует ли иерархия в моделях движения. Для этого привлекаются дополнительные специалисты и проводятся исследования.

Кроме того, в состав команды, курирующей конкурс на общественные пространства, обязательно входит ландшафтный архитектор, так как ТЗ описывает физические и визуальные качества существующего ландшафта. Часто во время составления задания и оценки конкурсных предложений, организаторы прибегают к помощи различных организаций, работающих с окружающей средой. Если ландшафт является ключевым в конкурсном проекте, то конкурсантов обеспечивают результатами топографических, экологических, гидрологических и археологических изысканий.

Продолжительность разработки ТЗ может занять от четырех до шести недель. Всё зависит от того, насколько заказчик определился с задачами конкурса и желаемым результатом. Работа над ТЗ обычно проходит три

стадии разработки: сначала определяется видение конкурса, затем намечаются его цели и задачи в общих чертах, в конечном итоге разрабатывается более детализированная версия задания. Когда утверждена концепция и проговорены все детали, начинается работа над текстом задания, который должен быть внятным и лёгким для чтения. Фактически точность и профессиональность ТЗ определяет и качество конкурса. Что делать, когда у заказчика есть и желание, и понимание необходимости конкурсного подхода, но нет опыта? Чаще всего принято прибегать к услугам профессиональных консультантов, но иногда к разработке технического задания в качестве консультантов привлекают и победителей предыдущих конкурсов. Конкурсы и профессиональное сообщество. Открытые конкурсы, в особенности концептуальные, являются мощным лифтом для начинающих профессионалов. С другой стороны, участие в конкурсах финансово невыгодно: сроки сдачи конкурсных предложений очень сжатые, что означает переработки или задержки в работе над текущими проектами, которые, в отличие от конкурсов, приносят прибыль. Однако, несмотря на то, что конкурсы являются стрессом, как психологическим, так и финансовым, архитекторы продолжают в них участвовать.

Конкурс дает свободу мысли и действиям при достаточно скромном перечне ограничений. Часто самые безумные идеи приходят именно вследствие сжатых сроков проектирования, когда творческая мысль доминирует над рациональным мышлением. Кроме того участие в конкурсах совершенствует коммуникационные навыки. Члены жюри не будут часами рассматривать одно предложение, поэтому хорошую концепцию надо не только придумать, но и хорошо её подать, чтобы запомниться на фоне десятка или даже сотни соперников.

Но несмотря на все сложности, с которыми сталкиваются архитекторы и проектировщики, именно конкурсы предоставляют возможность поэкспериментировать, что стимулирует не только профессиональное развитие участников, но и даёт толчок развитию профессии в целом.

Архитектурные фестивали с конкурсными программами, направлены на раскрытие потенциала современного градостроительства как сложного комплекса общественно-экономических, строительно-технических, архитектурно-художественных, санитарно-гигиенических и производительных задач и решений, направленных на создание и совершенствование гармоничной и благоприятной жизненной среды человека и общества.

Цели таких конкурсов. Привлечение внимания широкой общественности к достижениям прогрессивной архитектуры и градостроительства в России и в мире. Демонстрация лучших современных архитектурных и дизайнерских решений в организации внутреннего и внешнего пространства жизненной среды. Выявление и поощрение лучших новаторских идей в осмыслении, создании и совершенствовании комфортной и благоприят-

ной среды обитания. Демонстрация новых конструктивных, декоративных и композиционных возможностей отделочных и строительных материалов, технологий в сфере производства и энергосбережения, передовых дизайнов продукции в сфере индустриального производства. Привлечение внимания инвесторов и производителей к прогрессивным идеям, получившим высокую оценку и прогноз эффективности разработок от компетентного жюри смотра-конкурса. Адаптация инновационных идей и технологий для целей развития экономики и производства в дальнейшем.

На данный момент развитие рынка труда архитектурной или дизайнерской специальности сводится к привлечению заказчиков или инвесторов. Как правило множество сообществ и проведение всевозможных конкурсов более профессиональных и престижных и с другой стороны более сомнительных. Информация о российских конкурсах отсутствует в специализированных международных базах данных, с другой – для местных архитекторов конкурсы не становятся естественным механизмом получения заказов. В отличие от России среднестатистическая европейская архитектурная компания участвует примерно в десяти конкурсах в год, в результате чего получает один или два заказа на проекты.

На сегодняшний день в российских конкурсах принимают участие:

- 1) международные архитектурные компании, обладающие широкой медиаподдержкой и активно строящие в развивающихся странах;
- 2) российские архитектурные бюро, представляющие интересы местной профессиональной элиты. Их участие носит в основном формальный характер: такие бюро практически никогда не выигрывают, зато обеспечивают местное присутствие, снижая тем самым риск возникновения конфликтов между организатором и региональным архитектурным сообществом;
- 3) любые архитектурные компании, дипломированные архитекторы и студенты вузов в случае, если приоритетом для организатора является не реализация проекта-победителя, а продвижение определенных технологий и/или персоналий и брендов, экономия на гонорарном фонде, поиск талантливой молодежи, хэдхантерство.

Жюри конкурса формируется из двух социальных групп: чиновников и профессионалов. Первые, как правило, находятся в большинстве. Представляя местную и/или федеральную власть, чиновники призваны обеспечить финансирование и политическую защиту проекта. Обычно они голодают в унисон с самым главным из них, занимающим пост председателя жюри. В ходе приглашения профессионалов приоритет отдается статусу архитектора, а не опыту участия в работе жюри конкурсов, результатом которых стала успешная реализация проектов-победителей. Никакой ответственности за принятые решения члены жюри не несут. Более того, с местными участниками жюри, как правило, вообще не заключают никаких договоров, формализующих условия их работы.

Цель участия в различных конкурсах регионального, федерального или международного уровня кафедры «Архитектура» или отдельной архитектурной школы: получение «пиар эффекта»; повышение статуса ученого заведения; создания творческих условий в обучение студентов; корректировки в учебный процесс и в программу дисциплин по курсовому проектированию; котировка (индикация) среди вузов или архитектурной школы по стране; преобладание творческой конкуренции между студентами не только одной группой, но потоков с разных курсов; формирование творческой личности; привлечение абитуриентов.

Необходимость реализации задач конкурса (участие) преподносится как самим собой разумеющиеся. При этом участники конкурса ставятся в такое положение, когда они отвечают перед общественностью не только за предложенные ими архитектурные решения, но и за престиж своей архитектурной школы.

Библиографический список

1. Евразийская премия // Официальный сайт. – URL: www.eurasian-prize.ru.
2. Меркулова, А. Механика мечты: как работают архитектурные конкурсы / А. Меркулова // Журнал URBANURBAN. – URL: <http://urbanurban.ru/blog/reflection/364/Mekhanika-mechty-kak-rabotayut-arkhitekturnye-konkursy>.

[К содержанию](#)

УДК 726:27 + 72.025.4(470.55)

АРХИТЕКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КОМПЛЕКСА «АЛОЕ ПОЛЕ» В ГОРОДЕ ЧЕЛЯБИНСКЕ

Б.А. Баранов

В работе рассмотрена историческая реконструкция комплекса «Алое поле», расположенного в центре г. Челябинска, реновация Храма Александра Невского и размещение в нем органа.

Ключевые слова: реконструкция, реновация, «Алое поле», Храм Александра Невского, органная зал.

Комплекс «Алое поле» в центре города Челябинска имеет более чем вековую историю реконструкций и изменений. По сей день этот участок, окруженный четырьмя крупными магистралями города, вызывает постоянные попытки его переустройства.

За сотню лет одно разрушалось, другое строилось. Что-то имело архитектурную и историческую ценность, а что-то ушло безвозвратно, так что никто и не вспомнит.

Еще в 80-е годы XIX века на месте Алого поля располагалась Ярмарочная площадь. Именно в ее центре решено было возвести храм в честь Александра Невского, небесного покровителя убитого террористами царя Александра II (рис.).

Общий вид храма Александра Невского в г. Челябинске

Сама площадь была переименована в Александровскую, а проектированием собора занялся известный русский архитектор А.Н. Померанцев, автор многих известных в России сооружений, таких, например, как Московские Торговые ряды (ныне здание ГУМа). Зодчий был одним из основателей так называемого русско-византийского стиля. Сущность его заключалась в использовании форм русского средневекового культового зодчества в сочетании с элементами византийской архитектуры. В соответствии с новыми веяниями храм Александра Невского представлял собой крестообразную в плане церковь с большим центральным куполом и несколькими колокольнями с малыми куполами. Даже начало Первой мировой войны не помешало продолжению работ над храмом, и в 1915 он был освящен.

Однако последовавшая Октябрьская революция изменила судьбу церкви. В первые годы советской власти оттуда были изъяты все ценности, а

в 30-е годы, когда началось разрушение церквей по всей стране, с храма Александра Невского были сняты купола, кресты, шатер колокольни, а здание передано в пользование типографии газеты «Челябинский рабочий».

Последующие перестройки нанесли непоправимый вред росписям и архитектуре здания, которое становилось то запасниками картинной галереи, то архивом, то планетарием, то шахматной школой. В это время в помещении вырезались новые окна, делались бетонные перекрытия и т.д.

Восстановить прежний облик здания и возродить храм буквально из пепла удалось лишь в 80-е годы XX века, да и то, благодаря случаю.

В конце 70-х годов архитекторами Челябинска был разработан проект нового киноконцертного зала на берегу реки Миасс, его возведение было согласовано в Москве, но осуществлению проекта помешали глобальные затраты на проведение Олимпиады-80.

По распоряжению генерального секретаря ЦК КПСС, были запрещены к строительству спортивные и зрелищные здания во всей стране. Но для челябинского концертного зала был уже заказан орган, который в Германии произвела старейшая фирма «Германн Ойле», существовавшая с 1872 г.

Установка органа должна была стать важнейшим событием в культурной жизни города. Но размещать его оказалось негде. Такой тонкий музыкальный инструмент требовал особых условий акустики и размеров помещения, по которым не подходили предложенные здания Филармонии, Оперного театра и Музыкального училища. Именно тогда и появилась идея использования в качестве концертного зала полуразрушенное здание бывшей церкви Александра Невского.

К тому времени Александровская площадь давно была переименована в «Алое поле», ее размеры значительно увеличились, там был разбит большой городской сквер, переделанный в 1942 году в Детский парк. В 1956 году был построен Дворец пионеров. А в 1974–78 годах его дополнили современные Театральный и Спортивный комплексы, здания в виде красных знамен, решенные в пионерской символике. Серебристый шар обсерватории, большие витражи, декоративные панно, необычное архитектурно-пространственное решение удачно вписывались в окружающий ландшафт.

Сквер «Алое поле» постепенно приобретал черты европейского парка с элементами ландшафтного дизайна. Ярким аккордом и композиционным центром мог стать новый концертный зал в отреставрированном здании старой церкви Александра Невского.

В 1981 году вопрос с установкой здесь органа был решен, и началась кропотливая работа по осуществлению проекта. Внешний вид здания необходимо было максимально приблизить к первоначальному, а интерьеры должны были отвечать духу русского классицизма.

Зал камерной и органной музыки требовал решения сложных технических задач, таких как акустика, шумозащита, вентиляция и кондиционирование воздуха.

Что касается реставрации здания, то сложностей было не меньше. В архивах Ленинграда в 1983 г. удалось отыскать лишь несколько чертежей без указания размеров, выполненных архитектором А.Н. Померанцевым. Они и фотография храма 1916 года стали основными источниками реставрационных работ. Поэтому многое приходилось изобретать заново.

Сроки для возрождения храма были минимальными. Концертный зал должен был открыться к 250-летию Челябинска, то есть 13 сентября 1986 года.

В оригинале фасад был украшен кирпичным декором (54 типоразмера). Кирпич имел дюймовую базу размеров, а в стране уже работали по сантиметровой. Миасский кирпичный завод согласился сделать работу по воссозданию старых кирпичей. Из 54 типоразмеров сделали 11 опорных болванок, а до требуемого профиля доводили вручную. Известково-песчаный раствор делали по старинным рецептам.

Чтобы сравнять цвет старого и нового кирпича, в ЧПИ на шаровой мельнице готовили кирпичную пыль. Из нее делали керамический колер и красили каждый камень вручную. Металлическую кровлю делали по технологиям 1912 года с применением редких материалов.

Чтобы обточить «луковицы» круглой формы, мастера сделали токарный станок огромных размеров. «Луковицы» облицовывали листовой красной медью с последующей обработкой суриком и краской. Зеленый цвет был выбран благодаря найденным старым картинам художника Вандышева, изображавшим дореволюционный Челябинск.

Интерьер в стиле русского ампира удалось создать благодаря отделке яшмой, змеевиком, черным лабрадором и золотом. Деревянные панели делали из привезенной специально даурской белой лиственницы.

Максимальный акустический комфорт в зале создавался усилиями многочисленных специалистов. В результате чего Челябинский зал камерной и органной музыки стал одним из лучших концертных залов не только в России, но и в Европе.

Интересно, что достижению идеальной акустики способствовала даже роскошная люстра из австрийского хрусталя. Ее функция была не только в том, чтобы освещать и украшать зал, но и в том, чтобы ликвидировать особо вредные акустические помехи и рассеивать первичные звуковые отражения.

Ну и конечно, самой большой гордостью стал орган, который во всем мире считается одним из самых духовных инструментов. Именно его установка в концертном зале открыла в те годы для челябинцев новый пласт высокого искусства.

Каждый орган уникален и строится раз и навсегда под определенное помещение с определенной акустикой. Нет случаев удачного перенесения инструмента в другое помещение. 2504 трубы из различных материалов и разных конфигураций устанавливаются и настраиваются вручную, склеиваются на месте. Челябинский органист Владимир Хомяков принимал непосредственное участие в сборке органа, прослушивая каждую ноту при установке этой уникальной конструкции. Автором реконструкции Храма был архитектор К.И. Гусаров.

Органый зал стал образцом творческого союза архитекторов, инженеров, каменщиков, отделочников, лепщиков, камнерезов, акустиков и музыкантов.

Жаль, что сегодня история знаменитого на весь мир Органного зала подошла к концу. Здание стало действующим храмом. Все возвращается на круги своя.

Хочется верить, что дальнейшее развитие комплекса продолжится без разрушений храмов и органов, и «Алое поле» станет прекрасным парком – любимым местом отдыха горожан от шума и пыли разрастающегося промышленного мегаполиса.

[К содержанию](#)

УДК 711.01(470.55)

ОБРАЗ ГОРОДА. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СРЕДА ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА

В.В. Большаков

В статье рассмотрены принципы и закономерности формирования образа города. Предложены социальные группы, с точки зрения которых воспринимается пространство. Проведен анализ пространственной среды г. Челябинска, выявлены позитивные и негативные тенденции.

Ключевые слова: образ города, пространственная среда.

Формирование пространства для жизнедеятельности человека – профессиональная задача архитектора. Средством достижения необходимого результата деятельности является изучение природы и закономерностей восприятия созданной среды. На сегодняшний день большинство населения Земли проживает в городах, в России уровень урбанизации приблизился к 70 %, и в дальнейшем эти показатели будут расти. Город привлекает не только возможностью заработка, комфортом проживания, но и особой, складывающейся на протяжении веков своеобразной культурой. Она

сформировалась под влиянием разного рода исторических факторов, накапливала идеи и материальные объекты, созданные людьми. Все это повышает потенциал и образует направления будущего развития городов.

Образные представления о городе сложились параллельно с их появлением и ростом. Они выражали идеи защиты, торговли, демократии. Сегодня восприятие города также зависит от той идеологической и культурной составляющей, что была вложена или вкладывается в его пространство. Но в какой момент, каким образом и для чего создается образ города? Пространственный образ города формируется во время непосредственного восприятия его человеком. На конечное впечатление будут влиять ряд факторов, по которым можно идентифицировать характер среды. Таким образом, субъектом, к которому направлен посыл городского пространства безусловно является человек. Однако в теле города он находится в разных условиях и обстоятельствах: восприятие среды пешеходом и человеком, движущимся в автомобиле, будет кардинально отличаться. Это зависит от фокусировки внимания на непосредственный объект. Очевидно, что пешеход обладает большим временем и подвержен меньшему (по сравнению с автомобилем, велосипедом, общественным транспортом) воздействию внешних факторов, в том числе раздражающих.

Пространство насыщенное пешеходным движением обладает набором позитивных продуманных проектных решений, способствующих увеличению данного процесса, создающие новые коммуникации и формирующие положительный образ города. В современном глобальном мире это играет немаловажную роль, так как города ведут активное соперничество за привлечение активного, творческого населения, что служит устойчивому развитию системы.

Город Челябинск, определенно, обладает неким историческим, культурным образом, что, в некоторой степени, может влиять на восприятие его пространства. Являясь детищем политики индустриализации, отражением советской градостроительной школы, он представляет собой интересный объект по изучению современного состояния его пространственной среды.

Критерии оценки основываются на анализе формирования образа города с точки зрения человека, пребывающего в разных условиях. Однако наибольшим значением будет обладать оценка на уровне пешехода. Таким образом, можно будет выделить целевые группы населения, на которых направлена градостроительная политика и деятельность Челябинска.

Двор – Улица – Площадь. Первым общественным городским пространством, после приватного пространства жилища, является двор (для большей территории города). Иногда его называют полуприватным или полупубличным. Это связано с тем, что здесь завязываются более тесные и продолжительные коммуникации людей друг с другом. В некоторых случаях двор рассматривается как все тоже защищающее пространство, наряду с квартирой или домом. Большая часть дворов Челябинска сформирова-

на застройкой крупных микрорайонов, остальная – застройкой небольших кварталов 50-х годов. В первом случае рассматриваемое пространство почти всегда не удовлетворяет уровню комфортной жизнедеятельности в нем. Негативными факторами здесь являются открытость, незащищенность пространства (характерно для строчной застройки), массовость, неиндивидуальность и несомасштабность – многоэтажная микрорайонная застройка 80–90-х. С учетом развития тенденции уплотнительной застройки и строительства домов «элитного» класса, значительно повысилась плотность застройки, а также появились огороженные собственниками пространства, мешающие и останавливающие полноценную жизнедеятельность человека во дворе. На этом уровне уже возникает конфликт пешеход – автомобиль, что вызывает социальную напряженность, снижает защищенность полуприватного дворового пространства.

Следующим пространством восприятия города является улица. Идейно оно представляет собой путь, протяженную коммуникацию от точки к точке, от цели к цели. Наибольшее количество связей, возможность, с одной стороны, максимальной протяженности пути, а с другой, необходимое количество остановок и узлов, характеризует устойчивую систему пространств на основе свободы и вариативности сценариев движения. Улица, как общественное пространство, формирует, безусловно, образ города, может стать его достопримечательностью, может создать легенду и историю. Для г. Челябинска характерна ситуация с высокой степенью прерывности пути в пространстве улиц для пешехода, если рассматривать весь город в целом. Локально в районах формируются собственные системы, отражающие важность связываемых точек. Ими являются важные районные общественные центры, природные объекты (озеро, лесопарк) и, что характерно для индустриального города, заводские проходные. Однако прочных коммуникаций между локальными системами не существует. Такое положение создает характер обособленности районов и нарушает целостность городского пространства.

В центральной части, где сосредоточена большая часть общественных центров, сформированы только два значительных пространства улиц, которые создают образ города – проспект Ленина и улица Кирова (бывш. Уфимская). Для них характерна протяженность со связью большого количества разнообразных точек притяжения, а ул. Кирова с недавнего времени является полностью пешеходной, что благоприятно сказывается для города. Проспект Ленина, выполняя функцию главной улицы, обладал способностью совмещать в пространстве разные типы и характеры коммуникаций – пешеходную, автомобильную, общественный транспорт. Однако, в рамках программы по улучшению и развитию улично-дорожной сети города, пешеходная коммуникация стала затруднительна в виду применения мер, направленных на увеличение пропускной способности автомобильного транспорта (обособленные правые повороты, изменение местоположения

светофоров и пешеходных переходов, расширение проезжей части, увеличение карманов для парковок вдоль улицы). В связи с этим, пешеходное движение вдоль проспекта стало неудобным, нелогичным, что формирует негативное впечатление от пространственной среды улицы. В данном случае можно сделать вывод, что был сделан выбор только одной социальной группы, для которой были улучшены условия пространственной организации, за счет ущерба для остальных, более многочисленных групп. Отсутствие при расширении проезжей части выделенной полосы для общественного транспорта (который является значительным для главной улицы города), а также попыток продумать и организовать велосипедное движение, говорит о неверности принятого решения, дискриминации и ухудшении городского пространства.

Визуальная культура улицы в городе может встать в общий ряд проблем городских пространств. В восприятии складывается впечатление замусоренности разного рода вспомогательными объектами. За последнее время в городском пространстве сформирован ни один ансамбль, отсутствует работа с созданием системы перспектив улиц. Вновь построенные высотные здания пока не образуют систему доминант, хотя, начинают работать на новый образ города (появление открытки города с изображением высотного здания «Челябинск-Сити»). Замыкающим в рассматриваемой цепочке главных типологий пространств города является площадь. Она может быть представлена не только открытым пространством или обособленным зданием, здесь скорее важен характер и уникальность формируемых на ней коммуникаций и визуальных связей. По этому признаку в эту категорию можно отнести парки и набережные. Площадь закрепляет статус объекта (или объектов), рядом с которым сформирована, акцентирует на нем внимание и создает некую первичную, внешнюю входную зону для него. Несмотря на то, что г. Челябинск входит в разряд крупнейших по численности населения, протяженность его размеров и общая площадь значительны, он до сих пор имеет только одну главную площадь и только один главный общегородской центр. Такое положение имеет больше негативных последствий для образа города, чем положительных. С одной стороны, скопление в одном большом хорошо организованном пространстве создает возможность более тесного быстрого контакта, может служить созданию «легенд» и новых городских мероприятий. Однако, с другой, такая концентрация ведет к ситуации усложнения транспортного узла, результат которой дискомфорт, потеря местом положительных впечатлений. Тем более, что статуя единственного общественного центра и его эксплуатирования подталкивает на встраивание в его пространство новых функций и объектов, что, безусловно, конечно и с определенного момента начинает разрушать площадь. Выводом может служить необходимость закладки нового центра, формирование новой истории места, насыщение новыми, привлекательными объектами высокого качества архитектуры.

Город Челябинск расположен в уникальном месте с точки зрения природной организации. Он имеет доступ к набережным сразу пяти водных объектов, а также имеет в своем теле два лесных массива. Однако использовать данные преимущества удастся только в малой степени. Лесопарки осваиваются давно и любимы горожанами, но в пространственной организации города они не имеют логичной природной связи с городскими скверами, рекой и общественными центрами. Такое положение создает ситуацию обособленного пространства, ведущего борьбу за существование. Река, являясь одной из главных пространственных композиционных осей, не имеет должного обустройства как общественное место, хотя в советский период сформирована часть набережной и архитектурный ансамбль. Отношение к пространству набережных озер такое же, что говорит о неспособности реализовать существующие возможности для улучшения образа города. В заключение краткого обзора среды г. Челябинска можно сделать вывод о возможном высоком потенциале развития городских пространств, но которые не используются вовсе, либо в некоторых случаях ухудшает ситуацию, негативно сказываясь на восприятии и общих впечатлениях.

[К содержанию](#)

УДК 628.543

ВОДОПОНИЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ЗАВОДА С УТИЛИЗАЦИЕЙ ДРЕНАЖНЫХ ВОД В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ ВОДОСНАБЖЕНИИ

В.И. Васильев, К.И. Чучелов, И.А. Аганов

Уровень грунтовых вод на территории ЧЭРЗ залегает на глубине 2–3 м, что привело к подтоплению зданий и сооружений. Высокое стояние уровня грунтовых вод создает трудности в эксплуатации зданий и сооружений на заводе: затопление подвалов, фундаментов, инженерных коммуникаций. В проекте водопонижения территории предложено устройство горизонтального трубчатого дренажа методом горизонтально-направленного бурения бестраншейным методом. Вода, собранная в водоприемном колодце погружными насосами подается на водоочистную установку и в систему промышленного водопровода для восполнения потерь воды в оборотной системе водоснабжения.

Ключевые слова: грунтовые, дренажные воды, бестраншейная технология, система сбора и использования грунтовых вод.

Челябинский электровозоремонтный завод был основан в 1943 году. Сегодня ЧЭРЗ – это три крупных производства: электровозосборочное, электромашинное и литейное. Завод освоил ремонт отечественных грузо-

вых электровозов постоянного тока всех серий. Сейчас в его цехах ремонтируются грузовые электровозы – ВЛ10, ВЛ11, ВЛ15, пассажирский ЧС-7, ОПЭ1 и ПЭ-2М для горнорудных разрезов. На электромашином производстве ЧЭРЗ производятся комплекты двигателей для электропогрузчиков. Чугунолитейный цех завода, специализированный на изготовлении деталей контактной сети из ковкого чугуна, является единственным в стране производителем этой продукции. ЧЭРЗ внес свой весомый вклад в электрификацию железных дорог России и СНГ, выполнял заказы для Китая, Монголии, Ирана, Турции.

Площадь, занимаемая заводом, составляет около 24 га, площадь застройки 8,8 га, общая протяженность заводских железнодорожных путей – 7262 м, площадь асфальтированных дорог – 31700 м².

Завод находится на северо-западной окраине г. Челябинска на левом склоне поймы реки Миасс. Геологическое строение площадки завода представлено гранодиаритами, сапролитами. Последние состоят из выветрелых, превращенных в глинистую массу зерен полевых шпатов, кварца, слюды и др. Гранодиариты представляют трещиноватые коренные породы, которые содержат гальку, щебень, дресву, песок. Слой этих отложений составляет от 1,0 до 11 м. Залегание уровня грунтовых вод на территории площадки завода составляет от 2 до 3 м. Химический состав грунтовых вод по результатам пробных откачек свидетельствует о возможности использования их в промышленном водоснабжении. Это – вода пресная, гидрокарбонатная, сульфатно-хлоридная с общей жесткостью до 8 мг-экв/л может использоваться в качестве подпиточной для восполнения потерь воды в 16-ти оборотных системах водоснабжения завода; расход откачиваемой воды составляет 300–400 м³/сут. Использование ее приведет к значительному сокращению потребления питьевой воды, забираемой из городского водопровода.

Высокое стояние уровня грунтовых вод создает определенные трудности в эксплуатации зданий и сооружений. Спустя непродолжительное время после сооружения в 1950-х годах главного корпуса и котельной их подвальные помещения оказались затопленными грунтовыми водами. В те далекие годы при проектировании и строительстве зданий не предполагалась такая ситуация, и вопросам гидроизоляции подземным сооружениям не уделялось должного внимания. В результате многие годы в подвалах главного корпуса и котельной уровень воды находится на отметках, близких к 2,0 м от поверхности земли. Затоплены также водопроводные колодцы и камеры подземных тепловых сетей. Инженерные сооружения подвергаются разрушению и поэтому вопросы понижения уровня грунтовых вод для площадки завода являются весьма актуальными. Для их решения предложен проект водопонижения путем устройства трубчатого дренажа.

Для устройства горизонтального трубчатого дренажа обычно используются керамические трубы с готовыми отверстиями или асбестоцементные трубы, в которых до их укладки в траншею необходимо сделать пропилы. В зависимости от фильтрационных характеристик грунта пропилы делают в верхней половине трубы шириной от 3 до 7 мм и располагаются в шахматном порядке на расстоянии от 100 до 200 мм друг от друга. Работа эта трудоемка и требует значительного времени.

Появление на рынке новых изделий для устройства дренажа, таких как гофрированные перфорированные трубы из поливинилхлорида (ПВХ) с фильтрами для различных типов грунтов, значительно упростило производство работ. Подобные трубы с ребрами жесткости позволяют равномерно распределять нагрузки по всей трубе, что делает практически неограниченным срок их службы. Дренажные трубы из ПВХ укладываются на глубину ниже уровня промерзания, сообразуясь с глубиной существующих фундаментов. Монтаж труб выполняют в указанной выше последовательности. Для предохранения дренажной системы от заиливания применяют фильтры. Труба с фильтром из геоткани предназначена для песчаных и супесчаных грунтов. Трубу с фильтром из кокосового волокна укладывают в торфяниках, глинах и суглинках.

Однако устройство трубчатого дренажа на ЧЭРЗ обычным традиционным способом (отрывка траншеи глубиной 5–6 м с помощью экскаватора и последующая укладка труб на дно с фильтрующей обсыпкой) выполнить невозможно, так как вся территория завода плотно застроена. Поэтому в проекте предусмотрено устройство дренажа по методу технологии горизонтально направленного бурения (ГНБ) бестраншейным способом (рис.).

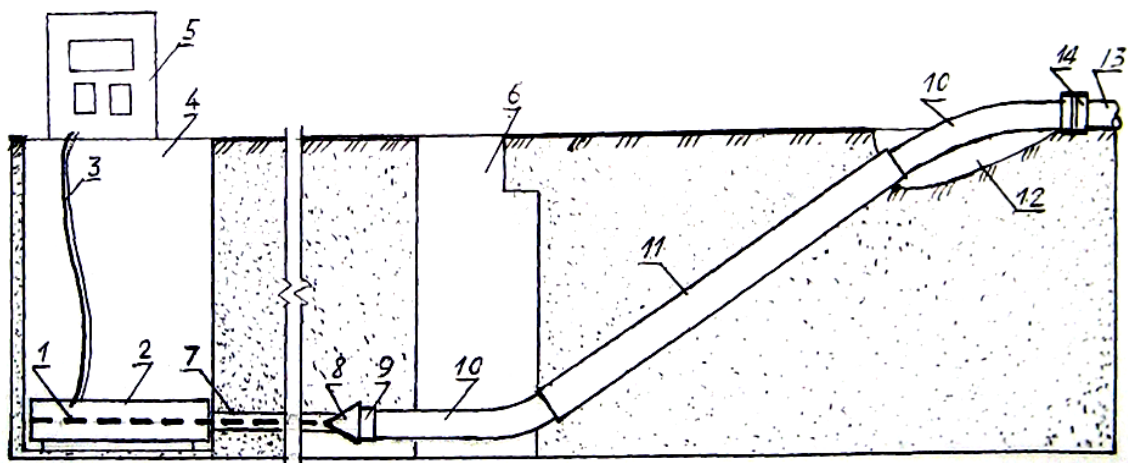

Схема устройства бестраншейной прокладки дренажной трубы с поверхности земли: 1 – наборная штанга; 2 – гидросиловой лафет; 3 – шланги и электропровода; 4 – котлован; 5 – станция управления; 6 – концевой смотровой колодец; 7 – пионерная скважина; 8 – расширитель; 9 – узел крепления; 10 – обсадная труба; 11 – футляр; 12 – приямок; 13 – полиэтиленовая труба; 14 – сварочный аппарат

Для реализации этого проекта предусматривается устройство шахтного водосборного колодца (глубиной 7–8 м, диаметром 2 м) в середине заводской площадки с пробуренными из него в разные стороны пятью скважинами – лучами длиной 120–150 м каждая с уклоном к колодцу. В эти скважины помещаются обсадные перфорированные пластмассовые трубы диаметром 315 мм, в них – перфорированные пластмассовые трубы диаметром 250 мм, обтянутые фильтрующей геотканью. На концах скважин-лучей устраиваются концевые вентиляционно-смотровые колодцы, например, из пластмассы диаметром от 450 до 600 мм компании «Эгопласт». По длине лучей необходимо также установить смотровые колодцы через 35–40 м. В водосборном колодце устраивается насосная станция с двумя погружными насосами (один рабочий, другой резервный) марки Иртыш ПД 50/125-2,2/2 [1] производительностью 18 м³/час, напором 20 м для откачки дренажной воды в резервуар емкостью 5 м³. Над резервуаром размещается напорная умягчительная установка GSX-2471ST группы ТЕХ-МАШ [2], в которую вода из резервуара подается насосами Иртыш-Комфорт 2 (24) ЦМК[1], с помощью напорного мембранного гидробака она подается в систему промышленного водопровода под напором 33 м вод. столба.

При реализации сооружения трубчатого дренажа с помощью бестраншейной технологии потребуются выполнения минимального объема земляных работ для устройства водоприемного и концевых колодцев. Сам же процесс ГНБ может выполняться с помощью различной материально-технической базы, имеющейся в наличии у подрядчика работ [3]:

- установками фирмы VERMEER Navigator различной мощности (Д33х44. Д36х5/11 и др.);
- установками АСР-60, АСР-120 или АСР-240 ЗАО «АВА Гидросистемы»;
- методом прокола пионерной скважины и расширении ее с одновременным затягиванием в нее обсадной трубы диаметром 315 мм с помощью пневмопробойника (или гидросилового лафета) с последующим протаскиванием фильтровой трубы;
- другими буровыми установками в комплексе с другими родственными бестраншейными технологиями.

Реализация ГНБ требует проведения предварительных, основных (монтажных) и заключительных (демонтажных) работ.

Предварительные работы включают следующие операции:

- обследование ситуации по трассе лучей (существующие подземные коммуникации, колодцы);
- расчистка места стоянок буровых механизмов и машин;
- завоз, складирование пластмассовых труб, перфорация их, доставка на место оборудования и материалов;

- ограждение строительных площадок;
- устройство водоприемного и концевых колодцев, организация временного водоотлива.

Основные работы заключаются в выполнении следующих операций:

- приготовление бурового раствора;
- бурение пионерной скважины-луча с локацией буровой головки;
- смена буровой головки на расширитель, крепление вертлюга и обсадкой трубы к расширителю;
- протаскивание обсадной трубы обратным ходом в расширенную скважину, сварка обсадных труб с протягиваемой в скважину;
- установка на горловину колодца лебедки, протаскивание троса в обсадную трубу;
- протаскивание фильтровой трубы в обсадную, сварка отдельных труб в плети;
- устройство промежуточных вентиляционно-смотровых колодцев;
- заделка (герметизация) уплотнений сопряжений обсадной трубы со стенками колодцев.

Заключительные работы сводятся к следующим операциям:

- демонтаж оборудования и приспособлений;
- засыпка грунтом с уплотнением пазух котлованов и колодцев;
- монтаж насосно-силового и механического оборудования, КИП в водосборном колодце, а также в водоочистой станции;
- зачистка рабочих мест, восстановление и благоустройство нарушенных земель.

Исходя из стоимости работ по укладке пластмассовой трубы $d = 315$ мм бестраншейным способом в Челябинске [4], равной 6417 руб. за 1 п. м, можно приблизительно оценить работу по устройству системы дренажа на ЧЭРЗ. В общем она составит около 6–7 млн руб. с учетом оборудования по умягчению воды и подаче ее в систему промводоснабжения.

Библиографический список

1. Насосное оборудование. Водоснабжение, водоотведение // Каталог насосного завода «Взлет». – Омск, 2008. – 204 с.
2. Станции водоочистки. Группа «Техмаш». – Екатеринбург, 2010. – 24 с.
3. Водоснабжение, водоотведение, оборудование и технологии: справочник. – М.: Стройинформ, 2007. – 456 с.
4. Гореева, А.З. Обзор действующих в РФ расценок на бестраншейное строительство подземных коммуникаций с применением ГНБ / А.З. Гореева // РОБТ, 2006. – № 1. – С. 17–20.

[К содержанию](#)

УДК 628.112

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДРЕНАЖНЫХ И ПОДЗЕМНЫХ ВОД ЗАСТРОЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ НА ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НУЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ

В.И. Васильев, К.И. Чучелов

Устойчивый подъем уровня подземных вод и неглубокое залегание их от поверхности земли при строительстве позволяет использовать дренажную воду вместо хозяйственно-питьевой для различных нужд: для полива проездов и зеленых насаждений, промводоснабжения и пожаротушения зданий на застроенной территории.

Ключевые слова: подземные воды, использование подземных вод, водопонижение.

При строительстве и эксплуатации жилых районов и промышленных предприятий происходит устойчивый подъем уровня подземных вод. При этом обычно наблюдается подтопление подземных сооружений и коммуникаций, а часто также и снижение несущей способности грунтов оснований, что приводит к деформациям фундаментов, а иногда и авариям зданий и сооружений. Установлено, что подтопление жилых и промышленных территорий происходит в результате совокупности временно и постоянно действующих факторов [1].

В процессе строительства происходит обводнение неспланированных территорий от дождевых и талых вод, которые скапливаются в пониженных местах рельефа, в котлованах, траншеях, а также от утечки воды из водонесущих сетей водоснабжения, канализации, теплоснабжения.

Из числа постоянно действующих факторов подтопления являются утечки из коммуникаций и конденсация влаги под зданиями и покрытиями дорог и площадей. Для оценки процесса подтопления, динамики его развития и выбора необходимых мероприятий по борьбе с ним во ВНИИ ВОДГЕО разработаны специальные рекомендации [1].

Задачей нашей работы является разработка методов утилизации дренажных вод с целью экономии и рационального использования воды в системах хозяйственно-питьевого водоснабжения различных объектов.

Так в 2011 году был разработан проект водопонижения площадки Челябинского электровозоремонтного завода (ЧЭРЗ). Высокое стояние грунтовых вод создает определенные трудности в эксплуатации зданий и сооружений. Спустя непродолжительное время после сооружения главного корпуса и котельной их подвальные помещения оказались затопленными грунтовыми водами. В те далекие годы при проектировании и строительстве зданий не предполагалась такая ситуация, и вопросам гидроизоляции

подземным сооружениям не уделялось должного внимания. В результате многие годы в подвалах главного корпуса и котельной уровень воды находился на отметках, близких к 2,0 метрам от поверхности земли. Затоплены также водопроводные колодцы и камеры подземных тепловых сетей. Инженерные сооружения подвергаются разрушению и поэтому вопросы понижения уровня грунтовых вод для площадки завода являются весьма актуальными. Для их решения предложен проект водопонижения путем устройства трубчатого дренажа, выполненного методом горизонтально направленного бурения. Здесь собранные в водосборном колодце грунтовые воды очищаются на компактной водоочистной установке и подаются для подпитки 18 оборотных систем водоснабжения этого завода. Стоимость строительно-монтажных работ составляет 6 млн руб. Срок окупаемости – 5,2 года [2, 3].

В другом проекте [4] дренажные воды и поверхностный сток с территории торгово-развлекательного комплекса после очистки предусмотрено использовать для наружного пожаротушения и поливки проездов и зеленых насаждений. Излишки воды после соответствующей очистки сбрасываются в р. Миасс. Это будут первые для города сооружения для очистки ливневых стоков, сбрасываемых в водоем рыбохозяйственного назначения.

В проекте системы водоснабжения одного микрорайона на северо-западе г. Челябинска, выполненного в 2013 году, разработана система автополивки зеленых насаждений и проездов с забором воды из подземного водоисточника. В качестве двух водоприемников использованы две переоборудованные перекачные насосные станции САРЛИН. Для этого в нижней части стеклопластиковых емкостей просверлены отверстия для приема грунтовых вод. С помощью погружных насосов вода подается в оросительную сеть трубопроводов, уложенных на глубине 0,5 м от поверхности земли и снабженную дождевальными насадками. Система функционирует в автоматическом режиме рано утром в течение 1–1,5 часов.

Система полива снабжена короткоструйными, низконапорными насадками: дальность полета капель до 8 метров, напор воды 0,05 ... 0,15 МПа. Эти насадки получили наибольшее распространение. Корпус насадки навинчивается на вертикальный стояк, струя воды, выходя под напором из отверстия диафрагмы, обтекает дефлектор, в результате чего образует пленку воронкообразной формы, которая при дальнейшем движении распадается на капли, и орошает прилегающую к насадке круговую площадь. Пленка сходит с дефлектора под углом 30 градусов к горизонту, что обеспечивает максимальную дальность полета образующихся из нее капель. К достоинствам дефлекторных насадок относят сравнительно малый размер капель (0,9 ... 1,1 мм) и небольшой расход энергии на их образование. Однако капли неоднородны по величине, интенсивность их распределения по площади полива также неравномерна. По мере удаления от насадки

размер капель возрастает, а интенсивность дождя сначала возрастает, а затем падает. С увеличением напора воды и диаметра выходного отверстия насадки, расход и дальность разбрызгивания воды увеличивается.

Технико-экономические расчеты показывают, что устройство такой системы автополива в сравнении с обычным поливочным водопроводом из хозяйственно-питьевой сети позволяет сэкономить 590647 рублей в год. Срок окупаемости инвестиций на устройство такой системы составляет 41 месяц.

Таким образом реализация такого подхода к использованию подземных вод позволяет сэкономить средства на благоустройство жилой среды, экономить питьевую воду, и улучшить качество жизни горожан.

По проекту [5] в качестве водосточника системы хозяйственно-питьевого, централизованного горячего, деминерализованного и противопожарного водоснабжения кардио-хирургического центра г. Перми предполагается использовать городской водопровод. Расчетный расход воды на эти нужды составляет около 150 м³/час. Вода должна подаваться по двум водоводам диаметром 250–300 мм на расстояние 17,5 км от городского водопровода.

Поскольку кроме кардиологического центра рядом с площадкой строительства находится краевой перинатальный центр, а также предполагается строительство областного онкологического центра, решено рассмотреть вариант водоснабжения всех медицинских центров из одного водосточника.

С целью сокращения капитальных вложений и эксплуатационных затрат было предложено использовать подземные воды вблизи площадки кардиоцентра, так как последний располагается в пойме реки Камы и гидрогеологические условия (пласт песчанно-гравийной смеси мощностью до 9–11 м) позволяют получать необходимый расход воды.

Кроме того, местность возле центра лесистая и незастроенная, незаселенная, что позволит организовать надежную санитарно-защитную зону охраны водосточника.

В качестве водозаборного сооружения использован горизонтальный водозабор на глубине 4–6 метров от поверхности земли. Протяженность такого водозабора составляет 260 метров. В середине этого водозабора устроен водосборный колодец в котором установлены 3 насоса САРЛИН (2 рабочих, 1 резервный), которые подают воду для хозяйственно-питьевых и противопожарных нужд кардиоцентра.

Для подготовки питьевой воды используется установка приготовления питьевой воды УППВ 25 производительностью 25 м³/сут.

Таким образом, подземные воды, подготовленные соответствующим образом или без подготовки, могут быть успешно использованы:

– в системах орошения: полив участков озеленения, садово-парковых зон, спортивных объектов, орошение культурных растений, предназначен-

ных для производства пищевых продуктов для потребления человеком и домашними животными, а также продуктов непродовольственной сферы;

– на объектах гражданского назначения: мойка мостовых и тротуаров населенных пунктов, водоснабжение отопительных сетей и систем кондиционирования воздуха, водоснабжение вторичных водораспределительных сетей (отдельно от питьевого водопровода) без права непосредственного использования в зданиях гражданского назначения, за исключением систем смыва туалетов и санузлов;

– на промышленных объектах: снабжение систем пожаротушения, производственных контуров, моечных систем, термических циклов производственных процессов с исключением областей применения предусматривающих контактирование вторичной регенерационной воды с пищевой, фармацевтической и косметической продукцией.

Таким образом, в рассмотренных проектах предлагается хозяйственно-питьевую воду эффективно экономить за счет широкого использования подземных вод на производственные, противопожарные нужды и на орошение зеленых насаждений и проездов.

Библиографический список

1. Рекомендации по проектированию и расчетам защитных сооружений и устройств от подтопления промышленных площадок грунтовыми водами.– М: ВНИИ ВОДГЕО, ПНИИИС, 1989. – 327 с.
2. Васильев, В.И. Водопонижение площадки завода современным методом / В.И. Васильев, Т.А. Вилкова // Вопросы планировки и застройки городов. Материалы XVIII международной научно-технической конференции. – Пенза, 2011. – С. 192–196.
3. Васильев, В.И. Водопонижение территории завода / В.И. Васильев, Т.А. Вилкова // Материалы II международной научно-технической конференции. – Уфа, 2011. – С. 26–28.
4. Васильев, В.И. Проект очистки и использования дренажных вод и поверхностного стока с территории ТРК «Родник» / В.И. Васильев, Н.Е. Кутузова // Вестник УГТУ-УПИ Серия «Строительство и образование». – 2012. – Вып. 13. – С. 169–171.
5. Васильев, В.И. О выборе типа водозабора для водоснабжения кардиоцентра в г. Пермь / В.И. Васильев, К.И. Чучелов // Материалы III международной научно-технической конференции. – Уфа, 2012. – С. 162.

[К содержанию](#)

УДК 711-1+711.43(470.55)

МОНОГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕСУРСЫ И БАРЬЕРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ВЕКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А.А. Гундарев

В статье излагается сущность ресурсов и барьеров социально-экономического и территориального развития моногородов Челябинской области. Поднимается проблема пространственного неравенства населенных мест и актуальность кластерной политики РФ. Особое внимание уделяется агломерации как наиболее прогрессивной и эффективной форме территориальной организации и производства.

Ключевые слова: моногорода Челябинской области; ресурсы и барьеры модернизации; кластеры; городская агломерация; групповые системы расселения.

Ресурсы, дифференцированные по своей природе и неоднородные по территориальной принадлежности, выступают двигателем социально-экономического развития и определяют возможности модернизации городов.

Вариативность используемых ресурсов зависит от качественных и количественных показателей города. В зависимости от фазы развития того или иного города, его функционально-отраслевой структуры хозяйства меняется характер концентрации ресурсов и их использование.

Целью данной статьи является раскрытие сущности ресурсов как основы социально-экономического и пространственного развития моногородов Челябинской области, анализ барьеров и территориальных особенностей модернизации.

Дифференцированные по своей природе ресурсы выступают движущей силой преобразования населенных мест на всех этапах развития общества. К факторам «первой природы» относятся обеспеченность природными ресурсами (минеральными, земельными и др.), которые востребованы рынком, а также географическое положение, в том числе положение на путях глобальной торговли. К факторам «второй природы» относятся преимущества, созданные деятельностью человека и общества: агломерационный эффект, человеческий капитал, институты, инфраструктура, сокращающая экономические расстояния [1].

Для моногородов горнозаводской зоны существенное влияние оказала природно-ресурсная база (Бакал, Сатка, Аша, Златоуст, Нязепетровск), а для моногородов зауральской части – экономико-географическое положение (Троицк, Верхнеуральск). Пограничное положение Троицкой и Верх-

неуральской крепости обусловило взаимодействие государств, культур и торговли. Располагаясь на Великом Шелковом пути – главной торговой магистрали между городами России и азиатскими странами [4], города аккумулировали значительную часть торговых ресурсов и капитала, встраивались в систему товарно-денежных отношений, концентрировали купечество как наиболее инициативный и прогрессивный класс, развивали торговую и производственную инфраструктуру. Приграничное пространство – это подвижная интеграционно-диффузионная зона активного взаимодействия. Важным условием использования данного ресурса является отсутствие барьеров – правовых, геополитических, экономических – или их смягчение.

Обособленность и слабый экономический рост моногородов характеризуется наличием барьеров роста. К ним относятся, прежде всего: коммуникационная инфраструктура, человеческий капитал, институциональная среда, территориальная концентрация городов и сельских населенных мест, а также образующих их территориально-производственных комплексов, градостроительная база города, административные барьеры, отсутствие маркетинговых стратегий.

Проблемы развития регионов и отдельных городов, связанные с ресурсообеспеченностью, можно охарактеризовать как пространственное неравенство, усугубляющее поляризацию территорий. Пространственное неравенство возникает как объективное следствие концентрации конкурентных преимуществ в одних территориях и их дефицита или отсутствия в других. Моногород в силу ограниченности ресурсов в результате потери привлекательности территории инвесторами и населением является самым неустойчивым звеном территориальной системы. Это выражается в качестве жизни населения, развитии городского хозяйства и особенностях архитектурно-градостроительной деятельности. Необходима четкая стратегия действий, встроена в систему стратегического планирования на региональном и федеральном уровнях. В этом плане интересна идея создания технологических кластеров как полюсов роста территорий. Синтез базовых элементов, входящих в структуру кластера, и организация взаимодействия людей, бизнеса, крупных производственных компаний, государства, местного самоуправления, научных институтов как базиса инновационности способствует ускоренному развитию традиционной отрасли, ее конкурентоспособности. В данном аспекте кластер тесно связано с агломерацией. Формирование агломераций создает лучшие условия для жизни и работы, место для творческой самореализации и инноваций, развития науки, для деятельности бизнеса. Города в составе агломераций отличаются более высоким уровнем жизни населения и наименьшей степенью проблемности, нежели вне агломераций. Главная задача агломерации – «не противостояние межагломерационным пространствам, а взаимодействие с ними и способствование их рациональной экономической, социальной и экологической организации» [2].

В качестве примера «выравнивающей» пространственной структуры Челябинской области можно привести Магнитогорскую агломерацию с городом-центром Магнитогорском. Перспективы дальнейшего социально-экономического развития агломерации высоки и обусловлены удаленностью городов-конкурентов, наличием городов-спутников (Верхнеуральск, Белорецк). По И.Д. Тургель, «обогащение функционального профиля города будет зависеть от развития транспортной сети и повышения транспортной доступности Магнитогорска, как для жителей города, так и для жителей прилегающих районов» [3].

Пространственная компактность населенных мест создает предпосылки развития взаимосвязанной транспортной системы. Основным ресурсом социально-экономического развития моногородов Челябинской области видится их кооперация в системе материально-технического устройства, объединения интеллектуальных и трудовых ресурсов, транспортной связи и эффективного менеджмента, а также разработка маркетинговых стратегий. Высокая степень развития транспортной сети и концентрации населенных мест повлияет на функциональную активность, как самих центров, так и примагистральных территорий.

На сегодняшний день в сложившейся системе расселения Челябинской области по территориальным признакам можно выделить несколько потенциальных систем группового расселения: Усть-Катав – Катав-Ивановск – Юрюзань – Трехгорный; Бакал – Сатка – Бердяуш – Межевой; Куса – Златоуст – Миасс – Чебаркуль; Троицкая система группового расселения (при значительном развитии г. Троицка и интенсивности пространственных взаимодействий с соседними населенными пунктами она приобретет черты агломерации), система группового расселения в мощном научно-производственном блоке Кыштым – Озерск – Касли – Снежинск, при значительном развитии транспортных сообщений в данную систему возможно включение Карабаша и Верхнего Уфалея. В последней группе имеет место разделение приоритетов взаимодействия по функционально-отраслевому признаку: Карабаш – Кыштым – Верхний Уфалей – цветная металлургия и машиностроение, Озерск – Касли – Снежинск – атомная промышленность, высокоточное приборостроение и машиностроение военного назначения. Естественно складывающуюся Ашинскую агломерацию уже сложно отнести к целенаправленно формируемой групповой системе расселения. Данному процессу способствуют культурно-бытовые, производственные и трудовые связи. Разнообразие структурных элементов систем группового расселения, по различным критериям заставляет классифицировать их по группам, определяющим степень значимости группы в социально-экономической и пространственной модернизации. Первая группа – местные групповые системы расселения, состоящие из относительно однородных по уровню развития и качеству жизни населения городских поселе-

ний: Усть-Катав – Юрюзань – Трехгорный – Катав-Ивановск, Аша – Сим – Миньяр, Сатка – Бакал – Бердяуш – Межевой. Вторая группа – районные групповые системы расселения, входящие в них города обладают значительным инновационным потенциалом, тесно взаимодействуют с соседними государствами и производят уникальную продукцию: Чебаркуль – Миасс – Златоуст – Куса, Троицк – Южноуральск – Пласт, Кыштым – Озерск – Снежинск – В. Уфалей, Магнитогорск – Верхнеуральск – Белорецк (агломерация). Устойчивость функционирования групповых систем расселения определяется особенностями взаимодействия пространственной среды, развитием инфраструктуры и наличием города-центра – транслятора инноваций.

Важнейшими критериями города-центра, отличающими его от других территориальных единиц, являются качество населения, его культурный уровень и качество городской среды: развитость системы общественного обслуживания, городское благоустройство, экологические параметры городской среды, состояние материально-технических фондов. Проводя анализ по основополагающим критериям, можно сделать вывод о наличии 6 таких «стратегических» центров: 3 закрытых административно-территориальных образования: Трехгорный, Озерск, Снежинск – Магнитогорск, Троицк, Миасс. К ним еще можно отнести Ашу, несмотря на отставание в инновационных внедрениях и степени благоустройства городской среды. Наукограды, обладающие высоким научно-производственным потенциалом, и динамично развивающиеся моногорода способны стать тем самым необходимым центральным звеном, активизирующим связи между муниципальными центрами. Они обеспечат потребности в квалифицированных кадрах, инновационных технологиях, создадут качественно новый городской культурный слой [2].

Моногородам для ускоренного роста необходима открытая инновационная технологическая база, усиливающая процессы взаимодействия производства и науки, поставляющая идеи и усиливающая процесс диффузии. Наукограды открывают такие возможности, но проблема кроется в их статусе. В соответствии со статусом закрытого административно-территориального образования, непосредственным подчинением федеральным органам власти в территориальной единице вводятся ограничения на ведение определенных видов хозяйственной деятельности и особый режим землепользования. Но, несмотря на противоречия территориального устройства и особенности жизнедеятельности, данные территориальные единицы характеризуются динамичными процессами преобразований и реализацией частных инициатив. Так, градообразующий комплекс г. Трехгорного стимулирует образование частных предприятий и, таким образом, формирует особый слой взаимодействующих с окружением структур.

Итак, моногорода Челябинской области лишены качественных ресурсов модернизации. В процессы преобразования моногорода вмешивается и естественная убыль населения, безработица, низкий уровень образования населения, низкое качество окружающей среды, неэффективная система местного самоуправления, слабая заинтересованность городских жителей в процессах городского развития и организации частной предпринимательской деятельности, «отрицательный» бренд, отсутствие инновационного потенциала, слабая развитость транспортной сети и инженерных коммуникаций и высокий физический износ существующих сетей. Фактически эти элементы выступают барьерами модернизации.

Обращение к теме агломерации как наиболее прогрессивной форме хозяйственного и социально-экономического взаимодействия – не что иное, как антитеза процессам деструктуризации в моногородах. На смену точечной форме расселения приходят «пятнистые» формы расселения, усиливающие интеграцию градостроительных систем, а соответственно расширение возможностей человека, мест приложения труда и интенсификацию взаимосвязей. Формирование групповых систем расселения Челябинской области – это отклик процессам глобализации. Данная модель расселения не только способствует усилению взаимодействия между моногородами, но и обеспечит условия свободного выбора мест приложения труда, рекреации, культурно-бытового обслуживания при соответствующем развитии и расширении транспортной сети и использовании различных видов транспорта, в том числе скоростных. Главное достоинство этой системы – открытость и способность к интеграции. Особая роль отводится государству как главному ресурсу преобразований, в том числе и через программу поддержки моногородов.

Данная модель позволит сократить процесс депопуляции малых, средних и больших моногородов, сократить отток трудовых и интеллектуальных кадров, увеличить конкурентоспособность продукции и диверсифицировать рынок труда.

Библиографический список

1. Зубаревич, Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н.В. Зубаревич. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – С. 9–10.
2. Лаппо, Г.М. Города России. Взгляд географа / Г.М. Лаппо. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 126–138.
3. Тургель, И.Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию / И.Д. Тургель. – Екатеринбург: Издательство УрАГС, 2010 – С. 258–259.
4. Троицк: Официальный сайт. – URL: <http://http://troitsk74.ru>.

[К содержанию](#)

ББК Ч448.027.8

УДК 378.147.88 + 378.026.1

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВОКУРСНИКОВ АРХИТЕКТУРНОГО ФАКУЛЬТЕТА

О.В. Давыдова

Показана необходимость вовлечения первокурсников в научную деятельность начиная с выполнения первых учебных курсовых проектов. Рассмотрены особенности научной деятельности обучающихся образовательных учреждений основной и высшей школы. Проведен тематический анализ лично и / или социально значимых исследований, имеющих учебную мотивацию с постановкой перспективных задач.

Ключевые слова: научная деятельность, мотивация, организация, контроль, профессионально-этические требования к научной деятельности.

Наука вносит важный вклад в развитие общества и человека, определяет уровень развития цивилизации и международный авторитет страны. Научно-исследовательская деятельность студентов национального исследовательского университета, которым является «Южно-Уральский государственный университет», и в частности студентов Архитектурного факультета, включает в себя два взаимосвязанных направления:

– научно-исследовательская деятельность, которая является составной частью учебного процесса и обязательна для всех студентов (написание рефератов, выполнение заданий исследовательского характера в период изучения дисциплин, подготовка и защита курсовых, высших квалификационных работ и т.п.);

– научно-исследовательская работа студентов, не связанная напрямую с учебным процессом: участие в научных кружках, выполнении хозяйственных научных работ в рамках творческого сотрудничества кафедр, факультетов, написание тезисов научных докладов, публикаций и т.д.

Однако, мотивация участия студентов первого курса во внеучебной научно-исследовательской деятельности, как показывает практика, развита не достаточно. Считается, что у первокурсников еще нет необходимого багажа знаний для выполнения хозяйственных работ и не достаточно отработан механизм выбора студентами актуальной темы исследования для участия в НИР, которая является очередным этапом достаточно устойчивого интереса к труду ученого, в системе «НОУ – НСО – аспирантура – НИР – докторантура».

Каждому уровню образования соответствует особая ступень последовательного приобщения к научно-исследовательской деятельности и подго-

товки научно-педагогических кадров, которые в совокупности составляют систему. Участвуя в НОУ, на этапе общего образования, учатся анализировать и делать выводы по выбранной, совместно с руководителем, актуальной теме.

В университете, в период адаптации, первокурсникам многие вопросы приходится решать самостоятельно, в том числе и определение актуальности темы. И конечно, наиболее актуальными являются темы учебных проектов, где результатом исследовательской деятельности является интеллектуальный, творческий продукт, устанавливающий ту или иную истину в процессе исследования. Однако сформулировать тему, содержащую и предмет и объект исследования, а также сориентировать в стандартном оформлении полученных результатов, принятых в ЮУрГУ, возможно также совместно с преподавателем и/или куратором группы.

В СТО ЮУрГУ указывается, что «при написании работы не допускается использование личного местоимения «я», а следует применять местоимение «мы»... Рекомендуется использовать изложение авторской позиции от третьего лица (автор полагает, что...) и страдательный залог (например, разработан специальный подход к решению...) [1].

Рассмотрим основные используемые в исследованиях понятия:

Проблема исследования – это суждение (или система суждений), содержащее в себе теоретически поставленный вопрос и, как верно замечает Е.В. Ушаков, «не существует никакого алгоритма для её разрешения, но её решение должно иметь существенную новизну» [2]. Чтобы верно поставить проблему (в ракурсе её новизны), необходимо изучить имеющуюся литературу по выбранной теме исследования, степень разработанности проблемы, результаты деятельности по данной проблематике ваших предшественников с оценкой их заслуг и недостатков. Проведенная работа послужит основанием для определения степени актуальности и новизны исследования.

Тема отражает характерные черты поставленной проблемы. В теме должны быть отражены предмет и объект исследования.

Объект исследования – это та совокупность связей и отношений, свойств, которая существует объективно в теории и практике и служит источником необходимой для исследователя информации.

Предмет исследования более конкретен. Он включает только те связи и отношения, которые подлежат непосредственному изучению в работе, устанавливают границы научного поиска. В каждом объекте можно выделить несколько предметов исследования. Например, в процессе изучения основ архитектурного проектирования, исследуя шрифтовые композиции как объект, студенты выбрали различные предметы исследования, что нашло отражение в теме выступления студенческих конференций 2010–2014 годов:

– Шрифтовые композиции в оформлении арт-вывески (докладчик: Шестаков В.В. (А-162));

- Гармоничное сочетание изображения и шрифта (докладчик: Варлакова Е.В. (А-162));
- Символика изображения в вывесках (докладчик: Багаутдинов Ю.Р. (А-162));
- Образы шрифтовой композиции в архитектуре (докладчик: Чистякова О.В. (А-192));
- Психология восприятия шрифта (докладчик: Сощенко А.Д. (А-102));
- Серия шрифтовых плакатов к 200-летию М.Ю. Ломоносова (докладчик: Соловьева Ю.С. (А-475)).

Предмет исследования определяет цель и задачи самого исследования.

Поставленная проблема должна быть отражена в формулировке цели исследования, цель формулируется кратко и определённо точно, в смысловом отношении выражая то основное, что намеревается сделать исследователь. Она конкретизируется и развивается в задачах исследования.

Цель должна вытекать из названия работы, задачи из цели, т.е. ее конкретизировать, выводы в конце работы соответствовать поставленным задачам.

В заключительной части исследования автор подводит итоги проведенной работы, в которых отражаются научные результаты решения поставленной проблемы, формулируются теоретические выводы и обобщения, намечаются новые пути к решению проблемы или инновационные предложения.

Анализ результатов является завершающей стадией проведенного исследования, в котором осуществляется обработка и обобщение данных, полученных в ходе исследовательской работы. Автор исследования может высказать также свои предсказания (гипотезы) относительно изучаемого предмета исследования.

Требование к самому процессу исследования и его оформлению реализуется в нормах научной деятельности.

В науке используются любые приемы аргументации: абсолютные и сравнительные, убедительные или достаточные основания, в силу которых должно быть принято обосновываемое положение. При этом в науке допускаются утверждения, не поддающиеся проверке в настоящем, но такая возможность остается в будущем (гипотезы).

Гипотеза – форма теоретического знания, содержащая утверждение, имеющее статус предположения, нуждающегося в доказательствах.

Приведем пример оформления исследовательской работы. Объектом исследования оставим все те же шрифтовые композиции, которые являются одной из тем курсового проекта дисциплины «Основы архитектурного проектирования».

Задание к курсовому проекту: запроектировать информационную или памятную (мемориальную) доску, содержащую текстовую информацию,

переданную посредством шрифтовой композиции. Реалистично изобразить строительные и отделочные материалы самой доски и поверхности, на которой она крепится. Работа выполняется на планшете размером 550x750 мм в тональной цветной графике.

Состав графических материалов: фронтальное изображение информационной (памятной) доски с построенными тенями от нее на плоскость стены и от букв на плоскость доски; изображение поверхности стены, на которой размещается доска; подпись автора работы и преподавателей, выполненная архитектурным шрифтом.

Перечень вопросов, подлежащих разработке: выбор достойной социальной тематики; анализ аналогов; выполнение клаузуры линейно, тоном и цветом; имитация различных отделочных и строительных материалов; эскизирование из имитированных материалов с построением теней; работа на планшете.

Актуальность темы. Шрифтовые композиции, сочетающие изображение и текст, существуют с древних времен. В архитектуре назначение их, прежде всего, связано с передачей информации увековечивающей имена и действия, а также агитационных призывов, оформлении станций метро, вывесок, разнообразных по тематике.

По мере развития цивилизации, все больше внимания уделяется вопросу гармонической взаимосвязи надписи, изображения и поверхности.

Одним из вариантов решения данной проблемы является работа над курсовым проектом «Разработка информационной доски – вывески туристической компании».

Цель работы: выполнение вывески туристической компании, выполненной из долговечных отделочных и строительных материалов.

Задачи работы: изучить опыт предшествующих поколений по созданию вывесок; определить формальные и смысловые проблемы проектирования вывесок; выполнить клаузуру, используя метафоричность, ассоциативность, смысловое и композиционное единство текста и изображения, удобочитаемость, лаконичность, динамику или статику, психологические особенности восприятия; изучить особенности имитации природных отделочных и строительных материалов; определить показатели эффективности выполненной работы.

Объект – изучение шрифтовых композиций.

Предмет – создания вывески: гармонизация изображения и шрифта в вывеске туристической компании, изготовленной из долговечных материалов. Результаты работы рекомендуется использовать при разработке вывесок.

Основная часть (анализ архитектурных аналогов, где архитектура = конструкции + искусство (символика, образ) + технология).

Композиционные схемы. Вывод: обоснование.

Символика форм и изображений. Вывод: обоснование.

Символика цвета. Вывод: обоснование.

Выбор материалов (смыслы, долговечность, технологичность...).

Заключение

В результате проведенной работы изучен опыт предшествующих поколений по созданию вывесок, определены проблемы и особенности проектирования вывесок, выполнена клаузура с использованием метафоричности, ассоциативности, смыслового и композиционного единства текста и изображения, удобочитаемости, лаконичности, психологических особенностей восприятия; изучены особенности имитации долговечных отделочных и строительных материалов, определены показатели эффективности выполненной работы.

Таким образом, цель работы достигнута, задачи – решены.

Результаты работы рекомендуется использовать при разработке вывесок туристических фирм. Выполненная работа имеет теоретическую (практическую) ценность и рекомендована для апробации на А-факультете.

Библиографический список составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003. На все литературные источники, приведенные в библиографическом списке, в тексте статьи должны быть сделаны ссылки.

Таким образом оформленная исследовательская работа, сопутствующая выполнению курсового проекта, становится темой вне учебной научно-исследовательской деятельности.

Кроме шрифтовых композиций в рамках учебного процесса дисциплины «Основы архитектурного проектирования» объектом научного исследования являются памятники архитектуры с выбором соответствующего предмета исследования и актуальной проблемы, позволяющей участвовать в конференциях и конкурсах различного уровня студентам первого курса архитектурного факультета.

НИРС в конечном итоге становится основой качественного формирования контингента магистров и аспирантов вузов.

Библиографический список

1. СТО ЮУрГУ 21 – 2008. Стандарт организации. Система управления качеством образовательных процессов. Курсовая и выпускная квалификационная работа. Требования к содержанию и оформлению / Т.И. Парубочная, Н.В. Сырейщикова, А.Е. Шевелев, Т.Б. Шевелева. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2008. – 55 с.

2. Ушаков, Е.В. Введение в философию и методологию науки: учебник / Е.В. Ушаков. – М.: Экзамен, 2005. – 15 с.

[К содержанию](#)

УДК 711.01/.09

ГОРОДСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ДЛЯ ПОКОЛЕНИЯ «У»

Е.А. Жаринова

Для поколения У – поколения родившихся после 1990 года, следует создавать особую среду – многомерное пространство, «умный» город, разрабатывать новую платформу эталонной городской архитектуры для реализации, следуя особым принципам формирования благоприятной городской среды.

Ключевые слова: поколение У, автоматизированные системы, городское пространство, пятое измерение, городское планирование, генеральные планы, экологическая безопасность, новые технологии, функциональное назначение.

Согласно классической теории поколений, поколение У – поколение Миллениума, «сетевое» поколение, эхо-бумеры, поколение Питера Пена – это поколение родившихся после 1990 года, их называют поколением «сети» – они все большее количество времени проводят в Интернете и являются постоянными пользователями различных медиаресурсов.

У представителей поколения У другие ценности, чем у их предшественников. Молодежь, новое поколение – совершенно другое. Никакого советского наследия у них нет ни в сознании, ни в подсознании. Они просто хотят жить счастливо, и для городов это простое желание – серьезный вызов. Они требуют интересных рабочих мест и кардинально более высоких зарплат. Это желание само по себе мощная преобразующая сила, которая будет способствовать преобразованиям.

В соответствии с новыми взглядами и требованиями должна меняться и методика городского планирования, нацеленная именно на этот новый пласт сознания, учитывая его потребности и специфику.

Поскольку главной чертой этого времени стала всеобщая информатизация, молодежь активно использует информационные ресурсы во всех сферах жизнедеятельности, на работе, дома, в общении с друзьями, на отдыхе. Они предпочитают пользоваться автоматизированными системами, «умными» системами, помогающими быстро передвигаться, совершать покупки, денежные операции, быстро находить необходимую информацию в городском пространстве.

Чтобы отвечать таким требованиям, городская структура должна сильно измениться и насытиться информационными компонентами, собирающими всю актуальную и необходимую информацию для поколения У. А это не возможно без «оцифровки» городской ткани и создания виртуального пространства, меняющегося и трансформирующегося в соответствии с требованиями. Такое пространство должно представлять собой мно-

гомерную структуру, состоящую из множества измерений. Если 2D измерение – это схемы и планы, то 3D – это уже объемные модели и анимации, сопровождающиеся четвертым измерением – фактором времени, с множеством количественных показателей – это пятое измерение. Разбив город на такие измерения, можно отслеживать динамику трансформаций и задавать новые пути развития и формирования пространств. Можно будет разделить исторические и смысловые пласты, выявить насыщенные значениями зоны территорий и впоследствии синтезировать для получения нового городского ландшафта с новой морфологией. Так как представители поколения Y как никто другой ценят удобство, комфорт и эстетику, они много путешествуют, видят Западный опыт и хотят жить в городе, не уступающем Европейским аналогам с точки зрения насыщенности его различным функциям и местами отдыха и развлечения, городское планирование должно следовать следующим принципам создания благоприятной городской среды для поколения «Миллениума»:

1. Для города поколения Y совершенно не важна компактная структура генплана города, самое главное – это эффективная и удобная транспортная сеть. Молодежь этого поколения любит много путешествовать и передвигаться в пространстве, поэтому для жилья будут превалировать именно зоны, обеспеченные различными транспортными системами.

В формировании генеральных планов жилых территорий нового поколения большую роль будут играть полифункциональность, развитая система обслуживания и эффективное использование подземных пространств. Все эти факторы могут сложиться в полицентричную, каркасообразующую систему.

При выборе типологии жилья для поколения Y будет важен высокий комфорт проживания, низкая плотность, а также социальное, культурное и рекреационное обеспечение в шаговой доступности.

2. Поколение Y заботят вопросы экологической безопасности. Они информационно подкованы и активно вступают в борьбу за экологическое равновесие в своем регионе. Они занимаются спортом, катаются на велосипеде.

Очень важно создать систему экологической инфраструктуры:

- создать цепи локальных рекреационных центров с пешеходным доступом;
- сформировать многофункциональное озеленение всех возможных поверхностей;
- озеленять промышленные и производственные площадки, а также санитарно-защитные зоны вокруг них;
- стремиться создать экологическую красоту;
- учитывать визуальную экологию, экологию запахов и звуков;
- использовать экологизированный транспорт;

- использовать решения биоархитектуры;
- использовать современные технологии по энергосбережению и создания замкнутых безотходных циклов функционирования.

3. Учитывая способности и любовь молодежи к новым технологиям, многие из них осваивают профессии, связанные с коммуникацией и IT. В большей степени это люди с высшим образованием, но они могут трудиться как на производстве, так и в офисной сфере.

Главные требования к месту приложения труда – это удобство, комфорт, гибкий график и возможность самореализации. Работать на предприятиях советской эпохи, эстетически неприятных, неблагоустроенных и экологически небезопасных, это поколение не будет. Они будут искать себя, самореализовываться в различных сферах, получать несколько образований, часто меняя работу. Поэтому городскую структуру следует насыщать различными производствами и различными сферами приложения труда.

Моногородам будет сложно удержать отток «нового» поколения и не возможно будет конкурировать с мегаполисами, предлагающими массу возможностей для самореализации.

Эффективными средствами оптимизации и реорганизации промышленного комплекса можно считать:

- формирование зон частичного перепрофилирования (изменение функционального назначения, технологическая и планировочная реорганизация);
- формирование зон полного изменения функционального назначения (изменение функционального назначения территорий коммунально-складских на зоны гражданского строительства);
- формирование территорий инноваций в производственной сфере (технопарки, наукопарки, агропарки, зон промышленно-коммерческой активности);
- формирование логистико-информационных комплексов, оптимизирующих товарооборот предприятий и фиксирующих грузопотоки;
- формирование полифункциональных «стыковых» зон между промышленными территориями и производством.

Следуя этим принципам формирования благоприятной городской среды для поколения Y, можно создать «умный» город сначала в формате многомерной структуры и разрабатывать новую платформу эталонной городской архитектуры для реализации.

Это позволит определить эффективность и качество городского управления на основе таких показателей, как оценка структуры, функциональности, устойчивости экономического и социального развития.

Эта модель обобщит информационно-коммуникационные характеристики «умного» города и станет составной частью общего устава городского планирования.

Следуя такой модели, уже сейчас в Южной Корее строится город, не имеющий аналогов в мире – Нью-Сонгдо. Он с самого начала проектируется как «цифровой» город, «умный» город: электромобили и машины с водородными двигателями будут подключены к единой городской сети; пневматические мусоропроводы доставят бытовой мусор прямо на метановый завод, производящий топливо для двигателей; интеллектуальные электронные дорожные знаки будут автоматически меняться в зависимости от плотности автомобильного и пассажирского потока. Нью-Сонгдо становится центром тестирования новейших градостроительных концепций. Все это более чем актуально, учитывая, что к 2030 году численность городского населения в Азии увеличится с нынешних 1,36 млрд человек до 2,64 млрд.

Цифровые технологии окажут на градостроительство такое же глубокое влияние, как технологии электроснабжения, водоснабжения и транспорта, которые за последние 150 лет резко изменили облик городов, – заявил Вольфганг Вагнер, отвечающий за градостроительные технологии в подразделении компании Cisco по разработке решений для электронного бизнеса (IBSG). На долю градостроительства приходится 10 % мирового ВВП, в этой отрасли работают более 100 миллионов человек, но до сих пор в ней почти не используются цифровые технологии.

Коммуникационная инфраструктура, как уверяют эксперты, будет создаваться не после, а в ходе возведения зданий и станет «четвертой коммунальной услугой». Более того, все сетевые системы здания будут сведены в единую коммуникационную инфраструктуру, работающую под управлением протокола IP. Есть множество предложений насчет того, где расположить так называемые «города будущего». К примеру, существуют варианты строительства плавучих островов, где будет располагаться непосредственно сам город. Так же есть предложения построить город под водой, а так же на поверхностях других планет.

Библиографический список

1. Колясников, В.А. Современная теория и практика градостроительства: территориальное планирование городов: учебное пособие / В.А. Колясников. – Екатеринбург, 2010. – 406 с.
2. Город как средоточие коммуникаций: Монография / И.М. Волчкова, Э.А. Лазарева, А.А. Чувакин и др.; авт.-сост. И.М. Волчкова и Э.А. Лазарева; науч. ред. Л.П. Холодова. – Екатеринбург, 2009. – 300 с.
3. Градостроительные основы развития и реконструкции жилой застройки. Научное издание / под общ. ред. проф., д-ра арх. Ю.В. Алексеева. – М.: Издательство Ассоциации строительных вузов, 2009. – 640 с.

[К содержанию](#)

УДК 711.582(470.55)

ЭВОЛЮЦИЯ ПЛАНИРОВОЧНЫХ СТРУКТУР ЧЕЛЯБИНСКА

В.И. Иванов, К.Е. Некрасова

В статье представлены результаты исследования зависимости роста городских территорий и этажности застройки в г. Челябинске.

Ключевые слова: территории промышленные и жилые, этажность застройки, жилые поселки, этапы роста территорий, строительные технологии.

Современный вид города Челябинска – это результат последнего столетия развития во времени, который отразился в территориальном и высотном росте города. В России миллионных городов не очень много. И не все областные и республиканские центры, даже насчитывающие много веков, имеют такое количество жителей. История Челябинска дает несколько качественных этапов развития, которые не всегда напрямую связываются с размещением промышленных предприятий. В течение первых ста пятидесяти лет город практически не рос в высоту, и медленно росла территория. В последние же восемьдесят лет территория возросла в сотни раз, а этажность в десятки. Несмотря на экономические кризисы последних десятилетий, архитектурный облик города стремительно меняется. Двадцатиэтажные дома становятся массовыми. Также продолжается рост территорий, путем образования многочисленных коттеджных поселков за городской чертой, в которых селятся горожане. И как показал анализ – появление поселков это закономерность.

Исходными данными для анализа послужили планы, карты-схемы, книги об истории и развитии города, списки населенных мест, фотографии разных лет и статистическая информация, позволяющая составить представление о планировочной структуре города для каждого временного периода и сравнить эти условные фазы между собой. Каждый этап сопоставлялся также по росту этажности массовой жилой застройки. Совокупность городских территорий, объединенных уличными пространствами, площадями, скверами, акваторией реки, лесными массивами и санитарно-защитными зонами, застроенных различными зданиями рассматривается как объемно-пространственная структура города.

Таким образом, актуальность исследования эволюции объемно-пространственной структуры города заключается: первое – в поиске закономерностей, по которым складывалась планировка, уличные общественные пространства и их объемное решение в течение времени; второе – в определении перспектив развития города в будущем.

В задачи исследования вошли:

- сопоставление этапов роста планировки города в едином масштабе;

- формирование пространств улиц, площадей, скверов по времени;
- выявление зависимости роста этажности зданий от роста территорий;
- сравнение данных разных этапов по соотношениям территорий многоэтажной застройки и малоэтажной, общественных пространств и территорий общего пользования (акватория реки в городе и рекреационные зоны).

Методика исследования включает в себя: элементы системно-структурного анализа, построения хронологической шкалы пространства города, и использования методики виртуального моделирования эволюции объемно-пространственной структуры.

Планировка города в рамках поставленных задач рассматривалась на нескольких временных этапах в хронологическом порядке. Критерии выбора каждого этапа основаны на статистических данных об освоении, заселении и застройке города.

Были выделены следующие этапы застройки и освоения территорий:

1. 1736–1861 гг.

а) военно-административная экспансия – первыми поселенцами были: государственные крестьяне с семьями из Шадринских земель, жители Далматова, Теченской слободы, семьи мастеровых (из разных демидовских заводов) – все были приняты в Оренбургское казачье войско;

б) сельскохозяйственное освоение окрестных территорий вокруг Челябинской и других крепостей – в результате отселения казаков «из города» в окрестности появляются хутора, села, деревни, фамильные выселки и заимки – Синеглазовы, Смолины, Першины, Шершневы, Полетаевы, Баландины, Бутаковы, Долгих – все они появились около 1747 г.

2. 1861–1918 гг.

а) отмена крепостного права в 1861 году провоцирует бум переселения (поиск новых земель, более удачных вложений капитала, новые служебные места, добыча золота). На тот момент Челябинск воспринимался как пересыльный пункт для каторжан или ссыльных;

б) после завершения строительства Сибирской железной дороги от Самары до Омска (через Уфу – Златоуст – Челябинск) возникает вокзал с сортировочной станцией и депо (1896) и переселенческий пункт (1897). Происходит разрастание привокзальной территории – переселенцы изменяют облик застройки вокруг вокзала. Вначале привокзальная зона застраивалась землянками и бараками, которые вскоре заменились капитальным жильём. Вокруг вокзала в многочисленных поселках селились железнодорожные рабочие, медицинский персонал, служащие, приказчики. С началом строительства завода сельскохозяйственного оборудования «Столь и К» (завод имени Колющенко) в этом районе стали селиться и рабочие. Так вокруг переселенческого пункта возникли поселки, получившие устойчивые названия – «Колупаевка», «Мухоморовка», «Грабиловка» и др.;

в) перенос «чайной» таможни в Челябинск (здание таможни построено в 1899 г.) – стимулирует торговую отрасль (появляется чаеразвесочная фабрика Кузнецова и пр.); рост благосостояния горожан повлиял на возникновение торговых домов троицких купцов – Валеева, Яушевых и др.;

г) с начала XX века отмечается повышение этажности – переход от 1-этажных зданий к 2–3-этажным из кирпича и камня (торговые дома); строительство высоких культовых зданий (ак-мечеть, костел, православные церкви), общественного назначения (народный дом, государственный банк, кинотеатр «Знамя», «Люкс»), небольшая электрическая станция, водонапорные башни, здание элеватора для зерна.

3. 1918–1956 гг. – индустриальный этап

а) строительство крупных объектов: часть корпусов городской клинической больницы № 1 (1925 г.); клуб ЧГРЭС (1927–1930 гг.); кинотеатр «Кировец» (1930–1933 гг.); ДК ЧТЗ (1930–1933 гг.); кинотеатр им. Пушкина (1937 г.); театр оперы и балета им. Глинки (1937–1941 гг.) кварталы жилых многоквартирных домов в 3–5 и 6–7 этажей. Первыми из них стали: жилой дом на улице Цвиллинга 34 (1936 г.) – 5 этажей; проспект Ленина 45 (1935 г.) – 5 этажей; проспект Ленина 62 (1935 г.) – 4 этажа; проспект Ленина 54 – 7-этажное жилое здание с центральным гастрономом (1938 г.), и в сторону ЧТЗ в районе Комсомольской площади;

б) строительство рабочих и плановых поселков, соцгородков: поселок ЧГРЭС; плановый поселок ЧЭМК; поселок Титанстрой; поселок Аэродромный; поселок цинкового завода; плановые поселки ЧТЗ: Нагорный (1936 г.), Плановый ЧТЗ, Охотничий, Калачовка, Малакуль, Озерный, Переездный; соцгород ЧТЗ и соцгород ЧМЗ (1930–1933 гг.);

в) строительство заводов: Челябинский электрометаллургический комбинат (ЧЭМК) – ферросплавный (1931), абразивный (1933), электродный заводы (1935); завод крупного машиностроения им. Орджоникидзе (1935);

г) перенос и строительство заводов в предвоенные и послевоенные годы на новых площадках, возникновение поселков при новых заводах: кузнечно-прессовый завод (1941–1942 гг.) и посёлок ЧКПЗ; трубопрокатный завод (1943); пуск производств Metallургического комбината по частям (1943) и поселок Челябпромстрой (1946–1948 гг.); поселок «Кировец» (1945–1948 гг.).

4. 1967–1990 гг. – экстенсивный этап характеризуется постоянным ростом территорий и этажности застройки:

а) застройка 5–9-этажными жилыми домами, общежитиями по типовым проектам (в 1975 году возведено 12-этажное здание общежития ЧТЗ) и общественными зданиями и сооружениями (Дворец спорта «Юность» – 1967 г., Драматический театр – 1973–1984 гг., Торговый центр – 1975 г., Цирк – 1979 г., бассейн «Строитель» – 1970 г. и др.);

б) появление садово-некоммерческих товариществ (СНТ) в черте города заполнило значительные участки на окраинах с 60-х годов XX в.

5. 1990–2012 гг. – проводится корректировка генерального плана 1967 г.

а) проводится сначала точечная застройка, а потом застройка больших площадок жилыми и общественными зданиями – от 10 этажей и выше (жилой комплекс «Святогор» (2008 г.) 24 и 25 этажа; ЖК Западный луч-1 25 этажей 2011 г.; БЦ ЧелябинскСити 22 этажа 2007 г.; Гранд Отель Видгоф 21 этаж 2011 г.; ЖК Александровский-3,-4,-16, 20 этажей 2010 г.);

б) появление целой сети поселков в качестве второго жилья («Соколиная гора», «Благодатово» и др.).

Таким образом, на основании выделенных этапов застройки и существующих планов и карт-схем для исследования были выбраны следующие временные периоды:

I-й этап – 1798–1799 гг.; II-й этап – 1913–1918 гг.; III-й этап – 1939–1942 гг.; IV-й этап – 1985–1986 гг.; V-й этап – 2008–2012 гг.

Первый раздел исследования основывается на анализе планов и карт-схем. Структурный анализ отражается в рассмотрении территориального роста и геометрического изменения конфигурации абрисов кварталов. Планы и карты-схемы города, принятые к рассмотрению, приведены к одному масштабу с наложением модульной сетки, где основание модуля 500 на 500 метров. Исходная точка масштабной сетки – пересечение улиц Коммуны и Кирова (Скобелева до 1920 г. и Уфимская – до 20 февраля 1920 г. Рабоче-Крестьянская, в 1934 г. переименована в честь С.М. Кирова).

Пространственный компонент структурного анализа выражается в численных зависимостях – рост города и площадей территорий, разделенных по функциональному назначению, отражен в процентном соотношении для каждого рассматриваемого этапа.

I-й этап – 1798–1799 гг.:

Общая площадь города: 211,0 га – 100 %

Территория кварталов: 26,04 га – 12,3 %

Площадь центральной части: 2,8 га – 1,3 %

II-й этап – 1913–1918 гг.:

Общая площадь города: 3557,2 га – 100 %

Территория кварталов: 384,64 га – 11 %

Территория кладбищ: 9,0

Промышленная территория и коммунально-складская: 36,16 га – 1 %

Площадь центральной части: 82,4 га – 2,3 %

Территория скверов, парков, садов отдыха, рекреации: 3,08 – 0,08 %

III-й этап – 1939–1942 гг.:

Общая площадь: 5235,04 га – 100 %

Жилая территория: 1232,2 га – 25 %

Рекреационная территория: 183,6 га – 4 %

Промышленная и коммунально-складская: 63,92 га – 1,3 %

Площадь центральной части: 173,04 га – 3,7 %

IV-й этап – 1985–1986 гг.:

Общая площадь: 47759,96 га – 100 %

Жилая территория: 5486,72 га – 11,5 %

Рекреационная территория: 3908,72 га – 8 %

Промышленная и коммунально-складская: 5901,6 га – 12 %

Площадь центральной части: 316,84 га – 0,7 %

V-й этап – 2008–2012 гг.:

Общая площадь: 50157,24 га – 100 %

Жилая территория: 8882,52 га – 18 %

Рекреационная территория: 4089,64 га + 1475,2 га = 5649,24 га – 11 %

Промышленная и коммунально-складская: 8335,44 га – 17 %

Площадь центральной части: 383,12 га – 0,8 %

Анализ численных результатов отражает зависимости между рассматриваемыми группами территорий.

Общая площадь города:

На втором этапе (1913–1918) город вырос в 17 раз в сравнении с предыдущим (1798–1799).

На третьем этапе (1939–1942) город вырос в 1,5 раза в сравнении с предыдущим (1913–1918).

На четвертом этапе (1985–1987) город вырос в 9 раз в сравнении с предыдущим (1939–1942).

На пятом этапе (2008–2011) город вырос в 1,05 раза в сравнении с предыдущим (1985–1987).

Территория центра города: в процентах от общей площади города:

II-й этап в сравнении с I-м этапом – увеличение в 1,8 раза.

III-й этап в сравнении со II-м этапом – увеличение в 1,6 раза.

IV-й этап в сравнении с III-м этапом – уменьшение в 0,2 раза.

V-й этап в сравнении с IV-м этапом – увеличение в 1,1 раза.

Жилая территория: в процентах от общей площади города:

II-й этап в сравнении с I-м этапом – уменьшение в 0,9 раза.

III-й этап в сравнении со II-м этапом – увеличение в 2,3 раза.

IV-й этап в сравнении с III-м этапом – уменьшение в 0,5 раза.

V-й этап в сравнении с IV-м этапом – увеличение в 1,6 раза.

Промышленная и коммунально-складская территория: в процентах от общей площади города:

II-й этап в сравнении с I-м этапом – территории не выделены.

III-й этап в сравнении со II-м этапом – увеличение в 1,3 раза.

IV-й этап в сравнении с III-м этапом – увеличение в 9,2 раза.

V-й этап в сравнении с IV-м этапом – увеличение в 1,4 раза.

Рекреационные территории: в процентах от общей площади города:

II-й этап в сравнении с I-м этапом – уменьшение в 0,07 раз.

III-й этап в сравнении со II-м этапом – увеличение в 25 раз.

IV-й этап в сравнении с III-м этапом – увеличение в 2 раза.

V-й этап в сравнении с IV-м этапом – увеличение в 1,4 раза.

Второй раздел исследования основывается на анализе объемного компонента – увеличение этажности массовой квартальной и микрорайонной застройки, точечной застройки. Приводятся обобщающие графики этажности с дифференциацией по функциональной принадлежности (промышленная и коммунально-складская застройка, частная застройка и прочее). Также составлены собирательные характерные силуэты застройки с профилем рельефа. Метод объемного моделирования наглядно представляет изменения этажности в городе на рассматриваемых временных этапах.

Результат анализа структурного и объемного компонентов отражает нелинейный характер развития застройки в городе Челябинске. Пиковые этапы застройки и обильного заселения приходятся на экстремальные исторические события: пуск Транссибирской железнодорожной магистрали, Первая Мировая Война, Великая Отечественная война, постоянная индустриализация. Исторические события являются отправной точкой и их последствия отражаются на притоке или оттоке населения, росте или застое строительства.

Основные циклы объемно-пространственного роста города:

1. конец XIX – начало XX вв. – одно- и двухэтажная жилая застройка и высотные доминанты: церкви, храмы, религиозные постройки;

2. 1930–50-е – кварталы в центре города застраиваются в 4 и 5 этажей, строятся плановые поселки и кварталы при заводах (одноэтажная застройка барачного типа);

3) период 1960–80 гг. – массовое строительство 5 и 9 этажной застройки и СНТ (садово-некоммерческих товариществ);

4) период 1990–2011 гг. – появление зданий выше 20 этажей (жилых и общественных), малоэтажная застройка – используется как второе жилье, строятся многочисленные пригородные поселки.

Застройка города как система показывает следующие зависимости:

– первое – жилищное строительство активизируется в течение 2–5 лет от отправной точки исторического события;

– второе – развитие социального и культурно-бытового обслуживания (детские сады, школы, магазины) отстает на 3–7 лет от отправной точки пикового события;

– третье – создание массовых мест досуга и освоение общественных пространств (в том числе, предусмотренных резервированием территорий) отстает на 10–15 лет от отправной точки исторического события.

[К содержанию](#)

УДК 711.417(470.55) + 712.3(470.55)

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОГО ЛАНДШАФТА МАЛЫХ ГОРОДОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В.И. Иванов, С.Н. Соколова

Малые города Южного Урала стагнируют и необходимо найти пути преодоления кризиса. Были рассмотрены такие факторы, как окружающий ландшафт, этажность застройки, планировка города в целом. В малых городах заключен архитектурно-художественный потенциал, который необходимо выявить и использовать для формирования благоустроенной среды проживания в XXI веке.

Ключевые слова: природные ландшафты, объемно-пространственное построение города, планировочная структура, монопрофильный город, город-завод, связность форм, компактность, доминанты, акценты, городской ландшафт.

В России важнейшей проблемой развития страны и приобретения устойчивого будущего, становится проблема развития малых городов. Тяжелым испытанием стало экономическое разрушение СССР. Особенно тяжело пришлось сельским поселениям и небольшим городам. В начале XXI века состояние малых монофункциональных городов характеризуется проявлениями кризисных явлений в градостроительстве и экономике.

Большое значение приобретает осмысление увязанности планировки и объемно-пространственного построения с природным ландшафтом для достижения современного уровня проживания в малых городах, сравнимых с малыми западноевропейскими городами.

В сопоставлении малых городов Европы и России, в частности Южного Урала, можно заметить низкий уровень развитости градостроительной среды российских городов. Малая изученность формирования городов Челябинской области в градостроительном плане повышает актуальность данного исследования.

Объектом исследования являются планировки монопрофильных городов областного подчинения (на примере Челябинской области).

Предметом исследования является городской ландшафт, в который входят такие компоненты, как окружающий рельеф, зеленые массивы, водные поверхности и застройка.

Цель исследования – выявление планировочного и объемно-пространственного архитектурного потенциала городской среды.

Гипотеза исследования предполагает, что одной из причин деградации малых городов является слабая распространенность нового представления

городского пространства, как художественного потенциала для создания новой гармоничной среды проживания в XXI веке.

С появлением металлургической промышленности на Урале появился новый тип поселения – город-завод. Как указывает Р.М. Лотарева, города-заводы – это условное распространенное название, отражающее функциональный характер образования промышленных поселений на основе отдельных заводов. Города-заводы Челябинской области имеют компактную форму с центральным размещением промышленности, что обеспечивало хорошую доступность от мест проживания.

Архитектурно-художественный облик поселений-заводов определяли функциональные комплексы – производство с заводскими прудами и плотинами; и компоненты природного ландшафта – реки, горы и зеленые массивы. Объемно-пространственная структура городов-заводов Урала определялась несколькими доминантами: одна из них традиционная – церковь, другая – заводские сооружения – цеха, домны и др. Церковь ставилась на выдающемся холме, но не на самой вершине. Примечательно, что в городах-заводах Челябинской области они располагались вблизи от заводов (Куса, Миньяр, Сим).

Завод являлся оптическим центром города, что подчеркивается его планировкой.

Ориентация основных улиц акцентирует доминирующую роль предприятия. Все основные здания города ориентированы на проходные предприятия. Общественные центры, включавшие административные, культурные, торговые здания и дом управляющего заводом или заводладельца, находились на предзаводских площадях или недалеко от проходной завода.

Вторыми по своему акцентирующему свойству являются жилые кварталы центральной части города, которые были построены в 30–70 гг. XX века. Пяти-семиэтажная застройка этих комплексов резко выделяется на фоне одно-двухэтажных домов дореволюционного периода строительства (Златоуст, Сим). Таким образом, мы видим активное влияние производственных сооружений на формирования городского ландшафта.

На первый взгляд город-завод тесно связан с природой, окружающим ландшафтом. Он всегда возникает у реки, которая играет структурообразующую роль для него, в непосредственной близости от гор. Сами по себе река и гора – достаточно значимые природные объекты. Они определяли образ жизни человека. Однако тот способ, каким эти природные объекты вовлекаются в пространство города и осваиваются им, свидетельствует об обратном. Перед нами яркий пример подчинения природы планировке. Река, безусловно, определяет структуру города, но сама она оказывается перегороджена плотиной, и ее пруд становится не столько объектом природного ландшафта, сколько объектом искусственной среды города и завода. Возникает вопрос, как влияет природный ландшафт на формирование городского, и на сколько ландшафт искусственной среды увязан с природ-

ным окружением? Возникает ли город как пространство, конструирующее собственные законы и подавляющее природные ритмы, утверждающее свою автономность от них, либо природный ландшафт диктует планировочное и объемно-пространственное построение искусственной среды?

Методика исследования городов строится на последовательном изучении компонентов искусственной среды: рельефа, речных долин, застройки – рассматривается планировка, высотность.

Коэффициент компактности формы (Кк), который отражает стремление формы плана к наиболее «сжатой». Выражается отношением площади фигуры, очерченной границей застройки, к площади круга, описанного вокруг данной фигуры. Коэффициент стремится к единице: чем ближе к ней, тем форма плана города более компактна (по А.М. Базилевичу).

Коэффициент сплошности формы (Кс), который характеризует отсутствие «дырок» на застроенной территории. Он выражается отношением площади застроенной территории к площади фигуры, очерченной границей застройки. Коэффициент изменяется от единицы до нуля: чем выше его значение, тем больше сплошность формы.

Коэффициент связности формы (Ксв), характеризующий степень связности планировочной структуры. Он выражается отношением числа осуществленных через расщепление связей к их возможному числу. Коэффициент связности формы изменяется от нуля до единицы: чем ближе к ней – тем выше связность планировочной структуры (рис. 1).

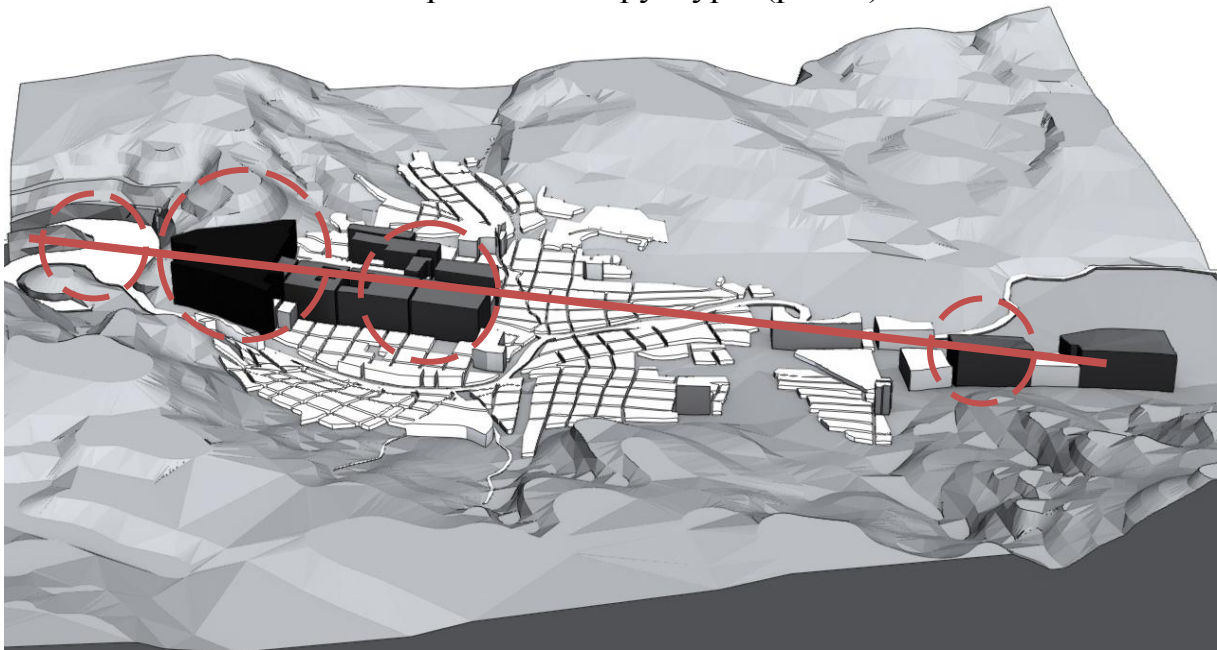

Рис. 1. Город Сим

Город Сим расположен в 27 км от районного центра Аша, в 290 км от Челябинска на западе области. Сим расположен на равнинных участках в долине реки, окруженных со всех сторон развитым холмистым рельефом.

Визуально Сим напоминает «город в чаше». В настоящее время историческое ядро города представляет собой достаточно компактную территорию. За историческим центром закреплена в основном административная и производственная функции. В пределах центра города также расположены и главные культовые сооружения. Планировочный облик города складывается на основе сочетания регулярной решетчатой планировки и местами веерной, продиктованной осью реки. Подавляющее большинство домов деревянные, имеют крытые дворы, объединяющие хозяйственные постройки. Ландшафтная ситуация города складывается из нескольких составляющих: а) относительно плоский равнинный рельеф территории города и высокая гряда окружающих гор; б) пруд и река Сим являются активными элементами естественно-природного ландшафта в структуре города и определяют своеобразие городского облика; в) наблюдается сочетание регулярной решетчатой и веерной планировок; г) церковь акцентирует место социальной активности. Извилистая река Сим, разделяет город на две части, связи этих территорий осуществляются двумя автомобильными и одним пешеходным мостами. Улицы и общественный центр тяготеют к предзаводской площади. По мере приближения к центру этажность растет. Предзаводская площадь имеет функцию главной площади города, которую формируют здания проходной завода, администрации города, пожарной части и церкви.

Главной высотной доминантой города в настоящее время являются заводские трубы, второстепенной доминантой в противоположном конце города можно считать здание городской больницы. Архитектурные доминанты и акценты – пруд, заводская территория, административный центр и городская больница образуют цельную ось.

Коридоры видимости, образованные улицами и поймой реки, проходят через город преимущественно в меридиональном направлении. Круговые панорамные точки восприятия расположены на возвышенностях по границе города.

Направление восприятия от границ к центру продиктовано холмистым рельефом по окраинам города и понижением рельефа к центру. Вся территорию города можно назвать бассейном видимости. Таким образом, характер визуального восприятия обусловлен природным ландшафтом (рис. 2).

Город Куса находится в месте слияния рек Куса и Ай, в 180 км от Челябинска. Исторический центр города в настоящее время представляет собой компактную территорию, расположенную на возвышенности. Он включает в себя производственную, административную и жилую функции. Жилые улицы формируют преимущественно деревянные одноэтажные дома с дворовым хозяйством и огородами.

Куса, в противоположность Симу, располагается на возвышенности и напоминает «остров». Рельеф местности холмистый, активно поднимающийся от самой реки, распространены приподнятые террасовидные равнины.

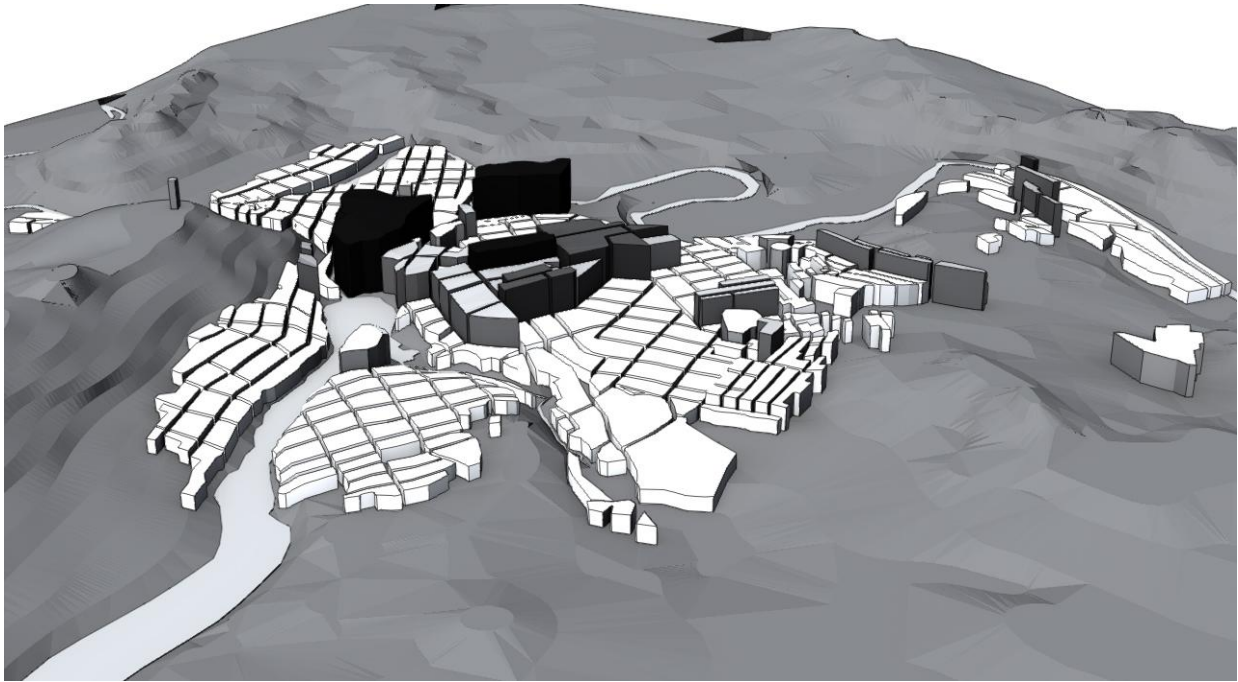

Рис. 2. План г. Куса

Извилистая мелкая с заболоченными участками река Ай, маркирующая западную границу города, отсекает небольшую жилую территорию на юге. Река Куса с прудом разделяет город на 2 района. На стрелке пруда, в месте слияния рек Куса и Сарайка, располагается спортивный стадион. Таким образом, городская территория расчленена реками на 4 части, связность которых осуществляется посредством 10 мостов.

На двух равнинных участках планировочная структура прямоугольно-решетчатая.

Центральная часть города имеет радиальную структуру. По мере приближения к центру этажность растет. В застройке города доминируют объемы заводских сооружений. Из них выделяется сооружение в центре города с высокими трубами, на которые ориентированы основные улицы.

Второе место по высотности занимают кварталы с пятиэтажной жилой застройкой в центральной части города, построенные в советское время.

Церковь расположена на возвышенности на противоположном берегу реки Куса от территории завода. Главную городскую площадь в настоящее время формируют жилые здания, Дворец культуры и производственные корпуса.

Главными высотными доминантами в городе являются заводские сооружения. Второстепенные доминанты и планировочные акценты образуют несколько композиционных осей: а) районная больница – водонапорная башня – городской рынок – церковь; б) церковь – завод – пруд – стадион; в) завод – кинотеатр – завод.

Направление коридоров видимости север-юг, что обусловлено меридиональными вытянутыми хребтами и лощинами. Круговые панорамные точки восприятия расположены на возвышенностях по границе города, а также в центре города. Направление восприятия от границ к центру продиктовано холмистым рельефом по окраинам города, а направление восприятия от центра к границам продиктовано расположением центральной части на возвышенности.

В качестве выводов необходимо отметить, что на формирование планировки влияют несколько компонентов – речные поймы, характерный рельеф уральских хребтов и долин. Зеленые массивы существенного влияния на планировку не оказывают. В состав городского ландшафта входят искусственные доминанты – производственные сооружения – домны, цехи, трубы; культовые и общественные здания, массивы многоэтажной застройки.

Представление о городском ландшафте формируется также за счет визуального каркаса – коридоров и панорам видимости, образуемых улицами и окружающими природными возвышенностями, а также вертикальными доминантами, замыкающими различные перспективы. Малые города Южного Урала обладают значительным природным, планировочным и объемно-пространственным потенциалом, который необходимо использовать в формировании новых художественных концепций.

[К содержанию](#)

УДК 72.04

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПЛОСКОСТНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ

В.И. Иванов

Основой архитектурных решений является анализ ситуации. Существуют много различных методик анализа, которые необходимо освоить учащемуся по творческим специальностям. Приводятся отличия творческого обучения от инженерного. Рассмотрены аспекты методик архитектурного анализа различных объектов проектирования.

Ключевые слова: архитектурный анализ, методика обучения, архитектурный объект проектирования, эргономика, художественная гармония, объемно-пространственная композиция.

В архитектурном обучении студенты часто не могут проанализировать памятник архитектуры и уяснить его художественные достоинства. Этот факт сказывается в дальнейшем при проектировании сооружений в исторической или уже сложившейся городской среде. Неумение вписаться

в сложившуюся застройку характерно не только студентам архитектурных школ России. Подобное встречается также и в западных архитектурных школах. Интуитивно каждый проектировщик чувствует появляющуюся дисгармонию или несоответствие нового или проектируемого объекта, но объяснить этот парадокс не может. В качестве компенсации своих архитектурно-художественных недоработок и в качестве защиты своего проекта выдвигается позиция авторской самобытности и нарочитого отрицания окружающей застройки.

Архитектурная культура формируется в каждом архитекторе очень продолжительное время. Как утверждают многие практикующие архитекторы, а также, виднейшие мастера и теоретики – только после того как архитектору минует сорок (40!) лет, он становится полноценным творцом. По наследству этот опыт не передается. Творческое видение передается чаще даже в параллельных художественных направлениях: киноведении, театральные изысканиях, филологии и пр. Получается, что с 22–23 лет и до 40, то есть около 17–20 лет с момента окончания архитектурного обучения происходит «полное творческое созревание». Срок, в наше время, весьма значительный. Этому феномену могут быть два объяснения. Первое – какие-либо существенные методологические упущения при профессиональном обучении. К этому можно отнести сокращение времени на освоение дисциплин – рисунка, живописи, расчетов по конструкциям, истории пространственных искусств, снижение требований по вступительным испытаниям и пр. Тогда, как объяснить американскую учебу, длящуюся десять лет и более. Возможность «прихода» в архитектуру случайных студентов, проучившихся совсем по другим специальностям. В некоторых колледжах вообще отсутствует понятие художественного воспитания или обучения, когда учащийся, может быть из медицины или филологии (студенту нравится слово архитектура или дизайн), вдруг решается изучить подробнее художественную культуру «западно-европейского взросления». Или финскую систему обучения, когда требуется уже на вступительных экзаменах на архитектурную специальность в вуз показать уровень хороших профессиональных навыков выпускника художественного и инженерного колледжа. Второе объяснение – биологическое. Именно в этом возрасте завершается становление психологии личности, когда утверждаются окончательно многие жизненные и, возможно, художественные приоритеты. Этот процесс трудно уложить в рамки формального пакета знаний, которые только нужно запомнить, сдать завершающий экзамен и потом забыть. По опыту становления многих успешных художников и архитекторов наблюдается именно многолетнее формирование и достижение вершин после сорока лет жизни.

Поиск своего творческого кредо длится до какого-то момента, когда становится ясно, что надо остановиться и «выдавать результаты» в сло-

жившихся рамках, в том ключе, который кажется наиболее востребованным обществом. В большой мере на формирование архитектора влияет среда становления – семья, привитые культурные ценности, художественное и музыкальное дополнительное образование. В результате личность приобретает чувство гармоничности, свойства которого мало укладываются в строгую систематику. Учебный процесс обучения архитектуре, к сожалению, уподобляется обучению инженеров. Это плохо. Принципиальное различие заключается в исходных позициях к будущей профессии. В архитектурном обучении на первом месте стоит стремление к творческой самобытности на основе не опыта, а эмоциональных художественных представлений. В ходе творческих упражнений на предложенные темы в обучении добавляются знания инженерного и нормативного характера, которые позволяют более обоснованно на основе образов создавать архитектурные формы и пространства. Основным мерилom в архитектурном творчестве во все времена являлся человек, его пропорции, анатомия, рост, поведение в пространстве сооружений и улиц. А это все из обучения выхолащивается. Простейший пример – часто скамейки на улицах вкапываются на высоту от земли 45–50 см, а это неудобно. Человеку необходима высота сидения не более 42 см. Или же, устраивают ступени лестниц высотой более 16,5 см – люди спотыкаются. Потому что удобная высота ступени не должна быть больше 15 см. Причиной является незнание анатомии человека и эргономических требований. В обучении инженеров на первое место ставится решение стандартных задач на основе расчетных параметров и технологических требований. Очень много времени уделяется освоению формальных требований к принятым решениям. Они все должны подкрепляться проверочными расчетами. На одном из первых мест у инженеров стоит экономический критерий. Учет антропометрических особенностей человека относится к малозначительным факторам. Практически не остается времени для творческих инженерных решений. Иными словами – для инженерных специальностей нормативы и руководства являются непререкаемыми, а у архитекторов они являются ограничениями, которые в проектном решении необходимо учитывать. В качестве одного из путей совершенствования архитектурного профессионализма представляется правомерным увеличение числа упражнений по отработке архитектурно-художественного анализа различных художественных объектов и не только архитектурных сооружений, но и произведений живописи, графики и скульптуры. Во время анализа «чужих» произведений также происходит индивидуальное обучение. Познание происходит путем ручного копирования, в процессе которого появляется образный синтез знаний объекта архитектурно-композиционного анализа.

Сущность архитектурной работы заключается в передаче объемного изображения на плоском листе бумаги. Одновременно с этим имеется и

обратный процесс – чтение объемной информации с плоского изображения. Эта парадигма задается на творческих специальностях еще до момента поступления с приемных экзаменов, когда на рисунке необходимо графическим способом передать именно гипсовое изображение античной головы, а не, например, чугунное.

В ходе обучения у студентов вырабатывается привычка видеть за условным архитектурным изображением всю гамму процессов, которые будут происходить в запроектированной среде любого объекта. В планировке населенных мест и их элементов (жилых районов и микрорайонов, общественных центров, крупных торгово-развлекательных комплексах и пр.) рассматриваются: удобство структуры транспортного и пешеходного движения; система озеленения в увязке с различными категориями рекреации населения; в объемно-пространственном построении комплексов – увязанность ансамблей общественных зданий и прилегающих пространств, их архитектурный стиль и масштабность к человеку.

Отдельные обслуживающие структуры рассматриваются не только с точки зрения функционального содержания, но и точки зрения гармонических отношений. Все это учащиеся должны прочувствовать и отразить на отдельных поясняющих схемах. Художественные качества будущей среды отражаются на композиционных схемах в виде осей и узлов. Таким образом, на плоском изображении – чертежах планов, фасадов, разрезов передается информация не только нормативного характера, но также качественное содержание задуманного. Существенной особенностью архитектурного обучения является формирование любого архитектурного или планировочного объекта в соответствии с требованиями соразмерности к человеческому телу или группе людей.

Разными архитектурными школами предлагаются различные методики обучения архитектурного анализа. Зачастую обучение архитектурному анализу ведется опосредованно, через упражнения по композиции, по курсу живописи, как домашние задания по архитектурному проектированию и по другим смежным дисциплинам. В учебный план была введена отдельная дисциплина – «Архитектурно-композиционный анализ гражданских и промышленных объектов». Более актуальным является выявление ансамбля улицы – художественных особенностей пространства общего пользования.

Особый интерес у студентов вызывает освоение методики факторного анализа, который проводится на примере собственного дворового пространства. Существенной чертой этого упражнения (в виде расчетно-графической работы) является преодоление бытового уровня видения среды проживания, как житель, и переход к профессиональной оценке социальных, инженерных и художественных факторов, формирующих первичную объемно-планировочную единицу – двор. Наиболее сложным для студентов является представление городского ландшафта. Это новая идеология, о которой специализированная литература указывает размыто.

Между тем бурный рост этажности городской застройки и увеличение физических объемов общественных комплексов заставляет пересмотреть отношение к объемно-пространственному построению города. Неизменным остается ландшафт – рельеф, водные поверхности, размер деревьев. А застройка неуклонно, циклически тянется вверх.

Рост этажности, по-видимому, не прекратится на протяжении всего XXI века. В южно-уральской архитектурной школе вопросам архитектурного анализа всегда уделялось много внимания. С переходом на региональную программу архитектурного образования, появилась возможность системно и последовательно проводить идею бережного отношения к уже построенному городу, к сложившейся среде. Формируется отношение объективного и профессионально доброжелательного подхода к возникающей реконструкции городской и исторической среды.

Архитектурный анализ, как дисциплина, позволяет не только убедительно представлять графическую интерпретацию объекта, но также приучить студента к составлению текстов аннотаций. Этот навык в последующем положительно сказывается на составлении пояснительной записки к дипломному проекту, публичным выступлениям и свободному владению речью на профессиональных совещаниях и градостроительных советах.

[К содержанию](#)

УДК 711.42

РАЗЛИЧИЕ МЕНТАЛИТЕТОВ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

В.И. Иванов, Е.А. Жаринова

Рассмотрены аспекты различий между Россией и Западной Европой в архитектуре и градостроительстве на основе исторически сформировавшихся представлений о проживании в городе. В основе лежит разное мировоззрение, которое не позволяет адекватно соотносить нормы проживания, отношение к строительству вообще и планировке населенных мест.

Ключевые слова: градостроительство, менталитет, кварталы, транспортная структура, малоэтажная застройка, климат, строительные конструкции, общественные и уличные пространства, панорамы восприятия, акценты, композиция.

В русском и западно-европейском градостроительстве есть существенные различия. В первую очередь это касается представления о городе, как таковом. Корни различных отношений были заложены, возможно, более тысячи лет назад. От условно исходной точки – приблизительно в десятом веке нашей эры.

В данной статье рассматриваются следующие аспекты: строительнотехнологическое наследие, использованные ресурсы территорий, развитие ремесленных производств, формирование городского самоуправления, отношение к экологии места проживания.

В Западной Европе – в большом количестве имелись остатки римских военных лагерей на уже сформированной сети дорог и судоходных каналов. В планировочном отношении, была уже задана размерность кварталов, которую задавали города, сохранившиеся и развившиеся после развала Римской империи. Образцы каменного и деревянного строительства предыдущей цивилизации были «перед глазами». В Европе относительно быстро происходит дифференциация ремесленных производств по местам добычи ресурсов. Развитие торговых отношений между государствами приводит к территориальной кооперации, в зависимости от имеющихся территориальных ресурсов. В формируемых городах, наряду с формированием цеховых объединений, развивается общественное движение самоуправления.

В Восточной Европе – на территории киевского княжества вместе с крещением «получают» готовые «градостроительные нормативы» – византийский «Кодекс градский», переведенный с болгарского. При этом огромная территория Древней Руси сопоставима со всеми государствами Западной Европы. Количество населенных мест, конечно, меньше, но даже деревни, по европейским представлениям, кажутся городами. Однако вокруг каждого города имеется достаточно развитая «структура снабжения» в виде окружающих поселений. Каждый город автономен, обеспечен питанием, строительными материалами, людскими ресурсами, ремесленниками. Нет необходимости специализировать территории, так как централизованное государство всегда состояло из отдельных княжеств, потом воеводств и т.д.

Западно-европейцы за тысячу лет привыкли жить в затесненных условиях средневекового города. Застройка западно-европейских городов представляла многоэтажные дома. Выделялись здания общественного назначения по высотности и массивности. В средние века вошло нормирование или ограничение по высотности и это сохранилось до настоящего времени. Общественные пространства – площади, бульвары, рынки были привязаны к местам транзитного движения и точкам скопления населения. Еще более глобальным отличием является появление ремесленных специализаций в городах Западной Европы, которая началась с экономическим оживлением XII–XIII веков.

В Восточной Европе славянские города изначально имели большие размеры. Возможно, на это влияли деревянные строительные технологии. Приемы строительства из древесины достигли высокого совершенства. Для разных сооружений использовались технические свойства разных по-

род деревьев. В частности, дерево-земляные укрепления из мореного дуба и лиственницы возводить было менее трудоемко, чем каменные. В промышленном зодчестве различные деревянные конструкции имели и большие пролеты и сочетались с металлическими элементами. Для использования энергии воды использовалась осина, как порода, противостоящая влаге. В жилище традиция использования древесины продолжается до настоящего времени, даже в многоэтажном строительстве, как самый экологически безвредный материал.

Русское государство как единая территория сформировалось намного раньше, чем государства Западной Европы. Устойчивая территория определила стереотипные правила в строительстве, да и в самом укладе проживания. Именно дерево удовлетворяло и климатическим условиям и скорости строительства. Но деревянные сооружения возгорались намного чаще, чем каменные. В то же время отстроить их заново было легче. Известно, что Москва выгорала до XIX века каждые 19 лет. Однако главные крепости в России издревле были каменными и кирпичными. С древнейших времен на Руси создавались оборонительные линии – засечные черты, исчисляемые сотнями и тысячами километров. И этот опыт породил звездчатую систему защиты обширных территорий. С конца XIV века меняется система обороны городов в связи с распространением огнестрельного оружия. Но старая система формирования опорных пунктов обороны полностью себя оправдывает и позволяет развить удаленные монастырские крепости до относительно крупных населенных мест. Они, в свою очередь, объединяют целую сеть окружающих деревень и новых поселений.

Объемно-пространственное построение русских городов ориентировалось на создание, в первую очередь, панорам восприятия, а не перспектив. Объемные акценты городов на возвышенностях и бровках рельефа выделялись цветом, формой и пластикой – виделись за многие километры и создавали изначально позитивное настроение. Общественные пространства, чаще всего, не ограничивались стенами зданий, а формировались на основе зрительной связи между различными постройками центра города за счет акцентов – церквей, колоколен, стен и ворот монастырей. Обилие зелени, а зимой снег – объединяли общую картину. Острой необходимости строить многоэтажные здания не было, т.к. принцип усадебной застройки содержал значительный территориальный резерв. Рост самих городов также не ограничивался, так как в территорию города официально входили обширные пахотные и сенокосные угодья в окрестностях.

Озеленение в Западной Европе появилось только в XVII веке. До этого количество деревьев в городе можно считать единичным явлением. Все русские города были зелеными из-за усадебного типа городской застройки и наличием близлежащих лесных массивов. Отношение к лесам всегда было бережное, так, с петровской эпохи и до настоящего времени сохраняют-

ся дубовые леса под Воронежем, как резерв ценной древесины для строительства парусных кораблей. С начала XX века в России процесс строительства городов неразрывно связан с озеленением, искусственными посадками, равномерным размещением и озеленением мест периодического отдыха. С этого же времени узаконена плановая посадка зеленых массивов на местах вырубок и формирование лесных массивов вокруг каждого города. Эта работа начинает приносить свои результаты только к середине XXI века. В целом, гигантские лесные массивы России уже сейчас рассматриваются как источник кислорода для всего северного полушария.

Западная Европа имеет леса преимущественно в горных районах, все остальные территории исторически используются для промышленного сельскохозяйственного производства. Немногочисленные лесные массивы традиционно тщательно контролируются. Антропогенная нагрузка на эти массивы очень значительна. В качестве примера можно привести пример Англии, где имеется единственный лесной массив, в котором растет небольшая колония съедобных грибов. Этот частный лес пользуется особым вниманием рестораторов. В западно-европейских лесах наблюдается также нарушение биоценозного равновесия, когда отсутствует вершина пищевой цепочки в виде хищников.

Климат Западной Европы значительно мягче, что напрямую отразилось в строительстве. Толщина стен обуславливается только конструктивной прочностью и шумозащитными критериями. В большинстве случаев ставится однослойное остекление. Вопросы теплоснабжения перешли в плоскость экономии тепла и энергосбережения. Так, средний перепад зимних температур в Европе составляет около 16–20 градусов, а в России он составляет 39–60 градусов и больше. Традиционная тщательность учета энергетических затрат предопределил прогрессивное развитие их экономии эксплуатационных затрат.

Климатические различия также наложили отпечаток в различии менталитетов населения. На территории России с резко континентальным климатом у населения зима связана со снегом и морозами, длящимися около полугода. Эти представления полностью отражаются на технологиях строительства – массивные стены, двойное и тройное остекление, наличие зоны вечной мерзлоты на значительной территории. Морозное время и сейчас традиционно используется для устройства грузовых автомобильных трасс по рекам Дальнего Севера. Суровые условия проживания накладывают соответствующие отношения между людьми и сформировавшимися сообществами, которые зачастую непонятны европейцам.

Одним из главных отличий является централизованное строительство городов на Руси, начавшееся с середины XIV на средства государства. Это сильно повлияло на институт управления городами. И до настоящего времени у многих руководящих работников муниципалитетов не укладывается

ся законодательное разрешение на самостоятельность в принятии решений. Отсутствие навыков саморегулирования связано с многовековым централизованным управлением городами и отсутствием наработанных механизмов участия населения в жизнедеятельности городов. В то время как самостоятельность управления западно-европейских городов была узаконена еще в XIV веке. В Швейцарии, например, любое значительное решение обязательно публикуется и определяется референдумом населения.

Развитие городских сообществ имеет значительную разницу в истории их формирований. Теснота европейского проживания породила тщательное регулирование взаимоотношений горожан уже в раннем средневековье. Очень большую роль сыграл институт городского магистрата. Правовые и гражданские правила вырабатывались сотни лет и к настоящему времени неоспоримо свидетельствуют об их развитости. Городские пространства и отношение к ним в европейском и русском градостроительстве также имеют различия. Формирование площадей в западно-европейских городах происходило осознанно. Основой являлась необходимость выполнять в городах те или иные функции – торговля, самоуправление, религиозные обряды. В России общественные площади редко имели конкретную форму и являлись полифункциональными. Только в XVIII веке главные улицы и площади стали формировать как общественные пространства, которые объединяли вокруг себя не только жилую, но и промышленную застройку.

Размеры квартальных территорий имеют значительные различия из-за начальных установок. В Западной Европе кварталы большей частью складывались стихийно и имели небольшие размеры, а улицы выполняли сразу несколько функций, и их ширина от дома до дома исходила из минимально необходимых размеров для проезда. Размеры кварталов частично задавались исчезнувшими планировками римских военных лагерей. В России ширина всех улиц была продиктована противопожарными разрывами. Проезжая часть занимала небольшую часть поперечного сечения. Таким образом, оставалось место для роста деревьев, пешеходных путей и частичного складирования каких-либо материалов, например срубы для зданий. Улицы были светлыми и просторными. Кварталы в среднем имели ширину около 130 метров. Рост жилых территорий в российских городах измеряется микрорайонами с размерами до 500–600 метров. Современные нормативы самых узких проулков мало соответствуют реалиям российской жизни. Улочки, как правило, грязные и не ухоженные. Объяснением может служить низкий уровень культуры проживания, опыт которого сравнительно незначителен.

В настоящее время в российских городах, нормативно, в пространство улиц закладывается резерв развития. И, как показывает опыт, расширение проезжих частей улиц и магистралей, проводимое в начале XXI века, ис-

пользовало ресурсы, заложенные в 30-е годы XX столетия. В некоторых случаях хватило места на устройство многоуровневых автомобильных развязок в структуре сложившейся застройки. В городах Западной Европы подобные проблемы решаются за счет уменьшения скоростей, или перехода на альтернативные виды транспорта. Но и новые жилые районы старых городов, в какой-то мере, отмечены скромностью перспективного видения – приоритетным является пешеход и велосипед. Общественный транспорт повсеместно развит и составляет удобную структуру обслуживания. Самые большие проблемы возникают из-за личного транспорта. Граждан Европы приучают: к использованию автомобиля вне населенного места, исключить трудовые поездки, использовать личный транспорт для эпизодического использования, к чувству ущербности авто в городе.

В транспортном отношении опыт строительства крупных развязок в США показывает значительный дискомфорт жителей от соседства подобных сооружений. Кроме того, все равно возникают регулярные транспортные пробки, даже при устройстве множества полос движения. «Установка» иметь каждому автомобиль не поддержана планированием удобной транспортной инфраструктуры. Упрощенная дифференциация магистралей породила массу проблем, связанных с представлениями о проживании в городах.

Во многих городах Западной Европы изменен подход к приоритетам транспортной системы. На первом месте стоит пешеход и велосипедист. Общественный транспорт многообразен и дифференцирован. Частный и грузовой транспорт рассматриваются в последнюю очередь. Одним из преимуществ является наличие частных транспортных путей и скоростных железных дорог между городами и странами Западной Европы.

Американский менталитет в планировке изначально сложился при деятельности землемеров. Роль градостроителя или архитектора была минимизирована и сводилась к проектированию, в основном, отдельных зданий. Большое влияние на планировку США оказывало развитие рельсового и автомобильного транспорта. Простейшая, прямоугольно-решетчатая система мелкочлененных кварталов стала настолько привычной, что иные планировочные решения для Америки кажутся неестественными. Это так же поддерживается историческими планировками испанских и португальских поселений, которые формировались на американском континенте со времен Колумба и до конца XVIII века. Мелкочлененная планировка удобна для частного владения и строительства. Однако она не позволяет возводить крупные жилые и общественные комплексы в сформировавшейся ткани застройки. Для американцев очень привычно выделение многоэтажного центра города – Сити, в сравнении с малоэтажной окружающей застройкой. Очень многие районы США подвержены землетрясениям. Поэтому массовая застройка преимущественно состоит из малоэтажных каркасных деревянных конструкций, которую несложно восстановить после очередного природного катаклизма.

Различие взглядов на среду проживания необходимо учитывать в требованиях к народам различных государств, в проектировании и управлении городами. Становление местного самоуправления для российских городов – это процесс, растянутый во времени. Многовековая жесткая централизация не может исчезнуть в менталитете населения и необходимо несколько смен поколений горожан, чтобы преодолеть стереотипы безответственности проживания.

[К содержанию](#)

УДК 711.03 + 725.1.03

КОМПОЗИЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА. МЕТОДИКА АНАЛИЗА

В.И. Иванов

Композиция планировки города основана на системе ансамблей. Ансамбли образуют увязанный композиционный каркас, который отличается от сетки улиц. Композиция города, в сумме, представлена многоуровневую структуру. На каждый уровень структуры влияют различные внешние и внутренние факторы. Методика позволяет выявить и оперировать композиционной структурой города в процессе анализа, проектирования, реконструкции.

Ключевые слова: композиция планировки города, исторический город, композиционно-планировочная структура, генерализованный композиционный каркас, композиционный узел, композиционно-планировочная ось, архитектурный ансамбль, обучение студентов.

Под композицией планировки исторического города мы понимаем систему ансамблей – планировочных и объемно-пространственных, которые увязаны между собой в иерархическом подчинении, на плане и визуально, во взаимодействии с окружающим ландшафтом по художественным законам. Выявление композиции планировки города является основополагающей методикой обучения для студентов. Появляются объективные знания о формировании связной композиции за длительный период эволюции планировки города. Анализируя исторический город, студент познает архитектурный и градостроительный опыт древних мастеров, без участия преподавателя. В основном это графический анализ, который состоит из нескольких последовательных чертежей. Все упражнение выполняется вручную на кальках. План исторического города желательно иметь

с точностью до дома. Это связано с выявлением сложившихся уличных пространств и каждого отдельного ансамблевого образования.

Композиционный каркас, формирующийся на плане из городских ансамблей, в скрытом виде, учитывает особенности человеческого восприятия. Зритель может и не иметь планировочной ориентации. Однако, в реальности, взаимосвязь между градостроительными акцентами или доминантами улавливается достаточно просто. В сознании зрителя пространственная связь устанавливается на знаковом уровне. Объединение удаленных архитектурных объектов происходит на основе характерных силуэтов, каких-либо архитектурных деталей, стиля, цвета, фактуры, пластики и т.д. С другой стороны человеческий глаз, а точнее мозг, способен улавливать, интегрировать, обобщать и восстанавливать недостающие фрагменты панорам, линии связей, характерные планы сооружений (архитектурные цитаты) и т.п.

Композиционный каркас – понятие условное. В некоторых случаях это взаимосвязанная система ансамблей. Когда часть ансамблей «смотрит» (у ансамблей имеется лицевой фасад и тыльный, следовательно – улавливается векторность композиционного направления) на другие ансамблевые образования, возникает иерархическая соподчиненность и это проявляется в построении каркаса. В других случаях – это взаимосвязь ансамблей и городских пространств. Взаимосвязь ансамблей и городских пространств улиц и площадей улавливается не только визуально, но и на плане, например, «связка» – массив архитектурного сооружения и прилегающее к нему пространство, или завершенная перспектива улицы. В третьем случае – это взаимосвязь ансамблей или целого комплекса с окружающими природными доминантами – высотными или планиметрическими. Подобные связи можно передать только графически. Компьютерное представление пространств, даже в режиме мультимедиа, не передает целостного гармонического вида. Всегда существует опасение какого-то «компьютерного подвоха», который заключен в «слишком» идеализированной виртуальной архитектурной среде.

Построение композиционно-планировочного каркаса исторического города проводится в следующем порядке:

- 1) выявляются уличные (общественные) пространства;
- 2) выявляются ансамбли и ансамблевые образования;
- 3) вычерчивается сплошная композиционная сетка;
- 4) составляется генерализованный композиционно-планировочный каркас.

Уличные пространства должны показываться от границ зданий и сооружений, а не от одной красной линии до другой. В этом случае выделяются реальные пространства с расширениями и сужениями, неповторимой пульсацией домов, площадей и скверов, оформления пойменных территорий. В упражнении рекомендуется залить или заштриховать все уличные

пространства. Обширные парки, акватории в центрах городов, прибрежные зоны также являются частями городских пространств и их чаще всего покрывают относительно прозрачной штриховкой.

На анализируемом плане выделяются ансамбли сооружений от самых маленьких до крупнейших. Например, церковь в плане, даже небольшая по размеру, может иметь две перпендикулярные композиционные оси. Форма крепости также может представлять ансамбль и иметь несколько композиционных осей. Все симметричные в плане объекты и фрагменты общественных зданий имеют композиционно-планировочную ось. В асимметричных ансамблях композиционной является ось равновесия, которая на плане показана крыльцом, порталом входа, рисунком благоустройства. Каждый ансамбль на чертеже необходимо выделить окружностью и указать ориентацию композиционных осей. В исторических городах нередко выстраиваются на одной оси целые цепочки ансамблей. Многие ансамбли ориентируются друг на друга и образуют иерархическую систему.

Составление сплошной композиционной сетки представляет собой этап, который можно считать промежуточным. Здесь выявляются все образующиеся композиционные оси. Они прокладываются по ансамблям и улицам, площадям и природным акцентам. Оси проводятся сплошной тонкой линией от края листа до другого края. Композиционные узлы образуются пересечением не менее трех композиционных осей. Желательно, чтобы на подоснове были прорисована конфигурация речной сети.

В противном случае очень трудно привязать само построение схемы. Сплошная сетка будет понятна только самому исполнителю. Тем не менее, она важна для понимания сложности композиционного каркаса. В сплошной композиционной сетке «укладываются» несколько композиций разного уровня – города в целом, отдельной зоны и каждого локального участка. Разобраться во всей сложности композиции исторического города, в рамках обучения, возможным не представляется. Поэтому студентам предлагается без подробного разбора «увидеть» генерализованный композиционный каркас.

В генерализованном композиционно-планировочном каркасе показываются главные оси и главные узлы (сочетания главных ансамблей и природной ситуации по художественным критериям). Многочисленные параллельные композиционные оси объединяются в одну главную. Главные, по своей значимости, узлы могут «вбирать» в себя множество малых. Эти «большие» композиционные узлы также выделяются. Узлы могут включать главные общественные пространства города, площади, перекрестки, скверы и др.

В некоторых случаях узлы устойчиво формируются на водных пространствах, их также необходимо выделять. В любом случае, в генерализации, в первую очередь, указываются природные оси. Главенству этих осей

способствует параллельное и перпендикулярное расположение композиционно-планировочных направлений. Композиционные оси могут изгибаться параллельно очертаниям берега или оси течения реки и поворачиваться в планировочных «шарнирах», формирующихся площадями, группами или комплексами ансамблей, благоустройством скверов и регулярных парков.

Необходимо понять, что планировка – отражение на плане искусственной среды, которая соподчиняется особенностям ландшафта местности. А композиционный каркас является художественным синтезом интеграции природного и антропогенного. На первом месте всегда будут стоять природные оси и узлы. Ансамбли искусственной среды всегда будут подчиняться природному комплексу – рельефу, зеленым массивам, береговым линиям, пространству водных поверхностей и подчеркивать главенство природных узлов и осей. На генерализованной схеме можно разделять, по значимости, композиционные оси и узлы разных уровней (порядков). Композиционный каркас исторического города не является незыблемым – он всегда расширяется и детализируется. У каждого исследователя в каркасе выделяются свои приоритеты, свое прочтение связей между осями и узлами. Тем не менее, у каждого исторического города композиционно-планировочный каркас всегда легко узнаваем по стеке улиц, площадей и ансамблям.

Большим недочетом в архитектурном анализе является отсутствие ясных и простых методик, которые могли бы освоить обучаемые и использовать в своей практической деятельности. Те немногие известные методики, которые разработаны и опубликованы, до сего времени еще достаточно громоздки и несут в себе многочисленные авторские приоритеты (отклонения). Опыт многих лет преподавания предлагает следующее.

Архитектурный анализ, в скрытом виде, присутствует во многих дисциплинах обучения. Его можно рассматривать как промежуточный и подготовительный этап проектирования или разработки художественной идеи.

В формируемой новой градостроительной среде – архитектурный анализ природных и антропогенных факторов становится одним из немногих источников принятия закономерного, логического решения. Например, тальвеги принципиально влияют на трассировку автодорог и пешеходных путей, конфигурацию микрорайонов, кварталов, жилых групп.

Геометрическая форма берегов водоемов – рек, озер, водохранилищ непосредственно влияет на композицию планировки и т.д. Бровки рельефа позволяют формировать неповторимый силуэт и живописную панораму застройки.

В реконструируемой среде города архитектурному и градостроительному анализам отводится, как правило, ведущее место. Необходим обязательный учет исторической среды, стилистики, охранных зон памятников, инженерно-технических условий и пр.

Этот момент законодательно закреплён в современном градостроительном кодексе. Разделение процесса анализа на отдельные этапы позволяет перейти от обыденного восприятия среды к профессиональному, архитектурно-художественному.

Необходимо отметить, что в настоящее время преобладают представления о планировке города, как прямоугольной- или квадратно-решетчатой сетке. В русском градостроительстве накоплен значительный опыт в деле формирования композиции планировки городов. Он показывает, что без художественного осмысления природной ситуации, органичного включения сюда планировочных элементов на основе природной композиции, не получится планировочного своеобразия и неповторимого архитектурного облика.

Все художественные правила планировки выявлены при анализе исторических городов разного времени и стран. Если свести воедино опыт композиции планировки исторических городов, то выявляются следующие закономерности. До середины XIX века большинство городов имели моноцентрическую композицию, которая символизировала данный населённый пункт как центр мира.

Форма планировки имела круглую или прямоугольную конфигурацию в которой выделялся геометрически правильный центр – дворцы, культовые комплексы, площади. Все они имели намеренные крупные формы, намного превосходившие рядовую городскую застройку. Возникла идеологическая иерархия – правильная планировка противопоставлялась хаосу природы, а крупные формы центров главенствовали над застройкой. Эта идеология сохраняется и до настоящего времени. Вопрос органичного размещения планировки в природный ландшафт до сих пор не получил должного теоретического обоснования.

Формирование системы ансамблей города во многих странах и архитекторами вообще отрицается, как якобы устаревшее представление. На первое место выходят транспортные структуры, рекреационные уголки городской среды, отдельные комплексы.

[К содержанию](#)

УДК 624.049 + 692.23 + 721.011.6

АРХИТЕКТУРНЫЕ ФАСАДЫ ЗДАНИЙ С ПЕРИФЕРИЙНОЙ КОНСТРУКТИВНОЙ НЕСУЩЕЙ СИСТЕМОЙ

Ю.А. Иващенко

Предложены схемы проектирования архитектурных фасадов многоэтажных зданий с периферийной несущей системой. Отличительной особенностью схем является создание на поверхности фасадов плоскостей с положительным и отрицательным отклонением от вертикали.

Ключевые слова: периферийная несущая система, треугольные элементы фасада, углы их наклона.

Известно применение периферийных несущих систем в многоэтажных зданиях, в которых поверхности фасадов располагаются в вертикальной плоскости, в наклонной плоскости и с меняющимся наклоном одного знака [1, 2, 3].

Периферийная несущая система является эффективной при увеличении высоты зданий, так как максимальные усилия возникают по контуру плана здания. Кроме того из механики известно, что по периметру горизонтального сечения приводит к повышению общей устойчивости. В известных периферийных системах [1] применяется два типа несущих элементов; стержневой, образующий треугольную решетку, и рамно-стержневой. Наиболее эффективной является вариант стержневой системы с треугольной решеткой вследствие ее большей жесткости.

Несущие элементы периферийной системы могут располагаться снаружи ограждающей конструкции стены, так и с внутренней стороны. В последнем случае несущие элементы не подвергаются действию наружной температуры.

Вышеотмеченное конструктивное отличие определяется вид архитектурного фасада. Вопрос о выборе вида решается архитектором на основе его личного представления о красоте и гармонии.

В данной статье предлагается направление в создании несущей периферийной системы и архитектурных фасадов, в котором поверхности элементов фасада находятся в плоскостях, имеющих различные углы наклона по отношению к вертикали: отрицательный угол, угол равный нулю (вертикаль) и положительный угол. При этом основным несущим элементом периферийной системы является стержневой треугольный элемент.

Переменный угол наклона элементов фасада и его знак создается путем чередования очертания периметра перекрытия (рис. 1а).

Перекрытия разделяются на два вида по их очертанию периметра.

Одни перекрытия имеют прямые углы (поз. 1), а другие – срезанные углы (поз. 2). На рис. 1 а показан фрагмент, в котором срезаны наружные углы. По аналогичной схеме выполняются перекрытия с внутренними углами. За основной несущей элемент периферийной системы принят стержневой треугольный (поз. 4, 5, 6), но возможно применение сплошного треугольного элемента. Тогда на представленной схеме элементы (поз. 6) имеют отрицательный наклон к вертикали, элементы (поз. 4) – положительный наклон, а элементы (поз. 5) – угол равный нулю (вертикаль).

Переменность углов наклона несущих треугольных элементов также может быть создана на длинной в плане плоскости путем чередования перекрытий, имеющих выемки по периметру (рис. 1 в, г). Этот случай повторяет предыдущую схему, если их совместить в зеркальном отображении (рис. 1 г).

Размещая треугольные несущие элементы снаружи или внутри по отношению к отражающей стене и остекление можно получить большое разнообразие фасадов. При этом появляются новые возможности использования цветовой гаммы, что также разнообразит фасады, но при этом они будут оставаться в одном стиле, выбранном архитектором.

Периферийные несущие конструкции могут совмещаться с внутренним (колонны, ядра). Расчет таких конструкций может быть выполнен с применением существующих программных комплексов. Разработка узлов и технологий возведения требуют специальных исследований.

При разработке планов зданий с периферийной несущей системой и фасадами, имеющими различные наклоны фрагментов фасадов, следует применять принцип «увеличения количества углов» (наружных и внутренних). Для реализации этого принципа надо рассматривать различные многогранники, начиная от простых (например, прямоугольник, треугольник) до сложных (например, лепестковые).

Последние предпочтительны тем, что увеличивается количество как наружных, так и внутренних углов. Так как в зданиях повышенной этажности имеется ядро (замкнутое или частично-замкнутое пространство) для размещения лифтов, лестниц и инженерных коммуникаций, то его необходимо использовать в качестве элемента несущей системы.

При расположении ядра внутри периферийной несущей системы для обеспечения совместности их работы предусматривается устройство специальных жестких горизонтальных структурных конструкций (ростверков), так как жесткости перекрытий недостаточно. При этом увеличение жесткости перекрытий ведет к увеличению расхода материалов и удорожанию.

Поэтому более рационально располагать ядро в плане здания так, чтобы соединить периферийную несущую систему с ядром. Другим вопросом разработки плана здания является расположение квартир.

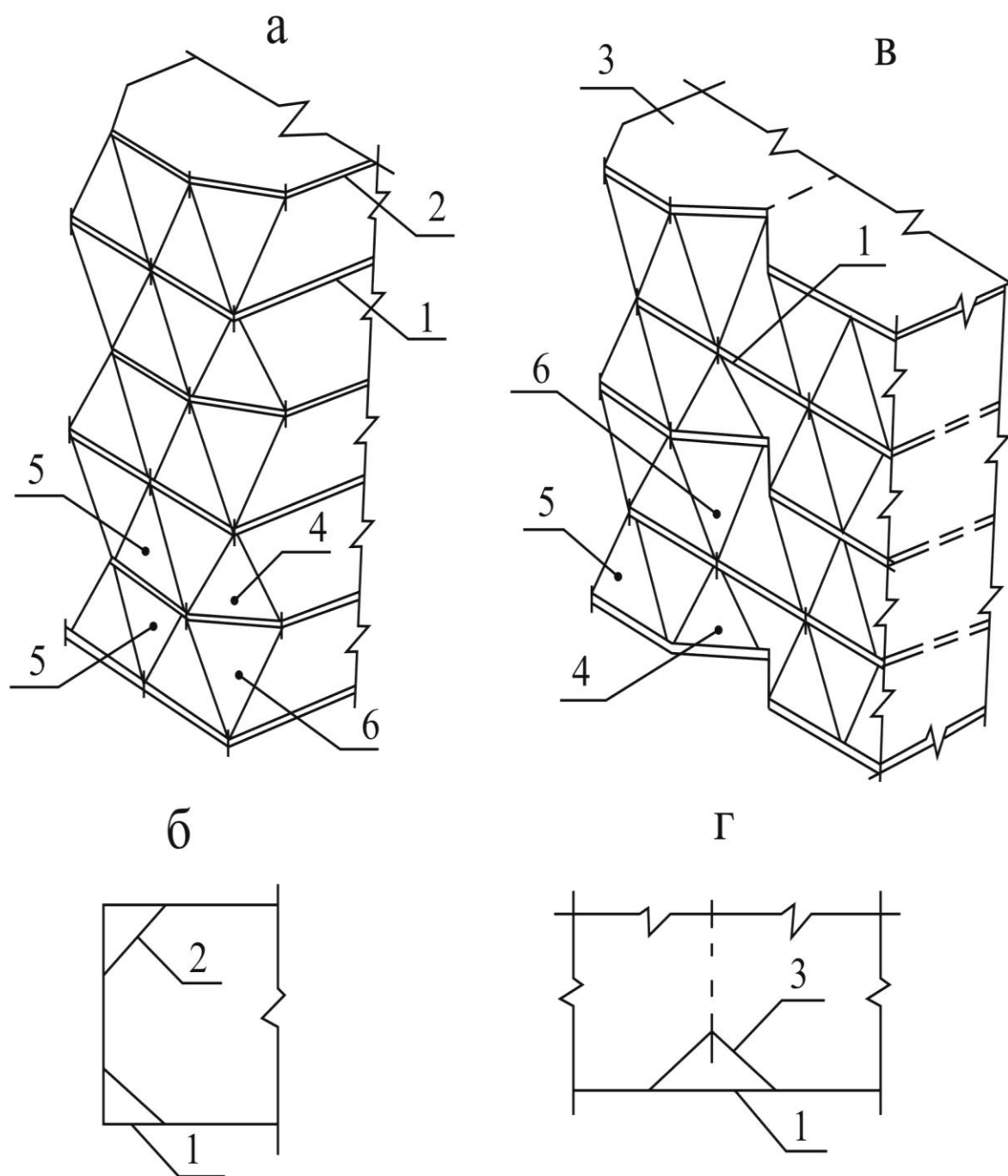

Рис. 1. Схемы фасадов многоэтажных зданий
с периферийной несущей системой: 1, 2, 3 – перекрытия;
4, 5, 6 – треугольные элементы несущей периферийной системы

В современных условиях наиболее востребованными являются квартиры площадью от 40 кв.м. до 80 кв.м. Ведущим требованием является также обеспечение инсоляции. При прямоугольных планах, имеющих ширину более 10–15 м, выполнить это требование не всегда удастся.

Для решения этих вопросов наиболее целесообразно в периферийных несущих системах зданий применять «лепестковые» планы. В этом случае удастся расположить квартиры разной площади в отдельных «лепестках».

Это решает вопрос звукоизоляции квартиры от других квартир, а также задачу инсоляции.

Лепестковый план здания обладает также еще одним важным преимуществом: ядро проще сопрягается с периферийной несущей системой, увеличивается жесткость, что соответственно позволяет значительно повысить число этажей.

Кроме выше отмеченного, лепестковый план здания позволяет создавать более выразительные и разнообразные фасады, с применением разнонаклонных элементов фасада на наружных и внутренних углах плана.

Расчет периферийной несущей системы совместно с ядром может быть выполнен следующим образом. На первом этапе (предварительно) периферийную несущую систему заменяют эквивалентной по жесткости плоскостной системой и рассчитывают по методике П.Ф. Дроздова [1] таким образом получают параметры несущей системы.

На втором этапе следует применять метод «конечных элементов». И комплексы программ на ЭВМ.

Внедрение таких несущих систем многоэтажных зданий и указанных выше фасадов в Челябинской области позволит повысить эксплуатационные качества жилья, более рационально использовать территорию и создание своеобразия архитектурно-пространственной среды на Южном Урале.

Библиографический список

1. Дроздов, П.Ф. Конструирование и расчет несущих систем многоэтажных зданий и их элементов: учебное пособие для вузов / П.Ф. Дроздов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Стройиздат, 1977. – С. 10–14.
2. Попкова, О.М. Перспективы развития конструктивных схем высотных зданий (США) / О.М. Попкова. – М.: Госстрой ЦИНИС, 1973. – 215 с.
3. Ржаницин, А.Р. Расчет оболочки каркаса высотной части Дворца культуры и науки в Варшаве на ветровую нагрузку / А.Р. Ржаницин, И.Е. Милейковский. – М.: Строительная промышленность, 1954. – № 2. – С. 5–7.

[К содержанию](#)

УДК 711.73

ГОРОДСКОЙ ТРАНСПОРТ И ПОДЗЕМНАЯ УРБАНИСТИКА

Ю.В. Игнатьев, А.М. Костин

В статье рассматривается влияние городского автомобильного транспорта на тенденции и развитие особенностей использования подземного пространства города для целей организации движения и хранения автомобилей.

Ключевые слова: городской транспорт, подземная урбанистика, автотранспортные тоннели, подземные стоянки автомобилей.

Современный автомобильный транспорт в городах развивается большими темпами. В крупных и крупнейших городах уровень автомобилизации составляет 300–400 автомобилей на тысячу жителей. На расчетный срок (прогноз на 20 лет) уровень автомобилизации составит 550–600 автомобилей на тысячу жителей, т.е. в 1,7–1,8 раза больше, чем в настоящее время. Если при этом также учитывать увеличение количества передвижений, повышение дальности и скорости поездки, то уровень загрузки городских магистралей и мест хранения автомобильного транспорта должен увеличиться примерно в 2 и более раза.

В то же время, все крупные и крупнейшие города страны представляют собой градостроительные структуры со сложившейся застройкой.

Улично-дорожная сеть города в данных условиях имеет очень ограниченные условия для своего развития: расширение существующих магистралей и прокладка новых транспортных направлений.

Все это приводит к тому, что в городах должны активно рассматриваться перспективы развития транспортных путей сообщения при активном использовании подземного пространства города.

Строительство автотранспортных тоннелей позволит решить многие существующие (или ожидаемые в будущем) проблемы городского транспорта: трассирование новых транспортных направлений без конкретной увязки с существующей застройкой; создание необходимого числа полос движения автомобильного транспорта с обеспечением необходимого скоростного режима и безопасности движения; существенное улучшение экологии городских территорий при обеспечении вентиляции и очистки внутреннего воздуха транспортных тоннелей.

По существующим нормативам в жилом микрорайоне или квартале должно предусматриваться создание автостоянок открытого типа по норме 0,5 кв.м. на каждого жителя.

Около зданий и сооружений, различного назначения на 100 человек посетителей или работающих должно предусматриваться устройство автомо-

бильных стоянок размером от 5 до 20 мест, т.е. на каждого посетителя или работающего должно приходиться 1,5–6 кв.м.

С учетом роста транспортного парка и частоты поездок с различными целями площадь автостоянок около предприятий, зданий и сооружений должна составлять 3–15 кв.м. на каждого работающего или посетителя. Даже для небольшого учреждения в 100 посетителей создание автомобильной стоянки размером 150–600 кв.м. (размером 20м×30м) представляет значительные трудности.

Поэтому создание около тех же учреждений автомобильных стоянок площадью от 300 до 1500 м (30м×50м) на перспективу при повышенной плотности городской застройки становится нереальным. Особенно, если учесть также необходимость создания вокруг открытых автомобильных стоянок защитных зон зеленых насаждений шириной 10–20 м.

Реальной альтернативой развития транспортной сети со всей ее инфраструктурой в современных городах является создание надземных или подземных транспортных сооружений.

Строительство надземных сооружений допустимо в ограниченных размерах. Выведение транспортных потоков на вторые-третьи этажи транспортных магистралей сможет разрешить ряд существенных проблем автомобильного транспорта города.

Однако при этом следует учесть существенное ухудшение экологической обстановки, повышенный выброс отработанных газов и шум от транспортных потоков. И все это будет создаваться вблизи жилых или общественных зданий.

Имеющиеся предложения о создании прозрачных пластиковых оболочек на эстакадах в настоящее время не отработаны как конструктивно, так и технологически (материалы с высокой звукоизолирующей способностью, способы нейтрализации отработанных газов в таких объемах).

Кроме того, строительство транспортных путей на эстакадах потребует строительство транспортных развязок в местах пересечения с основными магистралями города или строительство пандусов для въезда и съезда с эстакад. Все это потребует дополнительных земельных ресурсов города, выделение которых в условиях сложившейся застройки очень проблематично.

Более перспективным решением транспортных проблем крупных и крупнейших городов является активное освоение подземного пространства: строительство автотранспортных тоннелей и подземных автомобильных стоянок.

Строительство данных сооружений требует минимального количества территории на дневной поверхности и что не менее важно, не нарушает архитектуру застройки как существующую, так и будущую.

В современных условиях при развитии различных методов оценки городских земель фактор экономии городской территории может выступать одним из основных факторов наиболее интенсивного освоения подземного пространства города.

При этом следует учесть две противоположных тенденции. В одном случае грунтовая обстановка (скальные грунты и подземные воды) может существенно повысить или ограничить развитие подземных сооружений.

С другой стороны, как показывает практика современного строительства, комплексное освоение подземного пространства, строительство автотранспортных тоннелей и автостоянок, торговых, развлекательных и других комплексов, т.е. повышение объема освоения подземного пространства, приводит к существенному снижению единицы стоимости объектов и возможности использования наиболее современных комплексов по строительству.

Более активное освоение подземного пространства города в транспортных (да и не только транспортных) целях позволит существенно сократить расходование городской территории, обеспечить большую компактность застройки, что в свою очередь повышает как транспортную, так и пешеходную мобильность населения.

В современных условиях «кусочного» строительства комплексность создания микрорайонов существенно искажается. Отсутствуют или строятся в меньшем количестве детские и спортивные площадки, учреждения обслуживания, автостоянки и т.п.

Интенсификация освоения подземного пространства позволяет в значительной степени решить указанные проблемы при ограничении территории микрорайона или квартала.

Часть сооружений по обслуживанию жителей микрорайона или квартала может быть реализована в подземном пространстве – спортивный зал, игровые комнаты для детей и взрослых, учреждения обслуживания, *автостоянки и т.д.*

Подобный подход имеет и другое преимущество. Вынос части необходимых площадок с дневной поверхности в подземное пространство позволяет увеличить плотность застройки территории микрорайона, сократить дальность подхода к объектам обслуживания вследствие их компактного расположения, обеспечить возможность их использования в любую погоду, повысить экономичность застройки и кадастровую ценность территории.

[К содержанию](#)

УДК 711.4.01

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИННОВАЦИОННОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В XX ВЕКЕ

В.А. Колясников

В статье описана концепция инновационного градостроительства. Сформулированы основные положения и признаки инновационного градостроительства; обозначен характер волн градостроительных инноваций. Дано обоснование выдвинутой концепции примерами отечественного и зарубежного архитектурно-градостроительного опыта XX века.

Ключевые слова: инновационное градостроительство, эволюционный процесс в градостроительстве, архитектурно-планировочная организация, градостроительство XX века.

Анализ исторического опыта разработки и внедрения новшеств в практику градостроительства XX века позволяет сформулировать восемь основных положений инновационного градостроительства, которые можно назвать синергетической концепцией инновационного градостроительства.

1. Инновационное градостроительство – волновой эволюционный процесс. Волна градостроительных инноваций возникает как ответ на тяжелый кризис расселения и населенных мест страны или как реакция на крупные угрозы. В XX веке наблюдаются две основные волны, вершины которых приходятся на конец 1920-х и середину 80-х годов.

Основными результатами первой волны являются основание теории и практики современного градостроительства; формирование социально-аспектного подхода к градостроительству; второй – создание теории и практики градостроительства как системы; становление стратегического, гомеостатического, синергетического подходов к градостроительству, появление концепций цивилизационных и ноосферных систем расселения и населенных мест.

2. Нарастание волны градостроительных инноваций связано с интенсивной интеграцией научных знаний, технических достижений и проектного творчества; усилением взаимодействия градостроительства, архитектуры и искусства; вовлечением в инновационный процесс представителей самых различных сфер деятельности – архитекторов, градостроителей, художников, политиков, философов, социологов, предпринимателей и др.

Концентрация усилий масс, информации и ресурсов создает условия для инновационного прорыва.

3. Инновационное градостроительство имеет четыре основных признака: новизна – наличие нового научного, технического, проектно-творческого или иного градостроительного решения; продуктивность – на-

личие конкретного результата (продукта) научной, технической, проектно-творческой или иной градостроительной деятельности в виде рекомендаций, метода, методики, модели, проекта, документа и др.; внедренность в градостроительную практику управления развитием территории и создание нормативно-правовой базы, а также в проектирование, подготовку кадров, инвестиционно-строительную деятельность; эффективность (экономическая, политическая, социально-экономическая, экологическая, социально-эстетическая, научная и др.).

4. Волна инновационного градостроительства стимулируется развитием образования, доступностью и разнообразием значительного объема информации, поддержкой науки и творчества, обширными контактами новаторов и другими условиями.

5. Инновации стремительно распространяются от центров инновационного развития к периферии, от городов к системам расселения. Распространение инноваций сопровождается модернизацией транспортной, инженерной, производственной, социальной, рекреационной, туристической, экологической инфраструктуры, а также выявлением и активным использованием природного и историко-культурного наследия, созданием новых типов систем расселения и населенных мест.

6. Величина инновационной волны, повышение экономической эффективности и сокращение сроков реализации инновационных проектов зависят от степени интеграции научных, технических и художественных новшеств; уровня развития градостроительной культуры, обеспечивающего создание новых духовно-культурных ценностей.

7. В новаторской градостроительной деятельности традиции имеют существенное значение для создания условий внедрения новых решений: они обеспечивают устойчивость и преемственность развития градостроительных систем при замене устаревших элементов и связей; удерживают в поле внимания новаторов закономерности организации жизненной среды; формируют даже из нереализованных проектов и концепций инновационное градостроительное наследие.

8. Инновационный прорыв в градостроительстве – переход на новую модель архитектурно-планировочной организации населенных мест и систем расселения. В основе этой модели лежат принципы инновационного целеполагания, построения и развития градостроительных объектов как систем. Архитектурно-планировочная организация охватывает структурно-утилитарный и композиционный уровни формирования среды. В архитектурно-планировочной организации осуществляется синтез социальных, экономических, экологических, функциональных, эстетических, технических и культурологических решений. От полноты синтеза зависит новое качество среды.

Обоснованность указанной концепции подтверждается многочисленными фактами и примерами отечественного и зарубежного архитектурно-

градостроительного авангарда 1900-х – середины 1930-х годов, а также архитектурно-градостроительного новаторства 1950-х – середины 1980-х годов. Представляется возможным привести только некоторые характеристики и примеры (рис. 1–7) первой инновационной градостроительной волны. На уровне формирования городов и систем расселения она проявилась в организации:

– «линейного города», глобальной, национальных и локальных линейных, линейно-треугольных и линейно-радиальных сетей расселения на основе железнодорожных и автомобильных дорог (А. Сория-и-Мата, 1882–1900-е гг.; Ле Корбюзье, линейный город-дом, 1929–1930 гг.; Р. Турта «Мировой линейный город», начало 1930-х гг.; И.Леонидов и др., Магнитогорье, 1930 г.; ОСА, М. Гинзбург, М. Охитович и др. «Полоса соцрасселения с сетью обслуживания», 1927–1932 гг.);

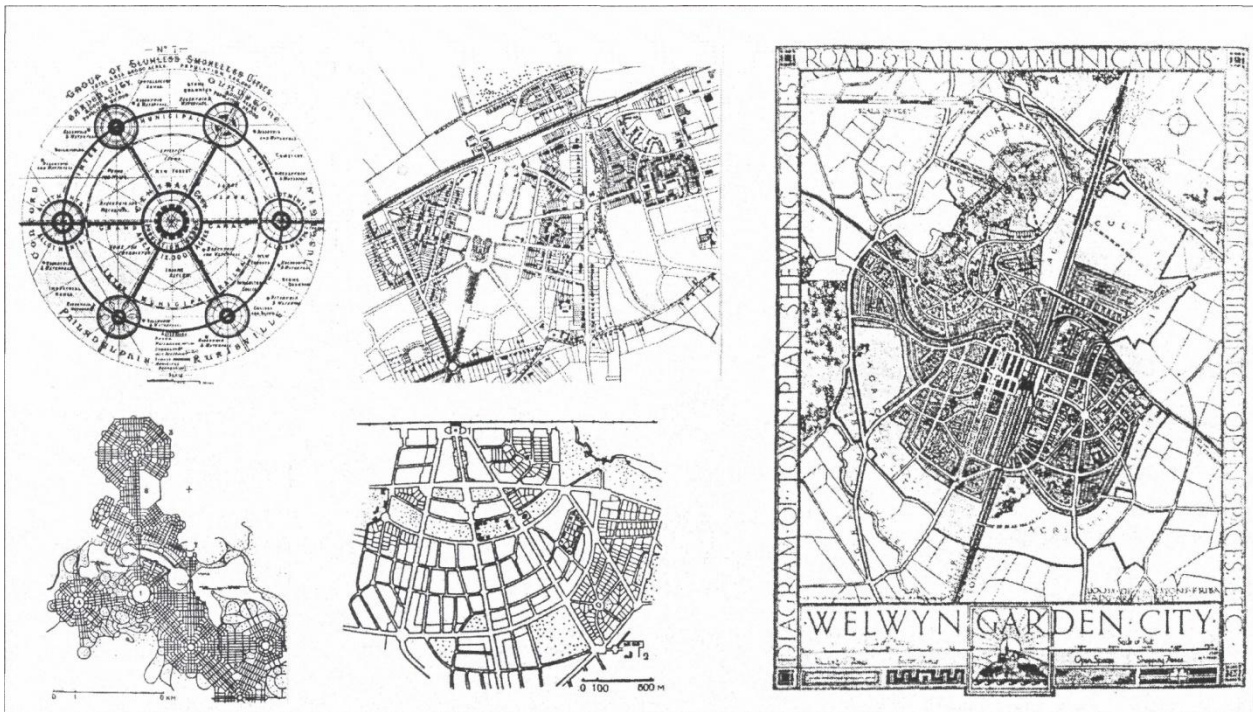

Рис. 1. Концепция города-сада Э. Говарда и ее реализация в начале XX в.

- «города-сада» и агломерации с центральным городом и планетарной системой городов-садов (Э. Говард, 1898–1920-е гг.; Э. Энгар, Р. Энвин и др.);
- «индустриального города» (Т. Гарнье, 1901–1917 гг.), промышленной агломерации с центральным торговым городом, промышленными спутниками и кольцевой железной дорогой (Р. Уиттен, 1923);
- «городов-ячеек» с различными функциями (академические, торговые, железнодорожные, административные, исторические и промышленные города) и «агломерации ячеек» (Э. Глоэден, 1923 г.);
- конурбаций и агломераций (П. Геддес, 1904–1915 гг.);

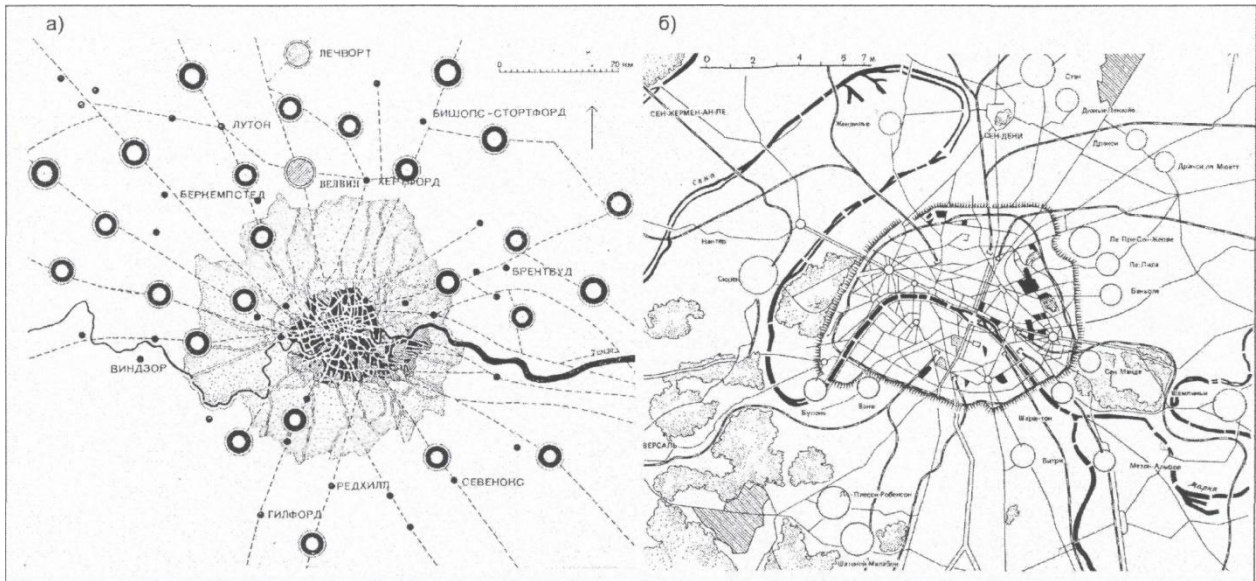

Рис. 2. Формирование систем городов-садов Англии и Франции:
а – размещение городов-садов в окрестностях Большого Лондона, Раймон Энвин, 1922; б – реконструкция Парижа и создание в его окрестностях городов-садов в 1920–1930-е гг. (по А.В. Букину и Т.Ф. Саваренской)

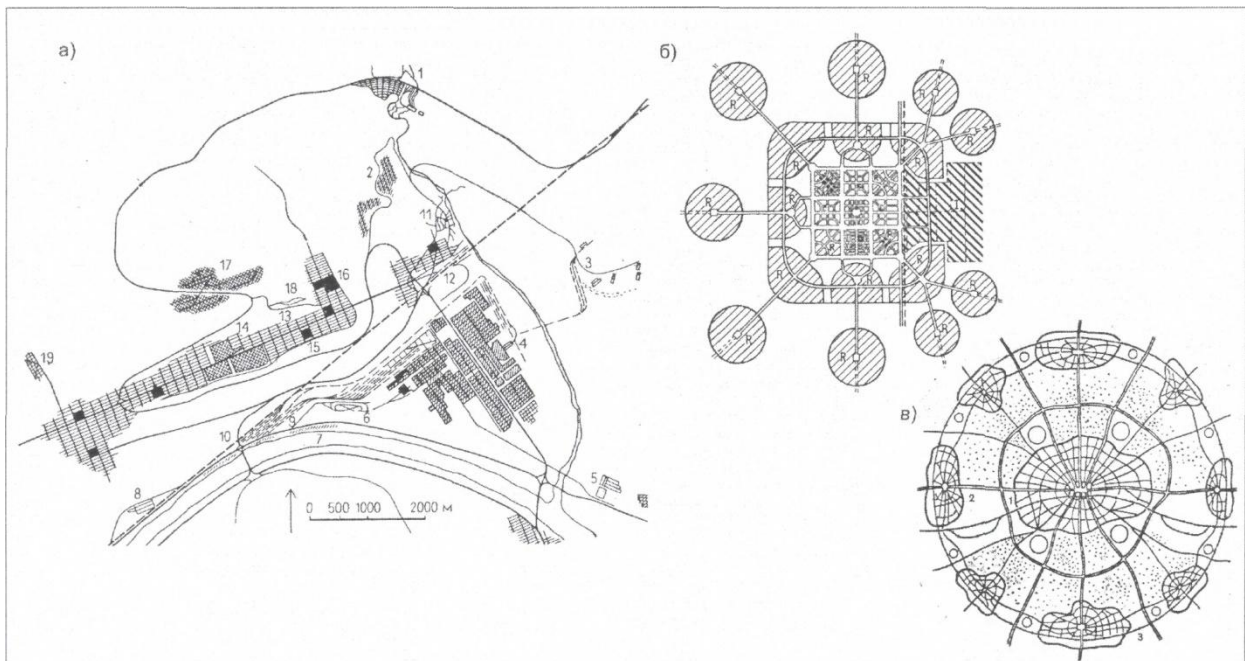

Рис. 3. Модели промышленных городов и систем расселения:
а – Тони Гарнье, проект промышленного города, опубликованный в 1917 г.;
б – Раймон Энвин, Англия, 1922.; модель большого города со спутниками;
в – система городов-промышленных спутников; Роберт Уиттен, США, 1923

– «больших городов» с центральным городом и городами-спутниками, сдерживающими расплывание крупнейшего города (Б. Сакулин, «Город Будущего», 1918; С. Шестаков, «Большая Москва», 1921–1924 гг.);

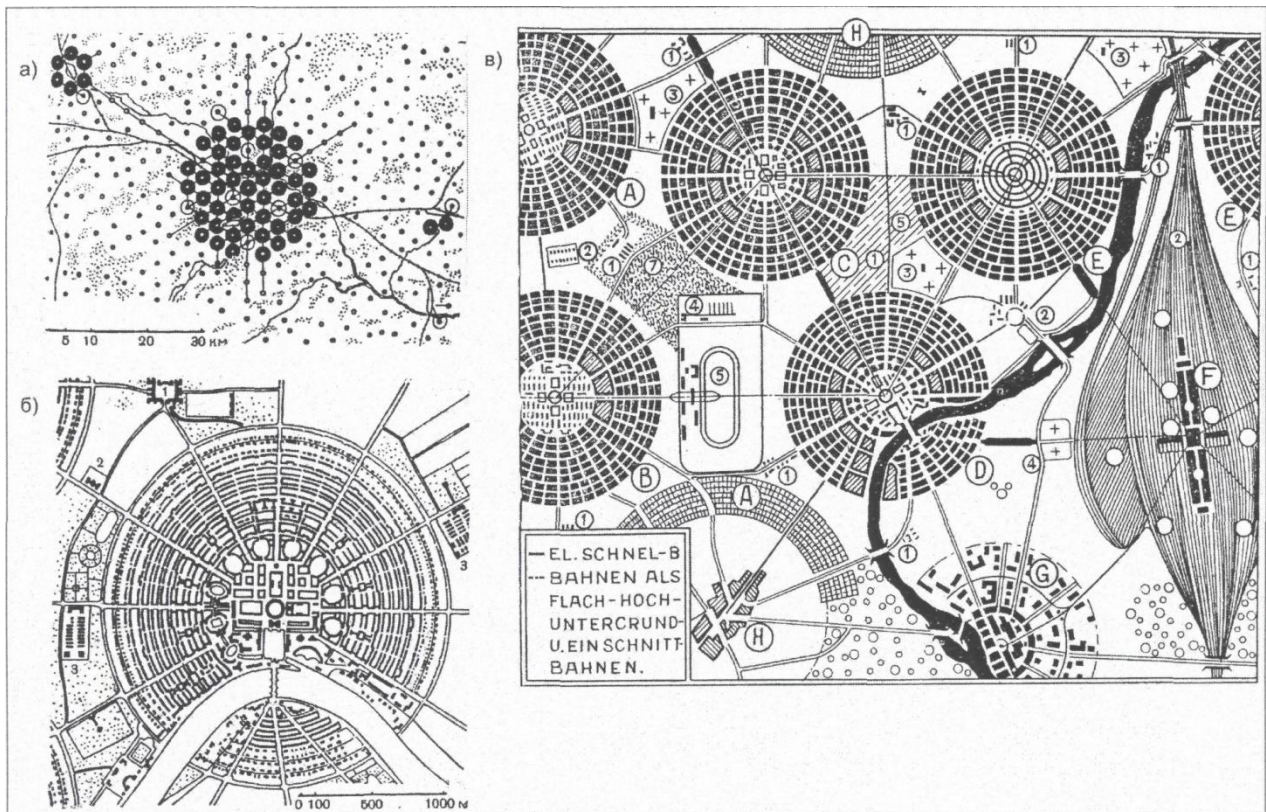

Рис. 4. Истоки формирования миссий и инновационной инфраструктуры современных поселений и расселения. Функционально-планировочные модели городов и систем расселения

– «параллельных городов» с расстоянием между старым и новым городом порядка 50 км и скоростными транспортными связями (В. Закрейс, Старая Прага музей – Новая Прага-город труда, 1922 г.; А. Гютон «Параллельный Париж», 1933 г.);

– «социально-функциональных городов» и систем расселения на основе гармонизации функций «труд», «быт», «отдых» и «транспорт» (декларация СИАМ 1928 г. и IV Конгресс СИАМ в Афинах, 1933 г.; И. Леонидов, Э. Май, Веснины и др., проекты Магнитогорска и Кузнецка; сеть соцгородов Урала, специалисты Баухауза и советские конструктивисты);

– сети промышленных городов и добывающих территорий (В.И. Вернадский, начало экономического районирования России, 1914–1920-е гг.; Л. Жоссель, планировка Парижского района; районная планировка в Германии, 1920; П. Аберкромби, планировка Донкастерского района в Англии, 1922–1925 гг.);

– сетей военно-промышленных центров и районов стран Европы и России, формируемых перед Первой мировой войной и в период этой войны;

– сетей охраняемых, восстановленных и красивых ландшафто-достопримечательностей страны (П. Аберкромби, 1933 г.), национальных парков и парковых дорог («Большой Нью-Йорк», 1920–1930-е гг.), мест отдыха и туризма (Франция, 1920–1930-е гг.);

– транспортной, энергетической, гидротехнической инфраструктуры расселения (план ГОЭЛРО в России, 1920; канал им. Москвы в СССР, 1932–1937; программа освоения долины Теннесси в США, ААРП, 1923–1930-е гг.).

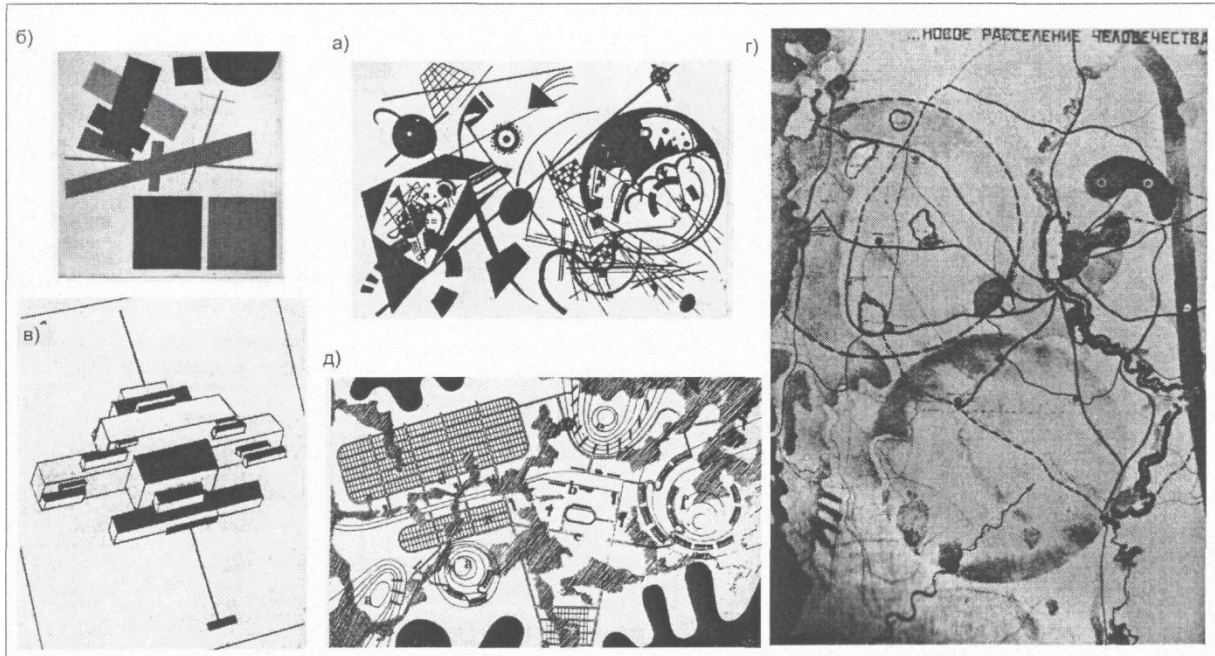

Рис. 5. Взаимодействие градостроительства, архитектуры и искусства как одно из важнейших условий формирования советского градостроительного авангарда
а – В. Кандинский, «Композиция», 1923 г.; б – К. Малевич «Супрематизм», 1915г.; в – К. Малевич «Будущие планеты (дома) землянитов (людей), 1924 г.; г – проект «Магнитогорье», авторы М. Барщ, В. Владимиров, М. Охитович, Н. Соколов, 1930 г.; д – реализация идей советского авангарда в проекте экспериментального города, А. Аалто, 1940 г.

На уровне реконструкции планировки и застройки существующих и новых поселений городов были разработаны и в определенной мере реализованы следующие основные концепции: – «прекрасный город» в условиях реконструкции (Д.Г. Бернэм, реконструкция центра Чикаго; 1909 г.) и нового строительства (Э. Эббар, центр международных культурных связей, 1914 г.; У. Гриффин, Канберра, 1912 г. и др.);

– «зеленый город» (советские конструктивисты, 1930 г.);

– «вертикальный город-сад» в условиях тотальной реконструкции сложившейся планировки и застройки с сохранением лишь наиболее ценных исторических зданий (Ле Корбюзье, 1922–1925 гг.);

– «новый город» в условиях реконструкции с созданием непрерывной системы озеленения и максимальным сохранением историко-культурного наследия (А. Щусев, «Новая Москва», 1924 г.)

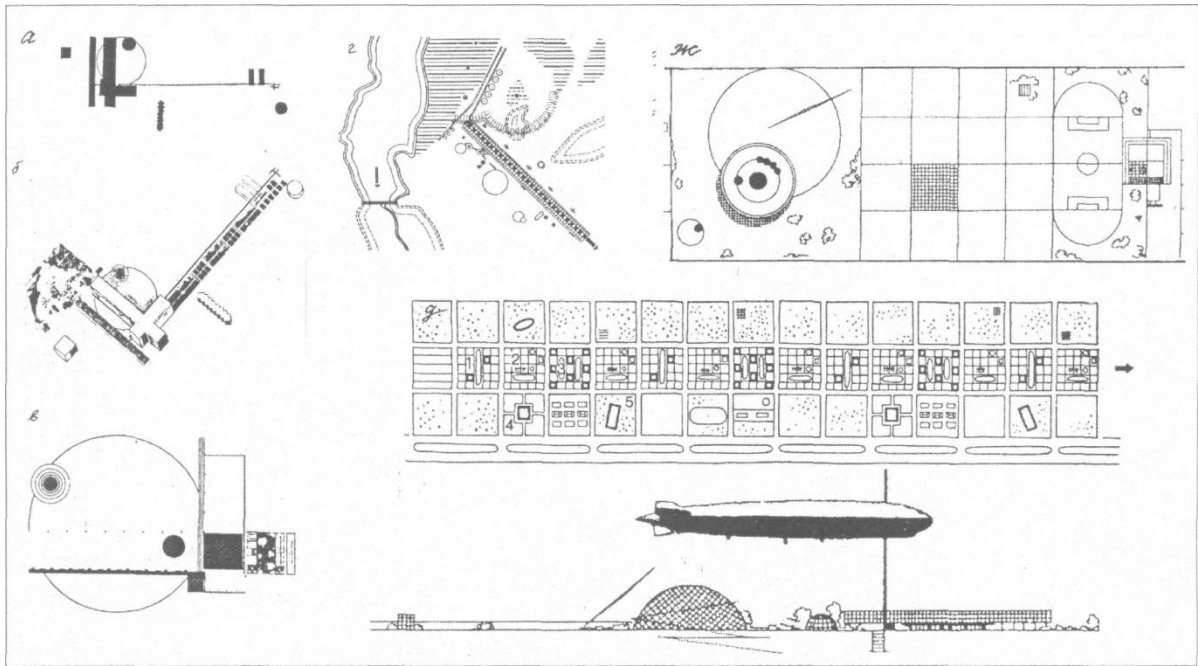

Рис. 6. – Новаторские проекты И.И. Леонидова – «творческого лидера конструктивизма» конца 1920-х – начала 1930-х годов а, б, в – конкурсный проект «Кинофабрика в Москве», 1927 г.; г, д – генеральный план Магнитогорья и часть жилого пояса (бригада ОСА, рук. И.И. Леонидов), 1930; е, ж – проект Дворца культуры, 1930 г.

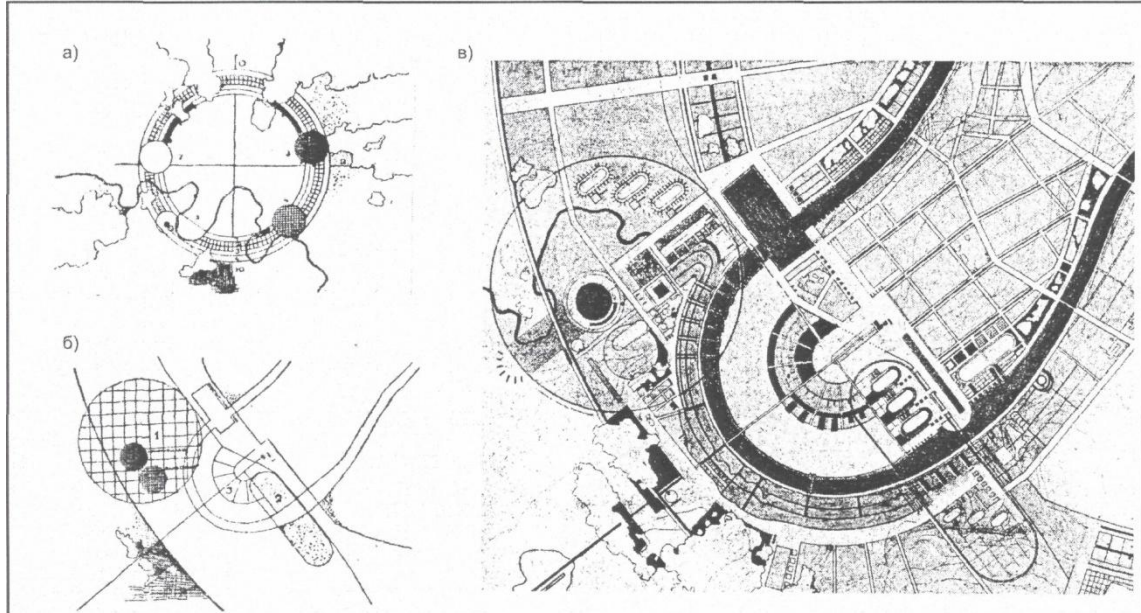

Рис. 7. Концепции советского архитектурно-градостроительного авангарда в формировании социальной инфраструктуры. Проект парка культуры и отдыха в Москве, 1929 г., М. Жиров (группа ОСА) а – схема организации парка-кольца; б – схема организации физкультурного городка; в – физкультурный и военный городок Парка культуры и отдыха (Современная архитектура, 1929 г. № 5)

На уровне инфраструктуры города разработка и внедрение новшеств определялись созданием следующих объектов:

- микрорайоны («соседские единицы», К. Перри, 1929 г.) и жилые комбинаты (работы советских конструктивистов 1920-х – середины 1930-х гг.);
- вертикальные общественные и деловые центры (план Вуазен, Ле Корбюзье, 1925 г; центр в Нью-Йорке, 1930-е гг.);
- системы садов и парков (проект реконструкции Парижа, Э. Энар, 1903 г.);
- парки – произведения искусства (парк Гуэль в Барселоне, А. Гауди, 1900–1914 гг.);
- парки и общественные комплексы нового социалистического типа (СССР, 1920-е – середина 1930-х гг.);
- международные выставочные комплексы (Германия, США, СССР, 1930-е гг.);
- железнодорожные, портовые, автомобильные и гидротехнические узлы.

Особыми результатами первой инновационной волны в нашей стране следует считать:

- основание и развитие высшего архитектурно-градостроительного образования (В.Н. Семенов, 1920–1930-е гг.; А.П. Иваницкий, с 1920 г. до 1941 г.);
- создание первых единых норм строительного проектирования (1930-е гг., А.П. Иваницкий и др.), а также правовой базы государственного управления землепользования и землеустройства (Постановление Пленума ЦК ВКПБ (б) от 15.06.1931 г. «О московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР», Постановление ВЦИК и СНК 1932 г. «О предоставлении учреждениям, предприятиям и организациям общественного сектора земельных участков для строительства на праве бессрочного пользования»).

Сравнивая «современную волну» инновационного градостроительства России и зарубежных стран с волной архитектурно-градостроительного авангарда XX века, можно найти много общего. Все повторяется, но пока не в лучшем варианте. Нет глубокого осмысления и освоения авангарда. Кроме того, в современной волне нет сильной теоретико-методологической базы, нет необходимого уровня градостроительной культуры, нет системных знаний закономерностей инновационного градостроительства.

[К содержанию](#)

УДК 72.036

СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА ЕВРОПЫ

С.Н. Леканова

Статья посвящена современным архитектурным стилистическим направлениям Европы. В статье рассматриваются общие тенденции формообразования, характерные для блобитектуры.

Ключевые слова: блобитектура; фасад; проект; форма.

Существует несколько подходов к классификации современной архитектуры на стили или направления.

Например, одни выделяют: архитектуру техно; рациональную архитектуру; экспрессионистскую архитектуру; конструктивизм; неопластичную архитектуру; органическую архитектуру; архитектуру пост-модерна; деконструктивизм.

Одно из самых молодых и перспективных направлений в архитектуре Европы XXI века является блобитектура. Термин блобитектура-«архитектура капли» (от английского blob-капля) был придуман американским специалистом Греггом Линном в 1995г. В результате его экспериментов с компьютерными графическими программами.

Все представители блобитектуры при создании проектов зданий используют только компьютерные технологии. Как правило, здания, построенные в этом стиле, имеют вытянутую обтекаемую форму и похожи на огромные капли или на огромных «амёб».

При их возведении используются новейшие материалы и строительные технологии.

Одним из самых ярких примеров блобитектуры стал Художественный музей в городе Грац (рис. 1), построенный по проекту архитекторов П. Кука и К. Фарнье в 2003 г.

Здание создано в виде криволинейной архитектурной композиции, которая приспособлена к выполнению функциональной программы для размещения экспозиции современного искусства.

Форма музея напоминает какой-то инопланетный корабль с иллюминаторами наверху, боками – экранами, стальными конструкциями.

Ультрасовременное здание в корне отличается от окружающих домов, но не смотря на это оно вписалось в окружающую застройку.

Фасад выполнен в качестве компьютерного монитора и благодаря этому можно осуществлять проекции, создавать анимированные представления.

Это выполняется с помощью тысяч осветительных фотогальванических элементов, складывающихся наподобие пикселей в большой экран.

Ночью создается впечатление, будто музей пылает, что достигается посредством компьютеризированной системы освещения. С таким светом и необычным дизайном, структура бесспорно напоминает существо из космоса, которое приземлилось в сердце Граца, в его историческом центре города.

Рис. 1. Художественный музей, г. Грац, арх. П. Кук, К. Фарнье, 2003 г.

Ещё одним примером блобитектуры Европы можно считать торговый центр «Золотые террасы» (рис. 2), построенный в Варшаве в 2007 г. Здание напоминает стеклянный купол, похожий на изгибающуюся волну. Это придает динамику фасадам, которые контрастируют с более традиционной архитектурой окружения. На крыше центра, выполненной в виде лунного кратера, расположена смотровая площадка.

Отсюда открывается прекрасный вид на центральную часть польской столицы. Вокруг центрального атриума размещаются четыре отдельных террасы, давшие название комплексу. Крыша над террасами переходит к утопленной в глубине площади с пешеходными переходами. Многочисленные переходы между магазинами накрыты куполами, мягко спускающимися к площади на цокольном этаже.

Проектирование этого комплекса стало возможным только при использовании компьютерных программ. Компьютер тут использовался не столько для создания самой художественной формы, сколько выполнял роль технического средства для осуществления замысла.

В стиле блобитектуры работал и известный английский архитектор Норман Фостер. По его проекту в Лондоне был построен Сити Холл (рис. 3). Это здание известно благодаря своей искривленной форме, напоминающей «нарезанное яйцо». Нижние этажи шире верхних.

Рис. 2. Торговый центр «Золотые террасы», г. Варшава, 2007 г.

Рис. 3. Сити Холл, Лондон, Великобритания, арх. Норман Фостер, 2002 г.

Фасад здания выполнен из стеклянных панелей, ни одна из которых не повторяется. Изнутри Сити Холл опоясывает галерея в виде винтовой лестницы.

По задумке архитектора она призвана символизировать прозрачность и доступность власти, а также позволяет осмотреть все интерьеры. [Верхняя часть здания наклонена](#) в южную сторону. Благодаря этому каждый этаж одинаково освещается солнечным светом, позволяя экономить на искусственном освещении помещений.

В настоящее время все больше известных архитекторов обращаются к новым блоб-формам выражения современной архитектурной мысли. Многие работы самых громких авторов новейшего времени можно рассматривать как отдельные проявления этой новаторской тенденции.

Эти проекты можно считать ультрасовременными, но только потому, что они созданы с применением наиболее передовых технологий. Совершенно очевидно, что таким способом нельзя строить целые города.

Такие фантастические проекты могут быть всего лишь необычными дополнениями к архитектурной среде.

[К содержанию](#)

УДК 728.1:620.9

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЖИЛОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

А.А. Масленников

Рассмотрены вопросы необходимости и целесообразности внедрения энергоэффективных технологий в индивидуальном жилом строительстве. Описаны понятия «энергоэффективный дом», «пассивный дом» и применение энергосберегающих технологий в их строительстве.

Ключевые слова: энергосберегающие технологии; энергоэффективный дом; пассивный дом.

В настоящее время проблема энергосбережения во всех сферах жизнедеятельности человека является одной из приоритетных, так как бесконтрольная добыча и расточительное использование невозобновляемых энергоресурсов, по прогнозам разных специалистов, в скором времени приведет к дефициту основных источников энергии. Кроме этого наблюдается тенденция к постоянному возрастанию стоимости их добычи, а также значительное ухудшение экологической обстановки на планете: потепление климата, болезни, загрязнение атмосферы, рек, вырубка лесов.

Под экономией энергии подразумевают эффективное использование энергоресурсов за счет применения инновационных решений, которые осуществимы технически, обоснованы экономически, приемлемы с экологической и социальной точек зрения, не изменяют привычного образа жизни. Это определение было сформулировано на Международной энергетической конференции (МИРЭК) ООН [2].

Энергосбережение в любой сфере сводится по существу к снижению бесполезных потерь энергии. Согласно исследованиям большая часть потерь энергии (до 90 %) приходится на сферу энергопотребления, поэтому основные усилия по энергосбережению сконцентрированы именно в сфере потребления электроэнергии.

Основная роль в увеличении эффективности использования энергии принадлежит современным энергосберегающим технологиям. Под энергосберегающей технологией понимают новый или усовершенствованный технологический процесс, характеризующийся более высоким коэффициентом полезного использования топливно-энергетических ресурсов [2].

На сегодняшний день актуальной проблемой является снижение энергопотребления жилых домов. Согласно подсчетам специалистов на обогрев домов государствами тратится до 40 % всех энергоресурсов страны, а в атмосферу в результате выбрасывается огромное количество углекислого газа, что приводит к развитию «парникового эффекта». Внедрение энергосберегающих технологий в хозяйственную деятельность частных лиц на бытовом уровне поможет решить целый ряд задач: уменьшение загрязнения окружающей среды, борьба с истощением ископаемых ресурсов, уменьшение затрат на содержание и обслуживание жилья и пр. [2].

Примером домов, которые в будущем позволят человеку жить в гармонии с природой, в то же время не лишая себя привычного комфорта, являются так называемые жилища нулевой энергии (zero energy house) или пассивные дома (passive house), объединяемые общим термином «энергоэффективные дома».

«Энергоэффективным» будет считаться такой дом, в котором комфортная температура поддерживается зимой без применения системы отопления, а летом – без применения системы кондиционирования.

Чтобы дом был энергоэффективным, при его строительстве должны быть использованы следующие технологии:

- 1) применение современной тепловой изоляции трубопроводов отопления и горячего водоснабжения;
- 2) индивидуальный источник теплоэнергоснабжения (индивидуальная котельная или источник когенерации энергии);
- 3) тепловые насосы, использующие тепло земли, тепло вытяжного вентиляционного воздуха и тепло сточных вод;

- 4) солнечные коллекторы в системе горячего водоснабжения и в системе охлаждения помещения;
- 5) поквартирные системы отопления с теплосчетчиками и с индивидуальным регулированием теплового режима помещений;
- 6) система механической вытяжной вентиляции с индивидуальным регулированием и утилизацией тепла вытяжного воздуха;
- 7) поквартирные контроллеры, оптимизирующие потребление тепла на отопление и вентиляцию квартир;
- 8) ограждающие конструкции с повышенной теплозащитой и заданными показателями теплоустойчивости;
- 9) утилизация тепла солнечной радиации в тепловом балансе здания на основе оптимального выбора светопрозрачных ограждающих конструкций;
- 10) устройства, использующие рассеянную солнечную радиацию для повышения освещенности помещений и снижения энергопотребления на освещение;
- 11) выбор конструкций солнцезащитных устройств с учетом ориентации и посезонной облученности фасадов;
- 12) использование тепла обратной воды системы теплоснабжения для напольного отопления в ванных комнатах;
- 13) система управления теплоэнергоснабжением, микроклиматом помещений и инженерным оборудованием здания на основе математической модели здания как единой теплоэнергетической системы [3].

В рамках государственной программы по переселению граждан из ветхого и аварийного жилья сдан в эксплуатацию и успешно функционирует первый на территории Ростовской области энергоэффективный малоэтажный жилой дом. В конце 2010 года в хуторе Апаринский Усть-Донецкого района завершилось строительство нового малоэтажного жилого дома. На базе двухквартирного жилого коттеджа проектировщики и строители реализовали комплекс энергосберегающих мероприятий, коснувшийся систем отопления, горячего водоснабжения, кондиционирования воздуха и вентиляции помещений, а также автоматического регулирования технологических параметров здания. Дом в Ростовской области построен по канадской технологии [1].

Конструктив здания

Сохранение энергии за счет конструктивных особенностей дома является важнейшим условием проектирования и энергоэффективного строительства. Дом в Ростовской области построен по канадской технологии. Стены дома обладают низкими теплопотерями за счет использования хорошо утепленных многослойных ограждающих конструкций. Ориентированно-стружечная плита (ОСП) и ветрозащита имеют по два слоя, а все остальные материалы – по одному. В конструкцию окон встроено низкоэмиссионное стекло со специальным покрытием, благодаря чему поверхность окон мед-

ленно теряет теплоту. Такое стекло обладает отличными теплоизолирующими свойствами и способно хорошо пропускать солнечный свет.

Фундамент дома – буронабивной, прочный и легкий, что позволяет сохранить ландшафт и компенсирует неровности почвы. Все материалы фундамента состоят из одного слоя. Для утепления строители применили теплоизоляционный материал.

Кровельное покрытие состоит из мягкой битумной черепицы, а перекрытие кровли выполнено деревянной двутавровой балкой [1].

Теплоснабжение

Отопление и горячее водоснабжение реализованы на базе теплового насоса мощностью 10 кВт, использующего энергию земли, и солнечного коллектора тепловой мощностью 2 кВт. Гелиоустановка преобразует теплоту солнца в энергию для горячего водоснабжения. Система отопления предусмотрена индивидуального типа (поквартирная) бивалентная, т.е. в качестве основного источника теплоты используется геотермальная система отопления, а для режимов пикового подогрева применяют газовое отопление. Система состоит из пяти контуров и обеспечивает четыре режима самостоятельной или комбинированной работы отопления, горячего водоснабжения и пассивного кондиционирования. Переключение между режимами работы осуществляется автоматически по сигналу от температурных датчиков путем переключения потоков трехходовых клапанов с помощью сервоприводов. Дополнительную теплоту здание получает посредством системы рекуперативной вентиляции [1].

Вентиляция и кондиционирование

Вентиляция выполнена по двухуровневой схеме. В каждой квартире установлена приточно-вытяжная установка с теплообменником рекуперации теплоты. Производительность установки по воздуху регулируется и составляет внизу помещения 65 м³/ч с эффективностью 77 %, а вверху – 105 м³/ч с эффективностью 70 %. Установка обеспечивает подачу предварительно подогретого воздуха в квартиру и его очистку посредством тканевого воздушного фильтра. Устройство использует теплоту комнатного воздуха перед его выводением наружу для нагрева свежего воздуха, поступающего с улицы. В летний период происходит обратный процесс – установки охлаждают поступающий с улицы воздух посредством прохладного воздуха из помещений.

Освещение

Коэффициент общего пропускания солнечной энергии остеклением составляет 47 %. Для освещения используются светодиодные лампы, которые работают совместно с датчиками движения. Дополнительно здание оснащено автоматизированной системой учета и архивации потребления электрической и тепловой энергии, холодной и горячей воды.

Автоматизация

Система автоматизации включает в себя управление освещением, вентиляторами в санузлах и приводами теплого пола и соответствует международному стандарту автоматизации KNX/EIB.

Система автоматизации является децентрализованной (при выходе из строя любого устройства, кроме блока питания, остальные приборы остаются работоспособными). Электроснабжение и автоматическое управление в жилом здании осуществляются по следующим принципам: автоматическое отключение неприоритетных нагрузок; коммерческий учет электроэнергии; электробезопасность при эксплуатации (автоматы, УЗО и т.д.); автоматическое управление температурой внутреннего воздуха; удаленный мониторинг квартир по интернет-каналу на основе GSM/GPRS-связи; контроль протечек воды в ванных комнатах и кухнях, утечки газа в кухнях с соответствующими клапанами перекрытия воды и газа, оповещением по каналу GSM и звуковой сигнализацией; возможность вызова сценариев с управляющих устройств, расположенных у выходов из квартир.

На начало 2014 года данная система работает без сбоев, исправно снабжая квартиры горячей водой и тепловой энергией. На случай особо низких температур зимнего периода система в своем составе имеет водогрейный отопительный котел [1].

Одной из основных причин медленного распространения строительства энергоэффективных домов, особенно в малоэтажном секторе, считается отсутствие заинтересованности собственников жилья, им не разъясняются в должной мере все способы и средства по модернизации жилища. Не проводится достаточной работы государственным аппаратом в стимулировании строительства энергоэффективных зданий. Например, льготы в налогообложении для строительных компаний, занимающихся строительством такого жилья. Сдерживающим фактором строительства «пассивных домов» в России является их относительная дороговизна, они примерно на 8–10 % выше стоимости обычных домов.

Тем не менее, надо принять во внимание не только стоимость жилья, но и стоимость его дальнейшей эксплуатации.

Затраты по эксплуатации «пассивного дома» в разы меньше затрат на обычное жилье, также стоит учесть постоянный рост цен на отопление, горячую воду и электроэнергию. В настоящее время нет программ государственного субсидирования внедрения энергоэффективных технологий в строительство и модернизацию в малоэтажном индивидуальном строительстве.

В целом, энергоэффективные технологии в малоэтажном строительстве представляют собой целый комплекс мероприятий, которые лишь в совокупности могут привести к желаемому эффекту. Именно в малоэтажном индивидуальном строительстве современные энергосберегающие материалы и оборудование дают наибольший экономический эффект.

Библиографический список

1. Папин, В. Первый энергоэффективный жилой дом в Ростовской области. Мониторинг энергосистем / В. Папин, А. Рыжков, И. Янченко // Электронный журнал Здания высоких технологий. Зима 2014. – С. 49–53. – URL: <http://zvt.abok.ru/>.
2. Бадьин, Г.М. Строительство и реконструкция малоэтажного энергоэффективного дома / Г.М. Бадьин. – СПб.: БХВ Петербург, 2011. – 432 с.
3. Roaf, S. Ecohouse: a design guide / S. Roaf, M. Fentes, S. Thomas. – Architectural Press, 2001.

[К содержанию](#)

УДК 72.04 + 7.012

ВОПРОСЫ АНАЛИЗА ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ

О.Б. Терёшина

Рассматриваются особенности анализа предметно-пространственной среды как основы проектно-художественной деятельности.

Ключевые слова: предметно-пространственная среда, анализ, типология объектов, проектирование.

Одной из важнейших движущих сил развития науки, в том числе в области архитектуры и дизайна, является изменение потребительских требований по мере развития общества. Потребительские требования – это набор критериев, которым должен отвечать проектируемый объект в процессе его будущего потребления. Наиболее полно требования потребителя могут быть удовлетворены, если объектом проектирования выступает не единственный объект, а комплексный – целостная система, включающая в себя при архитектурно-дизайнерском проектировании *пространство, предметную среду, техническое и инженерное оборудование. Эти элементы предметно-пространственной среды* находятся в постоянном взаимодействии с человеком и его запросами.

Вопросы изучения среды обитания человека, решение проблем ее реконструкции, определения основных направлений ее развития ставит серьезные проблемы перед дизайнерами, архитекторами и проектировщиками. История дизайна насчитывает не многим более ста лет, но за этот период дизайн превратился в один из важных видов проектно-художественной деятельности. В отличие от задачи создания «радостных» вещей, которая ставилась в первые годы становления и развития дизайнерского искусства

в России, задачи дизайн-проектирования становились все более комплексными, происходило становление методологической базы проектирования и основных понятий средового дизайна. В результате изучения среды сформировались взаимосвязанные понятия: комплексный (системный) объект и средовой подход, предполагающий рассмотрение среды как результата освоения человеком его жизненного окружения. Соответственно деятельность и поведение человека принимаются как определяющий фактор, связующий отдельные элементы среды в целое.

Важным для выбора оптимальных направлений художественного проектирования предметно-пространственной среды становится предпроектный и проектный анализ, включающий типологический, функциональный и эргономический анализ, анализ аналогов и нормативной базы проектирования, композиционный и прогностический анализ. В связи с динамично меняющимися социальными и экономическими условиями жизни современного человека все более важным становится прогнозирование вариантов образа жизни, перспективы перемен и трансформаций потребительских требований.

Типологический анализ направлен на определение места объекта проектирования в типологической классификации объектов предметно-пространственной среды: описывает их строение, определяет перечень задач их проектирования, иллюстрирует возможные варианты решения задач, помогает определить порядок приоритетов в системе проектных действий архитектору и дизайнеру. Типология описывает свойства средовых объектов и систем, сравнивая их между собой по наиболее существенным признакам строения и функционирования. Однако, мир так многообразен, что не может быть абсолютной типологической системы его описания. Все зависит от критериев классификации. При типологическом анализе достаточно сложной задачей становится ограничение круга главных, наиболее действенных критериев. Важна при этом цель составления классификации, прогнозирование основных результатов научно-исследовательской работы или проектных решений, формирующихся на ее основе. Иерархия структурно-типологических связей всегда относительна и имеет смысл только в пределах данной проектной или аналитической работы.

Среди базовых критериев классификации выделяют пространственные особенности и функциональное назначение предметно-пространственной среды. Следует отметить, что искусственные (созданные человеком) среды четко не классифицированы, что не случайно. Помимо сред, имеющих вполне определенные функции, существует немало суммирующих функций, среди которых трудно определить приоритетную. К дополнительным критериям классификации среды относят художественный образ, степень завершенности, геометрические признаки, отношение к природному окружению и т.д.

Классификацию среды можно дать также делением ее на открытую (городскую, ландшафтную и т.д.) и ограниченную, закрытую (внутреннее пространство зданий, сооружений). При этом в интерьерах функциональное назначение (технологический процесс) однозначно определяет их объемно-пространственную основу, что ведет к бесчисленности ее архетипов (театральный зал, жилая комната, цех). В открытых средах функция предельно укрупнена, что приводит к ограниченному количеству ее типов (улица, площадь, парк).

Для практических целей рекомендуется составлять типологическую матрицу [1]. Для базовых критериев в таблице по вертикали рассматривают масштабные характеристики сравниваемых объектов, по горизонтали – их назначение. Типологические матрицы могут формироваться разными парами критериев, но, как правило, один из критериев выбирается базовый – размер, либо назначение средового объекта. Остальные дополняют и уточняют укрупненные сведения о среде. Попав в определенную ячейку таблицы, средовой объект становится эталоном, типом данного вида среды. Он обладает конкретными показателями строения и характером использования. Он будет служить проектировщику ориентиром при работе с аналогичными заданиями.

Назначение, функциональное содержание средового объекта в большинстве случаев двойственно:

- 1) утилитарно-практические нужды потребителя;
- 2) эмоционально-художественные ожидания потребителя.

Таким образом, любой тип предметно-пространственной среды выполняет два вида функций – утилитарные и духовные. В зависимости от назначения среды соотношение этих функций может быть различно. В некоторых случаях утилитарные функции являются доминирующими, если не единственными (при решении чисто инженерных задач). В подавляющем же большинстве случаев человеку необходимо «лишнее» с утилитарной точки зрения. Важно, чтобы это «лишнее» (результат художественного творчества) не мешало реализации функций утилитарных (например, визуальной ориентации, работе коммуникаций), не создавало дискомфортных ситуаций.

Утилитарные функции обеспечивают состояние комфорта потребителя, духовные ориентированы на визуально-чувственное восприятие среды человеком. Последние усугубляют те или иные эмоциональные ощущения, апеллируют к культурно-историческим, идейно-образным ассоциациям, т.е. формируют отношение потребителя к среде, оценивая ее. В любом случае необходим учет обеих функций. Поэтому, прежде всего, должен быть определен перечень функций по их иерархическому признаку (главные, вспомогательные, возможные, желательные и т.п.). Именно перечень функций является основанием как задания на проектирование, так и пе-

речнем требований, предъявляемых к проекту или уже готовому объекту при его экспертной оценке. Набор функций должен отвечать как сегодняшним потребностям, так и прогнозируемым будущим потребностям, которые могут развиваться и качественно и количественно.

Одним из центральных проектных методов современного дизайна стала эргономика, призванная создать максимально удобные предметы и комфортную среду для человека. Особенно важен уровень эргономических показателей для технически сложных объектов. Поэтому современное дизайн-проектирование невозможно без эргономической составляющей, обеспечивающей соответствие предметно-пространственной среды психофизиологическим возможностям человека. Эргономический анализ объекта проектирования должен быть направлен на обеспечение высокой эффективности деятельности человека при сохранении его физического и морального здоровья. За последнее время эргономика значительно расширила свои границы, выйдя на микроуровень (нанотехнологии) и мегауровень (пространства). Изначально связанная с антропометрией и моторикой человека, эргономика начинает затрагивать и эмоциональные аспекты его жизнедеятельности.

Исследования в области организации предметно-пространственной среды отмечают все больший учет «человеческого фактора» при ее проектировании, «антропоцентричный характер» комплексного объекта дизайна. Указывается на то, что в современном постиндустриальном обществе экономический рост перестает выступать в качестве основной цели общественного развития, акцент смещается на социальные и гуманитарные проблемы, в центре которых стоит человек. «Организация предметного слоя и окружающей пространственной среды ведется от «человека» как система своеобразных оболочек человека – уровней контакта с предметным и пространственным окружением, обеспечивающих ему комфортные условия для самых различных процессов жизнедеятельности: уровень биомеханического контакта; тактильный уровень; уровень сенсорного контакта и моторики; уровень визуального контакта. Эти «оболочки» (контактные уровни) определяют различные группы проектных задач для дизайна и эргономики» [2].

Современное общество ставит перед архитектором и дизайнером все более сложные и интересные задачи, решение которых невозможно без глубокого анализа всех аспектов проектирования, комплексного подхода к организации предметно-пространственной среды. При этом следует помнить, что потребительские требования являются основой для формирования средовых объектов, но и сформированная архитектором и дизайнером предметно-пространственная среда является основой для воспитания человека, формирования его функционально-технологических, психофизиологических и эмоционально-эстетических потребностей.

Библиографический список

1. Минервин, Г.Б. Дизайн: основные положения, виды дизайна, особенности дизайнерского проектирования, мастера и теоретики: ил. слов.-справ. / Г.Б. Минервин, В.Т. Шимко, А.В. Ефимов и др.; Моск. архитектур. ин-т, Каф. Дизайн архитектур. среды. – М. : Архитектура-С, 2004. – 283 с.

2. Михайлов, С.М. Дизайн современного города: комплексная организация предметно-пространственной среды (теоретико-методологическая концепция) [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения / С.М. Михайлов. – М.: ВНИИТЭ, 2011. – 57 с. – URL: <http://www.advtech.ru/vniite/ref.php?p=7>.

[К содержанию](#)

УДК 72.025.5 + 725.42.025.5:621.311.2

ПРОБЛЕМА ПОИСКА АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗА В ПРОЕКТЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ БАТТЕРСИ В ЛОНДОНЕ

М.Ю. Тюрин

В современном мире актуальна проблема использования исторических промышленных объектов и их эксплуатация с учетом современных требований. Эта задача решается путем реконструкции таких зданий различными методами. Архитектурный облик промышленных зданий также подвергается реновации с целью создания выразительного художественного образа. Данные вопросы рассмотрены на примере проекта реконструкции электростанции Баттерси в Лондоне.

Ключевые слова: архитектура, промышленное здание, реконструкция, художественный образ.

В последние десятилетия внимание архитекторов все чаще привлекают заброшенные промышленные сооружения, особенно расположенные в центрах крупных городов. Как правило, эти здания построены во второй половине XIX – начале XX века, представляют архитектурный интерес и выполнены из качественных долговечных материалов. Исторические промышленные здания обладают многими ценными качествами, позволяющими использовать их в современных условиях – большие площади помещений, каркасная структура здания, увеличенные оконные проемы, эксплуатируемая кровля. С архитектурной точки зрения, такие здания зачастую являются очень интересными представителями своей эпохи и отличаются своеобразными решениями, которые в современной промышленной

архитектуре уже не встречаются. Кроме того, территория в историческом центре города, занимаемая промышленной застройкой, является очень ценной, благодаря инфраструктуре, которая сложилась вокруг нее за долгое время. Вот почему в исторических промышленных зданиях после реконструкции размещается элитное жилье, рестораны, художественные галереи и музеи. Примеров подобного использования заброшенных промышленных зданий очень много, от цементного завода в Барселоне, перестроенного Рикардо Бофиллом в собственную виллу, до Винзавода в Москве, ставшего одним из самых известных арт-кластеров в России.

Электростанция Баттерси в Лондоне построена в 30-х годах XX века, расположена на берегу Темзы и окружена жилыми, промышленными и офисными зданиями. Это одно из крупнейших кирпичных зданий Европы, занимает территорию общей площадью более 21 гектара. Во время работы электростанция производила пятую часть всей электроэнергии Лондона, однако, в 1980 году была остановлена и в 1983 году полностью закрыта. Но до сих пор это здание остается неотъемлемой частью городского ландшафта и является объектом притяжения туристов. Это прекрасный образец архитектуры ар-деко, с оригинальными интерьерами и конструкциями. Здание построено из красного кирпича и имеет четыре бетонные трубы высотой 103 метра. На данный момент электростанция имеет статус объекта культурного наследия, но состояние здания неудовлетворительное, конструкции подвергаются разрушению из-за отсутствия кровли.

Здание электростанции неоднократно меняло хозяев, а вместе с ними менялись и предложения по ее дальнейшему использованию. Один из вариантов предполагал возвращение зданию его промышленной функции в виде мусороперерабатывающего комплекса, работающего по современным «зеленым» технологиям. Здание предлагалось накрыть экологическим куполом, с целью минимизировать какое-либо вредное воздействие на окружающую среду. Другой проект превращал здание электростанции в часть большого многофункционального комплекса, включающего в себя территорию всего окружающего микрорайона и состоящего из жилых, общественных и офисных зданий. Помещения самой станции предлагалось переоборудовать под жилые лофты, рестораны и магазины, а в дымовых трубах были размещены панорамные лифты и смотровые площадки. Однако, окончательного решения принято не было, и в конце 2012 года был объявлен международный конкурс на реконструкцию электростанции Баттерси в музей архитектуры. По материалам этого конкурса на кафедре «Архитектура» ЮУрГУ в 2013 году был выполнен дипломный проект (автор – Никулина А., руководители – проф. Шабиев С.Г., ст. преп. Тюрин М.Ю.). На Международном конкурсе лучших дипломных проектов по архитектуре и дизайну в г. Санкт-Петербурге этот проект получил диплом первой степени и диплом Союза архитекторов России.

При работе над проектом автор и руководители в первую очередь столкнулись с проблемой выбора концептуального принципа реконструкции промышленного здания, а именно способа работы с уникальной исторической архитектурой. В мировой практике существует несколько подходов к подобной проблеме. Один из них заключается в том, что внешний архитектурный облик сооружения не изменяется, а реконструкции подвергается только внутренняя структура здания. Степень изменения может быть различной, от реконструкции исторических интерьеров до полного удаления конструкций, перекрытий и кровли. В качестве дополнительного пространства, увеличивающего полезную площадь здания, может быть задействован подземный уровень. Данный способ используется при работе с сооружениями, имеющими особую архитектурную ценность и не требующими пристройки дополнительных объемов. Другой метод предполагает возведение нового здания в качестве пристройки или надстройки к существующему строению, но архитектура нового объема должна максимально вписываться в контекст исторической постройки. Должны использоваться аналогичные строительные и отделочные материалы, единая цветовая гамма. Новая часть здания становится органичным продолжением существующего, и с течением времени начинает восприниматься как единый ансамбль. При использовании этого способа реконструкции архитектор получает возможность значительного увеличения полезной площади здания, но ограничен в использовании средств художественной выразительности, спектр которых продиктован исторической архитектурой здания. Поэтому следующий метод работы в условиях реконструкции – это внедрение в существующую архитектурную композицию новых элементов, которые отличаются, но остаются нейтральными по отношению к историческому зданию. Такого эффекта можно добиться с помощью амасштабности, отсутствия узнаваемых архитектурных элементов, использования прозрачных или зеркальных поверхностей, в которых будет отражаться окружение. При таком способе реконструкции старое здание получает новое звучание, выглядит более привлекательно за счет интересного сочетания современной и исторической архитектуры. Следующая степень вмешательства в существующий облик здания при реконструкции – возведение новых объемов, выполненных в контрасте с исходным архитектурным решением. Контраст может достигаться, путем использования подчеркнуто разных материалов, цветов, фактур и геометрических форм, а также общего композиционного замысла. В этом случае архитектор имеет наибольшую степень свободы самовыражения, ограниченную только его вкусом и талантом, но это и самый сложный способ, ведь даже в этом случае общий архитектурный ансамбль должен оставаться гармоничным и целостным.

Таким образом, для проекта реконструкции электростанции Баттерси в Лондоне был выбран метод, основанный на контрасте новых объемов и исторической архитектуры. Такое решение было принято, потому что оно

позволит добиться нового, яркого и провоцирующего художественного образа нового здания музея архитектуры. По мнению автора и руководителей, такого рода музей должен формировать у зрителей интерес и привлекать внимание уже на уровне здания, которое само становится выставочным экспонатом и демонстрирует новый уровень использования современных средств архитектурной выразительности. В качестве основного образно-метафорического приема была выбрана форма клубов дыма или пара, которые в течение 60 лет выбрасывались из труб электростанции и являлись неотъемлемой частью ее силуэта. Такая форма придает зданию символическую значимость и подчеркивает его промышленное прошлое. Конечно, образ «облака» – не новшество, и неоднократно использовался в различных архитектурных проектах. В том или ином виде эта форма появлялась в решении выставочных павильонов (павильон Serpentine Gallery в Лондоне, архитектор Су Фуджимото, павильон Blur Building в Швейцарии, архитекторы Элизабет Диллер и Рикардо Скофидио, павильон «Голова в облаках» в Нью-Йорке, архитектурная студия Климоски Чанг, и др.). Но, несмотря на довольно частое использование, этот образ не потерял актуальность, благодаря тому, что каждый раз он творчески перерабатывается, и каждое архитектурное сооружение, основанное на этой форме, все равно получается индивидуальным.

В проекте реконструкции электростанции Баттерси образ клубов пара, или «облака», выражается в форме надстройки, которая помещается в центре основного объема здания между четырех дымовых труб (рис. 1). Надстройка поднята на высоту этих труб и опирается на дополнительный нижний объем, а также на систему металлических тросов, натянутых между бетонными трубами станции. Само «облако» представляет собой легкую металлическую конструкцию, поверх которой натянута двухслойная полимерная мембрана, заполненная воздухом. Такое конструктивное решение позволяет добиться мягких, естественных форм этого объема, ассоциирующихся с клубами белого пара.

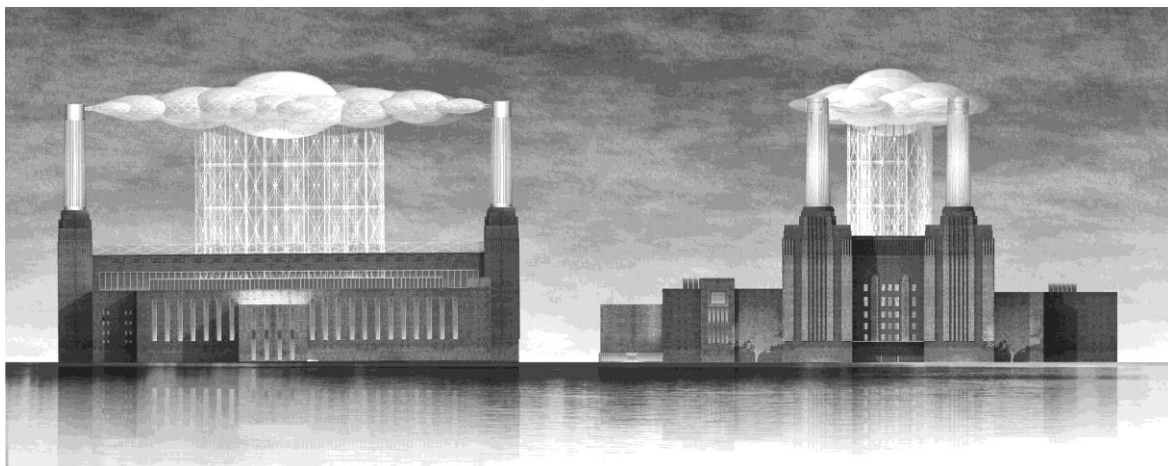

Рис. 1. Фасады электростанции Баттерси по проекту реконструкции

В процессе проектирования было выполнено множество вариантов формы надстройки, начиная от упрощенного геометрического, и заканчивая абстрактным, но в конечном проекте было решено сохранить бионическую структуру формы (рис. 2). Полимерная мембрана, создающая форму «облака», полупрозрачна, и позволяет обеспечить рассеянным светом помещения внутри надстройки без использования оконных проемов. Интерьер этого внутреннего пространства, где расположен многофункциональный мультимедиа-зал и смотровая площадка, сформирован конструкциями и покрытием основного объема, и выглядит не менее эффектно.

Помимо «облака», историческое здание электростанции дополняется высоким центральным объемом, который служит в качестве опорного и коммуникационного элемента для верхнего объема (рис. 3). Также в нем располагаются экспозиционные залы, спроектированные на разных уровнях. Этот объем выглядит совершенно нейтрально за счет полного периметрального остекления стен, а также использования легких металлических конструкций каркаса. Он не отвлекает, а лишь подчеркивает доминанту всего ансамбля – легкий белый объем «облака». В вечернее время обновленная электростанция Баттерси преобразуется с помощью современных систем светодизайна, благодаря которым и фасады здания, и «облако» могут превратиться в огромный мультимедийный экран.

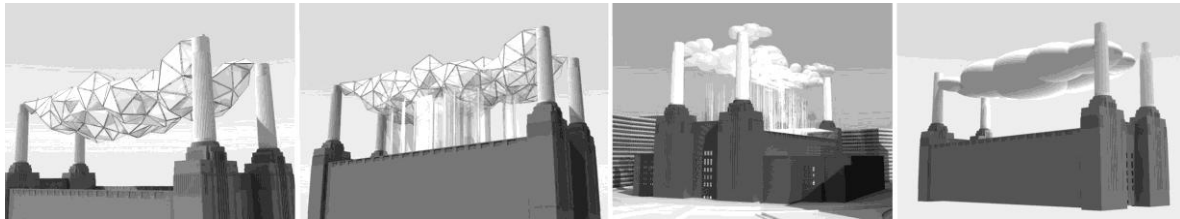

Рис. 2. Поиск формы надстраиваемого объема

Рис. 3. Перспектива электростанции Баттерси по проекту реконструкции

В дипломном проекте, посвященном возрождению одного из символов старого Лондона, использованы самые прогрессивные тенденции реконструкции исторических промышленных зданий. Этот подход включает в себя синтез существующей материальной структуры и новаторского художественного решения, в результате чего рождается уникальный архитектурный образ, интегрирующий прошлое в современность.

[К содержанию](#)

УДК 316.334.3 + 316.42

О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ДИНАМИКЕ ОБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ*

Л.А. Филимоненко

Излагаются некоторые выводы, оценки и прогнозы международной школы-семинара, проходившего в г. Петергофе в конце 90-х годов. В рамках семинара обсуждались вопросы прогнозирования общественного развития, состояния футурологии, регулирования рынка в условиях информационного общества преодоления кризисов и др.

Ключевые слова: прогнозирование, регулирование, исследование будущего, кризисы, экология.

Заявленная тема семинара звучала так: «Будущее России, будущее Балтийского региона». Организаторами семинара были:

- гуманитарный и политологический центр «Стратегия» в г. Санкт-Петербурге;
- международный фонд «Культурная инициатива»;
- российская ассоциация международной федерации исследователей будущего.

Ведущим семинара был академик, доктор наук Бестужев-Лада И.В.

С лекциями выступали известные ученые из Москвы (МГУ), Петербурга, президент Всемирной ассоциации исследователей будущего Пенти Мальяска (Финляндия). Кроме лекций проходили круглые столы для дискуссий по разным проблемам.

Основными направлениями обсуждений были:

- 1) исследование будущего: подходы и перспективы;
- 2) прогнозирование кризисных ситуаций: трудности и проблемы;

---

* Работу 10-дневной школы-семинара спонсировал Дж. Сорос. Слушателями были ученые и аспиранты из Москвы и Петербурга и приглашенные специалисты из Прибалтийских стран.

- 3) принципы современной деятельности;
- 4) взаимоотношения человека и власти;
- 5) перспективы развития экологической ситуации в России;
- 6) регулирование рынка в условиях информационного общества.

Далее излагались некоторые выводы, оценки и прогнозы, не потерявшие свою актуальность и на сегодняшний день.

О состоянии футурологии. Футурология – наука о прогнозировании, место которой было определено так: идеология – это то, что отражает действительность, утопия – то, что противостоит действительности, а футурология – между ними. Хотя 99,9 % всех процессов в любом обществе неуправляемо, а все, что поддается решению и управлению, в принципе непредсказуемо, человек хочет знать о будущем.

Методическая база футурологии, созданная в России еще до 1964 г. (а затем запрещенная), включала 3 основных подхода к прогнозированию:

- экстраполяция (которая сегодня уже не отвечает требованиям прогнозирования);
- аналитическое моделирование;
- опрос экспертов.

В США возникло т. наз. технологическое прогнозирование как отказ от традиционного прогнозирования и определения возможных пределов развития событий. Конечным продуктом технологического прогнозирования является постановка проблемы, а анализ трендов (блоков информации) составляет основу прогнозирования. Там считают, что построение дерева проблем дает значительно больше информации о стране, чем предсказания.

В России аналитик (т.е. специалист в области методики прогнозирования) является посредником между экспертами и лицами, принимающими решения (ЛПР). Проблемы здесь часто связаны с некомпетентностью ЛПР, когда игнорируется участие аналитиков.

Кроме этого, было отмечено, что у нас:

- не разработаны технологии получения прогнозов;
- не определен статус экспертов;
- нет критериев качества прогнозов;
- не разработана методика оценки ситуации;
- нет обратной связи.

Поэтому ключевой задачей прогностики у нас является разработка путей повышения качества прогнозов.

Обсуждение следующей темы – «Экология и прогностика» – выявило безрадостную картину стремительного ухудшения экологической ситуации. Нарастает загрязнение воздуха, воды, почв; происходит разрушение ландшафтов. 90 % загрязнений – от промышленности, 10 % – от людей. По расчетам жить нам осталось от 50 до 80 лет. А далее – или мы изменим себя, или исчезнем – под воздействием токсических отходов.

Из этой ситуации может быть 2 основных выхода:

1) безотходные технологии. Трудности здесь связаны с отсутствием таких технологий и потребностью в значительных средствах. Остро необходимо развитие малой энергетики на чистых источниках (энергии ветра, воды), т.к. производство электроэнергии должно удваиваться и утраиваться каждые 10 лет;

2) формирование нового мышления и экологического сознания, без чего невозможно решение экологических проблем.

Экология – наука о способах ограничения использования ресурсов. Она должна предвидеть и предотвращать. В науке прогнозирования экологии выделяют 3 этапа: понимание, объяснение и предвидение. Воспитание экологического стиля мышления в нашем обществе должно начинаться со средней школы. Оживление духовной жизни тоже может способствовать развитию экологического мышления.

О деятельности Всемирной Федерации исследователей будущего

Основана в 1973 г. и объединяет представителей всех стран мира (от России – Всероссийская ассоциация футурологов). В Финляндии создан центр по исследованию будущего, в котором разрабатывались 17 направлений исследований, в т.ч. такие:

1) «Видение будущего» – в рамках его ведется специальное обучение новому видению, начиная со средней школы, с целью развития особого образа мышления;

2) «Проект развития культуры страны» – в нем рассматривается будущее цивилизации, влияние культуры на будущее (образно это выглядит так: экономика – локомотив, который тянет развитие, политика – толкает сзади, культура – сидит в вагоне);

3) проект, связанный с проблемой устойчивого развития;

4) ответственность за глобальное развитие;

5) парадигма изучения будущего. Теория хаоса.

О новых тенденциях в динамике общества на рубеже веков

Общим для макро- и микромиров является цикличность развития. Общество – это 5-этажная пирамида, каждый уровень которой проходит в своем развитии средне-срочные, долго-срочные и тысячелетние циклы (последний – это смена мировых цивилизаций). Изменение типа мышления – необходимость быстроизменяющегося мира, причем темпы изменений постоянно возрастают; сейчас – в геометрической прогрессии.

XX век закончился агонией индустриальной цивилизации. Сегодня рождается будущее, и 50 лет – это переходный период в XXI век.

Россия отстает на 1,5–2 десятилетия от мировой цивилизации по причине уничтожения цвета интеллекта нации. Растет сползание России на периферию мирового прогресса, и по многим позициям она в компании Африканских государств на 70–90-х местах и далее.

Как изменить ситуацию?

Самые главные изменения должны произойти в человеке. Функциональная неграмотность и профессиональная некомпетентность – последствия ушедшей эпохи, но актуальны по-прежнему. После краха социалистической идеи настоящему переходному периоду соответствует отсутствие идеалов и противоречивые тенденции и это становится почвой для взращивания агрессивных течений и настроений. Необходимо формирование нового мировоззрения и новой идеологии, к чему властные структуры никак не могут прийти.

О регулировании рынка в условиях информационного общества

В современном информационном обществе присутствует ряд черт социализма (по Марксу, но несколько видоизмененных):

– обобществление производства – но на основе информации и доступа к мировой глобальной информации;

– общественный контроль, но не через политбюро и ФСБ, а через банки, в которых собирается информация об отдельной личности.

В рыночной системе может быть 3 модели развития:

1) саморегулируемый свободный рынок как модель развития – существовал в США до конца XIX века, сегодня – только в странах Азии и Африки;

2) регулируемый индустриальный рынок. Для него характерно возрастание роли государства в регулировании экономики – через налоги, кредитование, создание системы социальной защиты (к этой модели мы стремимся);

3) регулируемый информационный рынок.

Развитые страны идут по этому пути (кроме России). При этом происходят следующие изменения:

– объектом рыночных отношений становится не имущество, а интеллектуальная собственность;

– субъектами регулирования всё чаще становятся хозяйственные ассоциации, т.е. публичные организации;

– меняются методы регулирования: происходит планирование не в глобальном масштабе, а на уровне отдельных собственников. План и рынок в информационном обществе соединяются и не противоречат друг другу.

Падение производства, как и его рост, не могут служить критериями эффективности экономических реформ. Т.е. динамика объёма производства – не фактор развития реформ. Конечным критерием является развитие интеллектуального потенциала общества.

Экономика благосостояния, эффективность вложения капитала (т.е. гуманитарные аспекты экономики) – главные проблемы в мире сегодня, ибо экономика и социология – одна наука.

О кризисах. Кризисы неизбежны. Ни одна система не может развиваться без кризисов. Можно их предвидеть и смягчить последствия, но не предотвратить.

Кризисы прогрессивны, они выполняют 3 функции:

- разрушительную (крушение прежней устаревшей системы);
- наследственную – что-то берётся в будущее из прошлого;
- созидательную – расчистка дороги новому.

Если мы в России пытаемся реанимировать старое, то результат – состояние нижнего равновесия, т.е. депрессия (ни хуже, ни лучше).

Кризисы бывают: индивидуальные (точечные); локальные (регионы), глобальные (всего человечества).

Стадии кризисов:

1) латентный период – скрытое накопление противоречий (жизнь не по средствам);

2) обвал – до достижения дна (никто не знает, когда);

3) депрессия – состояние нижнего равновесия, застой;

4) оживление – кончается с достижением докризисного состояния. Затем – подъём, но никто не знает, когда.

Кончатся кризисы переходными периодами.

[К содержанию](#)

УДК 711.4

МЕЖЕВАНИЕ ЗАСТРОЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

А.Ю. Худяков

Влияние земельных отношений на формирование современных градостроительных документов неоспоримо, а межевание, как инструмент регулирования земельных отношений, инструмент формирования земельных участков, приобретает в настоящий момент важнейшее градостроительное значение.

Ключевые слова: межевание, закон, территории.

На настоящий момент практика земельных отношений только складывается на территории России. В советское время большинство территорий поселений и межселенных территорий проектировалось и эксплуатировалось с точки зрения народного хозяйства, зачастую без определения хозяйствующего субъекта, либо таковой определялся номинально. Особенно это чувствуется в планировках городов, которые застраивались в советское время.

На территории городов Российской Федерации разрабатывается большое количество документации по планировке и межеванию территории. В большинстве случаев проекты кроме планировочных вопросов решают и вопросы, связанные с межеванием земли. Межевание же земли определяет удобство и безопасность жизнедеятельности человека.

На настоящий момент существуют серьезные пробелы в нормативной документации. Не существует единой методики определения размеров земельных участков застроенных территорий. Часто решения принимаются на усмотрение проектировщика. Кроме этого нормативы по размерам вновь формируемых участков зачастую не отражают требований современной действительности и, как правило, не дают возможности осуществлять проектирование современных, экономически обоснованных объектов. В этой связи особое значение приобретает проектное межевание, которое становится одним из важнейших способов регулирования развития городов и поселений.

Термин «Межевание» не нов и обозначал в разное время схожие понятия. В общем и целом их можно объединить единым значением, как определение на местности и юридическое оформление границ земельных владений. В России его результаты заносились в писцовые (в XVI–XVII вв.) и межевые (в XVI–XIX вв.) книги [1].

В истории европейских государств Римское право впервые установило ограничения права собственности, касавшиеся владения и пользования недвижимостью, как в интересах государства, так и в интересах соседей. Можно выделить следующие ограничения, применявшиеся в то время:

- ограничительные нормы, установленные по мотивам права на дорогу;
- ограничительные нормы, установленные по мотивам религиозного характера;
- ограничения, установленные с целью предупреждения пожаров;
- ограничительные нормы, имевшие в виду улучшение санитарных условий и внешнего благоустройства;
- натуральная повинность устанавливалась в видах содействия осуществлению тех или других общественных сооружений;
- ограничения, установленные в интересах соседского права, в том числе как следствие создание ряда строительных сервитутов.

Дальнейшее развитие градостроительное законодательство получило в Прусском праве. Немалая часть положений Прусского права касались и различных случаев совместного использования земельных участков, разделение ответственности между землевладельцами. Достаточно подробно законы регламентировали правила пользования различными прибрежными территориями и водными объектами.

Впервые именно в прусском праве были осуществлены уложения, касающиеся ограничений по строительству в пределах военных фортификационных объектов.

Закон 21 декабря 1871 года ограничил (под условием, впрочем, возмещения убытков) право собственности на недвижимость, лежащую в пределах, так называемой, крепостной линии. Эти ограничения носят также публичный характер. Они существуют в интересах военного дела и заклю-

чаются в том, что строения известного рода вовсе не допускаются вблизи крепости, другие же могут иметь место лишь с разрешения подлежащей власти. С упразднением крепости, эти ограничения исчезают сами собою [2]. Во многом, основываясь на положениях именно Прусского права, был сформирован план строительства Челябинской крепости.

В основном в периметр стен попали жилые кварталы и крепостные постройки. Территория вдоль стен практически не была застроена по фортификационным соображениям. В крепости на тот момент существовали трое ворот. В дальнейшем план уездного города развивался на основе структуры, заложенной при формировании крепости.

Как видно, структура кварталов принципиально не менялась, и город продолжил рост по первоначально заложенному принципу деления на кварталы с сохранением ортогональной сетки улиц.

В результате к середине XIX века в г. Челябинск сформировалась достаточно четкая система прямоугольных жилых кварталов и улиц, в основе которой лежала ортогональная схема застройки. Землевладения, как правило, имели четкие границы и были связаны с улицей или проездом. Также в тот период начала формироваться система городских площадей и скверов, которые уже в то время представляли собой территории общего пользования, как и большинство улиц и проездов. Река и водные объекты на территории города так же были доступны для общего пользования. Земельные участки были сформированы с учетом бечевника – территории общего пользования по границе водных объектов.

В последующие годы человек пережил 2 периода бурного экономического роста, вызванных строительством в конце XIX – начале XX века Транссибирской железнодорожной магистрали и индустриализацией в конце 1920 – начале 30-х годов.

Это наложило отпечаток на формирование генерального плана города. На территории города появилась железная дорога с сопутствующими сооружениями. Город получил активный толчок к развитию, став важным пунктом на пути из Сибири в европейскую часть страны.

Крупномасштабные экономические задачи молодого советского государства вызвали необходимость создания первого генерального плана города, который был разработан в 1936 году Ленинградским отделением Гипрогора под руководством арх. Эйсмонта Н.Г. По генплану город продолжал развиваться вокруг исторического центра с сохранением прямоугольной сетки кварталов. В тот момент было запланировано 5 административных районов города со своими планировочными центрами и связью между районами сетью улиц и общественного транспорта [3].

В послевоенный период появилась необходимость упорядочивания структуры города, что и было причиной создания генерального плана 1947 года. Характерной чертой этого генплана – было формирование 4-х промузлов, на

базе уже действующих предприятий. Также были определены территории для дальнейшего развития города, транспортные магистрали и объездные дороги.

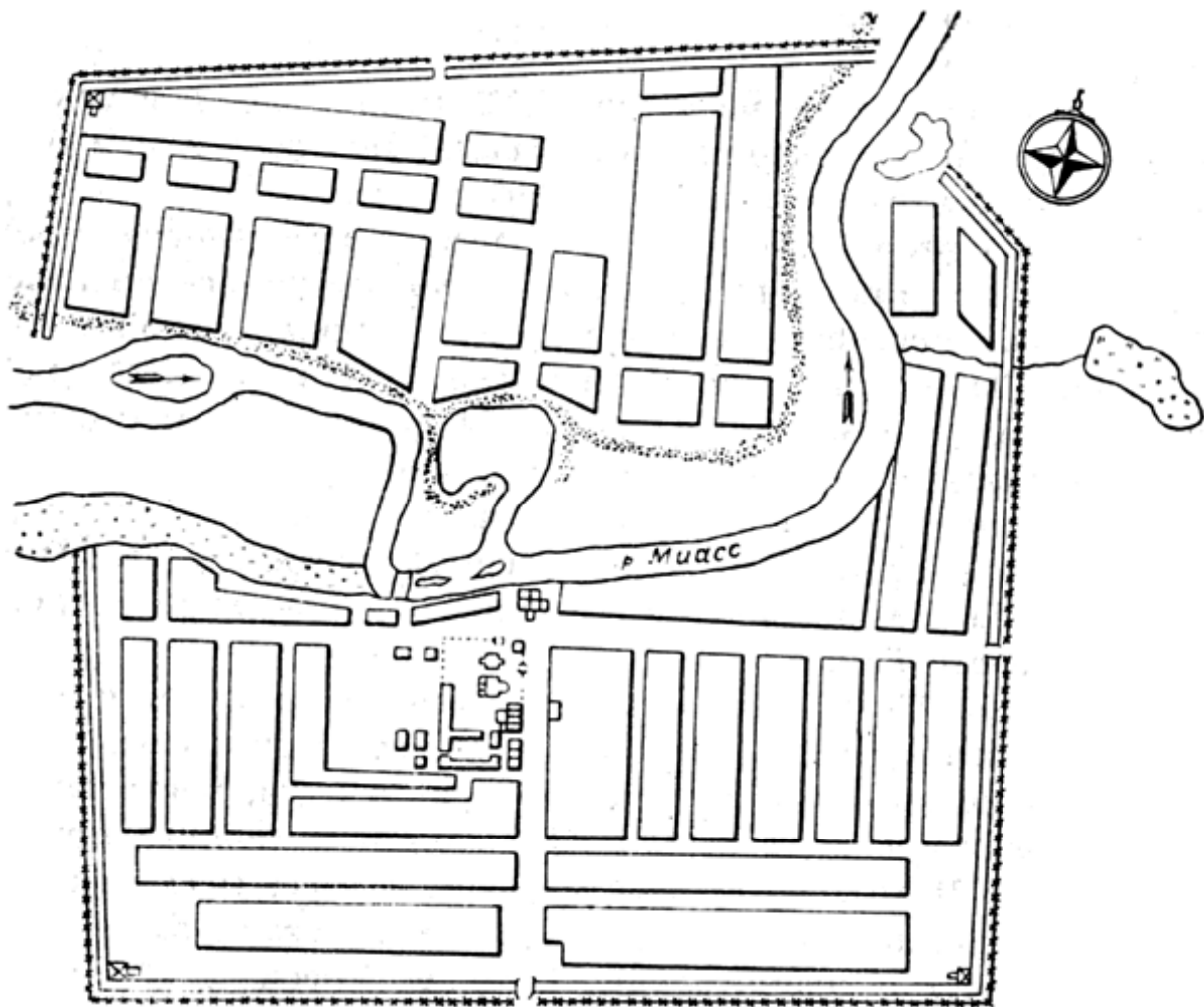

Рис. 1. План Челябинской крепости середины XVIII века

Идеи рационального размещения жилых и промышленных территорий были поддержаны и следующим, 3-им по счету, генеральным планом города, разработанным в 1967 году институтом ЧГрП. Новая система хозяйствования ставила перед проектировщиками новые градостроительные задачи, что привело к формированию новых кварталов, повышению плотности и этажности застройки. Основная масса вновь возводимых в тот период кварталов обладали общими внутриквартальными территориями, общей системой социального обслуживания населения. Основной упор в генеральном плане делался на массовое строительство.

На настоящий момент в г. Челябинске реализуется генеральный план редакции 2004 года. Генпланом предусматривается дальнейшее развитие города. Зачастую развитие предполагается на уже застроенных territori-

ях. Соответственно затрагиваются имущественные и другие права лиц, постройки которых расположены на таких территориях. В соответствии с действующим законодательством застройка территорий осуществляется в соответствии с генеральным планом города и в соответствии с документами по планировке и межеванию территории. Рациональное межевание территории необходимо для реализации градостроительных задач, которые ставит перед проектировщиками генеральный план города [4].

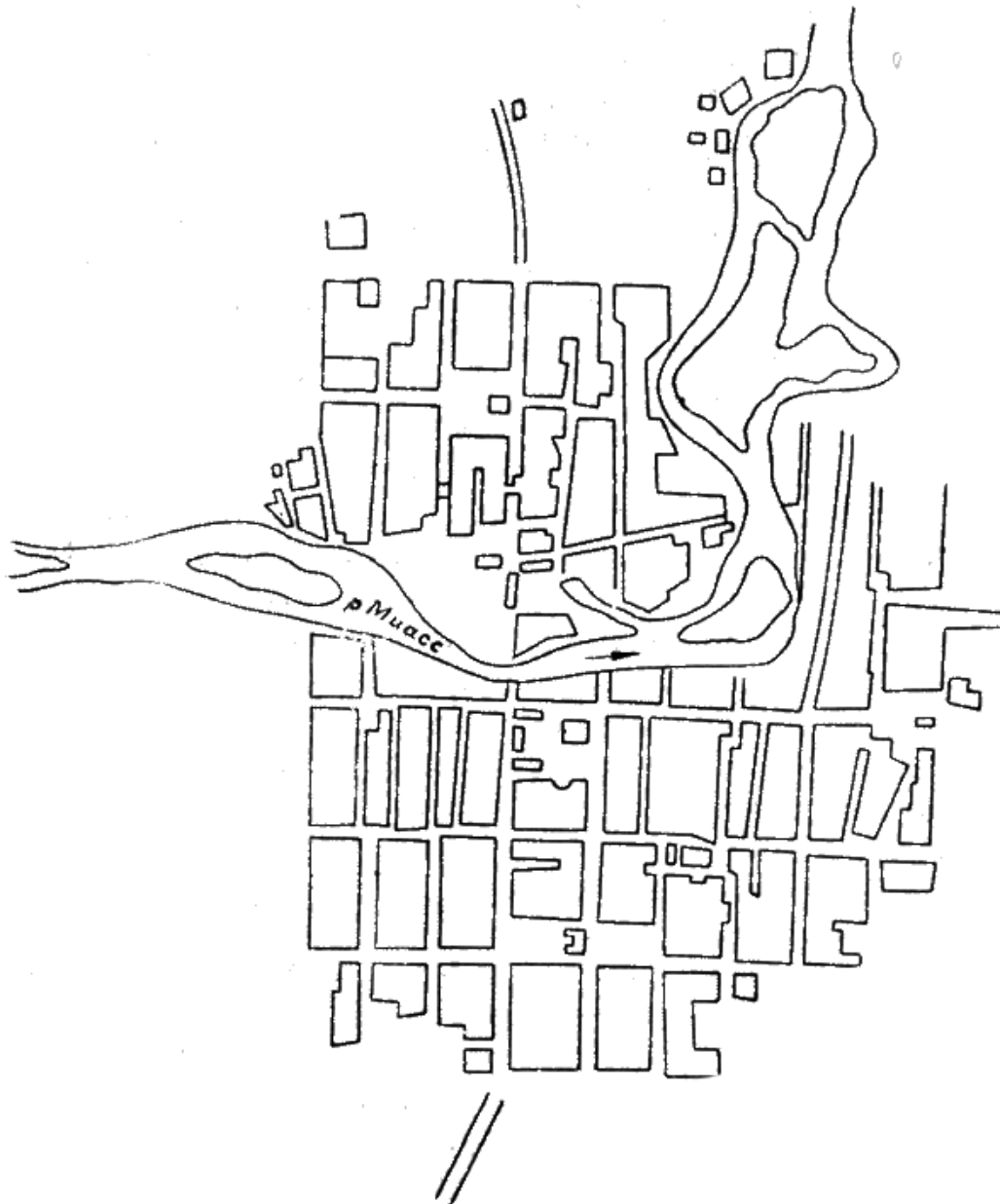

Рис. 2. План уездного г. Челябинск во второй половине XIX века

Можно выделить несколько различных групп проблемных вопросов, которые требуют решения в проектах межевания.

Разделим их на следующие основные группы:

- вопросы, возникающие при межевании территории с преобладанием застройки жилого назначения;
- вопросы, возникающие при межевании промышленных и коммунально-складских территорий;
- вопросы, возникающие на прочих городских территориях.

Первая группа вопросов – наиболее изученная на настоящий момент и уже длительное время обсуждается в среде проектировщиков и законодателей.

Вторая группа вопросов относится к территориям промышленного и коммунально-складского назначения. Рекомендации по межеванию промышленных территорий могут предотвратить процесс деградации промышленных узлов и определить условия возможного земельного разделения территорий промышленного и коммунально-складского назначения для их эффективного использования.

Территории различного назначения, такие, как рекреационные, специального назначения, озеленение и прочие не менее важны в создании устойчивого городского организма.

На базе исследования практики исторического и современного землеустройства необходимо разработать наиболее удобные и практичные схемы эксплуатации современных градостроительных комплексов. В том числе можно предложить ряд компоновочных схем расположения объектов. Аналогии по раздельной эксплуатации жилой недвижимости можно наблюдать при проектировании усадебных поселков. По сути, каждый дом является отдельным землевладением, вместе с тем обладает равными и реализованными правами по отношению к другим землевладельцам.

Создание безопасной среды жизнедеятельности – как основополагающая доктрина градостроительства на обозримый период, целиком и полностью совпадает с целями, которые ставятся при создании проектных материалов по межеванию территорий. Как один из аспектов выделения участков под конкретных землепользователей, можно отметить появление, во-первых, конкретного ответственного круга лиц за конкретную территорию и за происходящее на ней (с точки зрения ответственности за градостроительную деятельность). Во-вторых, территория может быть обустроена с учетом требований заинтересованного круга лиц и стать более безопасной, например, может быть осуществлен контроль доступа на земельный участок. Кроме этого проводя межевание, собственники могут навсегда «закрыть» вопрос об уплотнении застройки, ее нецелевому использованию.

Есть и ряд негативных факторов проведения межевания. Один из них в том, что территории могут развиваться неравномерно в одном градостроительном комплексе. И могут появиться свои зоны бурного развития, и зоны депрессивные.

Современное градостроительное законодательство предоставляет землевладельцам возможность качественно и успешно эксплуатировать земельные участки, а жителям многоквартирных домов стать ответственным собственником земли, на котором располагается его жилище.

Межевание является инструментом в руках градостроителей и землеустроителей, который позволит сформировать условия для успешного существования поселений.

Библиографический список

1. Самошенко, В.Н. Исторические архивы дореволюционной России : учеб. пособие / В.Н. Самошенко; Кол. авт. Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – М.: МГИАИ, 1986. – 246 с.
2. Барановский, Г.В. СТРОИТЕЛЬ / Г.В. Барановский // Вестник Архитектуры, домовладения и санитарного зодчества. – 1903. – № 5–8; 13–18. – С. 161–182; 481–510.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации: от 29.12.2004 N 190-ФЗ : [принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г. : одобр. Советом Федерации 24 дек. 2004 г.]. – Официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: <http://www.consultant.ru/popular/gskrf/>.
4. СНиП 2.07.01-89* Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. – М., 2011. – 114 с.

[К содержанию](#)

УДК 711.4 + 711.417.4

СТАРЫЕ КАРТЫ И НОВЫЕ ГОРОДА

А.Ю. Худяков

Территория Южного Урала с древних времен активно заселялась представителями многих народностей. Со времен палеолита и мезолита и до настоящего время множество культур оставили свой след в истории. Молодые города и поселки зачастую развиваются без учета исторической ценности занимаемых земель. Древние карты и атласы могут оказать неоценимую помощь при освоении новых территорий, а так же помогут по-иному взглянуть на существующие поселения и земли их окружающие.

Ключевые слова: градостроительное освоение, территории, Федеральный закон.

Территория Южного Урала с древних времен активно заселялась представителями многих народностей. Со времен палеолита и мезолита (до VI тыс. до н.э.) и до настоящего времени множество культур оставили свой след в

истории. На настоящий момент степень изученности темы исторического аспекта градостроительства на территории Южного Урала достаточно мала.

Вопросами истории и градостроительства занимались этнографы, географы, краеведы XVIII–XIX века. Среди научных трудов того времени можно выделить «Путешествие по разным местам Российского государства» П.С. Палласа, «История Российская» В.Н. Татищева, труды географа и картографа И.К. Кирилова, работы И.Г. Гмелина и т.д.

Современными исследованиями Южного Урала активно занимаются историки и археологи, среди которых известными считаются труды О.Н. Бадера, А.А. Выборнова и некоторых других авторов. По большей части активно исследуется древний этап заселения. Менее изученным представляется период средневековья (VI – начало XVIII вв.).

Серьезным исследованием в области истории Южного Урала с градостроительным уклоном можно считать труд Е.В. Пономаренко «Архитектурно-Градостроительное наследие Южного Урала». Также серьезную лепту в исследование истории края внесли В.С. Боже, М.П. Мочалова, В.Д. Оленьков.

На основе изрядного количества исторических описаний, картографических материалов, а также материалов «ревизских сказок» и собственных исследований автора можно с достаточной степенью достоверности восстановить ход освоения территории Южного Урала, а так же градостроительные особенности этого процесса в различные периоды.

Актуальность данной темы заключается в том, что на настоящий момент все более важными становятся вопросы территориального планирования Российской Федерации. При этом зачастую в противоречия входит стремление государства обеспечить, с одной стороны, устойчивое развитие территорий, с другой, сохранить историко-культурное наследие. Законодательством Российской Федерации особое внимание уделяется вопросу охраны объектов историко-культурного значения.

Границы, территории таких объектов должны отображаться на картах территориального планирования, схемах градостроительного зонирования, в проектах планировки, межевания согласно действующему Градостроительному кодексу РФ [1].

В связи со вступлением в силу поправок к Федеральному Закону № 73 «Об объектах культурного наследия» [2] существенно расширены понятия «культурного слоя», и введена ответственность за нарушение или разрушение такового.

Изучения темы градостроительного освоения территории Южного Урала в различные периоды позволит сохранить историческое и культурное наследие для дальнейшего изучения, а так же правильно задать вектор развития застраиваемых территорий.

В частности малоизученным с этой точки зрения представляется период освоения Южного Урала Российской Империей. Чаще всего в сферу

внимания археологов попадают объекты древних или в лучшем случае средневековых культур, тогда как более современные поселения, сооружения зачастую игнорируются. На территории Челябинской, Курганской, Оренбургской областей, Республики Башкортостан расположено множество неизученных памятников истории и культуры того времени.

Источником для получения информации об интересующем нас периоде могут стать архивные документы, в частности карты, материалы переписей населения, списки населенных мест, атласы, материалы межевания территорий Российской Империи. Как правило такие материалы хранятся в местных архивах и различных отделениях Российского государственного архива, в частности в Российском государственном архиве древних актов.

Изучая картографический материал и исторические источники можно сделать вывод, что активное освоение Южного Урала началось со строительства ряда опорных поселений во второй половине XVI века, таких как Бирск, Уфа, Мензелинск. Как правило, эти поселения располагались на месте кочевых стоянок. Планировочные решения поселений этого времени, как правило, содержат все признаки фортификационного сооружения и в достаточной мере подчиняются окружающему рельефу. В этот исторический период основное население Южного Урала составляли башкиры, в основном занимавшиеся скотоводством и ведущие кочевой образ жизни.

В XVII веке происходят многочисленные восстания башкир, что мешает полноценному освоению территории. Южный Урал, формально входящий в Российскую Империю все еще остается «белым пятном» на картах России. Серьезным толчком к развитию края служит строительство Оренбурга в 1735–1743 году и формирования Оренбургского казачьего войска. В 1744 году была образована Оренбургская губерния. Вместе с этим строились многочисленные редуты и крепости, создававшие важнейший на тот момент защитный рубеж Российской империи. В тот период были заложены многие уральские крепости, такие как Челябинская, Миасская, Чебаркульская, Троицкая. В дальнейшем на месте крепостей сформировались самостоятельные поселения, часто сохранившие исторические черты в планировочной организации.

Важнейшим этапом освоения Южного Урала явилось формирование целого ряда городов-заводов. В основном размер таких поселений был меньше, чем подобных на Среднем Урале.

Связано это было с тем, что в основном заводы принадлежали частным промышленникам, тогда как на Среднем Урале собственником заводов была казна. Между заводами стали развиваться и обустраиваться обширные территории. Были проложены торговые дороги, а так же система речных дорог, связывающих между собой крепости и редуты. Вдоль этих дорог начали формироваться казацкие поселения.

К этому времени основное башкирское население на всей территории Южного Урала перешло к оседлому образу жизни, что привело к образо-

ванию большого количества деревень. В большинстве своем деревни имели неукрепленный характер, хотя и сказывалось стремление селиться на северных берегах рек, что в какой-то мере защищало поселения от набегов со стороны киргиз-кайсацкой степи.

Многие деревни дожили до сегодняшнего времени, другие перестали существовать по ряду причин. Места нынешних и исчезнувших поселений являются как интересным объектом для исследования, так и историческим и культурным памятником освоения Южного Урала.

На настоящий момент практически не проводились сравнительные исследования пространственно временного освоения указанной территории.

В процессе личных исследований было выявлено несколько этапов по созданию единой информационной базы данных по заселению территории Оренбургской губернии, по которым можно судить о динамике и плотности расселения [3, 4].

Одним из первых картографических источников, включающим территорию Южного Урала, является атлас Всероссийской Империи, изданный И.К. Кириловым в 1724–1737 годах.

На нем нанесены города Уфа, Тобольск и отсутствуют поселения в районе Южного Урала, что говорит об отсутствии сколько-нибудь значимого имперского населения на этой территории. Ревизии населения на территории Российской Империи проходили 10 раз с 1718 по 1858 год. Информация о проживающих на территории Южного Урала появилась только во время второй ревизии (1743–1747 гг.). В дальнейшем информация о проживающих на территории Империи публиковалась в периодических атласах и «Списках населенных мест».

С 1766 по 1861 год проходило Генеральное межевание земель Российской империи. В результате были составлены планы Генерального межевания 32 губерний, в том числе и Оренбургской, в состав которой входил Челябинский, Троицкий и другие уезды.

На картах схемах Генерального межевания с достаточно высокой степенью точности отображались не только селения и заводы, но и земельные угодья, реки, озера и другие важные элементы ландшафта.

После создания планов Генерального межевания следующей вехой по созданию картографической базы Южного Урала было создания ряда карт и описей заводских дач.

Глобальная работа Ф.Ф. Шуберта по картографии Европейской части Российской империи не затронула территорию Южного Урала. Лишь в 1871 была выполнена Специальная карта Европейской России под руководством И.А. Стрельбицкого, которая послужила основой для дальнейших картографических изданий вплоть до Революции 1917 г.

Изучая различные исторические карты, сопоставляя данные ревизий и изданий «Списков населенных мест», можно достаточно точно проследить

этапы освоения и тенденции расселения на территории европейской части России, в том числе и на территории Южного Урала.

Автором настоящей статьи была предпринята попытка наложить на современную карту исчезнувшие в разные периоды населенные места. По результатам наложения было выбрано для исследования несколько мест, в которых были произведены выезды с целью изучения особенностей расположения мест поселения и их географической привязки.

По результатам исследования оказалось, что места, в которых ранее располагались поселения, зачастую крайне привлекательны и имеют замечательный градостроительный потенциал. Как правило, территории бывших поселений в настоящее время четко фиксируются в окружающем ландшафте, располагаются на возвышенности вблизи с водоемом. Чаще всего вблизи присутствуют хорошие для земледелия территории. В большинстве случаев земли используются как сельхозугодия, хотя есть и откровенно заброшенные территории.

В частности на берегах р. Миасс от г. Миасс и до г. Челябинска в разные периоды располагалось более 100 населенных пунктов, из которых до нашего времени сохранились лишь 36.

В связи с необходимостью создания жизнеспособной системы расселения на территории Российской Федерации, реанимации производства и сельского хозяйства, актуальным становится вопрос создания новых мест расселения, новых поселений. Законодательство Российской Федерации не в полной мере раскрывает вопрос о статусах новых поселений, а так же об индивидуальном расселении, в связи с чем, процесс создания новых поселков еще предстоит доработать на законодательном уровне. Тем не менее, потенциал территории Южного Урала еще будет раскрываться, и не в последнюю очередь за счет разумного использования опыта наших предков, которые умели находить прекрасные места для своих хуторов, деревень и аулов. Этот опыт может помочь современным градостроителям с точки зрения учета множества природных факторов и создать действительно комфортные места проживания, при этом сохраняя для будущих поколений историю родного края.

Библиографический список

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации: от 29.12.2004 N 190-ФЗ : [принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г. : одобр. Советом Федерации 24 дек. 2004 г.]. – Официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: <http://www.consultant.ru/popular/gskrf/>.

2. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федер. закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 23.07.2013) : [принят Гос. Думой 24 мая 2002 г. : одобр. Советом Федерации 14 июня 2002 г.]. – Официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148669>.

3. Материалы фондов архива «РГАДА», межевые карты Челябинского, Троицкого уездов, карты Стрельбицкого.

4. Пономаренко, Е.В. Архитектурно-Градостроительное наследие Южного Урала: автореф. дис. ... д-ра арх. / Е.В. Пономаренко. – М., 2009 – 20 с.

[К содержанию](#)

УДК 711.168

РЕКОНСТРУКЦИЯ МАЛОЭТАЖНОЙ ЗАСТРОЙКИ В СТРУКТУРЕ ГОРОДА-МИЛЛИОННИКА

Е.С. Цветкова

Сформулированы цели и задачи реконструкции малоэтажной застройки. Выявлены проблемы, связанные с существующей малоэтажной застройкой и ее реконструкцией. Предложены проектные модели развития территорий частного сектора.

Ключевые слова: малоэтажная застройка, частный сектор, индивидуальная жилищная застройка, реконструкция, город Челябинск, города-миллионники, генеральный план.

Градостроительное развитие жилого сектора города Челябинска ориентировано на освоение свободных от застройки территорий, с превалированием многоквартирных многоэтажных секционных домов. Среди ярких примеров: микрорайон «Парковый» Курчатовского района, микрорайон «Академ Riverside» Калининского района, микрорайон «Чурилово» Тракторозаводского района и многие другие. Еще один путь расселения жителей города Челябинска ведется за счет создания субурбий на территории Сосновского муниципального района Челябинской области, например, микрорайон «Залесье» и микрорайон «Женева», расположенные на западном берегу Шершневого водохранилища.

Количественно жилье в городе Челябинске и его окрестностях растет, но качество во многих случаях не удовлетворяет новоселов. Основные причины в бедной городской среде, аскетизме архитектурных решений и в отсутствии стремления к повышению уровня жилищных условий. Жильцам новых микрорайонов приходится мириться с рядом неудобств: отсутствием детских дошкольных и образовательных учреждений; низкой обеспеченностью объектами социального, культурного и бытового обслуживания; проблемами обеспечения общественным транспортом; отсутствием мест приложения труда шаговой доступности, как следствие происходит удаление от рабочих мест с увеличением временных затрат на перемещение. Опыт скандинавских стран в области градостроительства и архитектуры привлекает внимание российских специалистов уже долгое время.

В Швеции после десятилетий рекордного типового строительства в градостроительстве наметились глубокие изменения. Во-первых, произошел переход от нового строительства к проектам реконструкции и реновации. Во-вторых, на повестку дня вышли вопросы охраны окружающей среды и сбережения ресурсов [1]. В Челябинске и других городах-миллионниках потенциалом для реконструкции является обширный сектор малоэтажной застройки. В одной из дискуссий по поводу освоения новых территорий Вячеслав Леонидович Глазычев назвал сохранившийся частный сектор достоинством старых городов и предложил рассматривать его как огромное поле для усовершенствований [2]. Под реконструкцией малоэтажной застройки подразумевается не только обновление самой застройки с архитектурной точки зрения, но и комплексный подход к ревитализации всей территории, на которой она располагается.

Среди основных целей и задач реконструкции следует выделить:

1. Предотвращение формирования субурбий за границами города.
2. Сохранение природных ландшафтов на территории города и за его пределами.
3. Интеграция кластеров малоэтажной застройки в структуру города путем частичного или полного перепрофилирования территории.
4. Организация транспортной и пешеходной доступности территорий малоэтажной застройки для всех жителей города.
5. Формирование здоровой, комфортной и безопасной материально-пространственной среды проживания. Улучшение жилищных условий и качества жизни.
6. Создание условий для возможности поэтапного преобразования территории.

Проблемы, связанные с существующей малоэтажной застройкой и ее реконструкцией: низкий уровень комфорта территории малоэтажной застройки. Челябинск, как и многие города-миллионники России, в своей структуре имеет обширный частный сектор, изначально создававшийся как периферийный вид жилья. В результате развития и роста города Челябинска, индивидуальная жилищная застройка оказалась в его срединной и центральной частях. Однако уровень комфорта проживания на данной территории разительно отличается от соседних микрорайонов средней и многоэтажной застройки: отсутствует покрытие дорожных проездов и тротуаров; отсутствует централизованное отопление, горячее водоснабжение, канализация; водоснабжение зачастую осуществляется через уличные водозаборные колонки; газоснабжение и телефонизация покрывают лишь часть территории. Игнорирование малоэтажной застройки в генеральном плане. Действующим генеральным планом города Челябинска не предусматривается реконструкция территорий малоэтажной застройки. Частному сектору присвоено завуалированное название «Застроенные территории с высокой

долей озеленения». Еще один способ уйти от решения проблемы, найденный генеральным планом, – присоединить функциональную зону индивидуальной жилищной застройки к остальным функциональным зонам городского пространства и обозначить их как «Территории интенсивного многофункционального использования». Примером иного составления генерального плана города-миллионника служит генеральный план г. Новосибирска 2007 года [6], который, во-первых, различает жилые территории по этажности застройки, во-вторых, рассматривает зоны малоэтажной застройки как потенциальные для многоэтажного строительства, в-третьих, планирует существенное сокращение частного сектора в центральной части города, сохранение его на периферии и частично в прибрежных территориях. Неэффективное использование городской территории. На территории города Челябинска насчитывается более трех десятков садовых некоммерческих товариществ, расположенных как на периферии города, так и в его центральной части. Земельные участки СНТ предоставляются гражданину или приобретаются им для выращивания плодовых, ягодных, овощных, бахчевых или иных сельскохозяйственных культур и картофеля, а так же для отдыха (с правом возведения жилого строения и хозяйственных строений и сооружений) [3]. При ближайшем рассмотрении этих территорий становится понятно, что они давно не имеют функцию земельных участков с временным пребыванием людей с целью отдыха, а являются, по сути, малоэтажной жилой застройкой, обладающей тем же перечнем проблем и недостатков. Садовые некоммерческие товарищества, расположенные в структуре города-миллионника, требуют реконструкции. Генеральный план города Челябинска планирует лишь частичный перевод садовых земель в жилые территории.

Конфликт собственников земельных участков и застройщиков. Реконструкция малоэтажной застройки, как правило, требует укрупнения планировочной единицы с целью создания микрорайонов, застраиваемых многоэтажными многоквартирными секционными жилыми домами с объектами социального, культурного и бытового назначения. При выборе такого пути развития территории застройщик рискует вступить в конфликт с правом собственности владельцев земельных участков частного сектора. В соответствии с действующим законодательством, владелец объекта недвижимости может быть принудительно лишен его (с компенсацией рыночной стоимости) в случаях: изъятия земельных участков для жилых и общественных нужд (строительство автодорог, трубопроводов, прочих линейных объектов), признания объекта недвижимости аварийным [4]. Строительство многоквартирных жилых домов коммерческими застройщиками к таким нуждам не относится. Таким образом, отказ от продажи участка застройщику даже одним или несколькими владельцами может блокировать строительство отдельных зданий или даже ставить под вопрос реализацию всего проекта микрорайона.

Кластеры малоэтажной застройки в городе Челябинске можно встретить в любой его части от центра до периферии. И для каждой территории необходима своя стратегия реконструкции:

– строительство индивидуальных и блокированных жилых домов. Проектная модель применима в периферийных зонах города со сложившейся малоэтажной застройкой. В этом случае структура землепользования не изменяется и плотность застройки сохраняется;

– застройка жилыми многоквартирными домами средней этажности. Стратегия реконструкции такого типа применима на всей территории города. Структура землепользования осуществляется объединением участков, что позволяет вести фрагментарное строительство. Плотность застройки и населения значительно возрастает, что влечет за собой потребность в строительстве дошкольных и образовательных учреждений, объектов социального, культурного и бытового обслуживания. Формируется квартальный тип застройки с возможностью устройства небольшого общественного центра и внедрения общественного транспорта;

– застройка крупными жилыми образованиями. Такой подход предполагает тотальный снос существующих малоэтажных зданий и строительство на территории многоэтажных многоквартирных жилых домов, а так же объектов соцкультбыта, при генпланировании по типу микрорайонов [5]. Игнорируется существующая сетка улиц и структура землепользования, производится укрупнение планировочных элементов. В большинстве скандинавских и европейских стран отказались от стратегии массового многоэтажного жилого строительства, считая его устаревшим не отвечающим современным тенденциям формирования комфортной среды проживания;

– для центральной части города применима стратегия многофункционального решения территории с совмещением как жилой так и общественно-деловой застройки с созданием новых мест приложения труда. В проектную модель можно включить строительство новых знаковых сооружений и объектов, образование новых общественных пространств, формирование городского ландшафта, пешеходных зон и благоустроенных территорий, новой трассировки улиц.

Библиографический список

1. Птичникова, Г.А. Градостроительство и архитектура Швеции. 1980–2000 / Г.А. Птичникова. – СПб.: Наука, 1999 – 199 с.
2. Журнал «Проект Россия». – 2/2008. – № 48.
3. О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан: федер. закон от 15.04.1998 г. № 66-ФЗ : [принят Гос. Думой 11 марта 1998 г. : одобр. Советом Федерации 1 апр. 1998 г.] // Российская газета – 1998. – 23 апреля.

4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. №136-ФЗ : [принят Гос. Думой 28 сент. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 10 окт. 2001 г.] // Российская газета – 2001. – 30 октября. – Федеральный выпуск № 2823.

5. Частный сектор: от трущоб к процветанию. Часть 1. – URL: <http://alexander-loz.livejournal.com/210413.html>.

6. Генеральный план города Новосибирска. – URL: http://novosibirsk.ru/articles/city_adm/departments/dsia/genplan.

[К содержанию](#)

УДК 7.012 + 72.04

АРХИТЕКТУРНЫЙ СТИЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ ДИЗАЙНА

В.Г. Чудинова

В статье рассматриваются функциональные аспекты использования архитектурного стиля: как инструмента коммуникации, самопозиционирования, репрезентации, коммерческой привлекательности. Отмечается преобладание дизайнерских приемов в современной практике создания архитектурного образа. На отдельных примерах проиллюстрированы стилистические тенденции, свидетельствующие о кризисе идентичности.

Ключевые слова: архитектурный стиль; стилизация; символ; современная архитектура; художественный образ.

Теоретические изыскания и дискуссии об архитектурном стиле как искусствоведческой категории на протяжении XIX–XX веков претерпели несколько стадий. Острота полемики, вплоть до отрицания самого понятия стиля и замены его другими категориями – среды, метода, остается за рамками практической деятельности. Современным профессиональным сообществом разделяется точка зрения на стиль как творческий метод и проявление свободного выбора композиционных средств. Отсутствие предписанной нормативности, иерархичности архитектурных форм, свойственное историческим стилям и эпохам вызывает справедливое неприятие данной категории в отношении современной архитектуры. Чаще всего, когда речь заходит о стиле, мы имеем дело с попытками стилизации, декорирования, стайлинга, искусственного конструирования художественного образа.

Как справедливо указывает доктор искусствоведения А.Г. Раппопорт: «...реальная практика архитектуры постепенно становится дизайнерской, то есть рассчитанной на категорию формы, стиля, и образной системы рекламно-сезонного характера, который появляется также же быстро, как и

исчезает» [1]. «Сейчас архитектура активно пользуется дизайном. Она буквально съедена и поглощена им» [2]. «Главное, что отличает архитектурный дизайн от архитектуры – это как раз совершенно по-новому переживаемая категория времени. Если в архитектурной традиции здание мыслилось строящимся на века, то в дизайнерском мышлении всякий проект обречен на сравнительно скорую смерть» [3].

Разумеется, архитектурный стиль не сводится к зрительным впечатлениям, эмоциональному восприятию формы и пространства. Объект архитектуры не может быть атрибутирован по аналогии с другими видами искусства, поскольку его роль и воздействие не ограничены образными свойствами, а определяют сценарий жизнедеятельности. Но, понятие стиля в современной практике востребовано именно как коммерческий продукт, удовлетворяющий эстетическим представлениям и ценностной ориентации заказчика. А с другой стороны, эти представления формируют массмедиа, далекие от научно-теоретических положений и точности дефиниций. Таким образом, мы вынуждены признать, что важнейшая функция стиля как коммуникативного средства распадается на две ипостаси. В одном случае эта функция не работает, поскольку семантика образов, язык сторон, вступающих в диалог и оперирующих одинаковыми терминами, наполнены разными значениями. Что обусловлено различиями ассоциативного ряда, художественной эрудиции, общекультурного базиса.

Сторонами коммуникации в данном случае выступают заказчик и исполнитель. Заказчиком может быть как государство, корпорация, представители некой группы или частное лицо. В качестве исполнителя может выступать группа проектировщиков, архитекторы, дизайнеры, стилисты, декораторы. В любом случае работает субъективный фактор, поскольку даже на уровне государства принятие решения сводится к конкретным людям.

Вторая, объективная сторона функции стиля как средства коммуникации начинает проявляться после реализации проекта. Когда созданный образ становится средством самопозиционирования заказчика, а также, в отдельных случаях – исполнителя. Причем транслируемое сообщение реального образа может сильно отличаться от задуманного. Особенно ярко проявляются стилизаторские тенденции в условиях кризиса идентичности (индивидуальной, коллективной), в частности, – на постсоветском пространстве. Среди причин этого кризиса: «отрицание символов, распад коллективной памяти, ... дисгармония между описательным и нормативным образами себя, прерывность в истории, несоответствие между представлением культуры о самой себе и ее образами в других культурах, наконец, чувство неполноценности относительно более совершенной культуры» [4].

В стремлении сформировать мощный образ крупной корпорации или государства выбор стилевых предпочтений ограничивается радикальными вариантами модернизма либо историзма, в зависимости от «целевой ауди-

тории». Национально-романтические вариации исторического стиля указывают на ожидание позитивного отклика от «внутреннего» адресата. Архитектурные произведения репрезентативного характера, направленные на внешний отклик, уподобляются аттракциону, где новизна форм и композиционных приемов являются главными критериями создаваемого образа.

Обратимся к конкретным примерам. Визуальные образы архитектуры активно эксплуатируются в рекламе, в туристической индустрии. Появляются знаковые объекты, изначально задуманные как аттракцион (эффект Бильбао). Стиль архитектуры Дубая, Сингапура (рис. 1), возникший как коммерческий продукт, отождествляется с экономическим успехом и находит подражателей.

Рис.1. Отель Marina Bay Sands. Сингапур. Арх. Моше Сафди

Крупные объекты, возникшие за последние годы в Казани, демонстрируют гибрид китча с восточной декоративностью и французским классицизмом. В конкурсе на проект национальной библиотеки Татарстана победил известный архитектор Эрик ван Эгераат, но его проект остался не востребован, как и другие качественные предложения. На иллюстрациях ниже показаны отечественные проекты. Один выполнен в духе не критичной ретроспективности (рис. 2), другой в модернистских формах (рис. 3). Принятый к строительству проект архитектурной фирмы «Антика» из Казани внешне буквально воспроизводит капеллу Версальского дворца эпохи Людовика XIV (архитектор Жюль Ардуэн Мансар), в разработке ландшафта угадываются приемы, использованные на холме Монмартр в Париже и стеклянные купола Манежной площади в Москве. Здесь же присутствуют «минареты» и барочные каскады. Сопоставление проектов, представленных на конкурс, и реализованных построек свидетельствует об использовании архитектурного стиля в качестве инструмента самоидентификации заказчика, а точнее – самопозиционирования.

В данном случае, помимо коммуникационной функции стиля, включается и компенсаторная. Происходит вытеснение и замещение реальной действительности театрализацией, отождествление с иллюзорным образом.

Рис. 2. Национальная библиотека Татарстана. Казань.
Проект арх-бюро «Антика»

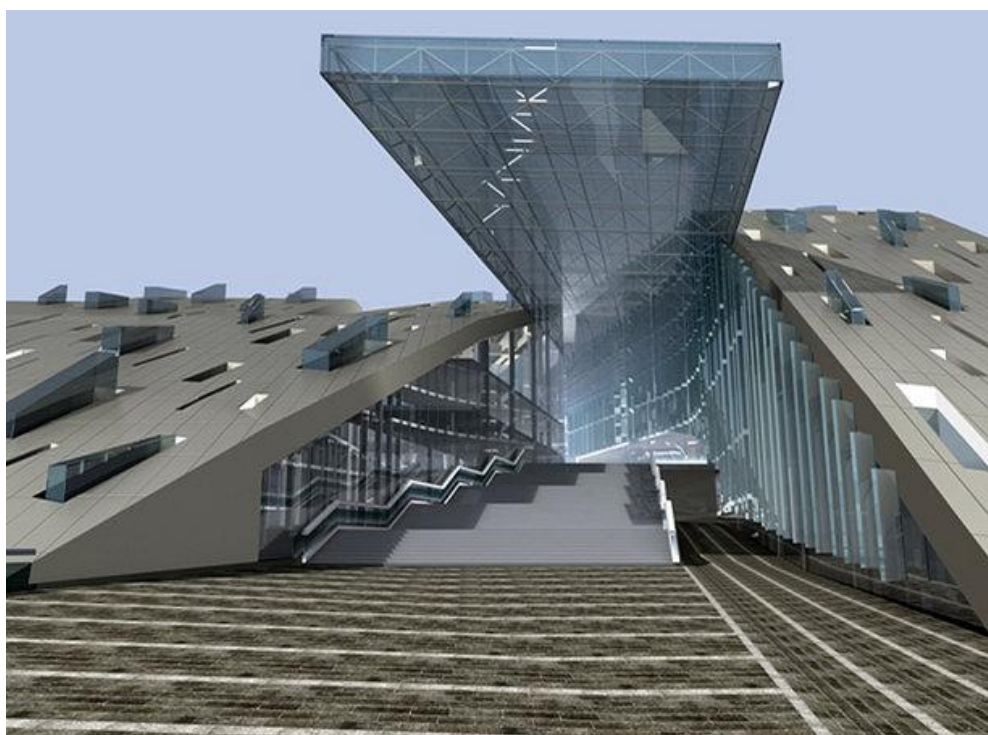

Рис.3. Национальная библиотека. Казань.
Арх. Величкин Д.В., Голованов Н.Н.

Попытка усиления или обретения национальной идентичности проходит также через декларирование преемственности, нарочитого использования традиционной символики. Стилизация в данном случае воспроизводит образы отдаленной исторической эпохи. Использование традиционных символов идентичности противоположно ассимиляции, и свидетельствует не о застое, а о долговременной результативности, пассионарности.

По определению стилизация это – «целенаправленное воспроизведение чужого стиля как определённой эстетической и идеологической позиции». Использование образов именно отдалённых культур является признаком неудовлетворённости идеологическими и художественными нормами.

На примере Астаны можно отметить как амбиции самоопределения, так и желание продемонстрировать включённость в современный контекст мировой культуры. Привлечение к проектированию знаменитых архитекторов, а главное – осуществление их проектов в короткие сроки, безусловно, заслуживает уважения, но выявляет «брендозависимость» («вещь» от Нормана Фостера, от Кисё Курокавы). Уникальные, самодостаточные объекты, безразличные к контексту, выстроены в формальную композицию с доминирующей жесткой осью симметрии. Создается образ временной выставочной экспозиции (ярмарки тщеславия), где роль экспонатов выполняют здания и монументы. Местные жители дали им прозвища «зажигалка», «четыре китайца», «чупа-чупс», «хот-дог», «матрац» и т.д. За этим стоит попытка снизить пафос, очеловечить инородные объекты, получить внятные пространственные ориентиры. Но, отыскиваются аналогии архитектурных композиций Астаны с масонской и сатанинской символикой [5].

Архитектура как материальное воплощение культуры на конкретном историческом этапе отражает его актуальные символы. Сегодня символ стал языком массовой культуры, которая опирается на типовые реакции, распространенные идеи и убеждения, мифы коллективного сознания. С архетипами тесно связаны ритуалы. Но, в отличие от традиционной культуры, ритуал, т. е. внешняя форма, нередко заменяет внутреннее содержание. Ритуал стал особым пластом социокультурной коммуникации [6]. Архитектура здесь выполняет функцию сценографии.

Библиографический список

1. Раппопорт, А.Г. Ситуация в архитектуре 21 века (часть 2) / А.Г. Раппопорт. – URL: <http://papardes.blogspot.ru/2014/04/21-2.html>.
2. Раппопорт, А.Г. Архитектура против дизайна: интервью журналу «Под ключ» / А.Г. Раппопорт. – URL: <http://forum.homeideas.ru/thread1056.html>.
3. Раппопорт, А.Г. Вечное, историческое и конъюнктурное в архитектурном формообразовании / А.Г. Раппопорт. – URL: <http://papardes.blogspot.ru/2010/12/blog-post.html>.
4. Хесле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хесле // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123.

5. Символика масонов или сияющая Астана // Сайт «Инсайдер Блог». – URL: <http://insiderblogs.info/simvolika-masonov-ili-siausiaia-astana/>.

6. Иванова, Е.В. Туристская реклама в культуре XX века / Е.В. Иванова // Туризм и культурное наследие. Межвузовский сб. науч. трудов. – 2004. – Вып. 2. – С. 136–141.

[К содержанию](#)

УДК 76.01:72

АРХИТЕКТУРНАЯ ИНФОГРАФИКА

В.Г. Чудинова

В статье проводится сравнительный анализ современной архитектурной графики и актуального направления инфографики. Выявлены общие задачи, графические средства и формы презентации. Высказывается гипотеза о первичности инфографических приемов представления сложного контента именно в архитектурном проектировании, а не журналистике. Отмечается априорное владение востребованными компетенциями по визуализации данных выпускниками архитектурных вузов.

Ключевые слова: архитектурная графика; инфографика; форма представления; презентация; визуализация данных.

Архитектурная графика как средство профессиональной коммуникации по своему назначению подразделяется на две группы – проектная документация и презентационные материалы. Современная демонстрация архитектурного, да и любого другого проекта, уже не представляется без динамичных трехмерных моделей, реалистичной компьютерной визуализации. Мультимедийные средства презентации со сложными спецэффектами прочно вошли во все сферы культуры и бизнеса. Возникли новые профессиональные сообщества, бизнес-структуры, специализирующиеся только на создании инфографики для различных целей. В архитектурной деятельности также выделилась в отдельное направление работа по визуализации проектируемых объектов и созданию презентационных видеороликов.

Инфографика позиционируется как «одно из самых новых направлений в графическом дизайне, получившее в последнее время огромную популярность». Однако внутри данного профессионального сообщества ведется острая полемика о том, что же является инфографикой и обличается «псевдоинфографика». Так, например, Уолтер Хикей (репортер интернет-издания Businessinsider), говорит: «Инфографика получила широкое распространение в сети – созданная на основе недостоверных источников, визуально непривлекательная или, наоборот, красивая, но бессодержательная, – она стала настоящей проблемой» [1]. На странице сайта Infographer

в рубрике «Критика» читаем: «Каждый день появляются сотни новых “инфографик”. Но лишь малая часть из них достойна называться инфографикой. Мы ужасаемся, когда говорят фразу “в стиле инфографики”, а обычные иллюстрации именуют инфографикой» [2].

Действительно, каким бы ярким и стильным не был дизайн иллюстрации, даже с некоторым количеством подписей, она не станет инфографикой, если не проделана серьезная аналитическая работа по структурированию данных, достоверному их представлению в форме, оптимальной для понимания. Главная задача инфографики – сделать восприятие сложной информации более доступным, быстро считываемым, а также подводящим к определенным выводам. Последнее позволяет использовать инфографику для манипуляций потребителем.

Сопоставляя разновидности и назначение графических материалов в области архитектуры, градостроительства и инфографики мы выявляем совпадение по большинству позиций. По назначению виды инфографики сводятся к следующим группам: 1) визуализация массива данных для их сопоставления и оценки; 2) инструкция, алгоритм действий; 3) разъяснение, описание; 4) продвижение и реклама (имиджевая, коммерческая).

По характеру подачи все виды инфографики могут быть как популярно-развлекательными, так и научнообразными. Что же касается достоверности данных или манипулирования ими, то от формы подачи информации это не зависит, будь то реклама или научная статья.

Архитектурная графика в своей документальной части, адресованной к строительному производству и реализации проектов, строго регламентирована (ГОСТы и ЕСКД). Эти материалы, следуя нашей классификации, ближе ко второй группе – инструктивного характера. К ней же можно отнести любые технические чертежи, независимо от отрасли. Наибольшее развитие по стилистике подачи и структурирования данных получила архитектурная графика репрезентативного характера. Ей присущи все приемы и средства, используемые сейчас в инфографике, а также следование модным тенденциям, динамичные формы представления, выраженность авторского почерка, художественная образность.

Как отмечается в одной из статей, посвященной именно архитектурной презентации, она «выступает на современном этапе как объект теоретического осмысления и практического применения в деловой коммерческой деятельности архитектора; является частью процесса формирования имиджа архитектора, реализации аналитической деятельности, проектного процесса, творческого метода архитектора, процедуры утверждения и экспертизы архитектурного проекта, профессионального обучения» [3].

Предпроектные исследования, анализ исходных данных, сопоставление вариантов пространственных решений и количественной информации наиболее зрелищно и убедительно могут быть представлены именно в форме инфографики, требующей художественных навыков, чем всегда отличалась архитектурная школа. При защите проектов, демонстрации их на кон-

курсах и тендерах необходимы одновременно привлекательность, полнота и доступность для восприятия широким кругом специалистов.

На протяжении веков формировался особый графический язык, совершенствовались профессиональные приемы изображения, моделирования. Произведения архитектурной графики, макеты, чертежи становились самодостаточными объектами художественного творчества, ими украшают интерьеры, экспонируют на выставках. Особенно эффектны аксонометрические проекции, совмещающие общий вид с интерьером в разрезе (рис. 1). Данный вид изображений всегда пользовался популярностью, а сейчас множество туристических путеводителей содержат такие проекции памятников архитектуры (рис. 2).

В музеях и выставочных комплексах предлагаются буклеты с поэтажными планами и указанием разделов экспозиции, что является функциональной схемой любого архитектурного проекта. Инфографика также широко использует аксонометрические разрезы и архитектурные образы.

Справедливо будет заметить, что отдельные образцы в картографии также обладают художественными достоинствами, а репродукции старинных карт стали модной темой «принтов» на массовой продукции. Что касается картографии, то архитектура и инфографика тесно взаимосвязаны с нею. Привязка количественной информации к географическому положению, сопоставление территориально распределённой информации наиболее логично и доходчиво находит выражение в графической форме (рис. 3). Для истории инфографики считается этапным пример анализа данных, нанесенных на план города (1854 г. Джон Сноу, Лондон).

Архитектурное и градостроительное проектирование неразрывно связано с территориальным развитием, анализом пространственной ситуации. Для этого требуются карты и схемы различной степени детализации, несущие многослойную информацию, отображающие разные аспекты проектных решений (рис. 4).

Для описания сложной структуры архитектурных объектов на чертежах принято использовать табличные формы и экспликации, что затрудняет восприятие. Демонстрационная графика позволяет уйти от стандарта и размещать надписи непосредственно на схемах, выносных линиях, дополнять технические данные комментариями и пиктограммами (рис. 5, 6). В учебной и научной литературе устаревшие издательские стандарты верстки подрисуночных подписей создают значительное препятствие и отталкивают студентов. Приёмы инфографики необходимы при обучении (рис. 7). То, что в традиционных учебниках излагается на нескольких страницах сплошного текста, плохо связанного с иллюстрациями, можно привести к зрительно воспринимаемым и запоминающимся образам.

Читабельность таблиц и диаграмм повышается при замене традиционных шкал, легенд свободными надписями, изображениями, символами, следуя логике сопоставления данных.

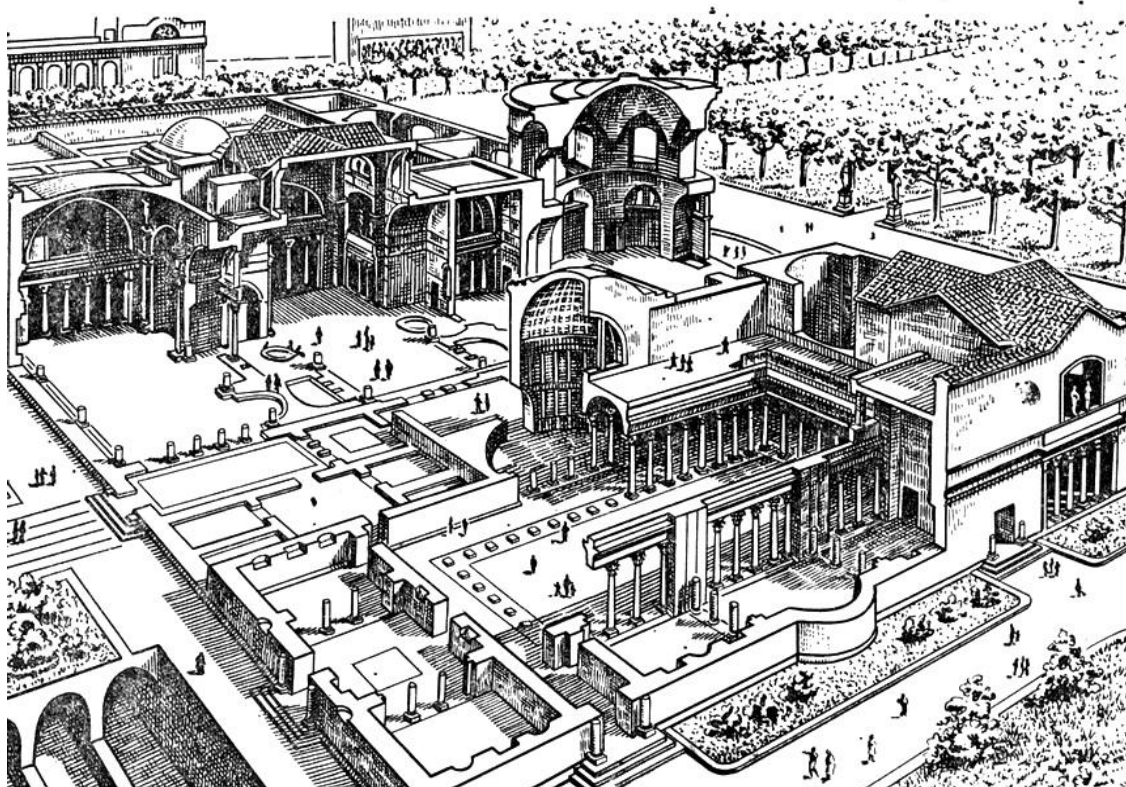

Рис. 1. Памятник римской античности – термы Каракаллы.
АксонOMETрический разрез

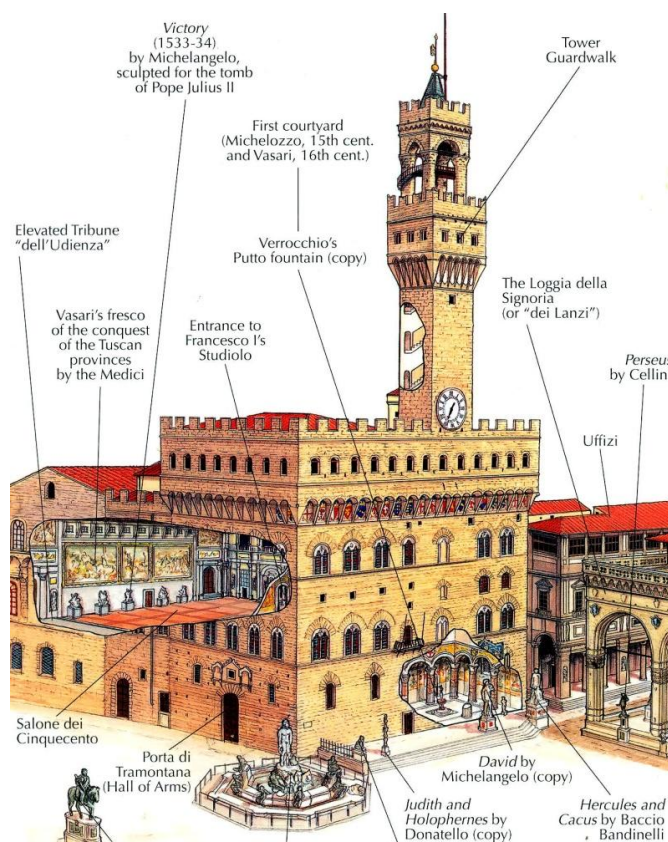

Рис. 2. Памятник средневековой Флоренции – palazzo Веккио.
Иллюстрация путеводителя

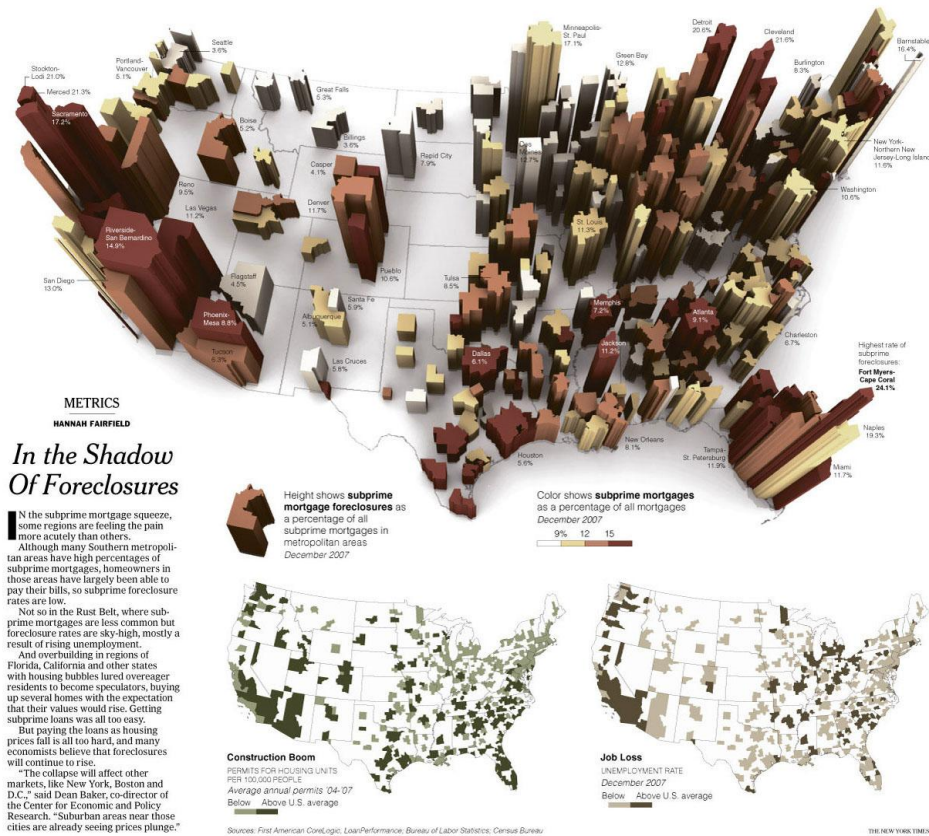

Рис. 3. Пример инфографики с территориальной привязкой количественных данных

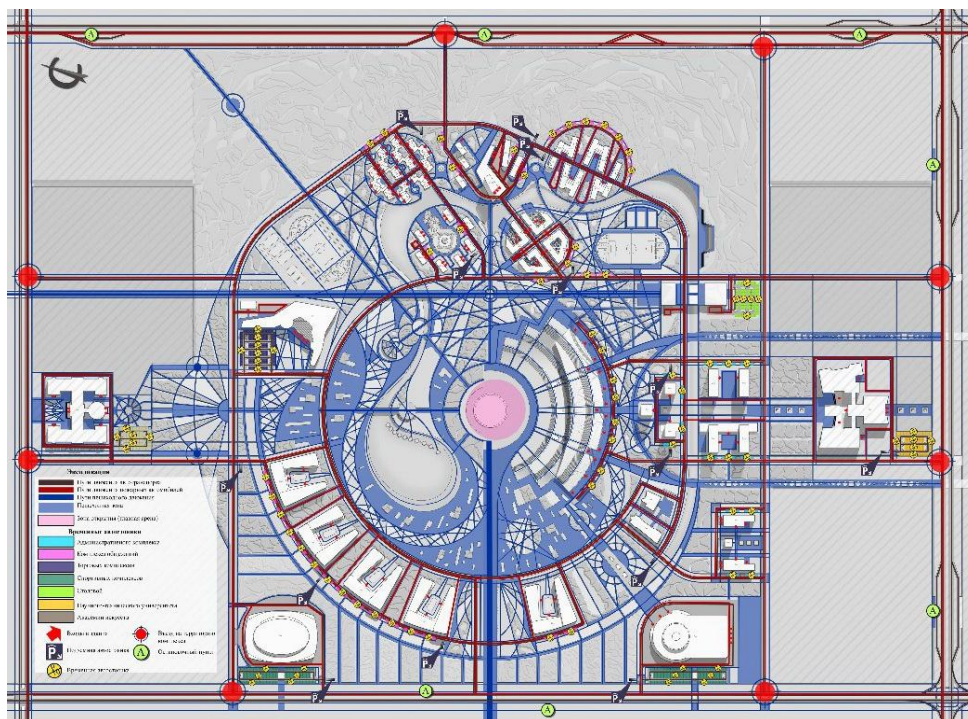

Рис.4. Схема транспортной организации олимпийского комплекса в Астане. Фрагмент дипломного проекта. Выполнили студенты Устюжанин А. и Нурманов А. Выпуск 2013 г.

Рис. 5. Фрагмент дипломного проекта. Выполнила Е. Куюнова, выпуск 2013 г.

Рис. 6. Аксонометрическая схема аквапарка. Фрагмент курсового проекта

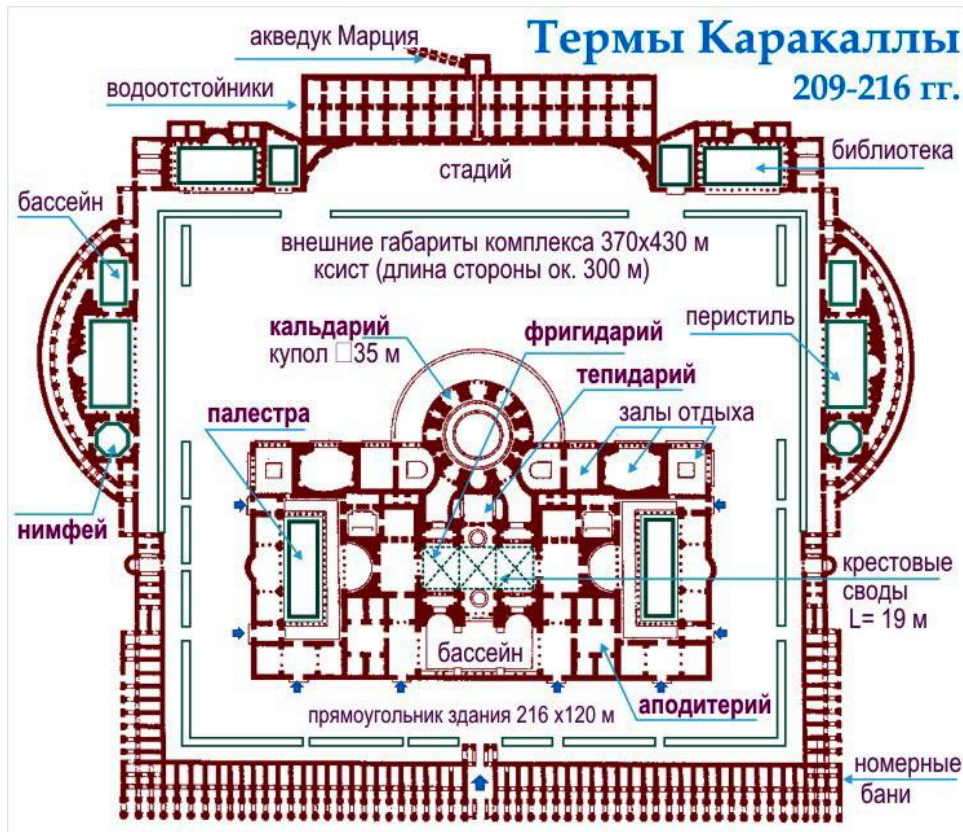

Рис. 7. Пример учебной инфографики для лекций по истории архитектуры

Исполнение инфографики зависит от мастерства дизайнера, но аналитической работой, подготовкой и отбором данных, как правило, занимаются другие специалисты фирм-разработчиков. Это вызывает несогласованность и ошибки, искажение смысла. Необходимы дизайнеры, которые совмещают в одном лице аналитика и художника. Потребность в таких специалистах достаточно высока, поскольку инфографика сегодня востребована во всех сферах деятельности – бизнес, тележурналистика, политика, развлечение, обучение. Архитекторы, разрабатывая свой проект и выполняя презентационные материалы, не разделяют в своей профессиональной деятельности задачи генератора идеи, редактора и оформителя. Графика является неотъемлемой частью всех этапов творческого процесса, рабочим инструментом, в том числе, при сопоставлении множества факторов и поиске оптимального решения.

Возможность использования изображения как средства организации работ и одновременная возможность оперирования элементами изображения привели к появлению «проектной» функции графики. Проект являлся, с одной стороны, продуктом чисто графического конструирования, а с другой – средством реализации объекта [4].

Анализируя историю развития архитектурной графики можно обнаружить, что она изначально была более близка к современной инфографике, чем те образцы, которые считаются прототипом последней. Так, например,

в одних источниках утверждается: «У инфографики длинная и благородная история. Началась она в тот момент, когда Уильям Плейфэр изобрёл диаграммы» [1]. В других – первоосновой указываются астрономические и географические карты [5, 6]. Большинство исследователей вопроса сходятся во мнении, что инфографика (как способ визуализации количественных данных) связана с диаграммами, простейшие виды которых появились в XVIII в. Выше названная диаграмма Плейфэра датируется 1801 г. Географические карты (в современном понимании) появились в XVI в.

Самыми ранними изображениями, конечно, являются наскальные рисунки, но их нельзя причислить к информационной графике, поскольку там отсутствует аналитическая составляющая, количественные данные. Создание великих сооружений древности не могло обойтись без их графических образов, моделей. Архитектурные объекты изображались на глиняных табличках, каменных плитах, штукатурке. К источникам профессиональной графики, где изображение обладает определенной степенью условности, можно причислить рисунки на папирусах Древнего Египта XVI–XI вв. до н. э. Однако бесспорным документальным свидетельством ранней архитектурной графики является план монастыря Санкт-Галлен, созданный в 830-х годах (Швейцария). На пяти сшитых пергаментных листах (113 x 78 см) красными чернилами начертаны постройки, а 350 подписей сделаны коричневым (рис. 8). Первые масштабные чертежи появляются только в XIII веке. Примером служит 4-х метровый пергамент с чертежом фасада Кельнского собора, который выполнен около 1300 г.

Исторически изменяясь, функции графики разделились и образовали ряд параллельных линий, благодаря чему в настоящее время мы видим богатый спектр функций графики и, в частности, чертежа, выступающего в символической, оперативной, конструктивной, проектной, изобразительной, эстетической и т.п. функциях [4].

К сожалению, литература по инфо графике, пользующаяся у нас огромным спросом, не упоминает об архитектурной графике, как источнике современных приемов. Даже не будучи переведенными на русский язык, книги Эдварда Тафти (амер.) стали «библией» инфографистов, постоянно цитируются в среде разработчиков и неопитов. В профессиональных же исследованиях по архитектуре крайне мало изучен вопрос развития современной графической культуры и её практическая значимость.

Мы ежедневно видим анимированную и статичную инфографику в масс-медиа, в справочных изданиях, рекламе, указателях на улицах, в общественных зданиях и на транспорте. Средовой дизайн непосредственно связан с архитектурой, соответствующие специалисты получают образование на архитектурных факультетах, где графической подготовке отводится большая часть учебного времени. Но, главным образом, студенты обучаются проектной деятельности, требующей технических знаний, конструктивного и аналитического мышления. Таким образом, выпускники

архитектурных вузов являются достаточно разносторонними специалистами, способными занять новую нишу на рынке труда, как это уже произошло в области компьютерной графики, в кинопроизводстве, сценографии.

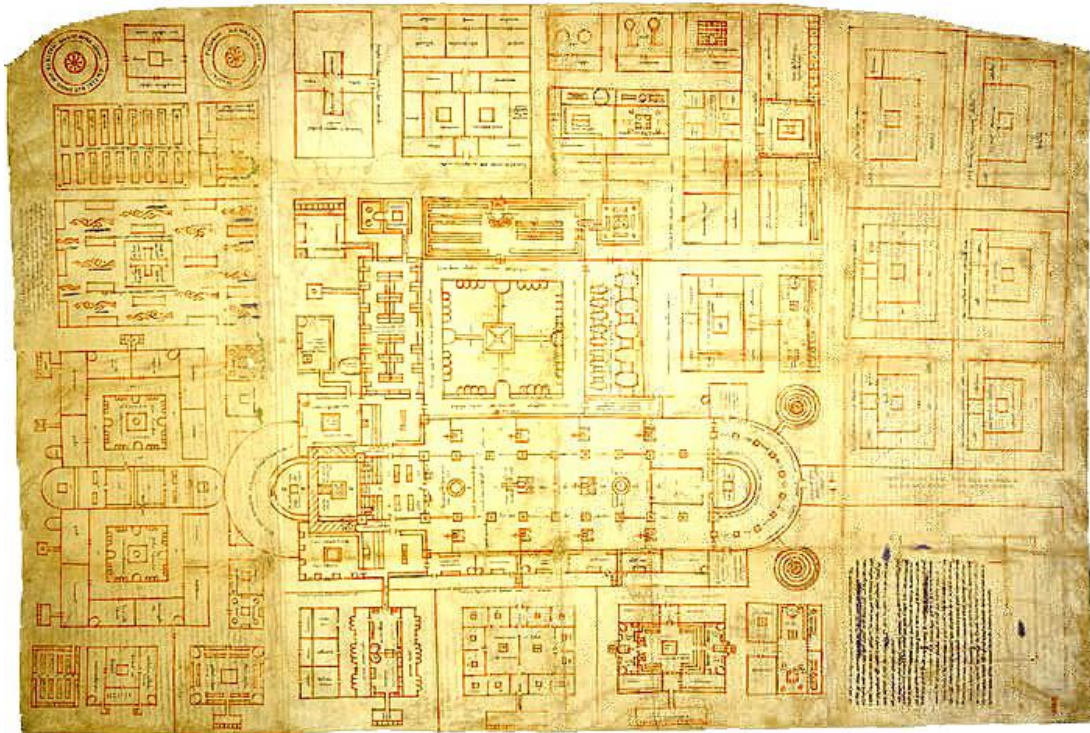

Рис. 8. Пергамент IX в. План монастыря Санкт-Галлен

Имеет смысл уделить особое внимание инфографике в наших образовательных программах. В первую очередь это важно для формирования основных профессиональных компетенций, связанных с навыками коммуникации, продвижения проектов, донесения до широкой общественности нового видения проблем урбанистики, экологической архитектуры, устойчивого развития территорий. Транспортная организация города также одна из актуальнейших задач современности, затрагивающая и экономические и социальные аспекты. В поиске решения этих вопросов невозможно обойтись без графо-аналитических методов. Геоинформатика, кадастр, системы инженерного жизнеобеспечения, логистика в своей основе опираются на данные генпланов, архитектурную и градостроительную документацию. Наполнение этих баз данных, их актуализация и грамотная интерпретация требует высокой квалификации специалистов в области архитектуры.

Логический и теоретико-деятельностный подход к анализу графических средств открывает новые возможности познавательного и проектно-конструктивного плана. Анализируя роль графики в процессе развития искусства, науки и техники (в частности, перенос графических средств из разных областей и предметов деятельности), мы можем сегодня сознательно конструировать новые семиотические средства проектирования и исследования [4].

Библиографический список

1. Шаргаева, У. Одиннадцать доказательств того, что инфографика – зло и должна умереть / У. Шаргаева // Сайт агентства Infographer. – URL: <http://infographer.ru/11-dokazatelstv-togo-chto-infografika-zlo-i-dolzha-umeret/>.
2. Горбачевский, М. Введение к статьям рубрики «Разборка» / М. Горбачевский // Сайт агентства Infographer. – URL: <http://infographer.ru/category/critic-infographics/>.
3. Акатьева, А.О. Архитектурная презентация: анализ понятия и проблемного поля / А.О. Акатьева // Архитектон: известия вузов. – 2012. – № 39. – С. 7. – http://archvuz.ru/2012_3/15.
4. Раппопорт, А.Г. Основные этапы использования и изучения чертежа / А.Г. Раппопорт // Блог «Башня и лабиринт». – URL: http://papardes.blogspot.ru/2009/10/blog-post_3620.html?updated-min=2009-01-01T00:00:00-08:00&updated-max=2010-01-01T00:00:00-08:00&max-results=50.
5. Доброва, И. Краткая история визуализации информации / И. Доброва // Сайт агентства Infographer. – URL: http://infographer.ru/short_history/.
6. Edward, R. Tufte. The Visual Display of Quantitative Information / Edward, R. Tufte. – Connecticut: Graphics Press, 2007. – 194 p.

[К содержанию](#)

УДК 726:27-523.4+72.04:27-523.4

ББК Э372.24

ТРАДИЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА РУССКОГО ДЕРЕВЯННОГО ИКОНОСТАСА

В.Ю. Юдин

В статье представлены результаты исследования по проектированию и строительству деревянного иконостаса в России.

Ключевые слова: иконостас, декоративный элемент.

Традиции в церковном искусстве в России складывались с древнейших времен. С момента прихода к власти Петра начинается упадок, который продолжается до начала царствования государя Александра 3.

Именно в этот период мы вновь наблюдаем возврат к истинно церковному стилю в строительстве храмов.

Поэтому кульминационным моментом в развитии церковного искусства – зодчества, живописи и церковной утвари – является XVII век.

Он и должен служить примером для архитекторов и мастеров по строительству иконостасов. Насколько нам известно, великий Васнецов придерживался такого убеждения и следовал ему «фанатически», как выражались о нем современные художники [1].

Нельзя сказать, что произведения русских архитекторов и живописцев XVII века не подлежали дальнейшему усовершенствованию; но именно в этом веке было подавлено органическое развитие тех форм живописи и зодчества, которые внушались благоговением (религиозным энтузиазмом) православного общецерковного чувства и общецерковной мысли.

Эти же формы были и национально русскими, но не в том смысле, что наш народ наложил свой мирской отпечаток на христианскую идею, как это было в западном мире.

А в том, что русское сердце, как это уже замечено современными художниками, сумело воплотить в краски, дерево и камень, ту святую настроенность примиренного покорного умиления, которая давалась христианам Востока только на высших ступенях духовной жизни и, поэтому, не могло так широко отражаться на произведениях их искусства.

Итак, XVII век нашей истории должен быть примером в церковной живописи, архитектуре и, особенно, в том, что касается внутреннего убранства храмов.

В данной области искусства православные русские зодчие, следуя традициям, неустанно трудились над строительством иконостасов, чего современное церковное строительство, к сожалению, еще не переняло, хотя оно и старается быть церковно-национальным.

Иконостасы еще со времен Петра 1, а особенно с начала XIX века стали постепенно приобретать черты характерные для костелов [2]. Католичество, это религия, которая не придает большого значения священным изображениям, но предпочитает вокруг них огромные рамы с декором.

Войдя в любой костел, мы увидим, что престол предстает перед нами в виде Петербургских иконостасов размером 6–8 м², иногда больше, но образ в нем, как правило, только один – примерно в 1,5 м²; и вокруг него – 1, 2, 3 рамы, в виде пары колонн, с каждой стороны. Сверху расположена корона в больших деревянных золоченых лучах, сбоку – деревянные тиары, барабаны с римскими цифрами, обозначающие заповеди Моисея. Затем атрибуты епископского сана, щиты с монограммами, и все это вокруг одного небольшого образа.

Такие же разнообразные орнаменты в стиле рококо представляют и наши иконостасы XIX века. Близкое их сходство с костелом и отступление от православного стиля заключается в том, что они не располагаются поперек всего храма, а занимают только центральную часть восточной стороны церкви.

Справа и слева от себя они имеют 2 пустых угла (Собор Александро-Невской Лавры, Храм Спасителя в Москве), или уступают место особым иконостасным пределам, что можно видеть едва ли не во всех больших храмах XIX века и конца XVIII века, либо дополняют себя особыми, другого стиля, иконостасами вроде «фальшивых» пределов (Храм Воскресения на Крови и многие другие).

Однако, первый отличительный признак настоящего православного иконостаса то, что он расположен от северной стены церковного здания до южной. Если есть боковые алтари, то они помещаются в восточных апсидах здания.

В иконостас, вместо некоторых икон, устанавливаются двери или арки, ведущие в новую церквушку со своим иконостасом и алтарем. В этом отношении Исаакиевский Собор сохранил православные традиции.

Итак, иконостас должен располагаться в длину от стены до стены.

А в высоту?

В древности, по традиции, были низкие иконостасы и некоторые современные строители до сих пор следуют этой традиции. Но в таком случае, зачем строить Храм в стиле XVII века, интерьер которого предназначен для высокого русского иконостаса?

Храмы, выполненные в стиле Алексея Михайловича (отец Петра I), это длинные храмы с низкой западной частью, с низким алтарем, но очень высоким колодцем в центре [3]. Они рассчитаны именно на пятиярусный иконостас. Тяжелые, но внушительные храмы XVI века, например, Успенский Собор Сергиевой Лавры, Храм Знамени в Новгороде (XVII века), Храм Успения в Тихвинском Монастыре (XVI век). Они имеют некруглые Византийские очертания, с большим количеством прямых углов и прямоугольных поверхностей, совершенно не могут быть удовлетворены одной стеной росписью, которая, по мнению мастеров, могла заменить отсутствие или низкий размер иконостаса в Византийских круглых постройках, например, в Соборе Святого Владимира в Киеве.

Русские зодчие не сразу решились закрывать иконостасом роспись горного места, ведь жалко было прятать такую красоту, поэтому иконостас Троицкого Собора Сергиевой Лавры или Новгородской Софии доходят до двух третей или трех четвертей храма. Однако искусство создания иконостасов продолжалось развиваться и в XVII веке достигло неопишуемой красоты.

Для стоящих в церкви людей, иконостас заменил собой алтарную роспись. Древние иконостасы – это просто сдвинутые ряды икон. Иконостасы же более позднего периода, XVI–XVII веков, это чудо искусства само по себе, и не напрасно русские считают их лучшим украшением храма и сравнивают храмы между собой по красоте иконостасов.

Классические иконостасы XVII века, сохраняя главное свойство древнего православного храма, представленного только иконами, т.е. святыми изображениями (а не безыдейным орнаментом – мебелью наподобие костелов в стиле рококо), вносят в церковную красоту особую идею художественного сочетания этих изображений друг с другом.

Так называемое тело иконостаса в высшей степени просто: по направлению вширь оно представляет собой полное однообразие рам или разделений между иконами; направление снизу вверх требует небольшого разнообразия и притом не столько в самом расположении рам, сколько в форме святых икон, иконных досок.

Нижний ряд составляется из особо почитаемых больших икон различной ширины; второй ряд – праздники – низкие и широкие; третий ряд – апостолы во весь рост, узкие и высокие; четвертый ряд – поясные изображения пророков, разделенные сверху по парам, но только до половины [4, 6, 7].

Важной особенностью являются нормы для проектирования деревянных иконостасов:

- ширина царских врат – 1,42 м;
- высота царских врат – 2,49 м;
- ширина северных и южных врат – 0,89 м;
- высота северных и южных врат – 2,13 м;
- расстояние от царских врат до престола – 1,78 м;
- престол 1,07 м, высота – 0,8 м;
- расстояние от престола до запрестольного образа – 1,07 м;
- высота запрестольного образа от пола – 1,07 м;
- жертвенник – 0,9 x 0,9 м высотой 0,8 м [5].

Сами перегородки, или тело иконостаса должно быть не шире 18 см. Если вынуть из него иконы, получим самый заурядный трафарет, но когда вставишь священные изображения, невозможно оторвать взгляд от этого чудного целого.

Подобный иконостас – это лестница Иакова, по которой восходят и нисходят не только святые ангелы, но и вся торжествующая церковь.

Таким образом, воссоздавая и строя новые храмы, старайтесь ставить большие многоярусные иконостасы ровными рядами, не усложняя их излишней декоративной резьбой, чтобы они красовались святыми иконами.

Библиографический список

1. Бетин, Л.В. Об архитектурной композиции древнерусских высоких иконостасов / Л.В. Бетин. – М., 1970. – С. 30–56.
2. Ильин, М.А. Некоторые предположения об архитектуре русских иконостасов на рубеже 14–15 веков / М.А. Ильин. – М., 1966.
3. Успенский, Л.Р. Вопрос иконостаса / Л.Р. Успенский // Вестник Русского западно-европейского патриаршего экзархата. – 1963 – № 44.
4. Филимонов, Г.Р. Иконостас и его символика / Г. Филимонов // Православное обозрение. – 1891. – № 4. – С. 696–719.
5. Де-Рошефор, Н.И. Иллюстрированное урочное положение / Н.И. Де-Рошефор. – 7-е изд. испр. – П., 1918.
6. Винницкий, М.В. Керамические иконостасы товарищества М.С. Кузнецова в архитектуре православных храмов конца XIX – начала XX веков: дис. ... канд. архитектуры / М.В. Винницкий. – Екатеринбург, 2002. – 235с.
7. Троицкий, Н.И. Иконостас и его символика / Н.И. Троицкий. – М.: Православное обозрение. – 1891. – № 4.

[К содержанию](#)

УДК 72.012.22 + 721.01

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АРХИТЕКТУРНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

М.Д. Воронина

В статье освещены отдельные вопросы, связанные с применением правовых положений при принятии управленческих решений в архитектурном менеджменте. Несвоевременное соблюдение требований нормативного правового регулирования в данной сфере приводит к нежелательным последствиям, связанным не только с последующим рассмотрением судебных споров, но и к серьезным финансовым потерям организаций, участвующих в создании архитектурного объекта.

Ключевые слова: архитектурная деятельность, менеджмент, земельные участки, разрешение на строительство, вспомогательные объекты, административная ответственность, самовольное строительство.

Процесс архитектурной деятельности основан на функциях управления, каждая из которых направлена на решение разнообразных и сложных задач. Основным регулятором данного процесса является архитектурный менеджмент. Именно архитектурный менеджмент позволяет эффективно и производительно достигать целей, поставленных перед организацией. Необходимо отметить, что определение архитектурного менеджмента отсутствует, но с учетом существующих определений менеджмента и определения архитектурной деятельности можно сформулировать данную дефиницию. Приведем некоторые определения:

– менеджмент – совокупность принципов, методов и средств управления производством с целью повышения эффективности производства и увеличения прибыли [1];

– менеджмент (англ. management – управление, заведование, организация) – управление производством; совокупность знаний, принципов, средств и форм управления производством с целью повышения эффективности производства и увеличения прибыли [2];

– менеджмент (англ. management) – управление производством; совокупность принципов, методов, средств и форм управления производством с целью повышения эффективности производства и увеличения прибыли [3];

– менеджмент – это управление организацией в условиях рыночной экономики. Управление – воздействие руководителя на свой объект, направленное на достижение цели [4];

– менеджмент представляет собой область знаний и профессиональной деятельности, направленных на формирование и обеспечение достижения целей путем рационального использования имеющихся ресурсов [5];

– архитектурная деятельность – профессиональная деятельность граждан (архитекторов), имеющая целью создание архитектурного объекта и включающая в себя творческий процесс создания архитектурного проекта, координацию разработки всех разделов проектной документации для строительства или для реконструкции (далее – документация для строительства), авторский надзор за строительством архитектурного объекта, а также деятельность юридических лиц по организации профессиональной деятельности архитекторов [6].

Рассматривая данную совокупность определений менеджмента с учетом содержания архитектурной деятельности, можно вывести следующее определение. Архитектурный менеджмент – область знаний и профессиональной деятельности, направленных на создание архитектурного объекта, включающая процесс и координацию создания архитектурного проекта, связанного со строительством или реконструкцией, авторский надзор за строительством архитектурного объекта и осуществление иных полномочий в данной сфере.

Исследование законодательной основы архитектурной деятельности позволяет сделать вывод, что практически каждое управленческое решение в сфере архитектурной деятельности основывается на применении правовых норм. Так, приступая к реализации архитектурного проекта, необходимо получить разрешение на строительство. Согласно ст. 2 Федерального закона от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» [6] разрешение на строительство – основание для реализации архитектурного проекта, выдаваемое заказчику (застройщику) органами местного самоуправления городских округов, городских и сельских поселений, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации – городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга в целях контроля за выполнением градостроительных нормативов, требований утвержденной градостроительной документации, а также в целях предотвращения причинения вреда окружающей среде.

Исходя из такого понимания термина «разрешение на строительство», мы должны иметь в виду, что Градостроительный кодекс трактует его гораздо шире. Кроме того, отношения в сфере архитектурной деятельности представляют собой группу разнородных отношений, которые регулируются актами различных отраслей российского законодательства, в том числе законодательством о градостроительной деятельности. Так, согласно ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации [7] под разрешением на строительство понимается документ, подтверждающий соответствие проектной документации требованиям градостроительного плана земельного участка или проекту планировки территории и проекту межевания территории (в случае строительства, реконструкции линейных объектов) и дающий застройщику право осуществлять строительство, рекон-

струкцию объектов капитального строительства, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом. На наш взгляд, данная трактовка наиболее соответствует современным требованиям.

Таким образом, единственным законным основанием для осуществления строительства, реконструкции, капитального ремонта, за исключением случаев, установленных Градостроительным кодексом РФ, является разрешение на строительство. За нарушение данного требования применяется административная ответственность, предусмотренная частью 1 ст. 9.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [8]. Строительство, реконструкция объектов капитального строительства без разрешения на строительство в случае, если для осуществления строительства, реконструкции объектов капитального строительства предусмотрено получение разрешений на строительство – влекут наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица – от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей или административное приостановление их деятельности на срок до девяноста суток; на юридических лиц – от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или административное приостановление их деятельности на срок до девяноста суток. Как видим из данной нормы, предусмотрена достаточно жесткая ответственность.

Говоря об ответственности за нарушение комментируемого правила, следует указать на постановление Президиума ВАС РФ N 16235/10 от 19 апреля 2011 г. по делу А40-19954/10-94-110 [9], в котором отражено, что субъектом административной ответственности в порядке ч. 1 ст. 9.5 КоАП РФ за строительство, реконструкцию, капитальный ремонт объектов капитального строительства без разрешения на строительство, если получение такого разрешения являлось необходимым, может быть не только застройщик или заказчик, но и то лицо, которое непосредственно осуществляет строительство в качестве подрядчика или генерального подрядчика.

Что касается строительства, реконструкции объектов капитального строительства, в отношении которых не требуется разрешения на строительство, то здесь хотелось бы отдельно уделить внимание такой категории объектов, как вспомогательные. Так как данный вопрос вызывает оживленную дискуссию среди юридического сообщества, тем более, что судебная практика при рассмотрении возникновения права собственности на данную категорию объектов складывается неоднозначно. Частью 17 ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации установлены случаи, когда выдача разрешения на строительство не требуется, в том числе при строительстве строений и сооружений вспомогательного использования [7].

К сожалению, на сегодня нет ни одного нормативного правового акта, который бы давал официальное определение понятию «объект вспомогательного использования». При создании данных объектов юридические лица сталкиваются с серьезными проблемами в плане приобретения права собственности на них. Согласно пункту 10 статьи 4 Федерального закона от 30.12.2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий» [10] к зданиям и сооружениям пониженного уровня ответственности отнесены здания и сооружения временного (сезонного) назначения, а также здания и сооружения вспомогательного использования, связанные с осуществлением строительства или реконструкции здания или сооружения либо расположенные на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного строительства. В соответствии с утвержденным приказом Росстандарта от 23.12.2010 № 1059-ст национальным стандартом Российской Федерации ГОСТ Р 54257–210 «Надежность строительных конструкций и оснований. Основные положения и требования» [11] к сооружениям пониженного уровня ответственности относятся: теплицы, парники, мобильные здания (сборно-разборные и контейнерного типа), склады временного содержания, бытовки вахтового персонала и другие подобные сооружения с ограниченными сроками службы и пребывания в них людей. Право собственности на данные объекты возникает с момента государственной регистрации права в порядке, установленном статьей 25.3 Федерального закона от 21.07.1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [12] (далее – Закон о регистрации). При этом установлено, что документом, подтверждающим факт создания объекта недвижимого имущества (если для его строительства, реконструкции не требуется в соответствии с законодательством Российской Федерации выдача разрешения на строительство) и содержащим его описание, является декларация о таком объекте недвижимого имущества. Возможность проведения государственной регистрации прав в порядке, предусмотренном ст. 25.3 Закона о регистрации, зависит от разрешения вопроса об отнесении того или иного объекта к категории вспомогательных. Пробелы в законодательстве, связанные с отсутствием понятия объект «вспомогательного использования» и критериев отнесения объектов к вспомогательным, приводят к тому, что органу, осуществляющему государственную регистрацию прав, весьма затруднительно принять решение о возникновении права собственности на подобного рода объекты. Необходимо отметить, что и судебная практика складывается в данном вопросе также неоднозначно. В судебной практике единственным бесспорным критерием для отнесения строений к вспомогательным является наличие на рассматриваемом земельном участке основного здания, строения или сооружения, по отношению к которому новое строение или сооружение выполняет вспомогательную или обслуживающую функцию.

Указанные выводы подтверждаются многочисленной судебной практикой, в том числе постановлениями Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.01.2013 N Ф03-6096/2012 по делу N А51-5654/2012 [13], Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.10.2012 по делу N А45-8245/2012 [14].

Так, Федеральный арбитражный суд Дальневосточного округа при рассмотрении спора о признании вспомогательным строением здания проходной на подстанции отмечает: «Суд первой инстанции обоснованно указал на то, что здание проходной не может самостоятельно эксплуатироваться и использоваться по целевому назначению при осуществлении коммерческой деятельности отдельно от подстанции, следовательно, является вспомогательным объектом, необходимым для использования с основным производственным объектом».

Статьей 51 Градостроительного кодекса также предусмотрены иные случаи, если в соответствии с настоящим Кодексом, законодательством субъектов Российской Федерации о градостроительной деятельности получение разрешения на строительство не требуется. Таким образом, законодательством субъектов должны быть определены перечни объектов, для строительства которых не требуется разрешение. Определение перечня объектов, для строительства которых не требуется разрешение на строительство, относится к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации. К сожалению, субъекты Российской Федерации либо не составили данные перечни объектов, либо их сузили, тем самым значительно усложнили ситуацию для получения титула собственника на такие объекты.

Следует обратить внимание и на такой аспект рассматриваемой проблемы. Строительство любого объекта должно вестись при наличии разрешения собственника земельного участка и (или) здания, сооружения и с соблюдением градостроительных, строительных норм и правил – это строгое правило, без которого невозможно приступить к строительству. Порядок предоставления земельных участков для строительства из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, регулируется ст. 30–32 Земельного кодекса Российской Федерации [15] и осуществляется с проведением работ по формированию земельных участков без предварительного согласования или с предварительным согласованием мест размещения объектов. В подтверждение наличия земельного участка застройщик должен иметь правоустанавливающие документы на земельный участок. Тем не менее, все чаще встречаются ситуации, при которых застройщики приступают к строительству, не имея надлежащим образом оформленных документов на право пользования земельными участками. Данная ситуация рассматривается как самовольное занятие земельного участка или использование земельного участка без оформленных в уста-

новленном порядке правоустанавливающих документов на землю, а в случае необходимости без документов, разрешающих осуществление хозяйственной деятельности, и является объектом административного правонарушения, предусмотренного в ст. 7.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [8]. Указанное правонарушение влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пятисот до одной тысячи рублей; на должностных лиц – от одной тысячи до двух тысяч рублей; на юридических лиц – от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей. Назначение административного штрафа не освобождает лицо от необходимости освобождения самовольно захваченного земельного участка. Кроме того, созданный объект недвижимости на таком земельном участке будет иметь статус самовольной постройки в соответствии со ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации [16].

Таким образом, реализация архитектурным менеджментом функций управления архитектурной деятельности требует преодоления пробелов в законодательстве и неукоснительного соблюдения правовых норм.

Библиографический список

1. Глухов, В.В. Основы менеджмента: Учебно-справочное пособие / В.В. Глухов. – СПб.: Специальная литература, 1995. – 328 с.
2. Горкин, А. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / А. Горкин; под ред. В.И. Бородулина. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. – 1439 с.
3. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2002. – 1472 с.
4. Абчук, В.А. Менеджмент: Учебник / В.А. Абчук. – СПб.: Союз, 2002. – 463 с.
5. Общий менеджмент: Дайджест учебного курса / под ред. А.К. Казанцева. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 252 с.
6. Об архитектурной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 17 ноября 1995 г. № 169–ФЗ : [принят Гос. Думой 18 окт. 1995 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4473.
7. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 декабря 2004 г. № 190–ФЗ (с изменениями) : [принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г. : одобр. Советом Федерации 24 дек. 2004 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (часть I). – Ст. 17.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 196–ФЗ (с изменениями) : [принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (часть I) – Ст. 1.

9. Постановление Президиума ВАС РФ N 16235/10 от 19 апреля 2011 г. по делу А40-19954/10-94-110 // Офиц. сайт ВАС РФ. – URL: <http://www.arbitr.ru>.

10. Технический регламент о безопасности зданий: Федер. закон от 30.12.2009 г. № 384–ФЗ : [принят Гос. Думой 23 дек. 2009 г. : одобр. Советом Федерации 25 дек. 2009 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 1. – Ст. 5.

11. ГОСТ Р 54257–210. Надежность строительных конструкций и оснований. Основные положения и требования. – М.: Стандартинформ, 2011. – 50 с.

12. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федер. закон от 21.07.1997 г. № 122–ФЗ : [принят Гос. Думой 17 июня 1997 г. : одобр. Советом Федерации 3 июля 1997 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3594.

13. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 22 января 2013 г. № Ф03-6096/12 по делу № А51-5654/2012 по заявлению ОАО к Управлению Феде Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Приморскому краю о признании незаконным решения об отказе в государственной регистрации права собственности.

14. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 октября 2012 г. № Ф04-4530/12 по делу № А45-8245/2012 по заявлению ООО к Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Новосибирской области об оспаривании решения об отказе в государственной регистрации права собственности.

15. Земельный кодекс Российской Федерации : от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (с изменениями) : [принят Гос. Думой 28 сент. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 10 окт. 2001 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

16. Гражданский кодекс Российской Федерации : от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (с изменениями) : [принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. – № 32. – Ст. 3301.

[К содержанию](#)

УДК 725.1:614.21 + 72.036

АРХИТЕКТУРА САНАТОРИЕВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

М.А. Лебедева

Анализ особенностей наиболее значимых рекреационно-оздоровительных объектов советского периода продемонстрировал эволюцию подходов в проектировании санаторных комплексов. Выявлены основные факторы, влияющие на выбор района для строительства лечебно-оздоровительных комплексов. Определены основные схемы группировки функциональных блоков помещений. Сформулированы основные приемы и принципы формирования комплексов санаториев.

Ключевые слова: архитектура; санаторий; советский; рекреационный комплекс.

Советская архитектура занимает особое место в мировой архитектуре XX в. В 20-е годы наша страна стала центром формирования глобального стилевого направления [6]. Во многом динамизм развития архитектуры был обусловлен происходящими в стране коренными социальными преобразованиями. Появление нового социального потребителя – класса трудящихся, повлияло на постановку задач, на требования, предъявляемые к архитектуре лечебно-профилактических зданий. Понимание важности полноценного отдыха и положительного влияния на трудовую деятельность привело к созданию многочисленных объектов такого рода. Деятельность архитекторов была направлена не только на разработку отдельных объектов, решались комплексные задачи развития территорий. Проекты основывались на проводимых научных исследованиях, касающихся освоения территорий и использования лечебных ресурсов.

Историю архитектуры советских санаториев можно условно разделить на четыре этапа. Анализ каждого этапа позволит проследить эволюцию подходов в проектировании санаторных комплексов и выявить общие закономерности и принципы их формирования.

Первый этап приходится на постреволюционный период восстановления экономики с 1917 года до начала 1930-х гг. Отмена частной собственности и государственное планирование определило новое содержание градостроительства и архитектуры, и в том числе, направленность курортного строительства на удовлетворение потребностей широких масс трудящихся [2]. В этот период развивается строительство санаториев и домов отдыха в районах с наиболее благоприятными климатическими условиями и наличием природных лечебных ресурсов, а также в пригородах больших городов.

Примером загородного санатория может служить комплекс в Барвихе под Москвой архитектора Б. Иофана, построенный в 1929–1934 гг. (рис. 1). Объемно-планировочная структура основана на блочной схеме группировки помещений. В ней спальные корпуса, примыкающие к общим распределительным коммуникациям и зимнему саду, имеют галерейную организацию. По типу жилых ячеек корпуса подразделяются на комнаты с общими уборными и душевыми и номера, имеющие в своем составе отдельные санузлы. Помещения лечебно-оздоровительной группы и предприятия общественного питания выделены в отдельные блоки, связанные со спальными корпусами через помещения вестибюльной группы. Здание санатория окружено множеством открытых помещений (галереи, балконы), столовая имеет открытую террасу. Скругленные торцы здания смягчают строгость и прямолинейность планировочного решения, а волнообразные линии фасадов обеспечивают визуальную связь с природным окружением.

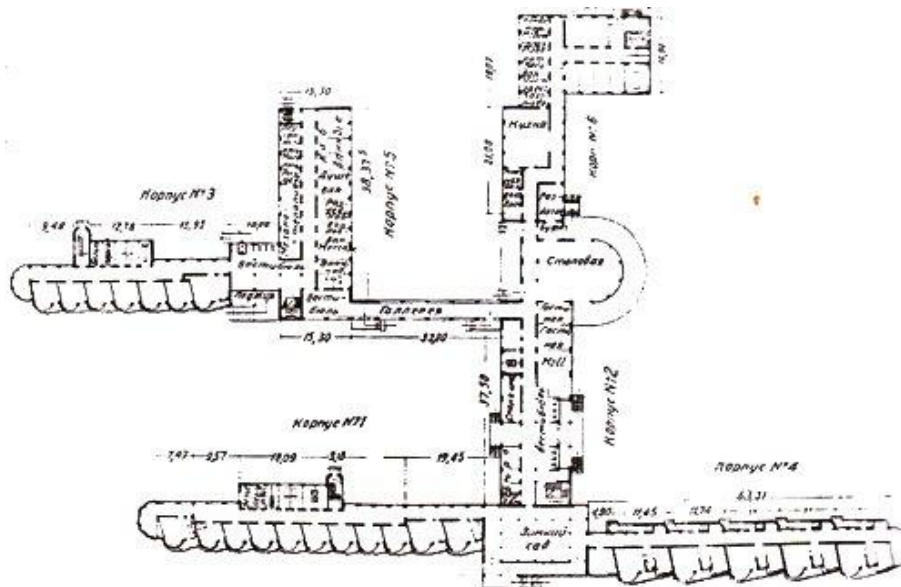

Рис. 1. Санаторий в Барвихе. 1929–1934 гг. Б. Иофан. План первого этажа

В 1927–1928 гг. строится бальнеологический санаторий сердечнососудистых заболеваний в Мацесте (рис. 2). Архитектор А. Щусев применил сблокированные спальные корпуса коридорной системы с двусторонним размещением комнат и помещений медицинского обслуживания. Блок общественного питания связан с блоками спальных корпусов крытым переходом. Корпуса здания сформированы вокруг внутреннего двора с фонтаном, обрамляя его с двух сторон. В композицию фасадов здания включено множество глубоких лоджий, придающих им пространственную пластичность. Боковые стенки лоджий дополнены декоративными решетками. Эта архитектурная деталь повторяется на всех фасадах здания. Цилиндрический объем, включающий пищевой блок, служит акцентом в композиции. Горизонтальное членение фасада подчеркнуто рядами лоджий и балконом на верхнем этаже.

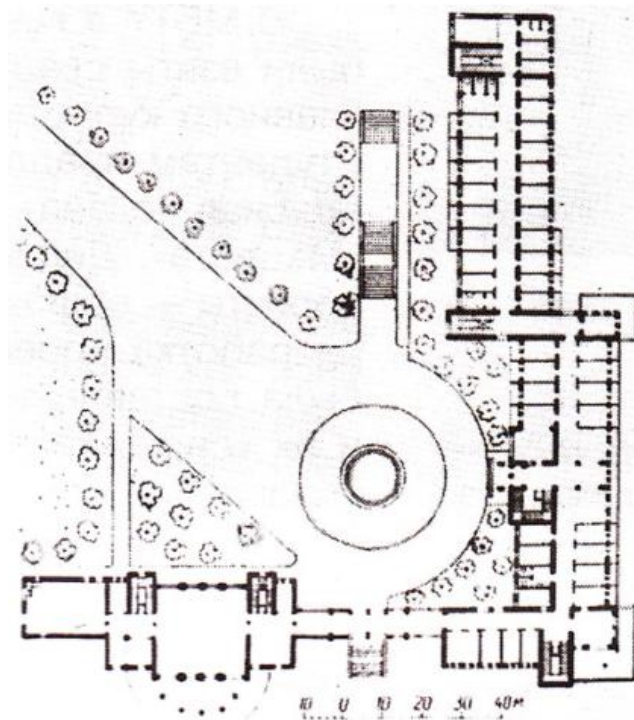

Рис. 2. Санаторий в Мацесте. 1927–1928 гг.
А. Щусев. План первого этажа

Одним из первых санаториев Сочи-Мацестинского курорта, построенных до его реконструкции, был санаторий «Горный воздух» в Сочи братьев В. и А. Весниных (1931 г.) (рис. 3). При размещении здания на участке учитывалась ориентация относительно берега моря, что позволило максимально использовать открывающиеся перспективные виды. Здание имеет свободную планировочную структуру, все функциональные блоки объединены в одном объеме. Помещения лечебной группы расположены на первом этаже, столовая и гимнастический зал, а также часть спальных помещений - на втором. На четвертом этаже находится остекленный зимний солярий. Единый корпус сформирован уступами, нарастающими к угловой части. Угол акцентирован глубокими лоджиями и перголой над эксплуатируемой кровлей. Динамика построения подчеркнута балконами и небольшими лоджиями на остальных фасадах здания. Обилие открытых помещений способствует связи объема здания с внешним пространством [5].

Второй этап, временные рамки которого охватывают 30-е гг. XX-го века (1930–1941 гг.), интересен формированием предпосылок системного развития курортов. Ориентация курортного строительства на массового потребителя выдвинула на первый план проблемы районной планировки. На научной основе создается проект районной планировки Минераловодческого района Северного Кавказа, где еще в XIX в. сложились города-курорты – Железноводск, Ессентуки, Пятигорск, Кисловодск. Разработка районной планировки Южного побережья Крыма велась большим коллективом проектировщиков, включавшим архитекторов, инженеров различ-

ных специальностей, врачей-курортологов, агрономов и т.д. Необходимо было решить ряд задач, в том числе, разработать архитектурные решения, обеспечивающие прямую связь санаторных территорий с морем. Были проведены значительные работы по реконструкции курорта Сочи-Мацеста, построено множество транспортных инженерных сооружений [2].

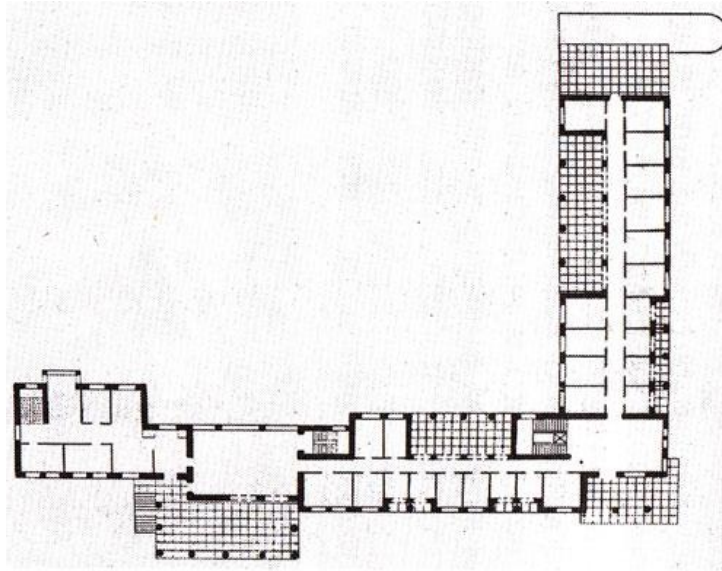

Рис. 3. Санаторий «Горный воздух» в Сочи. 1931 г.
В. и А. Веснины. План первого этажа

В этот период в архитектуре санаторно-курортных комплексов наблюдается противоборство различных тенденций. Прогрессивная линия архитектурных поисков характеризуется соединением классических принципов с достижениями архитектуры 20-х гг. Примером может служить комплекс санатория Советской Армии им. Ворошилова в Сочи (архитектор М. Мержанов, 1931–1933 гг.) (рис. 4). Комплекс имеет террасное построение, отдельные здания расположены на спускающихся к морю площадках. Центральной осью композиции ансамбля служит фуникулер, ведущий от верхней площадки главного общественного корпуса клуба-столовой к пляжу с водной станцией внизу. По обе стороны симметрично от оси расположены окруженные открытыми террасами спальные корпуса, вписанные в ландшафт при помощи различных подпорных стенок, лестниц и видовых площадок. Два боковых верхних корпуса связаны с центральным переходными галереями. Ниже по склону размещены лечебный корпус, административная и приемная группа помещений. Комплекс санатория пересекает проспект, за которым находятся различные хозяйственные постройки, корпус для персонала. Далее по склону расположена открытая эстрада, ниже - пляж с аэрарием и спортивными площадками. Архитектура зданий носит черты конструктивизма, в то же время, общее построение всего ансамбля основано на классических принципах.

Рис. 4. Санаторий Советской Армии им. Ворошилова в Сочи.
1931–1933 гг. М. Мержанов. Генеральный план

Еще один пример – санаторий Наркомтяжпрома им. Орджоникидзе в Кисловодске, возведенный по проекту М. Гинзбурга в 1938 г. (рис. 5). В планировке автор стремился создать иллюзию симметричной композиции. Лечебный корпус является центром композиции, что также подчеркнуто его планировочным решением. Он состоит из двух объемов: блока лечебных кабинетов вогнутой формы и расположенного за ним цилиндрического ванного отделения, сформированного вокруг озелененного дворика. С двух сторон от лечебного корпуса находятся два спальных, рассчитанных на разные группы отдыхающих, один из которых включает помещения столовой и клуба. Связь внутренних пространств с природой подчеркнута лоджиями и галереями, а также устроенными на плоской кровле соляриями. От центрального корпуса вниз по склону спускается лестница, спроектированная И. Леонидовым. Ее пластическое решение, органично вписанные в рельеф промежуточные площадки, малые архитектурные формы ассоциируются с композициями итальянского сада эпохи Возрождения. В целом, композиция санатория построена по классицистическим принципам развертывания пространств и объемов, а решения корпусов и их номеров строго функциональны.

Вторая линия развития архитектуры продолжает традиции эклектизма, стилизации классических элементов. Такое понимание проблемы освоения классического наследия можно рассмотреть на примере санатория угольщиков им. Орджоникидзе в Сочи (И. Кузнецов), построенном в 1934–1938 гг. (рис. 6). В этом комплексе функциональные процессы подчинены фор-

мальной симметричной композиции. Центральное здание клуба-столовой и расположенные по бокам два спальных корпуса связаны между собой переходами и образуют полуоткрытый внутренний дворик с фонтаном. Композиция фасадов корпусов построена по единому принципу: центральные части зданий выделены колонными портиками, горизонтальные членения создаются множеством лоджий и галерей, в качестве тектонической основы выбраны классические формы коринфского ордера и арочные мотивы.

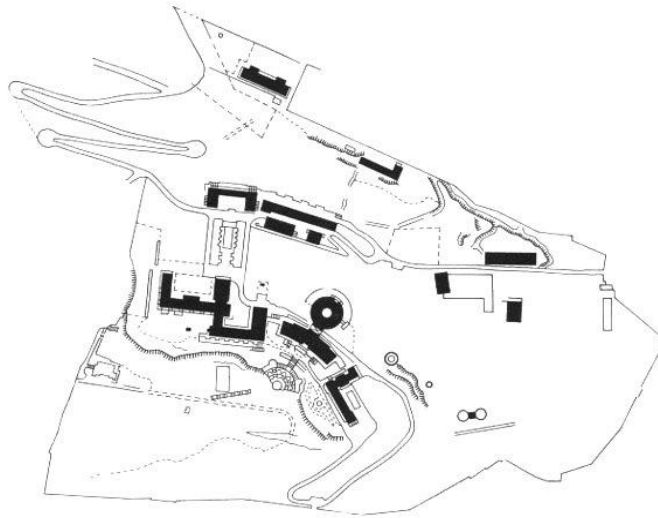

Рис. 5. Санаторий Наркомтяжпрома им. Орджоникидзе в Кисловодске.
1938 г. М. Гинзбург. Генеральный план

Обе этих линии получают дальнейшее развитие на третьем этапе в послевоенный период 1941–1950-х гг. В проектах рекреационно-оздоровительных комплексов отражается общая направленность послевоенной архитектуры. С одной стороны, это поиск новой интерпретации классических принципов, подчинение традициям прошлого. С другой, работа над новыми экономичными решениями, поиск новых методов проектирования. Линию активного поиска выразительной архитектуры продолжают санатории М. Гинзбурга «Горные вершины» в Кисловодске (рис. 7) и «Ореанда» в Крыму. Традиции эклектизма имеют продолжение в санатории «Металлург» в Сочи (Я. Свирский, Г. Битов и О. Угрюмов) и санатории в Цхалтубо (Т. Шавишвили).

К четвертому этапу можно отнести архитектуру 1960–70-х гг. Индустриальные методы строительства, унификация и типизация элементов конструкций позволяли возводить здания в короткие сроки, что было особенно важно в условиях интенсивного развития массового отдыха и туризма. Новые технологии строительства стали важным формообразующим фактором [3]. В архитектуре санаториев, курортных комплексов, домов отдыха ярко проявилась еще одна черта – стремление к их органической взаимосвязи с природным окружением. В этой связи интересна композиция ново-

го санатория «Сочи» (Ю. Шварцбрейм, Д. Лурье, Н. Стужин, М. Шульмейстер, К. Лео, Г. Стужин, 1965 г.) (рис. 8). Вместо того, чтобы расположить комплекс на холме и соединить его с пляжем при помощи фуникулера, авторы разместили здание спального корпуса на пляже, в то время как пищеблок и блок с вестибюлем и кинозалом выделены в отдельные объемы в верхней части здания и связаны с берегом. Здание стоит на опорах, за счет чего создается ощущение воздушности. Открытая терраса с навесом на крыше спального корпуса, ажурная лестница, четкие ярусы лоджий придают фасаду пластичность и легкость.

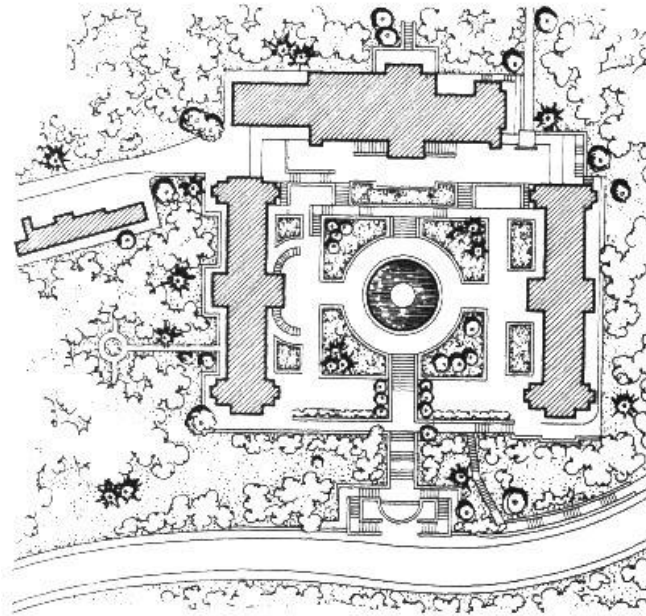

Рис. 6. Санаторий им. Орджоникидзе в Сочи. 1934–1938 гг.
И. Кузнецов. Генеральный план

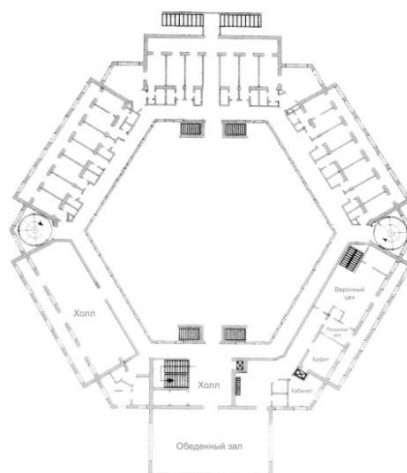

Рис. 7. Санаторий «Горные вершины» в Кисловодске. 1951 г.
М. Гинзбург. План первого этажа

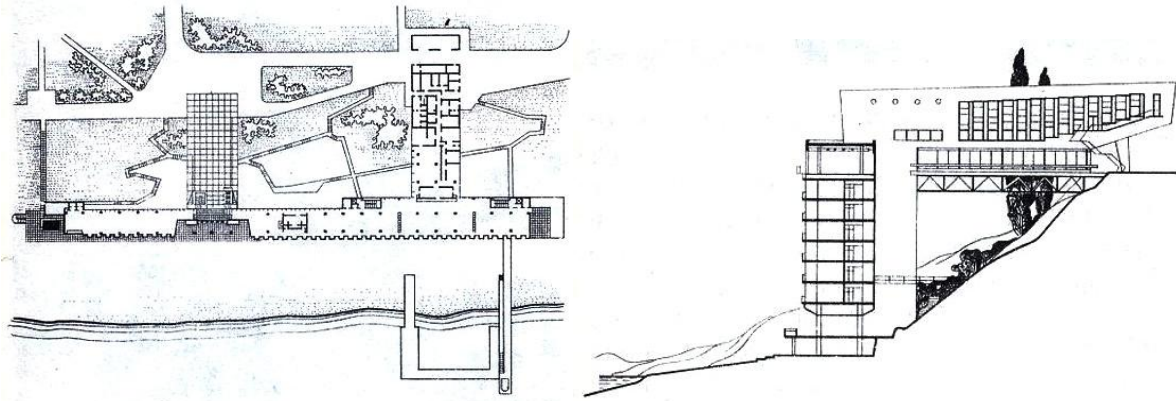

Рис. 8. Санаторий «Сочи» в г. Сочи. 1965 г. Ю. Шварцбрейм и др.
Главный корпус, план верхнего этажа, поперечный разрез

Подводя итог, можно выявить основные черты, характерные для каждого этапа. На первом этапе санатории имели скромный набор обслуживающих помещений, лечебный и пищевой блоки, как правило, размещались в объеме спальных корпусов или блокировались с ними. Функциональные планировочные решения корпусов имели асимметричное построение. Архитектура санаториев носила черты конструктивизма, выразительность композиции достигалась за счет пропорционального сочетания и артикуляции простых объемов. На втором и третьем этапе происходит переосмысление классических принципов, дальнейшее развитие идет по двум направлениям. В одном случае, интерпретация этих принципов выражается в построении всего ансамбля санаторного комплекса и сочетается с новаторскими поисками объемного решения корпусов. В другом, наряду с классическими приемами построения композиции заимствуются и элементы классической архитектуры, выступающие в роли стилизованной декорации. Четвертый этап отражает новые методы строительства и конструктивные возможности. Строгая функциональность архитектурных решений сочетается со стремлением вписать сооружение в природное окружение.

Благодаря проведенному анализу архитектуры советских санаториев можно выделить основные факторы, влияющие на выбор района для строительства лечебно-оздоровительных комплексов: наличие природных лечебных ресурсов, благоприятные климатические условия, пригороды больших городов. С точки зрения объемно-пространственного решения выявлены следующие схемы группировки помещений: централизованная (объединение всех функциональных элементов в едином объеме); блочная (отдельные группы помещений располагаются в объемах, примыкающих друг к другу или связанных между собой крытыми переходами) [1]; павильонная (размещение групп помещений в отдельных объемах, связанных общим композиционным решением) [4].

Анализ позволил сформулировать основные приемы и принципы формирования комплексов санаториев: гармоничная связь с природным окружением и рельефом, учет характеристик участка проектирования и экологической составляющей, расположение зданий согласно логической функциональной связи помещений, формирование композиции с учетом наилучшего раскрытия перспектив и, как следствие, зависимость объемно-пространственной формы от функциональных взаимосвязей и условий местности, связь помещений с внешним окружающим пространством за счет обилия открытых помещений (лоджий, террас, галерей, эксплуатируемых кровель) и формирования полуоткрытых пространств и внутренних двори-ков. Применение этих принципов при проектировании рекреационно-оздоровительных объектов даст возможность сформировать по-настоящему комфортную рекреационную среду с учетом природной со-ставляющей, ее стабильности и сохранения лечебных ресурсов.

Библиографический список

1. Бобр, В.И. Формирование архитектурного образа рекреационно-оздоровительных центров в современной России [Электронный ресурс] / В.И. Бобр, М.Д. Коновалова, А.Н. Калугин // Мир современной науки. – 2011. – № 4. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-arhitekturnogo-obraza-rekreatsionno-ozdorovitelnyh-tsentrov-v-sovremennoy-rossii>.
2. Былинкин, Н.П. История советской архитектуры 1917–1954 гг.: учебник для архитектурных вузов / Н.П. Былинкин [и др.]; под общ. ред. Н. П. Былинкина, А.В. Рябушина. – М.: Стройиздат, 1985. – 256 с.
3. Былинкин, Н.П. Современная советская архитектура 1955–1980 гг.: учебник для вузов / Н.П. Былинкин [и др.]; под ред. Н.П. Былинкина, А.В. Рябушина. – М.: Стройиздат, 1985. – 224 с.
4. Гельфонд, А.Л. Архитектурное проектирование общественных зда-ний и сооружений: учеб. пособие / А.Л. Гельфонд. – М.: Архитектура-С, 2006. – 280 с.
5. Соколов, Н.Б. Сочи-Мацеста: очерк архитектуры / Н.Б. Соколов. – М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. – 125 с.
6. Хан-Магомедов, С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения / С.О. Хан-Магомедов. – М.: Стройиздат, 1996. – 709 с.

[К содержанию](#)

УДК 72.034.7 + 7.017.4

ЭВОЛЮЦИЯ ЦВЕТОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ. БАРОККО

Д.И. Нестеров

Материал является частью тематических статей посвящённых роли цвета в различные исторические периоды и формализованному отношению к цветовой палитре в архитектурных стилях и направлениях. Каким образом человеческая мысль формировала окружающую цветовую информацию в графические конструктивные системы, устойчивые смысловые образы мифологического, псевдонаучного и религиозного характера. Естественнонаучные исследования в области природы цвета и их авторская интерпретация в графических цветовых конструкциях. Роль и место цвета в современной архитектуре, и его влияние на формирование исторических стилей.

Ключевые слова. Цвет, цветовые конструкции, Барокко, Ньютон.

История архитектурных стилей знает множество ярких примеров прямой наглядной связи цвета с архитектурным решением, глубокого понимания его формообразующей роли, создание удивительной гармонии цветовых сочетаний формирующих архитектурный образ. С древнейших времён богатство цветосветовой палитры природного окружения – неисчерпаемый источник эмоциональных и эстетических стимулов для творческого преобразования архитектурной формы. Эта бесконечно разнообразная палитра цветов привлекала художников архитекторов и дизайнеров, волновала их творческое воображение, занимала пристальное внимание науки, использовалась в практической деятельности. Но в настоящее время существует устоявшееся мнение, и её практическое воплощение, о вторичности цвета по отношению к архитектурной форме, на складывание подобного мнения повлияло множество условий, особенно главенствующие тенденции в архитектуре первой половины двадцатого века. В дизайне дело обстоит иначе. Итак, анализируя соотношение цвета и архитектурной формы можно выделить три позиции.

Первая – полихромное единство цвета и формы. История античности и средневековья свидетельствует об абсолютном неприятии древними народами бесцветной архитектуры. Цвет здесь естественен и неотделим от архитектуры как природный материал: расцвеченные статуи и храмы Древней Греции, Персии и Рима, мрамор дворцов, глинобитный цвет замков и крепостей, состарившееся дерево русских посадов, спокойная гамма земляных охр в отделке интерьеров. Мерцающие мозаики Византии, цветовые аккорды витражей готических храмов, цветовая пышность барокко и бла-

городная сдержанность классицизма, буйство красок индийской культовой архитектуры, настенные орнаменты среднеазиатских памятников – лишь небольшая часть убедительных свидетельств широкого использования цвета в архитектуре во все времена.

Изобретение на рубеже девятнадцатого начала двадцатого века искусственных красителей значительно обогатило палитру современного проектировщика, однако принесло и свои минусы. Творческий полёт фантазии архитектора или дизайнера современности сводится к конструированию проектных образцов из унифицированных типозадающих элементов и огромного набора готовых цветоносителей, а декорирование как объект современного искусства мало кого вдохновляет из нынешних творцов. Характер цветосветовых отношений закладывается ещё на уровне авторской концепции, или форма «одевается» в готовые цветоэлементы в процессе проектного решения. Такой подход преобладает в современной архитектуре, когда цвет и форма сосуществуют параллельно, не противореча, а дополняя одно другому. В городской среде подобная параллельность обостряется, что наглядно видно на примере всевозможных дизайнов отпочковавшихся от классического дизайна шестидесятых – семидесятых годов прошлого века. Или какую роль в комплексе современного городского дизайна выполняют элементы рекламы и графического дизайна.

Третье – невозможность или нежелательность единовременного существования насыщенной полихромии и архитектурной формы. Во взглядах на развитие современной архитектуры существует и подобная концепция, поддерживаемая многими нашими современниками. Такой подход оправдан, если продиктован авторским замыслом либо форма чрезмерно усложнена. Началом подобного размежевания послужили идеи архитекторов конструктивистов со своей формулой «форма превыше всего...» и эксперименты в области формотворчества художников авангардистов первой трети двадцатого века. Необходимо учесть, что нынешняя система академического архитектурного образования закладывалась в тридцатые годы именно на идеях советских архитекторов конструктивистов. Нехорошую службу сослужила и так называемая борьба с архитектурными излишествами и украшательством в период «хрущёвской оттепели», что окончательно разделило архитекторов – типовиков и декораторов-альфрейщиков. В рамках культуры Ренессанса возникли зачатки объективного физического знания о цвете и цветовом зрении, исследования Джованни Батиста Делла Порта, Франсуа Ангуилониуса, Атансиуса Киркэра, Роберта Флуда заложили основы дальнейшего фундаментального развития учения о цвете и подвигли Ньютона к его трудам. В эпоху Возрождения, благодаря развитию наук и искусств человек ощутил стремление к свободе и проявлению индивидуальности, цветовая парадигма эпохи становится элегантно сложной изысканной. Творческие традиции, породившие замечательные

периоды различных стилей привели к возникновению барокко. Для архитектуры барокко характерно стремление к чрезмерно усложненной композиции, особенно в интерьере. Пластика формы тяготеет к атектоничности, уходу от прямых линий, разрушению плоскости с введением пространственных «зеркал» в виде росписей либо архитектурных деталей, наиболее характерными понятиями по отношению к стилю можно назвать театральность, иллюзорность, сложность. Пластическая «одежда» зданий существует почти независимо от конструктивной основы как накладная декорация, при этом планы многих известных зданий просты и рациональны по функциональному назначению. Другая отличительная черта барокко – стремление разрушить пространство и плоскость при помощи светотеневых средств. Игра рефлексов, бликов и светотени стремление создать всевозможные иллюзии, основанные на перепадах яркостей, разрушали грань между плоскостью и пространством. Широко использовался приём светотеневой адаптации, свет нередко используется как средство создания иллюзии огромного окружающего зрителя пространства и ландшафта, на фоне которого разворачивается то или иное действие, либо создаётся реальный декор для живописи и скульптуры. Для этого применяется неравномерное распределение освещения в помещении и используется темновой эффект адаптации, когда зритель расположен в зоне пониженной яркости. Драматическая смена итальянского влияния на французское в области вкусов, как бы сейчас выразились архитектурно-дизайнерское, стало причиной возникновения и быстрого развития новых идей в этой области. Итальянское барокко – это, прежде всего стиль города Рима и Ватикана. Отсюда растекались барочные идеи по другим городам полуострова, воплощаясь в различные формы при дворцах Медичи или Фарнезе. Барокко ещё стиль вилл и дворцов, усиливших элементы парадности, помпезности, декоративности, востребованных ещё в эпоху Возрождения. Салоны, галереи, кабинеты и лоджии служили достойным обрамлением благородному обществу, которое органично вписывалось и выглядело как часть и порождение величественного окружения. Сегодня, когда мы критично оцениваем блеск и великолепие позолоты, яркие краски фресок, фривольность живописных полотен, помещения представляются холодными и фальшивыми. Итальянские дворцы никогда не выполняли роли интимных помещений, но рассматривались как театры для торжественной общественной жизни – для балов, официальных приёмов, частных бесед. Это приводило к тому, что апартаменты на первом этаже, где располагались спальни, были роскошно отделаны, верхние комнаты могли оставаться пустыми или не использовались. Барокко ещё и великолепие дворцовых интерьеров, несмотря на подавляющую роскошь и помпезность, наши современные представления о комнате, её функциональности, наполнении и убранстве восходят именно к французскому барокко. Неимоверное развитие получают декоративные и

альфрейно-живописные отделки в интерьере. Впервые художники-прикладники стали изготавливать целые ансамбли обстановки, в которые входили подогнанные по размеру и форме зеркала и картины, декорированные стены и потолки, расписные или позолоченные деревянные панели, канделябры, резная золочёная мебель, постаменты под скульптуру и так далее. Начало складываться подобие общеевропейской интернациональной интерьерной декорации с едиными чертами в Риме, Париже и Лондоне, России и северной Европе. Обстановка в интерьере стала играть чрезвычайную роль, указывая на социальный статус и прочность материального положения владельца. И как показатель успешности – востребованность стиля в наше время.

Рассвет в Европе барокко ознаменован и фундаментальными открытиями в естественных науках, не обходили стороной учёные исследования цвета. Приблизительно в 1630 году в медицинской работе англичанина Роберта Флуда (1574–1637) появился цветовой круг (рис. 1). Его модель состоит из семи областей, и указывает на связь с линией Аристотеля. Флуд искажает эту классическую линию, размещая, черно-белый друг рядом с другом. Красный располагается напротив них и обозначается как «среда». Всем семи цветам предоставляется единый статус и свойства – белому, чёрному и красному, как и четырем другим цветам, которые мы знаем как зелёный, синий, желтый и оранжевый. Основной подход Флуда, опирается на устойчивое утверждение метафизической дуальности мира, декларацию на земле противоположных полюсов света и темноты. Цель его цветового круга – проследить динамику развития каждого цвета назад в этой дуальности, а именно от непроявленного к проявлению в виде цвета. Ему принадлежит фундаментальное наблюдение, что цвета вещей – не простые совпадения, а явления части их элементарного строения. Флуд ввёл «вес» на основные цвета в пределах своего круга. В котором он установил, сколько «яркости» (света) и сколько «темноты» (черноты) было представлено в них. Белый легок без черноты, черный – отсутствие света. В зеленом есть равновесие света и черноты, в желтом есть баланс между белым и красным. Оранжевый происходит, если в желтом и красном увеличить количество белого.

Немецкий академик Атансиус Киркэр (1602–1680) в 1669 г., используя астрологическую концепцию, предложил оригинальную цветовую модель вихря с семью орбитами, каждому цвету соответствовало своё место, и изменение цвета происходит за счёт перехода с одной орбиты на другую или положение цвета относительно чёрно-белого. Основание для всех комбинаций – нелинейная конструкция, которая, кроме белого и черного, использует три цвета, а именно желтый, красный и синий. Специальная позиция зеленого примечательна: подобно красному, зелёный помещен в центр. Зелёный расположен в наложении желтого и синего. Также им

была предложена еще одна цветовая модель – соединение нотного стана с семью цветами, идея не нова, новизна в практических рекомендациях предложенных автором исполнителя (рис. 2).

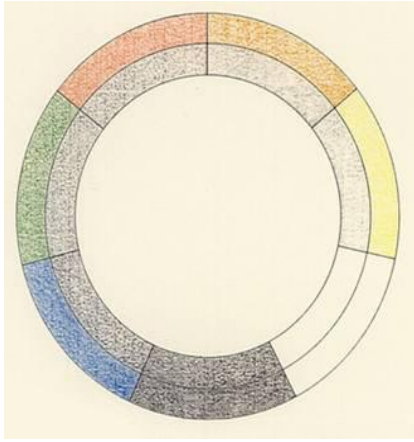

Рис. 1. Цветовой круг
Роберта Флуда

Рис. 2. Музыкальная цветовая модель
Атаназиуса Киркэра

Выход в свет в 1704 году работы Ньютона «Оптика» повлияло на исчезновении архаичного порядка цветов от яркого до темного – или от черного до белого. Англичанин Ричард Воллер (1606–1687) попытался создать авторскую систематизацию цветов и упорядочить терминологию цветовых смесей в основном практическим путём, так как до того времени, стандартные термины не были установленными среди практиков. Издал свою систему 1686 под названием Каталог Простых и Смешанных Цветов. Где пытался обнаружить, могут ли цвета быть устроены в пределах квадрата, основные цвета – желтый (Y), красный (R), синий (B) и зеленый (G) – помещены не в углы квадрата, а в середину каждой соответствующей стороны, тогда смеси помещаются в области сформированной сетки (рис. 3). Воллер определял смешанные цвета не интуитивно, а согласно их весу, смешивая каждый основной пигмент в равных пропорциях (рис. 4).

В 1704 г. выходит знаменитый труд И. Ньютона (1642–1727) «Оптика», в котором впервые был описан экспериментальный метод исследования цветового зрения, называемый методом аддитивного смешения цветов, полученные результаты, положили начало экспериментальной науке о цвете. До этого он долго считал, что белый свет был составлен из цветных лучей. Начались его исследования с того, что Ньютон в 1666 году обнаружил, что узкий солнечный луч при прохождении через стеклянную призму разлагается на отдельные цветные лучи, в результате чего на экране, помещенном позади призмы, получается цветная радужная полоска с постепенным переходом цветов от красного до фиолетового (рис. 5). Он выделил в этой полосе семь цветов: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий и фиолетовый, назвав её спектром (от латинского spectrum – видимое).

Деление спектра на семь цветовых зон чисто условно, глаз различает в спектре большее количество промежуточных оттенков, поскольку последовательность перехода цветов спектра непрерывна, и каждый цвет переходит в соседний плавно и постепенно. Для проверки гипотезы, где возникают цветные лучи – в свете или призме – Ньютон убрал экран и пропустил спектральные лучи на линзу, которая снова собрала их в пучок на втором экране, и этот пучок был такой же бесцветный, как исходный свет.

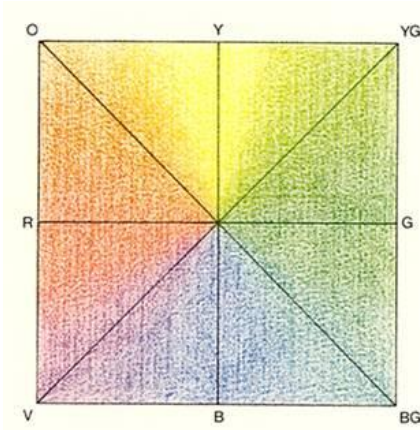

Рис. 3. Цветовая система Киркэра

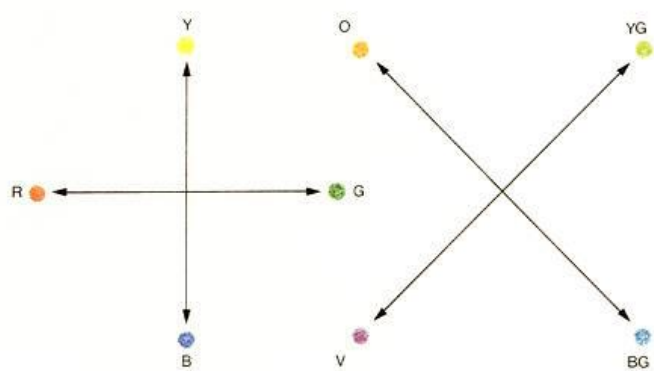

Рис. 4. Синтез цвета по Воллеру

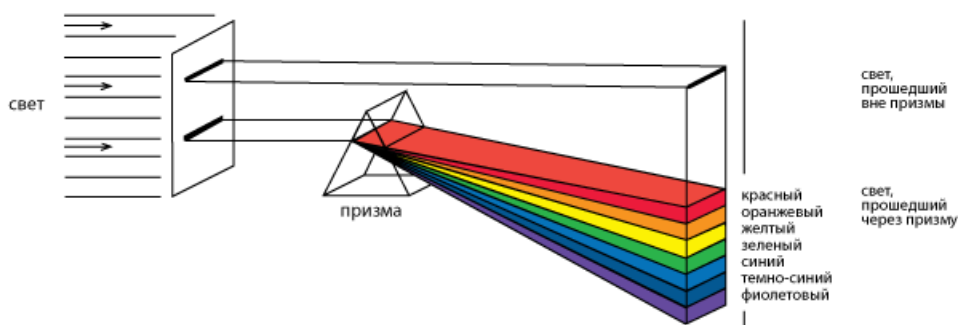

Рис. 5. Спектральный опыт Ньютона

Таким образом, Ньютон доказал, что цвета образуются не призмой. Почему в белом свете нет никакого намека на цветные лучи, из которых он состоит? Именно этот феномен, который даст возможность сформулировать один из законов смешения цветов, и привел Ньютона к разработке метода смешения цветов. Аналогичные результаты Ньютон получил, пропуская солнечный свет через стекла различного цвета, что привело его к следующим двум важным выводам, которые в современной интерпретации можно сформулировать как: первый – белый солнечный свет состоит из лучей различных цветов, и только определенное соотношение между ними создаёт у нас впечатление белого цвета, и второй – стекло для лучей, отличающихся по цвету, имеет разные показатели преломления. Зависимость

показателя преломления от цвета лучей была названа Ньютоном дисперсией света. Слово «дисперсия» в переводе с латыни означает разложение или рассеяние. Ньютону принадлежит гипотеза о том, что свет – это поток материальных частиц, корпускул, движущихся от источника света с большой скоростью, которая и является скоростью света. Изучая природу света и цвета, Ньютон пришел к выводу, что постоянные цвета естественных тел происходят по причине того, что некоторые тела отражают одни сорта лучей, другие тела – иные сорта обильнее, чем остальные. Ньютон провел аналогию между цветом и звуком, считая, что оба этих явления имеют подобную природу, чем, вероятно, предвосхитил открытие электромагнитной природы звука и света. Этот вывод дал Ньютону основание расположить цвета, на которые раскладывался дневной свет, при прохождении через призму, по окружности, или цветовому кругу. Семь частей окружности DE, EF, FG, GA, AB, BC, CD были пропорциональны семи музыкальным тонам или интервалам восьми звуков: соль, ля, фа, соль, ля, ми, фа, соль, содержащихся в октаве. Черный был исключен, а в свободный центр круга был вместо этого помещен белый, чтобы отобразить в символической форме то, что сумма всех указанных цветов является белым светом. Цветовой круг Ньютона останется неадекватно объясненным, если мы проигнорируем веру в его изобретателя, что распространение и света и звука является сопоставимым. Ньютон выбрал семь цветов, потому что октава показывает семь звуковых интервалов. Он поместил доли в соответствии с их ценностью в музыкальном масштабе. Индивидуальные звуковые тоны, связанные с этим масштабом совпадают с границами между цветовыми градиентами. Это математически-музыкальное ассоциирование цветов мешает многим понимать авторскую систему с ее семью (вместо пяти) первичных цветов, она имеет скорее больше эстетического значения, чем научного. Впоследствии Гете сильно возразил против этой идеи, и поэтому поставил под сомнение основу Ньютонической оптики – разделение дневного света призмой.

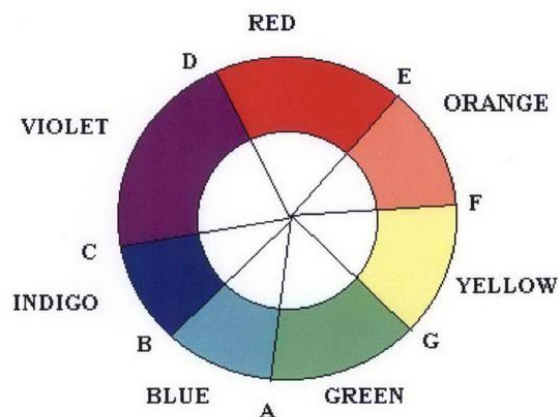

Рис. 6. Цветовой круг Ньютона

Опираясь на труды предшественников и естественно - научные опыты, Ньютон выявил волновую природу света, сопоставляя свои наблюдения, сделал вывод, что существуют простые (основные) цвета, и сложные, представляющие собой смесь простых, которые имеют разные показатели преломления. Определил показатели преломления лучей различного цвета, выделенных из спектра. Доказал экспериментальным путём, свет различного цвета (разная длина волны) характеризуется разными показателями преломления в данном веществе и показатель преломления имеет вполне определенное значение, а ощущение белого цвета вызывается воздействием совокупности нескольких цветов.

Во все исторически обозримые времена архитектура была частью реальной, зрительно воплощённой идеологии. Политизированная культура Советской России первой трети двадцатого века породила дуальное отношение к стилистическим направлениям. Конструктивизм и авангардные течения в искусстве прочно связывались с новым, позитивным, революционным и прогрессивным, а рождённое до семнадцатого года автоматически причислялось к декадансному и устаревшему. События сороковых и пятидесятых годов в СССР несколько сгладили ситуацию, но на долгие годы барокко вызывало отклик лишь у историков-искусствоведов, не находя реального воплощения даже на уровне стилистических тенденций. Появление «Новой элиты» в девяностые годы прошлого века и бурное развитие частного интерьера вызвало подлинный интерес к барочным веяниям и породило такое интерьерное «чудо» как «Дворцовый стиль» – смесь французско-русского барокко и александровско-сталинского ампира, облечённого в авторское видение, с привкусом советского и постсоветского академического образования.

Библиографический список

1. Барсенов, Д.Г. Оптика: Введение в оптику. Электромагнитная природа света. Фотометрия / Д.Г. Барсенов, В.Г. Грановский, А.А. Греков, В.Э. Юркевич. – М.: ЦНТДИСИ при РГПИ, 1992. – 306 с.
2. Ньютон, И. Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света. / И. Ньютон. – М.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1954. – 367 с.
3. Дасса, Ф. Ахитектура Барокко между 1600 и 1750 годами / Ф. Дасса. – М.: АСТ, 2002. – 160 с.
4. Чарлз, М.К. Убранство жилого интерьера от античности до наших дней / М.К. Чарлз. – М.: Искусство, 1990. – 247 с.
5. Мигалина, И.В. Основы архитектурного цветоведения / И.В. Мигалина. – М.: Издательство ЛАДЬЯ, 1998. – 145 с.

[К содержанию](#)

ББК Х404.3

УДК 7.012 + 347.78

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ДИЗАЙНА В СВЕТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Н.А. Новокшонова

Проведено исследование произведений дизайна как объектов авторского права с учетом изменений Гражданского кодекса. Проанализированы современные изменения в законодательстве и судебная практика по защите прав на произведения дизайна.

Ключевые слова: авторское право, реформа гражданского кодекса, произведения дизайна, исключительное право

В марте 2014 года внесены изменения в часть четвертую Гражданского кодекса РФ, которые направлены в том числе и на совершенствование института авторского права [1].

Проблемы защиты авторских прав тесно связаны с защитой конкуренции, так как использование аналогичного дизайна упаковки товара, или дизайна этикетки не столько нарушают права автора, сколько вводят потребителя в заблуждения. Поэтому проблемы защиты авторского права сегодня представляются актуальными.

Как известно, авторские права по своей природе являются исключительными абсолютными правами. Они дают возможность их обладателям использовать результаты своей творческой деятельности и распоряжаться ими по своему усмотрению и запрещать совершать указанные действия всем другим лицам.

Как и любой другой правовой институт, авторское право базируется на ряде принципов и имеет определенные функции

Первой функцией авторского права является признание авторства и охрана произведений науки, литературы и искусства. Как и ранее действовавшее законодательство, ГК РФ закрепляет право авторства – право признаваться автором произведения (ст. 1265), и устанавливает охрану произведений с момента их создания. При этом, как и прежде, нет легального определения понятия произведения. Даются лишь определения отдельных видов произведений.

Второй функцией авторского права следует считать установление режима использования произведений (кто и на каких условиях вправе использовать охраняемое произведение). Согласно ст. 1229 ГК РФ гражданин или юридическое лицо, обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности (правообладатель), вправе использовать его по своему усмотрению любым способом, не противоречащим закону. Правообладатель может по своему усмотрению разрешать или запрещать использование произведения другим лицам. При этом отсутствие

запрета не считается согласием (разрешением). Другие лица не могут использовать произведение без согласия правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ (ст.ст. 1273–1280).

Третью функцию авторского права составляет наделение авторов интеллектуальными правами на произведения науки, литературы и искусства (авторскими правами).

Интеллектуальные права включают в себя:

– исключительное право на произведение, являющееся имущественным правом и позволяющее автору произведения или иному правообладателю использовать произведение в соответствии со ст. 1229 ГК РФ в любой форме и любым способом, не противоречащим закону. Правообладатель может распоряжаться исключительным правом на произведение (ст. 1270 ГК РФ);

– личные неимущественные права: право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения (ст. 1255 ГК РФ);

– иные права (право на вознаграждение за использование служебного произведения, право на отзыв, право следования, право доступа к произведениям изобразительного искусства и другие).

Четвертой функцией авторского права является защита прав авторов и других правообладателей[2].

Рассмотрим подробнее совершенствование института авторского права в рамках Федерального закона № 35-ФЗ. Первая группа изменения касается субъектов авторского права. Автором произведения дизайна является не только гражданин, чьим творческим трудом оно создано, но и лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения либо иным образом в соответствии с пунктом 1 статьи 1300 ГК РФ. Тем самым законодатель устанавливает презумпцию авторства, которая может быть оспорена в судебном порядке. В практике произведения дизайна особенно дизайн интернет-сайтов создается в соавторстве. Законодатель в частности изменил ст. 1260 ГК РФ. Автору составного произведения, в частности интернет-сайта или другого подобного произведения, принадлежат авторские права на осуществленные ими подбор или расположение материалов, т.е. составительство. Вторая группа норм касается содержания авторского права. Авторские права, прежде всего, включают в себя личные неимущественные права. Реформа коснулась права на неприкосновенность произведения (ст. 1266 ГК). Не допускается без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями (право на неприкосновенность произведения). При использовании произведения после смерти автора лицо, обладающее исключительным правом на произведение, вправе разрешить внесение в произведение изменений, сокращений или дополнений при условии, что этим не искажается замысел автора и не

нарушается целостность восприятия произведения и это не противоречит воле автора, определенно выраженной им в завещании, письмах, дневниках или иной письменной форме. Законодатель уточнил, что в случае заключения договора о залоге исключительного права на произведение, а также если автор объявил о заключении лицензионного договора путем открытой лицензии, автор может дать согласие на внесение в будущем изменений, сокращений и дополнений в свое произведение, на снабжение его при использовании иллюстрациями и пояснениями, если это вызвано необходимостью (исправление ошибок, уточнение или дополнение фактических сведений и т.п.), при условии, что этим не искажается замысел автора и не нарушается целостность восприятия произведения, что наиболее важно в произведениях дизайна. Третья группа изменений касается совершенствования института гражданско-правовой защиты прав автор и правообладателей на произведения. С одной стороны, законодатель установил пределы защиты авторских прав, так в частности, если разрешено использование произведения без согласия автора или иного правообладателя и такое использование невозможно осуществить в силу наличия технических средств защиты авторских прав, лицо, правомерно претендующее на осуществление такого использования, может требовать от автора или иного правообладателя снять ограничения использования произведения, установленные путем применения технических средств защиты авторских прав, либо предоставить возможность такого использования по выбору правообладателя при условии, что это технически возможно и не требует существенных затрат (ст. 1299 ГК). С другой стороны, законодатель расширяет меры ответственности за нарушение исключительного права на произведение (ст. 1301 ГК). Так, уполномоченное лицо вправе по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации не только уже традиционными способами в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения или в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель, но и новым способом в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения.

Приведем пример, Общество «Компания «Исмагил» обратилось в Арбитражный суд Республики Башкортостан с иском к обществу «Талмас» о взыскании 3 000 000 руб. компенсации за нарушение исключительного права на произведение дизайна питьевой воды «Таймас», включающего в себя изображение водной глади светло-голубого цвета, в которую падает капля воды, стекающая с листка дерева зеленого цвета, и словесное обозначение «Вода питьевая Таймас. Природа заботится о Вас». Истец указал, что ответчик после прекращения дилерского договора продолжил реализо-

вывать питьевую воду из неустановленных источников, наклеивая на тару с этой водой этикетки, содержащие принадлежащее истцу произведение дизайна. В удовлетворении требования отказано, поскольку не доказано исключительное право истца на спорное произведение дизайна[3]. Как разъяснено в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2006 № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» (далее – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2006 № 15) [4], при разрешении вопроса о том, какой стороне надлежит доказывать обстоятельства, имеющие значение для дела о защите авторского права или смежных прав, суду необходимо учитывать, что ответчик обязан доказать выполнение им требований законодательства об авторском праве и смежных правах при использовании произведений и (или) объектов смежных прав. В противном случае физическое или юридическое лицо признается нарушителем авторского права и (или) смежных прав, и для него наступает гражданско-правовая ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Истец должен подтвердить факт принадлежности ему авторского права и (или) смежных прав или права на их защиту, а также факт использования данных прав ответчиком.

В другом деле требование удовлетворено, поскольку произведения являются служебными, созданы работниками истца в связи с выполнением ими трудовых обязанностей, доказано нарушение ответчиком исключительных прав истца [5]. Общество «АРТ-Грани» обратилось в Арбитражный суд Челябинской области с иском к обществу «Оружейная фабрика «Златоуст» о взыскании 1 624 000 руб. компенсации за нарушение исключительных прав на служебные произведения. Как разъяснено в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2006 № 15, при разрешении вопроса о том, какой стороне надлежит доказывать обстоятельства, имеющие значение для дела о защите авторского права или смежных прав, суду необходимо учитывать, что ответчик обязан доказать выполнение им требований законодательства об авторском праве и смежных правах при использовании произведений и (или) объектов смежных прав. В противном случае физическое или юридическое лицо признается нарушителем авторского права и (или) смежных прав, и для него наступает гражданско-правовая ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Истец должен подтвердить факт принадлежности ему авторского права и (или) смежных прав или права на их защиту, а также факт использования данных прав ответчиком. Исключительные права на использование служебного произведения принадлежат лицу, с которым автор состоит в трудовых отношениях (работодателю), если в договоре между ним и автором не предусмотрено иное. В п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2006 № 15 разъяснено,

что в случае, если произведение создано по служебному заданию работодателя и за его счет либо в порядке выполнения служебных обязанностей, предусмотренных трудовым договором, то в соответствии с законом исключительные права на использование этого произведения переходят к работодателю. Как разъяснено в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», при рассмотрении судом дела о защите авторских прав надлежит исходить из того, что пока не доказано иное, автором произведения (обладателем исключительного права на произведение) считается лицо, указанное в качестве такового на экземпляре произведения. Необходимость исследования иных доказательств может возникнуть в случае, если авторство лица на произведение оспаривается. Соответственно ответчик неправомерно использует в своей деятельности дизайнерские решения произведений, исключительные права на которые принадлежат истцу.

Вместе с тем, суд вправе снизить размер требований истца о компенсации, если это отвечает требованиям разумности и справедливости, но не ниже низшего предела.

Открытое акционерное общество «Свердловский хлебомакаронный комбинат» обратилось в Арбитражный суд Свердловской области с иском к предприятию «Екатеринбургский хлебокомбинат» о взыскании 100 000 руб. в качестве компенсации за нарушение исключительных прав на произведения дизайна «Кренделек слоеный», «Рулет Люкс с маковой начинкой», «Шаньга с картофелем».

Как установлено судами, общество «СМАК» в декабре 2010 года обратилось в Арбитражный суд Свердловской области с исковым заявлением к предприятию «Екатеринбургский хлебокомбинат», содержащим требования:

– запретить ответчику изготавливать, предлагать к продаже, распространять путем продажи или иного отчуждения, а также хранить для этих целей и иным образом вводить в гражданский оборот хлебобулочные изделия «Крендель с ореховой начинкой», «Рулет Маковый», «Ватрушка домашняя с картошкой», «Круассан с вареной сгущенкой» в упаковке, представляющей собой переработанные произведения дизайна – дизайнерские решения упаковок для хлебобулочных изделий истца;

– изъять из оборота и уничтожить за счет ответчика упаковки для хлебобулочных изделий «Крендель с ореховой начинкой», «Рулет Маковый», «Ватрушка домашняя с картошкой», «Круассан с вареной сгущенкой», представляющих собой переработанные произведения дизайна – дизайнерские решения упаковок для хлебобулочных изделий истца.

В рассматриваемом деле общество «СМАК», ссылаясь на названные судебные акты, согласно которым упаковки хлебобулочных изделий «Крендель с ореховой начинкой», «Рулет маковый», «Ватрушка домашняя

с картошкой» являются произведениями дизайна и истец обладает исключительным правом на указанные произведения дизайна, указывая на осуществление ответчиком переработки произведений дизайна истца без соблюдения прав авторов и без разрешения правообладателя произведения, обратилось в арбитражный суд с рассматриваемым иском.

Из разъяснений, содержащихся в п. 43.3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6], следует, что суд, рассматривая дела о взыскании компенсации в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяет сумму компенсации в указанных законом пределах по своему усмотрению, но не выше заявленного истцом требования. При этом суд не лишен права взыскать сумму компенсации в меньшем размере по сравнению с заявленным требованием, но не ниже низшего предела, установленного абз. 2 ст. 1301, абз. 2 ст. 1311, подп. 1 п. 4 ст. 1515 или подп. 1 п. 2 ст. 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации. Размер подлежащей взысканию компенсации должен быть судом обоснован. При определении размера компенсации суд, учитывая, в частности, характер допущенного нарушения, срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности, степень вины нарушителя, наличие ранее совершенных лицом нарушений исключительного права данного правообладателя, вероятные убытки правообладателя, принимает решение, исходя из принципов разумности и справедливости, а также соразмерности компенсации последствиям нарушения. Таким образом. Ответчик осуществил переработку произведений дизайна без соблюдения прав авторов и без разрешения правообладателя произведений. Требование удовлетворено, поскольку факт нарушения исключительных прав установлен, размер компенсации снижен с учетом корректировки периода, в течение которого было зафиксировано нарушение исключительных прав истца [7].

Кроме этого законодатель уточнил особенности обеспечения иска по делам о нарушении авторских прав (ст. 1302 ГК). В частности суд может принять соразмерные объему и характеру правонарушения обеспечительные меры, направленные на пресечение неправомерного использования произведений в информационно-телекоммуникационных сетях, в частности на ограничение доступа к материалам, содержащим незаконно используемые произведения. Порядок ограничения доступа к таким материалам устанавливается законодательством Российской Федерации об информации.

Таким образом, изменения в законодательстве в целом можно признать положительными, направленными на усиление ответственности за нарушения авторских прав и создание предпосылок к добросовестному осуществлению личных неимущественных и имущественных прав авторов и правообладателей на произведения.

Библиографический список

1. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 12.03.2014 № 35-ФЗ : [принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г. : одобр. Советом Федерации 24 дек. 2004 г.] // URL: www.pravo.gov.ru.
2. Кондратьева, Е.А. Объекты интеллектуальных прав: особенности правовой охраны / Е.А. Кондратьева. – М.: Статут, 2014. – 160 с.
3. Постановление ФАС Уральского округа от 22.02.2013 № Ф09-14330/12 по делу № А07-6855/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
4. О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 № 15 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление ФАС Уральского округа от 25.10.2012 № Ф09-9139/12 по делу № А76-10791/11 // СПС «КонсультантПлюс».
6. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление ФАС Уральского округа от 30.08.2012 № Ф09-6916/12 по делу № А60-49833/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

[К содержанию](#)

УДК 72.01 + 347.78:72

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА НА ПРОИЗВЕДЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ

Е.А. Останина

Рассмотрены особенности защиты авторских прав на произведение архитектуры.

Ключевые слова: авторское право, произведение.

Произведение архитектуры обладает значительной спецификой, которая предопределяет особенности защиты.

Буквальное толкование ст. 1294 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК) позволяет сделать вывод о том, что основной формой реализации исключительного права на произведение архитектуры является использование его для строительства.

Автор произведения архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства имеет исключительное право использовать свое произведение, в том числе путем разработки документации для строительства и путем реализации архитектурного, градостроительного или садово-паркового проекта.

Использование архитектурного, градостроительного или садово-паркового проекта для реализации допускается только однократно, если иное не установлено договором, в соответствии с которым создан проект. Проект и выполненная на его основе документация для строительства могут быть использованы повторно только с согласия автора проекта (п. 1 ст. 1294 ГК).

Согласно ст. 20 ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» от 17 ноября 1995 г. №169-ФЗ (с изм. от 19 июля 2011 г.), изменение архитектурного проекта при разработке документации для строительства или при строительстве архитектурного объекта производится исключительно с согласия автора архитектурного проекта.

Автор произведения архитектуры имеет право на осуществление авторского контроля за разработкой документации для строительства и право авторского надзора за строительством здания или сооружения либо иной реализацией соответствующего проекта (п. 2 ст. 1294 ГК).

Основным способом защиты исключительного права на произведение архитектуры является требование о взыскании компенсации.

Размер компенсации может быть определен, согласно ст. 1301 ГК, одним из двух способов: (1) в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда; (2) в двукратном размере стоимости экземпляров произведения или в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения.

Например, по одному из споров автором было заявлено требование о взыскании компенсации в виде двукратной стоимости экземпляра произведения. Суд установил, что при нарушении авторских прав на архитектурное произведение, сумму компенсации следует определять исходя из двукратного размера стоимости части проектной документации – архитектурного решения [1].

Согласно правовой позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении Президиума от 27.09.2011 №5816/11, при определении размера компенсации за нарушение исключительных прав, следует учитывать, что объектом авторского права является часть проектной документации – архитектурные решения. Определение суммы компенсации исходя из общей цены договора подряда на производство проектно-изыскательских работ необоснованно [2].

Кроме того, действенным способом защиты исключительного права на произведение архитектуры является также требование о прекращении действия, нарушающего право (ст. 12 ГК).

Анализ судебной практики показывает, что по ряду дел истцами не была исполнена обязанность по доказыванию факта создания произведения [3]. Представляется, что на отношения по поводу архитектурного проекта должна распространяться общая презумпция того, что произведение представляет собой результат творческой деятельности. Однако ответчик может доказывать, что архитектурный проект не отвечает признакам объекта авторского права.

Критерий творческого характера произведения еще не до конца определен в отечественной доктрине и в судебной практике [4], однако применительно к объектам архитектуры представляется не совсем верным возлагать на автора доказывание уникальности и новизны произведения.

Согласно пункту 43.3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №5 и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации №29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», рассматривая дела о взыскании компенсации в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, суд определяет сумму компенсации в указанных законом пределах по своему усмотрению, но не выше заявленного истцом требования. При этом суд не лишен права взыскать сумму компенсации в меньшем по сравнению с заявленным требованием размере, но не ниже низшего предела, установленного абз. 2 ст. 1301 ГК. Требование о взыскании компенсации является имущественным.

По иску о защите исключительных прав на произведение архитектуры целесообразно применение обеспечительных мер (ст. 1302 ГК), в частности, может использоваться такая обеспечительная мера, как запрет ответчику осуществлять строительство с использованием спорного произведения архитектуры.

Библиографический список

1. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 19.03.2012 по делу № А70-7803/2011 // Официальный сайт Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru/>.
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 27.09.2011 N 5816/11 по делу N А32-47315/2009-48/723-2010-68/15 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 1. – С. 35.
3. Постановление ФАС Московского округа от 22.03.2012 по делу N А40-72253/10-110-613; Постановление ФАС Центрального округа от 05.02.2013 по делу N А14-8949/2012 // Официальный сайт Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru/>.

4. Кашанин, А.В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве / А.В. Кашанин // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. – С. 75.

[К содержанию](#)

УДК 72.06+ 7.012

ДИЗАЙН ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В СВЕТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Л.М. Птицына

Выполнен философский анализ современного исследования глобализации в глобальном мире. Анализируются проблемы формирования социокультурной среды общества и роль в этом процессе дизайна городской среды в свете современных проблем глобализации.

Ключевые слова: архитектура, глобализация, глобальные города, глобальные проблемы, глобальное общество, городская среда, дизайн, сеть, сетевые структуры.

В современную эпоху возросло общепланетарное единство человечества, представляющее собой новую суперсистему. Формируется единая цивилизация, единое жизненное пространство всех жителей планеты. С этим связано и появление этимологического термина «глобализация», что берет свое начало от латинского термина «глобус», то есть Земля. Это процесс всемирной экономической, политической, социальной и культурной интеграции и унификации. Он охватывает все сферы жизни общества. Глобализация связана также с таким понятием как интернационализация, что предопределяет общность интересов, единую систему разнообразных связей, взаимодействий и отношений. Проявляется глобализация многими факторами. Это и унификация вкусов, обмен культурными традициями; использование информационных технологий, переводящих большую часть материальной реальности в «виртуальную форму» – мировое информационное пространство, возникновение такого международного источника единой связи как интернет; появление единых языков, доминирующим среди которых является английский язык; появление общества массового потребления во многих странах и другие особенности.

Глобализация данных процессов в современном мире породила ряд серьезных проблем, которые получили название глобальных. Философия рассматривает эти проблемы под углом зрения возможностей и перспектив выживания человечества. Глобальные проблемы поставили перед челове-

чеством задачу поиска новых путей развития, выстраивания своего отношения с окружающей средой. Исторический опыт XX века показывает, что углубление духовных противоречий, отречение от принципов гуманизма, нравственная деградация личности получают довольно широкое распространение. К особенностям социокультурного развития общества можно отнести глобализацию экономики, политики и культуры, прогресс в области науки и техники, переход постиндустриального общества к информационной стадии развития. Концепция доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества интерпретирует поведение человека в большей мере с точки зрения реализации его технических данных. Разрыв между индустриальным, научно-техническим и духовным прогрессом человечества начинает угрожать самому его существованию, что заставляет по-новому осмысливать сами основания прогресса. Стало очевидным все более отчетливо проявляющиеся себя кризисное состояние культуры, кризис гуманизма [3].

Глобальные проблемы современности, прежде всего, проблемы духовно-нравственные, что связано с жизнью человека, его гражданской позицией. Данное положение коснулось, несомненно, и интересующих нас проблем урбанизации, так как по-прежнему в городах сосредоточена основная масса населения. С этими обстоятельствами связано и распространение идей дизайна городской среды в мировой архитектурной и дизайнерской практике. Актуальность исследования современного дизайна городской среды определяется изменениями социокультурной ситуации в рамках исследуемых проблем глобализации. Во-первых, современный человек уже не является только потребителем продукта проектирования, он сам включен в проект как объект изучения и изменения, как открытая система, обращенная в мир. Во-вторых, продолжается процесс обострения проблем постиндустриальной-урбанистической цивилизации как среды обитания современного человека, особенно в условиях большого города. Готовность к обновлению окружающего мира, направленность на наиболее современные формы деятельности и общения – характерные черты социокультурной активности жителей крупного города, что отражается на освоении ими в повседневной жизни окружающего их городской среды, что существенно меняет функции дизайна городской среды. В-третьих, особый интерес представляет дизайн городской среды как инструмент сохранения и развития культуры. Сегодня концептуально иной становится окружающая человека среда с новым пониманием ценностей жизни, красоты и гармонии. Быстро меняющиеся обстоятельства жизни, резко увеличившийся ее темп заставляют по-новому посмотреть и на современное изменение дизайнерской практики [4].

Нельзя сказать, что развитие архитектуры и средового дизайна в России оторвано от мировых традиций, выработанных опытом градостроительств-

ва. Поэтому и рассматривать проблемы роста городов и развитие архитектуры и дизайна городской среды необходимо в русле развития проблем глобализации. Для городов данные проблемы существуют с наличием своих специфических особенностей. Впервые термин «глобальный город» был предложен Саскией Сассен в ее книге «Глобальный город». Она же предложила концептуальные модели глобального города [5]. Она считает, что крупный город настоящего появился как стратегическое пространство для развития целого ряда новых видов деятельности в разных отраслях современной политической, экономической, культурной жизни общества. «Глобальные города» – это центры национальной и мировой жизни с концентрацией производства, финансов и управления. Такие города отличаются тем, что контролируют социальные процессы на уровне целого региона, выполняя функции концентрации финансов, организации новых видов производства, услуг, организации новых технологий управленческих систем. Основной товар «глобального города» – посреднические услуги всех видов и в глобальном масштабе. Для глобального города характерна поляризация доходов населения, упадок промышленного сектора, развитие неформальной экономики, увеличение роста обслуживающих фирм и обслуживающего персонала со специфическим образом жизни и образом мысли.

Следует отметить современный подход к решению проблем развития дизайна городской среды. Глобальный город, как таковой, следует рассмотреть с позиции современной теории сетевых структур. Большое внимание изучению данной проблемы уделял М. Кастельс. Он высказывает мнение, что в условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно они составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью. М. Кастельс отмечает, что борьба между многообразными капиталистами и самыми различными рабочими классами перетекает в категорию более глубинного противоречия между голой логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия. В условиях сетевого общества капитал скоординирован в глобальном масштабе, тогда как труд индивидуализирован. Капитал и труд оказываются разнесены в разное пространство и время: пространство потоков и пространство территорий, время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, и почасовое время повседневной жизни. Они живут друг за счет друга, но друг с другом не связаны, ибо жизнь глобального капитала все меньше и меньше зависит от конкретного труда и все больше и больше от накопленного объема труда как такового, которым управляет небольшой мозговой центр, обитающий в

виртуальных дворцах глобальных сетей. Эти сети пронизывают всю общественную структуру и позволяют охарактеризовать общество как общество сетевых структур. Сетевая структура представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов. Конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь. С точки зрения более широкой исторической перспективы общество сетевых структур представляет собой качественное изменение в жизни человека [2]. Он отмечает, что сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети. При этом социальная структура, имеющая сетевую основу, характеризуется высокой динамичностью и открыта для инноваций, не рискуя при этом потерять свою сбалансированность. Сети оказываются институтами, способствующими развитию целого ряда областей: экономики, основывающейся на инновациях, глобализации и децентрализованной концентрации; сферы труда с ее работниками и фирмами, основывающейся на гибкости и адаптируемости; сферы культуры, характеризуемой постоянным расчленением и воссоединением различных элементов; сферы политики, ориентированной на мгновенное усвоение новых ценностей и общественных умонастроений; социальной организации, преследующей своей задачей завоевание пространства и уничтожение времени [2].

Рассматривая данные проблемы с позиции решения глобальных проблем М. Кастельс считает, что социальное построение новых форм пространства и времени ведет к развитию метасети. При этом в процессе образуется дистанция между метасетью и большинством отдельных людей, видов деятельности и локалий по всему миру. Как он считает, что при этом ни люди, ни локалии, ни отдельные виды деятельности не исчезают; исчезает их структурное значение, переходящее в незнакомую ранее логику метасети, где формируются ценности, создаются культурные коды и кодексы и принимаются решения, связанные с властью [2].

М. Кастельс также считает, что информациональная или глобальная экономика организуется вокруг командных и управляющих центров, которые и занимаются координацией, вводят инновации, занимаются управлением взаимосвязанными видами деятельности разнообразных фирм. Необходимы центры, которые предоставляют развитые услуги, операции с недвижимостью, консультирование, юридические услуги, рекламу, дизайн, маркетинг, связи с общественностью, обеспечение безопасности, сбор информации и управление информационными системами и выполняют также и другие функции [1].

В самом изучении города как такового необходимо выделять два аспекта: прагматический, когда город рассматривается как место жительства с позиции пользы, и аксиологический, когда рассматривается образ жизни

горожанина с позиций структуры личности. В первом случае рассматривается материальный уровень жизни, что включает такие параметры как экологический, психолого-физиологический, развитие бытовой инфраструктуры, структуры занятости, структуры рекреации, престижного статуса. Во втором случае предполагается акцент на личностной позиции человека, становления его индивидуального сознания и поведения. Можно сказать, что антиглобалистическая позиция исследователя проблемы предполагает приоритетным второй аспект развития города. Речь в данном случае идет не только о среде обитания человека, но и о формировании понятия «качества среды обитания». Городская среда, рассматриваемая с позиций человека, в первую очередь как социокультурная, влияет на становление личности вплоть до ее деформации и разрушения. Данный процесс может быть и взаимным.

Актуальность исследования феномена дизайна на рубеже третьего тысячелетия определяется изменениями социокультурной ситуации с её новым пониманием ценности жизни. Концептуальная сверхзадача пространственного творчества наших дней – создавать комплекс условий, позволяющих человеку жить и чувствовать себя человеком. Смысловым фокусом средового проектирования является человек. Так что с полной уверенностью можем сказать, что в этом и состоит основная миссия современного отечественного дизайна городской среды. В условиях глобализации, рассматривая миссию дизайна городской среды как гуманистическую, приемлемо говорить не о среде жизнедеятельности вообще, а о качестве городской среды, где дизайнерское проектирование представляется способом гармонизации человека в урбанистическом мире повседневности [4].

Библиографический список

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс // пер. с англ., под науч. ред. О.И. Шкаратова. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая индустриальная волна на Западе. Антология; под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 640 с.
3. Кузнецов, В.Н. Геокультура: основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура – Сеть / В.Н. Кузнецов. – М.: Книга и базис, 2003. – 632 с.
4. Птицына, Л.М. Роль дизайна в формировании среды обитания человека в условиях современного города: культурологический контекст / Л.М. Птицына // Вестник ЧГАКИ, 2010. – № 4 (24). – С. 70–73.
5. Сассен, С. Глобальный город: введение понятия / С. Сассен // Сб. ст.; под ред. Н.А. Слуки. – М.: ООО «Аванглион», 2007. – 243 с.

[К содержанию](#)

УДК 725.42:641

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЪЁМНО-ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЪЕКТОВ БЫСТРОГО ПИТАНИЯ

Ю.А. Смирнова

В статье рассмотрено, какие факторы оказывают влияние на формирование архитектурной среды объектов быстрого питания. Выявлены основные тенденции развития, расположения внутри городской застройки и стилистического решения интерьеров. В качестве аналитической базы были взяты зарубежные закусовые, открывшиеся не ранее 2009 года.

Ключевые слова: закусовая, функциональное зонирование, градостроительное размещение, планировка, интерьер.

На сегодняшний день рынок быстрого питания уверенно и верно набирает обороты по всему миру, для людей становится нормой ускорение ритма жизни и сокращение времени на прием пищи. Динамичное развитие меняет сложившееся представление о предприятиях быстрого питания. Согласно ГОСТ Р 50762-2007 «Классификация предприятий общественного питания», предприятие быстрого обслуживания – это предприятие общественного питания, реализующее узкий ассортимент блюд, изделий, напитков несложного изготовления, как правило, из полуфабрикатов высокой степени готовности, и обеспечивающее минимальные затраты времени на обслуживание потребителей.

Рассмотрим один из примеров объектов быстрого питания, это португальская закусовая «560», открытой в 2009 при участии архитектурной студии João Tiago Aguiar arquitectos (рис. 1). По типу производства – это доготовочное предприятие общественного питания с неполным технологическим циклом обработки сырья и приготовления продукции. В планировке применяется фронтальная композиционная схема со смежным движением посетителей и сырья. Закусовая расположена на первом этаже старого здания в центре Лиссабона. Все пространство разделено на две отдельные части: общественную и производственную. Вход в обеденный зал производится с использованием двух дверей, каждая из которых оснащена двумя огромными окнами. Оригинальный фасад был частично изменен, но полностью сохранил свою историческую ценность. Хотя два помещения имеют отдельные входы и разделены центральным объемом лестницы ведущей на второй этаж (под ней находится касса и кладовая напитков), все пространство воспринимается как единый объем. Также единство достигается с помощью использования одного материала (OSB) на всех трех поверхностях (пол, стены, потолок). Чтобы визуально отделить производственную зону, в

ее отделке применялась черная португальская плитка. Декор построен вокруг квадратных отверстий, призванных выполнять функцию светильников.

Рис. 1. «560». Лиссабон. Португалия

Следующий пример – это закусочная «TSUJITA» в Лос-Анджелесе (рис. 2). Японский дизайнер Takeshi Sano является автором этого уникального проекта, созданного в 2011 году. Доготовочное предприятие общественного питания с неполным технологическим циклом обработки сырья и приготовления продукции имеет угловую композиционную схему. Пути сырья и посетителей совмещены, так как закусочная является встроенной ячейкой внутри жилого дома, и нет возможности их разделить. «TSUJITA» удалена от магистралей общегородского и районного значения и располагается у дороги местного значения, неподалеку от остановок общественного транспорта. Главной особенностью закусочной является потолок, он и притягивает посетителей и туристов посетить этот объект общепита. Идея его создания была навеяна дизайнеру облаками. В Японии существует храм «IZUMO», а вокруг него всегда можно наблюдать загадочно красивые облака. Именно воспоминания об этой красоте Takeshi Sano постарался перенести в свое творение. Ему понадобилось 25000 деревянных палочек, по форме похожих на барабанные, для того, чтобы воссоздать иллюзию неба на потолке ресторана. Впечатляющий стереоскопический эффект и объемную пространственную динамику создают также правильно рассчитанные расстояния между местами крепления палочек. В сочетании

с современными материалами отделки, кирпичными стенами, темной кожаной мягкой мебелью, деревом, особенно интересно смотрится системой продуманной подсветки и теплая цветовая гамма интерьера [1].

Рис. 2. «TSUJITA». Лос-Анджелес. США

Другой пример – это закусочная «Kinoya Japanese Bistro» в Монреале (Канада), открывшееся в 2012 году (рис. 3). Талантливый архитектор Jean De Lessard смог в одном помещении совместить японские традиции и дух современности.

Рис. 3. «Kinoya Japanese Bistro». Монреаль. Канада

Он намеренно сделал производственную зону открытой для взора посетителей, чтобы показать мастерство японских поваров. По типу производства это доготовочное предприятие с неполным технологическим циклом обработки сырья и приготовления продукции. В планировке применяется глубинная композиционная схема с разделенными путями посетителей и сырья. Jean De Lessard очень нестандартно решает внутренне оформление интерьера. Так же он меняет восприятие пространства, искажает его объем прямоугольной вставкой из дерева. Цветовая гамма основана на бежевых, розовых и бордовых цветах, в сочетании с черными элементами декора и мебели. Популярность закусочной основана не только на ее оригинальном оформлении, но и на удачном расположении. Являясь встроенной ячейкой внутри жилого дома, расположенного в центральной части города, закусочная находится рядом с остановками общественного транспорта. Поэтому основной круг ее посетителей это жители близлежащих кварталов и немногочисленные туристы [2].

Еще одним аналогом является закусочная «ТАТАМИ» (рис. 4) в городе Sharq, Кувейт. Спроектирована она была архитектором Jassim AlShehab в 2011 году. Основное направление кухни – японские блюда, не требующие больших трудозатрат и времени приготовления.

Рис. 4. «ТАТАМИ». Sharq. Кувейт

Поэтому по типу производства это доготовочное предприятие питания с неполным технологическим циклом обработки сырья и приготовления продукции. Все пространство закусочной разделено на 5 зон: производст-

венную, общественную, складскую, техническую и административно-бытовую. Общественная включает в себя закрытый зал на 48 человек и открытую террасу на 20. Производственная зона, как и в других предприятиях общепита, открытая, с разделенными потоками сырья и полуфабрикатов. Закусочная находится в деловой части города, в башне «Shaymaa», которая примыкает к кольцевой развязке и делает ее удобной для посещения. Интерьер решен достаточно лаконично, с ориентацией на классический японский минимализм. Цветовая гамма построена на оттенках серого, белого и черного. Акцентом служит мебель и необычные медные светильники. Рассмотрим также закусочную «Maedaya Grill & Sake» в Виктории, Австралия (рис. 5). Открылась она в 2009 году при участии архитектурной студии EAT Architects. Являясь доготовочным предприятием питания с неполным технологическим циклом обработки сырья и приготовления продукции, закусочная также специализируется на японской кухне [3].

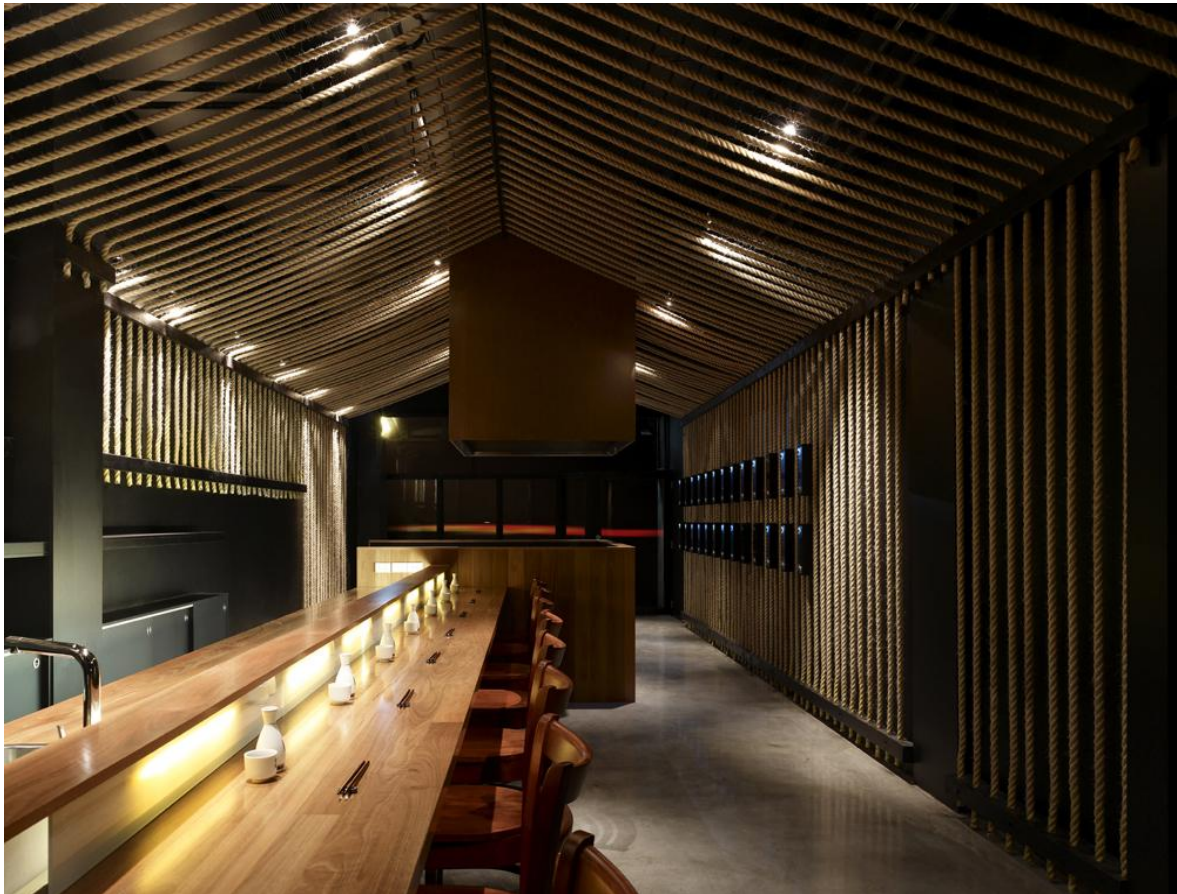

Рис. 5. «Maedaya Grill & Sake». Виктория. Австралия

Двухуровневое пространство разделено на 4 зоны и имеет разобщенные пути сырья и посетителей. Композиционным акцентом общественной зоны является открытый гриль бар, который примыкает к стойке с напитками. Занимая центральное место в зале, он создан не только для приготовления пищи, но и для развлечения посетителей. В его оформлении используются

канаты, проведенные в напряжение в определенных точках, они образуют форму дома или хижины. Светло-бежевые оттенки и деревянная мебель создают в нем дополнительный уют. Пространство второго этажа, напротив выполнено достаточно аскетично, отделке используется бетон и бело-черная гамма. Расположение закуской очень удобно для посетителей, она примыкает к магистрали общегородского значения и окружена остановками общественного транспорта [4].

Закусочные довольно частое явление в современном общепите. Из-за скорости современной жизни и времени необходимого для приготовления домашней пищи, современному человеку проще и приятней посетить предприятие быстрого питания [5].

Проанализировав все объекты общепита, представленные выше, можно выделить ряд современных тенденций, оказывающих влияние на формирование внутреннего пространства, градостроительного расположения, функционального зонирования и планировки:

1) расположение объектов быстрого питания внутри квартальной застройки, т.к. основными посетителями закусок являются проживающие там люди;

2) закуские зачастую являются встроенными ячейками внутри жилых домов. Отдельно стоящее размещение – это довольно редкое явление;

3) компактные размеры помещений. В большинстве случаев наблюдается совмещение путей сырья и посетителей.

4) оформление интерьера вариативно и тематично, из-за скромного бюджета и высокой конкуренции можно наблюдать достаточно нестандартные способы решения интерьера;

5) достаточно узкий ассортимент блюд, главным производственным и композиционным акцентом является стойка.

Библиографический список

1. Гельфонд, А.Л. Архитектурное проектирование общественных зданий и сооружений: учебное пособие / А.Л. Гельфонд. – М.: Архитектура-С, 2006. – 280 с.

2. ГОСТ Р 50762-2007. Услуги общественного питания. Классификация предприятий общественного питания. – М.: Стандартинформ, 2008. – 16 с.

3. Никуленкова, Т.Т. Проектирование предприятий общественного питания: учебное пособие / Т.Т. Никуленкова, Ю.И. Лавриненко, Г.М. Ястина. – М: Колос, 2000. – 216 с.

4. ArchDaily 2008-2014. – URL: <http://www.archdaily.com>.

5. Contemporist enterprises. – URL: <http://www.contemporist.com>.

[К содержанию](#)

УДК 7.012 + 62.001.2:7.012

ОСОБЕННОСТИ ДИЗАЙНА ПУЛЬТА УПРАВЛЕНИЯ КАБИНЫ БУРИЛЬЩИКА

М.Ю. Федорова

Проектирование рабочего места бурильщика с учетом требований эргономики и технической эстетики. Улучшение условий труда благодаря использованию знаний в области антропометрии и промышленного дизайна.

Ключевые слова: пульт управления, дизайн, эргономика, техническая эстетика, человек.

Дизайн (от англ. design – замысел, проект, конструкция, рисунок, композиция) – художественно-конструкторская деятельность, охватывающая творчество художника-конструктора, методы и результаты его труда, условия их реализации на производстве. Цель дизайна – создание новых видов и типов изделий, отвечающих требованиям общественной пользы, удобства эксплуатации и красоты.

Техническая эстетика – научная дисциплина, изучающая технические и эстетические проблемы формирования предметной среды, создаваемой средствами промышленного производства для жизни и деятельности человека. Основное направление технической эстетики – обеспечить на основе достижений теории и практики наилучшие условия труда людей в создаваемом предметном мире. Реализация любого дизайн-проекта осуществляется на производстве и зависит от грамотного решения конструкции, технологии, выбора материала, соблюдения норм и правил эргономики. В университете был создан творческий коллектив по проектированию такого сложного изделия как кабина бурильщика, где присутствует несколько этапов для обеспечения технических, экономических и эстетических требований. С одной стороны, изделие должно быть максимально безопасным, надежным и современным. С другой стороны, учитывая нахождение внутри кабины человека в течение долгого времени, необходимо создать максимально возможную комфортную среду для обеспечения условий труда. Предварительным этапом при проектировании любого изделия является многовариантное эскизирование, позволяющее дизайнеру учесть все возможные варианты внешнего вида проекта, не будучи связанным точными размерами. На этом этапе автор создает некоторое количество рисунков, эскизов (клаузур) для первоначального рассмотрения своей идеи. Как правило, эти эскизы выполняются от руки в любой удобной для дизайнера подаче (рис.).

Любое техническое изделие, если оно предназначено для использования человеком, должно отвечать требованиям эргономики. Эргономика –

научная дисциплина, которая изучает функциональные возможности человека в трудовых процессах, выявляет возможности и закономерности создания оптимальных условий для высокопроизводительного труда и обеспечения необходимых удобств рабочему. Эргономика базируется на данных технических наук, инженерной психологии, гигиены труда, социологии, физиологии и антропометрии.

Клазура кабины бурильщика

Надежность и эффективность управления усложнявшейся техникой стали определяться человеческими факторами и вызвали к жизни проблему «человек-машина». При создании пульта управления должны учитываться все требования, предъявляемые к системе «человек-машина-окружающая среда». Для повышения производительности труда и снижения утомляемости важно учитывать особенности строения человеческого тела при проектировании его рабочего места и оборудования, которым он пользуется. Человек служит основой при нормировании функциональных размеров всей предметно-пространственной среды [1].

Кабина бурильщика предназначена для управления буровой установкой и защиты персонала от воздействия внешней среды. Это – готовый транспортно-монтажный модуль, оснащенный органами управления и контрольно – измерительными приборами, регулирующими работу механиз-

мов и агрегатов буровой установки. В состав интерьера кабины входят пульты и блоки управления и контроля, кресло бурильщика, оборудованное подлокотниками с приборами управления, 2 светильника. Внутреннее пространство кабины можно условно поделить на 2 зоны – входную и рабочую. Во входной зоне предусмотрено место для хранения верхней одежды, в рабочей зоне расположены непосредственно все основные органы управления и кресло бурильщика. Поскольку персоналу требуется максимальный обзор, кабина имеет боковые и верхние окна. Исходя из условий эксплуатации, верхние окна защищаются металлическими решетками из стальной трубы.

Особенностями дизайна пульта управления кабины бурильщика являются такие факторы, как удобное расположение всех приборов с учетом их доступности для оператора, соблюдение цветового решения как самого пульта, так и интерьера в целом, четкое расположение главных и второстепенных кнопок и рычагов.

Кресло мобильно в пределах досягаемости всех инструментов, имеет удобные подлокотники со встроенными манипулирующими устройствами, поворотное на 270°, заказывается по согласованию. Кресло снабжено подлокотниками и консолями, на которых установлены органы управления основной лебедкой, вспомогательной лебедкой, а также системы управления необходимые для оперативного использования, регулировки имеют надежную фиксацию.

Кресло регулируется по высоте и углам наклона сиденья и спинки, а также расстоянию спинки от переднего края сиденья, имеет покрытие, исключающее образование статического электричества. Освещение кабины исключает блики на окнах и ослепление операторов отраженным светом: на внутренней поверхности стекол применено антибликовое покрытие. В кабине установлено 2 светильника, их расположение препятствует возникновению светотени на органах управления и контроля.

Также кабина снабжена светильником аварийного освещения, обеспечивающим в случае отключения электроэнергии освещение кабины не менее 30 мин. Остекление кабины исключает запотевание и замерзание стекол при низких температурах окружающего воздуха. Внешнее стекло усилено пленкой. Центральное окно имеет стеклоомыватель и стеклоочиститель с пневматическим приводом.

Окна защищены откидывающимися металлическими рамами и сеткой. Окна, выходящие на буровую площадку, защищены решетками, исключаящие разбитие стекла при разрыве канатов от машинных ключей. Открывающееся боковое окно четко фиксируется в двух положениях – в среднем промежуточном и открытом. Пневматические пружины позволяют открывать и закрывать окно легко и плавно.

Под рабочим местом человека-оператора в системе «человек-машина» понимается место, оснащенное средствами отображения информации, органами управления и вспомогательным оборудованием. Дизайн пульта управления создается с учетом анализа процесса работы человека на конкретном оборудовании.

При проектировании учитываются параметры рабочей зоны, оптимальные размеры органов управления, рациональные приемы и методы управления рабочими операциями. Основными характеристиками рабочего пространства являются зоны досягаемости.

В зависимости от частоты использования органов управления выполнение операций должно быть обеспечено в пределах соответствующих зон досягаемости: при очень частом (две и более операций в минуту), в пределах оптимальной зоны (менее двух операций в минуту), при редком использовании – в пределах досягаемости моторного поля.

Наиболее важные элементы необходимо располагать в оптимальной зоне видимости. Технические средства – дисплеи, аппаратура связи, пульта ввода данных – размещаются таким образом, чтобы были обеспечены условия для выполнения простых операций левой рукой с целью снижения больших нагрузок на правую руку.

Создание объектов дизайна – сложный процесс, в котором одного опыта и знаний дизайнера бывает недостаточно. Сегодня практически любой окружающий нас предмет является продуктом современного производства со сложным оборудованием и высокоточными технологиями.

Дизайн охватывает практически все сферы человеческой деятельности. В каждой из них свои особенности, свои критерии и законы, без досконального знания которых невозможно создавать полноценные объекты дизайна [2].

Библиографический список

1. Барташевич, А.А. Основы художественного конструирования / А.А. Барташевич. – Минск: Высшая школа, 1984. – 225 с.
2. Федорова, М.Ю. Формирование дизайна как самостоятельного вида проектно-художественной деятельности / М.Ю. Федорова // Сборник научных статей «Современные проблемы дизайна архитектурной среды». – Челябинск: ЮУрГУ. – 2010. – Вып.1. – С. 51–53.

[К содержанию](#)

УДК 725.1:62+624.01 + 624.07(470.55)
**ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В.Г. ШУХОВА В ЧЕЛЯБИНСКЕ
И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИНЖЕНЕРНЫХ СООРУЖЕНИЙ**

Н.М. Шабалина

В статье рассматривается актуальность изучения и сохранения индустриального наследия российского инженера, архитектора, академика В.Г. Шухова. Автор предлагает включить в реестр сохраняемых шуховских объектов типовой проект цехов Челябинского тракторного завода (1928). В области современной архитектурно-инженерной реставрации актуализирована проблема применения превентивной консервации и экосистемного метода.

Ключевые слова: индустриальное наследие; В.Г. Шухов и Челябинск; архитектурно-инженерные сооружения; консервация.

В 2013 году мировая общественность отметила важную дату в области архитектурно-строительной и инженерной деятельности – 160-летие всемирно известного русского ученого, инженера, архитектора, изобретателя, член-корреспондента и почётного члена Академии наук СССР Владимира Григорьевича Шухова (1853–1939). Юбилейные рубежи дают нам повод с позиции настоящего и будущего времени проанализировать, что было сделано нашими предшественниками, какой вклад они внесли в мировую инженерную отрасль и какое влияние оказывают на дальнейшее инновационное развитие технического искусства.

Наследие В.Г. Шухова впечатляет своими масштабами и фиксируется вектором, устремленным в будущее. Рациональное инженерно-конструктивное изобретение ученого сегодня используется во всем мире и не только в области архитектурно-строительной, но и предметной дизайнерской деятельности (проекты Пьера Нерви, Эро Сааринена, Оскара Нимейера, Николаса Гримшоу, Сантьяго Калатрава, Ричарда Роджерса, Нормана Фостера и многих других талантливых мастеров). В современной архитектуре как промышленной, так и гражданской, находят активное применение стальные сетчатые, мембранные перекрытия-оболочки, гиперболоидно-параболоидные конструкции, – изобретенные В.Г. Шуховым и успешно адаптированные в строительной деятельности первой половины XX столетия. В дальнейшей архитектурно-строительной деятельности конструкции совершенствовались в соответствии с новейшими материалами и технологиями.

Назовем известные всему миру изобретенные В. Г. Шуховым проекты в области оборудования и технологии нефтяной промышленности (Баку), магистральных трубопроводных систем (Баку – Батуми; Грозный – Туап-

се), разработки типового проектирования объемных хранилищ природного газа ёмкостью до 100 тысяч куб. м (газгольдер Московского завода – памятник промышленной архитектуры XIX–XX веков), трубчатых паровых котлов. И, наконец, создание новых строительных гиперboloидных конструкций и архитектурных форм.

Разработанные российским инженером конструкции стальных сетчатых оболочек находили достаточно широкое применение в перекрытиях различного назначения общественных зданий, промышленных комплексов и систем, водонапорных башнях, морских маяках. Первая гиперboloидная форма конструкций была реализована В.Г. Шуховым в нижегородской башне 1896 года для Всероссийской промышленной и художественной выставки (сегодня объект сохраняется как памятник архитектурного наследия на территории села Полибино Липецкой области). Следующий этап в совершенствовании технологической идеи сетчатой конструкции – знаменитый проект радиобашни на Шаболовке в Москве (1919–1922). Математические расчеты русского инженера приводили к большой экономии строительного материала. Известно, что по результатам сопоставления расчетов на единицу высоты Шуховской башни, построенной по принципу однополостного гиперboloида вращения, ушло в три раза меньше металла, чем на единицу высоты знаменитой Эйфелевой башни [5].

В.Г. Шухов изобрел и новые конструкции пространственных плоских ферм с тросовыми затяжками, находивших широкое применение, в том числе объектах промышленной архитектуры. Среди типовых проектов русского инженера, по которым строились гиганты-новостройки молодого советского государства, следует отметить строительство Челябинского тракторного завода, развернутого в период грандиозного плана по индустриализации страны, в 1928–1930-х годах (рис. 1, 2, 3). В рамках открытого общероссийского проекта изучения и документирования наследия академика Владимира Григорьевича Шухова, (инициированного московским Фондом Шуховская башня) представляем челябинские инженерно-строительные объекты русского инженера: механосборочный и кузнечный цеха (1928) Челябинского тракторного завода – Тракторостроя [2, 4, 5].

Сегодня в области культурно-исторического наследия заострилась проблема сохранения и консервации инженерно-архитектурных объектов прошлого. Однако позитивный опыт в нашей стране имеется, это создание Усадебно-промышленного комплекса Баташевых-Шепелевых в городе Выкса Нижегородской области / Выксунский металлургический завод [3]. Нижегородскими специалистами проведена широкомасштабная работа по выявлению состояния крупного исторического комплекса отечественной металлургии второй половины XVIII – начала XX века, где представлены и всемирно известные шуховские инженерно-архитектурные объекты: Листопрокатный цех Нижне-Выксунского завода, Водонапорная башня, – яв-

ляющиеся объектами культурного наследия федерального значения. Специалистами в комплексе изучены архивные материалы, произведены обмеры, диагностика и экспертная оценка состояния сохранности металлоконструкций, впереди намечена ответственная работа по применению современных методов консервации архитектурно-инженерных конструкций. Важно отметить современную концепцию рассмотрения проблемы сохранения архитектурного наследия в России с позиций создания целостного экологического комплекса (с учетом взаимодействия объекта реставрации – памятника, с окружающей средой) и распространение экосистемного метода инженерной реставрации [1].

Данный подход позволит сочетать традиционные методы архитектурно-художественной реставрации, превентивной консервации и использование современных высоких технологий.

Рис. 1. Механосборочный корпус Челябинского тракторостроя, вид изнутри, фото 1933 г. [2]

Рис. 2. Механосборочный корпус Челябинского тракторостроя, вид изнутри, фото 1933 г. [2]

Такой крупный объект отечественной промышленной архитектуры XX века как Челябинский тракторострой сегодня нуждается в профессиональной реставрации. В структуре Челябинского тракторного завода также имеется музейный фонд образцов выпускаемой предприятием машинной техники XX века – техники, которая периодически демонстрируется на различных площадках города.

Рис. 3. Механосборочный корпус Челябинского тракторостроя, фото 1933 г. [2]

К сожалению, отсутствует стационарный музейный комплекс уральской индустрии с открытым доступом посетителей. С неизбежным процессом трансформации заводской территории такой экомузейный комплекс можно было бы разместить в корпусах, спроектированных Шуховым. В настоящее время необходимо замедлить процесс разрушения объектов архитектурно-инженерного наследия посредством методов профилактической превентивной консервации и экосистемного метода инженерной реставрации – с целью гармонизации дальнейшего функционирования объекта в комплексной природно-технической, архитектурно-ландшафтной системе города.

Библиографический список

1. Косыгин, Е.В. Основы инженерной реставрации и сохранения зданий и сооружений – памятников истории и культуры – на базе экосистемного метода: автореф. дис. ... д-ра техн. наук / Е.В. Косыгин. – Владимир, 2014. – 48 с. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – URL: <http://www.dissercat.com/>.
2. На стройке СССР / USSR in Construction // Ежемесячный иллюстрированный журнал (посвящен открытию Челябинского тракторного завода) / отв. ред. Г.Л. Пятаков. – Москва, 1933. – № 8. – 28 с.
3. Усадебно-промышленный комплекс Баташевых-Шепелевых. – URL: <http://www.vykxa-usadba.ru/>.
4. Шишов, К.А. Промышленные сооружения В.Г. Шухова на Урале / К.А. Шишов // Металлические конструкции академика В.Г. Шухова: сб. статей. Академия Наук СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 54–73.
5. Шухов, В.Г. Избранные труды: Строительная механика / В.Г. Шухов; под ред. академика А.Ю. Ишлинского. – М.: Наука, 1977. – Том 1. – 192 с.

[К содержанию](#)

УДК 7.012 + 7.017.4

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЦВЕТОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Т.А. Варгом

Современное формирование и практическое применение теоретических знаний в сфере дизайна с учетом специфики промышленного, средового и графического направления. Непрерывная связь формообразования цветовой гармонии на практике и научных разработок, и исследований в таких науках как оптика, спектроскопия, колориметрия, анатомия, физиология и психология человека. Именно цвет влияет на настроение, формирует отношение клиентов и покупателей к продукту дизайна.

Ключевые слова: цветная система, цветовая гармония, актуальность цвета, дизайн.

Цвета есть раздражающие и успокаивающие, кричащие, спорящие друг с другом и живущие ласково один возле другого. В их борьбе или согласии и есть воздействие цвета на человека через чувство зрения.

К. Петров-Водкин

Данная дисциплина (цветоведение и колористика) включена в программу для студентов направления 072500.62 «Дизайн» на первом курсе. В процессе обучения студенты приобретают теоретический и практический курс науки о цвете, для дальнейшего использования этих знаний и навыков в своей непосредственно профессиональной деятельности. Грамотно сочетать и компоновать цвета и оттенки во всех направлениях будто промышленный, графический или средовой дизайн. Таким образом, курс лекций и практических занятий предполагает освоение таких терминов, начиная с естественной цветовой системы – это метод описания отношений между цветами на основе их воспринимаемых качеств человеческим глазом. Разбор цветовой культуры, где используется сумма знаний о цветовой среде, в различных аспектах духовной и материальной жизни, и как итог, цветовая гармонизация – процесс достижения цветовой гармонии путём синтеза и анализа полученных знаний и применимый в любой сфере изобразительного искусства. Вершиной же данной дисциплины является цветовая систематизация-приведение множества цветов к системе, связывающей определённый цвет с определённой точкой плоскости или пространства с целью кодировки или гармонизации, где основой системы является цветовой круг – где триада (три основообразующих цвета) является

неизменным составляющим. В. Кандинский говорил: «Цвет – это средство прямого воздействия на человека» [2], а в XXI веке цвет – один из основных элементов современного брендинга. Коммуникационное пространство, окружающее нас, становится более насыщенным. По статистике, человек получает до 3500 рекламных сообщений в день. Что же такое цвет? Терминология говорит о качестве зрительного ощущения, возникающего в результате восприятия световых волн отражаемого или испускаемого излучения от 460 нм (фиолетовый цвет) до 700 нм (пурпурный). Черно-белая шкала является ахроматической системой. Цвет наделяется следующими характеристиками: цветовым тоном; светлотой, равной определённой ступени черно-белой шкалы; насыщенностью – процентным содержанием чистого (спектрального) цвета. В последующем, принципы цветовой гармонии основываются на этих качествах цвета, в системе цветового спектра.

Систематизация цвета

Цвет есть составляющая цельного концептуального решения. Колористика неразрывно связана с теорией цвета – обширной и сложной областью знаний. В неё входят элементы различных наук: оптики, спектроскопии, колориметрии, анатомии, физиологии, и психологии человека. Цвет представляет собой больше чем визуальный феномен, он является эмоциональным языком и символическим орудием для всех дизайнеров, а также художников, занимающихся как станковым, так и прикладным искусством. Он не просто декоративное дополнение, а важнейший компонент, от правильного выбора которого зависит успех продвижения того или иного продукта дизайна на рынке. Цвет играет роль послания и поэтому должен быть использован с максимальной сутью и пользой.

Цвет является тем свойством, которое может вызвать неоднозначные реакции. Только правильно выбранный вызывает необходимый отклик. В глобальном мировом рынке дизайнеры должны уметь правильно использовать цвет, исходя из культурного контекста. То, что великолепно воспринимается в Японии, может вызвать негативные ассоциации в европейских странах или Америке.

Художники и дизайнеры знают, как иногда трудно даётся выбор цвета – жизненно важного элемента любого дизайн проекта. Именно цвет влияет на настроение, формирует отношение клиентов и покупателей к продукту дизайна. Для правильного выбора цвета или цветового сочетания необходимы определённые знания в области колористики – знания, которые нужно постоянно обновлять, т.к. колористика являет собой не просто ряд практических навыков – это наука, постоянно развивающаяся и обновляющаяся [2].

Актуальность и тенденции

Эксперты объявляют новую палитру сезонных цветовых тенденций. Применение этих актуальных цветов в дизайне может привлечь покупате-

лей – потребителей продукта, создаваемого дизайнерами. Цвета меняются в зависимости от целевого рынка, географического региона, времени года, культуры и другими аспектами.

Сегодня существует достаточно способов получения информации об актуальных цветовых гаммах. Одним из них является работа с профессиональным синоптиком цвета – строй цветов, подбор цветов и спецификации инструментов и тенденций. Marketing Group является международной ассоциацией профессионалов в области цвета и дизайна. Дважды в год ассоциация выпускает доклад о цветовых тенденциях на основе конференции, участие в которой принимают входящие в неё специалисты. Среди дизайнеров пользуются авторитетом прогнозы ICA (INTERNETIONAL COLOR AUTHORITY), приведенные на рисунке. Еще одним параметром оценки можно считать социальный портрет целевой аудитории. Так, молодёжь выбирает яркие и даже агрессивные цвета, для обеспеченных людей, солидных людей – спокойные сгармонизированные оттенки цветов. Посредством применений знаний о цвете можно добиваться самых разных результатов, например, контрастность усиливает цвет, насыщенные цвета создают «живое» впечатление, сочетание смежных по цветовой гамме и оттенкам цветов дает ощущение покоя, цветовой диссонанс привлекает внимание, это те инструменты, которые в руках профессионала начинают звучать [1].

Самый требовательный к цвету является промышленный дизайн. Ведь оптимизация представления товара – одна из серьёзных проблем промышленности, так как существует многочисленное влияние психографических, культурных различий, а так же внешних стандартов того или иного товара, сформированные за период жизненного цикла на рынке. И каждый сезон несёт новые модные цвета. Определённая целевая группа потребителей подвластна изменениям моды, и выбор ими того или иного товара зачастую обусловлен соответствием цвета модным тенденциям. О веяниях моды можно узнать из разных источников, но это кратковременный, сезонный прогноз, в то время как промышленный дизайн необходим долгосрочный, отвечающий требованиям для разных категорий потребителей, не терпящий сезонных перемен в моде. Так каким должен быть идеал в формообразующем и цветом качестве. Идеалу цветового решения можно дать следующее определение: это предельное суждение, выраженное красками, содержание которого совпадает с его сущностью. При этом идеал цвета не просто очищение исходного цвета от несущественных признаков, а нечто качественно новое, которое является взаимоисключающим в некоторых объектах. И именно поэтому идеал является окончательно недостижимым, поскольку изначально содержит в самом себе гибельное противоречие. Кант определял идеал как «представление о единичной сущности, адекватной в какой-либо идее» [1].

Предметы промышленности (товары) – это материальный мир, который предполагает разделение объективной реальности на сущность и явление,

причём изначально мы сталкиваемся именно с явлением. Сущность, лежащая в основе этого явления, познаётся нами позже путём различных логических операций и не всегда становится ясна окончательно. Сущность цвета разливается в существовании, обнаруживается в зримых феноменах действительной жизни, однако поскольку сущность цвета неисчерпаема, то за её конструкциями, всплывающими в мир явлений, просвечивает иной, более глубокий слой сущности. Именно поэтому явление, совпадающее со своей сущностью, доступное нашему восприятию не только на рациональном, но и на эмпирическом уровне, есть идеал, и именно поэтому идеал по природе своей не достижим. Всю дизайнерскую деятельность, связанную с цветом, можно рассматривать как зарождение, развитие, деградацию и смену различных цветовых идеалов (рис.).

Колерная карта ICA. Предложение на 2010–2011 гг.

Приоритеты цветового дизайна в промышленном объёме

Уравновешенная в цветовом отношении среда привлекает, создаёт творческую атмосферу, успокаивает и улучшает общение людей между собой. Цвет существенно влияет на психоинтеллектуальное состояние человека. Цвета обращаются к чувствам, а не к логике человека, а именно:

- вызывают психологическую реакцию;
- подчёркивают качество, настроение, чувство; создают тёплую или холодную среду;

– имеют физиологические последствия как положительные или отрицательные оптические раздражители;

– «взывают» к чувствам: придают объёмность среде и предметам.

Между цветовым решением товаров в промышленности и естественным восприятием человека существует определённая зависимость. Достоверно установлено, что каждый цвет вызывает подсознательные ассоциации. С точки зрения психологической эффективности в продажах наиболее удачны желтый, бирюзовый, сине-фиолетовый и рубиновый цвета. Если расположить цвета по степени наиболее часто встречающихся в магазинах на территории РФ, то установлена следующая степень эффективности привлечения внимания:

- сине-фиолетовый – 100 %
- тёмно-синий – 90 %
- интенсивно-лимонный – 60 %
- черный – 47 %
- тёмно-фиолетовый – 42 %
- желтый – 22 %
- голубой – 17,5 %
- синий – 14,5 %
- коричневый – 9,5 %
- рубиновый – 7,5 %
- красно-розовый – 3,5 %

Таким образом, цвет в промышленных товарах выражает предпочтения потребителей, и цвет далеко не всегда выражает сущность и природу техники.

Библиографический список

1. Брызгов, Н.В. Колористика. Цветовая композиция. Практикум. Учебно-методическое пособие / Н.В. Брызгов, А.В. Пахомова. – М.: Изд-во В. Шевчук, 2011. – 230 с.
2. Иттен, И. Искусство цвета / И. Иттен; пер. с нем. и предисл. Л. Моной. – М.: Аронов Д., 2007. – 95 с.

[К содержанию](#)

УДК 111.852 + 111.11 + 7.01

ДАДА ДО ДАДА И ПОСЛЕ ДАДА: ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОКА

Д.А. Граханов

В статье разбирается проблема понимания движения дадаизма в связи с широким философским контекстом, который позволяет выявить причины этого движения, а также его последующее выражение в иных формах за рамками его самоопределения. Дадаизм рассматривается в ряду периодических интеллектуальных проявлений фундаментальной потребности культуры в самопознании и самокритике. Установлено поле неразрешимости и пустоты между потоками известных смыслов в рамках проблемного мышления дада как исток их творчества.

Ключевые слова: дада, скептицизм, сомнение, деконструкция, ничто, объективность, реальность

«Дада – вот слово, которое ведет идеи на охоту» [1]. Эта фраза из манифеста дада 1918 года Тристана Тцары позволяет подумать о таких идеях, которые являются не объектом охоты, а её предметом. Это идеи ничтожащие другие идеи, высвобождают их для них же самих, иначе говоря, превращают их в дада. И при этом «дада ничего не означает» [1]. Но дада означает Ничто, которое в новой манере дадаистов воскрешается вновь и вновь. Дадаисты начала XX века в своих изысканиях дошли до того предела экзистенциальной честности и области свободы творческого субъекта, где оказываются не действительными искусство, философия и наука в традиционном их понимании. В особые моменты познания реальности последние не вызывают доверия, осознается необходимость приостановления их влияния на размышляющую способность человеческого Я. Оказывается нужным на время их отменить, как препятствие к пониманию объективности. Честными их мыслительные акции можно назвать потому, что они, не останавливаясь на достигнутой ими же мысли-мифе о естественной простоте отсутствия в их акциях творчества, осознают ограниченность своих же подходов. Обнаруживают и оставляют мысли; приходят к ним, уходя от них. Вновь найденные мысли, которые, казалось бы, нужно сохранить и культивировать, они бросают и забывают. Они отказались от интеллектуальных претензий, художественных плодов отражения реальности и мифологических событий в производстве своих же философов. Быть честным, значит быть предельно естественным и открытым всему миру. Открытость миру до предела можно понимать через состояния мышления, которому нечего предъявлять миру и нечего в нем объяснять. Как будто настает осознанность того, что человек не в силах адаптироваться в этом мире

с таким большим количеством противоречий, которые чрезмерно много раз пересекают, полосуют мир и человека, заключают его в своих сетях. Человек крайне недоверчив к мнениям человека. Человек оказывается сомнителен сам для самого себя. Человек становится предельно сомневающимся, а в этом пределе и сомневающимся в своих же сомнениях.

Сомнения в идеях человечества и критика идеологий и продуктов воображения доходит до той пустоты отсутствующей семиосферы, которая сама по себе отвергается, как тупиковый миф не-философии Ничто, которую ценили выше самой философии. Честность в случае дадаистского способа мышления означает, видимо, способность постоянного движения мысли против мыслей, так как ей присуща естественная способность ускользания из ограниченных фаз понимания объективности. В связи с этим значимо для дада звучат мысли Э. Гуссерля: «Весь мир – полагаемый в естественной установке, действительно обретаемый в опыте, взятый совершенно «без всякой теории», а таков и есть мир, действительно постигаемый в опыте, подтверждаемый во взаимосвязи опыта, – этот мир теперь для нас вообще ничто, мы будем вводить его в скобки – не проверяя, но и не оспаривая» [2]. Человек честно признается себе в том, что он конечное «ничтожество», неспособное ничего подлинно субстанциального о себе и о бытии уловить и запечатлеть, кроме этой отчаянной констатации. Свободу дадаиста можно понимать диалектически, а не только аналитически, или же способом диалектического анализа. В таком случае, понятия свободы и честности близко расположены, друг в друге содержатся. Например, честное сказание себе, что Я – ничто, отсылает тут же это Я в переживание свободы от всего, что навязывает себя ему. Честно сознаться в чем-то, означает освободить себя от усилия сокрытия и избегания открытости, а также отстранить себя от скрывающего естество мифа-мысли, идеи-действия и т.д. Когда кто-то скептически отвергает всё что угодно, он тем самым замыкает себя в самом «скафандре» скептицизма. Свобода скептика тогда оказывается в рамках тюрьмы скептицизма. Следовательно, это уже будет не предельная свобода, а предельная несвобода. Иными словами, как только мыслящий субъект претендует обрести свободу от мнений, он оказывается зависимым от самой этой претензии. Он закрывает глаза на то, что истина возможна вне скептического ограничения своего отношения к миру. Дадаист не скептик. Дадаист, скептически относясь к скепсису как таковому, как будто исключает скептическое начало из своего отношения, но при этом он не может только скептически относиться к скепсису. К самому скептическому методу скептически относиться нельзя, иначе можно упустить его пользу. Как оценить пользу и вред скептического метода? Видимо, оценивая честно, к чему можно, а к чему нельзя относиться скептически. И тогда можно определить, в каком случае к методу скептицизма относиться мы будем скептически или как-то иначе. Дадаист уже не знает к чему относиться скептически, как не знает он того, обо что может раз-

биться сам скептицизм. И вообще, дадаист не знает точно, какая из его мыслей заслуживает доверия. Методы скептицизма, критицизма, веры, любви и др. не могут вызвать у дадаиста доверие или недоверие. Эта не свобода от всевозможных методов интерпретации реальности. Это душевное и напряженное незнание. Это зависимость от растерянности перед тем, как к предстоящим противоречиям мира человеку стоит относиться. Это зависимость от растерянности перед сомнением в том, есть ли противоречия на самом деле, сомнения в том, что они могут все-таки быть и их нужно каким-то образом осилить, осмысляя. Они против манифестов, но всё что они манифестируют текуче и подвержено изменению со стороны их самих. Всё что содержательное они мыслят, они же и уничтожают, так как предчувствуют наплывы новых содержаний.

Таким образом, с одной стороны, дадаисты предельно свободны от любых (в чем нет уверенности) ограниченных мнений, от любви к ограниченной человеческой жизни (нет при этом уверенности, что они не пристрастны пустословию, нелепости и частной человеческой жизни), а с другой стороны, они несвободны от своего странного состояния «свободы» или перманентного напряжения мысли, движения мысли, её ускользания к иным мыслям или в пустоту.

Самоименование «дада» означает пустоту бессмысленную, которая стоит за детским лепетом, или пустоту отсутствующего значения, которая скрывается за борьбой целого множества противоречивых, несовместимых значений одного единственного слова «дада». Но. Всегда или не всегда, но часто, возникает в сознании дадаиста это «но». Но, «пустота», «ничто», как отсутствующее связующее значение также не является пределом мудрости и желаний дадаистов. Они любят многообразие реальных вещей, но при этом не настолько, чтобы связывать их форму с каким-либо смыслом и судьбой. Реди-мейд и коллажи дадаизма обделены смыслом и оставлены в свободе физического пребывания. Или они готовы принять на себя любой из наложенных на них смыслов, но при этом оставаясь бессмысленными. Дада любят стихию противоречивой жизни, но при этом любят пустоту НИЧТО, которая бы их отвела от этой любви в сторону и предоставила место спокойной думе или покою бездумного состояния. Возможно, они ценят пустоту не только ради удовольствия медитации, а ради паузы возможного ясномыслия (трезвомыслия) и инакомыслия. Ценят пустоту за то, что именно в среде напряженного отсутствия значения, рождается новое значение, и сам акт рождения доставляет удовольствие, но которое исчезает скоро, давая понять, что не ради самого удовольствия и не ради родившегося смысла дадаисты ценят пустоту. Конечно же, не ради неё самой. Они вынужденно к ней приходят, вечно возвращаются к ней. Приходится с ней оставаться, иными словами, в неё ввергаться, проходя горячий путь апоритичного (апория), нигилистичного (абсурд), непримиримо диалектического мышления (антиномия) и т.д.

Если коротко говорить, то негативная диалектика дадаиста приводит его к пустоте полной напряженности, а сама эта пустота диалектически движет его, не давая остановиться на определенной синтетической, синтезируемой мысли. Синтезирующая мысль синтетична (искусственна), деструктивная мысль естественна. Естественна она, так как постоянно движется и живет, не успокаиваясь на конечных результатах. Естественность и честность здесь мы можем отождествить. Нечестно было бы останавливать движение мысли, тоталитарным образом её завершать и приводить к гармонии уверенного в себе смысла. Но им завершать приходится те мысли, которые учат мыслительному естеству. Такое завершение воплощается в манифестах дада, но такое завершение не вполне завершённое, оно свободно открыто для последующих деконструкций и деформаций, так как, как мы уже упоминали, нет окончательной уверенности в том, что является естественным, а что таковым не является. Например, для мира война естественна или же её можно искоренить? Для мира людей смерть естественна и существенна или её понимают только люди, наделяя ей мир? Вся эта диалектическая вопрошаемость и не успокаиваемая горячность мысли для дадаиста всё-таки, иногда и к счастью, надоедлива. Дадаисты не желают ограничивать себя территорией философии, искусства и обыденного сознания. Они мечутся между этими областями, интересуясь их плодами и отстраняясь от них одновременно, но они же при этом просто скрываются между ними, не примыкая ни к одной из них. Скрываться долго они не могут. Они просто исчезают как «дадаисты» и становятся либо художниками, либо поэтами, либо философами, либо непростыми или простыми нетворческими людьми и т.п. Быть нетворческим означает для дада позитивную и естественную ценность, которая позволяет человеку не быть в тисках творчества искусственного. Итак, идея творческой фигуры дадаиста бесформенна, так как неразличимо объединяет противоположности и одновременно рассеивает их в неопределенной сфере целостной личности. Проще и грубо говоря, дадаист может сочетать в себе уличного бунтаря и заумного философа, рафинированного художника-эстета и человека массовой культуры, революционера и конформиста-скептика и т.д. Всем из этого он является и одновременно ничем из этого он не является. Он проявляется в эпатажных акциях, но и скрывается в масках-симулякрах, жаждет славы, революции, но и тишины, надежды. Парадоксальная сущность дадаиста уничтожает его определенный статус, но не до конца, видимо, чтобы оставить бесформенное формой, чтобы все-таки оставить следы бесследного, а значит, чтобы подчеркнуть наличие отсутствия, в котором есть нечто нужное для культуры. Это нужное можно пока назвать критическим элементом (научным и житейски скептицизмом), постоянно движущим мышление человека, которое само семантически неопределенно, но существенно для понимания непонимания целого ряда субстанций и про-

творечий бытия. Нам кажется, этот критический элемент близок «парадоксальной инстанции» Ж. Делёза: «Эта парадоксальная инстанция никогда не бывает там, где мы её ищем, мы никогда не находим её там, где она есть, ей не достаёт ещё и самотождественности, самоподобия, саморавновесия и самопроисхождения» [3]. Движение дада не желало стремиться к тождеству идеи бога и человека, идеи ничто и человека, но они не были и просто клоунами, симулянтами, пародийно проигрывающими роли и смыслы. Они поистине были просто дада, поставленными под вопрос всеми теми, кому угодно было вопрошать.

Одной из ценностей их акций и практик является обнаружение самого истока творчества. Эстетическое и художественное значение не форм искусства и мысли, а философское значение истока искусства и мысли как таковых. Усмотрение смертности всякой мысли даёт возможность оценить ценность мысли как таковой, мысли без определенного содержания. Важно мысль породить, донести, а не вырастить из неё целую систему знания. Важно быть творцом идеи, а не творцом форм этой идеи, как художественных подражаний этой идеи. Интересно распрощаться с сотворенной идеей, а не воскрешать её в косных формальных вариациях. Интересно помыслить идею в первичной становящейся бестелесной субстанции и не превращать её в многотомное здание. Дадаисты не учат концептуализму и идеалистическому неклассическому искусству, они предлагают серии концептуальных вариантов – альтернатив классическим способам философии, поэзии, искусства. Они не строят искусство будущего, они живут настоящим. Процесс дадаистской смуты, разворачивающийся и проявляющийся в настоящий момент является объектом их интереса.

Если может показаться, что мы здесь переоцениваем возможности дадаистской мысли или надумываем, или искажаем, извращаем их идеи, то тогда мы сразу предупреждаем, что и не собирались претендовать на адекватность своей интерпретации дада, а всего лишь демонстрируем наш опыт восприятия его, появление которого и провоцирует сам дадаизм. Но, тем не менее, такая претензия есть, но она старается быть по возможности непретенциозной. Любя следы мыслительных опытов дадаистов, мы вольно или невольно подражаем им и мыслим посредством их мышления. Поэтому данные заметки имеют движение к цели понимания, путем интроспекции и герменевтического вчувствования, истоков и последствий этого движения. Мировоззрение дадаистов, с одной стороны, удивляет и шокирует своей новизной и свободой, а, с другой стороны, кажется традиционным в ряду схожих явлений. Диалектика вечного и преходящего, авангардного и традиционного, западного и восточного определяет один из подходов интерпретирования дадаистского явления. Универсальность объема и пустота содержания слова «дада» можно соотнести с рядом аналогичных понятий: «дао» даосистов, «логосом» Гераклита, «богом-субстанцией»

Спинозы, «жизнью» Ницше, «эпохе» Гуссерля, «деконструкцией» Деррида, «смыслом-нонсенсом» Делеза. И Диогена Синопского можно назвать дадаистом и это не будет большой ошибкой, учитывая характер его мышления. Список аналогий мы не завершаем, так как его можно продлить в зависимости от воспоминаний. Понимая сложное разнообразие вышеупомянутых понятий различного рода философов, мы настаиваем здесь на некотором их объединяющем фундаментальном элементе, а именно, на том, что можно обозначить парадоксальным и противоречивым «поток», даже не жизни – бытия и мышления. Бытие и способ его осмысления схожи, иными словами, способность осмысления бытия и само бытие, которое и видно, благодаря осмыслению – схожи. Сходство не в определениях и признаках форм бытия, а в ускользании его самого и деструкции его понимания. Бытие ускользает от осмысляющего окончательного определения, а способ осмысления бытия разрушается в процессе познания. Такое представление о бытии, жизни и способностях мышления, которое в основе агностицично, нигилистично, критично и деструктивно, необходимо всегда. Подобное отношение к бытию возникает с неопределенной периодичностью почти во все времена, во многих культурах. В чем состоит его необходимость? Во-первых, культурному сознанию любой эпохи требуется освобождение от стереотипного знания, отживших свой срок и потерявших актуальность мифов, от пережиточных аспектов традиции и т.д. Во-вторых, такое отношение, через нигилистическое очищение, дает возможность быть процессу самоопределения на основе чистого фундамента, основание которого впоследствии заполнит то, что действительно необходимо личности. В-третьих, это точка зрения на мир нужна тому роду людей, которые отождествляя себя с ней, как с соприродной своему существу, находят себя в этом мире. В-четвертых, «дада-даоская философия», обладая специфической эстетической формой, доставляет особое удовольствие приверженному субъекту. Возможно, это «эпикурейское» удовольствие является причиной определенной интеллектуальной любви к неопределенным ценностям, которые несут психотерапевтический и экстатический эффект. Такое мировоззрение должно существовать хотя бы потому, что существуют, данные самой природой, подобные человеческие психотипы, либо формирующие его (мировоззрение), либо приобщающиеся к нему. Таким образом, оно имеет общественно-культурное, познавательное и психологическое значение. Оно, не смотря на свою абстрактность, выполняет конкретные общественно-полезные функции. А абстрактность его, – состоящая в недоверии широкому кругу определенных знаний, а значит, в отвлечении от него, – исходит их жизненных фактов, противоречащих этим знаниям, не соотносящихся с ними.

Дада выступают за анти-искусство, в котором они видят подлинное искусство в его истоке. Для них важно находиться при истоке творчества, а

не при его формальной завершенности. Поиском этого истока, а не использованием готовых творческих средств занимается дада. Важно источать творческое как таковое, а не творить законченные самоценные формы. Здесь важно творчество идей, а не образов. Улов мыслей без заключения их в систему традиционных комплексов слов и обрамленных картин. Интерес к творческому началу, как к такой силе, которая не творит иллюзий, а творит адекватную миру мысль и взгляд на мир, не доверяя утопиям мира. Творчество здесь связано с его отсутствием. Сотворчество человека с миром (реальностью), кажется, более соразмерным человеку дада. В синтезе искусства и анти-искусства их интересуют неизменные ценности культуры и возможности их нарушения стихией жизни. Те неизменные, структурные ценности, которые не поддаются критике, иногда нарушаются самой жизнью, но эта же жизнь к ним и возвращается. Ничто не вечно, но все-таки не ничто, а только что-то. Вечное есть, но если не вечное, то очень долговременное. Понятие вечности и бесконечности не проверяемо. Всё нужно, важно. Всё влияет на всё. И борьба и мир. И борьба на мир, и мир на борьбу влияет. Искусственное на естественное, а естественное на искусственное. Их борьба и их примирение влияет на них самих и на других. Всё, что происходит – есть живая данность, и это всё, что нам дано. Дано как единственная истина. Дадаисты, как и даосы, или постмодернисты, или любые другие люди, находящиеся в подобном состоянии, впадают в фундаментальное внутреннее молчание и отрешенность от отстаивания какой-либо из точек зрения, хотя они и могут формально, ради игры или интереса что-то поддерживать. Формально думать можно всё что угодно, а фундаментально – ничего. Ничто, как истинная и молчаливая подоснова личности. Поэтому исток иронического и нигилистического творчества лежит в Ничто, в немоте. Исток, который находится при начале, в небытии. Находясь в поисках истока творчества, в поисках истины творчества, они приходят в пустоту первоначального начала, где нет творчества, а есть бытие, которое не нуждается в творчестве. И тогда, творчество происходит по инерции, по необходимости, но оно осознает свою нетворческую истинную подоснову. Искусство осознает свое самое *самое* как чужое себе. Дада оказывается близко религиозному искусству, религиозному иконоборчеству.

Можно сравнить такую ситуацию с логической формой мышления, которая как будто дана нам от природы и мы не можем изменить её основы. Эта же ситуация провоцирует на понимание современной философии как той области знания, которая не стремится и даже не должна быть современной. Как будто она не обязана заботиться о поставлении новых знаний – этим занимаются современные науки – она обитает в сфере метафизики, метафизики как мышления вне актуальной физической реальности. Современность через философию, уходя от современности, обращается к той

традиции, которая требует своего внимания, благодаря актуальным человеческим потребностям. Как раз феномен дада в этом смысле не нов, не уникален – он обращен в прошлое, и тем самым в будущее, воодушевляя потомков на обращение к «вечному» прошлому, к «вечной» природной потребности человеческого существа сомневаться.

На деле дадаисты существовали до дадаистов, а именно в восточной древней философии, античном скептицизме, картезианском критицизме, гуссерлианской феноменологии, ницшеанской философии жизни и т.д. Дадаисты существуют после дадаистов в постструктуралистской философии и постмодернистском искусстве и т.д. Их всех может объединить особые моменты познания, которые со своей стороны не терпят искусственного единства и которые сами по себе единства не знают. И само слово «дада» наиболее адекватно на наш взгляд выражает логику смысла всех вышеперечисленных родственных дада практик и способов мышления, адекватно миру в целом тем, что не имеет претензий на смысл, оно пустое и открытое, вмещающее всё, рассеянное со всем. Ж. Деррида пишет, оценивая намерение М. Хайдеггера: «С порога ставя под сомнение любую определенность бытия, сокрушая все опоры онто-теологии, такое размышление – не меньше, чем самая современная лингвистика – разрушает единство смысла бытия, т.е., в конечном счете, единство слова» [4]. Это же является и намерением дадаиста, которое начинается со слова дада, слова, не имеющего определенного и законченного смысла, но тождественного предельному пониманию бытия.

Библиографический список

1. Тцара, Т. Манифест дада 1918 / Т. Тцара // Альманах дада. – М.: «Гилея», 2000. – 208 с.
2. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М.: Издательство «Академический проект», 2009. – 489 с.
3. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М.: Издательство «Академический проект», 2011. – 472 с.
4. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – М.: Издательство «Ad Marginem», 2000. – 512 с.

[К содержанию](#)

УДК 72.012(470.55) + 72.017.4(470.55)

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЦВЕТОВОГО РЕШЕНИЯ ДИЗАЙНЕРСКО-АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ В ГОРОДЕ ЧЕЛЯБИНСКЕ

А.А. Конюхова

Зеленый город – положительный, постепенно расширяющийся динамический образ, влияющий на комплексное развитие созданного в центре города архитектурного ансамбля, раскрывающегося в различных аспектах духовной и материальной жизни общества.

Ключевые слова: зеленый, город, цвет, парк, образ, гармония.

Удачным примером гармоничного в колористическом и социальном развитии конкретного архитектурного комплекса является комплекс, созданный постепенно вокруг перекрестка улицы Кирова и улицы бр. Кашириных. Образное, народное название, закрепившееся за северной частью этого комплекса – «Зеленый», названия, сформировавшегося на перекрестке исторических и социально-экономических аспектов развития города. Положительные эмоции вызывают гармоничные сочетания разных оттенков зелено-оранжевой гаммы фасадов и крыш сооружений. Зеленый – здесь и самая похвальная характеристика урбанистически-развитых, лучших городов мира; и символизм востока; и проект соединения центрального парка города с благоустройством набережной реки Миасс, примыкающей к комплексу. Селитебная зона, расположенная с восточной и западной стороны «Зеленого рынка» (рис. 1), решена в оранжево-бежевой гамме, с эффектными зелеными вставками. Весь комплекс – благодатное поле для деятельности дизайнеров.

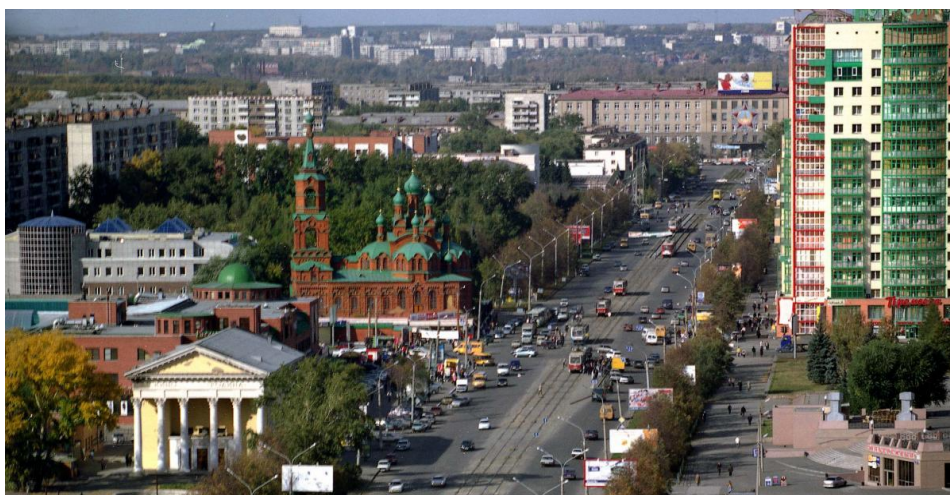

Рис. 1. Панорама комплекса «Зеленый рынок»

Логика развития исторически сложившегося соединения, диктует сделать этот комплекс максимально привлекательным для туризма, продолжением благоустроенного в стиле лучших европейских городов «Арбата» на улице Кирова. Сквер с северной стороны участка Свято-Троицкой церкви позволяет применить самые интересные разработки в сфере ландшафтного дизайна. Важным аспектом в обучении дизайнеров является изучение уже построенных комплексов, где студенты могут проходить пленэрную практику.

Уникальная архитектура Свято-Троицкой церкви (рис. 2) формирует неповторимую среду, украшаемую современной подсветкой в вечернее время. Одним из символов, характеризующих православный праздник «Святой Троицы», является зеленый цвет. Купола зеленого цвета определяют колористический строй сооружений. Ажурная кирпичная кладка стен, стилистические особенности архитектуры церкви требуют нового проекта планировки пешеходных зон вокруг. Образ, подкрепленный положительными эмоциями, создает гармонию психофизического состояния человека.

Рис. 2. Панорама Свято-Троицкой церкви и «Зеленого рынка»

Разнообразие оттенков зеленых крыш рынка и цирка создает ассоциацию с растительными формами, которые продолжают композицию, окружающая архитектуру с северной и западной стороны комплекса. Здесь можно упомянуть и о необыкновенных по красоте экзотических растениях, высаживаемых в частных полисадниках внутренних дворов жителями домов с западной стороны комплекса. Рекреационная зона при своих небольших масштабах и сложном рельефе производит впечатление гармонично-сложившейся природной системы, а не разработанной по проекту. Сложив-

шаяся социально-культурная среда этого района – одна из лучших в системе города Челябинска. Она продолжает ассоциативный ряд, возникший в начале прошлого века, создавая целостный ансамбль. Индивидуальное оформление детских площадок, близкое расположение кукольного театра, привлекает большое количество родителей с детьми, предусматривая положительное восприятие объекта в среде нового поколения; восприятия, ведущего к предпосылкам дальнейшего развития. Неповторимый образ многофункционального комплекса, его силуэт многозначителен в городском пространстве. Объединенные единой цветовой гаммой разнохарактерные и разностилевые постройки комплекса являются своеобразным узлом социально-экономической жизни города – торговый комплекс «Европа-Азия» в южной части и торговый комплекс «Зеленый» с «Зеленым рынком» в северной части (рис. 3). Создаются архитектурные акценты из хорошо сохранившихся и красиво расположенных деревьев благородных пород, превращая эти акценты в эстетическо-культурные достопримечательности города. Благоустройство аллей требует обновления в сфере средового дизайна.

Зелёный – как самый распространённый термин для положительной характеристики образа города, используемый повсеместно туристическими компаниями и агентствами по недвижимости. Часть среды, сформированная в естественном ходе исторического процесса, подтверждает исследования американского учёного Кевина Линча, который в своей книге «Образ города» рассматривает формообразование города. Общественный образ города создается наложением одного на другой множества индивидуальных. Однако не исключена возможность возникновения ряда общественных образов, каждый из которых вырабатывается значительной группой горожан. Такого рода групповые образы совершенно необходимы для того, чтобы индивид мог успешно функционировать в пределах своего окружения, вступая в эффективные контакты с себе подобными. Всякий индивидуальный образ уникален, он охватывает какое-то содержание, которое никогда или почти никогда не передается другим, но при этом он в большей степени совпадает с общественным образом [1].

Постоянные символические акценты – церковь, скала, старое дерево – помогают держать меняющуюся все время сцену. Зримая преемственность по отношению к близкому и потому относительно надежному будущему тоже способна приносить в подвижное окружение чувство стабильности, и к тому же люди до известной степени могут обучаться получать удовольствие от раскрывающихся возможностей и неожиданностей [1]. «Зеленый – это цвет растительного мира, образующийся благодаря фотосинтезу таинственного хлорофилла. Когда свет попадает на землю, а вода и воздух высвобождают свои элементы, тогда силы, сосредоточенные в зеленом, стремятся выйти наружу» – Йоханнес Иттен [2] – цитата объясняющая силу эмоционального воздействия этого образа. Создание общественного образа города

с совершенной экологической и эстетической средой – комплексная задача, в решении которой одну из главных ролей играет деятельность дизайнеров. Цветовая гармонизация – процесс достижения цветовой гармонии.

Рис. 3. Торговый комплекс «Европа-Азия»

Цветовая гармонизация является постоянной творческой задачей специалистов, создающих материально-пространственное окружение, и опирается на основополагающие принципы цветовой гармонии: производить подбор цветов следует на базе определенной системы; из двух подобных сочетаний более гармоничным является привычное, любая группа цветов становится гармоничной, приобретая элементы общности – единство многообразия и др. Гармонизация материально-пространственного окружения обусловлена социально-функциональными и культурными процессами и их цветовым толкованием. Цветовая гармония широко использует цветовую комбинаторику. Цветовая комбинаторика – один из методов формообразования в графическом дизайне [3].

Библиографический список

1. Линч, К. Образ города / К. Линч; пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова // – М.: Стройиздат, 1982. – 327 с.
2. Иттен, И. Искусство цвета / И. Иттен. – М.: Д. Аронов, 2004. – 95 с.
3. Пахомова, А.В. Колористика. Цветовая композиция. Практикум. Учебно-методическое пособие / А.В. Пахомова, Н.В. Брызгов. – М.: Изд-во В. Шевчук, 2011. – 229 с.

[К содержанию](#)

УДК 72.01 + 7.012 + 73.01

ТЕКТОНИКА?.. ИЛИ?.. АРХИТЕКТОНИКА, АТЕКТОНИКА, АНТИТЕКТОНИКА, ПСЕВДОТЕКТОНИКА...

И.С. Ли

Статья посвящена развитию и современному использованию понятий «тектоника» и «архитектоника» в пластических искусствах, прежде всего в архитектуре и дизайне. Рассматриваются особенности таких производных категорий, как «атектоника», «анти-тектоника», «псевдотектоника».

Ключевые слова: пластические искусства, архитектура, дизайн, композиция, тектоника.

Основой для широкого и повсеместного использования понятий «тектоника» и «архитектоника» служит перевод греческого слова *tektonikós* – «строение», позволяющее применять этот термин (кроме первичной области – архитектуры, а также других пластических искусств) в геологии, политике, медицине. Тот факт, что тектоника в пластических искусствах является одной из основных категорий композиции произведения, позволил распространить ее применение и на другие виды искусств – литературу, кинематограф, музыку. Из этого можно сделать вывод: термин «тектоника» зачастую заменяет близкие по смыслу понятия – композиция, способ построения, конструкция, структура.

Нам удалось выявить несколько понятий, применяемых сегодня в пластических искусствах и отражающих взаимоотношения конструкции объекта, его внешней формы и образного содержания.

Тектоника – зримое выражение во внешней форме объекта его конструктивной структуры, внутреннего строения (рис. 1).

Рис. 1. Тектоника

Архитектоника («в высшей степени» тектоника) – художественное отражение конструктивной структуры, образное раскрытие внутреннего строения формы объекта (рис. 2).

Особенно важен вопрос различения понятий «тектоника» и «архитектоника». Беглое филологическое сравнение терминов сразу подсказывает, что между ними лежит та грань, которая отделяет «строительное искусство» от архитектуры как искусства просто, без уточняющей приставки. По-видимому, именно на границе этих понятий архитектура становится «музыкой, застывшей в камне».

Рис. 2. Архитектоника

Вспоминается известная притча о строителях собора Нотр-Дам: человек, пришедший понаблюдать за строительством, поочередно задает один и тот же вопрос людям, везущим тачки с каменными блоками – скажи, что ты делаешь? И получает последовательно три варианта ответа от разных людей: везу тачку с камнем; зарабатываю хлеб насущный; строю собор Нотр-Дам. Напрашивается еще один, итоговый ответ: приближаю человека к Богу.

Итак, возникает гипотеза: тектоника – это красота совершенной конструкции; архитектоника – это прекрасное, достигаемое методом художественного осмысления конструкции. В данном предположении мы исходим из того, что красота – это гармоничность формы, а прекрасное – это гармоничная форма, одухотворенная высшим смыслом [3].

Атектоника (без тектоники) – невыраженность конструктивной структуры во внешней форме объекта (рис. 3).

«Тектонический стиль есть, прежде всего, стиль строгого порядка и ясной закономерности, атектонический стиль, напротив, – стиль более или менее прикрытой закономерности и свободного порядка. Там жизненным нервом всякого впечатления является необходимость слаженности, невозможность что либо переместить, здесь искусство тешится иллюзией беспорядка. Атектоничность постоянно считается с традицией тектоничности. Важен именно отправный пункт: нарушение закона явственно ощущается лишь тем, кто когда-то подчинялся ему и сроднился с ним» [1].

Рис. 3. Атектоника

В данном определении, трактующем понятия тектоники и атектоники как одно из ключевых свойств композиции, характеризующих стиль в пластических искусствах в целом, для нас особенно важна «иллюзия беспорядка», поскольку, как нам кажется, на основе этого возникает особая ветвь атектоники – антитектоника. Наиболее яркие примеры подобных тенденций являет нам архитектура деконструктивизма.

Антитектоника («против» тектоники) – нарушение конструктивной логики, игнорирование физических законов (рис. 4).

Рис. 4. Антитектоника

В примерах архитектурных и дизайнерских объектов (стул можно считать архитектурой, максимально приближенной к человеку), связанных с эстетикой деконструкции, художественный образ основан на представлении реального мира как хаоса, нестабильности, парадоксальности. В них очевидно стремление к преодолению законов гравитации, иллюзии разрушительных процессов, нематериальности и нелогичности.

Псевдотектоника («ложная» тектоника) – изображение несуществующей конструктивной структуры (рис. 5).

Через термин «бутафория», отражающий принцип формообразования псевдотектонических произведений архитектуры и дизайна, логично выйти на понятия «театральность», «игра», и тогда становится ясной связь этих явлений с эстетикой постмодернизма в целом [2].

Рис. 5. Псевдотектоника

В истории пластических искусств внимание к проблеме выражения конструктивной сущности объекта в его внешней форме (тектоника, архитектоника) чередуется с ее откровенным игнорированием (атектоника), порой приобретая неожиданные, абсурдные формы (антитектоника, псевдотектоника).

Библиографический список

1. Вёльфлин, Г. Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве / Г. Вёльфлин. – М.: В. Шевчук, 2009. – 344 с.
2. Добрицына, И.А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки / И.А. Добрицына. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.
3. Раскин, А.М. Архитектура постмодернизма – всегда архитектура? / А.М. Раскин // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2005 – № 35. – Вып. 9. – С. 182–187.

[К содержанию](#)

ББК Ч807.3

УДК 028.5

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ: КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ

Ж.В. Пономарёва

В статье обосновывается актуальность чтения, понимания важности книги (учебника) в интеллектуальном становлении личности; определены требования к культуре чтения; обозначена роль творчества в чтении.

Ключевые слова: чтение, стимуляция воображения и мышления, интеллектуальное творчество и развитие, самообразование.

*Нет развлечений дешевле чтения книг
и нет удовольствия более длительного*

Мари Монтегю

Порой нам не хватает в разговоре точного слова, яркого определения. И мы задумываемся, а почему? Может быть, мало слушаем новостей или мало смотрим телевизор? Наверное, мы просто перестали общаться, не пишем, друг другу письма, не ходим в театр и все меньше и меньше читаем книги.

Самое лучшее изобретение человечества – это книга. Этот мягкий шелест страниц, незабываемые иллюстрации любимых художников и обязательно вспоминается детство, вечер, рядом мама, читающая на ночь любимую книгу, и уже поздно, надо спать, а ты просишь ее почитать еще и еще... Один из самых повторяющихся мотивов в иллюстрациях к книгам детства наших родителей. Когда-то детям на ночь читали сказки или просто интересные книжки. Сейчас детям на ночь в лучшем случае показывают мультфильм.

Такое занятие, как чтение книги у постели – это что-то нечто гораздо большее и очень важное для ребёнка. Мамы, которые пытаются научить своего ребёнка читать, часто жалуются, что у него нет интереса и желания к этому занятию. Такая же проблема стоит и у многих родителей первоклассников. Дело порой даже не в отсутствии интереса к учёбе, а в отсутствии интереса к процессу чтения. Вывод напрашивается один – у детей нет мотивации.

Почему же так происходит? Может быть оттого, что ребенок не привык извлекать удовольствие из чтения. Нет – нет, мы говорим, конечно же, не о том, чтобы дети с удовольствием читали сами, прежде чем они выучат буквы, а о том, что в принципе книжки нет среди детских основных развлечений. Такое всегда или почти всегда связано с тем, что родители сами не

любят читать ему книжку, делая это без удовольствия, с трудом выкроив десять минут в течение дня, или попросту заменяя ему книжку мультиками. Ребёнку с самого рождения, с первых месяцев жизни нужно читать книжки, потому что вы его любите. Новорожденный не может понять смысла прочитанного, но он прекрасно может различать интонацию, ритм и воспринимать эмоциональное состояние взрослого во время чтения. Так что, если мама читает с удовольствием, с интересной голосовой манерой, по ролям, то у ребёнка уже на эмоциональном уровне формируется положительное отношение к занятию чтения. Эта доверительная атмосфера и теплота спокойного вечера, превратится в общее дело, ритуал, который крепко связывает родных людей. Ребёнок должен узнавать мир через добрые сказки и детскую литературу, соответствующие данному возрасту. Прочитанные ему в детстве книжки, остаются в памяти на всю оставшуюся жизнь. Это один из важнейших факторов не только закладки основ читательского кругозора, но и формирования здоровой нервной системы ребёнка [1].

Снижение интереса к чтению прямо пропорционально снижению человеческого интеллекта: чем меньше человек читает, тем ниже его интеллект, и никакие другие виды получения информации: кино, радио, телевидение, интернет не заменят вдумчивого, основательного общения с книгой. И даже чтение «книг» на электронных носителях – процесс неоднозначный, приравнивающийся к компьютерным играм, которые окончательно выбивают из юных голов остатки интеллекта. Сегодня этого не видит только слепой, да тот, кто не хочет видеть [2].

Создатель библиопсихологии Н.А. Рубакин [3] указывал на то, что чтение – это интеллектуальное творчество. Чтение – творческая деятельность субъекта – читателя, осваивающего произведение, – продукт творческого труда другого субъекта – автора, создателя данного произведения. Высшей ступенью творческого чтения, становится диалог читателя с писателем. Понимание и оспаривание, принятие и отторжение читателем авторской позиции, замысла и художественных аргументов в его пользу – основной критерий творческого чтения – диалог с автором.

Почему телевизор частично вытесняет сейчас книгу? Да потому, что телевизор вас отвлекает, он диктует вам – что смотреть, как смотреть и когда. И вы, не спеша, садитесь удобно у экрана и «наслаждаетесь». Но постарайтесь выбрать книгу по своему желанию и настроению, отвлекитесь на время от суеты, от всего, присядьте поуютнее с книгой и вы поймете, что есть много произведений, без которых жизнь не имела бы смысла, которые важнее и интереснее, чем многие передачи [4].

Колоссальный эффект мы получаем от общения с книгой – живое общение с книгой, потому что чтение – форма общения. Поэтому книга, прочитанная в такой уютной, неторопливой и несуетной атмосфере глубоко прони-

кает в сознание человека, вызывая сильные, эмоции, и гораздо лучше способствует развитию, расширению кругозора, стимуляции воображения и мышления и, наконец, интерес к обучению, чем любая развивающая программа.

Читая книгу – человек делается интереснее, она его вдохновляет, потому что каждая книга – это шаг, шаг в будущее.

Существует единство природы творчества писателя и читателя. Писатель фантазирует, создавая своё произведение, а читатель переигрывает всё это в своём внутреннем мире, он порой осуждает героев, нередко возмущается ими или живёт вместе с ними, размышляя о жизни, создавая свой мир, свои фантазии, эмоции, мысли, становится творцом, художником, переходя в область самообразования. В области художественной литературы Н.А. Рубакин всех писателей делит на три основные категории.

К первой категории относятся писатели, которые стоят на первой ступени значимости в истории не только русской литературы, но и русской общественной мысли.

Ко второй категории относим тех писателей, знакомство с которыми, ввиду их литературно – общественного значения, желательно и должно быть рекомендовано, хотя и не столь настойчиво.

К третьей категории мы относим современных писателей различных степеней дарования [3].

Каждый человек обязан заботиться о своем интеллектуальном развитии. Это его обязанность перед обществом, в котором он живет, и перед самим собой. Время – величайшая ценность, его нельзя тратить на пустяки. Поэтому чтение не должно быть случайным – это огромный расход времени. Необходимо составить себе программу, разумеется, не следуя ей жестко, можно иногда отходить от нее там, где появляются дополнительные интересы. Чтение, для того, чтобы оно было эффективным, должно интересовать читающего. Интерес к книге необходимо самостоятельно развивать в себе. Тогда он может быть в значительной мере станет результатом самовоспитания [4].

Глубокий и обширнейший опыт в жизни даёт нам всемирная литература. Чтение книг делает человека свободным, умным и интеллигентным, развивая в нём не только чувство красоты, оно окрыляет его, даёт понимание окружающей жизни, всех её сложностей, разрешения каких-либо проблем и задач, служит проводником в другие эпохи, заглядывая к другим народам, раскрывая перед нами сердца людей. Литература делает нас мудрыми. Всё это даётся только тогда, когда вы, читая, вникаете во все тонкости книги, сюжета и во все мелочи. Потому как, самое главное, скрыто именно в мелочах.

Такое чтение возможно только когда вы читаете с удовольствием, не потому, что это произведение надо прочесть, а потому, что оно вам нравится – вы почувствовали энергию автора, что ему есть что сказать, есть

чем с вами поделиться, и он это делает умело. Бывает, что в первый раз прочли произведение невнимательно – читайте ещё раз и ещё. У человека должны быть любимые произведения, которые он перечитывает в разные годы своей жизни, которые знает в деталях. Эти книги приходят ему на помощь в разных жизненных ситуациях. Могут поднять настроение, разрядить обстановку, если накопилось раздражение. Иногда напомнить о себе и рассмешить, а то и просто выразить своё отношение к происходящему с вами [4].

«Незаинтересованное», но интересное чтение – вот что заставляет любить литературу и что расширяет кругозор человека» [4, письмо 22]. Читать можно везде и никому вы не мешаете. Давайте сделаем чтение главным средством против скуки, и тогда любое горе рассеется после одного часа чтения. Книга – это большая тайна, которую нам предстоит разгадать в будущем.

Даже закончив школу, институт, мы не перестаём учиться, шагаем вперед и в этом нам помогает книга. И чтобы прочитать книгу многого не надо. Вспомните про книги, которые вам подарили. Читающий человек развивается творчески, у него возникают новые фантазии, мечты, целые системы образов. Читая, человек развивает память, а это уже психологический этап творчества.

Творчество, безусловно, присутствует там, где человек воображает, комбинирует в своей памяти, изменяет старое и создаёт новое в своём сознании, бежит от повторения. Творчество рассматривается как процесс самореализации, удовлетворяющий внутренней потребности человека, в ходе которого происходит мобилизация воображения, памяти, ассоциативных связей, изнутри формируется духовный мир личности.

Библиографический список

1. Ребенок. Мамин клуб. Официальный сайт. – URL: <http://www.maminklub.lv/rebionok/chto-daiot-rebionku-chtenie-na-noch-592088>.
2. Парфеньевский вестник. Официальный сайт. – URL: <http://parfenevo.smi44.ru/category/№99...августа-2012-года>.
3. Рубакин, Н.А. Как заниматься самообразованием: искусство чтения. Письма к читателю о самообразовании / Н.А. Рубакин // Избранное. – URL: <http://www.proshkolu.ru/user/alex-279z/file/3134401/>.
4. Лихачев, Д.С. Письма о добром и прекрасном. Письмо 22 / Д.С. Лихачев. – URL: <http://orthgymn.ru/publish/likhachev/khrestomatia>.

[К содержанию](#)

УДК 378.016:7.012 + 7.012

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ДИЗАЙН-ПРОЕКТИРОВАНИЯ КАК БАЗОВАЯ ДИСЦИПЛИНА ПОДГОТОВКИ ДИЗАЙНЕРА

А.М. Раскин

Уточняется ряд понятий, рассматривается их взаимосвязь с теорией и методологией дизайн-проектирования, определяются профессиональные рамки и исторические границы дизайна, этапы дизайн-проектирования.

Ключевые слова: дизайн, искусство, красота, прекрасное, методология дизайн-проектирования.

В зависимости от того, каким содержанием наполняется само понятие «дизайн», его теория и методология могут трактоваться по-разному. Простая фиксация иногда полярных точек зрения будет выглядеть своего рода «инвентаризацией», исключаящей, в первую очередь, методологию. Учебное заведение, готовящее специалистов в области дизайна, должно выработать свою позицию, свой вполне определенный взгляд на проблемы дизайна, начиная с определения самого понятия «дизайн», его границ и кончая методикой проектирования.

Усложняет ситуацию размытость ряда понятий, таких, например, как искусство, красота и прекрасное, тектоника и архитектоника и, казалось бы, таких устоявшихся, как архитектура, декоративно-прикладное искусство. Именно дизайн провоцирует необходимость более четкого определения всех «сопутствующих» понятий. Не пытаясь дать научное определение искусства, можно констатировать тот важный в свете интересующей нас проблематики факт, что искусство – есть художественное творчество, направленное на удовлетворение духовных потребностей человека. Для ряда эстетиков такие понятия, как «красота» и «прекрасное» – синонимы, т.е. для них прекрасное не может не быть одновременно и красивым (от греческого *kalokagathia*: *kalos* – прекрасный, *kagathos* – добрый). Современное же содержание понятия «прекрасное» явно отличается от греческой «калокагатии». Прекрасным может быть человек или с ним ассоциируемое. Прекрасное – категория не только эстетическая, но и этическая, включающая представления о морали, поступке. Это же относится и к произведениям искусства. Прекрасным может быть лишь произведение, обладающее способностью вызвать сопереживание.

Красота же – не привилегия искусства, она – показатель степени совершенства системы. Если прекрасное – понятие достаточно относительное, является отражением моральных норм, выработанных человечеством и корректирующихся историей, то красота объективна, не зависит от субъективных взглядов людей. Так, например, у хозяйки, воюющей с таракана-

ми на коммунальной кухне, оценка их облика будет одна, а у биолога другая, куда более объективная. Виной необъективной оценки хозяйки – «испорченные отношения». Удивительно точно эту проблему комментирует замечательный афоризм авиаконструктора А.Н. Туполева – «Некрасивый самолет не полетит».

Поэтому произведение искусства, вне зависимости от того, красиво оно или нет, в своем идеале вызывает катарсис (katharsis – очищение). При этом ДПИ, тоже вид искусства, катарсиса вызвать не может, ибо творит не прекрасное, а красивое. В итоге необходимо подчеркнуть принципиально важное: единственная функция искусства – удовлетворение духовных потребностей человека. Произведение искусства может быть и красивым, и прекрасным, и тем и другим одновременно.

Может ли быть продукт дизайна и красивым, и прекрасным? Ответ на этот вопрос возможен лишь на основании определения понятия «дизайн». Разночтений здесь более чем достаточно. В их основе – этимология слова дизайн (итал. disegno – узор, рисунок, чертеж; англ. Design – замысел, намерение, злой умысел, проект, план, набросок, чертеж, эскиз, конструкция, рисунок, узор). Слово «план» при этом означает не только графический план, но и план действий для достижения поставленной цели (политической, коммерческой). Дизайнер (англ. Designer) – проектировщик, конструктор, художник, модельер, чертежник и даже интриган. Неопределенность границ хорошо иллюстрирует цитата: «Слово «дизайн» используется сегодня почти повсеместно: от дизайна прически – до инженерного дизайна, от дизайна кинодекораций – до дизайна кондитерских изделий, от фитодизайна и ландшафтного дизайна – до дизайна среды и даже ТВ-дизайна... Сама профессия дизайнера начинает терять свои очертания и растворяться в разных видах деятельности» [1].

«Дизайн – вид проектно-художественной деятельности, связанной с разработкой предметного окружения человека, систем визуальной коммуникации и информации, организацией жизни и деятельности человека на функциональных, рациональных началах» [1]. Подобное определение противостоит «экспансии дизайна», намечает его границы, специфику профессии. При этом необходимо уточнить содержание части определения – «на функциональных, рациональных началах». Здесь, очевидно, имеются в виду функции утилитарные. Это не означает, что дизайнер игнорирует удовлетворение духовных потребностей – тех, которые принадлежат искусству. Но в этом случае нужно говорить о синтезе дизайна и искусства. Этот процесс называют стайлингом. Можно говорить об условном разделе дизайна на два основных направления – «чистый» дизайн, учитывающий исключительно утилитарные функции, и «украшенный», т.е. синтезирующий с ДПИ, использующий стайлинг.

При проектировании орудий производства, научной и медицинской аппаратуры и других объектов сугубо утилитарного назначения в привлечении средств ДПИ нужды нет. Рынок товаров массового потребления диктует свои условия, где стайлинг становится необходимым инструментом и орудием конкурентной борьбы. В нашей стране утвердился термин «художественное конструирование» для проектирования изделий, которое «...в англоязычных, а затем и в других странах обозначалось термином Industrial design – индустриальный дизайн» [2]. Определение содержания понятия «дизайн» позволяет ограничить его профессиональные рамки, исторические границы, методику дизайн-проектирования, которая должна включать как общие принципы, так и специальные, определяемые типологией объектов.

Итак, одна из проблем, от решения которой во многом зависят специфика профессиональной деятельности, ее границы и ее история – четкое определение содержания самого понятия «дизайн». В куда меньшей степени от существующих в наши дни споров по этому поводу – второе значение термина «дизайн», которое относится к чисто визуальной характеристике формы любого объекта. Это скорее дань моде, то, что доступно и непрофессионалам. «Ах, какой дизайн», «разве это дизайн?», «дизайн, что надо!». Проблем с использованием такого термина нет. Так можно характеризовать и форму каменного топора, и египетской колесницы, и рыцарские латы миланских мастеров, и коромысло, и космический корабль. Правда, чутье подсказывает зрителю, что уместнее использовать этот термин, глядя на что-то новое.

С ними приходится сталкиваться на профессиональной стезе. Именно поэтому на начальной стадии подготовки специалистов имеет смысл не столько включаться в спор, сколько представить основные этапы становления дизайна и опыт методики дизайн-проектирования, который сложился в тех областях дизайна, которые признаны практически всеми представителями этой профессии.

В процессе становления и развития дизайна как определенного вида проектно-художественной деятельности была выработана методика дизайн-проектирования, которая представляется заслуживающей внимания в тех самых случаях, когда мы ограничиваем сферу дизайна проектированием объектов утилитарного назначения, тиражируемых средствами современных технологий. В этом случае процесс проектирования делится на ряд этапов, количество которых зависит от сложности задачи и меры ответственности за качество ее решения. Естественно, при решении простых задач ряд этапов может быть исключен из приводимого далее списка.

Шаг, предшествующий этапам проектирования – формулирование задания. Иногда эта процедура требует немалых усилий, поскольку обозначение объекта с использованием его традиционного названия («кухонная

плита», «велосипед» и т.п.) может стать тормозом на пути принципиально нового решения. Предпочтительнее задачу формулировать перечнем функций – главной и ее сопровождающих. При сложной задаче полезнее может быть «круглый стол», в котором могут принять участие не только профессионалы-дизайнеры, но и условные потребители.

Первым этапом можно назвать сбор информации, содержащей максимум сведений об опыте решения аналогичной задачи. Анализ уже накопленного опыта не только избавит от необходимости снова «изобретать велосипед», но, что самое главное, поможет выявить недоработки, дефекты, просчеты, все то, что может быть улучшено, за ненадобностью устранено, что провоцирует принятие иных решений, иногда требует кардинальной ломки традиций.

Такой анализ позволяет приступать ко второму этапу, особенно необходимому при решении сиюминутных задач, который сводится к созданию т.н. «идеальной модели». Условное название «идеальная» объясняется тем, что такая модель игнорирует проблемы технологии, материалов, экономики. Она заведомо невыполнима. Ее достоинство заключается лишь в том, что все без исключения заданные функции оказываются учтенными и выполненными. Вне зависимости от уровня развития технической базы, стоимости и пр. Для чего же такая модель? Ее единственная функция – провоцировать проектанта к возможному сокращению дистанции между желаемым и достижимым. Без ощущения этой дистанции остановка на полпути практически неизбежна, а творческий потенциал останется далеко не реализованным.

Третий этап обычен – поиск наиболее эффективного решения задачи.

Далее следуют экспертиза проекта, изготовление опытной модели. Ее испытание в производственных условиях может потребовать внесения в проект определенных корректив. Успех или неуспех в ее реализации также может потребовать доработки проекта с учетом «капризов» коммерческого дизайна. Рынок диктует свои, не всегда оправданные с точки зрения «рационального» дизайна, требования. Дизайнер-профессионал это учитывает и относится к подобным «издержкам» с юмором, понимая, что без «лишнего» человеку не обойтись.

Библиографический список

1. Лаврентьев, А.Н. История дизайна: Учеб. пособие для вузов по специальности 052400 / А.Н. Лаврентьев. – М.: Гардарики, 2006. – 303 с.
2. Рунге, В.Ф. Основы теории и методологии дизайна: Учеб. пособие для вузов по специальности 052400 Дизайн / В.Ф. Рунге, В.В. Сеньковский. – М.: МЗ-Пресс, 2005. – 366 с.

[К содержанию](#)

УДК 72.017.4 + 7.017.4

ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА ГОРОДА ЧЕРЕЗ КОЛОРИСТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ЕГО СРЕДЫ

М.Ю. Сидоренко

Цветовая картина городов постоянно меняется. Её формирование происходит в результате сочетания исторического самостановления и комплекса факторов профессионального управления, обусловленного историческими и современными тенденциями использования цвета в архитектуре. Особенно это важно в исторических сложившихся городах, где в большинстве случаев в настоящее время на восприятие образа города влияют многочисленные стенды, вывески, рекламы и плакаты, которые создают агрессивную среду, что приводит к нарушению целостного образа города.

Ключевые слова: цвет, город, восприятие, образ, колористика.

Каждый город должен быть уникален, имея свой образ. Понятие образа города и городской среды обозначает модель культуры, инструмент ее самопознания и осмысления. Восприятие образа происходит при первом знакомстве с городом и каким оно окажется, играет огромную роль в его жизни. Формируясь во времени на протяжении определенного периода, город имеет характерную цветовую палитру, зависящую от объективных, субъективных, социальных, экономических и культурно-эстетических факторов. Создание гармоничного городского пространства, экологичного во всех отношениях, невозможно без комплексного решения проблем, связанных с колористикой, архитектурным освещением, с определением площадей для размещения рекламы. Нельзя также забывать о благоустройстве территорий, цветочном оформлении города, использовании современного дизайна остановочных пунктов и торговых павильонов.

В решении этих задач на помощь может и должен прийти цвет. Он выступает неким связующим звеном между элементами архитектуры и дизайна. Цвет может придать городскому пространству конкретную стилевую направленность, объединить разнохарактерные и разностилевые постройки, создать цветовые акценты, организовать ансамблевое восприятие фрагмента урбанизированной среды или разрушить его. Цвет, как один из мощных факторов, формирующих комфортную визуальную среду, обогащает визуальную среду и насыщает ее зрительными элементами, за счет использования широкой цветовой гаммы.

Цвет в архитектуре города призван выполнять ряд важнейших функций: он ориентирует человека в пространстве и во времени, придает значение отдельным компонентам среды, создает психофизиологический ком-

форт, формирует содержательное и эмоционально насыщенное городское пространство [1]. Процесс восприятия может быть:

– ориентировочным. Цветоформа выделяется из окружения. Происходит распознавание с помощью цвета. В этом случае он рассматривается как естественная окраска объекта;

– регламентирующим. Цвет может накладывать определенные ограничения поведение, диктовать предпочтения. Тогда он является носителем определенной социальной функции;

– художественным, дающим эмоционально-духовную оценку объекта, позволяющим осмыслить его как символ, метафору. Здесь можно говорить о знаковосимволической функции цвета. Так, например, в древнерусской традиции белый цвет считался символом чистоты и веры (рис. 1), красный – это символ красоты и радости, черный означал траур [1].

В современном урбанизированном обществе нарушены многие тонкие связи. Среда потеряла разноцветье – важнейший элемент полноценной работы глаз и эмоциональных переживаний человека. Тем не менее, система символов, предметов культуры, язык, природные условия мощно, хотя и не всегда осознанно, воздействует на человека. Воздействие цвета на человека проявляется при уровнях: психофизиологическом, психологическом, социальном. Цвет может изменить физическое самочувствие, настроение, субъективную эстетическую сферу личности.

Рис. 1. Псковский монастырь

В ряду региональных факторов можно выделить две основные группы: природные и социально-культурные. Для колористики наиболее существенными характеристиками являются: световой климат, состояние атмосферы, температурно-влажностный режим, многоцветие окружающей природной среды, а так же естественные строительные материалы. Под социально-культурными предпосылками подразумеваются: социально-экономические особенности местного населения, традиции и современные тенденции цветовой культуры региона.

Каждая культура имеет свою систему цветовых символов, свой язык цвета, по-своему выражающий содержание произведений архитектуры и других искусств. Полихромия носила символический характер в архитектуре древних времен – Египта, Вавилона, Индии, Китая. Символизм цвета в архитектуре азиатских стран доминирует и поныне [2].

Рис. 2. Городская площадь в Чехии

Колористика города понимается как целостная система множественности цвета архитектурных и природных объектов, технических сооружений, объектов городского дизайна, произведение искусств и других составляющих, образующая цветопространственное поле (рис. 2). Колористика выполняет утилитарную и художественно-эстетическую функцию. Ее формирование обусловлено комплексом факторов и происходит в результате сочетания ее самостановления и профессионального управления. Колористика города в целом тяготеет к выявлению его структуры, а на уровне полихромии отдельного здания возможны значительные контрасты геометрии формы и цвета.

Колористика – эффективное средство достижения композиционной целостности города. Это важно не только для отдельных архитектурных ансамблей, но и в отношении всего города ,как ансамбль ансамблей.

Люди, живущие в городе, постоянно сталкиваются с окружающим их пространственно-предметным миром, где все имеет цвет. Все в городе воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, которое всегда динамично и изменяется с определенной периодичностью. Цвет подвижен и находится в тесной связи с природными особенностями и расположением города, постоянным изменением архитектуры и дизайна зданий, вкусами и материальными возможностями общества, развитием культуры и технического прогресса [3].

Чем крупнее город, тем большее количество цветоносителей участвует в формировании цветового облика визуально воспринимаемого пространства, тем более трудной становится задача создания гармонии его восприятия, поддержания колористического своеобразия его среды. Для современного города чрезвычайно важен поиск путей упорядочения цветовых характеристик визуально воспринимаемого пространства. Целью цветового проектирования является разработка способов колористической гармонизации цветовой среды, в которой человек должен чувствовать себя комфортно в эстетическом и в психоэмоциональном аспектах. Предметом проектирования является сама среда, а объектом служит все: от малых форм (транспорта, элементов дизайна, цветочного и праздничного оформления, рекламы, мощения дорожных покрытий) до макроэлементов города (зданий, улиц, кварталов, микрорайонов и округов).

Колористика была восстановлена в правах лишь в 90-е годы прошлого века. Архитекторы признали, что наряду с освещением она является одной из основных составляющих комплексного благоустройства мегаполиса и что цвет способен преобразовать даже очень неприглядную среду в гармоничное пространство.

Архитекторы мечтают, что когда-нибудь в области колористики будет принято свое особое законодательство. Оно на уровне города запретит использовать агрессивные и кричащие тона, бессистемно красить здания, а некоторые, наоборот, оставлять в темной штукатурке. Цвет – элемент архитектуры, который должен быть запрограммирован на этапе проектирования, создания компьютерной модели. Сегодня же архитектор, наоборот, концентрируется на форме, забывая про цвет, который выбирается уже после того, как дом построен, в зависимости от наличия краски или материала на складе.

Библиографический список

1. Филин, В.А. Архитектура как проблема видеоэкологии / В.А. Филин // Архитектура и культура. – М.: ВНИИТАГ, 1990. – С. 119–123.
2. Ефимов, А.В. Колористика города / А.В. Ефимов. – М.: Стройиздат, 1990. – 272 с.
3. Иконников, А.В. Искусство, среда, время: эстетическая организация городской среды / А.В. Иконников. – М.: Стройиздат, 1985. – 336 с.

[К содержанию](#)

УДК 741.021 + 378.02:7

РИСОВАНИЕ С НАТУРЫ, ПО ПАМЯТИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЮ – ВАЖНЫЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ АРХИТЕКТОРА И ДИЗАЙНЕРА

Д.Н. Сурин

В статье рассматривается вопрос об организации самостоятельной деятельности студента по дисциплине «Спецрисунок», определены цели и задачи рисунка с натуры, по памяти и представлению в области изучения пластической анатомии.

Ключевые слова: пластическая анатомия, фигура человека, рисование с натуры, по памяти, по представлению, этапы самостоятельной деятельности.

При воспитании студентов творческих профессий, архитекторов и дизайнеров особое, если не первостепенное, место в учебных планах отводится дисциплине «Рисунок». Только овладев навыками рисунка, архитектор и дизайнер сможет стать мастером своего дела. Рисунок – основа всего. Он является не только инструментом познания мира, но и дает возможность владеющему им мыслить пластическими образами и полноценно выражать себя в творчестве. Обучение рисунку студентов творческих профессий можно сравнить с постановкой голоса у певца. Все, что бы не создавал хороший рисовальщик в архитектуре или в дизайне, на наш взгляд, никогда не будет выпадать из рамок искусства. Наш педагогический опыт позволяет утверждать – на каком уровне архитектор владеет рисунком, на таком уровне он и проектирует.

Изучение натуры, овладение закономерностями построения формы, законами ритма, соотношения масс, тональных отношений позволяет рисовальщику постоянно замечать и любоваться проявлением этих законов в окружающей жизни, а также в проектной деятельности, настраивает его воображение на постоянную подсознательную творческую работу. Кроме овладения рисунком с натуры большая роль при профессиональной подготовке студента архитектурного факультета отводится рисунку по представлению, где рисующий должен изображать окружающий его мир не так как ему кажется, а как это есть на самом деле. Любой, владеющий азами рисования, может по представлению нарисовать в любом повороте или ракурсе спичечный коробок. Возникает вопрос, почему каждый легко справится с этой задачей? Потому что рисующий знает, как он устроен, и может легко его представить. Нарисовать фигуру человека в любом движении или ракурсе намного сложнее. Это требует особой подготовки, определённых знаний и навыков, получение которых обеспечивает изучение пластической анатомии, на основе знания конструктивных основ которой студент сможет изображать человеческую фигуру с натуры, по памяти и по представлению.

Во время аудиторных практических занятий студенты изучают анатомию человека на основе различных анатомических атласов, гипсовых слепков и живой натуры. В этой узкой специальной области академического рисунка огромную роль играет направленная самостоятельная работа студентов, чему способствует заранее составленная программа этой работы, что способствует расширению и закреплению знаний студентов в области пластической анатомии.

Целью дисциплины является обретение навыков рисования фигуры человека непосредственно с натуры, овладение техникой наброска по памяти и по воображению. Перед учебной дисциплиной стоит задача поддержания творческой самостоятельности студента, характеризующейся его целенаправленностью, стимулирования будущих профессионалов к осознанному анализу увиденного, к преобразованию и претворению зрительных впечатлений в изобразительные формы, к самостоятельной постановке задач и поиску их решений [1].

Навыки рисования с натуры, полученные на первых двух курсах, позволяют впоследствии перейти старшекурсникам к творческому восприятию живой натуры, преобразованию и стилизации её формы, что в проектно-художественной деятельности является уникальным инструментом демонстрации художественной грамотности.

Спецрисунок является важным звеном в формировании общекультурных и профессиональных компетенций, которые необходимо сформировать в соответствии с ФГОС по направлению «Дизайн». В результате изучения пластической анатомии, обучающийся должен демонстрировать владение рисунком с натуры, по памяти и воображению, уметь использовать рисунки в практике составления общей композиции и переработкой их в направлении аналогового проектирования любого объекта; владеть принципами выбора техники исполнения конкретного рисунка; навыками линейно-конструктивного построения.

Рисование с натуры и рисование по представлению – единый процесс изучения формы. Рисование по представлению, включающему в себя представления памяти и представления воображения, усиливает понятие о трехмерности формы, открывает возможность для работы с подвижной не позирующей моделью. В учебном программе спецрисунку отводится незначительное время, тем важнее для будущего проектанта постоянные самостоятельные упражнения в этом направлении.

Рассмотрим рисунок по представлению, выполненный группой студентов третьего курса, под руководством доцента кафедры Е.А. Варгота, в котором классическое произведение мирового искусства К.П. Брюлова «Последний день Помпеи» анализируется с точки зрения строения фигуры человека и её костной основы в движении (см. рис.).

Анатомический анализ группы людей в произведении К.П. Брюллова «Последний день Помпеи»

В этом задании ресурс преподавателя проявляется в обеспечении учебного процесса комплексом лично-ориентированных заданий, интерактивными технологиями, что направляет самостоятельную деятельность студента из потенциальной в реальную.

Самостоятельное творчество студента – это, на наш взгляд, естественный и обязательно свободный процесс, поддающийся внешнему воздействию, который представляет собой возникшую в учебе способность человека из доставляемого учебного материала созидать новую реальность.

Выделяют три уровня активности самостоятельно обучающегося человека. При незначительном различии в названии этих уровней они отражают этапность процесса развития творческой самостоятельности и сводятся, в нашем случае, к следующим положениям:

1. Репродуктивная активность характеризуется стремлением студента понять и воспроизвести умения, выполнить действие по образцу, представленному преподавателем.

2. Поисковая активность характеризуется более высоким уровнем самостоятельности. Для этого уровня характерно возникновение вопросов к педагогу и попытка обучаемого объяснить то или иное положение скелета или экорше в пространстве. Познавательный интерес более устойчив.

3. Творческая активность. Этот уровень характеризуется проявлением глубокого и устойчивого познавательного интереса, настойчивости и самостоятельности. Студенты выделяют и осознают учебную задачу, убеждены в необходимости ее развернутого, поэтапного решения, стремятся не только проникнуть глубже в суть изучаемых явлений, но и найти способы применения знаний и умений в новых ситуациях [1].

Из вышеизложенного следует, что необходимость апробации и внедрения инновационной методики рисования с натуры, по памяти и представлению для студентов архитектурного факультета реализуется на нашей кафедре в комплексном развитии когнитивных (восприятие, воображение, мышление) и пластических средств (форма, линия, композиция), в сочетании которых феномен творческого активного применения навыков рисования фигуры человека в различных поворотах и ракурсах развивался бы не при обучении студента разным видам деятельности, а при вооружении его технологией развития творческого мышления и средствами воплощения художественных образов, что в настоящее время трудно переоценить.

Библиографический список

1. Сурина, Л.Б. Развитие творческой активности школьника в процессе художественного образования: дис. ... канд. пед. наук / Л.Б. Сурина. – М., 2010. – 195 с.

[К содержанию](#)

УДК 78.05:004 + 394:7.014

РОЛЬ ДИЗАЙНЕРА В ОРГАНИЗАЦИИ ФЕСТИВАЛЯ ЭЛЕКТРОННОЙ МУЗЫКИ КАК КАЧЕСТВЕННОГО МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОГО МАССОВОГО МЕРОПРИЯТИЯ

Л.Б. Сурина, Ф.И. Лычагин

Анализируется спецификация и классификация фестивалей, способных решать задачи эстетического воспитания общества, рассматривается роль дизайнера, отвечающего за качество в организации и визуализации многофункционального массового мероприятия как перспективного направления досуговой индустрии.

Ключевые слова: массовое мероприятие, фестиваль электронной музыки, спецификация и классификация фестивалей, дизайнер.

В настоящее время в досуговой индустрии возникла потребность в услугах высококвалифицированных дизайнеров как организаторов и визуализаторов больших массовых фестивалей, презентаций, шоу, играющих на современном этапе значительную роль в культурном просвещении и эстетическом воспитании общества и особенно молодежи.

Существует множество видов фестивалей: музыкальные, фольклорные, театральные, фестивали декоративно-прикладного искусства и т.д. Выбор тематики фестиваля обуславливает его концепцию, программу, визуально-графический комплекс, организацию территории, воспитательной среды и пр. Рассмотрим такую форму мероприятия как фестиваль электронной музыки, который кроме организации досуга призван заниматься просветительской деятельностью, способствовать обмену опытом между творческими коллективами и специалистами в сфере организации массовых мероприятий, осуществлять диалог различных национальных культур и субкультур в едином пространстве.

Музыкальный фестиваль – это популярное явление музыкальной культуры, обладающее неограниченным рядом возможностей проявления в форме социально-культурной деятельности, свойственной человеку по его коммуникативной потребности. Объединение страны, развитие искусства, сохранение самобытной культуры народов – все эти задачи способен решить музыкальный фестиваль. Открытие сочинской Олимпиады, как событие мирового масштаба, стало глобальным приобщением всего человечества к истории, культуре, искусству и быту народов нашей страны. Крупные фестивали электронной музыки также способны влиять на аспекты социо-культурной сферы жизни большого количества людей. Так, в Нидерландах ежегодный музыкальный фестиваль «PinkPop», является самым продолжительным в мире. Норвежский «Oya Festival» проходит четыре дня в средневековом парке, на месте где тысячу лет назад был основан город Осло. В Великобритании «Bestival», проходящий на острове

Уайт, славится обязательным присутствием зрителей в маскарадных костюмах. В современных условиях, организация подобного фестиваля становится одним из самых верных и ярких средств воздействия на аудиторию.

Данный вид массового мероприятия способен осуществлять взаимодействие различных видов пластических и временных искусств. Музыкальные и театральные выступления во взаимодействии с интерактивными средствами сценографии, объектами инсталляции, графическим дизайном, архитектурным пространством способны стимулировать эмоциональную напряженность зрительского восприятия, воображения. Эмпатия, вызванная у зрителей художественными образами, способствует возникновению в их эмоциональной памяти ярких впечатлений, связанных с событиями внутренней психической жизни.

В оформлении средового пространства международных фестивалей не смотря на многообразие национальных традиций представляемой страны важно выразить единую этнокультурную традицию, особенно, в подборе музыкальных произведений, тематике визуально графического комплекса, орнаменте. Фестивали электронной музыки «Музыкальная Электроника и МультиМедиа» (Россия), EXIT (Сербия), «Город железа» (Нидерланды) и др. являются тому ярким примером.

Такое взаимодействие пространственной и воспитательной среды, визуально-информационного сопровождения, личная образованность и культура организаторов способствуют формированию у зрителей этнических маркеров [5], а также решает ряд следующих существенных задач, например, таких как:

- консолидация и обмен опытом музыкантов, работающих в различных областях;
- поиск и поддержка новых имен артистов, музыкантов, организаторов;
- развитие профессиональных навыков.
- поддержка и развитие определенных качеств мероприятия на разных уровнях (массовом – популяризация, на уровне специалистов – профессионализация);
- привлечение населения к занятию культурной деятельностью и форме досуга;
- привлечение внимания к определенному туристскому региону;
- привлечение внимания государственных и коммерческих организаций к определенным видам деятельности и досуга, к товарам и услугам.

Временные характеристики каждого фестиваля определяют его статус в ряду других событий культурной жизни города, региона, страны проведения, взаимодействие с региональной и местной экономикой и культурной инфраструктурой, объемы и источники финансирования, численность постоянно действующей дирекции и уровень административных расходов [1]. В зависимости от специфики поставленных задач, фестивали могут разделяться на множественные группы. Общее разделение фестивалей на виды

предполагает степень влияния на массовую аудиторию. На форму организации фестиваля и на степень его воздействия на аудиторию влияет ряд факторов: продолжительность проведения, статус в культурной жизни общества, место проведения фестиваля, количество зрителей, концепция, содержание, что отмечено в табл. 1.

Таблица 1

Спецификация фестивалей

№	Специфика фестиваля	Виды фестиваля
1	По продолжительности проведения	- краткосрочные; - среднесрочные; - долгосрочные
2	По статусу фестиваля культурной жизни общества	- международные; - национальные; - региональные
3	По месту проведения	- открытые; - закрытые
4	По количеству зрителей	- крупные; - немногочисленные
5	По концепции	- единообразные (одна идея в составе концепции); - многообразные (несколько идей в составе концепции)
6	По содержанию	- музыкальные; - многосоставные (посвященные различным видам искусств)

Уровень организации фестиваля зависит от типа целевой аудитории, которая является главным оценивающим звеном при проведении мероприятия. Целевая аудитория музыкальных фестивалей классифицируется нами в табл. 2.

Музыкальный фестиваль многофункционален по своей природе. По аналогии с функциями культуры, можно выделить следующие функции музыкального фестиваля:

1. Познавательная (гносеологическая) функция

Музыкальный фестиваль, концентрируя в себе лучшие образцы музыкального творчества того или иного жанра, трансформирует знания о направлениях в музыке, пластических искусствах, тем самым создавая благоприятные возможности для познания и освоения не только музыкальных произведений, но и истории страны и её народов.

2. Креативная функция

Задача организаторов – обеспечить развитие фестиваля и сделать так, чтобы участникам было на что равняться, над чем работать. В каждом проекте нужно выставлять новую «планку», которую следует взять в последующем, предлагать коллективам и организациям перспективу, помогать формулировать цель и возможность самореализоваться как дизайнеру, сценаристу, режиссеру [4].

Таблица 2

Классификация целевой аудитории фестивалей

№	Спецификация целевой аудитории	Целевая аудитория
1	По степени профессионализма	- профессиональная; - непрофессиональная
2	По возрасту	- дети; - молодежь; - взрослые; - пожилые
3	По деятельности	- исполнители; - организаторы; - распространители

3. Коммуникативная функция

При публичном общении многочисленных поклонников музыки на фестивалях происходит обмен информацией в огромном масштабе. Музыкальная культура дает людям специфические средства общения, общаясь, посетители развивают свои музыкальные способности, опосредованно создают, сохраняют и пропагандируют музыкальную культуру и культуру своего народа, в чем собственно и выражается коммуникативная функция музыкальных фестивалей.

4. Оценочная (аксиологическая) функция

Фестиваль является особым способом социо-культурной деятельности, связанной с ценностными ориентациями. На организаторах лежит большая ответственность – соблюсти рамки вкуса, найти «золотую середину» между множеством возможных вариантов, не превратить действие в скучное официальное мероприятие или в «балаган» [2].

5. Информативная функция

Участник фестиваля электронной музыки может получить определенную информацию из визуального, звукового, стимульного ряда, ознакомиться с широчайшим спектром направлений музыки, что обеспечит процесс культурной преемственности, а также распространения и популяризации полученной информации.

6. Регулятивная функция

Фестиваль электронной музыки, как правило, предлагает слушателю избирательный или разнообразный репертуар, оценивая который человек присваивает некоторые культурные постулаты или отвергает их, что становится частью его мировоззрения, которое во многом регулирует его поведение, формирует нравственные и эстетические ценности.

Проведенный анализ дает понимание специфики фестивалей, как актуального явления в мировой досуговой индустрии. Музыкальный фестиваль, как современный вид массового мероприятия, способен осуществлять синтез искусств в наибольших масштабах. Это обосновано тем, что данное событие является крупным, может длиться большое количество

времени, включать в себя различные виды искусства для поддержания общей идеи и концепции [3]. Синтезирование различных видов искусств позволяет повысить степень восприятия события у целевой аудитории фестиваля. Грамотная и качественная организация дизайнером такого концептуального мероприятия способна решать задачи эстетического воспитания общества, регулировать межнациональные отношения, повысить уровень комфорта и безопасности, развить определенные жанры и направления в музыке, регулировать продажу определенных видов услуг.

Библиографический список

1. Жидков, В.С. Социология искусства. Хрестоматия: философия, культурология. / В.С. Жидков, Т.А. Клявина. – М.: Изд-во Прогресс-Традиция. Серия: Academia XXI. 2010. – 496 с.
2. Орехова, Ю.В. Фестиваль. Азбука организации / Ю.В. Орехова. – Тверь, 2005. – 848 с.
3. Радугин, А.М. Большая советская энциклопедия. Синтез искусств. Эстетика / А.М. Радугин. – М.: Библионика, 2006. – С. 268 – 271.
4. Стрельцов, Ю.А. Методика воспитательной работы в клубе / Ю.А. Стрельцов. – М.: Просвещение, 1979. – 223 с.
5. Черных, Д.Г. Использование русских этнокультурных мотивов в графическом дизайн-проектировании / Д.Г. Черных // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. – 2013. – №4. – С. 275–276.

[К содержанию](#)

УДК 378.018.4:004 + 004.9

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИЗАЙН-ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ

О.Б. Терёшина, О.А. Мацюк

Анализируются функциональное назначение и типологические особенности электронных средств дистанционного обучения, выявляется роль дизайнера в процессе их проектирования.

Ключевые слова: дистанционное обучение, электронные средства обучения, дизайн-проектирование.

В настоящее время, когда качественное образование, постоянное повышение квалификации, владение актуальными методиками необходимо для профессионального роста, и при этом практически каждый человек является активным интернет-пользователем, все более перспективным ста-

новится дистанционное обучение. Главным достоинством такой формы обучения является создание единой образовательной среды, позволяющей включить в процесс обучения наибольшее количество желающих.

Дистанционное обучение предполагает взаимодействие преподавателя и обучающихся на расстоянии и реализуется специальными средствами, предусматривающими интерактивное взаимодействие посредством информационных коммуникационных сетей. Важной задачей при этом становится разработка электронных средств дистанционного обучения. Это сложный и довольно длительный процесс, который осуществляется командой специалистов разного профиля. При проектировании электронных средств обучения (ЭСО) каждый специалист решает свою задачу. Главным в этом процессе является преподаватель. «Вне зависимости от назначения, методики использования или технологии реализации, основой любого дидактического средства является учебный материал изучаемой предметной области. Отбор этого материала (который осуществляется исходя из дидактических задач и методических принципов) никто кроме преподавателя провести не может» [1].

Разработка программного обеспечения – следующий этап проектирования и сложная техническая задача, решаемая программистами. Ввод ЭСО в эксплуатацию возможен и на основе уже имеющейся электронной оболочки. Но само по себе разработанное программное обеспечение в большинстве случаев не в состоянии решить актуальные задачи дистанционного образования. Пример любого успешного продукта в этой области предполагает тесное сотрудничество программиста и дизайнера. Это совместное проектирование, творческий диалог и согласованные действия, когда каждый не только отвечает за свой участок работы, но и оказывает влияние на своего партнёра, и самым непосредственным образом влияет на конечный продукт. Участие дизайнера в процессе проектирования – необходимое условие успеха на пути создания качественного обучающего продукта. Именно дизайнер отвечает за организацию пространства информации на основе законов эстетики и визуального восприятия. Он профессионально решает вопросы синтеза текстовой, изобразительной и, возможно, звуковой информации. Специальное образование дизайнера позволяет ему создать комфортную виртуальную среду с учетом психофизиологических особенностей обучающихся. При проектировании ЭСО необходим анализ уровня восприятия подаваемой информации целевой аудиторией, учет особенностей её возрастных, половых, образовательных, ментальных, социальных, этнокультурных аспектов. Создание «дружественных» для пользователя визуальных образов ЭСО в некоторых случаях существенно влияет на потребительскую оценку электронного продукта и, соответственно, эффективность обучения.

Проектирование ЭСО – относительно новый и активно развивающийся вид дизайнерской деятельности, с еще не устоявшимися и не закрепленными в нормативной литературе требованиями к самому процессу и конечному продукту проектирования. Важным этапом в этих условиях становится четкая постановка именно дизайнерских задач, что невозможно без тщательного предпроектного анализа – в первую очередь определения функций объекта дизайн-проектирования и его типологической принадлежности.

В настоящее время существует несколько видов ЭСО: энциклопедии, справочники, учебники, пособия, компьютерные игры, тренажеры, экспертные электронные средства, инструментальные среды. Являясь информационными средствами дистанционного обучения, они способствуют осуществлению образовательной, воспитательной и развивающей функций. Любая форма обучения несет информативную функцию, связанную с передачей информации. Интерактивная функция так же отвечает задачам дистанционного обучения. Следует отметить и времясберегающую функцию дистанционного обучения, которое позволяет выбрать каждому удобную для него форму и время обучения.

Функция замещения в дистанционном образовании может рассматриваться как замещение текстовых учебных изданий. Однако следует понимать, что проектирование ЭСО ведется по своим законам, отличным от законов дизайн-проектирования печатного издания. «Визуальная, интерактивная, мультимедиа информация, которая размещается в электронном пространстве, она не может быть просто эквивалентом исходного содержания издания, так как появляются добавления к содержанию от электронной формы» [2]. Специфика ЭСО определяется тем, что учебный и информационный материал построен на гипертекстовой основе, позволяющей работать по индивидуальной образовательной траектории. Таким образом, интерактивное информационное пространство предполагает нелинейную коммуникацию, свою логическую цепь развития событий, иерархию информационных сообщений и действий пользователя в соответствии с психофизиологическими особенностями его восприятия. «Нелинейный характер коммуникации требует идентификаторов, которые бы объединяли систему информации в единую среду. Образная идея визуальной среды должна быть определена стратегией коммуникации. Первично важно понять организующую коммуникативную идею, визуализатором которой и будет являться дизайн» [3].

Анализ литературы, посвященной развитию дистанционных технологий и разработке образовательных электронных изданий, показывает, что ЭСО является сложной многокомпонентной интерактивной системой [1, 4, 5]. Разрабатывая принципы классификации, исследователи учитывают своеобразие этой системы, объединяющей функции программного продук-

та, учебных и электронных изданий. Критерии, которые положены в основу классификации электронных изданий как учебных: функциональное и целевое назначение, характер представляемой информации, способ организации текста, форма изложения материала; как электронных изданий: наличие печатного эквивалента, характер взаимодействия с пользователем, технология распространения, структура, природа основной информации. При разработке типологии ЭСО возможно использование любых пар критериев в зависимости от проектной задачи и особенностей конечного продукта проектирования. Выберем и кратко опишем ряд критериев, наиболее подходящих для целей нашего исследования и важных для процесса дизайн-проектирования ЭСО (см. таблицу).

Различия по целевому назначению вызваны дидактическими задачами, которые решаются на разных ступенях обучения. Этот критерий формируется основными целевыми группами, определяющими различия как в обучающем материале, так и в методах его подачи. Характер взаимодействия с пользователем тесно связан с функциональным и целевым назначением ЭСО. Детерминированное электронное издание имеет параметры, содержание и способ взаимодействия, определенные автором без возможности изменения их пользователем. Недетерминированное электронное издание наоборот дает возможность пользователю прямо или косвенно влиять на процесс обучения в соответствии с его интересами, целью, уровнем подготовки с помощью алгоритмов, определенных автором (см. табл.).

Технология распространения определяет разный уровень включения пользователей в процесс образования. Локальная технология подразумевает выпуск определенного количества идентичных экземпляров ЭСО на переносимых машиночитаемых носителях; сетевая технология позволяет сделать обучающий продукт доступным потенциально неограниченному кругу пользователей через телекоммуникационные сети; комбинированная – сочетает в себе возможности обеих технологий, ЭСО в этом случае может использоваться как в качестве локального, так и в качестве сетевого электронного издания.

Однотомные и многотомные ЭСО состоят соответственно из одной или нескольких частей, представляющих собой единое целое по содержанию и оформлению. Электронная серия включает в себя совокупность томов, объединенных общим замыслом, тематикой, целевым назначением. Как и любая серия, электронная серия предполагает единый стиль оформления.

Важна для процесса дизайн-проектирования ЭСО и природа основной информации, определяющая методологию проектирования. При разработке ЭСО могут использоваться следующие виды информации: текстовая; изобразительная; цифровое представление звуковой информации; текст программы на языке программирования или в виде исполняемого кода. Наиболее комплексный продукт – это мультимедийное средство обучения,

которое содержит информацию различных форматов. Дизайн-проектирование мультимедийного ЭСО требует наиболее тщательного предпроектного анализа и системного подхода.

Таблица

Классификация электронных средств обучения

№	Критерий	Классификация по критерию
1	Целевое назначение	ЭСО для дошкольников
		ЭСО для школьников
		ЭСО для студентов
		ЭСО для дипломированных бакалавров, специалистов, магистров
2	Характер взаимодействия с пользователем	Детерминированное ЭСО
		Недетерминированное ЭСО
3	Технология распространения	Локальное ЭСО
		Сетевое ЭСО
		Комбинированное ЭСО
4	Структура	Однотомное ЭСО
		Многотомное ЭСО
		Серийное ЭСО
5	Природа основной информации	Текстовое ЭСО
		Изобразительное ЭСО
		Звуковое ЭСО
		Программный продукт
		Мультимедийное ЭСО

Эффективное дизайн-проектирование ЭСО может быть реализовано только при комплексном учете всех перечисленных критериев классификации. В соответствии с образовательной целью и содержанием обучения можно использовать и другие критерии, на основании которых определяется типологическая принадлежность, методология дизайн-проектирования электронного продукта и технологии реализации с его помощью процесса обучения. Необходимо понимать, что роль дизайнера при проектировании ЭСО состоит не в украшении интерфейса, а в систематизации текстовых блоков и визуализации информации с учетом требований эстетики, эргономики и визуального восприятия, что будет облегчать понимание и усвоение учебного материала, при обеспечении комфорта пользователя в работе с электронными средствами дистанционного обучения.

Библиографический список

1. Наумов, А.Р. Организация самостоятельной работы студентов с использованием электронных учебно-методических комплексов / А.Р. Наумов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. – № 3. – С. 73–77.

2. Тарасова, Ю.В. Построение электронного издания как объекта синтетического искусства / Ю.В. Тарасова // Время дизайна. Материалы научной конференции. – СПб: изд-во ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. – С. 215–219.

3. Желондиевская, Л.В. Визуальный код нелинейной коммуникации / Л.В. Желондиевская // Время дизайна. Материалы научной конференции. – СПб: изд-во ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. – С. 136–139.

4. Теоретические основы создания образовательных электронных изданий / М.И. Беляев, В.М. Вымятнин, С.Г. Григорьев и др. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – 86 с.

5. Демкин, В.П. Классификация образовательных электронных изданий: основные принципы и критерии / В.П. Демкин, Г.В. Можаяева. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – 86 с.

[К содержанию](#)

УДК 741 + 72.011

РОЛЬ ПЛЕНЭРНОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОМ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

О.В. Финаева

В статье рассмотрены отличительные особенности работы в условиях пленэра, его цели, задачи и технические средства. Выявлены этапы ведения натуральных зарисовок, композиционные принципы построения архитектурного пейзажа и разработки творческих работ на основе натуральных зарисовок.

Ключевые слова: рисунок; архитектурный рисунок; пленэр; пейзаж; архитектурный пейзаж.

Рисунок с натуры является неотъемлемой частью обучения специалистов архитектурного или художественного профиля. Он дает то мастерство, которое помогает воплотить мысли, чувства, отношения в зримые образы. В процессе работы с натуры происходит формирование эстетических предпочтений, развитие вкуса, воспитание чувства гармонии, ритма, освоение основ композиции посредством переработки накопленного в истории опыта архитектуры. Этому учат зарисовки с натуры памятников архитектуры, зарисовки природных форм.

Работа на пленэре отличается от студийной работы: быстро меняющиеся погодные условия заставляют работать интенсивнее, быстрее, и здесь важно умение видеть главное, брать большие отношения, не теряя при этом ощущения присутствия зрителя в пространстве; работы становятся лаконичнее и по тону и по цвету, выразительные средства становятся смелее. Однако не следует торопиться сразу же с первых минут нагружать

работу большим количеством штрихов, пятен, деталей [1]. Можно большее выразить меньшим количеством линий, мелких деталей. Важно прочувствовать натуру и легкой разнообразной штриховкой передать фактуру, характер природы, где-то обобщая этюд пятнами, где-то выделяя передний план акцентами и детализировкой – совсем чуть-чуть, чтобы вдохнуть жизнь в набросок (рис. 1).

Работая на пленере, студент проявляет большую самостоятельность, как в выборе натуры, так и в выборе материалов для реализации своей творческой идеи. Это повышает уровень требований, предъявляемых к студенту в плане его самоорганизации. Умение выбрать объект для изображения очень велико. Однако еще большего мастерства требует умение увидеть в повседневной натуре свой неповторимый сюжет, ведь объект интересен нам не просто сам по себе, а тем как он соотносится с нами, какую историю может нам рассказать. Так же изменяются и предпочтения в отношении материалов. Если в академическом студийном рисунке приоритет у графитного карандаша, то на пленэре предпочтение зачастую отдается мягким материалам – углю, соусу, пастели, мягким карандашам – у них большая кроющая способность и глубокий, насыщенный тон.

Рис. 1. Медведева А. «Зарисовки растений», б., кар.

Различный характер растительности передается за счет изменения стиля штриховки – более жесткие единичные ветки кустарника прорисованы четче, а эффект большого зеленого ковра достигается за счет мягкого по контуру тонального пятна с легкой проработкой единичных цветов и листьев

Начинать лучше всего с беглых набросков с легкой светотеневой проработкой, когда карандаш торопится за мыслью, схватывая на лету лишь

самое главное, спешит запечатлеть то мимолетное впечатление, которое лишь одно и существует для художника в данный конкретный момент. Важно передать быстро меняющиеся условия окружающей среды – освещенность, общий тон композиции, эмоциональный настрой и при этом сохранить свежесть первого впечатления, излишне не вдаваясь в детали. Главное как можно точнее взять общие отношения по массе и по тону, согласовать все части так, чтобы они не выбивались из общего ритма.

Впоследствии, добавляя детали и насыщая сюжет персонажами, мы получим то к чему и стремились с самого начала – продуманной, уравновешенной композиции, отображающей наше видение заданной темы, будь то весенний этюд распустившихся ландышей или заводской интерьер.

Полезно также сделать несколько быстрых набросков среды «на состояние» для изучения выразительных элементов природной среды. Всегда можно найти интересный для изображения мотив в воде или небе: грозовые тучи с просветами солнца, ветер, рвущий облака и сбивающий стаи птиц, блики и отражения в воде. В этих зарисовках приобретается умение не только использовать природные мотивы для насыщения сюжета, но и видеть их в общем контексте всей работы, подмечать характерные детали пейзажа, которые служат для выявления и раскрытия сюжета и композиционного строя. Подобные задания обогащают арсенал изобразительных средств студента.

В зависимости от задач пленэра различается тематика и длительность работ – от краткосрочных набросков или подробного изучения архитектурных элементов и элементов декора (зарисовки плиток, решеток, картушей и консолей), фрагментов зданий и комплексов к крупномасштабным работам – зарисовкам зданий и сооружений или городскому пейзажу.

Будущему архитектору и дизайнеру необходимо научиться видеть в предмете его конструкцию, систематизировать и выделять основные конструктивные элементы. Понимать форму и чувствовать ее архитектонику. В рисунке работа в пределах выразительных средств одного материала помогает, не отвлекаясь на цветовые пятна понять конструкцию, увидеть разницу в плотности материалов, уделить большее внимание текстуре поверхностей, ощутить влияние воздушной перспективы.

Особую роль в работе на пленэре стоит отвести архитектурному пейзажу как элементу, отражающему суть профессиональной деятельности архитектора. Выполнение набросков, рисунков, этюдов с натуры нужно не только для непосредственного изучения архитектурной среды. Без него невозможно дальнейшее развитие уровня профессиональной подготовки. В этих эскизах через размышление над образом, ритмом, композицией опыт пленэра преобразуется в собственное, авторское видение натуры.

Выполнение творческих работ по этюдам пленэрной практики – одна из важнейших ступеней в творческом развитии архитектора и дизайнера. Просеивая массу случайного материала, выстраивая образно-пластический ряд, подчиненный единому композиционному и художественному замыслу, анализируя элементы и обобщая их в единое целое, мы приходим к за-

конченному, выразительному образу (рис. 2). В рисунке разнородные по цвету элементы объединяются одним тональным пятном, что позволяет, не отвлекаясь на мелкие нюансы, выстроить структуру объекта, понять его положение в пространстве, его пропорции и взаимосвязь отдельных элементов, частей и целого, добиться целостности и выразительности образа.

Рис. 2. Шевченко П. «Городской пейзаж», б., тушь, перо

Композиция составлена из различных объектов городской архитектуры и дополнена растительными элементами на переднем плане в качестве примера взаимосвязи природы и архитектуры. Масштаб растительности преувеличен, чтобы подчеркнуть значимость экологии в промышленном городе

Значимость учебной практики в условиях пленэра заключается в изучении ритмической основы среды проектирования, выявления доминант и соподчиненных частей композиции для органичного включения нового проектируемого объекта в существующую действительность: как при ближайшем масштабе восприятия, так и в общих массах на уровне силуэта города. Ощущение природы как среды дальнейшего проектирования помогает осознать сущность каждой конкретной ситуации, объективно оценить

культурологическую составляющую местности и учесть данные особенности при разработке собственных проектов. При этом некоторая условность рисунка помогает добиться целостности восприятия работы при максимальной выразительности образа и форм предмета, наиболее яркого выражения творческого замысла архитектора, выразительности композиции и служит развитию абстрактного мышления, без которого, в свою очередь, невозможна дальнейшая творческая работа.

Библиографический список

1. Ларионов, В. На пленэре / В. Ларионов // Юный художник. – 1989. – № 6. – С. 34–37.

[К содержанию](#)

УДК 7.04(09) + 7.012(470) + 769.2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ МОТИВОВ В ОФОРМЛЕНИИ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ

Д.Г. Черных

В статье кратко излагается влияние традиционной культуры на возникновение Русского исторического стиля в XIX веке и историю отечественного дизайна. Проводится описание и искусствоведческий анализ нескольких современных дизайн-проектов, связанных с оформлением научных изданий. Обосновывается необходимость творческого и научного подхода для оформления научно-методической литературы для её популяризации среди широкого круга читателей. Приводятся примеры такого подхода из дизайн-практики XIX–XX веков.

Ключевые слова: русские этнокультурные мотивы, оформление научной литературы, растительный орнамент, лубок, графический дизайн.

Во второй половине XIX века в Российской Империи отменено крепостное право, происходит бурный рост промышленного производства. В обществе ведутся жаркие дискуссии о дальнейшем пути развития страны между «славянофилами» и «западниками». В начале 1870-х годов народнические идеи пробудили в художественных кругах повышенный интерес к народной культуре, крестьянскому зодчеству и русской архитектуре.

Дизайн в России начинает оформляться, как самостоятельный вид профессиональной деятельности. 70–90-е годы XIX столетия центральной фигурой в художественной критике России становится В. Стасов. Его мнение сказывалось на творчестве художников, композиторов, архитекторов. Стасов внёс практический вклад в развитие русского стиля.

Термин «графический дизайн» не употреблялся в XIX веке. Для обозначения этого нового вида профессиональной деятельности использовали термин «художественная промышленность», подразумевая, прежде всего, оформление книг и периодических изданий. Данный вид деятельности был увязан с бурным ростом полиграфической промышленности, освоение новых возможностей тиражной печати.

На рубеже веков книга привлекла к себе серьезное внимание художников, ее оформление стало восприниматься в одном ряду с занятиями другими видами искусства. Книжные иллюстрации экспонировались на тех же выставках, где были представлены живопись и рисунок. Как самостоятельные произведения они часто публиковались и в журналах [1, с. 7].

Оформление научной литературы, монографий особенно актуально для современного общества, так как напрямую связано с её популярностью в обществе. Проблема в том, что современные научные труды – это, что называется, «вещи в себе». Они интересны, зачастую, только узкому кругу специалистов. Причинами такого положения вещей, на наш взгляд, являются, скудное художественное оформление, либо полное отсутствие такового и сложный, перегруженный терминологией язык изложения материала. Мнение, что научная литература не может и не должна быть доступной и «дружественной» по отношению к широкому кругу читателей, является не состоятельным и ложным.

В СССР ещё в 70–80 годах XX в. существовало множество научной литературы по социально-гуманитарной тематике, которая была востребована у самого широкого круга читателей. Существуют множество научных изданий по этнографии, истории, философии, искусству, архитектуре и даже техническим наукам, которые пользовались спросом у общественности. Например, объёмный труд знаменитого археолога академика Б.А. Рыбакова «Язычество Древней Руси» 1980 года издания был переиздан и в XXI в. и вновь нашёл своего читателя, хотя стоимость современного экземпляра превышает 3000 рублей.

Одной из многочисленных тенденций в современном обществе, является обращение к культурно-историческим истокам. Созданный на основе этнокультурных мотивов дизайн, сегодня вновь популярен. Исторически знаковые узоры и орнаменты украшают наряды от именитых модельеров, предметы интерьера и мебель в разных странах мира. В российском обществе, как реакция на засилье массовой культуры американского образца, есть спрос на дизайн-продукцию в отечественных традициях. Но предложения на этот счёт, носят эпизодический характер, поэтому говорить о какой-то серьёзной тенденции не приходится.

На наш взгляд, использование этнокультурных мотивов, включая орнамент, в графическом дизайне вытекает не только из логики дизайн-проектирования, но и из задач сохранения традиций в русской культуре.

В ситуации, когда человечество в массе своей становится потребителем, а искусство – товаром, поведение людей, их вкусовые предпочтения обычно снижают уровень эстетических чувств, приводят к неполноценному художественно-эстетическому образованию в семье и школе [2].

Также использование этнокультурных мотивов актуально в оформлении и позиционировании некоторых товаров и продукции, идеологически тесно связанных с русской традиционной культурой. Например: литература, посвящённая русской культуре, истории, искусству, музыке [3].

В качестве успешного оформления научных изданий и интеграции русских этнокультурных мотивов в современную графическую культуру хотелось бы привести дипломные работы выпускников ЮУрГУ. Студентка кафедры дизайна и изобразительных искусств Южно-Уральского государственного университета Малышкина Александра выполнила выпускную квалификационную работу (ВКР) в 2012 году. Тема её проекта: «Разработка макета книги профессора Н.П. Парфентьева «Русская духовная музыка эпохи Московского царства». В содержании книги прослеживаются закономерности развития древнерусского певческого искусства и духовной музыки в период средневековья, рассматриваются особенности певческих школ городов России. Для того чтобы погрузить читателя в культурную атмосферу того времени, решено было связать оформление книги с древнерусской книжной графикой, перенять традиции оформления древнерусских книг (рис. 1).

Рис. 1. Разработка макета книги профессора Н.П. Парфентьева «Русская духовная музыка эпохи Московского царства» (фрагмент).
Автор Малышкина А.И., руководитель ВКР Черных Д.Г.

За основу для стилизации был взят книжный растительный орнамент XVI столетия, который присутствовал в рисунках заставок и заглавных букв. Такой орнамент получил название старопечатный, известен по изданиям Ивана Фёдорова и его последователей. Непосредственным образцом, который послужил дизайнеру отправной точкой для стилизации, явился Строгановский книгописный подлинник XVII века [4]. Эта рукопись имела сугубо практическое предназначение – служила сводом образцов, и не содержит никаких литературных или иных связных текстов. В ней находятся исключительно образцы и примеры книжного письма и книжных украшений. Мастерство исполнения выдает работу профессионалов высочайшего уровня и художественного вкуса. Применяются такие формы кириллицы как устав, полуустав и скоропись разных типов; имеются инициалы и заставки в красках. Таким образом, оформлялись певческие рукописи в книгописной мастерской Строгановых [5].

Автором проекта за основу были взяты два вида древнерусского шрифта, характерные для периода XVI–XVII в. – вязь и полуустав. Вязь как особое декоративное письмо употреблялась для выделения заглавий, а полууставом писался в древнерусских книгах основной текст. Взяв вязь для написания заголовков книги, дизайнер провёл стилизацию графем, так как они не только отличаются от современных букв, но также трудночитаемы, а в некоторых случаях, практически не читабельны. Не смотря на большое разнообразие различных шрифтовых гарнитур (в том числе и стилизованных под старославянские разновидности рукописных шрифтов), доступных современному пользователю ПК и сети интернет, автор проекта выбрала наиболее трудоёмкий, но эффективный и логичный приём: написание полуустава и вязи тушью при помощи специальных палочек и перьев. Аналогичными инструментами писали на бумаге мастера средневековья. То есть, современный дизайнер воспроизвёл, согласно современным правилам правописания и удобочитаемости рукописный старорусский шрифт.

Цветовое решение было продумано с позиции максимального соответствия создаваемому образу. Было выбрано ограниченное количество цветов – это черный, белый и красный. Подбор цвета обусловлен традицией древнерусской книги. Многие рукописи и печатные издания XVI–XVII вв. созданы в такой цветовой гамме. Наряду с лицевым и орнаментальным декором киноварь способствует организации текста, облегчает ориентацию в нем. В то же время она украшает книгу, придавая ей праздничность и торжественность [6].

Автором было проведено изучение и стилизация русской книжной графики XVI–XVII веков и создание на ее основе современной авторской графики, а также стилизация древнерусских шрифтов, которые используются в написании заголовков и в названии книги. Дизайн-концепция оформления книги, в основу оформления которой взят растительный ор-

намент, получил развитие в авторской переработке (орнамент подобно живому растению проходит фазы роста от стебля с почками до цветущего кустарника). Динамика развития растительного орнамента прослеживается на разделительных листах книги в начале каждой главы. Основой для поэтапного и динамичного развития растительного орнамента, является однотипная модульная сетка, которая задаёт ключевые направления для графики. По мере прочтения текста, перелистывания страниц, идёт и развитие растительного орнамента. Это оригинальный и сильный дизайнерский ход автора, который органично вписался в концепцию оформления издания и, в некотором роде, даже позволяет участвовать художнику в соавторстве с Н.П. Парфентьевым, работая на целостность восприятия книги.

Ещё автором был также разработан дизайн элементов книги: модульная сетка страниц книги, принципы размещения материала на странице, дизайн обложки и суперобложки. Н.П. Парфентьев положительно оценил работу автора-дизайнера и планирует реализовать эту дизайн-концепцию в публикации своей книги «Русская духовная музыка эпохи Московского царства» [6].

Ещё одна дипломная работа – выпускницы кафедры Дизайна и изобразительных искусств Южно-Уральского государственного университета Волковой Юлии. Это проект оформления монографии Л.Б. Кацюба «Онтологические и этнокультурные аспекты паремиологического сознания» (рис.2).

Рис. 2. Проект оформления монографии Л.Б. Кацюба «Онтологические и этнокультурные аспекты паремиологического сознания» (фрагмент).

Автор Волкова Ю.А., руководитель ВКР Черных Д.Г.

Монография посвящена проблеме исследования паремиологического сознания, которое автор рассматривает как структурную составляющую языкового сознания с особой этнокультурной спецификой, основанной на фундаментальных свойствах паремии. В работе Л.Б. Кацюба термин паремия синонимичен «нелингвистическому» термину пословица. Пословицы – распространенный жанр устного народного поэтического творчества. В них сжато, в то же время емко и убедительно фиксируется и передается из поколения в поколение веками накопленный опыт народа, его история, мировоззрение, духовные ценности. Паремии заключают в себе глубинные свойства и особенности русского характера, самобытность русской души, высокую культуру мышления русского народа.

В своём исследовании Л.Б. Кацюба рассматривает паремиологическое сознание, как одну из форм языкового сознания, придерживаясь общепринятого определения языкового сознания как совокупности «образов сознания, формируемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей». Онтологический аспект рассматривает паремиологический дискурс (т.е. паремии в речи) как форму реализации языковых и, в том числе, паремиологических возможностей носителей языка, что позволяет, в свою очередь, исследовать паремии как объект языкового сознания, изучить их природу, структуру, функции и те образы, которые формируются в языковом сознании с помощью паремий. С точки зрения этнокультурной специфики паремии рассматриваются как продукт культуры, как знание, усвоенное носителями языка в результате культурно-социального опыта, как единица языка, являющаяся ценным источником знаний о национальной культуре. Прежде чем, приступить к проектированию, дизайнер тщательно изучил тему. Во-первых, пришлось вникнуть в суть научной монографии и выяснить парадигму исследования. Затем был поиск визуального языка, который бы не противоречил, а органично дополнял научный труд. После был выбран и проведён анализ русской лубочной графики XIX–XX веков.

Лубок – это вид изобразительного искусства, которому свойственна доходчивость и ёмкость образа. Его называют также фольклорной картинкой и связывают с раскрашенным графическим изображением, растиражированным примитивным печатным способом. Для лубка характерны простота техники, лаконизм изобразительных средств (грубоватый штрих, яркая раскраска). Часто в лубке содержится развернутое повествование. Лубок содержит пояснительные надписи к основному изображению. Художественной особенностью графики является смелость в выборе приемов (вплоть до гротеска и намеренной деформации изображаемого, выделение главного более крупным).

В 1881 году вышел труд Д.А. Ровинского «Русская народная картинка», благодаря которому лубок, воспринимавшийся до этого момента как искус-

ство «низкое», стал предметом серьезных научных исследований. Дизайнером Ю.А. Волковой была предложена оригинальная разработка оформления монографии в стиле лубковой графики XIX века, получившей развитие в авторской интерпретации, и представлении дополнительных печатных инструментов презентации выполненных в едином с монографией стиле.

В процессе работы над проектом, была сформирована идея о том, что популярные, многократно тиражируемые в XIX веке лубочные изображения, наиболее соответствуют и по форме, и по содержанию, и по духу народным пословицам и поговоркам. Было принято решение использовать в оформлении стилизованную ручную графику, выполненную различными техниками. Контур изображения выполнялся тушью, затем обрабатывался на компьютере. Изображение раскрашивалось отдельно акварельными красками на бумаге, после происходило совмещение контура и заливки. Точно совместить контур рисунка и заливку цветом оказалось невозможно, но именно так и выглядел прототип – русский лубок, выполненный кустарным способом. В дополнение к иллюстрациям, были разработаны дополнительные графические элементы: цветы; известная с глубокой древности, фольклорный персонаж – птица Сирин, рамки с орнаментом, стилизованным под геометрическую резьбу. Разработан шрифт, имитирующий вырезанную вручную на липовой доске шрифтовую гарнитуру. Шрифт написан тушью и обработан на компьютере с целью придания ему грубоватого вида. В качестве фона всех изображений применялась текстура водный раствор чёрного чая, который имитировал старую пожелтевшую бумагу.

Текст монографии содержит четыре главы, для каждой из которых были разработаны иллюстрации, выполняющие роль разделительных листов. Каждая иллюстрация содержит в себе визуализацию сюжета пословицы, которая выбрана автором монографии для анонсирования содержания главы. Макет оформления монографии включает в себя суперобложку, обложку, форзац, титульный лист, разделительные листы. В поддержку научного издания были разработаны элементы рекламной продукции: визитка, буклет, приглашение билет на защиту докторской диссертации, рекламный плакат, сувенирная закладка.

В результате получился проект, визуальная стилистика которого не только оптимально отображает дух устного народного творчества (ёмкость, образность, юмор, сатиру), но и современная технология создания лубочного образа, потребовала от дизайнера навыков деления, а затем совмещения, нескольких этапов проектирования для получения конечного продукта. То есть, кустарная технология изготовления лубка в XIX веке, в своём роде, была воспроизведена при помощи современных технических средств и ручной графики. Имитация фактуры старой бумаги в качестве фона, добавляет последний штрих к проекту: лубочные иллюстрации и рекламный материал, словно были случайно найдены на чердаке старого дома, куда долго никто не заглядывал. Так пословицы и поговорки, усво-

енные носителями языка в результате многовекового культурно-социального опыта, находятся рядом и не замечаются многими, пока не обнаружит их исследователь, для которого они являются ценным источником знаний о национальной культуре.

Разработка художественного оформления научных изданий направлена на повышение интереса к ним не только со стороны специалистов. Необходимо расширять читательскую аудиторию за счёт иллюстративно-графического оформления научного издания с целью продвижения его на рынке литературы, повышения конкурентоспособности изданий учебно-научного профиля. Эффективное использование этнокультурных мотивов в графическом дизайне предполагает вдумчивое и научное изучение традиционной культуры. Это позволит современному проектировщику приоткрыть для себя и общественности источник накопленной веками культуры народа, его историю, мировоззрение, духовные ценности. Что, несомненно, придаст творческий импульс и эффект новизны в проектной деятельности.

Библиографический список

1. Черневич, Е. Русский графический дизайн. 1880–1917 / Е. Черневич; сост.: Михаил Аникст, Нина Бабурина. – М.: Изд. ТОО «Внешсигма», 1997. – 158 с.
2. Сурин, Д.Н. Возвращение положительного героя в искусство – условие возрождения этических норм в российском обществе / Д.Н. Сурин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Том. 13. – № 2. – С. 116–117.
3. Черных, Д.Г. Использование русских этнокультурных мотивов в графическом дизайн-проектировании / Д.Г. Черных // «Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА» / Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г.Строганова. – Москва: МГХПА, 2013. – № 4. – С. 271–276.
4. Парфентьев, Н.П. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI–XVII вв. / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева. – Челябинск: Книга, 1993. – 346 с.
5. Парфентьев, Н.П. О строгановской мастерской книжно-рукописного искусства XVI–XVII вв. / Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: «Социально-гуманитарные науки». – Челябинск: ЮУрГУ, 2008. – Вып.10. – С. 43–62.
6. Черных, Д.Г. Значение русских традиционных орнаментальных мотивов для развития современного графического дизайна / Д.Г. Черных // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2013. – Т. 13, № 1. – С. 113–117.

[К содержанию](#)

УДК 004.45 + 378.016:004

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ МАГИСТРОВ-ДИЗАЙНЕРОВ

А.М. Швайгер, А.Л. Решетов, Л.Л. Карманова

Одной из приоритетных задач в обеспечении эффективности образовательного процесса является овладение компьютерными технологиями, которые в настоящее время являются неотъемлемой частью знаний современного дизайнера.

Ключевые слова: Web-конструирование; гипертекст; проектирование; дизайн; AutoCad; чертежи.

Курс «информационные технологии» разработан в рамках концепции эффективного образования и подготовки магистров в ЮУрГУ. Курс основан на методиках обучения компьютерным технологиям, апробированных в ведущих отечественных и зарубежных вузах, на рекомендациях по освоению программных средств, распространяемых крупнейшими фирмами-разработчиками, и изучении практики применения компьютерных технологий в современном дизайне.

В рамках курсов компьютерных технологий, предшествующих магистратуре, студенты-бакалавры изучали такие графические программы, как CorelDraw, AdobePhotoshop, AdobeIllustrator, 3dsMax и др., выполняли соответствующие лабораторные работы, практические задания, курсовые проекты.

Дисциплина «Информационные технологии» для магистров изучается в вариативной части профессионального цикла Б.2.01 и логически связана с дисциплинами данного модуля: «Проектирование», «Основы проектной деятельности», а также дисциплинами учебного цикла «Информатика». Кроме того, для формирования профессиональной компетентности специалиста-дизайнера, особое внимание уделяется применению студентами знаний, умений и навыков из смежных дисциплин и видов деятельности, таких как «Цветоведение», «Композиция», «Шрифты и визуальные коммуникации», «Культурология» и др. Этим обеспечивается преемственность как специальных, так и общенаучных дисциплин.

Занятия по информационным технологиям проводятся параллельно с обучением студентов «компьютерным технологиям в дизайне», «современным проблемам дизайна», а также с циклом научно-исследовательской и творческой работы (практики). Рабочая программа дисциплины В.2.01 «информационные технологии» составлена в соответствии с ФГОС ВПО по направлению подготовки 072500.68 Дизайн, утверждённым приказом от 13.01.2010 № 15.

Цели освоения дисциплины – обучение студентов выполнению технических, архитектурных и строительных чертежей в пакете графических программ AutoCAD. Программа AutoCAD одна из самых распространённых в среде проектировщиков, инженеров и дизайнеров. Она является базовой системой проектирования, на основе которой разработано большое количество программных продуктов для решения предметных задач, в том числе в области дизайна.

По оценкам многих преподавателей и специалистов в области проектирования и дизайна использование в учебном процессе компьютерных средств позволяет активизировать познавательную и экспериментально-исследовательскую деятельность учащихся.

Задачи освоения новой дисциплины состоят в следующем:

- овладение технологиями, эффективными приемами и инструментальными средствами выполнения чертежей в программе AutoCAD;
- изучение правил оформления конструкторской документации средствами AutoCAD.

Программа учебного курса информационных технологий по разделу AutoCad для магистров-дизайнеров включает следующие разделы и темы.

1. Графический редактор AutoCad как средство интерактивного выполнения чертежно-конструкторских работ. Общие сведения об AutoCad; прикладная система AutoCad; запуск графической системы; структура меню AutoCad; различные системы ввода координат; выбор объектов.

2. Графические примитивы в AutoCad и команды их создания: точка; отрезок, окружность, дуга, полилиния. Представление рисунков на мониторе. Инструменты навигации – команда ПАН.

3. Выполнение точных построений. Форматы ввода данных – ортогональная (Декартова) и полярная система координат. Использование стека данных. Примеры построения чертежей.

4. Точечные фильтры, примеры применения в чертежах. Вычерчивание детали типа фланца. Объектные привязки. ПСК – пользовательская система координат.

5. Работа с текстом. Шрифты, гарнитура, форматирование текста, вставка спецсимволов, работа с текстовыми файлами, использование текстов из других документов. Многоугольники, фигуры. Команды оформления чертежей и рисунков. Штриховка разрезов и сечений.

6. Зависимые и независимые атрибуты графических примитивов, работа со слоями. Команды симметрии, разрыва и обрезания отрезков.

7. Средства объектной привязки. Размер окна привязки (прицела). Клавиши переключения режимов черчения, независимые атрибуты примитивов. Команды копирования объектов. Множественное копирование. Примеры практического применения. Конструирование резьбовых крепежных деталей, валов и других технических деталей.

8. Определение блоков, фрагменты чертежей в качестве блоков. Переопределение блоков, внешние ссылки. Вставка массива блоков, запись блока в файл. Блоки с атрибутами. Разметка блоком, примеры применения разметки при проектировании архитектурных планировок и фасадов зданий.

9. Работа с конструкционными линиями. Использование конструкционных линий в геометрических построениях. Булевы (логические) операции над объектами. Примеры конструирования деталей. Команды Lengthen (удлини) и Stentch (растяни).

10. Мультилинии – настройка параметров, редактирование атрибутов, применение в чертежах строительных планировок. Средства нанесения размеров. Размеры линейные, радиусные и угловые. Размерные стили.

В рамках практических занятий студенты выполняют 10 лабораторных работ и два домашних задания. В первом задании (рис. 1) на примерах кулачковых механизмов студенты осваивают приемы геометрического конструирования плоских объектов.

Изучение предмета, выполнение лабораторных работ и домашних заданий обеспечено необходимыми заданиями и методическими материалами. Учебные занятия проводятся в компьютерном классе кафедры дизайна и изобразительных искусств, оснащенном современными компьютерами, проекционной аппаратурой, плоттером EpsonStylusPro3880, необходимыми программами.

Наряду с печатным пособием [1] авторами разработан «Электронный учебно-методический комплекс AutoCAD» (свидетельство об отраслевой регистрации разработки в фонде алгоритмов и программ № 10251 от 25 марта 2008 г.).

Учебное пособие включает 5 разделов: настройки параметров чертежа и экрана, рисование, редактирование объектов, уроки, зачетная работа. В первых трех разделах приводится описание интерфейса и настроек программы, дается развернутое описание основных (наиболее часто применяемых) инструментов и команд, контрольные вопросы, примеры практического применения команд при выполнении чертежей.

В разделе «уроки» приведены задания, ориентированные на практическое закрепление изучаемых команд, опций, рациональных приемов построения изображений и выполнения чертежей.

Описанная в пособии технология выполнения чертежей существенно отличается от традиционной (ручной) графики, в результате чего работа конструктора становится более творческой и продуктивной, сокращается количество расчетов и ошибок, повышается качество чертежей.

Структурно пособие организовано в форме многоуровневого, иерархически связанного, гипертекстового HTML-документа. Рабочая область пособия поделена на два фрейма. При запуске программы в левом окне, в ви-

де выпадающих списков, отображается корневой каталог, пункты которого представляют собой гипертекстовые ссылки на соответствующие разделы пособия. В центре правого фрейма создан дополнительный «плавающий» фрейм, в котором отображается учебный материал, содержащий тексты, графику, диалоговые окна, контрольные вопросы, описание опций, новые гипертекстовые ссылки.

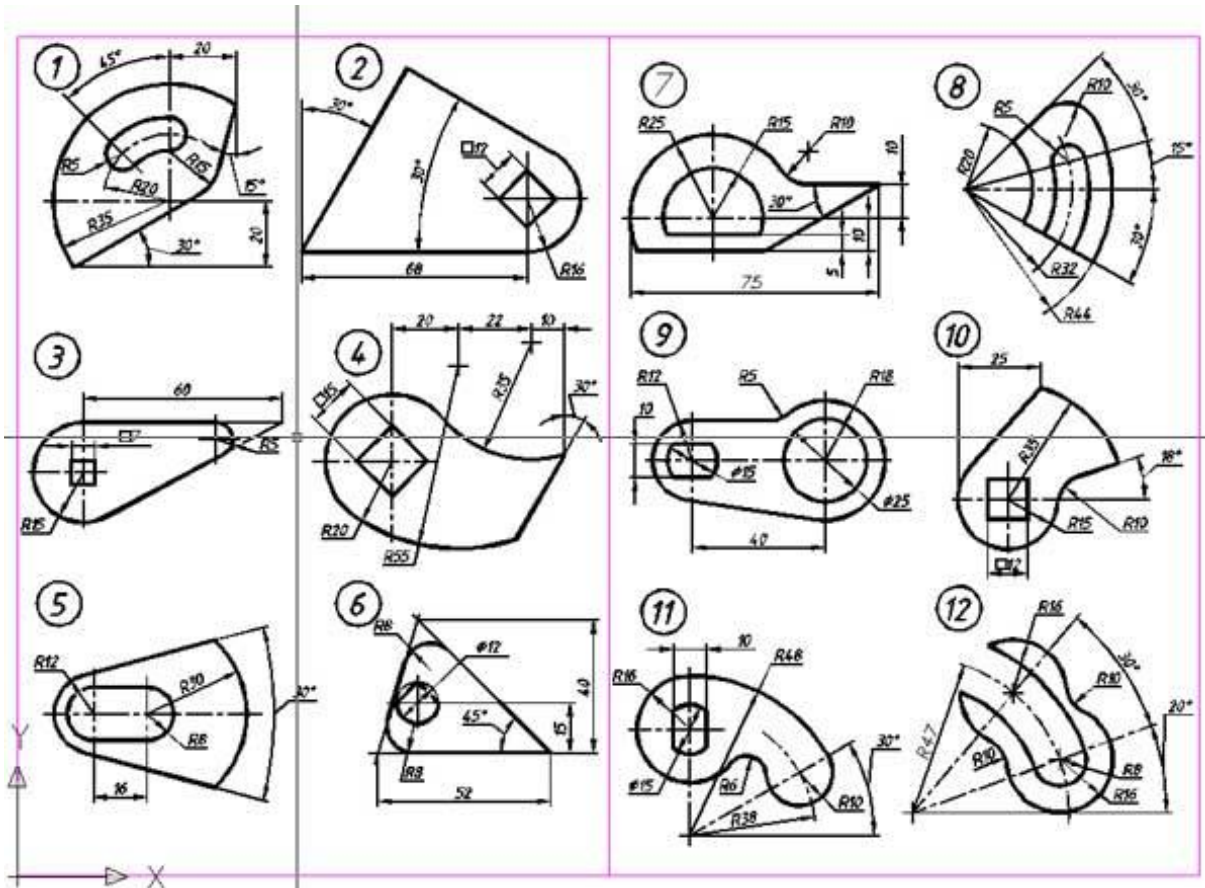

Рис. 1. Вариант задания по теме «плоский контур»

На рис. 2 показан пример второго домашнего задания, завершающего курс обучения магистров-дизайнеров информационным технологиям. Задания представляют собой чертежи сборочных единиц, которые необходимо выполнить в AutoCAD. Исходные чертежи представляют собой файлы формата PDF (30 вариантов), размещенные на сайте кафедры.

В заключение отметим, что компьютерная подготовка студентов-дизайнеров является той методической основой, на основе которой можно проводить целенаправленную работу по успешному освоению ими специальных дисциплин, обеспечив тем самым их конкурентоспособность на современном рынке труда. Вместе с тем изучение компьютерных технологий помогает разнообразить учебный процесс, активизирует самостоятельную работу, способствует поисковой и творческой деятельности.

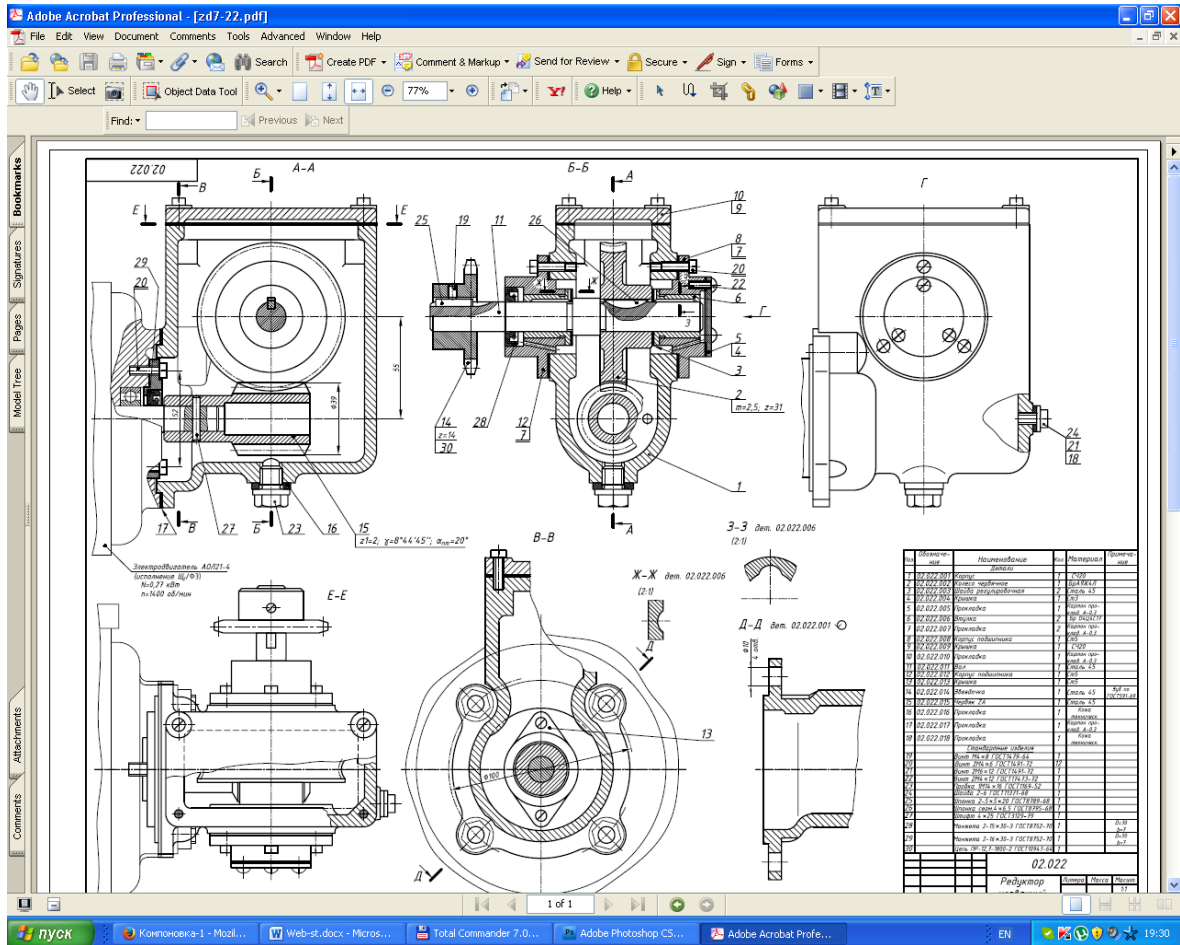

Рис. 2. Чертеж редуктора

Компьютерные технологии являются инструментом для реализации студентами своих творческих дизайнерских замыслов и проектов.

Библиографический список

1. Швайгер, А.М. AutoCAD – лабораторный практикум по инженерной графике и техническому конструированию: учебное пособие / А.М. Швайгер, А.Л. Решетов. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – 213 с.

[К содержанию](#)

УДК 72.017:628.9 + 316.4 + 628.93:658.382

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ АРХИТЕКТУРНО-СВЕТОВОЙ СРЕДЫ г. ЧЕЛЯБИНСКА ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О.Р. Бокова

По результатам «пилотажного» опроса респондентов г. Челябинска проведён анализ данных по его итогам, выявлены предпочтения жителей города в области формирования архитектурно-световой среды, показана необходимость комплексного подхода к проектированию открытых пространств мегаполиса с позиций безопасности и экологичности.

Ключевые слова: архитектурно-световая среда; безопасность; мегаполис; социологический опрос.

В условиях современного мегаполиса искусственный свет – один из главных инструментов создания комфортной среды открытых городских пространств. «Зодчий» архаики изначально конструировал мир в определённых условиях: в светлое время суток – при солнечном излучении, а в тёмное – при мерцании звёзд, свете Луны, отблесках костра или факела в пещере. Перестройка ценностных систем культуры через процедуру их переоценки коснулась понятия «свет», как самого древнего архетипа.

Традиционно свет рассматривается как нечто, несущее положительные эмоции. Однако сложившиеся способы формирования современного городского освещения вызывают не только положительные, но и отрицательные эмоции, влияющие в определенной степени на индекс социального благополучия [1]. Он зависит, как известно, от множества факторов, в числе которых и состояние архитектурно-световой среды мегаполиса.

Архитектура и свет в городском пространстве, как известно, неотделимы друг от друга и составляют единую архитектурно-световую среду, что становится особенно актуальным в вечерне-ночное время, поскольку инновационные технологии освещения на сегодняшний день позволяют создавать световое поле любой освещённости, независимо от времени суток. Кажущаяся простота и очевидность этого процесса, а также несовершенство нормативно-правовой базы привлекло к авторству в этой области деятельности, наряду с профессионалами, множество специалистов разной специализации и степени подготовки.

Итогом такого сложившегося на настоящее время подхода явилась во многом хаотичная, небезопасная световая среда города в тёмное время суток, что послужило основой для многочисленных дискуссий в профессиональных сообществах [2].

Между тем, изначально, главной целью создаваемого человеком освещения, было обеспечение безопасности передвижения и ориентации его

в пространстве. Однако большое количество ведомств, а соответственно и специалистов, участвующих в процессе проектирования многочисленных на сегодняшний день составляющих архитектурно-световой среды, оказалось также не в состоянии обеспечить общий контроль её целостности.

Методика социологического опроса – один из инструментов, позволяющих с большой достоверностью определить необходимый вектор движения к безопасности и экологичности архитектурно-светового пространства города. Прежде всего, это касается выявления особенностей взаимодействия среды и человека.

С целью выявления характера этих взаимоотношений в декабре 2013 года был проведён опрос жителей г. Челябинска, носивший «пилотажный» характер*. В опросе приняли участие 104 человека, не имеющие отношения к созданию архитектурно-световой среды с точки зрения профессиональной подготовки, что является репрезентативным для расчета выборки исследования в крупном градостроительном образовании.

Социально-демографический «портрет» респондента вполне коррелируется с «портретом» среднестатистического жителя г. Челябинска и выглядит следующим образом.

Мужчины – участники опроса составляют 40,5 % и женщины – 59,5 %, что вполне соответствует половозрастной структуре г. Челябинска на текущий 2013 г.

Возраст участников представлен в табл. 1 и отражает возрастную картину г. Челябинска в настоящее время.

Таблица 1

Возраст респондента

до 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46 и более
23,8 %	21,4 %	23,8 %	31,0 %

С точки зрения образования и рода занятий респонденты отражают структуру типичного крупного города с учетом тенденций современного социально-экономического развития страны. Образование представлено в табл. 2.

Таблица 2

Образование респондентов

неполное среднее	среднее	среднее специальное	неполное высшее	высшее
0,5 %	7,7 %	28,9 %	19,5 %	43,4 %

* Результаты КСИ обработаны с использованием программы «Орбита» (работчик И. Плюхин) с использованием при расчётах к погрешности в пределах 0,01

Род занятий респондентов:

- свой бизнес – 2,3 %
- энергетика – 4,8 %
- торговля – 7,1 %
- управление (руководители и представители структур власти) – 7,1 %
- экономика, юриспруденция – 9,5 %
- работники транспорта – 14,3 %
- строительство – 19,0 %
- социальная сфера – 26,2 %
- безработные – 2,3 %
- пенсионеры – 7,4 %.

Уровень освещенности города большинство опрошенных определили как «не совсем удовлетворительный». На данный факт указали 83,3 % респондентов, 9,5 % респондентов назвали его удовлетворительным и 7,2 % затруднились дать ответ.

Неудовлетворенность уровнем освещения в основном касалась так называемых «спальных» и промышленных районов, в центре города уровень удовлетворенности освещением выше, на что указали в своих ответах участники опроса. Более того, некоторые из них высказывали мысль, что так и должно быть – каждый второй от числа удовлетворенных уровнем освещения и две трети от числа ответивших, что уровень освещения не совсем удовлетворительный.

Более полное понимание того, что хотят жители мегаполиса от освещения, дают ответы на вопрос «Какие чувства (ощущения, эмоции) вызывает городское освещение?» у наших респондентов.

У большинства из них городское освещение вызывает радость, что подчеркнул каждый четвертый участник опроса (25 %), практически у такого же числа опрошенных освещение города вызывает интерес (21,4 %) и каждый шестой в качестве эмоциональной окраски городского освещения назвали радость (15,9 %). Вместе с тем, каждый шестой участник опроса назвал равнодушие в отношении к городскому освещению, т.е. оно для таких респондентов не важно. Наряду с положительными эмоциями, городское освещение в настоящее время вызывает и негативные: 11,9 % отметили, что оно вызывает печаль, 4,5 % – страх и по 2,3 % – горе и апатию. Вероятно, при разработке концепции городского освещения следует учитывать и такие характеристики, как психоэмоциональное состояние человека. Более того, свет, вызывающий негативные эмоции, сказывается на отношении человека к окружающему миру и самому себе. Нетрудно представить, к каким последствиям может привести такое настроение водителя автомобиля, на которого свет воздействует непосредственно. В качестве основных цветов, вызывающих отторжение в вечернее время горожане назвали: фиолетовый и все оттенки синего (18,6 %), белый и белый холодный

(16,3 %), желтый (9,3 %), красный (6,8 %), «натриевый» (2,3 %). Вместе с тем большинство респондентов затруднились как-то оценить данную ситуацию, что подчеркнули 44,2 %. Для 2,3 % отторжение и страх вызывает темнота и для них приемлем любой цвет.

На основе вышеназванных данных опроса была предпринята попытка уточнить, что жители мегаполиса в целом могут сказать об архитектурно-световой среде своего города. Почти каждый второй хотел бы внести в нее коррективы, направленные на улучшение – 45,2 % участника опроса не удовлетворены ее состоянием на сегодняшний день. Чуть меньше – каждый третий – высказали свою удовлетворенность ее состоянием и развитием – 33,3 % и 21,5 % не смогли дать четкого ответа. Вероятнее всего, именно поэтому большинство участников опроса назвали среду при ее оценке по пятибалльной шкале удовлетворительной – 59,5 %, 33,3 % оценили архитектурно-световую среду на «хорошо», «отлично» поставили только 2,3 % и «неудовлетворительно» – 4,9 %.

С точки зрения безопасности архитектурно-световая среда г. Челябинска в глазах опрошенных нами выглядит следующим образом: скорее безопасная, чем опасная – 36,4 %, скорее небезопасная – 22,7 %, 15,9 % – определили ее полностью безопасной, 4,5 % – совершенно опасной и 20,5 % затруднились дать ответ.

По вопросу о необходимости учета мнения горожан при решении каких-либо вопросов, связанных с формированием архитектурно-световой среды города большинство респондентов высказались о необходимости изучения этого мнения и учета его в работе, что отметили 64,3 % участников опроса. При этом каждый пятый – 19,0 % – считает, что важно мнению скорее не жителей города, а авторитетных специалистов, имеющих практический опыт и обладающих теоретическими знаниями. Почти столько же затруднились дать ответ на данный вопрос.

Таким образом, мнение жителей г. Челябинска позволяет в определенной степени оценить современное состояние архитектурно-световой среды. Прежде всего, это её оценка с точки зрения опасности/безопасности и эмоциональной окрашенности.

Следует отметить, что эмоциональная окрашенность коррелирует с состоянием опасности/безопасности в обратном порядке: чем безопаснее среда, тем позитивнее эмоции, но не наоборот.

Как подтверждение этому, можно привести оценку состояния архитектурно-световой среды работниками транспортной сферы и водителей. Большинство из них видят одно из главных условий безопасности в целом формировании световой среды города. Именно они указали, что в ряде случаев освещенная среда мегаполиса становится источником страха наряду с темнотой. Кроме того, водители и работники транспортной сферы отмечают, что слишком яркая и информационно перегруженная ар-

хитектурно-световая среда становится источником опасности на дороге не только для самих водителей, но и для пешеходов. На данный факт указали 96,6 % работников транспортной сферы и водителей.

Таким образом, респондентами было высказано мнение о том, что общественное мнение при создании архитектурно-световой среды города должно опираться на знания и опыт профессионалов, а не рядовых обывателей. К числу таких специалистов следует отнести при этом не только представителей архитектурного сообщества, но и работников транспорта, медицины, а также психологов и других, чьи профессиональные знания будут востребованы в данной области.

Для открытых городских пространств сложно создать имитационную модель, способную достоверно воспроизвести характер взаимодействия между собой и их структурных частей, и собственно взаимоотношений жителей со средой разного назначения, поэтому вполне обоснованной представляется потребность проведения комплекса более «прицельных» опросов в области городского освещения с участием экспертов в вышеперечисленных сферах деятельности [3, 4].

Библиографический список

1. Балацкий, Е.В. Методы диагностики социального самочувствия населения / Е.В. Балацкий // Мониторинг общественного мнения. – 2005. – № 4 (76). – С. 42–52.
2. Щепетков, Н.И. О концепции создания единой светоцветовой среды города Москвы / Н.И. Щепетков // Светотехника. – 2012. – № 6. – С. 49–60.
3. Бокова, О.Р. Стратегии исследований в области безопасности освещения / О.Р. Бокова, О.А. Гизингер // Вестник ЮУрГУ. Серия «Энергетика». – 2012. – Вып. 18. – № 37 (296). – С. 26–29.
4. Бокова, О.Р. Архитектурное освещение: стратегия безопасности / О.Р. Бокова // Сборник материалов V международной научно-практической конференции в 2-х томах под ред. А.И. Сидорова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – С. 278–281.

[К содержанию](#)

УДК 72.02+72.03+741.02

АКАДЕМИЧЕСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ РИСУНОК. ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И.А. Мотовилова

Экспедиции по изучению и фиксации архитектурного наследия являются продолжением сохранением архитектурных традиций вплоть до настоящего времени. Учебное проектирование должно следовать традиционной методике развития.

Ключевые слова: архитектура; академия; рисунок; традиции; стиль.

«...образовывать свой вкус полезно на изучении искусства прошлого»

А.Н. Бенуа

Архитектурная академическая школа берет свое начало в XVIII веке, когда в результате всеобщей Европеизации страны возникла потребность в гармоничном образовании художников. Обучение архитектурному творчеству в России пошло по пути европейского строительства. И первыми преподавателями архитектуры были создатели здания Академии художеств.

К концу XVIII века академическая школа русского искусства завоевала авторитет, и многие иностранные архитекторы на русской службе желали стать соискателями почтенных академических званий.

Академический рисунок, начавший свое существование в Академии художеств в г. Петербурге, основательно стоял на классических методах обучения, силы школы классицизма и многообразным проявлением свободы мыслей и прогресса, что вело в ряде учебных программ к воспроизводству реальных градостроительных задач не только города Петербурга и во многих других городах России. Стремление к благородству и величественности проектов в стиле древних сооружений считалось эстетическим идеалом школы Академического рисунка.

Архитектурный рисунок является обязательной академической дисциплиной, одновременно исторического, теоретического и практического профилей. Эта его особенность обусловлена спецификой предмета – истории возникновения и развития архитектуры, теоретических и практических знаний об архитектуре, архитектурного языка, архитектурной композиции, а также наблюдений таких общих черт и признаков архитектуры определенного времени и места, которые позволяют выделить архитектурные стили.

Архитектурный стиль, как и стиль в искусстве понятие условное. Он удобен для осмысления истории европейской архитектуры. Понятие «архитектурный стиль» может определяться как совокупность основных черт

и признаков архитектуры, определенного времени и места, проявляющихся в особенности ее функциональной, конструктивной и художественной сторон (назначение зданий, строительные материалы и конструкции, приемы архитектурной композиции). Так же в общее понятие архитектурного стиля входит понятие художественного мировоззрения, охватывающего все стороны искусства и культуры общества в определенных условиях его социального и экономического развития как совокупность главных идейно-художественных особенностей творчества мастера [1].

Исторические архитектурные стили отражают дух времени, характеризуются общностью художественных концепций и технологических разработок, создают цельный архитектурный облик, объединяющий разрозненные регионы цивилизационным контекстом технико-культурного мышления. Накладываясь на традиционные национальные формы зодчества, они могут варьироваться, всегда сохраняя существенные признаки.

Вместе с тем существуют устойчивые закономерности пластической моделировки архитектурных форм, на которые опирается методика преподавания архитектурного рисунка. Их описал Б.Р. Виппер [4]. По характеру формообразования в архитектуре выделяют принципы:

- тектоники, предполагающий приоритет пластической разработки экстерьерного пространства в моделировании формы архитектурного объекта последовательно воплощен в архитектуре Греции и Ренессанса (рис. 1);
- стереотомии, связанный с богатой структурной разработкой архитектурного пространства внутри большого объекта простой формы, либо объекта, скрытого под землей (романская, исламская архитектура); по степени выявления конструктивного каркаса в форме объекта выделяют функцию [2];
- скелетный принцип моделирования формы: «скелет» здания как бы лишен наружной оболочки, словно обнажен, поэтому именно конструктивные части здания, его костяк являются носителем художественного выражения (примеры – готика, конструктивизм);
- принцип мускульной архитектуры: глаз зрителя не прощупывает «скелета» конструкции, но угадывает его под наружной оболочкой – «драпировкой»: тело здания как бы покрыто гибким слоем мускулов и кожи, который мягко моделирует его конструктивный стержень (античная архитектура, итальянский Ренессанс, классицизм) [3].

Формообразование в архитектуре, как и в скульптуре, предполагает различие пластически гибкой моделировки (барокко, модерн) и рубленой огранки формы (египетское зодчество, конструктивизм) (рис. 2, 3).

Краткий экскурс в историю архитектуры является доказательством универсальности вышеназванных принципов.

Рис. 1. Учебный рисунок. Отмывка

При всех неоднозначных изменениях, происходящих в современном мире, классический опыт архитектурного образования не утрачивает своей особой ценности. Учебное проектирование должно следовать традиционной методике развития. Классический опыт преподавания архитектурного рисунка призван быть залогом развития творческой индивидуальности будущих архитекторов на основе традиций углубленного общественного художественного воспитания. Обучение законам гармонии на образцах высокого искусства и графического мастерства, должно быть успешно использовано новыми техническими средствами лишь в качестве инструментария, а не подменять ими самих создателей произведений новой архитектуры (рис. 4) [5].

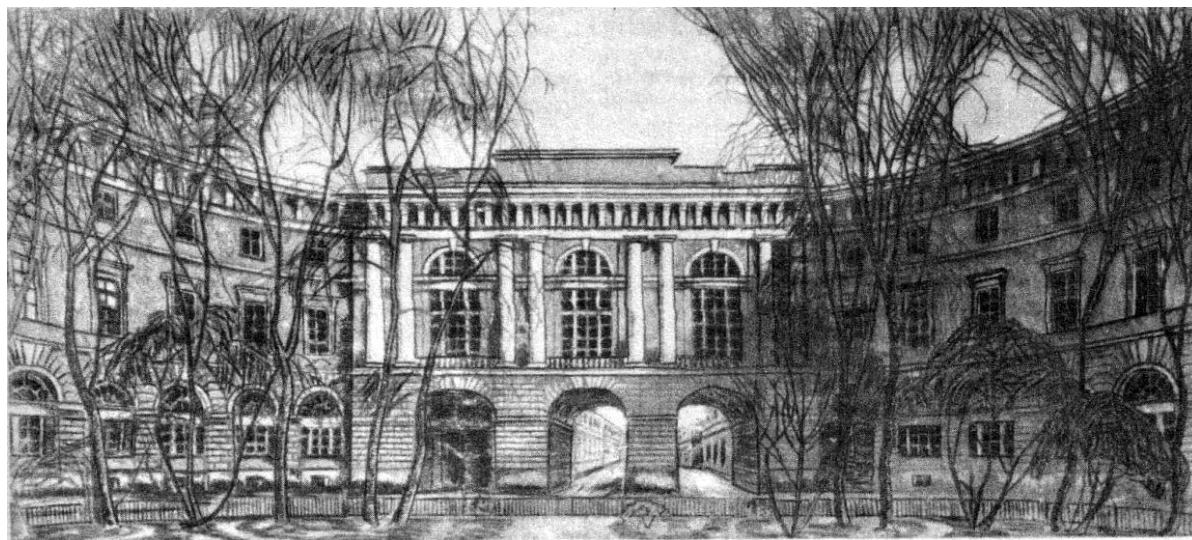

Рис. 2. Выражение архитектурной стилистики

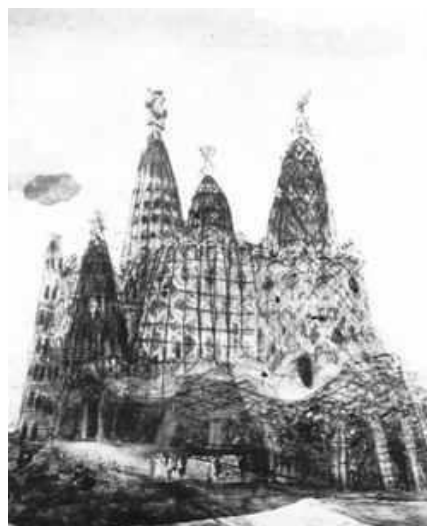
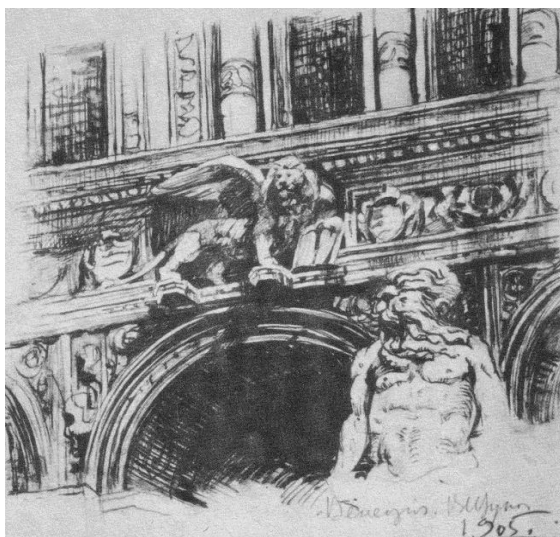

Рис. 3. Выражение архитектурной стилистики выразительными средствами графики (Н. Фомин, В. Щуко, А. Гауди, Э. Мендельсон, Я. Черников)

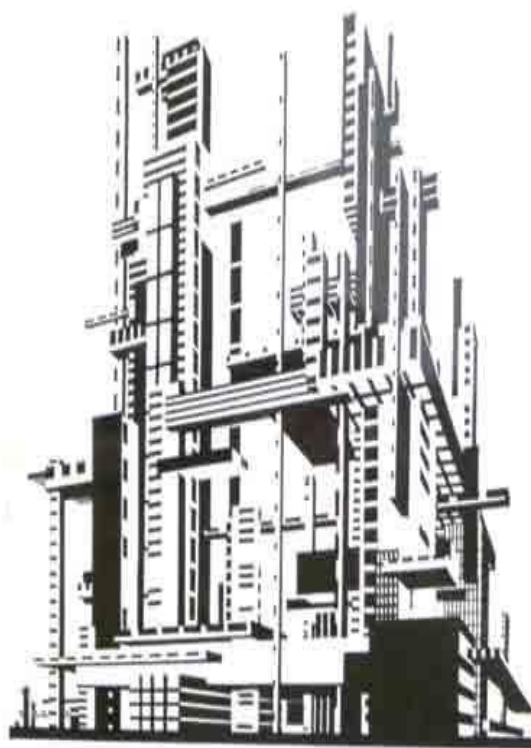
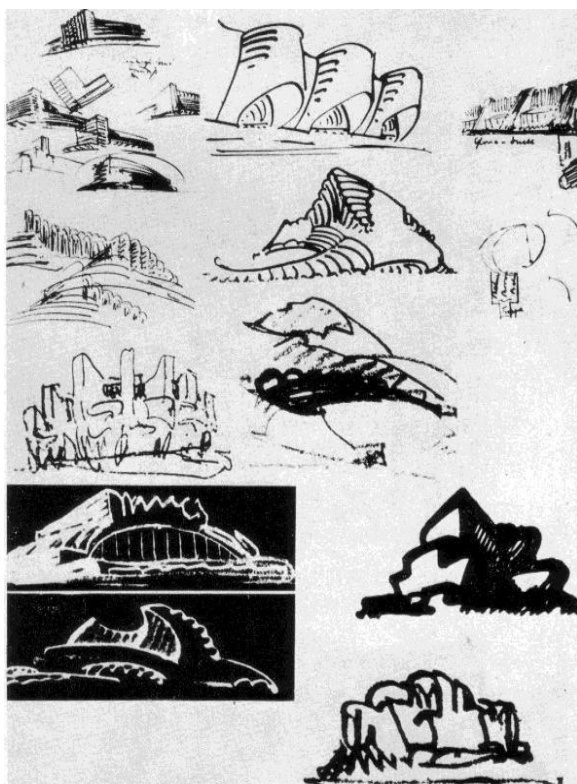

Рис. 4. Учебное проектирование

В XX веке академическую архитектурную школу постигали неоднократные потрясения, попытки архитектурных псевдоноваторов реорганизовать и «втиснуть» ее унифицированные рамки подготовки советских архитектурных кадров, дабы превратить архитектуру в рядовую отрасль общего стройпроизводства.

Уникальные, бережно сохраняемые всеми поколениями традиции обеспечили академической архитектурной школе жизнестойкость, а особый профессиональный потенциал и встроенность в современный архитектурный процесс – признание и востребованность.

Славу архитектурной школе Российской академии художеств составляют люди. Один только перечень имен может служить подтверждением огромных ее заслуг в истории отечественного зодчества.

Первыми учителями архитектуры в Академии были авторы ее величественного здания А.Ф. Кокоринов и Ж.-Б.-М. Валлен-Деламот, а первыми учениками – В.И. Баженов и И.Е. Старов. В дальнейшем воспитанниками школы начинали свой творческий путь большинство крупнейших архитекторов страны от А.Д. Захарова и А.Н. Воронихина до П. Ю. Сюзора и Л.Н. Бенуа.

Большой вклад в российскую архитектуру в XX веке внесли знаменитые А.В. Щусев, И.В. Жолтовский, И.А. Фомин, В.А. Щуко, И.Г. Лангбард, Л.В. Руднев и выпускники советского времени Н.А. Троицкий, А.И. Гегелло, Е.А. Левинсон, И.И. Фомин, А.К. Баручев, С.Б. Сперанский, А.В. Жук и другие [6].

В заключении следует сказать, что один из главных педагогических принципов современной отечественной архитектурной школы академического рисунка как нельзя лучше согласуется с нестареющим утверждением А.Н. Бенуа: «Возвращаться к искусству минувших времен есть один из видов дилетантизма. Для новой жизни нужно и новое искусство. Но образовывать свой вкус полезно на изучении искусства прошлого».

Библиографический список

1. Азизян, И.А. Теория композиции как поэтика архитектуры / И.А. Азизян, И.А. Добрицына, Г.С. Лебедева. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 568 с.
2. Винкельман, И.И. История искусства древности. Малые сочинения / И.И. Винкельман. – СПб.: Алетейя, 2000. – 800 с.
3. Виппер, Б.Р. Введение в историческое изучение искусства / Б.Р. Виппер. – М.: Аст-пресс книга, 2004. – 368 с.
4. Зайцев, К.Г. Современная архитектурная графика: учеб. пособие для студ. вузов / К.Г. Зайцев. – М.: Изд-во литературы по строительству, 1970. – 204 с.
5. Зайцев, К.Г. Графика и архитектурное творчество / К.Г. Зайцев. – М.: Стройиздат, 1979. – 160 с.
6. Максимов, О.Г. Рисунок в архитектурном творчестве: Изображение, выражение, созидание: учеб. пособие для вузов / О.Г. Максимов. – М.: Архитектура-С, 2002. – 464 с.

[К содержанию](#)

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

ББК Ш4/5

УДК 82-31

МИКРОЦИКЛ К. ФЕДИНА «СКАЗОЧКИ» КАК ОСОБАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ФОРМА

Ю.П. Агеева

В статье рассматривается форма сказочного микроцикла как художественное единство особого типа, обращение к которой позволяет автору удерживать от распада и зафиксировать в сознании, воображении фрагментарную и раздробленную действительность в эпоху исторических потрясений. На основе исследования сказочного микроцикла 20-х годов XX века, делаются выводы о характере семантических связей внутри устойчивого художественного единства.

Ключевые слова: жанр; микроцикл; литературная сказка; двухкомпонентное циклическое единство; структурно-семантические отношения.

20-е года XX века – время творческого поиска, активного художественного эксперимента, демонстрирующее бесконечное количество образцов литературного модернизма, не исключало из своего ареала классической традиции, воскрешая, трансформируя и по-новому интерпретируя уже знакомые жанровые явления. Оживая на новом витке, архаическая литературная форма наделялась новой семантикой, актуализировать специфические жанровые механизмы, но при этом не разрушалась как явление. В качестве одной из органичных, адаптивных и максимально удобных для освоения действительности, характеризующей рубежные периоды, выступала циклическая форма. Органика ее природы объясняется как экстра-, так и внутрилитературными факторами: природный, жизненный круг – алгоритм временного мышления человека, который складывался на протяжении тысячелетий во всех без исключения культурах. Поэтому объединение жанровых единиц в циклические образования можно охарактеризовать как явление, соприродное самому человеческому мышлению. Для «новой формации» писателей, только входящих в литературу, цикл становился отличным полем для эксперимента, нахождения собственных приемов, отработки литературной техники, становления собственной художественной манеры. Стремление найти универсальное жанровое образование, в котором сочетались бы классические традиции с возможностью экспериментировать; внимание к частности с потенциалом обобщения, превосходящего потенциал единичной малой формы; наличие антиномий с одновременной

возможностью их примирения; поиски новых смыслов и обнаружение их в глубинных, корневых национальных представлениях о сущностном, привели к распространению архаической формы микроцикла – наджанрового единство, композиционной формы особого типа, основанной на монтажном принципе построения материала и состоящую из двух или трех относительно самостоятельных произведений, которой в большей степени, чем обычным циклам, присущи специфические внутренние связи. Активизация циклообразования стала отражением писательских поисков, связанных с выработкой новых или актуализацией уже существующих механизмов, позволяющих конструировать целостный миробраз, способный соединить осколки фрагментарной, раздробленной действительности в единое целое. Подобные процессы, как правило, обнаруживают в историко-литературные периоды, отклоняющиеся от традиционных эстетических представлений и установок. Всплеск циклообразования зачастую выпадает на переходные эпохи, и это обстоятельство объясняется как внутренними, так и экстралитературными факторами: цикл обнаруживает возможность создания новой художественной целостности, способной совместить частное и общее, часть и целое, фрагментарно-осколочный и масштабно-эпический ракурсы изображения взаимоотношений Человека и Мира. «Литературный жанр по самой своей природе отражает наиболее устойчивые, «вековечные» тенденции развития литературы. В жанре всегда сохраняются неумирающие элементы архаики. Правда, эта архаика сохраняется в нем только благодаря постоянному ее обновлению, так сказать, осовремениванию. Жанр всегда и тот и не тот, всегда и стар и нов одновременно. Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе в развитии литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра. В этом жизнь жанра. Поэтому и архаика, сохраняющаяся в жанре, не мертвая, а вечно живая, то есть способная обновляться архаика. Жанр живет настоящим, но он всегда помнит свое прошлое, свое начало. Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития <...> Вот почему для правильного понимания жанра и необходимо подняться к его истокам» [1]. Характеризуя жанровые процессы этого периода, литературоведы сходятся во мнении о значительно усилившейся роли малой прозы в поисках возможности выражения исторического времени посредством художественной литературной формы. В связи с этим отмечается всплеск малых жанров, восходящих или соотносимых с инвариантом новеллы (рассказы, очерки, фельетоны, письма и др.). Активность в этот период обнаруживает и такое специфическое жанровое образование, как литературная сказка [2].

Рассмотрим специфическую форму художественной сказки на примере двухкомпонентного микроцикла К. Федина «Сказочки». Заглавие, указывающее на жанровую принадлежность, характеризует также тематику и предполагаемый хронотоп микроцикла. Обращение к жанрово-родовой

памяти в заглавии диктует законы, по которым следует воспринимать текст, и организует читательское восприятие. В микроциклических образованиях, содержащих в заглавии жанровое обозначение, на первый план выступает фактор жанровой идентичности. Автор фиксацией жанра в заглавии характеризует способ организации материала, определяя тем самым модус восприятия произведения как лаконичного, емкого, а также указывает на тип повествования и характер дискурса. Хотя, относительно «Ежа» и «Блинков» уместнее говорить об их явной аллегоричности и притчевом начале.

Кроме того, фиксация в заглавии жанровой принадлежности, с одной стороны, указывает на множественность, а с другой – предполагает обособленность эпизодов. Каждое произведение микроцикла с таким заглавием представляет собой определенный элемент/фрагмент из ряда себе подобных, одинаково соотносимый с соположенными ему компонентами-текстами: одна из сказочек. Заглавие с уменьшительным значением не случайно – оно обусловлено не только небольшим объемом самих произведений, но и тем, что в самой этой номинации сокрыта смысловая игра с читателем: за внешней легкостью формы и ожидаемым развлекательным характером повествования, автор помещает весьма серьезное содержание. Вопросы о смысле человеческого существования, радости его бытия, об отношении человека и окружающей его действительности и к самому себе. Внутренние заглавия, соседствующие в микроцикле, вместе с текстами составляют некий «смысловый центр» произведения, а также маркируют проблемное пространство «сказочек» через образы, в которых проявляется высшая радость и счастье героя: «Еж» и «Блинки». Именно проблема народного счастья, «земной» радости для простого человека – не только объединяет «сказочки» между собой, но и сближает их с другими произведениями 20-х годов, продолжающими сказочные традиции.

Композиционно микроцикл состоит из двух «сказочек»: это истории о простом мужике Угрюме и бабке Анисье. Угрюм – хмурый, замкнутый, болезненный мужик, которому никто «доброго слова не скажет, всяк норovit его только в ярмо впрячь» [3]. Всю свою жизнь он «ежится» на весь божий свет, «на людей не смотрит, все только твердит: – Нет на земле человеку радости» [3]. Но после случайной покупки на базаре ежа, его жизнь меняется, он начинает «распрямяться»: как еж перестает ежиться от отношения к себе человека, так и Угрюм «оттаивает» душой, в его жизни появляется радость, отдушина («Радость ты моя, еженька мой, проснулся!» [3]). И все же, для всего окружающего мира, для людей остается Угрюм сгорбленным, насупившимся («– Куда бежишь, Угрюм? – кричат ему встречные. – Иль радость какая? Хмурится Угрюм, отвечает: – Какая на земле человеку радость?» [3]). В финале сказки герой умирает, но умирает счастливым, впервые в жизни ощутившим и испытавшим радость, зака-

тившись нутряным, «первым смехом своим детским, счастливым» [3]. Радость эта приходит к нему через ощущение собственной нужности хотя бы одному живому существу на земле. С появлением ежа, Угрюм перестает чувствовать себя одиноко, из его жизни уходит скука. Его внутренняя радость начинает находить проявление в его облике, во внешнем мире. И этот контраст внутреннего состояния героя и окружающей его действительности ярче всего проявляется в последних строках произведения: когда герой умирает, его находят «в *мрачной* горнице: лежит Угрюм на полу, *скрючился* весь, *а на лице застыло сиянье радости*».

Анисья – героиня «Блинков» живет в своем собственном обособленном мире. Единственной движущей силой, помогающей ей жить, является ее страсть к еде – «Любит поесть бабка Анисья» [3]. В отличие от Угрюма из сказки «Еж», образ бабки статичен. Кроме чревоугодия и любви к блинам в ее жизни нет иной радости и другого интереса. Анисья одинока, но ее одиночество не тяготит ее: она не нуждается в общении и ни с кем не делится своими планами осуществить свою давнюю мечту – напечь блинов и поесть их вдоволь. Несколько лет она откладывала деньги на исполнение задуманного. Но ей так и не удалось «поесть так, чтобы уж больше не то что в рот сунуть – смотреть бы на блины эти самые смотреть» [3] – пока квашня подымалась, бабка Анисья заснула, а опара вылезла наружу, поползла ей на голову и залепила рот. Умерла Анисья во сне, в котором ей привиделись блинные бесы, искусившие ее вкуснейшими блинами. С духовной стороны Бабка так и не раскрылась: вся ее жизнь сводится к удовлетворению плотских потребностей. Ее радость сугубо «земная». Таким образом, возникает резкий контраст в изображении героев и их личном духовном развитии внутри «сказочного» сюжета. Между сказками этого двухкомпонентного микроцикла возникают сложные системы взаимоотношений со- и противопоставления, а сами части внутри микроцикла воспринимаются как неразделимые, объединенные циклической формой и тяготеющие к внутреннему единству (строящемуся по типу «единство противоположностей»).

Рассмотренная композиционная специфика микроцикла обуславливает и особенности функционирования пространства и времени. В сказках «Еж» и «Блинки» пространственно-временные границы нивелируются. Деревня и провинциальный город – места действия в двух сказках, которые помогают создать условия для восприятия героев – деревенского мужика и обитательницы провинциального городка унифицированными персонажами. В художественной сказке, таким образом, возникает такая модель мира, которую известный французский фольклорист А. Грейсман описал следующим образом: «Мир оправдан существованием человека, человек включен в мир». В сказочном мире пространство и время становится «человекоцентричным» [4]. В жанровой модели сказки мифологическая кар-

тина мира всегда циклически замкнута, а все элементы пространственной схемы и сюжетного развития циклически повторяются. «Условность сказочного времени связана с его замкнутостью, – писал Д. С. Лихачев. – Сказочное время не выходит за пределы сказки. Оно целиком замкнуто в его сюжете. Его как бы нет до начала сказки и нет по ее окончании. Оно не определено в потоке исторического времени» [5]. Особый замкнутый мир в сказке отличается не только специфически функционирующим хронотопом, но и особым типом персонажей, что, в первую очередь, обусловлено тем, что сказка несет в себе и транслирует миромоделирующую и миропорядочивающую функцию.

В микроцикле «Сказочки» К. Федин приходит к неутешительному выводу о всеохватывающем духовном неблагополучии, одиночестве человека среди людей, его замкнутости в самом себе, в своем микромире, о глубоком «сломе» в духовном мире целого народа. Вся сказочная проза 20-х годов, не смотря на многообразие жанрово-стилевых тенденций, имеет общий «смысловой центр». Все сказочные произведения этого периода сконцентрированы на общем поле проблем – это проблема «народного счастья» и определения отношений между человеком и окружающей его действительностью. А.Н. Толстой [6] отмечал, что малая форма не освобождает писателя от большого содержания. И это положение в полной мере может быть эксплицировано на сказочную малую прозу 20-х годов XX века.

Библиографический список

1. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М., 1972. – С. 178–179.
2. Липовецкий, М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х гг.) / М.Н. Липовецкий. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 184 с.
3. Российская новеллистика 20-х годов: антология жанра; сост. Е.В. Пономарева. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2005. – С. 335–340.
4. Зарубежные исследования по семиотике фольклора: сборник статей. – М., 1985. – С. 106.
5. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – Л., 1971. – С. 232.
6. А.Н. Толстой о литературе и искусстве: очерки, статьи, выступления, беседы, заметки, записные книжки, письма: [Сб.] / А.Н. Толстой; Вступ. ст. Ю. Оклянского; сост. Ю.М. Оклянский, Н.В. Лихова. – М.: Советский писатель, 1984. – 560 с.

[К содержанию](#)

УДК 070 + 316
ББК Ч600.6 + С5

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ И ТРАДИЦИОННЫЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОСВЕЩЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Л.И. Белова

Автором анализируются конструктивистский и традиционный подход в освещении социальных проблем современными СМИ. По результатам проведенного социологического исследования автор сопоставляет комплекс значимых для респондентов проблем с набором проблем, составляющих медиаповестку.

Ключевые слова: конструктивизм; социальная проблема; медиаповестка; традиционный подход.

Исторически социология сформировалась как наука, призванная находить причины и возможные варианты решения социальных проблем. Однако в рамках различных направлений мировой общественной мысли существуют совершенно разные подходы к объяснению сущности социальных проблем. Традиционные подходы (социальной дезорганизации (У. Томас, Ф. Знанецкий); отклоняющегося поведения (Э. Дюркгейм), функционализм (Р. Мертон) и другие подходы) объясняют социальные проблемы как некоторые «объективные» социальные условия – нежелательные, опасные, угрожающие, противоположные природе «социально здорового», «нормально» функционирующего общества. На социологическом языке они описываются как проявления социальной патологии, социальной дезорганизации, дисфункции, социальные противоречия, структурные напряжения и т.д.

Как подчеркивает один из современных исследователей социальных проблем И.Г. Ясавеев, задачи социолога с традиционной точки зрения заключаются в том, чтобы *выявлять* эти вредные условия, *анализировать* их, *устанавливать* те социальные силы, которые способствовали их возникновению, и, возможно, *предлагать* определенные меры по исправлению данных ситуаций [1]. По сути, при таком понимании социальная проблема трактуется как социальное условие.

Однако во второй половине XX века традиционные подходы начинают подвергаться критике за невозможность объяснить тот факт, почему одни условия определяются как проблемы и приковывают к себе серьезное внимание общественности, а другие – не менее опасные – остаются без признания как таковые.

Начиная с 1960–70-х гг. возникает альтернативное направление в объяснение социальных проблем – конструктивизм, полагающее социальные проблемы результатом деятельности коллективного сознания.

Основные идеи конструктивистского подхода к социальным проблемам были разработаны М. Спектором и Д. Китсьюзом в 1970-е гг. Они полагают, что социальные проблемы нужно определять как деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий [2]. Социальные проблемы, с данной точки зрения, – это конструкции, создаваемые индивидами или группами, которые привлекают внимание общественности к тем или иным предполагаемым условиям и выступают с требованиями их изменения [2]. В дальнейшем данный подход подвергался критике со стороны социологов, а последователи конструктивизма полностью не отрицают влияния объективных условий существования.

Мы согласимся с мнением И.Г. Ясавеева, что несомненный вклад конструктивистского подхода в изучение социальных проблем заключается в том, что он направляет внимание исследователей на изменчивое общественное признание тех или иных ситуаций в качестве социальных проблем. И вполне логично ставит вопрос: почему одни ситуации вызывают беспокойство, определяются как проблемы и находятся в центре внимания политиков, журналистов, общественности в целом, а другие не проблематизируются? В современном обществе существует бесконечное множество ситуаций, которые могут иметь статус социальных проблем, однако лишь небольшое число определяется в качестве таковых [3].

В информационном обществе средства массовой коммуникации выступают на первый план в конструировании социальной реальности. Однако, как мы видим, не все проблемы получают равное количество внимания СМИ. Как же осуществляется отбор проблемных ситуаций для признания их в качестве социальной проблемы со стороны общественности? На наш взгляд, наиболее аргументированный ответ на этот вопрос дает социологическая концепция публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска. Авторы утверждают, что социальные проблемы *конкурируют* между собой за то, чтобы попасть в публичную повестку дня [4]. Конкуренция между социальными проблемами вызвана ограниченностью таких ресурсов, как *пропускная способность* средств массовой коммуникации и вниманием общественности. Средства массовой коммуникации не могут сообщать обо всем, что происходит в обществе. Их пропускная способность ограничена рамками эфирного времени информационных программ, газетными площадями и пр. Вследствие этого в информационных агентствах, редакциях газет, телекомпаний, радиостанций постоянно осуществляется строгий отбор социальных проблем: медиа-контролеры принимают решения о том, какие проблемы являются более важными в настоящий момент, заслуживают внимания и/или каких-либо конкретных действий. При этом повышение внимания к определенной проблеме вызывает вытеснение других проблем за пределы публичного дискурса [3].

По мнению С. Хилгартнера и Ч. Боска – наиболее высокие шансы попасть в повестку дня имеют те проблемы, которые обладают новизной, драматичностью, соответствуют интересам властных элит и культурным предпочтениям общества [4].

По мнению И.Г. Ясавеева, концепцию С. Хилгартнера и Ч. Боска, разработанную на базе изучения американских медиа, вполне успешно можно использовать и для прояснения ряда вопросов, касающихся освещения одних социальных проблем и замалчивания других российскими средствами массовой информации [3].

Мы полагаем, что в изучении освещения социальных проблем совмещение конструктивистского подхода с традиционным социологическим изучением способно дать новое видение проблемы.

В октябре 2005 года, по данным И.Г. Ясавеева, «повестка дня», сформированная информационными программами трех наиболее популярных в России телеканалов – Первого канала («Новости», «Время»), НТВ («Сегодня») и «Россия» («Вести»), выглядела следующим образом: приоритетными являлись социальные проблемы терроризма (190 сообщений в течение месяца), преступности (89), пожаров (46), «новых» болезней, таких как птичий грипп (43), техногенных катастроф (24), массовых острых заболеваний (17) [3].

В то же время множество других ситуаций (например, высокий уровень алкоголизации, домашнее насилие и другие), вызывающих опасение у социологов и других специалистов, либо вообще не были представлены в новостях либо получили крайне небольшое количество внимания – им было посвящено от одного до трех сообщений в эфире [3].

В декабре 2013 года автором было проведено социологическое исследование, с целью выяснения особенностей восприятия социальных проблем современной молодежью. В исследовании приняли участие 109 респондентов от 18 до 25 лет.

Прежде всего, нам важно было выяснить какие проблемы, по мнению респондентов, являются для них на сегодняшний день наиболее значимыми (табл. 1). Лидирующую позицию занимает комплекс проблем, связанных с межнациональными вопросами. Респонденты отмечали, что последнее время национальные вопросы их сильно беспокоят в связи с «засильем мигрантов», участившимися случаями агрессии со стороны мигрантов из стран Ближнего зарубежья и террористических актов.

Вопросы, связанные с образованием не могут не беспокоить респондентов, поскольку все они, будучи студентами, непосредственно соприкасаются с данными вопросами. Некачественное образование как проблема было обозначено в контексте ЕГЭ, который, по мнению респондентов, не способствует приросту знаний у школьников или развитию их творческих способностей, а наоборот, «происходит натаскивание на правильные

ответы и заполнение бланков», что ведет к деградации подрастающего поколения в целом и отсутствию мотивации к получению дополнительных знаний сверх обозначенных в тестах.

Таблица 1

Рейтинг социальных проблем по значимости для респондентов

Ранг	Социальная проблема
1	Межнациональные конфликты, терроризм
2	Преступность
3	Некачественное образование
4	Безработица
5	Алкоголизм
6	Деградация молодежи
7	Экологические проблемы
8	Наркомания
9	Коррупция
10	Социальное неравенство
11	Социальная незащищенность

Проблема дальнейшего трудоустройства и поисков хорошо оплачиваемой работы по специальности стоит достаточно остро для студентов. Многие из них уже имеют опыт поиска подработки с разной степенью успешности.

Деградацию молодежи, выражающуюся в подростковом алкоголизме, агрессии по отношению к сверстникам, игромании и отсутствии уважения к старшим, респонденты обозначили как одну из важнейших. При этом респонденты подчеркивали, что агрессия и асоциальное поведение – теперь не только удел подростков из неблагополучных семей, зачастую подобное поведение – следствие вседозволенности и безнаказанности детей состоятельных и «властимущих» родителей.

Проблема социальной незащищенности также волнует наших респондентов. Они отмечали, что проблемы инвалидов, пожилых людей совсем не освещаются в СМИ. Такие категории людей являются «ненужными» обществу, социальные выплаты ничтожны, и по сути, люди остаются сами со своими проблемами. Проблема социальной незащищенности рассматривалась респондентами, как состоящая из множества проблем как то: сложность получения качественных медицинских услуг, бедность, сложность в получении образования, социальная изолированность от общества инвалидов и многое другое.

Как доказано социологами (М. Маккоумз, Д. Шоу и другие), расстановка приоритетов в иерархии социальных проблем у аудитории не всегда полностью совпадает с медиа-повесткой: существуют проблемы, которые люди считают важными, даже если они не освещаются в СМИ. Такие про-

блемы получили название «навязчивых», поскольку они привлекают внимание рядовых граждан вне зависимости от усилий СМИ: «относительно данных проблем люди имеют непосредственный и постоянный опыт, такие как инфляция и безработица, и которые приобретают общественную значимость вследствие личного опыта», а «ненавязанными» проблемами считаются те, по отношению к которым у людей нет личного опыта, и «средства массовой информации выступают в качестве единственного учителя и источника сведений об этих проблемах» [5].

Респондентам было предложено выбрать проблемы, освещаемые в СМИ и формирующие «повестку дня», которые чаще всего привлекают их внимание. Рейтинг проблем сложился следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг социальных проблем по частоте освещения в СМИ

Ранг	Социальная проблема
1	Международные конфликты, терроризм
2	Коррупция
3	Преступность
4	Высокий уровень ДТП
5	Алкоголизм
6	Агрессия подростков
7	Беспризорные дети
8	Экологические проблемы
9	Другое

Как мы видим, список проблем, волнующих наших респондентов, не полностью совпадает с предложенной СМК «повесткой дня». Однако проблема международных конфликтов, терроризма так же занимает лидирующее положение. Многочисленные сюжеты, освещающие конфликты в Бутово, взрывы в Волгограде и т.п., захватили общественное внимание. Рассмотрим последовательно особенности освещения каждой из проблем в СМИ.

Библиографический список

1. Ясавеев, И.Г. «Социальная проблема» в социологическом лексиконе / И.Г. Ясавеев // Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений. – 2006. – № 6. – С. 101–117.
2. Спектор, М. Конструирование социальных проблем / М. Спектор, Дж. Китсьюз // Контексты современности – II. – Казань, 2001. – С. 160–163.
3. Ясавеев, И.Г. Социальные проблемы и медиа (конструкционистское прочтение) / И.Г. Ясавеев. – LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co., 2010. – 238 с.
4. Хилгартнер, С. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / С. Хилгартнер, Ч.Л. Боск // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. – 2007. – С.151–164.

5. McCombs, M. Media Agenda-Setting in the Presidential Election / M. McCombs, Ch. Eyal, D. Graber, D. Weaver. – N.Y.: Praeger Scientific, 1981. – P. 155.

[К содержанию](#)

УДК 070

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

И.Д. Борченко

Статья посвящена междисциплинарному анализу понятия «социальные медиа» с позиции социологии, философии, истории, политологии, журналистики и т.д. Выделены некоторые функции и аспекты новых социальных медиа, а так же условия их развития.

Ключевые слова: социальные медиа; новые социальные медиа; медиaprостранство; дисциплинарные подходы; функции социальных медиа.

Современные изменения во всех сферах деятельности влекут за собой переосмысление социальных, культурных и иных ценностей всего человечества.

Информация сегодня оказывает существенное влияние на всю деятельность человека. В эпоху «информационного общества» человек, приспосабливаясь к трансформирующейся действительности, по-новому смотрит на «старые» явления. Такие понятия как «социальные медиа» и «медиапространство» переосмысливаются с учетом изменяющегося общества.

Таким образом, понятие «социальные медиа» становится объектом междисциплинарного интереса. С одной стороны, социальные медиа подвергаются междисциплинарному анализу со стороны журналистов, социологов, культурологов, историков, политологов и т.д. С другой стороны, сами социальные медиа традиционно исследуют все институциональные формы общества – экономику, политику, право, мировоззренческую сферу: философию, науку, религию, искусство [1, с. 2–3].

Следует также отметить, что по мере расширения интернет-коммуникаций социальные институты все более энергично осваивают возможности новых социальных медиа. При этом институты власти, бизнеса, некоммерческого сектора, взаимодействующие как с традиционными, так и с новыми медиа, активно используют современные технологии воздействия на сознание и поведение целевых групп, включая нейролингвистическое программирование, нейромаркетинг и т. д. [2, с. 5].

Дисциплинарные подходы и направления, в рамках которых могут быть рассмотрены социальные медиа:

- философский (при этом подходе рассматривается информационная и социальная составляющая социальных медиа, связь развития социальных медиа с этапами развития цивилизации);
- теоретико-журналистский (теория социальных медиа, средства массовой информации как часть гражданского общества);
- коммуникативистский (социальные медиа в ряду средств социальной коммуникации, виды социальной коммуникации в Интернете и тенденции их развития);
- юридический (проблемы авторского права в новых социальных медиа);
- политологический (роль социальных медиа в развитии гражданского общества, политическое влияние новых социальных медиа);
- исторический (смена состояний, связанный с зарождением, становлением, развитием и исчезновением средств массовой информации);
- психологический / социально-психологический (закономерности восприятия массовой, влияние социальных медиа на сознание и поведение личности и групп);
- социологический (социальный смысл обмена информацией в процессе коммуникации, социальная эффективность новых социальных медиа) [3, с. 8–11].

Относительно социальных функций новых социальных медиа существует множество мнений, которые постоянно меняются, потому что меняется сам предмет. В целом анализ классификаций Я.Н. Засурского, Е.П. Прохорова, А. Саркисяна, А.В. Федорова, Л.Н. Федотовой, И.Д. Фомичевой, И. Хмары позволяет разделить функции новых социальных медиа на следующие основные группы:

- 1) информационная: сообщение о положении дел, разного рода фактах и событиях;
- 2) интерактивная: характеристика компонентов передачи информации посредством новых социальных медиа, которые связаны с взаимодействием людей, с непосредственной организацией их совместной деятельности;
- 3) аналитическая (оценочная, функция критики): часто изложение фактов сопровождается комментарием к ним, их анализом и оценкой;
- 4) познавательно-просветительская (образовательная): передавая многообразную культурную, историческую, научную информацию, масс-медиа способствуют пополнению фонда знаний своих читателей, слушателей, зрителей;
- 5) нравственно-воспитательная: формирование духовной личности, способной к самосовершенствованию посредством новых социальных медиа;

б) морально-эстетические приоритетные образцы общественного поведения, принципы нравственности и эстетического вкуса, представления о добре и зле;

7) функция воздействия (идеологическая, социально-управленческая, регулятивная): новые социальные медиа влияют на взгляды и поведение людей;

8) гедонистическая (рекреационная, эстетическая): направлена на обеспечение досуга, приятного времяпрепровождения, отдыха, восстановления сил, удовлетворения эстетических потребностей аудитории. В основном это происходит в интерактивной форме, посредством общения в социальных сетях Интернет [4].

Социальные медиа – это форма активного отношения к информационному пространству, содержание которого составляет целесообразное изменение и преобразование последнего.

Таким образом, достижения в области новых технологий, на которых основывается формирование информационного общества, во многом изменили характер коммуникации. Особая роль в этом процессе принадлежит социальным медиа, которые, являясь специфическим интерактивным средством массовой коммуникации, уже активно используются в качестве основного коммуникационного канала во всем медиaprостранстве.

Библиографический список

1. Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»: Программа: тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, АСТЕРИОН, 2008. – 560 с.

2. Дзялошинский, И.М. Коммуникационные стратегии социальных инструментов в медиaprостранстве России: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.М. Дзялошинский. – М., 2013. – 45 с.

3. Исследования СМИ: методология, подходы, методы: учебно-методическое пособие // Материалы лекций для аспирантов факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 236 с.

4. МедиаПедагогика. – URL: <http://www.media-pedagogics.ru/lectures.html>.

[К содержанию](#)

УДК 004.738.3 + 070.2

ББК Ч602.471

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЗАМЕТКИ В ИНТЕРНЕТ-СМИ

М.Н. Булаева

Сегодня продолжается рост числа пользователей интернета, увеличивается и доля тех, кто обращается к ресурсам Сети как к новостному источнику. Новости – наиболее востребованный журналистский продукт. Ведущий новостной жанр как традиционных, так и сетевых СМИ – заметка, в интернете претерпела ряд изменений, приобрела новые свойства.

Ключевые слова: журналистика; СМИ; Интернет; заметка; новости.

Тенденции роста потребления и доверия к интернет-СМИ становятся все более очевидными. Интернет-СМИ стремительно завоевывают аудиторию. При этом наибольшей популярностью пользуются новостные сайты, ориентированные на оперативную подачу информации. Такие данные приведены в исследовании РИА «Новости», проведенном в 2013 году [1].

В условиях высокой скорости передачи данных и большого количества СМИ, редакции интернет-изданий стремятся передать как можно больше сведений за как можно меньший временной отрезок. Наиболее подходящим для этих целей является жанр заметки. Этот жанр, существующий не одно столетие в печатных изданиях, сегодня также пользуется популярностью, при этом обретая новые характеристики благодаря свойствам Интернета.

Заметка – простейшая форма оперативного газетного сообщения, в основе которой лежит злободневный, оперативный, общественно значимый факт. Ее характеризуют новизна и краткость [2].

Главное для заметки – именно краткое изложение результата изучения, «сигнализирование» о существовании (или отсутствии), основных чертах какого-то явления, события, человека, проблемы. Причем эти события, явления, проблемы, стороны личности человека должны выступать для аудитории как «новость», то есть потенциальная информация, превышающая то, что уже известно читателям [3]. Таким образом, заметка – это жанр, характеризующийся кратким объемом и предназначенный для оперативного освещения событий.

Выделяют следующие виды заметок: хроника – информационное сообщение, объем которого одна-две фразы. Не имеет самостоятельного заголовка, публикуется в подборках, которые уже имеют заголовок. Заметка – информационное сообщение, имеющее заголовок и дающее факт с некоторыми подробностями. Расширенная заметка – информационное сообщение, которое содержит достаточно большое количество деталей события, дает факт с подробностями, мнениями компетентных лиц; возможно наличие мини-вывода [2].

Для построения заметок используется принцип перевернутой пирамиды, который предполагает такое построения информации, при котором наиболее важные факты расположены в самом начале текста, наименее важные – ближе к концу. Этот принцип удобен при редактировании заметок, особенно при сокращении. Также он позволяет привлечь внимание аудитории уже с первых строк именно тем, что там находится самая интересная и важная информация. Структурно заметка состоит из заголовка, лида и корпуса (тела, основной части сообщения).

Одним из главных требований к новостному тексту является его информативность, поэтому при подготовке заметок журналисты ориентируются на схему 5W+H. Она отражает те вопросы, ответы на которые должна содержать новость: пять W это What? (Что), Who? (Кто?), Where? (Где?), When? (Когда?) и Why? (Почему?/Зачем?). H – это How?, то есть «Как?». Эти характерные содержательные признаки традиционной заметки присутствуют и в заметках интернет-СМИ.

Первостепенное значение для заметки в интернет-СМИ имеют лид и хэдлиней. Это начальные элементы новостного текста, они, как правило, размещаются на главной странице сайта в качестве анонсов. Хэдлиней выполняет роль традиционного заголовка в интернет-СМИ. Обычно это простое предложение, содержащее сообщение о новости. Также как и любой заголовок, хэдлиней заметки должен быть информативным и привлекающим внимание. О значимости работы над заглавием свидетельствует и тот факт, что по данным опроса, опубликованного в 2010 году корпорацией Outsell, 44 процента посетителей новостного агрегатора Google News читают только заголовки и не кликают по ссылкам [4]. Заголовок материала в интернет-СМИ выполняет не только информативную функцию (отражает суть новости), но и оптимизацию поиска информации. Учитывая, что на страницу интернет-СМИ аудитория, зачастую, может попасть по ссылкам с других сайтов, важны ключевые слова, по которым будет осуществлен поиск. Поэтому заголовки заметок должны быть предельно конкретными, отражать суть новости.

Лид – первое предложение текста, содержит более подробное описание новости, чем в заголовке. Лид должен дополнять, развивать заглавие, но не повторять его дословно.

Однако, публикация в Сети, в силу особых свойств Интернета, обладает более существенными отличиями от текстов традиционных СМИ. Технологии Интернета наделяют тексты СМИ специфическими признаками – мультимедийностью, интерактивностью, свойствами гипертекста.

Мультимедийность – характеристика представления информации с помощью различных медийных платформ – вербального текста, фотографии, аудио-, видео-, графики, анимации и других производных от них форм [6]. Мультимедиа в переводе с латинского означает «созданный из многих

средств» (multum – много; media, medium – средоточие, средства) [5]. То есть конечный продукт, состоящий из нескольких разных продуктов.

Мультимедийная среда помогает разнообразить подачу информации (то есть привлечь внимание аудитории), а также улучшить восприятие той информации, которая в текстовом виде, например, не воспринималась бы столь полно. М. Лукина отмечает, что уникальное свойство Интернета передавать информацию с помощью разных медийных платформ и в разных конфигурациях, то есть конвергентно, является предпосылкой для возникновения новых журналистских жанров, в которых для передачи информации используются разные знаковые системы: устное и письменное слово, звук, видеоизображение, графика, анимация [6].

Заметка в интернет-СМИ может сопровождаться не только фотоиллюстрацией, но и интерактивной графикой, инфографикой, аудио- и видеоматериалами. Таким образом, она трансформируется в мультимедийную заметку.

Еще одно важное отличие интернет-заметки от традиционной в том, что возможен просмотр новости «вглубь» благодаря такому свойству Интернета, как гипертекст. Под гипертекстом понимается текст, состоящий из потенциально бесконечного множества текстов, объединенных системой встроенных гиперссылок [6]. Все журналистские тексты в интернет-СМИ приобретают свойства гипертекста. Ссылки в заметках можно сделать таким образом, чтобы, например, объединить несколько материалов в сюжет. Новость в Интернете не является отделенной от других текстов сети, к ней добавляются комментарии, гиперссылки, она может быть включена в определенную тему и связана с текстами, которые отображают развитие событий. Связь между текстами имеет ризоматический характер – вследствие этого автоматически возникает содержательный контекст, центром формирования которого является определенная новость [7].

Третье важное свойство интернет-публикаций – интерактивность. Благодаря этому фактору, читатели могут взаимодействовать друг с другом и с журналистом. Интерактивность позволяет аудитории не только выразить свое мнение, но и участвовать в создании контента. Благодаря взаимодействию СМИ и социальных сетей, читатели могут поделиться заметкой со своими друзьями.

Таким образом, жанр заметки с переходом в интернет-пространство не только не утратил своей значимости, но и приобрел новые качества, характерные для текста в Интернете. Однако создание мультимедийной заметки требует от журналиста дополнительных компетенций и навыков.

Библиографический список

1. Кто читает новости в Рунете? // Центр исследований РИА «Новости». – URL: http://pano.ria.ru/Advert/Research2_2013.pdf.

2. Ворошилов, В.В. Журналистика: учебник / В.В. Ворошилов. – 7-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2010. – 496 с.
3. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. – URL: <http://evartist.narod.ru/text2/03.htm>.
4. Амзин, А.А. Новостная интернет-журналистика / А.А. Амзин. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 144 с.
5. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/22513/%D0%9C%D0%A3%D0%9B%D0%AC%D0%A2%D0%98%D0%9C%D0%95%D0%94%D0%98%D0%90.
6. Интернет-СМИ: теория и практика: учебное пособие для студентов вузов / под ред. М.М. Лукиной. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 348 с.
7. Калмыков, А.А. Интернет-журналистика / А.А. Калмыков, Л.А. Коханова. – М.: Юнити-Дана, 2005. – 384 с.

[К содержанию](#)

УДК 070.22 + 659.44 + 159.9

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА В МАССОВЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ

В.П. Васильева

В статье описаны результаты исследования специфики социального мифотворчества в массовых печатных изданиях на примере «ТЕЛЕНЕДЕЛЯ ЧЕЛЯБИНСК» и «Антенна-Телесемь. Челябинск». Выделены формируемые телегидами мифы и их функции.

Ключевые слова: социальное мифотворчество; социальный миф; журналистика; телегид; связи с общественностью.

Социальное мифотворчество является одной из функций средств массовой коммуникации. Социальный миф трактуется исследователями как идеологическая конструкция, основанная на массовых переживаниях, страхах и надеждах. А. Шопенгауэр и Ф. Ницше, которые первыми ввели в научное обращение термин «социальный миф», рассматривали его как необходимую иллюзию, консолидирующую социум в условиях массового общества. В. Парето и Ж. Сорель видели в социальных мифах средство воздействия на массы, способное вызвать их политическую активность. Отсюда вытекает важность изучения специалистами PR специфики социального мифотворчества в массовых печатных изданиях.

Создание и поддержание бытующих в массовом сознании мифов осуществляется СМИ посредством отбора информации и содержащихся в ней интенций. Направленность общественного сознания, мышления на какой-

либо предмет, формируемая специально и целенаправленно, есть результат воздействия массовой информации на читателя, зрителя, слушателя.

Для специалиста в области влияния важно найти СМИ, которое будет популярным, что обеспечит широкую аудиторию и гарантированное влияние. Одним из таких СМИ являются телегиды, так как они читаемы еженедельно. В г. Челябинске на печатном рынке самые популярные телегиды – «ТЕЛЕНЕДЕЛЯ ЧЕЛЯБИНСК» и «Антенна-Телесемь». Челябинск». Эти журналы содержат не только ТВ-программу на неделю, но и статьи о жизни известных личностей: актеров, музыкантов, певцов и т.п. Такое наполнение обеспечивает журналам продаваемость, а следовательно, возможность оказывать широкое влияние на массовое сознание с помощью транслируемых в статьях мифах.

Мы провели исследование специфики социального мифотворчества в массовых печатных изданиях на примере «ТЕЛЕНЕДЕЛЯ ЧЕЛЯБИНСК» и «Антенна-Телесемь. Челябинск». Гипотеза исследования предполагала, что с помощью текстов телегидов «ТЕЛЕНЕДЕЛЯ ЧЕЛЯБИНСК» и «Антенна-Телесемь. Челябинск» распространяются следующие социальные мифы: «Если много трудиться для того, чтобы стать звездой, то ты обязательно ею станешь», «Если я буду звездой, то за счастье придётся бороться, и не факт, что я стану счастливым», «Если бы я стал(а) звездой, то моя жизнь была бы трудней, чем у обычного человека», и они выполняют следующие функции мифологического сознания: интерперизации, аксиологическую, сигнификативно-моделирующую. Для подтверждения или опровержения гипотезы были опрошены эксперты – главные редакторы региональных подразделений журнала «ТЕЛЕНЕДЕЛЯ». Им было предложено определить интенции, содержащиеся с транслируемых телегидами мифах и составляющие мифов, то есть ситуативные проявления основных мифов.

В целом можно выделить пять интенций, которые чаще всего входили в первую пятёрку у экспертов и занимали в ней первые позиции. К ним относятся следующие составляющие социальных мифов:

- 1) звёзды часто одиноки;
- 2) звёздам счастье даётся очень нелегко;
- 3) звёздам тяжело найти счастье в личной жизни;
- 4) звёзды мало общаются со своими детьми;
- 5) звёздам трудно найти настоящих друзей.

Все пять самых распространённых, по мнению экспертов, интенций относятся к социальному мифу: «Если я буду звездой, то за счастье придётся бороться, и не факт, что я стану счастливым». Таким образом, мы можем сделать вывод, что именно этот социальный миф, распространяемый с помощью текстов телегидов, эксперты считают самым часто встречающимся. На второе место они поставили миф: «Если бы я стал(а) звездой, то моя жизнь была бы трудней, чем у обычного человека». И на третьем месте стоит: «Если много трудиться для того, чтобы стать звездой, то ты обязательно ею станешь».

Кроме ранжирования интенций мы задали экспертам вопрос о том, какие функции мифологического сознания наиболее сильно поддерживаются социальными мифами, распространяемыми через тексты о звёздах и, соответственно, с помощью телегидов, как одном из наиболее доступных источников подобных материалов. Всего экспертам было предложено пятнадцать функций мифологического сознания, из которых они выбрали пять тех, которые выполняются и поддерживаются с помощью социальных мифов, распространяемых с помощью материалов телегидов.

В результате четверо из пяти экспертов указали, что одной из функций мифологического сознания, которую поддерживают социальные мифы о звёздах, является аксиологическая (ценностная и оценочная). По три эксперта в свой список включили функции: мнемотически-ориентированную, сигнификативно-моделирующую и функцию интерперизация.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что, по мнению экспертов, социальные мифы, распространяемые с помощью текстов телегидов, в первую очередь направлены на формирование определённой ценностной шкалы для явлений и отношений, протекающих между человеком и окружающим миром – аксиологическая функция.

Так же эксперты посчитали, что социальные мифы о знаменитостях в некотором роде оформляют человеческое сознание, конструируют общность в языковом, этническом и культурном отношении. Сам миф при этом понимается как своеобразная система образов, впечатлений окружающей среды – мнемотически-ориентированная функция.

Сигнификативно-моделирующая функция, так же, по мнению экспертов, присущая социальным мифам о звёздах, отвечает за построение знаковой системы действительности и за моделирование в ней мифологических событий и реальных явлений для их дальнейшего воспроизведения и подражания индивидом как вечным образцам поведения (формирование шаблонов поведения).

Функция интерперизации отвечает за усвоение и натурализацию социального мифа. С её помощью общественные смыслы переводятся в индивидуальные.

Таким образом, мы можем сказать, что социальные мифы, распространяемые с помощью текстов телегидов, направлены на создание определённых ценностных образов, их градацию и моделирование различных ситуаций, с помощью которых создаются макеты (шаблоны) поведения людей в тех или иных ситуациях. А так же они дают возможность понять, что может значить лично для человека какое-либо событие, происходящее в общественной среде.

Второй вид исследования – интент-анализ текстов на наличие в них социальных мифов, показал, что все три мифа присутствуют в текстах основных телегидов Челябинска примерно в равных долях:

1. Если я буду звездой, то за счастье придётся бороться, и не факт, что я стану счастливым – 36,86 %.

2. Если бы я стал(а) звездой, то моя жизнь была бы трудней, чем у обычного человека – 35,5 %.

3. Если много трудиться для того, чтобы стать звездой, то ты обязательно ею станешь – 27,64 %.

Третьим методом, который использовался в нашем исследовании, был опрос читателей телегидов. Мы выявили, насколько успешно, выявленные нами интенции, помогают укорениться социальным мифам в сознании людей. А также выявить, выполняются ли функции мифологического сознания, которые наши эксперты посчитали актуальными для социальных мифов, распространяемых с помощью материалов телегидов.

В подавляющем большинстве случаев опрошенные отмечали варианты, которые свидетельствовали о том, что в их сознании все 15 функций мифологического сознания действуют.

По результатам опроса экспертов мы выявили, что три самые распространённые функции мифологического сознания, которые поддерживаются социальными мифами о звёздах это:

- 1) сигнификативно-моделирующая;
- 2) интерперизация;
- 3) аксиологическая.

Единственная функция, которая не нашла отражения в сознании респондентов – Идеолого-прагматическая. Данная функция необходима для стабилизации в мифологической картине мира существующего положения вещей как вечных и незыблемых, для оправдания и легитимации сложившихся систем власти, социально-политических институтов, для освящения их духовной санкцией, а также для поддержания порядка. Мы предполагаем, что данная функция больше присуща социальным мифам в других сферах общественной жизни.

По результатам нашего исследования видно, что в текстах телегидов города Челябинска активно продвигаются три социальных мифа: «Если много трудиться для того, чтобы стать звездой, то ты обязательно ей станешь», «Если бы я стал(а) звездой, то моя жизнь была бы трудней, чем у обычного человека», «Если я буду звездой, то за счастье придётся бороться, и не факт, что я стану счастливым». Это подтверждает мнение экспертов и количество интенций, найденных нами в исследуемых текстах, однако, эти мифы не очень хорошо вжились в сознание людей. Функции мифологического сознания по результатам опроса действуют достаточно эффективно.

Итак, из вышесказанного можно сделать вывод, что тексты телегидов «ТЕЛЕНЕДЕЛЯ ЧЕЛЯБИНСК» и «Антенна-Телесемь. Челябинск» в полной мере выполняют функцию социального мифотворчества. Следовательно, сотрудничество PR-специалистов любой сферы деятельности, а в особенности государственной сферы, с журналистами этих печатных СМИ будет эффективно.

Библиографический список

1. Мишучков, А. Специфика и функции мифологического сознания / А. Мишучков // *Credo new: теоретический журнал*. – 2000. – № 6(24). – С. 87–101.

[К содержанию](#)

ББК Ш401 + Ш5(2)5

УДК 82.09

ЕЩЁ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРИРОДЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА

О.А. Виноградова

Рассматриваются некоторые особенности Петербургского текста как сверхтекста. Выделены такие необходимые для сверхтекстовых образований компоненты, как развитое мифопоэтическое поле, метатекст, интертекст.

Ключевые слова: Петербургский текст; сверхтекст; метатекст.

Типологическую разновидность Петербургского текста русской литературы – сверхтекст – до сих пор некоторые исследователи называют научной метафорой, что указывает на некое проблемное поле в данной теме.

Новые литературные формы могут замещать предыдущие, вытеснять их. В случае же со сверхтекстовыми образованиями происходит, видимо, другой процесс – кумулятивный, накопительный. Петербургский текст как сверхтекст и сейчас носит открытый характер, продолжается приращение индивидуально-авторских текстов на основе «общего интерпретационного кода» (Т.А. Парамонова). Возможное проигрывание вариантов пути героя, его характера происходит на фоне почти единообразного описания Петербурга.

Хотя ядро данного текста составляют произведения классического периода (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский), он сам не определяется их типологическими и идейными установками. Отсутствие единой авторской воли делает его «носителем самостоятельных ... смыслов» [1] и, скажем от себя, сверхзамысла (спасение человека). Реализован ли он и правильно ли нами (читателями и новыми авторами) понят, будет ясно, видимо, только в конце человеческой истории, т.к. именно такую глобальную задачу ставит перед собой Петербургский текст. Поэтому он ориентирован на *совместное* решение важных проблем, т.е. на диалог, интерпретацию и достраивание. При этом развитая мифопоэтическая составляющая позволяет думать о его чёткой направленности, телеологической заданности восприятия в определённом ключе. Усиление происходит за счёт многократного повторения примет города в большом корпусе текстов, что, бесспорно, воздействует на читателя. Это создаёт очень устойчивый образ, задаёт совершенно чёткую смысловую ориентацию, от которой довольно

трудно отстраниться. Вообще признание некой общности разных текстов, их слияния в феномен сверхтекста уже выходит за рамки чистого литературоведения и лингвистики, оно происходит в контексте культуры.

В «сильных» сверхтекстах (А.Г. Лошаков), к которым относится и Петербургский текст, ощущение смысловой спаянности, связности произведений могут возникать, например, из-за «особого типа состояния сознания» [2], общей тональности описываемого и способности формировать «некие новые тексты (как подтексты)» [3].

Отношения героя с Петербургом, особое переживание города, начиная с XIX века, будут постоянной сквозной темой русской литературы. Поэтому можно говорить о Петербурге как метатеме. Она имеет своё отдельное «тело» – уже вторичный сверхтекст, Петербургский текст. В составе каких-то произведений (как интертекст) он участвует в формировании второго, скрытого сюжета: путешествие по городу как духовный путь, возможная смерть, а через это спасение. По мысли В.Н. Топорова, именно пути спасения делают Петербургский текст нашим великим текстом.

Интересно «отношение» петербургских текстов друг к другу и к описываемому городу: не как внетекстовым, «внешним структурам» (Ю. Лотман), а как к текстовым, находящимся в одном общем пространстве. При этом авторы «обнажают приём» за счёт метаописаний. Под последними мы понимаем не только вопрос о том, как строится данный текст, но и авторские комментарии по поводу «случившихся» с его героями историй, цитацию, различные отсылки. Яркий пример – предисловие С. Ауслендера к циклу рассказов «Петербургские апокрифы» (1909–1911 гг.): «...Никто не знает, что было, как было. <...> Прими, любезный читатель, несколько историй, навеянных грёзами о славном, весёлом, жестоком и необычайном Петербурге минувшего.

То, что вычитал в старых книгах с пожелтевшими страницами, то, что пригрезилось в странные часы сумерек, то, что рассказали мне безмолвные свидетели великих тайн, – соединил я в этих историях для того, чтобы, насколько хватит слабых сил моих, прославить тебя ещё раз, о, Петербург!» [4, с. 265].

Неоднозначен образ повествователя в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя: это и ироничный автор, и неискушённый рассказчик. «Всё время меняются дистанции между автором и повествованием, между повествованием и его объектом, между автором и аудиторией» [5, с. 49]. В начале «Невского проспекта» мы слышим авторские наблюдения/ рассуждения о главной улице города, а в конце (по принципу рамочной композиции) – его комментарии по отношению к только что изложенным сюжетным линиям, с подчёркнутым отстранением, как к чему-то внешнему. Подобное композиционное построение и позиция автора (метатекст) не даёт нам возможности пребывать в иллюзии некоей реальной истории (её модели), мы не забываем, что «имеем дело с литературным текстом» [6, с. 98].

В другом знаковом петербургском тексте, «Крысолове» А. Грина, рассказчик, повествуя о произошедших с ним событиях, также не обходится

без метатекстовых вкраплений: «Весной 1920 года, именно в марте, именно 22 числа, – дадим эти жертвы точности, чтобы заплатить за вход в лоно присяжных документалистов, без чего пылкий читатель нашего времени, наверное, будет спрашивать в редакциях – я вышел на рынок» [7, с. 305].

Ещё пример рефлексии происходящего с ним (уровень метатекста): «Между тем я был ещё в начале событий. Их развитие началось стуком отдалённых шагов» [7, с. 331].

Причём голос и гоголевского повествователя, и гриновского рассказчика звучат очень отчётливо, с претензией или на определённую назидательность, как у Гоголя («О, не верьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нём, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы. Всё обман, все мечта, всё не то, что кажется! <...>Менее заглядывайте в окна магазинов... Но боже вас сохраните заглядывать дамам под шляпки!.. Далее, ради Бога, далее от фонаря!» [7, с. 272]), или на то, чтобы сей случай соотносился и воспринимался в своём точном историческом хронотопе (не случайно мотив памяти предстаёт одним из ведущих в «Крысолове»).

Так автор вводит в отношения «читатель – художественный мир произведения» ещё и свою фигуру. В результате такого выраженного авторского присутствия читатель попадает в сильнейшее ментальное, понятийное поле, в котором идёт смысловая кристаллизация, просматривание различных вариантов пути. Метатекст «переключает внимание адресата на собственно текстовые компоненты, тем самым создаётся следующий уровень интерпретации» [8, с. 143]. Получается сложный клубок «противоречивых отношений искусства и реальности, вымысла и конкретных жизненных обстоятельств.

Между этими полюсами и происходит поиск героем самого себя, осуществляется его выбор. Иначе и не могла бы, видимо, складываться ситуация с Петербургским текстом русской литературы, где двойственность начинается уже со статуса самого города: ему то отказывали в факте бытия (исчезнет, как туман, «мозговая игра»), то наоборот считали воплотившемся в реальности мировым злом, царством Антихриста. Отсюда неотделимая от города мифопоэтическая составляющая. А так как «прорабатываются» здесь важные для каждого, универсальные смыслы (варианты спасения, по В.Н. Топорову), то концепты этого текста давно уже живут в нашем языке и сознании. Поэтому налицо и обратный эффект – выход Петербургского текста «из чисто литературного ряда в мир реальности» [6, с. 99]. При этом все – читатели, автор, произведение, герои, город – находятся в пределах одного пространства. Объединяющим началом в данном случае выступает Петербургский текст, который воспринимается как борьба с энтропией (нарастанием бессмысленного, разрушительного, т.е. хаоса, смерти).

Таким образом, сам феномен Петербургского сверхтекста с его метатекстовыми, интертекстуальными компонентами, свидетельствует о важности того Петербургского мифа (со всем его когнитивным полем), который стоит за произведениями.

Библиографический список

1. Доманский, Ю.В. Вариативность и интерпретация текста (парадигма неклассической художественности): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ю.В. Доманский. – М., 2006.
2. Тихомирова, Л.Н. «Ночная» поэзия как сверхтекст / Л.Н. Тихомирова // Изв. УрГУ. Серия Гуманитарные науки. Филология. – 2009. – № 1/2 (63).
3. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифологического / В.Н. Топоров. – М., 1995.
4. Ауслендер, С.А. Петербургские апокрифы: роман, повести, рассказы / С.А. Ауслендер. – СПб.: Мирь, 2005. – 711 с.
5. Маркович, В.М. Петербургские повести Н.В. Гоголя / В.М. Маркович. – Л.: Художественная литература, 1989. – 208 с.
6. Лотман, Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
7. Мистический Петербург. – М.: Яуза: Эксмо, 2008. – 352 с.
8. Николаева, Т.М. Метатекст и его функции в тексте (на материале Мариинского Евангелия) / Т.М. Николаева // Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987. – 304 с.

[К содержанию](#)

УДК 821.111(71)-31 + 808.1

ББК Ш5(7США) + Ш401.3

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЁМ ПОТОКА СОЗНАНИЯ В РОМАНЕ У. ФОЛКНЕРА «КОГДА Я УМИРАЛА»

Э.А. Воронина

В статье рассматриваются особенности применения приёма потока сознания в романе У. Фолкнера «Когда я умирала». Особое внимание обращается на те художественные средства, которые помогают изобразить явления человеческого сознания, не поддающиеся точной вербализации – понятия, явления, образы.

Ключевые слова: «поток сознания»; внутренний монолог; понятие; чувственное впечатление; вербализация.

Художественный приём потока сознания не получил ещё достаточно чёткого определения. Среди последних работ, посвященных анализу этой художественной формы, следует назвать статьи Г.М. Ибатуллиной, Л.А. Коугия, Г.В.Оттенс [1, 2, 3].

Приём потока сознания позволяет писателю представить течение мыслей, смену образов в сознании героя. Изображение парадоксальной, не поддающейся рациональному объяснению работы сознания приводит к от-

сутствию связности, последовательности повествования. Отметим также, что сюжет произведения, написанного в форме потока сознания, отличается от традиционного сюжета. События, описанные в таком произведении, не соотносятся с общепринятыми координатами времени и пространства. Сюжет извлекается, «вырывается» из социального, внешнего пространственно-временного континуума. Писатели, прибегающие к потоку сознания, сосредоточивают внимание на психологических процессах, проистекающих в сознании героя, поэтому перед читателем предстают события «внутренней», ментальной жизни, которые соотносятся с координатами «внутреннего» психологического времени и пространства.

В своём романе «Когда я умирала» У. Фолкнер рассказывает о семье Барденов, влачащей весьма жалкое существование в скудных условиях сельской местности. Семья Бадренов состоит из Адди Бандрен, ее мужа Анса и их детей: Кэша, Дарла, Джуила, и Вардамана. Роман Уильяма Фолкнера начинается смертью главной героини, почтенной матери семейства, Адди Бандрен. Далее описывается, как семейство везет Адди Бандрен, чтобы похоронить ее в родном городе Джефферсоне. В пути каждому приходится пройти через ряд серьёзных испытаний. На первый взгляд кажется, что, отправляясь в путь, герои руководствуются желанием исполнить последнюю волю умирающей, но на самом деле поездка в город необходима им, чтобы устроить свои личные дела и решить свои проблемы.

История семьи Барденов изложена на 200 страницах; в произведении мы не находим традиционной художественной структуры; в романе нельзя выделить главного героя, что касается сюжетного построения, то автора менее всего интересует развитие событий внешней жизни; сюжетная линия путешествия – преодоление 40 миль, отделяющих селение Бадренов от городка Джефферсон, в романе второстепенна. Гораздо интереснее другого рода путешествие – погружение в область человеческого сознания. Это погружение происходит через изображение потока сознания героев, отдельные экскурсии в область движения человеческого сознания представлены в монологах героев; соответственно, монологи героев в этом романе преобладают над диалогами.

Роман состоит из 59 частей, написанных от лица различных героев. Чаще всего звучит голос Дарла; 19 частей романа представляют собой монологи-повествования этого героя. Остальные части написаны, по преимуществу, от лица других членов семейства Барденов (Адди Бандрен, Джуила и др.). Развёртывание повествования в этом романе можно сравнить со спортивной игрой с мячом. Роман начинается с «партии» Дарла, затем следует монолог Кору, затем опять Дарла, затем Джуила и т.д.

У читателя может возникнуть вопрос, какой причиной объясняется появление в романе каждого следующего рассказчика, в чём же заключается логика перехода от одной точки зрения к другой? Скорее всего, писатель хочет

представить различные, чаще всего, противоположные точки зрения на одно и то же событие. В результате читатель, в поле зрения которого оказываются различные интерпретации одного и того же события, может решить, что же, действительно, произошло, кто из героев правдиво излагает события, а кто искажает происшедшее, и чем может быть вызвано это искажение.

В своём представлении потока сознания героев У. Фолкнер опускается на доречевую уровень формирования мысли, понятий. В изображении писателя, человеческая мысль далеко не всегда выражается средствами языка. Человек часто думает, не облекая свои мысли в слова, размышляя, он оперирует понятиями, но не словами. Язык, в то же время, является средством выражения этих мыслей. Когда мы произносим слово с конкретным значением, у нас в сознании возникает конкретный образ (например, образ кошки, собаки). Но что происходит в нашем сознании, когда мы слышим слово, выражающее абстрактное понятие? Подобные вопросы пытаются разрешить писатели потока сознания, и в частности, У. Фолкнер, который делает попытку запечатлеть движение «чистой» мысли, не облечённой в слово.

В своем романе «Когда я умирала» У. Фолкнер часто лишает своих героев способности выразить свои мысли законченными фразами внутренней речи, как бы лишает их «дара слова». Таким образом писатель обращает наше внимание на проблему «невыразимого» – неполноценного, несовершенного отражения мыслей и понятий средствами языка. Обращаясь к форме потока сознания, писатель пытается более правдоподобно, более объективно отразить процесс размышления.

В наименьшей степени способностью облекать свои мысли и чувственные впечатления в слова обладает самый младший из семейства Бандренов – Вардемар. Способности Вардемара выражать мысли средствами языка еще не развились в полной мере. Очевидно, что мысли, возникающие у маленького героя, более просты, чем мысли взрослого человека, но выразить эти мысли в слове, оказывается, не менее трудно. В представленном монологе мысли маленького героя писатель передаёт собственными авторскими словами.

Отметим кстати, что писатель очень часто использует свои собственные, авторские слова, чтобы передать то, о чем думают его герои. Если сравнить диалогические реплики героев и построение их внутренней речи, мы заметим, что язык внутренних монологов более сложен с точки зрения синтаксиса и богатства, разнообразия используемой лексики. Таким образом, мы встречаем трансформированную форму повествования от первого лица: мысли, идеи героев-рассказчиков, обретая форму выражения, проходят через фильтр ресурса авторского языка.

Вернёмся к монологу мальчика. Вардемар чувствует некий особенный запах, и его сознание фиксирует это ощущение. «It is as though the dark were resolving him out of his integrity into an unrelated scattering of components – snuffing and stamping, smells of cooling flesh (выделено нами – Э. В.) and ammoniac hair an allusion of co-ordinated whole of splotched hide and

strong bones within which, detached and secret and familiar, an *is* different from my *is*» [4]. Фолкнер, конечно же, не может воссоздать физиологические особенности ощущения героя, действительно, какими языковыми средствами можно описать, охарактеризовать сам момент различения запаха человеком? Писатель употребляет слова, которые апеллируют к сенситивному опыту читателя, эти сравнения помогают ему воссоздать в своём воображении подобие запаха, о котором упоминает герой. Затем происходит отождествление собственных ощущений с ощущениями Вардемара. Таким образом, сокращается дистанция между читателем и героем, читатель распознает, идентифицирует запах, улавливаемый героем.

Ограниченность выражения внутренних ощущений языковыми средствами приводит писателя к использованию новообразований: новых слов и выражений. Приведём пример. Дарл, выступающий рассказчиком во многих частях романа, слышит стук топора по дереву; автор при изображении ощущений своего героя не прибегает к описательным объяснениям наподобие: «Звук топора, которым ударяют по дереву». У. Фолкнер применяет звукоподражательное слово («Чак! Чак!») с тем, чтобы мы могли интерпретировать его как обозначение соответствующего звука. «I go on to the house followed by the Chuck. Chuck. Chuck. of the adze» [4].

Конечно, трудно поверить, что каждый новый удар топора отмечается в сознании Дарла соответствующим словом внутренней речи (Чак!). Но эти слова применяются писателем, чтобы читатель при помощи звукоподражательных слов мог воссоздать в своём воображении те звуки, которые слышал герой. Когда мы встречаем в тексте слова «Чак! Чак!», каждый из нас вспоминает, воссоздаёт ситуацию, когда мы могли слышать подобные звуки.

Выступая как средство выражения потока внутренней речи, художественное слово приобретает дополнительные экспрессивные возможности; концентрирует в себе предельно допустимый, или превышающий пределы смысловый заряд, отдельное слово способно выразить целый комплекс идей, понятий, представлений. Часто некое понятие может быть соотносено через логическую связь аналогии, тождества с другим понятием, для выражения которого можно подобрать точное слово. Но У. Фолкнер избегает сравнений: это слишком простой путь, который может увести читателя от понимания специфической природы сознания героя. В подобных случаях писатель использует слова-новообразования, их нельзя найти в словаре английского языка, но они понятны для читателя, так как соотносены, согласованы с окружающими их словами фразы внутренней речи. Другими словами, слово приобретает смысл только в контексте конкретной фразы. «I can feel where the fish was in the dust. It is cut up into pieaces of not-fish now, not-blood on my hands and overalls» [4]. «Я чувствую место в пыли, где лежала рыба. Теперь она разрезана на куски нерыбы, а на руках и штанах у меня – некровь» [5, с. 37].

Слова «not-fish», «not-blood» бессмысленны с точки зрения рядового носителя языка, человек, изъясняющийся на английском, не может их употребить, конструируя собственную речь. У. Фолкнер, пренебрегая сравнениями, предпочитает употреблять неологизмы, так как эти авторские слова более достоверно отражают природу, структуру сознания героя, вводят читателя в поток его размышлений.

Признавая, что все нюансы, особенности протекания внутреннего размышления не поддаются точной вербализации, писатель допускает, чтобы мысли героя облекались в законченные фразы внутренней речи. При этом у читателя создаётся впечатление, что слова внутреннего монолога героев как нельзя более точно характеризуют работу сознания героя, субстанцией, порождающей данные слова, может быть только индивидуальное сознание героя. Этим объясняется, в частности, использование разговорной лексики при передаче внутренней речи героя. Когда Джуил говорит: «It's because he stays out there, right under the window, hammering and sawing on that goddamn box» [4], это не означает, что каждое слово этой фразы отпечатывается, «всплывает» в сознании героя, но эти слова являют собой проекции тех понятий, которые появляются в сознании Джуила. В этом случае мысль оказывается максимально приближенной к слову, но, в изображении У. Фолкнера, цепочка идей и понятий выстраивается самопроизвольно, в некоем автономном мире, и слова не могут проникнуть сквозь оболочку этого автономного мира.

Таким образом, желая представить живой и многомерный процесс движения человеческого сознания, У. Фолкнер признаёт ограниченность представления потока размышлений в законченных фразах внутренней речи, применяет в своём романе другие, «невербальные» средства изображения потока сознания; перечислим некоторые из них: апелляция к сенситивному опыту, уподобление собственных ощущений с ощущениями героя, использование звукоподражаний, слов-новообразований и др. Названные приёмы – лишь часть целой системы художественных средств, которую ещё предстоит описать и охарактеризовать.

Библиографический список

1. Ибатуллина, Г.М. Исповедальное слово и «поток сознания»: экзистенциальный текст как неосуществлённая исповедь в «Постороннем» А. Камю / Г.М. Ибатуллина // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 2 (18). – С. 58–76.

2. Коугия, Л.А. Феномен «потока сознания» в произведениях М. Пруста, Дж. Джойса и У. Фолкнера / Л.А. Коугия // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2. – Вып. 19. – С. 65–69.

3. Оттенс, Г.В. «Поток сознания» как повествовательная техника художественного модернистского произведения / Г.В. Оттенс // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 2 (18). – С. 37–45.

4. Faulkner, W. As I Lay dying / W. Faulkner. – URL: <http://mirknig.mobi/read/online/book.php?doc=Faulkner As I Lay Dying The Corrected Text.127598 1.pdf>.

5. Фолкнер, У. Когда я умирала / У. Фолкнер // Когда я умирала. Свет в августе. – М.: Художественная литература, 1994. – С. 21–162.

[К содержанию](#)

УДК 821.161.1-1

ББК Ш141.2-3 + Ш103.2

ТИПЫ СТРУКТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Л.В. Выборнова

В статье описываются основные структурные модели и семантические свойства фразеологических единиц со значением интеллектуальной деятельности, выявленные на основе анализа оригинальной картотеки, составленной на материале фразеологических словарей.

Ключевые слова: фразеология; фразеологические единицы; структурные модели; оценка.

Фразеологический состав русского языка чрезвычайно разнообразен по структуре, сложен и разнообразен по значению своих единиц. Известно, что форма и значение языковой единицы неразрывно связаны: нет бессодержательной формы, нет «голового» бесформенного значения [1, с. 6]. Можно сказать, что форма – это внешне выраженное значение. Форма фразеологизма – это всегда синтаксическая конструкция, синтаксическая модель. Под структурной фразеологической моделью мы понимаем «тип синтаксических конструкций, по которому образуется ряд устойчивых сочетаний» [1, с. 7].

Исследования представителей Челябинской фразеологической школы, вслед за которыми мы идем, показали, что проявлением формальной организованности фразеологических единиц является их отнесенность к морфологически изменяемым (единицы со значением предмета, процесса и, частично, признака типа *горазд на выдумки*) или к морфологически неизменяемым (единицы со значением признака типа *с царем в голове*, качества, обстоятельства действия, количества, грамматические и модальные единицы).

Объектом нашего исследования являются фразеологические единицы со значением оценки умственных способностей. Материалом исследования послужила картотека, состоящая из 59 фразеологических единиц, выбранных из фразеологических словарей современного русского языка.

По внешнему (формальному) признаку – количеству компонентов – были выделены следующие разновидности формы исследуемых единиц: двухкомпонентные (71 %), трехкомпонентные (15 %), четырехкомпонентные (10 %), пятикомпонентные (3 %), из которых к морфологически изменяемым относятся 66 % и к морфологически неизменяемым – 34 %.

Эти единицы представлены следующими структурными моделями.

Морфологически изменяемые фразеологические единицы

I. Основные модели двухкомпонентных фразеологизмов (33)

Модели словосочетаний

- *существительное в форме винительного падежа + глагол*: собаку съел;
- *прилагательное + существительное в форме именительного падежа/ существительное в форме именительного падежа + прилагательное*: дубовая башка, дырявая память, голова еловая.

Модели простого двусоставного предложения

- *субъект (существительное) + предикат (глагол)*: голова варит, коробка варит.

II. Основные модели трехкомпонентных фразеологизмов (3)

Модели словосочетаний

- *прилагательное + предлог + существительное в форме винительного падежа*: горазд на выдумки.

Модели простого двусоставного предложения

- *субъект (существительное) + частица не + предикат (глагол)*: голова не варит, коробка не варит.

III. Основные модели четырехкомпонентных фразеологизмов (3)

Модели словосочетаний

- *согласуемый элемент + существительное в форме именительного падежа + предлог + существительное в форме предложного падежа*: своя голова на плечах;
- *предлог + существительное в форме родительного падежа + предлог + существительное в форме предложного падежа*: без царя в голове;
- *предлог + существительное в форме предложного падежа + частица не + глагол*: на мякине не проведешь.

Морфологически неизменяемые фразеологические единицы

I. Основные модели двухкомпонентных фразеологизмов (9)

Модели аналогов сочетаний слов

- *предлог + существительное в форме родительного падежа*: без головы;

- *предлог + существительное в форме творительного падежа: с головой.*

Модели аналогов словосочетаний

- *существительное в форме именительного падежа + существительное в форме творительного падежа: дурак дураком, пень пнем;*
- *существительное в форме родительного падежа + существительное в форме именительного падежа: ума палата.*

II. Основные модели трехкомпонентных фразеологизмов (6)

Модели аналогов словосочетаний

- *существительное в форме именительного падежа + предлог + существительное в форме предложного падежа: голова на месте, каша в голове;*
- *частица не + глагол + существительное в форме творительного падежа: не блещет умом, не блещет талантом.*

Модели аналогов простого двусоставного предложения

- *субъект (существительное) + объект (существительное в форме творительного падежа) + предикат (причастие): голова мякиной набита, голова соломой набита;*

III. Основные модели четырехкомпонентных фразеологизмов (3)

Модели аналогов словосочетаний

- *предлог + существительное в форме творительного падежа + предлог + существительное в форме предложного падежа: с царем в голове;*
- *числительное + существительное в форме родительного падежа + предлог + существительное в форме предложного падежа: семи пядей во лбу.*

Модели аналогов придаточной части сложного предложения:

- *союз как + структура неполного двусоставного предложения (субъект (существительное в форме именительного падежа) + предлог + объект (существительное в форме винительного падежа): как баран на воду.*

IV. Основные модели пятикомпонентных фразеологизмов (2)

Модели аналогов придаточной части сложного предложения

- *союз как + структура неполного двусоставного предложения (субъект (существительное в форме именительного падежа) + предлог + согласуемый элемент + объект (существительное в форме винительного падежа): как баран на новые ворота.*

Модели аналогов неопределенно-личного предложения

- *объект (существительное в форме родительного падежа) + предлог + обстоятельство (существительное в форме родительного падежа) + частица не + предикат (глагол): звезд с неба не хватает.*

Одним из наиболее актуальных во фразеологии остается вопрос о формировании семантической структуры фразеологизмов. Этот вопрос рас-

смачивается в работах В.П. Жукова, Ю.А. Гвоздарева, А.М. Чепасовой, В.А. Лебединской, Е.Р. Ратушной и других. А.М. Чепасова выдвинула концепцию, согласно которой при формировании фразеологизма на основе нефразеологического словосочетания каждое слово словосочетания утрачивает семантическое ядро, сохраняя отдельные специфические семы, из которых возникает другое новое ядро новой языковой единицы – фразеологизма. Лебединская В.А. отмечает, что в процессе фразеобразования слова, становящиеся компонентами фразеологизма, испытывают качественные семантические преобразования, «...исчезают как факт автономной номинации, превращаясь в один или несколько семантических элементов сложного по своей структуре фразеологического значения» [2, с. 12]. Алефиренко Н.Ф. говорит о том, что в процессе фразеобразования происходит «... перераспределение ранговых позиций фразеологизующих сем, иное их взаимодействие, деактуализация одних и возникновение других. В результате такой качественной трансформации семного состава компонентов синтезируется обобщенно целостное значение фраземы» [3, с. 91].

Анализ компонентного состава исследуемых нами единиц показал, что компонентный состав не только формирует внешнюю форму фразеологизма, но и влияет на семантику единицы. Все компоненты фразеологизма участвуют в формировании его семантики.

Наиболее частотным компонентом исследуемых нами фразеологизмов является существительное *голова* (28) (*без головы, без царя в голове, посконная голова, светлая голова*), значение которого в толковом словаре С.И. Ожегова определяется как *ум, рассудок, либо человек как носитель каких-либо идей, взглядов, способностей, свойств*. Употребляются и разговорные синонимы данного существительного: *башка* (3) (*дубовая башка*), *котелок* (2) (*котелок варит*), *коробка* (2) (*коробка не варит*). Частотны употребления слов, связанных с умственной деятельностью, с процессами мышления, восприятия, памяти (*горазд на выдумки, дырявая память, не блещет умом*). Используются компоненты-существительные, прямо называющие человека с низкой степенью проявления умственных способностей (*дурак дураком, пень пнем, как баран на новые ворота* (слова *пень, баран* употребляются в переносном значении для обозначения глупого человека).

Исследуемые единицы можно условно разделить по значению на несколько групп:

1) ФЕ, обозначающие умственные способности, проявляющиеся в высокой степени: *голова варит, голова на плечах, золотая голова, коробка варит*;

2) ФЕ, обозначающие среднюю степень проявления умственных способностей: *звезд с неба не хватает, не блещет талантом*;

3) ФЕ, обозначающие умственные способности, проявляющиеся в низкой степени, или отсутствие способностей: *без головы, голова мякиной набита, дурная голова, каша в голове дурак дураком*;

4) ФЕ, указывающие на умственные способности, приобретенные на основе опыта: *собаку съел, на мякине не проведешь*;

5) ФЕ, указывающие на отсутствие каких-либо способностей, связанных с умственной деятельностью: *девичья память, короткая память*.

Таким образом, исследование группы фразеологизмов, обозначающих оценку умственных способностей, показало, что в структурном и семантическом планах данная группа фразеологизмов очень богата и разнообразна. Кроме того, можно сказать, что значение большинства фразеологизмов данной группы непосредственно связано со значением входящих в них компонентов и обусловлено этим значением.

Библиографический список

1. Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов: коллективная монография. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002. – 263 с.

2. Лебединская, В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка / В.А. Лебединская. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.

3. Ратушная, Е.Р. Формирование семантической структуры фразеологизмов / Е.Р. Ратушная // Фразеологизм: семантика и форма: сборник статей, посвященных юбилею профессора кафедры русского языка Курганского государственного университета В.А. Лебединской. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2001. – С. 91–97.

[К содержанию](#)

УДК 808.51

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

В.Н. Гончарова

В статье представлены результаты изучения студенческих работ, посвященных характеристике современного русского риторического идеала. Выявляются наиболее частотные положительные и отрицательные качества речи оратора, наиболее частотные характеристики образа идеального оратора, с точки зрения студентов-журналистов.

Ключевые слова: риторический идеал; положительные качества речи оратора; отрицательные качества речи оратора; образ идеального оратора.

Одной из основополагающих категорий риторики, науки об эффективной публичной речи (определение И.А. Стернина), является категория риторического идеала. Большое внимание изучению этой категории уделяет

автор известных пособий по риторике А.К. Михальская. Под риторическим идеалом она понимает «систему наиболее общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившуюся в той или иной культуре и отражающую систему ее ценностей – эстетических и этических» [1]. По мнению исследователя, «риторический идеал как основа логосферы (логосфера – это речемыслительная область культуры. – В. Г.), ее структурный каркас, поддерживающий ее скелет, или ствол с ветвями, – обладает тремя важнейшими свойствами: он изменяется исторически вместе с изменением породившей его культуры, он неодинаков в разных культурах, т. е. обладает культуроспецифичностью, и, наконец, он очень тесно и даже прямо связан с особенностями социальной модели, социального устройства» [2].

Любой медиатекст, и письменный, и устный, чтобы быть эффективным, должен создаваться с учетом характеристик современного риторического идеала. Журналисту, создающему тексты на иностранных языках для представителей иных культур, необходимо познакомиться с национальными риторическими идеалами. Это позволит избежать возможных ошибок при установлении контакта с аудиторией, даст выступающему возможность «говорить со слушателями на одном языке».

Публично выступающему человеку, заинтересованному в успехе, очень важно знать, каковы ожидания его слушателей, какого оратора они хотят увидеть, какую речь услышать, иными словами, культурный ритор должен иметь представление о риторическом, и шире – коммуникативном, идеале своей аудитории. Обычно оратор старается соответствовать предъявляемым к нему требованиям, хотя может и сознательно нарушать их, желая достичь какой-либо цели, например, эпатировать аудиторию. Главное, чтобы это нарушение было не случайным, носящим характер ошибки, а намеренным, выполняющим роль приема. Именно поэтому изучение курса риторики студентами-журналистами начинается с освоения понятия «риторический идеал», с определения того, каков их собственный риторический идеал, каков риторический идеал их сокурсников.

С этой целью студенты выполняют задание: написать работу на тему «Моё представление о современном русском риторическом идеале». Выполняя работу, студенты должны опираться лишь на представление об образцовой речи, существующее в их сознании (не нужно пользоваться никакими источниками информации, кроме собственного сознания). Это представление формируется в сознании человека, члена какой-либо социальной группы и национальной общности, постепенно, в течение жизни, начиная с момента овладения речью и вступления в процесс общения с другими людьми, круг которых постоянно расширяется. Работая над заданием, студенты, с одной стороны, обращаются к прошлому, опираясь на личный жизненный опыт (наблюдение за другими ораторами, собственные выступления в этой роли), с другой – к будущему, называя те качества речи, ко-

торых, может быть, они в речи ораторов не наблюдали (или ораторы проявляли эти качества крайне редко), но считают необходимыми. Студенты факультета «Журналистика» подходят к выполнению этого задания как будущие профессионалы, у которых в ходе обучения формируется представление о профессиональной значимости коммуникативных, в том числе собственно риторических, знаний, умений и навыков. В свободной форме студенты называют положительные качества речи оратора; отталкиваясь от противоположного, указывают на отрицательные качества, которых в речи быть не должно; создают образ идеального оратора. В случае затруднения с описанием общих черт русского риторического идеала студенты могут конкретизировать задачу: описать идеального оратора в какой-либо частной коммуникативной сфере, например, политической, педагогической, журналистской и др.

Проанализировав результаты размышлений ста студентов-журналистов, обучавшихся в университете с 2007 по 2012 годы, мы пришли к следующим выводам:

1. Среди названных студентами положительных качеств речи частотными являются такие, как аргументированность, логичность, правильность, понятность, эмоциональность, доброжелательность, лаконичность, метафоричность, богатство, чистота. Отрицательные качества появляются в речи тогда, когда в ней отсутствуют необходимые положительные качества или положительные качества, выраженные чрезмерно переходят в свою противоположность. Например, речь на литературном языке – речь, в которой встречается ненормативная, нецензурная лексика, жаргонизмы, грубые, просторечные слова; понятная, общедоступная речь – речь, перегруженная замысловатыми фразами, сложными конструкциями, речь непонятная; простая речь – излишнее упрощение; метафоричная речь – лишние метафоры; эмоциональная речь – излишняя эмоциональность или ее отсутствие; лаконичная речь – бедная речь (излишняя краткость, топорность, косность); умеренное использование заимствованных слов – перенасыщенность различными научными терминами, иностранными словами; логичная, обдуманная речь – сумбурная речь и т.д.

2. Наиболее частотными характеристиками образа идеального оратора являются следующие: внимателен к каждому слушателю; хорошо знает предмет речи; умеет слушать собеседников; уверен в себе; опрятно одет; использует в речи разнообразные средства выразительности; обладает чувством юмора, может пошутить; доброжелательно, дружелюбно относится к аудитории; не ставит себя выше слушателей; правдив; его слова подтверждаются делами; обладает широким кругозором; уравновешенный, сдержанный; в меру эмоционален.

3. Большая часть характеристик, приводимых студентами, соответствует риторическому идеалу Сократа, основателя античной теории подлинно-

го красноречия, то есть тому идеалу, который, по мнению исследователей, является одним из источников русского риторического идеала наряду с этическими традициями православия. Однако встречаются и характеристики, вступающие в противоречие с идеалом Сократа, характеристики, соответствующие риторическому идеалу софистов. Это такие характеристики, как «идеальный оратор – это человек, способный убедить кого угодно, в чем угодно, какими методами он будет этого добиваться, не имеет значения», «для достижения эффекта оратор может наобещать всякого рода привлекательных сторон будущего». Если риторический идеал Сократа и его последователей Платона и Аристотеля определяется исследователями как диалогический, гармонизирующий и смысловой, то риторика софистов характеризуется как «манипулирующая» (монологическая), агональная, т.е. риторика словесного спора, состязания, борьбы, и релятивистская, т.е. риторика относительности (цель спора не истина, а победа, поскольку в мире нет ничего устойчивого, ничего окончательно определенного, нет истины, а есть только то, что удалось (или не удалось) доказать). Студенческие размышления о чертах современного русского риторического идеала могут стать материалом для обсуждения на занятии вопроса о выборе риторического пути – самого главного вопроса для будущего оратора и будущего журналиста. Выбор риторического пути является выбором нравственным, отвечая на вопрос «Как говорить?», мы отвечаем на вопрос «Как жить?».

4. Особое внимание студенты обращают на необходимость соблюдения этических норм в журналистской деятельности в целом и в публичных выступлениях журналистов в частности. Вероятно, это связано с тем, что эти нормы многими современными журналистами активно нарушаются, и этот факт получает отрицательную оценку у студентов. Журналист-оратор должен быть правдив, неагрессивен, доброжелателен. Он должен быть независимым, самостоятельно мыслящим, что позволит ему иметь собственное мнение по поводу обсуждаемых в обществе и СМИ проблем. Заметим, что способность мыслить самостоятельно позволит журналисту избежать смысловых и словесных штампов в создаваемых им текстах, позволит выработать собственный стиль. Замечание о том, что журналист должен быть близким народу, должен знать о его проблемах свидетельствует о том, что студенты осознают социальную ответственность журналиста перед его аудиторией. Без умения слушать и слышать собеседника, быть чутким невозможно вести диалог, реализовывать субъект-субъектную модель общения. А именно эта модель ($S_1 \leftrightarrow S_2$), в отличие от модели субъект-объектной ($S \leftrightarrow O$), соответствует не только риторическому идеалу Сократа, но и демократической модели социального устройства.

При изучении категории риторического идеала, как и других риторических тем, обращаем внимание студентов на необходимость самоанализа, на-

правленного на оценку собственной риторической деятельности. Создаваемые медиатексты студенты должны уметь анализировать и оценивать, опираясь на сложившуюся в их сознании и сознательно принятую ими систему критериев, чтобы не возникло противоречия между предъявляемыми ими требованиями к публичной речи вообще и их собственными выступлениями.

Библиографический список

1. Михальская, А.К. Основы риторики: Мысль и слово / А.К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
2. Михальская, А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике / А.К. Михальская. – М.: Academia, 1996. – 192 с.

[К содержанию](#)

УДК 821.161.1–312.6

ТОПОСЫ НЕВОЛЬНИЧЬЕГО АДА В МЕМУАРАХ ПОЛИТКАТОРЖАН

Ч.А. Горбачевский

В статье на материале художественных и мемуарных текстов бывших политических заключённых рассматривается специфика отражения ряда «запроволочных» топосов (следственные тюрьмы, невольничьи пароходы, трудовой лагерь и т.п.) 30–50-х гг. XX в.

Ключевые слова: культурная память; лейтмотив; повествователь; образ; топос; повседневность; ад.

В культурной памяти советского, постсоветского и европейского человека традиционно сохраняется роль Сибири как гибельного каторжного топоса. И если «<...> Сибирь в российском культурном сознании обрела характеристики и свойства мифологической страны мёртвых» [4], то преддверие «страны мёртвых» (каторжная Колыма) обретает статус настоящего ада для подневольного человека, пригнанного на этот «край земли» под конвоем.

Одна из лейтмотивных тем в воспоминаниях бывших колымских (и не только колымских) заключённых – духота и смрад следственных и внутренних тюрем НКВД, предшествовавших, как правило, аду «тюрем плавающих», которыми каторжан везли умирать на колымских «стройках социализма». Весьма трудно представить, как люди смогли пережить не только жесточайшие условия северных концлагерей, но и предварявшие их застенки НКВД и МГБ.

Мытарства в тюремных казематах детально описаны одним из очевидцев событий 1937 года Г.Г. Демидовым в неопубликованной в своё время повести «Фонэ квас» (1964). Повествователь «Фонэ кваса» акцентирует внимание на тех условиях содержания арестантов в подвалах внутренней тюрьмы (*locus infernus*), которые нельзя было обойти вниманием в правдивом документально-художественном тексте о трагедии 1937 года: «То газообразное вещество, которое наполняло теперь камеру, можно было назвать воздухом лишь условно. Спичка в нём горела только до тех пор, пока не выгорала головка, дерево и бумага могли только тлеть. Даже привычные ко многому дежурные по тюрьме, производя поверку, становились теперь не на порог камеры, как прежде, а поодаль и несколько в стороне от открытой двери. И всё же, читая список арестантов, они морщились от издававшей их зловонной струи, вырывавшейся из мешка, до отказа набитого людьми. <...>. Сидя на полу, почти голые люди вытирали рубашками непрерывно струящийся пот. Когда рубашки намокали, их отжимали в миски, поставленные на пол по одной на четыре человека. Пот из наполненных мисок сливали в парашу. Почти у всех на коже появилась красная зудящая сыпь – потница. Её вызывала соль, накапливающаяся на поверхности тела по мере испарения кожных выделений. Только раз в сутки, на утренней opravке, удавалось провести по воспалённой коже рукой, смоченной водой под краном в уборной. Однако здешние уборные, по одной на каждый этаж, были рассчитаны на обслуживание одиночек и двоек. Теперь же в эти маленькие камеры набивали до тридцати человек, которых выводили на opravку только всех разом, постоянно понукая и поторапливая. Вечером воду в кранах перекрывали, вечернее умывание – излишняя роскошь. Разговоры в камерах почти прекратились. Не только произнесённое слово, но и каждый вдох стоил теперь отдельного мучительного усилия. Малейшее, не только физическое, но и нервное, напряжение сопровождалось целой рекой пота. После десяти утра наступало настоящее удушье, и многим казалось, что уж этот день пережить не удастся. Прикосновение горячего, распаренного тела соседа было мучительно и вызывало чувство гадливости и омерзения. Постепенно всё в этом человеке становилось ненавистным – его взгляд, голос, дыхание. Люди, ставшие здесь невольными и взаимными мучителями, орудием и предметом пытки одновременно, начинали ненавидеть друг друга животной ненавистью, подобной ненависти посаженных в тесную банку пауков. Однако выразить её они могли только при помощи слов, да и то в ранние утренние часы, когда ещё существовала возможность пользоваться речью. Позже из-за недостатка воздуха речь требовала почти неодолимых усилий» [2]. Конечно, первые ассоциации, возникающие по прочтении этих строк, отсылают к мифологическим образам и картинам с изображением пытки и умерщвления отверженных грешников. В повести Демидова такими грешниками

становятся мнимые вредители, истязаемые не только невыносимыми камерными условиями, но и бесконечными ночными допросами-конвейерами. Персонажи, из которых выбиваются признания в самых страшных преступлениях, – это обычные люди самых разных профессий. Среди них главный инженер Рафаил Львович Белокрыницкий; безмянный бывший железнодорожник; старенький доктор Хачатуров; пожилой революционер эсеровского толка Михайлов; старые большевики Коженко и Лаврентьев; специалист по конструированию электрических машин Пётр Михайлович Савин и др. Неудивительно, что место зэка у параше повествователем сравнивается с «гноищем библейского Иова» [2], «страдающего праведника, испытываемого сатаной с дозволения Яхве» [1]. В этом тюремном гноище воздух был такого свойства, что не только в текстах Демидова, но и в воспоминаниях других бывших лагерников он недвусмысленно сравнивался с душегубками газовых камер фашистских концлагерей с той лишь разницей, что в газовых камерах несчастные умирали быстрее. И без того пыточные условия арестантов усиливались не только активностью тюремной обслуги. Повествователь текста Демидова акцентирует внимание на ненависти и отвращении сокамерников друг к другу, которые невольно возникают при совместном нахождении в *locus infernus* душегубок разных видов.

После следственных и внутренних тюрем не замученных до смерти и не расстрелянных арестантов отправляли в дальние лагеря. Путь в невольничьих трюмах к «местам назначения» по своему качеству был близок к пыткам в тюремных камерах, после которых многие мечтали быстрее попасть на «свежий лагерный воздух», представление о котором было весьма далёким от того, что пришлось увидеть по прибытии.

О плавании в невольничьем трюме по Белому морю к Соловецкому лагерю П.А. Флоренский, расстрелянный в 1937 году, писал: «Свой переезд я до сих пор вспоминаю с содроганием: нас бросало головами от стены к стене, так что мы приехали в синяках и кровоподтёках, каюту на борту захлёстывало холодной водой, в которой беспорядочно плавали чемоданы и высыпающиеся вещи, всех тошнило и рвало, а кругом было ослепительно темно и ревели волны» [5]. Для арестованного в сентябре 1941 года и находившегося два года под следствием без предъявления обвинения П.В. Мелентьева шестисуточная транспортировка трёхтысячного «живого груза» в трюмах озёрной баржи («корабле мёртвых») стала незабываемой. Транспортировка велась по Ладожскому озеру до Волхова во время ленинградской блокады: «<...> В один ужасный момент нары не выдержали непомерной нагрузки, балки поломались, и всё обрушилось на тех несчастных, которые находились под ними. Это было уже вечером; в трюме было вновь темно, и баржа превратилась в *подлинный ад*. Крики, стоны и вопли задавленных и разбившихся неслись в продолжение нескольких часов» [3].

В литературе о ГУЛаге встречаются разные образы ада, среди них есть неожиданные, например, в стихотворении «Inferno» русского и эстонского поэта Вальмара Адамса, проведшего в казахстанских лагерях и ссылке пять лет.

Данные Данте об Аде не соответствуют истине.
Ад обладает весьма целесообразной структурой.
Он одноэтажный, о кругах нет и речи.
У каждого здесь своё место.
Перед воротами две цветочные клумбы.
Никто там не пьёт, не бузит.
Никто не вещает, не думает.
Ад отапливается тёплым дыханием его обитателей.
Курить там разрешается всем, поскольку и это
повышает температуру.
Есть в Аду и кино, а по ночам у каждого свой театр,
днём же никто ничего не смотрит
из-за недостатка времени.
В Аду нет никаких проблем,
ни мировых, ни материнских, ни прочих,
и вообще ничего,
один только бухгалтер.
Добро пожаловать! (Пер. с эст. С. Семенко) [3].

Первая же строка стихотворения В. Адамса как бы развенчивает миф об Inferno, изображённом Данте. Ад стихотворения не смердит, здесь нет привычных в описаниях итальянского классика огненных кругов и ледяного озера Коцит. В этом аду даже нет «никаких проблем». Внешний пейзаж с антуражем «обладают весьма целесообразной структурой». В описаниях такой облегчённой модели ада многое кажется знакомым, здесь (невероятно!) даже есть цветы, кино и театр. Правда, последний используется автором в специфическом, иносказательном значении: театр арестанты посещают исключительно в своих снах или в воображении. Очевидно, что за умышленным редуцированием темы ада и страданий в запролочном мире звучит авторская ирония, заставляющая читателя взглянуть по-новому на привычную действительность, соотнести её с лагерной реальностью и увидеть в повседневности «мироподобие» лагеря и «лагероподобие» жизни.

При этом едва ли по прочтении этого текста у читателя возникнет желание принять любезное предложение автора, высказанное в заключительном стихе.

Библиографический список

1. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская Энциклопедия, 1987. – Т. 1. А–К. – 671 с.

2. Демидов, Г.Г. Оранжевый абажур: повести / Г.Г. Демидов // Публ. В. Демидовой; предисл. М. Чудаковой. – М.: Возвращение, 2009. – 376 с.
3. Поэзия узников ГУЛага: антология / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский. – М.: МФД: Материк, 2005. – 992 с.
4. Тюпа, В.И. Анализ художественного текста / В.И. Тюпа. – М.: Академия, 2006. – 336 с.
5. Флоренский, П.А. Сочинения: в 4 т. / П.А. Флоренский. – М.: Мысль, 1998. – Т. 4. – 795 с.

[К содержанию](#)

УДК 659.44

**PR КАК СРЕДСТВО ТРАНСЛЯЦИИ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ
КОМПАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ОАО «ЧЕЛИНДБАНК»)**

А.А. Добрикова

В статье выделены ценности, которые компании включают в структуру корпоративной философии. На примере ОАО «Челиндбанк» рассмотрено, с помощью каких инструментов организационного и событийного PR организация транслирует во внешнюю среду свою систему ценностей.

Ключевые слова: связи с общественностью; организационный PR; информационный PR; ценности; трансляция ценностей.

Субъекты бизнес-сферы, заинтересованные в реализации не только экономических, но и социальных функций, стремятся создать корпоративную философию, устанавливающую «нравственные и этические приоритеты, которые сотрудники организации должны исповедовать и которые определяют и регулируют их повседневную деятельность» [1, с. 408]. Корпоративная философия содействует решению задач, связанных как с внутренней средой, так и с внешней. Она «позволяет достичь устойчивого роста прибыли, достаточного для увеличения стратегического потенциала фирмы, определить место компании в обществе и ее социально-общественную роль, содействует формированию и закреплению желаемого имиджа фирмы в представлениях целевой аудитории» [2, с. 355].

Одним из элементов корпоративной философии являются ценности, на которые ориентируется компания в рамках своей деятельности. Ценности, на наш взгляд, можно разделить на две группы. В первую входят клиенты и сотрудники. Вторая включает абстрактные понятия:

- открытость;
- профессионализм;
- ответственность;

- энтузиазм;
- честность;
- развитие;
- уважение;
- эффективность;
- креативность и др.

Самый простой путь заявить о корпоративных ценностях – разместить информацию о них на официальном сайте организации. Однако это позволит компании лишь обозначить, что она имеет собственную ценностную систему, но не станет доказательством того, что организация придерживается ее. Поэтому наиболее эффективным инструментом для трансляции ценностей являются связи с общественностью (PR). Организуя специальные мероприятия, размещая в СМИ PR-тексты, проводя PR-акции, компания демонстрирует общественности, что заботится о сотрудниках, дорожит клиентами и стремится вести бизнес, не нарушая нормы морали и этики.

Проанализируем PR как средство трансляции корпоративных ценностей на примере технологий и инструментов связей с общественностью ОАО «Челиндбанк». Для этого рассмотрим PR-деятельность финансового учреждения, которую можно охарактеризовать как постоянную, разнообразную и эффективную.

Анализ презентации [3] организации, размещенной на корпоративном сайте, позволил нам выделить следующие ценности, актуальные для банка:

- клиенты («Мы присутствуем там, где работают наши клиенты, предоставляя им комплексное банковское обслуживание в соответствии с потребностями клиентов и нормами международной банковской практики»);
- открытость и четность («Мы строим свою деятельность, открытую для клиентов и акционеров, на основе стандартов корпоративного управления, соблюдения российских законов и честной конкуренции...»);
- сотрудники («Мы вознаграждаем наших сотрудников с учетом вклада каждого в достижение результатов деятельности банка»);
- социальная ответственность («Мы внимательно относимся к общественным потребностям и совместно с местными органами власти стремимся участвовать в продвижении социальных программ на благо общества, роста и развития экономики Челябинской области»).

Рассмотрим, каким образом банк осуществляет трансляцию данных ценностей внешней общественности.

Клиенты – это не только одна из важнейших аудиторий банка, но и ключевая ценность для организации. ОАО «Челиндбанк» для трансляции данной ценности выбрал устроительный PR. Организация несколько лет проводит бесплатные просветительско-образовательные семинары для предпринимателей. Например, в 2013 году банк успешно реализовал следующие мероприятия [4]:

- «Формирование отдела продаж: подводные камни» (25 апреля);
- «НДС в 2013 году. Оформление счетов-фактур. Проблемы налоговых вычетов» (23 мая);
- «Личная мотивация и мотивация персонала» (20 июня);
- «Тайм-менеджмент: как успевать жить и работать» (29 августа);
- «Правовое регулирование и особенности труда отдельных категорий работников» (26 сентября) и др.

Проводя семинары и мастер-классы, банк демонстрирует реальным и потенциальным клиентам, что заинтересован в развитии и процветании их бизнеса, поэтому предоставляет им возможность не только воспользоваться финансовыми услугами, но и углубить знания в различных направлениях бизнес-сферы. Важно, что мероприятия также выступают в качестве информационного повода для написания PR-материалов, которые банк размещает в региональных СМИ.

Клиентоориентированность банк демонстрирует и с помощью других инструментов PR, к числу которых относятся имиджевые тексты. Так в заголовке имиджевого интервью с генеральным директором ОАО «Челиндбанк» обозначено следующее: «Сотрудничество банка с клиентами – это не только сделки и финансовые отношения, но и постоянный диалог, обмен опытом» [5]. Данное высказывание является еще одним доказательством того, что клиенты – это основная ценность организации.

Следующая ценность, лежащая в основе корпоративной философии банка, – открытость и честность. Информация о событиях, происходящих в жизни банка, оперативно размещается на корпоративном сайте организации. Интернет-ресурс содержит раздел «Обратная связь», через который любой пользователь может отправить заявление, предложение, ходатайство, запрос и жалобу.

В презентации банка обозначено, что сотрудники – это важный ресурс организации. Однако, на наш взгляд, данная ценность компании практически не транслируется внешней аудитории. Заинтересованность персоналом банк демонстрирует с помощью творческого конкурса «Мое любимое подразделение», который проводил в 2012 году. Других PR-текстов, напрямую связанных с внутренней общественностью, на официальном сайте нет.

Еще одна ценность, являющаяся важной для ОАО «Челиндбанк», – это социальная ответственность. Финансовое учреждение инициирует социальные акции и оказывает поддержку различным проектам, реализуемым на территории Челябинской области. Информацию об активной спонсорской деятельности банк размещает не только на корпоративном интернет-ресурсе в разделе «Новости», но и на специализированном сайте о рынке финансовых услуг Челябинска ChelFIN.ru. Об этом свидетельствуют следующие публикации:

- «В Челиндбанке пройдет акция по сбору помощи для детей-сирот», 28 февраля 2011 («С 1 по 5 марта в головном офисе ОАО «ЧЕЛИНДБАНК» пройдет акция по сбору гуманитарной помощи для детей-отказников, находящихся в лечебных учреждениях Челябинска. Акция проводится в рамках программы «Больничные сироты» совместно с Челябинским областным общественным фондом «Рука помощи»» [6]);
- «Челиндбанк проводит благотворительные акции для детей», 3 июня 2013 («...С помощью банка организуются выпускные вечера, а также спортивные состязания, конкурсы, фотосессии, чаепития, походы в кино. Кроме того, на средства банка для детских домов приобретается бытовая техника, разнообразный спортивный инвентарь, осуществляется монтаж игрового оборудования на детских площадках...» [7]);
- «Челиндбанк поддержал развитие современных медицинских технологий», 11 марта 2014 («При финансовой поддержке ОАО «ЧЕЛИНДБАНК» в Челябинской областной больнице № 3 появилось новое видео- и аудиооборудование...» [8]).

К числу актуальных для банка ценностей мы также можем отнести надежность, удобство и готовность к сотрудничеству. В различных PR-текстах, инициированных банком, можно найти отсылку к данным принципам ведения бизнеса.

Таким образом, ОАО «Челиндбанк» использует PR не только для укрепления имиджа и репутации. Финансовое учреждение заинтересовано в трансляции внешней аудитории информации о том, какие ценности являются приоритетными для организации. В рамках PR-деятельности банк в первую очередь подчеркивает, что ключевой ценностью для него являются клиенты, которым он демонстрирует готовность к диалогу, стабильность и открытость. Для этого применяются инструменты и устройства, и событийного PR.

Библиографический список

1. Чумиков, А.Н. Актуальные связи с общественностью: сфера, генезис, технологии, области применения, структуры: учебно-практическое пособие / А.Н. Чумиков, М.П. Бочаров. – М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. – 721 с.
2. Кривоносов, А.Д. Основы теории связей с общественностью / А.Д. Кривоносов, О.Г. Филатова, М.А. Шишкина. – СПб.: Питер, 2010. – 384 с.
3. Презентация ОАО «Челиндбанк». – URL: <http://www.chelind-bank.ru/about/present-rus.shtml>.
4. Официальный сайт ОАО «Челиндбанк». – URL: <http://www.chelind-bank.ru/index.shtml>.

5. Братишкин. М. Сотрудничество банка с клиентами – это не только сделки и финансовые отношения, но и постоянный диалог, обмен опытом / М. Братишкин. – URL: http://chelfin.ru/text/first_face/761527.html.

6. В Челябинском банке пройдет акция по сбору помощи для детей-сирот. – URL: http://chelfin.ru/text/newsline_fin/367642.html.

7. Челябинский банк проводит благотворительные акции для детей. – URL: http://chelfin.ru/text/newsline_fin/661185.html.

8. Челябинский банк поддержал развитие современных медицинских технологий. – URL: http://chelfin.ru/text/newsline_fin/767770.html.

[К содержанию](#)

ББК Ч600.00 (2Р-4Че)

УДК 070.1 (470.55)

ФИНАЛ ПРАВЛЕНИЯ ЮРЕВИЧА ИЛИ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ «НЕЗАВИСИМОСТИ» СМИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

А.В. Драгунов

Анализируется состояние средств массовой информации Южного Урала в настоящее время. Обосновываются положения о становлении в области этатистского авторитаризма в годы правления губернатора М.В. Юревича, о глобальном развитии действующей системы в сторону инструментальной пропагандистской журналистики, мощном влиянии патерналистских традиций на СМИ. Предлагается новая гипотеза об исключении понятия «независимые СМИ» в отношении универсальных средств массовой информации регионального уровня.

Ключевые слова: независимые СМИ; этатизм; авторитаризм; инструментальная пропагандистская журналистика; патерналистские традиции; медиаимперия.

В 2013 году на Южном Урале произошли события, позволяющие назвать его знаковым. Он прославил регион явлением челябинского метеорита. В его недрах в прогрессивных умах работников культуры зрели идеи о планетарной славе. Чуть позднее они аккумулировались в имени всемирно известного актера Ди Каприо. Теперь Леонардо имеет право пожизненно бесплатно посещать челябинский Камерный театр. Это был и последний год эпохи правления М.В. Юревича, теперь уже экс-губернатора и в недавнем прошлом мэра Челябинска. Наконец, в нем, как в зеркале, отразились угрозы вырождения демократии. Вылилось это, прежде всего, в предельную концентрацию СМИ в руках элиты от власти и бизнеса. Крах иллюзий о независимости информационных ресурсов – тоже знаковое явление 2013 года.

Известный теоретик журналистики И.М. Дзялошинский отмечает: «...современные элиты осуществляют свою власть над остальной частью общества не непосредственно, а через промежуточные звенья, такие как бюрократический аппарат и средства массовой коммуникации» [1]. В данном контексте важны оба посыла именно в их взаимосвязи: бюрократический аппарат и СМИ. Последние три года Южноуралье стало апофеозом этой гремучей смеси. Под ее прессом оказались как государственные, так и частные СМИ, исключив любые попытки свободомыслия [2].

В череде событий выделим два момента. Первый по хронологии связан с массированными атаками СМИ окружения Юревича на председателя областного суда Ф.Д. Вяткина. Второй как продолжение первого разворачивается в виде широкомасштабного критического медиашквала уже на действующего губернатора, организованного его оппонентами.

Как пишет А.А. Грабельников, СМИ часто создаются для целенаправленной агитации, пропаганды, организации масс со стороны государства, правящих групп, вплоть до функции идеологического террора [3]. М.В. Юревич первым на Южном Урале понял важность медиапространства как для удовлетворения политических амбиций, так и для защиты и приумножения собственного капитала.

Чтобы понять серьезность и влияние его медиаимперии в Челябинской области (аналогов в регионах России нет), достаточно перечислить рейтинговые СМИ региона, подконтрольные Юревичу: газеты «Вечерний Челябинск», «Московский комсомолец – Урал», «Metro int. Челябинск», «Челябинский караван», «Бизнес-курьер 74», «Медицина Челябинска», «Советский меридиан», «Калининский район», 31-й телевизионный канал, радио «Эхо Москвы» в Челябинске, «ДФМ Челябинск», портал polit 74.ru, ряд сайтов, справочников и общественно-политических спецпроектов [4]. Через холдинг «Гранада Пресс» жестко управляется официальная газета области «Южноуральская панорама», учрежденная правительством и Законодательным собранием региона. Практически подконтрольны и все средства наружной рекламы областного центра.

До поры до времени (до прихода Юревича в мэрское, а затем и в губернаторское кресла) создавалась иллюзия масштабной независимости СМИ в Южноуральском регионе. Многим памятли информационные войны в начале нулевых годов третьего тысячелетия, навязанные СМИ Юревича тогдашнему губернатору П.И. Сумину из-за конфликта Михаила Валерьевича, бывшего тогда депутатом Госдумы, и первым заместителем Сумина А.Н. Косиловым. В качестве «вышибал» были и профессиональные журналисты (А. Корецкий, Г. Галкин, О. Грачев), и специалисты широкого профиля типа В. Филичкина.

Действительно, в области четко прослеживались две составные части влиятельной журналистики. Этатистские СМИ (государственные): «Юж-

ноуральская панорама», областное телевидение, все районные, городские газеты и частные, в том числе принадлежавшие в основном семье или окружению Юревича: «Вечерний Челябинск», 31-й телеканал, массовая газета «Соседи», тиражом 500 тысяч экземпляров, радио «Эхо Москвы – Челябинск» и другие.

Ситуация в корне изменилась, когда в 2010 году губернатором назначается М.В. Юревич. Практически все ведущие СМИ области стали частью деятельности одного человека, превратившегося в крупнейшего медиамагната России. Чтобы не быть голословными, приведем выдержку из газеты: «...команда Юревича контролирует большинство рейтинговых СМИ своего региона. Все эти медиа не являются убыточными, так как финансируются из бюджетов органов власти. В частности, ООО «ИД» Гранада Пресс» выделено 29 млн рублей. 31-й канал, официально принадлежащий семье Юревичей, аналогичным образом финансируется из бюджета, а ООО «ИК «Медиа – центр» получил 28,5 млн рублей» [4]. Административный ресурс в действии!

Любая монополия создает атмосферу вседозволенности. Уже через два года работы нового губернатора было ликвидировано управление по делам печати и массовых коммуникаций правительства области, через которое шло финансирование всех государственных СМИ региона. В полной зависимости оказалась и ассоциация редакторов городских и районных газет Южного Урала, поскольку решающее слово остается за представителями «Гранада Пресс».

Сложившийся этатистский авторитаризм окончательно превратил СМИ в носителей инструментальной пропагандистской модели журналистики. Его апогеем стал шабаш (иного слова трудно подобрать) вокруг имени уже упоминавшегося Ф.Д. Вяткина. Практически все названные выше местные средства массовой информации, подключившиеся к ним центральные издания, радио- и телеканалы выплескивали тонны бумаги, дорогостоящее эфирное время на дискредитацию главного представителя судебной власти области. Более того, в эту свистопляску были втянуты общественные палаты Южного Урала (председатель В.Н. Скворцов) и даже всей России.

Особую роль сыграл бюрократический аппарат губернатора. Так, заместитель руководителя одного из управлений правительства области в передаче центрального телеканала согласился на подлог (путем нехитрых трюков ему изменили внешность и голос). В результате через суд возбуждено уголовное дело, в клевете обвиняется первый заместитель губернатора О.Н. Грачев, вынужденный подать в отставку. Остальные фигуранты по делу давали различные показания, признав свою вину уже тем, что согласились на редко встречающуюся трактовку «досудебная амнистия».

Дальнейшая сюжетная линия лишь подтверждает тезис о том, что каждый владелец средства массовой информации (речь идет о СМИ универ-

сального содержания) «старается монополизировать публичное слово или хотя бы стремиться к победе своего представления о мире и его признанию в качестве правильного и верного как можно большим числом людей...» [5]. В ходе опорочивания Д.Ф. Вяткина проюревичевски настроенные журналисты зло, глуповато стали компрометировать и крупного бизнесмена А.И. Аристова.

Ответные меры не заставили себя ждать. И как всегда бывает, в качестве дубины были использованы средства массовой информации. Действовавшие к тому времени (лето 2013) года телеканал «СТС – Челябинск», газета «Соцгород» срочно перестраивались в силу симпатий их босса депутата Законодательного собрания области А.В. Барышева к Аристову и Ко, регистрировались и бросались в бой новые издания.

Так появилась газета «Челябинск. Люди. События. Факты». Тиражи номеров издания, выходившего еженедельно форматом А-3 и объемом 4–8 полос, поразили даже многое повидавших профессионалов журналистики: 500000 [6], 700000 экземпляров [7]. Еженедельник распространялся бесплатно, учредителем и издателем значилось ООО «Инфо-медиа». О содержании этого издания, чей выход связан также с именем А.В. Барышева, впрочем, как и другой газеты «Соцгород», можно судить по заголовкам публикаций: «Губернаторское кладбище (на политический олимп по трупам)» (№ 5), «Спасти рядового губернатора» (№ 8), «Юревич, хватит врать!» (№ 9), «Жажда денег привела губернатора на панель» (№ 9), «Челябинская область проглотила Лихтенштейн» (№ 10) и т.д. Не менее говорящие подзаголовки и врезки на страницах еженедельника: «Поведение действующей власти в субъекте Российской Федерации под названием Челябинская область не забыто и, наоборот, все больше вызывает недовольство, а порой и просто раздражение в федеральном центре» (№ 10), «Михаил Юревич уверенно выходит на лидерские позиции в рейтинге самых дорогих губернаторов России» (№ 8), «В Челябинске самые хорошие автомагистрали проводятся в первую очередь к торгово-развлекательным комплексам. Принадлежащим, как многие считают, семье челябинского губернатора Михаила Юревича» (№ 9), «Команда нынешнего губернатора почти в полном составе находится под следствием. При этом самому Юревичу каким-то непостижимым образом удается оставаться над схваткой» (№ 5), «Осенью прошлого года губернатор Михаил Юревич опозорился на всю страну, когда слетал на бюджетные деньги в Ниццу на день рождения к своему другу – бизнесмену Сергею Вайнштейну. А теперь Сергей и Евгений Вайнштейны стоят у истоков очередного скандала, к которым нашей области, впрочем, уже не привыкать. Сейчас приближенные к Юревичу бизнесмены вознамерились превратить в городской пруд жемчужину Южного Урала – озеро Тургояк» (№ 13) и т.п. Надо отметить, большинство материалов газеты «Челябинск. Люди. События. Факты» подготовлены на

добротном качественном уровне, что редко встретишь в изданиях подобного типа, где трудно отличить правду от лжи, а искажение, подтасовка фактов являются едва ли не нормой этики журналистов. Всем показателям аналитической журналистики соответствуют, например, публикации В. Слепова «Побочные эффекты «дорожной революции» (№ 9), С. Быстрова «Идет охота на «сохатых» (№ 13), Е. Петровой «Образцово-показательная ложь» (№ 12). И этот список можно продолжить. Конечно, встречаются и другие публикации, скажем, дурно пахнущие, где многое притянато за «уши», как это сделано в огромной публикации «Губернаторское кладбище» (№ 5).

Очередной информационный сюрприз ожидал южноуральцев и губернатора региона на финише знакового 2013 года. В декабре увидела свет газета «Южноуральская правда» тиражом 700000 экземпляров, на 8 полосах формата А-3 и также при бесплатном распространении, учредитель ООО «Медиацентр Альфа». О миссии издания, его направленности можно судить уже по заголовкам первых номеров: «Опыты Юревича с диверсификацией экономики региона дают отрицательный результат», «Столичный эксперты считают Челябинскую область регионом-аутсайдером», «Комякова ругали журналисты, а Юревича отчитывал президент», «О цинизме власти, об ответственности перед людьми», «...Грачев клеветал, а Уфимцев мошенничал». И если изначально газета заявлена как городская общественно-политическая, то уже в третьем номере ее статус (тип) изменился. Она стала областной общественно-политической. Видимо, в пику официальной газете области «Южноуральская панорама».

В отличие от еженедельника «Челябинск. Люди. События. Факты» «Южноуральская правда» делается по вполне классическим канонам журналистики, неся в себе информацию о политической жизни области, экономики, финансах, используются и кондовые астрологические прогнозы, афиши культуры и спорта.

Преображение телекомпании «СТС-Челябинск» и особенно ее ежедневных выпусков «Городские новости» (и здесь не обойтись без упоминания А.Барышева) – показательный пример того, как бизнес-элита использует журналистику в качестве приводного ремня для решения своих локальных целей. Но надо подчеркнуть, что антигубернаторская кампания, начатая телевизионщиками в июне 2013 года, резко изменив формат передач, проходила на серьезном аналитическом уровне. Закономерно, что социологические исследования, проведенные в октябре 2013 года, показали активный рост зрительской аудитории в часы выхода новостей [8].

Естественно, прогубернаторские СМИ не отмалчивались. А в августе 2013 года зарегистрирована газета «Правда и жизнь» тиражом 200000 экземпляров. Учредителем и издателем стало, конечно же, ООО ИД «Гранада Пресс». О ее миссии дает представление декабрьский номер, вышедший с характерной «шапкой» на первой полосе: «Политический кризис на Южном Урале. Исто-

рия конфликта» и не менее говорящим заголовком над лид-абзацем: «Аристов и Барышев развязали дискредитирующую кампанию против Юревича».

Прочитируем и начало программного заявления редакции: «На территории Челябинской области возникла серьезная угроза социально-политической стабильности. Причина – развязанная против губернатора Михаила Юревича невиданная ранее масштабная дискредитирующая кампания. Во главе ее – лидеры организованного сообщества, ранее судимый Александр Аристов и его партнеры по различным бизнесам, а основной модератор и организатор кампании – бизнесмен, депутат, лидер общественного движения «Соцгород» Андрей Барышев» [8].

Чем закончились эти исторические для политической жизни области и ее журналистики баталии? Губернатор Юревич ушел в отставку в январе 2014 года. «Городские новости» вещают в «дореволюционном» регламенте растворившись в среде себе подобных передач. «Челябинск. Люди. События. Факты», видимо, прикажет долго жить (мавр сделал свое дело). «Южноуральская правда» пока выходит (на момент подготовки статьи), отличаясь от других универсальных изданий разве что тиражом – он по-прежнему огромен – полмиллиона экземпляров и неся существенные убытки учредителю, что долго продолжаться не может. Опять же дополнительная приятность для покупателей продукции в фирменных магазинах «Ариант»: вам подадут попку в пакете, где аккуратно уложена газета «Южноуральская правда». Ноу-хау в плане реализации периодики.

Андрей Барышев исключен из партии власти «Единая Россия» в конце 2013 года. Формулировка знакома людям, изучающим историю СССР, особенно черные 30-е годы ушедшего столетия. Напомним, Барышев стал изгоем за нарушение так называемой партийной дисциплины, конкретно, за критику губернатора Юревича. Вправе требовать восстановления справедливости, если это ему нужно, памятуя о грядущих выборах мэра Челябинска.

Подытоживая, отметим, что все вышеперечисленные истории финала правления Юревича заставляют, наконец, расставить точки над «и» в вопросе о независимости СМИ регионального типа универсального содержания (общественно-политического). Во-первых, нужно помнить о силе патерналистских традиций в России. Начиная с Петра I, учредившего первую российскую газету. Тяга российских журналистов к власти, ее мощному плечу (тугому карману?) априори образует систему этатизма, т.е. зависимость медиапространства от государства. Плюс к этому незавидное существование городских и районных СМИ, которые просто не могут выжить без финансовой или иной поддержки местных администраций. На этом фоне аргаяшский журналист М. Шафиков, выпускающий газету «Солнечный берег», – альбинос, исключение из штатной ситуации. Региональные СМИ, электронные и печатные, все еще находятся в советском состоянии, будучи под тотальным контролем местных властей.

Медиаландшафт России примечателен тем, что государство контролирует 70 % всех электронных СМИ, 80 % региональной и 20 % центральной прессы [1].

Во-вторых, бизнес-элита (а только она может позволить себе содержать «пароходы и газеты») очень четко уловила зависимость человека, социальных структур от медиа. И в силу той или иной надобности манипулирует, прежде всего, используя свои финансовые и политические возможности, как конкретно журналистами, так и всеми составляющими СМИ: прессой, радио, телевидением. Именно это и поучительно как вывод из южноуральских перепетий 2013 года.

Таким образом, можно говорить о некорректности употребления самого термина «независимые средства массовой информации». Употребляя его, мы скорее отдаем дань идеалу, может быть, «золотому веку» журналистики начала 90-х годов XX века. Тогда действительно были независимые от государства и бизнеса СМИ. Достаточно вспомнить еженедельник «Контакт», вышедший в 1988 году, газеты «Вечерний Челябинск», «Челябинский рабочий».

Расставание с иллюзиями, в том числе и абсолютно навязчивыми, например, утверждением, что журналистика – это четвертая власть, – испытание горькое, но совершенно необходимое. Крупный бизнес, изначально придав СМИ кажимость независимости, превращает их в бастион защиты своих интересов. Наступает своеобразный конец празднику свободы слова, мифологию о которой так долго пытались создать в отношении региональной журналистики. Просто пока нужно свыкнуться с мыслью, что есть государственные (этатистские) СМИ и частные. Все. Точка. Независимые общественно-политические (универсальные) СМИ в сегодняшних регионах России – от лукавого, с каких сторон не смотри.

Библиографический список

1. Дзялошинский, И.М. Медиaprостранство России: пробуждение Соляриса / И.М. Дзялошинский. – М.: АПК и ППРО. – 422 с.
2. Драгунов, А.В. Этатистский авторитаризм: угроза свободе региональных СМИ России / А.В. Драгунов // Наука и образование в жизни современного общества: материалы международной научно-практической конференции. – Тамбов, 2013. – С. 3–8.
3. Грабельников, А.А. Работа журналиста в прессе: учебное пособие / А.А. Грабельников. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 316 с.
4. Медиаимперия. Газета «Челябинск. Люди. События. Факты». – 2013. – № 5. – С. 3.
5. Шампань, П. Делать мнение: новая политическая игра / П. Шампань; пер. с фр. Н.Г. Осиповой и др. – М.: Socio-Logos, 1997. – 335 с.
6. Газета «Челябинск. Люди. События. Факты». – 2013. – № 5. – С. 4.

7. Газета «Челябинск. Люди. События. Факты». – 2013. – № 10. – С. 8.
8. Газета «Правда и жизнь». Челябинск. – 2013. – Декабрь. – С. 1–2.

[К содержанию](#)

УДК 81'01+811.161.1'04

ББК Ш141.61

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО С КОРНЕМ ВИ- В ДРЕВНЕРУССКОМ КНИЖНО-ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

М.П. Егорьева

Материал исследования извлечён из Словаря русского языка XI–XVII вв. Корпус анализируемых единиц ограничен группой слов с основным значением «двигаться, совершая круговые движения»; установлены мотивационно-словообразовательные отношения между компонентами словообразовательного гнезда.

Ключевые слова: сема; словообразовательное значение; лексическое значение; словообразовательное гнездо; корень, мотивация.

Под словообразовательным гнездом мы понимаем упорядоченную «отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня» [5, с. 42].

Исследование словообразовательных гнезд, словообразовательных отношений в диахроническом аспекте представляет определённую трудность, поскольку утрачены или не зафиксированы письменными памятниками некоторые звенья словообразовательной цепочки. Однако такие исследования необходимы для установления характера и причин процессов, происходящих в словообразовательной структуре слов. «Этимологические гнёзда... оказываются исторически естественной основой генетической организации лексики, будучи результатом разновременных словообразовательных актов, создающих более или менее сложные по степени разветвлённости словообразовательные цепочки» [1, с. 84].

В древнерусском языке словообразовательное гнездо с корнем *ви-* представлено значительным количеством слов: *вити*, *витейка*, *возвитие*, *вино*, *вина*, *извинити* и др. Этимологический корень этих и подобных слов восходит к общеиндоевропейскому **uei-*, который на славянской почве дал **vě-* (при восходящей интонации) и **vi-* (при нисходящей) [3, с. 35]. Первичная сема корня **uei-* «гнать, двигать», осложнялась дополнительными сематами, в результате чего появляются переносные значения «дуть» (*вгьяти*), «двигать вращая» (*вить*), «причина неправильных действий» (*ви-*

на), «вьющееся растение» (*виноград*) и «то, что получают из плодов этого растения» (*вино*) и др. Цель данного исследования – выявить словообразовательные отношения одной из подгрупп словообразовательного гнезда с корнем *ви-*, в которую входят слова с общим значением «двигать вращая, совершая круговые движения».

Исходным словом данного гнезда является слово *вити*. Лексикализация сочетания глагола с энклитической формой вин. п. местоимения *ся* дала глагол *витися*, с тремя производными значениями: *витися 1* «обвиваться, заплетаться вокруг чего-л.»: «...есть трава над рѣкою, *вьется* около древа...». [3, т. 2, с. 193]; *витися 2* «витья, извиваться»: «Узрѣвъ я иже змия *вьющися* по земли осужен быс<ть> землю ясти» [3, т. 2, с. 193]; *витися 3* «нестись, кружась, крутясь»: «А в ноцех громы и ужасы великие бываху и вихри стремителные *вияхуся* даже до облак» [3, т. 2, с. 193].

Префиксы *об-*, *изъ-* вносят дополнительный оттенок, указывающий на характер протекания действия. *Объвитися 1* «обвиться вокруг чего-л.»: «И видѣхомъ ту жену стоящую простовласу на край глубины, и змии бѣше великъ *обился* около ея от ногу и до главы» [3, т. 12, с. 17]; *объвитися 2* «быть закутанным, закрытым»: «Анфракъсь носимъ же, кацѣми ризами да *объеться*, блѣскъ его вѣнѣ ризъ сияеть» [3, т. 12, с. 17].

Извитися «завиться»: «На главе власы *извились*» [3, т. 6, с. 122].

Метафорический перенос даёт два новых значения: 1) «оскорбиться» и 2) «отстраниться»: «Егда о сем *извиються*» [3, т. 6, с. 122]; «Яко злобных бо *извияся*» [3, т. 6, с. 122]. Звеном этой цепочки является суффиксальное образование *извиватися* «извиваться»: «Видѣша необычно видѣние, яко облакъ легкий протязашеся, или яко дымъ тонокъ *извиваяся*» [3, т. 6, с. 121].

Следующая группа слов от корня *ви-* это именны образования *витье*, *витейка*, *витой*, *витушки*. *Витье* – это действие по глаголу *вити* (в зн. 1, 3): «Веровочнику Фомы дано от *витья* веровочного шесть алтын наиму» [3, т. 2, с. 194]. *Витой* «крученный, плетённый»: «Съ образа Николы чудотворца веровочку *витуую* снялъ онъ игумень Киприянь...чаяль – серебряная, ажъ та веровочка *витая* мѣдная» [3, т. 2, с. 193]. *Витейка* «катушка, то, на что навивают»: «В бумашке полцѣвки да на дву *витейкахъ* по немногу золота» [3, т. 2, с. 192]. *Витушки* «плюшки»: «Куплено *витушек* пшеничных, дано 15 алтын 2 денги» [3, т. 2, с. 194].

Коннотативная оценочная сема придаёт словам с корнем *ви-* значение «говорить, украшая речь изысканными речевыми средствами», т.е. говорить не прямо, а *вить* речь. Появляются слова *вития*, *витийно*, *витийский*, *витийство*, *витийствовати*. *Вития* (*вътия*) «оратор, учёный, мудрец»: «Древнии бо философи Платон и Аристотель и прочая *вътия* много тружьшеса о нбснѣи твари, увѣдѣти не получиша» [3, т. 2, с. 193].

Имя прилагательное *витийский* мотивировано именем *вития*, значение «относящийся к *вити*, свойственный *вити*». *Витийствие* имеет слово-

образовательное значение «отвлечённый процессуальный признак», мотивировано основой *вити́я*, это то, что характерно для *вити́и*. *Витийство* также обозначает опредмеченный процессуальный признак: «Даны суть изначала коемуждо от него (Бога) хитрости: еллиномъ словесное осмочастие, еже есть риторское *витийство*» [4, т. 2, с. 193]. Заниматься *витийством* – это *витийствовати*: «*Витийствующи* уста не возмогут рожества твоего, отроковице, неизреченное повѣдати таинство» [4, т. 2, с. 193]. Основа *ви-* мотивирует имя существительное *вихрь*. Это также нечто завитое, это кругообразное движение воздуха: «Бореть ся съ члкъ дияволь, не тѣрпя таковыхихъ добронравии двыя, въздвиже на ню *вихрь*» [4, т. 2, с. 195]. Первичным формантом является суффикс *-х-*, выступающий в словах *смѣхъ*, *страхъ*, *спѣхъ* и др. [8, т. 1, с. 112]. Далее основа осложнялась суффиксом **-г-* (*да-ръ*, *пи-ръ*, *жи-ръ*). От древнего **vichъ* образовался глагол *вихати* «двигать, колебать» [8, т. 1, с. 112]. Далее суффикс **-л-* осложняет основу **vich-* (диалектное *вихлеватый* «искривлённый, криворослый»), отмеченное В. И. Далем [2, т. 1, с. 208]). От этой же основы глагол *вихляти* «вихлять»: «(жена) пляшетъ яко предствившаяся блудница Иродиада, бедрами трясетъ, хребтомъ *вихляеть*, головою киваетъ, гласомъ поеть» [4, т. 1, с. 194]. *Вихляние* – действие по глаголу *вихляти*: «Женамъ же и дѣвамъ плескание и плясание ...всескверненныя пѣсни, бѣсовская угодия свершахуся, и хребтомъ ихъ *вихляние*, и ногамъ ихъ скакание и топтание» [4, т. 2, с. 194]. *Вихлятый* – «вихляющийся, расшатанный»: «Дал вкладом черной попь Герасимъ книжной снасти: тиски желѣзные с воротомъ, да обрѣзь *вихлять*...» [4, т. 2, с. 194].

Следующая цепочка производных от *вити* – *завити* с двумя значениями: 1) «обвить», 2) «скрутить»; *завить* «запаять»; *завито* «искусно, изощрённо»; *завивочка* «деталь креста». *Извити* «сплести, свить» является исходным для группы слов: *извитие*, *извиватися*, *извивание*. *Изви-тије 1* – «сплетение чего-л.»: «Красота бо злата есть на (неи), и узы ея *извитье* к(ам)ене драгааго» [4, т. 6, с. 122]; *извитие 2* – «изыщная, утончённая речь»: «Вся мудростная вдаль ми бѣ вѣдат(и) гаданя и притча, *извитя* и темнословѣ» [4, т. 6, с. 122]. *На-вити* является мотивирующей основой для слов *нави-вати* «навивать» и *навой* «поперечник ткацкого стана, на который наматывается пряжа»: «Ратило ткущихъ – навой, или пришвица» [4, т. 10, с. 39]. *От-вити* – «размотать, снять что-л. Намотанное»: «Амафоръ... *отвивши* отъ себѣ пречистыма рукама своима взявши... верху всѣхъ людеи простре (богородица)» [4, т. 13, с. 200]. *Отви-вати* «развёртывать»: «Еда разлучиста дша от тѣла, первые приидут к ней бѣси, и поставятъ вся злая дѣла ея, иж(е) издѣтска и до старости сотворила будет, *отвивающе* свитки харатеинныя, обличаютъ дшу» [4, т. 13, с. 200]. *Отвивати* – производящая основа для *отвива-тися* «развёртываться»: «Пророчьскыя тѣчью и апостольскыя (книги) да *ся отвивають*» [4, т. 13, с. 200].

Об-вити (обити) 1 «обвернуть, обмотать чем-л., закутать во что-л.»: «Един от насъ ... бѣ одѣнъ одеждею ветхою, тою же *обити* хотящемъ старьца»; *об-вити* 2 (перен.) «окутать, окружить со всех сторон»: «И рѣх буди тльсто и *обито* свѣтом» [4, т. 12, с. 17.]. Отглагольное имя существительное *обви-тие (оби-тие)* – «то, чем обёртывают, обматывают; повязка, пояс»: «Нѣсть бо пластыря приложити, ни олѣа, ни *обития*» [4, т. 12, с. 17].

Глагол *обвити* (законченное действие, сов. вид) является мотивирующим по отношению к *обви-вати* (незаконченное действие, несов. Вид) «обматывать, обвивать чем-л.»: «Ворворки *обвиваны* серебром»; «Тѣло мертво ... пеленами *обвивающе*» [4, т. 12, с. 12]. Глагол *обвивати* служит мотивирующим по отношению к именам существительным *обвивка* и *обвивание*. *Обвивка (обивка)* – это «действие по глаголу *обвивати*»: «Куплены войлоки в чулан для *обивки* золотова дѣла, чтоб было золоту тепло» [4, т. 12, с. 16]. *Обвивание (обивание)* «полоса ткани, пояс»: «Въ вретиче же острое тѣло свое одѣ и, поясомъ жестокомъ чресла своя скрушаше, и *обивания* же мяккаго отвержешя» [4, т. 12, с. 16]. Значение неоднократности действия, его повторяемости реализуется в следующем звене этой цепочки, в глаголе *обвивывати*: «Он Герасим ... головы де у себя травую не *обвивывал* и на сестру де ево Семенову девицу Анну из наволоку з деревиной не метывался» [4, т. 12, с. 16].

Интерес представляет группа слов с переносным значением «барыш, выгода». Это слова: *возвитие, возвить, возвитити, возвитовати*. Префикс *воз-* вносит оттенок «увеличение, рост (развитие)»: «Виждь приимшаго талантъ и не сътворшаго *възвития*»; «*Възвития* дѣля своего князи съдѣловааху неправедныа разбоя» [4, т. 2, с. 273]. *Возвить* – то же, что *возвитие*: «Кая бо мнѣ есть *възвит(ь)* от ложесловия» [4, т. 2, с. 273].

Сема «получение выгоды» формирует значение глаголов *возвитити* и *возвитовати*: «получать выгоду»: «Аще ли и добраго положимъ, колико – врѣмя иждити? Вьсе или нѣчто сея жизни *възвитяця*, ея же урѣшитися просит»; «Якоже ти *възвитовати* на чьто отъ скврньения» [4, т. 2, с. 273].

Анализ подгруппы словообразовательного гнезда в древнерусском книжном языке позволил выявить пути семантических изменений компонентов гнезда, характер мотивационных отношений, что даёт материал для изучения лексико-семантических полей и способствует прояснению языковой картины мира носителей древнерусского языка.

Библиографический список

1. Варбот, Ж.Ж. Этимологические гнёзда и лексико-семантические поля в синхронии и диахронии / Ж.Ж. Варбот // Славянское языкознание: XIV Междунар. съезд славистов, Охрид, 10–16 сент. 2008 г.: доклады российской делегации. – М., 2008. – С. 84–95.

2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1978. – Т. 1 – С. 208.

3. Егорьева, М.П. Реализация семы «гнать, двигать» в словообразовательном гнезде с корнем вѣ- в древнерусском книжном языке / М.П. Егорьева // Наука ЮурГУ: материалы 65-й научной конференции. Секция социально-гуманитарных наук: в 2 т. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. – Т. 1. – 427 с.

4. Словарь русского языка XI–VII вв. Вып. 1–27. – М., 1975–2006.

5. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 1: Более 145 000 слов / А.Н. Тихонов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель, 2003. – 860 с.

6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 562 с.

7. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Черных. – М.: Рус. яз., 1999. – 624 с.

8. Этимологический словарь русского языка / под рук. и ред. Н.М. Шанского. – Т. 1. Вып. 3. – М.: Изд-во Московского университета, 1968. – 283 с.

[К содержанию](#)

УДК 659.44 + 72.04

ОСОБЕННОСТИ ДИЗАЙНА РЕКЛАМЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

А.Г. Епифанова

По результатам анализа печатной рекламы г. Челябинска выявлена творческо-содержательная суть рекламного сообщения. Установлено наличие в рекламном творении сочетания законов композиции; композиционно-графических приемов; приемов создания образа; приемов выделения сюжетно важного композиционного центра; графических приемов (цвет, линия, форма). Определена особенность дизайна рекламы в современной культуре.

Ключевые слова: дизайн; реклама; общекультурные тенденции; приемы создания рекламного сообщения.

Культура XXI века носит массовый индустриально-коммерческий характер, поэтому огромная роль отводится рекламе как средству формирования образа жизни потребителя. А. Левинсон в своей статье «Заметки по социологии и антропологии рекламы» приводит такой факт: «В ходе Второй мировой войны для американцев, воевавших вдали от родины, стали

привозить облегченные (в прямом смысле) популярные журналы без рекламы – ведь они все равно не могли быть покупателями. Это вызвало массовые протесты: солдат и моряков лишили не рекламы, а привычного для них образа жизни» [1, с. 101–128].

Иными совами, плавно или наступательно, явно или незаметно, но реклама проникает и в самые приватные, и в самые публичные слои человеческой жизнедеятельности, заполняя их своим содержанием и вместе с тем заимствуя в них «сюжеты, темы, идеи, образы для своих будущих произведений» [2, с. 17].

Дизайн, являясь важной составляющей современной рекламы, интегрирует теоретический и практический опыт, накопленный за годы своего развития. Удовлетворяя интересы потребителей в реализации актуально важных для социума эстетических идеалов, ценностей и культурных образцов, оптимизирующих процесс совершенствования образа жизни, эргономичных, экологических, духовно-практических функций предметной среды, дизайн выступает структурным центром гармонизации современной рекламы.

К сожалению, несмотря на растущий в среде российских рекламистов интерес к проблемам композиционных принципов в дизайне, реализующихся в современном культурном пространстве, говорить о «сложившихся концептуальных алгоритмизируемых представлениях» [2, с. 20] рекламного сообщения на сегодняшний момент рано. Мы же попытаемся создать алгоритм анализа рекламного сообщения с точки зрения дизайн-проектирования.

В основе любого рекламного творения лежат законы композиции; композиционно-графические приемы; приемы создания образа; приемы выделения сюжетно важного композиционного центра; графические приемы (цвет, линия, форма).

Разумеется, подобное перечисление, вряд ли претендует на то, чтобы раскрыть суть заявленной темы. Впрочем, существуют вполне серьезные доводы в пользу того, чтобы считать все перечисленные приемы важным компонентом рекламы.

Например, плоскостная реклама спортивного ресторана «Liverpool» г. Челябинска. В рекламном сообщении применены следующие приемы:

1) композиционно-графический прием – «Результат», позволяющий посетителю принять участие в акции «3 + 1»;

2) прием выделения СВКЦ (сюжетно важного композиционного центра) на плоскости – расположение темного товара на цветном фоне;

3) прием создания образа – «Метафора», т.е. на рекламируемый продукт перенесены свойства другого предмета схожего с ним по форме. «Метафора задает условия нового мира, метафора нарушает привычные связи, метафора останавливает и задерживает наш взгляд» [3, с. 23].

Следующий пример плоскостной рекламы – это реклама ресторана баварской кухни в городе Челябинске.

В рекламном сообщении применены следующие приемы:

1) композиционно-графический прием – «Подстановка», где посетитель представляет себя на месте эксперта товара;

2) прием выделения СВКЦ (сюжетно важного композиционного центра) на плоскости – размещение товара на границе светлого и темного фонов;

3) прием создания образа – «Использование национальности эксперта». Функцию национального эксперта в данном рекламном сообщении выполняет персонаж в народном баварском костюме, приглашающий отведать блюда истинно баварской кухни;

4) графический прием создания образа – «Использование цвета», т.е. предложенные цвета рекламного сообщения (сверкающая белизной посуда, мшисто-зеленый цвет зелени, знаменитые ярко красные баварские сосиски, обжаренный до золотистой корочки картофель и кристально-чистая прозрачность пивного напитка) дают нам возможность предположить, что данный продукт, предлагаемый в этом ресторане, действительно попал к нам из Европы.

Е. Саламатова в своей статье «Упаковка: включите свет!» говорит о важности использования данного графического приема «Важно использовать выбранный цвет постоянно. Таким образом, люди, которые предпочитают ваш бренд, будут тратить меньше времени, чтобы найти его» [4, с. 18–122].

В плоскостной рекламе нового чешского ресторана «Старый ГРАД», г. Челябинск, дизайн рекламного сообщения строится на следующих приемах:

1) композиционно-графический прием – «Подстановка», где посетитель представляет себя на месте средневекового рыцаря, погружаясь в средневековую обстановку;

2) прием выделения СВКЦ (сюжетно важного композиционного центра) на плоскости – выделение товара с помощью малой глубины резкости основного фона;

3) прием создания образа – «Визуализация стереотипа». Стереотип – это «упрощенный, схематизированный образ социальных объектов или событий, обладающий значительной устойчивостью» [5, с. 332]. Иными словами, при взгляде на данное рекламное сообщение в сознании потребителя визуализируется стереотип «Пражский Град», т.е. устойчивый образ замков и дворцов Чехии, фирменных чешских блюд и напитков.

Итак, проанализировав представленную рекламу, мы можем сделать вывод, что представленные рекламные творения были созданы на основе сочетания законов композиции; композиционно-графических приемов; приемов создания образа; приемов выделения сюжетно важного композиционного центра; графических приемов (цвет, линия, форма). Иными словами, творческо-содержательная суть рекламного сообщения была воплощена путем взаимодействия дизайнера и рекламы.

Но, к сожалению, наблюдаемая сегодня в обществе тенденция к деградации культурной среды наталкивает нас на мысль, что проектное творче-

ство (дизайн) освободившееся от цензурного гнета, сегодня оказалось под гнетом экономическим. То есть сложившееся положение, резко сокращает объем качественно спроектированного продукта и тем самым влияет на уровень культурного саморазвития общества.

Таким образом, основной задачей проектного творчества на сегодняшний момент является формирование нового образа социокультурной среды, воспитание целостной творчески развитой индивидуальности.

Библиографический список

1. Левинсон, А. Заметки по социологии и антропологии рекламы / А. Левинсон // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22.
2. Павловская, Е. Дизайн рекламы: поколение NEXT / Е. Павловская. – СПб.: Питер, 2004. – 320 с.
3. Почепцов, Г. Имидж: от фараонов до президентов / Г. Почепцов. – Киев: АДЕФ – Украина, 2000. – 328 с.
4. Саламатова, Е. Упаковка: включите свет! / Е. Саламатова // Yes (Рекламные идеи). – 2002. – № 4.
5. Современная западная социология: словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.

[К содержанию](#)

УДК 32

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.В. Ермилова

В статье анализируется методология, применяемая для исследования политических процессов и явлений; раскрывается сущность политического анализа как комплексного методологического подхода, включающего совокупность разнообразных общенаучных и частнонаучных методов, использующихся в прикладных политических исследованиях; систематизированный основной методологический аппарат политического анализа представлен в таблице.

Ключевые слова: политическое исследование и его виды; методология; методы политических исследований; общие и частные методы политического анализа.

Политическое исследование – это система процедур научно-исследовательского и организационно-технического характера с целью получить научно обоснованные данные о политических событиях, явлениях, процессах, носящие прогностический характер для дальнейшего их применения в политическом управлении.

Существуют два направления политических исследований – нормативное и аналитическое. Нормативное представляет собой широкий спектр, выходящий далеко за пределы изучения политических процессов: экономисты, специалисты, проводящие исследования в практических целях, теоретики по вопросам организации и государственные руководители – все они дают критическую оценку того, как осуществляется политика и каким образом этот процесс мог бы быть улучшен.

Аналитическое исследование политики в основном сводится к изучению политических процессов как таковых. Исследователи стремятся к созданию моделей и объяснению политического процесса, при этом они используют многочисленные методы, близкие к тем, которые применяются при изучении сферы политики в целом. Теория общественного выбора (public choice) и некоторые разновидности сравнительного подхода предлагают соперничающие между собой представления о сущности выработки политики; в то же время некоторые необихевиористские (behaviorism) подходы, стремящиеся объяснить результаты политики с точки зрения общих черт политической системы, делают изучение политики трудно отличимым от изучения политических систем [1].

Как правило, политические исследования содержат следующую последовательность: анализ политических ситуаций и процессов, аналитические заключения и модификация или переосмысление ранее сформулированных выводов. Соблюдение такой последовательности обеспечивает возможность проверки результатов множества отдельных исследований, посвященных не только конкретной проблеме, но и сопоставлению знаний в различных областях. При проведении политических исследований выделяют несколько уровней: концептуально-теоретический, методологический и методический [2, с. 14].

В связи с тем, что современные исследования ориентированы на политическую практику и достижение реального политического эффекта в них используется методология, представляющая способ видения и организации исследования, систему аналитических методов и приемов, проверки и оценки, концептуального и идейного арсенала, в совокупности составляющих общий подход к решению исследовательских проблем.

С методологией тесно связаны методы, которые включают процедуры и процессы, технические приемы и средства исследования, анализа, проверки и оценки данных. Существуют различные методики, применяемые в прикладных политических исследованиях. Методика – направленно создаваемый на базе логики и научных методологических положений комплекс средств, предназначенный для решения определенного класса задач, как правило, часто повторяющихся. В научном познании методика играет особо важную роль в эмпирических исследованиях. В задачи методики не входит теоретическое обоснование полученного результата, она концентрируется на технической стороне эксперимента и правилах, которые должен знать исследователь.

К.П. Боришполец в прикладных политических, в том числе международных ситуациях и процессах исследованиях выделяет следующие методики: базовые аналитические (включают методы: контент-анализ, инвент-анализ, когнитивное картирование) и комплексное аналитическое моделирование (эмпирическое, нормативное и динамическое) [2, с. 24]. Арсенал приемов и методов политических исследований содержит комплекс методологических подходов: бихевиористский, системный, политико-культурный, сравнительный и междисциплинарный типы анализа. В политических исследованиях также используют методы и приемы, заимствованные из культурной антропологии, социальной психологии, социологии и ряда естественных наук. В результате их применения исследования массовых социально-политических движений, процессов и явлений становятся наиболее комплексными и всесторонними.

В качестве методов политического исследования могут выступать разного рода операции и приемы сбора, систематизации и классификации эмпирических фактов и материалов, которые во многом определяются используемым исследователем методологическим подходом. Существует целый комплекс методов, имеющих для социальных и гуманитарных наук общенаучный характер. К ним относятся, в частности, сбор и обработка данных, квантификация, обобщение и систематизация, сравнение, анализ и синтез, дедукция и индукция, классификация или типологизация и т.д. Они базируются на посылке о единообразии, повторяемости и исчислимости элементов, составляющих в совокупности политические феномены.

Среди перечисленных методов значительное место занимают приемы квантификации, т.е. расчленение анализируемого материала на то или иное количество элементов, которые легко можно количественно измерить и сопоставить как друг с другом, так и с другими элементами, чтобы выявить их истинную значимость для определения сущности и особенностей развития исследуемого феномена. Этот прием особенно эффективен при анализе результатов опросов общественного мнения, голосования на выборах в представительные органы власти и других явлений массового социально-политического характера. В тесной связи с квантификацией используются приемы опроса, интервьюирования, шкалирования. Квантификация целесообразна при контент-анализе, построенном на выявлении и количественной обработке содержания различных источников информации, в частности программ политических партий и движений, межгосударственных договоров, средств массовой информации и т.д.

На наш взгляд, наиболее комплексным методологическим подходом, включающим совокупность разнообразных общих и частных методов, в прикладных политических исследованиях является политический анализ [4]. Его сущность в полной мере раскрывает А.И. Соловьев, по его мнению, политический анализ может являться единой исследовательской основой для прикладных политических исследований. В целом исследова-

тель выделяет две группы методов политического анализа – общие и частные. Общие методы определяют направленность, ракурс и методологическое обеспечение всех этапов политического анализа. К ним можно отнести инвент-анализ, ситуационный анализ и некоторые другие.

К частным относятся стандартные методы, заимствованные из статистики, социологии, экономики и других дисциплин; их применение в различных комбинациях на отдельных стадиях (этапах) политического анализа определяется конкретной целесообразностью. К данной группе методов можно отнести выборочный метод, контент-анализ, математическое моделирование, анализ выгод и издержек и др.

Среди общих методов, помогающих формированию наиболее важных оценок и способов интерпретации ситуации, важнейшее значение имеет инвент-анализ, в рамках которого политический процесс представляется как событийный ряд, представленный, например, в виде выступлений политических лидеров, массовых демонстраций и т.д., каждое из которых оказывает, то или иное воздействие на ситуацию в целом и за каждым из которых стоят конкретные действующие лица со своими интересами, и т.д. Тем самым данный метод позволяет упорядочить поток политических событий (в противоположность наложению готовой концептуальной схемы на ситуацию, что часто приводит к неадекватным результатам), предлагая методологический инструментарий, помогающий структурировать их таким образом, чтобы сквозь череду явлений проявились объективные тенденции, скрытые порой от самих действующих лиц этого процесса. В результате появляется возможность выработать объективную оценку, сформулировать и обосновать прогноз развития событий.

Типовая схема этого метода анализа, в частности, предполагает:

- выявление участников политического процесса и неполитических субъектов, стоящих за каждым из участников или оказывающих влияние на процесс в целом;
- оценку уровней политического влияния и других ресурсов каждого из участников событий и поддерживающих его сил;
- установление стратегических целей и тактических задач участников политического процесса, оценку расстановки политических сил и конфигурации интересов;
- выяснение возможных стратегических союзов и тактических коалиций, формирование сценариев развития событий и оценку характера реакции участников и субъектов политического процесса на те или иные сценарии развития политической ситуации;
- формулирование альтернативных действий и оценку вероятности их успеха;
- формирование целостной стратегии на основе оптимальных вариантов действий с учетом прогноза развития политической ситуации, а также средств и ресурсов для их реализации [3].

Таким образом, метод ивент-анализа предполагает последовательное описание следующей схемы: политическая ситуация – события – среда – участники (их ресурсы, интересы, взаимосвязи) – ограничения деятельности – цели и задачи (критерии успеха/неуспеха) – альтернативные решения – сценарии и прогнозы – стратегия действий.

Специфика частных методов политического анализа проявляется в их соответствии со структурой процесса политического анализа, в учете условий и ограничений их применения на важнейших этапах изучения ситуации, а также в аналитических и прикладных возможностях их применения. Например, формулировка и концептуализация проблемы предполагают применение методов выборочного исследования, контент-анализа, интервьюирования, тестирования, экспериментальных методов, позволяющих расширить информационную базу политического анализа. При этом широко используются и описательные, качественные и иные методы – исторический, нормативный, структурно-функциональный, системный, институциональный и другие, позволяющие «встроить» представление о проблеме в широкий исторический контекст.

На этапе политического моделирования и в процессе выработки прогнозов могут использовать математические методы: корреляционный анализ, пат-анализ, факторный анализ или метод многомерной математической статистики, а также методы математической и компьютерной имитации, благодаря которым аналитик может взять на вооружение многие из методов, разработанных в логике, статистике, физике, экономике и других отраслях знаний, и применить их к изучению политического поведения.

Также при формулировании прогнозов и выборе наиболее адекватных альтернатив применяются методы, получивший широкое применение в практике политического анализа за рубежом, – это анализ выгод и издержек (АВИ), метод удовлетворительных альтернатив, метод доминантных альтернатив и метод эквивалентных альтернатив и метод сравнения альтернатив (матрица Геллера).

В целом систематизированный основной методологический аппарат политического анализа представлен в таблице [4]:

Таблица

Методологический аппарат политического анализа

Методы / Фазы	S	A	B	C	D	E	F	G	H	I
Политологические методы (1)		+	+			+	+	+		
Социологические методы (2)	+							+		
Статистические методы (3)	+			+	+			+		
Экономические методы (4)		+	+				+	+		
Методы / Фазы	S	A	B	C	D	E	F	G	H	I
Математические методы (5)				+	+			+		
Экспертная оценка (6)		+				+	+	+	+	
Экспериментальные методы (7)								+		

Обозначения

ФАЗЫ: А – формулировка проблемы, В – концептуализация проблемы, С – операционализация, D – моделирование, E – определение целей и задач, F – определение альтернативных решений, G – прогнозирование и оценка, H – сравнение альтернатив, I – формулирование рекомендаций, S – сбор информации.

МЕТОДЫ: 1 – исторический, нормативный, институциональный, системный, структурно-функциональный и др.; 2 – опрос, интервью, тестирование, шкалирование и др.; 3 – корреляционный анализ, факторный анализ, анализ временных рядов и др.; 4 – анализ выгод и издержек, анализ эффективности издержек, макро- и микроэкономические теории; 5 – математическое моделирование; 6 – метод Делфи, «мозговой штурм», методы прогнозирования и построения сценариев; 7 – лабораторные и полевые эксперименты, квазиэкспериментальные методы.

Таким образом, применение широкого спектра методов политического исследования в зависимости от конкретной ситуации и поставленных исследовательских задач позволяет наиболее полно проанализировать политическую ситуацию, выявить проблемное поле и причины, интерпретировать выводы, смоделировать ситуации, сформулировать прогнозы, варианты развития политической ситуации и их последствия, а также выработать рекомендации для дальнейшего принятия политико-управленческих решений.

Библиографический список

1. Политика. Толковый словарь / общая редакция: д-р экон. наук И.М. Осадчая, Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем, и др. – М.: ИНФРА-М: Весь Мир, 2001.
2. Боришполец, К.П. Методы политических исследований / К.П. Боришполец. – М.: Аспект пресс, 2005. – С. 14.
3. Методы политических исследований / К.П. Боришполец. – М.: Аспект пресс, 2005. – С. 24.
4. Яковлев, И.Г. Информационно-аналитические технологии и политическое консультирование / И.Г. Яковлев // Полис. – 1998. – № 2. – С. 131.
5. Соловьев, А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии / А.И. Соловьев // Политический анализ и политическое консультирование. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 295–317.

[К содержанию](#)

УДК 821.161.1-31

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОЛЬФАКТОРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОЗЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Н.Л. Зыховская

Статья посвящена анализу запаха и сопутствующих ему явлений в прозе М.Ю. Лермонтова. Автор статьи исследует особенности ольфакторной картины мира Лермонтова, где ароматы и благоухания создают особую атмосферу, маркируют природное и личное пространство героя.

Ключевые слова: ольфакторность; русская литература; Лермонтов; поэтика запахов.

Прозаическое наследие Лермонтова не так уж объемно. Ольфакторные включения можно обнаружить в четырех произведениях писателя («Вадим», «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени», «Штосс»). Совокупность ольфакторных фрагментов позволяет представить ольфакторную картину прозы Лермонтова: это мир ароматов и благовоний с точечными вкраплениями нейтральных и негативных запахов. Автор «отфильтровывает» на входе все, что может оскорбить эстетические чувства. Но еще важнее, что запахи окружающего мира во многом становятся для него лишь «материалом» метафор.

Однако общая исследовательская задача должна быть сформулирована так: рассмотреть ольфакторную картину как законченное явление, органично вплетенное в общую поэтику того или иного автора. И поэтому особое значение имеет поиск каркаса, основы картины мира «в запахах». «Сердцем» прозаического мира Лермонтова становится аромат, благоухание, воспринимаемое героями в самых разных значениях. Но как бы этот запах ни воспринимался, у Лермонтова это именно *атмосфера*, даже аура, воспринимаемая сознанием героя.

В повести «Вадим» запах липы назван «упоительным»: «Вадим стоял под густою липой, и упоительный запах разливался вокруг его головы, и чувства, окаменевшие от сильного напряжения души, растаяли постепенно, – и отвергнутый людьми, был готов кинуться в объятия природы; она одна могла бы утолить его пламенную жажду и, дав ему другую душу или новую наружность, поправить свою жестокою ошибку» [1, с. 32].

Благоухание цветов липового дерева – точная деталь в пейзажном описании. Однако для Лермонтова она не важна сама по себе, как «красота стиля». Упоительный запах останавливает озлобленного героя, согревает его сердце, открывает перед ним возможность преображения. Лермонтов – как и авторы древнерусских текстов – подменяет описание запаха описанием реакции на запах.

Но само благоухание помечает мир божественного откровения. Точно в том же ключе дается описание интерьера в этой повести: «...он идет в ту сторону и вступает в небольшую комнату, освещенную полуденным солнцем; ее воздух имел в себе что-то особенное, роскошное; он, казалось, был оживлен присутствием юной, пламенной девушки. Кто часто бывал в комнате женщины, им любимой, тот верно поймет меня... он испытал влияние этого очарованного воздуха, который породился с божеством его, который каждую ночь принимает в себя дыхание свежей девственной груди – этот уголок, украшенный одной постелью, не променял бы он за весь рай Магомета...» [1, с. 37].

Упоительный аромат цветов мы можем сопоставить с роскошным, очарованным воздухом комнаты любимой женщины. И в том, и в другом случае герои оказываются околдованы атмосферой пространства. Эту же конструкцию находим в «Герое нашего времени» в рассуждении Печорина о княжне Мери: «Ее легкая, но благородная походка имела в себе что-то девственное, ускользающее от определения, но понятное взору. Когда она прошла мимо нас, от нее повеяло тем неизъяснимым ароматом, которым дышит иногда записка милой женщины» [1, с. 239]. Обратим внимание на эпитет «неизъяснимый» – в предшествующем примере автор апеллировал к опыту читателей, а не объяснял «влияние воздуха»; в этом примере он прямо говорит о неизъяснимости аромата. В «Штоссе» дыхание таинственной героини названо «ароматическим»: «– Штос? – кто? – У Лугина руки опустились: он испугался. В эту минуту он почувствовал возле себя нечто свежее ароматическое дыхание; и слабый шорох, и вздох невольный, и легкое огненное прикосновенье. Станный, сладкий и вместе болезненный трепет пробежал по его жилам» [1, с. 331]. На предпоследней странице текста (по законам жанра) для автора важно создать атмосферу тайны, но указание на «ароматическое» дыхание оказывается значимым – герой осознает, что рядом с ним необыкновенная женщина, земное существо, а не призрак.

Ароматы природы и запах женщины особенно ярко сопоставлены именно в «Герое нашего времени», в повести «Княжна Мери». Лермонтов показывает своего героя открытым миру красоты. Неслучайно именно перу Печорина принадлежат такие описания: «Нынче в 5 часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками» [1, с. 236]; «И в самом деле, здесь все дышит уединением; здесь все таинственно – и густые сени липовых аллей, склоняющихся над потоком, который с шумом и пеною, падая с плиты на плиту, прорезывает себе путь между зеленеющими горами, и ущелья, полные мглою и молчанием, которых ветви разбегаются отсюда во все стороны, и свежесть ароматического воздуха, отяго-

щенного испарениями высоких южных трав и белой акации, и постоянный, сладостно-усыпительный шум студеного ручья, которые, встретясь в конце долины, бегут дружно вразнос и наконец кидаются в Подкумок» [1, с. 276–277]; «Возвращаясь домой, я сел верхом и поскакал в степь; я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра; с жадностью глотаю я благовонный воздух и устремляю взоры в синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметов, которые ежеминутно становятся все яснее и яснее» [1, с. 253]. Тонко подмечая наполненность мира прекрасными природными ароматами, создавая в описании определенные градации (от легких лепестков до воздуха, отягощенного запахами трав и цветов), Печорин и женскую красоту приравнивает к запаху цветка: «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути» [1, с. 265].

Здесь герой активен – он хочет «надышаться» ароматом вволю, с особым сознанием обладания уникальным, особенным явлением – «лучшим ароматом». Такое эгоистическое вдыхание запаха, его сознательное «вбирание» в себя во многом ключ к пониманию поведения героя – он *не различает* природное и человеческое. Люди для него суть часть общей красоты мира, и либо они органичны здесь, либо нет. Это наблюдение помогает понять логику отношения Печорина и к контрабандистам, и к Максиму Максимычу, и к женщинам. Сам герой и к себе относится также, не выделяя себя из общего мироздания, во всяком случае, стремясь отыскать *связь*, а не противостояние.

Сравним этот эпизод с отношением Юрия в «Вадиме» к атмосфере боя: «Но войска перешли через границу русскую, пылают села неверных на берегу Дуная, который, подмывая берега свои, широкой зеленой волной катится через дикие поляны... О, как жадно вдыхал Юрий этот теплый ароматный воздух, как страстно он кидался в шумную стычку, с каким наслаждением погружал свою шпагу во внутренность безобразного турка, который, выворотив глаза, с судорожным движением кусал и грыз холодное железо!» [1, с. 78]. Свободное движение Дуная сопоставлено с «шумной стычкой» – такое же естественное действие, как бег речных вод. В предложении, описывающем Юрия, жадное вдыхание теплого ароматного воздуха и наслаждение убийством человека стоят в одном зевматическом ряду. Мир войны не противопоставляется миру природы, а входит в нее органической частью, и убийство одного человека другим становится частью общего круговорота жизни, а не жестоким и противоестественным событием.

В нескольких случаях у Лермонтова встречаем мы и негативные ольфакторные описания. Однако эстетически они оказываются в той же плоскости, что и описания природных ароматов – это атмосфера, в которую погружается герой. В «Княгине Лиговской»: «Вы пробираетесь сначала через узкий и угловатый двор, по глубокому снегу, или по жидкой грязи; высокие пирамиды дров грозят ежеминутно подавить вас своим падением, тяжелый запах, едкий, отвратительный, отравляет ваше дыхание, собаки ворчат при вашем появлении, бледные лица, хранящие на себе ужасные следы нищеты или распутства, выглядывают сквозь узкие окна нижнего этажа» [1, с. 153–154].

Использование прямого обращения к читателю позволяет Лермонтову создать иллюзию присутствия в этой атмосфере. Описание запаха дано в резких негативных эпитетах, однако в данном фрагменте Лермонтов описывает не состояние воспринимающего, а собственно запах («едкий», «отвратительный», «тяжелый»), впрочем, избегая сравнений или указания на тот предмет, который этот запах издает. Поэтому создается ощущение именно общей гнетущей атмосферы, в том числе и за счет ольфакторного включения.

В «Вадиме» негативное ольфакторное включение прямо отнесено к общей атмосфере: «Юрий остановился на минуту, чтоб хорошенько осмотреться, и когда глаза его привыкли немного к этой смрадной и туманной атмосфере, то он заметил в одной из впадин стены что-то похожее на лицо человека, который, прижавшись к земле, казалось, не обращал на него внимания» [1, с. 90].

Если говорить о конкретных предметах, представленных как источники запаха в произведениях Лермонтова, то их немного. В «Вадиме»: «Подойдя к одному из отверстий Чертова логовища, Юрию показалось, что слышит запах дыма, он всунул туда голову; точно! но что это значит? уж не занята ли их квартира? Он сообщил свое замечание Ольге: она испугалась...» [1, с. 89].

В «Княгине Лиговской» находим следующую деталь: «и она плакала, горько плакала, покуда ей не пришло в мысль, что с красными глазами неловко будет показаться в гостиную. Тогда она встала, подошла к зеркалу, осушила глаза, натерла виски одеколоном и духами, которые в цветных и граненых скляночках стояли на туалете» [1, с. 150].

«Слышать» запах дыма (вместо «чувствовать») – неоднократно встречавшаяся ранее синестетическая подмена. Одеколон и духи во втором примере – тоже не новое явление, здесь их упоминание играет роль детали в описании комнаты героини. Однако применительно к другим ольфакторным фрагментам, связанным с описанием женщины, мы можем усмотреть некоторую парадоксальность: везде ольфакторные включения подчеркивали естественную «ароматность» женского присутствия, здесь запах был

близок к метафоре атмосферы влюбленности, волнения от женского присутствия. Но в данном случае мы видим искусственное средство создания этой атмосферы – одеколон и духи (их много, они стоят в «цветных и граниных скляночках» как настоящий арсенал светской красавицы).

Из всего этого материала воссоздается ольфакторная сторона художественного мира Лермонтова: в первую очередь, запахи в его текстах маркируют природное пространство, в которое включается и человек. Герои Лермонтова умеют тонко «читать» запахи окружающего мира, доказывая свое природное естество.

Анималистичность лермонтовской характерологии, где не только женщина сравнивается с цветком, лошадью, но и сам герой обладает «породистой» внешностью, близкой описанию лошадиной масти, а его чутье, проявляемое в столкновениях с враждебным миром, приближает его к хищнику, для которого обоняние – важнейший инструмент анализа меняющейся ситуации, позволяет возвести обоняние на особую ступень. Здесь чрезвычайно важно, что запахи в художественном мире Лермонтова всегда разлиты, размыты, неизъяснимы, наполняют все пространство и обладают героем, пассивно их воспринимающим.

Однако в том эпизоде «Героя нашего времени», когда Печорин рассуждает о «лучшем аромате» женщины, которым надо успеть надышаться, он примеряет на себя роль центра Вселенной (не случайно в этом эпизоде «лучший аромат» цветка «адресован» первому лучу солнца).

Претендуя на такую значимую роль, герой выходит за рамки органической связи с природой, возможно, сам того и не осознавая. Ольфакторные включения помогают нам уточнить центральный конфликт творчества Лермонтова – это конфликт между внутренним чувством гармонии со всем миром вокруг и сознанием собственной исключительности, которое требует разорвать гармонический круг, выйти за его пределы. Это саморазрушительная интенция ряда персонажей Лермонтова, доведенная до предела в «Герое нашего времени».

Но вернемся к возможности построения ольфакторной картины художественного мира писателя. Мы видим, что у Лермонтова это наполнение пространства вокруг героя и читателя ароматами, создающими общую атмосферу повествования – будь то прекрасный пейзаж, будуар женщины или городские дворы. Позитивный ольфакторий (аромат) превалирует над негативным (зловонием); последнему уделено немного места и он выполняет «служебную» роль – подчеркивает контрастность места обитания героя и светского пространства.

Если говорить о главном принципе ольфакторной картины художественного мира – фильтрах, то автор, очевидно, остается в рамках благоуханного открытого природного пространства. Он «замечает» запахи лишь тогда, когда они «говорят» об этом мире «за окном». Такая «фильтрация»

позволяет говорить и о значимости природного мира для художественного мира писателя в целом, а также повышенного внимания к эстетически прекрасному. Философские переносы (когда ольфакторные включения оказываются метафорами, позволяющими проникнуть в онтологические смыслы) также значимы: здесь можно усмотреть воздействие культурной памяти, «благоухания» как синекдохи Благого Духа. Это проявляется в общем указании на окруженность героев прекрасными запахами в разных эпизодах. В художественном мире Лермонтова это указание на растворенность героя в природном пространстве, слияние с ним. Однако – в отличие от решения тех же тем в поэзии Лермонтова – именно в ольфакторном фрагменте мы видим, как герой «присваивает» себе право на центральное положение в мире. А ольфакторная картина расширяется за счет экспансии в философско-онтологическую сферу.

Библиографический список

1. Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / М.Ю. Лермонтов. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Наука, 1981. – Т. 4.

[К содержанию](#)

УДК 070.5 + 316

ББК Ч600.5 + С561.5

ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТА В КОНТЕКСТЕ ВАЖНЕЙШИХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТАНТ СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.Ю. Исмаилов

В постановочной статье, используя данные социологического исследования, осуществляется начальная философская рефлексия этики долга журналистской деятельности. Должное в профессиональных поступках журналиста представлены в свете таких важных антропологических констант как свобода и ответственности.

Ключевые слова: журналистская деятельность; деонтология; антропологические константы; свобода; ответственность.

Вначале немного информации. В марте этого года в ста населённых пунктах 43 субъектов РФ «ФОМнибус» провёл опрос на тему «каким, на ваш взгляд, должен быть журналист, чтобы вы назвали его профессионалом»? В рамках заявленного названия статьи, особый интерес вызывает то обстоятельство, что более половины респондентов выбрали главными качествами профессионального журналиста его честность, правдивость, объ-

ективность и справедливость (57 %). В то время как его опытность, профессиональность, грамотность, владение информацией, то есть всё то, что традиционно может быть причислено к характеристике профессионализма, выбрало только 15 % опрошенных [3].

Что касается таких качеств как смелость и бесстрашие журналиста, его неподкупность и независимость, интеллектуальность и общительность, активность, настойчивость и целеустремлённость, умение донести информацию до людей, то и вовсе, эти качества остались далёкими от первых, не превысив и пятипроцентного рубежа. При этом более половины интервьюируемых (69 %) посчитали, что журналисты пользуются уважением в российском обществе [3].

Конечно, необходимо с должной долей осторожности относиться к такого рода фактам: разовый опрос, единичный случай не может претендовать на тотальность, однако это не лишает нас права на некие предварительные умозаключения. Даже на этом небольшом примере, можно сделать предположение о том, что ожидания и требования к профессиональности журналиста со стороны гражданского общества, явно тяготеют в сторону его этического наполнения. Этим самым можно констатировать, что «профессиональный журналист», даже если речь идёт о взгляде со стороны, взгляде других, – это, прежде всего, носитель нравственного, морального начала в человеке.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в самой постановке вопроса содержится прямое указание на долженствование («должен быть»), то есть, на то, что, так или иначе, связывает журналиста с деонтологическим аспектом его деятельности. Деонтология (греч. *deon* – долг и *logos* – учение, слово), как термин и концепция, был введён в научный оборот Иеремией Бенетом, употребившим его в качестве обозначения морали в целом.

Отличаясь от аксиологии – учении о моральных ценностях, этики добра, – деонтология, как этика долга изучает формы выражения долженствования, всего того, что выражает требования нравственности в форме предписаний. Из представления о должном у индивида складывается представление о том, какие поступки с необходимостью должны быть совершены, сама же нравственность поступка определяется «энергией» долга, а не тем, ради чего он совершается. Сам долг «представляет собой осознание личностью безусловной необходимости исполнения того, что заповедуется моральным идеалом, что следует из морального идеала» [1, с. 257].

Такие требования начинают определяться как обязанности и в форме правил формулируются в неких моральных нормах и заповедях. Отсюда в более узком смысле, этика долга, может восприниматься как совокупность этических норм и принципов поведения журналиста при выполнении своих профессиональных обязанностей. Однако, честность и правди-

вость, объективность и справедливость могут проявиться только тогда, когда сама личность, позиционируемая, в том числе, как субъект практической деятельности, свободна и ответственна.

Фундаментальные антропологические константы (целостность, самоидентичность, самотрансценденция, свобода и ответственность и др.) являясь категориями, играющими роль регулятивных идей в познании человека как антропологической целостности, одновременно понимаются как структурные определения человеческого опыта – экзистенциалии. И в качестве категорий, и в качестве экзистенциалий они играют определённую специфическую роль в постижении человека как проблемы для самого себя [2, с. 91].

Свобода как антропологическая константа не может не учитываться, когда речь идёт о поступках, в том числе, в тех из них, которые совершаются в области профессиональной деятельности. Проблема свободы – одна из наиболее «осознанных», близких самому человеку. В широком смысле свобода может пониматься, как возможность поступать (совершать поступки) в условиях отсутствия внешнего целеполагания. Уже в древней Греции свобода фиксирует своё содержание в таких понятиях как *chretis*, *praxis*, означающей творчество.

В понятии свободы практически присутствует столько же сторон и оттенков, сколько существует граней самой человеческой деятельности: свобода и необходимость, свобода и ответственность, свобода внутренняя и внешняя, «свобода от...» и «свобода для...» и многое другое. Особую значимость в деятельности журналиста приобретает свобода воли, свободы выбора человеком средств, способов достижения цели практического действия. Долг не может вытекать из самой свободы, однако, сама свобода как раз и предполагает этику, с необходимостью делаая самого человека ответственным за свои поступки. Таким образом, в ситуации своеобразного «бегства от свободы» [4], предпочитаемого многими современниками, журналистская деятельность, с учётом её социальной значимости, оказывается той деятельностью, к которой предъявляются повышенные требования со стороны общества, государства, индивида.

Принимая решение, человек необходимо согласовывает его с совестью как внутренним цензором или законом как ориентиром внешней активности человека. Последнее обстоятельство выводит к ещё одной антропологической константе – ответственности.

Данная константа является продолжением свободы индивида, так как свободный, осознанный выбор есть прямой путь к ответственности. Ответственность, являясь категорией этики и права, отражает особое социальное, моральное, правовое отношение личности к обществу, определяя деятельность журналиста в особом ключе как безусловное, в первую очередь, выполнение нравственного долга. В данном ключе объектом осознаваемой

ответственности для журналиста становится целостный и целый мир, в последнем случае представленный различного рода социальными институтами, общественными группами, уникальными в своей неповторимости, отдельно взятыми личностями. Взять на себя ответственность, быть ответственным означает для журналиста включение в т.ч. и аксиологического аспекта в практическое отношение к миру.

В заключении уместным будет привести ещё несколько интересных фактов, требующих своего осмысления. Так, согласно упомянутому исследованию, более половины (54 %) опрошенных посчитали, что за последнее время профессиональный уровень российских журналистов повысился. Ещё больше участников опроса (59 %) уверены, что журналисты оказывают положительное влияние на жизнь страны. 62 % жителей нашей страны доверяют государственным СМИ, а 16 % – негосударственным. 72 % респондентов заявили, что относятся к цензуре совершенно спокойно, а 54 % указали на нормальность такого явления как искажение информации в государственных интересах [3]. Таким образом, профессиональная деятельность журналиста содержит в себе определённую амбивалентность, подразумевающую свершение профессиональных поступков с учётом ответственности перед обществом (в широком смысле) и интересов его отдельно взятых социальных институтов.

Библиографический список

1. Гусейнов, А.А. Этика / А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2000. – 472 с.
2. Моторина, Л.Е. Философская антропология / Л.Е. Моторина. – М.: Высшая школа, 2003. – 256 с.
3. Отношение к журналистам // Фонд Общественное Мнение. – URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11428>.
4. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Академический Проект, 2007. – 271 с.

[К содержанию](#)

УДК 821.161.1-31 + 82-94 + 801.61

СПЕЦИФИКА РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЗЫ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Е.В. Канищева

В статье представлен анализ ритмических особенностей прозы М. Цветаевой, основанный на методике поуровневого анализа текста. Ритмообразующие элементы выявлены на уровне композиционной, синтаксической, лексической, фонетической организации, а также в появлении в прозаическом произведении стиховых и визуально-графических элементов.

Ключевые слова: ритм прозы; проза М. Цветаевой; композиционный ритм; синтаксический ритм; лексический ритм; ритм фонетического уровня; стиховая экспансия в прозу; визуальные элементы в прозе.

Прозаические произведения М. Цветаевой, как и стихотворные тексты поэта, отличаются неповторимой поэтической манерой, специфической, узнаваемой «цветаевской» интонацией, формированию которой способствует ритмическая организация текстов. Это позволяет говорить о синкретизме творческого мышления поэта, многогранного, способного органично совмещать две формы художественной речи.

Первые прозаические произведения Марины Цветаевой выросли из дневниковых записей, которые она вела в Москве в годы революции и гражданской войны. Именно дневниковые заметки стали первыми попытками в прозе, т. к. способ их создания наиболее близок поэту, сродни написанию стихотворения – запечатление сиюминутных чувств, переживаний.

Прозаическое наследие М. Цветаевой обширно: его составляют воспоминания о современниках, статьи, эссе, дневниковые записи, автобиографические заметки. Но художественные особенности прозы поэта не укладываются в традиционное представление о названных жанрах. Каждое прозаическое произведение М. Цветаевой отличается специфическим способом организации художественного материала. И дневниковые записи, и воспоминания о современниках, и эссе являются глубоко биографичными, лиричными. Прозаический текст поэта выполняет функции лирического произведения – глубокий самоанализ, описание состояний души, впечатлений от некоторых событий, встреч, писем и т.д.

Проза М. Цветаевой, по свидетельству самого поэта и исследователей ее творчества, является продолжением поэзии, единым художественным материалом, отражающим авторскую личность.

Ход прозаического произведения поэта – это ход размышлений, процесс рождения мысли. И.В. Кудрова замечает: «Цветаева постоянно оставляет нам черновик своих размышлений. Она дает сам процесс осмысления, заставляет пройти вместе с ней все его этапы. В результате зафиксирован путь и ритм мысли, открывающей за каждым поворотом новые дали, обнаженное рождение слова, смысла, осознания» [1].

Данные особенности прозы поэта позволяют воспринимать эссе, статьи, воспоминания о современниках как художественный материал, отличающийся особой ритмической структурой.

При возрастающем интересе к явлению ритма художественной прозы в современной науке очевидно мало работ, посвященных ритмической организации прозы М. Цветаевой. Изучению ритма прозаических текстов поэта посвящена статья Ю.Б. Орлицкого «Об особенностях ритма цветаевской прозы», в которой автор анализирует особенности стиховой экспансии на примере эссе «Световой ливень» [2].

В современной науке сложилось несколько основных концепций ритма художественной прозы, наиболее известными являются теории Б.В. Томашевского, В.М. Жирмунского, М.М. Гиршмана, С.И. Кормилова, Ю.Б. Орлицкого.

В исследовании ритма прозы М. Цветаевой мы опираемся на методику, предложенную Т.Ф. Семьян, которая рассматривает ритм как «периодическое повторение соизмеримых единиц на всех структурных уровнях текста» [3]: композиционном, синтаксическом, лексическом, фонетическом. Также мы предлагаем изучить формирование ритма прозы в появлении стиховых и визуальных элементов.

Композиционная структура прозы М. Цветаевой характеризуется сложностью ассоциативной связи между частями и главами текста, отсутствием вступлений, быстрой сменой событийного плана, фрагментарностью повествования. Основной композиционный прием в прозе поэта – монтаж, отражающий сложность действий, переживаний, событий, а не фиксирующий их несвязанность.

Некоторые исследователи ритмической организации прозы относят монтажный, ассоциативный композиционный принцип построения текста к приемам кинематографа и рассматривают его использование в «прозе поэта» как один из вариантов синтеза искусств [4].

Прием монтажа в прозаических произведениях М. Цветаевой реализуется в оформлении диалога в одну строку или отдельных сцен в традициях драматических жанров. Поэт часто прибегает к внешним признакам драматического текста в оформлении некоторых сцен и диалогов:

«Вчера сижу у Евгения Багратионовича и веду шутя следующий диалог с бабой:

Баба: – Красавица, кому папиросы набиваешь? Муженьку?

Соня: – Да.

Баба: – Тот, что в белых брюках?

Соня: – Да.

Баба: – А что же ты с ним не в одной избе живешь?

Соня: – Да он меня прогнал. Говорит, больно подурнела, – а вот папиросы набивать велит – за тем и хожу только, а он другую взял» («Повесть о Сонечке» [5]).

Часто в напряженные диалоги вводятся авторские описания действий героев, их настроений, что соотносится с введением ремарок в драмах: «Прихожу. Сидит за папиным столом, не встает. – «Вы давно приехали?» – «Вчера». – «Что вам угодно?» – «Место в Музее». – «Свободных мест нет». Тогда я ему очень коротко, но четко: «Может быть, для меня найдется? Вы все-таки, Толя, подумайте». – «Подумаю, но – если что-нибудь и найдется, то не...» – «Я и не претендую» («Жених») [6].

В данном цитируемом отрывке важна ориентация на драматический текст, основанный на динамике, действии, чередование прямой речи и авторских комментариев к ним подчеркивает ритмическую структуру фрагмента.

Ритм композиционного уровня проявляется не только в чередовании каких-либо структурных блоков, но и в смене различных эмоционально заряженных фрагментов, которые акцентируются ритмическим рисунком произведения.

Специфическую ритмическую структуру прозы М. Цветаевой на синтаксическом уровне формируют инверсии, парцеллированные конструкции, прием синтаксического параллелизма, семантически емкие знаки препинания. Названные синтаксические элементы акцентируют четкий, чеканный ритм. В тех случаях, когда предложения разбиваются на части, состоящие из одного слова, формируется особая семантическая выделенность лексем: «Остальные не дойдут или не найдут. Остальные отстанут. Останутся» («Наталья Гончарова») [6].

В прозе М. Цветаевой часто появляются синтаксические конструкции, в которых новые предложения начинаются со строчной буквы. Подобный способ синтаксического оформления текста сближает предложения между собой, создает особое семантическое поле. Знаки препинания выполняют функцию ремарок, добавочных замечаний к чтению, интонированию, пониманию текста, становятся необходимыми для выражения сильных эмоций: «И вдруг – чудо! – быть не может! может, раз есть! неужели – она? как же не она – оно – теснина – ущелье!» («Наталья Гончарова») [6].

Знаки пунктуации, отделяющие предложения друг от друга, получают большую семантическую значимость, фиксируют паузу, необходимую для акцентуации прозаического ритма.

Ритм лексического уровня формируется за счет особого внимания поэта к слову, процессу его словообразования. Игра со словом имеет особое значение в творчестве М. Цветаевой, позволяет ей демонстрировать глубину семантики отдельных лексических единиц, наделять слова более емким значением.

Часто значение слова подчеркивается и усиливается дублированием однокоренного, повторяющегося слова. Такая игра этимологией не воспринимается как случайная тавтология, это сознательное повторение наделяет слова новым, более глубоким смыслом: «жалование было жалобным» («Жених») [6], «отец, в конце очень долгих концов, отстоял для музея прекрасный подлинник», «поднос поднесен» («Лавровый венок») [6]. Игра с этимологией построена на созвучии слова с лексемами, находящимися в непосредственной близости: «Так это у меня и осталось, невиданным мною видением» («Лавровый венок») [6].

Для ритмического акцентирования ключевого образа, идеи автор использует повтор определенного слова или фразы. Лексические повторы как яркая стилистическая черта прозы М. Цветаевой способны выполнять в произведениях функцию уточнения, конкретизирования мысли, сужения понятия: «Перед нами образ двух сестер, слышавших когда-то первые клятвы поэта; тенистый сад перед нами – сад его юности» («Волшебство в стихах Брюсова») [6]; «Передо мною – живой пожар. Горит все, горит – вся. Горят щеки, горят губы, горят глаза, неслыханно горят в костре рта белые зубы, горят – точно от пламени вьются! – косы...» («Повесть о Сонечке») [6].

Ритм фонетического уровня реализуется в появлении звукописи в прозаическом произведении, что позволяет создать более осязаемый, объемный, целостный образ: «...две жесткие мечты, невозможные в этой жизни, невообразимые в другой, врожденная жажда, рожденная прежде меня...» («Флорентийские ночи») [6].

Звуковые повторы обычно тесно взаимодействуют с другими изобразительными средствами – лексическими повторами, синтаксической структурой и др. Особенно акцентированной ритмическая структура оказывается во фрагментах, в которых сочетаются несколько признаков стиховой экспансии, например, звукопись и метрическая организация: «все стены исчерканы строчками» («Чердачное») [6].

Ритм прозы М. Цветаевой проявляется в том числе в появлении стиховых элементов в прозе поэта: рифмованных и метрических фрагментов, аналога строфической организации и строфического переноса.

Яркое ощущение ритма возникает при переходе от обычного повествования к метризованному, очень часто оттеняющего напряженную ситуацию, переломные моменты в развитии действия. Чередование метризованных и «прозаических» фрагментов создает осязаемое ритмическое ускорение обозначаемых событий на фоне других «размеренных».

Появление метра в прозаическом тексте экспрессивно подчеркивает то или иное ключевое слово, фразу, концептуально значимый образ: «А когда человек сказал да, а во рту – нет, то что же он сказал? Он ведь два сказал, да, мама? Он пополам сказал? Но если он в эту минуту умрет, то куда же он пойдет?» («Сказка матери») [6]. Данные вопросы в произведении задает маленький ребенок. В цитируемом отрывке метрические фрагменты несут большую семантическую нагрузку, подчеркивают проблемность поставленного вопроса, его важность для детского сознания.

Особую ритмообразующую функцию выполняют в прозе М. Цветаевой визуально-графические элементы, влияющие на особенности интонирования и формирующие специфический фоновый визуальный облик страницы текста. К визуально-графическим элементам прозаических произведений М. Цветаевой можно отнести использование пробела или графического эквивалента, различные способы шрифтовой акциденции, в том числе курсив, слоговую разбивку лексем, использование строчных и заглавных букв, не обусловленное законами русского языка, включение в текст иноязычных фрагментов и системы сносок.

Ритмическая система фрагментов, включающих визуальные элементы, построена на деавтоматизации чтения, нарушении «привычной» структуры текста. При этом происходит акцентуация эстетических, смысловых значений произведений. Фиксируя и визуально подкрепляя смену глав, сюжета, действия, времени и т. п., визуальное деление позволяет замедлять ритм текста, создавать семантически насыщенную паузу, смысловой переход от одной части текста к другой.

Появляясь одновременно в небольшом фрагменте текста, особенности всех перечисленных уровней дополняют друг друга, акцентируют своеобразие ритмической организации прозаического текста.

Ритмические особенности прозы М. Цветаевой выражают концептуальный уровень произведений. Например, прерывистый ритм создает ощущение опасности, тревожного состояния персонажа либо эмоционального комментария событий; осязаемая смена ритмического рисунка символизирует различия в мышлении и мировосприятии героев, выделяет различными ритмическими характеристиками речь персонажей, отражает процесс взросления, усложнения внутреннего мира героев; однородность ритмической структуры, интонация неторопливого медитативного рассказа отражает безразличие людей, отсутствие их эмоциональной отзывчивости.

По словам М.В. Ляпон, «проза М. Цветаевой как глобальный макроконтекст, прочитываемая как единый источник, концентрирующий энергию авторского самосознания, дает исследователю материал для реконструкции универсалий авторской стилистики, стирающих границы между стихами и прозой» [7].

Проза М. Цветаевой ориентирована на передачу экспрессивного внутреннего монолога. Ритм прозы формирует уровень внутренней речи, передает особенности речемыслительной деятельности, направленной на непрерывный самоанализ, постоянное внимание к собственным психологическим процессам, к когнитивным особенностям личности. Прозаические тексты поэта фиксируют процесс мыслительной деятельности писателя, который активно проявляет себя в двух художественных регистрах – в стихах и в прозе. Данная установка реализуется в ритмическом своеобразии прозаических произведений, ярко акцентированном в динамичном чередовании описательных и повествовательных фрагментов, в проникновении стиховых элементов в текст, в подчеркнутой энергетике внутренней речи.

Библиографический список

1. Кудрова, И.В. Лирическая проза Марины Цветаевой / И.В. Кудрова // Звезда. – 1982. – № 10. – С. 172–183.
2. Орлицкий, Ю.Б. Об особенностях ритма цветаевской прозы / Ю.Б. Орлицкий // Семья Цветаевых в истории и культуре России: XV Международная научно-тематическая конференция (Москва, 8–11 октября 2007 г.). – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. – С. 237–251.
3. Семьян, Т.Ф. Ритм прозы В. Г. Короленко: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Ф. Семьян. – Алматы, 1997. – 26 с.
4. Целовальникова, Н.В. Ритм прозы А. Ремизова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Целовальникова. – Астрахань, 2005. – 16 с.
5. Цветаева, М.И. Сочинения: в 2 т. / М. Цветаева; [сост., подгот. текста, коммент. А. Саакянц]. – М.: Художественная литература, 1988. – Т. 2: Проза; Письма. – 639 с.
6. Цветаева, М.И. Собрание сочинений: в 7 т. / М. Цветаева; [сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина]. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1997–1998. – Т. 4, Кн. 1. – 416 с. – Т. 4, Кн. 2. – 272 с. – Т. 5, Кн. 1. – 336 с. – Т. 5, Кн. 2. – 400 с.
7. Ляпон, М.В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора / М.В. Ляпон. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 528 с.

[К содержанию](#)

УДК 821.161.1

ГЛАГОЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СЕМАНТИКИ СТАНОВЛЕНИЯ

Л.Н. Корнилова

Семантическая субкатегория становления имеет определенную морфологическую природу и реализуется в процессуальных лексических и фразеологических единицах. Глагольные лексемы, становясь компонентами фразеологизмов семантики становления, утрачивают свое категориальное значение, связь с лексико-семантической группой и актуализируют сему становления, которая является базовой для рассматриваемых единиц.

Ключевые слова: процессуальный фразеологизм; становление; семантическая категория; компонент фразеологизма.

Определенная упорядоченность компонентов фразеологизма, интерпретируемых как элементы разных уровней языка в их взаимоотношениях, составляет структуру фразеологической единицы (ФЕ). Процессуальные фразеологизмы со значением становления практически в 100 % единиц представляют собой аналог словосочетания типа управления, состоящего из следующих компонентов: глагол и существительное в разных падежных формах. По количеству компонентов исследуемые фразеологизмы являются двухкомпонентными и трехкомпонентными. Трехкомпонентность единицы возникает за счет компонента-предлога. По данным составленной картотеки трехкомпонентные фразеологизмы более многочисленны, чем двухкомпонентные (соответственно, 72 % и 28 %).

В трехкомпонентных ФЕ наблюдается семантическая соотнесенность компонента-предлога и префикса глагольного компонента: *впадать/впасть в ярость, вступать/вступить в жизнь, входить/войти в обиход, впадать/впасть в бедность, выходить/выйти из тени, доходить/дойти до безумия, отходить/отойти от дел, срывать/сорваться с тормозов*. Предлог *в* и приставка *в-* соотносятся семой «направленность процесса внутри состояния, явления»; предлог *из* и приставка *вы-* содержат общую сему «направленность процесса изнутри состояния, явления»; предлог *до* и приставка *до-* реализуют сему «направленность процесса до пределов состояния, явления»; предлог *от* и приставка *от-* имеют соотнесенность сем, обозначающих направленность процесса от состояния, явления.

Как известно, значения фразеологизмов не сводятся к сумме лексических значений их компонентов. Слова, становясь компонентами ФЕ, семантически трансформируются и образуют смысловое целое, качественно отличающееся от значений составляющих фразеологизм компонентов большей обобщенностью и очень часто оценочностью. Не сохраняется и

связь с понятиями, которые обозначали в свободном употреблении слова, ставшие компонентами фразеологизма. Смысловая цельность ФЕ обязательно сопровождается перестановкой семантических акцентов в составляющих его компонентах. Этой проблемой занимались такие ученые, как О.С. Ахманова [1], А.М. Бабкин [2], Ю.А. Гвоздарев [3], В.П. Жуков [4].

Компоненты в процессе фразеологизации так называемого свободного словосочетания трансформируются в семантические элементы сложного по структуре фразеологического значения.

В разных работах учеными-фразеологами рассматриваются различные стороны, свойства процессуальных фразеологизмов в целом и отдельных семантических группировок, объединенных тем или иным признаком.

Исследуя семантическую и грамматическую природу компонента, ученые-лингвисты получили неоднозначные выводы:

- 1 – компоненты сохраняют свойства слова;
- 2 – компоненты полностью утрачивают свойства лексемы;
- 3 – компоненты в разной степени утрачивают лексические свойства.

В своей работе мы следуем за А.М. Чепасовой [5], предложившей следующий механизм формирования фразеологического значения путем преобразования лексем в компоненты ФЕ. В момент образования фразеологизма слова утрачивают свои семантические ядра, но сохраняют специфические семантические признаки (смысловую периферию). Сохранившиеся специфические семантические признаки объединяются в одно целое – семантическое ядро ФЕ.

Результаты анализа преобразования лексем в составе процессуальных фразеологизмов семантики становления дают основание не согласиться с высказыванием О.С. Ахмановой [1] о невозможности определения доли участия «потенциального слова» в общем значении фразеологической единицы. Так, в исследуемых фразеологизмах можно с точностью определить долю участия каждого компонента в образовании общего фразеологического значения. Грамматическая оформленность фразеологической единицы обусловлена глаголом, который является также выразителем категориального значения и носителем во многом синтаксических свойств всего фразеологизма. Индивидуальная семантическая наполненность единицы диктуется именным компонентом. Предлоги, становясь компонентом фразеологизма, утрачивают категориальное значение, групповое, реализуя сему «направленность».

В процессе фразеологизации компоненты процессуальных фразеологизмов становления претерпевают семантическую трансформацию.

В образовании фразем со значением становления в качестве главного компонента выступают глаголы со значением движения, физического действия, отношения, положения в пространстве, возникновения и исчезновения, состояния, поведения, бытия, становления. Самым частотным в каче-

стве компонента исследуемых ФЕ является глагол движения. Из 512 единиц оригинальной картотеки 319 (62 %) содержат глагольный компонент, представленный глаголами движения: *входить/войти*, *вступать/вступить*, *идти/пойти*, *катиться/покатиться*, *приходить/прийти*, *отходить/отойти*, *сходить/сойти*, *выходить/выйти*, *уходить/уйти*, *проходить/пройти*, *переходить/перейти*.

Самыми продуктивными в качестве компонентов процессуальных фразеологизмов субкатегории становления являются глаголы *входить/войти*, *выходить/выйти*. Глаголы *входить/войти* образуют видовые пары 72 ФЕ; *выходить/выйти* в качестве компонента также участвуют в образовании видовых пар 72 ФЕ.

В свободном употреблении все глаголы движения многозначны: глагол *войти* имеет 6 значений, *прийти* – 6 значений, *выйти* – 9 значений, *идти* – 27 значений, *отойти* – 12, *катиться* – 8 и т.д. Все глаголы движения содержат сему «перемещение в пространстве и во времени»: *войти в кабинет*, *прийти в школу*, *выйти из зала*, *идти по дороге*, *отойти от окна*, *катиться под гору*.

Становясь компонентом фразеологизма субкатегории становления, эти глаголы не реализуют ни одно из своих значений и не обозначают движение, перемещение в пространстве и во времени. Глаголы движения во ФЕ актуализируют сему движения вообще как развития, процесса, трансформируя её в сему становления: *входить/войти в моду* – '*становиться/стать модным*', *выходить/выйти из пеленок* – '*становиться/стать взрослым, самостоятельным*', *отходить/отойти от дел* – '*становиться/стать социально неактивным*'.

Глаголы физического действия участвуют в образовании 21 ФЕ (4,1 %): *вешать/повесить*, *расправлять/расправить*, *распускать/распустить*, *рассыпаться/рассыпаться*, *брать/взять*. Перечисленные глаголы в свободном употреблении являются многозначными (глагол *вешать* имеет 2 значения, *брать* – 14 значений, *расправить* – 3 значения, *рассыпаться* – 6) и содержат сему деятельности: *вешать пальто*, *брать палку*, *расправлять складки*, *распускать петли*. Став компонентом ФЕ, глаголы физического действия трансформировали сему деятельности в сему процесса как развития. А сема развития является основой субкатегории становления: *вешать/повесить нос* – '*становиться/стать грустным*', *брать/взять себя в руки* – '*становиться/стать сдержанным, спокойным*'.

Глаголы отношения являются компонентами 12 ФЕ (2,3 %): *получать/получить*, *приобретать/приобрести*, *принимать/принять*. В свободном употреблении эти глаголы тоже являются многозначными (*принять* – 18 значений, *получать* – 5 значений, *приобрести* – 3 значения) и реализуют общее значение отношения между субъектом и объектом: *принять посылку*, *приобрести квартиру*, *получить зарплату*. Семантика отношения

включает сему развития отношения, которая актуализируется в процессуальных фразеологизмах субкатегории становления и является семантическим ядром названной субкатегории: *принимать/принять форму – 'становиться/стать нужной формы'*, *приобретать/приобрести популярность – 'становиться/стать популярным'*, *получать/получить гражданство – 'становиться/стать гражданином'*.

Глаголы изменения положения в пространстве играют роль глагольного компонента в 12 ФЕ (2,3 %): *вставать/встать, погружаться/погрузиться, переселяться/переселиться*. Только глагол *переселяться/переселиться* имеет одно значение, остальные глаголы этой семантической группы являются многозначными. Глаголы положения в пространстве имеют общую семантику «принять какое-либо положение в пространстве»: *переселиться в деревню, погрузиться на дно, встать на ноги*. Являясь компонентом процессуальных фразеологизмов со значением становления, глаголы положения в пространстве актуализируют сему развития: *погружаться/погрузиться в сон – 'становиться/стать спящим, уснуть'*, *вставать/встать на ноги – 'становиться/стать здоровым'*, *'становиться/стать самостоятельным'*.

Глаголы состояния являются глагольными компонентами 10 фразем со значением становления: *лишаться/лишиться, повредиться, решаться/решиться*. При участии глаголов состояния в образовании фразеологизмов субкатегории становления в общей глагольной семантике «наличие какого-либо состояния» актуализируется сема развития состояния, которая является основой семантики становления: *лишаться/лишиться ума – 'становиться/стать глупым, безумным'*, *повредиться рассудком – 'стать глупым, безумным'*.

В 8 фразеологизмах со значением становления как компоненты участвуют глаголы возникновения и исчезновения: *являться/явиться, кануть, воскресать/воскреснуть*. В свободном употреблении названные глаголы тоже многозначны. Становясь компонентом фразеологизмов со значением становления, глаголы названной лексико-семантической группы актуализируют сему развития процесса исчезновения или возникновения, преобразуя свою семантику в семантику становления: *являться/явиться на свет – 'становиться/стать существующим'*, *воскресать/воскреснуть из небытия – 'становиться/стать явным'*.

Глаголы со значением бытия выполняют функцию глагольного компонента в 4 ФЕ. Глаголы со значением бытия имеют по несколько значений. Семантика бытия в глаголах-компонентах через сему развития бытия трансформируется в семантику становления процессуальных ФЕ со значением становления: *выживать/выжить из ума – 'становиться/стать глупым, безумным'*, *переживать/пережить самого себя – 'становиться/стать ненужным'*, *доживать/дожить до седины – 'становиться/стать старым'*.

Только 3 глагола, выполняющих структурную роль глагольного компонента процессуальных фразеологизмов субкатегории становления, относятся непосредственно к лексико-грамматической группе становления: *впадать/впасть, вооружаться/вооружиться, вырастать/вырасти*. Глаголы лексико-грамматической группы становления принимают участие в образовании 27 ФЕ субкатегории становления, где реализуют сему становления: *впадать/впасть в ярость – 'становиться/стать разъяренным', вооружаться/вооружиться терпением – 'становиться/стать терпеливым', вырастать/вырасти из пеленок – 'становиться/стать взрослым, самостоятельным'*.

Таким образом, структурным элементом процессуальных фразеологизмов со значением становления являются глаголы девяти лексико-грамматических групп. Значения этих глаголов представляют собой комбинацию сем. При образовании процессуальных ФЕ семантики становления актуализируется сема саморазвития, которая является основой субкатегориальной семы становления. Это обусловило высокую продуктивность глаголов движения как компонентов ФЕ субкатегории становления.

Библиографический список

1. Ахманова, О.С. Лингвистика и семиотика / О.С. Ахманова. – М.: МГУ, 1979.
2. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 263 с.
3. Гвоздарев, Ю.А. Рассказы о русской фразеологии / Ю.А. Гвоздарев. – М.: Просвещение, 1988. – 191 с.
4. Жуков, В.П. Фразеологическая вариантность и синонимия в связи с проблемами фразеологии (на материале фразеологических синонимов русского языка) / В.П. Жуков // Проблемы русской и общей фразеологии. – Новгород, 1990. – С. 81–86.
5. Чепасова, А.М. Фразеология русского языка / А.М. Чепасова. – Челябинск: ЧГПУ, 1995. – 215 с.

[К содержанию](#)

УДК 659.1 + 070

КЛАССИФИКАЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ РЕКЛАМНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Л.К. Лободенко

В статье исследуются аналитические жанры рекламной журналистики. Автор проводит сравнительный анализ классификаций различных видов рекламных медиатекстов и выделяет в качестве базовых следующие аналитические жанры: рекламная статья, обзор, рецензия, рекламный комментарий, рекомендация (совет). В работе изучаются особенности и выделяются свойства аналитических жанров рекламной журналистики, представленных в интернет-версиях периодических изданий.

Ключевые слова: журналистика; рекламная журналистика; аналитические жанры; статья; обзор; интернет-СМИ.

Активно развиваясь в системе средств массовой информации, реклама использует различные жанры журналистики (информационные, аналитические, художественно-публицистические) с целью продвижения товаров (услуг), формируя на их базе собственные жанры рекламной журналистики. Эти жанры адаптируются к потребностям таких сфер, как политика, культура, бизнес и др. По мнению Н.Г. Иншаковой «благодаря совпадающим жанрообразующим признакам возникают разные уровни конвергенции рекламных жанров и жанров других видов литературы – от некоторого сходства до практически полного совпадения жанровых модификаций» [8]. Однако отдельных комплексных исследований данной проблемы практически не проводилось. В связи с этим возникла необходимость исследования своеобразия аналитических жанров рекламной журналистики в интернет-версиях периодических изданий.

В современной научной и учебно-методической литературе уже сделаны попытки классифицировать данные жанры. Однако, как показал сравнительный анализ существующих классификаций аналитических жанров рекламы в периодических изданиях, предложенных отечественными исследователями (Ю.С. Бернадская, Г.Г. Щепилова, Н.Г. Иншакова, В.А. Евстафьев), единых подходов в этом вопросе пока не выработано. В таблице приведены результаты сравнительного анализа различных классификаций аналитических жанров рекламы. Как показывают результаты проведенного исследования, большинство авторов в качестве базовых аналитических жанров рекламы выделяют статью, обзор, рецензию, комментарий. При этом исследование рекламных медиатекстов, размещаемых в интернет-версиях газет («Аргументы и факты», «Комсомольская правда») и журналов («Вокруг света», «Домашний очаг», «Коммерсант. Секрет фирмы»),

«Cosmopolitan», «National Geographic», «National Geographic Traveler») за период 2011–2014 гг., позволил нам помимо вышеназванных дополнительно выделить еще один достаточно распространенный жанр, который можно обозначить как «рекламная рекомендация (совет)». Таким образом, сегодня в группе аналитических жанров рекламной журналистики можно выделить следующие виды: статья, обзор, рецензия, комментарий, корреспонденция, рекомендация (совет).

Таблица

Сравнительный анализ авторских классификаций
аналитических жанров рекламы в прессе

Группа жанров	Автор / Классификация			
	Ю.С. Бернадская [2]	В.А. Евстафьев [6]	Н.Г. Иншакова [8]	Г.Г. Щепилова [17]
Аналитические	– обзор – статья – корреспонденция – рецензия – комментарий	– аналитический отчет – аналитическое интервью – развернутый комментарий – рецензия – прогноз – исповедь – эпистолярные жанры (письма, открытки)	– статья – комментарий – рецензия – обзор – консультация	– обзор – интервью – корреспонденция – рецензия

Далее в рамках данной статьи мы остановимся на анализе особенностей и ключевых свойств выделенных аналитических жанров рекламной журналистики.

Ведущим жанром в аналитической рекламной журналистике является рекламная статья. В рамках нашего исследования под статьей понимается «сочинение небольшого объема, обобщающее явления действительности и предполагающее ясное развитие определенной мысли, аргументированной примерами и фактами» [12]. Особенностью данного жанра является то, что автор аргументирует и выстраивает свою позицию через систему фактов относительно рассматриваемой проблемы. В свою очередь, рекламная статья – это «комплексное исследование рекламируемого объекта, отличающееся глубоким анализом и широтой обобщений» [2]. Рекламная статья отличается наибольшей по сравнению с другими жанрами широтой обобщений, глубиной анализа фактов, связанных с рекламируемым продуктом.

Можно говорить об особой цели рекламной статьи. Она состоит в том, что статья не только представляет многосторонний анализ рекламируемого предмета, путем рассмотрения его отдельных сторон, свойств или составных частей, дает аргументы и оценки в пользу предмета рекламы, но и

объясняет читателю личную выгоду, инициирует читательские размышления и действия, связанные предметом отображения. Рекламная статья направлена на то, чтобы сформировать у потребителя позитивный образ товара, услуг. Причем, что очень важно, вывод о достоинствах продукта потребитель должен делать самостоятельно.

Основной способ воздействия на потребителя в рекламных статьях является аргументация. Аргумент (лат. *argumentum*) – логический довод, суждения, положения, факты, используемые в процессе доказательства [10]. В свою очередь под аргументацией понимается «способ рассуждения, в процессе которого выдвигается некое положение в качестве доказанного тезиса (тезис – это положение, которое необходимо аргументировать)» [2]. Важным фактором использования аргументов в рекламной статье является подтверждение достоверности предоставляемой информации. Для этого в рекламных статьях используются следующие виды аргументов: 1) логические аргументы или рациональные (факты, научные аксиомы, положения законов и официальных документов, заключения экспертов, цитаты из авторитетных источников, показания очевидцев, статистические данные, примеры, результаты испытаний, наглядные пособия – чертежи, схемы, модели и др.; 2) психологические или эмоциональные (аргумент к публике, аргумент к личности, аргумент к авторитету) [14].

К основным свойствам рекламной статьи относятся: актуальность, документальность, объективность, достоверность. При этом под документальностью понимается «опора на факты, активное привлечение документов, цитирование свидетельств и источников» [1]. Что касается достоверности, то это требование достаточно четко проговаривается в ст. 5 Федерального закона «О рекламе» (от 13.03.2006 № 38-ФЗ) [15]. В свою очередь недостоверной признается реклама, которая содержит не соответствующие действительности сведения.

Следующим важным жанром, получившим наибольшее распространение среди аналитических жанров рекламной журналистики, является рекламный обзор. Словом «обзор» в журналистике обозначает «описание, подведение итогов, рассмотрение, изучение особого рода информации» [13]. В свою очередь с позиций рекламной журналистики, мы придерживаемся мнения, что обзор – это «сжатое сообщение о том, что объединено общей темой» [3]. Но более точным, на наш взгляд, является определение, предложенное Н.Г. Иншаковой, в котором «рекламный обзор – синтезированный текст, в котором дается сводная характеристика какой-либо группы товаров (например, обзор рынка ноутбуков, бытовой техники, солнцезащитных средств) или услуг (косметических, строительных, медицинских и т.д.)» [8].

Рекламный обзор – один из наиболее действенных жанров продвижения продукта. Он представляет собой «живой», непосредственный рассказ

о товарах (услуга). При этом основная цель рекламного обзора – это привлечение внимания, повышение осведомленности потребителей о характеристиках и преимуществах продуктов и убеждение их в необходимости совершения покупки.

В качестве ключевых свойств рекламного обзора можно выделить следующие: оперативность, конкретность, экспрессивность, доходчивость и эмоциональность изложения, оценочность. При этом под экспрессивностью (от лат. *expressio* «выражение», «выразительность») понимается свойство определенной совокупности языковых единиц, обеспечивающее их способность передавать субъективное отношение говорящего к содержанию или адресату речи. В свою очередь оценочность – один из главных признаков рекламного обзора, обусловленный не только информативным, но и – преимущественно воздействующим характером речи.

Так же особую роль в системе жанров рекламной журналистики играет рекламная рецензия. Рецензия (от лат. *recensio*) означает «просмотр, сообщение, оценка, отзыв о чём-либо») рассматривается как жанр журналистики, а также научной и художественной критики. Можно сказать, что рецензия «информирует о новом произведении, содержит его краткий анализ и оценку» [11]. В качестве жанра журналистики рецензия рассматривается как отзыв (прежде всего – критический) о произведении литературы, науки и искусства. Однако в отличие от трактовки жанра рецензии с точки зрения журналистики, рекламная рецензия – «жанр, служащий целям анализа рекламируемого объекта с детализированным разбором его достоинств» [2]. Отличие рекламной рецензии заключается в том, что она дает положительную аргументированную оценку и выводы о значимости и достоинствах рекламируемого предмета.

Особенность предмета отображения рекламной рецензии заключается в том, что она продвигает информационные явления – книги, брошюры, кинофильмы, телепередачи [13]. В связи с этим рекламные рецензии достаточно часто размещаются в следующих рубриках: «Свободное время», «Книжная коллекция», «Не пропусти», «Литература» и др.

Рекламная рецензия преследует такую цель, как привлечение внимания читателя к рецензируемому произведению. Поэтому рекламная рецензия содержит проработанный и доступный по восприятию рекламный образ продвигаемого издания, кинофильма, спектакля и т.д.

Что касается вопроса ключевых свойств рекламной рецензии, то среди них можно выделить следующие: актуальность, аргументированность, оценочность. По поводу первого свойства – актуальности, необходимо подчеркнуть, что публицистический смысл рекламной рецензии состоит в том, чтобы оперативно откликнуться на появление конкретного произведения литературы, искусства или кино и создать положительный образ рецензируемого произведения. Второе свойство – аргументированность,

предполагает, что оценка автора это не субъективный произвол (по принципу «нравится – не нравится»), а тщательно аргументированный, всесторонний анализ источника. Он не обязательно носит исчерпывающий характер, но всегда должен давать аудитории целостное представление о произведении. Наконец, третье свойство – оценочность, связано с тем, что рекламная рецензия относится к оценочным жанрам. Данный жанр достаточно активно использует оценочные языковые средства при рассмотрении одного или нескольких произведений, показывая их преимущества. Использование оценочной лексики связано с острой потребностью формирования новых знаний и убеждений, определенного отношения потребителя к произведению. Поэтому в арсенале языковых средств рецензента есть и разговорные конструкции, и архаизмы, и разнообразные средства эмоционального синтаксиса. Характерный речевой строй этого жанра направлен на непосредственное эмоциональное воздействие на читателя с помощью яркого, образного слова, что обусловлено необходимостью решения главной цели рекламной рецензии.

Расширение жанрового спектра рекламной журналистики, связанного с необходимостью оперативного осмысления продвигаемого продукта, привело к распространению рекламного комментария. Толкование термина «комментарий» (от лат. *commentarius* – заметки, толкование) в издании «Большой энциклопедический словарь» рассматривается в системе средств массовой информации и определяется как «разновидность оперативного аналитического материала, разъясняющего смысл актуального общественно-политического события, документа и т.п.» [4]. В свою очередь, более емким, на наш взгляд является определение А.В. Колесниченко, где «комментарий – это расширение новости с целью ее разъяснения или оценки» [9]. Как подчеркивает С.Л. Васильева [5], комментарий – это жанр «оперативного реагирования». При этом рекламный комментарий, по мнению Ю.С. Бернадской, «предполагает выражение отношения к рекламируемому товару (услуге): в этом жанре активно используется привлечение мнения профессионалов или известных личностей» [2]. Таким образом, рекламный комментарий – это оперативный отклик эксперта на предмет продвижения, не претендующий на исчерпывающую полноту анализа продукта. Предметом рекламного комментария может быть, как появление товара-новинки, так и уже функционирующий на рынке продукт. В данном случае важна не столько быстрота передачи информации, а точка зрения эксперта на продукт.

Современный рекламный комментарий преследует цель – направление внимания аудитории на важные преимущества продвигаемого продукта и убеждение в необходимости совершения определенных действий (пробной или повторной покупки).

Рекламный комментарий включает следующие свойства: оперативность, информативность, лаконичность, аналитичность, оценочность. Глав-

ным требованием к оценке является то, что она не должна навязываться автором читателю, а потребитель должен делать выводы самостоятельно из приведенных аргументов. Следовательно, данный жанр предполагает реализацию основных функций публицистического дискурса – информирования, воздействия и убеждения.

Наконец, в качестве еще одного жанра, получившего распространение в интернет-версиях газет и журналов, можно выделить рекламную рекомендацию (совет). Под термином рекомендация (от лат. «*recommendatio*» – совет) понимается совет, указание об определенном образе действий [18]. При этом под рекламной рекомендацией (советом) мы предлагаем понимать жанр, содержащий развернутую (с обоснованием, аргументацией и оценками) предписательную (программную) информацию по поводу того, как надо решать проблему, возникшую у потребителя с помощью определенного товара (услуги). Этот жанр обретает аналитический характер в результате того, что предписания, содержащиеся в рекламе, включают аргументированное обоснование и устанавливают причинно-следственные связи между проблемой и возможностью ее решения. При этом необходимо подчеркнуть то, что в основе рекламной рекомендации (совета) «лежит программная информация, которая показывает один из вариантов действия, ведущего к успеху, и обладает рекомендательным характером» [7].

Главная цель рекламной рекомендации (совета) – убедить потребителя в необходимости использования рекламируемого продукта для решения возникших проблем. Процесс убеждения потребителя осуществляется за счет того, что для него выстраивается предписывающий порядок действий при решении проблемы помощью рекламируемого продукта. Программный (предписательный) характер информации оказывает влияние на специфику структурно-композиционного построения данного жанра.

Как показал анализ, рекламная рекомендация (совет) – это аналитический материал, основным содержанием которого является установление проблемы, причинно-следственных связей и прогностических суждений по поводу ее решения. При этом в качестве ключевых свойств данного жанра можно отметить следующие: аргументированность, доверительный тон общения, предписательный (программный) характер информации. Что касается доверительного тона общения, то он в данном жанре создается за счет прямого обращения автора к потребителю и использования в ряде случаев местоимения «ты». В свою очередь, предписательный (программный) характер информации предполагает установление порядка каких-либо действий потребителя, ведущих к прогнозируемому автором успешному решению проблемы.

Таким образом, аналитические жанры рекламной журналистики сегодня представляют самостоятельную группу. Своеобразие аналитических жанров рекламной журналистики обусловлено их целевым назначением. Как показали результаты сравнительного анализа существующих класси-

фикаций данной группы жанров и исследования рекламных медиатекстов, размещаемых в интернет-версиях периодических изданий наибольшее распространение сегодня получили такие виды, как статья, обзор, рецензия, комментарий и рекомендация (совет).

Библиографический список

1. Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – URL: <http://www.grammar.ru/LIT>.
2. Бернадская, Ю.С. Текст в рекламе: учебное пособие / Ю.С. Бернадская. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 288 с.
3. Большой бухгалтерский словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – URL: http://buhgalterskiy_slovar.academic.ru/.
4. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf>.
5. Васильева, С.Л. Особенности жанра комментария в русском и английском газетно-публицистическом дискурсе: сопоставительный аспект / С.Л. Васильева // Молодой ученый. – 2013. – № 2. – С. 207–210.
6. Евстафьев, В.А. Журналистика и реклама: основы взаимодействия (опыт теоретического исследования) / В.А. Евстафьев. – М.: ИМА-Пресс, 2001. – 264 с.
7. Зайни, Р.Л. Формирование и развитие жанров рекомендации и мини-совета в татарских календарях / Р.Л. Зайни // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5(16). – С. 79–82.
8. Иншакова, Н.Г. Рекламный и пиар-текст: Основы редактирования: учебное пособие для студентов вузов / Н.Г. Иншакова. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 256 с.
9. Колесниченко, А.В. Практическая журналистика: учебное пособие / А.В. Колесниченко. – URL: <http://www.evartist.narod.ru/text28/0034>.
10. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/5494.
11. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А.А. Сурков. Т. 6: «Присказка – Советская Россия». – М.: Советская энциклопедия, 1971. – С. 268.
12. Русова, Н.Ю. От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / Н.Ю. Русова. – URL: <http://dic.academic.ru/searchall.php>.
13. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати: учеб. пособие / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 320 с.
14. Тимошенко, Т.Е. Риторика: практикум / Т.Е. Тимошенко. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 96 с.

15. Федеральный закон «О рекламе» (от 13.03.2006 № 38-ФЗ) : [принят Гос. Думой 22 фев. 2006 г. : одобр. Советом Федерации 3 марта 2006 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru/popular/advert>.

16. Цвик, В.Л. Реклама как вид журналистики: учебное пособие / В.Л. Цвик. – М.: Институт современного искусства, 2001. – 135 с.

17. Щепилова, Г.Г. Реклама в СМИ: принципы классификации / Г.Г. Щепилова // Медиаскоп. – 2010. – Вып. 4. – С. 21.

18. Экономика и право: словарь-справочник / сост. Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков. – http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law.

К содержанию

УДК 659.446 + 659.13

**СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ
КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Л.В. Пелленен

В статье предпринята попытка обосновать необходимость (и даже неизбежность) социальной ответственности бизнеса, выстроить аргументацию в пользу политики социального партнерства. По мнению автора, систематическая и последовательная работа специалистов по связям с общественностью в области реализации корпоративной социальной ответственности позволяет любой компании заслужить доверие и уважение со стороны общества, и тем самым укрепить репутацию как основное стратегическое преимущество в условиях современного рынка.

Ключевые слова: связи с общественностью; PR; социальная ответственность.

Тема корпоративной социальной ответственности становится все более актуальной на фоне глобализации мировой экономики, стремительного укрупнения бизнес-компаний и возрастающей дифференциации доходов отдельных сегментов населения. Под корпоративной социальной ответственностью принято понимать добровольный вклад корпораций (предприятий) в решение социально-значимых общественных проблем. Понятие социальной ответственности (SRB /Socially-Responsible Business/ или КСО) возникло на Западе в начале прошедшего века. Собственно, благодаря этому и возникла профессия «связи с общественностью» (русскоязычный эквивалент public relations, PR), предназначенная для завоевания крупным бизнесом доверия общественности путем открытых и правдивых коммуникаций. В декларации принципов Айви Ли (1907 год) были обозначены ключевые принципы социально-ответственного поведения компаний: откровенное

информирование, учет интересов общественности. Эти здравые мысли уже тогда разделяли не только журналисты, но и наиболее продвинутые американские промышленники, в частности, Теодор Вейл, вице-президент Американской телефонной и телеграфной компании. Ему принадлежит известный тезис: «Компании могут жить и развиваться только с разрешения их аудиторий» [3, с. 37]. И это в прагматичном, бизнес-ориентированном американском PR, где главное, все же, стратегия продвижения корпоративных интересов, максимальная прибыль компании.

В европейской традиции связей с общественностью, наиболее ярко представленной французской школой, еще большее внимание уделяется социуму. «Стратегия доверия» – так формулирует ключевое понятие PR основатель этой школы Люсьен Матра. Его последователь Филипп Буари, патриарх профессии паблик рилейшнз во Франции, пишет: «Паблик рилейшнз возникли не под влиянием моды или увлечения, а стали ответом на социальную и экономическую потребность, на запросы нового мира» [3, с. 13]. Как видим, «социальное» здесь стоит раньше «экономического». «Выработка политики паблик-риллейшнз, – утверждает Буари – начинается с согласия примирить интересы компании с интересами тех, от кого зависит ее развитие. Осуществление политики паблик рилейшнз заключается в том, чтобы после такого примирения использовать коммуникационную политику, способную устанавливать и поддерживать доверительные отношения со всей совокупностью аудиторий компании ... Речь идет о доверии не только клиентов компании, но и ее персонала, ее банкиров, администрации – всех тех, кому принадлежит часть политической, экономической, профсоюзной, административной власти и кто может эту власть употребить как для того, чтобы способствовать развитию компании, так и для того, чтобы это движение затормозить ... Доверие – самый эффективный фактор роста инвестиций и самый надежный гарант ее (компании) незыблемости» [3, с. 13]. Таким образом, можно считать доказанным утверждение о том, что PR был создан как инструмент регулирования отношений между обществом, бизнесом и властью. Однако прошедшее столетие так и не разрешило основной проблемы: как найти верное, сбалансированное соотношение между их целями и желаниями. В бизнес-среде до сих пор есть сторонники абсолютно крайних позиций. Как пишет Е. Ляховецкая, первая позиция – это «широко известная теория о необходимости максимизации прибыли. Так, Теодор Левитт указывает, что благотворительность и общество не имеют никакого отношения к деятельности корпораций. Задача корпораций – делать деньги» [6]. Среди российских предпринимателей немало последователей этой теории. К сказанному они чаще всего добавляют, что сполна платят налоги, выдают зарплату, а значит дальше весь спрос с государства. Такая установка хорошо изучена и описана известным американским мыслителем Эрихом Фроммом – он относит ее к числу не-

плодотворных установок и называет «стяжательской ориентацией». Люди стяжательского типа, по Фромму, «склонны считать, что обладают только неким ограниченным запасом силы, энергии и ментальных способностей, и этот запас тает, исчерпывается и никогда не пополнится. Они не могут понять, что все жизненные субстанции обладают функцией самовосполнения, и активность и трата сил увеличивают энергию, в то время как инертность ее парализует» [10, с. 70]. Свою внутреннюю психологическую установку они реализуют и в бизнес-деятельности.

Вторая точка зрения называется «теорией корпоративного альтруизма». Она принадлежит Комитету по экономическому развитию США, в рекомендациях которого подчеркивается, что «корпорации обязаны вносить значительный вклад в улучшение качества американской жизни» [6]. Такая установка соответствует в классификации Э. Фромма «плодотворной ориентации», высшей формой проявления которой является любовь. В самом деле, чего мы хотим от нашей общественности? Уважения, признания, заботы о наших интересах, ответственности в своих поступках. Все эти четыре компонента и есть составные части «плодотворной любви» по Э. Фромму. Для того, чтобы получить искомое, компания должна ответить общественности взаимностью, то есть проявить, по Фромму, «заботу, ответственность, уважение, знание... Эти основные элементы присутствуют во всех формах любви» [10, с. 79]. Не правда ли, очень похоже на концепцию социальной ответственности и на функции PR одновременно.

Приведенная выше аргументация может показаться неубедительной для бизнес-сообщества, где «человек с рыночной философией может охотно отдавать, но в обмен непременно хочет что-то получить; отдать, ничего не получив, – значит для него быть обманутым» [9, с. 122]. К счастью, существует и третья, компромиссная позиция – теория разумного эгоизма, которая «настаивает на том, что социальная ответственность бизнеса – это просто «хороший бизнес», поскольку превращает сиюминутные потери в долгосрочные прибыли (long-term profit loss). Тратя деньги на социальные и филантропические программы, корпорация сокращает текущие доходы, но, в долгосрочной перспективе, создает благоприятное социальное окружение и, таким образом, высокие и устойчивые дивиденды в будущем. Проявление социальной ответственности позволяет улучшить имидж корпорации, отношения в коллективе, привлечь новых клиентов, увеличить объемы продаж своей продукции, стоимость акций корпорации на рынке» [6]. Таким образом, мы видим, что быть социально-ответственным не только почетно, но и выгодно, так как появляется возможность формирования хорошей репутации. Известно, что репутация – «это создавшееся общее мнение о достоинствах или недостатках кого-либо (чего-либо), общественная оценка. Происходит от латинского термина, означающего обдумывание, размышление» [2, с. 678]. То есть это то, что общество думает

о корпорации, то, чем оно считает компанию, то, что осталось в общественном сознании. Каждый воспринимает происходящее через призму собственных потребностей, интересов и ценностей. Это утверждение справедливо и для общественных аудиторий. Из этого следует, что мнение о компании зависит от того, насколько она сумеет удовлетворить общественные потребности, разделить интересы и ценности. То есть репутация зависит, с одной стороны, от качества и потребительских свойств продукции компании, с другой стороны – от соответствия интересам и ценностям общества. Искреннее, глубокое участие в разрешении социальных проблем, признание своей доли ответственности за судьбу общества, наряду с качеством товара, является фундаментом хорошей репутации. Можно ли измерить репутацию? Выше было сказано, что бизнес-лидеры хотят знать, что они получают взамен за свой вклад общественную жизнь. Качественные оценки репутации (хорошая – плохая, прочная – непрочная, устойчивая – неустойчивая, надежная – ненадежная) представляются им недостаточно полными и убедительными.

Для прагматиков и рационалистов (а к их числу принадлежит подавляющее большинство современных российских бизнес-руководителей) количественные характеристики значительно убедительнее качественных, так как обращаются к рациональному, а не эмоциональному восприятию. Западный деловой мир уже решил задачу количественной оценки: репутационный капитал, а, иначе говоря, «благорасположение (Goodwill) имеет статус неявного актива и отражается в балансовом отчете северо-американских и европейских компаний в стоимостном выражении» [1, с. 37].

Сергей Туркин, директор агентства «Социальные инвестиции», приводит такие цифры: «по данным Walker Information, репутационный капитал компании Coca-Cola оценивается в \$52 млн, Gillette – в \$12 млн, Kodak – в \$11 млн. Все эти фирмы имеют хорошо продуманные (и хорошо озвученные) социальные программы» [8]. Разрыв в соотношении стоимости материальных и нематериальных активов для многих зарубежных компаний вообще, на наш взгляд, парадоксален. По данным исследования британской компании «Интербренд» для компании Coca-Cola, это соотношение 4 % к 96 %, для Бритиш Петролеум 29 % к 71 %, для IBM 17 % к 83 % [8]. Причем, меньшая часть – это материальные активы. Конечно, значительная доля в нематериальных активах – это стоимость бренда, но и репутационная составляющая оказывает серьезное влияние (в том числе и на стоимость бренда).

Что же представляет собой современная концепция корпоративной социальной ответственности? Эндрю Гриффин приводит определение, официально утвержденное в 2001 году Еврокомиссией: «КСО есть понятие, которое выражает добровольную озабоченность компаний социальными и

экологическими вопросами, встающими как в процессе ведения бизнеса, так и при взаимодействии со стейкхолдерами» [5, с. 195].

На российской почве для концепции социальной ответственности бизнеса открываются новые возможности соединения трезвого расчета, присущего либеральной западной модели, основанной на протестантской этике, «с российской традицией благотворительности, имеющей особый сакральный подтекст, христианское, гуманистическое начало, призывающее к бескорыстию и человеколюбию» [8]. Доказательством могут служить исследования среди жителей и предпринимателей Великого Новгорода, проведенного Фондом развития информационных инициатив «Сфера согласия». Новгородское исследование показывает, что реализация социальных благотворительных проектов носит стратегический характер лишь для 43 % предприятий с отечественным капиталом. Исследователи отмечают: «еще довольно часто социальная активность новгородского бизнеса носит ситуативный характер» [7]. Следует признать, что в большинстве своем работа в этом направлении носит бессистемный характер и не отличается эффективностью, что сдерживает процесс создания устойчивой репутации отечественных компаний.

В целом, ничего нового в такой ситуации нет. Как известно, с того же начинали крупные американские корпорации. Вернувшись к истокам PR, вспомним, что в начале прошлого века они сумели восстановить против себя и государственную власть в лице президента Теодора Рузвельта, и мелких собственников, и фермеров, и наемных рабочих, наступив на «святая святых» – великую американскую мечту о равных возможностях для каждого члена общества. Мощный отпор, полученный американскими корпорациями, и вызвал к жизни современные технологии социального партнерства.

Для российских корпораций, получивших собственность из рук государства в результате ее перераспределения при приватизации, те тяжелые времена наступают сейчас. Многочисленные дискуссии в СМИ свидетельствуют о том, что «олигархи» не пользуются доверием и поддержкой значительной части общества, а без понимания невозможно и установление диалога. Конечно, у сегодняшних российских корпораций уже есть наработанные за сто лет инструменты, в том числе паблик рилейшнз. Но мы видим, что попытка механически перенести на российскую почву отдельные приемы PR-воздействия не приносят нужной отдачи. Хотя практика осмысления и использования американского опыта налицо. Наиболее ярко это демонстрируют нефтяные корпорации. Интересно наблюдать, как зеркально повторяются у нас наработанные приемы. Так, известный PR-практик, создатель и руководитель Управления общественных связей НК ЛУКОЙЛ Александр Василенко в своей книге анализирует средства воздействия американских нефтяных корпораций на общество. Влияние осу-

ществляется по следующим направлениям: через средства массовой информации, через новейшие системы коммуникаций (Интернет), через обширную издательскую деятельность, через специально созданные ассоциации волонтеров пропагандистов нефтяной промышленности (так называемые группы общения или кружки по интересам), через разного рода общественные объединения и организации. «Но особое внимание информационные структуры нефтяного бизнеса уделяют американской школе и вообще всем звеньям образования» [4, с. 294]. Таким же образом действуют и отечественные нефтяники, работая с вузами, учреждая стипендии, создавая общественные организации.

Итак, для создания устойчивой положительной репутации сегодня необходимо осознание компаниями своей ответственности перед обществом. При этом компанию можно считать социально-ответственной в том случае, если ее социальная политика включает следующие элементы:

1) ответственная деловая практика (своевременная и полная выплата налогов и других платежей, неукоснительное выполнение договорных обязательств перед партнерами, клиентами, персоналом и т.п.);

2) участие в решении социально-значимых проблем регионов, в которых действуют подразделения компании (с учетом приоритетов, обусловленных местной спецификой);

3) дополнительные гарантии и льготы трудящимся компании (как правило, закрепляемых Коллективным договором, который от имени трудящихся заключает профсоюз);

4) экологическая ответственность (уменьшение выбросов всех видов загрязняющих веществ за счет внедрения новых технологий и строительства очистных сооружений, а также дополнительные вложения в рекультивацию земель, очистку водных бассейнов, восстановление лесных массивов и т.п.);

5) благотворительность.

Границы и размеры этой социальной ответственности должны быть в теории закреплены неким общественным договором. В отсутствие такого договора и с учетом местной специфики определяют эти границы, как правило, PR-специалисты предприятий и компаний. В этой связи особое значение приобретает статус PR-специалистов, которым предстоит участвовать в процессе стратегического планирования с целью корректировки планов компании в пользу общественности. В рамках решения общей проблемы укрепления репутации за счет реализации концепции социальной ответственности бизнеса PR-специалисты, как правило, последовательно реализуют следующие шаги:

1) убеждают руководство в необходимости принять на себя определенную долю социальной ответственности, аргументировано объяснив позитивные последствия такой политики;

2) являются консультантами руководителя в оценке и выборе приоритетных направлений и форм реализации местного «общественного договора»;

3) изучают ожидания различных групп общественности (социальные, идеологические, экологические);

4) прогнозируют возможный общественный резонанс на те или иные действия компании в этих направлениях;

5) формируют устойчивую репутацию социально-ответственной компании, опираясь на соответствующие информационные поводы.

Таким образом, представляется очевидным, что PR, как специфическая коммуникационная деятельность, неразрывно связан с реализацией корпоративной социальной ответственности. Именно это соображение позволяет нам отнести реализацию программ КСО к одному из ключевых направлений PR-деятельности современных компаний.

Библиографический список

1. Алешина, И.В. Паблик рилейшнз для менеджеров: учебник / И.В. Алешина. – М.: ЭКМОС, 2003. – 480 с.
2. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17000 сл. – М.: АСТ, 2002. – С. 678.
3. Буари, Ф.А. Паблик рилейшнз или стратегия доверия / Ф.А. Буари; пер. с фр. – М.: Имидж-Контакт; ИНФРА-М, 2001. – 178 с.
4. Василенко, А.Б. ПИАР крупных российских корпораций / А.Б. Василенко. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – 304 с.
5. Гриффин, Э. Управление репутационными рисками: Стратегический подход / Э. Гриффин. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 237 с.
6. Ляховецкая, Е. Отдавая – зарабатывать / Е. Ляховецкая // Советник. – 2002. – № 5.
7. Трезвый расчет или порывы совести? // Советник. – 2002. – № 5.
8. Туркин, С. Почему они такие добрые / С. Туркин // Советник. – 2003. – № 8. – С. 44–47.
9. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
10. Фромм, Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики / Э. Фромм. – Минск: Коллегиум, 1992. – 253 с.

[К содержанию](#)

УДК 821.162.1-1

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ ЧЕСЛАВА МИЛОША

Д.А. Пелихов

В статье рассматриваются ритмико-интонационные особенности стихотворений польского поэта, лауреата Нобелевской премии по литературе Чеслава Милоша и проблемы перевода этих особенностей на русский язык. В качестве объекта рассмотрения выступают любительские переводы, в большом количестве встречающиеся в сети Интернет.

Ключевые слова: перевод; поэзия; ритмико-интонационные особенности; метрическая система; силлабика; силлабо-тонический стих; верлибр.

Одна из сложностей перевода поэтических произведений связана с передачей ритмико-интонационного своеобразия оригинала средствами того языка, на который переводится текст. Специфика эта заключается в том, что в каждой литературе за тем или иным стихотворным метром или размером закреплена определенная традиция. В отечественном стиховедении это явление, благодаря работам М.Л. Гаспарова, получило название «семантический ореол стихотворного размера». С каждым размером связана своя тематика или настроение, и каждый размер вписывает тот или иной текст в определенную литературную традицию. «...В звучании каждого размера, – пишет М.Л. Гаспаров, – есть что-то, от природы имеющее ту или иную содержательную окраску – хотя бы самую неопределенную, чисто эмоциональную. Иными словами, связь между метром и смыслом есть связь органическая» [1].

О ритмическом своеобразии стихотворной речи и о способах его перевода писал и Н.С. Гумилев в статье «О стихотворных переводах»: «Существуют три способа переводить стихи: при первом переводчик пользуется случайно пришедшим ему в голову размером и сочетанием рифм, своим собственным словарем, часто чуждым автору, по личному усмотрению то удлиняет, то сокращает подлинник; ясно, что такой перевод можно назвать только любительским. <...> И теперь еще некоторые думают, что можно заменять один размер другим, например, шестистопный пятистопным, отказываясь от рифм, вводить новые образы и так далее. <...> Однако, поэт, достойный этого имени, пользуется именно формой, как единственным средством выразить дух». И далее: «...для сколько-нибудь серьезного знакомства с поэтом необходимо знать, какие строфы он предпочитал и как ими пользовался. Поэтому точное сохранение строфы является обязанностью переводчика» [3].

Таким образом, задача, стоящая перед переводчиком, усложняется тем, что он должен не только знать свою литературу, но и быть знакомым с оп-

ределенным корпусом текстов той литературы, которую переводит, с тем чтобы распознать интертекст, увидеть метрическую традицию, в которую вписано стихотворение. В связи с этим в переводоведении XX века выдвигалось справедливое требование эквиритмичности, то есть максимальное по возможности соответствие ритма перевода ритму оригинального произведения [6].

Когда речь идет о переводе польской поэзии на русский язык, то переводчик сталкивается с целым рядом дополнительных трудностей, которые обусловлены как разницей между этими языками (к примеру, характером ударения в русском и польском языках), так и литературными традициями в области ритма. И в первую очередь разница эта проявляется в использовании метрических систем. Так, сложность перевода поэзии Ч. Милоша на русский язык заключается в том, что в стихотворениях Милоша мы сталкиваемся, по сути, с тремя метрическими системами – силлабической, силлабо-тонической и свободным стихом (верлибром). В некоторых случаях можно наблюдать синтез силлабической и силлабо-тонической систем стихосложения, или, скорее, здесь следует говорить о возникновении ритма в силлабических стихах, о тонизации некоторых строк стихотворения, которая, безусловно, происходит не случайно, но несет на себе определенную смысловую нагрузку. В большинстве произведений (особенно это характерно для поздней лирики Ч. Милоша) мы сталкиваемся с верлибром, то есть свободным стихом. Кроме того, существуют стихотворения, находящиеся на стыке этих трех систем, то есть тексты, в которых какая-то (как правило, бóльшая) часть строк включает строго определенное количество слогов (признак силлабики), в некоторых строках возникает ритм (силлабо-тоника), а некоторые строки разрушают в целом стройную силлабическую структуру, и здесь мы можем говорить о тяготении к верлибру.

Несмотря на то, что существуют разные подходы к переводу силлабо-тонических стихов – от замены клаузул и способа рифмовки до выбора принципиально иного размера, – все же больших споров и разногласий этот вопрос не вызывает. Поэтому остановимся на наиболее сложных вопросах, то есть на переводе тех метров, которые несвойственны русской поэзии или не установились в ней как классические.

Первая проблема, с которой сталкивается переводчик, – это передача ритма силлабических стихов. Обратимся к стихотворению Ч. Милоша, написанному в этой системе стихосложения.

CZASZKA

Przed Marią Magdaleną bieleje w półmroku
Czaszka, świeca dogasa. Który z jej kochanków
Jest tą wyschniętą kością, nie próbuje zgadnąć.
Zostaje tak, rozmyśla wiek jeden i drugi.
Piasek usnął w klepsydrze, ponieważ widziała

I czuła na ramieniu dotyk Jego ręki,
Wtedy kiedy o świcie krzyknęła: „Rabboni!”
A ja zbieram sny czaszki, bo to ja nią jestem,
Gwałtowny, rozkochany, cierpiący w ogrodach
Pod ciemnym oknem, niepewny, czy dla mnie
I dla nikogo więcej sekret jej rozkoszy.
Urojenia, przysięgi. Mało ich pamięta.
I tylko tamta chwila trwa, nie odwołana,
Kiedy prawie że była już po tamtej stronie.

Это стихотворение очень популярно у русских переводчиков, часто встречается в Сети. Его популярность во многом объясняется тем, что оно предлагалось для перевода в рамках Конкурса на лучший перевод произведений Чеслава Милоша на русский язык, организованного в 2011 г. Польским Институтом Книги и Фондом «За Вашу и Нашу Свободу» и приуроченного к столетию поэта. Чтобы показать, в чем состоит проблема передачи ритма этого стихотворения, обратимся к его ритмическому рисунку. Отсутствие регулярности в расположении ударных и безударных слогов приводит к тому, что русским слухом мы не воспринимаем упорядоченности, которая достигается именно благодаря равносложности строк:

1. ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
  2. — ∪ — ∪ ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪
  3. — — ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ — ∪
  4. ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — — ∪ ∪ — ∪
- <...>

Анализ первых четырех строк стихотворения позволяет понять, что перед нами классический польский тринадцатисложник – размер, который был популярен и в русской силлабической поэзии. Более того, русский тринадцатисложник называют «польским» размером и традиционно считают заимствованным из польской поэзии. Следовательно, первый способ перевода этого текста на русский язык уже подсказан русской поэтической традицией и польско-русскими литературными отношениями – то есть переводить текст на русский язык тринадцатисложником.

Второй путь, который видится здесь, – это «русифицировать» метр стиха, упорядочив в нем расположение ударных и безударных слогов и получив в результате белый стих с тем же количеством слогов, но более свойственный русской литературной традиции.

Сравнение большого числа переводов с оригиналом позволяет говорить о том, что переводчики, вероятно, пытаются вписать стихотворение в уже знакомую им силлабо-тоническую систему стихосложения и, не имея возможности сделать это, воспринимают текст как верлибр, о чем свидетельствует подавляющее число переводов, в которых (даже если не вдаваться в лексиче-

ские особенности и стилистику) можно увидеть значительные отступления от оригинала, прежде всего касающиеся ритма и меняющие его звучание.

Отдельную проблему представляет перевод на русский язык свободно-го стиха. Несмотря на представленность этой ритмической формы в русской поэзии XX и даже XIX в., эта форма не стала классической и даже теперь воспринимается, скорее, как исключение, отступление от традиции, хотя нужно отметить, что все прочнее входит в русскую литературу.

Основное свойство свободного стиха состоит в том, что при отсутствии метра и размера ритм в нем все же есть и выступает, если не главным, то одним из основных организующим элементом текста (наряду со строфическим членением, случайной или намеренной рифмой, звукописью, паронимазией и т.п.). Поэтому организация верлибра намного тоньше и сложнее, чем силлабо-тонических и силлабических стихов. И сложность перевода такой ритмической организации заключается в том, что нужно «услышать» этот ритм и найти в русском языке аналогичные способы его передачи.

Для примера обратимся к стихотворению Ч. Милоша «Dar» (1971 г.)

DAR

Dzień taki szczęśliwy.

Mgła opadła wcześniej, pracowałem w ogrodzie.

Kolibry przystawały nad kwiatem kaprifolium.

Nie było na ziemi rzeczy, którą chciałbym mieć.

Nie znałem nikogo, komu warto byłoby zazdrościć.

Co przydarzyło się złego, zapomniałem.

Nie wstydzilem się myśleć, że byłem kim jestem.

Nie czułem w ciele żadnego bólu.

Prostując się, widziałem niebieskie morze i żagle.

Ритмический рисунок этого верлибра таков:

1. — — ∪ ∪ — ∪
2. — ∪ — ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
3. ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪
4. ∪ — ∪ ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ —
5. ∪ — ∪ ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪
6. — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪
7. ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
8. ∪ — ∪ — ∪ ∪ — ∪ — ∪
9. ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ — ∪ ∪ — ∪

Если вслушаться в звучание стихотворения, то можно обнаружить, что каждая строка, за исключением, пожалуй, первой, делится на два ритмических отрезка (не обязательно равновеликих), причем чаще всего это деление на «полустихи» совпадает с синтаксическим членением фразы:

1. — — ∪ ∪ — ∪
2. — ∪ — ∪ — ∪ // ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪
3. ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ // ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪
4. ∪ — ∪ ∪ — ∪ — ∪ // — ∪ — ∪ —
5. ∪ — ∪ ∪ — ∪ // — ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪
6. — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ // ∪ ∪ — ∪
7. ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ // ∪ — ∪ ∪ — ∪
8. ∪ — ∪ — ∪ // ∪ — ∪ — ∪
9. ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ // ∪ — ∪ — ∪ ∪ — ∪

Интересно отметить, что каждый такой отрезок внутри строки обладает своим собственным более или менее автономным ритмом. Более того, в звучании каждого полустиха можно услышать традиционные метры силлабо-тонического и тонического стихосложения. Это и создает особый ритмико-интонационный рисунок всего стихотворения:

1. — — ∪ ∪ — ∪	амфибрахий
2. — ∪ — ∪ — ∪ // ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪	хорей + анапест
3. ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ // ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪	ямб + ямб
4. ∪ — ∪ ∪ — ∪ — ∪ // — ∪ — ∪ —	дольник + хорей
5. ∪ — ∪ ∪ — ∪ // — ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪	амфибрахий + хорей
6. — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ // ∪ ∪ — ∪	дактиль + пеон третий
7. ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ // ∪ — ∪ ∪ — ∪	анапест + амфибрахий
8. ∪ — ∪ — ∪ // ∪ — ∪ — ∪	ямб + ямб
9. ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ // ∪ — ∪ — ∪ ∪ — ∪	ямб + дольник

Интонационное членение этого текста совпадает с членением синтаксическим: каждая строка заканчивается знаком конца предложения, что делает ее завершенной, а потому гармоничной. Это же отражается в авторском прочтении текста и вписывается и в тематику, и общий настрой стихотворения. В этом смысле наиболее правильной переводческой стратегией было бы соблюдение именно такой синтаксического построения текста и избегание анжамбеманов. В большом числе переводов мы видим одну весьма характерную тенденцию – стремление приукрасить текст оригинала, причем не только за счет введения дополнительных образов, характеристик, но в определенной мере и благодаря ритму. Так в переводе Надежды Далецкой, наряду с отступлениями от словаря поэта, мы видим два (!) анжамбемана, и в целом такое построение текста, которое приводит к возникновению ритма (особенно в последних строках). Причем ради этой ритмизации переводчик поступает лексической и стилистической точностью, вводя двусмысленность «небесное море» (в оригинале «niebieskie» ‘синее’), сниженное «увидал» (на месте нейтрального авторского «widziałem» ‘видел’):

ДАР

Такой счастливый день.
Туман расползся быстро, один в саду работал я.
Колибри завис над листопадною лианой.
И не было на свете ничего, чего б хотелось мне.
И никого, кому бы позавидовать хотелось.
Забыл всё зло и не стыдился думать,
Что был я тем, кем был.
Утихли боли в теле. Распрямившись,
В небесном море парус увидал.

Перевод Надежды Далецкой [15]

Интересно отметить, что та же словарная ошибка («море небесное») есть и в переводе Олега Чухонцева, опубликованном в журнале «Новый мир» (№ 11 за 2011 г.). Причем, постпозиция прилагательного по отношению к определяемому слову вновь переводит текст в иной стилистический регистр, так как инверсированный порядок слов в русском языке, в отличие от польского, как правило, стилистически маркирован. Ритмическое своеобразие его перевода, несомненно, ближе к оригиналу, однако и он не избежал анжамбемана в последней строке:

ДАР

День такой славный.
Мгла рассеялась рано, я возился в саду.
Колибри липли к цветам каприфоли.
Не было здесь ничего, в чем была бы нужда.
Не было никого, кому бы стоило позавидовать.
Что случилось плохого, все позабыл.
Не стыдился признаться, что я такой, какой есть.
Боли не чувствовал никакой и, распрямившись,
Видел лишь море небесное и паруса.

Перевод Олега Чухонцева [10]

В этом отношении наиболее адекватным, наиболее близким к оригиналу можно считать перевод В. Орданского, в котором сохранена синтаксическая структура, а также отсутствуют анжамбеманы, что соответствует ритмическому строю стихотворения польского поэта:

ДАР

Что за счастливый день,
Рано осел туман, я работал в саду,
Колибри висели над цветком каприфоли.
Не было в мире вещи, которой бы я пожелал.
Никого, кому стоило бы завидовать.

Что плохого случилось, все позабыл.
Мне не было стыдно за то, что такой я, как есть,
И ничто у меня не болело.
Выпрямляясь, я видел парус в морской синеве.

Перевод Владимира Орданского [11]

В заключение отметим, что обзор современных переводов стихотворений Ч. Милоша, встречающихся в достаточно большом количестве в Сети, иллюстрирует несколько тенденций и имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, их количество свидетельствует в первую очередь об интересе к поэзии выдающегося польского лирика, что, несомненно, очень хороший знак. Однако, с другой стороны, подчас создается впечатление, что у большинства современных переводчиков нет ясного представления о принципах перевода. Это проявляется в стремлении написать «свое» произведение «по мотивам» того, что они увидели в том или ином тексте. Автокомментарии к такого рода переводам порой иллюстрируют «критическое» отношение к «непоэтическому» словарю поэта. Как следствие, в таких переводах дана попытка «опоэтизировать» произведения Милоша. Таковы же, на наш взгляд, причины ритмизации текстов, написанных верлибром, а в отдельных случаях – попытки ввести в него рифму. Причины появления таких переводов видятся нам не только в незнании переводчиком основных принципов перевода, но и в ощущении мнимой простоты таких текстов.

Библиографический список

1. Гаспаров, М.Л. Метр и смысл. Введение / М.Л. Гаспаров. – URL: <http://r-v.livejournal.com/443394.html>.
2. Горбачевский, А.А. Пушкин и Мицкевич / А.А. Горбачевский // Русский язык и русская культура. 100 очерков и бесед на радио; под ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2003. – С. 381–384.
3. Гумилев, Н.С. О стихотворных переводах / Н.С. Гумилёв. – URL: <http://gumilev.ru/clauses/5/>.
4. Квятковский, А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский; науч. ред. И. Роднянская. – М.: Советская Энциклопедия, 1966.
5. Орлицкий, Ю.Б. Русский верлибр: мифы и мнения / Ю.Б. Орлицкий // Арион. – 1995. – № 3. – URL: <http://www.arion.ru/mcontent.php?year=1995&number=36&idx=525>.
6. Рагойша, В.П. Проблемы перевода с близкородственных языков: Белорус.-рус.-укр. поэтич. взаимоперевод / В.П. Рагойша. – Минск: Изд-во БГУ, 1980. – 183 с.
7. Федотов, О.И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха / О.И. Федотов. – М.: Флинта: Наука, 2002.

8. URL: <http://gipatalamus.livejournal.com/64982.html>.
9. URL: http://litzona.net/show_85268.php.
10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/11/mi1.html.
11. URL: <http://www.netslova.ru/ordansky/milosz.html>.
12. URL: <http://www.stihi.ru/2008/10/07/518>.
13. URL: <http://www.stihi.ru/2011/07/24/1263>.
14. URL: <http://www.stihi.ru/2011/10/18/5468>.
15. URL: <http://www.stihi.ru/2011/10/27/8703>.

[К содержанию](#)

УДК 070.5

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ЖУРНАЛИСТА

Н.К. Поляева

В статье рассматривается индивидуальный стиль регионального журналиста на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях, а также анализируются выразительные средства языка, используемые журналистом.

Ключевые слова: индивидуальный стиль; региональный журналист; путевые заметки; репортажи.

«Индивидуальный стиль», «идиостиль», «идиолект» предполагает характеристику особенностей стиля данного автора, при этом авторская индивидуальность определяется тем, чего нет у других авторов. Индивидуальность проявляется в своеобразии выбора и сочетания языковых средств.

«Когда речь идет об индивидуальном стиле, – пишет профессор В.И. Коньков, – то изначально имеется в виду, прежде всего, сфера художественной речи. Материальная форма существования литературно-художественного стиля – это индивидуальный стиль» [2, с. 345].

Как правило, индивидуальный стиль региональной прессы широко-масштабно не изучается, хотя общеизвестно, что каждый пишущий журналист имеет свой почерк, свой стиль, свою манеру письма, отличную от других пишущих. Талантливый журналиста можно узнать по первым строчкам его газетного или журнального материала. Большую роль здесь играет собственный идиолект, который вырабатывается у большинства одаренных журналистов.

Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой характеризует идиолект так: «Совокупность индивидуальных особенностей, характеризующих речь данного индивида; индивидуальная разновидность языка» [1, с. 165].

С особенностями индивидуального стиля журналиста в настоящее время соотносится образ автора в журналистике. В современных СМИ проявляются особенности авторского самосознания, четко прослеживается авторское «я», но автор общественно-политического издания должен придерживаться концепции издания. В художественно-публицистических жанрах индивидуальное авторское начало проявляется больше и ярче, чем в информационных, где индивидуальное начало минимизировано.

И если в информационных и тем более аналитических жанрах личностное начало выражается типовыми средствами, то в художественно-публицистических индивидуальность автора может проявляться ярко, это могут быть различные тропы, фигуры речи (стилистические фигуры), их индивидуальное сочетание, синтаксические средства усиления убеждающей, воздействующей речи и т.д. Когда пишут об индивидуальном стиле журналиста, то имеют в виду, как правило, журналистов федеральных изданий. А есть ли индивидуальный стиль у региональных журналистов?

Остановимся на стиле обозревателя региональной общественно-политической газеты «Южноуральская панорама», Ирины Моргулес, журналиста с более чем с пятидесятилетним стажем работы, печатавшейся в газетах и журналах не только Южного Урала, но и в центральных.

Ее индивидуальный стиль определяется тематикой и жанровым своеобразием произведений, ярко проявляется в их лингвистических особенностях. Совокупность лексических, морфологических и синтаксических конструкций создает неповторимый авторский стиль.

В конце 2008 года вышла ее книга «Записки обжоры и другие зарисовки с натуры», куда включены выбранные ею публикации за последние годы. Весь материал подается от первого лица, поэтому наиболее частотным выступает местоимение «Я», например: «Для начала Я расскажу об одной женщине...» («Перед банкетом»), «Успокаиваю заранее всех завистников: в Нью-Йорке Я не была» («Мороженое на Бродвее»), то есть рассказ ведется самим автором, перед читателем предстает повествователь-автор, повествователь-герой. Действия персонажей показаны через восприятие автора, даны сквозь призму его видения того или иного явления. И везде прослеживается задушевность, теплота и любовь к описываемым героям. Это живые люди со своими достоинствами и недостатками. Очерки журналистики нельзя назвать анонимными: в каждом из них называются конкретные имена и фамилии, а это, по мнению В.А. Кухоренко, увеличивает смысловую емкость произведения [3].

Сама Моргулес утверждает: «Если ты пишешь об известном, о том, о чем пишут все, задача – найти что-то свое, свою точку зрения, чтобы читатель запомнил. Журналист должен показать свое видение, чтобы читать было интересно».

Эту установку можно считать программной, т.к. ей подчинено все творчество журналиста. Она постоянно «ищет что-то свое», показывает «свое видение». В качестве ее находки можно назвать эксперименты с жанром интервью. Жесткое советское интервью она делает «человеческим», «живым», с этой целью проводится и записывается интервью по типу телевизионного в режиме реального времени, т.е. в тексте имеются оговорки, повторы, недосказанные мысли и т.д.

Перед читателем предстает реальный человек с неподготовленной речью, по параметрам которой можно определить статус собеседника. При этом, как заявляет сама Ирина Моргулес, она не любит интервью, посвященных юбилеям.

Интересны и необычны сами ее собеседники: это родившийся в Польше и работавший вольнонаемным в годы Отечественной войны в Красной Армии неграмотный рабочий, ставший впоследствии шофером, а ныне пенсионер. Но он, по ее мнению, был талантливым рабочим. («Отвез Утесова на трехтонке»). Это мигрант, ставший бомжем («Человек из перехода»), это лаборантка кафедры инженерного факультета («Килька в томате») и т.п.

В начале своего творческого пути И. Моргулес очень любила писать театральные рецензии, но, по ее мнению, «не каждый спектакль достоин рецензии». В настоящее время она объединяет рецензию и интервью в одно целое, и это тоже говорит об индивидуальности ее стиля.

В качестве любимых жанров И. Моргулес называет путевые заметки, репортажи. Любит статью как жанр, так как в ней всегда присутствует размышление о жизни. Например, в статье «Школа назад» она пишет о школе, которая должна быть консервативной, мало изменяться, так как есть вековой опыт образования, есть комплекс знаний, школа должна быть человеческой.

Есть у нее статьи, посвященные предвыборным кампаниям, культуре, но она никогда не писала на экономические и политические темы, потому что не чувствует себя специалистом в данных вопросах. Есть у нее несколько фельетонов, которые вызвали большой резонанс, так как были написаны по конкретному поводу.

Если говорить о лингвистической составляющей ее творчества, то можно отметить яркие и сочные эпитеты: *невероятный красавец, классическая русская красота, яркая внешность, отличный ученик, широкая улыбка, ликующая толпа, потрясающие впечатления*, обилие оценочной лексики, например: *грустно констатирует, трагические события, враждебные отношения, спокойная доброжелательная вежливость, благополучные страны, публика разношерстная и любопытная, лицо расцвело улыбкой, жалкие пожитки и т.д.*

При создании речевой экспрессии в материалах И. Моргулес используются оригинальные сравнения, метафоры, различные стилистические фигуры, которые встречаются не только в текстах, но и в заголовках, например: *«Партийные боровички», «Котлета от червовой дамы», «Рагу из месье Жискара», «Скрещенья судеб» и т.д.*

Из стилистических средств морфологии очень часто журналистика употребляет местоимение *Мы* в инклюзивном значении: *«Но мы с вами сегодня попросим Руссинову рассказать о своих корнях...»*, переносные значения форм повелительного наклонения: *«Но и пытайся она узнать в свое время...»*, *«Это спокойная доброжелательная вежливость куда больше, чем вражда, столкнись я с нею...»*, *«Видишь: свежий след от пули. По нам стреляли. Попади в бензобак...»*.

В текстах И.И. Моргулес широко представлены и синтаксические экспрессивные средства, в том числе парцелляция, вопросно-ответные комплексы, риторические вопросы и восклицания, например: *«Наши предки отдавали нам себя по частицам, надеясь, что мы будем лучше их. И поэтому каждый из нас уникален. Чем и ценен», «Откуда у девочки, родившейся в Пензе в семье инженера, эти тяжелые богатые волосы русого с медовым отливом цвета? От русских корней? А зеленые глаза, что напоминают они? Волны южных морей или волжскую гладь?»*, *«Сколько поколений самых разных людей вносят по кирпичику свою лепту в созидании каждого из нас!»* [«Южноуральская панорама». 2009. 2 июля].

Показательным в материалах журналистики является использование предложений, заканчивающихся многоточием, этот знак используется как сигнал недоговоренности, читатель приглашается к размышлениям, это так называемая фигура умолчания: *«Грустно констатирует, что от крутых поворотов судьбы, трагических событий ни дворянское, ни крестьянское происхождение не спасли...»* [ЮП. 2009. 2 июля]. *«Как едят французы! Как будто любовью занимаются...»* («Рагу из месье Жискара»).

Вводные и вставные конструкции в текстах И.И. Моргулес определяют отношение автора к сообщаемому, вносят дополнительную информацию и эмоциональную оценку в предложение, например: *«А тут из ворот выезжает серенький небольшой автомобильчик типа «Ситроен» (я в них не разбираюсь)»*... *«Майское утро в Париже (с ума сойти!)»*... («Рагу из месье Жискара»).

Из средств поэтического синтаксиса для достижения выразительности часто использует журналистка анафору: *«Да, наши мечты были наивны. Да, испытаний<...>было сверх нормы. Да и продолжаются они»* («Пикник на обочине»). *«А здесь уж такая экзотика»*... *«А параллельно вызревала ярославская линия»*. *«А жену его звали Клеопатрой Артемьевной...»* [«Южноуральская панорама». 2009. 2 июля].

Кроме того, данные конструкции с начальными союзами, которые не выполняют своих обычных грамматических функций, носят разговорную окраску, что является излюбленным приемом И. Моргулес.

Одной из основополагающих черт индивидуального стиля журналистики является наличие интертекстуальности, заключающейся в обильном цитировании, отсылках к текстам мировой литературы. Например: «*Наша молодость прошла в культовом поклонении Хэмингуэю и Ремарку. А помните, что пьют герои ремарка, это потерянное поколение?*» («Рагу измесье Жискара»), «*Выяснилось, что я совершенно не азартна. Ставила осторожно на третье поле, словно руководствуясь логикой пушкинского Германа...*», «*Вернемся к Чехову. В «Трех сестрах» Чебутыкин и Солёный спорят...*» («Зеленое яблоко аниса»).

Она широко использует поэзию, цитирует поэтов XIX-XX вв.: *И на сцене был действительно «чистейшей прелести чистейший образец», при этом ещё и стилизацией занимается: «На презентации издания я прочла моему другу (С. Васильев, фотожурналист. – Н. П.) такие строчки:*

*Васильев, я была моложе,
Я лучше, кажется, была.
Мы были рядом. Ну и что же?
Другие ты снимал тела...» («На фоне фуршета»)
И так шесть четверостиший.*

Или: «*Как-то, чтобы поздравить подруг, получивших звание «Заслуженных работников культуры РФ<...>» написала стихи в стиле незабвенного акына Джамбула Джабаева:*

*Не ведают зулусы или буры
Заслуженных работников культуры,
Их ценят здесь, от Бреста до Амура,
Заслуженных работников культуры...»* и т.д. («Кусок хлеба в зубы, и – вперед»).

Итак, мы видим, что журналистские тексты И. Моргулес рассчитаны на образованного читателя.

В целом же, по мнению журналистики, речь должна быть приближена к разговорной, т.к. идет диалог с читателем, отсюда у нее большое количество разговорных, а иной раз и просторечных слов: *голубоглазый белобрысик, тамошние театры, киношной красоты, деньгу гнать, поплохело, из нашенских, шастала, закусон и т.п.* Но все это не выходит за рамки хорошего речевого вкуса И.И. Моргулес.

В настоящее время в своей газете «Южноуральская панорама», издании правительства и Законодательного Собрания Челябинской области, И. Моргулес ведет рубрику «Связь времен», где ее статьи чередуются с эссе. В материалах рассказывается о выдающихся личностях Челябинска.

В текущем году Ирине Израилевне исполняется 75 лет, но она по-прежнему много курит и много пишет, а журналистское сообщество сожалеет о том, что нет ее достойных последователей, кроме сына Дмитрия, который уже много лет работает в журналистике и тоже имеет свой индивидуальный стиль.

Библиографический список

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2005.
2. Коньков, В.И. Индивидуальный стиль / В.И. Коньков // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: материалы межвузовской научно-практической конференции. – СПб.: Роза мира, 2006.
3. Кухоренко, В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухоренко. – М., 1988.

[К содержанию](#)

УДК Ш4/5

ББК 821.161.1-31

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ЦИКЛЕ А. КАБАКОВА «МОСКОВСКИЕ СКАЗКИ»

Е.В. Пономарева

На основе анализа поэтики произведения А. Кабакова «Московские сказки» делаются наблюдения за принципами трансформации литературной сказки как специфической художественной модели действительности. Делаются выводы о своеобразии преломления истории сквозь призму малой прозы, объединенной в авторское циклическое единство. Цикл А. Кабакова рассматривается как в контексте авторской художественной манеры, так и шире – в контексте национальной и мировой гротескно-сатирической традиции.

Ключевые слова: жанр; литературная сказка; поэтика; цикл; историзм; игра; гротеск.

Цикл А. Кабакова «Московские сказки» [1] сразу после выхода в свет в 2010 году привлек внимание как читательской, так и профессиональной литературной аудитории. Произведение вошло в шорт-лист премии «Большая книга» и было удостоено премии им. И.А. Бунина. Несколько переизданий, читательский успех книги обусловлены целым рядом объективных факторов: опорой на органичную для восприятия форму малой прозы, облеченную в модель литературной сказки; сочетанием глубокой и

серьезной авторской концепции действительности и гротескно-игрового способа ее воплощения, предполагающего высокую долю условности изображения, занимательность сюжета, причудливое переплетение мотивов и смешение разного рода оппозиций (сакрального и профанного, высокого и низкого, трагического и комического; жизни и смерти и др.). Такая свобода, безграничность художественного мира не терпит ограничения жесткими жанровыми границами: выход за пределы канона заявлен уже в заглавии, где наряду с жанровым обозначением сказки маркирована форма рассказа [1], что, впрочем, также имеет серьезную степень условности, так как знакомство с каждым из произведений, входящих в цикл, заставляет читателя и исследователя задумываться о том, с каким явлением он сталкивается – с рассказом, оформленным по модели сказки, или со сказкой, «подражающей» рассказу, основанной на атмосфере рассказывания, опирающейся на фигуру рассказчика, выступающего в качестве некоего демиурга, вмешивающегося в сюжет, перебивающего фабульные ходы собственными размышлениями, дающего открытые оценки, подсказывающего модус интерпретации характеров и обстоятельств, самой исторической действительности.

Гибкость художественной модели позволяет сконструировать уникальный образ мира, претендующий в то же время на универсальность: повторяемость, параллельность человеческих судеб, ситуаций и исторических сюжетов, корни которых кроются в национальном укладе, национальном характере, привычках и жизненных приоритетах нашего соотечественника, попадающего в ситуации испытания, организуют своеобразные расширяющиеся концентрические круги, позволяющие поместить частную ситуацию в контекст большой истории, оценить происходящее в координатах мифологии; расширить локус изображения от столичного (заявленного в заглавии) – до широкого исторического контекста.

Попытка постичь подобные художественные модели, всегда закономерно рождают вопросы о том, насколько действенными и жизнеспособными оказываются элементы «генерального», базисного жанра и каков смысл обращения к столь далеким от реальной истории условным жанровым формам? Ответ на эти вопросы кроется не только в использовании формальных особенностей сказки как жанрового конструкта, но и в первую очередь в ее оценочном, глубинном концептуальном потенциале, который и понимается в данном случае как «память жанра» [2]. Рассматривая поэтику литературной сказки 1920–1980-х годов, М.Н. Липовецкий констатирует, что «сквозь сказочный мир проступают черты мифологического универсума, представляющего бытие как единый, целостный и гармоничный миропорядок» [3, с. 153]. И в то же время исследователь отмечает, что размывание сказочных границ, трансформация жанровой модели наступает, как правило, в эпохи исторических смещений, кризиса, когда «фундаментальная для литературной сказки система нравственно-эстетических

координат оказывается узкой и недостаточной для решения острейших социально-этических проблем, выдвинутых самой исторической реальностью» [3, с. 153]. Такая «недостаточность», казалось бы, универсальной оценочной системы координат, диктует автору необходимость расширения контекстуального пространства: не ограничивая себя пределами мифологического контекста, А. Кабаков выстраивает образ истории на сложном соединении целого ряда традиций и пратекстов.

Создавая образ Москвы и России нулевых, автор помещает ее и в другой оценочный смысловой контекст – этико-смысловое пространство русской классики (в тексте много аллюзий к творчеству Достоевского, Лермонтова, Чехова и других писателей, пытавшихся постичь тайну русской души, особенности русской соборности). При этом, исходя из изображаемых исторических реалий и специфики населяющих это историческое пространство героев, ни одна из моделей не срабатывает напрямую, за исключением гротескно-сатирических, восходящих к творчеству Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина и М.А. Булгакова. Автор транспонирует в свой текст как отдельные художественные приемы, способы конструирования образов (москвичи живут в Москве по законам, очень напоминающим глуповские в «Истории одного города»), стилистику (целый ряд фрагментов, особенно лирические отступления, безусловно, воскрешают гоголевский стиль), так и целый ряд ключевых, знакомых из произведений великих предшественников, сцен (сцена воскрешения мертвецов на Красной площади в рассказе «Из жизни мертвых» реконструирует знаменитый булгаковский «Бал сатаны»). В то же время страх в этой карнавально-фантазматической действительности вызывает не мистика, а аномальная реальность, утонувшая в аферах, пирамидах, погрязшая в обмане и самообмане, предательстве, подлости, праздности, приспособленчестве и вседозволенности, каждый раз подходящая, казалось бы, к предельной черте и готовая разрушиться как печально знаменитая Вавилонская башня («Проект “Бабилон”»).

Одним из разрушителей сказочной атмосферы становится сам автор, находящийся со своими героями в едином историческом и смысловом пространстве, что удваивает читательское доверие к человеку, оценивающему историческую действительность изнутри нее самой, не отделяющего себя от тех, о ком он рассказывает, но и не ставящего себя с ними на одну ступень, оставаясь при этом человеком, выносящим жесткие оценки, иногда звучащие как суровый приговор.

Образ истории конструируется на нескольких уровнях и предстает как объемная модель: большая история, складывающаяся из соединения конкретно-исторического и мифологического контекстов; история жизни отдельного поколения, вплетающаяся в жизнь потомков и предков; частные исторические события, реалии исторической действительности, являющиеся частью истории героев (ГУЛАГ; печально знаменитый пятый пункт

анкеты; сбитый южнокорейский «Боинг»; октябрьская революция; война в Афганистане и др.). Однако читателя, бесспорно, захватывает не столько обращение к реалиям прошлого, сколько возможность узнать себя в настоящем, прочувствовать пульс исторической повседневности, которая отличается предельной узнаваемостью, запротоколированной «точностью» при всей ее фантазмагорийности. Не случайно практически каждый зачин максимально отклоняется от сказочной атмосферы и пишется, скорее, на причудливой смеси «изустно-баечного» и протокольного языка милицеских сводок, принимающего форму жанрового вкрапления и наиболее подходящего, органично воссоздающего характер изображаемых событий и героев. Несказочная действительность «провоцирует» несказочный стиль: «Впервые он был замечен около одиннадцати часов вечера (в протоколе было записано так: «В районе 23:00 ночи...») на Кутузовском проспекте.

Стоял январь, снежные змеи ползли по уже пустоватой в это время суток правительственной дороге, лень заменять более русским словом, да разве и это еще не сделалось русским? – сошел практически на нет, лишь изредка пролетали в направлении знаменитых пригородов автомобили самых дорогих марок и моделей да упрямо тащился неведомо куда одинокий четыреста двенадцатый «москвич» с кривым, нагруженным всякой дрянью багажником на крыше, дрожавший на морозе всеми крыльями и полусонно моргавший грязными фарами. <...> Трагический герой происшествия, которое спустя небольшое время случилось – или случая, который произошел? – в этих краях, двигался в сторону области в крайнем левом ряду, нарушая скоростной режим и еще ряд ПДД, а именно ехал, собственно говоря, даже не в левом ряду, а по резвой полосе, с включенным проблесковым маячком, на каковой не имел установленных правилами документов, находился в состоянии алкогольного, а также наркотического опьянения и видал всех на...» [1, с. 7–8].

Первый, ключевой, рассказ выполняет роль экспозиции, настраивающей на характер событий, погружающей в современный исторический контекст и знакомящей с героями последующих рассказов. Именно здесь эпизодически появляются Володичка Трофимер – депутат, прогрессивный юноша, владелец ночного клуба; дается краткая история жизни Олеси Грунт, по девичьей фамилии Терebilко, приехавшей «лет шесть тому назад в столицу России из курортного города Феодосии» [1, с. 27], политика N [1, с. 30], Тимофея Болконского – «клипмейкера, политтехнолога, держателя ресторанов и мастера экстремального спорта», главы «чудесной многодетной семьи, с которой он фотографировался для журналов домашнего быта» [1, с. 31], лейтенанта милиции Профосова Н.П. и др. Смещение обыденного и реального, экстраполирующееся на стиль, становится устойчивой языковой метой «Сказок»: «А на пересечении Рублевского шоссе с Московской кольцевой автомобильной дорогой дежуривший там сотру-

ник Государственной инспекции безопасности дорожного движения старший лейтенант милиции Профосов Н.Н. примерно в двадцать три часа пятнадцать минут того же вечера заметил движущийся с большой скоростью автомобиль «Фольксваген Пассат-вариант». Госномеров инспектор зафиксировать не смог, так как был ослеплен идущим изнутри машины ярким голубоватым светом, но не успел в этом свете заметить, что салон совершенно пуст, то есть водителя нет буквально никакого» [1, с. 19]. Гротескность ситуации столкновения московского гаишника Профосова Н.П. с машиной мертвецов оттеняется гротескным столкновением стилистических фрагментов, предельно отстоящих друг от друга. Четкость, четкая очерченность, заскорузлость протокола сталкивается со сказочной условностью, переходящей в предельную неопределенность, оконтуренную сказочным флером, неожиданно перерастающего в ироничный риторический вопрос: «Как впоследствии сложилась судьба этого человека, неизвестно, т.е. из органов-то он уволился, это точно, потому что не мог вынести недоверия товарищей к своему рассказу, а куда потом устроился и чем теперь живет, никто достоверно не знает. Были слухи, что иногда в лунные ночи появляется на том самом месте, где погибла душа Профосова, гаишник, от которого исходит голубое свечение, и что в руках у него вместо полосатой палки крупная берцовая кость, но это, конечно, чушь. Кто бы это позволил на особо режимной трассе стоять таким гаишникам?» [1, с. 19–20]. Подобная закономерность подтверждается буквально в каждом зачине, выступая в роли одного из циклообразующих факторов, придающих произведению характер жанрово-стилистического единства: «В некоторой префектуре затеяли поставить дом по адресу: улица Петрова, владение 3» (рассказ «Проект “Бабилон”»).

Гротескное соединение сказочной интонации, характеризующей образ жизни героев, с включением характерных для этого стиля лексических оборотов, связанных с атмосферой рассказывания, – с иронией, контрастными стилевыми элементами, называемыми «нехудожественные» реалии повседневности (предельная точность хронотопа, отсутствие неопределенности, условности пространства и времени, точные снижающие, подчеркнуто-бытовые подробности), растворяющие сказочную атмосферу детали – устойчивая черта цикла. Снижено и само жизненное целеполагание поступков героя, их смысл, отличающийся от сказочного, но вписывающийся в социально-исторический. Жизнеописания героев также окрашены «антигероическим» пафосом. Такие фрагменты, связанные с той или иной исторической фигурой по сути являются способом реконструирования типичной социально-исторической и этической моделей действительности: «Служил генерал-майор Печко (у современника писателя рождается ассоциация с маршалом Гречко – Е.П.) тогда в знаменитой и незабвенной ГСВГ, то есть в Группе советских войск в Германии, в городе Вюрнсдорфе. Ну все как положено: (1) ездил с инспекциями по частям и подразделе-

ниям, отчего каждое утро мучился изжогой, (2) покупал в военторге недорого фарфоровую посуду коробками, (3) ждал неизбежного перевода – с повышением, конечно, – в Забайкалье, потому что надо и честь знать, уступать место тем, кому очередь пришла... Словом, жил, как и следует военачальнику, герою и победителю. Так бы и жил, но однажды сделался он из инспектировавшего инспектируемым» [1, с. 237].

Ироническое отношение к истории пронизывает все без исключения сюжетные линии. Попытка постичь неудачи настоящего в корнях, уходящих в далекое прошлое, также способствуют гротескно-ироническому воссозданию исторического контекста: «Фамилию Ваня унаследовал не от великого публициста-демократа, памятного всем образованным русским людям своею шкиперскою бородой в виде бахромы, а непосредственно от отца, Добролюбова Эдуарда Вилоровича, офицера внутренних войск (когда-то называвшихся войсками МГБ), отслужившего календарных двадцать пять лет (а с льготными больше тридцати) и ушедшего в запас с должности коменданта отдельного лагпункта майором. В свою очередь Эдуард Вилорович получил фамилию по отцу Вилору (Владимир Ильич Ленин – Октябрьская Революция) Мефодьевичу Добролюбову, из крестьян Пермской губернии, член ВКП(б), последний пост-секретарь районного исполнительного комитета, 1903–1937, реабилитирован в 1958-м. А в той деревне, где родился Колька Добролюбов, впоследствии сознательно взявший современное имя Вилор, все вообще были Добролюбовы...

Достойное происхождение совершенно не помешало Добролюбову И.Э. с ранней, еще даже не комсомольской, а пионерской юности встать на скользкий путь личной наживы» [1, с. 50].

Отношение к истории, попытки понять причины ее «невысокого характера», трагической повторяемости ошибок и заблуждений – параметры, определяющие систему авторских оценочных координат, – заложены уже в зачине рассказа «Восходящий поток», демонстрирующем логику обратности, абсурдизации не только действительности, но и ее оценки самими людьми, позиция которых выразительно озвучивается автором-рассказчиком: «Человечество вообще дурью мается. Что стреляют, рвут на куски, головы отрезают и ими в футбол гоняют, ладно. Война. За священное дело независимости, за веру верную, за трубу мазутную, за любимого президента-вождя-эмира, выродка и мразь, – так всегда было и (стыдно говорить, но ведь правда!) всегда будет. Мерзки дела наши пред Господом, люди мы» [1, с. 65].

В произведении присутствует и откровенная десакрализация мифов «высокой истории», принципом конструирования которой является наложение исторического мифа на известный сказочный миф. Одним из ключевых образов является образ Ленина, который называется «упырем», наделяется «ястребиною лапой». Жутким и отталкивающим выглядит и «мавзолейный портрет» вождя, оксюморонно звучащий в контексте «спящей красавицы».

Таким образом, анализ исторического пласта «Московских сказок» А. Кабакова позволяет прийти к заключению о том, что писатель не разрушает сказку как жанр, не окончательно разрывает связи с фольклорной традицией, при, казалось бы, максимальном отклонении от нее (заключающегося уже в том, что реальная история сложно совмещается с жанром сказки), а, «дает ей вторую жизнь, обнаруживает в ней скрытый, неиспользованный художественный потенциал» [4], затевая со сказочным жанром сложную, гротескную фантасмагорийную игру.

Библиографический список

1. Кабаков, А.А. Московские сказки: рассказы / А. Кабаков. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 380 с.
2. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. – М., 1972. – С. 178–179.
3. Липовецкий, М. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х г.) / М. Липовецкий. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 184 с.
4. Зусман, В. Литературная сказка / В. Зусман, С. Сапожников // Литературная учеба. – 1987. – № 1. – С. 228.

[К содержанию](#)

УДК 821.161.1-1(470.55)

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК «ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ»

Т.Ф. Семьян

В статье описаны художественные особенности челябинской поэзии в контексте проблемы локального текста. Региональная литература является полноценной частью общехудожественного пространства современной культуры. Региональная литература накопила достаточный опыт для того, чтобы его можно было обобщить и систематизировать; этот большой корпус текстов требует системного, методологически адекватного анализа и интерпретации.

Ключевые слова: локальный текст; региональный текст; уральское поэтическое движение.

Современная наука понятие локального текста традиционно изучает в рамках исследования феномена городской культуры и трактует как систему ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых образов, сюжетов и поведенческих практик, связанных с определенным городом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с этим городом.

Феномен локального текста необходимо осмыслить в широком значении, включить в поле исследовательской деятельности изучение явлений, актуализированных изменившимися реалиями, и изучить также феномен «регионального текста», который, как показывает литературная практика, сформировался к настоящему моменту в современной культуре различных регионов нашей страны и отражает актуальное состояние общества.

Региональная литература стала полноценным участником общего культурного и литературного процесса, представляет отечественную литературу на мировой уровне, отвечает современной стилистике, ритмам и вызовам времени. Региональная литература накопила достаточный опыт для того, чтобы его можно было обобщить и систематизировать, большой корпус текстов требует системного, методологически адекватного анализа и интерпретации.

Изучение регионального текста особенно важно для осмысления литературной ситуации Урала – региона, исторически являющегося центром евразийской культурной интеграции, богатая природа которого вдохновляла многие поколения писателей и поэтов.

Последние годы стали говорить о таком явлении как *уральская поэтическая школа*, которая складывается из региональных литератур так называемого Уральского треугольника – Екатеринбурга, Перми и Челябинска.

О появлении этого культурного треугольника критики пишут: «В конце 80-х годов прошлого века была создана ось Пермь – Свердловск. И у пермских, и у свердловских поэтов, связанных с местными художниками и музыкантами, было в силу этих обстоятельств много больше, чем обычно, точек соприкосновений. /.../ На первом этапе о роли Челябинска в этом движении говорить нечего. /.../ В 1996 году Челябинск после ряда культуротворческих и поэтических инициатив превратил «ось» в «треугольник», углы которого вбирали в себя не только Пермь – Екатеринбург – Челябинск, но и другие города Урала» [1]. Хронологические границы феномена уральская поэтическая школа определяют с 1981 года по настоящее время.

Имена всех известных уральских поэтов сложно перечислить. Иногда поэты меняют местожителство. Например, поэт Борис Рыжий родился в Челябинске, но жил и умер в Екатеринбурге; Виталий Кальпиди живёт в Челябинске, а учился в Перми. Поэты активно общаются, выступают на одних фестивалях, участвуют в одних конкурсах, поэтому закономерно возникает общая поэтическая интонация, свойственная географическому региону.

Об уральской поэтической школе одни утверждают, что ее не существует, другие – что не следует относить к ней всех подряд стихотворцев, имеющих отношение к Уралу. Критик Борис Кутенков пишет: «Ясно одно: классификация здесь возможна не столько по территориальным, сколько по эстетическим признакам – хотя топос, безусловно, оказывает влияние на поэтический почерк» [2].

Характеризуя феномен современной уральской поэзии один из самых известных челябинских (и не только) поэтов Виталий Кальпиди сказал, что название уральская поэтическая школа следует считать произвольным и необязательным. На самом деле это конечно не школа, поскольку некоторые авторы действительно к ней относились, а другие отталкивались, тем самым создавая более объёмный контекст. Весь этот процесс следует называть Уральским поэтическим *Движением*, которое аккумулирует в себе поэзию целого региона. По мнению В. Кальпиди, массовость и качество поэтической культуры, которую демонстрируют поэты Уральской поэтической школы, не имеют прецедента. Среди причин такого всплеска поэт и литературный организатор называет наличие когорты культуртрегеров, которые своей деятельностью инициировали, сохраняли и культивировали частные поэтические инициативы, тем самым делая процесс культурного строительства необратимым. Важно, что роль этих культуртрегеров брало на себя не государство и прочие институты, но сами поэты. Именно им мы обязаны тем, что Урал сегодня имеет не менее 30 великолепных поэтов и ещё столько же молодых авторов, готовых со временем встать в их ряды.

Известный пермский учёный, исследователь уральской литературы, лидер научного направления «Изучение культурного наследия Пермского края в символическом, системном и прагматическом аспектах» Владимир Васильевич Абашев в своих воспоминаниях об уральском литературном андеграунде рассказывал, что когда в 1994 году проходила конференция «Пермская поэтосфера», там выступал известный стиховед Юрий Борисович Орлицкий, который сказал следующее: «Вы, ребята, конечно, гордитесь тем, что у вас здесь происходит, но на самом деле это калька с процессов, которые происходят во всех других местах». Абашев далее говорит: «Мне это тогда не понравилось, конечно. Мои патриотические чувства были задеты, мне хотелось верить: то, что делается в Перми – это уникально, не похоже ни на что. И уж куда там всем остальным. Теперь я все больше и больше понимаю, что во многом он был прав /.../ структурно /.../ прав, потому что поэтический процесс, хотя и шел разными темпами, но в чем-то однородным был повсюду. И функционально выделялись какие-то роли в этом процессе литературном, которые тоже повторяли друг друга [3]. Эти слова Владимира Васильевича Абашева являются не критикой региональному, так сказать «квасному» патриотизму, но доказывают мысль о том, что региональные авторы улавливают общие литературные тенденции, могут быть полноценными участниками литературного процесса, формировать панораму современной отечественной литературы.

Об этом же говорил Виталий Кальпиди на презентации уникального издания «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа», изданного в 2013 году. Это шестисотстраничная книга, с биографическими сведениями о 131 уральском поэте, иллюстрированная фотографиями, содержащая краткую филологическую справку.

По замыслу создателей эта книга завершает процесс документирования современной поэзии Урала. До этого был реализован трёхтомный проект «Антология современной уральской поэзии».

Представляя энциклопедию в своём родном городе Челябинске (до этого были презентации в Перми, в Екатеринбурге, в Каменск-Уральском), Кальпиди как автор проекта и главный редактор издания сказал, что именно эта непростая и многофункциональная работа позволила по-новому взглянуть на цементирующую роль региональных культур в формировании общероссийского культурного космоса.

Современная челябинская поэзия складывается из творчества писателей трёх поколений.

Среди представителей старшего поколения выделяется Николай Федорович Болдырев – поэт, прозаик, переводчик, переводивший с немецкого, польского, английского, в том числе стихи и прозу Р.-М. Рильке, Ф. Гёльдерлина, Г. Гессе, Л. Стаффа; прозу С. Киркегора, Новалиса, М. Хайдеггера; эссеист, написавший книги о Василии Васильевиче Розанове, Андрее Тарковском. В 1997 г. Николай Федорович первым из южноуральцев стал номинантом Букеровской премии за книгу эссе «Ностальгия по пейзажу».

Творчество Н. Болдырева характеризуется философскими мотивами, пейзажными образами, традициями японской поэзии. Основная интонация поэзии Н. Болдырева неторопливая, медитативно-созерцательная. Его стихи это философское осмысление жизни.

Другая стратегия творчества представлена в поэзии Яниса Грантса – представителя среднего поколения, лауреата региональных поэтических фестивалей «Новый Транзит» (2006), «Глубина» (2007), «Человеческий голос» (2007), лауреат Первой независимой литературной премии «П» (Челябинск, 2009).

Особенности индивидуального авторского стиля Я. Грантса демонстрируют сознательное следование авангардным традициям русской литературы, игровой поэтике обэриутов, в частности Д. Хармса.

Я. Грантс активно работает в жанре поэтического видеоарта. Замечательные образцы этого вида искусства есть в творчестве Виталия Кальпиди, Константина Рубинского, авторов, представляющих младшее поколение – Ильи Кириллова, Евгения Горбачёва.

Второе поколение современных челябинских поэтов имеет и женское лицо. Нина Ягодинцева – член Союза писателей России, кандидат культурологии, лауреат премии имени П. П. Бажова, лауреат Литературного конкурса имени К. М. Нефедьева, автор восьми поэтических книг. Важно заметить, что когда поэт и редактор журнала «Воздух» Дмитрий Кузьмин отбирал для регионального номера поэтов, то в числе затем опубликованных была и Нина Ягодинцева, как представитель, по безусловно авторитетному мнению Кузьмина, современной южно-уральской литературы.

Поэзия молодых местных авторов на сегодняшний день развивается достаточно продуктивно. Стереотип о том, что Челябинск – город производства, лишенный культурной среды, не состоятелен. В Челябинске (и местном регионе) существует большое число литературных объединений: «Студенческий Парнас», «Взлетная полоса», «Светунец», «Серебряная высь», «Поэтическая среда», «Подводная лодка», «Вдохновение», «Алые паруса» и др. Молодые поэты имеют возможность оттачивать литературное мастерство, а также участвовать в различных конкурсах, семинарах (как местных, так и общероссийских, международных), публиковаться в литературных изданиях, выпускать собственные сборники. Регулярно в городе проходят литературные вечера и поэтические чтения, квартирники в актуальных для молодежи общественных местах проведения отдыха (антикафе «New Time», кафе «Запятая», бар «Потерянное общество», галерея «ОКНО», галерея «10'06» и т.д.).

В начале 2013 года в литературной жизни Челябинске произошло важное событие, которое не только активно обсуждается в настоящий момент, но будет иметь отклик в отдалённом будущем. Был издан сборник молодых челябинских поэтов – обладателей престижных литературных премий, как регионального, так и общероссийского значения. Сборник назван строчкой «На достаточных основаниях», взятой из стихотворения одного из авторов – Андрея Черкасова; составителем сборника явился челябинский поэт Янис Грантс, который много делает для формирования литературной среды Челябинска, работает с молодыми авторами. Среди них те, чьи имена известны уже и столичной аудитории. Например, Дмитрий Машарыгин был приглашён в программу «Вслух», которую ведёт на канале Культура известный литературный организатор Александр Гаврилов.

Дмитрий Машарыгин отличается особой выразительностью поэтического дара, который неоднократно был оценен престижными литературными премиями. В 2007 году Дмитрий Машарыгин вошёл в лонг-лист одной из самых значимых премий «ЛитератураРентген» в Главной номинации, в 2008 году – в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Поэзия», в 2009 году – уже в шорт-лист этой же премии.

Поэзия Дмитрия Машарыгина отличается медитативной интонацией, медитативным течением мысли, этому способствуют лексические повторы, использование возможностей длины строки, чем и достигается ритмическая плавность:

равнины равнины я плачу во тьме над тобой
ты трогаешь дерево будто бы всё ещё видишь
глазами законченный облик как бога любовь
ты видишь ты всё ещё видишь ты видишь ты – видишь.

У каждого из поэтов, чьи стихи изданы в сборнике «На достаточных основаниях», уже сформировался индивидуальный словарь поэтических образов, в стихотворениях Дмитрия Машарыгина это пространственные

координаты – поле, равнина, небо. Пространственный континуум стихотворений дополнен мотивами быстротечности человеческой жизни, старения («стариться стариться в час по часу /в поле одном»). Конкретные образы в контексте стихотворений Машарыгина («дождь и трава/ камни и души цветы и небо»), парадоксально соединяясь с союзами (как бы), местоименными прилагательными (чья-то) и неопределёнными местоимениями (кто-то) со значением неконкретности, условности оставляют ощущение загадочности, суть которой в самом ощущении тайны поэтического слова.

В заключение следует сказать, что научные перспективы освоения региональной литературы связаны с изучением обобщающих проблему феноменов – регионального текста и городского текста. Эта деятельность выходит за рамки только литературной, что демонстрирует творчество таких мегапопулярных сейчас уже за пределами региона рэп-групп, как ОУ-74 и Триагрутрика, которые читают тексты, ярко демонстрирующие поэтику городского текста, с упоминанием местной топонимики, названий городских улиц, районов, реалий, составляющих местный колорит, и иногда понятный только жителям города. Как, например, в тексте с «локальным» названием «Провинция моя» из альбома группы Триагрутрика «Вечерний Челябинск»:

Провинция моя –
Вечерний Челябинск.
Помню СВ окраины.
Но не суть в названиях.

В новейших исследованиях поэтики локального текста пишут, что «для рассмотрения текста как локального требуется один, но весьма объемный знаменатель: локальный текст должен целостно отражать местную атмосферу бытия в слове» [4].

Библиографический список

1. Раков, В. Уральский треугольник: город как точка входа / В. Раков // Энциклопедия. Уральская поэтическая школа. Информационный арт-объект. – Челябинск: Десять тысяч слов, 2013. – С. 28.
2. Кутенков Б. ИД Олега Синицина / Б. Кутенков // Знамя. – 2012. – № 11. – <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/1/ku18.html>.
3. Маргиналы (уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы): литературно-художественное издание / авт.-сост. А.А. Сидякина. – Челябинск: Фонд Галерея, 2004. – С. 65.
4. Башмакофф, Н. Локальный текст, глосс памяти и поэтика пространства / Н. Башмакофф // История и повествование: сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 586.

[К содержанию](#)

УДК 659.44:004

РОЛЬ РЕКЛАМЫ В ПРОДВИЖЕНИИ ИТ-КОМПАНИИ

Т.С. Соловьева

С развитием Интернета у специалистов по продвижению товаров и услуг появляется все больше технологий и методов влияния на общественность. Продвижение в Интернете – это комплекс онлайн-мероприятий, являющихся, как правило, неотъемлемой частью общей рекламной кампании, направленных на оценку, поддержку и изменение информационной среды вокруг организации в Интернете.

Ключевые слова: информационные технологии; IT-кампании; реклама; продвижение товаров и услуг.

В последние годы реалии информационного века постепенно становятся социальной реальностью в нашей стране. Информационные потоки получили мощный импульс для развития благодаря непрерывному увеличению количества баз данных, компьютеров, человеческих ресурсов, привлеченных в сферу коммуникативной деятельности и технологий коммуникаций. Происходит глобализация средств массовой информации и коммуникации, трансформируется вся структура коммуникативного опыта человека. Современное состояние общества характеризуется повышением значимости и ценности информации, что актуализирует изучение процессов коммуникации в целом и рекламных технологий в частности. Информационная революция, обуславливающая развитие информационных ресурсов и глобальных компьютерных сетей, неизбежно ведет к усилению конкуренции между отдельными информационными ресурсами. В сложившихся условиях особую значимость для владельцев информационных ресурсов приобретают технологии и методы их продвижения. Продвижение информационных ресурсов имеет свою специфику, определяемую свойствами информации как продукта, технологией доступа к информации, а также динамикой развития глобальных компьютерных сетей. Высокая технологичность сферы информационных технологий обуславливает сложность организации рекламы.

Отечественный IT-рынок демонстрирует тенденции к дальнейшему успешному развитию. В условиях растущей конкуренции между технологическими компаниями состоятельность бизнеса во многом определяется эффективностью использования инструментов маркетинга и рекламы [1, с. 57].

Стремительное развитие информационных технологий (ИТ) приводит к тому, что компаниям выгоднее привлекать специализированные организации со штатом высококвалифицированных специалистов в этой области, чем создавать и расширять собственные специальные подразделения. При этом они ориентированы на то, чтобы за счет этих услуг получить конку-

рентное преимущество, повысить качество бизнес-процессов. За последние десять лет рынок предоставления информационно-технологических услуг (ИТ-услуг) выделился в отдельный сегмент в секторе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), и сегодня по темпам роста превосходит весь сектор. В целом, растет понимание того, что использование ИТ повышает конкурентоспособность компаний и принципиально изменяет архитектуру предприятий [2, с. 3–4].

ИТ (информационно-технологические, IT) услуги – это передача сторонней компании на обслуживание части непрофильных активов. ИТ-услуги это не только обслуживание и мелкий ремонт персональных компьютеров, ноутбуков и оргтехники, или сети в целом, а консультации компаний, подбор и поставка программного обеспечения, работа с пользователями и построение ИТ-инфраструктуры компании в целом. ИТ-услуги – это целый комплекс работ направленный на поддержание работы компании в сфере информационных технологий, направленный на бесперебойную работу коммуникаций, как внутри компании, так и с внешним миром.

Продвижение товара и услуги – это деятельность по планированию, претворению в жизнь и контролю за физическим перемещением материалов и готовых изделий от мест их производства к местам потребления с целью удовлетворения нужд потребителей и выгодой для себя.

Роль рекламы в продвижении товаров или услуг производителей переоценить невозможно. Многие бизнесмены пользуются благами цивилизации, а то каким образом они информируют о своем товаре, зависит от финансовых возможностей хозяйствующего субъекта. Многие предпочитают создавать свои сайты в сети Интернет, как визитки, так и традиционные интернет-магазины. Малый бизнес традиционно применяет такие виды рекламных средств, как стендеры, растяжки, листовки и срочная доставка курьером по городу. Многочисленные полиграфические студии с готовностью предложат различные варианты оформления тех же самых стендеров, которые бывают, как односторонними, так и двухсторонними.

Реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке. Реклама позволяет охватить широкие массы потенциальных покупателей и обладает низкими удельными затратами (на один контакт с покупателем), но высокими абсолютными затратами. Реклама является односторонним коммуникационным каналом и не носит персонального характера. Сущность рекламы может быть рассмотрена с точки зрения тех ролей, которые она играет в бизнесе и обществе [3].

Для организации рекламных мероприятий IT-компания может использовать собственное рекламное подразделение или внешнее рекламное агентство.

Этот этап планирования является одним из самых ответственных, поскольку на нем определяется степень и форма участия менеджера в реализации плана рекламной кампании. Как дальнейший процесс планирования, так и процесс реализации плана может быть полностью или частично делегирован рекламному отделу или рекламному агентству.

Для принятия решения об установлении ответственности менеджер и руководство компании должны представлять, какие преимущества и ограничения предлагает каждый из возможных вариантов.

Рекламные мероприятия в организации может осуществлять один из сотрудников организации. Это могут быть сотрудник отдела сбыта, заместитель руководителя организации, сам руководитель или специально назначенный сотрудник – менеджер по рекламе.

Непосредственное обращение к средствам рекламы может применяться в мелких IT-компаниях, при небольшом объеме рекламных мероприятий и/или при ограниченном использовании средств рекламы.

При постоянном обращении к средствам рекламы, увеличении используемых средств рекламодатель организует в своей структуре рекламный отдел.

На каждом этапе жизненного цикла товара необходим особый подход к рекламе. Необходимость в этом обуславливается тем, что экономическая и конкурентная среда изменяется в каждой фазе жизненного цикла, да и структура издержек производителя изменяется при переходе от фазы к фазе. В связи с этим, при планировании рекламной кампании нужно определять цели, методы и виды рекламного воздействия.

В России, на наш взгляд, полезна, в основном, реклама интернет-проектов в специализированных изданиях по вопросам сети Интернет, компьютеров и IT, бизнеса и финансов. Можно задействовать и наружную щитовую рекламу. Но вот реклама по телевидению в большей степени должна популяризировать саму среду Интернет, нежели рекламировать определенный проект. Иначе получается, что подавляющее большинство потребителей рекламы просто не понимают, о чем идет речь.

Работая с Интернетом, специалист по рекламе должен учитывать специфические законы и принципы, знание которых позволит управлять компанией с максимальной эффективностью. Правильно спланированная и реализованная рекламная акция в сети может принести пользу, сравнимую по отдаче с достаточно масштабной рекламной кампанией. При этом, как правило, проведение таких акций требует на порядок меньше средств.

Стремительное развитие Интернета привело к возникновению новых сфер бизнеса, а также новых типов продвижения. Появляются новые бизнес-модели и новые типы компаний, существование и продвижение которых невозможно без глобальной Сети. Одной из наиболее динамично развивающихся в настоящее время является сфера информационных техноло-

гий (ИТ). Так, в России насчитывается по разным данным около 15000 ИТ-компаний. Для компаний данного типа характерны: ведение бизнеса по модели «Software as a Service», превалирование интернет-продаж над другими видами распространения их продукции, выход на глобальные рынки.

Таким образом, необходимо отметить, что совершенствование интернет-технологий способствовало активному развитию рекламы в глобальной Сети.

Библиографический список

1. Гуров, Ф.Н. Профессиональные сообщества и ИТ-бизнес в России / Ф.Н. Гуров // Корпоративная имиджелогия. – 2011. – № 2. – С. 55–59.
2. Полухина, О.А. Статистический анализ развития регионального рынка информационно-технологических услуг: автореф. дис. ... канд. экон. наук / О.А. Полухина. – Ростов н/Д., 2012. – 235 с.
3. «О рекламе»: Федеральный закон от 22.02.2006 г. № 38 : [принят Гос. Думой 22 фев. 2006 г. : одобр. Советом Федерации 3 марта 2006 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 12.

[К содержанию](#)

УДК 821.161.1

ББК Ш141.2-3

МЕТАФОРА В РЕЧИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ПРИЕМ СМЫСЛОВОГО АКЦЕНТИРОВАНИЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Л.В. Супрунова

Метафора имеет особое значение в речевой практике преподавателя, так как она составляет основу речевых приемов доступного изложения материала. Использование ярких конкретных примеров для подтверждения основных положений высказывания акцентирует внимание. Студенты легче воспринимают основную мысль, метафора выполняет организующую функцию.

Ключевые слова: риторические средства; классификация метафор; речевая практика преподавателя; объяснительная речь; смысловое акцентирование.

В литературе, описывающей приемы доступного изложения материала, предлагаются различные термины для обозначения этого понятия: «речевой прием», «синтаксические фигуры», «стилистические фигуры», «риторические фигуры», «риторические приемы».

Речевые приемы доступного изложения материала – это особые речевые средства, с помощью которых преподаватель делает научные знания (понятия, факты закономерности) доступными усвоению студентов. Основу речевых приемов доступного изложения материала составляют лексические средства словесной образности (тропы) и синтаксические средства выразительности – риторические фигуры.

Приемы доступного изложения материала, используемые преподавателем условно можно разделить на несколько групп. К первой можно отнести приемы, в основе которых лежат риторические средства: метафора, олицетворение, фразеологизмы, сравнение.

Ко второй – синтаксические средства – фигуры речи: риторический вопрос, риторическое восклицание, введение вымышленной речи, повтор, аналогию.

Очевидно, что риторические средства можно отнести не только к приемам доступного изложения материала, но и к приемам смыслового акцентирования.

Приемы смыслового акцентирования являются традиционным объектом исследовательского внимания филологов.

В работе «О приемах смыслового акцентирования» В.П. Москвин цитирует И.И. Сушинского, дает следующее определение: «Акцентирование (лат. *accentus* – усиление, повышение голоса, ударение, в иных терминах – выдвигание, актуализация) представляет собой привлечение внимания адресата к коммуникативно значимым элементам речи» [6].

Рассматривая подробно данные теории, ученый отмечает, что «широкое понимание акцентирования приводит: 1) к отождествлению последнего с категорией выразительности (экспрессивности); 2) к невозможности ограничения фигур акцентирования от других приемов психологической манипуляции». При этом В.П. Москвин говорит, что «акцентирование в широком его понимании является не более чем туманным теоретическим конструктом» [6].

Мы опираемся на концепцию А.Н. Васильевой, которая определяет акцентирование как «намеренное нарушение языковой нормы и предлагает список этой категории. В него входят метафора, синекдоха, лексический повтор, лексико-синтаксический повтор, метонимия, сравнение, метафорические эпитеты и другие средства. [7].

А.Н. Васильева отмечает, что «актуализация может осуществляться без заметных отклонений от речевых норм исходного языка» [4].

Мы, вслед за А.Н. Васильевой, риторические средства, в частности метафору, рассматриваем в качестве приемов смыслового акцентирования, которые можно использовать на занятиях.

Проследим историю развития теории метафоры, чтобы убедиться в том, что это риторическое средство необходимо использовать в объяснительной речи преподавателя.

Исследования в теории метафоры начаты Аристотелем и, таким образом, насчитывают более двух тысяч лет. Занимаясь проблемами поэтики и риторики, Аристотель рассматривал метафору только как фигуру речи, но не говорил о метафоре как об индивидуальном языковом явлении: «Всякое имя бывает или общеупотребительное, или метафора, или украшение, или вновь составленное, или растяжённое, или сокращенное, или измененное» [1]. Сам Аристотель, настаивая на том, что в рассуждениях следует избегать пользования метафорами, высоко ценил их как способ описания не того, «что было, а того», «что могло быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости» [1].

Долгое время употребление метафор считалось невозможным для языка науки, из-за недопустимости появления неточностей, связанных с двусмысленностью.

Эта точка зрения начала пересматриваться в XX-м веке. Метафора начинает переосмысливаться как неотъемлемый элемент речи, а научное познание рассматривается в новых измерениях.

Современные исследователи рассматривают метафорические выражения как одно из важнейших средств конструирования языка, его расширения, как способ связи естественного языка и языка науки, а также выявляют и другие стороны употребления метафор, таким образом, они пытаются решить проблему, оказавшуюся непосильной для прошлого – проблему становления нового знания [5].

Г.Н. Складская выделяет четыре направления изучения метафоры, которые изучались в 60–70 гг. XX века [8]: номинативно-предметное, формально-логическое, психологическое, лингвистическое.

Исследователь не без оснований утверждает, что течений в изучении метафоры в последние годы значительно прибавилось. Она вычленяет разноаспектные лингвистические концепции:

Семасиологическое направление, изучающее схемную структуру языковой метафоры, семантические процессы, формирующие метафорическое значение, соотношение сем в исходном и метафорическом значениях, механизмы образования метафоры, специфику денотата языковой метафоры, характер коннотативных элементов.

Ономасиологическое направление, рассматривающее метафору с точки зрения ее предметной отнесенности, с точки зрения соотношения языковых единиц с внеязыковыми объектами.

Гносеологическое направление. Формируя недостающие языку значения и способствуя тому, чтобы «остался без обозначения», языковая метафора тем самым вместе с другими лексическими средствами участвует в членении мира и в репрезентации действительности – в этом в первую очередь проявляются познавательные функции языковой метафоры.

Логическое направление. Основой этого направления является отмеченное еще Аристотелем свойство метафоры совмещать два понятия. В общем

виде предметом изучения языковой метафоры с позиции теории референции служит наблюдаемое несоответствие между семантическими связями языковой метафоры и очевидными логическими связями, существующими между предметами и явлениями действительности.

Лингвистическое направление, которое занимается выявлением и классификацией языковых свойств метафоры (морфологических, словообразовательных, синтаксических). Особенно детально изучается синтаксис языковой метафоры.

Лингвостилистическое направление изучает метафору с лингвистической и стилистической точки зрения.

Психолингвистическое направление, изучающее языковую метафору в аспекте теории речеобразования и восприятия речи.

Экспрессиологическое направление – направление изучения метафоры, связанное с описанием её экспрессивных свойств.

Лингвистико-литературоведческое направление, описывающее лингвистические свойства художественной метафоры.

Лексикологическое направление связано с описанием и оформлением языковой метафоры с точки зрения словарной практики.

Предложенные лингвистические концепции свидетельствуют о том, что именно метафора уместна в объяснительной речи преподавателя. Об этом свидетельствуют и различные классификации метафор.

В истории филологии, как отмечает Л.Н. Рыньков, выдвигались разные принципы классификации, самым древним из которых является логический принцип. Согласно этому принципу, устанавливаются основные классы понятий, и все процессы метафоризации разделяются по четырем типам переносов:

- 1) живая природа – неживая природа (одушевленное – неодушевленное);
- 2) неживая природа – живая природа (неодушевленное – одушевленное);
- 3) живая природа – живая природа (одушевленное – одушевленное);
- 4) неживая природа – неживая природа (неодушевленное – неодушевленное).

Эта схема, намеченная эллино-римскими риториками, рассматривала главным образом отношения между понятиями, а не закономерности семантического развития слов в художественной речи. Универсальные схемы были приложимы к любому национальному литературному языку, к любому периоду развития литературного языка, так как перенос из рода в вид или от одушевленного к неодушевленному наблюдается в каждом литературном языке любой эпохи.

Другим типом классификации была классификация метафор по источникам, по лексическим пластам, из которых извлекается материал для процессов метафоризации. Эта классификация в конечном итоге сводится к перечислению предметно-тематических групп слов, подвергающихся метафоризации.

Большее распространение получила классификация метафор с учетом их морфологического выражения. М.В. Ломоносов впервые в истории стилистики определил тот круг частей речи, которые подвергаются метафоризации.

Многообразие классификаций, предложенных в истории русской филологии, свидетельствует, с одной стороны, о сложности и многогранности самого явления, с другой стороны, о трудности создания такой классификации, которая была бы всесторонней.

Существует несколько классификаций метафор, выделенных современными исследователями. Н.Д. Арутюнова, показывая функциональные типы языковой метафоры, вычленяет номинативную метафору, образную, когнитивную (признаковую), генерализирующую (как конечный результат когнитивной метафоры [2]).

В.П. Москвин отмечает, что общей теории метафоры до сих пор нет, что в специальной литературе отсутствует исчерпывающая, а главное, убедительная и непротиворечивая информация о разновидностях метафорических наименований [7].

Ученый предлагает классификацию по пяти параметрам: тематическому, семантическому, функциональному, структурному и контекстуальному.

Тематические типы метафор выделяются в зависимости от характера сравнения, лежащего в их основе. Они бывают:

- антропоморфная метафора (в основе лежит сравнение с человеком);
- зооморфная метафора (основана на сравнении с животным);
- флористическая метафора (опирается на сравнение с растением);
- сравнение с каким-либо механизмом лежит в основе машинной метафоры;
- пространственная метафора (предполагает сравнение с какой-либо частью или измерением пространства).

При семантической классификации метафорические наименования группируются по значению: метафоры, обозначающие цвет; метафоры жизни, смерти; количественные метафоры и др.

Довольно разнообразны функциональные типы метафор.

Одна из основных функций метафоры – номинативная, заключающаяся в номинации объекта, еще не имеющего собственного наименования.

Образная метафора широко используется как средство украшения речи, то есть в декоративной функции.

Чтобы пояснить что-либо не очень понятное, малоизвестное, нередко прибегают либо к сравнениям, либо к метафорам.

Такие «пояснительные» метафоры и сравнения широко используются в научной речи (метафоры указанного функционального типа называют также *педагогическими*, *дидактическими*).

Еще одна функция метафорических наименований – *оценочно-характеризующая* (о людях: медведь, осел и т.д.).

В структурных типах метафоры в зависимости от количества слов-носителей образа различают метафору *простую*, в которой всего одно слово является носителем метафорического образа, и метафору *развернутую*, в которой носителями одного метафорического образа является целая группа ассоциативно связанных слов. По количеству слов-носителей метафорического образа можно выделить такие *количественные* типы развернутых метафор, как *двучленные*, *трехчленные* и т.д.

В контекстуальных разновидностях метафоры лежащее в основе метафоры сравнение может быть представлено в контексте двумя способами.

1. Названы и субъект, и объект сравнения. Метафорическое наименование, имеющее при себе ключевое (опорное) слово, называется *метафорой-сравнением*, или *замкнутой метафорой*.

2. Назван только объект сравнения. Метафорическое наименование, не имеющее при себе ключевого (опорного) слова («слова-отгадки», по выражению Ю.И. Левина), называется *метафорой-загадкой*, *незамкнутой метафорой*, или *симфорой*.

Метафора-загадка, опирающаяся на такой контекст и вынесенная в заглавие произведения либо его части, именуется *метафорой широкого контекста*. Смысл такой метафоры обнаруживается только после знакомства с произведением.

Классификация В.П. Москвина, составленная по пяти параметрам, на наш взгляд, наиболее точно определяет метафоры, которые использует преподаватель.

Таким образом, история развития теории метафоры (выявленные лингвистические концепции, классификации метафор) свидетельствует о том, что именно метафоры уместны в объяснительной речи преподавателя как прием смыслового акцентирования.

Библиографический список

1. Аристотель. Риторика. Античные риторики / Аристотель. – М.: Просвещение, 1978. – 328 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Теория метафоры: сб.; перевод с англ., фр., нем., исп. / Н.Д. Арутюнова, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
3. Васильева, А.Н. Основы культуры речи / А.Н. Васильева – М.: Просвещение, 1990. – 178 с.
4. Васильева, А.Н. Художественная речь / А.Н. Васильева. – М.: Просвещение, 1983. – 167 с.
5. Гусев, С.С. Наука и метафора / С.С. Гусев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 152 с.
6. Москвин, В.П. О приемах смыслового акцентирования / В.П. Москвин // Русская речь. – 2006. – № 2. – С. 30–42.

7. Москвин, В.П. Стилистика русского языка. Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): пособие для студентов / В.П. Москвин. – Волгоград: Учитель, 2000. – 198 с.

8. Складаревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складаревская – СПб.: Наука, 1993. – 150 с.

[К содержанию](#)

УДК 821.161.1 + 004.738.5

ББК Ш103.4 + Ш141.2–34

ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ СФЕРЫ РЫНКА СОТОВОЙ СВЯЗИ

А.В. Тезина

Активно развивающаяся терминология сферы рынка сотовой связи требует лингвистического описания. Одним из этапов упорядочения молодой терминологии является лексикографическая обработка и описание терминологических единиц. Системный подход к описанию выделенных единиц предполагает синтез логического и лингвистического аспектов. В основе логической системности лежат родовидовые отношения, наглядно представляемые лексико-семантическими группами терминов.

Ключевые слова: терминология; многокомпонентные термины; рынок сотовой связи; системный подход; лексико-семантическая группа; терминополье.

В последние полтора десятилетия терминология сотовой связи переживает своеобразный расцвет в связи с реалиями современного информационного пространства и активным внедрением технологий мобильной связи во все сферы жизнедеятельности человека. В настоящее время единицы специального подязыка сотовой связи входят в активный лексикон как взрослых, так и детей, как в ситуациях профессионального, так и бытового общения. Востребованность данных единиц обуславливает актуальность лингвистических исследований в этой области.

Работа по описанию молодой, активно развивающейся терминологии, как правило, начинается с инвентаризации терминологических единиц. Основными этапами такого упорядочения являются: 1) установление границ проблемной области, 2) отбор источников и выбор терминов, 3) лексикографическая обработка и описание терминов, 4) уточнение существующих дефиниций (научных определений), 5) кодификация терминосистемы [1].

Особенностью современного этапа развития терминоведения как раздела лексикологии является использование системного подхода к изучаемому объекту. Этот подход лежит в основе работы с исследуемыми терминологическими единицами на этапе лексикографической обработки и описании терминов.

Основы системного исследования излагались в ряде работ по проблемам общей теории систем, определяющей методiku анализа сложных объектов в разных отраслях современного знания (В.М. Солнцев, Г.П. Мельников, В.Н. Садовский и др.). Представители этого направления рассматривают систему как целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях, выделяют целостность в качестве важнейшего свойства системы [4]. В ряду основных свойств называют также иерархичность строения, наличие структуры, которая представляет собой схему связей между элементами системы.

В свете системного подхода, который представляет собой единство теории и метода, специальная терминология рассматривается как множество, все элементы которого организованы в систему, то есть каждый элемент этого множества связан с другими повторяющимися системными отношениями и именно эти отношения обуславливают место каждого элемента в системе. Кроме того, всякая отраслевая терминосистема входит на правах подсистемы в общую лексико-семантическую систему языка, что и определяет во многом их одинаковые свойства.

Системность отраслевой терминологии двухаспектна: её специфика заключается в синтезе логической и лингвистической системности. При этом под логической системностью имеется в виду классификационная схема понятий данной отрасли науки, которая организуется отношениями иерархии понятий, образующими своего рода уровни системы, в основе которых лежат родовидовые отношения между понятиями и отношения соположения понятий, существующими между понятиями одного уровня обобщения. Логическая системность отраслевой терминологии представлена в словарях-тезаурусах Ю.И. Шемакина.

Лингвистическая или собственно языковая системность терминологии, связана с системным характером языковых средств, используемых для выражения понятий соответствующей отрасли знания.

Логический и лингвистический аспекты связаны между собой и взаимодействуют между собой, обуславливая высокую степень системности отраслевой терминологии. В плане содержания парадигматические связи (условия использования говорящими языковых знаков) терминов позволяют установить взаимосвязанные понятия и построить классификационные схемы, отражающие систему понятий данной науки. В плане выражения системность терминологии создаётся формальными средствами – морфологической структурой слов, ограниченным выбором словообразовательных моделей, особенностями словоизменения.

На основании внеязыковых связей терминов в рамках системного метода нами были выделены следующие лексико-семантические группы многокомпонентных терминов сферы рынка сотовой связи: стандарты цифровой сотовой связи, службы сотовой связи, мобильные устройства, организация рынка сотовой связи, участники рынка сотовой связи. Все они обусловлены структурой конкретной области деятельности человека и связаны между собой общностью реалий, наименованиями которых являются.

Ядром данной системы являются термины тематической группы «Мобильные устройства». В переходную и в периферийную зоны системы входят термины других наук и областей знания, которые представляют собой неотъемлемую часть терминологии сотовой связи (так называемые привлечённые термины). В терминологии сотовой связи привлечёнными являются термины:

1) технологии радиосвязи как базовой терминологии, по отношению к которой терминология сотовой связи является частноотраслевой (*базовая станция, беспроводная связь, выделенная линия, опытная эксплуатация, источник бесперебойного питания, фоновый шум, ёмкость коммутатора*);

2) техники, описывающие механизмы и устройства, используемые в системах сотовой связи, в создании и описании мобильных устройств (*голосовое управление, звуковой таймер, оптический зум, разрешение экрана, сенсорный дисплей*);

3) компьютерной техники и информатики, описывающие технологии компьютерных систем, реализуемых в аппаратном и программном обеспечении сотовой связи (*встроенная память, операционная система, программное обеспечение, функциональная клавиша*);

4) менеджмента и маркетинга, характеризующие организацию и управление сервисом в сфере сотовой отрасли (*центр обслуживания абонентов, сеть салонов связи, маркетинговое предложение, модель бизнес-класса, мультибрендовый салон, корпоративный клиент*);

5) банковского дела и бухгалтерии, описывающие систему денежных отношений, возникающих в сфере сотовой связи (*абонентская плата, детализация счёта, лицевой счёт, предоплатная система расчёта, текущий баланс*).

Итак, нами были выделены 5 лексико-семантических групп (ЛСГ) многокомпонентных терминов собственно подъязыка рынка сотовой связи. Рассматриваемые группы представляют собой открытые терминологические ряды, которые могут быть пополнены вследствие появления наименований новых реалий. Отметим, что тематические подгруппы выделены нами лишь в трёх из пяти описываемых лексико-семантических групп. Описание каждой группы можно увидеть в таблицах с примерами многокомпонентных терминологических сочетаний.

Таблица 1

Лексико-семантические группы сферы рынка сотовой связи

Рынок сотовой связи				
Стандарт сотовой связи	Службы сотовой связи	Мобильные устройства	Организация рынка сотовой связи	Участники рынка сотовой связи
<i>Сеть третьего поколения, стандарт GSM</i>	<i>Сервис коротких сообщений (SMS), система пакетной передачи данных (GPS)</i>	<i>Сотовый телефон, беспроводная гарнитура, короткое сообщение</i>	<i>Тестовая сеть, бесплатный роуминг, служба отсутствующих абонентов</i>	<i>Корпоративный клиент, транзитный оператор</i>

Таблица 2

Тематические подгруппы ЛСГ «Мобильные устройства»

Мобильные устройства		
Виды устройств		<i>Сотовый телефон, смартфон, коммуникатор, КПК, серая техника, белая техника</i>
Технические характеристики	Параметры	<i>Тип корпуса, базовая модель, тип аккумулятора</i>
	Питание	<i>Тип батареи, ёмкость батареи, время разговора, время ожидания, время заряда</i>
	Память	<i>Карта памяти</i>
	Дисплей	<i>Тип дисплея, сенсорное управление</i>
	Комплектация	<i>Программное обеспечение, беспроводная гарнитура, бюджетная модель, сменные панели</i>
Вызовы		<i>Входящий вызов, переадресация вызова, удержание вызова, голосовая почта, ожидание вызова, редактор мелодий, длинные гудки, запрет вызова, громкая связь</i>
Сообщения		<i>Входящее сообщение, SMS-сообщение, голосовое сообщение, короткое сообщение, мультимедийное сообщение</i>
Дополнительные функции		<i>Громкая связь, кнопка быстрого доступа, горячая клавиша, автоматический определитель номера, антиопределитель номера, встроенная фотокамера, голосовое управление, мобильное радио</i>

Таблица 3

Тематические подгруппы ЛСГ «Организация рынка сотовой связи»

Организация рынка сотовой связи		
Сеть	<i>Национальная сеть, общероссийская сеть, региональная сеть, тестовая сеть, устойчивое покрытие, транзитная сеть, гостевая сеть, автоматический роуминг, безроуминговая зона, ёмкость сети, география роуминга, зона действия сети</i>	
Документы	<i>Абонентский договор</i>	
Организация системы расчёта	<i>Предоплаченный блок эфирного времени, тарифный план, тарифная зона, предоплаченный трафик, принцип тарификации, абонентский счёт, автоматическое зачисление, безлимитный тарифный план, бесплатный порог, бонусные минуты, линейка тарифных планов, нетарифицируемый порог, положительный баланс</i>	
Сервис	Центры	<i>Центр обслуживания абонентов, абонентский отдел, география салонов связи</i>
	Сервисы	<i>Мобильный Интернет, мобильный кошелёк, служба отсутствующих абонентов, экстренный вызов</i>

Таблица 4

Тематические подгруппы ЛСГ «Участники рынка сотовой связи»

Участники рынка сотовой связи	
Абонент	<i>Активный абонент, корпоративный клиент, массовый пользователь</i>
Оператор	<i>Транзитный оператор, оператор мобильной связи, оператор сотовой связи</i>

В процессе анализа вышеперечисленных тематических групп был выявлен факт присутствия в каждой группе терминов, выступающих в качестве обобщающего наименования для ряда явлений и терминов с видовым, подчинённым значением. Важно отметить, что ядерными единицами могут быть как однокомпонентные (*роуминг – внутрисетевой роуминг, междугородный роуминг, международный роуминг, национальный роуминг, российский роуминг*), так и многокомпонентные термины (*зона действия – зона действия оператора, зона действия сети, зона действия телефонной станции*).

Самыми большими лексико-семантическими группами исследованных многокомпонентных терминов сферы рынка сотовой связи являются группы, описывающие мобильные устройства и организацию рынка сотовой связи, что объясняет сложность возникающих отношений между субъектами рынка сотовой связи и между субъектами рынка и объектами, через которые осуществляется связь и взаимодействие.

Перспективой анализа выделенных лексико-семантических групп многокомпонентных терминов сотовой связи является составление терминополья сферы сотовой связи.

Заявку на метод терминополья сделал ещё А.А. Реформатский. Он описал терминополье как унифицированную по системному основанию многоуровневую классификационную структуру, объединяющую термины сферы однородной профессиональной деятельности» [3]. Термин «терминологическое поле» был им введен для объяснения идеи связи терминов в пределах поля в противоположность контекстуальным связям «нетерминов»: термин связан не с контекстом, а с терминологическим полем, которое заменяет собою контекст. Поэтому, если известен терминологический ключ (подобно нотографическому обозначению ключей в музыке), контекст уже неважен. Термины могут жить вне контекста, если известно, членами каких терминологий они являются. Поле для термина – это данная терминология.

Вводя новое понятие терминологического поля, А.А. Реформатский не отграничивает его от существующего понятия терминологической системы. Но такая попытка предпринимается в работах Л.В. Морозовой, которая исходит из того, что любая терминосистема, обозначая систему понятий определенной отрасли знания, образуется по тематическому признаку. Характеристика терминологической системы включает характеристику ее по элементам (терминам) и по связям (полям). А терминополье можно определить как «строгую, логически последовательную иерархию связей между терминами конкретной терминологической системы на основе их абсолютных семантических показателей, репрезентирующих логико-понятийные отношения в соответствующей области знания» [2]. Термин в поле принципиально однозначен, системен, нейтрален и точен в представлении терминируемого понятия. Термин связан в поле с другим термином через ядерную сему в единое целое.

Дифференциация между терминологической системой и терминологическим полем, описанная в исследованиях Л.В. Морозовой, очевидна.

Таким образом, выделение лексико-семантических групп и составление на их основе терминополья обеспечивает создание унифицированной по системному основанию многоуровневой классификационной структуры, что исчерпывающе реализует логический аспект в процессе лексикографического описания терминологических единиц.

Библиографический список

1. Гринёв, С.В. Введение в терминологическую лексикографию / С.В. Гринёв. – М.: МГУ, 1986. – 106 с.
2. Морозова, Л.А. Терминознание: Основы и методы / Л.А. Морозова. – М.: Прометей, 2004. – 143 с.

3. Реформатский, А.А. Термин как член лексической системы / А.А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1968. – С. 103–123.

4. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1971. – 294 с.

[К содержанию](#)

УДК 811.161.1'373

КОНСТРУКЦИИ С СЕМАНТИКОЙ ПОЯСНЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОРТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.М. Хакимова

Статья посвящена изучению нарушений грамматических норм и пунктуационных правил, регламентирующих употребление пояснений и уточнений в современном русском языке. Автор анализирует девиации данного типа, выявленные в российской прессе и интернет-публикациях, рассматривая варианты исправления указанных синтаксических и пунктуационных ошибок.

Ключевые слова: ортология; синтаксическая норма; синтаксическая ошибка; пунктуационное правило; пунктуационная ошибка; уточнение; пояснение; тексты массовой коммуникации.

Пояснение и уточнение – особая функция главных и второстепенных компонентов по отношению к аналогичным членам предложения. Сходство указанных конструкций обусловлено тем, что они содержат дополнительные сообщения и характеризуются выделительной интонацией [2]. Разграничиваются пояснение и уточнение по семантическому критерию: пояснительные конструкции выражают смысловые отношения тождества, уточняющие обороты предназначены для сужения или ограничения объема понятий [4]. Исследователи отмечают, что четкая граница между пояснениями и уточнениями просматривается не всегда [5].

Употребление конструкций с семантикой пояснения и уточнения в составе русского предложения регламентируется языковыми нормами, которые в речевой практике могут нарушаться. Цель нашей статьи состоит в изучении таких девиаций. Эмпирическую базу исследования составили: 1) публикации в российских изданиях «Аргументы и факты», «Вечерний Челябинск», «Комсомольская правда», «Челябинский рабочий», «Южно-уральская панорама»; 2) тексты, подготовленные студентами Южно-Уральского государственного университета для корпоративного издания кафедры массовой коммуникации «PR-брейк»; 3) сообщения, размещен-

ные на сайтах Южно-Уральского государственного университета в 2006–2011 гг. В ходе работы использовался метод объяснительного описания, опирающийся на структурно-семантический анализ как пояснительных и уточняющих конструкций, так и распространяемых языковых единиц.

В проанализированном нами материале выявлены нарушения двух типов: 1) синтаксические девиации; 2) пунктуационные девиации.

Синтаксические девиации представлены следующими разновидностями:

1. Нарушение соответствия в согласовательных категориях поясняемого компонента и пояснения: **Ориентировочная дата окончания работ 15 апреля, то есть к тому времени, когда у футболистов муниципального клуба «Челябинск» начнется сезон* (Вечерний Челябинск. 2010. 12 марта). Нормативные внешние связи пояснительной конструкции основаны на падежном выравнивании: *Ориентировочная дата окончания работ – 15 апреля, то есть время, когда у футболистов муниципального клуба «Челябинск» начнется сезон*. Косвенный падеж словосочетания *к тому времени* можно сохранить при замене указанного способа осложнения предикативной единицей, вступающей с предшествующим предложением в пояснительные смысловые отношения: *Ориентировочная дата окончания работ – 15 апреля, то есть всё должно быть подготовлено к тому времени, когда у футболистов муниципального клуба «Челябинск» начнётся сезон*.

Нами обнаружены дефектные употребления в тех случаях, когда в форме именительного падежа ошибочно употребляется не поясняемое слово, а пояснение: **Совсем недавно студенты Южно-Уральского государственного университета столкнулись с еще одним явлением, касающимся учебы – тестирование остаточных знаний* (PR-брейк. 2011. Декабрь). Полагаем, значимую роль здесь играет позиция осложняющей конструкции: в конце предложения обороты могут, приобретая характер дополнительных замечаний или разъяснений, получать большую самостоятельность, в силу чего их зависимость от предшествующего контекста несколько ослабевает. Это, однако, не должно отражаться на падежных характеристиках компонентов, поэтому нормативным следует признать вариант *Совсем недавно студенты Южно-Уральского государственного университета столкнулись с еще одним явлением, касающимся учёбы, – тестированием остаточных знаний*.

Аналогичные нарушения возникают и при употреблении уточнений: **Велосипедная подготовка занимает львиную долю летней подготовки, а в России ее крайне сложно проводить по понятным причинам – отсутствие хороших дорог* (Челябинский рабочий. 2010. 5 марта). В соответствии с языковой нормой уточняемый член предложения и уточнение должны выполнять одну и ту же синтаксическую функцию, однако это невозможно, если один из компонентов имеет форму косвенного падежа, а второй – именительного. Коррекция неправильных вариантов может осуществляться по-

средством изменения падежной формы уточнения: *Тренировки на велосипедах занимают львиную долю летней подготовки, а в России их крайне сложно проводить по понятным причинам – из-за отсутствия хороших дорог.*

2. Пропуск необходимого предлога: **На тот момент я работал PR-специалистом в ОАО «Трубодеталь», предприятии, изготавливающим продукцию для ГАЗПРОМА и ТРАНСНЕФТИ* (PR-брейк. 2011. Декабрь). Подобные ошибки возникают в тех случаях, когда поясняемый компонент и пояснение требуют для введения в состав предложения разных предлогов: *В то время я работал PR-специалистом в ОАО «Трубодеталь», на предприятии, изготавливающим продукцию для ГАЗПРОМА и ТРАНСНЕФТИ.*

3. Дистантное размещение поясняемого члена предложения и пояснения. Так, нормативный словопорядок нарушен в высказывании **И он вас, мой муж, тоже благодарит* (Аргументы и факты. 2010. 24 февраля – 2 марта). Подлежащее и связанное с ним пояснение отделены друг от друга дополнением, распространяющим сказуемое. Грамматическому стандарту соответствует четкая дифференциация групп подлежащего и сказуемого: *И он, мой муж, вас тоже благодарит.*

Дефектность дистантных употреблений становится еще более очевидной при ненормативной парцелляции: **Так, в 2009 году (программа стартовала в апреле 2009 года) по данной программе было продано почти 71,5 тысячи автомобилей, из них 47 тысяч – за последние 3,5 месяца 2009 года. Или почти 66 % от общего объема* (Комсомольская правда. 2010. 1–7 февраля). Структура приведенного предложения, очевидно, обусловлена тем, что автор рассматривает информацию, заключенную в пояснительной конструкции, как дополнительную. В разговорной речи подобные фрагменты часто употребляются после основного информационного блока. Это не привлекает внимания адресата, поскольку такой словопорядок обусловлен спецификой разговорного высказывания, непосредственно отражающего в силу своей спонтанности особенности формирования мысли. Подготовленность письменной речи требует более строгой последовательности в изложении фактов, и это отражается на словопорядке. В частности, поясняемый член предложения и пояснение, обозначающее другими языковыми средствами ту же реалию, должны употребляться контактно: *Так, в 2009 году по данной программе, стартовавшей в апреле, было продано почти 71,5 тысячи автомобилей, из них 47 тысяч, или почти 66 % от общего объема, – за последние 3,5 месяца.*

Второй тип девиаций при употреблении уточнений и пояснений обусловлен отступлениями от современного пунктуационного стандарта. В соответствии с его требованиями указанные конструкции следует выделять запятыми или тире; значимо также, что при употреблении уточнений и пояснений в середине высказываний, как правило, используются парные знаки препинания [1; 3; 4]. Представленные в нашем материале **пунктуационные нарушения** данных предписаний можно разделить на три группы.

1. Ненормативное отсутствие знаков препинания: **Партнерские отношения двух промышленных центров выводят Челябинскую область на новые лидирующие позиции в черной металлургии и трубной промышленности* (Южноуральская панорама. 2010. 27 января); **В заключительный третий день прошла торжественная церемония закрытия конференции* (<http://do.gendocs.ru/docs/index-149630.html?page=40>). Приведенные предложения осложнены пояснительными определениями, которые должны отделяться от поясняемых компонентов запятой.

Примечательно, что закрывающая запятая в подобных случаях правилами не предусмотрена. Этим пояснительные определения отличаются от уточняющих: последние при употреблении в середине высказывания, по мнению кодификаторов, должны выделяться парными знаками; ср.: *Каждое из этих явлений имеет свои, присущие только ему, особенности* [3, с. 182]. Следует, однако, отметить, что, поскольку разграничение пояснительных и уточняющих определений в ряде случаев является затруднительным, пунктуационную дифференциацию пояснительных и уточняющих определений едва ли можно признать целесообразной. Полагаем, здесь нужна унификация, причем имеет смысл узаконить закрывающую запятую после пояснительных определений, поскольку отсутствие знака препинания противоречит общей тенденции пунктуационного оформления осложняющих оборотов в середине высказывания.

2. Пропуск закрывающего знака: **Особенно после посвящения первого курса, т.е. нас в профессию* (PR-брейк. 2011. Декабрь); **По народному календарю весну встречают 14 марта – в день святой Евдокии и примечают: «Какова Евдокия – такова и весна»* (Челябинский рабочий. 2010. 5 марта); **К пятилетию факультета журналистики ЮУрГУ, 30 сентября состоится научно-практическая конференция «Актуальные проблемы журналистики в условиях глобализации информационного пространства»* (<http://do.gendocs.ru/docs/index-149630.html?page=72>). Исправляя ошибки в таких предложениях, следует помнить о пунктуационной парности: открывающий и закрывающий конструкцию знаки препинания должны дублироваться.

3. Лишние знаки: **Накануне церемонии, впервые в рамках конкурса, была проведена научно-практическая конференция «Вклад средств массовой информации в обеспечение реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006–2010 годы»* (<http://do.gendocs.ru/docs/index-149630.html?page=31>). Квалифицируя конструкцию как пояснение или уточнение, необходимо помнить, что данные компоненты выполняют такую же синтаксическую функцию, как и расширяемые ими члены предложения. В приведенном высказывании необходимая монофункциональность отсутствует, поскольку словосочетание *накануне церемонии* обозначает время, а оборот *впервые в рамках конкурса* имеет семантику меры. Пунктуационная задача здесь должна решаться в два этапа: 1) следует идентифицировать члены предложения;

2) необходимо разграничить их разновидности. Автор не выполнил вторую часть алгоритма, это привело к неправильной квалификации синтаксической конструкции и, как следствие, к ее ненормативному выделению. Подобные пунктуационные ошибки обусловлены тем, что успешное решение данной лингвистической задачи базируется на выявлении семантических нюансов, не всегда очевидных для носителей языка.

Библиографический список

1. Валгина, Н.С. Русский язык. Орфография и пунктуация: справочник / Н.С. Валгина, В.Н. Светлышева. – М.: Издатель Булатникова И.С.: Большая Медведица, 2002. – 320 с. – URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook142/01/>.
2. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – М.: Агар, 2000. – 416 с. – URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01/>.
3. Розенталь, Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации / Д.Э. Розенталь. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1994. – 368 с.
4. Розенталь, Д.Э. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование / Д.Э. Розенталь, Е.В. Джанджакова, Н.П. Кабанова. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 768 с.
5. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / В.В. Бабайцева, Н.А. Николина, В.С. Печникова и др.; под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Академия, 2011. – 624 с.

[К содержанию](#)

УДК 316.74 + 070

ИЗМЕНЕНИЯ В ВОСПРИЯТИИ АКТУАЛЬНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИИ СТУДЕНТАМИ ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ

Т.В. Раева, О.Ю. Харитонова

На основе проведенного социологического исследования в статье были установлены особенности представлений студентов факультета журналистики о современном журналисте и степени его владения актуальной международной информацией. Сравнение результатов настоящего исследования с аналогичными, полученными в 2011 г., позволило выявить динамику изменений в восприятии респондентами важных мировых событий и явлений.

Ключевые слова: международная информация; информационная картина мира; журналистика; студент-журналист; анкетирование.

Современная информационная картина мира включает в себя важный блок международной информации. Знания о мировых событиях и процессах, позволяющих понять, как меняется окружающий мир, формируют представления о важнейших явлениях и тенденциях современности. Про-

цесс освоения международной информации требует не только времени, но и определенных усилий связанных с поиском, переработкой и анализом информации. Для журналиста понимание мировых событий, так же необходимо, как и приобретение навыков освоения информации.

В феврале–марте 2011 года авторами статьи было проведено социологическое исследование, направленное на изучение особенностей восприятия и освоения актуальной международной информации студентами. Исследование проводилось методом группового анкетирования. В нем приняло участие 80 человек – студентов Южно-Уральского государственного университета третьего, четвертого, пятого курсов факультета журналистики. Возраст участников от 19 до 23 лет, половое распределение не равное – 16,25 % мужчин, 83,75 % женщин, что отражает половое соотношение обучающихся по специальности «журналистика».

В феврале–марте 2014 году было проведено повторное изучение, для уяснения в динамике, в котором приняло участие 70 человек студентов-журналистов третьего, четвертого и пятого курсов Южно-Уральского государственного университета. При этом важно отметить, что в анкетировании повторно участвовали студенты пятого курса (в 2011 году они были второкурсниками), остальные отвечали на вопросы анкеты впервые. Возрастные характеристики респондентов сохранились прежние от 19 до 23 лет, половое распределение сохранилось не равное – 14,75 % мужчин, 85,25 % женщин.

Вопросы анкеты были поделены на четыре блока. Первый направлен на выявление общих представлений об актуальной международной информации. Для подавляющего большинства респондентов как в 2011, так и в 2014 году международная информация – это информация о событиях, имеющих общемировое значение (68,8 % в 2011 г. и 80,9 % в 2014 г.) 15,9 % опрошенных понимают ее как информацию о событиях, произошедших в мире (в т.ч. в России), поданную иностранными (нероссийскими) СМИ. Это означает, что определяющими качествами международной информации для студентов выступают ее значимость и средства освещения (не отечественные по происхождению), а не место совершения события и его субъекты. Вопрос, связанный с пониманием термина «актуальная информация» дополнил картину. 76,2 % опрошенных назвали актуальной любую событийную информацию, по разным причинам, оказавшуюся наиболее востребованной в данный момент. Продолжительность внимания к событию, по мнению большинства респондентов, напрямую зависит от важности произошедшего.

Ответы на вопросы первого блока репрезентируют согласованные и непротиворечивые представления студентов о реалиях существования современного человека в России и функциях журналистики. Российская Федерация, по их мнению, прочно интегрирована в мировую систему, собы-

тия в стране и за ее пределами взаимосвязаны, и поэтому в равной степени могут считаться международными. Относительная открытость и проницаемость российского информационного пространства позволяет получать информацию отечественных и иностранных СМИ о событиях значимых для настоящего момента. Связанная с потребностями общества и вызывающая эмоциональный отклик у аудитории информация является объектом пристального внимания журналистов. В первом блоке значительных изменений в ответах студентов по вопросам понимания и значения международной информации не наблюдается.

Второй блок анкеты направлен на выявление представлений студентов о современном человеке и степени его владения актуальной международной информацией. Необходимыми качествами современного образованного человека, по мнению опрошенных, является желание овладевать актуальной международной информацией (84,1 %), поиск и обращение к качественным источникам (80,9 %), стремление к максимально широкому и глубокому проблемному охвату (20,6 %).

Конкретизация идеального типа в последующих вопросах выявила еще большую солидарность респондентов. 84,1 % настаивали на необходимости освоения актуальной международной информации для россиян, увязывая этот процесс с формированием объективного взгляда на мир (68,5 %), расширением кругозора (26,9 %), требованиями глобализации (17,5 %), выработкой более четких и ясных представлений о событиях в России (14,3 %). Понимание того, что овладение международной информацией необходимо не только журналисту, но и любому образованному современному человеку присуще большинству респондентов.

Владение актуальной международной информацией, по мнению подавляющего большинства анкетированных (91,3 %), является важным профессиональным требованием журналиста. Ответы студентов создают образ современного образованного россиянина – активного, хорошо осведомленного о событиях в стране и мире, разносторонне развитого, интеллектуально зрелого человека. А еще в большей степени, считают респонденты, эти качества должны быть присущи журналистам. По второму блоку наблюдается динамика в сторону увеличения (на 8–10 %) по вопросам необходимости овладения международной информацией и важности обращения к качественным источникам информации. Возрастание требований, предъявляемых современному человеку и в первую очередь журналисту можно объяснить не только стремлением студента к освоению новых знаний и личностному росту, но и потребности общества, ориентированного на межкультурную коммуникацию.

Третий блок вопросов касался личностных качеств студентов и их активности в деле освоения актуальной международной информации. Он обнаруживает несоответствие идеальных представлений и персональных ха-

рактических респондентов, будущих журналистов. Исследование показало, что только 19 % опрошенных в высшей степени заинтересованы в получении разнообразной информации по международной тематике. Большинство – 44,4 % стремятся получать только ту информацию, которая им лично интересна, 34,9 % интересуются международной проблематикой время от времени, а 11,1 %, только исходя из внешней необходимости, связанной с учебой или работой. В данном пункте расхождений с предыдущим опросом не наблюдается. Полученные результаты, как и прежде, позволяют утверждать, что, отвечая на вопросы об информационной активности современного человека, респонденты обращались не к личному опыту, а образам с желательными и социально приемлемыми (востребованными) характеристиками.

По степени значимости для студентов-журналистов сферы актуальной международной информации выстроились следующим образом: на первом месте социальная сфера, далее культура, политика, спорт, экономика. По сравнению с предыдущим опросом произошли небольшие изменения в распределении информации по сферам, социальная сфера с небольшим отрывом вышла на первое место, ранее это место принадлежало культуре, в остальном распределение мест осталось прежним. Стоит заметить, что на данное распределение не повлияли личные характеристики респондентов. Открытая форма данного вопроса анкеты позволяла указать сферы, не включенные в перечень, но представляющие интерес для студентов. Но другие темы вызывающие интерес у респондентов, не были предложены.

Для получения информации наиболее предпочтительными СМК для опрошенных являются информационные сайты (87,3 %), телевидение (74,6 %), общение с друзьями, родственниками (50,8 %), общение в Интернет (34,9 %), блоги (31,7 %), радио (25,4 %), газеты (19 %), журналы (15,8%). По сравнению с предыдущими ответами больше студентов стали получать информацию из общения с друзьями и родственниками (показатели увеличились на 15%), в остальном основные источники получения информации сохранились прежними – это информационные сайты и телевидение.

Не претерпели изменения ответы в отношении знакомства с информацией в вопросе о журналистских жанрах, в рамках которых освещаются международные события, 84,9 % анкетированных предпочитают черпать актуальную международную информацию из новостей, 76,2 % – из репортажей. Склонность к поверхностному перцептивному знакомству с информацией характерна как для студентов обучающихся в 2011, так и 2014 году. Те же 84,9 % опрошенных считают необходимым осмысление актуальных международных проблем в проблемно-аналитических материалах.

Однако последующие вопросы анкеты выявили низкий уровень заинтересованности и знакомства респондентов с журналистской аналитикой.

Четвертый блок был призван раскрыть знания студентов о произошедших событиях, осведомленность и степень осмысления их, позицию анкетированных в отношении актуальных проблем. При ответе на вопрос, требующий указания на конкретное международное событие, вызвавшее личный интерес, было названо 6 событий. 24 % опрошенных оставили строки не заполненными, либо вписали: «Не знаю», «Не помню», что можно интерпретировать как общее индифферентное отношение и отсутствие интереса к международной тематике. Большинство (49,2 %) указало на события, происходящие на Украине и в Крыму (23,8). При этом в вопросах о последних известных событиях на Украине 42,8 % ответили неверно на вопрос о введении визового режима для россиян на Украину и 26,9 % о национализации российской собственности на Украине. Только 20,6 % указали верный ответ по встрече Б. Обамы и А. Яценюка. Значительное количество ошибок было допущено и при попытке указать события, которых не было в действительности, но которые имели гипотетические шансы на развитие.

Среди важных событий была отмечена олимпиада (7,9 %), которая к моменту анкетирования завершилась несколько недель назад. 6,3 % респондентов назвали актуальным международным событием исчезновение индонезийского Боинга с пассажирами на борту. Но оно оказалось вне сферы интересов подавляющего большинства студентов-журналистов. Остальные, названные респондентами, события набрали менее 6 %.

Ряд вопросов выявлял степень осведомленности о самых резонансных событиях последних месяцев, произошедших в сферах, названных студентами наиболее интересными и лично значимыми (культура, социальная сфера, политика, экономика). 33,3 % респондентов не смогли указать страну, культуре которой посвящен 2014 год в России. Только 66,5 % верно назвали фильм, получивший Оскар как лучший фильм года, церемония вручения которого прошла за неделю до анкетирования. В вопросе на соотношение лидера и страны, представителем которой он является, безошибочных ответов не было дано. В вопросе о ситуации в Сирии, 28,6 % студентов выбрали событие, которое не имело место и только 31,7 % ответили верно (о полномасштабной гражданской войне). Ответы студентов на вопросы четвертого блока анкеты продемонстрировали высокий уровень ошибочности, а значит отсутствие или отрывочность знаний о конкретных мировых событиях, широко освещенных СМИ, продолжительного внимания к ним, не критическое освоение информации.

Повторное анкетирование студентов, проведенное с целью выявления изменений в восприятии актуальной международной информации, продемонстрировало отсутствие серьезных изменений в понимании, что являет-

ся международной информацией, какова степень важности и необходимость в ее освоении. Подавляющее большинство студентов при первом и повторном опросе солидарно высказались за необходимость освоения актуальной международной информации для россиян, ответы студентов демонстрируют желаемый образец современного человека хорошо осведомленного о событиях в стране и мире, разносторонне развитой личности. Студенты 2014 года в большей степени проявили понимание в необходимости овладения актуальной международной информацией, предъявляя высокие требования к современному человеку и журналисту, в первую очередь. Общее мнение относительно того, что журналист должен стремиться к максимальному охвату международной информации и глубокому ее осмыслению высказали подавляющее большинство респондентов. В то же время анкетирование выявляет несоответствие идеальных представлений и персональных характеристик респондентов, будущих журналистов. В блоке вопросов, который выявляет личные стремления и мотивации студентов в получении международной информации, планка требований существенно снижена. Оба исследования показали, что большинство опрошенных стремятся получать только ту информацию, которая им лично интересна, открыто заявляя, что интересуются международной проблематикой время от времени. В подтверждении факта низкой личной мотивации говорят результаты последнего блока вопросов в анкете, ориентированные на раскрытие знаний студентов о произошедших международных событиях. Высокий уровень ошибочности в ответах, посвященных важным мировым событиям, широко освещенным СМИ, свидетельствует об отсутствии интереса, а иногда и нежелании в освоении международной информации. Определенный диссонанс между идеальным образом современного журналиста и невысокими требованиями, предъявляемыми лично к себе, отражают, с одной стороны, личные мотивационные установки, поверхностность и скудность представлений о событиях, происходящих в мире, с другой, определенные социальные образцы, связанные с высокими требованиями, предъявляемыми современному человеку. Помимо причин личного свойства, влияние на процесс освоения международной информации оказывают объективные причины, связанные с сужением в журналистских материалах проблемного охвата по международной тематике и снижением качества информации.

[К содержанию](#)

УДК 070.4

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

А.А. Хлызова

В данной статье рассмотрены методологические аспекты изучения телевидения как социальной технологии в условиях медиарынка и основные методы исследования телевизионных произведений. В процессе обзора методологических подходов выяснилось, что изучение телепроизведений целесообразно проводить с учетом характеристик функционирования телевизионной системы в конкретном государстве, обуславливающих условия подготовки, распространения, зрительского восприятия телевизионных материалов, требования к тележурналистам.

Ключевые слова: телевидение; телевизионная журналистика; теория телевидения; подход; метод.

В современной системе СМИ и СМК телевидение занимает ключевое место благодаря своей аудиовизуальной природе, позволяющей создавать особое зрелище, понятное и доступное всем. С одной стороны, телевидение дает возможность увидеть реальный мир здесь и сейчас, получить новую информацию, знания, впечатления, с другой стороны, развивая интерактивность, оно обеспечивает диалог с аудиторией, стремясь удовлетворить ее потребности и соответствовать ее интересам. Именно поэтому особенно важно повышать качество и эффективность журналистского телевизионного творчества, постоянно переосмысляя старые и осваивая новые формы и средства выразительности, отображающие действительность в звуко-зрительных образах. Это обеспечивает гармоничное и перспективное развитие телевидения и телевизионной журналистики, в основе которых лежит накопленный телевизионной практикой опыт, требующий своего постоянного изучения, поэтому феномен телевидения на протяжении всей его истории являлся объектом изучения многих технических и социально-гуманитарных наук. Особенности функционирования телевидения рассматривались в разных контекстах, позволяя изучать технико-технологические, социокультурные, коммуникационные, организационные, художественные, семиотические и другие его аспекты, применяя широкий методологический аппарат разнообразных научных направлений. Результаты научных изысканий различны, но позволяют сделать общий вывод о междисциплинарности подходов к изучению телевидения и телевизионной журналистики. Однако в методологии их исследования до сих пор не существует четких критериев анализа, не разработана методика их изучения, позволяющая рассмотреть все аспекты функционирования современной системы телевизионного вещания, особенностей телевизионной

журналистики и произвести анализ телевидения как социальной технологии в условиях рыночного общества. Исследовать механизмы функционирования телевидения и телевизионной журналистики важно и необходимо как с научной, так и с практической точки зрения: первая позволяет рассмотреть все аспекты, влияющие на производство телевизионных продуктов, их содержание и аудиовизуальное воплощение на телеэкране, а вторая дает возможность на основе полученных результатов анализа разработать рекомендации для эффективной профессиональной деятельности тележурналистов. Итак, ввиду научной и практической необходимости в методологическом аппарате, позволяющем полноценно исследовать все аспекты производственно-творческой деятельности телевидения и его зависимости от социально-исторического контекста, рассмотрение методов, подходов и способов изучения его и тележурналистики представляется актуальным.

В.В. Егоров отмечает, что с точки зрения научной методологии телевидение как объект может изучаться с позиций разных наук (общественных, гуманитарных, технических и др.), но как предмет науки телевидение может быть областью исследования только одной теории, а именно теории телевидения, которая предлагает методологию изучения телевидения как СМИ и СМК. Теория телевидения – это система научного знания, в которую входят совокупность накопленного фактического материала, разработанных выводов и методов исследования, теоретических обобщений, касающихся функционирования телевидения в системе информации, закономерностей его влияния на эту систему, на весь процесс воспитания, на различные сферы социальной жизни. Критерием ценности и основой развития теории телевидения является практика функционирования телевидения в современном обществе [1].

Теория телевидения позволяет изучать принципы и функции телевизионной деятельности, исследовать тематико-жанровую структуру и направления телевидения, искать пути повышения эффективности функционирования телевидения. В рамках теории телевидения сформированы два основных подхода к его изучению: технологический и социально-исторический. Первый дает возможность изучить телевидение как производственно-творческий механизм, работающий в автономном режиме, что соответствует рассмотрению телевидения как информационной технологии. Вторым подходом учитывается, что телевидение всегда тесно сопряжено с экономикой и политикой, общественной идеологией и духовной культурой, поэтому как объект исследования его необходимо изучать и в социально-историческом аспекте. Социально-исторический подход отличается от технологического тем, что информационный телевизионный процесс рассматривается в системе общественно-политических связей и зависимостях; как социальный институт, зеркало общественного бытования.

Однако следует понимать, что современное телевидение функционирует в условиях медиарынка, что обуславливает постоянное увеличение объемов телепроизводства, превращение телевидения в массовую индустрию, его активное использование в политических и рыночных целях. Эти тенденции сложно исследовать, если рассматривать телевидение как информационную технологию и социальный институт по отдельности. Поэтому в современных условиях возникает третий подход к исследованию телевидения как объекта изучения – подход интегрированный, позволяющий рассматривать телевизионное производство как социальную технологию (то есть информационная технология плюс социальный институт) в условиях рыночного общества [2]. Данный подход предлагают использовать А.А. Грабельников, И.И. Волкова, Н.С. Гегелова, однако не указывают конкретную схему практического осуществления анализа телевидения с его помощью, поэтому важно сделать краткий обзор методов, посредством которых исследователи изучают телевидение.

В.В. Егоров считает, что в основе методологии теории телевидения лежат комплексный и системный подходы, первый из которых наиболее эффективен при изучении внутренних законов развития телевидения и всех разделов его деятельности, а второй – при анализе природы и особенностей взаимодействия каждого средства массовой информации с учетом их взаимовлияния, то есть метод системного анализа целесообразно применять к изучению внешних связей телевидения с другими СМИ, с аудиторией и с различными социальными структурами [1]. Совокупность этих подходов позволяет анализировать сочетание информационного, политического, художественного видов вещания телевизионных программ разных производителей федерального и регионального уровней, а также, отмечает Ю.П. Буданцев, дает возможность раскрыть и полноценно изучить многослойность и мозаичность телевидения [3], предполагающего диффузию жанров, направлений, сфер деятельности. Через призму комплексного и системного подходов телевидение рассматривали и Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.Я. Юровский, аргументируя это сочетанием на телеэкране публицистичности, художественности и научности [4]. А.А. Новикова использовала данные подходы в ходе анализа «телевизионной реальности», определяемой ею как феномен интерпретации реальности средствами телевидения, обусловленный его природными свойствами, в частности экранностью, и индустриальными и техническими факторами, меняющимися на разных этапах развития телевидения, а также социокультурной и идеологической ситуацией в обществе [5]. Их применял и С.Н. Ильченко, разрабатывая новый подход к анализу телевизионного контента с точки зрения его структурообразующих элементов (виды, форматы и жанры) и в соответствии с общим контекстом функционирования телевидения, основанного на игровой природе, что позволяет рассматривать тележурналистику как совокупность ролей и

функций, участвующих в творческом процессе индивидуумов [6]. Совокупность этих подходов позволила С.Г. Азаряну изучить телевидение в философском контексте как экранную культуру, представляющую культурные артефакты в аудиовизуальном и динамичном виде с целью конструирования для зрителя новой мифологической реальности, скрывающей более совершенные технологии подчинения социума и контроля над ним [7].

Также на основе комплексного и системного подходов построена докторская диссертация М.А. Мясниковой, где телевидение изучается как социально-творческая коммуникационная деятельность синкретического типа посредством морфологического анализа, дающего возможность рассмотреть внутреннее строение телевидения как совокупности родовых, видовых, жанровых, стилевых, проблемно-тематических и программных составляющих, существующих и функционирующих в системе многопрограммного вещания в определенных координационных и субординационных связях [8]. Метод морфологического анализа позволяет обнаружить разные уровни, на которых осуществляется вещательная деятельность конкретного телеканала, установить системные отношения между этими уровнями, а также между различными вещательными единицами, существующими в виде отдельных передач или целых вещательных блоков в телепрограмме исследуемого канала. Кроме того, данный метод можно использовать для изучения всей телевизионной системы в целом.

Однако важно понимать, что телевидение является механизмом по созданию и массовому распространению аудиовизуальной информации в определенной системе взаимодействия с аудиторией посредством технических систем [9], а телевизионная журналистика – это литературно-публицистическая творческая деятельность по сбору, обработке и массовому распространению социальной значимой аудиовизуальной информации посредством телевизионных каналов связи. Таким образом, объектом следования теории телевидения выступает функционирование системы телевизионного вещания, а объектом изучения телевизионной журналистики является непосредственно деятельность тележурналиста. Поэтому в телевизионной журналистике могут быть выделены такие субъекты отношений (акторы), как: журналисты и включенные в данную деятельность медиаменеджеры, представители сопутствующих и вспомогательных профессий, издатели и владельцы СМИ; законодательная, исполнительная и судебная ветви власти; различные социальные институты (организации), выступающие по отношению к СМИ как объекты освещения; рекламодатели, бизнес-сообщество как объект освещения и как среда, воздействующая на СМИ в системе экономических отношений; общество, составляющее совокупную аудиторию для системы СМИ и его отдельные части как аудитория конкретных СМИ; другие (по отношению к данному) СМИ, выступающие как партнеры или конкуренты в борьбе за рынок внимания ауди-

тории. Наряду с этим можно выделить текстовые элементы системы, среди которых можно различить сообщения, произведенные телевизионными СМИ, документы, регулирующие их деятельность; произведения искусства, транслируемые СМИ; информационные продукты, созданные аудиторией [10]. Для изучения всех указанных и не указанных акторов, их взаимодействий, информационных продуктов непреложен учет той социальной, политической, экономической, культурной среды, в которой разворачиваются их отношения; кроме этого, важно рассматривать действительность, отраженную тележурналистами в сообщениях телевизионных СМИ, и качество ее репрезентации. Проблематика исследований в этом поле сочетает общие теоретические подходы к выявлению того, какие особенности, закономерности отражения в целом свойственны телевизионным СМИ, с одной стороны, и как на практике телевизионные журналисты освещают конкретные фигуры, события, сферы жизни социума – с другой. Следовательно, методы исследования телевидения как системы и телевизионной журналистики как процесса по созданию информационного продукта различны, поэтому их необходимо охарактеризовать подробнее.

Рассмотрим основные методы, которые применяются современными исследователями для изучения произведений тележурналистов, которые, как правило, отражают своих создателей и факторы, влияющие на процесс и результат их профессиональной деятельности. В первую очередь это анализ – метод научного изучения объекта путем разложения его на составные части. Для изучения произведений тележурналистов можно использовать как количественные, так и качественные разновидности анализов, в основном это контент-анализ, контент-мониторинг, дискурс-анализ, социолингвистический, пропагандистский и психологический виды анализов.

Контент-анализ (или медиа-измерение / отслеживание паблисити / медиа-резонанс) – это процесс изучения и отслеживания информации, поступающей в масс-медиа, для преобразования полученного количественного материала в качественную форму посредством классификации сообщений, что позволяет определить уровень распространения определенных тем или материалов. Основная цель данного метода – изучение документальной информации для выявления социального контекста сообщения, что дает возможность определить способы и механизмы подачи материалов в масс-медиа, изучить преобладающие тематические, сюжетные, жанровые направления, выявить характер оценок в СМИ, определить их отношение к чему-либо и другое. Именно контент-анализ является наиболее распространенным методом медиаисследований, так как позволяет качественно интерпретировать количественные данные.

Однако если исследователю необходимо получить преимущественно статистические данные, то наиболее продуктивным будет использование контент-мониторинга (или медиа-мониторинга). Этот метод исследования

медiateкстов позволяет количественно измерить на неразрывно примыкающих друг к другу интервалах времени присутствие/отсутствие в материалах масс-медиа определенных элементов или характеристик (переменных) содержания, обеспечивая объективность в оценке полученных данных. Основная цель медиамониторинга – определить частоту появления в масс-медиа сообщений на какую-либо тематику, что способствует определению их эффективности.

Но при рассмотрении произведений тележурналистов зачастую необходимо выявить их зависимость от социально-исторического контекста. Выяснить это позволяет дискурс-анализ, который изучает язык как форму социальной практики и дает возможность определить внутренние закономерности в произведениях тележурналистов, заданные идеологией и властными механизмами конкретного государства, исследуя их с учетом влияния социальных процессов. Критический дискурсивный анализ делает возможным выявление идеологических компонентов высказываний, которые под влиянием властных структур превратились в общеупотребимые.

При этом важно понимать, что властные структуры могут активно использовать пропаганду для эффективного внедрения определенных идей в общественное сознание, и для этой цели также создаются произведения тележурналистов. Г.Г. Почепцов считает, что для рассмотрения медиатеков как продуктов пропаганды целесообразно использовать пропагандистский анализ, цель которого – выявить механизмы скрытого воздействия на аудиторию посредством определения идеологии, установления контекста, поиска автора оригинального сообщения и оценки разнообразия визуальной и вербальной техники влияния на социум [11].

Помимо социально-исторического контекста и идеологии язык и стиль произведений тележурналистов зависит от конкретных фактов общественной жизни, и взаимосвязь между ними позволяет обнаружить социолингвистический анализ. Эта разновидность анализа делает возможным исследование произведений тележурналистов как в историческом, так и в современном аспектах, кроме того, данный вид анализа учитывает особенности языка разных типов СМИ, ориентированных на разнообразную аудиторию, так как политическая и любая другая позиция авторов/заказчиков медиатеков (издателей/владельцев/учредителей масс-медиа) проявляется в употреблении разных оценочных слов для обозначения одних и тех же явлений действительности.

Что касается роли автора в создании телепроизведений, то для ее изучения существует психологический анализ, задача которого – сконцентрироваться на исследовании личности создателя медиапродукта. Разновидностями психологического анализа выступают анализ мотивационный, призванный выявить мотивы автора телепроизведения, и интент-анализ – сравнительно новый подход к выявлению психологического содержания

медиаматериала. Он состоит в экспертном оценивании целевой, или интенциональной, направленности речи публичных деятелей, выраженной в конкретном тексте. Подход к исследованию интенций речи по его общему смыслу можно оценивать как психосемантический.

Особое внимание при анализе телепроизведений следует обращать на их языковую организацию и структуру, так как именно они отражают сущность автора. Исследовать ее посредством изучения авторского стиля изложения позволяют этнометодологический и конверсационный анализы, которые рассматривают язык как социальную активность создающих его людей и вообще как единственную социальную реальность. Информацию об авторе можно получить благодаря изучению его манеры изложения, использованию риторических фигур, стилистических и художественных средств, а также рассмотрению эмоционального состояния автора, наличия или отсутствия у него чувства юмора, адекватности его оценки описываемых событий и других критериев.

При исследовании телепроизведения важно проанализировать не только непосредственно содержащуюся в нем информацию, воздействующие на нее факторы и влияние автора, но и заключающийся в данном телепроизведении смысл. Это позволяют сделать герменевтический, феноменологический и семиотический методы, направленные на истолкование смыслов, содержащихся в текстах, в частности, в медиатекстах, однако различия этих методов заключаются в направленности анализа. Метод герменевтического анализа рассматривает медиатекст через его сопоставление с культурной традицией и исторической действительностью, проникает в логику телепроизведения и исследует его через сопоставление представленных в нем образов в историко-культурном контексте, в соответствии с которыми изучает заложенные в данном телепроизведении смыслы. Феноменологический метод подразумевает субъективную и своеобразную интерпретацию мира человеком и предполагает обращение к интерпретации сознания отдельного представителя аудитории, ознакомившегося с медиатекстом и получившего какие-либо знания, свойственные только ему. Семиотический подход направлен на изучение знаков, символов и знаковых систем как чувственно воспринимаемых предметов, транслирующих в социально-коммуникационных и познавательных процессах определенные смыслы и значения, задаваемые конкретной культурой и социумом и моделирующие общественное сознание. Данный метод позволяет исследовать телепроизведение на нескольких уровнях: семантическом (знаковом), синтаксическом (системы), прагматическом (металингвистическом), при этом можно изучать как отдельные знаки в телепроизведении, так и их сочетание, производимый данным телепродуктом эффект и реакцию на него аудитории.

Существуют и другие разновидности анализа произведений тележурналистов, предполагающие использование как широкого спектра общенаучных теоретических методов (например, сравнение, сопоставление, абстрагирование, метод историзма и т.д.), так и специализированных подходов к изучению СМИ и СМК. При этом важно понимать, что исследование особенностей телевизионных произведений целесообразно проводить в тесной взаимосвязи с теорией телевидения, позволяющей учесть характеристики функционирования телевизионной системы в конкретном государстве, так как именно они определяют условия подготовки, распространения, зрительского восприятия телевизионных материалов и требования к создающим их журналистам. В свою очередь, это обуславливает выбор методов исследования телевидения как производственно-творческого механизма по созданию и массовому распространению социальной значимой аудиовизуальной информации в системе общественно-политических связей и условиях медиарынка.

Библиографический список

1. Егоров, В.В. Телевидение: теория и практика: учебное пособие / В.В. Егоров. – М.: МНЭПУ, 1992. – 312 с.
2. Грабельников, А.А. Организация информационного производства на телевидении: учебное пособие / А.А. Грабельников, И.И. Волкова, Н.С. Гегелова. – М.: РУДН, 2008. – 250 с.
3. Буданцев, Ю.П. В контексте жизни: системный подход и массовая коммуникация / Ю.П. Буданцев. – М., 1979.
4. Телевизионная журналистика: учебник / под ред. Г.В. Кузнецова, В.Л. Цвика, А.Я. Юровского. – М.: Высшая школа, 2002. – 340 с.
5. Новикова, А.А. Экранная интерпретация реальности средствами телевидения: автореф. дис. ... д-ра культурологии / А.А. Новикова. – М., 2011. – 25 с.
6. Ильченко, С.Н. Судьба жанров в условиях трансформации функций отечественного телевидения / С.Н. Ильченко // Эволюция жанров в российской журналистике: материалы II и III Всероссийских научно-практических конференций. – Самара: Порто-принт, 2010.
7. Азарян, С.Г. Философия телевидения: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / С.Г. Азарян. – Краснодар: 2011. – 25 с.
8. Мясникова, М.А. Морфологический анализ современного телевидения: дис. ... д-ра филол. наук / М.А. Мясникова. – Екатеринбург, 2010. – 321 с.
9. Егоров, В.В. Терминологический словарь телевидения: основные понятия и комментарии / В.В. Егоров. – М.: ИПК работников ТВ и РВ, 1995.

10. Исследования СМИ: методология, подходы, методы: учебно-методическое пособие: материалы лекций для аспирантов факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. – 236 с.

11. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: Ваклер; К.: Рефл-бук, 2001. – 656 с.

[К содержанию](#)

УДК 821.161.1 + 004.738.5

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНОГО НАБОРА В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Т.А. Чигинцева

Статья посвящена изучению влияния компьютерного набора на визуальную организацию текста, его расположение на пространстве страницы.

Ключевые слова: визуальный облик текста; компьютерный набор; прием компьютерной ошибки / компьютерного сбоя; иконический знак.

Ведущим принципом организации текста в современной литературе является дискретность визуального облика страницы. Линейность пространства страницы нарушается разнообразными визуально-графическими приемами, особенно усиливающимися в прозиметрических текстах: сегментированием на небольшие абзацы или главы, пробелом. С появлением компьютерных технологий произошло усложнение визуального облика текста, усилилась его фрагментарность, изменились «базовые принципы текстопорождения, <...> появилась большая свобода в выборе средств визуальной организации текста» [7].

В эпоху интернет-технологий актуальным становится влияние компьютерного набора на визуальную организацию текста, его расположение на пространстве страницы, что подтверждают и сами писатели. Так, например, Маргарита Меклина предпочитает создавать произведения на компьютере и пишет об этом следующее: «Иногда я делаю записи от руки, но в основном все – на компьютере. Когда пишу, важен размер экрана, размер полей».

Компьютерные технологии, по мнению Т.Ф. Семьян, помогают разнообразить визуальные приемы художественной прозы, усложнить визуальный облик, сделать его более игровым. Приемы компьютерного набора разрушают привычный вид прозаического текста, и через это рождаются и новые смыслы и новые отношения «текст – читатель», и, таким образом,

появляется новая семантическая структура. В сегодняшней визуально яркой литературе соединились игровая и глубинная, смысловая функции визуальных эффектов [6]. В качестве основного приема такого плана исследователь выделяет имитацию компьютерной ошибки.

Тщательно исследуя влияние компьютерного набора на поэтические практики, Д. Суховой выделяет ряд общих тенденций:

– нестрогое следование норме и традиции в полиграфическом представлении текста, динамика нормы;

– освобождение формальных элементов от семантики, приписываемой им поэтической или полиграфической традицией, и появление возможности новых осмыслений для несущественных ранее формальных элементов;

– выработка нового, практически общепринятого, представления об одной из заметных тенденций в области внешней организации современного поэтического текста (речь идет о «графически однородном» тексте без заглавных букв, знаков препинания и с минимальным использованием текстовыделения) [7].

Рассмотрим далее, каким образом данные тенденции отражаются в творчестве Т. Грауз, С. Львовского, Д. Гатиной, П. Андрукович, Д. Осокина.

Анализ визуального облика произведений современных авторов показал, что самый частотный компьютерный приём имитирует сбой или ошибку. Прием компьютерного сбоя актуализирован как в стихотворных, так и прозаических текстах Станислава Львовского: «<...> это ut ve;tcndtyuj? Yj rjvajhnyj/ [забыл переключить регистр. Там написано: не мужественно, но комфортно]», «Ghbdt n-ghbdt n. / А ведь как хорошо получилось. / Как сложно» [4]. Подобный прием указывает на стихийность мысли писателя, на его желание визуализировать процесс создания текста.

Татьяна Грауз в произведении «Домик в Коломне» создаёт имитацию компьютерной ошибки, когда строчки текста напечатаны одна на другой. При этом автор варьирует размер шрифта: строчка более крупного шрифта – «← книга красного цвета и пустоты →» напечатана поверх более мелкого «капает болью». Писатель также использует разные междустрочные интервалы в рамках одного фрагмента и даже одного предложения. Благодаря таким визуальным приёмам текст приобретает фрагментарность, что отражено в подзаголовке произведения «Сборник случайных и бесполезных книг».

Компьютерным приемом, который имитирует сбой или ошибку, активно пользуется в своем творчестве Дина Гатина: «Но на самом деле она думала: »Когда же ты заснёшь?» [2]. В данном случае перевернутые кавычки являются визуально-графическим приемом, на котором строится иллюзия невмешательства, максимальной свободы текста от авторской воли.

Ярким компьютерным приемом является также замена вербального текста иконическим знаком, например, смайлом – пиктограммой, составленной из строчной последовательности знаков письма, передающих эмоции при сетевом общении: «Но никак, – видит Бог... – никак не возьму

в толк, зачем ☺»; «<...> ты, конечно, знаешь о моем удовольствии (и позволь мне опять пошутить: о твоём удалстве ☺)» [4]. Их использование призвано маркировать среду и характер письменной речи героев.

В рассказе из цикла «Кафтан саранчи» Дина Гатина использует смайлы в качестве знаков рубрикации, когда в каждой последующей главе скобок, обозначающих улыбку, на одну больше, чем в предыдущей:

«))))))»

Лево же, перейдя кошке дорогу, трёхцветной. Так, без труда пол её угадывается и оттирается. Чистящим и дезинфицирующим средством, потому что кошка. Отмеряем колпачком шута, что теперь сыпет проклятия, и бежим, бежим с перезвоном, пока машин нет. Она проходит, трёхцветная, какие напрасные меры.

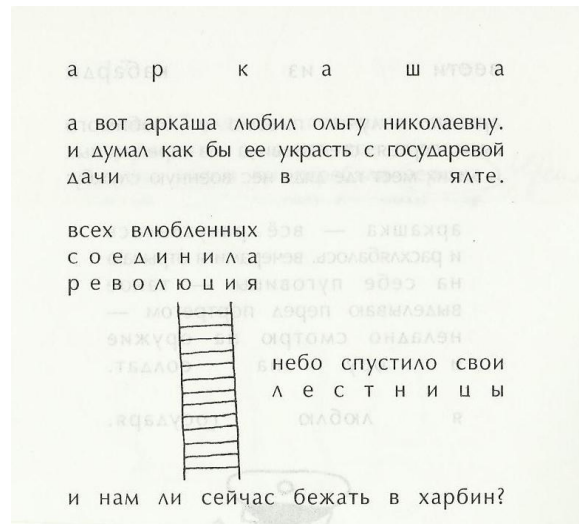
))))))»

Считал, заново приходилось. Понимаешь, это – водонедомерки. Им верить. Мы сами так можем, поскачем. Ай, зачерпнём рыбьих деток в ботинок. Вырастет, израстётся детка, ботинок-то – пропадёт! Считай, заново приходиться, капать одеколону» [2].

Возможностями компьютерного набора активно пользуется в своем творчестве Полина Андрукович. В произведении «У кошечки получилось» встречаются ошибки, возможные при наборе текста на клавиатуре, которые могут быть тут же исправлены автором: «vt,tkm b bcgjdtlm ,skb rfr-nj cdzpfys lkz унет», «gfhtym eitk? Jcnfdbk ghjdkjxre? Yt htif.cm dsrbyenm\$нет. парень ушёл – оставил проволочку; мама ушла спать, оставила дискеты; бабушка ничего не оставила, кроме “мокренских” слёз, ушла спать вечно», «проснулпнет проснулась в час дня еле-еле...», «инфляция – да, пожванет пожалуй, фломастеры, скрепочки, зубную щётку, мазь, сироп с черникой, плёночку фото, для тех работ, но сметану необходимо. всё это помнить и не выходить из дома» [1]. Сокращения, присутствующие в тексте в большом количестве, связаны с особенностями интернет-общения, стремящегося к экономии речевых средств: «что-то делала ночью. б. м., искала паспорт. б. м., не нашла, а сейчас не хочется проверять. солнце, мама с курорта и целая страна воспоминет воспоминаний о Фрадкове-министре; кто-то хочет» [1].

Ещё один часто встречающийся приём компьютерного набора – немотивированно увеличенные пробелы между словами и буквами. Этот приём оказывается очень востребованными современной литературой.

На приёме немотивированного пробела построены тексты Дениса Осокина. Фрагменты, главы, рассказы в книгах Д. Осокина отделены друг от друга увеличенным пробелом, который является основной визуальной фигурой, участвующей в создании фрагментарного нарратива и усиливающей сегментированность текста.

[5]

Увеличенные пробелы в текстах Осокина выступают заместителями знаков препинания, а также наделены глубокой семантической значимостью. Вот как определяет А. Урицкий функцию пробелов в текстах Д. Осокина: «В текст оказываются включены пустые места, белые пятна, образующие причудливые конфигурации (так же напечатаны оглавления циклов, а иногда и прозаические отрывки). Что имел в виду автор – точно определить затруднительно: возможно, это фигуры ангелов, появляющихся в некоторых циклах, возможно, окна из мира #1 в мир #2» [8]. Действительно, если учесть тот факт, что Д. Осокин выделяет в своем творчестве тексты для мертвых, то белое пространство, возможно, призвано визуализировать концепт смерти.

В использовании немотивированного пробела представлена, с одной стороны, ошибка компьютерного набора, а значит непреднамеренность его появления, а с другой, продуманность визуального облика текста. Этот приём активизирует пустое, белое пространство страницы.

Библиографический список

1. Андрукович, П. У кошки получилось / П. Андрукович // Воздух. – 2007. – № 4. – С. 93–101. – <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2007-4/andrukovich/>.
2. Гатина, Д. Кафтан саранчи / Д. Гатина // Авторник: альманах литературного клуба. – Вып. 11. Сезон 2002/2003. – М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2003. – С. 37–40.
3. Грауз, Т. Домик в Коломне / Т. Грауз. – <http://spintongues.msk.ru/grouse10.htm>.
4. Львовский, С. Слово о цветах и собаках / С. Львовский. – М.: НЛО, 2003. – 320 с.
5. Осокин, Д. Барышни тополя / Д. Осокин. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 475 с.

6. Семьян, Т.Ф. Визуальный облик прозаического текста / Т.Ф. Семьян. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2006. – 215 с.

7. Суховой, Д.А. Графика современной русской поэзии: дис. ... канд. филол. наук / Д.А. Суховой. – СПб., 2008. – 271 с.

8. Урицкий, А. Загадки Осокина и другие безнадежности [Рец. на кн.: Soft wave. – М.: НЛО. Денис Осокин. Барышни тополя; Маргарита Меклина. Сражение при Петербурге; Станислав Львовский. Слово о цветах и собаках; Ольга Зондберг. Очень спокойный рассказ. 2003] / А. Урицкий // Знамя. – 2004. – № 1. – С. 219–221.

[К содержанию](#)

УДК 378.126

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

М.В. Чуракова

По результатам исследований предложена модель развития научно-методической компетенции преподавателя вуза. Предложена структура, которая включает личностный, деятельностный, когнитивный компоненты. Обоснована необходимость моделирования процесса.

Ключевые слова: компетенция; научно-методическая компетенция; модель.

Использование метода моделирования для изучения процесса развития научно-методической компетенции преподавателя продиктовано сложившимися традициями в педагогике. Соответствующие исследования неоднократно подтверждали эффективность данного метода в процессе познания педагогических объектов, явлений и процессов.

В научной литературе термин «моделирование» имеет множество толкования. С общенаучной точки зрения моделирование определяется как «воспроизведение характеристик некоторого объекта на другом объекте, специально созданном для его изучения, который при этом называется моделью».

Наиболее полное представление о методе моделирования можно найти у Б.А. Глинского и Б.С. Грязнова. «Метод моделирования, – отмечают они, – применяется как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях исследования. На эмпирическом уровне он может использоваться для выполнения измерительной, описательной и других функций; на теоретическом – для выполнения интерпретаторской, объяснительной, предсказательной функций, а также функций в мысленном эксперименте» [1, с. 135].

«Это многообразие гносеологических функций, – продолжают авторы, – придает методу моделирования большую значимость и служит одной из важнейших причин все увеличивающегося его распространения» [1, с. 135].

В психолого-педагогической литературе моделирование определяется как один из методов познания и преобразования мира, который применяется при исследовании и преобразовании явлений в любой сфере деятельности [3, с. 322], а также как теоретический метод исследования процессов и состояний при помощи их реальных (физических) или идеальных моделей. Часто говорят о моделировании как о методе исследования, предполагающем «построение некоторого образца, аналога или модели изучаемого процесса или явления и дальнейшее исследование соответствующего процесса или явления с помощью созданной его модели» [3, с. 215];

Это означает, что в ходе проведения педагогических исследований моделирование позволяет с основательных позиций подойти к изучению объектов и явлений, наглядно и более четко представить взаимосвязь параметров изучаемого объекта или явления. Учет данных особенностей позволяет разработать оптимальный вариант реализации условий поставленных задач, прогнозировать причины и вероятность возникновения проблем или сбоев, а также возможные пути их преодоления. Эти обстоятельства в очередной раз доказывают целесообразность использования метода моделирования.

Приведенные выше определения указывают на то, что моделирование предполагает построение модели. В нашем исследовании речь будет идти о модели развития научно-методической компетенции преподавателя. При этом мы будем руководствоваться определением модели как системы объектов или знаков, воспроизводящей некоторые существенные свойства системы-оригинала [2, с. 158]. Иными словами, разрабатываемая нами модель будет условно отражать процесс развития научно-методической компетенции преподавателя учреждения вуза. Такая модель будет осуществлять интерпретаторскую, объяснительную и предсказательную функции.

В структуре научно-методической компетенции преподавателя: личностный, деятельностный и когнитивный компоненты.

Личностный компонент отражает характеристики эмоциональной, волевой и мотивационной сфер деятельности преподавателя. На этом основании личностный компонент может быть соотнесен со знаниями, умениями и способностями, которые касаются психологической стороны личности преподавателя. В частности, личностный компонент может быть представлен коммуникативными, рефлексивными и перцептивными знаниями, умениями и способностями.

Когнитивный компонент определяется познавательными способностями преподавателя, наличием определенного «багажа» теоретических знаний. По существу, данный компонент отражает интеллектуальные качества преподавателя. Интеллектуальные качества, как известно, развиваются в процессе реализации творческой активности. Согласно Д.Б. Богоявлен-

ской, интеллектуальная активность – это свойство целостной личности, отражающее процесс взаимодействия познавательных и мотивационных факторов в их единстве. Развитие когнитивной сферы предполагает повышение уровня развития умственных действий, формирование приемов переработки и фиксации необходимой информации, развитие гибкости, мобильности, осознанности мышления, умение видеть проблемы и противоречия, находить способы решения задач [2]. В соответствии с этим когнитивный компонент научно-методической компетенции преподавателя может быть представлен аналитико-синтетическими, прогностическими и конструктивно-проектировочными знаниями, умениями и способностями.

Деятельностный компонент включает в себе накопленные преподавателем знания и умения, а также способности их применения в методической, инновационной и научной деятельности. На этом основании в деятельностном компоненте мы выделяем инновационные, репрезентативные и исследовательские знания, умения и способности.

При этом выделенные компоненты обладают определенной независимостью и автономностью. В схематическом виде структура научно-методической компетенции преподавателя вуза представлена на рис. 1.

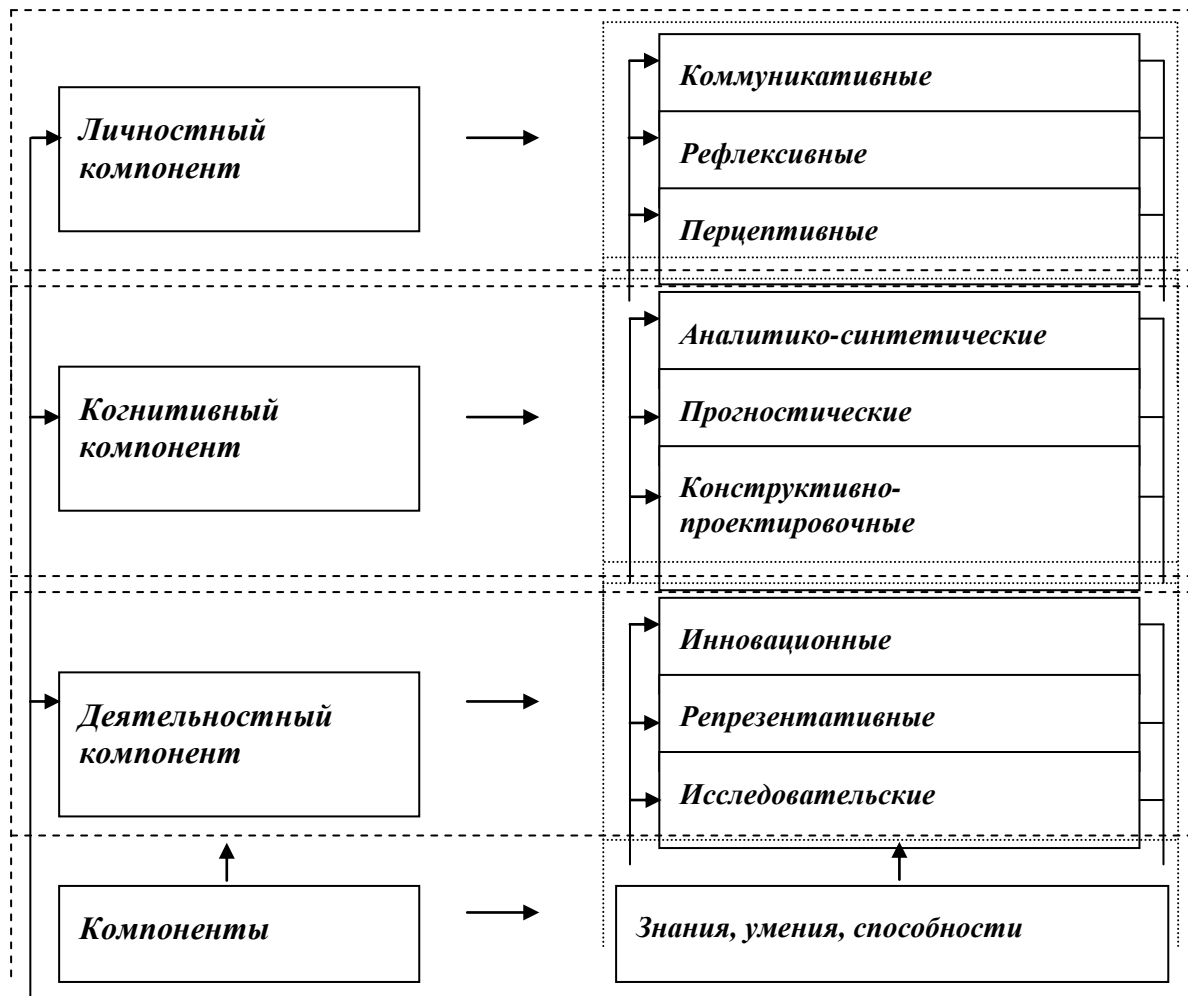

Рис. 1. Структура научно-методической компетенции преподавателя

Представление о структурных компонентах научно-методической компетенции преподавателя позволяет подойти к вопросу о разработке целевых, содержательных, организационно-деятельностных и оценочно-результативных средствах ее развития. Данные педагогические средства мы предполагаем аккумулировать в виде модели, которая будет в схематическом виде воспроизводить характеристики процесса развития научно-методической компетенции преподавателя.

Библиографический список

1. Богоявленская, Д.Б. Психология творческих способностей: учебное пособие / Д.Б. Богоявленская. – М.: Академия, 2002. – 320 с.
2. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: Выявление, развитие и реализация; пер. с англ. (Competence in Modern Society / Its Identification, Development and release) / Дж. Равен. – М.: Когито-Центр, 2002. – 400 с.
3. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1987. – 590 с.

[К содержанию](#)

УДК 004.738.52 + 070

ББК Ч603.25

МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ ЗАМЕТКА КАК ВЕДУЩИЙ ЖАНР ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕЛЕКОМПАНИЙ

О.С. Шаманова

Тенденция трансформации, цель которой – изменение формы, характеристик трансформируемого предмета, становится ведущей в процессе становления жанровой системы СМИ. Перестают существовать в чистом виде такие жанры как статья, обзор, комментарий и др. Под влиянием процесса конвергенции традиционные жанры вынуждены адаптироваться к интернет-пространству. В результате чего создаются новые жанры, структура которых усложняется за счет взаимодействия текста с фотографией, аудио- и видеоматериалами. Такое взаимодействие порождает функциональные, структурно-композиционные и жанровые изменения, в результате чего на информационных сайтах создается мультимедийная заметка.

Ключевые слова: журналистика; жанр; мультимедийная заметка; региональная телекомпания.

В широком понимании мультимедийная заметка – это журналистское единство, в состав которого входят разные виды контента (видео-, аудио-, фото- и текстовая информация). Чаще всего текстовая информация на ин-

тернет-сайтах региональных телекомпаний относится к жанру «заметка» по объему информации, степени аналитичности, сложности структуры и творческо-производственным характеристикам. Она занимает первое место по популярности среди информационных жанров журналистики. А.А. Тертычный в учебном пособии «Жанры периодической печати» дает следующее определение данному жанру: «Жанровое определение “заметка” соотносится с типом материала, отличающегося небольшими <...> размерами, в котором излагаются результаты определенного изучения предмета выступления (знакомства с этим предметом)» [3]. Исследователь отмечает, что для заметки также характерно указание источника информации, отсутствие эмоций автора. Цель заметки – краткое изложение событий.

Обычно заметка строится по принципу перевернутой пирамиды, где верх – это обозначение факта события, а низ – это дополнительная информация об этом событии, расположенные от наиболее значимых к наименее значимым. Это удобно в том плане, что информация на интернет-сайтах часто размещается в двух вариантах: коротком и полном. Имея форму перевернутой пирамиды, текст возможно сокращать без ущерба смыслу. Классическая структура заметки имеет следующие элементы: заголовок + лид-абзац + зачин + подробности. В этой структуре лид-абзац – первый абзац текста, где отражена основная мысль текста; зачин – первое предложение, которое призвано не только сообщить информацию, но и привлечь внимание читателя к нему; подробности – детальное раскрытие сюжетной линии. Заключение в информационной заметке может не быть, т.к. оно не является обязательным элементом.

Мультимедийная заметка (или статья) – это «журналистский материал, в котором тема раскрыта с помощью различных медийных платформ – вербального текста, фотографии, аудио-, видео, графики, анимации и др. производных от них форм» [1]. По мнению М. Лукиной такая заметка является вершиной деятельности конвергентной редакции. Среди основных ее характеристик исследователь отмечает: гармоничное сочетание элементов; отсутствие лишней информации; результат коллективной работы; открытая для развития во времени (могут добавиться другие элементы); редактор статьи должен видеть продукт глазами аудитории, чувствовать ее потребности [2]. Если переложить эти критерии на текстовый контент интернет-сайтов, то можно заметить некоторые различия, что наделает региональную мультимедийную заметку особыми характеристиками.

Текст не является основным элементом таких мультимедийных заметок. Это скорее сопутствующая информация, сопровождающая основной видеоряд и позволяющая читателю сайта бегло познакомиться с темой материала. Но, несмотря на это мультимедийная заметка была бы неполной без текста. Он – связующее звено, «клей» статьи, который объединяет все виды контента в единое целое.

Видеоряд или совокупность сменяющих друг друга картинок является основным продуктом производства региональных телекомпаний и цен-

тральным элементом мультимедийной заметки. Интернетизация привела к тому, что структурно-функциональные характеристики видеоряда изменились. В ряду функций, присущих традиционному телевизионному сюжету, у видеоряда интернет-сайтов первое место занимают коммуникативная и информационная функции. При этом меняется и цель размещения видеоряда в контентной модели интернет-сайта. Если эфирное телевидение подразумевает главным образом информирование аудитории, то интернет-сайт телекомпании размещает видеоряд с целью выйти на контакт со своим зрителем, используя технические возможности интернета.

Классическая схема видеосюжета выглядит следующим образом: Закадровый текст + Синхрон + Закадровый текст + Stand-up. В результате анализа структуры телевизионных сюжетов региональных телекомпаний, размещенных на интернет-сайтах и входящие в состав мультимедийной заметки, мы пришли к выводам, что видеосюжеты в основном – это телевизионные сюжеты, перекочевавшие с экрана телевизора в интернет; структура журналистских видеосюжетов логична, официальна, стандартизована и частично соответствует классической схеме: закадровый текст + синхрон + закадровый текст, где stand-up отсутствует; любительский видеоряд на региональных интернет-сайтах не популярен, профессиональные видеосюжеты преобладают. При этом видеоряд является целевым продуктом телекомпаний и основой для производства фотографий.

Фотография на интернет-сайтах телекомпаний выполняет информационную, информационно-дополняющую и иллюстрирующую функции. Что обусловлено ее способностью сообщать информацию, дополнять основную информацию или истолковывать ее. В связи с этим тематическая рубрикация будет идентична рубрикации видеоряда, т.к. и фото- и видеоинформация являются частями единой мультимедийной заметки.

Первичным для региональных сайтов телекомпаний является видеосюжет, а текст, размещенный на интернет-сайте – вторичен. Структура информационного текста – гибридна: совмещает элементы телевизионного информационного сюжета и информационной заметки печатного издания. Лид-абзац представляет собой сообщение, отвечающее на вопросы «кто участник» и «что произошло» и раскрывающее основную мысль, заявленную в заголовке. Обязательным является членение текста на абзацы. Это способствует легкому усваиванию информации и визуальному членению на смысловые блоки. Заключение для информационных текстов является не обязательным элементом. При этом особенностью информационного сообщения на интернет-сайтах телекомпаний является то, что текстовая информация является одним из обязательных элементов мультимедийной заметки.

Изучив такие элементы мультимедийной заметки, как видеоряд, фотография и аудиоматериалы, на данном этапе мы можем классифицировать мультимедийные заметки региональных интернет-сайтов телекомпаний, по компонентному составу: видеоряд + фотография + текст; видеоряд + текст; фотография + текст.

Библиографический список

1. Лукина, М. Словарь конвергентной журналистики / М. Лукина // Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика: материалы к обучающим семинарам / сост. С. Балмаева. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета; Кабинетный ученый, 2011. – С. 145.
2. Лукина, М. Контент интернет-СМИ / М. Лукина, Н. Лосева // Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика: материалы к обучающим семинарам / сост. С. Балмаева. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, Кабинетный ученый, 2011. – С. 130–132.
3. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. – URL: http://evartist.narod.ru/text2/04.htm#з_01 .

[К содержанию](#)

УДК 378.013+378.02+070.4

ББК Ч612.18+Ч489.52

К ВОПРОСУ О ВОСПИТАНИИ И ПОДГОТОВКЕ ПРОФЕССИОНАЛА СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАСФЕРЫ

Л.П. Шестеркина

В статье анализируется процесс воспитания и формирования профессионально-личностных качеств студента – будущего журналиста в контексте основных квалификационных требований, которые предъявляются современной профессиональной медиасферой в условиях конвергенции СМИ. Актуальность темы обусловлена новым уровнем требований к личности журналиста, чья профессиональная деятельность становится более универсальной. Проблема заключается в необходимости перестройки учебного процесса с целью подготовки современного универсального медиаспециалиста. В исследовании применялся метод системного анализа, опирающийся на комплексный междисциплинарный подход. В результате на теоретико-практическом уровне доказано – направленность журналистского образования на формирование профессионально-личностных качеств студента-журналиста позволяет адаптировать учебный процесс к квалификационным требованиям, выдвигаемым современными средствами массовой информации в условиях конвергенции.

Ключевые слова: универсальный журналист; медиасфера; профессионализм; конвергенция; средства массовой информации.

Целью и результатом профессиональной подготовки в области современного журналистского образования является определенный тип самостоятельного человека – универсального журналиста [1].

Профессиональное развитие личности будущего универсального журналиста сегодня происходит в условиях становления и развития конвергентного информационного пространства, а также благоприятной демократической среды, когда важны равноправие и взаимная заинтересованность всех участников образовательного процесса; в контексте внимания к развитию профессионально важных качеств личности (ответственности, коммуникабельности, мобильности, объективности и т.д.); в условиях актуализации личностного саморазвития в процессе совершенствования своих личностных особенностей студентом и ситуации вовлеченности в учебный процесс не только памяти, внимания и усидчивости, но и высших способностей понимания, воображения, мышления и других.

Профессиональная компетентность современного универсального журналиста – это качественная характеристика его социально и профессионально ориентированной личности, свидетельствующая о степени освоения им как субъектом информационной деятельности соответствующих специальных знаний и умений на основе индивидуальных творческих способностей. По существу, компетентность является универсальным понятием, вбирающим в себя научные знания, профессиональные, ремесленные навыки, самостоятельность, умение адекватно оценивать себя и результаты своего труда, сформированность культурно-нравственных ценностей. По мнению А.В. Райцева, профессиональная компетентность – «это желаемый образ специалиста, который должен сформироваться в гуманистической образовательной системе вуза и с наибольшей эффективностью сможет реализовать свой профессиональный и личностный потенциал в конкретной деятельности» [2].

Созданная на факультете журналистики ЮУрГУ инновационная модель образования журналистов позволяет реализовывать всю совокупность целей и задач подготовки таких специалистов для сферы СМИ. Модель реализуется на базе университетской телерадиокомпании «ЮУрГУ-ТВ», которая функционирует и как самостоятельное СМИ, создающее и формирующее оригинальный эфирный контент, и как учебно-производственное подразделение.

Идейно-смысловые концепты и тематические направления деятельности университетской телерадиокомпании способствуют формированию универсальных и профессиональных компетенций журналистов.

Стремясь к целевому единству и согласованности действий в рамках инновационной модели подготовки журналистов, руководители факультета журналистики ЮУрГУ и телерадиокомпании «ЮУрГУ-ТВ» ежегодно составляют план работы по выпуску студенческих телерадиопрограмм. Ответственными за их подготовку и создание выступают студенты факультета журналистики.

Подобное делегирование ответственности способствует профессионализации деятельности обучающихся, стимулирует их к профессиональной

рефлексии относительно качества производимого и выпускаемого в эфир информационного продукта.

Номенклатура используемых в эфирной практике ТРК видов и жанров журналистского творчества достаточно обширна и соответствует тому наполнению, которое характеризует контент региональных и федеральных телерадиовещателей. В концепции деятельности телерадиокомпании «ЮУрГУ-ТВ» зафиксирована возможная тематическая и жанровая вариативность. Она позволяет не только четко структурировать производственную деятельность, но и адаптировать ее в соответствии с доминирующими в системе профессионального обучения журналистов теоретическими взглядами на практический опыт медийных специалистов.

Рассмотрим в соответствии с представленной в модели схемой обучения наиболее характерные примеры из существующей эфирной практики интересующей нас телерадиокомпании.

Как и в любом крупном субъекте электронного вещания, структурообразующим элементом эфира являются информационные теле- и радиопрограммы [3], в нашем случае они еще и транслируются в сети Интернет. В практике «ЮУрГУ-ТВ» их основными темами являются образование, культура, здравоохранение, социальная сфера, политика, экономика, спорт, погода, реклама, ситуация на дорогах, криминальная хроника.

В процессе освоения принципов и методов работы при производстве ежедневного информационного продукта обучающиеся получают реальную возможность приобретения необходимых профессиональных навыков, умений и компетенций.

На сегодняшний момент мы можем зафиксировать следующие функции, которые обучаемые реализуют на практике, работая в телерадиокомпании «ЮУрГУ-ТВ»:

- организаторскую – организация работы редакций, выездов съемочных бригад, налаживание деловых связей с пресс-службами, информационными агентствами, рекламодателями, проведение соцпросов, работа с письмами телезрителей;
- авторскую – подготовка собственных телевизионных и радиопроизведений, интернет-материалов;
- редакторскую – формирование облика молодежных теле- и радиоканалов, верстка сетки вещания, редактирование материалов, отслеживание соблюдения работниками принципов вещательной политики канала.

В условиях вуза существует определенная номенклатура каналов передачи событийной информации, между которыми осуществляется конвергенция: редакция новостей ТРК «ЮУрГУ-ТВ»; студия «Радио ЮУрГУ»; университетская газета «Технополис»; газета факультета журналистики – «Жираф»; интернет-сайты Южно-Уральского государственного университета, факультета журналистики, ТРК «ЮУрГУ-ТВ», кафедры «Средства массовой информации».

В этой связи в практику работы телерадиокомпании «ЮУрГУ-ТВ» разработана и внедрена конвергентная редакция. Стоит обратить внимание на то, что принцип конвергенции меняет традиционную структуру редакции, форму подачи материала и организацию редакционного процесса. В конвергентной редакции обучаемые работают под руководством преподавателей в рамках учебных дисциплин «Событийная телерадиоинформация», «Современные компьютерные технологии в СМИ», «Профессия - репортер», «Конвергентная журналистика». Такая структура усиливает взаимодействие теоретических дисциплин и реальной практики освоения обучающимися имеющихся технологических обстоятельств, профессионального инструментария в производстве информационных массивов. Это получило логическое продолжение в процессе внедрения ньюсрума.

На базе университетской телерадиокомпании «ЮУрГУ-ТВ», работающей 24 часа в сети Интернет, телерадиоэфире и кабельных сетях, имеющей статус государственной телерадиокомпании и государственные лицензии на телевидение, IP-телефонию, видео по запросу, скоростной выход в Интернет, организован 360-градусный мультимедийный ньюсрум.

Мультимедийные технологии университетского ньюсрума характеризуются объединением такой многокомпонентной информационной среды как университетские СМИ – телеканал «ЮУрГУ-ТВ», студия «Радио ЮУрГУ», газета «Технополис», интернет-сайты в однородном цифровом представлении; обеспечением надежного и долговечного хранения больших объемов информации; простотой переработкой самой сложной информации.

Порядок создания и подготовки мультимедийной информации к публикации в различных видах СМИ в конвергентном ньюсруме согласованы, прежде всего, с методологией обучения студентов компетенциям универсального журналиста. В таких условиях обучения практическое создание информационного продукта студентами начинается со съемок телевизионного сюжета, как наиболее трудоемкого и многокомпонентного творческого процесса (видеосъемка, запись синхрон, расшифровка, авторский текст, монтаж, озвучивание и т.д.). Весь материал поступает на общий сервер сбора информации, оттуда исходная оперативная информация может уйти как одновременно, так и в определенной последовательности на рабочие места журналистов телевидения, радиовещания, интернет-сайтов, печатных СМИ. Особо выделено рабочее место журналиста редакции инновационного вещания для перевода студенческих медиаматериалов на иностранные языки. По мере готовности и в зависимости от вида СМИ, которому предназначен материал, текст обрабатывается, трансформируется, монтируется, озвучивается, приобретает специфические черты, утверждается соответствующим редактором и публикуется в телерадиоэфире, на страницах университетских газет и интернет-сайтов. Почти одновременно с процессом публикации все журналистские материалы поступают на архивный сервер университета.

Проводится работа по архивированию видеоматериалов и на базе одного из университетских суперкомпьютеров – «СКИФ-Аврора ЮУрГУ», первого в мире суперкомпьютера на базе современных процессоров Intel Xeon серии X5680, содержащим в себе целый ряд уникальных отечественных разработок мирового уровня.

Технические характеристики суперкомпьютера «СКИФ-Аврора ЮУрГУ»: (число вычислительных узлов/процессоров/ядер 256/512/2048; тип процессора Intel Xeon X5570 (4 ядра по 2.93 GHz); оперативная память 3 TB (DDR3); дисковая память 60 TB; тип системной сети трехмерный тор (60 Gbit/s, макс. задержка 1 μ s); тип управляющей сети InfiniBand QDR (40 Gbit/s, макс. задержка 2 μ s); сервисная сеть, сеть глобальной синхронизации, три независимые сенсорные сети мониторинга, пиковая производительность 24 Tflops, производительность на тесте LINPACK 21.84 Tflops, операционная система Linux CentOS 4.2) позволяют создать уникальный архив студенческих медиаматериалов. В архиве хранятся как готовая медиапродукция, так и исходные материалы высокого качества (без сжатия), представляющие ценность. Вся информация систематизирована, с указанием авторства и участников программы, основных видеокадров и т.п.

При подобной системе подготовки будущего универсального медиаспециалиста его профессионализация, практическое освоение необходимых умений и навыков, развитие творческих способностей находятся в весьма значительной зависимости от предлагаемых автором данного исследования инновационных методов обучения и формирования социально-профессиональной направленности личности студента как будущего журналиста. Они и позволяют дополнить и развить существующую систему журналистского образования за счет увеличения форм и методов интерактивного обучения студентов, ориентированных как на существующие в профессиональной практике формы и жанры журналистского творчества, так и на наиболее востребованные потребительской аудиторией форматы и виды выпускаемого информационного продукта в условиях конвергенции СМИ.

Библиографический список

1. Рэндалл, Д. Универсальный журналист / Д. Рэндалл. – М.: Национальный Институт прессы, 2000. – 343 с.
2. Райцев, А.В. Развитие профессиональной компетентности студентов в образовательной системе современного вуза: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / А.В. Райцев. – СПб., 2004. – С. 19.
3. Цвик, В.Л. Телевизионные новости России: учебник / В.Л. Цвик, Я.В. Назарова. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 176 с.

[К содержанию](#)

ИНСТИТУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.046 +37.022

БИ-СИСТЕМА В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИН НА КУРСАХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.В. Лихолетов, Б.В. Шмаков

Обсуждаются проблемы обучения в сфере дополнительного профессионального образования. С позиций теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) сравниваются достоинства и недостатки различных методов обучения. Анализируются эффекты обучения двумя преподавателями.

Ключевые слова: дополнительное образование, би-система в ТРИЗ, бинарное обучение (обучение вдвоем)

Основой массового характера формального образования в XX веке была скудость каналов распространения знаний. В современном мире тенденцией стало снижение доли знаний, получаемых людьми в рамках этого образования. По данным К. Кнаппера и А. Кропли в Норвегии уже в 70-е годы в его рамках приобреталось лишь 40 % знаний [1]. Растет доля организованной внеинституциональной составляющей образования. Мощно прирастает (благодаря Интернет) также окказиональная составляющая образования. Неформальное образование, в состав которого входит дополнительное, имеет ряд преимуществ перед формальным образованием. Оно лучше учитывает потребности людей, теснее связано с практикой, базируется на гибких программах, расписании и выборе места проведения занятий.

Система дополнительного образования (ДО) России сегодня в основном сформирована, его подсистемой является дополнительное профессиональное образование (ДПО). Под ним понимается процесс обучения граждан путем реализации дополнительных образовательных программ (ОП), оказания дополнительных образовательных услуг и информационно-образовательной деятельности за пределами основных ОП в интересах человека, общества и государства. На уровне правительства принят ряд видов ДПО, к наиболее распространенным из них относятся повышение квалификации, стажировка и переподготовка. В систему ДПО Минобрнауки России, где обучается более 53 % общего контингента обучающихся, сегодня входят свыше 1350 образовательных учреждений и подразделений высших и средних специальных учебных заведений, реализующих дополнительные профессиональные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов [2].

Целями системы ДПО России на средне- и долгосрочную перспективу являются: 1) превращение её в мощный фактор ускорения структурной пе-

рестройки производства; 2) приведение квалификации специалистов и руководителей в соответствие с потребностями экономики; 3) подготовка кадров высшей квалификации для развития приоритетных направлений науки и техники, создания новых технологий, конкурентоспособных на мировом рынке; 4) увеличение (с другими звеньями профессионального образования) совокупного интеллектуального и духовного потенциала общества, развитие творческих способностей человека [3].

Динамичное развитие экономики требует высококвалифицированных кадров, которые должны быть быстро и качественно подготовлены. Использование для этого переподготовки кадров, повышения квалификации и стажировки целесообразно по причине низких временных затрат на обучение, специфичности и мобильности программ. В связи с проведением большого количества реформ в стране роль ДПО в современных условиях резко усиливается. Видится, что именно система ДПО сможет наиболее полно и быстро решить проблемы кадрового обеспечения важных для развития страны отраслей. Ведь в известной «Концепции 2020» в качестве основного фактора экономического развития России рассматривается человеческий капитал [4]. Отсюда вытекает острая необходимость поиска эффективных способов проведения занятий в системе ДО. Несмотря на обилие новых форм занятий, лекция по-прежнему остается главным звеном дидактического цикла обучения. Появившись ещё в Древней Греции, лекция получила своё развитие в Древнем Риме и в средние века. Примерно с середины XIX века стала ощущаться потребность в практических занятиях, стимулирующих самостоятельность и активность студентов. Взгляд на лекцию стал меняться, возникла мысль о сокращении лекций, поскольку их назначение – вводить студента в соответствующую область знаний и готовить к самостоятельному изучению материала по книгам.

Оригинально вопрос о лекции поставил в 60-е гг. XIX в. Н.И. Пирогов. По нему, лекции должны читаться лишь, если лектор владеет совершенно новым, ещё не опубликованным материалом или обладает выдающимся даром слова. Таким мастером был наш великий историк В.О. Ключевский. В его лице нераздельно соединялись учёный и художник. Русская история излагалась им как галерея меняющихся исторических картин и ярких образов действующих лиц. В лекциях он ставил задачу показать давно прошедшую действительность как «осязаемую реальность». В защиту лекции решительно высказался проходивший в Петербурге в 1896 г. II съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, где было подчеркнуто, что живое слово – могущественное средство сообщения научных знаний и по своей способности прочно запечатлеть наиболее существенные стороны предмета не может быть заменено никакой книгой.

Лекция – система, в которой реализуется ансамбль функций: информационная, разъясняющая, методологическая, организующая, ориентирующая, активизирующая, развивающая, воспитывающая, оценочная (табл. 1).

Таблица 1

Ансамбль функций лекции

№	Функция	Комментарий
1	Информационная	Несет определенную информацию о своем предмете
2	Разъясняюще-объяснительная	Расширяет кругозор слушателей, способствует пониманию сложившейся системы знаний
3	Методологическая (убеждающая или логическая)	Придаёт учебному курсу концептуальность; демонстрирует подход к освоению образцов и способов мышления (анализа, постановки проблемы, выбора стратегии решения проблемы, прогнозирования и пр.). Использование реальных фактов дает подтверждение гипотезам, подчеркивает важность материалов
4	Организирующая	Заключается в организации внимания слушателей. Предполагает создание психологического климата в группе
5	Ориентирующая	Дает основу для усвоения учебного материала, служит путеводителем в самостоятельной работе при изучении первоисточников и другой литературы
6	Активизирующая (мотивирующая, увлекающая)	Создание стимулов работы студентов (за счет эмоциональности лектора, интересного материала и пр.). Хорошая лекция возбуждает интерес слушателей к стратегиям мышления и способам организации деятельности. Активизация внимания обеспечивается высоким научным уровнем лекции. Научная несостоятельность лекции не прощается
7	Развивающая	Слушатель – соучастник преподавателя. Осуществляется развитие личности обучаемого: его социальных установок, ума, чувств, воли, характера. Лекция учит пониманию общественных законов, вырабатывает умение диалектически подходить к изучаемым явлениям
8	Воспитывающая	Формирует у слушателя созидательно-активную установку на профессиональную деятельность, чувства ответственности за её результаты. Ориентирована на становление и развитие личности квалифицированного специалиста, его мировоззренческой и гражданской позиции, общей культуры и этики поведения
9	Оценочная	Когда по проблемам курса в пособиях и научных статьях даются спорные и разноречивые концепции, лекция необходима, чтобы дать объективную оценку различных подходов и трактовок

Лекции в ходе обучения различаются смещением спектров функций. Во вводной лекции доминируют ориентационная и мотивирующая функции, отсюда её цель – дать общую ориентировку в предмете, вызвать интерес, побудить к самостоятельному мышлению. В тематической лекции преоб-

ладают информационная, организационно-ориентационная и методологическая функции, в ней идет демонстрация фактов, их анализ, выводы, доказательства по определенной проблеме и теме. Заключительные (обобщающие) лекции посвящаются изложению стержневых идей и структурированию учебного материала, систематизации сущностных связей объектов и явлений в свернутой, концентрированной форме.

Сегодня прежнее ведущее значение информационной функции лекции утрачивается. Это связано, прежде всего, с ростом числа источников информации, широкодоступных обучающимся. В этой связи усиливается значение ориентационной функции. Кроме того, из-за возрастания роли самостоятельного обучения усиливается значение методологической функции. Слушатели все больше нуждаются в приобретении навыков и умений в том, как надо учиться.

Реализация этих функций происходит через изменение содержания занятий. В табл. 2 приведены результаты сравнения различных методов обучения и обозначены уровни знаний, формируемые в них. Нами здесь принята шкала знаний из работы [5], основные обозначения даны в табл. 3.

В образовательном пространстве событийными, например, называют занятия, воздействующие на эмоционально-ценностную сферу личности обучающегося, развитие их познавательных потребностей, создание условий для самоопределения и выработки собственной ценностно-смысловой позиции. Однако лекция или семинар могут стать событием лишь при условии совместного проживания и переживания личностно значимой для преподавателя и слушателя ситуации.

Анализ разнообразия современных видов лекции позволяет назвать ряд её свойств: 1) социальное событие; 2) демонстрация мыслительных стратегий; 3) источник информации; 4) пространство диалога, 5) совместное решение проблем. Особенности трансформации лекции в современных условиях позволяют утверждать, что её вид и функции определяют тип совместной деятельности преподавателя и слушателей и в других формах (самостоятельной работе слушателей, практических занятиях и т.п.).

Особого внимания заслуживают проблемные лекции, в ходе которых преподаватель создает проблемные ситуации, а затем осуществляет постановку и анализ проблемы, выдвижение гипотез. Высокий накал проблемности и эмоциональности реализуется в бинарной лекции (лекции вдвоем), где каждый из преподавателей занимает определенную позицию в коммуникации (докладчик, критик, эксперт, проблематизатор и проч.).

Эволюция направления проблемной лекции как системы привело к возникновению в США полисистемы – лекции-панели, где в дискуссии участвуют даже несколько высококвалифицированных экспертов, имеющих собственную точку зрения на решение обсуждаемой проблемы.

Таблица 2

Сравнительные характеристики различных методов обучения

Методы обучения	Решаемые задачи:								
	формируют знания:						развивают:		
	ЗЗ	ЗК	ЗН	ЗУ	ЗУб	ЗТр	мыш-ление	па-мять	речь
1. Словесные (слушание лекций, семинаров, консультаций), в т.ч.:	+	+	-	-	-	-	-	-	+
1.1. вводная лекция;	+	-	-	-	-	-	-	-	-
1.2. обзорная или системообразующая лекция (лекция-«сшивка»);	+	-	-	-	+	-	-	-	+
1.3. рассказ;	+	+	-	-	+	-	-	-	+
1.4. лекция-информация.	+	+	-	-	-	-	-	-	+
2. Диалоговые (вовлечение слушателей в диалог, полилог), в т.ч.:	+	+	+	+	+	-	+	+	+
2.1. лекция с запланированными ошибками;	+	+	-	+	+	-	+	+	+
2.2. лекция с разбором конкретных ситуаций;	+	+	+	+	+	-	+	+	+
2.3. лекция-конференция;	-	-	+	+	+	-	+	+	+
2.4. проблемная лекция: завершение курса или большого модуля;	-	-	+	+	+	+	+	+	+
2.5. бинарная лекция (лекция вдвоем);	-	+	-	+	+	+	+	-	+
2.6. лекция-дискуссия;	-	-	-	+	+	-	+	+	+
2.7. объяснение;	-	-	-	+	+	-	+	-	+
2.8. лекция-консультация;	-	-	-	-	+	-	+	-	+
2.9. лекция-беседа.	-	-	-	-	-	+	+	-	+
3. Наглядные (видео, стендовый доклад, схемы и т.п.), в т.ч.:	+	-	-	-	+	+	+	+	+
3.1. метод иллюстраций;	+	-	-	-	-	-	+	+	-
3.2. метод демонстраций;	+	-	-	-	+	-	+	+	-
3.3. лекция-визуализация;	+	+	-	-	+	-	+	+	+
3.4. экскурсии.	+	+	-	-	+	+	+	+	+

Используемые здесь обозначения: + – формирование и развитие; +! – формирование и развитие в большей степени

Таблица 3

Шкала знаний и комментариев к ней

Тип	Наименование	Содержание
ЗЗ	Знания – Знакомства	«Да, помню ..., что-то было, а что ... не помню». Начальный уровень познания. Здесь «работают»: узнавание, эмоциональная память...
ЗК	Знания – Копии	«Да, могу пересказать...». Заучивание, зубрежка, пересказ на каком-то уровне приближения к оригиналу (множество подуровней). Оригинал дает только творец, а – преподаватели – копии какого-то уровня. Наши слушатели – это уже копии копий
ЗН	Знания – Навыки	«Могу использовать для типовой задачи и типового метода решения» (тип или узнаваемый, или сообщаемый). Многократное использование с фиксацией типа (задачи и метода). Применение Знаний – Копий на практике для решения практических задач. Предусматривает множественное применение
ЗУ	Знания – Умения	«Могу под задачу выбрать метод из освоенных или под метод выбрать (сформулировать) задачу». Применение навыка в условиях неопределенности при наличии множественных навыков и Знаний – Копий
ЗУб	Знания – Убеждения	«Знаю много методов, умею выбрать оптимальный и уверен, что он наилучшим образом подходит для данной ситуации» (иначе, «могу доказать, что выбранный мной метод наиболее эффективен в данных условиях»). Это знание многих методов и умение их сравнивать в конкретных условиях, выбирать наилучший метод деятельности. Свидетельствует о наличии позиции
ЗТр	Знания – Трансформации	«Могу разработать новый метод исходя из известных знаний, т.е. предложить, изобрести новое». Это творчество на основе полученных знаний
ЗС	Знания – Системные	«Вижу системно, могу создавать системы под функцию, менять функции и принципы. Знаю и открываю законы развития и могу их использовать». Это перенос известного из одной области в другие и адаптация знаний из других областей

Таким образом, анализ эволюции эффективных форм обучения подтверждает действие закона развертывания-свертывания по линии «моно–би–поли», где первым шагом развития является переход от моно- к бисистемам [6]. Переход в надсистему при исчерпании возможностей развития в рамках системы сегодня подтвержден огромным числом примеров в системах любой природы – от технических до социальных. В судостроении, например, это переход от однокорпусного судна (лодки) к катамарану и далее к полимарану, в архитектуре компьютеров – переход от одноядерного процессора к двухядерному и многоядерному. Матушка-природа, видимо, не зря продублировала важные части организма: у человека две руки, две ноги, две почки, два легких, два глаза и т.д. Это повышает надежность системы, т.к. в бисистеме в ходе объединения появляется новое качество, не присущее моносистеме. Дальнейший переход к полисистемам знаменует собой этап эволюции, где обретение новых качеств идет за счет количественных показателей. Расширенные возможности организации однотипных элементов в пространстве и времени позволяют полнее задействовать их внутренний потенциал и ресурсы окружающей среды.

Мысль о времени появления формы бинарных занятий преподавателей уводит нас в глубь веков. Доказательством «живучести» этой формы обучения и развития людей служат практики проведения двумя преподавателями-инструкторами занятий хатха-йогой в Индии, различными единоборствами в странах Востока. Давно известен и активно используется при открытом расследовании метод «плохого» и «хорошего» следователя.

Бинарное обучение – процесс индуктивно-дедуктивный: от частных к обобщению и от обобщений к новым частностям. Эта форма проведения занятий позволяет активно осваивать способы преломления теоретических категорий в практику самопознания, поэтому эксплуатируется во многих ведущих учебных центрах мира и нашей страны. Например, в такой форме ведут занятия по основам экзистенциальной психотерапии с магистрами Высшей школы экономики профессор А. Лэнгле и доцент В. Шумский.

Бинарные занятия весьма активно формируют такие уровни знаний как ЗУ и Зуб и благотворно воздействуют на речь (см. п. 2.5 в табл. 2). Не случайно в технологии проведения обучающих семинаров по ТРИЗ в нашей стране, начиная с 60-х годов ушедшего века, сложилась практика их проведения двумя преподавателями. В качестве ярких «дуэтов» преподавателей можно назвать С.С. Литвина и В.М. Герасимова (г. Санкт-Петербург), Б.Л. Злотина и А.В. Зусман (г. Кишинев), Б.В. Шмакова и Е.Г. Щепетова (Челябинск), В.Г. Сибирякова и Л.Н. Семенову (г. Новосибирск) и др.

В ходе преподавания курсов «Возможности использования потенциала теории решения изобретательских задач и теории развития творческой личности (ТРИЗ и ТРТР) в модернизации вузовских дисциплин» и «Актуальные проблемы модернизации высшей школы» в системе дополнитель-

ного образования ЮУрГУ также эффективно используется форма бинарных лекций и семинаров. Практика показала, что занятия, проводимые вдвоём, создают условия для актуализации знаний слушателей, необходимых для диалога, что позволяет глубже понять суть обсуждаемых проблем, их связь с практикой. При этом создаётся преграда догматизму и конформизму, опасность которых есть в любой информационной лекции. Занятия вдвоём предоставляет пространство развития самих лекторов, получающих возможность продемонстрировать профессионализм и получить удовлетворение, уйдя от рутинных методов.

В ТРИЗ известно, что развертывание систем и переход в надсистему может осуществляться разными способами. Одним из них является создание би-системы из однородных (или однофункциональных) систем. Появление эффекта эмерджентности – нового качества такой объединенной системы хорошо иллюстрирует русская пословица: «Одна голова – хорошо, а две – лучше». Поэтому даже если в ходе преподавания один преподаватель излагает учебный материал, а второй лишь дополняет его, выделяя ключевые моменты – это уже хорошо, ведь происходит более полное раскрытие темы.

Ещё лучше, когда один из преподавателей высказывает свою отличающуюся точку зрения на освещаемый вопрос – это уже переход к би-системе из однородных систем со сдвинутыми характеристиками. Он может быть проиллюстрирован пословицей: «Из огня – да в полымя».

В случае изложения преподавателями альтернативных точек зрения на обсуждаемый вопрос в голове слушателей создается еще более интересная ситуация, провоцирующая их на синтез новой системы знаний, дающая новый взгляд и заставляющая «думать иначе». Это хорошо иллюстрирует пословица: «Худой жених сватается – доброму путь кажет».

Поясним: в ТРИЗ есть эффективный метод создания би-системы путем объединения альтернативных систем, когда на базовую систему, обладающую простотой (экономичностью, технологичностью) переносят принцип действия (или закономерность), обеспечивающий высокую функциональность альтернативной системы [7].

Например, сегодняшняя ТРИЗ с развитым аппаратом постановки и решения задач высокоэффективна, однако требует достаточно продолжительного обучения, что есть плохо (большие затраты времени). Альтернативный метод проб и ошибок (МПиО) прост и малозатратен, но неэффективен. При «скрещивании» ТРИЗ и МПиО, согласно методу объединения альтернативных систем, следует «привить» МПиО принципы действия (закономерности), обеспечивающие ТРИЗ высокую эффективность.

Именно поэтому сегодня активно разрабатываются базирующиеся на методологии ТРИЗ экспресс-системы быстрого решения задач (включающие 4–5 ходов, например, экспресс-алгоритм «5+5» М. Гафитулина), а

также ведется разработка программных продуктов класса «Компьютерная поддержка мышления» (в их числе «Анализ и синтез систем» (ООО «Аналитика»), «Генератор идей» (алгоритм С. Малкина, США) [8] и др.).

Самый высокий накал эмоций слушателей на бинарных занятиях происходит в случае, соответствующем созданию би-системы из системы и антисистемы. В этом случае перед слушателями разворачивается защита противоположных точек зрения. На этот счет народная мудрость тоже дала свои толкования: «Милые бранятся – только тешатся» или «Муж и жена – одна сатана». Диалог двух профессионалов с разными стилями общения вызывает у слушателей большой интерес благодаря внешней привлекательности беседы. При этом преподавателям гораздо легче поддерживать живой контакт с аудиторией через рассмотрение противоречивых сведений, что способствует развитию педагогической импровизации как преподавателей, так и слушателей, их коммуникативных умений, способностей к рефлексии, творческой активности, формированию собственной позиции по обсуждаемой проблеме.

Безусловно, ситуация, когда на занятии складывается ситуация «Я тебе про Фому, а ты мне – про Ерему» или «Кто в лес, а кто – по дрова» свидетельствует об уходе от обсуждаемой проблемы. На языке ТРИЗ это ситуация перехода к построению би-системы из разнофункциональных систем. Однако даже такая бинарность может быть использована в ходе занятия (например, для психологической разгрузки слушателей), но лучше, если разгрузка функционально «привязывается» к обсуждаемой теме.

Таким образом, преимущества проведения бинарных занятий состоят в достижении ряда следующих эффектов: 1) актуализации имеющихся у слушателей знаний, необходимых для понимания диалога и участия в нём; 2) создании проблемной ситуации и развёртывании системы доказательств; 3) наличии двух источников, заставляющих слушателей сравнивать разные точки зрения, делать выбор, присоединиться к той или иной из них, но, главное, вырабатывать свою; 4) выработке наглядного представления о культуре дискуссии, способах ведения диалога, совместного поиска и принятия решений; 5) выявлении профессионализма педагога, раскрытия его личности. Описание некоторых эффектов, получаемых в ходе бинарных занятий в системе дополнительного образования, приведено нами ниже в табл. 4.

При проведении бинарных занятий присутствуют все признаки активных методов обучения: 1) проблемность; 2) адекватность учебно-познавательной деятельности характеру будущих профессиональных задач и функций обучаемого; 3) взаимообучение; 4) индивидуализация; 5) самостоятельность; 6) усиление мотивации; 7) эмоциональное воздействие.

На бинарных занятиях обычно не возникает проблем контакта преподавателей с аудиторией. Последний, как известно, бывает логический, нрав-

ственный и психологический. Логический контакт – это, прежде всего, контакт мысли преподавателя и слушателей. Нравственный же контакт зависит от содружества преподавателя и аудитории.

Таблица 4

Эффекты бинарного подхода

№	Эффект	Комментарий
1	Информационный	Высокая информационная емкость из-за свертки информации
2	Разъясняющий	Диалоговая форма подачи информации улучшает понимание учебного материала
3	Методологический	Повышение системности и концептуальности занятий
4	Организирующий	Благоприятный психологический климат на занятиях
5	Ориентирующий	Ввиду представления двух источников информации слушатели сравнивают разные точки зрения, делают выбор, присоединяются к той или иной из них, вырабатывают свою
6	Активизирующий и мотивирующий	Высокая эмоциональность подачи информации улучшает запоминаемость, создает относительная легкость перевода из долговременной памяти в оперативную. Использование эмпатии, способности людей к сопереживанию, позволяет преподавателям интенсифицировать восприятие учебного материала. Есть сведения о росте мотивации к учению до 30 %
7	Развивающий	За счет моделирования ситуаций и обсуждения вопросов с разных позиций (теоретиком-практиком, сторонником-противником) идет активное развитие личности обучаемых: их ума, чувств, воли, характеров
8	Воспитывающий	Уровень вовлеченности слушателей сопоставим с активностью преподавателей. Они получают представление о культуре дискуссии, ведения диалога, совместного поиска решений
9	Оценочный	Специальная задача – демонстрация отношений преподавателей к объекту высказываний. Высвечивает личность преподавателя как профессионала в своей предметной области и как педагога ярче и глубже, нежели любая другая форма занятий

В ходе бинарных занятий активно реализуются функции супервизии. Однако это вовсе не «надзор» одного преподавателю за другим и фиксация недочетов, а оперативная их коррекция с использованием эффективных средств юмора и афористики. Дополнение логики изложения учебного материала эмоциональной компонентой обогащает обучение и обеспечивает высокий уровень наставничества.

При организации бинарных занятий с двумя преподавателями в явном виде проявляется все четыре вида активности слушателей: 1) мышление;

2) действие; 3) речь; 4) эмоционально-личностное восприятие информации. Такая интенсификация обучения, безусловно, способствует росту эффективности проведения занятий в системе дополнительного образования.

Библиографический список

1. Knapper, C.K. Lifelong learning and higher education / С.К. Кнаппер, А.Д. Кропсли. – London: Croom Helm, 1985. – 224 p.
2. Волкова, Н.С. Анализ системы дополнительного профессионального образования России и его роль в современных условиях / Н.С. Волкова // Молодой ученый. – 2012. – № 5. – С. 412–415.
3. Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 годы (г. Москва, февраль 2011 г., Министерство образования и науки Российской Федерации). – URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Title/>.
4. Концепция социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. (г. Москва, сентябрь 2008 г., Министерство экономического развития Российской Федерации). – URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/main>.
5. Шмаков, Б.В. Функциональный подход в моделировании мыслительного процесса: наработка и коррекция / Б.В. Шмаков // Опыт применения современных методов и средств обучения в Челябинском государственном техническом университете: тез. докл. науч.-метод. конф. – Челябинск, 1997. – С. 18–27.
6. Поиск новых идей: от озарения к технологии (теория и практика решения изобретательских задач) / Г.С. Альтшуллер, Б.Л. Злотин, А.В. Зусман, В.И. Филатов. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1989. – 381 с.
7. Герасимов, В.М. Зачем технике плюрализм (развитие альтернативных технических систем путем их объединения в надсистему) / В.М. Герасимов, С.С. Литвин // Журнал ТРИЗ. – 1990. – № 1. – С. 11–31.
8. Михайлов, В.А. Научное творчество: методы конструирования новых идей: учеб. пособие / В.А. Михайлов, П.М. Горев, В.В. Утёмов. – Киров: Изд-во МЦИТО, 2014. – 101 с.
9. Горячова, М.В. Технологии организации лекций по математическим и естественно-научным дисциплинам двумя преподавателями / М.В. Горячова, Л.В. Андрухив, И.Ю. Асманова // Современные проблемы науки и образования. – 2008. – № 6 (приложение «Педагогические науки»). – С. 11.
10. Бекузарова, Н.В. Бинарное взаимодействие в системе вузовского образования / Н.В. Бекузарова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. – 2011. – № 1 (14). – С. 27–30.

[К содержанию](#)

УДК 37.014.5 + 37.02

РАЗВИТИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ С ПЕРЕХОДОМ НА ДВУХУРОВНЕВУЮ СИСТЕМУ ОБУЧЕНИЯ

Б.В. Шмаков

Исследования концептуальных систем, доложенные на конференции в Красноярске и личный опыт работы автора в системе дистанционного образования позволили выделить пространство деятельности дополнительного образования в рамках двухуровневого обучения и сформулировать ряд требований к образовательному процессу в системе профессионального дополнительного образования (ПДО). Сформулированы задачи реинжиниринга образовательной системы в целом и в ПДО в частности. Выделены ценности и идеальный образ, а также критерии достижения желаемого результата по выделенным проблемам ПДО.

Ключевые слова: дополнительное образование, пространство образования, идеальный образ, проблемы, реинжиниринг.

«Я приверженец классической подготовки, практиковавшейся долгие годы в стране, проверенной жизнью в России и эффективной деятельностью наших выпускников за рубежом. Спорить о достоинствах и недостатках нововведений следует во время обсуждения проектов, а сейчас: «ребенок родился и с ним надо работать»

Из интервью с академиком В.М. Бузником о двухуровневой системе образования.

Цель исследования – выделить пространство профессиональной деятельности системы дополнительного образования в рамках двухуровневого обучения в сфере высшего профессионального образования. Изменение структуры образовательного пространства на уровне высшего профессионального образования (ВПО) пока не привело к изменению всего образовательного пространства и в частности системы профессионального дополнительного образования – ПДО (рис. 1).

В современной России, несмотря на то, что двухуровневая система образования фактически существует уже пять лет, тем не менее, до сих пор потребители с большой неохотой берут выпускников с дипломом бакалавра, утверждая, что не знают на какую должность их принять. С другой стороны программы магистратуры многих вузов являются если не повтором, то определенным дополнением к ранее полученным знаниям, причем профессорско-преподавательские кадры большинства российских вузов не готовы к реализации системы магистратуры.

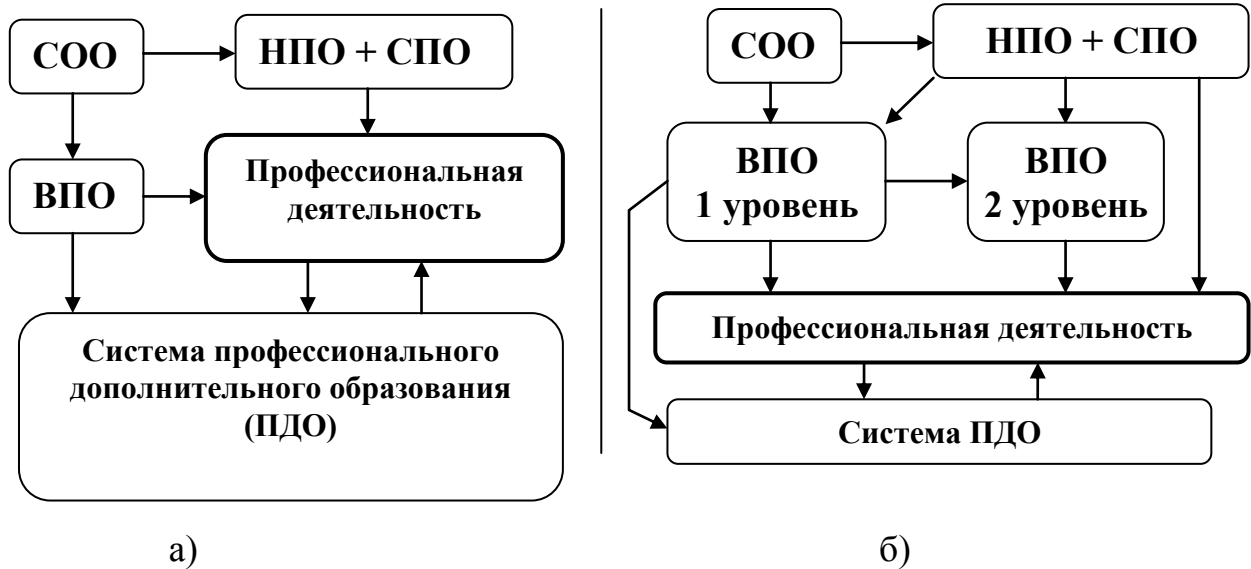

Рис. 1. Структура системы образования: а) до и б) после перехода на двухуровневое образование

На рисунке 2 представлена динамика развития ПДО, а на рисунке 3 – компоненты содержания понятия непрерывного образования.

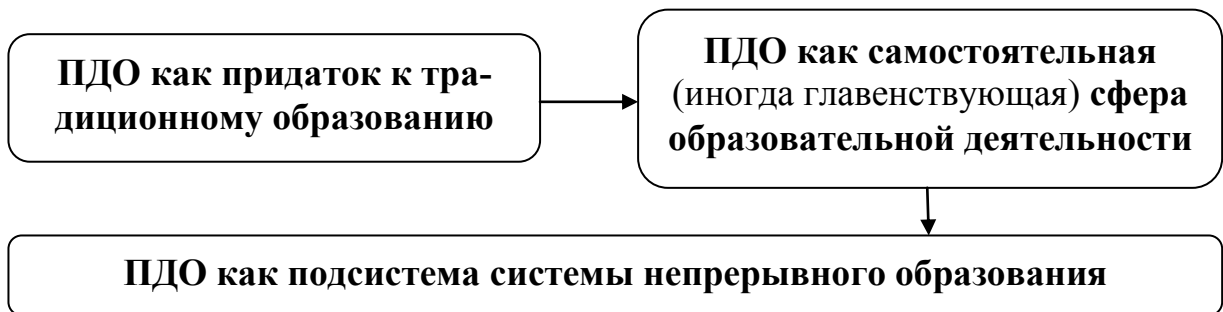

Рис. 2. Изменение взгляда на ПДО (по литературным данным)

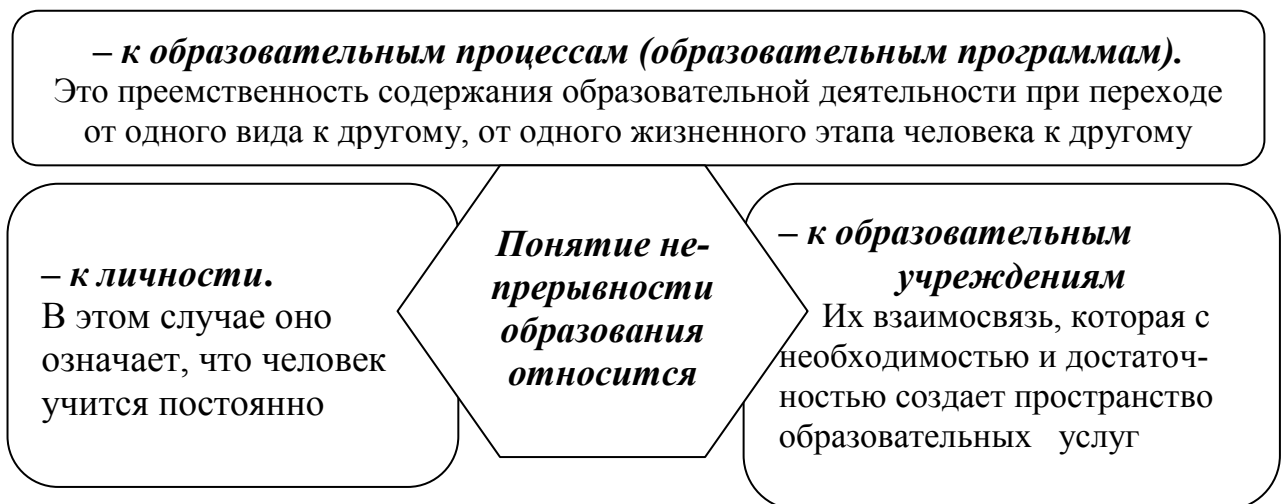

Рис. 3. Развертывание понятия «непрерывное образование»

Произошли существенные изменения не только в понятийном поле образовательного пространства и в реальном положении субъектов образования. По мнению М.Р. Пфайфер, «...С другой стороны, в эти годы появились люди, потерявшие в силу тех или иных причин работу. Оптимальный путь их трудоустройства – переподготовка к какому-то иному виду деятельности».

«...В то же время современный период отмечен скачкообразным и мощным усложнением социальной жизни. Развитие разнообразных форм собственности, возникновение различных политических партий и общественных движений, новые возможности высказывать и отстаивать различные точки зрения – все эти факторы раскрепощения общества и личности заставляют человека воспринимать и интерпретировать значительно больший объем разнообразной информации и более осмысленно вырабатывать свою собственную позицию по значительно большему кругу вопросов социальной жизни» [1].

Проявившиеся реалии требуют преобразования структуры образовательного пространства согласно закону согласования рассогласования параметров системы [2]. Анализ приведенных структур (см. рис. 2 и 3) позволяет сделать вывод о новом месте системы ПДО в образовательном пространстве (рис. 4).

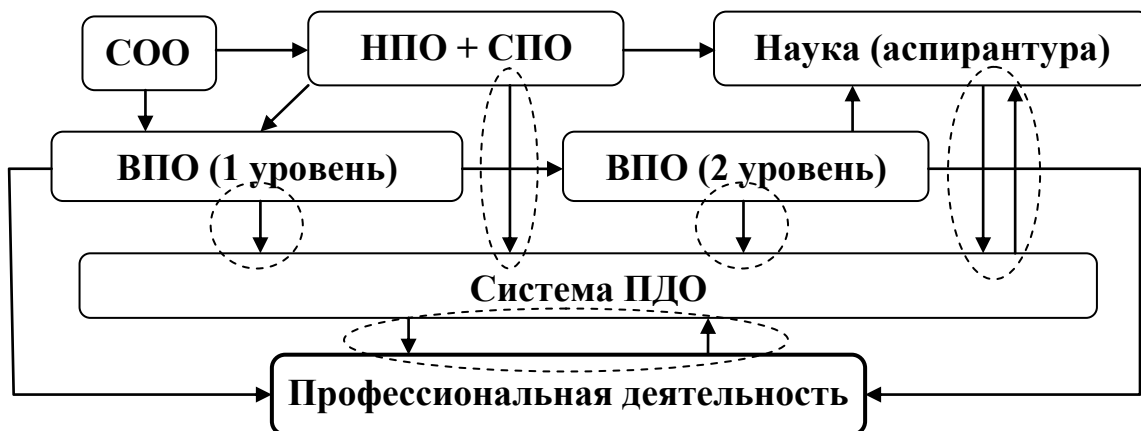

Рис. 4. Новое место ПДО в системе после перехода на двухуровневое образование

В системе ПДО проявились новые взаимосвязи, что требует изменение внутренней структуры ПДО. И несмотря на то, что большинство связей возникает непосредственно сразу после получения высшего образования, подготовка к профессиональной деятельности меняет также требования к образовательному процессу в системе ПДО.

Анализ западноевропейской модели повышения квалификации показывает, что преподаватели системы ПДО рассматриваются как *метапреподаватели*. Приставка «мета» в контексте профессионально-педагогического образования подчеркивает её уровневый характер как в содержательном,

так и в организационном аспекте. Такое положение ставит вопрос о возможности использования вузовских преподавателей в системе ПДО. И дело не только в том, что они, как правило, оторваны от реальных производственных процессов, но и в том, что в системе ПДО наличествует совершенно другой субъект восприятия знаний, а также требуется другой уровень его освоения. Настало время обратить серьезное внимание на науку андрагогику, разрабатывающую принципы и методы образования взрослых. Последнее ставит вопрос о необходимости изменения направления *повышения квалификации педагогических кадров, работающих в системе дополнительного образования*.

По мнению Ю.И. Калиновского, образовательные учреждения повышения квалификации должны стать местом проведения исследований по вопросу организационно-технологического обеспечения *повышения квалификации педагогических кадров* и методов распространения инноваций по всей системе профессионального образования через образовательные программы андрагогической подготовки специалистов повышения квалификации. В зарубежных исследованиях этот механизм распространения инноваций именуется «каскадной моделью» [3]. В основе каскадной модели заложен программный принцип образовательного процесса, подразумевающий такую его организацию, когда основной единицей является образовательная программа, а не предметная дисциплина, практикум и проч.

За рубежом крупные фирмы располагают, как правило, собственной системой подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. Это сеть специальных учебных заведений, имеющих мощную материально-техническую базу, штаты квалифицированных преподавателей. В высокотехнологических отраслях промышленности ежегодно проходят переподготовку 75–85 % всех категорий персонала. Компании располагают правом присуждать своим работникам ученые степени. В России же наблюдается тенденция формирования программ непрерывного образования на базе вузов. В этой связи встает вопрос об эффективности форм реализации непрерывного образования.

П. Сенге выдвинута концепция обучающейся организации, согласно которой её можно назвать обучающейся, если она подходит к осмыслению себя и развивается через формирование пяти умений [4].

Первое умение – это личное совершенствование, мастерство в совершенствовании личности. Современный вуз должен поддерживать и поощрять своих сотрудников в движении вперед и создавать рабочую атмосферу, способствующую личностному росту сотрудников. Значимым в данном контексте становится осмысление человеческого ресурса как капитала.

Второе умение – это использование вариативных интеллектуальных моделей. Модели как стереотипы в отношении восприятия и разрешения производственных ситуаций так же укоренены в мышлении, как и чисто бытовые. Каждый индивид обладает своими убеждениями и ценностями,

индивидуально воспринимает мир и происходящие в нем события, по-своему думает, усваивает и осмысливает полученную информацию, то есть имеет отличающуюся от других мыслительную карту.

Третье умение – это общее видение. Многие руководители не придают значения тому, что их личное видение развития организации не понято и не разделяемо всеми сотрудниками. Благодаря общему видению люди учатся не потому, что им так велели, а потому, что им этого хочется. Каждый сотрудник вуза должен уметь оценивать, на каком этапе профессионального развития он находится сейчас, куда нужно стремиться, какие ресурсы для этого необходимы.

Четвертое умение – это групповое обучение, поощрение коллективного обучения. Однако в данном случае речь идет не только о *тренингах* или семинарах, но и о новых методах организации командного взаимодействия, свободном обмене мнениями в группах – диалоге. Именно диалог между сотрудниками приводит к таким прозрениям, которые могут быть абсолютно недоступны для каждого в отдельности. В ходе обсуждения создается ситуация неявного обучения. *Тренинг* – ещё один успешно зарекомендовавший себя вид коллективного обучения, который может проводиться прямо на рабочем месте, в рамках различных курсов повышения квалификации.

Пятое умение – это системное мышление, развитие способности системного мышления. Без системного мышления все остальные умения остаются разрозненными приемами, модной новинкой науки управления. При этом жизненно важно, чтобы все пять умений развивались не по отдельности, а системно.

Структура эффективной организации устроена так, что работа каждого является вкладом в общее дело. Если сотрудники умеют мыслить такими категориями, то они четко осознают свои место и роль в этой системе, понимают зону ответственности и зону, в рамках которой они имеют право принимать самостоятельные решения. Согласно концепции группового поведения в управленческом пространстве Ю.Д. Красовского (см. рис. 5), сегодня можно говорить о существовании 4-х стереотипов менеджмента в поведении подчиненных [5]:

- технократический стереотип, характеризующийся жесткой привязкой работника к устройству и технологии через систему должностных пространственно-временных функций и технологических карт;
- экономический стереотип – манипулирующий сознанием и поведением работника через систему наказаний и поощрений;
- психологический – переводящий манипуляционные воздействия на микроуровень (через учет психологических свойств личности);
- этический – разворачивающий перед работником системы нравственного пространства, обеспечивающего этическую и нравственную защищенность и комфортность личности в группе и в социуме.

В настоящий момент человечеством только осваивается ригористический сегмент управленческого пространства, в котором человек ощущает себя значимой личностью и трудится не за страх, а за совесть. А для этого он должен проявлять профессиональные знания на уровне «знаний-умений» [6], способствующих выбору из многих освоенных оптимального метода под проблему, а, следовательно, для подготовки такого профессионала необходим преподаватель-тренер, освоивший знания на уровне «знаний-убеждений», способствующих раскрытию логики выбора и внутренней убежденности в своей правоте. Такие метапреподаватели должны функционировать в автономном сегменте, что явно противоречит реальному положению дел в системе вузовского образования.

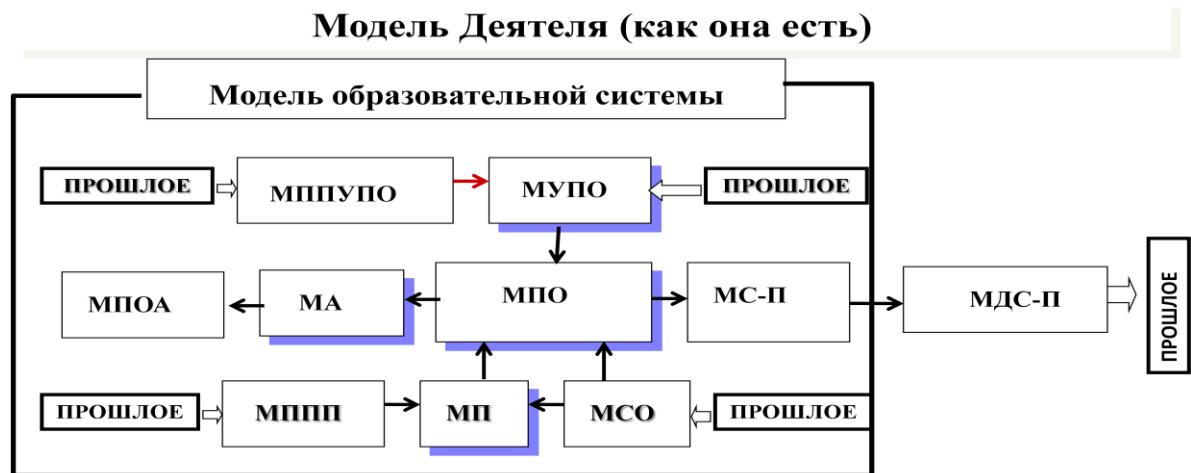
Рис. 5. Пространство управления по Ю.Д. Красовскому

Главенствующая роль образовательной программы в каскадной модели профессионального образования ставит сверхзадачу перед педагогическим сообществом – задачу полного переосмысления и реструктуризации самой системы образования. Не будем утверждать, что данная задача не ставилась и не было попыток её решения, однако несистемный подход («кусочно-ямочный метод») не принес результатов, кроме полного рассогласования в системе. Яркий пример тому являются последствия внедрения ЕГЭ.

Рассмотрим две модели образовательной системы (см. рис. 6 и рис. 7). Первая отражает действующую систему образования, вторая – виртуальная, рассмотрим её как предложение, способное изменить систему образование в целом.

На рис. 6 дана современная модель процесса обучения (МПО). Процесс обучения (МПО) формирует своего абитуриента (МА) и через несколько

лет обучения выпускается специалист профессионал (МС-П), который выходит в мир бизнеса и предлагает свои знания, умения, навыки (МДС-П).

МППУПО – модель процесса подготовки преподавателя и управляющего процессом обучения;

МУПО – модель управляющего процессом обучения;

МПОА – модель процесса отбора абитуриента;

МА – модель абитуриента;

МПО – модель процесса обучения

МДС-П – модель деятельности специалиста профессионала;

МС-П – модель специалиста профессионала; **МПП** – модель процессов подготовки преподавателя; **МП** – модель преподавателя; **МСО** – модель системы образования

Рис. 6. Модель действующей системы образования

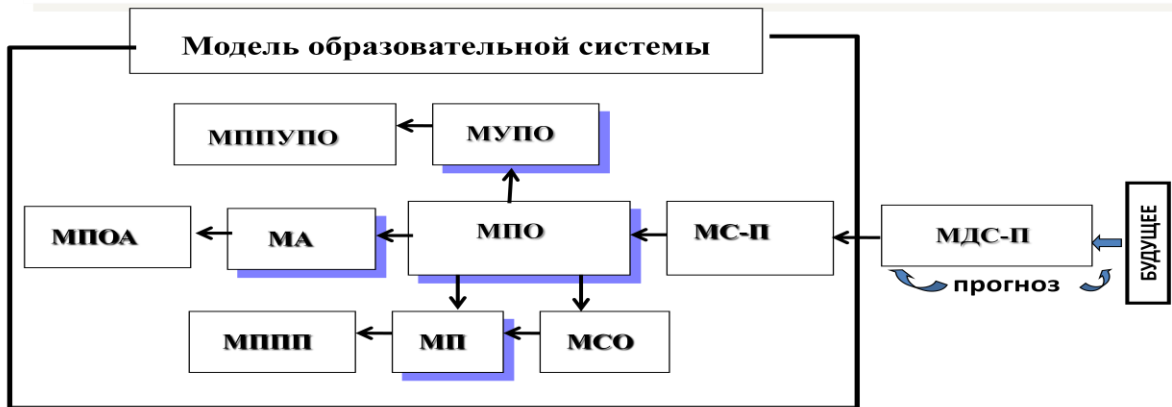
Здесь все верно за исключением одного – выпускник не востребован на рынке труда, потому как полученные им знания в ВУЗе не позволяют решать поставленные рынком задачи. Рассогласование между предлагаемой образовательной услугой и потребностью общества – одна из особенностей современного состояния системы образования. Поэтому одной из ключевых проблем современной системы образования является рассогласование между предлагаемым и необходимым обществу образованием.

Если рассмотреть модель образования в обществе, становится ясно, что главное противоречие образования связано с тем, что: 1) надо учить устоявшимся, подтвержденным практикой истинам, чтобы образование было научным; 2) следует учить непроверенным практикой, передовым гипотезам, чтобы получать активного развивающего систему выпускника.

Противоречие кажется неразрешимым, но именно его разрешение позволит получить специалиста, способного решать насущные задачи прогресса человечества.

Модель Деятеля (какой она должна быть!)

МППУПО – модель процесса подготовки преподавателя и управляющего процессом обучения;
 МУПО – модель управляющего процессом обучения;
 МПОА – модель процесса отбора абитуриента;
 МА – модель абитуриента;
 МПО – модель процесса обучения
 МДС-П – модель деятельности специалиста профессионала;
 МС-П – модель специалиста профессионала; МППП – модель процессов подготовки преподавателя; МП – модель преподавателя; МСО – модель системы образования

Рис. 7. Предлагаемая модель образовательной системы

Участниками семинара по развитию системы дополнительного профессионального образования, прошедшего 28 августа 2012 года [7], были определены ценности (табл. 1), идеальный образ (табл. 2), проблемы (табл. 3) и критерии достижения желаемых результатов в системе ПДО. Они были систематизированы и дополнены нами в данном исследовании (выделены текстом с подчеркиванием). Так, в табл. 1 нами приведены ценности дополнительного образования для компонентов надсистемы ПДО.

Таблица 1

Ценности ПДО для различных компонентов надсистемы

Позиция	Аспекты	
	Содержательные	Организационные
Человек	Образование в течение всей жизни (<u>сомнительно, чтобы для человека это была ценность. Возможность получения – да!</u>); индивидуальные образовательные траектории; адекватная оценка качества труда; повышение «стоимости» профессионала на рынке труда; Опережающий характер обучения; практико-ориентированность, актуальность содержания программ, гибкость, своевременное (опережающее) реагирование на изменение технологий	Доступность, гибкость, информационная открытость, модульность программ <u>Наращиваемость,</u> <u>востребованность на</u> <u>рынке труда этих</u> <u>ЗУН(ов)</u>

Окончание табл. 1

Позиция	Аспекты	
	Содержательные	Организационные
Система ПДО	Компетентностный подход к результатам, содержанию, технологиям; научные исследования по проблеме ПДО; преемственность по отношению к программам основного профессионального образования; ориентация на «заказ» работодателя	Взаимодействие с бизнесом, разнообразие институциональных форм, профессионализм преподавательских кадров
Бизнес	Качество труда; инвестиции в человеческий капитал; (<u>возможно – эффективность инвестиций!</u>); эффективность управления развитием персонала	Взаимодействие с бизнесом, разнообразие институциональных форм, профессионализм кадров преподавателей (<u>видимо, с точки зрения практики!</u>)

Ниже в табл. 2 представлен интегрированный идеальный образ ПДО с точки зрения компонентов надсистемы.

Таблица 2

Идеальный образ ПДО

Позиция	Аспекты	
	Содержательные	Организационные
Человек	Гарантированное качество программ; соответствие результатов освоения программы индивидуальному запросу; востребованность на рынке труда в результате освоения программ ПДО <u>Незатратное по дополнительному времени;</u> <u>незатратное по средствам;</u> <u>доступное в процессе деятельности: в нужное время, нужного качества, нужного количества согласованного с уровнем развития личности</u>	Доступность информации о программах ПДО (<u>возможно о реальных результатах!</u>); разнообразие программ и траекторий их освоения; модульная, адаптивная структура программ; возможность соучастия обучающихся в формировании содержания программ; право выбора программ – за работником; персонифицированное финансирование <u>Наличие только той информации в программах, которая нужна;</u> <u>только то, что работнику необходимо для деятельности;</u> <u>востребованность полученных знаний на производстве;</u> <u>зависимость статуса (обеспеченности потребностей) от полученных знаний</u>

Окончание табл. 2

Позиция	Аспекты	
	Содержательные	Организационные
Система ПДО	Востребованность программ ПДО; мотивированность всех участников рынка труда к освоению программ ПДО; актуальное содержание программ, инновационные образовательные технологии, учитывающие специфику обучения взрослых	Государственно-частное партнерство; сформированная нормативно-правовая база; структурная и функциональная прозрачность системы ПДО; технологии бенчмаркинга, возможности для освоения и адаптации лучших практик; МТБ, соответствующая современным технологиям
		ОУ ПДО как саморегулируемая организация; расширение провайдеров образовательных услуг ПДО, формирование конкурентной среды при условии четких внешних эталонов качества; наличие механизмов государственного контроля; сформированная система внешней независимой оценки качества программ и сертификации квалификаций; наличие объединений организаций ПДО (национальная ассоциация)
Бизнес	Соответствие результатов и содержания подготовки требованиям рынка труда, Национальной системе квалификаций	Социальное партнерство образования и бизнес-сообщества; сочетание регионального и отраслевого принципа в управлении; наличие рейтинга ОУ ПДО

В приведенной далее табл. 3 нами представлены проблемы ПДО.

Таблица 3

Проблемы ПДО

Позиция	Аспекты	
	Содержательные	Организационные
Человек	Несоответствие программ ПДО ожиданиям потребителя; неудовлетворенность качеством результатов	Непрозрачность системы ПДО; отсутствие возможности выбора программ со стороны потребителя (нет конкурса программ); неопределенность источников финансирования
	<u>Несогласованность форм и методов подачи с характеристиками потребителя;</u> <u>невостребованность полученных знаний на производстве;</u> <u>независимость «стоимости» профессионала от уровня полученных знаний</u>	<u>Технологии обучения, используемые в современной отечественной системе ПДО, не в полной мере ориентированы на особенности взрослых обучающихся, принципы деятельностного и компетентностного подходов в образовании, широкое использование новейших информационных и телекоммуникационных технологий</u>
Система ПДО	Недостаточное количество профессиональных стандартов как источников требования к качеству образовательных программ ПДО; слабая преемственность программ ПДО и основного профессионального образования; устаревание содержания программ и технологий их реализации Устаревшая методология ПДО, отсутствие современных научных концепций развития ПДО; несформированное единое терминологическое поле	Отсутствие нормативных регламентов деятельности, четких требований к качеству результатов и программ; нерегулируемость, нескоординированность системы ПДО; отсутствие эффективных моделей взаимодействия с работодателями; отсутствие сообщества организаций, реализующих программы ПДО Отставание МТБ; недостаточная компетентность преподавательских кадров; неопределенность источников финансирования; несформированность системы внешней независимой оценки качества ПДО

Продолжение табл. 3

Позиция	Аспекты	
	Содержательные	Организационные
Система ПДО	<p><u>Слабая и непрофессиональная связь руководства ПДО с производством;</u> <u>наличие гибкой системы внебюджетного (негосударственного) ПДО, с которой не может конкурировать государственная система ПДО</u></p>	<p><u>Неспособность ПДО формировать программы под заказчика;</u> <u>незнание (неверие) заказчика (производителя) (в) возможностей ПДО</u> <u>обеспечение легитимности выдаваемых документов;</u> <u>Рособрнадзор при установлении лицензионных требований и нормативов использует «Требования и контрольные нормативы лицензирования образовательных учреждений на право ведения образовательной деятельности в сфере высшего профессионального образования», утвержденные Госкомвузом Российской Федерации в 1993 году, что не соответствует специфике послевузовского и дополнительного профессионального образования;</u> <u>несформированность рынка преподавателей-практиков в ПДО;</u> <u>неконструктивные действия работодателей при приеме на должность</u></p>
Бизнес	<p><u>Разрыв между потребностями работодателей и содержанием программ и технологий в ПДО</u> <u>В бизнесе отсутствует концепция приращения его за счет профессиональности персонала, отсутствие заинтересованности работодателей в квалифицированном обучении и переобучении сотрудников и потенциальных работников</u></p>	<p><u>Неразвитость механизмов частно-государственного партнерства;</u> <u>непрозрачность системы ПДО для бизнеса;</u> <u>Региональный принцип ослабляет позиции отраслей в управлении качеством ПДО;</u> <u>несформированность системы внешней независимой оценки качества ПДО;</u> <u>Отсутствие механизмов мотивации работодателей и работников к повышению квалификации;</u> <u>Рассогласованность региональной кадровой политики, в частности, политики в сфере занятости населения с системой ПДО;</u> <u>несовершенство экономического механизма взаимодействия учреждений ПДО с заказчиком;</u> <u>несовершенство системы управления качеством ПДО с точки зрения удовлетворения требований всех заинтересованных сторон</u></p>

В табл. 4 нами приведены критерии достижения желаемых результатов.

Таблица 4

Критерии достижения желаемых результатов

Позиция	Аспекты	
	Содержательные	Организационные
Человек	<u>Мотивированность</u> работников на постоянное повышение квалификации; <u>удовлетворенность</u> слушателей качеством программ и результатов; <u>реальный прирост</u> профессиональных компетенций; <u>адекватная оценка</u> повышенной квалификации (премия на образование, карьерный рост и др.) бизнесом	<u>Рейтинг программ</u> ПДО; <u>электронная база программ</u> ПДО; <u>различные модели освоения программ</u> ПДО, индивидуальные учебные маршруты, в том числе с возможностью заграничных стажировок
Система ПДО	Наличие нормативно-правового регулирования ПДО; рост числа потребителей программ ПДО на инициативной основе; рост числа гибких модульных компетентно-ориентированных программ; рост числа сетевых программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки; рост числа стажировочных программ	Рост влияния самоорганизующихся структуры (ассоциаций) на развитие ПДО; высокий общественный рейтинг программ ПДО; популярность (частота обращений) программ; сформированное сообщество организаций ПДО; сформированные механизмы взаимодействия ПДО и бизнес-сообщества; сформированные модели финансирования программ ПДО

По результатам таблиц 1–4 можно сформировать следующую матрицу проблем ПДО (рис. 8).

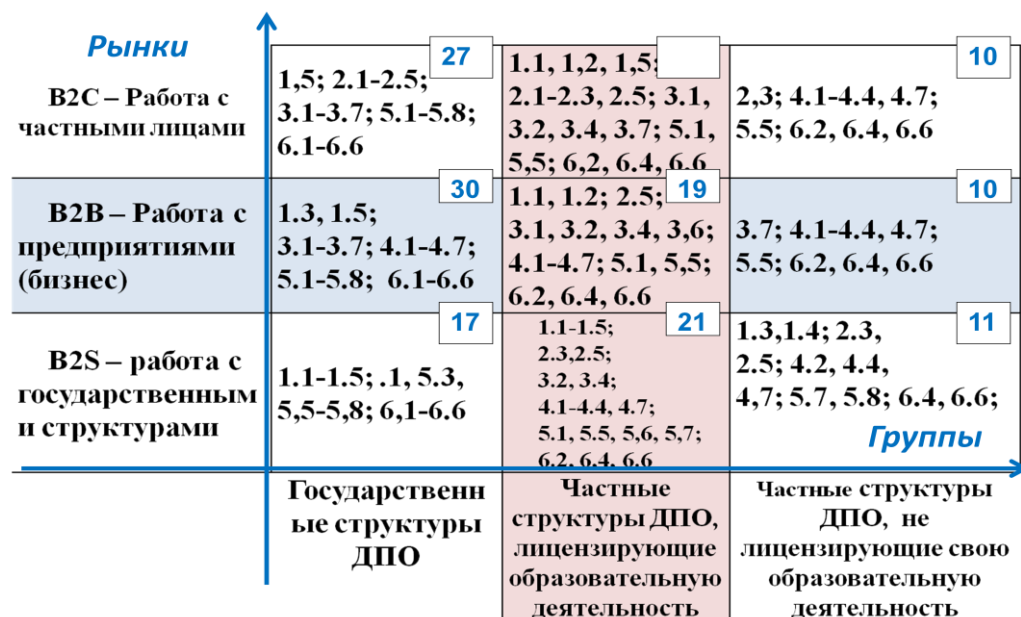

Рис. 8. Матрица проблем ПДО

1. Проблемы качества образования
  - 1.1. Отсутствие нормативных регламентов деятельности, четких требований к качеству результатов и программ.
  - 1.2. Недостаточное количество профессиональных стандартов как источников требований к качеству образовательных программ ПДО.
  - 1.3. Несформированность системы внешней независимой оценки качества ПДО.
  - 1.4. Региональный принцип ослабляет позиции отраслей в управлении качеством ПДО.
  - 1.5. Несовершенство системы управления качеством ПДО с точки зрения удовлетворения требований всех заинтересованных сторон.
2. Рассогласованность с основным образованием
  - 2.1. Рассогласованность требований Рособрнадзора со спецификой послевузовского и дополнительного профессионального образования.
  - 2.2. Слабая преемственность программ ПДО и основного профессионального образования.
  - 2.3. Нелегитимность выдаваемых документов.
  - 2.4. Неопределенность источников финансирования.
  - 2.5. Неразвитость механизмов частно-государственного партнерства.
3. Рассогласованность с потребителями
  - 3.1. Несоответствие программ ПДО требованиям заказчика (работника, работодателя), устаревание содержания программ и технологий их реализации.
  - 3.2. Несогласованность форм и методов подачи с характеристиками потребителя.
  - 3.3. Отсутствие возможности выбора программ со стороны потребителя (нет конкурса программ).
  - 3.4. Технологии обучения, используемые в ПДО, не в полной мере ориентированы на особенности взрослых обучающихся, принципы деятельностного и компетентностного подходов в образовании, широкое использование новейших информационных и телекоммуникационных технологий.
  - 3.5. Установка на финансовый успех (заработок на потребителе).
  - 3.6. Внутренняя и внешняя нерегулируемость, нескоординированность системы ПДО.
  - 3.7. Неспособность ПДО формировать программы под заказчика.
4. Рассогласованность бизнеса с ПДО
  - 4.1. В бизнесе отсутствует концепция приращения его за счет профессиональности персонала, отсутствие заинтересованности работодателей в квалифицированном обучении и переобучении сотрудников и потенциальных работников.
  - 4.2. Неконструктивные действия работодателей при приеме на должность.

- 4.3. Не востребованность полученных знаний на производстве.
- 4.4. Отсутствие механизмов мотивации работодателей и работников к повышению квалификации.
- 4.5. Рассогласованность региональной кадровой политики в частности, политика в сфере занятости населения с системой ПДО.
- 4.6. Незнание (неверие) заказчика (производителя) (в) возможностей ПДО.
- 4.7. Независимость «стоимости» профессионала от уровня полученных знаний.
5. Рассогласованность (замкнутость) ПДО с внешними структурами
  - 5.1. Устаревшая методология ПДО, отсутствие современных научных концепций развития ПДО.
  - 5.2. Неготовность существующей системы ПДО к рыночным отношениям.
  - 5.3. Слабая и непрофессиональная связь руководства ПДО с производством.
  - 5.4. Наличие гибкой системы внебюджетного (негосударственного) ПДО, с которой не может конкурировать государственная система ПДО.
  - 5.5. Появление активных систем использующих веб-технологии и представляющих бесплатное, гибкое, индивидуально настраиваемое дистанционное образование, как правило, дающее не документ, а реальные практические знания.
  - 5.6. Непрозрачность системы ПДО для потребителей.
  - 5.7. Отсутствие эффективных моделей взаимодействия с работодателями.
  - 5.8. Несовершенство экономического механизма взаимодействия учреждений ПДО с заказчиком (работодателем).
6. Структурная неразвитость ПДО (работа по остаточному принципу)
  - 6.1. Отставание МТБ.
  - 6.2. Отсутствие информационной, технической и учебно-методической базы для системы ПДО, позволяющей оперативно конструировать образовательные программы, обеспечивать качество обучения, соответствующее ожиданиям заказчиков и требованиям государственных образовательных стандартов.
  - 6.3. Отсутствие национального сообщества организаций, реализующих программы ПДО.
  - 6.4. Недостаточная компетентность преподавательских кадров.
  - 6.5. Отсутствие мобильности преподавательских кадров в системе ПДО.
  - 6.6. Несформированность рынка преподавателей-практиков в ПДО.

Таким образом, в результате проведенных нами исследований выявлено следующее:

1) определено пространство деятельности профессионального дополнительного образования (ПДО) в двухуровневой системе современного отечественного образования;

2) сформированы основные задачи реинжиниринга образовательной системы в целом и ПДО в частности;

3) выделены ценности, идеальный образ, проблемы, а также критерии достижения желаемого результата в сфере ПДО;

4) проранжированы базовые проблемы и сформирована матрица проблем ПДО на различных рынках образовательных услуг.

Библиографический список

1. Пфайфер, М.Р. О необходимости непрерывного обучения персонала / М.Р. Пфайфер // Развитие непрерывного образования: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 5-летию Института дополнительного образования и повышения квалификации (г. Красноярск, 25–26 марта 2010 г.). – Красноярск, 2010. – С. 32–33.

2. Поиск новых идей: от озарения к технологии (теория и практика решения изобретательских задач) / Г.С. Альтшуллер, Б.Л. Злотин, А.В. Зусман, В.И. Филатов. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1989. – 381 с.

3. Калиновский, Ю.И. Введение в андрагогику. Мобильность педагога в образовании взрослых: монография / Ю.И. Калиновский. – М.: Вита пресс, 2000. – 308 с.

4. Сенге, П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации / П. Сенге; пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 1999. – 406 с.

5. Красовский, Ю.Д. Организационное поведение / Ю.Д. Красовский. – М.: ЮНИТИ, 2001. – 472 с.

6. Итоги семинара-совещания по развитию системы дополнительного профессионального образования 28 августа 2012 года в Министерстве образования и науки Российской Федерации. – URL: <https://www.irdpo.ru>.

[К содержанию](#)

УДК 005.6 + 378.14.015.62

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ УПРАВЛЕНИЯ НИОКТР В НАЦИОНАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ КАК КРИТЕРИЙ КАЧЕСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И.А. Волошина, И.О. Котлярова

Охарактеризованы критерии качества формирования компетенций управления НИОКТР в системе дополнительного профессионального образования. Формирование указанных компетенций трактуется как критерий качества функционирования национального исследовательского университета.

Ключевые слова: компетенции управления НИОКТР; национальный исследовательский университет; программа дополнительного профессионального образования; качество; критерий.

Принято выявлять критерии качества образовательных процессов (ОП) по трем направлениям: качество достигнутых результатов, качество взаимодействия субъектов образовательного процесса, качество условий, обеспечивающих процесс. Качество дополнительного профессионального образования (ДПО) определяется: выполнением требований к постановке целей, соответствующих развиваемым компетенциям; проектирование ОП в соответствии с основаниями цели и учета начального состояния; созданием условий для реализации ОП в соответствии с проектом; достижением поставленных целей [1; 2; 3].

Формальными составляющими этого критерия можно считать соответствие содержания программы лицензированному направлению подготовки, запрошенной тематике; полноту охвата проблем; уровень научности и (или) практической ориентированности содержания. К формальным составляющим применительно к результату здесь можно отнести достигнутый слушателями уровень образованности; изменения в отношении к продолжению образования; изменения в уровне квалификации слушателя; изменения в состоянии его здоровья. Неформальные составляющие критерия могут не всегда коррелировать с формальными составляющими критерия качества. Неформальная составляющая критерия может включать: индивидуальную оценку слушателем результатов прохождения программы; личную оценку меры удовлетворения образовательных потребностей; полезности осуществленного дополнительного образования для профессиональной деятельности, для профессионального роста, для повышения квалификации, для профессиональной и личной самореализации.

В основе образовательного процесса, в том числе, и дополнительного образования, лежит учебно-педагогическое взаимодействие, т.е. взаимодействие слушателей и педагогов. Качество учебно-педагогического взаимо-

действия характеризуется обобщенными критериями: сплоченность, скоординированность, общая направленность деятельности субъектов. Они имеют формальные и неформальные составляющие. Формальные критерии взаимодействия: размерность компетенций педагогов и слушателей; размерность взаимодействия; психическая напряженность субъектов взаимодействия; утомление; физическое здоровье взаимодействующих субъектов; сплоченность; направленность каждого субъекта на взаимодействие. Неформальные критерии: внутренняя гармония между педагогами и слушателями; их психологическая совместимость; взаимопонимание; согласованность (синергия) их деятельности; активность, субъектные проявления слушателей.

Критерием качества является создание таких групп дополнительного профессионального образования, которые не только объединены общими задачами, но и удовлетворяют требованиям психологической совместимости, способны к совместной плодотворной деятельности, дополняют друг друга, не создают препятствий действиям других субъектов группы, что следует учитывать в управлении процессом ДПО [5; 6].

Обеспечение (материально-техническая база, документационное, правовое, информационно-методическое, педагогическое) оценивается по критериям: адекватность целям, содержанию образования, методам и формам учебно-педагогического взаимодействия; достаточность для реализации образовательного процесса дополнительного образования. По каждой своей составляющей обеспечение имеет свои формальные критерии качества: полнота нормативно-ориентирующей, регламентирующей документации; учебные площади (общие и на одного обучаемого); полнота оборудования; достаточность (с соответствие нормативам) литературы, компьютерного оборудования; возрастной состав педагогических кадров; количество обучающихся на одного преподавателя. В числе формальных критериев квалификации кадров: количество докторов и кандидатов наук, количество публикаций, авторских свидетельств, выступлений на конференциях разного уровня, количество подготовленных докторов и кандидатов наук, количество в срок защищенных диссертаций и др. критерии, имеющие количественное выражение. Неформальные показатели качества обеспечения дополнительного включают: любовь преподавателя к своей профессии; гуманизм по отношению к слушателям; отношение слушателей к предоставляемой информации и к использованным ее носителям, отношение слушателей к продолжению образования, к педагогам; изменения личных ценностей слушателей [3; 6].

В контексте социального заказа НИУ обобщенным необходимым критерием качества является: соответствии программы или ее части цели формирования компетенций управления НИОКТР у сотрудников НИУ ЮУрГУ. Этот сложный критерий качества включает критерии всех трех групп: качества достигнутых результатов, качества взаимодействия субъ-

ектов образовательного процесса, качества условий, обеспечивающих процесс. В соответствии с первым критерием разработка проекта образовательного процесса ДПО осуществляется в соответствии с моделью компетенций управления НИОКТР сотрудниками НИУ (табл. 1).

Таблица 1

Компетенции управления НИОКТР у сотрудников НИУ

Управленческие компетенции ППС	Управленческие компетенции руководителей проектов	Управленческие компетенции сотрудников НИУ – руководителей проектами
Готовность изучать состояние и потенциал управляемой системы и ее макро- и микроокружения путем использования комплекса методов стратегического и оперативного анализа	Подготовка технической документации	Оформление технического задания, календарного плана, смет, отчетов по инновационному проекту
Готовностью исследовать, проектировать, организовывать и оценивать реализацию управленческого процесса с использованием инновационных технологий менеджмента, соответствующих общим и специфическим закономерностям развития управляемой системы	Разработка бизнес-плана	Оформление инновационных проектов. Написание проекта эксперимента Написание бизнес-плана
Готовность организовывать командную работу для решения задач развития образовательного учреждения, реализации опытно-экспериментальной работы	Формирование научно-исследовательской группы	Поиск специалистов высокой квалификации, оценка совместности сотрудников, предполагаемых для включения в группу
Готовность использовать индивидуальные и групповые технологии принятия решений в управлении образовательным учреждением, опираясь на отечественный и зарубежный опыт	Организация дополнительного профессионального образования	Определение компетенций участников группы, их организация их дополнительного профессионального образования и текущей поддержки
	Управление сотрудниками	Подбор способов взаимодействия с сотрудниками и сотрудников между собой; распределение компетенций в соответствии с индивидуальными особенностями

Продолжение табл. 1

Управленческие компетенции ППС	Управленческие компетенции руководителей проектов	Управленческие компетенции сотрудников НИУ – руководителей проектами
	Предварительная оценка ресурсов, рисков	В процессе инновационного проектирования
	Создание условий и обеспечение ресурсов для работы научно-исследовательской группы	Ознакомление участников группы с нормативной документацией, подбор адекватных для сотрудников методов стимулирования, содействие движению информационных потоков для выполнения задания, всестороннее и своевременное обеспечение ресурсами
	Контроль качества исполнения компетенций, расхода ресурсов	Разработка критериев качества, методик оценки, осуществление контроля и оценки с использованием адекватных методов

Требования качества к проекту ОП включают требования к его компонентам (рис. 1) и состоят в следующем. Целевой компонент характеризует постановкой общей цели развития компетенций управления НИОКТР у сотрудников НИУ.

Цели соответствуют задачи, связанные с усвоением знаний, освоением умений и развитием необходимых психических качеств и личностных характеристики сотрудников НИУ: формирования знаний о процессе управления НИОКТР, о его этапах, методах, средствах, условиях, предпосылках и ожидаемых результатах; развитие умений управления НИОКТР у сотрудников НИУ, соответствующих выявленным компетенциям; развитие психических процессов и функций, лежащих в основе психологии управления.

Цели определяют содержание ДПО (содержательного компонента проекта ОП). Целесообразно включить: теоретический блок об основах управления научной деятельностью, деятельностный блок, направленный на укрепление умений управления НИОКТР у сотрудников НИУ; блок, развивающий психические функции субъектов управления НИОКТР.

Рис. 1. Модель образовательного процесса ДПО по развитию компетенций управления НИОКТР

Методы учебно-педагогического взаимодействия должны отвечать требованиям: соответствия развиваемым компетенциям; укрепления теоретических знаний; развития умственных действий; имитации и совпадения с методами профессиональной деятельности. Методы должны соответст-

воватъ принципам образования взрослых: партнерство во взаимоотношениях, делегирование некоторых функций управления ОП слушателям.

Среди организационных форм должны преобладать активные и интерактивные формы, сетевые формы организации занятий.

Минобрнауки определены требования к условиям реализации программ ДПО. Также на формулировку требований к условиям реализации программ влияют вышеописанные критерии качества программ, принципы ДПО [3; 4]. Синтезируя их, мы сформулировали следующие требования к условиям и описали практику их реализации (табл. 2).

Таблица 2

Требования к условию и практика реализации программ ДПО

Требования к условиям реализации программ	Условия реализации программ ДПО в ЮУрГУ
Статус и уровень достижений образовательных учреждений (организаций), на базе которых будет происходить ознакомление с практическими результатами инновационной деятельности (освоение практических модулей)	ЮУрГУ. Категория: национальный исследовательский университет
Соответствие заявленных в лицензии и имеющих государственную аккредитацию образовательных программ профилю программ повышения квалификации	Соответствуют
Уровень развития материально-технических условий для реализации программ (наличие аудиторий, лабораторий, производственных участков и т.п. по профилю программы повышения квалификации)	Высокий. Богатая материально-техническая база ЮУрГУ, научно-образовательных центров, оборудование мирового уровня
Степень участия образовательного учреждения в реализации образовательных услуг в сфере ДПО в рамках федеральных, региональных, ведомственных, отраслевых и иных программ за последние три года	За последние три года было проведено более 100 федеральных, региональных, ведомственных, отраслевых и иных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки для 20000 специалистов реального сектора экономики
Качество научно-педагогических работников, которые планируется привлечь для реализации программ повышения квалификации, включая привлекаемых преподавателей	Занятия проводят доктора и кандидаты наук как ЮУрГУ, так и ведущих университетов России и мира, а также высококвалифицированные специалисты предприятий. В программах ежегодно участвуют около 750 представителей ППС и специалистов

В совокупности разработанный проект и спроектированные и реализующиеся условия обеспечивают выполнение требований качества ДПО, а сам факт проведения таких курсов – это есть критерий качества работы НИУ, поскольку НИУ вменяется в обязанность повышение квалификации и переподготовка сотрудников других образовательных организаций и предприятий.

Библиографический список

1. Волошина, И.А. Маркетинг в дополнительном образовании / И.А. Волошина, И.О. Котлярова, Ю.В. Тягунова // Высшее образование в России. – М.: Московский Государственный университет печати. – 2010. – № 12. – С. 48–53.
2. Волошина, И.А. Система дополнительного профессионального образования в новом классическом университете / И.А. Волошина, И.О. Котлярова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование, здравоохранение, физическая культура». – Вып. 13. – 2007. – № 26 (98) – С. 42–45.
3. Котлярова, И.О. Инновационные системы повышения квалификации: монография / И.О. Котлярова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – 320 с.
4. Котлярова, И.О. Особенности современного развития непрерывного дополнительного образования / И.О. Котлярова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2010. – Вып. 8. – №. 12 (188). – С. 12–18.
5. Котлярова, И.О. Управление корпоративным дополнительным профессиональным образованием в университете / И.О. Котлярова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Образование. Педагогические науки». – № 38 (255). – 2011 – С. 21–25.
6. Сериков, Г.Н. Гуманно ориентированная интерпретация профессиональных умений педагогов / Г.Н. Сериков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2009. – Вып. 5. – № 31 (164) 2009. – С. 10–16.

[К содержанию](#)

УДК 378.14.014.13 + 378.018.4

ББК Ч448.027

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР МОТИВАЦИИ ОБУЧЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ СДО «MOODLE»

Т.В. Саранская, И.В. Шумилина

Показана связь использования инструментов интерактивности и формирования мотивации обучающихся в учебном процессе с применением технологий электронного обучения. Проиллюстрированы возможности СДО «MOODLE» для применения интерактивных форм обучения.

Ключевые слова: технологии электронного обучения; дистанционное обучение; мотивация; интерактивность.

В последние годы технологии электронного обучения в Южно-Уральском государственном университете интенсивно внедряются в практику преподавательской деятельности как при обучении студентов, так и на курсах повышения квалификации. Известно, что использование технологий электронного обучения привносит в учебный процесс ряд отличительных особенностей. В частности, изменяется структура учебной деятельности обучающихся. Самостоятельная работа перестает быть вспомогательным видом учебной деятельности и обретает главенствующую роль, студент (слушатель курса) в большей степени работает с учебными материалами самостоятельно и обратная связь, быстрый отклик на результат его обучения ему особенно необходим. Многие преподаватели дистанционных курсов знакомы с ситуацией, когда, успешно начав обучение, с течением времени обучающиеся «теряют энтузиазм» и, как следствие, прекращают учиться, пополняя ряды неуспевающих. Таким образом, стимуляция и поддержание мотивации к успешному освоению дисциплины особенно важно в учебном процессе с использованием технологий электронного обучения. Необходимо формировать мотивацию, способствующую обучению.

В 1987 году американский исследователь систем обучения Дж. Келлер предложил модель повышения мотивации к обучению ARCS. Согласно этой модели, главными этапами в процессе приобретения знаний, навыков, умений являются внимание (Attention), значимость (Relevance), уверенность (Confidence) и удовлетворение (Satisfaction).

Руководствуясь этой моделью, на первом этапе обучения следует привлечь внимание обучающегося к материалам курса и далее поддерживать этот интерес на протяжении всего обучения. Этому могут послужить следующие приемы: постановка перед обучающимся так называемой «амбициозной цели», затрагивающей стремление человека к успеху и признанию его достижений, нестандартная подача учебного материала (например, мо-

дульный принцип организации содержания учебного курса), «смена декораций», т.е. использование различных форм контрольных заданий.

Параллельно с этим нужно убедить обучающегося в важности и значимости обучения, показать перспективы практического применения полученных знаний. Так, учебный материал значительно выигрывает, если он дополнен яркими, близкими к жизни примерами, а преподаватель постоянно подчеркивает связь между знаниями, которые обучающийся получит на курсе и его будущими карьерными перспективами. Также полезны практические задания в конце каждого учебного модуля, предназначенные для самопроверки. Успешное выполнение подобных заданий поможет обучающемуся осознать, какие конкретно знания, умения и навыки он сумел приобрести и тем самым поддерживают его мотивацию.

Необходимо постоянно укреплять уверенность обучающегося в том, что он сможет успешно освоить весь объем учебного материала. Так, преподаватель может сориентировать обучающегося по затратам времени, которое понадобится тому для освоения того или иного модуля, кроме того, обучающемуся будет полезна возможность самому контролировать свой прогресс (настройки многих дистанционных курсов позволяют обучающемуся увидеть, какой процент учебной работы он уже выполнил или какую сумму баллов набрал и т.п.). Положительное влияние на мотивацию обучающихся оказывает своевременная обратная связь от преподавателя (тьютора) учебного курса. Очень важно, чтобы эта обратная связь носила не столько формальный, сколько поддерживающий и адресный характер. В итоге и обучающийся, и преподаватель получают удовлетворенность достигнутым результатом [1].

Эффективность использования этой модели подтверждена наблюдениями за процессом обучения на дистанционных корпоративных курсах-тренингах для персонала различных компаний – в течение года количество обучающихся, прекративших обучение, уменьшилось с 44 до 22 % [2]. Такой результат обусловлен тем, что реализация этапов модели Дж. Келлера существенно повышает мотивацию обучающихся, а значит, и эффективность обучения в целом.

Несомненно, в приведенной модели ключевая роль отведена преподавателю – его персональная поддержка для обучающегося очень важна. Однако при электронном обучении, когда очный контакт с преподавателем весьма ограничен, а общение посредством электронной почты или форума не несет достаточной эмоциональной личной составляющей, необходимо шире использовать такой инструмент обучения как интерактивность.

Понятие интерактивность (от англ. *Interaction* – «взаимодействие») означает способность взаимодействовать или находиться в режиме диалога с кем-либо (человеком) или чем-либо (например, компьютером). Следовательно, интерактивное обучение – это, прежде всего, диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и обучающегося.

Интерактивность – одна из ключевых характеристик обучения с применением электронных образовательных технологий. Недостаточное внимание к этой составляющей или даже полное игнорирование её при переносе традиционных курсов из аудитории в электронную среду обуславливает постепенное снижение у определенной части обучающихся мотивации на успешное освоение учебных материалов, зачастую – формальное выполнение заданий, а в итоге – невыполнение программы дисциплины, заканчивающееся отчислением.

Согласно данным, приведенным в информационно-аналитическом обзоре интерактивных методов обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования [4], «при использовании интерактивных методов обучаемый становится полноправным участником процесса восприятия, его опыт служит основным источником учебного познания. Преподаватель не даёт готовых знаний, но побуждает обучаемых к самостоятельному поиску. По сравнению с традиционными формами ведения занятий, в интерактивном обучении меняется взаимодействие преподавателя и обучаемого: активность педагога уступает место активности обучающихся, а задачей педагога становится создание условий для их инициативы».

При организации обучения в электронной среде существует острая необходимость обязательной разработки педагогического сценария изучения дисциплины с включением активных форм обучения и элементов интерактивности. Современные специализированные электронные образовательные среды – Learning Management System – (LMS) позволяют весьма успешно реализовать их.

Современная педагогика богата целым арсеналом интерактивных подходов и форм обучения, которые (конечно, при соответствующей творческой активности и опытности преподавателя) вполне успешно интегрируются с технологиями электронного обучения.

Используемая в ИОДО ЮУрГУ система дистанционного обучения (СДО) «Moodle», как и все современные LMS, имеет различные встроенные блоки и опции, с помощью которых преподаватель может реализовать интерактивные формы обучения, такие как:

- 1) выполнение творческих заданий посредством совместного создания и редактирования вики-страниц на заданные преподавателем или самостоятельно выбранные в рамках изучаемой дисциплины темы;
- 2) работа вне портала, например, создание тематических видеороликов или слайд-шоу и публикация их на других сайтах (например, на YouTube, SlideShare) с последующим размещением ссылок в портале;
- 3) организация обсуждения сложных и дискуссионных вопросов и проблем в учебных форумах и выполнение заданий по подгруппам (или мини-группам);

4) интерактивная лекция, работа с наглядными пособиями, видео- и аудиоматериалами, «обучающийся в роли преподавателя», «каждый учит каждого»;

5) семинар в режиме взаимной оценки работ, предусматривающий не только выполнение каждым учащимся задания, но и оценивание работ однокурсников по заданным преподавателем критерием; при этом каждый участник семинара получает две оценки – за выполнение работы и за оценивание;

б) совместное создание глоссария и баз данных; тестирование в режиме тренинга с встроенными подсказками, комментариями, полезными ссылками.

СДО «Moodle» предоставляет также преподавателю удобные инструменты, с помощью которых он имеет возможность стимулировать и поддерживать мотивацию студентов (слушателей) к обучению, давая своевременный и адекватный отклик на их действия (или бездействие) в системе.

Эти инструменты «ответной реакции» можно разделить на две группы, в зависимости от взаимодействия участников учебного процесса:

1) дающие обратную реакцию на действие пользователя в системе автоматически, без непосредственного участия преподавателя (например, интерактивные лекции с встроенными тестовыми заданиями различной формы, заданными комментариями на правильный или ошибочный ответ и отсылкой на соответствующую страницу лекции);

2) позволяющие преподавателю своевременно реагировать на действия студентов (слушателей) в системе (например, автоматические уведомления о загрузке выполненных заданий, новом выступлении в семинаре-форуме или появлении личного сообщения от обучающегося).

Эффективным инструментом для повышения мотивации является предоставляемая системой возможность сформировать и опубликовать рейтинг результатов обучения. Когда обучающийся понимает, что о его успехе узнают однокурсники – мотивация повышается. Дух соревнования между обучающимися обладает замечательными мотивирующими свойствами. Можно настроить отображение рейтинга обучающегося по сравнению с успеваемостью группы/курса таким образом, когда только сам человек видит, насколько успешно его обучение на данный момент относительно результатов группы и курса в целом. Таким образом соблюдается закон о защите персональных данных.

В СДО «Moodle» имеется интересная опция для создания и настройки так называемых «значков» – своеобразных наград за выполнение какого-либо элемента курса или всего курса в целом. «Значки» создаются преподавателем и представляют собой картинки с описанием, за какие успехи вручается та или иная виртуальная награда. Режим их получения может быть как автоматическим, так и «ручным». Каждый обучающийся решает самостоятельно, публиковать или нет сведения о полученных наградах для всех пользователей системы. Какой бы «несерьёзной» ни казалась эта опция, но действует она позитивно на большинство обучающихся, причём

самого разного возраста и уровня образования, поскольку вносит в обучение элемент игры, соревнования и в то же время – некоей неформальности. Такое виртуальное поощрение, на наш взгляд, снимает определенную напряжённость и неуверенность при работе в портале у части обучающихся, оказывает моральную поддержку и стимулирует к дальнейшим успехам.

Примеры используемых значков в дисциплинах для бакалавров и магистров, их описание и критерии получения приведены ниже (рис. 1, 2).

История / Отечественная история: Значки			
Количество возможных значков: 3			
Изображение	Название	Описание	Критерии
	Кубок-серебро	Серебряный кубок	Пользователи награждаются этим значком при выполнении следующих условий: <ul style="list-style-type: none"> Следующий активный элемент должен быть завершен: <ul style="list-style-type: none"> "Quiz - Экзаменационный тест"
	Кубок-золото	Золотой кубок	Пользователи награждаются этим значком при выполнении следующих условий: <ul style="list-style-type: none"> Пользователи должны завершить курс "История / Отечественная история" с минимальной оценкой 46
	Кубок-бронза	Бронзовый кубок	Пользователи награждаются этим значком при выполнении следующих условий: <ul style="list-style-type: none"> Следующий активный элемент должен быть завершен: <ul style="list-style-type: none"> "Lesson - Интерактивная лекция "История как наука""

Рис. 1. Значки курса «Отечественная история»

Педагогика высшей школы: Значки			
Количество возможных значков: 2			
Изображение	Название	Описание	Критерии
	Пеликан упорный	За упорство и терпение, проявленные в ходе выполнения заданий курса "Педагогика высшей школы". Ура! P.S. Пеликан был символом Петербургского Воспитательного дома и остался символом Педагогического университета. Изображение пеликана, кормящего птенцов помещено на воротах при входе в институт. Своеобразным отголоском этой легенды о самопожертвовании ради детей является символический приз лучшему учителю года в России – статуэтка «Хрустальный пеликан».	Пользователи награждаются этим значком при выполнении следующих условий: <ul style="list-style-type: none"> Пользователи должны завершить курс "Педагогика высшей школы" с минимальной оценкой 13
	Отличник курса Педагогика высшей школы	Значок выдается тем, кто замечательно справился со всеми заданиями и показал отличные результаты.	Пользователи награждаются этим значком при выполнении следующих условий: <ul style="list-style-type: none"> Пользователи должны завершить курс "Педагогика высшей школы" с минимальной оценкой 19

Рис. 2. Значки курса «Педагогика высшей школы»

Исходя из изложенного выше, мы можем констатировать, что современные LMS, такие как СДО Moodle, предоставляют преподавателю достаточно широкие возможности для успешного применения интерактивных форм обучения, что, в свою очередь, несомненно оказывает положительный мотивирующий эффект на обучающихся. Дело – за самим преподавателем, проблема – в его готовности и желании использовать эти возможности в учебном процессе.

Библиографический список

1. Чеблокова, А.В. Развитие мотивации к обучению при изучении дистанционного электронного курса: [Электронный ресурс] / А.В. Чеблокова. – URL: <http://www.ict.edu.ru/vconf/files/11220.pdf>.
2. Keller, J.M. The ARCS model: designing motivating instruction. Confidential unpublished draft, Tallahassee, Florida: Instructional Systems Programm. 2006. – URL: <http://ibcm.biz/Nauchnye-stati/2011-03-17-08-02-43.html>.
3. Шумилина, И.В. Психолого-педагогические аспекты Интернет-тестирования при обучении с применением дистанционных технологий: [Электронный ресурс] / И.В. Шумилина. – URL: http://ode.ru/!doc/konf/IO-DO_2012/Shumilina.pdf.
4. Интерактивные методы обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования: информационно-аналитический обзор: [Электронный ресурс]. – URL: http://apu-fsin.ru/service/omumr/material_int_form.html

[К содержанию](#)

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 681.5.015.44

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КУСОЧНО-СТАЦИОНАРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Е.Ю. Алексеева

Рассматриваются дискретные случайные процессы, содержащие параметры, меняющиеся скачкообразно в случайные моменты времени. Для прогнозирования процессов строится фильтр в предположении постоянства параметров. Момент изменения параметров фиксируется при существенном отличии прогнозируемых и наблюдаемых значений процесса. При обнаружении скачка параметры фильтра меняются на начальные.

Ключевые слова: прогнозирование, фильтр Калмана, скачкообразное изменение параметров.

Математической моделью многих процессов является система нелинейных разностных уравнений, включающая состояние x_n , управление u_n , возмущение v_n и неизвестные параметры p :

$$x_{n+1} = f(x_n, u_n, v_n, p). \quad (1)$$

Предполагаем, что изменение параметров p во времени носит кусочно-постоянный характер. В некоторых случаях управление u_n может отсутствовать. Кроме того управление u_n обычно известно и его можно явно не записывать в уравнение. Возмущение v_n предполагается сведенным к дискретному белому шуму. Как известно, если возмущение не является белым шумом, его моделируют формирующим фильтром с дискретным белым шумом на входе. Этот формирующий фильтр включается в систему (1). Уравнение наблюдения за процессом:

$$y_n = h(x_n, e_n, p), \quad (2)$$

где h – известная функция,

e_n – белый шум возмущений, при измерении независимый от прочих факторов.

Математической моделью параметра p является марковский процесс:

$$p_{n+1} = \begin{cases} p_n & \text{с вероятностью } \gamma \approx 1 \\ q & \text{с вероятностью } 1 - \gamma \end{cases} \quad (3)$$

где q – независимая непрерывная случайная величина с известным распределением.

Случайные характеристики e_n, v_n, x_0 известны. Требуется по наблюдениям y_n оценивать и прогнозировать состояние процесса x_n .

Задача решается в предположении гладкости функций f, h на основе нормальной аппроксимации всех случайных величин и использования линейных приближений нелинейных зависимостей.

Введем расширенный вектор состояний:

$$\mathbf{z} = \begin{bmatrix} \mathbf{x} \\ \mathbf{p} \end{bmatrix}.$$

Тогда уравнение (1) запишется в виде:

$$z_{n+1} = \Phi(z_n, v_n). \quad (4)$$

где

$$z_n = \begin{bmatrix} \mathbf{x}_{n+1} \\ \mathbf{p}_{n+1} \end{bmatrix},$$

$$\Phi(z_n, v_n) = \begin{bmatrix} \mathbf{f}(\mathbf{x}_n, v_n, \mathbf{p}_n) \\ \mathbf{p}_n \end{bmatrix}.$$

Уравнение (4) справедливо на интервале постоянства параметров p .

Построим для модели (2)–(4) фильтр Калмана [1], оценивающий вектор z_n и одновременно вычисляющий вероятности появления очередного измерения y_n , в предположении стабильности параметров p .

Пусть $f_0(z_0)$ – априорная плотность вероятности начального состояния системы (4). Использование гауссовой аппроксимации позволяет ограничиться первыми моментами распределений:

$$\begin{aligned} M\{z_0\} &= M_0 \\ \text{cov}(z_0) &= M z_0 z_0^T = D_0. \end{aligned}$$

Для линейного приближения (4) имеем следующее:

$$\begin{aligned} M\{v_n\} &= 0 \\ \text{cov}(v_n) &= S_n \\ M_v f(x, u, v, p) &= f(x, u, 0, p) \\ M_e h(x, e, p) &= h(x, 0, p) \end{aligned}.$$

Такое возможно при симметричном распределении v, e и нечетных функциях $f(\cdot, \cdot, v, \cdot), h(\cdot, e, \cdot)$.

В результате линеаризации уравнений (1) и (2) исследуемой модели процесса получаем:

$$z_{n+1} = A_n z_n + B_n v_n \quad (5)$$

$$y_n = h_n z_n + e_n \quad (6)$$

где A_n, B_n, h_n – соответствующие производные правых частей уравнений (2) и (4). Производные вычисляются в точках – оценках вектора состояния z .

Введем следующие обозначения:

$$D\{e_n\} = \sigma^2$$

$$M\{z_n\} = m_n$$

$$D\{z_n\} = D_n$$

Не снижая общности задачи можно считать y_n скаляром. Для случая вектора y_n его компоненты можно использовать последовательно. Из уравнения (6) получаем алгоритм уточнения вектора z_n .

$$\mu_n = m_n + \frac{\Gamma_n \cdot h_n}{\sigma^2} (y_n - h(m_n)) \quad (7)$$

$$\Gamma_n = D_n - \frac{D_n h_n^T h_n D_n}{\sigma^2 + h_n D_n h_n^T} \quad (8)$$

$$\mu_{n+1} = A_n \mu_n \quad (9)$$

$$D_{n+1} = A_n \Gamma_n A_n^T + B_n S_n B_n^T \quad (10)$$

где имеем:

$$\mu_n = M(z_n / y_0^n)$$

$$m_n = M(z_n / y_0^{n-1})$$

$$\Gamma_n = \text{cov}(z_n / y_0^n)$$

$$D_n = \text{cov}(z_n / y_0^{n-1})$$

Уравнение прогноза процесса z получается заменой возмущений v_n на его математическое ожидание $M\{v_n\}=0$. Это следует из (5).

$$M(y_n / y_0^{n-1}) = h_n M(z_n / y_0^{n-1}) = h_n m_n$$

$$\text{cov}(y_n / y_0^{n-1}) = h_n D_{n-1} h_n^T + \sigma^2$$

Для принятия решения о скачкообразном изменении параметров обычно сравнивают отклонение измеренного значения от его прогнозируемого значения – математического ожидания, с расчетной дисперсией (или среднеквадратическим отклонением). Превышение отклонения над среднеквадратическим отклонением более чем в 3 раза имеет вероятность ≈ 0.006 , что практически невозможно. При получении таких наблюдений можно принять решение о скачке значений параметров.

Здесь возникает вопрос. С какими моментами распределения сравнивать очередное измерение – с априорным относительно полученного измерения или с апостериорным – вычисленными после получения измерения.

Очевидно, что отношение наблюдаемого выхода от его апостериорного математического ожидания при малой ошибке измерения будет также малым, т.е. большие отклонения в любом случае невозможны. И только разница между наблюдением и прогнозом говорит о рассогласовании модели и процесса. Следовательно, необходимо сравнивать разность:

$$\Delta y_n = |y_n - M(y_n / y_0 \dots y_n)| = |y_n - M(y_n / y_0^{n-1})|$$

с дисперсией $D(y_n / y_0^{n-1})$.

Если $(\Delta y_n / \sqrt{D(y_n / y_0^{n-1})}) > 3$, будем принимать решение о возникновении скачка параметров.

После констатации скачка параметров процесс наблюдения должен обновляться – начаться по отношению к параметрам заново. Из предположения независимости новых значений параметров от прошлого следует, что в уравнениях (7), (8) в векторе μ_n , имеющем компоненты $\mu_{n,x}$ и $\mu_{n,p}$, необходимо вторую компоненту заменить на априорное среднее $\mu_{0,p}$. Матрица ковариации вычисляется по формуле:

$$D_n = \begin{pmatrix} D_{n,xx} & D_{n,xp} \\ D_{n,xp} & D_{n,pp} \end{pmatrix},$$

где каждая подматрица, соответствующая подвекторам x и p , заменяется матрицей следующего вида:

$$\tilde{D}_n = \begin{pmatrix} D_{n,xx} & 0 \\ 0 & D_{0,pp} \end{pmatrix}.$$

$D_{0,pp}$ – априорная матрица ковариации параметров p . Недиагональные блоки равны нулевым матрицам в силу независимости новых значений параметров. Далее процесс оценивания осуществляется согласно уравнениям (7)–(10).

Имитационное моделирование предложенных алгоритмов показало их работоспособность. Причем чем больше интервал постоянства параметров, тем точнее определяется момент скачка, т.к. в асимптотике неизвестные параметры p оцениваются практически точно и дисперсия $D(y_n / y_0^{n-1})$ определяется в основном ошибкой измерения e_n . И, наоборот, при частом изменении параметров предложенный метод становится неработоспособным (как и любой другой). В частном случае, когда уравнения модели процесса линейны и по состоянию и по параметрам:

$$\begin{aligned}x_{n+1} &= Ax_n + p + v_n, \\y_n &= Hx_n + e_n\end{aligned}$$

тогда матрицы уравнений (5) и (6) принимают вид:

$$A_n = \begin{bmatrix} A & E \\ 0 & E \end{bmatrix}, \quad B_n = \begin{bmatrix} E \\ 0 \end{bmatrix}, \quad h_n = [H \quad 0]$$

В этих блочных матрицах составляющие элементы-блоки имеют размерность n .

Библиографический список

1. Kalman, R.E. A new approach to linear filtering and prediction problems / R.E. Kalman. – Trans. ASME. Ser. D., 1960, vol. 82.

[К содержанию](#)

УДК 378.1 + 378.014

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.А. Ангеловский

В статье предпринят анализ явления и одного из показателей эффективности университетов – академическая мобильность. Характеристика произведена с позиций механизации процесса, выявления существенных элементов функционирования, анализа трудностей в качественной реализации интеграции в образовательное пространство.

Ключевые слова: образовательное пространство, академическая мобильность, механизм академической мобильности.

Знания как движущая сила экономического роста в глобальном масштабе, информационная и коммуникативная революция, появление глобального рынка труда, социально-политические трансформации мирового масштаба, формирование и развитие глобального рынка образовательных услуг – это далеко не полная характеристика особенностей дня сегодняшнего.

Перечисленные процессы уже свершились, многие из них находятся в фазе поступательного, динамичного движения, часть из них эффективно функционирует. Вопрос на злобу дня, где наша некогда фундаментальная, глубочайшая, действенная, теоретически взвешенная и практико-ориентированная система, система образования в глобальном образовательном пространстве?

Ответ честный и искренний. Место, которое занимает на международном рынке образовательных услуг Россия, к огромному сожалению, не соответствует ее значительному образовательному потенциалу.

Мы признаем и гордимся богатейшим накопленным опытом в системе образования нашей страны, мы не умоляем достоинств профессионалов данной системы прошлого столетия и пришедших им на смену молодых специалистов, мы адекватно оцениваем их широчайший потенциал знаний, ключевых компетенций, желание и стремление трудиться, но отсутствие четко сформулированных, пошаговых, апробированных, детализированных, адекватных механизмов вхождения в мировое образовательное пространство не позволят нам продвинуться в этом сложном глобальном пространстве.

Глобализация оказывает весьма серьезное воздействие на развитие образования. Современное состояние уже ознаменовано кардинальными изменениями, повлиявшими на функции, форму и способы функционирования систем образования во всем мире. Изменения коснулись и статуса образования в социальной и экономической сферах.

Образование как важнейшая ценность мировой культуры, не зависимо от нашего желания, оформилось в сферу образовательных услуг, на которую распространяется действие рыночного механизма с его законами спроса и предложения, жесткой конкуренции и необходимостью внедрения эффективных маркетинговых технологий.

Процесс трансформации образования, образовательных инициатив, структурно-функциональных моделей, конструкций и систем, не является односторонним или однополярным. Образование как важнейший фактор конкурентоспособности национальных экономик предъявляет к образовательным системам стран мирового сообщества достаточно жесткие требования, в частности, наличие гибкости, прозрачности, открытости переменам, способности адекватно реагировать на них.

На наш взгляд, на современном этапе развития мирового сообщества формирование единого открытого образовательного пространства выражается, прежде всего, в скрупулёзной, детальной проработке государственных образовательных стандартов, теоретико-методологических подходов, учебных планов, элективных курсов, направлений подготовки и их профилей, в соответствии с главной целью – гармонизацией.

Сегодня, мы являемся непосредственными участниками формирования новой парадигмы получения знаний, в которой центральное место отводится профессиональному образованию как форме предоставления всем участникам образовательного процесса возможностей освоить желаемые знания, умения и компетенции, обеспечивающие и экономическое развитие своего региона и страны, и собственное личностное и профессиональное развитие, а также самореализацию.

Таким образом, источник знаний, доступность знаний становятся одним из важнейших факторов, определяющих уровень и качество жизни, доходы будущего специалиста.

Акцентируя внимание на мировых тенденциях в функционировании образования, таких как информатизация, глобализация, непрерывность, мы в состоянии говорить о возникновении новой формы организации образования – открытом образовательном пространстве.

Категория «образовательное пространство», в современной литературе появилась сравнительно недавно. По мнению А.В. Шумаковой, «образовательное пространство – это целостная интегративная единица социума и мирового образовательного пространства, нормативно или стихийно структурированная и имеющая свою систему координат, которые определяют возможности для самореализации и самоизменения личности на разных этапах ее становления» [4]. Универсальными, на наш взгляд, характеристиками и параметрами образовательного пространства, как на глобальном, так и на локальном уровнях, можно выделить – организованность, структурированность, содержательность, алгоритмичность и функциональность.

В образовании сегодня утверждаются и развиваются демократические ценности, это проявляется в индивидуализации обучения, создании различных форм образования. Главная идея современного образования, на наш взгляд, состоит в создании такой системы, которая обеспечит каждому человеку возможность получения и пополнения знаний, развитие, самосовершенствование, самореализации личностного потенциала на протяжении всей жизни.

Поскольку личность является активной, непрерывно развивающейся, ее деятельность должна быть направлена на созидание, на поиски новых нестандартных решений возникающих проблем, в том числе профессионального характера. Таким образом, развитие человека в открытом образовательном пространстве предполагает, прежде всего, *движение*, а значит, *мобильность*.

В ситуации отсутствия официальных и общепринятых дефиниций под термином «академическая мобильность» мы понимаем (в соответствии с рекомендациями Комитета министров Совета Европы) – это обучение, преподавание, проведение исследований за рубежом, после чего учащийся, преподаватель или исследователь возвращается в свое основное учебное или научное заведение. Данный термин не включает в себя эмиграцию.

Академическая мобильность может реализовываться через специальные программы обменов в рамках правительственных соглашений, соглашений между вузами или ассоциациями вузов, а также индивидуально учащимися, преподавателями, исследователями с вузами или научными организациями.

Академическая мобильность может быть входящей или внутренней – приезд иностранных преподавателей, исследователей, учащихся в страну или исходящей, внешней – выезд преподавателей, исследователей, учащихся за рубеж.

Помимо физической мобильности (личное присутствие в стране и вузе-партнере) выделяют институциональную мобильность (создание филиалов учебных заведений в других странах, трансграничных кампусов) и мобильность программ (реализация учебными заведениями совместных образовательных программ, программ двойных дипломов) [2].

Любое громоздкое теоретическое определение, характеристика, особенно явление новое и многогранное, требует переосмысления, осознания и личного восприятия. «Чем богаче определенный предмет, тем более разнообразными могут быть определения его различных сторон», эта мысль Г. Гегеля в контексте наших рассуждений особенно актуальна [3]. В качестве рабочего, лаконичного, проверенного на практике и собственном опыте, мы предлагаем следующее видение процесса академической мобильности.

Академическая мобильность в условиях российского образования – это неотъемлемая форма существования интеллектуального потенциала, отражающая реализацию внутренней потребности этого потенциала в движении и пространстве социальных, экономических, культурных, политических взаимоотношений и взаимосвязей.

Академическая мобильность – это возможность самостоятельно формировать свою индивидуальную образовательную траекторию. Иными словами, в рамках образовательных стандартов выбирать предметы, курсы, учебные заведения в соответствии со своими склонностями и устремлениями.

Примитивное, не профессиональное, находящееся на поверхности понимание процесса академической мобильности – отправка студентов за границу, односторонний обмен, несущий вред образовательному процессу и образовательному потенциалу вуза.

Если рассматривать процесс академической мобильности как образовательный обмен, а это, следовательно, и студенты, и преподаватели, и исследователи, и администраторы университетов, особенно хотелось подчеркнуть следующее. В современных условиях существования мирового образовательного пространства явление академической мобильности, это мостик, дающий возможность наладить процесс интеграции, это дорога с двусторонним движением, это возможность получения обратной связи.

Другими словами, это процесс направленный на сохранение талантливых студентов и преподавателей своего университета, с созданием условий для международного общения (на протяжении всего периода обучения), совместной образовательной, исследовательской практики за рубежом, неизменной принадлежности своему университету по духу и прямо противо-

положительный процессу «утечки мозгов». В современных условиях, в реалиях сегодняшнего дня, это процесс «привлечения умов» из вне, из других стран, с целью не присвоения, а обмена опыта, взаимообогащения знаниями, культурными традициями, научными достижениями и пр.

Именно с этой целью разрабатываются совместные образовательные программы, программы академической мобильности студентов, преподавателей, исследователей и администраторов, которые предоставляют уникальную возможность обмена и применения накопленного, полученного опыта в собственной профессиональной или учебной деятельности в своем университете, в практической деятельности экономики своего региона, своей страны.

Активное участие в программах международной академической мобильности гарантирует формирование и развитие у участников процесса, жизненно важных качеств: способностей к межкультурной коммуникации, выбору путей взаимодействия с окружающим миром, самовосприятию и рефлексии, мышлению в сравнительном и сопоставительном аспектах, кросскультурное мышление, нравственном и духовном обогащение культурой других стран и народов.

Мы убеждены, что академическая мобильность играет существенную роль не только как механизм интеграции отечественных вузов в международное образовательное пространство, но и как фактор формирования качественно новых трудовых ресурсов, способных занять достойное место на региональном, национальном и мировом рынках труда.

Развитие академической мобильности актуально и как цель сама по себе. Это выгодно университетам, которые на фоне сокращения количества российских абитуриентов все больше осознают необходимость привлечения иностранных студентов.

Дав развернутую характеристику процесса академической мобильности, сформулируем понятие «механизм академической мобильности».

По нашему мнению, механизм академической мобильности – это интегральная характеристика процесса, наполненного проектно-организационными процедурами, системой выделения финансирования и использования ресурсов университета, системой мониторинга и оценки качества реализации академической мобильности.

Мы утверждаем, что процесс академической мобильности явление сложное и многогранное, а, следовательно, применительно к нашей ментальности, особенностям функционирования национальной образовательной системы, далеко не лишено проблем, противоречий и трудностей. Критический анализ, осознание, выявление и принятие скорейших мер для устранения таковых, главное условие эффективного функционирования всего механизма академической мобильности в вопросе интеграции национальной системы образования в международное образовательное пространство.

В ходе реализации академической мобильности мы наблюдаем проблемы, связанные с возможностью иммиграции, неоднородностью системы российского высшего образования, отсутствием универсальности учебных планов и курсов, неодинаковой почасовой загруженностью национальных образовательных систем, признанием уровней образования, недостаточностью финансовых стимулов, с неопределенностью целей развития мобильности как на уровне отдельно взятого вуза, так и на уровне образовательной системы страны в целом [1].

На наш взгляд, нет четко сформулированного значения или места академической мобильности как приоритета в общей стратегии развития экономики отдельно взятого региона, страны в целом и каждого отдельно взятого вуза в частности.

Несмотря на то, что процесс академической мобильности подразумевает наличие длительного и трудоемкого подготовительно-согласовательного этапа работы, вовлечение широкого круга организаторов и участников (администраторы, преподаватели, исследователи), использование ресурсов университета, мы глубоко убеждены, что в большинстве случаев академическая мобильность не приносит вузу финансовых выгод, а чаще всего ведет к дополнительным материальным издержкам.

Позитивный эффект от развития академической мобильности связан, зачастую, с работой на имидж и престиж отдельно взятого факультета или подразделения, также вуза в целом, которые могут гарантировать в долгосрочной перспективе привлечение большего количества абитуриентов, узнавания и признания на международном образовательном пространстве, росту авторитета университета и конкретных авторов в исследовательских кругах и как следствие, увеличение финансовых поступлений и выгод.

На механизм реализации академической мобильности, объективно влияет и оказывает опосредованное влияние – географическая расположенность и территориальная протяженность страны. Протяженность нашей страны создает определенные трудности и вынуждает ориентировать программы мобильности на территориально близкие по месту расположения регионы. Данный процесс обоюдный и территориальная привлекательность, удаленность для зарубежных вузов-партнеров, наших коллег, имеет не последнее значение.

Российская национальная специфика. Образовательная система Российской Федерации в силу сложившихся традиций остается в высокой степени, регламентированной. Отсутствие сложившейся нормативно-правовой базы в вопросах международной активности, опыта реализации совместных образовательных программ, наличие государственных образовательных стандартов, нерешительность, а порой инертность некоторых ключевых участников процесса академической мобильности, не позволяют университетам в полной мере реализовывать принципы академической автономии в решении вопросов, связанных с формированием индивидуальных образовательных траекторий.

Краеугольным камнем реализации программ мобильности, двух дипломов, приглашения ведущих иностранных специалистов является, как это не парадоксально – языковой барьер, иными словами, недостаточное, порой минимальное знание и владение иностранными языками, а также недостаточная гибкость образовательных программ.

Перечень обозначенных проблем и сложностей не является не разрешимым, однако не позволяет эффективно функционировать механизму международной академической мобильности, способствующей скорейшей интеграции в мировое образовательное пространство.

Мы убеждены, что своевременное внесение корректив, перенастройка, переосмысления ряда направлений и элементов механизма академической мобильности, позволит в ближайшее время занять достойное место в мировом образовательном пространстве.

Нам представляется значимым ряд мер способствующих устранению проблем и трудностей в осуществлении академической мобильности:

1. Целевое планирование и выделение средств для финансирования программ академической мобильности, реализуемых в рамках академического партнерства университетов.

2. Совершенствование организационных механизмов, внутривузовского нормативно-методического обеспечения и нормативно-правовой базы обеспечения академической мобильности.

3. Формирование и развитие гибких образовательных траекторий, направленных на прогнозирование национальных и общемировых тенденций развития образовательного пространства и мирового рынка труда, предвидении и проектировании путей собственного личностного развития.

4. Усовершенствование механизмов признания и перезачетов академических дисциплин и периодов обучения в зарубежных вузах-партнерах.

5. Развитие системы информирования субъектов образовательного процесса своего университета, стимулирование интереса и потребности в программах академической мобильности.

6. Разработка механизмов мотивации изучения иностранных языков, международной коммуникации, толерантности, создание условий успешности в межкультурном диалоге и кросскультурном взаимодействии.

Успешное функционирование механизма международной академической мобильности локального и глобального масштаба, на наш взгляд позволит системе российского образования достойно конкурировать с образовательными системами передовых стран в открытом образовательном пространстве.

Поэтапная академическая мобильность может стать мощной движущей силой экономического роста региона, страны, повышения эффективности и конкурентоспособности, благосостояния системы хозяйствования в целом.

Библиографический список

1. Мартыненко, О.О. Академическая мобильность в России: сегодняшние проблемы и ближайшие перспективы (взгляд из регионального вуза) / О.О. Мартыненко, Н.В. Жукова // Научно-методический журнал «Интеграция образования». – 2008. – № 2. – С. 3. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskaya-mobilnost-v-rossii-egodnyashnie-problemy-i-blizhayshie-perspektivy-vzglyad-iz-regionalnogo-vuza>.
2. Рекомендации Совета Европы. – URL: (<http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/resources/mobility.pdf>).
3. Цифровая библиотека по философии. – URL: (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000426/st013.html>).
4. Шумакова, А.В. Проектирование интегративного образовательного пространства педагогического вуза (в системе обеспечения качества подготовки учителя): дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / А.В. Шумакова. – Астрахань: ГОУВПО «Астраханский государственный университет», 2010. – 417 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.1 + 378.014.54

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А.А. Анжеловский

В статье представлен субъективный анализ международного рынка образовательных услуг. Дана подробная характеристика образовательной услуги как явления экономического. Проанализированы ключевые элементы международного рынка образовательных услуг. Определено современное состояние национальной образовательной системы и пути решения имеющихся проблем.

Ключевые слова: международный рынок образовательных услуг, образовательная услуга, чистая академическая мобильность.

Способность общества культивировать знания, применять их и превращать в источник прибыли приобрела решающее значение для устойчивого экономического роста и повышения жизненного уровня населения. Знания превратились в важный фактор экономического развития. Большинство передовых в технологическом отношении национальных экономик являются поистине экономиками, основанными на знаниях.

Глобализация, информационная и коммуникационная революция ускоряют процесс формирования конкурентных преимуществ той или иной страны, где приоритетным направлением развития в большой степени ставятся знания. Сравнительные преимущества стран всё меньше определяются богатством природных ресурсов или дешёвой рабочей силой и всё больше – техническими инновациями и конкурентным применением знаний и высоких технологий.

Образование сегодня рассматривается как стратегический товар, стратегическая услуга, сила любого общества, предопределяющая его способность реагировать на изменения, обеспечивая существование и процветание в условиях глобализации. Стремительное увеличение спроса на высшее образование является одновременно вызовом и блестящей возможностью достижения стратегических целей для университетов.

Согласно «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.» стратегической целью нашей страны является «...достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции... Формирование инновационной экономики означает превращение интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста и национальной конкурентоспособности». Необходимо формирование «новой экономики – экономики знаний и высоких технологий», которая должна стать «одним из ведущих секторов национальной экономики, сопоставимым к 2020 г. по своему вкладу в ВВП с нефтегазовым и сырьевым секторами... Повышение конкурентоспособности российского образования должно стать критерием его высокого качества, а также обеспечить позиционирование России как одного из лидеров в области экспорта образовательных услуг» [6, с. 7, 10, 48].

Новая стратегия Европейского Союза 2020 определяет два приоритетных направления развития образования: интернационализацию высшего образования и повышение его качества [11].

Стратегическое целеполагание Российской Федерации и стран Евророзны соответствуют требованиям глобального рынка труда и либерализации высшего образования. Сокращение государственного финансирования высшего образования и ориентир на поиск дополнительных источников финансирования приводят к локальным, региональным, международным соревнованиям по получению денежных средств и увеличению количества студентов. На наш взгляд, успех на международном рынке образовательных услуг обусловлен международным масштабом учебных программ с возможностью преподавания на иностранных языках, профессионализмом и конкурентоспособностью преподавательского состава, участием в международных научно-образовательных системах.

Таким образом, вхождение национальной образовательной системы на международный рынок образовательных услуг высшего образования имеет стратегическое, приоритетное значение и оказывает непосредственное влияние на национальную экономику.

Для осознания особенностей международного рынка образовательных услуг высшего образования, дадим подробную характеристику образовательных услуг, как экономической категории.

Образовательные услуги направлены на реализацию потребности личности в духовном и интеллектуальном развитии и в освоении определённой специальности, т.е. в получении образования.

Образовательные услуги обладают всеми признаками, характерными для услуг в целом: неосвязаемость, неотделимость от источника, непостоянство качества, несохраняемость, совпадение в пространстве и времени процессов производства и потребления услуги [5, с. 264].

Под *неосвязаемостью* понимается невозможность увидеть, потрогать руками или измерить приборами результат приобретения услуги. Приобретаемый в результате обучения капитал является интеллектуальным, не поддающимся прямому измерению. Его проявления можно видеть лишь в виде умений индивида, который приобрёл эту услугу, его навыков, способности мыслить и принимать решения. Единственным материальным свидетельством полученного образования можно считать диплом о высшем образовании.

Неотделимость от источника предоставления. Человек, обучающийся в определённом высшем учебном заведении, потребляет предоставляемые именно этим вузом услуги. Он претендует не только на конечный результат, но и на определённый уровень качества предоставления этой услуги. Не случайно Л. Шостак, автор ряда известных публикаций о развитии маркетинга услуг, выдвинула гипотезу о том, что чем «неосязаемее» продукт или услуга, тем больше их осязаемых характеристик необходимо предъявить клиенту в рекламных целях [7, с. 15].

Непостоянство качества и невозможность полной стандартизации. Любую образовательную услугу можно проконтролировать только в момент её оказания. Ни учебно-методический комплекс, ни конспект лекции, соответствующий программе, не может в полной мере охарактеризовать качество образовательной услуги, а также обеспечивать его постоянство из-за влияния субъективных факторов: профессиональных, организационных, технологических и даже физиологических. Без сомнения, и студент, являющийся человеком со своими проблемами, эмоциональным состоянием, физическим самочувствием, субъективным восприятием преподавателя, также воспринимает и усваивает преподносимый ему учебный материал по-разному.

Несохраняемость – характерная черта любой услуги, и здесь также проявляется специфика образовательной услуги. Например, после приобретения туристической путёвки и возвращения из путешествия у человека сохраняются лишь воспоминания о нём. Образовательная же услуга имеет долгую жизнь, причём у человека есть возможность её постоянного «приращения». В вузе студенты не только получают знания по конкретным предметам, они учатся думать, делать выводы, находить информацию, что в итоге рождает постоянное стремление к самосовершенствованию.

Совпадение в пространстве и времени процессов производства и потребления услуги обеспечивает такого совпадения. Следует отметить, что эта особенность услуг в целом перестаёт характеризовать образовательную услугу. Режимы электронного взаимодействия предполагают, как синхронный диалог (режим on-line), так и асинхронный (режим off-line). Если преподаватель взаимодействует со студентом в синхронном режиме, то имеет место совпадение данных процессов во времени. Однако асинхронизация образовательного процесса не обеспечивает такого совпадения. Удалённое обучение самим названием отражает несовпадение процессов производства и потребления образовательной услуги не только во времени, но и в пространстве.

К специфическим чертам и особенностям образовательных услуг относятся: *отсроченность выявления результата* и зависимость результатов от условий будущей работы и жизни выпускника. Невозможно оценить ожидаемый личный эффект от образовательной услуги, т.к. он будет зависеть от состояния рынка труда на момент завершения обучения. Поэтому прогнозирование состояния рынка труда с учётом временного периода и производство адекватных образовательных услуг сегодня становятся факторами, обеспечивающими конкурентоспособность учебного заведения на рынке образовательных услуг.

Рыночная ценность продуктов системы высшего образования определяется национальным и международным спросом на произведенные ими конкурентоспособные академические программы, результаты исследований и инновации, которые являются прогнозируемым и измеримым вкладом в социально-экономический рост национальных экономик. В настоящее время этот вклад обеспечивается решением следующих четырех основных задач:

- формирование человеческого капитала (с помощью обучения) [8, с. 446–452; 10, с. 10; 7, с. 447];
- создание баз знаний (через исследования, развитие и управление знаниями);
- распространение и использование знаний (путем обмена ими и взаимодействия их носителей);
- поддержание и постоянное развитие уровня знаний (путем хранения баз знаний и передачи их следующим поколениям) [12, с. 2–3].

Структурное и содержательное многообразие международного взаимодействия спроса и предложения на образовательные услуги предполагает наличие отлаженного механизма взаимодействия. Главным достоинством данного механизма, должно являться гармоничное сочетание государственных национальных и наднациональных элементов управления образовательной, научной, исследовательской деятельностью с их рыночным саморегулированием.

Мы неоднократно обращаемся к понятию международный рынок образовательных услуг высшего образования. Что мы вкладываем в это понятие и какова его характеристика?

Под рынком международных образовательных или академических услуг и товаров, вслед за И.А. Дудиной, мы подразумеваем рынок неотчуждаемых от производителей нематериальных услуг (академических программ) и отчуждаемых материальных товаров (интеллектуальных академических активов на бумажных и электронных носителях), которые являются основными объектами купли-продажи [3].

Структура международного рынка образовательных услуг представляет собой сочетание *организационной* и *содержательной* составляющих. *Организационная составляющая* включает в себя государственные университеты; университеты, имеющие государственное финансирование не менее 50 % от своего консолидированного бюджета; частные организации послесреднего образования. Характеристика состояния организационной составляющей международного рынка образовательных услуг производится при помощи показателей расходов стран на академическое образование в процентах от ВВП и по паритету покупательной способности (ППС) на основные услуги образования, также показателю «чистой мобильности студентов».

Динамика организационной составляющей структуры российского рынка образовательных услуг по источнику финансирования в период с 1999 года по настоящий период позволяет констатировать общую тенденцию сокращения государственного финансирования этой сферы. Уместны и поправки в связи с реализацией российского национального проекта по образованию, но уже объявленное снижение финансирования даже национальным исследовательским университетам с последующей трансформацией в автономные образовательные учреждения не позволяет в настоящее время делать более оптимистичные прогнозы [3].

Сегодня в мире происходит изменение критериев, по которым судят о богатстве и могуществе страны. Если раньше к таким критериям в первую очередь относили обширность контролируемых территорий, вооружённость и количественный состав армии, то в настоящее время основным критерием могущества является количественное и качественное владение новыми технологиями и их скорость разработки. Освоение новых технологий, в свою очередь, связано с уровнем развития науки, с числом учёных, способных разработать новые подходы и технологии, следовательно, с уровнем образования.

Таким образом, особую актуальность получает постулат, что главное богатство любой страны – это человек, а главный способ повышения могущества и благосостояния страны – повышение уровня образования населения, развитие творческих способностей отдельного человека. Следовательно, вложения в образование сегодня – это не затраты, а инвестиции, способные дать довольно быстрый экономический эффект.

Мы разделяем позицию А.В. Бузгалина, что «в новом обществе основными сферами развития становятся новые отрасли широкомасштабного «производства» главного ресурса новой экономики – не денег, не машин и даже не информации, а человеческих качеств – новаторских способностей и способности к неотчуждённому диалогу и кооперации с другими людьми и подлинной культурой (а не только «знаниями»)». Отсюда органично вытекает следствие – основными «отраслями» ближайшего будущего становятся воспитание и образование, а также наука, искусство, высокотехнологичное производство и социальное новаторство» [1, с. 4].

Содержательная составляющая международного рынка образовательных услуг высшего образования включает многообразие учебных и образовательных предложений. Университетские комплексы сегодня предлагают программы среднего, высшего (специалитет) профессионального образования, двухступенчатой системы образования в Болонском формате (бакалавриат, магистратура); подготовки кадров высшей квалификации. К этому следует добавить предложения в области дополнительного и международного образования: краткосрочные и среднесрочные, составные и франчайзинговые дополнительные квалификации, а также двойные дипломы. Контракты на внедрение исследовательских продуктов на промышленных предприятиях, оказание консультационных услуг деловым кругам и региональным администрациям дополняют, но не исчерпывают содержательную часть рынка образовательных услуг.

Единицей измерения эффективности функционирования на международном рынке образовательных услуг, единицей сравнения и сопоставления, является образовательная программа, ее ориентация, назначение и рентабельность. Именно поэтому, в качестве третьего и очень важного показателя конкурентоспособности стран-участников международного образовательного рынка используется *международная мобильность студентов*, которая традиционно рассматривается как эффективный механизм академической интернационализации. Наиболее точным показателем конкурентоспособности академических программ считается так называемый «чистый показатель» мобильности: количество находящихся в принимающей стране иностранных студентов (въездная мобильность) минус мобильность национальных (выездная мобильность) в процентах от общего количества студентов в стране в году [9, с. 118].

Каково состояние содержательной составляющей рынка образовательных услуг российской системы образования? Российские образовательные программы не ориентированы на конечного потребителя – иностранного студента. На данный момент имеется жизненная необходимость в изменении подходов подготовки профессиональных преподавателей, предоставление возможности, а главное наличие способностей, профессионально и качественно обучать на иностранном языке, совершенствование материально-технической базы, информационных фондов. Для полноценного и конкурентоспособного представления академических программ, в основу должен быть положен принцип дружелюбности, адаптированности, доступности изложения учебного материала, иная культура учебного процесса. Необходимо учитывать также сложность изучения русского языка.

Среди многочисленных проблем, ограничивающих возможности полноценного участия России на международном рынке образовательных услуг, можно выделить следующие, наиболее существенные.

Во-первых, недостаточное финансирование сферы образования. Сегодня это наиболее острая проблема: наука и образование финансируются по остаточному принципу. Государственные расходы на образование в РФ составляют 6,1 % ВВП, что является довольно высоким показателем. Но при этом следует учитывать большую численность населения России и небольшую величину нашего ВВП, что обуславливает мизерность подушевых государственных расходов на образование [2, с. 97].

Во-вторых, несоответствие между спросом со стороны национального рынка труда и предложением профессиональных кадров со стороны системы образования. Позитивные сдвиги в образовательной системе блокирует возникший институциональный конфликт между «старой» системой высшего образования и «новым» рынком труда, явившийся следствием неэффективного сопряжения этих двух сфер.

В-третьих, отметим несоответствие структурных составляющих системы профессионального образования новым потребностям экономики знаний и адекватной ей институциональной среды, а также принципиально новому укладу жизни и профессиональной деятельности людей. Проблема перепроизводства невостребованных специалистов с высшим образованием.

В-четвертых, недостаточное развитие непрерывного профессионального образования в России. В условиях развития инновационной экономики население должно быть готово и вовлечено в процесс непрерывного обучения.

В-пятых, отставание вузовской науки от потребностей инновационной экономики. Формирование системы инновационного образования, интеграцию образовательных и научных учреждений, углубление фундаментальной подготовки и более тесная увязка с требованиями рынка квалифицированной рабочей силы [4, с. 103–104].

В-шестых, слабое взаимодействие учебных заведений с предприятиями, отсутствие широко развитой системы социального заказа. Профессиональное образование не может развиваться изолированно от тех структур, для которых оно готовит специалистов.

Мы убеждены, что включение России в зону международного рынка образовательных услуг может дать дополнительные возможности для решения вопросов качества подготовки специалистов, достижения большей мобильности студентов, что сделает нашу страну более конкурентоспособной. Учитывая положительный потенциал, который имеет Россия в системе образования, у России нет иного пути, как включение в интеграционные процессы, поиск собственной ниши в мире и в Европе, в частности.

Библиографический список

1. Бузгалин, А.В. Свободное развитие личности или плен вещной и личной зависимости (Россия в глобальной экономике знаний: контексты и альтернативы) / А.В. Бузгалин // Стратегия России: Общество знаний или новое Средневековье? Материалы конф., 3–4 апр. 2008. – М.: Ленанд, 2008. – С. 3–11.
2. Дубнянская, Г.Ю. Российские «ответы» на вызовы эпохи науки и образования / Г.Ю. Дубнянская // Стратегия России: Общество знаний или новое Средневековье? Материалы конф., 3–4 апр. 2008г. / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. – М.: Ленанд, 2008. – С. 95–101.
3. Дудина, И.А. Развитие международного рынка академических услуг и товаров в условиях глобализации / И.А. Дудина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3. Экономика. Экология. – 2009. – № 2. – С. 70–78.
4. Елецкий, Н.Д. Кризис системы образования в России – препятствие на пути к обществу знаний / Н.Д. Елецкий // Стратегия России: Общество знаний или новое Средневековье? Материалы конф. 3–4 апр. 2008г. / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. – М.: Ленанд, 2008. – С. 103–105.
5. Киреев, А.П. Международная экономика. В 2-х ч. Ч. I. Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства: учебное пособие для вузов / А.П. Киреев. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 416 с.
6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008г. № 1662-р, с. 7, 11, 46–48 // МОО «Информация для всех». – URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf>.
7. Шостак, Л. Как выйти за рамки маркетинга товаров / Л. Шостак // Маркетинг услуг. – 2006. – № 2. – С. 12–25.
8. Brooking, A. Intellectual Capital. Core Asset for the Third Millennium Enterprise / A. Brooking. – L.: International Thomson Business Press, 1996. – 204 p.

9. Global Education Digest 2008. Comparing Education Statistics across the World [Текст]. – Montreal: UNESCO Institute for Statistics, 2008. – 296 p.
10. Stewart, T.A. Intellectual Capital. The Wealth of Organizations / T.A Stewart. – N.Y.: Doubleday & Company Incorporated, 1998. – 320 p.
11. Strategy EU 2020. – URL: http://ec.europa.eu/europe2020/index_en.htm.
12. Tertiary Education for the Knowledge Society // OECD Thematic Review of Tertiary Education: synthesis report. April 2008. – Paris: OECD, 2008. – 22 p.

[К содержанию](#)

УДК 811.581 + 395:811.581

ФОРМУЛЫ ОБРАЩЕНИЯ В КИТАЙСКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

Я.Л. Березовская

В статье рассматриваются национально-культурная специфика формул речевого обращения в китайском языке. Рассматриваются формулы обращения в официальном, педагогическом дискурсе, а также родственные формулы обращения.

Ключевые слова: формулы обращения, национально-культурная специфика, родственные обращения, официальные обращения.

Знание речевых формул обращения является залогом успешного коммуникативного акта участников общения. Изучение национально-культурной специфики этикетных формул обращения позволит установить контакт с предполагаемым собеседником, избежать коммуникативных неудач.

Ю Ин Ча выделяет следующие основные функции обращения:

- 1) призывная (апеллятивная), если адресат находится от адресанта на расстоянии;
- 2) контактоустанавливающая (фатическая) между адресантом и адресатом при непосредственном общении;
- 3) функция поддержания контакта в процессе общения [4].

Выбор формул речевого обращения обусловлен национально-культурными особенностями речевого этикета и отражает языковую картину мира народа.

На наш взгляд, в связи с активно развивающимися деловыми отношениями с Китаем, установлением контактов с потенциальными партнерами, актуальным является вопрос изучения формул китайского речевого этикета (в частности, обращения) в различных ситуациях общения.

Рассмотрим речевые формулы обращения в ситуациях официального общения.

В официально-деловой сфере характерно указание на социальный статус собеседника. Отметим следующую формулу обращения: фамилия + социальный статус, должность (王总: фамилия + директор). В подобных ситуациях на первом месте используется фамилия, а потом указывается должность. Данное употребление не характерно для русской языковой картины мира. В русской картине мира мы, скорее, встретим примеры *врач Петрова, преподаватель Иванова*, где обозначения лиц по профессии имеют грамматико-синтаксическую характеристику приложения. Обратный порядок слов несет другую грамматико-синтаксическую характеристику: *Иванов – врач* – отношение к субъекту речи; подчеркивается, что субъект речи относится к классу врачей.

Обращение к специалисту какой-либо области может быть сходным с лексемой *учитель* (в широком смысле слова), *мастер*. Например, к водителю обращаются как 师傅 (shī fu). Данное сочетание иероглифов имеет два сходных в данном контексте значения: *мастер* и *учитель*.

При этом в профессионально-педагогической сфере к учителю или преподавателю обращаются как lao shi. Например, 王老师 (wáng lǎo shī). Сначала употребляют фамилию (например, Ван), потом используют лексему *учитель* (lao shi). Характерно, что к другим сотрудникам учебного заведения (*секретарю, специалисту по учебно-методической работе* и т.д.) обращаются, используя ту же лексему *учитель* (laoshi).

Национально-культурная специфика этикетных речевых формул обуславливает ошибки в употреблении обращения, неумение использовать речевые формулы в различных ситуациях общения. Например, китайские студенты зачастую не знают, как обращаться к русскому преподавателю: *Вы не знаете, как найти Татьяну Симакову?* (вместо использования имени и отчества: *Татьяна Ивановна*); ситуация обращения студента к преподавателю: *Здравствуйте, Иван Иванов. Извините, пожалуйста, за опоздание. / Здравствуйте, Анна Лаврова. / Здравствуйте, Е. Геннадьевна! / Здравствуйте, преподаватель! / Здравствуйте, Юлия Лаврентьева Сергеевна! / Здравствуйте, Петров Николаевич! / Здравствуйте, преподавательница!* Данные примеры указывают еще на одну характерную особенность: неразграничение формул обращения и приветствия.

Для китайских студентов непривычно, когда они слышат обращение к преподавателю только по имени (*Наталья, Юлия*). В китайской культуре не допускается обращение к преподавателю подобным образом. Это считается нарушением норм речевого этикета.

Рассмотрим формулы обращения в других официальных ситуациях. В медицинской сфере к врачу обращаются, используя лексему *врач* 医生 (yī sheng).

В официальной обстановке можно встретить употребление лексемы *господин*. При этом на первом месте необходимо назвать фамилию лица, к которому обращаются 王先生 (фамилия+ господин).

В официальной ситуации можно встретить номинации *красавец* и *красавица*. Например, в салоне красоты: *красавец* 帅哥 (shuai ge), *красавица* 美女 (mei nv).

Данная речевая формула встречается и в другой ситуации официально-го общения – в ресторане. Обращение к официанту женского пола имеет коннотативную окраску – *красавица* 美女 (mei nv). Подобное обращение не характерно для русского коммуникативного сознания, более того, может быть воспринято негативно как нарушение норм речевого этикета. К официанту мужского пола обращаются, используя обозначение профессиональной принадлежности – *официант* 服务员 (fu wu yuan).

Отметим семантическую характеристику обращения *дорогая*.

Первоначально данная формула обращения использовалась только в личной переписке. В последнее время в русской и в китайской языковых картинах мира наблюдаем употребление лексемы *дорогая* (*дорогой, дорогие*) в официальном дискурсе: в поздравительных письмах, приглашениях на праздничные мероприятия (*Дорогие клиенты! Сердечно поздравляем вас с праздником!*) а также в женском профессиональном дискурсе, например, при заказе одежды через сеть интернет, в косметической сфере (*Дорогие мамочки! Одежда отличного качества для всей семьи.*). В китайской языковой картине мира обращение *дорогая* широко распространено именно в интернет-дискурсе: 亲 (qin). В данной коммуникативной роли может выступать и лексема *милая, милые* (*Милые дамы!*).

Использование указанных формул обращения может нести иную семантическую нагрузку и употребляться в молодёжной среде. Например, девушки могут обращаться друг к другу как *сестра, дорогая* 亲爱的 (qin ai de), молодые люди – *братан* (ge men er).

В последнее время все чаще наблюдается заимствование формул делового обращения из европейского речевого этикета. Например, использование обращений *мистер, миссис* (*мистер Ван*).

Интересна система обращений к родственникам. Для большинства русских и китайских обращений характерна редупликация – повторение слоговых элементов. Ср. в русском языке: *мама, папа, дядя, тетя, баба, деда*. В китайском языке: бабушка со стороны мамы 姥姥 (lao lao); бабушка со стороны папы 奶奶 (nai nai), дедушка со стороны папы 爷爷 (ye ye), сестра со стороны папы: 姑姑 (gu gu).

В китайском языке система родственных обращений имеет более разветвленную структуру. Учитываются очередность согласно генеалогическому древу: «первая» тетя 大姨 (da yi), вторая тетя 二姨 (er yi). Отдельные номинации имеют родственники со стороны отца и матери: бабушка со стороны мамы 姥姥 (lao lao), дедушка со стороны мамы 姥爷 (lao ye); бабушка со стороны папы 奶奶 (nai nai), дедушка со стороны папы 爷爷 (ye ye); сестра со стороны папы: 姑姑 (gu gu); сестра со стороны мамы 姨.

В системе обращений наиболее ярко проявляется национально-культурная специфика определенной языковой культуры. Нарушение норм употребления системы обращения ведет к коммуникативным неудачам.

Наиболее часто возникают ошибки в употреблении имен собственных. В китайском языке возникает меньше ошибок, что обусловлено четкой структурой: фамилия + имя. В русском языке система более сложная, нет четкого порядка фамилия + имя / имя + фамилия. Ситуация усложняется из-за употребления отчества и неразграничения фамилии, имени и отчества. Например, на учебных занятиях китайские магистры первого курса, обучающиеся по специальности «Филология. Русский язык как иностранный» Института международного образования Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск) при написании заявлений, служебных записок в графе «расшифровка подписи», где необходимо указывать фамилию, имя и отчество (например, *Сидорова А.И.*), пишут *Анна А.И.*, что свидетельствует о трудностях в понимании и употреблении системы русских имен.

Ошибки возникают и при употреблении кратких имен. Например, полное имя *Александр* может иметь такие варианты: *Саша, Сашка, Санек, Саша, Шура, Шурик*. Для системы китайских имен также характерно употребление кратких и уменьшительно-ласкательных имен, зачастую с использованием приема редупликации: *Фанбин, Бин-Бин*. Чтобы показать уважение к человеку перед именем могут использовать прилагательное *большой, великий 大 (da)*: *Чжао – Да Чжао*. При неблагозвучности фамилии и имени краткие имена не используют, употребляя и фамилию и имя полностью: *Цзинь Чжи*.

В китайской культуре распространенное явление – смена фамилии и имени. Родители могут поменять имя своего ребенка, если оно не благозвучно или имеет отрицательную семантику, так как это, по представлениям китайцев, сильно влияет на судьбу человека.

Таким образом, проанализировав формулы обращения в различных ситуациях общения, мы пришли к следующим выводам:

- 1) использование формул обращения в различных ситуациях общения определяется национально-культурной спецификой;
- 2) носители китайского языка обращаются друг к другу согласно должностному социальному положению;
- 3) основная речевая формула обращения в профессиональном дискурсе: фамилия + указание на социальный статус, должность;
- 4) заимствование так называемых универсальных формул обращения (*господин, госпожа, мистер, миссис*) из европейского речевого этикета;
- 5) проникновение формул, характерных для неофициального общения, в деловую сферу (*дорогая, милая*) с целью установления контакта;
- 6) использование приема редупликации для формул обращения к родственникам;

- 7) частое неразграничение формул обращения и приветствия;
- 8) незнание национально-культурной специфики употребления речевых формул обращения приводит к коммуникативным неудачам.

Библиографический список

1. Гусева, Е.В. Межъязыковые и межкультурные трудности системы русских имен собственных и обращений / Е.В. Гусева // Русский язык как инославянский: современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении / глав. ред. В. Белокапич-Шкунца. – Белград: Славистическое общество Сербии, 2009. – Вып. 1. – URL: <http://www.twirpx.com/file/1197973/>
2. Пань, Х. Русский речевой этикет в условиях образовательной среды китайского технического вуза / Х. Пань // Вестник ЮрГТУ (НПИ). – 2012. – № 2. – С. 289–293. – URL: http://vestnik-npi.info/upload/information_system_22/9/5/4/item_954/information_items_property_2390.pdf.
3. Пензева, Е.А. К вопросу о родственных обращениях в русском и китайском языках / Е.А. Пензева // Современные проблемы образования и науки. – 2009. – № 3. – С. 128–129. – URL: http://www.science-education.ru/pdf/2009/2009_03_01.pdf.
4. Ю Ин Ча. Лингвокультурологическая специфика обращения в русском и корейском языках / Ча Ин Ю // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 3. – С. 77–81. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskaya-spetsifika-obrascheniya-v-russkom-i-koreyskom-yazykah>.

[К содержанию](#)

УДК 811.161.1'27 + 378.016:81

ОБУЧЕНИЕ ГОВОРЕНИЮ КАК ВИДУ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (I СЕРТИФИКАЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ)

О.С. Бернат, М.В. Раевская

Статья посвящена рассмотрению особенностей обучения говорению, видам упражнений и риторических приемов на продвинутом уровне владения русским языком как иностранным.

Ключевые слова: текст, I сертификационный уровень владения русским языком, говорение, риторические приемы.

Говорение как вид речевой деятельности реализуется, когда у говорящего возникает потребность в речевом воздействии на собеседника.

На процесс говорения влияют факторы, включающие:

- цель речевого действия;
- тему общения;
- место и время общения;
- отношения между собеседниками;
- социальную роль партнеров.

Обучение говорению включает в себя три составные части:

- введение в память учащихся языкового материала;
- выработку умений и навыков оперировать этим материалом;
- использование речи для определенных коммуникативных целей.

На занятиях по русскому языку как иностранному необходимо формировать:

- 1) речевые умения вступать в общение, поддерживать и завершать его;
- 2) умение изложить свою точку зрения и привести соответствующие примеры;
- 3) умение понимать сказанное собеседником;
- 4) умение удерживать инициативу общения;
- 5) умение подтвердить что-то, узнать, предложить, согласиться, пригласить, пообещать и т.д.;
- 6) умение говорить выразительно;
- 7) умение логично и связно высказываться;
- 8) умение пересказать прочитанное и услышанное.

На I сертификационном уровне *при монологической речи* иностранный студент должен уметь:

- 1) самостоятельно продуцировать связные, логичные высказывания в соответствии с предложенной темой и коммуникативно заданной установкой;
- 2) строить монологическое высказывание на основе прочитанного или прослушанного текста различной структуры и коммуникативной направленности;
- 3) передавать содержание, основную идею прочитанного или прослушанного текста и выражать собственное отношение к фактам, событиям, изложенным в тексте.

Объем предъявляемого текста: 600–700 слов.

Количество незнакомых слов в тексте – 3 %.

Тип предъявляемого текста: повествование, описание, сообщение, а также тексты смешанного типа с элементами рассуждения.

Объем продуцируемого учащимся текста: не менее 25 фраз.

При диалогической речи иностранный студент должен:

- 1) понимать содержание высказываний собеседника;
- 2) адекватно реагировать на реплики собеседника;
- 3) инициировать диалог.

Высказывания учащихся должны быть оформлены в соответствии с нормами современного русского языка, включая общепринятые социально обусловленные нормы речевого этикета.

Упражнения на обучение диалогической речи направлены на подготовку связного самостоятельного высказывания [2].

Это может быть чтение диалога по ролям, сравнение диалогов, а также упражнения, в которых необходимо составить предложения из готовых частей с опорой на образец или без него.

Комбинационные упражнения помогают построить высказывание, подобрав или добавив реплики, цель трансформационных упражнений – выработать навык составления новой формы на основе заданной.

Ситуативные упражнения связаны с составлением и восстановлением диалога, исходя из определенной ситуации.

Важное место в обучении иностранных студентов говорению занимают упражнения, которые ставят своей целью начинать разговор и реагировать на слова собеседника встречной информацией, а также давать всевозможные реакции на сообщение.

Можно предложить студентам провести в группе дискуссию по определенной теме:

- сформулировать круг проблем, связанных с этой темой, обосновать ее актуальность;
- высказать свое отношение к проблеме;
- узнать отношение студентов к этой проблеме;
- сделать выводы;
- выразить согласие или несогласие с точкой зрения своих товарищей.

Используя разнообразные формулы речевого этикета, можно предложить иностранным студентам ролевые игры «Знакомство», «Приветствие», «Прощание», «Благодарность» и др.

Упражнения на развитие монологической речи направлены на обучение элементам монолога и на обучение монологическому тексту. Упражнения строятся с опорой и без опоры на текст.

Это может быть пересказ текста, выполняя который студенты располагают предложения в логической последовательности; составление рассказа по плану; составление рассказа по картинке (карикатуре); сообщение на определенную тему, используя данное начало и заключительную часть.

Поскольку одной из основных задач, которую призвано решить обучение студентов-иностранцев, является выработка бережного отношения к слову не только как к эстетической ценности, но и могучему средству выражения мыслей и самовыражения личности, необходимо вводить в процесс обучения русскому языку как иностранному риторические приемы, которые «расширяют сферу действия понятия «искусная речь» и занимаются, по сути, вопросами оптимизации речевого общения во всех речевых ситуациях» [4]. Кроме того, на риторические приемы,

помимо задач речевого воспитания, возложены новые задачи – «задачи создания и укрепления стиля речи, мысли и межличностных отношений, нравственного воспитания слушателей» [1].

В основе обучения говорению, по мнению многих ученых и философов (З.И. Курцева, Т.А. Ладыженская, А.К. Михальская, Ю.В. Рождественский, В.А. Сластенин и др.), лежит этическое начало, именно об этом свидетельствуют высказывания многих известных ученых.

«Нет ничего важнее нравственного» (Платон).

«Мы ведь проводим исследование не затем, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы стать добродетельными, иначе от этой науки не было бы никакого прока» (Аристотель).

«Из всех знаний нравственная наука, может быть, есть самая наинужнейшая...» (Пифагор).

«Самый дар слова, если он достался в удел порочному человеку, надлежит почитать злом, поскольку сделает его еще худшим» (Квинтилиан).

Для решения одной из «главнейшей задач современного образования – нравственного воспитания» [3] необходимо вводить в курс обучения говорению (первый сертификационный уровень) такие упражнения, в которых будут находить отражение и риторические идеи, связанные с законом гармонизирующего диалога, поскольку эффективное (гармонизирующее) речевое общение возможно только при диалогическом взаимодействии участников речевой ситуации, и нравственная составляющая.

Например, можно предложить обучаемым следующие задания:

1. На основании пословиц и поговорок сформулируйте правила речевого этикета:

- От учтивых слов язык не отсохнет.
- Недоброе слово что огонь жжет.
- Что поставят, то и кушай, а хозяина дома слушай.
- Красно поле пшеном, а речь слушанием.
- Доброе молчание лучше пустого болтания.
- На ласковое слово не сдавайся, на противное не обижайся.
- Не молвя слова крепись, а молвя слово держись.
- Без рассуждения не твори осуждения.
- Своего «спасибо» не жалея, а чужого не жди.

2. Сравните два варианта возражения. Какой из них вежливее? Обоснуйте ваше мнение.

а) - Это не так.

- Это не совсем так.

б) - Я с вами не согласен.

- Не могу с вами согласиться.

в) - Не разделяю ваших убеждений.

- Вы часто бываете правы, но в данном случае я не разделяю ваших убеждений.

г) - Это невозможно.

- На мой взгляд, ваше предложение осуществить будет очень трудно.

д) - Это абсурд.

- Извините, но, мне кажется, вы не называете всех обстоятельств дела.

е) - Ваши условия принять нельзя.

- Над вашими условиями позвольте поразмышлять. Не повторите ли вы ваше основное условие?

То есть коммуникативные, речевые и этикетные нормы необходимо рассматривать как некий комплекс, соединение коммуникативно-речевой и нравственной культуры. Так, говорящий (пишущий), вступая в общение с собеседником должен правильно сориентироваться в коммуникативной ситуации, определить свою позицию, отражающую его нравственные принципы, продумать речевые действия для реализации своих помыслов, коммуникативных намерений, поскольку риторические приемы принципиально отрицает возможность «речи, обращенной говорящим к самому себе» [3].

Как же вызвать внутреннее слово слушателя, как должен вести себя говорящий, чтобы добиться живого отклика на свою речь?

Мы предлагаем следующие упражнения:

1) сформулируйте тему, цель, тезис на основании прочитанных афоризмов:

- «Жизнь – это то, что случается с нами, пока мы строим планы на будущее» (Томас Ла Манс);

- «В раю животные говорили, значит, и думали, потому что говорить не думая – последнее нововведение людей» (Моисей Сафир);

- «Если не знаешь, как поступить, поступай порядочно» (NN).

2) ответьте на вопросы в соответствии с определенной социальной ролью (педагога, писателя, врача, военного и др.);

3) напишите и произнесите хвалебное слово (близкому человеку, ветерану, городу, в котором вы живете).

Подобные задания, на наш взгляд, позволяют, с одной стороны, заинтересовать обучаемого, а с другой – вовлечь его в коммуникативную сферу, сформировать реальное речевое мастерство, выработать систему умений и навыков, необходимых для владения эффективной речью с учетом этических и эстетических ценностей.

Итак, обучение говорению как виду речевой деятельности является одной из важных проблем методики преподавания русского языка как иностранного на I сертификационном уровне владения языком.

Библиографический список

1. Берулава, М.Н. Развитие отечественного образования: выбор основного вектора движения / М.Н. Берулава, Г.А. Берулава // Философия образования. – 2006. – № 1. – С. 14–16.

2. Крючкова Л.С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / Л.С. Крючкова, Н.В. Мощинская. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 480 с.

3. Курцева, З.И. Коммуникативно-нравственное развитие учащихся в системе непрерывного педагогического образования / З.И. Курцева. – М.: МИОО, 2007. – 128 с.

4. Матвеева, Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева. – М., 2003. – С.100–290.

5. Щукин, А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного / А.Н. Щукин. – М., 2003.

[К содержанию](#)

УДК 94(470 + 571) + 94(510) + 930.85

КИТАЙ И РОССИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА

С.Г. Боталов

Проследив основные факты генезиса Китайской цивилизации, автор пришёл к выводу о необычайной исторической схожести (параллелизме) облика, механизмов и динамики исторических этапов и событий, слагающих канву и фабулу китайского и российского этнокультурогенеза. В основе этого лежит параллелизм идеократической модели китайской и российской государственности.

Ключевые слова: Китай; Россия; цивилизация; идеократия.

На наш взгляд, общеизвестная схема геополитической оси континентальной Евразии как Берлин-Москва-Токио неизбежно требует своей корректировки, по крайней мере, в её восточной части. Очевидно, что Китай как бурно развивающийся геополитический игрок, неизбежно становится ведущим звеном Евразийского хартланда, закономерно потеснив Японию со своей крае восточной позиции.

В этой связи возникает вопрос о закономерности или случайности в формировании новой конфигурации стран Азии.

Проследив основные факты генезиса Китайской цивилизации, автор неожиданно пришёл к выводу о необычайной исторической схожести (параллелизме) облика, механизмов и динамики исторических этапов и событий, слагающих канву и фабулу китайского и российского этнокультурогенеза.

Вероятнее всего, региональное и этническое своеобразие китайской культуры, оснащенной глубокой информационной основой, отразившейся в самой древней письменной культуре, не позволяет взглянуть на эти явления (китайское конфуцианство и российское православие) цивилизации как весьма сходные в своей базовой составляющей.

Так, возникновение ханьского и русского суперэтносов происходило в неизменном сочетании двух культурно-хозяйственных социокомпонентов оседлого земледельческого и скотоводческого полукочевого, кочевого (хуны, ди, хунну, сяньби и сарматы, гунны, тюрки, болгары).

Фактически в обоих случаях был выработан единый алгоритм взаимодействия и взаимопроникновения с кочевой цивилизацией Евразии. Особенно ярко это отразилось в схожести последствий установления монгольской династии Юань в Китае и Золотой Орды – в России, когда в обоих случаях этногенерирующее и этноконсолидирующее начало этих явлений явилось основой новой государственности Китая (династия Мин) и России (Великорусское княжество). При внимательном рассмотрении этих параллелей список их можно значительно расширить и углубить. Безусловно, эти элементы сходства не могут быть помещены в единый пространственно-временной континуум, синхронность их носит сугубо цивилизационный аспект.

Трудно сегодня также понять, что лежит в их основе, либо единые исходные условия и данные суперэтносов суши, либо культурно-историческая синхронность идеократической модели этих цивилизаций. Очевидно одно: что у китайской и у российской (в отличие от либерально-индивидуалистической западной) существует гигантский потенциал социокультурного соразвития, а следовательно, и одна (не в смысле единая, а схожая по своей направленности) геополитическая модель развития.

[К содержанию](#)

УДК 811.161.1'342

Артикуляционная гимнастика в коррективовочном фонетическом курсе на занятиях по РКИ

Е.Г. Доронина

Показана необходимость выполнения учащимися артикуляционной гимнастики в коррективовочном фонетическом курсе на занятиях по русскому языку как иностранному. Артикуляционная гимнастика рассматривается как средство повышения эффективности работы по совершенствованию слухопроизносительных навыков иностранных учащихся. Приведены примеры подбора комплексов артикуляционных упражнений в зависимости от характера трудностей, которые испытывают обучаемые при несовпадении артикуляционных баз родного и русского языка.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, артикуляционная база, артикуляционная гимнастика.

Коррективовочный фонетический курс необходим на среднем и продвинутом этапах обучения, поскольку овладение русским произношением требует длительной непрерывной работы. Он направлен не только на совершенствование сформированных ранее слухопроизносительных навыков, но и на преодоление фонетической интерференции, которая проявляется в том, что обучаемые переносят в русскую речь усвоенные с детства и автоматизированные произносительные навыки родной речи [2]. Эта задача не может быть решена без обязательной тренировки слухового и речедвигательного аппаратов.

На практике используются разные варианты организации коррективовочного курса, например, возможно периодическое проведение отдельных занятий по фонетике, но чаще всего такая работа организуется в форме фонетической зарядки в течение 5–10 минут на каждом занятии. Как правило, на этом этапе занятия отрабатываются чистоговорки и скороговорки, разучиваются фрагменты песен, ведется работа над произношением изучаемого лексико-грамматического материала.

Эффективность такой работы может быть существенно повышена, если регулярно начинать фонетическую зарядку с артикуляционной гимнастики. Необходимость проведения артикуляционной гимнастики обусловлена тем, что работа речевого аппарата у носителей различных языков имеет свою специфику: у носителей разных языков могут быть актуализированы разные виды артикуляционных движений, необходимых для образования тех или иных звуков [1].

Совокупность типичных артикуляционных движений органов речи, характерных для данного языка, или артикуляционная база языка, характери-

зуется набором типичных движений, без овладения которыми невозможно добиться безакцентного произношения. Проведение артикуляционной гимнастики направлено на формирование и совершенствование русской артикуляционной базы у иностранных учащихся.

Поскольку артикуляционные базы разных языков имеют существенные отличия, набор упражнений артикуляционной гимнастики должен отличаться в разных аудиториях. Но при этом специалистами выделен ряд упражнений, составляющих основу для такой работы [1]. Названия упражнений мы заимствуем из практики логопедической работы с детьми [3], поскольку эмоционально окрашенные названия лучше запоминаются, и студентам будет легче воспроизвести весь комплекс при самостоятельной работе.

Упражнения, направленные на формирование умения контролировать положение губ:

- 1) округлите губы, при этом они слегка вытянутся вперед («О»);
- 2) еще больше вытяните губы вперед (как для поцелуя), при этом раствор ротовой полости будет минимальным («хоботок»);
- 3) улыбнитесь (губы немного растянутся) («улыбка»);
- 4) улыбнитесь шире, так, чтобы губы растянулись, напряглись, раскрылись, слегка обнажая зубы («американская улыбка»).

Упражнения, направленные на выработку навыков сознательного владения степенью напряженности языка:

- 1) улыбнитесь, покажите зубы, приоткройте рот, положите широкий язык за нижние зубы, края языка должны касаться боковых зубов («лопатка»);
- 2) сделайте кончик языка острым (при этом язык может слегка приподняться или немного продвинуться вперед) («острый язык»);
- 3) вытяните язык вперед, попытайтесь достать кончиком языка до подбородка, передняя часть языка при этом будет узкой и напряженной («достань языком до подбородка»);
- 4) максимально оттяните язык назад, при этом он настолько напряжен, что ощущается мышечная усталость («спрячь язык»).

Упражнение, направленное на выработку навыков контроля положения кончика и передней части языка:

- 1) сделайте язык острым;
- 2) приподнимите язык к основанию верхних зубов; к основанию нижних зубов («качели»);
- 3) медленно проведите передней частью и кончиком языка по нёбу назад и в обратном направлении («маляр»);
- 4) кончик языка упереть в верхнее небо, зафиксировать его в этом положении на несколько секунд («грибок»);
- 5) кончиком языка выполняйте не очень широкие движения над верхними альвеолами справа налево («чистим альвеолы»);

б) слегка приоткройте рот и широким передним краем языка облизните верхнюю губу, делая движение сверху вниз («вкусное варенье»).

Упражнения, направленные на выработку навыков контроля силы и продолжительности воздушной струи:

- 1) сделайте сильный продолжительный выдох («сильный ветер»);
- 2) сделайте более слабый, непродолжительный, резкий выдох («задул свечку»);
- 3) сделайте слабый продолжительный выдох («больно!»);
- 4) сделайте еще более слабый, непродолжительный, резкий выдох («пушинка»);
- 5) сделайте выдох еще слабее, непродолжительный, нерезкий («горячо!»).

Упражнение, направленные на выработку навыков контроля степени раствора ротовой полости («гармошка»):

- 1) слегка приоткройте рот;
- 2) откройте рот шире;
- 3) широко откройте рот (язык опущен).

На основе этих упражнений с учетом специфики артикуляционной базы родного языка обучаемых преподаватель составляет комплекс упражнений для конкретной группы студентов, добавляя при необходимости дополнительные упражнения.

Комплекс упражнений преподаватель предъявляет на занятии, объясняет необходимость ежедневного самостоятельного выполнения этих упражнений дома, перед зеркалом. На занятии студентам также необходимо работать перед зеркалами. Поскольку человек, выполняющий артикуляционные упражнения, выглядит иногда весьма специфично, студенты могут смущаться, стесняться выполнять упражнения. На первых этапах работы преподавателю особое внимание следует уделить созданию конструктивной, рабочей атмосферы. Наш опыт работы показывает, что студенты быстро привыкают к такой работе и относятся к ней очень серьезно, поскольку уже через несколько занятий они видят ее эффективность. В зависимости от характера группы преподаватель может сам показывать упражнения, а может воспользоваться одним из многочисленных видеороликов, которые находятся в свободном доступе в Интернете [3].

Общеизвестно, что наибольшие трудности у иностранных учащихся вызывает произношение звуков, отсутствующих в родном языке. Например, большие затруднения всегда вызывает произношение звука Р у носителей китайского языка. Произношение данного звука требует большого напряжения кончика языка, он должен быть приподнят к альвеолам, воздушная струя должна быть сильной и проходить по краям языка. Следовательно, для правильного произношения звука Р, у учащихся должны быть сформированы навыки сознательного владения артикуляционным аппаратом. Им необходимо уметь контролировать степень напряжения кончика языка, его движения,

силу воздушной струи. Поэтому для артикуляционной гимнастики предлагается ряд упражнений, направленных на совершенствование этих умений:

- 1) «чистим альвеолы»;
- 2) «лошадка» (поцокать языком);
- 3) «гармошка»;
- 4) «лошадка» + «о»;
- 5) «маляр»;
- 6) «чашечка» (высунуть язык, изогнуть его в форме чашечки);
- 7) «пушинка»;
- 8) «болтушка» (делать быстрые движения языком, прикасаясь то к верхней, то к нижней губе);
- 9) «барабан» (кончиком языка быстро ударять в верхние альвеолы, произнося сначала звук Д, затем Р).

Произношение звука Ч также вызывает трудности у китайских учащихся. При правильном произношении этого звука губы должны быть вытянуты вперед, зубы разомкнуты, сближены, кончик языка широкий, приподнят к верхней части неба, язык принимает форму «чашечки»; сначала образуется смычка с передней частью твердого неба, а затем щель, спинка слегка прогнута, проход в носовую полость закрыт, голосовые связки разомкнуты.

Комплекс артикуляционных упражнений, направленных на овладение совокупностью необходимых движений органов речеобразования:

- 1) «широкая улыбка»;
- 2) «хоботок»;
- 3) «широкая улыбка» – «хоботок»;
- 4) «улыбка» + «гармошка»;
- 5) «лопатка»;
- 6) «чашечка» (высунуть язык, изогнуть его в форме чашечки);
- 7) «сильный ветер»;
- 8) «вкусное варенье»;
- 9) «грибок»;
- 10) «гармошка»;
- 11) «больно!».

Часто в речи китайских студентов присутствуют черты акцента, связанные с произношением звука Э, близкого к И. Разница в произношении этих звуков связана со степенью подъема средней части языка к твердому небу. Движение спинки языка крайне сложно контролировать сознанием (это неощутительное артикуляционное движение). Но оно зависит от степени раствора ротовой полости. Если студент недостаточно открывает рот, то произнести правильно звук он не может. Движение ротовой полости, необходимое для правильной артикуляции звука, отрабатывается при помощи артикуляционного упражнения «гармошка».

Аналогичным образом подбираются упражнения для коррекции произносительных навыков обучаемых в зависимости от характера возникающих трудностей.

Таким образом, артикуляционная гимнастика является частью фонетического модуля, который может входить в любой модуль при изучении русского языка как иностранного. При систематическом использовании артикуляционная гимнастика позволяет обучаемым овладеть совокупностью положений и последовательных движений, из которых состоит русская речь, способствует формированию и коррекции артикуляционной базы русского языка у иностранных учащихся.

Библиографический список

1. Битехтина, Н.Б. Русский язык как иностранный: фонетика / Н.Б. Битехтина, В.Н. Климова. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – 128 с.
2. Крючкова, Л.С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие / Л.С. Крючкова, Н.В. Мощинская. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 480 с.
3. Логопедический портал. – URL: <http://logoportal.ru/tverdiy-zvuk-1/.html>.

[К содержанию](#)

УДК 378.014.25 + 378.014.543

РАЗРАБОТКА МАРКЕТИНГОВОГО ПЛАНА МЕРОПРИЯТИЙ ПО ПРОДВИЖЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ УНИВЕРСИТЕТА СРЕДИ ИНОСТРАННЫХ АБИТУРИЕНТОВ

О.М. Дьяченко

По результатам маркетинговых исследований разработан план маркетинговых мероприятий для комплексного продвижения образовательных продуктов российского университета для иностранных абитуриентов. В статье автор выявил инструменты, позволяющие повысить эффективность продвижения образовательных услуг российских университетов на международном рынке.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, маркетинг образовательных услуг, маркетинговое планирование

В настоящее время значительно повысились требования со стороны потребителей к вузу в отношении качества обучения, ориентированности на современный рынок труда, благоприятной образовательной среды, психологического и эмоционального комфорта. Обострение конкуренции на российском рынке образования заставляет высшие учебные заведения

прилагать все больше усилий в поиске мер, способствующих привлечению различных сегментов потребителей образовательных услуг: выпускников школ, колледжей и их родителей, руководителей и сотрудников коммерческих, государственных и общественных предприятий и организаций, предпринимателей, преподавателей и студентов учебных заведений, молодых специалистов.

При этом все больше возрастает роль информации, она становится одним из наиболее значимых элементов, используемых для эффективного управления вузом. Увеличиваются темпы роста информатизации общества, потребителю становится доступным все больший объем информации. Её передача от объекта к объекту происходит при помощи специфической формы общения – коммуникаций.

Коммуникации, как процесс передачи необходимой информации об услугах вуза до потребителей, целевой аудитории, являются важнейшей составной частью маркетинговой деятельности учебного заведения, активно влияющей на формирование и эффективность продвижения маркетинговых решений [2].

Важным фактором эффективности продвижения образовательных услуг российских университетов на международном рынке является формирование осведомленности о вузе, повышение его узнаваемости на международном образовательном рынке [1].

Так, Южно-Уральскому государственному университету в г. Челябинске в апреле 2010 года была присвоена категория «Национальный исследовательский университет» и в связи с этим повышение активности на международном образовательном рынке становится одним из перспективных направлений развития университета.

В структуре университета существует Институт международного образования, основной задачей которого является повышение активности ЮУрГУ в области международного образования. Институт осуществляет координацию международных образовательных программ университета, готовит иностранных граждан для поступления в российские вузы.

На сегодняшний день в плане развития международной образовательной деятельности действует внутрифирменная цель – вывод Институтом международного образования образовательных продуктов ЮУрГУ на новые национальные (географические) образовательные рынки и последующая работа на них.

Маркетинговая цель – проанализировать различные национальные географические рынки с точки зрения их маркетинговой привлекательности для ЮУрГУ и потенциальной возможности выход на них; выявить наиболее приоритетный (в соответствии с программой стратегического развития Института международного образования ЮУрГУ) и разработать для него программу маркетингового коммуникативного продвижения образовательных возможностей университета.

Для освоения новых образовательных сегментов необходимо оценить текущее положение университета на международном образовательном рынке.

Для оценки сильных и слабых сторон деятельности Института международного образования ЮУрГУ и существующих образовательных программ произведем SWOT-анализ (рис. 1).

Институт международного образования как структурное подразделение Южно-Уральского государственного университета имеет много положительных (сильных) сторон. Следует включать сильные позиции во все рекламные и PR-коммуникации, ориентированные на зарубежного потребителя.

Как показывают результаты маркетинговых исследований, при выборе российского учреждения высшего профессионального образования иностранный студент, как правило, принимает во внимание следующий комплекс факторов: общую экономическую ситуацию в стране, уровень развития системы высшего профессионального образования, наличие развитого сотрудничества университета с зарубежными вузами-партнерами, комфортность проживания иностранных студентов, действующий в университете порядок приема на образовательные программы, уровень качества образовательных услуг, перспективы трудоустройства по окончании учебного заведения, принятый стиль жизни и безопасность проживания в выбранном населенном пункте, а также материально-техническая оснащенность учреждения высшего профессионального образования [6].

При этом на основании результатов маркетингового исследования, проведенного авторами на базе Южно-Уральского государственного университета, можно утверждать, что наиболее весомыми факторами привлекательности услуг данного вуза для иностранных студентов, выбравших обучение в России в ЮУрГУ являются следующие:

- высокое качество образования в университете;
- сравнительно низкая по сравнению со среднерыночной на мировом образовательном рынке цена;
- общая привлекательность российских университетов вследствие возможности получить российское гражданство.

Кроме того, как показывают результаты исследования специалистов, иностранных студентов, выбирающих получение высшего образования в российских университетах, привлекает общая лояльность россиян к иностранным гражданам, а также наличие в выбранном населенном пункте их родственников или знакомых [5].

Это положение подтверждают и результаты проведенного автором исследования. Действительно, зачастую на выбор российского университета иностранными студентами влияет наличие в выбранном населенном пункте их «родной» диаспоры. Поэтому все перечисленные факторы необходимо учитывать при планировании и организации кампании по комплексному продвижению учреждения высшего профессионального образования на мировом образовательном рынке.

<p>Внутренняя среда</p>	<p>Сильные стороны</p> <ul style="list-style-type: none"> - опытный и квалифицированный персонал - постоянное повышение квалификации преподавателей университета - в ЮУрГУ отличная материально-техническая база - ЮУрГУ – один из ведущих вузов России - ЮУрГУ входит в элитную категорию национальных исследовательских университетов (<i>это знак качества. В России таких университетов 30</i>) - в ЮУрГУ есть широчайший спектр образовательные программы - усиленное внимание, которое менеджмент вуза уделяет международной деятельности вуза - относительная географическая близость к странам бывшего СССР (<i>возможности для студентов из стран ближнего зарубежья приезжать на обучение</i>) 	<p>Слабые стороны</p> <ul style="list-style-type: none"> - недостаточно мест для проживания иностранных студентов - географический фактор (промышленный город, находящийся в отдалении от культурных центров) - неблагоприятные погодные условия - неполное соответствие перечня российских и зарубежных образовательных программ, из-за чего возможно недопонимание потребителями особенностей программы - небольшая осведомленность о деятельности университета ввиду того, что Челябинск до 1989 г. был закрытым городом
<p>Внешняя среда</p>	<p>Возможности</p> <ul style="list-style-type: none"> - высокий престиж, хороший имидж российского образования среди стран Монголии, Вьетнама и общая заинтересованность университетов сотрудничать в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). И общее внимание стран Азиатско-Тихоокеанского региона к России - после перехода на новые образовательные рынки российский диплом об образовании соответствует международному 	<p>Угрозы</p> <ul style="list-style-type: none"> - недостаточная возможность появления дополнительного сотрудничества с зарубежными университетами ввиду отсутствия регламента работы в российском законодательстве - есть международный аэропорт, но он в отдалении (Екатеринбург) и всегда нужен дополнительный трансфер. <i>Редкие рейсы</i> - экологическая ситуация в регионе - недостаточное культурное развитие города (<i>небольшое количество театров, музеев</i>)

Рис. 1. Матрица SWOT-анализа

Вместе с тем, перечисленные факторы обуславливают интерес иностранного абитуриента к тому или иному отечественному вузу. Между тем, для формирования маркетинговой стратегии учреждений высшего профессионального образования важным является и изучение спроса на различные основные образовательные программы.

Рассмотрим структуру спроса иностранных абитуриентов на образовательные предложения российских учреждений высшего профессионального образования. Выявление конкурентных преимуществ российских образовательных учреждений в зависимости от структуры реализуемых специальностей свидетельствует, что наибольшим спросом у иностранных студентов пользуются инженерные специальности и специальности, связанные с программированием (17 % и 14 % соответственно). В меньшей степени, но стабильно постоянным остается спрос на специальности сферы культуры и искусства (журналистика, дизайн, библиотечное дело) и гуманитарные специальности (по 10 %), а также специальности точных наук (физика, химия, математика) и медицины (по 9 %) [7].

Для сравнения рассмотрим предпочтения российских студентов относительно зарубежных образовательных программ. В настоящее время, как свидетельствуют статические данные и результаты маркетинговых исследований, российские студенты предпочитают учиться по академическим программам в основном в таких странах, как Германия (около 12 тыс. чел.), США (5,6 тыс. чел.), Франция (2,6 тыс. чел.), Великобритания (1,7 тыс. чел.). Еще свыше 15 тыс. россиян обучаются в вузах и колледжах других европейских стран, а также в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, ряде азиатских стран, и прежде всего – в Китае. Кроме того, несколько тысяч российских граждан (в основном из местных русских семей, имеющих российское гражданство) являются студентами вузов стран СНГ (Казахстана, Украины, Белоруссии и др.) [7].

Итак, можно сделать вывод, что основными побудительными мотивами к выбору иностранными гражданами российских университетов являются:

- сложившийся на протяжении десятилетий имидж российского образования как одного из лучших в мире (прежде всего, это касается образования в области естественных и технических наук);
- фундаментальность российского высшего профессионального образования;
- сравнительно невысокая стоимость российских образовательных предложений – как свидетельствуют статистические данные, обучение в вузах России обходится иностранным гражданам в среднем в 2–5 тыс. долл. в год, т.е. на порядок меньше, чем в других странах;
- сравнительно невысокая стоимость проживания в России;
- существующий, особенно в столичных вузах и крупнейших вузов российских городов-миллионников опыт обучения иностранных студентов.

Вместе с тем, перечисленные мотивы необходимо дифференцировать в зависимости от психографических особенностей различных сегментов целевой аудитории зарубежных абитуриентов. К примеру, низкие цены на обучение в российских университетах являются весомым аргументом для студентов из КНР, но вряд ли привлекут целевой сегмент абитуриентов из ЕС и США.

Для привлечения в российские университеты иностранных студентов есть и другие ограничения:

- обучение, как правило, ведется только на русском языке, что значительно затрудняет восприятие;
- во время учебы студентам запрещается работать, что для некоторых студентов немаловажно (во всех западноевропейских странах от 1/4 до 2/3 студентов, в том числе иностранных, работают) [8].

Итак, основными инструментами при маркетинговом планировании и комплексном продвижении образовательных продуктов ЮУрГУ для иностранных абитуриентов являются:

1. Продвижение в социальных сетях. В первую очередь, автор рекомендует создание отдельной страницы об ООП университета в социальной сети Facebook.

Аудитория сайта Facebook и возрастная структура представлены на рисунке 2 и 3.

Рис. 2. Аудитория сайта Facebook

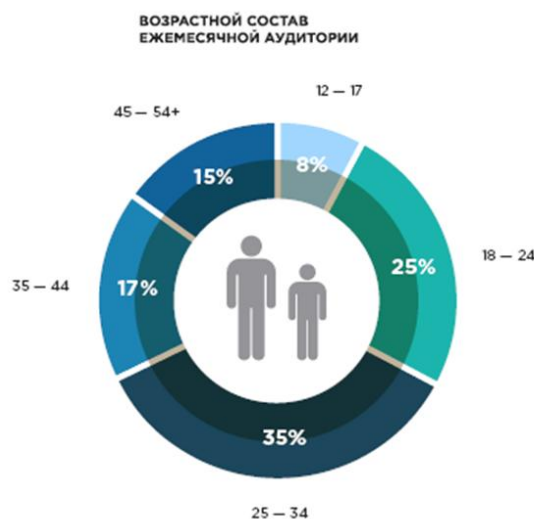

Рис. 3. Возрастная структура посетителей Facebook

Продвижение будет осуществляться посредством привлечения целевой аудитории в группу, а также посредством размещения таргетированных рекламных объявлений.

2. Сайт программы, размещенный на интернет-ресурсе Института международного образования ЮУрГУ. Для иностранных студентов, с нашей точки зрения, необходим отдельный информационный ресурс с ярким удобным для пользователя сайта дизайном, привлекающий внимание и легко находимый в сети Интернет. Это должен быть информационный портал, содержащий сведения об университете, его образовательных программах и стоимости обучения, о вариантах проживания на территории университетского кампуса или же съемном жилье и др.

Кроме того, данный информационный ресурс должен стать территорией для постоянного общения иностранных студентов, где они всегда могут оперативно получить ответ на любой интересующий вопрос, причем как из уст сотрудников университета, так и от иностранцев, уже являющихся студентами настоящего вуза. Причем последний вариант предпочтительнее, так как информация от своих сограждан всегда будет более актуальной.

Обязательными разделами сайта для иностранных студентов должны, по мнению авторов, стать разделы «Свободное время», «Мероприятия для иностранных студентов», содержащие информацию о способах проведения досуга с яркими примерами в виде фотографий, видеороликов, возможно с отзывами студентов, уже обучающихся в российском университете [4].

3. Образовательная выставка. Одним из наиболее эффективных способов продвижения образовательных услуг российских университетов является участие в международных образовательных выставках. Его результативность определяется тем, что именно на выставках становятся возможными:

- личные контакты потенциального потребителя и его родственников с представителями российского университета, двусторонние субъект-субъектные коммуникации;
- налаживание связей с представителями фирм по набору студентов, учебных заведений, общественных организаций;
- подробное представление вузом своих образовательных услуг;
- побуждение потребителей к действию с помощью предоставления скидок, раздачи подарков и сувениров;
- оценка представителями вуза тенденций рынка образовательных услуг, деятельности конкурентов, общественных настроений и преобладающих стереотипов [1].

Также рекомендуем российским вузам зарегистрироваться на основных образовательных ресурсах за рубежом, в которых следует качественно представить информацию о вузе, основных направлениях и образовательных программах, возможностях, преимуществах обучения. Эти действия необходимы для повышения информированности иностранных абитуриентов о российских университетах и привлечения их на образовательные программы.

Размещение информации необходимо сопроводить возможностью обсуждений, чтобы выстраивать диалог с потенциальными абитуриентами.

Реализация перечисленных мероприятий позволит создать комфортную, понятную и содержательную информационную среду для абитуриентов и студентов из зарубежных стран, что, в конечном итоге, будет способствовать повышению узнаваемости и привлекательности образовательных услуг российских университетов на международном рынке [3].

Библиографический список

1. Алексанков, А.М. Международный маркетинг образовательных программ вузов: учебное пособие / А.М. Алексанков, Д.Г. Арсеньев, Е.А. Джаим и др. – СПб., Изд-во Санкт-Петербургского политехнического университета, 2008. – 105с.

2. Глебова, Н.М. Интегрированный маркетинговый подход в формировании системы коммуникаций вуза / Н.М. Глебова, А.И. Барановский, О.Ю. Лейнвебер // Евразийский международный научно-аналитический журнал. Проблемы современной экономики. – 2011. – №4 (40).

3. Дьяченко, О.М. К вопросу о внедрении маркетингового подхода к продвижению научно-образовательных услуг вузов России на международных рынках / О.М. Дьяченко, И.Ю. Окольнишникова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2013. – Вып. 1., Том 7. – С. 144–148.

4. Дьяченко, О.М. Маркетинговый анализ рынка международного образования / О.М. Дьяченко // Молодежный научно-практический журнал «Современное бизнес-пространство: актуальные проблемы и перспективы». – 2013. – № 1. – С. 108–112.

5. Федорова, Е.П. Иностранные студенты в российском вузе / Е.П. Федорова. – URL: <http://econorus.org/onim/upload/uvvj.pdf>.

6. Международный маркетинг образовательных услуг и выработка стратегического подхода к набору иностранных учащихся. – URL: <http://rpp.nashaucheba.ru/docs/index-6477.html>.

7. Чеботарева, М.С. Россия на мировом рынке образовательных услуг / М.С. Чеботарева. – URL: <http://www.moluch.ru/archive/40/4854/>.

8. Пименова, Н.Ю. О стратегии продвижения российского образования на международный рынок / Н.Ю. Пименова. – URL: <http://www.russia.edu.ru/information/analit/963>.

[К содержанию](#)

УДК 811.161.1 + 378.016:811.161.1

**РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ В ОБУЧЕНИИ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ**

Ю.В. Казакова

Актуальность данной статьи определяется активной работой вуза с иностранными учащимися. Рассмотрены пути реализации межпредметных связей при обучении иностранных учащихся гуманитарного профиля.

Ключевые слова: межпредметные связи, гуманитарный профиль, русский язык как иностранный, страноведение

Использование межпредметных связей как средства повышения эффективности, оптимизации процесса обучения рассматривается педагогами и учёными много лет [3]. В современном образовательном процессе актуальность межпредметных связей определяется интеграцией научных знаний, а также новыми требованиями Федерального государственного образовательного стандарта.

Современная методика преподавания русского языка как иностранного определяет в качестве одной из важнейших своих задач создание мотивационной основы обучения. Существенным фактором повышения мотивации учебной деятельности учащихся является такая организация работы, при которой учебный процесс строится на значимом для учащихся учебном материале, на таком материале, который отобран с учетом коммуникативных потребностей.

Цель обучения русскому языку как иностранному - практическое овладение языком, что предполагает формирование у учащихся коммуникативной компетенции, способности адекватно использовать язык в разнообразных ситуациях общения. На элементарном уровне изучения языка сфера общения ограничивается социально-бытовой. При дальнейшем изучении языка происходит расширение сфер общения, значимыми сферами для иностранного учащегося становятся научно-учебная и социально-культурная. Межпредметные связи в данном случае позволяют организовать учебный процесс с учётом коммуникативных потребностей.

В соответствии с рабочим учебным планом программы подготовки к поступлению в вуз учащиеся гуманитарного профиля должны освоить такие дисциплины, как русский язык как иностранный, страноведение, география. Дисциплины гуманитарного профиля имеют общие структурные компоненты. Преподавание данных дисциплин на основе межпредметных связей позволяет повысить эффективность обучения речевой деятельности на русском языке; систематизировать полученные учащимися знания.

Анализ учебных пособий [1, 4] для иностранцев, изучающих русский язык, и рабочих программ дисциплин гуманитарного профиля показал ши-

рокие возможности применения межпредметных связей. В таблице 1 представлены смежные темы, изучаемые в курсе разных дисциплин.

Таблица 1

Межпредметные связи

Дисциплины гуманитарного профиля	Темы, смежные с дисциплиной «Русский язык как иностранный»	Содержание тем в курсе русского языка как иностранного	Смежные понятия
География	Загрязнение окружающей среды и экологические проблемы человечества	Ильменский заповедник. Озеро Байкал, река Волга	Заповедник, окружающая среда, экология, флора, фауна
Страноведение	Россия на карте мира. Политическая система	Общие сведения о России. Москва – столица России. Санкт-Петербург. Южный Урал. Озеро Байкал, река Волга	Часовой пояс, полезные ископаемые, национальность, Государственная Дума, Совет Федерации, правительство
	Социальная политика России	Здравоохранение в РФ. Институт семьи и брака	Здравоохранение, страхование, больничный лист, медицинское учреждение, Дворец бракосочетаний, бракосочетание, новобрачные
	Система образования	Система образования в России. Среднее образование. Высшее образование. Аспирантура и докторантура. Старейшие вузы России. ЮУрГУ	Вуз, абитуриент, экзамены, единый государственный экзамен, проходной балл, зачётная книжка, научный руководитель
	История России	Санкт-Петербург, Пётр I, Октябрьская социалистическая революция, блокада Ленинграда, Великая Отечественная война. Челябинская область. Аркаим	Революция, Великая Отечественная война, цивилизация
	Культура России	Музеи Москвы и Санкт-Петербурга, Челябинска. Праздники России. Биография и творчество А.С. Пушкина, А.П. Чехова, М. Булгакова, П.И. Чайковского, В.М. Васнецова	Живопись, экспозиция, традиции классики
	Наука России	Старейшие вузы России. ЮУрГУ. Известные учёные России. Нобелевские лауреаты	Лауреат, премия, академическая степень, изобретение, открытие

Как видно из таблицы, межпредметную связь дисциплин гуманитарного профиля возможно установить как на тематическом (фактическом) уровне, так и на понятийном уровне.

На тематическом уровне межпредметные связи дают возможность лучше запомнить, актуализировать и систематизировать фактический материал. Так, например, на занятиях по русскому языку как иностранному при чтении текстов, просмотре видеоматериалов учащиеся знакомятся с яркими историческими фактами, интересными эпизодами из жизни известных людей. Курс русского языка как иностранного насыщен информацией о русской культуре, традициях, об исторических событиях, о политической, экономической и научной жизни, поэтому создаёт хорошую базу для углублённого и более систематизированного изучения уже знакомых учащимся тем в курсах географии и страноведения.

Следует подчеркнуть, что специалисты по методике советуют использовать тексты по смежным темам на занятиях по русскому языку на 1–2 недели раньше изучения данного материала на занятиях по специальности [2]. Такое планирование межпредметных связей повышает познавательную мотивацию и помогает существенно экономить учебное время, систематизировать знания учащихся на страноведении и географии, при этом активно развивается речевая деятельность учащихся, что является первоочередной задачей курса русского языка. Основной трудностью для иностранных учащихся является усвоение и воспроизведение учебного материала на неродном языке. Получив предварительные знания на занятиях русского языка, иностранные учащиеся более смотивированы на занятиях по специальности.

На понятийном уровне межпредметные связи формируют у учащихся способность свободно владеть языком специальности, способствуют развитию связной речи иностранного учащегося, так как опираются на лексические понятия, общие для разных дисциплин гуманитарного профиля. Усвоение понятий и терминов гуманитарных дисциплин развивает коммуникативную компетенцию в учебно-научной сфере. В данном случае межпредметные связи на занятиях русского языка как иностранного позволяют снять трудности в самостоятельной работе учащихся при изучении дисциплин гуманитарного профиля.

Принцип межпредметных связей создает возможности применения комплексных форм обучения, имеющих межпредметное содержание: семинаров, экскурсии, конференции, олимпиад.

Таким образом, внедрение межпредметных связей весьма актуально и эффективно при обучении иностранных учащихся в условиях ограниченного времени подготовки к поступлению в вуз. Кроме того учащимся гуманитарного профиля необходима более высокий уровень владения речевыми компетенциями, чем студентам технического профиля, реализация межпредметных связей позволяет добиться качественного результата.

Межпредметные связи систематизируют знания учащихся и повышают эффективность обучения на занятиях по разным дисциплинам.

Библиографический список

1. Живём и учимся в России: учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся (I уровень). – СПб.: Златоуст, 2010. – 304 с.
2. Клобукова, Л.П. Обучение языку специальности: учебное пособие / Л.П. Клобукова. – Москва: Издательство МГУ, 1987. – 81 с.
3. Максимова, В.Н. Межпредметные связи в процессе обучения / В.Н. Максимова. – Москва: Просвещение, 1988. – 192 с.
4. Россия на рубеже XX–XXI веков: Учебное пособие по страноведению / под ред. Ю.А. Вьюнова, А.В. Манько, В.П. Чуднова. – М.: Издательство ИКАР, 2011. – 552 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.126:81

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ВХОЖДЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТА НА РЫНОК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

В.М. Каточков, К.Н. Волченкова

Актуальность развития иноязычной коммуникативной компетенции преподавателей вуза обусловлена целью повышения профессиональной мобильности профессорско-преподавательского состава университета. В статье приводятся причины слабой лингвистической подготовки профессорско-преподавательского состава университета, намечаются пути ее совершенствования, обосновывается необходимость использования методов и приемов андрагогического подхода в обучении. Результаты могут использоваться при разработке программ повышения квалификации профессорско-преподавательского состава в области лингвистической подготовки.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, профессиональные компетенции, компетентность, международное сотрудничество, профессорско-преподавательский состав, андрагогический подход.

Современный университет мирового уровня невозможен без активного международного сотрудничества и интеграции в единое мировое образовательное и научное пространство. Формирование устойчивой и динамичной системы интеграционных связей служит необходимой предпосылкой ин-

новационного развития университета. Становление национального исследовательского института и признание его мировым образовательным сообществом – процесс, требующий больших энергозатрат, как со стороны администрации университета, так и со стороны профессорско-преподавательского состава [1, 2, 3].

Задачи, поставленные перед российскими вузами, в полной мере относятся и к Южно-Уральскому государственному Университету, в частности:

- войти в рейтинги лучших университетов мира;
- развивать активное сотрудничество российских ученых с их коллегами за рубежом (страны Европы, Азии, Южной и Северной Америки) как в научной сфере (вхождение в мировые коллаборации), так и в академической (чтение лекций в мировых университетах в качестве приглашенных лекторов, разработка совместных образовательных программ с выдачей двойных дипломов);
- принимать активное участие в международных научных конференциях с публикацией статей в ведущих рецензируемых журналах, входящих в базы Scopus и Web of Science.

Выполнение данных задач на сегодняшний день становится залогом выживания университета в мировом образовательном пространстве, что, в свою очередь, задает вектор развития лингвистической подготовки профессорско-преподавательского состава ЮУрГУ.

Необходимым условием вхождения России в социально-образовательную мировую среду является достаточно высокая (на уровнях Intermediate, Upper-Intermediate, Advanced) лингвистическая подготовка субъектов профессиональной мобильности, т.е. представителей профессорско-преподавательского состава (ППС) университетов.

Анализ иноязычной коммуникативной компетенции профессорско-преподавательского состава ЮУрГУ свидетельствует о том, что во многих случаях ее уровень не соответствует задачам осуществления успешной и эффективной межкультурной коммуникации в научной и образовательных сферах.

Основными причинами такого положения в системе лингвистического образования и слабыми сторонами проблемной ситуации являются:

- недостаточная начальная языковая подготовка аспирантов, молодых ученых, профессорско-преподавательского состава университета;
- пассивность реализуемых в техническом вузе моделей обучения иностранному языку для специальных целей (ESP), ориентированность на разговорный язык для общих целей (EGP);
- отсутствие модели обучения иностранному языку для академических целей (EAP), ориентированной на ситуацию профессиональной деятельности (чтение лекций, выступление на конференциях с докладами, выступление со стендовым докладом, осуществление академической переписки с коллегами за рубежом, и т.д.);

- отсутствие многоуровневых учебных материалов для курсов ESP/EAP;
- неразвитость системы мотивации преподавателей для освоения новых видов деятельности, новых курсов и методик.

Предпосылками системного преодоления сложившейся проблемной ситуации служат:

- появление у профессорско-преподавательского состава *осознанной* потребности в лингвистическом образовании и овладении иностранным языком;
- наличие в университете квалифицированных преподавателей, имеющих опыт в области преподавания иностранного языка для специальных/ академических целей (ESP/EAP);
- наличие и доступность на издательском рынке разнообразных учебных и справочных материалов и электронных ресурсов по обучению иностранному языку для специальных/академических целей (ESP/EAP);
- технические и финансовые возможности университета.

Стратегической целью развития лингвистического образования в университете для ППС является создание условий для эффективной подготовки, необходимой для индивидуальной творческой деятельности, делового и профессионального партнерства, производственной и научной работы, общения с представителями иных национальных культур.

Основные задачи:

- создание системы мотивационных мер, направленных на формирование у преподавателей стремления к углубленному изучению иностранных языков;
- выявление профессиональных компетенций ППС, которые в дальнейшем лягут в основу разработки модульных курсов, ориентированных на решение конкретных профессиональных задач (т.е. чтение лекций на английском языке, написание статей на английском языке, редакция статей на английском языке и т.д.);
- обновление содержания дополнительной лингвистической подготовки, учебных и учебно-методических материалов;
- внедрение современных интерактивных методов и образовательных технологий обучения иностранному языку (методология case-study, проектное и проблемное обучение, ролевые и деловые игры, информационно-коммуникационные технологии, интернет-ресурсы и т.д.);
- повышение квалификации профессорско-преподавательского состава университета (повышение профессиональной квалификации преподавателей иностранного языка в ведущих российских и зарубежных университетах);
- создание и развитие собственной научной школы по методике обучения профессиональному иностранному языку и переводу;
- развитие партнерских отношений и совместных научно-исследовательских проектов с зарубежными университетами и научными центрами;

- участие в международных образовательных проектах TEMPUS, Erasmus Mundos, Alliance Francaise, DAAD и др.;

- организация пробного тестирования по международным стандартизированным тестам IELTS, TOEFL, GRE, GMAT и др.;

Основные задачи, перечисленные выше, были положены в основу программы Лингва-ПНР, которая была поддержана администрацией университета в 2006 году. Тогда была поставлена задача обучения ППС Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) английскому языку, в целях повышения профессиональной мобильности преподавателей, а лингвистическая подготовка была определена как приоритетное направление развития (ПНР) национального исследовательского университета. До этого ЮУрГУ уже приобрел достаточный опыт лингвистической переподготовки и повышения квалификации преподавателей. Реализовывались программы довузовской подготовки (Подготовительные курсы. «Практический курс английского языка»), программа переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», «Практикум по культуре речевого общения», «Английский язык для делового общения», «Лингводидактика» («Теория обучения иностранным языкам») [4, 5].

По результатам опроса слушателей программы и преподавателей, осуществляющих подготовку, выявлена необходимость поиска оптимальной методики обучения иностранному языку профессорско-преподавательского состава университетов с целью фасилитации их выхода на уровень международного сотрудничества с ведущими научными школами мира и изменение содержания обучения в связи с задачами, поставленными перед ними. Также был выявлен основной недостаток программы лингвистической подготовки, который заключается в том, что в процессе обучения не учитываются основы андрагогического подхода, а методы обучения больше нацелены на школьный возраст обучаемых, чем на взрослых.

Специфика андрагогических основ обучения определяется психофизиологическими и социальными особенностями и возможностями взрослого обучающегося, а также педагогическими условиями, сформированными развивающей образовательной средой, в которой протекает обучение.

Посылки, на которых базируется андрагогический подход к организации процесса обучения, необходимо определять, исходя из психофизических и социальных особенностей взрослых обучающихся, характеристик их повседневной и профессиональной деятельности, уровня их самосознания, специфики взаимодействия обучающихся и обучающихся в процессе обучения.

Анализ трудов М.Ш. Ноулза, одного из ведущих ученых в области андрагогики, позволяет сформулировать исходные, основополагающие посылки андрагогики следующим образом.

1. Обучающемуся принадлежит ведущая роль в процессе своего обучения (потому он и обучающийся, а не обучаемый).

2. Взрослый обучающийся стремится к самореализации, к самостоятельности, к самоуправлению и осознает себя таковым.

3. Взрослый обучающийся обладает жизненным опытом, который может быть использован в качестве важного источника обучения как его самого, так и его коллег.

4. Взрослый человек обучается для решения важной жизненной проблемы и достижения конкретной цели.

5. Взрослый обучающийся рассчитывает на безотлагательное применение полученных в ходе обучения знаний, умений, компетенций.

6. Учебная деятельность взрослого обучающегося в значительной степени детерминирована временными, пространственными, бытовыми, профессиональными, социальными факторами, которые либо ограничивают, либо способствуют процессу обучения.

7. Процесс обучения взрослого обучающегося организован в виде совместной деятельности обучающегося и обучающего на всех его этапах: планирования, реализации, оценивания и коррекции [6].

Вышеназванные послышки легли в основу принципов андрагогики, основанных на специфических требованиях к организации учебного процесса, конечной целью которых является создание технологий преподавания, учитывающих особенности именно взрослых обучающихся.

1. Приоритет самостоятельного обучения. Самостоятельная деятельность является основным видом учебной работы взрослых обучающихся. Под самостоятельной деятельностью понимается самостоятельное осуществление обучающимися организации своего обучения.

2. Принцип коллективного взаимодействия. Данный принцип предусматривает совместную деятельность обучающегося с преподавателем, а также с другими обучающимися по планированию, реализации, оценке и коррекции процесса обучения.

3. Принцип опоры на опыт обучающегося. Согласно этому принципу жизненный опыт обучающегося используется в качестве одного из источников обучения как самого обучающегося, так и его коллег.

4. Индивидуализация обучения. В соответствии с этим принципом каждый совместно с преподавателем, а в некоторых случаях и с другими обучающимися, создает индивидуальную программу обучения. Ориентированную на конкретные образовательные потребности и цели обучения и учитывающую опыт, уровень подготовки, психо-физиологические и когнитивные особенности обучающегося.

5. Контекстность обучения. Согласно этому принципу обучение, с одной стороны, преследует конкретные, жизненно важные для обучающегося цели, ориентировано на выполнение им социальных ролей или совершенствование личности, а с другой стороны, строится с учетом профессиональной, социальной, бытовой деятельности обучающегося и его пространственных, временных, профессиональных и бытовых факторов.

6. Принцип актуализации результатов обучения. Данный принцип предполагает безотлагательное применение на практике приобретенных обучающимся знаний, умений и навыков.

7. Принцип элективности обучения. Он означает предоставление обучающемуся определенной свободы выбора целей, содержания, форм, методов, источников, средств, сроков, времени, места обучения, а также самих обучающихся.

8. Принцип развития образовательных потребностей. Он реализуется за счет выявления реального уровня обученности и разработки материалов, необходимых для достижения цели обучения, что способствует формированию новых образовательных потребностей, которые, в свою очередь, кладутся в основу следующей цели.

9. Принцип осознанности обучения. Он означает осознание, осмысление обучающимся и обучающим всех параметров процесса обучения и своих действий по организации процесса обучения.

Все эти факторы и условия оказывают значительное влияние на весь процесс обучения, и их обязательно следует учитывать при организации обучения иноязычной коммуникативной компетенции ППС ЮУрГУ.

Библиографический список

1. Великая хартия Европейских университетов. – URL: http://www.gi-op.ru/REOS/giep/blgn_trial.nsf/html/VELIKAYAHARTIYAUNIVERSITETOV.

2. Котлярова, И.О. Возможности использования зачетных единиц в научно-образовательном процессе университета / И.О. Котлярова, А.И. Сидоров // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование, здравоохранение, физическая культура». – 2005. – Вып. 6. – № 15 (55). – С. 23–28.

3. Об образовании. Евразийское пространство. К 20-летию Евразийской ассоциации университетов / ред. кол.: В.А. Садовничий. – М.: Издательство Московского университета; МАКС Пресс, 2009. – 403 с.

4. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ : [принят Гос. Думой 21 дек. 2012 : одобр. Советом Фед. 26 дек. 2012]. – URL: www.Минобрнауки.рф.pdf.

5. Хомутова, Т.Н. Программа лингвистической поддержки научных и образовательных проектов «Лингва» / Т.Н. Хомутова // Актуальные вопросы современного университетского образования: Материалы IX Российско-Американской научно-практической конференции, 15–17 мая 2006 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – С. 296–300.

6. Knowles, M. The adult learner: The definitive classic in adult education and human resource development / M. Knowles, E.F. Holton, R.A. Swanson // Burlington, MA: Elsevier, 2005. – 338 p.

[К содержанию](#)

УДК 371.333:811.161.1 + 378.147

РАБОТА С ВИДЕОМАТЕРИАЛАМИ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

А.Е. Можеевская

Статья посвящена проблеме использования видеоматериалов на занятиях по РКИ. В ней рассматриваются преимущества и особенности включения видеоматериалов в занятие по русскому языку с иностранцами, предлагаются задания для всех этапов работы с видео.

Ключевые слова: русский как иностранный, коммуникативный метод, виды речевой деятельности, видеоматериал.

В наши дни наблюдается большой приток иностранных студентов в Россию, что объясняется все возрастающим интересом к нашей стране, ее экономическим, политическим положением в мире.

Цели изучения русского языка иностранцами и, как следствие, коммуникативные потребности могут быть разными:

- получить высшее образование в России;
- повысить профессиональную квалификацию;
- приобрести профессию переводчика или преподавателя русского языка;
- осуществлять деловые или культурные контакты с Россией;
- познакомиться с историей, литературой и культурой страны.

Что же касается коммуникативных потребностей, то можно выделить следующие:

- овладеть устной диалогической речью;
- уметь читать деловую документацию и вести деловую переписку;
- владеть русским языком на уровне свободного общения в любых сферах и ситуациях.

Несмотря на различие целей, потребностей и интересов учащихся, все они осваивают русский язык как средство коммуникации и в целях общения на русском языке.

Таким образом, в современной методике обучения русскому языку как иностранному коммуникативный метод преподавания занимает главенствующее положение.

Использование видеозаписей, теле- и киноматериалов в практике преподавания русского языка иностранцам отвечает требованию коммуникативной методики «... представить процесс овладения языком как постижение живой иноязычной действительности...» [1], имеет ряд важных достоинств и позволяет:

- повысить мотивацию обучения и активность обучаемых;

- создать на занятиях среду, максимально приближенную к аутентичным условиям;
- увеличить возможности иностранных учащихся своевременно и разносторонне знакомиться с российской действительностью, традициями, событиями международной жизни;
- адаптировать учащихся к погружению их в аутентичную русскую речевую среду, где живут и действуют люди различного пола, профессий, социального положения, образования;
- знакомить учащихся с лексико-фразеологическими единицами, которые существуют и появляются в русской речи и отражают динамику развития российского общества;
- способствовать обогащению словарного запаса иностранных учащихся, совершенствованию фонетических, грамматических, синтаксических навыков, совершенствованию построения монологической и диалогической типов речи.

Коммуникативное обучение – это целостная система, согласно которой язык понимается как средство общения, зависящее и от говорящего, и от слушающего. Главная задача данного подхода – научить учащихся участвовать в речевой деятельности. А просмотр видео стимулирует развитие всех четырех видов речевой деятельности [2].

При обучении аудированию, одному из самых сложных видов речевой деятельности, контроль восприятия видео в основном сводится к проверке понимания иноязычной речи, звучащей с экрана. Восприятие же речи на слух значительно улучшается, если оно поддерживается видеорядом. Благодаря возможности остановить или вернуть назад нужный кадр, делать записи и активизировать деятельность учащихся в ходе просмотра, видео является наиболее эффективным.

Просмотренный видеотреугольник или видеотреугольник становятся хорошей основой для обучения говорению. Полученная информация эмоционально окрашена, вызывает интерес учащихся и тем самым стимулирует речевые высказывания и репродуктивного, и творческого характера. Видео дает возможность использовать множество коммуникативных упражнений для формирования навыков говорения.

В это же самое время большинство устных заданий, направленных на обучение говорению, могут служить и формированию навыков письменной речи. Это описания, повествования, сюжетные зарисовки сочинения оценочного и критического характера, рецензии. Учащиеся могут выполнять различные письменные контрольные задания, которые направлены на проверку полноты восприятия, а также делают записи по ходу просмотра видео, чтобы использовать их в качестве опоры при выполнении коммуникативных заданий.

Для обучения чтению в настоящее время применяют так называемое телевидение (или видео) с титрами (captioned television) как дополнительный обучающий прием. Чтение с экрана, цель которого сначала была помочь глухим людям и людям с пониженным слухом смотреть телепрограммы и фильмы, сейчас рассматривается как новый способ обучения чтению. Аудио- и видеоконтекст способствует осознанию значения графического образа слова, давая одновременно и образец звучания, что значительно расширяет возможности видео в обучении чтению на иностранном языке.

При работе с видеоматериалами (с видеофильмами, в частности) на практическом занятии у преподавателя возможно возникновение некоторых трудностей:

- учащиеся могут почувствовать себя неспособными понять видеофильм. Это является серьезным основанием для тщательной подготовки преподавателем заданий, направленных на снятие языковых трудностей, поддержание интереса к видеоматериалу;

- существует возможность того, что кто-нибудь из обучаемых видел данный фильм ранее. И в этом случае учащиеся могут обсудить отдельные детали, поднятые в видеофильме проблемы или помочь другим понять его контекст;

- преподавателя могут обвинить в том, что он впустую тратит время, поэтому все задания должны сопровождаться широким разнообразием новых выражений для изучения и способствовать эффективному общению обучающихся на русском языке [5].

Как же избежать психологического дискомфорта, трудностей восприятия видеоматериала иностранными учащимися?

Конечно, первое, что необходимо сделать преподавателю – подумать о языковом наполнении, используемом в видеоматериале, которое должно соответствовать уровню знаний обучаемых. Предпочтительно, чтобы используемый языковой материал был адекватным ситуациям реальной жизни, не вырванным из контекста, в то же время это должен быть язык, которым его носители пользуются в повседневном общении. Действующие лица должны говорить естественно, но достаточно медленно и четко, с паузами, что даст время учащимся понять информацию.

Следующим важным фактором при выборе видеоматериала является содержание. Оно должно быть привлекательным для иностранцев и преподноситься интересным способом. В этом случае им будет нравиться работать с ним. Кроме того, содержание должно отражать культуру России. Также нельзя забывать о качестве видеоматериала. Чёткость изображения и хороший звук – залог успешно проведенного занятия. И лучше выбирать фильмы известных режиссеров и со знаменитыми исполнителями [4].

Просмотр видеозаписи на занятии – активный процесс, инициатором и организатором которого выступает преподаватель.

При работе с видеоматериалами следует выделять три основных этапа: предпросмотровой, просмотровой, постпросмотровой и на каждом необходимо определить конкретные образовательные и воспитательные цели, достижение которых выполняется определенной работой над видеотекстом.

На предпросмотровом этапе необходимо мотивировать учащихся, настроить их на выполнение задания, снять возможные трудности восприятия видеотекста и подготовить к успешному выполнению задания. На этом этапе преподавателю целесообразно предложить лексико-грамматические упражнения на предвосхищение содержания видеотекста (обобщение ранее полученных знаний, обсуждение названия, работа над неизвестными словами и словосочетаниями [3]).

Возможные трудности понимания можно также снять путем выборочного аудирования отдельных фрагментов звукового сопровождения. В особо сложных случаях возможно предварительное чтение сценария фильма. В качестве предфильмовых ориентиров предлагаются также вопросы по содержанию, иллюстрации из фильма и портреты персонажей.

Непосредственно перед показом учащимся предлагаются коммуникативные задания, которые делают просмотр активным и целенаправленным. Разработка данных заданий дает большие возможности для творчества преподавателя. В качестве рекомендации можно предложить:

- вопросы, которые, являясь ориентиром, одновременно направляют внимание учащихся на конкретные моменты;
- задания на рабочих листах: отметить на листе правильный вариант, направление, факт, соответствующий содержанию и т.д.;
- озаглавить части видеоматериала;
- задание типа: расположить кадры из фильма в порядке их появления в видеофильме. Еще более сложный вариант представляет собой метод введения «помех». Когда в кадры данного видеофрагмента попадает кадр из «чужого» фильма. Учащимся предлагается объяснить, почему данный кадр никак не мог быть частью просмотренного ими видео;
- можно предложить и задания, обучающие отдельным аспектам языка (фонетика, грамматика и лексика, речевой этикет, др.) отметьте фразы, выражающие раздражение, возмущение, радость, смущение и т.д.;
- индивидуальные задания, предполагающие самостоятельное исследование ученика.

Во время просмотра видеофильма можно останавливать демонстрацию, задавать вопросы, использовать режим перемотки видео, чтобы добиться адекватного понимания и выполнения поставленных коммуникативных, лексико-грамматических задач. В ходе диалога между учителем и учащимися выясняются сложности восприятия, даются дополнительные опоры и подсказки.

На постпросмотровом этапе организуется проверка заданий, данных преподавателем перед демонстрацией видеоматериала, организуется ком-

муникативная творческая деятельность студентов, направленная на развитие продуктивных и проективных иноязычных умений. На базе просмотренного видеоматериала можно организовать ролевую игру, дискуссию, проектную работу на основе сюжета или ситуации из видеофильма.

Наиболее интересными для работы с видеоматериалом также представляются следующие задания, а именно [5]:

- просмотр видео без звука: учащиеся вместе с преподавателем обсуждают увиденное и предполагают, что герои говорят на самом деле. После этого просматривают видео еще раз и выясняют, были ли они правы;
- прослушивание видео без изображения: учащиеся прослушивают видеоматериал без изображения и пытаются представить, где находятся действующие лица, как они выглядят, что происходит и т.д. Как только все предположения сделаны, учащиеся смотрят видео;
- «стоп-кадр»: преподаватель ставит видео на паузу и просит обучаемых предположить, что произойдет дальше;
- описание: первая подгруппа сидит лицом к экрану, вторая подгруппа – спиной к нему. Первая подгруппа описывает второй, что происходит на экране.

Конечно, существуют и многие другие способы работы с видеоматериалом.

Таким образом, в отличие от аудио или печатного текста, которые могут иметь высокую информативную, образовательную, воспитательную и развивающую ценность, видеоматериал имеет то преимущество, что соединяет в себе различные аспекты акта речевого взаимодействия. Помимо содержательной стороны общения, видео содержит визуальную информацию о месте события, внешнем виде и невербальном поведении участников общения в конкретной ситуации.

Видеоматериалы предоставляют практически неограниченные возможности для проведения анализа, построенного на сравнении и сопоставлении культурных реалий и особенностей поведения людей в различных ситуациях межкультурного общения.

Безусловно, использование видеоматериалов на занятиях и во внеурочной деятельности открывает ряд уникальных возможностей для преподавателя и учащихся в сфере овладения культурой России, в особенности в плане формирования социокультурной компетенции как одной из составляющих коммуникативной компетенции в целом.

Библиографический список

1. Барменкова, О.И. Видеозанятия в системе обучения иностранной речи / О.И. Барменкова // Иностранные языки в школе. – 1999. – Т. 1, № 3. – С. 20.

2. Казимянец, Е. К вопросу об использовании киноматериалов на занятиях по РКИ в рамках диалога культур / Е. Казимянец // Язык и межкультурные коммуникации: материалы III Международной научной конференции. Минск–Вильнюс, 17–20 мая 2011. – Минск: БГПУ, 2011. – С. 194–195.

3. Настольная книга преподавателя иностранного языка: справ. пособие / ред. Е.А. Маслыко, П.К. Бабинская, А.Ф. Будько, С.И. Петрова. – Минск: Вышэйшая школа, 1996. – С. 298–299.

4. Lonerган, J. New Directions in Language Teaching: Video in Language Teaching / J. Lonerган. – Cambridge: Cambridge University press, 1984. – pp. 3–50.

5. Stempleski, S. Short takes: Using Authentic Video in the English Class: Guides for Teachers / S. Stempleski. – New York, 1987. – pp. 1–17.

[К содержанию](#)

УДК 378.141-054.6

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗАХ РОССИИ

Ю.В. Подповетная

В статье обсуждается проблема адаптации иностранных студентов к обучению в российских вузах, которая возникла в результате вхождения России в международное образовательное пространство. Обсуждение вопроса осуществляется на примере деятельности института международного образования ЮУрГУ. На основе результатов исследования и с целью решения проблемы адаптации иностранных студентов разработан проект, который основывается на методике социально-педагогического проектирования.

Ключевые слова: адаптация; иностранные студенты; вузы России; международное образовательное пространство.

В современных условиях деятельность высшего образовательного учреждения невозможно представить без ярко выраженной, устойчивой, высококвалифицированной международной деятельности. Данная деятельность осуществляется в разных направлениях, однако, особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает проблема академической мобильности студентов.

На сегодняшний день прослеживается тенденция увеличения числа иностранных студентов в мире, и, конечно в России. Это обстоятельство связано с интенсивно развивающимися межгосударственными контактами, вызванными новым тенденциям в мировом образовательном пространстве.

Конечно, в сложившейся ситуации, особенно актуальной является проблема адаптации иностранных студентов к новым условиям, к новому образовательному пространству. Немаловажным моментом является и приспособление иностранных граждан к новой стране, новому социуму, существующим традициям, культуре, религии и др.

Проведенный анализ научных публикаций отечественных и зарубежных ученых показал, что проблема адаптации иностранных студентов занимает особое место и приравнивается к проблеме мирового уровня [1; 2 и др.]. Однако на практике данная проблема решается внутри конкретного вуза индивидуально и требует научно обоснованного подхода со стороны руководства, преподавателей, психологов.

В Южно-Уральском государственном университете (национальном исследовательском университете) на протяжении нескольких лет наблюдается устойчивая тенденция, которая проявляется в потребности иностранных студентов получить высшее образование по реализуемым направлениям подготовки бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Это связано с тем, что Россия является страной, где фундаментальные научные знания являются основой вузовского образования. Как результат, большое число иностранных студентов обучается в ЮУрГУ (НИУ). В основном, это граждане Китая, Ирака, Хэйхэ, Йемена и других стран.

Большая часть иностранных студентов обучается в институте международного образования ЮУрГУ. В институте созданы все условия для адаптации иностранных граждан, учитывающие, что им необходимо привыкнуть к новому социальному окружению, к новой образовательной системе, к новому языку общения, к интернациональному характеру учебных групп и многому другому.

Особую роль здесь играет программа подготовительного отделения, которая направлена на изучение русского языка и на освоение профильных дисциплин (в соответствии с будущим профилем обучения). Это технический, экономический, химико-биологический и гуманитарный профили. Учебные занятия по профильным дисциплинам проводят преподаватели ЮУрГУ, что позволяет направить процесс адаптации иностранных студентов в соответствии с их будущими условиями обучения [3].

Необходимо отметить, что подготовительный курс по профильным дисциплинам занимает, как правило, один учебный семестр. Это сравнительно небольшой период, за который педагог должен максимально возможно изложить соответствующий учебный материал, необходимый студенту в процессе освоения вузовской программы.

Конечно, основная цель – это ускорение процесса адаптации иностранных студентов. Причем в данном аспекте важна адаптация обучающихся именно в направлении изучаемых (профильных) дисциплин. Другими словами, профильная адаптация связана с отличающейся терминологией, системой обозначения, методами решения, структурой изложения и записи учебного материала по соответствующему предмету.

В связи с этим основными задачами, требующими разрешения на практике, являются:

- облегчение процесса профильной адаптации посредством знакомства иностранных студентов с историей развития изучаемой науки в России;
- создание условий для адаптации посредством представления особенностей обучения в вузе по соответствующей дисциплине;
- формирование у иностранных студентов положительного представления об образовательном процессе в российском вузе;
- создание условий для повышения степени комфортности каждого иностранного студента в процессе учебных занятий по профильным дисциплинам и др.

Для решения поставленных задач было проведено исследование, участие в котором приняли 49 иностранных студентов подготовительного отделения института международного образования ЮУрГУ. Исследование проводилось в виде анкетирования и бесед с иностранными студентами.

Результаты бесед и анкет обучающихся позволили получить следующие выводы. Основная сложность у иностранных студентов связана с пониманием и изложением на русском языке материала по учебной (профильной) дисциплине, хотя уровень подготовки по этой дисциплине в родной стране достаточно высокий. Многие респонденты отмечают необходимость индивидуальных занятий или консультаций, что связано с различным уровнем специальной подготовки обучающихся и разным уровнем владения русским языком. Некоторые из опрошенных утверждают, что решать возникающие проблемы по учебным дисциплинам им проще с иностранными студентами (однотруппниками, земляками), нежели обратиться за помощью к преподавателям.

Для более наглядного результата было проведено исследование мнений российских студентов по проблеме адаптации иностранных студентов к обучению в вузах России. Такой подход связан с тем, что российские студенты более тесно взаимодействуют с иностранными, причем не только в учебном процессе, но и во время самостоятельной подготовки, а также в часы досуга. В процессе общения они делятся своими впечатлениями, часто доверяют свои проблемы, обращаются за помощью.

В результате анализа и обобщения ответов российских студентов по исследуемому вопросу были получены следующие выводы. Большинство российских студентов выражают положительное отношение к иностранным студентам, причем некоторые из них отмечают, что студенты-иностранцы являются их лучшими друзьями. Многие студенты приветствуют и одобряют присутствие и обучение иностранных студентов в вузах России, всегда готовы помочь и поддержать, т.к. понимают сложность и проблемы нахождения в другой стране. Хотя третья часть студентов, из числа опрошенных демонстрируют недовольство данной ситуацией, отмечают, что образовательный процесс в группе с иностранными студентами

складывается не комфортно, страдает качество обучения из-за того, что преподаватели больше времени уделяют проблеме восприятия учебной информации иностранцами, плохо владеющими русским языком. Несмотря на то, что российские студенты хотели бы совместно проводить свой досуг с представителями другой нации и культуры, обучаться они предпочитают в разных учебных группах.

На основе полученных данных и с целью решения проблемы адаптации иностранных студентов к обучению в вузах России разработан проект, который основывается на методике социально-педагогического проектирования. Проект адаптации иностранных студентов к обучению в российских вузах имеет своей целью подготовить иностранных студентов к обучению и к жизнедеятельности в российском образовательном пространстве посредством организации образовательно-творческой, информационно-действенной и культурно-досуговой видов деятельности.

Данный проект целесообразно реализовывать на базе подготовительного отделения высшего учебного заведения. В частности, в ЮУрГУ такая возможность имеется в институте международного образования (ИМО), где организовано подготовительное отделение для иностранных слушателей. Подготовительное отделение ИМО ЮУрГУ осуществляет работу с иностранными абитуриентами до начала их обучения по основной образовательной программе вуза в соответствии с выбранным направлением подготовки (бакалавриат, магистратура, аспирантура) и по заявленному профилю (технический, экономический, гуманитарный, биологический и др.). В период подготовки иностранные слушатели не только осваивают русский язык, но и изучают профильные дисциплины на русском языке, учатся рационально использовать своё свободное время, правильно организовывать время самостоятельной подготовки, реализовать свою инициативность в различных видах культурно-досуговой и трудовой деятельности.

Проект адаптации иностранных студентов к обучению в российских вузах осуществляется на практике посредством реализации четырех этапов и по длительности рассчитан на один учебный год. Первый этап – информационно-ознакомительный (1 месяц); второй этап – организационно-плановый (1 месяц); третий этап – учебно-творческий (8 месяцев); четвёртый этап – контрольно-оценочный (1 месяц).

Информационно-ознакомительный этап направлен на знакомство с ИМО ЮУрГУ, с возможностями и структурой подготовительного отделения ИМО, на предоставление информации об институтах и факультетах ЮУрГУ, о направлениях подготовки бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, а также информации о вузах России, о культуре и традициях страны. Цель данного этапа – помочь иностранным абитуриентам определиться с профилем подготовки, выбором вуза и факультета для дальнейшего обучения в российских вузах.

Организационно-плановый этап предполагает организацию образовательной деятельности слушателей подготовительного отделения. С этой целью проводится первичная диагностика уровня знаний по русскому языку, определяется профиль подготовки, выявляются досуговые интересы иностранных слушателей. На данном этапе осуществляется профориентационная работа, направленная на получение слушателями максимальной информации обо всех возможностях после окончания институтов и факультетов ЮУрГУ. Происходит планирование учебной, научной, досуговой деятельности слушателей.

Учебно-творческий этап – это самый длительный и важный период в процессе адаптации иностранных студентов к обучению в российских вузах. Данный этап предполагает освоение русского языка и изучение профильных дисциплин по выбранному направлению подготовки. Для более успешного прохождения процесса адаптации иностранных слушателей организуется шефство студентов ЮУрГУ, выезды на экскурсии, на региональные мероприятия. Организация различных мероприятий совместно с российскими студентами дает положительный эффект и способствует более стабильному результату. Особую роль играют массовые мероприятия и праздники с участием иностранных слушателей, а также спортивно-оздоровительные мероприятия.

Контрольно-оценочный этап – это заключительный этап в процессе адаптации иностранных студентов к обучению в российских вузах. На данном этапе выявляется уровень адаптации слушателей-иностранцев, сравнивается с начальным уровнем, выявляются причины неудач и намечаются направления их корректировки. Осуществляется анализ реализации проекта.

В заключении отметим, что наше исследование показало, что процесс профессиональной адаптации иностранных студентов в российском вузе будет протекать успешнее, если:

- в ходе учебных занятий по профильным дисциплинам будут максимально учтены собственные ценности иностранных обучающихся и созданы педагогические условия, способствующие согласованию их с ценностями вуза-партнера и российского общества;

- в процессе профильной подготовки иностранных студентов преподаватели будут учитывать особенности вхождения обучающихся в инокультурную среду и способствовать созданию благоприятной основы для иностранных студентов;

- будет разработана программа педагогического сопровождения профильной адаптации иностранных студентов, учитывающая уровень подготовки обучающихся по профильной дисциплине, степень владения русским языком и наличие специализированной грамотности по соответствующей учебной дисциплине.

Библиографический список

1. Вадутова, Ф.А. Оценка и прогнозирование адаптации иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах / Ф.А. Вадутова, Л.И. Кабанова, Г.И. Шкатова // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 12. – С. 123–126.
2. Моднов, С.И. Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете / С.И. Моднов, Л.В. Ухова // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 2 (1). – С. 111–115.
3. Подповетная, Ю.В. Проблемы обучения математике иностранных слушателей подготовительного отделения университета / Ю.В. Подповетная // Материалы 65-ой научной конференции: Наука. Южно-Уральский государственный университет. – 2013. – С. 155–158.

[К содержанию](#)

УДК 811.111 + 811.161.1 + 378.016:81

МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ КАК ИНОСТРАННОГО

Ю.В. Полякова

Данная статья посвящена исследованию мотивации изучения иностранных языков в вузе на примере студентов Института Международного Образования. Статья базируется на результатах анкетирования, проведенного среди студентов первого курса обучения, изучающих английский и слушателей курсов русского языка подготовительного отделения, изучающих русский язык. Актуальность исследования несомненна, так как, несмотря на необходимость знания иностранного языка специалистами различных сфер деятельности и понимания его значимости, студенты испытывают трудности при овладении иностранным языком.

Ключевые слова и фразы: мотив; внешняя мотивация; внутренняя мотивация; личная мотивация; анализ; повышение.

Актуальность проблемы мотивации при изучении иностранных языков объясняется современными процессами глобализации во всех сферах общественной жизни. В условиях расширения международных связей и сотрудничества России с разными странами возрастает роль межнациональной коммуникации, которая требует знания иностранного языка. Владение иностранным языком открывает доступ к духовному и культурному богатству другой страны, дает возможность непосредственного общения с представителями иных национальностей. На сегодняшний день знание одного, а лучше двух и более иностранных языков – признак хорошо образованного человека, а так-

же необходимая предпосылка для успешного карьерного роста. В связи с этим престиж иностранного языка как учебной дисциплины постоянно растет.

На начальном этапе овладения иностранным языком предполагается период накопления лексических и грамматических навыков, преодоление определенных языковых трудностей. В результате мотивация у учащихся уменьшается или исчезает, пропадает активность, что негативно влияет на обучение. Поэтому мотивацию можно по праву назвать основной движущей силой в изучении иностранного языка и успешном овладении им.

Успех при изучении иностранного языка во многом зависит от того, какие мотивы преследуют студенты в процессе обучения любому иностранному языку. Согласно определению И.А. Зимней [5], «мотив – это то, что определяет, стимулирует, побуждает человека к совершению какого-нибудь действия, включенного в определенную этим мотивом деятельность». Следовательно, «понятие деятельности необходимо связывать с понятием мотива. Деятельность без мотива не бывает» [11]. С.Л. Рубинштейн считает [11]: «Всякое действие исходит из мотива, т. е. побуждающего к действию переживания чего-то значимого, что придает данному действию смысл для индивида». Таким образом, деятельность и мотив взаимосвязаны. Однако важно разделять понятия «мотив» и «мотивация».

Мотивация – основной компонент структуры учебной деятельности. При этом велико значение самой личности как субъекта этой деятельности. В.Г. Асеев [1] отмечает, что мотивационная система человека имеет очень сложную структуру, т.е. «сложную, много-уровневую систему побудителей, включающую в себя: потребности, мотивы, интересы, идеалы, стремления, установки, эмоции, нормы, ценности и т.д. Такая структура мотивированной сферы определяет направленность личности человека, который имеет разный характер в зависимости от того, какие мотивы по своему содержанию и строению стали доминирующими».

Наиболее полным является определение мотива, предложенное одним из ведущих исследователей – Л.И. Божович. По ее мнению [2], «мотив – это то, ради чего осуществляется деятельность. В качестве мотива могут выступать предметы внешнего мира, представления, идеи, чувства и переживания. Словом, все то, в чем нашла свое воплощение потребность».

Исходя из этого, можно утверждать, что, несмотря на разнообразие подходов, мотивация понимается как совокупность систем психологически разнообразных факторов, определяющих поведение и деятельность человека. В данной статье мы будем за мотивацию принимать педагогическое воздействие, т.е. методы и приемы обучения владения иностранным языком, которые стимулируют студента к лучшему усваиванию изучаемого предмета.

Таким образом, *мотивы* – это внутренние побуждения человека, относящиеся к его субъективному миру, поэтому мотивацию трудно вызвать извне. Человек сможет освоить иностранный язык, только если сам будет чувствовать необходимость в этом.

Прежде чем перейти к конкретным результатам опроса, проведенного среди студентов, необходимо разобраться в мотивационной сфере и ее особенностях при учебной деятельности, осуществляемой в ИМО.

Мотивация – это внутренняя движущая сила, которая подталкивает человека на совершение активных действий. Выделяют мотивацию внешнюю и внутреннюю.

Внешняя мотивация вызывается определенными внешними факторами, людьми или обстоятельствами. Пример внешней мотивации – это учеба в вузе. Студенту не остается ничего другого, как штудировать лексический и грамматический материал, в противном случае он не сдаст экзамены. Такая мотивация быстро проходит, как правило, после исчезновения вызвавшего ее фактора. В случае со студентом после сдачи экзамена он быстро забывает информацию как ненужную, так как с самого начала у него была психологическая установка на сдачу экзамена, а не на применение полученных знаний в реальной жизни. Внешняя мотивация неэффективна, так как при отсутствии внутренних стимулов человек делает минимум того, что от него требуется. Кроме того, она зачастую вызывает психологический дискомфорт и стресс.

Внешняя мотивация может быть обусловлена следующими внешними обстоятельствами:

- мотивом достижения, который вызван стремлением человека достигать успехов и высоких результатов в любой деятельности, в том числе и в изучении иностранного языка. Например, для отличных оценок, получения диплома, сертификата и т.д.;

- мотивом самоутверждения – это стремление утвердить себя, получить одобрение других людей. Человек учит иностранный язык, чтобы получить определенный статус в обществе;

- мотивом идентификации – это стремление человека быть похожим на другого человека, а также быть ближе к своим кумирам и героям (например, чтобы понимать тексты песен любимой группы);

- мотивом аффилиации – это стремление к общению с другими людьми. Человек может учить иностранный язык, чтобы общаться с друзьями-иностранцами;

- мотивом саморазвития – это стремление к самоусовершенствованию. Иностранный язык служит средством для духовного обогащения и общего развития человека;

- просоциальным мотивом, который связан с осознанием общественного значения деятельности. Человек изучает иностранный язык, потому что осознает социальную значимость учения.

Что касается внутренней мотивации, она возникает в человеке как результат собственных мыслей, стремлений, потребностей, эмоциональных переживаний. Из них вырастает осознанная внутренняя необходимость совершения определенных действий и достижения конкретных результатов.

К примеру, решение изучать иностранный язык может созреть у человека во время туристической поездки, когда он не может объясниться с местными жителями. Этот вид мотивации связан с самим предметом, например, человеку нравится сам иностранный язык, нравится проявлять интеллектуальную активность. В таком случае учебная деятельность сопровождается позитивными мыслями и эмоциями.

Помимо указанных выше групп мотивов, выделяется также другой ряд мотивационных факторов, влияющих на выбор иностранного языка:

1) фактор географической близости и территориальной распространенности языка. Нередко студенты выбирают для изучения иностранный язык приграничной страны, поскольку территориальная близость зачастую обуславливает наличие экономических, туристических и других контактов между странами. Кроме того, территориальная распространенность языка повышает его актуальность в глазах учащихся;

2) противопоставление «легкий/трудный язык». Нередко учащиеся выбирают для изучения наименее трудный язык, требующий меньших интеллектуальных и временных затрат. Однако, как ни парадоксально, трудность иностранного языка также нередко служит стимулом его изучения: учащиеся при этом изучают язык, как они сами объясняют, для «тренировки памяти и мозга», это повышает их «интеллектуальность» в глазах сверстников;

3) ситуация на рынке трудоустройства. Зачастую основной целью изучения иностранного языка становится получение хорошей работы (подобная ситуация наблюдается сейчас повсеместно с английским языком и русским языком);

4) особо следует отметить такой мотивирующий фактор, как образ страны изучаемого языка.

Теперь обратимся к результатам опроса студентов, проведенного с целью установить, какие мотивы движут ими в изучении иностранного языка. В анкетировании принимало участие 78 человек – студенты группы ИМО-105 и слушатели курса русского языка (группы Хэйхэ 1–5). Им предлагалось ответить на 7 вопросов, выявляющих основные мотивы студентов к изучению иностранного языка. Все вопросы содержали варианты ответов. Кроме того, студентам предлагалась возможность написания своего варианта ответа.

1. Если бы вы смогли распоряжаться свободным временем, то сколько времени вы уделили бы изучению иностранного языка в течение дня?

2. Изменился ли ваш интерес к изучению языка с тех пор, как вы начали заниматься им в России?

3. Под влиянием каких обстоятельств может возникнуть у вас интерес к изучению иностранного языка?

4. Что, на ваш взгляд, оказывает большое влияние на повышение мотивации в изучении иностранного языка?

5. Что способствует повышению интереса к изучению иностранного языка на уроке?

6. Какие убеждения вам помогают изучать иностранный язык?

Одним из основных вопросов являлся «Зачем вы изучаете иностранный язык в университете, в Институте Международного Образования?». Студентам предлагались один или несколько вариантов ответов из десяти предложенных. В анкете предлагались следующие варианты ответов к данному вопросу:

1. Это престижно.
2. Чтобы чувствовать себя свободно, путешествуя за границей.
3. Потому что надо где-то учиться и что-то изучать.
4. Знание иностранного языка требуется мне для работы по профессии.
5. Не удалось поступить в другой вуз.
6. Хочу выехать на ПМЖ за границу.
7. По настоянию родителей.
8. Для расширения кругозора.
9. Чтобы читать иностранную литературу в оригинале.
10. У меня есть свои причины.

В конце студенты могли по желанию указать другие причины и оставить комментарий.

Ответы респондентов распределились следующим образом:

- вариант 1 – 34 %
- вариант 2 – 64 %
- вариант 3 – 9 %
- вариант 4 – 64 %
- вариант 5 – 5 %
- вариант 6 – 30 %
- вариант 7 – 16 %
- вариант 8 – 34 %
- вариант 9 – 11 %
- вариант 10 – 9 %

Из приведенных результатов видно, что наиболее часто встречаются ответы:

- Чтобы чувствовать себя свободно, путешествуя за границей.
- Знание иностранного языка требуется мне для работы по профессии.
- Это престижно.
- Для расширения кругозора.
- Хочу выехать на ПМЖ за границу.

Кроме того, некоторые опросные листы содержали дополнительные комментарии:

- «Очень люблю иностранный язык, очень нравится, как он звучит».

- «Мне нравится это просто-напросто».
- «Я считаю, что знание иностранного языка просто необходимо. Я хотела бы связать свою жизнь с языком».

Разумеется, данный опрос не претендует на полный охват ситуации, но на его основе можно сделать некоторые выводы.

Большая часть респондентов при изучении иностранных языков движима мотивом аффилиации («Чтобы чувствовать себя свободно, путешествуя за границей», «Хочу выехать на ПМЖ за границу»), просоциальным мотивом («Знание иностранного языка требуется мне для работы по профессии»), мотивом самоутверждения («Это престижно»), мотивом саморазвития («Для расширения кругозора»). Все перечисленные мотивы относятся к сфере внешней мотивации, т.е. обусловлены внешними факторами.

Из общего числа респондентов только 7 % имеют внутреннюю мотивацию – изучают иностранный язык, потому что это им нравится.

Из этого следует, что студентами в основном движут внешние мотивы, значит, необходимо принять меры, направленные на развитие в них внутренней мотивации: личной заинтересованности в изучении иностранного языка.

Также следует отметить, что результаты проведенного нами анкетирования среди слушателей курсов русского языка иллюстрируют достаточно сложный и неоднозначный образ России в глазах иностранца. С одной стороны, они признают величие истории и культуры страны изучаемого языка, с другой стороны, отмечают негативные моменты социальной российской жизни. При этом Россия остается для иностранцев во многом «неразгаданной тайной», которую они пытаются разгадать. Как демонстрируют результаты проведенного нами анкетирования, образ России в глазах иностранцев не является постоянной величиной и зачастую претерпевает существенные изменения под влиянием разных факторов. В частности, образ России нередко значительно трансформируется у иностранцев после их визита в Россию и некоторого времени пребывания в стране.

Студентам можно предложить следующие рекомендации для создания и поддержания внутренней мотивации:

1. Четко сформулировать цель: для чего конкретно вам нужен иностранный язык, на каком уровне вы хотите им владеть?
2. Составить список причин, ради которых вам стоит выучить иностранный язык, а также список преимуществ, которые вы в итоге получите.
3. Разбить весь путь к достижению цели овладения языком на этапы, конкретные шаги, которые можно осуществлять в течение одного занятия. Это позволит после каждого занятия анализировать уже достигнутые результаты и наблюдать за собственным прогрессом.
4. Заниматься изучением иностранного языка каждый день, приближаясь к своей цели на один шаг. Это позволит сохранять самодисциплину и темп обучения.

В формировании и поддержании у учащихся интереса к изучению языка немаловажную роль играет и преподаватель. При планировании занятий преподавателю следует учитывать следующие моменты:

1. Создание на уроке обстановки иноязычного речевого общения, максимально приближенной к естественным условиям.
2. Тщательный отбор учебных материалов, которые представляют когнитивную и коммуникативную ценность, носят творческий характер.
3. Знакомство учащихся с историей, культурой, обычаями, повседневной жизнью в стране изучаемого языка.
4. Использование разнообразных материалов и методик, позволяющих избежать монотонного течения занятия.
5. Использование учащимися иностранного языка для получения определенной информации из газет, журналов, сети Интернет, благодаря чему иностранный язык превращается в инструмент решения разнообразных задач.

Таким образом, рассмотрев роль мотивации в изучении иностранных языков и проанализировав результаты опроса студентов, мы приходим к выводу, что большинство студентов руководствуется в своей учебной деятельности внешними мотивами. Это обстоятельство может существенно снизить эффективность обучения. Чтобы изучение иностранного языка было интересным, продуктивным, приносящим положительные эмоции, необходимо ясное осознание учащимися своих внутренних желаний, стремлений, побуждений, а также четкая постановка целей в учебном процессе.

Библиографический список

1. Данилова, О.А. Роль мотивации в изучении иностранных языков / О.А. Данилова, Р.А. Дукин, Д.В. Конова. – URL: <http://study-english.info/article018.php>.
2. Мотивация в изучении иностранных языков. – URL: <http://www.uchi-yaziki.ru/%20index.php/statti-po-yazikam/2-motivaciya>.
3. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – СПб., 2000.
4. Маслоу, А.Г. Мотивация и личность / А.Г. Маслоу. – СПб., 1999.
5. Орлов, Ю.М. Потребностно-мотивационные факторы эффективной учебной деятельности студентов вуза / Ю.М. Орлов. – М., 1984.
6. Якобсон, П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека / П.М. Якобсон. – М., 1969.
6. Готлиб, Р.А. Социальная востребованность знания иностранного языка / Р.А. Готлиб / Социологические исследования. – 2009. – № 2. – С. 122–127.
7. Афандиева, Ч. Русский язык в современном мире / Ч. Афандиева // Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Т. 3. – София, 2007. – С. 3–11.

8. Карапетян, Н.Г. Лингвокультурологический подход при обучении русскому языку на курсах / Н.Г. Карапетян // Русский язык за рубежом. – 2002. – № 4. – С. 67–70.

[К содержанию](#)

УДК 811.161.1 + 378.016:811.161.1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Е.В. Радченко

Статья посвящена содержанию понятия «практическая грамматика», «грамматический тип обучения», определению основных принципов преподавания грамматики русского языка иностранным слушателям.

Ключевые слова: практическая грамматика, методы обучения, категория рода, категория числа, категория падежа.

Описание языковых единиц и их представление в целях преподавания русского языка иностранцам – это два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, речь идет об описательной грамматике, которая устанавливает правила функционирования и использования языкового материала для построения высказываний, текстов, правил их прочтения и адекватной интерпретации. С другой – речь идет о практической грамматике русского языка как иностранного, которая должна учитывать того, с какой целью и на каком материале необходимо обучать русскому языку. Главным условием того, что иностранный слушатель сможет понимать и воспроизводить информацию на русском языке, является освоение его грамматической системы.

Практическая грамматика находится в одном ряду с такими понятиями, как практическая цель обучения (цель, которая направлена на овладение языком как средством общения и приобретения умений для успешного владения языком), практические методы обучения (это общедидактические методы обучения, с помощью которых обеспечивается формирование речевых навыков и умений, необходимых для практического владения языком как средством общения), практический курс иностранного языка (учебная дисциплина, обеспечивающая формирование языковой и коммуникативной компетенции) [1].

Грамматический тип обучения – это один из подходов к организации обучения иностранным языкам, при котором осуществляется приоритетное усвоение грамматических форм и структур языка. Практическая граммати-

ка в обучении русскому языку как иностранному представляет собой системное описание грамматических категорий и методики их преподавания. Целью практической грамматики является разработка методов и приемов обучения, позволяющих развить мышление на иностранном языке [3].

Изучение русского языка как иностранного начинается с вводного фонетико-грамматического курса. Целями названного курса являются, во-первых, изучение фонетической системы русского языка, во-вторых, освоение интонационных конструкций, в-третьих, первоначальное знакомство с основами грамматической системы русского языка. На последующих уровнях, базовом и первом сертификационном, полученные знания закрепляются, расширяются и углубляются.

Вводный фонетико-грамматический курс закладывает основы знаний о грамматической системе русского языка. Особое значение имеет логика построения всего курса, а также логика построения урока. Опыт преподавания русского языка свидетельствует о том, что неэффективным является заучивание слов списком. Намного продуктивнее изучение слов в речевой ситуации [2].

Изучение русского языка начинается с имени существительного. Это объясняется тем, что, во-первых, на начальном этапе слушателю необходимо получить представление о предметном мире. Во-вторых, имя существительное считается центральной частью речи русского языка, с которой связаны все остальные знаменательные части речи [4]. С ним согласуются имена прилагательные, притяжательные и определительные местоимения, имена числительные. К имени существительному примыкают наречия. Им управляет глагол. Следовательно, имя существительное является основой успешного изучения других частей речи и условием быстрого перехода от слова к словосочетанию и предложению. Так у слушателя начинает формироваться навык речевого высказывания.

Изучение новой части речи будет более успешным, если слушатель имеет представление о слове, с которым она связана. Например, притяжательные местоимения *мой, твой, наш, ваш* изучаются после знакомства с именами существительными. Поэтому слушателю легко запомнить модель с притяжательным местоимением: *мой дом, наш дом, твой дом* и т.д. Наречия *тут, там* изучаются на первых уроках. Слушателю понятны высказывания *дом – тут, куст – там*, так как он уже знаком с именами существительными.

Также важным условием успешного изучения русского языка является последовательность изучения грамматических категорий и форм. Первой грамматической категорией, с которой знакомятся слушатели, является категория рода. Названная категория придает именам существительным значение предметности или качественной определенности, указывает на свойство, по которому назван предмет [5]. Изучение категории рода начинается с существительных с твердой основой.

Как известно, каждое существительное относится к одному из трех родов: мужскому, женскому, среднему. В большинстве случаев род имен существительных является формальным, поэтому его можно определить по конечной букве слова. Исключение составляют имена существительные, оканчивающиеся на **-ь**. К мужскому роду относятся существительные, оканчивающиеся на согласный: твердая основа – *стол, стул*, мягкая основа – *музей, герой*. К женскому роду относятся имена существительные, оканчивающиеся на **-а** (твердая основа) – *комната, студентка* или на **-я** (мягкая основа) – *земля, семья, аудитория*. К среднему роду относятся существительные, оканчивающиеся на **-о** (твердая основа) – *окно*, и существительные, оканчивающиеся на **-е** (мягкая основа) – *море, здание*.

Изучение категории рода начинается с имен существительных с твердой основой.

Таблица 1

Категории рода имен существительных с твердой основой

Мужской род (он)	Женский род (она)	Средний род (оно)
дом	комната	окно
звук	буква	
Иван	Анна	

Следующим этапом изучения категории рода является знакомство с именами существительными с мягкой основой. Следующий методический прием позволит ввести новый материал. Необходимо заполнить таблицу именами существительными с твердой и мягкой основой. Сравнить названные лексемы и прийти к выводу о том, что существительные женского и среднего рода, кроме окончаний **-а,-о**, могут иметь окончания **-я, -е**. В последней строке таблицы необходимо выписать все окончания мужского, женского, среднего рода. Также можно попросить слушателей сделать это самостоятельно.

Таблица 2

Категории рода имен существительных с мягкой основой

Мужской род (он)	Женский род (она)	Средний род (оно)
город	ручка	окно
	земля	море
–	-а,-я	-о,-е

На следующем этапе изучается категория числа имен существительных. Названная категория придает имени существительному значение количественной определенности предметов, обладающих признаками, выраженными родом [5]. Изучение категории числа начинается с существительных мужского и женского рода, имеющих в форме множественного числа окончание **-ы**.

Завершает изучение имени существительного категория падежа. Названная категория придает значение отношения, обусловленное положением предметной единицы в синтаксической модели [5]. В основе изучения категории падежа лежит принцип концентризма. Это методический принцип обучения, который предполагает распределение учебного материала по относительно замкнутым циклам – концентрикам. Уже после усвоения материала первого концентрика учащиеся должны уметь участвовать в подлинно речевом общении в пределах ограниченного круга ситуаций и тем. В каждом последующем концентре предусматривается расширение материала на основе изученного и овладение новым. При распределении учебного материала по концентрикам следует давать сначала основное значение грамматической категории, наиболее типичные средства выражения грамматических значений, оставляя второстепенные значения, менее типичные случаи функционирования и средства выражения для последующих концентриков. В рамках концентрика предполагается отбор языкового материала в соответствии с разными видами речевой деятельности. В пределах задания или урока действуют микроконцентры, имеющие конкретную узкую цель. Характерными их признаками являются: замкнутость в пределах одного вида упражнений, простая структура операций, небольшое их количество, относительно небольшая продолжительность, получение непосредственных результатов работы. Соблюдение принципа концентризма обуславливает: 1) высокую мотивированность изучения языка благодаря возможности учащихся участвовать в речевом общении уже на раннем этапе обучения, 2) доступность материала, который располагается в соответствии с общедидактическим требованием «от легкого к трудному» от уже усвоенного к новому.

Таким образом, важнейшими аспектами русской грамматики, которые необходимо учитывать в практике преподавания русского языка как иностранного, являются следующие:

- 1) рассматривать языковые явления в системе, в их взаимосвязи;
- 2) опираться в процессе преподавания на неразрывное единство языка и речи и в первую очередь на структурно-речевую единицу – предложение;
- 3) четкая последовательность изучения грамматических категорий.

Библиографический список

1. Азимов, Э.Г. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – СПб.: «Златоуст», 1999. – 472 с.
2. Леонтьев, А.А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1965. – 245 с.

3. Метс, Н.А. Трудные аспекты русской грамматики для иностранцев / Н.А. Метс. – 3 изд., испр. и доп. – М., 2010. – 256 с.

4. Радченко, Е.В. Динамические процессы в сфере значения русских фразеологизмов с функционирующими морфологическими категориями: монография / Е.В. Радченко. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2009. – 231 с.

5. Радченко, Е.В. Динамические процессы во фразеологизмах с функционирующими морфологическими категориями: монография / Е.В. Радченко. – Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2007. – 148 с.

[К содержанию](#)

УДК 811.161.1 + 378.016:811.161.1

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ
СРЕДСТВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК СПОСОБ
УЛУЧШЕНИЯ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ**

Л.В. Супрунова

Использование языковых средств на уроках русского языка как иностранного играет важную роль в обучении студентов, изучающих русский язык на подготовительном отделении (I сертификационный уровень). Особенно значимым оказывается использование фразеологизмов, так как именно эти единицы языка обладают культурно-национальной спецификой, имеют свои способы её отражения и средства соотношения с ней. К тому же иностранные студенты затрудняются употреблять фразеологические сочетания в речевой практике. Работу с фразеологизмами необходимо начинать на уроках с тематической направленностью, учитывая распространенные ошибки в использовании данной речевой единицы.

Ключевые слова: фразеологические единицы, национальная гордость, ошибки в использовании фразеологизмов.

Выразительность речи – важное коммуникативное качество, обеспечивающее на риторическом уровне достижения действенности высказывания, его эстетичности и гармонического построения. Выразительность предполагает использование в речи языковых средств, к которым относятся тропы и фигуры, а также фразеологические выражения, пословицы, поговорки, крылатые слова.

Поскольку иностранные студенты изучают русский язык в контексте культуры страны, на уроках русского языка как иностранного необходимо изучать фразеологические выражения, которые являются неотъемлемой

частью русского языка. К тому же фразеологизмы обладают большой эмоционально-экспрессивной насыщенностью, и многие из них способны выражать не одно, а несколько отношений, эмоциональных и рациональных, положительных и отрицательных. Эта способность фразеологизмов открывает многообразие субъективных ощущений, красочно передает богатство эмоциональной сферы жизни человека.

В рамках нашей статьи мы остановимся на одном частном, но не менее важном вопросе, сквозь призму которого можно рассмотреть более широкий спектр проблем, связанный с подготовкой иностранных студентов, обучающихся на подготовительном отделении вуза (I сертификационный уровень). Речь идет о работе преподавателя на уроках русского языка как иностранного, а именно об умении использовать фразеологические сочетания.

Курс русского языка для иностранных студентов, обучающихся на подготовительном отделении, не предполагает изучение фразеологизмов в отдельном разделе, тем не менее, студенты постоянно встречаются с ними в повседневной жизни. Преподавателю важно не только раскрыть значение того или иного устойчивого сочетания, но и донести до каждого студента мысль о том, что эти выражения есть кладезь человеческой мудрости, передаваемой из поколения в поколение, национальная гордость каждого россиянина. И это тем более важно, что именно фразеологизмы развивают способность чувствовать язык, понимать его природу и пользоваться этим на практике. Вот почему, возвращаясь к вышесказанному, мы считаем, что работа с такой «золотой крупицей» русской мысли, как фразеологизм, должна проводиться регулярно на уроках русского языка как иностранного, войти в речевую практику студентов.

Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором отражается национальное самосознание народа, его культурная общность в воспроизведении обыденного менталитета. Фразеологические единицы языка, обладающие культурно-национальной спецификой, имеют свои способы ее отображения и средства соотнесения с ней. С изучения этого вопроса, по нашему мнению, и должно начаться знакомство студентов, обучающихся русскому языку как иностранному с устойчивыми сочетаниями. Студент должен осознавать фразеологическую единицу как составную, целостную, косвенно-номинативную единицу языка, обладающую своими дифференциальными признаками и экспрессивно-характеризующей функцией. Студент должен знать, что ядром фразеологического состава русского языка является идиома (сращения и единства) с ее структурно-семантическими особенностями, а на периферии фразеологии находятся фразеологические сочетания, пословицы, поговорки, крылатые слова, речевые штампы. Студент должен иметь представление о фразеолого-семантической парадигме: фразеологической омонимии, фразеологической синонимии, фразеологической антонимии, а также о функционально-стилевой характеристике русской фразеологии. Студент должен обладать знаниями об историческом

формировании русской фразеологии. Весь этот научный багаж позволит ему методически правильно использовать фразеологизмы в речевой практике. Приведем несколько методических рекомендаций по такому типу работы, освоение подобного типа методики может стать основой для проведения практических работ.

Прежде всего, это проведение уроков с тематической направленностью. Студентам предлагают подобрать фразеологизмы (в широком смысле слова, включая и пословицы, и поговорки), тематически связанные и имеющие в своем составе проблемный вопрос по изучаемой теме. Например: При знакомстве с орфограммами «Правописание *жи, ши, ча, ща*». Тема: «История России». На доске написаны следующие фразеологизмы с пропуском орфограмм:

Не на ж...вот, а насмерть.

Не щ...дя ж...вота своего.

(История происхождения этих фразеологизмов описана в книге Н.М. Шанского «Фразеология современного русского языка», Изд «Высшая школа», М., 1969г., С. 94, 95).

Студентам предлагается раскрыть значение этих фразеологизмов, затем необходимо объяснить смысл устаревших слов и историю их происхождения и рассказать, как в этих выражениях запечатлена память о героях, которые боролись за свободу своей Родины, в частности, в годы Великой Отечественной войны. После проведения подобного рода толкований, можно перейти к работе над орфограммами.

Материал для проведения подобного рода занятий может быть подобран по следующим темам (с учетом основной учебной темы): «Труд», «Дружба», «Добро», «Здоровье», «Моя семья. Мой дом», «Мое любимое занятие» и другие.

Другой вид работы может включать следующее задание: подготовить фразеологическую тетрадь, выписав туда все встречающиеся в повседневной жизни фразеологизмы. Этот вид работы во многом облегчит их будущую подготовку к аудированию и позволит усилить впечатление от встречи с «золотой россыпью народной мудрости».

Изучая устойчивые выражения, необходимо познакомить студентов с распространенными ошибками в использовании данной речевой единицы:

- 1) ошибки в усвоении значения фразеологизма;
- 2) ошибки в усвоении формы фразеологизма;
- 3) образование ненормативных фразеологизмов;
- 4) изменение лексической сочетаемости фразеологизма.

Например

I. Ошибки в усвоении значения фразеологизма:

1. Ошибка буквального понимания фразеологизма. «На мельнице все перемелется, мука будет».

2. Смещение фразеологизмов, имеющих в своем составе одинаковые компоненты, например: «в крайнем случае» и «по крайней мере», «Думаю, что в крайнем случае (правильно «по крайней мере») четверку я получу».

II. Ошибки в усвоении формы фразеологизма:

1. Грамматическое видоизменение фразеологизма, например: «Не бери ни с кого дурные примеры».

2. Лексическое видоизменение фразеологизма, например: «Вася не терял духа, он старался развлечься».

III. Образование ненормативных фразеологизмов, например: «Я чуть не лопнул со страху» – сравните «лопнуть со смеху».

IV. Изменение лексической сочетаемости фразеологизма, например, устойчивое сравнение «как резаный», обозначающее высокую степень проявления качества, употребляется лишь в сочетании со словом «кричать». Иностранцы могут употреблять его и в других контекстах: «Я смеялась как резаная».

Таким образом, изучение фразеологических оборотов и использование их в речевой практике – это не только начальный компонент языковой культуры студентов, но и тот необходимый базис, на котором основывается страноведческая информация. Знакомство с внутренней сущностью фразеологизма на подготовительном этапе обучения иностранных студентов русскому языку как иностранному дает возможность не только воспитать культуру речи студентов, но и сформировать в их представлении языковое национальное пространство, заключенное в данной речевой единице.

Библиографический список

1. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании рус. яз. как иностранного: Метод. руководство / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Наука, 1990. – 264 с.

2. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Просвещение, 1977. – 196 с.

3. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Просвещение, 1977. – 217 с.

4. Воробьев, В.В. Русский язык в диалоге культур: учебное пособие / В.В. Воробьев, Л.Г. Саяхова. – М.: Ладомир, 2006. – 286 с.

5. Костомаров, В.Г. Отбор и систематизация фразеологизмов в учебном лингвострановедческом словаре: Словари и лингвострановедение / В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин. – М.: Русский язык, 1982. – 317 с.

6. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1969. – 205 с.

[К содержанию](#)

УДК 903(574.3) + 903(574.2)

**ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ
СЕВЕРНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА
В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА**

А.Д. Таиров

Подводятся итоги десятилетнего периода изучения элитных курганов, курганов-святилищ и поселений-зимовок ранних кочевников Северного и Центрального Казахстана. Акцентируется внимание на участии автохтонного населения в формировании тасмолинской археологической культуры. Рассматриваются этнокультурные процессы, протекавшие в центральноказахстанских степях в раннесакское время.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, элитные курганы, поселения-зимовки, генезис тасмолинской культуры, коргантасский тип

В изучении памятников ранних кочевников Северного и Центрального Казахстана в первое десятилетие XXI века определяющими были два направления – раскопки элитных курганов и исследование поселений-зимовок.

Результатом работ по первому направлению явилось исследование ряда больших курганов в могильниках Копя, Назар, Назар-2, Нуркен, Нуркен-2, Талды-2, Шерубай в пределах Карагандинской области. Их отличительной чертой являются могильные ямы с дромосом, идущим в восточном направлении. Характерно широкое использование камня для сооружения внутри- и надмогильных конструкций. Вертикально установленными каменными плитами оформлялись стенки погребальных камер и дромосов. Плиты применялись и при сооружении перекрытия над ямой и дромосом. Плитняк шел на создание полых надмогильных конструкций. С этой целью использовались и сырцовые блоки прямоугольной формы, часто в сочетании с плитняком [1, с. 32–36; 2, с. 174–179]. Несмотря на ограбленность, курганы, особенно могильника Талды-2, дали богатейший материал для характеристики культуры ранних кочевников сакского времени [3–6]. Как считает А.З. Бейсенов, распространение дромосных могил этого времени в Центральном и Восточном Казахстане, Семиречье и ряде других регионов «подчеркивает роль местных племен поздней бронзы в сложении культур раннего железного века» [3, с. 78]. Об этом же, по его мнению, свидетельствуют некоторые строительные приемы, применявшиеся при возведении погребальных сооружений, в частности использование вертикально установленных каменных плит в сочетании с горизонтальной плиточной кладкой [1, с. 36; 2, с. 179].

Новым типом памятников для Северного и Центрального Казахстана, также как и для Урало-Казахстанских степей в целом, являются курганы-святилища. Одно из них, Байкара в Северном Казахстане, было исследовано в 1997–1999 гг. казахстанско-германской экспедицией [7]. Второе, Сыгнак на территории Астаны, исследовано в 2007, 2009 гг. Ишимской археологической экспедицией Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева [8, с. 13–14; 9, с. 56].

В эти же годы проводились исследования и рядовых погребений ранних кочевников, в том числе и в ранее малоисследованных регионах Северного и Центрального Казахстана. Помимо перечисленных выше, это могильники Караоба в отрогах Аркалыкских гор, Едирей-3 у возвышенности Едирей, Тайтобе и Ондырас в Акмолинском Приишимье, Тасарал на озере Балхаш, Бозшаколь-5 в Павлодарской области, Тегисжол у Темиртау Карагандинской области и другие [1, с. 38; 10–15]. Полученные материалы, относящиеся к разным периодам раннего железного века, значительно расширяют наши представления о погребальном обряде и материальной культуре древних номадов урало-казахстанских степей.

Результатом исследований погребальных памятников тасмолинской археологической культуры стал пересмотр ее датировки. Теперь время ее существования определяется VIII–III вв. до н.э. На территории Центрального Казахстана ее сменяют памятники коргантасского типа [9, с. 52; 16, с. 188]. По мнению А.З. Бейсенова, коргантасские памятники характеризуют третий, завершающий, этап тасмолинской археологической культуры [17, с. 219]. С этим выводом не согласен ряд исследователей, считающих, что эти памятники оставлены пришлым населением, не связанным с «тасмолинцами» [18–20]. В процессе планомерных раскопок первого десятилетия XXI века количество исследованных памятников коргантасского типа, датированных III–I вв. до н.э. или IV–I вв. до н.э., значительно увеличилось [1, с. 37; 2, с. 180; 21, с. 145; 22, с. 42].

В первое десятилетие нынешнего века целенаправленный поиск и раскопки поселений-зимовок раннего железного века был осуществлен Сарыаркинской экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана. Изучены топография и планировка поселений, архитектура жилищ, получен представительный комплекс находок, в том числе керамики. Основой хозяйства этого населения было специализированное скотоводство, практиковалось земледелие, о чем говорят находки каменных мотыг, курантов и зернотерок. На ряде поселений зафиксированы следы металлургического производства в виде литейных форм и льячек [1, с. 38–41; 17, с. 217–218; 23–25].

Интересно отметить, что по местонахождению эти поселения-зимовки устойчиво тяготеют к местам расположения казахских зимовок XIX – начала XX века, а часть из них была использована вторично казахами под зимовки, что, несомненно, свидетельствует о близком типе скотоводческо-

го хозяйства. Примечательно также, что благодаря строительным приемам, применявшимся при возведении стен жилищ из камня, и планиграфическим особенностям, поселения-зимовки тасмолинской культуры «создают впечатление сооружений более позднего времени, в частности они очень похожи на разрушенные казахские зимовки» [1, с. 39; 17, с. 218; 23, с. 37, 41]. Применение одинаковых строительных приемов, безусловно, определяется, прежде всего, особенностями используемого материала – каменные плиты, крупные валуны, бутовый камень.

Керамика этих поселений существенно отличается от посуды эпохи поздней бронзы. Как считает В.Г. Ломан, «в формировании состава населения Казахстана эпохи раннего железа принимали участие «донгальцы» – потомки носителей саргаринско-алексеевской культуры финальной бронзы» [26, с. 177; см. также: 17, с. 218; 21, с. 145; 23, с. 38]. Следует отметить, что керамика, близкая поселенческой тасмолинской, обнаружена на поселениях раннего железного века Правобережного Прииртышья и различных районов Алтая [23, с. 38, 40; 24, с. 158; 26, с. 176; 27].

Таким образом, поселения-зимовки раннего железного века Центрального Казахстана, в том числе и исследованные ранее поселения в Акмолинском Приишимье [28], составляют новый значительный корпус источников, позволяющий во многом по-новому рассмотреть процессы, протекающие в Центральном Казахстане в раннесакскую эпоху.

В настоящее время сложились две точки зрения на проблему происхождения тасмолинской культуры. Первая, традиционная или «автохтонная», исходит из того, что культура кочевников раннесакского времени Северного и Центрального Казахстана сложилась на основе культуры населения этого региона эпохи поздней бронзы. Свидетельством чего, по мнению сторонников этой точки зрения, являются памятники «переходного» типа, т.е. сочетающие в себе черты двух эпох.

С точки зрения сторонников «миграционной» теории, сложение культур ранних кочевников Урало-Казахстанских степей происходит в результате прихода нового населения, не имеющего здесь собственных этногенетических корней и привнесших сюда элементы собственной этнической культуры. Смешение же мигрантов с местным населением, имевшим свои, региональные, особенности, привело к формированию особенностей культур раннесакского времени того или иного региона.

В свете исследований памятников ранних кочевников в Казахстане в первом десятилетии XXI века процесс формирования тасмолинской культуры выглядит следующим образом.

Экологический кризис последней трети II – начала I тыс. до н.э. вызвал отток значительной части северо- и центральноказахстанского населения в соседние регионы, в частности, в лесостепные районы Западной Сибири и предгорья Алтая. На наш взгляд, этим передвижением и обусловлена та близость керамики тасмолинских поселений-зимовок и западносибирских

лесостепных культур начала раннего железа, которая отчетливо фиксируется исследователями [16, с. 191]. Оставшееся немногочисленное население концентрируется в районе горных массивов Северного и Центрального Казахстана – Кокшетау, Каркаралинск, Баянаул, Кент, Улутау и другие. Эти группы смогли адаптироваться к новым условиям, перейдя к ведению хозяйства, основанного на различных формах специализированного скотоводства. Практиковалось, где это было возможно, земледелие. Сохранялась, правда уже в менее значительных объемах, добыча и обработка меди.

Приход в конце VIII или на рубеже VIII–VII вв. до н.э. новых групп населения [29, с. 32–36] привел к временному сосуществованию на территории Северного и Центрального Казахстана двух тесно взаимосвязанных групп населения – «автохтонов», наследников устоев эпохи бронзы, и «мигрантов», носителей традиций, ставших доминирующими на протяжении последующих веков. На начальном этапе это сосуществование обусловило появление памятников «переходного» типа, сочетавших обе традиции. В дальнейшем, несмотря на тесное взаимодействие, использование разных экологических ниш внутри степи «автохтонами» и «мигрантами» способствовало длительному сохранению традиций местного населения в материальной культуре, в том числе архитектуре жилых построек и керамическом производстве. Поэтому то и прослеживается генетическая связь керамического комплекса тасмолинской культуры, полученного с поселений-зимовок, с керамикой донгальского типа финального этапа эпохи бронзы, а через нее с валиковой керамикой поздней бронзы Центрального Казахстана. А архитектура жилых конструкций поселений-зимовок повторяет строительные традиции поздней бронзы Центрального Казахстана [16, с. 190, 192]. Вместе с тем, приход нового населения вызвал кардинальную трансформацию духовной культуры «автохтонов», привел к восприятию ими новых, раннесакских, традиций аржано-кичигинского культурно-хронологического горизонта [30, с. 351–352].

Мигранты, освоившие казахстанские степи, использовали, прежде всего, навыки местного населения в скотоводстве и металлургии. Продолжается разработка медных рудников, совершенствуется металлургия и металлообработка, о чем свидетельствует сходство лигатуры и литейных операций от поздней бронзы до раннесакского времени [15, с. 191]. Наличие собственной металлургической базы во многом обусловило ведущую роль «тасмолинцев» в Урало-Казахстанских степях в раннесакское время.

Навыки использования камня для сооружения жилищ на поселениях-зимовках, без сомнения, были применены при возведении элитных раннетасмолинских курганов [2, с. 78; 16, с. 191–192].

Таким образом, «вклад местного автохтонного населения поздней бронзы в процесс сложения тасмолинской археологической культуры» [16, с. 192] бесспорен.

Библиографический список

1. Бейсенов, А.З. Исследования Сарыаркинской экспедиции в Центральном Казахстане / А.З. Бейсенов // Известия МОН РК, НАН РК. – Серия общественных наук. – 2002. – № 1. – С. 31–41.
2. Бейсенов, А.З. Работы на могильнике Нуркен-2 / А.З. Бейсенов // Историко-культурное наследие Сарыарки / отв. ред. В.Г. Ломан. – Караганда, 2007. – С. 173–194.
3. Бейсенов, А.З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана / А.З. Бейсенов // «Кадырбаевские чтения – 2010». Материалы II Международной научной конференции. – Актобе, 2010. – С. 77–79.
4. Бейсенов, А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации / А.З. Бейсенов. – Алматы, 2011. – 36 с.
5. Бейсенов, А.З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии / А.З. Бейсенов // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов Круглого стола, посвященного 20-летию Независимости Республики Казахстан / отв. ред. А.З. Бейсенов. – Караганда, 2011. – С. 14–20.
6. Бейсенов, А.З. Искусство древних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, композиции / А.З. Бейсенов, Г.А. Базарбаева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки» – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 12–17.
7. Парцингер, Г. Большой курган Байкара. Исследования скифского святилища / Г. Парцингер, В.Ф. Зайберт, А. Наглер, А.А. Плешаков. – Берлин, 2003. – 280 с.
8. Хабдулина, М.К. От чинков Устюрта до берегов Иртыша (о деятельности НИИ археологии им. К.А. Акишева) / М.К. Хабдулина // Магрулановские чтения–2011. Материалы международной археологической конференции. Астана, 20–22 апреля 2011 г. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 11–20.
9. Хабдулина, М.К. Археология Северного и Центрального Казахстана. (1764–2012). Библиографический указатель / М.К. Хабдулина, Д.А. Гаврилов, А.Н. Свиридов. – Астана: Изд-во «Сарыарка», 2013. – 280 с.
10. Бейсенов, А.З. Археолого-антропологические данные из могильника Едирей-3 / А.З. Бейсенов, А.О. Исмагулова // Историко-культурное наследие Сарыарки / отв. ред. В.Г. Ломан. – Караганда, 2007. – С. 164–170.
11. Свиридов, А.Н. Исследование погребений рубежа эр в Акмолинском Прииртышье / А.Н. Свиридов // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2008. – № 2. – С. 240–247.
12. Нурмаганбетов, Е.Н. Новые археологические исследования памятников острова Тасарал на озере Балхаш / Е.Н. Нурмаганбетов // Археология и история Сарыарки. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2012. – С. 252–258.

13. Амиров, Е.Ш. Погребение эпохи раннего железа из могильника Бозшаколь-5 (предварительная публикация) / Е.Ш. Амиров, М.К. Сейткалиев, Д.В. Сорокин // Известия НАН РК. – Серия общественных наук. – 2010. – № 1 (274). – С. 67–69.
14. Варфоломеев, В.В. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол / В.В. Варфоломеев // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 315–324.
15. Кукушкин, И.А. Курган гунно-сарматского времени на могильнике Ащису / И.А. Кукушкин, В.Г. Ломан // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 342–348.
16. Хабдулина, М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние / М.К. Хабдулина // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2007. – № 2. – С. 181–194.
17. Бейсенов, А.З. Ранний железный век / А.З. Бейсенов // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. – Алматы: Эверо, 2004. – С. 210–225.
18. Таиров, А.Д. Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны / А.Д. Таиров // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья / отв. ред. В.К. Мерц. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. – Вып. 2. – С. 182–199.
19. Пересветов, Г.Ю. К вопросу о появлении в Северо-Восточном Казахстане памятников «коргантасского типа» / Г.Ю. Пересветов // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья / отв. ред. В.К. Мерц. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. – Вып. 2. – С. 200–207.
20. Шульга, П.И. О захоронениях коргантасского типа / П.И. Шульга // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов Круглого стола, посвященного 20-летию Независимости Республики Казахстан / отв. ред. А.З. Бейсенов. – Караганда, 2011. – С. 117–120.
21. Ломан, В.Г. Археологическая карта Каркаралинского района Карагандинской области / В.Г. Ломан, А.З. Бейсенов, В.В. Евдокимов, Т.С. Толлеуов / отв. ред. А.З. Бейсенов. – Алматы: Иль-тех-кітап, 2004. – 256 с.
22. Бейсенов, А.З. К изучению памятников района реки Шидерты / А.З. Бейсенов, В.К. Мерц // Известия НАН РК. – Серия общественных наук. – 2010. – № 1 (274). – С. 40–45.
23. Бейсенов, А.З. Вопросы изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана / А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан // Известия НАН РК. – Серия общественных наук. – 2006. – № 1 (252). – С. 36–45.
24. Бейсенов, А.З. О керамике поселения раннего железного века Керегетас-2, Едирей-1, Едирей-3 (Центральный Казахстан) / А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан // Историко-культурное наследие Сарыарки / отв. ред. В.Г. Ломан. – Караганда, 2007. – С. 156–163.

25. Бейсенов, А.З. Древние поселения Центрального Казахстана / А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. – Алматы: «Инжу-Маржан», 2009. – 264 с.

26. Ломан, В.Г. Керамические комплексы поселений раннего железного века Центрального Казахстана: типологический и технологический аспекты изучения / В.Г. Ломан // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов Круглого стола, посвященного 20-летию Независимости Республики Казахстан / отв. ред. А.З. Бейсенов. – Караганда, 2011. – С. 174–178.

27. Мерц, В.К. Материалы ранних кочевников с поселений Северо-Восточного Казахстана / В.К. Мерц // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов Круглого стола, посвященного 20-летию Независимости Республики Казахстан / отв. ред. А.З. Бейсенов. – Караганда, 2011. – С. 170–173.

28. Хабдулина, М.К. Поселения раннесакского времени на реке Селеты / М.К. Хабдулина // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Т. 1. Древние эпохи. Астана: Изд-во «Күлтегін», 2003. – С. 189–214.

29. Таиров, А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э.: монография / А.Д. Таиров. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 274 с.

30. Таиров, А.Д. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье / А.Д. Таиров, С.Г. Боталов // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. – М.: ТАУС, 2010. – С. 339–354.

[К содержанию](#)

УДК 811.161.1 + 81'342

ИНТОНАЦИОННЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВА ФОНЕТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧИ

Л.В. Тарануха

В статье рассматривается представление об интонации как об основном и необходимом речевом средстве при изучении русского языка как иностранного

Ключевые слова: интонация, интонационная конструкция, фонетическая организация речи.

Интонация – это одно из языковых смысловозначительных средств. Интонационная конструкция реализуется на речевом отрезке, в качестве которого может выступать простое или сложное предложение, главная или придаточная часть сложного предложения, словосочетание, отдельная форма самостоятельной части речи и даже служебная часть речи. Это вызывает определённые сложности у студентов, изучающих русский язык как иностранный, так как в родном языке интонационные особенности иные.

Сравнение звучащих предложений различной синтаксической структуры показывает, что в русском языке можно выделить определённые типы интонационных конструкций (ИК). Так, в работах Е.А. Брызгуновой выделены семь типов ИК в русском языке:

ИК-1: нисходящий тон на гласном центра; используется при выражении завершённости повествовательного предложения;

ИК-2: нисходящий тон в сочетании с некоторым усилением словесного ударения на гласном центра; реализуется в вопросах с вопросительными словами;

ИК-3: восходящий тон с последующим падением; типична для вопросов без вопросительных слов (Вы были в театре?);

ИК-4: нисходяще-восходящий тон; используется в сопоставительных вопросах (Я иду. А Вы?);

ИК-5: сочетание восходящего, ровного и нисходящего тонов (имеется два центра: на гласном первого центра тон повышается, на гласном второго центра – понижается); используется для выражения и усиления оценки в предложениях с местоименными словами (Какой сегодня день!);

ИК-6: сочетание восходящего и ровного тонов; сфера использования данной конструкции включает как оценочные восклицания (Какой вечер тёплый!), так и выражение недоумения (Какие у них обычаи?);

ИК-7: сочетание восходящего тона со смычкой голосовых связок в конце артикуляции гласного центра, что отличает ИК-7 от ИК-3; данная конструкция служит выражению экспрессивной оценки (Какой он отличник! Он не отличник).

В потоке речи каждый тип ИК представлен рядом реализаций: нейтральных, характеризующих тот или иной тип ИК при выражении смысловых отношений, и модальных, имеющих какую-либо особенность строения, предназначенную для выражения субъективного, эмоционального отношения говорящего к высказываемому.

Студенты, изучающие русский язык как иностранный, должны научиться выделять в ИК центр – слог, на котором начинаются изменения компонентов интонации, значимые для выражения таких значений, как вопрос, утверждение, волеизъявление. Передвижение интонационного центра (или сдвиг логического ударения) выражает смысловые различия внутри предложения: Вы **БЫЛИ** в кино? – **ВЫ** были в кино? – Вы были в **КИНО**?

Студенты должны научиться слышать и понимать различные эмоциональные реакции говорящего на сказанное: несогласие, возражение, удивление, вызванное непониманием, и др. Это, чаще всего, выражают реплики со словами КАК.

– Он уехал в Минск. – **КАК** уехал? У него же завтра доклад. – **Как** в Минск? Он же собирался в Киев (удивление, непонимание).

– **КАК** не был? Был (несогласие).

– Как это ты не пойдёшь. Мы же договорились (возражение, протест).

– Тебе нужен русско-французский словарь? – **КАК** не нужен? Конечно, нужен (утверждение).

Но не всегда в нашей речи прямой порядок слов. В экспрессивно окрашенной речи обычный порядок слов, при котором тема предшествует реме, может нарушаться, ср.: *Холодно сегодня; Вам Саша звонил;* вместо: *Сегодня холодно; Вам звонил Саша.* Такой порядок слов называется инверсией. При инверсии интонационный центр перемещается вместе с тем словом, к которому он относится, с конца высказывания в его начало или середину: *Сегодня приедет Нина.* – *Сегодня Нина приедет.* – *Нина сегодня приедет.*

В повествовательных волеизъявительных предложениях при необходимости в чём-то убедить слушающего, что-либо доказать, подчеркнуть, противопоставить употребляется ИК-2. Эта интонация используется, например, в отрицательных предложениях: – *Не ходи* туда. – *Не надо* туда идти. – *Не нужно* туда идти. – *Напрасно* ты туда ходил. Центр ИК-2 в этих предложениях находится на первом слове.

Меньшую трудность вызывают предложения с обращением, приветствием, призывом, так как они эмоциональны. Это объединяет все языки. – *Петя! Саша!* Идите скорее сюда! – *Друзья, подруги, граждане, народ,* вот он пришёл – день радости высокой.

В данной работе рассмотрены некоторые интонационные конструкции, которые помогают фонетически организовать речь студентов, изучающих русский язык как иностранный на начальном этапе.

Библиографический список

1. Брызгунова, Е.А. Звуки и интонация русской речи / Е.А. Брызгунова. – М.: Русский язык, 1984. – 147 с.
2. Муханов, И.Л. Пособие по интонации / И.Л. Муханов. – М.: Русский язык, 1989. – 397 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.048.45

КОРРЕЛЯЦИЯ МОТИВАЦИИ ПОЛУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЗАРУБЕЖНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ» И ПОСЛЕДУЮЩЕГО ВЫБОРА ПРОФЕССИИ

Н.Н. Харко

Статья посвящена изучению мотивации студентов, обучавшихся по специальности «Зарубежное регионоведение», на разных этапах обучения. Исследуется влияние различных мотивирующих факторов на последующую профессиональную реализацию специалиста.

Ключевые слова: внутренняя мотивация, внешняя мотивация, профессиональное самоопределение, мотивы выбора

Процессы, происходящие в современном мире, такие как глобализация и повышение интенсивности взаимодействия в сфере мировой экономики и политики, диктуют необходимость подготовки квалифицированных специалистов по специальности «Регионоведение». Данная специальность предполагает комплексное изучение выбранного региона, включающее освоение языковых, политологических и экономических дисциплин. В данных условиях важным представляется не только высокий уровень профессиональной подготовки, но и наличие у студента и выпускника устойчивой мотивации к работе по специальности.

Под мотивацией мы понимаем побуждение к действию, обуславливающее субъективно-личностную заинтересованность индивида в его свершении. Большинство психологов выделяют два типа мотивации: внешнюю и внутреннюю [1–4].

Внешняя мотивация детерминируется внешними факторами. К ней можно отнести желания родителей и других близких людей, материальное вознаграждение, общественные нормы. В основе внутренней мотивации лежат личные желания и потребности человека. Деятельность на основе внутренней мотивации характеризуется тем, что такая деятельность становится самоцелью, а система поощрений и наказаний не играет значительной роли. В рамках обучения в вузе примером внутренней мотивации может служить интерес к изучаемому предмету или желание получить определенную работу после выпуска. Внутренняя мотивация считается более эффективной и больше способствует развитию личности.

Отметим также функции мотивации: побуждающую, состоящую в возбуждении активности учащегося; направляющую, заключающуюся в выборе направления деятельности и достижении при этом предварительно осознанных учебных целей; регулирующую функцию, обеспечивающую соподчинение, иерархию определенных видов деятельности, а также смыслообразующую функцию, позволяющую придать выполняемой деятельности определенный личностный смысл [5].

С целью выделения особенностей мотивации людей, изучающих специальность «Зарубежное регионоведение», было проведено исследование среди выпускников факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета.

Были получены и проанализированы анкеты 44 человек, окончивших вуз в период с 2006 по 2012 год. Из них 30 (70 %) реализуют себя в рамках полученной профессии (распространенные сферы деятельности: преподавание, перевод, ВЭД). 14 человек (30 %) работают не по специальности (распространенные сферы деятельности: реклама, мода, журналистика).

В качестве исследовательской методики использовались анкеты, позволяющие анализировать мотивацию студентов по трем шкалам: «Мотивация поступления в вуз», «Мотивация в процессе обучения», «Мотивация при выборе работы».

При ответе на вопрос «Почему Вы выбрали специальность «Зарубежное регионоведение»?» респонденты выбирали следующие варианты ответов:

- 1) подумал, что это интересно, и прошел по конкурсу (выбрали 80 % опрошенных);
- 2) сыграло роль желание родителей (выбрали 30 %);
- 3) решил, что это перспективно и позволит обеспечить стабильный высокий заработок (выбрали 19 %);
- 4) давно интересовался изучаемым регионом, целенаправленно поступал именно на эту специальность (выбрали 10 %).

Также респонденты дали такие ответы, как «хотела получить работу в МИДе», «интересовалась именно политологическими дисциплинами, язык воспринимался как дополнение».

Анализ опроса показал отсутствие связи начальной мотивации при поступлении и последующего выбора места работы. Отметим, что в группе людей, работающих не по специальности, более высокий процент выбора ответа «Сыграло роль желание родителей» (60 %). Однако количество респондентов не позволяет уверенно говорить о наличии закономерности.

Ответы на вопросы, выявляющие мотивирующие факторы в процессе обучения, разделяют мотивацию студентов на две группы: 1) мотивация к продолжению обучения и углублению знаний; 2) мотивация к смене деятельности. В качестве ключевого фактора, влияющего на формирование того или иного типа мотивации, было выявлено прохождение стажировки за рубежом или получение иного опыта непосредственного взаимодействия с регионом специализации (отпуск, командировки).

Практически все респонденты отметили недостаток подобного опыта во время обучения в вузе. Многие указали, что до приезда в регион специализации не понимали, чем будут заниматься в будущем. Полученные ответы позволяют говорить о преобладании у студентов внешней мотивации в период до стажировки (командировки и т.д.). Были выделены такие мотивы как «интерес к определенному предмету», «получение стипендии», «получение хороших оценок».

В случае прохождения стажировки или после работы с представителями региона специализации мотивация студентов начинает в полной мере выполнять указанную выше смыслообразующую функцию, а внутренняя мотивация начинает играть более существенную роль. Среди ответов появляются такие как «влюбилась в Китай и китайский язык, поняла, что надо подтягивать», «понял, какие на самом деле китайцы, что они сильно от нас отличаются», «осознала, что не могу работать с китайцами», «поняла, что не смогу жить в Китае». Отметим, что более 90 % респондентов в качестве итога стажировки указали осознание недостаточно хорошего уровня разговорного языка.

Таким образом, знакомство с реальными условиями работы, понимание степени своей компетентности приводят к усилению внутренней мотивации студента к повышению уровня знаний, либо показывают неактуальность выбранной профессии для конкретного человека.

Опыт взаимодействия с представителями изучаемого региона, несомненно, влияет и на выбор студентом места работы. В группе людей, работающих не по специальности, 11 человек из 14 не проходили стажировку за рубежом. В другой группе 3 человека отметили, что после стажировки выбрали работу, где нужен китайский язык, но не требуется общение с гражданами Китая.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

На выбор профессии и последующую успешную профессиональную реализацию в большей степени влияют факторы, мотивирующие студента во время обучения. Особое значение для студента-регионоведа имеет возможность общения с представителями изучаемого региона, так как оно помогает студенту осознать влияние его личностных особенностей на профессиональную деятельность и стимулирует формирование внутренних мотиваций. Для того чтобы быть успешным, специалисту необходимо понимание и принятие его профессиональной деятельности. Когда речь идет о работе с представителями иной культуры, важно понимание практической реализации представлений и установок этой культуры.

Можно предложить следующие рекомендации по формированию и поддержанию внутренней мотивации студентов, обучающихся по специальности «Регионоведение»:

- 1) обеспечить общение студентов с представителями региона специализации, в том числе в период учебной и производственной практики;
- 2) уделить особое внимание развитию и поддержанию навыков разговорной речи на иностранном языке для успешного преодоления студентами языкового барьера.

Итак, мотивация студентов, обучающихся по специальности «Зарубежное регионоведение» оказывает большое влияние на их последующую профессиональную реализацию. Формированию эффективной мотивации способствует возможность стажировок в регионе специализации или работы с представителями изучаемого региона.

Библиографический список

1. Бордовская, Н.В. Педагогика / Н.В. Бордовская, А.А. Реан. – СПб.: Питер, 2001. – 427 с.
2. Маркова, А.К. Формирование мотивации учения / А.К. Маркова, Т.А. Матис, А.Б. Орлов. – М.: Просвещение, 1990. – 184 с.
3. Смирнов, С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности / С.Д. Смирнов. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 267 с.
4. Апиш, Ф.Н. Основы современных теорий мотивации / Ф.Н. Апиш. – Майкоп: Аякс, 2001. – 127 с.
5. Романова, М.В. Проблема формирования мотивации студентов во время обучения в вузе / М.В. Романов. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-motivatsii-studentov-vo-vremya-obucheniya-v-vuze>.

[К содержанию](#)

УДК 801 + 81'374

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «РАБОТА» В ЛЕКСИКОГРАФИИ

Н.Н. Харко

Статья посвящена описанию понятийной составляющей концепта работа с использованием лексикографического анализа языковых единиц, входящих в поле данного концепта.

Ключевые слова: концепт, лексикографический анализ, языковая картина мира

Концепт *работа* является общественно значимым концептом, описание которого может быть использовано в лингвистических и междисциплинарных исследованиях. Данный концепт имеет всеобщий характер и является частью языковой картины мира носителей русского языка.

Как сложное явление концепт обладает собственной внутренней организацией, объединяющей репрезентации концепта в языке, культуре и мышлении. В лингвистической литературе представлено несколько вариантов подобной организации.

Когнитивная лингвистика апеллирует к структурной организации концепта, предложенной И.А. Стерниным. Данная организация предполагает наличие трех «полей» или «зон»: ядра концепта, включающего в себя существующие наименования исследуемого явления; околоядерной зоны, образованной смыслами, представленными синонимичными (а иногда ан-

тонимичными) и аналогичными лексемами; и «периферию», которая отображает представление концепта в различных источниках. [4]

В.И. Карасик использует иную модель, выделяя образную, понятийную и ценностную составляющую, где понятийная (фактуальная) сторона концепта – это фиксация концепта в языке, включающая, в том числе, дефиницию и характеристики концепта, отличающие его от смежных концептов [6].

Многомерность концепта подразумевает необходимость построения нескольких исследовательских моделей. Анализ дефиниций лексикографических источников позволяет выявить понятийную составляющую исследуемого концепта, а также обозначить его ядро и околоядерную зону.

Ядром концепта *работа* является имя исследуемого концепта. В толковых словарях представлено от шести до восьми определений лексемы «работа», которые можно разделить на две группы: определения, репрезентующие конкретные значения, и определения, репрезентующие абстрактные значения.

К первой группе относятся, например, следующие определения из «Русского семантического словаря»: «нахождение, пребывание в действии» (*работа механизма*), «продукт труда, творчества» (*работы художника*), «материал, подлежащий обработке, находящийся в процессе изготовления» (*взять работу на дом*).

Во вторую группу входят определения: «занятие, труд, деятельность» (*физическая работа*), «служба, занятие как источник заработка» (*высокооплачиваемая работа*), «производственная деятельность по созданию или обработке чего-нибудь» (*монтажные работы*), «качество, способ исполнения» (*изделие тонкой работы*). К этой же категории относится определение работы как физического термина («преодоление сопротивления движущимся телом»).

Аналогичное разделение наблюдается в синонимических рядах. Первой группе соответствует ряд «изделие, поделка, произведение, создание, творение, продукт». Второй группе – «дело, делание, занятие, труд, страдание, подвиг, упражнение».

В рамках приведенных групп можно выделить ключевые понятия, которые актуализируют разные аспекты концепта:

1. *Изделие* – «вещь, сделанная из чего-нибудь, товар»; *поделка* – «мелкое изделие, изготовленное ручным способом»; *произведение* – «результат труда, продукт творчества, создание»; *создание* – «то, что создано, изделие, вещь»; *творение* – «изделие, произведение, работа, продукт творчества»; *продукт* – «предмет, являющийся результатом человеческого труда».

Центральной в данной подгруппе является лексема «изделие», указывающая на создание чего-либо посредством труда, через усилие. Отличительной особенностью лексемы является ее материальность, приземленность. При необходимости описания результата творческой работы используются уже синонимы лексемы, такие как «работа», «произведение», «творение» и др. Кроме того, в лексеме не присутствует выраженный оценочный компонент.

2. *Занятие* – «дело, труд, работа, а также вообще заполнение своего времени»; *труд* – «целесообразная деятельность человека, работа, требующая умственного и физического напряжения»; *деятельность* – «работа, труд, систематическое применение своих сил в какой-нибудь области»; *служба* – «работа, занятия служащего, а также место его работы».

В качестве ключевых понятий данной группы можно выделить пару «работа-труд». Разница между представленными понятиями наиболее подробно рассмотрена в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка». С одной стороны, «мотив работы и труда – всегда польза для людей». Также оба понятия связаны с усилием. С другой стороны, синонимы различаются по ряду смысловых признаков: «1) характер деятельности (труд – в целом более творческая и этически значимая деятельность, чем работа); 2) масштаб задачи и количество затраченных усилий (в труде их в целом больше); представление деятельности как разворачивающегося во времени процесса (работа разворачивается во времени, труд – нет); 4) смысловые акценты (в работе на первом плане – содержание, результат, в труде – усилия); 5) оценка (для работы характерна утилитарная оценка, положительная или отрицательная, для труда – положительная этическая); б) возможность абстрактных и персонифицированных употреблений (у труда есть, у работы – нет)».

Кроме того, «труд» представляется более общим понятием, чем «работа». «Работа» представляется как нечто более прикладное (что подтверждается анализом первой группы значений лексем).

Таким образом, были проанализированы дефиниции концепта «работа», представленные в толковых словарях и словарях синонимов современного русского языка.

Анализ дефиниций лексем «работа» позволяет говорить об ее включенности в две семантические группы, актуализирующие конкретные и абстрактные понятия. Лексема аккумулирует различные смысловые аспекты, которые проявляются в зависимости от контекста.

Приведенные словарные статьи раскрывают понятийную составляющую концепта. Концепт объективируется посредством синонимов *труд*, *деятельность*, *дело*, *занятие*, *обязанность*. Сравнение с синонимичными понятиями показывает, что рассматриваемый концепт имеет оттенок прикладной, практической деятельности.

Библиографический список

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – 7-е изд., стереотип. – М.: Русские словари. – 1999.
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / Карасик В.И.; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – URL: <http://www.ozhegov.org/>.
4. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235>.
6. Сергеева, Е.В. Понятие концепта и аспекты его изучения в современной лингвистике / Е.В. Сергеева // Вестник ВЭГУ. – 2009. – № 3. – С. 72–85.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
8. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / под ред. В.И. Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

[К содержанию](#)

УДК 821.161.1-93

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

О.И. Шарафутдинова

Чтение как вид речевой деятельности играет важную роль при изучении РКИ. Выбор текста для чтения индивидуализирует учебный процесс. Однако использование художественных или публицистических текстов на начальном уровне обучения требует их адаптации. Адапатор вместо читателя осуществляет поиск опорных пунктов, смысловых звеньев произведения и с помощью специальных приемов облегчает понимание текста.

Ключевые слова: чтение, виды речевой деятельности, детская литература, адаптация текста.

Процесс обучения языку (или изучения языка) – процесс сложный и многомерный. Многомерность эта обусловлена в первую очередь сложностью определения того, что значит «владеть языком» и «использовать язык для коммуникативных целей». В связи с этим теоретическое и практическое осмысление обучения языку представлено в целом ряде дисциплин и научных направлений. Так, большое значение в современной науке имеют не только собственно педагогические исследования, но и психолингвистика, лингводидактика, методика преподавания русского языка как иностранного, лингвокультурология, проблемы межкультурной коммуникации и пр. Помимо масштабных проблем, связанных с основами, принци-

пами и правилами изучения языка (например, филогенез и онтогенез, психолингвистические основы обучения иностранному языку, специфика освоения языковой картины мира и пр.), существует целый ряд частных вопросов, направленных на описание отдельных компонентов педагогического процесса: освоение языков билингвами, теория лингвистической ошибки, контроль сформированности языковой, речевой и коммуникативной компетенций и пр.

Традиционно изучение языка связано с формированием компетенций. В современной науке существуют разные подходы к определению данного понятия, но в задачи данной статьи не входит обзор и теоретическое обобщение концепций. Поэтому мы исходим из практического аспекта: по сути, компетенции описывают, во-первых, чем необходимо овладеть изучающему иностранный язык, чтобы использовать его в целях общения; во-вторых, какие знания и умения необходимо освоить, чтобы коммуникация была успешной. В связи с этим при изучении языка различают три вида компетенций:

- 1) языковая компетенция предполагает понимание и знание языка, то есть знание системы языка и его подсистем – фонетики, лексики, грамматики;
- 2) речевая компетенция – это навыки и умения строить речь по правилам;
- 3) коммуникативная компетенция – навыки и умения использовать язык в целях общения, создавая грамотные речевые произведения. С данным видом компетенций тесно связаны коммуникативные умения, то есть умения решать неречевые задачи речевыми средствами.

Основу формируемой в процессе занятий коммуникативной компетенции составляет овладение навыками и умениями речевого общения, то есть развитие видов речевой деятельности. В процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ) большое внимание уделяется чтению как одному из видов речевой деятельности, без которого немислим процесс изучения языка. Именно чтение, с одной стороны, дает обширную информацию о стране изучаемого языка, с другой – является средством обучения языку. Чтение – это рецептивный вид речевой деятельности, целью которого является извлечение и осмысление информации, содержащейся в печатном/письменном тексте [7].

Учебные пособия по РКИ, как правило, содержат тексты, ориентированные на различные виды чтения и связанные с формированием тех или иных навыков и умений, соответствующих уровневой системе владения языком. Однако преподаватель, который ставит задачу заинтересовать учащихся, вынужден расширять предлагаемый для изучения материал, привлекая тексты лингвострановедческого характера или художественную литературу.

Выбор текста, как правило, индивидуализирует учебный процесс, поскольку определяется интересами (и возможностями) учащихся. Методами и преподавателями активно обсуждаются вопросы, связанные с от-

бором текстового материала и способами его представления на уроках РКИ (см. например, [3], [4]). На наш взгляд, особую область исследования составляет детская литература. Доступность восприятия, простота изложения, характерные для детской литературы, делают художественные тексты, предназначенные детям, удобным материалом для развития навыков чтения, понимания, анализа прочитанного на уроках РКИ элементарного и базового уровней.

Однако даже тексты, которые мы традиционно относим к детской литературе по тематике и речевому оформлению, содержат ряд трудностей для изучающих РКИ. Во-первых, человек понимает текст в том случае, если ему понятна ситуация, о которой в нем говорится [2]. Во-вторых, некоторые слова и грамматические конструкции, понятные носителям языка, ставят в тупик иноязычную аудиторию, поскольку имеют разговорную окраску и не представлены в учебных пособиях и лексическом минимуме [5].

Трудности второго плана снимаются путем адаптации художественного текста, в результате чего создается т.н. вторичный, или компрессированный/адаптированный, текст. Грамотная адаптация не сводится к простому реферированию исходного материала путем пересказа или вычеркивания предложений, не имеющих достаточной смысловой нагрузки. Для получения адаптированного текста, адекватного исходному, необходим метод структурно-смысловой компрессии, где интегральный смысл ядерного текста возникает при извлечении из исходного текста его минимальной (глубинной) структурной основы [1, с. 70]. Как отмечает И.В. Насталовская, в процессе адаптации велика роль коммуникативного посредника (адаптатора), поскольку материал, который он выберет, будет представлен читателю в наиболее подходящем, с его точки зрения, виде. «Действия адаптатора, как правило, приводят к сокращению текста, его приближению к культурно-языковым возможностям не-носителей языка и состоят в сужении диапазона вариативных и комбинаторных потенциалов языкового кода» [6]. В результате такой работы текст сохраняет базовую часть лексикона и синтаксических конструкций, однако сокращение языковой формы должно сопровождаться сохранением содержательного плана высказывания. Главная задача адаптатора – «сделать адаптированный вторичный текст более коротким, отобразив только важную фактуальную информацию, а также максимально понятным, учитывая подтекстную информацию оригинала и фоновые знания» [6].

Облегчение восприятия текста может осуществляться с помощью следующих приемов: 1) упрощение синтаксических конструкций; 2) упрощение грамматических форм; 3) замена одних лексических единиц другими, входящими в лексический минимум соответствующего уровня обучения; 4) объяснение фрагментов, не подлежащих адаптации, прямо в тексте; 5) комментирование сложных фрагментов в виде предтекстовых заданий

(т.н. семантизация лексической единицы), глоссария, кратких сведений об авторе, действующих лицах, а также в виде иллюстраций.

Рассмотрим приемы адаптации художественного текста на примере рассказа В. Драгунского «Он живой и светится...» (см. табл.).

Таблица

Приемы адаптации рассказа В. Драгунского «Он живой и светится...»

	Исходный текст	Адаптированный вариант
1. Упрощение синтаксических конструкций	И мне захотелось есть, а мамы все не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждёт меня где-то на краю света, я бы моментально к ней подбежал, а не опаздывал бы и не заставлял её сидеть на песке и скучать	И мне захотелось есть, а мамы все не было
	Этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете	Этот светлячок лучше любого самосвала
	Он живой, не думай	Он живой
	А чем же, чем же именно он лучше?	А чем же он лучше?
2. Замена/ пропуск лексических единиц	Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму	Однажды вечером я сидел во дворе и ждал маму
	...пили чай с бубликами и брынзой	...пили чай с бубликами и сыром
	И Мишка опять надулся	И Мишка опять обиделся
	Ну, была не была!! Знай мою доброту!	Хорошо! Знай мою доброту!
	Глядел на него, глядел.	Смотрел на него, смотрел
	И я забыл про всех на белом свете	И я забыл про всех людей
3. Семантизация лексической единицы (послетекстовый комментарий)	Здорово!	Здорово! = Привет! Здравствуй!
	На!	На! = Возьми! (см. взять – брать)
	коробочку ³ от спичек	коробочка – маленькая коробка
4. Упрощение грамматических форм	Погаси-ка свет!	Погаси, пожалуйста, свет!
5. Предтекстовые задания	задерживаться (НСВ) – задержаться (СВ) бублики варенье самосвал светлячок (светляк)	Посмотрите значение слов в словаре

Как видим, адаптация исходного текста направлена на устранение проблем рецепции, обусловленных как непониманием реалий российской жизни, так и отсутствием знаний о языковой системе, представлений об узуальной модификации языковых элементов.

Рассказы В. Драгунского используются нами в курсе изучения РКИ для домашнего чтения ознакомительного характера. При ознакомительном чтении предметом внимания читающего становится всё произведение. Задача такого чтения – понять текст без предварительного анализа лексики и грамматических форм [3]. Поэтому послетекстовые задания, представленные в виде вопросов, направлены на осмысление прочитанного, понимание содержания текста. Приведем в качестве примера некоторые из них: 1) Что делал Дениска вечером во дворе? Почему он сидел один? 2) Что хотел дать Мишка Дениске, чтобы взять самосвал домой? 3) Дениске понравился светлячок? 4) Почему светлячок лучше самосвала? 5) Как вы думаете, почему рассказ называется «Он живой и светится...»? Подтвердите вашу мысль примерами из текста.

Таким образом, детская литература, благодаря своей специфике, может широко использоваться на уроках РКИ. Однако при чтении детской литературы возникает ряд трудностей, которые могут быть решены путём адаптации художественного текста. В процессе чтения читатель осуществляет поиск опорных пунктов, смысловых звеньев произведения. В адаптированном тексте эту работу отчасти выполняет адаптатор с помощью специальных приемов, облегчающих понимание художественного текста читателями с недостаточной языковой подготовкой.

Библиографический список

1. Бухбиндер, В.А. О ядерных текстах и их получении путем компрессии / В.А. Бухбиндер // Проблемы текстуальной лингвистики. – Киев, 1983. – С. 68–79.
2. Дейк, ванн Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М., 1989.
3. Крючкова, Л.С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учебное пособие / Л.С. Крючкова. – М., 2009.
4. Кулибина, Н.В. Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного / Н.В. Кулибина. – СПб, 2001.
5. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина, Т.В. Козлова. – М., СПб., 2011.
6. Насталовская, И.В. Адаптация художественной литературы как вид коммуникативного посредничества / И.В. Насталовская. – URL: www.lomonosov-msu.ru/archive/19/nastalovskaja_iv.doc.pdf.

7. Щукин, А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном: учебно-методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / А.Н. Щукин. – М., 2012.

[К содержанию](#)

УДК 378.22 + 378.014.24

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ МАГИСТРОВ

Л.И. Шестакова

В настоящее время к качеству подготовки магистров, как специалистов высокой квалификации предъявляются дополнительные требования, соответствием которым достигается формированием компетенций за счет использования в учебном процессе совместных образовательных программ с зарубежными вузами.

Ключевые слова: компетенция, совместные образовательные программы, программы двух дипломов.

Современные тенденции глобализации проникают глубоко во все слои общественной жизни в том числе и в образование. Это проявляется как в появлении дополнительных требований к качеству подготовки специалистов с высшим образованием, так и в появлении новых возможностей для получения образовательного результата [1]. Под образовательным результатом можно понимать компетенции, которые получает студент в процессе обучения.

Одной из значимых, характерных современному образованию тенденций, является интернационализация образования. Интернационализация, в свою очередь предполагает участие студентов в различных международных программах, являющихся частью учебного процесса. Наиболее сложным, и в то же время результативным видом совместной образовательной программы (СОП) является программа двойных дипломов или двух дипломов. Такие программы создаются вузами-партнерами с согласованием учебных планов. Часть обучения студент проходит в родном вузе, а вторую часть – в зарубежном вузе-партнере. Результаты обучения признаются в обоих вузах. По окончании обучения студент получает либо двойной диплом, либо два диплома двух вузов.

В Южно-Уральском государственном университете (ЮУрГУ) с 2010 года осуществляется подготовка специалистов по нескольким направлениям магистратуры совместно с ведущими университетами мира. В настоящее время накоплен опыт реализации программ двух дипломов совместно

с университетом Кларка (США) по направлениям «Менеджмент» профили подготовки «Маркетинговые коммуникации» и «Управление в сфере информационных технологий и «Управление персоналом». По окончании обучения магистры получают второй, американский диплом с квалификацией «Магистр в сфере профессиональных коммуникаций».

В соответствии в ФГОС 080200 и выпускники программы магистратуры по направлению «Менеджмент» и ФГОС 080400 «Управление персоналом» должны обладать следующей общекультурной компетенцией, которую они получают при обучении на этой СОП: «свободным владением иностранным языком как средством профессионального общения» [2]. СОП с университетом Кларка предполагает обучение на русском и английском языках. Преподавание осуществляется на русском и английском языках. Во время обучения в США студенты осваивают дисциплины под руководством ведущих профессоров университета Кларка. Они не только слушают лекции, но и читают специальную литературу, готовят статьи, доклады, делают презентации и публично выступают перед аудиторией на профессиональном английском языке. Кроме этого студентов учат писать резюме и проходить собеседования в зарубежных компаниях. Магистранты имеют уникальную возможность пройти профессиональную стажировку в американской компании.

Следующая общекультурная компетенция, которой должен обладать выпускник магистратуры по направлению «Менеджмент», «навыками публичных деловых и научных коммуникаций». Несомненно, важный навык, которым магистры обладают благодаря тому, что американская часть программы предполагает изучение большого количества курсов направленных на развитие коммуникаций, а методики обучения предполагают работу в командах, как на семинарских занятиях, так и при подготовке и защите совместных проектов.

Группа организационно-управленческих профессиональных компетенций включает в себя такие, как способность «управлять организациями, подразделениями, группами (командами) сотрудников, проектами и сетями» и способность «разрабатывать корпоративную стратегию»[2]. Эти компетенции выпускник получает в процессе подготовки выпускной работы - «кепстоун», а также при разработке промежуточных проектов по отдельным курсам. В процессе работы студенты вырабатывают эти организационно-управленческие навыки распределяя роли в команде и определяя круг ответственности каждого члена команда и пути коммуникаций.

При обучении на СОП ЮУрГУ и университета Кларка особое внимание уделяется формированию навыков самооценки и самопродвижения. Формат обучения предполагает активное общение в команде, обмен профессиональным опытом и самоанализ имеющихся умений и слабых сторон, а также своих карьерных устремлений. Каждый член команды должен найти свое особое конструктивное место для достижения командного успеха.

Навык самопродвижения формируется во взаимоотношениях с членами команды, способности, когда это требуется, высказывать свое мнение и участвовать в дискуссии. Умелое владение навыками устной коммуникации обеспечивается уверенным пользованием аудиовизуальных средств, убедительность и грамотность.

При выработке идей важным навыком становится методичность в исследовании имеющихся вариантов, поиск новой информации, а также видение новых альтернатив и возможностей.

Студенты, обучающиеся на международных СОП двух дипломов, получают уникальную возможность получения опыта межкультурных коммуникаций при обучении в интернациональных группах. Методики обучения, ориентированные на активную самостоятельную работу способствуют выработке навыков самостоятельно оценивать информацию и находить оптимальное решение в каждой конкретной ситуации.

Таким образом, студенты, обучающиеся на таких программах, имеют больше возможностей для формирования компетенций, а уровень сформированности навыков при этом адекватных либо очень высокий.

Библиографический список

1. Стивен Адамю. Использование результатов обучения: Болонский процесс: середина пути. – М., 2005. – С. 110–151.
2. Компетентностный подход [Электронный ресурс]: реферативный бюллетень / Российский государственный гуманитарный университет. – Электрон. издание. – М.: РГГУ, 2005.

[К содержанию](#)

ИНСТИТУТ СПОРТА, ТУРИЗМА И СЕРВИСА

УДК 796.922.015 + 612.821 + 612.76

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ВЕГЕТАТИВНОЙ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ И НЕРВНО-МЫШЕЧНОГО АППАРАТА ЛЫЖНИКОВ-ГОНЩИКОВ В МЕЗОЦИКЛЕ

*А.С. Бахарева, В.В. Епишев, Н.Е. Клещенкова, А.С. Ушаков,
Э.Ф. Баймухаметова*

По результатам проведенного исследования выявлен уровень функционального состояния спортсмена, физической работоспособности, развитие адаптационных процессов,

Ключевые слова: нейромедиатор; ацетилхолин, общий объем циклической нагрузки; двигательные действия.

В настоящее время в лыжных гонках программа соревнований расширилась за счет введения спринтерских гонок, скиатлона, требующих специализированной подготовленности к участию в этих видах программы. Одним из важных факторов, по мнению В.В. Мулика [1], лимитирующих рост спортивного результата в лыжных гонках, является специальная работа, направленная на «увязывание» возросшего уровня силовой подготовленности, проявляемых в упражнениях общеподготовительного характера, со специфическими проявлениями двигательных и вегетативных функций, характерных для соревновательной деятельности.

Изучение отечественной и зарубежной литературы позволило установить, что в лыжном спорте ведущую роль в достижении высокого спортивного результата играет физическая подготовленность. Один из ведущих факторов поддержания постоянной скорости на дистанции лыжных гонок – способность проявлять строго определенную мышечную силу в максимально короткое время в рабочей части амплитуды движения [2].

Исходя из результатов исследований ряда авторов [3, 4] в видах с циклической структурой движений результат во многом зависит от уровня специальной подготовленности, определяемой специальной выносливостью, экономичностью и эффективностью соревновательных двигательных действий.

В свою очередь, выносливость определяется, как вегетативными функциями, обеспечивающими необходимый кислородный режим организма, так и функциональным состоянием нервно-мышечного аппарата. Поэтому изучение вегетативных и моторных функций под влиянием тренировочных нагрузок, является необходимым для выявления физической работоспособности, тренированности и текущего функционального состояния спортсмена.

Оценка функционального состояния лыжника-гонщика в мезоцикле была определена по концентрации ацетилхолина в крови спортсмена. Ацетилхолин является основным нейромедиатором в парасимпатической нервной системе и осуществляет нервно-мышечную передачу (рис. 1).

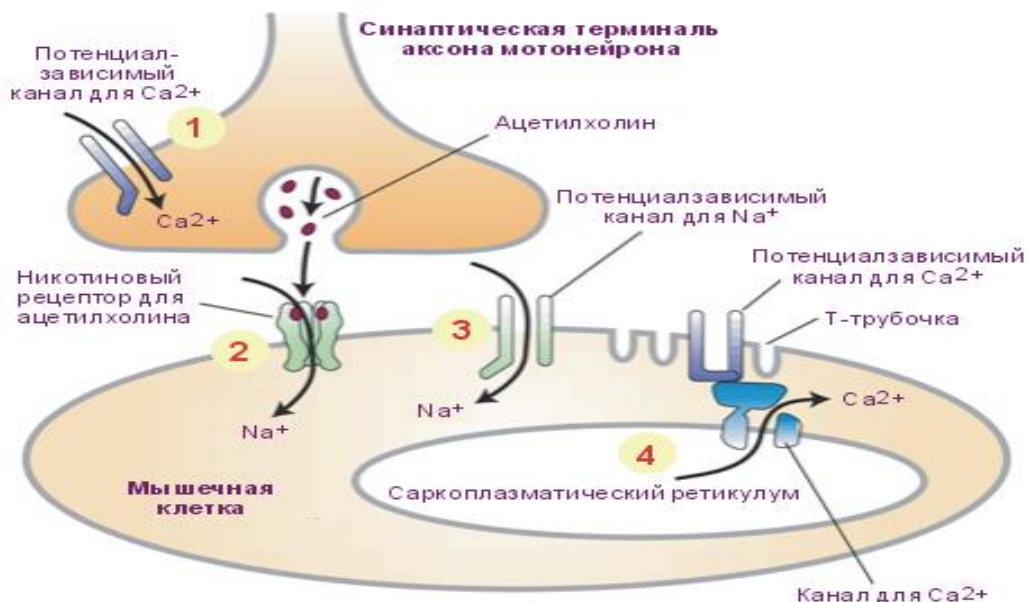

Рис. 1. Схема влияния ацетилхолина на мышечные клетки

Обследованию подвергся 1 лыжник-гонщик квалификации Мастер спорта, который утром в октябре месяце снимал показатели на неинвазивном анализаторе крови (АМП, Украина), представляющий собой портативную экспресс-лабораторию, позволяющую выполнить комплексный анализ. Объемы тренировочных нагрузок представлены на рис. 2.

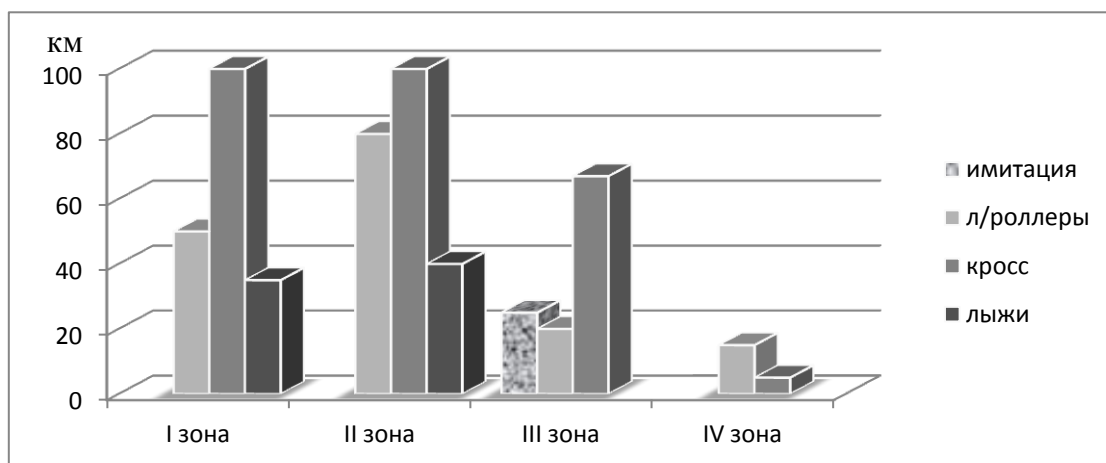

Рис. 2. Параметры объемов тренировочных нагрузок в мезоцикле (км)

Анализируя параметры тренировочных нагрузок в мезоцикле (рис. 1) и их реальное выполнение, следует отметить преобладание двигательных

действий лыжника-гонщика в 1–2 зонах интенсивности, что отражает большую направленность работы на развитие выносливости, в данном случае общей, так как двигательные действия выполнялись преимущественно средствами кросса.

В результате исследований ряда авторов [5] установлено, что при длительных физических нагрузках содержание ацетилхолина в плазме крови у спортсменов уменьшается, что приводит к дефициту нейромедиатора и как следствие наблюдается снижение выносливости и физической активности спортсмена и ускоренное утомление мышц.

О функциональном состоянии нервно-мышечного аппарата и вегетативной нервной системы мы судили по показателям ацетилхолина (рис. 3).

Проведенный нами корреляционный анализ подтвердил обоснованность данного факта при наличии положительной взаимосвязи между показателями ацетилхолин и работой сердца ($r=0,54$; $p<0,05$).

Однако, при физических нагрузках высокой интенсивности высокая концентрация ацетилхолина необходима для повышения нервно-мышечной иннервации: ацетилхолин и лыжероллеры IV зона ($r=0,39$; $p<0,05$); ацетилхолин и общий объем циклической нагрузки, IV зона ($r=0,50$; $p<0,05$). Поскольку изменение функции нервных центров связано со снижением их активности и лабильности, нарушением баланса возбуждительно-тормозных процессов. Может развиваться запредельное торможение, что имеет для нейронов охранительное значение. В результате нарушения реципрокной иннервации расстраивается координация во взаимодействии мышц-антагонистов.

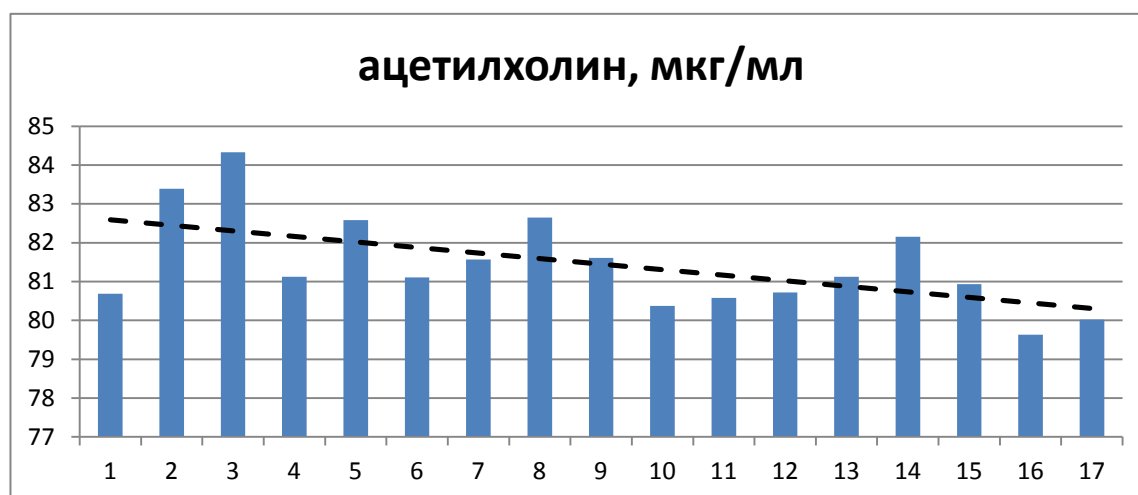

Рис. 3. Динамика показателя ацетилхолина (мкг/мл) в мезоцикле

Как видно из рис. 3 у лыжника-гонщика на данном этапе подготовки наблюдается тенденция снижения на 5,57 % в крови уровня ацетилхолина ($p>0,05$) и в некоторых днях уровень показателя был ниже референтных границ (81,1–92,1 мкг/л).

Оценивая роль ацетилхолина как основного нейромедиатора в парасимпатической нервной системе, нами было выявлено снижение уровня ацетилхолина ($p > 0,05$) на фоне повышения ЧСС (с 44 до 60 уд/мин, $p < 0,05$), что говорит о функциональных нарушениях вегетативной нервной системы, и в данном случае наблюдается смещение контура регуляции ВНС в сторону симпатического отдела.

Таким образом, под влиянием систематической тренировки у лыжника-гонщика на данном этапе подготовки выявлено напряжение адаптационных процессов, которое привело к утомлению и снижению работоспособности.

Библиографический список

1. Мулик, В.В. Система многолетнего спортивного совершенствования в усложненных условиях сопряжения основных сторон подготовленности спортсменов (на материале лыжного спорта): автореф. дис. ...д-ра наук по ф/в и спорту / В.В. Мулик. – К.: НУФВС, 2002. – 41 с.
2. Николаев, В.Т. Средства и методы скоростно-силовой подготовки лыжников-гонщиков / В.Т. Николаев // Метод. рекомендации. – Йошкар-Ола, 1994. – 35 с.
3. Верхошанский, Ю.В. Горизонты научной теории и методологии спортивной тренировки / Ю.В. Верхошанский // Теория и практика физической культуры. – 1998. – № 7. – С. 41–54.
4. Мищенко, В.С. Функциональные возможности спортсменов / В.С. Мищенко. – К.: Здоровье, 1990. – 200 с.
5. Conlay, L.A. Exercise and Neuromodulators: Choline and Acetylcholine in Marathon Runners/ L.A. Conlay, L.A. Sabounjian, R.J. Wurtman // Int.J.Sports Med. – 1992. – 13. – pp. 141–142.

[К содержанию](#)

УДК 796.922.015 + 612.0

**ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ АЭРОБНЫХ МЕХАНИЗМОВ
ЭНЕРГООБЕСПЕЧЕНИЯ У ЛЫЖНИКОВ-ГОНЩИКОВ
В ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ МЕЗОЦИКЛЕ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА**

А.С. Аминов, А.С. Бахарева

В результате изучения физиологической основы адаптации организма спортсмена к физическим нагрузкам было выявлено, что при физических нагрузках усиливаются процессы перекисного окисления липидов, в результате чего происходит накопление в крови продуктов этих процессов, и снижение эффективности аэробного окисления, работоспособности и развитие утомления; снижение мощности, емкости и эффективности аэробных механизмов энергообеспечения в мезоцикле. Когда, в свою очередь, спортивный результат лимитируется именно уровнем развития механизмов энергообеспечения.

Ключевые слова: энергообеспечение, лыжники-гонщики, спортивная тренировка, адаптация к нагрузкам.

Под влиянием систематической спортивной тренировки в организме человека развивается комплекс изменений, направленный на оптимизацию функционирования как всего организма в целом, так и отдельных систем. Составной частью тренировки спортсменов является тренировочная физическая нагрузка, которая отражает количественную меру воздействий на спортсменов в процессе тренировочных занятий.

О влиянии физических нагрузок на человека можно судить только на основе всестороннего учета совокупности реакций целостного организма, включая реакции со стороны центральной нервной системы, гормонального аппарата, сердечно-сосудистой и дыхательной систем, анализаторов, обмена веществ и др. В то же время, выраженность изменений функций организма в ответ на физическую нагрузку зависит от индивидуальных особенностей человека и уровня его тренированности.

В связи с этим определение функциональных изменений, возникающих в период тренировочных и соревновательных нагрузок, является необходимым в целях оценки процесса адаптации, степени утомления, уровня тренированности и работоспособности спортсменов, а также основой для проведения восстановительных мероприятий. Изменения физиологических и биохимических показателей организма спортсменов могут быть правильно проанализированы и всесторонне оценены только при рассмотрении их в отношении к процессу адаптации [1, 2, 3].

Поэтому целью нашего исследования явилось изучение физиологической основы адаптации организма спортсмена к физическим нагрузкам.

Исследование проводилось на базе научной лаборатории Института «Спорта, туризма и сервиса» Южно-Уральского государственного университета в октябре месяце на подготовительном этапе с использованием следующего оборудования:

– весы-анализатор состава тела (TANITA, Япония) – позволяют проводить анализ состава тела, выявить количество жировой, мышечной и костной ткани и жидких сред организма;

– неинвазивный анализатор крови (АМП, Украина), который представляет собой портативную экспресс-лабораторию, позволяющую выполнить комплексный анализ и через 180–720 секунд получить информацию о 125 параметрах, отображающих жизнедеятельность организма человека.

Обследованию подвергся 1 спортсмен, квалификации МС который ежедневно утром снимал показатели.

Оценку адаптации организма к нагрузкам, направленным на развитие общей выносливости, можно дать на основе изучения гемореологических показателей в период мезоцикла.

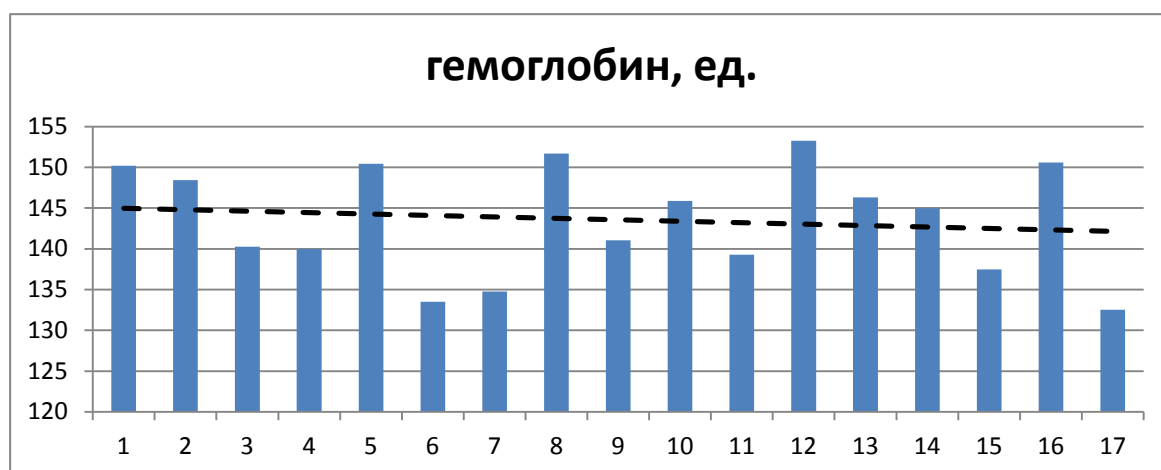

Рис. 1. Динамика показателя концентрации гемоглобина (г/л) в мезоцикле

При анализе изменения концентрации гемоглобина лыжника-гонщика (рис. 1), нами было отмечено снижение данного показателя к концу мезоцикла на 11,75 % ($p < 0,05$).

Снижение концентрации гемоглобина в крови обусловлено увеличением объема плазмы в результате трансфузии жидкости из тканей в сосуды и спадом количества эритроцитов к концу мезоцикла на 44,7 % ($p < 0,001$) (рис. 2).

Уменьшение эритроцитов привело даже к выходу за минимальные референтные границы нормы ($4,0-5,6 \times 10^{12}$).

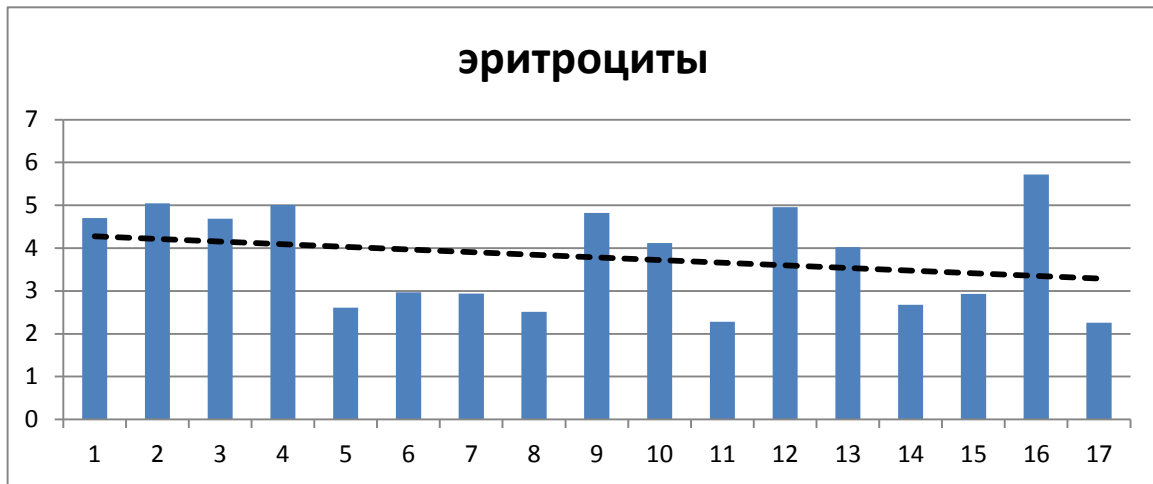

Рис. 2. Динамика показателя эритроцитов (10^{12} мл) в мезоцикле

В то же время, повышенный объем плазмы крови и сниженный уровень эритроцитов к концу тренировочного мезоцикла сочетался с низкими значениями гематокрита, спад которого составил 65,6 % ($p < 0,001$) (рис. 3).

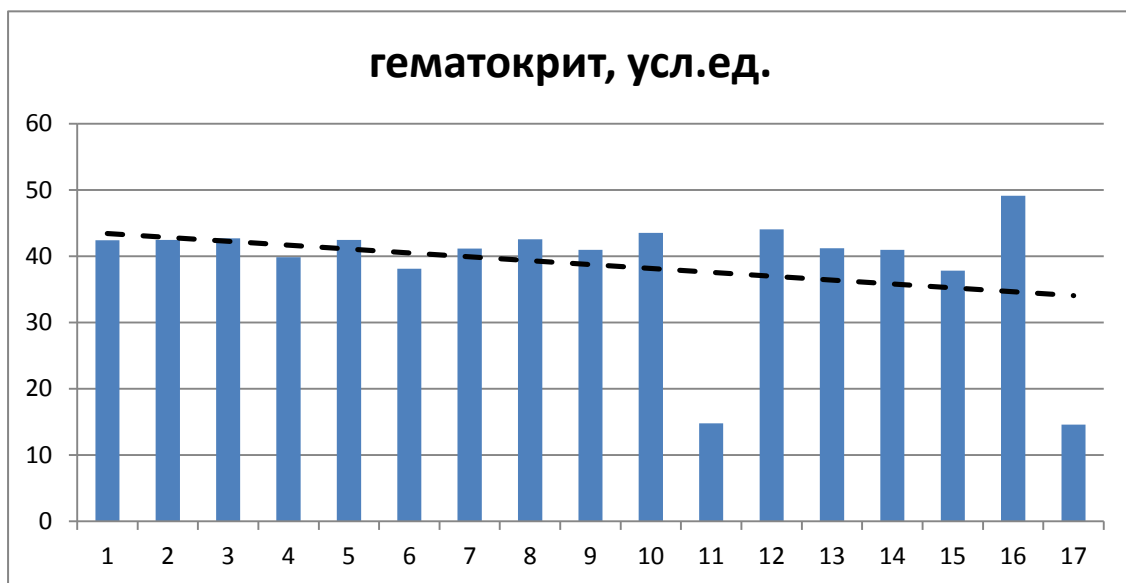

Рис. 3. Динамика показателя гематокрита (°%) в мезоцикле

Наблюдаемые корреляционные взаимосвязи подтвердили данный факт: коэффициент корреляции между показателями гематокрита и эритроцитов составил $r=0,40$ ($p < 0,05$).

Уменьшение вязкости крови характеризовало состояния анемии, которое заметно снизило уровень физической работоспособности.

Изучая показатели белкового обмена, нами была выявлена динамика увеличения концентрации креатинина в крови у спортсмена, и к концу мезоцикла составила 16,7 % ($p < 0,05$) (рис. 4).

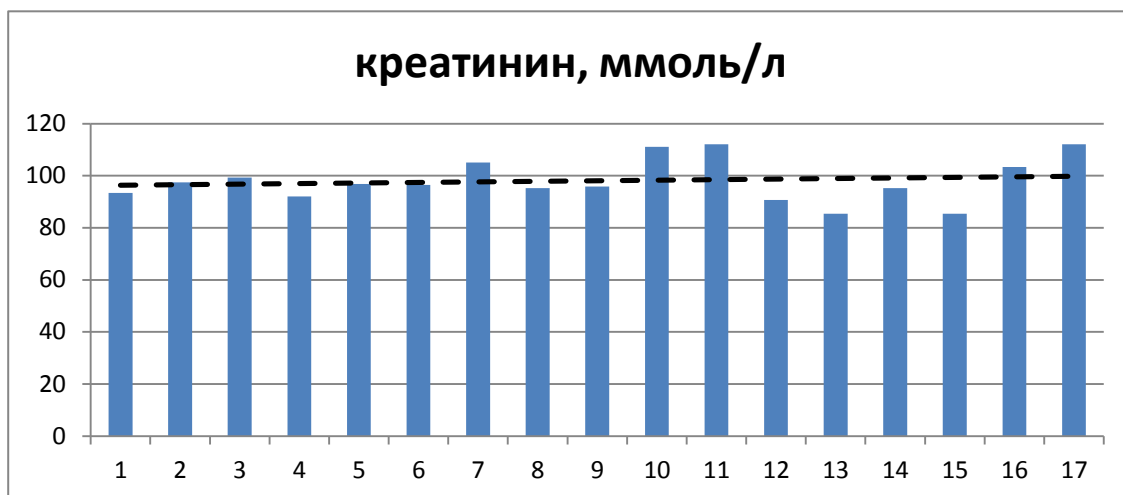

Рис. 4. Динамика показателя креатинина (ммоль/л) в мезоцикле

В свою очередь, результаты корреляционного анализа выявили наличие взаимосвязи креатинина с лыжероллерами I зоны интенсивности и ООЦН, I зоны интенсивности ($r = -0,41$; $r = -0,42$; $p < 0,05$, соответственно).

Данный факт констатирует, что именно выполнение длительных тренировочных нагрузок малой интенсивности указало на катаболические процессы в организме, которые привели к утомлению: креатинин и кровоток скелетных мышц ($r = -0,49$, $p < 0,05$).

Таким образом, изучив показатели крови, отражающие состояние кислородтранспортной системы, позволило выявить снижение мощности аэробного механизма энергообразования и работоспособности.

Для оценки эффективности аэробного механизма нами был проведен корреляционный анализ параметров тренировочных нагрузок и показателей энергетического обмена, что позволило выявить наличие отрицательных взаимосвязей триглицеридов с тренировочными нагрузками: триглицериды и лыжероллеры II зона интенсивности ($r = -0,38$; $p < 0,05$); триглицериды и ООЦН II зона интенсивности ($r = -0,50$; $p < 0,05$).

Наблюдаемые корреляционные взаимосвязи свидетельствует о том, что под влиянием тренировок заметно усиливается способность мышц использовать во время физической работы жиры в качестве источника энергии, особенно, велика их энергетическая роль при продолжительной работе в условиях устойчивого состояния (при пульсе 130–150 уд/мин), когда уровень глюкозы в крови снижен [4].

Это позволяет более экономно тратить ограниченные ресурсы гликогена в организме и одновременно сокращает производство молочной кислоты (триглицериды и молочная кислота ($r = -0,45$; $p < 0,05$)), имеющей центральное значение с точки зрения улучшения выносливости и работоспособности. В свою очередь, регуляция жирового обмена находится в зависимости от углеводного. Подтверждению чему указали корреляционные взаимосвязи: триглицериды и гликоген ($r = 0,47$; $p < 0,05$); триглицери-

ды и глюкоза ($r=0,65$; $p<0,001$); жиры, % и гликоген ($r=0,40$; $p<0,05$). То есть при увеличении содержания глюкозы в крови распад жиров тормозится, а при гипогликемии снижается секреция инсулина и увеличивается активность ферментов липолиза.

Повышение интенсивности аэробных физических нагрузок приводит к увеличению мобилизации внутримышечных триглицеридов (рис. 5) и утилизации жирных кислот в работающих мышцах за счет активизации процессов их транспорта, что в свою очередь определило наличие корреляционных взаимосвязей: триглицериды и кровоток скелетных мышц ($r= -0,45$; $p<0,05$); триглицериды и работа сердца ($r= -0,52$; $p<0,05$).

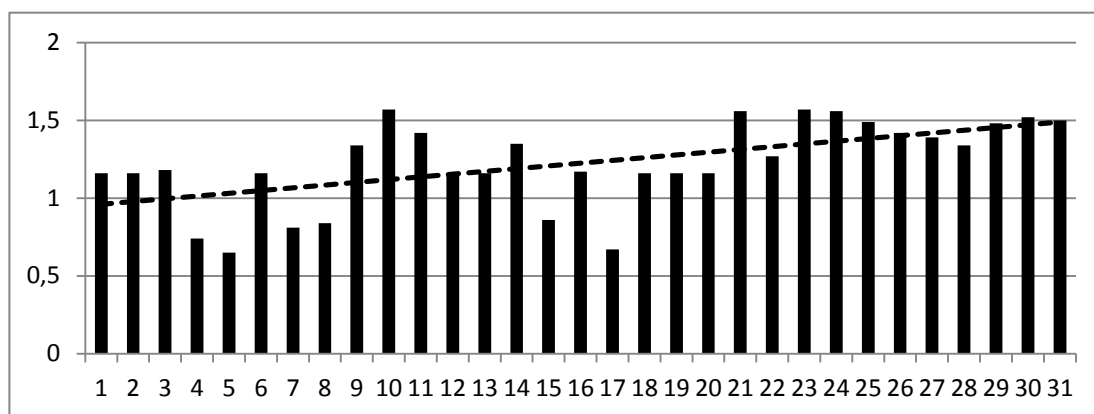

Рис. 5. Динамика показателя триглицеридов в мезоцикле

В то же время, физические нагрузки вызывают усиление перекисных процессов в скелетных мышцах при снижении активности основного фермента антиоксидантной защиты – супероксиддисмутазы. Поскольку в молекуле жира содержится относительно мало кислорода, последнего требуется для окисления жира больше, чем для окисления углеводов.

Так, анализируя динамику у спортсмена уровня концентрации белка плазмы крови (рис. 6), нами было отмечено повышение данного показателя к концу мезоцикла на 10,8 % ($p<0,05$), что привело к повреждению целостности мембран миоцитов, вследствие чего наблюдается выход внутриклеточных белков в плазму крови (рис. 6).

Данный факт, в то же время, подтверждается наличием корреляционной связи между гематокритом и массой мышц ($r=0,43$ ($p<0,05$)). То есть на фоне снижения гематокрита нами было отмечено уменьшение мышечной массы на 2,2 кг ($p>0,05$).

В свою очередь, повреждение ткани при гипоксии и вследствие развития процесса перекисного окисления при восстановлении кровотока (реперфузия) стимулирует привлечение в очаг повреждения лейкоцитов, которые вследствие активации выделяют большое количество активных форм кислорода (ОМГ-тест), тем самым, разрушая здоровые ткани.

Рис. 6. Динамика концентрации белка плазмы крови в мезоцикле

Оценивая изменения уровня лейкоцитов в мезоцикле, нами было установлено их увеличение на 41,5 % ($p < 0,05$), а наблюдаемые корреляционные взаимосвязи между лейкоцитами и триглицеридами ($r = -0,36$; ($p < 0,05$)) позволили указать на развитие перекисных процессов в скелетных мышцах.

Считают, что рост лейкоцитов является следствием усиления сердечной деятельности и ускорения циркуляции крови, что приводит к поступлению в кровь пристеночных лейкоцитов, а также вымыванию лейкоцитов из внутренних органов в ток крови: лейкоциты $\propto$ кровоток скелетных мышц ($r = 0,54$); лейкоциты $\propto$ работа сердца ($r = 0,55$).

Е. Grawitz [5] впервые назвал лейкоцитоз, наступающий после мышечной работы, миогенным лейкоцитозом. Он считал, что лейкоцитоз наступает вследствие интоксикации организма продуктами обмена веществ (лейкоциты $\propto$ молочная кислота ($r = 0,44$), в частности белкового (лейкоциты $\propto$ мочевины ($r = 0,45$), а увеличение количества лейкоцитов способствует обезвреживанию этих продуктов.

Таким образом, при физических нагрузках усилились процессы перекисного окисления липидов, что привело к накоплению в крови продуктов этих процессов, результатом чего явилось снижение эффективности аэробного окисления, работоспособности и развитие утомления.

Следуя вышесказанному, нами было установлено снижение мощности, емкости и эффективности аэробных механизмов энергообеспечения в мезоцикле. Когда, в свою очередь, спортивный результат лимитируется уровнем развития механизмов энергообеспечения.

Причиной неадекватности протекания биохимических процессов в организме при физических нагрузках явилось неправильное построение тренировочного цикла и несоответствие нагрузок с возможностями организма спортсмена.

Библиографический список

1. Волков, Н.И. Биохимия мышечной деятельности / Н.И. Волков, Э.Н. Несен, А.А. Осипенко, С.Н. Корсун. – Киев: Олимпийская литература, 2000.
2. Мелихова, М.А. Динамика биохимических процессов в организме человека при мышечной деятельности / М.А. Мелихова. – М.: ГЦОЛИФК, 1992.
3. Виру, А.А. Аэробные упражнения / А.А. Виру, Т.А. Юримяз, Т.А. Смирнова. – М.: Физкультура и спорт, 1988. – 142 с.
4. Фарфель, В.В. Управление движением в спорте / В.В. Фарфель. – М.: Физкультура и спорт, 1975.
5. Физиологические изменения системы крови при физической нагрузке. – URL: <http://www.medical-enc.ru/sport/sistema-krovi-nagruzka.shtml>.

[К содержанию](#)

УДК 378.172 + 37.037.2

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОГРАММЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

В.С. Быков, Н.Я. Платунова

Сегодня стало очевидно, что если не добиться заинтересованности к физической культуре, предусматривающей обращение к личности студента, то и дальше проблема неудовлетворительного состояния здоровья будет постоянно возникать.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, физическая культура, физическое образование, ценности.

Эффективность средств физической культуры и спорта в профилактической деятельности по охране и укреплению здоровья, в борьбе с наркоманией, алкоголизмом, курением и правонарушениями, особенно среди молодежи.

Физическое образование создает фундамент здоровья для развития других сторон культуры человека. Оно обеспечивает внутренние гарантии продуктивности учебно-познавательной деятельности и общения в сложной социально-экономической и экологической обстановке.

Самой острой и требующей срочного решения проблемой является неудовлетворительное состояние физического воспитания в образовательных учреждениях. Реальный объем двигательной активности учащихся и студентов не обеспечивает полноценное развитие и укрепление здоровья под-

растающего поколения. Увеличивается число учащихся и студентов, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе [1].

Недостаточное количество регулярно занимающихся физической культурой и спортом в значительной степени обусловлено практически полным отсутствием пропаганды здорового образа жизни и ценностей физической культуры и спорта в средствах массовой информации, особенно на телевидении.

За последние годы в России обострилась проблема с состоянием здоровья населения, увеличилось количество людей, употребляющих наркотики, злоупотребляющих алкоголем и пристрастившихся к курению. К основным причинам, негативно влияющим на состояние здоровья населения, следует отнести снижение уровня жизни, ухудшение условий учебы, труда, отдыха и состояния окружающей среды, качества и структуры питания, увеличение чрезмерных стрессовых нагрузок, в том числе снижение уровня физической подготовленности и физического развития практически всех социально-демографических групп населения [3].

Отечественный и зарубежный опыт [2] показывает, что эффективность средств физической культуры и спорта в профилактической деятельности по охране и укреплению здоровья, в борьбе с наркоманией, алкоголизмом, курением и правонарушениями, особенно среди молодежи, исключительно высока.

В целях успешной реализации основных направлений развития физической культуры, спорта и туризма в учебном заведении необходимо руководствоваться следующими принципами:

- целостности человека, его психосоматического, социокультурного единства, интегративного воздействия на него физкультурно-спортивной деятельности и ее основного элемента – физических упражнений. При этом приоритетными компонентами в процессе физкультурной деятельности должны выступать самореализация, саморазвитие и творчество, находящиеся в гармонии с двигательной активностью человека;

- непрерывности физического воспитания и образования различных возрастных групп населения на всех этапах их жизнедеятельности;

- консолидации действий органов исполнительной и законодательной власти всех уровней, в том числе органов самоуправления, организаций, общественных объединений и граждан, направленных на разработку и реализацию комплексных программ, развития физической культуры и спорта;

- дифференцированного подхода к организации мероприятий по развитию физической культуры и спорта, с учетом специфики и целевой установки на развитие:

- массовой физической культуры (спорт для всех);

- спорта высших достижений (Олимпийский спорт);

- профессионального спорта (зрелищно-коммерческий спорт);

- использование результатов научных исследований при разработке и реализации программ развития физической культуры и спорта и формирования здорового образа жизни с учетом необходимости выявления и устранения основных факторов, сдерживающих развитие физической культуры и спорта как в стране в целом и в отдельных регионах, так и среди различных категорий и групп населения;

- открытости системы физической культуры и спорта для свободного доступа различных физкультурно-оздоровительных технологий, видов спорта и упражнений в процессе физического воспитания и образования населения, в подготовке спортсменов высокого класса.

Организация научных исследований в области физической культуры и спорта должна предусматривать разработку наиболее актуальных проблем физической культуры и спорта и внедрение результатов научных исследований в практику физкультурно-спортивного движения.

Приоритетными направлениями развития науки в области физической культуры и спорта являются:

- разработка теоретико-методологических основ формирования физической культуры личности и здорового образа жизни;

- научно-методическое обоснование и обеспечение подготовки спортсменов высокой квалификации и подготовки спортивного резерва;

- организационное, правовое, ресурсное и информационное обеспечение сферы физической культуры, спорта и спортивного туризма;

- теоретические и методические основы развития и совершенствования системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров.

Фундамент здоровья и положительного отношения к физической культуре закладывается в детские годы, именно на этот этап в ближайшие годы необходимо обратить первостепенное внимание.

В связи с этим основные усилия должны быть направлены на повышение ответственности родителей за здоровье детей; совершенствование программно-методического и организационного обеспечения физического воспитания среди дошкольников; создание индустрии недорогих, но практичных и гигиеничных товаров и тренажеров для занятий физической культурой дошкольников; массовое издание популярной литературы, видеокассет и компьютерных программ; создание при дошкольных учреждениях комплексных физкультурно-спортивных центров, включающих спортивный зал, бассейн, плоскостные сооружения, позволяющие обеспечить объем двигательной активности дошкольникам в объеме не менее 6–8 часов в неделю.

Исходя из того, что физическая культура является основой воспитания и образования ребенка, она должна быть включена в базисный учебный план образовательных учреждений как федеральный компонент.

Механизм реализации физического воспитания и образования должен осуществляться через урочные формы занятий по предмету физическая культура (физическое воспитание); дополнительные (факультативные) занятия физическими упражнениями и спортом; ориентированное физическое воспитание обучающихся, имеющих отклонения в состоянии здоровья; физкультурно-оздоровительные мероприятия в режиме дня; внеклассные, внеакадемические формы занятий (спортивные секции, занятия в спортивных школах, самостоятельные занятия); спортивно-массовые и физкультурно-оздоровительные мероприятия.

Следует развивать систему мониторинга физической подготовленности и развития, физического здоровья различных категорий и групп населения, в первую очередь, детей и учащейся молодежи. Результаты мониторинга дадут возможность оперативно проанализировать ситуацию и разрабатывать программы, направленные на развитие физической культуры и спорта, формирование здорового образа жизни, физической подготовки допризывной и призывной молодежи.

В целях решения проблем вовлечения в активные занятия физической культурой детей и молодежи, особое внимание необходимо обратить и на проведение детьми досуга совместно с родителями.

Основой программы являются общенаучные принципы системного и личностно-деятельного подходов при исследовании процессов развития личности в сфере образования, включая дополнительное образование, использование принципа интеграции функций обучения, воспитания, развития и здоровьесбережения, а также философские, социологические и педагогические концепции обучения, воспитания, развития как сферы социальной жизни, создающие внешние и внутренние условия для развития индивидуума в процессе освоения ценностей культуры, включая физическую культуру; психологическая теория самоактуализации личности; психолого-педагогические концепции личности; концепции личностной ориентации в образовании; концепции интегральной индивидуальности и индивидуализации воспитания; концепции развития самобытной активной личности средствами физической культуры.

Основными принципами профилактической антинаркотической деятельности является:

1. Комплексность. Согласованное взаимодействие на межведомственном уровне, на профессиональном уровне, в системе образования.

2. Дифференцированность. Дифференциация целей, задач, средств и планируемых результатов профилактики с учетом возраста, пола, степени вовлечения в наркогенную ситуацию.

3. Ценностная ориентация. Этот принцип включает формирование у детей и подростков мировоззренческих представлений об общечеловеческих ценностях, здоровом образе жизни, уважении к человеку, окружающей среде, Отечеству, семье и др., которые являются ориентирами и регуляторами их поведения.

4. Многоаспектность. Ведущими аспектами профилактической деятельности в образовательной среде являются – социальный, психологический, валеологический и образовательный.

Многоаспектность профилактической деятельности включает также направленность ее воздействия на различные уровни в поле субъект-объективных взаимодействий и субъект-субъективных взаимоотношений (тренер-ученик).

5. Этапность или последовательность предусматривает, что цели и задачи должны быть разделены на общие стратегические и частные, на каждом этапе возможность реализации поставленных целей и задач должна быть поддержана соответствующим целевым финансированием. Для обеспечения алгоритма «шагов» в реализации системной профилактики в нее должны входить социально-психологический и педагогический мониторинг, ориентированный на оценку элементов системы сдерживания распространения асоциальных явлений и поведения детей и молодежи.

Организация досуговой деятельности среди различных категорий населения, включая совместные занятия детей и родителей: организация физкультурно-оздоровительных и спортивных кружков, секций, клубов, пробегов, походов, семейных клубов по интересам со спортивной направленностью, спортивных праздников, организация и проведение летнего отдыха детей в спортивно-оздоровительных лагерях, туристические походы и др.

Информационно-методическая работа: школа здорового образа жизни подготовка инструкторов по новым специальностям, связанным с методикой антинаркотической профилактической работы с детьми и подростками, разработка и выпуск специальных информационных вестников для детей, педагогов дополнительного образования, тренеров, родителей по основам формирования здорового образа жизни, методике самоконтроля состояния здоровья, физической самоподготовке и т.д.

Социально-профилактическая работа: организация смотров-конкурсов на самый спортивный класс, учебную группу, спортивный клуб по месту жительства, участие в проведении спортивно-оздоровительного проекта «Президентские состязания», социальная помощь детям и подросткам, испытывающим негативное воздействие, по месту жительства, учебы.

Психологическая помощь молодежи: организация групп общения с ведущими спортсменами, тренерами, включая телефон доверия «Задай вопрос своему спортивному кумиру», организация тренингов.

Социально-реабилитационная работа: индивидуальная работа по предупреждению и избавлению от вредных привычек, малоподвижного образа жизни и т.д.

Организация курсов по основам безопасности жизнедеятельности, включая обеспечение безопасности жизни в экстремальных условиях с учетом возраста и уровня двигательной подготовленности: 1-я ступень «Спаси себя», 2-я ступень «Спаси друга», 3-я ступень «Спаси всех».

Анализ положительного опыта работы с наркоманией свидетельствует, что в плане профилактики наиболее предпочтительными являются программы, направленные на пропаганду здорового образа жизни и ориентированные на антинаркотическую профилактику путем привлечения детей и подростков к систематическим занятиям (физической культурой и спортом).

Библиографический список

1. Быков, В.С. Теоретические основы физической активности детей и подростков: монография / В.С. Быков. – Челябинск: Типография «Тираж», 2008. – 202 с.
2. Лубышева, Л.И. Ценности личности и общественной физической культуры в индивидуальном стиле и здоровом образе жизни / Л.И. Лубышева // Здоровый образ жизни: сущность, структура, формирование. – 1996. – С. 99–109.
3. Столяров, В.И. Социальное значение физической культуры и спорта / В.И. Столяров, Н.И. Пономарев. – М.: Высшая школа, 1983. – 146 с.

[К содержанию](#)

УДК 796.853.26.015

БИЛАТЕРАЛЬНЫЕ ДВИГАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ТЕХНИКО-ТАКТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ ЗАНИМАЮЩИХСЯ СПОРТИВНЫМ КАРАТЭ

В.А. Еганов, Е.В. Задорина

Проведено сравнение двух групп, занимающихся спортивным каратэ, по выраженности асимметрии выполнять удары двумя руками. Достоверные различия и более высокие значения в группе каратистов предрасположенных к амбидекстрии выявлены по следующим показателям: активности атаки ударов руками, надежности нанесения ударов, контратакующих действий, умению наносить удары двумя руками и вести бой с соперником левшой, надежности защиты от ударов руками и умению организации защиты от ударов рук.

Ключевые слова: билатеральность, амбидекстр, технико-тактические действия, каратэ

В специальной литературе по спортивному каратэ не в полной мере изучены особенности применения атакующих и защитных действий в зависимости от выраженности симметрии-асимметрии конечностей. Анализ соревновательной деятельности каратистов, выявил, что для достижения победы необходимо владеть вариантами технико-тактических действий, равноценно выполняемых обеими конечностями.

В практике соревновательных поединков чаще всего каратисты применяют удары правой рукой, что объясняется асимметричностью его латеральных двигательных предпочтений. Преобладание правой руки является наиболее распространенным явлением. Преобладающая конечность – признак, возникающий из-за неодинакового развития моторных навыков между левой и правой конечностями. Человека, который в большей степени владеет правой рукой, называют правойшой, а того, кто чаще использует левую руку – левшой. Преобладание левой руки распространено в меньшей степени и составляют примерно 8–10 % от всей популяции людей.

Некоторые люди одинаково владеет обеими конечностями – их называют амбидекстрами («ambisinister»). Человек, являющийся амбидекстром, в состоянии решать двигательную задачу одинаково любой конечностью. Амбидекстрия встречается несколько реже, по сравнению с левшами [4, 5, 8].

Ряда авторов имеют неоднозначное мнение о необходимости преодоления асимметрии выполнения бросков руками и ногами. Особенно проблема «симметричности» важна в видах борьбы, в которых симметрия является критерием эффективности технических действий. Симметричность движений для каждого спортсмена является признаком повышения активности и резерва эффективности выполнения технических действий, особенно в проявлении моторных способностей и ловкостных движениях. Представители борьбы, которые ориентируются только на «правосторонность» выполнения приёмов, по существу не обладают резервом для совершенствования. Я.К. Коблев, с соавт., И.Б. Еремин, В.И. Стадник считают целесообразным преодоление асимметрии [3, 6, 7]. Например, в боксе выявлено преимущество левшей, которые на международных соревнованиях на 30–40 % завоевывают больше золотых медалей. Это очевидно, связано с непривычностью ведения с ними соревновательного поединка, поскольку им с вероятностью 90–95 % приходится в тренировке чаще выполнять двигательные задания с праворуками.

Занятия спортом могут способствовать выравниванию асимметрии вследствие координирующего влияния тренировки на нервно-мышечные процессы и приводить при асимметричных нагрузках, к её росту или к её перераспределению, Например, с правосторонней выраженности к левосторонней. Особенно важно выявление влияния симметрии-асимметрии на спортивный результат. Нами на основании корреляционного анализа выявлена, достоверная зависимость между умением кикбоксёров наносить удары двумя ногами с показателем спортивного мастерства. Наличие такой связи предполагает, что повышению спортивного мастерства кикбоксёров, будет способствовать повышение умения выполнять удары обеими ногами, а сама тренировка должна быть направлена на устранение асимметрии [2].

Таким образом, результаты теоретического анализа показали на неоднозначность мнений авторов влияния латеральных предпочтений на технико-тактические действия. Следовательно, необходимо выявить

особенности двигательной деятельности в спортивном каратэ в зависимости от выраженности асимметрии ударов руками.

В первичном тестировании принимали участие спортсмены, занимающиеся спортивным каратэ со стажем занятий от пяти до десяти лет. Была протестировано 58 каратистов высокой квалификации по 32 технико-тактическим показателям атакующих и защитных действий ударов руками. В дальнейшем математико-статистической обработке были подвергнуты данные, полученные с помощью методики комплексной оценки подготовленности спортсменов, занимающихся спортивным каратэ [1], а результаты представлены только по достоверным показателям, характеризующим технико-тактические действия. Полученные данные подвергались математико-статистической обработке по методу двухвыборочного t-теста Стьюдента для независимой выборки двух групп каратистов с крайним проявлением (низкий и высокий – склонным к амбидекстрии) симметрии ударов руками. Выраженность у спортсменов симметрии со средним уровнем ударов руками в расчет не принималась.

Результаты статистических сравнений двух групп, занимающихся спортивным каратэ, высокой квалификации с низким и высоким уровнем выраженности симметрии умения наносить удары двумя руками представлены в таблице.

Таблица

Результаты статистических сравнений двух групп, занимающихся спортивным каратэ, высокой квалификации с низким и высоким уровнем умения наносить удары двумя руками ($\bar{x} \pm \sigma$)

Показатели соревновательной деятельности в спортивном каратэ	Выраженность асимметрии ударов руками		t	P
	низкий уровень (n=19)	высокий уровень (n=21)		
1 Умение наносить удары двумя руками	4,69±0,28	8,22±0,10	-12,26	≤0,00
2 Активность атаки ударов руками	5,56±0,39	7,33±0,36	-3,35	≤0,00
3 Надежность нанесения ударов руками	5,44±0,35	6,44±0,33	-2,10	≤0,04
4 Контратакующие действия ударов руками	5,25±0,59	6,61±0,41	-1,96	≤0,05
5 Умение наносить удары двумя руками	4,69±0,28	6,22±0,10	-2,26	≤0,01
6 Умение вести бой с соперником «левой»	4,19±0,41	5,67±0,45	-2,41	≤0,02
7 Надежность защиты от ударов руками	5,51±0,33	6,61±0,38	-2,18	≤0,04
8 Умение организации защиты от ударов рук	5,44±0,36	6,56±0,29	-2,41	≤0,02
9 Надежность защиты от ударов ногами	5,69±0,37	6,50±0,41	-1,44	≥0,16
10 Уровень мастерства по шкале мастерства	61,1±2,50	63,2±2,06	-0,65	≥0,52

Примечание: $\bar{x} \pm \sigma$ – средняя величина ± стандартное отклонение; ≥ – различия между группами недостоверны; ≤ – различия между группами достоверны; t – двухвыборочный t-тест по критерию Стьюдента для независимой выборки; P – уровень достоверности между группами; – достоверные различия выделены жирным шрифтом

Статистически достоверные различия и более высокие значения в группе каратистов с высоким уровнем умения наносить удары двумя руками (предрасположенные к амбидекстрии) были получены по следующим показателям технико-тактических действий: активности атаки ударов руками ($t = -3,35$, при $P \leq 0,001$), надежности нанесения ударов руками ($t = -2,1$, при $P \leq 0,04$), контратакующих действий ударов руками ($t = -1,94$, при $P \leq 0,06$) и как закономерно умение наносить удары двумя руками ($t = -2,26$, при $P \leq 0,01$), умения вести бой с соперником левой рукой ($t = -2,41$, при $P \leq 0,01$), надежности защиты от ударов руками ($t = -2,18$, при $P \leq 0,04$), умения организации защиты от ударов рук ($t = -2,41$, при $P \leq 0,02$). Следует отметить, что уровень спортивного мастерства статически значимых различий между группами не выявил ($t = -0,65$, при $P \geq 0,52$), а имеет лишь тенденцию к более высоким численным значениям.

Таким образом, выявлено, что в группе каратистов предрасположенных к амбидекстрии ударов руками в уровне подготовленности по ряду технико-тактических действий выше, чем в группе с низким уровнем.

Библиографический список

1. Еганов, А.В. Методика комплексной оценки подготовленности спортсменов, занимающихся спортивным каратэ: метод. рек. / А.В. Еганов. – Челябинск: УралГАФК. – 2001. – 23 с.
2. Еганов, В.А. Актуальные проблемы проявления феномена двигательной асимметрии выполнения ударов нижними конечностями в кикбоксинге / В.А. Еганов, О.Ю. Берсенева, А.А. Бадер // Оптимизация учебно-воспитательного и тренировочного процесса в учебных заведениях высшего профессионального образования: 4-я Всерос. науч.-практ. конф.: Электронное издание; СибЮИ ФСКН России. – Красноярск, 2012. – С. 324–327.
3. Еремин, И.Б. Билатеральное регулирование технико-тактических действий борцов с учетом индивидуальных особенностей: автореф. дис. ... канд. пед. наук / И.Б. Еремин: СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта. – СПб., 2002. – 23 с.
4. Ефимова, И.В. Амбидекстры: Нейропсихология индивидуальных различий / И.В. Ефимова. – СПб.: КАРО, 2007. – 160 с.
5. Коблев, Я.К. Методика преодоления асимметрии технической подготовленности дзюдоистов / Я.К. Коблев, К.Д. Чермит, М.Н. Рубанов, В.М. Невзоров, В.С. Дутов // Спортивная борьба: ежегодник. – М.: Физкультура и спорт, 1983. – С. 43–44.
6. Соловьев, П.Ю. Методика билатерального обучения боксеров юношей 13–15 лет: автореф. дис. ... канд. пед. наук / П.Ю. Соловьев; ВГАФК. – Волгоград. – 2003. – 210 с.
7. Стадник, В.И. Симметрия и асимметрия бросков в единоборствах (на примере дзюдо) [Электронный ресурс] / В.И. Стадник. — URL: <http://lib.psunbrb.by/bitstream/handle/112/261/7.pdf?sequence=1>.

[К содержанию](#)

УДК 378.172 + 796.012.6

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ – ОСНОВА ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

В.А. Громов, Р.Г. Шайхетдинов

В высших учебных заведениях активно внедряются организационно-методические условия и новые технологии специализированных элективных курсов обучения, интеграции и спортизации физкультурного воспитания.

Ключевые слова: военный факультет, лагерный сбор, военно-прикладные физические упражнения.

Программа обучения по физической культуре в вузах не предусматривает освоения упражнений военно-прикладного характера. Остановимся на понятии «военно-прикладные упражнения», поскольку руководящий документ Наставление по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации (НФП-2009) определяет для развития военно-прикладных навыков 24 упражнения. Влияние специально-направленных физических упражнений на результаты военной подготовки общеизвестны. Исследования показали, что на многосуточных учениях в экстремальных условиях военнослужащие разных специальностей, имеющие преимущество в показателях физической готовности, значительно эффективнее выполняли учебно-боевые задачи [3].

Результаты контрольных испытаний студентов по физической подготовке по окончании курса обучения на военном факультете показали недостаточную готовность выпускников к выполнению учебно-боевых задач. Актуальность исследования определяется:

- недостаточным уровнем физической подготовленности студентов, обучающихся на военных факультетах гражданских вузов;
- отсутствием обоснованной направленности использования средств физической подготовки на развитие значимых для данного периода физических качеств и прикладных двигательных навыков;
- отсутствием научно обоснованной наиболее эффективной организации целостного процесса физической подготовки в период проведения лагерных сборов, способствующих сокращению сроков и улучшению качества освоения учебного материала по военно-прикладным упражнениям, с учётом корреляционной связи и переносом двигательных навыков различно подготовленных групп студентов.

Высокая результативность физической подготовки по данным исследований [1, 2] достигается при комплексном подходе к организации практических занятий. С учётом указанных требований на этапе военного обучения был проведён анализ проведения дисциплины «Физическая культура»

в Южно-Уральском государственном университете. Исходя из целей, содержания физического воспитания и военного обучения существует три этапа формирования физической готовности студентов к выполнению учебно-боевых задач военно-профессиональной деятельности: базовая подготовка (общефизическая подготовка); специальная подготовка (обучение военно-прикладным навыкам); профессиональное слаживание (достижение результатов профессионального мастерства с использованием средств физической подготовки).

В период проведения лагерных сборов проведён педагогический эксперимент. Использованы все формы проведения физической подготовки: утренняя физическая зарядка (УФЗ), учебные занятия (УЗ) и самостоятельная работа (СмР), физическая тренировка в процессе учебно-боевой деятельности (ФТрУБД), спортивная работа (СР). Расчет часов на экспериментальную программу представлен в таблице 1.

Таблица 1
Использование форм физической подготовки (по НФП-2009)

№ п.п.	Формы проведения физической подготовки	Количество занятий (часов)
1	Учебные занятия (УЗ)	22
2	Спортивная работа (СР)	14–22
3	Утренняя физическая зарядка (УФЗ)	12–24
4	Физическая тренировка в процессе учебно-боевой деятельности (ФТрУБД)	12–16
5	Итого:	60–84

Попутная физическая тренировка (часть ФТрУБД) проводилась по два раза в неделю во время следования на танкодром и на полигон, при этом в экспериментальной группе в содержание попутной тренировки включалось преодоление искусственных и естественных препятствий, выполнение приемов рукопашного боя (РБ), передвижение различными способами, извлечение раненого из макета танка и его транспортировка.

При организации тренировок, осуществлялся подбор эффективных упражнений физической подготовки, с целью решения задач профессиональной подготовки, выполнением тренировки в полной боевой экипировке, а также на реальных объектах различного типа. Основным содержанием физической тренировки являлись различные упражнения тактической подготовки, такие как передвижения различными способами, переползания, преодоление препятствий и ведение учебных рукопашных схваток. Занятия во всех формах физической и других разделов боевой подготовки проводились при непосредственном контроле.

Экспериментальная группа (ЭГ) была укомплектована из 3 подгрупп (ЭПГ), занимавшихся ранее в спортивных секциях преимущественно развивающих: 1) ЭПГ-1: быстроту, выносливость и силу; 2) ЭПГ-2: ловкость и ко-

ординацию; 3) ЭПГ-3: без квалификации. Экспериментальная группа занималась в составе подгрупп на УФЗ и на СР; при проведении УЗ и ФТрУБД в составе штатных групп. Обучение в ЭГ и в контрольной группе (КГ) проводилось на УЗ и на СР, тренировка упражнений на УФЗ и ФТрУБД. Все ЭПГ занимались по отдельным специально-направленным обучающим программам, КГ занималась по традиционной программе. Во всех группах и подгруппах учебный материал был разделён на модули и блоки двух ступеней сложности: первая ступень и высшая ступень. В модулях первой ступени отражены базовые упражнения военно-прикладного характера для всех групп. Модули высшей ступени предусматривали совершенствование по конкретным направлениям свойственным именно конкретной группе или подгруппе, исходя из степени готовности усвоения представленных упражнений и нагрузок.

Изучалось влияние на организм студентов занятий с сочетанием различной направленности, составленных в соответствии с характерными особенностями планирования и с учётом воздействия отставленного тренировочного эффекта. Суть его состояла в создании ряда блоков и модулей тренировочных воздействий, каждый из которых включал бы в себя несколько занятий, проводимых в одном дне, в неделю, месяце с педагогически обоснованным и целесообразным тренировочным эффектом.

Использовались потенциальные возможности экспериментальных подгрупп наиболее быстрого усвоения определённых специальных упражнений родственного двигательного характера. Оказалось, что в овладении упражнениями военно-прикладного характера ЭПГ-1, ЭПГ-2 имеют достоверно лучшие результаты ($P < 0,05$) по сравнению с ЭПГ-3 и КГ. И в целом ЭГ показала более высокие результаты, чем контрольная группа.

Таблица 2

Успеваемость студентов по физической подготовке после лагерных сборов

Показатели	Экспериментальная группа (ЭГ)			Контрольная группа (КГ)
	1-я ЭПГ	2-я ЭПГ	3-я ЭПГ	КГ
	$x \pm m$; V(%)	$x \pm m$; V(%)	$x \pm m$; V(%)	$x \pm m$; V(%)
Сумма баллов из 10 упражнений (по НФП-09)	482,5 $\pm$ 3,1	446,3 $\pm$ 2,4	341,7 $\pm$ 2,2	403,5 $\pm$ 3,3
	20,5 %	12,6 %	18,3 %	48,6 %
	449,4 $\pm$ 2,8			403,5 $\pm$ 3,3
	51,5 %			48,6 %
По приросту результатов (сумма мест)	19	24	28	26
	13 – 1-е место			17 – 2-е место

По окончании прохождения программы эксперимента все обучаемые ЭГ и КГ были проверены по показателям военно-профессиональной направленности, характеризующих уровень профессиональной и физической подготовленности, физического развития и психических качеств в комплексе (табл. 3).

Таблица 3

Характеристика уровня физических и психофизиологических показателей ЭГ и КГ в начале и в конце педагогического эксперимента

№ п.п.	Исследуемые показатели	ЭГ	КГ
		х+m н.эксп. кон.эксп	х+m н.эксп. к.эксп.
Функциональное состояние			
1	Гарвардский степ-тест, ед.	72,16+0,69 P<0,05 79,22+0,74	71,75+0,62 P>0,05 72,87+0,58
2	Проба Штанге, с	63,1+1,5 P>0,05 67,3+1,6	64,6+1,5 P>0,05 67,1+1,7
3	Проба Генче, с	37,4+1,6 P>0,05 40,1+1,9	34,7+1,3 P>0,05 38,5+1,6
4	Индекс Руфье, ед	7,12+0,6 P<0,05 4,22+0,4	6,86+0,7 P<0,05 4,65+0,5
Общая физическая подготовленность			
5	Подтягивание, кол-во раз	10,33+0,31 P>0,05 10,52+0,37	9,67+0,42 P>0,05 10,13+0,43
6	Бег 100 м, секунд (с)	14,5+0,55 P<0,05 13,7+0,81	14,4+0,81 P<0,05 13,9+0,59
7	Бег 1000 м, с	237,4+9,1 P<0,05 219,5+8,2	241,5+9,9 P<0,05 226,6+9,3
8	Передвижение по узкой опоре, с	13,6+0,66 P<0,05 16,3+0,56	13,8+0,54 P<0,05 15,5+0,49
Военно-прикладная физическая подготовленность			
9	ОКУ на ЕПП, с	143,72+3,1	158,51+4,5
10	Приемы РБ, баллы	4,42+0,38	3,64+0,36
11	Метание гранаты, метры (м)	34,26+0,15 P<0,05 39,14+0,24	35,88+0,19 P<0,05 37,77+0,34
Психофизические показатели			
12	Концентрация и устойчивость внимания, баллы	4,15+0,22 P>0,05 4,79+0,26	4,21+0,25 P>0,05 4,63+0,38
13	Кратковременная зрительная память, баллы	5,92+0,56 P>0,05 6,91+0,68	6,09+0,64 P>0,05 6,78+0,52
14	Простая сенсомоторная реакция, сек	0,25+0,04 P>0,05 0,26+0,05	0,24+0,03 P>0,05 0,26+0,05
15	Реакция на движущийся объект, с	0,64+0,04 P<0,05 0,57+0,04	0,63+0,09 P>0,05 0,62+0,05

Результаты, полученные в ходе педагогического эксперимента, показали эффективность предложенной экспериментальной методики подготовки студентов военного факультета в период полевых лагерных сборов. Среднее значение за выполнение норматива по метанию ручных гранат составили в ЭГ – 39,14±0,24 метров (прирост от исходного уровня 4,88 м., 14,2 %), в КГ – 37,77±0,34 м (прирост от исходного уровня 1,89 м., 5,3 %) при $P < 0,05$ (по критерию знаков). Также более высокие показатели в ЭГ, чем в КГ по выполнению приёмов рукопашного боя (РБ), общего контрольного упражнения (ОКУ) на единой полосе препятствий (ЕПП). Показатели общей физической подготовленности, психофизиологических способностей, функциональных сдвигов имеют разнонаправленные результаты.

Для определения влияния на профессиональную деятельность в программу исследований включены испытания функциональных возможностей в сложных условиях. Как наиболее доступные для испытаний, проведены измерения реакции сердечно-сосудистой системы на нагрузку в тяжёлых условиях, при выполнении профессиональных задач в средствах химической защиты. Дозированная нагрузка выполнялась в течение 10 минут в средствах защиты в реальных профессиональных условиях, с выполнением конкретной учебно-боевой задачи. Измерения проводились экспресс-анализатором сердечного пульса «Олимп» до и после нагрузки (изготовитель унитарное предприятие «Медиор» Республика Беларусь, сертификат № 2444 Госстандарт РБ). Признаками полной адаптации к нагрузке с адекватным напряжением систем организма является адекватный рост частоты сердечных сокращений (ЧСС), амплитуда моды (АМо), индекс напряжения (ИН) и значительное снижение вариационного размаха пульса (ВР). Высокое напряжение характеризуется повышенной активностью симпатoadренальной системы, что проявляется в существенном росте ЧСС, АМо, ИН и незначительном уменьшении ВР (табл. 4).

Таблица 4

Параметры сердечной деятельности ЭГ и КГ в сложных условиях

Параметры	ЭПГ-1	ЭПГ-2	ЭПГ-3	ЭГ	КГ
	х+м	х+м	х+м	х+м	х+м
ЧСС	165±6	161±5	181±8	169±7	177±7
ВР	0,08±0,02	0,06±0,01	0,03±0,00	0,06±0,01	0,02±0,00
АМо	85±6	86±8	95±7	88±6	93±8
ИН	5768±389	5156±260	8675±469	6569±380	7674±499

Перенапряжение показывает недостаточность адаптационных перестроек; что выражается в одновременном усилении активности симпатической и парасимпатической систем, активация центральной нервной системы регулирования сердечной деятельности, а также включением автономных звеньев управления сердечным ритмом. На таблице 4 видно, что показатели ЧСС, АМо, ИН и ВР в ЭПГ-1 и ЭПГ-2 более предпочтительнее по сравнению с ЭПГ-3 и КГ, что в комплексе указывает на преобладание па-

расимпатической реакции, при этом сохраняется высокая вагусная активность. Это подтверждает более быструю адаптацию на нагрузку этих подгрупп. А вот в ЭПГ-3 и в КГ более высокая активация подкорковых центров, что выражается в снижении амплитуды дыхательных волн (ДВ) и наблюдается увеличение медленных волн (МВ) на ритмокардиограмме. Проведя расчёты в составе сборной ЭГ и КГ получены результаты, большей готовности к адаптации в сложных условиях всей ЭГ, в которую включены ЭПГ-1, ЭПГ-2, ЭПГ-3.

Изменения в рассматриваемых показателях, свидетельствуют о том, что обучаемые в экспериментальной группе имели более значимые улучшения в результатах контроля, являясь при этом косвенным критерием, помогающим добиться более высокого уровня в рейтинге профессиональной подготовленности.

Результаты корреляционного анализа подтверждают положение о том, что развитие основных физических качеств обеспечивает общую работоспособность военнослужащих, в то время как тренировка в выполнении упражнений из военно-прикладных разделов физической подготовки обеспечивает, в конечном итоге, эффективность и успешность выполнения профессиональных учебно-боевых задач.

Успехи в овладении техникой военно-прикладных упражнений во многом зависят от спортивной специализации и квалификации. Успешнее осваивают военно-специальные упражнения спортигровики, акробаты, борцы, гимнасты. Но результаты прироста будут выше при условии занятий в подгруппах по интересам по отдельным программам.

Сформированные организационно-методические условия, новые технологии по дисциплине «Физическая культура», практикуемые в вузах, могут быть использованы для повышения уровня физической специально-прикладной подготовленности на военных факультетах.

Повышение профессиональной подготовки выпускников на военном факультете находится в тесной корреляционной связи с повышением качества обучения по дисциплине «Физическая культура».

Библиографический список

1. Верхошанский, Ю.В. Основы специальной физической подготовки спортсменов. / Ю.В. Верхошанский. – М.: ФиС, 1988. – 331 с.
2. Матвеев, Л.П. Теория и методика физической культуры: Учебник для институтов физ. культуры. / Л.П. Матвеев. – М.: ФиС, 1991. – 543 с.
3. Миронов, В.В. Учебник для курсантов высших ВВУЗов МО РФ / В.В. Миронов, В.А. Собина, А.С. Яковец. – М.: Военное издательство, 2005. – 462 с.
4. Марищук, В.Л. Методики психодиагностики в спорте / В.Л. Марищук. – М.: Просвещение, 1990. – С. 51.

[К содержанию](#)

УДК 378.126.037 + 378.178

**ТЕСТ ОЦЕНКИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ УЧАЩЕЙСЯ
МОЛОДЕЖИ И ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО
СОСТАВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

А.В. Еганов, В.С. Быков, Г.М. Полько

На основании теоретических изысканий и результатов собственных исследований разработан тест оценки психического здоровья. Тест отвечает метрологическим требованиям: информативностью, надёжностью, объективностью и рекомендуется для диагностирования психического здоровья учащейся молодежи и профессорско-преподавательского состава.

Ключевые слова: тест, психическое здоровье, студенты, профессорско-преподавательский состав.

Реализации концепции модернизации российского образования забота о психологическом здоровье субъектов процесса обучения становится целевым ориентиром в работе образовательного учреждения высшего профессионального образования. Однако, как показал теоретический анализ, что отмечается очевидная тенденция к ухудшению показателей здоровья учащейся молодежи и профессорско-преподавательского состава. Особенно отмечается рост отклонениями в физическом и психическом развитии обучающихся школьного возраста, с проявлениями острых психиатрических патологий и социальной дезадаптированности, повышением заболеваемости. Это обусловлено повышенной психической напряженностью в обществе, вызванной социальными и экономическими проблемами, низким материальным благополучием и др. Большинство исследователей рассматривают проблему оздоровления в свете единства здоровья духа, тела, интеллекта [1, 3, 5, 6].

Обобщая приведенные представления о составляющих уровня здоровья человека как психолого-педагогическую проблему необходимо иметь в виду следующие основные компоненты, включающие в это понятие: соматическое здоровье, физическое, биологическое здоровье, нравственно-духовное здоровье, социальное и психическое здоровье. Структура психического (духовного) здоровья, как и самого понятия «Здоровье» – многокомпонентно [1, 2, 5 и др.].

Из всех имеющихся уровней наименее изученными в настоящее время является состояние психического здоровья и профессорско-преподавательского состава как основы развития профессиональной компетентности [2].

Нами были получены результаты исследования учащейся молодежи различных социальных групп по ряду показателей социально-значимых

ценностей, включающих характеристики психического здоровья. Результаты статистических сравнений по парному t-тесту с различными дисперсиями показали, что студенты-спортсмены, от студентов отличающихся низким уровнем здоровья. Достоверные отличаются ($P \leq 0,05-0,01$) в сторону увеличения численных значений студентов, занимающихся спортом были выявлены по показателям психического здоровья и личностным характеристикам: стремление к соперничеству, занятия укреплением здоровья, соревновательная надежность в спорте, соблюдение режима работы и отдыха, настойчивость в достижении цели, самостоятельность в жизни, устойчивость к стрессам и волнениям, владение приемами психической саморегуляции, уверенности по жизни в целом, адаптации в социальной группе. Это свидетельствует, о том, что занятия спортом оказывают существенное влияние на некоторые характеристики психического здоровья учащейся молодежи.

При всей важности психического здоровья, однако, методика диагностики и количественная оценка учащейся молодежи и профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений высшего профессионального образования практически не отражены в доступных источниках информации. Чтобы диагностировать большие группы людей, необходимы прошедшие метрологическую проверку, простые незанимающие много времени и нетрудоемкие тесты. Поскольку содержание психического здоровье многокомпонентно, что ещё более затрудняет разработку такого диагностического теста.

В то же время оценка с целью выявления критических отклонений в здоровье, требующих вмешательства и осуществления профилактических и коррекционных мероприятий создает новые подходы индивидуального и популяционного психического здоровья, на основании которых можно строить и универсальные технологии его коррекции [2].

Понятие «психическое здоровье» характеризуется сложностью, многозначностью, неоднородностью и имеет синкретичный состав. В состав компонентов психического здоровья входят следующие составляющие: соматическое здоровье, физическое, биологическое здоровье, нравственно-духовное, социальное и др. Отдельные показатели этих составляющих должны быть отражены при оценке психического здоровья. Следовательно, при диагностике психического здоровья необходимо отражать следующие составляющие:

– полноценность функционирования психической сферы систем организма: нервной (центральной и автономной), мышечной, сердечно-сосудистой, дыхательной, эндокринной и др., регулирующих психическую сферу человека;

– состояние психического (душевного) благополучия и умения им управлять, способность к трансцендентированию, саморегуляции: характе-

ризующееся отсутствием болезненных психических явлений, адекватной реакции психических состояний на ситуацию, активности механизмов личной саморегуляции, зависимости от вредных привычек, утраты веры своих возможностей и др.;

– потребность в движении, усвоение моделей здоровьесформирующей деятельности, приверженность здоровому образу жизни; поведение в социуме, учебной, спортивной, профессиональной деятельности: норму и отклонения обеспечивающих условия адаптации к окружающей среде; преодоление конфликтных ситуаций в профессиональном коллективе; устойчивость к неблагоприятным факторам спортивной деятельности и окружающей среде; поддержание психической работоспособности и восстановления психического состояния после экзаменов, напряженной спортивной тренировки и др.;

– возможность оказывать поддержку другим и получать поддержку от них: адаптивная саморегуляция психофизиологических процессов: желание получать знания о здоровье, способах его поддержания и развития; увлеченность своей профессиональной деятельностью.

Выделенные составляющие позволяют описать индивидуальную внутреннюю структуру психического здоровья, компоненты которого определяют деятельность человека.

На наш взгляд диагностика и количественная оценка психического здоровья должна включать составляющие, входящие в определение понятия «психическое здоровье». В нашем понимании «Психическое здоровье – это интегральная характеристика полноценности функционирования психической сферы, систем организма (нервной, мышечной, сердечно-сосудистой, дыхательной, эндокринной и др.), регулирующих психическую сферу индивида. Психическое здоровье рассматривается как состояние психического (душевного) благополучия, характеризующееся отсутствием болезненных психических явлений, отклонений и обеспечивающее адекватную условиям окружающей среды реакцию психических состояний, поведения и деятельности, активность механизмов саморегуляции, устойчивость к неблагоприятным факторам спортивной деятельности и окружающей среды».

В соответствии с определением и входящими составляющими нами был разработан тест диагностики психического здоровья. Он имеет форму анкеты, профиль которой состоит из компонентов и их показателей, оценивающих отдельные составляющие психического здоровья. Первоначально тест включал 70 вопросов, характеризующим прямо или косвенно психическое здоровье. По этой анкете было диагностировано 149 респондентов из числа учащейся молодёжи физкультурных, гуманитарных вузов мужского, женского пола и профессорско-преподавательского состава в возрасте 17–35 лет.

В соответствии с требованиями инструкции по её применению на предложенные утверждения респонденты, сравнивая себя, оценивали с окружающими людьми по десятибалльной шкале. Инструкция: оцените уровень своего психического состояния, которое соответствует в обычной жизни. Обведите кружком одну из десяти оценок по шкале баллов. При этом если уровень состояния утверждения выражено в наименьшей степени то оценивается в 1, 2, 3 – балла; если выражено в средней степени, то оценивается в 4, 5, 6, 7 балла; если выражено в большей степени, то оценивается 8, 9, 10 баллов.

Полученные численные значения подвергались математико-статистической обработке и последующей их педагогической интерпретации. Далее тест прошёл метрологическую проверку в соответствии к ней предъявляемым с требованиями [2, 6] и показал, что он отвечает критериям информативности, надёжности, объективности.

Корреляционный анализ индивидуальных оценок утверждений с интегральным показателем психического здоровья и суммой баллов по всем утверждениям, полученным по десятибалльной шкале, выявил 64 статистически значимые связи. Наиболее высокими ($P \leq 0,001 - 0,0001$) оказались следующие утверждения:

- 1) потенциальная невротичность, неустойчивость поведенческих реакций, ранимость психики, нервозность, эмоциональная неустойчивость;
- 2) психическое напряжение по жизни в целом;
- 3) эмоциональное состояние в целом: грустный, радостный, унылый, весёлый, разочарованный, довольный;
- 4) энергичность движений и работы психических процессов;
- 5) состояние общего душевного комфорта;
- 6) полноценность функционирования психической сферы;
- 7) состояние психической сферы и её работы;
- 8) способность организма и психики обеспечивать внутреннее психическое равновесие;
- 9) умение оптимизировать психическое состояние при стрессе, неблагоприятных жизненных ситуациях;
- 10) наличие психического, душевного благополучия, гармоничности и устойчивости психики, удовлетворённости к факторам внешней среды, а также адекватной положительной реакции на внешние раздражители.

Подсчёт производится суммированием выбранного утверждения по каждой из десяти шкал. В первом и втором утверждении подсчет проводится наоборот: оценке 1 соответствует 10 баллов и т.д.

В таблице представлена шкала оценки психического здоровья учащейся молодежи и профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений высшего профессионального образования. Диапазон средних величин включает значения средней величины утверждения $\pm 0,67$ стандартного отклонения (σ), включающий 50 % обследуемой выборки.

Таблица

Шкала оценки психического здоровья по десятибалльной шкале учащейся молодежи и профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений высшего профессионального образования (балл)

Ниже среднего	Среднее значение ($\bar{x} \pm 0,67\sigma$)	Выше среднего
6,28 меньше	6,28–8,22	больше 8,22

Таким образом, на основании теоретических изысканий и результатов собственных исследований разработан тест оценки психического здоровья. Тест отвечает метрологическим требованиям: информативностью, надёжностью, объективностью и рекомендуется для диагностирования психического здоровья учащейся молодежи и профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений высшего профессионального образования.

Библиографический список

1. Еганов, А.В. Психолого-педагогическая проблема направленности воздействия на укрепление и сохранение психического здоровья студентов в процессе занятий физической культурой и спортом / А.В. Еганов, В.С. Быков // Вестник Южно-Уральского государственного университета: Педагогические науки. – 2012. – № 8 (267). – Вып 30. – Челябинск. – С. 12–17.
2. Безматерных, Л.Э. Информативность методов количественной оценки индивидуального здоровья: автореф. дис. ... канд. мед. наук / Л.Э. Безматерных. – Барнаул, 1997. – 23 с.
3. Карташова, К.С. Психологическое здоровье педагога как основа развития его профессиональной компетентности [Электронный ресурс] / К.С. Карташова, В.Н. Кожевников. – URL: <http://sibsedu.kspu.ru/index.php?id=243&option=content&task=view>.
4. Левина, И.Л. Мониторинг психического здоровья обучающихся: задачи, структура, возможности / И.Л. Левина // Медицинские и фармацевтические науки. – 2012. – № 2. – URL: http://www.ngmu.ru/cozo/mos/%20article/text_full.php?id=663.
5. Черепов, Е.А. Содействие сохранению психического здоровья подростков в процессе физического воспитания в школе / Е.А. Черепов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование, здравоохранение, физическая культура». – Т. 13. – № 1. – 2013. – С. 9–16.
6. Eganov, A.V. Screening test for express assessment of students' mental health / A.V. Eganov, V.V. Erlikh, V.S. Bykov // International Journal Of Applied And Fundamental Research. – 2013. – № 2. – URL: <http://www.science-sd.com/455-24385>.

[К содержанию](#)

УДК 378.037.1 + 378.172

**СУБЪЕКТНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ
В ПРОЦЕССЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ
В ВУЗАХ НЕФИЗКУЛЬТУРНОГО ПРОФИЛЯ**

В.Ю. Кокин, В.С. Лешуков

На кафедре ФВиЗ ФБГОУ ВПО НИУ «ЮУрГУ», г. Челябинска в учебно-тренировочном процессе по физическому воспитанию студентов реализован гуманистический принцип субъект-субъектных отношений, предполагающий освоение знаний о ценностях, актуализацию отношений к ценностям и деятельность на основе ценностного самоопределения. Показана необходимость создания педагогических условий, активных и интерактивных форм проведения учебных занятий для развития субъектности.

Ключевые слова: субъект, личность, самоопределение, аксиологические ориентиры, ценностные ориентации.

Основной задачей, стоящей перед профессиональным образованием в условиях глобализации, является подготовка следующего поколения специалистов к управлению не просто изменившимся миром, а изменениями, происходящими в этом мире, или изменениями в будущем [2].

Содержанием образовательного процесса должны стать ценностные отношения, под которыми понимается устойчивая избирательная «связь субъекта с объектом окружающего мира, когда этот объект, выступая во всём своём социальном значении, приобретает для субъекта личностный смысл, расценивается как нечто значимое для жизни общества и отдельного человека» [3]. Именно в доминирующих отношениях человек проявляется как личность. Психологическая сторона отношений многогранна и выражается в эмоциях, волевых и интеллектуальных процессах, действиях, мотивах, позициях, жизненных установках личности. Именно поэтому отношения можно рассматривать как интегративный показатель ценностного самоопределения. Самоопределение на нравственные ценности способствует реализации гуманистического потенциала развития человека.

Новая парадигма образования предполагает сделать гуманистические аксиологические ориентиры сущностью бытия, что предопределяет расширение активности человека не только как добросовестного исполнителя поставленных задач, но и как субъекта, принимающего решения, сознательно организующего свою деятельность, определяющего перспективы совершенствования своего образа жизни.

Высшая школа призвана реализовать гуманистический принцип субъект-субъектных отношений, предполагающий освоение знаний о ценностях, актуализацию отношений к ценностям и деятельность на основе ценностного

самоопределения. «Формулу новой педагогики» можно представить как переход от развития индивида к педагогической ценности саморазвития. При этом психологическим механизмом саморазвития личности учащегося становится процесс, состоящий из следующих компонентов: самосознание, самоопределение, самовыражение, самоутверждение, саморегуляция [4].

Педагогический аспект аксиологического образования в общем виде состоит в том, чтобы широкий спектр объективных ценностей культуры современного мира, сделать предметом осознания, переживания как особых потребностей личности, сделать так, чтобы объективные ценности стали субъективно значимыми, устойчивыми жизненными ориентирами личности.

Ценностные ориентации – это достаточно сложные образования. Они состоят из разных уровней и форм взаимодействия общественного и индивидуального в личности, определённых форм взаимодействия внутреннего и внешнего для личности, специфических форм осознания личностью окружающего мира, своего прошлого, настоящего, будущего, а также сущности своего собственного «я».

«Философский энциклопедический словарь» предлагает понимать под ценностными ориентациями важнейшие элементы внутренней структуры личности, закреплённые жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний и ограничивающие значимое, существенное данного человека от незначимого, несущественного.

Духовный мир личности определяется степенью сформированности его ценностных ориентаций – мерой его причастности к обществу, его истории, настоящему, диапазоном его общественных интересов, богатством и разнообразием связей и взаимоотношений с обществом [5].

Многочисленные исследования в психологии характеризуют ценностные ориентации как устойчивые аксиологические компоненты структуры личности, которые могут выступать результатом синтеза, происходящего в процессе жизнедеятельности, в процессе обучения. В ценностных ориентациях личности концентрируется жизненный опыт, накопленный личностью в её индивидуальном развитии. В общей структуре личности ценностные ориентации выполняют роль «стратегической» линии поведения, функции «интегратора» различных форм деятельности человека. В процессе развития каждый индивид выстраивает собственные ориентации, которые отстаивает в жизненных коллизиях. Механизм действия и развития ценностных ориентаций связан с разрешением конфликтов и противоречий в мотивационной сфере личности. В самой общей форме этот механизм выражается в борьбе между долгом и желанием, в борьбе мотивов нравственного и утилитарного порядка.

Таким образом, при внедрении в образовательный педагогический процесс ВПО аксиологических ориентиров необходимо учитывать и анализировать внутренний психологический план деятельности и отношений личности, мотивационную сферу.

Процесс ориентации индивида (студента) на ценности познания, ценности профессии тесно связан с понятием «направленность личности». Направленность личности конструирует её целевые, программные отношения, которые определяются и выражаются в мировоззрении, нравственных убеждениях, мотивах, интересах человека. Направленность обеспечивает иерархическую, устойчивую систему доминирующих мотивов.

Гуманистические тенденции в образовании отразились на содержании дисциплины «Физическая культура». Культурологический подход к её содержанию [1] предусматривает необходимость решения следующих задач:

- естественно-культурных (обеспечивают гармонизацию биологического развития человека);
- социально-культурных (формируют ЗОЖ, мотивационно-ценностные ориентации и качества личности).

Однако, сложившаяся практика показывает, что учебный процесс по физическому воспитанию в вузах, как и прежде, ориентирован, как правило, на достижение студентами нормативного уровня физических кондиций [1] с преобладанием консервативных форм и унифицированных методов, основанных на авторитарной концепции обучения и воспитания. Несформированность аксиологических ориентиров в учебном процессе по физическому воспитанию студентов усиливает их негативное отношение к дисциплине и не стимулирует творческую активность в физкультурно-спортивном самосовершенствовании и самовыражении [6], приводит к искажению идеи гуманизации всего процесса.

Таким образом, состояние физического воспитания в вузах нефизкультурного профиля в настоящее время характеризуется наличием проблемной ситуации: с одной стороны необходимо его модернизировать, с другой – необходимо осознать ценностно-смысловые ориентиры на его преобразование. В основе модернизации должны лежать идеи системности и развития, личностно-ориентированного и деятельностного подходов, оптимизации учебной и внеучебной работы на основе современных психолого-педагогических и психофизиологических [7] теорий обучения, воспитания и развития личности. Эта проблемная ситуация предопределяет необходимость разработки вариативного содержания программ и эффективных механизмов достижения воспитательных и образовательных целей в вузах. Тем более, что программы по физической культуре, разработанные на основе ФГОС ВПО, предполагают наряду с обязательным компонентом и вариативный, который позволяет вузам нефизкультурного профиля и кафедрам физического воспитания самостоятельно проектировать содержание учебного материала и процессуальную сторону физического воспитания. При этом необходимо учитывать индивидуальные особенности студентов, их личные предпочтения, ресурсное обеспечение вузов, традиции развития физической культуры в регионе.

Таким образом, основные принципы перестройки физического воспитания ориентируют на индивидуализацию форм, средств и методов физического совершенствования и самосовершенствования. При этом методический арсенал физического воспитания студентов должен быть существенно обогащён за счёт применения конкретных технологий развития и совершенствования двигательных качеств и способностей, использовании наиболее эффективных подходов и приёмов культурного преобразования двигательного (телесного), психического, интеллектуального и нравственного в личности.

На основании этого в рамках личностно-ориентированного подхода была расширена и внедрена программа по силовой подготовке в учебный процесс по физическому воспитанию в нефизкультурном вузе. Целью этой программы является развитие субъектных свойств личности студента. Субъектность как саморазвитие и самоорганизация реализуется через активное отношение к себе (постановка целей, задач, формирование мотивов и т.д.) к преобразуемому или создаваемому объекту, к другому человеку. Выявление и использование педагогом субъектного опыта студента как целостной характеристики, учёт и анализ внутреннего психологического плана деятельности и отношений личности, мотивационной сферы позволяет выстраивать учебно-тренировочный процесс, отвечающий требованиям личностно-ориентированного взаимодействия.

Неоднородность физического здоровья студентов, необходимость учёта индивидуальных возможностей организма занимающихся и особенностей мотивации (личные предпочтения) к занятиям различными силовыми упражнениями определили целесообразность разработки трёх направлений программы силовой подготовки: разносторонняя силовая подготовка (гармоничное развитие организма, интегральное совершенствование основных силовых качеств), атлетическая гимнастика (направленное развитие всех частей тела), силовая выносливость (развитие способности к продолжительному проявлению силовых качеств). Предложенные направления программы отличались от общепринятых методикой реализации.

Мотивация к занятиям физическими упражнениями определялась в процессе опроса (анкетирование и беседы). Разработанные специальные анкеты и схемы бесед, позволили получить общие и уточняющие сведения (возраст, место проживания, отношение к учёбе в вузе, влияние материального положения на занятия физической культурой и спортом, наличие спортивных разрядов, предыдущий двигательный опыт), выявить личностно-значимые ценностные ориентации в процессе занятий физическими упражнениями, установить направления и основные средства физического совершенствования, определить факторы влияния на занятия физическими упражнениями, выявить объём и формы организации двигательной активности студентов. Формирование мотивации к силовой подготовке тесно связано с выявлением и реализацией предрасположенности с конкретной её направленностью.

Материалы опроса показали, что студенты достаточно хорошо осведомлены о положительном потенциале двигательной активности: 87,2 % опрошенных считают, что занятия физическими упражнениями пригодятся в дальнейшей жизни, 72,3 % – являются наиболее эффективным способом утверждения здорового образа жизни, 54,2 % – обеспечивают телесное и психическое совершенствование, 53,6% – дисциплинируют, дают возможность вести рациональный (здоровый) образ жизни. Однако знания студентов явно не совпадают с реальными занятиями физическими упражнениями. Систематически занимаются физической культурой и спортом 31,2 %, активно участвуют в спортивных мероприятиях – 5,4 %.

Двигательная активность большинства (62,4 %) опрошенных составляет 2–3 часа в неделю, что практически совпадает в среднем с объёмом учебных занятий. К числу наиболее популярных видов спорта студенты относят: плавание (47,5 %), спортивные игры (51,4 %), единоборства, в том числе и восточные (20,7 %). К числу популярных относится и атлетическая гимнастика (20,3 % опрошенных).

Опрос показал, что 62,2 % студентов до поступления в вуз никогда ранее не занималось силовыми видами спорта, 24,3 % имели небольшой (до 6 месяцев) стаж занятий силовыми упражнениями и только 14,0 % студентов систематически посещали специализированные залы и хотели бы продолжить данные занятия.

На начальном этапе обучения у студентов преобладали установки на получение зачёта – 64,3 %, улучшение телосложения 52,3 %, желание стать сильнее 31,7 %, приятное времяпрепровождение и общение со сверстниками 29,5 %. Менее значимыми и более отдалёнными перспективами являются: удовлетворение от процесса и результатов занятий силовыми физическими упражнениями (22,9 %), укрепление здоровья (18,3 %), лидерство (14,7 %), социальный престиж и уважение (8,1 %) и конкурентоспособность (3,1 %).

При реализации программ силовой подготовки разной направленности педагогический процесс по физическому воспитанию был основан на личностно-ориентированном взаимодействии преподавателя и студента с использованием дифференцированного и индивидуального подходов в дозировании физической нагрузки.

Индивидуализация осуществлялась через сознательный и самостоятельный выбор программ силовой подготовки; акцентированное воздействие на двигательные качества и способности, определяемое содержанием конкретных программ; устранение диспропорции (развитии отстающих двигательных качеств и способностей) в физической подготовленности; индивидуальное дозирование задаваемых нагрузок с учётом реального уровня подготовленности и текущего состояния.

В соответствии с требованиями ФГОС ВПО, удельный вес учебных занятий, проводимых в интерактивных формах, в нашей программе составлял

более 20 % от всех аудиторных занятий. Специфика выполнения силовых упражнений всегда предполагает физическую работу в малых группах с целью оказания помощи в сетах, выполняемых «до отказа» и страховку одного занимающегося другим от травм и повреждений. Взаимодействуя друг с другом при выполнении того или иного упражнения студенты (вольно или невольно) создают ситуации взаимопомощи, в которых происходит взаимопереживание, поиск контактов и сотрудничества, заинтересованность результатами коллективной работы. Здесь же присутствуют элементы взаимобучения при разборе ситуаций опровержения и ситуаций выбора. Такие ситуации отражают не только практическую проблему, но, и актуализируют определённый комплекс знаний, умений и навыков, который необходимо усвоить при решении данной проблемы. В результате такого взаимодействия студент выстраивает своё субъектное пространство, в котором ощущает целостный и осознанный образ себя. Здесь он идентифицирует себя с окружающим его социумом и может проявить свои возможности.

Оказываясь постоянно, то в роли учителя, то в роли ученика, студенты совершенствуют организаторские навыки и формируют лидерские качества, что, несомненно, скажется на их дальнейшей профессиональной деятельности и поможет стать более конкурентоспособными на рынке труда. Каждый мезоцикл учебно-тренировочного процесса заканчивается тестированием методических знаний, двигательных умений и навыков, а также физической и функциональной подготовленности. Сравнивая и анализируя свои показатели с показателями других занимающихся (масса тела, рост, объёмы мышц, силовые показатели, ЧСС, ЖЕЛ и др.), студенты оценивают динамику изменений своих показателей за прошедший период, выстраивают перспективные линии (ближние, дальние), алгоритм их достижения (план). Возникающие ситуации успеха при использовании дифференцированного и индивидуального подходов в дозировании физической нагрузки способствуют самоутверждению и самопознанию в образовательной области «Физическая культура». Адекватные физические нагрузки силовой направленности позволяют позиционировать себя в учебных группах как хорошо подготовленного функционально и физически (спортсмена) и участвовать в соревнованиях различного масштаба по силовым видам в качестве участника или судьи.

Значительная часть учебного материала силовой направленности изучается с использованием активных методов обучения: «контекстного» и «на основе опыта» на принципах индивидуализации, гибкости и элективности. Социально-контекстное физкультурное образование представлено в форме ролево-игрового проектирования в различных ситуациях социального взаимодействия студентов. Моделирование ролевого поведения основано как на ЗУНах, так и на социально-личностных характеристиках, сформированных у студентов к 18–20 годам, соответственно их жизненного опыта.

Проектируя ситуации жизнедеятельности в физкультурном образовательном пространстве в контексте социального взаимодействия, студенты

учатся позиционировать себя. Обучение «на основе опыта» связано с решением проблемных ситуаций (преднамеренных и непреднамеренных), возникающих в процессе изучения тем.

Выполнение разнонаправленных программ силовой подготовки сопряжённых с методикой их индивидуальной реализации в рамках личностно-ориентированного подхода обеспечило следующие сдвиги в физической подготовленности и мотивации студентов в течение учебного года (сентябрь–июнь).

Темпы прироста уровня физической подготовленности возросли: в упражнениях, требующих проявления силы в среднем на 40,3 % по сравнению с контрольной группой, где учебно-тренировочный процесс проводился без учёта личностно-ориентированного подхода, в упражнениях требующих проявления силовой выносливости – на 37,8 %, в упражнениях на быстроту – на 30,2 %, на общую выносливость – на 17,3 %.

В процессе силовой подготовки у студентов всех опытных групп претерпела определённые изменения мотивация к физическому совершенствованию и самосовершенствованию.

Во всех группах приоритет был отдан установке на улучшение, формирование атлетического телосложения (31,2–40,0 % занимающихся); второй по значимости стала установка «стать сильнее» (18,7–22,0 % студентов). Третьей–четвёртой были установки «улучшение здоровья», «подготовка и участие в соревнованиях».

Мотивация студентов приобрела более конкретную направленность, связанную с укреплением здоровья, физическим совершенствованием и самосовершенствованием средствами силовой подготовки (формирование атлетического телосложения, повышение уровня развития силовых качеств) и демонстрацией своих возможностей (участие в соревнованиях).

Реализация личностных ценностных ориентаций на совершенствование и самосовершенствование силовыми упражнениями различной направленности, используемыми в соответствии с индивидуальными возможностями и особенностями организма студентов позволила:

- повысить интерес к занятиям по физическому воспитанию, что положительно отразилось на посещаемости учебных занятий по физической культуре;

- повысить уровень физической и функциональной подготовленности;

- изменить направленность мотивации студентов на более конкретную, социально-значимую, связанную с укреплением здоровья, физическим совершенствованием и самосовершенствованием для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности;

- сформировать и присвоить общекультурные компетенции, которыми должен обладать выпускник по завершении изучения дисциплины «Физическая культура».

Библиографический список

1. Виленский, М.Я. Физическая культура в гуманитарном образовательном пространстве вуза / М.Я. Виленский // Физ. культ.: воспитание, образование, тренировка. – 1996. – №1. – С. 27–32.
2. Кирьякова, А.В. Университеты в современном мире: аксиологический ресурс развития: учебн. пособ. для преп. высших уч. зав / А.В. Кирьякова, Л.В. Мосиенко, Т.А. Ольховая. – Оренбург: ОГУ, 2010. – 374 с.
3. Воронина, А.М. Ценности: проблемы образования: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А.М. Воронина. – М., 1994. – 17 с.
4. Третьяков, П.И. Технология модульного обучения в школе: Практико-ориентированная монография / П.И. Третьяков, И.Б. Сенновский. – М.: Новая школа, 1997. – 352 с.
5. Саарнийт, Ю.Р. Проблемы измерения социально-психологической структуры ценностных ориентаций: автореф. дис. ... канд. псих. наук / Ю.Р. Саарнийт. – М., 1982.
6. Лотоненко, А.В. Приоритетные направления в решении проблем физической культуры студенческой молодежи / А.В. Лотоненко // Теория и практика физической культуры. – 1998. – № 6. – С. 21–24.
7. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский, под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1991. – 479 с.

[К содержанию](#)

УДК 005.336.3 + 658.64

ПРИНЦИПЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В ОБЛАСТИ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ РАБОТЫ С КЛИЕНТОМ

В.Г. Мирмович

В статье проведен обзор методов разработки и анализ процесса взаимодействия покупателя и продавца, выделенные критерии формирования качества обслуживания имеют примерно одну и ту же логическую основу: используя различные подходы, все они пытаются сделать процесс обслуживания максимально видимым для клиента, формируя, таким образом, у клиента ожидаемый уровень качества потребляемой услуги.

Ключевые слова: interactive process, менеджмент качества, принципы менеджмента.

В сфере услуг общая функциональная роль менеджера по маркетингу как своеобразного «посредника-переводчика» между нуждами потребителей и услугами фирмы – такая же, как и в производственном секторе, а именно – трансляция потребностей, нужд, желаний и запросов потреби-

лей производителям продукции, которые, в свою очередь, реализуют их во внутреннем и внешнем содержании производимого фирмой товара. Однако задачи по разработке товарной стратегии в сфере услуг более сложны. У услуги, как известно, нет формы, размера, цвета, упаковки, внешнего вида и т.п. Здесь достаточно трудно определить привычные критерии оценки качества, потому что услуга, во-первых, неосвязаема, а во-вторых, потребляется одновременно с производством. Известно, что в теории маркетинга услуг под «товаром» обычно понимают процесс обслуживания (process), осуществляемый персоналом (people) по отношению к потребителю услуги и происходящий в определенной материальной среде (physical environment) [1].

Цель данной статьи – на основе обзора методов разработки и анализа процесса взаимодействия покупателя и продавца (interactive process) определить конкретные принципы менеджмента качества при производстве услуг. В статье рассматриваются технологии таких методов, как диаграммное проектирование, точки соприкосновения, потребительский сценарий и реинжиниринг.

В сфере услуг потребительские выгоды и само удовлетворение нужд потребителей в основном происходят в момент двустороннего взаимодействия покупателя и продавца в процессе оказания услуги. Поэтому наиболее простой способ идентификации потребительской «корзины выгод», содержащихся в услуге – это создание диаграммы процесса взаимодействия покупателя и продавца. Метод диаграммного проектирования (blueprinting) предложил американский практик и консультант по маркетингу услуг Линн Шостак [2].

Л. Шостак считает, что наиболее выгодный путь для успешного маркетинга услуг – это визуальное представление маркетологом всего процесса производства и оказания услуг, а также всех последовательных задач, непосредственно связанных с этим процессом. Согласно технологии диаграммного проектирования необходимо прежде всего различать «полосу видимости» для потребителя выполняемых в процессе оказания услуги задач. На видимой части диаграммы размещаются и анализируются этапы процесса оказания услуги и решаемые при этом задачи. На невидимой части диаграммы анализируются задачи, решаемые в процессе производства услуги.

Таким образом, можно выявить первый критерий качества производства услуг – это качество Процесса (process). Создание услуг и предоставление их потребителям предполагает разработку и реализацию эффективных технологических процессов. Технологический процесс представляет методику и последовательность действий, с помощью которых работают сервисные операционные системы. Плохо спланированные технологические процессы часто вызывают недовольство потребителей, вызванное медленной, бюрократической и неэффективной системой обслуживания.

Кроме того, несовершенные технологические процессы отрицательно сказываются на качестве работы персонала, который непосредственно контактирует с потребителями, что приводит к снижению эффективности операций и повышает вероятность возникновения ошибок. Умело управляя принципом подтверждения высокого качества технологического процесса производства услуг и размещая его в зоне видимости производственного процесса оказания услуг, производители демонстрируют клиентам свою заботу о высоком качестве предоставляемых клиенту услуг. Следовательно, клиент заведомо потребляет услугу ожидаемого качества, так как либо имеет возможность непосредственно наблюдать технологический процесс производства услуг, либо сам технологически вовлечен в процесс производства услуг.

Не отрицая важности сугубо технологических аспектов производства услуги, следует все-таки заметить, что для потребителя в конечном счете более важной является видимая часть процесса, т.е. непосредственно уровень их обслуживания – взаимодействие потребителя с обслуживающим персоналом. Эту часть процесса К. Гренроос называет функциональным аспектом качества услуги, или тем, как потребитель получает услугу [3].

Процесс взаимодействия между персоналом фирмы и потребителями в момент производства и потребления услуги маркетологи называют «точкой соприкосновения» (service encounter) [4]. Именно в точках соприкосновения случаются так называемые «моменты истины», т.е. когда подтверждаются или не подтверждаются ожидания потребителей. Смысл метода точек соприкосновения достаточно прост. Менеджеру по маркетингу предлагается зафиксировать и перечислить все те моменты, когда потребитель контактирует с персоналом фирмы в процессе потребления услуги. Считается, что эти моменты поддаются менеджерскому контролю и, таким образом, становятся контролируемыми факторами маркетинга услуг. Менеджер по маркетингу на основе соответствующего анализа может сократить либо увеличить количество точек соприкосновения, дать четкие указания контактному персоналу, как вести себя, что делать, как и какие задачи выполнять и сколько времени целесообразно потратить на выполнение задач в моменты соприкосновения с клиентом.

Таким образом, можно определить второй критерий качества производства услуг – это качество Персонала (people). Многие виды услуг подразумевают прямое, личное взаимодействие между клиентами и персоналом фирмы. В результате такого взаимодействия у потребителя складывается представление о качестве обслуживания. Очень часто мнение потребителей о качестве предоставленной услуги основывается главным образом на их оценке действий обслуживающего персонала, а также на их оценке других клиентов, с которыми им приходится сталкиваться в процессе потребления услуги. Преуспевающие сервисные предприятия прилагают огромные усилия, подбирая, обучая и стимулируя своих служащих, в первую

очередь (но не только) тех, кто непосредственно контактирует с потребителями. Многие фирмы также стараются найти способ управлять и поведением своих клиентов, внося например стандарты поведения для клиентов (центры развлечений, рестораны и т.д.).

С помощью метода точек соприкосновения возможно моделировать качество процесса обслуживания. Для каждой из точек соприкосновения можно разработать свой набор приоритетных критериев качества обслуживания (надежность, отзывчивость, убежденность, сочувствие, материальность) [5].

Осуществляя менеджмент по качеству производства и оказанию услуг нельзя ограничиться только тем или иным методом анализа и разработки решений по улучшению качества предоставляемых клиенту услуг. Это объясняется тем что – услуга, в отличие от товара, носит комплексный характер. На ее восприятие оказывает влияние обширная совокупность факторов, находящихся как в зоне «видимости» процессов производства услуги, так и за ее пределами. Так, например, даже самый приветливый, отзывчивый, опрятный и доброжелательный официант не в силах исправить ситуацию с не отвечающим заданным стандартам подачи блюд.

Среди консультантов по менеджменту качества услуг и маркетологов в течение последних лет стал достаточно популярным термин «реинжиниринг» (reengineering). По смысловому содержанию этот термин наиболее близок к русскому понятию «перестройка», но на уровне отдельно взятой фирмы. Данный метод заключается в анализе и оптимизации сложившейся практики обслуживания с целью повышения эффективности функционирования фирмы посредством маркетинга. В основе метода лежит понимание фирмы как механического организма. Считается, что в совместной деятельности всех отделов фирмы не должно существовать ничего лишнего, «износившегося» или не скоординированного. По своей философии этот метод, так же как и метод точек соприкосновения, близок к тому принципу, что в фирме услуг все отделы и работники, а не только отдел маркетинга, являются «маркетологами по совместительству» [6].

Применительно к сфере услуг технология реинжиниринга состоит из двух последовательных шагов. Сначала фиксируется существующий процесс обслуживания в фирме. Это достигается через создание общей диаграммы процесса обслуживания, где показаны роль и задачи каждого отдела. Затем производится совместный анализ с целью выявления потерянного времени, дублируемых задач, нестыковок и т.п. На основе проведенного анализа действующий процесс обслуживания подвергается необходимой модернизации [7], благодаря чему происходит улучшение качества внутри каждого отдельно взятого процесса, операции, действия, участвующих в общем процессе производства услуги.

Практикам, работающим в сфере услуг, предстоит самим решить, какой метод наиболее применим к условиям их работы. Предметное внимание к запросам потребителей является философской основой концепции маркетинга и менеджмента качества услуг.

Это положение легло в основу другого способа идентификации потребительской «корзины выгод» и разработки процесса взаимодействия покупателя и продавца – метода потребительского сценария или «потребительского протокола». Технология метода достаточно проста и прагматична: менеджер по маркетингу, кроме самостоятельного проектирования этапов и задач процесса обслуживания, может попросить самих потребителей выполнить эту задачу. Потребителей (индивидуально или в небольших группах) просят описать процесс обслуживания или составить его «сценарий», который документируется в форме протокола. Затем потребителей просят дать оценку процессу обслуживания и высказать рекомендации по его совершенствованию [7]. Недостатком метода потребительского сценария является то, что он способен отражать проблемы лишь видимой для потребителей части процесса обслуживания. Достоинство названного метода заключается в том, что в процессе составления такого протокола возможно выявить сильные и слабые аспекты процесса и «атмосферы» обслуживания, применяемого фирмой.

«Атмосфера» обслуживания по Ф. Котлеру – это Материальные свидетельства (*physical evidence*), что представляет собой третий критерий качества производства услуг. Речь идет о попытках маркетологов контролировать процесс материализации услуги и создания необходимой материальной среды обслуживания. Внешний вид зданий, порядок на прилегающей территории, транспортные средства, внешнее убранство, оборудование, служащие компании, реклама, печатные издания и другая визуальная информация служат физическим, материальным свидетельством качества обслуживания фирмы. Материальный имидж воспринимается потребителем с помощью четырех основных сенсорных каналов восприятия: визуального, слухового, обонятельного и осязательного. Другими словами, ожидаемое качество обслуживания формируется из всего того, что потребитель видит, слышит, нюхает и трогает.

Из обзора методов анализа процессов обслуживания потребителей, используемых специалистами по маркетингу услуг, можно заключить, что выделенные критерии формирования качества обслуживания имеют примерно одну и ту же логическую основу: используя различные подходы, все они пытаются сделать процесс обслуживания максимально видимым для клиента. Формируя, таким образом, у клиента ожидаемый уровень качества потребляемой услуги, основной целью чего является минимизация расхода между ожидаемым потребителем уровнем качества с воспринимаемым им уровнем качества услуги.

Библиографический список

1. Bateson, J. & Hoffman, D. Managing Services Marketing: Text and Readings. – 4th ed. – N.Y.: The Dryden Press, 1999.
2. Shostack, L.G. Services positioning through structural change // Journal of Marketing 51 (January), 1987. – pp. 34–43.
3. Gronroos, C. An applied service marketing theory // European Journal of Marketing. – Vol. 16. – № 7. 1982. – pp. 30–43.
4. Czipiel, J., Solomon, M., & Suprenant, C. The Service Encounter. Managing Employee // Customer Interaction in Service Business. – Lexington, MA: Lexington Books, 1985.
5. Котлер, Ф. Маркетинг Менеджмент: Анализ, Планирование, Внедрение, Контроль / Ф. Котлер. – СПб: Питер, 1998. – С. 549–550.
6. Gumesson, E. Relationship Marketing: From 4 Ps to 30 Rs. – Stockholm: Stockholm University, 1993.
7. Bateson, J. & Hoffman, D. Managing Services Marketing: Text and Readings. – 4th ed. N.Y.: The Dryden Press, 1999.

[К содержанию](#)

УДК 338.483.1 + 338.485

РЕКОНСТРУКЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СФЕРЫ ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА

В.В. Журавлев

В данной статье на примере отечественных и зарубежных организаций рассматривается возможность использования в стратегическом управлении предприятиями сферы индустрии гостеприимства реконструкционистского подхода.

Ключевые слова: реконструкция, стратегический менеджмент, индустрия гостеприимства, стратегия голубого океана.

Индустрия гостеприимства на протяжении многих столетий является одной из самых привлекательных отраслей деятельности. Туризм, ресторанный и гостиничный бизнес, не взирая ни на какие кризисы, продолжают динамично развиваться во всем мире. Туризм в настоящее время является одним из важных направлений, влияющих на рост экономики Российской Федерации. Для развития конкурентоспособности отечественных предприятий следует активнее внедрять современные подходы и модели менеджмента, позволяющие добиваться результата, как в текущем периоде деятельности, так и в долгосрочной перспективе.

Главной целью данной статьи является обобщение зарубежного и отечественного опыта реализации реконструкционистского подхода в современных условиях деятельности предприятий сферы сервиса и туризма, анализ возможностей нового подхода, привлечение внимания специалистов, менеджеров индустрии гостеприимства к нетрадиционным методам стратегического управления.

Реконструкционистский подход в стратегическом менеджменте стали полноценно применять в конце прошлого века, в частности, одно из его направлений, получившее название «стратегия голубого океана».

Многим исследователям менеджмента импонирует то, что «Стратегия голубого океана» (СГО), согласно модели У Чан Кима и Рене Моборн, призывает менеджеров не замечать конкурентов, не ссориться с ними, не искать преимуществ за счет превышения своих традиционных ключевых компетенций по сравнению с другими фирмами [1, 3]. СГО предполагает отказ от борьбы с конкурентами, даже игнорирование их. В рамках «стратегии голубого океана» следует искать то, что не используют другие, на что никто не обращает внимание. СГО – это поиск инновации ценности, умение отказаться от стереотипов, от традиционных правил игры на рынке, на которые ориентируется большинство организаций. СГО – это всегда поиск нового, новой ценности для рынка, потребителей, фирмы; поиск своей, никем не занятой, ниши; предложение таких бизнес-действий, которые не мешают явно и прямо другим предприятиям [2].

Анализ трудов Г. Минцберга, У Чан Кима, Р. Моборн, И. Гуркова, А. Петрова позволил выделить составные элементы формулы СГО. «Стратегия голубого океана» складывается из поиска и реализации следующих взаимосвязанных элементов:

- инновация ценности;
- польза для потребителей;
- разумная, устраивающая рынок цена;
- низкие издержки.

Под инновацией ценности понимают нечто новое или необычное, что нравится потребителям, повышает конкурентоспособность продукции, не усложняет процесс деятельности, сокращает издержки и не приводит к неразумному повышению цены [3].

Реконструкционистский подход учит менеджмент предприятий мыслить системно, учитывая самые разнообразные факторы конкуренции, особенно те, которые никогда и никем раньше в расчет не принимались, большинству специалистов даже и в голову не приходило, что какие-то элементы деятельности следует рассматривать в качестве возможных факторов конкуренции. Чтобы действовать в рамках СГО, нужно обязательно отказаться от стереотипов, постараться хотя бы чуть-чуть выйти за пределы традиционных подходов, правил и норм, но не забывать о системности и ценностном характере любой эффективной, приводящей к успеху, деятельности.

В основе системного подхода СГО находится методика реконструкции (изменения) рынка. Реконструкция границ рынка – это изменение традиционных границ рынка, выход за пределы отрасли, привычного рыночного пространства и свойственного ему традиционного менеджмента и маркетинга. Данный метод позволяет не ввязываться в конкурентную борьбу, не тратить на нее время, а, наоборот, постараться вырваться из мира жесткой конкуренции, сферы «кровавых алых океанов», заняться чем-то новым, непривычным, но содействующим достижению успеха, без нанесения прямой обиды традиционному конкуренту [2, 3].

Как же на практике предлагается осуществлять реконструкцию границ рынка? Ответ таков: следует ориентироваться на «систему шести путей» формирования «стратегии голубого океана». Рассмотрим данную модель.

Она предполагает выбор одного или нескольких путей разработки стратегии. Желательно проанализировать все указанные пути формирования стратегических действий, и менеджмент фирмы, наверняка, сможет разработать новые направления деятельности, определить конкурентные позиции, повышающие эффективность бизнеса. В данной статье приведены примеры из практики деятельности отечественных и зарубежных предприятий, в том числе уральских, добившихся определенного успеха благодаря новому подходу, ориентации на инструменты СГО.

Путь первый – необходимо рассмотреть альтернативные отрасли. Если при традиционном подходе менеджеры концентрируют, обычно, внимание на конкурентах в самой отрасли, то в рамках СГО нужно обратить внимание на другие отрасли, иные варианты выбора продукта. Проанализировав ситуацию в других отраслях, причем даже не связанных друг с другом, следует отобрать, выделить в чужой отрасли то, что подходит фирме, никем пока не применяется в данной сфере, а затем объединить выбранные варианты и на их основе предложить новый продукт (товар, услугу). Нужно искать факторы конкуренции в других отраслях [4].

Так, один из фермеров центральной полосы России, не добившись успеха в производстве сельскохозяйственной продукции, решил переключиться на сферу гостеприимства, оказывая услуги любителям активного отдыха. Он предлагал зимнюю рыбалку и охоту, которые заканчивались посещением бани. Казалось бы, ничего особенного! Но дело в том, что рыбачили зимой, в труднодоступных, безлюдных местах, куда добраться на обычной машине было очень трудно. Чтобы доставить максимальное удовольствие клиентам, предприниматель предоставлял баню именно в том месте, где организовывали рыбалку. Для этого была сделана аккуратная, практичная банька, поставлена на полозья, и перемещали ее при помощи тягача, по желаниям клиентов туда, где гостям больше всего хотелось оказаться. Профессионализм фермера достиг таких высот, что клиенты нередко парились прямо по ходу движения чудо-бани. Благодаря журналистам, о находчивом бизнесмене узнали по всей стране, что дало толчок развитию услуги в виде бани на колесах, смонтированной на базе автомобилей «Урал» и «Камаз».

Второй путь реализации реконструкционистского подхода – проанализировать различные стратегические группы в рамках отрасли. Как правило, менеджеры рассматривают конкурентов только в рамках одной стратегической группы. Под стратегической группой понимают фирмы, которые работают в одной отрасли и имеют схожие стратегии.

«Стратегия голубого океана» предлагает рассмотреть все стратегические группы, но не просто так, а с позиции потребителя. Нужно выяснить, какие факторы, условия, влияют на выбор клиентом той или иной группы. Какие мотивы движут людьми при выборе конкретной стратегической группы и конкретного предприятия. Одно время, например, в США, в сфере фитнеса существовали дорогие фитнес-центры, предлагавшие множество самых разных услуг для привлечения клиентов; дешевенькие фирмочки, где все было просто, не очень качественно, но зато недорого; индивидуальные тренеры, видеопрограммы. Все это представители разных стратегических групп. Никто из них не посягал на элементы стратегий друг друга, все варилось в сфере традиционных компетенций, потихоньку теряя клиентов. Одним не по карману были цены, других не устраивало качество. Никто ничего особенного не предпринимал, не претендовал на роль лидера изменений. Однако свято место пусто не бывает – нашлась-таки фирма, которая, проанализировав данные стратегические группы с позиции потребителя, обнаружила главное, что нужно было большинству клиентов, занимающихся фитнесом, что привлекало людей. Оказалось, на основании опросов, что главным фактором является не желание иметь хорошую фигуру, а общение, возможность встречаться, говорить, обсуждать что-либо интересное. Сам же спорт для большинства являлся лишь формой взаимодействия, благодаря которой можно было легко, непринужденно общаться.

Выявив данный фактор и сконцентрировавшись на нем, фирма обеспечила все для полноценного и приятного общения, отсекала, упразднила всяческие дорогие, общепринятые в фитнес-центрах услуги и аксессуары, не очень-то ценные для большинства потенциальных потребителей, оставив только все самое практичное, ценное, в том числе и то, что применялось в дешевых стратегических группах. Качество при этом не пострадало, зато себестоимость услуг понизилась, и цены оказались вполне приемлемыми для желающих заниматься фитнесом. В итоге фирма-инноватор добилась замечательных успехов, опередив всех участников отрасли фитнеса по доходам и количеству клиентов.

Третий путь – изучение группы потребителей с целью переоценки покупателей данной отрасли. Данный путь предполагает серьезное внимание к маркетинговым коммуникациям [7].

Четвертый путь – переоценка предлагаемых услуг. Если дополнительных услуг стало много или потребителям стало трудно разбираться в различных дополнительных характеристиках продукта и осуществлять

его эксплуатацию, нужно незамедлительно что-то поменять в самом продукте, его производстве, уменьшить количество характеристик товара, чтобы потребителям оказалось легче использовать продукт.

Пятый путь – переосмысление функционально-эмоциональной ориентации отрасли. Как правило, большинство организаций почему-то фокусируют внимание на улучшении ценовой политики в рамках функционально-эмоциональной ориентации отрасли, а больше пользы приносит как раз переосмысление данной ориентации.

Так, например, в рамках предлагаемого пути можно отказаться от излишней или чересчур широкой эмоциональной составляющей обслуживания клиентов, изысканного антуража, разнообразных аксессуаров в пользу практической значимости продукта, его сугубо функциональной составляющей. Действовать по принципу: меньше удобства и роскоши, больше – пользы. Главное – мыслить шире, чем раньше, менять привычные схемы и модели, не бояться перемен, которые приятны большинству потребителей, выгодны бизнесу и не противоречат нормам закона и морали.

Шестой путь – смотри в завтрашний день, сам участвуй в формировании внешних тенденций. «Стратегия алого океана», которой придерживаются большинство организаций, предлагает менеджерам приспособливаться к новым рыночным факторам, тенденциям по мере их возникновения [6].

Кстати говоря, формирование внешних тенденций – это вовсе не изобретение разработчиков СГО, на подобную методiku указывали еще апологеты маркетингового подхода в менеджменте, согласно которому компании мирового уровня должны заранее формировать будущие потребности покупателей, убеждая их в том, что это их насущные и совершенно необходимые нужды [5, с. 233].

Необходимо заметить, что многие предприниматели, менеджеры интуитивно используют принципы, модели СГО, совершенно не подозревая, что применяют новые технологии современной управленческой мысли. Интересным, на наш взгляд, представляется опыт челябинских предпринимателей Белоусовых, пытающихся в районе поселка Биргильда построить туристический комплекс «Гардарика».

На своей земле, кстати, взятой изначально для создания фермерского хозяйства, они реконструировали поселение древних новгородцев, построив соответствующие деревянные строения для людей и скота. По словам хозяина, Александра Белоусова, силами одной семьи проводят историческую реконструкцию на местности, в результате которой должно появиться средневековое поселение новгородцев IX–XII веков. Жилища строят без применения гвоздей и шурупов, только на деревянных скрепах. Создано капище древних славян, посажен дуб – святое дерево бога Перуна. Предприниматели планируют проводить стрельбы из боевых луков, турниры бойцов, витязей. Уже задействован календарь древних славян, со-

гласно которому проводят различные праздники – день Ивана Купала, Осенины, Коляду, Масленицу. Планируются разнообразные экскурсии обучающего характера для детей и взрослых. Казалось бы, нет ничего необычного в данном бизнесе. Действительно, на первый взгляд, это так, но дело в том, что, согласно данным исторической науки, в Челябинской области не было поселений ушкуйников-новгородцев. Древние жители Новгорода дошли только до Пермского края.

Белуосовы фактически применили реконструкционистский подход, разрабатывая стратегию бизнеса. Они перенесли историческое действие на другую территорию, игнорировали данные археологии, ориентируясь на запросы потребителей, которые скучают по русской старине, быту славян, древним традициям, и многим из них нет никакого дела до территориальной исторической достоверности. Предприниматели, имеющие большие финансовые и технологические возможности, могли бы развить данный опыт, применив все инструменты СГО, систему шести путей, создать многогранный комплекс фольклорно-исторического характера, задействовав данные челябинских археологов, фольклорные коллективы Южного Урала, традиции местного многонационального населения, инициативу любителей старинного оружия и т.п.

Разработка стратегии голубого океана также предполагает повышенное внимание к информационному фактору бизнес-деятельности, разработке ярких рекламных сообщений, необычных девизов, пробуждающих интерес общественности к новым предложениям компании [5].

Завершая данную тему, отметим, что голубые океаны создавались всегда, но, благодаря трудам профессоров INSEAD Чан Кима и Рене Моборн, мы имеем системный взгляд на преимущества создания свободной рыночной ниши. А преимущества эти весьма ощутимы: из нескольких сотен исследованных компаний только каждая седьмая шла по пути создания голубого океана, но при этом суммарная прибыль данного меньшинства в полтора раза превысила суммарную прибыль выбравших традиционный подход к разработке стратегии.

Библиографический список

1. Гурков, И.Б. Стратегический менеджмент организации / И.Б. Гурков. – М.: Омега-Л, 2008. – 312 с.
2. Журавлев, В.В. Стратегическое управление / В.В. Журавлев. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – 86 с.
3. Ким, У Чан Стратегия голубого океана / У Чан Ким, Р. Моборн. – М.: Омега-Л, 2010. – 290 с.
4. Стратегический менеджмент / под ред. А.Н. Петрова. – СПб.: Питер, 2010. – 468 с.

5. Фатеев, В.Н. Приобщение к деловой прессе как способ обеспечения ме-диабезопасности будущих менеджеров / В.Н. Фатеев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 22 (313). – С. 212–215.

6. Худякова, Т.А. Инновационные форматы гостиничного бизнеса: реалии и перспективы устойчивого развития / Т.А. Худякова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 5-1. – С. 101–108.

7. Цеунов, К.С. Обзор модели формирования межкультурной компетенции будущих специалистов по связям с общественностью / К.С. Цеунов // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – С. 110–114.

[К содержанию](#)

УДК 658.1(470) + 339.187.44 + 005.591.43

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ, С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

К.В. Айхель

Противоречивые данные о развитии малого бизнеса в России, в конечном счете, подтверждают скорее пессимистические прогнозы становления здоровой рыночной экономики страны. Как минимум два механизма представляются актуальными для создания положительной динамики работы малых предприятий: франчайзинг и вендинг. Причем существенную роль играет информатизация и популяризация этих форм работы среди трудоспособного населения регионов. Обоснованием их привлекательности вполне могут служить результаты реализации соответствующих проектов в странах Европы, США и Японии.

Ключевые слова: малый бизнес, франчайзинг, вендинг, формы организации бизнеса.

Развитие малого бизнеса в России вызывает противоречивые оценки экспертов. По общим статистическим данным наблюдается положительная динамика роста, но тем не менее, роль малых предприятий в экономике страны не является существенной. Так, на 1 апреля 2013 года количество зарегистрированных малых предприятий в целом по России по сравнению с 1 апреля предыдущего года снизилось на 1,5 %. Среднесписочная численность занятых на малых предприятиях за год выросла на 1,4 %, а удельный вес работников малых предприятий в общей среднесписочной численности занятых достиг уровня 13,7 %. Объем оборота малых предприятий вырос на 7,4 %. Одновременно представлены и расчеты, о том,

что только в 2012 году государственный бюджет потерял налогов закрывшихся предпринимателей на 13,5 млрд рублей, тогда как дополнительно планировалось получить 5,1 млрд рублей. Специалисты делают вывод, что уже длительный период – более 10 лет – развитие малого бизнеса идет крайне низкими темпами. Эти темпы таковы, что малый бизнес в России достигнет своего номинала по стандартам современной цивилизации не ранее, чем через 120–150 лет.

Содержание современной государственной политики в малом бизнесе характеризуется отсутствием: у исполнительной власти – соответствующих устремлений, у законодательной власти – необходимых представлений, у бизнеса – способностей, а у науки – возможностей.

Обратим внимание на современные формы работы малого бизнеса, доказавшие свою состоятельность на зарубежных рынках.

А именно актуальную форму организации деятельности предприятий с использованием франчайзинговой схемы, и автоматизацию бизнес-процессов – вендинг. Это два разных «англоязычных» подхода трансформации малых предприятий с учетом изменений, происходящих в рамках современной экономической формации. Первый из них подразумевает форму организации малых предприятий под защитой крупных торговых марок, а второй – совершенствование методов организации продажи с учетом новейших информационных технологий.

Имея отработанную и опробованную на практике в других странах стратегию развития бизнеса и обладая большими финансовыми возможностями, крупные иностранные компании начали проникать в разные отрасли российской экономики и создавать свою инфраструктуру (сети магазинов, складов, различные производства). Они действуют по четким планам развития, которые просчитываются обычно на 10–15 лет, используют в работе самые современные технологии, созданные в специализированных научных институтах и лабораториях. Устойчивость и темпы освоения территории нашей страны крупными транснациональными компаниями определяют общую конъюнктуру рынка предпринимателей.

В настоящий момент времени одна из популярнейших форм развития малого бизнеса в тандеме с крупным – схема франчайзинга. В этом случае крупное предприятие (франчайзер), уже завоевавшее прочное место на рынке и имеющее известную среди потребителей торговую марку, в целях расширения сбытовой сети заключает договор с мелкой самостоятельной фирмой (франчайзи, оператор) на производство и реализацию строго оговоренных видов товаров и услуг, соответствующих стандартам качества крупной фирмы.

История развития франчайзинга за рубежом насчитывает уже полтора века – с тех пор, когда Зингер впервые применил его для сбыта швейных машин. По статистике, из всех вновь образованных фирм в мире 85 % пре-

кращает свою деятельность в течение первых 5 лет. А из тех, кто работает по франчайзинговой схеме – лишь 14 %. Кроме того, франчайзинговые системы наиболее устойчивы к экономическим кризисам. Лидером рынка франчайзинга в мире являются США – в стране работает около 750 тысяч франчайзинговых предприятий. В ТОП-3 также входят Китай и Австралия.

Сегодня на территории нашей страны функционирует около 400 франшиз, 34 % из них – зарубежные, соответственно, 66 % – российские. Прирост российского рынка составляет (за 2011 г.) около 98 %. Больше половины франчайзинговых систем в нашей стране работают уже более 5 лет, 43,5 % – это более молодые франшизы.

Преимуществами работы малого бизнеса по такой схеме являются: возможность сохранения статуса владельца бизнеса, работая в строго выстроенной корпоративной культуре; получение готовой «ниши» и практически гарантированных лояльных клиентов; использование известного товарного знака, как правило, это уважаемый и популярный бренд; готовая обширная и солидная реклама; методическая помощь и поддержка на этапе запуска бизнеса; решение некоторых вопросов финансирования посредством гарантий и поручительства.

Безусловно, схема франчайзинга не лишена и недостатков. Одним из них является несколько большие затраты на первоначальном этапе, но на практике доказано, что такие вложения достаточно быстро окупаются за счет отсутствия потерь организационного характера в момент запуска бизнеса. И вторым – наиболее существенным недостатком – является проблема прекращения деятельности предприятий с такой формой работы. Франшизный договор обычно заключается на относительно большой срок – от нескольких лет до нескольких десятков лет, что не дает возможности «попробовать», но подтверждает серьезные намерения.

Отчасти низкие темпы развития франчайзинга в России связаны с высоким уровнем административного влияния в бизнес-процессах нашей страны, бюрократическую регламентацию бизнеса и высокий уровень криминализации экономики. Кроме того, в кругу предпринимателей отсутствуют серьезные знания о франчайзинге, мешает непонимание действительной стоимости франшизы и возможностей, которые она открывает. Зачастую неразвитость конкуренции позволяет не тратиться на франшизу, однако следует понимать, что это бомба замедленного действия, ведь с развитием рынка непременно появятся более сильные игроки с готовыми технологиями, полученными по франшизе.

Отсутствие достаточного количества информации и ясного понимания развития технологий так же является и камнем преткновения в расширении сферы вендинга – это продажа товаров и услуг с помощью автоматизированных систем (торговых автоматов). Вендинг получил широкое распространение в мире, как удобный и не очень требовательный способ вести торговлю или оказывать услуги. В Европе, например, установлено по-

рядка 4,5 млн торговых автоматов с оборотом более \$20 млрд. В Японии и вовсе автоматы играют чуть ли не главную роль в сфере продаж. Количество таких машин в стране достигает 5,5 млн единиц.

В России перспективы вендинг-бизнеса оценивались многими со скепсисом, хотя и с надеждой: человеческий труд стоил «копейки» – проще было ставить киоски и лотки, создать необходимое количество рабочих мест, чем ввозить дорогостоящее оборудование и «приучать» людей к автоматизированной торговле.

В настоящее время нашим соотечественникам достаточно сложно представить широту области применения автоматов, так как в России реализованы достаточно однотипные их виды. Самыми распространенными являются автоматы «продающие» напитки. Первое место занимают кофейно-автоматы, далее идет газированная и просто питьевая вода, и следующее место у снековых автоматов. Тогда как в Европе и США этот спектр значительно шире, не говоря уже о Японии, которая является передовиком в отрасли вендинга. Так, в странах-лидерах через автоматы реализуют фрукты, парфюмерию, цветы, ювелирные изделия, средства гигиены, некоторые лекарственные препараты, хлеб, полноценные обеды, канцелярские принадлежности, а также в большом количестве существуют информационные и развлекательные машины, позволяющие даже изготовить сувенирную продукцию.

Вендинговый бизнес на первый взгляд кажется легким, востребованным и не требующим значительных затрат на этапе запуска. Но действующие в этой отрасли бизнесмены имеют более реалистичные оценки и называют его творческим и высокоинтеллектуальным. Основу такой формы работы составляют автоматы и «ингредиенты» для них, в том числе и с точки зрения ремонта и замены отдельных частей, и с позиции наполнения необходимыми товарами и сырьем (в соответствующих порциях и упаковке). Именно в самих устройствах кроется и существенная проблема в развитии бизнес-процессов в России.

В настоящее время отечественных производителей существует крайне мало, и наблюдаются серьезные проблемы с техническим обслуживанием аппаратов. Кроме того, управление вендинговым бизнесом с позиции сетей накладывает ряд сложностей, заключающихся в продумывании рациональной схемы обслуживания большого количества автоматов ограниченным количеством сотрудников. Также представляет собой важнейшую задачу необходимость серьезных расчетов по загрузке автоматов всеми необходимыми составляющими в нужном количестве: товарами (сырьем), упаковочными материалами (стаканчиками), и разменными монетами. Ввиду того, что ошибки загрузки одного из элементов способны одновременно испортить «имидж» торговой точки или, как минимум, на время ухудшить конечные финансовые результаты продаж.

По некоторым оценкам на сегодняшний день на территории России действуют порядка 50 тыс. торговых автоматов, тогда как емкость рынка может составлять почти 1 млн. Несмотря на возможные ошибки в прогнозах, эту сферу торговли оценивают как одну из самых перспективных, особенно с учетом инновационной ориентации экономики нашей страны.

Библиографический список

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru/>.
2. Официальный сайт Российской Ассоциации Франчайзинга. – URL: <http://www.raf.ru/>.
3. Борисов, С.В. Удвоить ряды / С.В. Борисов // Российская Бизнес-газета. – 2012. – № 871 (42). – URL: <http://www.rg.ru/2012/11/06/biznes.html>.
4. Федеральный Закон № 209-ФЗ от 24.07.2007 «О развитии малого и сред-него предпринимательства в России» : [принят Гос. Думой 6 июля 2007: одобр. Сов. Фед. 11 июля 2007] // Рос. газ. – 2007. – 31 июля.
5. Меркулов, А.Н. Франчайзинг от А до Я / А.Н. Меркулов, В.В. Фокин, С.Д. Ватулин. – М: Феникс, 2013. – 160 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.02:004

ББК 4448.026

РОЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕХНОЛОГИЙ УДАЛЁННОГО ДОСТУПА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Т.В. Бай

В статье проанализированы перспективы использования технологий удаленного доступа в рамках системы высшего образования.

Ключевые слова: технологии удаленного доступа, туристское образование, система высшего образования

В последнее время в науке и в образовании возрастает роль современных способов передачи информации, как между вузами, так и между отдельными исследователями, а так же роль методов доступа к удалённым банкам данных, содержащим актуальную научную и учебную информацию, в том числе в области туристской индустрии. Растёт интерес к внедрению новых форм образования с использованием компьютерных сетей.

Возможности, связанные с использованием технологий удалённого доступа для целей туристского образования, обеспечивают информацион-

ные сети, предоставляющие широкий круг услуг, наиболее распространённой из которых является электронная почта. Электронная почта активно используется в учебном процессе образовательных учреждений, в том числе вузов (корпоративная почта). Иными словами студенты получают доступ к учебным материалам самого различного характера – лекциям известных учёных и преподавателей разных стран, всевозможным справочникам, журналам и методическим пособиям, выполняют курсовые проекты и домашние задания и отсылают их на проверку. При этом в отличие от классической системы заочного обучения, на получение новых материалов и проверенных заданий уходят считанные часы. Студенты, магистранты и бакалавры, аспиранты могут обсуждать возникающие в процессе обучения проблемы со своими сверстниками в других городах и странах, используя для этого различные тематические телеконференции и вебинары.

Рациональное сочетание традиционных форм обучения с новыми формами, основанными на технологиях удалённого доступа, существенно повышает эффективность и качество учебного процесса.

Ещё большие возможности предоставляет Интернет – открытая саморазвивающаяся кибернетическая система, включающая в себя миллионы людей и множество компьютеров, объединённых в различные локальные и глобальные сети, реализуемая на основе единых способов межкомпьютерного и межсетевое взаимодействия, стандартизированных в семействе протоколов TCP/IP, и образующая единое информационное пространство, поддерживаемое различными информационными сервисами (телеконференция, электронная почта и пр.).

Исследователи современных ресурсов Интернет выделяют пять функциональных возможностей Интернета в образовании, в том числе высшем и постдипломном:

- теле-доступ – использование ресурсов Интернет в процессе обучения, включая электронные библиотеки, базы данных, музеи, виртуальные лаборатории, спутниковые данные и т.п.;
- виртуальные публикации – возможность электронных публикаций, включающих в себя не только текст, но и графику, и звук, и видео;
- теле-присутствие – позволяет испытывать события в дистанционно удалённых местах: на маршруте экспедиции, участие в реальном эксперименте, в зоне экологического бедствия и т.п.;
- теле-наставник – возможность получить профессиональную помощь учёных и экспертов в различных предметных областях в режиме on-line;
- теле-сотрудничество – участие в совместных проектах, публикациях, обсуждение совместных научно-исследовательских планов и т.п.

В образовательном процессе вуза следует выделить два направления использования технологий удалённого доступа.

Во-первых, применение профессиональных программных систем как основы будущей профессиональной деятельности специалистов туристской индустрии. Во-вторых, образовательный процесс в рамках широкого круга дисциплин, включая общеобразовательные и профессионально-ориентирующие.

Появление на рынке услуг современных систем сетевого обеспечения и электронных коммуникаций существенно расширило возможности организации образовательного процесса как с точки зрения оперативности обмена, так и с точки зрения доступности к интегральным информационным ресурсам. Это обстоятельство привело к появлению новых форм и методов построения образовательного процесса.

Применение профессиональных программно-инструментальных систем и комплексов обеспечивает универсальные технологии сопровождения учебного процесса, позволяет решить задачи адаптации учебного материала и его оперативной настройки в соответствии с постоянно меняющимся уровнем требований, а также проблему так называемого «второго автора». При этом к разработке предметно-ориентированного программного обеспечения могут быть привлечены самые широкие круги практикующих педагогов и методистов, работодателей, специалистов с предприятий туристской индустрии.

Необходимо отметить, тот факт, что в ряде учебных и научных заведений проводятся исследования, целью которых является разработка научно-методических основ компьютерного сопровождения образовательного процесса на основе программно-инструментальных систем проектирования и сопровождения учебных материалов различного класса, технологии проектирования программных модулей учебного назначения, методического обеспечения процессов проектирования, формирования и адаптации учебных модулей к реальному учебному процессу.

Так, например, внедрение технологий удаленного доступа обеспечивает сквозной цикл сопровождения учебных программ, включая проектирование, реализацию в формате комплекса, адаптацию в соответствии с рабочими планами и программами обучения и подготовки, авторское сопровождение учебных материалов и решение проблемы «второго автора».

Кроме того система организации учебного процесса позволяет автоматизировать операции управления процессом обучения в режиме компьютерного сопровождения. Система обеспечивает ведение регистрационной базы пользователей (студентов) в соответствии с административно-учебной структурой образовательного учреждения или подразделения, сбор и хранение полных протоколов сеансов обучения (подготовки), формирование сводных протоколов и ведомостей по указанной спецификации.

Практические результаты этой работы внедрены в системе подготовки кадров в военных учебных заведениях Министерства обороны РФ, в учеб-

ных заведениях Министерства путей сообщений РФ и др. Другое возможное использование технологий удалённого доступа в высшей школе России – информатизация научных исследований. Новые информационные технологии дают ключ к интенсификации научных исследований. Комплексный характер проблемы их разработки и внедрения в практику научных исследований требует объединения усилий ведущих научных коллективов, связанных с работами по данному направлению.

Существенную роль в этом могут сыграть технологии удалённого доступа. Они, помимо прочего, позволят создать в будущем распределённые экспертные системы и базы знаний, объединяющие опыт и интеллектуальный потенциал исследователей и проектировщиков.

Перспективно также направление использования технологий удалённого доступа в управлении вузам и системой высшего образования в целом.

Библиографический список

1. Бай, К.Н. Информационные технологии как концепт управления профессиональным образованием / К.Н. Бай, Т.В. Бай // Инновационные информационные технологии: Материалы международной научно-практической конференции. Том 2. / гл. ред. С.У. Увайсов; отв. ред. И.А. Иванов. – М.: МИЭМ НИУ ВШЭ, 2013. – С. 126–132.

2 Бай, Т.В. Особенности оценки компетенций бакалавров туризма в условиях внедрения ФГОС ВПО третьего поколения / Т.В. Бай // Materiały IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Perspektywiczne opracowania są nauką i technikami – 2013». Volume 17. Pedagogiczne nauki : Przemysł. Nauka i studia. – 64 str.

3 Иванников, А.Д. Перспективные информационные технологии в концепции информатизации высшего образования. Информология, информатика и образование: Справочное пособие / А.Д. Иванников, Ю.Л. Ижванов, А.О. Кривошеев; под общ.ред В.А. Извозчикова и И.В.Симоновой. – СПб.: КАРО, 2004. – 242 с.

4 Савиных, В.П. Анализ российского образовательного рынка для международного сотрудничества / В.П. Савиных, В.А. Фукин, М.Д. Князева, Н.Н. Мащников, В.А. Афанасьев // Университетское управление. – 2004. – № 1(29). – С. 21–35.

[К содержанию](#)

УДК 37.018.3

ПОСТИНТЕРНАТНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

А.Р. Ишматова, Т.В. Бондарчук

Постинтернатное сопровождение как процесс профессионального взаимодействия специалистов разного профиля с ребенком и его социальным окружением позволяет создать оптимальные условия для его адаптации и социализации в обществе.

Ключевые слова: постинтернатное сопровождение, социально-правовая поддержка, психолого-педагогическая помощь, нормативно-правовая база постинтернатного сопровождения.

Во исполнение послания Президента РФ Федеральному Собранию «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» во всех регионах Российской Федерации идет формирование региональной стратегии. Каждому региону рекомендовано разработать свою региональную стратегию – план действий в интересах детей.

В числе основных приоритетов Национальной стратегии реформирование детских домов, упор на семейное воспитание, общественный контроль на всех стадиях реализации данных проектов, создание и развитие региональной системы постинтернатного сопровождения, внедрение программы подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей к самостоятельной жизни по окончании пребывания в государственных учреждениях [1]. Кроме того, стратегия предусматривает создание единой системы служб ранней помощи для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, развитие инклюзивного дошкольного образования, организацию школьных служб примирения, нацеленных на разрешение конфликтов в образовательных учреждениях, профилактику правонарушений детей и подростков, улучшение отношений в образовательном учреждении и другие мероприятия.

Ключевые моменты стратегии: право каждого ребенка жить и воспитываться в семье, защита прав ребенка, реализация его потенциала, сбережение здоровья и удовлетворение его потребностей, развитие внутренних ресурсов семьи. Особое внимание уделяется уязвимым категориям детей [2].

Необходимость взаимодействия различных социальных институтов по проблеме воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья все больше декларируется в теории и редко находит реальное воплощение на практике. Накопленный в этом направлении опыт недостаточно обобщается и пропагандируется [3]. Тем не менее, в атмосфере снижения качества деятельности социальных учреждений пробивается живой творческий импульс плодотворных инициатив самоотверженной работы с больными детьми и детьми-инвалидами. Ребенок-инвалид ограничен в свободе и социальной значимости. У него очень высокая степень зависимости и уязви-

мости от ближайшего окружения, ограничены навыки взаимодействия в социуме. Нередко поведение детей с ограниченными возможностями здоровья носит аутичный характер. У этих детей появляются неадекватные реакции, немотивированные отказы, негативизм. Они начинают преувеличивать свои недостатки, вместо учебы могут полностью уйти в различные посторонние увлечения (коллекционирование музыкальных записей, компьютерные игры и т.д.), страдают разнообразными страхами, боятся активных социальных действий. Подобный стиль поведения характерен для дефицитарной и недостаточной в социальном аспекте личности. В процессе взросления эти особенности могут привести к таким личностным отклонениям, которые по своим последствиям станут значительнее, чем основное заболевание, вызвавшее инвалидность. Для того чтобы избежать этих проблем, следует проводить психолого-педагогическую поддержку и социальную адаптацию детей с ограниченными возможностями здоровья. К данной работе необходимо подходить с гуманистических позиций и выработать у данной категории детей умение мыслить категориями будущего, формировать позитивные перспективы развития [4].

Для достижения поставленной цели необходимо выполнение ряда задач:

1) развитие нормативно-правовой базы на региональном уровне, обеспечивающей возможность установления постинтернатного сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья;

2) создание региональной инфраструктуры поддержки лиц из числа детей с ограниченными возможностями здоровья.

Именно это послужило причиной создания Проекта постинтернатного сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья. Он будет организован на базе социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних детей г. Снежинска Челябинской области.

Постинтернатное сопровождение – процесс профессионального взаимодействия специалистов разного профиля с ребенком и его социальным окружением с целью создания оптимальных условий для его адаптации и социализации в обществе. Постинтернатное сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья выстраивается на основе единства трех направлений деятельности:

а) социально-правовая поддержка детей с ограниченными возможностями здоровья;

б) психолого-педагогическая помощь;

в) аналитическая и информационно-методическая работа.

Таким образом, постинтернатное сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья в настоящий момент характеризуется созданием и апробацией моделей постинтернатного сопровождения, разработкой механизмов поддержки детей с ограниченными возможностями здоровья, в частности изменение нормативно-правовой законодательной базы, развитие программ и разработки курсов повышения квалификации для работников социально-педагогической сферы деятельности.

Библиографический список

1. Байер, Е.А. Жизнестойкость как необходимое качество выпускника дет-ского дома / Е.А. Байер, И.Б. Павлов // Социальная педагогика. – 2010. – №5. – С. 75–83.
2. Бобылева, И.А. О разработке мониторинга качества жизни воспитанников детского дома / И.А. Бобылева, Е.В. Гурова // Журн. практ. психолога. – 2008. – № 2. – С. 174–186.
3. Володина, Ю.А. Особенности деинституционализации детей-сирот и детей, лишенных родительского попечительства / Ю.А. Володина // Пед. образование и наука. – 2008. – № 11.– С. 41–46.
4. Шахманова, А.Ш. Социально-педагогические проблемы воспитания сирот в России / А.Ш. Шахманова // Педагогика. – 2009. – № 5. – С. 47–51.

[К содержанию](#)

УДК 378.172

ББК X51

ФИЗКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВУЗЕ НА ОСНОВЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА

Д.В. Викторов

Глобальная конкуренция в возрастающей степени захватывает сферы профессионального образования. Это означает, что качество образовательных услуг и интеллектуальных продуктов образовательных учреждений уже не может оцениваться внутри национальных и региональных образовательных систем. И чтобы достичь успеха, образовательные учреждения должны не просто повышать уровень образования, но и обеспечить международную сопоставимость образовательных программ и результатов обучения, включаться в межнациональные профессиональные сети и потоки академической мобильности.

Ключевые слова: физкультурное образование, студенты, компетенции, здоровье.

Ускоряющаяся динамика структурных изменений в экономике обуславливает необходимость постоянного обновления содержания профессионального образования, что требует принятия федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения для всех уровней профессионального образования [1].

С целью преодоления разрыва содержания профессионального образования от развивающейся экономики страны, обеспечения международной сопоставимости российского содержания образования, был принят Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта)», устанавливающий понятие «федерального государственного образовательного стандарта» (ФГОС) и его структуры, которая включает в себя требования к: структуре основных образовательных программ, в том числе требования к соотношению частей основной образовательной программы и их объему, а также к соотношению обязательной части основной образовательной программы и части, формируемой участниками образовательного процесса.

ФГОС предусматривает деление основной образовательной программы на обязательную (базовую) часть и часть, формируемую участниками образовательного процесса (вариативную) (в отличие от прежнего деления образовательной программы на компоненты: федеральный, национально-региональный и компонент образовательного учреждения). ФГОС формулирует требования к результатам освоения основных образовательных программ в терминах компетенций выпускников, представляющих собой динамичную совокупность знаний, умений, навыков, способностей и личностных качеств, которую студент может продемонстрировать после завершения образовательной программы (или ее части), что должно нацеливать образовательные учреждения обеспечивать не столько набор определенных учебных предметов, курсов, дисциплин, сколько приобретение обучающимися востребованных компетенций, в первую очередь, способности самостоятельно приобретать и применять знания, а также использовать умения, навыки и личностные качества в познавательной и профессиональной деятельности в условиях инновационной экономики, а значит, при решении нестандартных задач [2]. Компетенции имеют комплексный характер и включают, кроме знаниевой компоненты, поведенческий аспект, то есть систему социальных, нравственных и профессиональных ориентиров, позволяющих выпускнику «правильно» (разумно, продуктивно, приемлемо для окружающих и т.п.) вести себя в различных ситуациях – профессиональных и внепрофессиональных.

Таким образом, чтобы физическое воспитание стало основополагающим процессом образования, необходима трансформация учебного процесса в вузах, в котором доминирующим началом стали бы компетентность обучающего в вопросах физического воспитания и физического самосовершенствования, их забота о своем здоровье, самообразование в этой сфере деятельности в течение всей жизни.

Компетенция есть интегрированное понятие, выражающее способность индивида самостоятельно применять в определенном контексте различные элементы знаний и умений. Уровень самостоятельности лежит в основе каждого уровня компетенции и определяет границу между ними. Компетенция включает: 1) когнитивную компетенцию, предполагающую использование теории и понятий, а также «скрытые» знания, приобретенные на опыте; 2) функциональную компетенцию (умения и ноу-хау), а именно то, что индивид должен уметь делать в трудовой сфере, в сфере обучения или социальной деятельности; 3) личностную компетенцию, предполагающую поведенческие умения в конкретной ситуации; 4) этическую компетенцию, предполагающую наличие определенных личностных и профессиональных ценностей».

Как видно из этого текста, для здоровья и способах его сохранения и укрепления, в этом присутствуют практически все указанные в определении компоненты компетенции: когнитивная, функциональная, этическая. Причем очень важно понять, что каждый компонент здоровья может иметь различную степень развитости и, следовательно, определяет возможность различного уровня сформированности в целом одной и той же компетенции.

Требования сегодняшнего дня – сделать студента соучастником учебно-воспитательного процесса, подготовить его не столько к сдаче переходных нормативов, сколько к дальнейшему использованию физической культуры в повседневной жизни.

Однако специфика занятий по курсу физического воспитания в условиях открытого воздуха требует тщательного планирования как месячного и недельных циклов, так и отдельного занятия. Это обусловлено тем, что дискомфортные условия приводят к значительной мобилизации адаптационных процессов и не всегда благоприятно сказываются на состоянии организма студентов. Формирование потребности в физическом самосовершенствовании также является долговременным позитивным результатом всей деятельности по физическому воспитанию студенческой молодежи. Так, например, среди поступающих в вузы, немало молодежи отрицательно или безразлично относящейся к систематическим физическими упражнениями; многие имеют слабую физическую подготовленность, подвержены простудным заболеваниям.

Студент говорит, что его больше всего интересует определённый вид физкультурно-оздоровительной деятельности. Нужно ли ему тогда в таком же объеме изучать всю предлагаемую программу по курсу физического воспитания? Не лучше ли чтобы человек специализировался в каком-то направлении, каком-то виде спорта и физической активности? Вполне вероятно, что в этом случае достаточно обзорного курса. С одной стороны, чтобы исправить недостатки среднего образования по физическому воспитанию, а с другой – чтобы дать возможность определиться с предметом специализации. Например, студент выбрал определённую специализацию,

и он изучает все необходимые знания, связанные с историей её развития, тактикой ведения борьбы, тактикой побеждать, быть первым, правилами проведения соревнований и т.п. Что он будет хуже как специалист? Если мы сейчас придем на пятый курс и спросим студентов, что они помнят о предмете физическое воспитание, как проводятся соревнования по определённым видам физкультурно-оздоровительной деятельности, выяснится, что толком что-то помнят только те, кто специально занимался и занимается выбранным видом.

Данная педагогическая система эффективно работает в ЮУрГУ и является логическим продолжением общей идеи сквозной и непрерывной педагогической системы образования в области физической культуры. На базе Института спорта, туризма и сервиса объединение усилий преподавателей различных дисциплин проводится постоянно, поскольку профессорско-преподавательский состав базируется в рамках нескольких кафедр, признающих актуальность здоровьесберегающего содержания и технологий обучения.

Учитывая то, что Болонская декларация предполагает собой увеличение часов для самостоятельной работы, а также модульный подход и кредиты возникает необходимость введения целенаправленно расширенных образовательных программ по физическому воспитанию.

Основываясь на данных положениях, в Южно-Уральском государственном университете (ЮУрГУ), обеспечивается построение разнообразной по направленности и содержанию авторской, интегративной, факультативной и другой, двигательной деятельности по настольному теннису, атлетической гимнастике, единоборствам, шейпингу, аэробике, бадминтону, баскетболу, волейболу, футболу, плаванию с целью формирования личностно-ориентированной физкультурно-оздоровительной деятельности.

В основу нашей концепции заложена идея, согласно которой образование в области физической культуры разворачивается посредством взаимодействия, взаимозависимых, взаимообусловленных и дополняющих друг друга подсистем формирования приспособительных механизмов к реальным условиям жизнедеятельности и проявляющихся в способности формирования индивидуальной системы поведения личности (рис. 1).

Обучающую технологию, основная задача которой – обучение учащихся основам избранного вида физкультурно-оздоровительной деятельности, мы рассматриваем как исходное звено в системе образования в области физической культуры, где создаются условия для проявления субъектной двигательной активности.

Воспитывающая технология, основное направление которой – формирование учащегося как личности здорового типа поведения, по нашему убеждению, является системообразующим звеном, так как в основе выбора является сам учащийся, пользующийся предоставленными образовательным учреждением возможностями.

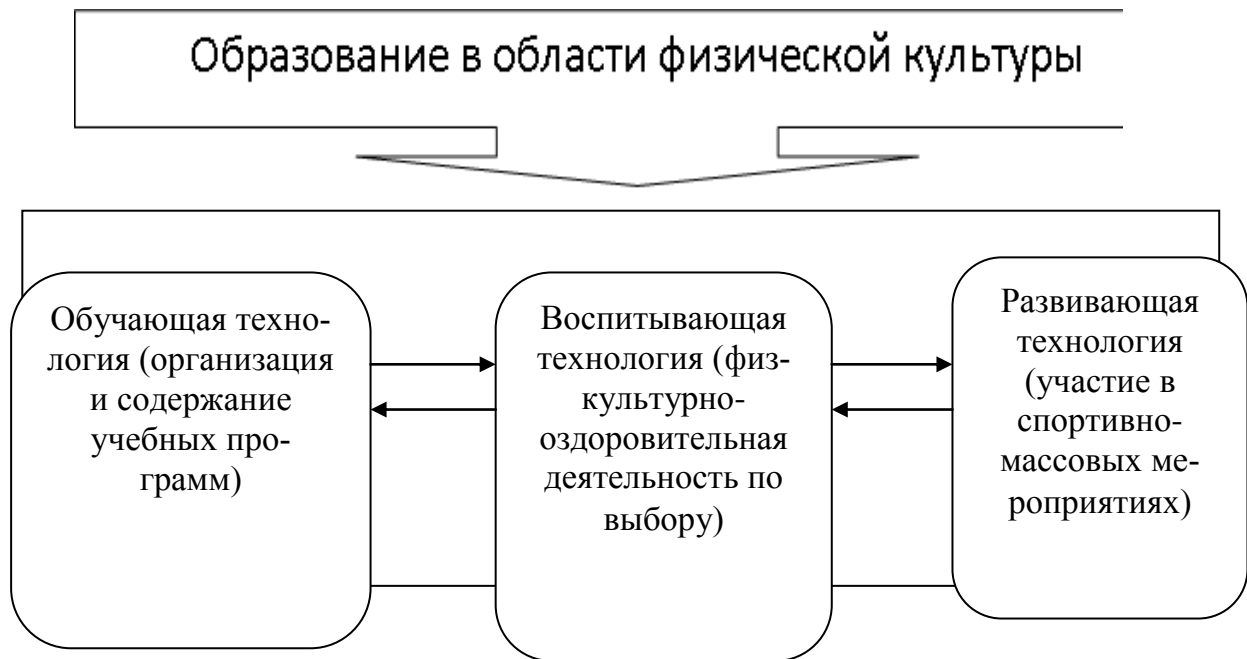

Рис. 1. Технология образования в области физической культуры

Развивающая технология позволяет учащимся закрепить специальные навыки здорового поведения в ситуациях, требующих непосредственного и обязательного участия.

Практический раздел вышеназванных форм занятий базируется на материале общеразвивающих физических упражнений, профессионально-прикладной физической подготовки, избранного вида спорта. Отличительная черта данного раздела программы – его преимущественная методическая направленность (с целью освоения программ самостоятельных занятий). Демократизация выбора средств физического воспитания не должна снижать требований к формированию основ физкультурного самообразования у каждого студента. При решении этих задач наиболее оправданная форма обучения – это практикумы-консультации. Они позволяют достигать определенного тренирующего и обучающего эффекта (аналогично типовым практическим занятиям), осваивать базовые варианты оздоровительных или тренировочных программ для самостоятельных занятий (типа домашних заданий), получать информацию по основам физической культуры и консультацию по конкретным вопросам тренировки и т.п.

Таким образом, образование в области физической культуры рассматривается нами как педагогический процесс, в котором смещены акценты в сторону воспитания, благодаря чему и достигается органичная связь между приобретением учащимися знаний, умений и навыков, освоением физкультурно-оздоровительного опыта и формированием их личностных качеств. Педагог не только предоставляет учащимся право выбора, но и учит их действовать осмысленно в ситуации выбора, обеспечивая необходимым инструментарием.

Физкультурное образование связано с обращением к общечеловеческим ценностям, к нравственному, интеллектуальному, физическому, психологическому потенциалу личности студента. Потребности и стремления человека в освоении ценностей физической культуры должны стимулироваться чувством удовольствия от физической активности, успехами в росте его собственных физических, психических, нравственных возможностей, работоспособности, ощущением здоровья и умением управлять внутренним состоянием.

Библиографический список

1. Дуранов, М.Е. Педагогика управления физическим образованием молодежи / М.Е. Дуранов, Р.Ф. Кабиров, О.В. Лешер, Е.В. Тарасов. – Магнитогорск: МГТУ, 1998. – 191 с.
2. Хуторской, А.В. Ключевые компетенции. Технология конструирования / А.В. Хуторской // Народное образование, 2003. – № 5. – С. 55–61.

[К содержанию](#)

УДК 338.483.1

ББК У433+Ч518.1

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ ТУРИСТСКИХ РЕСУРСОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

И.А. Горбунова

В данной статье предлагается концепция и методические подходы к созданию комплексной модели оценки туристских ресурсов региона. Разрабатываемая методология предполагает проведение комплексной оценки различных по своим свойствам характеристик и наиболее целесообразно применять балльную рейтинговую шкалу оценки, позволяющую сопоставить эти характеристики.

Ключевые слова: туристские ресурсы, кадастр туристских ресурсов, районирование, рейтинговая оценка, туристская территория, региональный рекреационный потенциал (РРП), аттрактивные свойства, матрица оценки рекреационного потенциала.

В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем развития туристской индустрии в нашей стране является разработка системы комплексной оценки туристских ресурсов и территорий. Она рассматривалась на протяжении длительного периода времени и в основном в рамках плановой экономики страны. Наибольший интерес представляют подходы, предложенные И.В. Зориным, Ю.С. Путриком, В.В. Свешниковым, а также исследования специалистов географического факультета МГУ Н.С. Мироненко, А.Ю. Александровой [4].

Но в данных концепциях можно выделить такой недостаток, как концентрация внимания при проведении оценки на отдельных составляющих туристского потенциала и пренебрежении другими (например, недостаточное внимание уделяется экономическим факторам при повышенном интересе к рекреационно-географическим). В то же время для устойчивого развития туризма в туристских регионах необходимо проведение комплексной оценки туристских ресурсов, которая учитывала бы все значимые факторы, влияющие на рекреационный потенциал территорий.

Анализ регионального и муниципального туристского законодательства показывает, что проблема оценки туристских ресурсов и их классификации актуальна и на этом уровне. В то же время ни в одном из региональных законов не содержится каких-либо четких указаний на методики проведения оценки [2].

В данной статье предлагается концепция и методические подходы к созданию комплексной модели оценки туристских ресурсов региона. Разрабатываемая методология предполагает проведение комплексной оценки различных по своим свойствам характеристик и наиболее целесообразно применять балльную рейтинговую шкалу оценки, позволяющую сопоставить эти характеристики.

Рейтинговая оценка туристских ресурсов – оценка различных свойств, качественных и количественных параметров туристско-рекреационных ресурсов региона в условных баллах, присваиваемых каждой характеристике, которые впоследствии формируют итоговый рейтинг всех туристских территорий [1].

Предлагаемая методика оценки включает 4 базовые категории оценки:

– наиболее перспективные – наиболее высококачественные, высоко развитые, благоприятные для развития туризма ресурсы и территории для первоочередного освоения;

– благоприятные – высококачественные, благоприятные для развития туризма ресурсы и территории, не обладающие статусом федерального значения, но значительные по количеству или имеющие региональный, межрегиональный статус;

– относительно благоприятные – ресурсы и территории, интенсивное туристское использование которых возможно, но имеющие ряд негативных (репеллентных) свойств, которые снижают их привлекательность или обладают незначительными количественными и качественными характеристиками;

– неблагоприятные – малоперспективные ресурсы и территории, которые не обладают высокими количественными и качественными характеристиками [5].

При этом для оценки применяется десятибалльная шкала, а оценки подразделяются по категориям в соответствии с табл. 1.

Таблица 1

Шкала комплексной балльной оценки
туристско-рекреационных ресурсов и территорий

№ категории	Наименование категории оценки	Балльная оценка
1	Наиболее благоприятные	9–10
2	Благоприятные	6–8,9
3	Относительно благоприятные	4–5,9
4	Неблагоприятные	0–3,9

Так как целями оценки туристско-рекреационных ресурсов, в том числе, являются районирование и классификация туристских территорий, а впоследствии составление регионального кадастра туристских ресурсов, то необходимо проводить рейтинговую оценку не отдельных туристских ресурсов, а комплексную оценку территорий в соответствии с существующим административно-территориальным делением региона. Таким образом, целесообразно использовать при оценке понятие регионального рекреационного потенциала (РРП).

Региональный рекреационный потенциал (РРП) – это комплекс экологических, ландшафтных, социальных, инфраструктурных и других количественных и качественных характеристик, влияющих на развитие рекреации и туризма в существующих и перспективных туристско-рекреационных регионах [4].

Все факторы, которые влияют на оценку регионального рекреационного потенциала, привлекательность территории для развития туризма и рекреации, можно разделить на несколько категорий:

– экологический потенциал, включающий следующие основные компоненты: (экологическая оценка состояния земельных ресурсов, экологическая оценка состояния лесных ресурсов, экологическая оценка состояния атмосферного воздуха, экологическая оценка состояния водных ресурсов, оценка радиационного загрязнения);

– ландшафтный потенциал (оценка количественных и качественных характеристик рельефа, оценка количественных и качественных характеристик водных ресурсов, оценка количественных и качественных характеристик растительного и животного мира, оценка количественных и качественных характеристик особо охраняемых природных территорий (ООПТ), оценка количественных и качественных характеристик природных лечебных ресурсов);

– культурный потенциал (оценка историко-культурных объектов, оценка социально-культурных объектов);

– инфраструктурный потенциал (оценка транспортной инфраструктуры, оценка инфраструктуры связи, оценка средств размещения, в том числе специализированных, оценка безопасности, оценка организаторов туризма, торговли, общественного питания).

При этом при проведении оценки учитываются аттрактивные и репеллентные свойства, влияющие на оценочную величину (табл. 2).

Таблица 2

Факторы, влияющие на региональный рекреационный потенциал

Оцениваемый компонент	Факторы, влияющие на оценку
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ	
Земельные ресурсы	Доля нарушенных и деформированных земель, в общей площади земельного фонда, доля переувлажненных, заболоченных, эрозийных, загрязненных земель
Лесные ресурсы	Показатель лесистости территорий, доля лесов по различным группам, доля лесов, пораженных различными болезнями
Атмосферный воздух	Объем выбросов вредных веществ, доля проб с превышением предельно допустимых концентраций в общем объеме отобранных проб
Водные ресурсы	Объем сбросов вредных веществ, доля проб с превышением предельно допустимых концентраций в общем объеме отобранных проб
Радиационное загрязнение	Доля площадей, находящихся в зоне радиационного загрязнения, уровень радиационного загрязнения на различных территориях
ЛАНДШАФТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	
Рельеф	Аттрактивные свойства рельефа, его информационная насыщенность природными объектами, рекреационная ёмкость, обозримость и внушительность объектов, выразительность и т.п.
Водные ресурсы	Выразительность и аттрактивность отдельных водных объектов, насыщенность ландшафта водными объектами, их размер и разнообразие и т.п.
Ресурсы растительного и животного мира	Пространственное разнообразие растительного и животного мира, количество редких видов флоры и фауны на территории, количественная оценка растительных и животных ресурсов для развития охоты, рыбной ловли, сбора грибов и ягод и т.п.
Особо охраняемые природные территории	Доля площади ООПТ в общей площади территорий, статус ООПТ
Природные лечебные ресурсы	Разнообразие природных целебных ресурсов, их качественное состояние и количественные запасы, их доступность в целях рекреации
КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	
Историко-культурные объекты	Количество, ценность и информативность памятников истории и культуры, памятных мест
Социально-культурные объекты	Количество и разнообразие библиотек, театров, спортивных сооружений, кинотеатров и других мест культурного и развлекательного досуга населения

Окончание табл. 2

Оцениваемый компонент	Факторы, влияющие на оценку
ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	
Транспортная инфраструктура	Протяженность дорожной сети с твердым покрытием, статус автодорог региона (федеральный, региональный, местный), эксплуатационная длина железнодорожных линий, связи с другими регионами, наличие аэропортов различного значения и воздушного сообщения как внутрироссийского, так и международного, наличие и протяженность судоходных рек и каналов
Инфраструктура связи	Широта охвата телефонной связью населенных пунктов, доля цифровой телефонии, развитие сети Интернет и наличие пунктов доступа в Интернет, Интернет-провайдеров, предоставляющих услуги, широта охвата и качество сотовой связи.
Средства размещения, в том числе специализированные	Число гостиничных предприятий, их номерной фонд и единовременная вместимость, качественные характеристики гостиничного фонда (количество гостиниц со статусом 3 звезды и выше). Число санаторно-курортных организаций, организаций отдыха и туристских баз, их загруженность, вместимость и качественный статус.
Безопасность	Количество природных и техногенных чрезвычайных ситуаций на территории региона, уровень преступности и др.
Организаторы туризма, торговля и общественное питание	Количество и уровень организаций общественного питания, уровень цен, количество и величина туристских фирм, предприятий торговли.

По всем компонентам РРП формируются рейтинговые оценки. При этом, если оценка по одному из компонентов включает несколько составляющих, то рассчитывается среднее значение, которое и является итоговой рейтинговой оценкой по данному компоненту РРП. Далее оценки по четырем компонентам формируют итоговую оценочную матрицу (табл.3). При этом по всем туристско-рекреационным районам рассчитываются средние значения оценки, исходя из которых территорию относят к одной из предложенных ранее оценочных категорий [2].

Так как оценка территорий проводилась на основании существующего административно-территориального деления, то границы туристско-рекреационных районов совпадают с административными границами региона.

На основе рейтинговой оценки, во взаимодействии и взаимозависимости с ее процедурой и результатами необходимо провести классификацию и районирование туристских ресурсов и территорий по ряду определенных признаков: по типам туристского природопользования, по роли объектов для развития туризма, видам туристских ресурсов, возможностям рекреационного использования [3].

Таблица 3

Итоговая матрица оценки рекреационного потенциала

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ РАЙОН	ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ	ЛАНДШАФТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	ИТОГО	СРЕДНЯЯ ОЦЕНКА	КАТЕГОРИЯ ТЕРРИТОРИИ
Район 1							
Район 2							
Район 3							
.....							
Район 11							

Результаты классификации и комплексной оценки туристских ресурсов в дальнейшем используются для проведения районирования территорий, на основе которого формируются многофакторные карты туристских ресурсов регионов и страны в целом с выделением территорий, различных по степени благоприятности для развития туризма и рекреации [6].

Библиографический список

1. Кусков, А.С. Рекреационная география: Учеб.-метод. комплекс: Учеб.-метод. пособие / А.С. Кусков, В.Л. Голубева, Т.Н. Одинцова; Рос. акад. образования, Моск. психол.-социал. ин-т. – М.: Флинта: МПСИ, 2005. – 493 с.
2. Саранча, М.А., Методологические проблемы интегральной оценки туристско-рекреационного потенциала территории / М.А. Саранча // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о земле». – 2011. – Выпуск 1. – С.118–127.
3. Третьякова, Т.Н., Историко-культурное наследие региона. В 2-х частях / Т.Н. Третьякова, С.В.Федорова, М.С.Локтева. – Челябинск: УралГУФК, 2007. – Ч.2. – 496 с.
4. Третьякова, Т.Н. Краеведение в региональном туризме: Учебное пособие. Ч.1. / Т.Н. Третьякова. – Челябинск: ФГОУ ВПО УралГУФК, 2010. – 520 с.
5. Евсеев, А.В. Оценка рекреационного потенциала Севера России / А.В. Евсеев, Т.М. Красовская, Н.С. Мироненко, В.С. Тикунов, Н.В. Шабалина. – Смоленск, 1996.
6. Андреева, М.А. География Челябинской области: монография / М.А. Андреева, А.С. Маркова. – Челябинск: Юж.-Урал. Кн. Изд-во, 2002. – 320 с.

[К содержанию](#)

УДК 371.7-053.5 + 615.825

**ВЫЯВЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЯЕМЫХ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ГИМНАСТИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ,
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИГР И МАССАЖА
ДЛЯ ДЕТЕЙ 7–10 ЛЕТ С НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ**

Е.В. Гурова

По результатам проведенных исследований на базе муниципального специального общеобразовательного учреждения (МСКОУ) школы-интерната № 11 г. Челябинска физические упражнения, рефлекторно-сегментарный массаж, логопедический массаж и артикуляционная гимнастика способствовали тренировке подвижности мышц артикуляционного аппарата, отработки определенных положений губ, языка, мягкого неба, необходимых для правильного произнесения всех звуков и развитию речедвигательной моторики у детей.

Ключевые слова: нарушения речи, дети 7–10 лет, задержка в развитии сенсорной и слухомоторной речевых функций, логопедический массаж и артикуляционная гимнастика.

В настоящее время количество детей с нарушениями речи значительно возросло. Эта патология затрагивает главным образом детей 3–14 лет и наиболее ярко проявляется в младшем школьном возрасте. По данным Г.Г. Шанько число таких детей не превышает 12 %, по мнению В.И. Гузевой и М.Я. Шарфа, нарушения речи наблюдаются у 20–25 % всех детей [11; 12].

У детей с нарушениями речи наблюдается не только трудности в произношении и написании слов. Часто ярко выражается психомоторное беспокойство, слишком быстрый или медленный темп работы, импульсивность, суетливость, замедление реакции, нарушений внимания, плохая концентрация внимания, возбудимость, апатия, утомляемость, неуверенность, внутреннее напряжение, негативизм, фамильярное поведение, различные невротические реакции. У многих детей, страдающих речевыми расстройствами, отмечается множественная дизэмбриогенетическая стигмация в виде деформации лицевого скелета, расстройство черепно-мозговой иннервации, мышечная дистония [10].

Объектом работы являются психологические и функциональные перестройки в организме ребенка 7–10 лет при проведении разработанной программы.

Предмет работы – массаж, психологические игры и специальные гимнастические упражнения для детей 7–10 лет с нарушениями речи.

Цель работы – проследить эффективность применяемых специальных гимнастических упражнений, психологических игр и массажа для детей 7–10 лет с нарушениями речи.

Задачи исследования

1. Сопоставить влияние массажа и психологических игр на состояние тревожности детей 7–10 лет с нарушениями речи.

2. Проследить влияние массажа и специальных гимнастических игр на качество звукопроизношения детей 7–10 лет с нарушениями речи.

3. Оценить влияние массажа и специальных гимнастических упражнений на состояние орального праксиса и артикуляционной моторики у детей 7–10 лет с нарушениями речи.

Среди причинных факторов, приводящих в дальнейшем к проявлению признаков нарушений речи, в настоящее время выделяют разнообразные повреждающие воздействия в анте-, интра- и постнатальном периодах [11].

Особенно вредное влияние на развитие плода оказывает сочетание ряда неблагоприятных факторов, действующих в период его внутриутробного развития (сочетание алкоголизма и курения с токсикозами беременности, с различными хроническими и острыми вирусными заболеваниями матери).

В этиологии речевых нарушений определенную роль может играть иммунологическая несовместимость крови матери и плода. Резус или групповые антитела, проникая через плаценту, вызывают распад эритроцитов плода, в результате чего из эритроцитов выделяется токсическое для центральной нервной системы (ЦНС) вещество – непрямой билирубин, поражающий подкорковые отделы мозга и слуховые ядра, что приводит к специфическим нарушениям звукопроизводительной стороны речи в сочетании с нарушениями слуха [4].

При внутриутробных поражениях мозга отмечают наиболее тяжелые речевые нарушения. При этом тяжесть нарушений зависит от времени поражения мозга в антенатальном периоде [8].

К интранатальным повреждающим факторам, по мнению С. Ляпидевского, Ж. Тржесоглава и Б.Р. Яременко, относят все неблагоприятные факторы процесса родов, неизбежно сказывающиеся на ребенке: длительный безводный период, отсутствие или слабая выраженность схваток и неизбежная в этих случаях стимуляция родовой деятельности, плохое или недостаточное раскрытие родовых путей, стремительные роды, применение различных ручных родовспомогательных приемов, кесарево сечение, тугое обвитие плода пуповиной, большая масса тела и размеры плода и т.д. Группой риска в отношении интранатальных повреждений являются недоношенные дети и дети с малой массой тела [9, 10, 12].

Клиническая картина речевых нарушений крайне изменчива, неоднородна и во многом зависит от возраста ребенка. Наиболее выражена она у детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Наиболее отчетливо у детей 7–10 лет проявляется задержка в развитии сенсорной и слухомоторной речевых функций. Дети обычно начинают говорить со значительным опозданием, у них имеется сложный характер нарушений речи. Последние в значительной мере зависят от функциональной зрелости отделов ЦНС, ответственных за сенсорное восприятие речи, артикуляционный праксис, объем кратковременной и долговременной памяти и концентрацию внимания.

У детей 7–10 лет, как отмечает С.С. Ляпидевский, еще нет биологической зрелости ряда высших корковых функций, на которые они должны опираться при освоении чтения, письма и счета. Неврологически у подавляющего большинства из них выявляется сенсомоторная недостаточность и у 90 % регистрируются легкие нарушения праксиса, в том числе речевого [9].

Л.О. Бадалян выделяет несколько групп речевых расстройств в детском возрасте: речевые расстройства, связанные с органическим поражением центральной нервной системы. В зависимости от уровня поражения речевой системы они делятся на: афазии – распад всех компонентов речи в результате поражения корковых речевых зон; алалии – системное недоразвитие речи в результате поражения корковых речевых зон в доречевом периоде; дизартрии – нарушение звукопроизводительной стороны речи в результате нарушения иннервации речевой мускулатуры.

Речевые нарушения, связанные с функциональными изменениями ЦНС: заикание; мутизм и сурдомутизм. Речевые нарушения, связанные с дефектами строения артикуляционного аппарата (механические дислалии, ринолалия). Задержки речевого развития различного происхождения [2].

Диагностика

Клиническая симптоматология речевых нарушений отличается строгой специфичностью, причем степень ее выраженности может варьировать в довольно широких пределах. Диагноз устанавливается на основании выявления в анамнезе факторов «риска» и подтверждается наличием рассеянной микроорганической симптоматики, прежде всего со стороны двигательной сферы.

Затем следует проводить обследование: состояния общей моторики и моторики пальцев рук; артикуляционного аппарата (его анатомических и двигательных особенностей); фонетической стороны речи (звукопроизношения и просодической организации речи); фонематических процессов; лексики, грамматического строя речи, чтения, письма. Таким образом, анализ факторов «риска» и логопедическое обследование позволяет выявить характер речевых нарушений и на основе этого создать программу лечения и коррекционной работы [5].

Методы лечения и оздоровления детей с нарушениями речи

Выбор необходимых методов лечения детей с нарушениями речи определяется характером симптоматики и ее выраженностью, причем оно

должно включать мероприятия, как педагогического воздействия, так и медицинского. Для больных детей необходимо создавать спокойную, доброжелательную обстановку. Родителям необходимо объяснить особенности нервной системы ребенка и, что чрезвычайно важно, избегать излишней строгости и требовательности в отношениях с ним. В то же время не следует чрезмерно опекавать больного, удовлетворять все его желания. Окружающие должны симулировать развитие и совершенствование у него двигательных навыков, добиваться коррекции двигательного и речевого дефекта [11; 12]. В зависимости от степени и вида нарушения речи определяется индивидуальная схема.

Роль и особенность реабилитационных методик для детей с нарушениями речи

Растущий организм ребенка, в частности его нервная система, обладает значительными компенсаторными возможностями, которые особенно велики в первые месяцы жизни и могут быть усилены ранней комплексной терапией, включающей медикаментозную поддержку, физические методы реабилитации, социальную адаптацию, закаливание.

Рекомендуемые средства ЛФК: классический массаж общий и локальный (расслабляющий и стимулирующий), точечный массаж; сегментарный массаж; логопедический массаж; физические упражнения: рефлексорные, пассивные, активные (в соответствии с уровнем развития ребенка); упражнения в воде, подводный массаж.

Роль специальных гимнастических упражнений

Коррекция особенностей моторного развития детей осуществляется путем специальных и общепринятых способов физического воспитания. Она направлена на нормализацию мышечного тонуса, исправление неправильных поз, развитие статической выносливости, рисования, упорядочение темпа движений, синхронного взаимодействия между движениями и речью, запоминании серии двигательных актов, воспитании быстроты реакции на словесные инструкции, развитие тонких двигательных координации, необходимых для полноценного становления навыка письма. Особое внимание уделяется развитию тонкой моторики пальцев рук Т.Б. Филичева, Г.В. Чиркина предлагают некоторые упражнения.

К специальным гимнастическим упражнениям относят элементы речедвигательной ритмики. Речедвигательная ритмика – это совокупность движения тела и речевых органов, способствующая снятию напряженности и монотонности речи. Раскованность и непринужденность, приобретаемые детьми при выполнении ритмических движений корпусом, головой, руками, ногами, оказывают положительное влияние на двигательные свойства речевых органов.

А.Я. Мухина предлагает использование связи движения и речи. Имеется в виду включение речедвигательной ритмики в любую реабилитацион-

ную методику воспитания и обучения детей, как развивающихся в норме, так и с различными отклонениями психофизического развития, с речевой патологией. Речедвигательная ритмика занимает определенное место в системе комплексного подхода в обучении детей, служит цели нормализации речи путем развития, воспитания и коррекции двигательной сферы.

В реабилитации детей 7–10 лет с нарушениями речи используют артикуляционную и дыхательную гимнастику.

Дыхательная гимнастика – это комплекс упражнений, направленных на формирование у детей речевого дыхания. В ходе речевого развития вырабатывается специфический «речевой» механизм дыхания, следовательно, и специфические «речевые движения диафрагмы». В процессе устной речи диафрагма многократно производит тонко дифференцированные колебательные движения, обеспечивающие речевое дыхание и звукопроизношение. Таким образом, в дыхательную гимнастику входят упражнения на развитие речевого дыхания, которое представляет собой систему произвольных психомоторных реакций, тесно связанных с производством устной речи. Характер речевого дыхания подчинен внутреннему речевому программированию, а значит семантическому, лексико-грамматическому и интонационному наполнению высказывания. Артикуляционная гимнастика направлена на увеличение подвижности артикуляционных органов и мышц и восстановление нарушенных функций речи путем воздействия на артикуляционные мышцы [7].

Значение психологических игр

Для детей с нарушениями речи, помимо применения массажа, ЛФК и специальных гимнастических упражнений, существуют специальные игры и упражнения, призванные выровнять особенности психики, прямо или косвенно мешающие нормальному протеканию речевого акта. По мнению Бадаляна существенную роль в затруднении нормализации нарушенных функций речи из-за проблем в поведении и понимании, а также их неспособность к контролю, играют нарушения в эмоциональной сфере школьников [1].

В этом могут помочь упражнения на воображение, которые влияют на чувство самоконтроля. Помочь может и ролевая игра, когда ребенок видит свое поведение со стороны и сам изобретает способы его улучшения. Н.Л. Кряжева и Е.В. Никифорова рекомендуют игры типа «Что мне делать с этим чувством?» в которых дети знакомятся с разными способами реагирования на ситуацию. Практически всегда дети с нарушениями речи пребывают в состоянии эмоциональной дискомфорта и, часто, в состоянии тревожности.

Часто в школах для детей с нарушениями речи и трудностями в обучении используются упражнения ритмической гимнастики. Музыка и танцы помогают школьникам обрести себя. Так как в их возрасте активное кинез-

стетическое обучение гораздо эффективнее словесного, дети получают и передают значимую для них информацию через пение и танцы. Движение и музыка позволяют им понять, кто они, какова их внутренняя суть.

Исследование проводилось на базе муниципального специального общеобразовательного учреждения (МСКОУ) школы-интерната № 11 г. Челябинска в течение 2011–2012 года

Наблюдение велось за двумя группами: основной и контрольной, по десять человек в каждой. Количество мальчиков и девочек в контрольной и основной группах одинаково. Курс коррекционных мероприятий составил тридцать дней. Основная группа получала: ЛФК, включая упражнения на развитие тонкой моторики и речевого дыхания по 40 минут, 3 раза в неделю, классический массаж с элементами РСМ (воротниковой зоны, волосистой части головы) по 30–40 минут, № 10, ежедневно, логопедический массаж по 10–15 минут, ежедневно, артикуляционную гимнастику по 10 минут, ежедневно, психологические корригирующие игры и упражнения по 15–20 минут, 3 раза в неделю.

Влияние психологических игр и массажа на уровень тревожности

Метод психологического тестирования детей 7–10 лет с нарушениями речи позволил выявить уровень тревожности. Как видно из таблицы 1, в основной группе индекс тревожности до проведения коррекционных программ составил в основной группе 41 %, в контрольной – 40,4 %, что, по данным Теммла свидетельствует об умеренно повышенном уровне тревожности. Наибольший уровень тревожности проявлялся в ситуациях, моделирующих отношение ребенок-ребенок («Игра с младшими детьми», «Объект агрессии», «Игра со старшими детьми», «Агрессивное нападение», «Изоляция»). Немного ниже тревожность проявлялась в рисунках, моделирующих отношения ребенок-взрослый («Ребенок и мать с младенцем», «Выговор», «Игнорирование», «Ребенок с родителями»), и в ситуациях, моделирующих повседневные действия («Одевание», «Укладывание спать в одиночестве», «Умывание», «Собирание игрушек», «Еда в одиночестве»).

После проведенной программы уровень тревожности значительно снизился во всех моделирующих ситуациях (табл. 1).

Таблица 1

Показатели уровня тревожности детей с последствиями

Основная группа		Контрольная группа	
1 обследование n = 10 M ± m	2 обследование n = 10 M ± m	1 обследование n = 10 M ± m	2 обследование n = 10 M ± m
41 ± 0,8	19,2 ± 0,19	40,4 ± 0,29	35 ± 0,2
Достоверность различий: p < 0,001		Достоверность различий: p > 0,05	

Как видно из таблицы 1, в обеих группах характер психологической симптоматики имеет положительную тенденцию, при этом в основной группе уровень тревожности снизился до низкого и составил 19,2 %, что свидетельствует о том, что психологические игры и упражнения, в сочетании с массажем достоверно изменили показатель тревожности до низкого уровня.

Влияние массажа и специальных гимнастических упражнений на качество звукопроизношения

Метод логопедической диагностики позволил нам определить качество звукопроизношения детей 7–10 лет с нарушениями речи. Первоначальная оценка качества звукопроизношения составила 10 баллов (при норме 27,1 баллов), что свидетельствует о наличии искажения, либо замены одного или нескольких звуков группы при повторении ряда предложенных слов. Аналогичны показатели и в контрольной группе.

После проведения реабилитационных методик качество звукопроизношения в основной группе достоверно улучшилось, в то время как в контрольной группе изменилось незначительно (табл. 2).

Таблица 2

Показатели качества звукопроизношения
до и после проведения коррекционных методик (в баллах)

Показатели	Основная группа		Контрольная группа	
	1 обследование n = 10 M ± m	2 обследование n = 10 M ± m	1 обследование n = 10 M ± m	2 обследование n = 10 M ± m
Уровень произношения звуков	10 ± 0,8	20 ± 0,19	10 ± 0,29	12 ± 0,20
P	p < 0,05		p > 0,05	

После проведения реабилитационной методики оценка качества звукопроизношения в основной группе составила двадцать баллов, что свидетельствовало о том, что дети научились правильно произносить несколько звуков группы. Следует отметить, что звуки все же подвергались искажению или замене в спонтанной речи, то есть не были достаточно автоматизированы. Процесс доведения уровня произношения звуков до автоматизма относился к компетенции работы логопеда и не являлся целью нашего исследования.

Таким образом, все воздействия, включающие классический, рефлекторно-сегментарный массаж, артикуляционную гимнастику, логопедический массаж и ЛФК (с упражнениями на развитие тонкой моторики и речевого дыхания) достоверно подтвердили свое положительное воздействие на речевую деятельность детей 7–10 лет с нарушениями речи.

Влияние массажа и специальных гимнастических упражнений на состояние орального праксиса и артикуляционной моторики. Метод логопедической диагностики позволил также исследовать состояние орального праксиса и артикуляционной моторики, которые свидетельствуют о правильности и точности выполнения движений рта, языка и губ.

Первоначальная оценка состояния орального праксиса и артикуляционной моторики в основной и контрольной группах составила 12,5 баллов (при норме 25 баллов). Данная оценочная категория свидетельствует о том, что большинство младших школьников долго искали правильное положение мимических мышц, не могли полностью выполнить объем движения или делали отклонения в конфигурации артикуляционных мышц.

Показатель состояния орального праксиса и артикуляционной моторики достоверно улучшился и был оценен в 21 балл, что свидетельствует о том, что дети научились быстро, правильно и без затруднений выполнять движение по показу логопеда. Движения, выполняемые по речевой инструкции логопеда, были замедленные и напряженные, но они все же выполнялись в полном объеме и правильных конфигурациях. Это отражает улучшение состояния орального праксиса и артикуляционной моторики. Данные изменения достоверны ($p < 0,05$).

Изменения в контрольной группе имели положительную тенденцию, но они не свидетельствовали о значительных улучшениях в состоянии орального праксиса и артикуляционной моторики. Дети по-прежнему очень долго пытались повторить движение, а в конечном итоге выполняли его в неполном объеме.

Влияние массажа, психологических игр и специальных гимнастических упражнений в реабилитации детей 7–10 лет с нарушениями речи объясняются с точки зрения высшей нервной деятельности. Физические упражнения, упражнения на развитие тонкой моторики и массаж способствовали нормализации речедвигательной деятельности за счет облегчения проведения нервных импульсов в лобно-теменной и височной области коры головного мозга левого полушария, представляющие собой корковые отделы речедвигательного и речеслухового анализатора.

Логопедический массаж и артикуляционная гимнастика способствовали тренировке подвижности мышц артикуляционного аппарата, отработки определенных положений губ, языка, мягкого неба, необходимых для правильного произнесения всех звуков и развитию речедвигательной моторики у детей с минимальной мозговой дисфункции.

Полученные позитивные изменения состояния речевых функций и речедвигательного анализатора оказывают влияние на улучшение состояния высшей нервной деятельности ребенка и повышение качественной успеваемости детей.

Библиографический список

1. Бадалян, Л.О. Невропатология: учебник / Л.О. Бадалян. – М.: Академия, 2000. – 384 с.
2. Бадалян, Л.О. Невропатология: учебник / Л.О. Бадалян. – М.: Академия, 2001. – 380 с.
3. Барзина, Р.И. Психоневрологическое развитие дошкольников / Р.И. Барзина, Т.В. Лаврентьева. – М.: Академия, 2002. – 245 с.
4. Беккер, К.П. Логопедия / К.П. Беккер, М. Совак. – М.: Медицина, 1981. – 298 с.
5. Диагностика нарушений речи у детей и организация логопедической работы в условиях дошкольного образовательного учреждения: сборник методических рекомендаций / под ред. В.П. Балобанова, Л.Г. Богданова, Т.Т. Воробей и др. – М.: ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2000. – 240 с.
6. Зеeman, М. Расстройство речи в детском возрасте / М. Зеeman. – М.: Наука, 1989. – 295 с.
7. Краузе, Е.Н. Логопедический массаж и артикуляционная гимнастика / Е.Н. Краузе. – СПб: КОРОНА принт, 2004. – 77 с.
8. Логопедия: учебник для студентов дефектол. факультетов педвузов / под ред. Л.С. Волковой, С.Н. Шаховской. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 680 с.
9. Ляпидевский, С.С. Мозговые дисфункции у детей / С.С. Ляпидевский. – М.: Медицина, 1985. – 280 с.
10. Тржесоглава, Ж. Легкая дисфункция мозга в детском возрасте / Ж. Тржесоглава. – М.: Медицина, 1990. – 256 с.
11. Шанько, Г.Г. Неврология детского возраста / Г.Г. Шанько, Е.С. Бондаренко, В.И. Фрейдеков. – М.: Высшая школа, 1990. – 459 с.
12. Яременко, Б.Р. Минимальные дисфункции головного мозга у детей / Б.Р. Яременко, А.Б. Яременко, Т.Б. Горяинова. – СПб.: Салит – Медкнига, 2002. – 128 с.

[К содержанию](#)

УДК614.2(-22)+368.9.06

ББК У9(2)272.5

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОКАЗАНИЯ МЕДИ-ЦИНСКИХ УСЛУГ ГОРОДСКИМ УЧРЕЖДЕНИЕМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СЕЛЬСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ

А.В. Дерябин

В статье проанализированы проблемы организации взаимодействия между различными предприятиями и учреждениями здравоохранения с целью совершенствования обслуживания сельского населения.

Ключевые слова: Фонд обязательного медицинского страхования, подушевое финансирование, учреждения здравоохранения, медицинские услуги, технология взаимодействия предприятий в области организации оказания специализированной квалифицированной медицинской помощи.

Переход на подушевое финансирование фондом обязательного медицинского страхования (ФОМС) амбулаторно-поликлинической помощи во всех лечебно-профилактических учреждениях области обусловил ряд тенденций в сфере взаимоотношений между медицинскими организациями.

Для того чтобы получать максимальное финансирование лечебно-профилактическое учреждение, должно быть многопрофильным и обладать разносторонней диагностической и лабораторной базой. В противном случае медицинская организация не имея собственной лечебно-диагностической базы и соответственно, не имея возможности оказывать прикрепленному населению, весь спектр услуг, предусмотренных порядками оказания медицинской помощи, будет вынужденно обращаться в другие учреждения здравоохранения с соответствующей потерей финансирования. И чем меньше собственных возможностей у медицинской организации, тем меньше у нее остается финансирования ФОМС для медицинского обслуживания прикрепленного населения.

Объем подушевого финансирования при прочих равных условиях напрямую зависит от количества прикрепленного населения. Плотность населения в городской местности по сравнению с плотностью населения в сельских районах намного выше, что позволяет городским учреждениям здравоохранения иметь достаточное финансирование ФОМС для формирования собственной многопрофильной лечебно-диагностической базы. Соответственно в сельской местности центральные районные больницы из-за недостаточного финансирования не могут самостоятельно удовлетворить прикрепленное население в медицинских услугах в полном объеме. Введение подушевого финансирования только закрепило уже имею-

щиеся тенденции в сельской медицине, когда на протяжении нескольких десятков лет происходило сокращение профильности учреждений; сокращение штатов медицинского персонала, особенно узких специалистов; повышение общего износа материальной базы; моральное и физическое устаревание диагностического и лабораторного оборудования. Все это привело к тому, что за последнее время в городских медицинских организациях наблюдается рост посещений пациентов из близлежащих сельских районов.

Повышение удовлетворенности сельского населения в качественных медицинских услугах в настоящее время происходит по нескольким направлениям. Одним, из которых является повышение предложений на местном рынке медицинских услуг со стороны частных медицинских организаций.

Реформы 90-х годов прошлого века повлекли за собой быстрое увеличение объемов платных медицинских услуг и формирование рыночной среды в здравоохранении. По сравнению с 1995 годов объемы платных медицинских услуг выросли более чем в 60 раз. По данным научных исследований в период с 2000 по 2009 годы стоимостный объем рынка ежегодно рос на 20 % и в 2009 г достиг 468 млрд. руб. Тем не менее, больше половины населения все же предпочитают обращаться в государственную бесплатную поликлинику или больницу в случае возникновения проблем со здоровьем [1]. По данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения России» в настоящее время частный сектор занимает довольно скромное место в системе оказания медицинской помощи: в 2009 г. только 6,3 % пациентов обращались в частные медицинские предприятия за амбулаторно-поликлиническими услугами и 0,9 % воспользовались услугами стационара [3].

Мотивы обращения в государственные и муниципальные учреждения здравоохранения не исчерпываются только наличием или отсутствием оплаты предоставляемых для пациента медицинских услуг. В настоящее время у широких слоев населения на первый план выходит желание получить качественную медицинскую услугу в удобное для пациента время. Причем, под качественной услугой нужно понимать не только соблюдение медицинских технологий, но и их уровень, и эффективность, а также комфортность получения услуги. Это подтверждается увеличением доли внебюджетных поступлений от предоставления платных медицинских услуг в общем совокупном доходе бюджетных учреждений здравоохранения. Кроме того, нельзя исключать факт более высокого доверия к государственной и муниципальной системе здравоохранения со стороны большинства населения.

Однако по сравнению с частными медицинскими центрами государственные и муниципальные учреждения здравоохранения обладают рядом недостатков, обусловленных строгой регламентированностью своей деятельности со стороны надзорных, контрольных и вышестоящих инстанций.

В частности, время прохождения решения от формулировки до воплощения в практику, в связи с длительными и многоступенчатыми согласованиями, в области ценообразования и закупа необходимых материалов и оборудования в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, на порядок больше, чем в частных медицинских центрах.

Социально-значимые услуги, к которым относятся и медицинские услуги, занимают особое место. Уровень их предоставления и потребления оказывает определяющее влияние на качество жизни гражданского общества, лояльность граждан к социальной и политической среде, направление и темпы общественного и экономического развития [4]. Поэтому большое внимание уделяется как вопросам состояния, функционирования и развития основных игроков на этом рынке, а именно учреждениям здравоохранения и частными медицинскими организациями, так и вопросам их взаимодействия между собой.

На сегодняшний день, между учреждениями здравоохранения и частными медицинскими центрами практика сотрудничества, особенно по вопросам совместного ведения пациента на пути его выздоровления, довольно редка. По данным [3], в 80 % случаев врачи коммерческих медицинских организаций направляют менее трети своих пациентов, нуждающихся в дополнительных исследованиях, в другие медицинские учреждения. Причины этого могут быть различными: от боязни «потерять» платного пациента, до отсутствия технологической связи между медицинскими организациями частной и государственной систем здравоохранения. В сельских районах вопросы взаимодействия между центральными районными больницами и частными медицинскими организациями осложняются как низким уровнем материально-технической базы учреждений здравоохранения, так и ограниченными возможностями проведения собственных лабораторных и диагностических исследований.

Отсутствие взаимодействия между учреждениями здравоохранения и частными медицинскими организациями приводит не только к неэффективному использованию имеющихся ресурсов участников рынка медицинских услуг. Наблюдается и снижение доходов от нездоровой конкуренции, и то, что пациент, как потребитель услуги не может получить полный спектр обследований и манипуляций, необходимый ему для выздоровления и восстановления своего потенциала.

В связи с этим другим направлением в повышении удовлетворенности сельского населения в качественных медицинских услугах является обращения пациентов из сельских районов в городские медицинские организации, как частные, так и в государственные. Основными затруднениями в этих случаях выступают даже не дополнительные транспортные затраты, а недостаточная информированность сельского населения в порядках предоставления медицинских услуг городскими медицинскими организациями. Медицинская услуга в общем виде это сложная услуга, включающая

в себя и консультации, и лабораторные и диагностические исследования, и различные манипуляции о видах, количестве и качестве которых пациент на первом этапе своего нездоровья даже не подозревает. Кроме этого на длительность и трудоемкость лечебного процесса существенно влияет время обращения пациента, соответствующее той или иной стадии болезненного процесса. Причем сама по себе информированность о медицинских услугах и порядках их оказания в близлежащем регионе имеет не большую ценность для конкретного человека. Наибольшую значимость будет иметь медицинская информация о предоставляемых услугах непосредственно связанная с состоянием здоровья этого конкретного человека. Такую информацию без предварительного осмотра и консультации с медицинским персоналом получить невозможно. Поэтому роль первичного координатора и распределителя потоков пациентов может взять на себя только организация, имеющая медицинскую лицензию.

В качестве такого координатора и распределителя потоков пациентов в сельской местности должна выступать центральная районная больница. Однако в связи с тем, что существующее перераспределение финансовых потоков привело практически все сельские учреждения здравоохранения на грань выживания, выполнение дополнительных функций для них, без привлечения дополнительных ресурсов, невыполнимо. Эту роль может занять крупное городское учреждение здравоохранения.

Сегодня существуют все предпосылки для налаживания взаимодействия между городскими и сельскими учреждениями здравоохранения и частными медицинскими организациями. С одной стороны, в настоящее время, полным ходом идет отработка механизмов государственно-частного партнерства, как совокупности форм средне- и долгосрочного экономического сотрудничества государства и коммерческих организаций в области охраны общественного здоровья, для решения стоящих перед ними задач на взаимовыгодных условиях [1, 2].

С другой стороны, у частных медицинских организаций и учреждений здравоохранения существуют несколько точек соприкосновения. Частные медицинские организации используют медицинское оборудование государственных или муниципальных учреждений здравоохранения; арендуют помещения, расположенные в государственных лечебно-профилактических учреждениях. Частные медицинские организации используют трудовые ресурсы государственного сектора, около трети врачей медицинских коммерческих предприятий являются совместителями, основное место работы которых – государственные учреждения [3].

В рамках существующего Соглашения по установлению тарифов на оплату медицинской помощи в системе обязательного медицинского страхования Челябинской области предусмотрено, что в случае невозможности самостоятельного выполнения стандарта медицинской помощи (при отсут-

ствии своей лаборатории и диагностического оборудования), медицинская организация вправе направить больного для проведения данных диагностических медицинских услуг в другую медицинскую организацию. Законодательством предусмотрено взаимодействие учреждений здравоохранения независимо от территориальной принадлежности, но выстраивание конкретных взаимоотношений между юридическими лицами требует проведения договорной работы в рамках действующих федеральных законов о закупе товаров, работ и услуг. Ведь внутри договорных отношений одно предприятие будет выступать в качестве заказчика или покупателя услуг, а другое в качестве исполнителя или продавца услуг. Причем одно и то же предприятие в зависимости от ситуации может выступать по одним услугам заказчиком, а по другим исполнителем. Тенденции последнего времени заключаются в повышении специализации отдельных медицинских организаций и уровня кооперации между ними. Это обуславливается усложнением ведения лечебно-диагностического процесса в соответствии с существующими медико-экономическими стандартами, требующими наличия возможности проведения сложных диагностических и врачебных манипуляций. Кроме этого в последнее время наметилось увеличение видов заболеваний и числа синдромов в соответствии с международным классификатором болезней.

Технология взаимодействия предприятий в области организации оказания специализированной квалифицированной медицинской помощи, предусматривающей, стадийность проведения лечебно-профилактических мероприятий, уже рассматривалась ранее [5]. С учетом специфических особенностей функционирования государственных и муниципальных учреждений здравоохранения эти подходы могут применяться и в настоящее время.

В качестве вариантов взаимодействия между городскими и сельскими учреждениями здравоохранения и частными медицинскими центрами предлагаются следующие:

- совместное использование медицинского оборудования;
- совместное использование помещений;
- организация выездных консультаций врачей узких специальностей;
- организация отбора пациентов на дорогостоящие диагностические обследования;
- организация отбора пациентов для проведения высокотехнологического специализированного лечения;
- организация стадийного процесса реабилитации пациента с учетом показаний и противопоказаний по его перемещению;
- планирование совместных усилий по информированию населения о видах и качестве предлагаемых услуг;
- планирование совместных усилий по продвижению медицинских услуг с учетом особенностей и предпочтений целевых групп населения;

- повышение квалификации персонала заинтересованных предприятий, с возможной стажировкой на рабочих местах;
- совместное ведение пациентов с учетом возможностей заинтересованных предприятий, для более эффективного использования материально-технической базы предприятий и профессиональных навыков персонала.

Формы взаимодействия между городскими и сельскими учреждениями здравоохранения и частными медицинскими центрами будут зависеть от степени интеграции, целей и задач, стоящих перед участниками рынка. Они могут включать в себя: заключение договоров о совместной деятельности; использование лизинга и арендных отношений; создание целевых программ; взаимные консалтинговые и аудиторские услуги; создание совместных консультационных и информационных центров; создание и распространение периодической и разовой печатной, аудио- и видеопродукции по совместному продвижению медицинских услуг; проведение совместных рекламных компаний и др. Повышение загрузки лабораторного и диагностического оборудования сократит себестоимость исследований, что позволит снизить цены на медицинские услуги, что в свою очередь повысит доступность этих услуг для широких слоев населения.

Главным условием успешного взаимодействия городских и сельских учреждений здравоохранения и частных медицинских организаций является установление взаимовыгодных, доверительных, прозрачных и понятных для всех участников сотрудничества отношений. Только в этом случае взаимодействие будет успешным и эффективным.

Результатом такого взаимодействия станет повышение удовлетворенности и доступности сельского населения в качественных медицинских услугах, как следствие этого снижение социальной напряженности в сельской местности; повышение эффективности и целевого использования государственного имущества, составляющего лечебно-диагностическую базу городских и сельских учреждений здравоохранения.

Библиографический список

1. Дерябин, А.В. Совершенствование организационно-экономических механизмов развития рынка медицинских услуг в условиях модернизации здравоохранения: автореф. дис. ... канд. экон. наук / А.В. Дерябин. – Кисловодск: Издательский центр Кисловодского института экономики и права, 2011. – 27 с.
2. Уваровский, Г.С. Экономическое партнерство частных коммерческих предприятий и фондов обязательного медицинского страхования / Г.С. Уваровский, А.В. Дерябин // Формирование парадигмы современного инновационного предприятия: проблемы управления риском: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. «Августовские чтения–2011» / под общ. ред. С.Г. Журавина. – М.: ООО «НПО МАКСС Групп», 2011. – 147 с.

3. Шишкин, С.В. Конкуренция на рынке платных услуг: что нужно знать о частных ЛПУ? / С.В.Шишкин, Е.Г. Потапчик, Е.В.Селезнева // Здравоохранение. – 2012. – № 5. – С. 36–42.

4. Дерябин, А.В. Повышение эффективности работы бюджетного учреждения социальной сферы / А.В. Дерябин, Г.С. Уваровский // Социально-экономические, гуманитарные и политические тренды глобализации: материалы XXX междунар. науч.-практ. конф.: в 3 частях. – Челябинск, 2013. – Ч. II. – 300 с.

5. Меньщиков, А.А. Кейтеринг медицинских услуг как фактор продвижения лечебного туризма / А.А. Меньщиков, А.В. Дерябина // Туризм и туристское образование: достижения и перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14–16 октября 2009 г. – СПб.: Д.А.Р.К., 2010. – 336 с.

[К содержанию](#)

УДК 338.485(470.55)+338.483-4(470.55)

ББК У433(2Р-4Че)

АНАЛИЗ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ВАРНЕНСКОГО РАЙОНА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

А.В. Дерябина

В статье приводятся результаты оценки туристско-рекреационного потенциала Варненского района Челябинской области с точки зрения его инвестиционной привлекательности.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность региона, туристско-рекреационный потенциал и его оценка, интегральная оценка туристского потенциала, Варненский район Челябинской области.

Децентрализация государственного управления экономикой страны привела к усилению роли местных органов власти в регулировании экономических процессов. Различия в социально-экономическом развитии каждой местности диктуют необходимость формирования сбалансированной инвестиционной политики, отражающей региональную специфику. Создание благоприятных условий для привлечения необходимого объема инвестиций в регион становится важной и актуальной задачей местных органов власти на долгосрочную перспективу. Решение этой задачи невозможно без анализа и системной оценки состояния региона и выявление его слабых сторон.

Оценка инвестиционной привлекательности района дает исходные данные и является первым этапом для разработки местных инвестиционных программ. Интегральная инвестиционная привлекательность региона – это сводный уровень объективных социально-экономических, природно-географических и экологических показателей, характеризующих условия хозяйственного развития региона и, оказывающие позитивное либо негативное влияние на формирование инвестиционной активности в нем [1]. Инвестиционная привлекательность региона определяет уровень инвестиционной активности в данной местности и реализуется через взаимодействие двух взаимосвязанных разнонаправленных элементов: инвестиционного риска и инвестиционного потенциала.

Варненский район находится в юго-восточной части Челябинской области. Занимает площадь 3853 км². Восточной частью более чем наполовину выдается углом в соседний Казахстан и граничит с ним с трех сторон. На севере и западе граничит с Чесменским и Карталинским районами. Из-за близости границы с Казахстаном, Варненский район является пограничной зоной. При передвижениях внутри района, особенно в сторону Николаевского сельского поселения, обязательно наличие паспорта. В с. Николаевка расположен таможенный пост. Население района на 1 января 2011 г. составило 28797 человек.

В составе Варненского района 13 сельских поселений: Алексеевское, Аятское, Бородиновское, Варненское, Казановское, Катенинское, Краснооктябрьское, Кулевчинское, Лейпцигское, Николаевское, Новоуральское, Покровское, Толстинское; 37 населенных пунктов. На территории района осуществляют деятельность 437 предприятий и организаций всех форм собственности, 153 крестьянских (фермерских) хозяйств, 552 индивидуальных предпринимателей. В Варненском районе представлены практически все виды экономической деятельности. Это обрабатывающее производство, промышленность, строительство, сельское хозяйство, транспорт и связь, торговля и прочие виды.

Село Варна – административный центр Варненского района, расположенный в центральной части района, в месте слияния рек Нижний и Средний Тогузак. Рельеф - полуравнина (Зауральский пенеппен). Населенный пункт с. Варна находится в 280 км от областного центра г. Челябинска и в 180 км от г. Магнитогорска. Село Варна имеет свою железнодорожную станцию – Тамерлан, которая располагается на перегоне Карталы–Челябинск. Площадь с. Варна составляет 386 тыс. кв. м. На 1 января 2011 года в с. Варна проживало 10 тысяч человек.

Регион – сложная система, состоящая из элементов (подсистем), каждая из которых имеет свои характеристики, влияющие на заинтересованность инвестора в осуществлении инвестиционных вложений, что серьезно усложняет оценку инвестиционной привлекательности местности, учиты-

вающей огромное количество взаимообусловленных условий и факторов. Одним из трех новых показателей, используемых для оценки инвестиционной привлекательности региона, является оценка туристско-рекреационного потенциала местности [2].

Определение туристско-рекреационного потенциала Варненского района проводилась по трем направлениям: оценка природных ресурсов; оценка историко-культурного потенциала и оценка объектов рекреационного интереса и рекреационной инфраструктуры, согласно описанным методическим рекомендациям [3].

1. Оценка природных ресурсов

Оценка природных ресурсов включала в себя медико-биологическую и психолого-эстетическую оценку. Медико-биологическая оценка отражает воздействие природных факторов на организм человека, их комфортность. Ведущую роль при этом играет оценка рекреационных климатических ресурсов.

Климат Варненского района резко континентальный. Зима морозная, малоснежная, снежный покров сохраняется в среднем 146 дней. Весна сравнительно ранняя и сухая. Лето сухое и жаркое. Периодически повторяются засухи. Преобладают ветры юго-западного направления [4].

Воздействие природных факторов на организм человека определялось в баллах по восьми направлениям, результаты оценки представлены в табл. 1. Средний значение составляет 2,24 балла, что соответствует тому, что медико-биологический тип природных ресурсов района близок к благоприятному.

Таблица 1

Оценка воздействия природных факторов на организм человека

№ п/п	Наименование фактора	Средний балл
1.	Температура воздуха	1,00
2.	Медико-климатическая характеристика УФ режима	3,00
3.	Медико-климатическая характеристика инсоляционного (светового) режима	2,80
4.	Медико-климатическая характеристика термического режима	2,14
5.	Медико-климатическая характеристика ветрового режима	3,00
6.	Характеристика режима влажности	1,00
7.	Режим осадков в зимний период	3,00
8.	Режим осадков в летний период	2,00

При психолого-эстетической оценке исследуется эмоциональное воздействие отличительных черт природного ландшафта или его компонентов на человека. Эстетическая ценность зависит от морфологической структу-

ры ландшафта, разнообразия элементов пейзажа. Внутреннее пейзажное разнообразие определяется внутренней морфологической структурой ландшафта (рельефом, растительным покровом, гидрографией, характером взаимосвязей между компонентами ландшафта).

Рельеф района представляет собой равнину (Западно-Сибирскую низменность), возвышающуюся в западной части и понижающуюся на восток, переходящую в полуравнину (Зауральский пенеппен) [8].

Водные ресурсы района представлены реками: Верхний Тогузак, Средний Тогузак, Нижний Тогузак, Карталы-Аят, Арчаглы-Аят, Аят, которые относятся к бассейну реки Тобол. Для данных рек характерно интенсивное нарастание уровня воды в период весеннего половодья, которое имеет один пик и сразу переходит в летнюю межень. Летом, в связи с малым увлажнением уровни резко падают. На отдельных участках рек происходит полное пересыхание. Зимой большая часть рек промерзает до дна. Минерализация вод составляет 1,5–25 г/л, преимущественно Cl-Na типа.

Район расположен в провинции Притобольской низменности: степной зоне, где распространены ковыльно-разнотравные степи с редкими березовыми колками и березово-осиновыми прибрежными зарослями, а так же ковыльно-типчачовая степь на южных чернозёмах. Лесистость незначительная – 2,5 %. Почвы преобладают в виде чернозёмов обыкновенных выщелоченных и карбонатных, в сочетании с черноземами неполноразвитыми и солонцами. Сложное геологическое строение предопределило разнообразие недр: здесь найдены металлосодержащие руды, графит, строительные материалы [6].

Психолого-эмоциональное воздействие черт природного ландшафта на человека определялось в баллах по трем направлениям, результаты оценки представлены в табл. 2. Средний значение составляет 2,13 балла, что соответствует тому, что психолого-эстетический тип природных ресурсов района близок к благоприятному.

Таблица 2

Оценка психолого-эмоционального воздействия
черт природного ландшафта на человека

№ п/п	Наименование фактора	Средний балл
1.	Характеристика рельефа	2,00
2.	Характеристика водных объектов для пляжно-купального отдыха	2,41
3.	Рекреационная оценка растительного покрова	2,00

В комплексе рекреационных ресурсов особое место занимают культурно-исторические ресурсы, представляющие собой наследие прошлых эпох общественного развития. Образующие культурно-историческими объектами пространства определяют локализацию рекреационных потоков и направления экскурсионных маршрутов.

Культурно-исторические объекты подразделяются на материальные и духовные. Материальные охватывают совокупность средств производства и других материальных ценностей общества на каждой исторической стадии его развития, а духовные – совокупность достижений общества в образовании, науке, искусстве, литературе, в организации государственной и общественной жизни, в труде и быте.

В историко-культурный потенциал входит вся социокультурная среда с традициями и обычаями, особенностями бытовой и хозяйственной деятельности.

Историко-культурный потенциал Варненского района представлен следующими объектами:

1. Варненский краеведческий музей им. Савина. Фонды музея насчитывают 2410 единиц хранения. Экспозиция строится по тематическому признаку. Постоянно действующие выставки: «Интерьер крестьянской избы», «Природа Варненского района», «Варненцы, служившие на ВМФ» и др. Открыты для посещения зал Славы, залы археологических и архитектурных памятников. Музей относится к объектам местного значения. Может выдержать поток туристов 1–10 чел/час. О Варненском краеведческом музее содержится упоминание в Челябинской областной энциклопедии.

2. Православный храм в Варне был заложен в 2001 году. День открытия приурочили к первопрестольному празднику к 21 сентября – Рождеству Пресвятой Богородицы. До этого в селе за 165-летнюю историю был только молельный дом. Церковь относится к объектам местного значения. Может выдержать поток туристов 100–500 чел/час.

3. Соборная мечеть Нур. Мечеть относится к объектам местного значения. Может выдержать поток туристов 10–100 чел/час.

4. Церковь во имя иконы Казанской Божьей Матери, 1872 г. Находится в с. Лейпциг Варненского района. Церковь относится к объектам регионального значения. Дважды упоминается в Челябинской областной энциклопедии. В данный момент находится на реконструкции. Может выдержать поток туристов 1–10 чел/час.

5. Архитектурно-исторический комплекс «Николаевская крепость с церковью». Николаевская крепость была основана на реке Арчаглы – Аят в 1835 году, как сторожевое укрепление Оренбургского казачьего войска новой пограничной линии в день Святителя и Чудотворца Николая. Крепость была построена в форме квадрата. Стены выложены из красного кирпича, который делался на месте. На стенах сделаны проемы (бойницы), по углам зубчатые четырех угольные башни с бойницами (амбразурами) для пушек. С внутренней стороны был нанесен земляной вал вдоль всех стен. Ворота крепости первоначально были дубовые, позже железные. В центре крепости, в 1845 году была построена церковь в честь Святого Николая Угодника. Комплекс относится к объектам федерального значения.

Степень устойчивости объекта средняя, может выдержать поток туристов 100–500чел/час. Челябинская областная энциклопедия содержит отдельную статью о данном объекте, а так же несколько упоминаний в других статьях.

6. Историко-археологический комплекс «Кесене». Расположен на восточном берегу озера Кесене. В урочище Кесене находятся: Мавзолей Кесене, погребальный комплекс, включающий: курганный могильник эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья. Местонахождение неолитических орудий. Место захоронения знатных жителей Южно-уральских степей разных эпох. Уникальный ландшафт и участок с разнообразной растительностью. Входит в перечень объектов исторического и культурного наследия Федерального значения. Челябинская областная энциклопедия содержит отдельную статью о данном объекте, а так же несколько упоминаний в других статьях. Степень устойчивости низкая: 10–100чел/час.

7. Археологический комплекс Исиней. Филиал музея-заповедника «Аркаим». На участке расположены: укрепленное поселение эпохи бронзы Исиней, могильники Исиней I, II, III, IV. Находится на правом берегу р. Караталы-Аят, в 5 км к юго-востоку от пос. Александровка. О комплексе Исиней содержатся статья и упоминание в Челябинской областной энциклопедии. Категория охраны – региональная.

8. Городище «Чекатай». Памятники археологии – эпоха бронзы. В состав комплекса входят поселение и курганный могильник. Находится на берегу оз. Чекатай, с. Новопокровка, Варненский района. В настоящее время озеро сильно заболочено. О комплексе Чекатай содержатся статья и упоминание в Челябинской областной энциклопедии. Категория охраны – региональная.

9. Комплекс Кулевчи. Находится на террасе левого берега р. Караталы-Аят, в 1,8 км к юго-западу от с. Кулевчи, в 600 м к северо-западу от плотины, в 250 м к юго-западу от могильника Кулевчи А, Варненский район. Выше и ниже по течению реки от Кулевчей обнаружены курганы, городища, могильники – археологический комплекс Кулевчи; в 7–9 км от села – каменный менгир высотой 1,5 м. О комплексе Кулевчи содержатся статья и упоминание в Челябинской областной энциклопедии. Категория охраны – региональная.

10. Соколова гора. Памятник природы районного значения. Расположен в юго-восточной части Варненского района на слиянии рек Арчаглы-Аят и Карталы-Аят. Является уникальным скальным выходом. В пойме у Соколовой горы сохранились редкие растения: тархун, козлятник, зверобой в единственном месте Варненского района. Челябинская областная энциклопедия содержит упоминание о данном памятнике. Степень устойчивости низкая 10–100 чел/час.

11. Белая гора. Памятник природы районного значения. Расположен на берегу реки Средний Тогузак в трех километрах от села Варна. Прекрасное место отдыха. Степень устойчивости низкая 10–100 чел/час.

12. Шумный брод. Гидрологический памятник природы расположен в долине реки Тогузак. Утесы достигают высоты 20–30 метров, сложены интрузивными породами верхнепалеозойской эры, возраст 250–300 млн лет, с выходами светло-серых гранитов, диоритов, гранодиоритов. На первой надпойменной террасе правого берега произрастает можжевельник казацкий, относящийся к особо охраняемым растениям Урала. Также имеется уникальный гидрофильный комплекс, где встречаются охраняемые водные растения: кувшинки, кубышки. Челябинская областная энциклопедия содержит упоминание о данном памятнике [5, 7]. Степень устойчивости низкая 10–100 чел/час.

Историко-культурный потенциал района оценивался пообъектно по следующим направлениям: значимость объекта; узнаваемость; степень сохранности; ёмкость; функциональное разнообразие. Интегральная оценка историко-культурного потенциала района, вычисленная по средним баллам составила 9,86.

3. Оценка объектов рекреационного интереса и рекреационной инфраструктуры

Определение потенциала объектов рекреационного интереса и рекреационной инфраструктуры района проводилось по следующим направлениям: инфраструктура размещения; инфраструктура питания; транспортная инфраструктура; инфраструктура досуга и развлечения; объекты туристской функции; специализированная инфраструктура для рекреации.

Потенциал инфраструктуры размещения района определялся по следующим объектам: гостиница «Олимп»; гостиница «Отдых»; гостиница «Уральские Зори»; пансионат «Тополёк». Оценка объектов инфраструктуры размещения проводилась: по месту расположения; по категории; по количеству мест. Интегральная оценка потенциала инфраструктуры размещения района, вычисленная по средним баллам составила 1,5.

Потенциал инфраструктуры питания района определялся по следующим объектам: банкетный зал гостиницы «Уральские Зори»; столовая ОПО; столовая пансионата «Тополёк»; кафе «Руслан»; кафе-шашлычная «Встреча»; суши-бар. Оценка объектов инфраструктуры питания проводилась: по месту расположения; числу посадочных мест; уровню среднего чека объекта. Интегральная оценка потенциала инфраструктуры питания района, вычисленная по средним баллам составила 1,75.

Транспортная инфраструктура района представлена всеми видами наземного транспорта с высокой степенью доступности, что соответствует уровню 4,0 балла.

По территории района проходит Южно-Уральская железная дорога. В самом районном центре (с. Варна, ул. Ленина, 40) находится железнодорожная станция Тамерлан, откуда ежедневно осуществляются пассажирские перевозки по направлениям: Екатеринбург, Челябинск, Троицк, Карталы, Магнитогорск, Оренбург, Адлер (летние дни и праздничные даты). Также в с. Варна находится автовокзал (ул. Кирова), откуда ежедневно курсируют автобусы, как внутрирайонного направления, так и междугородного (Магнитогорск, Челябинск, Троицк). Расстояние Челябинск – Варна по автодороге составляет 280 км. Расстояние Магнитогорск – Варна по автодороге составляет 180 км. Автодороги характеризуется качественным асфальтовым покрытием, особенно в Варненском районе. Все сельские поселения связаны с районным центром и между собой автодорогами с асфальтовым покрытием.

Потенциал инфраструктуры досуга и развлечения определялся по следующим объектам: районный дом культуры; детская юношеско-спортивная школа (ДЮСШ); районная библиотека; ипподром. Интегральная оценка потенциала инфраструктуры досуга и развлечения района, вычисленная по средним баллам составила 2,0.

Объекты туристской функции в районе практически отсутствуют или представлены в зачаточном состоянии.

В качестве специализированного объекта рекреационного размещения в районе функционирует Варненский государственный центр социальной помощи «Тополек». Он был создан в 1991 году на базе существовавшего парка отдыха и развлечений.

Сегодня центр социальной помощи представлен тремя отделениями, в которых трудятся 136 чел. это отделение социальной помощи на дому, специализированное отделение медицинского обслуживания на дому, санаторно-реабилитационное отделение. В 1994 г. пансионат «Тополек» впервые принял пенсионеров района на временное пребывание сроком на 21 день. А с 1995 г. «Тополек» начал работать на область, приняв первых пенсионеров из других районов. В 1996 г. в отделении отдохнуло 427 человек из 18 городов и районов области.

В настоящее время пансионат пользуется большой популярностью среди пенсионеров и инвалидов области. Чистейший воздух, удаленность от оживленных трасс, тихое, зеленое место у реки Тогузак, в 15 минутах ходьбы, создают прекрасный микроклимат для благоприятного отдыха. Пансионат рассчитан на 50 человек. Проживают пенсионеры по 2–3 человека в комнате. На территории «Тополька» есть прекрасно оборудованное современное здание столовой, бани-сауны. Ежегодно в летнее время в дни каникул, пансионат принимает на отдых детей из малообеспеченных семей и детей инвалидов. За годы существования отделения в пансионате со всей области отдохнуло более 5000 человек [5].

Интегральная оценка потенциала специализированной инфраструктуры для рекреации района, вычисленная по формуле [3] составила 0,05.

Общая интегральная оценка потенциала объектов рекреационного интереса и рекреационной инфраструктуры района вычисленная по шести направлениям составила 1,55 балла, что характеризует средний уровень развития туристско-рекреационной инфраструктуры Варненского района.

За последние три года в Варненском районе произошли существенные сдвиги в структуре производственной сферы. На территории Варненского района было открыто крупное горнодобывающее предприятие – «Михайловский ГОК». В настоящее время происходит наращивание объемов его работы, но уже сейчас наметились определенные тенденции в повседневном укладе жизни района, развитие которых, несомненно, скажется на инвестиционной привлекательности района. С одной стороны создание новых рабочих мест; приток дополнительного финансирования и появление высококвалифицированных управленческих и производственных кадров повысил уровень деловой активности в районе. С другой стороны вызывают опасения уровень предполагаемого воздействия факторов нового производства на окружающую среду и недостаток информации о достаточности мер по их нейтрализации.

Библиографический список:

1. Ройзман, И. Динамика инвестиционной привлекательности и инвестиционной конкурентоспособности российских регионов в среднесрочной перспективе / И. Ройзман, Т. Бондорева // Инвестиции в России. – 2008. – № 9. – С. 3–14.
2. Нефедова, А.Ю. Факторы инвестиционной привлекательности России / А.Ю. Нефедова. – Кемерово: КемГУ, 2003.
3. Котлярова, О.В. Теория и методология рекреационной географии / О.В. Котлярова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2012.
4. Гидрометцентр России. – URL: <http://meteoinfo.ru/>.
5. Официальный сайт администрации Варненского муниципального района Челябинской области. – URL: <http://www.varna74.ru/>.
6. Природа Челябинской области / под ред. М.А. Андреевой. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2000. – 269 с.
7. Фонотов, М. Варненские родники / М. Фонотов – Екатеринбург: Издательский дом «Сократ», 2008. – 144 с.
8. Челябинская область. Атлас / под ред. проф. В.В. Латюшина. – Челябинск: АБРИС, 2012. – 32с.

[К содержанию](#)

УДК 797.2.012-055.2 + 612.172.2 + 616.711

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАРУШЕНИЙ РИТМА СЕРДЦА, СТАТОКИНЕТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И СОСТОЯНИЯ ПОЗВОНОЧНИКА У ПЛОВЦОВ 12–14 ЛЕТ

В.В. Епишев, Ю.Б. Хусаинова, А.С. Смирнов, А.О. Шепилов

По результатам обследования девочек-пловцов 12–14 лет установлены тесные взаимосвязи между функциональными нарушениями ритма сердца, состоянием позвоночника и статокINETической устойчивостью. Показано, что анализ стабиллометрии может являться основанием для выявления нестабильности шейного отдела позвоночника и методом прогнозирования нарушений ритма сердца.

Ключевые слова: плавание, нарушение ритма сердца, стабиллометрия, позвоночник.

По современным представлениям, все нарушения ритма сердца являются результатом изменения нормальных соотношений между возбудимостью и проводимостью, с одной стороны, и автоматизмом проводниковой и мышечной ткани сердца – с другой. В происхождении нарушений ритма сердечных сокращений могут иметь большое значение морфологические изменения миокарда, возникающие в результате различных инфекций, интоксикаций, нарушения деятельности желез внутренней секреции и др. Одной из причин может быть нарушение электролитного обмена и нервной регуляции [2].

У юных спортсменов нарушения ритма сердца (рис. 1), как правило, встречаются вследствие функциональных нарушений, вызванных психогенными, рефлекторными и гуморальными расстройствами. Ранняя диагностика причин позволяет не только устранить нарушения ритма, но и повысить спортивную результативность.

Рис. 1. Пример нарушения ритма сердца (парные желудочковые экстрасистолы)

Одной из причин формирования функциональных нарушений ритма сердца у юных спортсменов могут являться предпатологические изменения и заболевания позвоночника, приводящие к нарушению вегетативной регуляции [2]. В частности, при возникновении патологической подвижности (нестабильность, гипермобильность) в позвоночно-двигательном сегменте в шейном отделе может возникать синдром позвоночной артерии (рис. 2).

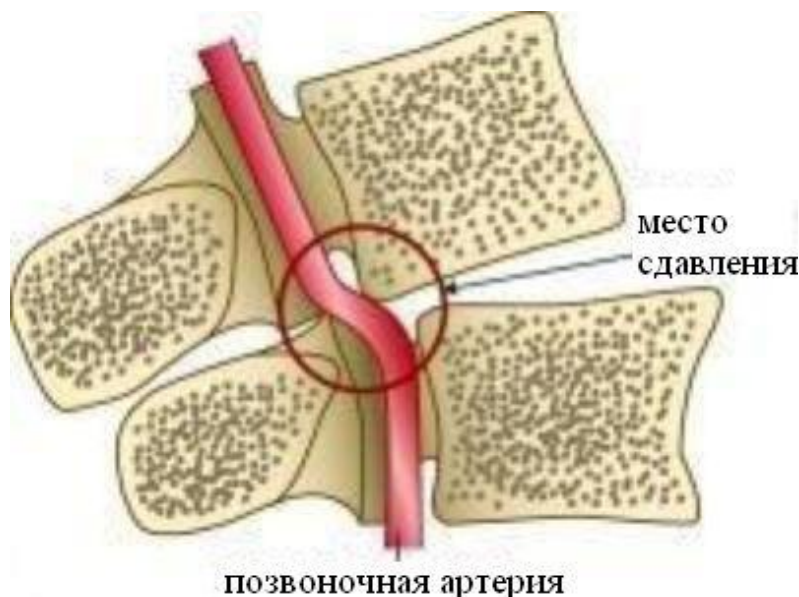

Рис. 2. Схематичное изображение сдавления позвоночной артерии при нестабильности позвонков

Для поиска взаимосвязей между отклонениями в функциональном состоянии позвоночника, межмышечной координацией и нарушениями ритма сердца нами были обследованы 37 девочек-пловцов в возрасте 12–14 лет (стаж занятий 4–5 лет). Исследования проводились в Центре оперативной оценки состояния человека ЮУрГУ с использованием следующих диагностируемых методик: сканирование позвоночника «Сканер МБН», «МБН Стабило» (рис. 3), электрокардиограмма покоя (Shiller) и УЗИ шейного отдела позвоночника с функциональными пробами (Siemens).

У 11 девочек были зафиксированы нарушения ритма сердца (неполная блокада правой ножки пучка Гиса, экстрасистолы, нарушения предсердий). Всем девочкам было проведено УЗИ шейного отдела позвоночника с функциональными пробами и поставлен диагноз: «эхографическая картина нестабильности в сегментах С2–С5 (антилистеиз при сгибательной пробе от 2,5 до 2,9 мм)».

При анализе стабиллограмм и сканирования позвоночника у всех девочек зафиксированы характерные изменения физиологических изгибов позвоночника, положения плечей и таза, сопровождаемые крайне высокими значениями колебаний общего центра давления и его смещением назад.

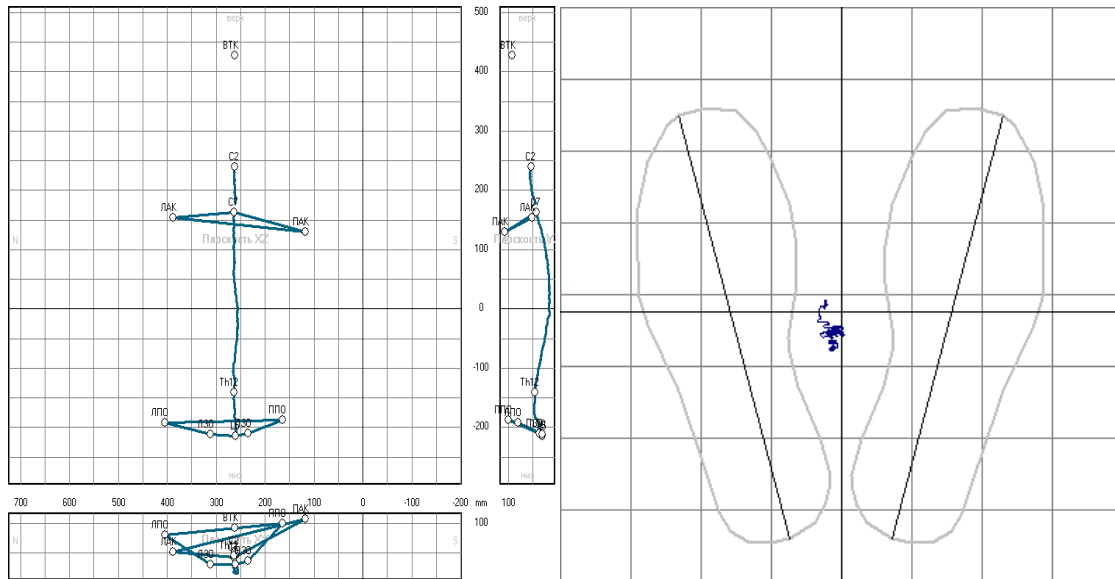

Рис. 3. Пример протоколов обследования:
А – «Сканер МБН», Б – «МБН Стабило» у девочки-пловца

Ниже представлен пример заключения по состоянию опорно-двигательного аппарата у девочки-пловца П-ой Д.

«Исследование на стабилометрической платформе выявило смещение расположения центра тяжести назад (около 10 мм). Кроме того, установлен высокий уровень колебаний при поддержании вертикальной позы (особенно с закрытыми глазами), что является признаком нестабильности в шейном отделе позвоночника, ухудшающий кровообращения головного мозга (колебания в фронтальной плоскости: влево-вправо) и перенапряжение икроножных мышц, мышц передней поверхности бедра (колебания в сагиттальной плоскости: вперед-назад). Такой дисбаланс в тонусе мышц нижних конечностей приводит к снижению венозного возврата и, соответственно, нарушения кровообращения в нижних конечностях с высоким риском травмы коленного сустава.

Данные изменения являются следствием нарушений физиологических изгибов во всех отделах позвоночника (функциональные блоки). Выявлена асимметрия плеч (правое выше), сколиотическая осанка (различный тонус разгибателя позвоночника слева и справа). Косвенные признаки гипертонуса ягодичных мышц и задней поверхности бедра».

Для выявления взаимосвязи между изучаемыми параметрами нами был проведен корреляционный анализ и получены следующие результаты (все $p \leq 0,05$):

- 1) длина дуги C7-Th12 & Среднеквадратическое отклонение центра тяжести в сагиттальной плоскости ($r = -0,92$);
- 2) угол наклона таза (сагитальный) & Среднеквадратическое отклонение ОЦД в фронтальной плоскости ($r = -0,90$);
- 3) длина хорды дуги C1-C7 & Угол наклона поясничного отдела ($r = -0,90$);

4) скорость перемещения центра тяжести & Угол наклона шейного отдела ($r = 0,89$).

Корреляционный анализ позволил установить тесные взаимосвязи между различными отделами позвоночника, тазом и координацией. Так, у всех испытуемых с нарушением ритма сердца присутствовал диагноз «нестабильность...», на стабилometрии фиксировался высокий уровень колебаний центра тяжести во всех плоскостях (фронтальная $16,7 \pm 2,4$ мм, сагиттальная $26,9 \pm 3,5$ мм; норма до 10,0 мм), выявлены отклонения во всех отделах позвоночника. Учитывая анатомо-физиологические особенности позвоночного столба и сегментарную иннервацию со стороны вегетативной нервной системы можно с уверенностью утверждать, что именно изменения в позвоночнике (особенно в шейном отделе) являются первичным фактором, приводящим к нарушениям ритма сердца.

На рис. 4 представлена графическая зависимость между показателями состояния шейного отдела позвоночника (прогиб C2-C5, угол наклона) и скоростью перемещения центра тяжести во время поддержания вертикальной позы.

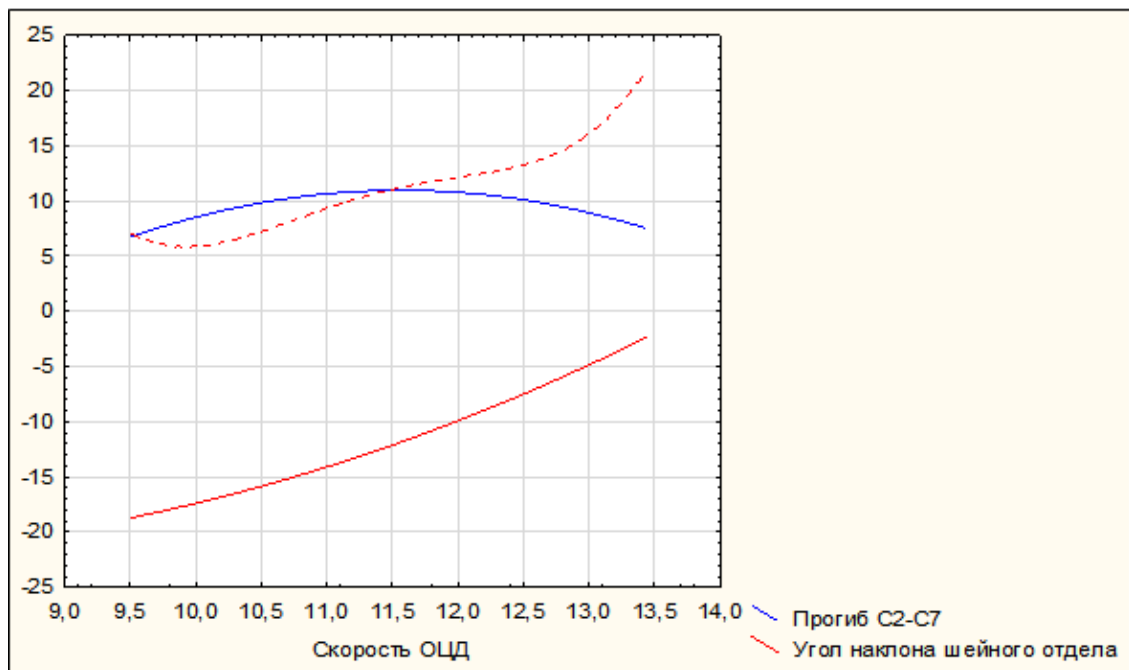

Рис. 4. Зависимость между показателями состояния шейного отдела позвоночника и скорости перемещения центра тяжести у девочек-пловцов с нарушением ритма сердца

На рис.4 отчетливо видно, что увеличение скорости перемещения центра тяжести (признак ухудшения координационных способностей) сопровождается ростом угла наклона шейного отдела позвоночника и разнонаправленными изменениями прогиба (шейного лордоза), носящие, по всей видимости, компенсаторный характер.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить наличие четких взаимосвязей между наличием нарушения ритма сердца девочек-пловцов и отклонением в функциональном состоянии позвоночника, статокINETической устойчивости. Полученные данные могут использоваться для прогнозирования развития нарушений ритма, что позволит не только сохранить здоровье, но и повысить спортивную результативность.

Библиографический список

1. Абдуллаев, Р.Я. Клиника и доплерография при синдроме позвоночной артерии / Р.Я. Абдуллаев, В.Г. Марченко, В.И. Калашников // Международный медицинский журнал. – 2006. – Т. 12. – № 3. – С. 139–142.
2. Михайлова, Л.А. Показатели центральной гемодинамики и особенности регуляции сердечного ритма у старшеклассников / Л.А. Михайлова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование, здравоохранение, физическая культура». – 2013. – Т. 13. – № 4. – С. 59–64.

[К содержанию](#)

УДК 616-053.4 + 502.31

МЕТАБОЛИЧЕСКИЕ СДВИГИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ РЕЗИСТЕНТНОСТИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К НЕБЛАГОПРИЯТНОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

И.В. Изаровская, А.В. Ненашева, Л.В. Смирнова, Е.Н. Сумак

По результатам исследования было выявлено, что система биомикроэлементов играет важную роль в развитии и функционировании организма детей дошкольного возраста, неблагоприятные факторы окружающей среды приводят к росту предпатологии, для которой характерны сдвиги ряда биохимических показателей состояния организма, что требует проведения оздоровительных мероприятий, призванных улучшить метаболическое состояние детей-дошкольников.

Проблемы экологии, рассматриваемые сквозь призму деградации здоровья населения, чрезвычайно актуальны для нашего региона [1, 9, 10]. Детское население является наиболее чувствительным контингентом, быстро реагирующим на любые изменения окружающей среды в силу незавершенности процессов роста и развития. Усложнению реакций организма ребенка способствуют в последние годы не только негативные факторы социальной среды, но и экологические процессы [6, 13, 16]. Изменения в организме детей происходят на всех уровнях – от молекулярного до организменного, ухудшая прогноз в плане заболеваемости, продолжительности и качества жизни [4].

Неблагоприятные факторы окружающей среды не сразу приводят к патологическим изменениям в организме, они могут проявлять свое влияние в росте предпатологии, для которой характерны сдвиги ряда биохимических, физиологических и других показателей состояния организма [4].

Таким образом, изучение различных уровней саморегуляции функциональных систем, в том числе метаболического состояния ребенка, представляется социально значимым и актуальным: так как центр тяжести исследований здоровья перенесен с регистрации уже имеющихся нарушений здоровья на поиск и диагностику состояний, предшествующих клинически выраженным формам заболеваний, которые обычно нестойки и обратимы и являются ориентировочной реакцией организма на воздействие факторов окружающей среды.

Целью настоящего исследования является изучение уровня метаболического состояния резистентности организма дошкольников при воздействии неблагоприятных факторов окружающей среды.

Организация и методы исследования. В проводимых исследованиях принимали участие дети 5-летнего возраста МОУ № 482 в количестве 33 человек.

Уровень гидроперекисей определяли по методике И.А. Волчегорского, активность каталазы по методике М.А. Королюка. Содержание белка и муцина в слюне проведено с помощью реактива Бенедикта по методу Г.А. Кочетковой в модификации Э.А. Коробейниковой и Е.И. Ильиных. Лизоцим определяли по методике С.В. Бухарина. Кальций и магний – методом атомно-абсорбционной спектрофотометрии на спектрофотометре ААС – 1 (Германия).

Результаты и их обсуждение. Динамический процесс биохимических изменений зависит от уровня двигательной активности, питания и интеллектуального напряжения дошкольников [14].

Содержание белка, муцина и лизоцима, как видно из таблицы, различно по отношению к норме. Так, концентрация лизоцима не значительно ниже характеристик физиологической нормы у девочек, а муцина – выше, у мальчиков эти показатели находятся в пределах нормы.

Известно, что защищенность организма от инфекционных заболеваний зависит от степени проницаемости для патогенных микроорганизмов кожных и слизистых покровов и наличия в их секретах бактерицидных субстанций, кислотности желудочного содержимого, присутствия в биологических жидкостях организма таких ферментных систем, как лизоцим. Эти механизмы относятся к неспецифическим факторам защиты, так как нет никакого специального реагирования и все они существуют независимо от присутствия возбудителя. Низкие величины лизоцима, полученные в начале учебного года у девочек ($1,23 \pm 0,4$ мкг/мл), свидетельствует о существенном изменении фагоцитарного потенциала клеток и слабой защищен-

ности организма детей от инфекций. Появление шиффовых оснований объясняется увеличением первичных и конечных продуктов перекисного окисления липидов. Это является неспецифической ответной реакцией организма, которая предшествует появлению морфофункциональных сдвигов и во многих случаях, является причиной их развития. Поэтому, оценку процесса свободнорадикального окисления, следует применять в биологическом мониторинге здоровья детей и окружающей среды.

Таблица

Биохимические показатели слюны дошкольников

Изучаемые компоненты	М	Д
	Муцин мг%	74,44±29,7
Лизоцим мкг/мл	1,92±0,9	1,23±0,4
Белок мг%	204,1±50,0	209,3±36,9
Каталаза мкат/л	7,0±2,1	8,51±1,3
Полиеновые Е 220/мл	2,62±0,6	3,32±0,4
Диеновые конъюгаты 233/мл	1,22±0,4	1,96±0,3
Дикетоны 278/мл	0,54±0,1	0,82±0,1
Шиффовы основания 400/мл	0,02±0,02	0,01±0,02
Са мг%	1,05±0,5	0,99±0,3
Mg мг%	0,26±0,1	0,43±0,1

Из числа природных гликопротеинов, входящих в состав секретов всех слизистых желез, нами исследовался муцин. Он выполняет роль смазки и несет защитную функцию от действия протеаз и механических повреждений. Спектр действия изучения многообразен и включает механизм катализирующего отщепления от полипептидной цепи концевых аминокислот, а также является косвенным критерием для установления строения белков и пептидов. В наших исследованиях выявилось достаточное содержание муцина у мальчиков (74,4±29,7 мг%) и повышенное содержание (103,8±25,8 мг%) у девочек, который выполняет защитную функцию для слизистой рта.

Белки являются высокомолекулярными полипептидами. С точки зрения ключевых свойств белков, все они имеют ограниченную ценность (Р. Морри с соавт., 1993). Белок является основным пластическим материалом и участвует в образовании поперечных связей между миоцином и актином и их распадом под воздействием АТФ, а также лежит в основе изменения механических свойств актомиазина. В нашем исследовании концентрация белка находилась в пределах нормы (от 204,1±50, мг% до 209,3±36,9мг%).

Показатели перекисного окисления липидов и фермента каталазы аналогичны. Фермент каталаза варьировал в формализовано выраженных характеристиках от 7,0±2,1 до 8,51±1,3 мкат/л.

Последняя играет огромную роль в системе антиоксидантной активности организма. Сопряжение липидного обмена у детей дошкольного возраста благоприятно.

Микроэлементы являются важнейшими катализаторами различных биохимических процессов, обмена веществ, играют значительную роль в адаптации организма в норме и патологии [10].

Кальций выполняет в организме человека ряд разнообразных и важных функций. Наряду с пластическими и структурными функциями кальций играет решающую роль в осуществлении многих физиологических и биохимических процессов: он необходим для нормальной возбудимости нервных процессов и сократимости мышц, является активатором ряда ферментов и гормонов, а также важнейшим компонентом свертывающей системы крови.

В регуляции нормального содержания кальция в организме участвуют витамин D, паратиреоидный гормон и тиреокальцитонин.

Потребность в кальции детей в возрасте от 1 года до 7 лет составляет 800–1200 мг/сут.

Недостаток Са в комплексе с недостатком других микроэлементов отрицательно сказывается на деятельности ССС и наряду с другими факторами негативного характера (нейропсихическими, гормональными) ведет к ускорению проявления хронической усталости. В проведенном обследовании у детей наблюдались низкое содержания кальция ($0,99 \pm 0,3$ мг% у девочек, и $1,05 \pm 0,5$ мг% у мальчиков).

Недостаток какого-либо из микроэлементов вызывает существенные сдвиги на общеорганизменном уровне.

При анализе таблицы видно низкое содержание магния.

Основными симптомами недостаточности магния является апатия, депрессия, мышечная слабость, склонность к судорожным состояниям. Длительный дефицит магния приводит к усиленному отложению солей кальция в стенках артериальных сосудов, сердечной мышце и почках. У лиц с сердечной недостаточностью концентрация магния в миокарде обычно снижена. Дефицит магния у детей первых лет жизни может быть одной из причин рахита, резистентного к витамину D [2].

Стресс приводит к истощению внутриклеточного содержания магния, так как стресс приводит к активному выходу магния из клетки. При дефиците магния в стрессовой ситуации выделяется повышенное количество адреналина и норадреналина. Катехоламины воздействуют, в частности, на липосомы: образующиеся свободные жирные кислоты способствуют ошелачиванию магния и, как следствие, дефициту свободного ионизированного магния. При нормальном снабжении клеток магнием катехоламиновые воздействия удается снизить. В результате повышается толерантность к стрессу. Детский аутизм тоже имеет магниевый-дефицитное состояние (Rimland B., 1998).

Недостаток в пище магния ведет к задержке и остановке в росте. Содержание концентрации магния у дошкольников варьировало от $0,26 \pm 0,1$ мг% до $0,43 \pm 0,1$ мг%, что значительно ниже нормативных характеристик ($0,78$ – $0,99$ мг%).

Выводы: Таким образом, система биомикроэлементов играет важную роль в развитии и функционировании организма. В экологически неблагоприятных условиях, недостаточном питании, низкой двигательной активности, слабого физического развития и стресс-напряжения наблюдаются качественные и количественные изменения содержания микроэлементов в организме человека. Проведенное нами исследование подтверждает, что неблагоприятные факторы окружающей среды приводят к росту предпатологии, для которой характерны сдвиги ряда биохимических показателей состояния организма. Проводимые нами оздоровительные мероприятия призваны улучшить метаболическое состояние детей-дошкольников.

Библиографический список

1. Баранов, А.А. Состояние здоровья детей и задачи Союза педиатров России / А.А. Баранова // Педиатрия. – 2014. – № 1. – С. 7–11.
2. Биохимия человека / Р. Морри, Д. Греннер, П. Майс и др.: пер. с англ. – М.: Мир. – 1993. – Т. 1. – 384 с.
3. Бухарин, О.В. Лизоцин и его роль в биологии и медицине / О.В. Бухарин, Н.В. Васильев. – Томск, 1974.
4. Быков, Е.В. Методические подходы к оценке и коррекции состояния здоровья учащихся с позиций учения о функциональных системах / Е.В. Быков, А.П. Исаев, Н.А. Кирасирова, А.В. Ненашева, А.С. Аминов // Вестник ЮУрГУ. – 2001. – № 3. – С. 43–43.
5. Бышевский, А.Ш. Биохимические сдвиги и их оценка в диагностических состояниях / А.Ш. Бышевский, С.Л. Галян, О.А. Терсенов. – М.: Медицинская книга, 2012. – 320 с.
6. Вельтищев, Ю.Е. Экопатология детского возраста / Ю.Е. Вельтищев // Педиатрия. – 1995. – № 4. – С. 26–33.
7. Давыдов, Б.И. Состояние здоровья школьников из экологически неблагоприятных условий проживания / Б.И. Давыдов, В.П. Вавилов, В.И. Коба // Здоровоохранение РФ. – 1992. – № 9. – С. 17–19.
8. Дубровский, В.И. Здоровый образ жизни / В.И. Дубровский; предисл. Н.А. Агаджаняна. – М.: Vektorika. – 2001. – 560 с.
9. Исаев, А.П. Психофизический потенциал и физическое состояние человека в современных образовательных учреждениях (экология, валеология, педагогический менеджмент) / А.П. Исаев, С.И. Кубицкий, Н.З. Мишаров. – Челябинск: ЧСЭА, 1998. – 97 с.

10. Исаев, А.П. Экологические и демографические проблемы Уральского региона и пути их решения / А.П. Исаев, Н.А. Фомин. – Челябинск: Интерполиарт и К, 1997. – 63 с.
11. Королюк, М.А. Метод определения активности каталазы / М.А. Королюк, Л.И. Иванова, И.Г. Майорова // Лабораторное дело. – 1988. – № 5. – С. 16–18.
12. Коробейникова, Э.Н. Рац. предложение / Э.Н. Коробейникова, Е.И. Ильиных. – 1996. – № 19181.
13. Коровина, Н.А. Характеристика показателей центральной гемодинамики у детей из регионов с различной экологической обстановкой / Н.А. Коровина, Л.П. Гаврюшева, А.И. Пименов // Педиатрия. – 1994. – № 5. – С. 23–24.
14. Личагина, С.А. Сравнительные данные метаболического состояния учащихся и младшего и профильного звеньев, занимающихся и не занимающихся оздоровительными технологиями / С.А. Личагина, А.В. Ненашева, Ю.Г. Королева // Вестник ЮУрГУ. – 2001. – № 3. – С. 54, 57.
15. Перевозчикова, Н.К. Уровень здоровья детей и подростков крупного промышленного города. Система реабилитации: дис. ... д-ра м. наук / Н.К. Перевозчикова. – Екатеринбург, 1997. – 347 с.
16. Савельев, С.И. Комплексная оценка здоровья населения промышленно развитого региона: автореф. дис. ... канд. м. наук / С.И. Савельев. – М., 1995. – 53 с.
17. Сердюковская, Г.Н. Методология донозологической диагностики / Г.Н. Сердюковская, М.И. Чурьянова // Вестник РАМН. – 1995. – № 7. – С. 59–64.
18. Сопоставление различных подходов к определению продуктов перекисного окисления липидов в гептан-озопропанольных экстрактах крови / И.А. Волчегорский, А.Г. Налимов, Б.Г. Яровинский и др. // Вопр. мед. химии. – 1989. – № 1. – С. 127–131.
19. Rimland B. High dose vitamin B and magnesium in treating autism: a preliminary study. // Journal of Autism and Developmental Disorders, 1998. Dec. 28(6). – pp. 581–582.

[К содержанию](#)

УДК 616.89-053.2/.5 + 316.6 + 159.922.7

ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

А.Р. Ишматова, Т.В. Бондарчук

Исследования различных сторон психического развития детей, воспитывающихся вне семьи, дают основания полагать, что характер социальной депривации решающим образом определяет поведение ребенка при общении с людьми, динамику и, главное, содержание развертываемой им деятельности.

Ключевые слова: психическая депривация, сенсорная депривация, социальная депривация, эмоциональная депривация, фрустрированность.

Изучение психического развития детей, воспитывающихся в детских домах, привело к введению понятия психических лишений или психической депривации, которую определяют как психическое состояние, возникающие в результате таких жизненных ситуаций, где субъекту не предоставляется возможности для удовлетворения некоторых основных (жизненных) психических потребностей в достаточной мере и в течение продолжительного времени [4].

Среди причин отставания в психическом развитии воспитанников закрытых детских учреждений выделяют серьезное обеднение среды в подобных учреждениях за счет резкого снижения в них яркости и разнообразия впечатлений (сенсорная депривация), уменьшения коммуникаций с окружающими людьми (социальная депривация), уплощение эмоционального тона при взаимоотношениях с персоналом (эмоциональная депривация) и по ряду других линий. Кроме того, Л. Ярроу выявил существенные различия между детьми, воспитываемыми матерью и без матери, по биологическому и социальному анамнезам.

Учитывая это, есть основания полагать, что различные стороны психического развития, во-первых, не одинаково чувствительны к особенностям условий жизни ребенка и, во-вторых, в значительной степени определяются индивидуальными особенностями детей.

Специфические условия жизни в детском доме часто обуславливаются отставанием в психическом развитии детей по ряду существенных параметров. В раннем возрасте у детей отмечается апатичность, отсутствующая у их ровесников из семьи; она выражается в безынициативности и эмоциональной невыразительности детей. Дети, воспитывающиеся в условиях детского дома, медленнее овладевают речью. Отставание в становлении вербальной функции неблагоприятно сказывается на развитии ранних форм мышления на контактах ребенка с окружающими людьми, словом, обнаруживается во

всех сферах, где психическая деятельность опосредуется словом. У этих детей уже общий обзор, они не знакомы со многими элементарными бытовыми предметами, явлениями окружающего мира, хорошо известными каждому дошкольнику, живущему в семье.

Обыденность чувственной среды ведет к тому, что у воспитанников наблюдается существенное отставание в развитии наглядно-образного мышления, которое наиболее интенсивно формируется в дошкольном детстве, являясь необходимым фундаментом для полноценного овладения школьной программой. У многих воспитанников выявлено значительное недоразвитие способности произвольно управлять своим поведением, самостоятельно выполнять правило при отставании контроля со стороны взрослых, что ведет к несамостоятельности, неорганизованности, ситуативности поведения. В детском доме реально существует опасность развить у детей некое моральное иждивенчество, привычку жить по указке, «чужим умом». Постоянное пребывание в кругу сверстников, шум, досуг, спланированный и организованный взрослыми, редкие минуты уединения вызывают нервное переутомление, повышенную возбудимость.

И.В. Дубровина и М.И. Лисина изучали особенности общения детей со взрослыми и сверстниками. Они учитывали, что различие в воспитании детей в семье и вне семьи связаны, прежде всего, и больше всего с разницей в их общении с окружающими людьми. Чем младше ребенок, тем большее значение приобретает его общение со старшими, поскольку тем сильнее оно опосредствует все остальные связи ребенка с миром. Даже поступившие в детский дом из самой не благополучной семьи более коммуникативные и восприимчивы к воздействию взрослых, чем дети, совсем незнающие семьи. По мере взросления детей все более важное место в их жизни завоевывает их общение со сверстниками [2]. В закрытых учреждениях ребенок пребывает в группе своих сверстников постоянно. Если в семье обычно имеются два–три ребенка разного возраста, то в закрытых учреждениях в одной группе бывает от 10–12 воспитанников одного и того же возраста. Поэтому становление дружеских отношений у воспитанников детских учреждений также имеет свою специфику.

У детей, воспитывающихся вне семьи, в сфере общения обнаруживаются существенные различия. Дефицит общения со взрослыми, а в более старшем возрасте и со сверстниками, определяет многие вторичные различия, порождает отставание в психическом развитии.

К сложнейшим проблемам детей, воспитывающихся в детском доме, относится вопрос о коммуникативных потребностях и способах их реализации. Характер потребностей решающим образом определяет поведение ребенка при общении с людьми, динамику и, главное, содержание развертываемой им деятельности. Ранее и дошкольное детство, в крайне неблагопо-

лучной семье или доме ребенка, а затем в детском доме, безусловно, оказывает влияние на особенности формирования личности ребенка.

Общение воспитанников с взрослыми и друг с другом, содержание и формы взаимоотношений, сложившиеся в детском доме, во многом определяют особенности формирования одного из центральных формирований личности – «образа Я» ребенка, его отношения к себе и представления о себе. Общение со взрослыми, являясь общественным фактором общего важнейшего развития ребенка, на каждом возрастном этапе имеет свои специфические особенности, обнаруживающиеся в содержании общения и его значении для формирования личности. Эффективность общения подростков со взрослыми связано прежде всего с тем, что оно дает такие знания, которые необходимы им для будущей самостоятельной жизни.

Поведение этих детей характеризуется раздражительностью, вспышками гнева, агрессии, преувеличенным реагированием на события и взаимоотношения, обидчивостью, провоцированием конфликтов со сверстниками, неумением общаться с ними.

Дети, проживающие в учреждениях интернатного типа, характеризуются трудностями во взаимоотношениях с окружающими людьми, поверхностностью чувств, иждивенчеством, привычкой жить по указке других, сложностями во взаимоотношениях, нарушения в сфере самосознания (от переживания вседозволенности до ущербности), усугублением трудностей в овладении учебным материалом, проявлениями грубого нарушения дисциплины (бродяжничеством, воровством, различными формами делинквентного поведения).

В отношениях с взрослыми у них проявляются переживание своей ненужности, утрата своей ценности и ценности другого человека. У подростков, лишенных родительского попечения, представления о счастливом человеке и о счастье значительно отличаются от представлений детей из нормальных семей. Наиболее распространенными ответами подростков из детского дома показателем счастья является: еда, сладости, игрушки, подарки, одежда. Таким «вещные» характеристики показывают, что даже у пятнадцатилетних подростков игрушка является необходимым атрибутом счастья. Обращение к игрушке, позволяет подростку компенсировать недостаток эмоционального тепла и неудовлетворенность социальных потребностей.

Среди подростков, лишенных родительского попечительства, 43 % отмечают минимум признаков счастливого человека, что можно интерпретировать как позицию «я несчастлив». Опыт переживания одиночества подростками из детского дома составляет 70 %. Выход из состояния одиночества не видят только 1 %, а остальные видят избавление от него в поиске друга, обретении семьи, достижении компромисса в конфликтных ситуациях, изменении эмоционального состояния. Способы такого изменения у многих подростков неконструктивны (например, выпить, покурить, пойти погулять...) [1].

При работе с подростками из детского дома следует учитывать часто свойственное им состояние беспомощности. Понятие «беспомощность» рассматривается как то состояние человека, когда он не может справиться с чем-то сам, не получает и не может попросить помощи у других или находится в дискомфортном состоянии. У подростков из детского дома это состояние связано с конкретными ситуациями: невозможностью изменить взаимоотношения с родителями, педагогами, сверстниками; невозможностью принимать самостоятельные решения или делать выбор и другими трудностями. Переживание состояния беспомощности может возникнуть и как реакция на горе, утрату близкого человека, разлуку с ним. В данной ситуации у подростка может произойти болезненное нарушение представлений о будущем: «Как я теперь буду жить?», «Что мне делать одному в этом мире?», «Кому я нужен на земле?».

Отношения с окружающими - наиболее важная сторона жизни подростков. Если потребность в полноценном общении со значимыми взрослыми и сверстниками не удовлетворяется, у детей появляются тяжелые переживания [3]. Для подростков характерно стремление к эмансипации от близких взрослых. Нуждаясь в родителях, в их любви и заботе, в их мнении, они испытывают сильное желание быть самостоятельными, равными с ними в правах. Специфические условия жизни в детском доме накладывают определенные особенности на формирование личности подростка.

Можно отметить, что для подростков, воспитывающихся в условиях детского дома, характерны следующие искажения:

1. В общении. С одной стороны, у детей обострена потребность во внимании и доброжелательности взрослого, в человеческом тепле, ласке и положительных эмоциональных контактах. А с другой - полная неудовлетворенность этой потребности: малое количество обращений взрослых к детям, сниженность в этих контактах интимных личностных обращений, их эмоциональная бедность и однообразие содержания, в основном направленное на регламентацию поведения, частая сменяемость взрослых, взаимодействующих с детьми, перевод воспитанников из одной группы в другую, из одного детского учреждения в другое.

Перечисленные особенности общения со взрослыми лишают детей, во-первых, важного для их благополучия переживаний своей нужности и ценности для других, уверенности в себе, лежащей в основе формирования полноценной личности, а во-вторых, переживание ценности другого человека, глубокой привязанности к людям.

В общении с другими детьми, также выявляются различия между обычными школьниками и воспитанниками детских домов и интернатов. И в той, и в другой группе конфликт с детьми чаще всего вызывает экстрапунитивные, обвиняющие реакции, причем, в основном это реакции самозащитного типа («сам плохой!»). Однако, если в детском доме такие реак-

ции абсолютно преобладают, а все остальные буквально единичны, то в школе их, во-первых, намного меньше, чем в детском доме, а во-вторых, почти в такой же степени интропунитивные реакции по типу фиксации на удовлетворении потребности.

При анализе полученного материала обращает на себя внимание следующее противоречие. Казалось бы, учитывая особенности жизни в детском учреждении, где дети поневоле находятся в ситуации постоянного контакта со взрослыми и сверстниками, следовало бы ожидать эффективного формирования навыков общения, умения решать коллективные задачи, находить выход из конфликтов. Однако, воспитанники детских домов и интернатов менее успешны в решении конфликтов в общении и со взрослыми, и со сверстниками, чем учащиеся обычной школы.

2. Бросается в глаза агрессивность, стремление обвинить окружающих, неумение и нежелание признать свою вину, т.е. по существу, доминирование защитных форм поведения в конфликтных ситуациях и соответственно неспособность конструктивно решать конфликт.

Чтобы понять причины, по которым возникают описанные особенности поведения у воспитанников детского дома, недостаточно указать на узость, ограниченность их контактов со взрослыми, с одной стороны, и высокую интенсивность контактов со сверстниками, с другой. Необходим качественный анализ специфики общения детей со взрослыми и сверстниками в условиях детского учреждения.

Важно учитывать, что в детском учреждении ребенок постоянно общается с одной и той же достаточно узкой группой сверстников, причем он сам не властен предпочесть какую-либо другую группу, что доступно любому ученику обычной школы, но одновременно он не может быть, и исключен из нее. Принадлежность к определенной группе сверстников для него как бы безусловна. Это ведет к тому, что отношения между сверстниками складываются не как приятельские, дружеские, а типу родственных, как между братьями и сестрами. Таковую безусловность в общении со сверстниками в детском учреждении можно, с одной стороны, рассматривать как положительный фактор, способствующий эмоциональной стабильности, защищенности, когда группа сверстников выступает определенным аналогом семьи. С другой стороны, нельзя не увидеть и заметных издержек – подобные контакты не способствуют развитию навыков общения со сверстниками, умению наладить равноправные отношения с незнакомым ребенком, адекватно оценить свои качества, необходимые для избирательного, дружеского общения.

Важно также отметить, что полноценные, эмоционально насыщенные контакты не формируются у воспитанников детского дома и тогда, когда дело касается их родных братьев и сестер.

Особую роль в развитии личности играет уровень агрессии у воспитанников детского дома. У детей из детского дома «внешнеобвиняющих» реакций в три раза больше, чем «самообвиняющих», что свидетельствует о повышенной агрессивности воспитанников.

Наиболее простое и распространенное психологическое объяснение возникновения агрессии у детей сирот состоит в том, что агрессия есть следствие неудовлетворенности (фрустрированности) потребности в родительской, материнской любви. Некоторые добавляют, что у этих детей не удовлетворены и все другие социальные потребности – в неформальном общении, в самоутверждении, во взрослом как идеале – и именно эта тотальная неудовлетворенность ведет их к агрессивности.

У ребенка возникает, прежде всего, ощущение отторгнутости, заброшенности (которое может не соответствовать реальности), образующее затем основу негативной «Я»-концепции. Это в свою очередь приводит к возникновению напряженности в отношениях с людьми и к уже вполне реальному неприятию индивида. В ходе такого взаимодействия усиливается негативный характер негативного отношения, как к самому себе, так и к другим людям.

Образ взрослого не ассоциируется у ребенка ни с теплом, ни с любовью, и он не ждет от них подобных проявлений. По Э. Эриксону у ребенка в этом случае не образуется необходимое базовое доверие к окружающему миру». В качестве важной причины возникновения агрессивных реакций отмечаются также дефекты в становлении самоидентичности: неустойчивость, спутанность, противоречивость и неопределенность «Я»-концепции, которая сводится у детей, воспитывающихся без семьи, к зыбкому набору случайных характеристик и может служить как причиной, так и следствием постоянного переживания глубокого эмоционального дискомфорта.

У детей, растущих вне семьи, часто отсутствуют способы социального подкрепления представления о собственной ценности, столь важного для нормального развития личности. При этих условиях такой глубокий эмоциональный дискомфорт, как правило, выливается в агрессию.

Подростковый возраст характеризуется борьбой за автономию, самостоятельность, отвержение контроля и т.п. Однако, при далеко не идеальном поведении, подростки из детского дома считают необходимым контроль, опеку над собой (70 % против 10 % в массовой школе).

Зависимость от взрослого может выступать в двух формах – положительной, когда ребенок стремится привлечь внимание взрослого, завоевать его любовь выполнением требований, послушным поведением и т.п., и отрицательной, когда внимание взрослого завоевывается плохим поведением, нарочитым невыполнением требований, демонстративным непониманием. Чем старше дети, тем чаще в условиях детского дома мы встречаемся с поисками отрицательной зависимости.

Подростковый возраст – последний период пребывания большинства оставшихся без родителей детей в учреждениях интернатного типа. В дальнейшем они вступают в самостоятельную жизнь. Лишаясь привычной опеки и образа жизни, бывшие воспитанники часто оказываются не готовыми к этому. Вот почему вопросы личностной и социальной зрелости 14–15-летнего выпускника детского дома, анализ его субъективных представлений о своем будущем, имеют первостепенное значение.

В подростковом возрасте возникают и перестраиваются системы ценностей, формируется самопознание ребенка. Все это ведет к переоценке им своего места в системе общественных отношений. Межличностные потребности подростка будут отражать его связи с окружающим социумом и во многом определять систему формируемых межличностных отношений.

Учитывая все вышеизложенное, необходимо отметить, что педагогам, работающим с подростками в условиях детского дома, следует учитывать не только главные возрастные и личностные особенности, основные психологические новообразования этого возраста, но и специфические условия социальной среды воспитанников.

Библиографический список

1. Ганишина, И.С. Неблагополучная семья и девиантное поведение несовершеннолетних / И.С. Ганишина, А.И. Ушатиков. – М.: «МОДЭК», 2006. – 288 с.
2. Гоголева, А.В. Беспризорность. Социально-психологические и педагогические аспекты / А.В. Гоголева. – М.: «МОДЭК», 2004. – 464 с.
3. Глозман, Ж.М. Общение и здоровье личности / Ж.М. Глозман. – М.: «Академия», 2002. – 208 с.
4. Фурманов, И.А. Психология депривированного ребенка / И.А. Фурманов. – М.: «Владос», 2004. – 319 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.02 + 378.03

ББК Ч448.027.8

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ МАГИСТРОВ ТУРИЗМА В СИСТЕМЕ «ЗАДАЧА – ДИАЛОГ – ИГРА»

Т.Е. Климова, Т.В. Бай

В статье обосновывается актуальность проблемы развития исследовательской компетентности будущих магистров туризма, дается определение понятия «исследовательская компетентность будущего магистра туризма», раскрывается содержание компонентов данной компетентности, обосновывается возможность ее развития в системе «задача – диалог – игра».

Ключевые слова: компетенция, компетентность, научно-исследовательская деятельность, исследовательская компетентность будущих магистров туризма, компоненты исследовательской компетентности, технологии обучения, задачная технология, диалоговая технология, игровая технология.

В современных публикациях все чаще делается акцент на том, что инновационная экономическая политика, в том числе и в сфере туризма, XXI века направлена на обеспечение работой тех, кто сможет лучше других развить свои высшие интеллектуальные способности – творческие, исследовательские качества. Высокие темпы интеллектуализации на всех уровнях отражают общемировую тенденцию к сближению исследовательской компетентности личности с экономическими императивами. Очевидно, что потребность общества в специалистах с высоким уровнем исследовательской компетентности, в том числе и в сфере туристической индустрии, будет возрастать с каждым годом.

На основе анализа работ, посвященных проблемам компетентностного подхода [1; 5; 9 и др.], мы уточнили сущность, структуру и содержание исследовательской компетентности, опираясь на следующие позиции.

Компетенция – это совокупность наперед заданных знаний, умений и способов деятельности, необходимых человеку для продуктивного осуществления соответствующей ей деятельности. Она, проявляясь в поведении и деятельности человека, становится его личностным качеством, т.е. компетентностью. При этом компетентность предполагает не только владение человеком компетенцией, охватывающей когнитивную и деятельностную сферы человека, но и его личностное отношение к ней и предмету деятельности (мотивационная сфера человека).

Научно-исследовательская деятельность – это коллективная или индивидуальная деятельность, осуществляемая на основе методов научного познания, направленная на постановку и решение неординарных проблем

с целью получения нового, точного, объективного и системного знания о мире, человеке и его деятельности, которое обогащает науку, культуру и цивилизацию [4]. Специфика научно-исследовательской деятельности будущих магистров туризма проявляется в том, что она:

- а) отражает основные особенности их профессиональной деятельности;
- б) является творческим процессом, в ходе которого получается самоценное знание или возникает новое качество уже известного знания, при этом происходит не просто обретение «нового знания», но и своеобразное «педагогическое приращение», связанное с изменением личностных качеств магистранта;
- в) предполагает наличие основных этапов, характерных для исследования проблем в сфере туризма.

Исследовательская компетентность будущего магистра туризма рассматривается нами как сложное, динамичное качество личности, характеризующее готовность магистранта к решению профессиональных проблем методами научного познания и синкретически соединяющее в себе мотивационный, когнитивный и деятельностный компоненты. Мотивационный компонент включает в себя мотивы, познавательные цели и ценности исследовательской деятельности, а также установку на её осуществление. Когнитивный компонент состоит из систематизированных общих и специальных знаний о научном исследовании в области туристической индустрии. Деятельностный компонент объединяет в себе личностные качества магистранта, которые проявляются и реализуются в его информационно-аналитических, рефлексивных, организационных, проектировочных, коммуникативных и профессиональных умениях.

Развитие исследовательской компетентности будущего магистра туризма невозможно без адекватных этому процессу образовательных технологий. В опыте работы вузов сегодня используются различные виды современных образовательных технологий: структурно-логические, задачные, игровые, личностно-ориентированные, тренинговые, интеграционные, модульные, интерактивные и другие, анализ которых показывает, что каждая из них представляет собой качественно новый тип организации процесса обучения, имеющий существенные положительные стороны. Однако ни одна из них, взятая в отдельности, в достаточной мере не решает проблемы эффективного развития исследовательской компетентности магистранта, что объясняется, в первую очередь, многоаспектностью и динамичностью самой дидактической системы и входящих в нее компонентов.

Поскольку особенностью современных образовательных технологий является их взаимная комплементарность, дополнительность по отношению друг к другу, постольку наибольшую эффективность они приобретают во взаимодействии. В силу этого мы считаем, что при организации процесса развития исследовательской компетентности будущего магистра туризма необходимо использовать технологии, которые, актуализируя личност-

ные функции магистрантов, наиболее оптимально включали бы их в исследовательскую деятельность, формируя образ «Я как исследователь».

Анализируя существующие образовательные технологии, мы пришли к выводу, что для развития исследовательской компетентности будущих магистрантов туризма наиболее эффективными из них являются задачная, диалоговая и игровая, которые взаимосвязывают и взаимообуславливают основные компоненты педагогической системы – содержание (задачная технология), методы (диалоговая технология) и формы (игровая технология) обучения.

Задачные технологии представляют собой дидактические системы, построенные на основе представления элементов содержания образования в виде различного типа и уровня сложности задач, направленных на формирование опыта заданной деятельности. По мнению ученых, решение задачи создает могучий стимул для становления индивидуальной саморегуляции формируемой компетентности, обеспечивает на каждом новом этапе ее становления высокий уровень интеграции всех ее компонентов.

Выбирая задачную технологию к процессу развития исследовательской компетентности будущих магистрантов туризма, мы опирались на общетеоретические идеи С.Л. Рубинштейна и К.А. Абульхановой-Славской, В.А. Сластенина и других ученых относительно задачной природы любой деятельности, в том числе и исследовательской. По мнению ученых «...для того чтобы обучить творческой деятельности, нет иного пути, кроме практического решения задач» [6, с. 415], поскольку задачи «вскрывают и приводят в движение познавательные ресурсы, формируют исследовательский стиль умственной деятельности» [7, с. 72], более того «решение творческих задач ... создает могучий стимул для становления индивидуальной саморегуляции усваиваемой деятельности, ... обеспечивает на каждом новом этапе становления деятельности высокий уровень мотивации и интеграцию, взаимодействие всех мотивов» [8, с. 112]. Наше обращение к задачной технологии продиктовано и следующими обстоятельствами.

Во-первых, задаче присущи высокие диагностические качества, позволяющие диагностировать не только уровень знаний и исследовательских умений магистрантов, но и их качественные характеристики – креативные способности, исследовательские мотивы, интересы, ценностные ориентации на профессиональное творчество.

Во-вторых, в педагогическом процессе задача характеризует диалектическое единство цели и средства ее достижения, то есть выступает и как способ задания цели обучения, и как полифункциональное дидактическое средство активизации, управления, индивидуализации и дифференциации обучения. Кроме того, задача является и наиболее эффективным средством самоконтроля в условиях самостоятельной исследовательской деятельности.

В-третьих, мы исходили из того, что процесс развития исследовательской компетентности носит поэтапный характер и предусматривает постепенное продвижение магистранта с одного уровня развития на другой. Использование специальным образом сконструированной системы задач и заданий различной степени сложности позволяет сделать этот процесс управляемым.

Использование задачной технологии обучения позволяет, с одной стороны, включать магистрантов в решение разнообразных туристских проблем, с другой стороны – обеспечить технологичность процесса за счет разработки и представления содержания учебного материала в виде системы специально сконструированных задач, то есть как комплекс профессионально – исследовательских знаний, умений и качеств личности, необходимых для их решения. Здесь мы выходим на проблему классификации задач. В настоящее время в научной литературе имеется достаточно большое количество разнообразных классификации задач (Г.Н. Александров, В.И. Андреев, И.П. Калошина, Л.М. Лузина, А.М. Матюшкин, Я.А. Пономарев, В.А. Слостенин, Н.М. Яковлева и др.).

Система задач разрабатывалась на основе структуры технологии научно-исследовательской деятельности, таксономии целей, атрибутивного кольца В.В. Белича [2] и была представлена в четырех блоках: комплекс задач, обеспечивающий работу магистрантов с различными видами знаний (философско-мировоззренческими, методологическими, теоретическими, прикладными); комплекс задач на различные виды исследования; комплекс задач, выстроенных на основе содержательной структуры технологии научного исследования и направленный на формирование отдельных групп исследовательских умений.

Однако недостатком задачной технологии обучения является то, что она обеспечивает лишь восприимчивость магистранта к ценностям исследовательской культуры, отражая внешнезаданное требование – включение в деятельность по овладению этими ценностями научного исследования. Трансформация же исследовательских ценностей в индивидуальную систему ценностных ориентаций магистранта возможна только через постоянное переосмысление им признаваемых (субъективно-объективных), фактических (объективных) и личностных ценностей.

В философской и психолого-педагогической литературе убедительно доказано, что выработка культурных ценностей личности наиболее эффективно происходит в условиях социального взаимодействия, межличностной коммуникации, реализуемой в форме диалога. Для развития исследовательской компетентности магистрантов особое значение имеют основные положения диалогизации педагогического процесса.

Во-первых, диалог может быть реализован только при наличии диалогических отношений, т.е. несовпадающих смысловых позиций участников взаимодействия по поводу некоторого объекта (в контексте нашего исследования – той или иной педагогической проблемы).

Во-вторых, диалог – это форма субъект-субъектного взаимодействия, при которой смысловые позиции развиваются разными говорящими (внешний диалог) или одним говорящим (внутренний диалог). Развитие исследовательской культуры наиболее эффективно осуществляется при сочетании внешнего и внутреннего диалога.

В-третьих, условие диалога – наличие некоторых объективных суждений о предмете диалога в единстве с оценочным личностным отношением к нему. Встать в диалогическую позицию – это значит высказать не только саму предметную мысль, но и как-то к ней отнестись.

Следует отметить, что развитие научно-исследовательской компетентности магистрантов наиболее эффективно осуществляется при взаимодействии личностно-ориентированных смысловых позиций участников педагогического процесса, который складывается на основе преобразования суперпозиции преподавателя и субординированной позиции магистранта в личностно равноправные позиции, в позиции сотрудничающих людей. Такое преобразование достигается демократическим стилем общения, опытом коллективной мыследеятельности и связано с тем, что преподаватель не столько предъявляет будущему магистру туризма ценности исследовательской культуры в «готовом виде», сколько актуализирует изменение внутриличностной «среды» через сознательно-волевою работу магистра по переосмыслению своего отношения к туристской действительности в процессе намеренного заострения преподавателем существующих в теории и практике туристской индустрии противоречий, «сталкивания» различных точек зрения на рассматриваемую проблему, стимулирования выработки у магистра собственной точки зрения и высказывания своей позиции.

Решая задачу перевода общекультурных ценностей научного исследования в личностную систему ценностных ориентаций будущего магистра туризма, необходимо включить его в такую деятельность, которая обеспечивала бы самостоятельное «порождение» этих ценностей. Различные формы вузовского обучения обеспечивают в этом отношении различные возможности – от жесткой регламентации путей усвоения опыта научно-исследовательской деятельности до достаточно свободной процедуры его самостоятельного «порождения». Анализ используемых в высшей школе форм организации деятельности магистрантов показывает, что для развития исследовательской компетентности личности наибольшими возможностями обладают игровые технологии, что обусловлено следующими причинами.

Во-первых, в научно-педагогической литературе доказано, что личность, ее культура, опыт, компетентность формируется и развивается в зависимости от того, что и как она делает, а не потому, что она узнает. Следовательно, при всей важности специальных педагогических воздействий, основой развития исследовательской компетентности будущих магистров туризма являются способы их работы, приближенные к соответствующей

деятельности. Следует отметить, что, несмотря на принципиальную общность всех структур деятельности человека, они предполагают наполнение различным (иным) содержанием каждого из функциональных блоков этой структуры. Поэтому необходима такая организация педагогического процесса, которая обеспечивала бы естественный перевод магистранта с одного типа деятельности (учебно-познавательной) в другой (исследовательскую) с соответствующей трансформацией предмета, мотивов, целей, средств, способов и результатов деятельности. Такой переход, как отмечает А.А. Вербицкий [3], наиболее оптимально обеспечивается в игровых технологиях в силу следующих их особенностей:

а) игра позволяет воссоздать структуру и функциональные звенья научно-исследовательской деятельности;

б) в игре обеспечивается приближение обстановки учебного процесса к реальным условиям формируемой деятельности, что обеспечивает личностную активность магистрантов, переход от познавательной мотивации к исследовательской.

Во-вторых, и в диалоге, и в игре происходит взаимодействие различных смысловых позиций. Однако в игре осуществляется не просто взаимодействие, а ролевое, которое порождает конфликт участников взаимодействия. Совместный характер игровой деятельности позволяет магистрантам переосмысливать свои позиции и перестраивать их на основе принятия ценностей творческой коллективной деятельности.

Выбранные нами заданная и диалоговая технологии отражают два структурных компонента педагогического процесса: задачная – представление содержания исследовательской компетентности в виде системы задач; диалоговая – ведущий метод обучения. Данные компоненты требуют и соответствующей формы организации обучения. Игровые технологии обучения позволяют наиболее эффективно реализовать задачное представление содержания и диалогизацию учебного взаимодействия, поскольку основными психолого-педагогическими принципами игры являются:

– проблематизация содержания (в предметный материал игры закладываются проблемы, выстроенные в виде системы задач, в которых содержится тот или иной тип противоречий, разрешаемых магистрантами в процессе игры);

– диалогического общения и взаимодействия партнеров (игра предполагает общение, основанное на субъект-субъектных отношениях, которые характеризуются неоднозначностью реагирования партнеров на информацию, что порождает диалог, обсуждение и согласование позиций).

Таким образом, триада «задача – диалог – игра» образует взаимосвязанную технологическую систему, обеспечивающую эффективность развития исследовательской компетентности магистрантов в ходе профессиональной подготовки.

Библиографический список

1. Андреев, А.Л. Компетентностная парадигма в образовании: опыт философско-методологического анализа / А.Л. Андреев // Педагогика. – 2005. – № 4. – С. 19–27.
2. Белич, В.В. Атрибутивный анализ педагогической деятельности / В.В. Белич. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991. – 144 с.
3. Вербицкий, А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А.А. Вербицкий. – М.: Высшая школа, 1991. – 207 с.
4. Вербицкий, А.А. От парадигмы обучения к парадигме образования / А.А. Вербицкий. – М.: РАЦ НО, 1994. – 129 с.
5. Климова, Т.Е. Развитие научно-исследовательской культуры учителя: дис. ... д-ра пед. наук / Т.Е. Климова. – Оренбург, 2001. – 328 с.
6. Краевский, В.В. О культурологическом и компетентностном подходах к формированию содержания образования / В.В. Краевский // Обновление российской школы: докл. 4-й Всерос. дистанционной авт. пед. конф. (26 авг. – 10 сент. 2002 г.). – URL: <http://www.eidos.ru/conf/>.
7. Лернер, И.Я. Поисковые задачи в обучении как средство развития творческих способностей / И.Я. Лернер // Научное творчество. – М.: Наука, 1969. – 148 с.
8. Слостенин, В.А. Формирование профессиональной культуры учителя: Учебное пособие / В.А. Слостенин. – М., 1993. – 260 с.
9. Формирование учебной деятельности студентов // под ред. В.Я. Ляудис. – М.: МГУ, 1988. – 240 с.
10. Хуторской, А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты / А.В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». – 2002. – 23 апр. – URL: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm>.

[К содержанию](#)

УДК 378.22 + 378.026

ББК Ч448.027.8

КОУЧИНГ-ТЕХНОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ БУДУЩИХ МАГИСТРОВ ТУРИЗМА

Т.Е. Климова, Т.Н. Третьякова

В статье обосновывается возможность использования коучинг-технологии в педагогическом управлении научно-исследовательской деятельностью будущих магистров туризма, рассматриваются основная идея и особенности коучинг-технологии, ее теоретические основы, принципы, виды, содержательно-процессуальная и методическая характеристики коучинга.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, педагогическое управление научно-исследовательской деятельностью магистра, коучинг, принципы коучинга, виды коучинга, методы коучинга, этапы коучинга.

Одна из основных задач магистранта – самостоятельное выполнение исследования по выбранной проблеме и его качественное представление в виде магистерской диссертации. Несомненно, сегодня взят правильный курс на большую самостоятельность магистранта при выполнении магистерской работы. В случае отсутствия специальной дисциплины, печатного руководства по написанию магистерской диссертации и неправильной организации педагогического управления научно-исследовательской деятельностью магистранта приводит к полной его самостоятельности. Силы, которые магистранту, в первую очередь, надлежит тратить, работая над магистерской диссертацией, уходят на самообучение, причем нередко порочное, поскольку в качестве образцов могут быть взяты и плохие магистерские диссертации. В наименьшей степени от этого страдает научный руководитель, который превращается в поводыря. По многу раз читая черновики и правя работу, он вынужден постоянно отвлекать свое внимание от главного – от педагогического управления за научными изысканиями автора. Поэтому сегодня возникают три проблемы:

- разработка и реализация специальных дисциплин, посвященных технике и технологии научного творчества вообще и технике и технологии работы над магистерской диссертацией в сфере туристической индустрии в частности;
- подготовка книг, посвященных технике и технологии работы над магистерской диссертацией в сфере туристической индустрии;
- педагогическое управление научно-исследовательской деятельностью магистранта.

На кафедре туризма и социально-культурного сервиса Южно-Уральского государственного университета первые две проблемы решаются следующим образом:

– во-первых, в магистерскую программу по направлению «Туризм» введены две дисциплины: «Методология и организация исследовательской деятельности» (общенаучный цикл, вариативная часть) и «Организация опытно-экспериментальной работы» (общенаучный цикл, дисциплина по выбору);

– во-вторых, подготовлены и изданы учебные пособия «Методологические основы диссертационных исследований в сфере туристической индустрии и социокультурного сервиса», «Научно-исследовательская работа магистра в сфере туристской анимации и социокультурного сервиса» и «Хрестоматия диссертационных исследований в сфере туристической индустрии».

Решение третьей проблемы связано с выбором и использованием адекватной самостоятельному исследовательскому процессу магистранта педагогической технологии. Но, прежде чем говорить о выборе такой технологии и особенностях ее использования, акцентируем внимание на таких понятиях, как «научно-исследовательская деятельность» и «педагогическое управление научно-исследовательской деятельностью».

Под научно-исследовательской деятельностью понимаем коллективную или индивидуальную деятельность, осуществляемую на основе методов научного познания, направленную на постановку и решение неординарных проблем с целью получения нового, точного, объективного и системного знания о мире, человеке и его деятельности, которое обогащает науку, культуру и цивилизацию. Специфика научно-исследовательской деятельности будущих магистров туризма проявляется в том, что она:

- а) отражает основные особенности их профессиональной деятельности;
- б) является творческим процессом, в ходе которого получается самоценное знание или возникает новое качество уже известного знания, при этом происходит не просто обретение «нового знания», но и своеобразное «педагогическое приращение», связанное с изменением личностных качеств магистранта;
- в) предполагает наличие основных этапов, характерных для исследования проблем в сфере туризма.

Управление в общем смысле – это воздействие на процесс с целью его упорядочения, сохранения качества, специфики совершенствования и развития. Педагогическое управление, как отмечаем А.П. Огаркова, – это целенаправленный созидательный системообразующий процесс, который дифференцируется от административного управления объектом и от технологии, представляющей лишь одну из сторон управления. Сущность такого управления не сводится только к функциям контроля, принятия решения, регулирования и др. В его основе гибкость и многовариативность

управленческих решений (принцип маневренности), что позволяет осуществлять переходы от управления к соуправлению и самоуправлению в зависимости от ситуации [5]. Маневренность педагогического управления позволяет преобразовать субъект-объектные взаимодействия научного руководителя с магистрантом в субъект-субъектные. Следовательно, педагогическое управление научно-исследовательской деятельностью магистрантов можно рассматривать как целенаправленный процесс, в котором в результате маневренной управленческой стратегии преподавателя, его взаимодействия с магистрантом, работающим над своей проблемой, преобразуются из субъект-объектных в субъект-субъектные. Такое управление требует применение соответствующей педагогической технологии.

В системе высшего образования и подготовки научных кадров при организации работы магистранта (аспиранта) над диссертацией используется технология консультирования. Коучинг-технология не столь популярна, как консультирование, хотя с методической точки зрения она не менее, а в некоторых случаях даже более эффективна как для организации семинарских занятий на принципе «обучение через исследование», так и в процессе руководства курсовыми, дипломными и диссертационными исследованиями.

Технология коучинга была разработана в конце 80-х гг. XX века двумя бизнес-консультантами Т. Ленардом и Дж. Уитмором. Они осуществили попытку переноса технологии тренерского процесса в сферу бизнеса, в результате появилась технология, которую называли коучинг (от англ. *coaching* – наставлять, тренировать, воодушевлять), а человека, который ее осуществляет, называли коучем (от англ. *coach* – тренер). В дальнейшем данную технологию разрабатывали многие ученые (Э.М. Грант, Дж. Грин, М. Дауни, М. Ландсберг, А.С. Огнев, Н.В. Самоукина, С. Торн, И. Флеминг и др.) с целью расширения возможностей людей, осознавших потребность в изменениях и ставящих перед собой задачи профессионального и/или личностного роста.

Анализ научной литературы показал, что коучинг рассматривается как:

– искусство: понимание коучинга как искусства основано на том факте, что коуч и лицо, которому оказываются коучинговые услуги, взаимодействуют друг с другом для получения результата. Наибольший результат достигается при наиболее полном раскрытии потенциалов участников коучинговой деятельности, основанном как на научном знании, так и искусстве применения этого знания в конкретных условиях [1];

– процесс: понимание коучинга в виде процесса отражает стремление исследователей интегрировать действия коуча по достижению поставленной цели в единую последовательность. Внимание обращается на взаимную связь действий-функций коучера, образующих процесс, динамично развивающийся во времени [7];

– стиль управления: понимание коучинга как стиля управления подразумевает необходимое включение коучинга в повседневную манеру поведения коучера по отношению к клиенту [7];

– метод управления: исследователи подчеркивают, что взаимодействие коуча и клиента носит партнерский характер, который определяет метод управления. Поскольку стиль управления служит формой реализации метода (методов) в управления, то коучинг часто определяют как метод или методика управления [7].

На наш взгляд, различные трактовки коучинга имеют право на существование. Однако в условиях активизации исследовательского потенциала магистранта приоритетным видится понимание коучинга в качестве технологии педагогического управления научно-исследовательской деятельностью будущих магистров туризма. Иные трактовки коучинга при этом не теряют своей актуальности и рассматриваются как подчиненные основному пониманию коучинга. Для раскрытия сущности коучинга воспользуемся алгоритмом описания педагогической технологии, который состоит из следующих основных действий [9 и др.]: идентификация педагогической технологии; ее назначение; концептуальная часть; видовая характеристика; структурная характеристика; процессуальная характеристика; методическое обеспечение. Описание составляющих этого алгоритма даст возможность составить характеристику рассматриваемой нами коучинг-технологии.

1. Идентификация технологии. Коучинг-технология – это технология педагогического управления, которую можно охарактеризовать по: целям – это развивающая технология, ориентированная как на развитие исследовательского потенциала магистранта, так и на развитие взаимодействия научного руководителя с магистрантом; организации – это интегративная технология, так как может осуществляться как индивидуально, так и коллективно; методам – интеллектуальная технология комплексного использования разнообразных интерактивных методов и приемов.

2. Название данной технологии – коучинг-технология педагогического управления научно-исследовательской деятельностью магистранта – это целостная система принципов, методов и приемов маневренного педагогического управления научно-исследовательской деятельностью магистранта, направленного на развитие исследовательского потенциала личности, максимальное раскрытие и эффективную реализацию этого потенциала.

3. Концептуальная часть технологии предполагает раскрытия ее основной идеи, теоретических основ, отличительных особенностей и принципов.

Основная идея отражает сущность данной технологии – «совместное достижение», поскольку вне зависимости от подхода к рассмотрению сущности понятия «коучинг» ученые отмечают, что внимание коуча сосредоточено на путях разрешения проблемы. В контексте нашей проблемы научный руководитель-коуч не советует, не учит, не консультирует в тради-

ционном понимании этих действий. Он задает вопросы магистранту. В процессе поиска ответов на поставленные ему вопросы магистрант использует свои явные, а еще более скрытые до этого времени личностные возможности, ищет и находит наилучшее решение проблемы исследования. Отсюда цель данной технологии – помочь магистранту самостоятельно найти способ решения проблемы, а не решать за него. В процессе коучинга (содействия) исследование препятствий, целей, ресурсов и других «составляющих» отношения магистранта к ситуации является одним из инструментов нахождения им своего уникального способа решения конкретной проблемы.

Выделяют следующие теоретические основы коучинга:

1. Сократовские методы диалога (майевтика) – специально организованной системы выстраивания вопросов: каждый последующий вопрос обусловлен предыдущим ответом собеседника. «Я не могу никого ничему научить, я только могу заставить думать», – провозглашал Сократ [10].
2. Психоанализ (теории З. Фрейда, К. Юнга и А. Адлера).
3. Гуманистический подход в психотерапии (А. Маслоу, К. Роджерс).
4. Методики практикующих спортивных тренеров (Т. Голви).
5. Концепция эмоционального интеллекта [EQ] Д. Голдмана.

Отличительные особенности рассматриваемой технологии. В деловом контексте технологию коучинга сравнивают с такими управленческими технологиями, как консультирование и наставничество, а также педагогической технологией – тренингом. Тем не менее, между ними существует отличие. Так, в обычном обучающем тренинге задача преподавателя – показать и научить человека, как нужно выполнять конкретные действия. Роль наставника – определить с магистрантом проблему, цель, а затем дать рекомендации, как решить проблему, добиться поставленной цели. В содержательном плане наставники полагаются на продвижение уже существующих знаний и умений. Когда приглашают консультанта, то перед ним ставится определенная задача, над которой он и работает, выдавая свое решение. В технологии коучинга другой подход к работе с человеком. Задача коуча – обнаружить скрытый потенциал человека, дать возможность ему самому решать проблемы и реализовывать свой потенциал [6].

Учеными достаточно много выделено принципов коучинга, которые соответствуют виду коучинга [8]. Их анализ показал, что для рассматриваемой нами технологии необходимо использовать следующие принципы:

- принцип осознанности и ответственности – коучинг служит для расширения границ осознания проблемы в ходе анализа поставленных задач, осознанность позволяет принять ответственность за свои действия;
- принцип беспристрастности – коуч (преподаватель, научный руководитель) не занимает оценочную позицию, не дает готовых решений, не навязывает свое мнение, магистрант сам принимает решение о следующем своем шаге;

– принцип систематичности – используется строгая последовательность этапов, комплекс методов, приемов и техник, исключая случай или догадки вслепую;

– принцип равенства – коучинг основан на коммуникативном сотрудничестве преподавателя (научного руководителя) и магистранта для достижения поставленных целей и решения конкретных задач;

– принцип взаимосвязи – все виды работ взаимосвязаны и ориентированы на конечный результат;

– принцип поэтапного развития – каждый шаг магистранта должен находиться в зоне его ближайшего развития.

4. Видовая характеристика. Существуют различные виды коучинга. Так, В.А. Зиминим описаны десять видов коучинга: лайф-коучинг, инновационный, карьерный, корпоративный, коактивный, стратегический, ситуационный и креативный коучинги, бизнес-коучинг, дистанционный коучинг [2]. В.Е. Максимов выделяет индивидуальный, групповой, управленческий, для отдельно взятого проекта и системный коучинг [4]. Данная классификация в наибольшей степени подходит для рассматриваемой нами коучинг-технологии педагогического управления научно-исследовательской деятельностью магистрантов.

5. Структурная характеристики. В контексте научно-исследовательской подготовки магистрантов процесс коучинга состоит из пяти структурных элементов [6]:

1. «Listening Clarifiers» – вопросы для прояснения того, что говорит магистрант (чтобы понять, что коуч на самом деле слышишь).

2. «Deliverables» – «предоставляемые ценности», которые коуч транслирует магистранту во время работы (и которые могут отличаться от полученных результатов).

3. «Life Frameworks» – «рамки» или «жизненные позиции», из которых исходит преподаватель-коуч и магистрант и которые организуют их мышление, поведение и отношения к задачам/проблемам. От этих рамок во многом зависит успех и скорость получения результатов.

4. «Communication Style Points» – стили, которые преподаватель-коуч использует в своей коммуникации с магистрантом и которые помогают ему ускорить процесс.

5. «Coaching Proficiencies» – «профессиональные навыки» преподавателя-коуча (т.е. то, чем преподаватель-коуч работает).

Эти элементы отражают ядро разнообразных структурных моделей коучинга, выбор которых зависит от ситуации. Для рассматриваемой нами коучинг-технологии наиболее эффективными являются «3-шаговая модель коучинга» или «кто-что-как» и модель «фокус – сотрудничество – наблюдение». Сущность первой структурной модели: «Кто» – магистрант, его цели, потребности, сильные и слабые стороны, ограничения и т.п. «Что» –

цели магистранта, задачи, то, что надо, то, что хочу. «Как» – как этого достичь, способы, возможности, стратегии, навыки, технологии, приемы, методы и формы достижения. В работе научного руководителя-коуча эти фокусы перемещаются произвольно, в зависимости от содержания встречи прорабатываются параллельно, последовательно, в любом порядке, но главное – чтобы каждый был проработан до конечной, максимальной ясности. Сущность второй: «Фокус» – включение магистранта в самоисследование текущей ситуации, проблемы. «Сотрудничество» предполагает совместную проработку ситуации, проблемы на встречах, в действии. Результат – самостоятельный выбор магистрантом конкретного варианта действий и составление плана. «Наблюдение» – констатация происходящего и сравнение его с планируемыми результатами

6. Процессуальная характеристика. В ходе семинарских занятий используются групповую, управленческую, проектную и системную коучинг-технологии, а в ходе руководства диссертационным исследованием магистранта, как правило, индивидуальный коучинг и редко групповой. Отсюда различия в этапах коучинг-технологии. На семинарских занятиях ученые выделяют следующие этапы: мотивационный или этап постановки цели; этап планирования и выбор действий для достижения цели; этап осуществления запланированных действий и реализация цели плана; рефлексивный этап [13].

Сегодня нет исследований по этапам коучинга в процессе педагогического руководства диссертационным исследованием магистранта. Поэтому, учитывая рекомендации по проведению индивидуального коучинга, мы выделяем следующие его этапы: этап содействия; этап «совместного зондирования» проблемы; этап определение внутренних и внешних противоречий на пути к результату; этап выработки и анализ возможностей для преодоления препятствий; этап выбора конкретного варианта действий и составления плана; рефлексивный этап. В зависимости от подготовленности магистранта, данные этапы могут меняться местами, взаимозаменяться или интегрировать. Отметим, что этап реализации плана действий – это самостоятельная научно-исследовательская деятельность магистранта, т.е. без коуча, поэтому он не включен в процессуальную структуру данной технологии.

7. Методическое обеспечение. В зависимости от вида коучинга используют и разнообразные методы и приемы: метод наводящих вопросов, приемы эмпатии и доверительного общения, методы подготовки и принятия решения, рефлексивные приемы, методы развития творческого потенциала, проблемные и проектные методы и др.

Представленное описание коучинг-технологии педагогического управления научно-исследовательской деятельностью магистранта схематично. Безусловно, коучинг не является универсальной технологией решения всех

проблем. Но использование данной технологии, как показал наш опыт, способствует раскрытию исследовательского потенциала будущего магистра туризма, формирует у него необходимые компетенции.

Библиографический список

1. Дауни, М. Эффективный коучинг: уроки тренера / М. Даунти. – М.: Добрая кн., 2005. – 279 с.
2. Зимин, В.А. Коучинг со стороны / В.А. Зимин. – URL: <http://www/leader3000.ru/articles/brusnikina1.htm>.
3. Ландсберг, М. Коучинг: повышайте собственную эффективность, мотивируя и развивая тех, с кем вы работаете / М. Ландсберг. – М.: Эксмо, 2004. – 149 с.
4. Максимов, В.Е. Коучинг от А до Я. Возможно все / В.Е. Максимов. – СПб.: Речь, 2004. – 272 с.
5. Огаркова, А.П. Теория и практика педагогического управления развитием познавательной самостоятельности студентов: дис. ... д-ра пед. наук / А.П. Огаркова. – Магнитогорск, 1999. – 406 с.
6. Огнев, А.С. Организационное консультирование в стиле коучинг / А.С. Огнев. – СПб.: Изд-во «Речь», 2003. – 192 с.
7. Парслоу, Э. Коучинг в обучении: практические методы и техники / Э. Парслоу, М. Рэй. – СПб.: Питер, 2003. – 203 с.
8. Рогачев, С.А. Коучинг: возможности применения в бизнесе / С.А. Рогачев. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. – 155 с.
9. Селевко, Г.К. Современные образовательные технологии / Г.К. Селевко. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.
10. Смолин, К. Коучинг как инженерия менеджерского развития / К. Смолин // Управление персоналом. – 1999. – № 8. – С. 76.
11. Уитворт, Л. Коактивный коучинг / Л. Уитворт, К. Кимски-Хауз, Ф. Сандак. – М.: ЦПКУБ, 2004. – 356 с.
12. Харрис Д. Коучинг: личностный рост и успех / Д. Харрис. – СПб.: Речь, 2003. – 105 с.
13. Цыбина, Е.А. Коучинг в обучении студентов старших курсов английского языка / Е.А. Цыбина. – Ульяновск, 2007. – 87 с.

[К содержанию](#)

УДК 338.482(470.55) + 338.485(470.55)

ББК У433+Ч518.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

О.В. Котлярова

По результатам проведенных исследований выявлено, что оценка туристско-рекреационного потенциала должна опираться на несколько подходов: теоретико-методологический, описательный, прикладной подход, системный подход.

Ключевые слова: туристско-рекреационный потенциал, оценка потенциала, методология оценки; объекты потенциала.

Оценка туристско-рекреационного потенциала территории является важной основой оптимизации и рационализации пространственной и хозяйственной организации территориальных туристско-рекреационных систем (ТТРС), определения ценности отдельных ресурсов и их сочетаний, выявления территориальных различий в обеспеченности ресурсами, определения путей рационального использования ресурсов и сбалансированного развития территории [1].

По сути, оценка туристско-рекреационного потенциала должна проходить четыре основных этапа:

1) необходимо концептуально определиться с понятием искомого признака, так как на сегодняшний день словосочетания, в которых «потенциал» используется как терминообразующее слово (рекреационный, туристский), стали достаточно часто употребляться в туристской литературе. Однако выяснить конкретное содержание, которым различные авторы нагружают термин «потенциал», нередко оказывается весьма сложно, поскольку широко известных и общепринятых профессиональных трактовок этого термина не существует, и используют его чаще всего как термин общеупотребительный, очевидный. Вместе с тем содержание этого термина далеко не элементарно и в туристике должно быть ограничено более или менее отчетливыми рамками;

2) целесообразно рассмотреть применение различных методов оценки туристско-рекреационных ресурсов известными авторами к условиям отдельно взятой изучаемой территории и выявить основу для комплексной оценки;

3) для того, чтобы всесторонне оценить туристский потенциал какой-либо территории, представить его в компактной и формальной форме необходимо подробно описать отдельные туристские и рекреационные ресурсы, имеющиеся в каждом регионе (районе, стране и т.д.), т.е. по сути, разработать туристский паспорт. От полноты и качества представления информации в данном документе зависит и эффективность оценки туристского потенциала территории;

4) применить выбранные методы оценки к туристским ресурсам изучаемой территории.

Таким образом, поэтапное планирование комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала территории дает нам возможность в исследовании опираться на несколько подходов:

– теоретико-методологический – концептуализация понятийно-терминологического понятия исследования и выбор основных методов оценки туристско-рекреационного потенциала;

– описательный подход для составления туристского паспорта территории;

– прикладной подход применяется для оценки туристско-рекреационного потенциала конкретной территории;

– системный подход позволяет нам рассматривать туристскую дестинацию как территориальную систему, находящуюся в пределах географической оболочки.

Несмотря на многолетнюю историю развития туристского направления как науки, в трудах отечественных ученых до сих пор нет согласованности по использованию понятия «туристско-рекреационный потенциал» и единой методики его оценки. Даже Федеральный Закон «Об основах туристской деятельности» не дает трактовки данному определению, а определено только понятие «туристские ресурсы».

Туристские ресурсы – по законодательству РФ – природные, исторические, социально-культурные объекты, включающие объекты туристского показа, а также иные объекты, способные удовлетворить духовные потребности туристов, содействовать восстановлению и развитию их физических сил [2]. В настоящий момент на территории Российской Федерации данный закон является главным нормативным документом, поэтому необходимо исходить из определения, представленного в этом законе.

В трудах разных авторов встречаются различные вариации понятия потенциал: «туристский потенциал» (Д.В. Николаенко, А.В. Даринский), «рекреационный потенциал» (В.А. Рубцов, С.А. Шабалина), «пропускной потенциал» (В.Н. Рудченко, И.А. Суслова), «ресурсный потенциал» (А.Ю. Гаврилов). Поэтому можно сделать вывод, что общепринятых профессиональных трактовок этого термина не существует, и используют его чаще всего как термин общеупотребительный, очевидный. В результате исследование потенциала и его оценка сдерживаются слабой проработанностью многих теоретических и методологических аспектов.

Исследования показали, что в качестве объекта оценивания выступают территории различных масштабов, от отдельных территориально-рекреационных систем, до территорий целых стран, но чаще всего используется административно-территориальное деление (56 %).

М.А. Саранча, предлагает использовать для выделения объекта оценки универсальное понятие «операционная территориальная единица» – ОТЕ

под которым понимаются единицы, выделенные исходя из цели исследований и специфики изучаемой геосистемы. ОТЕ выступают в роли элементарных единиц географических исследований, на основе которых изучается неоднородность географических систем [1].

Проанализированные нами работы, с точки зрения выделяемых объектов оценки туристско-рекреационного потенциала можно разделить на три направления:

1) исследования, где в качестве объектов выступают предварительно выделенные туристско-рекреационные территории, для развития отдельных видов туризма, независимо от географии их размещения, например, особо охраняемые природные территории;

2) исследования, где в качестве объектов выступают конкретные географические территории, чаще всего административно-территориальные единицы;

3) исследования, где в качестве объекта выступает туристско-рекреационный потенциал применительно к предприятиям индустрии туризма с различных точек зрения.

Для составления туристского паспорта территории необходимо выявить цели и задачи паспортизации конкретной административной территории. Многие регионы Российской Федерации обладают достаточными историко-культурными и природными ресурсами, которые при определенном задействовании в экономических отношениях могли бы способствовать восстановлению функции городов и других населенных мест к саморазвитию. Инструментом к этому мы можем определить туристскую сферу. Исходя из этого, цель паспортизации – на основе комплекса уникальных факторов, которыми располагает территория (район, область), при условии сохранения природных и культурных ресурсов, развить туризм в данном регионе.

Территория Челябинской области традиционно относится к старопромышленным районам, для которых туристская отрасль никогда не являлась ведущей. Доходность от туризма в нашем регионе наверняка не сможет встать в один ряд с доходностью от машиностроения и металлургии, но сопоставить ее с агропромышленным комплексом нам представляется возможным, если наши жители не будут тратить десятки миллионов рублей за границей, а планировать отдых в своем регионе, и если иностранцы будут приезжать на отдых к нам. Несмотря на то, что Правительством Челябинской области развитие туристско-рекреационной отрасли поставлено в ряд приоритетных экономических задач, мы можем сказать, что регион недостаточно изучен в рекреационно-географическом аспекте. Поэтому существует объективная потребность в проведении специальных исследований по оценке туристско-рекреационного потенциала в регионе.

Во-первых, это новые рабочие места в сфере туризма, так как туризм стимулирует развитие прибыльных внутренних отраслей. К ним относятся: гостиницы и другие средства размещения, объекты питания, народные про-

мысли, экскурсионно-информационное дело. Во-вторых, это новые рабочие места в сопряженных отраслях, так как происходит стимулирование ключевых секторов экономики: строительства, сельского хозяйства, транспорта, торговли, предприятий народного потребления. В-третьих, это возможность привлечения инвестиций в экономику области, т.е. стимулирование капиталовложений, так как туризм – одно из наиболее перспективных направлений структурной перестройки экономики. В-четвертых, новые возможности для развития крупных и малых предприятий.

Проведенный анализ показывает, что выбор методологических подходов к оценке туристско-рекреационного потенциала административных территорий опирается на планирование деятельности по комплексной оценке потенциала любой территории.

Библиографический список

1. Саранча, М.А. Методологические проблемы интегральной оценки туристско-рекреационного потенциала территории / М.А. Саранча // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о земле». – 2011. – Вып. 1. – С. 118–127.

2. Федеральный закон от 24.11.1996 N 132-ФЗ (ред. от 03.05.2012) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.11.2012) : [принят Гос. думой 4 окт. 1996: одобр. Сов. Фед. 14 нояб. 1996] // Рос. газ. – 1996. – 3 дек.

[К содержанию](#)

УДК 339.13.017(470)

СУВЕНИРНО-ПОДАРОЧНАЯ ПРОДУКЦИЯ ДЛЯ РЫНКА В2В И ЕЕ ДИЗАЙН

Е.Н. Лаврова, А.А. Лавров

Проведен анализ состояния рынка В2В в России и выявлено его отставание и однообразие. Уральский регион имеет все шансы занять в нем особое место благодаря изготовлению олимпийских медалей в «Сочи-2014».

Ключевые слова: Business to Business, бизнес-подарок.

В2В (англ. Business to Business, буквально бизнес для бизнеса) – термин, определяющий вид информационного и экономического взаимодействия, классифицированного по типу взаимодействующих субъектов, в данном случае – это юридические лица, которые работают не на конечного рядового потребителя, а на такие же компании, то есть на другой бизнес [1]. В со-

временном мире сувенирно-подарочная продукция имеет особое значение для компаний B2B рынка. В секторе B2B, где с каждым клиентом происходит личный контакт, обойтись без подарков невозможно. В данном сегменте существуют специфические каналы коммуникации, эффективность которых, с точки зрения попадания в целевую аудиторию, близка к 100 %. И дизайну сувенирно-подарочной продукции здесь предается большое значение.

Для того чтобы понять значение дизайна сувенирно-подарочной продукции для B2B рынка, вкратце рассмотрим присущие ему особенности.

Итак, в сегменте B2B основные демографические, социальные и статусные критерии отходят на второй план. Гораздо более значимыми являются иные критерии, связанные с качественными характеристиками компаний-потребителей, а не характеристики частных лиц, в них работающих. Поэтому основными критериями будут в первую очередь параметры, присущие самим компаниям и только во вторую очередь – характеристики лиц, принимающих решения.

При принятии решения люди, являющиеся получателями сообщений, выступают в первую очередь как представители структур. Поэтому они руководствуются, прежде всего, соображениями пользы для бизнеса и только затем – получением личной выгоды, что существенно влияет на разработку мероприятий стимулирующих рост продаж в данном рынке.

Для B2B рынка подход к информации более рациональный, и большую роль играют аргументированные доводы и факты. Причем, цена ошибок в коммуникациях в данном сегменте рынка значительно выше, т.к. даже один потребитель ценен для компании.

Число и размеры целевых групп зачастую бывают ограниченны, что позволяет выработать индивидуальные программы работы с каждой целевой аудиторией.

Теперь разберемся с функциями сувенирной продукции для B2B рынка. В первую очередь – это:

- развитие маркетинговых коммуникаций (внешние атрибуты бренда, реклама);
- развитие лояльности клиентов;
- управлению репутацией;
- развитие корпоративной культуры.

Перечисленные выше особенности и функции сувенирно-подарочной продукции для B2B рынка влияют и на ее дизайнерское решение. Сегодня, любая крупная компания имеет сувенирную продукцию с фирменной символикой.

Сувенирно-подарочная продукция – это не только пакеты, значки, папки, конверты, блокноты, но и посуда, изделия с лазерной гравировкой и многое другое. Качественно исполненный сувенир оригинального дизайна будет не только эффективным средством продвижения и рекламы, но и поможет в формировании определенного имиджа компании.

Возможно, на первый взгляд, сама по себе сувенирно-подарочная продукция фирмы имеет очень отдаленное отношение к маркетинговым коммуникациям, но представить без нее работу с целевыми аудиториями сегодня невозможно. Однако, если в сегменте B2C (англ. business-to-consumer – бизнес для потребителя) главное требование к ней – как можно большее количество за как можно меньшие средства, а значит и дизайн такой продукции не должен быть дорогим, то в сегменте B2B критерии иные. Обычно важно бывает сделать сувенирно-подарочную продукцию необычной и полезной для потребителей, при этом она не должна выглядеть дешево. К примеру, если клиентами компании являются автотранспортные предприятия, то хорошими сувенирами могут стать фирменный атлас автодорог или справочник с полезной информацией для дальнобойщиков. Именно такой подарок способен запомниться и увеличить лояльность клиентов к компании.

В современной практике сувенирно-подарочная продукция организации для B2B рынка делится по своему характеру и целевой установке на бизнес-сувениры и VIP-сувениры. Соответственно и дизайн таких сувениров несколько отличается.

Бизнес-сувениры – категория сувенирно-подарочной продукции предназначенная для потенциальных или уже состоявшихся партнеров по бизнесу. Основной целью подобных сувениров является привлечение и поддержание интереса партнеров к компании, а также обычное выражение хорошего расположения к бизнес-партнеру. Такие сувениры еще принято называть бизнес-подарками, и их преподносят, в частности, на деловых встречах. Однако необходимо все же учитывать, что бизнес-сувенир не должен быть слишком широко растиражированным, то есть его целевая аудитория по возможности ограничивается партнерами и, возможно, собственными сотрудниками, но не простыми «посетителями выставки».

К бизнес-сувенирам также относятся корпоративные подарки для сотрудников своей же фирмы. Таким сувениром может быть что угодно, от календарей и ежедневников до бейсболок и футболок. В дизайне данного вида сувенирной продукции на первый план выходят: оригинальность, принадлежность к корпоративной культуре, т.е. использование фирменной символики и цветов, практичность и качественное исполнение сувенира в целом, т.е. играет значение все, от выбора материалов до технологических особенностей изготовления изделий.

VIP-сувениры – это эксклюзивные и чаще всего дорогие подарки, которые нередко заказываются в единственном экземпляре для конкретного человека. К такого рода подаркам могут относиться дорогие вазы, ручки с инкрустацией, статуэтки и т.п. Основной отличительной чертой VIP-сувениров является их эксклюзивность, а материалы для их изготовления чаще всего актуальные во все времена – кожа, дерево, камень, металл. Соответственно и к дизайну VIP-сувениров предъявляются самые высокие требования.

Значимость таких факторов, как функциональность, качество, цена и престиж сувенира варьируется в зависимости от целей рекламных мероприятий. Если в дизайне промо-сувениров большую роль играют цена и функциональность, а также наличие на предметах максимальной площади для нанесения логотипа, то, как при выборе дизайна бизнес-подарков и VIP-сувениров, в первую очередь обращается внимание на престиж и качество, а затем уже на цену и функциональность. Естественно, большое значение придается внешнему виду подарка, тому, как, где и из чего он изготовлен, какое впечатление производит.

В качестве примера дизайна сувенирной продукции для B2B рынка рассмотрим всемирно известный бренд Ferre, т.е. бренд дизайнера Gianfranco Ferre (Джанфранко Ферре). Данный бренд выпускает широкую линейку сувениров и аксессуаров, в том числе, предназначенных для B2B-рынка. В коллекцию бизнес-подарков Ferre входит ассортимент кожаных изделий, личных аксессуаров, ручек, посуды, зонтов и текстиля. Данные сувениры универсальны – они выполнены в строгом стиле и в качестве подарка подходят человеку любого ранга. В линии аксессуаров для B2B-рынка найдены решения, позволяющие точно выразить идею бизнес-подарка и при этом выдержать фирменный стиль Ferre (рис. 1, рис. 2).

Рис. 1. Набор Ferre: трэвел-портмоне, дорожные часы с двумя циферблатами для разных часов

Рис. 2. Перьевая сувенирная ручка Ferre

Цветовая гамма коллекций Ferre преимущественно выдержана в черном и белом цвете, также иногда встречаются коричневые оттенки. Исключение сделано для ручек – некоторые из них выполнены в серебристых и золотистых цветах.

К сожалению, современный отечественный рынок сувенирно-подарочной продукции для сектора B2B не отличается разнообразием и сучен. При анализе ассортимента данного рынка прослеживается четкое доминирование дешёвой сувенирной продукции класса promotion производства

Китай. Наблюдается большой дефицит подарков VIP-уровня. Ассортимент фирм однотипен. Многие предлагаемые модели, разработанные несколько лет назад, морально устарели [2]. Хотя есть регионы в нашей стране, которые разрабатывают и создают собственные подарки. Ярким примером является эксклюзивная сувенирно-подарочная продукция уральских мастеров и дизайнеров, выполненная их натуральных камней и металлов (рис.3).

Рис. 3. Сувенирно-подарочное пресс-папье для РЖД

В заключении хочется отметить, что интерес к данному сектору с каждым годом растет и у дизайнеров, и у бизнесменов. Конечно же, приятно осознавать, что наш Уральский регион имеет все шансы занять в нем особое место. Одним из доказательств этого являются олимпийские медали «Сочи-2014», созданные Златоустовскими мастерами для награждения чемпионов 15 февраля 2014, в годовщину падения Челябинского метеорита, с его осколками (рис. 4).

Рис. 4. Олимпийская медаль «Сочи-2014» с осколком метеорита

Библиографический список

1. Википедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/B2B>.
2. Знаки внимания. Использование сувенирной продукции в сфере В2В. – URL: <http://b2blogger.com/articles/promotion/72.html>.

[К содержанию](#)

УДК 338.483(470.55)+338.485(470.55)

ББК У433+Ч518.1

ОЦЕНКА ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЕРХНЕУРАЛЬСКОГО РАЙОНА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.Н. Лаврова, О.В. Котлярова

По результатам проведенных исследований выявлено, что туристско-рекреационный потенциал Верхнеуральского района, представленный совокупностью природных, культурно-исторических и социально-экономических предпосылок территории является относительно благоприятным для организации туристско-рекреационной деятельности

Ключевые слова: туристско-рекреационный потенциал, оценка потенциала, методология оценки; объекты потенциала.

Правительством Челябинской области развитие туристско-рекреационной отрасли поставлено в ряд приоритетных экономических задач, но, несмотря на это, можно говорить о недостаточной изученности рекреационно-географического аспекта региона. В связи с чем, существует объективная потребность в проведении специальных исследований по оценке туристско-рекреационного потенциала данного региона, а именно Верхнеуральского района области.

Цель данного исследования – провести оценку туристско-рекреационного потенциала территории Верхнеуральского района Челябинской области.

Объектом исследования выступает территория Верхнеуральского района Челябинской области.

Предмет – туристско-рекреационный потенциал данной территории.

Исходя из выше перечисленного, выделены основные задачи:

- изучение понятия и сущности рекреационного потенциала территорий;
- анализ существующих методик оценки туристско-рекреационного потенциала;
- сбор информации, необходимой для оценки туристско-рекреационного потенциала.

Для выбора методики оценки туристско-рекреационного потенциала Верхнеуральского района нами были изучены такие методики, как: методика интегральной оценки туристского потенциала территории А.В. Дроздова, методика оценки комплексного рекреационного потенциала В.А. Рубцова и С.А. Шабалиной, методика интегральной оценка туристско-рекреационного потенциала территории Ю.А. Худеньких.

Туристско-рекреационный потенциал Верхнеуральского района мы оценивали исходя из трех основных категорий ресурсов, необходимых для развития туризма и рекреации в регионе, а это природные условия, историко-культурный потенциал и имеющиеся объекты инфраструктуры.

Оценка природных условий была дана исходя из двух основных типов влияния на организм человека – медико-биологического и психолого-эстетического.

Медико-биологический тип отражает воздействие природных факторов на организм человека, их комфортность (ЭЭТ, характеристика УФ-режима, режима влажности и осадков). При психолого-эстетической оценке исследуется эмоциональное воздействие отличительных черт природного ландшафта или его компонентов на человека (рельеф, растительный покров, гидрография, характер взаимосвязей между компонентами ландшафта) [1].

Выявленный нами природный потенциал Верхнеуральского района показал, что его данные равны показателю в 2 балла (по трехбалльной шкале), что говорит об относительно благоприятном воздействии природных условий на организм человека.

Историко-культурный потенциал оценивается посредством субъективной методики интегральной оценки потенциала, основанной на методиках А.С. Кускова, Ю.А. Худеньких.

По количеству памятников историко-культурного наследия Верхнеуральский район Челябинской области уступает только Челябинскому городскому округу.

На первом этапе нами были выделены основные компоненты историко-культурного потенциала, подлежащие оцениванию:

- памятники истории и культуры, состоящие на государственной охране (памятники истории, архитектуры и монументального искусства) – 54 наименования;

- памятники истории и культуры, состоящие на государственной охране (археология) – 17 наименований;

- объекты культурного наследия, представляющие историческую, художественную или иную культурную ценность по Верхнеуральскому району – 41 наименование;

- выявленные объекты археологического наследия, расположенные на территории Верхнеуральского района – 63 наименования [2];

- уникальные природные объекты – 5 наименований.

Второй этап – выбор критериев оценки. При подсчете историко-культурного потенциала нами учитывались: значимость объектов, функциональное разнообразие недвижимых объектов, узнаваемость географических объектов на территории, емкость историко-культурных комплексов, степень сохранности.

Третий этап – подсчет общей суммы баллов.

Выявленный нами историко-культурный потенциал Верхнеуральского района показал, что его данные равны показателю 2,5 баллам (по трехбалльной шкале), что говорит о высокой насыщенности историко-культурными объектами данного региона, особенно археологическими памятниками и объектами культурно-исторического наследия.

Кроме уже вышеперечисленных критериев оценки туристско-рекреационного потенциала Верхнеуральского района Челябинской области нами была изучена его туристско-рекреационная инфраструктура.

К туристско-рекреационной инфраструктуре относятся:

- инфраструктура размещения;
- инфраструктура питания;
- транспортная инфраструктура;
- инфраструктура досуга и развлечений;
- туристские компании, предприятия народных промыслов и сувенирной продукции;
- специализированная инфраструктура для рекреации – рекреационная сеть.

При подсчете потенциала инфраструктуры размещения учитывались такие критерии оценивания как, количество мест и сертифицированный уровень объекта размещения.

Выявленный нами показатель рекреационного потенциала инфраструктуры размещения Верхнеуральского района показал, что его данные равны 1,3 балла (по трехбалльной шкале), что говорит о недостаточной развитости инфраструктуры размещения данной территории. В связи с чем, для развития туристско-рекреационного потенциала данного региона и для увеличения номерного фонда необходимо строительство кемпингов, баз отдыха и небольших гостиниц.

При подсчете показателя объектов инфраструктуры питания учитывается число посадочных мест и статус объекта.

Выявленный нами показатель рекреационного потенциала инфраструктуры питания Верхнеуральского района показал, что его данные ближе к 2 баллам (1,8 балла), что говорит о достаточно развитой инфраструктуре питания данной территории.

Транспортную инфраструктуру, мы оценивали по 5-балльной шкале от «1» (очень низкая доступность) до «5» (очень высокая доступность) через доступность транспорта для туристов.

Степень доступности транспорта в Верхнеуральске – высокая (4 балла), средний показатель – 3 балла.

Инфраструктура досуга и развлечений (театры, концертные залы, ночные клубы, культурные центры, боулинг, ипподром, спортивные сооружения и др.) оцениваются субъективно по уровню привлекательности для среднестатистического туриста – по 3-балльной шкале каждый объект.

Выявленный нами показатель рекреационного потенциала инфраструктуры досуга и развлечений Верхнеуральского района показал, что его данные ближе к 2 баллам (1,8 балла), что говорит о недостаточно развитой инфраструктуре досуга и развлечений данной территории. Данный показатель существенно улучшает инфраструктуру пансионата круглогодичного пребывания «Карагайский бор», где имеются: тренажерный зал, танцзал, бассейн (закрытый), детская комната, водоем, открытые спортивные площадки, закрытый спортивный зал, бильярд, сауна, баня, дискотека, прокат спортивного инвентаря, кафе, бар. Также на территории района, на берегу Верхнеуральского водохранилища (в народе Верхнеуральского моря) имеется база отдыха с водными аттракционами, в ближайшие годы планируется ее дальнейшее развитие.

Специализированная инфраструктура для рекреации – рекреационная сеть – это совокупность расположенных в стране (республике, области, районе) рекреационных учреждений [1].

Показатель рекреационной сети Верхнеуральского района равен 3, что говорит о развитой рекреационной сети данной территории.

Исходя из вышеперечисленных интегральных оценок потенциала Верхнеуральского района, выявленный нами комплексный показатель рекреационного потенциала данной территории показал данные в 2 балла. Полученные данные говорят о том, что совокупность природных, культурно-исторических и социально-экономических предпосылок на территории Верхнеуральского района является относительно благоприятными для организации рекреационной деятельности.

Библиографический список

1. Кусков, А.С. Рекреационная география / А.С. Кусков, Н.Е. Нехаева. – Саранск: Изд-во Мордовский университет, 2010. – 80 с.
2. Схема территориального планирования Верхнеуральского муниципального района. – URL: <http://www.verhneuralsk.ru/Upload/files/> – Положение по территориальному планированию.

[К содержанию](#)

УДК 338.486(470.5)

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

А.М. Лопарева

В данной статье рассматривается необходимость диверсификации экономики Южного Урала, а именно переход на инновационный социально ориентированный тип экономического развития – туристическую индустрию.

Ключевые слова: туристическая индустрия, диверсификация.

Вхождение России в мировую рыночную экономику серьезно отразилось на положении субъектов бывшей советской системы народного хозяйства, вовлекло их в серьезные кризисные процессы.

В советской энциклопедии говорится, что «Челябинск – один из важных индустриальных центров страны; главные отрасли промышленности: чёрная металлургия, машиностроение, пищевая. Крупнейшие заводы: станкостроительный, автотракторных прицепов, «Теплоприбор», «Челябживмаш», инструментальный, абразивный, часовой, тракторных агрегатов. Химическая промышленность представлена лакокрасочным и химико-фармацевтическими заводами; лёгкая промышленность – прядильно-ткацким» [2].

Здесь перечислены далеко не все предприятия, которые прекратили свое существование или серьезно свернули свое производство до минимально возможных размеров, утратив или неэффективно распорядившихся имеющимися у них производственными мощностями, активами и рынками. Сегодня, например, крупнейшие торгово-развлекательные центры «Горки», «Калибр», «Куба» города Челябинска находятся в зданиях бывших цехов, занимая немалые площади бывших предприятий.

Этот процесс продолжается и сегодня, который особенно больно бьет по городам, где предприятия являются градообразующими. Например, в конце 2013 года объявило о банкротстве Златоустовский металлургический комбинат.

Естественно, все это ведет к сокращению рабочих мест, что существенно ухудшает жизненный уровень населения. Это заставляет власти и на федеральном и на региональном уровне принимать шаги по созданию новых рабочих мест, а для этого необходимо диверсифицировать экономику Южного Урала.

В наше время во всем мире одной из самых динамичных и быстро развивающихся является туристическая индустрия. Имеют положительный баланс по статье «туризм» Испания, Австрия США, Великобритания, Италия, Франция, Швейцария и другие страны. Страны, которые выживают за счет туризма – Турция, Египет, Куба и др.

Развитие туристической индустрии прямо или косвенно потянет за собой раскрытие других отраслей экономики для обслуживания туристов. Например, предприятий строительной индустрии, транспорта (авиационного, железнодорожного, автомобильного), торговли, гостиничного и ресторанного бизнеса, сельского хозяйства, турагентств, культуры, рекламной и сувенирной продукции. Это далеко не весь перечень. Считается, что из затрат туриста на питание приходится 40 % его расходов, 8 % – на проезд внутри страны, 30 % – на проживание, а остальное – на проезд в страну и из страны, на прочие расходы.

Индустрия туризма охватывает многочисленные предприятия малого бизнеса, что позволяет местным жителям активно включиться в этот бизнес, тем самым они самостоятельно организуют новые рабочие места не только для себя, но и для своих близких. Все общество получает экономическую выгоду, так как выручка от туризма быстро распределяется среди самых широких слоев населения принимающего региона [3].

Развитие внутреннего туризма может стать одним из реальных инструментов не только роста региональных экономик, но и будет способствовать восстановлению работоспособности, поддержанию и укреплению здоровья людей, а также создаст мотивацию и условия для здорового образа жизни.

Развитие туризма позволит увеличить налоговые сборы. Во-первых, за счет новых предприятий через налоги на прибыль, НДС, акцизы; во-вторых, за счет туристов через аэропортовые (топливные) сборы, въездные и таможенные пошлины, визовые сборы и др.

По данным организации, среди стран группы БРИКС в 2011 году Россия замыкала шестой десяток (59 место). Сектор путешествий и туризма в России в целом характеризуют как неблагоприятный. К сильным сторонам относят богатые природные и культурные ресурсы, инфраструктуру воздушного транспорта; к слабым – инфраструктуру наземного транспорта. По оценкам специалистов, культурный и природный потенциал страны используется в целях туризма только на 20 процентов. По сравнению с уровнем западных и европейских стран эти цифры ничтожно малы [1].

Правительство РФ распоряжением от 19 июля 2010 г. № 1230-р «О Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2016 годы)» предлагает одно из направлений перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития.

Правительство Челябинской области подхватило эту инициативу и приняло Государственную программу от 22.10.2013 г. № 342-П «Развитие туристско-рекреационной деятельности в Челябинской области на 2014–2016 годы». Объем бюджетных ассигнований государственной программы в 2014 году за счет средств областного бюджета – 10000,0 тыс. рублей, в 2015–2016 гг. без бюджетного финансирования.

Челябинская область обладает всеми необходимыми ресурсами для развития внутреннего и въездного туризма.

Базисными факторами являются:

- благоприятные природно-климатические условия;
- историческое и культурное наследие;
- высокий уровень экономики и инвестиционная привлекательность;
- удобное географическое расположение;
- развитая транспортная инфраструктура;
- достаточное количество мероприятий областного, всероссийского, международного значения, развитая деловая инфраструктура;
- индустрия развлечений, гостеприимство;
- наличие образовательных учреждений, готовящих профессиональные кадры в туристической отрасли.

Во многих районах Челябинской области существует широкий спектр потенциально привлекательных туристских объектов, развитие которых невозможно без создания всех видов базовой инфраструктуры [1].

Таким образом, туризм повысит занятость населения, доходы региона, что позволит увеличить инвестиции не только в туристский бизнес, но и в другие направления. Например, в социальные программы, которые улучшат жизненный уровень населения принимающего региона.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Челябинской области от 22.10.2013 г. № 342-П Государственная программа Челябинской области «Развитие туристско-рекреационной деятельности в Челябинской области на 2014–2016 годы».
2. Журавлев, В.В. Пути повышения конкурентоспособности предприятий сферы индустрии гостеприимства (на примере клуб-отеля «Золотой пляж») / В.В.Журавлев, А.М. Лопарева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2013. – Т. 7. – № 4. – С. 131–132.
3. Журавлев, В.В. Стратегическое управление / В.В. Журавлев. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – 86 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.04:338.48

ББК Ч448.44

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РЕГИОНА КАК КОНЦЕПТ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ТУРИСТСКОГО ПРОФИЛЯ

М.Н. Малыженко

В статье рассматривается вопрос о потребности образовательного рынка в подготовке кадров для индустрии туризма, также речь идет о том, что образование в высших учебных заведениях строится в соответствии с принятыми и утвержденными государственными образовательными стандартами и что их основное назначение состоит в том, чтобы четко определить контуры федерального образовательного пространства, которое должно быть единым для всей страны. Также рассматривается вопрос о необходимости разработке норм и стандартов, которые соответствовали бы требованиям, предъявляемым к работникам туристской сферы.

Ключевые слова: профессиональная подготовка специалистов туристской индустрии, образовательная программа, историко-культурное наследие региона.

В условиях глобализации мировых экономических процессов одной из приоритетных отраслей сферы услуг является туристская индустрия. Сегодня путешествие является необходимой составляющей образа жизни современного человека. Весь мир стремится к достижению более высокого уровня жизни и общения между людьми, человек получает больше личной свободы и возможностей для самореализации. Для многих путешествие стало стилем жизни. Увеличение массива свободного времени, рост уровня дохода и благосостояния населения, усложнение структуры потребностей и т.д. привели к расширению туристской отрасли: появлению новых направлений путешествия, увеличению количества туристских предприятий.

Возросший интерес к путешествиям, востребованность туристской деятельности и туристского обслуживания стимулирует потребность образовательного рынка в подготовке кадров для индустрии туризма. В связи с этим возрос спрос на профессиональное туристское образование среди абитуриентов и встал ребром вопрос трудоустройства выпускников вузов. Однако, значительное увеличение образовательного сегмента, позволяющего подготовить специалиста по туризму, пока не решает проблему качества подготовки компетентных специалистов туристской индустрии, способных самостоятельно ставить профессиональные цели и решать профессиональные задачи, выбирая соответствующие средства и методы их осуществления, проявляя профессиональную грамотность в сфере туристского бизнеса. Практика показывает, что в условиях существующей системы оценки

сформированности компетенций специалиста туристической индустрии невозможно получить результат, позволяющий совершенствовать и улучшать искомое качество в процессе профессиональной подготовки, доведя их сформированность до более высокого уровня, предъявляемого рынком труда.

Социально-экономические изменения, происходящие в современном обществе, стремительное развитие науки, техники и информационных технологий оказывают непосредственное влияние на систему образования и требуют новых подходов к ее совершенствованию, развитию и обновлению.

Введение государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования и развитие Национальной системы оценки качества образования вносят определенные коррективы в содержание профессиональной подготовки в сфере туризма. Данные коррективы предполагают пересмотр компонентов вузовской системы профессиональной подготовки, определяемых целями образования, ее ориентацию на личность будущего специалиста туристической индустрии, на создание условий для успешного овладения им профессиональными знаниями и умениями, диагностика которых осуществляется в результате внедрения современных методов и средств оценки сформированности профессиональных компетенций у будущих специалистов туристической индустрии.

Согласно оценкам экспертов, на сегодня большинство сотрудников туристических компаний не имеют базового туристического образования. Известно, что бурное развитие туристической индустрии привлекло в отрасль много специалистов с высшим непрофильным образованием, которые были вынуждены получать профессиональные знания и навыки в процессе работы. Это было обусловлено объективными причинами: практически отсутствовала система подготовки кадров с высшим образованием для туризма. Сегодня ситуация коренным образом изменилась [1].

Однако туризм в России развивается так стремительно, что национальная система профессионального образования не успевает адаптироваться к новым туристическим реалиям и разработать нормы и стандарты, которые соответствовали бы требованиям, предъявляемым к работникам туристической сферы как у нас в стране, так и за рубежом. Сегодня цивилизованное развитие индустрии туризма требует системной подготовки кадров совершенно иного качества.

Кроме того, на наш взгляд, необходимо выработать единые стандарты и требования по подготовке специалистов по конкретным туристическим направлениям, обеспечить процесс обучения высококвалифицированными кадрами, уделять большее значение получению практических навыков в процессе учебы (главный «минус» молодых дипломированных специалистов – недостаток практических знаний). Учебные программы необходимо несколько «приземлить», адаптируя их к потребностям потенциальных работодателей, необходимо развивать мобильность, оперативность и умение продавать абсолютно любой продукт.

Успех российского туризма зависит от того, будут ли работать в отрасли высококвалифицированные специалисты, подготовленные на уровне мировых стандартов. На наш взгляд, основная задача сейчас состоит в обеспечении качественного образования [2].

Образование в высших учебных заведениях строится в соответствии с принятыми и утвержденными государственными образовательными стандартами. Их основное назначение состоит в том, чтобы четко определить контуры федерального образовательного пространства, которое должно быть единым для всей страны. Стандарт определяет обязательные дисциплины, а также дисциплины по выбору и факультативные курсы по специальности, устанавливает требования к уровню подготовленности лиц, завершивших обучение (общеобязательные знания, умения и навыки). Еще одна особенность состоит в том, что стандарты включают в себя два компонента: федеральный (устанавливает обязательный минимум содержания основной профессиональной программы и определяет государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников по конкретной специальности) и региональный (определяет ту часть содержания основных образовательных программ, которая отражает региональные особенности подготовки специалистов). Введение регионального компонента не должно снижать уровень требований, предусмотренных федеральным компонентом стандартов.

В процессе изучения различных аспектов проектирования туристского образования нами был выявлен ряд противоречий, обусловивших содержательное наполнение ООП: между возросшей потребностью туристского рынка в специалистах, обладающих высоким уровнем профессиональных компетенций в области историко-культурного наследия региона, профессиональной мобильностью и адаптивностью к условиям профессиональной деятельности с объектами историко-культурного наследия в социокультурном пространстве региона и недостаточной разработанностью обоснованного подхода к наполнению содержания образовательного процесса в сфере туристского образования, основу которого составляет ценностное отношение к историко-культурному наследию региона; между имеющимися исследованиями, посвященными вопросам туристского образования и историко-культурного наследия региона и недостаточным теоретическим обоснованием модели туристского образования, соотнесенной с ценностями историко-культурного наследия региона, отсутствием адаптированного макета содержания ООП туристского направления и методики организации данного процесса при разработке основных образовательных программ с учетом специфики социокультурного пространства региона; между имеющимся потенциалом педагогических исследований и методик образовательной деятельности вузов по формированию ценностного отношения к историко-культурному наследию региона и отсутствием научно-методического обеспечения данного процесса для туристских направлений.

Данные противоречия определили проблему магистерского исследования, которая заключается в поиске и научном обосновании содержания, методов, средств и технологий организации и реализации туристского образования в социокультурном пространстве туристского региона.

Библиографический список

1. Яковлев, Г.А. Экономика и статистика туризма / Г.А. Яковлев. – М.: Изд-во РДЛ, 2003. – 376 с.
2. Баскаев, Р.М. О тенденциях изменений в образовании и переходе к компетентностному подходу / Р.М. Баскаев // Инновации в образовании. – 2007. – № 1. – С. 10–15.

[К содержанию](#)

УДК 616.153 -055.1+616.1-055.1

ЗДОРОВЬЕ: ЦЕЛЕВОЙ УРОВЕНЬ ГЛЮКОЗЫ

А.А. Меньщиков

Приведена частота уровней гликемии у 545 мужчин 40–59 лет в 4-х когортах (здоровые, больные гипертонической болезнью, перенесшие инфаркт миокарда, сочетание этих заболеваний). При 30-летнем проспективном наблюдении установлены показатели смертности и выживаемости от болезней кровообращения (по Каплану-Мейеру) в зависимости от типов гликемии в указанных когортах.

Ключевые слова: когортное проспективное исследование, категории гликемии, сердечно-сосудистые заболевания, смертность, выживаемость, мужчины 40–59 лет.

Почти 70 % взрослых американцев имеют избыточный вес или ожирение; распространенность висцерального ожирения составляет 53 % и продолжает расти. В любой момент, 55 % населения терпят неудачу по снижению веса диетами. Меньше 15 % взрослых и детей физически активны, и более 60 % редко прибегают к активной деятельности [1]. Среди взрослых 11–13 % страдают диабетом [2], 34 % – артериальной гипертонией (АГ), 36 % имеют риск развития эссенциальной АГ, 36 % – преддиабета, 12 % – риск развития преддиабета и эссенциальной АГ, а 15 % населения не знают о своем диабете или дислипидемии. Около трети взрослого населения и 80 % лиц с ожирением, имеют жировое перерождение (дегенерацию) печени. Из 34 % детей с избыточным весом или ожирением, всего за несколько лет будут иметь вдвое больше распространенность сахарного

диабета 2 типа, АГ, дислипидемии, и постоянно жировое перерождение печени. Половина взрослых, имеют, как минимум, один фактор риска сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ). Менее 1 % населения достигает идеального здоровья сердечно-сосудистой системы. До 65 % больных не держат под контролем свои биомаркёры обычных рисков. Только 30 % пациентов с высоким риском ИБС агрессивно достигают целевых уровней липопротеинов низкой плотности (ЛПНП). Из всех пациентов с множественными факторами риска менее 10 % адекватно их контролируют. Даже, если пациенты титруют ЛПНП до научно обоснованного целевого уровня, около 70 % сердечных событий, остаются без внимания. Категория лиц, не принимающих лекарственные препараты, также широко распространена. Около двух третей пациентов с высоким риском в первичном звене здравоохранения не получают необходимые медикаменты для лечения. Низка приверженность больных к лечению, как правило, ниже 50 %, что создает дополнительные трудности. Во всем мире наблюдается схожая ситуация с распространенностью метаболического синдрома, которая приближается к 50 %. Изначальная профилактика, в результате которой здоровый образ жизни и привычки, не допускают появления факторов риска, является предпочтительным методом для снижения риска ССЗ. Снижение распространенности ожирения является наиболее актуальным вопросом, учитывая его плейо-тропное действие на артериальное давление, уровни липидов, глюкозы в крови, воспаление, и атеротромботическое прогрессирование болезни. Физическая активность также улучшает несколько факторов риска, с дополнительным потенциалом к снижению частоты сердечных сокращений и уровня глюкозы. Без уточнения в прогнозировании риска, существующая модель таргетинга (достижения целевых уровней липидов, глюкозы, артериального давления массы тела, энергозатрат) лиц с высоким риском для агрессивной терапии не может добиться успеха отдельно по каждому показателю, особенно с учетом растущего бремени риска. Оценка риска ССЗ в течение 10 лет, с помощью скоринговых систем, таких как Framingham или Score, продолжает находить широкое применение и рекомендуется для всех взрослых. Однако имеются для их применения ограничения: занижение или завышение оценки рисков в различных возрастных группах населения, сравнительно короткий временной горизонт в виде 10-летнего риска, сосредоточение только на смертности от инфаркта миокарда и ИБС, а также исключение учета семейной наследственности. Классификационные ошибки при использовании шкал достигают 37 %, особенно среди женщин и молодежи. Использование рисков заранее является важным концептуальным условием, поскольку ≥ 90 % молодых людей с низким 10-летний риском имеют высокий риск продолжительности жизни $\geq 39\%$, выше половины всех взрослых американцев имеют низкий 10-летний риск, но высокий риск продолжительности жизни (долгожительства). В возрасте 50 лет отсутствие традиционных факторов риска связано с чрез-

вычайно низким риском и значительно большей продолжительностью жизни [1]. Патологические и эпидемиологические данные подтверждают, что атеросклероз начинается еще в раннем детстве, плавно и неумолимо протекает в течение всей жизни. Факторы риска в детском возрасте сходны с таковыми у взрослых, и прослеживаются на всех этапах жизни. Хотя недостаточно клинических доказательств, изменение или повышение в крови уровня ХС-ЛПВП у лиц различного возраста продолжает осуществляться. Недостаточно популяционных и когортных исследований лиц с различными типами гликемии в результате длительных проспективных наблюдений.

Цель исследования – изучение показателей смертности и выживаемости мужчин в возрасте 40–59 лет в когортах здоровых (ЗД), больных гипертонической болезнью (Г), перенесших инфаркт миокарда (И), сочетанием этих заболеваний ИГ) в зависимости от уровня гликемии при 30-летнем проспективном наблюдении.

Сформулированы задачи настоящего исследования:

Определить частоту и 95 % доверительные интервалы (ДИ) различных типов гликемии, избыточной массы тела у мужчин 40–59 лет в когортах ЗД, Г, И, ИГ на старте проспективного исследования.

Изучить показатели смертности у мужчин 40–59 лет от ССЗ в зависимости от типа гликемии в когортах ЗД, Г, И, ИГ за 30-летний период наблюдения.

Построить графики функции выживаемости у мужчин 40–59 лет в когортах Г, И, ИГ в зависимости от типа гликемии за 30-летний период наблюдения.

Выбрать наиболее показательную модель кумулятивной доли выживших мужчин 40–59 лет в зависимости от типа гликемии в когортах Г, И, ИГ для практических занятий в вузе по дисциплине «Основы медицинских знаний».

Материал и методы. Для достижения поставленной цели были сформированы случайным образом четыре репрезентативные выборки 545 мужчин в возрасте 40–59 лет из жителей г. Челябинска, различавшихся по статусу здоровья – 4-е когорты: ЗД – 134 чел., Г – 142 чел., И – 141 чел., ИГ – 128 чел. Перенесенный ИМ соответствовал типам 1, 2 Третьего универсального определения инфаркта миокарда [3]. По возрастной структуре изученные когорты не различались. Определение гликемии и теста толерантности к глюкозе проводилось согласно критериев ВОЗ [4]: нормогликемия, нарушенная гликемия натощак (НГН), нарушенная толерантность к углеводам (НТУ), сахарный диабет (СД). Рассчитывался индекс массы тела: российский критерий ИМТ $\geq 25,0$, американский критерий ИМТ $\geq 27,0$, ожирение при ИМТ $\geq 30,0$. Подробно методика формирования выборок из соответствующих когорт ЗД, Г, И, ИГ для 30-летнего проспективного наблюдения опубликована нами ранее [5]. Начальный этап обследования мужчин из сформированных когорт ЗД, Г, И, ИГ продолжался в период с 03.04.1974 г. до 24.11.1978 г. Отрезными точками периода наблюдения были 0 и 30 лет. Конечной точкой в проспективном наблюдении являлся случай смерти.

В изученных когортах определена частота различных типов гликемии, с помощью метода Каплана-Мейера вычислены функции 30-летней кумулятивной выживаемости в зависимости от уровня гликемии, определены 95 % доверительные интервалы (95 % ДИ) по методу Clopper-Pirson. Статистическая обработка проводилась с помощью пакетов прикладных программ Excel, STATISTICA 10.0.

Результаты и обсуждение. В таблице 1 представлены показатели типов гликемии, ИМТ, ожирения у мужчин 40–59 лет в когортах ЗД, Г, И, ИГ на старте 30-летнего проспективного исследования.

Таблица 1

Распространенность типов гликемии, избыточной массы тела, ожирения у мужчин 40–59 лет в в когортах ЗД, Г, И, ИГ на старте 30-летнего проспективного исследования

Показатель	Когорты (n)				Все (545)
	ЗД (134)	Г (142)	И (141)	ИГ (128)	
	Абс.ч./% /95 %ДИ	Абс.ч./% /95 %ДИ	Абс.ч./% /95 %ДИ	Абс.ч./% /95 %ДИ	
Нормогликемия	133/99,3/ 95,9– 99,9	111/78,2/ 70,5– 84,7	102/72,3/ 64,2–79,5	78/60,9/51,9– 69,4	424/77,8/ 74,1–81,2
НГН	0	12/8,5/ 4,4–14,3	13/9,2/5,0– 15,3	10/7,8/3,8– 13,9	35/6,4/4,5– 8,8
НТУ	1/0,7/ 0,02–4,1	5/3,5/1,2– 8,0	7/5,0/2,0– 10,0	12/9,4/4,9– 15,8	25/4,6/3,0– 6,7
СД	0	14/23,0/ 13,2–35,5	19/31,2/19,9– 44,3	28/45,9/33,1– 59,2	61/11,2/8,7– 14,2
ИМТ ≥ 25,0	76/56,7/ 47,9–65,2	108/76,1/ 68,2–82,8	89/63,1/54,6– 71,1	93/72,7/64,1– 80,2	366/67,2/ 63,0–71,1
ИМТ ≥ 27,0	37/27,6/ 20,2–36,0	72/50,7/ 42,2–59,2	48/34,0/26,3– 42,5	63/49,2/40,3– 58,2	220/40,4/ 36,2–44,6
Ожирение (ИМТ ≥ 30,0)	11/8,2/ 4,2–14,2	28/19,7/ 13,5–27,2	22/25,0/17,8– 33,4	32/17,1/14,0– 20,5	93/17,1/14,0– 20,5
НГН+НТУ+СД	1/0,8/ 0,02–4,1	31/21,8/ 15,3–29,5	39/27,7/20,5– 35,8	50/39,1/30,6– 48,1	121/22,2/ 18,8–25,9
НТУ+СД	1/0,7/ 0,02–4,4	19/13,4/ 8,3–20,1	26/18,4/ 12,4–25,8	40/31,3/23,4– 40,0	86/115,8/ 12,8–19,1

На старте исследования у мужчин 40–59 лет во всех когортах преобладала доля лиц с нормогликемией (глюкоза натощак <6,1 ммоль/л). Распространенность СД последовательно нарастала в когортах Г (23,0%) – И (31,2 %) – ИГ (45,9 %), различия в распространенности СД между когортами Г – И, Г – ИГ были статистически достоверными ($p < 0,05$). Распространенность ИМТ ≥ 25,0 была ниже в когортах ЗД, И по сравнению с когортами Г, ИГ. Такая же тенденция в распространенности ИМТ ≥ 27,0 отмечена в когортах Г, ИГ. Ожирение (ИМТ ≥ 30,0) достоверно чаще регистрировалось в когортах

Г и ИГ по сравнению с когортами ЗД и И ($p < 0,05$). Распространенность сочетания различных типов гликемии – НГН+НТУ+СД была выше в когорте ИГ (39,1 %) по сравнению с когортами Г (21,8 %), И (27,7 %). Распространенность сочетания НТУ+СД в когорте ИГ составляла 39,1 % и была достоверно выше этого показателя в когортах Г (13,4 %: $p < 0,05$), И (18,4 %; $p < 0,05$).

В таблице 2 приведена смертность от сердечно-сосудистых заболеваний у мужчин 40–59 лет в зависимости от статуса гликемии.

Таблица 2

30-летняя смертность от сердечно-сосудистых заболеваний
у мужчин 40–59 лет в когортах ЗД, Г, И, ИГ

Когорты (n)	Смертность от ССЗ в зависимости от статуса гликемии				30-летняя смертность от ССЗ
	Нормальный уровень гликемии	Нарушенная гликемия натошак	НТУ	Сахарный диабет	
	Абс.ч./% /95 %ДИ	Абс.ч./% /95 %ДИ	Абс.ч./% /95 %ДИ	Абс.ч./% /95 %ДИ	
ЗД (134)	55/100,0/	0/-/-	0/-/-	0/-/-	55/41,0/ 32,6–49,9
Г (142)	48/59,3/ 47,8–70,1	5/6,2/2,0– 13,8	3/3,7/0,8– 10,4	25/30,9/21,1– 42,1	81/57,0/ 48,5–65,3
И (141)	67/56,8/ 47,3–65,9	3/2,5/0,5– 7,3	6/5,1/1,9– 10,7	42/35,6/27,0– 44,9	118/83,7/ 76,5–89,4
ИГ(128)	46/47,4/ 37,2–57,8	4/4,1/1,1– 10,2	9/9,3/4,3– 16,9	38/39,3/4,3– 16,9	97/75,8/ 67,4–82,9
Всего (545)	216/61,5/ 56,2–66,7	12/3,4/1,8– 5,9	18/5,1/3,1– 8,0	105/29,9/25,2– 35,0	351/64,4/ 60,2–68,4

Из данных таблицы 2 видно, что показатели смертности от ССЗ последовательно нарастали в когортах ЗД (41,0 %) – Г (57,0 %) – И (83,7 %) ИГ (75,8 %) и больше зависели от статуса здоровья, нежели от типа гликемии в изучаемых когортах. Однако, это можно объяснить и недостаточным количеством лиц на старте исследования в когортах Г, И, ИГ с наличием НГН, НТУ.

Нами графически с помощью метода Каплана-Мейера представлены в рисунках 1–4 показатели кумулятивной доли выживших мужчин 40–59 лет в когортах ЗД, Г, И, ИГ в зависимости от статуса гликемии за 30-летний период проспективного наблюдения. Наиболее информативным оказался рисунок 1, в котором представлена кумулятивная доля выживших мужчин 40–59 лет в объединенной когорте. Рисунок 1 графически показывает за 30-летний период наблюдения, что кумулятивная доля выживших мужчин, имевших на старте нормогликемию, была выше кумулятивной доли выживших мужчин, имевших сахарный диабет. Такая же тенденция сохраняется в когортах Г, И, ИГ. Полученные данные и рисунки 1–4 могут быть использованы в образовательном процессе для студентов по дисциплине «Основы медицинских знаний» и в школах здорового образа жизни для достижения профилактики хронических неинфекционных заболеваний среди населения.

Рис. 1 Кумулятивная доля выживших мужчин 40-59 лет в когортах ЗД, Г, И, ИГ в зависимости от статуса гликемии (30-летнее проспективное исследование) (Каплан-Мейер)

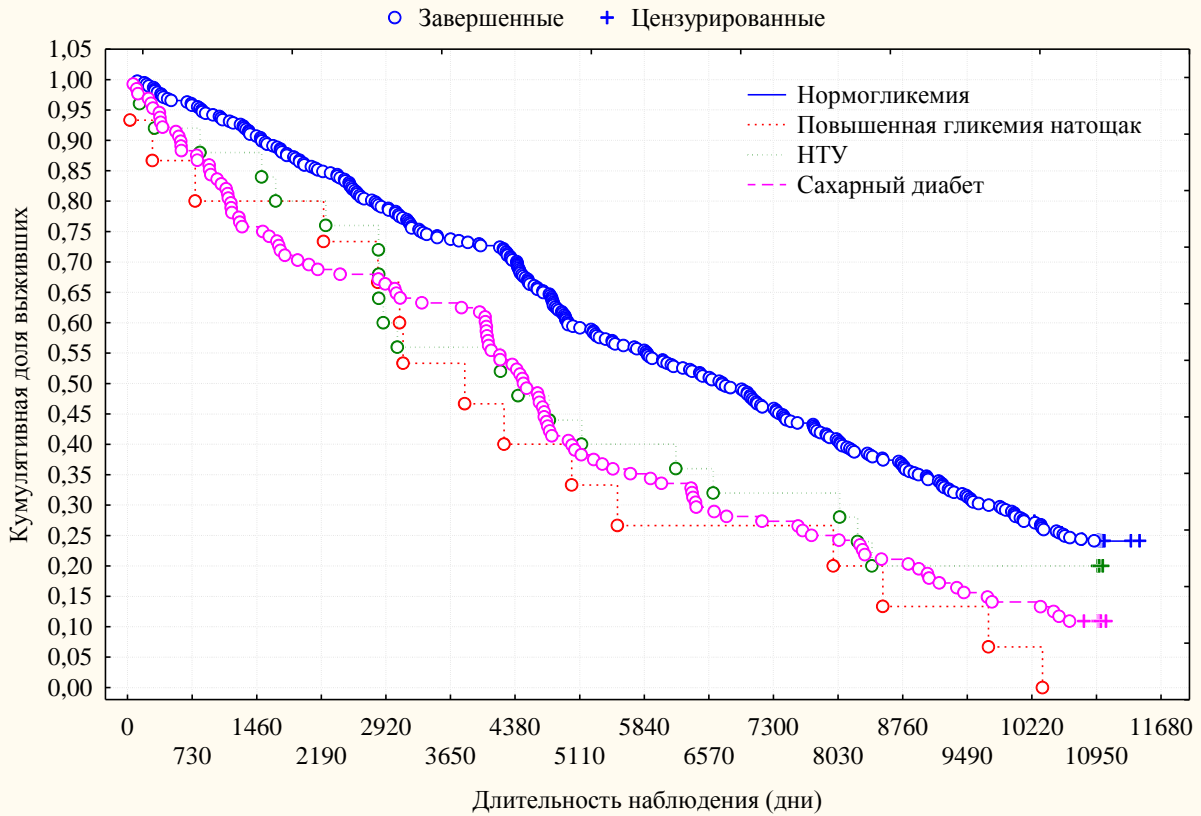

Рис. 2 Кумулятивная доля выживших мужчин 40-59 лет в когорте Г в зависимости от статуса гликемии (30-летнее проспективное исследование) (Каплан-Мейер)

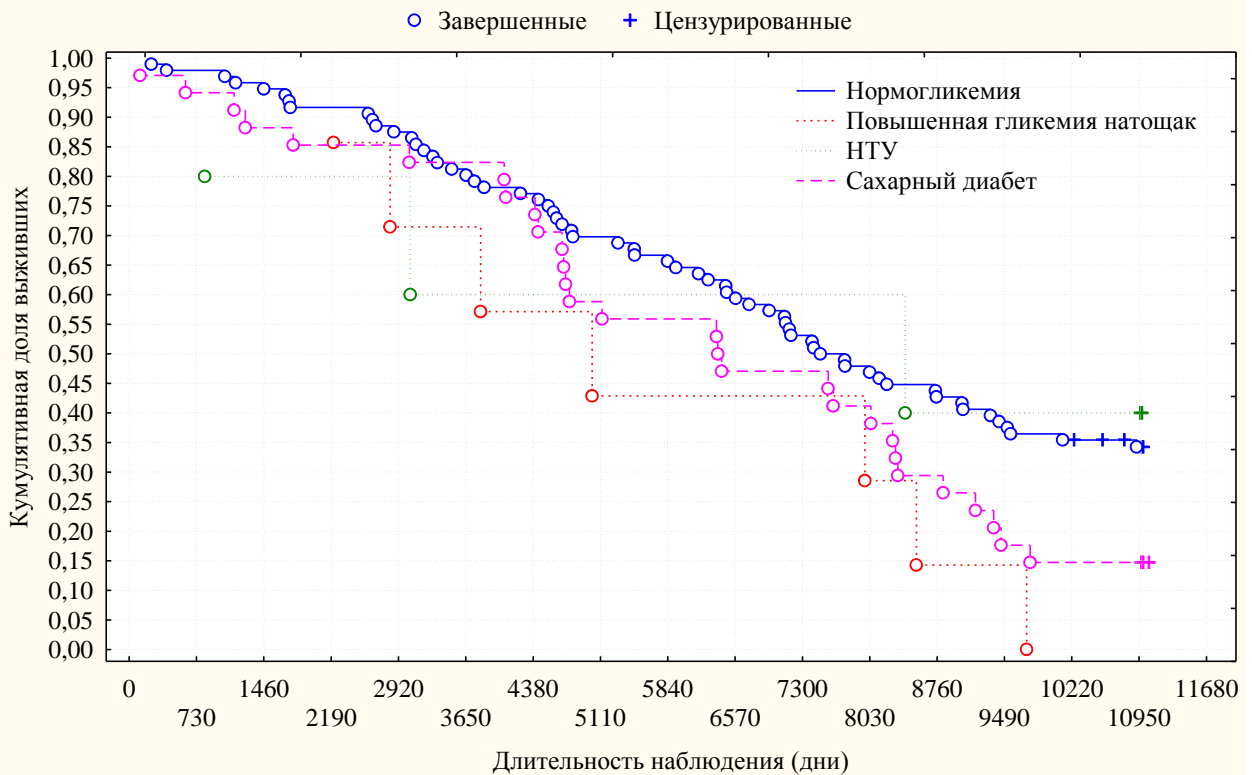

Рис.3 Кумулятивная доля выживших мужчин 40-59 лет в когорте И в зависимости от статуса гликемии (30-летнее проспективное наблюдение) (Каплан-Мейер)

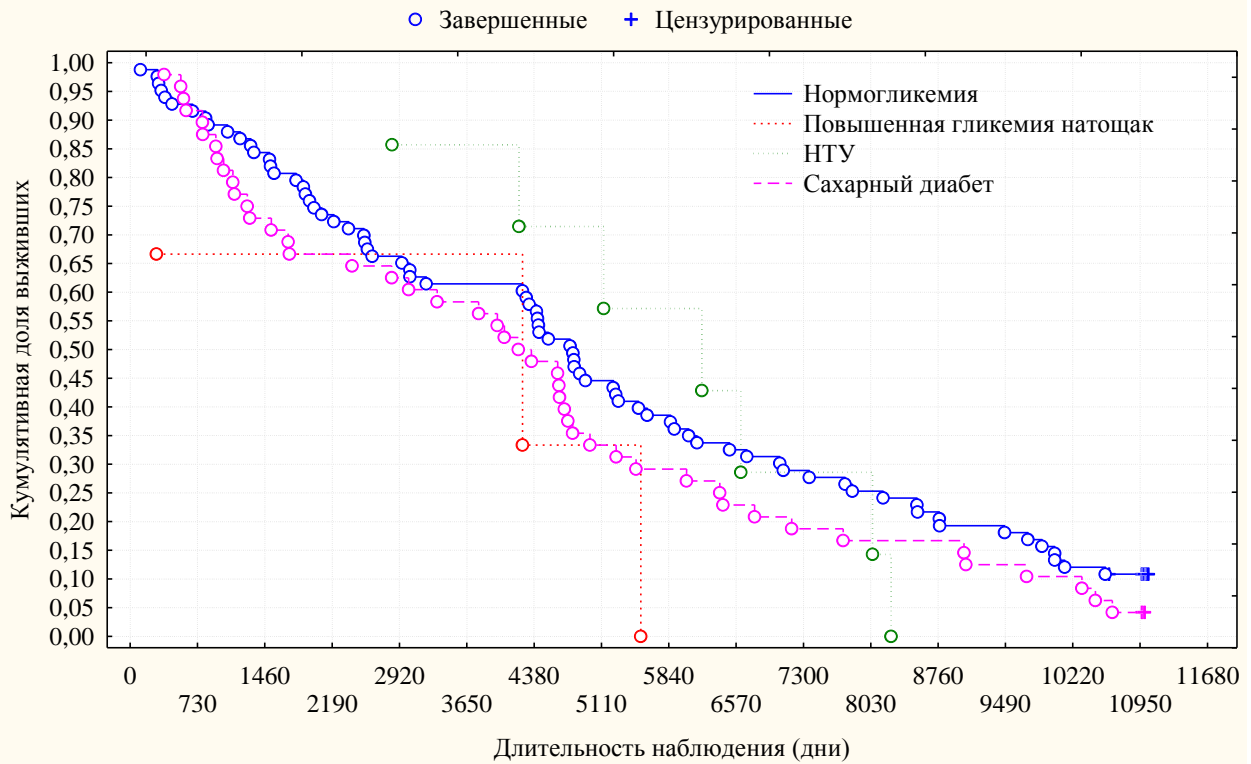
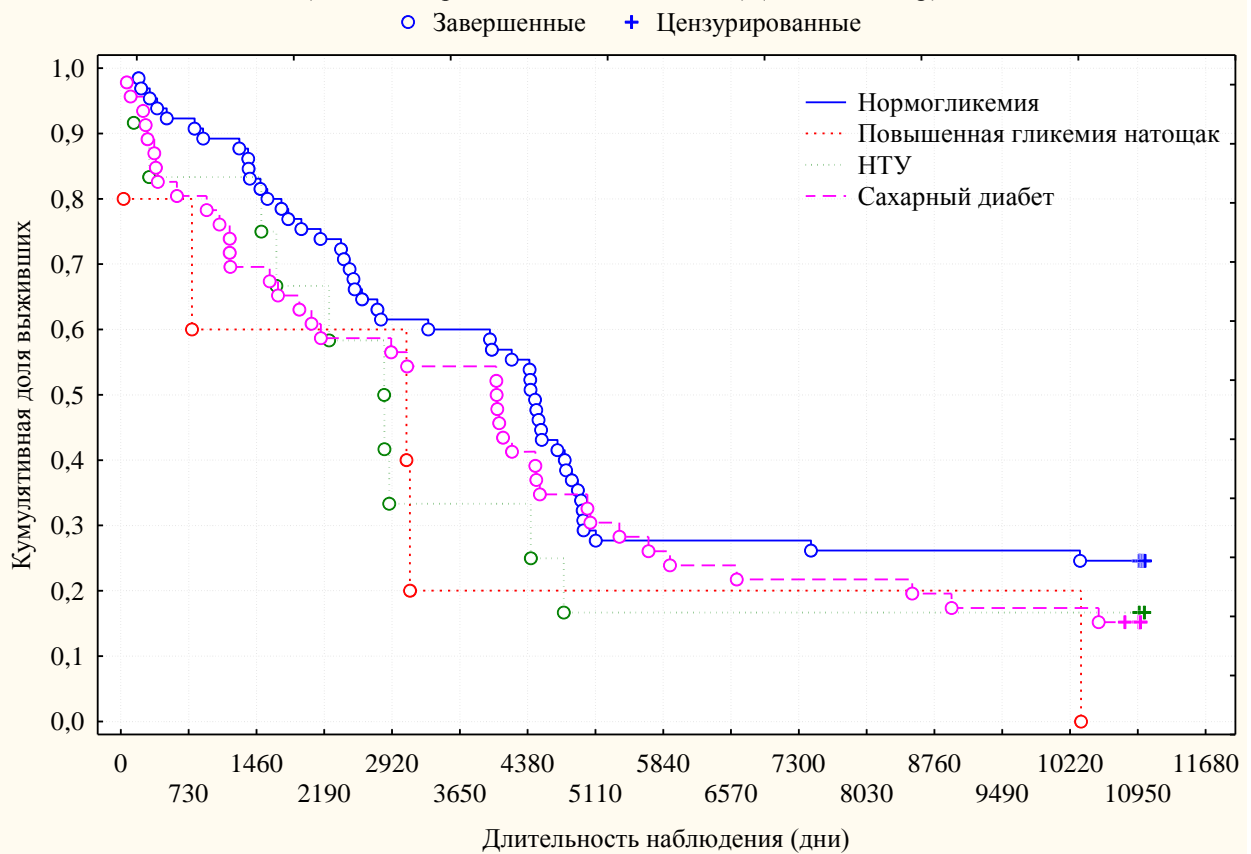

Рис.4 Кумулятивная доля выживших мужчин 40-59 лет в когорте ИГ в зависимости от статуса гликемии (30-летнее проспективное наблюдение) (Каплан-Мейер)

Выводы

1. На старте 30-летнего проспективного исследования у мужчин 40–59 лет в когортах ЗД, Г, И, ИГ преобладала доля лиц, имевших нормальный уровень глюкозы, НГН и НТУ чаще выявлялись в когортах Г, И, ИГ, сахарный диабет регистрировался наиболее часто у мужчин в когорте ИГ.

2. Показатели 30-летней смертности от сердечно-сосудистых заболеваний последовательно нарастали в когортах ЗД – Г – И – ИГ и зависели от статуса здоровья.

3. Кумулятивная доля выживших мужчин 40–59 лет за 30-летний период наблюдения в когортах ЗД, Г, И, ИГ, имевших на старте нормогликемию, была выше кумулятивной доли выживших мужчин, имевших сахарный диабет.

4. График Каплана-Мейера кумулятивной доли выживших мужчин 40–59 лет за 30-летний период наблюдения в когортах ЗД, Г, И, ИГ, имевших на старте нормогликемию и сахарный диабет, может быть использован в образовательном процессе в вузе по дисциплинам естественного профиля и школ здоровья для различных возрастных групп населения.

Библиографический список

1. Kones, R. Primary prevention of coronary heart disease: integration of new data, evolving views, revised goals, and role of rosuvastatin in management. A comprehensive survey. *Drug Des Devel Ther.* 2011;5:325-80. doi: 10.2147/DDDT.S14934. Epub 2011 Jun 13.

2. Mommersteeg, PM et al. The association between diabetes and an episode of depressive symptoms in the 2002 World Health Survey: an analysis of 231,797 individuals from 47 countries. *Diabet Med.* 2013 Jun;30(6):e208-14. doi: 10.1111/dme.12193. Epub 2013 Apr 25.

3. Третье универсальное определение инфаркта миокарда: Рекомендации Европейского Общества Кардиологов // Российский кардиологический журнал – 2013. – 2(100). – Приложение 1: 1–16.

4. World Health Organization. Definition, Diagnosis and Classification of Diabetes Mellitus and its Complications. Part 1: Diagnosis and Classification of Diabetes Mellitus. WHO/NCD/NCS/99.2 ed. Geneva: World Health Organization; 1999.

5. Меньщиков, А.А. Функции выживаемости при различных концентрациях холестерина липопротеинов высокой плотности в когортах мужчин 40–59 лет в зависимости от статуса сердечно-сосудистых заболеваний (по данным 30-летнего наблюдения) / А.А. Меньщиков // Кардиология в Беларуси, 2013. – № 4 (26). – С. 22–31.

[К содержанию](#)

УДК 371.382

РОЛЬ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИН ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЦИКЛА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.М. Мордина, И.Р. Стомба, Н.В. Столярова

Разработка современных подходов к процессу обучения обусловлена возрастающими требованиями к уровню конкурентоспособности выпускников, необходимостью быстрой адаптации специалиста к меняющимся рыночным условиям. В образовательном процессе, в качестве важного приема обучения, успешно могут быть использованы игровые технологии и их элементы.

Ключевые слова: познавательная активность, познавательный интерес, обучающиеся, игровые технологии, дидактические игры.

Принятие нового Закона об образовании в 2012 году зафиксировало переход от стадии разработки федеральных образовательных стандартов (ФГОС) к этапу поиска основных технологий их реализации. В основе ФГОС среднего профессионального образования (СПО) лежит компетентностный подход, связанный с формированием готовности обучающихся к саморазвитию и непрерывному образованию.

В целях реализации компетентностного подхода образовательное учреждение должно предусматривать использование в образовательном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбора конкретных ситуаций, психологических и иных тренингов, групповых дискуссий) в сочетании с внеаудиторной работой для формирования и развития общих и профессиональных компетенций обучающихся [3].

Среди многих идей, направленных на совершенствование учебного процесса, обогащающих практику, опыт преподавателя, определенное место занимает идея развития в образовательном процессе познавательных интересов обучающихся, позволяющая целенаправленно использовать объективные и субъективные ценности. Эта идея служит отысканию таких приемов и средств, которые привлекали бы к себе учащегося, располагали бы его к совместной деятельности с преподавателем, активизировали бы его учение, а обучающая деятельность преподавателя, опираясь на опыт и интересы студентов, на их ценностные устремления и запросы, значительно повышала эффективность в учебном процессе [4]. Одним из таких приемов нам видится использование игровых технологий и их элементов в образовательном процессе.

Понятие «игровые технологии» включает достаточно обширную группу приемов организации педагогического процесса в форме разных педагогических игр: дидактических, деловых, ролевых. В отличие от игр вообще, педагогическая игра обладает существенным признаком – четко по-

ставленной целью обучения и соответствующим ей педагогическим результатом, которые могут быть обоснованы, выделены в явном виде и характеризуются учебно-познавательной направленностью. Игровая форма занятий создается на учебных занятиях при помощи игровых приемов и ситуаций, выступающих как средство побуждения, стимулирования к учебной деятельности [2].

Идеи внедрения элементов игры в образовательный процесс нашли свое отражение в научных трудах ученых педагогов и психологов О.С. Анисимова, А.Я. Анцупова, В.К. Бахтина, Н.В. Борисовой, Л.С. Выготского, В.М. Гурина, В.П. Давыдова, А.А. Деркача, А.И. Каменева, А.М. Князева, А.Н. Капустина, Л.А. Леонтьева, А.К. Марковой, Б.П. Никитина, С.Л. Рубинштейна, Н.Ф. Талызиной, С.А. Шмакова, Д.Б. Эльконина и др.

Опираясь на разработанные А.М. Елькиной, Е.Г. Шумковой, О.А. Пепеляевой, И.В. Сунцовой дидактические материалы по проблеме активизации познавательной деятельности обучающихся, нами в работе со слабоуспевающими составлены и апробированы некоторые дидактические игры.

Так, в нашей опытной работе, при изучении общепрофессиональной дисциплины «Возрастная анатомия, физиология и гигиена» студентам понравилась игра «Биологические карты». «Биологические карты» предназначены для самостоятельной работы учащихся. Особенно эффективно их использование в небольших группах. Карты помогают ребятам не только лучше запомнить изучаемый материал, но и осуществить взаимный контроль в процессе игры. Наблюдение за игрой или участие в ней учителя позволяет ему легко выявить пробелы в знаниях учащихся и внести необходимые коррективы. В процессе игры студенты учатся общаться в коллективе, чувствуют себя более непринужденно и хорошо воспринимают новую информацию, получают возможность самостоятельно определить уровень своих знаний. Занятия проводятся в форме игры, как по отдельным темам, так и по всему материалу. На каждой карте записан вопрос и краткий ответ на него. В каждой тематической колоде прилагается по одной или несколько козырных карт, которые не раздаются на руки в начале игры. Козырные карты предназначены для учеников, первыми закончившими игру. Они содержат в себе задания со свободным ответом.

Ниже покажем и правила игры

1. В игре участвуют группы по 6 человек.
2. Игроки получают равное количество карт.
3. Просмотрев свои карты, игрок, начинающий игру, делает первый ход – задает вопрос своему партнеру. Остальные участники игры внимательно слушают.
4. Задавший вопрос контролирует ответ по своей карте. Если ответ правильный, то карта «бита» и ее откладывают в сторону – она выбывает из игры. Если же игрок не может ответить правильно, то карта переходит к нему, а он пропускает ход.

5. Главное условие игры – ребята не должны подсказывать друг другу. Каждый играет за себя, внимательно выслушивая ответы соперников.

6. Игра может продолжаться либо до первого выигравшего, либо до последнего проигравшего. Выигрывает тот, у кого не остается в руках карт.

7. Лидеры, закончившие игру, по желанию могут взять козырную карту, после чего они объединяются в группу с произвольным количеством участников для новой игры на заданную картой тему. Свободный ответ на задание козырной карты предполагает диспут между участниками игры, по окончании, которого группа лидеров сообща составляет тезисы. В конце урока тезисы озвучиваются перед аудиторией.

Отметим оценку результатов организованной игры

Студент, у которого не осталось карт, первым выбывает из игры и получает оценку «5». Такую же оценку может получить и второй игрок. Далее оценки распределяются следующим образом: если обучаемый принял одну карту и вышел из игры третьим или четвертым, ему ставят «4». Учащиеся, принявшие две карты и более получают оценку «3». Остается решить, как оценить знания последнего игрока, принявшего больше всего карт. Есть несколько вариантов:

1) последний игрок (скорее всего, плохо успевающий студент) может сыграть под руководством учителя с теми, кто закончил игру на «4» и «5». Если эти студенты правильно отвечают на поставленные вопросы, то они лишний раз подтверждают свои результаты или повышают оценку с «4» на «5». Если нет, то можно снизить их оценку на один балл;

2) можно сыграть с троечниками, чтобы дать им возможность повысить свой результат. Если же они затрудняются с ответами, можно привлечь отличников или хорошистов;

3) последний игрок, имея на руках большое количество карт, просмотрел много вопросов и правильных ответов на них, то есть получил достаточный объем информации, поэтому ему можно поставить положительную оценку;

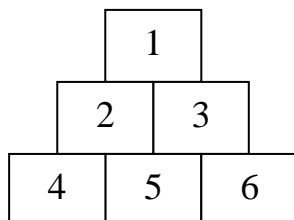
4) все участники игры с козырной картой получают дополнительную оценку.

Такая игра и форма проверки знаний настолько понравилась студентам, что они самостоятельно стали составлять подобные карты. Так, силами студентов, обучающихся специальности 051001 Профессиональное обучение (по отраслям) были составлены «Анатомические карты». А студентами специальности 100116 Парикмахерское искусство составлены «Карты по санитарии и гигиене парикмахерских услуг».

Не меньший интерес у студентов вызывают и такие игры как «Пирамида», «Бумеранг», «Целое – часть», «Антонимы» и другие.

Так, в игре «Пирамида», можно проверить знания учащихся, как по отдельной теме, так и по всему пройденному материалу. Для игры вызы-

ваются две пары учеников. Остальные болельщики. Данная игра состоит из шести конкурсов. Время, отводимое на каждый конкурс 1 минута. Задания, с которыми не справятся участники игры, передаются болельщикам. Начинаящий выбирает поле игры (рис.).

1. «Пойми меня»

2. «Диктант утверждений»

3. «Укажи соответствие»

4. «Найди меня»

5. «Расскажи о ...»

6. «Третий лишний»

Расположение и названия полей игры «Пирамида»

Приведем характеристику каждого конкурса

1. Конкурс «Пойми меня». За одну минуту один из участников объясняет термин другому так, чтобы партнер догадался, о чем идет речь.

2. Конкурс «Диктант утверждений». В этом задании необходимо найти правильные утверждения. Один из участников зачитывает утверждения, другой отвечает «да» или «нет».

3. Конкурс «Укажи соответствие». Участвуют оба студента пары. Даны три понятия. Между первыми и вторыми понятиями существует определенная связь. Нужно записать рядом с третьим понятием слово, чтобы между ними существовала такая же связь. Например:

Печень : желчь = поджелудочная железа : (поджелудочный сок)

Легкие : дыхание = тонкий кишечник

4. Конкурс «Найди меня». Один из участников получает список органов, которые ему нужно найти из множества сборно-разборной модели или показать на таблице. Второй студент называет эти органы.

5. Конкурс «Расскажи о ...». Участвуют оба ученика пары. Кто больше даст правильных ответов на вопросы.

6. Конкурс «Третий лишний». Один из студентов зачитывает группу слов, другой находит лишнее. Например: железы смешанной секреции – слюнные, поджелудочная, половые.

На основании количества выполненных заданий выставляются оценки и участникам игры, и болельщикам.

Каждый конкурс может быть использован и самостоятельно как мини игра для всего коллектива группы.

В игре «Бумеранг» учащиеся делятся на парное число команд. Каждой команде выдаются одинаковые карточки-задания. В каждой карточке заданий столько, сколько участников в команде. По сигналу участники игры одновременно выполняют одно задание из карточки и передают карточку

по часовой стрелке рядом сидящему игроку. При этом передающий игрок сам получает карточку от соседнего игрока. Вновь по сигналу участники игры одновременно приступают к выполнению задания. Студент, не справившийся с заданием, не имеет права передавать карточку. При этом он в праве попросить помощи у своей команды, экспертной группы или у учителя и штрафуются снятием баллов:

- а) с помощью команды на 1 балл;
- б) с помощью экспертной группы на 2 балла;
- в) с помощью учителя на 3 балла.

Игра заканчивается после выполнения последнего задания всеми членами команды.

А вот составление синквейнов – пятистрочных нерифмованных стихов, не нашло должного отражения у студентов. Слово синквейн происходит от французского слова, которое означает пять. Таким образом, синквейн – это стихотворение, состоящее из пяти строк:

- первая строка – одно слово, обычно существительное, отражающее главную идею;
- вторая строка – два слова, прилагательные, описывающие основную мысль;
- третья строка – три слова, глаголы, описывающие действия в рамках темы;
- четвертая строка – фраза из нескольких слов, показывающая отношение к теме;
- пятая строка – слова, связанные с первым, отражающие сущность темы.

Например: синквейн об организме

1. Организм.
2. Сложный, многоклеточный.
3. Живет, развивается, приспосабливается.
4. Целостная, упорядоченная биологическая структура.
5. Особь (индивидуум).

Умение учащегося составлять синквейны по той или иной теме свидетельствует о степени владения учащимся учебного материала этой темы, в частности, является показателем того, что учащийся:

- знает содержание учебного материала темы;
- умеет выделять наиболее характерные особенности изучаемого явления, процесса, структуры или вещества;
- умеет применять полученные знания для решения новой для него задачи.

Синквейн – это стихотворение, которое требует синтеза информации и материала в кратких выражениях. Способность резюмировать информацию, излагать сложные идеи, чувства и представления в нескольких словах важное умение, которое еще в недостаточной мере развито у студентов колледжа, особенно у слабоуспевающих. Данная работа требует вдумчивой

рефлексии, основанной на богатом понятийном запасе. Поэтому мы намерены и дальше развивать умение составления подобных стихотворений.

Таким образом, дидактическая игра является ценным средством воспитания умственной активности учащихся. Она активизирует психические процессы, вызывает у учащихся живой интерес к процессу познания. В ней обучающимися преодолеваются трудности, развиваются способности и умения. Игра позволяет сделать любой учебный материал увлекательным, вызывает у студентов глубокое удовлетворение, создает радостное рабочее настроение, облегчает процесс усвоения знаний. Игровые задания развивают смекалку, находчивость, сообразительность. Многие из них требуют умения построить высказывание, суждение, умозаключение; требуют не только умственных, но и волевых усилий - организованности, выдержки, умения соблюдать правила игры, подчинять свои интересы интересам коллектива [1].

Резюмируя изложенное и собственный опыт преподавательской деятельности, можно констатировать, что игровые технологии занимают важное место в образовательном процессе, создают новые возможности для повышения качества подготовки специалистов, способствуют развитию интереса к получению знаний.

Библиографический список

1. Мордина, Е.М. Развитие познавательного интереса слабоуспевающих студентов колледжа: методические рекомендации / Е.М. Мордина. – Магнитогорск: МГППК, 2009 г. – 38 с.
2. Селевко, Г.К. Энциклопедия образовательных технологий. В 2 т. Т. 1. / Г.К. Селевко. – М.: Народное образование, 2005. – 535 с.
3. ФГОС СПО по специальности 051001 Профессиональное обучение (по отраслям), утвержденный приказом Министерства образования и науки РФ от «10» ноября 2009 г. № 574.
4. Щукина, Г.И. Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся / Г.И. Щукина. – М.: Педагогика, 1988. – 208 с.

[К содержанию](#)

УДК 658.14:005.511+005.511:658.64

БИЗНЕС-ПЛАН ПРЕДПРИЯТИЯ СЕРВИСА

А.А. Николаенко

Рассмотрен процесс разработки бизнес-плана предприятия сервиса. Разработана математическая модель для определения планового количества услуги определенного наименования для реализации предприятием за определённый период. Предложены математические модели для расчета и распределения плановой чистой прибыли, модель для определения сумм денежных средств на расчётном счёте предприятия, модель для расчета баланса предприятия.

Ключевые слова: выручка, чистая прибыль, расчетный счет предприятия, баланс.

Сервис – это особый вид человеческой деятельности, который направлен на удовлетворение потребностей клиента путем оказания услуг, востребованных отдельными людьми или организациями.

К сервисной деятельности принято относить ряд крупных секторов экономики: торговлю, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрию развлечений и спорта, а также сферы науки, образования и управления.

Сервис – работа по оказанию услуг, т.е. по удовлетворению чьих-либо нужд. Услуга, в общем понимании этого термина, означает чье-либо действие, приносящее пользу, помощь другому.

Цель исследования – смоделировать основные показатели бизнес-плана предприятия сервиса.

Задачи: 1) разработать математическую модель для определения планового количества *i*-й услуги предприятия для реализации за определённый период; 2) выбрать математическую модель для расчета чистой прибыли; 3) выбрать математическую модель для распределения чистой прибыли; 4) выбрать математическую модель для расчета сумм денежных средств на расчётном счёте предприятия; 5) выбрать математическую модель для расчета баланса предприятия.

Современная рыночная экономика – это смешанная экономика, в которой производство развивается под воздействием собственных рыночных сил, самоорганизации, направляющих предпринимательскую активность производителей, а государство регулирует этот процесс, устанавливая правовую структуру бизнеса и контролируя ее соблюдение, осуществляет различные социальные и политические программы.

В настоящее время все предприятия в Российской Федерации оформляют свои планы путем составления специального документа – бизнес-плана.

Бизнес-план – результат исследования и обоснования конкретного направления деятельности предприятия на определённом рынке [1].

Рыночная информация в бизнес-плане связана со спросом на услуги реализуемые предприятием сервиса:

$$CУ_i = \frac{КД_i}{ЦУ_i} \cdot k_i, \quad (1)$$

где $CУ_i$ – платёжеспособный спрос на i -ю услугу, услуг; $КД_i$ – количество денег, которые потребители имеют и могут потратить на i -ю услугу, руб.; $ЦУ_i$ – цена i -й услуги, руб.; k_i – поправочный коэффициент, устанавливающий соотношение между количеством нужных потребителям услуг $НУ_i$ и количеством предлагаемых $ПУ_i$ всеми предприятиями на данном рынке.

Величина коэффициента k_i рассчитывается по следующей формуле:

$$k_i = \frac{НУ_i}{ПУ_i} \leq 1. \quad (2)$$

Если $НУ_i > ПУ_i$ – дефицит i -й услуги, если $НУ_i < ПУ_i$ – излишек i -й услуги на данном рынке.

В процессе выбора направления рыночной ориентации в деятельности предприятие определяет позицию услуги на отдельных рыночных сегментах. Позиционирование заключается в том, чтобы исходя из оценок потребителей на рынке определенной услуги, осуществлять выбор таких её параметров и элементов комплекса маркетинга, которые с точки зрения целевых потребителей обеспечат услуге конкурентные преимущества.

Конкурентное преимущество – преимущество над конкурентами, полученное путем предоставления потребителям больших благ.

Конкурентоспособность – комплекс потребительских и стоимостных (ценовых) характеристик товара (услуги) определяющих его успех на рынке, те преимущества именно этой услуги над другими в условиях широкого предложения конкурирующих услуг-аналогов. И поскольку за услугами стоят их производители, то можно говорить о конкурентоспособности соответствующих предприятий [2].

Для завоевания крепких позиций в конкурентной борьбе, исходя из результатов позиционирования своих услуг, предприятие выделяет характеристики услуги и маркетинговой деятельности, которые могут в выгодную сторону отличать его услуги от услуг конкурентов. Устойчивость предприятия в динамике – одно из условий его развития [3].

Рыночная доля предприятия по i -й услуге на данном рынке равна:

$$РД_i = \frac{КУП_i}{\sum_{j=1}^n КУ_j}, \quad (3)$$

где $КУП_i$ – количество услуг, которые предприятие планирует реализовать; количество услуг, которые планируют реализовать все предприятия на данном рынке за определённый период времени.

План реализации i -й услуги на данном рынке за определённый период времени составит:

$$КУ_i = СУ_i \cdot РД_i, \quad (4)$$

где $КУ_i$ – плановое количество услуг для реализации данным предприятием за определённый период.

Планируемая финансовая работа предприятия сервиса отражается в информационных связях документов, представленных на рис.

Плановая выручка от i -й услуги рассчитывается по следующей формуле:

$$В_i = \sum_{i=1}^n (ЦУ \cdot КУ - НДС)_i, \quad (5)$$

где $НДС_i$ – налог на добавленную стоимость по i -й услуге, руб.; n – количество наименований услуг в ассортименте предприятия.

Выручка предприятия сервиса от реализации всех услуг за период t составит:

$$В_t = \sum_{i=1}^n (В)_i. \quad (6)$$

Плановая себестоимость одной i -й услуги предприятия равна:

$$С_i = Зм_i + Зэ_i + (ЗП_i + ОВБФ_i) + РН_i + \%кр + АО_i, \quad (7)$$

где $Зм_i$ – затраты на материалы на производства i -й услуги, руб.; $Зэ_i$ – затраты на энергию для производства и реализации i -й услуги, руб.; $ЗП_i$ – затраты на заработную плату для производства и реализации i -й услуги, руб.; $ОВБФ_i$ – отчисления во внебюджетные фонды, руб.; $РН_i$ – расходы накладные при производстве и реализации i -й услуги, руб.; $\%кр$ – сумма процентов за кредит, руб.; $АО_i$ – амортизационные отчисления по i -й услуге, руб.

Себестоимость всех услуг за период t составит:

$$С_t = \sum_{i=1}^n (С)_i. \quad (8)$$

Чистая прибыль предприятия сервиса за период t рассчитывается по следующей формуле:

$$ЧП_t = В_t - С_t - Ним_t - Рдр_t + Ддр_t - Иприб_t - Нприб_t, \quad (9)$$

где $ДРt$ – другие расходы предприятия за период t , руб.; $ДПt$ – другие поступления предприятия за период t , руб.; $Нимt$ – налог на имущество, руб.; $Иприбt$ – издержки, отнесенные на прибыль, руб.; $Нприбt$ – налог на прибыль за период t , %.

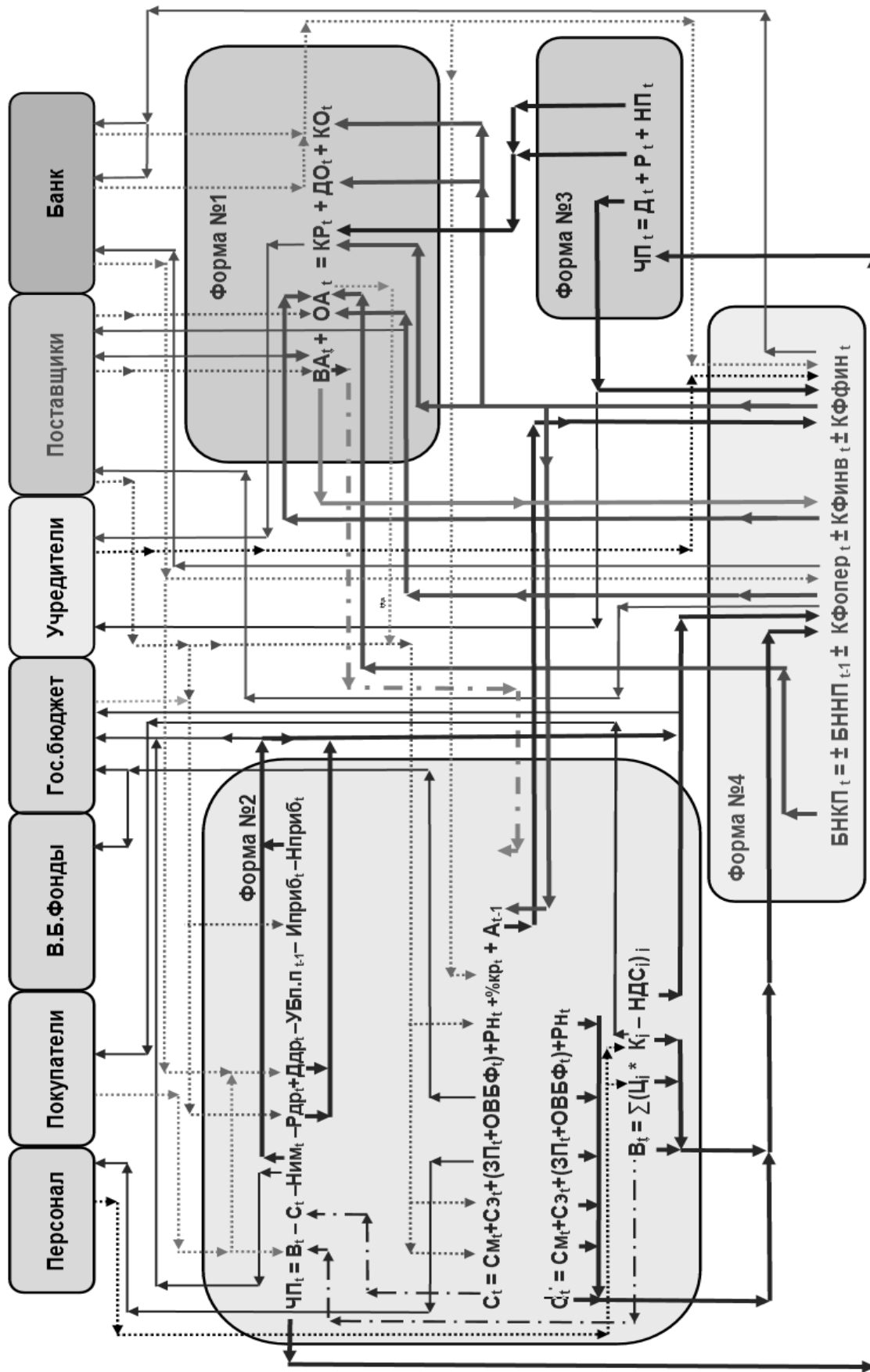

Схема информационных связей финансовых документов предприятия

В бизнес-плане предприятия чистая прибыль обычно отражается в «Плане прибыли-убытков» по месяцам проекта.

Заработанная чистая прибыль предприятия сервиса должна быть распределена:

$$Ч_t = D_t + P_t + НП_t, \quad (10)$$

где D_t – дивиденды (паевые выплаты) учредителям предприятия за период t , руб.; P_t – резервы предприятия за период t , руб.; $НП_t$ – нераспределённая прибыль за период t , руб.

В бизнес-плане предприятия распределение чистой прибыли обычно отражается в «Плане использования чистой прибыли» по месяцам проекта.

Для стабильной работы в плановом периоде у предприятия должны быть необходимые денежные средства на расчётном счёте. Осуществление хозяйственных операций предприятия генерирует движение денежных средств в форме их поступления или расходования. Это движение денежных средств предприятия во времени представляет собой «денежный поток». Денежный поток предприятия проходят через его расчётный счет.

Планирование расчётного счета подразумевает обеспечение необходимой денежной суммы для стабильной работы и достижения целей предприятия. Достигается это посредством планирования составными частями денежного потока.

По видам хозяйственной деятельности на предприятии выделяют следующие виды денежных потоков: 1) денежный поток от операционной деятельности; 2) денежный поток от инвестиционной деятельности; 3) денежный поток от финансовой деятельности.

Планирование сумм денежных средств на расчётном счёте предприятия сервиса можно описать следующим уравнением:

$$БНКП_t = \pm БННП_{t-1} \pm КФоперт \pm КФинвт \pm КФфинт, \quad (11)$$

где $БНКП_t$ – баланс наличности (сальдо) на расчётном счете на конец t -го периода, руб.; $БННП_{t-1}$ – баланс наличности (сальдо) на расчётном счете на конец $t-1$ -го периода, руб.; $КФоперт$ – операционные поток t -го периода, руб.; $КФинвт$ – инвестиционный поток t -го периода, руб.; $КФфинт$ – финансовый поток t -го периода, руб.

В бизнес-плане предприятия денежные средства на расчётном счете отражаются в «Плане движения денежных средств» по месяцам проекта.

Для стабильной работы планируется баланс предприятия сервиса:

$$ВА_t + ОА_t = КР_t + ДО_t + КО_t, \quad (12)$$

где $ВА_t$ – внеоборотные активы, руб.; $ОА_t$ – оборотные активы, руб.; $КР_t$ – капитал и резервы, руб.; $ДО_t$ – долгосрочные обязательства, руб.; $КО_t$ – краткосрочные обязательства, руб.

В бизнес-плане предприятия «Баланс» обычно разрабатывается по месяцам проекта.

Для плановых форм финансовой отчетности характерна логическая и информационная взаимосвязь. Сущность логической связи состоит во взаимном дополнении отчетных форм, их разделов и статей. Значение этих контрольных соотношений помогает лучше разобраться в структуре отчетности и проверить правильность ее составления.

Таким образом, разработанная формула (4) является математической моделью для определения планового количества i -й услуги предприятия для реализации за определённый период. Формула (9) является математической моделью для расчета плановой чистой прибыли. Формула (10) является математической моделью для распределения чистой прибыли. Формула (11) является математической моделью для определения сумм денежных средств на расчётном счёте предприятия. Формула (12) является математической моделью баланса предприятия.

Библиографический список:

1. Горемыкин, В.А. 45 реальных образцов бизнес-планов / В.А. Горемыкин, А.Ю. Богомолов. – М.: «Ось-89», 2002. – 864 с.
2. Журавлев, В.В. Пути повышения конкурентоспособности предприятий сферы индустрии гостеприимства (на примере клуб-отеля «Золотой пляж») / В.В. Журавлев, А.М. Лопарева // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Экономика и менеджмент». – 2013. – Т. 7. – № 4. – С. 131–137.
3. Шмидт, А.В. Раскрытие категорий «Устойчивость» и «Устойчивое развитие» применительно к объектам микроэкономики с позиций динамики / А.В. Шмидт // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Экономика и менеджмент». – 2010. – № 26 (202). – С. 34–41.

[К содержанию](#)

УДК 796.412.012 + 612.13

ББК Ч516.9

ИССЛЕДОВАНИЕ АДАПТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ НА ЗАНЯТИЯХ АЭРОБИКИ С ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИЕЙ

О.Л. Петрожак

В работе представлены результаты оценки сердечно-сосудистой системы и регуляторных механизмов у студенток в группах аэробики под влиянием психофизиологического воздействия с использованием телесно-ориентированных методик. Такие занятия способствуют положительным изменениям показателей центральной и периферической гемодинамики.

Ключевые слова: адаптация, сердечно-сосудистая система, ортопроба, величины гемодинамики (ЧСС, УО, АД), психофизиологическое состояние.

Ведущим фактором в проблеме вузовской дезадаптации выступает постоянно действующая образовательная среда и, в основном, учебная нагрузка. Выполнение учебной нагрузки предъявляет повышенные требования к управлению процессами, протекающими в ЦНС и всегда сопровождающимися психическим и эмоциональным напряжением [2, 5].

Одно из ведущих мест в Российской Федерации уже многие годы сохраняет патология сердечно-сосудистой системы [3], причем в данной проблеме наметилась устойчивая тенденция к омоложению. Сердечно-сосудистая система первокурсника испытывает неблагоприятные воздействия стрессового фактора на протяжении достаточно длительного промежутка времени. Объективный анализ состояния здоровья студентов выявил ухудшение здоровья особенно в первые годы обучения в вузе, когда происходит напряжение механизмов адаптации, а также на протяжении учебы от I к V курсу, что подтверждают данные многих авторов [1, 3, 6].

В научной литературе рассмотрен достаточно широкий круг аспектов психофизиологической, психической и социально-психологической адаптации индивида [7]. Многие авторы отмечают, что адаптация к комплексу новых факторов, специфичных для высшей школы, представляет собой сложный многоуровневый социально-психологический процесс и сопровождается значительным напряжением компенсаторно-приспособительных систем организма студентов [6]. У студентов во время экзамена повышаются систолическое и диастолическое давление, увеличиваются частота сердечных сокращений и частота дыхания, повышается температура тела, возрастают энергозатраты [1, 2, 5].

В настоящее время большой интерес проявляется к исследованиям возможных изменений стереотипов поведения, функциональных и органических нарушений психического и физического здоровья, возникающих под сочетанным влиянием нескольких факторов. Знания психофизиологических механизмов позволят укрепить и сохранить осознанный и ответственный подход к своему здоровью; позволят личности, изменяя себя, способствовать изменению самой системы, в которой она совершает разнообразную, в том числе, учебную и профессиональную деятельность [4].

В нашем исследовании мы пытаемся доказать, что овладение приемами саморегуляции у студенток, занимающихся в группах аэробики с психофизической саморегуляцией, служат нормализации психофизического состояния студентов.

Основную и контрольную группу составили студентки I–III курсов ЮУрГУ (60 человек), которые занимались в группах «аэробики с психофизической саморегуляцией».

Цель исследования: оценить влияние занятий аэробикой с психофизической саморегуляцией на психофизиологические функциональные состояния студенток.

Анализ показателей гемодинамики проведен методом импедансной реографии при помощи сертифицированной компьютерной технологии «Кентавр» фирмы «Микролюкс» (г. Челябинск).

На первом этапе работы было проведено фоновое исследование функционального состояния ССС студенток-первокурсниц основной и контрольной групп (табл. 1).

Таблица 1

Показатели центральной гемодинамики студенток основной (1) и контрольной (2) группы на 1-м этапе исследования ($M \pm m$)

Группа	ЧСС, уд/мин.	УО, мл	МОК, л/мин.СИ, л/мин/м ²	
лежа				
1	75,85±2,48	52,78±4,14	4,03±0,29	2,65±0,29
2	76,69±2,41	47,63±4,25	3,66±0,27	2,41±0,28
p	>0,05	>0,05	>0,05	>0,05
стоя				
1	92,42±2,63***	39,56±2,33***	3,65±0,24	2,40±0,22
2	93,74±2,80***	32,92±2,39***	3,08±0,21	2,03±0,16
p	>0,05	>0,05	>0,05	>0,05

Примечание: ***различия между результатами в положении лежа и стоя достоверны при $p < 0,001$.

В исходном положении значения ЧСС и ударного объема не имели достоверно значимых межгрупповых различий, были в пределах возрастно-половой нормы. Среднегрупповая величина сердечного индекса в обеих группах соответствовала гипокинетическому типу кровообращения и рас-

пределялась следующим образом: большая часть обследованных девушек имели СИ менее 2,75 л/мин/м² – гипокинетический тип кровообращения (ТК) – около 55 %, 35–40 % – эукинетический ТК и реже всего встречался гиперкинетический ТК (6,6–10 %).

Переход в вертикальное положение – проба активного ортостаза – приводил к повышению ЧСС на 20–30 %, которое компенсировало снижение величины ударного объема – изменения обоих показателей достоверно значимы ($p < 0,001$); МОК сохранялся на прежнем уровне.

У ряда обследованных нами студенток выявлены более существенные изменения изучаемых показателей (повышение ЧСС более, чем на 30 %), что относится к проявлениям дезадаптивного реагирования: в первой группе у 9 студенток (30 %) и во 2-й группе у 8 человек (26,6 %). Средне-групповые величины артериального давления в исходном положении были в пределах физиологической нормы. При переходе в вертикальное положение была выявлена тенденция к повышению систолического давления и более выраженное увеличение диастолического (в пределах 10 %, $p < 0,01$), что является физиологической реакцией на пробу активного ортостаза.

Более значительное повышение систолического давления было выявлено у 9 студенток (30 %) 1-й группы и у 8 человек (26,6 %) 2-й группы, отражая гиперсимпатикотонический характер реакции на ортостаз.

Таблица 2

Показатели артериального давления и периферической гемодинамики студенток основной и контрольной группы на 1-м этапе исследования ($M \pm m$)

Группа	САД, мм рт. ст.	ДАД, мм рт. ст.	АРП, мОм
лежа			
1	114,43±2,13	73,19±1,92	26,17±2,94
2	113,70±2,25	72,51±2,06	27,43±2,88
p	>0,05	>0,05	>0,05
стоя			
1	116,09±2,22	80,05±1,84**	13,90±1,61
2	115,56±2,18	78,97±1,93**	15,08±1,70
p	>0,05	>0,05	>0,05

Примечание: ** – различия достоверны по сравнению с показателями в положении лежа при $p < 0,01$; *** – при $p < 0,001$.

Амплитуда реоволны сосудов пальца стопы при проведении функциональной пробы снижалась ($p < 0,001$), отражая ответную реакцию периферических сосудов – сужение для предотвращения ортостатического коллапса. Снижение было двукратным; у тренированных лиц отмечалась менее выраженная реакция.

Стресс-индекс (индекс напряжения) как интегральный показатель степени адаптации к воздействию внешних факторов составлял от 85 до 130 условных единиц, и соответствовал удовлетворительной адаптации.

Повторное исследование показателей ССС студенток основной и контрольной группы было проведено через 1 год (завершение курса, весенний семестр).

У лиц основной группы выявлена положительная динамика показателей ССС – в состоянии покоя величина ЧСС снизилась на 10 % по сравнению с данными фонового исследования на 1-м этапе, характеризуя повышение экономизации деятельности сердца, что сочеталось с тенденцией к увеличению насосной функции – значений ударного объема – на 13,5 % в среднем по группе). Аналогичные тенденции в группе контроля были менее выражены.

Таблица 3

Показатели центральной гемодинамики студенток основной (1) и контрольной (2) группы на 2-м этапе исследования ($M \pm m$)

Группа	ЧСС, уд/мин.	УО, мл	МОК, л/мин.	СИ, л/мин/м ²
лежа				
1	68,21±2,32	59,36±3,97	3,73±0,35	2,46±0,27
2	74,05±2,50	50,14±4,11	3,71±0,34	2,44±0,26
p	>0,05	>0,05	>0,05	>0,05
стоя				
1	84,08±2,59***	48,11±2,84**	4,04±0,36	2,66±0,24
2	91,96±2,97***	35,39±3,06***	3,25±0,30	2,14±0,18
p	>0,05	<0,01	>0,05	>0,05

Примечание: ***различия между результатами в положении лежа и стоя достоверны при $p < 0,001$.

Более существенны различия показателей ССС при проведении активной ортостатической пробы. Так, в основной группе ЧСС в положении стоя была достоверно ниже, а УО – выше по сравнению с 1-м этапом исследования ($p < 0,05$). Также необходимо отметить, что величина ударного объема в контрольной группе снижалась более выражено и была достоверно ниже, чем в основной ($p < 0,05$), что компенсировалось более выраженной хронотропной реакцией (частота сердечных сокращений составила 91,96±2,97 уд/мин против 84,08±2,59 уд/мин).

Совершенствование деятельности ССС в основной группе подтверждалось при анализе индивидуальной динамики изучаемых показателей при выполнении пробы активного ортостаза. Так, количество лиц с дезадаптивными реакциями в группе контроля составило 6 человек (20 %), в основной у всех девушек тип реакции был нормотонический.

Показатели артериального давления в обеих группах имели тенденцию к снижению, а показатели периферического кровообращения (АРП) – к повышению по сравнению с данными фонового исследования. В то же время, совершенствование механизмов регуляции сосудистого тонуса проявилось в том, что при ортопробе дезадаптивные реакции АД определены у одной студентки основной группы и у 4 – контрольной, а снижение АРП бы-

ло менее выраженным – в пределах 60–75 % по сравнению с положением лежа. Величина АРП в вертикальном положении у девушек 1-й группы была достоверно выше, чем на 1-м этапе исследования.

Таким образом, более высокая эффективность занятий в экспериментальной группе определялась положительными изменениями показателей системы кровообращения (ЧСС, ударный объем, артериальное давление, амплитуда револны пальца стопы) в состоянии покоя, повышением функционального состояния ССС (судили по результатам ортостатической пробы), что было обусловлено перестройками на уровне регуляторных механизмов: снижением централизации управления ритмом сердца как в состоянии покоя, так и при проведении функциональной пробы.

Библиографический список

1. Агаджанян, Н.А. Двигательная активность и здоровье / Н.А. Агаджанян, В.Г. Двоеносов, Н.В.Ермакова и др. – Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И.Ульянова-Ленина, 2005. – 216 с.
2. Быков, Е.В. Оценка функционального состояния сердечно-сосудистой системы и регуляторных механизмов у школьников и студентов в процессе обучения / Е.В. Быков, М.В. Егоров и др. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2004. – № 3. – С. 60 – 63.
3. Ваганова, Л.И. Динамика состояния здоровья и образа жизни студенческой молодежи студент г. Челябинска / Л.И. Ваганова // Учащаяся молодежь России: прошлое, настоящее, будущее: Сб. науч. трудов. – Челябинск, 2000. – С. 177–180.
4. Вербина, Г.Г. Психологические механизмы развития индивидуального, психического и профессионального здоровья специалиста / Г.Г.Вербина // Психика и тело: научно-практические аспекты взаимодействия психического, физиологического у человека в норме, при донологических состояниях и патологии. Матер. 2-й Всерос. науч.-практ. конф. – Тюмень, 6–17 апреля 2010 г. – Тюмень, ВЕКТОР БУК, 2010. – С. 17–20.
5. Умрюхин, Е.А. Индивидуальные особенности физиологических функций у студентов с разной степенью интро-, экстраверсии, нейротизма и тревожности в ситуации экзаменационного стресса / Е.А. Умрюхин, Т.Д. Джебраилова, И.И. Коробейникова, Н.В. Климина // Эколого-физиологические проблемы адаптации: матер. X Междунар. симп. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 519–540.
6. Хачикян, Н.З. Характеристика состояния здоровья и некоторых компонентов образа жизни студентов ЕГУ в динамике учебных лет / Н.З. Хачикян // Адаптация биологических систем к естественным и экстремальным факторам среды: матер. II Международной науч.-практ. конф., 8–11 октября 2008 г.: в 2 т. Т. 2. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2008. – С. 308–311.

7. Щедрина, А.Г. Здоровый образ жизни: методологические, социальные, биологические, медицинские, психологические, педагогические аспекты / А.Г. Щедрина. – Новосибирск: ООО «Альфа-Виста», 2007. – 144 с.

[К содержанию](#)

УДК 338.48(470.5)

СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРАЛЕ

Е.С. Пищулина

Определена специфика туристической деятельности. Установлены особенности туристической деятельности на Урале, намечены цели работы в туристической сфере, достижение которых даст возможность эффективности развиваться отрасли в целом.

Ключевые слова: особенности туристической деятельности, цели туристической деятельности, туризм, Урал, туризм на Урале.

Туризм на сегодняшний день является показателем развития цивилизации, методом познания окружающей действительности, способом повышения культурного уровня и восстановления здоровья людей.

В России туристский бизнес развивается с преимущественной ориентацией на выезд. Подавляющее большинство действующих у нас турфирм предпочитают заниматься направлением своих соотечественников за рубеж, и лишь небольшая их часть работает на привлечение гостей в РФ. Таким образом, денежные средства от туризма уходят за границу. Можно привести такие цифры: если в 1988 году за границу СССР выезжало 4,3 млн чел. (из них по линии туристских организаций около 1 млн), а въезд иностранных граждан составил более 6 млн чел. (из них 2,5 млн туристов), то в 2013 году цифры кардинально изменились – из России выехало 39,3 млн чел. (12,5 млн по линии тур фирм), а въезд иностранных граждан составил 23,3 млн (из них 4,1 млн туристов) [1], [2].

Туризм как отрасль народного хозяйства обладает множеством особенностей. По принятой национальной и международной классификации он разделяется на множество видов, которые в свою очередь делятся на подвиды. Данные классификации указывают на многообразие видов туризма и говорят о том, что каждый из них обладает своей спецификой [3].

Урал во все времена радовал своей красотой. Но долгое время он был закрыт не только от зарубежных туристов, но и от российских. Причина – наличие на Урале закрытых городов. Это также явилось причиной отсутствия развитой инфраструктуры туризма. Но сейчас времена изменились. И Урал

уже может похвастаться курортами такого же уровня, что и зарубежные страны. А в период финансового кризиса и роста цен на топливо, местные туры стали более конкурентоспособными, т.к. стоимость туров сравнялась, а в некоторых случаях зарубежные страны стали намного дороже. Таким образом, наступило благоприятное время для развития внутреннего и регионального туризма в частности.

Туристская деятельность представляет собой ничто иное как особый вид торгово-посреднической операции. В рамках последней, одна сторона – туроператор, являющийся организатором путешествия с субъектом предпринимательской деятельности, группирует в один пакет туристские услуги, такие как транспортное, экскурсионное и медицинское сопровождение, питание и размещение. Причем, большинство из оказываемых туроператором услуг являются для него покупными [3].

Если же брать отдельно туристическую предпринимательскую деятельность на Урале, то здесь можно выделить ряд специфических особенностей, присущих именно этому региону.

Во-первых, благодаря особенностям данного продукта, туристическая деятельность может быть отнесена к определенному виду, т.к. не поддается стандартной классификации.

Во-вторых, большая часть туристических фирм Урала – турагенты. Т.е. они исполняют роль посредников между туроператорами и конечными потребителями туристических услуг. Как следствие – небольшие объемы выручки.

Во-вторых, недостаток собственных финансовых средств. Таким образом, для успешного функционирования деятельности необходимо привлечение заемных средств.

В-третьих, недоступность заемных финансовых средств, т.к. туристическая деятельность относится к рисковому видам деятельности. В связи с этим было приостановлено или полностью прекращено кредитование туристических организаций.

В-четвертых, отсутствие планомерной поддержки со стороны государства.

В-пятых, отсутствие государственной программы по развитию туризма.

В-шестых, развитие предпринимательской деятельности в области туризма сдерживается плохим имиджем Уральского региона (неблагоприятная экологическая обстановка).

В-седьмых, отмена лицензирования туристической деятельности в введении финансовых гарантий.

И наконец, снижение покупательской способности.

Но как уже было сказано ранее, в связи со сложившейся экономической обстановкой в стране, российские туры становятся все более популярными. А на Урале скрыт огромный потенциал. Здесь расположено большое количество различного рода достопримечательностей: памятники архитектуры,

Всемирного наследия ЮНЕСКО, горнолыжные центры, памятники истории, национальные парки, санатории и здравницы.

У любой предпринимательской деятельности есть свои цели и туристическая деятельность не является исключением.

Цели турбизнес можно условно разделить на 2 группы:

1. Общественно значимые, т.е. те цели, посредством достижения которых будут удовлетворяться потребности и желания общества в целом.

К общественно значимым целям в области туристического бизнеса можно отнести:

- а) удовлетворение запросов общества в данном виде услуг;
- б) обеспечение занятости населения и, соответственно, его благосостояния.

2) Частнособственнические – цели, удовлетворяющие нужды самого предприятия.

Частнособственнические цели:

- 1) получение дивидендов;
- 2) наращивание собственного капитала фирмы;
- 3) стабилизация финансового состояния фирмы за счет осуществления маркетинговых мероприятий;

4) исследование и прогнозирование текущих и перспективных потребностей клиентов для выработки основных направлений деятельности;

5) повышение конкурентоспособности туристского продукта и услуг на рынках въездного и выездного туризма;

б) комплексное воздействие на клиентов фирмы на всех этапах туристского обслуживания.

Таким образом, как мы видим, для успешной и эффективной предпринимательской деятельности в турбизнесе необходимо учесть сложившиеся особенности и достигнуть поставленных целей.

Библиографический список

1. Официальный сайт Федерального агентства по туризму министерства культуры Российской Федерации. – URL: <http://www.russiatourism.ru/>.

2. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru/>.

3. Гуляев, В.Г. Туризм: экономика и социальное развитие / В.Г. Гуляев. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 336 с.

[К содержанию](#)

УДК 796.966.015 + 612.21

ОЦЕНКА ФУНКЦИЙ ДЫХАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ У СТУДЕНТОВ-ХОККЕИСТОВ

А.А. Плетнев, В.И. Ляпкало

В статье показано, что адаптация кардиореспираторной системы хоккеистов-любителей к физическим нагрузкам характеризуется высоким уровнем развития объемных и объемно-скоростных показателей на уровне крупных и средних бронхов, производительности и экономичности деятельности дыхательной системы (минутный объем дыхания, частота дыхательных движений).

Ключевые слова: функции внешнего дыхания, тренировка, функциональное состояние

Актуальность. Хоккей – один из популярных видов спорта, в котором достижение высоких спортивных результатов связано с дальнейшей интенсификацией как самой игры, так, соответственно, и учебно-тренировочного процесса. Многолетние тренировки и выступления в соревнованиях приводят к развитию адаптационных перестроек ведущих систем организма спортсменов в зависимости от вида спорта, направленности нагрузок, игрового амплуа и других факторов, учет которых необходим для достижения максимального спортивного результата при минимальной «цене» адаптации. Достижение спортсменами высоких спортивных результатов связано с длительными и интенсивными физическими нагрузками. О необходимости проведения углубленной диагностики организма хоккеистов и использования восстановительно-коррекционных технологий свидетельствуют данные Е.С. Тертышной с соавт. [5]: большинство юных хоккеистов отнесены по результатам углубленного медицинского осмотра ко 2-й группе здоровья (более 95 %) в связи с наличием нарушений деятельности автономной нервной системы (16 %), очагов хронической инфекции (ЛОР-патология и кариес) у 39 %, что может приводить к развитию хронического физического перенапряжения, другой патологии. Дистрофические изменения миокарда выявляются у 15 % квалифицированных спортсменов, органов дыхания у 15,6 %, нервной системы у 6,8 % [6].

Функциональное состояние аппарата внешнего дыхания может существенно изменяться в зависимости от характера мышечной деятельности: объема и интенсивности применяемых нагрузок. Как известно, в тренировочном процессе хоккеистов в различные его периоды используются разнообразные нагрузки, необходимо учитывать сезонный фактор соревновательной деятельности. Так, подготовительный период служит «базой» для повышения уровня физических кондиций и связан с использованием преимущественно аэробных и силовых нагрузок, что сопровождается достоверным увеличением объемных параметров, МПК и легочной вентиляции

[4, 7]. В последующем нагрузки приобретают в основном скоростно-силовую направленность, связаны со сложно-координационными действиями в процессе тренировок и «контрольных» игр.

Организация и методы исследования. Исследования проводились на базе научно-исследовательского центра Института спорта, туризма и сервиса, Южно-Уральского государственного университета.

В исследованиях принимали участие юноши-хоккеисты в возрасте 18–22 года, со стажем тренировок более 5 лет, имеющие первый спортивный разряд (основная гр., n=26), выступающие за хоккейную команду «Политехник», которая выступает в чемпионате России (вторая лига).

Все спортсмены имеют допуск врача к тренировкам, не имеют хронических заболеваний, систематически проходят медицинский осмотр в объеме врачебно-контрольной карты физкультурника, форма №227 (2 раза в год). Группу контроля составили студенты мужского пола I–V курсов ЮУрГУ аналогичного возраста, отнесенные к основной группе для занятий физической культурой, не занимающиеся в спортивных секциях (2-я группа, n=32).

Результаты исследования. В таблице 1 представлены объемные показатели системы внешнего дыхания студентов-хоккеистов (основная группа) и студентов контрольной группы. Величины объемных показателей СВД в основной имели значения, значительно превышающие показатели группы контроля и соответствующие возрастным-половым нормам; в группе контроля соответствовали норме [2, 1]. В частности, ЖЕЛ вдоха в основной группе ($6,58 \pm 0,32$) составляла $111,88 \pm 3,46$ % от должной величины, в контрольной группе была существенно меньше ($4,40 \pm 0,37$ л, $p < 0,01$), что составляло $93,08 \pm 3,83$ %.

Значения ЖЕЛ выдоха у хоккеистов также достоверно больше, чем у студентов группы контроля: $6,61 \pm 0,35$ л (соотношение ЖЕЛ выд./ДЖЕЛ выд. $105,13 \pm 4,12$ %) против $4,43 \pm 0,38$ л ($p < 0,01$) и $92,75 \pm 3,80$ % ($p < 0,01$). Существенные различия нами определены при сравнении величин резервного объема вдоха и выдоха ($p < 0,01$ и $p < 0,05$ соответственно) (табл. 1).

Таблица 1

Результаты исследования объемных показателей системы дыхания лиц основной и контрольной группы в состоянии вдоха и выдоха ($M \pm m$)

Показатель	Осн. гр.	Контр. гр.	p
ЖЕЛ на вдохе, л	$6,58 \pm 0,42$	$4,62 \pm 0,47$	$< 0,01$
ЖЕЛвд./ДЖЕЛвд., %	$111,88 \pm 3,46$	$93,08 \pm 3,83$	$< 0,01$
ЖЕЛ на выдохе, л	$6,61 \pm 0,35$	$4,53 \pm 0,38$	$< 0,01$
ЖЕЛвыд./ДЖЕЛвыд., %	$105,13 \pm 4,12$	$92,75 \pm 3,80$	$< 0,01$
Резервный объем вдоха, л	$3,15 \pm 0,37$	$2,21 \pm 0,26$	$< 0,01$
Резервный объем выдоха, л	$2,19 \pm 0,19$	$1,83 \pm 0,22$	$< 0,05$
Жизненный индекс, мл/кг	$86,44 \pm 2,03$	$63,80 \pm 2,31$	$< 0,001$

Следует также отметить, что среднегрупповые значения ЖЕЛ вдоха и выдоха в контрольной группе соответствовали условной норме (90–85 %) от должных согласно Р.Ф. Клементу [2], а в основной были выше условной нормы. Отдельного внимания заслуживает индивидуальных значений этих показателей у спортсменов–хоккеистов и их сверстников-студентов: в процентном выражении в основной группе выше нормы показатели ЖЕЛ были у всех обследованных нами лиц, в контрольной у 30 % – выше среднего, у 55 % – средний, и у 15 % он был ниже среднего.

У хоккеистов значительно выше значения жизненного индекса (ЖЕЛ/масса тела) ($p < 0,001$), который рассматривается как одна из интегральных характеристик уровня функциональных возможностей человека и отражает степень соответствия возможностей системы внешнего дыхания удовлетворять запросы по кислородному обеспечению мышц. У них он соответствовал высокому уровню этого показателя (более 66 мл/кг по [1]); среднегрупповые значения в группе контроля ($63,80 \pm 2,31$ усл. ед.) – выше среднего уровня, при этом у 10 % обследованных лиц он был высоким, у 20 % – выше среднего, у 55 % – средний, и у 15 % он был ниже среднего.

В таблице 2 представлены результаты оценки вентиляционной функции и резервов системы дыхания лиц основной и контрольной группы.

Таблица 2

Показатели вентиляционной функции и резервов
системы дыхания лиц основной и контрольной группы ($M \pm m$)

Показатель	Осн. гр.	Контр. гр.	p
Индекс состояния, усл. ед.	$2,47 \pm 0,28$	$3,54 \pm 0,39$	$< 0,05$
Дыхательный объем, л	$0,86 \pm 0,09$	$0,71 \pm 0,08$	$> 0,05$
Частота дыхания в мин.	$15,95 \pm 1,12$	$17,54 \pm 1,70$	$> 0,05$
МВЛ, л/мин	$162,91 \pm 9,10$	$133,05 \pm 9,61$	$< 0,05$
МВЛ, % от должн.	$109,36 \pm 3,59$	$98,92 \pm 3,47$	$< 0,05$

Влияние занятий спортом проявлялось в тенденции к экономизации деятельности системы дыхания – так, частота дыхания в группе хоккеистов составила в среднем $15,95 \pm 1,12$ в минуту против $17,24 \pm 1,70$ в группе контроля (разница составила около 10 %). У спортсменов адаптационные перестройки работы системы внешнего дыхания сопровождалась повышением величины дыхательного объема по сравнению с группой студентов (разница составляет около 17,5 %). Однако, указанные различия статистически недостоверны.

Отдельного рассмотрения заслуживает анализ показателей, характеризующих производительность системы внешнего дыхания у хоккеистов: величина МВЛ в состоянии покоя у них достоверно выше по сравнению с группой контроля – как абсолютных величин, так и относительных (в % от должных) ($< 0,05$).

Индекс состояния дыхательной системы, интегрально характеризующий бронхиальную проходимость по результатам исследований на аппарате

«ЭТОН» [2], был в пределах условной нормы в основной ($2,47 \pm 0,28$ усл. ед.) и в контрольной группе ($3,54 \pm 0,39$ усл. ед.) ($p < 0,05$); при этом у всех хоккеистов он не превышал 3,1 усл. ед., тогда как в контрольной у 20 % вышел за пределы значений условной нормы (4,2 усл. ед.) у 25 % лиц.

Ниже нами представлены результаты изучения объемно-скоростных параметров системы внешнего дыхания.

В таблице 3 отражены результаты изучения показателей форсированного выдоха и вдоха лиц основной и контрольной группы.

Таблица 3

Показатели форсированного выдоха и вдоха
лиц основной и контрольной группы ($M \pm m$ и в % к должной величине)

Показатель	Осн. гр.	Контр. гр.	p
ФЖЕЛ выдоха, л	$6,80 \pm 0,55$	$4,77 \pm 0,51$	$< 0,01$
ФЖЕЛ выдоха, % к должн.	$116,92 \pm 3,90$	$96,03 \pm 3,76$	$< 0,01$
ФЖЕЛ вд., л	$6,33 \pm 0,46$	$4,28 \pm 0,40$	$< 0,01$
ФЖЕЛ вд., % к должн.	$111,41 \pm 3,67$	$95,15 \pm 3,82$	$< 0,01$
ОФВ ₁ выд., л	$5,25 \pm 0,40$	$4,20 \pm 0,39$	$> 0,05$
ОФВ ₁ выд., % к должн.	$101,94 \pm 3,52$	$94,31 \pm 3,43$	$> 0,05$
ОФВ ₁ /ЖЕЛ (инд. Тиффно), %	$79,54 \pm 2,08$	$92,05 \pm 1,90$	$< 0,001$
ОФВ ₁ /ФЖЕЛ (инд. Генслера), %	$80,17 \pm 2,04$	$87,46 \pm 2,17$	$< 0,05$
инд. Тиффно, % к должн.	$90,42 \pm 1,93$	$94,48 \pm 2,00$	$> 0,05$
инд. Генслера, % к должн.	$85,26 \pm 2,31$	$91,14 \pm 2,65$	$> 0,05$

Величины форсированной жизненной ёмкости легких на вдохе и выдохе выше у спортсменов-хоккеистов ($p < 0,01$), а их индивидуальные значения у большинства обследованных студентов мужского пола обеих групп укладывались в диапазон возрастно-половой нормы.

Среднегрупповые значения показателя ФЖЕЛ на вдохе и выдохе в основной группе были более 115% от должной, в контрольной группе они достоверно ниже ($p < 0,01$) и составляли около 95% (условная норма).

Объем форсированного выдоха за 1 секунду достаточно чувствителен к выявлению даже незначительно выраженных нарушений бронхиальной проводимости, поэтому его рассматривают как интегральный показатель бронхиальной обструкции, особенно при совместном анализе ее значений с показателями ЖЕЛ и ФЖЕЛ (индексы Генслера и Тиффно). Учитывая распространенность патологии бронхиального дерева в настоящее время, в том числе в Челябинске [3], оценке этого показателя нами придавалось большое значение.

Анализ полученных нами результатов изучения объемно-скоростных показателей позволил заключить, что в основной группе абсолютные значения среднегрупповой величины ОФВ₁ были более высокими по сравнению с контрольной группой (разница составляет около 30%, различия достоверны, $p > 0,05$).

Относительные величины составили в основной группе $101,94 \pm 3,52$ % от должных значений и $94,31 \pm 3,43$ %. Индивидуальные значения относительных величин ОФВ1 у всех хоккеистов соответствовали норме, у 40 % студентов группы контроля на уровне нормы, у 40 % – уровень условной нормы и у остальных 20 % – ниже условной нормы (менее 75 % должной величины).

Индекс Тиффно был выше в группе контроля, однако это связано с тем, что он является производной величиной (ОФВ1/ЖЕЛ), а оба этих показателя в группе контроля были ниже, чем у хоккеистов. Достоверных различий величин индекса Генслера и относительных значений анализируемых показателей не выявлено.

В целом, среднegrupповые и индивидуальные величины показателя индекса Тиффно при анализе их значений по Р.Ф. Клементу были в пределах нормы (более 65 %).

Далее нами рассмотрены результаты исследований системы внешнего дыхания в координатах кривой «поток-объем»: в процессе выполнения форсированного вентиляционного маневра по оси абсцисс откладываются изменения объема легких таким образом, что начальная и конечная часть кривой отграничивают ФЖЕЛ, а по оси ординат – скорость форсированного потока на вдохе (сегмент кривой ниже оси абсцисс) и на выдохе – сегмент кривой выше оси абсцисс). Для количественного анализа используются максимальные объемные скорости потоков на трех фиксированных уровнях ФЖЕЛ – крупных, средних и мелких бронхов (соответственно МОС 25 %, 50 % и 75 %), помимо этого определяется пиковая объемная скорость (ПОС) и средняя объемная скорость (СОС).

Результаты исследования показателей пиковой, средней и максимальной объемной скорости кривой «поток-объем» форсированного выдоха представлены в таблицах 4 и 5.

Таблица 4

Показатели пиковой и средней объемной скорости кривой «поток-объем» форсированного выдоха лиц основной и контрольной группы (в числителе $M \pm m$, в знаменателе % к должной величине)

Показатель	Осн. гр.	Контр. гр.	p
ПОС вдоха, л/с	$8,46 \pm 0,50$	$6,67 \pm 0,42$	$<0,05$
% к должн.	$113,51 \pm 5,37$	$85,65 \pm 5,10$	$<0,001$
ПОС выдоха, л/с	$7,61 \pm 0,43$	$6,72 \pm 0,39$	$>0,05$
% к должн.	$94,27 \pm 4,24$	$85,96 \pm 4,57$	$>0,05$
СОС ₂₅₋₇₅ , л/с	$4,90 \pm 0,45$	$4,69 \pm 0,41$	$>0,05$
% к должн.	$90,86 \pm 3,62$	$88,21 \pm 3,85$	$>0,05$
СОС ₇₅₋₈₅ , л/с	$2,88 \pm 0,30$	$2,24 \pm 0,28$	$>0,05$
% к должн.	$110,04 \pm 3,79$	$95,60 \pm 5,05$	$<0,05$
СОС _{0,2-1,2} , л/с	$7,76 \pm 0,78$	$6,13 \pm 0,61$	$>0,05$
% к должн.	$82,75 \pm 3,10$	$73,32 \pm 4,14$	$>0,05$

Показатели пиковой объемной скорости (ПОС) на вдохе, отражающие проходимость крупных бронхов, в основной группе были более чем на 25 % выше ($p < 0,05$). Относительно должных величин ПОС превышал 113,5 % в основной группе (выше условной нормы у всех обследованных нами хоккеистов) и 85 % в контрольной группе ($p < 0,001$). У лиц группы контроля значения ПОС находились на границе нормы (40 %) и условной нормы – от 84,3 % до 74,2 % от должных значений (40 %), в том числе ниже условной нормы (менее 74,2 % от должных значений) у 20 % обследованных.

Менее значимы межгрупповые различия абсолютных и относительных величин показателей ПОС выдоха и средней объемной скорости (СОС25-75, СОС75-85, СОС0,2-1,2) ($p > 0,05$). Индивидуальные значения СОС25-75 были ниже 79 % от должных (норма) только у 15 % лиц контрольной группы.

Показатели максимальной объемной скорости кривой «поток-объем» форсированного выдоха лиц основной и контрольной группы представлены в табл. 5.

Таблица 5

Показатели максимальной объемной скорости кривой «поток-объем» форсированного выдоха лиц основной и контрольной группы
(в числителе $M \pm m$, в знаменателе % к должной величине)

Показатель	Осн. гр.	Контр. гр.	p
МОС ₂₅ выд., л/с	7,19±0,41	6,16±0,48	>0,05
% к должн.	83,97±3,64	79,38±3,87	>0,05
МОС ₅₀ выд., л/с	5,30±0,36	4,42±0,33	>0,05
% к должн.	87,25±2,50	82,03±2,71	>0,05
МОС ₇₅ выд., л/с	3,42±0,34	2,85±0,30	>0,05
% к должн.	92,81±3,45	86,33±3,98	>0,05
МОС ₅₀ вд., л/с	7,93±0,58	6,16±0,51	<0,05
% к должн.	96,62±3,91	87,03±3,70	>0,05

Достоверно значимых межгрупповых различий абсолютных и относительных значений минутной объемной скорости на выдохе не было выявлено. В обеих группах относительные значения МОС50 и МОС75 были выше нормы (по Р. Клементу соответственно 77,2 % и 81,6 %). При оценке индивидуальных величин МОС50выд. по отношению к должным выявлены значения ниже условной нормы (менее 62,6 %) и МОС75 (ниже 69,6 %) только у 2 человек контрольной группы.

Функциональные возможности системы дыхания были также подвергнуты сравнительной оценке путем проведения пробы с физической нагрузкой (бег на месте в течение 3 минут): изучаемые показатели регистрировались сразу после нагрузки и через 10 минут отдыха. В основной группе снижения фоновых значений анализируемых показателей и замедленного их восстановления нами не было зарегистрировано, в контрольной группе у 20 % обследованных лиц было зарегистрировано снижение показателей.

Заключение. Таким образом, представленные в данном разделе результаты позволяют сделать вывод о положительных адаптивных перестройках системы внешнего дыхания, происходящих под влиянием физических нагрузок скоростно-силовой направленности, в части повышения объемных и объемно-скоростных характеристик на уровне крупных и средних бронхов у студентов-хоккеистов в сравнении со сверстниками группы контроля.

Библиографический список

1. Апанасенко, Г.Л. Медицинская валеология / Г.Л. Апанасенко, Л.А. Попова. – Ростов н/Д : Феникс, 2000. – 248 с.
2. Белов, А.А. Оценка функции внешнего дыхания. Методические подходы и диагностическое значение / А.А. Белов, Н.А. Лакшина. – М.: ММА им. И.М.Сеченова, 2002. – 68 с.
3. Гавриш, Т.В. Современные проблемы медицинского отбора учащихся для занятий адаптивной физической культурой / Т.В. Гавриш, И.В. Гавриш // Адаптивная физическая культура, спорт и здоровье: интеграция науки и практики: сборн. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: РИЦ БашИФК, 2009. – Ч. I. – С. 142–147.
4. Сокова, Э.В. Динамика физической работоспособности на аэробном этапе тренировочного цикла и ее взаимосвязь с функциональным состоянием спортсмен-менов / Э.В. Сокова, О.А. Султанова, В.В. Пономарева, Е.А. Талламбум // Медицина. Спорт. Здоровье. Олимпиада: матер. Всерос. науч. форума. – М., 2004. – С. 96–97.
5. Тертышная, Е.С. Применение восстановительно-корректирующих технологий у юных спортсменов, занимающихся зимними видами спорта / Е.С. Тертышная, Г.В. Герасимова, Н.В. Пенькова // Журнал Российской ассоциации по спортивной медицине и реабилитации больных и инвалидов. – 2008. – № 4.
6. Ходарев, С.В. Медицинская реабилитация юных спортсменов в отделении спортивной медицины и реабилитации детей, занимающихся спортом / С.В. Ходарев, Е.С. Тертышная, А.М. Щекинова // Журнал Российской ассоциации по спортивной медицине и реабилитации больных и инвалидов. – 2008. – № 4.
7. Эрлих, В.В. Сезонные биоритмы кардиопульмональной системы бегуний на средние дистанции в условиях концентрированного развития локально-региональной мышечной выносливости на территории среднегорья в макроцикле подготовки / В.В. Эрлих // Вестник Южно-Уральского государственного университета: Серия «Образование, здравоохранение, физическая культура». – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 42–47.

[К содержанию](#)

УДК 004.387+379.8:004.387 + 338.483.12

ББК Ч72

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА СПЕЦИАЛИСТА АНИМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.Ф. Савиных

Статья посвящена вопросам подготовки и разработке анимационных программ и мероприятий. Автор раскрывает виды анимационной деятельности, функции, конструирование анимационных программ и мероприятий. Особое внимание уделено технологическому процессу по подготовке и проведению анимационного мероприятия. Представлен анализ работы кафедры по формированию профессионального мастерства специалиста анимационной деятельности.

Ключевые слова: анимация, анимационные программы, анимационные мероприятия, технологии создания анимационных программ, формирование профессиональных навыков.

Глобальный рост туризма во всем мире, расставляет новые акценты и приоритеты в туристской деятельности и востребованности предоставляемых клиентам услуг. Все более значимый вес на рынке туристических услуг приобретает культурный туризм и одно из его направлений – анимация.

Анимация – это своеобразная услуга, преследующая цель – повышение качества обслуживания, и в то же время – это своеобразная форма рекламы, повторного привлечения гостей и их знакомых, тоже преследующая цель – продвижение туристического продукта на рынке для повышения доходности и прибыльности турбизнеса [2].

В настоящее время рынок туристских услуг пополняется большим количеством анимационных программ. По оценкам специалистов, включение анимационных программ культурно-познавательного, спортивно-туристского, развлекательного характера в содержании туристских маршрутов и поездов повышает их престижность на рынке туристских услуг.

Подготовка и разработка анимационных программ туристских маршрутов – особая сфера деятельности туристской отрасли. Функции анимационных программ: организация и руководство культурными, оздоровительными и спортивными мероприятиями, их дальнейшее распространение среди туристов. Анимационная программа дополняет и поддерживает основные туристские услуги в следующих областях: досуг в морских, железнодорожных и автобусных путешествиях; общественно-культурные мероприятия в туристских муниципалитетах (округах): карнавалы, народные гулянья, культурно-массовые праздники; анимационные программы в местах отдыха туристов: в гостиницах, на пляжах, в горах; культурно-развлекательные программы на дискотеках, в кинотеатрах, на стадионах [3].

В практике анимационного дела для целевого конструирования анимационных программ выделяют следующие функции туристской анимации: адаптационную, позволяющую перейти от повседневной обстановки к свободной, досуговой; компенсационную, освобождающую человека от физической и психической усталости повседневной жизни; стабилизирующую, создающую положительные эмоции и стимулирующую психическую стабильность; оздоровительную, направленную на восстановление и развитие физических сил человека, ослабленных в повседневной трудовой жизни; информационную, позволяющую получить новую информацию о стране, регионе, людях и т.д.; образовательную, позволяющую приобрести и закрепить в результате ярких впечатлений новые знания об окружающем мире; совершенствующую, приносящее интеллектуальное и физическое усовершенствование; рекламную, дающую возможность через анимационные программы сделать туриста носителем рекламы о стране, регионе, туркомплексе, отеле, турфирме [5].

Такое разнообразие функций туристской анимации обусловило и многообразие видов анимационной деятельности, и большую разновидность анимационных программ и мероприятий.

По видам сценарии анимационных программ подразделяются на: сценарии театрализованных программ (капустников, спектаклей, театрализованных шоу и т.п.); сценарии музыкальных программ; сценарии танцевальных программ; сценарии вербальных или информационных программ (тематических вечеров, вечеров вопросов и ответов, круглых столов, дискуссионных мероприятий и т.п.); сценарии игровых программ; сценарии комплексных мероприятий (праздников, фестивалей, карнавалов и т.п.) [1].

Технологический процесс по подготовке и проведению анимационного мероприятия можно разделить на несколько этапов. Первый этап – подготовительный, включающий в себя: анализ предлагаемого анимационного мероприятия; определение целей и задач; выбор места и времени проведения мероприятия; проектирование анимационного мероприятия с учетом возрастных, этнических и прочих особенностей потребителей данной услуги; создание или подбор сценария анимационного мероприятия; составление сметы расходов на проведение мероприятия; подбор творческих коллективов, распределение обязанностей внутри анимационной команды; техническую подготовку: закупку инвентаря, изготовление декораций, костюмов, реквизита и т.д.; установка звуковой и световой аппаратуры, других технических средств, оформление сцены, изготовление фонограмм и прочее; проведение репетиций, обучение правилам игр и прочее; проведение рекламной кампании намеченного анимационного мероприятия. Второй этап – начальный, в течение которого: туристы, гости мероприятия информируются о наличии и содержании анимационной программы для различных групп и категорий туристов; с гостями устанавливается кон-

такт, производится запись на различные анимационные программы и сбор заявок. Третий этап – содержательный, проведение анимационного мероприятия. Это ответственная работа для всех участников: необходимо соединить усилия всех задействованных аниматоров и решить поставленные задачи. Четвертый этап – заключительный, в ходе которого происходит подведение итогов: награждение участников и прощание с гостями; анализ проведенного мероприятия; анкетирование потребителей с последующим анализом; работа над усовершенствованием мероприятия.

Развитие туризма и становление его новых видов актуализирует проблему подготовки специалистов в системе профессионального туристского образования. На современном этапе развития туристской отрасли подготовка специалистов анимационной деятельности в вузах туристского профиля является важной профессионально-педагогической задачей.

Обучения студентов технологии создания анимационных программ на кафедре обеспечивают дисциплины «Анимационный сервис», «Анимация в туризме», «Организация культурно-досуговой деятельности». Для определения уровня обученности студентов созданию анимационных программ определены условия практических занятий, обеспечивающие студентам возможность разработки, реализации и оценки анимационных программ; выявлены эффективные методы и организационные формы обучения студентов технологии создания анимационных программ – организация и проведение анимационных программ для студентов ЮУрГУ и обучающихся в других муниципальных учреждениях.

Формирования основ профессионального мастерства специалиста-аниматора необходимо связывать, с одной стороны, с освоением теоретических знаний, а, с другой стороны, с овладением методами и приемами, умениями и навыками профессиональной деятельности. В ходе обучения в студенческой аудитории на кафедре, закладываются при проведении анимационных мероприятий. Это позволяет студентам получить опыт проведения анимационных программ, для дальнейшего использования в профессиональной деятельности, углубить и закрепить полученные теоретические навыки и знания. Анимационные программы, которые разрабатывают студенты, имеют свои особенности. Они направлены на сферу молодежного досуга. Досуг молодежи имеет свои особенности в силу его специфических духовных и физических потребностей и присущих ей социально психологических особенностей. К таким особенностям можно отнести повышенную эмоциональную, физическую подвижность, динамическую смену настроений, зрительную и интеллектуальную восприимчивость.

При разработке анимационных программ и мероприятий студенты учитывают: особенности проведения мероприятия; дифференцированный подход к выявлению и учету социокультурных потребностей и интересов разных групп участников. Используют накопление знаний в проведении

игр, получение практических навыки, проработанные материалы для создания конкурсов. Очень важен для студентов опыт привлечение и активизация зрителей, получаемый во время подготовки и проведения мероприятий. Отчеты с разработанным сценарием описанием реквизита и экономическими затратами, могут быть использованы при проведении подобных праздников в дальнейшей профессиональной деятельности.

Для того чтобы анимационные программы были действительно интересными, необходимо их правильно организовать, студенты получают огромный опыт при участии в проведения анимационных программ конкурсов, учатся умениям распределить работу, персонально определить обязанности, права и ответственность, устанавливать время выполнения работ, разрабатывать систему контроля за исполнением принимаемых решений, вести дела так, чтобы видеть и решать коренные вопросы в перспективе.

Важное место в анимационном мероприятии занимает игра. Анимационные игры и развлечения оживляют отдых и досуг, дают непосредственные впечатления зрителям от личного участия в игровых мероприятиях, активных соревнованиях, различных шоу и праздниках.

В затейные и анимационные формы отдыха игры входят как обязательная составная часть в любой праздник, тематический вечер, народное гуляние и т.д. В арсенале форм культурного досуга ничто не может заменить игру. Игра успокаивает, раскрепощает, снимает внутреннее напряжение, дает выход избытку сил, эмоциям. Но игра всегда должна оправдывать свое назначение, нельзя использовать ее лишь как средство увеселения, забывая о разнообразии ее функций. В практике туристских предприятий используют игры ролевые, дидактические, народные, подвижные, игры с пением, географические, литературные, интеллектуальные игры, познавательные, шуточные, музыкальные, спортивные, сюжетные, и массовые [4].

Интерес к игровой деятельности у студентов носит достаточно выраженный характер. Диапазон интересов широк и многообразен: игры на внимание, память, логическое мышление; литературные, музыкальные, математические, актерские, режиссерские, танцевальные, национальные игры. Коллективные игры создают отношения, основанные на дружбе, справедливости, взаимопомощи, ответственности перед определенной группой играющих, формируются навыки коллективной жизни.

Важнейшим фактором в подготовке студентов к анимационной деятельности является формирование профессионально важных личностных качеств, обеспечивающих успешность этого вида деятельности. Коммуникабельность, организаторские способности, компетентность в вопросах, связанных с разработкой анимационных программ, творческая фантазия, артистические способности. Умение работать с людьми и решать конфликтные ситуации, эрудиция, уверенность в себе, решительность и способность находить выход из критических ситуаций.

Интерес студентов к разработке анимационных программ, успешность в освоении специальных знаний и умений по разработке анимационных программ туристских маршрутов, отношение к оценке значимости анимационных программ в процессе их подготовки.

Анализ реализации анимационной программы помогает будущим аниматорам выявить риск срыва мероприятия: недостаточное количество гостей для проведения программных мероприятий, недостаточная активность гостей; определить причины возникновения и разработать антирисковые меры: разработка вариантов проведения мероприятий для разного количественного состава аудитории участников, усиление целенаправленной рекламной деятельности по привлечению гостей, активное налаживание.

К анимационным мероприятиям на кафедре сформулированы основные требования к построению программ. В качестве базовых требований можно определить следующие: программами должны быть охвачены все способы досуга; реализация мероприятия должна превзойти ожидания гостей, мероприятия должны обеспечить обучающую, расслабляющую, приятную обстановку. Ежегодно программы должны изменяться для удовлетворения растущего желания и ожидания студентов, особенно завсегдатаев, так в 2012–2013 учебном году подготовлены и проведены новые анимационные мероприятия «День Челябинского метеорита», «День рождения домового», «Ирландское нашествие», «Фестиваль рекламы» и др. Соблюдается баланс между стандартными (общими) мероприятиями и эксклюзивными элементами. В текущем учебном году проведено 18 анимационных мероприятий. Спортивно-развлекательные программы на выездных практических занятиях. Традиционные мероприятия: поздравление с днем учителя, вечер туристкой песни «Вместе у костра», «Масленица». Зрелищно-развлекательные анимационные программы к календарным праздникам, тематическим дням. Культурно-познавательные анимационные программы и интеллектуальные игры «Что? где? Когда?», «Миллион», «Проверь свою интуицию». Все мероприятия содержат сюрприз, интригу, предлагают одновременно 2–3 номера или игры, (резервные); ненавязчивы, а завлекательны («Халява, ловись!» или «Обними меня»).

Библиографический список

1. Гальперина, Т.И. Режиссура культурно-досуговых программ в работе менеджера туристкой анимации / Т.И. Гальперина. – М.: Советский спорт, 2006. – 168 с.
2. Гаранин, Н.И. Менеджмент туристской и гостиничной анимации: Учебное пособие / Н.И. Гаранин, И.И. Булыгина. – М.: Советский спорт, 2006. – 128 с.

3. Курило, Л.В. Теория и практика анимации: Теоретические основы туристской анимации: Учебное пособие/ Л.В. Курило; Российская международная академия туризма. – М.: Советский спорт, 2006. – 195 с.

4. Третьякова, Т.Н. Анимационная деятельность. Учебное пособие для студентов туристских специальностей / Т.Н. Третьякова. – Челябинск: ФГОУ ВПО Урал ГУФК, 2007. – 604 с.

5. Приезжева, Е.М. Анимационный менеджмент / Е.М. Приезжева. – М.: Советский спорт, 2007. – 357 с.

[К содержанию](#)

УДК 793.38.071 + 612.21

ИЗУЧЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФУНКЦИИ ВНЕШНЕГО ДЫХАНИЯ СПОРТСМЕНОВ 16–18 ЛЕТ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СПОРТИВНЫМИ БАЛЬНЫМИ ТАНЦАМИ

Л.В. Смирнова, А.В. Ненашева, Е.Н. Сумак, И.В. Изаровская

В статье представлены исследования объемных, объемно-временных и объемно-скоростных характеристик танцоров 16–18 лет, в состоянии относительного покоя и сразу после пробы с физической нагрузкой для оценки динамики изменения показателей. Показатели танцоров сравнивали с результатами группы контроля с учетом пола испытуемых, также проведено сравнение результатов у лиц различного пола.

Ключевые слова: спортивные бальные танцы, функция внешнего дыхания.

Введение. Спортивные бальные танцы являются новым и активно развивающимся олимпийским видом спорта, официально признанным с 1995 года. Проводятся международные соревнования по различным программам, существуют национальные программы, ведется подготовка юных спортсменов в спортивных школах и танцевальных клубах.

В специальных работах, посвященных спортивным бальным танцам, рассматриваются в основном методические аспекты организации тренировочного процесса танцоров [10, 7, 14]. Немногочисленные публикации, освещающие особенности адаптационных процессов при занятиях бальными танцами, свидетельствуют о значительном напряжении в деятельности систем организма танцоров и родственных им видов деятельности (артисты балета), в том числе опорно-двигательного аппарата, вегетативной нервной и сердечно-сосудистой системы [13, 4, 8].

По данным литературы [16, 13] лица, занимающиеся бальными танцами, преследуют в первую очередь цель научиться модно танцевать, улучшить фигуру и только для 4 % существует потребность достижения высших спортивных результатов. В то же время, отсутствуют работы по физиологическому обоснованию дозирования физических нагрузок различной направленности на этапах учебно-тренировочного процесса в бальных танцах, обеспечивающих не только достижение высших спортивных результатов, но и рекреационный характер занятий, а также по использованию средств и методов профилактики нарушений опорно-двигательного аппарата и связанных с ними отклонений. Практически не изучено влияние занятий спортивными бальными танцами на систему внешнего дыхания, не разработаны критерии оценки влияния специфики нагрузок на различные системы организма, позволяющие дать адекватную оценку физиологической цены адаптации к нагрузкам в спортивных бальных танцах. Высокие достижения в современном спорте невозможны без объективного контроля функционального состояния организма спортсмена, без учета физиологических закономерностей и механизмов управления двигательными действиями [3].

Организация и методы исследования. В исследованиях принимали участие юноши и девушки 16–18 лет, занимающиеся спортивными бальными танцами 5 лет и более. Все спортсмены имеют допуск врача к тренировкам, не имеют хронических заболеваний, систематически 2 раза в год проходят медицинский осмотр в Копейском городском врачебно-физкультурном диспансере в объеме врачебно-контрольной карты физкультурника, форма № 227. Танцоры составили основную группу (n=18). Группу контроля составили учащиеся XI классов обоего пола МОУ СОШ № 48 г. Копейска и студенты I курса факультета сервиса и легкой промышленности аналогичного возраста (юноши и девушки, по 30 человек), отнесенные к основной группе для занятий физической культурой, не занимающиеся в спортивных секциях.

В основной и контрольной группах проведен комплекс исследований, включавших оценку физической работоспособности, функционального состояния вегетативной нервной системы, дыхательной и сердечно-сосудистой системы.

Изучение объемных, скоростных и объемно-скоростных показателей проведено с помощью аппарата «ЭТОН». Аппарат позволяет измерять, вычислять, регистрировать и анализировать основные спирометрические показатели дыхания с выводом результатов исследования на дисплей и принтер в виде таблицы значений параметров, графика кривой форсированного выдоха-вдоха в координатах «поток-объем» и функционального заключения, сформированного после математической обработки физиологической информации на базе персонального компьютера.

Результаты исследования. При оценке функционального состояния системы внешнего дыхания проведены исследования объемных, объемно-

временных и объемно-скоростных характеристик в состоянии относительного покоя и сразу после пробы с физической нагрузкой для оценки динамики изменения показателей. Показатели танцоров сравнивали с результатами группы контроля с учетом пола испытуемых, также проведено сравнение результатов у лиц различного пола.

При анализе результатов исследования статических объемных характеристик системы дыхания выявлено, что между показателями лиц одного пола основной и контрольной группы нет достоверных различий (табл. 1). Абсолютные значения ряда показателей юношей выше, чем у девушек (ЖЕЛ вдоха и выдоха, емкость вдоха, дыхательный объем и связанный с ним минутный объем дыхания, $p < 0,05-0,01$). Данные показатели находились в границах возрастно-половых нормативов [5]. Относительные показатели – процент ЖЕЛ вдоха и выдоха от должных – у лиц мужского и женского пола не имели достоверных различий, их величины, составляющие выше 90 % от должного, находятся в пределах нормы [6, 12].

При сравнении показателей частоты дыхания юных танцоры и лиц группы контроля обоего пола достоверные различия отсутствуют. Нами не выявлено снижения ЧД, что в литературе рассматривается как проявление экономизации деятельности системы дыхания в состоянии покоя и свойственно для спортсменов с преобладанием нагрузок, развивающих качество выносливости [17, 11].

У юношей по сравнению с девушками, судя по величинам МВЛ, значительно выше резервы дыхания ($p < 0,001$ в основной группе и $p < 0,01$ в контрольной группе), их среднегрупповые значения соответствуют модельным возрастным характеристикам [17, 11].

Таблица 1

Результаты исследования объемных характеристик системы дыхания лиц основной и контрольной группы ($M \pm m$)

Показатель	Юноши		Девушки	
	Осн.гр.	Контр.гр.	Осн.гр.	Контр.гр.
Индекс состояния, ед.	2,94±0,24	3,16±0,28	3,08±0,25	3,87±0,31
ЖЕЛ вд., л	3,97±0,22	4,42±0,19	3,01±0,25**	3,10±0,21**
ЖЕЛ/ДЖЕЛ вд., %	93,75±3,40	95,16±3,25	96,65±3,87	95,43±3,14
ЖЕЛ выд., л	4,21±0,25	4,17±0,24	3,29±0,31*	3,23±0,29*
ЖИ	68,12±1,71	65,22±1,80	67,83±1,65	62,22±1,88
ЖЕЛ/ДЖЕЛ выд., %	96,77±2,72	95,83±2,86	99,07±3,22	96,85±2,79
ЧД/мин.	17,29±1,79	17,15±1,75	17,84±1,63	17,92±1,81
ДО, л	0,67±0,07	0,65±0,07	0,37±0,06**	0,38±0,06**
МОД, л	10,84±1,11	11,07±0,80	6,32±1,02**	6,71±0,79**
РО вд., л	2,06±0,19	1,92±0,17	1,56±0,21	1,54±0,15
РО выд., л	1,56±0,20	1,58±0,19	1,38±0,15	1,36±0,19
Емкость вд., л	2,68±0,19	2,64±0,19	1,84±0,16**	1,79±0,18**
МВЛ, л/мин.	128,15±5,95	115,85±7,03	92,27±5,20***	86,53±5,88**

В целом, резервы дыхания юных танцоров не превышают уровень здоровых сверстников, не занимающихся спортом и ниже, чем у спортсменов, развивающих качество выносливости, при сравнении с данными, приводимыми Г.А. Макаровой [11]. Е.В. Соколов с соавт. [15] также считают, что занятия циклическими видами физических упражнений позволяют увеличить резервные возможности дыхательной системы.

Жизненный индекс (ЖЕЛ/масса тела) – одна из интегральных характеристик уровня функциональных возможностей человека, отражающая степень соответствия объемных показателей системы внешнего дыхания запросам кислородного обеспечения мышц – в группе юношей-танцоров соответствовал уровню выше среднего, а в группе контроля – среднему уровню [1]. В процентном отношении в основной группе выше среднего уровень этого показателя был у 6 человек (33 %), ниже среднего – у 2 человек (11 %), в контрольной – соответственно у 15 % и 20 % обследованных нами лиц. У девушек основной и контрольной групп величина ЖИ выше среднего. В процентном отношении у них меньше процент лиц с уровнем показателя выше среднего (в основной группе 3 человека – 16,6 %, в контрольной 4 человека, 20 %) и больше с уровнем ниже среднего (соответственно 30 % и 35 %).

При изучении абсолютных значений показателей форсированного выдоха и вдоха различий между лицами одного пола основной и контрольной группы достоверных различий не выявлено (табл. 2).

Таблица 2

Показатели форсированного выдоха и вдоха лиц основной и контрольной группы (в числителе $M \pm m$, в знаменателе % к должному)

Показатель	Юноши		Девушки	
	Осн. гр.	Контр. гр.	Осн. гр.	Контр. гр.
ФЖЕЛ выд., л	4,17±0,21 101,49±2,64	4,49±0,23 97,97±2,69	3,44±0,27* 99,08±3,03	3,33±0,29** 96,83±3,17
Объем форсир. выдоха, л	3,88±0,27 92,36±2,48	4,00±0,27 98,50±2,24	3,02±0,31* 95,68±3,12	3,09±0,25* 96,06±3,40
ОФВ ₁ /ЖЕЛ (инд. Тиффно), %	92,72±2,60 94,71±2,13	95,32±2,24 94,77±2,62	91,70±2,60 93,31±2,52	94,61±2,24 98,47±3,03
ОФВ ₁ /ФЖЕЛ (инд. Генслера), %	93,44±2,41 93,68±2,07	89,15±1,66 91,00±2,01	90,44±2,41 91,68±2,29	92,15±1,66 94,82±2,17
ПОС вд., л/с	4,59±0,47 80,40±8,26	4,62±0,54 79,74±8,06	3,73±0,47 88,23±8,30	3,71±0,58 85,47±7,15
ПОС выд., л/с	5,88±0,56 78,56±5,67	6,69±0,34 83,61±5,15	4,97±0,48 82,74±6,21	5,40±0,53 86,47±5,29
Тпос, с	0,19±0,02	0,17±0,01	0,21±0,02	0,22±0,02
ФЖЕЛ вд., л	4,03±0,23 99,28±5,66	4,36±0,20 95,03±2,61	3,10±0,30* 102,05±6,05	3,04±0,27** 96,72±3,04

Примечание: ПОС – пиковая объемная скорость; * – показатель достоверности межгрупповых различий показателей юношей и девушек при $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$.

Относительные величины ФЖЕЛ и индекса Тиффно (в процентах от должного) находились в границах нормы, ПОС у юношей – танцоров на уровне условной нормы (84,3–74,2 %), у девушек основной группы – на нижней границе нормы, соответствующей величине 82,8 %.

Параметры, отражающие скоростно-объемные характеристики биомеханики дыхания танцоров и лиц контрольной группы, представлены в таблице 3.

Таблица 3

Показатели кривой «поток-объем» лиц основной и контрольной группы
(в числителе $M \pm m$, в знаменателе % к должному)

Показатель	Юноши		Девушки	
	Осн. гр.	Контр. гр.	Осн. гр.	Контр. гр.
МОС 50% вдоха, л/с	5,80±0,37	6,37±0,36	4,18±0,34**	4,02±0,34***
	85,14±3,24	87,03±2,72	96,08±3,03*	93,91±3,20
МОС 50% выдоха, л/с	4,56±0,33	5,01±0,34	3,92±0,31	3,89±0,35*
	88,44±5,41	92,88±3,08	95,68±3,12	95,06±3,40
МОС 75% выдоха, л/с	2,91±0,27	3,13±0,27	2,23±0,20	2,22±0,23
	89,49±8,40	94,83±9,11	93,31±2,82	94,47±3,03
МОС 50% выд. / ЖЕЛ выд., %	106,18±8,11	112,58±4,09	118,79±8,97	120,08±9,52
	85,27±7,03	87,41±5,70	96,69±8,00	97,31±8,58
МОС 50% выд./ ФЖЕЛ выд., %	109,24±9,72	111,99±9,33	111,81±9,98	115,71±10,08
	80,35±7,91	94,00±8,16	90,87±8,79	92,93±8,11
СОС от 25 до 75% ФЖЕЛ, л/с	4,33±0,35	4,73±0,27	4,08±0,41	4,11±0,42
	88,12±6,53	99,60±6,26	89,81±7,13	90,30±8,10
СОС от 75 до 85% ФЖЕЛ, л/с	2,29±0,23	2,57±0,25	1,74±0,19	1,82±0,20
	93,98±8,24	100,16±12,05	96,54±8,12	97,07±8,84
СОС за 1 с. начиная с 0,2с форсир. выд.	6,17±0,51	6,71±0,32	5,13±0,47	5,01±0,51
	71,70±7,67	75,07±2,05	80,92±6,05	80,72±3,04

Примечание: СОС – средняя объемная скорость, МОС – максимальная объемная скорость

Межгрупповых различий изучаемых показателей не выявлено. Абсолютные величины МОС 50 % вдоха и выдоха выше у юношей основной и контрольной групп, относительные цифры (отношение к должным) несколько выше у девушек. Показатели МОС 50 % и 75 % выдоха, СОС 25–75 % ФЖЕЛ находятся в границах нормы во всех изучаемых группах.

Проведенный анализ результатов изучения деятельности системы дыхания в состоянии относительного покоя позволяет заключить, что показатели юных танцоров не отличаются от здоровых сверстников, но по сравнению с данными авторов, изучавших показатели спортсменов, имеющих аэробную направленность физических нагрузок [17, 11], у них ниже резервы дыхания (МВЛ), не было выявлено экономизации деятельности (по показателю ЧДД). Скоростные характеристики биомеханики дыхания находятся на нижней границе нормы или соответствуют условной норме, но в то же время, они ниже, чем у спортсменов других видов спорта с ациклическими нагрузками, например, игровых видов спорта [2].

Функциональные возможности системы дыхания юных танцоров нами изучены путем исследования показателей после проведения пробы с физической нагрузкой (бег на месте в темпе 180 шагов в минуту 5 минут). По данным литературы, хороший уровень функционального состояния респираторной системы сопровождается улучшением таких показателей, как дыхательный объем и ЖЕЛ, МВЛ [11, 12]. При оценке результатов функции внешнего дыхания после пробы в основной группе (танцоры) как у юношей, так и девушек, выявлены лица с незначительным улучшением (61 % и 44,5 %) и незначительным ухудшением объемных показателей системы дыхания (39 % и 55,5 %) – дыхательного объема, ЖЕЛ, МВЛ (в пределах 10–15 %) (табл. 4).

Таблица 4

Результаты исследования объемных характеристик системы дыхания лиц основной и контрольной группы после физической нагрузки ($M \pm m$)

Показатель	Юноши		Девушки	
	Осн. гр.	Контр. гр.	Осн. гр.	Контр. гр.
Индекс состояния, ед.	2,96±0,28	2,98±0,32	3,11±0,28	3,79±0,35
разн. с исходн.	0,02	-0,18	0,03	-0,08
ЖЕЛ вд., л	4,03±0,31	4,37±0,36	3,05±0,27**	3,00±0,35**
разн. с исходн.	0,06	-0,05	0,04	-0,10
ЖЕЛ выд., л	4,27±0,33	4,11±0,33	3,21±0,36*	3,16±0,34*
разн. с исходн.	0,06	-0,16	-0,18	-0,07
ЧД/мин.	18,07±1,33	18,84±1,29	19,25±1,48	19,70±1,52
разн. с исходн.	0,80	1,70	1,48	1,81
ДО, л	0,69±0,09	0,61±0,11	0,34±0,09*	0,33±0,10*
разн. с исходн.	0,02	-0,04	-0,03	-0,05
МОД, л	12,49±1,07	11,56±1,11	6,59±1,14**	6,53±1,05**
разн. с исходн.	1,53	0,54	0,27	0,18
РО вд., л	2,10±0,22	1,92±0,25	1,55±0,23	1,51±0,25
разн. с исходн.	0,04	0	-0,01	-0,03
РО выд., л	1,60±0,23	1,59±0,22	1,37±0,19	1,33±0,24
разн. с исходн.	0,04	0,01	-0,01	-0,03
Емкость вд., л	2,78±0,20	2,66±0,26	1,83±0,26*	1,75±0,25*
разн. с исходн.	0,10	0,02	-0,01	-0,04
МВЛ, л/мин	132,22±8,78	119,59±10,97	91,68±7,13**	81,11±8,30*
разн. с исходн.	4,07	3,74	-0,59	5,42

Как и при первоначальном исследовании, сохранялись достоверные различия между абсолютными значениями показателей ЖЕЛ вдоха и выдоха, дыхательного объема, емкости вдоха, МОД и МВЛ у юношей и девушек обеих групп. Существенных изменений относительных величин показателей по сравнению с исследованием в состоянии покоя и достоверных межгрупповых различий не было выявлено, поэтому в таблице 4 они не представлены.

Таким образом, при анализе деятельности системы дыхания выявлено, что в состоянии покоя показатели находятся в пределах возрастно-половой нормы, проведение проб с физической нагрузкой сопровождается у 40 % юношей и 55,5 % девушек-танцоров снижением ряда объемных, объемно-временных и объемно-скоростных показателей биомеханики дыхания. Подобная динамика отражает недостаточные резервные возможности респираторной системы юных спортсменов, что, в свою очередь, может ограничивать адаптивные возможности других систем организма при возрастании физических нагрузок.

Библиографический список

1. Апанасенко, Г.Л. Медицинская валеология / Г.Л. Апансенко, Л.А. Попова. – Ростов н/Д.: «Феникс», 2000. – 248 с.
2. Ашмарин, Д.В. Динамика показателей системы дыхания юных футболистов в процессе многолетней подготовки / Д.В.Ашмарин. // Сб. научных трудов «Актуальные вопросы оздоровления, реабилитации и спортивной медицины». – Челябинск: ЧГМА, ОВФД, 2005. – С. 9–12.
3. Бредихина, Ю.П. Физиологические основы координации парных двигательных действий у спортсменов (на примере спортивных бальных танцев): ав-тореферат дис. ... канд. мед. наук: 03.03.01 / Ю.П. Бредихина. – Томск, 2013. – 23 с.
4. Бутузова, В.Б. Особенности адаптационных процессов у детей и подростков 11–15 лет, занимающихся спортивными бальными танцами: автореф. дис. ...канд. биол. наук / В.Б.Бутузова. – Тюмень, 2004. – 22 с.
5. Доскин, В.А. Морфофункциональные константы детского организма / В.А. Доскин, Х. Келлер, Н.М. Мураенко, Р.В. Тонкова-Ямпольская. – М.: Медицина, 1997. – 228 с.
6. Коваленко, А.А. Актуальные проблемы научно-методического обеспечения спортивных танцев / А.А.Коваленко // Спортивные танцы. – Бюллетень, № 1(9). – М.: РГАФК, 2000. – С. 6–7.
7. Коваленко, А.А. Программно-методическое обеспечение подготовки в спортивных танцах / А.А.Коваленко // I Всемир. Конгресс по современному общественному танцу: Мат. по проблемам современных и социальных танцев (5–7 окт. 2001 г.) – Бюллетень № 6 (22) Спортивные танцы (авг.–сент. 2001 г.). – М.: РГАФК, 2000. – С. 8–10.
8. Коннова, О.Л. Влияние функционального состояния на рост профессионального мастерства юных артистов балета / О.Л.Коннова. // Журнал Российской ассоциации по спортивной медицине и реабилитации больных и инвалидов. – 2005. – № 3. – С. 46–49.
9. Кузнецов, Е.Д. Валеобиофизические задачи творческого формирования культуры спортивных бальных танцев с позиций автиатрии высших достижений / Е.Д. Кузнецов, В.А. Тихонова // Спортивные танцы. – Бюллетень, № 1 (9). – М.: РГАФК, 2000. – С. 31–32.

10. Лисицкая, Т.С. Гимнастика и танец / Т.С. Лисицкая. – М.: Знание, 1987. – 65 с.
11. Макарова, Г.А. Практическое руководство для спортивных врачей / Г.А. Макарова. – Ростов н/Д.: «Издательство БАРО-ПРЕСС», 2002. – 800 с.
12. Михайлова, Л.А. Динамика физической подготовленности и показателей внешнего дыхания у юношей-подростков, обучающихся по специальной учебной программе / Л.А. Михайлова, С.И. Кимяева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование, здравоохранение, физическая культура». – № 21. – Вып. 31. – С. 41–45.
13. Пискунова, Л.В. Современные танцы и здоровье / Л.В. Пискунова // Спортивные танцы. – Бюллетень, № 1 (24). – М.: РГАФК, 2002. – С. 28–30.
14. Рубштейн, Н.В. О применении знания практической психологии в преподавании спортивного танца, предотвращении и решении конфликтов в парах, воспитании в спортсменах адекватного восприятия спортивной среды, конкуренции, тренировочного процесса / Н.В.Рубштейн // Спортивные танцы. – Бюллетень, № 1 (24). – М.: РГАФК, 2002. – С. 30–32.
15. Соколов, Е.В. Возрастное развитие резервных и адаптивных возможностей системы дыхания / Е.В. Соколов, Т.Д. Кузнецова, И.П. Самбурова // Физиология развития ребенка: теоретические и прикладные аспекты. – М.: «Образование от А до Я», 2000. – С. 167–185.
16. Танаев, В.П. Основные проблемы психологии танца / В.П. Танаев // Тез. докл. 2-ой науч.-практ. конф. по проблемам развития спортивных танцев. – М.: РГАФК, 1998. – С. 3–7.
17. Тихвинский, С.Б. Влияние систематических занятий спортом на систему дыхания юных спортсменов / С.Б. Тихвинский. // Детская спортивная медицина. – М.: Медицина, 1991. – С. 119–127.

[К содержанию](#)

УДК 378.037.1 + 378.172

ББК Ч510.9 + Ч448.043

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ УРОВНЯ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ 1 КУРСА ЮУРГУ

И.Р. Стовба, Н.В. Столярова

Приоритетной задачей всего общества, в том числе системы образования, является здоровье подрастающего поколения, здоровья нации. Здоровье людей – это народное достояние любого государства, главные условия развития общества. Оно позволяет человеку учиться, трудиться, заниматься спортом и жить долгие годы. Многие люди не знают, какими большими резервами физического и психического здоровья обладает организм человека и как можно сохранить, развить и использовать эти резервы, чтобы на многие годы продлить активную и счастливую жизнь.

Ключевые слова: студенты, физическая культура, физическая подготовленность, физическое развитие.

Общепринятым способом укрепления здоровья студенческой молодежи является правильно организованный процесс физического воспитания. Как показывает практика, традиционные средства и методы. Используемые на занятиях по физической культуре, не привлекают молодежь, что приводит к сокращению посещаемости занятий, снижению двигательной активности уровня мотивации и как, следствие, ухудшению состояния здоровья студентов [5].

Сложное социально-экономическое состояние в стране, несомненно, сказывается на здоровье нации. Особо кризисное положение сложилось в системе образования: к окончанию школы, относительно здоровыми являются только около 10 % школьников, к окончанию высших учебных заведений остается менее 5 % [1].

Основными причинами создавшегося положения, по мнению многих исследователей, является дефицит двигательной активности на протяжении всего периода обучения в образовательных учреждениях, обусловленный несовершенством действующих государственных программ по физическому воспитанию и недостаточным уровнем культуры здорового образа жизни всех субъектов образования [3, 4].

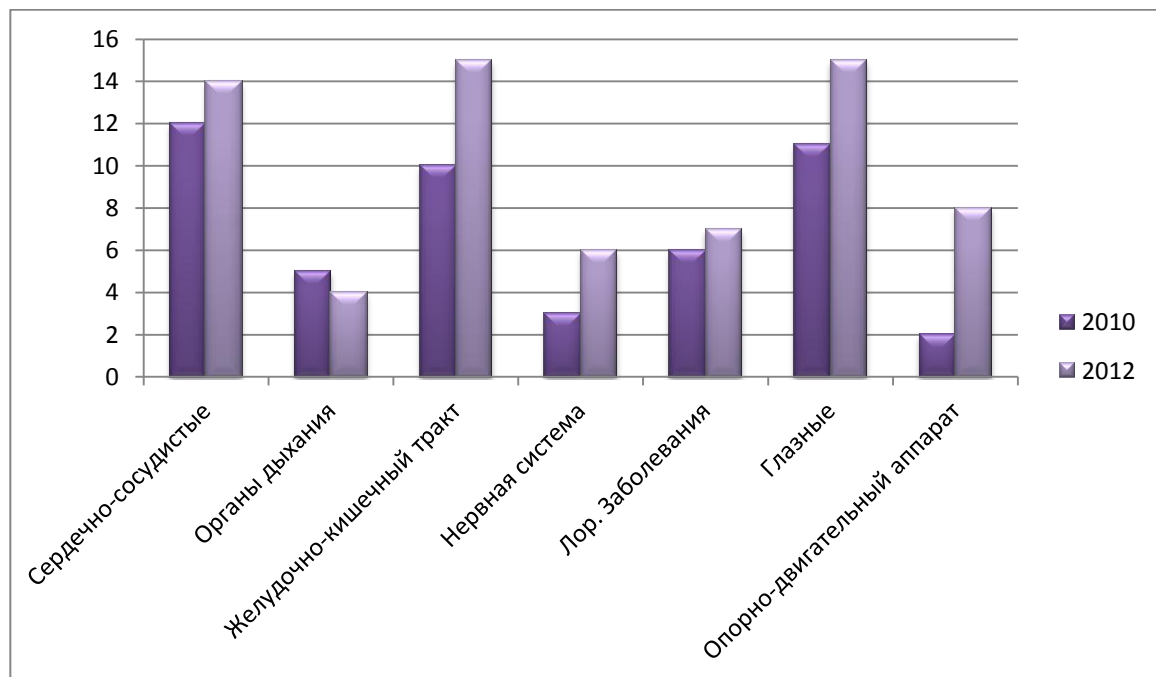
По данным медицинского обследования студентов первокурсников Международного факультета Южно-Уральского государственного университета, можно сделать вывод: наибольшие потери (60,5 % всех потерь учебного времени по болезни) наносят простудные заболевания – 82,8 дней на 100 человек в год. Из простудных заболеваний распространены острые респира-

торные заболевания и грипп. Они занимают ведущее место не только среди болезней простудного характера, но и среди всех заболеваний. Это свидетельствует о недостаточно эффективном закаливающем воздействии средств физической культуры, используемых в вузе и о целесообразности введения курса закаливания на занятиях студентов физическим воспитанием [4].

На 2 месте стоит травматизм (9,0 %). Это говорит о необходимости усиления силовой и игровой подготовки в занятиях.

На 3 месте по наносимым потерям учебного времени находятся заболевания органов пищеварения (3,4 %). Наиболее распространенными болезнями желудочно-кишечного тракта являются гастриты.

Кроме того, каждый год у первокурсников просматривается тенденция на увеличение заболеваний сердечно-сосудистой системы, лор. заболеваний, нервной системы (рис).

Сравнительная характеристика заболеваний
у студентов 1 курса 2010–2012 года поступления

С целью изучения физического развития первокурсников были проведены динамические исследования таких показателей, как масса тела, окружность грудной клетки, жизненная емкость легких, кистевая динамометрия.

Для изучения физической подготовленности были использованы тесты: подтягивание на перекладине хватом сверху (для юношей); наклоны и подъемы туловища из положения сидя с закрепленными ногами (для девушек); прыжок в длину с места; бег на сто метров и километровой дистанции (таблица). В обследовании принимали участие студенты 1 курса, поступившие в университет 2010–2012 гг., в возрасте 16–17 лет, занимающиеся физическими упражнениями на учебных занятиях по физическому воспитанию в вузе (4 часа в неделю).

Показатели физического развития и физической подготовленности студентов-первокурсников 2010–2012 гг. поступления

Таблица

Пол	Медицинская группа	Количество обследуемых	Масса тела (кг)	Показатели физического развития				Показатели физической подготовленности																
				Пауза (см)	Гл. вдох (см)	Гл. выдох (см)	Экскурс (см)	ЖЕЛ, МЛ	Динамометрия Правая (раз)	Левая (раз)	Подтягивание (раз)	Наклоны туловища (раз)	Прыжок с места (см)	100м	1000м									
2010 год																								
юноши	основная		23	68,5	88,4	94,0	87,9	6,1	4489,3	53,0	52,0	14,3	–	244,5	14,0	3,10								
		подготовит.	7	66,7	87,4	91,3	86,1	5,2	4288,7	45,1	41,0	12,1	–	239,1	16,0	4,00								
девушки	основная		15	57,6	82,2	86,5	80,9	5,6	3286,9	38,8	37,9	–	36,1	177,6	17,0	3,38								
		подготовит.	5	59,2	82,3	86,1	81,4	4,7	2812,8	32,0	29,6	–	33,6	172,7	19,0	5,00								
2012 год																								
юноши	основная		20	70,4	89,3	93,5	88,1	5,4	4420,0	51,1	49,0	10,5	–	234,3	14,6	3,15								
		подготовит.	10	68,3	87,5	90,7	86,6	4,1	4230,1	43,3	39,5	9,4	–	231,9	15,8	4,06								
девушки	основная		14	58,6	82,1	85,4	81,0	4,4	3200,5	36,7	35,7	–	25,9	172,4	17,3	4,00								
		подготовит.	6	61,4	82,4	85,6	81,4	4,2	2723,0	29,9	28,7	–	23,8	169,2	18,0	5,10								

В число обследованных входили студенты из основной и подготовительной групп. Все исследования проводились по общепринятым методикам, а по времени они приходились на начало 1 семестра (сентябрь–октябрь).

Во всех обследованных группах первокурсников, поступивших в 2012 году, увеличиваются средние показатели массы тела на 1,5 %, уменьшение экскурсии грудной клетки на 2 %, снижение жизненной емкости легких, незначительное уменьшение кистевой динамометрии на 2,3 %

При оценке физической подготовленности, было установлено, что первокурсники 2010 года имели повышенные показатели в подтягивании на перекладине (у юношей), большее количество наклонов и подъемов (у девушек), увеличение результатов в прыжках в длину с места. Показатели результатов в беге на 100 м и 1000 м были примерно одинаковыми.

Таким образом, исследования показали, что с каждым годом количество поступающих абсолютно здоровых студентов составляет 50 %. Заметна тенденция к повышению сложности заболеваний, наличию у одного студента нескольких заболеваний, что в свою очередь ведет к снижению уровня физического развития, а это отражается на физической подготовленности студентов. Поэтому в связи с этим можно отметить, что для сохранения здоровья студентов необходимо существенно улучшить не только работу лечебных учреждений, но и качество проведения занятий у студентов. Необходимо основные усилия направить на формирование профессионально-физкультурных знаний, на обучение повседневным нормам здорового образа жизни. Лекционный материал необходимо подкреплять практическими занятиями различными видами спорта – легкой атлетикой, волейболом, баскетболом, бадминтоном, аэробикой, общеразвивающими упражнениями.

Задача сохранения и укрепления здоровья подрастающего поколения имеет большую социально-медицинскую и общественную значимость. Снижение уровня жизни людей, ухудшение психического и физического здоровья, увеличение хронических заболеваний делают вопрос жизни и здоровья подростков сегодня одним из наиболее актуальных.

Библиографический список

1. Бальсевич, В.К. Физическая культура для всех и для каждого / В.К. Бальсевич. – М.: ФиС, 2007. – 223 с.
2. Виноградов, П.А. Физическая культура и здоровый образ жизни / П.А. Виноградов. – М., 1990.
3. Виленский, М.Я. Здоровьесберегающие технологии в обеспечении качества образования студенческой молодежи / М.Я. Виленский // Педагогическое образование и наука. – 2003. – № 3 – С. 22.
4. Лубышева, Л.И. Социология физической культуры и спорта / Л.И. Лубышева. – М.: Академия, 2004.
5. Татарникова, Л.Г. Педагогическая валеология: Генезис тенденции развития: дис. ... д-ра пед наук / Л.Г. Татарникова. – СПб.

[К содержанию](#)

УДК 616.711 + 611.711

ББК Ч510.9

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СКАНИРОВАНИЯ ПОЗВОНОЧНИКА СТУДЕНТОВ ТАТАРО-БАШКИРСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Н.В. Столярова, И.Р. Стомба

Комплекс «Сканер позвоночника» использует контактные методы оценки формы и пространственной ориентации позвоночника, основан на регистрации трехмерных координат анато-мических ориентиров. Рассмотрено пространственное положения позвоночника, тазового, плечевого пояса и нижних конечностей студентов.

Ключевые слова: сканирование позвоночника, хорда, проекции, углы наклона, прогибы, трехмерное изображение.

Исследование проводилось на компьютерном комплексе «Сканер-МБН», который предназначен для регистрации пространственного положения позвоночника, тазового, плечевого пояса и нижних конечностей. Все точки на поверхности кожи, соответствующие анатомическим ориентирам (задние и передние верхние подвздошные ости, акромионы, наивысшая точка сочленения теменных костей черепа, остистые отростки позвонков), определяются пальпаторно до исследования и отмечаются на поверхности кожи водным маркером в нейтральном вертикальном положении студентов.

Сканирование в трехмерном изображении позволяет выявлять зоны иннервации спинно-мозговых сегментов и внутренних органов у студентов. При анализе результатов сканирования позвоночника были получены значения для девушек и юношей татаро-башкирской и русской национальностей.

В таблице представлены результаты сканирования позвоночника у студентов разных национальностей.

Анализ фронтальных линейных размеров хорды дуги шейного отдела позвоночника С1...С7, грудного С7...Th12 всех студентов не выявил достоверных различий в параметрах. Достоверные различия ($p < 0,05$) наблюдались в длине хорды поясничного отдела позвоночника Th12_L5 у девушек. У русских девушек этот показатель был больше на 6,49 мм. Достоверные различия наблюдались также у девушек во фронтальном прогибе шейного отдела позвоночника С1...С7 и в поясничном Th12_L5.

Прогиб шейного отдела у русских девушек на 0,89 мм больше, чем у татаро-башкирских ($p < 0,01$), а прогиб поясничного отдела позвоночника больше у татаро-башкирских девушек на 0,66 мм ($p < 0,05$). Прогибы во фронтальной плоскости во всех отделах позвоночника у юношей значимо не различались.

Таблица

Пространственные характеристики
взаиморасположения сегментов позвоночника у студентов

Показатели	Девушки татаро- башкиры (1)	Девушки русские (2)	Юноши татаро- башкиры (3)	Юноши русские (4)
Проекция на плоскость XZ (Фронтальная)				
Длина хорды дуги C1_C7, мм	83,33±1,53	84,87±0,02	83,71±2,64	83,73±1,56
Длина хорды дуги C7_Th12, мм	362,67±5,53	358,87±0,01	365,29±5,2	371,73±6,5
Длина хорды дуги Th12_L5, мм	77,11±3,06	83,60±0,03	94,29±2,19	87,55±3,91
Прогиб C1_C7 (фронтальный), мм	2,78±0,13	3,67±0,20	3,00±0,22	3,18±0,30
Прогиб Th12_L5 (фронтальный), мм	2,33±0,21	1,67±0,20	1,57±0,07	1,82±0,18
Прогиб C7_Th12 (фронтальный), мм	8,89±0,46	9,00±0,21	6,57±0,75	5,36±0,30
Угол надплечья-таз (фронтальный), гр	-2,56±0,41	-3,73±-0,12	-2,86±0,45	-4,45±0,48
Угол наклона грудного отдела (фронтальный), гр	-0,33±0,33	-0,60±-0,08	0,20±0,15	-0,91±0,12
Угол наклона надплечий (фронтальный), гр	-1,67±0,21	-1,33±-0,06	-0,43±0,15	-1,36±0,18
Угол наклона поясничного отдела (фронтальный), гр	0,56±0,53	1,53±0,60	1,29±0,45	1,82±0,30
Угол наклона таза (фронтальный), гр	0,67±0,61	2,20±0,46	2,14±0,37	2,82±0,36
Угол наклона шейного отдела (фронтальный), гр	1,22±0,73	0,80±-0,86	-1,43±0,90	-0,55±0,66
Угол смещения (фронтальный), гр	-0,33±0,21	-0,27±-0,13	0,14±0,07	-0,27±0,06
Проекция на плоскость XZ (Сагиттальная)				
Длина хорды дуги C1_C7, мм	85,67±2,00	88,07±0,02	85,57±2,79	85,64±1,62
Длина хорды дуги C7_Th12, мм	363,22±5,46	359,00±0,01	365,43±5,2	372,09±6,5
Длина хорды дуги Th12_L5, мм	80,00±2,73	88,60±0,03	94,86±2,19	88,55±3,79
Прогиб C1_C7 (сагиттальный), мм	35,22±1,60	36,60±0,06	40,14±2,04	39,55±2,11
Прогиб Th12_L5 (сагиттальный), мм	6,67±0,53	5,07±0,15	4,57±0,30	4,82±0,54
Прогиб C7_Th12 (сагиттальный), мм	10,44±0,86	9,13±0,24	13,29±1,28	14,00±1,26
Угол наклона грудного отдела (сагиттальный), гр	0,78±0,46	0,20±0,26	-1,29±0,30	-2,18±0,24
Угол наклона поясничного отдела (сагиттальный), гр	-14,00±1,40	-17,27±0,28	-6,00±0,52	-6,55±1,32
Угол наклона таза (сагиттальный), гр	14,0±02,66	14,20±3,21	10,14±1,51	8,45±2,17
Угол наклона шейного отдела (сагиттальный), гр	-11,44±1,40	-14,47±0,07	-9,57±1,66	-9,91±1,14
Угол смещения (сагиттальный), гр	-1,67±0,60	-2,60±0,35	-2,14±0,30	-3,00±0,24
Проекция на плоскость XY (Горизонтальная)				
Угол разворота надплечий, гр	7,44±0,73	7,33±1,01	6,71±0,60	7,00±0,66
3D пространство				
Длина хорды дуги Th12_L5, мм	80,11±2,8	88,67±0,03	95,00±2,19	88,73±3,79
Длина хорды дуги C1_C7-3D, мм	85,89±2,00	88,33±0,02	85,71±2,79	85,73±1,62
Длина хорды дуги C7_Th12, мм	363,22±5,46	359,07±0,01	365,43±5,2	372,27±6,6
Прогиб 3D C7-Th12, мм	35,89±1,60	37,60±0,06	40,71±2,04	39,73±2,17
Прогиб 3D L1-L5, мм	7,00±0,60	5,13±0,16	4,86±0,30	5,36±0,48
Прогиб 3D C2-C7, мм	10,67±0,93	9,67±0,24	13,57±1,36	14,27±1,26
Угол 3D-X, гр	91,11±0,80	90,00±0,01	87,86±0,98	89,00±0,66
Угол 3D-Y, гр	101,44±1,41	104,47±0,01	99,57±1,66	99,82±1,20
Угол L-3D-X, гр	90,00±0,60	91,33±0,01	91,14±0,52	91,64±0,36
Угол L-Th-3D-X, гр	89,89±0,26	89,80±0,01	89,29±0,15	89,91±0,12

Окончание табл.

Показатели	Девушки татаро-башкиры (1)	Девушки русские (2)	Юноши татаро-башкиры (3)	Юноши русские (4)
Угол L-Th-3D-Y, гр	87,56±0,66	86,47±0,01	86,86±0,30	86,00±0,24
Угол Th-3D-X, гр	88,89±0,40	88,67±0,01	89,43±0,22	88,27±0,18
Угол L-3D-Y, гр	104,00±1,4	107,27±0,01	96,00±0,52	96,45±1,38
Угол Th-3D-Y, гр	88,56±0,53	89,00±0,01	91,14±0,37	92,18±0,24

В угловых замерах во фронтальной плоскости XZ углы, образованные проекциями надплечий и таза достоверно ($p < 0,05$) были смещены влево у русских девушек на $1,17^\circ$ и у русских юношей на $1,59^\circ$. Угол наклона грудного отдела в плоскости XZ у татаро-башкирских девушек составлял ($-0,33^\circ \pm 0,33$), недостоверно меньше, чем у русских девушек ($-0,60^\circ \pm 0,08$). Угол наклона грудного отдела в плоскости XZ у татаро-башкирских юношей составлял $0,2 \pm 0,15$, а у русских юношей достоверно ($p < 0,01$) составил ($-0,91 \pm 0,12$) (со знаком минус, означающим, что шея наклонена влево). Угол наклона надплечий у татаро-башкирских девушек был недостоверно больше в левую сторону, чем у русских, а у русских юношей достоверно ($p < 0,05$) больше на $0,93^\circ$, чем у татаро-башкирских. Угол наклона поясничного отдела (фронтальный) был недостоверно выше у русских студентов. Достоверно отличался угол наклона таза ($p < 0,05$). У татаро-башкирских девушек он равнялся $0,67 \pm 0,61$ градуса, а у русских $2,20 \pm 0,46$ градуса. У юношей этот показатель был недостоверно больше у русских. Угол наклона шейного отдела (фронтальный) был недостоверно больше у татаро-башкирских студентов (у девушек вправо, а у юношей влево).

Анализ сагиттальных линейных размеров хорды дуги шейного отдела позвоночника C1...C7, грудного C7...Th12 всех студентов не выявил достоверных различий в параметрах. Достоверные различия ($p < 0,05$) наблюдались лишь в длине хорды поясничного отдела позвоночника Th12_L5 у девушек. У русских девушек этот показатель был больше на 8,6 мм.

Параметр «прогиб дуги» показывает расстояние между наиболее выступающей точкой дуги и ее хордой – линией, образованной проведением прямой линии от начала дуги до ее конца. Прогиб шейного отдела (сагиттальный) недостоверно был больше у русских девушек на $1,38^\circ$, а у русских юношей недостоверно меньше на $0,59^\circ$. Прогиб в грудном отделе позвоночника был недостоверно больше у татаро-башкирских девушек и русских юношей. Прогиб в поясничном отделе достоверно ($p < 0,05$) был больше у татаро-башкирских девушек $6,67 \pm 0,53$, против $5,07 \pm 0,15$ у русских. У юношей данный показатель был практически одинаковым.

Угол наклона грудного отдела (сагиттальный) был недостоверно больше назад у татаро-башкирских девушек, чем русских. Что же касается юношей, то у русских данный показатель достоверно ($p < 0,05$) был больше на $0,9^\circ$.

Угол наклона поясничного отдела позвоночника достоверно ($p < 0,05$) был больше у русских девушек на $3,27^\circ$. У юношей данный показатель был недостоверно выше у русских. Угол наклона таза у всех студентов был недостоверно назад. Угол наклона шейного отдела (сагиттальный) достоверно ($p < 0,05$) был больше вперед у русских девушек и недостоверно у русских юношей.

Из выше изложенного можно сделать вывод, что у девушек татаро-башкирской и русской национальностей намного больше достоверных различий во взаиморасположении сегментов позвоночника, чем у юношей тех же национальностей.

Библиографический список

1. Гурфинкель, В.С. Эффекты переключения в системе равновесия человека / В.С. Гурфинкель, М.А. Лебедев, Ю.С. Левик // Нейрофизиология. – 1992. – Т. 24. – № 4. – С. 462–466.
2. Скворцов, Д.В. Диагностика двигательной патологии инструментальными методами: анализ походки, стабилметрия / Д.В. Скворцов. – М., 2007. – 640 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.22+378.016:338.48

ББК Ч518.1+Ч448.02

МЕТОДОЛОГИЯ КУРСА «СЕРВИСНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ ТУРИЗМА И СЕРВИСА

Ю.А. Сыромятникова

В статье рассмотрены методологические подходы, на которых базируется содержание дисциплины «Сервисная деятельность» как компонент подготовки бакалавров туризма и сервиса

Ключевые слова: сервисная деятельность, бакалавр туризма, бакалавр сервиса, ФГОС, деятельностный подход, личностно-ориентированный подход, маркетинговый подход

Сфера сервиса – динамично развивающаяся область общественных отношений и значительная отрасль современной экономики. Мир услуг бесконечно разнообразен. С 1994 г. в перечне специальностей высшего образования Российской Федерации появились специальности группы «Сервис». В 2000 г. первые выпускники с записью в дипломе «специалист по сервису и туризму» начали свою трудовую деятельность.

Государственные образовательные стандарты по направлениям профессиональной подготовки (ГОС-2000) обозначили новые приоритеты, повороты и акценты в обучении специалистов, обусловленные изменениями общественных потребностей, особенностями современной социальной практики. В учебных планах специальностей группы «Сервис» появились новые дисциплины, среди которых особое место заняла учебная дисциплина «Сервисная деятельность» в силу новизны и значимости для подготовки специалистов сферы сервиса.

Новые ФГОС в области профессионального образования в области сервиса и туризма были утверждены приказами Министерства образования и науки РФ и стали обязательными для внедрения в образовательный процесс в 2011 г. В настоящее время вузы, обеспечивающие подготовку кадров для индустрии туризма и сервиса, разрабатывают образовательные программы подготовки бакалавров и магистров.

Согласно новым ФГОС, группу направлений подготовки «Сфера обслуживания» образуют направления: 100100 Сервис, 100400 Туризм, 100700 Торговое дело, 100800 Товароведение, 101100 Гостиничное дело.

Сервисная деятельность прописана в стандарте в качестве одного из видов профессиональной деятельности выпускника (бакалавра) в направлениях, указанных в таблице.

Методологическая база исследования сервисной деятельности включает концептуально-теоретические принципы, процедуры и методы анализа, свойственные разным предметно-дисциплинарным направлениям. Сложный, многосторонний характер сервисной деятельности обуславливает междисциплинарный характер анализа явления.

С социально-философских позиций сферу сервиса можно определить как целенаправленное социальное взаимодействие субъекта и объекта сервисной деятельности. Комплексно представляемый процесс такого взаимодействия (цели, средства, условия, содержание, результаты) есть сервис. Анализ этого взаимодействия может быть осуществлен на основе различных научных парадигм в зависимости от подхода, характера постановки проблем и способов поиска их решений [4].

Таким образом, можно утверждать, что в теоретическом плане дисциплина «Сервисная деятельность» имеет следующие методологические аспекты:

- деятельностный;
- личностно-ориентированный;
- маркетинговый.

Деятельностный подход (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.Д. Шадриков, Н.В. Кузьмина, В.А. Сластенин и др.) представляет собой методологическое направление исследования, предполагающее описание, объяснение и проектирование различных предметов, подлежащих научному рассмотрению с позиции категории деятельности. В самом общем ви-

де методологическая трактовка деятельностного подхода сводится к изучению любого социокультурного феномена как деятельностного по своей сути, с анализом его структуры и генезиса.

Таблица

Сервисная деятельность как вид профессиональной деятельности выпускника (бакалавра) согласно ФГОС

Наименование и код направления подготовки	Виды профессиональной деятельности выпускника	Задачи профессиональной деятельности выпускника
100400.62 Туризм	сервисная	обеспечение стандартов качества и норм безопасности комплексного туристского обслуживания; организация процесса обслуживания потребителей и (или) туристов; умение самостоятельно разрабатывать внутренние нормативные документы по обеспечению качества и стандартизации услуг туристской индустрии
101100.62 Гостиничное дело	сервисная	обеспечение качества обслуживания и предоставления гостиничного продукта различным категориям и группам потребителей; соблюдение стандартов, других правовых и нормативных документов деятельности гостиниц и других средств размещения; выбор оптимальных технологических процессов гостиничной деятельности в соответствии с требованиями потребителя; соблюдение персоналом гостиниц и других средств размещения кодекса профессиональной этики
100100.62 Сервис	сервисная	проведение экспертизы и (или) диагностики объектов сервиса; выбор необходимых методов и средств процесса сервиса; обобщение необходимого варианта процесса сервиса, соответствующего запросам потребителя, разработка регламента; предоставление услуги потребителю, в том числе с учетом социальной политики государства

В философии деятельность рассматривается как специфическая форма активного отношения человека к окружающему миру, подчиненная его целенаправленному изменению в интересах людей.

В качестве логической категории деятельность была впервые введена в немецкой классической философии для осмысления связей и отношений, искусственно возникающих и воспроизводящихся посредством особым образом упорядоченной человеческой активности. Такая особым образом упорядоченная активность, в которой порядок и система возникающих в ней отношений и законов не зависят от того, кто именно эту активность осуществляет, и определяется как деятельность.

В современном понимании деятельность – это «специфическая человеческая форма отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение в интересах людей; условие существования общества» [7].

В философии деятельность – это процесс, в ходе которого человек творчески преобразует природу, делая тем самым себя деятельным субъектом, а осваиваемые им явления природы – объектом своей деятельности. В своей сути деятельность – это социально преемственная активность, адресующая себя другим людям и поколениям [6].

К сущностным характеристикам феномена деятельности относятся:

- деятельность – специфически человеческая форма отношения к миру;
- деятельность характеризует всю систему субъект-субъектных и субъект-объектных отношений;
- деятельность всегда является предметной и субъектной;
- деятельность является открытой и универсальной системой, способной к неограниченному саморазвитию;
- деятельность имеет кольцевую структуру и предполагает свободное целеполагание;
- деятельность определяется не биологическими задатками, а исторически выработанными социокультурными программами [1].

Деятельность представляет собой универсальный способ удовлетворения человеческих потребностей путем активного преобразующего отношения к миру. Сервисом принято называть особый вид человеческой деятельности, который направлен на удовлетворение потребностей клиента путём оказания услуг востребованных определёнными людьми или организациями. Определяя специфику сферы сервиса, ее отличие от других сфер общественной жизни, необходимо отметить, прежде всего, то, что она удовлетворяет не один какой-то вид потребностей, а целый комплекс: и материальные, и духовные, и социально-культурные потребности как сплав тех и других [3].

Наличие в обществе человеческих потребностей, а также их трансформация определяются двумя важнейшими факторами:

- 1) необходимостью воспроизводить биоприродное начало человека – в силу действия этого фактора человеку присущи первичные потребности,

среди которых немало врожденных и неизменных по степени своей актуальности для человека. Среди первичных потребностей следует указать на потребность в сохранении безопасной среды обитания, отвечающей физическим параметрам существования человека, а также потребность в еде, питье, отдыхе, в продолжение рода и др.;

2) важностью развития социальных и духовно-культурных качеств человека – данный фактор порождает колоссальный объем вторичных, т.е. социальных и культурных потребностей, которые связаны со стремлением людей воспроизводить себя как субъектов социальных отношений и граждан, желающих познавать окружающий мир, развивать свою духовную сущность, развлекаться и т.п. По своей сущности, механизмам формирования эти потребности более гибкие, динамичные. На протяжении жизни человека они могут как интенсивно, глубоко развиваться, так и деградировать, угасать.

Процесс обслуживания потребителей содержит в себе значительный потенциал неэкономического (социального, психологического, духовного) начала, что позволяет охарактеризовать сервисную деятельность как социокультурную категорию.

Производство и потребление услуг в большинстве случаев происходит путем непосредственных контактов между обслуживающим персоналом и клиентами (заказчиками, покупателями). Но даже если контакты между ними опосредованы временем и пространством, услуги являются таковыми лишь в том случае, если их результат принимается, а не отвергается потребителями [5].

Личностно-ориентированный подход разрабатывается, прежде всего, в педагогике (Ш.А. Амонашвили, Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, В.А. Сластенин и др.) и характеризует личность как сознательный субъект, обладающий устойчивой системой индивидуальных черт. Индивид становится личностью, лишь включаясь в систему существующих общественных отношений.

Личностно-ориентированный подход опирается на следующие основные положения:

- построение деятельности участников взаимодействия на основе уважения к личности, доверия к ней, целостного взгляда на субъектов взаимодействия, концентрация внимания на развитии личности и создании ситуаций успеха;
- придание управлению процессом взаимодействия координирующего и мотивационного характера в целом;
- изменение взгляда субъектов на свою роль и место в организации взаимодействия и управлении им [1].

Труд в сфере услуг во многом имеет специфический характер: работник имеет дело, прежде всего, с человеком, его потребностями и желаниями.

Хотя услуга также осуществляет конструктивные изменения в окружающем мире, в облике человека или в его сознании, но эти изменения не приобретают столь ярко выраженного предметно-вещного характера, как в других производственных сферах.

Ситуация, в которой действуют производители и потребители услуг, невозможна без их совместных усилий. Это говорит об организации субъект-субъектного взаимодействия в сервисной деятельности.

Всевозможные виды целенаправленной активности человека принято подразделять на взаимодействия субъект-объектные и субъект-субъектные, причем первые относятся к категории деятельности, а вторые – к категории общения.

Рассмотрение деятельности как субъект-объектного взаимодействия основывается на противопоставлении целенаправленной активности субъекта и «безразличной» реактивности объекта, что и отражается в обобщенном понимании человека как субъекта деятельности. Это означает, что, исходя из своих потребностей, используя собственные возможности и создавая разнообразные вспомогательные средства, человек так или иначе преобразует объект, воздействует на него, включает в новые связи и отношения, т.е. в известном смысле его ассимилирует.

Аналогичным образом дело обстоит и в тех случаях, когда объектом деятельности человека выступает другой человек, что характерно для сервисной деятельности. Любое взаимодействие такого рода начинается по чьей-либо инициативе, причем инициатор выступает как субъект, реализующий определенные цели, не принадлежащие другому (или другим) участникам взаимодействия. Успех взаимодействия обеспечивается принятием исполнителем определенных обезличивающих правил выполнения конкретных обязанностей, а это значит, что любой человек на месте исполнителя поступает в функциональном смысле стереотипно, проявляя разнообразие поведения только в границах принятой социальной или производственной роли. При этом очевидно, что инициатор, будучи носителем цели, предстает в таком взаимодействии как субъект, а исполнитель, пусть и обладающий собственной активностью, выступает для инициатора взаимодействия только лишь как объект – средство для достижения цели.

При достаточной продолжительности и глубине деятельностно опосредствованное общение приводит к возникновению совокупного субъекта деятельности как некоторого социально-психологического единства субъектов, реализующих общую цель посредством кооперированного взаимодействия. Совокупный субъект существует до тех пор, пока продолжается совместная деятельность, задающая содержание общения, в котором формируются и воспроизводятся субъект-субъектные отношения, опосредованные взаимной деловой зависимостью.

Предоставление услуг предполагает взаимодействие покупателя с работником сферы сервиса. Полученный результат зависит от их общих дей-

ствий и от восприятия покупателя. Здесь заметное влияние оказывает человеческий фактор. Так, один и тот же человек оказывает услугу покупателям одним и тем же способом, но разные покупатели могут испытывать различные чувства по поводу удовлетворения своей потребности. С другой стороны, состояние оказывающего услугу в момент ее производства может сильно повлиять на ее качество. Важную роль в этом играет физическое и психологическое состояние, которое не может быть одинаковым каждый день. Отсюда изменчивость и колебания в качестве услуги создают значительные проблемы для руководителей и работников сферы услуг, в частности осложняют осуществление контроля и гарантий качества.

Маркетинговый подход – общепризнанное направление в создании и реализации фирмами продукции и услуг различного направления. В странах с развитой рыночной экономикой маркетинговой сфере уделяется большое внимание, поскольку неэффективная маркетинговая система предприятия может привести не только к потерянной прибыли, но и прямым убыткам. Маркетинговый подход призван ориентировать управляющую подсистему системы менеджмента при решении любых задач исключительно на потребителя.

В современном мире услуги являются важным видом экономической деятельности, оказывающий влияние на все стороны жизни общества. Степень удовлетворения потребностей населения в услугах является одним из главных индикаторов уровня и качества жизни.

Таким образом, категорию «услуга» необходимо рассматривать в непосредственной взаимосвязи с категорией «полезность», которая представляет собой субъективное удовлетворение потребителя от потребления единицы продукции.

Характеристика продукции и услуги представляет интерес с точки зрения потребителя, если он считает ее полезной. Однако в рамках действия теории полезности услуга представляет собой специфический вид продукции, который следует рассматривать в двух аспектах:

- с одной стороны, любая услуга обладает полезностью, обособленной от процесса потребления;
- с другой стороны, посетители предприятий воспринимают эти предприятия с двух точек зрения: как с точки зрения удовлетворения своих конкретных материальных потребностей, так и с точки зрения удовлетворения нематериальных потребностей.

Таким образом, услуга, как специфический вид рыночного продукта, обладающего полезным для потребителя эффектом в форме нового продукта или изменения качества существующего продукта, формируемым в процессе производительного труда. Такая трактовка позволила определить сущностные характеристики услуги, отличающие ее от других видов, создаваемых обществом продуктов:

- отношение по поводу характера и действия производительного труда; субъективная полезность; двойственность природы;

- неотделимость; неосвязаемость; совпадение оказания и потребления во времени;
- отсутствие права собственности исполнителя на результат услуги; изменчивость качества; неспособность к хранению;
- колебания спроса; нетранспортабельность; совпадение результата услуги и условий обслуживания [2].

Таким образом, исходя из данных методологических установок дисциплина «Сервисная деятельность» должна включать следующие разделы:

- сервисная деятельность как форма удовлетворения потребностей;
- место и роль сервисной деятельности в жизнедеятельности человека;
- маркетинговые основы организации обслуживания.

Указанные аспекты выявляют связи курса со смежными науками и соответствующими учебными дисциплинами.

Библиографический список

1. Яковлев, Е.В. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения / Е.В. Яковлев, Н.О. Яковлева. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2006. – 239 с.
2. Подачина, Л.И. Современные подходы к классификации и оценке услуг, влияющих на параметры качества жизни / Л.И. Подачина, Ю.Ю. Сулова // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 4. – С. 347–351.
3. Третьякова, Т.Н. Сервисная деятельность: учеб. пособие по специальности «Соц.-культур. сервис и туризм» / Т.Н. Третьякова. – М.: Академия, 2008. – 301 с.
4. Велединский, В.Г. Сервисная деятельность: учебник для вузов по направлению 230000 «Специальности сервиса» / В.Г. Велединский. – М.: КноРус, 2010. – 174 с.
5. Аванесова, Г.А. Сервисная деятельность: Историческая и современная практика, предпринимательство, менеджмент: Учеб. пособие для вузов по специальностям 230500 «Социал.-культур. сервис и туризм» и 230600 «Домоведение» / Г.А. Аванесова. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 318 с.
6. Философский словарь / А.В. Адо и др.; под ред И.Т. Фролова. – М.: Полит-издат, 1986. – 588 с.
7. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2005 [Электронный ресурс]: В 10 дисках. – М.: Кирилл и Мефодий, 2004.

[К содержанию](#)

УДК 378.041+378.026.7
ББК Ч448.028

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВУЗЕ

Н.П.Тарханова

В статье проанализирована организация самостоятельной работы студентов вуза как компонент профессиональной подготовки

Ключевые слова: самостоятельная работа студента, организация самостоятельной работы в вузе, научная организация труда студента, внеаудиторная самостоятельная работа, балльно-рейтинговая система

В концепции модернизации российского образования подчеркивается, что основой современной образовательной политики государства является социальная, адресная направленность и сбалансированность. Стратегические цели модернизации образования могут быть достигнуты только в процессе постоянного взаимодействия образовательной системы со всеми заинтересованными ведомствами, общественными организациями. Дальнейшее трудоустройство выпускников вузов зависит от уровня его профессиональной подготовки и его конкурентоспособности.

В этих условиях решающее значение приобретает воспитание лично-сти, направленное на развитие инициативы, творческого мышления на всех стадиях общеобразовательной и профессиональной подготовки, осуществление принципов трудовой деятельности, в основе которых лежит постоянное обновление знаний и освоение новых специальностей. Предприятия заинтересованы в том, чтобы в составе их персонала была велика доля работников с аналитическими способностями, склонных к преобразованиям и поиску нового в сфере своей деятельности. Таким образом, возникает необходимость в подготовке и насыщении всех звеньев производства рабочей силой с выраженными творческими возможностями.

В структуре содержания профессиональной подготовки должно быть отражено формирование и развитие творческих способностей личности в качестве «сквозного компонента», пронизывающего все ступени непрерывного образования.

Следовательно, задача высшего образования заключается в формировании творческой личности специалиста, способного к саморазвитию, самообразованию и инновационной деятельности. Решение этой задачи возможно только путем переведения студента из пассивного потребителя знаний в активного, умеющего формулировать проблему, проанализировать пути ее решения, найти оптимальный результат. В этом плане роль самостоятельной работы неопределима [5].

Понятие «самостоятельная работа» слишком многогранно, поэтому получило неоднозначную трактовку в педагогической литературе.

По мнению А.А. Леонтьева данное понятие необходимо рассматривать в контексте отношения к разным ступеням обучения, так как остро стоит вопрос о преемственности на всех этапах обучения. Принцип единой системы обучения состоит в том, чтобы каждое звено решало задачи, отвечающие конкретным целям обучения, ведущим мотивом учения и возрастными особенностями учащихся.

Исследования по проблеме самостоятельной работы в высшей школе обширны, однако авторы неоднозначно трактуют рассматриваемое понятие. Можно выделить несколько позиций авторов. Так, С.И. Архангельский трактует понятие как самостоятельный поиск необходимой информации, приобретение знаний, использование этих знаний при решении учебных, научных и профессиональных проблем. А.Г. Молибог считает, что самостоятельная работа – это деятельность, складывающаяся из таких элементов как: творческое восприятие и осмысление учебного материала в ходе лекции, подготовки к занятиям, экзаменам и зачетам, а также выполнение курсовых и дипломных работ [3].

Р.А. Низамов предполагает под самостоятельной работой разнообразные виды индивидуальной, групповой познавательной деятельности студентов на занятиях или во внеаудиторное время без непосредственного руководства, но под наблюдением преподавателя. Согласно Б.Г. Иоганзену самостоятельная работа представляет собой систему мер по воспитанию активности и самостоятельности как черт личности, по выработке умений и навыков рационально приобрести полезную информацию. Некоторые авторы (С.И. Зиновьев) ставят знак равенства между самостоятельной работой и самообразованием. Последний вариант толкования самостоятельной работы находим у И.И. Ильясова, В.Я. Лядуса. Они понимают рассматриваемый вид работы как систему организации педагогических условий, обеспечивающих управление учебной деятельностью, протекающей в отсутствие преподавателя. Выше приведенные определения и трактовки самостоятельной работы позволяют сделать вывод о том, что она (самостоятельная работа) может быть рассмотрена как вид деятельности, стимулирующий активность, самостоятельность, познавательный интерес, и как основа самообразования, толчок к дальнейшему повышению квалификации – с одной стороны. С другой стороны – как система мероприятий или педагогических условий, обеспечивающих руководство самостоятельной деятельностью студентов.

Однако данные определения не исчерпывают всего многообразного подхода к рассмотрению проблемы самостоятельной работы. Довольно интересное, на наш взгляд, освещение проблемы можно найти у П.И. Пидкасистого и М.Г. Гарунова. П.И. Пидкасистый считает, что самостоятельная ра-

бота в высшей школе является специфическим педагогическим средством организации и управления самостоятельной деятельностью в учебном процессе. С одной стороны, по мнению П.И. Пидкасистого, самостоятельная работа представляет собой учебное задание, т.е. объект деятельности студента, предлагаемый преподавателем или программированным пособием. С другой стороны – форму проявления определенного способа деятельности по выполнению соответствующего учебного задания, именно способ деятельности человека либо к получению совершенно нового, ранее ему неизвестного знания, либо к упорядочению, углублению уже имеющихся знаний. М.Г. Гарунов считает, что самостоятельная работа предполагает выполнение различных заданий учебного, производственного, исследовательского и самообразовательного характера, выступающих как средство усвоения системы профессиональных знаний, способов познавательной и профессиональной деятельности, формирование навыков и умений творческой деятельности и профессионального мастерства.

По мнению данных авторов, самостоятельной работе присущи следующие характеристики:

- формирует у обучающегося на каждом этапе его движения от незнания к знанию необходимый объем и уровень знаний, навыков и умений для решения познавательных задач;
- вырабатывает у студента психологическую установку на систематическое пополнение своих знаний и выработку умений ориентироваться в потоке научной информации;
- является важнейшим условием самоорганизации обобщающегося в овладении методами профессиональной деятельности, познания и поведения;
- является орудием педагогического руководства и управления самостоятельной познавательной и научно-производственной деятельностью обобщающегося в процессе обучения и профессионального самоопределения.

Таким образом, получается, что исследователи вкладывают разное содержание в это понятие. Мы считаем, что самостоятельную работу следует рассматривать как один из видов познавательной деятельности, направленной на подготовку студентов, и осуществляемый под управлением преподавателя.

Успешная деятельность преподавателя обеспечивается не только его квалификацией, а находится в прямой зависимости от постоянного научного и педагогического совершенствования, умения пользоваться информацией, перерабатывать ее исходя из потребностей и др.

Научная организация труда студента в самом общем виде складывается из получения достаточных сведений о возможностях выбора поля деятельности, постановки целей, распределения времени, овладения системой наиболее эффективных приемов, самоуправления, обеспечения необходимого задела на будущее и др.

Научная организация труда в вузах сводится к приведению форм и методов педагогического труда в соответствие с возросшим объемом научной информации для формирования специалиста любого профиля. Одной из основных задач научной организации педагогического труда, по мнению А.Г. Молибога, является организация и управление самостоятельной работой студентов.

Организация самостоятельной работы как компонент научной организации труда в вузе регулируется определенными принципами, а ее успешность обеспечивается некоторыми факторами, оказывающими влияние на учебный процесс. К таким принципам организации А.Г. Молибог относит следующие моменты: регламентацию всех самостоятельных заданий по объему и по времени; обеспечение условий самостоятельной работы студентов и управление этой работой. Выделяются две группы факторов: организационные и методические. Первая группа факторов включает бюджет времени, учебную литературу и учебно-лабораторную базу. В методические факторы входят планирование, обучение методам и управление самостоятельной работой студентов. Факторы, перечисленные А.Г. Молибогом, объединены в большие разноплановые группы, охватывающие самые разные стороны организации самостоятельной работы студентов [3].

Проведенный анализ психолого-педагогической литературы показал, что в большинстве своем самостоятельная работа используется лишь для решения частно-методических задач таких как углубленное изучение учебного предмета, развитие мыслительной деятельности студентов и др. При этом организация самостоятельной работы студентов не связывается с развитием самостоятельности, необходимой в дальнейшей профессиональной деятельности.

Самостоятельная работа предусматривает различные виды деятельности, как в учебное, так и во внеучебное время. При этом в последние годы в рабочих программах дисциплин явно наметилась тенденция сокращения количества аудиторных занятий и увеличению часов, отведенных на самостоятельную работу. При этом любой вид занятий, создающий условия для зарождения познавательной активности связан с самостоятельной работой. Она предполагает максимальную активность каждого обучающегося и развитие его интеллектуальных и творческих способностей. Можно выделить следующие типы самостоятельных работ:

- воспроизводящие работы по образцу, необходимые для формирования умений и навыков и их прочного закрепления;
- реконструктивно-вариативные самостоятельные работы, приводящие к осмысленному переносу знаний в типичные ситуации, создающие условия для мыслительной активности и формирующие основания для творческой активности;

– эвристические самостоятельные работы, которые формируют умения и навыки поиска ответа за пределами известного образца. Они учат отбору необходимых знаний, творческому поиску новых решений, обобщению, систематизации знаний; вырабатывают такие качества как умение найти выход из нестандартной ситуации. Это может быть самостоятельное объяснение, анализ явлений, фактов, строгое обоснование выводов с помощью аргументов или уравнений и расчетов.

– творческие работы, в ходе которых получают принципиально новые знания, закрепляют навыки самостоятельного поиска знаний, самообразования, решения проблемных задач.

Самостоятельная работа реализуется в нескольких аспектах:

1) в процессе аудиторных занятий – на лекциях, семинарских и практических занятиях;

2) в контакте с преподавателем вне рамок расписания – на консультациях по учебным вопросам, при выполнении индивидуальных заданий и т.д.;

3) в библиотеке, в общежитии, дома, на кафедре при выполнении учебных и творческих задач [8].

Внеаудиторная самостоятельная работа крайне разнообразна:

– подготовка и написание рефератов, докладов и других письменных работ;

– выполнение домашних заданий разнообразного характера. Это может быть разработка и составление различных схем, перевод текстов, подбор и изучение литературных источников, выполнение графических работ, макетов, проведение расчетов и другие виды работ;

– выполнение индивидуальных заданий, направленных на решение какой-либо проблемы. При этом задание может быть как индивидуальное, так и групповое. Например, проектирование одной услуги – поручается отдельно взятому студенту или группе студентов. На наш взгляд, коллективное решение проблемы, в данном случае проектирование услуги, позволяет получить опыт работы в коллективе;

– подготовка к участию в олимпиадах, конкурсах, конференциях и др.;

– выполнение курсовых проектов и работ;

– учебная, производственная и преддипломная практики;

– подготовка выпускной квалификационной работы.

При этом самостоятельная работа может быть разделена на:

– репродуктивную (конспектирование и изучение учебной литературы);
– познавательно-поисковую (подготовка сообщений, докладов, выступления на семинарских занятиях);

– творческую (написание статей, работа в период производственной практики).

Границы между этими видами работ достаточно размыты, а сами виды самостоятельной работы пересекаются. Следовательно, самостоятельная ра-

бота может быть как вне аудитории, так и в аудитории. Однако в большинстве случаев, рассматривая вопросы самостоятельной работы студентов, имеют в виду в основном внеаудиторную работу. На наш взгляд это не совсем верно. Организацию самостоятельной работы необходимо вести на всех этапах работы со студентом. При этом необходимо исходить из современных представлений о познавательной деятельности студентов.

Фундаментальные исследования дидактов и методистов по проблемам формирования познавательной активности, развития самостоятельности и творческого отношения обучающихся к процессу овладения знаниями убедительно доказали, что в основе организации эффективного учебного процесса должен лежать принцип активности обучающихся. При этом активность «в учении мы рассматриваем не как просто деятельное состояние школьника (студента), а как качество этой деятельности, в которой проявляется личность самого ученика с его отношением к содержанию, характеру деятельности и стремлением мобилизовать свои нравственно-волевые усилия на достижение учебно-познавательных целей... Принцип активности, по своей сути, выражает общее требование к организации процесса обучения, в котором процесс учения представляет собой самоуправляемую отражательно-преобразовательную деятельность» [10].

Как показывает педагогическая теория самостоятельное целенаправленное изучение студентами учебного материала, организуемое преподавателем на основе формирования осознанных студентами приемов и методов самоуправления и самоконтроля, следует рассматривать как ведущую форму учебной деятельности и важнейшее средство профессионального самоопределения. В связи с этим возрастает роль дидакто-методической деятельности. Преподавание сегодня заключается не только в предоставлении каждому студенту структурированной, целенаправленной и мотивированной информации, способах деятельности и областях использования знаний из данной дисциплины в предстоящей профессиональной деятельности. Важно управлять как прямо, так и косвенно самостоятельной работой студентов по овладению знаниями и умениями в соответствии с поставленными образовательными целями.

Изучение и анализ современных представлений педагогики об особенностях содержания познавательной деятельности студентов в обучении позволили сформулировать следующие основные методологические положения, на основе которых должно строиться управление самостоятельной работой.

Во-первых, знания как обобщенный и освоенный личностью фрагмент коллективного опыта, включающий информацию, способы деятельности и критерии оценок, не передаются обучающему в готовом виде, а осваиваются каждым в результате активного поэтапного, направляемого, направляемого, структурированного и целенаправленного самостоятельного познания. Следовательно, каждый преподаватель должен знать особенности и способы организации познавательной деятельности.

Во-вторых, познавательная деятельность всегда целенаправленна. Для достижения цели необходимо, чтобы личность имела опережающее представление о результатах своей деятельности, а преподаватель до начала процесса обучения должен создать систему знаний и компетенций, выбрать задачи деятельности, решать которые учится студент. Педагог в этом случае должен сформулировать цели обучения и способы проверки степени их достижения каждым учащимся.

В-третьих, тип учебной деятельности и способы ее осуществления, а именно методы преподавания и учения, определяют качество осваиваемых знаний и эффективность формирования умений и навыков. В соответствии с целями обучения преподаватель должен создать и организовать адекватное функционирование комплекса учебно-методического обеспечения, т.е. системы пособий-руководств по всем темам данной дисциплины с учетом требований ГОС ВПО, ФГОС ВПО и действующего учебного плана. При этом под адекватным функционированием понимается применение методов активизации и индивидуализации самостоятельной работы студентов.

В-четвертых, процесс овладения знаниями, т.е. изучение учебной дисциплины для каждого студента расчленяется на этапы:

- ознакомление с формулировками цели и задач курса, знакомство с системой определений, понятий данной дисциплины, значение роли дисциплины в ряду других дисциплин, составляющих основу теоретической и практической подготовки специалиста;
- изучение основ теории и методов решения типовых задач, способов учебной и профессиональной деятельности;
- изучение опыта профессиональной деятельности специалистов данного профиля в рамках данных конкретных задач и условий;
- овладение профессиональным мастерством на уровнях воспроизведения и творчества.

Следует отметить, что психолого-педагогическая сущность познавательной деятельности студентов на каждом из этих этапов неодинакова. На первом этапе доминирует процесс восприятия основных положений и осознание областей практического применения данной дисциплины, т.е. первоначальная мотивация к изучению учебного курса.

Второй этап характеризуется самостоятельным критическим осмыслением основных теоретических построений дисциплины, уяснением особенностей, рациональности и эффективности применения основ теории для решения практических задач.

Особенность третьего этапа, а он может продолжаться и после изучения предмета, например, во время учебной и производственной практик, состоит в том, что происходит проверка действенного созданного инструментария дисциплины.

Четвертый этап – самообучение и самосовершенствование может длиться всю жизнь. Очевидно, что качество обучения будет определять тот профессиональный и эмоциональный настрой студента, который может вызвать либо глубочайшее удовлетворение профессиональной деятельностью или равнодушие и пассивность [2].

Основные проблемы в организации самостоятельной работы в настоящее время можно рассматривать с различных позиций. Прежде всего, обращает на себя внимание проблема количества и объема заданий, выполняемая в ходе самостоятельного изучения. По учебным планам это половина учебного времени. Однако число контрольных мероприятий определяется преподавателем или кафедрой и очень часто работа строится по принципу «чем больше вынесено на самостоятельное изучение, тем лучше». Если такая ситуация складывается по всем дисциплинам, то проблема нехватки времени у студентов на подготовку становится очевидной. Не всегда имеет место экспертная оценка сложности задания и времени, которое необходимо для выполнения даже внутри одной дисциплины. Не всегда согласованы сроки предоставления домашних заданий по разным дисциплинам. Это приводит к неравномерности распределения самостоятельной работы во времени. Кроме того на первых курсах многие преподаватели преувеличивают роль логического начала в преподавании дисциплин и не уделяют внимания проблеме его восприятия студентами. Слабо выражены внутри и междисциплинарные связи даже при наличии программ непрерывной подготовки. Такие знания имеют низкую сохранность. Это особенно опасно для дисциплин, обеспечивающих фундаментальную подготовку.

Все эти факторы приводят к снижению качества образования. Это связано с тем, что студентов такая организация учебного процесса подталкивает к формальному отношению к выполнению работы, к списыванию. Довольно распространенным стало несамостоятельное выполнение домашних и курсовых работ (заказные работы), а также списывание на контрольных мероприятиях. Кроме всего прочего многие задания, выдаваемые студентам, не являются творческими, и их выполнение может быть осуществлено даже без понимания выполняемых операций.

Все это ставит на повестку дня вопрос о необходимости планирования самостоятельной работы. Планирование, необходимо признать, выглядит формально. Необходимо переработать программы дисциплин, где наряду с содержательной частью должны быть включены элементы, посвященные обучению приемам и методам познавательной и будущей профессиональной деятельностью. Кроме того необходимо указать конкретные виды умений, навыков и способы их достижения и оценки, а также желательно ввести в специальные планы направлений междисциплинарные курсы, например, по методологии самостоятельной деятельности – в интересах самостоятельного получения студентами новых знаний и превращения их в устойчивые умения и навыки, а следовательно повышения деятельностных характеристик выпускников.

Однако это не исчерпывает все многообразие проблем в организации самостоятельной работы.

Необходима активная самостоятельная работа, а она в свою очередь возможна только при наличии устойчивой мотивации у студентов. Среди факторов, которые способствуют активизации можно назвать следующие:

1. Полезность выполняемой работы. Практика показывает, что если студент информирован о том, для чего необходима данная работа, то отношение к выполнению меняется в лучшую сторону. Каким образом придать полезность работе? Это может быть указание на необходимость использования результатов в лекционном курсе или при выполнении лабораторного задания (семинара). Это не означает, что преподаватель просто упоминает, для чего необходима выполняемая работа. Важно психологически настроить студента, показать, каким образом она будет ему необходима, например, выполнение проектирования услуги, детали. Вторым вариантом полезности следует считать подготовку задания на дипломное проектирование задолго до защиты выпускной квалификационной работы, чтобы студент на младших курсах при изучении дисциплин естественнонаучного, гуманитарного и других циклов, выполнял задания, которые могут в последующем войти в его выпускную работу.

2. Участие студентов в творческой деятельности. Это может быть участие в научно-исследовательской работе кафедры.

3. Использование методов интенсивной педагогики. Это предполагает внедрение активных методов обучения, допустим игрового тренинга, в основе которого лежат инновационные и организационно-деятельностные игры. Такая форма позволяет осуществить переход от односторонних знаний к многосторонним, моделировать ситуацию (объект) с выделением ведущих противоречий. Это в свою очередь позволяет не просто приобрести навык принятия решения, а дает возможность использовать полученный навык в различных ситуациях, а не только сходных. Такой подход возможен при использовании в учебном процессе деловых или ситуационных форм занятий. Естественно все занятия невозможно проводить только в такой форме. Их, на наш взгляд, не должно быть более 20–25 %. В противном случае студенты, если такая форма практикуется всеми преподавателями, перестанут показывать интерес к проблеме, рассматриваемой на занятии. И, безусловно, обязателен мотивирующий контроль знаний. В этом процессе немаловажную роль играет наличие активных методов контроля над самостоятельной работой [4, 7].

Существуют следующие виды контроля:

- входной контроль знаний и умений студентов при начале изучения очередной темы, дисциплины;
- текущий контроль, предполагающий регулярное отслеживание уровня усвоения материала на лекциях, практических занятиях;
- промежуточный контроль по окончании изучения раздела или модуля курса;

- самоконтроль, осуществляемый студентом в процессе изучения дисциплины при подготовке к контрольным мероприятиям;
- итоговый контроль по дисциплине в виде зачета или экзамена;
- контроль остаточных знаний и умений спустя определенное время после завершения изучения дисциплины [6].

В последние годы наряду с традиционными формами контроля – зачетами, экзаменами широко внедряются новые методы [9]. В этом случае контроль может быть организован в виде рейтинга, тестов и нестандартных экзаменационных процедур. Следует особо отметить рейтинговую систему контроля. Ее использование позволяет добиться более ритмичной работы студента в течение семестра, а также активизирует познавательную деятельность путем стимулирования творческой активности. Не всегда применение такой системы принимается как студентами, так и преподавателями. Для первых это означает увеличение нагрузки за счет дополнительной работы по структурированию содержания дисциплин, разработке заданий разного уровня сложности и т.д. В условиях высокой загруженности преподавателя в учебном процессе большая методическая работа может быть выполнена формально а, следовательно, и снизится качество подготовки специалиста. Встает на повестку дня и вопрос о поощрении лучших преподавателей (подготовивших большое количество качественных методических рекомендаций). В то же время такая работа позволяет преподавателю раскрыть свои педагогические возможности и будет способствовать совершенствованию учебного процесса. В некоторых случаях для организации процесса на данных условиях требуются жесткие административные меры воздействия.

Непонимание рейтинговой системы с точки зрения студента также объяснимо. В этом случае от студента требуется регулярное посещение занятий, работа с дополнительной литературой, что особенно актуально на старших курсах, когда посещаемость резко падает. Использование балльно-рейтинговой системы является сильным фактором мотивации студента. В данной системе возможно использование премиальных баллов за сданную раньше срока работу и наоборот, уменьшение баллов при сдаче работы после указанного срока, а также проставление оценки без процедуры экзамена или зачета по результатам текущих итогов балльно-рейтинговой системы. В то же время сама балльно-рейтинговая система – это дополнительный сложный вопрос. Сколько баллов необходимо получить для оценки неудовлетворительно, удовлетворительно, хорошо и отлично, общее количество баллов по предмету и ранжирование по отдельным видам работ. Вот не полный перечень вопросов, которые возникают при разработке данной проблемы.

Активизации контроля способствует и использование тестового контроля знаний и умений студентов. Он отличается объективностью, экономит время преподавателя и в значительной степени освобождает от рутинной работы, позволяя сосредоточиться на творчестве. Кроме того такой контроль обладает высокой степенью дифференциации испытуемых по уровню зна-

ний и умений и очень эффективен при реализации вышеупомянутых рейтинговых систем. Это в свою очередь приводит к индивидуализации процесса обучения путем подбора индивидуальных заданий для семинарских, практических занятий, индивидуальной и самостоятельной работы, а также позволяет прогнозировать темпы и результативность обучения каждого студента.

Тестирование помогает преподавателю выявить структуру знаний студента и на этой основе переоценить методические подходы обучения по дисциплине, индивидуализировать процесс обучения. Эффективно использование тестов и при самостоятельной работе. В этом случае студент сам проверяет свои знания. Не ответив на тестовое задание, студент получает подсказку, разъясняющую логику задания и выполняет его второй раз. Кроме того, не выполнив задание студент понимает, что по данной теме, разделу, дисциплине знания его недостаточны для последующего обучения, решения задач и т.д.

Следует активнее вовлекать в учебный процесс автоматизированные обучающие и обучающе – контролируемые системы, которые позволяют студенту самостоятельно изучать ту или иную дисциплину и одновременно контролировать уровень усвоения материала.

Рассмотренные варианты проведения контроля должны использоваться с учетом курса обучения студентов, уровня их подготовленности, например при работе с автоматизированными системами и, конечно же, от преподавателя.

В виду неоднородности студенческой группы, с которой работает преподаватель, необходимо разрабатывать индивидуальные задания, выполняемые как в аудитории, так и вне. Здесь очень важна работа преподавателя, как творческой личности. Он должен помочь каждому студенту проявить свой потенциал.

Не лишним будет и участие в олимпиадах по дисциплинам, всевозможных конкурсах научно-исследовательских работ.

Таким образом, активная познавательная деятельность студентов должна стать настоятельной потребностью обучения, что позволит подготовить кадры, востребованные на рынке труда.

Библиографический список

1. Бордовская, Н.В. Педагогика / Н.В. Бордовская, А.А. Рейн. – СПб.: Изд-во Нева, 2001. – 83 с.
2. Громкова, М.Т. Психология и педагогика профессиональной деятельности / М.Т. Громкова. – М.: Высшая школа, 2004. – 160 с.
3. Молибог, А.Г. Вопросы научной организации педагогического труда в высшей школе / А.Г. Молибог. – Минск: Высшая школа, 1998. – 98 с.
4. Селезнева, Н.А. Качество высшего образования как объект системного исследования / Н.А. Селезнева. – М.: Высшая школа, 2003. – С. 11.
5. Спиридонов, Э.К. Разработка модели систем качества вуза / Э.К. Спиридонов, Е.И. Савина // Стандарты и качество. – 2002. – № 4. – С. 46.

6. Стефановская, Т.А. Педагогика: наука и искусство / Т.А. Стефановская. – М.: Высшая школа, 2002. – 160 с.

7. Управление качеством образования / под ред. М.М. Поташника. – М.: Высшая школа, 2000. – С. 33.

8. Фролов, Н.И. Принципы построения систем качества в образовательных процессах / Н.И. Фролов, В.А. Протасьев, В.В. Шильдин // Стандарты и качество. – 2002. – № 4. – С. 41.

9. Чернилевский, Д.В. Технология обучения в высшей школе: учебное пособие / Д.В. Чернилевский, О.Д. Филатов; под ред. Д.В. Чернилевского. – М.: Экспедитор, 1996. – 228 с.

10. Шамова, Т.И. Активизация учения школьников / Т.И. Шамова. – М.: Просвещение, 1982. – С. 54–55.

[К содержанию](#)

УДК 378.22+378.016:338.48

ББК Ч448.44

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА В УСЛОВИЯХ ВЫЕЗДНЫХ ИНТЕРАКТИВНЫХ ЗАНЯТИЙ

Т.Н. Третьякова

В статье рассматриваются вопросы компетентностного подхода в процессе реализации основной образовательной программы туристского профиля подготовки бакалавров туризма.

Ключевые слова: туристское образование, компетентностный подход, квазипрофессиональная деятельность, ВИЗ-туры, выездные интерактивные занятия.

Стратегия модернизации российского образования предполагает, «Основным результатом деятельности образовательного учреждения должна стать не система знаний, умений и навыков сама по себе, а набор заявленных государством ключевых компетенций в интеллектуальной, общественно-политической, коммуникационной, информационной и прочих сферах» [1].

Структура профессионального стандарта по направлению 100400.62 – Туризм предусматривает формирование общекультурных и профессиональных компетенций.

Анализ публикаций и концепций по проблемам компетентности, а также специфики туристского образования (В.К. Романович, Т.Н. Ананьева, А.А. Федюлин, М.А. Морозов, Т.Н. Третьякова) позволил нам в качестве основополагающих выделить универсальные и профессиональные компетенции специалиста туристской индустрии, которые должны быть сформированы у будущего специалиста в процессе его обучения в вузе: общекультурные (уни-

версальные общенаучные, инструментальные, социально-личностные) и профессиональные (проектные, производственно-технологические, организационно-управленческие сервисные, научно-исследовательские).

Идеализированная модель целостной социально-профессиональной компетентности специалиста туристической индустрии может быть представлена четырьмя разнопорядковыми блоками:

1) базовый – интеллектуально-обеспечивающий (основные мыслительные операции на уровне нормы развития). В соответствии с этим блоком выпускник образовательного учреждения (вуза) должен характеризоваться как минимум нормой развития таких мыслительных действий (умственных операций), как: анализ; сопоставление, сравнение; систематизация; принятие решения; прогнозирование; соотнесение результата действия с выдвигаемой целью;

2) личностный, в рамках которого человеку должны быть присущи (или он должен характеризоваться ими) такие личностные свойства, как: ответственность; организованность; целеустремленность;

3) социальный – социально-обеспечивающий жизнедеятельность человека и адекватность его взаимодействия с другими людьми, группой, коллективом. В соответствии с этим блоком выпускник должен быть способным: организовывать свою жизнь в соответствии с социально-значимым представлением о здоровом образе жизни и т.д.;

4) профессиональный – обеспечивающий адекватность выполнения профессиональной деятельности. В соответствии с этим блоком выпускник должен уметь решать профессиональные задачи по специальности, предназначенной.

В процессе обучения необходимо сформировать те элементы системы профессионализма, которые будут в дальнейшем способствовать переходу на более высокие уровни профессиональной компетентности.

Исходя из этого, необходимо, прежде всего, определить структуру компетенций специалиста туристической индустрии, выделить те компоненты, которые можно сформировать в стенах вуза.

На основе исследований О.С. Третьяковой в рамках компетентностного подхода мы выделяем 4 аспекта формирования профессиональных компетенций:

- ключевые компетенции надпредметного характера;
- обобщенные предметные умения (общепрофессиональные);
- прикладные предметные умения (специальные и специализации);
- жизненные навыки (функциональная грамотность).

Ключевые компетенции носят надпрофессиональный характер и необходимы в любой области деятельности, являются базовыми.

Обобщенные и прикладные предметные умения соотносятся напрямую со сферой профессиональной деятельности конкретного направления, в данном случае туристической индустрии, выполняют функцию ключевых компетенций [3].

Таким образом, компетентностный подход в подготовке специалиста туристской индустрии заключается в:

- ориентации не на информированность студента, а на конструирование им собственного профессионально-личностного опыта, который, в свою очередь, должен стать предметом рефлексии, исследования, оценки;
- возможности выбора индивидуальной траектории профессионально-личностного становления студента;
- замещении педагога-транслятора педагогом-фасилитатором, обеспечивающим сопровождение процесса профессиональной подготовки специалиста туристской индустрии;
- воплощение профессионально-личностного опыта в материальный или идеальный социально и личностно значимый продукт.

С целью выявления межпредметных связей и оптимизации учебного процесса мы разработали практико-ориентированную модель формирования компетенций у будущих бакалавров туризма, выбрав в качестве основного и обязательного условия – интерактивные занятия в формате ВИЗ-туров, т.е. выездных интерактивных занятий по Уралу, как туристскому региону.

На основе анализа основной образовательной программы можно составить матрицу формируемых компетенций у студентов первого курса.

Таблица 1

Формируемые компетенции у студентов первого курса

Наименование предметов	Формируемые компетенции
Первый семестр	
Иностранный язык	ОК-1, ОК-2, ОК-4, ОК-7, ОК-10
Русский язык и культура речи	ОК-1, ОК-7, ОК-10
Психология	ОК-3, ОК-4, ОК-5
Математика	ОК-1, ОК-8, ПК-2, ПК-9, ПК-13
Социально-экономическая география современного мира	ОК-5, ОК -13, ПК-13
Информатика	ОК-11 ОК-12 ПК-2 ПК-6 ПК-13
Человек и его потребности	ОК-7 ПК-7 ПК-14 ПК-15
Основы туризма	ОК-4 ОК-9 ПК-6 ПК-7 ПК-13
Второй семестр	
Иностранный язык	ОК-1, ОК-2, ОК-4, ОК-7, ОК-10
История России	ОК-1, ОК-2, ОК-7
Основы социального государства	ОК-1, ОК-2, ОК-5, ОК-7
Речевая коммуникация	ОК-1, ОК-4, ОК-10, ОК-11
Историко-культурное наследие региона	ОК-1, ОК-2 , ОК-4, ОК- 7
Культурология/ Эстетика	ОК-1, ОК-2, ОК-3, ОК-7
Страноведение	ОК-5, ОК-7, ПК-5, ПК-13, ПК-15
Информатика	ОК-7 ПК-7 ПК-14 ПК-15
Концепции современного естествознания	ОК-1 ОК-3 ОК-4 ПК-13
Сервисная деятельность	ОК-9 ПК-6 ПК-10 ПК-11 ПК-12

Таким образом, в результате завершения обучения на первом курсе у будущего специалиста туристской индустрии должны сформироваться полностью или частично следующие компетенции:

Общекультурные

– способностью к интеллектуальному, культурному, нравственному, физическому и профессиональному саморазвитию и самосовершенствованию (ОК-1);

– способностью к достижению целей и критическому переосмыслению накопленного опыта (ОК-2);

– способностью понимать и анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы, применять основные законы естественнонаучных дисциплин в профессиональной деятельности (ОК-3);

– владением культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения, умением логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь (ОК-4);

– готовностью соблюдать этические и правовые нормы, регулирующие с учетом социальной политики государства отношения человека с человеком, обществом, окружающей средой, применять нормативные и правовые документы в туристской деятельности (ОК-5);

– готовностью к восприятию культуры и обычаев других стран и народов, толерантно относиться к национальным, расовым, конфессиональным различиям, способностью к межкультурным коммуникациям в туристской индустрии (ОК-7);

– стремлением к постоянному саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства, критически оценить свои достоинства и недостатки, наметить пути и выбрать средства их развития или устранения, способностью к бесконфликтной профессиональной деятельности в туристской индустрии (ОК-8);

– пониманием социальной значимости своей будущей профессии, высокой мотивацией к профессиональной деятельности в туристской индустрии (ОК-9);

– способностью к письменной и устной коммуникации на государственном и иностранном языках, готовностью к работе в иноязычной среде (ОК-10);

– способностью понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, осознавать опасности и угрозы в туризме, соблюдать основные требования информационной безопасности, защиты государственной тайны (ОК-11);

– владением основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, навыками работы с компьютером

как средством обеспечения информацией в туристской деятельности, готовностью работать в глобальных компьютерных сетях (ОК-12);

– владением основными методами организации безопасности жизнедеятельности людей, их защиты от возможных последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий, иных ситуаций в туристской деятельности (ОК-13).

Профессиональные компетенции (ПК)

● в проектной деятельности:

– способностью обрабатывать и интерпретировать с использованием базовых знаний математики и информатики данные, необходимые для осуществления проектной деятельности в туризме (ПК-2);

● в производственно-технологической деятельности:

– готовностью к разработке туристского продукта на основе современных технологий (ПК-5);

– способностью к реализации туристского продукта с использованием информационных и коммуникативных технологий (ПК-6);

● в организационно-управленческой деятельности:

– способностью к работе в трудовых коллективах предприятий туристской индустрии (ПК-7);

– умением рассчитать и оценить затраты по организации деятельности предприятия туристской индустрии (ПК-9);

● в сервисной деятельности:

– способностью использовать нормативные документы по качеству, стандартизации и сертификации в туристской индустрии (ПК-10);

– способностью к эффективному общению с потребителями туристского продукта (ПК-11);

– умением организовать и качественно осуществлять процесс обслуживания потребителя (ПК-12);

● в научно-исследовательской деятельности:

– способностью находить, анализировать и обрабатывать научно-техническую информацию в области туристской деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий (ПК-13);

– способностью использовать методы мониторинга рынка туристских услуг (ПК-14);

– готовностью к применению прикладных методов исследовательской деятельности в туризме (ПК-15).

На основе анализа учебного плана и ООП с учетом межпредметных связей мы выделили базовые ориентации общекультурных компетенций с содержательной точки зрения и определили, что в целом, формирование общекультурных компетенций у студентов первого курса ориентировано на формирование способностей к логическому, упорядоченному мышлению и работе с информацией – к ее получению и систематизации.

При реализации ООП в учебном процессе мы выделяем четыре узловые функции, обозначенные в исследовании О.В. Котляровой: сообщение учебной информации (знаний); формирование и совершенствование профессиональных умений и навыков; активизация освоения передового опыта; контроль результатов формирования компетенций [2].

Основой оптимизации образовательного процесса мы выбрали квази-профессиональный подход, обеспечивающий оптимальное соотношение теоретической и практической профессиональной подготовки и обуславливающий технологию организации учебного процесса на основе выездных интерактивных занятий практико-ориентированной направленности (табл. 2.).

Таблица 2

Педагогические инновации в организации учебного процесса
с позиций квазипрофессионального подхода

Функция учебного процесса	Организационные формы учебного процесса	Инновационный подход к организации учебного процесса	
		Функционально-технологический блок	Результативный блок
Сообщение учебной теоретической информации в рамках конкретной дисциплины	Лекция	Обучающие экскурсии и программы по время ВИЗ	Знания и визуализация туристского потенциала региона, методика профессиональной деятельности
Формирование и совершенствование профессиональных умений и навыков	Практическое занятие	Участие в технологическом процессе создания тура/ услуги	Этапно-содержательное освоение технологий туристского проектирования
Активизация освоения передового опыта	Выездное интерактивное занятие (ВИЗ-тур)	Взаимодействие во время ВИЗ с профессиональными поставщиками услуг (питания, размещения, экскурсионных программ и т.д.)	Клиент-ориентированные технологии Первичные простейшие навыки оказания туристских услуг
Контроль результатов обучения	Экзамен Зачет Курсовая работа	Научно-практическая конференция	Отчет по ВИЗ-туру

В процессе подготовки к ВИЗ-туру в Пермский край в первом семестре в рамках дисциплины «Основы туризма» мы выделили несколько групп функциональных обязанностей будущих специалистов туриндустрии – участников ВИЗ-тура: менеджер по размещению, менеджер по питанию, менеджер по рекламе, менеджер туропререйтинга, менеджер экскурсионных программ, трансерный гид, менеджер по анимационным программам, аниматор, экскурсовод, менеджер по безопасности, экономист, документовед, страховой агент и др.

Во втором семестре разработанная нами технология и методика реализуется в рамках дисциплин «История России», «Страноведение», «Сервисная деятельность», «Информатика» и «Историко-культурное наследие региона».

В рамках дисциплины «Историко-культурное наследие региона» нами разработана модель культурно-познавательного тура в Свердловскую область. Продолжительность тура 4 дня и 3 ночи. Формат проведения экскурсий – конкурс на лучшего экскурсовода. В качестве критериев оценки экскурсоводов были определены следующие показатели: достоверность и точность информации, содержательность материалов и полнота раскрытия темы экскурсии, логическая последовательность в изложении материалов, работа с портфелем экскурсовода.

Таким образом, в ходе ВИЗ-тура в Свердловскую область студентами было подготовлено и проведено 41 экскурсия по обозначенным направлениям и тематике экскурсий.

Конкурс экскурсоводов показал следующие результаты этой деятельности по среднему баллу из 5 возможных по каждому показателю:

Таблица 3

Критерии оценки	Средние показатели
достоверность и точность информации	4,46
содержательность материалов и полнота раскрытия темы экскурсии	4,07
логическая последовательность в изложении материалов	3,0
свободное и осмысленное владение материалом экскурсии	3,88
коммуникативность и культура речи экскурсовода	3,51
включенность литературных произведений и документальных источников в текст экскурсий	2,68
наличие портфеля экскурсовода и его информативность	3,51
качество иллюстративного материалов портфеля экскурсовода	3,59
работа с портфелем экскурсовода	3,49
Средневзвешенный балл по экскурсиям	3,577

Итоги конкурса проводились по туристским центрам: лучший экскурсовод по Алапаевску, по Нижнему Тагилу, по Невьянску, по Екатеринбург с присуждением 1, 2, 3 мест.

Оценивая степень успешности и необходимости реализуемой методики и дополнительных занятий, студенты экскурсоводы показали следующие результаты:

Таблица 4

Критерии оценки	Да (%)	Нет (%)
Обращались ли вы за помощью к организаторам тура	79,5	20,5
Согласовывалось ли с вами время проведения консультаций и дополнительных занятий	65,9	34,1
Предлагался ли вам вариант дистанционных консультаций	63,6	36,4
Благоприятным ли был психологический климат на доп. занятиях	72,3	27,7
Предлагались ли вам индивидуальные консультации в случае вашего отсутствия	54,5	45,5
Достаточно ли было вам времени для подготовки экскурсионной разработки со дня выдачи задания	84,1	24,9
Были ли наглядно представлены темы экскурсионных разработок на информационных стендах в вузе	83,4	16,6
Понравилось ли вам заниматься экскурсионными разработками	54,5	55,5
Хотели бы вы заниматься экскурсионными разработками в следующих ВИЗ-турах	65,9	34,1
Помогли ли вам дополнительные занятия с дипломниками по подготовке экскурсий	88,6	11,4
Средневзвешенный балл по методике дополнительных экскурсионно-ориентированных занятий	71,23	28,77

Таким образом, проведенное исследование и апробация методики по формированию компетенций у студентов первого курса в условиях выездных интерактивных занятий позволяет сделать вывод, что предложенная формирования профессиональных экскурсоводческих компетенций у бакалавров первого курса в рамках учебной дисциплины «Историко-культурное наследие региона» способствует оптимизации профессиональной подготовки и стимулирует познавательную активность и профессиональную самостоятельность студентов первого курса в вопросах получения информации, а также способствует формированию профессиональной коммуникабельности и мобильности будущего бакалавра туризма.

Библиографический список

1. Гребнев, Л. Высшее образование в болонском измерении: российские особенности и ограничения / Л. Гребнев // Высш. образование в России. – 2004. – № 1. – С. 36–42.
2. Котлярова, О.В. Формирование профессиональных компетенций у будущих специалистов туристической индустрии: дис. ... канд. пед. наук / О.В. Котлярова. – Челябинск, 2008. – 213 с.

3. Третьякова, О.С. Формирование компетенций у будущих специалистов туристической индустрии на основе компьютерного тестирования: дис. ... канд. пед. наук / О.С. Третьякова. – Челябинск, 2009. – 232 с.

[К содержанию](#)

УДК 338.486 + 657.1:338.48

ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА И НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Г.Л. Угарова

В данной статье рассматриваются проблемы учета и налогообложения туристических предприятий в России. Основное внимание уделено сложным вопросам методологии бухгалтерского учета и правильности исчисления налогов. Даны рекомендации по решению проблем туроператоров и турагентств, в части сокращения трудозатрат по учету и налогообложению. Представлены данные по законодательству на 2014 год

Ключевые слова: бухгалтерский учет, налогообложение, налоговая база, доходы и расходы, рентабельность.

Туризм на сегодняшний день является показателем развития цивилизации, методом познания окружающей действительности, способом повышения культурного уровня и восстановления здоровья людей.

Туристические структуры, являясь подсистемами коммерческих секторов национальных экономик, принимают на себя часть нагрузки в системе общественного разделения труда и удовлетворения общественных потребностей во благах и услугах. С точки зрения окупаемости капиталовложений туристическая индустрия входит в число бесспорных экономических форвардов, дающих весьма внушительную величину добавленной стоимости. Как и любая другая сфера хозяйственной деятельности, индустрия туризма является весьма сложной и противоречивой системой [1]. Кроме того, туристическая отрасль – более подвижная система, чем другие отрасли, ибо услуги туризма нельзя изготовить заранее, или хранить впрок, а решение потребителя отказаться от приобретения этого блага может прийти неожиданно под влиянием каких-либо непредвиденных обстоятельств. И, тем не менее, страна, имеющая развитую туристическую инфраструктуру и ставящая развитие туризма в качестве национально значимого приоритета, стремится выработать и последовательно проводить целостную политику в этой сфере, создавать достаточный запас прочности, чтобы противостоять неприятным тенденциям и неожиданным поворотам мировой конъюнктуры [6].

Умение осознать свое конкурентное преимущество, правильно выстроить стратегическую линию поведения может заметно укрепить положение на рынке туристических услуг. Как в стране, так и за ее пределами. Для того чтобы преуспеть в туристическом бизнесе, требуются основанная на потребностях потребителя туристических услуг организация производства и реализация туристических услуг организация производства и реализация турпродукта, хорошее знание международных правовых норм и правил, практики туристического менеджмента и маркетинга, конъюнктуры туристического рынка бухгалтерского учета и налогообложения. Эффективная производственно-хозяйственная и финансовая деятельность туристических структур во многом определяется правильной организацией и оптимальной методикой бухгалтерского учета. Каждая организация, индивидуальный предприниматель должны выполнять перед государством свои обязанности по уплате налогов. Поэтому особую значимость приобретает уровень компетентности в вопросах налогообложения. В связи с этим необходимо изучение правильной постановки бухгалтерского и налогового учета в туристических организациях. Применение в практической деятельности ряда нормативных положений вызывает много вопросов, особенно в налоговом учете [3].

В небольших турфирмах, зачастую, один специалист выполняет множество функций: ведет бухгалтерский учет и составляет отчетность, рассчитывает налоги и занимается планированием предстоящей хозяйственной деятельности. Проблемные ситуации в части ведение учета и налогообложения возникают в связи с изменениями в законодательстве по учету и налогообложению.

Чтобы избежать ошибок и претензий со стороны контролирующих органов, следует тщательно контролировать расходы организации.

Согласно ст. 4.1. Федерального закона от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», одной из форм финансового обеспечения туроператора является договор страхования гражданской ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение туроператором обязательств по договору о реализации туристского продукта (договор страхования гражданской ответственности туроператора). При этом из закона не вытекает, что такой договор является обязательным.

Исходя из этого, туроператоры, принимающие УСН и выбравшие в качестве объекта налогообложения доходы, уменьшенные на величину расходов, при определении налоговой базы расходы по страхованию гражданской ответственности за неисполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта учитывать не вправе (письмо Минфина России от 25.06.2009 г. № 03-11-06/2/109).

Важным моментом налогового учета является порядок включения в расходы процентов по кредитам. В соответствии с положением главы 26.2 Налогового кодекса РФ в 2014 году в расходы можно включать проценты за поль-

зование кредитами по нормативу в размере ставки рефинансирования ЦБ РФ, увеличенной в 1,8 раза, а по кредитам в валюте коэффициент составляет 0,8 %. Комиссия по кредитному договору добавляется к ставке по кредиту.

Одним из вопросов, на которые следует обратить внимание главному бухгалтеру, является порядок расчета суточных при командировках. Размер суточных определяется внутренними документами: учетной политикой или положением о командировках.

Не облагаются налогом на доходы физических лиц суточные в пределах:

- 700 руб. за сутки по России;
- 2500 руб. за сутки нахождения в загранкомандировке.

Расходы в виде суточных можно учесть на дату утверждения авансового отчета.

Начислять взносы на суточные в пределах утвержденной предприятием нормы не следует.

Дивиденды не учитывают в расходах при расчете налога на прибыль (ст. 270 Налогового кодекса РФ) и уменьшают остаток нераспределенной прибыли (п.2 ст.42 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 2908-ФЗ «Об акционерных обществах»).

В обществах с ограниченной ответственностью регламентирован аналогичный порядок начисления доходов от участия (п.1. ст.28 Федерального закона от 8.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Начисление и выплата дивидендов и доходов от участия в предприятия являются событиями, происшедшими после отчетной даты, поэтому их следует учитывать по особым правилам. Начисляя и выплачивая дивиденды за 2013 год, проводки следует делать в 2014 году (п.10 ПБУ 7/98). С дивидендов следует удержать НДФЛ по ставке 9 % (ст.123 НК РФ).

Проблемой в учете и налогообложении является необходимость ведения разделенного учета движимого и недвижимого имущества, приобретенного в 2013 году или позже, налог не платят (подп.8 п.4. ст. 374 НК РФ). Если недвижимость сдана в аренду, то налог уплачивается, если недвижимость находится на балансе.

На практике не всегда легко определить, какими является имущество – движимыми или недвижимыми: кондиционеры, сигнализация. Из разъяснений Минфина России по такому имуществу следует платить налог только, если оно приобретено до 1 января 2013 года.

В крупных фирмах, занимающихся туроператорской деятельностью, следует избежать ошибок при учете выплат дивидендов и премий. Дивиденды в акционерных обществах начисляют за счет расходов организации. За ведение учета с грубыми нарушениями, штраф составляет 10 000 или 30 000 руб. (ст.120 НК РФ), кроме того возможны претензии аудиторов.

Важным изменением в законодательстве является увеличение лимита по страховым взносам. С 1 января 2014 г. лимит облагаемой взносами базы составляет 624 000 руб. (Постановление правительства РФ от 30.11.2013 г. № 1101). Не будут начисляться взносы в Фонд социального страхования и в Фонд обязательного медицинского страхования с сумм превышения лимита, а взносы в пенсионный фонд следует начислять и с превышения лимита, но по ставке 10 процентов (ст.582 Закона № 212-ФЗ) [4].

Если в турфирме имеются сотрудники, которым начисляют пособие по уходу за ребенком, то начислять его с 1 января 2014 года следует с учетом коэффициента индексации 1,05, а также учитывать новый МРОТ – 5 554 руб., вместо 5 205 руб. в 2013 г. Максимальный размер пособия в 2014 г. составляет 17 990 руб., минимальный размер пособия – 2 576 руб.

В пункте 4 статьи 6 Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ указано, что малые компании могут воспользоваться, правом принимать упрощенный порядок бухгалтерского учета, то есть необязательно соблюдать все без исключения правила бухучета. Право вести учет по упрощенной форме имеют следующие предприятия:

- средняя численность до 100 человек;
- максимальная выручка без НДС – 400 млн руб.;
- максимальная доля участия другой организации или государства в уставном капитале компании не должна превышать 25 %.

Если максимальная численность фирмы составляет до 15 человек, а выручка 60 млн руб., то такая турфирма может вести учет в простой форме без двойной записи (п.6.1. ПБУ 1/2008). Хозяйственные операции достаточно регистрировать в хронологическом порядке на основании первичных документов. Для упрощения учета можно предусмотреть в учетной политике начисление амортизации один раз в год [5].

Подводя итог нашей статьи, следует заметить, что до сих пор проблемой многих турфирм является ведение налогового учета. В течение ряда лет обсуждается законопроект о сближении бухгалтерского и налогового учета. Подписание этого законопроекта введет ряд поправок, которые позволят упростить работу специалистов бухгалтерского и налогового учета, упорядочить усилия специалистов, оптимизировать деятельность предприятий туристического и гостиничного сектора.

Библиографический список

1. Журавлев, В.В. Возможные направления роста и развития предприятий сферы туризма и гостиничного хозяйства Южного Урала / В.В. Журавлев // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2012. – № 4. – С. 48–52.
2. Рожкова, Е.П. Переход на «упрощенку»: Плюсы и минусы / Е.П. Рожков // Главбух. – 2014. – № 3. – С. 15–16.

3. Саполгина, Л.А. Бухгалтерский учет и налогообложение в туристической фирме: учебное пособие / Л.А. Саполгина. – М.: КНОРУС, 2007. – 160 с.
4. Ставицкая, Л.А. Как можно упростить бухучет на малом предприятии / Л.А. Ставицкая // Главбух. – 2014. – № 2. – С. 46–49.
5. Ушаков, Д.С. Экономика туристской отрасли / Д.С.Ушаков. – Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2010. – 446 с.
6. Худякова, Т.А. Экономика предприятия: учебник / Т.А. Худякова, А.В. Шмидт. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – С. 143.

[К содержанию](#)

УДК 378.147 + 378.02:005

ДИВЕРГЕНТНЫЙ ПОДХОД К ПОДГОТОВКЕ МЕНЕДЖЕРОВ

В.Н. Фатеев

В данной статье рассматривается необходимость учета различий менеджерских и лидерских знаний и умений, значимых компетенций при получении управленческого образования.

Ключевые слова: дивергентный подход, компетентностный подход, лидерство, тренинг.

Важнейшей тенденцией современной педагогики является утверждение компетентностного подхода. В связи с этим встает вопрос: какие компетенции необходимы современным управленцам независимо от величины предприятий, рода и области деятельности и других особенностей конкретной фирмы; какие знания, умения, навыки, личностные качества, установки и другие личностные новообразования должны формироваться в период обучения менеджеров в вузе? Эти вопросы не могут не волновать специалистов в области образования, поскольку в сложных условиях современного социально-экономического развития менеджмент (и, соответственно, подготовка кадров для него) является ключевым звеном при решении многих проблем, с которыми столкнулась Россия в начале XXI века.

Деятельность менеджера многогранна: управленец – это психолог (так как его работа связана с людьми), юрист (поскольку обязан действовать строго в рамках закона), экономист (так как использует инструментарий экономической науки для описания отношений), хозяйственник и предприниматель, политик и инженер (так как связан с производством прогрессивных изделий), конструктор и ученый [1]. Поэтому трудность подготовки менеджера заключается в том, что качественные знания, сколь бы многосторонни они ни были, сами по себе не гарантируют профессиональной успешности, так как деятельность такого специалиста носит синтетический характер.

Нам кажется, что менеджерское образование не совсем должное внимание оказывает такому различию в качествах, как различие менеджерских и лидерских знаний и умений.

Как известно, управленец не всегда обладает лидерскими способностями и качествами. Лидер – это тот человек, который играет в коллективе очень важную роль в отношении деятельности других работников организации, их производительности труда, что, без сомнения, сказывается на достижении целей всего коллектива [2].

В научной литературе выделяют три основные концепции содержания лидерства: теория личностных черт; поведенческий подход к исследованию лидерства; ситуационные теории лидерства.

Первая концепция исходит из того, что преуспевающие руководители обладают уникальными, присущими немногим качествами, которые помогают им выделяться среди других.

Вторая концепция основывается на том, что лидерство во многом определяется поведением руководителя, его стилем отношений со своими подчиненными. Такая гипотеза положила начало поискам оптимального стиля управления в организации.

Третья концепция учитывает ситуационные факторы, влияющие на поведение лидера.

В общественном сознании понятия «менеджер» и «лидер» практически не различаются. Однако понятия эти разные, функции у этих людей различные, качества, свойства тоже неидентичные.

Сегодня руководитель – это индивид, гармонично сочетающий в себе лидерские и менеджерские качества. Как менеджер руководитель имеет законные полномочия, которые необходимы ему для решения организационных вопросов, а как лидер он может использовать свое личностное влияние на подчиненных.

Такое расхождение качеств заставляет задуматься методистов менеджерского образования не только о передаче профессиональных качеств будущим управленцам, но и о развитии у них лидерских способностей. И второе направление в рамках классического университета осуществить гораздо сложнее. Неслучайно учреждения формального образования находятся в заведомо проигрышной позиции по сравнению, например, с корпоративными университетами, то есть образовательными центрами на самих предприятиях, где проблема воссоздания технологического и социального контекста профессии просто отсутствует. Это связано в первую очередь с тем, что образование менеджеров относится к тем образовательным сферам, в которых важна практическая направленность, недаром ведь в советское время в классических университетах факультетов управления фактически не было.

Один из вариантов решения такого дивергентного подхода в обучении будущих менеджеров в классических университетах на наш взгляд лежит в особых требованиях к технологиям обучения. И в первую очередь таких

нетрадиционных для квалификационного подхода технологий и методов, как кейс-стади, тренинги, видеосеминары и телетренинги, групповые формы работы, деловые игры и другие формы обучения в виде игровой деятельности, мозговые штурмы, концентрированное обучение, проектные технологии, предметная система и др. Остановимся, например, на тренинге в плане демонстрации возможностей для обучения менеджеров.

В отличие от элементов предметной системы, тренинги в последнее время очень активно используются в России как в подготовке, так и в переподготовке менеджеров. Тренинг (англ. training от to train – обучать, воспитывать) – метод активного обучения, направленный на развитие знаний, умений, навыков и социальных установок. Кроме того, он рассматривается в качестве метода создания условий для самораскрытия участников и самостоятельного поиска ими способов решения собственных психологических проблем.

Возникновение тренингов связывают с деятельностью известного социального психолога Курта Левина [3]. В 1946 г. Курт Левин вместе с коллегами основали первые тренинговые группы, направленные на повышение компетентности в общении. В 60-е годы возникает опирающееся на традиции гуманистической психологии Карла Роджерса движение тренинга социальных и жизненных умений, который применялся для профессиональной подготовки учителей, консультантов, менеджеров. В 70-е гг. в Лейпцигском и Йенском университетах под руководством М. Форверга был разработан метод, названный социально-психологическим тренингом. Средствами тренинга выступали ролевые игры с элементами драматизации, создающие условия для формирования эффективных коммуникативных навыков.

Практической областью приложения разработанных М. Форвергом методов стала социально-психологическая подготовка руководителей промышленного производства.

Наиболее распространенный тип тренинга, используемый в образовании – навыковый тренинг, направленный на формирование и выработку определенного навыка (тренинг переговоров, самопрезентации, техники продаж и др.).

На сегодняшний день значительно возросло значение бизнес-тренингов, нацеленных на повышение эффективности работы компании. Тренинги для менеджеров помогают сократить финансовые и временные потери, активизировать ранее не используемые резервы и повысить общий уровень производительности.

Профессиональная подготовка менеджеров имеет отчетливо выраженную специфику, связанную, прежде всего, со спецификой самой профессиональной деятельности управленцев, ее комплексным, творческим, сложным характером. Данное отраслевое образование носит ярко выраженные черты дивергентного характера, что накладывает на него определенные требования, в том числе требует широкого применения в учебном процессе технологий и методик практико-ориентированного подхода.

Библиографический список

1. Горшенин, В.Ф. Введение в специальность «Менеджмент организации»: учеб. пособие / В.Ф. Горшенин. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2007. – 173 с.
2. Моргунов, Е.Б. Управление персоналом: исследование, оценка, обучение: учебник для бакалавров / Е.Б. Моргунов. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. – 561 с.
3. Википедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тренинг>.

[К содержанию](#)

УДК 378.22:338.48+378.047

ББК Ч448.028.13

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ БАКАЛАВРОВ ТУРИЗМА

И.А. Фрейнкина

Аннотация: в статье описывается модель формирования профессиональных ценностей бакалавров туризма в условиях инновационной практической подготовки, построенная на взаимосвязи дисциплин учебного плана, факультативов, производственных практик и компетенций будущего бакалавра туризма; охарактеризованы компоненты профессиональных ценностей с позиций мотивационно-деятельностного подхода.

Ключевые слова: бакалавр туризма; профессиональные ценности; модель, мотивационно-деятельностный подход.

Ценностные ориентации будущего бакалавра туризма формируются в процессе профессионально-практической подготовки, концепция которой основывается на федеральном государственном образовательном стандарте.

Учебный процесс в вузе подчинен выполнению учебно-профессиональных программ и выступает как процесс подготовки студентов к выполнению профессиональных обязанностей. Поэтому процесс профессионально-практической подготовки необходимо рассматривать, как процесс осмысления и присвоения студентом профессиональных ценностей (средств, способов, методов, организационных форм овладения ценностями профессиональной деятельности), отраженных в юридических актах, статусе профессии и личности. Среда профессионально-практической подготовки студентов, а впоследствии и профессиональной деятельности, выступает как условие реализации целей учебно-познавательной и практической деятельности.

Практическая подготовка выступает как процесс формирования профессиональных ценностей в соответствии с уровнем развития общества и личности. Образованность личности является результатом этого процесса. Практическая подготовка выступает как социокультурный процесс приобщения личности к определенной сфере профессиональной деятельности, а в нашем случае – к гуманитарной сфере деятельности человека. Практическая подготовка является социокультурным процессом, процессом приобщения личности к ценностям профессии, ее погружения в эти ценности на основе формирования установок, развития мотивационно-потребностной сферы, духовных потребностей, ценностных ориентаций [1].

Профессионально-практическая подготовка подразумевает, что будущий работник, специалист овладеет необходимой суммой знаний, умений и навыков. Теория и практика подготовки бакалавров ориентируется на заказ общества и государства, требующий массового производства кадров, «встроенных» в технократическую систему производства и управления. Целью и результатом практической подготовки является определенный тип самостоятельного человека – квалифицированный профессионал, подготовленный к включению в стабильную производственную среду, требующую определенных знаний и навыков.

Практическая подготовка бакалавра состоит в следовании определенным (заданным совокупностью функций профессиональной деятельности) стандартам, предписаниям и правилам. В федеральном государственном образовательном стандарте по направлению подготовки 100400 «Туризм» говорится, что бакалавр туризма должен быть готов к следующим видам деятельности: «проектная; производственно-технологическая; организационно-управленческая; сервисная; научно-исследовательская» [2].

Наша статья посвящена процессу формирования профессиональных ценностей будущих бакалавров туризма в ходе инновационной практической подготовки. Инновационная практическая подготовка – процесс приобщения личности к ценностям профессии, ее погружения в эти ценности на основе формирования установок, развития мотивационно-потребностной сферы, духовных потребностей, ценностных ориентаций, включающий в себя систему выездных практических занятий, факультативов и производственных практик как неразрывное целое.

В нашем исследовании инновационная практическая подготовка выступает как форма организации процесса формирования профессиональных ценностей у будущих бакалавров туризма.

Для бакалавров туризма, обучающихся в Уральском государственном университете физической культуры, разработаны программы практик после каждого курса обучения: 1 курс – «Основы сервиса» (предшествующий факультатив «Основы гостеприимства»), 2 курс «Менеджер летних видов туризма» (предшествующий факультатив «Инструктор на маршрутах»),

3 курс – «Менеджер предприятия туристической индустрии» (предшествующий факультатив «Основы рекреационной деятельности»), 4 курс – «Менеджер регионального туризма» (преддипломная практика).

В течение первого года обучения будущие бакалавры туризма изучают дисциплины: «Иностранный язык», «История», «Русский язык и культура речи», «Экономика», «Краеведение», «Мировая культура и искусство», «История мировых цивилизаций», «Речевая коммуникация», «Конфликтология», «История физической культуры и спорта», «История олимпийского движения», «Математика», «Информатика», «География», «Экология», «Основы здорового образа жизни», «Безопасность жизнедеятельности», «Основы туризма», «Профессиональная этика и этикет». Дисциплины «Основы туризма», «Профессиональная этика и этикет», «Краеведение», «География» являются ведущими, так как, основываясь на их содержательной части, организуются выездные интерактивные занятия по Пермскому краю и Свердловской области с посещением их основных историко-культурных объектов.

По окончании учебного года студенты выходят на учебную практику «Основы сервиса» в должности официантов и горничных. Во время прохождения практики у будущих бакалавров туризма должны быть сформированы следующие компетенции: ОК 6 – способность работать в коллективе, руководить людьми и подчиняться; ПК-6 – способность к реализации туристского продукта с использованием информационных и коммуникативных технологий (продолжение формирования компетенции); ПК-7 – способность к работе в трудовых коллективах предприятий туристской индустрии (продолжение формирования компетенции); ПК-11 – способность к эффективному общению с потребителями туристского продукта (продолжение формирования компетенции); ПК-12 – умение организовать процесс обслуживания потребителя (продолжение формирования компетенции); ПК-13 – способность находить, анализировать и обрабатывать научно-техническую информацию в области туристской деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий (продолжение формирования компетенции). На основании анализа содержания дисциплин первого курса, интерактивных занятий и программы практики мы можем предположить, что по итогам первого года обучения должны быть сформированы профессиональные ценности: аккуратность, чуткость, ответственность, исполнительность, воспитанность.

В течение второго года обучения студенты изучают дисциплины: «Иностранный язык», «Философия», «Основы социального государства», «История туристической деятельности», «Правовое регулирование туризма», «Религии мира», «Психология», «Социология», «География», «Статистика туризма», «Концепции современного естествознания», «Экологический мониторинг туристских регионов», «Человек и его потребности», «Безопас-

ность в туризме», «Историко-культурное наследие региона», «Туристские ресурсы региона», «Сервисная деятельность», «Технологии спортивно-оздоровительного туризма». Ведущими дисциплинами второго года обучения являются «Экологический мониторинг туристских регионов», «Безопасность в туризме», «Историко-культурное наследие региона», «Туристские ресурсы региона», «Технологии спортивно-оздоровительного туризма», содержательная часть которых сопряжена с тематикой выездных интерактивных занятий по республике Башкортостан и горнолыжным центрам Челябинской области. По окончании второго года обучения студенты выходят на производственную практику «Менеджер летних видов туризма» в должности инструктора на сплаве или пешего похода. По окончании практики у студентов должны быть сформированы компетенции: ОК-7 – готовность к восприятию культуры и обычаев других стран и народов, толерантно относиться к национальным, расовым, конфессиональным различиям, способен к межкультурным коммуникациям в туристской индустрии (продолжение формирования компетенции); ОК-11 – способность понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы в туризме, соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны (продолжение формирования компетенции); ПК-6; ПК-11; ПК-12; ПК-13. По итогам второго года обучения должны быть сформированы профессиональные ценности: независимость (способность действовать самостоятельно), самоконтроль, исполнительность, твердая воля, терпимость.

В течение третьего года обучения студенты изучают дисциплины: «Экологический туризм», «Менеджмент в туристской индустрии», «Маркетинг в туристской индустрии», «Иностранный язык (второй)», «Инновации в туризме», «Экономика туризма», «Документационное обеспечение управления предприятиями туристской индустрии», «Технологии и организация гостиничных услуг», «Технологии и организация услуг питания», «Транспортное обслуживание», «Организация экскурсионного обслуживания», «Стандартизация, сертификация, лицензирование в туристской индустрии», «Основы курортного дела», «Анимация в туризме», «Музейно-выставочная работа». Большая часть дисциплин имеет профессиональную направленность, что отражается в организации выездных интерактивных занятий по горнозаводской зоне Челябинской области и Тюменской области, организации практики «Менеджер предприятия туристской индустрии». За время прохождения практики должны быть сформированы компетенции: ОК 6; ОК-7; ОК-11; ПК-4 – готовность к реализации проектов в туристской индустрии (продолжение формирования компетенции); ПК-6; ПК-7; ПК-8 – способность организовывать работу исполнителей, принимать управленческие решения в организации туристской деятельности, в том числе с учетом социальной политики

государства (продолжение формирования компетенции); ПК-11; ПК-12; ПК-13. За время третьего года обучения должны быть сформированы следующие профессиональные ценности: эффективность в делах, рационализм.

За время четвертого года обучения студенты изучают дисциплины: «Культурно-исторические центры», «Методы научных исследований», «Особо охраняемые природные территории», «Туристско-рекреационное проектирование», «Организация туристской деятельности», «Информационные технологии в туристской индустрии», «Технологии продаж», «Психология делового общения», «Иностранный язык (второй)», «Виды и тенденции развития туризма», «Реклама в туризме», «Основы финансовой деятельности». Полученные знания закрепляются в ходе выездного интерактивного занятия в Казань и прохождения практики «Менеджер регионального туризма».

По результатам прохождения практики должны быть сформированы компетенции: ОК 6; ОК-7; ОК-11; ПК-4; ПК-6; ПК-7; ПК-8; ПК-11; ПК-12; ПК-13. За время четвертого года обучения должны быть сформированы ценности: широта взглядов, смелость в отстаиваниях своего мнения.

Опираясь на опыт наших предыдущих исследований по данному вопросу можно представить модель формирования профессиональных ценностей бакалавра туризма на рис. 1. В рамках данной статьи, характеризуя модель формирования профессиональных ценностей бакалавров туризма, будет возможно уделить внимание только описанию компонентов профессиональных ценностей.

При моделировании процесса ориентации студентов в профессиональных ценностях специалиста туристской индустрии мы опирались на мотивационно-деятельностный подход.

Мотивационно-деятельностная сфера личности студента выступает как область, в которой реализуются цели, удовлетворяются потребности, то есть проявляется истинная направленность личности.

Формирование профессиональных ценностей через мотивационно-потребностную сферу личности осуществляется при условии его ценностного развития, когда в процессе учебно-познавательной деятельности студент выбирает и выстраивает собственную личностно-значимую систему ценностей, входит в мир знаний, овладевает коммуникативным и личным опытом, творческими способами и методами решения научных и жизненных проблемы, открывает рефлексивно-смысловой мир образа «Я», несет эмоционально-волевую нагрузку. На основе аналитико-синтетической работы выделяем следующие компоненты профессиональных ценностей:

- мотивационно-смысловой;
- когнитивный;
- деятельностно-практический.

Мотивационно-смысловой компонент профессиональных ценностей включает в себя рефлексию студентом собственной системы ценностей в связи с вхождением в учебно-профессиональную среду, творческое отношение и интерес к будущей профессии, ориентацию на достижение высоких результатов в своей деятельности, систему смыслов личности, уровень целей, притязаний и потребностей. Изучая общеобразовательные предметы и предметы общепрофессионального цикла, студент осуществляет поиск личностного смысла собственных деяний; прослеживает путь научного поиска, решений и открытий в области туризма.

Приоритетными мотивами являются: потребность в овладении дидактическими знаниями и умениями, способность к их применению в будущей практической деятельности; стремление к профессиональному саморазвитию, к высокой самоактуализации и успешной самореализации личностно-творческого потенциала. Компетенции компонента: ОК-7, ОК-8, ПК-13, ПК-4.

Когнитивный компонент обеспечивает ориентировку будущего бакалавра туризма на основе научных знаний по некоторой предметной сфере, вообще о человеке, культуре, истории, природе, ноосфере как основах духовного развития. Условием становления этого компонента является не только овладение современными дидактическими знаниями, но и развитие интеллектуально-познавательных процессов, творческого мышления и проективного воображения, механизмов понимания, осмысления и рефлексии. Логика и строгая аргументация рассуждений, умение вести внутренний диалог и обосновывать свою личную точку зрения, индивидуальное сочетание алгоритмического и творческого стилей мышления, определенным образом организованный концептуальный и категориальный аппарат. Компетенции компонента: ОК-11, ПК-13, ПК-8.

Деятельностно-практический компонент представляет собой систему разнообразных способов и методов деятельности, индивидуально-творческих способностей и талантов, необходимых для творческой самореализации личности в научной, учебной, профессиональной и других видах деятельности; предполагает свободное самостоятельное владение основными профессиональными умениями, навыками, грамотную и четкую постановку задач и проблем, их оценку и разрешение; готовность самостоятельно творчески использовать полученный практический опыт и знания в конкретной профессиональной деятельности и нести личную ответственность за их применение с пользой для окружающих и в собственных интересах; способность к анализу и критической ревизии мирового опыта в области туристической индустрии; обеспечивает индивидуальное разностороннее и личностное развитие субъекта учебной деятельности, его личное и профессиональное самоопределение и самостановление и владение способами саморегуляции и самосовершенствования. Деятельностно-практический компонент проявляется также в осознании и осмыслении перспектив дальнейшего развития и совершенствования практики работы в туристической индустрии и возможности прогнозирования ее реальных последствий.

Содержание процесса формирования профессиональных ценностей в рамках данного компонента включает в себя: умение самостоятельного формулирования и творческого решения учебно-познавательных проблем и задач; опыт творческой самореализации в производственной практике, индивидуально-творческих особенностей и способностей личности студента; опыт придания самостоятельного творческого характера собственной профессиональной и учебной деятельности; опыт самостоятельного выбора целей и рефлексии своих действий и принятие личной ответственности за осуществление данного выбора; оценка и самооценка реализованности личностно-творческого потенциала студента; умение вести внутренний диалог и обосновывать свою позицию, доказывать и опровергать различные точки зрения, взгляды и суждения; умение на научной основе организовывать свой труд и приобретать новые знания, используя современные информационные и образовательные технологии. Компетенции компонента: ОК-6, ПК-6, ПК-7, ПК-11, ПК-12.

Все выделенные нами компоненты профессиональных ценностей тесно связаны между собой.

Таким образом, модель формирования профессиональных ценностей бакалавров туризма разработана с использованием мотивационно-деятельностного подхода, и включает следующие блоки: целевой, содержательный (мотивационно-смысловой, когнитивный и деятельностно-практический компоненты), организационный, критериально-оценочный, результативный.

Модель формирования профессиональных ценностей бакалавров туризма может быть реализована при соблюдении комплекса педагогических условий, представляющего: а) активное включение студентов в процесс инновационной практической подготовки; б) график учебного процесса, ориентированный на проведение инновационной практической подготовки; в) использование методик организации инновационной практической подготовки обеспечивает успешное функционирование предложенной модели.

Библиографический список

1. Ломакина, Т.Ю. О диверсификации непрерывного профессионального образования / Т.Ю. Ломакина // Педагогика. – 2002. – № 1. – С.75–78.
2. Приказ Минобрнауки РФ от 28.10.2009 N 489 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 100400 Туризм (квалификация (степень) «бакалавр»)» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 18.12.2009 N 15739) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 08.03.2010. – № 10.
3. Третьякова, Т.Н. Реализация компетентностного подхода в спортивном вузе в процессе подготовки работников туристической индустрии / Т.Н. Третьякова, О.В. Котлярова // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2011. – № 4. – Т. 21. – С. 81–91.

[К содержанию](#)

УДК 338.2 + 658.11:005.85

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ КОНТРОЛЛИНГА УСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА

Т.А. Худякова

В статье рассматриваются основные подходы к формированию системы контроллинга устойчивости на предприятии в условиях нестабильной внешней среды. Предлагается критерий оценки результативности системы контроллинга. Кроме того показан способ оценки финансово-экономической устойчивости предприятия через вероятностные показатели.

Ключевые слова: финансово-экономическая устойчивость предприятия, переменная среда, система контроллинга устойчивости.

В настоящее время российские предприятия, также как и хозяйствующие субъекты большинства зарубежных стран, всё чаще сталкиваются с проблемой неопределенности внешней среды, которая накладывает отпечаток на устойчивость их функционирования в частности, а также стабильность экономики страны в целом. В настоящее время эта переменность усугубляется мировым кризисом начала XXI века, новый виток которого пришелся на 2014 год. За первые два месяца текущего года Центральный банк Российской Федерации несколько раз расширил бивалютный коридор, что привело к резкому ослаблению национальной валюты и превышению курсом евро своего исторического максимума в 50 рублей за один евро (рис. 1) [1].

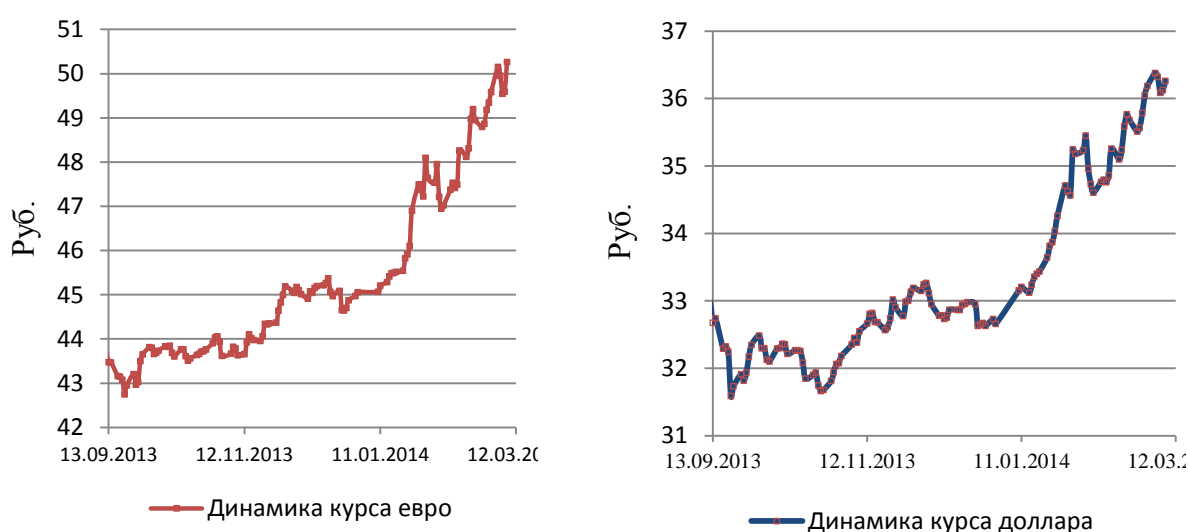

Рис. 1. Динамика курса валюты на период конец 2013 г. – начало 2014 г.

Существует два разнонаправленных подхода к вопросу усиления и ослабления национальной валюты. Часть экспертов ратует за завышение валютного курса, объясняя это тем, что он хорош для потребительского общества, позволяет получать разнообразный, дешевый, однако низкокачественный импорт, что радует простого обывателя. А также позволяет сдерживать темпы инфляции. Однако неоправданное завышение курса национальной валюты несет в себе и негативные последствия. В условиях кризиса и без того ослабленные национальные предприятия зачастую не в состоянии выдерживать конкуренции с дешевым импортным товаром. Кроме того, этот курс надо поддерживать, однако валютные резервы страны небезграничны и поэтому общество рано или поздно столкнется с невозможностью его поддержания.

Сторонники второго направления настаивают на занижении курса национальной валюты с целью подстегнуть отечественного производителя, который в ходе замещения импорта будет стараться основывать новые технологии, повышая свою конкурентоспособность.

Однако как показывает практика, производители не выигрывают ни от одной из этих политик. Большая корреляция российских предприятий от импорта ставит их в зависимость от любого колебания, происходящего во внешней среде, всё больше повышая роль системы контроллинга устойчивости на предприятии.

Необходимость усиления этой системы подтверждается и последствиями кризиса 2008–2009 годов. В качестве примера высокой степени нестабильности функционирования предприятий в условиях кризиса могут быть приведены результаты деятельности крупнейших мировых автоконцернов (рис. 2).

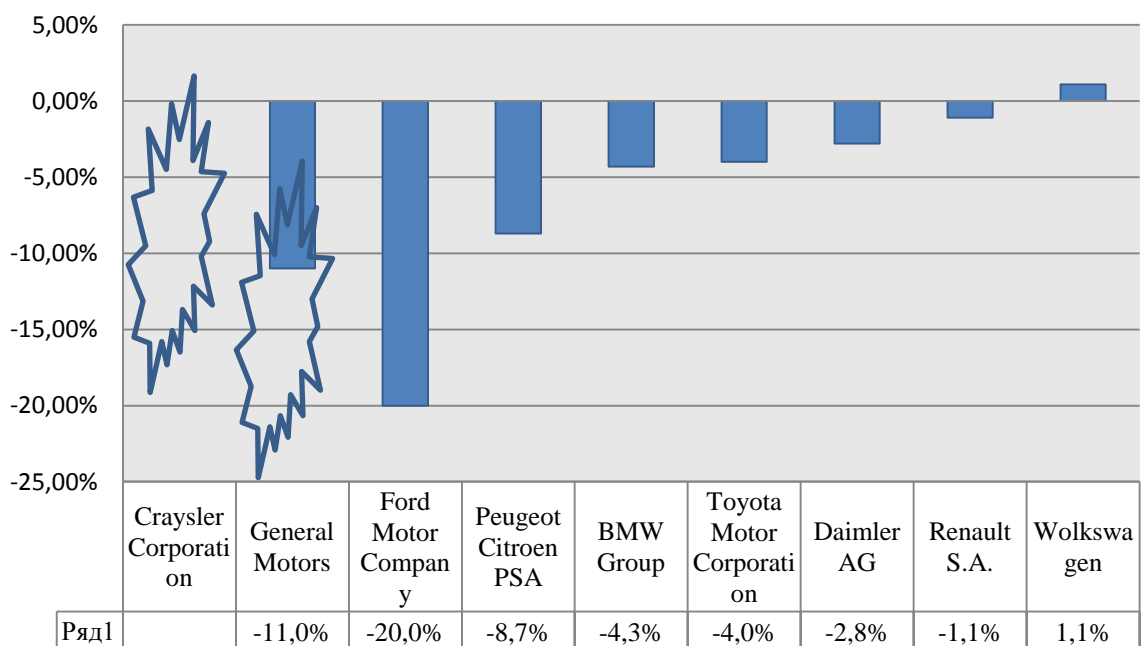

Рис. 2. Темпы прироста объема продаж крупнейших мировых автоконцернов в 2008 году [2]

Из рис. 2 видно, что даже крупнейшим игрокам на мировом рынке автопрома пришлось довольно таки нелегко во время предыдущего кризиса – 2008 года. Практически у всех из них наблюдалось значительное сокращение объемов продаж, что привело некоторых из них к банкротству.

Примеры нестабильности деятельности предприятий, вызванной колебаниями внешней среды, можно приводить и дальше, ведь, как известно, экономика развивается циклически, постоянно сталкиваясь с флуктуациями, вызванными экономическими циклами различной длины.

Всё это обуславливает необходимость создания и совершенствования системы контроллинга устойчивости, которая должна быть внедрена на предприятии, а также подразумевает необходимость разработки инструментария для комплексного управления устойчивостью хозяйствующего субъекта. Причем в качестве объекта управления должна выступать не только финансовая устойчивость предприятия, отражающая его платежеспособность и ликвидность, но и экономическая устойчивость, характеризующая вероятность достижения стратегической цели его развития [3, 4].

В связи с тем, что внешняя среда предприятия несёт в себе большую вариабельность, разрабатываемый критерий результативности системы контроллинга устойчивости, должен также иметь стохастический характер.

Таким образом, предлагается в качестве критерия оценки результативности системы контроллинга устойчивости использовать приращение вероятности устойчивого функционирования, определяемой в финансово-экономическом контексте. В качестве вероятности устойчивого экономического функционирования может выступать вероятность попадания результирующего показателя деятельности предприятия в область цели [5, 6, 7]. В то время как вероятность достижения финансовой устойчивости может быть оценена как вероятность попадания коэффициента, характеризующего финансовую устойчивость в область нормативных значений. Таким образом, критерий оценки результативности системы контроллинга устойчивости предприятия может быть представлен в следующем виде:

$$\Delta P_{фэу} = P_{фэу}^{**} - P_{фэу}^* \quad (1)$$

где $P_{фэу}^*$ – вероятность достижения предприятием финансово-экономической устойчивости без внедрения системы контроллинга;

$P_{фэу}^{**}$ – вероятность достижения предприятием финансово-экономической устойчивости в результате внедрения системы контроллинга.

В то время как вероятность достижения предприятием финансово-экономической устойчивости, так как события не взаимосвязанные, может быть рассчитана по формуле:

$$P_{фэу} = P_{эу} * P_{фэу}, \quad (2)$$

где $P_{\phi\epsilon y}$ – вероятность достижения предприятием финансово-экономической устойчивости; $P_{\epsilon y}$ – вероятность достижения предприятием только экономической устойчивости; $P_{\phi y}$ – вероятность достижения предприятием только финансовой устойчивости.

Понятно, что положительное изменение вероятности финансово-экономической устойчивости, говорит о повышении результативности системы контроллинга устойчивости, внедренной на предприятии.

Однако для более детального анализа возможно использование факторных моделей и экономико-математических имитационных моделей, которые позволили бы повысить качество системы контроллинга устойчивости на предприятии, что особенно актуально в условиях вариабельной среды.

Библиографический список

1. Центральный банк Российской Федерации. База данных по курсам валют. – URL: http://www.cbr.ru/currency_base.
2. Влияние финансового кризиса на мировой автопром. – URL: <http://ria.ru/infografika/20090610/173999801-print.html>.
3. Шмидт, А.В. Раскрытие категорий «устойчивость» и «устойчивое развитие» применительно к объектам микроэкономики с позиции динамики / А.В. Шмидт // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент». – 2010. – № 26(202) – С. 34–41.
4. Худякова, Т.А. Роль контроллинга при управлении устойчивостью промышленного предприятия / Т.А. Худякова // Международная научно-практическая конференция «Инновационное развитие современной науки: сборник статей». – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 293–295.
5. Баев, И.А. Управление экономической устойчивостью предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности / И.А. Баев, А.В. Шмидт // Вестник УрФУ. Серия «Экономика и управление». – 2012. – № 3. – С. 50–63.
6. Шмидт, А.В. Сущность и показатели экономической устойчивости промышленных предприятий / А.В. Шмидт // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2011. – № 3(16). – С. 55–66.
7. Шмидт, А.В. Управление промышленным предприятием, как открытой целеориентированной системой, по критерию экономической устойчивости / А.В. Шмидт // Перспективы науки. – 2011. – № 4(19). – С. 202–211.

[К содержанию](#)

УДК 615.7:619 + 619:599

**ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ
К ГИПОКСИИ У КРЫС С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ
МИКРОСОМАЛЬНОГО ОКИСЛЕНИЯ ПРИ ВВЕДЕНИИ
ГЛЮКОКОРТИКОИДНОГО ПРЕПАРАТА КЕНАЛОГА**

*В.Э. Цейликман, Д.А. Козочкин, А.И. Сеницкий, М.Е. Мишарина,
М.В. Комелькова, Р.В. Деев, М.С. Лапшин*

В результате исследования было установлено, что поведенческие расстройства проявлялись у всех животных получавших ТА, без относительно продолжительности гексеналого сна, наблюдалось снижение количества локомоций в «открытом поле при одновременном увеличении анксиогенной, снижение толерантности к острой гипоксической гипоксии, т.е. введение ТА воспроизводит те изменения поведенческого статуса, которые характерны для стрессорных воздействий со сниженной устойчивости к гипоксии.

Ключевые слова: поведенческая активность, гипоксия, глюкокортикоидные препараты.

В экспериментальных исследованиях показано, что одна и та же доза глюкокортикоидного препарата триамцинолона ацетонида (ТА) у крыс вызывает различного характера психотопные эффекты [Волчегорский, И.А. 2003]. Так, в одних случаях введение ТА сопровождалось снижением ориентировочной реакции и поведения самоотчистки (груминга) при тестировании крыс в открытом поле. Подобные изменения психологического статуса рассматриваются как следствие дефицита гипоталамической продукции кортиколиберина в связи с введением глюкокортикоидного препарата, а наблюдаемые поведенческие расстройства считаются своеобразными гомологами атипичной депрессии. В других случаях введение ТА сопровождалось уменьшением локомоций и увеличением показателя анксиогенной дефекации, что рассматривается как проявление анксиогенных расстройств в результате гиперпродукции кортиколиберина, являющегося основным медиатором тревожности. Такой характер поведенческих расстройств интерпретируется как гомолог «меланхолической депрессии». Ранее аналогичные изменения поведенческого статуса у крыс было обнаружено при редкочередующихся 1 часовых иммобилизациях, которые рассматриваются, как модель анксиогенного стресса со сниженной устойчивостью к гипоксии.

Важно отметить, что как глюкокортикоидные препараты, так и эндогенные глюкокортикоиды метаболизируются в организме через определённые изоформы цитохрома P450. Поэтому можно предположить наличие связи между психотропными эффектами глюкокортикоидных препаратов и

уровнем их микросомального окисления. Интегральным тестом, позволяющим оценить состояние микросомального окисления у животных, является продолжительность гексеналового сна. Поэтому целью исследования являлось сопоставление поведенческих эффектов и устойчивости к гипоксии, в ответ на введение ГА у крыс с различной продолжительностью гексеналового сна.

Материалы и методы

Исследование выполнено на 42 крысах популяции Вистар, весом 230–300 г. Гексенал вводили внутрибрюшинно в виде 5 % водного раствора из расчета 60 мг на 1 кг массы. Длительность сна оценивали по времени нахождения животных в боковом положении. Окончанием сна считали момент восстановления рефлекса переворачивания. Через 72 ч после введения гексенала животным подкожно вводили пролонгированный глюкокортикоидный препарат триамцинолона ацетонид (ГА; «Berlin-Chemie», Германия) в дозе 2 мг/кг животные контрольной группы получали эквивалентное количество 0,9 % NaCl. Изучение двигательной активности и эмоционального статуса животных проводили методом «открытого поля». Дополнительно эмоциональная реакция страха изучалась в тесте «приподятый крестообразный лабиринт». Острое гипоксическое воздействие моделировалось, путём помещения животных под воду с последующей регистрацией латентности развития гипоксической комы. О статистической значимости различий судили с помощью непараметрических критериев Манна-Уитни (U) и точного одностороннего критерия Фишера (ТКФ).

Результаты и обсуждения

Установлено, что поведенческие расстройства проявлялись у всех животных получавших ГА, без относительно продолжительности гексеналового сна. Так, было установлено снижение количества локомоций в «открытом поле» (с $10,54 \pm 2,41$; $n=24$ до $14,83 \pm 1,89$, $n=18$; ТКФ=0,02) при одновременном увеличении анксиогенной дефекации (с $2,75 \pm 0,46$; $n=24$ до $4,76 \pm 0,64$, $n=18$; $P=0,011U$) по сравнению с контрольными животными. Также наблюдалось снижение толерантности к острой гипоксической гипоксии. Следовательно, в данной группе при введении ГА, наблюдались поведенческие расстройства гомологичные меланхолической депрессии, сцепленные со сниженной устойчивостью к гипоксии. Таким образом, введение ГА воспроизводит те изменения поведенческого статуса, которые характерны для стрессорных воздействий со сниженной устойчивости к гипоксии. Ранее нами было установлено, что стрессорные воздействия со сниженной устойчивости к гипоксии характеризуются повышенными уровнями кортикостерона и адреналина, а также нарушениями регуляции длинной петли отрицательной обратной связи в нейро-эндокринной оси гипоталамус-гипофиз-кора надпочечников. Эффекты ГА дифференциально воспроизводились у «быстрых» и «медленным метаболайзеров». Так, у «медленным метаболай-

зеров» при введении ТА наблюдались признаки поведенческих расстройств гомологичные меланхолической депрессии, а именно снижение количества локомоций ($19,72 \pm 4,18$; $n=11$ до $8,75 \pm 4,62$, $n=8$; $P=0,042$ U) и увеличение уровня дефекации ($2,45 \pm 0,79$; $n=11$ до $5,13 \pm 0,64$, $n=8$; $P=0,047$ U) без сопутствующего снижения устойчивости к гипоксии. Напротив, у «быстрых метаболайзеров» в ответ на введение ТА наблюдалось снижение толерантности к гипоксии без сопутствующего увеличения уровня анксиогенной дефекации. Тем не менее, у этих животных наблюдалось увеличение вертикальной активности ($1,12 \pm 0,31$; $n=8$ до $6,25 \pm 1,79$, $n=5$; $P=0,017$ U) в тесте «открытое поле», что можно интерпретировать как усиление ориентировочной реакции.

Особенно важно, что группа контрольных животных с низкой продолжительностью гексеналового сна характеризуется повышенным уровнем тревожности. Подгруппа с низкой продолжительностью гексеналового сна по сравнению с подгруппой с высокой продолжительностью исходно характеризуется большим временем пребывания в «тёмных рукавах» крестообразного лабиринта ($486,00 \pm 20,52$ сек для крыс с высокой продолжительностью гексеналового сна и $539,64 \pm 18,31$ сек для крыс с низкой продолжительностью; $P=0,025$ U).

Важно отметить отсутствие корреляционных зависимостей между показателями, характеризующими уровень тревожности в тестах «открытое поле» и «крестообразный лабиринт» у животных получавших ТА. Скорее всего, это связано с тем, что у животных с различной продолжительностью гексеналового сна введение ТА привело к развитию различных паттернов тревожности. У «быстрых метаболайзеров» получавших ТА состояние тревожности сопряжено с реакцией страха, вегетативным проявлением которого является повышенный уровень дефекаций. Тревожность у «медленных метаболайзеров» получавших ТА связана с состоянием сверхбдительности о чём свидетельствует увеличение ориентировочных реакций в тесте «открытое поле».

[К содержанию](#)

УДК 371.72+ 37.037.2-053.6

ОСОБЕННОСТИ ВНЕКЛАССНОЙ РАБОТЫ ПО ФИЗИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ С ПОДРОСТКАМИ С ВЫРАЖЕННЫМ СИНДРОМОМ ГИПЕРАКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Е.А. Черепов

Проведено исследование выраженности симптомов гиперактивного поведения подростков двух школ г. Челябинска и предложена экспериментальная методика проведения секционных физкультурных занятий игровой направленности с целью коррекции выявленных симптомов. На основании положительной динамики ключевых критериальных показателей в экспериментальной группе показана эффективность предложенной методики.

Ключевые слова: подростковый возраст. Синдром гиперактивного поведения, внеклассное физическое воспитание.

В последние годы становится довольно острой проблема расторможенных, ни секунды не сидящих на месте детей. И если еще несколько лет назад в подростковых классах их было по одному–два на класс, то сейчас – до 10-ти и более [4]. Гиперактивность – это встречающаяся в детском и подростковом возрасте совокупность симптомов, связанных с чрезмерной психической и моторной активностью. Она возникает по причинам генетических, пренатальных и социальных факторов. По данным разных исследователей ею страдают от 2,2 до 18 % подростков, что мешает их социальной адаптации [1, 4]. Известно, что дети, страдающие гиперактивностью, относятся к категории «группа риска» по развитию в дальнейшем алкоголизма и наркомании. По разным данным, у 30–70 % детей проявления синдрома дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ) переходят во взрослый возраст, особенно если не заниматься формированием самоконтроля поведения [2].

У 70 % гиперактивных детей низкий уровень самоконтроля, что вызвано причинами социального характера. Родители, да и учителя-предметники не владеют методическим материалом по формированию самоконтроля поведения гиперактивных детей. Неправильное семейное воспитание, ошибки педагогов способствуют занижению уровня самоконтроля [2].

В литературных источниках крайне фрагментарно описаны средства и методы физического воспитания, которые педагог может использовать в качестве профилактических при работе с детьми с СДВГ [1, 3, 4]. В то же время, большинство исследователей сходятся во мнении, что работа с гиперактивными детьми обязательно должна включать физическую нагрузку. Однако не все виды физической активности могут быть полезны для гиперактивных детей. Для них, например, не показаны игры, где сильно выражен эмоциональный компонент [1, 4].

Педагогический эксперимент осуществлялся зимой 2014 г. Занятия в рамках эксперимента проводились в школе № 118 г. Челябинска после уроков, с учениками у которых психологом школы был выявлен синдром дефицита внимания и гиперактивное поведение 2 раза в неделю по 30–40 минут в течение месяца. Экспериментальная группа включала 14 ($n = 14$) подростков в возрасте 11–13 лет. Группу контроля составили учащиеся школы № 45 с аналогичным синдромом в таком же количестве.

Для оценки степени склонности подростков к гиперактивному поведению использовалась следующая батарея методик [3]:

1) методика «ДА и НЕТ» использовалась для диагностики степени произвольности внимания детей;

2) методика «Вежливость» использовалась для диагностики уровня произвольности детей;

3) методика «Обведение контура» использовалась для диагностики уровня концентрации внимания и моторно-двигательного развития учащихся, что позволяет судить о степени их склонности к гиперактивному поведению.

Кроме перечисленных методик нами использовалось анкетирование родителей детей для выявления степени выраженности симптомов гиперактивного поведения у ребенка. Родителям предлагался опросный лист в виде таблицы, содержащий перечень вопросов по 72 симптомам, которые могут наблюдаться при гиперактивном поведении.

Содержание дополнительных физкультурных занятий с гиперактивными детьми включало выполнение несложных игровых упражнений с различной степенью интенсивности физической нагрузки, например, таких:

«Почесать спинку», цель – снять напряжение, повысить групповую сплоченность, релаксация перед упражнением, в котором нужна концентрация внимания. «Шершавые дощечки», цель – развитие осязательных ощущений и концентрации внимания. «Тряпичная кукла», цель – упражнение на релаксацию дает детям возможность нежно позаботиться друг о друге. «Разрывание бумаги», цель – разрядка накопившейся энергии. «Смеяться запрещается», цель – успокоить возбужденную группу и настроить на работу, которая требует концентрации внимания. «Путешествие на облаке», цель – упражнение на релаксацию дает детям успокоиться и настроиться на работу. «Речка», цель – развитие зрительно-двигательной координации. «Черепашка», цель – научить контролировать свои движения. «Игра с коробками», цель – для разрядки накопившейся энергии, развития концентрации внимания, сплочения группы. «Летает – не летает», цель – развитие произвольности движений. «Замри», цель – формирование элементов самоконтроля и другие игры и упражнения, способствующие формированию у подростков навыков самоконтроля.

Помимо выше описанной работы с подростками, нами велись профилактические беседы и выступления на родительских собраниях, на основе

литературных данных были разработаны и предложены родителям следующие рекомендации для оптимизации общения с детьми, у которых выявлен синдром дефицита внимания с гиперактивным поведением.

Проведение констатирующих диагностических процедур в обеих исследуемых группах подростков показало следующее (табл. 1).

Таблица 1

Название методики, ед. измерения	ЭГ ($X \pm \delta$)	КГ ($X \pm \delta$)	p
«Да – нет» (произвольное внимание), кол-во ошибок	4,1 ± 2,0	3,8 ± 2,2	≥ 0,05
«Вежливость» (произвольная двигательная активность), кол-во ошибок	2,7 ± 0,6	2,5 ± 0,7	≥ 0,05
«Обведение контура» (моторно-двигательное развитие), кол-во баллов	7,9 ± 2,3	8,4 ± 2,4	≥ 0,05
Анкетирование родителей (выраженность симптомов гиперактивного поведения), кол-во баллов	111,6 ± 19,0	106,1 ± 14,2	≥ 0,05

Из таблицы 1 видно, что подростки контрольной и экспериментальной групп достоверно не различаются между собой по уровню выраженности симптомов гиперактивного поведения, и их результаты свидетельствуют о значительной выраженности симптомов гиперактивного поведения, что подтверждает данные, полученные нами у психологов обеих школ. Анкетирование родителей также показало, что проявление гиперактивности подростков исследуемых групп достаточно сильно проявляется в повседневной жизни.

По окончании экспериментальной работы, в феврале 2014 г., повторно была проведена оценка показателей склонности подростков исследуемых групп к гиперактивности, результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Итоговые показатели самоконтроля поведения участников

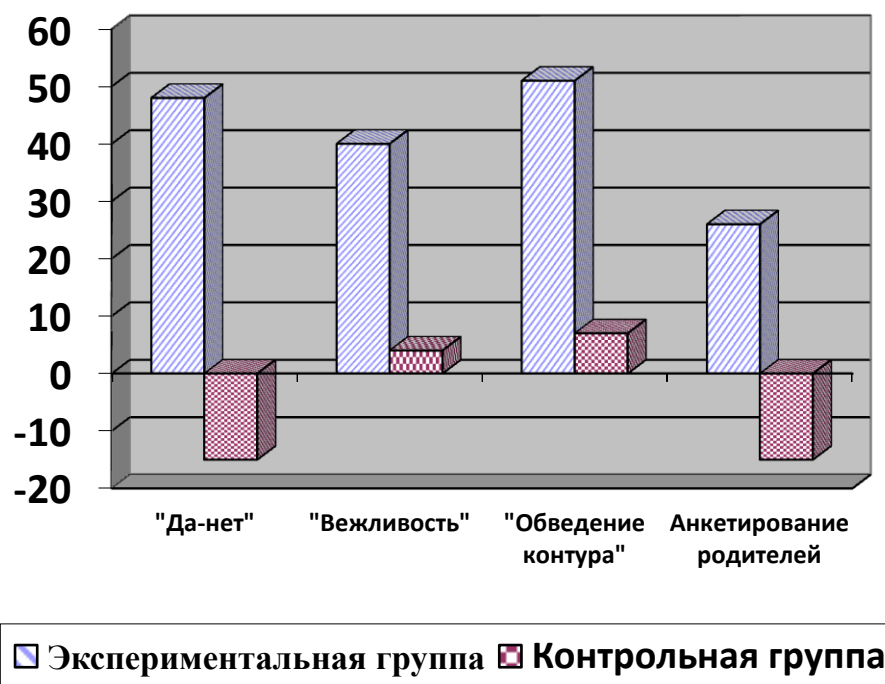
Название методики, ед. измерения	ЭГ ($X \pm \delta$)	КГ ($X \pm \delta$)	p
«Да – нет» (произвольное внимание), кол-во ошибок	2,5 ± 1,6	4,4 ± 1,8	≤ 0,05
«Вежливость» (произвольная двигательная активность), кол-во ошибок	1,8 ± 0,3	2,6 ± 0,6	≤ 0,05
«Обведение контура» (моторно-двигательное развитие), кол-во баллов	13,3 ± 2,2	9,0 ± 2,5	≤ 0,05
Анкетирование родителей (выраженность симптомов гиперактивного поведения), кол-во баллов	85,8 ± 16,1	123,0 ± 22,7	≤ 0,05

Проведя итоговую диагностику и посчитав достоверность различий среднегрупповых показателей, используя критерий Стьюдента, выяснили, что использованная методика зарекомендовала свою эффективность, по-

сколько по итогам эксперимента по всем исследуемым показателям учащиеся экспериментальной группы стали достоверно различаться от сверстников из группы контроля по степени выраженности симптомов гиперактивного поведения.

Исследование динамики показателей в тестах при помощи формулы S. Brody показало, что экспериментальная группа демонстрирует снижение уровня гиперактивности по всем используемым нами методикам.

Методика «Да и Нет» – количество ошибок сократилось очень значительно (48 %), что свидетельствует о повышении произвольного внимания участников экспериментальной группы. Почти на 1 балл (40 %) снизилось количество ошибок в тесте «Вежливость», что говорит об улучшении произвольной двигательной активности. Улучшились показатели по методике «Обведение контура» (51 %), что позволяет нам сделать вывод о развитии моторно-двигательной системы. Анкетирование родителей подтверждает полученные нами экспериментальные данные – у подростков экспериментальной группы наблюдается значительное снижение выраженности симптомов гиперактивного поведения подростков в повседневной жизни. Изменения в контрольной группе крайне незначительны и большинство из них имеет негативную тенденцию (рис.).

Изменение показателей склонности
к гиперактивному поведению подростков (%)

Кроме того, в результате беседы с классными руководителями подростков, входивших в состав экспериментальной группы, выяснилось, что у большинства испытуемых заметно выросли показатели прилежания в учебе и, соответственно, успеваемости по предметам.

Таким образом, экспериментальная работа по внеклассному физическому воспитанию подростков с использованием методики, направленной на снижение выраженности симптомов гиперактивности, показала достаточно высокую эффективность. В экспериментальной группе по окончании эксперимента продолжительностью в месяц зарегистрированы достоверные и достаточно значимые изменения показателей по всем тестам, характеризующим проявления самоконтроля поведения и склонность к гиперактивному поведению.

Библиографический список

1. Заваденко, Н.Н. Гиперактивность с дефицитом внимания у детей / Н.Н. Заваденко // Российский медицинский журнал. – 2006. – Т. 14. – № 1. – С. 51–56.
2. Политика, О.И. Дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью / О.И. Политика. – М.: Речь, 2008. – 126 с.
3. Чутко, Л.С. Синдром нарушения внимания с гиперактивностью у детей и подростков / Л.С. Чутко, А.Б. Пальчик, Ю.Д. Кропотов. – СПб.: ИД СПбМАПО, 2004. – 112 с.
4. Эйдемиллер, Э.Г. Психологическая коррекция детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью (с учетом половых различий) / Э.Г. Эйдемиллер, В.И. Габдракипова. – М.: Перспектива, 2009. – 44 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.016:796 + 378.172

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЗАНЯТИЙ СО СТУДЕНТАМИ СПЕЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГРУППЫ В ВУЗЕ

Е.М. Янчик, В.В. Янчик, Б.М. Моторин

В статье представлен опыт проведения занятий физическим воспитанием со студентами, имеющими отклонения в состоянии здоровья с точки зрения индивидуализации процесса с целью не физкультурной направленности.

Ключевые слова: здоровье, индивидуальный подход, оздоровительные занятия, специальная медицинская группа, пульсометрия, студенты, физическое воспитание.

В современной педагогической практике до сих пор не удается решить задачу приобщения детей и молодежи к занятиям физическими упражнениями: только 10–12 % школьников систематически привлечены к физкультурно-спортивной деятельности, более 70 % старшеклассников считают, что они не получили в школе необходимых знаний и умений для самостоятельных занятий. В этой связи проблема освоения ценностей физической и

спортивной культуры существенно актуализируется на всех возрастных этапах развития личности и выступает как социально значимая задача, которая должна решаться за счет новых подходов в системе физического воспитания, эффективной реализации его педагогического потенциала [3].

На сегодняшний день определяющим фактором в вузовском физическом воспитании является личностно-ориентированное отношение студентов к этому процессу, их активизация в этом процессе при должном его интеллектуальном обеспечении на базе последних научных достижений в области разумной жизнедеятельности человека, его здоровья, дееспособности и долголетия [2]. Физическая культура человека во многом определяет его существование в современной окружающей среде, его умственную и деятельную активность, поэтому формирование устойчивого мотивированного интереса к физическому воспитанию является первоочередной задачей [1].

Оптимизация физического развития студентов должна быть направлена на повышение уровня отстающих физических качеств и нормализацию морфофункциональных показателей (улучшение осанки, регулирование массы тела, увеличение жизненной емкости легких, повышение толерантности к физической нагрузке и др.). Оценка морфофункциональных данных занимающихся проводится на основе сопоставления индивидуальных показателей с имеющимися в литературе стандартами физического развития, таблицами оценки уровня гармонии физического развития, использования методов индексов и др.

Главная задача, стоящая перед преподавателем физической культуры в специальной медицинской группе (СМГ) – это формирование потребности в регулярных занятиях физическими упражнениями и установки на здоровый стиль жизни [5]. Индивидуальный подход в процессе обучения и воспитания необходим при решении любой частной задачи – будь то формирование знаний, умений и навыков или воспитание физических и духовных качеств и выражается в дифференциации учебных заданий.

По данным за 2012–2013 учебный год нами был проведен анализ состава студенческих специальных медицинских групп ЮУрГУ и выявлена следующая картина распределения обучающихся по нозологии: 34,6 % с нарушениями осанки и заболеваниями и нарушениями опорно-двигательного аппарата (ОДА); 19,2 % с заболеваниями сердца и сосудов; 15,4 % с заболеваниями верхних дыхательных путей; 11,5 % с миопией и нарушениями органа зрения; 8,1 % с заболеваниями почек; 3,8 % с заболеваниями органов пищеварения; 7,4 % – с другими заболеваниями и нарушениями здоровья. Причем у 30,8 % студентов несколько диагнозов (например, нарушение осанки и миопия).

Несмотря на оздоровительно-восстановительную направленность занятий в СМГ, они не должны сводиться только к лечебным целям. Преподаватели должны стремиться к тому, чтобы студенты приобрели достаточную разностороннюю и специальную физическую подготовленность к будущей

профессиональной деятельности, улучшили свое физическое развитие. Регулярные (систематические) физические нагрузки способствуют нормализации моторных процессов, особенно при заболеваниях кардиореспираторной, эндокринной и других систем, помогают восстановить сниженные и утраченные функции организма. Не секрет, что физические упражнения – единственное средство, нормализующее функцию движения и восстановление координации. Восстанавливая двигательную функцию, одновременно через нейрогуморальные связи улучшаются функции систем организма, вовлеченные в патологический процесс [6].

Студенты СМГ – особый контингент не только потому, что у них имеются нарушения здоровья постоянного или временного характера, кроме того это студенты менее всего адаптированные к физической нагрузке. Чаще всего причиной этого является то, что до поступления в вуз они не занимались физической культурой по разным причинам (отсутствие специалистов, условий для занятий в СМГ и др.), поэтому у юношей и девушек СМГ чаще всего слабо развиты двигательные умения и навыки.

Способность к восприятию физических нагрузок у студентов СМГ различна. И если физические нагрузки не будут адекватны их возможностям, то могут возникнуть серьезные осложнения, занятия вместо пользы принесут вред. Не следует включать в занятия сложные движения на координацию, упражнения с натуживанием и задержкой дыхания, подъемом тяжестей и другие, которые студенту трудно освоить и выполнить из-за сниженной физической работоспособности и по состоянию здоровья [4].

В занятии одновременно участвуют студенты с разными нарушениями здоровья, с каждым из них на начальном этапе проводится работа по определению приоритетных для него задач физического воспитания, разрабатывается индивидуализированный комплекс упражнений подготовительной и основной частей учебного занятия.

Индивидуальный подход к студентам СМГ означает учет состояния показателей физического развития, функциональных параметров, антропометрических составляющих в процессе освоения форм физической культуры, прогнозирование потенциальных результатов и достижений. В зависимости от функционального состояния, тренированности и течения заболевания нагрузки вначале должны быть малой интенсивности, затем – средней. Контроль за реакцией сердечнососудистой системы осуществляется по пульсу, частоте дыхания, самочувствию, цвету кожных покровов, потоотделению и др.

Теоретический раздел программы по физическому воспитанию студентов СМГ освещает вопросы физической подготовки, методик самооценки и самоконтроля за нагрузкой, состояния различных систем организма (сердечнососудистой, дыхательной, костно-мышечной и др.), физических кондиций, их влияния на текущее и общее состояние здоровья. Практический

раздел направлен на развитие, в первую очередь, таких качеств как выносливость, гибкость, улучшение координации движений. Во время проведения занятий соблюдаются следующие условия: организационные (разделение по состоянию здоровья и уровню подготовленности); дидактические (принципы постепенности и последовательности, сознательности и активности, систематичности и доступности и др.); методические (подбор упражнений, дозировка нагрузок и отдыха, подбор исходных положений и др.). Контрольный раздел содержит комплекс тестовых методик для оценки эффективности процесса по физическому воспитанию.

Один из основных показателей эффективности процесса физического воспитания – тестирование переносимости физической нагрузки для студентов СМГ, который проводится на основании субъективных признаков утомления, пульсометрии в начале и в конце каждого семестра обучения. Задачи индивидуализации в процессе физического воспитания студентов решаются при помощи педагогических средств и методов, как в краткосрочном, так и долговременном планировании педагогического процесса.

На занятиях по физическому воспитанию со студентами СМГ мы используем следующие средства и методы: дозированную ходьбу, общеразвивающие упражнения (ОРУ) с предметами и без предметов, бег различной интенсивности и др., соответствующие индивидуальному состоянию, физической подготовленности и функциональной переносимости под контролем ЧСС. Пульсометрия проводится в течение всего занятия. Объём, интенсивность нагрузки, время отдыха между упражнениями и отрезками дистанции изменяются по мере адаптации к физической нагрузке. Комплексы общеразвивающих и специальных упражнений подготовительной и основной частей занятия составлены таким образом, чтобы обучающиеся могли заниматься в соответствии с индивидуальным диагнозом. Например, студенты с заболеваниями верхних дыхательных путей, сердца и сосудов выполняют помимо общеразвивающих упражнений комплекс специальных дыхательных, самомассаж воротниковой зоны; с нарушениями костно-мышечной системы – упражнения для коррекции осанки, плоскостопия и т.д.

В своей работе мы столкнулись с тем, что студенты, особенно впервые приступающие к занятиям в СМГ, весьма слабо осведомлены об особенностях личной переносимости физической нагрузки, не имеют навыков пульсометрии и ее оценки. Задача преподавателя в этой связи разъяснить студенту уровень его физической подготовленности, при необходимости поставить задачи ее коррекции на семестр, учебный год, научить самостоятельно, оценивать индивидуальную реакцию на физическую нагрузку и ее изменения. Обучающиеся фиксируют свои данные в индивидуальных картах, самостоятельно оценивают динамику своих показателей в течение урока, семестра, периода обучения. Результатом такого подхода является то, что студенты занимаются исходя из своих возможностей, могут адаптиро-

ваться к окружающей среде, понимают и оценивают важность занятий физической культурой, у них появляется осознанное желание заниматься, занятия из принудительных становятся более конструктивными [3].

Безусловно, проведение занятий по физическому воспитанию со студентами СМГ требует от преподавателя специальной подготовки и предъявляет определенные требования к его квалификации. Знание общих основ и частных методик лечебной физической культуры и реабилитации – необходимое условие продуктивной работы преподавателя физической культуры в СМГ. Педагогу приходится самостоятельно корректировать педагогический процесс, его содержание и процессуальную сторону, учитывая меняющийся состав студентов и их состояние, позволяет разнообразить образовательный процесс, делает его творческим, интересным и продуктивным для педагога и обучающегося.

Библиографический список

1. Головченко, О.П. Актуализация вузовского физического воспитания. Монография / О.П. Головченко. – Омск: Изд-во СибАДИ, 2008. – 156 с.
2. Лубышева, Л.И. Концепция формирования физической культуры человека / Л.И. Лубышева. – М.: ГЦОЛИФК, 1992. – 122 с.
3. Манжелей, И.В. Педагогические модели физического воспитания: учебное пособие / И.В. Манжелей. – М.: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры и спорта», 2005. – 185 с.
4. Особенности занятий физическим воспитанием со студентами специальной медицинской группы: методические указания / сост. Е.М. Янчик, В.В. Янчик. – Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 2011. – 36 с.
5. Холодов, Ж.К. Теория и методика физического воспитания и спорта: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Ж.К. Холодов, В.С. Кузнецов. – 7-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 480 с.
6. Шорин, Г.А. Общие основы физической реабилитации: учебное пособие / Г.А. Шорин, Т.Г. Мutowкина. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. – 91 с.

[К содержанию](#)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

УДК 902.2(470.55) + 903.5(470.55)

НОВЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЯ КОМПЛЕКСА УЕЛГИ)

С.Г. Боталов

Отдельные семейные группы погребений погребального комплекса Уелги, которые оформлены в рамки курганов, достаточно ярко демонстрируют сравнительную культурную однородность внутри себя. Так, курган 1 (погребения 1–5) 2010 года исследований и курган 31 2012 года исследований продемонстрировали яркий кыпчако-кыргызский комплекс. С отсутствием керамического материала и гарнитурой 4-ой стилистической группы. Курган 29 («тайник») 2012 года исследований и курган 9 (погребение 7) 2013 года исследований показали материал со смешанной стилистической группой 1–3 и 5 и с керамикой позднекушнаренковского и караякуповского облика.

Ключевые слова: Уелги; средневековье Южного Урала; угры; мадьяры; башкиры; кыпчаки; кыргызы.

Пять лет исследований на погребальном комплексе Уелги позволяют сделать первые некоторые заключения о динамике формирования некрополя и особенностях составляющих его этнокультурных компонентов. Хотя степень разграбленности памятника (примерно 90 % – !), безусловно, чрезвычайно усложняет процесс реконструкций и интерпретаций [1]. Тем не менее, оригинальность уелгинских материалов с лихвой покрывает эпизодические разочарования исследователей этого комплекса.

На сегодняшний момент исследовано около 12-ти курганов, в которых обнаружено до сорока погребений. В целом погребальный обряд выглядит следующим образом:

Под насыпью могло находиться от двух до шести погребений. Большинство погребений совершено по способу ингумации. Обряд трупосожжения зафиксирован в четырех случаях (курган 1, погребения 3, 5; курган 8, погребение 2, курган 31). Ориентировка погребенных достоверно устанавливается в семи случаях – головой в западном направлении, с отклонениями к северу или к югу; в одном случае (курган 1, погребение 2) костяк был ориентирован головой на Ю-З. Ориентировка ям разрушенных погребений в основном ЮЗ-СВ, с отклонениями. В пяти случаях зафиксировано присутствие костей животных в могиле. Как правило, это конечности лошади, однако в одном случае (курган 7, погребение 5) в могиле лежал череп ло-

шади. Отметим также, что «тайники» (курган 29, 31) также сопровождались костями лошади. Помимо этого, рядом с ямами могли находиться жертвенники из черепов лошади. Достоверно это зафиксировано в пяти случаях. В комплексе кургана 31 череп лошади мог выставляться на жердях. В редких случаях удалось проследить некоторые детали погребального обряда: предметы конской упряжи укладывались ниже таза, в ногах, клинковое оружие (два случая) — рядом с погребенным справа. В погребении 5 кургана 7 в ногах лежал уздечный набор из округлых бляшек. Некоторые могилы имели деревянные конструкции (курган 3, погребения 1, 2; курган 7, погребение 5; курган 29, погребения 1, 2), фиксируемые по древесным фрагментам по периметру камеры.

Весь накапливаемый вещевой материал продолжает компоноваться по пяти ранее выделенным стилистическим группам, выделенным нами на первом этапе исследований памятника [2].

Первую группу объединяют, преимущественно, неорнаментированные накладки: накладки с псевдопетельчатым или петельчатым выступом, гантелевидные, лунницевидные и накладки с парными или тройными выступами, накладки с нервюрой по осевой линии, а также накладки с прорезью для подвесного ремня и др. Они получают широкое распространение в начале IX в. В качестве аналогий можно привести известные памятники IX–X вв. Башкортостана и Южного Зауралья – I и II Бекешевские, Ямаши-Тауские, Хусаиновские курганы, могильник Граултры. Наиболее ранние экземпляры встречены в слоях Пенджикента от первой до третьей четверти VIII в. Следует заметить, что некоторые прямые аналогии встречаются в отдаленных от Южного Урала могильниках, например, Субботицы в Кировоградской области Украины. Стилистическую группу 2 составляют поясные, сбруйные и другие серебряные накладки, наконечники ремней, аналогичные предметам из отдельных погребений кочевой аристократии Южного Урала и Казахстана. Это богато украшенные растительным орнаментом накладки, распределители и наконечники, имеющие золотое амальгамирование поверхности, соотносимы с материалами Лагереvских, Ишимбаевских, Старо-Халиловских, Каранаевских, курганов Южного Урала. Рассматриваемую группу можно относить к IX–X вв. Отдельные изобразительные элементы схожи с хазарской (салтовской) стилистикой. Стилистическую группу 3 составляют вещи, несущие «мадьярские» изобразительные элементы. Это оформление бордюра звеньевым орнаментом – чередующимися овалами и кружками (или в других вариациях); «постсасанидский» стиль. Центральным элементом орнамента выступает трех- или четырехлепестковая в большинстве случаев розетка или расцветающий цветочный бутон, трилистники. Ременные украшения с бордюром, оформленном чередующимися овалами и кружками встречены в синхронных (в хронологическом плане) памятниках от Южного Урала до Восточной

Европы: в развешанном погребении близ Эмбы, в Синеглазовском могильнике, в Больше-Тиганском могильнике, в Танкеевском могильнике, в погребении у с. Субботица. Четвертую стилистическую группу составляют предметы, имеющие южно- и западносибирские декоративные традиции второй половины – конца I тыс. н. э. Их объединяет растительная орнаментация симметричных композиций в виде побегов и завитков. Пятая группа представлена предметами, соотносимыми с угро-пермским стилем.

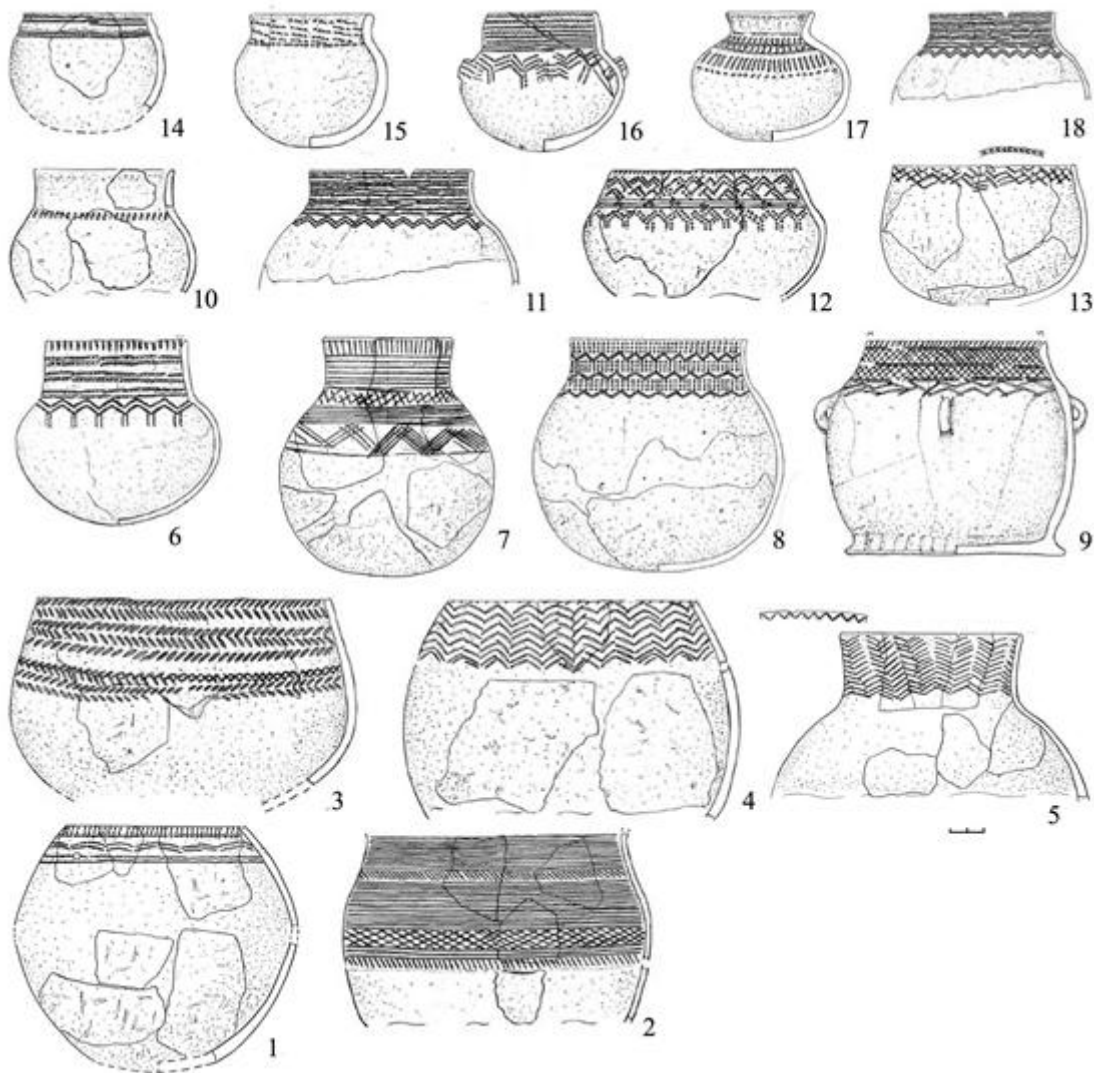

Рис. 1. Погребальный комплекс Уелги. Керамика

Интересен тот факт, что эти различные типологические наблюдения подтверждаются в процессе продолжающихся раскопок. Отдельные семейные группы погребений, которые оформлены в рамки курганов, достаточно ярко демонстрируют сравнительную культурную однородность внутри себя. Так, курган 1 (погребения 1–5) 2010 года исследований и курган 31 2012 года исследований продемонстрировали яркий кыпчакско-кыргызский комплекс. С отсутствием керамического материала и гарниту-

рой 4-ой стилистической группы. Курган 29 («тайник») 2012 года исследований и курган 9 (погребение 7) 2013 года исследований показали материал со смешанной стилистической группой 1–3 и 5 и с керамикой позднекушнаренковского и караякуповского облика. Думается, детальный типологический разбор материалов внутри каждого закрытого комплекса будет демонстрировать более чётко его культурную неповторимость. Сегодня же можно очень осторожно наметить тот факт, что в керамическом комплексе сочетания элементов кушнаренковско-караякуповского облика (рис. 1, 2, 3–5, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 17, 18) характерны для курганов и погребений с материалами 1–3 стилистическими группами (башкирско-мадьярского населения). Керамика со шнуровой и гребенчатой орнаментацией петрогромско-юдинского облика (рис. 1, 1, 6, 9, 12, 15, 16) сочетается с 5-ой (пермско-угорской) стилистической группой. Комплексы же алтайского (кыпчакско-кыргызского) облика, которые не содержат керамики (стилистическая группа 4), достаточно ярко выделяются по предметам вооружения, защитного доспеха, конской упряжи и ременной гарнитуры.

За этой достаточно сухой типологической интерпретацией кроется яркое своеобразие уелгинского комплекса, которое было отмечено международным сообществом ученых в процессе проведения II-го Мадьярского симпозиума (август 2013 г.). При этом особенность данного памятника маркирует именно мадьярская культурная составляющая [3], которая отсутствует в известных памятниках сопредельных регионов Башкортостана, Прикамья и Западной Сибири. Причины вышеозначенной историко-культурной диспозиции, вероятнее всего, еще предстоит выявить.

Библиографический список

1. Грудочко, И.В. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–XI веках (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) / И.В. Грудочко, С.Г. Боталов // II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 110–138.
2. Боталов, С.Г. Новые материалы по культурогенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово) / С.Г. Боталов, И.В. Грудочко // Мадьяри в Середньому Подніпров'ї. Серія Археологія і давня історія України. – Київ: ІА НАНУ, 2011. – Вип. 7. – С. 79–99.
3. Боталов, С.Г. Проблема Уральской Правенгрии в свете новых открытий на погребальном комплексе Уелги // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки» – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 16–19.

[К содержанию](#)

ББК Т442.1 + Щ135

УДК 903.2 + 73.03

КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА ЛОШАДИ: СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ИЗ УРОЧИЩА БУЗЫКАЙ

С.Г. Боталов, Ю.В. Васина

В музей ЮУрГУ была передана случайная находка – каменная скульптура лошади. Аналогии неизвестны. Были проведены предварительные геологические и палеозоологические исследования. Составлено описание. Вопрос о времени создания остается открытым.

Ключевые слова: каменная скульптура, лошадь, лошадь Пржевальского, Бузыкай.

В 2014 г. в фонды музея «Народы и технологии Урала» Южно-Уральского государственного университета поступила скульптурка лошади, найденная случайно на берегу р. Бузыкай (левый приток р. Б. Кизил) в районе отделения Бузыкай Абзелиловского района Республики Башкортостан местной жительницей Харуновой Фаизой Закриевной.

Скульптура размером 12,3×8,4 см изготовлена из кварцита (определение к.г.-м.н. А.М. Юминова) красного цвета со слабым коричневым оттенком, который постепенно высветляется до желто-оранжевого (рис. 1).

Рис. 1. Скульптура лошади. Вид справа. Фото А.Д. Таирова (здесь и далее)

В породе встречаются небольшие червеобразные участки и пятна светло-серого цвета. Кварцит – твердый и весьма трудоемкий в обработке, но хорошо полирующийся минерал.

На левой передней ноге и на крупе отчетливо видны несколько тонких полос с металлическим блеском (при увеличении видны мелкие неокисленные чешуйки меди) – вероятно, следы металлической щетки. На правом ухе, на копыте правой передней ноги и копытах задних ног небольшие старые сколы.

Основная поверхность фигурки гладкая и хорошо отшлифованная, за исключением живота, а также внутренней части шеи и ног, где поверхность ямчато-бугорчатая, кавернозная (рис. 2). Каверны мелкие не более 1 мм, частые, заполненные глинистым веществом серого цвета. Каверны на остальной поверхности, а также царапины и сколы заполнены этим же веществом. По предварительной оценке геологов, кавернозность является результатом выщелачивания полевого шпата. Патина отсутствует, только в районе ушей, гривы и глаз фиксируются фрагменты пленки темно-серого с красным отливом цвета.

Рис. 2. Вид сверху и снизу

Обращает на себя внимание, что скульптурка неустойчива: при общей массивности опорные поверхности относительно фигуры очень маленькие и слегка скошенные к наружному краю, перепад между передней и задней частью копыта около 2 мм. Вероятно, она устанавливалась на мягкую поверхность или втыкалась. В целом фигурка слегка асимметрична.

Художественный уровень изображения очень высок. Фигура воспринимается как единый объем, сочетая выразительность и одновременно обобщенность скульптурной формы, натурализм отдельных деталей и стилизацию. Мастер изобразил животное стоящим в полный рост. Короткое плотное туловище, раздутый животик, короткая шея, опущенная вниз массивная тяжелая голова и короткие (относительно туловища) соединенные попарно ноги. Общий силуэт фигуры очень компактен, пропорции головы преувеличены по отношению к телу. Избегая детальной проработки, плавной линией скульптор очерчивает дугу гривы, прогиб спины, круп и переход к задней ноге, выделяет бедро, колено и сужающийся переход к копыту. Далее прорисовывает отвислый животик и переднюю ногу с выделенным запястьем, горбоносый с прямым лбом и выделенным подбородком профиль головы.

Рис. 3. Вид сзади

Фактура скульптурной поверхности неоднородная в отдельных частях, например на спине сглаженная, рельефные бока и фактурная моделировка морды.

Максимальные ширина и высота тела относятся как 1:1, а высота ног к высоте туловища приблизительно как 1:2. Скульптор, стремясь к предельной лаконичности, подчеркивает лишь те детали, без которых смысл изображения, вероятно, утрачивался. Объемом он выделяет мускулатуру шеи и задней ноги, плечо передней ноги, копыта и раздутый живот. Тремя объемными полосами разной высоты показывает короткую стоячую гриву. И невысоким, едва выступающим на фоне ног рельефом, отображен узкий хвост с кисточкой (рис. 3). И грива, и хвостик отделены от основного массива прочерченными линиями.

Длина головы составляет треть от длины тела. Морда смоделирована семью гранями. Верхняя – очерчивающая горбчатый нос и переходящая в широкий лоб – выпуклая, остальные слегка вогнутые, весь объем похож на призму (рис. 4). Резной линией выделен рот и ноздри. Замечателен рисунок ноздрей: полуарочный тонкий абрис наружного края и короткая дуга внутренней части. Очень эффектно переданы глаза с тяжелыми полуопущенными веками миндалевидной формы. Нижний контур глазницы слегка приподнят над плоскостью щеки и, хотя зрачки не обозначены за счет светотени, отчетливо читается направление взгляда. Полукругом выделены ганаша и подбородок, выемкой выбрано треугольное подчелюстное пространство. Короткие ушки, каплевидные с боку и треугольные плоскосрезанные впереди.

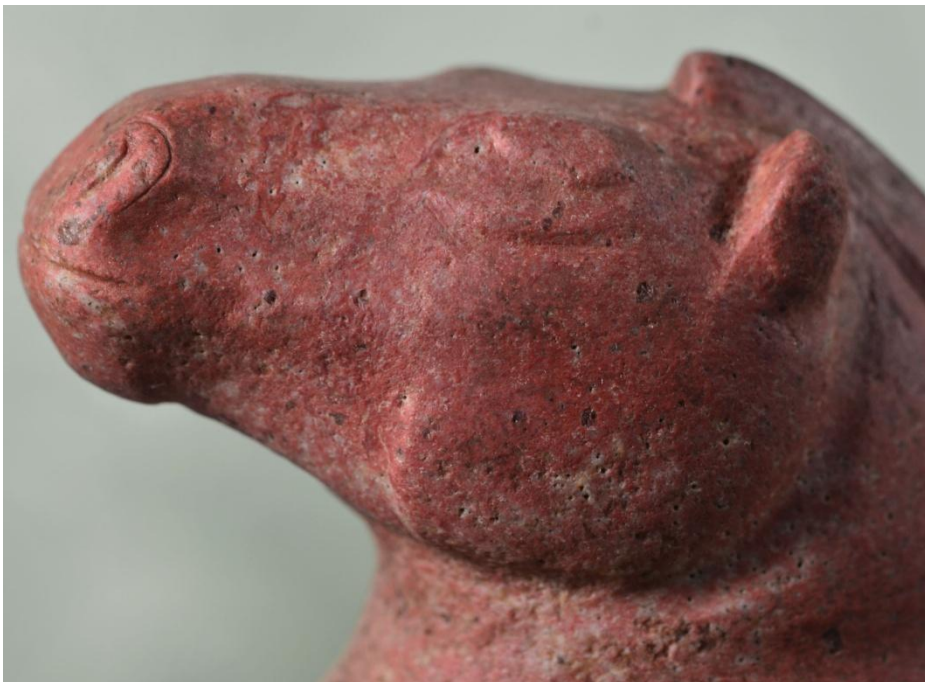

Рис. 4. Голова

Несмотря на проработанные детали морды, демонстрационной, вероятно, являлась боковая сторона. Именно с этой стороны изображение воспринимается целостно и только с этого ракурса заметно, что скульптор изобразил не стоящую, а бредущую лошадь. Изумительно передано начало движения, когда чуть согнулась в плече нога, чуть приподнялось копыто (приподнятое копыто изображено с помощью скошенной к наружному краю канавки) и зритель видит, как лошадь собирается сделать короткий неспешный шаг (рис. 1, 5).

Рис. 5. Скульптура лошади. Вид слева

Высокое мастерство скульптора проявляется буквально во всем: в знании анатомии, владении камнем, в отточенной стилизации. В зависимости от освещения скульптурка может восприниматься и как предельно обобщенный статичный, практически графический образ-символ, и как объемный с множественной детализацией достаточно реалистичный образ.

Замечательно использованы художественные возможности камня, в том числе и цветовые. Красно-коричневый, он постепенно высветляется, в районе копыт становясь желто-оранжевым. Это напоминает окраску диких лошадей: например, у лошади Пржевальского на голове, спине и крупе наиболее яркая, она заметно высветляется на животе и внутренней стороне ног.

В настоящее время открытым остается вопрос о видовой принадлежности лошади. По мнению Л.Л. Гайдученко, описываемая скульптура является изображением лошади Пржевальского. Об этом свидетельствует ряд признаков:

1) грубость конституции – черта, характерная для всех диких лошадей плейстоцена и голоцена, но у лошади Пржевальского наиболее значимо выраженная. В этом плане рассматриваемая скульптура сходна с пещерными изображениями лошадей Южной Европы и Башкирии;

2) крупноголовость – ярко выраженный признак лошади Пржевальского [1, 2, 3], отличающий её от тарпана;

3) грива. Лошадь Пржевальского отличается от тарпана наличием по бокам стоячей гривы тёмно-бурого цвета оторочки из достаточно длинных волос желтоватого цвета. В первоописании вида о гриве лошади Пржевальского читаем: «...она тёмно-бурая, обсаженная по краям довольно длинными желтоватыми волосами...» [4]. Челки у гривы нет. По обе стороны от стоячей короткой гривы описываемой скульптуры имеется по грубо прочерченной канавке, отделяющей осевую часть гривы от периферийной. При этом высота периферийных частей (правой и левой) составляет примерно половину высоты осевой части. Такое намеренное выделение осевой и периферийных (боковых) частей гривы является возможным отображением в скульптуре разных типов слагающих гриву волос (рис. 1, 2).

4) хвост. При внимательном рассмотрении видно, что внутри грубо обозначенной параллельными канавками области расположения хвоста имеется тонко выработанный рельеф самого хвоста. В этом рельефе отчётливо выделяется репица – достаточно толстая и лишённая длинных маховых волос прикорневая часть хвоста, занимающая примерно 1/3–1/2 общей длины его. Ниже хвост постепенно утолщается за счёт обрастания маховыми волосами. Граница между верхней и нижней частями не резкая, плавная. Этот хвост, уклоняясь от формы пышного хвоста домашней лошади, как бы приобретает черты хвоста-«кисточки» осла или кулана (рис. 3). Именно такое строение хвоста характерно для лошади Пржевальского [1, 4].

На прилегающих к Южному Уралу территориях Казахстана лошадь Пржевальского известна с позднего плейстоцена [5]. Здесь, в степях и полупустынях, она (или очень сходная с ней лошадь, определяемая как *Equus cf. Przewalskii*) продолжает обитать в раннем и среднем голоцене до эпохи энеолита включительно [6].

Датировка найденных вне археологического контекста уникальных предметов всегда затруднена, и вопрос о времени создания скульптуры пока остается открытым. Мы надеемся, что данная статья открывает ряд исследований этого предмета, и дальнейшие исследования дадут основания для датировки скульптуры.

Библиографический список

1. Заленский, В.В. *Equus przewalskii Poljak* / В.В. Заленский // Научные результаты путешествий Н.М. Пржевальского по Центральной Азии. – Отд. Зоологический. – Т. 1. – Млекопитающие. – Ч. 2. – Копытные. – Вып. 1. – СПб, 1902. – 76 с.
2. Кузьмина, И.Е. Лошади Северной Евразии от плиоцена до современности / И.Е. Кузьмина // Тр. Зоол. ин-та РАН. – СПб, 1997. – № 23. – 223 с.
3. Соколов, И.И. Копытные звери (Отряды Perissodactyla, Artiodactyla) / И.И. Соколов // Фауна СССР. Млекопитающие. – Т. 1. – М.-Л., 1959.
4. Поляков, И.С. Лошадь Пржевальского / И.С. Поляков // Известия Русского географического общества, 1881. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 9–10.
5. Гайдученко, Л.Л. Домашняя лошадь в неолите Казахстана / Л.Л. Гайдученко // Маргулановские чтения–2009: мат. междунар. науч. конф. – Петропавловск, 2009. – Т. I. – С. 27–30.
6. Спасская, Н.Н. О возможности распространения лошади Пржевальского на территории Северного Казахстана в начале голоцена / Н.Н. Спасская, Л.Л. Гайдученко // Динамика современных экосистем в голоцене: мат. Российской науч. конф. (2–3 февр. 2006 г.). – М.: Тов-во научных изданий КМК, 2006. – С. 231–238.

[К содержанию](#)

УДК 903.25

ББК Т48(2Р36)

РЕКОНСТРУКЦИЯ УЗДЕЧНЫХ НАБОРОВ ИЗ МОГИЛЬНИКА УЕЛГИ

И.В. Грудочко

В статье предпринята попытка реконструировать уздечные наборы по материалам раскопок могильника Уелги. Воспроизведение внешнего облика для археологического материала – задача сложная. Удалось реконструировать (в т.ч. графически) уздечные наборы для двух комплексов. В ремнях оголовья наблюдается традиционная для средневековья конструкция и способ их украшений. Также приводятся аналогии из южноуральских и алтайских памятников.

Ключевые слова: археология, Южный Урал, средневековье, кочевники, уздечный набор, ременные украшения, реконструкция.

Погребальный комплекс Уелги расположен в лесостепной зоне Южного Зауралья (Челябинская область, Кунашакский район). Археологическое исследование началось в 2010 году. К 2012 году обследовано 2887 кв. м., на которых было 9 курганов [1; 2, с. 112]. К 2013 году количество исследованных курганов составило 14. Собранная на настоящий момент коллекция

позволяет говорить о ярком кочевническом облике материальной культуры. К категориям конского снаряжения относятся стремена, удила, железные пряжки. Большое количество предметов составляют накладные, подвесные бляхи, распределители и наконечники ремней. Они несли преимущественно декоративную функцию. К сожалению, большинство погребений могильника к настоящему времени оказалась разрушена в результате древних ограблений. Большая часть погребального инвентаря фиксируется в разбросанном виде, без возможности привязать его к каким-либо конкретным погребениям. В этой ситуации очень сложно представить «прижизненный» облик большинства предметов. Обнаруженная в отрыве от первоначального комплекса, какая-либо вещь (украшение, накладка и др.) уже не обладает достаточной информацией для реконструкции. В этой связи особую ценность приобретают неразграбленные объекты. Таковыми на сегодняшний день являются два: тайник из кургана 29 и детское погребение из кургана 9. Интересно, что все эти объекты располагаются на краю подкурганых площадок, на периферии, что сыграло положительную роль в их сохранности от грабителей. Предметы конского снаряжения в обоих объектах представлены стременами, удилами, уздечным набором. Прежде чем перейти к описанию последних, рассмотрим необходимые теоретические понятия.

Оголовье (узда) – это основная часть конского снаряжения, надеваемая на голову лошади и позволяющее управлять ею [3, с. 4; 4, с. 127]. Оголовье включает суголовье, удила и поводья. В составе суголовья различают налобный, наносный, два нащечных, затылочный, подбородный, в ряде случаев подгубный ремни [3, с. 4]. Нащечные ремни проходят горизонтально, от угла рта лошади вдоль скул, смыкаясь за затылком (затылочный ремень). Наносный и налобный ремни скреплены с нащечными ремнями и облегают сверху переносицу и лоб лошади (рис. 1). Следует сказать, что в литературе существуют и другие обозначения (наименования) ремней: наносный ремень – переносье, налобный ремень – налобник, нащечный ремень – щечный ремень, суголовный ремень – часть щечного и затылочный [ср. 3, с. 4; 4, с. 128].

Опыт реконструкции конского снаряжения и уздечных наборов эпохи средневековья отражен в ряде работ [3; 5–7]. Отметим, что конструкция ремней оголовья остается практически неизменной. Основные же различия связаны с набором металлических деталей, украшавших ремни оголовья, их количеством, декоративными и стилистическими особенностями. В местах перекрестий поперечных ремней (щечный – переносье; щечный – налобье) крепились распределители ремней. Наиболее распространены Т-образные трехлопастные распределители, однако могли использоваться и обычные бляшки без лопастей. Возможно, распределители играли не только декоративную роль, но и в какой-то степени фиксировали положение перекре-

стей ремней. Наряду с лопастными могли использоваться обычные накладки. В конечном счете, весь комплекс декоративных и функциональных элементов и создавал неповторимый и индивидуальный уздечный набор.

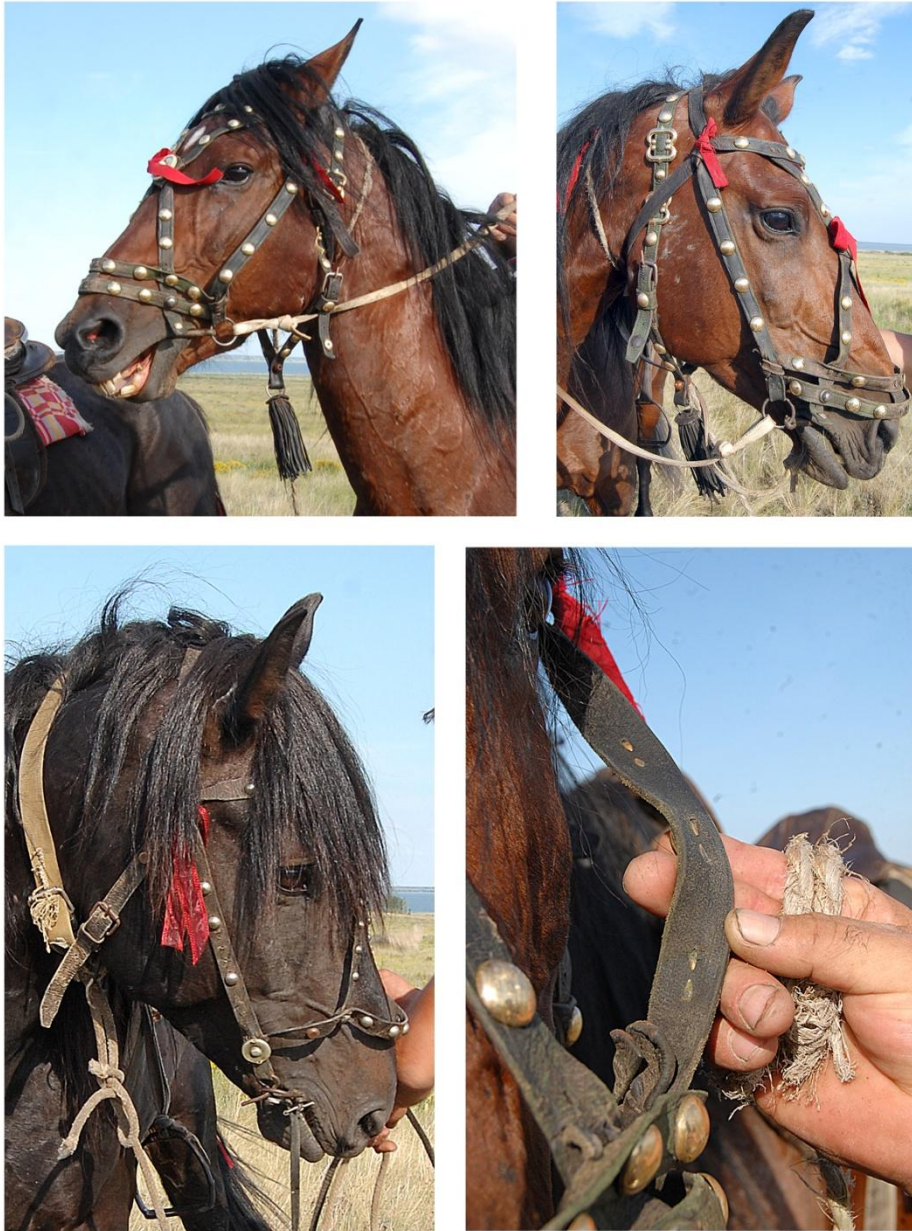

Рис. 1. Современный вид узды.

На фото – лошади участников сабантуя в пос. Кунашак (июнь, 2010 г.)

Перечислим уздечные наборы IX–XI вв., представленные в южноуральских памятниках. Погребение 1 Хусаиновского кургана 12 содержало погребение женщины, на тазу которой обнаружены остатки ремня, украшенные 16 накладками в виде фигур коней и 4 Т-образными трехлопастными распределителями. По словам автора, не ясно, принадлежали ли они уздечному набору или украшали пояс [8, с. 49, 54–55]. Нам кажется, что это

остатки уздечного набора: 4 распределителя соответствуют 4 основным перекрестным зонам оголовья. Такая же ситуация наблюдается в погребении 3 I Бекешевского кургана 2 содержало погребение женщины, на грудь которой была брошена узда с серебряными украшениями: 4 Т-образных распределителя, 4 удлиненных накладки, 3 наконечника [8, с. 59–60]. Уздечный набор из погребения 2 II Бекешевского кургана 2 содержал 4 трехлопастных распределителя, 20 удлиненных с рифлеными краями, 6 маленьких трехлепестковых накладок и 2 наконечника [8, с. 66].

Тайник кургана 29 могильника Уелги обнаружен под западной полкой кургана. Как и западная часть насыпи, она врезалась в естественный скальный выход. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии 3-В. Подробное описание этого объекта приведены нами в другой работе [2, с. 124–127]. В южной стороне ямы обнаружены остатки уздечного набора, включающий 34 накладные бляшки сердцевидной формы. Другие две пары накладных блях сердцевидной формы большего размера и розетковидной формы. Недалеко от них лежал предмет в виде овальной рамки с двумя когтевидными штифтами, по всем признакам напоминающий пряжку (рис. 2). В одной из работ [2, с. 126] нами предложена интерпретация этих вещей как остатков пояса. Однако после подробной работы над полевыми материалами и чертежами мы пришли к выводу, что перед нами остатки уздечного набора.

Подобного рода тайник обнаружены в Ишимбаевском могильнике. Погребение 3 (по полевой документации) из кургана 3 интерпретирован автором исследования Н.А. Мажитовым как тайник. Человеческих останков в ней также не обнаружено, а набор вещей практически идентичен нашему: сабля, колчан, ремной набор (неясно какой конкретно), предметы узды, культовый предмет [8, с. 88–91, рис. 47]. Также обнаружены остатки богато украшенного седла, луки которого были украшены накладками, вырезанные из какого-то предмета – блюда (?), на поверхности которого были выгравированы фигуры различных животных. Тайник из Ишимбаево также расположен на краю насыпи кургана – в юго-западной части [8, с. 86, рис. 45а].

Сложность реконструкции набора из кургана 29 могильника Уелги состоит в том, что кожаная основа уздечки не сохранилась. Однако зафиксированные *in situ* накладные бляшки позволяют восстановить основные ремни оголовья. Достоверно мы можем говорить о щечном, подбородочном, налобном и затылочном ремнях, перекрестия которых украшались розетковидными бляшками. На затылочный ремень приходилось по две бляшки, на подбородочный – по две, на налобный – по три. Указанное количественное распределение подтверждаются еще и тем, что нижний слой бляшек (левая сторона уздечки), лежащие перевернуто, в точности повторяли ответвления (рис. 3: 1).

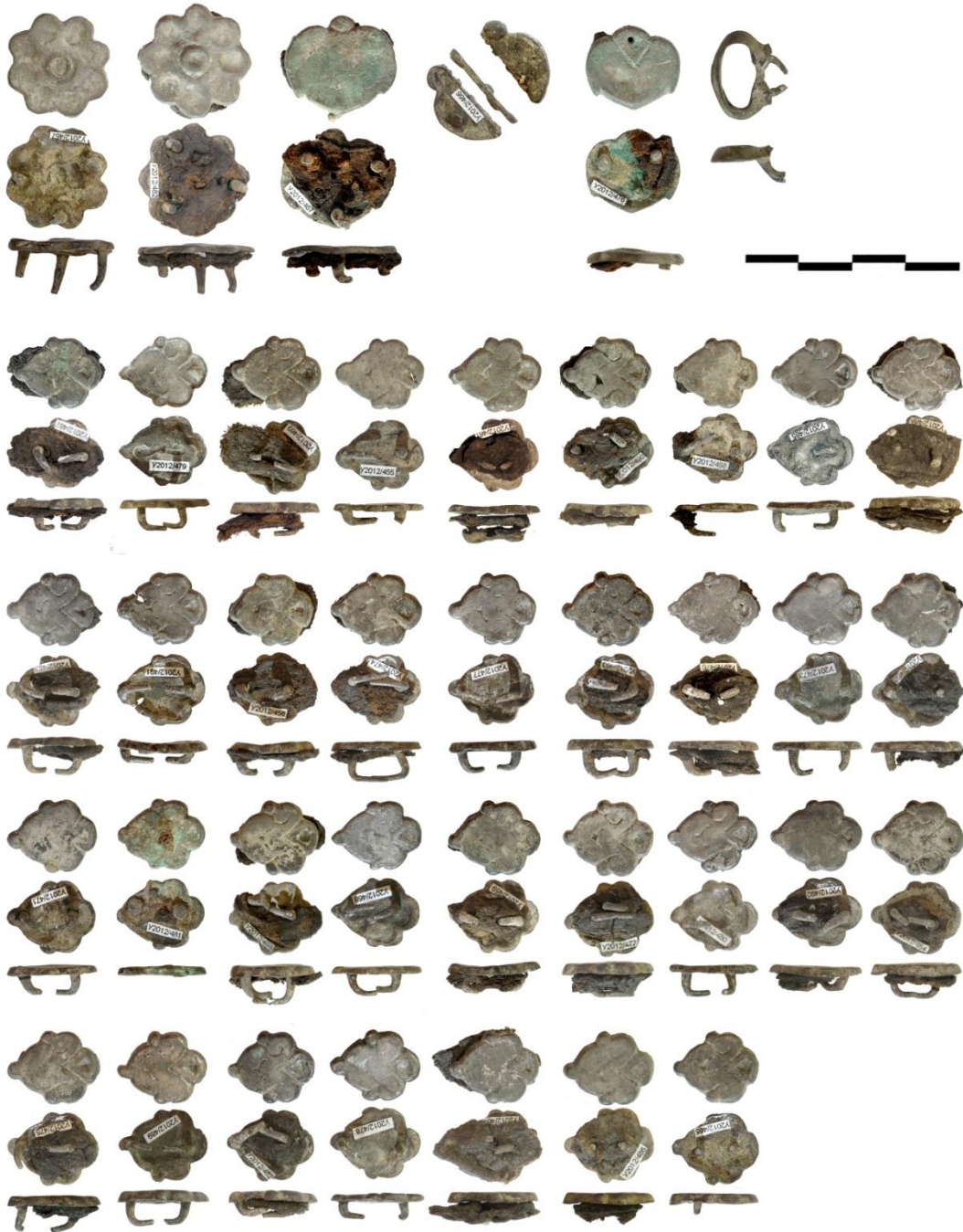

Рис. 2. Детали уздечного набора из тайника кургана 29 могильника Уелги

Сложнее выглядит ситуация с наносным, щечным ремнями и их перекрестием. Бляшки здесь лежали без какого-либо порядка. Скорее всего, сочленения украшали сердцевидные большего размера. Их также найдено две, от одной утрачено более половины изделия. Пространство между узловыми (сердцевидной и розетковидной) бляшками было заполнено, скорее всего, 7 маленькими сердцевидными бляшками на каждой стороне. Лишь одна накладка сердцевидной формы с псевдопетельчатым выступом по оформлению отличалась от других и не имела пару. Возможно, она за-

нимала центральное положение на наносном ремне. Не представляется возможным включить куда-либо пряжку. Она обнаружена на значительном отдалении от скопления всех бляшек, за удилами. Возможно, как и передняя часть уздечки, она оказалась потревожена землеройными животными и вынесена. Гипотетичным будет предположение, что с помощью нее соединялись концы подгубного ремня.

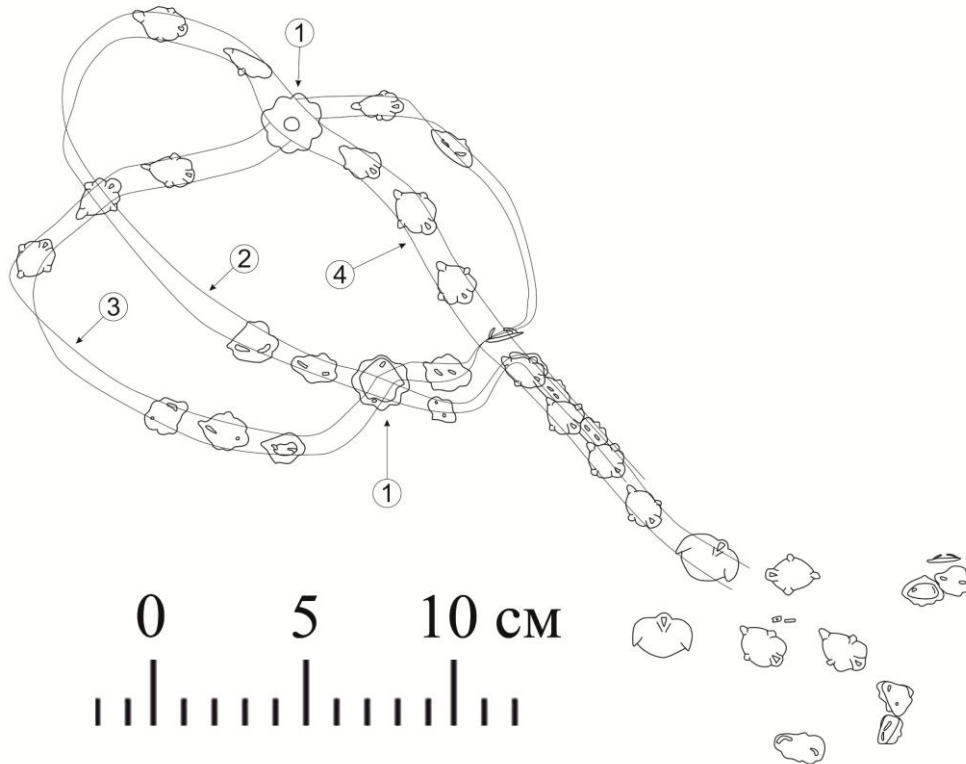

Рис. 3. Фрагмент полевой зарисовки бляшек уздечного набора с реконструированными ремешками: 1 – перекрестия ремней; 2 – затылочный ремень; 3 – налобный ремень; 4 – нащечный ремень

Детское погребение из кургана 19. Оно совершено в неглубокой простой яме, размерами 1,6 x 0,7 м, неправильной овальной в плане формы, ориентированной по линии запад-восток. Человеческие кости плохо сохранились, однако в целом лежали в анатомическом порядке. Длина костяка 95 см. Погребенный ориентирован головой на запад, лицом обращен на север. В изголовье за черепом обнаружены железные удила и керамический сосуд. На черепе расчищено две серьги в виде несомкнутых колец металлического прута. В области шеи найдены подвески: металлическая выпуклая листовидная с двумя отверстиями в центре и клык животного со сквозным отверстием для подвешивания. На теле расчищены украшения одежды и пояса: серебряные неорнаментированные накладки, пронизки, крупная пронизка в виде рожка, когтевидная подвеска. Также поясу принадлежала ажурная сердцевидная бляшка, прямоугольная бляшка, край ко-

торой украшен рядом жемчужин (псевдозернь), а в центре изображен трилистник. Ниже (в основном, в ногах) обнаружены серебряные позолоченные накладные бляшки уздечного набора (рис. 4) (тройники и прямоугольные с отрогком на длинной стороне), иногда в непосредственной близости с поясными. Эти бляшки украшены орнаментом в виде вытянутых валиков с завитками на концах. Справа от костяка лежало стремя арочной формы с выделенной петлей. По-видимому, узда (а возможно и седло) были уложены на погребенного. Также на ногах была обнаружена кость ноги животного (лошади?). Стоит отметить, что небольшой размер удила не могло полноценно предназначаться для управления лошадию. Возможно, предметы конской упряжи были вотивными, своего рода «игрушкой» усопшего ребенка.

Рис. 4. Возможная реконструкция вида уздечного набора на взнузданной лошади (тайник кургана 29, могильник Уелги)

Бляшки уздечного набора лежали в беспорядке, что затрудняет точную реконструкцию ремешков. Такая ситуация схожа с обрядом из Хусаиновских и Бекешевских курганов (см. выше). Состав наборных бляшек – трехлопастные, наконечники и прямоугольные с выступом на длинной стороне, практически точно повторяет наборы из алтайских памятников (Плотниково, Сrostки I) [3, с. 90, 98, рис. 52, 59]. Великолепной аналогией служит сrostкинский набор. Прямоугольные накладные в плотную располагались на щечных, налобном и наносном ремнях, трехлопастные распределители крепились к четырем перекрестным зонам. Наконечники ремней украшали дополнительные подвесные ремешки. Уздечный набор детского погребения из могильника Уелги по расположению прямоугольных и трехлопастных бляшек в целом соотносится со сrostкинским. Однако один из нако-

нечников ремней был обнаружен скрепленным одним кожаным фрагментом с распределителем. По-видимому, наконечником ремня была украшена часть ремешка, находящаяся в непосредственной близости к удилам. Весьма предположительно реконструировано нами расположение бляшек на наносном и налобном ремнях.

Рис. 5. Схема расположения накладных блях уздечного набора из тайника кургана 29 (сверху) и детского погребения из кургана 9 (внизу)

Еще один набор был обнаружен в **погребении 5 кургана 7** [2, с. 119–122, рис. 12]. Яма оказалась частично разрушена. Менее потревоженной была юго-восточная часть могилы, где лежало 16 бляшек округлой формы. Удалось проследить два ряда бляшек, соответствующие, вероятно, нащечным ремням. Никаких иных деталей не обнаружено. Возможно, бляшки были равномерно распределены по основным ремням оголовья.

Итак, уздечные наборы из могильника Уелги демонстрируют неразрывность с общими средневековыми традициями оформления узды. Это видно в конструкции ремней оголовья, способах их украшений накладными элементами (рис. 5). Наибольшую информацию, как мы увидели, удалось получить лишь из одного объекта – тайника кургана 29. Надеемся, что в последующие исследования позволят расширить представления об этом интересном аспекте материальной культуры.

Библиографический список

1. Боталов, С.Г. Проблема Уральской Правенгрии в свете новых открытий на погребальном комплексе Уелги / С.Г. Боталов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 16–19.
2. Грудочко, И.В. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–XI веках (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) / И.В. Грудочко, С.Г. Боталов // II-й Международный Мадыарский симпозиум: сб. науч. тр. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 110–138.
3. Горбунова, Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты / Т.Г. Горбунова. – Барнаул: Азбука, 2010. – 136 с.
4. Гуревич, Д.Я. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту / Д.Я. Гуревич, Г.Т. Рогалев. – М.: Росагропромиздат, 1991. – 240 с.
5. Кирпичников, А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / А.Н. Кирпичников // Свод археологических источников. Археология СССР. – 1973. – Вып. Е1-36. – 213 с.
6. Кубарев, Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников) / Г.В. Кубарев. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 400 с.
7. Новиков, В.В. Уздечные наборы на территории древней Руси в 9–11 вв. (по материалам погребений и поселений): автореф. дис.... канд. ист. наук / В.В. Новиков. – М., 2009. – 27 с.
8. Мажитов, Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. / Н.А. Мажитов. – М.: Наука, 1981. – 164 с.

[К содержанию](#)

УДК 903.4

КОНЦЕПЦИЯ ФРОНТИРА В ИСТОРИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

А.В. Епимахов

Работа посвящена обзору современного состояния концепции фронта в теоретическом плане, а также вариантам ее применения к анализу конкретных материалов. Сделан вывод о необходимости корректировки ряда положений концепции в свете нового понимания масштабов этого явления. Предлагается использовать концепцию фронта при изучении долгосрочных процессов древней истории Зауралья.

Ключевые слова: фронт, теория, история, археология, социальные структуры.

Обращение к концепции фронта на современном этапе развития науки представляется вполне своевременным, особенно в условиях изучения конкретных исторических ситуаций. С нашей точки зрения, значимость этого феномена явно недооценена, как и его эвристическая ценность. Наиболее уместным кажется использование основных положений концепции при анализе территорий, расположенных в зоне границы культурных и этнических миров. Нетрудно понять, что для многих регионов ситуация контакта и взаимодействия принципиально разных компонентов типична, если не сказать перманентна на длительных исторических отрезках. Очевидно, что проследить влияние ситуации фронта можно в самых разных сферах, можно предположить даже, что эта ситуация могла стать определяющим фактором в формировании систем культурных стереотипов. Последние, особенно в традиционных обществах, могли воспроизводиться даже после утраты первоначальных оснований. Подчеркнем, что фронт способствовал формированию особой социальной и идеологической среды, которая отнюдь не тождественна граничащим культурным или этническим массивам.

Фронт, с нашей точки зрения должен рассматриваться как самостоятельная пограничная зона обитания группы людей, не тождественная соседствующим группам населения. Она обладает собственной системой культурных, социальных и технологических стереотипов, часть которых в дальнейшем получает распространение за пределами этой среды. Наиболее очевидной археологической манифестацией фронта является традиция строительства систем фортификации, однако их связь только с военным делом требует обоснования в каждом конкретном случае. Стимулы к возникновению и поддержанию данной традиции варьируют в широком спектре и зависят от ряда факторов (экономических, политических, этни-

ческих и пр.), т.е. за внешне сходными результатами овеществленной деятельности людей зачастую скрываются принципиально разные основания.

Взаимодействия и противостояния конкурирующих групп сопровождали большую часть истории, особенно в условиях многоэтничности регионов. Эта ситуация типична как минимум, начиная с периода формирования сложных (комплексных) обществ, т.е. с бронзового века. Ситуация фронта, характерна для многих периодов и регионов северной части Евразии, неизбежно порождает особую социальную и идеологическую среду с собственной системой приоритетов и достижений. Изучение факторов и механизмов формирования и взаимодействия социумов в условиях порубежья, особенно в долгосрочной динамике, способно определить существенный прогресс в понимании особенностей функционирования таких групп населения.

Анализируя состояние исследований по данной проблеме, следует рассмотреть разные аспекты. Теоретические основы концепции восходят к работам Дж. Тернера 1920-х гг. [1], однако они были сформулированы для конкретной исторической ситуации в истории США XIX в. В дальнейшем понимание фронта было существенно расширено и адаптировано к разным периодам и территориям, включая Сибирь (см. [2] и др.). Еще более широкое применение концепция нашла в практике зарубежных исследователей (см. обзор [3]). В ходе концептуализации понятия в современной трактовке сформулирован целый ряд признаков – этнокультурная неоднородность, неравная численность фронтирующих групп, амбивалентно-конфликтное взаимодействие этих групп, квазиграничность [4], а также демографические черты – преобладание молодых людей и детей в «продвигающейся» группе населения [5]. Выделяются два типа фронтов: первый предполагает освоение незаселенных территорий, второй связан с наличием аборигенного населения и, как правило, развивается в условиях территориальных конфликтов, что в свою очередь приводит к возведению линий укреплений. Процесс осмысления истории фортификации идет активно и давно, начиная с наиболее древних [6] и вплоть до объектов исторической археологии (например, [7]). Однако эти и другие многочисленные работы оказались сфокусированы почти исключительно на военных аспектах функционирования фронта. С нашей же точки зрения, поле анализа может и должно быть существенно расширено.

Существует существенный разрыв в построениях археологов и историков, что определено целевыми установками и спецификой источниковой базы. Не секрет, что значительная часть реалий находит лишь косвенное отражение археологических памятниках. С другой стороны, для некоторых «поздних» периодов глубина и точность исторических сведений также недостаточна. Типичным в этом смысле примером является региональная история Зауралья периода кануна и начала русской колонизации. Однако вернемся к целевым установкам исследователей.

Как уже отмечено, наиболее наглядно ситуация фронта воплощена в традиции строительства укреплений. Однако этот сценарий реализуется при некоторых условиях. Наиболее очевидным является оседлость как минимум одной из групп и наличие технологических возможностей. Кроме того, важны демографические параметры групп, что подразумевает не только количество, но и состав. Оба показателя определяют не только мобилизационные возможности, но стимулы взаимодействию. Третья группа факторов связана с жизненно важными ресурсами для каждой из групп, точнее с пересечением их интересов в этой части. Нередко речь идет о принципиально разных системах жизнеобеспечения и образа жизни. И, наконец, свою роль играет и степень близости культурных стереотипов. Естественно, что те же факторы оказывают прямое влияние на результаты взаимодействия в условиях фронта.

Оговоримся, что в данном случае действует правило, что отсутствие доказательств не является доказательством отсутствия, иначе говоря, ситуация фронта может существовать и при отсутствии систем фортификации. Выходом из проблемной ситуации в данном случае представляется изучение долгосрочной динамики функционирования для модельных территорий. Не давая универсальных ответов, такая работа очерчивает спектр возможностей интерпретации, в том числе, для периодов и территорий, лишенных прямых свидетельств. Такой подход предусматривает реконструкцию основ системы жизнеобеспечения, базы ресурсов, технологий, социальных структур, системы внешних связей и пр.

Зауральские древности, с нашей точки зрения, являются оптимальным полигоном для отработки методов такой работы. Начало функционирования фронта в этой зоне уверенно соотносится с бронзовым веком, когда по общему убеждению регион стал зоной контактов групп с принципиально разной лингвистической принадлежностью (индоевропейская и уральская), которая сочеталась радикальными различиями в социально-экономической системе. Однако на первом этапе эта ситуация не находит убедительного археологического воплощения, т.к. существование одной из групп удостоверяется только курганными погребениями. Некоторые из них несут следы травматизма [8], но их характер не исключает возможности внутренних конфликтов.

Более наглядно и надежно иллюстрированы традиции фронта для синташтинско-петровского периода (XXI–XVIII вв. до н.э.). В нашем распоряжении многочисленные фортифицированные центры и некрополи с воинской атрибутикой [9]. Однако, куда более важно наличие четко очерченной территории этого населения. Учитывая общепризнанную миграционную составляющую культурогенеза, нетрудно сделать заключение о том, что основная масса стереотипов формировалась при том или ином воздействии ситуации фронта. К настоящему времени высказано боль-

шое число гипотез о возникновении и функционировании этой группы, хронологии, социальной организации, уровне развития военного дела и пр. Констатировано постепенно угасание военной составляющей в материальной культуре в последующий период, предложена объяснительная модель этого явления [10].

Картина следующего этапа местного бронзового века, с одной стороны, четко демонстрирует существенные отличия по многим параметрам (демография, уровень социальной сложности и военного дела и пр.), с другой, нет сомнений в эволюционном характере изменений и преемственности с предшествующим этапом. Таким образом, даже в условиях колонизации и стабилизации стереотипы, заданные эпохой первоначального освоения (фронта) сохраняли свою привлекательность в глазах носителей традиции.

Конец бронзового века ознаменовался возобновлением фортификационного строительства [11], но на этом этапе прослеживается иное пограничье. Условным рубежом может быть признаны бассейны Миасса и Чумляка. Именно здесь выявлены следы военной активности [12], наряду с так называемыми «синкретическими» погребениями, которые действительно сочетают черты разных археологических культур.

Таким образом, предшествующими работами накоплен обширный фактический материал, позволяющий сделать важные заключения об отдельных аспектах темы. Однако, отсутствует целостная картина истории взаимодействия разнокультурных и разноэтнических массивов населения в контактных зонах региона на протяжении длительного периода. К материалам бронзового века легко могут быть добавлены результаты исследований более поздних периодов. Наиболее очевидными познавательными возможностями располагают ранний железный век лесостепи, а также Новое время. Очевидно, что их соединение позволит проследить динамику фронта по разным показателям.

Подводя итог краткого обзора, подчеркнем, что концепция фронта может и должна быть модифицирована. Наиболее важной из таких перемен кажется отказ от рассмотрения этого явления как краткосрочного и узколокального. Пример Зауралья (даже в пределах одной археологической эпохи – бронзового века) со всей очевидностью демонстрирует длительность функционирования и сложность этого феномена.

Библиографический список

1. Turner, F.J. [The Frontier in American History](#) / F.J. Turner. – NY: Holt, 1921. – 375 p.
2. Замятина, Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н.Ю. Замятина // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 5. – URL: <http://america-xix.org.ru/library/zamyatina>.

3. Naum, M. Re-emerging Frontiers: Postcolonial Theory and Historical Archaeology of the Borderlands / M. Naum // Journal of Archaeological Method and Theory. – 2010. – Vol. 17. – pp. 101–131.
4. Басалаева, И.Л. Критерии фронта: к постановке проблемы / И.Л. Басалаева // Теория и практика общественного развития: электронный научный журнал. – 2012. – № 2. – http://www.teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/2/fil%D0%BEs%D0%BEfy%D0%B0/basalaeva.pdf.
5. Waselkov, G.A. Frontier and archaeology / G.A. Waselkov, R.E. Paul // North American Archaeologist. – 1980–1981. – Vol. 2 (4). – pp. 309–329.
6. Bar-Yosef, O. The walls of Jericho: an alternative explanation / O. Bar-Yosef // Current Anthropology. – 1986. – Vol. 27. – pp. 127–162.
7. Prior, S.A. Few Well-Positioned Castles: The Norman Art of War / S.A. Prior. – Stroud: Tempus Books, 2006. – 176 p.
8. Богданов, С.В. Эпоха меди степного Приуралья / С.В. Богданов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 287 с.
9. Корякова, Л.Н. Синташтинская археологическая культура: проблемы интерпретации / Л.Н. Корякова, А.В. Епимахов // Вестник истории, литературы, искусства. – 2010 – Т. 7. – С. 95–110.
10. Епимахов, А.В. Социум в зеркале погребальной обрядности населения эпохи бронзы Южного Урала: портрет или автопортрет? / А.В. Епимахов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – Вып. 19. – № 32 (291). – С. 23–26.
11. Матвеев, А.В. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура / А.В. Матвеев. – Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. – 416 с.
12. Епимахов, А.В. Миасское городище: к вопросу о южной границе бархатовских и гамаюнских древностей / А.В. Епимахов, М.Г. Епимахова // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. – С. 66–70.

[К содержанию](#)

УДК 902.2(470.58) + 903.2(470.58) + 903.4(470.58)

**ЕДИНСТВО ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА НАСЕЛЕНИЯ
НЕОЛИТА-ЭНЕОЛИТА В РАЗЛИЧНЫХ
ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫХ ЗОНАХ ЗАУРАЛЬЯ***

В.С. Мосин

В настоящее время основное внимание археологов должно быть сосредоточено на исследовании исторических процессов древности, которые нужно моделировать с опорой на полное детальное изучение памятников и опредмеченных в артефактах бытовавших традиций, являвшихся основой идентичности древнего населения. Вмещающим ландшафтом зауральского населения неолита и энеолита являлось разнообразие близко расположенных друг от друга горно-лесного и холмисто-увалистого лесостепного ландшафтов Зауралья и западной части западносибирской равнины. В рамках существовавшей системы жизнеобеспечения, основанной на охоте и рыболовстве, основные передвижения древнего населения осуществлялись между предгорьями и лесостепной равниной. Одной из таких магистралей, возможно, была река Миасс, которая соединяла лесостепное Притоболье и озера, расположенные в предгорьях.

Ключевые слова: неолит, энеолит, традиции, вмещающий ландшафт, система жизнеобеспечения.

Культурно-исторический или классификационный подход в советской (российской) археологии, основной целью ставил хронологическую классификацию археологических материалов и изучение процессов развития, взаимодействия и распространения археологических культур. В настоящее время исторические процессы древности нужно моделировать и исследовать с опорой на детальное изучение отдельных памятников – стоянок и поселений и опредмеченных в артефактах бытовавших традиций, являвшихся основой идентичности древнего населения. Основой этих процессов была система жизнеобеспечения, предусматривавшая использование различных ландшафтов, в данном случае – это восточные предгорья Урала и зауральская равнинная лесостепь – лесостепное Притоболье, в одном хозяйственном цикле одними и теми же коллективами. При таком подходе важнейшей задачей является изучение стратегий адаптации древнего населения в различных природно-ландшафтных зонах региона в рамках единой хозяйственной системы.

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Радиоуглеродная хронология евразийской лесостепи в неолите и энеолите» № 14-06-00041

Неолитический период Зауралья укладывается в рамки VI–V тыс. до н.э. (cal BC) и может быть разделен на два этапа: ранний неолит – конец VII–VI тыс. до н. э. (6000–4700 гг. до н. э. (Cal BC)) и поздний неолит – V тыс. до н. э. (5000–3950 гг. до н. э. (Cal BC)) [1], энеолитические комплексы соответствует датам 4400–2850 (cal BC) [2], если отбросить крайние значения, то это последняя четверть V–IV тыс. до н. э. (cal BC), что соответствует атлантическому – началу суббореального периодам.

Атлантический период в регионе характеризуется продолжавшимся потеплением, которое приводит в середине периода – 6000–5500 л. н., к климатическому оптимуму – наиболее благоприятному сочетанию тепла и влаги. Отмечается интенсивная миграция на север широколиственных пород из южных районов Урала. Концу атлантического периода отвечает максимальный расцвет темнохвойных и широколиственных лесов. Вяз, липа, дуб и орешник достигали примерно широты Нижнего Тагила. Это время окончательной дифференциации природно-ландшафтных зон региона и установлению границ, близких современным. В суббореальный период выделяются три климатические фазы с чередованием нарастания иссушения и значительного увлажнения. Климат на большей части региона в начальной фазе периода (4500–4100 л. н.) был несколько прохладнее, чем в предшествующий [3, 4].

На поселении Кочегарово I в лесостепном Зауралье [5], палеогеографическими исследованиями установлено, что к приходу неолитического населения одна часть площадки была свободной от воды, тогда как другая подвергалась сезонным затоплениям. Особенности почвенных горизонтов и местоположение артефактов позволяют предположить, что население неолита жило на речном пляже, поскольку находки неолита приурочены к почвообразующей породе, которая является аллювиальным частично оже-лезнённым песком. В суффозионных западинах, использованных под жилища, слои неолита и энеолита разделены прослойкой сильно гумусированного суглинка, образовавшегося в результате стояния воды во время затопления площадки поселения. Время непригодности площадки памятника для жизни совпадает с периодами повышенной увлажненности климата между 5700 и 5400 лет назад, что подтверждается и проведенной радиоуглеродной датировкой поселения. В период заселения площадки в энеолите – около 5400–5200 лет назад, ландшафт, где расположено поселение, представлял собой пойменный луг. Почвообразование только началось в этот период и основным фактором, определяющим его, был режим реки. В энеолите мы наблюдаем хорошо выраженный почвообразовательный процесс по луговому типу, который характеризуется большим поступлением, переработкой и накоплением органического вещества и, как следствие, формированием мощного гумусового горизонта. Предварительно можно предположить, что во время функционирования поселения залесённость была выше, по сравнению с настоящим временем. Об этом же свидетельствует

остеологический анализ костных остатков поселения. Среди костей млекопитающих преобладают кости медведя, также зафиксировано присутствие костей лошади, лося, благородного оленя, косули, барсука, куницы и выдры [6]. Валовое содержание фосфора (биофильный элемент – индикатор хозяйственной деятельности человека) в культурных слоях низкое и не превышает 0,3 %, что соответствует природному значению, что косвенно свидетельствует о том, что неолитическое и энеолитическое население занималось экстенсивным хозяйством (охота, рыболовство, собирательство).

Очень перспективной, в плане изучения стратегий адаптации древнего населения в различных природно-ландшафтных зонах, на мой взгляд, является территория каскада южноуральских озер: Большое и Малое Миассово, Большой и Малый Кисегач и т.д., с одной стороны, и бассейн реки Миасс, с другой.

Берега озер горно-лесной зоны, как правило, имеют сложные очертания, сочетая многочисленные заливы, мысы, разноуровневые ровные площадки, на большинстве из которых сохранились следы пребывания человека. Культурные слои содержат чаще всего остатки материальной культуры неолита – энеолита и раннего железного века, значительно реже мезолита, эпохи бронзы и средневековья. Исследованные памятники расположены, как правило, на западных, более возвышенных, скалистых берегах озер. Топография стоянок имеет несколько вариантов: это мысы, выдающиеся в озеро; ровные площадки берега, приуроченные к протокам и речкам, соединяющим рядом расположенные озера, и прикрытые скалистыми грядами; площадки в седловинах между двумя возвышенностями. Показательно количество известных к настоящему времени памятников, сконцентрированных на крупных озерах. Так, на оз. Чебаркуль найдено более 20 стоянок; на оз. Тургойк – более 30; на Аргазинском озере-водохранилище – около 50, на Большом и Малом Миассовых, которые, по сути, являются одним озером – пока известно около 40 и обследование еще не закончено. Эти цифры далеко не окончательные, поскольку это данные разведок разных лет, а не сплошного обследования береговых линий. Берега предгорных озер центральной части Урала использовались как места сезонного проживания для занятий охотой на водоплавающую дичь и рыбной ловлей, в основном, на протяжении мезолита-энеолита. Посещение одних и тех же мест в течение нескольких тысячелетий подтверждает относительную стабильность в выборе сезонных экологических ниш населением этого времени.

Озера горно-лесной зоны расположены в пределах развития метаморфических пород и гранитоидов Восточно-Уральского поднятия, вследствие чего среди них из кремнистых пород и минералов преимущественно распространены только жилы, прожилки и конкреции халцедона, а также его обломки в рыхлых отложениях. Часто халцедон здесь имеет плохое качество, обусловленное значительной кавернозностью и сложным строением поверхности обломков. Коллекции стоянок содержат фтаниты, фтанитоиды

ды и яшмы, которые обладают наилучшими качествами для изготовления орудий и происходят из Магнитогорской мегазоны, а также упомянутые выше местные халцедоны. Небольшой составляющей, как правило, являются изделия из серой кремнистой породы (субновакулит, у археологов – боборыкинская яшма). Обычно это готовые орудия и очень незначительное количество отходов. Эта кремнистая порода встречается в палеозойских песках по краю континентальной морской террасы, разделяющей Зауралье и Западно-Сибирскую низменность в виде конкреций. Наиболее распространена эта порода в качестве сырья для изготовления орудий в памятниках неолита и энеолита лесостепного Притоболья. Вероятно, конкреции серой кремнистой породы были вынесены в Притоболье по древним руслам (структурно-эрозионным депрессиям) и добывались населением неолита из песчано-глинистых береговых отложений в виде небольших конкреций. Одна из таких конкреций была найдена на поселении Кочегарово I на полу постройки. После сильного обводнения региона, о котором говорилось выше, этот вид кремнистого сырья, вероятно, стал недоступен и уже в энеолите количество находок из серого кремня значительно сократилось. Современные длительные исследования по поиску данного сырья в Притоболье не дали положительных результатов. Вместе с тем, на памятниках Притоболья практически всегда присутствуют в небольшом количестве изделия и заготовки из кремнистых пород Магнитогорской мегазоны (также как находки из серого кремня в предгорьях).

Близкая по содержанию картина наблюдается и в распространении керамической посуды. На памятниках лесостепного Притоболья, и даже Приишимья в небольших количествах встречается керамика с примесью талька в тесте, что возможно только для территории Зауралья, поскольку в Притоболье талько-хлоритовых пород нет. Также в небольшом количестве керамика, изготовленная на территории Притоболья, встречена в коллекциях озерных предгорных стоянок.

На основании имеющихся и пока весьма неполных данных можно выдвинуть рабочую гипотезу, позволяющую ориентировать исследования в нужном направлении и предположить возможные результаты. Так, вероятно, в Зауралье основные передвижения были между предгорьями и лесостепной равниной. Одной из таких магистралей, возможно, была река Миасс, которая соединяла Притоболье и озера, расположенные у подножия Ильменского хребта, небольшой, вытекающей из озера Миассово, речкой Караси. Между поселением Кочегарово I и озером Миассово по реке Миасс расстояние всего чуть больше 200 км, что для охотников эпохи камня вовсе не критично. Кроме того, к настоящему моменту известно еще два-три поселения, расположенные в этом промежутке.

Стоянки-поселения на озерах предгорной зоны, которые, вероятно, заселялись на период с весны до осени, делятся на две группы. Одни – кратковременные охотничье-рыболовецкие стоянки с небольшим культурным слоем, сформировавшимся за счет наложения друг на друга многообразных

посещений удобных площадок небольшими коллективами. Они содержат немногочисленный, но разнообразный инвентарь, поскольку одновременно реализовывались различные направления хозяйственной деятельности – охота, рыболовство, домашние промыслы, изготовление орудий, охотничьего снаряжения. На других, которые располагались в Магнитогорской мегазоне [7], рядом с местами богатыми кремнистым сырьем, например, памятники на озерах Суртанды, Узункуль и т.п. помимо основных промыслов, делался запас заготовок кремневого инвентаря на зиму–весну. Коллекции каменного инвентаря таких стоянок содержат полный технологический цикл – от заготовок до использованных орудий и большое количество отходов.

На стоянках холмисто-увалистой лесостепи, где осенью преимущественно велась охота на копытных, инвентарь может быть количественно немногочисленным, но разнообразным. Здесь практически нет сырьевой базы в изначальном виде, но присутствуют этапы технологической цепочки изготовления и использования орудий. На этих стоянках орудия делали из принесенного с собой небольшого количества плиток или галек кремня и яшмы, которые брали на соседних территориях предгорий и (или) из кремнистой породы серого цвета, которая залегала в местных песках в виде конкреций. В таком варианте сырьевые запасы срабатывали полностью, используя все пригодные местные породы камня.

Еще одной хозяйственной нишей для древних охотников были районы основных хребтов Урала. Кратковременные стоянки в горной части, которые мы фиксируем в гротах и пещерах содержат очень немногочисленный, типологически бедный орудийный набор и, как правило, незначительное количество фрагментов керамики. Такой состав коллекций закономерен, поскольку – это места, которые целевые группы охотников посещали на короткий период зимой, для охоты на пушного зверя, боровую дичь, крупных лесных животных. Набор, необходимый для одного или двух месяцев зимней охоты очень ограничен и функционален. Здесь не изготавливали орудий, в лучшем случае – ремонтировали или просто бросали испорченные. Оставленные отщепы и чешуйки – это, скорее всего, результат использования кресал для добывания огня. Кости животных из культурного слоя очень мелкие, раздробленные, поскольку мясо съедали сами охотники, а кости отдавали собакам. И, если на таких стоянках встречаются более многочисленные находки, значит, это место посещали в течение очень долгих лет.

В условиях нередких природных колебаний и стихийных бедствий зауральские общины не смогли бы выжить, не опираясь на поддержку и помощь соседних общин. В отсутствие серьезных географических барьеров территориальные и социальные границы не были жесткими. Каждая община имела несколько стоянок или поселений – долговременных зимних и кратковременных – летних и была центром своих социальных связей, со своими приоритетами, и эти связи соседних общин неизбежно перекрывали друг друга во всех направлениях.

Восточные склоны Урала, лесные и лесостепные территории, протянувшиеся к востоку до междуречья Тобола и Ишима, представляют собой единую историко-географическую зону. Вмещающим ландшафтом зауральского населения неолита и энеолита являлось разнообразие близко расположенных друг от друга горно-лесного и холмисто-увалистого лесостепного ландшафтов Зауралья и западной части западносибирской равнины. Данные типологии, трасологии и остеологии позволяют говорить об охотничье-рыболовческой системе жизнеобеспечения с сезонной сменой видов деятельности и различных вариантах сезонных стоянок. Объектами охоты являлись лошадь, лось, медведь, благородный олень, косуля, барсук, куница и выдра, а также водоплавающая дичь. Рыболовство реконструируется по встречающимся среди артефактов наборам грузил различных форм и остаткам костей и чешуи рыб. Важными отраслями экономики являлись кожевенное производство и деревообработка. Нео-энеолитическое население Зауралья на каждом историческом этапе представляло собой определенное количество общин (резидентных групп), которые занимали общую территорию и были объединены между собой отношениями родства, свойства, обмена, возможно общей мифологией и другими коммуникативными формами и создавали социальную систему. Идентичность зауральских социумов и их социокультурное пространство определяются единой системой жизнеобеспечения в рамках вмещающего ландшафта, объединявшего лесные предгорные районы и зауральскую лесостепь, своеобразной техникой и технологией, отраженной в специфических комплексах орудий и сочетанием нескольких традиций, характерных для определенных десцентных линий, проявлявшихся в способах подготовки формовочных масс и системах орнаментации керамики. Зауральское население в процессе годовых хозяйственных циклов осваивало вмещающий ландшафт своих общинных пространств – предгорий восточного склона Урала и зауральской лесостепи, и в случае необходимости заходило на соседние территории.

Библиографический список

1. Выборнов, А.А. Хронология уральского неолита / А.А. Выборнов, В.С. Мосин, А.В. Епимахов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – Вып. 1 (57). – С. 33–48.
2. Епимахов, А.В. Энеолит и ранний бронзовый век Урала в свете радиоуглеродной хронологии / А.В. Епимахов, В.С. Мосин // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. – СПб.: «Скифия-принт», 2013. – С. 34–38.
3. Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен – голоцен: Атлас-монография / под ред. профессора А.А. Величко. – Москва: ГЕОС, 2009. – 120 с.

4. Хотинский, Н.А. Голоцен Северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов растительности и климата / Н.А. Хотинский. – М.: Наука, 1977. – 198 с.

5. Мосин, В.С. Поселение Кочегарово I – опорный памятник неолита и энеолита лесостепного Зауралья / В.С. Мосин, А.Н. Страхов // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы Всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения» (Курган, 26–28 апреля 2012 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. – С. 40–41.

6. Мосин, В.С. Экосоциальная адаптация и материальная культура в каменном веке Урала / В.С. Мосин, И.В. Горащук, А.Н. Страхов, А.С. Якимов // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования: материалы Всероссийской научной конференции, Москва, Ин-т археологии РАН, 4–6 декабря 2012 года / Российский Фонд фундаментальных иссл., Российская акад. наук, Ин-т археологии (ред. и сост. Е.Н. Черных). – Ин-т археологии РАН, 2012. – С. 106–108.

7. Мосин, В.С. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала / В.С. Мосин, В.Ю. Никольский. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 196 с.

[К содержанию](#)

ББК Т48(2Р36)

УДК 903.52(470.55)

КУРГАН ШИХАН (УБА-ТАУ): РАСКОПКИ 2012–2013 гг.

А.Д. Таиров, А.А. Иванов, К.Г. Коноплева, М.Л. Плешанов

Подводятся промежуточные итоги раскопок одного из самых больших курганов раннего железного века на юге Челябинской области. Освещаются результаты геодезических, геофизических, палеопочвоведческих и археологических исследований. Дается описание ям, выявленных на подкурганной площадке, и находок из них, а также подкурганных столбовых конструкций. Реконструируются этапы строительства надмогильного грунтового сооружения.

Ключевые слова: Южное Зауралье, большой курган, геодезические и геофизические исследования археологических памятников, надмогильное грунтовое сооружение.

«По дороге из поселка Требий в Фершампенуаз направо от дороги в 50 саж., от пос. Требий в 6 вер. находится курган высотой до 5 саж., хорошо сохранившийся» – так описывал в 1910 году курган Шихан (Уба-Тау) вице-президент Оренбургской ученой архивной комиссии и хранитель ее музея И.А. Кастанье [1, с. 16]. К его раскопкам летом 2012 года приступила

комплексная археологическая экспедиция Южно-Уральского государственного университета и Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН при поддержке администрации Нагайбакского района.

Курган находится на вершине возвышенности в междуречье рек Гумбейка и Солодянка, в 2,5 км к СВВ от поселка Курганский Нагайбакского района Челябинской области, справа от грунтовой дороги из Курганного в Фершампенуаз (рис. 1). Современный диаметр кургана 60 м, высота 6 м. Его хорошо задернованная грунтовая насыпь несет следы многочисленных грабительских вкопов в виде ям различного размера и глубины.

Рис. 1. Курган Шихан (Уба-Тау). Космоснимок

До начала раскопок на кургане были проведены геодезические работы [2], позволившие не только зафиксировать микрорельеф насыпи кургана, но и создать ее трехмерную модель (рис. 2).

Магнитная съемка, проведенная на кургане до начала раскопок специалистами Института геофизики УрО РАН под руководством канд. ф.-м. наук В.В. Носкевича, позволила скорректировать первоначальный план раскопок. С ее помощью в центральной части подкурганной площадки была выявлена прямоугольная положительная аномалия (синий цвет на рис. 3), ориентированная по линии СВ–ЮЗ), на которую накладываются отрицательные аномалии (красный цвет) от грабительских ям (рис. 3).

Вскрытие насыпи кургана проводилось с помощью грейдера и бульдозера траншеями длиной 60 м и шириной 4 м, с оставлением между ними бровок толщиной 1 м. Траншеи ориентированы по линии СЗ–ЮВ так, чтобы они были перпендикулярны выявленной при магнитной съемке поло-

жительной аномалии. Вследствие рыхлости верхних слоев насыпи высота оставляемых бровок не превышала 2,5 м. После зачистки бровки и ее фотографической фиксации с двух сторон, большая часть бровки сносилась, а траншеи по обе ее стороны углублялись.

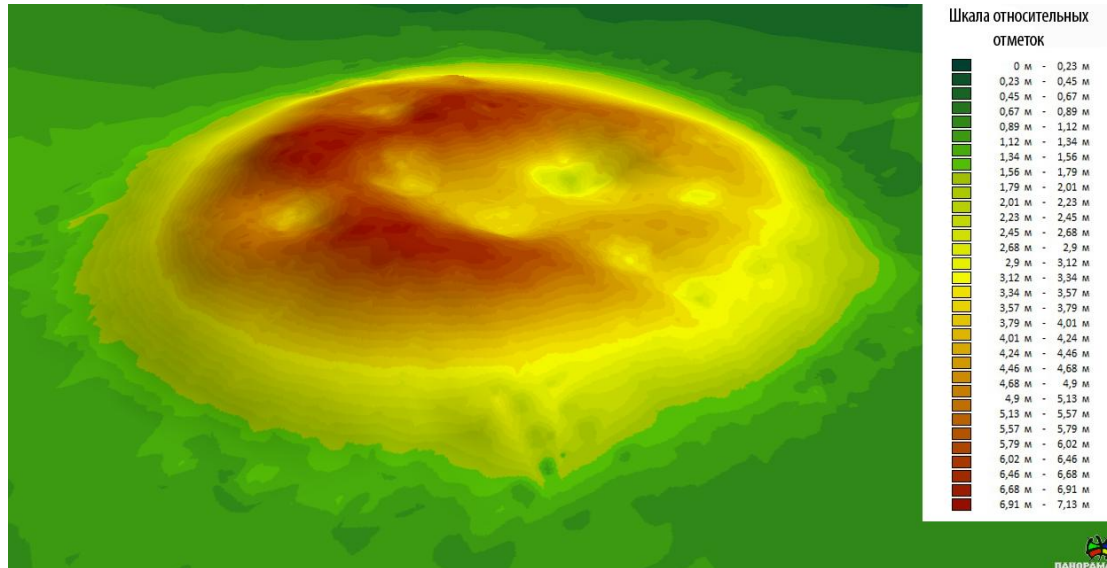

Рис. 2. Курган Шихан (Уба-Тау). Трехмерная модель

Таким образом, в 2012 году было отработано четыре траншеи до уровня -400 см от условного «0», за который была взята самая высокая точка насыпи кургана. Во вскрытой части были зафиксированы лишь остатки вертикальных жердей диаметром до 12 см. Какие-либо находки отсутствовали.

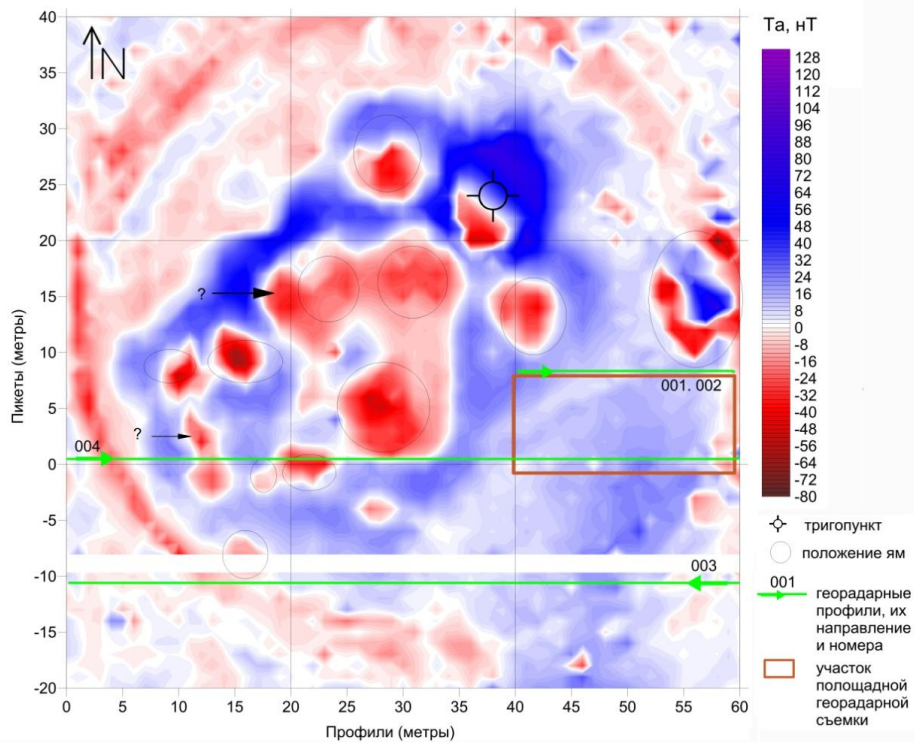

Рис. 3. Курган Шихан (Уба-Тау). Результаты геофизических исследований

Раскопки были продолжены в 2013 году. Однако из-за аномальных погодных условий удалось полностью обработать и вывести на уровень материка ($-590 - -600$ см) только три центральные траншеи, в которых были выявлены и исследованы три ямы и система столбовых ямок (рис. 4).

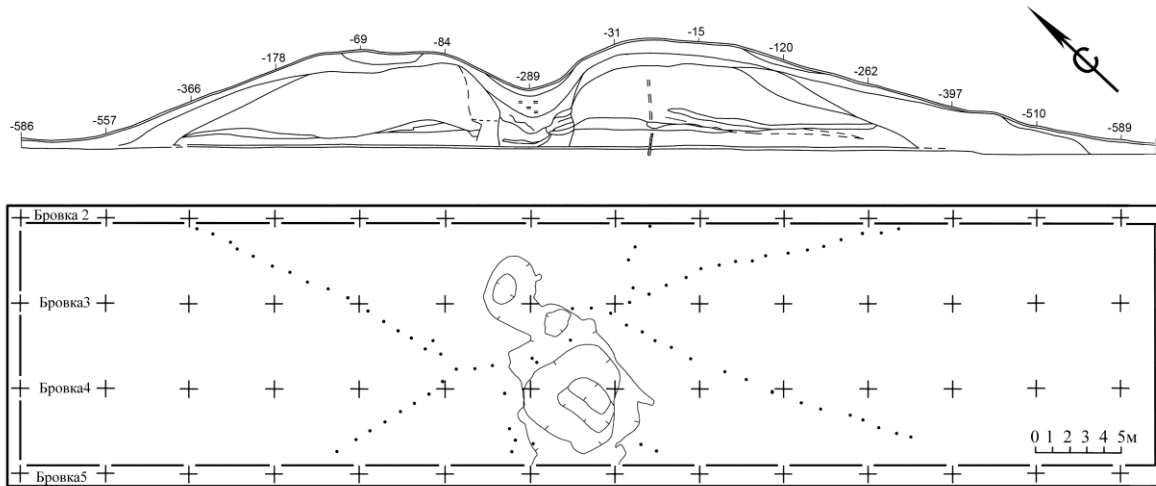

Рис. 4. Курган Шихан (Уба-Тау).

Профиль бровки 2 и план подкурганной площадки на уровне материка

Ямы 1 и 2, без каких-либо находок, являются следами неудачных грабительских вкопов. Судя по стратиграфии, многократному ограблению подверглась и центральная яма 3 (рис. 5). Четкие ее очертания были выявлены на уровне -660 см, что на $60-65$ см ниже уровня материка. Яма имела неправильную округлую форму диаметром $5,75-6,5$ м. От нее на юго-запад, под неисследованную часть насыпи кургана, уходили очертания понижения шириной от $2,0$ до $4,0$ м. Как показали дальнейшие работы, глубина этого понижения, имеющего U-образную форму, не превышала $1,6$ м. У западного края ямы понижение переходило в почти горизонтальную площадку шириной $0,9-1,3$ м. Северное окончание этой площадки плавно превращалось в наклонный пандус шириной $1,3-1,4$ м, идущий по часовой стрелке вдоль северного и восточного края ямы. Пандус заканчивался тупиком у юго-восточного угла южной стенки ямы на уровне $-950 - -960$ см.

На уровне -960 см яма приобрела подпрямоугольную форму, ориентированную по линии С-Ю, и размеры $2,2 \times 3,3$ м. Вдоль западной и южной стенок ямы отмечены три ступеньки, спускающиеся против часовой стрелки с уровня -1140 см до уровня -1216 см. Яма в придонной своей части (уровень -1359 см) сохранила подпрямоугольную форму и ориентировку по линии С-Ю, но размеры ее сократились до $1,3 \times 2,1$ м. Дно ямы было зафиксировано на уровне -1380 см (рис. 6). Таким образом, глубина ямы составила $7,85$ м от уровня материка. Никаких находок на дне ямы обнаружено не было.

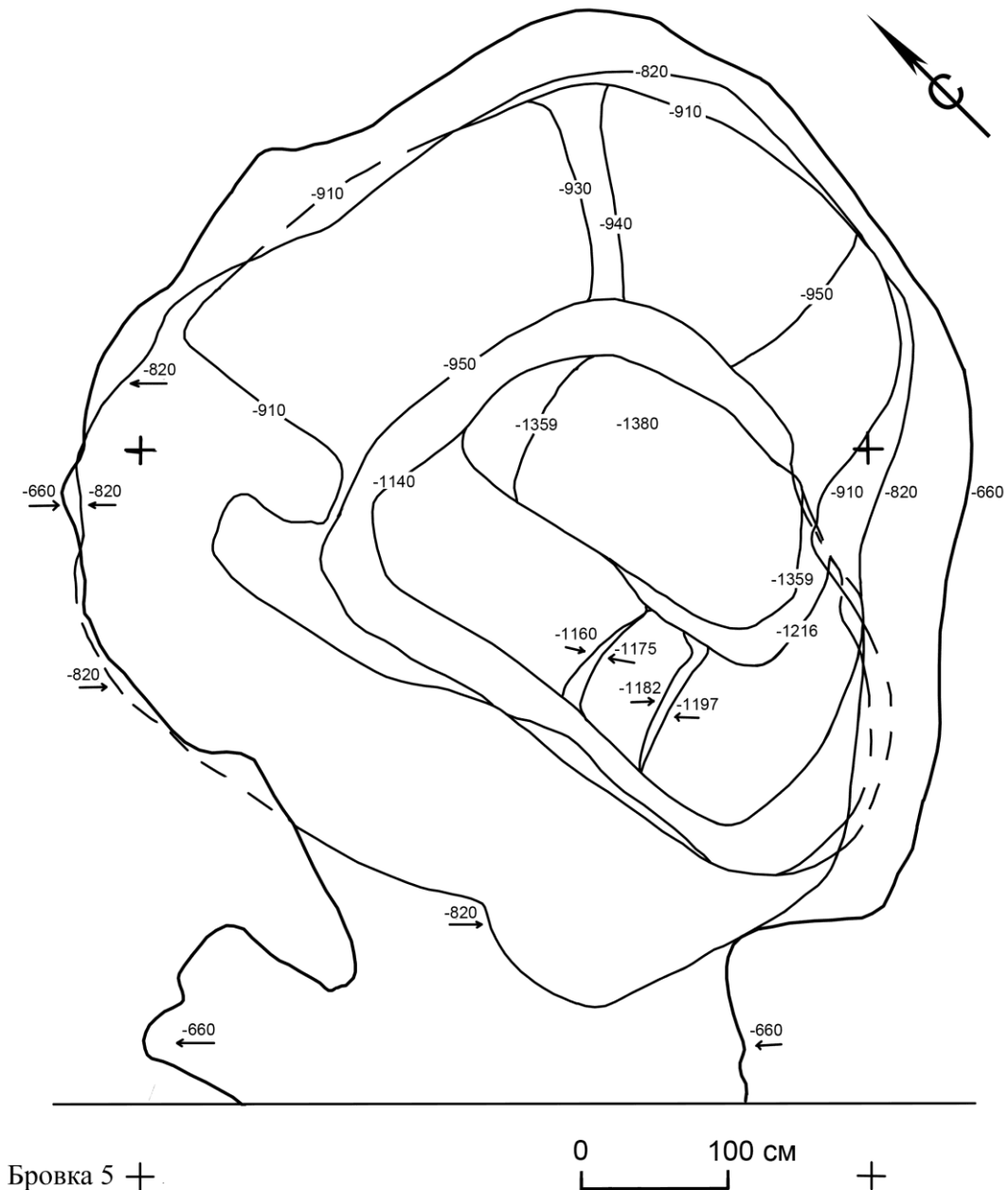

Рис. 5. Курган Шихан (Уба-Тау). Центральная яма 3. Общий план

В верхних горизонтах заполнения ямы (до уровня -904 см) встречались беспорядочно разбросанные фрагменты бревен и жердей различного диаметра (рис. 7). Залегали они, как правило, наклонно к центру ямы и связаны, вероятно, с грабительскими вкопами или проседанием деревянного перекрытия. Возле западной стенки ямы зафиксированы остатки деревянной конструкции лежащие *in situ*. Они позволяют нам предполагать, что изначально яма имела деревянное перекрытие, которое располагалось на верхних горизонтах. Поврежденное грабителями, оно рухнуло и в дальнейшем большая его часть была полностью разрушена многочисленными грабительскими вкопами.

Рис. 6. Курган Шихан (Уба-Тау). Центральная яма 3. Общий вид

При определении верхних контуров ямы на уровне -590 см найдено копыто лошади (?). В заполнении ямы на уровне -885 см найден зуб лошади (?), а на уровне -999 см две трубчатые кости птицы. Кроме того, в заполнении ямы была найдена сломанная деревянная лопата. Ее рабочая часть, имеющая прямоугольную форму и размеры 14×20 см, находилась на уровне -1024 см, а черенок длиной около 80 см и диаметром 4 см – на уровне -1049 см.

Помимо трех больших ям на исследуемой части подкурганной площадки выявлено значительное число столбовых ямок с остатками тонких бревен или жердей. Они, находясь на расстоянии $0,5-0,7$ м друг от друга, образуют несколько линий, сходящихся у центральной ямы 3 (рис. 4).

Стратиграфические наблюдения позволили реконструировать этапы строительства надмогильного грунтового сооружения и выделить отдельные элементы его конструкции.

На первом этапе строители произвели разметку погребальной площадки. Пикетами служили березовые жерди, зафиксированная длина которых достигала 4,6 м, а диаметр не превышал 15 см. От большинства пикетов сохранились лишь столбовые ямки углубленные в материк на 15–35 см. По всей вероятности, длина жердей была разной и указывала высоту будущего грунтового сооружения в разных его частях.

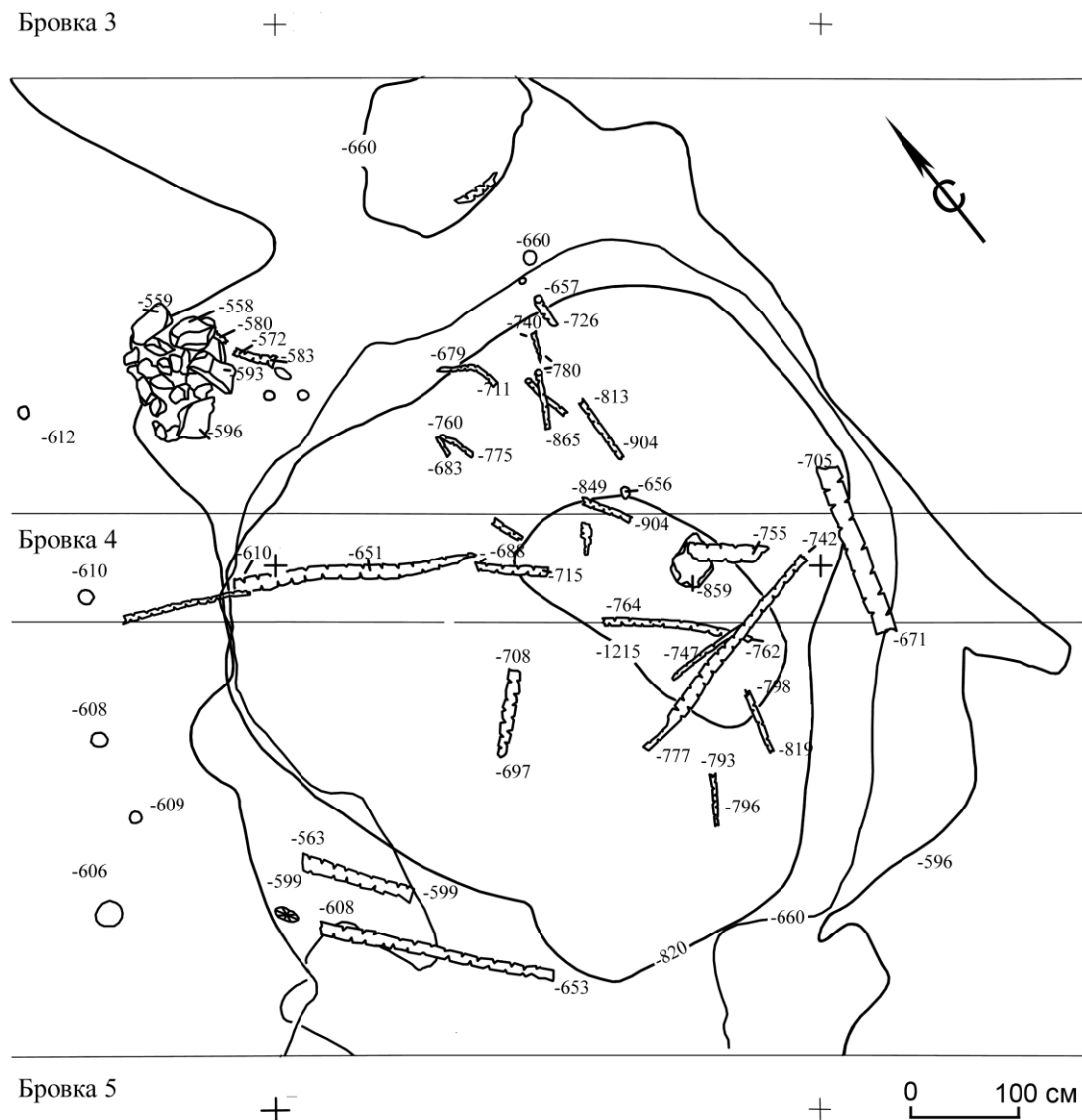

Рис. 7. Курган Шихан (Уба-Тау). Центральная яма 3 на верхних горизонтах

На втором этапе строительства была сложена подпрямоугольная платформа соответствующая положительной аномалии магнитной съемки. Она имела ровную, почти горизонтальную, поверхность и наклонные боковые стенки. Высота платформы не превышала 1,1 м от уровня древней дневной

поверхности. В таком состоянии насыпь кургана простояла какое-то время, что привело к проседанию грунта на отдельных участках. Перед началом следующего этапа строительства все части просевшей конструкции были подсыпаны темно-серым и темно-коричневым гумусированным суглинком. Возможно, в центральной части платформы была сложена дополнительная площадка высотой примерно один метр. Точно установить размер и форму этой надстройки затруднительно, так как центральная часть насыпи была разрушена большими грабительскими ямами. Поверхность площадки и основной части платформы была перекрыта светло-серым суглинком мощностью до 10–15 см. Этот слой четко отделяет внешнюю часть насыпи кургана от изначальной платформы.

Третий этап возведения насыпи это сложение внешней, основной, части тела кургана. Использование методов палеопочвоведения показало, что сложена она с помощью древнейшего строительного принципа: «кирпич-цемент». В роли «кирпичей» выступали суглинистые блоки нижней части почвенного профиля и почвообразующей породы. «Цементом» служил гумусовый горизонт супесчаного гранулометрического состава. Технология сооружения насыпи представляла собой поэтапную установку суглинистых блоков и заполнение полостей между ними супесью из гумусового горизонта. Такая конструкция, основанная на использовании доступного материала, отличалась простотой и надежностью [3]. Изначальная высота кургана в итоге составила около 5 метров. В результате активной деятельности грабителей выкиды из их ям значительно увеличили высоту насыпи.

В полевом сезоне 2014 года раскопки кургана Шихан (Уба-Тау) будут продолжены. Планируется исследование оставшейся части насыпи и подкурганной площадки.

Библиографический список

1. Кастанье, И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края / И.А. Кастанье // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – 1910. – Вып. XXII. – 332 с.
2. Крыванов, Д.А. Геодезическое обеспечение археологических раскопок / Д.А. Крыванов, Д.А. Жилов, В.В. Турлыков // Применение современных технологий и оборудования в кадастровых, геодезических и горных работах: сб. тр. науч.-практич. семинара. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – С. 37–43.
3. Баженов, А.И «Кирпич-цемент» – универсальная система для строительства курганов / А.И. Баженов, Л.Р. Сафарова, А.С. Якимов, А.Д. Таиров // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. / отв. ред.: А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. – Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. – С. 251–257.

[К содержанию](#)

УДК 94«1970/1980»(470+571) + 330.567.2(470+571) + 330.526(470+571)

**ПОТРЕБНОСТИ, ПОТРЕБЛЕНИЕ И СИСТЕМА
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ В СССР. 1970-е – НАЧАЛО 1980-х ГОДОВ.
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

В.С. Балакин

Раскрывается взаимосвязь кризисов советской общественной системы с проблемой потребления и распределения. Показано освещение в литературе эволюции потребностей трудящихся в 1970-е – начале 1980-х гг. и трудности их удовлетворения советской системой распределения. Определяются исследовательские задачи по выявлению причин воссоздающих дефицит товаров «широкого народного потребления, моделей потребительского поведения, роста льгот, привилегий и злоупотреблений в распределении жилья и продовольственных товаров.

Ключевые слова: потребности советского человека, потребление, система распределения товаров и продуктов в СССР, повседневность.

В современных условиях возрос интерес к изучению российской повседневности на разных этапах ее эволюции и трансформации. Это неразрывно связано с поиском властями и обществом рационального соотношения потребностей и потребления. Уже в начале 1970-х годов идеалы «потребительского общества» проникают в СССР и находят поддержку в разных социальных группах. В повседневности, таким образом, развиваются практики, несовпадающие с господствующими. Сегодня потребительское общество уже перестало быть запретной темой и пришло время анализа его латентных тенденций в советском обществе. Проблема потребностей, потребления и распределения в СССР имеет и академический интерес. В философских исследованиях отмечалось, что производство и потребление – это две культурные основы общества. Если 1920–1930-е годы представлены большим блоком монографической литературы о повседневности и распределении товаров, то применительно к 1970 – началу 1980-х годов эта тема не стала предметом специального исследования.

В основе современных представлений о повседневности и потреблении лежат теоретические подходы Т. Веблена, Г. Зиммеля, М. Вебера, Дж. Дьюенберри, Х. Лейбенстайна, Д. Дж. Бурстина, Ж. Бодрийяра, П. Бурдые, А. Людке, Г. Гарфинкеля, И. Гофмана и других исследователей. Однако теоретические основания моделей потребления, как и истории повседневности, остаются предметом дискуссии. Например, американские экономисты освещают поведение потребителей в рамках исследований кафедр маркетинга. Поведение потребителей студенты изучают во всех ву-

зах США. Эта традиция укоренилась и в российской системе образования. Укажем, в связи с этим на книгу коллектива американских авторов, первое издание которой вышло в 1968 году [1].

В СССР потребление изучалось, прежде всего, как часть экономической науки. Основное внимание уделялось процессу распределения и проблеме повышения народного благосостояния. Это книги Б.М. Левина «Социально-экономические потребности: закономерности формирования и развития. М., 1974»; Л.П. Евстигнеева «Формирование потребностей в развитии социалистическом обществе. М., 1975»; В.Ф. Майера «Уровень жизни населения СССР. М., 1977». В дальнейшем произошло сближение экономических и социологических работ. Широко стали применяться социологические методы, появились и новые идеи. Отметим книги Н.В. Иванчука «Социологические проблемы изучения потребностей. Свердловск, 1975» и Н.Н. Михайлова «Социализм и разумные потребности личности. М., 1982». В монографии Н.Н. Михайлова проанализирована природа и сущность потребностей, диалектика объективного и субъективного в потребностях и рассмотрен механизм формирования разумных потребностей личности. Автор пришел к выводу о том, что перед управлением потреблением встали новые задачи «не только планировать объем благ, необходимых для удовлетворения реально сложившихся потребностей, но и моделировать будущие запросы, а также новые средства и способы их реализации» [2, с. 189]. Исследовали проблемы потребления и философы [3]. Следует также отметить книгу Е.Г. Куделина «Диалектика производства и потребностей», а также коллективную монографию А.А. Овсянникова, Н.М. Римашевской, Н.Я. Петракова, И.И. Петтай «Типология потребительского поведения. М., 1989». Из современных работ, необходимо выделить публикации В.И. Ильина («Быт и бытие молодежи российского мегаполиса. Социальная структуризация повседневности общества потребления. СПб., 2007»; «Потребление как дискурс. СПб., 2008») и книги его непримиримого критика А.П. Репьева («Мудрый рекламодатель. М., 2008»; «Маркетинговое мышление или клиентомания. М., 2014).

Российские историки позже других обществоведов приступили к исследованию проблем потребностей, моделей потребления и повседневности. В 1970–1980-е годы в работах историков и социологов освещались сюжеты «быта» и свободного времени. В начале–середине 1990-х годов повседневность трактуется не как второстепенная сфера жизни, но как пространство в котором интегрируются ключевые исторические процессы. Тема повседневности формируется в связи с новым «проблемным», «антропологическим» измерением истории в которой повседневный опыт, бытийное сознание и будни «маленьких» людей оказывают непосредственное влияние на исторические события.

В начале 1990-х годов прошли первые российские научные конференции, посвященные российской повседневности (Российская повседневность. 1921–1941. Новые подходы. СПб., 1995), в начале XXI века такие конференции стали регулярными (Повседневность российской провинции: история, язык и пространство: материалы 3-й Всероссийской летней. Казань, 2002; Городская повседневность в России и на Западе: межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2006; Саранск: идеалы и повседневность городской культуры: материалы IV Воронинских научных чтений. Саранск, 2007 и др.). Однако для многих специалистов по истории СССР концепт повседневности остается малознакомым. Исторические работы по истории потребления и повседневности можно разделить на два типа. Во-первых, это популярные работы, освещающие главным образом нравы и тайны личной жизни. Например, издательство «Молодая гвардия», под рубрикой история повседневности выпускает серию книг, включившую в себя реконструкцию повседневной жизни от греческих богов и первых христиан до сталинской Москвы. Во-вторых, академические исследования историков, которые отличаются большой трудоемкостью. В сообществе историков сложился консенсус в отношении истории повседневности, как «истории маленьких людей» (Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростановода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии. 1928–1938 гг. М., 2004). Отметим, также, что не все историки согласны включить в исследовательское поле повседневности «трудовые будни». Плодотворной оказалась реконструкция повседневных практик людей Н.Б. Лебиной, Т.М. Смирновой, А.Ю. Рожковым, Н.Б. Чистиковым. Из уральских исследований отметим книгу Н.А. Миненко, Е.Ю. Апкаримовой и С.В. Голиковой. Авторам удалось раскрыть конфессиональные аспекты повседневности, семейный и общественный досуг, картины будней и праздников [4]. Историография темы показывает, что исследования в основном посвящены истории дореволюционной и советской России первых трех десятилетий. Исключением, пока являются книги Н.Н. Козловой «Горизонты повседневности советской эпохи (Голос из хора). М., 1996»; Е.Ю. Зубковой «Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М., 1999» и О.Л. Лейбвича «В городе М. Очерки политической повседневности советской провинции в 40–50-х гг. XX века. Пермь, 2005». Авторы осуществили интерпретацию текстов советской эпохи и наметили общие проблемы повседневной жизни людей.

Правильно было бы рассматривать историю повседневности, потребления и моделей потребительского поведения как сегмент исследовательского поля культурной истории или исторической антропологии. Как образец культурно-исторического подхода к теме можно отметить книгу Стивена Коткина «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация // Американская ру-

систика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвис-Фокс. Самара, 2001». С. Коткин показал массовизацию советского языка, формирование новых смысловых и поведенческих моделей поведения советского человека, повседневную жизнь «простых людей».

В целом разработка научной проблемы могла бы строиться в рамках социокультурного подхода как совокупности идей и положений культурной и социальной истории, культурантропологии и социологии. Изучение институциональной специфики потребления и распределения в СССР следует дополнить рассмотрением моделей приспособления людей, что позволит сформулировать как условия эволюции потребностей, так и их сущностные характеристики. Для анализа моделей приспособления можно использовать концепцию повседневности Мишеля де Серато [5]. Автор, анализируя обыденную жизнь, показывает, как человек вынужден подчиняться правилам и действовать в соответствии с навязанными схемами. Человек в повседневности определяется автором как «пользователь», или «потребитель». Используя разные теоретические подходы, Мишель де Серато сформулировал идею о том, что «пользователи» ведут постоянную борьбу, сопротивляясь господствующему порядку, пытаются освоиться в навязанном пространстве и превратить его в свое.

Экономические (потребительские) модели приспособления особенно сильно проявились в эпоху позднего СССР. Проблему кризиса снабжения товарами и продуктами в начале 1980-х годов можно трактовать как контекст, который не только разобщает и сталкивает, но и объединяет, сплачивает и формирует социальные структуры и институты (модели отношений). Новые документы из региональных архивов однозначно доказывают существование продовольственного кризиса на Урале в начале 1980-х годов. В 1981–1982 годах в Челябинской области были введены талоны-заказы на продукцию животноводства (приказ по Управлению торговли Челябинского облисполкома от 18 марта 1982 г. № 31), в Пермской области мясо по талонам начали продавать еще в 1977 г., а в январе 1979 г. в продаже не было масла животного [6, с. 500]. В рамках историко-антропологического подхода к повседневности эти сюжеты должны быть осмыслены заново.

Теоретико-методологическая разработка проблем потребления, потребностей и моделей поведения предполагает обновление концепции потребностей. Важным представляется изучение «альтернативных» интересов малых групп, поскольку они в отличие от «общества потребления» требуют человека коммуникабельного и знающего. Близкой по содержанию к этому вопросу является проблема «качества жизни». Представляется актуальным выяснить наличие условий, дающих возможность не максимального удовлетворения материальных потребностей, а удовлетворения социальных потребностей (соучастия, самовыражения, солидарности). Формирование новой системы потребностей человека могло бы быть проявлени-

ем шагов от общества потребления к обществу культуры. Однако вопрос о том, становились ли культурные потребности в советском обществе символами престижа, остается дискуссионным. Советским обществоведам также не удалось разработать «социалистическую модель потребления» и разработать концепцию новой отрасли знания – «Потребностеведение» [7].

Также требуют анализа советские дискуссии вокруг проблемы разумных потребностей. В периодической печати интересующего нас периода, активно обсуждалась тема потребительства, освещались диспуты по поводу «вещизма» и «рецидива мещанской психологии». Интерес представляет вопрос о том, что для советского человека являлось необходимым, а что лишним. С другой стороны потребность, например, в отдыхе – это объективная потребность, которая не может быть разумной или неразумной, а вот объекты этой потребности, способы и средства ее удовлетворения таковыми могут быть. В связи с этим историкам требуется выяснить, что для трудящихся означал лозунг «От каждого – по способностям, каждому по – потребности». Не менее важно понять почему «отголосок мелкобуржуазных» традиций прошлого в форме «статусного потребления» остался в советском обществе привлекательным. Таким образом, проблема изучения моделей потребления и структур повседневности советского человека применительно к периоду середины 1970-х – начала 1980-х годов еще только обозначена и имеет хорошие перспективы исследования.

Библиографический список

1. Энджел, Д.Ф. Поведение потребителей / Д.Ф. Энджел, Р.Д. Блэкуэлл, П.У. Мниард. – 10-е изд. – СПб: Питер Ком, 2007. – 499 с.
2. Михайлов, Н.Н. Социализм и разумные потребности личности / Н.Н. Михайлов. – М.: Политиздат, 1982. – 191 с.
3. Ковтун, О.А. Трансформация культурного статуса вещи в контексте проблемы персональной идентичности / О.А. Ковтун // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Т. 3. – 2013. – № 2. – С. 162–167.
4. Миненко, Н.А. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века / Н.А. Миненко, Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова. – М.: Наука, 2006. – 384 с.
5. Серто, Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Мишель де Серто; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
6. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Пермский край. Т. 2. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – 688 с.
7. Мочалов, Б.М. Потребностеведение / Б.М. Мочалов, В.В. Соколов. – М.: МИНХ им. Г.В. Плеханова, 1979. – 97 с.

[К содержанию](#)

УДК 330.15(470+571) + 94(470+571)«19»

**ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРИРОДЫ В СССР: ИДЕОЛОГИЯ,
ВЕДОМСТВЕННОСТЬ, ПОСЛЕДСТВИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)**

Л.П. Балакина

Анализируется активность советского государства в сфере использования объектов природы. Рассматривается утилитарное и идеологическое отношение к природе, сталинский план преобразования природы и проблема изменения водного режима рек и морей. Показана противоречивость экономической политики союзного правительства—одновременное нарушение природоохранных правил и принятие нормативных актов в защиту природы.

Ключевые слова: преобразование природы, природоохранная деятельность, переброска стока рек Сибири.

«Преобразование» природы в СССР фактически началось одновременно с политикой свертывания НЭПа. Отношение к природе становилось все более утилитарным и идеологизированным. По мнению «новых» экономистов и руководителей социалистической строй и плановое хозяйство сами собой гарантируют рациональное природопользование. Планирование соцгородов на месте лесов [1], создание леспромхозов около железных дорог и рек, бесплатный отпуск леса на деле привели к опустошению сырьевой базы лесной отрасли почти на всей экономически освоенной территории страны [2].

По мере укрепления режима единоличной власти отношение к природе становилось все более расточительным. Решения о размещении крупнейших промышленных и военных объектов принимались без какого-либо экологического обоснования. В предвоенные, военные и послевоенные годы огромный ущерб природной среде нанесло строительство крупных гидроэлектростанций на равнинных реках, массовые рубки леса, создание атомных предприятий на Урале и в Сибири, освоение целины.

Так называемый сталинский план преобразования природы начинает реализовываться в конце 1940-х годов. В 1948 году Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР». Этим планом было намечено создание в течение 1950–1965 годов крупных государственных лесных защитных полос общим протяжением 5320 км, с площадью лесопосадок 117,9 тыс. га. «Великие стройки коммунизма» включали следующий комплекс работ: 1) строительство Куйбышевской гидроэлектростанции на Волге, 2) строительство Сталинградской гидроэлектростанции на Волге и оросительных и обводнительных систем в районе Прикаспия, 3) строи-

тельство Главного Туркменского канала от Аму-Дарьи до Красноводска и оросительных и обводнительных систем в районах низовьев Аму-Дарьи, Западной Туркмении и пустыни Кара-Кум, 4) строительство Каховской гидроэлектростанции на Днепре, 5) строительство Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов и оросительных систем в районах юга Украины и Северного Крыма, 6) строительство Волго-Донского судоходного канала и оросительных систем в прилегающих районах. А.А. Соколов в книге «Гидрография СССР» писал о том, что «Великие стройки коммунизма преобразят гидрографию нашей страны. Вместо прежней Волги, с ее высокими весенними половодьями и низкой летней меженью, на огромном протяжении – от Калинина до Сталинграда – будет создана цепь больших озер-водохранилищ, что коренным образом изменит режим великой русской реки и подчинит его воле человека» [3]. По мнению автора в стране все меньше и меньше остается так называемых естественных рек, режим которых не изменен деятельностью человека. В этом он усматривал одну из основных особенностей нового этапа в развитии гидрологии и изучении вод СССР. Великие стройки коммунизма, «являясь новым этапом в развитии Родины», по мысли автора книги, вместе с тем знаменовали и новый прогресс в развитии гидрологической науки. В заключительной части раздела А.А. Соколов утверждал, что советская гидрология подготовлена к решению этих задач и смело идет по пути новаторства, по пути развития и совершенствования в тесном содружестве с практикой.

Амбициозные и экологически опасные проекты, содержащиеся в Великом сталинском плане преобразования природы остались нереализованными. Предусматривавшиеся в том же плане мероприятия по созданию защитных лесополос в степных и лесостепных районах были в значительной степени проведены и помогли уменьшить распространение процессов дефляции. Однако изменить с помощью лесополос климат Европейской части СССР, в том числе предотвратить суховеи, как это предполагалось, было явно нереально. В последние годы жизни Сталина был выдвинут тезис об отсутствии необходимости охранять природу от советского человека, что послужило идеологическим обоснованием для проведенного в 1951 году резкого сокращения сети заповедников.

В 1950-е годы одной из дискуссионных и неоднозначных для практического решения оставалась проблема изменения водного режима рек и морей. Проект соединения Оби с Иртышем, Тоболом и Ишимом в плане практических решений стали обсуждать в конце 1940-х годов. Правительственная комиссия с участием Министерства электростанций одобрила строительство канала переброски воды в Арал. В мае 1950 года на Бюро президиума СОПС был заслушан доклад председателя Ученого совета Арало-Каспийской экспедиции академика С.Г. Струмилина о практических предложениях, выдвигаемых водноэнергетическими проектными организациями по переброске стока рек Сибири в Арало-Каспийскую низ-

менность. Академики В.С. Немчинов и С.Г. Струмилин считали этот вопрос настолько важным, что решили подготовить специальную докладную записку на имя президента Академии наук СССР С.И. Вавилова [4, с. 103].

В документе указывалось, что по этой теме состоялся «острый по форме обмен мнениями». В заседаниях Ученого совета экспедиции приняло участие около 140 человек из 12 научно-исследовательских и проектных институтов. Было заслушано три основных проекта. Схема Гидроэнергопроекта в частности предусматривала постройку на Оби, ниже устья Иртыша, плотины с гидроузлом, создающей водоем площадью 25 миллионов гектар, создание семи ГЭС с общей годовой выработкой 80–100 миллиардов кВт/ч., орошение 25 миллионов гектар земель, частично с машинным водоподъемом, обводнение 20 миллионов гектар Приаральской и Прикаспийской низменностей. При таком же масштабе эффекта схема кандидата наук А.А. Шульги предполагала постройку широтного канала протяженностью около 4000 тысяч километров. Профессор А.А. Чаплыгин*, поддерживая проекты, указывал на то, что снижение уровня Каспийского моря на 2 метра принесло значительный народнохозяйственный ущерб, возник водный дефицит в 150 кубических километров воды в год, который можно покрыть только за счет переброски воды из Северных рек. Против этих проектов выступил профессор В.В. Цинзелринг. Он считал, что из проектов, совершенно не ясны гидрологические и климатические последствия переброски стока сибирских рек, и таким образом проблема влагооборота полностью не учтена в количественных прогнозах. В результате обсуждения доклада С.Г. Струмилины и обмена мнениями Бюро СОПС констатировало, что представленные проекты преувеличивают не только народнохозяйственную необходимость переброски стока рек, но и запрашиваемые для этой цели объемы капитальных вложений. Также был предложен ряд мероприятий по дальнейшему изучению вопросов общеклиматических изменений, связанных с обводнением Приаральских и Прикаспийских степей [4, с. 105]. Возможно, поэтому реализация проекта Министерства электростанций по строительству канала и водохранилищ между Обью и Иртышем в 1951 году была неожиданно приостановлена.

В период с 1961 по 1974 год был построен канал Иртыш (р. Белая) – Нура-Караганда протяженностью 458 километров. Это был первый опыт переброски рек Сибири в пустынные районы Казахстана. В 1967–1969 годах на р. Ишим были построены Вячеславское и Сергеевское водохранилища. В 1974 году для подачи воды из реки Нура в г. Астану был построен 25-километровый канал Нура – Ишим (реконструкция канала будет проведена только в 2010–2012 гг.).

---

*Уже в 1927 году А.В. Чаплыгин выступил с предложением об орошении больших земельных массивов Заволжья и строительстве гидроэлектростанции на Самарской Луке, на базе которой проблема орошения Заволжья решалась бы наиболее экономично. Строительство гидроузла начнется только в 1950 году.

В 1950–1970-е годы перспективы развития производительных сил страны были приоритетными в сравнении с природоохранными мероприятиями. В это время власти явно форсировали именно экстенсивный тип развития экономики Восточных районов. В директивах XX съезда КПСС указывалось на то, что необходимо расширение минерально-сырьевых баз действующих и строящихся предприятий... для дальнейшего развития промышленности, прежде всего в восточных районах страны [5, с. 33]. Об экологических проблемах в этих задачах не упоминалось.

В 1956 году академик В.С. Немчинов опубликовал статью, специально посвященную перспективам развития производительных сил Сибири и Урала. В своей работе В.С. Немчинов конечно отдает «дань духу» времени. Он приводит многочисленные данные ожидаемого роста производительных сил к 1970 году. Вместе с тем в статье анализируются и трудности подобного вектора развития. Анализируя пути создания на Востоке страны третьей мощной металлургической базы, В.С. Немчинов, во-первых, прогнозирует рост дефицита угольно-металлургического сырья на Урале и указывает, что этот регион выделяется из всех восточных районов наименьшей степенью обеспеченности потенциальными энергетическими ресурсами, во-вторых, подчеркивает проблему внедрения новых методов плавки железных руд на базе бурых углей и научной разработки более эффективных методов обогащения углей и руд, в-третьих, обращает внимание на то, что исключительные по своему богатству угольные бассейны восточных районов требуют от научно-исследовательских институтов разработки новых, более рациональных методов их эксплуатации [6, с. 73].

В эти годы продолжалось обоснование необходимости создания моделей регионального развития. По мнению экономистов, включение в территориальную модель производства матрицы ресурсов позволило бы сопоставить ресурсы и потребности в них, а это – было основным условием построения схемы рациональной территориальной организации производства и общественного разделения труда.

Отметим, что по разным причинам в партийных документах до середины 1970-х годов, проблема природоохранных мероприятий в контексте освоения Восточных районов страны не ставилась. Например, в материалах XXIV съезда КПСС (1971 г.) таких задач нам обнаружить не удалось. На XXV КПСС (1976 г.) в разделе доклада ЦК КПСС о развитии сельского хозяйства (!), констатировалось, что нужно «облагораживать природу, помогать природе полнее раскрывать ее жизненные силы... знания, опыт людей, их привязанность к природе поистине творят чудеса. Это наш социалистический путь» [7, с. 53]. В Основных направлениях развития народного хозяйства на 1976–1980 гг. появился пункт о мероприятиях по охране окружающей среды, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов [7, с. 174–175]. Задачи этого раздела были деклара-

тивными, никаких средств на их осуществление не выделялось, субъекты промышленного загрязнения природной среды не упоминались.

1960–1970-е годы были противоречивыми в отношении охраны природы. С одной стороны, развернулось крупномасштабное промышленное освоение ранее нетронутых территорий Сибири и Дальнего Востока, строительство циклопических гидротехнических. С другой стороны, обеспокоенность судьбой природы в 1970-е – начале 1980-х гг. была законодательно зафиксирована в ряде документов («Лесной Кодексе РСФСР» (1977); «Об охране и использовании животного мира» (1980 г.)). Однако центр в реальной «большой» социально-экономической политике имел возможность игнорировать многие важные природоохранные документы. Общественность получила возможность придать этим проблемам политическое значение только в последние годы перестройки.

Библиографический список

1. Конышева, Е.В. Советское градостроительное проектирование середины 1930-х гг.: на переломе эпох / Е.В. Конышева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Вып. 17. – 2011. – № 30. – С. 71–77.
2. Воронова, О.Н. Охрана природы в Советском Союзе / О.Н. Воронова. – URL: <http://www.voronova-on.ru/prirodopolzovanie/flora/Historuoxrana-flora/USSRfayna/index.html>.
3. Соколов, А.А. Гидрография СССР / А.А. Соколов. – Л.: Гидрометеиздат, 1952. – URL: <http://abratsev.narod.ru/biblio/sokolov/content.html>.
4. Докладная записка Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР и Арало-Каспийской комплексной экспедиции президенту академии С.И. Вавилову о рассмотрении проблемы переброски стока рек Сибири в Арало-Каспийскую низменность // Экология и власть. 1917–1990. Документы / под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: МФД, 1999. – 432 с.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1896). – Т. 9. 1956–1960. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1986. – 574 с.
6. Немчинов, В.С. Перспективы развития производительных сил Сибири и Урала / В.С. Немчинов // Плановое хозяйство. – 1956. – № 3. – С. 69–81.
7. Материалы XXV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1976. – 256 с.

[К содержанию](#)

УДК 94(470.55)«1930/1940» + 330.567.2-057.56 + 364.2–057.56

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЛЬЕМ И ТОВАРАМИ НАРОДНОГО
ПОТРЕБЛЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ И СПЕЦИАЛИСТОВ
В 1930-е ГОДЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

А.В. Богданов

В статье рассматривается процесс адаптации иностранных специалистов и рабочих, прибывших на строительство крупнейших промышленных объектов Челябинска и Магнитогорска в годы первой пятилетки, к новому советскому быту. Иностранцам рабочим и специалистами гарантировались определенные условия жизни. Показана работа магазинов снабжающих иностранных специалистов товарами (Инснаб, Торгсин). В большинстве случаев руководство предприятий не смогло предоставить иностранным рабочим сходные с западными стандартами условия жизни.

Раскрываются взаимоотношения иностранных специалистов и советских рабочих.

Ключевые слова: повседневность, распределение, иностранные специалисты, индустриализация, ММК, ЧТЗ.

В конце 1920-х годов в связи со строительством и введением в эксплуатацию новых предприятий, в том числе двух крупнейших промышленных предприятий – Челябинского тракторного завода и Магнитогорского металлургического комбината, потребовалось значительное количество новых строителей, монтажников, производственников и инженерно-технического персонала.

В целях быстрее решения вопроса об обеспечении новостроек первой пятилетки высококвалифицированными кадрами советское правительство посчитало возможным использование инженерно-технических кадров и высококвалифицированных рабочих зарубежных стран. В СССР началась активная миграция рабочих и специалистов из стран Европы (главным центром была Германия) и США.

Для интеграции иностранцев в советское общество и осуществления надзора за ними создавались специальные иностранные отделы и выделялись ответственные за эту работу лица. В области бытового обслуживания функции этих отделов включали в себя содействие обеспечению иностранных рабочих жильем, продуктами питания и снабжения их предметами широкого потребления. Изучение проблемы обеспечения жильем и товарами народного потребления иностранных рабочих по-прежнему остается актуальной, поскольку исследований по данной тематике недостаточно.

Современные исследователи отмечают, что значительной проблемой в годы первых пятилеток было недостаточное внимание к улучшению со-

циально-бытовых условий жизни трудящихся. На новостройках в 1930-е годы не хватало продуктов питания, одежды, обуви, жилья. Отчасти это было связано с недофинансированием ведомственных строек.

По договорам, заключаемым с иностранными рабочими и специалистами, им гарантировались определенные условия жизни. В них было включено предоставление отдельной комнаты, бесплатная медицинская помощь, ежегодный отпуск, снабжение продовольственными и непродовольственными товарами, а также перевод за границу части заработка. Но как выполнить условия договора, если решить жилищную проблему было достаточно сложно, особенно в условиях, когда жилищное строительство финансировалось по остаточному принципу (на первом плане было строительство предприятия и выпуск первой продукции, а люди жили в непригодных помещениях, например землянках или палатках даже зимой).

Например, вследствие нехватки жилья для рабочих ЧТЗ около предприятия возникло семь рабочих поселков, состоявших преимущественно из землянок, где проживали более семнадцати тысяч рабочих и служащих с семьями. На ЧТЗ многих селили в бараки, представлявшие собой примитивные одноэтажные постройки, которые, как правило, считались временными. В этих населенных пунктах не имелось водопровода, воду носили в основном из колодцев. Многие бараки разваливались, окна с выбитыми стеклами жильцы затыкали картоном или досками, транспортная связь практически отсутствовала.

Иностранные специалисты, приехавшие в СССР по договорам, составляли особую группу «А», остальные рабочие, прибывшие самостоятельно, составляли группу «Б». Иностранные рабочие особого и первого списка снабжались лучше всего. Хуже снабжались служащие второго списка [1, с. 162]. Рабочие группы «Б» проживали в Социалистическом городе и бараках, обслуживание которых было на порядок ниже.

Вначале 1930-х годов на Магнитогорском комбинате было три основных места проживания иностранцев: «Березка» (первоначально «Американка»), где расселяли инженеров–иностранцев; дом (блок) № 7 Социалистического города (там жили несколько сотен иностранных рабочих и техников) и барак № 17, построенный на холме за Социалистическим городом. В пятидесяти комнатах этого барака жили 100 человек – девяносто восемь немцев и два американца. Джон Скот описывал «Березки» как маленький пригород, где жили «валютные» иностранцы и высокопоставленные советские должностные лица. Березки представляли собой «замкнутый маленький мирок». Большинство магнитогорских рабочих понятия не имели, кто там живет и как [2, с. 105].

Березки, или «Американский город», состояли приблизительно из ста пятидесяти домов, расположенных между двумя холмами километров

в 7–8 от комбината. Эти дома были хорошо построены, в большинстве из них были каменные стены и металлические крыши, и во всех домах – водопровод и центральное отопление. Там жили около 400 немецких и американских специалистов, которые получали зарплату золотом и работали либо непосредственно на Советское правительство, либо на иностранную фирму, чье оборудование они устанавливали.

Правительство старалось сделать всё так, чтобы создать для этих специалистов условия, близкие к тем, к которым они привыкли у себя на родине [2, с. 114]. Затем число проживающих там иностранных специалистов изменилось.

Американский инженер Бендт, посланный от фирмы в Магнитогорск, рассказывал, что жил с коллегами в «оазисе западного комфорта» – в домах на 4–7 комнат с централизованным отоплением, горячей и холодной водой, электричеством и другими привычными ему удобствами. В «американском поселке» Магнитогорского комбината, по его словам, имелся даже тир и теннисный корт. Не было серьезных нареканий, связанных с условиями проживания, и от американцев с Тракторного завода. Иностранцы, проживавшие в таких домах, имели и немало льгот, например, снижение квартплаты до 50 % и улучшенное обслуживание квартир [3, л. 85].

Однако в таких элитных поселках жили в основном специалисты, приехавшие по договорам. Еще до приезда расходы по ним рассчитывались в соответствии с их будущей должностью, а также с учетом их социального статуса и положения в родной стране. Разница в расходах на рабочего и инженера, предусматривающая создание разных условий жизни в СССР, закладывалась изначально.

Сравнительно приличный барак, где проживали иностранные специалисты, выглядел следующим образом: это было низкое деревянное беленое здание, двойные стены которого были проложены соломой. Крыша, крытая золем, по весне протекала. В бараке было тридцать комнат. В каждой жильцы устанавливали маленькую кирпичную или железную печку. Коридор с низким потолком освещался одной маленькой электрической лампочкой. В комнате на двух человек размером два на четыре метра имелось одно маленькое окошко, которое заклеивали газетами, чтобы не дуло. Там стояли небольшой стол и трехногий табурет. Две железные койки были узкими и шаткими. На них не было пружинной сетки, только толстые доски лежали на железном каркасе. В бараках не было ванн, водопровода, а часто не было света или дров, чтобы отапливать комнаты [2, с. 216].

Несмотря на указания Обкома КПСС и директивы Рабоче-крестьянской инспекции, предприятия не могли в полном объеме предоставить работавшим на них иностранным рабочим и специалистам жилплощадь или обеспечить им комфортные условия проживания. Например, немецкий инженер Курвиц вынужден был отправить жену обратно в Германию, так как

им совершенно негде было жить. В течение нескольких дней по приезду из Германии инженер вынужден был спать на стульях в номере гостинице, где проживала еще одна немецкая семья [4, л. 25].

В докладной записке «О состоянии работы среди иностранных рабочих и специалистов и о выполнении решений Уралобкома ВКП (б) 1931 г.» отмечалось, что в Магнитогорске иностранцы проживали в бараках по 5 человек в комнате. В них же стирали и сушили белье, тут же варили пищу, отсутствовало отопление и уборные (барак № 118) [5, л. 95].

Квартплата обычно зависела от жалованья и составляла приблизительно от двух до десяти рублей в месяц. Мебель в квартирах, как и сами дома, изначально принадлежали заводу. Квартирисьемщик платил за использование мебели пять процентов ее оценочной стоимости в год. Замена мебели обычно производилась самим жильцом, по мере того как она приходила в негодность и ломалась, поэтому постепенно рабочий обзаводился все большим количеством собственной мебели, обычно деревянной и очень простой [6, л. 5].

Ещё одной проблемой в организации быта иностранных специалистов была проблема обеспечения продуктами первой необходимости. Для иностранцев существовал «особый» магазин – Инснаб, отделение которого находилось в ближайшем поселке, где проживали иностранные рабочие. Инснаб имел в продаже большое количество (по меркам того времени) всех необходимых продуктов: мясо, масло, яйца, молоко, муку, хлеб, рыбу, консервы, кондитерские изделия, а также одежду.

В 1930 году ИНО ВСНХ издал Циркуляр № 235 «О снабжении иностранных специалистов», где обязывал руководство предприятий выдать иностранным специалистам (работавшим по договорам техпомощи, индивидуальным договорам, инженерам, монтажникам, работающим на монтаже оборудования, прибывшим от иностранных фирм, консультантам и др.) специальные книжки для «забора по ним продуктов». Предписывалось отпускать по указанным книжкам продукты в пределах полного удовлетворения потребностей специалиста и его семьи [7, л. 49].

Однако многие иностранцы жаловались в Москву, что продукты были плохого качества. Но цены в этих магазинах гораздо ниже, иногда они составляли одну десятую от тех цен, по которым советские рабочие покупали подобные товары в своих магазинах. Для сравнения: ведро картофеля в обычном магазине для советских рабочих стоило 12 рублей, в Инснабе – 9 рублей, литр молока в обычном магазине – 1,5 рубля, в Инснабе – 1 рубль, 1 килограмм мяса – 6 рублей, в Инснабе – 4 рубля [8, л. 2].

Многие иностранные рабочие, приехавшие в СССР по договору, не жаловались, что оказались обманутыми. Например, немецкий инженер Штельн в своей жалобе руководству ЧТЗ указывал, что договором ему был установлен оклад в 250 рублей. Ему объяснили, что он сможет с семьей из

8 человек прожить на 100–200 рублей. Остальная сумма будет достаточна для одежды. Но с учётом цен на одежду подобное становилось невозможным. Один приличный костюм стоил тогда 600–800 рублей, ботинки – 180–240 рублей, рубашка стоила 60–80 рублей [8, л. 7–8]. Более того, была повышена оплата за квартиру с 10–15 рублей в 1932 году до 72 рублей в 1933 году [9, л. 11]

Иностранцев старались обеспечить по возможности всем необходимым. Но самим иностранцам эти условия казались недостаточно комфортными. Некоторые продукты питания, к употреблению которых иностранные работники привыкли у себя на Родине, просто невозможно было найти ни в магазинах, ни на рынках. Так, американский инженер Мак-Моррей, работавший в Магнитогорске от компании «Мак-Ки», жаловался на то, что нигде не мог купить цветную капусту, что, по его утверждению затрудняло его жизнь и жизнь его семьи. В другой раз он не смог купить цыплят и очень долго по этому поводу переживал [7, л. 55–56].

Помимо Инснаба во многих городах Советского Союза, с 1931 по 1936 год действовал ещё и так называемый «Торгсин» – предприятие государственной торговли с иностранцами. Вначале 1930-х Торгсин являлся сосредоточением изобилия товаров, недоступных большинству советских рабочих. Однако это «изобилие» товаров, по мнению многих иностранных рабочих, было недоступным и для них самих. Реализация товаров производилась только за валюту, золото, серебро или предметы искусства. Русским рабочим было также разрешено получать товары в Торгсине. Пресса пестрела заголовками об открытии магазинов и сообщала, что «личностью сдатчика золота и серебра Торгсин не интересуется и записей не ведет» [10].

Таким образом, многие иностранные рабочие и специалисты оказались глубоко разочарованными в модели советского социализма, воспринимаемого ими на основе социалистической повседневности и личного жизненного опыта. В большинстве случаев иностранным рабочим не смогли предоставить сходные с западными (особенно американскими) стандартами условия быта и проживания. Документы свидетельствуют о том, что большинство иностранцев остались недовольными жилищными условиями [11].

Острый продовольственный и товарный кризис социально определял и положение советских граждан, и иностранцев, живших в рассматриваемый период в СССР. Руководство страны пыталось создать для иностранных специалистов и рабочих наилучшие условия.

Практически на любом предприятии в бытовом плане иностранные специалисты обеспечивались лучше своих советских коллег. Но они зачастую находили эти условия недостаточно комфортными. Хотя некоторые жалобы иностранцев могут показаться весьма необычными. Например, инженер Блицингер жаловался на то, что не мог несколько месяцев получить второй ключ, а инженер Маршалл никак не мог добиться, чтобы ему перевесили лампу ниже [4, л. 25].

С другой стороны, условия проживания, которые были созданы для иностранцев, возмущали советских рабочих, которые им казались чрезвычайно комфортными.

Большинство просто не понимали, почему для иностранцев, а не для них, создаются такие условия жизни. В письме рабочего Зака даже упоминался такой факт, что 30 советских инженеров угрожали остановкой производства, если снабжение не будет налажено. Администрация пошла им на уступки, переведя их в немецкий кооператив. В этом же письме, рабочий Зак пишет, что сравнил бы посещение этими инженерами Инснаба на «налет саранчи. Скупили все: водку, хлеб, вино, как будто хотели нагрузить ковчег» [12, л. 54].

Библиографический список

1. Челябинская область 1917–1945 гг. Сборник документов и материалов / сост. Н. Прыкина, Е. Турова, И. Янгирова. – Челябинск, 1998. – 304 с.
2. Скотт, Д. За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали / Д. Скотт. – М.: Издательство МГУ; Свердловск: Издательство УрГУ, 1991. – 304 с.
3. ОГАЧО. – Ф. 792. – Оп. 4. – Д. 144.
4. ГАСО. – Ф. Р-265. – Оп. 1. – Д. 62.
5. ГАСО. – Ф. Р-272. – Оп. 3. – Д. 105.
6. ОГАЧО. – Ф. 792. – Оп. 4. – Д. 180.
7. ГАСО. – Ф. Р-1150. – Оп. 1. – Д. 1636.
8. ОГАЧО. – Ф. 234. – Оп. 1. – Д. 105.
9. ОГАЧО. – Ф. 234. – Оп. 1. – Д. 326.
10. Магнитогорский рабочий. – 1933. – 1 февраля.
11. Богданов, А.В. Социально-бытовые условия и организация питания иностранных специалистов на заводах Урала в годы первой пятилетки / А.В. Богданов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2010. – Вып. 15. – № 28 (204). – С. 15–18.
12. ГАСО. – Ф. Р-272. – Оп. 3. – Д. 705.

[К содержанию](#)

УДК 94«1980»:338(470.55) + 330.567.222(470.55)

НАРАСТАНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА И ВВЕДЕНИЕ НОРМИРОВАННОГО СНАБЖЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМИ ТОВАРАМИ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (НАЧАЛО 1980-х ГОДОВ)

Ю.С. Богданова

В статье рассматривается ситуация, сложившаяся в Челябинской области в потребительской сфере, связанная с нарастанием продовольственного кризиса в первой половине 1980-х гг. Были выявлены основные группы продовольственных товаров, опавших в разряд «дефицитных». Раскрываются причины, которые привели к введению нормированного снабжения продовольственными товарами через систему талонов-заказов.

Ключевые слова: распределение, товары народного потребления, нормированное снабжение, Челябинская область.

Продовольственная политика является важнейшей частью как социально-экономической так и политической жизни государства. Исследование вопроса о снабжении населения качественными продовольственными товарами доступными по цене в первой половине 1980-х гг. является одним из наиболее актуальных и трудно разрешимых даже в современной России [1].

На XXVI съезде КПСС были приняты Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 гг. и на период до 1990 года. Было указано, что в сфере повышения материального уровня жизни и улучшения быта людей приоритетным является увеличение доходов населения, повышение объема и совершенствование структуры потребления, более полное удовлетворение спроса населения на товары и услуги. Причем на первое место было выдвинуто улучшение снабжения продовольствием.

Челябинской области также предстояло решать поставленные задачи. Конъюнктурный обзор о состоянии торговли области показывал неуклонный рост розничного товарооборота (хотя при этом план выполнялся не на 100 %). (рис. 1, 2) [2] Это показывает противоречия, возникшие в системе планирования производства и распределения продовольственных товаров.

Однако по некоторым показателям область значительно отставала. Торговля продовольственными товарами проходила при неполном обеспечении товарными ресурсами. В конъюнктурном обзоре о состоянии торговли в Челябинской области за X пятилетку (1976–1980 гг.) отмечалось, что из-за крайне ограниченных ресурсов в 1980 году против 1976 года сократилась реализация мяса и птицы на 6,5 %, колбасных изделий на 6 %, мясных консервов на 87 %, рыбы на 19 %, масла животного на 20 %, сыров на 9 % (табл.) [3, л. 176–177].

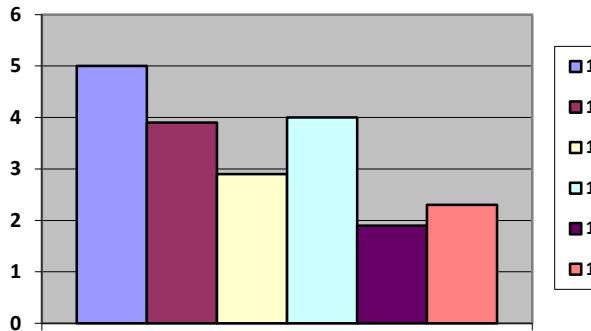

Рис. 1. Увеличение розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли в сравнении с предыдущим годом, в %

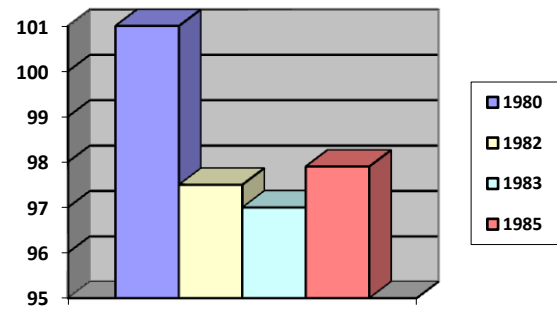

Рис. 2. Выполнение плана товарооборота государственной торговли, в %.

Таблица

Реализация товаров в 1980 г.

Группа товаров	1980 г. к 1979 г., в %	1980 г. к 1976 г., в %
Мясо и птица	90,5	93,5
Колбасные изделия	83,0	94,0
Мясные консервы	75,1	12,8
Рыба	116,2	80,7
Масло животное	82,4	80,3
Сыр	78,3	90,7

Завоз мясопродуктов за 11 месяцев 1981 года был выполнен на 55,8 %. Объем реализации колбасных изделий снизился против 1980 году на 10,5 %. В целях рациионирования торговли и обеспечения каждого жителя продуктами в области с января 1982 года вводилась нормированная продажа мясопродуктов из расчета 2 кг на человека в 7 крупнейших городах: Челябинске, Магнитогорске, Миассе, Копейске, Коркине, Еманжелинске, в остальных по 1,5 кг [3, л. 10–11].

В 1983 году талоны на мясопродукты отоваривались в основном мясом птицы и колбасными изделиями (23 % и 67 %) и только 10 % мясом говядины и свинины, которое шло на обеспечение инвалидов войны и диабетиков [4, л. 9]. В 1984 году закупки скота, птицы, яиц увеличились, но ресурсов мяса и мясопродуктов по-прежнему было недостаточно, и продажа их осуществлялась путем рациионирования, кроме мяса птицы, продажа которого с марта месяца осуществлялась без талонов. В общем объеме колбасных изделий вареные колбасные изделия занимали 90 %, полукопченые – 7,2 %, твердокопченые – 1,3 % («Любительская», «Отдельная», «Русская», «Ветчина в оболочке») [5, л. 7].

В 1985 году ситуация с поставкой мясопродуктов еще ухудшилась. Отоваривание по талонам осуществлялось в основном вареными колбасами. В октябре–ноябре объемы поставок мяса и птицы еще раз снизились, поэтому талоны в ряде мест отоваривались свининой и тощей бараниной [6, л. 4].

Для улучшения снабжения населения в области стали применяться меры по изысканию дополнительных ресурсов мясопродуктов за счет совершенствования технологий колбасного производства, применения белкового и растительного сырья. В результате была достигнута экономия мяса 2,4 тыс. т (1981 г.), 2,8 тыс. т (1982 г.), 3 тыс. т (1983 г.), 3,5 тыс. т (1984 г.), 3,1 тыс. т (1985 г.) [2].

Не удовлетворялся спрос и на творог и творожные изделия. На 1 человека приходилось от 2 до 2,5 кг творога в год. С 1 ноября 1981 года вводилась нормированная продажа масла из расчета 200 гр. на человека в месяц в Челябинске, Магнитогорске, Миассе, Копейске, Коркино, Еманжелинске, Златоусте. В Сатке, Южно-Уральске, Бакале – 150 гр., остальных – 100 гр. [3, л. 12, 16]. В 1982–1983 гг. острый недостаток творога, творожных изделий, сыров твердых и плавленых по-прежнему ощущался.

В конъюнктурном обзоре о состоянии торговли за 1984 год отмечалось, что выработка творожных изделий в области осталась на уровне 1977 года, и на 1 человека приходилось всего 2,3 кг при рациональных нормах для уральской зоны 10 кг [5, л. 7]. В 1985 году творог и творожные изделия и сыры практически отсутствовали в продаже [6, л. 5].

При анализе реализации продовольственных товаров по отдельным городским торгам Челябинской области в первой половине 1980-х гг. можно выделить общие закономерности недовыполнение плана товарооборота по отдельным группам товаров. Постоянно поступали жалобы на то, что ассортимент рыбы стал крайне узок: в основном минтай, путассу, ставрида. Вдобавок, из-за неблагоприятных погодных условий отдельных республик страны снизились поставки фруктов, плодов, ягод.

Особой категорией стоит выделить мороженое. Его реализация снизилась в несколько раз. Причин было несколько. Во-первых, Златоустовский гормолзавод длительное время был закрыт на капремонт, из-за чего произошла недопоставка по фондам. Во-вторых, недостаточно транспорта для вывоза продукции.

Показательным в этом плане является объяснительная Миньярского горторга по не выполнению плана товарооборота по отдельным видам продуктов. Было указано, что Ашинский гормолзавод не поставлял мороженое в связи с тем, что он не производит мороженое. А поставка из Златоуста невозможна в связи с отсутствием транспорта. По этой причине мороженого по Миньярскому горторгу было продано на 13 тыс. рублей меньше [7, л. 29].

Обеспечение торговли товарами прочей бакалеи практически не изменялся на протяжении 1980–1985 гг. Из года в год заявки торговли оставались неудовлетворенными на 50 % и более. Не удовлетворялся спрос на соду, детское питание, желе фруктовое, горчицу, лимонную кислоту, кофе растворимый. В течении XI пятилетки в продаже практически отсутствовали специи всех видов и дрожжи [6, л. 5].

Таким образом, в первой половине 1980-х гг. в Челябинской области наблюдается нарастание продовольственного кризиса. С 1982 года вводится нормированное снабжение населения продовольственными товарами (выдача талонов–заказов. Причем продажа мяса продуктов производилась только по талонам–заказам, имевшим 2 печати: магазина, осуществлявшего продажу и ЖЭКа, выдававшего их) [8, л. 199]. Основной причиной сложившихся трудностей государственной торговли области можно назвать несбалансированность плана с выделенными ресурсами.

Библиографический список

1. Нормативно-правовые документы о повышении благосостояния населения в 1980–90-е гг. // [Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»](#). – 2011. – № 9 (226). – С. 15–18.
2. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 816, 846, 880, 912, 957.
3. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 816.
4. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 880.
5. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 912.
6. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 957.
7. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 777.
8. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 828.

[К содержанию](#)

УДК 94(470.5)“1919/1930”

ЖЕНОТДЕЛОВКИ НА УРАЛЕ (1919 – ЯНВАРЬ 1930 ГОДА)

М.И. Мирошниченко

В статье освещены процессы формирования в ходе становления и развития женской работы на Урале в 1919–1930 гг. слоя ответственных организаторов по работе среди женщин, дана характеристика его структуры, источников пополнения; выявлены основные направления работы женотделовок, уровень их политической подготовки. Показана эволюция настроений женотделовок; установлены имена деятельниц советского женского движения в крае.

Ключевые слова: женщины; пролетарское женское движение; отделы по работе среди женщин; женотделовка; история Урала.

Социальные ресурсы власти являются одним из важных источников политического влияния на массы. Небезынтересен советский опыт использования женского активизма как средства прямого политического воздействия на наиболее энергичную часть женщин с целью формирования нового содержания национально-культурных смыслов бытия [1] в структуре

менталитета большинства населения либо непосредственно, либо опосредованно, через социальные сети. Наиболее активную и мобильную часть коммунисток составляли женщины – «ответственные работники среди женщин», хотя эту должность в начале 1920-х годов изредка могли занимать (а в казачьей среде первоначально исключительно занимали) мужчины. Должность женотделовок и некоторые должности женорганизаторов более низкого уровня были единицами номенклатуры, то есть включались в перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, рекомендовались и утверждались данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т.д.).

Слой женорганизаторов складывался по мере создания женотделов (которые стали организовываться на Урале, по мнению А.К. Тертышного, вскоре после разгрома в регионе колчаковщины [2, с. 40]) и исчез после ликвидации женотделов. Челябинским губернским организационным бюро 8 октября 1919 г. была выделена ответственный работник для работы среди женщин тов. Голубева [3, с. 56]. Кадры женотделовок были постоянно востребованы. Так, в Екатеринбургском уезде с 1 марта по 15 апреля 1920 г. было организовано 47 женотделов, из них 10 районных и 37 уездных [2, с. 45]. К июлю 1920 г. в Челябинской губернии женотделы имелись при всех шести уездных комитетах [2, с. 81]. На них возлагались самые различные функции: от особенно широких организаторских (организация общих женских собраний, делегатских собраний, собраний коммунисток, проведение волостных, уездных, губернских, а позже районных, окружных и областных совещаний по работе среди женщин, съездов) и идеологически-пропагандистских до финансовых. Так, в конце декабря 1920 – начале января 1921 г. во время Недели ребенка заведующая женотделом Бакальской организации Саткинского района Златоустовского уезда Елистратова составляла подписной лист и обходила с ним население, собирая пожертвования [4, л. 13]. С 30 декабря 1920 г. заведующей Саткинским районным женотделом была выбрана Анна Дмитриевна Подосенова [4, л. 29; 5, л. 24]. На женском собрании при заводе «Магнезит» 20 апреля 1921 г. с участием 43 женщин она объясняла женщинам, что «нужно сходить на собрание в женотдел и где все решат все ваши обиды и где вам помогут» и пояснила, «что тем, кто не может сходить в женотдел, нужно собираться на заводе» [4, л. 37].

Работа членов женотделов была связана с частыми командировками. В январе 1922 г. после приезда делегатов с IX Всероссийского съезда Советов (проходившего 23–28 декабря 1920 г.) и XI всероссийской партийной конференции (состоявшейся 19–22 декабря 1921 г.) на места были направлены члены коллегии Пермского губернского женского отдела: в Чердынь поехала Исаева, в Кунгур – Тропинина, в Осу – Белова, по поводу Оханска было решено просить ушедшую в отпуск Леоникову собрать сведения о работе в Оханском уезде и проинструктировать соответствующих работ-

ников. На 2 января 1922 г. коллегия Пермского губернского женотдела работала в составе 7 человек (Исаева, Белова, Тропинина, Круглова, Бояршинова, Ковязина, Маркова), но с 10 января 1922 г. в связи с тем, что работа делегатов не оплачивалась, было решено создать узкую коллегию из 3 человек. В нее вошли Исаева, Белова, Тропинина [6, л. 2]. Частые дальние разъезды определяла и большая протяженность региона. К примеру, в марте 1922 г. члены коллегии Пермского губженотдела выезжали в Чусовую, Лысьву, Кизел и Чермоз [6, л. 78]. Женотделы вели активную переписку с центром. Как отмечалось на XI Пермском губернском совещании по работе среди женщин 10 октября 1922 г., заведующая Пермским губженотделом Исаева получила от Центрального Отдела Работниц при ЦК РКП(б) около 20 циркуляров в развитие постановлений XI съезда и о проведении разных кампаний и отправила в Центр 22 письма и запроса, на которые были получены ответы. При этом на запросы о присылке работников указывалось, что работа в Пермской губернии «не слаба и работников не будет высылаться». За все время был прислан 1 работник [7, л. 33]. От Центрального Отдела Работниц на XI Пермское губернское совещание приехала Серафима Тимофеевна Любимова (1898–1970 гг.) [7, л. 29], инструктор Отдела по работе среди женщин ЦК РКП(б) в 1922–1923 г.

Волкомандированная в Верхнеуфалейский завод Екатеринбургского уезда Екатеринбургской губернии тов. Воронина – представитель отдела по работе среди женщин при волостном комитете РКП(б) – с 28 по 31 октября 1922 г. провела собрание коммунисток по вопросу о работе среди женщин (на нем был выделен волорганизатор), а также общее собрание работниц с участием 200 женщин, организовала беседу с делегатками, в конце которой женщины пели революционные песни [8, л. 54 об.]. Слой волорганизаторов был довольно широк. Так, в Екатеринбургском уезде в 1922 г. из 60 волостей волорганизаторы имелись в 32 (более – в заводско-промышленных) [8, л. 94 об.]. Были и женщины-инструкторы по работе среди женщин [2, с. 44].

Уже в первые годы работы выяснилась следующая особенность, замеченная заведующей Екатеринбургского уездного женотдела З.Н. Красильниковой 3 октября 1922 г.: «Как показал опыт, работу среди женщин можно поставить только тогда, когда работник среди женщин будет освобожден от других обязанностей и лучше всего переведен из своей волости в другую» [8, л. 54]. В таком случае женработник [видимо, воспринимаемая не как баба или девка из своей деревни, соседка или жительница соседней улицы, а как ответственный работник, «командированный из волости товарищ» – М.М.] пользовалась большим влиянием. С учетом этого обстоятельства Екатеринбургским губернским отделом работниц был назначен ряд таких переброек [8, л. 54].

Работницы женских отделов в русле общей тенденции милитаризации получали начальную военную подготовку. Так, в ноябре 1922 г. в Пермской и других губерниях Урала заведующие губженотделами были направлены для обучения в ЧОН – части особого назначения, это военно-партийные отряды, создававшиеся при заводских партийных ячейках, районных, городских, уездных и губернских комитетах партии с апреля 1919 г. по 1924 г. для оказания помощи по борьбе с контрреволюцией [6, л. 49].

Вопрос о работе среди женщин сразу попал в круг политических дискуссий и среди самих коммунисток. Такое разделение позиций было характерно и для Урала. Часть коммунисток края – к ним относились те, кто стал заниматься партийной работой еще до 1917 г., – выступали резко против особой работы среди женщин, старались ее всячески избегать, но, подчиняясь партийной дисциплине, выполняли ее; другие – и их среди старых партиек было меньшинство – становились ее сторонницами. Несмотря на множественные прецеденты публичных дебатов в научной сфере, эти дискуссии остались нераскрытыми в советской историографии [9, с. 9].

Жесткую борьбу заведующим женотделами пришлось выдерживать в 1922–1923 гг., когда развернулись острые дискуссии с работниками исполнительных комитетов Советов по вопросу о вовлечении женщин в работу в советских органах власти. Отголоски этих дискуссий звучали в выступлении делегатов Уральского областного совещания [10, с. 38].

10 января 1923 г. на заседании Секретариата Уралбюро ЦК РКП(б) Васильевым был сделан доклад по вопросу 4 «Тезисы по работе среди женщин» [11, л. 23]. В феврале 1923 г. в Уралбюро ЦК при участии Моисея Марковича Харитонов, занимавшего с декабря 1923 г. по июль 1925 г. пост первого секретаря Уральского обкома партии, был утвержден штат отдела по работе среди женщин (3 работника, в том числе 2 ответственных, 1 технический) и создана совещательная коллегия при отделе в составе семи человек (заведующего организационным отделом и заведующего агитационно-пропагандистским отделом Уралбюро ЦК, заведующего Уральского бюро ВЦСПС, представителя от Уралбюро Российского Коммунистического Союза Молодежи, заведующего Екатеринбургским губернским женотделом и двух ответственных работниц Отдела работниц Уралбюро ЦК). Первое заседание этой коллегии, на котором был проработан план на март-апрель месяцы, состоялось в конце февраля 1923 г., и с марта 1923 г. Отдел Работниц Уральского бюро ЦК РКП(б) приступил к выполнению работ, намеченных планом и комиссией областного партсовещания [11, л. 15].

По утверждению А. Барановой и А. Сибирячки, первой заведующей Областным отделом работниц и крестьянок, который был создан при Уралбюро ЦК РКП(б) в январе 1923 г., была Тормосова [12, с. 86]. Однако нами в фондах ЦДООСО была обнаружена выписка из приказа № 1 засе-

дания Секретариата Уралбюро ЦК от 8 января 1923 г. В этом документе говорится о том, что по второму вопросу «Об организации при Уралбюро отдела по работе среди женщин» выступал Харитонов, постановили для руководства работой среди женщин по области организовать Отдел по работе среди женщин. Организацию и временное заведование отделом возложить на тов. Васильеву [11, л. 29]. 14 февраля 1923 г. на том же заседании Секретариата Уралбюро ЦК, когда было принято решение о создании коллегии при женотделе (вопрос 5 в повестке дня), был утвержден ее состав по учреждениям, а также персонально: в коллегию вошли назначенная завженотделом Тормасова [в таком написании – М.М.]; Васильева была переведена на должность заместителя завженотделом (возможно, с тем, чтобы предотвратить явную семейственность, поскольку в эту же коллегию был введен и заворготделом Васильев); членами коллегии при женотделе стали также заведующая Екатеринбургским губженотделом Уфимцева, представитель от ВЦСПС Маневич, от Агитпропа – Дорнбуш, конкретная кандидатура от Уралбюро ЦК РКСМ не была указана [11, л. 33]. Ставки оплаты труда ответственных организаторов (ответственных организаторов по работе среди женщин) были приравнены к соответствующим ставкам секретарей партийных ячеек и заведующих отделами районных комитетов РКП(б) [11, л. 33]. Первое заседание коллегии работниц Отдела работниц при Уралбюро ЦК состоялось 21 февраля 1923 г. [11, л. 30]. Согласно установившейся практике партийной работы, кадры часто перебрасывались из одного района в другой. Так, 29 сентября 1923 г. по решению Секретариата Уралбюро ЦК заведующая Челябинским губернским женотделом Торбакова [13, л. 6] и заведующая Пермским женотделом Постоногова были отозваны в распоряжение Уралбюро, Постоногова была снята со своей должности, предложение о ее кандидатуре для работы в Уралбюро было отклонено, она была направлена в Тагил [11, л. 23].

Диапазон политических взглядов женотделовок и других женорганизаторов (часто называемых женоргками) был более широким, чем у массы обычных женщин, хотя и носил пробольшевистский характер. Поскольку в практику их повседневной жизни прочно вошли различные многочисленные форумы (конференции, совещания, съезды), женорганизаторши были в курсе последних политических новостей. Играла свою роль и связь с Центром: как прямая связь Уралобкома с Центральным Отделом по работе среди женщин при ЦК РКП(б), так и связь последнего с окружками и женорганизаторами (к примеру, в Зауралье) [14, с. 15].

С переходом к окружной системе после районирования Урала 1923 г. появились должности заведующей окружным женотделом (завокржо), райорганизатора по работе среди женщин (в просторечье – «райорганизаторши»). Квалифицированных кадров часто не хватало. К примеру, в Верхнекамском окрженотделе в 1924 г. работал всего один человек,

средств не было. Однако авторитет женотдела был высокий. «Если трудно бывает подчас собрать на собрание женщин, то они буквально наводняют женотделы, ежедневно являясь за советами, ища защиты от мужа, отца, свекрови. Организатору по работе среди женщин чуть ли не больше [приходится] работать по защите женщин от домашнего гнета (выступать на судах, являться в качестве примирителя в семью обиженной, писать заявления и т.п., чем вести воспитательную работу с делегатками). Эта работа имела в глазах женщин гораздо большие реальные результаты, чем все доклады, таким именно путем держалась живая связь между женотделом и массами женщин», – отмечала женорганизатор [15, л. 8]. В течение всего 1924 г. недостаток квалифицированных кадров в Верхнекамском округе оставался довольно существенным: из семи районов только в трех были работники, на которых можно положиться, остальные нуждались в переподготовке. В Березовском районе не было ни одного сельорганизатора (сельского организатора по работе среди женщин), и направить туда работника без оплаты было невозможно [15, л. 16 об.]. Задача укомплектования районов квалифицированными работниками являлось первоочередной, но перспективы здесь были очень узкими. Кадровые вопросы поднимались на Третьем областном Уральском совещании по работе среди женщин, проведенном в сентябре 1924 г. [14, с. 16]. Неоднократные попытки организовать курсы сельорганизаторов, предпринимаемые руководительницей женотдела Верхнекамского округа, не были осуществлены из-за отсутствия материальных средств в Верхнекамском окружке. Поэтому ограничили расширенным совещанием женотделов с представлением районных и ячейковых организаторов, которое было созвано 20 октября 1925 г. [8, л. 15 об.]. С 1925 г. во всех районах округа имелись платные организаторы, а в Ленвенский район направлена райорганизатор, имевшая стаж практической работы в одном из крупных заводских районов (в Иваново-Вознесенске) и получившая краткосрочного теоретическую подготовку в Зиновьевском университете в Москве [8, л. 5].

Большие физические и психологические нагрузки зачастую негативно сказывались на состоянии здоровья женщин-женработниц. Так, в письме к Тормасовой от 24. 07. 1925 г. Волгина писала: «Я разбитая с дороги и сейчас чувствую себя неважно после выкидыша» [15, л. 25]. Смена кадров проходила и по такой сугубо женской причине, как уход «в декрет». Как отмечалось в том же письме Волгиной: «Сейчас горорганизатор у меня уходит в отпуск по беременности» [15, л. 27 об.].

С 1 января 1926 г. заведующие окружными женотделами получали заработную плату в размере 16 руб. [16, л. 109]. В 1926 г. стали назначаться ячейковые организаторы по работе среди женщин [17, л. 43]. В Златоустовском округе в 1926 г. работали женкомиссии (женские комиссии) [18, л. 143]. Женоргов в Златоустовском округе в 1926 г. насчитывалось 51 человек, в их числе все же оставалось 10 мужчин; женоргов – членов бюро

ячеек было 30 человек. Работа женщин-женоргов оценивалась как более слабая, чем работа мужчин-апоргов (организаторов агитационно-политической работы). Во многих организациях женорги не знали правильного курса женотдельской работы и многие из них были совершенно незнакомы с практической работой. В большинстве партийных ячеек Златоустовского округа на работу женоргов не обращалось достаточного внимания [19, л. 143, 147]. Должность инструктора по женской работе Уральского обкома ВКП (б) в 1927 г. занимала Абоимова [12, с. 118]. В связи с провозглашением лозунга «Раскрепощение женщин» наблюдался некоторый утопизм в представлениях о сроках этого процесса. Верилось, что это произойдет быстро, что появление «новой женщины» станет скорым результатом организационной и идеологической работы. Но практика опровергла эти воззрения. Со временем эйфория первых революционных лет постепенно стала исчезать. Типичными были настроения, выраженные заведующей Тюменским окружным женотделом Шеиной в своем письме в Уральский областной женский отдел от 7 апреля 1927 г.: «Среди крестьянок нет такого быстрого роста, как среди работниц, ...или это усталость..., или душа сама не знает, что нужно» [18, л. 55]. Употреблявшееся в обиходе ласково-снисходительное «крестьяночки», «бабы» [18, л. 55] заменяется «отсталыми, контрреволюционными женщинами».

Привычные наработанные механизмы деятельности женотделовок со сменой экономического и политического курса в ходе свертывания новой экономической политики и осуществления социалистической индустриализации в виде скачка с последующим спадом и насильственной социалистической коллективизации сельского хозяйства были разрушены. В 1928 г. по настоянию руководителей ВЦСПС были закрыты женские организации в профсоюзах, хотя на совещании заведующих губернскими женотделами в 1926 г. женрота низовых партийных и профсоюзных организаций была четко разграничена [20, с. 133]. На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 30 декабря 1929 г. И.В. Сталин выступил с заявлением, в котором он обосновал необходимость ликвидировать женотделы, мотивируя это интересами реорганизации аппарата по функциональному признаку. В январе 1930 г. по постановлению ЦК ВКП(б) «О реорганизации аппарата ЦК партии» в связи с перестройкой его работы по функциональному признаку Отдел ЦК РКП(б) по работе среди женщин был упразднен [20, с. 121]. Женотделы были реорганизованы в женские сектора отделов агитации и массовых кампаний партийных комитетов, просуществовавшие до 1933 г. включительно [21, с. 57]. Заведующей Женсектором отдела агитации ЦК ВКП(б) в 1934 г. была избрана Мария Александровна Шабурова (1902–1982 гг.) [20, с. 130], Маруся Карабаева (Шабурова) была видным деятелем уральского пролетарского женского движения, руководительницей Уральского областного отдела работниц и крестьянок в 1928 г., выдвигенкой [12, с. 117]. С мая 1930 г. по решению Президиума ЦИК СССР при испол-

комах создавались «комитеты по улучшению труда и быта работниц и крестьянок» [22, с. 79]. XVII съезд ВКП(б), состоявшийся с 26 января по 10 февраля 1934 г., признал возможным вообще отказаться от любых специфических форм работы среди женщин [21, с. 67]. В 1934 г. были ликвидированы Женсектор ЦК ВКП(б) и женсектора отделов агитации и массовых кампаний [20, с. 127]. Таким образом, создание и структурирование слоя женотделов связано со становлением сети подконтрольных РКП(б) женских организаций; должности которой оказались социальным лифтом, ступенями к переходу на различные вышестоящие посты.

Библиографический список

1. Хвощев, В.Е. Национально-культурные смыслы бытия в формате «soft & hard power» / В.Е. Хвощев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – Вып. 19. – № 32. – С. 126–128.
2. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). – Ф. П-334. – Оп. 1. – Д. 2.
3. ОГАЧО. – Ф. Р-11. – Оп. 3. – Д. 41.
4. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). – Ф. 1494. – Оп. 1. – Д. 176.
5. ОГАЧО. – Ф. П-334. – Оп. 2. – Д. 18.
6. Баранова, А. Женщины Урала в борьбе и за работой (Десять лет работы партии среди работниц и крестьянок на Урале) / А. Баранова, З. Сибирячка. – Свердловск: Отдел работниц и крестьянок и Истпарта Уралобкома ВКП(б), 1928. – 120 с.
7. ЦДООСО. – Ф. 1494. – Оп. 1. – Д. 351.
8. ЦДООСО. – Ф. 1494. – Оп. 1. – Д. 175.
9. Горнова, Г.Ф. Вовлечение женщин Урала в работу Советов (1923–1925 гг.) (По материалам Свердловского, Пермского, Челябинского и Тюменского округов) / Г.Ф. Горнова // Ученые записки Пермского ун-та. – № 215: Из истории партийных организаций Урала / отв. ред. Я.Р. Волин. – Пермь: ПГУ, 1969. – С. 33–46.
10. Бобкова, Р.А. Партийное руководство массово-политической работой среди женщин Урала в 1933–1934 гг. / Р.А. Бобкова // Труды Магнитогорского государственного горного ун-та. – Сб. 79. – Вып. 268. – Магнитогорск: МГГУ, 1976. – С. 56–68.
11. Тертышный, А.Т. Деятельность партийных организаций Урала по привлечению женщин к государственному управлению в годы Гражданской войны (1919–1920 гг.) / А.Т. Тертышный // Ученые записки Уральского ун-та. – № 103. Серия «История». – Вып. 18: Из истории партийных организаций Урала / отв. ред. Ф.П. Быстрых. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1970. – С. 38–56.

12. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 611.
13. Балакин, В.С. Советская наука в конце XXвека: исторические уроки сопротивления и восприимчивости ученых к воздействию внешнего социокультурного фактора / В.С.Балакин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 8–11.
14. Баикина, А.И. Деятельность партийных организаций Зауралья по вовлечению женщин в строительство социализма (1921–1925 гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук / А.И. Баикина. – Свердловск, 1972. – 24 с.
15. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 4. – Д. 72.
16. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 598.
17. ЦДООСО. – Ф. 1494. – Оп. 1. – Д. 50.
18. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 4. – Д. 657.
19. Коваленко, А.И. Разработка партией ленинских идей о вовлечении женщин в социалистическое строительство / А.И. Коваленко // Труды Челябинского ин-та механизации и электрификации сельского хозяйства. – Вып. 70: Вопросы истории, экономики и философии. – Т. IV / отв. ред. И.Е. Ульман. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1972. – С. 72–86.
20. Костенко, Ю.А. Женское движение в России в 1920–1930-е гг.: дис. ...канд. ист. наук / Ю.А. Костенко. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – 336 с.
21. Докладная записка Челябинского губернского Организационного бюро РКП(б) Центральному Комитету партии о проделанной работе (конец ноября 1919 г.) // Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919–декабрь 1920 гг.): документы и материалы / ред.-сост. С.Н. Корнеенков. – Челябинск: Книжное издательство, 1960. – С. 54–57.
22. ОГАЧО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 37.

[К содержанию](#)

УДК 94(470)

**РАБОТА НАД ПРОШЛЫМ В СЕМЕЙНОМ ИНТЕРЬЕРЕ:
КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
В СОВЕТСКИХ СЕМЬЯХ В ПОЗДНЕМ СССР**

И.В. Нарский

Семейная память в СССР 60–80-х гг. отличалась наличием сложно согласовывавшихся альтернатив в интерпретации прошлого, относительно короткой ретроспективой и обозримостью форм, среди которых преобладала устная традиция со ссылкой на семейные «реликвии».

Ключевые слова: коллективная память, семейная память, семейные «реликвии».

В контексте современных представлений о человеке память есть «способность поместить личное существование в пространственно-временную целостность и оглядываться на прошлое, предшествовавшее настоящему» [1, с. 11]. Несмотря на обилие подходов к изучению «коллективной памяти», все они опираются на высказанное еще в 1925 г. исходное положение автора этого концепта М. Хальбвакса о том, что индивидуальная память испытывает давление коллектива (не всегда осознаваемое индивидом), осуществляющего цензуру запоминания и забывания во имя обеспечения социальной интеграции, групповой и личностной идентичности [2].

Современное состояние изучения семейной памяти в (позднем) СССР позволяет констатировать следующее. Как и общие воспоминания любого другого коллектива, семейная память обеспечивает поддержание целостности и преемственности группы – семейную интеграцию, коммуникацию и социализацию. Другими словами, семейная память осуществляет работу, благодаря которой семья существует. Как писал П. Бурдье, «семья есть... продукт регулярной, ритуальной и, одновременно, практической формативной работы, через которую каждому члену общества должны устойчиво прививаться чувства, пригодные для того, чтобы обеспечить ту интеграцию, которая является предпосылкой для сохранения и продолжения этой общности» [3, с. 130].

Наиболее распространенным каналом семейной памяти, по-видимому, остается самый старый из них – устная традиция. Важным средством сохранения семейного предания являются также передающиеся по наследству предметы, своего рода семейные реликвии, которые, правда, без регулярного воспроизведения связанных с ними историй теряют свой статус. Наиболее редко, несмотря на всеобщую грамотность современного общества, встречаются записанные семейные истории – самый трудоемкий способ «сберечь» прошлое.

Популярность написания и чтения мемуаров в кризисные периоды относится едва ли не к антропологическим константам. Именно такова конъюнктура возникновения многих позднесоветских и современных российских семейных хроник. Действительно, в периоды завершения серьезных социальных и политических трансформаций, когда вчерашние события вдруг начинают восприниматься как необратимое прошлое, на коллективном уровне возникает настоятельная потребность в подведении итогов и определении своего места в изменившейся среде, жгучее желание осмыслить перемены и добиться согласия между ожиданиями внешней среды и собственными мироощущениями. Такая потребность имеет социокультурный аналог и на микроуровне индивидуальных перемен: желание рассказать о своей жизни возникает, как правило, во второй половине жизни, в связи с недвусмысленными симптомами старения. Последнее обстоятельство следует иметь в виду, учитывая, что зачастую авторами позднесоветских и постсоветских мемуаров являются пожилые люди.

Собирание ими семейной информации в значительной степени проходило в специфической конъюнктуре перестройки и рубежа XX и XXI веков, в рамках радикального пересмотра прошлого, в котором появлялись принципиально новые «герои» и «злодеи». «С конца 1980-х гг. скрываемые прежде репрезентации прошлого воспроизводились на публике, преподносились как альтернативные версии истории, создавая иллюзию открытия заново “настоящего” прошлого, которое (в силу того, что оно противоречило официальной истории, хранилось в тайне и было защищено от посторонних глаз) осталось якобы нетронутым вредоносным идеологическим и политическим воздействием. Некоторые из этих “открытий” и “спрятанных историй” впоследствии стали играть роль новых официальных исторических нарративов, обосновывающих, иногда весьма агрессивно, создание новых национальных и иных идентичностей» [4, с. 8].

Однако начало коммеморативной семейной работы часто приходилось на брежневский период, известный сложными отношениями публичных и частных коммеморативных практик. В СССР периода хрущевской оттепели по инициативе высшего руководства начался короткий период публичного обсуждения связанных с именем Сталина «неудобных страниц» советского прошлого. Поскольку этот процесс грозил выйти из-под партийно-государственного цензурного контроля, а брежневское руководство было вынуждено выбираться из неловкой ситуации с невозможностью построить в Советском Союзе коммунизм к 1980 году, оно решило апеллировать не к «светлому будущему», а к вновь отретушированному «славному прошлому». Сложилась парадоксальная ситуация: официальная пропаганда славилась советское былое без ГУЛАГа и насилия, но с мудрым полководцем Сталиным, а в домашних библиотеках стояли изданные огромными тиражами на рубеже 1950–1960-х годов «Один день Ивана Денисовича»

А.И. Солженицына и «Люди. Годы. Жизнь» И.Г. Эренбурга. Поколения советских людей, переживших дореволюционную социализацию, по инерции продолжали рассказывать внукам свои семейные истории, о которых они предпочитали молчать до смерти Сталина, зачастую оставив в неведении собственных детей. Причем эти истории были далеки от содержания школьных учебников. Официальная история, над которой потешались советские анекдоты, оказалась, таким образом, в большой опасности задолго до горбачевской перестройки, которая не могла легитимировать режим без безжалостной расправы с советским прошлым. Противоречивость и множественность коммеморативных дискурсов в позднем СССР также создавали известный простор для фиксации семейной истории как альтернативной.

Однако обычно семейные предания, если и складываются, то бытуют в более подвижной, изменчивой и аморфной форме устного рассказа. Причиной того, что устная семейная традиция гораздо более распространена, чем письменная, является иллюзорное представление о ее относительной простоте. Устные семейные предания, как и другие формы семейной памяти, интегрируют семью, обеспечивают осознание преемственности и общности, маркируют особость по отношению к окружающему миру. По этой причине не всякий рассказ-воспоминание является семейной традицией, а только успешный – встречающий всеобщее признание общающихся родственников и потому регулярно повторяемый и передаваемый.

Семейные воспоминания живут благодаря общению с окружающими. Но к окружению личности относятся не только люди, но и предметы. Мебель, объекты семейного обихода, книги, документы, фотографии невозможно отделить от личности. Взаимодействие с ними так же важно для человека, как и коммуникация с другими людьми. «В противоположность распространенному стереотипу отношения к хранящемуся в памяти прошлому как к тому, что прочно зафиксировано и потому неизменно, в действительности воспоминания податливы и гибки. То, что, казалось бы, уже свершилось, продолжает претерпевать постоянные изменения. Преувеличивая в памяти те или иные события, мы заново их интерпретируем в свете последующего опыта и сегодняшних потребностей» [5, с. 325]. Именно этим, по крайней мере, отчасти объясняется, почему тот или иной предмет вдруг становится для индивида или социальной группы объектом, символизирующим важное и дорогое былое. Зыбкость прошлого, помимо прочего, рождает подспудное беспокойство и желание опереться в воспоминании на нечто неизменное. Вот тут-то предметная среда, и может оказывать незаменимую услугу. Предметы, которые обретают статус реликвии, указывают на невидимый мир и тем самым обеспечивают его присутствие и действенность. Семейные реликвии рождают не знание, а ощущение былого, чувство прикосновения к нему. Такие домашние предметы-реликвии могут выступать в качестве своего рода «маячков» семейной идентично-

сти. Они воспринимаются членами семьи как источник и хранилище памяти о прошлом «родового» коллектива, о его границах и перспективах. Предметы «на память» служат поводом для семейной коммуникации о «своей» истории и сохраняют свой статус до тех пор, пока члены семьи ощущают потребность в целостности, прочности и наличии общей, по возможности – долгой и непрерывной судьбы.

Если от форм бытования семейной памяти обратиться к особенностям ее содержания в советском «интерьере», то следует в первую очередь отметить, что специфической оказалась «длительность» семейной памяти в СССР: советское и постсоветское обращение к прошлому семьи обнаруживает довольно тесные границы. На основе собственных исследований могу с уверенностью утверждать, что в большинстве случаев семейная память в современной России простирается лишь до рубежа XIX–XX веков, реже (например, в семьях с предками-священнослужителями) – до середины XIX века, в исключительно редких случаях (как правило, в семьях с дворянскими корнями) – до конца XVIII столетия. За «краткостью» коллективной памяти семьи и ненадежностью хранимого ею знания о родстве дальше поколения дедов скрывается универсальная для XX века тенденция к драматичному росту социальной подвижности и падению значения родственных связей. Но в СССР, особенно в эпоху сталинизма, она была отягощена (не обязательно строго соблюдаемым) государственным принуждением умалчивать о дореволюционных корнях семьи: досоветское время было официально превращено в мрачную предысторию героического настоящего и светлого будущего, а способность семьи цензурировать происхождение и досоветское существование часто была залогом выживания.

Универсальное (в рамках европейской культуры) и специфически российско-советское обнаруживается и в межпоколенческой коммуникации о (семейном) прошлом. Поколение как эмоционально окрашенная общность разделяемых типизаций, иллюзий, ценностей и памяти неизбежно живет в конфликте с другими подобными общностями. Напряженные отношения между поколениями отчасти объясняют, почему конструктивная работа между ними в различных сферах социальной жизни (в том числе и в науке) происходит через поколение, между «дедами» и «внуками». Это наблюдение касается и детства, в котором для ребенка более «значимыми иными», чем родители, зачастую оказываются дедушки и бабушки. Помимо ситуативных обстоятельств (например, необходимости большинства советских и российских матерей, особенно в городах, работать за пределом дома), тесный контакт внуков с дедами связан с тем, что остро ощущаемая сознательная готовность поделиться своим прошлым созревает в период, когда собственные дети, как правило, уже живут самостоятельной жизнью и своими взрослыми заботами, на фоне которых откровения «стариков», уходящих из активных социальных позиций, восприни-

маются, мягко говоря, снисходительно. Неудивительно, что непосредственными адресатами опыта старшего поколения становятся внуки.

Схема работы между поколениями «через раз» с особой ясностью наблюдается в центрально- и восточно-европейских обществах, чрезмерно обремененных травматическим опытом XX века, таких как, например, Россия и Германия, в которых доверительные отношения между родителями и детьми были осложнены внешними обстоятельствами – государственным запретом и (или) общественным табу на опасное и неудобное прошлое.

Таким образом, «советские» особенности коммеморативных семейных практик – «краткость» семейной памяти, относительная редкость ее письменных воплощений, затруднения в обсуждении прошлого смежными поколениями и коммуникация через генерацию – в большей степени характеризуют не содержание, а конъюнктуру работы над прошлым и связаны с внешними обстоятельствами – государственно и публично предписанными (противоречивыми) «рамками памяти» и существенно ослабшим в позднем СССР давлением официального исторического нарратива.

Библиографический список

1. Markowitsch, H.J. Das autobiographische Gedächtnis. Hirnorganische Grundlagen und biosoziale Entwicklung / H.J. Markowitsch, H. Welzer. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2005. – 302 S.
2. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
3. Bourdieu, P. Praktische Vernunft. Zur Theorie des Handelns / P. Bourdieu. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1998. – 272 S.
4. Хмелевская, Ю.Ю. О меморизации истории и историзации памяти / Ю.Ю. Хмелевская // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии. – Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2004. – С. 7–20.
5. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь. – СПб.: Изд-во «Русский остров», 2004. – 623 с.

[К содержанию](#)

УДК 94(470)«20/21»

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ И ВРЕМЕНИ ОТДЫХА В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Т.В. Раева

Работа обращается к историографическому наследию исторической и юридической наук и намечает основные подходы в изучении проблемы правового регулирования рабочего времени и времени отдыха дореволюционной России.

Ключевые слова: историография, рабочее законодательство России конец XIX – начало XX в., рабочее время, время отдыха.

Отечественная наука, начиная со времени появления трудового законодательства в России, осознавала взаимообусловленность историко-культурного развития страны и нормативно-правового регулирования труда, в т.ч. рабочего времени, и предпринимала попытки ее осмысления. Накопленный ею опыт изучения на основе проблемно-хронологического подхода представляется возможным представить в рамках трех групп.

Первую группу составили работы, относящиеся к дореволюционному периоду отечественной науки. В большинстве своем они принадлежали государственным деятелям, фабричным инспекторам, ревизорам, а также университетским профессорам-юристам, обращение которых к проблемам правового регулирования труда вообще и рабочего времени в частности было связано с профессиональной деятельностью. Среди работ данной группы центральное место занимают труды В.П. Литвинова-Фалинского, А.Н. Быкова, Л.Н. Нисселовича, М.Г. Лунца, А.Ф. Федорова, И.И. Янжула, Е.М. Дементьева, Л.С. Таля и др., заслуга которых состоит в рассмотрении фабрично-заводского законодательства о рабочем времени в России, его содержания и реализации через призму особенностей исторического, промышленного развития страны, государственной политики и социальных взаимодействий, а также обращение к зарубежному опыту правового регулирования рабочего времени, что позволяло более рельефно высветить специфику российской модернизации, подходы власти и предпринимателей к решению трудовых проблем, достоинства и недостатки принятых законов.

В.П. Литвинов-Фалинский, в силу занимаемых должностей (с 1895 г. – фабричный инспектор, с 1905 по 1915 год управляющий отделом промышленности министерства торговли и промышленности) обладая обширными знаниями в области функционирования фабрично-заводской промышленности в России и государственного правового регулирования этой сферы, в своем сочинении дал подробный исторический обзор событий, сопровождавших принятие и введение в действие фабричных законов о рабочем

времени, деятельности специальных комиссий и государственных органов, осветил содержание нормативных актов [1]. При этом он полагал наилучшим для регулирования рабочего времени сочетание прямого государственного воздействия и договорного начала.

Фабричные инспектора и ревизоры И.И. Янжул, А.Н. Быков, Е.М. Дементьев выступали сторонниками законодательной защиты рабочих, указывая, что данные мероприятия будут содействовать сохранению здоровья и получению образования работниками. В своих трудах, опираясь на данные комплексных обследований состояния фабрик и заводов, авторы подробно рисовали тяжелейшие условия труда и быта рабочих [2–5]. Они одними из первых отмечали специфические черты российских промышленных рабочих – крестьянское происхождение, связь с землей и их влияние на ритм работы на фабрике, указывали на тесную взаимосвязь продолжительности и напряженности труда, настаивая на комплексном регулировании этой сферы. Недостатки законодательства о рабочем времени авторы видели в непоследовательности государственного регулирования, содержащего легальные возможности обхода принятых норм, правовое невежество работников и работодателей, неразвитость партнерских отношений.

Относящиеся к данному периоду исторические, экономические сочинения, общественно-политические очерки, ограничиваясь указанием на основное содержание законов, регулирующих продолжительность рабочего времени и времени отдыха, обращались к изучению предпосылок капиталистического развития России, его особенностей и влияния на политический, социокультурный облик страны и отдельных социальных групп. Среди подобных работ наибольший интерес представляют труды М.И. Туган-Барановского, С.Н. Прокоповича [6, 7] и других, авторы которых располагали массовыми статистическими данными и были способны представить полную картину реальной продолжительности рабочего времени и времени отдыха на предприятиях, их трансформации под влиянием капиталистического развития и законодательного регулирования, а также препятствия и искажения норм в пространстве взаимоотношений предпринимателей и рабочих.

Во вторую группу могут быть отнесены работы советского периода. В это время, на фоне критики правового регулирования рабочего времени в дореволюционной России и признания ограниченной пробуржуазной направленности фабрично-заводского законодательства, обращение к его изучению имело целью выявление прогрессивного характера советского трудового права. В сфере регулирования рабочего времени среди наиболее существенных недостатков российского законодательства отмечалось отсутствие у него всеобщего характера, превалирование договорного начала при производстве сверхурочных работ, установлении режима рабочего времени и т.д. Тем не менее, господствующий в советской трудовомой науке подход не исключал появления работ, характеризующихся широтой охвата нормативного и исторического материала.

И.И. Шелымагин, указывая в соответствии с марксистской парадигмой на классовую сущность дореволюционного законодательства о труде, проанализировал историю разработки фабрично-заводских законов от 1 июня 1882 г., от 3 июня 1885 г., от 2 июня 1897 г. [8, 9]. Он полагал, что фабричное законодательство России берет свое начало после принятия Закона от 1 июня 1882 г. При анализе факторов развития фабричного законодательства о рабочем времени автор отдавал приоритет рабочему движению и потребностям капитализма в дальнейшем развитии. Демонизируя общее бесправие рабочих на предприятиях и их эксплуатацию в труде, И.И. Шелымагин обращал внимание на половинчатый характер российских законов о рабочем времени, не позволяющий в полной мере обеспечить защиту рабочих.

Незначительное внимание советских правоведов к проблемам регулирования трудовых отношений в дореволюционной России компенсировалось усилиями историков, для которых рабочий вопрос во всем многообразии его преломлений, являлся центральной темой. Советские историки, изучая проблемы зарождения и развития российского пролетариата, его социально-экономическое положение, политическую борьбу, касались вопросов взаимоотношений рабочих с владельцами и управляющими фабрик и заводов, условий труда, принятия и реализации рабочего законодательства, отношения к нему в рабочей среде, влияния принятых норм на трудовые отношения.

Новый импульс историческому изучению рабочей тематики был дан появившимися в 1960-е гг. работами К.Н. Тарновского, В.В. Адамова, в которых получила научное обоснование концепция многоукладности российской экономики XIX – начала XX века. Разрабатывая эту идею, исследователи получили возможность уйти от упрощенных истматовских схем и представить сложный процесс взаимодействия доиндустриальных традиций и капиталистических новаций, включающий ломку, сопротивление и адаптацию прежнего уклада. С 1970-х годов в этом направлении плодотворно работал крупнейший советский и российский исследователь рабочего вопроса Ю.И. Кирьянов [10–12 и др. работы автора]. В своих трудах он, опираясь на обширный источниковый материал, указывал на относительную малочисленность российских рабочих в составе населения страны, сохранение в рабочем социуме крестьянских традиций при формировании своеобразных, собственно рабочих, ментальных черт. Автор наглядно показывал содержание трансформационных процессов и противоречивые мотивации исторических субъектов, в т.ч. в процессе разработки, принятия и реализации фабричного законодательства.

Третью группу образуют исследования, появившиеся в постсоветский период. Это время отмечено возрастанием интереса к историко-правовым исследованиям, обращением к дореволюционному опыту изучения законодательного регулирования рабочего времени и попытками его осмысления в тесной взаимосвязи с социокультурным развитием страны.

История регулирования рабочего времени и времени отдыха становится важным разделом учебников по трудовому праву [13, 14] и актуальной темой для диссертационных исследований [15–17].

Реализуя междисциплинарный подход, правоведы и историки предприняли попытку уйти от редуccionистского подхода, нацеленного на схематичное выявление предпосылок фабричного законодательства, нарративное изложение его содержания и практики реализации. Е.Б. Хохлов, В.Ф. Цитульский [18, 19] и ряд других исследователей, касаясь в своих работах вопросов законодательного регулирования рабочего времени в России конца XIX – начала XX века, рассматривали их в тесной взаимосвязи с особенностями отечественного правосознания, объективными и субъективными возможностями российской действительности и социума. По-разному оценивая опыт фабрично-заводского законодательства, они отмечали отсутствие в трудовых отношениях необходимых условий (социального партнерства) для его успешного функционирования.

Современные историки, занимающиеся рабочей тематикой, основываясь на антропологическом подходе, представляли исторический процесс как результат реализации ментальных черт, представлений, убеждений, ожиданий и т.д., которыми руководствуются субъекты в непосредственной деятельности. Эти объективированные реакции рассматривались как основные факторы, определяющие характер, содержание и судьбу законов о рабочем времени в Российской империи. Представители данного научного направления Б.Н. Миронов, М.А. Фельдман, В.Д. Камынин, Ю.Д. Коробков, Л.В. Куприянова [20–24] и другие в своих работах предпринимали попытки воспроизвести социокультурный облик российского рабочего, дискурсы власти и предпринимателей как акторов правотворческого и правоприменительного процессов.

Таким образом, отечественной наукой накоплен значительный нарративный материал по изучаемой проблеме, исследованы отдельные вопросы политического, экономического, социального, культурного развития России конца XIX – начала XX века, рассмотрено содержание фабрично-заводского законодательства и практика его реализации. В настоящее время в условиях обновления исследовательских парадигм ощущается потребность в изучении проблемы возникновения, содержания законов о рабочем времени как целостного феномена во всем многообразии историко-культурных связей.

Библиографический список

1. Литвинов-Фалинский, В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция / В.П. Литвинов-Фалинский. – М., 1904. – URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Litvinov/index.htm>.

2. Быков, А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России / А.Н. Быков. – СПб., 1909. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/24649>.
3. Дементьев, Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет / Е.И. Дементьев. – М., 1897. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/28774/read#page1>.
4. Янжул, И.И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. Материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства / И.И. Янжул. – СПб., 1907. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/30771/read#page1>.
5. Янжул, И.И. Очерки и исследования. Сборник статей по вопросам народного хозяйства, политики и законодательства. – Т. II / И.И. Янжул. – М., 1884. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/28774/read>.
6. Прокопович, С.Н. К рабочему вопросу в России / С.Н. Прокопович. – СПб., 1905. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/25244/read>.
7. Туган-Барановский, М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. – Том 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. / М.И. Туган-Барановский – СПб., 1898. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/22841/read>.
8. Шелымагин, И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России: вторая половина XIX века / И.И. Шелымагин. – М., 1947.
9. Шелымагин, И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917 / И.И. Шелымагин. – М., 1952. – URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/SH/SHELYMAGIN_I_I/_Shelymagin_I.I.html.
10. Кирьянов, Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.) / Ю.И. Кирьянов. – URL: <http://istmat.info/node/32>.
11. Кирьянов, Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. / Ю.И. Кирьянов. – URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Redbook/kiryanov.pdf>.
12. Кирьянов, Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX веков / Ю.И. Кирьянов. – URL: http://russiabgu.narod.ru/pages/themes/txt/kiryanov_rabochie_v_rossii.pdf.
13. Киселев, И.Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование. Учебное пособие / И.Я. Киселев. – М., 2001. – URL: <http://www.juristlib.ru/getfile.php?id=1277>.
14. Лушников, А.М. Курс трудового права: Учебник: в 2 т. – Т. 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – М., 2009. – URL: <http://uchebniki-besplatno.com/uchebnik-pravo-trudovoe/kurs-trudovogo-prava-lushnikov-tom2.html>.
15. Богдан, В.И. Становление и развитие фабричного законодательства Российской Империи в конце XIX – начале XX века: Историко-юридическое исследование: автореф. дис. ...канд. юр. наук / В.И. Богдан. – М., 2002. – URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=117174>.

16. Васильев, Д.А. Фабричное законодательство России конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ...канд. юр. наук / Д.А. Васильев. – М., 2001. – URL: <http://www.dissertat.com/content/fabrichnoe-zakonodatelstvo-rossii-kontsa-xix-nachala-xx-vv>.
17. Козлов, В.С. Правовое регулирование рабочего времени в России и зарубежных странах: автореф. дис. ...канд. юр. наук / В.С. Козлов. – М., 2007. – URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1275440>.
18. Хохлов, Е.Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. – Часть 1. Правовое регулирование труда в Российской империи / Е.Б. Хохлов. – СПб., 2000.
19. Цитульский, В.Ф. Социально-партнерское регулирование трудовых отношений в России (история, теория, тенденции развития) / В.Ф. Цитульский. – М., 2006.
20. Камынин, В.Д. Социокультурный облик уральских рабочих конца XIX – начала XX в.: современная постановка вопроса / В.Д. Камынин. – URL: [http://proceedings.usu.ru/mag/0072\(01_01-2010\)/a20.pdf](http://proceedings.usu.ru/mag/0072(01_01-2010)/a20.pdf).
21. Коробков, Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала, вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук / Ю.Д. Коробков. – Челябинск, 2003. – URL: <http://www.dslib.net/istoria-otchestva/sociokulturnyj-oblik-rabochih-gornozavodskogo-urala-vtoraja-polovina-hih-nachalo-xx.html>.
22. Куприянова, Л.В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX вв. / Л.В. Куприянова. – URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/Kupriyanova.htm>.
23. Миронов, Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время / Б.Н. Миронов. – URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/mironov.pdf>.
24. Фельдман, М.А. Культурные ценности рабочих России в первые десятилетия XX века / М.А. Фельдман. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/01/1214822737/Feldman.pdf>.

[К содержанию](#)

УДК 94(470)«1914/1918»

РОЛЬ ТРАНССИБА В МОБИЛИЗАЦИИ РЕСУРСОВ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.А. Тимофеев

В статье рассматривается стратегическая цель строительства Великой Сибирской магистрали, изучен комплекс проблем и состояние железных дорог России в Первую мировую войну, и в частности Транссибирской железной дороги. Исследован процесс мобилизации ресурсов для ведения войны, рассмотрен кризис железнодорожного хозяйства России.

Ключевые слова: Транссиб, железные дороги, Россия, Первая мировая война.

В современных условиях железнодорожный транспорт остается основным средством перемещения грузов и массовых перевозок населения. Развитие железнодорожного транспорта как составной части инфраструктуры экономики, способствует расширению торговых связей, культурному обмену и ускорению научно-технического прогресса. Поэтому изучение транспортных систем отнесено Правительством Российской Федерации к приоритетным направлениям науки, технологий и техники.

Структурная диспропорция между производством и транспортом, возникающая в конце XX в., становится тем фактором, который будет серьезно тормозить перспективное социально-экономическое развитие, в условиях реализации «пиковых» потребностей в перевозках, в связи с этим значение решения проблем его территориальной организации будет возрастать. Поэтому важную роль призвано сыграть изучение территориальной организации транспортных систем, особенностей их возникновения, развития, эксплуатации.

При столь обширной и разнообразной территории страны, граничащей к тому же с самыми различными культурно-цивилизационными и политическими ареалами мира, любые значительные изменения в геополитическом положении России неизбежно должны были воздействовать на внутространовые сдвиги в территориальной организации народного хозяйства, на удельный вес и значение отдельных крупных регионов страны в национальной стратегии развития. И особенно отчетливо воздействие геополитического фактора на динамику изменения региональных экономических пропорций может быть прослежено в развитии регионов Азиатской России, игравших в конце XIX–XX вв. роль стратегического тыла и крупнейшей ресурсной базой страны [1, с. 77–78].

Экономическое развитие России того времени вызывает двойственное впечатление, с одной стороны, успехи были высокими. Империя пережила

три экономических подъёма – первый был при Александре II, второй в конце XIX – начале XX столетий (был связан со стабильностью эпохи императора Александра III и рядом позитивных нововведений вроде ввода протекционистских тарифов и винной монополии, политикой поощрения предпринимательства и пр.), третий подъём произошёл в 1907–1913 годы и, что интересно, продолжался даже в годы Первой мировой войны и был связан с деятельностью П.А. Столыпина и В.Н. Коковцева.

Решающим фактором войны стал военно-промышленный потенциал. Этот потенциал определялся не только военными заводами. Для военных заводов нужны станки, металл, каменный уголь, для перевозки военных грузов нужен транспорт. Если не хватит только угля или металла, военные заводы останутся, армия перестанет получать боеприпасы и потерпит поражение. Таким образом, высокий военно-промышленный потенциал – это высокоразвитый промышленно-экономический комплекс.

В истории России, в частности, пространственно-географический фактор, детерминировал неравномерность протекания экономических, социальных и культурных процессов в различных частях страны, порождая сложные территориальные проблемы – мозаику социально-экономической и культурной многоукладности, распадение единого потока хозяйственной и социальной эволюции на две качественно отличные модели развития («вширь» и «вглубь») со значительным дистанцированием друг от друга экономически и политически могущественного центра и отсталой периферии, столичной и провинциальной культуры.

В законченной форме российская версия объединения пространственно-политических и цивилизационно-исторических факторов в контексте проблемы «Россия–Запад–Восток» была изложена В.П. Семеновым-Тянь-Шанским в 1915 году. Эта версия имела практическое значение, что во многом уже обуславливалось начавшейся Первой мировой войной. В соответствии с выдвинутой им концепцией (ее основы закладывались еще до начала мирового военно-политического конфликта), единственным серьезным средством для успешной борьбы в условиях растянутой государственной территории является неотложное доведение географического центра такой территории по возможности до «одинаковой или близкой степени густоты населения с западным коренным концом государства, до возможного выравнивания их» [2, с. 14]. Поэтому, считал он, не следует различать Европы от Азии, а напротив, стараться соединить ее в одно географическое целое, в противовес выдвигаемой желтой расой доктрине «Азия для азиатов», следует выделить «на пространстве между Волгой и Енисеем от Ледовитого океана до самых южных границ государства, особую культурно-экономическую единицу в виде Русской Евразии» [2, с. 14].

Однако подлинно революционное воздействие на геополитическую ситуацию оказало массовое железнодорожное строительство. Стимулируя развитие межрегиональных экономических связей и создавая новые воз-

возможности для них, железные дороги превращались в важнейший фактор усиления политического присутствия России в Сибири и на Дальнем Востоке. Особое значение, согласно изложенной выше геополитической концепции, приобретает значение магистральных путей сообщения Европейской России с относительно изолированными восточными окраинами империи, прежде всего строительство в 1891–1916 гг. Транссибирского железнодорожного пути, превращавшего страну в единое неразделимое экономическое целое.

После поражения в войне с Японией и потери Южной Манчжурии, а вместе с тем и участка КВЖД, возникла необходимость продолжения Уссурийской ветки Транссиба по территории России, которая начала строиться в 1908 г. и к 1915 г. строительство было окончено. В 1913 г. перевозка грузов по Транссибу из Владивостока в Москву осуществлялась за 7,5 суток. После введения в строй моста через р. Амур в 1916 г. Транссибирская магистраль окончательно связала Дальний Восток с Европейской Россией. Таким образом, военно-стратегическая цель введения в строй Транссиба для Российской империи была выполнена [3, с. 68]. Протяженность Транссиба составляла 9 300 км, но исторически Транссибом является лишь восточная часть магистрали, от Челябинска до Владивостока – около 7 тыс. км.

В стратегическом отношении значение Транссибирской магистрали переоценить невозможно. Уже в русско-японской войне 1904–1905 гг. по магистрали осуществлялись военные перевозки в огромных объемах. К началу Первой мировой войны, Транссиб функционировал уже в полном объеме, и из Сибири на запад доставлялись войска и стратегические материалы [4, с. 25].

Россия к моменту начала Первой мировой войны значительно отставала в промышленном развитии, как от своих союзников, так от своих противников. Это отставание отразилось и на железнодорожной сети страны. Россия существенно отстала от ведущих европейских стран по числу многопутных железнодорожных линий, двухколейных дорог имелось всего 27 %, в Европе эти показатели составляли от 40 до 60 %. К началу Первой мировой войны в России сложилась значительная по своей протяженности сеть железных дорог, связанная с водными и морскими путями сообщения, она насчитывала 25 казенных и 13 частных дорог, объединивших в одно целое основные регионы страны, общая протяженность железных дорог составляла более 70 000 км, из них две трети принадлежали государству [5].

Трудное положение сложилось на транспорте, начался транспортный голод. С началом войны железные дороги оказались забиты военными грузами, эшелонами с солдатами, пушками, снарядами и т.д., так что для хозяйственных грузов не оставалось подвижного состава. Хозяйственная система страны раздробилась на отрезанные один от другого районы. В городах севера начинались продовольственные трудности, а на юге скапливались излишки хлеба. Заводы останавливались из-за недостатка топлива,

а в Донбассе скопились горы готового к отправке угля. Особенно перегружены были дороги к морским Портам. Балтийское и Черное моря были закрыты для России: там хозяйничали немцы. Связь с союзниками осуществлялась только через Владивосток и Архангельск. Но к Владивостоку вела одноколейная дорога через всю Сибирь, а к Архангельску — узкоколейная дорога. Порты были забиты грузами. В России военно-промышленный потенциал был относительно слабым, потому что слабо было развито машиностроение: большинство станков для военной промышленности приходилось импортировать. Основные железнодорожные линии оказались к западу от Москвы. На весь восток европейской части России и на всю ее азиатскую часть приходилась малая доля железных дорог. Эксплуатация и значение Транссиба чрезвычайно возросли.

Наиболее крупные перемены в управлении железнодорожным транспортом в годы Первой мировой войны связаны с созданием органов военно-экономического регулирования, прежде всего Особого совещания по перевозкам. Оно обсуждало не только наиболее важные вопросы перевозок грузов, но и предстоящие работы по усилению пропускной способности железных дорог.

Перед Первой мировой войной, и особенно с ее началом, маятниковые перевозки угля и кокса на Урал и уральской руды в Кузбасс стали генеральными грузами западносибирских железнодорожных линий, Челябинской и новопостроенной Тюменской. Резкое увеличение объемов грузопредъявления угля и руды, а также военных грузов обострило застарелую хроническую болезнь сибирских железнодорожных сообщений — глубокий дефицит специализированного подвижного состава, в первую очередь: полувагонов, углярок. Вновь, как и первые годы эксплуатации Транссиба, пришлось по всей стране собирать всё, что можно было приспособить для перевозки угля и руды [6].

Предполагалось использовать в военных действиях запасы оружия и боеприпасов, накопленные в мирное время. Так всегда делали прежде, и не только в России, — в мирное время накапливали оружие, а во время войны расходовали. Но эта война оказалась несопоставимой с прежними. Фронт перемолол накопленные запасы за первые месяцы войны. А промышленность не успевала. Она производила меньше оружия и боеприпасов, чем потреблял фронт. Самый грубый подсчет по 1914 г. Показывал, что для полного использования пропускной способности российских железных дорог, не доставало 2 тыс. паровозов и 80 тыс. вагонов [7, с. 5]. Ввиду нехватки подвижного состава пришлось переправить 1 300 паровозов и 47 тыс. вагонов с восточных дорог на западные, что отрицательно повлияло на перевозки в восточных районах и привело к значительным трудностям в обеспечении заводов сырьем [7].

К 1915 г. обе стороны перешли к обороне. Фронт стабилизировался. Перед железнодорожными войсками в этот период ставились задачи усилить пропускную и провозную способности коммуникаций фронтального направления; принять участие в постройке железнодорожных линий в прифронтовых направлениях и в тылу; помочь тыловым дорогам в ремонте верхнего строения пути и подвижного состава; строить дороги узкой колеи.

Транспортировка военных грузов и войск существенно потеснила грузопотоки на Транссибирской магистрали. Едва ли не на треть меньше стали перевозить сливочного масла, наполовину меньше мяса, значительно сократились объемы перевозок многих других жизненно важных товаров [8]. Хотя даже в разгаре войны в 1916–1917 гг. серьезных проблем с продовольствием ни Урал, ни Сибирь не ощущали, в отличие от Центральной России. «Цены на продукты повысились на 10–20 % ... Начались и нехватки, например, не стало некоторых сортов табаку. Об очередях за любой покупкой и не подозревали. Хлеба сколько угодно. Оскудение города еще не чувствовалось в уезде [1916 г.]... Цены ежемесячно повышались на 2–3 %. Затруднений в покупках и очередях не было... Продукты пока все есть» [декабрь 1917 г.], свидетельствует акцизный челябинский чиновник К.Н. Теплоухов [9, с. 282, 293, 316].

России пришлось обеспечивать себя вооружением за счет своей промышленности, причем на базе старых специализированных военных заводов. И все же военное производство к 1917 г. выросло в 2–3 раза. К концу войны промышленность уже удовлетворяла потребности фронта в оружии и припасах. Каким образом был достигнут такой успех? При мобилизации промышленности создаются государственные органы по регулированию и управлению хозяйством. В России такими органами стали четыре «Особых совещания», образованные в 1915 г., — по обороне, по топливу, по перевозкам и по продовольствию. Особое совещание по перевозкам осуществляло задачи военного времени, несмотря на трудности.

Если до конца 1916 г. работа железных дорог и встречала затруднения, но удовлетворяла главные потребности государства и населения в перевозках, то 1917 год породил острейший транспортный кризис. Февральская революция еще более усложнила положение с железнодорожными перевозками в стране. Временное правительство решить эти проблемы было не в состоянии. Наметилось снижение производительности труда, самочинные отстранения лиц администрации железных дорог, забастовки. Результатом оказалось повсеместное падение производительности труда. Железная дорога стала страдать от фактов вмешательства в действия железнодорожников со стороны солдат, массами покидающих фронт, нередко они просто захватывали поезда. Усилия Временного правительства в условиях двоевластия не увенчались успехом. Транспорт захлестнула волна хаоса и анархии.

Пришедшие к власти в столице большевики тем более оказались не в состоянии вывести железные дороги из «клинической смерти». Огромный механизм железнодорожного хозяйства страны раскололся. Урон, нанесенный железнодорожному хозяйству страны, имел характер и масштабы катастрофы. Регресс и разруха охватили все звенья железнодорожного хозяйства. Было разрушено 1 885 км рельсовых линий, 4 223 моста протяжением взорванных пролетов 89 467 м, выведено из строя 2 904 стрелочных перевода, уничтожено 760 тыс. кв. м служебных зданий и гражданских сооружений. Грузооборот железнодорожного транспорта даже в 1921 г. составил 21 % от уровня 1913 года. На 19 железных дорогах страны движение прекратилось полностью. Четверть вагонного парка и 65 % паровозов пришли в аварийное, неработоспособное состояние [6].

Транссибирская железная дорога в период выхода России из Первой мировой войны, подписания Брестского мира и началом Гражданской войны фактически превратилась в средство передвижения вооруженных формирований и служению их сугубо узким интересам. С первых дней Гражданской войны и военной интервенции на работников транспорта легли исключительно тяжелые задачи по ликвидации колоссальных разрушений на железных дорогах и налаживанию перевозок частей Красной и Белой армий, продовольственных и других грузов.

Стратегическое значение Транссиба было актуально со времени его строительства. Для многих государств создание индустриальных транспортных коридоров – это еще перспектива, в то время как в России Транссибирский коридор – пример идеально выстроенной транспортной схемы. Транссиб влияет не только на геополитический аспект развития территорий, но и оборону государства, в которой ведущую роль также играют транспортные коммуникации. Развитие этой мощной магистрали, увеличение транзитных перевозок, укрепление ее как ведущего индустриального коридора должно стать для России приоритетным транспортным направлением начала XXI века.

Библиографический список

1. Зубков, К.И. Россия и Урал на переломе геополитических эпох (1890–1920-е гг.) / К.И. Зубков // Уральский исторический вестник. – 1994. – Вып. 1. – С. 77–78.
2. Семенов-Тян-Шанский, В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии / В.П. Семенов-Тян-Шанский. – Пг., 1915.
3. Тимофеев, А.А. Развитие транспортной инфраструктуры России: железнодорожно-строительный бум в конце XIX – начале XX вв. / А.А. Тимофеев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 66–70.

4. Тимофеев, А.А. Великая Сибирская магистраль: последствия железнодорожного строительства на Южном Урале (1891–1914 годы) / А.А. Тимофеев. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – 143 с.

5. Елютин, О.Н. «Золотой век» железнодорожного строительства в России и его последствия / О.Н. Елютин // Вопросы истории. – 2004. – № 2. – С. 47–57.

6. История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки). Т. II. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2006. – С. 221–242.

7. Михайлов, И.Д. Транспорт. Его современное состояние / И.Д. Михайлов. – М.-Л., 1925. – 282 с.

8. Голос Приуралья. – 1914. – 16 ноября.

9. Теплоухов, К.Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. / К.Н. Теплоухов. – Челябинск: Центр историко-культурного наследия, 2001. – 512 с.

[К содержанию](#)

ББК ТЗ(2)5-284.6 + ТЗ(5Кит)-284.6

УДК 94(510) + 94(571.6)

**КИТАЙЦЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ И ИХ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С НАЧАЛА XVIII ВЕКА ПО 1917 ГОД**

М.Е. Бикмухаметов, Е.Л. Масленко

Автор рассматривает ход китайской трудовой миграции в дальневосточном регионе России, группы мигрантов и их роль в хозяйственной жизни края.

Ключевые слова: китайская трудовая миграция; Россия; Китай; Дальний Восток.

Иностранная трудовая миграция в современной России считается одним из серьезных вопросов. Сегодня чиновники часто стараются извлечь выгоду изданной проблемы, нагнетая тревожные настроения в обществе с целью получения дополнительных «политических очков». В связи с этим звучат заявления о «ползучей» или «демографической экспансии», в частности, в отношении китайских мигрантов. Однако ошибочно считать этот вопрос исключительно проблемой современной действительности. Россия уже сталкивалась с трудовой миграцией из Китая и, возможно, в гораздо больших по сравнению с сегодняшними масштабах. В данной работе мы попытаемся рассмотреть истоки и пик китайской миграции, а также классифицировать мигрантов в зависимости от способа переезда в Россию и их трудовой деятельности.

Первые официальные торговые связи между Китаем и Россией начались после подписания Нерчинского договора в 1689 году. Однако все отношения в данной сфере тогда проводились на государственном уровне, существовала своего рода государственная монополия на торговлю. По этой причине первые караваны были «казенными» и организовывались Сибирским приказом. Из России вывозили пушнину в обмен на золото, серебро, шелк, драгоценные камни и другие предметы роскоши; эти товары предназначались для царского дворца [1].

Торговля получила развитие только в 1727 году, после подписания Кяхтинского договора, разрешавшего беспошлинную торговлю в Кяхте. В начале действия договора торговля велась нестабильно, периодически замирала на промежутки времени протяженностью вплоть до одного сезона. Однако уже к середине XIX в. годового оборот в Кяхте составил 16 миллионов, а к концу того же века 20 миллионов рублей [1]. Китайцы привозили для продажи сахар-леденец, шелковые и бумажные ткани, овощи, фрукты. Основным же экспортируемым ими товаром был чай [2].

Несмотря на столь внушительные цифры, количество китайских торговцев на территории Российской Империи оставалось сравнительно малым. Согласно подсчетам китайских чиновников, в 1885 году в Хабаровске, Никольском, Владивостоке и т.д. было чуть более 300 крупных и мелких китайских магазинов, 200 торговцев имели собственные дома, около 1000 вели сезонную торговлю: весной приезжали в Россию, а осенью возвращались в Китай [3].

Очень важно, что большая часть торговцев приезжала без семей; очевидно, они сами относились к своему пребыванию в России, как к временной ситуации [2].

Организация мест беспошлинной торговли и приток китайских экспортеров, пусть даже небольшой, положил начало качественно новой волне китайских переселенцев. Поселения с чисто торговой функцией требовали снабжения ресурсами, которые либо не были предусмотрены российской администрацией, либо из-за плохо освоения земель не могли обеспечиваться местным населением.

Так как единственным способом перевозки товаров был гужевой транспорт, торговые поселения нуждались в запасах кормов. Сначала функцию обеспечения таковыми взяли на себя монголы, жившие в низовьях рек Орхон и Селенга. Иногда годовая выручка этих торговцев составляла более 50000 рублей [2]. Дунгане, проживавшие в Маньчжурии, поставляли для русского населения Амурского и Уссурийского краев крупный рогатый скот [3]. Китайские торговцы, увидев потребность русских переселенцев, предложили маньчжурским крестьянам выращивать рожь для продажи в России, хотя эта сельскохозяйственная культура нетрадиционна для данной местности [1].

Через некоторое время вопросом снабжения занялись китайцы. В приграничных землях они строили заимки, мельницы, занимались продажей сена, земледелием, выращивали мак и производили опиум. Постепенно китайское население в зоне между Россией и Монголией росло, расширялись обрабатываемые китайцами земли, увеличивалась черта постоянной оседлости [2]. На территории России китайцы занимались также огородничеством, причем подчас удачнее русских крестьян. Это объясняется тем, то первые были лучше знакомы с особенностями дальневосточного региона и использовали более эффективную систему полеводства [4].

Необходимо также упомянуть про китайское население, оказавшееся на территории России в силу подписания новых договоров и изменения границ. Так, в ст. 1 Пекинского договора 1860 года говорилось, что китайским подданным разрешено остаться на своем месте и продолжать заниматься рыбным и звериным промыслами. К ним относились жители Уссурийского края, количество их колебалось от двух до трех тысяч. Также в это число входили маньчжуры, жившие между реками Амур и Зея, попавшие в Россию еще после подписания Айгунского договора. Они известны в литературе как «зазейские» [5].

Из-за размытости границ, невозможности контролировать переход через них и вообще слабости местной власти в китайской диаспоре стали появляться криминальные элементы. Основной их деятельностью была контрабанда (как уже говорилось, китайские земледельцы выращивали в России мак, производили опиум, который позднее вывозили в Китай, где производство опиума было запрещено) [3]. Огромный масштаб приобрел вывоз лекарственных трав, грибов и животных из России в Китай [5].

Очень часто упоминается незаконная добыча и контрабанда золота, которой занимались либо сами китайцы, приезжавшие под видом торговцев, либо нанимали русских промысловиков. Плохое освоение сельскохозяйственных земель, а также недостаточный уровень мелкой торговли в регионе вынуждали русских крестьян искать дополнительные заработки, они либо добывали золото самостоятельно, либо шли на открытые прииски и утаивали часть добытого золота, которое затем выменивали у китайцев на продукты питания. Ежегодно в Китай вывозили до 300 пудов золота [2]. У китайских же исследователей упоминается также участие русских в аналогичном незаконном промысле золота на территории Китая [3]. В незаконной деятельности участвовали и китайские чиновники. Китайское правительство считало многие народы Приамурья своими подданными (гольды, орочи и т.д.), требовало с них ясак пушниной и принуждало к невыгодной меновой торговле. Конфискация ясака и контроль над передвижениями китайских сборщиков дани признались неэффективными методами борьбы с такого рода контрабандой, так как в этом случае местные народы сами отправлялись в Китай сбывать пушнину. Российские власти предла-

гали русским купцам заменить китайцев в подобной торговле, но и этот способ не принес ожидаемого результата в виду отсутствия в регионе достаточного количества русских торговцев [1]. В 1870-х морепродуктов из России вывозилось приблизительно на 1 миллион рублей ежегодно [5]. Контролировать такой разгул контрабанды было невозможно, абсолютно неэффективными были меры по регистрации китайских граждан. Российский вице-консул в Чифу сообщал в Томск, что среди китайцев практикуется передача, обмен и продажа паспортов. Известен случай, когда в 1906 году китайский подданный Хань-ю попытался получить русское гражданство и подал в разное время в томское губернское управление три национальных паспорта [6]. Часто преступники, которых передавали китайским властям, откупались и возвращались в Россию [5].

Для обслуживания обеспеченного торгового населения в места постоянного проживания стали приезжать китайцы, работающие в сфере услуг, стали образовываться так называемые чайна-тауны. В конце XIX в. одна из крупных китайских диаспор располагалась во Владивостоке, из-за чего современники называли этот город «китайской Одессой». Китайский квартал в городе называли «миллионкой», намекая, очевидно, на большое число проживающих в нем китайцев. Этот район наполняли китайские парикмахерские, чайные, кофейни, харчевни, передвижные уличные кухни, а также врачеватели, уличные гадалщики, и даже китайские театры. Не обходилось и без криминала. В китайском квартале можно было найти опиумокурильни и места продажи незаконно производимой китайской водки (ханшин) [2, 5]. Также в начале XX в. правоохранительными органами томской губернии упоминаются китайские фокусники, музыканты и ремесленники, занимавшиеся изготовлением и продажей искусственных цветов [6]. Широкое распространение получил найм китайцев в качестве прислуги [4].

Однако все вышеперечисленные группы китайских мигрантов приезжали в Россию, как правило, самостоятельно и селились, в основном, на Дальнем Востоке и в некоторых регионах Сибири. Общее количество китайских мигрантов не было высоким. Ситуация стала меняться в конце XIX в., когда начался целенаправленный найм китайских рабочих и ввоз их на территорию России русскими трудовыми агентами [1]. Надо отметить, что подобное рекрутирование практиковалось во многих странах: США, Франция, Великобритания, страны Латинской Америки и другие активно набирали китайских «кули» для работы на своих территориях [3].

Освоение края требовало все больше и больше рабочих рук, а переселенцев из европейской части России не хватало. Первую партию в 150 китайских рабочих по контракту привезли из Чжили и Шаньдуна для строительства военных казарм в Хабаровске. Затем и частные фирмы стали прибегать к использованию китайских рабочих. Основное их преимущество перед русскими было в низкой оплате труда, очень часто китайцы сами

обеспечивали себя питанием [4]. Приезжали, в основном, мужчины, без семей, на сезон с марта по декабрь, за это время им удавалось заработать в 2–3 раза больше, чем на родине. Женщины составляли около 3,5 % от общего числа «контрактников». Со временем китайцев начали завозить и в другие регионы России: Кавказ, Кубань, Урал, Украину, Белоруссию, Москву, Санкт-Петербург и т.д. Сферы использования китайского труда также постоянно расширялись. Рабочих завозили всё больше. Со временем часть приезжих начала оставаться в России на более долгий срок, таким образом, в период 1906–1910 гг. приехало 550 тыс. рабочих, а уехало 400 тыс. Следовательно, около 150 тыс. осталось в России и нашло постоянную работу, т.е. пополнили все перечисленные выше группы мигрантов [3]. В итоге на рубеже веков, по официальным данным, доля китайского населения в приграничном крае составляла 10–12 %, но в действительности эта цифра, вероятно, была больше в 1,5–2 раза [4]. Однако необходимо понимать, что это были полностью трудоустроенные, работающие люди. Поэтому если учитывать долю китайских рабочих по участию в хозяйственной деятельности, то цифры снова увеличивались. Таким образом, в начале XX в. роль китайцев в хозяйственной деятельности региона постоянно увеличивалась, и, по оценкам современников, выселить китайских рабочих без нанесения огромного ущерба для экономики края было невозможно [4]. Китайские рабочие составляли подавляющее большинство в сфере неквалифицированного физического труда. Вместе с тем они преобладали и во многих других рабочих профессиях, как то: плотники, столяры, каменщики, печники, кровельщики, маляры и др. В 1910 году в Приморской и Амурской областях на казенных и частных предприятиях трудилось свыше 105 тыс. рабочих, из них китайцев – 42 535 или 41 % [5].

С началом первой мировой войны ввоз китайских работников резко увеличился. Они должны были заменить мужское трудовое население, ушедшее на фронт, а также участвовать в военном строительстве. Завоз китайских работников продолжался вплоть до 1917 г.

Таким образом, мы видим, что Россия сталкивалась с серьезными проблемами в сфере иностранной трудовой миграции. Роль китайских работников в региональной экономике была исключительной, польза и ущерб от их деятельности были очень велики.

Библиографический список

1. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы международной науч.-практ. конф., 10–12 июня 2011 г. – Благовещенск, Хейхэ, 2011. – 246 с.
2. Петров, А.И. Китайцы в Кяхте / А.И. Петров // Вестник ДВО РАН. Серия «История, археология». – 2009. – № 1. – С. 3–14.

3. Петров, А.И. Китайская историография истории китайцев в царской России / А.И. Петров // Россия и АТР. – 2006. – № 1. – С. 141–155.

4. Ларин, А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк / А.Г. Ларин. – М.: Муравей, 2003. – 2002. – 223 с.

5. Ларин, А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность / А.Г. Ларин. – М.: Восточная книга, 2009. – 512 с.

6. Клипка, К.К. Борьба с китайским шпионажем в Томской губернии в начале XX в. / К.К. Клипка // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2014. – № 1. – С. 123–129.

[К содержанию](#)

ББК Щ370
УДК 791.31

«БЫЛО ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО ПОБЫВАЛИ В КАКОМ-ТО ФАНТАСТИЧЕСКОМ МИРЕ»: УСТНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВЕТСКИХ КИНОЗРИТЕЛЕЙ

Е.В. Волков

На основе 26 интервью с бывшими советскими гражданами анализируются их устные воспоминания о встречах с миром кино. Автор отмечает, что кино играло значительную роль в жизни советских людей, не только как форма досуга, но и как способ познания мира. В большинстве интервью звучит ностальгия по советскому кино. Практически все респонденты считали исторические фильмы, снятые в СССР, правдивыми, которые в целом давали верное представление о прошлом. Многие из опрошенных лиц не были склонны видеть в советском кинематографе средство пропаганды, канал для конструирования и трансляции мифов. Они с восхищением и доверием до сих пор относятся к советскому кино.

Ключевые слова: кино, зритель, устная история, советское общество.

Один из проектов научно-образовательного центра «Устная история» Южно-Уральского государственного университета предполагает исследование образов памяти бывших советских граждан в результате их встреч с миром кино [1]. В данном случае, если отталкиваться от теории немецкого культуролога и историка Я. Ассмана, можно говорить о коммуникативной памяти участников и современников прошедших событий. Ассман рассматривает коллективную память общества как коммуникативную и культурную. Первая охватывает воспоминания современников и поддерживается их совместным общением в рамках индивидуальных биографий.

Такая память обращена в недавнее прошлое (последние 80–100 лет). А культурная память представляет собой набор значимых для социума традиций и образов прошлого, приобретающих формы мифов и поддерживающихся с помощью ритуалов и праздников, искусства и литературы [2].

В течение 2011–2012 гг. сотрудники центра и студенты-волонтеры провели и транскрибировали двадцать шесть интервью. Вопросы, задаваемые респондентам, были направлены на пробуждение воспоминаний и впечатлений о советских и зарубежных фильмах, актерах и режиссерах, общей обстановке в кинотеатрах и культурной атмосфере того времени.

Если говорить о респондентах, то их можно разделить на две категории. Во-первых, это искушенные зрители, то есть более-менее разбирающиеся в особенностях кинопроцесса, знающие о достижениях отечественного и мирового кино. Но при этом стоит отметить, что информированными о кино людьми данные респонденты стали к сегодняшнему дню, к моменту проведения интервью. В советский период они таковыми, конечно, не были, поэтому нынешние их знания и представления, несомненно, влияли на ответы и размышления. Нередко это лица с высшим образованием, занимающиеся умственным трудом. Вторая группа респондентов объединяет людей с невысоким уровнем знаний о кино. Такие лица преимущественно несклонны, как в прошлом, так и сейчас, разбираться в тонкостях искусства кинематографа, и зачастую их вкусы соответствуют основной массе обывателей. Возраст респондентов накладывает свои ограничения на хронологические рамки воспоминаний. Подавляющее большинство респондентов помнит, главным образом, 1960–1980-е гг., и фильмы тех лет.

У многих интервьюируемых вопросы, связанные с кино, вызвали живой отклик. Респонденты впервые познакомились с большим экраном в детские годы и некоторые из них даже запомнили конкретные детали первых встреч с кино. Кто-то вспомнил земляной пол и деревянные скамьи летнего кинотеатра, кто-то – детский горшок, захваченный в кинотеатр родителями [3]. Присутствовали, конечно, и детские страхи, связанные с образами кино. Одна женщина, например, вспомнила о «страшном» для нее фильме-сказке режиссера Г. Казанского «Снежная королева» (Ленфильм, 1966 г.), который приходилось смотреть, дрожа от страха, сидя под столом. Другой респондент, пожилой мужчина, рассказал о том, как со слезами на глазах заставил родителей вывести его из кинозала по причине боязни появившегося на экране циклопа в итальянском фильме «Путешествие Одиссея» (1954) режиссера М. Камерини [3].

Судя по материалам интервью, посещение кинотеатра являлось для советских граждан распространенной формой проведения свободного времени. Многие отмечают доступную стоимость билетов и привлекательность этого вида досуга. Единственными ограничениями были неуклонно соблюдавшийся возрастной запрет (до 16 лет) на некоторые фильмы и отсутствие билетов на популярные картины [3].

Атмосфера кинотеатров, как свидетельствует ряд респондентов, вызвала положительные эмоции, связанные с фотографическими образами любимых киноактеров, сладкой газированной водой, вкусным мороженым, оркестром в холле. В одном из интервью прозвучало: «В кино ходили как на праздник, в парадно-выходной одежде» [3]. Хотя некоторые респонденты вспомнили случаи, связанные с отталкивающим поведением в кинозале: хохот, пьяные крики, курение, катающиеся между креслами пустые бутылки и даже храп. Зачастую темный кинозал становился для молодых людей удобным местом для интимных ласк [3]. В общем, кинотеатр советской эпохи являлся своеобразным местом не только официальной, но и повседневной культуры общества.

Стоит сказать, что некоторые опрашиваемые лица не видели разницы между телевизионными фильмами и кино на большом экране. В качестве шедевров советского кинематографа некоторые называли телевизионные фильмы «Адъютант его превосходительства» (1969) Е. Ташкова, «Семнадцать мгновений весны» (1973) Т. Лиозновой, «Вариант “Омега”» (1975) А. Воясова, «Ирония судьбы, или С легким паром» (1975) Э. Рязанова. При этом, конечно, стоит учитывать, что целый ряд картин большого экрана, советские люди увидели позже только по телевизору.

Среди лучших отечественных картин советского периода неизменно назывался фильм братьев Васильевых «Чапаев» (1934) и комедии Л. Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965), «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (1966), «Бриллиантовая рука» (1968). Наиболее известными для респондентов режиссерами того времени являются С. Бондарчук, С. Эйзенштейн, С. Герасимов, Э. Рязанов, Л. Гайдай, Н. Михалков. В когорте многочисленных имен актеров они наиболее часто упоминали А. Миронова, Ю. Никулина, В. Высоцкого [3].

Немногие из интервьюированных лиц что-либо знают о запрещенных в Советском Союзе фильмах. Но несколько подобных картин назвали: 2-я серия «Ивана Грозного» С. Эйзенштейна (1944), «Комиссар» А. Аскольдова (1967), «Проверка на дорогах» А. Германа (1971), «Агония» Э. Климова (1975), «Покаяние» Т. Абуладзе (1984), «Маленькая Вера» В. Пичула (1988). Хотя, конечно, картину «Маленькая Вера» не запрещали. Видимо, откровенная постельная сцена из фильма времен Перестройки, появившаяся впервые в советском кино, способствовала причислению картины к разряду «подозрительных».

По справедливому замечанию одного из респондентов, зарубежное кино являлось для советских зрителей своего рода окном в иной мир, когда в условиях Холодной войны многие западные современные литературные произведения находились под цензурным запретом. В этом плане зарубежный кинематограф играл роль канала, с помощью которого советский человек мог познакомиться с ценностями, традициями и особенностями жизни в других странах [3].

Как справедливо отмечают респонденты, из зарубежных фильмов доминировали картины социалистических стран. Западный кинематограф был представлен на советском экране французскими, немного итальянскими и американскими картинами. В большом количестве демонстрировались индийские фильмы. Так одна из женщин, выросшая в Узбекистане, вспоминала, что индийские картины побили все рекорды по популярности в этой советской республике. Придя на показ того или иного индийского фильма, – отмечала респондент, – «можно было и попеть, и поплакать, и сопереживать за героев, это было очень модно». Практически все респонденты-мусульмане среди зарубежных картин упоминали названия индийских фильмов, имена актеров, и даже режиссеров индийского кино [3]. Данные ответы говорят о значительной степени интереса мусульман СССР к индийскому кино.

Среди зарубежных картин трудно выявить какие-то наиболее знаковые для советского зрителя кинопроизведения. Чаще всего упоминались такие зарубежные актеры как Ж. Марэ, Л. де Фюнес А. Делон, Ж.П. Бельмондо, Ж. Депардье. Многие респонденты не знают или не помнят имена зарубежных режиссеров. Но отдельные знаменитые мэтры были все-таки названы: Л. Висконти, Ф. Феллини, Д. Дамиани, М. Антониони. Это деятели французского и итальянского кино, с работами которых советский зритель был знаком гораздо лучше, чем с фильмами других западных стран.

В большинстве интервью звучит ностальгия по советскому кино. Практически все респонденты считают исторические фильмы, снятые в СССР, правдивыми, которые в целом дают верное представление о прошлом. Например, по мнению ряда лиц, «Александр Невский» (1938) С. Эйзенштейна, «Петр I» (1938) В. Петрова, «Минин и Пожарский» (1939) В. Пудовкина и М. Доллера, «Иван Грозный» (1944) С. Эйзенштейна, «Звезда пленительного счастья» (1975) В. Мотыля, «Иди и смотри» (1985) Э. Климова во многом показывают все так, как «было на самом деле» [3].

Многие из опрошенных лиц не склонны видеть в советском кинематографе средство пропаганды, канал для конструирования и трансляции мифов. Они с восхищением и доверием относятся к советскому кино. Сравнение современного отечественного и советского кинематографа в их глазах не выдерживает никакой критики. Советское кино, по мнению практически всех респондентов, по всем параметрам превосходит современное российское, и, прежде всего, в содержательной его части [3].

Кино играло значительную роль в жизни советских людей, не только как форма досуга, но и как способ познания мира. Ностальгия о советском прошлом, которую сегодня испытывают многие граждане современной России, находит свое подтверждение и в отношении к кинематографу того периода. Зафиксированные устные воспоминания позволяют выявить ряд особенностей в восприятии кинообразов зрителями и расширить наши знания о культурной истории советского общества.

Библиографический список

1. URL: <http://oral-history.ru/ru/istoriya-kino.html>.
2. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Архив НОЦ Устная история (АНОЦУИ). Ф. 4. Оп. 1. Дд. 1 – 26.

[К содержанию](#)

УДК 82(091)(470.55)
ББК Ш5(2Р-4Че)6-32

СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Н.С. Журавлева

Челябинское отделение Союза советских писателей возникло, как и в большинстве других краёв и областей, в условиях формирования командно-административного режима власти в СССР. Однако его создание отличалось рядом особенностей, связанных с исторической обстановкой и общекультурной традицией южно-уральского региона. Данная статья посвящена обзору этой специфики.

Ключевые слова: советская литература Урала, Союз советских писателей, Челябинское государственное издательство, 1920–1930-е годы.

Процесс оформления большинства региональных отделений Союза советских писателей инициировал Первый Всесоюзный съезд писателей, проходивший в Москве в августе 1934 г. В основу их организационного построения закладывалась структура коммунистической партии, поэтому институционально местные союзы были малоразличимы. Челябинское отделение в этом смысле не стало исключением, однако, в отличие от других регионов, его создание имело ряд особенностей.

Во-первых, челябинское литературное движение, зародившись в начале 1920-х гг., было лишено устойчивой дореволюционной культурной традиции. А значит, творческая интеллигенция региона длительное время была малочисленна и не имела социальной базы. Культурное наследие Челябинска было весьма скудным: городскую библиотеку открыли в 1898 г., читальню – в 1900-е гг. В 1903 г. возник Народный дом, где показывали спектакли. К этому времени в городе насчитывалось два средних учебных заведения. Примерно в это же время зародилась местная печать: стал вы-

ходить «Листок объявлений» городской управы, а с 1906 г. – общественно-политическая и литературная газета «Голос Приуралья» [1]. Одним из видных редакторов этой газеты был Александр Гаврилович Туркин – первый и, пожалуй, единственный профессиональный литератор дореволюционного Челябинска.

Как результат, во-вторых, литература Южного Урала зародилась на платформе советской власти и фактически по инициативе этой власти. В частности, первое литературное объединение Челябинска – студия Пролеткульта – появилось в 1920 г. только после приезда уполномоченного из Москвы Ивана Васильевича Шувалова. Все последующие литобъединения города возникли также по инициативе «сверху» и курировались местной властью. Базировались они, как правило, при печатных органах челябинского обкома партии: сначала при газете «Советская правда», затем – «Челябинский рабочий». Это СоСоЖурПоПиХу – Союз советских журналистов, поэтов, писателей, художников (1920–1921); Литературная ассоциация «Челита» (1923); Челябинское литературное объединение (1924–1927); ЧАПП – Челябинская ассоциация пролетарских писателей (1928–1930).

На смену им пришел областной Союз советских писателей, десятилетиями державший монополию на литературную жизнь региона вплоть до «перестройки». А это значит, что множественность литературных течений и методов, свойственная Москве и Петрограду в эпоху НЭПа, обошла Челябинск стороной. В отличие от соседнего Екатеринбурга-Свердловска, который хоть и был центром советской власти на Урале, но всё-таки имел опыт создания литературных объединений в духе модернизма «Серебряного века». Это «Синь-камень» (1918); «Екатеринбургский союз поэтов» (1920–1921); Общество изыскания искусств (1921); Уральская литературная ассоциация «Улита» (1922). Примечательно, что подобный творческий плюрализм был характерен в этот период и для Пермского края.

Различия объяснялись историческими особенностями развития Северного Урала: более ранняя колонизация вследствие создания горнозаводской зоны, а, следовательно, модернизация края, внимание со стороны государства, наличие учебных заведений и научных центров, периодической печати и типографий. В результате сформировалась литературная среда, зародились «культурные гнёзда» (по терминологии Н.К. Пиксанова), из которой вышли крупнейшие писатели Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Фёдор Михайлович Решетников, Михаил Андреевич Осоргин и др. Развитие Челябинского уезда пошло другим путём: близость к границе со степью предопределила его роль как торгового и пограничного центра преимущественно. Лишь в XX столетии благодаря советской индустриализации Южно-уральский край также оказался вовлечён в модернизацию.

В-третьих, первые челябинские писатели в большинстве случаев – молодые начинающие авторы, пережившие Гражданскую войну и трудности

восстановительного периода, а значит, не получившие законченного образования. Правда, в это время на Южном Урале оказались литераторы, сформировавшиеся ещё до революции, например, поэт Николай Фёдорович Бутров – участник Московского Пролеткульта, прозаик Владимир Михайлович Ветров – член московского «Перевала» и др. Именно они стояли у истоков создания первых литературных объединений Челябинска. Однако, по мере становления советской культурной политики к концу 1920-х гг. представителей «старых кадров» вытеснили молодые авторы, пришедшие после «призыва ударников в литературу». Этот «молодняк» был вынужден сочетать творчество с тяжёлым физическим трудом на заводе. Следовательно, на первом плане обозначилась литературная учёба, но профессиональных кадров не хватало. Первое высшее учебное заведение – Челябинский педагогический институт – возникло только в 1934 г. Отчасти этот образовательный пробел в 1930-е гг. восполняло Челябинское государственное издательство (ЧелябГИЗ) и его редакторский состав. К примеру, Елизавета Максимовна Блинова – литературный редактор в 1936–1939 гг. Лишь несколько фактов её биографии показывают, насколько она оказалась востребованным специалистом на Южном Урале. Совместно с поэтом-символистом Михаилом Алексеевичем Кузьминым она осуществила перевод с французского «Книги масок» Реми де Гурмона (1913), а в 1930-е гг. занималась переводами с белорусского языка произведений Змитрока Бядули. Именно Блинова как редактор смоленского издательства ЗапГИЗ «открыла» поэта Александра Трифоновича Твардовского, а затем, оказавшись в Свердловске в середине 1930-х гг., посоветовала Павлу Петровичу Бажову писать уральские сказы. Также её можно считать первым фольклористом Южного Урала. Литературовед В.В. Блажес писал, что по объёму собранного материала и по количеству публикаций за 1936–1939 гг. с ней не может сравниться даже Владимир Павлович Бирюков [2]. В Челябинске она также провела серьёзную работу, подготовив к публикации произведения местных авторов. Так, в 1937–1940 гг. вышло шесть томов литературно-художественного альманаха «Стихи и проза», ставшего первым в регионе. Писатель Исай Аркадьевич Рахтанов даже назвал Блинову «Иваном Калитой» местных писателей, «литературной матерью» всех челябинцев [3].

В-третьих, подавляющее большинство литераторов, прославивших Южный Урал, оказались здесь в годы первых пятилеток. Они начали свой трудовой путь на строительстве Челябинского тракторного или Магнитогорского металлургического заводов. Например, Людмила Николаевна Татьяничева прибыла из Мордовской АССР, Марк Соломонович Гроссман – из Ростова-на-Дону, Борис Семёнович Ицын – из Амурской, Александр Остапович Авдеенко – из Донецкой, а Виктор Фёдорович Губарев – из Брянской областей и др. Здесь раскрылся их литературный талант. Привезенные ими с родины общекультурные ценности и традиции существенно обогати-

ли искусство и литературу Южного Урала. Очевидно, что в 1930-е гг. подобная тенденция была характерна для всей советской периферии, но, если сравнивать состав Свердловского или Пермского Союза писателей, нужно отметить, что большинство их членов всё-таки были местными уроженцами.

В-четвёртых, в большинстве случаев областные Оргкомитеты Союза советских писателей заменили собой филиалы Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) после постановления ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных объединений» от 23 апреля 1932 г. В наследство от предшественников они получили определенную базу: помещение, издательские мощности, творческий коллектив. Так, руководитель УралАПП Николай Иванович Харитонов возглавил Свердловский Оргкомитет Союза советских писателей, а также редакцию литературно-художественного журнала «Штурм» (1931–1935). В Челябинске подобного преобразования не произошло. После «чистки» в январе 1930 г. ЧАПП была распущена за «проведение в творчестве троцкистско-меньшевистских взглядов, непризнание своих ошибок, неопределенное отношение к коммунистической партии и ее ведущей роли» [4]. Многие чапповцы навсегда покинули город. Литературное ядро, сформированное ещё в начале 1920-х годов, распалось. Центром притяжения творческих сил города стал Челябинский тракторострой, где возник литкружок при многотиражной газете «Наш трактор». Его основной целью стало укрепление идеологических стимулов для ускоренного строительства промышленного гиганта. Всё это затормозило консолидацию литературных сил города на несколько лет.

В-пятых, Оргкомитет челябинского Союза советских писателей возник позднее, чем во многих других городах. В частности, до 1934 г. Челябинская область входила в состав Свердловской, а значит, челябинцы являлись членами Свердловского Оргкомитета, возникшего в декабре 1932 г. Реорганизация области потребовала создания собственной структуры: в декабре 1935 г. возник Оргкомитет, официально утвержденный Правлением Союза советских писателей 19 января 1936 г. [5]. В будущем запоздалый характер основания отрицательно скажется на коллективе: долгое время не было ответственного секретаря и помещения, а значит, отсутствовало финансирование и систематическая творческая работа. Кроме того, становление организации пришлось на период «массовых репрессий» конца 1930-х гг., в ходе которых Южный Урал лишился многих ведущих деятелей литературы и искусства.

В-шестых, челябинское литературное движение зародилось в условиях отсутствия местной издательской базы: до 1934 г. львиная доля печатной продукции издавалась в Свердловске. Челябинский ГИЗ возник почти одновременно с Оргкомитетом Союза советских писателей, что было неслучайно. Советское государство стремилось использовать писателей в качестве проводников «культурной революции», а их функции идеологической под-

держки власти без массового книгоиздательства были неэффективными. Москва прислала поэта Эдуарда Адамовича Шиллера, ставшего и первым председателем Оргкомитета, и первым директором ЧелябГИЗа. И хотя издательство возникло после постановления СНК РСФСР № 259 «Об утверждении филиалов ОГИЗа» 21 марта 1936 г. [6], фактически оно существовало ещё с декабря 1934 г. Его первый литературный редактор Борис Кинд вспоминал: «Чтобы не терять времени, мы решили на первых порах разместиться в моей квартире на улице Елькина. Уладив «дипломатические отношения» с женой, я на деревянных воротах частного дома поместил написанную от руки вывеску: «Книжное издательство». Вместе с Шиллером мы составили тематический план, финансовую смету, их, где положено, утвердили. Нам открыли текущий счет в банке. И вот в издательство потянулись авторы. Входя в сени, даже терялись: «Сюда ли попал?». Но жена, встречая гостей иной раз с ведром и половой тряпкой в руках, ободряла: «Проходите, проходите, не стесняйтесь. Издательство здесь. Вас ждут» [7]. С апреля 1935 г. ЧелябГИЗ стал приобретать организационные контуры: обком назначил редактора и счѐтного работника. В мае издательству выделили помещение, а точнее, сарай на улице Свободы. В июне прибыл из Москвы заведующий производством [8]. Несмотря на это, на протяжении довоенного периода основная масса продукции печаталась в Свердловске, что вело к удорожанию и задержке выпуска книжной продукции больше, чем на месяц. Николай Ефимович Борисов, сменивший Шиллера на посту директора издательства, причины неэффективности ЧелябГИЗа видел в отсутствии производственной базы и специалистов: местные кадры не имели соответствующей квалификации, а столичные работники отказывались переезжать на периферию из-за нерешенности квартирного вопроса.

В-седьмых, становление южно-уральской организации писателей проходило в условиях формирования тоталитарного режима власти. Эта тенденция, безусловно, была характерна в 1930-е гг. для всех творческих союзов СССР. Однако в судьбе челябинского отделения Союза советских писателей, достаточно слабого и мало профессионального в тот период, массовые репрессии сыграли роковую роль и привели к распаду организации. В частности, после ареста в 1937–1938 гг. ведущих авторов – Бориса Александровича Ручьѐва, Виктора Фѐдоровича Губарева, Василия Александровича Макарова, Михаила Михайловича Люгарина – не осталось ни одного члена Союза писателей. Между тем существовали авторы, которые занимались творчеством и публиковались в печати. Этот литературный актив избрал временное бюро, которое так и не приступило к работе из-за отсутствия юридического статуса, а значит, и финансирования. В многократных обращениях к Правлению источником своих бед челябинцы называли отсутствие финансирования: «... мы не имеем ни копейки денег на оргработу. Бюро не может выехать в районы области, ни вызвать кого-либо в Че-

лябинск, ни оплатить консультирование произведений. У нас нет ни клуба, ни угла, где мы могли бы собраться» [9]. Они жаловались, что бюро даже не может заказать печать и штампы, а сами писатели не состоят в Литфонде, хотя производят какие-то отчисления с опубликованных произведений. Поэт Тихон Васильевич Тюрин работал на заводе и руководил союзом в рамках общественной нагрузки. «Приходится удивляться, как они работают, по сути, не имея ни откуда никакой поддержки» [10], – отмечал в отчёте бюро областных комиссий Союза советских писателей Соломон Иосифович Пакентрейгер. Поэтому местные писатели группировались вокруг ЧелябГИЗа, благодаря чему имели возможность получить гонорар за публикацию, а также консультацию редактора. Инициатива проведения и руководство всеми событиями литературной жизни области в конце 1930-х гг. принадлежала работникам издательства, включая два областных совещания начинающих писателей 1–3 марта 1937 г. и 30 декабря 1938 г.

Член бюро областных комиссий Лев Яковлевич Шапиро видел причины сложившегося положения в следующем: «Когда были уполномоченные, в Челябинск тоже был выделен. На него была доверенность и пр. С того времени, очевидно, и осталась там печать и все прочие формальные признаки, Отделения там не может быть юридически потому, что нет членов Союза. Мы никогда и не называем эту организацию отделением, а называем литературной группой» [11]. Судя по документам, челябинскими писателями накануне Великой Отечественной войны так и не удалось восстановить утраченный статус официального отделения Союза советских писателей.

Таким образом, становление челябинского отделения Союза писателей происходило в период социалистической модернизации и индустриализации, очень противоречивый и сложный для страны. Его переходный характер вносил неопределенность, как в личную, так и в профессиональную жизнь советских людей. Союз советских писателей так же, как и государство, переживал процесс институционализации и ещё не выработал стратегию руководства областными отделениями. Трудности, с которыми столкнулись челябинские писатели, были типичными для всех начинающих авторов: нехватка денег, отсутствие жилья, необходимость в повышении образования, страх за свою жизнь. Однако во многом именно эти факторы определили их стремление вступить в творческий союз, получить хотя бы минимальный набор социальных гарантий. Многие периферийные писатели в этот период не стали профессионалами, а были вынуждены заниматься тяжёлым физическим трудом. Помимо социальной неустроенности, факторами, усугубляющими их положение, следует назвать постоянный контроль и финансовую зависимость от центра, отсутствие квалифицированных кадров, а также творческую несвободу, вызванную необходимостью выполнять «государственный заказ».

Библиографический список

1. Шмаков, А.А. Истоки / А.А. Шмаков // Наше литературное вчера. – Челябинск, 1962. – С. 6.
2. Блажес, В.В. Блинова Елизавета Максимовна / В.В. Блажес // Бажовская энциклопедия. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2007. – С. 70.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 153. Л. 72.
4. Исетский, А. Без политических и творческих знамен / А. Исетский // На смену. – 1930. – 16 февраля.
5. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 35. Л. 30.
6. Золотов, А.А. Мы жили тогда на планете другой... / А.А. Золотов. – Челябинск: «Челябинский Дом печати», 2004. – С. 124.
7. Кинд, Б. Всё началось с «Базара» / Б. Кинд // Вечерний Челябинск. – 1969. – 25 сентября.
8. ОГАЧО. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 86. Л. 76-77.
9. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 153. Л. 27.
10. Там же. Л. 148.
11. Там же. Л. 39.

[К содержанию](#)

ББК ТЗ(2)5 + Ю942
УДК 94(470)''18/19'' + 159.9

ОСМЫСЛЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ФАКТОРА РУССКОЙ ВОЕННОЙ МЫСЛЬЮ В XIX–XX вв.

В.Н. Ковин

В статье анализируются подходы и взгляды отечественных учёных и военачальников на морально-психологическое состояние русской армии. Предпринимается попытка выявить динамику подходов исследователей.

Ключевые слова: нравственная сила, моральный фактор, морально-политическая и психологическая подготовка, морально-психологическое обеспечение, воспитание воинов.

Важная роль в поддержании боеготовности войск принадлежит одному из видов обеспечения – морально-психологическому. При его рассмотрении внимание исследователей сосредотачивается на его современном состоянии. С 1992 года в Военном университете начали выпуск «Российского военного сборника», в котором были опубликованы работы XIX – начала XX века, посвящённые военному делу [1]. Однако, и в указанном издании

вопрос о том, как формировалась отечественная традиция анализа морально-психологического обеспечения, не получил достаточного освящения.

В целях подготовки необходимых для армии кадров в 1832 году в России была открыта первая Военная академия, ставшая центром подготовки офицеров генерального штаба. Первые крупные работы по стратегии и тактике, изданные Академией в 40–50-е годы, и в которых нашел отражение моральный фактор, принадлежат Н.В. Медему [2], П.А. Языкову [3], Ф.И. Горемыкину [4], Д.А. Милютину [5]. Начиная с первых работ по стратегии и тактике, отечественные военные мыслители, размышляя над причинами, способствующими достижению победы в отдельном бою или в ходе всей кампании, придают большое значение моральному фактору. Отмечают необходимость его формирования и поддержания не только в военное, но и в мирное время. Считали, что требования воинской дисциплины должны выполняться сознательно. Сформулирована мысль, что армия представляет собой не изолированное образование, а является частью народа.

Наиболее крупными работами второй половины XIX века являются труды А.И. Астафьева [6], Г.Л. Леера [7], М.И. Драгомирова [8], С.О. Макарова [9], С. Гершельмана [10]. Продолжая традиции отечественной военной школы, не только констатируют важность морального фактора в боевых действиях, но стремятся выявить его влияние на военное дело (на построение войск и ход боя). Предлагают способы и методы формирования дисциплины и воинского духа. Обозначают важность и необходимость психологической подготовки солдат для боевых действий. Впервые моральный фактор выделяется для самостоятельного изучения.

В начале XX века наиболее крупными военными теоретиками были Н.П. Михневич [11], А.А. Незнамов [12], Н.Н. Головин [13]. Авторы стараются выявить всю совокупность причин, влияющих на ход войны. Сосредотачиваясь на материальной составляющей, уделяют достаточно мало внимания моральному фактору, однако, указывают на большое его значение при ведении боевых действий. Обращают внимание на важность складывания связей, как между солдатами, так и между подразделениями в мирное время. Считают, что нравственные качества войска формируются на основе исторически сложившегося характера народа. Дух армии не является застывшим образованием, он постепенно, медленно изменяется. Говоря о связи войны и политики, отмечают, что на военное дело влияет не только внешняя, но и внутренняя политика. Моральный фактор начинает осмысляться с психологических позиций.

В СССР изучение морального потенциала армии осуществлялось с позиций марксизма-ленинизма, поэтому в отечественной литературе длительное время получили широкое распространение подходы, основанные на взглядах В.И. Ленина. Он придавал большое значение моральному фактору на войне и обращал внимание на то, что этот фактор может быть ус-

ловием победы при хорошей оснащённости армии современным вооружением, при наличии дисциплинированных, инициативных солдат и командиров [14, с. 121, 155–156]. Особо подчёркивал роль сознания человека: воин должен быть убеждён в справедливости своих действий, осознание этого обеспечивает победу [14, с. 121], но опора только на моральный фактор, использование энтузиазма людей недостаточны для ведения войны. В.И. Ленин указывал на необходимость «поставить на научную основу изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы» [15, с. 142]. Необходимо учитывать, что его работы тесно связаны с требованиями того или иного политического момента, поэтому морально-боевые качества войск получают преимущественно политическую окраску.

Выводы В.И. Ленина получили развитие в трудах советских военных теоретиков. На протяжении XX века идейно-политическим компонентам в работах отечественных авторов придавалось большое значение. Нарком по военным и морским делам М.В. Фрунзе, в мощи и боеспособности любой армии наряду с техникой, организационным моментом и боевой подготовкой, отводил важное место политико-моральному состоянию (духовному моменту, настроению) армии [16, с. 343, 422, 458, 514]. Проведение политической работы в армии он приравнивал к новому оружию, которое в величайших размерах укрепило и увеличило боевую мощь Вооружённых Сил [16, с. 147, 507]. Средства борьбы, используемые политическими органами, такие как агитация и пропаганда, по его мнению, станут добавочным мощным оружием в борьбе с армиями противника [16, с. 257]. При подготовке солдат к предстоящей борьбе необходимо учитывать роль техники, однако решающее слово все же остаётся за человеком [16, с. 460–461]. Успех в боевых действиях определяется не только физическим уничтожением противника, но и психическим воздействием на врага, парализуя в нём способность к сопротивлению.

С середины 60-х годов наблюдается повышение интереса к моральному фактору и попытка его систематического изложения. В военные академии и училища был разослан макет книги для Вооружённых Сил, написанной группой научных сотрудников Военно-политической академии имени В.И. Ленина под общей редакцией генерал-полковника А.С. Желтова [17]. После обсуждения текст был переработан и издан для широкого распространения [18]. В книге выделили два объективных фактора вооружённой борьбы: технику и человека. Именно они влияли, и в дальнейшем будут влиять на ход войны. Авторы отмечали, что в техническом оснащении армии происходят коренные и качественные изменения. При этом человек как был, так и остаётся не только субъектом, главной действующей силой на войне, но и главным объектом, против которого направлено современное оружие [17, с. 11], роль и значение морального фактора не снижается, а повышается. Средства ведения войны стали обладать большей силой фи-

зического и психологического воздействия. Для того чтобы справиться с нагрузкой на психику человеку необходимо наличие высоких морально-боевых качеств, высокая моральная и психологическая устойчивость, которая формируется в результате подготовки [17, с. 34].

Генерал-майор С.К. Ильин, помимо социально-политического, экономического, военного, выделил моральный фактор [19, с. 7]. Как и всё социальное последний является конкретно-историческим явлением, т. е. зависит от исторической эпохи, экономических и социальных отношений людей, существующих в обществе классов. Моральный фактор характеризует дух не только армии, но и народа. Первоначально, С.К. Ильин выделял две группы элементов: собственно моральные и общественно-психологические, индивидуально-психологические [19, с. 9–10], замечая, что вторая группа элементов тесно связана и находится под определяющим воздействием идеологии. Позднее автор скорректировал свой взгляд на структуру морального фактора. Он ввёл более емкое понятие «духовный фактор», которым обозначил духовные силы общества, которые приводятся в движение для достижения целей войны. Его сердцевиной, наиболее действенной стороной является собственно моральный фактор, который состоит из общественно-психологического и идеологического компонента [20, с. 8]. Последний включает в себя ещё собственно моральный элемент. Если идеологический компонент, выступая в виде научно-теоретических концепций, развивается целенаправленно, посредством идеологических и социально-политических усилий, то социально-психологическая составляющая, находясь на уровне обыденного сознания, формируется стихийно под воздействием окружающей среды, конкретных жизненных ситуаций. С.К. Ильин считал, что на состояние морального фактора влияют: характер и цели войны, ход боевых действий, успехи или неудачи войск, применение новых средств борьбы, уровень руководства войсками, партийно-политическая работа [20, с. 9].

Б.Г. Григорьев рассмотрел роль в современной войне экономического и морального потенциалов. По его мнению, моральный потенциал включает в себя не только степень духовной готовности народа и армии выдержать испытания, но и способность государства организовать сплочение масс и поддерживать их духовные силы на высоком уровне [21, с. 81]. Моральный потенциал опирается на духовные качества человека, Б.Г. Григорьев в структуре морального потенциала выделял две составляющие: моральный дух и психологические качества человека. Он подчёркивал, что нельзя отдавать какой-либо составляющей предпочтение, но всё же «в моральном потенциале решающее значение имеют идейно-политические, идеологические элементы» [21, с. 89, 90]. Духовные качества человека тесно связаны с общественно-политическими отношениями и господствующей в стране идеологией. Идейно-политическая убеждённость, политическая сознатель-

ность человека играют решающую роль в моральном потенциале [21, с. 86]. Средством формирования моральных сил является идеологическая работа и боевая подготовка [21, с. 121–124].

Д.А. Волкогонов в своей работе использовал близкие по значению понятия «моральный фактор» и «нравственные силы». Говоря о структуре морального фактора, выделял две группы элементов: общественно-идеологические и общественно-психологические. Идеологические элементы, по его мнению, составляют основное содержание. В них чётко выражены осознанные классовые интересы, политические цели и задачи войн. Элементы второй группы, складываясь стихийно, под воздействием окружающих условий и среды, имеют сравнительно устойчивый характер. Её различные компоненты имеют различную степень изменчивости: наиболее подвижны – эмоции и настроения, наименее подвижны – привычки, обычаи, традиции [22, с. 4–5]. Общественно-психологические элементы проявляют себя в общественном мнении, коллективной воле, коллективном чувстве, коллективном гневе, т.е. имеют коллективистский характер. Д.А. Волкогонов отмечал, что нравственные силы формируются в процессе морально-политической и психологической подготовки [22, с. 8]. Определяя место морального фактора, отмечал, что при всей исключительности его нельзя переоценивать, он не может играть решающего значения сам по себе [22, с. 11–12].

Р.Н. Макаров признавал необходимость проведения морально-политической и психологической подготовки, однако считал важным сосредоточиться на последней, потому что развитие самолётов выдвинуло проблему психологической надёжности лётчика, формирования психологической устойчивости и готовности. Обращая внимание на специфику подготовки лётчика, сложность его профессионального обучения, он предложил наряду с психологической выделять психофизиологическую подготовку, которая нацелена на формирование высокой работоспособности лётчика, его способности действовать в сложной обстановке в условиях лимита и дефицита времени. Психофизиологическая подготовка направлена на развитие таких психических качеств как внимание, память, оперативное мышление, быстрота реакций, находчивость, формирование устойчивости организма к пространственной ориентировке, гипоксии (кислородному голоданию), дыханию под давлением, перегрузкам [23, с. 4].

В коллективном исследовании Д.В. Гандер, А.И. Белов, В.М. Кучинский, Д.И. Шпаченко отмечали, что становление боевого лётчика происходит комплексно: формируются как профессиональные знания, навыки, умения пилотировать самолёт, так и воспитывается идейная убеждённость, сила воли, готовность проявлять выдержку, стойкость, отвагу, боевое упорство. Во всесторонней подготовке авиаторов важное место занимает психологическая работа, отвечающая за выработку качеств личности, на основе которых формируются психические состояния, определяющие ус-

тойчивость лётчика в полёте, а так же способствующие повышению эффективности и безопасности лётной деятельности [24, с. 7]. Авторы обратили внимание, что в практике иногда употребляется понятие «морально-психологическая подготовка», которая включает два элемента – моральный и психологический, причём, первый из указанных элементов включает в себя не только нравственное содержание, но идейно-политическое [24, с. 12].

В 70–80-е годы были выпущены книги, посвящённые морально-политической и психологической подготовке в армии и на флоте [25–33].

Завершая рассмотрение истории изучения морального фактора в отечественной военно-теоретической мысли XIX–XX веков, можем подвести некоторые итоги. При выявлении причин, оказывающих важное влияние на исход боевых действий, все авторы выделяют материальные и духовные (моральные). Несмотря на революционные изменения, происходившие в истории России, в осмыслении морального фактора наблюдается преемственность. Обозначение морального фактора с течением времени претерпевает изменения: в Российской империи предпочтение отдавали сочетанию «нравственная сила», в СССР – «морально-политическая и психологическая подготовка». В отечественной военной мысли отмечается, что духовная составляющая имеет большое значение для достижения победы. Несмотря ни на какие изменения в вооружении, основным элементом, действующей силой остаётся человек. Его подготовке к войне следует уделять самое пристальное внимание.

Библиографический список

1. Российский военный сборник. – М.: Военный университет, 1992–2003. – Вып. 1–20.
2. Медем, Н.В. Тактика / Н.В. Медем // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / сост. Л.Г. Бескровный, М.В. Люшковский, Р.Ш. Сот; под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Военное издательство, 1960. – С. 83–97.
3. Языков, П.А. Опыт теории стратегии / П.А. Языков // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / Сост. Л.Г. Бескровный, М.В. Люшковский, Р.Ш. Сот. Под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Военное издательство, 1960. – С. 126–160.
4. Горемыкин, Ф.И. Руководство к изучению тактики / Ф.И. Горемыкин // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / сост. Л.Г. Бескровный, М.В. Люшковский, Р.Ш. Сот; под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Военное издательство, 1960. – С. 190–202.
5. Милютин, Д.А. Первые опыты военной статистики / Д.А. Милютин // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / Сост. Л.Г. Бескровный, М.В. Люшковский, Р.Ш. Сот. Под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Военное издательство, 1960. – С. 161–181.

6. Астафьев, А.И. О современном военном искусстве / А.И. Астафьев // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / сост. Л.Г. Бескровный, М.В. Люшковский, Р.Ш. Сот; под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Военное издательство, 1960. – С. 203–263.
7. Леер, Г.А. Метод военных наук / Г.А. Леер // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / сост. Л.Г. Бескровный, М.В. Люшковский, Р.Ш. Сот; под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Военное издательство, 1960. – С. 268–288.
8. Драгомиров, М.И. Избранные сочинения / М.И. Драгомиров. – М.: Военное издательство, 1956. – 192 с.
9. Макаров, С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики / С.О. Макаров // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / сост. Л.Г. Бескровный, М.В. Люшковский, Р.Ш. Сот; под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Военное издательство, 1960. – С. 367–414.
10. Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем / С. Гершельман // Военный сборник. – 1894. – №№ 1–2, 4–5, 7–9; 1885. – №№ 3–4, 6–8; 1886 – №№ 2, 4, 6, 8, 10–12.
11. Михневич, Н.П. Тактика и её эволюция в зависимости от условий комплектования войск и технических изобретений данной эпохи / Н.П. Михневич // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / сост. Л.Г. Бескровный, М.В. Люшковский, Р.Ш. Сот; под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Военное издательство, 1960. – С. 441–451.
12. Незнамов, А.А. План войны / А.А. Незнамов // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / сост. Л.Г. Бескровный, М.В. Люшковский, Р.Ш. Сот. Под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Военное издательство, 1960. – С. 668–715.
13. Головин, Н.Н. Исследование боя / Н.Н. Головин. – СПб., 1907. – 152 с.
14. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 41. – М.: Политиздат, 1981. – 284 с.
15. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1967. – 356 с.
16. Фрунзе, М.В. Избранные произведения / М.В. Фрунзе. – М.: Военное издательство, 1984. – 560 с.
17. Проблемы морально-политической и психологической подготовки советских воинов к современной войне. – М.: Военное издательство, 1967. – 264 с.
18. Солдат и война. – М. Военное издательство, 1971. – 264 с.
19. Ильин, С.К. Моральный фактор в современной войне / С.К. Ильин. – М.: Военное издательство, 1967. – 136 с.
20. Ильин, С.К. Моральный фактор в современных войнах / С.К. Ильин. – М.: Военное издательство, 1979. – 152 с.

21. Григорьев, Б.Г. Экономический и моральный потенциалы в современной войне / Б.Г. Григорьев. – М.: Военное издательство, 1970. – 112 с.
22. Волкогонов, Д.А. В.И. Ленин о моральном факторе в войне / Д.А. Волкогонов. – М.: Военное издательство, 1970. – 44 с.
23. Макаров, Р.Н. Психологическая подготовка лётного состава средствами наземной подготовки (системно-функциональный подход) / Р.Н. Макаров. – М.: Военное издательство, 1976. – 204 с.
24. Психологическая подготовка лётчика / под ред. Д.В. Гандера. – М.: Военное издательство, 1983. – 96 с.
25. Важный фактор боеготовности. Из опыта морально-политической и психологической подготовки воинов / под ред. Б.Ц. Бадмаева. – М.: Военное издательство, 1972. – 124 с.
26. Епишев, А.А. Могучее оружие партии / А.А. Епишев. – М.: Военное издательство, 1973. – 112 с.
27. Война. Океан. Человек. О морально-политической и психологической подготовке советских военных моряков / под ред. В.М. Гришанова. – М.: Военное издательство, 1974. – 136 с.
28. Морально-политическая и психологическая подготовка пограничников. – М.: Военное издательство, 1974. – 128 с.
29. Дьяченко, М.И. Психологический анализ боевой деятельности советских воинов / М.И. Дьяченко. – М.: Военное издательство, 1974. – 164 с.
30. Фролов, И.И. Люди и ракеты / И.И. Фролов, И.И. Анисин. – М.: Военное издательство, 1977. – 124 с.
31. Алексеевский, К.А. Фактор боеготовности ракетчиков / К.А. Алексеевский, П.И. Едемский; под общ. ред. П.А. Горчакова. – М.: Военное издательство, 1979. – 180 с.
32. Хвобостов, В.П. Истоки мужества и героизма: О воспитании у воинов высоких морально-политических и боевых качеств / В.П. Хвобостов. – М.: Военное издательство, 1982. – 116 с.
33. Морально-психологическая устойчивость многонационального воинского коллектива / Ю.И. Дерюгин, П.М. Повесмо, Е.В. Попов и др. // Морально-психологическая устойчивость многонационального воинского коллектива. Воспитательная роль социалистического соревнования – М.: Военное издательство, 1988. – 136 с.

[К содержанию](#)

УДК 94(470.55)«1947/1951» + 908(470.55)

ББК ТЗ(2)631-75

**МИКРОИСТОРИЯ: ВОСПОМИНАНИЯ СТУДЕНТОК
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА (1947–1951 гг.)**

Е.И. Сёмочкина

Микроисторический подход «оживляет» объективные знания о повседневной реальности любой эпохи. Для этого подхода мемуары являются одним из главных источников. Воспоминания-интервью пяти бывших студенток исторического факультета ЧГПИ, собранные автором статьи, ярко иллюстрируют обстоятельства становления, мотивы поведения, мировоззренческие ценности послевоенного студенчества в СССР.

Ключевые слова: воспоминания, микроистория, студенты.

Представленные мемуары и комментарии к ним – итог общих бесед узкого круга подруг юности и отдельных интервью с ними. Материалы корректировались и перепроверялись: могло ли быть такое или нет, или, за давностью лет, произошла фольклоризация событий. Конечно, не обошлось без идеализации: память заботливо устраняла неприятности, а если и сохраняла, то они виделись совсем по-другому. «Свой круг» обусловил большую степень доверия, которого иногда не удаётся достичь в интервью с посторонними людьми. Поэтому ответы были искренними.

Молодость этого поколения пришлась на годы после Великой Отечественной войны. Тогдашние студенты считали себя самыми счастливыми, пережив военное лихолетье, верили, что всё плохое в прошлом, а будущее – светло и прекрасно. Жизнь и в самом деле менялась к лучшему: восстанавливались дома, мирное производство, благоустраивался быт, доступнее становились культурные ценности, в том числе и учёба в вузе.

Далее я предлагаю послушать живые голоса студенток-историков ЧГПИ конца 1940-х – начала 1950-х годов.

Выбор вуза и факультета был, как правило, осознанным. **Зоя Мочалова** (далее – **З.М.**): «Моя мама была учительницей русского языка и литературы, и я считала профессию учителя самой главной. В доме всегда много читали, особенно исторические романы, а в старших классах я попала под обаяние своей школьной учительницы истории, очень эмоционально излагавшей материал».

Зоя Выдрина (далее – **З.В.**): «Учителем хотела быть с детства, уже в детсаду читала детям книжки, в школе была пионервожатой. На исторический факультет посоветовала идти учительница истории».

Тамара Чернецова (далее – **Т.Ч.**): «В школе история была любимым предметом, и решение поступать в педвуз было однозначным – только на историю».

Мария Капустина (далее – **М.К.**): «Сначала я закончила медучилище и три года отработала фельдшером в Свердловской области, а потом переехала к старшей сестре в Челябинск. Уже зная все тяготы медработника, поступила на исторический факультет, так как по складу всегда была гуманитарием, любила историю. И до сих пор интересуюсь «новостями прошлого».

Только у одной из подруг выбор был случайным. **Эра Ильина** (далее – **Э.И.**): «После школы целый год проучилась в Уральском политехническом институте на строительном факультете, и поняла – «не моё». Вернулась домой, подала документы в ЧГПИ, на исторический».

Первые впечатления об институте. З.М.: «При поступлении конкурса не было. Видела, что некоторым абитуриентам предлагали переписать неудовлетворительные сочинения, если по истории те получили 4 или 5. В 1947 году здание института уже было освобождено от патронного завода и в основном отремонтировано, только на месте актового зала зиял провал. А дипломы мы получали уже в обновлённом зале, как нам казалось, очень роскошном».

З.В.: «Первое потрясение: вид здания был неопишимо страшен... Вестибюль чёрный, стены грязные, окна от копоти не пропускали свет, везде кучи мусора. В приёмной комиссии меня подхватил географ и стал буквально зазывать на свой факультет, расписывая увлекательные турпоходы по горам и к озёрам Урала, о перспективах исследовательской работы. Но я всё-таки отдала свой аттестат молчаливой женщине с исторического факультета и никогда не жалела о своём выборе».

Отношение к учёбе и к преподавателям. Учиться старались, как можно лучше, и не только потому, что боялись остаться без стипендии и стать для родных «дармоедами», все отмечали, что такой казённый лозунг «Учёба на совесть – твой гражданский долг!» воспринимали искренне. Не хотелось быть хуже других, это тоже было большим стимулом. Бывшие студентки отметили как свою главную черту – стремление к знаниям, не просто в срок выполнять задания, но больше читать и не только по программе. Книг, в том числе учебников, тогда было мало, поэтому библиотека была «родным домом», кроме того, выручал ещё факультетский «Исторический кабинет».

З.М.: «На первом курсе надо было приехать до открытия читального зала, чтобы захватить «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, т.к. они были в одном экземпляре. Поэтому одну книгу читали вдвоём, а остальные занимали очередь».

Много времени уделяли конспектированию исторических документов из хрестоматий, постановлений партии и правительства, речей политических деятелей, основоположников марксизма-ленинизма. Большинство бывших фронтовиков, особенно на первом курсе, считали сидение над книжками «школярством», ненужной зубрёжкой. Об этом вспоминает Э.И.: «Наши школьные знания и жизненный опыт фронтовиков делали семинары живыми, превращая их подчас в диспуты. Но иногда мы, девочки, обижались, когда кто-либо из «взрослых» после наших выступлений, на подготовку которых было затрачено много времени и сил, вставал и с ходу импровизировал, делал обобщения и сравнения. И получал более высокую оценку. Такой ответ мы называли «на наших костях». Однако подобное было только на первом-втором курсах, дальше мы сравнялись, многому от них научившись, а потом в чём-то и перегнали кого-то из них. Не сразу, но просыпался настоящий вкус к истории, когда хотелось самому разобраться в каких-то деталях, «дойти до самой сути». Иногда это выглядело даже анекдотично. Помню, как на практике в школе Коля Пастернак должен был давать первый открытый урок, но утром заявил, что не готов, так как всю ночь не спал, ломая голову над устройством новгородского деревянного водопровода. Лия Григорьевна Майзель, руководитель практики, очень тактично ему объяснила, что «докапываться» до истины нужно, но не тонуть в мелочах, а помнить о главном, тем более, если речь идёт о проведении урока в пятом классе. Урок Коля провёл хорошо».

Для студенток Л.Г. Майзель была как бы старшей сестрой, наставницей, её просто любили. Продолжает Э.И.: «Я была на практике в её группе, и она «лепила» из нас, студентов, преподавателей истории, формируя осознанную любовь к истории и как к предмету преподавания, и как к науке. Вообще запоминались те преподаватели, которые относились к нам с уважением и были специалистами своего дела. Например, преподаватель политэкономии, Г.Н. Молчанов учил нас мыслить самостоятельно, хотя и в нужном русле, отстаивать на семинаре свои мнения, (иногда неправильные и с точки зрения того времени даже крамольные), а потом всё расставлял по своим местам, как надо».

Единодушно восторженно студентки оценивали А.Г. Карманова, тогда ещё сравнительно молодого преподавателя. Он демонстрировал будущим коллегам свою методику преподавания: логичность изложения, выделение ключевых событий, чёткость выводов. Вспоминает З.В.: «В старших классах школы я стала делать уроки в виде лекций, излагая материал «по-кармановски», показывая причинно-следственные связи событий, что особенно нравилось школьникам. Навыки конспектирования очень им пригодились в вузах: не раз при встрече мои бывшие ученики благодарили меня за это».

З.М. под руководством А.Г. Карманова написала свою первую научную работу по истории ЧТЗ и выступила с ней на заседании краеведческого кружка в присутствии приглашённого М. Макагона – рабочего, который вывел с конвейера завода первый трактор. Вспоминает она и доцента А.Ф. Лещенко, бывшего учителя гимназии, преподававшего в ЧГПИ историю Древнего мира: «Ещё до первой мировой войны он побывал в Египте, Месопотамии, Италии, Греции – и делился с нами впечатлениями от посещения исторических достопримечательностей. Мы это воспринимали как своего рода сказку: пирамиды, скульптуры античных богов и героев, древние стелы с клинописью – всё это было столь чудесно, сколько и недоступно, но «эффект присутствия» был потрясающим».

З.В.: «Ещё нравились лекции по истории средних веков С.Л. Модало, которая «захватывала» аудиторию интересным изложением. Я впоследствии использовала этот методический приём в школе. И как-то заметила, что иногда дверь в класс приоткрывается и к моим урокам прислушивается директор. На моё предложение заходить на урок он отказался, сказав, что ему интереснее слушать вот так: незаметно для учителя, который увлечён сам и увлекает учеников».

Однако любовь студенток надо было заслужить, халтура не проходила. А на четвёртом курсе они считали себя почти «профессионалами». И тут появился молодой красивый преподаватель по Новой Истории – А.А. Адамович, только что окончивший Высшую партийную школу в Москве. Но мнения о его лекциях были нелицеприятны. **З.В.:** «Мне его лекции не нравились тем, что он к ним не готовился. Приходил, садился за стол, открывал учебник, уложив его на портфель, и читал из него. Я за ним не конспектировала, а чаще всего читала художественную литературу. Для экзамена этот учебник можно было взять в библиотеке, а большего он и не требовал». **Э.И.** дополняет: «По учебнику А.А. Адамович диктовал нам лекции. Когда надо было что-то показать на карте, он даже не поднимался со стула, а махал в сторону карты указкой. Мы, уже не «салаги», возмущались таким отношением к нам и к предмету».

Видимо, это понял и сам молодой преподаватель. Учился учить, совершенствовал навыки, приёмы, методику. Так что уже через несколько лет **М.К.** отмечала «интересные и содержательные лекции А.А. Адамовича по Новой Истории».

Мои «мемуаристки» были активными комсомолками, все находили себе поручения по душе: выпускали факультетскую стенгазету, участвовали в художественной самодеятельности, занимались спортом. **Т.Ч.** была агитатором по месту жительства, ходила беседовать с людьми перед выборами, убеждала в необходимости других политических мероприятий и т.п. С помощью комитета комсомола формировалось общественное мнение, через стенгазету освещалась жизнь студентов, их достижения, недостатки,

проблемы. Реальных рычагов управления у комсомольцев не было, но вызов на заседание бюро (уровень курса) или комитета (уровень института) сам по себе был неприятен и позорен. Там провинившегося стыдили, стращали исключением из комсомола и вуза, заставляли обещать исправиться и назначали сроки ликвидации недостатков. Если кто-то распускал язык о своей нелюбви к Сталину, осуждая его жестокость, такой разговор сразу же пресекался, казался просто недопустимым. **Т.Ч.** привела пример сокурсника Кости Эдельмана, которого за подобные высказывания «пропесочили» на комсомольском собрании, и всем комсомольцам было ясно однозначно, что он не прав. После этого он перевёлся в какой-то педвуз другого города, окончил его и вернулся впоследствии в Челябинск, долгое время преподавал историю в средних учебных заведениях. В связи с этим случаем у меня возник вопрос: «Может быть, он вас проверял, как вы отреагируете, не «поведётесь» ли на какие-то разговоры»? Об этом студентки по своей простоте душевной даже не подумали.

Различные кампании эпохи позднего сталинизма воспринимались как данность, но поскольку напрямую они не коснулись моих собеседниц, то подробности этих дел из памяти стёрлись. Изучали статьи И.В. Сталина, каждое постановление ЦК ВКП (б), верили в справедливость советского государства, научность стратегического курса на основе теории марксизма-ленинизма. А как же иначе? Например, «Вопросы языкознания» вызвали очень живой интерес. Однако когда началось так называемое «Ленинградское дело», и Н.А. Вознесенский был объявлен врагом народа, а все его произведения изымались из библиотек и уничтожались, кое-кто оставил дома его только что изданную книгу «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». На мой вопрос «Почему?» **З.М.** ответила: «Просто очень жалко стало книгу, и потом, там ведь очень ценная информация для историка».

О внешнем виде, модах красноречиво говорят редкие сохранившиеся фотографии. У некоторых юношей ещё военные гимнастёрки, брюки, сапоги, но вовсе не потому, что ностальгируют по фронтовой жизни, просто ничего другого не было. Другие – в простых потёртых рубашках, пиджаках и брюках довоенного покроя, новые вещи на студентах редки, может быть только на праздник. Девочки больше обращают внимания на внешний вид, но всё равно в повседневной жизни отличительная черта одежды – скромность. Не принято было выделяться яркостью, необычностью. **Э.И.:** «Я перешивала из старых вещей, из бабушкиного сундука. К концу учёбы в магазинах стали появляться доступные по цене ткани и хоть какая-то обувь. мода была простая: юбка закрывала колени, иногда клёш, или в складку. Платье я шила так, чтобы можно было с помощью разных воротничков, галстука, банта придумывать много вариантов. В моде были локоны, кудри, завивались на папильотки – получалось даже красиво, но не всегда.

Помню, что кого-то из моих друзей называли как-то «недозавитый баран»». **М.К.**: «Пальто перед поступлением в ЧГПИ мне перешли из шинели моей старшей сестры – военного медика. Ей и её мужу, тоже военному хирургу, в 1944 году дали в качестве подарка две американских посылки: самое главное в ней были консервы, а ещё тапочки и шёлковое платье, которое подошло только мне из-за маленького размера. Я его даже в институте носила. Моя подруга, Валя Лунегова, была настоящей модницей (ну, по тем временам), ей хотелось хоть чем-нибудь да отличаться: какие-то у неё были то оборочки, то рюшки, то воланчики. Мода на причёски в основном шла из кинофильмов, старались быть похожими на любимых актрис. Коротко не стриглись, на младших курсах у некоторых были косички, собранные в «корзинку» сзади. Длинных кос не припомню. Главным же во внешнем виде была скромность, опрятность, чтобы было чисто, поглажено, на занятия ходили с комсомольским значком».

По молодости лет студентки были абсолютными идеалистками и не падали духом из-за трудностей быта, приспосабливались к обстоятельствам, несмотря на тотальный дефицит всего необходимого для жизни. Местные студентки жили с родственниками, чаще всего это была одна комната в коммунальной квартире. Или это был свой деревянный дом без всяких удобств. Иногородние жили в общежитии. **З.В.**: «Сначала в комнате было человек 15–20. На третьем курсе я уже перешла в меньшую комнату, где было 6 человек. Не ссорились, жили скромно, делились, чем могли. Например, мой отец работал на мельнице и мог прислать мне муки, а зимой мороженого молока. Делали на всех лапшу – очень вкусно. Помощь из дома была для всех нас очень важна. Только на последних курсах стало немного полегче, в столовой можно было поесть досыта, тем более, что мы были непритязательны в еде. Как-то меня пригласил в театр один знакомый, так меня готовили всей комнатой: кто дал платье, кто – туфли, кто – брошь». **Т.Ч.** дополняет этот рассказ: «В этой огромной комнате была только одна плитка. После занятий спешили её занять. Я тратила на обед мало времени: основной моей едой был кисель и хлеб, благо в 1947 году отменили карточки. В комнате было заведено меняться вещами, особенно если шли на танцы. Только на третьем курсе, получив повышенную стипендию, я купила себе настоящее осеннее пальто».

Немного о досуге. Все тогдашние студенты очень много читали. Было просто неприлично не знать русскую (Л. Толстой, А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Некрасов) и мировую (Мопассан, Гюго, Стендаль, Диккенс) классику, увлекались и революционным романтизмом («Овод», «Как закалялась сталь»). Многие обожали М. Горького. Ф. Достоевского «проходили»: слишком пессимистичен. Увлекались поэзией. С военных лет и до сих пор сохранилась любовь к стихам К. Симонова, в то время он был необычайно популярен. **М.К.** вспоминает, что у них на курсе правдами и неправдами доставали стихи

С. Есенина издания 1920-х годов и переписывали их в особые тетрадки, так же «подпольно» она познакомилась со стихами И. Северянина.

После войны вся страна читала роман А. Фадеева «Молодая гвардия», а затем вышел одноимённый фильм с прекрасными актёрами, которые стали настоящими кумирами молодёжи тех лет. Фильм «Первая учительница» романтизировал будущую профессию и убеждал в верности выбора. Восхищались музыкальными комедиями («Весна», «Кубанские казаки»), актрисы их становились «законодательницами моды», а песни шли в народ.

Вообще без песен не обходились ни демонстрация, ни субботник, ни дружеская вечеринка, даже те, кто не имел слуха и голоса, в кампании пели вместе со всеми. В ЧГПИ был большой студенческий хор, известный в городе, о котором с восторгом вспоминает не одно поколение студентов. На историческом факультете был свой хор под руководством Кости Варламова (выпускник 1952 г.).

Э.И.: «По очереди каждый факультет проводил вечера, приглашая и всех желающих с других факультетов, было как бы соревнование на лучшее проведение вечера. Обязательно был концерт самодеятельности: хор, сольное пение, танцоры, художественное чтение (стихи и проза), конфетанс, сценки (скетчи), а после – танцы «до упаду». Всё организовывали сами студенты, следили за порядком. Не припомню, чтобы были пьяные или дебоширы».

Внимание к самодеятельному творчеству пробуждало в молодёжи интерес к серьёзной музыке, театру. В филармонию покупали абонементы, доставали контрамарки в драмтеатр, институт заботился о культурном уровне будущих учителей. **З.М.:** «Настоящий оперный спектакль я увидела впервые с «культпоходом» на гастроли Свердловской труппы в здании нынешнего ТюЗа. В опере «Аида» в роли Амнерис была Ирина Архипова, очаровавшая всех своим голосом и молодой красотой. А главная героиня была представлена певицей (фамилию не запомнила) с мощным голосом, очень заслуженной и очень толстой. Она была так неправдоподобна, что её гибель в конце оперы огорчения не вызвала. Но все были в восторге, даже флегматичная Аня Кашигина произнесла формальную, но от души, фразу: «Вот что значит, искусство для народа»...».

Когда собиралась компания (после демонстрации, на Новый год, на чей-то день рождения), был неизменный винегрет, дешёвое вино, селедка или колбаса в качестве деликатеса и какие-нибудь конфеты-печенье на сладкое. Если была хорошая погода, студенты компаниями шли гулять в парк культуры и отдыха (сейчас им. Гагарина). Фотоаппараты тогда были редкостью и далеки от совершенства, тем более дороги сейчас немногие фотографии, несмотря на их неважное качество.

В ЧГПИ большое внимание уделялось массовому спорту: весной были кроссы по улицам, а зимой были лыжные кроссы. В выходные дни ходили

на лыжах в парк, на Монахи, а вечерами после занятий шли на каток. **М.К.:** «Часто бывали на катке стадиона «Динамо». Через центральный вход надо было платить, но у нас не было «лишних» копеек на билет. Поэтому пробирались через дырку в заборе, закапывали валенки в снег, надевали коньки и катались». **Э.И.:** «За время учёбы в институте я получила третьи разряды по лёгкой атлетике и по лыжам. Кроме того, на курсе сложилась команда по гимнастике: я, Надя Хахалева, Лида Безденежных, Юля Соколова и ещё кто-то».

В послевоенное время состав студентов был уникальным: вместе со вчерашними школьниками учились бывшие фронтовики, старше всего на несколько лет и на целую войну. **З.В.:** «Студенты-фронтовики были для нас как старшие братья, мы их уважали, но для них были «девчонками». Их было примерно треть курса (человек 15)». **Э.И.:** «Отношения у нас были дружеские. Мораль тогда была строгая, а девочки – скромные. Замужество предполагалось после института». **З.В.:** «Понятие семьи с детства было как что-то «святое», на всю жизнь. Поэтому с замужеством не спешила. И оказалась счастлива». **Т.Ч.:** «Только на выпускной вечер я пришла с моим будущим мужем: статным красавцем, участником войны. Все были поражены: тихая скромница с таким представительным другом. Он был старше меня на шесть с половиной лет, окончил ЧИМЭСХ (потом работал там, стал кандидатом наук, доцентом)».

После окончания института подруги вместе отмечали 25, 30 и 50 лет своего выпуска, не теряли из вида друг друга.

Обычно историк ищет источник, но в данном случае была предпринята попытка создать его. Процесс его создания был интересен самим бывшим студенткам. Беседы оживляли их, делали их как бы молодыми, словно они возвращались в те далёкие годы.

Примечания

ЧГПИ – Челябинский государственный педагогический институт, в настоящее время – университет.

В тексте приведены девичьи фамилии студенток, в примечаниях в скобках указаны их фамилии в настоящее время.

Воспоминаниями поделились: **Выдрина** (Добровольская) Зоя Петровна, **Ильина** (Минченкова) Эра Константиновна, **Мочалова** (Сёмочкина) Зоя Васильевна, **Чернецова** (Попова) Тамара Николаевна, учившиеся в ЧГПИ в 1947–1951 годах, а также **Капустина** (Чулкина) Мария Андреевна, учившаяся там же в 1950–1954 гг. Автор статьи выражает им свою глубокую признательность и благодарность за помощь в работе.

[К содержанию](#)

УДК 378.4
ББК Ч448.47

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ГОДЫ РАДИКАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

И.В. Сибиряков

По результатам проведенного исследования выявлены наиболее важные структурные изменения, произошедшие в Челябинском государственном техническом университете в годы радикальных социально-экономических реформ, получивших название «шоковая терапия». Установлены основные факторы, позволившие вузу не только «выжить» в условиях реформ, но и создать фундамент для его дальнейшего устойчивого роста. Показаны наиболее значимые для вуза последствия радикальных преобразований, произошедших в стране в конце XX в.

Ключевые слова: гуманитаризация, радикальные реформы, система высшего образования, университет.

Радикальные социально-экономические реформы являются серьезным испытанием для любой цивилизации. Но, когда по времени они совпадают с распадом страны, возникает совершенно особая кризисная ситуация, способная привести к гибели целого ряда элементов той системы, что часто и называется государством. Среди самых уязвимых элементов такой системы традиционно в нашей стране оказывается образование.

Высшая школа СССР была совершенно не готова к распаду союза. Переход на новые экономические и социальные основы развития государства привел многие вузы страны к катастрофе. Опыт «выживания» вузов в условиях радикальных реформ, накопленный в 90-е гг. XX в. сегодня представляет не только научный, но и практический интерес. Анализ многих процессов, происходивших в российской высшей школе в начале XXI в. можно вести не только на институциональном, но и личностном уровне, пытаясь через призму отдельных человеческих судеб, лучше понять сложные и противоречивые социальные явления отечественной истории девяностых.

Источниковая база для такого анализа еще только формируется, что делает исследование данной эпохи крайне интересным и сложным с научной точки зрения.

За два года до официального начала в России радикальных социально-экономических реформ хорошо известный в стране Челябинский политехнический институт (далее ЧПИ – прим. И.С.) был переименован в Челябинский государственный технический университет (далее ЧГТУ – прим. И.С.).

Изменение названия вуза было связано с целым комплексом причин. Среди наиболее важных можно выделить: желание руководства института получить более широкий доступ к новым источникам финансирования исследовательских программ; стремление расширить контакты вуза с зарубежными научными центрами; необходимость получить дополнительные преимущества в той борьбе за абитуриентов, которая стала разворачиваться среди вузов Южного Урала.

В январе 1992 г. в России официально начались радикальные социально-экономические реформы, получившие в средствах массовой информации название «шоковая терапия». Финансирование вузов осуществлялось нестабильно, в масштабах совершенно не соответствующих реальным потребностям высшей школы. Многие вузы Южного Урала с большим трудом могли осуществить подготовку специалистов даже в рамках традиционных образовательных программ. Именно в этой ситуации ректор ЧГТУ Г.П. Вяткин выступил с идеей формирования в г. Челябинске «регионального университета, подобного известным университетам Европы и США и способного стать центром образования, науки и культуры Южного Урала». Была разработана концепция Челябинского регионального университета, одобренная Советом университета 23 ноября 1992 г., проект устава такого университета [1, с. 302]. Но идея не получила поддержки, в первую очередь, среди руководителей вузов. Многие из них решили спасти «свои» вузы самостоятельно, рассчитывая на поддержку «своих» министерств.

Пытаясь адекватно отреагировать на изменения, происходившие в социально-экономической жизни страны, руководство университета в 1992 г. пошло на открытие сразу трех новых факультетов. В течение одного года в ЧГТУ были открыты: факультет «Экономики и предпринимательства», «Экономики и управления» и «Международный» факультет. Показательно, что деканами факультетов были назначены люди с различным жизненным опытом, с различным образованием, с разными представлениями о том, как должен быть организован учебный процесс в новых социально-экономических условиях. Первым деканом факультета «Экономика и управления» стал д-р экон. наук, профессор А.К. Ташев. Деканом «Международного» факультета был назначен канд. экон. наук, доц. В.П. Горшегин. Факультет «Экономики и предпринимательства» возглавила канд. экон. наук, доцент В.А. Киселева. Таким образом, в вузе на одном из самых перспективных «экономических» направлений была создана своеобразная конкурентная среда, призванная стимулировать руководителей факультетов и многих представителей профессорско-преподавательского состава, к постоянному поиску новых форм организации учебного процесса, решению проблем финансирования, к формированию устойчивых связей с новыми рыночными структурами, стремительно возникавшими в стране.

В дальнейшем в ЧГТУ были образованы еще два факультета, которые первоначально сосредоточились на подготовке специалистов «экономического профиля». Это был «Коммерческий факультет», который возглавила канд. экон. наук, профессор В.Е. Лопатина, и факультет «Сервиса и легкой промышленности» под руководством канд. техн. наук, профессора Т.Н. Третьяковой. С созданием этих факультетов конкуренция среди факультетов экономического блока еще более выросла.

В 1993 г. в университете был создан факультет гуманитарного образования. Его первым деканом стала д-р истор. наук, профессор М.Н. Евланова. Создание этого факультета стало важным шагом в деле «гуманитаризации» системы образования в некогда сугубо техническом вузе. В дальнейшем в рамках факультета были объединены кафедры, осуществлявшие подготовку профессиональных: «социологов», «историков», «искусствоведов», «политологов», «журналистов», «пиарщиков». В связи с этим произошло определенное перераспределение материальных и кадровых ресурсов, были созданы необходимые организационные условия для развития новых научных школ и направлений.

«Когда другие рассуждали и спорили о том надо расширять контрактную форму обучения или не надо, должно государство нас полностью финансировать или не должно, стоит открывать гуманитарные специальности или не стоит, – вспоминал Г.П. Вяткин, – мы стали развивать эту форму и это направление образовательных услуг особенно активно. Кстати, разговоры по этому поводу шли и в Союзе ректоров вузов. В свое время я был одним из учредителей этого союза, поэтому хорошо знал настроения царившие там. Противников развития гуманитарной составляющей в технических вузах было предостаточно. И пока они рассуждали, мы делали» [2].

В том же 1993 г. в университете были созданы два новых отдела, которые должны были сыграть очень важную роль в адаптации вуза к новым социально-экономическим реалиям. Это были: отдел глобальных сетевых технологий и отдел международных связей. Оба эти направления развития вуза находились постоянно в поле зрения руководства университета.

В 1996 г. в ЧГТУ был открыт первый в истории образования на Южном Урале факультет «Психологии». Деканом факультета был назначен д-р псих. наук, профессор Н.А. Батулин. Большой объем подготовительной работы по созданию факультета проделали психологи И.М. Марковская, З.А. Шакурова, Е.В. Чумакова, Е.Л. Солдатова, Д.М. Полев, Н.Н. Мельникова [3].

В этом же году в университете был создан факультет «Физической культуры и спорта» первым деканом, которого стал д-р пед. наук, профессор Ю.М. Чернецкий.

Следует подчеркнуть особо, что поддерживая процесс институционализации гуманитарных научных направлений, руководство университета «не забывало» и об естественно научных дисциплинах. В 1996 г. в университе-

те появился факультет «Прикладной математики и физики», деканом которого был избран д-р хим. наук, профессор Ю.Г. Измайлов [1, с. 19–20].

Помимо структурных изменений, проведенных в ЧГТУ в 90-е гг., руководством университета предпринимались попытки добиться серьезных перемен и в организации учебного процесса. Так0 еще летом 1992 г. на основании соответствующего решения Комитета по высшей школе и технической политике Российской Федерации, ректор ЧГТУ Г.П. Вяткин подписал приказ № 25 о введении с 1 сентября 1992 г. многоуровневой структуры подготовки специалистов с высшим образованием «по всем специальностям на следующих факультетах: металлургическом, механико-технологическом, факультете экономики и управления». В связи с этим предполагались серьезные изменения по учебным планам, практикам, формам итоговой аттестации. Но осуществить задуманное в полной мере не удалось.

Среди наиболее важных причин этой неудачи можно назвать тяжелое финансовое положение вуза, разбалансированность системы управления высшим образованием в стране, кадровые проблемы, обострившиеся в университете в начале 90-х годов.

Уже в 1994–1995 учебном году на приобретение вычислительной техники для создания локальных и глобальных информационных сетей и систем в вузе было истрачено более 2-х миллиардов рублей как бюджетных средств, так и средств, полученных «по контрактам на подготовку специалистов». Идея создания в университете качественно новой информационной среды оказалась очень продуктивной, но крайне дорогостоящей. Тем не менее, руководство университета продолжало изыскивать дополнительные финансовые ресурсы для реализации этой идеи.

Ректорат и в дальнейшем направлял значительные суммы на закупку оборудования, необходимого для научных исследований и модернизации учебного процесса. Однако «спасти» некоторые лаборатории и научные школы в 90-е годы все же не удалось.

В очень непростом положении в условиях радикальных социально-экономических реформ, оказался институт аспирантуры ЧГТУ. На 1 января 1992 г. в аспирантуре ЧГТУ по очной форме проходили обучение 86 аспирантов, по заочной форме 46, то есть в общей сложности 132 человека. В вузе насчитывалось всего три докторанта. Очень немногие аспиранты начала 90-х годов имели возможность сосредоточить все свои силы именно на научной работе. Минимальные стипендии, тяжелые социально-бытовые условия, заметно ускорившаяся «смена поколений» в среде научных руководителей заставляли значительную часть аспирантов искать дополнительные заработки за пределами научного сообщества, за пределами вузов, а иногда и страны.

Руководство университета сделало ставку на тех ученых, которые завершали подготовку докторских диссертаций и могли стать научными руководителями для молодых исследователей, пришедших в науку именно в 90-е гг.

Предполагалось, что молодые доктора и кандидаты наук сумеют быстро определить научные направления, наиболее востребованные формирующимся отечественным рынком, и смогут сыграть важную роль в гуманитаризации всей системы высшего образования страны. При этом ставилась задача сохранить те научные школы, что существовали в университете уже много лет, были признаны научным сообществом в России и за рубежом, оставались во многом системообразующими для подготовки научно-педагогических кадров высокой квалификации на Южном Урале.

Показательно, что в решении всех этих проблем, заметную роль сыграл сам ректор ЧГТУ Г.П. Вяткин. В 1992–1995 гг. успешно защитили докторские диссертации его ученики и соискатели Ю.Г. Измайлов, А.М. Березин, Л.И. Воронова, Т.П. Привалова и др. Если в 1992 г. докторские диссертации защитили 10 преподавателей и сотрудников ЧГТУ, то в 1993 г. – 7. В 1997 г. докторские диссертации защитили всего 5 преподавателей вуза. 4 из них были защищены по техническим дисциплинам. С 1998 г. возобновился рост защит докторских диссертаций среди преподавателей и сотрудников университета. Показательно, что во многом он был, достигнут благодаря защитами диссертаций в гуманитарных дисциплинах. Так, в 1998 г. преподаватели ЮУрГУ защитили 10 докторских диссертаций, из которых 6 были защищены по техническим дисциплинам, 3 по гуманитарным, 1 на соискание степени доктора физико-математических наук.

В 1992 г. преподаватели, сотрудники, соискатели и аспиранты ЧГТУ защитили 25 кандидатских диссертаций. Важно подчеркнуть, что 22 из них были защищены в диссертационных советах самого ЧГТУ и лишь трое в «других» диссертационных советах. Руководство университета прилагало очень большие усилия для того, чтобы не просто сохранить имевшиеся в вузе советы, но и открыть новые. В 1998 г. в университете был открыт диссертационный совет по специальности «Политическая экономия», что существенно ускорило процесс защиты кандидатских диссертаций аспирантами и соискателями ЮУрГУ, работавшими в рамках экономических специальностей.

Важным шагом в плане модернизации системы подготовки научно-педагогических кадров в университете стало открытие в 1994 г. аспирантуры при кафедре экономики, управления и инвестиций. Первыми аспирантами д-ра экон. наук, профессора И.Г. Шепелева были В.М. Аксенов, А.В. Беспалов, Е.В. Гусев, Т.К. Пустовалова. И.Г. Шепелев являлся научным консультантом нескольких докторских работ. В сфере научных интересов И.Г. Шепелева и его учеников оказались проблемы оценки инновационных и инвестиционных рисков, логистики в строительстве и т.д.

Для стимулирования работы научных руководителей ректорат в это время стал активнее использовать механизм денежных надбавок. В 1993–1999 гг. они составляли от 11 % до 55 % должностного оклада научных руководителей.

В начале 90-х гг. университет попытался наладить взаимовыгодное научное сотрудничество с зарубежными вузами, иногда в самых неожиданных областях. В 1994 г. университет заключил контракты с Сандинскими национальными лабораториями США. В 1995 г. д-р ист. наук, профессор М.Н. Евланова была консультантом американского аспиранта К. Ходжсона из университета Балтимор, работавшего по истории Урала в годы Великой Отечественной войны. В том же году было подписано соглашение о сотрудничестве между ЧГТУ и Стамбульским университетом. Активное сотрудничество с зарубежными партнерами шло по линии кафедры обработки металлов давлением, где проходили обучение 4 аспиранта из КНР.

Как вспоминал позже, руководитель отдела аспирантуры ЧГТУ С.Н. Бедов: «В 90-е годы мы хватались за все, что угодно, лишь бы сохранить аспирантуру и вуз в целом. Нам говорили: «Берите всех, кто может оплатить свою учебу в аспирантуре». И мы принимали таких людей, которых близко нельзя подпускать к науке. Как ни странно, но особенно много таких людей было именно у гуманитариев. У «технарей» и сам процесс подготовки диссертации был более сложным, и престиж тех специальностей тогда пошел на убыль...» [4, с. 124–126]. Примечательно, что в конце 90-х гг. в университете не только открывались аспирантуры на «новых» для вуза кафедрах, но и восстанавливались «старые». Так, в 1997 г. при кафедре радиотехнические системы возобновила свою работу аспирантура теперь уже под руководством д.т.н., профессора В.Ф. Тележкина. На 1 января 1997 г. в аспирантуре ЧГТУ по очной форме обучения учебу проходили 152 аспиранта, по заочной форме обучения 18. Выпуск должен был составить 34 человека (27 аспирантов очной формы обучения и 7 заочной). В докторантуре учились 4 человека.

Очень непросто шел процесс «адаптации» к новым социально-экономическим условиям не только среди аспирантов и молодых ученых. С серьезными проблемами в организации научной работы столкнулись и опытные исследователи. Так, с 1992 по 1994 года Ю.Т. Карманов, как и многие его коллеги, активно пытался найти применение своих знаний в новых для себя сферах. Он вспоминал: «Это было очень сложное время, необходимо было как-то зарабатывать. Инженеры брались за любую работу, в том числе и за разработку медицинской аппаратуры. Когда я и мои коллеги пришли в эту сферу, мы практически ничего не знали, хотели совершить техническую революцию, но нет – таких чудес не бывает. Изучая медико-технические проблемы в течение десяти лет, мы пришли к выводу, что нужно заниматься тем, что мы умеем делать, – радиоэлектроникой» [5]. Об аналогичной стратегии «выживания» рассказывал и С.Д. Ваулин:

«В 1990–1991 гг. в Челябинске был создан технопарк и мы создали малое предприятие, которое назвали ни больше, ни меньше, как «Джоуль». Рассчитывали на то, что мы начнем зарабатывать деньги на интеллектуальном труде, ... и в начале получалось. Но потом произошел обвал. Предприятия в своем большинстве легли на бок. И народ стал массами уходить из лабораторий. По сути, почти все ушли. Но я как-то удержался» [4, с. 290].

Пытаясь помочь преподавателям вуза в коммерческой реализации собственных научных проектов, руководители ЧГТУ пошли на создание самых разных структур, объединивших в своих рядах не только талантливых ученых, но менеджеров. Согласно Уставу ЧГТУ (1994 г.) научной деятельностью могли заниматься и занимались несколько структур, зарегистрированных при университете с правами юридических лиц. Наиболее успешными в 90-е годы оказались следующие проекты: научно-исследовательский институт цифровых систем, межвузовский центр обслуживания научных исследований, Челябинский региональный центр высшей школы. Однако даже они в условиях социально-экономического кризиса попали в очень тяжелое положение и некоторые из них в середине 90-х годов прекратили свое существование.

18 ноября 1997 г. приказом Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации Челябинский государственный технический университет был переименован в Южно-Уральский государственный университет (далее ЮУрГУ – прим. И.С.). Изменение названия вуза было символом масштабных перемен, которые произошли в этом высшем учебном заведении в условиях радикальных реформ. Стало совершенно очевидно, что важнейшим направлением работы вуза должно быть гуманитарное направление. Потребность общества и государства в специалистах именно гуманитарного профиля заставляла руководство университета перераспределять финансовые, материальные, кадровые ресурсы. Скорость и точность такого «перераспределения» во многом определили возможность «выживания» вуза в условиях реформ. С другой стороны, ректор университета Г.П. Вяткин был категорическим противником немедленного закрытия тех «технических» школ и направлений, которые на какое-то время потеряли популярность у абитуриентов и были «забыты» государством. Более того, он настаивал на необходимости развития классических естественнонаучных направлений, видя в них еще один очень перспективный вектор для дальнейшего роста вуза.

Решение об изменении названия университета вызвало неоднозначную и болезненную реакцию, как внутри самого вуза, так и за его пределами. 1998 год стал во многом переломным для высшего образования России и для страны в целом. Дефолт, объявленный в августе 1998 г. ознаменовал собой провал и завершение политики радикальных реформ. Страна вступила в качественно новый этап своего развития, что вызвало очередные серьезные перемены в системе отечественного высшего образования.

Библиографический список

1. История ЮУрГУ в документах и материалах / сост., автор предисл., введ., заключения И.В. Сибиряков. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010.
2. Архив НОЦ «Устная история» ЮУрГУ.
3. Недоспасов, В.О. Становление психологии на Южном Урале / В.О. Недоспасов // Вестник ЮУрГУ. – 2008. – № 31.
4. Сибиряков, И.В. Аспирантура ЮУрГУ: страницы истории / И.В. Сибиряков. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011.
5. И пусть под знаменем науки союз наш крепнет и растет / под ред. Е.Н. Песковой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013.

[К содержанию](#)

УДК 94(470+571)
ББК ТЗ(2)4 + С522

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ

Н.К. Форсова

Статья раскрывает специфику формирования гражданского общества в России, предопределенную ее историческими традициями. Делается вывод о том, что сегодня для России, как страны «догоняющей модернизации», предпочтительной является консервативно-либеральная модель развития гражданского общества, характеризующаяся синтезом экономического либерализма с духовно-культурным консерватизмом.

Ключевые слова: гражданское общество, традиция, менталитет, правовой нигилизм, права человека, массовое сознание, либерализм, консерватизм, автократизм, модернизация.

В последнее время много сказано и написано о необходимости и желательности для России гражданского общества. С его формированием связаны надежды на возрождение страны. Интенсивная работа, которая проводится сегодня учеными и политиками в области конструирования теоретических моделей российского гражданского общества, нередко копирует западные образцы, перенося их на нашу российскую почву без учета национальных особенностей и традиций, что заканчивается неудачей и дискредитирует саму идею. Формируя национальную модель гражданского общества нужно учитывать ряд принципиальных особенностей нашего исторического развития.

Концепция гражданского общества является порождением европейской политической мысли. Канадский исследователь Чарльз Тейлор указал на две основные традиции гражданского общества, выработанные европейскими мыслителями, которые он обозначил как «L» и «M» – традиции. В российский литературный обзор эти названия были введены О. Хархординим.

Англо-американская теория гражданского общества (L-традиция) утверждает, что государство и общество появились одновременно в результате общественного договора. Целью создания гражданского общества выступает общее благо, счастье, которое невозможно достичь в природном состоянии, так как в нем невозможно удовлетворить в полной мере все свои потребности. Гражданин – это полноправный член общества, деятельность которого направлена на достижение общего блага. В англо-американской традиции впервые была заявлена идея неотчуждаемых прав человека, нашедшем свое воплощение в дальнейшем развитии концепции гражданского общества. У истоков разработки этой концепции стояли Дж. Локк, А. Смит, А. Фергюсон, Т. Пейн.

«M» традиция рассматривала его структуру как совокупность независимых ассоциаций граждан, вступающих во взаимоотношения с государством по поводу достижения всеобщего блага. В рамках данной концепции такое становится возможным благодаря тому, что гражданское общество в результате заключения общественного договора появляется раньше чем государство. Эта концепция была заложена в трудах Ш.Л. Монтескье, К. де Р. Бенжамена Анри, А. де Токвиля.

Отечественная теория гражданского общества складывалась как в русле англо-американской так и европейско-континентальной традиций путем заимствования основных идейных положений и попыткам их адаптировать к российской действительности. Это стало причиной проблем, с которыми связан процесс становления гражданского общества в России. Идеи классического западного либерализма внедрялись в массовое сознание, но еще А.И. Герцен назвал такой либерализм «экзотическим цветком», который не мог укорениться на русской почве [1].

Плеяда блестящих российских мыслителей Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, С.Н. Булгаков, К.Д. Кавелин, П.Н. Милюков, Б.А. Кистяковский отмечали, что Россия особая цивилизация. Основанием ее является нормативная этика, выраженная в коллективистской форме с опорой на религиозно-культурные особенности национального сознания. Гражданская идея проявляла себя в России в солидарности, взаимопомощи. Отсюда превосходство духовного фактора над материальным в определении целей и интересов личности. Духовный реформизм сочетался с убеждением в приоритете духовных ценностей над политическими. Политическим, институциональным преобразованиям должны

предшествовать преобразования в массовом общественном сознании. Прежние политические российские институты, имеющие вековые традиции, должны быть сохранены, пока общество в целом не созрело до уровня гражданского правосознания. Возможность правового государства мыслилась в контексте духовного возрождения России.

Коллективистская модель гражданского общества, которая развивалась в России под влиянием православия, является более гуманной. Если экономикоцентристское гражданское общество рождает массового потребителя и примитивную массовую культуру, то этикоцентристская модель способствует совершенствованию человеческих отношений, развивая культурную традицию, апеллируя к ценностным идеалам. Это вытекает из разницы духовных установок, воспитанных православием в России и католичеством и протестантизмом на Западе. Эту важную особенность нашего исторического и духовного развития нередко сегодня игнорируется при формировании гражданского общества, которому механически навязываются образцы политической культуры передовых обществ.

Важной исторической традицией формирования гражданского общества в России являлось то, что идеи гражданского общества внедрялись в массовое сознание русского народа не «снизу», как это происходило по большей части на Западе, «сверху», государством через политику правящих кругов. О том, что власть существенно влияла на поведение индивидов, отмечали многие. «Все московиты или русские довольствуются более состоянием рабским чем свободным, выдающимся блюстителем которого они считают собственного государя, – писал еще в XVI веке в своем «Описании Московии» итальянский историограф А. Гваньяни. – Ведь все они без различия, к какому сословию не принадлежали, находятся в тяжелейшей зависимости» [2]. Многовековое давление на человека «сверху» вело к подавлению индивидуального сознания и мироощущения. В итоге у нас не государство закономерно и естественным образом выросло из гражданского общества, а общество делало слабые попытки утвердиться. Ведущая роль государства при минимальной инициативности народных масс и наличия сильного консервативного элемента всегда характерна для России.

Если на Западе еще в эпоху Средневековья сложились социальные институты и корпоративные объединения различных типов – от религиозных общин, цехов, городских коммун до научно-экономических сообществ, политических партий, профсоюзов, то в дореволюционной России не было традиций организации союзов, корпораций вне системы государственной власти, на которых можно было построить здание гражданского общества.

Гражданское общество в Европе возникло естественно. Оно явилось осознанной, желаемой целью для большинства граждан европейских государств. Для России гражданское общество это импортный продукт. В итоге в нашей стране проявила себя такая историческая особенность социального развития, при которой личность не воспринималась как нечто ценное

и значимое для формирования духа нации. В соответствии с этим строилось поведение самого индивида, с оглядкой на окружающих людей, соизмеряя с ними свои мысли и поступки. После 1917 года новая власть органично вмонтировала привычные ценности автократизма и коллегиальности в новые политические условия, что позволило ей удержаться всерьез и надолго. В 90-е годы государство отказалось от приоритета социального равенства, утверждая у граждан принципиально иное восприятие окружающей жизни, основанное на принципе личного обогащения и процветания и они с самого начала вступили в противоречие с теми духовными ценностями, которые на протяжении длительного времени были присущи отечественному менталитету. Преобладание подданнического типа политической культуры не позволяет сформировать личность как активного субъекта гражданского общества. Процессы перестройки сознания, ценностных ориентаций, стандартов политического поведения отличаются большой степенью инертности и консерватизма и развиваются через механизм смены поколений. Центральной проблемой является вызревание социальных групп, способных обеспечить формирование гражданского общества в России как естественный процесс, а именно – новая политическая элита и средние слои общества, которые только формируются.

Важной чертой российского менталитета является правовой нигилизм. На протяжении всего исторического развития в нашей стране было распространено пренебрежение к праву, которое в современных условиях усугубляется целым рядом негативных факторов таких как: несоблюдение конституционных прав и свобод граждан, принятие законов, не соответствующих Конституции Российской Федерации, несоблюдение государственными органами, ведомственными и должностными лицами установленных государством предписаний, несовершенство законодательства, деформация правосознания, выражающаяся в криминализации общественных отношений, коррупции. Это порождает социокультурный раскол, вызванный ускорением в национальном правовом менталитете противодействием внедрению правовой культуры демократического общества, основанного на таких ценностях как личность (индивидуальность), собственность (материальное благополучие), законность (строгая правовая регламентация и ответственность в поведении и взаимодействии социальных субъектов), что приведет к утверждению правокультурных стандартов гражданского общества.

Для преодоления правового нигилизма как основного элемента политической и правовой культуры российских граждан необходим целый комплекс правовых средств, государственных мер, общественных усилий, без которых формирование гражданского общества невозможно. Это прежде всего: повышение авторитета закона, который должен действовать стабильно, создание высококачественной системы правового обслуживания, последовательная юридическая политика государства, необходимая для воспитания у граждан и

должностных лиц уважения к праву, формирование стабильной и непрерывной системы правового образования и просвещения в области прав человека.

В социально-психологическом отношении российское общество пока не способно служить фундаментом преобразований. Инициатива необходимая для углубления и закрепления реформ не может исходить «снизу», со стороны масс и институтов гражданского общества. И в связи с этим сохраняется и усиливается верхушечный характер выработки курса политическими силами, пребывающими у власти, возрастает роль отдельной личности. Модернизация и демократизация обретают черты авторитаризма.

Воспитание в условиях жестко заданной идеологии сформировала у людей однотипное поведение. Многие и сегодня являются приверженцами авторитарного стиля управления, который не предусматривал дискусионности при обсуждении любых вопросов. В условиях недостатка политического плюрализма, элитарного корпоративизма само общество не могло выработать культуры диалога, уважительного отношения друг к другу. Очевидна невозможность быстрого формирования этих социокультурных параметров и в условиях современной российской действительности, что приводит к замедленному формированию гражданского общества.

Гражданское общество необходимо России, чтобы считаться цивилизованной страной, вступать в равные партнерские отношения с другими странами, быть конкурентно способной на международной арене. На современном этапе развития невозможно игнорировать достижения мировой общественности и жить в вакууме. Гражданское общество – это естественная необходимость современной цивилизации, но, формируя его, нужно учитывать исторические традиции государства и помнить, что «российская демократия не будет механически копировать зарубежные образцы... политическую культуру не переделать простым подражанием политическим обычаям передовых обществ» [3].

Сегодня для России, как страны «догоняющей модернизации», предпочтительной является консервативно-либеральная модель развития гражданского общества, характеризующаяся:

- синтезом экономического либерализма с духовно-культурным консерватизмом;
- бесперспективностью становления гражданского общества без сильного государства как гаранта единства общества;
- типом демократии с элементами авторитаризма;
- наличием умеренно-либерального правительства, проводящего конституционные реформы в соответствии с идеалами правового порядка и правового государства;
- расширением возможности политического участия граждан при сохранении политической стабильности.

Библиографический список

1. Герцен, А.И. Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле (1851) / А.И. Герцен // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М., 1997. – Т. 3. – С. 772.
2. Кантор, В.К. Личность и власть в России: сотворение катастрофы / В.К. Кантор // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 15.
3. Медведев, Д.А. Россия вперед / Д.А. Медведев. – URL: <http://www.kremlin.ru/>.

[К содержанию](#)

ББК ТЗ(2)64

УДК 94(470)''1960/1980''

ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК В.Н. АНТОНОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТЕЛЛИГЕНТСКИХ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Р.С. Черепанова

Статья затрагивает проблемы качественных особенностей автобиографических текстов, рожденных в кругу интеллигенции. Материалом для размышлений служит хранящийся в архиве Института Исследований Восточной Европы при Университете Бремена дневник и художественные сочинения В.Н. Антонова, непризнанного поэта, относящиеся к 1960 – началу 1980-х гг.

Ключевые слова: биография, аутофикшн, интеллигенция, дикурс.

Каждый раз, когда я как историк открываю в архиве чей-то личный дневник, мне приходится гнать от себя нравственные сомнения на предмет того, имею ли я право погружаться в такие сокровенные глубины чужой личности. Я напоминаю себе, что чаще всего человек, чей дневник я держу в руках, уже умер, и значит, не понесет от моего проникновения в его мир никаких моральных потерь; я убеждаю себя, что если бы автор сам не хотел прочтения потомками своих записок, он бы уничтожил их или оставил подобное распоряжение своим наследникам; наконец, я напоминаю себе о массе примеров того, как люди известные и неизвестные сами издают свои дневники для публичного прочтения или завещают издать их после своей смерти, потому что хотят быть услышанными во всей своей индивидуальности и субъективности, остаться в режиме хотя бы виртуального бессмертия, дабы вечно пребывать в пространстве интертекстуальности, где ничто никогда не исчезает насовсем и только время от времени востре-

буется и актуализируется. Иначе говоря, человек, оставляя потомкам дневник, приобретает жизнь вечную в качестве текста, и здесь уже нет места обывательскому смущению от публичного самообнажения. Поэтому читать личные дневники следует без всякого чувства неловкости и исходя из того, что важна в них не столько фактическая сторона (и уж тем более не достоверность описываемых событий), а запечатленный образ автора, его саморепрезентация, которую вполне можно обсуждать и анализировать. Итак: если к автору-как-человеку нужно сохранять дистанцию простого человеческого уважения, то к автору-как-репрезентации можно и нужно относиться критически, как к любому «вымышленному», сконструированному, «литературному», персонажу.

В данной статье речь пойдет о документе из архива Института Исследований Восточной Европы при Университете Бремена (Германия). Бережно собираемый усилиями многих сотрудников, в особенности стараниями и связями Габриэля Суперфина, которому я чрезвычайно признательна за помощь и поддержку, бременский архив содержит замечательную коллекцию материалов по истории советского общества, от самиздатовских журналов до дневников и писем, от самых известных имен до самых простых. К сожалению, в тот момент, когда мне довелось работать в этом архиве, некоторые фонды не были полностью описаны (отсутствовала, например, разбивка на дела и нумерация листов). Это относилось и к фонду 164/1 (коробка 1), в котором находится личный Дневник Вадима Николаевича Антонова (1942–1995). Поэтому мне придется при цитировании этого текста давать ссылки на дату, под которой сделана та или иная запись, и на внешнее описание тетради.

Мне не удалось найти информацию о том, как, когда и через кого дневники, фотографии, письма и отдельные сочинения Вадима Антонова попали в Бремен. Из скурых данных описи и из самого текста дневника можно понять, что наш автор принадлежал к массовому слою московской интеллигенции: его мать получила высшее образование, отец – незаконченное среднее, семейное окружение составляли такие же «среднестатистические» московские интеллигенты, врачи, педагоги, художники. Сам Вадим Антонов какое-то время учился в Литературном институте, и тогда же, в молодости, начал вести дневник. Первая дошедшая до нас дневниковая запись датирована 26 (7) ноября 1966 года и описывает визит двадцатипятилетнего автора вместе с другим молодым поэтом, неким Алешей, к Владимиру Иосифовичу Глоцеру. Известный литературовед, работавший в свое время секретарем у Корнея Чуковского и Самуила Маршака, всегда активно опекавший молодые таланты, вызывает у Вадима и Алексея восторженный экстаз. Перечисляя темы, на которые Глоцер разговаривал с ними, Антонов упивается престижностью и высокой интеллигентской статусностью этих тем: Солженицын, «проститутка Курина», «лагеря, стукачи, Белочка

Ахмадуллина». Характерно, что Ахмадулину Антонов, не будучи с ней лично знаком, называет интимно «Белочкой» – это тоже типичный интеллигентский «код» распознавания «своих» от «чужих». Вдохновленные беседой с Глоцером, молодые поэты отправляются до рассвета гулять по Москве и беседовать о поэзии. Алеша с пятнадцати лет считает себя гением, с легкой ноткой критичности отмечает Антонов. О собственных амбициях он предпочитает умолчать, упоминая лишь о том, что пишет дневники для того, чтобы потом по ним написать мемуары: «Так что по возможности <надо> записывать все».

Эту наивно-восторженную дневниковую запись отделяет от следующей целых семнадцать лет. За эти годы многое произошло с нашим героем. Он успел побывать в тюрьме, принял нелегкое решение перестать пить, побывал в психиатрической больнице, получил там крайне серьезный диагноз, соответственно, и инвалидность, и пенсию. Все эти перемены он совсем не спешит связно изложить на бумаге. Скупое, частично и явно не вполне откровенно он будет проговариваться об этих обстоятельствах своей жизни в последующих тетрадах и записных книжках.

Итак, следующая по хронологии тетрадь представляет собой сложенные пополам и сшитые посередине машинописные листы формата А4. Впоследствии автор станет вести записи в карманных блокнотах, записывая подчас в электричке, на коленях, впопыхах, и его и без того неидеальный почерк станет совсем трудноразбираемым. Кроме того, безусловно положительный эффект от лечения по прошествии времени неизбежно будет снижаться, и записи Антонова станут значительно более многословными и менее связными. Он начнет повторяться, бесконечно растягивать детали и практически одновременно и параллельно жить и описывать переживаемое. Но машинописная тетрадь и первые несколько записных книжек выглядят вполне пригодными для анализа и даже вполне типическими для разговора о советской интеллигенции – несмотря на психиатрический диагноз автора, а может быть, даже и благодаря ему. Здесь уместно вспомнить, что как реальное «безумие», так и игра в него относятся к самым распространенным метафорам в дискурсе русской интеллигенции, восходя еще к А. Радищеву и П. Чаадаеву [1].

Антонов начинает свой дневник 1983 года подчеркнуто бытовыми деталями: описанием своих прогулок (надо следить за здоровьем и гулять каждый день), с ремонта, который он затеял в своей небольшой квартирке, с подробностями переговоров с нетрезвыми «работягами», с рутинными походами в поликлинику и долгими очередями на ВТЭК. Автор описывает эти моменты с наслаждением человека, отрезвляющегося после тяжелого похмелья и выстрадавшего возвращающегося к нормальной жизни. Его комментарии в отношении телевизионных программ и художественных фильмов оригинальны и не лишены пронизательности. Он чистоплотен и «ру-

каст». Его тревожит здоровье отца. Поселившийся в Электростали, он постоянно ездит на электричке к родителям в Москву. Он гордится отменным эстетическим вкусом своей матери, к которой вообще особенно привязан. По распространенной интеллигентской практике, мать, в частности, попросила его встретить и «поводить» по Москве дочь своей кишиневской подруги. Антонов описывает несколько любопытных для историка повседневности моментов из этих совместных поездок с молодой женщиной Светой по Москве. Они вместе обедают в ресторанах, стоят в очередях, совершенно без стеснения приобретая Свете кофточку, «бежевый бюстгальтер» и серьги, на вкус автора, «совершенно колхозные» – этакая легкая дань столичному снобизму. Антонов не преминул также подчеркнуть провинциализм и мещанство Светы, которая испугалась его привычки всюду ездить на такси. Зато Антонов в этой приверженности к поездкам на такси демонстрирует характерное интеллигентское «бессеребренничество». Зарплата юриста Светы, думается, более соответствовала роскошному образу жизни, чем пенсия по инвалидности, на которую существовал Антонов. Но именно поэтому Света ведет себя как провинциалка и мещанка, а Антонов – как безупречный интеллигент. Антонов фиксирует, насколько старательно Света старается держаться «своей» в кругу столичной интеллигенции: «Света приятная, воспитанная девочка. Держится просто, за столом внимательна, – несколько раз подавала мне тарелку с хлебом, так что пришлось все есть с хлебом. Сразу после обеда взялась сама мыть посуду». Но именно эта старательность и скучный прагматизм выдают в ней мещанку: «Вчера, всякий раз когда я останавливал машину, она старалась утащить меня на автобус или метро. Вчера я принимал это просто за стеснительность, а сегодня после такой закатанной сцены, это можно было уже понимать, как то, что Света не хочет слишком задалживаться <...> ее провинциальная расчетливость просто от другого жизненного уклада <...> Как только я сказал ей, что не люблю, когда со мной так разговаривают, она поняла, что дала маху. Весь остальной день была ласковой и предупредительной. В метро еще раз попросила прощения, назвала себя деревенней...». И наконец: «Дал почитать маме место из дневника, где я писал о Свете. Мама сказала, что я себя вел правильно» (Машинописная тетрадь, записи от 17 и 20 марта 1983 г., здесь и далее сохранены авторская орфография и пунктуация).

Эта «правильная», неспешная жизнь в маленьком городе, вблизи лесов и полей, где можно подолгу гулять, жизнь с внутренним самоощущением Пушкина («Безумных лет угасшее веселье...») или Ахматовой («Я научилась просто, мудро жить...»), осуществившаяся в немалой степени благодаря приобретенному статусу инвалида (с возможностью официально не работать, получая от государства материальное обеспечение) приближает Вадима Антонова к благородной дворянской праздности и приносит ему

настоящее интеллигентское счастье: возможность сосредоточиться на творчестве, уйти от настоящих страстей к вымышленным. Настоящие страсти, как мы помним, довели нашего героя до тюрьмы и «психушки». Теперь он понимает, что, чтобы чувствовать себя не одиноким, вполне достаточно одного близкого, понимающего человека – матери, с которой можно говорить обо всем: «Посудачили о моих бабах. Очень ей хочется чтобы у меня была женщина и которая бы мне нравилась, и которая бы меня понимала. Бедненькая моя, любимая моя мамочка! Я только сейчас-то и вздохнул полной грудью. Из сорока лет жизни эти три месяца только и есть для меня по-настоящему счастливы, потому что освободинлся я наконец от всех любовей». Счастье как освобождение от семьи и необходимости работать ради куска хлеба – формула, очень знакомая в истории русской интеллигенции. «Наконец-то я по-настоящему свободен, – констатирует Антонов. – Один! У меня есть свой дом, у меня есть любимая работа, в которой я тоже беспредельно свободен»; «У меня есть любимые родители, а значит и столь необходимые каждому человеку, приносящие так много радости, обязанности. У меня есть сознание того, что где-то там живет мой взрослый сын, независимый от моих родительских претензий и обременяющей признательности – у меня есть все» (запись от 19 апреля 1983 г.). Ради этого бесценного состояния стоило претерпеть и тюрьму, и «психушку»: «Все справедливо. И то, что я два раза был в лагере, и один раз на принудке просто, и один раз на «спецу» – все справедливо. Я лез туда, куда нельзя, брал то, что не заработал – (ни в чем не раскаиваюсь, потому что жил так, как хотел, и за все расплатился полностью) – но я всегда знал, что доведись мне за это платить, это будет справедливо».

Тем не менее, в дневниках признавая справедливость своих тюремных «ходок», в своих художественных произведениях автор следует классическому интеллигентскому (или «блатному»? в советское время эти субкультуры стремительно сближались) шаблону «невинного претерпевания» честного, бесхитростного человека (архетип «Христа») по вине государственных «сатрапов», неверных женщин и друзей-предателей.

«В том году не по своей вине

Я смотрел на край пустого неба

Сквозь стальные прутья на окне...» (рассказ «Экспертиза»).

Эта параллель с Христом встречается у Антонова неоднократно:

«Крестил меня тюремный командир

Тяжелую резиновой дубинкою» (стихотворение «Креститель»).

Поводом к одной «отсидке» стала, очевидно, бытовая пьяная драка, к другим – хулиганство, а возможно, и мелкое мошенничество. Но сравним два разных описания одного и того же тюремно-больничного опыта:

«Сегодня у меня еще один юбилей – ровно три года, как я принял последний стакан водки. После того, как меня привезли в милицию и поса-

дили в КПЗ, снова начались похмельные страдания. С собой у меня было 25 руб. денег, которые я пронес в носке. В камере, кроме меня, было еще трое. Молодой бычок допризывного возраста, Толя – деревенский парень, весь в наколках, изображающий из себя вора, и приבלатненный тихий старикашка. Когда я сказал, что у меня есть деньги, этот мужикашечка постучал в кормушку и стал о чем-то шептаться с дежурным старшиной. Оказывается, он договорился с ним насчет водки – старшина менялся, и обещал в следующее дежурство, т.е. 6-го числа, принести бутылку водки за 20 руб. Два дня, 4-го и 5-го, я ни на минуту не присел на нары. Задыхаясь, ходил из угла в угол и, как ни пытался сдерживаться, время от времени постанывал. Сердце останавливалось, все тело покрылось липким молозивом, омертвевшие волосы превратились в склеившиеся сосульки. Сокамерники сочувственно прятали глаза. Вот тогда-то я и дал себе слово, что стакан, который я выпью, будет последним. 6-го апреля 1980 года, ночью, старшина принес бутылку водки и 5 руб. сдачи. Из этой бутылки ему налили больше половины стакана, а остальное мы выпили на троих. Для того, чтобы поправиться доза была маленькой, но ее хватило, чтобы я на время забылся. А утром меня повезли в ногинскую тюрьму. Там меня почему-то не приняли и направили в Бутырку. Вместе со мной ехал молодой убийца, которого должны были завести в криминалистическую лабораторию... Лаборатория находилась возле НИИ МОНИКИ, а где эти МОНИКИ наша провинциальная милиция не знала. Пришлось показывать ей дорогу. За эту услугу мне разрешили позвонить домой моим родителям <...> с этого дня началось восстановление моих отношений с родителями» (Дневник, запись от 6 апреля 1983 г.).

Но вот как этот же опыт отливается в идею предзаданного страдания Творца / Художника / Интеллекта в «тоталитарном социуме» (диалог между героем и врачом, рассказ в стихах «Экспертиза»):

- Стало быть, вы пишете стихи?
- Да, отмечен божию печатью – Те, кто ею тронуты, все тут.
- Ну, не все... Вы что-нибудь кончали?
- Да, Литературный институт.
- Издаетесь?
- Не было печали!
- Почему?
- Поэзия – судьба. А уменье свататься – наука. <...>
- Если вы поэт, то у вас обязан быть читатель. Вы ж пророк, несущий людям свет! <...>
- Если я угоден небесам, им видней, когда включить мой гений.

Итак, признание состоялось: все-таки – гений. Побитый же из ревности соперник представлен классическим интеллигентским Иудой – карьеристом, «удачником», в общем, тем, кто «продается» и «издается». Сама

больница, в которой оказался лирический герой, предстает близкой интеллигентскому сердцу метафорой холодной тоталитарной машины. Здесь Антонов рисует поистине фантазмагорическую картинку в стиле «Полета над гнездом кукушки». Соседи автора по палате открывают ему, идеалисту, глаза на жуткий советский строй, где все воруют, берут взятки, лгут и подхалимствуют, так что вор-рецидивист и людоед-маньяк кажутся на этом фоне такими неспорченными явлениями природы (Антонов воспроизводит здесь старый просветительский архетип «непросвещенного человека», «дикаря», свирепого и невинно-чистого, как дикое животное). Людоед так вообще оказывается старым фронтовиком, повествующим о невозможных в приглаженной официальной литературе ужасах войны (еще один устойчивый троп интеллигентских текстов: народ как носитель страдания и высшей правды).

Мы видим в текстах Антонова, таким образом, все классические интеллигентские идеологемы: самоидентификация в качестве Пророка / Гения / Жертвенного Агнца / Безумца; оппозиционность как нормальная позиция интеллектуала в обществе; противопоставление дикаря и интеллектуала как частный случай противопоставления природы и культуры; бессеребренничество и непогруженность в быт как качества «настоящего интеллигента» и т.п. [2]. Данные клише образуют специфический язык и специфическую ментальность русской – и ее наследницы советской – интеллигенции. Роль дискурса как силы конструирующей русскую / советскую интеллигенцию настолько велика, что, следуя за идеями Макса Вебера, Элвина Голднера, Антонио Грамши, Александра Кустарёва и др., интеллигенцию вообще можно определить не только как социальное, но и как дискурсивное сообщество; как «людей книги» – группу, выстраиваемую вокруг определенного корпуса текстов [3]. Канонический набор текстов русской интеллигенции хорошо известен и описан. В него попадают и Руссо с его «Исповедью», и Радищев с его «Путешествием из Петербурга в Москву», и Пушкин как «певец вольности» и «друг декабристов», и Толстой с «Войной и миром», и Тургенев с его Базаровым, и Чернышевский с мечтами Веры Павловны, и Чехов с доктором Дымовым, умершим при спасении больного ребенка. Но особое место в этом наборе текстов занимает, безусловно, А.И. Герцен [4], с его «Былым и думами» – гениальным сочинением, опережающим на столетие изобретенный Сержем Дубровским жанр «автофикш» [5]. Автофикш – это не автобиография и не литература с ее лирическим героем; это именно самосочинение себя, воплощаемое в жизнь, реально проживаемое. Позиция автора в сочинении жанра автофикш отличается от позиции автора в дневнике или лирического героя в автобиографическом романе. В сочинении жанра автофикш автор занимает позицию одновременно и действующего, и исследователя, аналитика, не являясь в полной мере ни тем, ни другим. Важный момент заключается

в том, что автор переходит к жанру автофикшн, как правило, будучи не вполне удовлетворен своим творчеством как художника или аналитика (как А. Герцен или С. Дубровский). Поиск нового жанра отражает творческий / исследовательский кризис, переживаемый автором в привычном для него направлении деятельности.

Вадим Антонов оказался не слишком талантливый (или удачливый) поэтом. Его произведения так и не дошли до широкой аудитории. Ему было трудно писать, твердо придерживаясь сюжета и соблюдая иные важные для литературы моменты, по причине периодически одолевающей его болезни. Со временем он все меньше и меньше пишет «литературу», и все больше и больше, практически постоянно пишет «себя», переходя к тотальному и непрерывному ведению «дневников». Он практически начинает жить в дневниковом пространстве и в «дневниковом формате». Дальнейшие записи в его дневниках представляют собой большей частью то, что принято называть «записной книжкой писателя», а не личным дневником: это поиски рифм и сюжетов, наброски, зарисовки с натуры. Такое чувство, что реальная жизнь занимает его все меньше. Еще при жизни он сам существует уже в значительной степени как текст. Можно было бы сказать, что, учитывая диагноз Антонова, все, что он пишет, не следует принимать всерьез и делать из этого далеко идущие выводы. Но одно важное обстоятельство удерживает меня от этого категорического заключения: интеллигентское сообщество, интеллигентское окружение Антонова явно не видело в нем – просто «безумца» (как и интеллигентское сообщество XIX века не видело просто «безумца» в Чаадаеве), сочувствовало его биографии «сидельца», принимало в его судьбе живейшее участие, пытались через личные связи помочь ему издаваться, а в самом этом сообществе подобные Антонову «странные» люди совсем не были редкостью (см. об этом запись в его Дневнике от 23 июля 1983 г.). Для интеллигентных знакомых своей семьи Вадим Антонов был «страдальцем», а «страдальцы» всегда играли роль консолидаторов для рыхлого русско-советского интеллигентского сообщества. В конце концов, как-то же оказались его бумаги в архиве Бремена, наряду с бумагами Ольги Ивинской, Бориса Аксельрода, Людмилы Алексеевой, семьи Зорких. Чья-то заботливая рука посчитала их достойными представлять некий важный спектр отечественной интеллигенции, и я думаю, что это совершенно справедливо.

Библиографический список

1. Черепанова, Р.С. Безумец в маске мудреца, мудрец под маскою безумца. Случай Петра Чаадаева / Р.С. Черепанова // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 1 (63). – С. 74–88.
2. Черепанова, Р.С. Интеллигенция и «тайное знание» / Р.С. Черепанова // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 1 (69). – С. 222–236.

3. Кустарёв, А. Нервные люди: Очерки об интеллигенции / А. Кустарёв. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 374 с.

4. Paperno, Irina. Stories of the Soviet experience: memoirs, diaries, dreams / I. Paperno. – Ithaca, N.Y.; London: Cornell University Press, 2009. – 285 p.

5. Левина-Паркер, М. Введение в самосочинение: Autofiction / М. Левина-Паркер // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 103. – С. 12–40.

[К содержанию](#)

УДК 321.022

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Р.В. Андреева

Статья посвящена анализу неформальных политических институтов сравнительной политологией. При сравнительных исследованиях зачастую основное внимание уделяется формальным институтам, что объясняется не только важностью их анализа для понимания политической действительности, но и относительной легкостью их выявления и понимания правил существования. Неформальные же институты часто остаются без должного внимания, несмотря на то что, могут оказывать существенное влияние на политическую систему и функционирование формальных институтов. В статье рассматриваются типы неформальных институтов, а также способы и проблемы их анализа в сравнительной политологии.

Ключевые слова: политические институты, неформальные политические институты, сравнительная политология, клиентелизм, патронаж.

Зачастую в сравнительных исследованиях основное внимание уделяется различным формальным политическим институтам, таким как государство в целом, институт парламентаризма, институт главы государства, избирательная система и многие другие. Это объясняется различными причинами. Во-первых, очевидно, что, их изучение формирует наше представление о политической системе в целом и ее отдельных элементах. Также это объясняется тем, формальные институты документально зафиксированы, а информация о них имеет официальный характер, что существенно облегчает задачи исследователя по их выявлению, количественной оценке, а значит и дальнейшему сопоставлению.

Однако во многих случаях для понимания политической действительности государства и дальнейшего сравнения необходимо учитывать нали-

чие разнообразных неформальных институтов. Исследователи, не принимающие во внимание неформальные правила игры, как указывают Г. Хелмеке и С. Левитске «рискуют упустить многие важные побудительные мотивы и сдержки, определяющие политическое поведение» [1]. Так же важно изучать неформальные институты, так как их функционирование может оказывать воздействие на формальные институты. Например, могут увеличивать или уменьшать возможности президента в плане влияния на другие властные институты. В России, как отмечается многими исследователями, существуют такие неформальные институты как назначение преемника, патрон-клиентилистские сети, блат и так далее [2, 3].

Помимо сложности выявления неформальных институтов существуют сложности их определения. Например, В. Меркель и А. Круассан считают, что к неформальным политическим институтам относятся «традиции, обычаи, моральные ценности, религиозные убеждения, сети и другие нормы общения долгосрочного характера» [4]. Г. Хелмеке и С. Левитске определяют неформальные институты как «принятые в обществе, обычно неписанные правила, создающиеся, становящиеся известными и насаждающиеся вне официально санкционированных каналов» [1]. В данной статье мы будем опираться на последнее определение.

Характер оказываемого воздействия на политическую реальность неформальными институтами во многом определяет, насколько эффективны формальные институты в государстве, а также тем, насколько совпадают области действия формальных и неформальных институтов.

Данные институты чаще всего заполняют вакуум, образовавшийся вследствие слабости формальных институтов, их недостаточности, их неэффективности или просто из-за отсутствия у них должного авторитета. Как отмечают В. Меркель и А. Круассан неформальные институты в новых неконсолидированных демократиях возникают вследствие их закреплённости в политической культуре либо как результат рациональной стратегии политических акторов, и в целом являются фактором, способствующим деформации демократии, и подрывают функционирование формальных демократически легитимированных институтов [4].

Например, в сфере замещения должности президента России существует неформальный институт - «назначение» преемника. С одной стороны, существует формальная процедура выборов, однако очевидно, что реальный выбор кандидатуры нового президента осуществляется не на избирательных участках, а в элитных кругах. Выборы же призваны играть роль легитимации того кандидата, который был определен элитой заранее.

Имитация выборов для российских граждан представляется вполне эффективным средством реализации своих прав, в результате каждая из сторон получает свое: элита поддерживает преемственность и предотвращает существенные перегруппировки во властных структурах, а общество по принципу большинства одобряет кандидатуру нового президента. Данный

неформальный институт, по типологии предложенной Г. Хелмеке и С. Левитске, можно отнести к аккомодационным. Они существуют в ситуациях, когда есть эффективный формальный институт (выборы), но параллельно с ним есть и неформальный (назначение преемника), который существенно изменяет последствия соблюдения формальных правил. Они появляются, если политические акторы не полностью удовлетворены последствиями, наступающими вследствие функционирования формальных правил игры (возможность выигрыша нового кандидата с последующей перегруппировкой политической элиты), но не могут открыто изменить их.

Данные неформальные институты встречаются так же и во многих других государствах. Например, механизм распределения власти между законодательными и исполнительными органами власти в Чили. Лидеры Демократического соглашения для противодействия нормам Конституции 1980 года создавали неформальные механизмы межпартийных законодательно-исполнительных консультаций, призванных смягчить сильную президентскую власть и мажоритарную избирательную систему с целью поддержать широкую многопартийную коалицию.

Другим примером функционирования неформальных политических институтов в России является, как отмечает российский исследователь М.Н. Афанасьев, клиентелизм. Несмотря на наличие в современной России политических институтов, характерных для институциональной матрицы западных государств, таких как всенародно избираемый президент, двухпалатный парламент, конституционный суд, многопартийность и др., в российской политике наблюдается несоответствие реальному функционированию органов государственной власти официальным установлениям и функциям. Данное несоответствие связано с развитой системой клиентарно-патронажных связей. Клиентелистские сети, существуют главным образом для удержания власти и перераспределения ресурсов в пользу «своих» [2]. Главным условием успешной карьеры в политике и бизнесе, значительно более важным, чем профессиональные характеристики, являются отношения личной преданности и покровительства. Именно вертикаль власти, выстроенная на основе патрон-клиентелистских связей, выстроенная В.В. Путиным является базой стабильного функционирования гибридного политического режима [3], что еще раз указывает на необходимость изучения неформальных институтов.

Данный неформальный политический институт можно отнести к конкурентным. Они возникают вследствие неэффективности формальных правил, для них характерна ситуация в которой эти институты еще больше усугубляют ситуацию неэффективности формальных процедур. К ним помимо клиентелизма относят коррупцию и клановую политику.

Другим типом неформальных политических институтов является замещающий. Он появляется в ситуации, когда существующие формальные политические институты не эффективны и для выполнения их функций

появляются неформальные институты. Например, в Мексике избирательные суды, призванные решать споры, возникающие во время избирательного процесса, не имели необходимого для осуществления своих функций авторитета, их решения игнорировались и не выполнялись. Представители национального правительства и оппозиционная партия Национального действия решали возникающие конфликты путем двухсторонних неформальных соглашений.

И последним типом неформальных институтов по данной классификации является дополняющий. Они существуют наравне с эффективными формальными институтами, которые пользуются авторитетом, при этом данные неформальные институты имеют совпадающую сферу деятельности и ту же направленность, то есть последствия соблюдения формальных и неформальных правил совпадают. Они призваны «заполнять пробелы», и повышать, таким образом, эффективность формальных институтов, их легитимность [1]. Данный тип неформальных институтов, в отличие от предыдущих трех распространен не только в не устоявшихся, дефектных демократиях, но и в развитых, консолидированных демократиях. Как отмечают В. Меркель и А. Круассан «В либеральных конституционно-правовых демократиях обе формы институтов дополняют друг друга в том смысле, что формальные институты опираются на дополнительную поддержку институтов неформальных. Это придает формальным институтам демократии гибкость и эластичность, которые позволяют им приспособляться к требованиям общества и политического процесса» [4].

Все четыре типа неформальных политических институтов, в конечном счете, оказывают серьезное воздействие на политическую систему, сопоставимое с влиянием формальных институтов. Они могут вмешиваться, изменять характер действия и даже полностью подменять собой формальные институты, и тем важнее их изучение в отдельных случаях, а также сравнение практики их функционирования, последствий и изменений.

В первую очередь перед исследователем стоит задача выявить данные институты, что не всегда бывает легко, так как они не зафиксированы не в конституции и других нормативно-правовых актах. Одним из способов выявления является рассмотреть обстоятельства, при которых аналогичные формальные правила приводят к другим последствиям, а затем приписать иные результаты функционирования действию неформальных институтов. Второй способ – выявить стабильные образцы поведения, не связанные с формальными институтами, но при данном подходе к выявлению необходимо помнить об опасности принять за неформальный институт просто некоторые поведенческие закономерности. Для того чтобы разделить просто поведенческие закономерности и неформальные институты нужно изучить, если это возможно, совместные ожидания акторов, взаимное понимание правил. Так же при выявлении неформального института необходи-

мо выявить сферу его применения, группу людей на которую он распространяется, это может быть отдельный населенный пункт, этническая или религиозная группа, политическая организация или только политическая элита. И последнее на что необходимо обратить внимание, это механизм насаждения данного института. Если при изучении формальных институтов выявить данный механизм достаточно легко, санкции прописаны законодательно и являются официальными, то при изучении неформальных институтов это сделать сложнее. Санкции, накладываемые за несоблюдение правил могут быть не заметными или даже противозаконными. Это может быть от социального неодобрения во всех его проявлениях, невозможность достигнуть желаемых целей и вплоть до внесудебного насилия [1].

Как видно из вышенаписанного для изучения неформальных институтов, необходимо достаточно углубленное знакомство с исследуемым обществом и государством. Поэтому для анализа неформальных институтов в сравнительной политологии удобно использовать ситуационный метод, который обеспечит основу для будущих сопоставлений и формулирования общих теорий.

Так же для анализа неформальных институтов можно выбрать несколько примеров, возможно, несколько регионов государства, и сравнить в них определенные элементы политической системы, например, законодательный процесс или назначение на должности и сравнить его результаты, различие в которых во многом будет определяться, в том числе и неформальными институтами.

Неформальные политические институты являются важным элементом политической системы наряду с формальными институтами, они могут оказывать огромное влияние на ее функционирование. Поэтому их выявление и изучение являются необходимыми. Необходимо изучать и сравнивать не только их тип и характер, но и их последствия. Как они влияют на функционирование формальных институтов, иногда ослабляя их и искажая, а иногда, наоборот, повышая их эффективность. Так же необходимо изучать возникновение неформальных институтов, механизмы их распространения в группу и механизмы трансформации.

Библиографический список

1. Хелмеке, Г. Неформальные институты и сравнительная политика / Г. Хелмеке, С. Левитски // Прогнозис. – 2007. – № 2. – С. 188–211.
2. Афанасьев, М.Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форма российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России / М.Н. Афанасьев. – 2-е изд., доп. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 317 с.

3. Хейл, Г. Эволюция гибридного режима / Г. Хейл // Россия «двухтысячных»: стереоскопический взгляд: коллективная монография / под общ. ред. Г. Хейла, И. Куриллы. – М.: Планета, 2011. – 512 с.

4. Меркель, В. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях / В. Меркель, А. Круассан // Полис. – 2002 – № 2. – С. 20–30.

[К содержанию](#)

УДК 159.9.01

ЭНЕРГОЭВОЛЮЦИОНИЗМ М. ВЕЛЛЕРА КАК МЕТОД АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ОБЩЕСТВА

С.В. Докучаева

Человек является индивидуумом и одновременно частью макросистемы. Существование вселенной – это развитие энергии, которая образует различные материальные структуры, имеющие тенденцию к усложнению. Самое главное – это действия людей, то есть преобразованной энергии. Существуют следующие уровни бытия человека: материально-энергетический, биологический, деятельно-экономический, социально-политический, уровень разума и духовный уровень. Отдельный индивид и цивилизация – это два крайних полюса проявления социума. Основная задача власти – структурирование общества.

Ключевые слова: энергия, уровень бытия, индивидуум, социум, власть

Разработка М. Веллером идеи энергоэволюционизма является попыткой объяснить взаимосвязь человека, общества и вселенной через выделяемую и потребляемую энергию. В ней представлены взгляды автора на проблему существования человека как индивидуума и как части макросистемы (вселенной), при этом акцент делается именно на психологические аспекты жизнедеятельности человека в рамках социума и организации им своего собственного пространства, своей микросистемы.

Мы предпримем попытку дать краткий критический анализ идей, изложенных в книгах, в которых автор излагает и развивает эту теорию, с точки зрения политической системы общества и реализации политической активности, как отдельных индивидов, так и социальных групп [1, 2].

Основным постулатом, из которого исходит Веллер, является следующая мысль: существование Вселенной рассматривается как развитие энергии, выделенной при Большом Взрыве (эта энергия первична по своей природе). Данная энергия образует различные материальные структуры, имеющие тенденцию к постоянному усложнению. Эти структуры, в свою очередь распадаются, и также выделяют энергию. При этом характерной

особенностью идущих процессов усложнения и распада является постоянное ускорение. Какую же роль играет во всем этом человек? Его существование протекает как бы на двух уровнях – на уровне ощущений и на уровне действий. С точки зрения Вселенной, самое главное – это действия человека, то есть сумма преобразованной в течение жизни энергии. А с точки зрения самого человека приоритетными являются ощущения, которые он испытывает от того или иного внутреннего или внешнего стимула.

Центральной идеей философии энергоэволюционизма можно назвать следующее – человек всегда и во всем стремится испытывать максимальные ощущения, другими словами, жить и реализовываться в соответствии с мощностью своего энергетического уровня, причем для полноценного функционирования нервной системы человеку необходимо испытывать как положительные, так и отрицательные эмоции. Именно по силе ощущений индивид может оценить уровень насыщенности своей жизни.

Далее автор рассматривает основные уровни бытия человека: материально-энергетический, биологический, деятельно-экономический, социально-политический, уровень разума и духовный уровень. И каждый из этих уровней одинаково важен для человека, но в разное время и в разные периоды жизни на первый план выходят разные комбинации этих уровней или начинает доминировать только один из них. Поэтому, по мнению автора, теория иерархии потребностей не функциональна и не способна объяснить мотивы деятельности людей в сложных социальных, экономических, политических, духовных условиях.

Мы склонны согласиться с этой точкой зрения, так как жизнь отдельного индивида, не говоря уже о жизни нации или государства, представляет собой сложную многоуровневую динамическую систему, в которой элементы имеют свойство меняться местами, снижать или повышать свою значимость в системе ценностей своего носителя, и выстраивание жесткой пирамиды потребностей лишает исследователей возможности анализировать мотивы и действия людей именно с точки зрения динамизма, изменчивости, упрощает систему.

Возвращаясь к различным уровням существования человека, стоит отметить, что автор придерживается следующего мнения.

Конфликт между двумя разными, но равноправными по природе своей уровнями и создает базовый конфликт личности, а на более высоких социальных уровнях – социальной группы, слоя, нации, государства, цивилизации. То есть в частности отдельное действие может выглядеть как ошибка, как неверное направление развития, но в целом – человеческая жизнь, нация, государство развиваются в соответствии с законом структуризации Вселенной. Из этого, автор делает вывод, что частные отрезки существования конкретных индивидов или даже цивилизаций неизбежно противоречат логике развития Вселенной.

В данном случае, нам кажется, что автор противоречит сам себе. Противоречие между уровнями бытия не означает, что действие, совершенное под воздействием данного противоречия ошибочно. А значит, мы не можем делать и вывода о том, что в частных случаях существования людей или цивилизаций имеется несоответствие с законами развития Вселенной.

Но отдельный индивид и цивилизация – это два крайних полюса проявления социума. Между ними расположен целый ряд более мелких форм организации человеческой жизни – малые, средние и большие группы, в которые входят социальные слои, народы и нации, государства и союзы государств. И очевидно, что группы в своем функционировании также подчиняются определенным психологическим и социальным законам.

М. Веллер, считает, что главной целью существования любой группы является достижение какой-либо цели или результата. С этим трудно спорить, ведь объединение в группы начало происходить именно тогда, когда потребности человека стали усложняться и расти, и реализовывать их в одиночку оказалось практически невозможно [2].

При этом с точки зрения энергоэволюционизма, необходимым условием для достижения результата группой является ее единство. И единство не только в плане разделяемых ценностей, установок, традиций и т.д., но и в плане обработки получаемой от мира информации, а также ее отбора.

Каждая социальная группа, каждый социальный слой, фактически живет в своем собственном мире, получает только ту информацию, которую они считают нужной получать, и трактуют ее так, как выгодно им. Более того, в каждой социальной группе формируется свой психологический стереотип, который становится рано или поздно личной психологией человека.

Однако, тут не совсем понятно следующее – если каждый социальный слой живет в собственном мире, то как же может происходить обмен информацией между представителями различных слоев населения? В чем тогда заключается цель государства? Ведь государство – это институт для согласования разнородных интересов различных социальных слоев и достижения всеобщего блага (по одному из определений). Автор же утверждает, что слой чиновников, к примеру, никогда не сможет понять проблем остальных слоев населения и даже не стремится этого сделать. В таком случае, теряется смысл самого института государства.

Но мы не склонны считать государство неэффективным по своей природе, а каждый социальный слой живущим в своей скорлупе и подчиняющийся лишь своим узким интересам.

Конечно, разность интересов различных социальных слоев является источником прогресса, с этим спорить невозможно. Но без кооперации и сотрудничества на определенных этапах развития общества прогресс не возможен в принципе.

Кроме того, личность человека имеет не менее сложную структуру, чем бытие самого человека. И было бы ошибкой считать, что индивидуальная психология человека под влиянием группы становится идентичной ее психологии. Человек всегда способен сохранять свои индивидуальные черты и особенности, так же как и интересы, отличающиеся от интересов группы, которой он принадлежит. Не стоит забывать также и о том, что человек одновременно может являться членом нескольких групп, что же тогда должно произойти с его психикой? Психология какой именно группы должна стать определяющей и доминирующей, и что тогда произойдет с установками и ролевыми шаблонами, усвоенными во время проявления себя в качестве участника иных социальных образований? На эти вопросы автор не дает ответа в своих рассуждениях.

Однако он поднимает также такую важную проблему, как роль власти в обществе и ее влияние на личность отдельного индивида и социальных групп. М. Веллер утверждает, что основная задача власти – структурирование общества. Иерархия и подчинение необходимы природе человека и основываются на желании людей подчиняться и на их же желании властвовать. Суть в том, что сила этих желаний у разных людей различна, и в итоге мы получаем социальные группы, предпочитающие подчинение, и группы, стремящиеся править. При этом власть как феномен базируется на добровольном принятии правил, при которых рано или поздно придется подчиняться вопреки собственному сопротивлению [2]. С этой мыслью автора мы полностью согласны.

Однако, рассуждая о том, как власть влияет на людей, Веллер утверждает, что влияние это развращающее. С этим трудно согласиться, если исходить из того, что власть – функциональна, то есть она необходима для выполнения определенных функций и задач, а не сама по себе. А также, если принять во внимание, что власть прямо пропорциональна той ответственности, которую берет на себя управляющий, то есть, власть дается человеку для решения важных и ответственных задач. И только от человека зависит, как он воспринимает власть – как способ решить проблемы, стоящие перед обществом, или как самоцель, которую необходимо достичь для удовлетворения собственного комплекса неполноценности.

По поводу развращающего воздействия власти на личность можно сказать следующее. Если взять за исходную точку идею автора, что все есть энергия, то власть тоже энергия. А энергия по природе своей нейтральна, она не может развращать, или делать хорошим своего носителя. Это всего лишь инструмент, который человек использует в соответствии со своими внутренними установками, целями и идеалами.

С точки зрения политической системы и политической активности граждан теория энергоэволюционизма может использоваться как дополнительный инструмент анализа, вводящий более масштабную систему коор-

динат для рассмотрения и анализа различных исторических событий в их динамике и взаимосвязи не только друг с другом в рамках развития конкретного государства, но и цивилизации в целом.

Библиографический список

1. Веллер, М. Энергоэволюционизм / М. Веллер. – М.: АСТ; Астрель, 2011. – 544 с.
2. Веллер, М. Психология энергоэволюционизма / М. Веллер. – М.: АСТ, 2012. – 540 с.

[К содержанию](#)

УДК 321.1 + 321.8

ПАТРИОТИЗМ КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

О.Ю. Никонова

В статье рассматриваются актуальные теоретические подходы к анализу феномена патриотизма как предмета политической коммуникации. Патриотизм предлагается рассматривать как дискурсивную практику, как сферу конструирования адаптационных механизмов на эмоциональном уровне, как инструмент социальной мобилизации и изменения социальных систем.

Ключевые слова: патриотизм, политическая коммуникация, социальная мобилизация, конструирование эмоций, информация.

Несомненно, что у большинства людей существует первичная эмоциональная привязанность к тому месту, где протекало их детство и происходила социализация. Эта привязанность во многом определяется наличием «сети» родственных и дружеских связей, локализованных в месте проживания. С зарождением массовой политики различного рода локальные эмоциональные привязанности и социальные взаимоотношения становятся объектом вмешательства властных институтов. Они категоризируются, описываются в различных терминах, инструментализируются в интересах господствующего режима и общества.

В период формирования различных «-измов» (национализма, империализма, большевизма и др.) локальные привязанности встраиваются в более емкие конструкции, такие как народ, нация, класс, государство, империя. Комплекс эмоциональных и рациональных (социальных) связей семантически кодируется, визуализируется и становится артикулируемым, что в равной степени используется как системами господства, так и социальными акторами. В конечном итоге такие феномены как патриотизм, на-

ционализм, интернационализм – это продукты коммуникации между субъектом и властью, обществом и государством. Таким образом, патриотизм должен рассматриваться не как способность человеческой природы любить, не как комплекс первичных эмоциональных привязанностей субъекта, а, с одной стороны, как дискурс, предметом которого являются взаимоотношения между субъектом и «местом его проживания» (в его политическом, пространственном, временном, локальном и проч. измерениях), а с другой, как элемент самоидентификации и поведенческих практик субъекта.

Представляется продуктивным использование для описания патриотизма концепции немецкого социолога П. Фукса, предлагающего считать патриотизм коммуникативной практикой, нацеленной на достижение единства общества [1, с. 150–173]. Определение Фукса позволяет увидеть в патриотизме динамичный нарратив, в создании которого в равной степени участвуют две стороны – власть (политические институты господства) и субъект. В патриотизме всегда присутствуют пласты и символы, означенные властью и предложенные ей обществу и индивидууму, и семантические комплексы, характеризующие привязанности субъекта, формы и пути присвоения им официальных образов. Формальная и неформальная коммуникация на патриотическую тему, а также конфликтные ситуации помогают выявить собственные смыслы, которые вкладываются субъектами в официальную семантику.

П. Фукс указывает на такую важную особенность патриотического дискурса как его дискуссионность. Рано или поздно, пишет социолог, патриотизм «попадает под воздействие функциональной дифференциации, и это означает: различия, которые его конституируют, быстро оказываются случайными различиями. Это становится очевидным в случае проблемы критериев, то есть в вопросе “истинного” и “ложного” патриотизма. В этом вопросе различия ведут к (иррациональному) повышению градуса патриотической семантики при помощи эмфазы, и в конечном итоге к ссылкам на несводимость к чему-либо одному и на аутентичность человеческих чувств, и к блокаде коммуникации, становящейся все более проблематичной» [2].

Важным, на наш взгляд, является определение функционального значения патриотизма как коммуникативной практики, нацеленной на производство солидарного «воображаемого сообщества»¹. Функциональный аспект роднит патриотизм с другими «-измами» современной эпохи² и делает их четкое разграничение вторичным. В конкретных исторических условиях патриотизм вписывается в «мозаику» множества других дискурсов/идеологий на принципах сосуществования, конкуренции, взаимного дополнения, замещения, вытеснения и вносит свой вклад в формирование идентичности. В определении коммуникации также заложено понимание анализируемого объекта как процесса. Такой подход позволяет, с одной стороны, обратить внимание на динамичность патриотизма, который в разное время наполняется различным идейным содержанием. С другой

стороны, этот подход подчеркивает, что смыслы и образы вырабатываются, присваиваются и воспроизводятся социальными акторами в ходе осуществления ими определенных патриотических практик и ритуалов. При этом внимание субъекта может быть сконцентрировано не на определенных идеях или образе, а на патриотическом действии как таковом. Или, вернее сказать, на действии, которое позиционируется как патриотическое в контексте господствующего дискурса. Последнее замечание особенно важно в связи с одной из основных трудностей, возникающих при анализе некоторых исторических форм патриотизма. Речь идет об интерпретации такого феномена, когда патриотизм, оставаясь «неартикулированным» на индивидуальном или групповом уровне, тем не менее, проявляется в патриотичном поведении.

Понятие идентичности является следующим опорным моментом для объяснения феномена патриотизма. «Для того, чтобы стать членом сообщества, – поясняет С. Ушакин, – т.е. для того, чтобы занять определенное/определяемое место в рамках этого сообщества, – каждый индивид вынужден полагаться на принятый в данном обществе ассортимент средств самовыражения. Способность сочетать многочисленные, отличные друг от друга и реально используемые системы символов (дискурсивных практик) позволяет индивиду одновременно занимать различные статусные позиции. Обычно системы знаков, с помощью которых описываются позиции индивида, а также с помощью которых он сам описывает свое место в обществе, понимаются как непротиворечащие и/или дополняющие друг друга. В рамках символического фундаментализма этот факт внешней непротиворечивости понимается как проявление установленной иерархии дискурсов, благодаря которой одни из них рассматриваются как определяющие, а другие – как маргинальные» [4, с. 43–44].

Такой подход расширяет возможности интерпретации патриотизма, позволяя рассматривать его как один из элементов «множественной идентичности», который вполне может выступать в сочетании с другими элементами – этнической, социальной или локальной самоидентификацией, а также успешно комбинироваться с оппозиционными настроениями и критицизмом по отношению к государству. Он же позволяет снять остроту значимости вопроса о дефиниции: патриотизм, национализм или какое-либо другое традиционное научное понятие или комбинация понятий – суть лишь идеальные типы, схемы, которые исследователь приписывает самой коммуникативной практике, и которые на самом деле маркируют лишь особенности той или иной интерпретации.

Важную роль при рассмотрении патриотизма как предмета политической коммуникации играет актуальная парадигма исследования эмоционального. В ней эмоции анализируются не как неструктурированные феномены, нуждающиеся в контроле, а как инструменты, помогающие субъекту ориентироваться в общественной ситуации и формировать подходя-

щие стратегии адаптации [5, 6]. Как показывает анализ общих подходов к патриотизму, функциональное понимание патриотических чувств как эффективного адаптационного механизма социализации прочно утвердилось в отечественном общественном сознании. Этот слабо отрефлексируемый компонент российских концепций, вероятно, был органично усвоен современниками из традиционного позиционирования патриотизма в официальной политической педагогике.

Понимание механизмов действия патриотического дискурса невозможно без привлечения теории социальной мобилизации, разработанной социологами во второй половине XX в. для изучения коллективного поведения и общественных движений. Первоначально она применялась исключительно при характеристике процессов в некоммунистических обществах. Согласно одному из классических определений, под социальной мобилизацией подразумевается «концепция, которая объединяет вместе множество специфических процессов изменений, таких как изменение места жительства, профессии, социальных сетей, ассоциаций «лицом-к-лицу», институций, ролей и способов агитирования, опыта и ожиданий и в конечном итоге личных воспоминаний, габитуса и потребностей, включая потребность в новых образцах групповой аффилиации и новых образах персональной идентичности» [7, с. 493]. В числе прочих в теории социальной мобилизации изучались такие последствия социальных и экономических изменений в обществе, как современные формы политической активности и политического участия, а также «индустриальные» образцы социального поведения.

Сегодня теория социальной мобилизации широко используется при характеристике социально-политических процессов в странах с коммунистической и посткоммунистической идеологией. Представляется правомерным рассматривать патриотическую мобилизацию как одну из форм социальной мобилизации, специфика которой определяется лозунгами, целевой направленностью, а также особенностью институциональных форм и технологий мобилизации³. В систему мотивационных факторов коллективного поведения включается не только депривация или индивидуальное/коллективное недовольство субъектов, но и групповая солидарность.

Современная теория социальной мобилизации подчеркивает значение целевой деятельности политических и неполитических институтов по мобилизации ресурсов (теория мобилизации ресурсов) [8, 9], а также важную роль средств массовой информации и коммуникации в формировании современных образцов социального поведения. Интересным для анализа патриотизма является вывод о том, что именно организации играют роль «посредников» в процессе интеграции маргинализованных или просто социально дезориентированных субъектов в новые формы социальной и политической жизни [7, с. 499–500]. В более поздних вариантах теории социальной мобилизации организации, образующие кросс-локальные сети, рассматри-

ваются как «агенты» мобилизации, через которые происходит изменение политических референций индивидуумов и их образцов поведения [10, с. 140].

Интересный аспект в понимании патриотизма как предмета политической коммуникации появляется при обращении к теории Никласа Луманна об обществе. Даже если не придерживаться своеобразного подхода Луманна к трактовке общества, отождествляемого им с коммуникацией, привлекает внимание тезис философа о функциях информации. «Луман определяет информацию, – анализирует А.В. Назарчук, – как «событие, которое меняет состояние системы». Когда информация проявляется, она не исчезает бесследно, а оставляет структурный эффект, изменяя состояние системы. Реагируя на это изменение, меняется вся система» [11]. Экстраполируя этот тезис на современные изыскания о патриотизме, можно отметить, что большинство исследователей подчеркивает усиление коммуникации на патриотическую тему в моменты неустойчивого состояния социальной системы, в кризисных условиях, когда необходимы изменения в массовом сознании и поведении населения.

Изложенные выше теоретические подходы к трактовке патриотизма позволяют еще раз привлечь внимание к таким ключевым проблемам современного состояния общества как мотивы коллективного поведения, способности взаимодействия государственной власти и субъекта, к особенностям моделирования социального пространства и механизмам организации политического или квази-политического участия.

Примечания

¹ Понятие Бенедикта Андерсона [3].

² В первую очередь речь идет, конечно же, о национализме, который противопоставляется патриотизму чаще всего.

³ Недаром сам термин «социальная мобилизация» возник как поэтический образ, ассоциировавшийся с событиями во Франции 1793 г. и еще в большей степени с германской «тотальной мобилизацией» 1914–1918 гг., при анализе которых обязательно упоминаются такие феномены как война и патриотизм (см.: [7, с. 494]).

Библиографический список

1. Fuchs, P. Die Erreichbarkeit der Gesellschaft. Zur Konstruktion und Imagination gesellschaftlicher Einheit / P. Fuchs. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1992. – 290 S.

2. Fuchs, P. Vaterland, Patriotismus und Moral / P. Fuchs // Zeitschrift fuer Soziologie. – 1991. – Heft 2. – S. 89–103.

3. Anderson, B. Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts / B. Anderson. – Frankfurt/Main, New York: Campus Verlag, 2005. – 306 p.

4. Ушакин, С. Поле пола / С. Ушакин. – Вильнюс: ЕГУ; Москва: ООО «Вариант», 2007. – 320 с.

5. Reddy, W. *The Navigation of Feeling. A Framework for the History of Emotions* / W. Reddy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001 – 396 p.
6. Rosenwein, B.H. *Worrying about Emotions in History* / B.H. Rosenwein // *American Historical Review*. – 2002. – № 3 (107). – P. 821–845.
7. Deutsch, K.W. *Social Mobilization and Political Development* / K.W. Deutsch // *The American Political Science Review*. – 1961. – № 3 (55). – P. 493–514.
8. MacCarthy, J.D. *The Trend of Social Movements in America: Professionalization and Resource Mobilization* / J.D. MacCarthy, M.N. Zald. – N.J.: Morristown. – 1973. – 274 p.;
9. Zald, M.N. *The Dynamics of Social Movements: Resource Mobilization, Social Control, and Tactics* / M.N. Zald. – Lanham: University Press of America, 1988. – 274 p.
10. Cameron, D.R. *Toward a Theory of Political Mobilisation* / D.R. Cameron // *The Journal of Politics*. – 1974. – № 1 (36). – P. 138–171.
11. Назарчук, А.В. *Общество как коммуникация в трудах Никласа Лумана* / А.В. Назарчук // *Вопросы философии*. – 2006. – № 2. – С. 156–173.

[К содержанию](#)

УДК 324

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н.А. Трезубов

Статья посвящена анализу структурных характеристик политического поведения студенческой молодежи на муниципальных выборах в России. В качестве эмпирической базы исследования использованы данные социологического опроса студенческой молодежи города Челябинска, посвященного выборам Главы муниципального образования. По итогам исследования в качестве основных структурных особенностей политического поведения студенческой молодежи на муниципальных выборах в современной России выделены (1) электоральная пассивность и (2) электоральный конформизм.

Ключевые слова: анализ социологических данных, явка на выборы, базовый электорат, электоральный резерв, моделирование электорального поведения

В настоящей публикации представлены результаты социологического исследования электоральной активности студенческой молодежи на выборах органов местного самоуправления в России. Методология исследования разработана авторами с опорой на теорию моделирования электораль-

ной активности, изложенную в работе Е.Б. Малкина и Е.Б. Сучкова [1, с. 147–155, 305–355]. В качестве эмпирической базы исследования использованы данные социологического опроса студенческой молодежи города Челябинска, проведенного в сентябре 2013 г. (число опрошенных – 533 респондента, студенты девяти факультетов Южно-Уральского государственного университета, выборка – серийная (гнездовая) с последующим взвешиванием случаев по полу и району проживания респондентов [2], доверительный интервал 0,95, ошибка выборки 5 %). Поскольку опрос проводился в межвыборный период, это дало возможность выявить исходные параметры электорального поведения студентов, не искаженные гипертрофированным информационным воздействием, характерным для активной фазы избирательной кампании.

Предметом изучения в рамках настоящей работы стали структурные характеристики политического поведения студенческой молодежи на муниципальных выборах в России:

1) уровень электоральной активности, структура электоральных предпочтений;

2) уровень устойчивости выявленной структуры электоральных предпочтений, вероятность ее изменения по мере приближения к дате выборов;

3) место избирателей, составляющих электоральную базу и электоральный резерв для политических сил различной ориентации в структуре активного электората.

Все электоральные предпочтения студенческой молодежи были проанализированы авторами сквозь призму ответов респондентов на вопросы о выборах Главы (мэра) Челябинска. Соответственно, «осевой точкой» исследования стали позиции респондентов по отношению к претендентам на данную должность. При этом в список потенциальных кандидатов на пост Главы (мэра) Челябинска были включены: Сити-менеджер С.В. Давыдов, действующий Глава города (Председатель Челябинской городской Думы) С.И. Мошаров, депутат Законодательного собрания Челябинской области А.В. Барышев, депутат Челябинской городской Думы Б.Е. Видгоф, а также О.Н. Грачев, в 2010–2013 гг. занимавший должность первого вице-губернатора Челябинской области. Данный список был составлен с опорой на опубликованные в СМИ сведения о характере политической борьбы за должность Главы Челябинска в 2009–2013 гг. [см., напр.: 2, 3, 4]

Рассмотрим основные результаты исследования структуры электоральных предпочтений студенческой молодежи Челябинска по каждому из перечисленных выше пунктов.

1. Уровень электоральной активности, результаты выборов в условиях сохранения «статус кво». Уровень электоральной активности студенческой молодежи на материалах опроса выявлялся с опорой на две методики. В результате вычисленная по первой методике прогнозируемая явка на выборах мэра Челябинска составила 16,9 % избирателей, по второй

методике – 17,5 % избирателей. Полученные в рамках исследования низкие прогнозные показатели электоральной активности студентов Челябинска вполне согласуются как с распространенным в научной и публицистической литературе представлением о политической пассивности большей части российской молодежи [см., напр.: 5], так и с результатами региональных и местных выборов последних лет в субъектах Российской Федерации с отсутствием контролируемого голосования. При этом, судя по данным опроса, при сохранении выявленной структуры электоральных предпочтений до дня выборов мэра Челябинска, действующий Сити-менеджер С.В. Давыдов, безусловно, выигрывает кампанию «за голоса студентов» с более чем трехкратным отрывом от любого из преследователей. Такая значительная поддержка студентами кандидатуры Сити-менеджера Челябинска свидетельствует о широком распространении в этой социальной группе лояльно-конформистских моделей восприятия представителей действующей политической власти.

2. Уровень устойчивости электоральных предпочтений студенческой молодежи. Полученные в ходе исследования данные однозначно свидетельствуют о том, что при наличии в списке кандидатов на должность мэра Челябинска фигуры действующего Сити-менеджера С.В. Давыдова никакие персональные изменения списка кандидатов не способны сколько-нибудь серьезно поколебать лидирующую позицию данного кандидата. Лишь в случае «исчезновения» из списка кандидатов самого С.В. Давыдова ситуация сразу становится гораздо более конкурентной (отрыв кандидата-лидера от ближайшего преследователя сокращается с 45–51 % до 7 % избирателей). При этом лидером предвыборной гонки становится действующий Глава города (Председатель городской Думы) С.И. Мошаров, к которому «перетекает» более трети голосов Сити-менеджера С.В. Давыдова.

3. Специфика электоральных предпочтений базового электората и электорального резерва кандидатов (на примере кандидатуры С.В. Давыдова). Базовый электорат действующего Сити-менеджера Челябинска С.В. Давыдова, судя по данным исследования, отличается от группы относительно активных избирателей более четко выраженной общественно-политической позицией (значимо меньше затруднившихся с ответом на вопросы о проблемах города и о партийных электоральных предпочтениях), а также более высокой степенью лояльности по отношению к представителям действующей власти (значимо больше респондентов, выразивших безусловное доверие Президенту РФ В.В. Путину, и Губернатору Челябинской области [на момент проведения опроса] М.Ю. Юревичу, а также готовых проголосовать за партию «Единая Россия»). Еще одной характерной чертой базового электората С.В. Давыдова является большая обеспокоенность проблемой качества и доступности образования.

В свою очередь, электоральный резерв С.В. Давыдова, в сравнении с базовым электоратом данного кандидата, отличается следующими характеристиками: а) концентрация выше среднего уровня в Курчатовском и Metallургическом районах Челябинска; б) стесненное материальное положение (значимо больше респондентов с доходами менее 5000 рублей в месяц, а также респондентов, обеспокоенных проблемой низких доходов населения); в) более низкий уровень артикуляции общественно-политических взглядов (значимо больше респондентов, не сумевших назвать ни одной проблемы Челябинска, а также затруднившихся с ответом на вопрос о партийных электоральных предпочтениях); г) несколько более критический настрой в отношении представителей действующей политической власти (значимо меньше респондентов, безусловно доверяющих В.В. Путину, М.В. Юревичу, а также готовых проголосовать за партию «Единая Россия»). При этом по пунктам «в» и «г» характер ответов респондентов, относящихся к группе электорального резерва С.В. Давыдова, фактически совпал с распределением ответов, зафиксированным для контрольной группы всех относительно активных избирателей.

***

В целом, в результате проведенного исследования был выявлен набор следующих структурных характеристик политического поведения студенческой молодежи на выборах органов местного самоуправления:

1) крайне низкий уровень электоральной активности, нежелание подавляющего большинства студентов участвовать в политической жизни на уровне муниципального образования;

2) демонстрация большей частью студентов, готовых прийти на выборы, конформистского отношения к политике действующей власти;

3) относительная устойчивость зафиксированной структуры электоральных предпочтений;

4) более четко выраженная общественно-политическая позиция и более высокий уровень лояльности по отношению к доминирующим политическим акторам – президенту, губернатору и «партии власти» – избирателей-студентов, голосующих на муниципальных выборах за провластную политическую альтернативу;

5) существование у действующей на муниципальном уровне власти значительного электорального резерва из числа студентов, находящихся в довольно стесненном материальном положении, но отличающихся при этом относительной аморфностью общественно-политических взглядов.

Исходя из всего вышесказанного, двумя основными тенденциями электорального поведения студенческой молодежи на муниципальных выборах в современной России можно назвать электоральную пассивность в сочетании с электоральным конформизмом.

Библиографический список

1. Малкин, Е. Политические технологии / Е. Малкин, Е. Сучков. – М.: «Русская панорама», 2006.
2. Моргулес, Д. Кто хочет стать мэром Челябинска? / Д. Моргулес // Сло-во.ру. 22.04.2013. – URL: <http://slo-vo.ru/politika/kto-hochet-stat-merom-chelyabinska>.
3. Леонов, С. Досрочные выборы в Челябинске отменяются: администрацию города возглавит сити-менеджер / С. Леонов, А. Полозов // Ура.ру. 2.04.2010. – URL: <http://ura.ru/content/chel/02-04-2010/news/1052112522.html>.
4. Ю. Фишер: Сергей Давыдов будет достойно управлять городом (интервью) // Федералпресс.ру. 19.04.2010. – URL: http://old.uralpolit.ru/urfo/66/press/expert/id_181717.html.
5. Бычкова, М.Н. Электоральная пассивность молодежи: причины и пути преодоления / М.Н. Бычкова, А.Ф. Лопытина // Томский государственный университет. Кафедра социальных коммуникаций. Электронные ресурсы. – URL: <http://pr.tsu.ru/articles/145/>.

[К содержанию](#)

УДК 378.014 + 378.012

ББК Ч448.44

СМЫСЛ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

О.А. Ковтун

В статье рассмотрена проблематика места ключевых компетенций в российском образовании, а также попытка осмысления содержания понятия «ключевые компетенции», ориентация компетентного подхода на личность и определение характеристик личности. Указана необходимость усиления гуманистической составляющей высшего образования в контексте реализации болонских преобразований.

Ключевые слова: ключевые компетенции, личность, компьютерные технологии, образование, культура.

Образование начинает осознаваться обществом как важнейший фактор и условие преодоления духовного кризиса и развития технического и экономического развития. Необходимость формирования нового мышления в системе высшего образования реализуется в проектировании новых государственных образовательных стандартов. Главным направлением реформирования отечественного образования стало внедрение компетентного подхода и ключевых компетенций.

В рамках болонских преобразований Советом Европы был принят примерный перечень ключевых компетенций, которыми должны быть оснащены молодые европейцы. В самом общем виде это:

- социально-политические;
- межкультурные;
- коммуникативные;
- информационные и персональная.

В европейском варианте очевидна социокультурная составляющая ключевых компетенций, их приверженность культурному наследию Европы и гуманистическим ценностям, ориентация на ценности культуры. Это значит, что все реформы в рамках Болонского процесса должны осуществляться с учетом социокультурного измерения.

В 2003 году начинается внедрение болонских реформ в систему российской высшей школы, через реализацию компетентностного подхода, что вызвало многочисленные дискуссии среди российских ученых, посвященные как выяснению содержания понятия компетенция, так и выявлению состава ключевых компетенций. Несмотря на огромное количество работ, до сих пор нет однозначного определения понятия «компетенция». Компетенция понимается как интегральная характеристика квалификационных, культурных и социальных характеристик студента, в отличие от квалификации, стандартного набора узкопрофессиональных умений, навыков и операций. Общим для всех определений компетенции является указание на её интегральный характер.

Также не выработано строгого определения ключевых компетенций. С учетом темы настоящей статьи среди ключевых компетенций особый интерес представляет «личностный» блок, ориентированный на формирование всесторонне и гармонично развитой личности, что в свою очередь предполагает формирование у студентов следующих качеств: «ответственности, самостоятельности, целенаправленности, творческой активности, стремления к саморазвитию». Проблематика личностного самосовершенствования выходит за рамки компетенций узкопрофессиональной деятельности и имеет отношение к уровню бытия, который является духовным.

Как организовать процесс обучения, чтобы развить у студента стремление к самопознанию, самооценке, духовному и интеллектуальному саморазвитию, тогда как стандарты современного образования нацелены на практические знания и экономическую эффективность, а вопросы нравственности отходят на второй план и рассматриваются «как методологические, а не как фундаментальные» [1], напрямую связанные с ключевой миссией университета во все времена – передачей культуры и воспитанием личности.

Ввиду широкого спектра значений этого термина, в научной литературе нет однозначного определения понятия «личность», также как и ответа на вопрос «что есть человек», выделенной в качестве особой философской

проблемы. Несмотря на существующее разнообразие теорий личности, методологической основой концепций личности в социологии, психологии, политологии является философское понимание личности, вместе с тем, что и в самой философии существует многообразие подходов к определению личности. В большинстве определений личность рассматривается как результат социализации индивида, как мера присвоения социальных отношений и активности человека в жизни общества. По определению Э. Ильенкова, личность – «социальное образование, возникающее через отношение индивида к другому» [2].

В то же время человек может успешно функционировать, обладать активностью, профессионализмом, но при этом не быть личностью. Н. Бердяев считает, что «социализированный и цивилизованный человек может быть совершенно безличным» [3, с. 21]. Согласно Н. Бердяеву «Личность нельзя мыслить ни биологически, ни социологически. Жизнь личности не есть самосохранение как в индивидууме, а самосохранение и самоопределение».

В современной реальности в большинстве определений на передний план выступает самосознание личности, которое отождествляется с индивидуальностью – как особой формой бытия личности, детерминирующей меру ответственности человека.

Важным аспектом познавательной деятельности является самосознание. Подлинное самосознание невозможно без самопознания, которое предполагает, как самоидентичность с собой, так и соотнесение с Абсолютом. У многих русских философов проблема самопознания переведена в религиозную проблему. В современном обществе, в котором одной из главных ценностей является потребление и личное обогащение, человек утрачивает собственное «Я», а, следовательно, и мотивацию к самосовершенствованию и саморазвитию.

В качестве технологий и методов воспитания личности в системе высшего образования предлагается сокращение цикла социально-гуманитарных дисциплин – практическим обучением и отказ от лекций, как основного источника знания. При всех недостатках последней одной из основных форм воспитания духовности в вузе всегда была лекция. В предлагаемых перечнях ключевых компетенций разработчики все-таки упоминают ценности бытия, жизни и культуры (живопись, литература, искусство, музыка), т. е. культура все еще понимается как синоним искусства, а не как система представлений о мире и человеке [4].

Модернизация процесса обучения предполагает также использование электронных средств обучения. Компетенции, связанные с возрастанием информатизации общества составляют ядро ключевых компетенций. В современном обществе образование перестает быть единственным источником информации. Невозможно игнорировать роль информации в формировании новой научной парадигмы, а также информационное пространство Интернета.

С одной стороны, игровые Интернет-технологии открывают свободу в выборе информации, возможности самовыражения, представляют знание в различных формах: текстовой, графической, звуковой, динамической.

С другой стороны, широкое распространение компьютерно-игровых методов обучения придает образованию «развлекательно-игровой характер». Игровая электронная среда содержит угрозу подмены серьезного познавательного отношения к материалу, отношением удовольствия (неудовольствия), вызванного игровой ситуацией. Ориентация студента в процессе обучения на Интернет-технологии, способствует формированию «компьютерно-калькуляторного» мышления в ущерб осмысляющему, лишает способности логически действовать, опираясь на собственное мышление в отсутствие возможности использования компьютера. Широкое распространение информационно-компьютерных технологий и одновременно снижение веса социально-гуманитарных дисциплин часто приводит к подмене знаний как социокультурного феномена информацией. Процесс технологизации образования, отказ от передачи и преподавания культуры способствует усилению роли обыденного уровня в структуре мировоззрения личности. Возрастание роли обыденного мировоззрения приводит к тому, что отношение личности к внешнему миру определяется не столько её самосознанием, сколько ориентацией на стандарты материального благополучия. Ослабление роли самосознания в мировоззрении лишает студента стремления к духовному самосовершенствованию, но способствует формированию личности с заранее заданными стереотипами поведения. По мнению Х. Ортеги-и-Гассета определяющей чертой современного университета является фальсификация. «Институт, в котором делают вид, что дают и требуют то, чего не могут ни дать, ни потребовать, – фальшивый и разлагающийся институт» [5]. Любой общеобразовательный предмет нацелен, прежде всего, на развитие мировоззрения личности. Таким образом, направленность тенденций обновления высшего образования на гуманизацию и гуманитаризацию – одно из условий совершенствования системы высшего образования в России.

Библиографический список

1. Байденко, В.И. Гуманистическая направленность подлинных болонских реформ / В.И. Байденко // Высшее образование в России. – 2009. – № 17. – С. 117–126.
2. Ильенков, Э.В. Личность и творчество / Э.В. Ильенков. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 261 с.
3. Бердяев, Н.А. Творчество и объективация / Н.А. Бердяев. – Мн.: Экономпресс, 2000.
4. Зимняя, И.А. Интерактивный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности и выпускников вузов / И.А. Зимняя, Е.В. Земцова // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 5. – С. 14–19.

5. Ортега-и-Гассет, Х. Миссия университета / Х. Ортега-и-Гассет / Альма-Матер (Вестник высшей школы). – 2007.– № 8.– С. 35–40.

[К содержанию](#)

УДК 94(470.55)

ББК ТЗ(2)52“18/19”

**ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ СЕЛЬСКОГО
ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

О.В. Никифорова

В статье на основе анализа архивных документов, дореволюционной периодики и полевых материалов автора показано одно из главных проявлений православной религиозности – практика участия сельского православного населения Оренбургской епархии в церковных таинствах Исповеди и Причастия. Выявлены мотивы и причины редкого принятия таинств, а также показано влияние религиозности на общий уровень нравственности на Южном Урале во II половине XIX – начале XX века.

Ключевые слова: Православная Церковь, религиозность, крестьяне, казачество, нравственность.

Практика евхаристического общения человека с Богом есть основа и средоточие соборного опыта Православной Церкви, один из главных способов постижения Высшей Реальности и приобщения к Ней. Евхаристическая практика Русской церкви в XIX веке совмещала в себе два таинства – Покаяния и Евхаристии (Причащения).

В древней Церкви таинство Евхаристии воспринималось христианами как таинство, объединяющее все собрание верующих в единое Тело Христово. Общее причащение за каждой Литургией было нормой. Святитель Василий Великий (IV в.) писал: «Хорошо преползено каждый день приобщаться и принимать Святое Тело и Кровь Христову», «причащаемся 4 раза в каждую седмицу – в день Господень, в среду, в пяток и в субботу; а также и в иные дни, если бывает память какого святого» [1, с. 78].

В дореволюционной России сложилась практика причащения мирян один раз в год. Это было следствием «формализации сакрального» [2, с. 9], происходившей в XVIII–XIX вв. в подчиненной государству Русской Церкви. В этом отношении несомненную отрицательную роль сыграли указы Петра I 1716 и 1718 годов о ежегодном обязательном хождении к исповеди. Таким образом, таинства Покаяния и Евхаристии становились

своеобразной «пробой на благонадежность, способом выявления инакомыслия» [2, с. 9]. Раз в год священниками должны были составляться духовные росписи по трем рубрикам: о бывших на исповеди, о не бывших на исповеди и о раскольниках [3, с. 44].

Исследователи отмечали возрастание числа не бывших на Исповеди и Св. Причастии в 40–50-е гг. XIX в.: в 1842 г. 8,2 % православного мужского населения империи и 7 % женского не исповедовалось по нерадению, а в 1852 г. уже 9,1 и 8 % соответственно (эти данные публиковались в ежегодных отчетах обер-прокурора Святейшего Синода) [4, с. 337].

Ситуацию в Оренбургской епархии можно представить по таблице, которая показывает соотношение бывших и не бывших на исповеди и у Святого Причастия, составленной А.И. Конюченко на основании архивных материалов.

Таблица 1

Соотношение бывших и не бывших на Исповеди и у Святого Причастия [3]

Год	Было		Не было	
	абс.	%	абс.	%
1868	320205	66	167297	34
1869	309969	73	115551	27
1872	332420	64	186418	36
1873	314001	61	203839	39
1874	316794	60	214778	40
1875	314890	68	226077	42
1876	328884	60	223359	40
1877	331817	64	191020	36

Как видно из таблицы, в охваченное время тенденция не имеет устойчивого характера. Существенные колебания можно объяснить незначительными изменениями территориального состава епархии, подвижной возрастной структурой общества и тем, что в связи с походами в Хиву и Бухару постоянно менялось количество православных на территории епархий, занятых в этих походах [3]. Можно лишь сделать вывод о том, что большинство православного населения в конце 1860-х – 1870-е гг., как минимум, один раз в год исповедовалось и причащалось.

Свидетельством того, что многие православные причащались единожды в год, но не всегда во время Великого поста, служит распоряжение Оренбургской Духовной Консистории от 10 июля 1874 г., гласящее: «прихожан, исполняющих христианский долг исповеди и св. причастия не в св. сорокатынищу, когда обыкновенно делаются отметки в духовных росписях, а в другие посты, в представляемые к епархиальному начальству списки о нерадивых к исполнению сказанного долга включать не следует» [5, с. 561].

Оренбургские епископы в ежегодных отчетах о состоянии епархии отмечали, что «особое усердие к церковным таинствам проявляют переселенцы из малороссиян, а также выходцы из великороссийских губерний ... Гораздо меньшим усердием в этом отношении отличаются природные жители – казаки, чему немало способствует сам род их службы и походная жизнь, а также давнишнее общение с окружающими их инородцами-мусульманами» [6]. Священники представляли половозрастной состав «гомельщиков» (так в народе называли готовящихся к принятию таинств Исповеди и Причастия): «преимущественно старики и старухи с детьми от 7 до 18 лет обоего пола. Женщин говееет больше чем мужчин. Мужчины от 18 до 45 лет бывают очень редко у святого причастия» [7, с. 280].

Причинами редкого принятия таинств было отсутствие храмов в селениях, как, например, было в казахских аулах Тургайской области, где жили русские переселенцы. От ближайшего храма их отделяло более 100 километров. Священник раз в году, Великим постом, приезжал к ним, чтобы исповедовать и причастить [8].

Другими причинами редкого причащения было незнание основ верования и влияние представителей других конфессий. Особенно велико оно было среди крещеных инородцев: на них оказывало воздействие мусульманское население края, этнически более близкое, чем русские. Так, нагайбаки воспринимали православие как «русскую» веру, веру чужую, многие были христианами только по имени [9, с. 766], что еще более усугублялось нерадением некоторых священников о религиозном просвещении своей нерусской паствы. Старик-нагайбак в откровенном разговоре со священником Василием Тимофеевым рассказывал: «до поступления к нам о. Николая (Сейфуллина) мы не знали, что за исповедь, нас, бывало, загонят в общественный дом человек сотню, и говорит священник: сказывайте грехи, а писарю прикажет записать всех; затем, уплативши ему дань, уходим по домам» [10, с. 203]. Формальное исполнение долга исповеди инородцами вскрывалось и в случае смертельной болезни, когда они были вынуждены приглашать священника для исповеди и причастия, чтобы в случае смерти он засвидетельствовал ее мирный характер, и не пришлось бы иметь дело с представителями власти [11, с. 239]. На вопросы же священника о содеянных грехах больной отвечал, что он «или не знает грехов, или у него вовсе их нет» [12, с. 420].

Влияние старообрядческого населения на религиозное мировоззрение православных просматривалось в уклонении последних от частого причащения, из-за боязни «погрешить, не исполнив по слабости всего положенного», так как «Святые Тайны, – по объяснению раскольников, – надо снести» [13, с. 58–59]. Сами старообрядцы, прежде всего беспоповцы, причастия не имели, а их исповедь часто превращалась в «исповедь земле», т.е. исповедание своих грехов не перед священником, а «перед Богом и матерью сырой землей» [14, с. 281].

Основными мотивами редкого причащения можно назвать следующие: 1) формальное и безразличное отношение к вере, объяснявшееся занятостью; 2) благоговейное отношение к таинству, исходящее из не совсем верного понимания его сути.

Первый мотив чаще встречался у мужчин в силу их социального положения. Один из священников соседней с Оренбургской Пермской епархии отмечал, что мужчины от 18 до 45 лет бывают очень редко у Св. Причастия. На увещания священника они обычно отвечали: «Некогда нам, батюшка, говеть-то, мы люди рабочие, то надо хлебушко молотить, то в извоз съездить, в лес сходить дровец нарубить. Подушно трясут, а где мы его возьмем, если не станем трудиться; радехоньки бы Богу помолиться, да некогда, видит Бог, некогда!» [11, с. 239] Действительно, подготовка к принятию таинств занимала продолжительное время, самое малое – неделю.

Препятствием в подготовке к таинствам могло быть и социальное окружение. Так, например, рабочие Оренбургского депо в 1916 г. обращались к епископу Мефодию с просьбой походатайствовать за них перед начальством: «теперь Великий пост и все христиане говеют. Но мы, смазчики второго участка не говели, несмотря на наше желание. Потому что наш начальник участка никого не пускает, несмотря на нашу просьбу (так как он сам поляк)... Некоторые из нас не говели уже по семи лет и просили у него отпуск для говения, но он не отпустил, несмотря на малое движение поездов» [15].

Для многих принятие таинства Причащения было окутано благоговейным страхом, и крестьяне предпочитали совсем не приступать к таинству, чем быть осужденными за его недостойное принятие. Священник Ивановского прихода Челябинского уезда Андрей Земляницын сообщал о предрассудках против причащения Святых Тайн: крестьяне «говорят, например, что после Причастия не следует плевать три дня, не ходить в баню, супругам не разделять ложа, потому иные и не ходят к св. Причастию, боясь, по местному выражению «не сдержатъ причастия» [16]. Другие священники сообщали, что молодые супруги в течение года не причащались, боясь, что «не снесут причастия» [17, с. 162].

Св. Дарам (Таинству Причащения) приписывали большую магическую силу, в частности, способность выявлять нечистое в человеке, отчего их принятия избегали колдуны и ведьмы. В XVIII в. заводилось немало дел о лицах, не проглотивших частицы Св. Даров, а потихоньку выпустивших их изо рта и спрятавших в тряпицу; если пойманные отказывались повиниться, их поступок рассматривался как злоумышление (волшба) и они передавались на допрос с пристрастием. Подобное же дело нам удалось обнаружить в Государственном архиве Оренбургской области.

В Белорецком заводе, сообщал священник Семён Евладов, «некоторые из жителей ... не проглатывают святые Дары, а выплевывают их в платки»

[18], в данном деле была уличена девица Акулина Немкова и на вопрос священника ответила, что ее научила этому знакомая девица Александра Шевкунова, которая будто бы и сама так делала. Однако в процессе разбирательства Немкова переменяла объяснение, говоря, что ее «душа не приняла» Св. Причастия [18]. Священникам так и не удалось выяснить истинных мотивов подобного поступка, а уличенная девушка подверглась увещанию, должна была принести покаяние и исправиться.

В благочестивых православных время поста создавало особый духовный настрой, готовность к покаянию. Крестьяне старались, как можно чаще бывать за богослужением. По словам Архиповой Ольги Павловны, 1912 г.р., Великим Постом причащались несколько раз, по субботам. «Всю неделю проходят (в церковь – авт.), промолятся, и в пятницу исповедуются, в субботу причащались. А в воскресенье тоже в церковь ходили» [19].

Усердие к исполнению долга исповеди и причастия отмечали многие приходские священники, причем замечали, что делают это крестьяне «непринужденно, неопустительно и с особым расположением духа веры» [20, с. 739]. Священник В. Покровский писал о своих прихожанах: «В течение Великого Поста говеют почти все. Разве только какие-нибудь крайние случаи могут помешать этому. Опускание такое крестьянин считает большим грехом и спешит покаяться в нем прежде других грехов своих» [21, с. 333].

Христианство утверждает, что целью покаяния является оставление грехов и изменение жизни в соответствии с библейскими заповедями. И хотя архиереи отмечали, что «в общем, православное население Оренбургской епархии любит святую веру православную и старается располагать по требованиям ее свою жизнь...» [22], однако «нравственная жизнь прихожан не соответствует требованиям христианской нравственности» [22]. Священники, более приближенные к своей пастве, замечали, что «как на счет христианской религии, так и по части морали понятия прихожан не ясны, не определены, в силу чего они не могут с надлежащим чувством относиться к предметам той и другой и тем еще менее могут высокие принципы христианской морали воплощать в своей жизни» [21, с. 333]. Дела христианского благочестия «исполняются прихожанами больше механически, по традиции, без ясного понимания внутреннего смысла совершаемых действий» [23, с. 401].

Анализ статистики некоторых видов преступлений, которые в православной традиции именуется грехами, не позволяет говорить о значительном ухудшении религиозно-нравственного состояния паствы (см. табл. 2, 3). Правда, в 1910 г. несколько увеличилось число самоубийств. Напомним, что самоубийство есть крайняя степень отчаяния, и христианством расценивается как самый тяжкий грех, так как после его совершения уже невозможно покаяние. Увеличение самоубийств может свидетельствовать о возрастании числа неверующего населения.

Таблица 2

Насильственные смерти в Оренбургской губернии [24]

	детоубийства		убийства		самоубийства		Всего	всего по губернии
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.		
1880								
В городах	2	–	10	2	8	–	22	174
В уездах	6	6	110	2	13	5	152	
На 100 тыс. чел.	1,3		12,9		2,5			
1881								
В городах	1	1	13	1	3	–	19	147
В уездах	9	9	77	9	7	7	128	
На 100 тыс. чел.	1,9		10,6		1,8			
1882								
В городах	–	–	8	5	5	2	20	96
В уездах	2	1	43	8	13	9	76	
На 100 тыс. чел.	0,3		6,2		2,8			
1910								
В городах		1	22	5	24	7	59	350
В уездах	9	8	193	26	47	8	291	
На 100 тыс. чел.	0,8		6,9		4			

Таблица 3

Количество незаконнорожденных детей в Оренбургской губернии [25]

Годы	1863	1880	1881	1882
Города и уезды				
г. Оренбург	86	63	62	114
Оренбургский уезд	104	81	49	100
г. Орск	–	4	–	7
Орский уезд	–	26	21	37
г. Верхнеуральск	19	14	7	12
Верхнеуральский уезд	13	82	39	81
г. Троицк	18	15	13	28
Троицкий уезд	66	117	102	189
г. Челябинск	31	22	14	34
Челябинский уезд	240	339	114	317
г. Илецк	–	3	1	1
Всего	577	766	422	920
На 100 тыс. человек	34	74	40	89

Примечание к таблицам: знак «–» обозначает отсутствие данных.

Формальное по требованию традиции и государственной власти участие в таинствах Православной Церкви, осмысливавшихся в категории «христианского долга», не изменяло жизни большинства населения Оренбургской епархии. Причины этого крылись формализации сакрального, выражавшейся, прежде всего, в государственном регулировании совершения народом этих таинств, а также в народном невежестве и влиянии иноверцев.

Библиографический список

1. Громько, М.М. О воззрениях русского народа / М.М. Громько, А.В. Буганов. – М.: Паломник, 2000.
2. Ореханов, Г., иерей. На пути к Собору: Церковные реформы и первая русская революция / Г. Ореханов. – М.: Изд. ПСТБИ, 2002.
3. Конюченко, А.И. Религиозно-нравственная характеристика православного населения Оренбургской епархии (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А.И. Конюченко // Вестник Челябинского университета. Сер. № 1. – История. – 1998 – № 1.
4. Литвак, Б.Г. Русское православие в XIX веке / Б.Г. Литвак // Русское православие: вехи истории. – М., 1989.
5. Распоряжения по Епархиальному Управлению от 10 июля 1874 г. – о невключении в списки о нерадивых к исполнению христианского долга исповеди и св. причастия тех прихожан, которые исполняют сказанный долг не в св. четырехдесятницу, а в другие посты // Оренбургские епархиальные ведомости (далее – ОЕВ). – 1874. – № 15. – Отд. офиц.
6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2533. Л. 47 об.
7. Пьянков, В., священник. Некоторые черты из жизни Горских прихожан во время Великого поста / В. Пьянков // Пермские епархиальные ведомости (далее – ПЕВ). – 1870. – № 22. – Отд. неоф.
8. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 173. Оп. 5. Д. 9427. Л. 30.
9. Емекеев, С., учитель. Ногайбаки / С. Емекеев // ОЕВ. – 1902. – № 21. – Часть неоф.
10. Тимофеев, В.Т., священник. Миссионерское путешествие по инородческим приходам Оренбургской епархии / В.Т. Тимофеев // ОЕВ. – 1890. – № 6. – Миссионерск. отд.
11. Голобушин, И., священник. Случаи из практики сельского священника / И. Голобушин // Руководство для сельских пастырей (далее – РДСП). – 1889. – Т. 3. – № 43.
12. Руфимский, П., священник. О напутствовании умирающих в инородческих приходах / П. Руфимский // РДСП. – 1889. – Т. 1. – № 14.
13. О привлечении прихожан к аккуратному исполнению христианского долга исповеди // ОЕВ. – 1912. – № 2. – Часть неоф.

14. Смирнов, С. Древнерусский духовник: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины / С. Смирнов. – М., 1914.
15. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 305. Оп. 1. Д. 26 Л. 45.
16. ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5642. Л. 159 об.
17. Королева, Е.Д. Труды православного духовенства в укреплении благочестия и нравственности населения / Е.Д. Королева // Пятые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 22–23 апреля 2004 г. – Екатеринбург, 2004.
18. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10517. Л. 12.
19. Полевые материалы, собранные автором в г. Кусе Челябинской области в 2001 г.
20. Невский, И., свящ. Село Слоновка Оренбургского уезда / И. Невский // ОЕВ. – 1898. – № 19. – Отд. неоф.
21. Покровский, В., свящ. Село Саратовка Оренбургского уезда / В. Покровский // ОЕВ. – 1905. – № 9-10. – Часть неоф.
22. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2042. Л. 41 об.
23. Чернавский, Н.М. Село Воздвиженское Оренбургского уезда / Н.М. Чернавский // ОЕВ. – 1897. – № 22. – Отд. неоф.
24. Таблица составлена по: Справочная книжка по Оренбургской губернии на 1884 г. / Под ред. П.Н. Распопова. – Оренбург, 1884; Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1912 г. – Оренбург, 1912.
25. Таблица составлена по: Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 г. – Уфа, Б. г.; Справочная книжка по Оренбургской губернии на 1884 г. / Под ред. П.Н. Распопова. – Оренбург, 1884.

[К содержанию](#)

УДК 783.21

**ОБ ИСТОЧНИКАХ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА
ВЫДАЮЩЕГОСЯ МОСКОВСКОГО МАСТЕРА-РАСПЕВЩИКА
ФЁДОРА КРЕСТЬЯНИНА (ум. ок. 1607 г.)***

Н.П. Парфентьев

В статье даётся обзор музыкальных произведений Фёдора Крестьянина, выявленных в рукописных памятниках XVI–XVII вв., приводятся также научные труды, в которых исследуются некоторые из этих произведений.

Ключевые слова: древнерусское церковно-певческое искусство, авторское творчество, Фёдор Крестьянин.

В 1846 г. М.П. Погодину, издававшему журнал «Москвитянин», В.Д. Пискаревым была «доставлена» «старинная книга», в которой находилось «Предисловие, откуда и от какого времени начало быти в нашей Русской земли осмогласное пение». В сочинении древнего автора рассказывалось о деятельности русских мастеров-распевщиков, среди которых особо выделялось имя Федора Крестьянина (Христианина). Издатель сразу же высоко оценил значение найденного повествовательного источника для истории древнерусского церковно-певческого искусства и спешно опубликовал его в несколько сокращенном виде, предприняв неудачную расстановку знаков пунктуации и допустив неточности в изложении текста (например, о мастере Стефане Гольше говорится, что он учил знаменному пению «Усольскую сопрану»; в оригинале – «Усольскую страну») [1, с. 173–174].

В том же году появился труд В.М. Ундольского, посвященный публикации источников по «истории церковного пения в России». Ученый предварил эти источники «замечаниями», в которых впервые предстала краткая, но документально обоснованная история древнерусского музыкально-письменного искусства. Кроме архивных документов он заново опубликовал «Предисловие», отметив, что М.П. Погодиным оно воспроизведено «не совсем верно». В.М. Ундольский указал, что памятник написан «около середины XVII в.», а часто употребляемое выражение «мы грешнии» свидетельствует, что он вышел из среды духовенства [2, с. 6–8]¹.

Так вместе с «Предисловием» в науку вошло имя выдающегося русского распевщика Федора Крестьянина. С тех пор в соответствии со сведениями, имеющимися в памятнике, в трудах о древнем искусстве знаменного пения Крестьянин упоминался как автор распевов, служивший при дво-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-13-00077.

¹ Данный текст памятника переиздан: [3, с. 40–42]. Сборник, на который ссылается В.М. Ундольский, ныне хранится в РГАДА [4].

ре царя Ивана Грозного. Иногда о характере его придворной службы высказывались ничем не обоснованные предположения, которые получали распространение в последующих работах². Ученые обращались и к изучению самого «Предисловия», публикуя его новые списки, уточняя датировку создания [напр.: 6, с. 53–57; 7, с. 21–23].

Заинтересовали исследователей и особенности творчества Крестьянина. Уже И.П. Сахаров отметил, что с его именем связана «новая эпоха московского пения», а задача историка определить круг произведений этого пения, показать их самостоятельность и влияние на Россию [8, с. 60–61]. Д.В. Разумовский, внимательно изучив другой выдающийся музыкально-исторический памятник – «Извещение... желающим учиться пению» [9], обнаружил, что Крестьянином и другими мастерами при выпевании некоторых знаков нотации (например, паука и сложитии) придавалось свое, «местное значение», а современники, знавшие авторов мелодий, указывали в рукописях их «местопребывание»: «Роспев Христианинов, называемый иначе московским» [10, с. 162, 189]. Работавший с древними певческими сборниками С.В. Смоленский отмечал, что в них особенно утвердились «Усольский» и «Христианинов» распевы [11, с. 8]. Среди многочисленных музыкальных «переводов» песнопений, появившихся во второй половине XVI в., «Христианинов перевод» упоминал в своих трудах и В.М. Металлов [12, с. 47–48].

Позже ученые стали указывать точное местонахождение авторских песнопений в памятниках письменности, вводя их в научный оборот, сопровождая замечаниями или предлагая свою методику их анализа.

М.В. Бражникову удалось обнаружить в певческих сборниках XVII в. «Фиты розводные, перевод Крестьянинов» [13] и величественный цикл «Стихиры евангельские» Большого распева, обозначенный авторством того же мастера [14]. По мнению ученого, музыкально-теоретическое руководство, раскрывающее формулы-фиты, – Фитник, «строго говоря, не является его (Крестьянина) сочинением – это, скорее всего, собрание личных редакций, известных Ф. Крестьянину фитных напевов» [15, с. 8; см. также: 16]. «Стихиры евангельские» М.В. Бражников опубликовал, выполнив их расшифровку и исследование [17].

В своем обзоре певческих рукописей А.Н. Кручина упомянула о выявленном ею «неизвестном ранее» произведении Крестьянина – стихире в честь Рождества Богородицы «Всечестное твое рождество» [18, с. 129; 19].

В 1980 г. З.М. Гусейнова сообщила о находках других исследователей [20, с. 203]. Л.Ф. Морохова обнаружила распев Крестьянина к прокимну «Хвалите имя Господне» [21], а С.В. Фролов – к стихире на Введение Богородицы во Храм «Давыдо провозгласи» [22]³. Самою З.В. Гусейновой

---

² Например, предположение Д.В. Разумовского о том, что Крестьянин находился в составе хора государевых певчих дьяков [5, с. 55].

³ С.В. Фроловым было предпринято исследование этого песнопения с помощью предложенного им «формально-статистического» метода [23].

список произведений мастера был дополнен распевками к стихирам «Во вертепо воселился» и «Видящи тя тварь», помещенными в сборник Соловецкого монастыря конца XVI—первой половины XVII в. [24; 20, с. 196–199]. В том же сборнике оказался второй список песнопения «Давыдо провозгласи», однако обозначение в нем авторства, как и авторское указание к песнопению «Во вертепо воселился», пришлось уточнять⁴.

По результатам обследования в 1980-е гг. древних памятников русской музыкальной письменности опубликованы данные о распевках Крестьянина к песнопениям «Аще и во гробо сниде» (кондак Пасхе), «Придете новокрещении рустии собори» (стихира князьям Борису и Глебу), «Воскресни, Боже» (на Литургии вместо «Аллилуйя»), «Да молчит всяка плоть» (на Литургии вместо Херувимской песни) [26–29; см. также: 30, с. 63; 31, с. 98, 120 и др.].

Ряд произведений Федора Крестьянина в числе творений других распевщиков был введен в науку с открытием в одном из фондов РГАДА собрания нотированных записей, выполненных неким древним мастером пения. Вслед за первым сообщением о существовании собрания, в котором лишь сообщалось, что «уникальный комплекс рукописей конца XVI – начала XVII в. из нотной библиотеки русских царей» представляет собой «черновые материалы “государевых” певчих дьяков» [32, с. 196], последовали более подробные обзоры песнопений [напр.: 30, с. 53; 31, с. 97–98]. Стали известны распевы Крестьянина к задостойнику на Пасху «Светися, светися новии Иеросалиме», к блаженне 1-го гласа «Снеди ради» [33, 34]. Особое место среди песнопений занимает цикл «Тропари ердынския» (Богоявлению) [35]⁵. Еще один цикл песнопений в распеве Крестьянина дошел до нас в двух списках с указанием «Сие Ирмосы прибылныя [...]». В него вошли песнопения книги Ирмологий: «Провидя духоме Аввакумо», «Огненные ум», «Ангеломо отроки», «Цареских детеи молитва», «Тя паче ума» (глас 5, песни 4, 5, 7–9) и «Из чрева адова» (глас 8, песнь 6) [39]⁶.

Список перечисленных произведений мастера можно дополнить, для чего необходимо особенно внимательно разобрать некоторые записи-ремарки к песнопениям, имеющиеся в упомянутых черновиках придворного певчего начала XVII в. Это трудно читаемые пометы в результате допускаящихся сокращений, а также появления потертостей, дефектов и т.п. Одна из ремарок сопровождает строки из кафизмы 17 «Блажени непорочнии» и «Руце твои сотвориште мя и со[здасте мя]», записанные в самом конце листа после строк из блаженн. В ней говорится: «Се Християнин пел, а я назнаменил» (то есть вслед за исполнением мастером песнопения певчий записал отдельные его строки знаменами – «знаменил»). К сожа-

⁴ Н.В. Парфентьевой установлено на основании других списков, что писец соловецкой рукописи перепутал ремарки к этим стихирам [25, с. 199].

⁵ Исследование цикла см.: [36–38].

⁶ Исследование цикла см.: [40].

лению, текст последних строк кафизмы срезан [41]. В следующей записи сообщается: «Лета 7113 [1605] марта в 15 день, на 5 недели св. поста, в пяток, взято у Иосифа, Хрес[тиянина] г[лаго]лем[ое], а он взял у Офони Ворог[ова]». Данная запись относится к возгласу «Хвалите имя Господене. Аллилуия» [42]. Она свидетельствует о необычайной популярности среди певчих распевов мастера, которые они переписывали друг у друга.

Наконец, отметим, что кроме распевов на полные тексты песнопений ученики Крестьянина и писцы книг бережно фиксировали авторские трактовки их отдельных «строк», «разводов» сложных мелодических оборотов-формул, выполненных мастером во время певческой практики и обучения певцов [напр., см: 30, с. 62 и др.; 43, с. 15–20 и др.]. Всё это составляет своеобразие авторской музыкально-интонационной азбуки Крестьянина, воплощавшейся им в произведениях. Без реконструкции данной азбуки невозможно выполнить точную, поформульную расшифровку музыкальных текстов этих произведений [44–46].

Конечно, наибольшее внимание из произведений Крестьянина привлекают масштабные певческие циклы. Но, пожалуй, вершиной творчества мастера является величественный цикл «Стихиры евангельские» из 11 песнопений в стиле Большого распева [14]. На примере его изучения мы видим чрезвычайную сложность исследования древнерусских авторских музыкальных произведений.

Этот цикл чаще всего помещался в качестве особого раздела книги Октоих. Как отмечалось, впервые изучение Стихир евангельских в авторской интерпретации («переводе») Федора Крестьянина было предпринято М.В. Бражниковым. Ученый опубликовал этот уникальный памятник древнерусского церковно-певческого искусства, дал расшифровку песнопений, исследовал их музыкально-поэтическое содержание [17]. Он считал, что Крестьянин был автором композиции Стихир и полностью создал их распевы. Однако рассмотрение цикла в контексте более широкого круга источников показало, что само авторство знаменитого распевщика представляет собой чрезвычайно сложное явление. Творческая интерпретация Стихир опиралась на могучие корни, уходящие в XI–XII вв. Древнейшие записи отразили архетип распева. Именно тогда оформилось местоположение основных лицевых и фитных формул, кулизменных кадансов. Затем в 80-е гг. XV в. (возможно, «дьяконом из Твери», о котором, согласно «Предисловию», своим ученикам рассказывал сам Федор Крестьянин) распеву было придано новое звучание. Рукописи зафиксировали этот распев в виде типовой модели, ставшей основой для авторского «перевода» Крестьянина. К началу 80-х гг. XVI в. была проведена грандиозная работа по раскрытию певческого значения значительного числа мелодических формул, а в ряде случаев и по преобразованию некоторых из них, что привело к обновлению музыкально-графического и частично интонационного облика распева Стихир. Федор Крестьянин на основе уже сложившейся ранее формульной композиции создал собственную версию распева Стихир [подробнее см.: 43, с. 125–141; 47–50].

История открытия песнопений в распевах Федора Крестьянина показывает неослабевающий интерес к ним исследователей. Сегодня многие из перечисленных творений выдающегося мастера получили обстоятельное исследование. Разработанный специальный текстологический метод структурно-формульного анализа позволяет получить наиболее достоверные результаты их изучения и расшифровки [см.: 51–53].

Известно, что документальных источников о жизни и деятельности выдающегося распевщика почти не сохранилось. Поэтому основные сведения о нем дают нам письменные памятники повествовательного характера, музыкально-теоретические трактаты, ремарки, сопровождающие его произведения в певческих рукописях. Представленные источники позволяют дополнить крайне скудные исторические сведения о жизни и деятельности мастера [см.: 54–58].

Библиографический список

1. Погодин, М. Вновь найденные данные для истории церковного пения в России / М. Погодин // Москвитянин. – 1846. – № 6. – С. 173–174.
2. Ундольский, В.М. Замечания для истории церковного пения в России / В.М. Ундольский. – М., 1846. – С. 6–8; Предисловие: С. 19–23.
3. Музыкальная эстетика России XI–XVIII вв. / сост. А.И. Рогов. – М., 1973.
4. РГАДА. Ф. 181. № 600. Л. 446–447.
5. Разумовский, Д.В. О нотных безлинейных рукописях церковного знаменного пения / Д.В. Разумовский. – М., 1863.
6. Смоляков, Б.Г. Две редакции «Предисловия...» / Б.Г. Смоляков // Памятники Отечества, 1980. – № 1. – С. 53–57.
7. Протопопов, В.В. Русская мысль о музыке в XVII в. / В.В. Протопопов. – М., 1989.
8. Сахаров, И.П. Исследования о русском церковном песнопении / И.П. Сахаров. – СПб., 1849.
9. Александр Мезенец и прочие. Извещение... желающим учиться пению (1670 г.) / Введ., публ., перев. и истор. исслед. памятника – Н.П. Парфентьев; коммент. и исслед. Памятника – З.М. Гусейнова. – Челябинск, 1996.
10. Разумовский, Д.В. Церковное пение в России / Д.В. Разумовский. – М., 1868. – Вып. 2.
11. Смоленский, С.В. Общий очерк исторического и музыкального значения певческих рукописей Соловецкой библиотеки / С.В. Смоленский. – Казань, 1887.
12. Металлов, В.М. Очерк истории православного церковного пения в России / В.М. Металлов. – М., 1915.
13. РНБ. Погод. № 1925. Л. 183–194 об.
14. ИРЛИ. Усть-Цилем. № 404. Л. 236–261.
15. Бражников, М.В. Федор Крестьянин – русский распевщик XVI в. / М.В. Бражников // Памятники русского музыкального искусства. – М., 1974. – Вып. 3.

16. Гусейнова, З.М. Фитник Федора Крестьянина / З.М. Гусейнова. – СПб., 2001.
17. Федор Крестьянин. Стихиры / Публ., расшифр. и исслед. М.В. Бражникова // Памятники русского музыкального искусства. – М.: Музыка, 1974. – Вып. 3.
18. Кручинина, А.Н. Певческие рукописи из Софийского собрания ГПБ / А.Н. Кручинина // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов: Сб. науч. тр. – Л., 1979.
19. РНБ. Соф. № 492. Л. 347.
20. Гусейнова, З.М. К вопросу об атрибуции памятников древнерусского певческого искусства / З.М. Гусейнова // Источниковедение литературы Древней Руси. – Л., 1980.
21. РНБ. Кир.-Бел. № 642/889.
22. ИРЛИ. Браж. № 25. Л. 202 об.–203 об.
23. Фролов, С.В. «Большой» роспев Федора Крестьянина / С.В. Фролов // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. – Л.: Наука, 1981. – Т. 36. – С. 295–307.
24. РНБ. Сол. № 690/751.
25. Парфентьев, Н.П. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI–XVII вв. / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева. – Челябинск: Книга, 1993.
26. РГБ. Ф. 304. № 429. Л. 206 об.
27. РГБ. Ф. 176. № 766. Л. 339 об.
28. ГИМ. Увар. № 695. Л. 43. 29.
29. ГИМ. Син. певч. № 1357. Л. 23–24 об.
30. Парфентьев, Н.П. Усольская школа в древнерусском певческом искусстве XVI–XVII вв. и произведения ее мастеров в памятниках письменности / Н.П. Парфентьев // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. – Новосибирск: Наука, 1985.
31. Парфентьев, Н.П. Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI–XVII вв.: Школы. Центры. Мастера / Н.П. Парфентьев. – Свердловск: УрГУ, 1991.
32. Морозов, Б.Н. Новоописанная коллекция «Рукописное собрание ЦГАДА» / Б.Н. Морозов // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы. науч. конф. – Л., 1982.
33. РГАДА. Ф. 188. № 1585. Л. 1;
34. РГАДА. Ф. 188. № 1574. Л. 116.
35. РГАДА. Ф. 188. № 1584. Л. 1–2.
36. Парфентьева, Н.В. Певческий цикл «Тропари Иорданские» в распеве московского мастера XVI в. Федора Крестьянина / Н.В. Парфентьева // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: Сб. материалов науч. конф. – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – С. 3–20.

37. Парфентьева, Н.В. Образно-смысловое содержание цикла «Тропари иорданские» московского мастера Федора Крестьянина / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: «Социально-гуманитарные науки». – 2008. – Вып. 11. – С. 54–71.

38. Парфентьева, Н.В. Певческий цикл «Тропари Иорданские» как пример авторского творчества мастера Федора Крестьянина (ум. ок. 1607) / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 103–111.

39. РГАДА. Ф. 188. № 1586. Л. 1, 2.

40. Парфентьева Н.В. «Ирмосы прибыльные» знаменитого московского распевщика Федора Крестьянина (1606) / Парфентьева Н.В., Парфентьев Н.П. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 17. – С. 78–84.

41. РГАДА. Ф. 188. № 1584. Л. 4 об.

42. РГАДА. Ф. 188. № 1589. Л. 1.

43. Парфентьева, Н.В. Творчество мастеров древнерусского певческого искусства XVI–XVII вв. (На примере произведений выдающихся распевщиков) / Н.В. Парфентьева. – Челябинск, 1997.

44. Парфентьева, Н.В. Формульно-интонационная азбука московского распевщика XVI в. Федора Крестьянина / Н.В. Парфентьева // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – Вып. 4. – С. 186–197.

45. Парфентьева, Н.В. К реконструкции авторской формульно-интонационной азбуки демественного распева московского мастера Федора Крестьянина (ум. ок. 1607) / Н.В. Парфентьева // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – Вып. 5. – С. 212–231.

46. Парфентьева, Н.В. Авторские «азбуки» московского мастера древнерусского музыкально-письменного искусства Федора Крестьянина (ум. ок. 1606 г.) / Н.В. Парфентьева // Наука ЮУрГУ: Материалы 60-й юбилейной науч. конф. – Челябинск: ЮУрГУ, 2008.

47. Парфентьева, Н.В. Стихиры евангельские в творчестве московского распевщика XVI в. Федора Крестьянина (Стихира первая) / Н.В. Парфентьева // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. ст. – Челябинск: ЮУрГУ, 2003. Вып. 2. – С. 60–79.

48. Парфентьева, Н.В. Стихиры евангельские в творчестве московского распевщика XVI в. Федора Крестьянина (Стихира вторая) / Н.В. Парфентьева // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: сб. материалов науч. конф. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. – С. 98–115.

49. Парфентьева, Н.В. Стихиры евангельские в творчестве московского распевщика XVI в. Федора Крестьянина (Стихира третья) / Н.В. Парфентьева // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – Вып. 4. – С. 74–99.

50. Парфентьева, Н.В. Певческий цикл «Стихиры евангельские» московского мастера XVI в. Федора Крестьянина (опыт исследования) / Н.В. Парфентьева // Гимнология: сб. статей. Вып. 6: Актуальные проблемы изучения церковно-певческого искусства: наука и практика. Материалы междунар. науч. конф. 2009 г. – М.: МГК, 2011. – С. 203–214.

51. Парфентьев, Н.П. О методах исследования произведений древнерусского музыкально-письменного искусства / Н.П. Парфентьев // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: сб. материалов науч. конф. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – С. 31–36.

52. Парфентьева, Н.В. О методах исследования музыкально-теоретических основ творчества Федора Крестьянина (XVI в.) / Н.В. Парфентьева // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: сб. материалов науч. конф. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – С. 37–50.

53. Парфентьева, Н.В. Методологические подходы в изучении теоретических основ творчества выдающегося московского распевщика Федора Крестьянина (ум. ок. 1607 г.) / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – Вып. 18. – С. 111–120.

54. Парфентьев, Н.П. Выдающийся московский распевщик XVI – начала XVII в. Федор Крестьянин и его произведения / Н.П. Парфентьев // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – Вып. 2. – С. 46–59.

55. Parfentjev, N.P. About Activity of Feodor Krest'janin – the Master of Musical-Written Art of XVI – the Beginning XVII Centuries / N.P. Parfentjev // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2009. – V. 2 (3). – P. 402–413.

56. Парфентьев, Н.П. Хроника творческой деятельности Федора Крестьянина в 1598–1607 гг. / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – Вып. 4. – С. 100–129.

57. Парфентьев, Н.П. Освоение репертуара мастерами певческой школы Федора Крестьянина на рубеже XVI–XVII вв. / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – Вып. 19. – С. 83–90.

58. Parfentjev, N.P. Reflection of the main directions didaskal Feodor Krest'ianin's creative activity in monuments of writing XVI–XVII centuries / N.P. Parfentjev // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2013. – V. 10. – P. 1423–1432.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФЕДОРА КРЕСТЬЯНИНА
СТИХИРАРЬ МЕСЯЧНЫЙ

№	Служба, раздел	Песнопение	Начальная и конечная строки	Источник
1	Рождество Богородицы (8 сент.)	На «Господи возвах», слава, глас 4	Всечестное твое рождество пресвятая... ... Богородице препетая и браконейскусимая.	РНБ, Соф. 492, л.347
2	Введение Богородицы во Храм (21 нояб.)	Слава, глас 2	Давыдо провозгласи тя чистая... ... даровати намо велию милость.	ИРЛИ, Браж.25, л.202 об.-203 об.
3	Рождество Христово (25 дек.)	Слава, глас 4:	Во вертепо воселился еси Христе... ... едине человеколюбче.	РГБ, ф.304, №429 л.354 об.-355.
4	Богоявление Господне (6 янв.)	Тропари иорданские, глас 8	Гласо Господене на водах вопиете... ... духо страха божия являшагося Христа.	РГАДА, ф.188, №1584, л.1
5	«	«	Денесе водении освящаются состави... ... владыку видя крещающася.	Там же.
6	«	«	Яко человека на реку приде Христе... ... грехо ради нашихо человеколюбче.	Там же.
7	«	«	Прямо гласу вопиющаго во пустыни... ... спасево земля и миру грехи.	Там же, л.1-2.
8	Борису и Глебу (24 июл.; 2 мая)	Стихира, глас 8	Придете новокрещении рустии собори... ... Бога молита о душахо нашихо.	РГБ, ф.178, №766, л.339-339 об.

СТИХИРАРЬ ПОСТНЫЙ

9	Великий Пост, Неделя 3-я	Стихира, глас 5	Видящи тя тварь вся на кресте нага висяща... ... на спасение миру и созедание.	РНБ, Сол.690/751, л.117.
10	Пасха	Литургия, за-достоинник	Светися, светися новии Иеросалиме... ... о востании рождества твоего.	РГАДА, ф.188, №1585, л.1
11	«	Кондак, глас 8	Аще и во гробо сниде бесомертенено... ... иже падошимо подая воскресние.	РГБ, ф.304, №429, л.206 об.

ОБИХОД

12	Полиелеос		Хвалите имя Господене. Аллилуия.	РНБ, КБ 642/899, л.452 об.
13			Хвалите имя Господене. Аллилуия.	РГАДА, ф.188, №1589, л.1
14		Кафизма 17 (?)	Блажени непорочени.	РГАДА, ф.188, №1584, л.4 об.
15	Литургия	Вместо Аллилуйя	Воскресни, Боже, суди земли.	ГИМ, Увар.695, л.43
16	Литургия	Вместо Херувимской песни	Да молчит всяка плоть человека...	ГИМ, Син. певч., №1357, л.23-24 об.

ОКТОИХ

17	Блаженны	Блаженна 1, Глас 1	Снеди ради изведе из рая... ... помяни мя вопия во царстви си.	РГАДА, ф.188, №1574, л.116.
18	Стихиры евангельские	Стихира 1, глас 1	На гору учеником идущим... ... Христос Бог и Спасо душамо нашимо.	ИРЛИ, У.-Цил., №404, л.236
19		Стихира 2, глас 2	Со миром пришедошемо... ... яко жизнедавеца и Господа.	Там же, л.237 об
20		Стихира 3, глас 3	Магдальни Марии спасово благовествующи... ... человеколюбче Господи.	Там же, л.239 об.
21		Стихира 4, глас 4	Утренняя бе рано и жены пришедоши... ... прослави твоя во себе чудеса.	Там же, л.242
22		Стихира 5, глас 5	О премудрыхо твоихо судебо, Христе... ... твое воскресение име же помилуй насо.	Там же, л.244
23		Стихира 6, глас 6	Воистину миро ты, Христе, ко человеком... ... Господи слава тебе.	Там же, л.247 об.
24		Стихира 7, глас 7	Се тма и рано и что у гроба Марие стоиши... ... воспоимо тебе жизнедавеца Христа.	Там же, л.250
25		Стихира 8, глас 8	Марьины слезы не без ума проливаются... ... явления твоего владыко Господи.	Там же, л.251
26		Стихира 9, глас 5	Яко и последняя времена... ... благосерде Господи.	Там же, л.253 об.

Окончание приложения

27		Стихира 10, глас 6	Еже по во адо сошестви... ...человеколюбече Господи.	Там же, л.255 об.
28		Стихира 11, глас 8	Являя себя ученикомо Спасо... ...стадо си сохроняи ото волко губящиho e.	Там же, л.258

ИРМОЛОГИЙ

29	Глас 5	Песнь 4, ирмос	Провидя духоме Аввакумо еже домо ея... ...вопиющеи: Слава силе твоеи Господи.	РГАДА, ф.188, №1586, л.1.
30	«	Песнь 5, ирмос	Огненьи ум Исаия духо движимо... ...озарися светоме покаяния.	Там же.
31	«	Песнь 7, ирмос	Аггеломо отроки сохрани... ...рцем вовеки: Благословен Бог отец наших.	Там же.
32	«	Песнь 8, ирмос	Цареских детеи молитва... ...дела Господеня превозносите его вовеки.	Там же.
33	«	Песнь 9, ирмос	Тя паче ума естественную Деву... ...радостным сердцем правоверно возвеличим.	Там же.
34	Глас 8	Песнь 6, ирмос	Из чрева адова вопле мои услышало еси... ...ото тля живото мои, яко человеколюбече.	Там же.

[К содержанию](#)

УДК 783.2

**ИЗ ИСТОРИИ АВТОРСКОГО ТВОРЧЕСТВА В ТРОИЦКОЙ
ОБИТЕЛИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО.
ДИАКОН ИОНА ЗУЙ (XVI в.)**

Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев

Своеобразие найденного музыкального произведения малоизвестного мастера – дьякона Троице-Сергиевского монастыря Ионы Зуя – рассматриваются в контексте особенностей церковно-певческих традиций, сложившихся не только в самой обители, но и в других регионах России XVI в.

Ключевые слова: древнерусское церковно-певческое искусство, авторское творчество, Троице-Сергиев монастырь, Иона Зуй.

Авторское творчество, проявлявшееся в древнерусском церковно-певческом искусстве, в монастырях было связано с деятельностью их хоров. Монастырский хор формировался из братии обители и делился на два клироса, возглавлявшихся головщиками. В составе монастырского хора могли оказаться люди из самых разных слоев общества. Царь Иван Грозный в 1573 г. вспоминал, что в Троице-Сергиевском монастыре был «при отце нашем на правом крылосе Лопотуха Варлам невесть кто, а княж Александров сын Васильевича Оболенского Варлам – на левом». Таким образом, в монастырском хоре оказался «князя доброго сын со страдники сверстан». «А и перед нашими очима, – продолжал царь, – Игнатей Курачев, белозерец, на правом крылосе, а Федорит Ступишин – на левом». Ступишин происходил из знатного рода, поэтому Грозный отметил, что он, занимая место на менее почетном левом клиросе, «ничем был от крылошан не отлучен» [1, с. 385].

В монастырях певцы, как и вся братия, наряду с постоянным денежным жалованьем и различными денежными пожалованиями получали «монастырский корм». Интересно, что в Троице-Сергиевском монастыре «Указом о трапезе» 1590 г. был закреплен порядок выдачи певчим дополнительных «кормов»: «Через весь год потешенье крылошеном в понедельник, в среду, в пяток в трапезе за обедом по звену рыбы или пирогу, а у погреба – по три меры пива сыченого, а <...> Страсти которые поют, тем – опричень три»; «на братию по две меры пива сыченого, а крылошеном, кои Страсти поют, – по три меры меду» [2, с. 218–219].

Будучи людьми грамотными, певцы-клирошане принимали участие в ведении монастырского хозяйства или руководили его отдельными отраслями, получая иногда за это дополнительное жалованье. Некоторые клирошане были искусными ремесленниками. Пожалуй, наиболее распространенной обязанностью монастырских певцов было «книжное дело». Клирошанам приходилось писать прежде всего необходимые для их профессиональной деятельности певческие сборники. Эти книги хранились в кельях, лучшие передавались на клирос или в библиотеку. В монастырской библиотеке со временем сосредоточивались все рукописи наряду с приобретенными и пожалованными в качестве вкладов. Так, в библиотеке Троице-Сергиева монастыря находим певческие сборники, принадлежавшие клирошанам: Иову Лупанду, Дионисию Божедомскому, Варлааму Оболенскому, Варлааму Лопотухину, Феодориту Ступишину, Логгину Шишелову и др. [3].

На поддержание высочайшего уровня певческого искусства в обители оказывали влияние мастера Московской школы. Государев и патриарший хоры, сопровождавшие глав государства и церкви во время их частых посещений монастыря, участвовали в службах наравне с монастырскими певчими. Нередким было и появление в монастыре мастеров, ранее прошедших службу при московских, в том числе придворных храмах. Ярким примером этого является деятельность придворного дьякона Фомы, который служил «у царя Ивана Васильевича в слободе в Александрове» [4, с. 252], временно ставшей фактически столицей государства. Данный период в жизни Фомы приходится на вторую половину 1560-х гг. Тогда же в сане придворного священника в Слободе служил и знаменитый распевщик Федор Крестьянин [5–7]. Фома мог не только слышать пение выдающегося дидакала и его учеников – певчих дьяков, но и мог многому у них научиться.

С конца 60-х гг. дьякон Фома, приняв постриг и получив иноческое имя Филарет, проживал в Троице-Сергиевском монастыре. Благодаря хорошему знанию певческого дела он выдвинулся в руководители монастырского хора: со второй половины 70-х гг. Филарет «установщиком бысть больше четьредесяти лет» [8, с. 63]. За сорок лет мастер, несомненно, очень многое передал хору из своего опыта, приобретенного за время пения при царском дворе, обогатив тем самым существовавшие в монастыре традиции.

С троицким монастырским хором, руководимым Фомой-Филаретом, тесно связано и имя другого выдающегося мастера – Логина Шишелова. Он вошел в историю древнерусского церковно-певческого искусства как выдающийся певец и распевщик, головщик и уставщик хора Троице-Сергиевского монастыря, хотя значительный период его жизни был связан также с Москвой, с Чудовым монастырем.

По прибытии в Троице-Сергиевский монастырь Логин занял место головщика. Здесь он подружился с уставщиком Филаретом, к тому времени исполнявшим свои обязанности уже более тридцати лет. В 1619 в преклонном возрасте («стар сый») умер уставщик Филарет. По смерти друга Логин Шишелов возглавил весь монастырский хор, став его уставщиком. Сам мастер скончался в 1624 г. Его имя было записано в синодики обители [9, 10].

Логин не только хорошо знал творчество других мастеров и при случае мог исполнить то или иное песнопение на самые разные распевы. Подобно выдающимся мастерам, являвшимся одновременно доместиками (руководителями хоров) и дидасками (учителями, теоретиками певческого искусства), он создавал разводы к отдельным сложным формулам нотации – фита́м, а также собственные варианты распевов к песнопениям [подробнее, напр., см: 11].

Однако большинство произведений, созданных в Троицкой обители, не сохранило имен конкретных авторов. В памятниках письменности они, как правило, сопровождаются ремарками «Троецкое», «Троецкой перевод» и т.п. [напр.: 12–16] Как и у мастеров других крупных центров певческого дела, у троицких распевщиков возникли собственные разводы сложных невмоформул, знамен в отдельных строках песнопений. В начале XVII в. появилось особое руководство к стихирам Сергию Радонежскому – «Разводец, строчки и фиты по троицки. Путь» [17].

Вместе с тем в певческих книгах можно встретить и имена троицких старцев, которые как распевщики не известны по другим источникам. Так, в сборнике рубежа XVI–XVII вв. в числе нескольких распевов песнопения «Да молчит всяка плоть» есть сложный мелизматический вариант с указанием «Троецкое, суще Зуевское» [18]. Кто же был автором этого, Зуевского, варианта троицкого распева?

Сохранились рукописные книги XVI в. – Евангелие, Стихирарь певческий крюковой, Псалтырь с воследованием (приложениями), а также Апостол и Книга о постничестве Василия Великого⁷, содержащие записи по нижнему полю листов о том, что они были собственностью инока Троице-Сергиевского монастыря «Ионы диакона Зуя», после которого перешли в библиотеку обители [19–21]. В Стихираре, кроме владельческой пометы «[Стихирарь] в четверть Ионы диакона Зуя», рукой инока в начале

---

⁷ За сведения о последних двух рукописях выражаем благодарность А.А. Лукашевичу.

книги на вставных листах переписаны песнопения в честь особо почитаемых в монастыре святых Сергия и Никона Радонежских (л. 5–10) и песнопение «Духовенная моя братия» из чина Погребению иноков (л. 12).

Начало записи в Псалтыри также традиционно: «Псалтырь с следованием в полдесть Ионы диакона Зуя». Но затем текст продолжен (по всей вероятности, позже) более светлыми чернилами: «А по моем животе [отдать] в дом Живоначальной Троицы чудотворца Сергия» (л. 3–10). Так помета из владельческой превратилась во вкладную. Далее на одном из листов Псалтыри в записи почерком основного писца говорится: «В лето 7000-ное 51-е [1543] месяца апреля в 22 [день] начал Игнатий Курачев писати Псалтырь и с следованием» (л. 391). Напомним, что «белозерца» Игнатия Курачева в своем Послании 1573 г. царь Иван Грозный упоминает как певчего хора Троицкого монастыря, певшего пред его, государя, очами на почетном правом клиросе. Необычно то, что в записи Игнатия сообщается лишь дата начала написания книги. Возможно, книгописец полагал вписать и дату завершения рукописи. Но далее после раздела «Последование к божественному причащению», выполненному почерком Игнатия, книгу продолжил другой писец (л. 424–512). Иногда встречаются вкрапления еще нескольких почерков (небольшие статьи, таблицы Пасхалии, составленной в 1526 г., и др.). Следовательно, Игнатий Курачев, видимо, неожиданно прервал свою работу над рукописью. Её завершили другие книгописцы.

В книгу Василия Великого почерком её писца внесено предисловие (л. 1), в котором сообщается, что она выполнена в 1556 г. иноком Исайей Каргопольцем по заказу, «строеним мниха некоего» по имени Иона с прозвищем Зуй (в некоторых районах так называли очень подвижную птицу из рода куликов), полученным «тонкости ради возраста» (очевидно, в юные годы). Далее следует обращение к читающим книгу поминать самого инокка Иону, а также Никифора и Марфу, вероятно, его родителей.

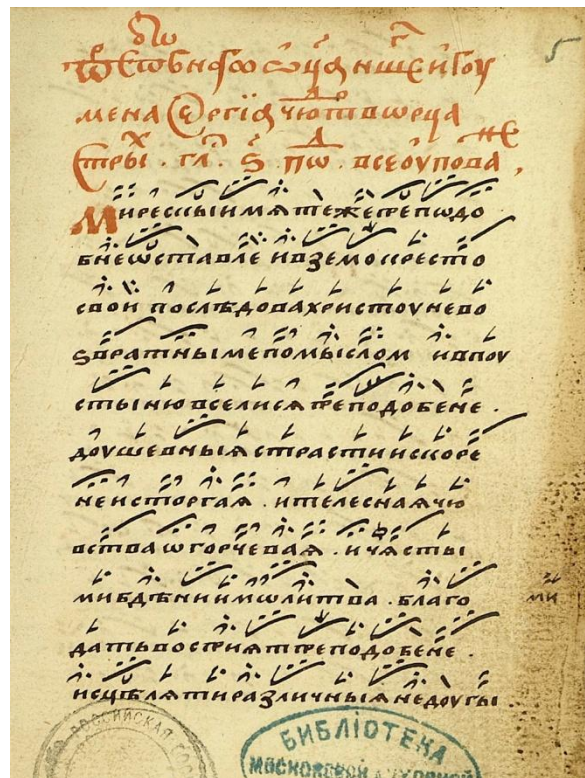

Рис. 1. Стихирарь. Заголовок и песнопения почерком Ионы Зуя (РГБ. Ф.173. № 231. Л. 5)

Интересный факт из жизни инокa сообщается и в Псалтыри, в записи, следующей за пометой о времени написания книги на том же листе (л. 391). Почерк её, очень похож на почерк Ионы Зуя. Возможно памятную помету сделал один из его учеников, келейников. В ней сообщается о важном событии в жизни инокa. Он назван старцем, который «положил на себя великий образ» 7 февраля 1559 г. Принятие великого, или ангельского, образа (схимы) иноком означало переход к высшей степени монашеского служения, сопряженного иногда с затворничеством. Нередко инок решался на принятие этого образа лишь в конце жизни. Точная дата смерти Ионы Зуя пока не известна. В главном Синодике монастыря имя мастера записано в недатированной части, примерно относящейся к 1560-м гг. [9, л. 21]⁸

Возвращаясь к дошедшему до нас Зуевскому варианту Троицкого распева к песнопению «Да молчит всяка плоть», мы можем с уверенностью констатировать, что именно троицкий дьякон Иона Зуй и являлся автором данного певческого варианта⁹.

Само песнопение «Да молчит всяка плоть» исполнялось в Великую субботу на Литургии св. Василия Великого вместо Херувимской песни в кульминационный момент службы – при переносе святых даров в алтарь. Оно привлекало внимание распевщиков многих певческих центров, в том числе таких выдающихся мастеров, как Федор Крестьянин и Иван (Исайя) Лукошков, создавших для него свои «переводы» [23, 24]. Интересно, что распевщик Усольской школы Лукошков обратился к песнопению несмотря на то, что оно уже имело «Усольское знамя» [25–27]. Распев троицкого дьякона Ионы Зуя также одновременно сосуществовал с распевом безымянных клирошан Троице-Сергиевского монастыря (обозначен как «Троецкое») [28]. Не редкость в рукописных сборниках первой половины XVII в. и другие, главным образом, анонимные распевы, включая записанные путевой и демественной нотациями [напр.: 29–31].

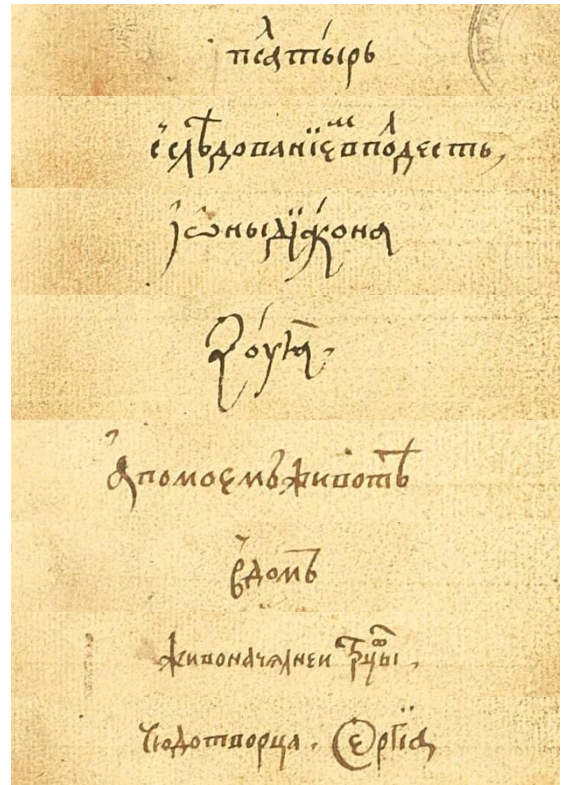

Рис. 2. Псалтырь. Владельческая запись Ионы Зуя
(РГБ. Ф. 304. № 316. Л. 3-10)

⁸ Далее идут группы записей, сопровождающиеся указанными на полях датами их внесения (первая на л. 22: 1572 г.).

⁹ Впервые об этом упомянуто: [22, с. 115].

Обнаружившийся подбор распевов одного песнопения дает уникальную возможность рассмотрения особенностей творчества мастеров в контексте традиций тех школ, которые эти мастера и представляли в своих произведениях. В какой мере распевщики следовали данным традициям, велика ли степень отхода от них и привнесения индивидуального? Насколько близки принципы творчества, претворенные мастерами одного певческого центра? Вместе с тем здесь мы уделим особое внимание изучению творческих принципов троицких мастеров и прежде всего дьякона Ионы Зуя.

Уже в ранний период своего существования (80-е гг. XV – начало XVI в.) песнопение «Да молчит всяка плоть» отличалось так называемой многораспевностью. Оно фиксировалось в двух вариантах: в виде тайнозамкненного формульного столпового знамени [32]¹⁰ и в виде тайнозамкненного формульного ключевого знамени [34]. Так как все известные нам авторские песнопения «Да молчит» изложены столповой нотацией, то архетипом, правильнее считать не ключевую, а столповую древнейшую запись, датируемую 80-ми гг. XV в. Сразу же при своем появлении гимнографический текст песнопения получил сложное музыкальное воплощение в особом мелизматическом стиле. Особенностью архетипа является отсутствие гласовой принадлежности и тайнозамкненность сложного формульного состава, отсутствие фит, обилие змийцевых комплексов. Формулы не являются рядовыми попевками знаменного стиля. Несомненно, мастера стремились придать мелодиям неординарность. Отсюда – отказ от традиционного формульного фонда: ни в одном из изученных нами более 120 списков произведения XV–XVII вв. не обнаружены обычные формулы знаменного пения.

Следующий этап развития песнопения приходится на начало XVI в., когда появляется устойчивый, типовой вариант этого столетия (назовем его прототипом). Его списки известны нам по множеству рукописных источников XVI в. [напр.: 35–41]. Хотя не существует двух абсолютно одинаковых списков песнопения, различия в них чаще всего незначительны и касаются написания знаков одного семейства или взаимозаменяемых знамен. Возможны незначительные перестановки, видоизменения, добавления или сокращения количества знаков в графике тайнозамкненного начертания, которое лишь подсказывало развод мелодии, но конкретно её не отображало.

Во многих рукописях перед завершающим первую часть текста словом «верным» выставлено киноварное «Э», означающее принадлежность произведения к Путевому или Демественному стилям. Вопрос атрибуции данного типа записи песнопения одному из этих стилей, пожалуй, наиболее сложный. По ряду косвенных признаков мы скорее относим его к Деместву.

---

¹⁰ В более ранней певческой рукописи, середины XV в., также встречаем песнопение «Да молчит», но оно не нотировано [33].

В целом типовой вариант – это обновленный графически тип записи распева. Ряд формул в общих чертах удерживает вид графической записи архетипа, но большинство из них соотносится как начертание (архетип) и первоначальный частичный развод с элементами тайнозамкнутости (типовой вариант). В то же время выявляется ряд значительно видоизмененных формул, которые свидетельствуют об обновлении графики, а значит и мелодического содержания песнопения по сравнению с архетипом. В структурном отношении мы имеем дело с композицией, состоящей из 34 формул, объединенных типизированными финалисами. Это на две формулы больше, чем в архетипе, потому что в ранних вариантах XV – начала XVI вв. завершающий песнопение возглас «Аллилуйя» распевался только один раз. В типовом варианте добавлено еще два нотированных слова «Аллилуйя». Эта традиция «трегубой Аллилуйи» стала обязательной для всего дальнейшего бытования песнопения в XVI–XVII вв.

В процессе эволюции на протяжении XVI в. типовой распев песнопения «Да молчит всяка плоть» накапливал в записи незначительные различия, не меняющие кардинально его музыкально-графический облик, который и сохранялся до последней четверти столетия. Но к 80-м гг. XVI в. разводность записи песнопения стала нарастать [напр.: 41, 42].

На рубеже XVI–XVII вв. на основе данного распева появляется множество его модификаций. Нередко в рукописи дается подборка из нескольких музыкальных вариантов песнопения [напр.: 43–45]. Они отличаются от ранних большей развитостью, дробностью изложения; отсюда – увеличение числа знамен, замена одних знаков другими и т. п.

Специальное исследование показало, что уже отмеченные Троицкий и Зуевский, а также Крестьянинов, Лукошков и Усольский «переводы» возникли на основе типового распева как его графическая разводная модификация. Все они содержат единую формульную структуру и близкие разводы формул, которые соотносятся на уровне внутрiformульной вариантности [46, с. 22–28]. Надо полагать, что очень сложная тайнозамкнутая невменная запись произведения в XVI в. породила на практике разнообразные, в том числе авторские, «толкования» распева. Эти различия накапливались стихийно, а в конце XVI – начале XVII в. с усилением интеграции областных культур в общерусскую стали очевидны и перешли в сферу теоретического осмысления. Сознательная фиксация вариантов песнопения с большим количеством местных и авторских особенностей – это новый уровень обобщения сложившихся традиций.

Черты общности распевов ярко воплощены в их структурном решении как на уровне границ формул, так и в более крупных построениях – строках, частях. При классификации различий, существующих между авторскими вариантами (см. таблицу), выяснилось, что едва заметные ритмоинтонационные изменения по мере их накопления в формулах придают последним своеобразный мелодический рисунок при сохранении основно-

го музыкального контура. Подобные разночтения формул и образуют «перевод», формируют особенности того или иного авторского варианта.

Таблица

Сравнительный анализ разночтений в авторских распевках

№ п. п.	Распев сравни- ваемый (колич. знамен)	Распев для срав- нения (колич. знамен)	Разночтения						Общее число разночтений
			Ритми- ческие	Звуковы- сотные в знаменах	Ритмич. и звуковыс.		По харак- теру мело- дического движения	По вза- имоза-меняе- мости знаков	
					Знамена одного семей- ства	Различ- ные зна- мена			
1	Зуевск. (340)	Троицк. (341)	14	16	2	2	27	5	66
2	Зуевск. (340)	Усольск. (344)	34	32	2	21	88	9	186
3	Зуевск. (340)	Лукошк. (346)	32	42	2	21	84	8	179
4	Зуевск. (340)	Крест. (327)	20	31	2	6	110	16	185
5	Троицк. (341)	Усольск. (344)	35	34	2	21	86	12	190
6	Троицк. (341)	Лукошк. (346)	34	35	1	23	89	9	194
7	Троицк. (341)	Крест. (327)	22	36	1	5	114	9	187
8	Лукошк. (346)	Усольск. (344)	15	22	1	-	7	1	46
9	Лукошк. (346)	Крест. (327)	27	36	2	5	82	8	160
10	Крест. (327)	Усольск. (344)	26	37	2	11	68	9	153

Из представленной таблицы видно, что решающим фактором выступают количественные показатели разночтений: для распевов единой традиции их число колеблется от 46 до 66, для произведений различных традиции – от 153 до 194. При сравнительном анализе Зуевского и Троицкого распевов выяснилось 66 разночтений на уровне внутриформульной вариантности. В то же время количество разночтений в распеве мастера при сравнении с «переводами» других школ составляет: с Крестьяниновым – 185, с Лукошковым – 179, с Усольским – 186, то есть втрое больше, чем в рамках единой традиции. Полученные результаты показывают, что Зуевский и Троицкий распевы относятся к единой школе, подтверждая ремарку о Зуевском варианте Троицкого распева («Троицкое, суще Зуевское»). Налицо графическая фиксация некоторого «произвола», допущенного Ионой Зуем в ограниченных рамках исполнительской традиции Троице-Сергиевского монастыря.

В профессиональной певческой среде России второй половины XVI в. существовал обостренный интерес к исполнительской практике видных мастеров. Подмечались и фиксировались тончайшие ритмоинтонационные нюансы в выпевании ими тех или иных знамен, формул, строк песнопений. Распев дьякона Ионы Зуя – это отражение специфики исполнения масте-

ром соответственно Троицкого «перевода» песнопения «Да молчит». В нашем случае мы наблюдаем бережное отношение к творческому наследию мастера, что свидетельствует о его высоком авторитете среди знатоков пения, об их желании зафиксировать его авторский вариант распева.

Итак, в заданных границах структуры, не изменяя кардинально контуров мелодических формул, а лишь чуть их касаясь, Иона Зуй зафиксировал живое дыхание исполнительской практики родной ему школы – обители Сергия Радонежского. Мы видим, что канон (гимнографический текст, формульная структура, контур мелодики) все же оставлял возможность для творчества. Во внедрении новаций, привносимых жизнью, в утвердившихся схемах был заложен резерв творческих проявлений – сердцевина дальнейшего художественного развития канонического искусства.

Библиографический список

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб., 1841. – Т. 1.
2. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб., 1846. – Т. 1.
3. РГБ. Ф. 304. № 414, 416, 421, 422, 423, 428.
4. Клосс, Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. / Б.М. Клосс. – М.: Наука, 1980.
5. Parfentjev, N.P. About Activity of Feodor Krest'janin – the Master of Musical-Written Art of XVI – the Beginning XVII Centuries / N.P. Parfentjev // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2009. – V. 2 (3). – P. 402–413.
6. Парфентьев, Н.П. Освоение репертуара мастерами певческой школы Федора Крестьянина на рубеже XVI–XVII вв. / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – Вып. 19. – С. 83–90.
7. Parfentjev, N.P. Reflection of the main directions didaskal Feodor Krest'ianin's creative activity in monuments of writing XVI–XVII centuries / N.P. Parfentjev // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2013. – V. 10. – P. 1423–1432.
8. Канон преп. отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевы Лавры, радонежскому чудотворцу, с присовокуплением жития его. – М., 1855.
9. РГБ. Ф. 304. № 41. Л. 31.
10. РГБ. Ф. 304. № 42. Л. 36.
11. Парфентьева, Н.В. О деятельности мастеров Троице-Сергиевского монастыря в области древнерусского музыкального искусства (на примере творчества Логина Шишелова) / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Т.1. – № 1. – С. 92–103.
12. РНБ. К.Б. № 622/879. Л. 153–154 об.

13. РНБ. Соф. № 492. Л. 148, 150–151, 152, 234.
14. ГИМ. Син. певч. № 1357. Л. 11 об.
15. РГБ. Ф. 178. № 875. Л. 378 об.
16. БРАН. 32.16.18. Л. 116.
17. РГБ. Ф. 178. № 875. Л. 425–430.
18. ГИМ. Син. певч. № 1357. Л. 16–18.
19. Евангелие упомянуто на сайте Сергиево-Посадского музея-заповедника.
20. РГБ. Ф. 173. № 231. Стихирарь певческий. Перв. четв. XVI в. Л. 14–16; Ф. 304. № 316. Псалтырь. 1543 г. Л. 3–10.
21. РГБ. Ф. 304. № 73. Апостол. Л. 22–33; № 133. Василий Великий. 1556 г. Л. 5–7.
22. Парфентьев, Н.П. Из истории профессиональных хоров в России (XVI–XVII вв.) / Н.П. Парфентьев // Русская хоровая музыка XVI–XVII вв.): сб. трудов / ГМПИ им. Гнесиных. – М., 1986. – Вып. 83. – С. 100–117.
23. ГИМ. Син. певч. № 1357. Л. 23–24 об. («Перевод, Крестьяниново»).
24. РГБ. Ф.304. № 429. Л. 195–195 об. («Ин перевод Усолской, розвод инока Исая»).
25. РНБ. Соф. № 498. Л. 505–507.
26. РНБ. Грузд. № 52. Л. 238–240.
27. РНБ. Q.I. 422. Л. 472–473 об.
28. ГИМ. Син. певч. № 1357. Л. 11 об.–13 об.
29. РНБ. К.Б. № 682/939. Л. 299 об.–301 («Ин перевод Матвеевской»).
30. К.Б. № 577/834. Л. 479 об.–480 об. («Монастырский»).
31. К.Б. № 622/ 879. Л. 137 об.–139 («Путь»).
32. РГБ. Ф. 304. № 418. Л. 1.
33. РНБ. Q.1. № 94. Л. 214 об.
34. РНБ. К.Б. 581/838. Л. 397 об.–398.
35. РГБ. Ф.113. № 245 (начало XVI в.). Л. 84 об.
36. РНБ. К.Б. 606/863 (до 1547 г.). Л. 241 об.–242.
37. РНБ. Сол. 277/283 (перв. пол. XVI в.). Л. 168 об.–169.
38. РГБ. Ф. 304. № 414 (1555 г.). Л. 107 об.
39. РНБ. К.Б. 652/909 (1558 г.). Л. 255–255 об.
40. РНБ. К.Б. 569/826 (1570 г.). Л. 283 об.–284 об.
41. ГИМ. Единон. № 37 (1584 г.). Л. 79 об.–80.
42. РГАДА. Ф. 181. № 792. Л. 224–225 об.
43. ГИМ. Син. певч. № 1357. Л. 11 об.–13 об., 16–18, 161–163.
44. БАН, Калик, № 6, л. 85–88.
45. РНБ, Погод, № 380, л. 128–130.
46. Парфентьева, Н.В. Творчество мастеров древнерусского певческого искусства XVI–XVII вв. (На примере произведений выдающихся распевщиков) / Н.В. Парфентьева. – Челябинск, 1997.

[К содержанию](#)

УДК 7.075(470)

ББК Ч14к94 + Щ100.021 + Щ103(2)

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО
ИСКУССТВА РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.:
ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ ИССЛЕДОВАНИЯ**

А.В. Разуев

Сформулированы цели и задачи разработки экономических аспектов истории изобразительного искусства России в XIX – начале XX века, приведены сведения о разработанности проблемы. Рассмотрены проблемы анализа информации об экономических аспектах, сформулированы требования, преодолевающие обозначенные проблемы.

Ключевые слова: художественный рынок, история изобразительного искусства России, государственной политики в области изобразительного искусства, благосостояние населения, коллекционирование искусства.

Экономические или материальные мотивы и стимулы порой выступают определяющими факторами в действиях человека. Художники и иные представители творческих профессий не являются исключением, хотя область приложения их таланта – идеальное и возвышенное, а результат представляет зачастую символическую в основном ценность. Традиционно считается недостойным упоминание о материальном (низком) в разговоре об искусстве. Но художественный рынок, несколько столетий существующий в западном обществе, неуклонно формируется и в нашей культуре. Освещение истории подобных процессов может помочь избежать ошибок, иллюзий и разочарований на этом пути.

Художественный рынок в России со второй половины XIX века создаёт условия развития изобразительного искусства, влияет на художественную жизнь общества, на судьбы авторов произведений и судьбы самих произведений тоже. Можно утверждать, что на современном этапе объективное представление о развитии отечественного искусства требует учета значения художественного рынка в его истории.

Цель выявления экономических аспектов истории изобразительного искусства иначе можно сформулировать как создание целостного представления об истории материального вознаграждения (в различных формах) и стимулирования художественного труда, о деятельности и роли различных институтов художественного рынка. Задачами исследования, таким образом, становятся: выявление государственной политики в области изобразительного искусства; отражение истории частных и государственных художественных собраний; исследование взаимоотношений художни-

ка и власти, художника и заказчика (покупателя); анализ социально-экономического положения художника; исследование деятельности институтов художественного рынка и выставочной (с целью продажи) практики; отражение подходов к ценообразованию в художественной среде и др.

Упоминания о материальном положении представителей мира искусства, о ценах на их произведения рассеяны во множестве источников и не поддаются в этом состоянии анализу. А ведь зачастую эти условия выступают движущей силой художественных процессов, поступков художников. Нельзя абсолютизировать роль этих факторов, видеть за каждым шагом художника коммерческий расчёт и стремление к выгоде, низводить ценность произведений искусства (труда художника) к одной лишь коммерческой составляющей. Но и пренебрегать, а тем более предавать забвению эту стороны жизни – неверно. История искусства может получить более глубокое прочтение, а процессы в художественной жизни – более точное объяснение (на сегодняшний день объяснения иногда и вовсе отсутствуют), если будет написана экономическая история искусства.

Данный термин «экономическая история искусства» не имеет распространённой практики применения (но в экономической науке существует, например, раздел «Экономическая история России»). Однако именно этот термин наиболее полно отображает задачу предпринимаемого исследования.

Изучаемый период данного исследования ограничен изучением экономической стороны искусства России в XIX – начале XX вв. Этот период достаточно полно изучен, внутри него в России устанавливаются капиталистические отношения, происходит становление художественного рынка, а, следовательно, именно этот исторический опыт наиболее актуален в настоящее время.

На первом этапе создания экономической истории искусства представляется необходимым свести воедино факты и сведения, выявить проблемы и наметить пути их решения. Задачами второго этапа будет являться внутренняя периодизация изучаемого отрезка истории, разграничение главных и второстепенных явлений, определение методов анализа исторических процессов и, собственно, сам анализ. Результат обобщения материалов на третьем этапе и будет достижением поставленной цели.

Степень научной разработанности проблемы определяется идеологическими ограничениями, существовавшими в советский период развития искусствознания. По сути, свободное освоение данного материала начато в 1990–2000 гг. Целостный и обстоятельный результат достигнут в диссертационном труде Д.Я. Северюхина [1]. Фактический материал по экономической стороне истории искусства XIX – начала XX в. можно почерпнуть из мемуаров, эпистолярного наследия художественных деятелей (А.Н. Бёнуа, К.П. Брюллова, В.В. Верещагина, С.П. Дягилева, И.Н. Крамского, С.К. Маковского, И.Е. Репина, В.А. Серова, В.В. Стасова, П.М. Третьяко-

ва, П.П. Чистякова и др.) и исследований о них. Большое значение имеют страницы истории, посвященные формированию дворцовых коллекций и музеев, а также более скромных частных художественных коллекций.

Обстоятельному изучению дореволюционной художественной жизни России посвящены многие труды Г.Ю. Стернина, публиковавшиеся с 1970 гг. на протяжении более 30 лет. Подробно рассмотрена тема художественного рынка в ряде статей В.П. Лапшина.

Но в литературе существует также ряд ошибок и проблем, связанных с предпринимаемым исследованием. Для их иллюстрации пришлось обратиться к произведению западноевропейской живописи и исследованиям, с ним связанным, в силу того, что ни одно отечественное произведение такого внимания (и в таком ракурсе) к себе не привлекало. Кроме того, для разговора о методологических проблемах не имеет значения происхождение произведения искусства. Обозначив данные проблемы, намечены пути их преодоления.

Проблемы, возникающие при подходе к решению задачи написания экономической истории искусства, наиболее ярко можно проиллюстрировать в результате анализа следующей цитаты: «Изменчивость эстетической оценки картин особенно ярко проявляется в колебаниях цен на картины, связанных с изменчивостью общественных вкусов. Во второй половине XIX в. в период большой популярности салонного классицизма картины этого стиля котировались на аукционах очень высоко, а картины, выполненные в новой экспрессионистической манере, очень низко. Так, «Аглая» Кабанеля была продана в 1876 г. за 26 000 франков, тогда как за картину Ван Гога в 1894 г. уплатили всего 30 франков (!). В XX же веке, когда вкусы публики существенно изменились, цена той же «Аглаи» в 1937 г. упала до 2000 франков, тогда как цена на картины Ван Гога стала фантастически высокой: в 1990 г. японский миллиардер Сато приобрел на аукционе Сотби в Нью-Йорке картину Гога «Портрет доктора Гаше» за 82 млн долларов (!)» [2, с. 193]. Следует добавить, что после смерти японского магната Рёэй Сайто в 1996 г. эта же картина по непроверенным данным была продана за сумму около \$10 млн [3]. Иначе представил ситуацию один из руководителей токийского аукционного дома Кионори Ямамото: по его словам картина была продана в США по сходной цене – от \$ 87 млн до \$ 130 млн. [4].

Итак, в связи с данным высказыванием возникает первый проблемный блок: многие суждения о произведениях искусства смешивают или сливают воедино эстетическую и историческую оценки с коммерческой. Коммерческую оценку произведения искусства, выражаемую в неких денежных единицах, порой отождествляют с эстетической оценкой. Эстетическая оценка по преимуществу – это соотнесение произведения с неким идеалом прекрасного. Требуется разграничить коммерческую оценку от других оценок, в частности, от эстетической и исторической.

В ЮУрГУ для студентов-искусствоведов уже более 5 лет читается спецкурс, посвящённый коммерческой оценке произведений изобразительного искусства, и разработки по этой теме позволяют определить зависимость коммерческой оценки от комплекса показателей: и качества самого произведения (эстетическая и историческая ценность, известность автора и/или произведения, провенанс, оригинальность, уникальность, риск подлинности, материал, размер, сохранность), и платежеспособного спроса, и маркетинговых усилий по сбыту, и глубины искусствоведческих исследований, и традиций ценообразования, и финансовой стабильности и благополучия общества в момент продажи, и инвестиционной привлекательности произведения. Из величины исторической ценности выделяют [5, с. 12] также контекстную ценность – ценность с точки зрения исторического контекста написания работы. Что касается конкретной цены аукциона – эта величина в принципе может быть оторвана от всякой экономической логики за счёт субъективных особенностей покупателя, умелого ведения аукциона или особенностей его организации, а иногда и за счёт желания продавца сфабриковать желаемый провенанс (англ. provenance – происхождение, источник) произведения. Одни из возможных особенностей покупателя – отношение к произведению искусства как к культурному наследию, «национальному достоянию» или некая иррациональная миссия коллекционирования. Например, в анализируемой цитате не указано – какой по качеству была проданная в 1894 картина Ван Гога. Что касается картины «Портрет доктора Гаше», то про неё известно, что в 1897 г. она была продана за 300 франков [6] (в 1888–1890 гг., например, величина ежемесячных расходов Ван Гога – около 220 франков [7, с. 264]) – эта информация уже многократно ценнее, т.к. относится к конкретному произведению.

Второй комплекс проблем состоит в том, что цена, несмотря на то, что имеет арифметическое выражение, – величина относительная и подвержена различным воздействиям. Колебания цены на картину «Аглая» Кабанелля, приведённые в цитате, вызваны далеко не только изменчивостью общественных вкусов. Во-первых, 1876 год для экономического положения Франции был временем значительно более благоприятным, чем 1937 год. Платежеспособный спрос на предметы искусства в предвоенный период, период экономического кризиса мог быть предельно низким и не исключена ситуация, что цена, уплаченная за картину в 1937 г., могла быть для покупателей по уровню жизни на тот момент, по уровню риска инвестиционных вложений – предельно высокой, тогда как в 1876 – она была средней или низкой. Таким образом, при создании экономической истории искусства необходимо учитывать социально-политическую и экономическую обстановку в обществе.

Во-вторых, корректное сравнение цен или уровней жизни (благополучия) художников возможно, если они приведены к «общему основанию», выражены в ценах какого-то выбранного года (приведены к покупательной способности денег выбранного года) и в какой-либо единой денежной единице. Инфляция, реформы денежного обращения, кризисы изменяют стоимость денежных единиц даже при сохранении их названия. В приведённой цитате информация о ценах (кроме цены 1990 г.) взята из книги французского автора [8, с. 190] и цены XIX в. в ней не только некорректно сравниваются с ценами XX в., но также опущена информация, что за картину «Аглая» в 1876 г. было заплачено 26 000 франков золотом, а в 1937 – 2000 франков ассигнациями. Кроме того, что франк в 1876 г. никак не равен франку в 1937 г., указанная «мелочь» может при более детальном рассмотрении выразиться весьма ощутимой разницей. А сколько будет \$82,5 млн 1990 г. в пересчете на франки золотом 1876 г.? Например, пересчёт \$82,5 млн, уплаченные в 1990 г., на реальную (приведённую) цену 2005 года даёт результат \$114 млн [5, с. 64]. Создавая единую картину экономического аспекта истории искусства, необходимо приводить цены к единому основанию. Это положение, довольно известное на рынке антиквариата, может являться новой информацией автора из нашей страны, но для французского автора должно было быть банальной истиной.

В-третьих, цена зависит от маркетинговых усилий и конкретных условий продажи произведения. Чтобы признать сделку совершившейся в условиях свободного рынка, по рыночной стоимости, необходимо удостовериться в выполнении ряда условий, приведенных, например, в Федеральном законе об оценочной деятельности [9]: произведение было отчуждено на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действовали разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражались какие-либо чрезвычайные обстоятельства, то есть когда:

– одна из сторон сделки не обязана была отчуждать произведение, а другая сторона не обязана была приобретать, не было принуждения к совершению сделки;

– произведение было выставлено на публичные торги и стороны сделки были хорошо осведомлены о предмете сделки и действовали в своих интересах.

В истории с покупкой картины Ван Гога в 1990 г. есть некоторые обстоятельства, позволяющие усомниться в отсутствии «чрезвычайных обстоятельств». Первое – это то, что через несколько лет после покупки японский магнат Рёэй Сайто по слухам распорядился кремировать картину после собственной смерти. Второе – это то, что картина официально не повторила через несколько лет свой успех, а была продана под завесой секретности. Третье – это то, что в 1990 г. магнат приобрёл не только картину Ван Гога, но и произведение Пьера Огюста Ренуара «Бал в Мулен де ла

Галетт» стоимость покупки которой составила более \$78 млн. В один год из одних рук сразу две сенсации в мире искусства, а ситуация с предложением на художественном рынке отнюдь не уникальная, картины импрессионистов продаются ежегодно. Если был расчёт на удачное инвестирование – то на ближайшее десятилетие он не просто не оправдался, но вложение оказалось убыточным – на данное имущество владельцу приходилось платить налоги.

Современные маркетинговые технологии способны создавать условия для сделки с ценой продажи значительно выше рыночной. При рассмотрении факта продажи произведения искусства необходимо учитывать усилия по получению желаемой цены.

Но маркетинговые технологии иногда лишь ускоряют признание имени художника или конкретного произведения. В анализируемой цитате отражен результат признания той новаторской манеры, в которой были выполнены картины Ван Гога. В XIX веке публика признавала и платила за академически выполненные произведения. Через сто лет публика признала и стала платить в том числе за картины Ван Гога, иначе говоря, для таких произведений на протяжении XX в. был сформирован рынок. Вообще-то рынок для произведений Ван Гога формировался уже при его жизни, однако, как следует из любопытного исследования Г. Козлова [7, с. 262–269], братья Винсент и Теодорус были весьма осведомлены в законах ценообразования на произведения искусства и в ближайшем будущем не намерены были продавать картины Винсента. Винсент работал на продажи в перспективе, абсолютно уникальная манера письма в будущем должна была принести колоссальный доход. Для их семьи этот расчёт полностью оправдался.

Таким образом, для корректного разговора о ценах произведения необходимо учитывать, в каких условиях, при каких усилиях была проведена его продажа.

Третий комплекс проблем состоит в достоверности информации и её источников. Художники и другие участники рынка предметов искусства по многим причинам не настроены публиковать условия продажи. Эти условия могут стать известны из анализа косвенной информации, из мемуаров и частной переписки и т.п. А современный маркетинг может предусмотреть умышленную мистификацию результатов продажи – иногда ради известности, которая очень ценна в мире искусства и нуждается в постоянной подпитке. Так, в истории вокруг картины «Портрет доктора Гаше» комментарий одного из руководителей токийского аукционного дома Кионори Ямамото, о том, что картина была продана в США по цене от \$87 млн до \$130 млн не только не проливает ясность на ситуацию, но и откровенно обозначается самим говорящим как лживая информация, ибо определение цены продажи с точностью плюс-минус \$43 млн (около 50 % к нижней цене) недопустимо для осведомлённого человека. С другой стороны, некоторые источники, упоминая в 1990 г. продажу картины «Портрет доктора

Гаше», называют цену не \$82,5 млн, а \$75 млн, и при этом обе цифры истинны – покупатель заплатил \$82,5 млн, а владелец картины получил \$75 млн, разница осталась аукционному дому Кристис (а не Сотбис, как ошибочно указано в исходной цитате). Таким образом, при реконструкции экономической стороны истории искусства необходимо опираться на достоверные источники, а когда это затруднительно – критически подходить к материалу, по возможности очищая его от вымыслов и искажений.

Подводя итог сказанному, для решения обозначенных проблем следует дополнительно поставить задачи исследования.

1. Определить год, к уровню денежной единицы которого будут приводиться данные о ценах и уровне жизни (благополучия) художников.

2. Воссоздать историю платежеспособности спроса на произведения искусства, другими словами, определить благоприятные и неблагоприятные периоды, связанные с социально-политическими условиями, историческими, экономическими событиями и т.п.

3. Учитывая собственные качества произведения (эстетическая и историческая ценность, известность автора и/или произведения, оригинальность, уникальность, подлинность, материал, размер, сохранность) выявлять при сборе и анализе материала традиции ценообразования для покупателей (заказчиков) из разных социальных слоёв.

4. Для различных исторических периодов выявить стандарты поведения, повседневного быта художников, уровень их благополучия.

5. Сбор и анализ материала о ценах произведения должен учитывать, в каких условиях и при каких усилиях была произведена его продажа.

Для решения поставленных задач названные выше источники следует дополнить группами:

1. Результаты исследований и наблюдений за повседневной жизнью различных социальных слоёв. Центральное место по охвату источников, масштабу задач и основательности выводов следует отвести монографии Б.Н. Миронова [10]. Результаты работы справедливы для профессий рабочих, но ценны для экономической стороны жизни искусства тем, что задают некий общий для всего изучаемого периода уровень зарплат, покупательской способности денег и минимальные уровень потребления и уровень жизни. Что касается максимального уровня жизни, то здесь можно обратиться к исследованию И.В. Зимина [11].

2. Сведения о предпринимателях, оказавших влияние на культуру, коллекционерах и меценатах. Вторая половина XIX века – время бурного роста капиталистических отношений, становление рынка и т.п. Источниками информации здесь будут выступать переписка, мемуары, воспоминания таких деятелей, как братья Третьяковы, братья Морозовы, Тенищевой и др.

Итак, в статье проанализированы проблемы создания экономической истории искусства, намечены цели и задачи их решения.

Библиографический список

1. Северюхин, Д.Я. Художественный рынок Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда, его роль и значение в истории развития отечественного изобразительного искусства: дис. ... д-ра искусствоведения / Д.Я. Северюхин. – М.: МГХПА им. С.Г. Строганова, 2010. – 817 с.
2. Бранский, В.П. Искусство и философия / В.П. Бранский. – Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 704 с.
3. Портрет Доктора Гаше. История владения. Выставки. – URL: http://www.vggallery.com/international/russian/paintings/p_0753.htm.
4. Боде, М. Некрополь / М. Боде // Коммерсантъ Власть. – 1999. – № 30. – С. 39.
5. Руководство по инвестированию на рынке предметов искусства / С. Скатерщиков, В. Кориневский, О. Яковенко и др. – М.: Альпина Паблишер, 2006. – 224 с.
6. Portrait of Dr. Gachet – URL: http://allart.biz/photos/image/Vincent_van_Gogh_1_Portrait_of_Dr_Gachet.html.
7. Козлов, Г. Покушение на искусство / Г. Козлов. – М.: Слово, 2007. – 560 с.
8. Перрюшо, А. Сезанн / А. Перрюшо. – М.: Молодая гвардия, 1966. – 438 с.
9. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 05.12.2013) : [принят Гос. думой 16 июля 1998; одобрен Сов. Фед. 17 июля 1998] // Российская газета. – 2013. – 11 июня.
10. Миронов, Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века / Б.Н. Миронов. – М.: Весь мир, 2012. – 848 с.
11. Зимин, И.В. Царские деньги. Доходы и расходы дома Романовых. Повседневная жизнь Российского императорского двора / И.В. Зимин. – М.: Центрполиграф, 2013. – 688 с.

[К содержанию](#)

УДК 75.046(470.590)

НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКИ КАК ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖНИКОВ ЧЕЛЯБИНСКА

Г.С. Трифонова

Актуализация проблем современной нравственной и духовной жизни общества в искусстве, в творчестве южноуральских художников описывается и осмысливается в свойственной искусствоведению экспериментально-исследовательской модели научной концепции и экспозиции выставки произведений челябинских художников, исполненных в последние четверть века на христианскую тему. Автор различает церковное искусство, религиозную живопись и собственно авторское искусство живописцев, графиков, скульпторов, мастеров декоративного искусства на христианские темы и сюжеты, которое явилось объектом анализа и осмысления в экспозиции выставки в Зале искусств ЮУрГУ и в данной статье.

Ключевые слова: христианские образы и сюжеты, иконопись, религиозная живопись, авторская живопись на христианскую тему.

Идеи и темы научных исследований возникают в ходе современного развития, которое подталкивает к постановке вопросов. Формулирование темы движется внутри проблемного поля реальности и ее осмысления. В искусствоведении – в истории искусства и в художественной критике – научные проблемы вызваны самим художественным процессом и актуализируются во временной взаимосвязи прошлого и современности. Одним из действенных инструментов искусствоведческого исследования конкретной проблемы является выставка. Выставка сочетает в себе сплав теории, истории и практики искусства и реализует последовательно научное осмысление проблемы на основе среза художественного процесса по избранной теме – в форме предварительно формулируемой научной концепции, дает визуализацию этой проблемы в реальной экспозиции произведений, которая представляет собой своего рода публикацию открытого эксперимента и практического опытного анализа проблемы.

Идея экспозиции произведений пластических искусств – живописи, графики, скульптуры и декоративного искусства на христианскую тему родилась, будучи уловленной в духовной атмосфере переживаемой нами современности. В ней, в этой идее, как в зерне, сплавлены актуальные в наше время интенции личностного самоопределения, отношения к духовным, традиционным ценностям, поиск форм осуществления личностью ее призвания и, в конце концов, поиск равновесия в системе координат динамично

меняющегося мира, при этом изменения носят все более угрожающий и разрушительный для природы и человека, для жизни на земле характер.

По-прежнему решение этих проблем за тремя ведущими интеллектуально-духовными действующими силами, обеспечивающими константы бытия – за наукой, религией и искусством. Наука, стремясь проникнуть в тайны бытия, рациональным образом формулирует свои результаты, вооружая человечество необходимой информацией для дальнейшего его развития. Религия стремится объединить народы и вести человечество сквозь катастрофы к спасению. Искусство во все времена исполняло миссию, аккумулирующую, как в многограннике, состояние мира и экзистенциальные проблемы человечества; в такой же мере искусство живет рядом с человеком и охватывает колоссальный масштаб вселенной и находится постоянно в поле традиций и инноваций поиска языка воплощения.

Тревога за человека, за отечество, страшные потрясения человеческого бытия от века, со времен Христа, мир переживал в различные исторические эпохи, но каждый раз остро и трагедийно. XX-й и начало XXI-го века воспринимаются как состояние перманентных сокрушительных испытаний. Среди активизировавшихся разрушительных антигуманистических, по сути антихристианских, процессов (часто именуемых демонизмом и содомизмом), человек ищет путей сохранения и спасения целостности и равновесия духа. Авторская позиция художника, нашего современника – в передаче авторского видения и отношения к изображаемому, выраженному в оригинальной авторской пластике формы, сплавлено запечатлено в произведении искусства. Вот эти-то произведения искусства и являются носителями свидетельства человеческой рефлексии и творческого созидания в русле означенной темы.

В университетском пространстве особенно тесно соприкасаются сферы духовной деятельности – естественнонаучной и технологической, художественно-творческой и искусствоведческой, философско-теологической. В стенах университета, где наука является сердцевиной и движущей силой, возникла потребность, особенно сегодня, подумать о вере и возможности сосуществования веры и науки; поразмышлять о том, можно ли жить без веры светскому человеку, к чему это приводит, что для нас сегодня Христос и христианство. Есть различные пути такого исследования. Современное искусство, произведения южноуральских российских художников, даже в сжатом объеме небольшой экспозиции, дают возможность погрузиться в волнующие темы и искания ответа на многие вопросы.

В искусстве России темы, связанные с христианством: образы красоты русской природы и путь нравственных поисков и веры – запечатлены русскими живописцами во второй половине XIX – начале XX вв. в творчестве крупнейших художников А.А. Иванова, И.Е. Репина, И.И. Левитана, М.В. Нестерова, В.М. Васнецова [1, с. 317–330]. Это направление получи-

ло наименование религиозной живописи, хотя далеко не все произведения названных авторов могут быть связаны непосредственно с религиозным обиходом. В советский период они надолго стали запретными и не могли открыто появляться в искусстве. Тогда иконописание, писание живописных образов христианской иконографии сохранялось в узком церковном кругу. Художественная, музейная среда в советское время ценила и хранила памятники древней иконописи и картины на евангельские сюжеты, представлявшие высокие произведения подлинного искусства. Искусство и его институции спасали свойственным им способом христианскую идею.

Христианскую тему в пространстве искусства продолжали разрабатывать художники, которые не были приняты в среде легального обращения искусства. Среди южноуральских художников это, прежде всего, Василий Дьяков, в чьих акварелях в 1970–1980-е нет канонических узнаваемых христианских сюжетов, но есть трепетный мир любви, заботы о ближнем, состояния тихой молитвы и благодатного присутствия божественного начала, разлитого в трепетном мерцании пространства. Утонченно прочувствованные как идеал красоты духовной в искусстве итальянского Возрождения и русской средневековой иконописи Рублева и Дионисия, христианские образы в творчестве десятилетия работающего уединенно художника Владислава Ваганова получили воплощение в изысканных колористически и светоносных акварелях на евангельские сюжеты в авторской трактовке.

Начиная с 1970-х гг. в творчестве художника-монументалиста Константина Фокина христианские темы присутствовали в тематическом русле отечественной истории и высокого образца пространственно-пластического языка иконы и древнерусской фрески. Отдельные произведения на христианские сюжеты появлялись у других челябинских художников Николая Аникина, Александра Кудрявцева, Елены Щетинкиной, Валентина Качалова в сплаве с их собственным художественным мироощущением.

Ставшие этапными в нашей истории 1990-годы, когда было пережито потрясение всех основ отечества, обратили общество к глубоким и изначальным корням нашей культуры – не только русского, российского народа, но и к истокам всемирного родства, которые являются основами человеческого бытия вот уже третье тысячелетие. При всех драмах бытия, пройдя через насильственное отлучение атеизмом, даже внешне неверующие люди понимают, что христианские основы человеческого бытия и есть сердцевина человеческого самосохранения и спасения человека. Публикации текстов русских религиозных философов, обращение к духовному наследию Руси и России, восстановление храмов, возрождение иконописания, устройство выставок древнерусского искусства, более позднего религиозного и церковного искусства – все эти процессы рождались из внутренней потребности и обратили общество к духовным корням христианства, с которым, начиная с раннего средневековья, на протяжении всей исто-

рии связана отечественная культура. В годы господства советской атеистической идеологии вера и принципы христианского общежития, христианской эстетики не были искоренены. 1990-е годы явились десятилетием возвращения к родникам жизни, и в этом особая роль искусства.

Отечественное искусство сберегало этическую и эстетическую составляющую христианства. Русская художественная школа и творческая практика сохраняли христианскую идею и смысл ее через саму творческую природу искусства [2]. Художники укрепляются духом на пути своего призвания – творчества, опираясь на онтологическую природу искусства. Искра таланта и творчества в душе художника возгорается от первоначального толчка – божественного творения мира и божественной красоты человека, сотворенного Богом. Скульпторы, живописцы, архитекторы, мастера декоративного искусства и дизайна, встав на путь творчества, всегда находили оправдание лучшим своим созданиям и самому творчеству как таковому в прекрасном идеале Бога-Творца и его деяний. Многие из них сам процесс творчества, углубленный и жертвенный, осознавали как исповедь и молитву.

Собранные на нынешней выставке произведения южноуральских, точнее, челябинских художников, убеждают нас в этом. Именно творческая природа, являющаяся основой созидательной практики наших художников, и проявляет, как камертон, христианскую сущность их творчества. Вовсе не все произведения создавались намеренно в христианском ключе. Но в каждой из выставленных здесь картин, графических листов, скульптуре – статуарной или декоративной – присутствует система координат и определяет явно или исподволь пространство человеческой – христианской – сущности.

Участвовать в выставке получили приглашение художники, в творчестве которых, по нашему чувству и разумению, живет и дышит трепетная стихия человеческого и за ним стоящего божественного духа, входящего в соприкосновение с жизнью духа автора. В представленных произведениях, создававшихся в разные годы, это творческое горение проявляется очень по-разному: светло, взволнованно-возвышенно или в тихой радости, в драматическом или эпическом ключе вчувствования и вращающегося в тему, трагически и ликующе, во взлетах и в погружении в безысходное страдание, в переживании памяти и в пластике символов, образов и знаков высшего мира, в просветленном узнавании разлитой повсюду благодати, в воспоминаниях о пережитых народом страданиях, лично ассоциированным с ними крестным путем. Здесь нет места малейшей спекуляции – содержание и образы, пластический язык – все это решение вырастает изнутри, сами же произведения не предназначались специально для какой-либо христианской выставки. Более того, таковая масштабная выставка по специальной концепции в Челябинске не собиралась и не проводилась. Несмотря на малое число включенных произведений – их 34 – можно видеть,

насколько разнообразны личностные подходы художников к христианской теме, сколь они искренни по внутреннему чувству и потребности души. Поэтому естественным следствием всех этих условий явилось художественное качество произведений, которые, соседствуя в экспозиции, выпукло проявляют свои художественные достоинства. В выставленных произведениях отчетлива творческая программа каждого из авторов, проявлены различные аспекты реализации темы.

Геннадий Жихарев в своей большой картине «Воскресение» (Вербное воскресение) 1998 дает широкий контекст уральской народной жизни, где славянское язычество [3]¹¹ прорастает в природном ландшафте среди уральских гор и прудов городков-заводов, в мире, населенном людьми, детьми, птицами и зверями, деревьями и фантастическими существами и освещаемым церквушками и ангелами – небесными хранителями земной жизни людей. Картина удивительно спаянная апокрифическим и эпическим, лирическим и иконным строем, и миром народного примитива. Ее колорит цвета окалина разогретого огнем металла и вся поэтика пронизаны уральским духом. Художнику чудесным образом удалось перевоплотиться в имперсональную среду уральской жизни городов-заводов XVIII–XIX вв. Исполненная полтора десятка лет назад, картина набирает зрелого качества, вернее, начинает его отдавать зрителю.

Дух и плоть Урала, его средневековье XVII века на подходе к петровскому времени по-своему прочувствовал скульптор-керамист Борис Тряпицын. Его мир объемлет и фольклор, и христианское мироощущение. На выставке – две скульптуры в излюбленном Б. Тряпицыным материале – плотном, бугристом, шершавом, словно живая плоть, шамоте, обожженном с применением сложной техники восстановления солей. Уральские столпы духовности – скромные и стойкие в своем подвиге Св. Далмат, представитель тюркского рода, обратившийся к христианской вере как истине, основатель крупнейшего в Зауралье христианского Далматовского монастыря и северянин Св. Симеон Верхотурский, одинокий утвердитель христианского идеала благочестия. Художнику удалось убедительно и трепетно в пластике, фактуре, цветовом приглушенном колорите, через исконно уральские архетипы дерева и камня передать образы, столь почитаемые в уральском сонме святых.

В этой группе произведений в неповторимо выразительном материале и пластическим языком художники передают чувство «первоначального христианства», возникавшего и царившего в уральской природной и жизненной среде.

Лиричны и эстетически убедительны камерные живописные произведения Сергея Черкашина «Рождество», «Вербное воскресение». Настрое-

---

¹¹ Как писал В. Розанов, «давно начали говорить и указывать, что не все язычество было ложно и что есть в нем бессмертные частицы» [3, с. 156].

ние тишины, наполненной глубокой трепетности и тихой радости – в камерных живописных работах Зайнулы Латфулина «У печки» с сидящим на березовых поленьях среди утвари у русской печи голубем с нимбом, потерянной женщины – то ли татарочки, то ли башкирки – у деревянных ворот неожиданно увидевшей ангела, и забавные запеленатые младенцы с заглядывающими в ясли рогатыми животными. Это тихое состояние молитвы, радостного удивления перед чудом, так точно переданное в узнаваемых персонажах среди повседневности, удивительным образом переплетаются в культурах и религиях. Работы З.Н. Латфулина совершенно органичны в данной экспозиции.

Рядом с произведениями, где светлые чувства преобладают, начинает звучать трагическая тема жертвенности Христа в картинах на сюжет Голгофы. Композиция С.Л. Черкашина с крестом и орудиями страстей – один из апогеев трагизма на нашей выставке. По силе трагизма к ней близки картины, решающие тему Голгофы как крестного пути: «Голгофа» С.Л. Черкашина – другой холст с А.С. Пушкиным, несущим крест, и «Красная Голгофа» В.Г. Мишина. В эту группу произведений можно отнести картину «На ссылку. Начало 1930-х» Н.А. Кудричева, где тема страданий русского крестьянства в XX веке просматривается сквозь призму страданий Богородицы с младенцем на руках и хождения Богородицы по мукам... Словно рекем, с болью об обрубленных корнях звучит тема в картине В.В. Качалова «Пастораль. Дедушка и бабушка. 1911» 1994 года в белом призрачном колорите.

Художники выбирают из канонических сюжетов – вечных тем христианства в искусстве те, в которых они могут размышлять о многом. Христос своей жизнью и жертвенным подвигом простраивает систему координат, в которую мысленно стремится вписать себя художник как нравственная творческая личность. Поэтому такие темы как «Моление о чаше», уже упомянутые «Несение Христа» и «Голгофа» душевно притягивали не только старых западноевропейских русских мастеров, но и современный художник, серьезно размышляющий в своем творчестве о смысле бытия, не может пройти мимо них. Картина «Моление о чаше» Валентина Качалова решена в соответствии с темой в стремлении пробудить ассоциации с Востоком как места события, и с иконописью по сложившейся русской иконописной традицией. Возникают ассоциации и с уральским ареалом – переключки пластики образа Христа с пермской деревянной скульптурой. В небольших картинах «Несение креста» и «Голгофа» (обе 1993) на канонические темы страстей Христа уже ушедшего от нас Виктора Сергеевича Сафронова есть переключки с мастерами Возрождения. В акварельных листах В.П. Ваганова мы также видим вариации на эти и другие темы жизни и крестных страданий Христа. Эта линия синтеза западной и русской традиции проявлена в творчестве южноуральских художников в произведениях, где христианский

сюжет сплавлен с личными переживаниями и духовно-творческими исканиями. Таковы акварели и исполненная глубокого трагизма картина «Возвращение блудного сына. Памяти Н. Аникина» 2002 К.В. Фокина.

Русская религиозная философия рубежа веков и первых десятилетий двадцатого века дает необыкновенно яркую и многообразную палитру христианских идей и их интерпретаций. Это выход свободного духа к великой теме – ядру человеческой цивилизации двух последних тысячелетий, духа, с наслаждением познающего и глубоко переживающего идею Христа и человека. В такой свободной бесстрашной «бердяевской» рефлексии свободного христианина, лично вопрошающей о Христе и об истине [4], написаны произведения искусства на нашей выставке: «Пелена» Елены Щетинкиной, «Распятие» Константина Фокина, «Явление бога» Владимира Сафронова.

Современное искусство через семьдесят лет запрета восстановило среди других направлений существовавшее в эпоху нового и начала новейшего времени религиозное искусство – религиозную живопись и церковное искусство. Оно широко развивается сейчас в лоне православной церкви: иконописание и новые и старые традиционные виды храмовой декорации – росписи, мозаики из камня, смальты, эмали и др. Ряд челябинских художников, участвующих в христианской выставке, также участвуют в этом процессе своим мастерством и искусством.

Произведения, выставленные в Зале искусств ЮУрГУ, и те, что можно найти в мастерских художников, – другого плана. В них отражен личный порыв, поиск, взгляд и вопрос, над которым трудится душа художника в познании мира, человека и самопознании. Христианские каноны и традиции не перекрывают этот внутренний глубинный авторский личностный поиск, идущий, в конце концов, в русле и в соответствии с духом христианства. Эти произведения не доминируют в современном искусстве. Но их появление и присутствие в искусстве и современной жизни – своего рода проявление миссии искусства укреплять и духовно скреплять общество на основе общечеловеческих ценностей, к каковым принадлежит христианство, искать на этом пути единения искусства с наукой и верой.

Современные художники Челябинска, ныне здравствующие – и ушедшие в мир иной – своим творчеством утверждают единое пространство христианской культуры. Дух и ценности христианства в древности очеловечили человека. И сегодня жива христианская идея, хотя и драматично ее пребывание в современном человеке и человеческом сообществе. По ней, пусть даже не всегда осознанно, современный человек сверяет свою повседневную жизнь, по ней художник определяет свою творческую систему координат. Художественная практика подвигает интеллектуальное осмысление данной проблемы, являющейся важнейшей частью содержания современности. Только талантливое произведение, обращенное

к христианским темам, сюжетам и смыслам, талантливо пластически воплощенное, выдерживает испытание временем. Доказательством этого являются вошедшие в данную экспозицию произведения. Выставку «Христианская тема в произведениях художников Челябинска», скромную по объему, многоохватную по проблематике, мы расцениваем как движение навстречу постижению этого содержания.

Таким образом, размышляя о концепции выставки произведений челябинских художников на христианскую тему и ее экспозиции, мы приходим не только к фиксации проблемы форм современной духовной жизни и творчески-созидательной практики в лоне христианской цивилизации, но и к пониманию разрушительных последствий утраты человечеством христианских ценностей. В этой связи роль искусства и творчества художников – авторов и мастеров – приобретает особое значение, проявленное в неповторимом образно-пластическом аспекте уральского ареала.

Библиографический список

1. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики: Характер русского народа / Н.О. Лосский. – М.: Издательство политической литературы, 1991.
2. Кожевников, В. Значение А.А. Иванова в религиозной живописи / В. Кожевников // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. Антологии / сост., общ ред. и предисл. Н.К. Гаврюшина. – М.: Прогресс, 1993. – С. 159–163.
3. Розанов, В. М.В. Нестеров / В. Розанов // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. Антологии / сост., общ ред. и предисл. Н.К. Гаврюшина. – М.: Прогресс, 1993. – С. 151–158.
4. Бердяев, Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н.А. Бердяев. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 688 с.

[К содержанию](#)

УДК 781.2(470.55)

**ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА ФИЛАРМОНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В 40–70 гг. XX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ,
СВЕРДЛОВСКОЙ, ПЕРМСКОЙ, КУРГАНСКОЙ
И ОРЕНБУРГСКОЙ ФИЛАРМОНИИ)**

Ю.В. Федотова

В статье рассматриваются структурно-организационные аспекты появления и функционирования уральских филармоний, цели и задачи отдельных ее секторов, взаимодействие элементов многоуровневой системы.

Особое внимание обращено на художественные советы филармоний, которые являлись генераторами творческих идей, органами цензуры, отделами по решению финансово-бытовых и кадровых задач советских филармоний.

Ключевые слова: филармония, внутренняя структура советской филармонической организации, художественный совет филармонии.

Каждый элемент социальной жизнедеятельности имеет соответствующие формы организации, обеспечивающие как его поддержание, так и воздействие на общественную жизнь в целом. Филармония как новый социокультурный институт советского периода была уникальной организацией, соединившей в себе многочисленные функции, разнообразные методы и формы влияния на общество. Поэтому будет небезынтересным рассмотреть структурно-организационные моменты появления и функционирования данного учреждения, цели и задачи отдельных секторов филармонической организации, взаимодействие элементов системы, так как от этого зависит эффективность деятельности организации. Также кажется важным иллюстрирование этого процесса на материале местного значения, таким образом, показывая не только теоретическое, но и практическое осуществление данного процесса.

На Урале первая филармония возникла в Свердловске. Постановлением Президиума Свердловского областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 10 июня 1936 г. была организована государственная филармония [1].

В том же году в Перми было создано местное отделение концертно-гастрольного бюро от Свердловского оперного театра, которое вскоре было преобразовано в Пермское отделение Свердловской филармонии, а затем в самостоятельную организацию. С 1940 г. эта организация получила название Молотовского областного концертного объединения, и наконец, в 1943 г. оно было реорганизовано в Молотовскую областную филармонию [1].

В конце 1936 г. Управление по делам искусств решило ликвидировать Челябинскую Госэстраду (Челябинское Концертно-эстрадное бюро) и создать в январе 1937 г. Государственную филармонию [1].

В Оренбурге Концертно-эстрадное бюро (КЭБ) стало функционировать с 1 января 1937 г. на основании постановления Президиума облисполкома, а 1 января 1943 г. на базе КЭБ открылась Чкаловская филармония [1].

Наконец, в 1943 г. решением Исполкома Курганского совета депутатов трудящихся при Курганском областном отделе по делам искусств было организовано Концертно-эстрадное бюро, которое в 1958 г. преобразовали в Курганскую областную филармонию [1].

Общее представление о внутренней структуре уральских концертных организации, о функциях отдельных ее частей (блоков, секторов, отделов), об их взаимосвязи дают первые документы филармоний – уставы. Обогащать эти сведения помогают и другие источники: приказы, годовые отчеты филармоний, различные формы справок и записок. Проанализировав источники, можно сказать, что в целом внутренняя структура всех организаций концертного плана уральского региона выглядела примерно одинаково. На рисунке представлена внутренняя структура Челябинской филармонии 1939 г.

Однако на протяжении рассматриваемого периода и структура, и некоторые функции отдельных секторов менялись, создавались новые отделы. В данной статье мы рассмотрим все структурные компоненты советской филармонической системы, их цели и задачи.

Административный аппарат филармоний состоял из директора, заместителя директора, художественного руководителя.

Директор осуществлял полное руководство работой филармонии, непосредственно разрешал все художественно-творческие вопросы, поставленные на рассмотрение художественным советом; вопросы, связанные со всей организационной и оперативной работой филармонии; утверждал договоры и трудовые соглашения с художественно-творческими работниками; распоряжался кредитами организации; руководил непосредственно работой художественного совета, бухгалтерского, планового, административно-хозяйственного отделов, юридическими вопросами, кадрами и массовой работой.

Заместитель директора распоряжался кредитами, наймом и увольнением сотрудников; вел подготовительные работы по художественно-репертуарным вопросам, по обслуживанию организаций и предприятий всем видами концертов, как филармонического, так и эстрадного плана; руководил работой оперативного отдела, организацией зрителя, художественно-репертуарным отделом, симфоническим оркестром, хоровой капеллой и деятельностью творческих бригад.

Художественный руководитель возглавлял художественно-репертуарный отдел, решал художественно-творческие вопросы, связанные с кон-

цертной и музыкально-пропагандистской деятельностью филармонии, наблюдал за работой художественной консультации, за репертуаром и совершенствованием исполнителей музыкальных ансамблей.

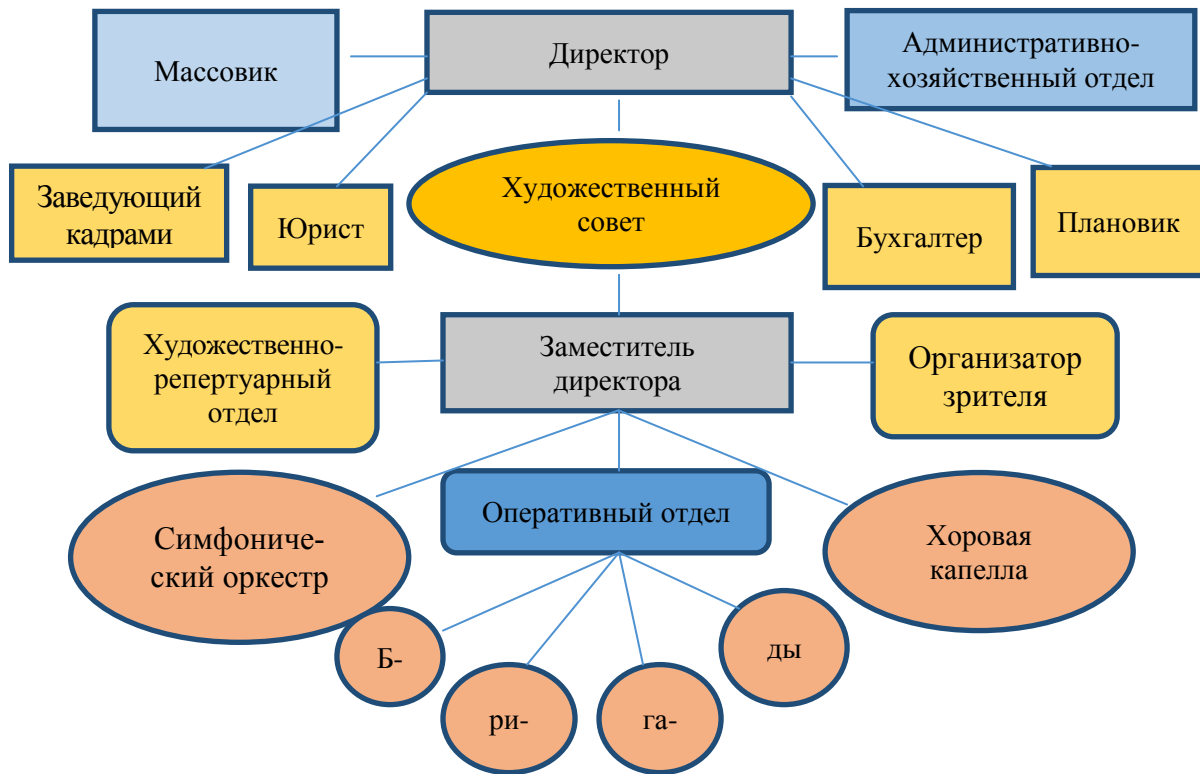

Схема структуры Челябинской филармонии. 1939 г. [2]

Художественно-творческий аппарат Челябинской филармонии состоял из художественного совета, рассматривающего основные вопросы художественно-творческой деятельности филармонии; художественно-репертуарного отдела, составлявшего планы, программы всех концертов, организуемых филармонией, списки исполнителей, необходимых для осуществления концертного плана; разрабатывающего тексты для выпускаемых афиш, анонсов и программ. Существовала и художественная консультация, которая оказывала практическую помощь музыкальным коллективам и исполнителям в процессе повышения квалификации и работы над новым репертуаром. В этом же блоке структуры осуществлял свою деятельность массовый отдел, который разрабатывал и осуществлял план мероприятий по музыкальной пропаганде на предприятиях, клубах, школах; вел разъяснительную работу вокруг концертов (беседы, консультации, статьи в печати), учитывал предложения и отзывы слушателей и проводил слушательские конференции и творческие встречи исполнителей и слушателей [3].

Можно выделить в структуре филармонии художественно-технический блок: сектор кадров; оперативный отдел или оперативно-концертный отдел

(занимался устройством и проведением концертов на различных концертных площадках, заключал договора с предприятиями и клубами на проведение концертов). Очень большое значение для успешной работы филармонии имел Сектор организации зрителя, который осуществлял все виды рекламы, начиная от печатных изданий (афиши, брошюры, плакаты) и заканчивая выпусками радиоанонсов и радиопередач эстрадно-филармонического плана. Также этот сектор заключал договора с организациями и предприятиями на постоянные места, и коллективные посещения [3, 4].

Хозяйственно-финансовыми делами филармонии занимались: бухгалтерия, административно-хозяйственный отдел и юридическое бюро.

Конечно, в процессе развития филармонического дела структура корректировалась, дополнялась новыми отделами, менялись названия секторов, добавлялись новые функции.

Со второй половины 40-х гг. при уральских филармониях стали действовать музыкально-литературные лектории как отдельные сектора в структуре филармонии. Лекторий, как элемент общей системы, имел и собственную внутреннюю структуру. Организационную и творческую работу, как правило, осуществляли: художественный руководитель лектория, инструктор-организатор (администратор из штата филармонии), лекторы (штатные или совместители), концертные исполнители (штатные, совместители и гастролеры) [5].

Довольно много сведений содержится в источниках о деятельности художественных советов филармоний. В Приказе Министерства культуры № 782 за 1950 г. говорится, что художественный совет – это совещательный орган при директорах концертных организаций. Совет должен был заниматься "коренными вопросами творческой жизни", а именно: репертуаром, идейно-художественным качеством программ и уровнем исполнительского мастерства, изучением предложений и критических замечаний творческих работников, сплочением коллектива, выдвижением и воспитанием молодых кадров) [6]. Проиллюстрируем деятельность художественных советов примерами из жизни уральских филармоний.

Художественный совет Пермской филармонии существовал на основе выборности. Из отчета совета за 1960 г. следует, что большая творческая нагрузка членов совета привела к такому положению, «когда повседневные дела филармонии не дали возможности совету заниматься проблемными вопросами жизни филармонии», «текущая работа полностью загрузила деятельность совета», «большое количество времени у совета занимает просмотр приезжающих коллективов, а на анализ состояния творческой работы собственных артистов времени не остается» [7].

Недостатками работы совета были названы: незначительный контроль членов совета за состоянием репертуара, отсутствие журнала критических замечаний и анализа исправления отмеченных недочетов, слабая роль

в решении вопроса укомплектования кадров, вакантных должностей и т.д. Подобные замечания высказываются и в адрес Свердловской филармонии (1958 г.): «Художественный совет филармонии, по существу, отстранен от решения творческих вопросов» [7, 8].

В 1973 г. вышло расширенная версия положения о художественных советах концертных организаций, в которой широко освещены цели, задачи и структура совета. В документе говорится, что художественный совет «является общественным художественно-творческим органом, призванным содействовать постоянному повышению идейно-художественного уровня деятельности концертной организации. (...) Деятельность художественного совета должна служить примером партийной принципиальности, требовательности, внимательного отношения к ценным творческим предложениям работников концертной организации, всемерно содействовать развитию критики и самокритики в коллективе, повышать творческую дисциплину в работе и культуру обслуживания зрителей» [9].

Чтобы увидеть значение художественного совета для филармонии, перечислим его функции:

- внесение рекомендаций для руководства концертной организации по всем важным и принципиальным творческим вопросам;
- обсуждение репертуарных планов концертной организации, входящих в ее состав коллективов, ансамблей, солистов и лекторов;
- обсуждение годовых, полугодовых и квартальных планов концертной деятельности и всех вопросов, связанных с художественным обслуживанием людей;
- обсуждение творческих планов режиссеров, дирижеров, руководителей коллективов и других ведущих творческих работников;
- рассмотрение и обсуждение произведений, намеченных для включения в репертуар концертной организации, и внесение по этим вопросам своих рекомендаций;
- планирование гастролей собственных коллективов внутри области и за ее пределами;
- обсуждение всех концертных программ, выпускаемых на концертную эстраду, строго руководствуясь «Положением о порядке формирования репертуара и контроле за качеством спектаклей драматических и музыкальных театров, концертных программ и цирковых представлений», утвержденным постановлением коллегии Министерства культуры СССР в декабре 1966 года. Наряду с директором и художественным руководителем концертной организации Художественный совет нес всю меру ответственности за идейно-художественное качество выпускаемых программ. Концертные программы, просмотренные художественным советом, утвержденные руководством филармонии и должным образом документально оформленные, не могли быть изменены коллективами и отдельными исполнителями по своему усмотрению во время гастролей. В целях усиления

контроля художественный совет принимал активное участие в проводимых руководством концертной организации систематических просмотрах и проверках программ коллективов и исполнителей в гастрольных поездках;

- отбор коллективов, концертных бригад и отдельных исполнителей для участия во всесоюзных и республиканских конкурсах и смотрах;
- уделяет особое внимание обсуждению и оценке работ молодых исполнителей, вопросам их творческого роста и выдвижения;
- осуществление систематического контроля над качеством текущего репертуара концертных исполнителей и коллективов;
- знакомство с программами гастрольных коллективов, групп и солистов других концертных организаций, составление по ним заключения, а в случаях неудовлетворительного идейно-художественного качества репертуара внесение соответствующих рекомендаций, направленных на прекращение данных гастролей;
- осуществление работы по проведению конкурсов в соответствии с «Положением о порядке проведения конкурсов на замещение штатных должностей творческих работников в театрах и художественных коллективах». Составление заключения по вопросам тарификации исполнителей в соответствии с приказом Министра культуры СССР № 227 от 12 апреля 1960 г. «О Положении об оплате артистам за выступления в концертах и за гастрольные выступления в спектаклях», дает рекомендации для аттестации и переаттестации исполнителей [9].

Из документа следует, что художественный совет являлся совещательным и консультативным органом при руководстве концертной организации. Допускался количественный состав совета от 7 до 25 человек. Заседания совета должны были проходить не реже одного раза в месяц, а отчетное сообщение о работе и проведении в жизнь решений художественного совета должно было проводиться не реже одного раза в год. Формально ни одно произведение нельзя было исполнить с профессиональной сцены без предварительного просмотра и одобрения его художественным советом.

Несмотря на вышеуказанные недостатки в работе, отмеченные органами контроля, художественные советы уральских филармоний работали и приносили определенную пользу, как концертным организациям, так и зрителям. В документах часто встречаются отчеты заседаний художественных советов, прослушивающих и обсуждающих различные программы. В этих записях отражена критика, одобрение, запрещение тех или иных номеров. Кроме этого часто на повестке дня стояли вопросы другого плана: финансово-бытовое положение филармоний, ее коллективов и отдельных артистов, обсуждались кандидатуры на награждения, присуждения премий, приема на работу или увольнения и многое другое.

Система филармонического просвещения должна была охватывать всю область, но недостаточное количество артистов, а также отсутствие транс-

порта затрудняли этот процесс в отдаленных районах. Поэтому в некоторых городах области возникали филиалы филармонии. Так, в 1944 г. директору Челябинской филармонии предложили разработать структуру филармонии с выделением периферийного сектора, с включением Верхне-Уральского, Кизильского, Агаповского, Полтавского, Брединского и Варненского районов [10]. Созданный в тот же год Магнитогорский филиал, не успев возникнуть, был ликвидирован в 1945 г. Однако в сети музыкальных коллективов, имевших право проводить концертную деятельность, остались его Магнитогорская хоровая капелла и Магнитогорский симфонический оркестр, которые стали сотрудничать с Челябинской филармонией [10].

Подводя итог функционально-структурным компонентам деятельности филармонии, отметим, что в процессе становления и развития филармонического дела на Урале расширялось и его функциональное значение. Филармония из концертного учреждения, пропагандирующего музыкальное искусство, превращалась в институт культуры с ярко выраженным просветительским началом.

Внутренняя структура филармонии отличалась сложной многоуровневой системой взаимосвязанных элементов. Анализ документов показал, что такая структура была характерна для любой уральской филармонии, за исключением несущественных частных отклонений.

Библиографический список

1. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4220. Л. 52; ГАПО. Ф. Р-1003. Оп. 1. Д. 3. Л. 22; ОГАЧО. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 12. Л. 27; ГАОО. Ф. Р-1494. Оп. 2. Д. 7. Л. 70; Д. 48. Л. 11; ГАКО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 3. Л. 3; Д. 10. Л. 1.
2. Структура Челябинской областной филармонии, оформленная Уставом, утвержденным Челябинским отделом по делам искусств от 15 декабря 1938 г. ОГАЧО. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 92. Л. 16.
3. ОГАЧО. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 92. Л. 219.
4. ГАКО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.
5. ГАПО. Ф. Р-604. Оп. 1. Д. 20. Л. 69; ГАСО. Ф. Р-2078. Оп. 1. Д. 50. Л. 12. Об. Более подробно о музыкальных лекториях уральских филармоний см. в Федотова, Ю.В. Литературный лекторий как одна из форм филармонического просвещения (на примерах Челябинской, Курганской и Оренбургской филармоний) / Ю.В. Федотова // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук: материалы 63-й науч. конф. проф.-препод. состава, аспирантов и сотрудников. – Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2011. – Т.1. – С. 125–128.
6. Приказ Министерства культуры № 782 за 1950 г. «О художественных советах концертных организаций и коллективов» ГАПО. Ф. Р-1003. Оп. 1. Д. 26. Л. 26.
7. ГАПО. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 324. Л. 1, 2.

8. Культурное строительство на Среднем Урале (1941–1977). – Свердловск, 1987. – С. 172–173.

9. Типовое положение о Художественном совете концертной организации. 1973 г. ГАКО. Ф. Р.-1776. Оп. 1. Д. 156. Л. 112-114.

10. ОГАЧО. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 266. Л. 16. Об., 18; Д.279. Л. 5.

[К содержанию](#)

ББК Ю3(2)6-63 + Ю223.3 + Ю3(2)622

УДК 1(091) + 165.82 + 130.121

ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ЕФРЕМОВА

Ю.В. Беспечанский

В статье предпринята попытка выявить связи философских идей романа Ивана Ефремова «Час Быка» с основными традициями русской философии. Показана связь концепций романа с идеей всеединства. Отмечена религиозность мировоззрения Ефремова как в смысле его религиозной веры в коммунистическое будущее, так и в плане его приверженности теософски-эзотерического единства древних религий. Кроме того, писатель развивает традицию философии русского космизма, а также марксистскую диалектику. При этом Ефремов понимает диалектику не как синтез двух противоположностей и их «снятие» в чем-то третьем, но как «лезвие бритвы», как тонкую грань истинного пути между двумя «безднами», как «меру» между двумя крайностями.

Ключевые слова: Ефремов, «Час Быка», русская философия, диалектика, религия, коммунизм, всеединство.

Можно ли говорить о философии художественного творчества? Если понимать философию как особый стиль мысли, отличающийся научной рациональностью, системностью и доказательностью, то – вряд ли возможно. Однако такое представление о философии было подвергнуто сомнению уже в середине XIX века в трудах Шопенгауэра, Кьеркегора, Ницше и других мыслителей. Мы не являемся сторонниками постмодернистского произвола в философии, где размыты критерии истины и всякий изобретает «философию» на свой лад и по своему вкусу. Однако, бытие бесконечно, а любая рациональность имеет ограниченный характер. И в этом смысле, подлинная философия, на наш взгляд, должна занимать положение на «лезвии бритвы» между строгой рациональностью и безудержным полетом мечты. Об этом предназначении философии парадоксально высказался русский философ Семен Франк: «Единственная истинная философия, заслуживающая этого имени, есть философское преодоление... всякой рациональной философии» [1, с. 440].

Такая корректировка задач философии открывает путь к взаимодействию философии с иными — внерациональными, или, точнее, «сверхрациональными» — сферами мысли, в частности с художественной литературой и другими видами искусства. Известно, что западноевропейская философская традиция считает русского писателя Ф.М. Достоевского основоположником принципов философского экзистенциализма. Исследователи отмечают, что романы Достоевского оказали существенное влияние на формирование философских взглядов Ф. Ницше. Петербургский исследователь И.И. Евлампиев недавно выпустил две монографии, посвященные философии человека в творчестве Ф.М. Достоевского [2], а также философии в художественных фильмах русского кинорежиссера А.А. Тарковского [3].

Но, в этой связи, следует вспомнить о творчестве советского писателя-фантаста Ивана Ефремова. Художественное творчество Ефремова, особенно три его последних романа, является максимально насыщенным философией. Еще при жизни критики упрекали произведения писателя в «перегруженности лекционным материалом». Быть может, в его произведениях меньшую роль играет художественная образность, поскольку их предназначением было стать рупором идей автора. Ныне проводятся конференции по творчеству И.А. Ефремова. Публикуется немало статей, среди которых можно упомянуть работу петербургского философа В.Н. Сагатовского [5]. Задачей нашей статьи является «вписать» творчество Ефремова в русскую философскую традицию XIX–XX века, показать реальные связи его идей с идеями известных русских философов на материале лишь одного из его больших романов — «Час Быка» [4].

«Час Быка», написанный в 1968 г., и изданный в 1970 г., сочетает в себе черты как социально-философской утопии, так и антиутопии. По сюжету, действие происходит через 1–2 тысячи лет от нынешней времени, в эпоху установившейся по всей Земле коммунистической эры. При этом, космическая экспедиция землян обнаруживает в дальнем космосе планету Торманс, населенную переселенцами с Земли далекого прошлого, из эпохи, близкой к современной. Ефремов называет ее ЭРМ (Эра Разобщенного Мира). Эта эра в романе завершается разрушительной третьей мировой войной с использованием ядерного оружия, спасаясь от которой, звездолет землян оказывается на Тормансе. Далее, непонятным образом, цивилизация Торманса надолго консервируется в своем изначальном состоянии с момента переселения на две тысячи лет вперед. Обитатели коммунистической Земли вдруг встречают на Тормансе собственное прошлое. И это прошлое, по Ефремову, сочетает в себе черты двух социальных организаций: американского «гангстерского капитализма» и китайского «муравьиного лжесоциализма». И содержанием романа становится драма взаимодействия двух миров...

Роман благополучно прошел сквозь рогатки цензуры, и был издан сотысячным тиражом. Но после его издания посыпались письма «простых

советских трудящихся», удивленных, как этот роман напечатали в СССР. Это кончилось тем, что «Час Быка» прочитал председатель КГБ Юрий Андропов и объявил произведение «злобным памфлетом на советскую действительность». Однако, Ефремов, будучи убежденным коммунистом, сумел доказать, что роман не направлен ни против коммунизма, ни против СССР, а лишь отражает трудные пути строительства социализма и коммунизма. Поэтому произведение не было официально запрещено, а лишь не рекомендовано к выдаче в читальных залах библиотек.

Действительно, Ефремов в 60-е годы однажды был в составе палеонтологической экспедиции в Китае и видел многие «извращения» социализма со стороны маоистов. На Западе же он лично никогда не был. При этом, в романе содержится масса деталей советской действительности той поры, которые мог описать лишь очевидец жизни в СССР и которые были легко узнаваемы читателю: безудержные восхваления «великих руководителей», фильтрация информации и ложь в государственных СМИ, спецраспределители, постоянное «переписывание» истории, власть группы чиновников и чиновничий произвол и многое другое.

Детство и юность автора данной статьи прошли в 70–80-е годы в семье «диссидентствующей» советской интеллигенции, где традиционным ежевечерним ритуалом, аналогичным христианской молитве, было часовое прослушивание по радиоприемнику рижского завода ВЭФ «вражьих голосов»: «Свободы», «Немецкой волны», Би-би-си. Но при этом семья не разделяла идеалы «прогнившего Запада», верила в «подлинный коммунизм», искаженный «реальным социализмом». Общий взгляд многих советских интеллигентов был таковым, что есть святые «ленинские идеалы», далее подвергнутые «чудовищным искажениям» в годы сталинских репрессий. Хрущевская «оттепель» дала свежий толчок развитию социализма, но в ней было много ошибок. И, наконец, брежневская «современность», представлялась хотя и относительно спокойной и безбедной, но безнадежно гнетущей от возрастающей утраты идеалов и ценностей, а также отсутствия надежд и перспектив. Эти самые общие настроения выразились и в романе «Час Быка».

И здесь мы переходим к обозначению первой из обнаруживаемых в романе традиций русской философии. Русская философия в истоке своем религиозна в том смысле, что верит в подлинную правду, даже если эта правда и не реализуется в жизни. Традиционная русская религиозная философия XIX–XX века была озабочена поиском подлинного Христа, проблемой воплощения Христа в русской и мировой культуре. Ее лейтмотив можно условно обозначить так: «Христос – это истина; историческая церковь исказила образ Христа; задача русского философа – восстановить утраченную истину». Николай Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» определял как главную черту русского марксизма именно его религиозность [6], то, что русский марксизм – это, скорее, не строго научная концепция, а вдохновенная вера в социальное переустрой-

ство. Ефремов, несомненно, считал себя подлинным марксистом. И тогда лейтмотив русской религиозной философии в «марксистки исправленном» виде запишется так: «Ленин – это истина; партия искажила ленинские идеалы; задача искреннего марксиста – вернуть утраченную истину и реформировать партию».

В самом деле, что есть религиозная вера и чем она отличается от научного знания? Научное знание – это теория, основанная на реально наблюдаемых фактах поведения систем в прошлом, и подтверждаемая верным прогнозом поведения этих же систем в будущем. Что же такое вера? По слову Апостола Павла, «вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1). То есть, в вере есть две составляющих: во-первых, она базируется на том, что не очевидно, не предстоит с необходимостью взору любого объективного и беспристрастного наблюдателя; во-вторых, вера связана со страстной субъективной мечтой, со страстным стремлением осуществить то, во что веришь. Русский философ Семен Франк подходит к соотношению веры и неверия через факт расколотости внешнего и внутреннего мира и проблему их единства, факт онтологической дистанции между мечтой и реальностью, между «должным» и «сущим». Философ пишет о двух онтологических установках: установке «неверия» или дуализма, в которой двойственность бытия есть последний и неустранимый факт; и установке «веры» или монизма, в которой указанная двойственность преодолевается в последнем единстве. «Есть ли враждебная двойственность двух миров для нас последний, неустранимый факт, перед которым мы должны смириться либо с отчаянием, либо со стоической резиньацией, или же есть такая глубина бытия, в которой все же преодолевается эта противоположность и открывается нам тайное, утешительное единство обоих миров?» [1, с. 592].

Так что же может быть общего между верой во Христа у Семена Франка и верой в коммунизм у Ивана Ефремова? Подлинная христианская вера так и не получила до сей поры долговременного воплощения в культуре, церковь не дала адекватных образцов установления «царства Божия» в земной жизни. Но, несмотря на все неудачи и трагедии церкви, несмотря на инквизиции и религиозные войны, подлинно верующие христиане остаются тверды в своей вере и надежде. Подобно этому, абсолютно все коммунистические эксперименты XX века пока заканчивались трагически: концлагерями и преследованием инакомыслящих, духовной деградацией и материальным обнищанием. И, тем не менее, остаются коммунисты, искренне преданные коммунистической идее, вере в конечный «прыжок из царства необходимости в царство свободы». Ни единого научно-исторического факта о возможности такого «прыжка» пока не наблюдалось. Но вера остается: именно потому, что она носит не научный, а именно религиозный характер. Надо уточнить, что мы не исследуем проблему критериев истинности и подлинности христианской или коммунистической веры. Мы лишь показываем нечто общее в их генезисе.

В этом плане, очень характерно отношение Ефремова к религии. В одном из писем он удивляется, что Ленин вел борьбу с религией: «ведь сам Ленин был очень религиозен». Здесь Ефремов, по сути, соглашается с Бердяевым. Разница в том, что Бердяев видел в коммунизме квазирелигию, псевдорелигию. Ефремов же понимал религиозность коммунистической идеи в положительном смысле.

Но вера в торжество коммунизма не исчерпывает сути ефремовской религиозности. Здесь можно отметить влияние на Ефремова еще одной русской философской традиции, которую можно назвать теософски-эзотерической, основательницей которой в России была Е.П. Блаватская. Для этой традиции характерно учение о «братстве религий», о новой религии будущего, соединяющей существующие. Кроме того, эта традиция крайне негативно отзывается лишь об одной из существующих религий – о христианстве. Вот как пишет о христианстве Ефремов: «Подавление индивидуальности сводит людей в человеческое стадо, как было в Темные Века Земли, когда христианская церковь фактически выполнила задачу Сатаны, озлобив и сделав убийцами множество людей... К несчастью, главная религиозная книга наиболее техничной и могущественной из прошлых цивилизаций – белой – была Библия, наполненная злом, предательством, племенной враждой и бесконечными убийствами... Для другой великой цивилизации прошлого – желтой – учение Конфуция породило безответную покорность обстоятельствам жизни...» [4, с. 124]. Еще один порок, отмечаемый писателем в христианстве – это пренебрежение к телу и признание греховности эротической стороны жизни. Здесь Ефремов продолжает традицию, наиболее ярким представителем которой в России был В. Розанов, называвший христианство «религией гроба», якобы ненавидящей всё живое и телесное и поклоняющейся распятому мертвецу. Впрочем, наиболее ярким критиком христианства с этой стороны являлся всё же Ницше, оказавший серьезное влияние на русскую философию XIX–XX вв.

Но, в противовес двум якобы «душащим жизнь» религиям, Ефремов поднимал на щит две другие религиозные системы, являющиеся, по мнению писателя, жизнеутверждающими – это религии Древней Греции и Древней Индии. Греческую систему воспитания через «ступени посвящения в мистерии» писатель видел прообразом воспитания человека будущего. Но наиболее привлекала Ефремова «телесность» этих культур. Романы Ефремова проникнуты эротизмом и тантризмом. Эрос в понимании Ефремова имеет духовный характер – люди должны быть едины телесно, если идут по единому духовному пути, - но, при этом, Ефремов видел в человеке будущего эротическую открытость и гордое торжество телесности, резко контрастирующую с «христианской», в его понимании, ханжеской стыдливостью. В романе «Час Быка» эта линия лишь намечена, а в других произведениях писателя, романах «Таис Афинская» и «Лезвие Бритвы», множество страниц посвящено воспеванию красоты женского тела. Ефре-

мов здесь соединяет древние тантрические культы и культы древнегреческой храмовой проституции, а также платоновской философии любви, показывая их «духовный» характер, соединяющий земное и небесное.

Следующая традиция русской философии, развиваемая Ефремовым – это диалектическая традиция. Как показал А.Ф. Лосев еще в 1920-е годы, марксистский спор «диалектики» и «метафизики» – это вынесенный за пределы христианства богословский спор о нисхождении Святого Духа. Преобладающая западная традиция – это рационально-логическая иерархия Троицы, то есть «метафизика». Преобладающая восточно-христианская традиция делает упор на отношении Лиц в Троице: она является «диалектичной», соединяющей логические противоположности. В истории философии известны различные стили и модели диалектики: модели Гераклита, Платона, патристического богословия, Николая Кузанского, Гегеля, Маркса, Франка. Модель диалектики, поддерживаемая и исповедуемая Ефремовым, носит название «лезвие бритвы» и восходит к развитой ведической философии. Эту модель писатель проповедует во всех своих больших романах. Суть ее в том, что «истинный путь» подобен тонкому лезвию бритвы между двумя «безднами». Диалектически мыслящий человек – это ницшевский «канатоходец духа». Здесь нет места гегелевскому либо марксистскому «синтезу» противоположностей; здесь идет речь об «узком пути» между двумя крайностями, восходящему также к древнегреческому учению о мере и умеренности как высших добродетелях души.

Идея о диалектическом «лезвии бритвы» удивительно перекликается в романе «Час Быка» с еще одной традиционной идеей русской философии: с идеей русского мессианства. Вот как пишет Ефремов: «Россия – первая страна социализма. Именно она пошла великим путем по лезвию бритвы между гангстеризующимся капитализмом, лжесоциализмом и всеми их разновидностями. Русские решили, что лучше быть беднее, но подготовить общество с большей заботой о людях и с большей справедливостью, искоренить условия и самое понятие капиталистического успеха, искоренить всяческих владык, больших и малых, в политике, науке, искусстве. Вот ключ, который привел наших предков к Эре Мирового Воссоединения» [4, с. 127]. Ефремовские звездолетчики далекого коммунистического будущего наизусть цитируют стихи Гумилева и Брюсова как образцы высокой поэзии «прошлых веков».

Еще одна магистральная традиция русской философии, воплотившаяся в творчестве И.А. Ефремова – это традиция «всеединства», переплетающаяся в творчестве писателя с идеями русского космизма. Русская идея всеединства не желает мириться с актуальным состоянием нынешней Вселенной, где одни ее элементы существуют за счет гибели других, и проповедует наступление грядущей «мировой гармонии». Идея всеединства выражена у Ефремова в двойном смысле. Во-первых, это мысль о «братстве Великого Кольца». Безусловно веря в наличие инопланетного разума во

Вселенной (мысль, впервые высказанная Дж. Бруно) и столь же безусловно веря в закон развития общественно-экономических формаций по направлению к коммунизму, Ефремов очерчивает контуры воображаемого все-ленского коммунистического братства цивилизаций. Во-вторых, Ефремов выдвигает так называемую «теорию инферно». Под «инферно», что означает «ад», в переводе с латинского, писатель понимает цепь жестких природных и общественных законов, поработавших человека власти необходимости. И человек, как осознавший свою свободу, не может смириться со своим бессилием и жаждет через творческое саморазвитие и преобразование мира выйти за пределы этой необходимости – ровно то, что Энгельс и понимал под «прыжком из царства необходимости в царство свободы». Однако есть существенное отличие взглядов Ефремова от традиционных марксистских концепций общественного развития. Если марксизм видит магистральным путем достижения итоговой «гармонии» усиление классовой борьбы и возрастание революционных настроений, – а затем, через мифическое абстрактное диалектическое «снятие» классовых противоречий под действием абстрактного закона «отрицания отрицания», – то Ефремов в «Часе Быка», как типичный представитель русской философии, показывает невозможность кардинальных преобразований общества без кропотливой работы по изменению сознания человека, по воспитанию свободной и творческой личности. Иначе, как это не раз происходило в истории, составившие против олигархии представители угнетенных классов репродуцировали, став победителями, превращались в ту же самую олигархию, против которой они боролись.

И, наконец, наш анализ творчества Ефремова был бы неполным без указания на профетическую (пророческую) традицию русской философии. Когда-то Достоевский вложил в уста персонажа своего романа «Бесы», революционера-нечаевца Петра Верховенского, знаменитую фразу: «Мы уничтожим сто миллионов, но построим новое общество». За полвека до трагедии революции Достоевский предвидел ее последствия. Чем может быть актуальна сейчас ефремовская утопия и антиутопия? Возможно, «гангстерский капитализм Америки», о котором пишет Ефремов, остался где-то во временах «великой депрессии». Китайский «муравьиный лжесоциализм» стал мрачным воспоминанием о временах «великого кормчего». Но, удивительным образом, пророчества Ефремова об олигархическом режиме и бандитизме общества планеты Торманс, неоднократно и в разных вариациях реализовались на просторах бывшего СССР. Тем самым, глубина и провидческая сила ефремовской мысли, несмотря на то, что далеко не всегда с этой мыслью можно согласиться, реализовала себя на практике. Поэтому, Иван Антонович Ефремов, на наш взгляд, вполне может быть причислен «к лику» великих мыслителей всех направлений русской философии.

Библиографический список

1. Франк, С.Л. Непостижимое / С.Л. Франк // Франк С.Л. Сочинения. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – С. 243–796.
2. Евлампиев, И.И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского / И.И. Евлампиев. – СПб: Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии, 2012. – 585 с.
3. Евлампиев, И.И. Художественная философия Андрея Тарковского / И.И. Евлампиев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Уфа: ARC, 2012. – 472 с.
4. Ефремов, И.А. Час Быка / И.А. Ефремов. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. – 448 с.
5. Сагатовский, В.Н. И. Ефремов в контексте современной культуры / В.Н. Сагатовский // И. Ефремов – ученый, мыслитель, писатель: материалы симпозиума. – М.: Лаборатория Фантастики, 1998. – С. 52–61.
6. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

[К содержанию](#)

ББК Ю516 + Ю518
УДК 130.121.4

ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ НОВОГО В КОНТЕКСТАХ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ. ЯЗЫКОВАЯ ТКАНЬ КАК ПРОСТРАНСТВО СТРАТИФИКАЦИИ СМЫСЛОВ

А.А. Дыдров

Данная статья представляет собой философскую рефлексию над понятием нового. Определение данного понятия отсутствует даже в ведущих философских энциклопедических изданиях, а между тем в языковую ткань прочно вплетены такие понятия, как «новизна», «инновация», «новаторство» и т.д. Преодолеть данный смысловой коллапс можно посредством внедрения в языковые структуры древности, когда слова уже представляют собой дифференциации значений

Ключевые слова: новое, состояние, первенство, новизна, семиотика, язык, семантика

Новое и новизна – два слова, интегрированных в различные языки (new, neu, nova, trua, yeni, naujas, nuwe и т.д.); человек, использующий эти понятия, нуждается в применении майевтики. Дефиниция нового и новизны как слов, лексем – это не более чем указание на форму и принадлежность. Слово «новый» окружено аналогами из родственных языков и языковых симбиотических образований – сербохорватского, украинского, чешского,

польского. Нередко подчеркивается аналогия между древне-прусским «*pauns*» и «*jauns*». Последнее слово означает «юный», однако не следует поспешно утверждать то, что речь должна вестись об отождествлении нового и юного. Аналогия, как известно, сама по себе не является основанием для возникновения тождества, а тем более – аналогия не есть тождество.

В одном из древнейших языков – санскрите – «*n`ava*» означает, по-видимому, и «молодой», и «новый». Более того, слово «*n`ava*» переводится с санскрита и как «свежий». Идентичное написание – «*n`ava*» – и у количественного числительного «девять». Слово начинает встраиваться в ряд с иными лексемами, у которых в отношениях, вполне вероятно, имеется своя логика. Словарь санскрита иллюстрирует интеграцию языковой единицы в не вполне определенную группу иных единиц: *akṣuṇa* – не только «новый», но и «целый», «невредимый». *Ahata* – «небитый», *taruṇa* – «только что взошедший», «росток», «побег», «нежный», *pratyagra* – «первый», но и «повторенный», «возобновленный».

Представленных значений вполне достаточно для того, чтобы осознать широту поля смыслов. Среди этой множественности значений можно обнаружить значения, тяготеющие друг к другу, образующие своего рода сгустки смыслов. Одним из таких сгустков является устойчивая связь слова с природными явлениями – изменениями Луны (*taruṇa* – «растущий») и восходом солнца (*taruṇa* – «только что взошедший», *pratyagra* – «первый»). «Первый» – вовсе не беспредметное числительное, а источник света, луч, которым знаменуется восход. Это, по-видимому, тот луч, которым солнце впервые за день озаряет землю, луч, являющийся предвестником урожая, погоня скота, вообще труда и жизни. Слово *taruṇa* фиксирует восприятие человеком мира как длительности, становления, потока интенсивностей, ощущение мира как движущегося (или движимого). «*Taruna*» – зафиксированный «здесь и сейчас», схваченный и остановленный миг, мгновение, изъятое мыслью и кадрированное. Хотя слово и употребляется по отношению к светилу, *taruṇa* заставляет обратить внимание уже не на рядоположенность, не на последовательность единиц, а на схватывание мгновения. «Только что» – и есть кадрирование, воспроизведение мгновенно утраченного настоящего, иными словами – продление жизни прошлого.

Другой сгусток смысла образуют те переводы ранее обозначенных слов, что указывают на состояние. Состоянием является молодость (не случайно, вероятно, антиподом «нового», как и «молодого», является «старый»). Нельзя отрицать того, что в слове «молодость» фиксируется осознание человеком времени, длительности и движения. Но, несмотря на это, молодость, как и старость, – состояние, средоточие сложившихся признаков, атрибутов, свойств, средоточие относительно устойчивых черт. Молодость – понятие, включающее в себя как фенотипические и физиологические признаки (состояние мягких тканей и органов, оптимальность функционирования системы кровообращения и т.д.), так и психосоциальные

черты (молодость как феномен социального бытия человека не существует без и вне оценки Другим). В первом случае молодость – предмет исследования медиков, физиологов, анатомов, во втором – психологов, психиатров, философов, социологов и т. д. *Ahata* – уже не «растущий», а росток, побег, в общем, то, что следовало бы именовать состоявшейся молодостью, или «состоянием». Конечно, молодость располагается на линии времени, фактически образуя отрезок, длина которого варьируется в зависимости от состояния тела и духа, в зависимости от социальных норм, являющихся результатом деятельности коллектива, сообщества. Росток или побег – это не абстрактная, а конкретная, предметная молодость.

Итак, опираясь на образуемые тканью санскрита смысловые сгустки, следует уверенно говорить о том, что новый – это состояние (и как состояние новое коррелирует с молодостью), первенство в последовательности, длительности, импульс движения, *prīma*-единица в ряду (*calendae* – не только один из многочисленных дней, но и знак первенства, даровавший жизнь «календарю»). Новый – это и кадрированный миг, ставший прошлым, но охватывающий перцептивное поле. В некотором смысле кадрированный мир – это сохраненное «недавнее» прошлое, настолько «недавнее», что еще не вытеснено мыслью, более того – еще занимает центральное место и пока не испытывает угрозы со стороны иного мгновения (на этом смысловом узле нового преимущественно и концентрируют внимание мыслители-эмпирики).

На первый взгляд, особняком располагаются переводы слова «*pratyagra*» – «возобновленный», «повторенный». В латинском языке, по видимому, устойчивость связи новизны и повторения была нарушена: повторный (произошедший второй раз) – *repeti, repetitur*. Ясно, откуда берет свое начало слово «репетитор» и то, каковы, согласно этимологии, функции учителя-репетитора. То слово, что указывает на повторение бывшего, на воспроизведение «того же» (*iterum*), никак не связано со словом «новый» морфологически. Напротив, в группе восточнославянских языков слово «снова» («вновь») прижилось и обозначает «повторение с начала». Новый – не только возникший впервые или занявший первую позицию в том или ином ряду, но и возникший опять. В определенном смысле слово «снова», ели признать его синонимию слову «повторение» («*pratyagra*»), является и фиксатором бытия, и фиксатором перцепции. Для того или иного события характерно то, что оно уже возникало в прошлом, оно было и возникает вновь. Значение зрения еще с древности очевидно – зрение позволяет обнаружить в предметах множество различий. Следует указать и на то, что рецепторы (терминали, чувствительные нейроны, нейроглия, межклеточное вещество и т. д.) обеспечивают превращение раздражителя в нервный импульс, а идентификация раздражителей сопровождается не только фиксацией различий, но и сходств. Обнаружение сходства – это процесс, не позволяющий миру ополчиться на человека. В языковой еди-

нице «pratyagra», вероятно, концентрируется и гностический компонент. Момент схватывания реальности происходит всякий раз тогда, когда человек сопоставляет прошлое и настоящее, утверждая о том, что «нечто было и возникло опять». Даже если относительно позиции объективности вывод поспешен и де-факто действительность не была схвачена, произошла псевдофиксация. Псевдофиксация, вне сомнения, провоцирует и поддерживает состояние эйфории. Слово «новый», сообразно третьему из выделенных сгустков значения, фиксирует нечто, второй раз вторгающееся в перцептивное поле субъекта.

[К содержанию](#)

УДК 316.74

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ УЧИТЕЛЕЙ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В.Ю. Колчинская

В статье рассматривается социальное самочувствие учителей сквозь призму его профессиональных аспектов, к которым относится оценка значимости своей работы для общества в целом, органов власти и потребителей образовательных услуг, мотивы трудовой деятельности учителей, удовлетворенность трудом и выделение трудностей системы образования.

Ключевые слова: реформа общего образования, учителя, социальное самочувствие учителей, мотивы трудовой деятельности учителя.

Образование – один из основных социальных институтов общества, успешное функционирование которого определяет благополучие социальной системы. В современной России все население проходит через среднюю школу, что обостряет проблему качества образования в ней.

Современная же ситуация сейчас такова, что, сломав старую систему среднего образования и не создав новую, общество попало в очень затруднительное положение. Одной из негативных тенденций в системе среднего образования в России за последние 15 лет стало усиление дифференциации в доступности разных ступеней образования, а также в качестве получаемого образования. По сути, произошел распад единой системы на две части: элитарную и массовую, который стимулировался реализацией либеральной модели образования в 90-е гг., ориентацией на вариантное поведение. Это проявилось в появлении большого числа негосударственных школ, лицеев, гимназий и в сокращении количества общеобразовательных учреждений.

С учетом меняющихся требований к системе среднего образования возникает множество проблем. Во-первых, отсутствует проработанная методология учебной деятельности. Система курсов повышения квалификации работников достаточно быстро реагирует на потребности образовательных учреждений, на решение задач модернизации образования. Однако она достаточно консервативно настроена на воспроизводство утративших свою значимость образовательных технологий. Кроме того, устаревшее материально-техническое оснащение не позволяет в должной мере решать задачи введения как существующих государственных стандартов, так и стандартов нового поколения.

Существует разрыв преемственности уровней общего образования и высшего профессионального. Эта проблема могла бы быть решена путем введения более совершенных систем оценки уровня знаний учащихся. Но введение систем ЕГЭ, ГИА, которые, по мнению экспертов, бьют по нервам родителей и учащихся, убивают таланты детей. Это происходит на фоне снижения уровня общей культуры и знаний учащихся.

Необходимо также отметить проблемы социального самочувствия учителя. Произошло снижение престижа профессии учителя в глазах общества. Большая загруженность учителей «бумажной», отчетной работой затрудняет ведение собственно педагогической деятельности. Изменения в системе оплаты труда вызвали к жизни напряженность в педагогических коллективах в связи с разницей в доходах учителей. Эти проблемы осложняются сложностями реализации творческого потенциала педагога. В связи с этим существует противоречие между уровнем компетентности, отвечающим профессиональному статусу учителя, требуемому культурному уровню, стилю жизни, и реальными возможностями, которые предоставляет ему общество.

Все вышесказанное актуализирует проблему оценки качества среднего образования. Важным фактором здесь является социальное самочувствие учителей. С целью изучения социального самочувствия учителей г. Челябинска в марте-апреле 2010 года было проведено социологическое исследование. Основным объектом исследования являются учителя учреждений общего образования города Челябинска. Были выделены три типа школ: 1) «статусные» учебные заведения (гимназия и лицеи); 2) средние общеобразовательные школы с углубленным изучением предметов, в которых применяются нетрадиционные методики обучения, авторские программы, в которых существуют профильные классы (отдельные предметы ведут преподаватели средних специальных учреждений); 3) средние общеобразовательные школы, которые существенно не отличаются от других общеобразовательных школ, а по уровню и качеству предоставляемых знаний могут отставать. Изучению подлежало 9 школ – два лицея, одна гимназия, шесть общеобразовательных школ г. Челябинска.

Важной профессиональной характеристикой социального самочувствия является оценка значимости своей работы. По данному критерию респонденты разделились на три группы. Наиболее высоко оценивающие значимость своей профессии считают, что для общества в целом, органов власти, учеников и их родителей профессия учителя является значимой. Вторая группа – учителя, которые дают среднюю оценку значимости своей профессии. Они считают, что для окружающих профессия учителя не очень значима. Третья группа – крайне низко оценивают значимость своей профессии.

Наиболее наполненной оказалась группа респондентов, которые оценивают значимость своей профессии высоко. Их доля составила 61 % опрошенных учителей. То есть, несмотря на сложившиеся трудности в сфере образования, снижение престижа профессии учителя, респонденты достаточно высоко оценивают значимость своей профессии. Учителя стремятся ориентироваться на высокую оценку их профессии их учениками, их родителями.

Тем не менее, четверть опрошенных считают, что для потребителей их профессия не важна. Это, главным образом, учителя со стажем 10–25 лет, желающие сменить педагогическую деятельность на какую-то другую сферу работы, не удовлетворенные отношениями с учениками.

Эта типология коррелирует с такими переменными, как пол и оценка уровня дохода семьи. Женщины чаще отмечают, что профессия учителя ценится окружающими. Среди низкодоходных учителя, воспринимающие оценку значимости своей профессии как низкую, встречаются гораздо чаще, чем среди других групп (здесь таких 46 %, в то время как среди среднедоходных их доля такая же, как в целом по массиву, а среди высокодоходных такая оценка не встречается вообще).

Кроме того, интересно рассмотреть, как описываемые группы характеризуют мотивы работы в школе (респондентам было предложено оценить степень значимости каждого мотива). На первый план во всех группах выходят мотивы, связанные с содержанием работы. Дифференцирует группы такой мотивы как «возможность общаться с людьми, близкими по интересам»: он оказывается менее важен для респондентов, оценивающих свою работу как имеющую низкую значимость в глазах окружающих.

В конце списка по значимости оказываются возможность получения уважения окружающих и достойного вознаграждения за работу, также оцениваемые данной группой как менее важные. Это говорит о том, что данные потребности минимально удовлетворяются работой учителя. Также тревожным симптомом становится высокая позиция в данном списке невозможности искать другую работу, что также говорит о низкой удовлетворенности учителей трудом (см. табл. 1).

Большинство респондентов (89 % от опрошенных) посещают курсы повышения квалификации. По мнению респондентов, курсы, прежде всего, позволяют пройти аттестацию (50 %), позволяют выработать новый стиль обучения (34 %), позволяют не только получить эффективную информацию в сжатые сроки (23 %), но и научиться использовать новые методы обучения учащихся (17 %) – это связано с тем, что требования к работе педагога постоянно меняются, появляются новые технологии и новая информация: учитель просто вынужден адаптироваться к новым условиям. 17 % респондентам курсы позволяют делиться опытом и методиками с коллегами, перенимать опыт. То есть, мы видим, что, несмотря на то, что учителя отмечают явную содержательную пользу от курсов, основным мотивом их прохождения является необходимость соблюдения формальных квалификационных требований.

Таблица 1

Мотивы работы в школе в зависимости от оценки значимости профессии в глазах окружающих (индекс^{*})

Мотивы	В целом по массиву	Оценка значимости профессии		
		Высокая	Средняя	Низкая
Нравится давать знания, обучать, воспитывать	0,631	0,619	0,700	0,630
Школа дает возможность совершенствоваться	0,628	0,615	0,680	0,637
Интересно общаться с молодым поколением	0,510	0,522	0,479	0,500
Нет возможности искать другую работу	0,476	0,491	0,435	0,459
Возможность общаться с людьми, близкими по интересам	0,185	0,223	0,261	0,041
Возможность проявить себя как лидера	0,083	0,107	-0,043	0,092
Привычка работать в школе	0,016	0,056	-0,022	-0,041
Работа вызывает уважение окружающих	-0,111	-0,005	-0,283	-0,276
Возможность получать за свою работу достойное вознаграждение	-0,226	-0,143	-0,370	-0,388

^{*} Индекс меняется в интервале [-1; 1], принимает значение «1», если вся совокупность оценивает данный мотив как очень важный, «-1», если вся совокупность оценивает данный мотив как не важный.

Что касается обстоятельств, препятствующих повышению квалификации учителей, наиболее типичны ссылки на нехватку времени (43 %). Отсутствие заинтересованности администрации школы в повышении квалификации отмечает 24 % опрошенных. 19 % респондентов отмечают беспо-

лезность курсов повышения квалификации для себя. Как показывают данные, респонденты жалуются не только на сложности посещения курсов повышения квалификации, но и на отсутствие возможности творческой самореализации (51 % от ответивших) – то есть на возможность практиковать в своей работе творчество, придумывать новые методики и подходы к учащимся. Это вызвано тем, что большинство респондентов (59 %) заняты «бумажной» отчетной работой. Пассивность учащихся, нежелание учиться являются препятствием творчеству для 36 % педагогов. Слабая оснащенность школы необходимыми техническими и наглядными средствами вынуждает 28 % респондентов отказаться от творчества. Кроме того, важным фактором становится вторичная занятость: вынуждены подрабатывать в свободное время на другом месте работы 27 % респондентов.

Еще одним профессиональным параметром социального самочувствия учителей является удовлетворенность работой. Она оценивалась по 5-членной порядковой шкале, при анализе значениям шкалы были присвоены числа от -1 до 1 . Удовлетворенность по группе оценивалась с помощью индекса, рассчитанного по формуле средней арифметической. При это при описании результатов значения индекса от $0,3$ до 1 мы считаем высокими, от $-0,3$ до $0,3$ – средними, ниже, чем $-0,3$ – низкими. Характеризуя общую удовлетворенность, надо отметить, что в целом по массиву значения индекса по разным характеристикам колеблются от $-0,327$ до $0,324$.

Были выделены следующие группы характеристик. Во-первых, характеристики взаимодействия с учениками. Сюда были отнесены отношения учеников к учителям и отношение учеников к учебе. В целом по массиву удовлетворенность первой из них средняя (индекс близок к нулю), второй – низкая (индекс $-0,327$).

Вторая группа характеристик – организационная. К ней мы отнесли расписание, наличие свободного времени и объем внеклассной работы. Из этих характеристик учителя в большей мере удовлетворены расписанием. Что касается остальных, то больше всего нареканий вызывает объем внеклассной работы, с чем тесно связано количество свободного времени: удовлетворенность обеими этими характеристиками невысока.

Третья группа характеристик касается условий труда. Это санитарно-гигиенические условия работы в школе, укомплектованность библиотечного фонда школы, оснащение школы техническими средствами. Санитарно-гигиенические условия оцениваются довольно высоко, что не удивительно: учителя находятся в тех же условиях, что и учащиеся, а к условиям занятий предъявляют жесткие требования. Что же касается оснащенности занятий, то укомплектованность библиотечного фонда школы оценивается существенно ниже, а оснащение школы техническими средствами имеет еще более низкую оценку.

На основе удовлетворенности работой были выделены три группы учителей. Первая группа характеризуется высокими показателями удовлетворенности по всем параметрам, кроме объема внеклассной работы и наличия свободного времени. По этим параметрам оценка удовлетворенности в данной группе несколько ниже, но остается в рамках среднего уровня. Эта группа составляет 29 % от совокупности.

Во второй группе, которую мы обозначили как группу со средней удовлетворенностью работой, высоко оцениваются только санитарно-гигиенические условия. Здесь появляются низкие оценки: так оцениваются отношение учеников к учебе, наличие свободного времени и объем внеклассной работы. Остальные оценки остаются в рамках среднего уровня. Эта группа составляет 30 % от совокупности.

И последняя группа не выставляет высоких оценок своей удовлетворенности ни по одному показателю. Выше всего оценивается расписание, кроме того близки к нулю индексы оценки санитарно-гигиенических условий, отношений учеников к учителям и наличие свободного времени. Остальные характеристики оцениваются низко. Данная группа наиболее многочисленна, она составляет 41 % от совокупности в целом.

Эта классификация коррелирует с рядом переменных. Высоко удовлетворенные чаще указывают на хорошие отношения с учениками, их родителями, коллегами и администрацией школы. Среди этой группы чаще встречаются желающие сменить работу, в то время как среди средне и низко удовлетворенных чаще встречаются те, кто хотел бы сменить сферу деятельности. Учителя с высокой удовлетворенностью чаще указывают, что им хватает времени для творческой самореализации в профессии. То есть, мы видим, что данная классификация обоснованна, а также, что удовлетворенность работой тесно связана с возможностями профессиональной самореализации.

Рассматривая профессиональные характеристики социального самочувствия учителей важно обратить внимание на то, какие трудности системы школьного образования они выделяют. Из таблицы 2 видно, что наиболее важными трудностями, названными учителями, являются загруженность учителей работой, не связанной непосредственно с преподаванием, недостаточное финансирование образования и падение авторитета учителя в глазах учащихся. Несколько реже, но все же почти в 40 %, анкет встречается указание на снижение общей культуры и знаний учащихся.

Мнения учителей по данному вопросу значительно различаются в зависимости от удовлетворенности трудом. Так, сильную загруженность учителей «бумажной» работой чаще отмечают учителя с низкой и средней удовлетворенностью. Недостаточное финансирование и материальное обеспечение школ чаще отмечают учителя и низкой и высокой удовлетворенностью. «Старение» педагогических кадров выделяют учителя, удовлетворенные работой.

Таким образом, мы видим, что трудности, отмечаемые учителями, связаны как с особенностями управления системой образования, так и с особенностями общества в целом.

Таблица 2

Трудности системы школьного образования
в зависимости от удовлетворенности работой (в % от числа ответивших)

Трудности	В целом по массиву	Удовлетворенность работой		
		Низкая	Средняя	Высокая
Большая загруженность учителей «бумажной», отчетной работой	68,7	66,2	87,9	52,6
Недостаточное финансирование и материальное обеспечение школ	67,7	83,8	48,3	64,9
Падение авторитета учителя в глазах учащихся	62,6	63,7	69,0	54,4
Снижение уровня общей культуры и знаний учащихся	38,5	33,8	44,8	38,6
«Старение» педагогических кадров	16,4	12,5	8,6	29,8
Напряженность в коллективах учителей в связи с разницей в доходах	6,7	11,3	3,4	3,5
Проблемы реализации творческого потенциала педагога	6,2	5,0	5,2	8,8
Прочие (менее 5 %)	11,0	10,0	5,1	17,6
Итого:	277,4*	286,2*	272,4*	270,2*

* Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

В чем заключаются причины названных трудностей? Наиболее часто встречается ответ «низкий престиж учительской профессии». Его, как видно из таблицы 3, отмечает 71 % опрошенных. Чаще всего данный ответ встречается в анкетах учителей, работающих в «сильной» школе. Следующий по популярности вариант «низкая материальная оценка труда учителя». Эти два варианта выбирает больше половины опрошенных, остальные называет уже существенно меньшая доля респондентов.

Чуть больше трети выделяет пассивность, незаинтересованность учащихся в усвоении знаний, причем чаще, что предсказуемо, он встречается у учителей, работающих в «слабой» школе, и существенно реже – в «сильной». Также учителя отмечают свою слабую социальную и правовую защищенность. Последняя особенно беспокоит учителей, работающих в «сильной» школе. А падение престижа образования в обществе в целом чаще всего выделяют работники «слабых» школ, и реже всех – работники гимназий и лицеев.

Таблица 3

Причины трудностей в системе школьного образования
в зависимости от типа школы, (в % от числа ответивших)

Причины трудностей	В целом по массиву	Тип школы		
		Сильная школа	Слабая школа	Гимназия
Низкий престиж учительской профессии	70,6	82,9	62,5	65,0
Низкая материальная оценка труда учителя	54,6	58,6	53,1	51,7
Пассивность, незаинтересованность учащихся в усвоении знаний	35,1	22,9	51,6	31,7
Слабая социальная защищенность педагогических кадров	29,9	30,0	29,7	30,0
Слабая правовая защищенность системы образования	28,9	37,1	26,6	21,7
Падение престижа образования в обществе в целом	24,7	24,3	35,9	13,3
Плохое научное и методическое обеспечение учебного процесса	17,0	15,7	15,6	20,0
Феминизация учительской профессии	9,8	7,1	4,7	18,3
Прочие (менее 5 %)	5,1	2,9	3,1	10,0
Итого	275,8*	281,4*	282,8*	261,7*

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Здесь мы видим факторы, которые являются специфическим для системы образования. Это и уровень оплаты, и защищенность педагогических кадров. Но наряду с ними, существенную роль, по мнению учителей, играют и особенности общества в целом. Нельзя систему образованию считать «виновной» в низкой заинтересованности школьников в получении знаний или падении престижа образования в обществе. Эти явления находятся в тесной связи с функционированием остальных социальных институтов современного общества.

Таким образом, анализируя профессиональные характеристики социального самочувствия учителей, мы можем выделить целый ряд проблем, актуальных для нашей средней школы, что не может не сказаться на качестве работы активных участников процесса обучения и на качестве общего образования в целом.

[К содержанию](#)

УДК 316.74:61

ББК С561.6

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н.В. Нарская

В современной России рынок медицинских услуг характеризуется полнокровностью унаследованной у СССР системы планового, централизованного производства медицинских услуг, коллективного и принудительного их потребления, сосуществованием патерналистской системы здравоохранения с рыночной системой спроса и предложения медицинских услуг, неравенством в потреблении медицинских услуг, обусловленным различием социальных статусов пациентов.

Ключевые слова: производство, потребление, здоровье, неравенство, здравоохранение, врач, пациент, социальное взаимодействие.

В современной России рынок медицинских услуг характеризуется рядом особенностей. Особо важными представляются следующие: во-первых, полнокровность унаследованной у СССР системы планового, централизованного производства медицинских услуг, коллективного и принудительного их потребления. Во-вторых, сосуществование патерналистской системы здравоохранения с рыночной системой спроса и предложения медицинских услуг. В-третьих, неравенство в потреблении медицинских услуг, обусловленное различием социальных статусов пациентов. Краткое рассмотрение этих особенностей стало задачей данного текста.

Наследие советской системы медицинских услуг

А. Вишнеvский, подробно описывая борьбу за увеличение продолжительности жизни в XX веке в таких странах как СССР, США, Япония, Франция и др., говорит об успехах в решении этой проблемы в середине века благодаря определенной патерналистской стратегии борьбы за здоровье и жизнь человека [1]. Она была основана на массовых профилактических мероприятиях, которые не требовали самостоятельной активности и ответственности от самого индивида. В 60-е годы в богатых и развитых странах эта стратегия себя исчерпала и наступил новый период, «второй эпидемиологический переход», в котором в центре врачебного внимания оказались заболевания неинфекционного происхождения. Была выработана новая стратегия и новый тип профилактики, направленные на борьбу с онкологическими заболеваниями и болезнями сердечно-сосудистой системы. Эта стратегия предполагала ответственное, сознательное и активное отношение к своему здоровью самого человека. На здравоохранение в этих государствах выделялись значительные средства.

В СССР ситуация оказалась сложнее. Он не смог осуществить «второго эпидемиологического перехода», вследствие чего показатели продолжительности жизни в 60-е годы стали значительно ниже западных и продолжали неумолимо снижаться. Становится понятным, считает А. Вишневский, что к концу 80-х годов растущее отставание СССР от мировых успехов в борьбе за продолжительность жизни – не случайность, а проявление глубокого кризиса системы здравоохранения вследствие укорененных в ней отсталых, консервативных принципов социального взаимодействия. Существовавшая уравнилельно-патерналистская система стала препятствием в борьбе за сохранение здоровья и продление жизни.

Существование двух систем здравоохранения

По мнению Т.И. Заславской, в настоящее время в России действует две крупные и относительно независимые стратификационные системы. Это, во-первых, сословно-корпоративная система ролей и статусов в государственном секторе, которая базируется на социальной дифференциации, задаваемой традиционными институтами [2]. Имеются в виду исторически сложившиеся различия между городом и селом, малыми и крупными городами, разными регионами страны, отраслями экономики, ступенями должностной иерархии. Во-вторых, это формирующаяся в частном секторе система стратификации, в основе которой – позиции субъектов в структуре отношений собственности и на рынке труда. При этом значительная часть граждан в силу неустойчивости и неопределенности их статуса фактически выпадает из системы существующих страт, что препятствует однозначному отнесению их к одной из двух стратификационных систем.

Как мне представляется, приведенный выше тезис о двух системах социального неравенства может быть плодотворно использован для описания двух систем здравоохранения в современной России. Патерналистская система здравоохранения представлена государственными программами и кампаниями по профилактике болезней и сохранению здоровья населения, министерством здравоохранения, медицинской и фармацевтической промышленностью, государственной аптечной сетью, системой государственных клиник, лечебниц и санаториев и т.д.

Рыночная система здравоохранения возникает в постсоветский период и на настоящий момент является полноценной альтернативой государственной медицине. Она представлена частными клиниками, предприятиями, центрами по сохранению и укреплению здоровья различного профиля и другими лечебными учреждениями и организациями, связанными со здоровьем и здоровьесбережением населения.

Существование этих двух систем закладывает основы социального неравенства в области здравоохранения, которое закрепляется благодаря неравенству социальных статусов пациентов.

Неравенство в потреблении медицинских услуг

Т. Парсонс рассматривал взаимодействие врача и пациента, как отношения между экспертом и пассивным и несведущим объектом врачебного вмешательства. Такой тип взаимодействия соответствует первому типу – сословно-корпоративной системе стратификации, описываемой Т.И. Заславской. Именно этот тип взаимоотношений между врачом и пациентом оказался наиболее живучим в современной России, являясь наследием здравоохранительной системы СССР.

Характерное для этой системы недоверие к врачу провоцирует, помимо прочего, альтернативные стратегии лечения: самолечение, обращение к нетрадиционной медицине, использование личных сетей и знакомств [3]. При изучении возможных причин самолечения наряду с нежеланием оформлять больничный лист, терять в зарплате, поправлять здоровье с помощью методов нетрадиционной медицины существует проблема недоверия к доктору. В современных условиях, когда работодатель не желает терять время и средства на лечение сотрудников, чаще всего к доктору обращаются в ситуации, не терпящей отлагательств. «Незначительные» и знакомые симптомы нездоровья (боль в горле, насморк и т.д.) люди пытаются преодолеть способами традиционной медицины, не обращаясь за помощью к профессионалам. Особенно это прослеживается в ситуации, когда пациенту предлагают пройти ряд дорогостоящих обследований и принимать определенные медицинские препараты. Возможно, подспудно у слабо образованной части населения действуют стереотипы сознания, которые можно описать в категориях «моральной экономии» [4]: эксперт-профессионал, зарабатывающий умственным трудом воспринимается как обманщик, который наживается на своем экспертном знании и обирает людей. Причем в данном случае речь идет не только о медицине платной, но и о государственных медицинских учреждениях.

Положительные результаты в профилактике, лечении и поддержании здоровья, несомненно, зависят не только от институтов здравоохранения, но и от активности, уровня грамотности и знаний пациента, причем речь идет не только и не столько о знаниях медицинских. В современном мире при существующих возможностях использовать для поиска необходимой информации интернет и другие СМИ, пациент при желании получает доступ к информации профессионалов, которой обладает врач как эксперт. Степень информированности пациента влияет на его взаимодействие с доктором и на ход обследования и лечения. В настоящее время можно вести речь об отношениях между пациентом как экспертом повседневного медицинского знания – «экспертом повседневности» [5], который при обращении к доктору должен правильно описывать симптомы, и врачом – экспертом-профессионалом, способным грамотно и эффективно применять свои профессиональные знания на практике. Эта модель взаимодействия между врачом и пациентом типологически относится ко второй форме со-

циальной стратификации, описанной Т.И. Заславской. Она характерна для современных обществ, основанных не на предписанных социальных статусах и ролях, а на рыночных отношениях. В здравоохранении это проявляется в возможности состоятельного пациента выбрать медицинское учреждение и лечащего врача. Тем самым, с одной стороны, создаются паритетные отношения и высокий уровень доверия между пациентом и врачом, а с другой – культивируется и закрепляется социальное неравенство между пациентами, обращающимися в разные секторы здравоохранения.

Итак, сфера здравоохранения демонстрирует сложную систему неравенства между пациентами разного социального статуса, а также между пациентами и врачами вследствие сосуществования двух стратификационных систем. Главным образом, высокий образовательный ценз позволяет пациенту устанавливать паритетные отношения с врачом и влияет на степень удовлетворенности от контакта с ним и от лечения. Низкий материальный и, особенно, образовательный статус сужает возможности выбора в пользу государственной медицины, причем не только в связи с меньшими денежными затратами, но и из-за предубеждений в отношении частных медицинских услуг; способствует накоплению негативного опыта в сфере взаимодействия с системой здравоохранения; препятствует созданию личных социальных сетей альтернативного консультирования по вопросам здоровья. Тем самым, неравенство в сфере здравоохранения не сводится к неравенству в доступе к медицинским услугам. Различие социального статуса пациентов создает стратегии отношения к здоровью, закрепляющие неравенство в поддержании здоровья россиян.

Таким образом, трансформация, которую претерпевает современное российское общество, ярко демонстрируется и институтом здравоохранения. Две системы здравоохранения сложно переплетены, в повседневной практике они дополняют друг друга, сосуществуют и востребованы в современном обществе. Однако проблемы продолжительности жизни в РФ, качества предоставляемых медицинских услуг как в государственных, так и в частных медицинских учреждениях, доверия между врачом и пациентом, решаются недостаточно эффективно и остаются актуальными.

Дальнейшее изучение заявленных проблем видится посредством детализированного анализа социальных практик, стратегий и тактик врачей и пациентов в обеих системах производства и потребления медицинских услуг, что особенно важно в связи с тем, что многие врачи задействованы и в той, и в другой системе. Пациенты также зачастую пользуются услугами и государственной и частной медицины, при этом актуальными остаются также проблемы самолечения и обращения к нетрадиционной медицине.

Библиографический список

1. Вишневский, А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР / А.Г. Вишневский. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.

2. Заславская, Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Учебн. пособие / Т.И. Заславская. – М.: Дело, 2004. – 400 с.

3. Аронсон, П. Стратегии обращения за медицинской помощью и социальное неравенство в современной России / П. Аронсон // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине: сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2009. – С. 155–178.

4. Имеется в виду выдвинутый британским евро-марксистом Э. Томпсоном на основе изучения протеста низов в Англии Нового времени концепт, согласно которому восприятие, придание смысла и поведение низших слоев общества в отношении таких экономических категорий как труд, интерес, прибыль, собственность, богатство и проч. может ориентироваться не на экономические, а на моральные категории. См.: Tompson, E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century / E.P. Tompson // Past and Present. – 1971. – P. 76–136.

5. Герасимова, М. Статус пациентки и гендер врача в медицинском взаимодействии / М. Герасимова // Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы: сборник статей / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2011. – С. 102–128.

[К содержанию](#)

УДК 378.18+378.14

ББК Ч448.043

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ ИЗ МАЛЫХ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Л.В. Русских

По результатам социологического исследования студентов разных курсов и факультетов трех крупных ВУЗов Челябинска (ЮУрГУ, ЧелГУ, ЧГМА) проведен анализ закономерностей социальной адаптации иногородних студентов. Наибольшее внимание уделено выходцам из сельской местности. Установлены основные факторы, влияющие на успешность процесса адаптации, выявлены причины, затрудняющие этот процесс.

Ключевые слова: адаптация, социализация, студенческая среда, сельский житель, горожанин, идентификация.

На изучение адаптации студентов не существует единой точки зрения. Например, А.Б. Котова в качестве базовых факторов адаптации называет рынок труда, ценностные ориентации и профессиональную социализацию студенчества [1], уфимский социолог Л.Т. Мазитова считает, что наиболее

актуальными для студентов иностранного происхождения является социокультурная, социокоммуникативная и социобытовая адаптация в отечественной студенческой среде [2], Л.В. Мартынов делает упор на нормативно-ценностный аспект социальной адаптации студентов [3]. И.А. Щеглов подробно рассматривает сущность и содержание политической социализации современного студенчества [4]. Анализ закономерностей социальной адаптации студентов Челябинска мы будем проводить на материалах социологического исследования, проведенного среди студентов разных курсов и факультетов в трех крупных вузах Челябинска: ЮУрГУ, ЧелГУ, ЧГМА.

Процесс адаптации выходцев из села к городской среде опосредован в первую очередь адаптацией к студенческой жизни, в частности, адаптацией к вузу, факультету, своей студенческой группе и непосредственно к учебному процессу. Несмотря на то, что большинство респондентов не видят особых сложностей в адаптации к студенческой среде (83 %) и признают возможность полноценного превращения сельского жителя в городского (85 %), исследование показало, что процесс приобретения новых для молодого человека социальных статусов является проблематичным и занимает определенное время. Так, статус горожанина примерили на себя лишь 58 % респондентов, причем женщин в их числе на 24 % больше, чем мужчин.

Исследование зафиксировало, что размер населенного пункта оказывает заметное влияние на процесс адаптации: чем больше населенный пункт, тем легче проходят адаптационные процессы и тем быстрее приобретаются новые социальные статусы, в частности, статус горожанина. Количество молодежи из крупных поселений, не испытывающей больших сложностей в адаптации к городу и вузу, превосходит почти в 2 раза количество той же категории лиц из небольших сел и деревень. Кроме того, от младших курсов к старшим уменьшается неопределенность идентификации своей территориальной принадлежности, у студентов возрастает осознание себя в качестве горожанина: 63 % на пятом курсе против 34 % на первом. С другой стороны, важным моментом в социализации студентов, является непосредственная адаптация к вузу и новой системе преподавания. Приобретение нового для молодого человека статуса студента, как оказалось, является наиболее безболезненным процессом в ряду освоения иных социальных статусов (территориального и возрастного). 87 % респондентов считают себя полноценными студентами, и лишь 3 % продолжают причислять себя к селянам.

Следующим крупным и основным этапом в социализации студентов, который можно по праву назвать завершающим, является этап социального взросления. Переход молодого человека из состояния ребенка во взрослое состояние всегда тесно сопряжен с пересмотром и трансформацией его ценностных ориентаций. Взросление студентов связано с моральной само-

оценкой, они задумываются над существом мира, общества. Современная социальная среда в свою очередь «предлагает» студенту различные способы взросления, как позитивные, так и негативные. Следует отметить, что, на процессы взросления молодых людей влияют в первую очередь материальные факторы: дети из обеспеченных семей на порядок выше оценивают свой возрастной статус (62 %), в то время как дети из семей с низким доходом все больше не готовы назвать себя взрослыми (53 %). Та же тенденция характерна и для зависимости социального возраста от основы обучения: обучение на бюджете помогает студенту быстрее перейти во взрослое состояние, что в первую очередь объясняется опять-таки материальными причинами. Регулярные денежные растраты и отсутствие многих льгот «бюджетников» вынуждают студента находиться в постоянной зависимости от родителей, ограничивая его самостоятельность, что в первую очередь отличает ребенка от взрослого. Это подтверждают полученные нами данные: «бюджетников», назвавших себя взрослыми, оказалось на 12 % больше «контрактников». Следует отметить, что кроме материальных обусловленностей социального взросления студента существует яркая временная зависимость. Приближаясь к пятому курсу обучения, все студенты неизбежно примеряют на себя статус взрослого. На пути от младших к старшим курсам третий считается переходным. Только на этом этапе многие студенты впервые начинают всерьез задумываться о будущем, трезво оценивать свои профессиональные перспективы, строить планы на деятельность после окончания вуза. К старшим курсам студент начинает чувствовать стабильность, депрессивное состояние сменяется спокойствием, он чувствует уверенность ввиду того, что большая часть обучения уже позади, и он смело движется к финальному рубежу. Как оказалось, социальный статус взрослого легче приобрести тем, кто живет в общежитии (60 %), чем тем, кто снимает квартиру (33 %). Такие различия представляются вполне логичными: общежитие дисциплинирует студентов в силу присутствия внешнего контроля, отсутствие «роскошных» условий проживания стимулирует самостоятельность, а коллективная жизнь воспитывает у молодого человека массу полезных качеств для общественной и культурной деятельности (альтруизм, коммуникабельность и др.).

Компаративный анализ приобретения трех важнейших социальных статусов (горожанин, студент, взрослый) молодым человеком в совокупности дает нам право утверждать, что самым трудоемким и длительным является процесс социального взросления: 56 % респондентов назвали себя взрослыми, а 42 % так и не смогли однозначно определить свой социальный возраст. Напротив, процессом, дающимся «вчерашним» селянам достаточно легко является процесс перехода из «довузовского» состояния в «вузовское»: 87 % молодых людей уверенно причисляют себя к студентам, и лишь 10 % не решаются последовать их примеру. Средними значениями

по сравнению с двумя вышеназванными обладает территориальный статус: здесь соотношение «горожан» и «неполноценных горожан» составляет 3:2 (58 % опрошенных назвали себя горожанами по сравнению с 38 % неопределившихся с территориальной принадлежностью на данный момент).

Профессиональные мотивы поступления в вуз (в частности мотив «добиться профессионализма в выбранной сфере») способствуют более успешной адаптации, делают этот процесс естественным и гармоничным, что отмечают 73 % опрошенных, а статусные мотивы влекут неудовлетворенность выбором своей специальности. Например, абитуриенты, руководствующиеся при поступлении мотивом «много зарабатывать», на 75 % чувствуют недовольство и неудовлетворенность своим выбором, и не уверены в его правильности. Также велик процент неудовлетворенных и среди поступивших ради высокого положения в обществе: упор на этот мотив оставил недовольными 56 % респондентов.

Для селян определяющим фактором, а в некоторых случаях – ограничивающим, является уровень семейного дохода. Чем лучше материальная обеспеченность молодого человека, тем в большей степени он ориентирован на прибыльность будущей профессии: дети из обеспеченных семей на 25 % чаще остальных следовали мотиву «стремление много зарабатывать». Примечательно, что для детей состоятельных родителей высокое положение в обществе выражается в рентабельности их будущей профессии, выявленная закономерность здесь остается прежней: чем больше доход, тем больше стремление получить высокое положение в обществе.

Для анализа психологического аспекта социальной адаптации сельской молодежи в городе была прослежена динамика эмоционального состояния студентов. Проведенное исследование показало, что на первом курсе преобладают пессимистические ориентации в настроениях студенчества. Большинство студентов чувствуют сомнение и неуверенность, стресс и переживания, страх и тревогу, неуверенность в своих силах. В последующем, (особенно это характерно для старших курсов) эмоциональное состояние студенческой молодежи меняется в позитивную сторону: появляется чувство самоуважения, свободы и раскованности, стабильности и спокойствия, чувство полноты жизни.

Изменение ценностной системы молодого человека за период обучения в университете зачастую определяет его будущие жизненные ориентации, формирует устойчивое мировоззрение. Именно через такую трансформацию устоявшихся жизненных представлений и становится возможной успешная адаптация иногородних студентов к новой для них социокультурной среде. Можно с уверенностью утверждать, что чем успешнее протекают процессы адаптации студентов – выходцев из небольших городов, поселков и сельской местности к учебе в вузе и к жизни в большом городе в целом, тем удачнее сложится их профессиональная карьера.

Библиографический список

1. Котова, А.Б. Социальные детерминанты социализации молодежи в ВУЗе: дис. ... канд. филос. наук / А.Б. Котова. – Ростов н/Д., 1999. – 167 с.
2. Мазитова, Л.Т. Социальная адаптация иностранных студентов (на примере вузов Башкортостана): дис. ... канд. соц. наук / Л.Т. Мазитова. – Уфа, 2002. – 143 с.
3. Мартынов, Л.В. Социальная адаптация студенчества российского среднепромышленного города (нормативно-ценностный аспект): дис. ... канд. соц. наук / Л.В. Мартынов. – Ростов н/Д., 2001. – 156 с.
4. Щеглов, И.А. Проблемы политической социализации студенчества: дис. ... канд. филос. наук / И.А. Щеглов. – М., 1999. – 171 с.

[К содержанию](#)

УДК 364.5 + 364.552:314.6

ББК С542.4

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К СОЦИАЛЬНОМУ СИРОТСТВУ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ДУХОВНОГО КРИЗИСА ОБЩЕСТВА

Л.В. Русских

По результатам социологического исследования жителей Челябинской области проведен анализ отношения населения к проблемам социального сиротства. Наибольшее внимание уделено готовности граждан принимать участие в решении этой серьезной социальной проблемы.

Ключевые слова: сиротство, социальное сиротство, семья, патронат, социальная защита, защита интересов ребенка.

Социальное сиротство – едва ли не самый нелицеприятный феномен современного российского общества, свидетельствующий не только об экономическом кризисе, но и о глубочайшем падении нравственности, поскольку данное социальное явление не является типичным для традиционной русской культуры. В нашей стране всплески социального сиротства наблюдались в периоды гражданской и двух мировых войн, но тогда у этого явления имелись достаточно серьезные объективные причины, перечислять которые излишне. Несмотря на то, что этот феномен широко изучается в рамках многих социально-гуманитарных наук, решение связанных с ним проблем практически не сдвигается с мертвой точки: статистика свидетельствует о том, что на сегодняшний день они лишь набирают обороты. По различным данным, на начало 2013 года число детей-сирот в России колеблется от 600 до 800 тысяч, и приблизительно 70 % из них являются сиротами при живых родителях, то есть социальными сиротами

[1]. Стоит отметить, что правительство уделяет достаточно внимания данным проблемам, и даже относит их решение к числу приоритетных задач государства, но очевидно, что именно эти проблемы невозможно преодолеть без участия рядовых членов общества [2].

Социальный сирота – это ребенок, который имеет биологических родителей, но они по каким-либо причинам не занимаются воспитанием ребенка и не проявляют заботы о нем. Непосредственными причинами социального сиротства являются добровольный отказ родителей (прежде всего, матери) от своего несовершеннолетнего ребенка, принудительное изъятие ребенка из семьи и резкое падение уровня жизни в стране [3]. Проведенное в Челябинской области социологическое исследование подтверждает это мнение. Следует отметить, что ни один из опрошенных не считает, что проблема социального сиротства не является актуальной для российского общества, только пятая часть респондентов отметила, что есть проблемы и важнее этой, остальные назвали ее очень распространенной и крайне актуальной на сегодняшний день. Показательно, что это мнение одинаково разделяют и жители областного центра, и жители села. Среди множества названных причин, вызывающих распространение социального сиротства, на первом месте стоят алкоголизм и наркомания, безработица и бедность. В целом причины социального сиротства можно сгруппировать в две группы. Первую составляют социально-экономические: постоянный рост цен, безработица, отсутствие жилья, недостаточная поддержка со стороны государства молодым и многодетным семьям, а также одиноким матерям. Во вторую входят причины, связанные с кризисом семьи: большое количество разводов, раннее материнство, рост семейного алкоголизма, наркомании среди родителей, рост правонарушений (родители отбывают наказание в тюрьмах, изоляторах, колониях и так далее), снижение ответственности родителей за воспитание детей, жестокое обращение с детьми. При этом наблюдается значимое расхождение по материальному положению опрошенных: малообеспеченные респонденты связывают рост социального сиротства больше с социально-экономическими причинами, а материально обеспеченные – с кризисом семьи. Интересен тот факт, что, критикуя государство за недостаточное внимание и плохую работу в области решения проблем социального сиротства, респонденты не смогли назвать ни одного органа, кроме органа социальной защиты (95 %) и инспекции по делам несовершеннолетних (14,5 %), отвечающего за эту работу. Критика касается, в первую очередь, трат средств, выделяемых на социальных сирот, не по назначению. Особое внимание, по мнению респондентов, государство должно уделять трудоустройству социальных сирот и обеспечению их жильем. Не слишком информировано население и о формах устройства социальных сирот, например, такие формы как патронат и наставничество, большинству неизвестны. Среди форм устройства, наиболее подходящих для социальных сирот, опрошенные называют приемные семьи и детские

дома, а 23 % респондентов полагают, что дети должны оставаться и проживать в своих семьях, несмотря на то, что эти семьи неблагополучные.

В ходе исследования выяснилось, кто, по мнению респондентов, должен нести ответственность за жизнь социальных сирот. Граждане убеждены, что проблемы социального сиротства должны решаться на уровне государства, а 23,5 % респондентов не снимают всей ответственности за детей с их родителей и только около 6 % считают, что этим должны заниматься все члены общества. Таким образом, проявляя сочувствие к социальным сиротам, большинство людей не только не готовы принимать участие в их судьбе, но и плохо осведомлены об их проблемах. Более того, осознанно или нет, но многие стремятся отгородить себя от контактов с сиротами и не имеют с ними никаких взаимодействий. Больше всего в этой группе малообеспеченных людей, которые испытывают жалость к социальным сиротам и хотели бы, чтоб их жизнь улучшилась, но принимать личное участие в этом не хотят, боясь привязанности к этим детям. Материально же обеспеченные люди готовы помогать деньгами, но, тоже не вступая в личные контакты. Взять ребенка на воспитание согласилась треть респондентов при условии, что это их родственник, каждый четвертый категорически отрицает такую возможность при любых условиях, и еще около 7 % рассматривают такую возможность с оговорками типа: только в крайнем случае и на короткий срок, или только при материальной поддержке. При этом, малоимущие объясняют это нежелание низким материальным уровнем, плохими жилищными условиями и возрастом, а обеспеченные – опасениями, связанными с тем, что вряд ли смогут полюбить чужого ребенка. Среди других причин фигурируют опасения, связанные с распространенными стереотипами о том, что социальные сироты имеют отклонения в здоровье, психике, поведении, наклонностях, а также с тем, что на них нельзя положиться в будущем, так как они не являются родными по крови людьми. При этом данные проведенного исследования показывают положительное отношение граждан к семьям, которые усыновили ребёнка или взяли его на воспитание и убежденность в том, что государство должно оказывать таким семьям значительную материальную поддержку не только в виде денег и различных льгот, но и в виде улучшения жилищных условий.

Для большинства граждан проблема социального сиротства, да и сиротства вообще (так как многие не видят различий между этими двумя социальными явлениями), не является насущной, поскольку не касается их лично. Признавая актуальность этой проблемы для общества в целом, они дистанцируются от ее решения, демонстрируют неготовность принимать какое бы то ни было участие в судьбе таких людей, и считают, что ответственность за них должно нести в первую очередь государство, а также родители и семьи этих детей.

Библиографический список

1. Брутман, В.И. Причины социального сиротства. Аналитический взгляд на проблему / В.И. Брутман // Социальная работа. – 1994. – № 2/5. – С. 36–41.
2. Васильев, А.Ю. Проблема социального сиротства на современном этапе развития Российского общества / А.Ю. Васильев // Современные проблемы науки и образования. – 2006. – № 3 – С. 40–41.
3. Осипова, И.И. Социальное сиротство: теоретический анализ и практика преодоления / И.И. Осипова. – Н. Новгород, 2009. – 208 с.

[К содержанию](#)

ББК С561.3
УДК 316.334:321

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА

А.С. Ханнанова

Статья посвящена теоретико-методологическим аспектам рассмотрения понятия культурной политики государства. Фиксируется различное понимание этого термина учеными-социологами. Рассмотрены объект культурной политики государства, различные аспекты ее реализации, а также цели культурной политики государства.

Ключевые слова: культура, культурная политика государства, культурная жизнь общества, картина мира.

Само слово «культура» употребляется человечеством не одно столетие и имеет очень богатую историю смыслов некогда вкладываемых в этот термин. В современности оно используется в различных областях науки и других сферах человеческой практики. Отечественный социолог Л.Г. Ионин, рассматривая лингвистическое развитие слова «культура» выделяет в современных европейских языках четыре основных его смысла: 1) абстрактное обозначение процесса интеллектуального, духовного, эстетического развития; 2) обозначение состояния общества, основанного на праве, порядке, мягкости нравов и т.д.; в этом смысле слово культура совпадает с одним из значений слова цивилизация; 3) абстрактное указание на особенности способа существования или образа жизни, свойственные какому-то обществу, какой-то группе людей, какому-то историческому периоду; 4) абстрактное обозначение форм и продуктов интеллектуальной и прежде всего художественной деятельности: музыка, литература, живопись, театр, кино и т.д. (то есть все то, чем занимается министерство культуры) [1].

Изучением культуры занимались многие социологи, однако, каждый выделял в данном феномене свой собственный специфический аспект, на рассмотрении которого делал акцент в своей исследовательской деятельности. Так, например, Георг Зиммель изучая культуру, рассматривал ее в таком русле, которое более близко ко второму и третьему определениям по Ионину. Карл Маркс, затрагивая вопрос культуры, говорил о том, что предметность человеческой деятельности, «сплавляя» воедино «материальное» и «идеальное», образует особую структуру, по существу являющуюся носителем культуры. Сущность человека и культуры Маркс видит в их социальности: индивид есть общественное существо. Совокупность производственных отношений между людьми составляет экономическую структуру общества, базис, на котором возвышается политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. С целью эффективного функционирования любое государство должно контролировать культурную сферу жизни общества, что реализуется в рамках культурной политики государства.

Культурная политика осуществляется целой системой взаимодействий государственной власти, негосударственных структур (политических партий, религиозных конфессий, общественных объединений), личностей или социальных групп по вопросам культурного развития общества. Государство играет особую роль среди прочих субъектов культурной политики. В соответствии с собственными целями государство определяет векторы развития культурной жизни общества. Государство осуществляет управление обществом, обладая монополией на право законодательного регулирования культурной жизни. Таким образом, культурная политика государства выражается в совокупности принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры.

Одно из первых определений термина «культурная политика» было дано на круглом столе ЮНЕСКО в 1967 году в Монако. В докладе «Политика в сфере культуры – предварительные соображения» под политикой в сфере культуры было решено понимать «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры». В этом контексте реализация политики в сфере культуры представляет собой «всю сумму сознательных и обдуманых действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей, посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время» [2].

Таким образом, культурная политика – понятие, используемое с 1970-х годов преимущественно в социологии культуры и прикладных социальных исследованиях для определения роли и функций государственной власти в сфере культуры и искусства. Политический аспект культурной политики предполагает определение целей и приоритетов государства по сохранению культурного наследия, созданию условий для существования артистического сообщества (образование, награды, финансирование учреждений) и выработке критериев социальной приемлемости продуктов художественного творчества (цензура). Социальный аспект культурной политики близок политическому и предполагает политику равного доступа к культурным благам для населения, а также поддержку и сохранения культурной идентичности различных групп и сообществ. Институциональный аспект культурной политики включает создание и развитие государственных учреждений культуры (театры, музеи, галереи, кинопроизводство, книгоиздание и т.д.) в целях удовлетворения культурных запросов граждан. Экономический аспект культурной политики связан с использованием культурной привлекательности территорий для стимулирования деловой активности (туризм, сфера услуг и развлечений, транспорт и т.д.), а также с регулированием культурных индустрий (медиа, реклама, мода и т.д.) и рынка художественных ценностей. В международно-правовом аспекте культурная политика осуществляется на уровне интернациональных проектов сохранения и развития культурного наследия, а также проблем правового регулирования перемещения художественных ценностей. Эстетический аспект культурной политики отражает позицию по отношению к власти и государству в художественном творчестве и артистическом сообществе («художник и власть») [3].

Культурная политика – это специфический вид деятельности по регулированию культурной жизни, сводящийся к воздействию на личность с целью формирования ее «картины мира», то есть той координаторной сетки, через которую человек воспринимает и оценивает окружающую действительность. Картина мира – это синтетическое панорамное представление человека о конкретной действительности, система образов, наглядных представлений о мире и месте человека в нем, о взаимоотношениях человека с действительностью (человека с природой, человека с обществом, человека с другим человеком) и с самим собой [4]. Для любого государства важно сформировать и поддерживать общенациональную картину мира.

Общенациональная картина мира – синтетическое панорамное представление людей о конкретной действительности – является объектом культурной политики государства. Главные цели культурной политики государства можно определить следующим образом: 1) формирование национальной картины мира и ее распространение среди граждан; 2) под-

держание, сохранение картины мира в форме традиции и передача ее последующим поколениям; 3) развитие, модернизация, приспособление существующей картины мира к меняющейся реальности [5].

Государственную культурную политику – формирование и поддержание общенациональной картины мира – способно осуществлять только государство в целом через свои институты. Любое национальное государство поддерживает и защищает национальную картину мира всеми наличными средствами, которые в каждой из стран на разных этапах исторического развития имеют определенную специфику в зависимости от исторической традиции и этноконфессиональных особенностей. При всем их разнообразии средства выработки и осуществления культурной политики можно свести к нескольким социальным институтам: религия, наука и искусство, которые вырабатывают культурные ценности, и средства их распространения – образование и массовые коммуникации.

Религиозный компонент имеет догматический характер и транслируется через систему религиозных институтов и – в зависимости от взаимоотношений с государством – через образовательную систему. Искусство в синтетическом виде отражает представления человека о мире и себе самом, каковые и воплощаются в художественных ценностях и в творческо-художественной исполнительской деятельности. Научный компонент картины мира формируется в исследовательской сфере и транслируется через систему образования. Не случайно национальная система образования, как правило, повсюду состоит под постоянным контролем государства. Даже в странах, где отдельные звенья образовательной машины находятся в частных руках или в руках религиозных организаций, государство бдительно следит за тем, чтобы единообразная картина мира эффективно производилась, а будущие члены общества вполне ее разделяли.

В современном мире важнейшим каналом распространения научной, религиозной и художественной картины мира являются средства массовой информации. Их воздействие резко усиливает мощь системы образования, вместе с тем они играют ключевую роль в создании и поддержании национальной картины мира, но для того, чтобы эффективно использовать этот канал коммуникаций для своих целей, государство должно вырабатывать соответствующую систему контроля. Эта проблема существует в государствах любого типа – от наиболее тоталитарных до наиболее демократических, где на выработку картины мира влияют убеждения владельцев газет и самих журналистов. Так что одним из важнейших направлений культурной политики государства является та или иная система контроля за деятельностью СМИ.

Исследователи с нарастающей тревогой отмечают усиление роли телевидения в формировании общенациональной картины мира. Потому что оно представляет новости и передает сообщения в более убеждающей ма-

нере, нежели газеты и журналы. Все проблемы, возникающие в обществе, почти немедленно доносятся до народа и, как может показаться, совершенно беспристрастно, поскольку зритель полагает, что он видит происходящее своими собственными глазами. Государство стремится контролировать и науку – как мощное средство формирования картины мира. С этой целью оно поощряет опору на авторитет, конкуренцию научных направлений и школ, модифицируя и направляя их действие в желательном направлении. С этой целью учреждаются разного рода премии, используется включение специалистов в экспертные советы, присвоение почетных званий, выполнение научных квалификационных норм.

Искусство же, с одной стороны, – самостоятельный феномен, созидающий картину мира. Но с другой стороны, система всеобщего образования, книгопечатания и СМИ в огромной степени умножают его воздействие: книга, изданная огромным тиражом, способна изменить картину мира целого народа. Потому государство не может оставлять искусство за пределами своего внимания и испытывает к нему постоянный интерес, реализующийся в виде определенной культурной политики [5].

Культурная политика попала в зону пристального исследовательского интереса в социологии отчасти по политическим причинам. В Европе активная деятельность ЮНЕСКО и консолидация усилий правительств по сохранению и развитию культурного наследия Европы и других стран и сегодня аккумулирует значительные исследовательские ресурсы (центры исследований культурной политики работают в ряде университетов Великобритании, Франции, Германии), в том числе для выработки политических решений. В США, где уровень коммерциализации культуры значительно выше, принято считать, что правительство не имеет позиции по отношению к культуре (т.е. не реализует культурной политики), но содействует развитию мира искусств как необходимой составляющей здоровой демократической культуры. Тем не менее, в США социология культурной политики занимает достойное (хотя несколько маргинальное) место в социальных науках (следует отметить масштабную программу социологических исследований культурной политики в Принстоне). В Советском Союзе прикладная социология культуры (сектор Института социологии АН СССР) уделяла особое внимание лонгитюдным оценкам потребностей (и уровня их удовлетворения) населения в культурных благах, что служило фактором выработки культурной политики [3].

Культурная политика, являясь неотъемлемой функцией любого государства имеет своей целью не только создание и поддержание общенациональной картины мира, но и сохранение культурной, а следовательно, и территориальной целостности государства. Поскольку единство мировосприятия обеспечивает обществу основу консолидации и мирного сосуществования на территории единого государства.

Библиографический список

1. Ионин, Л.Г. Социология культуры / Л.Г. Ионин. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
2. Востряков, Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели / Л.Е. Востряков. – URL: <http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html>.
3. Галкин, Д.В. Культурная политика / Д.В. Галкин // Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – 2003. – URL: <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/kulturnaja-politika>.
4. Жидков, В.С. Культурная политика России / В.С. Жидков, К.Б. Соколов. – М.: Издательский сервис Академический проект, 2001. – 592 с.
5. Дуков, Е.В. Введение в социологию искусства / Е.В. Дуков, Ю.В. Осокин, К.Б. Соколов, А.Н. Хренов. – СПб.: Алетейя, 2001. – 256 с.

[К содержанию](#)

УДК 316.6 + 516
ББК Ю959.18 + С80

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОРПОРАЦИЯХ

Н.Г. Хвезюк

Анализ проведенных социологических исследований в период 1998–2011 гг. позволил выявить тенденции и пути развития социальных отношений в корпорациях, основанные на согласовании личностных, коллективных и общественных интересов

Ключевые слова: корпорация, социальные отношения, развитие, взаимодействие, институт собственности

Проблемы регуляции корпоративных отношений в России попали в поле зрения исследователей практически одновременно с началом приватизации, формированием корпоративного сектора. По вопросам совершенствования социальных отношений корпоративной собственности проведено значительное число исследований, в рамках которых были выявлены факторы, влияющие на формирование модели данных отношений в России (С. Авдашева, С. Аукуционек, Л. Григорьев, С. Гуриев, Т. Долгопятова, Е. Журавская, Р. Капелюшников, Б. Кузнецов, П. Кузнецов, А. Муравьев, А. Радыгин, Ю. Симачев, К. Сонин, Р. Энтов, А. Яковлев), а также последствий ее функционирования и развития.

В системе социальных отношений на корпоративных предприятиях мы выделяем, прежде всего, совокупность отношений в компаниях между от-

дельными людьми или группами людей. При таком подходе вычленяется ключевое отношение участников этого процесса, где, с одной стороны, ее владельцы, а с другой – менеджеры. Однако с позиций концептуальной модели корпоративного управления социальными отношениями сюда включены и отношения между миноритарными и мажоритарными (доминирующими) акционерами, и взаимоотношения компании с группами заинтересованных лиц (трудовыми коллективами, кредиторами, потребителями и поставщиками, органами государственной власти и др.), которые регламентируются нормами иных отраслей права. Следовательно, в такой системе отношений действует ряд коммуникативных и социологических механизмов: взаимодоверия или недоверия, партнерства или противостояния, сопричастности или отчуждения. Для прогрессивного развития корпорации важно в данной дихотомии механизмов задействовать позитивно-конструктивные из них.

Основное внимание мы уделим первым двум группам отношений, за исключением случаев, когда права контроля передаются, или могут быть переданы, или де-факто делегируются одной из групп заинтересованных лиц, например, кредиторам. Данный подход имеет принципиальное значение в контексте сопряженности проблем корпоративных отношений и корпоративных финансов. Когда же финансовое положение компании благополучно, права контроля концентрируются у администрации.

Важное значение в плане стабильного развития корпорации имеет прогнозирование возможных направлений компенсации (нивелирования) рисков в деятельности компании.

Необходимо, чтобы менеджмент обладал преимуществами в информированности о существующих возможностях рисков и использования ресурсов компании. С этим обстоятельством связаны такие сферы корпоративной деятельности, как более широкое раскрытие информации, прогнозирование, упреждение и своевременное разрешение личных (часто эгоистических), коллективных и общественных, государственных проблем.

Пути совершенствования социальных отношений в корпорации сводятся, на наш взгляд, к созданию механизмов, которые обеспечат соблюдение интересов, прежде всего, акционеров в условиях, когда значимая для принятия решений (как текущих, так и стратегических) информация распределена в пользу преследующих собственные интересы владельцев и менеджеров компании.

В плане применения регуляторов отношений корпоративной собственности важное значение имеет создание актуальной системы стимулирования деятельности менеджмента и контроля за результатами его работы со стороны акционеров. Именно эти регуляторы являются важнейшими в процветающих корпорациях мира. При этом важен фактор коллективного действия – появление мажоритариев, которые, с одной стороны, несут основное

бремя издержек по контролю за менеджментом, а с другой – аккумулируют основную часть выгод, возникающих в результате такого контроля.

В плане реализации концептуальной социологической модели корпоративных отношений важен учет механизмов внешнего и внутреннего контроля. В числе механизмов внешнего контроля можно выделить: 1) фондовый рынок; 2) рынок корпоративной конкуренции (достижение соглашений или недружественные поглощения, а также банкротства, рейдерства); 3) рынок услуг менеджеров высшего звена. Эти формы внешнего контроля обуславливают развитие рынка ценных бумаг (в первую очередь корпоративных ценных бумаг), а также разграничение юрисдикции корпоративных и трудовых споров с участием должностных лиц компаний (в первую очередь единоличного управляющего органа).

К внутренним методам контроля относятся: аудит, с помощью которого оцениваются результаты принимаемых в компании решений; привлечение к ответственности неисполнительных директоров; оценка соответствия стандартам практики корпоративного регулирования деятельности в рамках механизма саморегулирования или сорегулирования; система санкций за недобросовестность выполнения своих функций должностными лицами.

Существование разнородных групп акционеров порождает целый комплекс коммуникативных механизмов, связанных с распределительными конфликтами. Конфликты мы рассматриваем как способ развития корпорации. Часто они возникают как способ наживы, обогащения и связаны с вымогательством, основанным на асимметричном распределении выгод от функционирования компании. И при этом в ход пускаются такие механизмы, как: блокирование принятия решений; постоянные требования о предоставлении информации, которую акционерное общество обязано предоставлять акционерам; обращение с исками в суд в отношении акционерного общества или крупного акционера. В итоге может происходить создание дискриминирующих условий для миноритарных акционеров вплоть до их вытеснения.

Регулятивные факторы, механизмы реализуются во взаимоотношениях между менеджерами и акционерами, а также между мажоритариями и миноритариями. Они могут оказывать значительное влияние на положение других стейкхолдеров (групп влияния), в числе которых кредиторы, контрагенты на рынках, государство, население, проживающее на той территории, где компания осуществляет свою деятельность. Многие из этих видов отношений регулируются различными видами законодательства (трудовым, экологическим и т.д.). Проблемы с внешними стейкхолдерами чаще проявляются в условиях реорганизации, когда в ситуации риска оказываются кредиторы как «неинформированная» сторона.

В целом качество системы корпоративного регулирования социальных отношений находит отражение в таких показателях, как: устойчивое уве-

личение капитализации компаний; рост инвестиций; устойчивость экономического роста; устойчивая социально-политическая среда; отсутствие (снижение) мотивации к коррупционным действиям; повышение роли институтов гражданского общества в плане социального контроля масс и др. Система социальных отношений корпорации, в которой стимулы (внешние и внутренние) настроены на основе, скажем, бихевиоризма по формуле: $St - Re - P$ при прочих равных условиях, обеспечивает, как показывает практика, рост стоимости, т.е. реальной капитализации компании.

При решении проблемы совершенствования корпорации как важнейшего института собственности следует учитывать складывающуюся систему регулирования деятельности в российской экономике. Она значительно отличается от классических представлений о наборе ключевых вопросов корпоративного взаимодействия, сложившихся в странах Запада. В России функционированию корпораций присущи факторы (механизмы), которые часто становятся тормозом динамического ее развития:

- перманентное перераспределение титулов собственности в корпорациях с нарушением прав собственности, в том числе посредством манипулирования реестрами акционеров, проведения параллельных собраний, давление на совет директоров и ревизионную комиссию;
- слабость или дисфункциональность таких внешних механизмов корпоративного управления, как рынок ценных бумаг, банкротство, антидемократичность корпоративного контроля;
- ориентация стимулов менеджеров и крупных акционеров на контроль финансовых активов и вывод капитала за рубеж;
- неадекватная роль государства (в том числе региональных властей) в реализации научных принципов корпоративных отношений;
- выборочность и неэффективность защиты прав акционеров государством даже в госкорпорациях;
- коррупционная составляющая в части контроля госорганов над деятельностью компаний, да и бизнеса в целом.

Такие факторы в регулировании отношений собственности связаны с нерешенностью базовых вопросов формирования институтов корпоративной собственности. На наш взгляд, общее направление повышения эффективности социальных отношений в корпорации связано, прежде всего, с созданием адекватных стимулов для нововведений в долгосрочной перспективе. К ним можно отнести следующие:

- разработка стратегии или концепции развития корпоративных отношений собственности во всех сферах жизнедеятельности людей на основе философии и идеологии возрождения экономического, культурного, духовного могущества России;
- повышение качества государственного регулирования – обеспечение надежной спецификации и защищенности прав собственности, в том числе

посредством повышения качества законодательства (процессуального, гражданского, административного), и особенно практики правоприменения. Известно, что многие прогрессивные законы слабо или вовсе не реализуются в жизни;

– развитие конкуренции, создающей стимулы и механизмы информирования о действиях контрагентов рынка. Причем развитие конкуренции касается как товарных рынков, так и рынков услуг, в том числе финансовых. Исследования показывают, что в России доминируют мотивы создания крупных корпораций, холдингов (например, в торговле, экономике услуг или в экономике общественного сектора), поглощающих малый бизнес, которые становятся в итоге монополистами в бизнесе, что ведет к росту цен, показателей инфляции;

– подготовка государственного института российских чиновников, диалектически сочетающих личные, корпоративные и национальные интересы России.

Таким образом, в целях совершенствования социальных отношений в корпорации важно применение не единичных, а целой системы регуляторов, нацеленных на реализацию ожидания массового сознания, особенно в части повышения материального и духовного благополучия большинства населения страны, как главного стратегического критерия в оценке происходящего процесса трансформации собственности.

[К содержанию](#)

ФАКУЛЬТЕТ ЛИНГВИСТИКИ

ББК Ш141.2 + Ш11

УДК 821.161.1 + 81'322.4

ОЦЕНКА МАШИННОЙ ПЕРЕВОДИМОСТИ ТЕКСТОВ

О.И. Бабина

Статья посвящена проблеме определения параметров, затрудняющих адекватный машинный перевод текстов. Рассмотрены особенности графического, лексического и синтагматического уровня в научно-техническом тексте на русском языке. На основе анализа языковых особенностей составлена классификация формальных маркеров машинной переводимости русскоязычных научно-технических текстов. Полученные результаты могут найти применение в практике перевода и при разработке лингвистического программного инструментария для оценки машинной переводимости текстов.

Ключевые слова: корпус текстов, машинный перевод, машинная переводимость, маркер переводимости.

Ни один перевод не возможен без потерь в силу языковых и культурных особенностей. Поэтому для оценки адекватности перевода необходимо оценить, насколько принципиально возможно сохранить семантику исходного сообщения, выполнив адекватный перевод. Однако такая задача слишком обширна, и все корректные случаи охватить довольно сложно. С другой стороны, обратная задача – оценить потенциальные потери, которые могут возникнуть при переводе в силу различий в языках или сложности восприятия отдельных языковых конструкций, – представляется более осязаемой, и именно такая интерпретация переводимости зачастую используется [4]. Тогда задача сводится к проверке текста на предмет наличия заранее исчисленных проблемных случаев. Причем некоторые проблемы универсальны; другие – зависят от языков оригинала и перевода.

Сужая задачу определения доступности текста для перевода к оценке сложности перевода текста машиной (машинной переводимости текста), следует добавить еще одно «измерение», связанное с системой машинного перевода и обусловленное языковой моделью, которую данная система использует. Так, по нашим наблюдениям, статистические системы (например, использующие двух-, трехграммные модели), как правило, хорошо справляются с оценкой сочетаемости отдельных единиц, но в пределах весьма ограниченных языковых блоков (2–3 слов); с увеличением расстояния между связанными блоками качество правильной идентификации синтагм снижается – синтаксически такие системы довольно слабы. В системах, основанных на правилах, наоборот, точнее могут идентифицироваться

синтаксические единицы, что благотворно влияет на порядок слов в переводе, падежно-ролевую идентификацию и т.п., но при переводе, как правило, в недостаточной степени учитывается лексическая сочетаемость единиц. (Такое противопоставление статистических и детерминистских систем перевода не претендует на универсальность, это лишь общее наблюдение – для каждой индивидуальной системы могут в различной степени учитываться отдельные аспекты языка (в том числе, соотношение случаев, вызывающих проблемы при различных способах моделирования языка, может для отдельных систем быть прямо противоположным представленному), что обуславливает разнообразие систем, в том числе и точки зрения их качественной оценки). Вместе с тем, это не противоречит нашему общему тезису о том, что показатель сложности текста для машинного перевода – в связи с разнообразием систем – неизбежно зависит от того, перевод какой системы оценивается.

Стандартным подходом к оценке сложности текста для машинного перевода является использование так называемых маркеров переводимости – (negative) translatability indicator, – лингвистических особенностей текста, которые негативно влияют на качество перевода.

В зависимости от области распространения влияния такие маркеры можно классифицировать по различным критериям. Учитывая обозначенную ранее вариативность в реализации языковой модели в различных системах машинного перевода, в [9] авторы разграничивают общие и специфичные маркеры. К общим относят такие особенности, которые потенциально вызывают сложности для всех систем машинного перевода в силу континуальности языка, которую принципиально невозможно учесть ни в какой формальной модели, дискретной по своей природе. Специфичные маркеры характеризуют определенную систему машинного перевода с точки зрения ее способности успешно справляться с лингвистическими проблемами при автоматическом переводе.

Также маркеры можно разграничить по тому, какой этап процесса перевода они осложняют: понимание текста (маркеры, характеризующие текст на языке оригинала) или процесс переноса текста на другой язык (маркеры, обусловленные структурными различиями в рассматриваемой паре языков).

Проблемы машинного перевода (которые могут быть идентифицированы посредством маркеров переводимости) могут проявляться на различных лингвистических уровнях. Проблемы на **графическом уровне** представляют проблему на этапе анализа текста оригинала. Они носят скорее технический характер. Проблемы графического уровня связаны с вариативностью использования различных специальных символов и пробелов (например, система входов/выходов vs. система входов-выходов), опечатки и орфографические ошибки. Формальным маркером для машинной переводимости такого текста является отсутствие единицы в словаре и/или не-

возможность вывести единицу по предусмотренным системой правилам (например, правилам генерации форм морфологической парадигмы слова).

Проблемы переводимости на **лексическом уровне** связаны с: а) недостаточным объемом вокабуляра (покрываемость лексикона); б) вариативностью лексических единиц; в) асимметричностью языков оригинала и перевода.

Недостаточность вокабуляра является проблемой как для человека-переводчика, так и для системы машинного перевода. Однако если человек в ряде случаев может догадаться о значении лексической единицы на основе контекста, для системы машинного перевода отсутствие лексической единицы в словаре является критичным.

Вариативность лексических единиц может иметь следующие формы:

- 1) формальная вариативность (вариативность в плане выражения);
- 2) семантическая вариативность (вариативность в плане содержания).

Проблемы, связанные с формальной вариативностью могут быть представлены использованием морфологических дериватов и трансформаций словосочетаний для обозначения одного и того же понятия (например, симметричная задача коммивояжера vs. симметрическая задача коммивояжера). Другой ипостасью формальной вариативности является использование парадигматически связанных слов и выражений при обращении к одному и тому же референту (синонимов, гиперонимов) (например, вершина графа vs. узел графа, двуместная функция vs. бинарная функция). Также формальная вариативность проявляется в виде трансформаций (например, биномиальное разложение vs. разложение бинома). В машинном переводе проблема морфологической вариативности, фактически, сводится к ранее упомянутой проблеме покрываемости лексикона: если оба варианта указаны в словаре, они имеют заданную языковой моделью системы интерпретацию.

Семантическая вариативность представлена полисемией и омонимией (включая грамматическую омонимию) различных единиц (например, зависимости/ед.ч., Род.п. vs. зависимости/мн.ч., Им.п.). Проблема разрешения неоднозначности является универсальной для всех систем автоматической обработки текстов. Ограничение предметной области может в значительной степени способствовать сокращению многозначности знаменательных частей речи.

Переводимость на **синтагматическом уровне** определяется сложностью на уровне интерпретации зависимостей между единицами словосочетаний и предложений. Эта группа проблемных случаев наиболее существенна.

Идентификацию общих маркеров синтагматического уровня мы проводили на основе анализа корпуса научно-технических статей и аннотаций к ним на русском языке в предметной области «Математическое моделирование». В качестве языка перевода мы ориентировались на английский язык.

Маркер **длины предложения** (в словах) выделяют многие исследователи в области машинной переводимости (например, [7, 8]), так как, не-

смотря на то что он не является собственно лингвистической характеристикой предложения, этот показатель коррелирует с синтаксической сложностью предложения, что, в свою очередь, сказывается на автоматическом «понимании» текста. В рассматриваемом нами корпусе средняя длина предложения составляет 14,84 слова; максимальная длина слов в предложении составляет 85 слов; 24,68 % предложений имеют длину 20 и более слов. Эти показатели свидетельствуют о синтаксической сложности текста.

Вставные (разрывные) конструкции затрудняют автоматическое установление границ синтагматических блоков и типа синтаксической связи между этими блоками. Неверное распознавание зависимостей между разрывно расположенными элементами текста также приводит к невозможности правильного учета лексической сочетаемости текстовых единиц. Все это в общем случае приводит к неверному переводу синтагматически тесно связанных составляющих, разделенных аппозитивной вставкой.

Кроме того, сама аппозитивная вставка иногда может вызывать трудности интерпретации, вызванные синтаксической омонимией. В рассматриваемых текстах аппозитивные вставки встречались в функции: а) дополнения: например, допустимость (маршрутов); б) парафразов-субститутов, эквивалентных по синтаксической функции уточняемому слову: например, время ретардации (запаздывания) давления; в) синтаксически не связанные со структурой предложения вставки: например, Методика ЭПР-дозиметрии является многоступенчатой (химическое приготовление, спектрометрические измерения, анализ спектров, калибровка), и на каждом из этапов возможно внесение дополнительных погрешностей.

Согласно данным анализа корпуса, проблемные случаи с точки зрения автоматической идентификации синтаксической функции практически ограничиваются омонимией родительного падежа существительных, выступающих в качестве ядра аппозитивной вставки, так как родительный падеж допускает трактовку вставки как случай а) или б). При этом использование существительных в функции эквивалентных уточнений (случай б) значительно превосходит по частотности остальные случаи, что дает основания придавать небольшой вес данному признаку при определении степени его влияния на качество машинного перевода.

Падежная омонимия в исследуемом корпусе проявляется, чаще всего, для родительного и творительного падежа. Существительные в родительном падеже могут выступать в функции определения к другому существительному или заполнять отдельную валентность при предикате. Аналогичную проблему представляет творительный падеж. Кроме того, омонимия творительного падежа наблюдается на уровне семантических ролей: он может выражать инструмент (требуя предлога with при переводе), агент (требуя предлог by) или выполнять другие роли, не требующие при переводе специальной маркировки.

Сходная проблема возникает при идентификации синтаксических характеристик **предложных групп**: расположенная в постпозиции предлож-

ная группа может выполнять функцию определения для одного из предшествующих существительных или заполнять отдельную валентность предиката. Отчасти эта проблема может быть решена на словарном уровне – исчислением терминологических словосочетаний с предложными определениями в словаре. Например, целесообразно включение в словарь таких устойчивых терминов как производные в среднем, уравнение в частных производных и т.д.

Управление вызывает проблемы в случае различий в двух языках (например, сочетания зависимость от, влияет на и т.п. при переводе на английский язык будут требовать нетипичных для используемых предлогов эквивалентов). При контактном расположении единиц в тексте целесообразно лексикографическое решение проблемы. Однако, в тексте нередки случаи разрывного расположения предлогов.

Проблему при переводе могут вызывать **эллиптические конструкции** на русском языке, так как английский язык имеет более строгие требования к эксплицитности отдельных элементов предложения. Так, допустимое в русском языке опущение существительного в предложении *Позиции остаются подобными используемым*, что представляется неприемлемым при передаче на английский язык.

В рассматриваемых текстах достаточно распространены **сочинительные конструкции**, идентификация которых является одной из наиболее острых проблем при автоматическом анализе текстов и переводе. Сочинительная связь в корпусе зафиксирована между всеми группами знаменательных частей речи (прилагательными, именными и предложными группами, наречиями, глаголами в различных формах: финитных и нефинитных), а также между отдельными клаузами.

Одной из наиболее сложных проблем автоматического перевода является сочинение между именными группами, выполняющими функцию подлежащего в предложении. Учитывая, что в русскоязычных текстах аннотаций преобладают неопределенно-личные предложения, в которых подлежащее расположено в конце предложения, при переводе на английский язык – язык с фиксированным порядком слов – требуется позиционное изменение подлежащего, и корректность определения границ подлежащего, заданного сочинительной конструкцией (то есть границ сегмента текста, положение которого в линейной последовательности в языке перевода необходимо изменить), при такой постановке весьма существенно.

На сегодня существуют многочисленные работы, посвященные идентификации границ сочиняющихся конструкций. Общая стратегия решения проблемы в рамках рационалистского подхода состоит в определении аналогий в грамматической форме, семантике и структуре сочиняющихся членов предложения (главных элементов соответствующих фраз), см. [2, 3, 6 и др.).

Проанализировав случаи употребления конструкций, затрудняющих понимание и перевод, были выявлены формальные признаки, позволяю-

щие с высокой степенью достоверности отождествить наличие этого признака с проблемным (с точки зрения машинной переводимости) случаем в тексте. Такие признаки, объединенные в группы по типам сложностей, которые они вызывают, включают:

1. Синтаксическая сложность:

- а) наличие предложений с длиной более 20 слов;
- б) наличие двух и более глаголов в финитной форме;
- с) количество скобок в предложении;
- д) наличие последовательности «существительное в косвенном падеже + предлог», которая стоит после предиката, и перед предикатом нет существительного в именительном падеже – такое сочетание указывает на многозначность синтаксиса предложной группы;
- е) наличие глаголов и существительных, для которых в словаре имеется статья, включающая предлог (например, в тексте распознано *зависит*, а в словаре имеется два вхождения – *зависит* и *зависит от*). Здесь мы исходим из гипотезы о существовании лексикографического решения проблемы различий в управлении между языками;

ф) эллипсис:

- і) количество сочетаний прилагательное (но не причастие) + предлог;
- і.і) наличие прилагательного или причастия в конце предложения;
- г) наличие *и/или* после предиката, и перед предикатом нет существительного в именительном падеже, что в большинстве случаев свидетельствует о наличии подлежащего, включающего сочинение.

2. Лексическая омонимия:

- а) количество слов с лексико-грамматическими метками из различных статей словаря;
- б) наличие предлогов *при, от, из*.

3. Лексико-грамматическая омонимия:

- а) количество слов с несколькими лексико-грамматическими метками;
- б) падежная омонимия:
  - і) наличие существительных с меткой творительного падежа;
  - іі. наличие существительных с меткой родительного падежа;
  - ііі. количество *и/или* + существительное в род. п.; *и/или* + существительное в тв. п.

Выявленные признаки позволяют формализовать и автоматизировать проведение оценки машинной переводимости текстов: наличие слишком большого количества маркеров указывает на необходимость предредактирования текстов или должно свидетельствовать о необходимости отказаться от использования машинного переводчика. Сегодня разрабатываются различные средства автоматизации оценки перевода, позволяющие дать числовую характеристику переводимости текста, используя автоматиче-

скую оценку наличия маркеров в тексте (например, [1, 5]). Данное исследование позволило выявить ряд формальных критериев, которые должны лечь в основу подобного средства по оценке переводимости научных текстов для пары языков русский-английский.

Выявленные маркеры могут также оказаться полезными при составлении контролируемого языка, целью которого является определение лингвистических ограничений, которым должен соответствовать текст, предназначенный для автоматического перевода.

Кроме того, чтобы составить основу контролируемого языка, который должен использоваться для создания текста на языке оригинала, маркеры могут также послужить задаче разработки базы знаний для программного инструментария постредактирования переводов, выполненных с помощью автоматического переводчика. Следует заметить, что, фактически, сложность перевода и оправданность использования машинного переводчика для минимизации усилий предопределяется не столько сложностью исходного текста (хотя большинство систем автоматической оценки машинной переводимости и ориентированы именно на идентификацию маркеров в исходном тексте), сколько временем, потраченным на редактирование перевода, выполненного машиной. В этом смысле, оценка усилий на постредактирование представляется более адекватной, чем оценка синтаксической сложности исходного текста (хотя последняя, в целом, коррелирует со временем, затраченным на постредактирование). Вместе с тем, возникает противоречие, связанное с невозможностью использовать этот критерий на практике, так как учет времени в процессе реального постредактирования определяет значение параметра затраченных усилий уже постфактум – после того, как усилия уже затрачены и их оценка более не актуальна.

Как нам представляется, дальнейшие исследовательские усилия должны быть сосредоточены, с одной стороны, на разработке механизма учета влияния выделенных признаков на корректность машинного перевода (и, следовательно, опосредованно на объем усилий, которые потребуется затратить на постредактирование), с другой стороны, на определении путей использования извлеченной информации в автоматизированной процедуре постредактирования текстов, переведенных машиной.

Библиографический список

1. Gdaniec, C. The Logos Translatability Index / C. Gdaniec // Technology Partnerships for Crossing the Language Barrier: Proceedings of the First Conference of the Association for Machine Translation in the Americas AMTA. – Oct. 1994. – P.97–105.
2. Marinčič, D. Parding with Intraclausal Coordination and Clause Detection / D. Marinčič // Informatitica. – 2010. – No. 34. – P. 263–264.

3. Okumura, A. Symmetric Pattern Matching Analysis for English Coordinate Structures / A. Okumura, K. Muraki // Proceedings of the fourth conference on Applied Natural Language Processing (ANLP). – 1994. – P. 41–46.

4. Pedro, R. de. The Translatability of Texts: A Historical Overview / R. de Pedro // Meta. – 1999 – Vol. XLIV, No. 4. – P. 546–559.

5. Povlsen, C. Evaluating Text-type Suitability for Machine Translation a Case Study on an English-Danish MT System / C. Povlsen, N. Underwood, B. Music, A. Neville // Proceedings of the First International Conference on Language Resources and Evaluation (Granada, Spain) / ed. by A. Rubio, N. Gallardo, R. Castro & A. Tejada. – Vol. 1. – 1998. – P. 27–31.

6. Roh, Y.-H. Recognizing Coordinate Structures for Machine Translation of English Patent Documents / Y.-H. Roh, K.-Y. Lee, S.-K. Choi, Oh-W. Kwon, Y.-G. Kim // Proceedings of the 22nd Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation (*De La Salle University, Manila, Philippines*). – Nov. 2008. – P. 460–466.

7. Roh, Y.-H. Long Sentence Partitioning using Structure Analysis for Machine Translation / Y.-H. Roh, Y.-A. Seo, K.-Y. Lee, S.-K. Choi // Proceedings of the Sixth Natural Language Processing Pacific Rim Symposium (Hitotsubashi Memorial Hall, National Center of Sciences, Tokyo, Japan). – Nov. 2001. – P. 646–652.

8. Sheremetyeva, S. Handling Low Translatability in Machine Translation / S. Sheremetyeva // Proceedings of the Eleventh Conference of European Association of Machine Translation (EAMT) (Oslo, Norway). – June 2006. – P. 105–114.

9. Underwood, N.L. Translatability Checker: A Tool to Help Decide Whether to Use MT / N.L. Underwood, B. Jongejan // Proceedings of MT Summit VIII (Santiago de Compostela, Galicia, Spain) / ed. by B. Maegaard. – Sept. 2001. – P. 363–368.

[К содержанию](#)

ББК Ш143.21 + Щ31

УДК 811.111 + 781

ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ПОМОЩИ МУЗЫКИ

Т.И. Белик, Н.А.Поледаева

В статье рассматривается музыка как эффективное средство обучения иностранному языку. Обучение в данном случае строится не на лингвистическом, а на коммуникативном, межкультурном подходе, что позволяет использовать ценные в культурном отношении аутентичные иноязычные материалы. Музыка создаёт у студентов мотивацию к изучению иностранного языка, повышает интерес к стране изучаемого языка.

Ключевые слова: музыка, обучение, аудирование, грамматический и структурный анализ, эстетическое воспитание.

Learning can be fun – Ученье может быть веселым. Может и должно быть веселым и радостным. Так как в современном мире возрастает роль иностранного языка во всех сферах жизнедеятельности человека, необходимо найти новый подход к обучению иностранным языкам, пересмотреть методики преподавания. Решение этой задачи возможно лишь при условии воздействия не только на сознание студентов, но и на проникновение в их эмоциональную сферу. Личность обучаемых находится в центре всей образовательной и воспитательной деятельности. Одним из эффективных способов воздействия на чувства и эмоции студентов является музыка. Музыка и пение оказывают неоценимую помощь в изучении английского языка. Песня – это великолепное средство повышения интереса к стране изучаемого языка и к самому языку, а также эффективный способ повторения языкового материала.

Студенты обучаются быстро распознавать иностранную речь, а это одна из важнейших ступеней овладения языком. Музыка позволит пополнить словарный запас без зубрежки, и выработать произношение. Лучше, чтобы в песне был сюжет, поскольку повествование, построенное вокруг динамичного сюжета, легче воспринимается.

Существует академическое обучение иностранному языку, которое предполагает следующую последовательность: взять текст песни, разобрать синтаксис и грамматику каждой строфы, проверить по словарю значение непонятных слов, далее перейти к анализу проблематики стихов. Лексико-грамматический материал песен вводится с некоторым опережением программы с той целью, чтобы при введении нового материала учащиеся легко узнавали его. Это существенно облегчит введение, закрепление и использование лексико-грамматического материала песен в соответствующих речевых ситуациях [1].

Другой способ – более креативный. Учащийся сам должен на слух записать лирику или заполнить пропущенные слова. Этот метод требует многократного повторного прослушивания отдельных частей песни, в результате улучшается восприятие иностранной речи на слух. Можно заметить пробелами слова одной части речи – все существительные, глаголы, артикли или прилагательные.

Работа с песней предполагает различные задания – на лучшее исполнение по рядам или индивидуальное участие в конкурсе английской песни и т.д. Но наиболее часто мы используем *active songs*, которые вносят разнообразие в занятие, их наиболее эффективно использовать на начальном и продвинутом этапах обучения английскому языку. Когда студенты исполняют активные песни, они и демонстрируют действия песни с помощью жестов, мимики. В песне слово и мелодия находятся в тесной связи друг с другом. Вспомнив мелодию какой-либо песни, мы сразу же вспоминаем слова этой песни, и наоборот, стоит услышать стихи, которые легли в основу песни, как тотчас в памяти возникает мелодия. Очень часто название песни или фраза из песни становятся крылатыми выражениями и часто используются студентами в ситуациях общения в реальной жизни: «Don't worry, be happy», «Let it be».

В песнях содержатся наиболее часто употребляемые грамматические явления, песни содержат тематическую лексику, с помощью песен обучаемые начинают лучше воспринимать речь на слух, при этом у студентов развиваются навыки аудирования. Слушая ту или иную песню, студенты стараются вникнуть в ее содержание, осмыслить ее, понять. Роль песен в обучении английскому языку очень велика, так как именно песни способствуют развитию интереса к предмету и развитию познавательной активности.

Песенный и музыкальный материал можно успешно использовать при формировании речевой деятельности, особенно устной речи. На начальном этапе обучения английская монологическая и диалогическая речь студентов очень проста. Речевые клише вводятся и заучиваются студентами целиком, без грамматического или структурного анализа фразы или словосочетания. Используются аутентичные речевые образцы, и здесь песни и стихи имеют преимущества перед прозой. Они легко вводятся, легко запоминаются, петь можно хором, что помогает устранить психологический барьер у неуверенных в себе студентах.

Повторение и отработка слов и фраз иностранного языка могут быстро наскучить, в то время как петь и читать стихи и песни студенты готовы бесконечно. Используя песни и музыку, мы можем расширить объем памяти. С помощью музыки создается психологически комфортная обстановка на уроках английского языка [2].

Использование музыки на уроке иностранного языка способствует созданию эмоционального состояния и существенно влияет на учебную деятельность. Это делает урок интересным и увлекательным, способствует включению в процесс обучения механизма произвольного запоминания.

Одним из способов создания условий для восприятия материала является прослушивание на фоне музыки, возникающее при этом состояние снимает излишнюю напряженность, уменьшает волнение, отвлекает от посторонних мыслей и создает хорошие предпосылки для усвоения учебного материала, т.к. обеспечивает подсознательное усвоение материала. Вводимый на музыкальной основе языковой материал не воспринимается как учебный, он запоминается произвольно.

В песнях лучше усваиваются и активизируются грамматические явления языка. Существуют песни для обучения наиболее распространенным конструкциям. Они ритмичны, сопровождаются пояснениями, комментариями, а также заданиями и упражнениями (цель которых – проверка понимания и обсуждение содержания). В песнях можно встретить все грамматические явления английского языка: множественное число существительных, числительные, предлоги, наречия, модальные глаголы, степени сравнения, притяжательный падеж, все виды времён. Например, песня «Brighton in the Rain» прекрасно подходит для закрепления времени Present Perfect.

Песни способствуют овладению навыками иноязычного произношения, развитию музыкального слуха. Разучивание и частое повторение несложных по мелодическому рисунку коротких песен помогают закрепить правильное произношение, артикуляцию, а также правила ударения, особенности ритма, мелодики.

Песни способствуют осуществлению задач эстетического воспитания учащихся, содействуют сплочению коллектива, помогают раскрыть творческие способности каждого. При использовании музыки на уроке создается благоприятный психологический климат в группе, снимается психологическая нагрузка, развивается как монологическая, так и диалогическая речь, поддерживается интерес к изучению иностранного языка. Мотивация студентов велика, так как они хотят понять содержание понравившейся песни [1].

Песни дают возможность расслабиться, сделать небольшой перерыв в рутинной учебной деятельности на уроке. Это своего рода релаксация в середине или конце урока, когда нужна разгрузка, снимающая напряжение и восстанавливающая работоспособность.

Некоторые английские фразы легко можно запомнить, напевая их под русские песни. Так, на мелодию русской песни «По Дону гуляет казак молодой» легко укладывается «How long does it take you to get to ...». Многие английские фразы пропеваются под американский джаз. Здесь неоценимую услугу оказывают Carolyn Graham Jazz Chants.

Музыка является одним из самых эффективных способов воздействия на чувства и эмоции любого человека. Вместо того, чтобы нудно исправлять ошибки студентов, можно напеть начало пятой симфонии Бетховена, и студент понимает, что он сделал ошибку и старается ее исправить.

Учить иностранный язык с помощью музыки и песен – легко и приятно. Обучение должно вызывать радость! Поэтому, как говорят студенты, «Join and enjoy».

Библиографический список

1. Вахромеев, В.А. Элементарная теория музыки / В.А. Вахромеев // Москва: Изд-во «Музыка», 2004. – 235 с.
2. Гебель, С.Ф. Использование песни на уроке иностранного языка / С.Ф. Гебель // ИЯШ, 2009. – № 5 – С. 28–30.

[К содержанию](#)

ББК Ч448.027.8

УДК 378.03 + 378.14

РОЛЬ МЕЖВУЗОВСКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

О.В. Белкина, Л.М. Сергеева

В статье рассматривается такое явление, как межвузовское сотрудничество, виды и способы межвузовского взаимодействия. Особое внимание уделяется сотрудничеству студентов, представителей различных вузов, и обосновывается необходимость непрерывности и преемственности образования. В качестве иллюстрации авторы приводят пример организации и проведения межвузовского конкурса по переводу для студентов неязыковых специальностей, обучающихся по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», анализируя его результаты и значение.

Ключевые слова: межвузовское сотрудничество, студенческая интеграция, непрерывность, системность и преемственность образования, межкультурная коммуникация, профессиональная и академическая мобильность, междисциплинарные знания, доминантные компетенции.

В настоящее время межвузовское сотрудничество является обязательным компонентом стратегии развития вузов, в особенности крупнейших национальных исследовательских университетов как форпостов отечественной науки.

Межвузовское взаимодействие может реализовываться в различных формах на международном, национальном и региональном уровне, на формальной и неформальной основе, объединять вузы по различным принципам и достигать разной степени интегрированности в зависимости от целей и ресурсов участников.

Помимо развития средств коммуникации основными стимулами развития межвузовского взаимодействия являются: необходимость развития в условиях возрастающей конкуренции на рынках образования и инвестиционных ресурсов, повышение эффективности деятельности за счет интеллектуального обмена, внедрения современных форм обучения и инноваций. Непосредственным стимулом является наличие взаимных выгод от специализации и сотрудничества участников взаимодействия [2].

Пути и формы интеграции на межвузовском уровне разнообразны в зависимости от целей и задач, начиная от взаимодействия вузов на самом высоком уровне, например, регулярных совещаний-семинаров руководителей учебных заведений [3]; программ профессиональной мобильности как преподавателей так и студентов, академических и научных обменов, системы грантов, стажировок и совместных учебно-исследовательских проектов; тандем проектов в различных сферах, и заканчивая организацией работы вебинаров, конференций и конкурсов.

Таким образом, благодаря подобному сотрудничеству современный вуз становится определённой лабораторией или платформой, где разрабатываются, апробируются и внедряются новые идеи в различных сферах; где студенты – будущие высококвалифицированные компетентные специалисты, качественно подготовленные в области соответствующей профессиональной деятельности, обладающие междисциплинарными знаниями и доминантными компетенциями, способные к профессиональному росту и мобильности в условиях информатизации современного общества и развития новых наукоемких технологий – приобретают необходимые теоретические и практические знания, умения и навыки.

Одним из видов межвузовского сотрудничества, наиболее востребованным на национальном и региональном уровне, являются программы студенческой интеграции в различных областях знания, особенно если в основу их деятельности заложены принципы непрерывности образования и преемственности различных образовательных структур, характеризующихся вариативностью содержания, форм и методов обучения, взаимосвязью общекультурной и профессиональной подготовки.

В данном случае речь идет о необходимости получения иноязычного образования, которая определяется потребностями на рынке труда и тенденциями развития мирового экономического сообщества. В условиях обостряющейся конкуренции, на фоне расширения зарубежных контактов, создания совместных предприятий и притока иностранных инвестиций

знание иностранного языка становится одним из преимуществ специалиста. Работодатели предъявляют требования, нередко превышающие требования образовательных стандартов. К числу дополнительных условий приема специалистов можно отнести владение одним или несколькими иностранными языками [1].

Для реализации возможности получения не только актуального основного высшего образования, но и качественного дополнительного образования, свыше 300 вузов страны ввели дополнительную профессиональную образовательную программу «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Главной целью курса является формирование переводческой компетенции, которая базируется как на профессиональных знаниях специалиста, так и на высоком уровне владения родным и иностранным языками.

В 2013 году в рамках реализации данной программы факультет лингвистики ЮУрГУ выступил в качестве организатора межвузовского конкурса по переводу для студентов неязыковых специальностей, обучающихся по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Помимо организатора конкурса – кафедры иностранных языков и участника – кафедры английского языка ЮУрГУ, в конкурсе приняли участие студенты ещё трёх вузов: Ижевского Государственного Технического Университета, Ярославского Государственного Университета и Уральского Федерального Университета.

Основными приоритетами для организации данного вида сотрудничества стали, прежде всего, развитие потенциальной академической и профессиональной мобильности будущих специалистов, повышение эффективности межкультурной коммуникации в сфере профессиональной деятельности у представителей студенчества разных регионов России; стимулирование творческой и профессиональной конкуренции между студентами разных вузов, ознакомление с уровнем лингвистической подготовки партнёров по проекту. Среди остальных целей и задач конкурса можно выделить следующие:

- мониторинг владения практическими навыками профессионального (устного и письменного) перевода;
- совершенствование умений логически и аргументировано отстаивать собственную точку зрения и вступать в дискуссию на иностранном языке;
- общее совершенствование языковой компетенции (как в отношении родного, так и изучаемого языков);
- распространение и популяризация значимости владения иностранными языками среди студенчества;
- творческое применение знаний и умений по иностранным языкам с целью саморазвития и самосовершенствования для достижения наиболее полной самореализации;

- создание необходимых условий для поддержки и дальнейшего повышения уровня владения иностранными языками;
- активизация интереса к научной деятельности в области иностранных языков;
- выявление одаренных студентов для подготовки к участию во все-российских и международных конкурсах;
- стимулирование студентов к овладению иностранным языком для эффективного осуществления будущей профессиональной деятельности в условиях глобализации современного мира.

Конкурс проводился в 3 этапа:

1 этап (внеаудиторный) – письменный перевод текста научно-публицистической направленности с английского на русский.

2 этап (внеаудиторный) – перевод с русского на английский научно-популярного текста, а также написание эссе “Do the effects of success necessarily have positive impact?”.

3 этап – проведение видеоконференции между вузами-участниками проекта с обсуждением предложенной темы «Как достичь успеха в жизни» в формате подготовленных видеопрезентаций, организация «круглого стола» для обмена мнениями по теме в режиме он-лайн.

Со стороны Южно-Уральского Государственного Университета в конкурсе приняли участие студенты, обучающиеся по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» факультетов «Журналистика», «История», «Экономика и Управление», «Торгово-Экономический», «Юридический», «Экономика и Предпринимательство», «Пищевые технологии», «Физический».

По результатам независимой экспертной оценки в финал конкурса вышли 23 участника (ЮУрГУ – 10 чел., ИжГТУ – 3 чел., УрФУ – 7 чел., ЯрГУ – 3 чел.) В общекомандном состязании 1 место занял УрФУ; 2 место – ЮУрГУ; 3 место – ИжГТУ. В личном первенстве неоспоримое лидерство принадлежит УрФУ, все призовые места заняли студенты этого вуза.

Анализ результатов данного межвузовского конкурса студентов позволяет сделать следующие выводы.

Бесспорно, все вузы продемонстрировали высокий уровень подготовки участников, что говорит о системности, целостности и качестве освоения учебного курса. Всех студентов характеризует высокая степень мотивации и готовности к саморазвитию. Также следует отметить энтузиазм и творческий подход студентов при прохождении этапов конкурса, а также командный дух всего соревнования.

Но конкурс выявил и некоторые слабые места в профессиональной подготовке, в частности, в недостаточной сформированности группы определённых навыков говорения, аудирования и письма (эссе), а также фонетического оформления речи у студентов отдельных вузов, что свидетельствует о

необходимости уделять более пристальное внимание развитию, активизации и совершенствованию вышеупомянутых навыков в конкретных вузах.

Участники команды УрФУ, например, по сравнению с другими вузами, показали объективно лучшую подготовку в области перевода с русского языка на английский, существенно более богатый лексический запас и более грамотно применение в речи сложных и разнообразных грамматических конструкций.

Независимые эксперты, проанализировав работы участников, выявили основные недочёты и системные ошибки, сгруппировав их по следующим категориям: комбинаторика, грамматика, прагматика, семантика, стилистика. Устроители конкурса выслали детальный отчёт независимых экспертов представителям-кураторам всех вузов с целью ознакомления как для преподавательского состава, так и студентов, что позволит устранить выявленные ошибки, повысив качество профессиональной подготовки студентов.

Ещё одним из безусловных достоинств данного межвузовского сотрудничества является разработка и унификация критериев для оценки как переводов и эссе, так и мультимедийных презентаций, что позволяет существенно расширить область их применения: как оценочного средства при реализации разных образовательных программ в рамках одного вуза, так и как инструмента оценки в едином образовательном пространстве при проведении различного вида конкурсов и олимпиад.

Роль подобной интеграции сложно переоценить в становлении нового поколения профессионалов, так как именно благодаря подобному сотрудничеству и участию в совместных проектах студенты могут получить бесценный профессиональный опыт, объективно оценить свои сильные и слабые стороны, найти единомышленников, завязать будущие научные контакты, расширить научный кругозор.

Анализ данного успешного опыта межвузовского взаимодействия показал, что эффективность такого сотрудничества определяется соблюдением нескольких основных условий, которые необходимо учитывать при организации совместной деятельности вузов: относительное равенство потенциалов участников; их активность; формирование прозрачной системы организации и системы контроля, формирование эффективных каналов коммуникации [2].

Библиографический список

1. Белкина, О.В. Актуальность дополнительной образовательной программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и перспективы совершенствования ее содержания / О.В. Белкина, Л.М. Сергеева // Коммуникация и язык в социально-культурном пространстве: междисциплинарный подход: материалы Международной конференции, 2–4 дек. 2009 г., Челябинск. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. – С. 33–38.

2. Куликова, Ю.П. Зарубежный опыт инновационного развития высшей школы на основе межвузовского взаимодействия / Ю. П. Куликова // Университетское управление: практика и анализ, 2012. – № 2. – С. 67–71.

3. Яковлев, И.В. О необходимости внутрироссийских межвузовских научных связей / В.И. Яковлев, О.Г. Пенский // Университетское управление, 2010. – № 5. – С. 41–44.

[К содержанию](#)

УДК 808.51

ГИБКОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ РИТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О.С. Бернат

Риторическое образование в процессе модернизации вузовского образования играет особую роль. Риторика, в основе которой заложена антропологическая парадигма, несет дидактические возможности формирования у обучаемых целевого речетворческого умения – коммуникативной компетентности. В статье говорится о том, что современная риторика как учебная дисциплина отличается от многих других дисциплин тем, что владение большинством из них связано со знаниями, а риторика – еще и с умениями, то есть она направлена на подготовку студентов к овладению профессионально необходимыми знаниями и умениями в области публичных выступлений.

Ключевые слова: риторика, риторическое образование, коммуникативная компетентность.

Гуманистический аспект во многих современных направлениях отечественного образования является приоритетным – важным оказывается не только передача определенного объема знаний, но и развитие у обучаемого «тех свойства личности, которые нужны для включения в социально ценную деятельность» [8]. В этой связи велика практическая значимость риторики, позволяющая более эффективно организовать процесс изучения лингвистических и нелингвистических дисциплин – развитие умений по реализации эффективного общения в различных профессиональных контекстах, выработка бережного отношения студентов к слову не только как к эстетической ценности, но и могучему средству выражения мыслей и самовыражения личности.

Цель введения курса по риторике – формирование образов представлений и знаний, определяющих коммуникативные стратегии гармонизирующего диалога и соответствующую профессиональную коммуникативную компетенцию. Задачами курса являются разработка моделей современного

научного осмысления проблем, сопряженных с языковым сознанием участников коммуникативного процесса (говорящего, слушающего), порождением, восприятием и интерпретацией речи. При этом внимание к коммуникативно-речевой стороне деятельности человека является одной из главных [3].

Риторика как фундаментальная научная дисциплина, не только многоаспектна, но и многофункциональна [2]. Среди множества выполняемых ею функций одной из важнейших является регулятивная функция в той или иной мере определяющая поведение людей.

То есть риторика – интегративная дисциплина, обеспечивающая новые и насущно необходимые акценты как в дидактической, так и в воспитательной составляющей образовательного процесса, – формирует коммуникативную компетентность – «комплекс знаний, умений, позволяющий коммуниканту добиваться результативности в общении» [1]. Формирование коммуникативной компетенции становится возможным при условии создания специальной системы упражнений, «ориентированной на общающегося человека, языковую и речевую личность, мыслящую с помощью языка и реализующую себя в жизни благодаря успеху в разных сферах общения» [4].

Коммуникативная компетентность обеспечивает успешную социализацию, адаптацию и самореализацию в современных условиях жизни, поскольку предполагает готовность ставить и достигать цели устного и письменного общения: получать необходимую информацию, представлять и цивилизованно отстаивать свою точку зрения в диалоге и в публичном выступлении на основе признания разнообразия позиций и уважительного отношения к ценностям (религиозным, этническим, профессиональным, личностным и т.п.) других людей [7].

Именно коммуникативная компетенция включает знание способов взаимодействия с окружающими людьми и событиями, навыки работы в группе, владение различными социальными ролями в коллективе, поэтому риторическое образование является одним из наиболее перспективных и значимых среди современных лингводидактических направлений, имеющих целью формирование и воспитание хорошей и грамотной речи различного контингента учащихся. Следовательно, риторика – классическая дисциплина, накопившая колоссальный опыт формирования личности на основе проверенных временем приемов преподавания эффективной и выразительной речи, направленных на решение следующих задач:

- 1) познание законов риторики, обеспечивающих практическое воплощение оптимальных путей овладения эффективной профессиональной речью;
- 2) овладение нормами и правилами речевого поведения преподавателя, составляющими суть педагогического общения;
- 3) овладение основными профессиональными жанрами, связанными с педагогической деятельностью.

Риторика как учебная дисциплина отличается от многих других дисциплин тем, что владение большинством из них связано со знаниями, а риторика – еще и с умениями. Таким образом, «предметом риторики является речь ее наиболее действенные и целесообразные модели» [10], а также «вопросы формирования компетентной личности, поскольку последнее возможно только в условиях владения и воздействия этически-ориентированным, доказательным и искусным словом» [9]. Риторика всегда в большей или меньшей степени прагматична, поэтому стремление говорящего изменить поведение слушателя может касаться самых разных сторон его жизни: убедить голосовать за нужного кандидата в депутаты, склонить к принятию необходимого решения в сфере культурной или коммерческой деятельности, побудить к благотворительным деяниям и т.п. Таких конкретных целей существует бесконечное множество, но в каждом случае речь всегда направлена в сферу жизненных интересов и потребностей слушателя. Особенно велика роль профессионала речи в сфере культуры и общественной деятельности. При этом не следует забывать о существовании этического аспекта: риторика при правильном ее использовании является эффективным инструментом в борьбе с языковой агрессией, демагогией, манипулированием [5]. Знание основ риторики позволит распознать демагогические и манипулятивные пропагандистские приемы в средствах массовой информации и в приватной коммуникации, а, следовательно, эффективно защищаться от них. То есть обучение становится эстетико-ориентированным.

Необходимость такого вида обучения процессу общения диктует следующие принципы преподавания риторики:

1) принцип научности. В соответствии с этим принципом занятия по риторике должны носить не только прагматический, но и научный характер. Студенты должны знать, что современная риторика базируется на данных речеведческих наук (психолингвистика, лингвосоцио-психология, социальная лингвистика и др.);

2) принцип историзма. Этот принцип требует приобщения студентов к истории развития красноречия. Современная риторика является прямым продолжением классической риторики – науки, давшей схему мыслеречевого процесса, зафиксировавшей все стадии этого процесса от замысла до его вербализации;

3) принцип последовательности – один из ведущих принципов, фиксирующий неизбежность движения в процессе обучения от простого к сложному, от известного к неизвестному, от азов к вершинам науки. Наглядным примером реализации этого принципа в процессе обучения риторике может служить решение вопроса о том, в какой последовательности расположить в программе разные темы.

Современная риторика как учебная дисциплина направлена на подготовку студентов к овладению профессионально необходимыми знаниями и умениями в области публичных выступлений. В результате освоения дисциплины студент должен:

Знать: историю риторических учений, сведения о деятельности ярких теоретиков риторики, риторический канон, основы теории аргументации, классификацию риторических фигур.

Уметь: применять полученные знания как при создании убеждающих текстов различных жанров, так и при презентации материала аудитории.

Владеть: основными методами риторического и аргументационного анализа, базовыми принципами выстраивания доказательства, терминологией, используемой при выявлении и оценке речевых фигур.

Методы работы на занятиях по риторике могут варьироваться в зависимости от конкретных задач, которые решаются преподавателем и студентами в учебном процессе:

- выявление базовых элементов композиции и плана текста;
- получение новых риторических знаний, путем анализа выступлений;
- наблюдение образцов речи, их «сворачивание» и расширение;
- экспертирование выступлений;
- собственное творчество в различных жанрах;
- проектная деятельность;
- решение коммуникативных, логических, психологических, нравственно-этических задач;
- обсуждение вариантов чтения или выступления товарища с вопросами для пояснения его позиции, проведение различных интервью в устной и письменной формах с последующим анализом;
- создание различных жизненных ситуаций, основой которых является диалог;
- практикум: информационные виды публичных выступлений (сообщение, доклад, реферат, лекция); жанр посланий (ода, послание, письмо); жанр публичной речи (учебная, совещательная, судебная) и т.д.;
- корректное возражение и отказ.

Система риторического образования связана также с коммуникативной лингвистикой, а именно с понятиями «речевой жанр», «риторический жанр» [6]. Современная риторика опирается на понятие жанра как на один из наиболее эффективных объясняющих механизмов при рассмотрении ситуаций использования языка, механизмов порождения и интерпретации речи. Теория речевых жанров является моделью коммуникации, учитывающей ситуацию, сферу общения, стиль, форму речи, передачу инициативы в диалоге, стратегии и тактике ведения коммуникации.

«Понятие жанра и типология определенных профессиональных жанров представляют уникальную возможность выделить специфические черты, то-

го или иного жанра как единицы речевой практики, определить модель (композицию) жанра и его жанровообразующие и жанровоопределяющие признаки. Эти признаки жанра дают возможность преподавателю строить, конкретизировать и специализировать обучение жанровой деятельности» [6]. Практика обучения жанру включает в себя знание и умение строить речевое высказывание, используя комплекс признаков, определяющих специфику данного жанра. То есть жанр выступает в качестве динамической структуры, модели, воплощающейся в конкретных речевых произведениях. А законам этого конкретного воплощения, создания определенного ожидания, следовательно, можно и нужно обучать. Обучение жанровой деятельности выступает как своеобразный методический «ключ», позволяющий моделировать профессионально значимые тексты, как предложенные в системе обучения, так и (благодаря переносу знаний и умений) те, которые будут встречаться в будущей практике профессионального общения.

В процессе обучения профессиональным жанрам студенты осваивают речевую деятельность в целом и получают теоретический материал, у них формируются необходимые речевые умения, студенты приобретают опыт практической риторической деятельности.

Таким образом, современное риторическое образование, во-первых, оказывает существенное влияние на коммуникативную и общую культуру личности; во-вторых, способствует успешной самореализации в социуме; в-третьих, стимулирует потребности к саморазвитию и самосовершенствованию личности и развивает ответственное отношение к слову, сказанному или написанному; в-четвертых, формирует коммуникативные умения.

Библиографический список

1. Грейдина, Н.Л. Риторика и современное образование / Н.Л. Грейдина // Классическое лингвистическое образование в современном мультикультурном пространстве. – 2007. – Вып. 2. – С. 24–29.
2. Гузеев, В. Гуманитарный прорыв в образовании возможен / В. Гузеев // Народное образование. – 2006. – № 2. – С. 124.
3. Курцева, З.И. Коммуникативно-нравственное развитие учащихся в системе непрерывного педагогического образования / З.И. Курцева. – М.: МИОО, 2007. – С. 11–12.
4. Лотман, Ю.М. Риторика / Ю.М. Лотман // Учёные записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
5. Михальская, А.К. Основы риторики. / А.К. Михальская // Мысль и слово. – М., 1996. – 326 с.
6. Орлов, О.М. Профессионально ориентированная риторика: содержание и методика обучения / О.М. Орлов. – М., 2003 – 529 с.

7. Рождественский, Ю.В. Принципы современной риторики / Ю.В. Рождественский. – М., 2008. – С. 2–4.

8. Рождественский, Ю.В. Словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус): Общество. Экономика. Культура. Образование / Ю.В. Рождественский. – М.: Флинта: Наука, 2002. – С. 83.

9. Слостенин, В.А. Психология и педагогика: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Слостенин, В.П. Каширин. – М.: Академия, 2006. – С. 187.

10. Стернин, И.А. Практическая риторика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И.А. Стернин. – М.: Академия, 2008. – 272 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.016:811.111

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Г.Ф. Бороненко, Л.Ю. Башмакова

В статье рассматривается проблема концептуального познания иностранного языка в процессе обучения английскому в высшей школе. Обсуждается проблема средств обучения, реализующих требования новых учебных стандартов. Обосновывается использование аутентичных фильмов как средства формирования социокультурной компетенции через концептуальное познание иностранного языка.

Ключевые слова: концепт, аутентичные материалы, методика преподавания, формирование компетенций.

Динамичные изменения в мире требуют нового подхода к качеству образования и отходу от старых норм и стандартов. Если ранее обучение в вузе было ориентировано, в первую очередь, на передачу фактологической информации, то сейчас оно должно быть ориентировано на формирование у студентов готовности к выполнению профессиональной деятельности – компетенций. Новый стандарт высшего образования предписывает в процессе обучения иностранному языку формировать у студентов иноязычную коммуникативную компетенцию, в которой особое место отводится **межкультурной компетенции**.

Тем не менее, обучаясь на своей родине и не имея достаточных контактов с носителями языка, человек, как правило, не обладает необходимыми фоновыми знаниями, поэтому он интерпретирует речевое и неречевое поведение говорящего носителя языка в определенных ситуациях общения с позиции

своей культуры и своих норм поведения. Это может привести к неправильному пониманию воспринимаемой информации и нарушению контакта.

Чтобы преодолеть эту трудность, язык, являясь феноменом определенной цивилизации, необходимо изучать в контексте этой цивилизации. Данное положение находит отражение в социолингвистическом и социокультурном компонентах коммуникативной компетенции.

Социокультурная компетенция подразумевает знание правил и социальных норм поведения носителей языка, традиции, истории, культуры и социальной системы страны изучаемого языка [2]. Следовательно, обучающийся должен обладать умениями воспринимать и понимать устный текст с позиции межкультурной коммуникации, для чего ему необходимы фоновые знания. Только обладая этими знаниями, слушатель может правильно интерпретировать речевое и неречевое поведение носителя языка и лучше ориентироваться в стране изучаемого языка в случае ее реального посещения.

Одной из важнейших категорий межкультурной компетенции является концепт, который является ключевым термином современной когнитивной науки. Как и любая мыслительная категория, концепт имеет широкое поле для интерпретаций. Стоит также отметить, что категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях не только лингвистов, но и философов, логиков, психологов, культурологов, и она несет на себе следы всех этих внелингвистических толкований.

Впервые в отечественной науке термин «*концепт*» был употреблен С.А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 г., который определил его как мысленное образование, замещающее в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода.

Д.С. Лихачев использовал понятие *концепта* для обозначения обобщенной мыслительной единицы, которая отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка и, являясь своего рода обобщением различных значений слова в индивидуальных сознаниях носителей языка, позволяет общающимся преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов. Концепт, по Д.С. Лихачеву, не возникает из значений слов, а является результатом столкновения усвоенного значения с личным жизненным опытом говорящего [3].

Е.С. Кубрякова определяет концепт как «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [1].

В.И. Карасик, делая обзор существующих подходов к концептам, выделяет следующее:

1. Концепт как идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия (Степанов).

2. Концепт как личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения (Лихачев).

3. Концепт как абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия (Соломоник).

4. Концепт как сущность понятия, явленная в своих содержательных формах – в образе, понятии и в символе (Колесов).

5. Концепты как своеобразные культурные гены, входящий в генотип культуры, самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные (как минимум трехмерные) идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный или псевдопонятийный базис (Ляпин) [3].

Е.Н. Сергеева выделяет три компонента концепта: понятийный, ценностный и образный. Их наличие в структуре концепта определяет его связь с языком, который концепт объективирует, с культурой как с национальной системой ценностей и идей, а также с сознанием человека и его деятельностью [5].

Таким образом, концепт является частью языковой картины мира, которая отражает способ речемыслительной деятельности, характерный для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями.

Концепт включает в себя понятие, но не исчерпывается только им, а охватывает все содержание слова – и денотативное, и коннотативное – отражающее представления носителей данной культуры о явлении, стоящем за словом во всем многообразии его ассоциативных связей. Он вбирает в себя значения многих лексических единиц. В концептах аккумулируется культурный уровень каждой языковой личности, а сам концепт реализуется не только в слове, но и в словосочетании, высказывании, дискурсе, тексте.

Одним из способов концептуального познания другого языка является использование в обучении аутентичных материалов. Их преимущества как средств обучения очевидны. Они получили широкое освещение в методической литературе как отечественных, так и зарубежных авторов.

Во-первых, язык, представленный в аутентичных материалах, выступает как средство реального общения, отражает реальную языковую действительность, особенности функционирования языка как средства коммуникации и естественного окружения.

Во-вторых, с применением аутентичных материалов уменьшается опасность искажения иноязычной действительности: являясь свидетельствами современной цивилизации в стране изучаемого языка, они отражают идеи и суждения, распространенные в данный момент в обществе.

В-третьих, благодаря отсутствию дидактической направленности, информация, предъявляемая с помощью аутентичных материалов в условиях неязыковой среды, обладает высоким уровнем авторитетности. Естественность вызывает большую познавательную активность, в то время как учеб-

ные материалы выполняют чисто образовательную функцию и отражают фиктивные ситуации, не существующие вне занятия, снижая тем самым мотивацию, достоверность представленных сведений, их использование может впоследствии затруднить переход к пониманию материалов, взятых из «реальной жизни» [4].

Фильмы на изучаемом иностранном языке представляют, таким образом, прекрасную возможность для овладения концептами этого языка. Изучение иностранного языка с помощью фильмов имеет несколько достоинств. Одно из них – это то, что в большинстве кинолент актёры общаются именно на настоящем «разговорном» языке. То есть, просматривая такой фильм, обучающийся будет знакомиться именно с «живым» языком, а не адаптированными книжными фразами. Кроме того, студентам легче понимать видеозапись по сравнению с аудиозаписью, потому что они могут догадаться о происходящем по интонации, мимике и жестам актёров, по декорациям.

Итак, концепты очень ярко можно проследить на примере кинематографа. При просмотре фильма или сериала зритель погружается в его реальность, поэтому концепты иностранного языка воспринимаются как бы сами собой.

Концепты ярко проявляются во время игры слов, побуждая видеть одновременно два смысла. Приведём два примера из фильма «Любовь и смерть Вуди Аллена (Love and Death, 1975).

Пример 1

Anton Inbedkov: Shall we say pistols at dawn?

Boris Grushenko: Well, we can say it. I don't know what it means, but we can say it.

Перевод

Антон Инбедков: Скажем, на пистолетах, на рассвете?

Борис Грушенко: Ну, давайте скажем. Я не знаю, что это значит, но давайте скажем.

Пример 2

Soldier: Oh, God is testing us.

Boris: If He's gonna test us, why doesn't He give us a written?

Перевод

Солдат: О, Бог проверяет нас.

Борис: Если Он хочет проверить нас, мог бы дать и письменную работу.

Эти примеры демонстрируют изменчивость концепта от эпохи к эпохе и его историческую относительность. Несмотря на то, что действие фильма происходит в начале XIX века, главный герой использует современный нам язык. Несоответствия значений одних и тех же употребляемых им и другими персонажами слов, которые и делает их диалоги смешными, становится способом овладения концептом в историческом плане.

В этих примерах мы можем видеть несколько смыслов употребляемых слов. Просмотр фильмов и сериалов, богатыми игрой слов, помогает расширить круг значений слова, тем самым уточняя иноязычные концепты.

Другой пример из того же фильма демонстрирует различие синонимов:

Пример 3

Boris: Sonja, are you scared of dying?

Sonja: Scared is the wrong word. I'm frightened of it.

Boris: That's an interesting distinction.

Перевод

Борис: Соня, ты боишься смерти?

Соня: Бояться – неправильное слово. Я её страшусь.

Борис: Интересное различие.

Из ироничной реплики Бориса мы можем понять, что различие между этими синонимами – «scared» и «frightened» – незначительно, однако, если обратиться к их употреблению в языке, можно заметить, что «scared» более детское слово, а «frightened» – более официальное. Зритель расширяет поле концепта «страх» в английском языке за счёт наращивания количества связанных между собой понятий и связей между ними.

Таким образом, кинематограф является, пожалуй, самым доступным способом проникновения в языковое пространство другого языка. Он позволяет напрямую воспринимать иноязычные концепты посредством инсайта. Поэтому просмотр иностранных фильмов должен быть неотъемлемым элементом учебного процесса при преподавании иностранного языка.

Библиографический список

1. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 266 с.
2. Михайлов, М.М. Двухязычие и взаимовлияние языков / М.М. Михайлов // Проблемы двухязычия и многоязычия. – М., Наука, 1972. – С. 197–203.
3. Сергеева, Е.Н. Понятие концепта и аспекты его изучения в современной лингвистике / Е.Н. Сергеева // Вестник ВЭГУ. – 2009. – № 3.
4. Фрайфельд, Е.Б. Художественный фильм в лингвообразовательном процессе / Е.Б. Фрайфельд // Профессиональное лингвообразование: монография / Н.Л. Уварова [и др.]; под ред. Н.Л. Уваровой. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2004.
5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
6. Allen, W. dir. Love and Death / W. Allen. – MGM, 1975.

[К содержанию](#)

ББК Ш12/17 + Ч448.016 + У9(2) – 55

УДК 811 + 378 + 001.895

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

К.В. Бундина

Применение инновационных технологий в обучении способствует развитию познавательных и когнитивных способностей, формированию опыта самостоятельной деятельности, развитию конструктивного, творческого мышления у студентов. Обеспечивая обратную связь в процессе обучения, педагог получает информацию от студента о результате проведенного этапа обучения, способствует накоплению группового опыта и формирует стиль передачи знаний.

Ключевые слова: инновации, интерактивное обучение, самостоятельная работа, информационные технологии, креативность мышления.

Новая парадигма образования предполагает пересмотр основных компонентов обучения: его назначения и содержания; критериев эффективности; форм, методов и образовательных технологий; функций педагога, основной задачей которого становится формирование творческой личности специалиста, способного к саморазвитию, самообразованию, инновационной деятельности. Эта цель может быть достигнута с помощью интерактивного обучения, эффективность которого обуславливается тем, что оно является процессом совместного познания студентами учебной информации в диалогическом взаимодействии друг с другом и преподавателем. Именно этот вид обучения создает реальное общение между участниками образовательного процесса. Решение этой задачи вряд ли возможно только путём передачи знаний в готовом виде от преподавателя к студенту. Педагогу необходимо перевести студента из пассивного потребителя в активного творца. Практика показала, что только сочетание инновационных методов и приемов преподавания делает занятие эффективным и максимально результативным. Новая модель образования, основана на интерактивных формах обучения, при использовании которых создаются условия для самостоятельного поиска студентами путей к познанию. Следует признать, что самостоятельная работа студентов является не просто важной формой образовательного процесса, а должна стать его основой и придать практическую направленность образовательному процессу.

Основная цель современного профессионального образования – подготовка квалифицированного специалиста соответствующего уровня и про-

филя, конкурентоспособного на рынке труда, свободно владеющего своей профессией, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности. Это предполагает ориентацию на активные методы овладения знаниями и развитие творческих способностей студентов, что, в свою очередь, формирует креативное мышление. Проблема креативности занимает важное место, как проблема развития и совершенствования личности, поэтому, самостоятельная работа студентов, требующая интенсивного мышления, решения различных познавательных задач, умения проанализировать полученные знания и выразить своё отношение к ним – важный фактор формирования необходимых знаний, умений и навыков, нравственно-психологических качеств [4].

Самый высокий уровень познавательной активности и самостоятельности студентов проявляется в ходе выполнения ими творческих самостоятельных работ, где предполагается, что студент принимает непосредственное участие в производстве новых знаний. Задания во всех видах творческих работ содержат условия, стимулирующие возникновение проблемных ситуаций. Организовать такую творческую работу позволяет проектная методика. Хотя «метод проектов» не является абсолютно новым явлением в методике преподавания, он позволяет выполнить ряд важных задач таких, как повышение мотивации, осуществление тесной связи теории и практики; мобилизации знаний и творческих способностей участников проекта. Кроме того, этот метод позволяет раскрыть потенциальные возможности каждого участника. В отличие от других методик, на первом месте здесь стоит роль самостоятельной работы студентов; преподаватель осуществляет непосредственный контроль деятельности; координируя эту деятельность на уровне советов, а не готовых ответов на тот или иной вопрос [2].

В процессе самостоятельной работы по этой методике у студентов формируются интеллектуальные, творческие и коммуникативные умения. Например, умение делать выводы, обобщения, умение работать разнообразно со справочным материалом, умение вести дискуссию, слушать и слышать собеседника, отстаивать свою точку зрения, подкреплённую аргументами, умение находить компромисс, умение лаконично излагать свою мысль. Как и при любой самостоятельной работе студентов, при работе по данной методике, роль преподавателя изменяется. Ему отводится роль консультанта, помощника, наблюдателя, источника информации, координатора. При этом необходимо определить чёткие задачи, продумать какую помощь можно оказать студенту, не предлагая готовых решений, помня о том, что это одна из форм организации самостоятельной работы студентов [3].

Например, применительно к изучению иностранных языков, работа по методу проектов означает получение знаний по языку, его практическое применение. Проект подразумевает самостоятельную работу студентов над

какой-то проблемой, интересую и значимую для них самих. Так, при изучении иностранного языка, очень важной составляющей является формирование коммуникативной компетенции вне языкового окружения. Для этого необходимо научить студентов рассуждать над возможными путями решения этих проблем, с тем, чтобы они акцентировали своё внимание на содержании своего высказывания, чтобы в центре внимания была мысль, а язык выступал в своей прямой функции – формирование и формулирование мысли. Богатые возможности для применения проектной методики при самостоятельной работе студентов в изучении языка даёт предмет страноведение. В процессе изучения этого предмета у студентов появляется прекрасная возможность сравнить сферы жизнедеятельности российского общества и страны изучаемого языка – политику, экономику, культуру и т.д. Изучая иностранный язык, студенты осваивают его, и одновременно, получают непосредственный доступ к ценностям мировой культуры, в особенности, к культурным ценностям страны изучаемого языка: её истории, географии, искусству познавая, таким образом, различные стили жизни стран в культурных сообществах и соотносимые с ними социальные ценности, нормы, традиции и обычаи, культурную идентичность и ментальность изучаемых народов, социокультурные аспекты коммуникативного поведения.

Именно проектная методика является одной из наиболее эффективных форм, позволяющих организовать самостоятельную работу студентов, учитывая специфику иностранного языка. Главное при этом, чтобы проектная работа органически вписывалась в процесс обучения, выступая не как нечто обособленное, а как логически продуманное, гармонически вытекающее из хода обучения звено. Активная самостоятельная работа студентов возможна только при наличии серьезной и устойчивой мотивации. Самый сильный мотивирующий фактор – подготовка к дальнейшей профессиональной деятельности. Можно выделить следующие факторы, способствующие активизации самостоятельной работы:

- полезность выполняемой работы;
- участие студентов в творческой деятельности;
- введение интенсивной педагогики, включающей в учебный процесс активные методы (игрового тренинга, в основе которого лежат инновационные и организационно-деятельностные игры);
- участие в олимпиадах по учебным дисциплинам;
- использование мотивирующих факторов контроля знаний (накопительные оценки, тесты);
- поощрения студентов за успехи в учёбе и творческой деятельности;
- индивидуализация заданий;
- авторитет преподавателя;
- «метод погружения» [1].

При организации самостоятельной работы студентов помимо проектной методики в преподавании иностранного языка мы используем ряд других инновационных подходов: деловые и ролевые игры, образовательные и информационные технологии, которые включают в себя необходимый уровень владения навыками компьютерной обработки данных, свободное пользование компьютерными сетями, умение обрабатывать найденную информацию с использованием компьютерных программ, умение работать с текстовыми и графическими редакторами, словарями, базами данных и др. Следует отметить, что применение информационных технологий, способствует интеграции образовательных областей и дает возможность максимально адаптировать обучение к профессиональным потребностям будущего специалиста, упростить и максимально разнообразить самостоятельную подготовку студентов.

Библиографический список

1. Андросюк, Е.И. Самостоятельная работа студентов: организация и контроль / Е.Н. Андросюк // Высшее образование в России. – 1995. – № 4. – С. 59–63.
2. Осмоловская, И.М. Инновации и педагогическая практика / И.М. Осмоловская // Народное образование. – 2010. – № 6. – С. 182–188.
3. Скрипко, Л.Е. Внедрение инновационных методов обучения: перспективные возможности или непреодолимые проблемы? /Л.Е. Скрипко // Менеджмент качества. – 2012. – № 1. – С. 76–84.
4. Соколова, И.Б. Основы самостоятельной работы студентов / И.Б. Соколова // Армавир. – 2002.

[К содержанию](#)

ББК Ш100.4 + Ш10 + Ш100.3

УДК 81'232 + 81'27

ДУБЛИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ» В ТЕКСТАХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

Е.В. Ваганова

В статье проанализированы публикации, появившиеся на сайте газеты «Комсомольская правда» после террористических актов, произошедших в Волгограде 29 и 30 декабря 2013 года. Рассматриваются варианты дублирования понятия «террористический акт» и «террористы» в электронных публикациях. Предполагается, что употребление синонимов, которые не получили лингвистическое закрепление в словарях, можно рассматривать как отражение языкового сознания авторов.

Ключевые слова: террористический акт, синонимия, языковое сознание.

Проблема терроризма в XXI в. приобрела угрожающие масштабы. Некоторые исследователи заявляют даже о том, что мир вступает в эпоху терроризма, называют терроризм глобальной проблемой современности. В средствах массовой информации, имеющих многомиллионную аудиторию, регулярно воспроизводятся сообщения о террористических актах, совершающихся в различных уголках земного шара. В тональности этих сообщений преобладает дух сенсационности и высокой эмоциональности. В них, с одной стороны, выражена жажда бескомпромиссной борьбы и справедливого возмездия террористам, с другой – чувство неопределенности, бессилия властей, подспудного страха и безысходности. Естественно, что вся эта информация вполне адекватно создает в массах ощущение серьезной угрозы безопасности со стороны террористов.

В нашей работе мы анализируем публикации, появившиеся на сайте газеты «Комсомольская правда» [1] после террористических актов, произошедших в Волгограде 29 и 30 декабря 2013 года. Эти трагические события потрясли не только Россию, но и всё мировое сообщество.

Взрывы, прозвучавшие в Волгограде, сразу были признаны преступлениями, предусмотренными ст. 205 УК РФ (теракт), ст. 222 УК РФ (незаконный оборот оружия). Следовательно, понятие «террористический акт» стало употребляться во всех статьях данной тематики. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» определяет понятие «террористический акт» как совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях [4].

Помимо такого обозначения произошедшим событиям даются иные определения, являющиеся синонимами рассматриваемому понятию. В электронных словарях синонимов мы не нашли вариантов к слову «террористический». Словарь синонимов АСИС В.Н. Тришина [3] предлагает в качестве синонима слово «террористский», которое, на наш взгляд, является не синонимом, а паронимом к слову «террористический».

Авторы статей и высказываний на тему взрывов в Волгограде употребляют следующие фразы, которые можно считать синонимами понятия «террористический акт» [1]:

«Паники нет, но город опустел, транспорт идет порожняком, мобильные сети не выдерживают нагрузки. Мы собрали рекомендации НАК и психологов, что делать в такой ситуации, когда все вокруг идет кувырком» (Инна Шереметьева);

«Доказывать, что рамки сыграли свою роль, предотвратив более кровавую кашу из мяса и костей в зале ожидания или встречи – тоже почти бесполезно, потому как перед рамками тоже была толпа. Хотя 10 кг тротила... могли бы отправить на тот свет не меньше сотни человек в густой толпе» (Александр Гришин);

«С Волгоградом связано много событий государственного уровня. Нынешний теракт связан с первым, поскольку это есть определенное отмщение, продолжение, что ничего не закончилось и последнее слово будет за ними» (Сергей Панкратов).

Подобные определения отличает экспрессивно-эмоциональная окраска, метафоричность и иносказательность. Показательно высказывание Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, в котором он в качестве синонимов понятия «террористический акт» использует следующие обороты: «И то, с какой силой и энергией совершаются сегодня противоправные деяния, свидетельствует о том, что это не отдельные, не связанные друг с другом события, но есть некий план.... Мы проходили в истории своей и более страшные испытания – и междоусобные брани, и страшные войны, и примером героизма нашего народа является тот город, в котором совершены два последних террористических злодеяния» (цитируется по статье Надежды Бас).

В следующих публикациях синонимами понятия «террористический акт» становятся фразы: «чрезвычайная ситуация», «драматическая ситуация», «страшный теракт», «страшная трагедия. Интересным, на наш взгляд, является высказывание президента России В.В. Путина, в котором содержится и оценочное высказывание, и лексика официально-делового стиля: «Мерзость преступлений, которые совершены здесь, в Волгограде, не нуждается в дополнительных комментариях. Чем бы ни мотивировали свои действия преступники, нет никакого оправдания совершению преступлений против гражданских лиц, особенно против женщин и детей» (цитируется по статье Владимира Волошина).

Обращают на себя внимание и синонимы к слову «террористы», употребляемые авторами статей на сайте [1]:

«Совершённые 29 и 30 декабря теракты в Волгограде, повлекшие большие человеческие жертвы, свидетельствуют о продолжающейся угрозе со стороны подпольных террористических бандформирований, их намерениях по проведению диверсионно-террористических актов в местах массового пребывания людей, на стратегически важных транспортных объектах» (Ольга Данилова);

«Глава Чечни Рамзан Кадыров в связи с терактом в Волгограде призвал федеральные органы власти ужесточить меры против экстремистской преступности. По мнению главы республики, необходимо выработать систему мер, которая позволяет пресекать деятельность любых движений и групп, которые пропагандируют насилие или ставят задачу достичь каких-то целей силовыми методами» [2].

Эмоциональность и оценочность свойственна и этому типу синонимов: «упыри», «бандиты», «уроды-смертники», «подельники террористки», «убийцы».

Употребление синонимов, которые не получили лингвистическое закрепление в словарях, можно рассматривать как отражение языкового сознания, что, на наш взгляд, максимально точно выражает отношение говорящего к предмету речи. Анализ подобных высказываний позволяет предположить возможность кодификации таких синонимов с пометой «стилистические».

Библиографический список

1. Официальный сайт газеты «Комсомольская правда». – URL: www.kp.ru.
2. Информационное агентство «Регнум». – URL: <http://www.regnum.ru/news/>.
3. Лингвистические словари. – URL: <http://dic.academic.ru/>.
4. Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru>.

[К содержанию](#)

ББК Ш147.11-7

УДК 811.133.1

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ «ПРИДАТОЧНЫХ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ» НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

О.С. Вейнгарт

В статье рассматриваются особенности возникновения придаточных дополнительных (изъяснительных) предложений, рассмотренных на материале французского языка в сопоставлении с данными русского языка, разбираются особенности их формальной организации, семантической и функциональной направленности.

Ключевые слова: синтаксис, сложноподчиненное предложение, полупредикативность, свернутая предикация, транспозиция глагола, инфинитив, придаточное дополнительное (изъяснительное) предложение.

Само название «*subordonnées complétives*» (дополнительные придаточные предложения) уже подразумевает, что в этих сложноподчиненных предложениях придаточной части отводится роль дополнения при сказуемом главной части – а если еще точнее, то это роль прямого дополнения, например: *Je sais qu'il est parti. = Je le sais.* или *Dès le milieu des années 1960, Paul Morand avait senti le vent tourner. = Dès le milieu des années 1960, Paul Morand l'avait senti.* Отсюда, по всей вероятности, и проистекает название данного типа сложноподчиненных предложений во французском языке. В нашей отечественной традиции, в частности в «Грамматике 80», такие предложения принято называть придаточными изъяснительными. Придаточные изъяснительные отвечают на падежные вопросы и относятся к члену главного предложения, который нуждается в смысловом распространении, дополнении, изъяснении.

В формальном отношении причина появления дополнительных придаточных предложений (ДПП) – это компрессия двух соседствующих в тексте предикаций. Сравним, к примеру, определение данного типа придаточного предложения в «Грамматике 80»: Между двумя предложениями, обычно находящимися в непосредственном соседстве, устанавливаются изъяснительные отношения, если одно из них (главное) имеет в своем составе слово, обозначающее речевую, мыслительную, эмоциональную, познавательную, волевою, оценочную деятельность, эмоциональное или интеллектуальное состояние, а второе (придаточное) присоединяется к этому опорному, стержневому для него слову (компоненту) при помощи союзов *что, будто, как, чтобы, как бы не*, союзной частицы *ли (не... ли)* или их синонимов [2]. Во французском языке наиболее сжато, имплицитно, эта

компрессия реализуется в придаточных с инфинитивом, когда управляемый глагол лишается показателей лица, времени и наклонения, но все эти показатели, тем не менее, при необходимости могут быть легко восстановлены: *Je t'ai vu faire ça. → Je t'ai vu. Tu faisais ça. → J'ai vu que tu faisais ça.* Такие предложения в западноевропейской традиции принято называть инфинитивными оборотами. В русском языке подобные «сжатые» конструкции тоже существуют, образуя полупредикативные комплексы вроде: *Нужно купить краски детям рисовать.* При этом в русском языке они гораздо менее употребительны. Кроме того, формально в русских конструкциях помимо разницы, связанной с выбором падежа, существует еще одно отличие от соответствующих французских предложений – нейтральный как в залоговом, так и во временном отношении инфинитив.

Формальным средством связи двух предикаций в рамках сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным (дополнительным) являются союзы и союзные выражения. Во французском языке это, прежде всего, союз *que*, а также наречия *où*, *quand*, *pourquoi*, частица *si*, местоимение *qui* и союзные сочетания *à ce que*, *de ce que*. Если брать русский язык, то это те же союзы: *что, чтобы, будто, как, как будто, словно, ли* и союзные слова *кто, что, который, чей, где, куда, откуда, как, зачем, почему, сколько, насколько* и др. В главной части таких предложений используются три разновидности глаголов:

1) так называемые «модусные» глаголы и глагольные выражения, обозначающие речевые акты и мыслительные процессы – знания, чувства и отношения говорящего: *Il dit qu'il viendra. Je suis sûre qu'il viendra. Je veux qu'il vienne. Il faut qu'il vienne;*

2) глаголы восприятия, прежде всего чувственного восприятия через такие глаголы как *видеть, слушать, смотреть, слышать* и т.д.: *Je vois que vous êtes là;*

3) все активные переходные глаголы, либо глаголы, являющиеся «каузативами» к выше упомянутым активным глаголам, например: *montrer (faire voir), prouver (faire comprendre)*, либо выражающие осуществление: *Il a fait que nous avons pu venir.*

С функциональной (прагматической) точки зрения основным содержанием придаточных дополнительных предложений и причиной их появления является необходимость выражения связи между главной частью, содержащей модус высказывания, и придаточной, обозначающей диктум. Однако, как отмечают многие лингвисты, семантическая сфера изъяснительности не является непроницаемой, границы ее подвижны, а в ряде случаев – слабо обозначены, что вызывает целый ряд дискуссионных вопросов.

Во-первых, модус может быть выражен не глаголом, а другим модальным словом – наречием или существительным: *J'ai l'impression que Paris est presque exclusivement peuplé d'acteurs. = Il me semble que Paris...* Глагол

как таковой нередко может вообще быть исключен: *La crainte que son mal ne reprenne. = il craint que son mal ... L'idée qu'il pourrait ne pas savoir le paralysait. Sûr (100 %), qu'il arrivera le premier.*

Во-вторых, некоторые авторы (Гревисс, Таривердиева, Илия и др.) относят ДПП к предложениям косвенного вопроса, например: *Je te demande comment tu vas. Je te demande si tu viens. Dis-moi où tu vas.* В пользу данного решения говорит как общность семантики опорного, управляющего глагола, так и функции придаточной части. Ведь по своей сути, ДПП – это отражение внутреннего мира говорящего, его косвенная речь. И не важно, реализуется ли она в виде вопроса или утверждения.

В-третьих, предложения с *ce* – *Fais ce que tu veux. Je ne sais pas ce qui te gêne.* – рассматриваются некоторыми лингвистами (Hélène Huot) как сочетание обобщенного объекта (*ce*) с относительным (*que*). Откуда попытки рассматривать данные предложения как «относительные придаточные». Считается, что в данном случае придаточные прикрепляются к главному предложению не при помощи союза *что*, а при помощи союзного слова *что* (когда возможна замена союзным словом *который*).

В-четвертых, придаточное может выполнять роль подлежащего или предиката в главном предложении. Семантически такие предложения могут быть сходны с обычными дополнительными: *Il est vrai que je ne m'y attendais pas.* (= *La vérité est que je ne m'y attendais pas*). Однако глагольный комплекс, субстантивированный благодаря союзу *que*, выполняет здесь иную синтаксическую функцию – функцию подлежащего или сказуемого. Например: *Que vous protestiez ne changera rien. То, что вы протестуете, ничего не изменит. La vérité est que je ne m'y attendais pas. Правда – в том, что я этого не ожидал.* И поэтому такие предложения нередко называют не дополнительными, а соответственно подлежащими и сказуемыми, что вполне логично. В случае обособления природа предложения определяется формой местоименной репризы: *Qu'il soit ému, c'est bien compréhensible (подлежащее) То, что он волнуется – это все понятно. Qu'il soit ému, je le comprends bien (дополнительное) То, что он волнуется, я это прекрасно понимаю.*

И, наконец, наименее специфическим видом изъяснительных отношений являются отношения, характеризующие субъект не со стороны его речевой, интеллектуальной, познавательной или оценочной деятельности, а со стороны его психических реакций на то или иное событие. Отношения этого рода оформляются временными, условными и условно-временными союзами *когда, пока, как, если, если бы*, и др.

Таким образом, ДПП – это придаточное предложение, отвечающее на любой падежный вопрос и относящееся к члену главного предложения, нуждающемуся в смысловом распространении: поскольку без придаточного предложения главное было бы структурно и семантически не законченным.

При этом придаточные изъяснительные, отвечающие на вопросы косвенных падежей, выступают в качестве описательной замены отсутствующего в главном предложении дополнения. Придаточные изъяснительные, отвечающие на вопрос именительного падежа, выступают в качестве описательной замены отсутствующего в главном предложении подлежащего или сказуемого.

На этом основании некоторые грамматисты (как отечественные, так и зарубежные, в их числе Гвоздев, Шведова, Богородицкий, Сандфилд, Гревисс и многие другие) выделяют придаточные дополнительные, придаточные подлежащные, придаточные сказуемостные и даже придаточные обстоятельственные предложения, указывая, что наряду с общими чертами соответствующих разновидностей изъяснительных придаточных предложений (а именно: структурно-семантическая неполнота главного предложения и необходимость изъяснительного распространения того или иного члена) между ними имеется и существенное различие – это сама структура главного предложения. В одном случае главное предложение или имеет в своем составе подлежащее и нуждается в распространении управляемым членом – дополнением (*Я хочу, чтобы он пришел*), или, будучи безличным, не допускает в своем составе подлежащего и тоже нуждается в распространении управляемым членом – дополнением (*Мне хочется, чтобы он пришел*). В другом случае – главное предложение не допускает при себе управляемого члена и нуждается в распространении именно подлежащим или сказуемым (*Желательно, чтобы он пришел*).

Таким образом, термин «дополнительное/ изъяснительное придаточное предложение» может пониматься узко и широко. При более узком понимании он относится только к предложениям, соответствующим по функции прямому дополнению. При широком употреблении он охватывает все случаи, когда придаточное предложение выступает в одной из функций, обычно выполняемой существительным: функции подлежащего, прямого или косвенного дополнения, обстоятельства и наконец, функции предиката (вторичная синтаксическая функция имени существительного).

Именно то обстоятельство, что придаточное дополнительное предложение выступает в одной из функций существительного, сыграло немало важную роль во французском языке, где выбор формы выражения придаточных дополнительных был сделан, главным образом, в пользу «свернутой предикации» через инфинитив, исторически восходящий к отглагольным существительным, застывшим в косвенном падеже, и выступающий в качестве объекта динамической направленности субъекта.

Поскольку языковая форма в основе своей является не автономной, а мотивированной теми функциями, которые присущи языку как средству коммуникации [1], выбор формы выражения придаточных дополнительных может служить выявлению как специфических, так и общих черт синтаксического устройства различных языков мира, выступая в качестве основы сопоставления в типологических исследованиях.

Библиографический список:

1. Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания / А.Е. Кибрик. – М: Изд. МГУ, 1992. – 336 с.
2. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980.

[К содержанию](#)

УДК 811.111 + 821.161.2

ББК Ш143.21 + Ш141.2

АНГЛИЦИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В.П. Веселова

В данной статье рассматриваются вопросы заимствований из английского языка в современный русский язык, а также то, что современные студенты вкладывают в образ родного языка. Многочисленные использования таких заимствований, с одной стороны, делают язык интеррусским, помогают студенту в преодолении языкового барьера, а с другой стороны, в погоне за всем иностранным, в стремлении копировать западные образцы самобытность языка всё больше теряется.

Ключевые слова: заимствования, англицизмы, билингвизм, сленг, словопроизводство.

Наиболее важными и характерными чертами любого языка и его словарного состава считаются подвижность, изменчивость, стремление к развитию и совершенствованию за счет различных средств и ресурсов. Одним из путей обогащения словарного состава является заимствование слов иноязычного происхождения. «Заимствования – слова, заимствованные из других языков. Заимствование является естественным установлением экономических, политических, культурных связей с другими народами, когда вместе с реалиями и понятиями приходят обозначающие их слова» [2]. Английский занимает лидирующее положение в мире. С каждым днем в русском словаре появляются английские заимствования. Интернет, международные контакты, мировой рынок, технологии, культурные события – все это влияет на изменение русского языка. Лингвисты называют слова, пришедшие из английского языка, англицизмами. Студенты порой и не догадываются, что используют их каждый день в речи. На протяжении XVI–XX вв. общее количество заимствований из английского языка в русский непрерывно возрастает: в XVI–XVII вв. – 52 слова; в XVIII в. – 287 слов;

в XIX в. – 714 слов; в XX в. (до 80-х гг.) – 1314 слов, количество заимствований в русском языке в XXI в. уже превышает 10 %!

В России ситуация такова, что можно уже говорить об англо-русском билингвизме. В научной, публицистической литературе, в выступлениях современный русский язык называют интеррусским языком, германо-романо-русским или англо-русским сленгом, а то и кратко – рус-англ. Эта проблема и её последствия волнуют многих лингвистов, филологов.

Таким образом, молодое поколение не может не использовать английские слова в своей речи, поскольку некоторые из этих слов уже давно проникли в русский язык. С одной стороны появление новых слов расширяет словарный запас носителей русского языка, а с другой утрачивается его самобытность и неповторимая красота.

Заимствования из английского языка охватывают все сферы жизни современной молодежи.

Каковы же причины этого огромного потока англицизмов в русской речи?

Появление большого количества иноязычных слов английского происхождения, их быстрое закрепление в русском языке объясняется стремительными переменами в общественной и научной жизни. Можно выделить следующие причины заимствования англицизмов в современном русском языке:

- усиление информационных потоков;
- появление всемирной компьютерной системы Интернета;
- расширение межгосударственных и международных отношений;
- развитие мирового рынка, экономики, информационных технологий;
- участие в олимпиадах, международных фестивалях, показах мод;
- расширение кругозора и объема знаний россиян;
- активизация деловых, торговых, культурных связей;
- расцвет зарубежного туризма;
- длительная работа наших специалистов в учреждениях других стран;
- функционирование на территории России совместных русско-иностранных предприятий.

Включая радио или телевизор мы слышим, например: Саммит двух стран о заключении перемирия; Для подключения сети Интернет вам необходимо обратиться к провайдеру или Спешу на брифинг. В сфере политики мы уже привыкли к новым понятиям – парламент, инаугурация, консенсус, саммит, спикер. Иноязычные термины стали господствующими в самых передовых отраслях науки и техники – компьютер, дисплей, плеер, а также в финансово - коммерческой деятельности – бартер, инвестиция, конверсия, спонсор, холдинг. В культурную сферу вторгаются бестселлеры, вестерны, триллеры, хиты, блокбастеры, и.т.п. Живо меняется бытовая речь с их нерусскими названиями – сникерс, твикс, гамбургер, спрайт, бомбастер, скитлз, тостер, миксер, ламинирование.

Можно выделить следующие способы заимствований [1]:

I. Калькирование

Калькирование можно рассматривать и как способ заимствования, и как способ словопроизводства. Различают разные способы калькирования: лексические, словообразовательные, фразеологические, семантические и другие. Лексические кальки возникают в результате буквенного перевода на русский язык иноязычного слова по частям. Например, английское *sky – scraper* в русском языке имеет кальку небоскреб.

Отдельно можно выделить семантические кальки – это искомые слова, которые, кроме присущих им в русской лексической системе значений, получают новые значения под влиянием другого языка. Например, русское слово «картина», обозначающее – произведение живописи, зрелище, под влиянием английского языка стало употребляется также в значении «кинофильм». Это калька английского многозначного слова «*picture*», имеющего в языке – источнике значения: картина, рисунок, портрет, кинофильм, съёмочный кадр. Или к примеру: крестный отец (хозяин мафиозной группировки); от английского *godfather*. Это относительная семантическая калька. Усечённая семантическая калька – мыло (мыльная опера; от английского *soapopera* – перевод первой части этого сочетания слов – *soap*).

Сейчас в русском языке можно наблюдать образование новых слов по новому способу, как в английском языке: *shoppingcentre*, *post-card* – почтовая карточка (открытка), *post-box* – почтовый ящик, *skateboard* – роликовая доска. Идёт сложение, но сложение не двух равнозначных понятий, как например: диван-кровать, школа-интернат, музей-квартира, вагон-ресторан, а сложение двух корней, в котором один – основной, а второй называет качество. Получается, что их можно заменить словосочетанием: экспресс кафе (быстрое кафе), бизнес леди (деловая женщина), экспресс такси, бильярд-клуб, данс-клуб, яхт-клуб, реалити-шоу.

II. Морфемные приметы

1. Наиболее многочисленная группа – это существительные на -ер, -ор: докер, провайдер, свитер, траулер, спринтер, спонсор, аудитор, бартер, брокер, дилер, пейджер, крекер, курсор, ваучер, тендер, триллер, гамбургер, продюссер, менеджер, и другие.

2. Слова английского происхождения часто оканчиваются на -инг: блюминг, рейтинг, демпинг, маркетинг, брифинг, прессинг, кемпинг, мониторинг, холдинг, пирсинг, лизинг.

3. Существительные, оканчивающиеся на -мент, тоже довольно многочисленны: менеджмент, парламент, импичмент, истеблишмент.

4. Также одной из примет заимствованных слов из английского языка является наличие -мен в сложных словах: бизнесмен, спортсмен, полисмен, шоумен.

5. Не мало слов заимствований встречается и со словом шоу (от англ. show – зрелищное представление) которое входит в состав сложного слова, образуя таким образом два корня: шоу-бизнес, шоу мен, ток шоу, телешоу, мотошоу.

6. В отдельную группу можно выделить слова с английским корнем тайм: тайм аут, хавтайм, милтайм, таймер.

7. Достаточно много слов с корнем бол (от английского ball), который встречается в названиях различных видов спорта: баскетбол, волейбол, гандбол, бейсбол, футбол.

8. Нередко можно встретить слова, которые записываются не русскими буквами: baby, trade-union, trade-mark, happyend.

III. Кроме лексически освоенных заимствованных слов в современных художественных, газетных и других текстах (а также в разговорной речи) встречаются слова, имеющие в своём значении нечто не русское, не свойственное русской жизни. Это экзотические слова (экзотизмы).

Они употребляются для придания речи местного колорита при описании чужеземных обычаев и нравов. Например: сэръ, мистер, лорд, лейборист, ланч и другие. Экзотические слова называют денежные единицы (фунт, пенс, стерлинг), кушанья, напитки (ром, виски, пудинг), танцы (хип-хоп, брейк-данс), профессии (полисмен), национальные праздники, обычаи (Хеллуин). Экзотические слова употребляется часто в художественной литературе [4].

Они, как правило, не могут быть заменены соответствующими русскими синонимами, поэтому присутствие их в соответствующих текстах почти неизбежно. Например: «...я взял карточку и прочёл имя, род занятий и адрес моего посетителя: «Мистер Виктор Хэдерли, инженер-гидравлик. Виктория-стрит, 16 (4 этаж)».

Неоднородность английских заимствований обуславливается также и различными источниками и причинами заимствования. Поэтому англицизмы можно сгруппировать по предметным значениям или по понятийно-тематическим группам:

I. Группа лексики общественно – политического содержания:

- 1) чартер – аренда транспортного средства – charter,
- 2) тинейджер – подросток – teenager;
- 3) киднеппинг – воровство детей – kidnapping;
- 4) харизма – божий дар, искра божья, обаяние, умение вести за собой, гениальность;

5) импичмент – «отзыв» высшего должностного лица (президента), принудительная отставка;

6) триколор (трехцветье) – принадлежащее общему жаргону наименование трехцветного бело-сине-красного российского Государственного Флага;

7) инаугурация – официальное (часто – торжественное) вступление в должность главы государства;

8) экстрадировать, экстрадиция (от ex – из, вне, и traditio – передача) – выдача иностранному государству лица, нарушавшего законы этого государства;

9) Грин-кард – вид на жительство в США. Слово заимствовано в связи с очень высоким уровнем жизни в США, уже упомянутой американской культурной экспансией и актуальной в связи с этим для многих российских граждан проблемой эмиграции в США;

10) прайвэси – право личности на уединение и неприкосновенность.

II. Группа спортивной лексики:

1) автоспорт – autosport;

2) бадминтон – badminton;

3) баскетбол – basketball (basket+ball) дословно: корзиночный мяч;

4) бейсбол – baseball (base+ball);

5) бейсджампинг – basejumping – прыжки с устойчивого основания;

6) бокс – boxing;

7) виндсерфинг – windsurfing.

III. Группа лексики из области искусства и моды:

1) имиджмейкер – человек, занимающийся созданием образов – imagemaker;

2) лифтинг – подтягивание кожи – lift;

3) пилинг – очищение кожи лица – peel;

4) кастинг – подбор актёров из народа – casting

5) мейкап – результат применения косметики на лице – makeup;

6) хенд-мейд – ручная работа – hand-made;

7) топлес – без верхней одежды – topless;

8) артдизайн;

9) перформанс – выступление – performance.

IV. Группа молодежной лексики:

1) пипл – люди своего окружения – people;

2) лузер – неудачник – loser;

3) кампус – месторасположение университета и проживание студента – campus;

4) гёрлфренд – подруга – girlfriend;

5) экшен (action-боевик, действие) – событие, действие;

6) нонсенс (nonsense – чепуха) – чепуха, ерунда;

7) бай (bye – пока) – пока, до свидания;

8) бейбочка (baby – ребенок) – малышка;

9) аскать (ask – просить) – просить, спрашивать;

10) кульно (cool – классный) – классно;

11) бездник (birthday) – день рождения;

12) безменка (man – мужчина) – девушка, не имеющая друга;

13) герлушка (girl – девочка) – девушка;

14) дринькать (drink – пить) – пить;

- 15) запикапить (pickup – подбирать) – познакомиться с девушкой;
- 16) пикапер – тот, кто знакомится с девушкой;
- 17) игнор (ignore – игнорировать) – игнорировать;
- 18) приватный (private – частный) – личный;
- 19) фейс (face – лицо) – лицо;
- 20) мыло (e-mail – почта) – почта;
- 21) татушка (tattoo – татуировка);
- 22) бест (best – лучший) – лучший;
- 23) юзер (use – пользоваться) – пользователь компьютера;
- 24) суперский (super – высшего качества) – супер;
- 25) окейно (OK – отлично) – все хорошо;
- 26) вау (Wow – возглас удивления, одобрения).

V. Группа профессиональной лексики, лексики рекламы и торговли:

- 1) аутсорсинг – outsourcing – передача части неосновных операций сторонней организации, специализирующейся в этой сфере;
- 2) бестселлер – bestseller – хорошо продающаяся книга;
- 3) бизнес – business – занятие, дело;
- 4) бизнесмен – businessman – предприниматель;
- 5) биллинг – billing – от bill – счет, билет, система введения счета;
- 6) вошингер – человек, занимающийся мытьем чего;
- 7) дефолт – default – невыполнение обязательств, несоблюдение правил;
- 8) дилер – dealer – человек, заключающий сделки;
- 9) дистрибьютор – distributor – агент, перепродающий («распределяющий») товар через собственную сеть покупателей;
- 10) инсайдер – insider (inside=внутри) – человек, имеющий доступ к конфиденциальной информации;
- 11) лизинг – leasing (lease=аренда, сдача в наем);
- 12) копирайтер – copywriter – рекламный специалист, создающий идеи, концепции и тексты для всех видов рекламы;
- 13) маркетинг – marketing (market=рынок);
- 14) менеджер – manager – руководить;
- 15) менеджмент – management;
- 16) мерчендайзер – merchandiser;
- 17) нейминг – разработка названий для товаров, услуг и организаций;
- 18) пиар – PR (сокр. Public relation) – связи с общественностью;
- 19) прайслист – pricelist – список цен;

VI. Компьютерный сленг

- 1) апгрейт – upgrade – обновление аппаратной части компьютерных систем;
- 2) апплет – applet – маленькое приложение, исполняемое на клиенте как часть большого;
- 3) ассемблер – assembler-сборщик, язык программирования низкого уровня;

4) баг – bug – ошибка в софтвере [какой-либо программе], дословно – жук, жучок;

5) байт – byte – единица измерения информационной ёмкости;

6) баннер – banner – флаг;

7) бит – bit – двоичная цифра.

VII. Медицина

1) импланты, импы – класс изделий медицинского назначения, используемых для вживления в организм либо в роли протезов (заменителей отсутствующих органов человека), либо в качестве идентификатора (чип с информацией, вживляемый под кожу), генераторы импульсов, вживленные в организм человека и стимулирующие работу внутренних органов или тканей организма – implant;

2) кардиостимулятор – это искусственный водитель ритма, предназначенный для поддержания ритма сердца – cardiostimulator;

3) фитотерапия – траволечение – метод лечения различных заболеваний человека, основанный на использовании лекарственных растений и комплексных препаратов из них – fitoterapia;

4) эвтаназия – практика прекращения жизни человека или животного, неизлечимо больного – euthanasia, mercykilling;

5) суицид – целенаправленное лишение себя жизни, как правило, добровольное – suicide;

6) хоспис – приют, богадельня – hospice.

Таким образом, потенциальный словарь русского языка на современном этапе его развития расширяется из-за интенсивного процесса заимствования лексики из английского языка [2]. Далеко не все из представленных заимствований войдут в наш активный словарь и можно посомневаться в целесообразности усвоения многих заимствований в русском языке. Следовательно, необходимы знания в данной области, чтобы правильно понимать и использовать приходящую лексику. Значит, можно сказать, что роль английского языка на современном этапе развития нашего общества велика, и для того, чтобы понимать свой родной (русский) язык, необходимы знания в области английского языка. Рассмотрев ситуацию русского языка сегодня, мы можем сделать вывод, что с одной стороны, многочисленные англицизмы и американизмы, проникающие в нашу речь – это явление закономерное, отражающее активизировавшиеся в последнее десятилетие экономические, политические, культурные, общественные связи и взаимоотношения России с другими странами.

Но с другой стороны, в погоне за всем иностранным, в стремлении копировать западные образцы мы всё больше теряем свою самобытность, в том числе и в языке. А ведь язык отражает образ жизни и образ мыслей. Язык – это явление живое, изменяющееся. Процессы, происходящие в нем, закономерны, и хотелось бы, там, где можно обойтись средствами русского языка, не прибегать к иноязычным элементам. А беречь русский язык, родную культуру.

Библиографический список

1. Брейтер, М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов / М.А. Брейтер. – Владивосток: Диалог, 1997. – С. 132–135.
2. Винокур, Г.О. Заметки по русскому словообразованию / Г.О. Винокур. – М., 1996. – С. 419–442.
3. Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современной жизни / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996. – С. 90.
4. Бурова, Э.А. Лексические галлицизмы в современном русском языке / Э.А. Бурова. – Ростов н/Д.: Изд-во ГЭУ, 2004.

[К содержанию](#)

УДК 659.44 + 070

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РЕКЛАМЫ В ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ

А.С. Волков

Сопоставительный анализ вербального компонента гендерной направленности в рекламных текстах глянцевого журналов показывает, что в мужской речи нередко прослеживается явный эгоцентризм, целевая установка мужской речи заключается в преодолении, борьбе с соперниками и утверждении своего исключительного статуса. В отличие от мужчин, женщины ориентированы на общепринятые нормы социального и речевого поведения. Для женской аудитории рекламная коммуникация ориентирована в основном на собеседника и на диалог с ним, т.к. женщины больше настроены на сотрудничество и солидарность.

Ключевые слова: реклама; гендер; глянцевые журналы; коммуникативное воздействие; прагматическая реакция.

В настоящее время рекламные тексты становятся предметом исследования различных наук, что связано с активным развитием рекламного рынка. Сегодня реклама, все в большей степени определяет наш образ и стиль жизни, поэтому журнал «Spiegel» назвал ее «пятой властью» вслед за властью СМИ. «Реклама способна не только создавать новые потребности в товарах, но и оказывать влияние на мировоззрение, эстетические вкусы, социальные ценности, стиль жизни». В связи с процессами глобализации, все большее значение приобретает перевод рекламных текстов и эффективное использование межкультурной рекламы. Являясь одним из функциональных инструментов экономического процесса, рекламный текст об-

ладает огромной силой психологического воздействия на общество [1]. Ввиду растущего межкультурного взаимодействия и расширения международных контактов, возникает большая необходимость именно в лингвистических исследованиях рекламных сообщений.

Эффективными рекламоносителями выступают сегодня гляцевые издания, так как они отличаются практичностью, длительностью хранения, и у каждого издания есть своя целевая аудитория. На восприятие журнала и на формирование его имиджа в большей степени влияет размещенная в нем реклама, чем содержание статей. Следует отметить, что читателям как «женских», так и «мужских» гляцевых журналов в высокой степени присуще то, что называется *aspiration* (англ. «стремление»). Под этим понятием подразумевается желание стать причастным к успеху, богатству и популярности. Как отмечает П.Б. Паршин, «рекламные тексты всячески обещают потребителю повышение его социального статуса, приобщение, пусть призрачное, к миру избранных, знаменитых» [2].

В современной англоязычной традиции для обозначения этого типа изданий используется понятие *lifestyle magazines*, то есть «журналы об образе жизни». Их аудитория ценит свободу, комфорт и надёжность, с одной стороны, и готова следовать стереотипам, навязанным средствами массовой информации – с другой. В рекламе журнала «Cosmopolitan» в трех словах «карьера», «красота» и «поклонники» определена концепция всех гляцевых журналов.

Сегодня, рекламные тексты, привлекают пристальное внимание лингвистики, потому что это позволяет найти новые языковые средства и коммуникативные формы, способствующие наиболее эффективному достижению целей, преследуемых рекламодателем [3].

Задачу рекламного текста нередко представляют в виде формулы «AIDA» (*Attention* – текст должен привлечь внимание, *Interest* – текст должен заинтересовать и побудить к дальнейшему чтению, *Desire* – текст должен содержать мотивацию покупки, *Action* – текст должен побудить к действию, предлагая план действия и необходимую информацию).

Цель рекламы – привлечь внимание потенциального покупателя, поразить его воображение и убедить в необходимости приобретения данного товара. Для этого необходимы необычные языковые средства, которые способны не только произвести на адресата сильное впечатление, но и побудить его сделать выбор в пользу рекламируемого товара [4].

В России большинство рекламодателей – зарубежные компании. И у многих стоит проблема перевода длинной исходной фразы и ее адаптация в русском языке. Причина здесь, очевидно, в типологических различиях русского и английского языков. В России большинство рекламодателей – зарубежные компании. И у многих стоит проблема перевода длинной исходной фразы и ее адаптация в русском языке. Причина здесь, очевидно, в ти-

пологических различиях русского и английского языков. Как известно английский – язык аналитический. Русский – синтетический. Это означает, что смысл фразы, который в английском выражается через изменения формальных характеристик слов, в русском передается через сочетание смыслов нескольких слов [1]. При переводе англоязычных рекламных текстов, в некоторых случаях русские переводчики не переводят текст, а дают его «семантический эквивалент». Например:

Maybe she's born with it, Maybe it's Maybelline

Все в восторге от тебя, А ты – от «Мэйбеллин».

Текст рекламной кампании виски «Джони Уокер» – *taste life* на английском в дословном переводе звучал, как – «попробуй жизнь на вкус», на русский язык он был переведен как – «Живи, чтобы было что вспомнить». Это характерный пример прагматической адаптации текста.

Предмет рекламы также оказывает заметное влияние на стиль рекламного текста. Рекламный текст пытается передать свойства рекламируемого продукта, как с помощью образов, так и при помощи языка, например, стиль рекламы дорогих духов, как правило, изыскан и выразителен:

'M' is for moments you'll never forget?

For days marvelous with flowers and laughter.

For nights magical with means and old promises.

'M' Fragrances by Henry C. Miner.

It's Magic.

Стиль рекламы автомобилей стремится воссоздать впечатление скорости и эффективности:

Its sleek, sporty styling shows a careful attention to aerodynamics. Low-slanting hood. Sharp high-tipped rear end. Air-clam front spoiler. And a wedge shape that slices air cleanly – all of which adds up to better fuel economy.

Вербальная часть рекламного текста так называемый слоган (tagline) несет большую функциональную нагрузку [2]. Как правило, в заключительном слогане звучит название рекламируемой торговой марки или продукта в сочетании с запоминающимся выражением:

Have a break... Have a Kit Kat. – Есть перерыв... Есть Kit Kat.

Основу эффективности рекламной коммуникации обеспечивает четкое представление об адресате, поэтому, гендерная принадлежность в рекламном сообщении приобретает особую актуальность. Гендер трактуется в рекламе достаточно широко: во-первых, это категория, призванная подчеркнуть социальный характер отношений между полами; во-вторых, это весь поведенческий комплекс, присущий мужчинами женщинам [3].

В самой природе заложены различия в поведении мужчин и женщин, что выражается в их поступках: например, мужчина к выбору покупки относится рационально, пытаясь при этом сократить время на раздумывание, принимая во внимание в первую очередь, функциональные качества това-

ра. Если «плюсов» меньше, чем «минусов», он не покупает вещь. Тогда как женщину интересуют совсем другие детали: прежде всего эстетическое оформление и удобство. Поэтому в рекламе широко используется гендерный фактор, который ориентируется конкретно на потребителя мужчину или потребителя женщину. «Оказывая значительное влияние на формирование наших потребностей, она, с одной стороны, отражает гендерные особенности мышления и речи, с другой – является одним из мощных путей формирования гендерных стереотипов» [4].

Относительно вербального рекламного текста в глянцевах журналах, выделяют «женские» и «мужские» стили в рекламе. Мужской стиль характеризуется отсутствием пафоса, реклама больше похожа на откровенный разговор между двумя мужчинами, она скорее обещает удовольствие, чем реальную выгоду. Тогда как женская реклама разнообразнее в стилистическом отношении. Сюда относится «капризный» стиль, характеризующийся употреблением неологизмов и игрой слов, а также «стиль шик», сюда относят гляцевую рекламу, связанную с миром моды и индустрией красоты [1]. Для женской рекламы характерно, частое использование имен прилагательных олицетворений, эпитетов, утвердительных и восклицательных предложений, чтобы создать впечатление, что женщина ведет диалог с женщиной, и спровоцировать желание совершить покупку. Именно это характерно для женского стиля гляцевых журналов.

В последнее время, в результате гендерных лингвистических исследований было установлено, что речевое поведение мужчин и женщин различается по выбору лексических единиц, по предпочтениям тех или иных частей речи, по использованию тех или иных синтаксических структур и стилистических приемов [2].

Например, восклицательные предложения в рекламе, ориентированной на мужскую аудиторию, составили по 3 % для русского и английского языков, а в рекламе для женщин – 36 % в англоязычной и 37 % в русскоязычной. Такое соотношение дает нам основание полагать, что восклицательные предложения играют роль своеобразных сигналов, призывов к действию. Употребление восклицаний в текстах для женщин связано с их повышенной эмоциональностью:

«DIOR Divine body!» (DIOR Божественное тело!) (Реклама антицеллюлитного средства);

«Look great! Feel good!» (Выгляди превосходно! Чувствуй себя прекрасно!) (Реклама препарата для наращивания мускулов).

На лексико-семантическом уровне рекламный текст гляцевого журнала характеризуется экспрессивностью, эмоциональной окрашенностью, оценочностью. Термины входят в общую лексическую систему языка и характеризуют рекламные тексты в связи с рекламацией инновационной технической продукции (автомобилей, снегоходов, скутеров, современного

спортивного инвентаря, нетбуков и ноутбуков, телевизоров, навигаторов, айфонов, сотовых телефонов и т.д.) [3]. В этой связи термины характеризуют в основном рекламные тексты для мужчин (25 %). В качестве примера приведем ряд терминов, встретившихся в мужских глянцевах журналах, рекламирующих автомобили: *climate control* (автоматическая система кондиционирования воздух – климат контроль), *horsepower* (мощность в лошадиных силах), *electronic stability Control* (электронный стабилизатор контроля), *anti-lock brakes* (антиблокировочная тормозная система), *suspension* (подвеска).

В глянцевах журналах для женщин терминология, связанная с автомобилями и инновационными технологиями, упрощена и в целом составляет 3 %. Это объясняется тем, что женщины в основном не интересуются технической стороной вопроса, их больше привлекает комфорт, а также модные тенденции. Так, в принятии решения о покупке автомобиля женщины руководствуются исключительно удобствами: наличием автоматической замены CD-дисков (*in-dash CD-changer*) чтобы не отвлекаться, панорамной крыши (*panoramic roof*) для красоты, мультируля для удобства управления [4].

Особого внимания заслуживают цветонаименования в рекламе для женщин. В рекламе, ориентированной на мужскую аудиторию, наименований цвета не наблюдается. Цвет в женской рекламе играет роль для описания не только одежды и декоративной косметики, но и автомобилей: (не скучный розовый, дынный, пурпурный, холодный блонд, медное шампанское, ледяной кофе, насыщенный вишневый, шокирующее-черный, ванильное мороженое, райская птица, гибискус, цвет сирени, темно-розовый, спелый виноград, цвет настурции, обжигающий оранжевый, цвет морской волны) [1].

К стилистическим средствам выразительности, используемых в рекламных текстах относят эпитеты, метафору, сравнение, олицетворение, антитезу, повторение, параллельные конструкции. Эпитеты определяют предмет рекламы, подчеркивают его специфику и уникальные качества. Самые часто употребительные эпитеты в глянцевах журнальных рекламных текстах: *dazzling* (ослепительный), *outstanding* (выдающийся), *spacious* (вместительный), *superior* (превосходящий), *kindly* (приятный), *posh* (шикарный), *funky* (чувственный) [2]. Употребление эпитетов более характерно для женской рекламы, это связано с тем, что женщины придают больше значения эстетическим свойствам предмета.

Сопоставительный анализ вербального компонента гендерной направленности в рекламных текстах глянцевах журналов показал, что в мужской речи нередко прослеживается явный эгоцентризм, целевая установка мужской речи заключается в преодолении, борьбе с соперниками и утверждении своего исключительного статуса. В отличие от мужчин, женщины ориентированы на общепринятые нормы социального и речевого поведе-

ния. Для женской аудитории рекламная коммуникация ориентирована в основном на собеседника и на диалог с ним, т.к. женщины больше настроены на сотрудничество и солидарность.

Таким образом, проведя сопоставительный анализ английских и русских рекламных текстов, можно сделать вывод, что национально-культурные различия аудиторий и особенности их восприятия рекламируемой продукции обуславливают использование различных способов адаптации рекламы на ту или иную категорию людей. Специфические особенности языка рекламы требуют определенной стратегии перевода, учитывающей прагматическое значение рекламы, оригинальную рекламную концепцию и возможности ее реализации в иной национально-культурной целевой аудитории.

Гендерный аспект является сложной переводческой проблемой, которую необходимо учитывать при создании эквивалентного перевода, в частности, при работе с рекламными текстами. Внимание к вопросам языка вообще и рекламного языка в частности поможет повысить коммуникативную ценность рекламы. Именно динамичность, необходимость постоянного совершенствования языка рекламы делает необходимым углубленно продолжать исследования этой части речевой деятельности.

Библиографический список

1. Ажгихина, Н. Гендерные стереотипы в современных масс-медиа / Н. Ажгихина // Гендерные исследования: Харьковский центр гендерных исследований. – 2000. – № 5 (2). – С. 261–273.
2. Полубиченко, Л.В. «Мужской» и «женский» язык рекламы / Л.В. Полубиченко // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – № 2. – С. 48–58.
3. Томская, М.В. Гендерная характеристика социальной рекламы / М.В. Томская // Гендер: язык, культура, коммуникация. Тезисы докладов второй Международной конференции 22–23 ноября. – М.: МГЛУ, 2001. – С. 105.
4. Психолингвистические особенности рекламного текста: гендерные аспекты // Язык и культура. (Научный ежегодный журнал). – 2005. – Вып. 8. – Том II. Психология языка и культуры. Язык и средства массовой коммуникации. – С. 303–306.

[К содержанию](#)

УДК 378.016:811.111 + 004.738.5

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ САЙТА TED.COM В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

К.Н. Волченкова, Я.В. Семенова

В статье актуализируется проблема использования аутентичных видеоматериалов в развитии коммуникативных умений студентов университета. Приводятся причины их неэффективного использования, условия повышения эффективности, типы и виды заданий в зависимости от этапа работы над видеоматериалами. Сайт TED.com рассматривается в качестве богатого источника актуальной аутентичной видеоинформации. Методические разработки, приведенные в статье, могут использоваться на занятиях по английскому языку по теме «Образование».

Ключевые слова: аутентичные видеоматериалы, этапы работы над видео, TED.com, методическая разработка.

В последние десятилетия все больше преподавателей английского языка отдают предпочтение аутентичным учебным материалам, разработанным носителями языка по вполне понятным причинам: мультимедийность зарубежных учебников, комплексное развитие коммуникативных навыков, высокое качество печати, наличие УМК, тематически подобранных видеоматериалов и т.д. Кроме того, наличие огромного количества актуальных аутентичных видеоматериалов, предоставляемых сетью Интернет, обладает неисчерпаемым потенциалом в обучении английскому языку студентов неязыковых специальностей, 100 % процентов которых на сегодняшний день принадлежат к поколению «digital natives», и которые уже давно осознали тот факт, что преподаватель является не единственным источником информации.

К сожалению, аутентичные видеоматериалы в практике обучения иностранному языку задействованы фрагментарно, вне связи с основной программой учебного курса. Это объясняется, и отсутствием видеопособий к отечественным учебникам, и тематической рассогласованностью программных требований, и отсутствием методического обеспечения для работы с видеоматериалами, и неукomплектованностью вузов мультимедийными аудиториями с выходом в Интернет. Что, в свою очередь, приводит к тому, что видеоматериалы в обучении английскому языку используются недостаточно.

Аутентичные видеоматериалы являются эффективным средством развития коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза в процессе обучения английскому языку и обладают:

- общеобразовательной ценностью (наличие сведений о национально-культурной специфике речевого общения носителей языка, содержащих в своем составе фоновые знания);

- профессиональной ценностью (терминология, профессиональные жаргонизмы, поведение в ситуациях профессионального общения, отношение к материальным ценностям, труду);
- воспитательной ценностью (создание проблемных ситуаций, языковой и неязыковой наглядности, которая стимулирует иноязычное высказывание студентов и запоминание языкового и речевого материала);
- практической ценностью (применение языковых средств в соответствии с целями и средствами общения адекватно социальному статусу партнера по общению, что способствует овладению иностранным языком как средством межличностного общения);
- развивающим потенциалом (формирование механизма языковой догадки, развитие кругозора и культурной осведомленности, развитие мотивации к дальнейшему овладению коммуникативной компетенцией в сфере профессиональной коммуникации) [3].

Для достижения эффективного использования учебного видео на занятиях по иностранному языку необходимо соблюдать ряд условий:

- содержание видеоматериала должно соответствовать изучаемому учебному материалу изучаемой теме и уровню знаний студентов;
- видеоматериал должен быть информативен;
- видеотрейлер должен предоставлять студентам возможность развития языковой, коммуникативной, социокультурной компетенции;
- видеотекст должен сопровождаться четкой инструкцией преподавателя, направленной на решение конкретной учебной задачи, понятной студентам и оправданной всей логикой занятия;
- видеоматериал должен возбуждать интерес, любопытство студентов, стимулировать их желание понять происходящее на экране;
- при работе с видеоматериалами необходимо разработать задания для трех основных этапов работы с видео: преддемонстрационного этапа (pre-viewing), демонстрационного этапа (while viewing), последедемонстрационного этапа (post/after-viewing) [1, 2].

В сети Интернет появилось большое количество видеоматериалов, как специально разработанных для студентов изучающих английский язык как иностранный (EFL – English as a Foreign language), так и видеоматериалов, предназначенных для самообразования, которые выкладываются в Интернет энтузиастами или организациями (такими как TedTalk).

В данной статье мы хотели бы рассмотреть возможности интеграции в образовательный процесс аутентичных видеоматериалов, способствующих развитию иноязычных коммуникативных навыков, наряду с познавательным интересом студентов, их общей эрудиции с помощью материалов сайта TED.com.

Знакомство авторов с материалами сайта TED.com началось в 2007 году, в целях самообразования, когда материалы сайта стали доступны он-

лайн. TED Talk (*Technology Entertainment Design*; Технологии, развлечения, дизайн), частный некоммерческий фонд в США, известный ежегодными конференциями, проводящимися с 1984 года в Монтерее (Калифорния, США). Миссия конференции состоит в распространении уникальных идей («*ideas worth spreading*»), избранные лекции доступны на веб-сайте конференции [4].

Темы лекций разнообразны: наука, искусство, дизайн, политика, культура, бизнес, глобальные проблемы, технологии и развлечения. На сайте можно произвести отбор материалов по следующим критериям: тема выступления, длина выступления, научная область, информативность, «гениальность» идеи, популярность среди посетителей сайта и т.д.

Каждое выступление (лекция) на конференции TED называется TED Talk. Все выступления идут на английском языке, но они сопровождаются интерактивными субтитрами, переведенными на 40 языков 8000 волонтерами по всему миру. В 2014 году сайт TED.com был модифицирован. Были добавлены тематические подборки видео, типа «20 лучших выступлений в сфере образования».

Как можно использовать данные материалы для развития иноязычных коммуникативных навыков? В методической литературе приведено большое количество заданий, направленных на развитие коммуникативных навыков средствами видео [2]. Приведем несколько примеров таких заданий в зависимости от этапа работы над видеоматериалами, а затем представим методическую разработку, посвященную теме образования. Данная тема входит в учебный план по английскому языку студентов первого курса неязыковых специальностей. *Преддемонстрационный этап*

Цели этапа: мотивировать студентов, настроить их на выполнение задания, сделав активными участниками процесса обучения; снять возможные трудности восприятия текста и подготовить к успешному выполнению задания.

Задания, используемые на данном этапе

1. Задания на снятие языковых трудностей.

- прочитайте и переведите слова и словосочетания;
- составьте словосочетания из данных слов;
- дайте определение данному слову и т.д.

2. Задания на актуализацию лексики по теме видеофрагмента

- какие слова у вас ассоциируются с данной темой;

3. Задания на развитие языковой догадки, предвосхищения содержания

- как вы думаете, о чем данный видеофрагмент.

Преподаватель может кратко передать основной сюжет видеофрагмента, объяснив таким образом, что предстоит увидеть. Если сюжет представляет интерес для слушателей, то это вступление призвано заинтересовать слушателей, а значит, первая цель этапа может считаться достигнутой.

Демонстрационный этап

Цель этапа: формирование навыков аудирования, развитие механизмов аудирования, обеспечение дальнейшего развития социокультурной компетенции студентов с учетом их реальных возможностей иноязычного общения.

Задания, используемые на данном этапе:

1. Задания, направленные на поиск языковой информации

Данный тип упражнений и заданий ориентирован на поиск, вычленение, фиксирование, трансформацию определенного языкового материала: лексики, грамматики, фонетики.

- заполните пропуски в предложениях нужными словами и выражениями;

- запишите глаголы из приведенного ниже списка в той грамматической форме, в которой они были употреблены в тексте;

- из приведенного ниже списка синонимических выражений отметьте те, которые (не) употреблялись в тексте видео.

2. Задания, направленные на развитие рецептивных умений

- найдите правильные ответы на вопросы (вопросы предлагаются до просмотра);

- определите верные/ неверные утверждения;

- соотнесите разрозненные предложения со смысловыми частями видеотекста (заголовки каждой части предлагаются);

- выстройте части видеотекста в логической последовательности.

3. Задания, направленные на развитие навыков говорения

- упражнения, направленные на использование кнопки «ПАУЗА». В данном задании студентам предлагают высказать предположение о дальнейшем ходе развития событий, что неразрывно связано с развитием таких дискурсивных умений как определение и установление логико-смысловых связей текста и их развитие;

- упражнения, направленные на воспроизведение увиденного в форме рассказа, сообщения и т.д.

Последемонстрационный этап

Цель этапа: использовать исходный текст в качестве основы и опоры для развития языковых навыков и продуктивных умений в устной или письменной речи.

Этап включает следующие виды работы: вопросно-ответную работу; составление плана пересказа; пословный, сжатый, развернутый пересказ; комментарий к содержанию и языковому оформлению текста; расширение и продолжение текста студентами, составление рассказа по аналогии; подготовка монологических высказываний по теме текста; составление диалога по теме текста; ролевые игры, в основу которых положен сюжет или ситуации видеофильма.

Видео с сайта TED.com «How schools kill creativity» считается одним из самых популярных по вопросу развития системы образования. Автор – Сэр Кен Робинсон, спикер и международный советник по вопросам развития творческого мышления, систем образования и инноваций в государственных и общественных организациях США (ранее Великобритании). В видео поднимаются актуальные вопросы развития творческих способностей детей.

Методическая разработка к видео «How schools kill creativity» by Sir Ken Robinson [4].

Преддемонстрационный этап

Pre-viewing tasks

Task 1

What do you think the video is about? Why do you think so?

Task 2

Discuss in groups of three. Express your opinion to the following.

1. What is creativity?
2. What methods of developing creativity do you know?
3. What are the conditions that help creativity to flourish?
4. What should NOT teachers use not to kill creativity in children?

Демонстрационный этап

At-viewing tasks

Task 1

Vocabulary collection

Take a sheet of paper and write down

- 10 words you consider most interesting;
- 10 words you consider most difficult to understand;
- 10 words to summarize the main ideas.

Task 2

Find the answers to the questions

1. What are the three themes that are presented at the conference?
2. What are the three things we know about intelligence?

Task 3

Insert the words into the gaps

I believe our only hope for the future is to adopt a new conception of human ecology, one in which we start to reconstitute our conception of the _____ of human capacity. Our education system _____ our minds in the way that we strip-mine the earth: for a particular commodity. And for the future, it won't serve us. We have to rethink the _____ principles on which we're educating our children. There was a wonderful quote by Jonas Salk, who said, "If all the _____ were to disappear from the earth, within 50 years all life on Earth would end. If all human beings disappeared from the earth, within 50 years all forms of life would flourish." And he's right.

What TED celebrates is the gift of the human _____ . We have to be careful now that we use this gift wisely and that we avert some of the _____ that we've talked about. And the only way we'll do it is by seeing our creative capacities for the richness they are and seeing our children for the hope that they are. And our task is to educate their whole being, so they can face this future. By the way – we may not see this future, but they will. And our job is to help them make something of it. Thank you very much.

Постдемонстрационный этап

Post-viewing activities

Task 1 In groups discuss and give answers to the following key questions

1. **Who** presented the video?
2. **What** is the main topic?
3. **What** important things he said about developing creativity in children?
4. **When** was the talk given?
5. **Why** is the topic urgent?

Task 2 Reproduce the jokes told by the speaker

1. A story about little girl drawing God.
2. A story about Ken's 4 year old son.
3. A joke about little Shakespeare.
4. A joke about university professors at a disco.
5. A joke about multitasking that women possess.

Task 3 Express your agreement or disagreement with the following:

1. Creativity is important in education as literacy.
2. If you are not prepared to be wrong you will never come up with anything original.
3. Now we run the national system where mistakes are the worst that you can make.
4. Every national system of education has the same hierarchy: Maths and languages, humanities, arts.
5. The only purpose of education is to produce university professors, but it's just one form of life.
6. Degrees are not worth anything nowadays.
7. If a man speaks his mind in the forest and no woman hears him. Is he still wrong?

Task 4 Critique Presentation Style

Think about the presenter's style of delivery and write its pluses and minus-es.

Task 5 Project work

In groups of four devise a plan of developing student creativity at university. Think of the activities and techniques that may be used. Present your project to the groupmates.

Выше представлен один из вариантов работы с материалами сайта TED.com, где наглядно показано, что их можно использовать, как для формирования навыков аудирования, так и говорения, что является одним из преимуществ использования видеозаписей. При этом одним из основных условий успешного использования видеоматериалов в образовательном процессе является качество видеозаписей и грамотно разработанный к ним методический материал.

Библиографический список

1. Климова, Г.С. Работа с видеоматериалами в ходе изучения иностранного языка студентами гуманитарных специальностей / Г.С. Климова, Е.А. Светова // Наука и школа. – МГПУ, 2012. – № 4. – С. 99–103.
2. Некрасова, А.Н., Классификация мультимедийных образовательных средств и их возможностей / А.Н. Некрасова, Н.М. Семчук // Ярославский педагогический вестник, 2012. – № 2. – Том II (Психолого-педагогические науки). – С. 98–102.
3. Сергеева, Н.Н. Аутентичные видеоматериалы как средство развития социокультурной компетенции студентов экономических специальностей / Н.Н. Сергеева, А.Е. Чикунова // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 1. – С. 147–157.
4. URL: http://www.ted.com/talks/ken_robinson_says_schools_kill_creativity.

[К содержанию](#)

УДК 81'23

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

Д.Г. Выговская

Статья посвящена изучению ассоциативного эксперимента: видов, особенностей и способов применения в психолингвистических исследованиях. На примере свободного ассоциативного эксперимента рассмотрен подход к интерпретации полученных результатов, включающий использование нескольких классификаций и уровней описания.

Ключевые слова: языковое сознание; ассоциативный эксперимент; ассоциативное поле; уровни описания.

Психолингвистические эксперименты в наибольшей степени приближены к реальному мышлению и позволяют судить о конвенционально обусловленных и о специфических связях языковой единицы в индивидуаль-

ном сознании. Психолингвистический эксперимент помогает обнаружить специфику процессов категоризации и идентификации через типичные примеры и признаки в языке носителей разных культур.

В настоящее время под ассоциацией понимают «связь, образующуюся при определенных условиях между двумя и более психическими образованиями (ощущениями, двигательными актами, восприятиями, идеями и т.п.); действие этой связи – актуализация ассоциации – состоит в том, что появление одного члена ассоциации регулярно приводит к появлению другого (других)» [3]. Так, любой образ объекта действительности и любое понятие, зафиксированные в сознании, имеют свой ассоциативный аналог. «Образование ассоциации – это, по существу, процесс, в котором одно явление приобретает значение сигнала другого явления» [11].

Актуальным на сегодняшний день является изучение образов языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента, который основан на методе свободных ассоциаций, одном из первых проективных методов психологии. По словам Н.В. Уфимцевой, ассоциативный эксперимент является одним из способов овнешнения языкового сознания, а ассоциативные поля, формируемые из реакций носителей языка, дают возможность описывать качества их образов сознания. Образ сознания, ассоциированный со словом, – это одна из многих попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений. Поскольку языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано только как продукт бывшей деятельности или, иными словами, может стать объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, в своих превращенных, отчужденных от субъекта сознания формах (культурных предметах и квазипредметах) [13].

Таким образом, ассоциативный эксперимент позволяет выявить системность содержания образа сознания, стоящего за словом в разных культурах, а также системность всего языкового сознания носителей разных культур, передавая тем самым уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры. Следовательно, языковое сознание может рассматриваться как средство познания чужой культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной формах, а также как средство познания своей культуры. Е.И. Горошко считает, что именно ассоциативные связи являются дифференцирующими параметрами гендера, возраста, уровня и направленности образования, условий жизни и стресс-фактора [4].

Рассматривая ассоциативный эксперимент, стоит отметить, что данный метод является наиболее распространённой техникой психолингвистического анализа, при использовании которого испытуемым «предлагается ответить на список слов-стимулов первыми пришедшими на ум словами» [2]. «Ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление

ние ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте. В психологическом словаре ассоциативный эксперимент определяется как особый метод исследования мотивации личности. Ассоциативный эксперимент позволяет выяснить, как устроены фрагменты языкового сознания у носителей языка [1].

Ассоциативные эксперименты, проводившиеся в XIX – начале XX века, ставили своей целью выяснение общих закономерностей ассоциативного процесса, задачей исследователей было найти оптимальную процедуру его проведения. Экспериментаторы стремились понять, по каким параметрам реакции испытуемых будут отличаться друг от друга, для чего применялись разнообразные их классификации, которые в основном связывались с психофизиологическими особенностями личности, существованием трех типов психики. Не было четких критериев определения реакции к определенному виду при разработке классификационных принципов. А.А. Залевская определяла это как смешение логических, лингвистических и психологических классификационных оснований [5]. «Одним из контрольных параметров в этих экспериментах являлось время реакции. В то время ставилась проблема связи между ассоциативным поведением испытуемых и его как индивидуальными психофизиологическими характеристиками, так и принадлежностью к определенной социальной группе. Выяснилось, что на ассоциации могут влиять как условия эксперимента, так и словестимулы, вызывающие определенные «грамматические реакции» [1].

Выделяется несколько типов ассоциативного эксперимента: свободный ассоциативный эксперимент (не ставится никаких ограничений на реакции); направленный ассоциативный эксперимент (испытуемому предлагается давать ассоциации определенного грамматического или семантического класса); цепочечный/цепной ассоциативный эксперимент (испытуемому предлагается реагировать на стимул несколькими ассоциациями).

Ю.И. Алферова отмечает, некоторые авторы считают цепной ассоциативный эксперимент разновидностью свободного, а направленный ассоциативный эксперимент, в терминологии А.А. Леонтьева, называется контролируемым. Иногда ассоциативные цепные эксперименты называются экспериментами с продолжающейся реакцией [1]. Можно также говорить о том, что каждый из ассоциативных экспериментов имеет свои достоинства и недостатки. Так, направленный ассоциативный эксперимент не предоставляет достаточно свободы в процессе ассоциирования, он скорее подталкивает респондентов реагировать согласно исследовательским задачам. «Направленность» эксперимента и наложение некоторых рамок на процесс ассоциирования серьезно снижают валидность результатов, полученных в этих экспериментах, и искажают реальную картину собственно протекания ассоциативного процесса. Главным преимуществом ассоциативного эксперимента является простота, удобство применения, поскольку его можно

проводить с большой группой испытуемых одновременно. Испытуемые работают со значением слова в «режиме употребления», что позволяет выделять некоторые неосознаваемые компоненты значения [1].

А.Н. Леонтьев утверждает, что «данные экспериментов не позволяют рассматривать ассоциативный эксперимент как простую сумму отдельных ассоциаций», отмечается наличие сложного взаимодействия отдельных моментов ассоциативного процесса, которые превращают ассоциативные ряды в некие единства, понимание которых возможно лишь на основе специального анализа их общих структур [8]. По результатам экспериментов А.Н. Леонтьев пришел к выводу, что при определенных условиях эксперимента в зависимости от типа раздражителя, повторения эксперимента, темпа ассоциирования и прочего реакции цепного ряда могут приобретать ряд свойств. С формальной стороны могут изменяться интервалы ряда. С содержательной стороны ассоциации становятся глубже, наблюдается их скачкообразность. Анализ динамики структуры ассоциативного ряда помогает понять, что лежит в основе интеллектуальных процессов мышления [8].

А.А. Залевская говорит о том, что ассоциативный эксперимент может стать полезным источником информации о степени актуальности различных лексико-семантических вариантов одного и того же слова для исследуемой группы людей [6]. А.А. Леонтьев считает, что «если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические «обертонны» – без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент» [9].

Е.И. Горошко отмечает, что метод сводного ассоциативного эксперимента заключается в том, что испытуемому как можно быстрее нужно ответить первым пришедшим в голову словом (реакцией) в ответ на предъявленное слово стимул. Свободный ассоциативный эксперимент – это самый простой из всех ассоциативных экспериментов, но достаточно эффективный. В ходе проведения ассоциативного эксперимента фиксируется тип реакции, частота однотипных ассоциаций и т.д. Эти данные позволяют «судить о скрытых влечениях и «аффективных комплексах» испытуемого, его установках», его социально-биографических данных. Считается, что на ассоциации, полученные в свободном ассоциативном эксперименте, влияют «лингвистический» фактор (определенные характеристики самого слова стимула) и «прагматический» (влияние личности самого испытуемого) [12]. Е.И. Горошко добавляет к этим двум факторам еще один – условия проведения самого эксперимента [3].

Результаты ассоциативного эксперимента отражают универсальные когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, и индивиду-

альные особенности испытуемых, содержание их личностных смыслов, т.е. позволяют получить знание о специфике этнического/профессионального сознания. Один из способов изучения системности образа мира по материалам ассоциативного эксперимента – выявление ядра языкового сознания, т.е. тех единиц семантической сети, которые имеют наибольшее число связей с другими единицами данной семантической сети [1].

Н.В. Уфимцева и Е.Ф. Тарасов понимают под ядром языкового сознания некоторую совокупность слов, имеющих наибольшее число связей с другими словами в ассоциативно-вербальной сети, которая строится по результатам массового ассоциативного эксперимента с достаточно большим числом испытуемых (от 100 до 1000) [14].

А.А. Залевская говорит о том, что «языковые единицы с конкретным, чувственным значением составляют основу успешного использования других языковых единиц» [6], а наличие «ядра лексикона является одним из оснований для многократного пересечения ассоциативных полей разных, казалось бы, не имеющих друг с другом связей, слов. Это помогает дать объяснение феномену, описанному Ю.Н. Карауловым [7] как «правило шести шагов»: именно через принадлежащие к ядру наиболее емкие единицы лексикона устанавливается связь между любыми двумя словами в пределах названного числа переходов» [6]. А.А. Залевская ссылается и на исследование индивидуального лексикона человека, проведенное киевскими психологами, которое показало, что «максимальное число связей имеют слова, представляющие особое значение для испытуемого как личности. Они являются самыми емкими понятиями, связь с которыми имеет максимальную вероятность воспроизведения, а число слов с максимальной ассоциативной силой составляет не более 2 % от общего объема лексикона» [6]. На основе данных ассоциативных экспериментов создаются ассоциативные словари (тезаурусы). Содержание и смысл материалов ассоциативных словарей продолжает анализироваться и изучаться в связи с самыми разными направлениями психолингвистических (и лингвистических) исследований. И прежде всего, с проблемами языкового сознания, образа мира, межкультурного общения. Есть много возможностей интерпретировать результаты ассоциативного эксперимента [1].

В качестве примера можно привести данные проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента среди молодого поколения россиян от 18 до 25 лет. Одним из исследуемых образов стал образ «враг». Реакции, полученные при проведении свободного ассоциативного эксперимента, позволили нам выделить ассоциативные поля стимулов. Ассоциативное поле слова является совокупностью всех ассоциатов на слово-стимул. Ассоциативное поле имеет ядро (наиболее частотные реакции) и периферию (единичные реакции) (табл. 1).

Таблица 1

Ассоциативное поле «враг»

Стимул «враг»	
Ядерные реакции	друг (12), народа (9), недруг (8), плохой (6), борьба (4), ненависть (4)
Периферия	война (3), Америка (2), вражда (2), дурак (2), опасность (2), предатель (2), противник (2)
Единичные реакции	56

Кроме того, для анализа полученных данных нам представляется целесообразным использование нескольких классификаций и нескольких уровней описания. В нашем исследовании это выглядит так:

- лексико-синтаксический уровень описывает синтаксические отношения между стимулом и реакцией (враг не дремлет; враг народа; враг не пройдет). Также на этом уровне рассматриваются лексико-категориальные отношения, в которые вступают стимул и реакция. Сюда входят синонимы (враг – предатель, недруг), антонимы (враг – друг), паронимы, окказионализмы, родовые и видовые понятия, часть – целое, целое – часть, перифразы и игра слов. К нему относятся конверсивные, омонимические, жаргонные и диалектные слова, архаизмы, парадигматические, синтагматические реакции, экзотизмы, иностранные заимствования и т.д.;
- на морфологическом уровне структура поля проявляется в словоизменительных и словообразовательных отношениях между реакцией и стимулом (враг – вражда);
- когнитивный уровень ассоциативного поля отражает знания носителя языка о стимуле, запечатлённые в языке в именах собственных (Америка), этнонимах (американцы), праобразах, во фреймах типовых психологических ситуаций, в афоризмах и идиомах;
- прагматический уровень состоит из оценок, даваемых носителями языка стимульному слову;
- статистический уровень находит свое воплощение в определенных количественных параметрах.

Все эти уровни превращают поле в единицу языка или «владение языком» – «в языковую способность», при этом первые уровни (лексико-синтаксический и морфологический) представляют основные системные уровни языка и, объединяясь в лексико-грамматические уровни, репрезентируют язык как таковой. Когнитивный уровень суммирует единицы хранения знаний и оперирования ими, отражает языковую картину мира и репрезентирует отношения «язык и человек», ибо нет знаний без их носителя [10]. Прагматический уровень поля определяет отношения «человек – действительность», а статистическая часть чисто формальными методами «показывает» степень адекватности численных характеристик поля внешним параметрам «единицы владения языком».

Отношения «язык – действительность» в нашем случае описываются при помощи семантического гештальта. Семантический гештальт выстраивается на основе семантической классификации входящих в поле ассоциатов (реакций) и состоит из нескольких семантических зон, которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (=стимулу). Вслед за Ю.Н. Карауловым мы считаем удобным для называния зон использовать местоименные обозначения, которые способны передавать наиболее общие смыслы. Для анализа данных эксперимента мы выделяем следующие семантические зоны: 1) кто (лицо, ассоциируемое со словом-стимулом); 2) что (предмет, ассоциируемый со словом-стимулом); 3) какой (включает постоянные (интегральные) признаки, рассматриваемые с позиции стороннего наблюдателя); 4) каков (оценочные характеристики в рамках шкалы «хороший – плохой»); 5) это (квазидефинитивные конструкции, в которых местоимение «это» выполняет роль гипотетической связки); 6) что делать (действие, ассоциируемое со словом-стимулом); 7) где (место, ассоциируемое со словом-стимулом); 8) когда (временной период, ассоциируемый со словом-стимулом) (табл. 2).

Таблица 2

Прагматический уровень описания

Стимул «враг»		
Кто?	32 %	друг (12), недруг (8), дурак (2), предатель (2), противник (2)
Что?	25 %	борьба (4), ненависть (4), война (3), вражда (2)
Где?	4 %	Америка (2), на море, напротив
Какой?	22 %	народа (9), группы, другой, здоровью, иной, красный
Каков?	7 %	плохой (6), хороший
Что делать?	10 %	«...мой бойся меня», всегда есть, завидовать, избегать

Таким образом, проблема классификации ассоциаций непосредственно связана с определением сущности ассоциативной связи. Очевидно, что процессы актуализации ассоциации, проходившие во время проведения свободного ассоциативного эксперимента, не могут быть описаны однозначно лингвистическими, логическими, психолингвистическими или философскими категориями. Реакции, полученные в ассоциативном эксперименте, являются индивидуальными в своей конкретности, и универсальными как принцип связи между стимулом и реакцией, и как тип ассоциирования. Использование подхода, включающего описание результатов с помощью различных классификаций и на разных уровнях, позволило нам наиболее полно и объективно отследить представленность интересующих нас стимулов в языковом сознании молодого поколения россиян.

Библиографический список

1. Алферова, Ю.И. Профессионально-маркированные компоненты языкового сознания: дис. ...канд. филол. наук / Ю.И. Алферова. – Омск, 2005. – 182 с.
2. Белянин, В.П. Психолингвистика: учебник / В.П. Белянин. – М.: Флинта: Московский психосоциальный институт, 2003. – 232 с.
3. Горошко, Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е.И. Горошко. – Харьков; М.: Изд. Группа «РА – Каравелла», 2001. – 320 с.
4. Горошко, Е.И. Языковое сознание – опыт ассоциативного анализа / Е.И. Горошко // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: тез. XIV межд. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003. – С. 3–9.
5. Залевская, А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях: учебное пособие / А.А. Залевская. – Калинин: КГУ, 1978. – 216 с.
6. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / А.А. Залевская. – Воронеж, 1990.
7. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., Наука, 2014. – 264 с.
8. Леонтьев, А.Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов (экспериментальное исследование) / А.Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения: в 2 т. Т.2. – М.: Педагогика, 1983. – С. 50–71.
9. Леонтьев, А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А.А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – С. 3–16.
10. Новикова, А.М. «Семантический гештальт» в структуре ассоциативного поля / А.М. Новикова. – М., 1998. – С. 4–30.
11. Рубинштейн, С.Л. Основы онтологии, логики и психологии / С.Л. Рубинштейн. – М., 1997. – 463 с.
12. Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) / под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 192 с.
13. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 102–111.
14. Уфимцева, Н.В. Проблемы изучения языкового сознания / Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов. – М., 2009. – С. 22–29.

[К содержанию](#)

ББК Ш12/17 + Ч448.016

УДК 811 + 378.4

ОСОБЕННОСТИ И АКТУАЛЬНОСТЬ ОСВОЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

А.В. Голованова

В статье рассматривается особенность процесса межкультурной коммуникации и способы решения актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; межкультурная компетентность; межкультурная интеракция.

В современном мире широкое развитие культурных связей происходит в самых разных сферах человеческой жизни – учебе, бизнесе, туризме, спорте, личных контактах и т.д. Кроме того, происшедшие в мире в последнее время социальные, политические и экономические изменения привели к масштабной миграции народов, их переселению, смешению и столкновению. В результате этих процессов все больше людей преодолевают культурные барьеры, которые раньше их разделяли. Они вынуждены погружаться в условия чужих культур, вливаться в них. Поэтому взаимодействие культур осуществляется именно через контакты между отдельными людьми и, именно они и представляют процесс межкультурной коммуникации.

Необходимыми условиями эффективности процесса коммуникации двух или более представителей различных культур являются следующие факторы: владение иностранными языками, знание материальной и духовной культуры другого народа, нравственных ценностей, мировоззренческих представлений, которые в совокупности определяют модель поведения партнеров по коммуникации [2].

Для успешного процесса межкультурного взаимодействия человеку в независимости от страны его проживания необходимо не только владеть хорошими знаниями иностранного языка, но и принимать своего собеседника как носителя чужой культуры, имеющего свой духовный мир, своё мировоззрение. *Общаясь на одном и том же языке, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно различие культур.*

Понятие «межкультурная (кросскультурная, межэтническая) коммуникация» (или «межкультурная интеракция») ввели в научный оборот Г. Трейгер и Э. Холл в своей работе «Культура и коммуникация. Модель анализа» (1954), которые определяли ее как идеальную цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффек-

тивнее адаптироваться к окружающему миру. С тех пор исследователи далеко продвинулись в теоретической разработке этого феномена, в частности определили ее наиболее характерные черты. Так, отмечено, что межкультурная коммуникация осуществляется, если отправитель и получатель сообщения принадлежат к разным культурам, если участники коммуникации осознают культурные отличия друг друга. Межкультурная коммуникация вызывает множество проблем, связанных с разницей в ожиданиях, предубеждениях и стереотипах, которые свойственны каждому человеку и, соответственно, разные в разных культурах. Признаки межкультурных различий могут рассматриваться как различия вербальных и невербальных кодов в специфическом контексте коммуникации, и на процесс их интерпретации также влияют возраст, пол, профессия, социальный статус участников коммуникации, их толерантность, предприимчивость и личный опыт.

Важно отметить принципиальную прикладную ориентированность многих исследований в области межкультурной коммуникации: их результаты предназначены для непосредственного использования в различных сферах деятельности и профессиях, которые осуществляют себя посредством коммуникации (в таких случаях ее называют профессиональной коммуникацией). К таковым относятся образование, общественно-политическая деятельность, управление, консультирование (в том числе медицинское), социальная работа, журналистика и др. Параметры для описания влияния культуры на человеческую деятельность и развитие общества были сформулированы в работах антропологов Ф. Клухона и Ф. Шродбека, лингвиста и антрополога Э. Холла, социолога и психолога Г. Хофстеде.

Как любой другой вид общения, межкультурная коммуникация на всех уровнях имеет свои цели, реализация которых обуславливает эффективность (или неэффективность) коммуникации. Здесь важную роль играет понятие «межкультурная компетентность», которое, как правило, связывают с понятием коммуникативной компетенции, определяемой как «уровень сформированное межличностного опыта. Этот опыт требуется индивиду, чтобы в рамках своих способностей и социального статуса успешно функционировать в данном обществе» [1].

В ситуации контакта представителей различных культур преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения. Для этого необходимо преодолеть культурный барьер. Национально-специфические особенности самых разных компонентов культур партнеров по коммуникации могут затруднить процесс межкультурного общения.

Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках. Необходимо не только обучить человека иностранному языку, но и научить его уважать и ценить культуру данного народа [1].

Как показала практика, даже глубокого знания иностранного языка недостаточно для эффективного общения с его носителем: каждое слово другого языка отражает другой мир и другую культуру, «за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [1]. Главная задача в изучении иностранных языков как средства коммуникации заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках [2].

Существует несколько путей одновременного освоения языка и культуры. Широко используются различные виды игр: деловые, ролевые, имитационные, операционные, управленческие, инструментальные и исследовательские. Очень популярная в наше время методика, когда учащиеся входят в положение представителя другой национальности и, стараясь сохранить особенности его культуры и языка, разыгрывают сценки по заданной теме. Примером подобных деловых и ролевых игр являются игры-путешествия, игры-викторины, экскурсии, упражнения на критическое мышление и др. Также, к одному из эффективных видов деятельности для освоения и формирования навыков межкультурной компетентности необходимо отнести подготовку индивидуальных или групповых сообщений, в которых сравниваются и анализируются культурные особенности разных стран в определенной области жизни (в соответствии с заданной темой). Помимо перечисленных видов работ часто используется общее обсуждение культурных особенностей той или иной страны на базе личного опыта студентов, знаний, полученных из средств массовой информации, книг, журналов. Учащиеся в форме свободной беседы делятся информацией с товарищами. Преподаватель предлагает страну для обсуждения, а студенты должны обменяться информацией так, чтобы сложилось наиболее полное и правильное представление о стране. Этот вид работы используется, когда учащиеся уже имели возможность увидеть страну с разных точек зрения, познакомиться с различными областями жизни ее обитателей и составили свое мнение. В процессе выполнения вышеперечисленных видов работы на занятиях и дома студентам приходится активно пользоваться иностранным языком и ко всему прочему знакомиться с огромным количеством реалий, присущих обсуждаемым странам.

Практика использования рассмотренных видов работ позволяет сделать вывод, что с их помощью могут сравниваться две или более культуры, акцентировать внимание как на общих трудностях процесса коммуникации, так и на частных случаях межкультурного общения. Использование данных методов в процессе обучения межкультурной коммуникации позволяет подготовить представителей различных культур к эффективным контактам с чужими культурами, научить их понимать своих партнеров по коммуникации и добиваться поставленных целей и результатов.

Таким образом, освоение навыков межкультурной коммуникации – это сложный и очень многосторонний процесс, который включает в себя выполнение различного вида работ. Особенности межкультурной коммуникации изучаются на междисциплинарном уровне и в рамках таких наук, как культурология, психология, лингвистика, этнология, антропология, социология, и каждая из дисциплин в свою очередь использует свои подходы к их изучению.

Библиографический список

1. Василик, М.А. Основы теории коммуникации / М.А. Василик. – М.: Гардарики, 2003. – 615 с.
2. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 259 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.016:Ч518.1:81

ББК Ч448.026

МНОГОЯЗЫЧИЕ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УСПЕХА СПЕЦИАЛИСТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ТУРИЗМ»

Е.Г. Долгополова, Н.У. Кондакова

В статье рассматривается важность изучения иностранных языков при формировании общекультурных и профессиональных компетенций специалистов направления «Туризм». Приводится понятие многоязычия, описываются принципы обучения многоязычию.

Ключевые слова: первый иностранный язык; второй иностранный язык; многоязычие; межкультурная коммуникация; профессиональные компетенции; общекультурные компетенции.

Ускорение темпов процесса глобализации, развитие сотрудничества между государствами, укрепление экономических и культурных связей способствовало стремительному развитию индустрии туризма и обусловило потребность общества в квалифицированных, мобильных, заинтересованных в своем непрерывном образовании и совершенствовании специалистов.

В соответствии с ФГОС ВПО по направлению подготовки «Туризм» выпускник должен обладать рядом профессиональных и общекультурных компетенций. Среди которых разработчики отмечают способность к эффективному общению с потребителями туристского продукта, умение организовывать процесс обслуживания потребителей, а также готовность к восприятию культуры и обычаев других стран и способность к межкультурной коммуникации в туристской индустрии [3].

Формирование данных компетенций невозможно без изучения иностранных языков. Однако практика показывает, что специалистам данного направления не хватает знаний, получаемых в рамках дисциплин «первый иностранный язык» и «второй иностранный язык», заявленных в государственном образовательном стандарте. Выпускникам в рамках профессиональной деятельности приходится сталкиваться с представителями разных культур. В данном случае возникает необходимость в многоязычии, как способности человека использовать несколько иностранных языков.

Понятие «многоязычие» достаточно полно изучено. Под многоязычием мы будем понимать употребление нескольких языков в пределах определенной социальной общности (прежде всего государства); употребление индивидуумом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией [2].

К сожалению сформированная в естественных условиях многоязычная личность, которая владеет несколькими иностранными языками – уникальный случай. Тем не менее, достаточно большое количество студентов, которые обучаются на отделении «Туризм» обладают многоязычной компетенцией. В частности, они владеют русским языком наравне, например, с казахским, башкирским, татарским. Однако, как правило, формирование многоязычного индивида – результат целенаправленного обучения, позволяющего осмыслить различия между языками и культурами, а впоследствии на основе сформированного понимания взаимодействовать с представителями других культур.

Знание нескольких иностранных языков становится конкурентным преимуществом выпускников вузов. Ежегодно большое количество студентов уезжает работать в период летних каникул в Грецию, Турцию и другие страны. Для успешного осуществления такой работы студентам не достаточно знаний первого и второго иностранных языков. В Турции им приходится в кратчайшие сроки изучить турецкий язык на уровне необходимом для общения с персоналом гостиничных комплексов и экскурсионных фирм. Олимпийские игры в Сочи также обогатили опыт студентов общением в многоязычной среде. Принимая во внимание вышесказанное, для нас представляется наиболее важным способность студентов, опираясь на опыт и знания, полученные при изучении первого и второго иностранных языков, овладевать последующими языками самостоятельно.

При обучении многоязычию необходим такой инструментарий, который позволил бы преподавателю сформировать не отдельные компетенции, а создать цельную многоязычную компетенцию. Этот процесс должен строиться в тесной связи с принципами обучения многоязычию: принципом интегративного обучения нескольким языкам; соизучения нескольких иностранных языков; опоры на лингвистический и учебный опыт обучаемых; обстоятельности процесса обучения нескольким иностранным языкам; когнитивной направленности процесса обучения иностранным языкам; межкультурной направленности процесса обучения иностранным языкам [1].

Так, например, на занятиях по иностранному языку у студентов направления «Туризм» преподаватели руководствуются принципом интегративного обучения, а именно, используются различные методики обучения иностранным языкам; такие технологии, как ролевые игры, метод проектов, кейс-технологии. Большое внимание уделяется проблемным заданиям, которые позволяют студентам глубже проникнуть в суть проблемы и более наглядно представить ее решение.

Используется принцип соизучения нескольких иностранных языков. Так, предмет первый иностранный язык начинается в первом семестре первого курса и по учебному плану в третьем семестре добавляется второй иностранный язык. Таким образом, на втором курсе студенты изучают параллельно два иностранных языка. Соединение изучения двух иностранных языков в рамках одного семестра дает возможность организовывать совместные мероприятия, что позволяет приобрести опыт использования нескольких языков в смоделированных коммуникативных ситуациях.

Важно также отметить принцип опоры на лингвистический и учебный опыт обучающихся. Например, овладение категорией артикль в итальянском языке не требует повторного объяснения основных моментов употребления артикля (например, положения по отношению к существительному, определенности/неопределенности и т.п.), преподаватель основывается уже на имеющихся знаниях обучаемых и посвящает время рассмотрению особенностей употребления артикля именно в итальянском языке, а также специфическим случаям.

Обратим также внимание на необходимость опоры на доминантный язык, которым у студентов направления «Туризм» является английский или немецкий язык, т.е. первый иностранный язык в лингвистическом опыте обучаемых. Так как именно при овладении первым иностранным языком обучающиеся сталкиваются с грамматическими, синтаксическими, семантическими категориями, о которых они не задумывается при овладении родным языком, так как он усваивается на интуитивном уровне. Поэтому первый иностранный язык отвечает за формирование принципа лингвистического опыта учащихся.

Стоит отметить принцип когнитивной направленности обучения, когда студенты учатся наблюдать, выдвигать гипотезы и делать выводы, быть готовым корректировать свои представления. Знание должно родиться из потребностей в общении и самореализации.

Используется также принцип межкультурной направленности обучения, а именно, на занятиях по иностранному языку студенты изучают культуру стран изучаемого языка, рассматривают особенности национальной ментальности, духовные ценности, при этом развивается способность к межкультурной коммуникации, т.е. адекватному взаимопониманию участников процесса, принадлежащих к разным культурам.

Таким образом, профессиональный успех специалистов направления подготовки «Туризм» во многом зависит от способности употребления нескольких иностранных языков в различных коммуникативных ситуациях и приобретения новых знаний. Обучение многоязычию основывается на принципах, позволяющих сформировать не только отдельные компетенции, а создать цельную многоязычную компетенцию.

Библиографический список

1. Барышников, Н.В. Мультилингводидактика / Н.В. Барышников // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 5.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 100400 Туризм от 28.10.09 №489. – URL: <http://www.edu.ru>.

[К содержанию](#)

УДК 811.111 + 387.016

ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ

Л.Л. Жаринова

В данной статье речь идет о домашнем чтении как одном из важных аспектов учебного предмета «Иностранный язык». Текст для домашнего чтения рассматривается как средство формирования основных навыков различных видов речевой деятельности, как компонент процесса обучения. Рассматриваются этапы работы над домашним чтением и способы организации работы с текстом на занятиях английского языка. Представлен сборник текстов для индивидуального чтения студентов неязыковых направлений в качестве пособия для организации занятий и ряд примерных заданий к одному из текстов сборника.

Ключевые слова: домашнее чтение, художественный текст, процесс обучения, иностранный язык.

В современном мире расширяется и качественно изменяется характер международных связей, все больше осуществляется интернационализация всех сфер жизни нашего общества в результате бурного роста политических, экономических и культурных связей с другими странами. Наше государство становится все более открытым, входя на правах партнера в мировое сообщество. Знание иностранных языков позволяет приобщиться

к достижениям мировой цивилизации и культуры, способствует расширению кругозора, развитию интеллектуальных способностей личности. Таким образом, иностранный язык становится реально востребованным в практической и интеллектуальной деятельности человека.

Чтение литературы является одним из способов знакомства с другим народом и его культурой, ведь художественное произведение – носитель и источник объективной информации о мире, в котором неизбежно отражаются элементы реальности, это зеркало жизни и культуры народа. Чтение аутентичных текстов – отрывков из произведений, рассказов, пьес, просмотр видеофильмов по произведениям английских и американских писателей, дает возможность учащимся почувствовать атмосферу того времени, которая описывается в произведении. Они узнают, как жили люди других стран в разные исторические эпохи, каковы были их обычаи, традиции, быт, одежда, занятия, нормы поведения в различных ситуациях, какова была их речь, узнают особенности языка того времени и т.д.

Домашнее чтение, как один из аспектов языковой подготовки студентов, обеспечивает более прочное формирование различных видов коммуникативной компетенции (лингвистической, социолингвистической, дискурсивной, социокультурной), а следовательно, является важным аспектом процесса обучения иностранным языкам.

Главное назначение домашнего чтения заключается в получении информации из текстов на иностранном языке. Вместе с этим систематическое и планомерное домашнее чтение является важным источником и средством увеличения лексического запаса и развития навыков устной речи учащихся. По мнению С.К. Фоломкиной, обильное чтение про себя даст возможность пропустить через сознание учащихся в единицу времени значительное количество языковых комбинаций – грамматических структур и лексических сочетаний, чтобы потом сформировались речедвигательные «следы» языкового и речевого материала [1].

Профессор Н.А. Селиванова выделяет несколько функций домашнего чтения:

– основная образовательная функция – культуросозидательная, которая обеспечивает сохранение, передачу и развитие общеобразовательной культуры средствами литературно-художественного компонента, предполагающего доступ к иной национальной культуре и тем самым к культуре мировой. Это дает возможность преодолеть национальный культуроцентризм и внести существенный вклад в повышение уровня гуманитарного образования;

– развивающая функция – формирование самостоятельного эстетического отношения к окружающему миру, критического, творческого мышления, гуманистических ценностных ориентаций в процессе знакомства с лучшими литературными произведениями зарубежной литературы;

– обучающая функция заключается в формировании умений так называемого «интеллектуального и коммуникативного чтения», соотнесение содержания произведения со своим личным опытом и умение аргументировано изложить свое понимание проблем, затронутых в художественном произведении [2].

Традиционная методика обычно выделяет 3 этапа работы над любым текстом: дотекстовый этап (этап антиципации), текстовый этап и послетекстовый этап.

Предлагается следующая последовательность работы над текстом:

- предречевые упражнения;
- контроль понимания содержания (текстовый этап);
- контроль понимания важных деталей текста (анализ и оценка, послетекстовый этап);
- анализ литературно-стилевых особенностей текста [3].

Предтекстовые упражнения

(работа над словами и грамматикой, использованными в тексте)

1. Найти, выписать и перевести предложения с определенными словами.
2. Найти пары: слово и его определение.
3. Выбрать синоним /антоним слова из предлагаемой группы.
4. Объяснить слово или фразу, не переводя ее.
5. Соединить пары слов по смыслу.
6. Работа над однокоренными словами. Например, образовать существительное от глагола.
7. Заполнить пропуски предлогами.
8. Выписать и перевести предложения с определенной грамматической структурой: пассивным залогом, инфинитивом, косвенной речью и т.д.
9. Перефразировать предложения, используя определенную грамматическую структуру.
10. Перефразировать предложения, заменив выделенное слово или выражение на синоним, использованный в тексте.
11. Составить предложения с определенными словами.
12. Перевести слова и выражения, используя лексику текста.
13. Частичный перевод предложения, где учащимся предлагается перевести на английский только одно слово, данное в скобках.

Контроль понимания общего содержания

1. Озаглавить главные смысловые части текста.
2. Найти предложения, выражающие главную мысль отдельных частей текста.
3. Прочитать те фрагменты из текста, которые характеризуют того или иного героя.
4. Найти предложения, подтверждающие или отрицающие определенное мнение.

5. Продолжить/окончить рассказ одной-двумя фразами на иностранном языке.

6. Ответить на вопросы, ответы на которые учащиеся могут найти в тексте.

7. Угадать и описать ситуации, в которых автор употребляет ту или иную лексическую единицу, сочетания слов или целое предложение.

8. Согласиться или не согласиться с высказываниями в соответствии с содержанием, используя фразы: certainly, of course, sure, you are right, quite correct; I'm afraid that's wrong, on the contrary, etc.

9. Пересказать текст, сокращая его и выбирая главное. Возможен пересказ по плану или по ключевым словам.

10. Написать вопросы, ответы на которые послужат пересказом текста.

11. Перевести отрывок текста.

Контроль понимания важных деталей текста и его оценка

(задания, направленные на постепенный переход от подготовленной речи к речи неподготовленной)

1. Передать содержание отдельных эпизодов из текста.

2. Рассказать, как действовал герой повествования в сложившейся ситуации.

3. Инсценировать поведение /поступок тех или иных героев.

4. Охарактеризовать того или иного героя повествования: внешность и характер.

5. Охарактеризовать время, место и обстоятельства действия.

6. Объяснить намерения автора.

7. Ответить на вопросы с изложением в ответе собственной точки зрения по затронутому вопросу.

8. Прокомментировать, событие, эпизод или поступок героя.

9. Организовать беседу-дискуссию в связи с оценкой событий или поступков героев текста.

10. Выразить главную идею текста одним предложением.

11. Рассказать о своих впечатлениях о тексте, оценить его. Сказать, что понравилось, что нет и почему.

Творческие задания

1. Попытаться представить поведение героев в изменившихся обстоятельствах, например, несколько лет спустя или спросить, что бы стало с героями, если бы что-то не произошло.

2. Пересказать текст от лица различных персонажей.

3. Предложить картину-иллюстрацию к тексту, не рисуя ее, а просто описать, что там будет.

4. Написать свои вопросы к персонажам, если бы была возможность оказаться на месте действия.

5. Рассмотрев иллюстрацию к тексту, написать сочинение на тему «Что чувствует герой (героиня) в данный момент».

6. Написать краткую аннотацию к книге, которая могла бы послужить вступлением.

7. Написать письмо герою или героине книги, предупреждая его (ее) о том, что может случиться, дать совет.

8. Написать сочинение о своем любимом персонаже.

9. Сравнить персонажей книги, которые там явно противопоставлены друг другу или с персонажем ранее прочитанной книги.

10. Взяв за основу ситуацию текста, написать собственный текст в другом жанре.

11. Подобрать пословицы, которые наиболее точно подходят по смыслу к данной ситуации и наиболее точно передают идею текста.

Анализ литературно-стилевых особенностей текста

Аналитическая беседа строится на двух уровнях: уровне значения (умения выделять в тексте основную мысль, деталь, иллюстрирующую основную мысль, факты, относящиеся к определенной теме, обобщать изложенные факты, устанавливать связи между событиями) и уровне смысла (умения вывести суждение на основе фактов, сделать вывод, оценить изложенные факты, понять подтекст, идею текста, найти художественные средства выразительности и определить их роль и место в повествовании) [4].

Комментированное чтение художественных текстов дает возможность остановиться на анализе стилистических и языковых особенностей произведений, на средствах художественной выразительности, которые использует автор, чтобы передать свои взгляды, мысли, идеи, чтобы убедить читателя и вызвать в нем ответные чувства. Язык писателя связан с родом, жанром, темой, сюжетом, композицией произведения. Вдумчиво вникая в особенности языка, учащиеся обращают внимание на его разнообразие, на те приемы, которыми пользуются авторы для создания ярких живых образов (будь то сравнение или эпитет, метафора, аллегория или гиперболола) и нарисовать картины жизни определенной исторической эпохи, воссоздать ее колорит; как использование различных средств художественной выразительности позволяет автору не только передавать информацию, но воздействовать на наши чувства, воображение и память.

Сборник текстов для индивидуального чтения студентов неязыковых направлений подготовки может служить в качестве пособия для организации занятий по домашнему чтению [5]. Сборник может использоваться как для студентов неязыковых направлений подготовки, так и для студентов, обучающихся по специальности «Регионоведение» или получающих дополнительную квалификацию в сфере профессионально-ориентированного перевода. Главной целью сборника является расширение словарного запаса студентов, овладение наиболее трудными аспектами английской грамма-

тики, закрепление навыков поискового, ознакомительного и изучающего чтения. Неадаптированные отрывки из произведений художественной литературы английских и американских писателей могут быть использованы для развития навыков устной и письменной речи.

Для ознакомления с композиционной структурой текста, стимулирования процессов понимания текста приводятся задания, которые предлагается использовать для контроля понимания прочитанного. Система упражнений к текстам включает тренировочные упражнения на активизацию и закрепление лексических и грамматических структур, а так же заданий, побуждающих к беседе, сообщению, высказыванию суждений, выражению отношений, эмоций и т.п.

В сборнике предлагаются следующие задания к одному из текстов:

AT THE THEATRE (by A.J. Cronin).

1. a) Give Russian equivalents for the following

1. My companion gave me a glance of ardent expression and burrowed into the programme which I handed her. 2. After a short overture, the curtain rose upon a scene of eighteenth-century Paris. 3. At the first interval she relaxed slowly, with a sigh. ...

b) Find English equivalents for the following in the text

1. Затем, как бы желая освободиться от всякого бремени, она передала мне свои ручные часы. 2. Сначала мисс Джин ничего не сказала о пьесе (не высказала своего мнения). 3. Ее глаза светились интересом и восторгом.

2. a) Paraphrase the italicized parts of the following sentences. Use words or word combinations from the list

to deal, to get curtain-calls, judgement, judging by, to overcome, to relax, to remove, to reserve, reserved, reservation, to take pains

1. She could not suppress her emotion. I saw tears running down her face.
2. Dick booked two seats in the stalls and invited Stella to the performance.
3. Bill did not know how to treat children and allowed the boy to torture him.

b) Fill in the blanks with words and word combinations from the above list

1. John never speaks his mind, never confides his troubles to anyone, he is never excited, in short, he is very.... 2. Now that Mrs Brown was quite alone she was a little afraid that she would be unable to ... all the difficulties facing her.

3. Sam and Bill accepted Dorset's terms without...

c) Translate into English

1. Было бы хорошо заранее заказать билеты на этот спектакль. 2. Если бы вы передвинули отсюда книжный шкаф, здесь было бы место для кресла. 3. Я уверен, что он постарается ознакомиться с содержанием этих книг как можно скорее.

3. a) Translate the following words, paying attention to the prefix mis- :

misbehave, miscalculate, misgovern, misinform, misinterpret, misjudge, mislay, mislead, misprint, mispronounce, misspell, misunderstand, misuse

b) Read the following words and translate them into Russian
self-sacrifice, self-criticism, self-service, self-possession, self-assurance,
self-determination, self-respect, self-deceit (self-deception), self-defence

4. Fill in the blanks with the verbs to borrow, to lend or to owe

1. Don't worry about the dictionary, I can ... you mine for two days. 2. He ... so much money to the shop-keepers that the latter refused to credit him. 3. «Thank you very much, indeed, for the trouble you've taken». «You ... me no thanks».

5. a) Translate into Russian

1. If only she were not so anxious about the children. 2. Oh, if only the medicine relieved his pain. 3. If only she had not turned down my proposal yesterday. 4. I wish I were not so busy at present.

b) Replace the infinitives in brackets by a proper form of the verb

1. «Oh, if only we (to kidnap) another boy», thought Bill. 2. If only my shoe (not to hurt) me so much. 3. If only he (to accept) our terms. 4. If only we (to sign) the paper two days earlier. 5. I wish you (to reserve) seats for us.

c) Paraphrase the following sentences using *if only*.

1. I am sorry to have lost the bet. 2. It is a pity I don't know what makes him feel so discouraged. 3. It is a pity you haven't won the first prize. 4. I wanted my dream to come true. 5. We don't want them to oppose our proposal.

d) Translate into English

1. Если бы вам удалось уговорить их! 2. Ах, если бы он попытался сделать это раньше! 3. «Если бы он только принял наши условия», – подумал Билл. 4. Жаль, что мы ему поручили эту работу. 5. Я сожалею, что мы поссорились. 6. Лучше бы вы называли вещи своими именами. ...

6. a) Translate into Russian

1. At last the severe winter gave way to spring. 2. Don't give way to despair. Let's cheer up! 3. After a short argument he gave way (gave in) and consented to do the work. 4. The windows on this side of the house give upon a large park. 5. Do you know that he has given up the idea of moving to Moscow? ...

b) Replace the italicized parts by word combinations with *to give*

1. In vain did I try to persuade him. He would not surrender. 2. It is not surprising that such a policy should have caused violent disturbances in Ireland. 3. Why should he be overcome by despair? 4. We must do justice to John, he never leaves his friends in trouble. ...

c) Translate into English

1. Мы должны отдать ему должное: он готов помочь каждому. 2. Передайте им привет от меня! 3. Жаль, что Аня отказалась от своего плана. 4. Вскоре испуг уступил место радости. 5. Мы не хотели, чтобы он поддавался отчаянию.

7. Think of sentences with the following word combinations

out of curiosity (vanity), by way of answer, to entrust somebody with something, to consult (a doctor, a time-table, a telephone directory, a reference book, etc.), to tune (up) (a piano, a guitar), out of tune.

8. Answer the following questions

a) Why did Jean say she found nothing wrong with the posters?

b) Why did she entrust her wrist-watch to Robert?

c) What was Jean's impression of the first act of the play and the actors?

How did she express her feelings?

d) How did Jean behave during the last act? ...

9. Retell the text as if you were: a) Robert, b) Jean

10. Use the words and word combinations in brackets to describe:

a) your visit to the theatre (to look at the posters, to enter the foyer, to buy a programme, characters, the stalls, the gallery, in the ... row, to occupy seats, the stage, the orchestra – to tune up, to play the overture, music – soft, sad, sweet, the lights – to go up, the curtain – to go up, to rise, to go down, the act, the scene, an interval, make up, comedy, drama, to get curtain-calls, a first rate play)

b) some plays by English playwrights staged at Russian theatres.

В целом можно сделать вывод, что методика преподавания иностранных языков в вузе формирует у выпускника, определенные личностные и профессиональные качества. основополагающими положениями для достижения этой цели при обучении домашнему чтению являются личностно-ориентированный подход, индивидуализация процесса обучения. Это открывает дополнительные резервы для интенсификации процесса обучения иностранному языку и способствует формированию творческого мировоззрения, совершенствованию навыков владения иностранным языком для последующего оперирования полученными знаниями при включении в диалог культур, то есть для реализации современного метода «творчески и коммуникативно-ориентированного обучения» иностранным языкам.

Библиографический список

1. Фоломкина, С.К. Некоторые вопросы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. Методика и психология обучения иностранным языкам: хрестоматия / С.К. Фоломкина. – М.: Русский язык, 1991. – С. 253–260.

2. Селиванова, Н.А. Домашнее чтение – важный компонент содержания обучения иностранным языкам в средней школе / Н.А. Селиванова // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 4. – С. 21–26.

3. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций / Е.Н. Соловова. – М., 2002. – 239 с.

4. По материалам статей N. Ishcuk «The Manual on the Home Reading for the Senior Students of the Secondary School», «Английский язык», № 4, 41, 1998; М. Балакирева «Использование книги для чтения на уроках английского языка», «Английский язык», № 8, 1998; Г.Г. Сказкив «Приемы проверки домашнего чтения в 8-м классе», ИЯШ, № 4, 1982; В.М. Фадеев «Домашнее чтение в старших классах, его организация и способы контроля», ИЯШ, № 6, 1979; А.И. Панов «Урок проверки домашнего чтения», ИЯШ, № 6, 1967; Е.В. Беспальчикова «Обучение анализу текста», ИЯШ, № 2, 2002.

5. Жаринова, Л.Л. Сборник текстов для индивидуального чтения студентов неязыковых направлений подготовки / Л.Л. Жаринова, А.А. Аносова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2012. – С. 27.

[К содержанию](#)

УДК 378.016 + 811

ББК Ш12/17 + Ч448.027

**СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Е.А. Жежера

На основе анализа ведущих факторов, влияющих на овладение иностранным языком взрослыми, обучающимися в условиях дополнительного профессионального образования, обосновывается необходимость разработки эффективного методического обеспечения обучения иностранному языку взрослой аудитории.

Ключевые слова: методика обучения иностранному языку; взрослые обучающиеся; дополнительное профессиональное образование.

Динамичное социальное, экономическое и технологическое развитие современного общества обуславливает возрастающую потребность в специалистах, владеющих иноязычными компетенциями на уровне, необходимом для общения в профессиональной среде, творческой деятельности в сферах делового и профессионального партнерства, для совместной с зарубежными коллегами научной и производственной работы. Реальной действительностью стали в наши дни разнообразные международные контакты: встречи на конференциях, симпозиумах, совместные публикации, семинары, стажировки, научный обмен кадрами. Вместе с тем приходится констатировать, что многие проблемы, связанные с развитием российской науки, с признанием ее достижений, с участием российских ученых в совместных проектах и мероприятиях, связаны, в частности, с языковым барьером, то есть недостаточным уровнем владения иностранным языком.

По указанным причинам в настоящее время наблюдается устойчивый спрос на услуги дополнительного профессионального образования в области изучения иностранных языков. Все большее количество взрослых людей начинают изучение иностранного (чаще всего английского) языка или стремятся расширить и углубить приобретенные ранее знания, то есть продолжить свое иноязычное лингвистическое образование.

Анализ практики показывает, что на сегодняшний день существует объективная необходимость поиска оптимальной методики обучения иностранному языку в условиях дополнительного профессионального образования – наиболее гибкой и развивающейся подсистемы непрерывного образования. Методика обучения иностранному языку на курсах повышения квалификации как звена непрерывного образования строится в основном на переносе методики, применяемой в вузовском обучении, которая в условиях краткосрочных курсов оказывается малоэффективной и не обеспечивает требуемую результативность обучения.

В сложившихся условиях актуализируется задача методологического обоснования и методического обеспечения эффективных программ обучения иностранному языку взрослой аудитории. Решение обозначенной задачи требует серьезного подхода к выбору теоретической основы и принципов обучения; выявления и научного обоснования психолого-педагогических закономерностей, механизмов и факторов, влияющих на формирование иноязычной коммуникативной компетентности взрослых обучающихся.

Современными дидактическими концепциями обучения иностранному языку признается, что без учета особенностей развития личности на разных возрастных этапах, вне анализа ее мыслительных способностей невозможно построение методически грамотного и психолингвистически обоснованного учебного процесса. Обращаясь к психологически ориентированной дидактике, как отечественные, так и зарубежные методисты связывают эффективность процесса обучения с учетом возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся. Научно-обоснованные методики обучения иностранным языкам строятся на основе знания общих закономерностей функционирования речевого механизма, психологических факторов, влияющих на успешность обучения, и с учетом индивидуально-психологических и психофизиологических особенностей, обуславливающих иноязычно-речевые способности.

Анализ научной литературы и собственного опыта преподавания иностранного языка в группах повышения квалификации научно-педагогических работников показывает, что первостепенное значение для эффективной организации процесса обучения иноязычной коммуникации в условиях дополнительного профессионального образования имеет реализация андрагогических основ организации образовательного процесса, построенного с учетом следующих групп факторов:

- общепедагогический (состав группы, темп обучения, воздействие личности преподавателя);
- социально-психологические особенности взрослой аудитории (содержание образовательных запросов; влияние на процесс обучения профессиональных, социальных, бытовых и временных факторов);

- личностный (возраст, мотивация, образовательный и жизненный опыт, отношение к деятельности, активность, коммуникативность, эмоциональность и т.д.);

- методический (технологии, методы и средства обучения).

Группы повышения квалификации научно-педагогических кадров, как правило, включают слушателей разных возрастных категорий. При этом разница в возрасте может быть весьма существенной. В таком случае мы имеем дело с довольно пестрой картиной уровня развитости познавательных процессов (восприятия, воображения, памяти, мышления).

Вместе с тем нельзя не отметить наличие ряда общих социально-психологических характеристик, позволяющих говорить об особенностях взрослого контингента обучаемых. Основными чертами взрослого слушателя, как показывают исследования и наш собственный опыт, являются:

- стремление к достижению конкретной цели. Мотивация взрослого слушателя, как правило, обусловлена достижением определенной значимой для него цели (продвижение по службе, повышение заработной платы и т.п.);

- осмысленность образовательного процесса, более ответственное отношение к учебной деятельности, обусловленное тем, что взрослый слушатель уже осознанно относится к процессу обучения, поскольку осознает реальную необходимость обучения и имеет возможности практического применения его результатов;

- желание немедленно применять приобретенные знания и умения для реализации практических задач. Взрослому слушателю важно осознавать, что прикладываемые усилия окажутся небезрезультатными;

- стремление к максимально возможной полноте знаний. Взрослые слушатели желают понять все до конца, не оставляя пробелов, стремятся получить объяснение каждого непонятого аспекта.

Более развитая мотивация взрослых, способность к самоорганизации, сформированная система ценностей и понятийный аппарат в равной мере способствуют повышению активности взрослого в процессе обучения и снижению негативного влияния, которое оказывают на него различного рода психофизиологические барьеры.

К сожалению, нельзя не признать и тот факт, что на другой стороне весов, противоположной вышеназванным детерминантам положительного влияния, находится ряд факторов, в той или иной мере сдерживающих познавательные возможности взрослого и препятствующих успешному преодолению трудностей в изучении иностранного языка. Потенциальными детерминантами возникновения субъективных психологических барьеров в изучении иностранного языка взрослыми могут выступать характеристики когнитивной сферы обучающихся (свойства внимания, характеристики памяти, уровень сформированности языковых механизмов), индивидуальные качества личности (ригидность, высокий уровень личной тревожности, эмоциональная нестабильность), а также социальные, бытовые и временные факторы.

Приступая к изучению иностранного языка, взрослый человек нередко вынужден преодолевать серьезные барьеры психологического характера. Ж.Л. Витлин и Е.П. Тонконогая отмечают повышенную стеснительность, иногда и нервозность взрослого обучающегося в тех ситуациях, где проявляется его необразованность либо грубые ошибки в ответах [1, 5]. На эту же черту указывает и В. Ниггеманн, считая, что взрослые проявляют «робость, неуверенность, осторожность при необходимости дать быстрый ответ» [7].

Вышеназванные особенности взрослого контингента обучающихся определяют выбор методических подходов. Практический опыт убеждает, что обучение взрослых слушателей должно быть вариативным, комплексным, дифференцированным и развивающим с применением технологий, методов и средств обучения, адаптированных под индивидуальные стили учения и обеспечивающих максимальную индивидуализацию образовательных маршрутов. Многие принятые и эффективные позиции педагогики (тщательно разработанный базис дифференциации обучения как средства индивидуально-личностного подхода, разноуровневость обучения и подбор вариантов содержания в рамках программного материала, организационные формы дифференцирующего обучения для обеспечения условий успешности и глубокой заинтересованности каждого участника образовательного процесса) должны быть поддержаны в системе дополнительного профессионального образования.

Ключевым фактором успешного обучения взрослых иностранному языку является, по нашему мнению, применение коммуникативно-когнитивного подхода и разработка индивидуальной траектории обучения языку. С точки зрения коммуникативно-когнитивного подхода, в преподавании иностранного языка необходимо учитывать родной язык. Действительно, изучение иностранного языка начинается с осознания и преднамеренности, то есть идет в направлении, противоположном процессу усвоения родного языка. Вследствие этого на начальных этапах изучения языка вся аналитическая деятельность мозга: процессы сравнения, обобщения, конкретизации и абстракции – происходит с опорой на родной язык. Все то, чем человек овладевает почти неосознанно в родном языке, в иностранном языке требует автоматизации – переноса из области актуального осознания в разряд сознательно контролируемых навыков, когда при ошибке или затруднении языковое правило всегда может быть снова вызвано в сознании.

Очевидно, для того чтобы взрослый обучающийся мог общаться на иностранном языке в нормальном темпе, у него должен быть сформирован механизм речепорождения. При порождении высказывания переход от мысли к речи, кодирование исходного замысла в предложение происходит, прежде всего, на основе объективных морфологических и синтаксических структур языка. Базовым в работе механизма речепорождения является грамматический механизм. Поэтому при обучении иностранным языкам

взрослых учащихся именно этот механизм – грамматический механизм речепорождения – должен формироваться в первую очередь. По справедливому замечанию Н.И. Жинкина, «грамматика – это трамплин, от которого следует оттолкнуться, чтобы попасть в сферу мысли» [2]. Безошибочная работа грамматического аппарата в механизме речепорождения обеспечивает оптимальный и бесперебойный темп устного общения.

В соответствии с современными научными данными, при изучении иностранного языка в сознании обучающихся устанавливается связь не между логико-смысловым (глубинным) содержанием высказывания на родном языке и изучаемыми лингвистическими средствами, а между коррелируемыми поверхностными структурами и соответствующими лингвистическими средствами двух языков [3].

На наш взгляд, для того чтобы изучающие иностранный язык могли выражать свой речевой замысел с использованием самых разнообразных грамматических форм и явлений, они должны предварительно осознать всю грамматическую систему изучаемого языка как единое целое.

Научные данные свидетельствуют о том, что все компоненты языковой способности развиваются из первичного исходного ядра. Языковая способность не складывается из суммы независимо развивающихся компонентов, а, наоборот, компоненты постепенно развиваются из первично слитных интегральных и глобальных образов [6]. Познание в учебном процессе, по научным данным, также необходимо начинать с общего [4]. Нельзя изучить отдельные части, не познакомившись предварительно со всем целым, частями которого они являются. Любой познавательный процесс начинается с целостного восприятия предмета, а затем следует уже вычленение основных частей этого предмета и определение их свойств. Осознание предполагает раскрытие взаимосвязей между компонентами целого. Поэтому при обучении языку необходимо создавать в сознании обучающихся широкую ориентировочную основу последующих когнитивно-языковых действий [3].

Конечный результат обучения языку – не усвоение языковых знаний, а создание у обучающихся системного представления об иностранном языке, сформированности у них практических навыков устной (говорения), письменной речи, слушания и понимания (аудирования), наконец, чтения, способности успешно применять эти навыки для выражения своих мыслей, понимания содержания и смысла, то есть для решения всего того, что в методике и психологии называется коммуникативными задачами.

Очевидно, что эффективность обучения иноязычной коммуникации существенным образом зависит от взаимосвязи и взаимообусловленности целей, содержания и принципов, составляющих стратегию обучения. Цели диктуют содержание обучения, методические принципы определяют методы и приемы, а также и всю организацию учебного процесса.

Обучение взрослых иноязычной коммуникации должно строиться, на наш взгляд, с учетом основных этапов формирования иноязычной коммуникативной компетентности: начального, на котором происходит обогащение знаний и формирование навыков (фонетических, лексических, грамматических); промежуточного, на котором развиваются иноязычные коммуникативные умения (осуществлять эффективное общение) и творческого, характеризующегося развитием умений творческой коммуникативной деятельности в профессионально ориентированных ситуациях общения.

Целевая направленность учебного процесса на формирование иноязычной коммуникативной компетентности определяет содержание обучения: процессуальная сторона содержания обучения представлена знаниями (языковыми, фоновыми, знаниями о специфике межкультурной коммуникации), навыками и умениями иноязычной коммуникативной деятельности; предметная сторона содержания обучения включает языковой материал, сферы коммуникативной деятельности, тексты, упражнения.

Учебный материал и содержание обучения, с нашей точки зрения, следует отбирать и организовывать в структурные единицы на основе следующих принципов: коммуникативной направленности, системности, межкультурного взаимодействия, систематичности и последовательности, ситуативно-тематической организации, частотности, минимизации и концентрированности.

Аспектные упражнения целесообразно выделить в отдельные блоки (фонетический, грамматический, лексический), предусматривающие тренировку каждого нового явления. Речевые упражнения должны быть направлены на развитие всех видов речевой деятельности.

Языковые и речевые упражнения должны быть представлены, на наш взгляд, в равном объеме: увеличение объема языковых упражнений для системы обучения взрослых обусловлено большими затратами усилий взрослых учащихся на формирование и автоматизацию речевых навыков.

На занятиях должны доминировать задания для парного и группового выполнения, поскольку они позволяют решить большее количество учебных задач и способствуют развитию иноязычных коммуникативных способностей взрослых обучающихся.

Следует отметить принципиальное значение фактора времени для эффективной организации процесса обучения иностранному языку в условиях дополнительного образования взрослых. Минимизировать временные и энергетические затраты при овладении иностранным языком позволяет овладение слушателями эффективными психологическими стратегиями овладения языком, способствующими возрастанию осознанности деятельности, осознанию собственных позитивных познавательных возможностей и способностей к овладению новым языком, приобретению умений самостоятельного планирования и регулирования учебной деятельности.

Подводя итог изложенному, отметим, что специфика обучения иностранному языку в условиях дополнительного профессионального образования заключается, прежде всего, в необходимости учета возрастных и социально-психологических особенностей взрослых обучающихся. Первостепенное значение для эффективной организации процесса обучения взрослых иностранному языку имеет: реализация андрагогических основ организации образовательного процесса; учет индивидуальных учебных стилей обучающихся, формирующихся под влиянием их психофизиологических характеристик и окружающих социальных факторов; проектирование и внедрение в обучающий процесс технологий, методов и средств обучения, адаптированных под индивидуальные стили учения и обеспечивающих максимальную индивидуализацию образовательных маршрутов.

Библиографический список

1. Витлин, Ж.Л. Методические рекомендации по учету психологических особенностей взрослых в процессе обучения иностранному языку / Ж.Л. Витлин. – Л.: Изд-во НИИ общ. образования взрослых, 1976. – 110 с.
2. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – С. 45.
3. Ламзин, С.А. Методические принципы как основа теории обучения иностранным языкам (Синергетический аспект): дис. ... д-ра пед. наук / С.А. Ламзин. – Рязань, 2002. – 363 с.
4. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 480 с.
5. Тонконогая, Е.П. Дидактические основы обучения руководителей общеобразовательных школ в системе повышения квалификации педагогов: дис. ... д-ра пед. наук / Е.П. Тонконогая. – СПб., 1997. – 413 с.
6. Чурикова, Н.И. Умственное развитие и обучение (Психологические основы развивающего обучения) / Н.И. Чурикова. – М.: Столетие, 1994. – 172 с.
7. Niggemann, W. Praxis der Erwachsenenbildung / W. Niggemann. – Freiburg: Herder Verlag, 1975. – 218 p.

[К содержанию](#)

УДК 378.016:811.111+811.111'373

ББК Ш143.21-9+Ч448.026

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЦЕПТИВНОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО НАВЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.Н. Зайкова

В статье представлены результаты эксперимента проведенного среди студентов ЮУрГУ, целью которого являлось определение эффективности комплекса упражнений для формирования рецептивного лексического навыка при обучении чтению на английском языке. Анализ полученных данных доказал эффективность и целесообразность применения предложенного комплекса упражнений в учебном процессе.

Ключевые слова: лексика, навык, чтение, словарь.

Целью экспериментально-опытного обучения является проверка эффективности исследуемого комплекса упражнений. Одной из задач при обучении чтению на английском языке является формирование рецептивного лексического навыка. С этой целью на факультете Экономики и Предпринимательства ЮУрГУ среди студентов специальности «Регионоведение. Страны Западной Европы» был проведен эксперимент, в котором принимало участие 12 человек (6 студентов экспериментальной группы и столько же студентов контрольной группы). Прежде чем рассмотреть результаты эксперимента, определим базовые понятия, необходимые для их описания: лексика, навык, чтение, словарь.

Лексика – совокупность слов и сходных с ними по функциям объединений, образующих определённую систему. Системность лексики проявляется в том, что все её единицы на основе своих свойств входят в определённые лексические объединения (семантические поля, группы, синонимические и паронимические цепочки, антонимические противопоставления, словообразовательные гнезда) [6].

Другое важное понятие, с которым нам необходимо определиться, это навык. В методике преподавания иностранных языков навык понимается как автоматизированное действие с фонетическим, лексическим и грамматическим материалом в процессе рецептивной или продуктивной речевой деятельности. Соответственно выделяют навыки фонетические, лексические, грамматические, а также двигательные (при письме) [7].

Навык, согласно Н.А. Бернштейну, характеризуется такими основными признаками, как автоматизированность (плавность), устойчивость, гибкость, сознательность, сложность [1].

В методической литературе лексический навык определяется как автоматизированное действие по выбору лексической единицы адекватно замыслу и ее правильному сочетанию с другими единицами в продуктивной речи и автоматизированное восприятие, и ассоциирование со значением в рецептивной речи [5].

В основе лексического навыка лежат следующие операции:

- а) перевод лексической единицы из долговременной в оперативную память (вызов слова) адекватно речевой задаче;
- б) сочетание лексической единицы с предыдущей или последующей адекватно замыслу и нормам языка;
- в) определение адекватности выбора и сочетания единиц в зависимости от ситуации.

Набор таких операций зависит от вида лексических навыков и от вида речевой деятельности. Выделяют продуктивные и рецептивные лексические навыки. В методической литературе, под продуктивными понимают навыки правильного словоупотребления и словообразования в устной и письменной речи в соответствии с ситуациями общения и целями коммуникации [3]. А под рецептивными понимают навыки узнавания и понимания лексических единиц в рецептивных видах речевой деятельности (аудирование и чтение) [3]. Таким образом, чтение – рецептивный вид речевой деятельности по восприятию и пониманию письменного текста; входит в сферу коммуникативно-общественной деятельности людей и обеспечивает в ней одну из форм общения (письменную).

В зависимости от характера речевой деятельности различают активную и пассивную (рецептивную) лексику. Активный словарь составляют слова, которыми пользуются для выражения мыслей в устной речи и на письме, владея им продуктивно. При отборе активной лексики исходным критерием является способность слова выражать максимум содержания. Владение такой лексикой дает возможность учащимся передавать значение тех слов, которых они еще не знают, описательным способом.

Пассивный словарь состоит из слов, которые служат для приема устной и письменной информации, им владеют рецептивно. Пассивный запас лексики объективно больше, чем запас активной лексики, поскольку при чтении учащийся встречается значительно большее количество слов, чем он может употребить при говорении и письме. Пассивная лексика увеличивается благодаря потенциальному словарю учащихся, включающему интернациональные слова, сходные по звуковому и графическому составу и совпадающие по значению в родном и иностранном языках, а также слова, которые могут быть поняты на основе знания элементов словообразования и контекста: слова с общими корнями в родном и иностранном языках.

При обучении рецептивным видам речевой деятельности Г.В. Рогова большое значение уделяет потенциальному словарю – словам, которых не

было в языковом опыте учащихся, но которые могут быть поняты учащимися на основе языковой догадки [4].

Формирование лексических навыков как важного компонента речевых умений носит поэтапный, стадийный характер. Так традиционно выделяют три этапа формирования рецептивного лексического навыка чтения: ознакомление; тренировка; применение. На первом этапе работы над иноязычным словом усвоение слова начинается с восприятия, с узнавания его образа и выделения в нем наиболее важных признаков. Интеллектуальная деятельность учащихся на этом этапе направлена на отработку действий в уме в виде восприятия, узнавания, различения (дифференциации), запоминания и понимания формы и особенностей значения слов, установление смысла слова в конкретном контексте. Информация, полученная на первом этапе работы над иноязычным словом, должна быть закреплена студентами в практических действиях со словом. В этом случае речь и идет о формировании лексических навыков. Такие навыки формируются на этапах тренировки и применения лексического материала.

Формирование рецептивных лексических навыков чтения осуществляется в упражнениях по проверке понимания прочитанного и при обсуждении его содержания. Е.А. Маслыко выделяет четыре типа упражнений на формирование лексического навыка чтения: дифференцировочные упражнения; подстановочные и конструктивные упражнения; трансформационные упражнения; упражнения для активизации лексики в речи [2].

Перейдем к рассмотрению результатов эксперимента. Перед началом эксперимента студенты были разделены на экспериментальную и контрольную группы. В начале экспериментальной работы нами был проведен срез с целью установления начального уровня сформированности знаний студентов экспериментальной и контрольной групп.

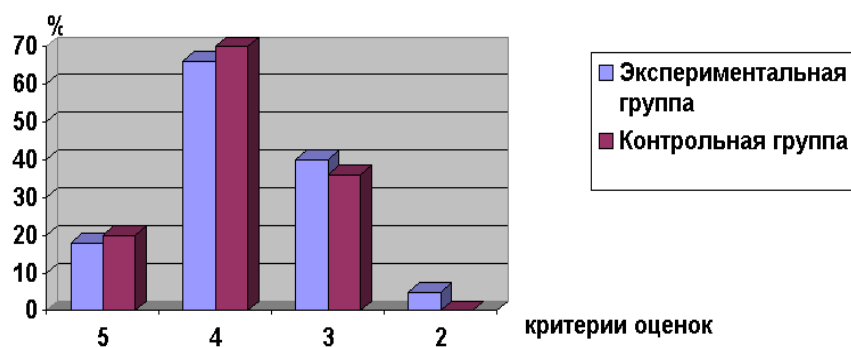

Рис. 1.1. Констатирующий этап эксперимента

Студентам экспериментальной группы был предложен текст и после-текстовые задания, например упражнение на нахождение в тексте конкретной информации, упражнение, которое помогает определить знание общих и частных особенностей дистрибуции лексических единиц в ино-

странном языке и умение реализовать их в речи, упражнение для активизации лексики в речи, упражнения на оценку узловых моментов текста, упражнения, используемые для выявления идеи и т.д. Анализ данных показал, что большинство студентов в двух группах обладают средним уровнем сформированности лексических навыков.

На основе приведенных в теоретической части классификаций упражнений, был разработан комплекс упражнений. Данный комплекс включает в себя упражнения, направленные на формирование рецептивного лексического навыка чтения, а именно упражнения на прогнозирование содержания читаемого, упражнения на свертывание текста, упражнения на реконструкцию текста и на обобщение материала, упражнения на оценку узловых моментов текста, упражнения, используемые для выявления основной идеи прочитанного.

По окончании формирующего этапа в экспериментальной и контрольной группах был проведен тест на изученную лексику и результаты этого теста, наряду с промежуточными результатами занятий, использовались на обобщающем этапе исследования при анализе полученных данных.

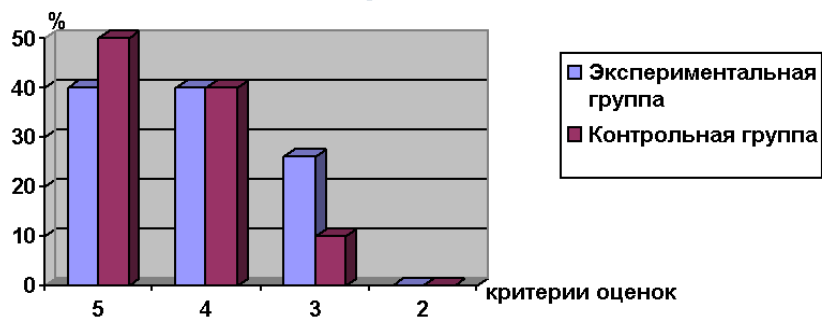

Рис. 1.2. Обобщающий этап эксперимента

Данные эксперимента позволяют сделать вывод о том, что комплекс упражнений является эффективным, если:

- 1) обучение идет от формы к значению;
- 2) трудности узнавания лексических единиц при чтении связаны с омонимичностью, многозначностью, фразеологической связанностью слов, интернационализмами;
- 3) используются принципы коммуникативного обучения, а именно речемыслительная направленность, функциональность, новизна, ситуативность и личностная индивидуализация.

Библиографический список:

1. Бернштейн, Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности / Н.А. Бернштейн. – М.: Просвещение, 1961. – 256 с.

2. Маслыко, Е.А. Настольная книга преподавателя иностранного языка. Справочное пособие / Е.А. Маслыко, П.К. Бабинская, А.Ф. Будько, С.И. Петрова. – Минск: Высшая школа, 1997. – 528 с.
3. Общая методика обучения иностранным языкам в средней школе / под ред. А.А. Миролубова, И.В. Рахманова, В.С. Цетлин. – М.: Изд. Просвещение, 1967. – 503 с.
4. Рогова, Г.В. Методика обучения иностранному языку / Г.В. Рогова. – Л.: Изд. ЛГПИ, 1975. – 150 с.
5. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / под ред. Э.Г. Азимова, А.И. Щукина. – СПб.: Изд. Златоуст, 1999. – 256 с.
6. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 1562 стб., [57] с.
7. Теоретические основы методики обучения иностранным языкам в средней школе / под ред. А.Д. Климентенко, А.А. Миролубова. – М.: Изд. Просвещение, 1981. – 284 с.

[К содержанию](#)

ББК Ш143.24-7

УДК 811.11

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В.Э. Измайлова

Обязательной составляющей экзамена по иностранному языку для получения международного сертификата является описание диаграммы. В статье представлены некоторые возможности использования иллюстративной графики на занятиях со студентами неязыковых специальностей. Рассматриваются принципы отбора графического материала и порядок работы с иллюстративным материалом.

Ключевые слова: коммуникативный подход, иллюстративная графика, диаграмма, описание графика, речевые образцы.

Проблема обучения иностранному языку как средству общения приобретает особую актуальность в современной методике. Все большее распространение получает ориентация на коммуникативный подход в обучении иностранному языку, направленный на формирование у студентов смыслового восприятия и понимания иностранной речи, а также овладение языковым материалом для построения речевых высказываний. Разрабаты-

вая методы обучения, направленные на развитие коммуникативных способностей учащихся, необходимо совершенствовать технологию выполнения различных упражнений, обеспечивающих активизацию речевой деятельности. Обучение устной речи может осуществляться в процессе работы с печатным текстом, при освещении различных тем и ситуаций, при описании изображений, графиков, диаграмм.

Хотелось бы отдельно остановиться на работе с иллюстративной графикой как средства формирования у студентов коммуникативной компетенции. Очевидно, что большой объем текста с трудом воспринимается студентами и требует много времени на проработку, при этом диаграмма является прекрасным дополнением в иноязычных текстах благодаря своей выразительности, доходчивости, лаконичности. Преимущество диаграмм перед другими типами наглядной статистической информации заключается в том, что они позволяют быстро произвести логический вывод из большого количества полученных данных [1]. Визуализация информации с помощью графиков и диаграмм способствует тому, чтобы в сжатой форме отобразить наиболее важные положения текста. Таким образом, использование на занятии зрительной опоры в форме графиков и диаграмм облегчает построение собственного высказывания, так как то, о чем следует сказать, наглядно представлено в тексте, и студенты могут сосредоточиться конкретно на оформлении своей мысли средствами изучаемого языка.

Использование иллюстративной графики в речевой подготовке студентов выполняет следующие функции:

- позволяет полностью снять трудность «что сказать», так как графика отражает весь информационный материал, подлежащий усвоению;
- частично снимает трудность «как сказать», поскольку в графике представлены основные содержательные лексические единицы, выступающие как подсказки;
- позволяет быстро произвести логический вывод из большого объема представленной информации;
- помогает усваивать значительный объем информации без дополнительных усилий и времени за счет основной работы на занятии;
- является великолепным средством для закрепления специальной лексики;
- позволяет тренировать навыки говорения с помощью разработанных клишированных выражений и словосочетаний;
- диаграмма вносит разнообразие в работу с текстом и способствует лучшему пониманию текста за счет ее наглядности и лаконичности;
- способствует научению устной и письменной речи в соответствии с типичными моделями речевых поступков вербальных значений.

Эти положения позволяют рассматривать работу с использованием иллюстративной графики как органическую практико-ориентированную составляющую занятия иностранного языка.

Работе с графическим материалом уделяется серьезное внимание в подготовке студентов по иностранному языку в университетах Германии, а описание графиков, диаграмм является обязательной составляющей экзамена по иностранному языку для получения сертификата, подтверждающего уровень владения иностранным языком в соответствии с международными требованиями. Задание включает описание статистических данных, представленных в форме графика или таблицы, составление связного сообщения, изложение своей точки зрения, а также аргументированного обоснования своей позиции по предложенной теме [2].

Работа с иллюстративной графикой, прочно закрепившаяся в зарубежной методике преподавания иностранных языков, в отечественных учебниках носит фрагментарный характер. Например, иллюстративный материал в учебном пособии Н.Ф. Бориско «Бизнес-курс немецкого языка» представлен в каждом уроке [3]. Однако дидактическая разработка материала все-таки недостаточна: в пособии не представлены упражнения, направленные на формирование умений вербализации статистических данных, недостаточно упражнений для отработки речевых образцов. Поэтому при работе с графическим материалом необходима дополнительная проработка и адаптация предложенного или вновь отобранного иллюстративного графического материала: разработка комплекса лексических, грамматических и речевых упражнений, помогающих повысить эффективность наглядного материала.

Особое внимание следует обратить на отбор графического материала:

1) как правило, при отборе иллюстративного материала для занятия используется «свежий» статистический материал. Иллюстративная графика теряет актуальность через два, максимум три года, и на занятиях ее едва ли можно использовать, так как она не вызывает интерес и не мотивирует студентов к высказыванию;

2) в отобранный материал необходимо включать темы интересные именно данной возрастной и языковой аудитории. Обсуждение реальных жизненных ситуаций должно вызывать интерес у студентов и желание высказаться по предложенной тематике, поделиться своими идеями;

3) отобранный материал должен быть проблемным. Представленные в иллюстративной графике материалы могут иметь самое разное содержание и отражать как общепрофессиональные темы, так и вопросы реальной жизни, например, морально-этические, социальные и другие (проблемы молодежи, защита окружающей среды, приоритеты жизненных установок и т.д.).

Так как задания по работе с иллюстративной графикой типовые, то на занятиях отрабатываются определенные речевые клише, необходимые для

работы с графиком. Студентам могут быть предложены хорошо зарекомендовавшие себя клишированные выражения для описания графиков и диаграмм “Was will ich sagen? Wie kann ich das auf Deutsch?” [4]. С помощью этих «опор» у студентов имеется подготовленный набор речевых клише для описания статистических данных, выражения своего мнения, представления работы и т.д. Практическая работа показывает, что благодаря речевым образцам изучаемые языковые единицы многократно повторяются в разнообразных контекстах, лексический запас студентов пополняется автоматически, грамматика усваивается легче. Задачей преподавателя при этом является методическая адаптация отобранного графического материала, отработка лексического и грамматического материала, выбор различных приемов для обсуждения содержания статистических данных, организация работы студентов, отслеживание степени активности студентов.

При презентации графического материала можно выделить три основных этапа работы:

1. Введение (базисная информация):
  - Was ist der Titel oder Inhalt der Grafik?
  - Wann wurden die Daten erhoben und wie werden sie dargestellt?
  - Woher stammen die Daten?
  - Wer hat die Daten erhoben?
2. Основная часть (описание, интерпретация):
  - Beschreibung und Erklärung;
  - Reihenfolge;
  - Entwicklung.
3. Заключение (сравнение, комментарии, выводы, личное отношение):
  - Vergleich;
  - Kommentare und Schlussfolgerungen.

Порядок работы и интерпретация графика представляется следующим образом [5]:

1. Ознакомление с заголовком и определение темы графика, формулирование основной мысли предложенного графического материала, анализ выходных данных, представленных в таблице. Для описания графика студентам предлагается ряд вопросов, ответы на которые можно найти в каждом графике: тема, краткий вводный текст, источник публикации, вид графика, информация в процентах, цифрах, годах и т.д. Например:

Sehen Sie sich die Grafik zum Thema “Fremdsprachenlernen” an. Vor der Beschreibung der Grafik beantworten Sie die folgenden Fragen:

- 1) Welches Thema wird behandelt?
- 2) Welche Daten stellt die Grafik dar? Woher stammen die Daten?
- 3) Gibt es Auffälligkeiten, Trends bei den dargestellten Daten?
- 4) Gibt es eine überraschende Information?

5) Welche Maßeinheiten (Prozent, absolute Zahlen, Jahresangaben) werden verwendet?

2. Описание и интерпретация графика. Необходимо составить план рассказа, определить, на какие ключевые параметры диаграммы необходимо обратить внимание, сделать выводы из информации графика. При описании графика, диаграммы в помощь студентам можно предложить разработку речевых клишированных выражений, которая поможет научить студентов оформлять, представлять и докладывать результаты выполненной работы, обрабатывать грамматические явления, например, придаточное предложение, степени сравнения прилагательных и наречий, пассивный залог, управление глаголов и т.д. [6].

Die folgenden Redemittel helfen Ihnen bei der Darstellung von Grafiken:

Ich habe eine Grafik zum Thema... bekommen

Aus der Grafik geht hervor, dass...

Die Grafik zeigt, dass ... / zeigt Folgendes: ...

Die Grafik gibt Informationen über...

In dieser Grafik sehen wir; wie viel/ wie/ dass ...

Der Anteil der ... ist geringer/ höher als der bei ...

Im Text zu der Grafik steht, dass ... u.s.w.

3. В заключении студенты должны сравнить представленную информацию с действительностью и выразить собственную точку зрения, аргументировано обосновать свою позицию по тому или иному вопросу, сравнить с ситуацией в своей стране и т.д.

Опыт работы по использованию иллюстративной графики позволяет сделать вывод, что применение на занятии иностранного языка графиков и диаграмм стимулирует речевую деятельность студентов, способствует лучшему пониманию текста, развитию внимания, умению сравнивать, сопоставлять, значительно повышает эффективность занятия, облегчает процесс обучения.

Библиографический список

1. Википедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B8%-D0%B0%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0>.

2. Международный Test DaF. – URL: <http://www.deutsch.best.ru/Frame-set.testdaf.htm>.

3. Бориско, Н.Ф. Бизнес-курс немецкого языка: учебное пособие / Н.Ф. Бориско. – Киев, 1997. – 352 с.

4. Tellmann, Udo. Redemittel zur Beschreibung von Schaubildern und Diagrammen / Udo Tellmann. – URL: <http://www.wirtschaftsdeutsch.de/>.

5. Kniffka, G. Training TestDaF. Material zur Prüfungsvorbereitung / Gabrielle Kniffka, Bärbel Gutzat // Berlin und München: Langenscheidt KG, 2006. – URL: <http://ru.scribd.com/doc/92569805/Training-Testdaf>.

6. Redemittel zur Beschreibung einer Statistik / einer Graphik / eines Schaubildes / eines Diagramms / einer Tabelle. – URL: <http://ebookbrowse.net/redemittel-diagramm-daf-pdf-d423903520>.

[К содержанию](#)

УДК 811.111
ББК Ш143.21-7

ТЕКСТОВАЯ МОДАЛЬНОСТЬ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ СПОСОБ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ

Е.М. Истомина

В статье рассматривается авторская модальность как текстообразующая категория, обосновывается разграничение между авторской и субъективной модальностью, которое состоит в том, что первая реализуется на уровне текста, а не предложения. Принципиально важным является то, что авторская модальность реализует личностные особенности автора, она всегда является эмоциональным способом выражения авторской оценки.

Ключевые слова: объективная модальность; субъективная модальность; эмоция; оценка; авторская модальность; текстовая модальность.

Язык является не только орудием, служащим для передачи мысли, но и средством выражения эмоций. В каждом высказывании происходит смешение мысли и чувства, поскольку происходит эмоциональное переосмысление сказанного, связанное с так называемой субъективной модальностью. То есть речь получает свою эмоциональную окраску в результате наличия субъективного отношения говорящего к предмету, на который направлен речевой акт. Отношение и чувство не составляют двух разных компонентов значения, они едины. Как «эмоция составляет содержание слова и присутствует в нем вместе с оценкой» [5], так и «чувства есть всегда оценка наличного содержания» [6]. Термин «эмоция» имеет собирательное значение: он объединяет все психические переживания человека – чувства, аффекты, состояния, т.е. все «переживательно - мотивационные» процессы; выбор этого термина определен сложившейся в лингвистике традицией [4].

Таким образом, модальность – это «нерв» языка, она запускает в действие коммуникативную систему. Спектр выражаемых эмоций очень широк. Ведь модальное значение – это указание на отношение к действительности, а так как действительность многогранна, то и отношение содержания речи к ней выступает в бесконечном многообразии.

Изучение модальности в отечественной лингвистической традиции заложено в трудах В.В. Виноградова, причислившего эту категорию к числу основных, центральных языковых категорий, в разных формах «обнаруживающихся в языках разных систем» [2].

Одним из основных аспектов дифференциации этой категории в отечественном языкознании является противопоставление объективной и субъективной модальности. Объективную модальность, выражающую отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и потенциальности противопоставляют субъективной модальности, то есть отношению говорящего к сообщаемому.

Объективное в речи происходит из объективных свойств объекта или явления объективной действительности, а также обусловлено объективными характеристиками субъекта как представителя некоего социума, так как «многие жизненные отношения совпадают у больших групп людей или даже у всего человечества в меру общности тех или иных объективных характеристик». Объективная модальность отражает объективные связи реальной действительности. Семантический объем субъективной модальности значительно шире семантического объема объективной модальности. В категории субъективной модальности наличествует антропоцентрическое свойство языка, которое выражается в противопоставлении концептуального начала нейтрально-информационной фону.

Языковые средства, с помощью которых в языке оформляется категория модальности, весьма разнообразны. Она может оформляться лексически (модальными словами), морфологически (например, формами наклона глагола), интонационно и так далее. Круг модальных значений очень широк. Ведь модальное значение – это указание на отношение к действительности, а так как действительность многогранна, то и отношение содержания речи к ней выступает в бесконечном многообразии.

Подобно тому, как грамматическая форма слова изучается с точки зрения ее внутреннего состава и в ее отношении к единице, частью которой она является, предложение также следует изучать не только в аспекте своей внутренней структуры, но и как элемент более крупного образования. Таким образованием является сложное синтаксическое целое или сверхфразовое единство. Сверхфразовые единства, соединяясь, образуют текст. Таким образом, получаем следующую типологию коммуникативных образований: предложение – сложное синтаксическое целое / сверхфразовое единство – текст.

Введение субъективно – модального значения в общую категорию модальности представляется очень важным моментом в рассмотрении ее, так как служит связующим звеном между отдельным предложением и высказыванием, текстом. Таким образом, субъективно-модальное значение является собой «мостик», переброшенный от модальности одного предложения

к модальности целого текста. Впервые модальность как текстовую категорию обозначил И.Р. Гальперин [3]. Не вводя дефиницию, он представил сущность категории модальности текста через ряд признаков: «объективная по природе, в тексте носит не грамматический, а функционально-семантический характер, проявляясь неравномерно в разных фрагментах текста и выражаясь через характеристику героев, распределение отрезков текста, сентенции автора, актуализацию отдельных частей текста и т.д.» [3]. Под модальностью художественного текста мы понимаем центральную текстовую категорию, субъективную по своей природе, выражающую отношение субъекта речи (автора, персонажа) к содержанию речи, самому себе, к обстановке и форме речи, описываемым событиям, героям, включающую эмоционально-экспрессивную оценку сообщаемого и способную выражаться как языковыми, так и неязыковыми средствами.

В структуре текстовой модальности мы выделяем модальность автора и модальность персонажа. Модальность персонажа мы рассматриваем как «частную» категорию, авторскую модальность – как глобальную категорию, охватывающую весь текст [7]. Текстовая модальность представляет собой коммуникативно – семантическую категорию, в отличие от грамматической модальности предложения.

Говоря о художественном тексте, из двух видов модальности – объективной и субъективной, ему свойственна только последняя, поскольку отношение реальность/ирреальность в художественных текстах снимается, ведь художественные тексты дают только изображаемую реальность.

В разных типах текстов модальность проявляется с разной степенью очевидности. Нельзя не согласиться с мнением И.Р. Гальперина о том, что коэффициент модальности (пропорция, в которой представлено смешение рационального и эмоционального в высказывании) меняется в зависимости от целого ряда причин – индивидуальной манеры автора, объекта описания, прагматической установки, соотношения содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации, и чем отчетливее проявляется личность автора в его произведении, тем выше этот коэффициент.

Текстовая модальность особенно выражено выступает в поэтических произведениях, так как субъективно-оценочная характеристика предмета мысли в таких текстах превалирует. Модальность является неотъемлемым признаком и художественного прозаического произведения.

Поскольку модальность, как признак процесса коммуникации, выражает отношение говорящего к действительности, представляется правомерным говорить о ней в плане непосредственной коммуникации персонажей и в плане опосредованной коммуникации автора с читателем. Ведь в художественном тексте происходит языковое воплощение личности писателя. Очень редко позиция автора выражается в открытой форме в виде лирических отступлений. Чаще позиция автора скрыта, проявляется в разнообраз-

ных формах, приемах, в том числе и в организации структуры произведения. Модальность и в плане непосредственной коммуникации персонажей и в плане опосредованной коммуникации автора с читателем формирует общую текстовую модальность, отражающую авторское отношение к действительности.

В результате анализа категории модальности в сверхфразовых единствах приходим к выводу о ее особой скрепляющей роли в тексте, и в данном случае речь идет об авторской модальности. Модальность персонажа реализуется в пределах диалога, эпизода, главы, в то время как авторская модальность является глобальной категорией, охватывающей весь текст. Авторская модальность, являясь компонентом содержательной структуры текста, представляет воплощение индивидуально-авторского мировоззрения, эмоционально-оценочной и духовной сферы языковой личности автора.

Через постепенное накапливание сигналов авторской модальности реализуется модальность текста [1]. Текстовая модальность – сложная структура, в основе которой лежат субъективно-модальные смыслы положительной и отрицательной оценки: симпатия, любовь, восхищение, неодобрение, презрение, отвращение, негодование, страх и т.д. Модальность как бы «впитывает» в себя соответствующую эмоцию, параметры эмоций и отношений совпадают: «приятное» – «хорошо», «неприятное» – «плохо». Таким образом, оценочный компонент в структуре авторской модальности формирует общий характер данной категории в тексте, является отправной точкой для раскрытия особенностей языковой личности автора.

Модальность в тексте может выражаться самыми разными средствами (формально – грамматическими (морфологическими), лексическими, фразеологическими, синтаксическими, интонационными, композиционными, стилистическими), но она всегда является эмоциональным способом выражения авторской оценки и, следовательно, средством проявления подтекста, который всегда формируется в результате сознательной литературной обработки автором языковых фактов для организации экспрессивной переоценки неавторского слова читателем. Функциональная предназначенность категории модальности состоит в обеспечении единства и целостности текста как системы.

Библиографический список

1. Белик, Е.А. Художественно-образные средства выражения модальности в текстах русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Белик. – Краснодар, 1996. – 18 с.
2. Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. – М., 1986.
3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Высш. Школа, 1981 – 36 с.
4. Изард, И. Эмоции человека / И. Изард. – М., 1980. – С. 52–71.

5. Касарес, Х. Введение в современную лексикографию / Х. Касарес. – М.: Иностранная литература, 1958. – 354 с.

6. Потевня, А.А. Мысль и язык (извлечения) / А.А. Потевня // История языкознания 19–20 веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. – М.: Просвещение, 1964. – С. 136–142.

7. Хасанова, О.О. Средства выражения категории модальности в русскоязычных романах В.В. Набокова: дис. ... канд. филол. наук / О.О. Хасанова. – Sterlitaмак, 2012.

[К содержанию](#)

УДК 808.1 + 82-21

ББК Ш5(4Вл)-4

ФЕНОМЕН АНТИЧНО-АЛЛЮЗИВНОЙ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ТРАГЕДИЯХ ШЕКСПИРА

Е.М. Кирякова

В данной статье анализируется явление античной аллюзии в шекспировском тексте в разноаспектном рассмотрении. Под разноаспектной интерпретацией мы понимаем синтез семасиологического, семиотического, когнитивного анализов и экстраполируемую на них герменевтическую интерпретацию.

Ключевые слова: аллюзия; мифоним; мифологема; интертекстуальность; трансцендентальность; метафоризация; гиперсемантизация.

При всей своей парадигматической референционной ограниченности аллюзив-мифоним в шекспировском тексте подвергается семантическим преобразованиям: метафоризации, символизации и трансцендентализации.

Аллюзивы-мифонимы в шекспировском тексте, представляя трансцендентальные сущности, иррационализируют его трагическое начало [2].

Мифологические образы понимаются как реально существующие. Изучение мифологии в рамках европейской традиции познания началось еще в эпоху классической Греции (когда возникла философско-символическая концепция Платона) [4].

Мифологема сопрягает в одном плане выражения два или более пласта содержания, один из которых соотносится с персонифицирующим мифологическим именем, а другой (другие) – с символизированной сущностью. Мифологическое имя (мифоним) – это сложный знак, где за одним означаемым стоят два понятия, где нераздельны не только означающее и денотат, но и несколько означаемых (например, мифоним Эос включает представление о богине зари, о заре как наблюдаемом явлении и о соответствующем времени суток).

Мифологема имплицитно включает в себя повествование, мифологический сюжет. Так, мифоним Нарцисс подразумевает повествование о юноше, влюбленном в свое отражение в воде и погибшем от этой любви.

По мнению Кристевой, «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [4].

Разновидностью интертекстуальности является аллюзия. В энциклопедии Кругосвет под аллюзией понимается наличие в тексте элементов, функция которых состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам.

Творчество Шекспира имеет в своей основе поэтический взгляд на мир, сказочный элемент присутствует во многих его произведениях. Шекспир окружает ореолом поэтичности даже самые повседневные явления жизни. Попав в орбиту его поэтического мышления, они обретают особую значимость и включаются в вечный круговорот, в котором пребывает все живое. И так как связь вещей сложна и не сразу улавливается мыслью, то на всем оказывается налет некой таинственности. Поэтическое видение мира, присущее Шекспиру, постоянно открывает в жизни чудесное. В трагедиях Шекспира присутствует множество античных аллюзий, создающих неповторимую мистическую атмосферу.

В постмодернистской текстологии одним из фундаментальных терминов становится трансцендентальное означаемое. «Трансцендентальному означаемому» приписываются особые, незнакомые свойства самообнаружения – в интуиции, в непосредственном знании. Мифологические сущности есть трансценденталии.

Терминами «трансцендентное», «трансцендентальное» И. Кант обозначал, то, что выходит за пределы возможного опыта (бог, душа, бессмертие), т.е. относящийся к априорным (вне – опытным или до – опытным) условиям возможности познания.

Трагическое и его выражение в трагедии трансцендентальны. Фридрих Ницше говорил о трагическом как об изначальной сути бытия, иррациональной и хаотической. Трагедия – это философское искусство, ставящее и решающее высшие проблемы жизни, смерти, власти [3].

В шекспировских трагедиях много потустороннего, сверхъестественного, иррационального, в существование которого верили зрители елизаветинского театра. Герои шекспировских трагедий чувствуют мистическую связь с людьми, животными, растениями, связь между прошедшими, настоящими и будущими событиями [1].

Посредством компонентного метода, основного в семасиологическом анализе, мы можем выявить набор СК (семантических компонентов), передающих трансцендентность шекспировского текста. В этой парадигме ин-

тегрирующим СК является СК «трансцендентность», который можно разложить на составляющие СК: «ирреальность», «сверхъестественность», «потусторонность», «надмирность», «неизреченность», «магия», «волшебство», «мистика» и т.д. [2].

Семасиологический анализ формализует расплывчатую интуицию, на которой базируется герменевтическая интерпретация.

Под трансцендентализацией аллюзивов-мифонимов мы понимаем расширение их семантического содержания благодаря появлению в нем синтагматического СК «трансцендентность».

В нашем исследовании мы оперируем понятием знака. Знак – сигнал, несущий закодированную информацию. Знак – чувственно воспринимаемый предмет, отсылающий к другому предмету. Знак не заменяет, а замещает обозначаемое [3].

Знак – иррациональный символ, представляющий трансцендентные сущности. Трансцендентные сущности это ирреальные семиотические сущности, знаки запредельного, нереференционного.

Шекспировская трагедия, как и любой художественный текст, является системой знаков, кодирующих художественную информацию, и системой внезнаковых образований – художественных образов, которые могут быть символическими. Такое преобразование текстового знака может быть интерпретировано семасиологически, когнитивно и герменевтически.

Трансцендентность шекспировского текста создаётся многими средствами, в том числе и образной системой, в которую входят и аллюзивно-мифологические образы.

В искусстве античности боги и другие мифические существа оказывали роковое влияние на человеческие судьбы. В произведениях Шекспира фантастические существа уже не определяют судьбу людей, а лишь сопутствуют реальным событиям, придавая особый оттенок всему происходящему, намекая на неизведанные тайны жизни. Это не только усугубляет поэтический колорит произведений Шекспира, но и является одной из сторон мироощущения Шекспира. Мир для него полон чудес, и его поэтическое воображение воплощает это в причудливых фантастических образах, заимствованных из фольклора или мифологии. Иррациональные мифологические сущности трансцендентализируют шекспировские трагедии. Таковыми являются образы греческих и римских богов: Jove, Juno, Venus, Fortune, Apollo, Helios, Mars, Mercury, Neptune, Diana, Vulcan, Bacchus.

Семантика аллюзива-мифонима в шекспировской трагедии претерпевает значительные изменения. Аллюзив-мифоним имеет определенную уникальную референциальную отнесенность, что сужает область его означивания. Метафоризуясь в художественном тексте, аллюзив-мифоним отражает множественный, уплотненный художественный смысл.

В шекспировских трагедиях преобладают метафоры-персонификации. Под персонификацией мы понимаем лингвистическую репрезентацию концептуального процесса антропоморфизма, олицетворения бестелесного. В шекспировском тексте нет пределов персонификации.

В основе персонификации аллюзивов-мифонимов лежит метафорическая концептуальная модель трансцендентальной сущности – человек. Метафора, способствующая образованию непредсказуемых межфреймовых связей, рассматривается как главное средство нашей концептуальной системы, с помощью которого мы понимаем и воспринимаем один тип объектов в терминах объектов другого типа.

Использование семасиологического анализа позволяет выявить широту семантической структуры аллюзива-мифонима, его метафоризацию и гиперсемантизацию.

Использование семиотического анализа позволяет декодировать такие яркие символы как, например, Геката в «Макбете» в сцене перед убийством Дункана:

Macbeth:

Now o'er the one halfworld
Nature seems dead, and wicked dreams abuse
The curtain'd sleep; witchcraft celebrates
Pale Hecate's offerings, and wither'd murder,
Alarum'd by his sentinel, the wolf,
Whose howl's his watch, thus with his stealthy pace.

и далее после сговора с убийцами:

Macbeth:

There's comfort yet; they are assailable;
Then be thou jocund: ere the bat hath flown
His cloist'ed flight, ere to black Hecate's summons
The shard-borne beetle with his drowsy hums
Hath rung night's yawning peal, there shall be done
A deed of dreadful note.

В греческой мифологии Геката – богиня мрака, ночных видений и чародейства. Геката – древнее хтоническое божество, которое сохранило свои архаические функции, даже было глубоко чтимо самим Зевсом, войдя в число богов, помогающих людям в их повседневных трудах. Ночная страшная богиня, с пылающим факелом в руках и змеями в волосах, Геката – богиня колдовства, к которой обращаются за помощью, прибегая к специальным таинственным манипуляциям. Геката связывает два мира – живой и мертвый [4]. Она – мрак и вместе с тем лунная богиня, близкая Селене и Артемиде. Гекату можно считать ночным коррелятом Артемиды; она тоже охотница, которую сопровождает свора собак, но ее охота – это мрачная, ночная охота среди мертвецов, могил и призраков преиспод-

ней. Геката близка Деметре – жизненной силе земли, Персефоне – олицетворению подземного мира. Образ Гекаты совмещает мир героической мифологии и архаический демонизм.

Геката репрезентирует одновременно несколько семантических полей, представляемых ключевыми лексемами, которые могут истолковываться как маркеры этих полей (например, к семантическому полю смерти можно отнести слова: *dead, pale, murder*; к семантическому полю ужаса – *dreadful, howl, black*; семантическое поле мистики представляют такие лексеммы, как *witchcraft, howl, bat, beetle*, несущие в себе ассоциации с поверьями, колдовством, ведьминными зельями). Геката у Шекспира является властительницей ночных видений (так как она являет Макбету кинжал накануне убийства).

Шекспировские трагедии глубоко символичны. Герменевтика толкует шекспировскую природу как символическое бытие, форму выражения божественного откровения. В художественном тексте, в частности, в шекспировской трагедии, семантическое содержание аллюзива-мифонима модифицируется под влиянием контекстуального окружения и жанровых особенностей текста.

Интертекстуальность рассматривается как факт соприсутствия в одном тексте двух или более текстов. В шекспировских трагедиях наиболее полно она представлена в аллюзиях-мифонимах, мистифицирующих и иррационализирующих повествование. Таким образом, аллюзивы-мифонимы являются важными составляющими трансцендентального начала шекспировской трагедии, концентрируя в себе огромный потенциал человеческой мысли, воображения, фантазии и энергии.

Библиографический список

1. Аникст, А.А. Творчество Шекспира / А.А. Аникст. – М.: Издательство художественной литературы, 1963. – 178 с.
2. Барт, Р. Текстовый анализ / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1980. – № 9. – 452 с.
3. Боров, Ю.Б. Эстетика / Ю.Б. Боров. – изд. 4-е, доп. – М.: Политиздат, 1988. – 496 с.
4. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева; пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – 519 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.016:811.111 + 378.03

ББК Ч448.026

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ГОВОРЕНИЮ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ТУРИЗМ»

О.И. Ковалёва

Статья рассматривает проблему когнитивного подхода в обучении говорению на примере тематической презентации. Дается краткая характеристика видов высказываний, структуры говорения, когнитивного подхода в реализации работы над презентацией.

Ключевые слова: речевая деятельность, когнитивный подход, презентация.

Говорение является одним из видов речевой деятельности, посредством которого осуществляется устное вербальное общение. Говорение характеризуется различной сложностью, начиная с восклицания, названия предмета, вопроса и заканчивая самостоятельным развернутым высказыванием.

Среди высказываний принято выделять следующие виды:

- 1) спонтанные – говорящие руководствуются собственной инициативой, выбирая самостоятельно языковой материал;
- 2) ответные – высказывания представляют собой реакцию на внешний стимул;
- 3) имитационные – высказывания, рассматриваемые на уровне репродукции, повторения воспринятой информации;
- 4) ассоциативные – говорящие осуществляют воспроизведения отрезков текста, выученных наизусть с опорой на всевозможные ассоциации [1].

Что касается структуры говорения, по классификации И.А. Зимней, она состоит из трех последовательных частей:

- 1) побудительно-мотивационной;
- 2) аналитико-синтетической;
- 3) исполнительной.

В побудительно-мотивационной части осуществляется потребность человека в вербальном общении под влиянием определённого мотива и при наличии определённой цели высказывания, которое затем реализуется в воздействии говорящего на других людей.

Все мотивы условно могут быть разделены на три группы: интеллектуальные, моральные, эмоционально-эстетические.

Интеллектуальные мотивы рождаются в результате познавательной деятельности студента, стремлению расширить кругозор. Каждое упражнение, обеспечивая мотивацию говорения должно стимулировать познавательную деятельность.

Аналитико-синтетическая часть представлена в говорении в виде свернутых, внутренних умственных действий по программированию и струк-

турированию речевого высказывания, когда происходит реализация замысла высказывания в процессе формирования и формулирования мыслей. Здесь используется операционный механизм так называемого внутреннего оформления, который обеспечивает актуализацию вербальных средств, грамматическое структурирование фраз и их трансформацию [2].

Широкую популярность в методике преподавания иностранных языков получил когнитивный подход. Когнитивный подход в основном заключается в стремлении понять, каким образом человек расшифровывает информацию о действительности и организует её, чтобы осуществлять действия и решать насущные задачи.

Большое внимание на уроках иностранного языка в последнее время получил распространение такой вид работы, как презентация материала в Power Point.

Студентам предлагается несколько тем для защиты. При этом они должны найти материал, сделать необходимый анализ, структурировать его и презентовать.

При этом можно проследить следующие пункты организации работы:

- 1) самостоятельность и свобода выбора на всех этапах работы;
- 2) поисковая и исследовательская деятельность;
- 3) групповая форма учебного взаимодействия (подготовка презентации группой студентов);
- 4) выступающий имеет право на собственное мнение и предположение.

Студентам специальности «Туризм» предлагается подготовить следующие тематические презентации по профессиональному и деловому иностранному языку:

- Tourism and kinds of tourism
- Career in tourism
- Famous hotel and motel chains
- Business trip
- Language of gestures
- Company structures

Очень важно найти баланс между визуальным материалом, слайдами и текстовой формой презентации. Основная задача представить максимум информации при минимальном количестве слов, привлечь внимание других студентов.

Нужно отметить, что презентация – вид работы, при которой у аудитории задействованы все виды восприятия: речевой, зрительный, слуховой.

При работе над презентацией реализуются основные составляющие когнитивного подхода, т.е. представления, хранения, обработки, интерпретации и производства новых знаний.

Следует отметить, что подготовка и представление доклада в форме презентации очень положительно воспринимаются студентами и являются предпочтительными видами контроля самостоятельной работы.

Также у студентов развиваются самостоятельность при принятии решений, активизируется мыслительная деятельность при составлении плана и конспекта речевого высказывания.

Обобщая весь данный материал, можно сделать вывод, что презентация является одной из форм речевой деятельности, в которую вовлечены сложные психические и речемыслительные процессы, позволяющие достигать оптимального результата при обучении студентов говорению, используя когнитивный подход.

Библиографический список

1. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. Учебное пособие / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – 3-е изд., стер. – М.: Академия, 2006. – 336 с.
2. Зимняя, И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И.А.Зимняя. – М.: Просвещение, 1991. – 222 с.
3. Кашина, Е.Г. Традиции и инновации в методике преподавания иностранного языка: учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов / Е.Г.Кашина. – Самара: Универс-групп, 2006. – 75 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.016:811.111 + 378.03

ББК Ч448.025

СТРАНОВЕДЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И КРИТЕРИИ ОТБОРА ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ИНТЕРАКТИВНОГО КУРСА «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ»

С.М. Колова

По результатам проведённых исследований в условиях нарастания взаимовлияния культур был сделан ряд выводов, касающихся необходимости введения понятий мульти-культурного образования и социокультурного образования. В статье даётся авторское определение социокультурного образования и говорится о необходимости формирования социокультурной компетентности.

Ключевые слова: мультикультурное и социокультурное образование, толерантность, страноведческая компетентность, фоновые знания.

В настоящее время тезис о неотделимости изучения иностранного языка от ознакомления с культурой страны изучаемого языка, ее историей, социокультурными традициями, особенностями национального видения ми-

ра народом – носителем является общепризнанным в методике преподавания при подготовке будущих специалистов.

Современное состояние системы российского высшего образования характеризуется наличием радикальных перемен в жизни нашего общества. Таким образом, задачи, стоящие перед современным обществом, вызвали к жизни новый социальный заказ нашей страны: готовить в стенах высшей школы специалистов, способных успешно решать сложные проблемы современности. В условиях нарастания процессов мировой интеграции и взаимовлияния культур перед высшей школой стоит задача повышения духовного потенциала будущих специалистов различных областей промышленности и производства, которые должны быть не только специалистами в выбранной области, но и владеть знаниями и умениями, необходимыми для участия в процессе коммуникации с носителями других культур, как в современной отечественных, так и зарубежных исследованиях развернута дискуссия о специфике культурологического подхода к образованию, взаимодействия культуры и образования на современном этапе, вводится понятие **мультикультурного** образования социокультурной среды. Многие исследователи приходят к выводу, что ни один из элементов образовательного процесса, ни его содержание, ни результаты не свободны от культурного влияния. Сегодня нужно осознать, что на процессы преподавания и учения влияют наиболее существенные ценности, убеждения и установки, а также доминирующие коммуникативные типы и лингвистические образцы культуры. В современной педагогике **социокультурное образование** рассматривается как процесс, благодаря которому каждый индивидум может научиться жить более обеспечено и действовать более эффективно, увеличивая свой личностный кругозор и воспитывая в себе толерантность к разноречивым культурным образцам, тем самым, формируя новое и уникальное отношение к жизни.

Идеи корректировки целей и обновления содержания обучения иностранному языку в неязыковых вузах достаточно широко представлены в методико-педагогических исследованиях последних лет. На современном этапе решающее значение приобретает тот факт, что будущий специалист должен владеть иностранным языком как средством межкультурной коммуникации, что предполагает необходимость формирования у него **страноведческой компетенции**, являющейся неотъемлемой частью коммуникативной компетентности.

Основу лингвострановедческой компетенции будущих специалистов, на наш взгляд, составляют **фоновые знания** типичного средне-образованного представителя британской лингвокультурной общности. Словарь лингвистических терминов дает следующее определение фоновых знаний: «Фоновое знание – background knowledge. Обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [4].

Наличие общих знаний является основной предпосылкой для адекватного факультета общения, когда коммуниканты принадлежат к различным культурным общностям. В ходе обучения студенты должны усвоить определенный объем фоновых знаний, лежащих в основе фоновых знаний инокультурной общности, «как невербального компонента коммуникации, как сумму условий, предпосылаемых собственно речевому высказыванию и являющихся национально-специфическим индикатором интракультурного общения» [4].

Введение социокультурных компонентов в содержание учебного материала обеспечивает целенаправленное поэтапное построение системы формирования вторичной культурно-языковой личности, максимально открытой к межкультурному взаимодействию [6].

Попытки описать фоновые знания типичного носителя изучаемого языка и культуры неоднократно предпринимались как в зарубежных, так и отечественных исследованиях. Так, широко известна концепция «культурной грамотности», разработанная профессором английского языка Виргинского университета Э.Д. Хиршем, который, проведя масштабные исследования, определил объем знаний, включенный в обязательный минимум культурной грамотности американцев. Автором был составлен словарь культурной грамотности, куда вошли основные сведения из мировой и американской истории, литературы и культуры. Однако данный словарь предназначен для самих американцев, и в нем практически полностью отсутствуют географические названия, реалии быта и нормы поведения, что важно для иностранца, изучающего американский вариант английского языка [5].

Фурманова В.П. выделяет следующие разделы фоновых знаний, которыми должна овладеть «культурно-языковая» личность для успешного общения в ситуациях межкультурной коммуникации: 1) историко-культурный фон, включающий сведения о культуре общества в процессе его исторического развития; 2) социокультурный фон; 3) этнокультурный фон, включающий информацию о быте, традициях, праздниках; 4) семиотический фон, содержащий информацию о символике, обозначениях, особенностях иноязычного окружения [5].

Одна из самых простых и удобных моделей, предназначенных для анализа специфики иноязычной культуры, была предложена Х. Хамерли. Исследователь выделяет: 1) информационную (или фактическую) культуру (знания по истории, географии, общие сведения, которыми обладает типичный представитель общества); 2) поведенческую культуру (особенности взаимоотношений в обществе, нормы, ценности, разговорные формулы, язык телодвижений); 3) традиционную культуру с «большой буквы» (художественные ценности) [2].

Учитывая все выше сказанное, представляется необходимым отметить, что отбор содержания лингвострановедческих знаний как компонента обу-

чения иностранным языкам – сложная и еще не решенная проблема. Отбор знаний связанных с культурой страны изучаемого языка, требует рассмотрения вопроса о единстве отбора. Минимальная единица отбора – слова, но, говоря о фоновых знаниях, можно предположить, что их объем по каждой теме должен определяться совокупностью единиц страноведческой информации. В своем исследовании мы определяем единицу вышеуказанной информации, определяющую характерную, существенную черту той или иной стороны действительности изучаемого языка. Отбирая содержание через национально-культурные компоненты, мы предполагаем, что нашей основной задачей является выделение из всего многообразия того, что имеет реальную педагогическую ценность, что способно содействовать не только обучению общению на иностранном языке, но и приобщению к культуре страны изучаемого языка. Поэтому в отборе лингвострановедческого материала необходимо опираться на следующие критерии: критерий культурологической и страноведческой ценности (здесь мы особо выделяем исторические аспекты, основные исторические события, которые каким либо образом влияли на развитие языка и культуры), критерий типичности, призванный обеспечить отбор языкового и страноведческого материала, отражающего актуальные факты современной действительности, создающие более точное представление о стране изучаемого языка, критерий ориентации на современную действительность, тематический критерий (ограничение отбора рамками тематики) и критерий функциональности (отбор материала в зависимости от его функционального назначения либо на продуцирование речи, либо на её рецепцию) [7].

Описанные выше и подобные им модели могут служить хорошей основой для приобщения будущих специалистов к иной картине мира. Разрабатывая социокультурологический курс для студентов различных специальностей Южно-Уральского Государственного факультета, мы старались выбрать самые необходимые, так называемые функциональные фоновые знания, учитывая все вышеперечисленные критерии, с целью формирования страноведческой компетенции в рамках социокультурной компетентности.

Библиографический список

1. Астафурова, Т.Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты): автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Т.Н. Астафурова. – М., 1997 – 217 с.
2. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
3. Колова, С.М. Теоретические аспекты проблемы формирования социокультурной компетентности будущего профессионала / С.М. Колова // Ино-

странные языки в профессиональной подготовке и самореализации специалистов высшей квалификации: коллективная монография / под ред. Е.Н. Ярославовой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – С. 70–74.

4. Томахин, Г.Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению / Г.Д. Томахин. – М.: Высш. шк, 2006. – 320 с.

5. Фурманова, В.П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам / В.П. Фурманова. – Изд-во Мордовского ун-та, 2003. – 159 с.

6. Халеева, И.И. Некоторые проблемы обучения межкультурной коммуникации на основе когнитивного подхода. Психолингвистика и межкультурные взаимоотношения / И.И. Халеева // Тезисы докладов 10 Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва: 3–6 июня, 2001. – М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1991. – С. 310–312.

7. Шатилов, С.Ф. Профессиограмма учителя иностранного языка / С.Ф. Шатилов, К.И. Соломатов, Е.С. Рабунский. – Л.: Языкознание, 2005. – 175 с.

[К содержанию](#)

УДК 811.161.1'37

ББК Ш141.2-7

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ МЕТОНИМИИ В ШОУ-ДИСКУРСЕ РОССИИ

С.Я. Колтышева

Настоящая статья посвящена исследованию проблемы персонализации шоу-дискурса, анализу презентации и само презентации фигур российского шоу-бизнеса посредством метонимических высказываний. Рассматриваются теоретические подходы к лингвоперсонологической теории языка, к понятию языковой личности, становлению лингвоперсонологии как самостоятельной науки. Практическая часть исследования посвящена анализу универсальных и национальных особенностей репрезентации языковой личности в российском шоу-дискурсе через метонимические высказывания.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, вариативность языковой личности, структура языковой личности, метонимические высказывания, шоу-дискурс.

Язык не отражает напрямую окружающий мир, особенности этого мира отражаются, интерпретируются человеком. Индивидуальность проявляется на разных уровнях языка: на фонетическом уровне, на уровне лексики благодаря особому отбору современной или архаичной лексики, использованию свободного или стандартного синтаксиса. Генезис и развитие любой языковой системы напрямую зависит от ее обслуживания разных типов

языковых личностей (носителей разных вариантов языковых способностей). Человек становится субъектом именно в тот момент и на то время, когда он пользуется языком [5].

Переход от системно-структурного подхода в языкознании к социальному обозначил всеобщую тенденцию гуманизации науки. Новой вехой в языкознании стала лингвоперсонологическая гипотеза языка, основным постулатом которой является «наличие корреляции между вариативностью языка и вариативностью языковой личности» [1].

Благодаря выдвинутой теории в лингвистике сложилось самостоятельное направление – лингвоперсонология, которое базируется на двух аспектах в изучении языковой личности: 1) дедуктивный подход (с позиций личности). Здесь происходит движение от личности к языку. Объектом исследования выступает личность: ее социальная, психологическая, речезыковая стороны; 2) индуктивный подход (с позиций языка). В данном случае наблюдается движение от языка к языковой личности и далее к коммуникативно-психологической личности. Важное значение имеет анализ субъективного использования языкового знака. Центральным объектом изучения лингвоперсонологии является языковая личность (ЯЛ). Автор «лингвоперсонологической гипотезы языка» Н.Д. Голев называет ее «лингвоперсонема», она представляет собой комплексную языковую личность. По мнению ученого, языковая личность – это носитель языковой способности определенного качества [2].

Структура языковой личности имеет две стороны: лингвомнемическую и лингвокреативную (мотивационную). Широкое признание в лингвистике получила лингводидактическая трехуровневая модель ЯЛ, предложенная Ю.Н. Карауловым. Ученый представляет языковую личность в развитии и движении от одного уровня к другому – от вербально-грамматического уровня (лексикона) к лингвокогнитивному уровню (тезаурусу) и затем к мотивационно-прагматическому уровню (прагматикону) [3].

Шоу-бизнес – одна из динамично развивающихся сфер человеческой деятельности, она всегда отражает разные явления, тенденции, происходящие в современном обществе. Проведем анализ шоу-дискурса с позиции его персонализации. Рассмотрим презентацию и самопрезентацию фигур российского шоу-бизнеса с помощью метонимических высказываний.

Речь, содержащая тропы, генерирует яркие ассоциации в сознании реципиента, порождает положительные или отрицательные эмоции. Троп как языковой феномен обладает тремя важными свойствами: 1) знаковость (троп – это номинативная единица); 2) двуплановость (семантический критерий); 3) декоративность (функциональный критерий).

Метонимия является одним из средств номинации, компрессии, украшения, не только художественной, поэтической, но и публицистической речи. Данный троп часто эвфемизирует речь. Эвфемизация характерна для прозы и поэзии. Языковая компрессия тяготеет к бытовой (неофициальной

речи). Например, «читать Пушкина» вместо «читать произведения Пушкина» или «слушать Чайковского» вместо «слушать музыку Чайковского». **Метонимия** представляет собой перенос названия с одного объекта на другой по принципу их реальной или ассоциативной смежности, взаимозависимости, основанной на пространственных, временных или каузальных связях [4].

Собранный эмпирический материал позволил нам выявить следующие «метонимические формулы», используемые в шоу-дискурсе России: метонимические высказывания, основанные на связи части и целого (84 МВ/35 %), целого и части (79МВ/33 %), производителя и продукции (17МВ/7 %), содержимого и содержащего (14МВ/5,8 %), учреждения и ответственных лиц (12МВ/5 %), предмета и материала (11МВ/4,6 %), автора и его произведения (9МВ/3,8 %), действия и орудия этого действия (7МВ/3 %), используемого объекта и пользователя (4МВ/1,6 %), места и события (3МВ/1,2 %).

Примеры метонимических высказываний (МВ), функционирующих в российском шоу-дискурсе.

1) МВ, основанные на связи **«ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО»**

Мы переживали за попавшего в автокатастрофу в Англии Алексея Воробьева и не верили ни на минуту злым языкам, утверждающим, что это все придумано просто ради пиара [www.mk.ru, 30.12.2013]. В данном примере используется часть человеческого тела – язык вместо целого тела. Автор акцентирует внимание читателя на этой части тела в сочетании с атрибутом «злые», подчеркивая враждебное отношение, критику в адрес артиста со стороны окружающих и, прежде всего, журналистов.

*Все навалились, и ему (В. Преснякову) надо было куда-то грести и обрести **свое лицо** в таком непростом окружении* [www.mk.ru, 04.10.2013]. Автор использует лексему «лицо» вместо местоимения «себя», что наделяет фразу большей образностью.

*Твоя вечная дилемма — между **Монтсеррат Кабалье и Таисией Повалий...*** [www.mk.ru, 19.10.2012]. Адресант использует представителей музыкальных жанров вместо самих жанров: Монтсеррат Кабалье вместо оперы, Таисией Повалий вместо эстрады. Данный авторский прием создает яркие ассоциации в сознании читателей.

*Канделаки и Симоньян (**лучшее декольте нашего телевидения**) почти не дают участникам шоу говорить* [www.mk.ru, 07.03.2013]. Автор делает акцент на внешнем виде телеведущих на деталях их одежды, а не на общем их образе. Метонимия наделяет высказывание юмором и привлекает внимание читателя. С точки зрения автора, самое запоминающееся в образе телеведущих не их журналистский талант, умение общаться с публикой, а декольте.

2) МВ, основанные на связи **«ЦЕЛОЕ ВМЕСТО ЧАСТИ»**.

*...когда **федеральное телевидение** сообщило оторопевшей стране о том, как на ВВЦ зарвавшийся поп-стар (Витас) наехал на своем джипе на несчастную велосипедистку...* [www.mk.ru, 25.09.2013]. В данном при-

мере наблюдается обобщение: «федеральное телевидение» вместо «федеральные (государственные) каналы». Высказывание «федеральное телевидение» придает событию еще большую важность.

Самая нелюбимая песня у Аллы Пугачевой, например, «Миллион алых роз» – она ее терпеть не может как профессиональный музыкант. Тем не менее – всем хитам был хит, даже Япония сходила с ума... [www.mk.ru, 19.10.2012]. Отправитель высказывания заменяет название нации (японцы) на название страны (Япония), подчеркивая огромную популярность песни «Миллион алых роз».

Ани Лорак понабилось еще три года отчаянной осады крепости российского шоу-бизнеса, чтобы, наконец, взять уже не Смольный большевистским наскоком, а целый Кремль наполеоновским нашествием [www.mk.ru, 01.11.2013]. В приведенном примере используется лексема «Кремль» вместо «концертный зал в Кремле», что подчеркивает масштабность, значимость события.

3) МВ, основанные на связи «**ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ВМЕСТО ПРОДУКЦИИ**». Журналисты используют имена, которые стали нарицательными в мире моды, шоу-бизнеса, ювелирного дела и других областей, что генерирует знакомые ассоциации в сознании читателей.

А. Пугачева: «Юдашкина я ношу всегда. Если не на себе, то в сердце» [www.mk.ru, 01.11.2013]. В представленных выше примерах используются имена известных кутюрье (Версаче и Юдашкин) вместо их продукции. Имена таких известных людей привлекают внимание читателя, они узнаваемы, они – гаранты качества, стиля и роскоши.

4) МВ, основанные на связи «**СОДЕРЖИМОЕ И СОДЕРЖАЩЕЕ**»

...артиста (Б. Моисеева) опекает Лайма Вайкуле, которая взялась за хореографию будущего юбилейного мегашоу г-на Моисеева... [http://sobesednik.ru, 05.2013]. Наблюдается использование метонимической номинации «хореография» вместо «хореографическое оформление номера», что обеспечивает компрессию, но сохраняет семантику высказывания. Лексема «хореография» быстрее и легче воспринимается получателем сообщения. *...на этой же церемонии в 2011 г., когда выступали культовые эмо-звезды Tokio Hotel — зал был раненым вепрем* [www.mk.ru, 10.06.2013]. Здесь используется содержащее – «зал» вместо содержимого – «зрители в зале». Метонимия – слово передает масштаб поклонников рок-группы «Tokio Hotel».

5) МВ, основанные на связи «**УЧРЕЖДЕНИЕ ВМЕСТО ОТВЕТСТВЕННЫХ ЛИЦ**»

Надеемся, что Первый дал путевку в жизнь, не только финалисту «Голоса» Сергею Волчкову, но и другим участникам [www.mk.ru, 27.12.2013]. Автор использует название телевизионного канала «Первый» вместо имен его руководителей. Этот канал охватывает многомиллионную аудиторию в России и за ее пределами. Поэтому для читателей номинация «Первый» более узнаваема, чем имена руководителей и продюсеров канала.

6) МВ, основанные на связи «**ПРЕДМЕТ И МАТЕРИАЛ, ИЗ КОТОРОГО ОН СДЕЛАН**»

Перья и блестки – визитная карточка Филиппа [www.mk.ru, 18.12.2011]. Используется декоративный материал, из которого состоят концертные костюмы Ф. Киркорова вместо самих костюмов.

7) МВ, основанные на связи «**АВТОР ВМЕСТО ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ**»

Певица (Анжелика Варум) скрестила поп с электроникой, а Мадонну с Майклом Джексонном [www.mk.ru, 05.12.2013]. В рассматриваемом примере наблюдается связь «автор вместо его произведений», т.е. Мадонна и Майкл Джексон вместо их песен. Апелляция автора к известным антропонимам вызывает яркие ассоциации и эмоции у читателей.

Но ты еще перепел Окуджаву и Галича. Тебе тесно в собственной поэзии и музыке? [www.mk.ru, 11.12.2013] В данном высказывании также наблюдается использование имен авторов и исполнителей вместо названия их песен. Имена известных бардов привлекают большее внимание получателей сообщения. Прямые антропологические номинации оказывают больший эмоциональный эффект на реципиентов.

8) МВ, основанные на связи «**МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО ВМЕСТО ЕДИНСТВЕННОГО И ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО ВМЕСТО МНОЖЕСТВЕННОГО**»

Звезды не хотят быть Стасами Михайловыми [www.mk.ru, 29.11.2013]. Представители шоу-бизнеса сравниваются со Стасом Михайловым в их желании защищать свою честь и достоинство от вероломных журналистов в суде, в их погоне за денежной компенсацией от разных газетных и журнальных издательств. Так как сейчас число людей, вступающих в «схватку с журналистами» и рассчитывающих на получение легких денег, становится все больше, автор употребляет «Стасами Михайловыми» вместо «Стасом Михайловым» (синекдоха). Высказывание содержит иронию и критику.

Пенкин рассказал, за что его любит зритель [ww.kp.md/video/467762/, 02.03.2012]. Апелляция к синекдохе «зритель» вместо «зрители» придает «камерность» высказыванию, намекает на определенный круг зрителей и поклонников С. Пенкина. Использование синекдохи наделяет высказывание выразительностью и привлекает внимание читателей.

9) МВ, основанные на связи «**ДЕЙСТВИЕ И ОРУДИЕ ЭТОГО ДЕЙСТВИЯ**»

Может, после записи гимна всей поп-компанией поднять голос за гонимых, раз вы сами в этой шкуре побывали и знаете, как это плохо? [www.mk.ru, 25.09.2013]. Журналист предлагает «опальным певцу и его продюсеру» (Витасу и С. Пудовкину) использовать свое орудие – голос в защиту гонимых участников митингов против действующей власти. Используется метонимическое словосочетание «поднять свой голос» вместо «выступить в защиту» или «провести акцию протеста».

Он (Ф. Киркоров) давно уже понял, что российского зрителя легко **взять ремейком** [www.mk.ru, 05.03.2011]. Автор использует метонимическое словосочетание «взять ремейком» вместо «взять исполнением ремейка (известной песни)». Ремейк ассоциируется с оружием для завоевания зрителя.

10) МВ, основанные на связи **«ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ ОБЪЕКТ И ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ»**

...оба концерта были одинаково щедро наполнены страстями и отличались разве что хитрыми постановочными флешмобами, рассчитанными **на камеры** в ходе трансляции [www.mk.ru, 16.12.2013]. В данном высказывании вербально репрезентирован используемый объект – камеры вместо пользователей – журналистов. Метонимия, строящаяся на подобной связи, не только сохраняет смысл высказывания, но и вызывает знакомые ассоциации у читателя.

11) МВ, основанные на связи **«МЕСТО И СОБЫТИЕ»**

Кремль стал «Кораблем судьбы-2» для Баскова [www.mk.ru, 21.10.2013]. Здесь наблюдается импликация автора на шоу Н. Баскова под названием «Корабль судьбы» 2008 года. Используется место – Кремль, вместо события – концерт в Кремле. Метонимическая номинация «Кремль» подчеркивает высокий статус, масштаб события, как для самого певца, так и для зрителей.

Радость Димитриево продюсера Яны Рудковской, ослеплявшей **Юрмалу** изысканной стильностью нарядов, омрачали лишь новости из Москвы, где в пятницу вынесли приговор ее бывшему мужу Виктору Батурину [www.mk.ru, 30.07.2013]. Для российского шоу-бизнеса и зрителей город Юрмала последнее десятилетие ассоциируется именно с этим событием.

Таблица

Комплекс метонимических высказываний,
используемых для характеристики персон российского шоу-бизнеса

Метонимические высказывания, основанные на связи	Количество	В %-х
1. Часть вместо целого	84	35
2. Целое вместо части	79	33
3. Производитель вместо продукции	17	7
4. Содержащее вместо содержимого	14	5,8
5. Учреждение вместо ответственных лиц	12	5
6. Материал, из которого сделан предмет вместо самого предмета	11	4,6
7. Автор вместо его произведений	9	3,8
8. Множественное число вместо единственного и единственное число вместо множественного	8	
9. Орудие вместо действия	7	3
10. Используемый объект вместо пользователя	4	1,6
11. Место вместо события	3	1,2
Итого:	240	100

Эмпирические данные демонстрируют, что при характеристике представителей российского шоу-бизнеса доминируют метонимические высказывания, строящиеся на связях части и целого, целого и части, производитель вместо продукции, содержащее вместо содержимого и учреждение вместо ответственных лиц. Комплекс метонимических высказываний, функционирующих в российском шоу-дискурсе, показывает, что их базой, с одной стороны, является человеческий опыт, а с другой – реалии современного мира, социальная, экономическая и даже политическая сферы жизни людей.

Метонимия активно используется в разных дискурсах: от бытового и до научного. Она настолько распространена в разных жанрах устной и письменной речи, что ее порой трудно выявить. Такая популярность метонимии в разных жанрах речи обусловлена, прежде всего, ее компрессионной функцией: она делает коммуникацию быстрой, четкой и легко воспринимаемой, но, в то же время, сохраняет семантику всего высказывания.

Библиографический список

1. Голев, Н.Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка / Н.Д. Голев // Известия Алтайского гос. университета. – 2004. – Вып. 4. – С. 41.
2. Голев, Н.Д. Лингвоперсонология, антропотекст, типы языковой личности (лингвоперсонемы) / Н.Д. Голев // Университетская филология образованию: человек в мире коммуникаций: материалы Международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2005. – С. 81–86.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – изд. 7-е. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. Москвин, В.П. Русская метафора. Очерк семиотической теории / В.П. Москвин. – М.: ЛКИ, 2007. – 184 с.
5. Tutescu, M. *Precis de semantique francaise*. – Bucuresti: Editura didactică si pedagogică / M. Tuțescu. – P.: Klincksieck, 1975. – С. 172.

[К содержанию](#)

УДК 81'27

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС В ИНТЕГРАЛЬНОМ ПОДХОДЕ

Е.В. Кравцова

Рассмотрены теоретические основы интегрального подхода к анализу научного дискурса как подхода, отвечающего требованиям современной парадигмы описания языка. Научный дискурс рассматривается нами по 4 аспектам: когнитивному, языковому, социальному и культурному.

Ключевые слова: научный дискурс; интегральный подход; интегральная теория языка; интегральная модель.

Основная задача автора научного дискурса заключается в демонстрации истинности своей точки зрения в процессе познания объекта научного исследования.

Научный дискурс – это сложный и многогранный процесс создания научных текстов, которые, в свою очередь, являются конечным результатом данного процесса.

Доминирующую роль в организации научного дискурса играет аргументированный способ организации дискурса, так как главной целью последнего является попытка объяснить истинность того или иного феномена, убедить слушателя в этой истинности, используя аргументированную логику рассуждения.

М.Н. Кожина подчеркивает, что научный дискурс характеризуется «отвлеченной обобщенностью, логичностью изложения, смысловой точностью (однозначностью), объективностью и некатегоричностью изложения» [3]. Автор не исключает из научного дискурса экспрессивность, оценочность и даже известную степень эмоцио-нальности.

Мы будем придерживаться точки зрения, Е.В. Сидорова, который понимает дискурс как «отдельный акт речевой коммуникации, в процессе которого в социокультурном контексте порождается текст» [5], так как дискурс является деятельностным аспектом коммуникации.

Научному дискурсу присущи следующие характеристики:

1) научный дискурс интертекстуален и диалогичен (интертекстуальность как одно из условий порождения научного дискурса предполагает неизбежные отсылки ученого к другим авторам и их текстам. Тем самым, можно утверждать, что в научном дискурсе автор общается с другими учеными, разделяет или опровергает их точки зрения на той или иной вопрос, что позволяет говорить о диалогичности научного дискурса);

2) в научном дискурсе важно статусное равенство участников. В качестве участников научного дискурса выступают ученые и разного рода исследователи, которые формируют определенные научные сообщества. От-

ношения участников определяются двумя коммуникативными установками: а) официальным статусом и б) информационным равенством;

3) научный дискурс предполагает решение определенной научной проблемы («Problem – Solution» (проблема – решение)). Цель научного дискурса связана с принципиальной ориентацией на получение нового знания, а его ценность заключается в научной истине, которая представляет собой объективные знания об устройстве мира, не является абсолютной, открывает только часть исследуемого объекта и требует эмпирических доказательств [2].

Интегральная теория языка

На современном этапе развития лингвистики изучением языка занимаются следующие дисциплины: лингвистика текста, психолингвистика, когнитивная лингвистика, социолингвистика, функциональная стилистика, теория жанра, язык для специальных целей, лингвокультурология, теория межкультурной коммуникации, контрастивная риторика и др.

Психолингвистика и когнитивная лингвистика исследуют язык в его отношении к мышлению, порождению и пониманию речи. Лингвокультурология, теория межкультурной коммуникации, контрастивная риторика занимаются изучением отношения языка и культуры. Социолингвистика, функциональная стилистика, теория жанра, язык для специальных целей рассматривают отношения языка и общества, а лингвистика текста изучает текст как знаковую систему, правила построения связного текста и его смысловые категории.

Каждая из них, по нашему мнению, рассматривая язык под своим углом зрения, может предложить что-то свое, незаменимое и очень важное для создания общей интегральной модели языка и текста [6].

На необходимость интегрального подхода одной из первых в отечественной лингвистике указала Е.С. Кубрякова. В результате глубокого анализа современного состояния лингвистической науки Е.С. Кубрякова пришла к выводу, что в концепциях различных школ и направлений, выступающих с критикой «генеративного» подхода к языку, обнаруживаются попытки продвижения в сторону новой интегральной парадигмы знания, функциональной по своей общей направленности, конструктивной по своему духу и диктующей выход за пределы формализованной концепции языка [4].

Вопросы отношений языка и мышления, языка и культуры, языка и общества всегда находились в центре внимания лингвистов, однако эти отношения часто рассматривались как нечто внешнее по отношению к языку. Под языком понимали естественную знаковую систему, имманентно присутствующую homo sapiens. Язык, мышление, культура и общество чаще всего рассматривались как однопорядковые сущности. Язык являет собой интегральный феномен и его изучение должно проходить в широком системном контексте.

В своем научном труде «Научный текст: теоретические основы интегрального подхода» Т.Н. Хомутова применила универсальный интегральный подход К. Уилбера к анализу языка и текста и на этой основе разработала интегральную модель научного текста, в которую входят 4 сектора: языковой, когнитивный, социальный и культурный.

Вслед за Т.Н. Хомутовой, в нашей работе мы применим универсальный подход к анализу научного дискурса и разработаем его интегральную модель.

Интегральный подход в контексте данной работы понимается как такой подход, в котором объединяются различные точки зрения на один и тот же объект исследования, различные системы, метасистемы, парадигмы знания, в целях его целостного, разностороннего, объемного представления, при этом все составные части интегрального подхода должны быть не простой совокупностью, а объединяться некой общей идеей, позволяющей определять их взаимосвязь и взаимозависимость при описании и объяснении объекта исследования и, в конечном итоге, определять этот подход как целостный [6].

Научный дискурс в интегральной парадигме описания языка. Интегральная модель научного дискурса

Научный дискурс – это процесс получения научного знания, результатом которого является создание научных текстов. Научный дискурс не может существовать без текста, как и текст без дискурса. Именно текст является продуктом дискурса и его основной единицей, которая может быть подвержена всестороннему изучению.

Научный дискурс не возможен без коммуникативной деятельности, так как главные действующие лица в данной ситуации – это отправитель и получатель информации. Речевая деятельность – это частная, отдельная форма общей жизнедеятельности индивида, представляющая собой побуждаемую потребностью в знаковом управлении деятельностью, целесообразную, соотносимую с действительностью (речевой – включая действительность языка – и неречевой), внутреннюю или внутреннюю и внешнюю активность индивида, совершаемую в виде речесихических действий и операций на основе ресурсов языковой системы, коммуникативной способности и коммуникативного опыта и сопровождающуюся их изменением [5].

Согласно Е.В. Сидорову в отдельном акте речевой коммуникации выделяются три основных компонента:

- первичная коммуникативная деятельность (коммуникативная деятельность отправителя сообщения);
- текст (речевое произведение);
- вторичная коммуникативная деятельность (коммуникативная деятельность адресата). Кроме указанных основных компонентов в состав акта речевой коммуникации входит системный контекст в виде неречевых деятельностей отправителя и адресата сообщения, условий коммуникации и референтной ситуации [5].

В своей монографии «Научный текст: интегральный подход» Т.Н. Хомутова представила интегральную модель научного текста, в которой учитывались все 4 сектора: когнитивный, языковой, культурный и социальный (подробно см. [6]). Так как основной единицей дискурса является текст, то можно сделать вывод, что их свойства во многом схожи. Текст представляет собой часть дискурса, а его свойства как части переносятся на целое и наоборот.

Таблица

Базовая интегральная модель научного дискурса

Когнитивный сектор	Языковой сектор
1. Отправитель и получатель: • Декларативное знание (концепты, онтологии) • Процедурное знание (уровень мышления) Научное знание (с точки зрения участников коммуникации)	1. Продукт дискурса – текст • Лексика, семантика, грамматика текста • Структура текста (микро- и макро-структура) 2. Специальный подъязык (терминологический словарь, ключевые слова, суперструктура текста) 3. Научный стиль (с лингвистической точки зрения)
Культурный сектор	Социальный сектор
1. Культурные ценности: • Культурные концепты и ценности того или иного народа Культурно-обусловленный тип мышления 2. Специальная/профессиональная культура 3. Научная культура (с точки зрения культурного сообщества)	• научное сообщество, уровень развития науки, приоритетные направления развития науки и др.

В своем исследовании мы представим базовую интегральную модель научного дискурса, основанную на интегральной модели научного текста Т.Н. Хомутовой.

Научный дискурс будет рассматриваться нами по 4 аспектам: когнитивному, языковому, социальному и культурному.

В когнитивном секторе научный дискурс представляет собой процесс передачи отправителем нового научного знания и процесс интерпретации этого знания получателем.

Научное знание – это знание истинное, системное и intersubjective. В научном знании выделяется естественнонаучное и гуманитарное знание. Знания также подразделяются на социальные и индивидуальные, коллективные и индивидуальные, предметные и методологические, языковые и энциклопедические, языковые и метаязыковые, декларативные и процедурные, имплицитные и эксплицитные и т.д. (подробно см. [1, с. 66–95]). Декларативное знание представляет собой концепты, концептуальные системы и построенные на их основе онтологии знания, а процедурное знание представлено в уровне мышления, свойственном научному сообществу.

В научном дискурсе важно верное понимание и интерпретация научного знания того или иного ученого. Для этой задачи важно статусное равенство участников коммуникации и одинаковый уровень научного мышления.

В языковом секторе научный дискурс представлен его главным продуктом – текстом. Текст представляет собой фрагмент языка как предмета, а именно фрагмент специального подъязыка, в котором с помощью языковых средств (лексики, семантики, грамматики) выражается декларативное и процедурное знание, культурные ценности, социальные события [6].

В социальном секторе научный дискурс представлен социальными концептами, такими как участниками коммуникации, организованных в научное сообщество. Как уже было упомянуто выше, в научном дискурсе важно статусное равенство участников и уровень подготовки аудитории должен соотноситься с уровнем подготовки отправителя научной информации.

В культурном секторе научный дискурс представлен культурными ценностями того или иного народа. Культурные ценности, в свою очередь, тесно связаны с языком, обществом, мышлением и обуславливают тип последнего [7]. Культурно-обусловленный тип мышления выражается, в частности, национально-специфическими моделями смысловой и грамматической структур текста.

Как указывалось выше, научный дискурс не возможен без коммуникативной деятельности, которая сводит воедино все четыре сектора (аспекта) интегральной парадигмы описания языка.

Так, в когнитивном секторе – это та часть коммуникативной деятельности, которая формирует внутреннюю когнитивную основу (программу) речи. В языковом секторе – это внутренняя программа через фазы смыслового и грамматического структурирования выходит во внешнюю речь, или текст как предметно-знаковую модель речевой деятельности. В культурном секторе в рамках индивидуального коммуникативного акта формируется культурно-обусловленная модель сопряженных коммуникативных деятельностей коммуникантов. В социальном секторе коммуникация оказывает внешнее воздействие на коммуникантов и вызывает потребность (мотив) в ее продолжении, т.е. порождении речи и т.д. [6]

Таким образом, коммуникативная деятельность объединяет все четыре сектора языка в единое целое.

Мы рассмотрели теоретические основы интегрального подхода к анализу научного дискурса как подхода, отвечающего требованиям современной парадигмы описания языка. Интегральный подход в контексте данной работы понимается как такой подход, в котором объединяются различные точки зрения на один и тот же объект исследования в целях его целостного, разностороннего, объемного представления, при этом все составные части интегрального подхода являются не простой совокупностью, а объединяются некой общей идеей, позволяющей определять их взаимосвязь и взаимозависимость при описании и объяснении объекта исследования.

Библиографический список

1. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А.Залевская. – М.: Изд-во Российск. гос. гуманит. ун-та, 2000. – 382 с.
2. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
3. Кожина, М.Н. О диалогичности письменной научной речи / М.Н. Кожина. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. – 91 с.
4. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: Изд-во РГУ, 1995. – С. 144–238.
5. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.
6. Хомутова, Т.Н. Научный текст: интегральный подход / Т.Н. Хомутова. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2010. – 333 с.
7. Kaplan, R.V. Cultural thought patterns in inter-cultural education / R.V. Kaplan // Language learning. – 1966. – Vol. 16. – P. 1–20.

[К содержанию](#)

УДК 81'373

ББК Ш105.3

КУРС «ЛЕКСИКОЛОГИЯ» В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ПРОГРАММЕ «ПЕРЕВОДЧИК В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ»

Е.Л. Кузнецова

В работе рассматриваются вопросы организации и проведения лекционных и практических занятий по курсу лексикологии для студентов, получающих дополнительную квалификацию переводчика. Основной целью является изложение требований к профессиональной компетенции и базовых аспектов программы. Также рассмотрены некоторые сложности прохождения данного курса и пути их решения.

Ключевые слова: лексикология, программа, виды занятий, слово, вокабуляр.

В настоящее время подготовка специалистов-переводчиков, владеющих иностранным языком в определенной профессиональной области, представляется весьма перспективной. Такие специалисты востребованы, и для их подготовки была разработана программа с присвоением дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Согласно ей студенты изучают теоретические дисциплины и прохо-

дят курс практических занятий, в соответствии с требованиями к содержанию и уровню профессиональной подготовки. Помимо углубленного практического курса английского языка, теории перевода и практики профессионально-ориентированного перевода студенты получают лингвистическую подготовку, проходя курсы «Введение в языкознание» и «Основы теории изучаемого языка» [1].

Курс «Основы теории изучаемого языка» включает разделы «Лексикология», «Теоретическая грамматика», «Стилистика».

Дисциплина «Лексикология» входит в состав обязательных общепрофессиональных дисциплин для подготовки специалистов. В соответствии с требованиями в содержание программы подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации входят следующие аспекты:

- Лексикология и лексикография. Виды словарей.
- Слово и значение. Семантическая структура слова.
- Морфемная и словообразовательная структура слова.
- Синонимия, антонимия.
- Полисемия, омонимия.
- Семантические поля.

Глобальная цель курса – ознакомить студентов с современными представлениями о словарном составе английского языка, развить умение пользоваться понятийным аппаратом дисциплины, научить применять полученные теоретические знания на практике. Разработанный курс лекций и семинаров имеет следующую структуру:

1) лексикология как особый раздел лингвистики. Предмет, цель, методы лексикологии. Общая и специальная лексикология, сопоставительная лексикология, этимология, лексикография. Слово как особая единица языка. Понятие и значение. Виды значений: лексическое и грамматическое, свободное и связанное, денотативное и коннотативное;

2) словарный состав современного английского языка. Исконно английская лексика и заимствования. Источники заимствований. Ассимиляция, виды и степени ассимиляции. Интернациональная лексика;

3) изменения значения. Лингвистические и экстралингвистические причины изменения значения. Виды изменений: расширение и сужение значений, метафора, метонимия, эвфемизмы;

4) семантическая структура слова. Причины и типы полисемии. Причины и типы омонимии. Многозначность и проблемы перевода.

Свободные и устойчивые словосочетания: основные признаки и способы классификации идиом.

При организации обучения студентов основными проблемами были: объективная сложность изучаемого материала, особенно при отсутствии базового лингвистического образования, небольшое количество учебных часов, необходимость владения студентами английским языком на дос-

таточно высоком уровне. Первая задача может быть частично решена максимальным приближением содержания курса «Введение в языкознание» к содержанию специальных курсов. Ознакомление с понятиями «слово», «значение», «семантическая структура», «семантические поля», «ассимиляция», «идиомы» и другие на материале русского языка значительно упрощает изучение теоретических основ английского языка. Что касается уровня владения английским языком, возможным решением представляется либо стартовый отбор студентов по данному критерию, либо прохождение спецкурсов после углубленного практического изучения английского языка.

Также одной из основных проблем курса является небольшой объем учебных часов при достаточно сложной задаче: формирование у студентов научного представления о роли слова в иерархии языковых единиц, системности в организации словарного состава английского языка, понимания сложности и многообразия признаков слова. Наиболее удачным вариантом решения представляется строгий отбор наиболее существенных базовых тем курса, максимально четкое определение основных терминов и понятий, выделение связей и закономерностей лингвистических явлений. Для студентов разработано пособие «Лексикология английского языка» (учебное пособие для специальности «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»). Пособие представляет собой изложение основных положений программы курса лексикологии, планы семинаров с указанием обязательных и дополнительных вопросов и списком рекомендованной литературы, а также контрольные вопросы и практические задания, направленные на формирование умений применять общие теоретические положения лексикологии для рассмотрения конкретных языковых примеров, анализировать предлагаемые языковые явления, делать обобщения и выводы.

Курс лексикологии строится как чередование лекций и семинаров по определенной теме. Такой вариант представляется наиболее рациональным. Лекции знакомят студентов с основными понятиями, определяют терминологическую базу, подкрепляются иллюстративным материалом. К каждой лекции предлагается развернутый план, помогающий организовать материал, определять термины, выделять связи. Такой план помогает студентам понять логику изложения материала на лекции и существенно облегчает самостоятельную работу с литературой, в которой при большом объеме материала часто отсутствует четкая структура его презентации. На семинарах проводится устный и письменный опрос студентов по изучаемому материалу, выполняется анализ языкового материала. Курс завершается итоговым письменным тестом, включающим в себя практические задания и теоретические вопросы.

Прохождение курса лексикологии способствует формированию и развитию умений самостоятельно работать с научной литературой, анализировать и обобщать полученную информацию и использовать полученные знания для успешной переводческой деятельности.

Библиографический список

1. Белкина, О.В. Актуальность дополнительной образовательной программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и перспективы совершенствования ее содержания / О.В. Белкина, Л.М. Сергеева // Коммуникация и язык в социально-культурном пространстве: междисциплинарный подход: материалы Международной конференции, 2–4 дек. 2009 г., Челябинск. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. – С. 33–38.

[К содержанию](#)

УДК 378.22 + 811.11

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Р.И. Кусарбаев

Формирование социокультурной компетенции у студентов вузов является необходимым условием при обучении иностранным языкам, которое влияет на эффективность межкультурного и межнационального общения.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, межкультурное общение, коммуникация, обучение иностранным языкам.

В настоящее время актуальным является при обучении иностранным языкам формирование социокультурной компетенции у студентов в высших учебных заведениях Российской Федерации.

Владение иностранными языками на уровне, позволяющем осуществлять общение с иноязычными представителями разных стран в целях эффективного взаимодействия при реализации межнациональных и личных контактов, достижение взаимопонимания между народами сделали необходимым обучение межкультурному общению и формированию социокультурной компетенции изучающих иностранный язык в высшем учебном заведении.

Социокультурная компетенция представляет собой осознанную целостную систему, включающую в себя ряд структурных компонентов, имеет собственную организацию и обладает интегративными свойствами целого, не сводимого к свойствам отдельных частей. Сущность социокультурной компетенции состоит в ценностном отношении к общечеловеческой и национальной культуре, стремлении к диалогическому общению с другими народами и культурами. Сформированность социокультурной компетенции позволяет участникам межкультурного общения постичь чувства и мысли другого народа и преодолеть национальный культуроцентризм и этноцентризм, а также лучше идентифицировать самого себя, глубже осознать собственную культуру в сравнении с культурой изучаемого языка.

Основным структурным компонентом социокультурной компетенции является когнитивный, предполагающий наличие глубоких и систематизированных знаний социокультурных особенностей и реалий страны изучаемого языка, нормы и правила взаимодействия между людьми, моделей речевого поведения, идей, представлений, верований, суждений, обычаев, традиций. Социокультурная компетенция включает три блока знаний: лингвострановедческие знания, социально-психологические знания, культурологические знания.

В ходе получения социокультурных знаний в различных видах деятельности студент приобретает умения выделять в них общечеловеческие культурно-этические, нравственные ценности и навыки готовности к общению на межкультурном и на межнациональном уровне. «Изучение языка как замкнутой самостоятельной системы не может быть исчерпывающим и должно быть расширено за счет описания механизма функционирования языка в процессе коммуникации, происходящей в определенных социальных и этнических условиях» [1]. Так, например, в обычной фразе: «Джон, Иван, Петер ходят в школу» – есть часть информации, представляющей собой совокупность политических, социологических, психологических и других явлений.

Социокультурное содержание коммуникации скрыто от неподготовленного к межкультурному общению иноязычного собеседника. Знание этого содержания и умение ориентироваться в нём, способствует адекватному взаимопониманию общающихся. Полноценное, корректное восприятие и употребление в процессе межкультурной коммуникации языковых фактов и явлений невозможно без обращения к данным этнографии, истории, культуры носителя изучаемого иностранного языка, поскольку в каждом языке отражаются особенности культуры народа [2].

Поэтому необходимо приобщать студентов к иностранному языку не только как к средству общения, но и как к средству познания иной национальной культуры. Благодаря этому, будущие граждане страны смогут найти свое место в содружестве разных культур, что даст им возможность принимать участие в межкультурной коммуникации.

Эффективное обучение межкультурному общению с носителями конкретного иностранного языка возможно при условии формирования у обучающихся социокультурной компетенции. Её содержание составляют сведения о культуре страны изучаемого языка и лингвистический инструментарий, обеспечивающие успешную реализацию актов межкультурной коммуникации.

В различных исследованиях в содержании социокультурной компетенции выделяются различные компоненты. Наиболее важные элементы социокультурной компетенции, включающие как информацию (знания), так и навыки и умения [3]:

- знание культурного фона (культура, история, традиции, обычаи и реалии народа – носителя языка), стоящего за каждой языковой единицей;

- знание и соблюдение норм и правил речевого поведения;
- умения осуществлять межличностное и межкультурное общение с применением знаний о национально-культурных особенностях своей страны и страны изучаемого языка;
- понимание и использование различного рода аллюзий и других культурно обусловленных единиц языка и речи, таких как идиомы, пословицы, поговорки и крылатые выражения;
- навыки чтения между строк, позволяющие воспринимать стоящую за текстом социокультурную информацию.

Формирование социокультурной компетенции предполагает целенаправленное овладение соответствующим содержанием, которое должно быть включено в общее содержание обучения иноязычному общению. Сформированная в результате использования в процессе обучения специальных методов и приемов социокультурная компетенция исключает возможность возникновения дискоммуникации в ходе межкультурного общения. Отсутствие социокультурной компетенции у общающихся на иностранном языке способно вызвать дискоммуникацию (непонимание), которая нарушает ход иноязычного общения и становится серьезным препятствием для достижения целей коммуникации. Именно поэтому наблюдаются тенденции к увеличению значения в современной жизни иностранных языков, отражающих развитие культуры народов мира, обеспечивающих межкультурную коммуникацию, «диалог культур» [4].

Следствием этого должно явиться формирование личности студентов – через познание других социумов, других культур, сравнение их с родной культурой, а также развитие логического мышления, умственных способностей обучающихся, их интеллекта, повышение уровня их общей культуры, расширение кругозора и др.

Любая личность/индивидуум является социальным продуктом развития общества и представляет собой определенное целостное образование, сформировавшееся под влиянием социальной сферы, в которой происходило становление определенной личности, появление в ней тех или иных социально-психологических качеств [5].

В этом сложном процессе культура общества, различные ее проявления играют огромную роль. Постигая многочисленные аспекты культуры (от бытовой до политической), человек овладевает общим культурным фондом нации. Это помогает формированию личности, развивает умение ориентироваться в сложных ситуациях, находить правильные решения возникающих проблем, устанавливать действенные контакты с представителями народа, как своей страны, так и других стран.

«Культура постоянно определяет характер нашей жизни. Она является той формой, благодаря которой мы все сложились, и она определяет нашу каждодневную жизнь через множество каналов» [6].

Сказанное подтверждает актуальность формирования социокультурной компетенции у студентов при обучении иностранным языкам и их овладения в целях межкультурных контактов.

Библиографический список

1. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация: учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / О.Л. Каменская. – М.: Высш. шк., 1990. – 152 с.
2. Марр, Н.Я. К изучению современного грузинского языка / Н.Я. Марр. – Пг., 1922. – 22 с.
3. Betty Lou Leaver and Boris Shekhtman. (2002). Principals and practices in teaching Superior-level language skills: not just more of the same. In B.L. Leaver and B.Shekhtman (eds.), Developing professional-level language proficiency (pp. 3–33). Cambridge: Cambridge University Press.
4. Халева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) / И.И. Халева. – М.: Высшая школа, 1989. – 240 с.
5. Богин, Г.И. Концепция языковой личности / Г.И. Богин. – М.: МГУ, 1982. – 36 с.
6. Hall, E.T. Monochronic and Polychronic Time / E.T. Hall // Samovar. Porter, 1997. –277 p.

[К содержанию](#)

ББК Ш107.7
УДК 81'255.4

ПЕРЕВОД В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СИСТЕМА ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ

Н.В. Лелекова

Рассмотрены подходы в определении понятия «фоновые знания». Подчеркивается важность фоновых знаний в переводе. Уделяется большое внимание различиям языковых картин мира, обуславливающих возможные расхождения в понимании текстов представителями разных культур, что вызывает необходимость адаптации текста при переводе или его комментирование.

Ключевые слова: перевод, межкультурная коммуникация, фоновые знания, языковая картина мира, культура, адаптация.

Перевод является важнейшей частью межкультурной коммуникации. При переводе как виде языкового посредничества переводчику приходится учитывать две языковые картины мира, а также сопоставлять и адаптировать концептуальные картины мира двух языковых культур. В качестве основных факторов, обуславливающих переводческие трудности, называются:

- 1) специфичность семантики языковых единиц;
- 2) несовпадение «картин мира», создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности;
- 3) различия в самой реальности [1].

Преодоление этих трудностей напрямую связано с компетенцией переводчика как человека, обладающего знаниями как о языковых единицах взаимодействующих языков, так и о фактах жизни взаимодействующих обществ. Переводчик выступает не просто как механизм для трансформации единиц одного языка на другой, но как полноправный участник межъязыковой коммуникации, как значимый посредник [1]. Это означает, что его функции очень часто не сводятся к «просто переводу», но включают прагматическую адаптацию, социо-культурологические и исторические комментарии. При этом переводчику необходимо проводить четкую границу между знаниями, универсальными для большинства людей, и знаниями, специфичными для представителя данной культуры и социального слоя, необходимо осознавать и учитывать различия в категориальных представлениях различных культур и народов, не говоря уже о речевом этикете и конвенциональных нормах и узусах.

Понятие «фоновые знания» является одним из основных терминов, в частности, когнитивной лингвистики, которым оперируют при обсуждении экстралингвистических аспектов коммуникации. Однако стоит отметить, что термин «фоновые знания» получает определение лишь в работах сугубо научного характера – в учебно-методической, а также научно-популярной литературе данный термин активно употребляется *de facto* и, видимо, не вызывает трудностей в восприятии как специалистами, так и широким кругом читающей публики. Существуют разнообразные определения понятия «фоновые знания», хотя основополагающим у нас в стране до сих пор остается определение, данное Словарем лингвистических терминов под редакцией О.С. Ахмановой: «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой общения» [2].

В данном определении неоднозначное толкование вызывает его основа – понятие реалии. Существует, по крайней мере, двойное понимание данного явления: реалия-предмет как материальный объект или явление; и реалия-слово, то есть языковые единицы, обозначающие такие предметы и явления. Иногда исследователи выделяют: (1) реалии-предметы и явления внеязыковой действительности, (2) реалии-концепты, то есть ментальные эквиваленты реалий-предметов и (3) реалии-слова, то есть средства номинации реалий-концептов [3]. В свою очередь, активное рассмотрение реалий в рамках культурологии привело к тому, что данный термин стал восприниматься в узком контексте – как средство для обозначения материальных объектов или слов определенной культуры, отсутствующей в другой культуре. В противовес ему в таком контексте употребляется термин «универсалия», то есть

«предметы, явления и понятия, а также языковые единицы для их выражения, общие для отдельных индивидуумов и различных культур» [2].

Тем не менее, большинство исследователей рассматривают фоновые знания именно как совокупность знаний о мире и культуре, создающих условия для успешного взаимопонимания (Ахманова, Гюббенет, Виноградов, Крюков, Томахин, Халеева, Хирш и др.), как «социально-культурный фон, характеризующий воспринимаемую речь» [4]. Согласно этой точке зрения, фоновые знания рассматриваются как экстралингвистическое явление, неотъемлемо сопровождающее коммуникацию, как «невербальный компонент речевого общения» [5]. Говоря словами Г.Д. Томашина, «фоновые знания в широкой трактовке – это практически все знания, которыми располагают коммуниканты к моменту общения» [6].

Однако существует точка зрения, отличающаяся от вышеизложенной, согласно которой фоновые знания входят в семантику слова, составляя один из компонентов значения. Данной позиции придерживаются в основном ученые, рассматривающие фоновые знания в их узком понимании – как особенности культуры носителей данного языка (Комлев, Леонтьев, Верещагин, Костомаров и др.). Согласно их точке зрения, в семантической структуре номинативных единиц языка присутствует экстралингвистическое содержание, которое прямо и непосредственно отражает обслуживаемую языком национальную культуру [7].

Организацию фоновых знаний представляют в терминах теории фреймов, выдвинутой М. Минским и получившей всеобщее признание и дальнейшее развитие. Понятие «фрейм» трактуется как «структура данных для представления стереотипной ситуации» [8]. Однако и здесь в терминологии отсутствует единство. Наряду с термином «фрейм» встречаются также термины «схема», «прототип» или «стереотип», «ментальная модель», «концепт»; динамические фреймы называют «сценариями», «планами», «процессами» (при этом иногда каждый из этих терминов трактуется как отдельное понятие, иногда – как синонимы).

Представляется, что в целом структура фоновых знаний выглядит как некая система из узлов и связей между ними. Именно единообразие общих принципов строения системы хранения и использования информации делает процесс межличностного и межкультурного общения потенциально возможным.

Однако, если принимать такое строение системы хранения фоновых знаний, можно с большой долей достоверности предположить, что у разных людей будут различаться по крайней мере:

- содержание информации в узлах;
- «глубина» или «полнота» информации при условии совпадения содержания знаний в аналогичных узлах;
- последовательность и «устойчивость» связей.

Именно эти различия обуславливают возможные расхождения в понимании текстов даже в рамках одной культуры, а, особенно, представителями разных культур, что и вызывает, например, необходимость адаптации текста при переводе или его комментирование [9].

Для понимания значения и роли фоновых знаний необходимо учитывать не только их строение, но и семантическую наполненность, поскольку именно семантическое содержание обуславливает уже не принцип, а конкретные условия использования фоновых знаний в процессе коммуникации вообще и в процессе межкультурного взаимодействия при переводе. Представляется, что с этой точки зрения можно говорить о:

1) фоновых знаниях, полученных эмпирическим путем (на личном опыте) и опосредованно (через книги и другие носители информации) [10,11];

2) универсальных (присущих всем людям и тождественных в разных культурах) и специфических знаниях, к которым относятся, в частности, профессиональные и национально-специфические знания;

3) различных понятийных категориях фоновых знаний, основанных на существовании различных сфер деятельности человеческого общества, а также различных ментальных моделях мира (например, категории времени, пространства, модальности, также невербальные средства коммуникации (мимика жесты, позы), социальные роли, обычаи и традиции, и т.п.).

Все аспекты общей системы фоновых знаний находятся в непрерывном контакте и взаимодействии друг с другом. Это динамическая система. Знания могут переходить из разряда опосредованных в разряд эмпирических, из специфических и, в частности, национально-специфических в универсальные.

Еще одной немаловажной характеристикой знаний является их «глубина», то есть количество информации, которой обладает отдельный человек или коллектив людей о чем-либо. Предлагаются различные модели оценки уровней глубины владения информацией и, соответственно, понимания сообщения, содержащего данную информацию.

Очевидно, что фоновые знания представляют собой сложную, многоуровневую систему, обладающую как своеобразным строением, так и специфическим содержанием. Для переводчика очень важно представлять общую структуру и строение фоновых знаний как системы, также как семантический состав фоновых знаний конкретной языковой культуры. Это, прежде всего, необходимо для адекватного выбора приемов перевода при передаче фоновой информации с языка оригинала на язык перевода.

В последнее время необходимость обучения переводчиков фоновым знаниям культуры изучаемого языка не вызывает сомнения. Владение фоновыми знаниями называется как неотъемлемый компонент переводческой компетенции, наряду с наличием лингвистических знаний, определенных психологических качеств и литературных способностей. С другой сторо-

ны, владение приемами перевода специфических культурных компонентов фоновых знаний (такими как гипонимический перевод, калькирование, транскрибирование и другие) является одним из основных навыков профессиональных переводчиков.

Исследователи сходятся во мнении, что отбор фоновых знаний необходимо проводить на основании изучения и анализа «взвешенных» фоновых знаний, то есть тех, которые обладают свойствами всеобщей распространенности [12]. То есть информация должна быть известна и должна использоваться большинством членов данного социума, то есть доступна так называемому «усредненному рецептору» [13].

Очевидно также, что и универсальные фоновые знания не будут представлять дополнительных трудностей, поскольку в каждом языке для их выражения существуют языковые универсалии и соответствующие лексико-грамматические приемы. В свою очередь национально-специфические фоновые знания очень часто являются основной преградой на пути взаимопонимания. Поэтому именно национально-специфические или страноведческие фоновые знания при обучении иностранному языку называют ключевыми в курсах страноведения, практики устной и письменной речи, а также перевода.

Еще одним критерием является актуальность фоновых знаний, поскольку характеристики культурной общности меняются во времени. Некоторые факты истории и политической жизни забываются, личности теряют популярность, одни анекдоты и афоризмы заменяются другими и т.п. В этой связи, к примеру, Г. Томахин говорит об актуальных фоновых знаниях и фоновых знаниях культурного наследия [14], а Э.Д. Хирш берет пятнадцатилетний период существования и «узнавания» информации в качестве одного из основных критериев отбора материала для своего сводного словаря культурной грамотности, отражающего фоновые знания среднего американца [15].

Немаловажную роль в формировании фоновых знаний в современном обществе являются опосредованные знания. Однако, если некоторое время назад одним из основных источников национально-специфических фоновых знаний той или иной культуры была литература (персонажи, названия, цитаты, сюжеты, авторы), а также устное творчество (куда можно отнести пословицы, поговорки, анекдоты, сказки, песни), то в последние десятилетия ведущими «поставщиками» национально-специфических фоновых знаний стали радио, телевидение и кино. С другой стороны, компьютерные технологии и другие средства массовой коммуникации способствуют универсализации фоновых знаний человечества, также как глобализация, в частности, киноиндустрии и телевидения.

Еще одним фактором, который требует рассмотрения, являются не только сами знания, но и ассоциативные связи между ними. Известно, что одни и те же предметы и понятия вызывают различные ассоциации (иногда

прямо противоположные) у представителей разных культур. Порой коннотативный смысл, которым обладает нейтральное, на первый взгляд, слово, становится настолько существенным в процессе коммуникации, что полностью изменяет значение высказывания, а при неспособности одного из коммуникантов воспринять эту коннотацию приводит к недопониманию или полному непониманию. Естественно, что коннотации и ассоциации, которые вызывают национально-специфические фоновые знания требуют специального внимания со стороны участников межкультурной коммуникации и, особенно, переводчиков. Подведем итоги.

1. Очевидно, что, несмотря на различные точки зрения, относительно лингвистической или экстралингвистической природы фоновых знаний, можно говорить о сложной, динамической, многоуровневой системе фоновых знаний, представляющей универсальные или специфические (в частности, национально-специфические) фоновые знания, приобретенные эмпирическим и опосредованным путем и относящиеся к различным областям человеческой жизнедеятельности.

2. Перевод, являясь инструментом межязыкового и межкультурного общения, обеспечивает адаптацию культур взаимодействующих языков, в частности, путем адекватной передачи фоновых знаний.

3. При переводе фоновых знаний применяются различные переводческие приемы, в частности, различные виды экспликации.

4. При решении о необходимости экспликации фоновых знаний в той или иной форме переводчику приходится учитывать: доступность информации и ее взаимосоотнесенность для «усредненных рецепторов» различных культур; актуальность информации, то есть диахронический срез взаимодействующих культур; принадлежность информации к универсальным или специфическим знаниям в различных категориях; а также ассоциативные и коннотативные связи, возникающие при упоминании определенной фоновой информации.

Библиографический список

1. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М.: Изд-во «ЭТС», 2000. – 238 с.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / сост. О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 382 с.
3. Конецкая, В.П. Лексико-семантическая характеристика языковых реалий / В.П. Конецкая // Великобритания: лингвострановедческий словарь. – М., 1980. – 421 с.
4. Ахманова, О.С. Вертикальный контекст как филологическая проблема / О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3 – 91 с.
5. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1986. – 189 с.

6. Томахин, Г.Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения / Г.Д. Томахин // Иностраный язык в школе. – 1980. – № 4.
7. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – М.: Наука, 1969. – 245 с.
8. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский; пер. с англ. – М.: Энергия, 1979. – 176 с.
9. Хайруллин, В.И. Когнитивные и культурологические аспекты перевода: дис. д-ра наук / В.И. Хайруллин. – М., 1995. – 310 с.
10. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1976. – 257 с.
11. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация / О.Л. Каменская. – М.: Высшая школа, 1990. – 178 с.
12. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 256 с.
13. Комиссаров, В.Н. Что такое «усредненный рецептор перевода»? / В.Н. Комиссаров // Перевод и переводческая компетенция. – Курск: Издательство РОСИ, 2003. – 237 с.
14. Томахин, Г.Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению / Г.Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1988. – 253 с.
15. Hirsh E.D. Jr. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know / E.D. Hirsh Jr. – Boston, 1987. – 329 p.

[К содержанию](#)

ББК Ш143.21-1

УДК 811.111-26

**ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ СЛОВАРЬ
АССОЦИАТИВНОГО ТИПА: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

М.Г. Мамонтова

В статье рассматривается энциклопедический мультимедийный словарь ассоциативного типа, интегральный подход к изучению энциклопедического текста. Приводится собственное понимание понятия энциклопедического мультимедийного словаря ассоциативного типа.

Ключевые слова: лексикография, словарь, языковая личность, социум, интегральный подход, энциклопедический текст.

Рассмотрение социального аспекта словаря ассоциативного типа объясняется необходимостью теоретического осмысления интегральной природы энциклопедического текста и дальнейшей разработки теоретических основ энциклопедического мультимедийного словаря ассоциативного типа

в силу недостаточной изученности его социального аспекта. Также это обусловлено необходимостью развития межкультурного диалога в условиях процессов глобализации, происходящих в Европе и в целом мире, в особенности среди молодого поколения.

В современной лингвистике лексикография определяется как раздел языкознания, занимающийся вопросами составления словарей и их изучения; наука, изучающая семантическую структуру слова, особенности слов, их толкование [1].

Лексикография подразделяется на практическую и теоретическую.

Практическая лексикография выполняет общественно важные функции, обеспечивая обучение языку, описание и нормализацию языка, межкультурное общение, научное изучение языка. Лексикография стремится найти наиболее оптимальные и допустимые для восприятия способы словарного представления совокупности всех знаний о языке [2].

Теоретическая лексикография охватывает комплекс проблем, связанных с разработкой макроструктуры (отбор лексики, объём и характер словника, принципы расположения материала) и микроструктуры словаря (структура словарной статьи, типы словарных определений, соотношение разных видов информации о слове), созданием типологии словарей, с историей лексикографии [2].

Теоретическая лексикография сформировалась в конце XX века. Первую научную типологию словарей создаёт советский учёный Л.В. Щерба (1940). Дальнейшее развитие она получила в трудах лингвистов из Франции, ЧССР и США.

Словарь – книга, содержащая собрание слов (морфем, словосочетаний, идиом), расположенных по определённому принципу, и дающая сведения об их значениях, употреблении, происхождении, переводе на другой язык и т.п. (лингвистические словари) или информацию о понятиях и предметах, ими обозначаемых, о деятелях в каких-либо областях науки, культуры [1].

Типология словарей – классификация типов словарей, справочников и энциклопедий. Тип отдельного словаря определяется основной информацией, которую он содержит, его общим назначением [3].

Как правило, словари делятся на два основных типа:

- 1) лингвистические словари;
- 2) энциклопедические словари.

Объектом лингвистических или языковых словарей являются языковые единицы, а именно: слова, словоформы, морфемы.

Энциклопедические словари – словари, содержащие экстралингвистическую информацию об описываемых языковых единицах. Подобные словари могут содержать сведения о различных научных понятиях, терминах, исторических событиях, персоналиях и прочее. В энциклопедических словарях не описываются грамматические признаки слова, а приводится информация о предмете, понятии, личности, которые обозначаются словом [1].

Однако существует точка зрения, что энциклопедии не являются словарями и не имеют отношения к лексикографии. Единственная причина считать энциклопедии словарями – это расположение описываемых реалий в алфавитном порядке. Необходимо отметить, что с точки зрения носителя информации словари делятся на два основных типа:

- 1) бумажные словари;
- 2) электронные словари.

Поскольку данная дипломная работа посвящена созданию электронного мультимедийного словаря ассоциативного типа, нам следует особое внимание уделить электронным словарям и их типологии.

Электронный словарь – словарь в компьютере или другом электронном устройстве [1].

Среди электронных словарей следует выделить онлайн-словари.

Онлайн-словарь – это такой тип электронного словаря, размещенный в сети Интернет [4].

Сегодня онлайн-словари быстро набирают популярность. Доказательством этого может служить тот факт, что многие поисковые порталы такие, как yandex.ru, Rambler.ru, mail.ru размещают подобные словари у себя.

Поскольку словари ассоциативного типа являются подгруппой идеографических словарей, нам необходимо подробно рассмотреть понятие идеографического словаря.

Идеографический словарь – тезаурус, лингвистический словарь, в котором лексический состав языка представлен в виде систематизированных групп слов, в той или иной степени близких в смысловом отношении [1].

Как правило, ассоциативные словари строятся на основе свободного ассоциативного эксперимента. Таким образом, ассоциативные словари моделируют вербальную память и языковое сознание человека.

В таких словарях словарная статья выглядит следующим образом:

- 1) заголовочное слово – стимул;
- 2) дефиниция – список слов-реакций с их частотными характеристиками.

Однако, помимо общепринятого понимания понятия словаря ассоциативного типа, существует иная точка зрения.

Профессор Ивановского государственного университета Ольга Михайловна Карпова в 2009 году предложила проект качественно нового электронного словаря ассоциативного типа «Флоренция в творчестве европейских писателей и художников: проект энциклопедического словаря для гидов и туристов» [5].

Настоящий проект, предложенный О.М. Карповой, представляет собой качественно новый словарь, посвященный описанию значения и роли Флоренции в творчестве знаменитых деятелей литературы и искусства.

Личность – понятие, выработанное для отображения социальной природы человека, рассмотрения его как субъекта социокультурной жизни, определения его как носителя индивидуального начала, самораскрывающегося в контекстах социальных отношений, общения и предметной дея-

тельности. Под «личностью» понимают: 1) человеческого индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности или 2) устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества [6].

Становление личности – это движение к идеалу, в качестве которого выступает личность, всесторонне реализовавшая себя [7].

Согласно В.В. Виноградову языковая личность – это способность человека совершать речевые поступки [8].

Он разработал уровневую модель языковой личности с опорой на художественный текст, в которой выделяет следующие три уровня рассмотрения языковой личности:

- 1) вербально-семантический (семантико-строевой, инвариантный);
- 2) когнитивный;
- 3) прагматический.

На вербально-семантическом уровне, отражающем степень владения обыденным языком, рассматриваются слова и их значения. На когнитивном уровне – концепты. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры. Высшим уровнем является прагматический, так как на данном уровне рассматривается то, с какой целью писатель использует в тексте именно эти слова, какую мысль автор хочет выразить и передать в тексте. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире.

Языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей.

Общество (социум) – исторически сложившаяся и обособившаяся от природы часть материального мира, включающая в себя способы социального взаимодействия и формы объединения людей, способных создавать орудия труда и пользоваться ими в процессе своей деятельности. В широком понимании слова – это совокупность всех видов социального взаимодействия людей и форм организации их совместной жизнедеятельности [1].

В социологии не раз предпринимались попытки дать окончательное определение общества и выделить его основные признаки.

В современной социологии утвердился подход к обществу как к существующему в социальном пространстве и времени «сгустку» социальных связей и взаимодействия.

В данном подходе выделяются следующие отличительные признаки общества:

- 1) наличие социальной общности, которая выражает общественную природу жизни людей, социальную специфику их отношений и взаимодействий;
- 2) существование общества в социальном пространстве и социальном времени. Причём социальные пространство и время не всегда совпадают с физическими пространством и временем;

3) наличие в обществе специальных органов для осуществления его саморегуляции и воспроизводства – социальных институтов, важнейшим из которых является социальный институт семьи, обуславливающий возникновение и существование прочих (брака, воспитания, образования, религии) [9].

Общество не сводится к социальности, всякое общество социально, но далеко не всё, что обладает свойствами социального, может рассматриваться как общество. Самодостаточным может быть только общество в целом.

Признаки общества, характеризующие его как социальную систему:

- 1) иерархичность;
- 2) саморегуляция;
- 3) открытость;
- 4) информационность;
- 5) самоорганизация [10].

Бесспорно ключевой вопрос любого цивилизованного общества – это его организация.

Гетерогенность представляет собой совокупность параметров, демонстрирующих степень разнородности, широкий спектр оттенков общества. Однако она, в отличие от неравенства, не говорит о различиях в ранге индивидов, а лишь в позициях. Таким образом, по этим параметрам, примерами которых могут служить пол, национальность, возраст, вероисповедание, нельзя сказать ниже или выше находится индивид, занимающий какую-либо позицию в одной социальной группе относительно индивида в другой группе [11].

Гетерогенность показывает, насколько устойчиво конкретное общество. Общество с низкой степенью гетерогенности (то есть многие параметры индивидов совпадают) является наиболее устойчивым.

Общество неоднородно.

Причины неоднородности общества:

- 1) профессиональные различия;
- 2) гендерные и возрастные различия;
- 3) культурные различия;
- 4) индивидуальные различия [11].

В нашем понимании энциклопедический мультимедийный словарь – это электронный справочник, описывающий жизнь, творчество и работы выдающихся людей из разных областей жизни с использованием различных мультимедийных материалов (фотографии, рисунки, аудиозаписи) и учетом социальных характеристик возможных пользователей данного словаря.

Библиографический список

1. Щерба, Л.В. Опыт общей лексикографии. Языковая система и речевая деятельность: монография / Л.В. Щерба. – М.: Наука, 1974. – С. 265–304.

2. Богатова, Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии / Г.А. Богатова. – изд. 2-е. доп. – М.: Издательская группа URSS, 2008. – 288 с.
3. Википедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
4. Егоров, А. Слово за слово: обзор онлайн-словарей / А.Егоров // Домашний компьютер. – 2007. – 5 сентября. – С. 73–76.
5. Флоренция в творчестве европейских писателей и художников: энциклопедический словарь для гидов и туристов: проект словаря ИвГУ / гл. ред. О.М. Карпова. – Иваново: ИвГУ, 2009. – 73 с.
6. Абушенко, В.Л. Личность / В.Л. Абушенко // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
7. Маслоу, А.Г. Мотивация и личность / А.Г. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – С. 77–105.
8. Виноградов, В.В. Избранные труды. В 5 т. Т. 5: О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 362 с.
9. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
10. Коротаяев, А.В. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны / А.В. Коротаяев, А.С. Малков, Д.А. Халтурина. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2007. – 344 с.
11. Хомутова, Т.Н. Научный текст интегральный подход: монография / Т.Н. Хомутова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – 333 с.

[К содержанию](#)

УДК 811.42

МОРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

А.В. Нохрин

В статье рассматриваются понятия «мораль и моральные ценности». Выявляются средства их выражения в русском и английском языке на материале англоязычных научных текстов экологической тематики.

Ключевые слова: мораль, моральные ценности, экология.

1. Введение

Обращение к теме морали и моральных ценностей предполагает изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью. Проблемы морали и моральных ценностей актуальны как в аспекте отдельных наук, так и в лингвистике, занимающейся изучением языка в разных аспектах его организации и функционирования.

Объектом данного исследования являются категории «мораль» и «моральные ценности».

Предмет исследования составляют языковые средства выражения моральных ценностей в английском языке на материале научных текстов. Выбор данного предмета исследования обусловлен, прежде всего, интересом к анализу содержания моральных ценностей в научных текстах и отсутствием отдельного исследования языковых средств выражения морали и моральных ценностей на материале научных текстов.

Цель работы – анализ и описание языковых средств, участвующих в объективации моральных ценностей на материале англоязычных научных текстов. Поставленная цель обусловила решение следующих задач:

- 1) проанализировать состояние проблемы определения категории морали и моральных ценностей, определить их семантический диапазон;
- 2) установить репертуар средств выражения категории «мораль» и «моральные ценности» в русском и английском языках;
- 3) выявить языковые средства выражения морали и моральных ценностей в англоязычных научных текстах.

Актуальность данного исследования определяется потребностью современного общества к выявлению ценностной сущности морали, интересом лингвистов к проблеме соотношения языка и сознания, языка и мышления, возможностью комплексного изучения морали и моральных ценностей, а также средств их выражения в их функциональном взаимодействии на материале научных текстов.

2. Мораль и моральные ценности

Каждое исторически сложившееся общество требует строго определенной меры социального регулирования общественных отношений. Регулирование общественных отношений осуществляется путем реализации определенных социальных норм: норм права, норм морали, норм, установленных общественными организациями. Особое место в формировании духовного мира личности, ее сознания и культуры, активной жизненной позиции принадлежит морали, которая является важнейшим социальным регулятором, включенным в систему общественных отношений, целенаправленно воздействующим на преобразование сознания личности.

Не существует единого, бесспорного определения морали, что имеет прямое отношение к своеобразию данного феномена. Так, например Лукашова видит мораль как один из способов регулирования поведения человека в обществе с помощью норм. По её мнению мораль представляет собой известную совокупность исторически складывающихся и развивающихся жизненных принципов, взглядов, убеждений и основанных на них норм поведения, определяющих и регулирующих отношения людей друг к другу, обществу, государству, семье, коллективу, классу, окружающей действительности [1].

Гусейнов даёт следующее определение морали: «Мораль есть философская абстракция, подразумевающая и охватывающая все богатое содержание реальной нравственности, выявляющая идеально-всеобщее в действительных и многообразных нравственных отношениях» [2]. Мораль регулирует поведение человека во всех сферах общественной жизни – в труде, в быту, в политике, в науке, в семейных, личных, межгрупповых, международных отношениях [2].

Комарова рассматривает мораль как систему норм–запретов, идеалов, требований, предписаний, принятых в данном обществе. Эти нормы закреплены в культуре и достаточно стабильно передаются от поколения к поколению [3].

Рассмотренные определения в значительной степени соответствуют общераспространенным взглядам на мораль. Мораль предстает в двух взаимосоотнесенных, но, тем не менее, различных ипостасях: а) как характеристика личности, совокупность моральных качеств, добродетелей, например, правдивость, честность, доброта; б) как характеристика отношений между людьми, совокупность моральных норм (требований, заповедей, правил), например, «не лги», «не кради», «не убий». Таким образом, мораль может включать в себя и психологические моменты: эмоции, интересы, мотивы, установки и другие слагаемые.

Центральное место в семантике морали занимает понятие о добре и зле. Под моралью обычно понимают некую систему норм, правил, оценок, регулирующих общение и поведение людей в целях достижения единства общественных и личных интересов. В моральном сознании выражен некий стереотип, шаблон, алгоритм поведения человека, признаваемый обществом как оптимальный на данный исторический момент. Существование морали можно интерпретировать как признание обществом простого факта, что жизнь и интересы отдельного человека гарантированы только в том случае, если обеспечено прочное единство общества в целом.

Моральные ценности – это система миропонимания человека, содержащая оценку всего существующего с позиций добра и зла, понимания счастья, справедливости и любви, позволяющая установить связь поступка человека с общепринятой системой социальных ценностей. Выбор определенных нравственных ценностей позволяет личности выработать не только моральную оценку рассматриваемых поступков, но и дать самооценку своего поведения, а также избрать ценностную ориентацию присущего ей морального сознания. Избранные личностью нравственные ценности воплощаются, в конечном счете, в ценностной ориентации, реализуя ее исходную нравственную позицию. Она проявляется не только в отдельных поступках и вызвавших их мотивах, но и во всей линии поведения [4].

По мнению Т.Н. Хомутовой, если говорить об уровне морального развития, то необходимо определить категории морального сознания. Как правило, к ним относят: моральные ценности (красота, прогресс, социаль-

ная справедливость, общественная польза, интересы народа и т.д.), моральные принципы («золотое правило»), аморализм (нравственно-отрицательные проявления личности), моральный конфликт и выбор [5].

Индивидуальное моральное пространство представителей научного социума вариативно и зависит от множества факторов, в первую очередь от моральной базы культуры. В него включаются такие ценности, как научная добросовестность-недобросовестность, уважение-неуважение к личности адресата, умение-неумение ценить достижения коллег, тактичность-нетактичность, терпимость-нетерпимость и т.д. [5].

Как известно, моральное сознание находится под сильным влиянием культуры, поэтому моральная база культуры тесно связана с культурными ценностями, такими как отношение к времени, пространству, власти, деятельности, общению и т.д. Для научного социума в англоязычной монохронной, линейной, низкоконтекстуальной культуре, характеризующейся автономностью личности, должны быть свойственны, в частности, такие ценности, как учет прав другого человека, отсутствие научного и издательского nepотизма («кумовства»), что проявляется в разъяснении терминов, ссылок на первоисточники, уважительном отношении к старому знанию, тактичной справедливой критике [5].

В то же время для русскоязычной культуры нехарактерны, а иногда и отсутствуют некоторые категории моральных суждений (например, учет прав другого человека), характерные для американцев. В научном социуме это может проявляться в присваивании чужого знания, несправедливом (nepотичном) распределении ресурсов и возможностей, нетерпимости к чужому мнению, выражающейся в его резкой критике и т.д. Научный и издательский nepотизм проявляется в преимущественном праве «своих» научных работников на защиту и публикацию в «своих» советах и изданиях независимо от качества работы, в отсутствии критики в адрес «сильных мира науки», в несправедливом распределении научных и материальных ресурсов и т.д. Все это находит свое отражение и в текстовой деятельности, в частности в качестве (научности) работ, объеме и качестве ссылочного аппарата, разъяснениях терминов, комментарии, форме критики и т.д. [5].

Моральная картина мира определяется как духовная сфера взаимоотношения людей, пронизанная их субъективным отношением к действительности, но предполагающая искусство выявления объективной общественной значимости долженствования и норм, соотносимая с лексической системой языка. Моральная языковая картина мира основана на фрагментарной, нормативно-ценностной репрезентации действительности. Моральная картина мира и язык морали являются составными частями морального дискурса и моральных ценностей. Моральная картина мира тесно связана с языком морали [6].

3. Средства выражения морали и моральных ценностей в русском и английском языке

Мораль как мыслительная, идеальная форма объективируется в языке, следовательно, мораль можно характеризовать как определенный способ использования языка. Это касается и обыденного языка морали, или оценочно-нормативных суждений, посредством которых люди выражают свою нравственную позицию и свое отношение к различным фактам и событиям, и теоретических утверждений, или концептуализации морали в философских и научных системах [7].

В Языке морали имеется также обширный класс слов, выполняющих двойную – нормативно-дескриптивную – функцию: они одновременно и обозначают (описывают) те или иные реалии человеческого сознания и бытия, и дают им моральную (позитивную или негативную) оценку, например: «добродетель», «милосердие», «щедрость», «сострадание». Использование подобных (чисто ценностных и бифункциональных) слов в сложных вербальных конструкциях – высказываниях, рассуждениях и доказательствах – сообщает этим последним моральную специфику и позволяет их считать также элементами Языка морали. Любая форма морального сознания или отдельный акт его деятельности могут быть выражены с помощью соответствующих суждений. Например, при оценке определенного поступка употребляется оценочное суждение: «Это действие-благодеяние (или злодеяние)» [7].

Язык морали указывает на разнообразные семантические отношения, лежащие в основе текстообразования, ассоциации, сравнения, отношения к идеализированной модели мира. В обыденном языке этические знания воплощаются косвенно – в интерпретации совершаемых человеком действий. Язык морали, поэтому является стилистически окрашенным при помощи метафор, крылатых выражений, иронии, парадокса, которые используются для усиления текста, яркой и точной характеристики лиц, отражают структуру и свойства человеческой психики [8].

Базис языка морали составляет небольшое количество оценочных терминов, взятых в специфически моральном смысле: «добро», «зло», «долг», «справедливость» и другие, а также производных от них слов – «добрый», «злой», «правильный», «неправильный». В языке морали имеется также обширный класс слов, выполняющих двойную функцию: они одновременно и обозначают те или иные реалии человеческого сознания и бытия, и дают им моральную оценку, например: «добродетель», «милосердие», «щедрость» [8].

Таким образом, актуальная сущность морали и моральных ценностей, на наш взгляд, может быть выражена следующими семами: добро – kindness; совесть – conscience; правда – truth; честь – honour; преданность – loyalty; справедливость – justice; щедрость – generosity; правильность – fidelity; бережливость – prudence и др.

4. Языковые средства выражения морали в англоязычном научном тексте

На данном этапе исследования были проанализированы англоязычные научные статьи по экологии.

На сегодняшний день экологический вопрос стоит остро, глобальный масштаб и общемировая значимость экологических проблем в обществе привлекают внимание различных ученых, как из зарубежных стран, так и из России. Отношение к природе – одна из сфер общественной жизнедеятельности человека, заключающая в себе моральное содержание. Именно поэтому были проанализированы научные статьи по данной тематике. В ходе исследования были использованы следующие англоязычные научные журналы: *Biology Online*, *TheScientist*, *Journal of Ecology*, *Nature*, *Ecology and Environment Inc.*

Научная статья – это законченное и логически цельное произведение, посвященное конкретной проблеме. Статья подразумевает тематическую направленность, анализ и научную проработку материала; наличие теоретических и практических обобщений значимых явлений, событий, а также оперативность, актуальность, информационную новизну.

Всего было проанализировано 8 статей общим объемом 236 000 печатных знаков. Для подсчета количества используемых слов были использованы следующие программы: Утилита **Word Counter**, а также интернет сайт *Webscript.ru*.

В результате анализа был получен частотный список длиной 2834 лексических единицы, ниже представлены самые частотные лексемы: *research* (143); *human* (112); *science* (86); *ethics* (78); *ecology* (62); *life* (58); *survival* (52); *conservation* (52); *practices* (48); *moral* (40); *nature* (39); *law* (29); *development* (29); *protection* (25).

Из частного списка с помощью компонентного анализа были выделены лексические единицы, имеющие в своём составе выделенные нами семы морали. Для анализа семантической структуры слов были использованы авторитетные толковые словари: *Oxford dictionary*, *Cambridge Dictionary*, *Merriam Webster Dictionary* [9, 10, 11].

В итоге были выявлены следующие лексемы с моральным компонентом значения: *conservation*, *ecology*, *survival*, *traditional*, *preemptive*, *practices*, *protection*, *experiment*, *promise*, *ecosystem*, *human*, *modifications*, *behavior*, *characteristics*, *pleasant*, *virtue*, *devotion*, *feelings*, *reality*, *fidelity*, *ideal*.

Анализ полученного списка позволяет сделать вывод, что объектом моральной оценки и регуляции является не природа сама по себе, а отношение к ней. Именно этим вопросом занимается экологическая этика.

Экологическая этика – это учение о моральных отношениях природы и человека, которое основано на принятии природы как морального партнера, равноправии всего живого и ограничении потребностей и прав человека.

5. Заключение

Мораль и моральные ценности занимают важное место в нашей жизни. Хотя разные исследователи по-разному интерпретируют этот термин, в целом, мораль понимается как форма общественного сознания и вид общественных отношений, в то время как моральные ценности – это система миропонимания человека, содержащая оценку всего существующего с позиций добра и зла, понимания счастья, справедливости и любви, позволяющая установить связь поступка человека с общепринятой системой социальных ценностей. В данной работе представлено обобщение сложившихся точек зрения по данному вопросу.

Анализ лингвистической литературы по данному вопросу показал, что средства выражения морали и моральных ценностей в русском и английском языке многообразны. Базис языка морали составляет небольшое количество оценочных терминов, взятых в специфически моральном смысле: «добро», «зло», «долг», «справедливость» и другие, а также производных от них слов – «добрый», «злой», «правильный», «неправильный». В языке морали имеется также обширный класс слов, выполняющих двойную функцию: они одновременно и обозначают те или иные реалии человеческого сознания и бытия, и дают им моральную оценку, например: «добродетель», «милосердие», «щедрость». В семантический диапазон морали и моральных ценностей входят семы: добро – kindness, совесть – conscience, правда – truth, честь – honour, преданность – loyalty, справедливость – justice, щедрость – generosity, правильность – fidelity, бережливость – prudence и др.

Анализ англоязычных научных текстов с помощью программных средств позволил получить частотный список лексем, на основе которого с помощью компонентного анализа был получен список лексем с моральным компонентом значения. Анализ полученного списка показал, что объектом моральной регуляции является не природа сама по себе, а отношение к ней.

Библиографический список

1. Лукашова, К.А. Право, Мораль, личность / К.А. Лукашев. – М.: Высшая школа, 1986.
2. Гусейнов, А.А. Введение в этику / А.А. Гусейнов. – М.: Высшая школа, 1985.
3. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие / З.И. Комарова. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.
4. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: «Академический проект», 2003. – 400 с.
5. Хомутова, Т.Н. Научный текст: моральный аспект / Т.Н. Хомутова // Язык, коммуникация, перевод: контрасты и параллели. Материалы V международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (1 июля 2011 года) / ред. Н.В. Иванов. – М.: Книга и бизнес, 2011. – С. 263–271.

6. Кон, И.С. Словарь по этике / под ред. И.С. Кона. – М.: Политиздат, 1981. – 435 с.

7. Максимов, Л.В. Высшие ценности и мораль / Л.В. Максимов // Философия и этика: сборник научных трудов. К 70-летию академика А.А. Гусейнова. – М.: Альфа-М, 2009. – 531 с.

8. Шмелёв, А.Д. Функциональная стилистика и моральные концепты / А.Д. Шмелёв // Язык. Культура. Гуманитарные знания. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. – М.: Научный мир, 1996. – 488 с.

9. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – URL: <http://oxforddictionaries.com>.

10. Cambridge Dictionaries [Электронный ресурс] – URL: <http://dictionary.cambridge.org>.

11. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <http://www3.merriam-webster.com>.

[К содержанию](#)

ББК Ш10
УДК 81'22

«ТЕРМИН» И «ПРОФЕССИОНАЛИЗМ»

Э.М. Машакаева

Данная статья посвящена проблеме разграничения профессиональной и терминологической лексики, а именно сходству и отличию таких классов специальной лексики, как термины и профессионализмы, их характеристике.

Ключевые слова: термин, профессионализм, профессиональная лексика, специальная лексика, язык для специальных целей.

Словарный состав языка можно разделить на общую и специальную лексику. Специальная лексика употребляется в специальных областях человеческой деятельности, к ней не относят общеупотребительные и общенаучные лексические средства. В структуре специальной лексики выделяют три основных класса: номенклатуру, терминологию и профессиональную лексику. Отдельную трудность представляет соотношение двух последних – терминологии и профессиональной лексики. Мнения ученых по данному вопросу расходятся.

Н.М. Шанский не проводит разграничения терминов и профессионализмов, называя профессионализмы «специальными терминами», которые «обозначают специальные понятия, орудия или продукты труда, производственные процессы» [6] и используются говорящим коллективом, объединенным определенной профессией.

В словарной статье Прохоровой В.Н. профессионализмы определены как «просторечные эквиваленты соответствующих по значению терминов» [5]. Шмелев Д.Н. считает, что профессионализмы «являются своего рода дублетами некоторых собственно терминологических обозначений, распространенными в той или иной профессиональной среде», и в этом их отличие от терминов [8]. По мнению Авербуха К.Я., к профессионализмам можно отнести также «акцентологические (компás вместо кóмпас, рапóрт вместо рáпорт) разговорные варианты терминов на флоте и специфические способы образования, например, множественного числа (мичмана вместо мичманы) и т.п.» [1].

В качестве основополагающего отличительного критерия профессионализмов от терминов большинство ученых рассматривает ненормированность первых и нормированность вторых. Калинин А.В. видит разницу между термином и профессионализмом в том, что «термин – это совершенно официальное, принятое и узаконенное в данной науке, отрасли промышленности, в сельском хозяйстве, технике обозначение, название какого-то понятия, а профессионализм – полуофициальное слово, распространенное (чаще в разговорной речи) среди людей какой-то профессии, специальности, но не являющееся... строгим, научным обозначением понятия» [2]. Комарова З.И. выделяет два класса специальной лексики – номенклатуру и терминологию. К классу терминологии Комарова З.И. относит и терминологию, и профессиональную лексику, при этом терминологию называет «нормативной терминологией», а профессиональную лексику – «ненормативной терминологией» [4]. Нормативная терминологическая лексика, представленная предметными терминами и собственно-терминами, обладает признаком нормативности и составляет узус специальной коммуникации, противопоставляясь ненормативной специальной лексике [4].

В профессиональной лексике Комарова З.И. выделяет профессионализмы, терминоиды, индивидуально-образные выражения, на периферии – профессиональные жаргонизмы и арготизмы [4]. Центральное место в этом списке, по мнению Комаровой З.И., занимают профессионализмы или «специальные неофициальные разговорные слова» [4]. Профессионализм – это «такое профессиональное слово, которое обладает тремя основными характеристиками: ненормативностью употребления, стилистической маркированностью (разговорным характером) и наличием эмоционально-экспрессивной окраски» [4]. Таким же образом профессионализм характеризуется в статье Шелова С.Д. Перечисляя наиболее явные признаки профессионализмов, Шелов С.Д. приписывает им большую или меньшую ненормированность употребления слова в данном значении, функционально-стилевую ограниченность употребления, и наличие эмоционально-экспрессивных коннотаций [7]. В этом главное отличие профессионализма от термина, причем перечисленные признаки характерны для всех лексических единиц профессиональной лексики, и разница состоит лишь в степени их выраженности, резюмирует автор.

Авербух К.Я. соглашается с мнениями Комаровой З.И. и Шелова С.Д. по первым двум признакам, характеризующим профессионализм, но высказывает совершенно иную точку зрения по поводу третьего, предполагая, что и термин, и профессионализм «экспрессивно нейтральны» [1]. Если в отношении терминов это положение не вызывает сомнения, то по поводу профессионализмов продолжает существовать мнение об их присутствующей экспрессивности, и с этим мнением Авербух К.Я. не согласен: «Что же касается якобы присутствующей экспрессивности в профессионализмах (усталость (металла), старение (динамита), жандарм (скальный выступ), собачка (спускового механизма), ябедник (прибор – самописец) и т.п.), то это рудименты эмоционального восприятия слова, послужившего первоосновой для данного профессионализма» [1]. Как считает Авербух К.Я., в сознании представителей той или иной профессии подобные слова не могут вызывать эмоционально-экспрессивных коннотаций, в пример приводятся следующие профессионализмы: в речи водителей – баранка, газетчиков – ляп [1].

Шелов С.Д. называет первые два признака профессионализмов наиболее важными, поскольку третий признак бывает слабо выражен в некоторых случаях, но, тем не менее, не отказывается от данной отличительной характеристики, отмечая при этом относительность противопоставления «эмоциональность – неэмоциональность». Отличие заключается, по словам Шелова С.Д., в «динамическом» аспекте смыслового восприятия профессионализмов, который отсутствует у терминов. Аспект обращен к внутренней форме слова, к выбранному способу номинации, которые вызывают ассоциации. «Для профессионализмов этот аспект их восприятия действует в синхронии, для терминов он актуален только в диахронии» [7].

Можно согласиться как с мнением Шелова С.Д., так и с мнением Авербуха К.Я. При появлении нового термина или профессионализма, внутренние формы которых вызывают побочные ассоциации, и тот, и другой обладает определенной степенью эмоциональности. Но со временем, когда употребление термина в специальных сферах деятельности и профессионализма в устной речи определенного профессионального коллектива достигает автоматизма, эмоциональность практически утрачивается, уже не вызывая ассоциаций, связанных с их первоначальной формой. И тогда, вслед за Авербухом К.Я., их можно считать экспрессивно нейтральными.

Профессионализмы семантически близки терминам, они тоже выражают специальные понятия, но способ выражения этих понятий не соответствует норме. Однако у профессионализма есть возможность стать термином, особенно в случае, если у него отсутствует терминологический эквивалент, благодаря взаимодействию профессионального просторечия и профессиональной нормы, а также подвижности языкового узуса [7]. Данный процесс порождает лексические единицы, занимающие промежуточное положение между терминами и профессиональным просторечием. Подобные лексические единицы называют «полутерминами» [7], «терминоидами» [4], «предтерминами».

Отдельно следует отметить позицию Шелова С.Д. по вопросу соотношения профессиональной лексики и терминологии. Шелов С.Д., обращаясь к проблеме классификации специальной лексики, рассматривает существующие точки зрения на соотношении профессиональной лексики и терминологии и приходит к выводу, что профессиональная лексика не тождественна терминологии, «некоторая часть профессиональной лексики... никогда не совпадает с терминологией» [7]. Лексические единицы профессионального просторечия не являются терминами. Но «термины таких сфер профессиональной деятельности, как наука, техника..., согласованные с нормой устоявшегося здесь словоупотребления, ... являются и частью лексики соответствующей профессии» [7]. Между тем наряду с терминологией профессиональных сфер деятельности существует достаточно обширная терминология тех областей человеческой деятельности, которые не могут быть расценены как профессиональные (туризм, непрофессиональный спорт и др.), соответственно, данную непрофессиональную терминологию нельзя отнести к профессиональной лексике [7]. Таким образом, терминология науки, являясь компонентом специальной лексики, входит и в состав профессиональной лексики данной сферы деятельности. При этом существует непрофессиональная терминология, которая относится к специальной лексике, но не входит в состав профессиональной лексики данной сферы деятельности, поскольку сфера деятельности не считается профессиональной.

Таким образом, резюмируя изложенные точки зрения на профессионализм и термин и на их соотношения, можно сказать следующее.

Термины – официально принятое и узаконенное в данной специальной области обозначение какого-то понятия, а профессионализм – полуофициальное слово, распространенное среди людей какой-то профессии в разговорной речи, но не являющееся научным обозначением понятия. Профессионализмы семантически близки терминам, они тоже выражают специальные понятия, но способ выражения этих понятий не соответствует норме. По этой причине некоторые авторы допускают такие наименования профессионализмов, как «специальные термины», «ненормативные термины», «специальные неофициальные разговорные слова». На наш взгляд предпочтительнее использовать наименование «профессионализм» во избежание путаницы и смешения понятий.

Профессионализмы - разговорные варианты терминов в определенной профессиональной среде, в том числе акцентологические.

Профессионализмы являются источником пополнения терминологии, особенно в случае, если терминологический эквивалент профессионализма отсутствует. Подвижность языкового узуса и языковой нормы позволяет переход лексической единицы из разряда профессионализмов в разряд терминов и порождает промежуточные явления – лексические единицы,

которые еще не признаны терминами, но уже выполняют их функции. Наиболее удачным наименованием данного явления является термин «полутермины», предложенный Шеловым С.Д.

Эмоциональность или эмоциональная нейтральность терминов и профессионализмов – вопрос спорный. Способы номинации профессионализмов и терминов схожи, они часто основаны на метафорическом переносе, но эмоциональную окрашенность приписывают больше профессионализмам. Тем не менее, степень освоенности лексической единицы языка для специальных целей, независимо от того является ли она термином или профессионализмом, определяет и степень ее эмоциональности. Степень эмоциональности устоявшегося словоупотребления близка к нулю. Именно этим фактом и объясняется возможность перехода лексической единицы языка для специальных целей из класса профессионализмов в класс терминов.

Кроме обозначенных особенностей, следует также отметить следующее. Профессионализмы характеризуются большим количеством вариантов и менее выраженными системными связями. «Термин... более абстрактен, выражает базовые (родовые) понятия и служит основой для создания других, логически ему подчиненных терминов» [4]. «Профессионализмы... никогда не составляют замкнутой системы, – это разрозненные, не объединенные между собой единицы» [3].

Профессионализмы имеют более широкую сферу употребления и могут быть известны людям, непосредственно не связанным с данной профессиональной деятельностью, но они ориентированы на устное общение, а термины относят к книжной лексике.

Несмотря на имеющееся сходство, есть и различия в признаках номинации: у терминов они более существенны, чем у профессионализмов [4].

Профессионализм развивается на основе родного языка и является его продолжением; термин, возникший в общенациональном языке, обособляется в процессе терминологизации», среди терминов процент иностранных заимствований значительно выше.

Терминология науки, являясь компонентом специальной лексики, входит и в состав профессиональной лексики данной сферы деятельности. При этом существует непрофессиональная терминология, которая тоже относится к специальной лексике, но не входит в состав профессиональной лексики данной сферы деятельности, поскольку сфера деятельности не считается профессиональной.

Библиографический список

1. Авербух, К.Я. Лексические и фразеологические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / К.Я. Авербух, О.М. Карпова. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 176 с.

2. Калинин, А.В. Лексика русского языка / А.В. Калинин. – М.: Издательство МГУ, 1978. – 232 с.
3. Капанадзе, Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» / Л.А. Капанадзе // Сб. Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. – С. 75–86.
4. Комарова, З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание / З.И. Комарова. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 156 с.
5. Прохорова, В.Н. Русский язык. Энциклопедия / В.Н. Прохорова; под ред. Ф.П. Филина. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
6. Шанский, Н.М. Лексика и фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 168 с.
7. Шелов, С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (К проблеме классификации специальной лексики) / С.Д. Шелов // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 76–87.
8. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика: Учеб. пособие / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 336 с.

[К содержанию](#)

УДК 81'23
ББК Ш141. 2–420

ОПРОС КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Е.А. Ненахова

Языковое сознание представляет интерес для исследователей, и поэтому существует много методов исследования. Среди них можно отметить такие методы как метод «семантического дифференциала» Ч. Осгуда, метод незаконченных предложений, метод дефиниций и метод компонентного анализа, визуальный ассоциативный эксперимент и т.д. Но при исследовании языкового сознания дошкольников, наиболее эффективным, по нашему мнению, будет метод опроса. В данной статье нами рассмотрены основные виды опроса, его стадии и критерии оценки валидности.

Ключевые слова: языковое сознание, детская речь, методы, опрос.

Языковое сознание, его образы, а также сознание, как главный фактор психического функционирования, являются главными объектами исследования многих наук. Именно они, по словам Т.Н. Ушаковой, определяют способность к мысли, разумности, творчеству, рефлексии, способность по-

нимать скрытые свойства мира, вырабатывать абстрактные отвлеченные и обобщенные представления, формировать моральные понятия, нести ответственность за свои действия, способность осуществлять масштабные действия с привлечением значительных природных и человеческих ресурсов [4].

Вслед за представителями Московской психолингвистической школы мы придерживаемся определения, что языковое сознание – это образы сознания, овнешняемые «языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [3].

Именно этот подход в определении сущности языкового сознания, допускающий его овнешнение, дает возможность описывать качества образов сознания с помощью различных методов. Среди актуальных экспериментальных методов можно выделить следующие: метод «семантического дифференциала» Ч. Осгуда, метод незаконченных предложений, метод дефиниций и метод компонентного анализа, визуальный ассоциативный эксперимент и метод лингвистического интервьюирования (опроса).

Многие из указанных методов информативны для исследования языкового сознания взрослых носителей культуры и языка разных этнических групп, но если испытуемыми при проведении эксперимента являются дошкольники в возрасте 5–7 лет, то возникают сложности. Принимая во внимание, в первую очередь, тот факт, что в этом возрасте не все дошкольники умеют писать и читать, свободная беседа, которая будет выглядеть игрой, позволит получить от испытуемых более точные и достоверные реакции. Мы считаем, что метод опроса с элементами направленного вербального ассоциативного эксперимента будет наиболее информативным.

В данной статье нам бы хотелось рассмотреть опрос как метод исследования языкового сознания и выделить основные виды, критерии и необходимые условия проведения данного вида экспериментального исследования.

Метод опроса активно используется во многих науках. Привлекательность данного метода заключается в том, что он дает возможность получить глубокие и разносторонние сведения о фактах и их оценках по интересующим исследователя вопросам.

Под опросом понимают направленную беседу, цель которой заключается в получении ответов на вопросы, предусмотренные программой исследования. Опрос делится на:

– формализованный, который состоит в основном из так называемых закрытых вопросов, т.е. вопросов, в которых респонденту предлагаются

заранее разработанные исследователем варианты ответов. Он предназначен для получения однотипной информации от каждого респондента. Ответы всех респондентов должны быть сравнимы и поддаваться классификации. Это означает, что различия и сходство в ответах должны отражать действительные различия и сходства между респондентами, а не различия, вызванные задаваемыми вопросами или тем, как эти вопросы были поняты;

- нестандартизированный, неформализованный, свободный или ненаправленный опрос, при котором исследователь следует лишь общему плану, сформулированному соответственно задачам исследования, задавая вопросы по ситуации. Благодаря своей гибкости данный вид опроса располагает к более хорошему, в сравнении со стандартизированным опросом, контакту между исследователем и испытуемым [2].

Так же выделяют три стадии опроса:

- предварительный опрос – используется на стадии пилотажного исследования;
- основной опрос – используется на стадии сбора основных сведений;
- контрольный опрос – используется для проверки спорных результатов и для пополнения банка данных.

По количеству участников опрос подразделяется на:

- индивидуальный опрос – опрос, в котором участвует только исследователь и респондент (испытуемый);
- групповой опрос – опрос, в котором участвует более двух человек;
- массовый опрос – опрос, в котором участвуют от сотни до тысяч респондентов [2].

Как любой вид экспериментального научного исследования, опрос имеет определенные критерии оценки своей валидности, среди которых можно отметить:

1. Полнота. Опрос должен давать возможность респондентам наиболее полно освещать различные стороны стимульной ситуации и свои реакции на нее.
2. Специфичность. При проведении опроса должны быть получены точные сообщения об аспектах стимульной ситуации, которые вызвали определенные реакции испытуемых.
3. Глубина. Опрос должен помочь респондентам описать эмоциональный, когнитивный и ценностный смысл ситуации и степень своей включенности в нее.
4. Личностный контекст. Опрос должен выявлять характерные черты и предшествующий опыт респондентов, которые наполняют ситуацию конкретным смыслом.

Эти критерии взаимосвязаны: они представляют собой разные оценки опроса. Сообщения могут быть классифицированы по каждому из этих направлений: они могут быть широкими или узко ограниченными; очень конкретными или общими и расплывчатыми; глубоко личными и поверх-

ностными; указывающими на личностный контекст ответа или совершенно не связанными со статусом, ценностями и прошлым опытом индивида [1].

Мы можем сделать вывод, что опрос является методом, который будет незаменим при исследовании образов языкового сознания испытуемых младшего дошкольного возраста, особенно когда исследователь ставит перед собой несколько задач. Данный метод дает возможность не только получить реакцию на стимул, но также в свободном общении испытуемого и исследователя выявить связи и закономерности некоторых явлений сознания.

Библиографический список

1. Белановский, С.А. Свободное интервью как метод социологического исследования / С.А. Белановский // Социология – 1991. – № 2.
2. Мертон, Р. Фокусированное интервью / Р. Мертон, М. Фиске, П. Кендалл. – М.: Ин-т Молодежи, 1991.
3. Тарасов, Е.Ф. Языковое сознание: устоявшееся и спорное (предисловие). Языковое сознание: устоявшееся и спорное: тез. XIV междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации / Е.Ф. Тарасов. – М., 2003.
4. Языковое сознание: формирование и функционирование / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1998.

[К содержанию](#)

ББК Ч448.026

УДК 378.4

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ИНИЦИАТИВНОСТИ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ДОСУГОВОМ ПРОЦЕССЕ

Л.Н. Овинова

Рассматривается значение педагогического стимулирования инициативности для развития творческого потенциала личности студентов в образовательно-досуговом процессе.

Ключевые слова: образовательно-досуговый процесс, творческий потенциал, стимулирование, инициативность.

Согласно требованиям времени, новому поколению государственных образовательных стандартов, переходу к новой личностной парадигме как ведущей тенденции современного образования, а также анализу научных исследований ряда ученых по проблеме воспитания личностных качеств

студентов [1, 2] основополагающим является то, что в целях воспитания студентов наряду с образовательным процессом логично использовать потенциал досуга, как сферу личностного развития студентов, а именно объединять образовательный и досуговый процесс в целостность.

Образовательно-досуговый процесс – это целостность обучения, воспитания и досуга, направленная на развитие личности студентов и реализуемая посредством учебно-педагогического взаимодействия в процессе усвоения содержания образования и создания условий пользования им в самореализации. Именно в образовательно-досуговом процессе преподаватель может предоставить студентам возможность применить свои силы и знания, проявив себя. Для этого необходимо, чтобы образовательно-досуговый процесс проводился по инициативе студентов.

«Интегративную способность личности к самостоятельным активным действиям, проявлениям креативности, предприимчивости, деловитости, к оказанию целенаправленного влияния на других людей называют инициативностью» [5].

По мнению Г.Н. Серикова, инициативность – основа творчества, а творческое удовлетворение в работе приносит ощущение необходимости приобретенных знаний, желание знать больше о предмете, с которым связан досуг, углубиться в его сущность. Приобретенные знания, общественный и личный жизненный опыт способствуют определению человеком линии своего поведения, оценки своих поступков и поступков других. Все это создает условия для проявления им собственной инициативы. Данное утверждение позволяет нам рассматривать инициативность как развитую образованность, которая представляет собой некоторое свойство, приобретаемое человеком в процессе образования, которое выражает не только определенную меру овладения (освоения, усвоения) им какой-то частью социального опыта, но и способность пользоваться им в своей жизнедеятельности.

Отличительными показателями инициативности студентов являются проявления личностью творчества и новаторства. Инициативность студентов в образовательно-досуговом процессе проявляется не только в актах самоуправления, но и в способностях и активизации интеллектуальных, духовных, душевных и физических качеств других участников.

Инициативность позволяет через применение в образовательно-досуговом процессе новаций, через проявления собственного творчества содействовать другим участникам образовательно-досугового процесса в развитии их личностного потенциала. Обязательность как признак инициативности личности является непременным условием общего успеха всех участников образовательно-досугового процесса [3].

По нашему мнению, необходимо стимулировать инициативность студентов в образовательно-досуговом процессе. Сущность стимулирования заключается в побуждении студентов к наиболее качественному выполне-

нию учебно-воспитательных целей и задач. Стимулирование является методом мотивации, и при этом стимул способен выполнить свое назначение в полной мере лишь тогда, когда становится мотивом деятельности конкретного человека. Как справедливо отмечает Н.Д. Левитов, стимулы – это средства, побуждающие человека к труду, а мотивы – осознанное побуждение к нему [3]. Таким образом, мотив имеет отношение исключительно к психологии человека, его сознанию, а стимул – внешний фактор деятельности, который, впрочем, получая осознанный личностно значимый статус, способен превратиться в мотив. При этом в качестве стимула может выступить любое явление, в том числе и специально созданное преподавателем.

Под педагогическим стимулированием инициативности студентов в образовательно-досуговом процессе понимается осуществление образовательно-досугового процесса с помощью социальных и экономических стимулов. Давая краткую характеристику педагогического стимулирования как процесса, отметим, что оно обладает целенаправленностью, систематизированностью, последовательностью, осознанностью, открытостью и обеспечивает управление образовательно-досуговым процессом. Создание стимулирующего обеспечения инициативности студентов в образовательно-досуговом процессе требует предъявления ключевых видов педагогического стимулирования, повышающих эффективность процесса воспитания студентов.

Характеристика использования различных видов стимулирования инициативности студентов в образовательно-досуговом процессе представлена нами в таблице.

Таблица

Стимулирование проявлений инициативности студентов
в образовательно-досуговом процессе

Вид стимулирования	Его характеристика	Используемые приемы стимулирования
Моральное стимулирование	Предназначено для регулирования деятельности студента через повышение его авторитета, престижа, общественного признания заслуг	Похвала, поощрение, предоставление возможности участвовать в различных видах досуговой деятельности, представлять результаты своей деятельности
Материальное (не денежное) стимулирование	Служит для мотивации деятельности студентов с использованием материальных благ	Поощрение призами, наградами, сувенирами, бесплатным курсом изучения второго иностранного языка и т.д.
Организационное стимулирование	Оказывает влияние на деятельность студента через предоставление специальных полномочий	Привлечение к руководству группой студентов в процессе подготовки и проведения досугового мероприятия

Следует отметить, что в организации стимулирующего обеспечения, при безусловности субъективной позиции студента, ведущая роль тем не менее принадлежит преподавателю. Именно он определяет способ заинтересовать каждого студента. Отсюда особый интерес не только к приемам педагогического стимулирования, но и к факторам, влияющим на их выбор.

Выбор приема стимулирования в образовательно-досуговом процессе определяется целым рядом обстоятельств: особенностями студентов (в том числе и уровнем развития их мотивационной сферы); спецификой досуговой деятельности; индивидуальными качествами преподавателя, оказывающими особое влияние на стиль его педагогической деятельности, что и определяет использование тех или иных стимулов; сложившимися отношениями преподавателя и студентов (положительный настрой между субъектами образовательно-досугового процесса, основанный на взаимопонимании и уважении, способствует позитивной корректировке мотивов и усиливает воздействие стимулов); уровнем развития студенческого коллектива (чем выше степень развития коллектива, тем адекватнее воспринимаются стимулирующие влияния).

Таким образом, стимулирующее обеспечение инициативности студентов в образовательно-досуговом процессе детерминируется педагогическим стимулированием преподавателя по развитию эмоционально-волевой сферы студента. Организация педагогического стимулирования придает осознанность участия студентов в личностном самосовершенствовании, повышает их активность, заинтересованность, что, в конечном счете, влияет на эффективность воспитания студентов в образовательно-досуговом процессе, на развитие их творческого потенциала.

Библиографический список

1. Бондаревская, Е.В. Гуманистическая парадигма личностно-ориентированного образования / Е.В. Бондаревская. – М.: Педагогика, 1997. – 104 с.
2. Зимняя, И.А. Психологическая характеристика иностранного (второго) языка как объекта овладения в языковом вузе: сб. науч. тр. / И.А. Зимняя // МГИИЯ. – М.: 1980. – Вып.1. – 168 с.
3. Левитов, Н.Д. Проблема характера в современной психологии / Н.Д. Левитов // Психология индивидуальных различий. Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 216 с.
4. Овинова, Л.Н. Использование дисциплины «Иностранный язык» в технологии воспитания нравственности студентов в образовательно-досуговом процессе // Иностранные языки в профессиональной подготовке и самореализации специалистов высшей квалификации: коллективная монография / отв. ред. Е.Н. Ярославова. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2012. – С. 165–198.
5. Сериков, Г.Н. Образование: аспекты системного отражения / Г.Н. Сериков. – Курган: Зауралье, 1997. – 464 с.

[К содержанию](#)

УДК 811.111 + 811.161.1
ББК Ш143.21-7 + Ш141.2

АНГЛОАМЕРИКАНИЗМЫ КАК СПОСОБ ЯЗЫКОВОЙ КОМПРЕССИИ

Т.Ю. Передриенко

В статье рассматриваются причины заимствования англоамериканизмов в русский язык, изучается степень их ассимиляции. Особое внимание уделяется функционированию англоамериканизмов в российских медиатекстах. Автором демонстрируются способы компрессии текста при помощи англо-американизмов.

Ключевые слова: англоамериканизм; ассимиляция; медиатекст; компрессия; коммуникативный конфликт.

В последние годы, в связи с увеличением информационных потоков, стремительным развитием новых технологий, активно развивающимся туризмом, ростом количества людей, владеющих английским языком, в русском языке появляется все большее количество лексических единиц английского и американского происхождения – англоамериканизмов. Лексический состав языка мобилен, именно поэтому в нем в первую очередь отражаются происходящие в жизни общества изменения.

Как справедливо отмечает Е.Л. Вартанова, заимствованные слова являются прямым отражением процесса глобализации, да и сам термин «глобализация» – это заимствование. Поэтому в условиях глобализации информации и коммуникационного пространства заимствованные слова вполне естественно входят в язык общения [1]. Мы бы в свою очередь хотели добавить, что глобализация настолько масштабна, что порой очень трудно однозначно определить, из какого языка заимствовано слово (из английского или его американского варианта). Именно поэтому, мы не разграничиваем англицизмы и американизмы, а используем объединяющий их термин.

Существует ряд причин заимствования иноязычной лексики. Основной причиной является отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора [2]. Среди других причин можно указать необходимость более точно выразить понятие или назвать предмет, необходимость придать понятию или предмету эффект новизны или престижности, а также придать терминологической системе интернациональный характер. Кроме вышеуказанных причин, мы бы особо хотели выделить еще одну – необходимость вместить в лаконичную форму емкое содержание.

Мы разделяем точку зрения М.В. Умеровой о том, что «человеческому мышлению, а, следовательно, и языку, свойственно стремление к экономии усилий, суммированию и обобщению отражаемых событий. Языковая

компрессия – феномен, определяемый самой природой и временем, так как невозможно каждый раз передавать с помощью языка то, что происходило в реальности, до мельчайшей подробности, да вряд ли это нужно» [3]. Феномен компрессии подтверждает тесную связь языка и мышления, поскольку является одновременно и языковым приемом, и механизмом организации действительности.

На современном этапе под языковой компрессией принято понимать «сжатие плана означающего, при сохранении плана означаемого» [4]. Н.С. Валгина также добавляет, что компрессия обусловлена требованиями языковой прагматики [4].

Рассмотрим, как использование англоамериканизмов способствует лаконичности текста, обогащает его имплицитными смыслами и избавляет текст от ненужного повторения информации или многословия с использованием придаточных предложений.

В современном обществе одним из самых доступных источников информации являются медиатексты. Они становятся обязательной частью жизни человека, так как фиксируют и описывают самые актуальные события выразительно и разнообразно. Е.Л. Вартанова отмечает, что современный русский язык обогащается благодаря средствам массовой информации потому, что в медиатекстах часты заимствования, особенно в специализированных текстах, в них нередко смешиваются разные пласты языка. Именно СМИ становятся силой, формирующей современный язык россиян как нации [1]. Средства массовой информации ориентируются на разную аудиторию, и это делает их интересным материалом для исследования.

Тематическая выборка текстов с англоамериканизмами была сделана по электронным версиям печатных изданий России и крупным новостным сайтам. Для анализа были взяты материалы из РБК Daily (<http://www.rbcdaily.ru/2014/04/15>), РИА Новости (<http://ria.ru>), РосБизнесКонсалтинг (<http://www.rbc.ru>), Вести (<http://www.vesti.ru>), Газета.ru (<http://www.gazeta.ru>), Комсомольская правда (<http://www.kp.ru>), Lenta.ru (<http://lenta.ru>), NewsRu.com (<http://www.newsru.com>), Известия (<http://izvestia.ru>), АиФ (<http://www.aif.ru>) и др.

Одной из самых важных частей статьи является заголовок. Заголовок должен быть кратким, привлекательным, ясным, он должен заинтересовать читателя. В электронных версиях изданий значимость заголовка еще больше возрастает, так как читатели часто не видят полный текст статьи, пока не откроют её. А решение о прочтении принимают, глядя на заголовок. Чтобы сделать заголовок нестандартным, кратким, чтобы придать ему эффект новизны, журналисты часто прибегают к использованию иностранных слов.

В ноябре 2013 года слово «selfie» («селфи» – фотографический автопортрет, сделанный, как правило, при помощи смартфона или веб-камеры и загруженный в социальную сеть) стало «словом года» по версии Окс-

фордского словаря английского языка [5]. Первый случай употребления слова обнаружили в 2002 году: автор снимка извинился за отсутствие фокуса и объяснил его тем, что снимал себя сам. Но данное слово не было широко распространено практически до 2012 года, когда его стали использовать средства массовой информации [6]. Активное использование данного слова в русском языке отмечается в 2013 году. Краткое, яркое «селфи» быстро стало популярным: *Селфи Дарта Вейдера стало первым постом в инстаграмме; Самые яркие фото недели: селфи премьера; «Селфи» актеров на Оскаре; Самые безумные селфишоты; «Селфи» с чаши стадиона и др.*

«Селфи» в заголовке привлекает внимание к статье своей новизной и емкостью. Читатель понимает, что в данном материале, он не только получит какую-то необходимую ему информацию, но и увидит яркие фото. Немыслимо представить в названии описательный перевод данного понятия, так как это будет противоречить правилам составления заголовков.

Еще одним емким понятием является англоамериканизм «дедлайн», обозначающий «крайний срок (дату и/или время), к которому должна быть выполнена задача» [7]. Вот несколько примеров использования данного слова в заглавиях статей, что позволяет сделать заголовок кратким, информативным и выразительным: *Все о дедлайне; Брахими: говорить о «дедлайнах» на переговорах по Сирии рано; Дедлайн для реформы диссентов; В цейтноте перед дедлайном; Жизнь после дедлайна.* «Дедлайн» в русском языке можно передать через следующие словосочетания: крайний срок, срок сдачи, предельный срок, последний срок, но они не такие краткие, звучные и выразительные, как их английский аналог, который дословно можно перевести, как «смертельная линия», то есть та черта (срок), после которой поздно пытаться что-то сделать.

Примеры, использования англоамериканизмов в заголовках с целью сделать их краткими и емкими не единичны. В заглавиях могут использоваться не только целые слова, но и аббревиатуры английского и американского происхождения. Аббревиатуры, имея меньшее количество знаков, позволяют более экономно использовать языковые средства для передачи информации. Д.А. Журавлева отмечает, что аббревиатурам «свойственны краткость, лаконичность формы и компрессия содержания, что и объясняет высокую частотность их употребления в современных масс-медиа» [8].

В анализируемых медиатекстах нами были отмечены несколько видов аббревиатур. Аббревиатуры, которые пишутся латинскими буквами и не имеют русских соответствий: *ID (IDentifier – уникальный идентификатор; IP (Internet Protocol – межсетевой протокол); PDA (Personal Digital Assistant – карманный персональный компьютер); IPO (Initial Public Offering – первая публичная продажа акций акционерного общества); VPN (Virtual Private Network – виртуальная частная сеть – обобщённое название технологий, позволяющих обеспечить одно или несколько сетевых соединений (логическую сеть) поверх другой сети) и другие.*

Аббревиатуры, которые пишутся не только латинскими, но и русскими буквами, при этом русский вариант написания является транскрипцией английского: *SMS – СМС (Short Messaging Service – служба коротких сообщений); VIP – ВИП (Very Important Person – очень важная персона); PR – Пиар (Public Relations – связи с общественностью) и другие.*

И наконец, аббревиатуры, которые были переведены и образовали русский вариант: *LCD – ЖКД (Liquid Crystal Display – ЖидкоКристаллический Дисплей); PC – ПК (Personal Computer – Персональный Компьютер); LG – ЖЖ (Live Journal – Живой Журнал) и другие.*

Рассмотрим примеры: *Число IPO в США достигло максимума; У нас IP-TV; Альфа-Банк запустил PDA-версию сайта; VPN-сервис уличили в пиаре; Инспекторы занялись VIP-парковками; «Королева PR»: подводим итоги!; Повторный суд над ВИП-браконьерами; Правительство одобрило проект закона о борьбе с СМС-спамом; Без помощи ПК; ЖКД будущего; ЖЖ выбирает знак качества.* Примеры показывают, что аббревиатуры представляют собой свернутые конструкции с сохранением объема передаваемой информации. Однако не все приведенные заголовки будут легко восприниматься читателями из-за непонятного иностранного слова. Заголовки, в которых используются аббревиатуры второй и третьей групп, на наш взгляд, понятнее носителям культуры, так как они уже частично или полностью ассимилировались в русском языке.

Интересно отметить разную степень ассимиляции данных слов в русском языке. Большое количество англоамериканизмов активно включаются в состав новых сложных слов, образованных по моделям русского языка: *VIP-парковка, ВИП-браконьер, СМС-рассылка, IT-специалист, IT-технология, IP-зона и другие.* Некоторые англоамериканизмы приобретают грамматические и морфологические признаки слов русского языка (систему падежей, числа; суффиксы, приставки и т.д.): *Формы хоумскулинга (форма родительного падежа); Крупнейшая европейская конференция стартапов (множественное число и форма родительного падежа); Спичрайтером Медведева стала журналистка «Российской газеты» (форма творительного падежа); Безлидерная зона (приставка и суффикс прилагательного).* Ряд англоамериканизмов используется в русском языке в кавычках, чем подчеркивается их иностранное происхождение: *«Селфи» с чаши стадиона; Брахими: говорить о «дедлайнах» на переговорах по Сирии рано; Строгие законы для «хоумскулеров»; По договору «тайм-чартера».* В русском языке также отмечается довольно большой пласт англоамериканизмов с сохранившимся оригинальным написанием. В этом случае читатель видит, иноязычное написание слова, и это облегчает ему поиск дополнительной информации по данной лексической единице в словарях, справочниках или сети Интернет: *Число IPO в США достигло максимума; VPN-сервис уличили в пиаре; РБК Daily; Датчик отпечатков пальцев Touch ID.*

Не менее активно англоамериканизмы используются и в текстах статей, позволяя максимально сжать информацию за счет своей более короткой формы по сравнению с русским вариантом: *Компания Disney объявила о выпуске сборника хитов из популярных мультфильмов (хит – hit – популярная песня; Начальник отдела, риэлтор и бизнесмен дали признательные показания (риэлтор – realtor – агент по продаже недвижимости); Пилинг сегодня считается одной из самых популярных косметологических процедур (пилинг – peeling – чистка лица); Проведены обыски в колл-центрах на Калибровской улице и во 2-м Хорошевском проезде (колл-центр – call center – центр обработки звонков).*

Непрерывный рост потока информации накладывает отпечаток на русский язык, который становится более рациональным. Часто этого удается добиться благодаря использованию иностранных слов и специальных терминов. Однако мы хотели бы отметить, что их употребление должно быть обоснованным и оправданным, аудитория должна понимать эти слова и степень сжатия текста не должна приводить к коммуникативному конфликту.

Библиографический список

1. Вартанова, Е.Л. Язык российских СМИ как индикатор социальных перемен / Е.Л. Вартанова // Язык СМИ и политика. – М.: Изд-во Московского университета, 2012. – 952 с.
2. Брейтер, М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов / М.А. Брейтер. – Владивосток: Диалог, 1997. – С. 132–135.
3. Умерова, М.В. Языковая компрессия в поэтическом дискурсе / М.В. Умерова. – URL: <http://be.convdocs.org/docs/index-54697.html>.
4. Валгина, Н.С. Теория текста: Учебное пособие / Н.С. Валгина/ – М.: Изд-во МГУП «Мир книги», 1998. – 210 с.
5. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-24992393>.
6. URL: <http://siliconrus.com/2013/11/slovo-goda-selfi/>.
7. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E5%E4%EB%E0%E9%ED>.
8. Журавлева, Д.А. К проблеме изучения аббревиатур как формантов информационного потока в медийном пространстве / Д.А. Журавлева // *Magister Dixit* – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2011. – № 3 (09). – URL: <http://md.islu.ru/>.

[К содержанию](#)

УДК 811.111 + 784.68

ББК Ш143.21 + Щ31

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАЗВАНИЙ МУЗЫКАЛЬНЫХ ГРУПП, АЛЬБОМОВ
И ПЕСЕН, ОБРАЗОВАННЫХ НА ОСНОВЕ ХИМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ**

Е.С. Плешков

В данной статье рассмотрены семантические, функциональные и культурологические особенности англоязычных названий музыкальных групп, альбомов и песен на основе химических терминов. Дана классификация названий, приведены конкретные примеры. Показаны место и роль названий групп, альбомов и песен в ономастическом пространстве современного английского языка и в системе ценностей англоязычной рок-культуры.

Ключевые слова: имя собственное; название музыкальной группы; ономастическое пространство; семантическое поле; молодежная культура; химический термин.

Названия музыкальных групп, альбомов и песен относятся к классу имен собственных, и составляют значительную часть ономастического пространства современного английского языка. Одной из ключевых проблем ономастики является проблема происхождения и источников имен собственных [1]. Рассматриваемая категория онимов образована в результате вторичной номинации, то есть в результате семантического переосмысления терминов и слов профессиональной сферы (в данном случае химических терминов). Иными словами, источником названий музыкальной группы, альбома или песни выступает тот или иной химический термин (в частности, названия химических элементов и их соединений). Следует отметить, что имена собственные, образованные посредством вторичной номинации, составляют основной способ пополнения ономастического инвентаря английского языка [1].

Источниками материала исследования являются музыкальные энциклопедии сети Интернет [3]. Всего из названных источников было отобрано 90 единиц исследования, удовлетворяющих следующим критериям:

- группы, в состав которых входят два и более музыкантов, а также сольные проекты;
- группы, образованные в США и европейских странах в период со второй половины XX в. по начало XXI в, а также их альбомы и отдельные песни.

Проведенный анализ позволил выделить четыре семантические группы НМГАП, образованных на основе химических терминов:

- семантическое поле «Общая химическая терминология»;

- семантическое поле «Химический элемент»;
- семантическое поле «Химическое вещество»;
- семантическое поле «Наркотическое вещество».

Последняя группа выделяется из группы химических веществ как самостоятельная, поскольку тема наркотиков очень широко используется в рок- и поп-музыке и имеет значительный социальный и культурный подтекст.

Рассмотрим содержание каждого семантического поля в отдельности:

1. Семантическое поле «Общая химическая терминология»

Chemical invasion и Chemical warfare – песни групп Tancard'87 и Dead Kennedys'80, причем первая из них несет протест против использования химических добавок и консервантов в пиве.

Live Alchemy – альбом группы Dire Straits'84, Atomic – альбом и песня Rockets'82, Egocentric molecules – композиция Jean-Luc Ponty'78, Chain reaction – песня Brian Ferry'94, Spectrum – песня ямайских растаманов Black Uhuru'94, Ion storm – ibid, с альбома 1983 года, Toxic – металлисты, Acid drinkers – название трэш-команды, Amorphis (Finland; Prog Thrash) – финская рок-группа, Atomic Rooster (UK; Progressive) – рок-группа Великобритании, Crystal Eyes (Sweden; Power) – шведская рок-группа, Ice Age (USA; Progressive) – рок-группа США, Metal Church (USA; Heavy Metal) – рок-группа США, Metalium (Germany; Power) – немецкая рок-группа, Steel Attack (Sweden; Power) – шведская рок-группа.

2. Семантическое поле «Химический элемент»

H to He who am the only one – название альбома группы Van-der-Graaf Generator'70, pH7 – название альбома той же группы, Lithium – один из хитов известной грандж-группы Nirvana'91, Carbon copy и Neil Diamond – песня бельгийской группы Telex'82 и имя рок-музыканта и поэта – две аллотропных модификации углерода, Oxygene – первый альбом Jean-Michel Jarre'76 и Ozone layer – песня реггей-химиков Black Uhuru'92 – двух- и трех атомные молекулы кислорода, Fluorescent – альбом Steve Wynne'94, Neon light – песня Kraftwerk'78 – неоновая тема довольно популярна, и не только в рок-музыке, Sodium light baby – The the'93 – растущая популярность натриевых ламп уличного освещения, Phosphorus – сингл Phosphorus'97, Sulphur – альбом Scanner'95, Calcium – песня Future sounds of London'91, Vanadium I Ching – композиция немецких авангардистов Einsturzende Neubauten'91, Chrome sitar – песня Marc Bolan'76, Iron Maiden – одна из самых популярных и классических хэви-метал-групп, Cobalt – композиция электронщиков SETI'96, Zink alloy and the easy riders – целый альбом того же Marc Bolan'74 и группы T.Rex, Silver and gold – сольный альбом Adrian Smith'89 из Iron Maiden, Iodine – альбом Leonard Cohen'77, Quicksilver – композиция Pink Floyd'69, Cadmium – пятый альбом Sky'83, Xenon codex – альбом группы Hawkwind'88, Platinum – альбом Mike Oldfield'79, Uranium – композиция Kraftwerk'75, Argent (UK; Art Rock) –

рок-группа Великобритании, Chroming Rose (Germany; Heavy Metal) – немецкая рок-группа, Iron Butterfly (USA; Psychedelic) – рок-группа США, Iron Maiden (UK; NWOBHM) – рок-группа Великобритании, Iron Savior (Germany; Power) – немецкая рок-группа, Silver chair (Australia; Alternative) – австралийская рок-группа, Wannadies (Sweden; Indie) – шведская рок-группа.

3. Семантическое поле «Химическое вещество»

Aqua — название датско-норвежской музыкальной группы, Alcohol – песня группы Nirvana'95, Ammonia avenue – песня и альбом Alan Parsons Project'84, Vitamin C – композиция интернационально-немецкой группы Can'72, Indigo – песня Peter Gabriel'78, Nicotina – песня Sparks'82, Agent Orange – Sodom'89 – боевое отравляющее вещество, TNT – AC/DC'75 – тринитротолуол (взрывчатое вещество), D.M.S.O. – Dead Kennedys'86 – диметилсульфоксид (растворитель), $C_{11}H_{17}N_2O_2SNa$ – название песни трешеров Anthrax'93, в которой поется про «наркотик правды» – пентотал натрия, Roger Waters (UK; Psychedelic) – рок-группа Великобритании.

4. Семантическое поле «Наркотическое вещество»

Cocaine – песня Nazareth'77, LSD – песня Hawkwind'92, Sincemilla (ямайкская разновидность ананасов) – песня Black Uhuru'80, Morphium – песня Carlos Peron'92, Heroin – песня первого альбома Velvet Underground'66, ХТС (сокр. от extasy) – название new-wave группы.

Говоря о функциональной специфике названий музыкальных групп, альбомов и песен, нужно отметить, что этой категории онимов также свойственны как общеономастические, так и особые функции. В частности, всем именам собственным свойственна функция номинации, идентификации и дифференциации [1]. Эти функции исполняются названиями с помощью отбора мотивирующих основ с максимально конкретным значением, так как абстрактные понятия размыты и снижают эффект внушения [1].

Одна из специфических функций названий музыкальных групп, песен и альбомов – привлечение внимания потребителей. Реализация этой функции достигается посредством использования химических терминов (особенно наркотических) в качестве мотивирующей основы.

Функция сообщения информации о товаре в случае названий музыкальных групп, альбомов и песен реализуется как отражение музыкального стиля, в котором играет группа. Кроме того, название может указывать на возможную философию и ценности музыкантов, на основную идею их творчества. Рассмотрев основные течения в рамках рок-музыки, мы пришли к выводу, что лексикализация особых областей семантики в названиях музыкальных групп находится в прямой зависимости от того, в каком стиле играет та или иная группа [1].

Названия групп, песен и альбомов высвечивают две наиболее значимые для молодежной культуры области: протест против общественных норм и средства протеста. Что касается способов молодежного протеста, то их два:

попытки изменить этот мир либо уйти из него в другую реальность. В том случае, если изменение существующего мира как способ протеста не подходит, молодые люди уходят от реальности, которая их не устраивает. С другой стороны, с самого начала представители молодежной культуры активно пользовались всевозможными стимуляторами и медикаментозными средствами, позволяющими мгновенно переноситься в свой собственный мир: Morphium, ХТС (Ecstasy). Таким образом, чтобы выразить протест против, например, наркотиков, группа включает данные термины либо в свое название, либо в элементы своего творчества [2].

Названия музыкальных групп, альбомов и песен лексикализуют те или иные ценности или элементы англоязычной культуры. Они входят в ономастическое пространство английского языка в виде области, репрезентирующей молодежную культуру и ее ценности [1].

Таким образом, названия музыкальных групп, альбомов и песен, образованные на основе химических терминов, являют собой уникальный языковой материал, сочетающий в себе характеристики классического имени собственного, и специфические, свойственные лишь этим названиям, черты, что дает основание поместить данные названия в отдельный подкласс имен собственных в рамках существующей классификации.

Библиографический список

1. Дюжева, М.Б. Лингвокультурологические аспекты англоязычных названий музыкальных групп: автореф. дис. ...канд. филол. наук / М.Б. Дюжева. – Владивосток, 2007.
2. Дюжева, М.Б. Отражение молодёжного протеста в англоязычных названиях музыкальных групп / М.Б. Дюжева // Вестник Чувашского университета, серия «Гуманитарные науки». – 2007. – № 1.
3. URL: <http://rockfaces.ru/>.

[К содержанию](#)

УДК 80 8.1
ББК Ш400:01

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ПУБЛИКАЦИЯХ ФИДЕЛЯ КАСТРО

Е.В. Постникова

Изучение коммуникативных стратегий и тактик, используемых для достижения основных целей политической коммуникации, играет важную роль в исследовании той или иной политической личности. В настоящей статье предлагается рассмотреть стратегию самопрезентации и особенности тактик ее реализации в публикациях Фиделя Кастро.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, тактики, стратегия самопрезентации.

Политическая коммуникация приобретает особую значимость для современного общества в связи с ее широким распространением. В настоящее время трудно представить человека, который бы не имел доступа к информации о событиях, происходящих на политической сцене. Таким образом, современные СМИ предоставляют общественным деятелям возможность непосредственного и непрерывного участия в борьбе за своих сторонников.

В рамках политической лингвистики не случайно появляется много исследований, направленных на изучение коммуникативных стратегий, а также тактик и приемов их реализации. Многообразие и особенности подобных стратегий обусловлены постоянной конкуренцией в борьбе за власть, ее сохранение и удержание.

Предметом исследования в настоящей статье является реализация речевой стратегии самопрезентации в публицистике Фиделя Кастро. Анализируются статьи политика из колонки «Размышления», публикуемой в главной кубинской газете «Гранма». Статьи также появляются в интернет-портале Cubadebate. В своей рубрике идеолог и лидер кубинской революции касается не только актуальных политических вопросов, но и проблем мировой экономики, экологии, спорта и других злободневных тем. Поводом к написанию «Размышлений» становятся события, публикации, выступления видных политических деятелей по радио и телевидению, интервью и т.д. Колонка Фиделя Кастро является отражением личного мнения политика по вышеупомянутым вопросам.

Публикации Фиделя Кастро отличаются высокой степенью использования коммуникативных стратегий, направленных на достижения основных целей политического выступления.

Целью стратегии самопрезентации является создание благоприятного впечатления, которое политик желает произвести на аудиторию с целью произвести на нее воздействие. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации осуществляется широким спектром лингвистических средств.

Можно выделить как прямую, так и косвенную самопрезентацию. Если первая включает в себя собственные публичные высказывания и оценки политика, то реализация второй происходит посредством анализа читателем особенностей речевого поведения личности.

Коммуникативная стратегия самопрезентации в публикациях Фиделя Кастро реализуется с помощью нескольких тактик.

Тактика единения с читателем базируется на стремлении политика-публициста создать впечатление близости к народу, непосредственного участия в тех или иных событиях («Вместе с вами я переживал превратности таких встреч», «Я такой же спортивный болельщик, как и все остальные, но не хлебом единым жив человек»).

Инклюзивное местоимение «мы» в публикациях приобретает статус идеологемы единения. Политик акцентирует внимание читателя на том, что без него бы ничего не было, выражает свое соучастие («Повторяю, что мы испытываем глубокое уважение к братскому народу Бразилии», «Родина или смерть! Мы победим!») [1].

Еще одним приемом в тактике единения с читателем является риторический вопрос. Риторическая фигура используется автором для диалогизации публикаций. Иллюзия диалога приобщает читателя к проблеме, создавая впечатление непосредственного участия в принятии решения. Таким образом, автор стремится создать впечатление демократичного и открытого к диалогу человека («Некоторые могли бы спросить, почему я говорю о голоде и жажде. Отвечаю: речь идет не о другой стороне медали...», «Вы не смотрите Панамериканские игры? – словно слышу я вопрос многих кубинцев. Конечно же, смотрю! – отвечаю, я едва отрываю глаза от телевизора», «Что я буду делать? Бороться без отдыха, как делал это всю жизнь») [1].

Несмотря на то, что тактика единения с читателем играет важную роль в реализации стратегии самопрезентации, колонка Фиделя Кастро является в высокой степени персонализированной. Это выражается в том, что чаще всего политик прибегает к повествованию от первого лица.

Примером непосредственного управления мнением читателя о личности автора является **тактика демонстрации личных качеств**, среди которых политик выделяет скромность, уверенность в своей правоте, объективность, решительность, готовность идти до конца в реализации своих идей, непреклонность в вопросах идеологии.

В демонстрации скромности автор показывает, что он способен оценить профессиональный труд другого человека, не претендуя на то, чтобы занять чье-либо место. С другой стороны, он подчеркивает, что занимает свое место и четко осознает границы своей деятельности («Я не могу говорить как экономист или как ученый. Я говорю просто как политик, который хочет вникнуть в суть аргументов экономистов и ученых в том или ином смысле», «Как можно видеть, я не использую прилагательных для определения системы и хозяев мира. Это прекрасно умеют делать эксперты по информации и честные ученые...»).

Декларация ответственности: «Я принимаю на себя полную ответственность за успех или поражение. Победы будут победами всех; поражение никогда не останется бесхозным».

В стремлении показать себя читателю объективным человеком политик часто прибегает к указанию точных информационных источников. В том случае, если такие данные не указываются, Фидель Кастро пытается убедить читателя в том, что информация, которой он располагает, достоверная («В этих «Размышлениях» я придерживаюсь сообщений, поступивших самыми различными путями, начиная с международных информационных агентств – я не упоминаю конкретно каждого из них в качестве источника, однако с точностью следую тексту, - используя книги, документы, Интернет, даже ответы на вопросы, заданные информированным источникам») [1].

Манифестация непреклонности в борьбе с несправедливостью говорит о готовности политика идти до конца в своих убеждениях: «Я никогда не смирюсь с мыслью, что к власти стремятся из эгоизма, самодовольства, тщеславия и вследствие предположительной незаменимости любого человека» [1].

Индивидуально-авторские афоризмы, не являясь прямым средством реализации стратегии самопрезентации, тем не менее проявляют ценностные установки автора.

Во многих своих изречениях Фидель Кастро выступает наставником, проявляя заботу о нравственности своего читателя («Хорошего ждешь, плохое захватывает врасплох и деморализует. Быть готовым к худшему – это единственный способ быть готовым к лучшему», «Революция требует уважения суверенитета, а не прощения», «Быть диалектиками и творцами. Другой альтернативы нет», «Нельзя требовать от людей сверхъестественных свойств. Всегда лучшее - это оптимизм. Другого выхода нет») [1].

Следует отметить, что основной коммуникативной стратегией в публицистике Фиделя Кастро является стратегия дискредитации. В качестве объектов дискредитации в статьях политика выступает, прежде всего, идеологически враждебная политике капиталистическая система, ее сторонники и атрибуты. Политик чаще всего обращается к тактикам прямого

обвинения и резкого осуждения. Для того, чтобы не создавать впечатление жесткого и агрессивного политика, автор прибегает к **тактике смягчения категоричности** в стратегии самопрезентации («Это не критика, а замечание», «Я, со своей стороны, не хочу создавать впечатления, будто испытываю ненависть к нему как к человеку и тем более к народу Соединенных Штатов, признавая вклад многих его сынов в культуру и науку», «Желаю ему доброго пути и чуть больше благоразумия», «Я ничего не имею против Бразилии») [1].

Интересен тот факт, что Фидель Кастро демонстрирует осознание своей важности и необходимости для своего народа: «Моим соотечественникам не было по душе, что я неоднократно говорил о том, что период восстановления здоровья не был лишен риска», «В течение многих месяцев я зависел от уколов в вены и катетеров, через которые получал важную часть питания, и я не желал разочарований нашему народу» [1].

Анализ коммуникативной стратегии самопрезентации в публикациях Фиделя Кастро показал, что основными тактиками, к которым прибегает политик, являются тактики единения с читателем, смягчения категоричности и демонстрации личных качеств.

Библиографический список

1. Castro, F. Reflexiones [Электронный ресурс] / F. Castro. – URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/reflexiones/reflexiones.html>.

[К содержанию](#)

УДК 81'367.633 + 811.161.1

ББК Ш141.2-0

**РОЛЬ ПРЕДЛОГОВ В СТАНДАРТИЗАЦИИ ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ «ДЕЛА
ЧЕЛЯБИНСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ О РАЗВОДЕ
КРЕСТЬЯНИНА НИЖНЕУВЕЛЬСКОЙ СЛОБОДЫ ВАСИЛИЯ
БОБЫЛЕВА С ЖЕНОЙ 6 ОКТЯБРЯ 1779 ГОДА – 31 ОКТЯБРЯ 1781 ГОДА»)**

М.В. Раевская

Статья посвящена рассмотрению роли предлогов в стандартизации делового языка второй половины XVIII века. Проанализированы непроизводные и производные предлоги в составе устойчивых трафаретных конструкций.

Ключевые слова: предлоги, стандартизация, деловой язык.

Жизнь русского человека всегда была тесным образом связана с церковью: крещение, вступление в брак и смерть; семейная жизнь, воспитание и обучение детей; ведение хозяйства и торговля; назначение на государственные должности; разрешение споров и судебные разбирательства; взаимоотношения с соседями. Все стороны повседневной жизни православных христиан, проживавших в Челябинской округе в XVIII–XIX веках, нашли свое отражение на страницах документов фонда «Челябинское духовное правление», хранящегося в Объединенном государственном архиве Челябинской области.

Материалом нашего исследования послужило «Дело Челябинского духовного правления о разводе крестьянина Нижнеувельской слободы Василия Бобылева с женой 6 октября 1779 года – 31 октября 1781 года» [2]. Это транслитерированный рукописный текст документа XVIII века, хранящийся в Объединенном Государственном архиве Челябинской области в фонде И-33 – Челябинское духовное правление.

Стандартизация – один из важных процессов делового языка XVIII века, необходимое условие деловой письменности. Непроизводные и производные предлоги принимают активное участие в стандартизации языка деловой письменности второй половины XVIII века [1].

Челябинское духовное правление более века (1750–1861) являлось руководящим церковным органом, действовавшим на территории Челябинской округи. Исследуемое дело включает в себя 10 документов. Это *указы* – вид официально-делового акта, содержащий распоряжения вышестоящих инстанций для нижестоящей, *доношения* – один из распространенных актов XVIII века, используемый при переписке нижестоящего учреждения или должностного лица с вышестоящим учреждением или должностным лицом (относятся к документным жанрам, побуждающим к действию), а также *сообщения*, напиминающие современный жанр письма, и *репорты* – документы отчетного характера, составляемые нижестоящими учреждениями для вышестоящих.

Начальный блок документов является наиболее стандартизированным. Так, в исследуемых документах мы отмечаем использование постоянно повторяющихся словосочетаний, в состав которых входят непрямые предложения.

Стандартизированной является конструкция в винительном падеже с предлогом *в (кого, что)*, указывающая на адресата:

...*в челябинское духовное правление* нижноувельской слободы от крестьянина василия бобылева покорное доношение... (И-33-1-156-78); ...отъ *Троицкой артиллериской команды в челябинское духовное правление* сообщение (И-33-1-156-92); ...*въ челябинское духовное правление* нижноувельской николаевской церкви священниковъ феофилакта верьшинина и тимофея морозова репортъ (И-33-1-156-100).

Предлог *в (кого, что)* в данном случае употребляется в пространственном значении при указании на предмет, место, пространство, внутрь или в пределы которого направлено действие.

За формулой адресата следует формула в родительном падеже с предлогами *из (кого, чего)* и *от (кого, чего)*. Предлог *из* употребляется, если документ посылается от имени учреждения, предлог *от* – если документ направляется от имени конкретного лица:

...*изъ челябинскаго дх. правленія* покорнѣйшее доношение... (И-33-1-156-87); ... *изъ тоболской духовной консисторіи* в челябинское духовное правление... (И-33-1-156-90); ...*въ челябинское духовное правление* Троицкой артиллерійской команды *от* бомбандира мартемьяна брызгалова покорнѣйшее доношение (И-33-1-156-95).

Предлог *из (кого, чего)* употребляется в пространственном значении, обозначая исходную точку движения или перемещения предмета. Частотность этой модели объясняется тем, что она входила в состав начального штампа многих актов документов.

Предлог *от (кого, чего)* употребляется с компонентом, обозначающим субъекта-отправителя. Для актовой письменности употребление этой модели особенно продуктивно: она входила в состав обязательного штампа.

В основной части исследуемых документов также можно выделить устойчивые трафаретные конструкции. Так, в блоке основного содержания отмечаем устойчивую формулу, состоящую из указательного местоимения *сей* в форме предложного падежа с предлогом *при (ком, чем)*, заменяющую наименование вида документа (указ), а также глагол посылается:

При семъ и посылается темъ дабы оное духовное правление благоволило... (И-33-1-156-77); ...по разведении с крестьянином бобылевым прежней ево жены парасковьи Яковлевой от сей команды *при семъ* отправлень (И-33-1-156-92).

Характерной особенностью исследуемых документов является производный предлог *в рассужденіи (чего)*. Эта модель является важной стили-

образующей приметой делового языка второй половины XVIII века. Зарождение фразеологического предлога *в рассужденіи (чего)* – конец XVII – начало XVIII века. Но уже к 60-м годам XIX века употребительность этого предлога сужается, и он постепенно архаизируется, что, по мнению Е.Т. Черкасовой, связано со слабым выражением элемента релятивности в именном компоненте, чем в именном компоненте других предлогов (типа *по причине (чего), влседствие (чего)*) [3].

Как правило, употребляется синтаксема *в рассужденіи + Р.п.* при глаголах действия, принуждения, речевого воздействия, использования. В роли управляемых слов при предлоге употребляются в основном отвлеченные имена существительные и местоимения:

...вспоможенія мне подать пропитывать дѣтей не можетъ *в рассужденіи* чево я ее взять к себѣ не желаю... (И-33-1-15б-95); ...а я *в рассужденіи онагѣ* ее к себѣ по прежнему принять желаніе не имею (И-33-15б-95об); ...что прежнѣй своей жены *в рассужденіи* ее слабова здоровья принять к себѣ не желаетъ (И-33-1-15б-97).

Наиболее ярким показателем делового языка южноуральских документов является употребление производного предлога *вмѣсто (кого, чего)* в составе заключительных штампов, устойчивых канцелярских формул:

...на подлинном написано к сему доношенію *вмѣсто* крестьянина василья бобылева по прозвѣ ево школьникъ иванъ поповъ руку приложилъ (И-33-1-15б-95об); ...подписуюсь коей подписке *вместо* вышеписанной крестьянки федосьи Кулаковой по прозвѣ ее приставъ Петръ Васильевъ руку приложилъ (И-33-1-15в-61).

Характерной приметой делового языка XVIII века является употребление конструкции в дательном падеже с предлогом *по (кому, чему)*, означающей основание – соответствие действия. Наиболее ярким показателем делового языка рассматриваемого периода является употребление постоянно повторяющихся имен существительных при предлоге *по (кому, чему)*. Как правило, это наименования деловых документов (указ, сообщение, справка, доношение, устав, представление, предписание, прошение), а также существительные рассмотрение, рассуждение, определение, повеление. Данные формулы делового языка, представленные в основном в начальной и основной части делового документа, не стали впоследствии фразеологическими предлогами:

...*по сообщенію* онаго дховнаго правленія кое состоялось *по указу* тобольской дховной консисторіи... (И-33-1-15б-95); *По доношенію* и репорту онаго дховнаго правленія, Тобольская дховная консисторія з доклада Его преосщенству приказали (И-33-1-15б-87).

Как в начальном, так и в основном блоке документов частотным является употребление конструкций в винительном падеже с предлогом *в(во) (кого, что)*, употребляющихся при указании на назначение действия или предмета:

...*репортъ во исполненіи* по присланному изъ тобольской духовной консистории указу...(И-33-1-156-100); и *во исполненіе* онаго Ея ІВ указа вашему преосвященству симъ покорнѣйше и репорту (И-33-1-156-97).

Процесс распределения и закрепления слов между конструкциями с предлогами, в частности с предлогом *в (кого, что)*, часто сопровождается процессом «срастания» предлога и имени. Однако данные конструкции не становятся впоследствии фразеологическими предлогами. Полагаем, это связано с тем, что элемент релятивности выражен в данном именном компоненте значительно слабее.

Характерной особенностью исследуемых деловых документов является употребление предлога *ради* в составе синтаксической скрепы в сложно-подчиненном предложении (*чего ради, того ради, сего ради*). Это очень частотная модель. Она делит актовый текст на значимые структурные части. Это скорее союзная структура, включающая устойчивое сочетание с предлогом и местоимением:

...*того ради* челябинское духовное правленіе покорнѣйше прошу сіе мое доношеніе принят...(И-33-1-156-79); ...*того ради* челябинское духовное правленіе покорнѣйше прошу за вышеписанными резонами оставленія ее при мнѣ по прежнему принять желаніе предъставить (И-33-1-156-95).

Итак, стандартизованность наблюдается прежде всего в документах, составленных одним и тем же писцом, посвященных одному вопросу и относящихся к определенному документному жанру. Предлоги играют особую роль в тексте делового письма. В исследуемых документах присутствуют шаблонные трафаретные конструкции – сочетания слов, свойственные деловому языку. Следовательно, предлоги, принимая активное участие в стандартизации языка деловой письменности, являются важной стилиобразующей и текстообразующей приметой делового языка второй половины XVIII века.

Библиографический список

1. Косов, А.Г. Стандартизация текстов деловых документов XVIII века (на примере документных жанров, выражающих побуждение к действию) / А.Г. Косов // Деловой язык XVIII века по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска: сб. ст. / глав. ред. Л.А. Глинкина. – Челябинск: Изд-во ГОУ ВПО «ЧГПУ», 2004. – 284 с.
2. Челябинская старина: Деловые документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века. – Челябинск, 2006. – 130 с.
3. Черкасова, Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е.Т. Черкасова. – М.: Наука, 1967. – С. 126.

[К содержанию](#)

УДК 378.016:811.111 + 378.025.7

ББК Ч448.026

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЯ СИНТЕЗА В РАМКАХ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

О.С. Разуева

В статье на основе опыта работы со студентами первого курса рассматривается характер заданий и элементы учебного занятия, формирующие умения анализа, синтеза и оценки в рамках развития критического мышления. Характер заданий позволяет сделать акцент на развитии умения синтеза.

Ключевые слова: критическое мышление, умение синтеза, обучение английскому языку, студент неязыкового вуза, создание презентации.

Согласно требованиям ФГОС, студент при обучении в вузе должен овладеть навыками извлечения информации из оригинального текста на иностранном языке. Успешное извлечение информации возможно при сформированном у студента критическом мышлении, позволяющем осуществлять поиск и выбор источников информации, оценивать информацию, приобретать знания, уметь их применять и ставить новые задачи.

Среди множества трактовок, посвященных категории «критическое мышление», наиболее емкой представляется позиция Г.В. Сориной [3], считающей, что критическое мышление предполагает наличие навыков рефлексии относительно собственной мыслительной деятельности, умение работать с понятиями, суждениями, умозаключениями, вопросами, развитие способностей к аналитической деятельности, а также к оценке аналогичных возможностей других людей.

Различные аспекты развития критического мышления освещены автором в ряде статей [1, 2, 4, 5]. Настоящая статья посвящена вопросам развития критического мышления в разноуровневой по степени владения английским языком группе первокурсников.

В процессе освоения английского языка возможно развивать критическое мышление студентов. В настоящей статье внимание сфокусировано на развитии умения синтеза, но несомненно, что параллельно с ним развиваются и иные умения критического мышления.

Преподаватель формулирует задание на создание презентации по будущей профессиональной деятельности студентов. В нашем случае рассмотрим задание на создание презентаций по темам: «Развитие туристических направлений на территории РФ», «Визитная карточка университета».

Для освоения умений критического мышления, студентов необходимо ознакомить с содержанием умений критического мышления, научить задавать к изучаемой информации критически направленные вопросы. Для

этого необходимо выполнить несколько шагов: 1) познакомить студентов с образцами простых (ответ на которые следует из текста) и критически направленных (далее – критических) вопросов к предложенному для работы тексту; 2) поставить задачу выполнить упражнения по разграничению вопросов к рабочему тексту на категории простых и критических; 3) поставить задачу составить вопросы по схеме: а) вопросы к предложению; б) вопросы к абзацу в тексте; в) вопросы к тексту в целом; 4) проверить выполнение задачи составления вопросов самими студентами в парах, в микрогруппах, путем фронтального опроса. Представляется необходимым также сформировать у студентов навык ставить в процессе чтения на полях пометки, помогающие контролировать собственное понимание текста и значимость переданной в тексте информации. Пометки могут быть следующими: NN- ничего нового не узнал из прочитанного текста, К- узнал новую для себя информацию, WK- хочу узнать больше о прочитанном. Данные виды работ служат подготовительным этапом к более сложному виду, а именно – созданию и защите презентаций.

Выполнение студентами задания на создание и защиту презентации призвано сформировать различные умения: 1) обобщить информацию и сделать выводы; 2) создавать и обосновывать на основе прочитанной информации гипотезы и прогнозы развития ситуации; 3) умение различать и сопоставлять различные точки зрения (в т.ч. оппонента), умение в ответ на аргументы сформулировать контраргументы; 4) умение создавать на основе прочитанной информации компилированные тексты, генерировать новые идеи.

Для выполнения задания учебная группа первокурсников делилась на подгруппы постоянного состава с одинаковым средним уровнем владения языком. Каждая подгруппа готовила презентацию по своему выбранному региону страны (выбранному университету). Каждая следующая защита презентации проводилась разными представителями подгруппы, чтобы выступить могли все. Оценка, полученная представителем подгруппы, выставлялась всем её участникам. Таким образом достигается еще одна цель развития критического мышления – развитие коммуникативности учащихся, умение брать ответственность за результат. Соревновательный элемент, присутствующий между подгруппами также способствует повышению качества подготовки материала презентации.

Каждая подгруппа должна была аргументировано и эмоционально склонить аудиторию к выбору объекта своего проекта. Подбор (предварительный) оратором средств эмоционального убеждения является дополнительной и довольно сложной задачей, однако её решение делает процесс восприятия языка более живым, а выступление – ярким.

Для повышения уровня восприятия речи выступающего, студенты должны были приготовить мини-словарь для аудитории, в который включены слова, трудные для понимания, по мнению выступающей подгруппы. Выделение таких слов также способствует развитию критического мышления, позволяет встать на точку зрения другого человека.

После проведения презентации перед аудиторией ставится задача оценить качество выступления, сформулировать и задать критически направленные вопросы. Этот процесс не только акцентирует внимание аудитории на выступлении, но и развивает умение оценки как умения критического мышления.

В процессе защиты и оценки представленных результатов, были выявлены следующие проблемы.

Во-первых, студенты стремятся использовать довольно простую и широко известную информацию из распространённых источников, что снижает к ней интерес. Во-вторых, информация берётся безоценочно, в презентации могут соединяться противоречивые сведения или упоминаться одни и те же данные несколько раз. Для преодоления указанных проблем, с участием студентов проводится разбор презентации с формированием критически направленных вопросов к изложенной информации и, прежде всего, ставятся вопросы типа: Какую информацию стремился донести автор до аудитории? Какая из предложенных частей информации представляется более достоверной? Соответствует ли отобранная информация и способ ее подачи поставленной задаче?

В-третьих, студенты не умеют абстрагироваться при оценке работ от межличностных отношений, симпатий и антипатий. Преодоление проблемы видится в снабжении учащихся некоторым формализованным набором параметров презентации с вариантами оценивания, выдаваемых студентам в виде памятки или теста. Такими параметрами могут являться беглость речи выступающего, ее грамотность и четкость, полнота и глубина освещения темы, наличие или отсутствие продуманной структуры выступления, использование слайдов в процессе выступления, умение поддерживать контакт глазами с аудиторией, использование жестов и других средств невербального общения и др. Представители аудитории (оценивающей) должны еще раз сами сформулировать главную мысль презентации, а задача преподавателя соотнести её с замыслом, т.е. оценить, насколько оратор достиг поставленной цели и смог донести основные мысли своего выступления до аудитории. Данная методика также помогает в решении четвертой проблемы.

Четвёртая проблема состоит зачастую в отсутствии внимания к выступлению со стороны аудитории, т.к. студенты могут заниматься повторением своего текста или просто погрузиться в мысли на отвлечённые темы. В решении данного вопроса также может помочь составление карты памяти, в которой фиксируются ключевые понятия и взаимосвязанные термины.

В статье на основе опыта работы со студентами первого курса были рассмотрены характер заданий и элементы учебных занятий, формирующих умения критического мышления. Основной акцент в предложенных разработках был сделан на развитие умения синтеза. Также проанализированы проблемы проведения таких занятий и предложены пути их решения.

Библиографический список

1. Бердникова, И.А. Обеспечение качества усвоения учебного материала студентами в процессе развития критического мышления: дис. ... канд. пед. наук / И.А.Бердникова. – Челябинск, 2009. – 165 с.
2. Загашев, И.О. Критическое мышление: технология развития / И.О. Загашев, С.И. Заир-Бек. – СПб.: Изд-во «Альянс Дельта», 2003. – 389 с.
3. Сорокина, Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность: моногр. / Г.В. Сорокина. – М.: Изд-во «Каннон+», «Реабилитация», 2009. – 272 с.
4. Разуева, О.С. Развитие критического мышления у студентов неязыкового ВУЗа заочной формы обучения / О.С. Разуева // Языковой дискурс в социальной практике: материалы междунар. научно-практ. конф. – Тверь: Изд. Твер. гос. ун-та, 2011. – С. 208–211.
5. Разуева, О.С. Аспекты развития критического мышления у студентов неязыкового вуза при изучении иностранного языка / О.С. Разуева // Актуальные проблемы содействия процессу подготовки специалиста в системе профессионального образования: сб. ст. междунар. научно-метод. конф. – Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 2011. – С. 281–287.

[К содержанию](#)

УДК 821.161.1-31

ВИДЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО

Г.Д. Распаева

В статье рассматриваются виды прецедентных феноменов со сферой-источником «Христианская религия» в произведениях Л.Н. Толстого. Анализ христианских прецедентных феноменов показал, что доминирующими видами христианских прецедентных феноменов в произведениях Л.Н. Толстого оказались прецедентные имена и прецедентные высказывания.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; прецедентные феномены; христианство.

Проблему прецедентности текстов культуры активно разрабатывают Н.Д. Бурвикова, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин и другие. Вслед за понятием «прецедентного текста» Ю.Н. Караулова вводятся понятия прецедентного высказывания [Костомаров, Бурвикова 1994], прецедентного прагморелекса [Прохоров 1996], прецедентного имени [Гудков 1996], прецедентного феномена и преце-

дентной ситуации [Красных 1997] [3]. Хотя сам феномен прецедентности не получил полного осмысления, так как это «связано со сложностью и диалектичностью понятия прецедентности» [3].

Модифицируя характерную для Ю.Н. Караулова широкую трактовку термина «текст», Д.В. Багаева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных определяют прецедентные феномены с позиций лингвокогнитивного подхода [2]. В соответствии с данной концепцией прецедентные феномены представляют собой: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляются в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [5].

Единицами системы прецедентных феноменов являются прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентный текст, которые «неотделимы друг от друга непроходимой стеной, все они тесно взаимосвязаны» [6].

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (например, Обломов, Тарас Бульба), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (например, Иван Сусанин, Колумб), имя – символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (Моцарт, Ломоносов) [3].

Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной. Это сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений. В когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое и сумма его значений-смыслов. Прецедентное высказывание неоднократно воспроизводится в речи носителей русского ментально-лингвального комплекса. К числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, Не спи́тся, няня!, Кто виноват?, Что делать?, Ждем-с!), а также пословицы (например, Тише едешь – дальше будешь) [5].

Прецедентная ситуация – некая «эталонная», «идеальная» ситуация с определенными коннотациями, в когнитивную базу входит набор дифференциальных признаков прецедентной ситуации [3]; означающим прецедентной ситуации могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (например, Ходынка, Смутное время) или не прецедентный феномен (яблоко, соблазнение, познание, изгнание – как атрибуты одной ситуации) [5].

Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; прецедентный текст хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу входит инвариант его восприятия, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы. К числу прецедентных текстов относятся произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Бородино»), тексты песен («Подмосковные вечера», «Ой, мороз, мороз!»), рекламы, политические и публицистические тексты и др. [3].

Исследуя прецедентные феномены со сферой-источником «Христианская религия» в произведениях Л.Н. Толстого, мы опираемся на концепцию Д.Б. Гудкова и В.В. Красных, выделяя в системе прецедентные имена, высказывания, тексты и ситуации.

В рамках данной статьи проводится анализ соотношения различных видов христианских прецедентных феноменов в произведениях Л.Н. Толстого.

Исследование прецедентных феноменов, обнаруженных в произведениях писателя, позволило выявить следующее распределение прецедентных феноменов по видам: 1) прецедентные имена – 38,04 %; 2) прецедентные высказывания – 34,86 %; 3) прецедентные тексты – 18,13 %; 4) прецедентные ситуации – 8,97 %.

Наиболее частотным типом прецедентных феноменов являются **прецедентные имена** (38,04 %), принадлежащие к библейской и православной сферам. Приведем примеры имен, имеющих библейское происхождение. Ср.:

– Спаси тебя **Христос**, Лукаша. Бог с тобой! Пришлю, и новой бочки пришлю, – отвечала старуха [Казаки. Т. 3. Г. XVII. С. 70].

– ... то же сделано с господином Ключаревым, то же и с другими; которые под видом сооружения храма **Соломона** старались разрушить храм своего отечества [Война и мир. Т. 5. Т. 3. Ч. 3. Г. XI. С. 309–310].

Имена из православного направления христианства. Ср.:

От дома князя Щербатова пленных повели прямо вниз по Девичьему полю, левее **Девичьего монастыря** и подвели к огороду, на котором стоял стол [Война и мир. Т. 6. Т. 4. Ч. 1. Г. XI. С. 44].

В **Троицкой лавре** они говорили о прошедшем, и он сказал ей, что, ежели бы он был жив, он бы благодарил вечного бога за свою рану, которая свела его опять с нею [Война и мир. Т. 6. Т. 4. Ч. 1. Г. XVI. С. 68].

Следующим по частотности употребления типом прецедентных феноменов являются **прецедентные высказывания** (34,86 %), представленные в цитатном виде в текстах в трансформированной, но узнаваемой, и нетрансформированной форме.

Приведем примеры прецедентных высказываний в нетрансформированном виде в эпиграфах. Ср.:

Мне отмщение. Я воздам. (Рим. XII; 19) [Крестник. Т. 9. Г. 1. С. 360].

Аще не будете как дети, не внидите в царствие божие [Кто прав? Т. 10. С. 494].

Трансформированное прецедентное высказывание произносится одним из героев романа «Война и мир», повествующее о трехкратном разрушении и трехкратном восстановлении царства Божия. Ср.:

– Трижды убили меня, трижды воскресал из мертвых. Они побили камнями, распяли меня ... Я воскресну ... воскресну ... воскресну. Растерзали тело мое. Царствие божие разрушится ... **Трижды разрушу и трижды воздвигну его**, – кричал он [Война и мир. Т. 5. Т. 3. Ч. 3. Г. XXV. С. 364].

В прототекстовом варианте это высказывание произносится Иисусом Христом, в котором говорится о разрушении рукотворного храма и воздвижении нерукотворного храма через три дня: Мы слышали, как Он говорил: «Я разрушу храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой нерукотворенный» [Марка 14: 58] [1].

Л.Н. Толстой формулирует свое понимание заповедей Иисуса Христа из Нагорной проповеди через героя романа «Воскресение» в перефразированном виде, опираясь на стихи из Нового Завета. Ср.:

Первая заповедь (Мф. V, 21-26) состояла в том, что человек не только не должен убивать, но и не должен гневаться на брата, не должен никого считать ничтожным, «рака», а если поссорится с кем-либо, должен мириться, прежде чем приносить дар богу, то есть молиться.

Вторая заповедь (Мф. V, 27-32) состояла в том, что человек не только не должен прелюбодействовать, но должен избегать наслаждения красотой женщины, должен, раз сойдясь с одной женщиной, никогда не изменять ей.

Третья заповедь (Мф. V, 33-37) состояла в том, что человек не должен обещаться в чем-нибудь с клятвою.

Четвертая заповедь (Мф. V, 38-42) состояла в том, что человек не только не должен воздавать око за око, но должен подставлять другую щеку, когда ударят по одной, должен прощать обиды и с смирением нести их и никому не отказывать в том, чего хотят от него люди.

Пятая заповедь (Мф. V, 43-48) состояла в том, что человек не только не должен ненавидеть врагов, не воевать с ними, но должен любить их, помогать, служить им [Воскресение. Т. 10. Ч. 3. Г. XXVIII. С. 466].

Обращение к **прецедентным текстам** (18,13 %), источником которых является Священное Писание и предание можно встретить в произведениях Л.Н. Толстого неоднократно: из Библии – Святое благовествование апостолов, Откровение Иоанна Богослова, псалтырь и др.; из православия – «Житие православных святых». Ср.:

И он искал эту веру везде. Больше всего он надеялся найти ее в **откровении Иоанна** [Божеское и человеческое. Т. 11. Г. 6. С. 471].

«Боже мой! Да неужели правда то, что я читал в **житиях**, что дьявол принимает вид женщины?» [Отец Сергей. Т. 11. Г. 5. С. 281].

Четвертое место по частотности употребления занимают **прецедентные ситуации** (8,97%), имеющие библейское происхождение. Ср.:

– Что представляет картина? – спросила Анна.

– Христос пред Пилатом. Христос представлен евреем во всем реализмом новой школы [Анна Каренина. Т. 8. Ч. 5. Г. IX. С. 37].

Этот пример указывает на ситуацию, в которой избитый, обвиненный во лжи и ереси, Иисус Христос стоит перед Понтием Пилатом, имеющим власть помиловать или распять Спасителя.

Следующий пример повествует об исцелении слуги сотника, проявившего веру в Иисуса Христа и Его великую способность исцелять больных людей, о воскресении Христом единственного сына вдовы в городе Наине. Ср.:

Подумал он так, хотел ложиться, да жаль было оторваться от книги. И стал читать еще 7-ю главу. Прочел он про сотника, прочел про сына вдовы [Где любовь, там и бог. Т. 9. С. 261].

Итак, самыми частотными видами христианских прецедентных феноменов в произведениях Л.Н. Толстого оказались прецедентные имена (38,04 %) и прецедентные высказывания (34,86 %). Высокая доля употребления прецедентных имен и прецедентных высказываний сопряжена с воззрениями, изложенными в религиозно-этической концепции Л.Н. Толстого, выражающими благоговейное отношение к Иисусу Христу, апостолам, пророкам и их высказываниям, позволяет писателю создать уникальные образы в своем творчестве. Апелляция к прецедентным текстам и прецедентным ситуациям показывает основу толстовского понимания христианских идей, передаваемых через персонажей, сюжетные линии произведений.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета // Российское библейское общество. – Москва, 1992. – 296 с.
2. Гудков, Д.Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 4. – С. 106–117.
3. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
4. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): моногр. / В.В. Красных. – Москва: Диалог–МГУ, 1998. – 352 с.

5. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

6. Орлова, Н.М. Библейский текст как прецедентный феномен: дис. ... д-ра филол. наук / Н.М. Орлова. – Саратов, 2010. – 494 с.

7. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений в 12 т. / Л.Н. Толстой. – М.: Изд-во «Правда», 1987.

[К содержанию](#)

УДК 81'23

ОБРАЗ ГЕРОЯ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

М.В. Репьевская

Проблема языкового сознания является актуальной в работах по психолингвистике. Сознание постоянно меняется, в результате изменений, происходящих вокруг, смены образа жизни. Происходит трансформация образов в сознании личности. Герой – неотъемлемая часть воспитания индивидуума. Образ героя должен быть под пристальным вниманием, так как он определяет идеал, то есть является примером для подражания. И наша задача – соотнести образ героя, который рисуется в публицистике, с ценностями, которые он транслирует, что передается наше или западное, так как согласно результатам эксперимента происходит вытеснение наших персонажей, получается, что герой должен быть с приставкой СУПЕР.

Ключевые слова; языковое сознание, образ сознания, герой, ассоциативный эксперимент.

Проблема сознания находится в центре внимания различных наук. В таких отраслях науки, как философия и психология оно чаще встречается в виде оппозиции «сознание-бытие», «сознание-материя». Интерес к данному явлению обусловлен тем, что сознание не представляет собой ничего постоянного, на протяжении всей человеческой жизни оно меняется, и меняется качественно. Как писал А.Н. Леонтьев, «сознание человека не представляет собой ничего неизменного» [1].

Сознание имеет различные формы проявления. Так, согласно психолингвистической концепции, реальный мир отражается в сознании личности в виде образов мира, воспринимаемых личностью единственно верными. В центре внимания Московской психолингвистической школы в последние десятилетия стоит проблема языкового сознания. Языковое сознание понимается как знание человека, выражаемое вовне при помощи язы-

ковых средств [2]. Согласно структуре сознания по А.Н. Леонтьеву, если сознание имеет языковое выражение, то оно является языковым. А именно, «языковое сознание – это образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании, в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [3]. Значение является важнейшей составляющей образа языкового сознания, так как в значении отражается опыт. Значение рассматривается как эквивалент образа сознания, «идеальный образ предмета, т.е. значение, не зависит целиком от самого предмета, а в значительной мере зависит от той деятельности, которая была направлена на этот предмет и, продуктом которого было формирование идеального образа [4]. Отсюда можно сделать вывод, что образ сознания может быть соотнесен с ассоциативным значением, однако, не с лексическим значением соответствующей языковой единицы. «Образ сознания, ассоциированный со словом – это одна из многих попыток описать значения, используемые при производстве и восприятии речевых сообщений. А имя (слово, тело знака) – это та культурная рамка, которая накладывается на индивидуальный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определенной культуре. «Назвать» - значит приписать определенное значение, а приписать определенное значение – значит понять, включить в свое сознание» [6].

При таком понимании образа сознания, одним из наиболее распространенных методов его исследования является свободный ассоциативный эксперимент. В ходе анализа полученных данных конструируются ассоциативные поля, которые, по мнению Е.Ф. Тарасова, отображают некую абстракцию, принципиально отличающуюся от простой суммы индивидуальных сознаний и аналогичную абстракциям «коллективное сознание», «общественное сознание», «массовое сознание» [5]. Индивидуальное сознание всегда оперирует знаниями в рамках определенной культуры, в рамках «общественного сознания», поэтому анализ «общественного» ассоциативного поля позволяет изучать и содержание «индивидуального» сознания.

Ассоциативный эксперимент рассматривается нами как один из возможных способов описания образа «герой» в языковом сознании россиян. Герой – неотъемлемая часть воспитания и становления индивидуума. Герои были всегда, как выразители идеологии, примеров для подражания, как трансляторы определенных убеждений, установок, ценностей актуальных на конкретном этапе развития общества. Изменения, происходящие в обществе в результате межкультурных взаимодействий, оказывают непосредственное влияние и на образ героя, как на воплощение системы ценностей общества, их предпочтений и ожиданий. Выявление героя необходи-

мо и для того, чтобы понять, каким должен быть герой коммерческой рекламы, какой образ необходимо создать кандидату в политической рекламе, каким имиджем должен обладать публичный политик и т.д.

Необходимость изучения образа героя в языковом сознании носителей разных культур обусловлена и тем обстоятельством, что в условиях глобализации и становления рыночных взаимоотношений происходят существенные изменения системы ценностей, которые находят отражение в языковом сознании молодых людей. Последствия подобной трансформации традиционных взглядов и норм сложно предугадать, но их содержание уже можно исследовать с помощью методов, применяемых в психолингвистике с целью дальнейшего научного прогнозирования необходимости героя.

Нами был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 274 респондента, студенты разных вузов Челябинска 1–2 курсов. Из них 162 девушки и 112 юношей. Результаты, полученные в ходе эксперимента, позволяют нам сделать следующие выводы: реакции на стимул герой можно условно разделить на такие **семантические поля** – история (79), качества (43), литература (30), персонаж (30), фильмы (29), образец (10). Интересны единичные реакции, связанные с историей Челябинска – Танкоград, отражающие новые реалии: игра 3, комиксов, комиксы, любовник 5, сексуальный, соотнесение со своей жизнью: выпускник, студент 3, я 2. Заставляют задуматься реакции: Бонапарт, высокомерный, никакой, обезбашенный.

Таким образом, для современного носителя русской культуры образ героя в первую очередь ассоциируется с историческими событиями, в частности с войной, Великой Отечественной Войной. На втором месте по значимости, оказались качества присущие герою, например, храбрый, супер, настоящий, мужественный. Третье место разделяют две группы слов, относящиеся к персонажам (супермен-9, Гарри Поттер, человек паук, черный плащ, черипашки-ниндзя и другие) и к литературе (антагонист, книги – 10, мифа – 3, легенды – 5, нашего времени – 7 и т.д.). На следующей позиции слова, относящиеся к фильмам (фильма – 23, мультфильма – 3, актер – 2, боевика).

Образ героя должен быть под пристальным вниманием, так как он определяет идеал, то есть является примером для подражания. И наша задача – соотнести образ героя, который рисуется в публицистике, с ценностями, которые он транслирует, что передается наше или западное, так как согласно результатам эксперимента происходит вытеснение наших персонажей, получается, что герой должен быть с приставкой СУПЕР.

Библиографический список

1. Леонтьев, А.Н. Эволюция психики / А.Н. Леонтьев. – М.: Воронеж, 1999. – 300 с.
2. Тарасов, Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов. – М.: Прогресс, 1996. – 168 с.

3. Тарасов, Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования. Языковое сознание: содержание и функционирование / Е.Ф. Тарасов. – М.: АСТ, 2000. – 34 с.

4. Тарасов, Е.Ф. Психолингвистические проблемы семантики / Е.Ф. Тарасов. – М., 1983.

5. Тарасов, Е.Ф. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур / Е.Ф. Тарасов. – М.: Прогресс, 1997. – 261 с.

6. Уфимцева, Н.В. Этнические константы и структура языкового сознания славян. Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тезисы докладов международной конференции / Н.В. Уфимцева. – Екатеринбург, 2001. – 136 с.

[К содержанию](#)

ББК Ш100.4

УДК 81-13 + 81'1

ОСНОВНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ФУТБОЛЬНОГО ДИСКУРСА

М.В. Санатина

Статья посвящена исследованию языковых средств реализации основных метафорических моделей футбольного дискурса.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, концепт, футбольный дискурс.

Одним из интенсивно развивающихся направлений современной лингвистики является исследование теории концептуальной метафоры и описание конкретных метафорических моделей [5].

В отличие от традиционного подхода, считавшего метафору только языковым феноменом, средством «украшения» речи, современный когнитивный подход исходит из понимания метафоры как основного мыслительного процесса, при помощи которого человек познает и структурирует мир, а также воздействует на сознание и эмоциональный мир адресата [3].

Джордж Лакофф и Марк Джонсон считают, что «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [3].

Лакофф и Джонсон объясняют, что «суть метафоры – это понимание и переживание сущности [thing] одного вида в терминах сущности другого вида» и утверждают, что «метафора принадлежит не только языку, т.е. не только словам..., а всему процессу человеческого мышления» [3].

Е.И Голованова считает, что «метафора делает наглядным невидимое. Она позволяет говорящему формулировать свое открытие, а слушающему – понимать новизну и одновременно выстраивать свои стратегии интерпретации исследуемого явления» [1].

В современной когнитивной лингвистике мы говорим не об отдельных метафорах, а о метафорических моделях, которые образуются при взаимодействии не отдельных концептов, но целых концептуальных сфер.

Изучение метафорических моделей не может не учитывать тип и вид дискурса. Базовые метафорические модели определяют специфику конкретного вида дискурса. На каждом этапе общественного развития значимость отдельных метафорических моделей меняется, они становятся более или менее продуктивными. Эти изменения обусловлены рядом факторов: политическими, экономическими, социальными и др.

Спортивный дискурс стал в последнее время одним из популярных объектов исследования лингвистов. Совершались попытки описания и его метафорических моделей и лексики (Е.Г. Малышева, С.А. Кудрин, А.А. Елистратов и др.). Но язык спорта постоянно развивается, реагируя на изменения в обществе, появляется новая лексика и все новые метафорические модели, которые требуют описания и анализа.

Материалом для данного исследования послужили трансляции 20 футбольных матчей на российских телеканалах (НТВ, 1 канал, Россия-2, НТВ-Спорт, Евроспорт, Наш футбол и др.), в сети Интернет, а также статьи с официальных сайтов газеты «Спорт-Экспресс» в России и Украине: <http://football.sport-express.ua/> и <http://football.sport-express.ru/>.

Наиболее продуктивной, изученной и подробно описанной метафорической моделью спортивного дискурса является модель ФУТБОЛ – БОРЬБА (ВОЙНА). Военная метафора является традиционной для спортивного дискурса, в целом, и для футбольного, в частности. Игроков сравнивают с бойцами, игру с боевыми действиями и пр. [2].

Опираясь на работу Е.Г. Малышевой, мы выделяем в данной метафорической модели ряд фреймов [4].

Фрейм 1: *Борьба и ее разновидности*. Несмотря на то, что футбольные матчи носят мирный характер, но факт соревнования, борьбы, желание доказать свое превосходство и – как важнейшая цель – победить, не могут не отражаться на выборе лексики. Футбольное соревнование сравнивают с различными видами борьбы:

1) **Футбол – война**: «Бавария» на троне войны; Так начиналась война: «Ливерпуль» против «МЮ»; «Плей-офф – это война» [6].

Кроме прямых сравнений с войной можно наблюдать и использование такой милитаристской лексики как бой, битва и пр.: *Воскресный бой на «Металлисте»* [7]; *Биться пришлось до последней секунды*; «Спартак» оказался не готов к бою [6].

2) Футбол – это дуэль: Он проиграл в этой дуэли против Акинфеева (ЦСКА – Анжи, 2013); Дуэль оригиналов [6]; В последнее время из нашего чемпионата исчезли тренерские дуэли [6]; Сегодняшние дуэлянты выходили к барьеру уже в тренерском облачении [6].

3) Футбол – это драка: ЦСКА – «Спартак»: Драка за будущее [6]; После драки ногами машут [6].

Фрейм 2: Ход войны. Все этапы футбольного соревнования, действия игроков, решения тренеров, итоги соревнования описываются в футбольном дискурсе при помощи военной лексики, поэтому в данном фрейме можно выделить несколько слотов.

Слот 2.1: Военные действия. Лексика, характеризующая атаку: Новая атака через правый фланг (Россия – Голландия, 2013); Гости, отразив атаку, сами переходят в наступление (СССР – Бразилия 1965); Бразильцы организуют ответное наступление (СССР – Бразилия 1965); Сергей Петров подавляет соперника (Россия – Испания, 2013); Активно наступают игроки ЦСКА (ЦСКА – Анжи, 2013); Советские футболисты предпринимают длительный штурм ворот своих соперников (СССР – Бразилия 1965); Наши увлеклись атакой (Россия – Израиль, 2013); Затяжная атака Эстонии (Россия – Эстония 2013); На острие атаки номер 29 (Томь – Краснодар 2014). Лексика, характеризующая оборону: Он ликвидировал опасность у собственных ворот (Россия – Эстония 2013); Оборона Тоттенхэма в лучших традициях Спартака; Мы работаем, чтобы усилить игру в обороне; Челси славится сильной защитой [6].

Слот 2.2: Стратегия ведения войны. При помощи военной лексики наиболее ярко описываются решения тренеров и игроков по ходу матча, они предстают либо талантливыми и опытными, либо бездарными стратегами: Поединок с американской сборной необходимо рассматривать как стратегически важный ход [7]; После перерыва играть стало сложнее, так как соперник внес коррективы в тактику и играл агрессивнее [7], Слабые места в построении испанцев (Россия – Испания, 2013); Нельзя относиться шапкозакидательски к этой команде (Россия – Эстония 2013); Карпин экспериментирует с тактикой Гвардьолы [6], Изменение в тактической схеме «Севильи» по ходу матча [6].

Слот 2.3: Итоги войны. В футбольном соревновании, как и в войне, важным является итог – победа или поражение. Победа может быть заслуженной или нет, красивой, случайной и пр.: Последний шанс вырвать победу (Локомотив – Спартак 2014); Победа во имя единства [7]; Это самая незаслуженная победа из всех, которые я когда-либо видел [6]; Это была красивая победа, ведь его подопечные хорошо сыграли в защите и в нападении [7].

Поражение также может характеризоваться как провал, обидная случайность, заслуженное наказание и т.д.: Давайте вспомним жертв Арсе-

нала (*Арсенал – Уиган Атлетик 2014*); *Очень обидное и неприятное поражение [7]*; *У провала команды Леонида Слуцкого в воскресном дерби множество причин. Это и психологические последствия разгрома в Мюнхене [6]*; *Королевская месть для Боруссии. Реал – Боруссия 3:0 [6]*; *Красно-белые капитулировали перед командой второй лиги [6]*; *«Дьяволы» не сдаются [7]*; *Команду преследует невезение [6]*.

Фрейм 3: *Личный состав*. Данный фрейм включает в себя номинации, характеризующие участников футбольного события как солдат, бойцов, военные подразделения с определенным профилем. Ещё на уровне терминологии у каждого игрока есть своя «функция», которую он должен выполнять: нападающий, крайний нападающий, центральный нападающий, защитник, центральный защитник, крайний защитник, полузащитник: *Опытный защитник (Россия – Израиль 2013)*; *На Габулова это будет накладывать оборонительные функции (Ростов – Ротор 2014)*; *В ипостаси футбольного полководца он готовит подопечную команду к борьбе за игровую инициативу путем тотального контроля над важнейшими участками арены спортивной битвы [7]*.

Фрейм 4: *Вооружение*. Данный фрейм характеризуется метафорами, определяющими игроков не как действующих лиц, а как различные виды оружия, также характеризуется и основной снаряд – мяч: *Это просто бомбовый мяч (Россия – Израиль, 2013)*; *Прострел низом (Португалия – Швеция, 2013)*; *Уже два матча молчит забивное орудие Базелюка (Россия – Эстония 2013)*; *Аутсайдер оружия не сложил [6]*; *«Зенит»: в ожидании «бомбы»? – об Андреа Раноккья [6]*; *Пять главных «пушек» российского футбола [6]*.

Вторая метафорическая модель ФУТБОЛ – ИСКУССТВО выражается в сравнении футбола с различными видами искусства, матчей со спектаклями, пьесами, игроков и тренеров с актёрами и режиссерами, футбольное поле со сценой, холстом т.д. В отличие от военной метафоры, здесь на первый план выдвигается эстетическая оценка события.

Наиболее часто футбол сравнивают с театром и кино. *Ход игры может быть выражен в форме театрального действия, сценария, игроки представлены актерами, тренер режиссером, а поле сценой или экраном: Что осталось за кулисами повтора (Россия – Испания), Любая его роль остается эпизодической (Россия – Голландия); Зрители стали участниками футбольного представления; Спектакль Андрея Аршавина; Сценарий финала; Игра прекрасно срежиссирована; Его роль в игре оказалась минимальной (Португалия – Швеция); Накал страстей не хуже, чем в голливудских блокбастерах (Россия – Израиль).*

Также можно наблюдать использование музыкальной, художественной, танцевальной и литературной метафор: *Прелюдия к матчу; Увертюра к настоящей игре; Он сегодня первая скрипка в оркестре; Испанская сборная*

исполнила зажигательный танец; Это был победный штрих; Вся палитра действий; Автор мяча; Автор забитого гола; Он в центре всех композиций (Россия – Испания); Болельщики создают некое звуковое оформление (Томь – Краснодар); Классный исполнитель штрафных (Россия – Израиль).

Также можно выделить метафорическую модель ФУТБОЛ – РАБОТА. Здесь используется лексика, характеризующая игроков как трудолюбивых или ленивых работников: *Играл спустя рукава; Не покладая ног; Пешком не спеша идёт; Прыгнул так, больше для порядку; Они просто могли бы курить в сторонке; Сегодня колоссальную работу проделал Александр (Россия – Израиль); Очень крупные ребята работают в центре (Зенит – Спартак); Атака Динамо говорит о том, что была проведена работа в раздевалке (ЦСКА – Динамо).*

Следующая метафорическая модель ФУТБОЛ – ПИЩА. В последнее время мы можем наблюдать активное использование «гастрономической» лексики в футбольном дискурсе, при помощи нее игра характеризуется как «вкусное» или не очень блюдо, а также как средство для пропитания: *Штрафные – это его хлеб (Зенит – Спартак); Мы можем судить, насколько «свежей» была команда (ЦСКА – Динамо); Вкус к игре, вкус к хорошему футболу (Арсенал – Уиган); Очень пресно играют; Хочется чего-нибудь пряного, острого; Двести «сухарей» Игоря Акинфеева; Семак кашу не испортит [6].*

Футбол, как один из наиболее популярных видов спорта, всегда был связан с политикой, представлял государство, служил для формирования его международного имиджа. Победы на ведущих спортивных соревнованиях приравнивались к победам на политической арене. Неудивительно, что одной из метафорических моделей стала модель ФУТБОЛ – ПОЛИТИКА (ВЛАСТЬ). Нередко политическая лексика используется для характеристики статуса игроков и тренеров, в команде, положения всей команды в турнирной таблице и пр.: *Футбол – это религия и политика, облаченные в форму спорта; Футбольная дипломатия; Футбольный союз, Президент футбольного союза, «Левый клуб – правый клуб»; Пост президента РФС, Исполком РФС, Пост руководителя российского футбола [6].*

Данная метафорическая модель объективирует футбол как инструмент политического манипулирования, например, С. Берлускони использовал в предвыборной борьбе лозунг: *«Милан выиграл – и вы победите!»*. Футбольные комментаторы и спортивные эксперты также часто упоминают об использовании футбола в политических целях: *В Южной Америке войны начинались из-за футбола; Катарцы – отнюдь не единственные, кто пользуется футболом в политических целях; Фанатские движения – это прообраз политических партий [6].*

Коммерциализация спорта не могла не отразиться и на языке футбола, все чаще можно наблюдать использование в футбольном дискурсе эконо-

мических метафор. В качестве следующей мы выделили модель ФУТБОЛ – БИЗНЕС. Она описывает футбольные клубы как покупателей и продавцов, а футболистов как товар, игру как коммерческую деятельность и пр.: *Его партнер не смог извлечь дивидендов из паса (Португалия – Швеция); Петр Тэн взят в аренду у московского ЦСКА (Ростов – Ротор); Единственным оправданием таких инвестиций должны быть победы; Главная ошибка – продажа Вагнера; Слухи и сплетни футбольного рынка.*

Одним из основных концептов футбольного дискурса является концепт «команда», подчеркивается важность слаженной работы всех участников как единого целого. Для характеристики единства используются следующие метафорические модели: 1) КОМАНДА – ЭТО МЕХАНИЗМ: *Винтик механизма, моторчик, немецкая машина; есть дистанция – люфт, нагрузка на растяг и на сжатие и пружинка сжимается; Как ловко он вписался в четко работающий механизм; Клоп лишь подкручивает винтики; Футбольные рычаги; Визг тормозов и рев моторов;* 2) КОМАНДА – ЭТО ОРГАНИЗМ: *рождение новой сборной; команду лихорадит; их довели до обморока, Весь организм команды функционирует правильно; Будто нож в сердце команды воткнул; Глупо команде мозги промывать;* 3) КОМАНДА – ЭТО СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА (СЕМЬЯ, КЛАСС, ШКОЛА): *Футбольная семья; Его школа, Вожак сборной; В глазах Фабио Капелла видна отеческая, но всё же суровость; тренер с молодых ногтей их учил; тише, тише, 5-й класс; Игра дала наставникам пищу для размышлений [6].*

Нередко футбол сравнивается с другими видами спорта: гонками (*Гонка за «Золотой бутсой»; Пит-стоп команды*), боксом и борьбой (*Финальный нокаут от «Боруссии», «Барса» должна держать удар, Гранатово-синие положили на лопатки «Реал»*), с азартными играми (*Надо идти ва-банк (ЦСКА – Динамо), Если бы у него было побольше фарта (Россия – Голландия), Ставка сделана на чемпионат, Играют в «русскую рулетку»*) [6].

Также в ходе анализа были выделены следующие метафорические модели, которые пока нельзя отнести к базовым: ФУТБОЛ – ЭТО ЧУВСТВО (ЛЮБОВЬ, СТРАСТЬ), ФУТБОЛ – ЭТО БОЛЕЗНЬ, ФУТБОЛ – ЭТО ЗАЛ СУДА, ФУТБОЛ – ЭТО МОРЕ и др.

Таким образом, наш анализ метафорических моделей показал, что самыми продуктивными являются метафорические модели ФУТБОЛ – ЭТО БОРЬБА/ВОЙНА и ФУТБОЛ – ЭТО ИСКУССТВО. Однако с развитием и изменением общества появляются все новые метафорические модели, которые нуждаются во всестороннем изучении и анализе, а некоторые старые перестают использоваться.

Библиографический список

1. Голованова, Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие / Е.Н. Голованова. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 224 с.

2. Кудрин, С.А. азовые метафоры спортивного дискурса как текстопо-
рождающие модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.А. Кудрин. –
М., 2011. – 20 с.

3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем (Metaphors We Live
By) / Дж. Лакофф (George Lakoff), М. (Mark Jonson). – Едиториал УРСС,
2004. – 256 с.

4. Малышева, Е.Г. Метафорическая модель ‘Спорт – это война’ в жур-
налистском спортивном дискурсе (на материале текстов современных пе-
чатных и электронных СМИ) / Е.Г. Малышева // Вестник Томского госу-
дарственного университета. – 2009. – № 328. – С. 14–20.

5. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политиче-
ской коммуникации / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед.
ун-та, 2003. – 248 с.

6. URL: <http://football.sport-express.ru>.

7. URL: <http://football.sport-express.ua>.

[К содержанию](#)

УДК 811.111 + 378.22

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ АСПИРАНТОВ К СДАЧЕ КАНДИДАТСКОГО ЭКЗАМЕНА ПО ИНОСТАННОМУ ЯЗЫКУ

Л.А. Семашко

В статье рассматриваются вопросы подготовки аспирантов к сдаче кандидатского экзамена по английскому языку. Успешному решению проблемы качественной языковой подготовки аспирантов может способствовать модульный подход, направленный на формирование необходимых знаний, умений и навыков и завершающийся определенной формой контроля. Большую роль в оптимизации и совершенствовании учебного процесса играют различные формы групповых занятий.

Ключевые слова: аспирантура; кандидатский экзамен; языковая подготовка; языковые навыки; модульный подход; организация учебных занятий.

В соответствии с Программой кандидатского экзамена по иностранному языку [1] основной целью изучения иностранного языка аспирантами (соискателями) всех специальностей является практическое владение языком и наличие определенных умений в различных видах речевой коммуникации:

- свободно читать оригинальную литературу на иностранном языке в соответствующей отрасли знаний;

- оформлять извлечённую из иностранных источников информацию в виде перевода или резюме;
- делать сообщения и доклады на иностранном языке на темы, связанные с научной работой аспиранта;
- вести беседу по специальности.

Однако, как показывает практика работы в аспирантских группах, традиционная вузовская подготовка, направленная на овладение ограниченными языковыми навыками, не обеспечивает выпускнику вуза достаточной лингвистической подготовки для обучения в аспирантуре. Кроме того, следует также отметить другие обстоятельства:

- 1) снижение аудиторного времени для подготовки аспирантов и соискателей к сдаче сложного кандидатского экзамена по иностранному языку (всего два часа в неделю);
- 2) укрупнение групп до 15 человек и более;
- 3) наличие в группе аспирантов разных специальностей;
- 4) неодинаковый исходный уровень владения языком.

Противоречие между требованиями, предъявляемыми нормативными документами к качеству знания иностранных языков научными работниками и реальной языковой подготовкой, обуславливают поиск наиболее эффективных путей преодоления этих противоречий. Успешному решению проблемы качественной языковой подготовки аспирантов может способствовать **модульный подход** при изучении иностранного языка. Он основывается на идее, что обучающийся должен учиться сам, а преподаватель – осуществлять управление его деятельностью – мотивировать, организовывать, координировать, консультировать, контролировать [2].

Под **учебным модулем** понимается «самостоятельная, логически и структурно завершённая информационная единица, обладающая узлами сопряжения с другими информационными единицами, имеющая собственное программно-целевое и методическое обеспечение, направленное на формирование необходимых знаний, умений и навыков в определенном отрезке учебного времени, и завершающаяся определенной формой контроля» [3].

В методике преподавания иностранных языков, **модуль** рассматривается:

- с точки зрения содержания – как тема, которую предполагается изучить за определенное количество учебных часов;
- с точки зрения видов речевой деятельности – как учебные блоки (говорение, аудирование, чтение, письмо);
- с точки зрения строения языка – как языковые аспекты (лексика, грамматика, фонетика);
- с точки зрения степени сложности изучаемого материала – как уровни владения иностранным языком;

- с точки зрения дидактики – как учебный материал, предлагаемый различным группам обучающихся (начинающие, академические, изучающие второй иностранный язык и т.д.) [3].

Таким образом, при обучении иностранному языку в аспирантуре обязательными модулями для аспирантов являются:

1. Модуль по обучению произношению и аудированию (на основе общенаучных и узкоспециальных текстов). Без него невозможна полноценная и успешная устная научная коммуникация, корректное представление научных результатов на конференциях и т.д. Именно этим видам речевой деятельности традиционно уделяется недостаточное внимание, и российские ученые, даже вполне свободно говорящие на иностранном языке на профессиональные темы, отстают по уровню фонетического оформления своей речи от своих зарубежных коллег.

2. Модуль по обучению грамматике английского языка. Поскольку на кандидатском экзамене основное внимание уделяется проверке различных видов чтения, при обучении грамматике следует сделать акцент на грамматику чтения, т.е. обучение грамматическому материалу, необходимому для чтения и перевода оригинальной научной литературы. Обучение грамматике должно обязательно включать систему упражнений на изучающее чтение.

3. Модуль по обучению лексике. При работе над лексикой учитывается специфика лексических средств текстов по специальности аспиранта, многозначность служебных и общенаучных слов, механизмы словообразования (в том числе терминов и интернациональных слов), явления синонимии и омонимии. Необходимо знание сокращений и условных обозначений и умение правильно прочитать формулы, символы и т.п. В процессе чтения аутентичной литературы для пополнения лексической базы аспиранты обязательно должны вести терминологический словарь.

4. Модуль по обучению чтению. В соответствии с конечной целью обучения иностранному языку в аспирантуре обучение чтению предполагает использование оригинальных источников информации – монографий, диссертаций, рефератов по узкой специальности аспиранта, а также статей из журналов, издаваемых за рубежом. В процессе подготовки к кандидатскому экзамену аспирант должен перевести 250–300 страниц иностранного текста по своей тематике. Поэтому при работе над текстами целесообразно научить аспирантов наиболее рациональным приемам, используемым в таких видах чтения, как просмотровое, ознакомительное, изучающее и поисковое.

5. Модуль по обучению письменной научной коммуникации нацелен на ознакомление с современными правилами научной коммуникации, на обучение адекватности перевода, написанию тезисов, плана (конспекта прочитанного), резюме, сообщения, доклада по теме исследования, публикации на английском языке в зарубежном журнале.

6. Модуль по обучению устной речи. К концу обучения в аспирантуре аспирант должен владеть подготовленной, а также неподготовленной монологической и диалогической речью: уметь делать сообщение, доклад на иностранном языке, принимать участие в обсуждении вопросов, связанных с его научной работой и специальностью. Мультимедийные средства позволяют использовать для сообщений по теме будущей диссертации формат презентаций в системе PowerPoint. Они проходят более живо и интересно, если презентации делают аспиранты одной кафедры, и сообщение выливается в обсуждение, высказывание мнений.

Большую роль в оптимизации и совершенствовании учебного процесса играет организация учебных занятий. После окончания вуза у многих аспирантов имеется значительный перерыв в занятиях по иностранному языку, и уровень языковой подготовки за это время успевает снизиться. Поэтому прежде чем приступить к занятиям по программе аспирантов, необходимо провести диагностирующее тестирование по иностранному языку, что способствует не только установлению исходного языкового уровня обучаемых, но и последующей индивидуализации обучения.

Исходя из конкретных особенностей группы и контингента аспирантов, составляется тематический план занятий, в котором предусмотрены следующие формы занятий:

- установочные лекции по основам перевода научной литературы по специальности;
- индивидуальная работа под руководством преподавателя;
- самостоятельная внеаудиторная работа.

Изучение иностранного языка в аспирантуре играет чрезвычайно важную роль для будущих ученых, при этом значительный объем учебной работы выполняется аспирантом самостоятельно. В соответствии с современными требованиями, аспирант должен обладать автономностью в обучении, т.е. уметь самостоятельно определять свою задачу, решать ее и нести ответственность за свое решение.

Аспиранты часто имеют высокий уровень самообразовательной компетенции в рамках своей научной деятельности, но теряются, столкнувшись с требованиями аспирантуры по уровню владения иностранным языком. Они не владеют приемами самостоятельной учебной деятельности, которая включает самостоятельное изучение иноязычных текстов профессиональной направленности. Некоторые пытаются решить этот вопрос по-своему. Не справляясь с большим объемом материала, они прибегают к услугам электронных переводчиков, что ускоряет и упрощает процесс работы с текстом, но такая деятельность не может быть названа самостоятельной.

Поэтому, надежным средством управления процессом усвоения учебного материала является систематический и планомерный контроль – действенный способ упрочения знаний, умений и навыков. В процессе подготовки аспирантов предусматривается сочетание различных его приемов, видов и форм.

Текущий контроль предполагает регулярный учет и контроль выполнения различных видов домашних заданий, усвоения лексико-грамматического материала, ведения терминологического словаря. На аудиторных занятиях преобладают устные формы контроля.

Промежуточный контроль ставит своей целью проверку результатов совершенствования умений и навыков и проводится периодически (2–3 раза за курс).

В середине курса проводится аттестация аспирантов по результатам промежуточного контроля с указанием роста уровня подготовленности аспиранта и количества проработанной им литературы, письменных переводов, аннотаций.

Итоговым контролем является кандидатский экзамен, цель которого – проверка готовности аспирантов к использованию иностранного языка в профессиональной научной деятельности ученого.

К кандидатскому экзамену аспирант допускается после сдачи внеаудиторного (индивидуального) чтения, при положительной аттестации преподавателя, после представления контрольного письменного перевода статьи по узкой специальности объемом 15000 печатных знаков, при наличии списка прочитанных на иностранном языке источников по специальности и соответствующей научной теме.

Устная часть экзамена включает в себя **три задания:**

1. Изучающее чтение оригинального текста по специальности. Объем 2000–2500 печатных знаков. Время выполнения работы – 45–60 минут. Форма проверки: передача извлеченной информации на русском языке.

2. Беглое (просмотровое) чтение оригинального текста по специальности. Объем – 1000–1500 печатных знаков. Время выполнения – 2–3 минуты. Форма проверки – передача извлеченной информации на русский язык.

3. Беседа с экзаменаторами на иностранном языке по вопросам, связанным со специальностью и научной работой аспиранта.

Сдача кандидатского экзамена по иностранному языку означает практическое владение им, особенно в области науки, которая в свою очередь предполагает общение с иностранными коллегами, участие в международных научных симпозиумах, конференциях, знакомство с работами иностранных авторов, сбор материалов из зарубежных источников, публикацию собственных статей в иностранных журналах.

Библиографический список

1. Иностранный язык. Программа-минимум кандидатского экзамена по общенаучной дисциплине. – М., 2004.

2. Резолюция международной конференции «Модульное обучение в сфере преподавания иностранных языков // Иностранные языки в экономических вузах России. Всероссийский научно-информационный альманах. – 2006. – № 5. – С. 3–6.

3. Ямшанова, В.А. Переход на модульное обучение иностранным языкам как реализация идей Болонской декларации / В.А. Ямшанова // Иностранные языки в экономических вузах России. Всероссийский научно-информационный альманах. – 2006. – № 5. – С. 6–22.

[К содержанию](#)

УДК 371.011
ББК 74.200.507

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭВРИСТИЧЕСКОЙ КОМБИНИРОВАННОЙ ОЛИМПИАДЫ ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

А.С. Скоробогатова

В статье дается обоснование актуальности использования информационных технологий при проведении олимпиады, рассматривается один из видов олимпиады – эвристическая комбинированная олимпиада по иностранным языкам, анализируется опыт проведения интеллектуального конкурса.

Ключевые слова: студенческая эвристическая олимпиада, информационные коммуникационные технологии, иностранный язык.

Информационные технологии являются неотъемлемой частью учебного процесса обучению иностранному языку, поскольку на сегодняшний день невозможно представить ни одного занятия и тем более образовательного конкурса (олимпиады) без активного использования современных образовательных технологий и эффективных методов обучения. Актуальность использования новых технологий обусловлена потребностями современного обучения, необходимостью формирования и совершенствования навыков самостоятельной учебной деятельности студентов и развития их творческого потенциала. В настоящее время образовательный процесс характеризуется качественными изменениями сложившихся подходов к организации обучения. Именно поэтому особая роль отводится интерактивным методам, которые повышают мотивацию и личную заинтересованность студентов [1].

В эпоху глобализации владение иностранным языком является одной из важнейших характеристик специалистов высокой квалификации, поэтому не только учебные занятия по иностранным языкам, но и языковые олимпиады должны проводиться с использованием информационных и коммуникационных технологий. Внедрение Интернет технологий в процесс обучения иностранному языку не вызывает сомнений. Мультимедийные тех-

нологии привлекательны и эффективны, кроме того они открывают новые возможности в варьировании заданий, проблемных ситуаций и активном использовании разнообразных вспомогательных средств [2].

В настоящее время существует довольно много разнообразных видов олимпиад, но мы бы хотели наиболее подробно остановиться на одном из них – эвристической, комбинированной олимпиаде. Эвристические олимпиады отличаются от обычных тем, что на них требуется проявить творческие способности, отойти от шаблонов, открыть новое, а не демонстрировать известное. Задания носят открытый характер и ориентируют участников на выявление собственного смысла окружающих явлений, выявление закономерностей или исключений, наконец, на самопознание. Этот вид олимпиад позволяет приобретать навыки, придумывать, фантазировать, изобретать, создавать модели и конструкции и т.д. Как правило, эвристические олимпиады проводят по нескольким моделям:

- предметные (по математике, информатике, русскому и английскому языкам, физике, химии и т.д.);
- метапредметные (их задания не принадлежат каким-либо конкретным учебным предметам, а выходят за их рамки);
- профильные (блоки гуманитарных, общественных или естественных наук).

Эвристическая олимпиада – не эпизодическое мероприятие, а равноправная форма обучения, выступающая творческой альтернативой традиционным контрольным и проверочным работам. Особенность эвристической формы учебы состоит в том, что она предполагает изменение общепринятого смысла образования. Согласно традиционной дидактической схеме студент осваивает накопленный опыт, получает знания и лишь, затем применяет их, в том числе и творчески. В эвристической работе приращение теоретического знания происходит одновременно с получением практического опыта, точнее, с опорой на него. Благодаря этому олимпиада, словно катализатор, содействует интенсификации учебного процесса [3].

Проводимую в ЮУрГУ олимпиаду можно отнести именно к этому типу. Поэтому при разработке методической базы мы ставили перед собой следующие задачи:

- выявление студентов с языковой одаренностью, создание условий для их дальнейшего развития в лингвистическом плане;
- стимулирование интереса и развитие мотивации к непрерывному изучению языков;
- развитие ценностного отношения к профессионально-ориентированной иноязычной подготовке;
- развитие креативного потенциала обучающихся;
- ориентация на творческий подход к выполнению заданий, критическое осмысление проблемных ситуаций;
- приобщение к иноязычной культуре.

В решении поставленных задач мы использовали возможности дистанционных технологий при поддержке Института открытого и дистанционного образования, что позволило существенно оптимизировать процедуру регистрации, идентификации, проверки работ первого отборочного тура и создать комфортные условия для участников. Каждому конкурсанту был присвоен персональный логин и пароль, поэтому он мог выбрать наиболее удобное для себя время для выполнения задания. Такая организация позволила расширить горизонты участников, и в результате конкурсантами стали не только студенты, обучающиеся в городе Челябинске, но и студенты филиалов ЮУрГУ. Кроме того, необходимо отметить масштабность проведенной олимпиады. В олимпиаде по иностранным языкам (английскому и немецкому) приняли участие около 1200 студентов разных факультетов и специальностей.

В первом туре (дистанционном), студентам было предложено выполнить лексико-грамматические задания за ограниченный отрезок времени. Задачей этого тура было проверить умение работать с текстом, определить уровень владения лексическим и грамматическим навыками. По итогам первого тура произошел большой отсев участников, во второй части первого тура были допущены 307 студентов, это те, кто успешно выполнили 30 % от предложенных заданий, этот этап был творческим, конкурсантам необходимо было написать сочинение-рассуждение (эссе) по заданной теме, после просмотра видеоролика. Не всем удалось успешно справиться с этим заданием, ведь написать сочинение нелегко и на родном языке. По результатам, полученным после пройденных этапов, в финал вышло 20 человек (по английскому языку) и 6 по немецкому.

Второй, финальный этап комбинированной эвристической олимпиады проходил очно, что позволило реально увидеть и оценить возможности и способности студентов. Всем участникам - финалистам нужно было заранее, в качестве домашнего задания, подготовить презентацию по предложенной теме, в этом году она была посвящена лучшим и худшим изобретениям человечества. Далее студентам-финалистам были предложены задания на раскрытие их творческого потенциала, участникам были предложены карточки с названиями изобретений человечества, их задача состояла в том, чтобы объяснить их, не произнося само название. Следует отметить, что не все справились с этим заданием. Следующее испытание заключалось в том, чтобы участники по предложенным фото догадались, что за изобретения перед ними, для чего они предназначены и как работают. Аудитория была очень заинтересована, все активно задавали вопросы и студенты и члены жюри. Второй этап финального тура был нацелен на формирование творческой компетенции студентов, жюри оценивало оригинальность содержания и полноту выполнения коммуникативных задач.

Олимпиада, проведенная при помощи современных информационных технологий, позволила нам получить бесценный опыт, который в даль-

нейшем мы будем использовать для совершенствования последующих интеллектуальных конкурсов, нацеленных на создание условий, которые позволят студенту с учетом его возможностей и удовлетворять личные запросы и потребности в профессиональном становлении и самореализации.

Библиографический список

1. Дугарцыренова, В.А. Информационно-коммуникационные технологии в образовании / В.А. Дугарцыренова // Вестник МГУ серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 134–142.
2. Рахимова, А.Э. Преимущества применения компьютерных технологий при обучении иностранным языкам / А.Э. Рахимова // ИЯШ. – 2012. – № 6. – С. 2–6.
3. Скоробогатова, А.С. Из опыта проведения внутривузовской комбинированной олимпиады «Прометей» по иностранным языкам / А.С. Скоробогатова, И.Н. Мелихова // Профессиональный Проект: идеи-технологии-результаты. – 2013. – № 3(12). – С. 58–61.

[К содержанию](#)

ББК Ш143.21 + Ч448.016

УДК 811.111 + 378.016

ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧТЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Л.Л. Снегарёва

Данная статья рассматривает понятие «текста» с разных точек зрения, а также понятие «художественный текст». Выделяются двенадцать универсальных категорий, присущих художественному тексту. Далее перечисляются психологические особенности восприятия художественного текста и факторы, влияющие на понимание иноязычного художественного текста. В выводах представлены трудности в восприятии художественного иноязычного текста, преодолев которые возможно облегчить процесс чтения художественных текстов.

Ключевые слова: текст, художественный текст, универсальные категории текста, чтение, восприятие.

Определение понятия «текст» относится к числу вечных проблем. Текст входит в сферу интересов многих дисциплин, а именно, философии, филологии, лингвистики, психолингвистики и других, поэтому существует как множество подходов к определению, так и самих определений текста. Текст можно рассматривать с двух противоположных точек зрения: с точ-

ки зрения его формальных признаков, или с точки зрения его прагматики, иначе говоря, целевой установки. Первая точка зрения поддерживается лингвистикой и филологией, вторая более характерна для философии и теории сигнализации. В первом случае ученые выделяют разные признаки, которые отличают текст от «нетекста», признавая текст только в письменной речи. Другие допускают существование текста в устной, но только монологической речи, третьи считают возможным говорить о тексте в диалогической речи как реализации любого речевого замысла. Во втором случае, текст понимается как глобальный знак, сигнал. А.М. Пятигорский рассматривал текст как объект теории сигнализации и отмечал, что если в лингвистике текст – это определенным образом организованное разнообразие сигналов, то с точки зрения теории сигнализации каждый текст может рассматриваться как отдельный сигнал [1].

Общее определение текста имеет компромиссный характер: «текст – связная последовательность устных и/или письменных высказываний, порождение и понимание которых происходит в конкретной сфере общения и направлено на решение конкретной задачи». В 1981 г. И.Р. Гальперин предложил свое определение текста, которое более емко раскрывает его природу, и поэтому является самым цитируемым до сих пор. «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [2].

Необходимо отметить, что такое же многообразие мнений и определений относится и к определению «художественного текста». В.П. Белянин считает, что «художественный текст представляет собой личностную интерпретацию действительности. Писатель описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает такие соображения, которые наполнены для него личностным смыслом» [3]. В.Г. Адмони дает следующее определение: «художественный текст – это возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания...» [4]. В.А. Пищальникова определяет художественный текст «как коммуникативно-направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия» [5]. И.Р. Гальперин писал о том, что художественный текст не всегда подчиняется общепринятым нормам организации, тем не менее «сохраняет значительную долю «активного бессознательного», которое нередко взрывает правильность и влияет на характер организации высказывания» [2]. В данной статье мы придерживаемся определения, данного И.Р. Гальпериным, так как оно сочетает в себе не только само понятие «текст», но и его художественную составляющую.

Как любое комплексное и сложное явление, художественный текст обладает рядом категорий, которые его характеризуют и отличают от других явлений. В своих трудах И.Р. Гальперин рассмотрел следующие параметры текста: информативность, членимость, когезия, континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность текста. С течением времени количество категорий текста увеличилось. Ссылаясь на таких ученых-филологов, как Ю.С. Сорокин, А.И. Новиков, Е.А. Гончарова, М.М. Бахтин, В.Г. Адмони и другие, в данной статье выделяется двенадцать универсальных категорий художественного текста, которые являются его неотъемлемыми характеристиками.

Одной из первых универсальных категорий художественного текста является (1) **целостность** (цельность). Она ориентирована на смысл, на содержательный план и стремление читателя объединить все компоненты текста в единое целое. Оно возникает, по словам Ю.С. Сорокина, в процессе взаимодействия реципиента и текста и является парадигматичной по своей сути. (2) **Связность** выражается в тексте на уровне слов, предложений, текстовых фрагментов, то есть на уровне внутренней смысловой связи. Автор художественного текста в момент его создания стремится как можно точно и связно передать читателю свои образы и идеи.

Следующая категория – это (3) **завершенность**. Она связана не столько с материальной оболочкой текста как отдельного материального тела, сколько с его контекстуально-смысловой завершенностью. Мы говорим о завершенности исходя из намерений и задач автора и читателя, хотя многие исследователи художественного текста утверждают, что смысл литературного произведения неисчерпаем. Мы вслед за Е.А. Гончаровой выделяем (4) **абсолютную антропоцентричность** художественного текста, так как он создан человеком для человека и предметом его изображения в большинстве случаев является человек [6].

Под (5) **социологичностью** художественного текста понимается его связь с определенным временем, эпохой, социальным устройством общества, а также тот факт, что сам текст выполняет социальные функции. М.М. Бахтин писал, что в художественном тексте «скрещиваются живые социальные силы, каждый элемент его формы пронизан живыми социальными оценками» [7]. Тот же ученый выделил (6) **диалогичность** художественного текста, как одну из главных его категорий. М.М. Бахтин связывал это качество художественного текста с его бесконечностью, многослойностью его содержания, которое не может допускать однозначной его интерпретации. Поэтому многие литературные произведения не утрачивают своей актуальности многие десятилетия и столетия. С другой стороны, диалогичность художественного текста связана с его связью с другими текстами, так как зачастую создание одного художественного произведения являлось ответной реакцией на другое литературное произведение.

Следующая категория художественного текста – это (7) **развернутость и последовательность**. По мнению А.И. Новикова, «при порождении текста должна существовать некоторая схема, отражающая порядок следования элементов содержания. Такая схема составляет композицию текста и находит выражение в замысле» [8]. Эти свойства текста связаны с семантическим развертыванием и последовательность смыслов на глубинном содержательном уровне. (8) **Статичность и динамичность** художественного текста также являются не менее важными его категориями. Его статическое состояние проявляется в том, что художественный текст является продуктом речетворческой деятельности, а его динамичность – в процессе восприятия и понимания текста.

Отличительной чертой любого художественного текста является его (9) **напряженность**. В.Г. Адмони всесторонне изучил и описал эту особенность в своих исследованиях. Он отмечал, что художественный текст должен заинтересовать читателя с первых строк и усиливать этот интерес по мере продвижения текста до самого его завершения [4]. (10) **Эстетичность** текста призвана вызывать эстетический эффект всей системой художественного текста. Его (11) **образность** призвана вызывать систему представлений. И последней категорией художественного текста должна являться его (12) **интерпретируемость**. Она объясняется уникальностью художественного текста как психолого-эстетического феномена. Любое художественное произведение служит автору способом выражения своих индивидуальных представлений о мире с помощью набора языковых средств и направлено на читателя. Читатель в попытке проникнуть в творческий замысел автора постигает художественный текст не пассивно, а активно-деятельностно, иными словами интерпретирует его. Даже сам выбор языковых единиц служит цели интерпретации, так как автор стремится выразить свои мысли самым для него оптимальным и доступным для читателя способом.

Итак, становится очевидным тот факт, что художественный текст представляет собой сложное лингвистическое явление, которое обладает набором определяющих его категорий. Эти категории необходимо учитывать при работе с любым художественным текстом, так как они способствуют проникновению в замысел автора художественного произведения, способствуя развитию критического мышления и критического чтения.

Термин «чтение» всегда используется в научной литературе с каким-либо эпитетом. Например, зрелое чтение (Клычникова, 1983), коммуникативное чтение (Пассов, 1977), учебное чтение (Шатилов, 1986; Кузьменко, Рогова, 1970), когнитивное чтение (Баграмова, 1993) и многие другие. В зарубежной литературе также присутствует многообразие видов чтения, частично эти эпитеты перекликаются с российской терминологией.

Проблема обучения разным видам чтения и классификация самих видов чтения детально рассмотрена как в фундаментальных трудах таких российских ученых, как С.К. Фоломкиной, Н.В. Барышникова, З.И. Клычниковой, Е.И. Пассова, Г.В. Роговой и других, так и в исследовательских работах: Т.Д. Шевченко, А.А. Петуховой и др.

Т.Д. Шевченко рассматривала проблему обучения студентов-лингвистов чтению иноязычных текстов с позиций когнитивно-коммуникативной методики, которая способствует развитию умений зрелого чтения. Автором была предложена модель обучения, которая основана на извлечении пропозиций из текста, которые в свою очередь организуются в семантическую сеть. Качественное извлечение и интерпретация имплицитных смыслов текста обеспечивается умением распознавать их наиболее значимые пропозиции. Т.Д. Шевченко осуществляет работу над текстом в три этапа (предтекстовый, текстовый, послетекстовый). Для каждого этапа работы с текстом выделены основные критерии сформированности механизмов чтения [9].

Обучение чтению как таковому не является задачей данной статьи, этой проблеме посвящено много фундаментальных трудов ученых и диссертационных исследований. Обучение чтению художественного иноязычного текста также не входит в ряд рассматриваемых задач. Задачей является формирование прагматической компетенции средствами критического чтения художественного иноязычного текста в курсе аспекта «Домашнее чтение» в языковом вузе. Для реализации поставленной задачи были проанализированы лингвистические особенности художественного текста, а теперь рассмотрим психологические особенности восприятия художественного иноязычного текста.

С психологической точки зрения чтение – это процесс восприятия [10]. Восприятие текста представляет собой сложную мыслительную деятельность, направленную на дешифровку графических символов и переработку их в смысловые сигналы, иными словами, деятельность, направленная на понимание прочитанного. Психологи выделяют два взаимосвязанных и обуславливающих друг друга компонента: восприятие и понимание. Понимание является решающим моментом чтения и его результатом. З.И. Клычникова отмечала, что «понять текст, значит сделать его содержание своим достоянием, познать мысли, чувства и волю автора, сделать для себя выводы и поступать соответственно им» [11]. Она выделила несколько факторов, влияющих на понимание иноязычного текста:

- а) зависимость понимания текста от его информационной насыщенности. Понимание логического плана сообщения является наиболее легким процессом по сравнению с пониманием эмоционально-оценочной и побудительно-волевой информации, особенно если она выражена имплицитно;
- б) зависимость понимания текста от его композиционно-смысловой структуры. Существуют внутренняя и внешняя стороны композиции;

в) языковая реализация смысловых отношений текста и его понимания. Здесь подразумеваются смысловые отношения между отдельными словами текста, между частями сложных предложений, между отдельными предложениями, иначе говоря, понятие межфразовых связей текста;

г) знание языка и понимание текста, а именно влияние незнакомых слов на процесс понимания;

д) влияние психологических факторов. Понимание текста зависит от некоторых индивидуально-психологических особенностей чтеца, от его психологической активности, а также от его прошлого опыта. Чем шире общий кругозор читателя, тем лучше он поймет текст на иностранном языке.

Психологическую модель восприятия текста можно описать следующим образом. На базе перцептивного анализа происходит поэтапный синтез смыслового содержания текста, и параллельно с ним происходит содержательный анализ речевой цепи. В результате этого анализа, носящего избирательный характер, происходит опознавание и удержание в кратковременной памяти образов отдельных языковых единиц (слов). На следующем этапе происходит одновременный процесс выделения в семантическом содержании образа-слова отдельных, значимых в данном контексте и ситуации семантических компонентов в осмысленное целое. И на базе предшествующих этапов восприятия формируется глобальный образ содержания текста [11].

Правильно организованное чтение предполагает не только стремление понять текст, но и дать ему оценку. Сравнивая мысли автора со своими, делая выводы, обобщения, мы подвергаем читаемое критике, глубже осмысливаем его. Читая книгу, необходимо связывать прочитанное с имеющимися у нас мыслями, сведениями, войти в систему мыслей автора и переработать, «освоить» их в системе мыслей и понятий, имеющихся у самого себя. Очень часто такое сопоставление при чтении возникает произвольно. Содержание художественного текста считается относительно бесконечным. При создании художественного текста автор стремится не только выразить свое мировоззрение, но и влиять определенным образом на читателя, заражая его, таким образом, своими идеями. По данным психологов, эта теория заражения представляет собой индукцию эмоционального воздействия, основанную на сильном воздействии фрагментов, которые содержат эмоциональную лексику. Необходимо выработать у студентов привычку сознательно, преднамеренно сопоставлять читаемое с ранее известным, а для этого следует постоянно прибегать к сопоставлениям.

Рассмотрев универсальные категории художественного текста и психологические особенности чтения художественного иноязычного текста, становится очевидным вывод о том, что существуют определенные трудности в восприятии художественных иноязычных текстов, с которыми сталкиваются лингвисты-преподаватели при подготовке к аспекту «Домашнее чтение», и которые необходимо решить для того, чтобы процесс восприятия стал более осознанным и простым.

Во-первых, от читателей ускользает понимание художественного текста вследствие его низкой психологической активности. Читая на иностранном языке, студенты вдруг утрачивают те привычки зрелого чтеца, которые у них были выработаны при чтении на родном языке. Следствием этого может явиться низкая психологическая активность читающего. В процессе чтения он перестает мыслить, сопоставлять уже имеющуюся у него информацию с новой информацией. В конечном итоге, он теряет не только логическую нить повествования, но и эмоциональную.

Во-вторых, от читающего ускользает эмоциональная тональность художественного текста, а эта черта художественного текста является его неизменным атрибутом. Художественный текст полифоничен. Гармоничное единство тональности скрепляет и обуславливает его смысловую целостность. Если читатель теряет эмоциональную нить произведения, то это обычно приводит к неточному восприятию основной идеи текста, а также к неадекватной эмоциональной оценке содержания текста в целом.

В-третьих, читающий не способен уяснить многослойность содержания художественного текста, которое допускает его неоднозначную интерпретацию. Эта многослойность содержания создается накладывающимися друг на друга значениями: лексическими, грамматическими, метафорическими, ассоциативно-образными, имплицитными, эксплицитными и т.д. Читающий или упускает некоторые из этих значений, или не уделяет им должного внимания. Вследствие чего, от него ускользает возможность воспринимать художественный текст как законченное, целостное произведение со своими импликациями и богатством образов.

В-четвертых, исходя из вышеуказанных трудностей, читающий не превращается в сопереживающее лицо, то есть не получает эстетического наслаждения, которое является одной из важных категорий художественного текста. Это сильно обедняет его собственное развитие, как в культурном плане, так и в эмоциональном. Именно поэтому многие студенты затрудняются давать общую оценку художественному иноязычному тексту, ибо они сами не в полной мере осознали его воздействие на них.

Библиографический список

1. Пятигорский, А.М. Непрерываемый разговор / А.М. Пятигорский. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 432 с.
2. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
3. Белянин, В.П. Основы психолингвистической диагностики: Модели мира в литературе / В.П. Белянин. – М.: Издательство Московского ун-та, 1988. – 123 с.
4. Адмони, В.Г. Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. – СПб.: «Наука», 1994. – 153 с.
5. Пищальникова, В.А. Проблемы лингвоэстетического анализа художественного текста / В.А. Пищальникова. – Барнаул, 1984. – 235 с.

6. Гончарова, Е.А. Лингвистические средства создания образа персонажа в художественном тексте / Е.А. Гончарова // Лингвистические исследования художественного текста. – Л., 1983. – 145 с.
7. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин. – Киев, 1994. – 384 с.
8. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М., 1983. – 68 с.
9. Шевченко, Т.Д. Когнитивно-коммуникативная методика обучения чтению иноязычных текстов (английский язык, лингвистический вуз): дис. ... канд. пед. наук / Т.Д. Шевченко. – Пятигорск, 2002. – 162 с.
10. Леонтьев, А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды / А.А. Леонтьев. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 448 с.
11. Клычникова, З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. Пособие для учителей / З.И. Клычникова. – М.: Просвещение, 1983. – 207 с.

[К содержанию](#)

ББК Ш107

УДК 81'1

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА
В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ, БРИТАНСКИХ И РУССКИХ
МЕДИАТЕКСТОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ КУЛЬТУРА)**

А.Д. Соколов

В рамках статьи рассматриваются лингвистические и нелингвистические средства оказания воздействия на читателя. Выявляется частотность применения средств воздействия на читателя, а также проводится сопоставление их применения в среде англоязычного и русскоязычного медиадискурса.

Ключевые слова: медиалингвистика, дискурс, медиадискурс, медиатекст.

С начала второй половины XX века понятие дискурса стало приобретать все новые трактовки, тем самым превращаясь из явления с узкоспециализированной направленностью в целую систему понятий и знаний. Современное понятие дискурса уже успело выйти из рамок простого «коммуникативного акта», впитав в себя множество свойств и факторов экстралингвистического характера.

История понятия медиадискурс уходит в 90-е годы XX века в связи с возникновением термина «медиаатекст» в англоязычной научной литературе. Данное явление рассматривалось с точки зрения социолингвистики целым рядом известных ученых – М. Монтомери, Н. Фейерклафом, Р. Фаулером и другими. В контексте сферы СМИ понятие «атекст» в значительной мере отошло от средств вербальной реализации, шагнув в сторону понятия «медиадискурс». В настоящее время в целях наглядного представления информации используются экстралингвистические средства – визуальные и направленные на слуховое восприятие.

Вслед за нидерландским лингвистом ван Дейком мы можем рассматривать медиадискурс в качестве одного из жанров понятия «дискурс» как такового, существующего наравне с другими разновидностями – политическим, религиозным, научным и пр. [3]. Таким образом, данный вид дискурсивной деятельности будет принципиально отличаться от остальных тематической направленностью и своей сферой применения, в которой осуществляется коммуникативное взаимодействие между адресантом и адресатом посредством отправки информационного сообщения.

Кожемякин Е.А., кандидат философских наук, в своей статье «Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования» описывает также и другой подход к определению понятия медиадискурса. Медиадискурс может быть рассмотрен как «любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ». Причем медиадискурс по своей природе может быть политическим, религиозным или каким-то иным. Евгений Александрович Кожемякин трактует медиадискурс как «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве» [1].

Отдельного внимания заслуживает разбор понятий «медиаатекст» и «медиадискурс», которые являются базовыми терминами медиалингвистики. В этой связи мы можем выделить три главных точки зрения:

- Медиаатекст – часть медиадискурса, выступающая в роли составляющей более сложного явления.
- Медиаатекст – результат деятельности в сфере медиадискурса, представляющий собой наглядное, визуальное, либо воспринимаемое на слух отображение итогов коммуникативного акта.
- Медиаатекст и медиадискурс – синонимичные понятия, равнозначимые по смыслу.

Так, например, Т.Г. Добросклонская рассматривает понятия медиаатекста и медиадискурса в отношении «частное–целое», определяя медиаатекст как текст передаваемого сообщения вкуче с каналом связи, а медиадискурс – явление более широкое, включающее в себя не только медиаатекст, но и другие компоненты коммуникации, носящие характер экстралингвистических факторов [2].

Национальная пресса может быть охарактеризована в качестве показательной составляющей сферы медиадискурса, позволяющей провести полноценный лингвистический анализ на предмет выявления отличительных черт той или иной разновидности медиадискурса.

Выход печатных изданий на просторы всемирной паутины привел к возникновению отдельного подразделения в области медиадискурса – интернет медиадискурса. Совершенно логично предположить, что данная разновидность медиадискурса сохранила в себе все свойства, особенности и приемы, использование которых практикуется на страницах печатных газет. Особое развитие в этой связи претерпело, так называемое, невербальное воздействие на читателя.

Представим классификацию основных средств воздействия на читателя, вербальных и невербальных, которые находят свое место на страницах газетных и периодических изданий:

- Нелингвистические (невербальные) средства:
  - 1) графическая сегментация текста и его расположение;
  - 2) типографские знаки, цифры;
  - 3) рисунки, фотографии, таблицы, схемы.
- Лингвистические (вербальные) средства:
  - 1) лексические
    - авторские окказионализмы, безэквивалентная лексика.
    - разговорная лексика;
    - лексические стилистические приемы.
  - 2) грамматические
    - эллиптические конструкции;
    - специальные синтаксические конструкции, использованные в заголовках статей.

Нами был проведен анализ медиатекстов, входящих в состав американского, британского и русского медиадискурсов, в ходе которого удалось изучить 120 статей, размещенных в рубриках «arts» и «culture» на официальных сайтах газетных изданий The New York Times и The Guardian, а также статьи из рубрики «культура» российского интернет-источника Газета.ру. Основываясь на принципе языкового единства, нами было принято решение объединить американские и британские медиатексты в общую группу англоязычных медиатекстов с целью их дальнейшего сопоставления с русскоязычными.

Целью анализа медиатекстов являлось выявление средств нелингвистического (невербального) и лингвистического воздействия на читателя. Примеры средств, обнаруженные в ходе исследования, подверглись распределению по двум большим группам с последующим включением в подгруппы, согласно представленной ранее классификации.

Проведенный нами анализ позволяет судить о наличии как схожих, так и отличных черт между англоязычными и русскоязычными медиатекстами.

Рассмотрение нелингвистических средств воздействия на читателя позволило нам сделать вывод о значительной близости между образцами англоязычного и русскоязычного медиадискурса. Практически все средства, представленные в классификации, а именно ссылки, комментарии и общение, дополнительные сервисы были обнаружены в рамках медиатекстов обоих видов медиадискурса. Исключение составил лишь пункт слайд-шоу, который отсутствовал в составе средств невербального воздействия, применяемых в русскоязычных медиатекстах.

Наличие такого большого количества общих черт в составе средств нелингвистического воздействия позволяет нам охарактеризовать современный медиадискурс как явление глобальное и во многом унифицированное в рамках единого интернет-пространства. Обнаруженные различия заключаются в отдельно взятых медиа-сервисах или приложениях, отсутствие которых в каком-то одном из рассмотренных видов медиадискурса не носит критический характер, ведь практически всегда мы можем наблюдать наличие аналогичного варианта в качестве альтернативы.

Следует отметить, что статистическое соотношение применения нелингвистических и лингвистических средств воздействия на читателя позволяет охарактеризовать их как используемые в равной степени эффективно как в англоязычном, так и в русскоязычном медиадискурсе (по 50 %). Анализ, проведенный среди лингвистических средств, показал, что лексические нашли более широкое применение по сравнению с грамматическими как в англоязычном дискурсе (их процентное соотношение составляет 60 % и 40 % соответственно), так и в русскоязычном (80 % и 20 %).

Для обоих видов медиадискурса характерно широкое применение разговорной лексики, а также слов, заимствованных из других языков. В случае с англоязычным медиадискурсом мы встретились с заимствованиями из французского языка, применение которых в рамках медиатекстов достаточно частотно. Данную особенность можно охарактеризовать как вполне закономерную, ведь процесс заимствования слов из французского языка английским уходит глубоко в историю и продолжается уже не первое столетие. Русский медиадискурс, как правило, отличается распространенными заимствованиями из английского языка, что также является логичным, ведь английский – язык международного общения. Также нам удалось обнаружить примеры заимствований из других языков (например, немецкого).

Можно утверждать, что обе разновидности медиадискурса отличаются широким применением единиц окказиональной лексики и неологизмов. Данный факт можно объяснить как спецификой сферы, к которой принадлежат рассмотренные нами медиатексты (культура и искусство – одни из самых быстро развивающихся областей с точки зрения возникновения новых явлений и понятий), так и особыми стилистическими возможностями авторов статей, которые довольно часто стремятся добиться образности в высказываниях посредством создания выразительных слов и словосоче-

таний. В современном медиадискурсе авторы статей имеют привычку придерживаться наметившейся тенденции и пытаются добиться как можно более высокого уровня доступности излагаемой информации. Как следствие, имитация синтаксических структур, свойственных для разговорного стиля, а также применение единиц, принадлежащих к разговорному, сленговому, порой сниженному пластам лексики можно обнаружить как в англоязычных, так и русскоязычных медиатекстах.

Атрибутивные конструкции с латентной предикацией долгое время оставались особым типом лексико-грамматических образований, присущих английскому языку. Как бы то ни было в современных русскоязычных медиатекстах мы сталкиваемся с конструкциями, которые по своей структуре имитируют данное языковое явление. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что процесс заимствования единиц английского языка русским включает в себя не только лексику, но и разнообразные синтаксические конструкции. Сферу современного медиадискурса и активного интернет-общения можно назвать самой благоприятной средой для его осуществления.

Как в англоязычных, так и в русскоязычных медиатекстах мы сталкиваемся со стилистическими приемами, обеспечивающими художественную выразительность текстов за счет лексических средств. Проведенный анализ позволяет нам утверждать, что авторы русскоязычных статей прибегают к подобного рода средствам на порядок чаще, чем авторы англоязычных медиатекстов. Также следует отметить тот факт, что грамматические средства достижения стилистической экспрессивности применяются гораздо активнее в американском и британском медиадискурсе, чем в русском. Одни и те же лингвистические грамматические средства воздействия на читателя могут быть применены с разной целью (например, в англоязычном медиадискурсе вставные конструкции гораздо чаще применяются с целью моментальной передачи отношения автора к проблеме, в то время как в русскоязычных медиатекстах их использование, как правило, связано со стремлением пояснить информацию для читателя). Такой стилистический прием как игра слов чрезвычайно широко распространен в русскоязычных медиатекстах и находит частое применение в заголовках статей.

Библиографический список

1. Кожемякин, Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2010. – №2 (73). – С. 13–21.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта, 2008. – 202 с.
3. Teun, V.D. Ideology: A Multidisciplinary Approach / V.D. Teun. – London: Sage, 1998. – 365 с.

[К содержанию](#)

УДК 81-144 + 81-11

**«ПРОШЛОЕ СТРАСТНО ГЛЯДИТСЯ В ГРЯДУЩЕЕ»:
ТВОРЦЫ БУДУЩЕГО РОССИИ В ТЕКСТАХ XIX ВЕКА**

О.А. Солопова

В статье рассматривается один из фреймов метафорического сценария «Будущее России» – «Участники». Материалом для анализа послужили тексты XIX века. Выявлены наиболее частотные метафорические модели, использующиеся в российском политическом дискурсе заявленного исторического периода для концептуализации агентов и клиентов политики Российской Империи.

Ключевые слова: метафора, политический дискурс, фрейм, слот, будущее.

Будущее никогда не воспринимается нейтрально. Человек ждет его, надеется, его пугает и манит неизвестность. Далекое будущее, страшное и пленительное, описывается в основных мифологиях и религиозных учениях – это рай и ад, последняя битва и грядущее возрождение мира.

Создание образа будущего напрямую зависит от метафор, используемых для описания «светлого» и «мрачного» будущего, от их способности пробуждать эмоциональные ассоциации, связанные с его ожиданием. Народная мечта создает сказочные образы краев, где текут кисельные реки в молочных берегах, где добро всегда побеждает зло, предсказывая «долгую и счастливую жизнь». Оптимисты рисуют образ «прекрасного будущего». Создатели политических утопий разных стран и эпох конструируют образ идеального общества, где все люди живут в радости и достатке [1].

Мир политики также обращен в грядущее, в день завтрашний. Современным СМИ, как правило, свойственен апокалипсический взгляд на вероятное развитие дел в России настоящего и тоска по прошлому. Каким же виделось будущее страны в XIX веке? Кто строил его? А кто тормозил развитие общества? Взглянем сквозь текст на контуры будущего, очерченные печатными изданиями XIX века.

В политике будущее часто ассоциируется с именем одного человека, поэтому компонентом образа будущего, несомненно, является образ политического лидера. С середины XIX века до начала XX века основы политической власти в России сохраняются незыблемыми – она по-прежнему остается неограниченной монархией: на престоле Российской Империи царствуют Александр II, Александр III и Николай II.

Образы монархии и Российской Империи отождествляются с ее верховным правителем: *Верховная власть в России вручена не парламенту, не иному коллективному учреждению, не бездушному механизму, а живому лицу, – человеку. И чем неограниченнее эта власть, тем менее может она мыслиться иначе как наделенною человеческою душою и сердцем.*

В этомъ все наши такъ-называемыя въ другихъ странахъ гарантіи (Русь, № 10, май 1884). Власть олицетворяется, моделирование в рамках физиологической метафоры, наделяет ее сердцем и душой, способностью любить, сопереживать, заботиться: Въ любви истиной, святой къ Россіи русскаго Государя можетъ сомневаться только тотъ, кто судитъ о немъ по себе, кто неспособенъ предположить въ другомъ ни искренности убеждений, ни безкорыстія действий, ни благородства стремлений (Вестникъ Юго-Западной и Западной Россіи, январь–декабрь 1863). Россия строится вокруг жесткой исполнительной вертикали: ее земли собираются веками, и по-другому ими управлять невозможно, отсюда стремление народа сложить всю власть в руки одного человека.

В текстах рассматриваемой исторической эпохи царь, монархия, Россия в целом с одной стороны, и правительство – с другой, воспринимаются дискретно. Во-первых, для текстов XIX века характерно воспевание и возвеличивание своей страны, противопоставление государственности и отчизны: Русь даже не государство, а міръ, понятіе о которомъ не исчерпывается политическимъ определениемъ (Русь, № 15, август 1884).

Во-вторых, государю, персонифицирующему монархическую власть и Российскую Империю, противопоставляется правительство: живому организму – бездушный мертвый официальный мир: Изъ кого же состоитъ этотъ оффиціальныи міръ? Въ Перербурге изъ несколькихъ стариковъ, выжившихъ или недожившихъ до ума; изъ несколькихъ крупныхъ грабителей, которые отстаиваютъ свою безнаказанность; изъ несколькихъ честолюбцевъ, централизаторовъ изъ подлости; изъ несколькихъ централизаторовъ по пристрастію къ канцелярскому благодетельствованію народа, этихъ не Петровъ великихъ, а Петровъ маленькихъ (Колоколь, № 4, 1961).

При репрезентации правительства также активны метафоры организма. Однако, если моделируя монархическую власть и образ государя, ее представляющего, метафоры несут позитивный заряд, то в прорисовке образа правительства, его настоящего и будущего оказываются востребованными метафоры «старость» и «смерть», пронизанные негативными смыслами: Смотрите у правительства размягчение мозга, оно чуть дышитъ, оно умираетъ, оно умерло... Мертвые скачутъ проворно, скорость паденія растетъ въ десять тысячъ разъ на сто (Русь, № 5, 1981).

Помимо физиологических образов, при моделировании правительства, являющегося основным «тормозом» развития великой державы, частотны криминальные метафоры с яркими отрицательными векторами, нацеленные на дискредитацию существующей системы: *Чем же наконецъ окончится это преступное, это безобразное правительство, окруженное ворами, слепое и тупое?* (Колоколь, № 4, 1961).

Сценарий политического будущего подразумевает участие не только активных созидателей будущего, но и клиентов политических институтов.

В этой роли выступает население России. В текстах XIX века уделяется внимание следующим характерным чертам русского национального характера, которые, безусловно, окажут влияние на будущее развитие страны:

- Уникальность. Русский народ, по мнению авторов аналитических статей, нельзя судить и мерить стандартами других наций: *Въ той неспособности Славянь, въ которой Немцы видятъ низшую, неразвившуюся до нихъ натуру, мы видимъ залогъ нашего будущаго развитія! Ни Славяне, ни Мадьяры не составляютъ ни сателитовъ, ни даже попутчиковъ германскому міру. Славяне, это грядущая часть человечества, вступающая в исторію* (Колоколь, июнь 1859). Русские – эта нация будущего, народ, который сыграет ведущую роль в мировом развитии.

- Вера в государственность. Идея избранности народа в России соединяется с верой в государство, чьи принципы универсальны и применимы к любому обществу, немало внимания уделяется идеям славянской взаимности, пониманию славянства как единого целого: *Славяне должны желать Россіи счастья какъ верные братья и сердечно радоваться каждому ея успеху. Въ счастье Россіи славяне должны видеть персть Провиденія, которое не даромъ такъ возвысило одинъ изъ славянскихъ народовъ надъ всеми остальными, что между ними не можетъ быть спора о томъ, кому быть главой славянской семьи, кому иметь первенство и руководство* (Славянское обозрѣніе, Т. 2, май–август 1892). Громадное значение для распространения идеи славянской взаимности имело начавшееся со времен Петра I возвышение России, рост ее мощи, усиление политического и культурного влияния в Европе.

- Покорность, патернализм. По мнению печатных изданий XIX века, воспитанные веками покорность, привычка к покровительству оставили глубокий след в истории русского народа, и, безусловно, окажут влияние на его дальнейшую судьбу: *Русскій народъ любитъ чувствовать надъ собой деятельность власти – непременно бодрой, а не вялой, непременно сильной, а не слабой, непременно грозной на злодеевъ, неусыпно пекущейся надъ нимъ отечески-властно и любовно* (Русь, № 21, ноябрь 1884).

- Стоицизм, терпение, пассивность. Исследователи отмечают, что русский характер сформировался в условиях геополитической уязвимости и суровости природных условий. Среди черт русского характера главенствует стоицизм, безусловная готовность все претерпеть: *Русскій народъ издавна отличался долготерпениемъ, били насъ татары – мы молчали просто, били цари – молчали и кланялись, теперъ бьютъ немцы – мы молчимъ и уважаемъ ихъ!... Прогрессъ!...* (Колоколь, декабрь 1961).

- Максимализм. Русский – человек крайностей, в нем нет меры, середины: *Русскій по природе простъ и правдивъ, не умеетъ лгать себе самому, неспособенъ, какъ французъ, раззолачивать и украшать порокъ и ставить въ эффектную позу добродетель; порокъ является въ русскомъ во всей своей омерзительной наготѣ, а добродетель во всей своей наивной безхитростной простоте* (Беседа, № 1, 1971).

Метафоры рисуют образ народа – творца собственного будущего. Причем, все метафорические словоупотребления без исключения, относящиеся к различным сферам-источникам метафорической экспансии, нагружены позитивно.

Наиболее частотны метафоры родства, представляющие русский народ во-первых, членом семьи славянских народностей, моделирующие славянство как единое целое – «славянскую нацию», у которой одно будущее: *Исторія, будущность и нравственная личность русскаго народа неразрывно связаны съ исторіей, будущностью и нравственною личностію семьи славянскихъ народовъ* (Беседа, № 1, 1971).

Сам народ русский также является семьей, любящей и заботливой, связанной кровными узами: *Народъ – та же семья, только в большемъ размере и во второй формациі. Люди между собою въ народе – это братья по крови и по духу. Эти узы любви – узы реальныя* (Русь, № 6, март 1884).

Как и должно быть в патриархальной семье, во главе ее отец-государь, который заботится и опекает своих любящих детей: *Происходя изъ патриархальнаго быта, и доселе в большинстве сохраняемаго русскими, безпредельная любовь къ Государю своему, необъяснимая въ нихъ какъ необъяснимо естественное влеченіе детей къ родителямъ, всегда была отличительною чертою русскаго, готоваго скорее лишиться жизни, нежели разстаться съ этимъ заветнымъ чувствомъ* (Вестникъ Юго-Западной и Западной Россіи, апрель 1863).

Народ – это цельный живой организм, тело которого скрепляется во-едино народным духом, мощью, внутренними силами: *Народъ же есть живое органическое целое, созданное самою природой человека и не расторгимое, пока есть въ немъ жизнь. Все члены народа сращены во-едино неразделимою, организующею его жизнь, силою народнаго духа. И народъ, и его государство созданы и живы только ею и сильны только ея мощью. Чемъ же образуется народное целое? Какія внутреннія силы, присущія природе человека, соединяють людей между собою и сращиваютъ ихъ въ одно народное тело? Где то начало, изъ котораго возникаетъ духъ этого тела?* (Беседа, № 1, 1971). Народу, представляющему единое целое, легче справиться с трудностями, возникающими на пути в будущее.

Метафоры пути указывают на постоянное движение вперед – в будущее, невозможность повернуть вспять: *Народъ, будучи нравственной личностію съ определеннымъ содержаніемъ, не всегда постоянно идетъ впередъ: онъ или останавливается въ своемъ развитіи, или слабеетъ духомъ; но никогда нейдетъ назадъ* (Беседа, № 3, 1971).

В текстах XIX века даже образы болезни, обычно отрицательно нагруженные, в представлении народа, как творца собственного будущего, несут положительный заряд: *Русскій народъ не растленъ и не боленъ; на немъ есть царапины, в прошедшемъ сделанныя людьми со взглядами подобными вашимъ взглядамъ, царапины вашими же лекарствами леченныя и не залеченныя – позвольте теперь полечить намъ* (Колоколь, январь 1859). Ме-

тафора болезни указывает на возможность исцеления, вероятность лучшего будущего для русского народа: *Везде на Руси закипает жизнь, везде обнаруживается деятельность, иногда нескладная, но здоровая, молодая и самобытная* (Колоколь, № 4, 1961).

Еще одной чертой характерной для представления будущего Российской Империи, в частности для описания его участников, является обращение к паремииологическому фонду русского языка: *Кроме всех своих похвальныхъ качествъ, Славянинъ веселъ, общителенъ, гостеприименъ, щедръ, беззаботенъ и непредусмотрителенъ. «Последняя копейка ребромъ»; «что въ печи, все на столъ мечи»; «не красна изба углами, красна пирогами», и т.п. народныя Русскія пословицы, древнія, какъ народъ, ясно изображаютъ Славянскій народный характеръ* (Северная пчела, № 176, 05.08.1855). Пословицы не только выявляют типичные черты русского народа, но и выражают мнение народа о самом себе.

Помимо паремий в текстах рассматриваемого периода при моделировании образов участников политического будущего Российской Империи продуктивным оказалось метафорическое русло фольклорных сказочных персонажей: *Въ исторіи бывають чудеса, мудренее всехъ сказочныхъ чудесъ, въ ней иногда спятъ крепче двенадцати спящихъ дев, въ ней точно такъ-же есть живая и мертвая вода, вода чрезвычайной памяти и удивительнаго забвенія. Не чудо-ли въ самом деле, что в продолженіи полутора вековъ мы не имели никакого понятія о русскомъ народе; были люди знавшіе русскую исторію, но современнаго народа не зналъ ни одинъ человекъ. Употребляя его въ снѣдь, тучнея от него, мы также мало думали о немъ, какъ о грешивой каше или буженине – питательно и хорошо. Народъ съ своей стороны не напоминал о себе, а только кланялся въ поясъ при всякомъ заеденномъ поколеніи. Ну въ какой же сказке, въ какомъ Бове королевиче, в какомъ Іеруслане Лазаревиче, вы найдете что нибудь удивительнее?* (Колоколь, декабрь 1859).

Характерные черты русского народа даются через обращение к положительному образу сказочного героя: *Сидитъ себе Иванъ-богатырь на своемъ родимомъ просторномъ поле. Всего у него избытокъ, силен онъ какъ никто, – и какъ никто же – простодушенъ и смиренъ, и ни на чье чужое добро, увалень, не зарится* (Русь, № 18, сентябрь 1884). Народ-богатырь, удивительнее всех сказочных персонажей, владеет огромными территориями, живет в богатом и сильном государстве, своего не отдаст, да и чужого не надо. Будущее у такого народа должно быть не менее сказочное, чем у его прототипа.

Тексты, в которых моделируется будущее Российской Империи, изобилуют контекстами, представляющими главных участников будущих событий – главу государства и его народ – как активных творцов будущего. Метафорические единицы нагружены позитивно. Метафоры пути зовут в будущее, обещают достижение некоего рубежа. Метафоры родства эксплицируют элемент взаимопонимания, терпимости, взаимной любви и заботы,

лежащих в основе взаимоотношений между главой государства и ее народом. Метафоры организма говорят о духовной близости славянских народов, сплоченности русского народа, его привязанности к Родине-матери. Светлое будущее оказывается связанным с оптимистическим восприятием политической ситуации даже в рамках концептуальной метафоры болезни.

Очевидно, что метафоры, сквозь призму которых мы видим будущее – ключ к новому отношению и восприятию самого будущего. Они создают образ будущего и творят само будущее. Видимо поэтому XIX век позволял говорить о том, что «прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего – оно выше всего, что только может представить себе самое пылкое воображение» (А. Бенкендорф). Нам есть к чему стремиться.

Библиографический список

1. Солопова О.А. Темпоральная ось метафорического сценария «Будущее России» (на материале политических текстов XX–XIX вв.) / О.А. Солопова // Вестник Южно-Уральского государственного ун-та. Серия «Лингвистика». – 2013. – Т. 10. – № 2. – С. 32–37.

[К содержанию](#)

УДК 378.013.2

ББК Ч421.2 + Ч481.2

ПРИНЦИП УПРАВЛЯЕМОЙ МНОГОЗАДАЧНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ СТУДЕНТОВ

И.В. Ставцева

В статье рассматривается управляемая многозадачность как один из путей разрешения обостренного противоречия между необходимостью качественно и быстро работать с информацией в современном информационном обществе и несоизмеримостью потоков данных. Автор даёт трактовку управляемой многозадачности, описывает приёмы и возможности её обеспечения при обучении чтению студентов вуза.

Ключевые слова: обучение чтению в вузе, информационное общество, управляемая многозадачность, переключение внимания.

Чтение как сложная речевая деятельность тесно связана с характеристиками общества и тем более не может не трансформироваться под влиянием изменений, затрагивающих информационную сферу жизнедеятельности человека. В связи с такими характеристиками информационного общества, как высокий уровень развития техники и особый статус информации и зна-

ния, с педагогической точки зрения важно отметить появление следующих его особенностей, непосредственно влияющих на протекание чтения:

1) несоизмеримость количества поступающей информации и скорости ее восприятия;

2) прямая зависимость успешности функционирования в новом обществе знания от умения извлекать, обрабатывать и анализировать информацию [2].

Следовательно, обостряется противоречие между требованиями качества и скорости работы с данными и лавинообразными информационными потоками, несоизмеримыми человеческим интеллектуальным возможностям, что непосредственно отражается в деятельности чтения, обучение которой требует повышенного внимания со стороны педагогов всех ступеней образования.

Один из путей разрешения данного противоречия мы находим в обеспечении управляемой многозадачности, под которой понимаем осознанное ранжирование постоянно обновляемого множества читательских задач по приоритетности с соответствующим контролем оптимальной последовательности их выполнения.

Термин «многозадачность» (multitasking), возникший в информатике и описывающий способность операционной системы компьютера обеспечивать параллельную обработку нескольких процессов, занял прочные позиции описания подобного феномена в деятельности человека, который неминуемо возникает в силу ускорения темпа жизни и появления несоизмерно больших потоков информации.

Сущность информационного общества и личностное устройство цифровых пользователей свидетельствуют о неизбежности многозадачности, которая способствует интеграции параллельно получаемых знаний. Однако в разных науках эффект многозадачности трактуется неодинаково. С одной стороны, антрополог М.Л. Смит [9], подчеркивает ключевую роль многозадачности на протяжении всего процесса эволюции человечества и называет её основой цивилизации. Исследования автора свидетельствуют о появлении многозадачности вместе с первыми орудиями труда и о последующем развитии данной способности, что наталкивает на предположение об адаптации человеческого мозга к современным условиям информатизации.

Несмотря на это, с другой стороны, экспериментальные когнитивные исследования [5, 8] демонстрируют резкое снижение продуктивности и качества в случае одновременного выполнения дел, требующих концентрации внимания, что объясняется ограничениями человеческого мозга. В ситуации многозадачности мозг человека затрачивает время на постоянные переключения с одной задачи на другую и тормозит смену концентрации внимания. Дэйв Креншоу, американский эксперт по технологиям организации времени и повышения эффективности его использования в бизнесе [3], пишет о больших денежных потерях для компаний, условия работы

в которых поощряют многозадачность, что происходит по причине больших временных затрат на отвлечение внимания сотрудников.

Многозадачность, связанная с одновременным слуховым и визуальным восприятием, и перенасыщение информацией в условиях мультимедийного обучения были исследованы Р. Майер и Р. Морено [6]. Авторы пришли к выводу о том, что очень сложно усвоить новое в многозадачном режиме мультимедиа, и предложили способы уменьшения когнитивной перегрузки при различных проблемах обучения с помощью современных компьютерных обучающих материалов.

Результаты работы по оценке использования информационных технологий (ноутбуков, телефонов, планшетов) студентами на лекциях [10] в собственных целях, не относящихся к учебному процессу, также продемонстрировали негативное влияние многозадачности на обучение, подтвердив гипотезу о вреде постоянного переключения внимания. Тем не менее, исследования [4] академической успеваемости студентов показали противоречивые результаты: постоянное использование социальных сетей и сервиса смс сообщений влияют на успеваемость негативно, в то время как использование электронной почты, Интернет мессенджеров, разговоры по телефону, поиск информации в Интернете никакого вреда не приносят.

Феномен многозадачности вызывает множество вопросов, на которые исследователи стараются найти научно обоснованные ответы. Так, ответ на главный вопрос, почему человек может, например, переходить дорогу, одновременно обсуждая важные вопросы, но при этом не может параллельно обрабатывать несколько потоков информации, по мнению Х. Пэшлера [8], заключается в автоматизме одного из параллельных действий, каковым является ходьба. Тем не менее, по заявлению профессора, такие действия, как обдумывание или планирование, на самом деле мозг выполняет одно за другим, хотя человеку может казаться, что он одновременно решает несколько задач.

В случае, когда современный студент имеет дело с чтением, информационное пространство навязывает постоянное переключение внимания, которое, в свою очередь, ведет к потере концентрации и невозможности извлечь необходимую информацию из текста. Более того, исследование Стэнфордского университета [7], показало, что студенты колледжа, цифровые пользователи, постоянно вовлеченные в медийную многозадачность («chronically heavy media multitaskers»), хуже справляются с задачами на обработку информации с переключением внимания, нежели те, кто нечасто выполняет несколько дел одновременно («light media multitaskers»). Авторы делают вывод о неприспособленности человеческого мозга к многозадачности и необходимости прибегать к многозадачности реже, стараясь всецело фокусировать внимание на одном деле.

Неясным остается вопрос о том, какая частота и степень многозадачности вредит системе восприятия человека и каким образом сохранить аналитические способности, память и умения концентрации в современном мире.

Выход из сложившейся ситуации противоречивости феномена многозадачности в совокупности с его неотвратимостью нам видится в обеспечении управляемой многозадачности в процессе формирования читательской компетентности цифрового пользователя, которое реализуется с помощью:

- последовательного освоения стратегий эффективного чтения;
- сегментации учебного материала и тренировки новых умений на текстах небольшого объема;
- работы по алгоритмам;
- индивидуализации чтения, стимулирующей внимание;
- приоритета коллективной формы читательской деятельности с целью обеспечения возможности разделения задач.

Данные приёмы способствуют организации выбора студентами заданий таким образом, чтобы внимание каждого в единицу времени было сфокусировано на выполнении минимального количества читательских задач, с последующим переходом к их самостоятельности в классификации задач по степени важности для конкретного этапа деятельности. Так осуществляется технологический аспект управляемой многозадачности, необходимой современным цифровым пользователям.

В управляемой многозадачности формируется привычка планирования деятельности чтения, помогающая быстрее и качественнее анализировать поступающие данные, самостоятельно выделяя в них потоки потенциальных знаний, необходимых для определенной цели, что способствует достижению максимальной эффективности чтения.

Эффективность чтения определяется как знанием рациональных методов непосредственной работы с текстом, так и выполнением их в определенной последовательности: перед чтением, во время и после него [1]. Первая группа методов ориентирована на отбор читателем наиболее важных источников из списка данных, а также просмотр остальных. Вторая группа связана с развитием приемов мысленного структурирования, сворачивания информации, воссоздания концепта текста, а также применение его специальной маркировки. Третья направлена на интерпретацию и осмысление в процессе повторного просмотра прочитанного и использования созданных вторичных текстов на основе данного.

Таким образом, способствуя повышению эффективности чтения и разрешая противоречие между необходимостью качественно и быстро работать с информацией в современном мире приоритетности знания и несоизмеримостью поступающих потоков данных, управляемая многозадачность становится ключевым аспектом педагогического обеспечения обучения чтению в информационном обществе.

Библиографический список

1. Гейхман, Л.К. Развитие читательской компетентности цифрового пользователя посредством составления учебного пользовательского словаря / Л.К. Гейхман, И.В. Ставцева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2013. – Том 10. – № 2. – С. 65–70.
2. Ставцева, И.В. Мультимедийный текст и формирование читательской компетентности цифрового пользователя в информационном обществе / И.В.Ставцева // Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации. Вып. 5: сб. ст. – М.: Центр дистанц. образования: фак. иностр. яз. и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – С. 293–303.
3. Crenshaw, D. The Myth of Multitasking (How “Doing it All” Gets Nothing Done) / D. Crenshaw. – John Wiley & Sons, 2008. – 138 p.
4. Junco, R. The Relationship between Multitasking and Academic Performance / R. Junco, S.R. Cotton // International Journal “Computers & Education”. № 59. – Philadelphia PA: Elsevier, 2012. – P. 505–514.
5. Marois, R. Capacity Limits of Information Processing in the Brain / R. Marois, J. Ivanoff // Trends in Cognitive Sciences. Vol. 9. № 6. – Philadelphia PA: Elsevier, 2005. – P. 296–305.
6. Mayer, R.E. Nine Ways to Reduce Cognitive Load in Multimedia Learning / R.E. Mayer, R. Moreno // Educational Psychologist. – 38(1). – Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – P. 43–52.
7. Ophir, E. Cognitive Control in Media Multitaskers / E. Ophir, C. Nass, A.D. Wagner // PNAS: Proceedings of the National Academy of Sciences. 106(37). – Washington: National Academy of Sciences, 2009. – P. 15583–15587.
8. Pashler, H. Task Switching and Multitask Performance / H. Pashler // Control of Cognitive Processes: Attention and Performance XVIII. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000. – P. 277–307.
9. Smith, M.L. Prehistory of Ordinary People / M.L. Smith. – Tucson, AZ: University of Arizona Press, 2010. – 240 p.
10. Wood, E. Examining the Impact of Off-task Multi-tasking with Technology on Real-time Classroom Learning / E. Wood, L. Zivcakova, P. Gentile, K. Archer, D. de Pasquale, A. Nosko // Computers & Education. 58 (2011). – Philadelphia PA: Elsevier, 2011. – P. 365–374.

[К содержанию](#)

УДК 378.04 + 378.064.2

ББК Ч448.04

УСЛОВИЯ УСПЕШНОГО УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Е.А. Телешова

Статья посвящена организации учебно-педагогического взаимодействия в рамках высшего профессионального образования. Целью изыскания является систематизация существующего теоретического и практического опыта осуществления учебно-педагогического взаимодействия и выделение условий его успешного осуществления.

Ключевые слова: учебно-педагогическое взаимодействие, педагогическое общение, компетенции участников учебно-педагогического взаимодействия, высшее профессиональное образование.

Сегодня общегосударственная политика состоит в усилении внимания на личность каждого человека, и идея равноправия является отличительной чертой взаимодействия. В образовании равноправное взаимодействие соответствует принципам гуманизации, провозглашенным в новой парадигме образования. Поэтому в образовании на первое место выдвигаются методологические подходы, имеющие личностную и индивидуальную направленность: индивидуальный подход, дифференцированный подход, личностно-ориентированный подход, личностно-деятельностный подход, гуманно-ориентированный подход.

Указанные педагогические теории изменяют основную схему взаимодействия преподавателя и студентов, т.е. субъект-объектные отношения. Вместо широко распространенной схемы взаимодействия: преподаватель – субъект педагогического воздействия и управления, студент – объект этого воздействия, мы имеем схему субъект-субъектного, равнопартнерского учебного сотрудничества преподавателя и студентов в совместно организованном преподавателем решении учебных, познавательных и коммуникативных задач. Таким образом, основой осуществления образовательного процесса и реализуемых задач является учебно-педагогическое взаимодействие.

Под взаимодействием понимают взаимную связь, либо взаимную поддержку. Взаимодействие представляет собой систематически устойчивое выполнение действий, которые направлены на то, чтобы вызвать ответную реакцию партнера, причем вызванная реакция в свою очередь, порождает реакцию воздействующего [4].

В педагогической науке в этой связи часто оперируют понятиями «педагогическое общение», «профессионально-педагогическое общение», «педагогическое взаимодействие» и некоторые другие.

А.А. Леонтьев рассматривает педагогическое общение с позиции психологии. Психологический аспект явно прослеживается в представленном им определении. Под педагогическим общением им понимается «профессиональное общение преподавателя с учащимися в процессе обучения и воспитания, направленное на создание благоприятного психологического климата, а также на психологическую оптимизацию учебной деятельности и взаимоотношений между педагогом и учащимся» [3]. Педагогическое общение основано на взаимодействии субъектов.

По мнению В.А. Сластенина, И.Ф. Исаева педагогическое общение – это многоплановый процесс, порождаемый целями и содержанием совместной деятельности, который состоит в:

- организации, установлении и развития коммуникации;
- взаимопонимании и взаимодействии между педагогом и учащимися в условиях образовательного процесса [1].

Педагогическое общение рассматривается некоторыми исследователями системно. Например, А.В. Петровский под педагогическим общением понимает «систему, приемов и навыков взаимодействия педагога и учебного коллектива, содержанием которого является обмен информацией, оказание учебно-воспитательного воздействия и организации взаимопонимания» [5]. Педагог выступает как инициатор процесса, организует его и управляет им. Он отмечает, что общение в деятельности педагога выступает:

- во-первых, как средство решения собственных учебных задач;
- во-вторых, как система социально-психологического обеспечения воспитательного процесса;
- в-третьих, как способ организации определенной системы взаимоотношений преподавателей и учащихся, обуславливающих успешность воспитания;
- в-четвертых, как процесс, вне которого невозможно воспитание личности [5].

Сходное определение находим у В.А. Кан-Калика. С его точки зрения, профессионально-педагогическое общение рассматривается как система (приемы и навыки) органичного социально-психологического взаимодействия педагога и воспитуемых, содержанием которого является обмен информацией, оказание воспитательного воздействия, организации отношений с помощью коммуникативных средств. Причем педагог выступает как активатор этого процесса, организуя его и управляя им [2, с. 14].

Как отмечают многие авторы, специфика педагогического общения, прежде всего, проявляется в его направленности. Оно направлено на обучающихся в целях их личностного развития. Развитие личности предполагает максимальную реализацию его активности, самостоятельности, инициативности, ответственности в учебно-воспитательном процессе. Активность человека есть всеобщая форма его существования как индивида, условие реализации себя как личности, источник непрерывного развития на всех этапах онтогенеза.

Однако, специфика образовательного процесса высших учебных заведений в силу определенных факторов обуславливает использование термина «педагогическое взаимодействие». Педагогическое осмысление данное понятие получило в работах В.И. Загвязинского, Л.А. Левшица, Х.Й. Лейметса и других. Под педагогическим взаимодействием, понимается сложнейший процесс, состоящий из множества компонентов – дидактических, воспитательных и социально-педагогических взаимодействий. Педагогическое взаимодействие обусловлено и опосредовано учебно-воспитательной деятельностью, целями обучения и воспитания. Оно присутствует во всех видах деятельности – познавательной, трудовой, творческой [4]. Как отмечают исследователи, педагогическое взаимодействие по мере усложнения духовных и интеллектуальных потребностей его участников, способствует не только становлению личности обучающегося, но и творческому росту педагога.

В указанных работах, педагогическое взаимодействие рассматривается как процесс:

- индивидуальный (между воспитателем и воспитанником);
- социально-психологический (взаимодействие в коллективе);
- интегральный (объединяющий различные воспитательные воздействия в конкретном обществе).

Выделены и охарактеризованы виды взаимодействия: распорядительно-организующее, взаимно-согласовывающее и исполнительно-регулирующее [6].

Распорядительно-организующий вид означает командно-подчинительные аспекты во взаимодействии, доминирование воли субъекта в его контактах со средствами.

Исполнительно-регулирующий вид отражает сбалансированное единство принятых обязанностей и свободу выражения своей позиции в осуществлении совместных действий.

Взаимно-согласовывающий вид предполагает равноправие партнеров, которое, тем не менее, не означает тождества их функций.

При этом при соблюдении равноправия устанавливаются не межролевой контакт «преподаватель – студент», а межличностный контакт, в результате которого возникает диалог, а значит, и наибольшая восприимчивость и открытость к воздействиям одного участника взаимодействия на другого.

Как отмечает И.А. Цатурова, при таком обучении меняется содержание понятий субъектов учебного сотрудничества и взаимодействия [8].

Преподаватель в условиях личностно-ориентированного образования – это личность, которая совместно со студентами определяет цели и содержание обучения, выбирает наиболее эффективные и пригодные для данных целей и содержания методы, приемы и средства обучения, тем самым с самого начала обучения вызывает интерес к предмету, к себе как партне-

ру. Он – информативная для студента содержательная личность, интересный собеседник и квалифицированный, знающий профессионал.

Студент в личностно-ориентированном образовании – это личность, общение с которой рассматривается преподавателем как сотрудничество в решении учебных познавательных и коммуникативных задач. При этом должно быть организовано учебное сотрудничество и самих студентов в решении учебных задач.

Таким образом, при личностно ориентированной системе процесс обучения организуется как равнопартнерское сотрудничество преподавателя и студента, требующее от преподавателя создания комфортной учебной среды, психологической атмосферы, в которой получают возможности для удовлетворения важные социально-психологические потребности студента: потребность в признании, уважении, внимании со стороны преподавателя и других студентов группы. В процессе обучения складываются особые взаимоотношения между участниками образовательного процесса – утверждается стиль доверия, сотрудничества и творчества, происходит сближение их позиций, усиливается роль эмоций, эмпатии, что избавляет студента от психологического дискомфорта, от состояния тревоги и беспокойства. Личностные потребности студента в сфере образования удовлетворяются в атмосфере уважения, что в значительной мере способствует развитию его познавательных потенциальных возможностей. Особая роль преподавателя, который должен обладать безусловным позитивным отношением к студенту, – принимать его таким, каков он есть, способствовать становлению в каждом студенте чувства собственного достоинства, эмпатии и самоуважения, стремиться обеспечить максимальный психологический комфорт для полноценного развития личности студента, облегчить учение. В заданных условиях особенно значима роль организующей деятельности преподавателя. Возрастает роль таких личностных факторов этой деятельности, как уровень педагогического мастерства, отношение к людям и собственной деятельности, стиль общения и т.д. Эти факторы способствуют принятию преподавателем позиции равного партнерства, сотрудничества в процессе взаимодействия [8].

Однако, взаимодействие участников не следует сводить только к формальному равенству их прав и взаимных обязательств. Важно не только продекларировать, но и создать действенные предпосылки обеспечения паритетности участников образования. Паритетность (равноправие) участников гуманно-ориентированного образования характеризуется равнодоступностью коммуникативно-информационных средств осуществления деятельности [6].

Практическое использование теории гуманно-ориентированного образования обуславливается следующими постулатами, сформулированными Г.Н. Сериковым [6].

1. Основой паритетности взаимоотношений является готовность каждого партнера к взаимопониманию, признание прав другого человека на самореализацию им его существенных свойств, уважению к партнеру как природоопределенной и социально сложившейся данности, взаимоприемлемость особенностей друг друга.

2. Сущность паритетности – равенство партнеров: правовое равенство, равнодоступность информационно-коммуникативных средств, равные права в выборе позиции.

3. Готовность к компромиссу является условием паритетности взаимоотношений.

4. Паритетность взаимоотношений выражается в сотрудничестве – совместной деятельности, осуществляемой без принуждения.

Мы рассматриваем взаимодействие в образовательном процессе, и тогда мы говорим о паритетности взаимоотношений участников образования. В нашем случае в условиях образовательного процесса находит отражение осуществление учебной и педагогической деятельности, поэтому обоснованным кажется использования понятия учебно-педагогическое взаимодействие.

Термин «учебно-педагогическое взаимодействие» введен в педагогическую науку Г.Н. Сериковым. Под ним понимается взаимодействие учащихся и педагогических работников, направленное на совместное выполнение каждым своих функций. Речь идет об объединении учебной деятельности с профессиональной педагогической деятельностью, а участники образования становятся партнерами. Учебно-педагогическое взаимодействие предстает как целостное новообразование, для которого характерны общность мотивов, сотрудничество и взаимные обязательства. «Главная особенность образовательного процесса как проявляемой целостности учебно-педагогического взаимодействия состоит в единой направленности учебной и профессиональной педагогической деятельности на достижение целевых приоритетов, на осуществление замыслов, заложенных в реализуемой совместно образовательной программе» [6].

Система вузовского учебно-педагогического взаимодействия в звене «преподаватель – студент» качественно отличается от школьного не только организационными формами и содержанием обучения и воспитания, но и самим фактом их приобщенности к общей профессии, а это в значительной мере способствует снятию возрастного барьера, мешающего плодотворной совместной деятельности, содействует осуществлению базовых компетенций участников учебно-педагогического взаимодействия.

К базовым компетенциям студентов относятся: информационная, познавательная, развивающая, коммуникативная, деятельностная компетенции. Среди компетенций, осуществляемых педагогическими работниками, можно выделить информационную, обучающую, организационную, коммуникативную, деятельностную, регулирующую, оценочную, воспитательную [7].

Безусловно, во многом преподаватель будет осуществлять такие же компетенции, что и студент, особенно, те, которые характеризуют собственно профессиональную деятельность. К ним можно отнести деятельностную и коммуникативную компетенцию, учитывая ее компоненты (лингвистический, дискурсивный, прагматический, стратегический, социокультурный) по осуществлению профессиональной деятельности специалиста. Иными словами данные компетенции преподавателя характеризуются более высоким уровнем сформированности в силу развитой образованности в области лингвистики, теории языка, переводоведения, методики преподавания и наличия профессиональной квалификации.

Большее число компетенций, осуществляемых педагогическими работниками, не означает ограничения свободы студентов, снижение демократичности и гуманности отношений между ними. Это лишь означает, что при организации, выборе методов, приемов и форм учебно-педагогического взаимодействия, ведущую роль выполняет преподаватель. Однако основанием при этом является не авторитарность одного субъекта по отношению к другому, а лишь большая его компетентность и присвоенная квалификация в условиях гуманно ориентированного образования [7].

Среди избираемых форм и методов работы, направленных на совершенствование учебно-педагогического взаимодействия, можно выделить:

- создание форм совместного общения для лучшей личностной социализации студентов, участие в заседаниях, конференциях, лекциях среди населения, выступления в печати и т.д.;
- совместная научно-исследовательская работа;
- опыт осуществления профессиональной деятельности в рамках учебной/ производственной практик;
- совместные нерегламентируемые, неофициальные контакты, беседы о науке, искусстве, профессии, книгах;
- участие профессорско-преподавательского состава в студенческом досуге (смотри, олимпиады, конкурсы, «круглые столы»).

При этом следует уделять внимание формированию духа корпоративности, коллегиальности, профессиональной общности с педагогом; ориентации системы педагогического общения на взрослого человека с развитым самосознанием; использование профессионального интереса студентов как основы педагогической и воспитательной работы.

Педагогическое воздействие должно быть систематическим и непрерывным, переходя от учебно-ориентированного к научно-поисковому, от официально-регламентированного к неофициально-доверительному общению.

Со временем взаимодействие между преподавателем и студентом претерпевает определенные изменения. Доля участия преподавателя в совместной деятельности со студентом уменьшается – от обучающей, организующей деятельности на начальном этапе, она преобразуется и скорее но-

сит рекомендательный, ориентирующий характер. При этом одни компетенции (информационная, обучающая, организационная, деятельностьная, воспитательная и др.), преобладающие на начальном этапе, уступают место организационной, коммуникативной, регулирующей компетенциям и другим на продвинутом этапе.

Деятельность студентов приобретает все большую активность – от воспринимающей роли (информационная компетенция) происходит переход к активной самостоятельной деятельности по организации, контролю, корректировке собственной деятельности (деятельностная, развивающая компетенции – на продвинутом этапе). Таким образом, все компетенции участников учебно-педагогического взаимодействия в конечном итоге оказываются сориентированными на формирование профессиональной компетенции, а учебно-педагогическое взаимодействие выступает в качестве основного фактора развития профессиональной квалификации.

Библиографический список

1. Исаев, И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя высшей школы: воспитательный аспект / И.Ф. Исаев. – М.: Белгород, 1992. – 100 с.
2. Кан-Калик, В.А. Учителю о педагогическом общении: кн. для учителя / В.А. Кан-Калик. – М.: Просвещение, 1997. – 190 с.
3. Леонтьев, А.А. Психология общения. / А.А. Леонтьев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 1997. – 304 с.
4. Педагогический энциклопедический словарь / под ред. Б.М. Бим-Бад. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 585 с.
5. Петровский, В.А. Личность. Деятельность. Коллектив. / В.А. Петровский. – М.: Политиздат, 1992. – 254 с.
6. Сериков, Г.Н. Образование и развитие человека / Г.Н. Сериков. – М.: «Мнемозина», 2002. – 146 с.
7. Телешова, Е.А. Модель становления готовности студентов к аналитической деятельности в учебно-педагогическом взаимодействии / Е.А. Телешова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование, здравоохранение, физическая культура». – 2005. – Спецвыпуск «Образование. Педагогические науки». – С. 223–228.
8. Цатурова, И.А. Многоуровневая система языкового образования в высшей технической школе: диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени д-ра пед. наук / И.А. Цатурова. – Таганрог, 1995. – 50 с.

[К содержанию](#)

УДК 811.11-4 + 81'37
ББК Ш143.21-7 + Ш103.2

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОСМОНИМАМИ

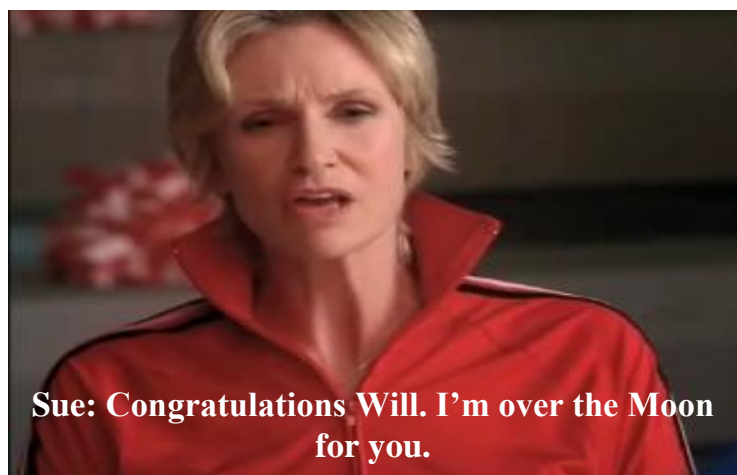
М.А. Трубникова

В статье рассматривается семантический анализ по результатам исследования 56 английских фразеологизмов, выбранных методом сплошной выборки из фразеологических словарей и интернет-источников, устанавливаются основные структурно-семантические классы фразеологических единиц с космонимами, выявляются виды ФЕ в зависимости от их эмоционально-экспрессивной окрашенности и сферы употребления.

Ключевые слова: фразеологическая единица, космоним, семантический анализ, коннотация, оценочность.

Фразеологические единицы – особый слой лексикона, основным назначением которого является не только именование предметов, явлений и ситуаций, но и их сравнение.

Хотя фразеологические единицы широко изучаются, но исследований на тему компонента-космонима не много; также, не существует отдельных словарей, посвященных исключительно ФЕ с космонимами. Несмотря на малоизученность, ФЕ с космонимами часто употребляются в речи.

Американский молодежный многосерийный фильм «Glee»
1 сезон, эпизод 19 «Dream On»

При анализе характеристики фразообразовательной активности космонимов наиболее активными оказались космонимы: Земля (Earth) – 20 единиц, луна (Moon), солнце (Sun), звезда (Star) – по 11 единиц. Например:

move heaven and Earth – сделать все возможное; believe that the Moon is made of green cheese – верить небылицам; let not the Sun go down upon one's wrath – не сердиться больше одного дня; thank\bless one's stars – благодарить судьбу.

Наименее активными является существительное планета (planet) – 1 единица: *to be on another planet – вести себя отлично от других людей.*

Согласно полученным данным, космоним Земля (Earth) является наиболее активным в плане фразообразования, так как Земля наиболее изученный космический объект, по сравнению с Луной, Солнцем и другими, так же Земля место обитания человечества. Все это подтверждает распространенность и активность употребления данного космонима в фразеологических единицах.

Английские фразеологизмы с космонимами, как и другие ФЕ могут быть соотнесены с частями речи. Номинативные ФЕ – фразеологизмы, обозначающие предметы, явления, действия, состояния, качества. Выделяют субстантивные, адъективные, адвербиальные и глагольные ФЕ.

Самым многочисленным разрядом являются глагольные фразеологизмы – 25 единиц:

to ask (cry) for the Moon – желать, требовать невозможного;
to believe that the Moon is made of green cheese – верить небылицам;
to move heaven and Earth – стараться изо всех сил.

На втором месте – субстантивные – 13 единиц:

harvest moon – полнолуние;
the land of the midnight sun – Норвегия (страна полярного солнца).

Число адвербиальных ФЕ с космонимами составляет 9 единиц:

like nothing on Earth – ужасно, отвратительно;
many moons ago – давным-давно.

Адъективные составляют 7 единиц:

in seventh heaven – очень счастливый.

Также в процессе анализа была выявлена коммуникативная единица, которая не может быть соотнесена с определенной частью речи, являющаяся пословицей. Коммуникативные фразеологические единицы – цельнопредикативные предложения, они выполняют коммуникативную функцию, то есть служат для передачи определенного логико-смыслового содержания. Выделяют 2 группы коммуникативных ФЕ: пословицы и поговорки. Пословицы понимаются как афористически старые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме [1]. Поговорки характеризуются как коммуникативные ФЕ непословичного характера [1] – *make hay while the sun shines.*

С помощью фразеологического анализа было установлено, что все фразеологические единицы данной выборки имеют живую внутреннюю форму. Все образы фразеологических единиц с космонимами близки, даже если они переосмыслены, то связь значения с образом на котором оно основано все равно ощущается.

Чтобы определить ФЕ с космонимами по типу значения, обратимся к классификации, разработанной А.В. Куниным. Предложенная классификация разделяет фразеологические единицы на: идиоматизмы – полное или частичное переосмысление значения; идиофразеоматизмы- буквальные, но осложненные значения или полное переосмысление, и фразеоматизмы – единицы с непереосмысленным, но осложненным значением. Например:

moon something away – идиоматизм. Самая многочисленная группа – 43 единицы;

many moons ago – фразеоматизм. На втором месте по популярности – 10 единиц;

see stars – идиофразеоматизм. Самая малочисленная группа – 3 единицы из выборки.

Одним из самых выжных компонентов фразеологических единиц, является оценочный компонент, то есть одобрительная или неодобрительная оценка, заключенная в значение ФЕ. Оценочный компонент может быть объяснен дифференцированной реакцией людей на положительные или отрицательные явления.

Выделяются положительный, отрицательный и нейтральный компоненты фразеологического значения, в основе которых лежат, одобрение, осуждение и отсутствие ярко выраженного одобрения или осуждения, как констатация социально устоявшейся оценки какого-либо явления. Оценка может быть заключена во внутренней форме самой фразеологической единицы или в дефиниции. Это определяется по наличию слов *good*, *bad* или их синонимов в словарных дефинициях. В этом случае речь идет об интеллектуальной оценочности.

Исследование интеллектуальной оценочности коннотации фразеологических единиц с космонимами дало следующие результаты: 5 единиц выборки содержат положительную оценку, и 2 единицы – отрицательную. Например: положительная оценка:

to be born under a lucky star – родиться под счастливой звездой;

to thank one's stars – благодарить судьбу;

отрицательная оценка

star-crossed lovers – несчастные влюбленные;

no use on Earth – решительно ни к чему.

У большинства фразеологических единиц рассматриваемой группы присутствуют элементы эмоциональной оценочности, то есть оценочность в дефиниции выражается имплицитно. Это исследование показало, что большинство фразеологизмов содержат отрицательную оценку в коннотации – 24 единицы из выборки, 16 единиц имеют положительную оценку и 6 нейтрально окрашены.

Например: отрицательная оценка

to bark at the Moon – трать время попусту;

moon something away – долго плакать, горевать;

promise the Earth – сулить золотые горы;

положительная оценка

the land of rising Sun – страна восходящего солнца;

think the Sun shines out somebody's backside – любить так сильно, что не замечать промахов;

нейтральная оценка

to go to bed with the Sun – ложиться спать рано;

to run somebody to Earth – разыскать.

Исследование, также, выявило следующую тенденцию: фразеологические единицы с космонимами Луна (Moon) и Земля (Earth), в большинстве имеют отрицательную оценку, а единицы с космонимом Солнце (Sun) имеют, по большей части, положительную оценку. Это может быть объяснено тем, что в учениях древних народов и языческих культах Луна (Moon) считалась символом темной стороны, ночи, тайных желаний и многих отрицательных качеств человеческой личности. Что же касается Земли (Earth), то согласно библейской притче о создании Человека, Земля была именно тем местом, куда Господь сослал Адама и Еву, обрекая на муки. Солнце, же, напротив, всегда являлось символом света, жизни, плодородия и добродетели.

Следующим важным компонентом является функционально-стилистический компонент коннотации – это стилистическая принадлежность фразеологизма. Английская фразеология представляет собой огромное количество сочетаний слов, стилистический диапазон которых варьируется от нейтральных до жаргонных вульгаризмов. Выделяют три основных класса фразеологических единиц в зависимости от их употребления: книжные, нейтральные и разговорные. Для понимания функционирования фразеологизмов в контексте, необходимо обратиться к коммуникативно-стилистическим пометам в словарях, которые помогают определить сферы функционирования единиц.

Наибольшую группу составляют фразеологические единицы, не имеющие помет – нейтральные, 28 единиц выборки:

to ask (cry) for the Moon – желать, требовать невозможного;

at the end of the Earth – на краю света.

Среди стилистически маркированных 23 единицы являются разговорными:

to be on another planet – вести себя отлично от других людей;

on Earth – просто, же, только, наконец.

Также было выявлено 5 книжных фразеологических единиц:

the salt of the Earth – соль Земли;

the land of the midnight Sun – страна полуночного солнца (о Норвегии).

Стоит отметить, что не всегда в разных словарях пометы совпадают, и не у всех фразеологических единиц стилистический статус определен четко.

Кроме принадлежности к определенному стилю речи, фразеологические единицы с космонимами характеризуются экспрессивной окраской.

Экспрессивность – это обусловленные образностью, интенсивностью или эмотивностью выразительно-изобразительные качества слова или фразеологизма [1]. Исходя из того, что образность и интенсивность порождают экспрессивность и тесно с ней взаимодействуют, экспрессивность может быть образная и интенсифицирующая.

Интенсивность – это свойство слова, которое усиливает признаки обозначаемого им объекта [1]. Экспрессивный компонент Фразеологизма определяется по наличию семы интенсивности в дефинициях, то есть лексических единиц, выражающих большую по сравнению с нормой степень признака. Такими словами-интенсификаторами являются *completely, extremely, very, quite*.

Семантический компонент интенсивности был обнаружен в дефиниции 4 фразеологических единиц выборки:

to aim\level at the Moon – иметь **слишком** большие претензии, метить высоко;

to pay the Earth for – заплатить **очень** большую сумму.

Данное исследование показало, что для фразеологических единиц с космонимами экспрессивность не характерна.

Таким образом, в результате исследования выяснилось, что большинство фразеологизмов с космонимами представляют собой идиоматизмы. Было определено, что преобладает класс номинативных фразеологических единиц, в котором большой процент составляет разряд глагольных.

Коннотация имеет большую значимость в семантике ФЕ. Анализ коннотативного аспекта семантики ФЕ включает исследование основных аспектов: оценочного, эмоционального, экспрессивного и функционально-стилистического.

Из этого следует что, анализ английских фразеологических единиц с космонимами имеет не только теоретическую, но и практическую ценность и может быть использован, как и в научной работе, так и в работе преподавателя.

Библиографический список

1. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1996. – С. 177.
2. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – 6-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005.
3. Словарь американских идиом. – СПб.: изд. «Лань», 1997.
4. АBBYU Lingvo 12 – электронный словарь.

5. Longman Idioms Dictionary.
6. Pocket Dictionary of English Idioms – Howell Penguin Popular Reference. – 1986.

[К содержанию](#)

ББК Ш10 + Ш100.1

УДК 81'22 + 81'1

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОСИСТЕМАТИКИ

О.А. Турбина

Статья посвящена рассмотрению основ одного из наиболее последовательных направлений антропологической лингвистики – психосистематики – в контексте современной лингвистической науки. Отмечается, что исследования в этой области, как правило, имеют междисциплинарный характер и проводятся на стыке с науками философскими, математическими, инженерной направленности, но главным образом – социальными, биологическими, психологическими и даже медицинскими, которые объединяют под общим названием антропологических. Указывается, что преимуществом психосистематики перед прочими пограничными лингвистическими направлениями является то, что, учитывая достижения в области смежных антропологических наук, и даже обращаясь к вопросам, которые решаются сегодня на стыке философии, логики, психологии и языкознания, она не выходит за рамки лингвистики.

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, психосистематика, когнитивная лингвистика, языковые универсалии, концептуализация, актуализация, антропологический момент.

Начало лингвистическим исследованиям с антропологическим уклоном положили американские ученые при изучении языков североамериканских индейцев. Эти исследования проводятся с опорой на достижения американской антропологической школы и, хотя их история исчисляется почти полутора вековым периодом, их объектом по-прежнему, как правило, остаются языки малочисленных народов.

Сегодня термин «антропологическая лингвистика» встречается в языковедческих трудах зарубежных и отечественных ученых довольно часто в силу обострившейся потребности в полной мере раскрыть созидательный характер человеческого интеллекта – разумной души – в языкотворческой и речетворческой деятельности. Исследования в этой области, как правило, имеют междисциплинарный характер, поскольку требуют рассмотрения и

учета как биологических, нейрофизиологических и психофизических аспектов функционирования человеческого сознания и разумной деятельности в целом, так и этнографических и культурно-социальных факторов, оказывающих влияние на формирование национальных языков и речевое поведение отдельной личности. Основная задача подобных исследований состоит в выявлении общих для всех языков, на которых говорит человечество, свойств – языковых универсалий, обусловленных единой природой живущих на Земле людей.

Следует отметить, что поиск универсальных языков и языковых универсалий ведется уже не одно тысячелетие и имеет давнюю историю. Сегодня эта тема звучит еще более настойчиво, поскольку современный этап развития языкознания характерен уточнением и дифференциацией научных концепций, расширением сфер лингвистического анализа, обусловившим развитие пограничных дисциплин на стыке с науками философскими, математическими, инженерной направленности, но главным образом – социальными, биологическими, психологическими и даже медицинскими, которые объединяют под общим названием антропологических. Это вызвано состоянием не только лингвистики, но и науки в целом. Дело в том, что наблюдаемый сегодня технократический уклон в развитии познания и цивилизации в целом все чаще ведет в тупик при объяснении сложных явлений природы, сталкивается с проблемами конфликта машины (механизма) и человека. Вместе с этим, все более очевидным становится то, что тайна неразгаданного кроется в самом Человеке, и что путь науки должен лежать через изучение Человека, его природных свойств, потенциальных возможностей, скрытых и неизученных до сих пор механизмов взаимодействия с миром. Для языкознания это означает выход на проблемы, связанные с выявлением роли человеческого фактора в языке и языкового фактора в Человеке и объясняет обращение лингвиста к другим антропологическим наукам – философии, психологии, социологии, логике, нейрофизиологии и др. – с тем, чтобы изучать речевое поведение индивида и языкового коллектива в комплексе (системно) с ученом интра- и экстралингвистических факторов [2].

С другой стороны (в силу все тех же причин), в современном языкознании наблюдается интеграция различных теоретических направлений, как тех, что развивались ранее параллельно друг другу, так и тех, что состояли между собой в положении оппозиции. Поэтому, как следствие объективной необходимости учета антропологической природы языка, расширение интересов лингвистики неизбежно захватило область когнитивных процессов, что привело к взаимопересечению интересов логического и психологического направлений в языкознании, которые до середины XX в. развивались в оппозиции друг к другу.

В настоящее время редко встретишь исследование, где не учитывался бы человеческий фактор в формировании и функционировании языков. К примеру, ряд ультрасовременных концепций, строящихся на стыке логического и психологического направлений лингвистики и когнитивной психологии, образуют сегодня корпус так называемой когнитивной лингвистики, в центре интересов которой находятся структуры представления различных типов знания в системе языка и способы их концептуальной организации в процессе кодирования и декодирования речевого сигнала. Близки к этим исследованиям и разработки в области прикладной лингвистики, связанные с решением проблем создания искусственного интеллекта. Методологический аппарат, позволяющий совместить анализ языковых структур с изучением процессов их генезиса в языковом сознании, включая концептуализацию и речевое развертывание, когнитивной лингвистике представила когнитивная психология (основоположник У. Найссер, опубликовавший в 1967 г. книгу с одноименным названием), трактующая человека как действующего, активно воспринимающего и продуцирующего информацию, структурирующего в своей мыслительной деятельности определенные правила, стратегии и планы. Когнитивная лингвистика молода и объединяет различные, порой противоречивые концепции, что является свидетельством того, что она переживает стадию становления.

В силу оригинальности методики анализа языковых единиц и системы языка в целом отстоит от традиционного языкознания и до сих пор остается малоизвестным в отечественной научной среде (хотя в мировой науке по праву признано одним из самых перспективных направлений) психосистематика, или – систематика языка и речевой деятельности, которую иначе называют антропологической лингвистикой или феноменологией языка. Основателем этого направления является французский лингвист Г. Гийом (1889–1960), прямой ученик А. Мейе и преемник гипотез Ф. де Соссюра, посвятивший свою научную деятельность изучению принципов организации системы языка и механизмов развертывания языковых единиц в момент их актуализации. Его научный поиск был ориентирован на изучение языка как особой теории, сотворенной человеческим разумом, как системы систем, как уникальной знаковой системы, где закодированы механизмы познания мыслью самой себя, как единого живого организма, в котором господствует антропологическое начало [1, 2].

Система языка в психосистематике определяется как периферическая система мыслимого, достигшая высокой степени организации на концептуальной, т.е. в определенной степени отвлеченной как от образа, так и от звука основе. Г. Гийому удалось выявить общие, единые принципы организации системы языка, ее подсистем и единиц, которыми руководят выведенные им универсальные законы (принципы) языкового представления [1].

Фундаментальным принципом языкового представления, по Гийому, является дихотомия, определяющая бинарность языковых сущностей на всех уровнях, а фундаментальными универсальными языковыми законами являются закон (принцип) сохранения целого, закон (принцип) простоты, закон (принцип) бинарности внутри целого, закон непрерывности и каноничности языкового представления, и закон (принцип) отсутствия повторения. По этим законам и в соответствии с этими принципами разворачиваются механизмы построения языковых единиц – актуализация и историческое развитие [1, 2].

Антропологическая направленность психосистематики в числе прочего определяется тем, что главным ее основанием является тот факт, что дихотомия языкового представления восходит к дихотомии восприятия, обусловленной организацией высшей нервной деятельности, в частности – функциональной асимметрией мозга. Данная биологическая особенность навязывает человеку определенные пути когниции и выражается в том, что наш рассудок постигает мир двумя способами – чувственно-конкретным и абстрактно-логическим, на основе которых и складывается наше представление о Пространстве и Времени. Эта высказанная еще И. Кантом гипотеза сегодня находит подтверждение в ходе экспериментов по изучению функциональной асимметрии мозга. В психосистематике Пространство и Время предстают формами языкового представления категорий мышления, складывающихся на основе универсальных форм восприятия человека. В языковом сознании они образуют два взаимопересекающихся универсума – универсум-Пространство и универсум-Время, к которым восходит сущностное различие системы имени и системы глагола.

Антропоцентричность языка и речевой деятельности состоит в том, что вся система концептуализации, подчиняется силам интериоризации и экстерииоризации, порождающим акты ментального видения с одной стороны (интериоризация) и акты перевода возможности ментального видения в возможность словесного высказывания (экстерииоризация) – с другой. Микроскопическое время свершения этих актов Гийом обозначил термином оперативное время, а один из современных представителей психосистематики А. Жакоб дал ему еще более точное название – антропологический момент [3]. В антропологический момент происходит спасиотемпорализация – размещение мыслимого на пространственно-временной оси, в силу чего оно становится обдуманым; то же происходит при переводе потенциальной языковой единицы в реальную и наоборот. Эта фундаментальная операция (операции) сопровождает любую актуализацию языковой единицы, равно как и обратный ей процесс виртуализации, или, по Гийому, «образования языка в сознании» [1]. Например, грамматические характеристики полученной в результате этих операций вербальной единицы определяются, прежде всего, по ее месту на пространственно-вре-

менной оси: чем больше она приобретет категориальных признаков имени, тем менее она будет включена во время. Так в данном случае проявляется закон сохранения целого. Полярными единицами языкового представления являются имя существительное (оформление по топогенезу) и финитный глагол (оформление по хроногенезу). Следовательно, трансформация глагольной формы в именную или наоборот имеет в своем основании **переосмысление денотата в плане его категоризации в пространственно-временном континууме**, влекущее за собой изменение выражения, заключающееся в переориентации (перемещении) языковой единицы по пространственно-временной оси. Подобная переориентация связана, как правило, с большим или меньшим включением эмотивности в когнитивно-коммуникативные процессы [2].

Акт спасиотемпорализации охватывает и лексическую, и грамматическую семантику. Это очень важный постулат психосистематики, ибо на его основе проводится разграничение лексического и грамматического означаемого. В языковом сознании они образуют два уровня, или – универсума, составляющих в совокупности единый языковой континуум, который служит потенциальной базой для формирования языковых единиц.

Большим преимуществом психосистематики перед прочими пограничными лингвистическими направлениями является также и то, что, учитывая достижения в области смежных антропологических наук, и даже обращаясь к вопросам, которые решаются сегодня на стыке философии, логики, психологии и языкознания, она не выходит за рамки лингвистики. В этом состоит главный критерий ценности (и цельности) любой науки, определяющий дальнейшие перспективы ее развития.

Библиографический список

1. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г.М. Гийом. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. – 224 с.
2. Турбина, О.А. Психосистематика языка и речевой деятельности / О.А. Турбина. – Челябинск, Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 94 с.
3. Jacob, A. De la psychomécanique a une anthropologie operative / A. Jacob // Langue et psychomécanique du langage. – Lille, 1980. – Pp. 513–524.

[К содержанию](#)

УДК 004.912 + 811.581

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ИЗ ТЕКСТОВ (NAMED ENTITY RECOGNITION) ПО ТЕМАТИКЕ ШОС НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПРИ ПОМОЩИ ПРОСТЕЙШИХ СКРИПТОВ UNIX

Б.Г. Фаткулин

В статье рассматриваются методы прикладной лингвистики для извлечения имен собственных (named entity recognition) из китайских текстов по тематике ШОС. Объектом исследования является глава электронной энциклопедии Байду, посвященная ШОС. Подчеркивается необходимость сотрудничества между китайскими и российскими исследователями в области прикладной лингвистики, терминоведения, составления тезаурусов отдельных отраслей гуманитарных наук в Китае и России. Статья содержит пример практического использования простейших программных скриптов UNIX (grep, sed, tr) в редакторе vim для извлечения заковыченных имен собственных в китайских текстах. Приводятся примеры имен собственных и ссылка для скачивания полного списка.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, Китайская народная республика, терминология, прикладная лингвистика, извлечение имен собственных, синология, лингвистические корпуса, энциклопедия Байду, обработка естественных языков, междисциплинарные исследования, UNIX, программные скрипты, кавычки, named entity recognition, information extraction, information retrieval, natural language processing, table processing, table extraction, semi-structured information extraction, html, wiki markup.

В XXI в. одними из самых актуальных и обсуждаемых являются проблемы развития образовательных моделей, наращивания человеческого потенциала. Площадками, на которых поднимаются и решаются эти проблемы выступают такие международные и региональные объединения как Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), Азиатско-Тихоокеанское Экономическое Сотрудничество (АТЭС), группа стран БРИКС, а также сетевые Университеты ШОС, АТЭС, БРИКС, Институты Конфуция.

Такой подход требует формирования профессионального сообщества и системы профессиональных коммуникаций, подготовки кадров специалистов-аналитиков, выработки основных квалификационных требований к профессии аналитика, поиска решений в области профессионального образования [2].

Профессия аналитика информационных ресурсов востребована во всех отраслях национальной экономики. Данная сфера профессиональной деятельности предполагает освоение широкого спектра знаний, умений и навыков, а также наличие определенного набора личных качеств. Количественные методы прикладной лингвистики могут использоваться аналитиками в текстологических исследованиях.

Необходимо отметить, что китайские специалисты по ШОС используют в своих работах собственную аутентичную терминологию, во многом отличную от терминологии глобальных англоязычных сетевых структур и ее эквивалентов в других европейских языках и русском языке. Источником терминологии выступают термины аутентичной китайской исторической науки, философия конфуцианства и теоретико-методологические установки КПК. Данные политические подходы Китайской народной республики широко представлены в программных документах Шанхайской организации сотрудничества, декларациях ШОС, документах, обслуживающих повседневную деятельность ШОС, научных статьях по тематике ШОС.

Named Entity Recognition (извлечение сущностей) – это одна из задач text mining [1], суть которой состоит в автоматическом определении сущностей в неструктурированных тестовых данных. Классическими сущностями выступают имена людей и компаний (names), адреса (locations), географические объекты (locations), даты (dates) и, в более сложных случаях, связи между ними, а также события, причинно-следственные связи, хронометраж событий. Также можно добавить к этому списку такие сущности, как электронные адреса, телефоны, определенные типы данных (например, IP адреса).

Таким образом, named entities составляют основу аналитики. В современной прикладной лингвистике существуют многочисленные методы извлечения терминологии из больших массивов текстов, называемых корпусами. Мы опробовали эти методы в процессе извлечения терминологии, когда использовали тексты главы «Шанхайская организация сотрудничества» в китайской электронной энциклопедии Байду. Baidu — интернет-энциклопедия на китайском языке, разрабатываемая и поддерживаемая Китайской поисковой системой Baidu. Также как и сама Baidu, энциклопедия подвержена цензуре в соответствии с правительственными постановлениями. На июнь 2013 года энциклопедия Байду содержит более 6,2 млн статей (больше, чем английская и немецкая Википедия вместе взятые); в ней зарегистрировано более 3,2 млн участников.

Полученные одиночные термины или терминологические словосочетания выводились из текста и переводились при помощи китайско-русского электронного переводчика с последующим ручным редактированием и поиском эквивалентов.

Особое внимание уделялось извлечению терминов из названий глав и подглав раздела «ШОС», представляющих информацию в виде информационной онтологии. В результате использования программного обеспечения тексты раздела «ШОС» были разбиты на смысловые группы. Обработанные сегментерами тексты получали синтаксическую и морфологическую разметку, границы слов четко обозначались. Полученные одиночные термины или терминологические словосочетания выводились из текста и переводились при помощи китайско-русского электронного переводчика с последующим ручным редактированием и поиском эквивалентов. Особое внимание уделялось извлечению терминов из названий глав и подглав раздела «ШОС», представляющих информацию в виде информационной онтологии.

Работа делилась на два этапа:

- 1) подготовка текста;
- 2) выделение «закавыченных» имен собственных с помощью алгоритмов Named Entity Recognition.

В основе нашего алгоритма лежит принцип пунктуации в китайском языке, согласно которому в китайском языке существуют специальные кавычки для выделения названий. Кавычки – парный знак препинания, который употребляется для выделения прямой речи, цитат, отсылок, названий литературных произведений, газет, журналов, предприятий, а также отдельных слов, если они включаются в текст не в своём обычном значении, используются в ироническом смысле, предлагаются впервые или, наоборот, как устаревшие и т.п.

Используя алгоритмы обработки естественных языков, мы открыли корпус текстов в редакторе vim и использовали скрипты, для того, чтобы перед каждым знаком открывающихся кавычек «`<<`» вставить знак начала новой строки:

```
:% s/« \r« /g
```

Затем после каждого знака закрывающихся кавычек «`>>`» поставили знак перевода каретки:

```
:% s/» \r» /g
```

Одна из главных особенностей редактора – применение двух основных, вручную переключаемых, режимов ввода: командного (после запуска редактор находится в нём) и текстового (режим непосредственного редактирования текста, аналогичный большинству «обычных» редакторов). В командном режиме мы смогли набирать скрипты и исполнять их непосредственно в самом редакторе.

Таким образом, закавыченные выражение стали представлять собой отдельную строку. В результате применения вышеназванных методик исследования нами был составлен мультязычный список названий ШОС на китайском языке с переводом на русский, английский, персидский и арабский языки, включающий 52 понятия.

Для иллюстрации результатов приведем примеры из этого списка:

《3 сань гу ши ли》&Три силы зла "&" Three evil forces"&" se niru-ye sheytany "&"qwa alshrr althlath "

5 《шан хэ цзучжи чжоуньянь Асытанья сюаньянь》&" 10-я годовщина Декларации ШОС Астане "&" 10th anniversary of the Declaration of the SCO Astana "&" aldkra 10 le'elan mnznh shangghay llt'eawn astana "&dahomin salgard eelan taasis sazman hamkary shanghay

Полный файл можно скачать и посмотреть по следующей ссылке:
<http://yadi.sk/d/LMjUUh1qLt9dr>.

Библиографический список

1. Бацанина М.С. Информационный анализ лент деловых новостей / М.С. Бацанина // Труды СПбГУКИ. – 2013.
2. Логиновский, О.В. Информационно-аналитические центры как инструмент развития интеллектуального ресурса современного общества / О.В. Логиновский, В.Н. Любицын // Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». – 2012. – № 23.
3. Подчернин, В.М. Некоторые вопросы информационного обеспечения и информационно-аналитической деятельности / В.П. Подчернин // БИБЛИОСФЕРА. – 2007. – № 1.

[К содержанию](#)

УДК 811.111.378

КОМПЛЕКС УПРАЖНЕНИЙ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

О.В. Федотова

В статье теоретически обоснован и описан комплекс упражнений, соответствующий основным этапам переводческой деятельности и способствующий формированию операциональной компетенции будущих переводчиков в сфере профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: операциональная компетенция; операциональный недочет; профессиональная переводческая компетентность.

Будущему переводчику необходимо осознавать, что целью его образования является формирование и развитие профессионально значимых компетенций, которые способствуют реализации переводческих функций и на основе которых он может достичь высокого уровня профессиональной компетентности. Основопологающей компетенцией переводчика, которая

объединяет в себе основные переводческие знания и умения, является операциональной компетенцией. Под операциональной компетенцией мы понимаем содержательный компонент способности к выполнению профессиональной переводческой деятельности в виде совокупности определенных переводческих знаний и умений для преобразования речевого произведения на одном языке в коммуникативно-равноценное речевое произведение на другом языке, а также опыта такой деятельности, позволяющего эффективно решать переводческие задачи.

Совершенно очевидно, что для формирования операциональной компетенции должны быть свои, направленные на решение поставленных задач, упражнения. Для того чтобы ответить на вопрос, что именно призваны развивать упражнения по формированию этой компетенции, чтобы являться адекватными средствами обучения переводческой деятельности, прежде всего, необходимо вычленить содержание данной компетенции. Мы выявили, что основными ее компонентами являются:

- теоретические знания в области переводоведения, в том числе о стратегиях перевода и переводческих трансформациях;
- знания по профессии (знаниевый компонент);
- умение анализировать оригинал;
- умение прогнозировать стандартные и нестандартные переводческие трудности (аналитический компонент);
- умение выбирать способы их решения, используя переводческие трансформации (синтезирующий компонент);
- умение оценить мотивированность использования переводческой трансформации;
- умение аргументировать выбор переводческого решения;
- умение редактировать переводы (коррекционно-оценочный компонент).

Анализ литературы по методике обучения переводу и собственный опыт преподавания позволили нам выделить четыре группы упражнений для формирования операциональной компетенции будущих переводчиков в сфере профессиональной коммуникации: сопоставительные, предпереводческие, проблемно-поисковые и коррекционно-оценочные упражнения. Важно подчеркнуть, что каждая группа соответствует этапам переводческой деятельности: освоение знаний, предпереводческий анализ, собственно перевод, редактирование и анализ перевода.

Первая группа упражнений, необходимых для развития операциональной компетенции, включает сопоставительные упражнения. В отличие от большинства теоретиков перевода, мы полагаем, что сопоставительный анализ оригинала и перевода не может быть отнесен к предпереводческим упражнениям. Цель предпереводческого упражнения – подготовиться к переводу текста, определить его коммуникативную функцию, смысловые, информационные, семантические и структурные доминанты перевода. Цель сопоставительного анализа оригинала и перевода – оценить качество

перевода, мотивированность и адекватность произведенных переводчиком трансформаций, тем самым демонстрируя теоретические знания.

Сопоставление текстов – источник очень важной информации о переводе. В современном переводоведении используются несколько процедур такого анализа. Во-первых, сопоставляются тексты перевода с их оригиналами. Это сопоставление позволяет получить ценные данные о способах достижения эквивалентности, стандартных приемах перевода и многих других существенных характеристиках переводческого процесса. Во-вторых, сопоставляются несколько переводов одного и того же оригинала, выполненных разными переводчиками. Это дает возможность обнаружить общие закономерности, не зависящие от уровня квалификации и индивидуальных особенностей каждого отдельного переводчика. В-третьих, сопоставление заключается в сравнительном анализе параллельных текстов на ЯО и ЯП, то есть текстов близкого содержания, принадлежащих к аналогичному функциональному стилю или жанру. Таким путем обнаруживаются различия в использовании языковых средств в соответствующих текстах в двух языках, что вызывает необходимость в стилистической адаптации при переводе [1].

Учитывая вышесказанное, мы выделяем следующие основными упражнениями этого типа: сопоставление параллельных текстов на ЯО и ЯП с целью выявления их различий, сопоставление нескольких переводов с их оригиналами и критический анализ использованных переводческих трансформаций. С помощью таких упражнений можно показать студентам, как решают типовые переводческие задачи опытные высококвалифицированные переводчики. В эту группу мы также включаем упражнения, где предлагается идентифицировать и классифицировать использованные при переводе переводческие трансформации. Другим видом упражнений являются упражнения на выбор оптимального варианта перевода и аргументирование этого выбора.

Вторую группу упражнений, которые выделяют многие исследователи в области перевода, составляют предпереводческие упражнения, являющиеся необходимым условием осуществления самого процесса перевода.

Цель предпереводческих упражнений – создание условий для успешного осуществления переводческой деятельности. В целом, предпереводческие упражнения снимают трудности, которые могут возникнуть при переводе, а также являются базой для формирования умений редактирования текстов.

Третьим видом упражнений являются проблемно-поисковые или собственно переводческие упражнения, которые связаны с формированием операциональной компетенции на продуктивном уровне. Целью этих упражнений является выработка умений, необходимых для преодоления переводческих трудностей и решения как типичных, так и нестандартных переводческих задач. Переводческие упражнения направлены на использование приобретенных знаний и умений в процессе осуществления письменного перевода.

В упражнениях этого типа предлагается перевести предложения, используя данную трансформацию, или обращая внимание на отдельно взятую трудность, или самостоятельно выбрать нужную трансформацию при переводе и аргументировать ее выбор. Выполнение указанных упражнений основано на использовании трансформаций, которые, по нашему убеждению, и составляют суть переводческого процесса.

Переводческие упражнения этого вида распределяются по принципу нарастания трудностей по следующей схеме: перевод слова – словосочетания – предложения – связного текста. Кроме того, преодоление переводческих трудностей происходит постепенно, от упражнений с подсказкой – до упражнений на принятие самостоятельного переводческого решения.

Упражнения этой группы можно разделить на следующие основные подгруппы: упражнения, содержащие лексические, грамматические и стилистические трудности, собственно переводческие упражнения на смешанные трудности.

К операциональной компетенции относится также умение редактировать свои и чужие переводы, поэтому к четвертой группе упражнений – коррекционно-оценочных – относятся упражнения на формирование умения оценивать перевод, подвергать его критическому анализу для устранения допущенных не только смысловых ошибок, но и операциональных недочетов. Мы полагаем, что формирование у обучаемых критического отношения к продукту своей деятельности является насущной проблемой.

На начальном этапе формирование умений обнаруживать ошибки и устранять их осуществляется на чужих переводах в силу того, что обучающийся еще не в состоянии критически оценивать собственный перевод и отказываться от найденных решений.

Необходимо отметить исключительную важность для будущих переводчиков и молодых специалистов разнообразной и вдумчивой работы над материалами, содержащими разного рода переводческие ошибки (нахождение ошибок, их классификация, исправление). На практике качество перевода определяется путем констатации наличия или отсутствия в переводе недостатков. Качественным признается перевод, не содержащий ошибок [2].

Представленный комплекс упражнений направлен как на сообщение необходимых профессиональных знаний, так и на развитие переводческих навыков и умений. При этом умения составляют конечную цель обучения переводу, так как они обеспечивают практическую профессиональную деятельность переводчика. Некоторые из приведенных выше упражнений носят полифункциональный характер и развивают сразу несколько навыков и умений.

Предложенная номенклатура упражнений, которая обеспечивает, по нашему мнению, формирование операциональной компетенции, не претендует на статус законченного комплекса упражнений и, тем не менее, является адекватным средством формирования не только этой компетенции, но и повышения профессиональной переводческой компетентности в целом.

Библиографический список

1. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2001. – С. 34–35.
2. Латышев, Л.К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Л.К. Латышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – С. 91.

[К содержанию](#)

УДК 81'312

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЦЕПТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДИСКУРСА У СТУДЕНТОВ 1 КУРСА ФАКУЛЬТЕТА ЛИНГВИСТИКИ

Т.В. Финаева

По результатам проведенного исследования на 1 курсе факультета лингвистики определены уровни владения первокурсниками перцептивной компетенцией дискурса. Проводится анализ полученных результатов. Рассмотрена взаимосвязь между используемым комплексом упражнений и уровнем перцептивной компетенции дискурса.

Ключевые слова: перцептивная компетенция дискурса; дискурс; аудирование.

Перцептивная компетенция дискурса является важной составляющей коммуникативной компетенции, которая позволяет языковой личности успешно вести межкультурное общение в современном поликультурном мире. В данной статье рассматриваются условия для формирования перцептивной компетенции дискурса у студентов 1 курса факультета лингвистики.

В первую очередь, следует уточнить, что под термином «дискурс» мы понимаем коммуникативное событие, реализующееся в процессе взаимодействия участников коммуникации посредством вербальных и невербальных знаков в определенных контекстах общения, регламентированного социокультурными кодами, отражающего или формирующего картину мира человека. Данное определенное было принято в результате анализа существующих подходов к трактовке данного многозначного понятия (см. работы Т. ван Дейка, Карасика В.И., Кожемякина Е.А., Красных В.В., Михалева О.Л., Русаковой О.Ф., Шейгал Е.И., и др.).

На основании данного подхода были выделены следующие уровни дискурса: лингвистический уровень; коммуникативный уровень; социокультурный уровень; психолингвистический уровень; прагматический уровень. Представляется закономерным предположение, что адекватность понимания дискурса участником коммуникации обуславливается глубиной и полнотой понимания каждого составляющего его уровня.

Совокупность умений, которые делают возможным понимание и интерпретацию текста с учетом лингвистических параметров текста, культурных, социальных, когнитивно-психологических особенностей участников коммуникации и контекста коммуникативной ситуации составляют перцептивную компетенцию дискурса. Формирование умений перцептивной компетенции дискурса должно вестись на всех уровнях: лингвистическом, коммуникативном, социокультурном, психолингвистическом, прагматическом.

Рассмотрим условия для формирования перцептивной компетенции дискурса у студентов 1 курса факультета лингвистики в рамках аудиторных занятий по практике аудирования. Аспект «Практика аудирования» является составляющим компонентом дисциплины «Практический курс первого иностранного языка». Курс рассчитан на 36 аудиторных часов в каждом семестре, всего 72 аудиторных часа. Обучение проводится в мультимедийном классе, оснащенном персональными компьютерами с установленной программой Lingvo v.4.0, изначально разработанной для данного курса. Методическое наполнение программы обеспечивается учебниками Listening, уровень 1 и 2, авторов Adrian Doff, Carolyn Becket, издательство Cambridge University Press, 1997–1999 гг. [1, 2], составляющими электронный учебник, предназначенный для автономной работы студентов. Помимо этого, студенты имеют свободный доступ к словарям, энциклопедиям и другим интернет-ресурсам.

Несомненным достоинством предлагаемых для прослушивания текстов является их аутентичность, посильность, нарастание уровня сложности, разнообразие социокультурных и ситуативных характеристик (вариативность акцентов, различия в исторических, географических, политических условиях коммуникативных ситуаций). Также важно отметить функциональный подход к обучению аудированию.

Анализируя функциональные области (*imagining scenes, remembering scenes, requests, agreeing and refusing, narration, describing scenes, describing the past, interpreting a picture, giving explanations, making deductions, describing features* и т.д.) и развиваемые умения аудирования (понимание и участие в светских разговорах, распознавание происходящего на фоне шума, предвосхищение, догадка, прослеживание нити разговора, понимание быстрой речи нескольких человек, понимание подразумеваемого смысла, сравнение с собственным опытом, формирование ментального образа, выявление специальной информации, сопоставление информации, интерпретация ограниченной информации), следует отметить их актуальность. Представляется очевидным, что языковая личность, владеющая данными умениями в данных функциональных областях, сможет успешно участвовать в коммуникации на иностранном языке. Тем не менее, обращаясь к методическому содержанию заданий, можно заметить, что формируются в первую очередь умения понимания устной речи на лингвистическом уровне.

Рассмотрим содержание типичного модуля на примере темы “Punishing children” (табл. 1), открывающей 2 семестр обучения.

Таблица 1

Содержание типичного модуля

Функциональная область: предоставление объяснения, выражение мнений		
Лексический материал: наказание, родители и дети, каллиграфия		
Умения аудирования: соотнесение с собственными убеждениями/опытом		
Установка задания	Выполнение задания	Описание задания
1. Look at the newspaper headline. What do you think the report might say about punishing children?	Студенты видят изображение отрывка статьи "Report reveals parents' guilt". По первым словам статьи нужно предположить содержание целой статьи	Предвосхищение содержания по языковым элементам текста
2. Listen to the interview with a woman from 'Children' magazine. Which of the things below does the report say? Tick off the correct statements	Студенты отмечают утверждения, соответствующие содержанию текста. Лингвистическое оформление устного и письменного текстов совпадают	Понимание фактической эксплицитной информации
3. Listen to four people saying what they think about punishing children. Match them with the opinions below (1 to 4). Which speaker's views are the most similar to your own? Try to reason it	Студенты определяют порядок утверждений в зависимости от того, кто его высказал. Лингвистическое оформление устного и письменного текстов отличаются. Сравнивают с собственным мнением	Понимание фактической эксплицитной информации, сравнение с собственным мнением
4. What is the child in the picture doing? Imagine doing this as a punishment for behaving badly. Does it seem to you to be: a good form of punishment? a ridiculous form of punishment? Why?	Студенты видят изображение ребенка, занятого каллиграфией. Описывают свое мнение о таком способе наказания	Предвосхищение содержания на основе собственного опыта
5. Listen to a woman talking about a Chinese friend (the first part) and complete the sentences below the picture	Студенты завершают предложения. Лингвистическое оформление устного и письменного текстов совпадают	Понимание фактической эксплицитной информации
6. In the second part there are some words, which you might not know: liquid, grind, solid, stroke. As you listen, find five things wrong or missing in the description below and correct them	Студенты исправляют фактические ошибки в тексте. Лингвистическое оформление устного и письменного текстов противоречат	Понимание фактической эксплицитной информации
7. Listen to the last part and choose the best answers. Do you agree with the speaker? Why would this be a good punishment?	Студенты выбирают утверждение, соответствующее мнению говорящего	Понимание фактической эксплицитной информации

Как видно из таблицы, из пяти заданий на понимание устной речи все пять заданий направлены на понимание фактической эксплицитной информации на лингвистическом уровне. Также хотелось бы обратить внимание на задания, направленные на снятие трудностей аудирования (1 и 4): вводя в тему наказаний и каллиграфии, в заданиях не акцентируется, о какой стране идет речь, и не актуализируются фоновые знания студентов. В результате, например, при выполнении 4 задания 66,7 % студентов в контрольной группе не соотнесли изображение с китайским искусством каллиграфии, и, как следствие, 75 % из них не смогли правильно выполнить следующее задание, где необходимо было использовать данное словосочетание. В экспериментальной группе это соотношение составило 50 % и 62,5 % соответственно.

С целью проверить уровень сформированности умений понимания устной речи на других уровнях (коммуникативном, социокультурном, психолингвистическом, прагматическом), задания в экспериментальной группе были дополнены вопросами, для ответа на которые студентам требовалось осуществить интерпретацию как лингвистических, так и экстралингвистических параметров дискурса. В частности, студентам было предложено определить национальность и социальный статус говорящих, их психологическое состояние, а также прагматические цели высказываний. Результаты понимания эксплицитной и имплицитной информации отражены в таблице (табл. 2).

Таблица 2

Оценка уровня сформированности перцептивной компетенции дискурса в экспериментальной группе

Процент понятой информации	Понимание фактической эксплицитной информации на лингвистическом уровне	Понимание эксплицитной и имплицитной информации на других уровнях
90–100 %	3 чел. (18,75 %)	0
80–89 %	7 чел. (43,75 %)	0
70–79 %	2 чел. (12,5 %)	0
60–69 %	2 чел. (12,5 %)	0
50–59 %	1 чел. (6,25 %)	3 чел. (18,75 %)
40–49 %	1 чел. (6,25 %)	0
20–39 %	0	5 чел. (31,25 %)
меньше 20 %	0	8 чел. (50 %)

Как показывают результаты, лингвистические умения понимания устной речи на уровне выше удовлетворительного сформированы у 87,5 % студентов, при этом понимание эксплицитной и имплицитной информации на социокультурном, коммуникативном, психолингвистическом и прагматическом уровнях не превышает 50 %. Представляется любопытным тот

факт, что наибольшую трудность вызвало определение отношения говорящего к информации. Вопрос “What does the speaker feel about...” 100 % студентов интерпретировали как “What does the speaker think about...”, и, соответственно, вместо описания эмоционального состояния говорящего пересказали фактическое содержание его/их высказываний. Также следует отметить, что хотя большинство студентов смогли верно определить национальность говорящей как жительницы Великобритании (68,75 %), подтвердить свое мнение конкретными национально-культурными особенностями, проявившимися в ее речи или в экстралингвистических признаках, смогли только 31,25 % студентов.

Данные результаты свидетельствуют о том, что существующий курс обучения является эффективным для совершенствования лингвистического уровня понимания дискурса. После 1 семестра обучения, уровень сформированности умений понимания фактической эксплицитной информации у студентов 1 курса факультета лингвистики достаточно высокий. С другой стороны, наблюдается низкий уровень сформированности других умений, необходимых для понимания дискурса. Представляется закономерным вывод о том, что подобный результат обусловлен, в первую очередь, недостаточностью или отсутствием упражнений, целенаправленно развивающих данные умения. Таким образом, сформированные умения лингвистического уровня следует рассматривать как базовые для формирования других умений перцептивной компетенции дискурса, которое должно проводиться целенаправленно и систематично на основе специально разработанного комплекса упражнений.

Библиографический список

1. Doff, A. Listening 1 / A. Doff, C. Becket. – Cambridge University Press, 1997. – 64 p.
2. Doff, A. Listening 2 / A. Doff, C. Becket. – Cambridge University Press, 1999. – 78 p.

[К содержанию](#)

УДК 811.111 + 378.016
ББК Ш143.21 + Ч448.016

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО МЕТОДА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Е.Н. Федюнина

Статья посвящена проблеме совершенствования организации учебного процесса с целью формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов инженерно-технических специальностей на более высоком уровне. Из-за процессов глобализации, интеграции необходимость общения специалистов на профессиональном, деловом и личностном уровне становится необходимой. Современные выпускники неязыковых вузов испытывают сложности, оказываясь в ситуациях реального общения. Коммуникативный метод является самым востребованным методом для достижения данной цели в высшей школе сейчас.

Ключевые слова: коммуникативный метод, коммуникативная компетенция, прикладной характер обучения, формы и методы обучения, роль преподавателя.

Отличительной чертой XXI века являются кардинальные перемены, которые охватывают все стороны жизни мирового сообщества и каждой отдельно взятой страны и находят свое проявление во многих современных процессах. Среди них следует особо выделить следующие: глобализация и интеграция стран в единое мировое пространство, экономические и политические реформы, расширение сотрудничества России с зарубежными странами в разных сферах деятельности, создание совместных предприятий.

В связи с этим особо актуальной становится проблема подготовки специалистов, профессионализм которых значительно зависит от уровня иноязычной коммуникативной компетенции, которые могут и готовы вступать в профессионально – деловое общение с представителями иных культур.

О значимости данной проблемы говорит тот факт, что вопросам формирования иноязычной коммуникативной компетенции посвящены многие научные исследования И.Л. Бим, Н.Д. Гальсковой, Р.П. Мильруд, И.И. Халеевой и др.

Включение России в Болонский процесс, задачей которого является гармонизация национальных систем высшего образования, формирование единого европейского рынка высококвалифицированного труда указывает на необходимость подготовки инженеров высших учебных заведений, которые имеют не только хорошую теоретическую подготовку, но и могут активно использовать приобретенный опыт и знания на практике.

Создание общеевропейского образовательного пространства делает проблему формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов инженерно-технических специальностей особенно актуальной.

Следует особо отметить, что учебный предмет «Иностранный язык» в высшей школе имеет значительный образовательный потенциал, поскольку он выполняет сразу несколько важных функций. Во-первых, он оказывает большое влияние на развитие личности студента; во-вторых, он является ресурсом систематического пополнения и обновления профессиональных знаний студентов; в-третьих, он способствует формированию и развитию коммуникативных умений и навыков.

Иноязычное общение становится неотъемлемым компонентом профессиональной деятельности специалистов, в связи с этим значительно возрастает роль дисциплины «иностранный язык» на неязыковых факультетах вузов.

Поскольку будущие инженеры должны иметь хорошую иноязычную коммуникативную компетенцию, то необходимо совершенствовать существующую систему подготовки по иностранному языку, разрабатывать новые методы и формы обучения, использовать более прогрессивные технологии организации учебного процесса в соответствии с современными требованиями.

Наше общество испытывает острую нехватку инженеров, которые свободно владеют иностранным языком, могут ориентироваться в иноязычной социокультурной среде, готовы вести диалог с техническими специалистами других стран на деловом, профессиональном уровне, а также готовы и к личностному общению. Для успешного решения этой актуальной проблемы необходима научно-методическая обеспеченность учебного процесса.

В истории методики преподавания иностранных языков в разные периоды времени делались многочисленные попытки найти наиболее эффективный метод обучения. В настоящее время таким способом овладения иностранным языком является коммуникативный подход.

Коммуникативный метод появился в Великобритании в 60–70-е годы прошлого века. В это время английский язык уже получил широкое распространение и стал приобретать статус языка международного общения. Среди причин этого явления можно назвать следующие: а) существовавшие в то время традиционные методики не удовлетворяли интересам и потребностям людей, изучающих английский язык как иностранный; б) появление новой категории учащихся, которые рассматривали язык с точки зрения его функциональности, возможности применения как средства коммуникации.

Как показала практика люди, изучающие иностранный язык с целью общения, не владеют современной речью, не могут применять свои знания на практике, совершенно беспомощны в ситуациях реального общения.

В связи с изменившейся ситуацией в мире и потребностями общества в России в конце XX века произошел коренной перелом в отношении к иностранному языку как «учебному предмету» и методам его преподавания. В настоящее время преподавание приобретает прикладной характер, практическую направленность. Из всех существующих и применяемых на практике методов обучения иностранным языкам наиболее популярным является коммуникативный метод, который направлен на формирование практических навыков общения.

В связи с вышесказанным нельзя не согласиться с утверждением, что «коммуникативный подход в обучении иностранным языкам это подход, направленный на формирование у учащихся смыслового восприятия и понимания иностранной речи, а также овладение языковым материалом для построения речевых высказываний» [1].

В основе коммуникативного метода лежит идея, что язык должен использоваться для общения, а для обучения языку необходимо сформировать коммуникативную компетенцию. Коммуникативная компетенция включает несколько ряд компетенций, формирование которых необходимо для общения в моделируемых и реальных жизненных ситуациях. Эта группа компетенций включает: 1) языковую компетенцию (владение языковым материалом для его использования в виде речевых высказываний, 2) социолингвистическую компетенцию (способность использовать языковые единицы в соответствии с ситуациями общения), 3) дискурсивную компетенцию (способность понимать и достигать связность в восприятии и порождении отдельных высказываний в рамках коммуникативно-значимых речевых образований), 4) так называемую «стратегическую» компетенцию (степень знакомства с социально культурным контекстом функционирования языка), 5) социальную компетенцию (способность и готовность к общению с другими) [2].

Е.И. Пассов, основоположник коммуникативного метода в России, считает, что «коммуникативность предполагает речевую направленность учебного процесса, которая заключается не столько в том, что преследуется речевая практическая цель (в сущности, все направления прошлого и современности ставят такую цель), сколько в том, что путь к этой цели есть само практическое пользование языком. Практическая речевая направленность есть не только цель, но и средство, где и то, и другое диалектически взаимообусловлено» [3].

В рабочей программе обучения иностранным языкам в неязыковых вузах, которая была разработана под руководством и под общей редакцией С.Г. Тер-Минасовой, указывается, что «владение иностранным языком является неотъемлемой частью профессиональной подготовки всех специалистов в вузе», а также, что «обучение иностранному языку направлено на комплексное развитие коммуникативной, когнитивной, информационной, социокультурной, профессиональной и общекультурной компетенций студентов» [4].

Это значит, что современному выпускнику уже не достаточно уметь только читать и переводить профессиональные тексты, он должен приобрести практические умения и навыки использовать иностранный язык в различных сферах общения, профессиональной и непрофессиональной обстановке, в виде бесед с иностранными коллегами, выступлений на совещаниях, конференциях, коллективных обсуждениях, написании деловых писем. Следовательно, обучения иностранному языку в вузе должно иметь профессиональную и коммуникативную направленность.

Для того чтобы успешно осуществить эту сложную задачу, необходимо принимать во внимание, что обучение студентов инженерно-технических специальностей иностранному языку имеет ряд особенностей: на языковую подготовку предусмотрено недостаточное количество часов, большая часть студентов имеет низкий уровень владения языком, более того, студенты одной группы имеют разную языковую подготовку (от выпускников школ и гимназий с углубленным изучением языка до выпускников сельских школ, где данный предмет практически не преподавался), низкая мотивация к изучению иностранного языка.

В рабочей программе обучения иностранным языкам в вузах неязыковых специальностей выделены четыре содержательных блока: «Иностранный язык для общих целей», «Иностранный язык для академических целей», «Иностранный язык для специальных / профессиональных целей» и «Иностранный язык для делового общения». Для каждого раздела определены: тематика учебного общения, проблемы для обсуждения и типичные ситуации для всех видов устного и письменного речевого общения. Так, в первом блоке рассматриваются темы, связанные с семейной жизнью, семейными традициями, домом, досугом, покупками. Как показывает опыт, эти темы очень близки и дороги студентам. Они охотно принимают участие во всех видах речевой деятельности, предусмотренной в этом блоке: работают с определенными типами текстов, составляют различные монологи и диалоги в зависимости от уровня подготовленности группы (монолог-описание, монолог-сообщение монолог-размышление, диалог-расспрос, диалог-обмен мнениями /диалог-убеждение). Этот блок предусматривает развитие и совершенствование письменной речи – электронные письма личного характера (основной уровень) и эссе разных типов (по обозначенной проблематике, повышенный уровень).

Второй блок «Иностранный язык для академических целей» носит учебно-познавательный характер. Студенты знакомятся с системой образования в России и за рубежом, со студенческой жизнью в разных странах, узнают о международных студенческих контактах – научных, профессиональных, культурных. В данном блоке предусматриваются следующие виды рецептивной деятельности: понимание основного содержания текста (рассказы/письма, блоги/веб-сайты), а также понимание запрашиваемой

информации (интервью). Что касается продуктивных видов речевой деятельности, то студенты должны научиться составлять и представлять различные виды монологов (монолог-описание, монолог-сообщение, монолог-повествование), а также диалогов (диалог-расспрос, диалог-побуждение, диалог-обмен мнениями). Задания по совершенствованию письменной речи становятся более сложными и требуют больше усилий и творческого подхода для их выполнения. Они включают оформление письменной части проектного задания (информационный или рекламный листок/буклет о факультете или вузе, составление телекоммуникационного проекта, запись основных мыслей и фактов из аудиотекстов и текстов, заполнение форм и бланков, создание персональных блогов и сайтов).

Таким образом, конечным требованием данного этапа является развитие коммуникативной компетенции, необходимой для дальнейшего обучения иноязычному общению в соответствующей области науки.

В блоке «Иностранный язык для специальных / профессиональных целей», который отличается социально-культурной направленностью, рассматриваются и изучаются такие темы как: язык как средство межкультурного общения, образ нашего современника, традиции и национальные культуры, достижения в области искусства, живописи, науки и техники, защита окружающей среды, глобализация и другие актуальные проблемы современного мира.

Для данного блока предусмотрена система заданий по рецептивным видам речевой деятельности: понимание основного содержания текста (общественно-политические, публицистические тексты), понимание запрашиваемой информации (прагматические тексты справочно-информационного и рекламного характера), детальное понимание текста по обозначенной тематике. Студенты, с более высоким уровнем владения языком, должны научиться понимать запрашиваемую информацию (таблицы, схемы, графики, диаграммы, карты, гипертексты и др.), и детально понимать научно-популярные и научные тексты по обозначенной проблематике. В этом блоке продолжается работа над продуктивными видами речевой деятельности.

В заключительном блоке «Иностранный язык для делового общения» студенты знакомятся с направлениями избранной деятельности. В процессе работы с учебным материалом этого блока студенты инженерно-технических специальностей должны научиться понимать публицистические, научно-популярные и научные тексты об истории, характере, перспективах развития науки и профессиональной отрасли, тексты-интервью со специалистами и учеными данной профессиональной области. Студенты с хорошей языковой подготовкой должны научиться работать с научно-популярными и прагматическими текстами (буклетами, справочниками), а также с таблицами, схемами, графиками, диаграммами, картами, гипертек-

стами). Предполагается, что студенты приобретают не только умения и навыки работы со специальной литературой, но и практический опыт строить монологические высказывания, участвовать в диалогах, связанных с профессиональной деятельностью. В этом блоке предусматривается формировать у студентов умения и навыки написания CV, сопроводительного письма, тезисов письменного доклада, а также деловых писем различных типов, памятки, протоколы и т.д. и выполнение письменного проектного задания.

«Современный профессионально-ориентированный подход к обучению иностранному языку предполагает формирование у студентов способности иноязычного общения в конкретных профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях с учетом особенностей профессионального мышления. Подготовка специалистов на неязыковых факультетах вузов заключается в формировании таких коммуникативных умений, которые позволили бы осуществлять профессиональные контакты на иностранном языке в различных сферах и ситуациях»[5].

При коммуникативном и профессионально-ориентированном подходе к обучению студентов инженерно-технических специальностей иностранному меняются требования, предъявляемые к уровню квалификации преподавателя, умению повышать мотивацию студентов к овладению иностранным языком, учитывать индивидуально-личностные особенности студентов. При организации учебной деятельности такого плана преподаватель должен включать в свою работу различные формы и методы обучения: индивидуальные и групповые, практиковать работу студентов в парах, тройках, небольшими группами. Это позволяет студентам самостоятельно поправлять друг друга, находить ошибки в своей речи и в речи своего собеседника. Целесообразно использовать монологи, обучающие диалоги, составляемые по принципу множественной выборки; моделирование ситуаций повседневного, профессионально-делового общения и научного общения (ролевые и деловые игры, имитирующие профессиональную деятельность в иноязычной обстановке); написание профессионального эссе (творческое речевое произведение научного характера на заданную или выбранную тему – инновации и изобретения в области инженерии и техники, метод проектов и др.).

При таком подходе к обучению иностранному языку преподаватель выступает как помощник, партнер, советчик. На смену учителю-ментору, учителю-диктатору пришел учитель-наблюдатель, учитель-посредник, учитель-«умиротворитель» и руководитель [6].

К сожалению, приходится констатировать, что далеко не всегда фактический уровень владения иностранным языком выпускниками технических вузов соответствует требованиям современной образовательной концепции, запросам современного общества и рынка труда. Требуется качественно новый подход к подготовке специалистов технического профиля по иностран-

ному языку, необходима модернизация содержания обучения, разработка новых методов обучения, поиск наиболее эффективных средств и образовательных технологий, позволяющих качественно улучшить учебный процесс.

Вышеуказанные методики в полной мере способствуют развитию коммуникативных качеств у студентов инженерно-технических специальностей. Они развивают студента, с одной стороны, как профессионала, помогая усваивать иноязычный материал по своей специальности, с другой стороны, как члена общества, помогая адаптироваться в обществе и на производстве.

Современное вузовское образование должно способствовать подготовке специалиста «осознающего себя как культурно-исторического субъекта, готового к конструктивному участию в диалоге культур»[7].

Библиографический список

1. Википедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
2. Modern languages: 1971–81. – Strasbourg. Council of Europe Press, 1981.
3. Пассов, Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е.И. Пассов. – М., 1985. – 208 с.
4. http://www.umd.udsu.ru/Urovni_podgotovki/Primern.../in_yaz.doc.
5. Исаева, О.Н., Сущность профессионально-ориентированного обучения студентов-нефилологов иностранному языку / О.Н. Исаева // Вестник СамГУ. – 2007. – № 1.
6. Баграмова, Н.В. Коммуникативно-интерактивный подход как способ повышения овладения иностранным языком / Н.В. Баграмова // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. – Вып 18. – С. 3–6.
7. Сафонова, В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций / В.В. Сафонова. – Воронеж: Истоки, 1996. – 55 с.

[К содержанию](#)

УДК 81'33
ББК Ш11

СОЗДАНИЕ ВОПРОСНО-ОТВЕТНОЙ СИСТЕМЫ ЧЕЛОВЕКО-МАШИННОГО ДИАЛОГА ЗАКРЫТОГО ТИПА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.А. Фостаковский

Данная статья посвящена актуальной проблеме человеко-машинного диалога. В статье содержится описание алгоритма работы диалоговой системы закрытого типа, разработанной на данном этапе диссертационного исследования автора статьи.

Ключевые слова: человеко-машинный, диалог, гуманоидный, робот.

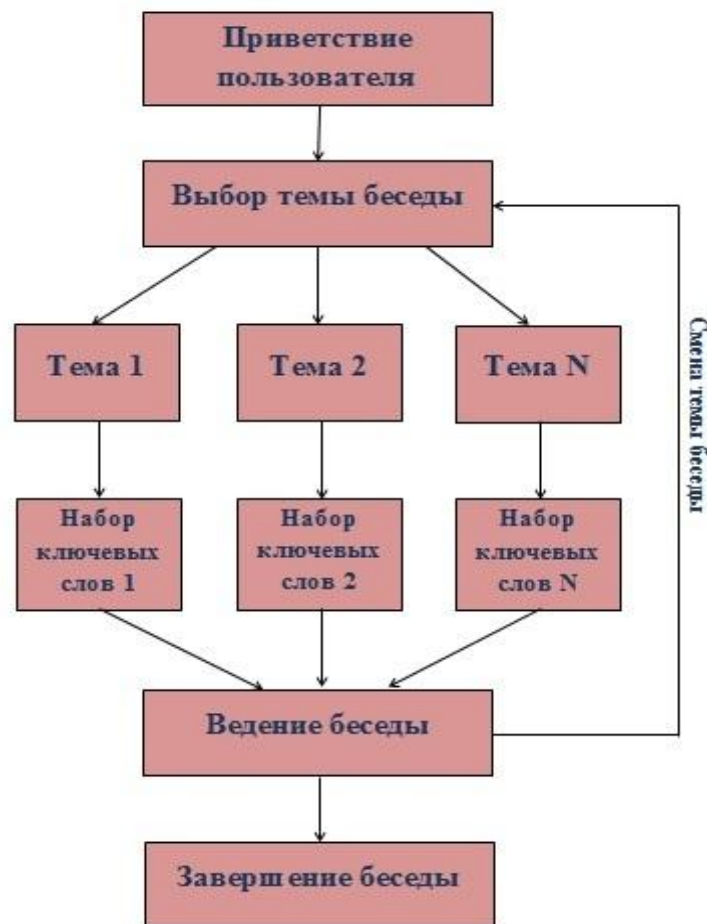
В современном мире бурно развивающихся компьютерных технологий задача обеспечения взаимодействия машины и пользователя-человека является одной из самых актуальных. Очевидно, что наиболее естественной и интуитивно понятной формой такого взаимодействия является взаимодействие на естественном языке, поскольку оно практически не требует от пользователя какой-либо специальной подготовки – предполагается только знание самого естественного языка. Проблеме обеспечения такого взаимодействия человека и машины посвящена данная статья.

Прежде, чем приступить к описанию алгоритма, созданного на данном этапе настоящего исследования, отметим, что диалоговые системы на естественном языке делятся на два типа: закрытого и открытого [1]. Диалоговые системы закрытого типа позволяют машине вести диалог на любую заранее заданную тему [1, 2], что, по сути, делает такие системы интерактивными тематическими справочниками, обращение к которым осуществляется посредством голосовых команд. В подобных системах порции информации, выдаваемые машиной («ответы» машины) оказываются связанными с определенными голосовыми командами («вопросами»), отдаваемыми пользователем-человеком. Подобная тематическая ограниченность, однако, не уменьшает практической значимости таких систем и широких возможностей их использования.

Диалоговые системы открытого типа отличаются тем, что делают возможным ведение машиной диалога на произвольную тематику [2]. Алгоритм работы таких систем, как правило, более сложен и включает этапы лингвистического анализа вопроса, заданного пользователем, поиска нужной информации в базе знаний, формирование ответа на основе найденной информации [2]. Может, однако, применяться и так называемый «пустой подход» (перевод английского термина «shallow approach»), при котором система будет просто «зачитывать» пользователю фрагменты базы знаний, удовлетворяющие его информационному запросу [2].

На данном этапе моего диссертационного исследования был разработан алгоритм диалоговой системы закрытого типа, позволяющий машине вести диалог на одну из нескольких заранее заданных тематик, переключение между которыми также осуществляется посредством устных команд на естественном языке. Разработанный алгоритм был успешно реализован на гуманоидном роботе NAO компании Aldebaran Robotics. Ниже будет дано более подробное описание разработанного алгоритма.

Система состоит из четырех основных компонентов: модуля распознавания речи, модуля синтеза речи, диалогового менеджера (т.е., собственно алгоритма, управляющего ходом диалога) и базы знаний, в которой содержатся ответы на возможные вопросы пользователя. В общем виде, алгоритм работы системы представлен на рисунке.

Общий алгоритм работы разработанной системы
человеко-машинного диалога

При включении, система входит в состояние приветствия пользователя. Находясь в этом состоянии, система ожидает проявления пользователем коммуникативной инициативы, т.е. устного приветствия в какой-либо форме. Распознавание речи в разработанной системе осуществляется по ключевым словам (используется модуль распознавания речи, применяе-

мый компанией Aldebaran Robotics в выпускаемых ей гуманоидных роботах NAO). Находясь в состоянии приветствия пользователя, система будет ожидать услышать какое-либо распространенное приветствие («привет», «здравствуй», «приветствую» и т.п.). В данном случае, список ключевых слов будет включать в себя наиболее популярные в русском языке формы приветствия (примеры см. выше). Распознав приветственную реплику пользователя, система приветствует его в ответ и переходит в состояние выбора темы, в котором пользователю предлагается выбрать, о чем бы он хотел говорить. В данный момент, система способна вести диалог на 4 тематики: «Южно-Уральский Государственный Университет», «Кафедра общей лингвистики», «Поступление в ЮУрГУ» и «Персоналии ЮУрГУ». Каждая из тематик представлена набором вопросов, на которые пользователь может получить ответ (от 20 до 25 вопросов по каждой из тем), и соответствующим набором ключевых слов или фраз, позволяющих системе определить, какой именно вопрос был задан. Например, вопрос «Расскажи мне про ваш университет» представлен в памяти машины ключевой фразой «расскажи про университет». Услышав в речи пользователя эти слова, система выдаст ответ, «закрепленный» за данным вопросом. Модуль распознавания речи, используемый системой, в состоянии распознать слова ключевой фразы даже в том случае, если они оказались разделены между собой одним или несколькими другими словами. Таким образом, даже если пользователь обратится к системе: «Будь так добр, расскажи мне про ваш замечательный университет, пожалуйста», система сможет распознать содержащиеся во фразе ключевые слова и выдать необходимую ответную реплику. Кроме того, при правильно заданном пороге распознавания (около 75 %), система сможет распознать ключевое слово даже в том случае, если оно будет употреблено в форме, отличающейся от формы, хранящейся в памяти системы. Например, фраза «Не мог бы ты рассказать мне о вашем университете» будет распознана правильно, несмотря на то, что ключевое слово «рассказать» было употреблено пользователем не в повелительной форме, в которой оно хранится в памяти системы, а в инфинитиве.

В состоянии выбора темы системой используется набор ключевых слов, повторяющих названия самих тем, т.е.: «университет», «общей лингвистики», «поступление», «работники». После того, как пользователь выберет интересующую его тему и сообщит об этом системе (например, «Давай поговорим о поступлении в ваш университет»), на модуль распознавания речи будет подгружен соответствующий набор ключевых слов, и система перейдет в новое состояние, находясь в котором, она будет в состоянии вести диалог по выбранной тематике. Как уже упоминалось, каждая из тем представлена 20–25 вопросами.

В любой момент диалога пользователь может попросить систему сменить тему разговора. Для этого, в каждый из используемых системой спи-

сков ключевых слов включены ключевые фразы «давай сменим» и «о другом». Таким образом, распознав в речи пользователя команду «Давай сменим тему» и т.п., система вернется в состояние выбора темы и снова обратится к соответствующему списку ключевых слов (см. рис.).

Возможность системы отвечать на вопросы обеспечивается модулем синтеза речи, основанным на программе Festival. Качественный синтез речи обеспечивается следующим образом: в память системы загружаются тексты на естественном языке, к которым система обращается по команде, полученной от модуля распознавания речи. Сами по себе, загружаемые тексты не требуют какой-либо специальной предобработки. Однако, в случае неправильного произношения машиной того или иного слова из текста, может возникнуть необходимость его ручного добавления в т.н. словарь произношения системы (указывается часть речи добавляемого слога, а также номер ударного слога).

В целом, система, разработанная на данном этапе исследования, представляет собой электронный справочник на естественном языке (как и любая другая диалоговая система закрытого типа). В дальнейшем планируется, во-первых, расширение количества тематик диалога с тем, чтобы система была способна выдавать информацию обо всех факультетах и кафедрах университета, а также сопутствующую информацию (о поступлении в университет, о персоналиях университета и т.д.). Во-вторых, в более долгосрочной перспективе, планируется создание диалоговой системы открытого типа, которая могла бы претендовать на роль собеседника, а не только тематического справочника.

Библиографический список

1. Турбина, О.А. Алгоритмы ведения человеко-машинного диалога роботами НАО / О.А.Турбина, Е.А. Фостаковский // Вестник Южно-Уральского Государственного Университета. Серия «Лингвистика». – Том 11. – № 1.
2. Wilcock, G. WikiTalk: A Spoken Wikipedia-based Open-Domain Knowledge Access System / G. Wilcock // Proceedings of the COLING-2012 Workshop on Question Answering for Complex Domains, Mumbai. – Mumbai, 2012. – Pp. 57–69.

[К содержанию](#)

УДК 811.111 + 004.738.52

ПРИЕМЫ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКЕ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ С ПОМОЩЬЮ МУЛЬТИМЕДИА

И.А. Хажеева

В статье рассматривается практическая значимость использования мультимедийных средств на уроке по английскому языку. Экспериментально доказано, что мультимедиа качественно влияет на активизацию познавательной деятельности студентов, обучение с использованием мультимедиа, в частности интерактивной среды Glossi, обогащает образовательный процесс и соответствует современным требованиям образования.

Ключевые слова: мультимедиа, познавательная деятельность, современные технологии, интерактивный журнал.

Современное образование характеризуется тем, что впервые за всю историю развития педагогики появилось поколение средств обучения, функционирующих на базе информационных и коммуникационных технологий, которые создают предпосылки для небывалой интенсификации образовательного процесса.

Использование современных обучающих мультимедийных технологий требует внедрения в учебных заведениях современных технических средств обучения, которые избавят преподавателя от рутинной работы, расширят педагогический и технологический инструментарий, способствуют повышению методического мастерства преподавателей.

Основная идея мультимедиа – использование различных способов подачи информации для упрощения взаимодействия человека и компьютера. Современная концепция мультимедиа подразумевает включение в программное обеспечение высококачественной графики и анимации, видео и звукового сопровождения текстов. Это позволяет сделать программный продукт информационно насыщенным и в то же время удобным для восприятия. Именно поэтому технология мультимедиа широко применяется в сфере создания интерактивных обучающих и познавательных программ. Кроме того, существующие технологии позволяют активно применять в процессе обучения функции контроля результатов освоения, диагностики ошибок, а также самоконтроля.

Мультимедийные средства стали объективной реальностью нашего времени, и преподаватель иностранного языка просто не может не воспользоваться возможностями, которые они предоставляют для обучения реальной коммуникации на иностранном языке.

Таким образом, речь идёт о создании инновационной образовательной среды, предполагающей организацию системы непрерывной профессионально-ориентированной иноязычной подготовки, предоставление возможностей для проектирования и реализации индивидуализированной образовательной траектории развития профессионально-ориентированной иноязычной компетентности, интегративный подход к отбору содержания обучения в соответствии с запросами общества и личности, внедрение новейших достижений в образовательную практику, изменение системы иноязычной подготовки (с переносом акцента на автономную деятельность обучающихся), а также системы учебного взаимодействия (вектор в сторону открытого поликультурного диалога/полилога) [3].

Вместе с ними в систему образования приходят новые формы и методы обучения, новая идеология мышления.

В учебных заведениях на занятиях по иностранному языку наблюдается недостаточность наглядной зрительной информации, что снижает эффективность получения знаний учащимися. Использование мультимедийных средств позволяет повысить эффективность учебного процесса и качества обучения.

Одним из современных и набирающих популярность средств мультимедиа, является бесплатная цифровая платформа Glossi, позволяющая создавать мультимедийные презентации, журналы, каталог, рекламный каталог и опубликовать его в интернете [4]. Эта технология получает широкое распространение среди преподавателей английского языка, имеет большее количество функций по сравнению с привычными технологиями Power Point и Prezi, и также применяется на практических курсах по иностранному языку во всем мире. На базе интерактивной среды Glossi возможно создать так называемый цифровой журнал, добавляя картинки, видео и аудио файлы, анимацию, статьи и даже активные ссылки. Таким образом, готовый медиафайл является целостной программой, в составлении которой могут поучаствовать как преподаватель, так и студенты, а позже он может быть размещен на обучающих сайтах, использован на уроке по иностранному языку.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы проследить зависимость между использованием мультимедиа (на примере компьютерной среды Glossi) и повышением уровня познавательной деятельности студентов на уроке по английскому языку.

Под познавательной деятельностью традиционно понимается «качество деятельности ученика, которое проявляется в его отношении к содержанию и процессу учения, в стремлении к эффективному овладению знаниями и способами деятельности за оптимальное время, в мобилизации нравственно-волевых усилий на достижение учебно-воспитательной цели» [2].

Проанализировав методическую литературу, мы выделили основные критерии проявления познавательной деятельности у студентов:

- постановка цели и мотивация в процессе обучения;
- овладение системой обобщенных способов (приемов) управления своей учебной деятельностью;
- результативность деятельности в процессе получения знаний.

Основываясь на теоретических положениях, мы составили программу эксперимента.

Задачи экспериментальной работы:

- провести начальный срез по определению уровня познавательной деятельности студентов контрольной и экспериментальной групп;
- совместно со студентами разработать серию интерактивных журналов с применением компьютерной среды Glossi;
- оценить эффективность проведенной работы через анализ уровня познавательной деятельности учащихся контрольной и экспериментальной групп на контрольном срезе.

В эксперименте принимали участие студенты 2 групп. Обе группы занимаются по одной учебной программе, со студентами работает один состав преподавателей.

В процессе опытно-экспериментальной работы на занятиях по английскому языку включались задания, направленные на формирование познавательной деятельности с использованием интерактивной компьютерной среды Glossi, в экспериментальной группе – на протяжении 1 месяца, в контрольной группе – фрагментарно для чистоты эксперимента.

На начальном этапе эксперимента был проведен тест для систематизации и анализа уровня познавательной деятельности. Для диагностики мы разработали собственную методику, основанную на методике А.А. Андреева «Познавательная деятельность студента».

Цель: определить степень познавательной деятельности студентов.

Ход проведения. Учащимся предлагается прочитать (прослушать) утверждения и оценить степень согласия с их содержанием по следующей шкале:

- 4 – совершенно согласен;
- 3 – согласен;
- 2 – трудно сказать;
- 1 – не согласен;
- 0 – совершенно не согласен.

1. Мне нравится самостоятельно выполнять задания.
2. На занятиях мне нравится выполнять игровые задания преподавателя.
3. Когда на занятии преподаватель дает занимательные задания, я чувствую себя легко и свободно.
4. Мне интересно задавать вопросы нашему преподавателю.

5. Я считаю, что на занятиях созданы все условия для формирования моих способностей.

Обработка полученных данных. Показателем активности учащихся (А) является частное от деления общей суммы баллов ответов всех учащихся на общее количество ответов. Если $A > 3$, то можно констатировать высокую степень активности, если же $2 > A < 3$, или $A < 2$, то это соответственно свидетельствует о средней и низкой степени активности [1].

Таблица 1

Сравнительная таблица оценивания уровня познавательной деятельности у студентов контрольной и экспериментальной групп

Группа	Результаты среза (баллы)		
	5	4	3
1 (КГ)	5	8	12
2 (ЭГ)	6	8	11

Анализируя полученные данные, можно отметить, что уровень формирования познавательной деятельности в контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группах приблизительно одинаков.

Предполагаем, что при включении в образовательный процесс на уроке английского языка системы упражнений с применением компьютерной среды Glossi, способствующих повышению познавательной деятельности, данная цель будет достигнута, что приведет к повышению интереса, внимательности, и, как следствие, повышению уровня обученности.

Разработанная нами система заданий позволила реализовать личное участие каждого, причем с включением учащегося в значимую для него и для других деятельность. План занятий построен на совместной подготовке интерактивного журнала, где каждый студент группы самостоятельно разрабатывает слайд, знакомит остальных с его содержанием и, таким образом, после ответа каждого студента получается новый выпуск интерактивного журнала, посвященного изучаемому материалу, сделанный совместно всей группой.

Проанализировав полученные данные, мы отметили, что в экспериментальной группе показатель уровня формирования познавательной деятельности выше, чем в контрольной (80 % и 60 % соответственно). В экспериментальной группе увеличилось количество студентов с высоким уровнем (с 6 человек до 10), в контрольной группе этот показатель остался без изменений. В ЭГ увеличилось количество студентов, получивших средний уровень с 8 до 10, но уже с большим приближением к высокому.

Таблица 2

Сравнительная таблица оценивания уровня формирования познавательной деятельности контрольной и экспериментальной групп на уроках английского языка (контрольный срез)

Группа	Результаты среза		
	5	4	3
1 (КГ)	5	8	12
2 (ЭГ)	10	10	5

Таким образом, опытным путем доказано, что внедрение в процесс обучения заданий, способствующих формированию познавательной деятельности с помощью мультимедийных средств, имеет положительный результат и эффективно влияет на повышение качества образования. Познавательная деятельность, проявленная в стремлении преодолевать трудности при выполнении заданий, поиске путей решения заданий, самостоятельности, увлеченности значительно повышается при использовании мультимедийных средств обучения, в частности технологии Glossi.

Библиографический список

1. Андреев, А.А. Влияние стиля педагогического общения на познавательную активность учащихся на уроке: дис. ... канд. пед. наук / А.А. Андреев. – Л., 1984.
2. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М., 1973.
3. Ярославова, Е.Н. Инновационная образовательная среда как условие самореализации будущих профессионалов в непрерывном иноязычном образовании / Е.Н. Ярославова // Иностранные языки в профессиональной подготовке и самореализации специалистов высшей квалификации: коллективная монография; под ред. Е.Н. Ярославовой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – С. 294–346.
4. Glossi – URL: <https://glossicom.zendesk.com/entries/23246768-What-is-Glossi>.

[К содержанию](#)

УДК 80 + 378

ФИЛОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЧЕМУ И КАК УЧИТЬ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Е.В. Харченко

В статье рассматривается роль филологии в современном обществе. Предлагаются пути формирования коммуникативной компетентности у современных студентов. Подробно раскрываются основные направления, которые сегодня нужно развивать в филологии.

Ключевые слова: филология, теория языка, психолингвистика, профессиональное общение, обучение.

Долгое время отношение к «гуманитариям» в России формулировалось следующим образом: пользы от них никакой, главное, чтобы вреда не было. Однако в период перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, которое некоторые ученые называют информационным, были выдвинуты новые требования к филологии как области знаний. Сегодня как никогда актуально звучат слова Дмитрия Сергеевича Лихачёва о том, что «филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры». Мы согласны с этим утверждением, поскольку именно текст как система знаков является аккумулятором и транслятором различных культур и субкультур. Роль текста возрастает в связи с расширением зоны покрытия Интернета, поскольку основное наполнение виртуального пространства – креолизованные тексты. Умение работать с текстом определяет успешность профессиональной деятельности: современный человек все чаще вынужден обращаться к текстам за новой информацией, поскольку знания устаревают все быстрее. Мы вынуждены читать инструкции из-за усложнения техники и технологий, писать отчеты и формулировать заявки, запросы, служебные записки и т.п. Свободное осуществление текстовой деятельности становится насущной необходимостью не только современного сотрудника офиса, но и рабочего, поскольку работа руками повсеместно заменяется управлением механизмами, а изучение иностранных языков уже стало значимой потребностью россиян. Однако при всевозрастающей роли текстовой и речевой деятельности в жизни современного человека, мы с горечью наблюдаем резкое снижение уровня владения родным языком у подрастающего поколения. Сегодня выдвигаются разные причины этого явления: от замены общения со сверстниками виртуальным взаимодействием в сети Интернет до изменения контроля школьных знаний (пресловутый ЕГЭ). Можно назвать и другие причины, но факт остается фактом: большинство молодых людей, вступающих во взрослую жизнь, испытывает значительные трудности при взаимодействии с други-

ми людьми. И если раньше этим вопросом занимались чаще всего психологи и психиатры (при выявленных патологиях), то сегодня возрастает роль филологов, готовых предложить свой взгляд на проблему.

Очевидно, что возрастает роль языковой подготовки в повышении качества жизни современного человека. Но что может предложить российская система образования? Традиционно на уроках изучается система языка, которую современные школьники усваивают с большим трудом. О снижении уровня грамотности населения говорит такой факт: по результатам глобального диктанта, который в Челябинске год назад писали около 500 человек, 48 % получили неудовлетворительную оценку. Мы считаем, что проблема заключается в том, что современные «пользователи языка» (как они себя иногда называют) не хотят разбираться в его строении. Об этом говорят и высказывания людей, желающих изучить иностранный язык, когда они просят научить их говорить без изучения скучных, по их мнению, правил. Отношение к языку современного человека можно сравнить с отношением к машине, которой хотят пользоваться, не задумываясь о деталях, из которых она состоит. Не умаляя роль обучения системе языка, мы лишь хотим подчеркнуть важность коммуникативного подхода при обучении любому языку, в том числе и родному. Школьник должен понимать, что грамотное письмо нужно не только для хорошей оценки, но и для того, чтобы его поняли те, кому адресован текст.

Особенно это важно при обучении студентов. Одной из целей реформы российского образования как раз и является переориентация на компетентностный подход, главной отличительной чертой которого является деятельностный характер обучения, то есть обучаемый должен овладевать не только теоретическими знаниями, но и практическими действиями, базирующимися на научных данных. Коммуникативная компетенция – это способность и готовность к речевому взаимодействию и взаимопониманию в разных ситуациях общения, поэтому учить сегодня нужно продуцированию и пониманию текстов разной сложности в условиях взаимодействия носителей одной или разных культур. Не случайно ректор Пятигорского государственного лингвистического университета А.П. Горбунов своей статье предлагает решение проблемы технологизации гуманитарного знания и подготовки выпускников как гуманитарных технологов [1].

Кого мы хотим учить? Какая мотивация у наших студентов при изучении языка? Если для школьников родной язык входит в перечень базовых предметов, то в вузах практически все курсы, связанные с освоением родного языка, выведены в региональный или вузовский компонент, то есть, по сути, являются дисциплинами по выбору.

Основными характеристиками современных студентов являются, с одной стороны, инфантилизм, а с другой – прагматизм, и можно говорить о том, что они в первую очередь нацелены на получение тех знаний, которые

могут иметь практическую пользу. Мы провели опрос студентов первого курса, обучающихся по направлению «Экономика», в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» и предлагаем познакомиться с выбранными ответами на вопрос о том, что они хотели бы изучать. Особый интерес вызывает объяснение выбора (мы оставили авторскую орфографию и пунктуацию):

Я думаю, что так как мы в будущем должны быть интеллигентными людьми, то нам нужно правильно разговаривать, чтобы позже уметь общаться со своими коллегами, а также и правильно писать.

Я бы хотел обратить внимание на деловой разговор ибо в будущем мне это понадобится.

Хотелось бы познать все правила и особенности русского языка, как правильно разговаривать с людьми различных слоёв населения.

Деловое общение – ибо это пригодится в будущем в построении карьеры.

Деловое общение: хочу увидеть деловое общение, так как мне нужно уметь общаться на работе и в кругу «высоких» людей.

Я хотела бы особое внимание уделить деловому общению, т.к. в дальнейшей жизни навыки делового общения обязательно пригодятся. В любом случае, когда-нибудь понадобится разговаривать с серьезными людьми.

Я бы хотела изучить более глубоко деловое общение. Я считаю, что все равно мы еще дети, наше общение, разговоры недостаточно представительны, а ведь наша будущая профессия требует делового стиля в общении.

Безусловно, культура речи, её правильности и красоте, которая показывала бы хороший уровень моего образования.

Риторика, т.к. можно получить знания правильного общения как в обществе, так и в разговоре с конкретным лицом. Получить знания об «эффективном» общении (мирном воздействии).

Для меня наиболее перспективно – это изучать деловой язык. Это решение я принял, исходя из того, что в будущем я хочу заняться бизнесом.

Орфография и пунктуация, культура речи (говорить и писать правильно – залог успеха).

В связи с развитием интернет пространства и общения в нем, мне кажется, что большую роль нужно уделять орфографии.

Важно иметь грамотную устную речь, что способствует деловому общению.

Деловое общение и риторика (интересно очень!!!).

Я бы хотела, чтоб в русском языке соблюдалась культура речи. Чтобы она никуда не пропадала, чтобы исчез весь грубый словарный лексикон и все нецензурные слова. И люди соблюдали орфографию и не ошибались в словах. И вообще было деловое общение.

То что не учил в школе, курс 9 класса.

Умение правельно и грамотно вырозить свои мысли.

Деловые разговоры!

Культура речи. Я так хочу.

Риторика речи.

Риторика, забыла что это, было бы неплохо повторить.

Культура речи, т.к. это самое главное в современной жизни.

Данные высказывания также подтверждают, что некоторые студенты до сих пор не повзрослели и все воспринимают с позиции «интересно – не интересно», хотя многие четко формулируют свою цель, достичь которой они могут с помощью хорошей речевой подготовки. Учитывая эти особенности обучаемых, мы должны выбирать то, что входит в осознаваемые ими уже сейчас потребности, постепенно расширяя эти границы. Следует сказать, что уровень мотивации значительно выше у студентов, которые хотя бы недолго успели поработать в сфере обслуживания в России или за границей (официантами, кассирами, продавцами, промоутерами и пр.).

Чему и как учить современных студентов? Важной задачей филологического сообщества является разработка системы коммуникативного образования, отвечающего задачам современного общества. Так, во многих учебниках по организационной психологии в разделе коммуникаций описываются либо научно-популярные концепции (например, Дейла Карнеги), либо кратко пересказываются западные направления, но практически нет ссылок на серьезные лингвистические и психолингвистические теории (например, связанные с дискурсом). Задача филологов – разработать теоретическое обоснование эффективной речевой практики в современном обществе.

Наполнение курса для обучаемых в первую очередь должно быть связано с планируемой профессией (терминология, инструкции и т.д.). Также необходимо изучать новые сферы деятельности и учитывать все изменения, происходящие в обществе. Мы считаем, что к наиболее значимым можно отнести следующие направления: профессиональное общение, бизнес-коммуникации, организационную лингвистику, интернет-коммуникации, документную лингвистику, межкультурную коммуникацию, речевое воздействие, лингвистическую конфликтологию, медиацию и другие, востребованные обществом. Остановимся на некоторых из них подробнее.

На наш взгляд, сложилась парадоксальная ситуация: сфера бизнеса, насквозь пронизанная языком, речью, общением, оказалась практически вне фокуса внимания лингвистов. Трудно не согласиться с Г. Маутнером, который в статье «Лингвистика и менеджмент: неосуществленные связи» исследует причины и следствия взаимного отчуждения между миром бизнеса и гуманитарными науками, прежде всего лингвистикой. Автор статьи устанавливает три основные причины этого разрыва: во-первых, представители менеджмента и лингвисты подходят к вопросам языка очень по-разному, что проявляется в соответствующих разделах учебников по ме-

неджменту и маркетингу, во-вторых, отношение к языку как к маргинальной для бизнеса сфере знания прямо сказывается на финансировании, что создает препятствие организационного характера для развернутого и полноценного преподавания наук лингвистического цикла в бизнес-школах, в-третьих, отчуждение поддерживается тем, что гуманитарии, и в первую очередь лингвисты, имеют мало личных и профессиональных контактов с миром коммерции. Г. Маутнер пишет о том, что это взаимное отчуждение необходимо преодолевать, так как контакты были бы полезны обеим сторонам. Бизнес может получить от лингвистики профессиональные практические советы, повышающие уровень коммуникации как внутри отдельных корпораций, так и в сфере их внешних связей. С другой стороны, лингвистам не следует игнорировать сферу делового общения хотя бы потому, что она стала на сегодняшний день одной из наиболее распространенных в мире [3]. В России бизнес-структуры часто используют западные технологии без учета этнокультурной специфики, что нередко приводит к неприятию и конфликту. Так, по нашим исследованиям, наибольшее раздражение вызывают отказ от контакта («*Выйдите за дверь*», «*Вы не видите – я занята*», «*Это ваши проблемы*»). К сожалению, большинство тренеров при обучении представителей контактной зоны используют западные теории и технологии, проповедующие чуждые нам принципы взаимоотношений и ценности. Опасность этого в том, что со временем эти явления становятся нормой. Несколько лет назад вопрос продавца о том, сколько денег потенциальный покупатель готов потратить, вызывал шок или обиду, агрессию. Сегодня этот вопрос уже не рассматривается как нечто неэтичное. Нельзя забывать, что существуют этнокультурные особенности общения, базирующиеся на «социальных архетипах» [2], которые, во-первых, влияют на выбор речевых действий (а точнее – на закрепленные в культуре операции), во-вторых, определяют эффективность взаимодействия благодаря тому, что соответствуют норме, тому, как это принято у своих, следовательно, вызывают доверие у коммуникантов.

Изменения происходят и под влиянием переводной литературы, например, многие западные книги содержат совет чаще задавать вопрос «почему»: «*Продукт слишком дорог? Почему Вы так думаете?*», «*Почему Вы не должны покупать продукт, Вы ведь нуждаетесь в нем?*», «*Тогда почему Вы вообще слушаете меня? Вы, вероятно, не уверены в том, что я сумел сделать Вам наиболее благоприятное предложение!*» [4].

В результате наших исследований с использованием метода воспоминаний было выявлено, что вопрос «почему» у носителей русской культуры часто употребляется не с целью выяснения или уточнения информации, а в роли упрека:

Врач: почему без талона?// почему в обуви зашли?// почему в пальто?// почему вы в верхней одежде?// почему вы не пришли, как только поднялась

температура?// почему же вы раньше не обращались?// почему за своим здоровьем не следите!// почему не лечитесь?// почему не обратились раньше?// почему раньше не пришли?// почему сразу не пришли?// почему я должна вас ждать?

Учитель: *все читают, а ты почему в окно смотришь?// вы опять не готовы отвечать, почему?// почему вы так сделали?// почему вы такие трудные?// почему не сделали домашнее задание?*

Можно выделить и другие высказывания профессионалов, соответствующие русской культуре, например, инклюзивные инструкции (когда говорящий условно включает себя в действие, на самом деле не участвуя в нем: *Подходим, выбираем, смотрим. Открываем тетради и записываем*).

Следующей не менее важной сферой является изучение профессионального общения, которое мы рассматриваем как межкультурное взаимодействие, поскольку происходит оно, как правило, между носителями разных корпоративных культур. Под профессиональным общением нами понимается взаимодействие с целью оптимизации совместной трудовой деятельности носителей разных корпоративных культур. Характерным для профессионального общения является то, что хотя бы один коммуникант – носитель определенной корпоративной (профессиональной) культуры, что отражается в его языковом сознании. Важным является моделирование профессионального речевого поведения в рамках определенных должностной инструкцией функций. Необходимо изучать взаимодействие профессионала и непрофессионала (в том числе и опосредованное общение – документы, инструкции) для повышения его эффективности. Актуально и лингвистический анализ конфликтов в сфере трудовой деятельности, поскольку их пусковым крючком часто становятся так называемые конфликтогены – слова и словосочетания, вызывающие неприятие и агрессию со стороны собеседника («вечно ты...», «никогда ты...» и пр.). Недооценена роль филологов в медиации при конфликтах, в то же время трудно отрицать, что именно дискурсивные модели во многом определяют позицию и мировосприятие конфликтующих сторон. Часто медиатору приходится переформулировать слова говорящего для достижения взаимопонимания и согласия.

Введение безбумажного документооборота заставляет задуматься об изменениях и в этой области. В настоящее время в документах частных предприятий можно увидеть весь спектр стилистических средств: от давно устаревших речевых оборотов до разговорных выражений.

Одним из важных остается вопрос современных методов обучения. Проблемой общества в наши дни является то, что мы обладаем огромным объемом информации, которая, в том числе и благодаря сети Интернет, является доступной каждому, но в то же самое время очень мало умеем. Сегодня любой студент может написать реферат, как прыгать с трамплина,

при этом, возможно, он никогда не видел трамплин, сам не прыгал и не собирается никогда этого делать. Об этом говорит и А.П. Горбунов: «...действительно ценным стало не накопленное знание как таковое («знание о»), не исследование и не теория сами по себе, а фактически освоенные компетенции, то есть компетентность: знания, умения, навыки реально сделать что-то, «знание как». Знания в современную эпоху должны стать производительными и тем самым инструментальными, то есть всегда конкретно-ситуационными» [1]. При овладении всеми видами речевой деятельности необходимо обучать именно погружением в реальные ситуации с постановкой конкретной цели, поскольку, согласно теории речевой деятельности (А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов и др.), речевая деятельность всегда сопровождает ведущую деятельность и служит для ее оптимизации. Можно использовать специальные упражнения, деловые и ролевые игры с постановкой проблемы, решить которую можно речевыми средствами. При выборе методов обучения необходимо ориентироваться на активную работу студентов, которые на практике должны осваивать эффективные стратегии и тактики речевого поведения, корректируя при этом индивидуальный стиль как письменной, так и устной речи. В своей работе мы практикуем как постановку заданий непосредственно во время занятия, так и их предварительное формулирование. Например, заранее определяется тезис, студенты должны подобрать аргументы и контраргументы, но будут ли они доказывать или опровергать этот тезис определяется в процессе жеребьевки перед самым выступлением. Как правило, у каждого студента есть учебное пособие или раздаточный материал с теоретическим обоснованием, но мы разрешаем использовать любые источники информации. Именно практика позволяет выделить наиболее важные концепции, научить разбираться в информации, выложенной в сети Интернет.

Невозможно в одной статье охватить все актуальные направления современной филологии, еще сложнее предложить одну программу языковой подготовки для всех специальностей. Однако очевидно, что сегодня филология в системе высшего образования должна стать одной из базовых дисциплин. Чему и как учить современных студентов – это определяется потребностями общества, самого обучающегося и сферы его будущей трудовой деятельности. Задача филологов в настоящее время заключается не только в самоидентификации и определении своих функций в современном обществе, но и в освоении новых сфер практического приложения лингвистических теорий.

Библиографический список

1. Горбунов, А.П. Преобразовательный (креативно-инновационный) университет как ответ на вызовы новой эпохи / А.П. Горбунов // Высшее образование в России, 2013. – № 8–9. – С. 42–59.

2. Касьянова, К. О русском национальном характере / К.О. Касьянова. – М., 1994.

3. Маутнер, Г. Лингвистика и менеджмент: Неосуществленные связи // Язык и дискурс в экономике и обществе: Перспективы исследований в области межкультурной коммуникации. Sprache und Diskurs in Wirtschaft und Gesellschaft: Interkulturelle Perspektiven / Hrsg. Doleschal U., Hoffmann E., Tilmann R. – Frankfurt a. M.: Lang, 2007. – 300 S. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. научн. – информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2008. – № 4. – 196 с. – С. 94–95.

4. Оховен, М. Магия энергичных продаж. – URL: <http://volga-finans.com/mario-oxoven-magiya-energichnyx-prodazh>.

К содержанию

УДК 811.111
ББК Ш101

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

А.А. Хомутова

В статье рассматривается активная познавательная деятельность обучаемого. Представлены признаки и продукт учебной деятельности, показана ее трехфазная структура. Составляющими прагматического компонента фонологической компетенции являются навыки и умения. Выделены навыки и стратегии в рецепции и продукции.

Ключевые слова: учебная деятельность, фонетика, фонологическая компетенция.

Бесспорным является тот факт, что всякое обучение, в том числе и обучение произношению, создает условия для развития личности. Прагматический компонент фонологической компетенции (ФК) сориентирован на овладение фонетическими умениями и навыками, а также обобщенными способами деятельности для решения учебных задач во всех видах речевой деятельности.

Формирование ФК происходит в ходе активной познавательной деятельности обучаемого. В литературе выделяют три основные характеристики учебной деятельности, отличающие ее от других форм учения: 1) она направлена на овладение учебным материалом и решение учебных задач; 2) в ней осваиваются общие способы действий и научные понятия; 3) общие способы действия предваряют решение задач [1].

И.А. Зимняя [2] к этим трем признакам добавляет еще два: 4) учебная деятельность ведет к изменениям в самом субъекте; 5) учебная деятельность изменяет психические свойства и поведение обучающегося.

Вслед за Д.Б. Элькониным [3] отметим общественный характер учебной деятельности: по содержанию, так как она направлена на усвоение всех богатств культуры и науки, накопленных человечеством; по смыслу, ибо она общественно значима и общественно оцениваема; по форме, поскольку она соответствует общественно выработанным нормам обучения и протекает в специальных учреждениях. Как любая другая, учебная деятельность характеризуется субъектностью, активностью, предметностью, целенаправленностью, осознанностью, имеет определенную структуру и содержание.

Анализ содержания учебной деятельности начинается с определения ее предмета, то есть того, на что она направлена: в нашем случае это ФК, она направлена на усвоение фонетических знаний, овладение обобщенными способами действий, отработку приемов и способов действий, их программ, алгоритмов, в процессе чего развивается сам обучающийся. Это и является ее предметом или содержанием.

Согласно исследованиям Д.Б. Элькониной [3], учебная деятельность не тождественна усвоению – она выступает основным содержанием усвоения и определяется строением и уровнем развития учебной деятельности, в которую включено усвоение. В то же время учебная деятельность направлена на изменение самого субъекта, усвоение же опосредует субъектные изменения и в интеллектуальном, и в личностном планах, что также входит в предмет учебной деятельности.

Средства учебной деятельности, с помощью которых она осуществляется, следует рассматривать в трех планах. Во-первых, это лежащие в основе познавательной и исследовательской функций учебной деятельности интеллектуальные действия (в терминах С.Л. Рубинштейна – мыслительные операции): анализ, синтез, обобщение, классификации и др., без которых никакая умственная деятельность невозможна. Во-вторых, это знаковые, языковые, вербальные средства, в форме которых усваивается знание, рефлексировается и воспроизводится индивидуальный опыт. В-третьих, это фоновые знания, посредством включения в которые новые знания структурируются в индивидуальный опыт, тезаурус обучающегося.

О соединении всех этих средств полнее всего сказано в общей теории учения С.Л. Рубинштейна, согласно которой, «решение или попытка разрешить проблему предполагает обычно привлечение тех или иных положений из уже имеющихся знаний в качестве методов или средств ее разрешения» [4, с. 375].

Согласно исследованиям В.В. Давыдова [5], способы учебной деятельности могут быть разными. Способ учебной деятельности – это ответ на вопрос, как учиться, каким образом получать знания. Наиболее исчерпы-

вающее описание способа представлено в теории поэтапного формирования умственных действий [6, с. 236–278; 7], где принцип ориентировки, перехода от внешнего предметного действия к внутреннему, и этапность этого перехода в соотношении с тем, как это делает сам обучающийся, полностью раскрывают способ учебной деятельности. Психологи различают три типа ориентировочной основы действия и соответственно им три типа ориентировки в задании. Каждый из них определяет результат и ход действия. Ориентировочную основу первого типа составляют образцы действия и его продукт. Обучение идет методом проб и ошибок. Сформированное действие остается неустойчивым, не воспроизводится при изменении условий. Ориентировочная основа второго типа содержит не только образцы действия, но и все указания на то, как правильно выполнять действие с новым материалом. Обучение идет быстро и без ошибок. Перенос действия ограничен. Ориентировочная основа третьего типа не дается учащемуся в готовом виде, он должен сам составить ее. Этот тип ориентировки побуждает обучаемого самостоятельно составлять ориентировочную основу действия и затем действовать по ней. Этот тип ориентировочной основы обеспечивает перенос на широкий класс задач.

Продуктом учебной деятельности является:

- структурированное и актуализируемое знание, лежащее в основе умения решать требующие его применения задачи в разных областях науки и практики;
- внутреннее новообразование психики и деятельности в мотивационном, ценностном и смысловом планах;
- индивидуальный опыт. От его структурной организации, системности, глубины, прочности во многом зависит дальнейшая деятельность человека, в частности успешность его профессиональной деятельности, общения [8, с. 122].

Учебная деятельность имеет внешнюю структуру, которая характеризуется трехфазностью. В эту структуру, согласно исследованиям И.А. Зимней [8, с. 122], мы включаем:

- а) побудительно-мотивационную фазу;
- б) ориентировочно-исследовательскую фазу;
- в) контрольно-исполнительную фазу.

Все вместе они представляют собой «сложный, многосторонний, протекающий в микроинтервалы времени процесс» [8, с. 122].

Мотивами называются внутренние побудительные силы человека, заставляющие его заниматься той или другой деятельностью. Мотивация является не только основным компонентом структурной организации учебной деятельности, но и существенной характеристикой самого субъекта этой деятельности. Мотивация может быть внутренней или внешней по отношению к деятельности, но всегда остается внутренней характеристикой личности как субъекта этой деятельности.

Мотивация учебной деятельности в процессе овладения ИЯ, ФК в частности, формируется у обучаемого в результате динамики внутренних познавательных мотивов, активизации внешних социальных мотивов, что в результате способствует сближению внешней и внутренней мотивации. В побудительно-мотивационной фазе проявляется избирательная активность обучаемого, что предполагает ориентацию на процесс и способы учебной деятельности.

Цели – это наиболее значимые для человека предметы, явления, задачи и объекты, достижение и обладание которыми составляют существо его деятельности. Цель выступает в образе результата деятельности.

В.Д. Шадриков [9] рассматривает два аспекта цели деятельности, а именно:

- а) цель как задача, уровень достижения;
- б) цель как образ будущего результата.

Цель-задача обусловливается мотивами деятельности, жизненным опытом и условиями учебной деятельности. И если деятельность – это совокупность действий, подчиняющихся частным целям, то понятно, что целеобразование, по мнению А.А. Леонтьева [10, 11], выступает как важнейший момент деятельности. Следовательно, прагматический компонент ФК предполагает целенаправленное формирование умений целеполагания:

- осознать свои личные потребности в использовании, в изучении и присвоении ФК;
- сопоставить свои личные потребности и цели с предполагаемыми им целями обучения в учебных программах;
- осознать механизм и критерии владения ФК.

Ключевым аспектом ориентировочно-исследовательской фазы является выбор студентами стратегий и приемов освоения ФК в соответствии с характером учебной задачи и ожидаемым результатом. Именно на этой фазе интенсивно запускаются психологические механизмы учебной деятельности, такие как ощущение, восприятие, память и мышление.

Как указывает А.А. Леонтьев, «каждый единичный акт деятельности начинается мотивом, планом и завершается результатом, достижением намеченной в начале цели, в середине лежит динамическая система конкретных действий и операций, направленных на это достижение» [11, с. 26]. И.А. Зимняя называет эту динамическую систему действий и операций «операциональным механизмом» речевой деятельности, который определяет скорость и автоматизм последней. Она указывает на наличие действий внешнего оформления и внутренних умственных действий оперирования. Особое значение в контексте формирования ФК придают самоконтролю и самооценке. В узком значении самоконтроль и самооценка понимаются как определенные стратегии учебной деятельности, которые направлены на контроль и оценку результата выполнения учебной задачи и способов ее решения. Наличие самооценки свидетельствует о сформированности обучаемого как субъекта деятельности.

Многие авторы справедливо подчеркивают, что условия деятельности могут быть благоприятными, способствующими ее эффективности, и неблагоприятными – крайне трудными, экстремальными. Отсюда очевидно, что успех учебной деятельности зависит от правильного педагогического руководства ею. Такое руководство должно быть направлено на усвоение обучающимися разнообразных видов учебных действий – ориентировочных, исполнительных, оценочных.

Составляющими прагматического компонента ФК выступают навыки и умения. Навык – это способность обучаемого выполнять ту ли иную речевую операцию. Характеризуя навык, многие исследователи выделяют следующие характеристики: автоматизм, устойчивость, подвижность. В случае с фонетическими навыками мы считаем целесообразным проводить автоматизацию сразу, одновременно на разных контекстах, что будет способствовать его устойчивости.

Умение – это способность осуществлять то или иное речевое действие. К важным качествам умения Е.И. Пассов относит целенаправленность, динамичность, продуктивность, интегрированность и иерархичность. В рамках ФК мы определяем содержание прагматического компонента в зависимости от стратегий высказывания [12].

Выделяют фонетические навыки в рецепции: соотнесение фонетического состава предложения с его значением; дифференциацию близких по звучанию слов и словосочетаний; определение количества ударных слогов в предложении и основной смысловой нагрузки в простом предложении на основе логического ударения; установление сходства и различия ритмического рисунка фраз; определение эмоционального состояния говорящего за счет длины пауз, свидетельствующих о наличии в высказывании одного или двух предложений, а также за счет диапазона интонационной шкалы и т.д.; фонетические навыки в продукции: дифференциация английских и русских фонем; определение интонационного рисунка для оформления фразы; фонетические стратегии в рецепции: умение понимать команды и просьбы; умение понимать вопросы, включенные в связное высказывание; умение выявлять фонологические и фонетические ошибки; умение определять отношение говорящего за счет интонации; умение слушать, обращая внимание на артикуляцию звуков и т.д.; фонетические стратегии в продукции: умение соблюдать правильную артикуляцию звуков в потоке речи; умение интонационно корректно оформлять свое высказывание; умение делить предложения на паузы; умение выражать логические отношения (расчлененность / связность / выделенность) с помощью интонации; умение использовать фонетические средства: длительность пауз (удлиненные / короткие, падение / подъем основного тона, степень слитности артикуляции) при выражении расчлененности / связности; умение использовать фонетические средства: пауза перед выделяемым словом, повышение / понижение основного тона, замедления темпа произнесения выделяемого слова, от-

четливость артикуляции, изменение громкости для выражения выделенности; умение использовать эмоциональные средства окрашенности речи; умение использовать фонетические средства: эмфатическое усиление расчлененности, расширение / сужение мелодического диапазона с целью реализации воздействующей функции речи; умение использовать фонетические средства официальной речи: средний темп, относительно широкий мелодический диапазон, равномерная громкость, ярко выраженная фразовая акцентуация; умение использовать фонетические средства неофициальной речи: средний или убыстренный темп речи, варьирование мелодического и динамического диапазонов, контрастное выделение важных по смыслу слов, слитность артикуляции внутри синтагм; умение чтения вслух: средний и относительно постоянный мелодический диапазон, умеренный темп речи, средняя длительность синтагм, большая длительность пауз на границах фраз по сравнению с длительностью пауз на границах синтагм, относительно постоянная длительность межфразовых и межсинтагменных пауз, преобладание неэмфатических шкал и тонов; умение говорения: сравнительно короткие синтагмы, расширенный / суженный мелодический диапазон, вариативность темпа речи, широкая вариативность длительности пауз, вариативность громкости; умение использовать речь которая характеризуется средней громкостью, средним суженным мелодическим диапазоном, средним или убыстренным темпом, в условиях ограниченного пространства и ограниченного количества участников; умение фонетического оформления речи в условиях пространственной разобщенности и группового общения: оптимальная громкость голоса, замедленный темп, короткие синтагмы, большое количество пауз и выделенных слогов, четкий ритм, широкий мелодический диапазон, четкость артикуляции; умение соблюдать полный стиль произношения; умение соблюдать нейтральный стиль произношения; умение соблюдать неполный стиль произношения.

Перечисленные наиболее типичные стратегии и составляющие их учебные умения обеспечивают технологическую базу автономной познавательной деятельности обучаемого (овладение фонетическими знаниями, культурой речи, накопление речевого и учебного опыта), в процессе становления которой обучаемый отбирает наиболее эффективные приемы работы над фонетическим материалом.

Библиографический список

1. Ильясов, И.И. Структура процесса учения / И.И. Ильясов. – М.: МГУ, 1986. – 200 с.
2. Зимняя, И.А. Лингвопсихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М.; Воронеж, 2001. – 426 с.
3. Эльконин, Д.Б. Некоторые психологические проблемы учебных программ / Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. – М., 1963.

4. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 720 с.
5. Давыдов, В.В. Теория развивающего обучения / В.В. Давыдов. – М., 1996. – 544 с.
6. Гальперин, П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий / П.Я. Гальперин // Исследование мышления в советской психологии. – М.: Изд-во «Наука», 1966. – С. 236–278.
7. Талызина, Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний. Психологические основы / Н.Ф. Талызина. – М.: МГУ, 1984. – 346 с.
8. Зимняя, И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И.А. Зимняя. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
9. Шадриков, В.Д. Материалы семинара «Образовательный стандарт основной школы» / В.Д. Шадриков, Э.Д. Днепров, 2002. – 162 с.
10. Леонтьев, А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2000. – 365 с.
11. Леонтьев, А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды / А.А. Леонтьев. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 448 с.
12. Пассов, Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е.И. Пассов. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с.

[К содержанию](#)

УДК 811.42

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т.Н. Хомутова

Рассматривается уровень эстетического развития научного социума. Анализируется структура эстетического интеллекта и его связь с научным познанием. Предлагается интегральная модель эстетического аспекта научного текста.

Ключевые слова: научный текст, интегральный подход, эстетический интеллект, эстетическая база, эстетическое пространство.

В рамках разрабатываемой нами новой интегральной теории научного текста последний определяется как интегральный рассредоточенный объект, предметно-знаковая модель сопряженных коммуникативных деятельностей представителей научного социума, вербализующая фрагменты научного знания, специального подъязыка, национальной культуры и профессионального социального пространства в их глобальном единстве и взаимообусловленности [1].

Как интегральный объект научный текст рассредоточен по четырем секторам: когнитивному, языковому, культурному и социальному, единицы которых активируются с помощью механизма речевой деятельности. В когнитивном секторе научный текст представляет собой фрагмент специального научного знания определенной предметной области. В социальном секторе научный текст – это фрагмент профессионального социального пространства. В культурном секторе научный текст как фрагмент культуры базируется на культурных ценностях того или иного народа. В языковом секторе научный текст является фрагментом специального подязыка, в котором с помощью языковых категорий и языковых средств выражается научное знание, культурные ценности и социальные действия. Коммуникативная деятельность как ролевое исполнение речевой деятельности представляет собой стержень, объединяющий четыре сектора языка в единое целое, в котором все они взаимообусловлены и не существуют друг без друга, а разделяются только в исследовательских целях.

Теоретической основой интегрального подхода является «всесекторная, всеуровневая» модель AQUAL (all quadrants, all levels) К. Уилбера [2]. Эта модель включает пять принципиально неупрощаемых компонентов: секторы, линии, уровни, состояния, типы.

Наше предыдущее исследование было «всесекторным» и ориентировалось на четыре сектора научного текста: когнитивный, языковой, культурный и социальный [1]. В настоящей статье мы остановимся на «вселинейном» и «всеуровневом» аспектах научного текста.

«Вселинейный» аспект связан с тем, что люди обладают множеством интеллектов: когнитивным, моральным, эмоциональным, эстетическим, физическим и т.д. [3]. В интегральной теории эти интеллекты представлены линиями развития. Набор интеллектов, или линий развития, у разных людей одинаков, чего нельзя сказать об уровнях развития самих интеллектов: большинство людей хорошо преуспевают в одной или двух способностях, но плохо в других. Очевидно, что у представителей научного социума а priori должен быть хорошо развит когнитивный интеллект, что касается моральной, эмоциональной, эстетической линий развития, то, хотя они и не были предметом специального рассмотрения, считается, что научная деятельность лишена эмоций, моральные ценности ученого соответствуют общепринятым, а об эстетике научной деятельности вообще умалчивается. Интегральный подход позволяет не только выявить линии развития коммуникантов, но и определить уровни их развития.

«Всеуровневый» аспект связан с тем, что текст как предметно-знаковая модель коммуникативных действий автора и адресата, отражает различные уровни развития множественных интеллектов коммуникантов. Для того чтобы осуществить «всеуровневый» подход к изучению текста, необходимо иметь общее представление о линиях и уровнях интеллектуального развития.

Ранее в своих работах, посвященных научному тексту, мы подробно рассматривали уровни когнитивного и морального развития представителей научного социума [1; 4]. В настоящей работе мы сконцентрируем внимание на уровне их эстетического развития, который ранее детально не рассматривался.

Структура эстетического интеллекта предполагает наличие системы эстетических категорий. Существуют различные точки зрения на состав этой системы. В качестве центральных предлагаются категории «идеала», «прекрасного», «совершенства и несовершенства», «красоты», «героического, величественного», «меры, гармонии», «безобразного, низменного» и т.д. [5]. Традиционное понимание эстетического сводится к категории прекрасного, что объясняет направленность традиционной эстетики на художественное творчество, искусство. Современное понимание эстетического как совершенства расширяет границы эстетики и позволяет исследовать самые разнообразные стороны действительности и сферы деятельности, обладающие совершенством.

Эстетическое, таким образом, обнаруживается, осваивается и функционирует не только в процессе художественной деятельности, но во всей духовно-практической и материальной деятельности человека, в том числе в научной деятельности и научном тексте как ее продукте.

Так, ученый, создавая научный продукт, превращает его в предмет эстетического совершенствования. Научный текст проходит процедуру внутреннего (написание нескольких вариантов) и внешнего редактирования и рецензирования, в результате которых автор учитывает замечания и предложения рецензентов и дорабатывает окончательный вариант до определенного совершенства. Постоянное стремление к совершенству в поисках истины является отличительной чертой научного познания. При этом совершенство не является чем-то раз и навсегда данным, неизменным, оно меняется в процессе развития научного познания.

В современной эстетике выделяют два наиболее общих уровня эстетического сознания: обыденное и научное. Обыденное эстетическое сознание представляет собой отражение действительности на эмоционально-чувственном уровне. Оно не оформлено в системе идей, тогда как научное эстетическое сознание оформлено в ясных эстетических положениях и характеризуется обобщенностью. Эстетическое сознание научного уровня проявляется на практике (эстетическое отношение к природе; эстетика научной деятельности и т.д.) и в теории, которая реализуется через специальные исследования по осмыслению эстетической деятельности.

Очевидно, что представители научного социума находятся на втором уровне развития эстетического интеллекта. Как указывалось выше, стремление к совершенству характеризует весь процесс научной деятельности, процесс поиска истины. Это стремление выражается, в первую очередь,

в гуманных целях научной деятельности: деятельности во имя прогресса человеческого общества. Эстетическое содержание наполняет и процесс научной коммуникации, единицей и продуктом которой является научный текст. В ходе исторического развития науки научный социум вырабатывает определенные эстетические правила и нормы по отношению к содержанию и форме научных текстов: их тематике, макро и суперструктурам, лингвистическим и экстралингвистическим средствам выражения и т.д. Эти нормы, которые представляют собой эстетический идеал тех, кто их установил, закрепляются в виде рекомендаций и требований редакционных коллегий научных журналов, издательств, Высшей аттестационной комиссии, диссертационных советов и т.д. к содержанию и оформлению научных работ. Следование этим нормам рассматривается как обязательный элемент эстетики научного текста, как стремление к эстетическому идеалу и проявление эстетического вкуса.

Для представления эстетического интеллекта в интегральном освещении мы вводим понятия эстетического пространства и эстетической базы. Эстетическая база включает универсальные и специфические категории, свойственные данной культуре. Индивидуальное эстетическое пространство состоит из специфических для данного индивида эстетических категорий (ценностей). В коллективном эстетическом пространстве присутствуют эстетические ценности, присущие определенной группе людей, в нашем случае, научному социуму. В таблице представлена интегральная модель научного текста с учетом эстетического уровня развития.

Таблица

Интегральная модель научного текста: эстетический аспект

<p>Когнитивный сектор</p> <ul style="list-style-type: none"> • индивидуальное эстетическое пространство: <ul style="list-style-type: none"> ➤ эстетическое чувство ➤ эстетический вкус 	<p>Языковой сектор</p> <ul style="list-style-type: none"> • соответствие эстетическому идеалу • нормы и рекомендации по тематике, содержанию и оформлению научных работ
<p>Культурный сектор</p> <ul style="list-style-type: none"> • эстетическая база: <ul style="list-style-type: none"> ➤ прекрасное ➤ гармоничное 	<p>Социальный сектор</p> <ul style="list-style-type: none"> • коллективное эстетическое пространство: <ul style="list-style-type: none"> ➤ стремление к совершенству ➤ эстетический идеал

Применение интегрального подхода к линиям и уровням развития «множественного интеллекта» научного социума и к тексту как предметно-знаковой модели коммуникативной деятельности позволяет сделать вывод о плодотворности такого подхода, который помогает выявить и упорядочить новые, до сего времени мало изученные аспекты научной коммуникации, такие, в частности, как эстетика научного текста.

Библиографический список

1. Хомутова, Т.Н. Научный текст: интегральный подход / Т.Н. Хомутова. – Челябинск: Издательский Центр ЮУрГУ, 2010. – 333 с.
2. Wilber, K. An Integral Theory of Consciousness / K. Wilber // Journal of Consciousness Studies. – February 1997. – № 4 (1). – Pp. 71–92.
3. Gardner, H. Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences (10th anniversary ed.) / H. Gardner. – New York: Basic Books, 1993. – 447 p.
4. Хомутова, Т.Н. Научный текст: моральный аспект / Т.Н. Хомутова // Язык, коммуникация, перевод: контрасты и параллели. Материалы V международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 1 июля 2011 года (ред. Н.В. Иванов). – М.: Книга и бизнес, 2011. – С. 263–271.
5. Дедюлина, М.А. Учебно-методический комплекс по курсу «Эстетика» / М.А. Дедюлина. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2004. – 136 с.

[К содержанию](#)

ББК Ш143.21 + Ч448.016

УДК 811.111 + 378.4

КОНТЕКСТНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ УНИВЕРСИТЕТА

М.В. Цытович

В статье рассмотрено понятие контекстного подхода в высшем профессиональном образовании и его смыслообразующей категории – контекста. На основе модели деятельности специалиста, выявлены особенности профессиональной деятельности инженеров. Установлено, что международная научно-практическая конференция – наиболее типичная ситуация, в которой специалист использует иностранный язык для устного и письменного общения.

Ключевые слова: контекст; контекстный подход; инженерная деятельность; международная научная конференция.

Согласно развивающемуся в последние десятилетия в педагогике контекстному подходу, процесс и содержание профессионального образования должны исходить из главной цели – подготовка высококвалифицированного специалиста. Контекстный подход в высшем профессиональном образовании представляет собой подход к проектированию педагогических систем и реализации образовательного процесса, в котором с помощью всей системы дидактических форм, методов и средств моделируется пред-

метное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности специалиста, а усвоение им абстрактных знаковых средств наложено на канву этой деятельности. В теории контекстного обучения понятие «контекст» выступает смыслообразующей категорией, а создание в образовательном процессе многообразных контекстов жизни и профессиональной деятельности обеспечивает личностное включение обучающегося в процессы познания, овладение будущей профессиональной деятельностью [1].

Существуют различные трактовки понятия «контекст». В языкознании и логике под контекстом понимают относительно законченный в смысловом отношении отрывок текста или речи, в котором выявляется смысл и значение входящих в него слов или предложений, как лингвистическое окружение определённой языковой единицы. Контекст также может определяться как система внутренних и внешних условий жизни и деятельности человека, которые влияют на восприятие, понимание и преобразование им конкретной ситуации. При этом следует различать внутренний и внешний контексты. Под внутренним контекстом понимают индивидуально-психологические особенности, знания и опыт человека. К внешнему контексту относят предметные, пространственно-временные и иные характеристики обстоятельств, в которых человек действует.

Более того, содержание и процесс обучения должны обеспечить не только предметную и социальную подготовку будущего специалиста, но и развивать профессиональную мотивацию. Одним из условий этого, по А.А. Вербицкому, является включение в учебный процесс различных элементов будущей профессиональной деятельности, которое может быть реализовано в ходе контекстного подхода в высшем профессиональном образовании.

Таким образом, контекстный подход – это форма активного обучения, предназначенная для применения в высшей школе, ориентированная на профессиональную подготовку студентов и реализуемая посредством системного использования профессионального контекста, постепенного насыщения учебного процесса элементами профессиональной деятельности [2].

Становление высококвалифицированного специалиста в контекстном обучении осуществляется в ходе последовательного включения студента в базовые формы деятельности:

- учебную деятельность академического типа (информационная лекция);
- квазипрофессиональную (деловая, функционально-ролевая и имитационные игры);
- учебно-профессиональную деятельность (студент выполняет реальные исследовательские и практические функции);
- промежуточные (проблемная лекция, семинар – дискуссия, групповое практическое занятие, тренинг, анализ деловых отношений и др.) [3].

Так постепенно происходит процесс совершенствования профессиональных компетенций и трансформация учебной деятельности в профессиональную.

Источником выбора содержания контекстного обучения служит будущая профессиональная деятельность студентов технических направлений, представленная в виде моделей деятельности специалиста, включающая описания системы его основных функций, проблем, задач, предметных и социальных компетентностей [4].

Под инженерной деятельностью понимают: «Анализ, постоянное совершенствование и организацию индивидуального и группового труда, управление производством, технологическими процессами, конструирование и проектирование изделий и инструментальных систем». Нами были выявлены следующие особенности профессиональной деятельности инженера:

1) тесная взаимосвязь естественнонаучного, инженерного и социальных аспектов в деятельности инженера;

2) усиление социальной составляющей: в структуре деятельности выделяют два аспекта: процедурный и организационный;

3) сближение инженерной и научно-исследовательской деятельности, вызванное интенсивным увеличением объема научно-технической информации, быстрой сменой техники и технологий, ростом числа наукоемких производств.

Таким образом, характер профессиональной деятельности инженера изменился: инженерная деятельность стала близка к научно-исследовательской, а также возросла роль профессионального общения. Научно-профессиональное общение специалиста технического направления включает в себя: необходимость владения подязыком специальности, чтение научных текстов, периодических изданий, документации к оборудованию, переписку и устное общение с коллегами, участие во всероссийских и международных научно-практических конференциях, выставках, тендерах и др. Международная научно-практическая конференция – наиболее типичная ситуация, в которой специалист использует иностранный язык для устного и письменного общения.

Международная научная конференция – это совокупность ситуаций межкультурного общения, в которых реализуется научно-профессиональное общение как разновидность делового общения. В нем участвуют профессионалы, принадлежащие к различным лингвокультурным общностям, но входящие в единое профессиональное сообщество и владеющие общим понятийным аппаратом, общим тезаурусом.

Мы предлагаем использовать такую форму квазипрофессиональной деятельности, как подготовка и проведение студенческой научной конференции для моделирования различных ситуаций устного и письменного профессионального общения.

Подготовка к научно-практической конференции осуществляется в ходе самостоятельной работы студентов и на аудиторных занятиях. На практических занятиях рекомендуется уделять внимание произносительной стороне речи, клишированным фразам и выражениям для различных ситуаций профессиональной межкультурной коммуникации, фразам, оборотам, характерным для научно-технического языка. Подготовка к конференции включает следующие аспекты: знакомство с особенностями деловой переписки, составление аннотаций к статьям и докладам, формирование умения грамматически правильно формулировать вопросы, ознакомление студентов со структурой научного доклада и с требованиями, предъявляемыми к презентациям. Подготовительный этап также включает в себя тренировочные выступления перед аудиторией слушателей и репетиции докладов перед выступлением на конференции.

Таким образом, контекстный подход в высшем профессиональном образовании направлен на моделирование содержания будущей профессиональной деятельности в образовательном процессе и постепенное включение студента в такие формы деятельности, которые обеспечат трансформацию учебной деятельности в квазипрофессиональную, а затем – в профессиональную.

Библиографический список

1. Вербицкий, А.А. Школа контекстного обучения как модель реализации компетентностного подхода в общем образовании / А.А. Вербицкий // Педагогика – 2009. – № 2. – С. 12–18.
2. Вербицкий, А.А. Диагностика понимания в контекстном обучении / А.А. Вербицкий // Высшее образование в России. – 2007. – № 10. – С. 26–31.
3. Смирнова, И.Э. Модели обучения в системе высшего образования / И.Э. Смирнова // Инновации в образовании. – 2006. – № 1. – С. 5–14.
4. Содержание обучения иностранным языкам: учебное пособие / под ред. Е.И. Пассова, Е.С. Кузнецовой. – Воронеж: НОУ «Интерлингва», 2002. – 40 с.

[К содержанию](#)

ББК Ш143.21

УДК 811.111

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ

А.М. Чернышева

В статье затрагивается тема транслитерации русских (российских) имен и названий буквами латинского алфавита, а также дается сравнение различных стандартов, используемых для транслитерации в настоящее время в России, анализируются их достоинства и недостатки. Автор обращает внимание на отсутствие единого государственного стандарта в области транслитерации и говорит о необходимости создания новой единой и однозначной системы. В статье также подчеркивается необходимость использования новой системы как на государственном, так и на международном уровне.

Ключевые слова: транслитерация; латиница; диакритики; универсальность, государственный стандарт, единая система.

Транслитерация – точная передача знаков одной письменности знаками другой письменности при которой каждый знак (или последовательность знаков) одной системы письма передаётся одним и тем же знаком (или последовательностью знаков) другой системы письма [1].

В настоящее время английский язык является языком международного общения, однако, мы уверены, что транслитерацию необходимо осуществлять ориентируясь не на английский язык, а именно буквам латинского алфавита. Латиница в настоящее время является интернациональным алфавитом, поэтому передача имен собственных и названий именно латинскими буквами является наиболее целесообразной. Это необходимо, чтобы избежать двойных стандартов и разночтения.

Каждый российский гражданин хотя бы раз в жизни сталкивался с транслитерацией собственного имени и адреса (при заполнении анкеты для получения визы, при заполнении карточки гостя в отеле за рубежом и т.д.). Нередко в таких случаях россияне испытывают затруднения. Кто-то пишет, опираясь на свои знания английского или немецкого языков, что неверно, так как передача имен и названий не может ориентироваться на какой-то определенный иностранный язык. Другие переписывают данные с какого-либо документа: заграничного паспорта или водительского удостоверения. Но и в данном случае возможны разночтения.

Как быть, если в заграничном паспорте имя «Анастасия» передается как «Anastasiia», на странице с визой «Anastacia», в водительском удостоверении как «Anastasiya», а в туристическом ваучере «Anastasia»? Какой вариант считать верным?

Мы считаем, что у российских граждан могут возникнуть проблемы за рубежом из-за разночтений в транслитерации.

В связи с тем, что контакты Российской Федерации с мировым сообществом постоянно увеличивается, растет поток российских туристов за границу и развиваются деловые связи, эта проблема становится все более и более актуальной.

По мнению Д.И. Ермоловича, система транслитерации должна опираться на принципы универсальности, единообразия и обратимости.

Универсальность транслитерации заключается в использовании условной системы передачи кириллических символов латинскими символами, которая необходима для общеприменимой, независимой от контекста идентификации носителя имени при международных контактах. Здесь необходимо отметить, что речь идет не только о персоналиях, но и о географических названиях и других категориях имен собственных.

Единообразие транслитерации означает непротиворечивость и недопущение разночтений и вариантов.

Обратимость предполагает, что из латинизированного написания имени или названия можно однозначно и безошибочно вывести исходный кириллический вариант и наоборот [2].

К сожалению, в настоящее время в нашей стране нет единой системы, нет четкой и принципиальной политики относительно транслитерации букв русского алфавита латинскими буквами. На данный момент в России используется несколько систем транслитерации:

6) ГОСТ 7.79-2001 (ИСО 9-1995) «Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом» (Система 1) [8];

7) ИСО 9-1995 (ISO 9-1995) – стандарт, принятый Международной организацией по стандартизации (Система 2) [4];

8) Приказ МВД от 13 мая 2009 г. N 365 – где принята собственная система, используемая для транслитерации имён и географических названий в выдаваемых водительских удостоверениях (Система 3) [3];

9) ГОСТ Р 52535.1-2006 – устанавливает требования к заграничному паспорту гражданина Российской Федерации (Система 4) [6].

Необходимо отметить, что Система 1 (ГОСТ 7.79—2001 (ИСО 9-1995) содержит Систему А – транслитерация с использованием диакритики и Систему Б – транслитерация с использованием буквосочетаний, Система 3 (Приказ МВД от 13 мая 2009 г. N 365) допускает возможность транслитерации записей в водительском удостоверении в соответствии с данными, указанными в его заграничном паспорте по желанию владельца [7].

Если транслитерация большинства букв не вызывает затруднений, например н – n, п – p, т – t и т.д., то транслитерация некоторых гласных и шипящих согласных вызывает наибольшие споры и затруднения, что ведет к путанице и неразберихе.

В таблице 1 показаны самые «сложные» буквы, в передаче которых чаще всего наблюдаются разночтения.

Таблица 1

Разночтения в передаче букв русского языка

Русская буква	Система 1 Система А/ Система Б	Система 2	Система 3[5]	Система 4
е	е / e	е	е (после согл.), ye (после гл и ъ,ь)	е
ё	ё / yo	ё	ye (после согл.), e (после ч, ш, щ, ж), yo (инициалы и после гл. и ъ,ь)	е
ж	ž / zh	ž	zh	zh
й	j / j	j	y	i
х	h / x	h	kh	kh
ц	c / cz, c	c	ts	tc
ч	č / ch	č	ch	ch
ш	š / sh	š	sh	sh
щ	ŝ / shh	ŝ	shch	shch
ъ	" / "	"	'	-
ы	y / y'	y	y	y
ь	' / `	'	'	-
э	è / e`	è	e	e
ю	û / yu	û	yu	iu
я	â / ya	â	ya	ia

Изучив данные таблицы 1, мы увидели, что каждая из этих систем обладает как достоинствами, так и недостатками. Например, в ГОСТ 7.79-2001 (ИСО 9-1995) (Система А) и ИСО 9-1995 (ISO 9-1995) (Система 2), количество русских букв соответствует количеству латинских букв за счет использования букв с диакритическими знаками.

Однако, с практической точки зрения, данные системы неудобны для компьютерного набора, т.к. возникает необходимость использования разных шрифтов, что затрудняет работу и отнимает много времени. Стоит также отметить, что диакритики не являются традиционными для русского алфавита, где знак кратности над й является единственным исключением (даже трема над ё регулярно опускается при письме и компьютерном наборе) [2].

Вслед за Д.И. Ермоловичем, мы считаем, что предпочтение следует отдать такой системе транслитерации, в которой специфические буквы передаются буквосочетаниями. Так, мы считаем правильным использование h

именно в буквосочетаниях в Системе 3 (Приказ МВД от 13 мая 2009 г. N 365) и Системе 4 (ГОСТ Р 52535.1-2006), так как иначе буквосочетания страдали бы неоднозначностью. К примеру, если бы для передачи русской буквы х использовалась буква h, а не буквосочетание kh, это нарушало бы принцип обратимости, так как буквосочетание sh служило бы соответствием и для буквы ш, и для буквосочетания sh. Например, Сходненская – Shodnenskaia, при обратной транслитерации могло бы трактоваться двояко: Shodnenskaia – Сходненская либо Шодненская, что нарушало бы принцип взаимной обратимости.

На наш взгляд, Система 3 и Система 4 обладают рядом недостатков. Не кажется правильным в Системе 4 использование i для и/й, когда одна и та же буква должна принять два различных звуковых значения. Так, Дубовский будет передано как Dubovskii, что несомненно вызовет трудности при обратной транслитерации.

При транслитерации я – ia, ю – iu в некоторых случаях нарушается менее важный, но все же значимый принцип эстетичности: Анастасия – Anastasiia, Майя – Maiia, Юлия – Iuliia [2].

Вряд ли имеет смысл использовать сочетание их четырех букв для передачи щ – shch в Системах 3 и 4. При такой передаче фамилия Щекочихин – Shchekochikhin выглядит «громоздкой» и трудно читаемой.

Важно отметить недопустимость передачи буквы ц сочетанием ts, как в Системе 3, так как ts будет передавать и сочетание tc, что обязательно приведет к нарушению однозначности соответствий. Здесь гораздо более логичным кажется передача ц сочетанием tc в Системе 4 (ГОСТ Р 52535.1-2006) хотя, на наш взгляд было бы достаточно одной буквы c, так как, во-первых она больше нигде не используется, а во-вторых имеет аналогичное звуковое значение во многих европейских языках [2].

Стоит отметить, что в Системе 4 (ГОСТ Р 52535.1-2006) не выдержан принцип взаимной однозначности соответствий: например, трем русским буквам – e, ё и э – соответствует только латинская e. Буквы и и й тоже передаются одинаково – i. Твердый и мягкий знаки отсутствуют совсем.

Д.И. Ермолович предлагает собственную систему транслитерации латиницей букв русского алфавита (см. табл. 2), где отражены и реализованы принципы полной взаимной однозначности и принцип использования буквосочетаний (за исключением латинского ё) [2].

Автор сохраняет привычную передачу букв я и ю сочетаниями ya и yu соответственно. В качестве соответствия для й предлагается использовать j, что соотносится с ГОСТ 7.79-2001 и системой ИСО 9-1995.

Йотация гласных не учитывается, так как, согласно автору, это феномен фонетики, а не графики. Для буквы щ предлагается латинская буква x. Для передачи мягкого и твердого знаков предлагается использовать буквы j и w соответственно. Буква ц передается как латинская буква c.

Таблица 2

Примеры транслитерации имен собственных

Рус. буква	Лат. Буква	Примеры
е	E	Егорьевск – Egorjevsk
ё	Ë	Толкачёв (Толкачев) – Tolkachëv (Tolkachev)
ж	Zh	Жуковский – Zhukovskij
й	J	Йокшар-Ола - Jokshar-Ola
х	Kh	Хабаровск – Khabarovsk
ц	C	Цымлянское – Cimlyanskoe
ч	Ch	Черёмухово – Cherëmukhovo
ш	Sh	Шахтёрский – Sakhtërskij
щ	X	Щёлково – Xëlkovo
ъ	W	подъезд – podwezd
ы	Y	Кызыл – Kuzyl
ь	J	Тобольск – Toboljsk
э	eh	Эвенск – Ehvensk
ю	yu	Тюкалинск – Tyukalinsk
я	ya	Ялуторовск – Yalutorovsk

Принимая во внимание все вышесказанное, мы видим, что в России давно возникла необходимость создания единой, не допускающей разночтений и вариаций, системы транслитерации букв русского алфавита буквами латинского алфавита. Крайне важно разработать и принять единый и обязательный стандарт транслитерации букв русского алфавита и на государственном уровне осуществлять контроль за применением данной системы как внутри страны, так и за ее пределами.

Библиографический список

1. Суперанская, А.В. Транслитерация / А.В. Суперанская // Лингвистический энциклопедический словарь, 1990. – М.: Советская энциклопедия. – С. 458.
2. Ермолович, Д.И. Словесная механика. Избранное о языке, переводе и культуре речи / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2013. – 400 с.
3. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114127/.
4. http://www.iso.org/iso/ru/home/store/catalogue_tc/catalogue_detail.htm?csnnumber=3589.
5. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114127/?frame=3#p527.
6. <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=128725>.

7. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160631/?frame=3.
8. <http://standartgost.ru/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2%207.79-2000>.

[К содержанию](#)

УДК 81'221 + 81'26

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ф. ПЕРНУ

М.А. Чернышева

Языковая норма, изучаемая в течение долгих лет отечественными и зарубежными исследователями, находит свою интерпретацию в работе социолога Ф. Перну. В рамках социологического взгляда на явление нормы в языке, а также на механизмы кодификации рассматривается вопрос разнообразия языковой нормы, которое обусловлено областью её применения («языковым рынком») и природой социального контроля. Норма вторична, а первичными являются суждения, основанные на имплицитных ожиданиях собеседника. Норма обеспечивается зафиксированным набором схем, реализующихся говорящими в повседневном использовании, и постоянно подвергается корректировке.

Ключевые слова: языковая норма; кодификация; социальный контроль в языке; габитус; «языковые рынки».

Вопросы, связанные с языковой нормой, не только не теряют свою актуальность со временем, но приобретают новые интерпретации как с позиций разных областей лингвистики, так и сквозь призму смежных дисциплин. Несмотря на изученность проблемы языковой нормы, её статуса, специфики её функционирования, многие вопросы остаются дискуссионными и требующими переосмысления. Так, социолог и преподаватель университета г. Женевы (Швейцария) Филипп Перну (Ph. Perrenoud), занимающийся популяризацией дифференцированного образования, технологиями формирования новых компетенций и возглавляющий научную лабораторию LIFE «Иновация-Воспитание-Образование» (le laboratoire de recherche Innovation-Éducation-Formation¹²), в одной из своих ранних работ, посвящённой социологическим размышлениям о языковой организации и опубликованной в коллективном сборнике в 1988 г. [1], задаётся вопросами о том, что такое языковая норма, как и почему происходит регламентация в языке, является ли нормирование в языке следствием языковой политики государства и школы, или же речь идёт о функционировании собст-

---

¹² Официальная страница лаборатории LIFE: <http://www.unige.ch/fapse/life/>.

венных механизмов языковой системы. Учёный пытается найти ответы на эти и другие вопросы, интерпретируя явление с позиций социологии.

Социологическую характеристику языковой нормы следует начать с осознания того, что норма бывает разной и зависит от природы социального контроля. Так, согласно Ф. Перну, существует языковая норма, обусловленная профессиональной деятельностью говорящего. Например, административный, юридический язык или язык школы требуют точного соблюдения правил орфографии и пунктуации, а язык военных отличается лаконичностью и эмоциональной сдержанностью.

Другим важным моментом в исследовании нормы является область её применения: одна норма может характеризовать общепринятое употребление на национальном уровне. Такая норма является кодифицированной¹³ и контролируется централизованно. А бывает и норма, реализующаяся при употреблении языка в рамках семьи. В этом случае норма определяется традицией, эпохой и др. Рассматривая норму как явление неоднозначное, Ф. Перну ссылается на следующие тезисы [2]:

1. Норма варьируется не только между разными обществами, но и между разными социальными группами внутри одного общества.

2. Норма изменяется внутри группы; консенсус никогда не окончательен, т.к. норма достигается в процессе переговоров и борьбы.

3. Норма может выступать как инструмент власти, даже тоталитарного доминирования и, в то же время, инструмент равенства и демократии; всё зависит от её использования.

4. Суждения об отклонениях от нормы или о соответствии ей не являются одинаково очевидными явлениями для всех, а представлениями, построенными на опыте, часто различном, участниками с определённым социальным статусом.

5. Социальный контроль никогда не носит автоматический характер, а инициируется индивидуумом или организацией, морально или материально заинтересованной в фиксации отклонения с целью укрепить власть, подтвердить собственный авторитет, усилить языковой порядок, дискредитировать конкурента.

6. Социальная жизнь – это постоянные переговоры по вопросам нормы, а также диалог с нормой; языковая норма не является единожды и навсегда установленной системой, а продуктом постоянной реконструкции, сопровождаемой колебаниями и конфликтами.

---

¹³ Под кодификацией традиционно понимается «сознательная письменная и устная фиксация целенаправленно отобранных языковых элементов и правил, закрепленных в словарях и грамматиках и воспринимаемых как обязательных для всех членов общества, независимо от территории проживания и рода деятельности носителей языка» [3].

Вышеизложенные тезисы, по мнению Ф. Перну, абсолютно не означают, что любой носитель языка может менять норму, по своему усмотрению, или что нормы употребления постоянно меняются. Задача социальных наук состоит в том, чтобы объяснить существующие расхождения и донести до общества идею о том, что норма как таковая не может механически диктовать правила употребления, т.к. они постоянно подвергаются корректировке. С другой стороны, реальные языковые употребления в состоянии менять отдельные положения нормы [1]. Речь идёт, прежде всего, о нестрогих законах, в которых по определению заложена возможность к варьированию.

Трудно не согласиться с автором в его рассуждениях, т.к. возможность модификаций основана на устойчивых, константных элементах функционирующей системы языка, допускающих, тем не менее, определённые колебания (варианты) в её рамках [4].

Ф. Перну также рассматривает соотношение таких понятий, как «норма» и «суждение». Для социологического контекста норма, скорее, вторична. Намного больший интерес представляют суждения (франц. *jugements*), т.к. они разнообразнее строгой нормы и отражают ежедневные реализации языка. Суждения двойственны, изменчивы, больше связаны с реальным контекстом, чем эксплицитная норма, кодифицированная по текстам или устной традиции. А момент суждения основан на имплицитных нормативных ожиданиях собеседника, т.е. он первичен. Затем происходит поиск правила из существующего «репертуара» норм. Поэтому, по мнению автора, на уровне сообщества некоторые новые правила – это результат кодификации изначально имплицитных ожиданий. Таким образом, мы сталкиваемся с двумя реалиями: 1) оценочными актами в ситуации, отсылающими к ожиданиям, не всегда эксплицитным или даже неосознанным в момент суждения; 2) общественными нормативными репрезентациями, сформулированными либо в конкретной ситуации на основе суждения, либо в зависимости от гипотетической ситуации. В результате, разработка нормы, претендующей на всеобщность, подчиняется двум стратегиям. Первая связана с разработкой нормы в конкретной ситуации, когда необходимо обозначить правило, аргументировать суждение с целью убеждения, контроля. В этом случае речь идёт о прагматическом подходе, ставящем норму на службу коммуникативной стратегии. Вторая реализуется *in abstracto*, вне реальной ситуации. Её цель – систематизировать различные реализации языка для осуществления адекватной языковой политики [1].

Созданием абстрактной нормы занимаются составители словарей, грамматик, справочников, направленных на язык в целом. Но имеют ли такие «наборы правил» выход в речь? Если подчинять язык абстрактной норме, то речь, на которую этот язык направлен, тоже должна быть идеальной, абстрактной, внеконтекстной, не относящейся к конкретному

«языковому рынку» (термин П. Бурдьё). Это означает, что абстрактная норма поддерживает фикцию, либо имплицитно выступает за создание специфического «языкового рынка». Тем не менее, абстрактная норма необходима как ориентир, как гарант компетентности, прежде всего, для деятелей культуры, политиков, представителей образования и т.д. Но, как справедливо отмечает Ф. Перну, следует сделать акцент на разработчиках этой нормы: составителях словарей, журналистах, членах академий. Чем больше будет круг создателей абстрактной нормы, чем разнообразней будет их языковой опыт и шире область деятельности, тем больше абстрактная норма будет применима к реальным ситуациям [1].

Интересными представляются наблюдения Ф. Перну, касающиеся особенностей восприятия языковых отклонений (франц. *déviations linguistiques*). Анализируя явление восприятия языкового отклонения, Ф. Перну говорит о двух простых правилах: 1) в различных ситуациях один и тот же человек не воспринимает одни и те же языковые отклонения; 2) в одной и той же ситуации два человека не воспринимают одни и те же языковые отклонения. Более того, в языковой регламентации происходят те же процессы, что и в обществе в целом. Например, Ф. Перну говорит о существующей тенденции к «сверхтерпимости» (франц. *laxisme*), когда языковые отклонения от нормы в речи говорящего фиксируются собеседником, но не корректируются в силу тех или иных стратегических причин. Автор сравнивает подобное поведение людей с сознательным нежеланием видеть, как происходит правонарушение. Собеседник чаще всего «закрывает глаза» на языковые девиации, чтобы не нарушить коммуникативное взаимодействие [1].

Каким же образом происходит организация речи с точки зрения нормы? Согласно гипотезе, выдвигаемой Ф. Перну и основанной на трудах П. Бурдьё и других учёных, соблюдение языковой нормы говорящими не имеет ничего общего, например, с алгоритмом работы операционной системы, т.к. большинство говорящих не способно объяснить функционирование нормы в своей речи. В большей степени речь идёт об использовании говорящими неосознанных схем языковой системы, т.е. определённых моделей восприятия, мысли, оценки и действия [5]. Иначе говоря, автор предполагает с большой долей уверенности, что норма является не результатом целенаправленного сохранения, анализа и систематизации языковых кодов узким кругом специалистов, а, скорее, зафиксированным набором схем, реализующихся говорящими в повседневном использовании.

Ф. Перну напоминает, что в контексте подобных наблюдений часто употребляют социологический термин «габитус» (фр. *habitus* ‘характерное поведение социальной группы’), являющийся одним из основных понятий теории П. Бурдьё. Габитус понимается как «система приобретённых схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания или как принцип распределения по классам, в то же время как организационный

принцип действия» [7]. Реализация нормы выступает как реакция собеседников, общающихся на различных «языковых рынках». Говорящие комбинируют схемы, чтобы понять высказывание собеседника или продуцировать собственное высказывание. Габитус позволяет нам действовать в иллюзии импровизации, т.к. схемы, которыми мы располагаем, активизируются практически неосознанно. Таким образом, речь идёт не о неисчерпаемом наборе «запрограммированных» правил, а об относительно ограниченном наборе гибких схем, которые легко вступают в связи и адаптируются под конкретную ситуацию [1]. Более того, по мнению П. Бурдьё [6], говорящий обладает также металингвистическим габитусом, т.е. набором схем, позволяющим судить о соответствии высказывания собеседника норме [1]. Формирование габитуса происходит вследствие прогрессивной интернализации¹⁴ реакций, которые каждый говорящий встречает в ежедневном коммуникативном процессе в семье, в школе и т.д.¹⁵

Справедливость данной позиции подтверждается и традиционной лингвистикой, т.к., по мнению исследователей, любая форма существования языка обладает собственными «речевыми конвенциями» и «механизмами вероятностного речевого поведения» [9]. В процессе коммуникации создаётся реальная норма, т.е. «...происходит стихийная регламентация употребления элементов всех уровней языка...» [3].

В течение долгого времени оправдание нормы необходимостью наличия кода не находило противников в науке. И только в XX в. сформировалось научное течение, подчёркивающее произвольность некоторых правил и говорящее о том, что эти правила нередко служат для доминирования или отличия, выходящих за рамки обычной коммуникации. Эта критика основывается на исследованиях вариативности языка, показывающих, что наличие вариаций в языке не ставит под угрозу коммуникативный акт и внутреннее действие кода. Вариации в языке могут не препятствовать взаимному пониманию, т.к. в случае необходимости говорящий подстраивается, как минимум, пассивно, под код собеседника [1].

Вышесказанное означает, что норме свойственна динамика, о которой говорится в лингвистике еще в 60-е годы XX в. Так, представитель Пражского лингвистического кружка А. Едличка отмечал, что варианты или девиации в языке снимают противоречие между статичной кодификацией и реальной динамикой нормы, утверждая, что «... развитие нормы соверша-

---

¹⁴ Интернализация (от лат. *interims* – внутренний) – термин применяется в социологии, психологии, педагогике и культурологии для обозначения процесса освоения индивидом или группой людей социальных ценностей, норм, установок, стереотипов, принадлежащих тем, с кем она, он или они взаимодействуют. В результате структуры, внешние по отношению к данной личности или группе, превращаются в их внутренние регуляторы поведения [8].

¹⁵ Концепция схем в социологии П. Бурдьё основана на теории швейцарского психолога Ж. Пиаже (J. Piaget).

ется именно благодаря вариантам, они являются, как правило, переходными формами от одного качества к другому...» [10]. Тем не менее, такой релятивистский подход к норме разделяется не всеми исследователями. Некоторые авторы, ставя под сомнение критерии отбора единиц – употребительность явления или само его существование, опасаются, что такое видение нормы может сделать её «искусственной» [11].

Интерпретация языковой нормы Ф. Перну не противоречит позициям традиционной лингвистики, а углубляет понимание явления. Так, в лингвистике принято говорить о существовании эксплицитной, кодифицированной нормы, с одной стороны, и имплицитной, объективной – с другой. Также вопросы языковой нормы рассматриваются исследователями в рамках триады «норма/узус/употребление». А разнообразие нормы подтверждается наличием многочисленных вариантов в языке.

Таким образом, социологическая характеристика языковой нормы не кажется внешним взглядом на норму как фундаментальный аспект лингвистики, а представляется актуальной интерпретацией явления с позиций таких областей знаний, как социология, психология, теория коммуникации, позволяющей рассматривать рядовых носителей языка в качестве главных «законодателей» языковой нормы.

Библиографический список

1. Perrenoud, Ph. Parle comme il faut ! Réflexions sociologiques sur l'ordre linguistique / Ph. Perrenoud // In Schoeni, G., Bronchard, J.-P. et. Perrenoud, Ph. (dir.) La langue française est-elle gouvernable ? Normes et activités langagières. – Neuchâtel et Paris: Delachaux et Niestlé, 1988. – P. 79–108.
2. Malherbe, N. Les tendances récentes de la sociologie de la déviance aux États-Unis // Revue suisse de sociologie. – 1977. – № 2. – P. 143–184.
3. Пирогов, Н.А. К вопросу о сущности языковой нормы / Н.А. Пирогов // Актуальные проблемы лингвистики. № 17. Материалы ежегодной региональной научной конференции / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – С. 94–95.
4. Семенюк, Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариантности / Н.Н. Семенюк // ВЯ. – 1965. – № 1. – С. 48–55.
5. Bourdieu, P. Le sens pratique / P. Bourdieu. – Paris: Ed. de Minuit, 1980. – 480 p.
6. Bourdieu, P. Ce que parler veut dire. L'économie des échanges linguistiques / P. Bourdieu. – Paris: Fayard, 1982. – 248 p.
7. Громов, И.А. Западная социология / И.А. Громов, И.А. Мацкевич, В.А. Семёнов. – СПб.: ООО «Издательство ДНК», 2003. – С. 531.
8. Этнопсихологический словарь / под ред. В.Г. Крысько. – М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. – 343 с.

9. Беляева, Т.М. Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Беляева, В.А. Хомяков. – Л.: ЛГУ, 1985. – 136 с.

10. Едличка, А. О пражской теории литературного языка / А. Едличка // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 544–556.

11. Зубова, Т.Е. Принципы типологического изучения региональной речи (галло-романский языковой ареал): дис. ... д-ра филол. наук / Т.Е. Зубова. – Минск, 1987.

[К содержанию](#)

ББК Ш107.7

УДК 81'255

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПЕРЕВОДА НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Е.В. Шапкина

Статья посвящена вопросам перевода заголовочных комплексов англоязычных научных статей, опубликованных в научных изданиях, входящих в зарубежные базы научного цитирования Scopus и Web of Science. На основе результатов анализа композиционной структуры текстов статей, а также наиболее типичных синтаксических и грамматических моделей, употребления артиклей, длины заголовочных комплексов автор статьи представляет рекомендации по переводу данных элементов текстовой структуры с русского языка на английский.

Ключевые слова: перевод, научная статья, заголовок, композиционная структура.

В настоящее время одним из показателей эффективной работы вуза является публикационная активность его профессорско-преподавательского состава. При этом большое значение имеет публикация научных статей на английском языке в изданиях, входящих в авторитетные зарубежные базы научного цитирования, такие как Scopus и Web of Science. Одним из требований к оформлению статей в таких изданиях является не только определенная композиционная структура (обязательное наличие введения, основной части, заключения), но и корректное изложение содержания статьи на английском языке не только с точки зрения языковых, но и речевых, точнее стилистических норм. В связи с этим большую актуальность для выполнения качественного перевода научных статей на английском языке приобретает изучение стилистических особенностей текстов данного жанра.

Целью настоящей статьи является описание результатов анализа особенностей композиционной структуры научных статей, публикуемых в зарубежных изданиях, входящих в базы научного цитирования Scopus и Web of Science, и в частности, особенности языкового оформления заголовочных комплексов, а также разработка рекомендаций для их перевода на английский язык.

В качестве материала анализа послужили научные статьи в области математики, информатики, энергетики, химии, физики, металлургии, опубликованные в 2013–14 году. Материал анализа был отобран методом сплошной выборки в объеме более 80 статей из следующих научных журналов: «*Applied Mathematical Modelling*», «*Optical Materials*», «*Applied Energy*», «*Applied Thermal Engineering*», «*Advances in Engineering Software*», «*Metal Finishing*», «*Corrosion Science*», «*Electric Power Systems Research*».

В лингвистическом плане заглавие является именем текста, которое «содержит в сжатой форме основную идею произведения, является ключом к его пониманию» [1]. Роль заглавия неодинакова в разных текстах и зависит от их стилевой направленности и жанровой разновидности. В частности, в научных текстах заглавие передает основное содержание, раскрывает его концептуальную сущность, либо указывает на предмет мысли [2]. Как показал проведенный анализ, в рассмотренных нами статьях кроме основного заголовочного комплекса (собственно названия статьи) во всех статьях имеется несколько подзаголовков, которые выполняют делимитивную функцию, т.е. отделяют одну часть композиционной структуры от другой и структурно отражают тему статьи.

В связи с этим в нашей статье будет рассматриваться два вида заголовочных комплексов: общие заголовки и подзаголовки.

Прежде всего, рассмотрим особенности основных заголовочных комплексов научных статей. Для этого мы будем использовать следующие параметры, которые имеют значение в процессе перевода:

- характер синтаксической структуры (слово, словосочетание, предложение);
- наиболее типичные грамматические модели;
- использование артиклей;
- средняя длина.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Все основные заголовочные комплексы (100 %) представляют собой сложные многочленные атрибутивные словосочетания.

2. Наиболее типичными грамматическими моделями являются:

- модель «*определяемая группа + of/for + определяющая группа + предлог (by/with/in/through/under/on/ /without) + определяющая группа*», возможен и более сложный вариант «*определяемая группа + of/for + определяющая группа + предлог (in/through/under/on/by/with/without) + определяющая группа + предлог + определяющая группа*»;

- «*определяемая группа + for/of + причастие + определяющая группа*».
3. Артикли употребляются редко, в основном, в следующих случаях:
- **определённый артикль:** для обозначения конкретных классов материалов, разновидностей систем, видов методик и т.д.;
  - **неопределённый артикль:** если он имеет значение «*один из*».
4. Средняя длина основного заголовочного комплекса составляет 14–15 слов (без учета возможного использования артиклей).

Рекомендации для перевода основных заголовочных комплексов

1. Основные заголовочные комплексы следует переводить сложными словосочетаниями с предлогами (модели см. выше). При этом следует использовать следующие предлоги:

- **For:** может использоваться не только предлогом «для», но и существительным «*применение в/при*», например:

Особенности применения антикоррозийного щелочного герметика при производстве анодированных алюминиевых сплавов. – Alkaline Corrosion-Resistant Sealant for Anodized Aluminum Alloys.

Применение подхода поверхности реагирования в процессе анализа структурной надежности с использованием теории вероятности. – A response surface approach for structural reliability analysis using evidence theory.

- **With/without/through:** может использоваться для передачи значения «с использованием», «без использования», «при помощи», например: *Создание возобновляемой энергии прерывистой буферизации с использованием (при помощи/посредством) гидроэлектрической генерации. – Buffering intermittent renewable power with hydroelectric generation.*

- **By:** может использоваться для передачи значения «при помощи/за счет», например: *Анализ свободной вибрации жесткого стержня за счет/при помощи произвольных упругих балок. – Free vibration analysis of a rigid bar supported by arbitrary elastic beams.*

2. При переводе следует ориентироваться на длину заголовка в среднем 14–15 слов. При этом следует помнить, что некоторые слова, например, «*особенности*», «*характеристики*», «*процесс*» и т.д. перед подлежащим может опускаться при переводе на английский язык (см. примеры в предыдущем пункте).

3. Значения «*на основе*», «*под воздействием*», переводятся при помощи причастий (см. модель выше), например: *Эмпирические исследования выбора открытого программного обеспечения для внедрения на основе характеристик качества программного обеспечения. – Empirical study of open source software selection for adoption, based on software quality characteristics.*

4. Артикли следует использовать в следующих случаях:

- **Определённый артикль:** для обозначения конкретных классов материалов, разновидностей систем, видов методик и т.д., например: *Динамиче-*

ское моделирование и сравнение энергетических затрат элеваторных систем. – Dynamic modeling and input-energy comparison for the elevator system.

• **Неопределённый артикль:** если он имеет значение «один из», например: *Моделирование процесса точечной коррозии при помощи одного из видов трехмерных дискретных стохастических колебаний. – Modeling pitting corrosion by means of a 3D discrete stochastic mode.*

Подзаголовки в рассмотренных нами статьях эксплицитно выражают их композиционную структуру и, с теоретической точки зрения, отражают объемно-прагматический тип членения текста, который в данных текстах реализуется за счет таких внешних (графических) средств, как: отбивка, шрифтовое выделение (жирный шрифт), нумерация и рубрикация, например:

1. Introduction

Текст

2. Problem statement

Текст

3. Numerical results

3.3.1. The effect of multiple scattering

Текст

3.3.2. The effect of layering

Текст

Унифицированность композиционной структуры предполагает наличие обязательных композиционных блоков, и соответственно, стандартных подзаголовков. К ним относятся: введение (Introduction), заключение (Conclusion). Существует также определенное количество типичных для таких статей композиционных блоков и заголовков, которые не являются обязательными, но часто используются авторами в зависимости от содержания статьи (например, описание условий эксперимента и его результатов, описание метода или модели и т.д.) (табл. 1).

Для рассмотрения особенностей других подзаголовков мы использовали те же параметры, которые применялись для анализа основных заголовочных комплексов:

- характер синтаксической структуры (слово, словосочетание, предложение);
- наиболее типичные грамматические модели;
- использование артиклей;
- средняя длина.

Таблица

Композиционные блоки статьи

Название композиционного блока	Англоязычный вариант
Используемые материалы и методы	Materials and methods
Обзор литературы	Literature review
Методология/ Методология анализа/ Методологическая и теоретическая база	Methodology/Research methodology/ Methodology and theory
Экспериментальная часть/ Экспериментальное оборудование (условия) или Порядок (методы) экс- перимента	Experiment/Experimental apparatus and (procedure/facility/conditions/methods)
Задачи исследования	Problem (formulation/statement and def- initions)
Порядок эксперимента и анализа дан- ных/Ход эксперимента	Experiments and analysis/Experimental details (Procedure)
Теоретические основания (база)	Theoretical (considera- tions/foundations/background)
Экспериментальная проверка/ Экспериментальное доказательство	Experimental validation/Validation
Применение (чего-либо)	Applications of ...
Тестирование (проверка) ...	Tests on...
Результаты эксперимента и анализ полученных данных	Results and discussions/Discussions of the results/Conclusions and discussions

На основании проведенного анализа, нами были получены следующие результаты:

1. Наиболее частотной синтаксической структурой является словосочетание (98 %), редко встречаются подзаголовки в одно слово (2 %) и не встречаются предложения.

2. Наиболее частотными являются следующие грамматические модели:

- «*определение + определяемое слово*», где определение включает чаще всего несколько слов, выраженных существительными, прилагательными, причастиями, числительными, аббревиатурами;

- «*определяемое слово + предлог (of/for/with) + определение*», где определение может включать также несколько членов, которые часто представляют менее распространенные словосочетания.

3. Широкое использование артиклей не характерно для подзаголовков. Определённый артикль используется в тех случаях, когда необходимо показать границы сложного словосочетания или обозначить названия каких-либо уникальных понятий, методов, материалов, теорий и т.д.

4. Средняя длина подзаголовка составляет 5–6 слов.

Интересно также отметить, что современная научная статья включает не только основной текст, но и несколько микротекстов, т.е. представляет собой комплексное явление. Каждый из таких микротекстов имеет свое заглавие. К ним относятся:

- аннотация (Abstract);
- справка (Article Info), в которой указывается дата поступления статьи, рассмотрения и принятия к печати (Article history), а также ключевые слова (Keywords);
- техническая поддержка и финансирование (Acknowledgments);
- библиографический список (References);
- план статьи (Article Outline).

Что касается плана статьи, то он состоит из подзаголовков, имеет рубрификацию, располагается в левом поле от основного текста, например:

Article Outline

1. Introduction

2. Material and methods

2.1. Cellular automata

2.1.1. Choice of an appropriate model

2.1.2. Paradigm

2.2. Experimental procedure

2.2.1. Experimental conditions

2.2.2. Data acquisition

2.3. Model development

3. Results and discussion

3.1. Sensitivity analysis

3.2. Inverse problem solving

3.2.1. Optimization method

3.2.2. Parametrization of the CA-based model

3.2.3. Influence of chloride concentration on optimized parameter values

3.3. Pitting corrosion in bimetals

4. Conclusion

Acknowledgments

References

Рекомендации для перевода подзаголовков:

1. Заглавия (подзаголовки) обязательных и наиболее типичных композиционных блоков, а также микротекстов следует переводить стандартными словами и словосочетаниями (примеры см. выше в табл.).

2. Для перевода индивидуальных подзаголовков (которые зависят от темы и содержания статьи) следует использовать словосочетания типа:

- «*Определение + определяемое слово*», с использованием при необходимости правила ряда, если определение включает не более 1–2 слов, например:

Термоэлектрическое охлаждение – Thermoelectric refrigeration

Скорость растворения – Dissolution rate

*Тестирование ускоренной реакции – Accelerated Corrosion Testing
Performance test – Тестирование результатов*

Power plant operations – Функционирование электростанции

Miller strategy optimization – Оптимизация стратегии Миллера

• «*Определяемое слово + предлог (for/with) + определение*» (см. особенности перевода основных заголовочных комплексов).

3. Длина подзаголовков в среднем – 5–6 слов. При этом следует помнить, что такие слова как «*особенности*», «*характеристики*», «*процесс*», «*изучение*» и т.д. перед подлежащим могут опускаться при переводе на английский язык, например:

*Характеристики процесса сгорания – Combustion characteristics
Особенности моделирования одномерного термоэлемента – One-dimensional
thermoelement modeling.*

Electrochemical studies – Изучение электрохимических процессов.

4. Артикли следует использовать в тех случаях, когда необходимо показать границы сложного словосочетания, например, «*Strategies for improving **the** cooling system performance*» или обозначить названия каких-либо уникальных понятий, методов, материалов, теорий и т.д., например, «*Electric vehicle model using **the** Poisson process*», «***The** counting process method – NHPP*».

5. В подзаголовках следует писать с заглавной буквы только первое слово.

Подводя итог, можно сказать, что детальное изучение особенностей реализации основных текстовых категорий (в нашем случае – композиции и заголовочных комплексов) научной статьи является основой для разработки комплексной технологии перевода текстов данного жанра научного стиля.

Библиографический список

1. Тураева, З.Я. Лингвистика текста: текст, структура и ее семантика / З.Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – С.56.

2. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин; Фкад. Наук СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1981. – С. 133–134.

[К содержанию](#)

УДК 81'1 + 811.131 + 811.131.1

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ПОНЯТИЙНОЙ ОБЛАСТИ «КУЛЬТУРА
И НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ» КАК ИСТОЧНИК
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Н.В. Шатрович

На материале оригинальной авторской картотеки рассматриваются фразеологические единицы, относящиеся к понятийной области культуры и народных традиций в итальянском и французском газетном тексте, приводится их лингвокультурологический анализ и образы, мотивирующие значение данных фразеологизмов. Помимо этого анализируются сходства и различия языковых картин мира итальянского и французского этносов.

Ключевые слова: фразеологизм, языковая картина мира, внутренняя форма фразеологизма, лингвокультурная специфика.

Язык как таковой является основанием культуры. Любой конкретный язык есть плод культурной эволюции соответствующего сообщества. В языке – в его словаре и грамматике – нам явлена картина мира сообщества, его, этого сообщества, кристаллизованный опыт [6].

Языковая картина мира не есть простой набор «фотографий» предметов, процессов, свойств и т.д., ибо включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, причем позиция субъекта – такая же реальность, как и сами объекты. Более того, поскольку отражение мира человеком не пассивное, а деятельностное, отношение к объектам не только порождается этими объектами, но и способно изменить их через деятельность.

Отсюда следует естественность того, что система социально-типичных позиций, отношений, оценок находит знаковое отображение в системе национального языка и принимает участие в конструировании языковой картины мира.

Поскольку языковые миры есть результат обобщающе-систематизирующей и расчленяюще-классифицирующей деятельности человека в процессе познания им реального мира, следовательно, применительно к каждой классификации можно говорить об иерархии языковых картин мира, причем каждому миру соответствует не только своеобразие языковых (речевых) средств (в ядре во многом стандартных), но и некое концептуальное ядро [4].

Особенности представления об окружающем мире варьируются от этноса к этносу, как, соответственно, и языковое выражение этого представления. «Наивная картина мира» как факт обыденного сознания воспроизводится пофрагментно в лексических единицах языка, однако сам язык непосредственно этот мир не отражает, он отражает лишь способ представ-

ления (концептуализации) этого мира национальной языковой личностью, и поэтому выражение «языковая картина мира» в достаточной мере условно: образ мира, воссоздаваемый по данным одной лишь языковой семантики, скорее схематичен, поскольку его фактура сплетается преимущественно из отличительных признаков, положенных в основу категоризации и номинации предметов, явлений и их свойств, и для адекватности языковой образ мира корректируется эмпирическими знаниями о действительности, общими для пользователей определенного естественного языка.

Итак, образ мира, передаваемый с помощью языка, схематичен, т.е. можно сказать, что он неоднозначен, а, следовательно, может быть выражен разными способами, с помощью разных языковых единиц. Это представляется возможным благодаря тому, что глубинная сущность картины мира настолько многогранна, что не может существовать какого-либо определенного, закрепленного способа для выражения того или иного понятия. К тому же следует учитывать и этнографические факторы, влияющие на разнообразие средств выражения.

При выявлении особенностей картины мира этноса или субэтноса следует учитывать типологичность в образных языковых картинах мира, отражающих реальность через культурные картины мира. Эта типологичность возникает как в силу единства человеческого феномена, так и в результате частичного совпадения картины объективной действительности: ландшафта, флоры, фауны, жизнедеятельности людей [1].

Человек живет в условиях социально-психологического многомирья, ограниченного своеобразием его деятельности, общественных связей, характера личности и т.п. У каждого мира есть специфические речевые сигналы, известные определенному кругу носителей языка. Наиболее четко сигналы многомирья, сигналы «конкретного» мира выражены в словах-концептах, в лексике и фразеологии, в пословицах и поговорках, крылатых словах и выражениях. В данной статье рассматриваются фразеологические единицы, поскольку именно фразеологизмы, по нашему мнению, являются важнейшими носителями лингвокультурной информации, отражающей особенности миропонимания и мировосприятия этноса.

Маркированность национальной специфики фразеологического образа создается отбором реалий, известных конкретному этносу, топонимов, антропонимов, гидронимов, характерных для той или иной страны, что значительно облегчает исследование значения единицы. Однако, согласно В.Н. Телия, одной из основных задач лингвокультурологии должно являться не рассмотрение этого «поверхностного» признака культурной самобытности, а выявление в значении фразеологизмов всех имплицитных культурно значимых сигналов, поскольку между предметными областями языка и культуры нет прямой корреляции [5].

Выполняя функции источника и хранителя информации, язык одновременно является способом выражения накопленного знания и базой для

формирования нового. Как «носитель информации» конкретный язык выступает в качестве инструмента социальной наследственности, благодаря которому человек может обращаться к знаниям и опыту предыдущих поколений, чтобы затем получать новые знания [2]. Благодаря языку СМИ картина мира получает возможность социального репродуцирования, связанного с активным отношением к прошлому опыту, что позволяет отбирать, сохранять и создавать то, что способствует дальнейшему развитию общества, следствием чего становится создание особого информационно-языкового видения мира.

В последние десятилетия именно СМИ становятся реальной силой, оказывающей значительное влияние на жизнь общества, влияют на сохранение единства общества и на формирование общественного мнения; на сознание людей и на систему духовных ценностей; на национальную культуру и на речевую практику социума. Поэтому мы можем предположить, что именно в СМИ отражается та картина мира, которая присуща народу на современном этапе развития.

При рассмотрении текстов итальянских и французских СМИ нами было выявлено несколько групп ФЕ, относящихся к сфере «культура». Поскольку Италия и Франция являются странами с богатым культурным прошлым, в итальянских и французских СМИ широко используются фразеологизмы, вербализующие концепт «культура».

Так, история обеих стран, являясь важнейшим элементом, на котором основывается культура, находит свое отражение в таких ФЕ, как *spillare i quattrini* (отдавать деньги), *échauffer la bile à qn* (злить кого-то, а досл. – разогреть желчь), *la fontaine de jouvence* (источник молодости, а досл. – фонтан молодости): *basta farsi spillare i quattrini, bisogna imparare i giochi d'azzardo* (хватит позволять вытягивать из себя деньги, нужно учиться играть в азартные игры). Культурная «память» этих слов, связанных с историко-культурными традициями стран в некоторой степени объясняет специфику когнитивных моделей, определяющих своеобразие данной этнической языковой картины мира. Образы, мотивирующие значение данных фразеологизмов, основаны на метафорическом переносном значении: в основе образов фразеологизмов обычно лежит явление, хорошо знакомое данному народу [3].

Часто лексические единицы, образующие языковую картину мира, связаны с народными поверьями. Эти поверья закрепляются в жизни народа и, соответственно, находят отражение в этнической языковой картине мира, которая выражается через систему понятий, основанных на представлениях человека об окружающем его мире. Например, существовало поверье, что человек, искупавшийся в «фонтане молодости» (*la fontaine de jouvence*), надолго остается молодым. Языковая картина мира сохранила отражение этого поверья даже тогда, когда научная картина мира доказала ошибочность этого представления.

Историзмы *jouvence* (вечная молодость), *quattrini* (кваттрини – старинная мелкая монета), входящие в состав современных ФЕ, демонстрируют значение исторических реалий для мировосприятия современного человека, доказывают, что старинное и современное тесно связано и не существует одно без другого в сознании итальянского и французского этносов. ФЕ *échauffer la bile à qn*, употребляющийся в ситуации, когда человек очень раздражен, связан с древним представлением о том, что в человеке присутствует 4 вида жидкости, определяющих его психическое состояние. Присутствие этого образа желчи, закрепленного в языковой картине мира, отражают средневековые представления о медицине.

Особую группу представляют итальянские фразеологизмы, касающиеся области искусства: театра, музыки, и т.д. Такие фразеологизмы, как *andare in completa sintonia* (прекрасно понимать друг друга, а досл. – идти в полной симфонии), *coi lumi e con rossetto* (окончательный вариант, а досл. – с рампой и красками), *secondo violino* (напарник, а досл. – вторая скрипка) не только характеризуют Италию как страну в высоком уровне развития культуры, но и демонстрируют значимость данных понятий, отраженных в языковой картине мира, для итальянского народа.

Интересно также отметить наряду с «осколками» картины мира, отражающими культурные ценности, также существуют многочисленные фразеологизмы, относящиеся к сфере «игра»: *scoprire le carte* (открыть карты), *mettere fuori gioco* (оставить вне игры), *testa o croce* (орел или решка, а досл. – голова или крест), *essere in palio* (разыгрываться, а досл. – быть на шелковом знамени), *fare terno* (сделать ставку, а досл. – сделать терно): *in palio circa 2,5 milioni di euro tra finanziamneti e borse di studio; la vita non si lascia ridurre a mano di testa o croce*.

Еще одну группу мы охарактеризовали как фразеологизмы, отражающие бытовые обычаи представителей этносов Италии и Франции, например *faire bouillir la marmite* (быть подспорьем для семьи, а досл. – заставить кипеть котелок), *conter fleurette* (флиртовать, а досл. – рассказывать цветочки), *tenere alta la guardia* (быть настороже, а досл. – держать высоко охрану), *fiore all'ochiello* (краса и гордость, а досл. – цветок в петлице): *la necessità di tenere alta la guardia contro le frodi a taviola che mettono a rischio la salute dei cittadini*. Отражение разных сторон повседневной жизни во фразеологизмах свидетельствует о том, что картина мира, закрепленная в текстах СМИ, репрезентирует то мировидение, которое характерно для представителей этносов Италии и Франции, поскольку передает их традиции и обычаи.

Библиографический список:

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русское слово. – 1997. – С. 152–155.

2. Володина, М.Н. Язык средств массовой информации / М.Н. Володина. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С. 310–312.
3. Ермолаева, М.В. Культурологический аспект семантически значимых смыслов в значении гендерно маркированных и гендерно управляемых фразеологизмов / М.В. Ермолаева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2011. – № 22 (239). – С. 42–43.
4. Новикова, Н.С. Многомирье в реалии и общая типология языковых картин мира / Н.С. Новикова, Н.В. Черемисина // Филологические науки. – 2000. – № 1. – С. 36–45.
5. Телия, В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов: От мировидения к миропониманию / В.Н. Телия // Славянское языкознание: докл. рос. делегации. – М.: Языки славянской культуры, 1993. – С. 87–89.
6. Черникова, Е.М. Зоонимы и орнитонимы в составе фразеологизмов как способ отражения лингвокультурной информации (на материале французского и итальянского газетного текста) / Е.М. Черникова, Н.В. Шатрович // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2010. – № 21 (197). – С. 46–48.

[К содержанию](#)

ББК Ч448.043 + X
УДК 378.44 + 34

ОБОСНОВАНИЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВОСПИТАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Е.Г. Шрайбер

В данной статье рассматривается необходимость и целесообразность воспитания совести, справедливости и ответственности как профессионально значимых личностных качеств будущих юристов в студенческом возрасте, учитывая его психологические особенности.

Ключевые слова: профессионально значимые личностные качества, будущий юрист, студенчество, сенситивный период, нравственное сознание.

В соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «бакалавр») бакалавр в соответствии с целями ОПОП и задачами профессиональной деятельности должен обладать следующими компетенциями: осознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать

достаточным уровнем профессионального правосознания (ОК-1); способность добросовестно исполнять профессиональные обязанности, соблюдать принципы этики юриста (ОК-2); обладать культурой поведения, готовность к кооперации с коллегами, к работе в коллективе (ОК-5); иметь нетерпимое отношение к правонарушениям, уважительно относиться к праву и закону (ОК-6); стремиться к саморазвитию, повышению своей квалификации и профессионального мастерства (ОК-7); способность осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры (ПК-2); способность принимать решения и совершать юридические действия в точном соответствии с законом (ПК-4); способность уважать честь и достоинство личности, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ПК-9); способность выявлять и давать соответствующую оценку коррупционного поведения и содействовать его пресечению (ПК-12) [5].

Учитывая анализ исследований в области профессиональной этики юриста, кодексов чести судьи, нотариуса, сотрудника полиции, кодекс профессиональной этики адвоката и других документов, устанавливающих этические нормы и правила поведения, требований вышеуказанного федерального государственного образовательного стандарта, а также результаты собственного исследования, мы пришли к выводу о том, что основу ведущих нравственных качеств юриста составляют совесть, справедливость и ответственность [6].

Воспитание указанных качеств приходится на возраст 17–19 лет, то есть на первые два курса вуза. В данный период и реализуется образовательный процесс, направленный на воспитание профессионально значимых личностных качеств будущих юристов [7]. Необходимость и целесообразность воспитания совести, справедливости и ответственности как профессионально значимых личностных качеств будущих юристов именно в студенческом возрасте обусловлена психологическими особенностями данного возраста.

Заслуга самой постановки проблемы студенчества как особой социально-психологической и возрастной категории принадлежит психологической школе Б.Г. Ананьева. Изучением студенчества как социальной группы занималась лаборатория социологических исследований ЛГУ под руководством В.Т. Лисовского.

Студенческий возраст, по утверждению Б.Г. Ананьева, является сензитивным периодом для развития основных социогенных потенций человека. Высшее образование оказывает огромное влияние на психику человека, развитие его личности. За время обучения в вузе, при наличии благоприятных условий у студентов происходит развитие всех уровней психики. Они определяют направленность ума человека, т.е. формируют склад мышления, который характеризует профессиональную направленность личности [1].

Основными характеристиками студенческого возраста, по мнению И.А. Зимней, являются высокий образовательный уровень, высокая познавательная мотивация, наивысшая социальная активность и достаточно гармоничное сочетание интеллектуальной и социальной зрелости. В плане общепсихического развития студенчество является периодом интенсивной социализации человека, развития высших психических функций, становления всей интеллектуальной системы и личности в целом [2].

Если же изучить студента как личность, то возраст 17–20 лет – это период наиболее активного развития нравственных и эстетических чувств, становления и стабилизации характера и, что особенно важно, овладения полным комплексом социальных ролей взрослого человека: гражданских, профессионально-трудовых и др. Во время учёбы в вузе у молодого человека возникает проблема выбора жизненных ценностей, он стремится сформировать внутреннюю позицию по отношению к себе («Кто Я?», «Каким Я должен быть?»), по отношению к другим людям, а также к моральным ценностям. Именно в юности молодой человек сознательно отрабатывает свое место среди категорий добра и зла. «Честь», «достоинство», «право», «долг», «совесть» и другие характеризующие личность категории остро волнуют человека в юности. В юности молодой человек расширяет диапазон добра и зла до предельных границ и испытывает свой ум и свою душу в диапазоне от прекрасного, возвышенного, доброго до ужасного, неизменного злого. Юность стремится прочувствовать себя в искушениях и восхождении, в борьбе и одолении, падении и возрождении – во всем том многообразии духовной жизни, которое свойственно состоянию ума и сердца человека. Именно в юности происходит становление социально значимых свойств личности, проявляется способность к сопереживанию, к активному нравственному отношению к людям, к самому себе и к природе, способность к усвоению конвенциональных ролей, норм, правил поведения в обществе и др.

В развитии нравственного сознания многие психологи и философы выделяют три главных этапа: доморальный уровень, когда ребенок выполняет установленные правила, исходя из эгоистических соображений, конвенциональную мораль, ориентирующуюся на внешние нормы поведения и, наконец, автономную мораль, т.е. ориентацию на внутреннюю, автономную систему принципов. «Постепенный переход к автономной морали начинается в юности...», – считает И.С. Кон [3, с. 207].

По когнитивно-генетической теории морального развития Л. Колберга, развитие морального сознания ребенка идет параллельно его умственному развитию, в котором он выделяет несколько фаз. Так вот «автономная мораль», когда моральное решение переносится внутрь личности, «...открывается стадией 5А, когда подросток осознает относительность и условность нравственных правил и требует их логического обоснования.

На стадии 5В релятивизм сменяется признанием существования некоторого высшего закона, выражающего интересы большинства. Лишь после этого (стадия 6) формируются устойчивые моральные принципы, соблюдение которых обеспечивается собственной совестью, безотносительно к внешним обстоятельствам и рассудочным соображениям» [4, с. 206–207].

Таким образом, принимая во внимание, что центральными психическими процессами юношеского возраста являются развитие сознания и самосознания, благодаря чему у студентов формируется целенаправленное регулирование его отношений к окружающей среде и к своей деятельности. Иными словами, происходит осознание человеком своей индивидуальности, неповторимости; идет становление самосознания и формирования образа «Я» в контексте его взаимодействия с социальным окружением, со сверстниками.

Исходя из чего можно утверждать, что данный возраст является благоприятным для воспитания совести, справедливости и ответственности как качеств, составляющих основу его нравственной сущности и являющихся основополагающими для дальнейшего личностного роста и самосовершенствования на пути достижения духовности личностью, не забывая о том, что данные качества являются еще и профессионально ценными для молодых людей, желающими в будущем стать юристами.

Библиографический список

1. Ананьев, Б.Г. К психофизиологии студенческого возраста / Б.Г. Ананьев // Современные психологические проблемы высшей школы. – Л., 1974. – Вып. 2.
2. Зимняя, И.А. Педагогическая психология: учеб. для вузов по пед. и психол. направлениям и специальностям / И.А. Зимняя. – М.: Логос, 2004. – 382 с.
3. Колберг, Л. Подход Лоуренса Колберга к нравственному воспитанию / Л. Колберг, Ф. Пауэр, Э. Хиггинс // Психологический журнал. – 1992. – № 3. – С. 173–175.
4. Кон, И.С. Психология ранней юности: кн. для учителя / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 255.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»). – URL: <http://www.edu.ru>.
6. Шрайбер, Е.Г. Ведущие профессиональные нравственные качества юриста / Е.Г. Шрайбер // Вопросы взаимосвязи образования и самообразования студентов: тематический сборник научных трудов / под ред. Г.Н. Серикова, Д.Ф. Ильясова. – Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2004. – Вып. 10. – С. 89–95.

7. Шрайбер, Е.Г. Модель воспитания профессионально значимых личностных качеств будущих юристов / Е.Г. Шрайбер // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. – № 4: Научный журнал. – С. 1103–1108.

[К содержанию](#)

ББК Ш100.4 + Ш100.3

УДК 81'23 + 81'27

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО
ПОЛЯ «ОБРАЗОВАНИЕ»**

Я.А. Шульдайс

Статья посвящена исследованию языкового сознания носителей русского языка на материале семантического поля «Образование». Выявлены общие и характерные черты языкового сознания разных возрастных групп.

Ключевые слова: языковое сознание, семантическое поле, свободный ассоциативный эксперимент, метод «семантического гештальта».

Проблема языкового сознания занимает важное место в психолингвистической науке, его изучением занимаются ведущие ученые Московской психолингвистической школы, такие как: Е.Ф. Тарасов, Т.Н. Ушакова, Н.В. Уфимцева, Ю.Н. Караулов и другие.

За рабочее мы приняли определение, данное Е.Ф. Тарасовым, языковое сознание – «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [1].

Для изучения особенностей языкового сознания мы провели свободный ассоциативный эксперимент, были рассмотрены ассоциативные значения слов, входящих в семантическое поле «Образование»: обучение, диплом, университет, наука, книги, культура, школа, контроль, интеллигенция, экзамен, студент, специалист, престиж, занятия, учитель, преподаватель, домашнее задание, мучение, стипендия, оценка.

Выбор данного семантического поля обусловлен проведением многочисленных реформ и нововведений в образовательной сфере, получением образования людьми разного возраста.

Полученное ассоциативное поле исходного слова-стимула позволяет определить, какое значение оно получает в сознании определенной возрастной группы. Данное ассоциативное поле рассматривается как модель образа сознания, которая содержит в себе набор знаний, свойственных определенной возрастной категории.

В эксперименте приняли участие восемьдесят восемь испытуемых, которые были разделены по четырем возрастным группам пятнадцать – двадцать, двадцать один – тридцать, тридцать – пятьдесят, четвертая группа – после пятидесяти, в состав каждой группы вошли двадцать два человека.

Для анализа результатов эксперимента был использован метод «семантического гештальта» Ю.Н. Караулова, строящийся на основе семантической классификации, состоящей из входящих в поле реакций и включающей в себя несколько семантических зон, объединяющих характерные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия [2]. Для обозначения зон используют местоименные названия, передающие наиболее общие смыслы. Распределения реакций по гештальтам «кто», «что», «какой», «делать» и так далее. Данные зоны характеризуют важные признаки, создающие обобщенный образ восприятия мира, который стоит за конкретным словом.

В сознании человека отображаются объекты, явления действительности, которые он воспринимает в процессе своей деятельности и общения. Сознание отождествляется с образом мира, в который входят сам человек, его действия, состояния. Значение – важнейшая часть сознания, так как оно является идеальной формой существования мира, его отношений, связей, свойств. Именно благодаря значениям возможна передача знаний от поколения к поколению. Значения представляют собой идеальную форму существования предметного мира, они постоянно воспроизводятся в головах конкретных индивидов, управляя их внутренней и внешней деятельностью [3].

В эксперименте приняли участие восемьдесят восемь человек. Участники эксперимента изначально были поделены на возрастные группы (в каждой группе по двадцать два человека соответственно):

- пятнадцать – двадцать;
- двадцать один – тридцать;
- тридцать – пятьдесят;
- старше пятидесяти лет.

В основе выделения возрастных групп мы взяли исторический фактор, а именно распад СССР. 1-я группа родилась в России, училась в школе и получает высшее образование в этой стране, 2-я группа родилась в СССР, училась в школе в 90-е годы, получала высшее образование в 2000-е годы в России, 3-я группа получала среднее и высшее образование в 70–90-е годы, 4-ая группа получала среднее и высшее образование во времена СССР.

На двадцать слов-стимулов было получено 1684 реакции, 36 отказов дать ассоциацию.

Сравнивая и сопоставляя полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента результаты, мы можем вывести общие и специфические черты языкового сознания разных возрастных групп.

Во всех группах семантические зоны слов характеризуются определенным подобием. Мы выделяем следующие общие черты:

1. Наблюдается преобладание семантической группы «Что» (в том числе в ядрах ассоциативных полей). Например, университет: МГУ, высшее образование, учеба, сессия, работа, название, образование, кулинарий; экзамен: ЕГЭ, подготовка, проверочная, математика, ручка. Это говорит о том, что носитель русского языка прежде всего понимает под «образованием» некоторый предмет, явление. Слово-стимул и слово-реакция связаны парадигматическими отношениями. Очевидно, что сейчас вышперечисленные понятия ассоциируются, прежде всего, с атрибутами, орудиями и предметами, связанными с процессом получения образования.

2. Одинаково наполнение семантической зоны «Кто» (около 5 %). Например, преподаватель: студент, мужчина. Данный тип реакции является одним из наименее распространенных, что говорит о нехарактерности связывания понятия «образование» с субъектом. Данный результат не совпадает с результатами многих исследований (например, экспериментов, проведенных для создания Русского ассоциативного словаря), так как человек занимает центральное положение в языковом сознании русских.

3. В ядрах полей преобладают реакции, входящие в зоны «Что», «Это», «Какой», выражаются предметы, признаки, ассоциируемые со словом-стимулом, кроме того, даются определения слов-стимулов.

4. Мы отметили характерные черты языкового сознания респондентов.

5. Проанализировав результаты ассоциативного эксперимента, мы сделали вывод, что наблюдается тенденция повышения процента наполняемости семантических зон «Что», «Это». Например, занятия: каждодневный труд, нудный процесс, увлеченность чем-либо. То есть, чем старше респондент, тем чаще он приводит квазидефинитивные реакции или реакции, состоящие в парадигматических отношениях со словом-стимулом.

6. Процент наполняемости зоны «Какой» снижается с увеличением возраста. Больше всего реакций, описывающих признаки предмета, явления, зафиксировано у 1-ой и 2-ой групп. Характерной особенностью наполняемости семантической зоны «Какой» является тот факт, что данная зона в основном биполярна в языковом сознании представителей 1-ой группы (реакции в рамках «хороший – плохой») и имеет более сложную структуру в языковом сознании остальных групп.

7. Слова-стимулы, выбранные нами, вступают в синтагматические отношения с реакциями, входящими в зону «Какой» или в зону «Делать». Например, студент: бедный, обучаемый; школа: наконец-то закончилась. Рассматривая наполняемость обеих зон мы заметили, что для 1-ой, 2-ой и 3-ей группы характерно примерно одинаковое число реакций 23–24 %. Однако для 4-ой группы это число намного меньше, примерно 13 %. Это происходит за счет того, что зона «Какой» занимает всего лишь 8,5 % сре-

ди реакций 4-ой группы. Мы приходим к выводу о том, что синтагматические отношения для людей возрастом 15–50 лет строятся на основе наполнения группы «Какой», которая представлена в 2–2,5 раза меньшим количеством реакций у 4-ой группы.

8. Однако, в ядре семантическая зона «Делать» представлена только у 4-ой группы. Для респондентов данной возрастной категории образование – это процесс, действие, в ходе которого необходимо работать, получать знания.

9. Только у респондентов 4-ой группы представлены семантические зоны «Где», «Поэтому». Например, учитель: у доски. Люди возрастом более 50 лет имеют больше опыта, поэтому для их языкового сознания характерно наличие большего числа связей, отношений.

10. Особенностью языкового сознания 1-ой возрастной группы является большое количество отказов дать реакцию. Это может быть вызвано тем, что респондент не знает значение слова, или реакция, возникшая в его сознании, расплывчата, не определена, не может быть выражена средствами языка.

Наличие общего и характерного в языковом сознании каждой группы обусловлено двумя факторами: с одной стороны, возможность общения между носителями языка существует благодаря общности значения слов, используемых в коммуникации, с другой стороны, носители языка разного возраста обладают разным коммуникативным, бытовым, перцептивным опытом, что обуславливает различия в языковом сознании данных групп.

Библиографический список

1. Тарасов, Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов. // Языковое сознание и образ мира: сб. науч. тр. / под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.
2. Караулов, Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю.Н. Караулов. // Языковое сознание и образ мира: сб. науч. тр. / под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 191–206.
3. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – 2-е изд., стер. – М.: Академия: Смысл, 2005. – 352 с.

[К содержанию](#)

УДК811.112.2

ББК Ш143.24

**НОМИНАТИВНЫЕ (БЫТИЙНЫЕ) ПРЕДЛОЖЕНИЯ
С КОМПОНЕНТОМ ES В ФУНКЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО
ПОДЛЕЖАЩЕГО В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
И ИХ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

О.В. Якушева

Номинативные (бытийные) предложения конкретно называют и разносторонне характеризуют явления и события окружающего мира. Среди номинативных (бытийных) предложений в немецком языке и в их синтаксических эквивалентах в русском языке выделились те же основные семантические группы, что и среди безличных предложений. Это свидетельствует о том, что субъектом номинативных (бытийных) предложений в русском и немецком языках на концептуально-семантическом уровне выступает «окружающий мир, бытие», соотносимые со значением объективно-логического лица. Однако служебная функция грамматического подлежащего за местоимением 3-го лица ед. ч. это в современном русском языке остается незакрепленной.

Ключевые слова: номинативные предложения, объективное логическое лицо, односоставное предложение, подлежащее.

К группе номинативных (бытийных) предложений мы относим такие предложения, которые в немецком языке состоят из грамматического подлежащего *es*, глагола-связки *sein* или *werden* и именной части, выраженной именем существительным в форме именительного падежа или косвенного падежа с предлогом или без предлога. В ходе анализа группы номинативных (бытийных) предложений в современном немецком языке и их синтаксических эквивалентов в русском языке (450 ед. – 15 %) было выявлено, что глаголы этих предложений (в обоих языках) в подавляющем большинстве случаев обнаруживают семантическую непереходность (397 ед. – 88 %) [5]. В номинативных (бытийных) предложениях в немецком языке приблизительно в 40 % случаев употребляется не местоимение *es*, а указательное *das*. Местоимение *es* имеет значение указания на факт существования предмета или явления и в переводе на русский язык соотносимо с эквивалентным ему по значению местоимением *это*, например: *Katja lächelte, es war ein weiches, kleines Lächeln.* – *Катя улыбалась, это была легкая еле заметная улыбка* [7]. Вероятно, указательное значение местоимения *es* в номинативных (бытийных) предложениях исторически идет от указательного *das*. Следовательно, номинативные (бытийные) предложения в немецком языке – это полные двусоставные предложения. Синтакси-

чески номинативные (бытийные) предложения немецкого языка эквивалентны в русском языке в 94 % случаев также номинативным (бытийным) предложениям. В русском языке бытийные (номинативные) предложения по структуре обычно односоставные [2], например: *Осень* (ср. нем.: *Es ist Herbst*). В прошедшем же времени также опускается грамматическое подлежащее в форме указательного местоимения это, а глагол-связка быть сохраняется [2, 3, 4], например: *Была осень* (ср. нем.: *Es war Herbst*). В других же номинативных (бытийных) предложениях может быть пропущен только глагол-связка в настоящем времени, а грамматическое подлежащее выражено указательным местоимением 3-го лица ед.ч. это, например: *Это сказка* (ср. нем.: *Es ist ein Märchen*). Их основная функция называние или именованье предметов и явлений, указание на их существование, поэтому номинативные (бытийные) предложения определяют так же, как назывные.

Отличительной особенностью номинативных (бытийных) предложений в русском языке [1, 2, 3, 4] является то, что именная часть составного именного сказуемого может быть не в форме именительного падежа, а в творительном или родительном падеже: *Es war eine Leistung, da stark zu bleiben.* – **Это было достижением, оставаться сильным в такой ситуации** [8]. Синтаксическими эквивалентами в русском языке бытийным предложениям немецкого языка выступают безличные предложения со сказуемым, выраженным глаголом ($\approx 3\%$), с составным именным сказуемым (1,5 %) и двусоставные несогласованные предложения/двусоставные несогласованные предложения с обратным порядком слов, как способ выражения коммуникативных отношений (1,5 %). Инверсия порядка слов в русском языке является способом построить предложение в рематическом плане. В ряде предложений немецкого языка (7 единиц) мы встречали синтаксические структуры с подобной семантикой. Поскольку в немецком предложении компонент *es*, являясь структурным подлежащим, вводит предложение, то предикативное существительное называет новую информацию и несет рематическую нагрузку. Русский язык, не обладающий подобным грамматическим компонентом, достигает той же цели, но при помощи изменения порядка слов. Сравните: *Es wäre ein Zufall, wenn sie zurückfinden würde.* – **Произошло бы совпадение, если бы она нашлась** [9].

Рассмотрим некоторые другие семантические особенности номинативных (бытийных) предложений в современном немецком языке и их синтаксические эквиваленты в русском языке на примерах:

1. Номинативные (бытийные) предложения выражают характеристику окружающей среды, например: *Es ist Morgen.* – **Утро.** *Es stellte sich heraus, dass es aufgewirbelter Schnee war.* – **Оказалось, это был вихрем кружащийся снег** [9]. Они являются параллельной конструкцией к номинативной бытийной конструкции *es gibt*, а также к безличным предложениям с предикативными наречиями, например: *Es ist dunkel.* – **Темно.**

2. Номинативные (бытийные) предложения характеризуют бытие (жизнь) как действительный процесс, подчеркивают ход времени, определяют срок события, например: *Er sagte: „... Es ist euer Leben“*. – Он сказал: «...Это ваша жизнь» [5].

3. Номинативные (бытийные) предложения описывают психофизическое состояние, переживания, чувства человека, в них присутствие структурного подлежащего *es* может быть факультативно при наличии семантического подлежащего в форме существительного или местоимения в косвенном падеже, например: *Mir ist (es) Angst*. – Мне страшно [8]. *Es ist mir immer eine Freude*. – Для меня это всегда радость (Я всегда рад этому) [6]. Параллельными семантическими конструкциями являются двусоставные предложения со значением обладания с глаголами *haben, geben* + прямое дополнение с семантикой психофизического состояния, например: *Ich habe Angst*. Семантически синонимичными являются также безличные предложения с предикативным наречием, например: *Es ist schade. Mir ist (es) kalt*.

4. Номинативные (бытийные) предложения описывают когнитивные процессы, происходящие в мышлении человека, например: *Es ist doch noch eine ganz unausgegorene Idee*. – Это еще совсем не созревшая идея [9].

5. Номинативные (бытийные) предложения указывают на предмет, явление или уже произведенное действие, например: *Dann sagte die Frau nur: „Oh!“ Es war ein eigentümlich schlichter Laut...* – Потом женщина только и сказала: «Ой!» Это был необыкновенно сдержанный звук... [6].

6. Номинативные (бытийные) предложения указывают на человека, называя его по имени или обозначая его профессию, род занятия, степень семейного родства, например: *Es war Webmaster*. – Это был настройщик компьютеров [6]. *Es war Maritta Alling*. – Это была Маритта Аллинг [6]. *Es ist eine Halbschwester*. – Это сводная сестра [6]. Возможно также указание на предметы и объекты окружающего мира, например: *Es ist Stockholm*. – Это Стокгольм [6].

7. Номинативные (бытийные) предложения, как разновидность назывных предложений, выражают модальные значения, давая оценку бытия или обозначая отношение к событию, например: *Es ist Allahs Wille*. – Это воля Аллаха [9]. *Es ist seine freie Entscheidung*. – Это его добровольное решение [6]. Среди безличных предложений также существуют конструкции, семантически синонимичные бытийным предложениям:

– с предикативными наречиями, например: *Es ist nötig (möglich)*. – Нужно (возможно);

– с глаголом *haben*, например: *Es hat keinen Zweck (Sinn)* – Не нужно. В этом нет смысла (необходимости);

– с безличным пассивом, выражающим законченность действия или состояние, например: *Es kann anders gewesen sein*. – Могло быть иначе.

8. Номинативные (бытийные) предложения в разговорной речи приобретают значение устойчивых выражений, например: *Es ist der Fall*. – Как

раз. Так и есть. *Es war Glück im Unglück.* – Не было бы счастья, да несчастье помогло (*это было счастье в несчастье [9]; в случаях, обозначенных в работе значком *, мы даем подстрочный перевод, не соответствующий нормам русского языка, чтобы более ярко подчеркнуть внутреннюю семантику компонента es). *Es ist höchste Zeit.* – Пора. Самое время [9].

Таким образом, номинативные (бытийные) предложения конкретно называют и разносторонне характеризуют явления и события окружающего мира. Среди номинативных (бытийных) предложений в немецком языке мы выделяем те же основные семантические типы, что и среди безличных предложений: характеристика событий и бытия человека; бытие; отношение к бытию (жизни); характеристика хода бытия; изображение окружающего пространства (через зрительные, слуховые образы); качественное состояние окружающей среды. Характеризуясь грамматической двусоставностью, синтаксические структуры номинативных (бытийных) предложений в русском и немецком языках в 94 % случаев совпадают. Это свидетельствует о том, что субъектом номинативных (бытийных) предложений в русском и немецком языках на концептуально-семантическом уровне выступает «окружающий мир, бытие», соотносимые со значением объективного логического лица. Однако служебная функция грамматического подлежащего за местоимением 3-го лица ед. ч. это в современном русском языке остается незакрепленной.

Библиографический список

1. Бабайцева, В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2004. – 512 с.
2. Валгина, Н.С. Современный русский язык: Синтаксис / Н.С. Валгина. – М.: Высшая школа, 2005. – 416 с.
3. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Яз. слав. культуры, 2001. – 510 с.
4. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: Госиздат. Украины, 1926; Киев: Синто, 1993. – 189 с.
5. Якушева, О.В. Предложения с компонентом es в немецком языке и их синтаксические эквиваленты в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Якушева. – Челябинск, 2013. – 178 с.
6. Eschbach, A. Der Nobelpreis / A. Eschbach. – Köln-Regensburg: Gustav Lübbe Verlag in der Verlagsgruppe Lübbe, 2005. – 555 S.
7. Fischer, M.L. Kinderärztin Dr. Katja Holm / M.L. Fischer. – Genehmigte Sonderausgabe, 1998. – 143 S.
8. Konsalik, H.G. Leila, die Schöne vom Nil / H.G. Konsalik. – München: Verlag München-Breitbrunn. – 256 S.
9. Ziergiebel, H. Zeit der Sternschnuppen / H. Ziergiebel. – М.: Менеджер, 2001. – 384 с.

[К содержанию](#)

ББК Ч448.027

УДК 378.037.5 + 378.041

О МОТИВАЦИОННОМ АСПЕКТЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В НЕПРЕРЫВНОМ ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Е.Н. Ярославова

Установлено, что сочетание познавательного интереса к предмету и профессиональной мотивации позволит сформировать ценностное отношение к изучаемому предмету как средству взаимосвязанного личностного и профессионального развития. Конкретизирована структура мотивации изучающего иностранный язык. Предложены приёмы развития мотивационных стратегий у обучающихся.

Ключевые слова: непрерывное иноязычное образование, самореализация, мотивация, стратегии.

Развитие идей личностно-ориентированного подхода в современной педагогике и лингводидактике связывается с различными аспектами самодетельности, саморазвития и самореализации личности в процессе образования. При этом реализация гуманистической стратегии непрерывного профессионально-ориентированного иноязычного образования неотделима от комплексного решением проблемы продуктивной организации целостного учебно-воспитательного процесса, в центре которого находится личность обучающегося, а его стержнем выступают мера ее включенности в творческую созидательную образовательную деятельность. (Н.И. Алмазова, Ю.В. Ерёмин, Н.Ф. Коряковцева, А.В. Рубцова,) [2; 3; 5]. Продуктивность выступает как процесс и как конечный совокупный результат становления и развития личности, способной к самообразованию, саморазвитию и самореализации, что в конечном итоге призвано обеспечить профессиональный и коммуникативно достаточный уровень языковой подготовки выпускников вуза [3].

Общепризнанным является факт, что любая деятельность, в том числе деятельность по овладению иностранным языком, является полимотивированной. На пути профессионализации мотивы обучающихся претерпевают существенные трансформации и опосредуют активную деятельность, придают ей личностный смысл, тем самым, делая процесс изучения языка более привлекательным, вызывающим положительные эмоции и стремления. В процессе иноязычного образования происходит построение субъектом образования своего личного поликультурного развивающего образовательного пространства и определение места иностранного языка в нём, что и обуславливает текущие и конечные цели учебной деятельности. Залогом успешного обучения является заинтересованность обучаемого в достиже-

нии цели иноязычного образования: взаимосвязанным личностным и профессиональным развитием, которое выражается в формировании черт профессионально-ориентированной поликультурной языковой личности, способной к самоопределению и самореализации [7].

Исследования в области педагогики и психологии показывают, что система мотивов, которые лежат в основе заинтересованности обучающихся в освоении деятельности, образуют иерархию, побуждающую личность ставить проблемы и концентрировать усилия на их разрешении (А.Г. Асмолов, А.А. Вербицкий, Л.С. Выготский, И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев). По нашим наблюдениям в непрерывном иноязычном образовании можно выделить следующие группы мотивов: мотивы достижения, познавательные мотивы, профессиональные мотивы, мотивы самореализации.

В случае мотивации достижений деятельность по овладению иностранным языком является средством достижения цели, лежащей вне этой деятельности, и связана с отношением к иноязычному образованию как средству самоутверждения, достижения благополучия. При познавательной (внутренней) мотивации учения новое знание совпадает с целью деятельности по иноязычному образованию (овладение компетенциями, позволяющими будущему профессионалу успешно осуществлять свою деятельность), что проявляется в личной включённости обучающегося в образовательный процесс, стремлением к непрерывному изучению иностранных языков, саморазвитию.

Таким образом, при овладении иностранным языком в условиях познавательно-профессиональной деятельности необходимо, чтобы познавательная мотивация трансформировалась в мотивацию профессиональную. Сочетание познавательного интереса к предмету и профессиональной мотивации позволит сформировать ценностное отношение к изучаемому предмету как средству взаимосвязанного личностного и профессионального развития и создаст основу для самореализации будущего профессионала. Именно такая задача и стоит перед педагогами и обучающимися в целях создания условий для формирования продуктивной образовательной среды, предоставляющей возможности для реализации потенциала иноязычного образования в данном аспекте.

Как показывают проведённые нами исследования [7], на начальном этапе обучающиеся с готовностью и большим интересом приступают к изучению дисциплины, однако цель иноязычной подготовки обусловлена скорее мотивацией достижений, чем другими видами мотивации, перечисленными выше. Владение иностранным языком расценивается как одно из условий успешного карьерного роста, профессиональной мобильности, расширения сферы коммуникации.

Однако в современных условиях формирования нового образовательного контекста, где акцент делается на целостном развитии личности будущего профессионала, ориентация на прагматическую сторону иноязыч-

ной подготовки, как справедливо было отмечено С.К. Гураль, становится неадекватной реальности. В новых обстоятельствах актуализируется необходимость обращения к языку как к средству познания действительности [1].

Отметим, что познавательная функция иностранного языка заключается в том, что он выступает инструментом освоения других культур и предметных областей, являясь базой для дальнейшего образования и самосовершенствования личности. Будущий профессионал посредством иностранного языка формирует представление о процессах, направлениях, тенденциях, состоянии сферы приложения своей деятельности. Вбирая и преломляя совокупность знаний и представлений о мире, он формирует с помощью языка представление человека о мире (концептуальную картину мира), его профессиональной деятельности, о его месте в этом мире, отношении к нему, определяет способы его освоения, преобразования, содействует обретению смысла жизни, даёт возможность «выхода на становление, образование человека – создания образа себя, мира, своих действий в мире, «целого пространства образов» [6], выстраивает перспективу своего развития.

Исследования в области психологии показывают (А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, В.Г. Леонтьев, Н.Ц. Бадмаева), что мотивы самореализации связываются с достижением успеха, самосовершенствованием и самоопределением в осуществляемой деятельности. Учебная мотивация как частный вид мотивации имеет сложную структуру и состоит из потребности в учении, смысла, мотива, цели, эмоции, отношений и интересов. (А.К. Маркова). Н.Ф. Коряковцевой определены составляющие мотивации опытного изучающего иностранный язык, где выделяются аффективный, личностный, иницирующий, инструментальный, когнитивный, продуктивный, рефлексивный и целеполагающий компоненты, представляющие единый комплекс [5]. Знание структуры и функций компонентов мотивации обучающихся в непрерывном иноязычном образовании помогает педагогу разработать комплекс мотивационных стратегий и создать условия для овладения данными стратегиями самими субъектами учения.

Отметим, что мотивацию, которая представляет комплексное личностное образование, может построить только сам субъект, она всегда целенаправлена и связана со сферами личности, обуславливая её активность. Исходя из этого развитие мотивации изучения иностранных языков, на наш взгляд, должна заключаться в следующем:

- осознании мотивов изучения ИЯ (внутренних и внешних) с вектором на внутреннюю мотивацию, а далее мотивацию самореализации; понимание необходимости овладения ИЯ как средством взаимосвязанного личностного и профессионального развития, определение места ИЯ в личном пространстве и себя в познании языковой картины мира;
- заинтересованном отношении к расширению, углублению знаний, овладению новыми аспектами языка, изучению новых языков;
- осознании важности создания личного развивающего поликультурного образовательного пространства;

- стремлении к саморазвитию, самообогащению, самостоятельному поиску и реализации новых возможностей изучения иностранного языка, саморазвития и с помощью различных источников знаний и информации;
- осознании себя как автономной поликультурной коммуникативной личности, несущей ответственность за результаты своей деятельности и способной к самоуправлению своей деятельностью;
- потребности к использованию иностранного языка в разнообразных сферах деятельности: познании, общении, исследовании;
- отношении к иноязычному образованию как средству приобретения новых профессиональных знаний, расширения концептуальной и профессиональной картин мира;
- эмоциональной готовности и открытости к межкультурному профессионально-ориентированному общению.

Педагогу принадлежит важная роль для создания условий, содействующих развитию у обучающихся мотивационных стратегий, с тем, чтобы овладев этими стратегиями при поддержке педагога, у будущего профессионала сформировался стойкий внутренний мотив к непрерывному изучению иностранных языков как средству саморазвития и самореализации.

Рассмотрим, процедуру развития стратегий целеполагания у студентов неязыковых специальностей университета на основе использования технологии SWOT анализа и языкового портфеля.

Система непрерывной иноязычной подготовки, разработанная в ЮУрГУ [7], позволяет комплексно подойти к организации процесса непрерывного иноязычного образования с целью достижения его эффективности и реализации самореализующего потенциала. При этом важным моментом является с самого начала создать условия для личной заинтересованности и осознания обучающимися смысла иноязычной образованности и важности непрерывности иноязычного образования.

Для осознания своих скрытых возможностей и проектирования стратегии личностного развития в начале курса обучения студенты изучают результаты диагностического теста, который проводится с целью определения исходного уровня владения языком; принимают участие в анкетировании для выявления мотивации изучения иностранных языков, наличия предыдущего опыта; проходят психологический тест СЖО (смысложизненных ориентаций). На основании этих данных обучающиеся далее проводят персональный SWOT анализ, выявляют сильные и слабые стороны в иноязычной подготовке, ставят цели (краткосрочные, долгосрочные), намечают перспективы своего развития.

Следующий этап – заполнение электронного языкового портфеля, который, являясь инструментом самооценки, рефлексии собственной познавательной, творческой деятельности обучающегося, позволяет осуществлять самомониторинг.

Такой подход, на наш взгляд, позволяет обучающимся: определить свои персональные потребности в изучении и использовании языка; соотносить внутренние потребности и внешние обстоятельства, влияющие на процесс овладения иностранным языком, его эффективность; ранжировать цели и задачи в зависимости от успешности/неуспешности обучения.

Библиографический список

1. Гураль, С.К. Лингвистическое образование в условиях глобализации / С.К. Гураль, О.Е. Богданова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 296. – С. 31–36
2. Ерёмин, Ю.В. Идеи гуманистичности в профессионально-ориентированном иноязычном образовании с позиции продуктивного подхода / Ю.В. Ерёмин // Письма в Эмиссия.Оффлайн Электронное научное издание (научно-педагогический интернет-журнал). – Июль 2012. – URL: <http://www.emissia.org/offline/2013/1961.htm>.
3. Ерёмин, Ю.В. Культурфилософские основания стратегии реформирования иноязычного образования в высшей школе (продуктивный подход) / Ю.В. Ерёмин, Н.И. Алмазова, А.В. Рубцова // Письма в Эмиссия.Оффлайн Электронное научное издание (научно-педагогический интернет-журнал). – Январь 2013. – URL: <http://www.emissia.org/offline/2013/1961.htm>.
4. Зимняя, И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов / И.А. Зимняя. – М.: Университетская книга; Логос, 2008. – 384 с.
5. Коряковцева, Н.Ф. Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш.учеб заведений / Н.Ф. Коряковцева. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 192 с.
6. Пассов, Е.И. Концепция коммуникативного иноязычного образования (теория и её реализация). Методическое пособие для русистов / Е.И. Пассов, Л.В. Кибирева, Э. Колларова. – СПб: «Златоуст», 2007. – 200 с.
7. Ярославова, Е.Н. Концепция непрерывного профессионально-ориентированного иноязычного образования как условие самореализации будущего специалиста высшей квалификации: монография / Е.Н. Ярославова, М.Г. Федотова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – 320 с.

[К содержанию](#)

УДК 81'23 + 659.1.01

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

О.О. Яшан

В данной статье рассмотрены гендерные особенности рекламного дискурса, обусловленные особенностями речи мужчин и женщин. В ходе исследования проанализировано восприятие рекламы мужчинами и женщинами, приведены стратегии создания рекламного сообщения с учетом гендерного фактора. Отдельно рассмотрены гендерные особенности рекламы в гендерных журналах.

Ключевые слова: рекламный дискурс, гендер, гендерный журнал.

Основа эффективности рекламы – точный выбор и тщательное изучение аудитории воздействия, адресата рекламы, анализ групп потребителей. Восприятие рекламы напрямую зависит от пола человека, поэтому ее успешность всегда обусловлена тем, насколько в ней учтены не только социальные, психологические, но и гендерные особенности потенциального потребителя.

Как известно, существует много различий в речевой деятельности мужчин и женщин. Например, А.А. Дударева говорит о том, что, по данным исследований, «женщина использует в день в среднем 15000 вербальных и 5000 невербальных сигналов, в то время как мужчина использует около 6000 вербальных и 2000 невербальных сигналов. Причем мужчина в большей мере, чем женщина, испытывает дискомфорт, когда исчерпывается его дневной лимит речевой активности» [1].

Важно помнить, что мужчины и женщины разговор строят по-разному. У мужчин предложения короче, чем у женщин, и структурно оформлены. Мужчины обычно дают вводную часть, ясно излагают суть и делают вывод. Из мужской речи легко понять, о чем он говорит и чего он хочет. Женщина в ходе разговора ведет сразу несколько линий. Мужчины же такую речь не воспринимают, они путаются и теряют нить разговора.

Это важно учитывать в рекламе. Реклама для мужчин должна быть четкой и рациональной. Перечислять все достоинства товара не имеет смысла, так как в этом случае мужчина может растеряться и не запомнить рекламу. В женской рекламе практически нет ограничений ни по объему текста, ни по форме его изложения.

Также при создании рекламы нужно учитывать то, для какой категории женщин реклама предназначена. Если это работающая женщина, то текста может быть сравнительно мало, если женщина — домохозяйка, текст может быть более объемным, это создаст ощущение общения и заинтересо-

ванности в ней. По содержанию практически нет ограничений: чем больше характеристик рекламируемого товара будет упомянуто, тем яснее женщина будет осознавать необходимость данного товара лично для нее.

Если реклама нацелена на мужскую и женскую аудиторию, то следует выбрать мужской вариант подачи информации, так как женщина способна воспринимать лаконичный текст, а мужчина пространственный и сумбурный воспринимает с трудом.

По словам А.А. Дударевой, Е.А. Поповой, существует также различие и в употреблении терминов в рекламе, нацеленной на мужчин и на женщин. В ходе эволюции, мужчина-охотник научился передавать большое количество информации с помощью минимального количества слов. Поэтому в мозгу мужчины существует специальная область, отвечающая за словарь, расположенная в задней части левого полушария. У женщин же за словарь отвечают фронтальные и задние части обоих полушарий, которые также отвечают за целый ряд функций, в том числе за речь и слух. Поэтому запоминание терминов не самая сильная сторона женщин, и она полагается на интонацию, мимику и жестикуляцию. Использовать термины в женской рекламе бессмысленно, такая реклама может показаться ей не только излишне сухой, но и непонятной. Мужчины, напротив, более склонны доверять четко сформулированным фразам, считая их признаком компетентности говорящего [2].

Следующий аспект, который необходимо учитывать при написании рекламного текста, – склонность женщин говорить намеками. Это следствие того, что когда-то женщина была зависима от мужчин и не должна была приказывать ему. Свои желания она должна была выражать косвенно. В наше время это проявляется в том, что женщина склонна говорить намеками. Современные мужчины не способны понять, по какой причине женщина не говорит прямо, чего она хочет. Поэтому использование импликатур, то есть фраз, которые намекают, подразумевают что-то, в рекламе для женщин допустимо, а для мужчин – нежелательно, так как мужчина лучше воспринимает прямые указания к действию.

Как отмечает М.В. Томская, при анализе письменной речи мужчин и женщин было установлено, что в текстах мужчин преобладали рационалистические оценки, а в текстах женщин содержалось гораздо большее количество эмоциональных оценок.

В женской речи обнаруживается большая концентрация эмоционально оценочной лексики, а в мужской речи оценочная лексика чаще стилистически нейтральна. Женщины склонны к интенсификации прежде всего положительной оценки. Мужчины – к отрицательной, включая стилистически сниженную и бранную лексику. Мужчины выражают оценку более умеренно [3].

Согласно Е.А. Поповой, к типичным чертам женской речи относятся гиперболизированная экспрессивность и более частое использование междометий. Женщина склонна преувеличивать и воспринимать информацию

эмоционально, в то время как мужчина объективен и воспринимает сказанное буквально. Для него каждая фраза должна быть предельно четкой и достоверной. Эмоционально насыщенные фразы могут оттолкнуть мужчин, так же как сухие фразы могут не понравиться женщинам [2].

Как утверждает Е.А. Попова, женщины любят употреблять слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (диминутивы) [2].

Ассоциативные поля в мужской и женской речи соотнесены с разными фрагментами картины мира: спорт, охота, профессиональная, военная сфера (для мужчин) и природа, красота, животные, окружающий обыденный мир (для женщин).

В речи женщины больше сложных прилагательных, наречий и союзов. Женщины в своей речи чаще используют конкретные существительные, а мужчины – абстрактные; мужчины чаще пользуются глаголами активного залога, женщины – пассивного.

Для создателя рекламного текста также важны различия в мотивах, потребностях мужчин и женщин. Пол потенциальных потребителей, как правило, определяет возникновение интереса к товару и его сохранение.

Для женской аудитории значимыми и побуждающими к приобретению рекламируемой продукции являются следующие аргументы: создание с ее помощью приятной атмосферы, эстетические эмоции, новизна ощущений, надежность и защищенность. Также очень важна внешняя привлекательность предлагаемого товара.

Мужскую аудиторию этими рекламными аргументами не заинтересуешь. Для них важнее и убедительнее такие вербальные характеристики товара, как создание или поддержание с его помощью собственной автономии и независимости, гарантии его качества. Для мужчин на первом месте стоит качество товара, а не его внешний вид.

Следовательно, гендерный аспект является очень важным для создания рекламного текста, так как то, что привлекает в рекламе женщин, может с легкостью оттолкнуть мужчин, и наоборот.

Разница в восприятии рекламы мужчинами и женщинами значительна, поэтому реклама в мужских и женских журналах имеет свои особенности.

В первую очередь привлечь внимание и побудить интерес мужчин и женщин в рекламе помогает наличие персонажей.

Согласно И.В. Грошеву, процентное соотношение изображений людей в журнальной рекламе в зависимости от пола следующее: женский пол – 64 %, мужской пол – 36 % [4].

Исследования интереса мужчин и женщин, проявляемого ими к некоторым изображениям в журналах, выявили следующее. Внимание и интерес у мужчин и женщин вызывают люди, разделенные по половому признаку. Что касается реакции женщин, то она проявляется при виде матерей

с детьми, обнаженных мужчин. Значительный интерес у мужчин возникает при виде фотографий обнаженных женщин.

Исследования И.В. Грошева подтверждают, что большую привлекательность рекламе в журналах (как мужских, так и женских) придает присутствие красивой женщины. Далее по силе эффекта привлекательности следуют дети. Именно рекламу с участием детей лучше воспринимают женщины.

Кроме того, установлено, что мужчины воспринимают рекламную информацию выборочно, на основе установившихся ранее критериев. Поэтому рекламу в журнале для них лучше сводить к показу наиболее ярких свойств и качеств рекламируемого товара. Для женщин необходима более детальная и полная информация, так как они предпочитают принимать решения непосредственно, отталкиваясь от рекламной информации перед ними.

Также выявлено, что мужчины предпочитают более реалистическое представление рекламируемого товара, а женщины хотели бы видеть в рекламе нереалистические, возвышенные элементы.

Женщины предпочитают рекламу с участием известных людей, особенно актеров. Более того, это может быть и неизвестный человек, но он обязательно должен производить хорошее впечатление.

Таким образом, очевидно, что реклама в мужских и женских журналах учитывает гендерные особенности потребителей.

Библиографический список

1. Дударева, А.А. Рекламный образ. Мужчина и женщина / А.А. Дударева. – М.: Рип-холдинг, 2004. – 222 с.
2. Попова, Е.А. Об особенностях речи мужчин и женщин / Е.А. Попова // Русская речь, 2007. – № 3. – С. 40–49.
3. Томская, М.В. Гендерные компоненты социального рекламного дискурса / М.В. Томская // Гендер как интрига познания. – М.: Рудомино, 2002. – С. 81–86.
4. Грошев, И.В. Гендерные образы рекламы / И.В. Грошев. – URL: <http://psylist.net/reklam/00005.htm>.

[К содержанию](#)

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.922.736 + 159.946

ББК Ю975.24 + Ю941

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С РАССТРОЙСТВАМИ РЕЧИ

А.В. Астаева, Е.А. Пырьева

На данный момент регистрируется рост числа детей с речевыми нарушениями. Чаще всего отмечаются сочетанные нарушения психических процессов и нарушение речевой функции может выступать одним из индикаторов развития психики в целом. В статье приведены результаты нейропсихологического обследования детей старшего дошкольного возраста с нарушениями речи.

Ключевые слова: нейропсихология, высшие психические функции, нарушения речи у детей

В современной нейропсихологии детского возраста актуальными являются проблемы диагностики особенностей психических функций (их дефицитарность либо несформированность относительно норм определенного этапа онтогенеза) и выявления возможностей компенсации нарушений ВПФ. Требуется многостороннее изучение динамики развития ВПФ в норме и при нарушениях с установлением причин таких нарушений, позволяющих проводить профилактику и коррекцию их последствий (Симерницкая Э.Г., Ахутина Т.В., Цветкова Л.С., Манелис Н.Г., Корсакова Н.К., Семенович А.В., Цыганок А.А., Пылаева Н.М., Глозман Ж.М.) [2, 5].

Речь представляет собой сложнейший физиологический, психический, мыслительный, языковой, сенсомоторный процесс, в котором переплетаются как более элементарные (сенсомоторный, гностико-практический), так и высокоорганизованные уровни (смысловой, языковой). В связи с этим речь и ее нарушения изучают разные отрасли науки: медицина, психология, лингвистика, психолингвистика и др., в рамках которых выделяются основания для классификации речевых расстройств: клиническое, патофизиологическое (с учетом анализаторного принципа, характера нарушений языковой системы), психолингвистическое [1, 4].

Нарушений речи в детском возрасте задерживают и искажают развитие ребенка, так как речь представляет собой сложнейший физиологический, психический, мыслительный, языковой, сенсомоторный процесс, в котором переплетаются как более элементарные (сенсомоторный, гностический и т.д.), так и высокоорганизованные уровни (смысловой, языковой). Речевой процесс и уровни его организации изучают разные отрасли науки такие как ме-

дицина, психология, лингвистика, психолингвистика и др., поэтому существуют различные основания для классификации речевых расстройств [3, 4, 6].

В ходе нейропсихологического исследования было обследовано 50 детей, старшего дошкольного возраста 5–6 лет (34 мальчика и 16 девочек), имеющих специфические расстройства развития речи, выделенные в отдельный раздел F80 Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), при различных типах дизонтогенеза. Факт речевых нарушений, в том числе клиническая характеристика формы расстройства, а также тип нарушенного развития были установлены на основании результатов обследования детей специалистами психолого-медико-педагогической комиссии. 46 % обследованных детей имеют коллегиальное заключение ПМПК «задержка психического развития», 54 % – «парциальная несформированность высших психических функций преимущественно вербально – логического компонента».

Количественная обработка данных протокола производилась с помощью системы балловых оценок выполнения каждой пробы по 6-балльной шкале, разработанной Ж.М. Глозман. Данная шкала представляет собой степень выраженности выявленных трудностей (ошибок) [2].

Система балловых оценок позволила также определить суммарный балл дефицитарности по каждой психической сфере.

Анализ результатов исследования латерализации функций указывает на незавершенность сформированности у подавляющего большинства детей (38 детей – 24 %). Более половины проб (от 6 до 10) по левополушарному типу выполнило 68 % (34 ребенка) от общего числа детей, из них 9 человек выполнили данным образом все 10 проб. По правополушарному типу – 32 % (13 детей) обследуемых, и лишь у 3 из них ярко выражены признаки левшества (10 проб из 10).

В целом, у большинства испытуемых наблюдаются легкие нарушения (у 29 детей – 58 %) в ориентировке в месте, времени, в некоторых личных данных; критичности; адекватности поведения и эмоциональных реакций в ситуации обследования. Нарушения средней тяжести (у 12 детей – 24 %) проявляются, прежде всего, в нарушении концентрации внимания и низкой умственной работоспособности, которое у половины детей данной подгруппы выражается в несформированности избирательности в корректурной пробе. Чуть в меньшей степени проявляются нарушения ориентирования во времени и личных данных. Также наблюдается повышенная отвлекаемость у подавляющего большинства детей. У 2 детей (4 %) наблюдаются грубые нарушения, которые проявляются, в основном, в неадекватности поведения и эмоциональных реакций (отвлекаемость, расторможенность, невозможность усидеть более 10 минут, несформированность чувства дистанции), что приводит к дефектам концентрации внимания и снижению мозговой активности.

При исследовании особенностей развития функции произвольных движений и действий было выявлено, что наибольшие затруднения у детей вызвали пробы на реципрокную координацию, динамический праксис, а также пробы на копирование геометрических фигур.

В целом, у большинства испытуемых наблюдаются легкие нарушения (у 26 детей – 52 %) в двигательной сфере. Практически у половины детей данной подгруппы наиболее выражены дефекты пространственной организации движений и действий. Чуть в меньшей степени наблюдается импульсивность, проявляющаяся в наличии эхопраксии. У таких детей часто возникают трудности в удержании двигательной программы, что и приводит, вероятнее всего, к упрощению ими заданной программы (у 14 детей из 17). Также встречаются персеверации и кинестетические трудности.

Нарушения средней тяжести наблюдаются у 19 испытуемых (38 %). В отличие от первой подгруппы, у данных детей нарушения проявились в большей степени в реципрокной координации, динамическом праксисе, копировании фигур. Доминирующими дефектами двигательной сферы являются импульсивность (эхопраксии в праксисе позы пальцев и реакции выбора) и персеверации. Достаточно ярко выражены трудности пространственной организации и удержания двигательной программы, которые приводят не только к ее упрощению, как в первой подгруппе, но к почти полной утери заданной программы.

Грубые нарушения наблюдаются у 5 испытуемых (10 %), что проявляется в наличии персевераций и эхопраксий. У всех испытуемых наблюдается двигательная аспонтанность (в том числе напряженность, общая замедленность), трудности удержания двигательной программы вплоть до полной ее утери, трудности пространственной организации, кинестетические трудности, в том числе нарушения мелкой моторики.

При анализе гностических функций наибольшие затруднения (нарушения средней тяжести и грубые нарушения) у обследованных детей вызвали пробы на идентификацию эмоций, а также в равной степени пробы на исследование акустического и пространственного гнозиса. И в меньшей степени возникали трудности при назывании реальных и зашумленных изображений (нарушения в сфере предметного гнозиса имеют, в основном, легкую степень выраженности – 62 % от общего числа детей в выборке).

У половины детей наблюдается импульсивность в предметном гнозисе. В значительно меньшей степени, но с одинаковой частотой встречаются симптомы слабости акустического внимания, псевдоагнозии, а также ошибки в идентификации эмоций.

Нарушения средней степени тяжести наблюдаются у 13 обследованных детей (26 %), которые проявляются, прежде всего, в слабости акустического внимания, нарушениях восприятия пространственных признаков зрительных стимулов, а также нарушениях идентификации эмоций. В незначительно равной степени выражены такие дефекты как импульсивность, инактивность (персеверации) при восприятии и несформированность предметного гнозиса.

Грубые гностические нарушения, встречающиеся у 7 испытуемых (14 %), имеют развернутый и комплексный характер, т.к. представлены достаточно обширным набором симптомов дефектов данной сферы. Несформированность предметного гнозиса проявилась у 6 детей из 7 в фрагментарности восприятия. При этом симптомы импульсивности, в отличие от предыдущих подгрупп, в предметном гнозисе отсутствуют. Также достаточно ярко выражены симптомы инактивности (персеверации) при восприятии и трудности симультанного синтеза при восприятии.

При анализе мнестических функций выявлено, что у обследованных детей наблюдаются не грубая, но отчетливая несформированность слухоречевой и двигательной памяти при относительно сохранной зрительной памяти.

У большинства испытуемых отмечаются легкие нарушения памяти (23 ребенка – 46 %), которые, прежде всего, проявлялись в виде снижения объема памяти, в среднем на 1 элемент в обследовании слухоречевой и двигательной памяти, при этом отмечаются 1–2 ошибок по типу замен на близкие по звучанию слова с самокоррекцией. В основном трудности возникали при первом предъявлении стимулов (трудности включения), а также в воспроизведении последовательности ряда стимулов при обследовании всех видов памяти.

У 42 % обследованных детей наблюдаются нарушения средней тяжести (21 ребенок), которые, прежде всего, проявлялись в виде снижения объема слухоречевой памяти, в среднем, на 2 элемента, и в многократных ошибках с неполной коррекцией. Наблюдаются при воспроизведении слов персеверации, что в свою очередь также связано со снижением удержанием ряда стимулов. Следовательно, снижение объема памяти, ярко выраженная инактивность запоминания, аспонтанность у половины детей данной подгруппы влияют непосредственно на продуктивность мнестических процессов, а именно ее снижение у всех испытуемых со средней тяжестью нарушений без исключения.

Все вышеперечисленные симптомы дефектов мнестической сферы в равной степени выраженности наблюдаются и у детей, имеющих грубые нарушения памяти (6 детей – 12 %). Объем памяти снижается более чем на 50 %, ошибки носят стойкий некорректируемый характер, вплоть до абсолютной невозможности усвоения задания (особенно в обследовании двигательной памяти). Оказываемая помощь в организации деятельности детей оказывается мало эффективной.

Таким образом, у детей наблюдаются не грубая, но отчетливая несформированность слухоречевой и двигательной памяти при относительно сохранной зрительной памяти. Общим для нарушений всех видов мнестической сферы является нарушение нейродинамических характеристик процессов запоминания и воспроизведения, что проявлялось наличием у испытуемых инактивности заучивания, аспонтанностью, неудержанием последовательности ряда стимулов при воспроизведении.

Анализ выполнения проб на исследование мышления показал, что дефекты у подавляющего большинства испытуемых имеют характер легкой степени выраженности. Наибольшие затруднения вызвало задание на понимание смысла рассказа.

Всего у 12 % (6) обследованных детей нарушений мышления не выявлено. Однако у 3 из 6 детей данной подгруппы наблюдается слабовыраженная замедленность и импульсивность в пробах на выведение аналогий.

У большинства (32 ребенка – 64 %) наблюдаются легкие нарушения, и у 8 обследованных детей (16 %) нарушения имеют среднюю степень тяжести, что характеризуется нарушением нейродинамических процессов, которые проявляются, прежде всего, в импульсивности в большинстве проб, слабовыраженной замедленностью, инертностью и аспонтанностью.

Грубые нарушения, наблюдающиеся только у 4 детей (8 %): отмечается несформированность процессов обучения, непонимание смысла инструкции даже после повторного предъявления, потеря инструкции, при этом оказание помощи при выполнении проб неэффективно.

В исследовании речевых функций, прежде всего, оценивалась спонтанная речь ребенка в диалоге и при описании сюжетных картинок: просодика речи, грамматическое оформление речи (развернутость фраз), отсутствие/наличие аграмматизмов, сформированность активного словаря (наличие глаголов, определений, местоимений; отсутствие/наличие вербальных и литеральных парафазий). Основные результаты нарушения речи представлены на рисунках 1, 2.

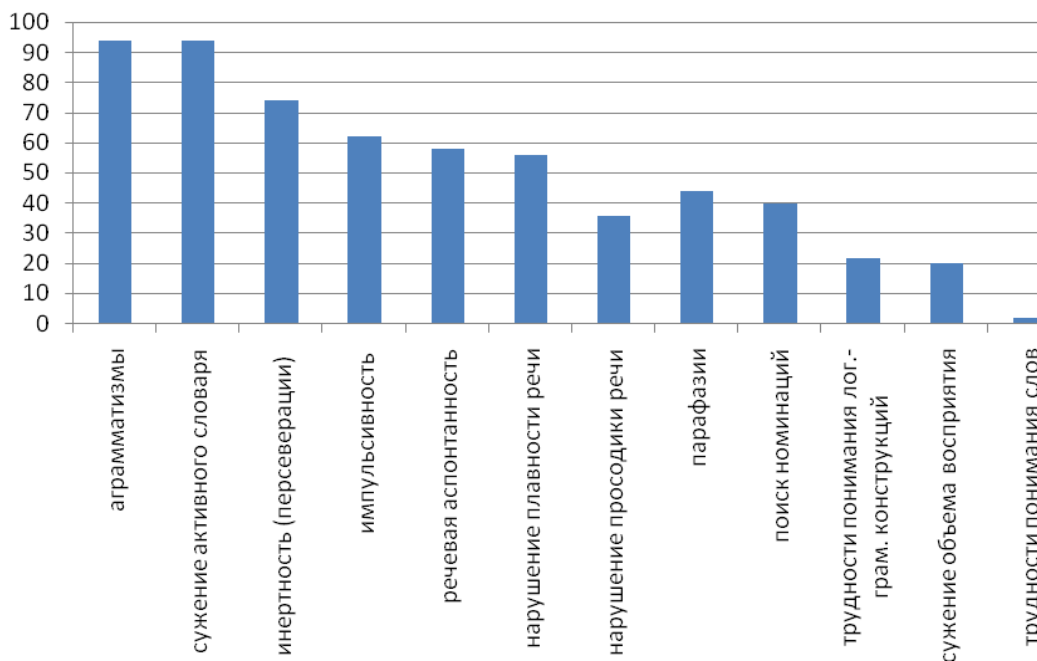

Рис. 1. Частота встречаемости симптома нарушения речи (в %)

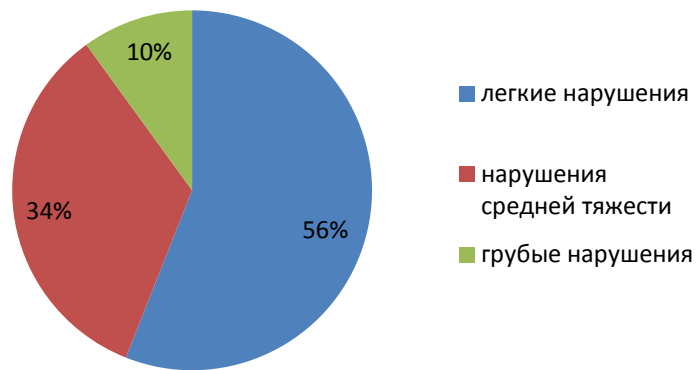

Рис. 2. Результаты исследования речи по степени выраженности нарушения

Оценка спонтанной речи у обследуемых детей показала, что у большинства детей (54 % – 27 детей) имеются легкие нарушения. Причем как в легкой, так и в средней степени дефекты спонтанной речи связаны, в основном с нарушением плавности, нарушением грамматического оформления речи, речевой аспонтанностью и сужением объема активного словаря. При этом аграмматизмы являются доминантным симптомом речевых расстройств во всех трех подгруппах. У детей с грубыми дефектами речи наряду с вышеперечисленными симптомами ярко выражено нарушение просодики (наблюдается смазанность речи, гнусавость, дисфония, монотонность) и чаще наблюдается неразвернутость, бедность речевых высказываний.

Нарушение динамических процессов речевой функции проявляются в инертности речи, импульсивности, аспонтанности. Среди детей со средней тяжестью нарушений и грубыми речевыми расстройствами наблюдаются также парафазии, поиск номинаций, увеличение латентного периода в назывании низкочастотных слов и трудности понимания логико – грамматических конструкций. Более того, у детей с грубыми нарушениями возникают в отдельных случаях трудности понимания предметно отнесенных слов и сужение объема речевого восприятия в целом. Последнее также встречается среди детей и со средней степенью речевых расстройств.

Обобщение результатов исследования состояния ВПФ у детей свидетельствует, что в клинико-психологической картине на первый план выходят нарушения праксиса, проявляющиеся в симптомах истощаемости, инертности, трудности удержания двигательной программы и ее упрощения, дезавтоматизации, двигательной аспонтанности. Нарушения речемыслительной деятельности проявляются снижением акустического гнозиса, объема запоминания, трудностями включения в речевую деятельность, сужением словарного запаса и бедностью речи, несформированностью процессов обобщения. Такие симптомы позволяют говорить о нарушениях нейродинамики и произвольной регуляции, истощаемости.

Полученные данные свидетельствуют о несформированности межполушарного взаимодействия, проявляющейся недостаточной интеграцией деятельности правого и левого полушарий на фоне нарушений нейродинамики, нарушений регуляции и контроля произвольной психической деятельности. При этом имеющиеся речевые нарушения объясняются очевидной дисфункцией левой височной области.

Библиографический список

1. Астаева, А.В. Нейропсихологический анализ развития высших психических функций у детей в норме и с общим недоразвитием речи / А.В. Астаева, Д.И. Воронкова, М.Б. Королева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2010. – №27 (203). – С. 82–86.
2. Глозман, Ж.М. Нейропсихологическая диагностика в детском возрасте / Ж.М. Глозман, А.Ю. Потанина, А.Е. Соболева. – СПб.: Питер, 2008. – 112 с.
3. Казаковцев, Б.А. Психиатрический тезаурус: Ч.1: Психические расстройства и расстройства поведения (F00-F99): Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации / Б.А. Казаковцев, В.Б. Голланд. – СПб.: СПбМАПО, 2003. – 588 с.
4. Корнев, А.Н. Дифференциальная диагностика недоразвития речи у детей (нейропсихологические аспекты) / А.Н. Корнев // Онтогенез речевой деятельности: норма и патология. Монографический сборник. – М.: МПГУ, 2005. – С. 43–47.
5. Манелис, Н.Г. Формирование высших психических функций у детей с задержанным вариантом отклоняющегося развития / Н.Г. Манелис // Современные подходы к диагностике и коррекции речевых расстройств: сб. науч.тр. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 30–39.
6. Новикова, Г.Р. Клинико-психологические особенности пограничных психических расстройств у детей 6–7 лет / Г.Р. Новикова // Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы детской психиатрии». Саратов. – 2006. – С. 110–121.

[К содержанию](#)

УДК 378.016

ББК Ч448.44

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БУДУЩИХ ПРОГРАММИСТОВ

Т.И. Васильева

В последние годы в психологии профессиональной деятельности и в педагогической психологии возрастает интерес к проблеме формирования профессионального самосознания представителей различных профессий. В статье раскрываются теоретические положения понятия «профессиональное самосознание»: когнитивный, мотивационный, эмоциональный, операциональный аспекты. По результатам проведенных психологических исследований со студентами приборостроительного факультета ЮУрГУ выявлены особенности профессионального самосознания будущих программистов.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, профессиональное самосознание, метакогнитивные способности, направленность личности, смысложизненные ориентации, самоактуализация, рефлексия, личностные особенности, психологическая готовность к профессиональной деятельности.

Программирование в настоящее время становится одной из самых массовых и одновременно одной из самых трудных профессий. Программист должен обладать способностью первоклассного математика к абстракции и логическому мышлению, сочетать аккуратность бухгалтера с проницательностью разведчика, фантазию автора детективных романов с трезвой практичностью экономиста, иметь вкус к коллективной работе, понимать интересы пользователя. В работе эта трудность может быть преодолена только путем большого эмоционального напряжения, требующего от специалиста особого самосознания и внутренней позитивной установки.

Программирование – не однородный вид деятельности, этим термином объединяется множество самых разнообразных работ. Большинство профессиональных программистов занимается проектированием, составлением, отладкой, тестированием, документированием, сопровождением и модификацией программ, написанных на языках высокого уровня или на языке ассемблера. Системные программисты работают над операционными системами, компиляторами и утилитами, которые используются прикладными программистами для решения пользовательских задач. К прикладным программам относятся программы автоматизации банковских операций, бухгалтерского учета, взимания налогов, заказа билетов, учета кадров, сбора данных, статистического анализа, подготовки отчетов, редактирования текстовой информации, издательской деятельности, системы

оперативного учета и управления, поисковые системы и многие другие. На каждого профессионального программиста приходится до 10 программистов, которые пишут программы для научных исследований, инженерных разработок, исследования рынка, коммерческих приложений и, наконец, быстро растет число программистов-любителей, пишущих небольшие программы коммерческого назначения, для личных или домашних расчетов.

Исследователи обнаружили, что различие в производительности программистов может достигать отношения 5 к 1 и даже 100 к 1. Это значит, что программисты одного и того же уровня, с одинаковой подготовкой и близкими зарплатами могут затратить на реализацию одного и того же проекта от одной до ста недель [6]. Более глубокое понимание мыслительных способностей, методов принятия решений, возможностей переработки информации и индивидуальных особенностей представителей данной профессии внесет свой вклад в совершенствование стратегий управления, оценок производительности программных средств и методов кодирования, полезно и необходимо для тех, кто воспитывает и обучает будущих специалистов. Система непрерывного профессионального образования должна обеспечить не только прирост специальных знаний и умений, сколько развитие адекватных профессиональным требованиям ценностных ориентаций, мотивов деятельности, представление о себе как специалиста, формирование совокупности профессионально необходимых способностей [7].

Изучая работы отечественных психологов, касающиеся понятия «профессиональное самосознание», установлено: это проекция всех структурных компонентов самосознания на профессиональную деятельность; на первый план выдвигается содержание, касающееся профессиональной деятельности, осознание себя в различных профессиональных ситуациях, освоение и исполнение конкретных ролевых позиций и функций.

Приведем краткий обзор трактовки данного понятия: Б.Г. Парыгин рассматривает профессиональное самосознание как осознание своей принадлежности к профессиональной группе; З. Иванова и К. Косев понимают профессиональное самосознание, как познание и самооценку профессиональных качеств и отношение к ним; по мнению В.Н. Казиева, профессиональное самосознание является инстанцией, в которой происходит оценка имеющихся достижений, планирования направления саморазвития, его осуществление; П.А. Шавир определяет профессиональное самосознание как избирательную деятельность самосознания, подчиненную задаче профессионального самоопределения. Рассматривая вопрос о структурном строении профессионального самосознания, А.В. Поддубная выделяет следующий компонентный состав: осознание профессиональной морали; осознание профессиональной нравственности; осознание себя как субъекта профессиональной деятельности; осознание и оценка отношений; осознание собственного развития во временной связи [10].

Сущность психологического механизма профессионального сознания, по мнению Н.И. Гусяковой, заключается в том, что он как особая специфическая деятельность обеспечивает перегруппировку элементов сознания и преобразование структуры действующих связей, целостность профессионального сознания, совершенствование и становление его в ходе освоения профессиональной деятельности [4]. Отечественные психологи А.А. Деркач и О.В. Москаленко в своих работах выделяют функциональные и структурные компоненты профессионального самосознания: когнитивный, реализующийся в самопознании; эмоциональный, реализующийся в самопонимании; мотивационный, реализующийся в самоактуализации; операциональный, реализующийся в саморегуляции [5].

По мнению ученых, самопознание – это сложный, многоуровневый процесс, индивидуализированный во времени. И.И. Чеснокова условно и в общей форме разделяет его на два уровня: 1) соотнесение самого себя с другими людьми – при таком познании себя человек преимущественно опирается на внешние моменты, включая себя в сравнительный контекст с другими; основным внутренним приемом является самовосприятие и самонаблюдение, на стадии более или менее зрелого самопознания – самоанализ; 2) оперирование готовыми знаниями о себе, в какой-то степени сформированными, полученными в разное время в разных ситуациях; ведущими внутренними приемами являются самоанализ и самоосмысливание, которые опираются на самовосприятие и самонаблюдение [11].

Эмоциональный компонент профессионального самосознания выражается в самопонимании: наиболее значимо стать самим собой (сформировать себя как личность), остаться самим собой (невзирая на отрицательные воздействия) и уметь поддержать себя в трудных состояниях и условиях, при этом понимая самого себя. Эмоциональная сторона самопонимания представляет собой своего рода сплав общего эмоционального отношения к себе и отношения собственно оценочного. Важным компонентом самопонимания является самоуважение – удовлетворенность собой, понятие себя, чувство собственного достоинства, положительное отношение к себе, согласованность своего актуального и идеального «Я».

По мнению А.А. Деркача и О.В. Москоленко, содержание мотивационно-целевого компонента реализуется через самоактуализацию. Актуализироваться – значит, становится реальным, существовать фактически, а не только потенциально [5]. На основании теории самоактуализации А. Маслоу, идей Ф. Перлза и других теоретиков экзистенциально-гуманистического направления в психологии, а также «критических поведенческих индикаторов» Э. Шостром определил основные параметры, составляющие самоактуализацию: ценностные ориентации, гибкость, сензитивность и спонтанность поведения, самоуважение, склонность к гармоничному восприятию окружающего мира, контактность, межличностная чувствитель-

ность и эмпатия, стремление к приобретению знаний об окружающем мире, выражающееся в познавательной потребности, творческая направленность, реализуемая в креативности. Профессиональная самоактуализация по мнению Л.Я. Гозмана, А. Маслоу, К. Рождерса, Ф. Перлза, Э. Шострома, выступает операциональным аналогом личностной зрелости. Высокий уровень самоактуализации способствует достижению творческой зрелости личности [12].

Операциональный компонент профессионального самосознания представляет саморегуляция – раскрытие резервных возможностей человека, а, следовательно, развитие творческого потенциала личности. По мнению О. Микшик, на психологическом уровне саморегуляция представляет собой интегративный сплав врожденных и приобретенных стратегий реагирования и готовности к определенной форме или способу взаимоотношения со средой. Как отмечают Б.А. Вяткин, Б.И. Додонов, система психической саморегуляции имеет иерархическое строение и включает два уровня: произвольный и произвольный, предполагающий сознательную саморегуляцию, которая всегда индивидуально и личностно окрашена, благодаря которой возможности приспособления к различным трудным условиям могут возрастать и расширяться. В отечественной психологии доказано, что процесс развития личности проявляется в увеличении роли внутренних факторов и совершенствовании саморегуляции. С.Л. Рубинштейн выделял две формы регуляции – исполнительскую (связана с обеспечением соответствия активности объективным условиям) и побудительную (связана с формированием стремления, выбором направленности, активности). Говоря о высшей стадии развития личности, Б.Г. Ананьев подчеркивал, что человек начинает «творить жизнь», становясь относительно независимым от внешних условий и собственных свойств, самостоятельно изменяя и трансформируя и то, и другое [2].

Развивая идеи С.Л. Рубинштейна о становлении человека субъектом своей жизнедеятельности, К.А. Абульханова говорит о трех уровнях развития саморегуляции, представляющих собой соотношение внешнего (требований к выполнению деятельности) и внутреннего (свойства личности). Если на первом этапе личность согласовывает свои особенностями с нормами деятельности, на втором – совершенствует качество деятельности путем оптимизации своих возможностей, то на третьем уровне личность как субъект деятельности вырабатывает оптимальную стратегию и тактику, проявляя творческий характер своей активности, что составляет психологический механизм «авторской позиции личности» в профессиональной и любой другой деятельности [1].

Универсальным механизмом процесса саморегуляции является рефлексия. По мнению Б.В. Зейгарник, она фиксирует, останавливает процесс деятельности, отчуждает и объективирует его и делает возможным осознанное воздействие на этот процесс. В самом общем плане рефлексия рас-

смачивается как способность человека к самоанализу, осмыслению и переосмыслению своих предметно-социальных отношений с окружающим миром и как необходимая составная часть развитого интеллекта человека (Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн). Высокий уровень развития саморегуляции, который объективно выражается в тонкости, дифференцированности и адекватности всех осознанных интеллектуальных, эмоциональных, поведенческих реакций, поступков, вербальных проявлений и т.д., дает основание предполагать и наличие достаточно зрелого состояния развития самосознания в целом [8].

Рассмотренные функциональные компоненты профессионального самосознания между собой взаимосвязаны, реализуются в двух планах: в субъективном – показателем выступает Я-концепция, в объективном – профессиональное мастерство [10].

На базе приборостроительного факультета ЮУрГУ в 2013 г. было проведено психологическое исследование, в котором приняли участие 40 студентов 3-го курса очного отделения (специальность «Вычислительные машины, комплексы, системы и сети»). Изучались следующие аспекты профессионального самосознания: когнитивный – метакогнитивные способности (методика М.М. Кашапова, Ю.В. Скворцовой «Самооценка метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности»); ценностно-смысловой – направленность личности по методике Б. Басса «Ориентационная анкета» (модификация В. Смекала, М. Кучера; адаптация Л.А. Верещагиной) и тест Дж. Крамбо и Л. Махолик «Смыслоразностные ориентации» (адаптация Д.А. Леонтьева); мотивационный – «Самоактуализационный тест – САТ» (авторы: Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, М.В. Загика и М.В. Кроз); операциональный – опросник А.В. Карпова «Методика диагностики уровня развития рефлексивности» [3; 8; 9].

По результатам методики М.М. Кашапова, Ю.В. Скворцовой для всей выборки студентов-программистов выявлена следующая иерархия метакогнитивной активности: уровень выше среднего по шкалам «метакогнитивные знания» ($9,85 \pm 3,56$ балла) и «метакогнитивная активность» ($8,63 \pm 3,08$ балла); средний уровень – «выбор главных идей» ($6,90 \pm 2,02$ балла) и «приобретение информации» ($5,13 \pm 2,07$ балла); уровень ниже среднего по шкалам «концентрация» ($2,68 \pm 1,38$ балла) и «управление временем» ($2,65 \pm 1,85$ балла). Распределение данных показывает, что каждый 4-й студент имеет высокий уровень по шкале «выбор главных идей», каждый 5-й по шкалам «метакогнитивная активность» и «управление временем». В качестве негативной тенденции выявлено, что каждый третий респондент имеет низкий уровень по шкале «приобретение информации» и каждый 5-й по шкале «концентрация».

По результатам анкеты Б. Басса, у студентов-программистов 3-го курса, в большей степени проявляется направленность личности на результат

(дело): среднее значение $21,30 \pm 5,94$ балла; высокий уровень демонстрируют 18,18 %, средний уровень – 81,82 %. Вторую позицию занимает направленность на себя (Я), среднее значение $21,06 \pm 5,16$ балла; высокий уровень демонстрируют 15,15 %, средний уровень – 75,76 %, низкий – 9,09 %. Третью позицию занимает направленность на других (общение), среднее значение $17,21 \pm 5,48$ балла; высокий уровень демонстрируют 18,18 %, средний уровень – 69,70 %, низкий – 12,12 %.

Общий показатель по тесту Д.А. Леонтьева соответствует $98,48 \pm 10,34$ балла. Высокий уровень смысложизненных ориентаций характерен для 20 % опрошенных, средний – для 70 %, низкий – для 10 % респондентов. Распределение полученных данных показало: максимальное значение выявлено по шкале «цели» – $30,28 \pm 7,07$ балла; на втором месте результаты шкалы «локус контроля – ответственность за жизнь» – $30,05 \pm 6,29$ балла; на третьем – показатели шкалы «процесс» – $27,15 \pm 7,06$ балла; на четвертой позиции данные шкалы «результат» – $23,98 \pm 5,35$ балла; на пятом – результаты шкалы «локус контроля – ответственность за Я» – $20,18 \pm 4,52$ балла.

Тест Ю.Е. Алешиной измеряет самоактуализацию по 2 базовым и 12 дополнительным шкалам, которые разбиты на 6 блоков. В отличие от базовых, измеряющих глобальные характеристики самоактуализации, дополнительные шкалы ориентированы на регистрацию отдельных ее аспектов.

Высокий балл по базовой шкале «компетентность во времени» (18,92 %) свидетельствует, во-первых, о способности субъекта жить «настоящим», т.е. переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте; во-вторых, ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, т.е. видеть свою жизнь целостной. Низкий балл по этой шкале (21,62 %) означает ориентацию человека лишь на один из отрезков временной шкалы, дискретное восприятие своего жизненного пути. Студенты, имеющие высокий балл по базовой шкале «поддержка» (16,22 %), относительно независимы в своих поступках, что не означает враждебности к окружающим или конфронтации с групповыми нормами. Низкий балл (13,51 %) свидетельствует о высокой степени зависимости, конформности, внешнем локусе контроля.

Средний показатель по первому блоку «ценности» характеризует сами ценности, а также лабильность поведения – способность быстро реагировать на изменяющиеся аспекты ситуации (96,14 балла). Средний показатель по второму блоку «чувства» определяет то, на сколько субъект осознает собственные чувства, а также в какой степени они проявляются в поведении (100,22 балла). Третий блок «самовосприятие» измеряет способность субъекта ценить свои достоинства, а также степень принятия себя вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков (среднее значение 102,97 балла). Четвертый блок «концепция человека» характеризует способность к целостному восприятию мира и людей, к пониманию свя-

занности противоположностей, таких как игра и работа, телесное и духовное (среднее значение 95,94 балла). Пятый блок «межличностная чувствительность» характеризует способности принимать свое раздражение, гнев и агрессивность как естественное проявление человеческой природы, а также способность субъекта к быстрому установлению глубоких контактов с людьми, к субъект-субъектному общению (среднее значение 104,91 балла). Шестой блок «отношение к познанию» характеризует степень выраженности у человека стремления к приобретению знаний об окружающем мире, а также выраженность творческой направленности личности (среднее значение 100,78 балла).

Результаты опросника А.В. Карпова показали: средний показатель по всей выборке составил $123,98 \pm 15,58$ балла, что соответствует среднему уровню развития. Высокий уровень рефлексивности продемонстрировали 5,0 % опрошенных; средний – 72,5 %; низкий уровень – 22,5 % [8].

В результате проведенного психологического исследования были выявлены следующие особенности профессионального самосознания студентов-будущих программистов:

1) в изучении особенностей метакогнитивных способностей выявлено ряд противоречий: приоритет по шкале «метакогнитивная активность» не подкрепляется результатами шкалы «концентрация»; результаты шкалы «метакогнитивные знания» (уровень выше среднего) не подкрепляются показателями шкалы «управление временем» (уровень ниже среднего);

2) направленность личности: значительной дифференциации значений по шкалам не выявлено, однако, обнаружена тенденция направленности личности на результат (дело) – в выборке отсутствуют респонденты с низким уровнем данной позиции, получен максимальный показатель среднего значения;

3) смысложизненные ориентации: каждый 4–5 студент демонстрирует высокий уровень, две трети выборки – средний уровень, один из 10 – низкий; выявлены приоритетные позиции по группе – это показатели шкал «цели» и «локус контроля-ответственность за жизнь»; по общему показателю преобладают средние значения;

4) самоактуализация личности: значимую позицию занимают блоки «межличностная чувствительность» и «самовосприятие»; максимальные значения представлены по шкалам: «контактность» (среднее значение $54,43 \pm 9,56$ балла), «самоуважение» ($53,83 \pm 10,18$), «познавательные потребности» ($51,27 \pm 10,54$), «спонтанность» ($50,84 \pm 9,04$), «принятие агрессии» ($50,49 \pm 10,88$); практически каждый 4–5 студент имеет высокий уровень по шкалам «ценностные ориентации», «контактность» «синергия»; две трети респондентов имеют средний уровень по позициям: базовая шкала «поддержка», «гибкость», «спонтанность», «самоуважение», «самопринятие», «познавательные потребности», «креативность»; в качестве не-

готивной тенденции выявлено, что каждый пятый студент имеет низкий уровень по базовой шкале «компетентность во времени», «ценностные ориентации», «представление о природе человека»;

5) рефлексивность: преобладает средний уровень развития.

Решение задач развития профессионального самосознания в условиях университетского образования предполагает стимулирование и активизацию, прежде всего, рефлексивных процессов личности, дальнейшее формирование ценностных ориентаций, реализацию методов и форм работы по стимулированию личностного и профессионального самоопределения будущего программиста, освоение и внедрение в учебный процесс интерактивных технологий обучения, способствующих формированию мотивационно-ценностных субъективных ориентаций в профессиональной сфере, развитию позитивной профессиональной Я-концепции.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская, К.А. Типологический подход к личности профессионала / К.А. Абульханова-Славская // Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала / под ред. В.А. Бодрова. – М.: Ин-т психол. АН СССР, 1991. – С. 58–66.
2. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – М.: Наука, 1977. – С. 173–186.
3. Гусякова, Н.И. Исследование психологических механизмов становления профессионального сознания / Н.И. Гусякова // Научные материалы V Съезда Российского психологического общества. Т.1. – М., 2012. – С. 72–73.
4. Деркач, А.А. Психология развития профессионала: учеб. пособие / А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, А.К. Маркова. – М.: РАГС, 2000. – 124 с.
5. Ершов, А.П. О человеческом и эстетическом факторах в программировании / А.П. Ершов // авт. сост. И.В. Поттосин; ред. И.В. Поттосин; рец.: В.Н. Касьянов, Г.Д. Чинин; Рос. АН, Сиб. отд-ние, ин-т систем информатики. – Новосибирск: ВО Наука, 1994. – С. 407–414.
6. Зеер, Э.Ф. Психология профессионального образования / Э.Ф. Зеер. – Екатеринбург, УППУ, 2000. – 397 с.
7. Карпов, А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики / А.В. Карпов // Психологический журнал. 2003. – Т. 24. – № 5. – С. 45–57.
8. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1992. – 16 с.
9. [Поддубная, А.В.](#) Теоретические предпосылки изучения профессионального самосознания: монография / А.В. Поддубная. – М.: МОСУ, 2003. – 62 с.

10. Чеснокова, И.И. Проблема самосознания в психологии / И.И. Чеснокова. – М., 1977. – 144 с.

11. Ященко, Е.Ф. Ценностно-смысловая концепция самоактуализации: Монография / Е.Ф. Ященко. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. – С. 18–155.

[К содержанию](#)

УДК 159.922.76

ББК Ю984.92

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Н.В. Виноградова

Статья посвящена проблеме определения психофизиологических критериев в оценке психологической депривации у детей-сирот дошкольного возраста. Впервые уровень психомоторного развития детей-сирот дошкольного возраста положен в основу определения глубины психической депривации. По результатам исследования выявлены значительные отличия активности психофизиологических функций у детей-сирот с различным уровнем депривации в сравнении с их сверстниками, воспитывающимися в семьях.

Ключевые слова: дети-сироты, психологическая депривация, психофизиологические критерии, психомоторика, сенсомоторная реакция, подвижность нервных процессов.

В настоящее время проблема детей-сирот остро встает в связи с социальным кризисом, приводящим к резкому снижению социального благополучия населения. В настоящее время в нашей стране насчитывается более 800 тысяч детей-сирот и детей, лишенных родительского попечительства. В многочисленных исследованиях описаны изменения в психическом развитии детей-сирот к числу которых справедливо относят замедленный темп психического развития [12; 15], нарушения поведения [13], трудности во взаимоотношениях [8], повышенная тревожность, конфликтность, эгоцентризм, особенности Я-концепции [11; 16]. По единодушному мнению исследователей и специалистов, работающих в детьми данной категории, подобные нарушения в первую очередь образуются вследствие психической депривации.

Депривационные феномены представляют многообразные варианты нарушений нормального хода возрастного психического развития вследствие блокировки значимых психофизиологических потребностей человека [6]. Однако депривационные феномены не могут выступать научных исследований в качестве объяснительного принципа, так как сами еще не достаточно изучены. На современном этапе изучение последствий психической депривации у детей-сирот заключается в проведении целого комплекса диагностических процедур, включающих исследование особенностей личности, интеллектуального развития, особенностей общения и социального статуса. Обязательной составной частью диагностики должно быть медицинское обследование, которое способствует различению депривационных последствий от нарушений энцефалопатического происхождения. Однако присущая детскому возрасту гетерохронность развития психических функций не позволяет установить глубину воздействия депривационных феноменов.

На наш взгляд, в качестве объективных психофизиологических критериев оценки уровня психической депривации может выступать психомоторные характеристики. Во-первых, в рамках системного подхода, психомоторика рассматривается как многоуровневый феномен психической организации человека [2; 7]. Во-вторых, с точки зрения интегральной индивидуальности, представляется возможным использование психомоторных характеристик в качестве объективных индикаторов психологических свойств и состояний личности [1; 9].

Цель исследования: выявление и изучение психофизиологических критериев оценки уровня психической депривации детей-сирот дошкольного возраста.

Гипотеза исследования: 1) развитие психомоторики может служить объективным диагностическим критерием уровня психической депривации; 2) раннее воздействие депривационной ситуации развития оказывает влияние на психофизическое развитие детей-сирот, которое проявляется замедлении темпа развития гностических и психофизиологических функций психомоторики, снижении скорости зрительно-моторных и сенсомоторных реакций, снижении темпа работоспособности и устойчивости нервной системы.

Характеристика выборки исследования. В исследовании, выполненном 2009–2013 гг. принимали участие 268 детей-сирот старшего дошкольного возраста (187 мальчиков и 181 девочек), воспитанников Муниципального Казённого Учреждения Социального Обслуживания «Социально-реабилитационного» центра для несовершеннолетних Курчатовского района (МКУСО «СРЦДН»). Средний возраст в группе составил $6,35 \pm 0,05$ лет. На основании психологических, клинических исследований, а также анализа социального статуса были сформированы две экспериментальные группы, в которые вошли дети-сироты с различным уровнем выраженно-

сти психической депривации. Первую экспериментальную группу (1) составили 50 детей-сирот с глубоким уровнем психической депривации. Вторую экспериментальную группу (2) составили 50 детей-сирот с умеренным уровнем психической депривации. Контрольную группу составили дети старшего дошкольного возраста, воспитывающиеся в семьях.

Организация и методы исследования. Первый этап исследования был направлен на определение уровня выраженности психической депривации детей-сирот дошкольного возраста. В процессе теоретического анализа проблемы исследования были отобраны 8 показателей, которые вероятнее всего присутствуют в структуре психической депривации. К данным показателям были отнесены: 1) время наступления депривационной ситуации развития; 2) состояние физического здоровья на момент поступления в сиротское учреждение; 3) недоверие к окружающему миру, негативизм по отношению к людям; 4) эмоциональная холодность к переживаниям других людей; неумение сопереживать; 5) психофизический инфантилизм; 6) дезадаптивность в окружающем мире и неумение устанавливать контакты; 7) неадекватность самооценки; 8) низкий уровень интеллектуального развития.

Исследование выраженности психической депривации детей-сирот проводилось с помощью методов анализа документации; карты наблюдения Стотта, определяющей степень дезадаптации испытуемых; методика диагностики тревожности «Выбери лицо» Темпла-Доркина, «Лесенка самооценки» А. Щур [3]. Диагностика интеллектуального развития осуществлялась детским вариантом теста Векслера (WISC) в адаптации А.Ю. Панасюка. Особенности межличностных отношений в процессе взаимодействия со сверстниками исследовались с применением методики «Мозаика» Е.О. Смирновой, В.М. Холмогоровой [14].

На втором этапе исследования были сформулированы психофизиологические критерии оценки уровня психической депривации: 1) состояние общей моторики: общая подвижность, функция равновесия, координация, скорость, плавность движений; 2) кинестетическая организация движений (кинестетический праксис); 3) динамическая организация двигательного акта (динамический праксис); 4) зрительно-пространственная организация движений (пространственный праксис); 5) слухомоторная координация; 6) устойчивость и подвижность нервной системы; 7) скорость сенсомоторных реакций.

Оценка психофизиологических критериев проводилась с помощью методик «Нейропсихологического исследования» (Ж.М. Глозман и др., 2008 [4]); детский вариант методики «Кубики Кооса, субтест № 9» Дж. Векслера (Н.В. Афанасьевой и др. 2009 [3]); модифицированного компьютерного моторного теппинг-теста (Т.В. Попова, 2002 [10]); компьютерного тестирования нейродинамических свойств «НС-Тест 2003» [10].

Результаты исследования и их обсуждения. Выявлены значимые различия между группами 1,2 и 3 по показателям общей моторики ($U=1086,5^{**}$), кинестетического ($U=1184,0^{**}$), динамического ($U=901,5^{**}$), пространственного праксиса ($U=791,0^{**}$) и слухомоторной координации ($U=1295,0^{**}$). Сравнительный анализ показал наличие значимых различий в исследуемых показателях между группами детей-сирот с глубоким (1 группа) и умеренным (2 группа) уровнем психической депривации. Было установлено снижение уровня развития общих моторных навыков ($U=15,5^{**}$), кинестетического ($U=171,0^{**}$), динамического ($U=168,0^{**}$) и пространственного ($U=208,0^{**}$) праксиса, а также слухомоторной координации ($U=15,0^{**}$) в группе детей-сирот с глубоким уровнем психической депривации. С углублением уровня психической депривации снижается уровень развития общих моторных навыков ($r=0,839^{**}$), которые выражаются в трудностях переключения с одного движения на другое, трудностях нахождения отдельных поз, повышении тонуса мышц, снижении двигательной памяти. Выявлена закономерность снижения развития кинестетического праксиса с усилением состояния психической депривации ($r=0,764^{**}$). Нарушения кинестетического праксиса проявляются в трудностях нахождения поз, наличии персевераций, асинхронности и диффузности движений, нарушениях программирования движений и сознательного контроля за их выполнением, высоком уровне истощаемости при выполнении движений. Глубина психической депривации проявляется особенно в динамической организации двигательного акта ($r=0,816^{**}$), к числу которых относятся нарушения зрительного контроля и некоординированность движений в системе «глаз–рука». При глубоком уровне депривации пространственный праксис ($r=0,808^{**}$) характеризуется низкими показателями в развитии пространственных представлений, трудности в восприятии формы, соотнесения элементов в пространстве, в правильном восприятии пропорции и перспективы. При выполнении заданий на динамическую и реципрокную координацию движений у них отмечается скованность, несоразмерность движений, синкинезии. При повышенной активности, наблюдается невозможность длительной концентрации внимания, импульсивность, неспособность точно воспроизводить заданные движения. Выявлена взаимосвязь между психической депривацией и нарушениями слухомоторной координации ($r=0,545^{**}$), которые проявляются в нарушении слухового восприятия, недоступности контроля.

В результате проведенного исследования выявлены значительные отличия активности психофизиологических функций у детей-сирот с различным уровнем депривации в сравнении с их сверстниками, воспитывающимися в семьях. Дети-сироты с глубоким и умеренным уровнем депривации характеризуются более низким функциональным уровнем нервной системы, по сравнению с детьми, воспитывающимися в семьях, что проявляется более длительным временем сенсомоторных реакций на оптические

($U=786,5^{**}$) и акустические ($U=756,0^{**}$) раздражители. Основываясь на показателях времени сенсомоторных реакций, у детей-сирот, по сравнению с дошкольниками, воспитывающимися в семьях, возбудимость ЦНС на слуховые раздражители снижена почти на 50,0 %, на зрительные – на 33,5 %, на дифференцировочные (с выбором и различения) – соответственно – на 50,6 % и 25,9 %, в режиме статической и динамической помехи – на 67,6 % и 39,7 % (соответственно). В ходе исследования были установлены различия психофизиологических функций у детей-сирот в зависимости от уровня психической депривации. Различия в длительности сенсомоторных реакций на акустические и оптические раздражители у детей-сирот с умеренным уровнем депривации составляют 21,1 %, у детей-сирот с глубоким уровнем депривации – 25,1 %. Реакции детей-сирот с умеренным уровнем депривации при сложных сенсомоторных реакциях на 12,0–40,0 % были короче, чем реакции детей-сирот с глубоким уровнем депривации. Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что чем меньше выражен уровень депривации, тем выше скорость дифференцировки как оптических ($U=792,0^{***}$), так и акустических раздражителей ($U=947,5^{***}$). В процессе исследования установлено влияние психической депривации на скорость дифференцировки оптических и акустических раздражителей. При увеличении глубины психической депривации снижается скорость дифференцировки оптических ($r=-0,631^{**}$) и акустических ($r=-0,439^{**}$) раздражителей, увеличивается время реакции ($r=-0,585^{**}$) и различения ($r=-0,175^*$).

Выявлены значимые различия в показателях подвижности нервных процессов, которая в группе детей воспитывающихся в семьях, была значительно выше ($U=844,5^{***}$). Дети-сироты с различным уровнем психической депривации также отличались по показателям подвижности нервных процессов ($U=875,0^{***}$). Дети, воспитывающиеся в семьях, характеризовались относительной устойчивостью и незначительным утомлением, характеризующие средне-сильный тип нервной системы в отличие от наибольшей утомляемости детей-сирот, у которых утомление было более выраженным соответствующее слабому типу нервной системы ($t=13,77^{**}$). Анализ кривых работоспособности позволяет прийти к выводу, что у всех детей вне зависимости от уровня депривации утомляемость к концу работоспособного периода нарастает. Тем не менее, группы отличаются по типу нервной системы. Кривая темпа работоспособности детей, воспитывающихся в семьях, имеет выпуклый тип, соответствующий средне-сильной нервной системе. У детей-сирот темп работоспособности ниже, по сравнению с детьми из семей, а кривая темпа работы имеет нисходящий вид, характерный для слабой нервной системы. В группе детей с умеренным уровнем психической депривации установлен средне-слабый тип нервной системы ($t=9,31^{***}$). У детей-сирот с глубоким уровнем депривации тип нервной системы можно определить как слабый ($t=10,76^{***}$). Корреляционный анализ подтвердил предположение о том, что с увеличе-

нием глубины психической депривации увеличивается слабость нервной системы ($r=0,44$ при $p \leq 0,01$), снижается подвижность ($r=0,37$ при $p \leq 0,01$) и уравновешенность ($r=0,59$ при $p \leq 0,01$) нервных процессов.

Таким образом, период в возрасте от рождения до 4 лет является сензитивным периодом развития психомоторики, именно в этот период происходит интенсивное развитие двигательных функций, формирование сенсорных эталонов и сенсомоторной координации, в дальнейшем данные функции обогащаются и совершенствуются. Нарушения психофизиологического и эмоционального развития ребенка обусловлено воздействием депривационной ситуацией развития в критический период раннего и дошкольного детства.

Нарушения психомоторного развития детей-сирот обусловлено блокировкой значимой физиологической потребности в двигательной активности и получении сенсорной информации на ранних этапах онтогенеза.

Специфика нарушений психомоторного развития может служить объективным критерием оценки уровня психической депривации, обусловленной временем и степенью воздействия депривационных факторов.

Библиографический список

1. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев – 3-е изд. – СПб: Питер, 2001. – 288 с.
2. Анохин, П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы / П.К. Анохин. – М.: «Наука», 1980. – 197 с.
3. Афанасьева, Н.В. Программа психологической диагностики готовности к обучению в школе / Н.В. Афанасьева, Е.Н. Дубиненкова. – Вологда, 2000. – 239 с.
4. Глозман, Ж.М. Нейропсихологическая диагностика в дошкольном возрасте / Ж.М. Глозман, А.Ю. Птанина, А.Е. Соболева. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 80 с.
5. Лангмейер, Й. Психическая депривация в детском возрасте / Й. Лангмейер, З. Матейчик. – Прага: Медицинское издательство Авице-нум, 1984. – 334 с.
6. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
7. Лисина, М.И. Общение, личность и психика ребенка / М.И. Лисина; под ред. А.Г. Рузской. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 2007. – 383 с.
8. Мерлин, В.С. Очерки интегрального исследования индивидуальности / В.С. Мерлин. – М.: «Педагогика», 1986. – 256 с.
9. Попова, Т.В. Центральные механизмы утомления при локальной мышечной деятельности статического характера / Т.В. Попова, Ю.И. Корякалов, Д.А. Марокко // Физиология человека. – 2007. – Т. 33. – № 4.
10. Прихожан, А.М. Психология сиротства / А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. – М, СПб: «Питер», 2005. – 297 с.

11. Психическое развитие детей-сирот (по результатам психологического мониторинга) / под ред. Л.М. Шипицыной. – СПб., 1996. – 48 с.

12. Худенко, Е.Д. Новые технологии социальной реабилитации детей, находящихся в условиях интеллектуально и эмоционально обедненной среды / Е.Д. Худенко, Т.И. Шульга, И.И. Поташова, Л.А. Марунова, М.Н. Любимова // Вып.1. Метод. сбор. – М.: «Центр коррекционных технологий», 2008. – 180 с.

13. Смирнова, Е.О. Межличностные отношения дошкольников. Диагностика, проблемы, коррекции // Е.О. Смирнова, В.М. Холмогорова. – М.: «Владос», 2005. – 128 с.

14. Шипицыны, Л.М. Комплексное сопровождение детей дошкольного возраста / Л.М. Шипицына, А.А. Хилько, Ю.С. Галямова и др. – М.: «Речь», 2003. – 167 с.

15. Шульга, Т.Н. Социально-психологическая помощь обездоленным детям: опыт исследований и практической работы / Т.Н. Шульга, Л.Я. Олиференко, А.В. Быков. – М.: «Центр коррекционных технологий», 2008. – 167 с.

[К содержанию](#)

ББК Ю959.18

УДК 159.9.072

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОРГАНИЗАЦИЙ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

П.С. Глухов, В.Г. Грязева-Добшинская, В.А. Глухова

Представлены результаты эмпирического исследования организационной культуры производственных организаций с разным уровнем инновационности. Обоснован выбор концепции социокультурного пространства Ю.Д. Красовского для целей исследования. Выявлены и описаны различия в выраженности управленческих ориентаций в отношении персонала и базовых культур управления между предприятиями с разным уровнем инновационности.

Ключевые слова: организационная культура, управленческие ориентации, базовые культуры управления, инновации.

Эффективность компании во много определяется ее организационной культурой, к сфере которой относятся ценности менеджмента, традиции принятия решений и общения с подчиненными, конвенциональность поведенческих норм [4, 6]. В условиях ускоряющихся изменений рыночной среды важно, чтобы организационная культура обеспечивала инновационность предприятий – создание и внедрение технологических усовершенст-

вований. В связи с этим одной из самых востребованных задач в практике организационного психологического консультирования является диагностика и анализ организационной культуры в контексте её инновационного потенциала [1, 2]. Для полноценного решения этой задачи нужна системная концепция организационной культуры, включающая установки, которые потенциально обеспечивают инновационность предприятия. Этому требованию отвечает концепция социокультурного пространства Ю.Д. Красовского, на основе которой разработан инструментарий для эмпирического исследования, позволяющий операционализировать основные положения концепции. Для обозначения организационной культуры автор предлагает термин социокультурное пространство организации. В статье эти термины используются как синонимы [5, 6].

Для описания социокультурного пространства организации Ю.Д. Красовский предлагает: I. систему управленческих ориентаций менеджеров в отношении персонала предприятий; II. систему базовых культур управления [5, 6].

I. Управленческие ориентации менеджеров в отношении персонала организации объединяются в две группы по критерию наличия (отсутствия) обратной связи между менеджерами и подчиненными: формализованные и персонализированные.

Формализованные управленческие ориентации выражают односторонние способы воздействия «сверху вниз» и не предполагают обратной связи от подчиненных. К ним относятся следующие:

- 1) авторитарная – сотрудники подчиняются воле руководителя;
- 2) технократическая – сотрудники подчиняются производственному процессу;
- 3) бюрократическая – сотрудники подчиняются организационному порядку.

Персонализированные управленческие ориентации выражают двухсторонний способ взаимодействия «сверху вниз и снизу вверх», их проявление подразумевает обратную связь от подчиненных. К ним относятся следующие:

- 1) демократическая – руководитель постоянно учитывает мнение работников в корректировке рабочего процесса;
- 2) гуманизаторская – руководитель относится к работникам, уважая их человеческое достоинство;
- 3) инноваторская – руководитель, предоставляя свободу творчества работникам, организует внедрение инициативных предложений.

Ю.Д. Красовский также выделяет две полярные управленческие ориентации, характеризующие систему способов стимулирования работников: мобилизаторскую и конфликтную управленческие ориентации. Для диагностики управленческих ориентаций Ю.Д. Красовский предлагает использовать методику «КРАБ».

II. Система базовых установок организационной культуры менеджеров также включает восемь типов. Базовые организационные культуры рассматриваются как установки, определяющие различную интерпретацию менеджеров относительно того, что вносит вклад в успешность организации. Они рассматриваются как полярные социокультурные позиции [5, 6]:

1) консолидарная культура управления (успех зависит от сбалансированности управленческой политики главы фирмы) и мобильная культура управления (успехи фирмы зависят от оперативной маневренности ресурсами);

2) рейтинговая культура управления (успехи фирмы зависят от удовлетворения потребностей клиентов) и конфронтационная культура управления (успех фирмы зависит от жёсткой политики в отношении конкурентов);

3) пирамидальная культура управления (успехи в фирме зависят от выполнения требований вышестоящего руководства) и командная культура управления (успех фирмы зависит от продуктивной и творческой работы команд);

4) патерналистская культура управления (успех фирмы зависит от развития способностей каждого сотрудника в сохранении благоприятного климата) и кооперационная культура управления (успех фирмы зависит от профессионализма сотрудников).

Для диагностики базовых культур управления Ю.Д. Красовский предлагает использовать методику «РАКУРС».

Результаты эмпирического исследования

Эмпирическое исследование организационной культуры проводилось в рамках программы, предложенной В.Г. Грязевой-Добшинской, направленной на выявление потенциалов инновационной активности менеджеров предприятия («Ресурсы инновационного лидерства менеджеров предприятия: психологический инновационный аудит») [1–3].

Выборку эмпирического исследования составили 232 менеджера, занимающихся управленческой деятельностью на трех предприятиях Челябинска и Челябинской области.

Первое предприятие практически не занималось выпуском новых продуктов, имело во многом устаревшие производственные мощности. В структуре предприятия имелись подразделения, занимавшиеся внедрением инноваций, однако их доля в общем объёме выпускаемой продукции была минимальна. Выборка менеджеров этого предприятия формировалась случайно из числа сотрудников подразделений, как занимающихся, так и не занимающихся внедрением инноваций. Данное предприятие имеет программу модернизации производства, но скорость прохождения модернизационных процессов не высока. В нашем исследовании мы обозначили данное предприятие как ориентированное на последовательную (плавную) модернизацию. Всего в исследовании участвовало 83 менеджера данного предприятия.

Второе предприятие также практически не занималось выпуском новых продуктов, но на нем постоянно обновлялись устаревшие производственные мощности на более современные. Это позволяло повышать технологичность выпускаемой продукции и скорость выполнения заказов. Выборка менеджеров этого предприятия включала весь управленческий состав и кадровый резерв. В нашем исследовании мы обозначили данное предприятие как ориентированное на прорывную модернизацию. Всего в исследовании участвовало 89 менеджеров данного предприятия.

Третье предприятие занималось практикой введения и выпуска новых продуктов. Эта стратегия осуществлялась как за счет качественного усовершенствования традиционных для предприятия производств, так и благодаря введению новых направлений производства за счет изменения работы некоторых подразделений. На данном предприятии осуществлялась диверсификация производства за счет внедрения новых инновационных продуктов. Выборка менеджеров этого предприятия включала весь управленческий состав и кадровый резерв. В нашем исследовании мы обозначили данное предприятие как ориентированное на инновационную деятельность. В исследовании участвовало 60 менеджеров данного предприятия.

Основные результаты исследования позволили охарактеризовать изучаемые переменные следующим образом.

1. Управленческие ориентации менеджеров в организациях с разной степенью инновационности.

Исследование персонизованных управленческих ориентаций в организациях с разной степенью инновационности представлено в таблице 1 (расчет по критерию U-Манна-Уитни).

Таблица 1

Персонизованные управленческие ориентации менеджеров
на предприятиях с разной степенью инновационности

Предприятия с разным уровнем инновационности	Инноваторская УО	Гуманитарная УО	Мобилизаторская УО	Демократическая УО
1-е предприятие, ориент. на последовательную модернизацию	2897,5*	2996,5	3363,5	3345,0
2-е предприятие, ориент. на прорывную модернизацию				
1-е предприятие, ориент. на последовательную модернизацию	1895,5*	1705,5**	1766,0*	1591,0**
3-е предприятие, ориент. на инновационную деятельность				
2-е предприятие, ориент. на прорывную модернизацию	2605,0	2319,5	2127,5	1993,5*
3-е предприятие, ориент. на инновационную деятельность				

ПРИМЕЧАНИЕ: * различия, значимые при $p \leq 0,05$; ** различия значимые, при $p \leq 0,01$.

На предприятии, ориентированном на инновационную деятельность значимо больше выражена инноваторская ($U = 1895,5$, $\rho \leq 0,05$), гуманизаторская ($U = 1705,5$, $\rho \leq 0,05$), мобилизаторская ($U = 1766,0$, $\rho \leq 0,05$) и демократическая ($U = 1591,0$, $\rho \leq 0,01$) управленческие ориентации, чем на предприятии, ориентированном на последовательную модернизацию. На предприятии, ориентированном на инновационную деятельность, значимо больше выражена демократическая управленческая ориентация и по сравнению с предприятием, ориентированным на прорывную модернизацию ($U = 1993,5$, $\rho \leq 0,05$).

На предприятии, ориентированном на прорывную модернизацию значимо больше выражена инноваторская управленческая ориентация ($U = 2897,5$, $\rho \leq 0,05$), чем на предприятии, ориентированном на последовательную модернизацию. Можно предположить, что отсутствие инноваторской управленческой ориентации является барьером организационной культуры, не позволяющим полноценно вести как инновационной, так и модернизационную деятельность.

На предприятии, ориентированном на инновационную деятельность, больше выражены социокультурные позиции, определяющие возможность трансляции обратной связи руководству, чем в организациях, ориентированных на прорывную и плавную модернизацию. Наличие открытости вертикальной двухсторонней коммуникации с сотрудниками во многом способствует циркуляции идей, что делает организацию более адаптивной и позволяет успешно вести инновационную деятельность.

Исследование формализованных управленческих ориентаций в организациях с разной степенью инновационности представлено в таблице 2.

На предприятии, ориентированном на инновационную деятельность, в меньшей степени выражены автократическая ($U = 1724,0$, $\rho \leq 0,01$) и конфликтная ($U = 1535,0$, $\rho \leq 0,01$) управленческие ориентации, чем на предприятии, ориентированном на последовательную модернизацию. На предприятии, ориентированном на инновационную деятельность, в меньшей степени выражены автократическая ($U = 1145,5$, $\rho \leq 0,05$) и конфликтная ($U = 1535,0$, $\rho \leq 0,01$) управленческие ориентации, чем на предприятии, ориентированном на прорывную модернизацию.

На предприятии, ориентированном на прорывную модернизацию, уровень автократической ($U = 2896,0$, $\rho \leq 0,05$) и конфликтной ($U = 2792,0$, $\rho \leq 0,05$) управленческих ориентаций значимо выше, чем на предприятии, ориентированном на последовательную модернизацию.

Возможно, интенсивные модернизационные преобразования требуют от менеджмента компании проявлений методов активного принуждения, высокого уровня контроля, создания стрессогенной среды для достижения высокой активности сотрудников. Потенциальный высокий уровень конфликтной и автократической управленческих ориентаций может стать ограничителем для дальнейшего развития организации.

Таблица 2

Формализованные управленческие ориентации менеджеров
на предприятиях с разной степенью инновационности

Предприятия с разным уровнем инновационности	Бюрократическая УО	Технократическая УО	Автократическая УО	Конфликтная УО
1-е предприятие, ориент. на последовательную модернизацию	3133,0	3034,5	2896,0*	2792,0*
2-е предприятие, ориент. на прорывную модернизацию				
1-е предприятие, ориент. на последовательную модернизацию	2285,5	2215,5	1724,0**	1535,0**
3-е предприятие, ориент. на инновационную деятельность				
2-е предприятие, ориент. на прорывную модернизацию	2405,0	2384,5	1503,5**	1145,0**
3-е предприятие, ориент. на инновационную деятельность				

ПРИМЕЧАНИЕ: * различия, значимые при $p \leq 0,05$; ** различия, значимые при $p \leq 0,01$.

2. Базовые культуры управления в организациях с разной степенью инновационности.

Исследование базовых культур управления в организациях с разной степенью инновационности представлено в таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Базовые культуры управления на предприятиях
с разной степенью инновационности

Предприятия с разным уровнем инновационности	Консолидарная КУ	Рейтинговая КУ	Пирамидальная КУ	Патерналистская КУ
1-е предприятие, ориент. на последовательную модернизацию	197,5**	381,0**	428,0*	542,5
2-е предприятие, ориент. на прорывную модернизацию				
1-е предприятие, ориент. на последовательную модернизацию	103,5*	65,5**	111,5	111,0
3-е предприятие, ориент. на инновационную деятельность				
2-е предприятие, ориент. на прорывную модернизацию	584,5*	872,0	864,0	875,0
3-е предприятие, ориент. на инновационную деятельность				

ПРИМЕЧАНИЕ: * различия, значимые при $p \leq 0,05$; ** различия, значимые при $p \leq 0,01$.

На предприятии, ориентированном на инновационную деятельность значимо больше выражены консолидарная ($U = 103,5$, $\rho \leq 0,05$) и рейтинговая ($U = 65,5$, $\rho \leq 0,01$) культуры управления, чем на предприятии, ориентированном на последовательную модернизацию. При этом на предприятии, ориентированном на прорывную модернизацию, консолидарная культура управления выражена значимо больше, чем на предприятии, ориентированном на инновационную деятельность ($U = 197,5$, $\rho \leq 0,01$). Наибольшим образом на поддержание внутрифирменной сплоченности направлен менеджмент предприятия, ориентированного на модернизационные преобразования, а наименьшим – менеджмент предприятия, ориентированного на плавные преобразования.

Наибольшее количество различий в выраженности базовых культур управления обнаружено между предприятиями, осуществляющими разные типы модернизационных преобразований. На предприятии, ориентированном на прорывную модернизацию, значимо больше выражена консолидарная ($U = 197,5$, $\rho \leq 0,01$), рейтинговая ($U = 381,0$, $\rho \leq 0,01$) и пирамидальная ($U = 428,0$, $\rho \leq 0,05$) культуры управления, чем на предприятии, ориентированном на последовательную модернизацию.

Таблица 4

Базовые культуры управления на предприятиях
с разной степенью инновационности

Предприятия с разным уровнем инновационности	Мобильная КУ	Конфронтационная КУ	Командная КУ	Кооперационная КУ
1-е предприятие, ориент. на последовательную модернизацию	477,5*	418,0**	637,5	474,0*
2-е предприятие, ориент. на прорывную модернизацию				
1-е предприятие, ориент. на последовательную модернизацию	90,5*	96,0*	138,0	100,0*
3-е предприятие, ориент. на инновационную деятельность				
2-е предприятие, ориент. на прорывную модернизацию	823,5	898,0	887,0	888,5
3-е предприятие, ориент. на инновационную деятельность				

ПРИМЕЧАНИЕ: * различия, значимые при $\rho \leq 0,05$; ** различия, значимые при $\rho \leq 0,01$.

На предприятии, ориентированном на инновационную деятельность, значимо больше выражены мобильная ($U = 90,5$, $\rho \leq 0,05$), конфронтационная ($U = 96,0$, $\rho \leq 0,05$), кооперационная ($U = 100,0$, $\rho \leq 0,05$) культуры управления, чем на предприятии, ориентированном на последовательную модернизацию.

Схожие различия наблюдаются между предприятиями, ориентированными на разные типы модернизационных преобразований. На предприятии, ориентированном на прорывную модернизацию, значительно больше выражены мобильная ($U = 477,5$, $\rho \leq 0,05$), конфронтационная ($U = 418,0$, $\rho \leq 0,01$), кооперационная ($U = 474,0$, $\rho \leq 0,05$) культуры управления, чем на предприятии, ориентированном на последовательную модернизацию.

Возможно, социокультурные позиции, отражающие готовность оперативно управлять ресурсами, клиентоориентированность, видение конкурентов, а также ценность профессионализма являются необходимыми и для проведения модернизации, и для ведения инновационной деятельности на предприятии.

Выводы

Эмпирическое исследование организационной культуры предприятий с разным уровнем инновационности, основанное на концепции социокультурного пространства Ю.Д. Красовского, оказалось эвристичным.

На предприятии, ориентированном на инновационную деятельность, больше выражены персонизованные социокультурные позиции (инноваторская, гуманизаторская, мобилизаторская, демократическая управленческие ориентации), чем на предприятиях, ориентированных на прорывную и плавную модернизацию.

На предприятии, ориентированном на инновационную деятельность, значительно меньше выражены формализованные социокультурные позиции (автократическая, конфликтная управленческие ориентации), чем на предприятиях, ориентированных на прорывную и плавную модернизацию.

Организационная культура, характеризующаяся открытыми коммуникациями между менеджментом и сотрудниками предприятий, способствует циркуляции идей, что делает организацию более адаптивной и позволяет успешно вести инновационную деятельность.

На предприятиях, ориентированных на инновационную деятельность и на прорывную модернизацию, значительно больше выражены консолидарная, рейтинговая, мобильная, конфронтационная, кооперационная культуры управления, чем на предприятии, ориентированном на последовательную модернизацию. Для эффективности проведения инновационной деятельности и модернизации производства важна организационная культура, направленная на оперативное управление ресурсами, клиентоориентированность, осознание конкурентной борьбы, поддержание ценности профессионализма.

Библиографический список

1. Грязева-Добшинская, В.Г. Диагностическая технология РОССТЛ в психологическом инновационном аудите менеджмента промышленных предприятий / В.Г. Грязева-Добшинская, В.А. Глухова, П.С. Глухов // Съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество», Москва, 14–18 февраля 2012 г. Научные материалы; Том III. – М. Издательство МГУ, 2012. – С. 168.

2. Грязева-Добшинская, В.Г. Инновационное лидерство: моделирование тенденций активности менеджеров предприятия / В.Г. Грязева-Добшинская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2010. – Вып. 9. – № 17(193). – С. 9–17.

3. Грязева-Добшинская, В.Г. Инновационное лидерство: социально-психологическая программа для менеджеров / В.Г. Грязева-Добшинская // Социальная психология творчества – 2007: сборник научных трудов. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 200–207.

4. Корпоративная культура и управление изменениями / пер. с англ. // Серия «Классика Harvard Business Review». – М.: Альпина Букс, 2006. – 192 с.

5. Красовский, Ю.Д. Социокультурные основы управления бизнес-организацией: учебное пособие для студентов / Ю.Д. Красовский. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 391 с

6. Красовский, Ю.Д. Управление поведением в фирме: эффекты и парадигмы: практическое пособие / Ю.Д. Красовский. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 368 с.

[К содержанию](#)

УДК 159.922

ББК Ю941.1

МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЯ КАК РЕСУРС ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ

Ю.А. Дмитриева, В.Г. Грязева-Добшинская, В.А. Глухова

Рассматривается актуальность исследования ресурсов инновационной активности менеджеров как реальных лидеров инноваций на промышленных предприятиях. Представлены результаты исследования мотивации достижения как одного из ресурсов инновационной активности менеджеров. Проанализированы результаты диагностики групп менеджеров различных промышленных предприятий по уровню мотивации «надежды на успех» и мотивации «избегания неудач».

Ключевые слова: инновационная активность субъекта, ресурсы инновационной активности менеджеров, мотивация достижения.

Современный мир чрезвычайно динамичен, изменения происходят во всех сферах жизнедеятельности человека. Наиболее интенсивные и существенные изменения связаны со сферой инноватики, инновационной деятельности.

Инновационная деятельность есть процесс создания нового (продукта, услуги и др.), от разработки самой идеи этого продукта до внедрения и распространения его на рынке. Успешное выполнение деятельности в условиях введения инноваций подразумевает наличие инновационной активности персонала, причем в первую очередь, менеджеров, которые являются лидерами инноваций.

Инновационная активность субъекта характеризует его способность изменять окружающую действительность в соответствии с его потребностями и целями в условиях введения инноваций и включает определенную систему качеств и характеристик субъекта, таких как высокая мотивация достижения, сформированность лидерских качеств, умение работать в команде инновационного проекта, самоактуализация, надситуативная активность и креативность [2, 4, 9].

В соответствии с историко-эволюционным подходом А.Г. Асмолова и основными положениями популяционной биологии, устойчивое развитие сообщества субъектов будет достигаться благодаря балансу двух тенденций активности: поисковой активности, направленной на изменение имеющихся параметров функционирования, и стабилизирующей активности, направленной на сохранение параметров функционирования [1].

В данной статье представлены результаты исследования мотивации достижения как одного из ресурсов инновационной активности менеджеров предприятий. Мотивация достижения, по определению Х. Хекхаузена, это «попытка увеличить или сохранить максимально высокими способности человека ко всем видам деятельности, к которым могут быть применены критерии успешности и где выполнение подобной деятельности может, следовательно, привести или к успеху, или к неудаче» [8]. Мотивация достижения является одним из ключевых ресурсов инновационной активности менеджеров и содержит две мотивационные тенденции – мотивацию «надежды на успех» и мотивацию «избегания неудач».

Цель исследования: психологическая диагностика одного из ресурсов инновационной активности – структуры мотивации достижения менеджеров предприятий и сравнительный анализ распределения менеджеров различных предприятий по уровню мотивации «надежды на успех» и мотивации «избегания неудач».

Для психологической диагностики структуры мотивации достижения использовалась проективная методика ТАТ Х. Хекхаузена [6]. Данная методика психологической диагностики ресурсов инновационной активности менеджеров входит в батарею методик авторской программы В.Г. Грязевой-Добшинской «Инновационное лидерство: психологический инновационный аудит» [4].

В соответствии с историко-эволюционным подходом А.Г. Асмолова и теоретическими основами программы психологического инновационного аудита В.Г. Грязевой-Добшинской, параметры методики выявления струк-

туры мотивации достижения были разделены на две группы, характеризующие разные тенденции инновационной активности [1, 3]. К поисковой активности, направленной на изменение параметров функционирования организации, относятся мотивация «надежды на успех» и чистая надежда. К стабилизирующей активности, направленной на сохранение параметров функционирования организации, относятся общая мотивация достижения и мотивация «избегания неудач». Для устойчивого развития организации необходимо, чтобы обе тенденции инновационной активности менеджеров принимали максимальные значения.

Результаты психологической диагностики структуры мотивации достижения менеджеров

В исследовании приняли участие 504 менеджера различных предприятий Уральского региона, которые были разделены на 5 групп в зависимости от типа предприятия: менеджеры инновационного предприятия ВПК (ИннП ВПК) и менеджеры нескольких модернизирующихся предприятий в разных городах региона (МП).

Результаты психологической диагностики общей выборки менеджеров (504 человек) были использованы для стандартизации всех шкал методики. После проверки распределения показателей по каждой шкале методики исследования структуры мотивации достижения на нормальность, была составлена таблица перевода сырых баллов в стандарты. Далее все значения параметров структуры мотивации менеджеров использовались в стандартах.

Для дальнейшего сравнительного анализа групп менеджеров различных промышленных предприятий была проведена рандомизация экспериментальных выборок [5]. Анализ структуры мотивации достижения проводился в группах менеджеров № 1 ИннП ВПК, № 2 МП, № 3 МП, № 4 МП и № 5 МП, которые содержат 60, 52, 64, 124 и 204 менеджера, соответственно. Для проведения статистического анализа эмпирических данных, результаты мотивации достижения менеджеров групп № 1, № 2 и № 3 использовались в полном объеме. Выборки менеджеров групп № 4 и № 5 были рандомизированы и уменьшены до 60 человек. Для этого в каждой этой группе менеджеры были проранжированы по уровню общей мотивации достижения. В полученном списке менеджеров были отобраны каждый второй или третий менеджер для дальнейшего анализа.

По результатам психологической диагностики структуры мотивации достижения менеджеры каждой группы были дифференцированы по уровню показателей мотивации «надежды на успех» и мотивации «избегания неудач» (высокий, средний и низкий уровень мотивации)

Распределение менеджеров по уровню выраженности мотивации «надежды на успех»

Различия в количестве менеджеров с высоким, средним и низким уровнем каждого параметра мотивации в каждой группе менеджеров оценивались с помощью критерия χ^2 -распределения (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Распределение менеджеров по уровню мотивации «надежды на успех»
(по результатам методики ТАТ Х. Хекхаузена)

Группы менеджеров предприятий	% (кол-во человек)	Уровень мотивации «надежды на успех», %			χ^2
		низкий 1–3 стена	средний 4–7 стенов	высокий 8–10 стенов	
№ 1 ИннП ВПК	100 % (60)	35	55	10	30,5**
№ 2 МП	100 % (52)	21	58	21	27,38**
№ 3 МП	100 % (60)	12	75	13	78,14**
№ 4 МП	100 % (60)	18	67	15	51,14**
№ 5 МП	100 % (60)	40	52	8	31,04**
χ^2		11,43*	3,87	5,19	

Условные обозначения: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$.

Анализ распределения количества менеджеров по уровню мотивации «надежды на успех» показал, что около 60 % менеджеров на каждом предприятии имеет средний уровень выраженности каждого параметра мотивации, что соответствует нормальному распределению обоих показателей. Группа № 3 модернизирующегося предприятия содержит 75 % менеджеров со средним уровнем мотивации «надежды на успех», что существенно выше по сравнению с остальными группами.

Таблица 2

Распределение менеджеров по уровню мотивации «надежды на успех»
(по результатам методики ТАТ Х. Хекхаузена)

Группы менеджеров предприятий	% (кол-во человек)	Уровень мотивации «надежды на успех», %			m критерий между высоким и низким уровнем мотивации
		низкий 1–3 стена	средний 4–7 стенов	высокий 8–10 стенов	
№ 1 ИннП ВПК	100 % (60)	35	55	10	0,01
№ 2 МП	100 % (52)	21	58	21	р.н.з.
№ 3 МП	100 % (60)	12	75	13	р.н.з.
№ 4 МП	100 % (60)	18	67	15	р.н.з.
№ 5 МП	100 % (60)	40	52	8	0,01

Условные обозначения: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$.

Следует отметить, что у группы менеджеров № 1 инновационного предприятия ВПК и группы менеджеров № 5 модернизирующегося предприятия статистически значимо больше менеджеров с низким уровнем мотивации «надежды на успех».

Различия в выраженности высокого или низкого уровня мотивации «надежды на успех» и мотивации «избегания неудач» у всех исследуемых групп менеджеров промышленных предприятий оценивались с помощью биномиального критерия m (см. табл. 3, 4).

Анализ распределения менеджеров с высоким и низким уровнем каждой составляющей мотивации показал, что в группах менеджеров № 1 и № 5 (инновационного предприятия ВПК и модернизирующегося предприятия) преобладает количество менеджеров с низким уровнем и мотивации «надежды на успех».

Распределение менеджеров по уровню выраженности мотивации «избегания неудач»

Анализ распределения количества менеджеров по уровню мотивации «избегания неудач» показал, что около 60 % менеджеров на каждом предприятии имеет средний уровень выраженности каждого параметра мотивации, что соответствует нормальному распределению обоих показателей.

В группе менеджеров № 3 модернизирующегося предприятия наблюдается преобладание количества менеджеров с высоким уровнем мотивации «избегания неудач» по сравнению с остальными исследуемыми предприятиями.

Таблица 3

Распределение менеджеров по уровню мотивации «избегания неудач»
(по результатам методики ТАТ Х. Хекхаузена)

Группы менеджеров предприятий	% (кол-во человек)	Уровень мотивации «избегания неудач», %			χ^2
		низкий 1–3 стена	средний 4–7 стенов	высокий 8–10 стенов	
№ 1 ИннП ВПК	100 % (60)	28	64	8	48,32**
№ 2 МП	100 % (52)	29	56	15	26,06**
№ 3 МП	100 % (60)	17	55	33	20,8**
№ 4 МП	100 % (60)	8	74	18	75,92**
№ 5 МП	100 % (60)	22	71	7	67,22**
χ^2		6,42	2,27	21,66**	

Условные обозначения: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$.

Анализ распределения менеджеров с высоким и низким уровнем каждой составляющей мотивации показал, что в группах менеджеров № 1 и № 5 (инновационного предприятия ВПК и модернизирующегося предприятия) преобладает количество менеджеров с низким уровнем мотивации «избегания неудач».

В группе менеджеров модернизирующегося предприятия № 2 статистически больше менеджеров с низким уровнем мотивации «избегания неудач», в то время как в группах менеджеров модернизирующихся предприятий № 3 и № 4, наоборот, выявлен высокий уровень мотивации «избегания неудач».

Таблица 4

Распределение менеджеров по уровню мотивации «избегания неудач»
(по результатам методики ТАТ Х. Хекхаузена)

Группы менеджеров предприятий	% (кол-во человек)	Уровень мотивации «избегания неудач», %			t критерий между высоким и низким уровнем мотивации
		низкий 1–3 стенов	средний 4–7 стенов	высокий 8–10 стенов	
№ 1 ИннП ВПК	100 % (60)	28	64	8	0,01
№ 2 МП	100 % (52)	29	56	15	0,05
№ 3 МП	100 % (60)	17	55	33	0,01
№ 4 МП	100 % (60)	8	74	18	0,05
№ 5 МП	100 % (60)	22	71	7	0,01

Условные обозначения: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$.

Сравнение мотивационных тенденций у менеджеров предприятий

Различия между группами менеджеров промышленных предприятий по уровню выраженности мотивации «надежды на успех» и «избегания неудач» оценивались с помощью критерия U Манна-Уитни (см. табл. 5).

В группе менеджеров № 1 инновационного предприятия ВПК выявлен более высокий уровень как мотивации «надежды на успех», так и мотивации «избегания неудач» по сравнению с группами менеджеров модернизирующихся предприятий. Статистически значимые различия представлены в таблице 5.

На основе психологической диагностики мотивации достижения менеджеров различных промышленных предприятий выявлен дисбаланс двух тенденций активности, направленных на сохранение или изменение параметров функционирования организации. Этот дисбаланс заключается в наличии более высоких показателей в структуре мотивации достижения, отвечающих за стабилизирующую тенденцию инновационной активности, и более низких показателей в структуре мотивации достижения, относящихся к поисковой активности менеджеров. Однако, мера выявленного дисбаланса различна на всех исследуемых промышленных предприятиях.

Таблица 5

Сравнение мотивации «надежды на успех»
и мотивации «избегания неудач» у менеджеров предприятий

Группы менеджеров предприятий	УНУ	УИН
№ 1 ИннП ВПК и № 2 МП	1180,5*	1347
№ 1 ИннП ВПК и № 3 МП	1158**	1172,5**
№ 1 ИннП ВПК и № 4 МП	1419*	1161,5**
№ 1 ИннП ВПК и № 5 МП	1725	1406*

Окончание табл. 5

Группы менеджеров предприятий	УНУ	УИН
№ 2 МП и № 3 МП	1434	1215,5*
№ 2 МП и № 4 МП	1480	1250,5*
№ 2 МП и № 5 МП	1128**	1277
№ 3 МП и № 4 МП	1514,5	1700,5
№ 3 МП и № 5 МП	1093,5**	1463,5*
№ 4 МП и № 5 МП	1342,5**	1552,5

Условные обозначения: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$.

Выводы

1. Для выявления ресурсов инновационной активности субъектов необходимо определить баланс двух тенденций активности: поисковой активности, направленной на изменение параметров функционирования организации, и стабилизирующей активности, направленной на сохранение параметров функционирования организации. Данный баланс реализуется на теоретическом и эмпирическом уровнях: на теоретическом – определение условий устойчивого развития организаций, на эмпирическом – дифференциация групп менеджеров по уровням выраженности исследуемого ресурса инновационной активности.

2. Психологическая диагностика структуры мотивации достижения позволяет выявить особенности баланса тенденций активности, направленных на сохранение или изменение параметров функционирования организации.

3. На предприятиях, имеющих проблемы с введением инноваций, выявлен дисбаланс тенденций инновационной активности, направленных на сохранение или изменение параметров функционирования организации, в аспекте мотивации достижения.

В структуре мотивации минимально выражены показатели, характеризующие поисковую активность, и максимально – стабилизирующую активность. Данное сочетание ресурсов инновационной активности менеджеров является неэффективным для введения инноваций в организациях и свидетельствует о необходимости обучения менеджеров соответствующим компетенциям.

Библиографический список

1. Асмолов, А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров / А.Г. Асмолов. – Москва: Изд. «ИПП», Воронеж: НПО «МО-ДЭК», 1996. – 768 с.
2. Брауер, Д. Проективные методы в бизнесе и индустрии / Д. Брауер, А. Уайдер // Проективная психология, пер. с англ. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 475–493
3. Грязева-Добшинская, В.Г. Инновационное лидерство: моделирование тенденций активности менеджеров предприятия / В.Г. Грязева-Добшинская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2010. – Вып. – С. 9–17.

4. Грязева-Добшинская, В.Г. Инновационное лидерство: социально-психологическая программа для менеджеров / В.Г. Грязева-Добшинская // Социальная психология творчества – 2007: сб. науч. тр. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 200–206.
5. Дружинин, В.Н. Экспериментальная психология / В.Н. Дружинин. – СПб: Издательство «Питер», 2000. – 320 с.
6. Собчик, Л.Н. Мотивационный тест Хекхаузена. Практическое руководство. / Л.Н. Собчик. – СПб.: Речь, 2002. – 16 с.
7. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – 2-е изд. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.
8. Хекхаузен, Х. Психология мотивации достижения / Х. Хекхаузен. – Санкт-Петербург: Речь, 2001. – 256 с.
9. Яценко, Е.Ф. Самоактуализация и субъективное благополучие как социально-психологические проблемы профессионального образования: студенты и преподаватели университета / Е.Ф. Яценко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2012. – № 31. – С. 56–63.

[К содержанию](#)

УДК 159.923.2
ББК Ю937.4

СПЕЦИФИКА ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ПОЗДНИХ ВОЗРАСТАХ

И.Ю. Завьялова

В статье обосновывается актуальность исследования специфики идентичности личности в поздних возрастах для интеграции пенсионеров в современное общество, стимулирования трудовой деятельности после выхода на пенсию, сохранения патриотических и семейных ценностей и духовного наследия культуры. Показана взаимосвязь идентичности личности и проживания нормативных кризисов, исходя из концепции Е.Л. Солдатовой. Выделены следующие исследовательские задачи: определение возрастных и событийных границ поздних возрастов; выявление наиболее ресурсных структур личности для каждого периода эпохи старости; разработка психодиагностической процедуры выявляющей ограничения и ресурсы личности в период нормативного кризиса для пожилых людей.

Ключевые слова: идентичность личности, нормативный кризис.

Развитие личности – это непрерывный, проходящий через нормативные кризисы процесс формирования новых качеств личности, который охватывает весь онтогенез, включая поздние стадии. Нормативные кризисы развития личности – это переходные периоды между стабильными стадиями.

В поздних возрастах выделяют два стабильных периода: пожилой возраст и собственно старость [1]. В связи с этим, под кризисами поздних возрастов мы будем подразумевать: пенсионный кризис и кризис перехода к старости.

Большинство геронтопсихологических исследований нормативных кризисов посвящено проблеме выхода на пенсию. Однако в этих исследованиях часто не учитываются изменения структуры личности и идентичности человека. Глубинный подход к анализу нормативных кризисов позволяет по новому взглянуть на проблему определения возрастных и событийных границ эпохи старости.

Традиционные подходы к развитию в старости демонстрируют постепенное увядание психофизиологических функций, сужение интересов и круга общения, эмоциональную и моральную деградацию. Многочисленные исследования предлагают различные варианты компенсации постепенно нарастающих потерь. В тоже время известные примеры активной, здоровой и благополучной старости (Л.Н. Толстой, Ю.В. Никулин, Ф.Г. Углов) подтверждают актуальность акмеистического подхода к поздним возрастам. Неравномерность и гетерохронность развития значительно усиливаются в поздних возрастах, определяя возможности для дальнейшего развития некоторых функций. Таким образом, выявление наиболее ресурсных структур личности позволит выявить направление благополучного развития в пожилом возрасте и старости.

Геронтопсихологические исследования последних лет все чаще указывают на возможности дальнейшего развития в духовной сфере [5], развития социальных отношений [8], возможностей обучения пожилых людей [7], развития когнитивной сферы [6, 9]. Традиционно в психологии принято выделять следующие факторы активного долголетия: творческая и физическая активность, продолжение обучения, активная коммуникация и участие в жизни общества. Однако, они не полностью определяют жизненный выбор пожилых людей, являясь скорее его следствием, а не причиной.

Существенные изменения структуры личности происходят именно в кризисные периоды. С этой точки зрения период нормативного кризиса является наиболее ресурсным для изменений структуры личности. Учет фазовой динамики нормативного кризиса позволит более точно и своевременно оказывать психологическую поддержку [3].

Суть нормативного кризиса взрослости, согласно концепции нормативных кризисов развития личности Е.Л. Солдатовой, состоит в преобразовании социальной ситуации развития. Объективный ее аспект связан с социокультурными ожиданиями как нормативными критериями возраста. Следовательно, переход из одного взрослого возраста в другой сопряжен с объективными изменениями социальной ситуации развития. Субъективная составляющая социальной ситуации развития связана с изменениями в системе ценностей, жизненных целей, удовлетворенности жизнью, переживаниями, которые непременно влекут за собой изменения в системе со-

циально-возрастных отношений взрослого человека. Наряду с изменениями объективной и субъективной сторон социальная ситуация развития в период взрослости, согласно концепции Е.Л. Солдатовой, включает и рефлексивную. Рефлексия личностью изменений, происходящих с ней в результате преобразований социальных отношений, связана с процессом самоотождествления или эго-идентичности [4].

Новообразованием нормативных кризисов взрослости является достижение эго-идентичности, т.е. тождественности себе измененному в результате интериоризации новообразований возраста. Возрастные задачи следующего этапа актуализируют в нормативном кризисе определенные свойства личности, которые составляют возрастные новообразования. Возрастные новообразования отражаются в структуре эго-идентичности как новообразовании нормативного кризиса [2].

Рассмотрим динамику разных уровней системы отношений личности в кризисный период. В предшествующем кризису стабильном периоде происходит скрытое развитие и последующая актуализация противоречий актуальной и идеальной форм возрастного развития, а также латентное формирование отдельных возрастных новообразований. Нормативный кризис развития личности запускается произвольным изменением социальных отношений и актуализацией скрытых ранее отдельных новообразований (новых ценностно-мотивационных взаимоотношений, Я-концепции, направленности личности), происходит фиксация на новых возрастных задачах. Первой фазе нормативных кризисов развития личности соответствует предрешенная эго-идентичность, характеризующаяся отсутствием целостного представления о себе во временном континууме, неструктурированным и формализованным образом будущего.

Данные изменения вызывают напряженность, внутреннюю работу личности по преодолению внутренних конфликтов, вызванных изменением объективной и субъективной сторон социальной ситуации развития. Происходит персонализация объективных отношений, возрастные новообразования переходят во внутренний план, апробируются. Второй фазе нормативных кризисов развития личности соответствует диффузная эго-идентичность, связанная с поиском и сомнениями в собственных целях, ценностях; неверием в себя; утратой временной непрерывности и гармонии в связи с рефлекслируемыми изменениями [2].

Выход из кризиса связан с адаптацией к задачам и присвоением личностных новообразований. В третьей фазе нормативного кризиса развития личности достигается автономная эго-идентичность, личность приобретает целостность, формулирует новые задачи, смыслы развития и существования, приобретает уверенность в собственной воле изменять ориентиры, контролировать ход собственной жизненной истории. Выход из кризиса знаменуется достижением личностной зрелости [10].

Разработка психодиагностической процедуры позволяющей исследовать ограничения и ресурсы поздних возрастов в периоды нормативных кризисов позволит определять стратегию индивидуальной психологической поддержки.

В связи с вышесказанным, мы выделяем следующие исследовательские задачи:

- определение возрастных и событийных границ поздних возрастов;
- выявление наиболее ресурсных структур личности для каждого периода эпохи старости;
- разработка психодиагностической процедуры выявляющей ограничения и ресурсы личности в период нормативного кризиса для пожилых людей.

Реализация поставленных задач позволит разработать психологическую программу поддержки нормативных кризисов поздних возрастов.

Программа психологического сопровождения поздних возрастов будет включать в себя методические рекомендации по проведению индивидуальных и групповых консультаций в период нормативного кризиса перехода к поздней взрослости и старости. Мы планируем включить в программу: основные принципы психологического сопровождения нормативных кризисов поздних возрастов, базовые психодиагностические процедуры, технологии направленные на раскрытие внутренних ресурсов личности, осознание себя в прошлом, настоящем и будущем, принятие новых возрастных задач развития.

Данная программа позволит людям пожилого возраста дольше оставаться трудоспособными, востребованными обществом, независимыми, активными, развивающимися, что позволит в перспективе решить на государственном уровне проблемы интеграции пенсионеров в современное общество, стимулирования трудовой деятельности после выхода на пенсию, сохранения патриотических и семейных ценностей и духовного наследия культуры.

Библиографический список

1. Гершкович, Т.Б. Поздний возраст и стратегии его освоения / Т.Б. Гершкович, Н.С. Глуханюк. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. – 112 с.
2. Завьялова, И.Ю. Психологический анализ развития личности в нормативных кризисах позднего возраста / И.Ю. Завьялова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2012. – Вып. 17. – № 19 (278) – С. 110–112.
3. Солдатова, Е.Л. Образ возраста как нормативный элемент культуры и идеальная форма развития / Е.Л. Солдатова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2009. – № 5. – С. 62–70.
4. Солдатова, Е.Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости: монография / Е.Л. Солдатова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 267 с.

5. Atchley, R.C. Spirituality and Aging / R.C. Atchley. – Baltimore, MD: The Johns Hopkins Press, 2009. – 199 p.
6. Baltes, P.B. Wisdom as an orchestration of mind and virtue / P.B. Baltes. – 2004. – URL: www.baltes-paul.de/overview.htm.
7. Calvo-Sotelo, P.C. Architecture for active learning and aging: towards open innovation in universities / P.C. Calvo-Sotelo // Promoting conscious and active learning and ageing. – 2013. – Pp. 281–297.
8. Fernández-Ballesteros, R. Possibilities and limitations of age / R. Fernández-Ballesteros // Promoting conscious and active learning and ageing. – 2013. – Pp. 25–75.
9. Kunzmann, U. Wisdom. Adult development and emotional-motivational dynamics. Gero-Psychology: European perspectives for an aging world. Gottingen: Hogrefe&Huber. – 2007.
10. Soldatova, E.L. Ego-identity in the structure of personality maturity / E.L. Soldatova, I.A. Shlyapnikova // Procedia Social and Behavioral Sciences V86, 2013. – Pp. 283–288.

[К содержанию](#)

УДК 159.922.74
ББК Ю984.0

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Г.И. Захарова

Представлены результаты анализа особенностей детско-родительских отношений в семьях подростков с девиантным поведением и в семьях социально-адаптированных детей. Выявлено, что в семьях подростков с девиантным поведением доминируют нарушенные родительские отношения, а в семьях социально-адаптированных подростков преобладают благоприятные, гармоничные отношения. В воспитании подростков с девиантным поведением у родителей существуют разногласия, в семьях социально-адаптированных подростков наблюдается непротиворечивость отцовского и материнского воспитания.

Ключевые слова: дети подросткового возраста, девиантное поведение, социально-адаптированные подростки; типы родительского отношения; воспитательное воздействие родителей.

Проблема девиантного поведения подростков и состояния их семей очень актуальна в связи с тем, что подростковый возраст – один из важнейших и одновременно очень сложных периодов в становлении личности. Трудновоспитуемость подростка, несоблюдение им норм и правил, установленных в обществе, в науке рассматривается через явление, называемое «девиация».

Девиантное поведение – понятие, которое обозначает отклонения от принятых в данном конкретном историческом обществе норм межличностных взаимоотношений, действий, высказываний и поступков. Некоторые из данных норм имеют абсолютные и однозначные критерии, записанные в законах и указах, другие – относительные, которые передаются в виде традиций, верований или семейных и общественных регламентаций. Девиантное поведение подростка и его последствия могут существенно повлиять на развитие и становление личности в подростковом возрасте [4, 7].

Важная особенность девиантного поведения подростков – единство механизмов формирования его различных проявлений. В большинстве случаев девиантная активность – это проявление собственного «Я» подростка. Такая направленность – результат всей предшествующей истории развития личности девианта, в течение которой оказался фрустрированным целый ряд социальных потребностей подростка: в положительной оценке значимых взрослых, в гармоничном общении, в поддержке и в автономии. В такой ситуации развития основной целью подростка становится избавление от отрицательных эмоциональных переживаний, вызванных психотравмирующими воздействиями (негативной оценкой значимых взрослых, тотальным контролем или отвержением родителей и т.п.). В результате при возникновении угрозы невротического срыва подросток инстинктивно ищет выход, и его пассивная позиция сменяется активными действиями во внешней среде. К таким внешним способам защиты от психотравмирующей ситуации относятся агрессивное поведение, употребление алкоголя, суицид и другие формы девиантного поведения [7, 8].

Потребность проверить себя, почувствовать себя взрослым, испытать острые ощущения были свойственны подросткам всегда. В какие формы (просоциальные или антисоциальные) выливается реализация этих потребностей, зависит уже не от сущностных потребностей этого возраста, а от окружающих подростка условий, которые во многом создают взрослые, и прежде всего, родители и семья ребенка. Никакой другой социальной институт не может потенциально нанести столько вреда в воспитании детей, сколько может это сделать семья.

Современные отечественные и зарубежные психологи (А.Я Варга, В. Сатир, С. Минухин и др.) понимают семью как системное образование. Важнейшими интегральными характеристиками семейной системы являются её функции и структура. Наряду с такими важными функциями семьи как репродуктивная, хозяйственно-бытовая и др. для её благополучной жизнедеятельности большое значение имеют коммуникативная и эмоциональная функции [1, 5].

Эмоциональная функция семьи состоит в удовлетворении всеми членами семьи потребностей в уважении и признании своей личности, в эмоциональной поддержке, любви, психологической безопасности. Данная функция семьи обеспечивает эмоциональное равновесие ребенка и способ-

ствует сохранению его психического здоровья. Не менее значимой является и коммуникативная функция семьи. Отношение к ребенку с первых дней его жизни как к субъекту и неповторимой личности; эффективное общение с ним является важным фактором успешного продвижения ребенка в психическом развитии.

Другой важной интегральной характеристикой семейной системы, как было отмечено выше, является её структура. Среди важных структурных элементов семейной системы можно выделить семейные роли, семейные подсистемы и границы семьи. Выполняемая семейная роль должна соответствовать возможностям индивида (взрослого и ребенка). Если требования роли непосильны, возникают нервно-психическое напряжение и тревога. Например, это может случиться с ребенком, исполняющим «роль родителя» в силу его отсутствия, или болезни, или как это часто происходит в алкогольной семье. Роль семейного «козла отпущения», которую часто выполняет ребенок, возникает потому, что вся семья, испытывающая конфликтные переживания, нуждается в «громоотводе» для разрядки своих негативных эмоций.

Границы семьи, понимаемые как правила, которые определяют, кто и как участвует во взаимодействии, регулируют отношения между семьей и социальным окружением, а также между различными семейными подсистемами: супружеской, родительской и детской. Так четкие и гибкие границы облегчают коммуникации между родительской и детской подсистемами, позволяют членам семьи поддерживать друг друга, но при этом допускаются и определенная их автономия.

Таким образом, семейную систему можно определить как группу людей, связанных общим местом проживания, совместным хозяйством, а главное взаимоотношениями [1]. Благоприятные отношения в семейной системе во многом определяются отношениями между родителями и детьми. В отечественной и зарубежной психологии предприняты многочисленные попытки построить типологию родительского отношения к ребенку. Это известные классификации типов родительского отношения А.В. Петровского, А.Я. Варги, В.В. Столина, Е.Т. Соколовой, Н. Штирмана, С. Броди, Д. Бомринд и др. [5, 6].

Зарубежные и отечественные исследователи выделяют два главных измерения родительского отношения: родительскую теплоту и родительский контроль. Нарушение родительского отношения к подростку в рамках любого из этих измерений приводит к серьезным дефектам в развитии личности ребенка. Так отсутствие родительского контроля в сочетании с излишним эмоциональным сосредоточением на подростке, обстановка изнеженности и беспринципной уступчивости, непрерывное подчеркивание несуществующих его достоинств формируют истерические черты характера подростка. Те же последствия вызывает безразличное отношение, эмоциональное отвержение ребенка. Чрезмерный контроль, подавление самостоя-

тельности, предъявление слишком строгих нравственных требований, злоупотребление наказаниями ведут, с одной стороны, к формированию у подростка жестокости, агрессивного поведения, а с другой – могут подтолкнуть его к покушению на самоубийство. Отсутствие эмоционального контакта, теплого отношения к подростку в сочетании с отсутствием конструктивного контроля и незнанием подростковых интересов, проблем приводит к бегству из дома, к бродяжничеству, во время которого совершаются серьезные проступки [8].

Под руководством и при непосредственном участии автора данной статьи выполнен ряд исследований, в которых изучался характер складывающихся между родителями и детьми отношений, исследовалось взаимодействие между ними в современной семье и влияние данного взаимодействия на психическое развитие ребенка [3]. В настоящей статье представлены результаты одного из таких исследований.

Цель исследования – выявление особенностей детско-родительских отношений в семьях подростков с девиантной формой поведения.

Выборку исследования составили 40 подростков с девиантной формой поведения (1 группа) и 40 социально адаптированных подростков (2 группа) в возрасте 14–15 лет, а также их родители (матери и отцы, соответственно, 1 и 2 группы) – 130 человек (30 подростков воспитываются только матерью).

Методы и методики исследования

При проведении данного исследования были использованы психодиагностические методики и методы статистической обработки.

1. Методика для определения родительского отношения – опросник родительского отношения [6]. Результаты исследования по методике описываются по следующим 5 шкалам:

1) принятие – отвержение. Отражает интегральное эмоциональное отношение к ребенку: при принятии родитель уважает своего ребенка, одобряет его интересы, а при отвержении родитель не принимает ребенка во всех его проявлениях, испытывает к нему разные негативные чувства, не уважает его личность;

2) кооперация как стремление к сотрудничеству. При таком типе отношения родитель старается быть с ребенком на равных, поощряет инициативу и самостоятельность ребенка, доверяет ему;

3) симбиоз как характеристика меры ощущения родителем единства и целостности с ребёнком, стремления удовлетворить все потребности ребёнка, оградить его от жизненных трудностей;

4) авторитарная гиперсоциализация. При таком отношении родитель требует от ребёнка безоговорочного послушания и дисциплины, пристально следит за социальными достижениями ребёнка, за его мыслями и чувствами, стремится все взять под контроль;

5) инфантилизация или «маленький неудачник». Отношение к ребенку как к маленькому неудачнику отражает стремление инфантилизировать ребенка, приписать ему личностную и социальную несостоятельность.

Тестовые нормы по шкалам приводятся в виде процентильных рангов тестовых баллов. Высокий процентильный ранг по соответствующим шкалам интерпретируется как отнесение к тому или иному типу родительского отношения к детям. По результатам методики выделяются два типа родительского отношения к ребенку: благоприятный и неблагоприятный. Благоприятный тип наблюдается при высоких баллах по шкале «кооперация», средних баллах по шкале «симбиоз» и при низких баллах по шкалам «принятие – отвержение», «авторитарная гиперсоциализация», «инфантилизация или маленький неудачник».

Неблагоприятный тип отмечается при высоких баллах по следующим шкалам «принятие – отвержение» (высокий балл свидетельствует об отвержении ребенка), «авторитарная гиперсоциализация» и «инфантилизация или маленький неудачник», при низком балле по шкале «кооперация». Высокий балл по шкале «симбиоз» также является неблагоприятным.

2. Методика «Подростки о родителях» для определения родительского отношения (с точки зрения подростков) [2]. Эта методика базируется на положении Е. Шафера о том, что воспитательное воздействие родителей (так как это описывают дети) можно охарактеризовать при помощи следующих шкал:

- 1) шкала позитивного интереса (POZ);
- 2) шкала директивности (DIR);
- 3) шкала враждебности (HOS);
- 4) шкала автономности (AVT);
- 5) шкала непоследовательности (NED).

Обсуждение результатов исследования

По первой методике по шкале «принятие – отвержение» у большинства отцов (75 %) и у матерей (65 %) 1 группы наблюдаются высокие значения, что свидетельствует об эмоциональном отвержении родителями своего ребенка или непринятии таким, какой он есть, и желании его переделать. По результатам тестирования родителей 2 группы по данной шкале только 20 % отцов и 10 % матерей отвергают своего ребенка или не принимают таким, какой он есть. Большинство родителей социально адаптированных подростков принимают своего ребенка. Родители уважают индивидуальность подростка, симпатизируют ему. Высокие значения по шкале «кооперация» свидетельствуют о заинтересованности родителей в делах и планах ребенка, о стремлении помогать ему во всем, о доверии к ребенку. У родителей 1 группы высокие значения по данной шкале наблюдаются только у 10 % отцов и у 35 % матерей. Исследуя результаты этой же шкалы у родителей 2 группы, мы наблюдаем у 75 % отцов и у 85 % матерей заинтересованность в делах и планах своего ребенка, стремление помогать ему во всем и доверие к подростку.

Исследователи выделяют симбиотический тип родительского отношения как патогенный, неблагоприятный для психического развития подростка. Однако только по высоким значениям по шкале «симбиоз» можно сделать вывод, что родитель стремится к симбиотическим отношениям с ребенком: ощущает себя единым целым с ним и стремится удовлетворить все потребности подростка. По данной шкале испытуемыми 1 и 2 групп были даны средние результаты, что можно интерпретировать как отражение межличностной дистанции в общении родителей с подростком.

Шкала «авторитарная гиперсоциализация» отражает форму и направление родительского контроля. Как показали результаты исследования, большинство родителей из 1 группы (80 % отцов и 65 % матерей) реализуют к подростку гиперсоциализующее отношение, придерживаются авторитарного стиля воспитания: требуют от ребенка безоговорочного послушания, пристально следят за его социальными достижениями. Как показывает анализ результатов родителей 2 группы, только 30 % отцов и 20 % матерей придерживаются авторитарного и гиперсоциализующего стиля воспитания.

В 1 группе по результатам родительского отношения по шкале «инфантилизация или маленький неудачник» можно наблюдать высокие значения у 80 % отцов и у 45 % матерей. Из этого можно заключить, что эта часть родителей склонна приписывать подростку личностную несостоятельность, ребенок для них представляется неприспособленным и неуспешным. Во второй группе высокие значения по данной шкале наблюдаются только у 30 % отцов и у 25 % матерей. Таким образом, лишь эта часть родителей 2 группы имеют склонность приписывать своему ребенку личностную несостоятельность, стараются контролировать и корректировать его действия. По результатам всех шкал опросника существуют значимые различия в отношении к детям у родителей 1 и 2 групп (при $p < 0,01$ и $p < 0,05$).

Представим результаты родительского отношения с точки зрения подростков, полученные по методике «Подростки о родителях». По шкале позитивного интереса (POZ) всего 30 % подростков 1 группы считают, что мать психологически их принимает. Это принятие подростки видят в относительно критическом подходе к ним. Психологическое принятие отцом, с точки зрения подростка, основано на доверии. По этой шкале только 20 % подростков считают, что отцы понимают их, и с отцами доминируют дружеские отношения. Большинство подростков 2 группы (90 %) полагают, что мать психологически их принимает, и они всегда могут рассчитывать на помощь со стороны матери. Также большинство подростков (75 %) данной группы склонны считать, что и отцы проявляют к ним позитивный интерес и понимают своих детей.

Часть подростков (25 %) 1 группы и 40 % подростков 2 группы считают, что по шкале директивности (DIR) отец проявляет свое стремление

к лидерству путем завоевания авторитета, основанного на фактических достижениях. Его власть над сыном выражается, главным образом, в управлении и своевременной коррекции поведения ребенка, исключая деспотичность. Директивность матери по отношению к сыну подростки видят в навязывании чувства вины по отношению к ней, в её постоянных напоминаниях, что она жертвует всем ради сына. Так по шкале директивности (DIR) видят свои отношения с матерью 40 % подростков 1 группы и 30 % детей 2 группы.

По шкале враждебности (HOS) 65 % мальчиков из 1 группы полагают, что их матери чрезмерно строги, агрессивны, стремятся подавить активность подростка. 80 % мальчиков 1 группы по шкале HOS склонны считать своего отца достаточно жестким и суровым человеком, проявляющим скептическое отношение к сыну и недовольство его поведением. Из 2 группы 20 % мальчиков считают, что их матери агрессивны, чрезмерно строги и 30 % подростков склонны считать своего отца властным, суровым.

По шкале автономности (AVT) 50 % детей 1 группы и 20 % подростков 2 группы считают, мать не воспринимает ребенка как личность со своими чувствами и мыслями, подростки оценивают своих матерей как властных, отгороженных от сына эмоциональной холодностью. Из 1 группы 85 % подростков и 25 % детей 2 группы считают, что их отцы формально относятся к воспитанию, отцов не интересуют увлечения сына, учеба в школе и круг его знакомств.

По шкале непоследовательности (NED) 65 % подростков отмечают, что их матери используют резкую смену стилей воспитания; 90 % мальчиков видят отца как непредсказуемого человека, противоречивого и непоследовательного в способах воздействия и общения. Следующие значения наблюдаются по шкале NED у подростков 2 группы: 10 % детей считают, что их матери используют резкую смену стилей воспитания; 30 % отмечают, что тактику воспитания отцов сложно предсказать.

Выводы

1. В семьях подростков с девиантной формой поведения преобладают гиперсоциализирующий, авторитарный и отвергающий типы родительского отношения, которые являются патогенными, неблагоприятными для ребенка. В семьях социально-адаптированных подростков доминируют нормальные, не нарушенные отношения родителей с детьми.

2. Определяя с помощью статистического критерия – угловое преобразование Фишера – различия в детско-родительских отношениях в семьях подростков с девиантным поведением и в семьях социально адаптированных детей, следует отметить, что значимые различия в родительском отношении существуют (при $p < 0, 01$; $p < 0, 05$).

3. Исследуя с помощью U-критерия Манна – Уитни различия в воспитательном воздействии отцов и матерей в семьях подростков с девиантным

поведением и в семьях социально-адаптированных подростков, можно заключить, что для подростков с девиантным поведением характерно противоречивое воспитательное воздействие со стороны родителей, разобщенность родительского взаимодействия. У социально-адаптированных подростков наблюдается согласованность и непротиворечивость отцовского и материнского воспитания.

Библиографический список:

1. Варга, А.Я. Системная семейная психотерапия / А.Я. Варга. – СПб.: Речь, 2001. – 144 с.
2. Вассерман, Л.И. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение / Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына. – СПб.: «Фарминдекс», 2001. – 68 с.
3. Захарова, Г.И. О связи типа родительского отношения и особенностей нравственной сферы детей старшего дошкольного возраста / Г.И. Захарова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2012. – № 45 (304). – Вып. 19. – С. 60–63.
4. Карабанова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие / О.А. Карабанова. – М.: Гардарики, 2005. – 319 с.
5. Змановская, Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения / Е.В. Змановская. – М.: Академия, 2004. – 288 с.
6. Минияров, В.М. Психология семейного воспитания: диагностико-коррекционный аспект: Методическое пособие / В.М. Минияров. – Рос. акад. образования, Моск. психол.-социал. ин-т; – М.; Воронеж: МОДЭК, 2000. – 248 с.
7. Петрова, А.Б. Психологическая коррекция и профилактика агрессивных форм поведения несовершеннолетних с девиантным поведением: практическое руководство / А.Б. Петрова. – М.: Флинта: МПСИ, 2008. – 152 с.
8. Целуйко, В.М. Психология неблагополучной семьи: книга для педагогов и родителей / В.М. Целуйко. – М.: Владос-пресс, 2003. – 272 с.

[К содержанию](#)

УДК 159.9

ББК Ю935

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ПОДРОСТКАМИ 12–17 ЛЕТ ГРУППЫ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА

О.Б. Конева

Аннотация: Представлен анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной распространенности суицидального поведения подростков. Рассматриваются факторы риска, а также современные подходы к организации профилактики суицидов в подростковом возрасте.

Ключевые слова: девиантное поведение, суицид, суицидальное поведение, суицидент, превентивная работа.

Самоубийства являются одной из острейших проблем современного общества. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) каждый год в мире заканчивают жизнь самоубийством около 600 000 человек. Среди ведущих причин смерти, определяемых ВОЗ, самоубийство занимает 13 место в мире, следуя практически сразу за основными причинами ненасильственной смерти от различных заболеваний. При этом в классификации смертей в результате насилия, самоубийство занимает второе место в мире (1,5 % от общего количества смертей), уступая лишь смертности в результате дорожно-транспортных происшествий (2,3 %), и опережая при этом смертность от убийств (0,9 %) и войны (0,6 %).

В России ежегодно совершают самоубийство около 60 тысяч человек. В общем числе самоубийств, ежегодно регистрируемых в мире, нашей стране принадлежит доля, несоизмеримая с соотношением населения страны и мира. За последние годы уровень числа самоубийств в стране неуклонно растет, например, в 2005 году отмечено 32,2 самоубийства на 100 тыс. населения, что значительно превышает критический уровень, установленный Всемирной организацией здравоохранения (20 случаев самоубийств на 100 тыс. человек). В современных условиях демократии, неконтролируемой свободы такие формы девиации, как наркомания и алкоголизм, все в большей степени развиваются как условия и причины суицидального поведения несовершеннолетних. Количество детей и подростков, пытающихся свести счёты с жизнью, с каждым годом увеличивается примерно в 1,5 раза. Установлено, что вполне серьезные мысли о том, чтобы покончить с собой, возникают у каждого пятого подростка. С годами суицид «молодеет»: о нем думают, пытаются покончить с собой и кончают совсем ещё дети. Самоубийство можно рассматривать как одну из моделей девиантного поведения, наряду с наркоманией, токсикоманией, проституцией, преступностью и алкоголизмом.

Распространение различного рода социальных патологий, психических заболеваний, алкоголизма, наркомании углубляет кризисные тенденции, возрастает суицидоопасность детско-подростковых групп населения. За последние 5 лет уровень суицидальности, а также уровень преступности вырос в 2 раза, что отражает величину социального кризиса и позволяет сделать неблагоприятный прогноз в отношении девиантных проявлений в России. Необходимо отметить, что российские подростки чаще своих сверстников из других стран добровольно расстаются с жизнью. В начале XXI века Россия занимала первое место в мире по уровню завершенных суицидов среди подростков – 22,0 самоубийства на 100 тыс. человек в возрасте 12–17 лет.

Сложность феномена суицида определяет междисциплинарность исследований, комплексность подходов к его изучению, объединяя усилия психологов, психиатров, социологов и философов как в изучении проблемы самоубийств, так и в разработке превентивных, терапевтических и реабилитационных программ. Уже Э.Дюркгеймом было показано, что суицид является индивидуальной поведенческой реакцией, обусловленной психологическими и патопсихологическими особенностями личности. Для решения исследовательских задач особую ценность представляют работы А.Г. Амбрумовой, И.В. Бойко, С.В. Бородина, В.А. Тихоненко [5, 6]. Влияние одиночества, изолированности на возникновение кризисных состояний подчеркивается в работах О.Е. Калашниковой, Е.Р. Ярской-Смирновой, N. Farberow, M. Simon[7].

Суицидальное поведение у подростков отличается возрастным своеобразием. При переходе к подростковому возрасту характерна повышенная впечатлительность и внушаемость, склонность к колебаниям настроения, на фоне низких критических способностей, эгоцентрической устремленности и импульсивности в принятии решений. Для случаев завершеного суицида у подростков характерно наличие семейной отягощенности: низкий уровень родительской коммуникации и эмоциональной отзывчивости, повышенная частота случаев семейного насилия и плохого обращения с детьми. Более 60 % суицидентов воспитывались в неполных семьях, при этом родительские семьи до распада характеризовались обилием явных и скрытых конфликтов [3, 4, 9].

В нашей стране психическое состояние детей с девиантным поведением существенно отягощается педагогической запущенностью, недостаточным вниманием к профилактике нарушений их соматического здоровья и физического развития. Отсутствие эффективной системы предупреждения высокого суицидального риска, алкогольной детерминанты суицидов и наличие существенных проблем, связанных с воспитанием подрастающего поколения, настоятельно требуют проведения углубленного анализа сложившейся ситуации и разработки действенных мер по организации профилактики суицидов в субъектах Российской Федерации с учетом региональных особенностей [1].

Психотерапевты определяют **суицид** как – умышленное самоповреждение со смертельным исходом (лишение себя жизни). Психологический смысл суицида чаще всего заключается в реагировании аффекта, снятии эмоционального напряжения, ухода от той ситуации, в которой волей неволей оказывается человек. Люди, совершающие суицид, обычно страдают от сильной душевной боли и находятся в состоянии стресса, а также чувствуют невозможность справиться со своими проблемами. Под **суицидальным поведением** понимается проявление суицидальной активности: мысли, намерения, высказывания, угрозы, попытки, покушения. Суицидальное поведение встречается как в норме (без психопатологии), так и при психопатиях и при акцентуациях характера – в последнем случае оно является одной из форм девиантного поведения при острых аффективных или патохарактерологических реакциях.

Суицидент – человек, совершивший попытку суицида, либо демонстрирующий суицидальные наклонности. Суицидной можно назвать любую внешнюю или внутреннюю активность, направляемую стремлением лишить себя жизни. При заблаговременной диагностике внутренней активности суицидальный акт может быть предотвращён и не выйдет в план внешнего поведения.

Общей причиной суицида является социально-психологическая дезадаптация, возникающая под влиянием острых психотравмирующих ситуаций, нарушения взаимодействия личности с ее ближайшим окружением. Однако для подростков это чаще всего не тотальные нарушения, а нарушения общения с близкими, с семьей.

Помочь детям и подросткам, имеющим эту тенденцию личности можно лишь только в том случае, если хорошо понимать причины, приводящие к пренебрежению жизнью. Лучше всего эти причины видны на группе самоубийц, так как это наиболее явная, отчетливо заостренная форма аутодеструктивного поведения. Можно определить склонность подростка к суициду по суицидальным проявлениям. Различают внешние и внутренние суицидальные проявления[8].

Внутренние суицидальные проявления включают в себя:

- суицидальные мысли; фантазии на тему смерти («заснуть и не проснуться», «если бы со мной что-нибудь случилось, и я бы умер»);
- суицидальные замыслы: продумывание способов самоубийства, выбор его средств и времени;
- суицидальные намерения: к замыслу присоединяется волевой компонент, человек настраивает себя на действие.

К внешним формам суицидного поведения относятся:

- суицидальные попытки – целенаправленные акты поведения, направленные на лишение себя жизни, не закончившиеся смертью;
- завершённый суицид: действия заканчиваются гибелью человека.

В случае подростков суицидное поведение может стать подражательным. Подростки копируют образцы поведения, которые они видят вокруг себя, которые им предлагает TV, массовая литература. Особенно подражательность характерна для незрелых, внушаемых субъектов. Так, подросток может увидеть, что смерть устрашает окружающих и является действенным средством нажима на обидчиков.

Предпосылкой аутодеструктивного поведения и суицида в частности является апатия, неверие в личные перспективы, снижение творческой и витальной активности в результате психической травмы.

Однако наличие психотравмирующей ситуации – недостаточное условие для проявления суицида. Вторая составляющая – личностные особенности суицидента. Можно выделить следующие особенности личности, не позволяющие ей адекватно реагировать на жизненные проблемы и тем самым предрасполагающие к суициду. К ним часто относят: напряжение потребностей и желаний, неумение найти способы их удовлетворения, отказ от поиска выхода из сложных ситуаций, низкий уровень самоконтроля, неумение ослабить нервно-психическое напряжение, эмоциональная нестабильность, импульсивность, повышенная внушаемость, бескомпромиссность и отсутствие жизненного опыта. Психодиагностика этих параметров – важная составляющая мероприятий по профилактике суицида. У подростков суицид чаще встречается при таких акцентуациях: истероидный, сенситивный, эмоционально-лабильный, астенический. Фоном является высокий уровень агрессивности подростка.

Группы детей, склонных к суициду

1. Отличники, т.к. к ним все предъявляют повышенные требования, а если они не справляются с заданным «стандартом», то начинают испытывать чувство неудовлетворения собой, способное привести к депрессивному состоянию. К тому же эти дети редко бывают приняты в социальной группе сверстников, что также может привести к суицидальному исходу.

2. Дети, которые резко снижают успехи в учебной деятельности, естественно вызывая тем самым недоумение и возмущение родителей и учителей.

3. Дети, к которым окружающие предъявляют завышенные требования, которые они в силу субъективных причин не могут выполнить.

4. Дети с повышенной тревожностью и склонностью к депрессиям (в основном, это дети с родовыми травмами, правополушарные и те, у которых в роду или ближайшем окружении были случаи или попытки самоубийства), особенно в пубертате.

Работа психолога по профилактике суицидального поведения

Своевременная психологическая поддержка, доброе участие, оказанное подросткам в трудной жизненной ситуации, могут помочь избежать трагедии.

Поэтому профилактика суицидов является важнейшим направлением работы службы практической психологии нашего города и представляет из себя целенаправленную, комплексную, последовательную деятельность, которая предполагает тесное сотрудничество всех субъектов воспитательного процесса.

Стратегические цели превентивной работы – развитие личности подростка:

- осознание собственных ценностей и смысла существования;
- развитие уверенности в себе;
- развитие навыков успешного взаимодействия с окружающими;
- развитие навыков постановки и умений, необходимых для достижения поставленных целей, и как итог – формирование созидательной и активной жизненной позиции;
- формирование рефлексивной позиции, заключающейся в изучении, осознании и развитии внутреннего потенциала подростка.

Основные направления деятельности психолога по профилактике суицидального:

- снятие психологического напряжения в психотравмирующей ситуации;
- уменьшение эмоциональной зависимости и ригидности;
- формирование компенсаторных механизмов поведения;
- формирование адекватного отношения к жизни и смерти.

Известно, что всякая агрессия – внутренняя или внешняя – является признаком кризиса. Психологу необходимо быть информированным о важнейших кризисных ситуациях детей и подростков, уметь выявлять их и оказывать своевременную помощь.

Нами разработана методика психологической помощи детям и подросткам в кризисных ситуациях. Она состоит из констатирующей и психокоррекционной частей.

Констатирующая включает три встречи-сессии с группами.

Темы сессий: «Типы кризисных ситуаций», «Содержание и выражение переживаний в кризисных ситуациях», «Способы преодоления кризисных ситуаций».

Встречи проводятся по одному сценарию:

- 1) групповое обсуждение предложенной психологом темы;
- 2) выполнение индивидуальных творческих заданий;
- 3) обмен впечатлениями или обсуждение в группе.

На первой сессии составляется «банк историй», отражающих все основные области жизни детей, выполняются творческие задания (записать или нарисовать свою историю) и проводится беседа по заданию с элементами активного, эмпатического слушания.

Вторая сессия посвящена разыгрыванию и обсуждению историй с последующей интерпретацией переживаний детей, их записью и рисованием.

На третьей сессии после актуализации кризисных ситуаций и чувств, которые они вызывают, участники проясняют способы, которые они использовали бы для преодоления неприятных переживаний, а затем проигрывают свои истории с последующим повторным анализом. При этом внимание детей обращается на изменения, которые произошли в их чувствах. В заключение записываются все известные способы преодоления неприятных переживаний.

Коррекционная часть представляет собой две сессии, построенные в форме «Я-сообщений» с использованием элементов психосинтеза и психодрамы [2]. Работая с подростками в кризисных ситуациях, психолог может применять различные техники: ментального переживания; внутреннего диалога; самоосвобождения и др. (П. Теппервайн) или кризисной интервенции (Е. Миндельман, Э. Эриксон), которая может проводиться в форме кризисной психотерапии, кризисного консультирования или «телефона доверия». При диагностике суицидального поведения подростков можно применять комплекс методик, адаптированных М.В. Горской: опросник Г. Айзенка «Самооценка психических состояний личности» и «Метод незаконченных предложений».

Таким образом, знание закономерностей и механизмов суицидального поведения, а также других кризисных состояний должно стать достоянием общественности, а не только сферой компетентности узкого круга специалистов. Непонимание сущности проблемы может привести к диффузному, размытому самосознанию и растерянности, возникающим в подобных случаях, когда реальным становится суицидальный выход, особенно актуальна проблема суицида является для детско-подросткового возраста. Самоубийство является крайней формой выражения девиации и следствием социально-психологической дезадаптации несовершеннолетних в современных условиях общества. Данное социальное явление имеет причины, условия, способ и смысл, что требует целенаправленного изучения.

Библиографический список

1. Беличева, С.А. Основы превентивной психологии / С.А. Беличева. – М.: Консорциум «Социальное здоровье России», 2003. – С. 122–125.
2. Дмитриева, Ю.А. Метод моделирования в социальной психологии / Ю.А. Дмитриева, В.Г. Грязева-Добшинская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2013. – Том 6. – № 1. – С. 22–23.
3. Конева, О.Б. Неблагополучная семья и девиантное поведение: социально-психологические признаки / О.Б. Конева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2010. – Вып. 9. – № 17 (193). – С. 85–91.
4. Конева, О.Б. , Социально – психологическая дезадаптация личности / О.Б. Конева // Вестник ВАК ГОУ ВПО ЧелГУ. Сер. «Философия. Социология. Культурология». – 2012. – № 19(273). – Вып. № 26. – С. 75–79.

5. Клиническая психология / сост. и общ. ред. Н.В. Тарабриной. – СПб.: Питер, 2008. – С. 35–39.

6. Личко, А.Е. Подростковая психиатрия / А.Е. Личко.– М.: Медицина, 2009. – С. 245–256.

7. Мамайчук, И.И. Психологическая помощь детям с проблемами в развитии / И.И. Мамайчук. – СПб: Речь, 2008. – С. 36–38.

8. Никотинозависимость и аддикция к психоактивным веществам как фактор недементных когнитивных нарушений у подростков / Е. Смагин, Л.С. Рычкова // Актуальные проблемы возрастной наркологии: Материалы региональной научно-практической конференции 16–17 ноября 2010 г. – Челябинск: Изд-во «Пирс», 2010. – С. 94–97.

9. Психология детей, воспитывающихся вне семьи / О.Б. Конева. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – С. 25–29.

[К содержанию](#)

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

И.В. Молочкова

На основе анализа существующих подходов к духовно-нравственному воспитанию предпринята попытка выявления взаимосвязи морально-нравственных представлений младшего школьника с отношениями, ожиданиями, требованиями к сверстникам. Анализ эмпирических результатов позволил составить психологические портреты детей с разным уровнем морально-нравственных представлений. Такое представление результатов исследования позволяет педагогам наглядно увидеть психологические особенности детей и осознать меру ответственности за проектирование благоприятной социальной ситуации развития ребенка в условиях современной школы.

Ключевые слова: Личностно-ориентированная образовательная модель, цели современного образования, представления о нравственных чертах характера, идеалах в отношении человека, эмоциональное отношение, социальные ожидания.

В настоящее время в России на смену устаревшей учебно-дисциплинарной модели образования приходит личностно ориентированная модель, центрирующаяся вокруг подхода к учащимся как полноправным партнерам в условиях сотрудничества и отрицающая манипулятивный подход к ним. Личностный подход предполагает, что и педагоги, и уча-

щиеся относятся к каждому человеку как к самостоятельной ценности для них, а не как к средству достижения своих целей. Образование – это то, что делает человека человеком, в этом его сущность.

Образование возвращается к формуле времен классической древности: «Non scholae, sed vitas discimus» («Учимся не для школы, а для жизни»), ориентируется на демократизацию социальных институтов образования, его гуманизацию, на возвращение к национальным культурно-историческим традициям и ценностям [1; 2].

В науке давно выделены основные понятия [3], связанные со сферой образования и объективирующие первоочередные задачи его осмысления и преобразования.

Движущая сила образовательного процесса – мотивированность учащихся, проявляющаяся в их интересах и склонностях, обеспечивающих внимание к содержанию образования и способам его приобретения. В процессе образования происходит постепенное соединение личного опыта растущего человека с социальным опытом.

Цели современного образования – предельно полно достижимое развитие тех способностей личности, которые нужны и ей, и обществу; включение ее в социально ценную активность.

Эффективность образования определяется его результатами в сопоставлении их с целями и средствами достижения; его вкладом в создание материальных и духовных ценностей, в обучение новых поколений искусству правильно жить не только в будущем, но в сегодняшней действительности.

Изучение нравственных ориентаций подрастающего поколения представляет особо важную проблему, в решении которой заинтересованы не только психологи, педагоги, но и общество в целом. Проблема ценностей (несмотря на имеющиеся классические работы по аксиологии И. Канта, Г. Риккерта, П.А. Сорокина, М. Шелера, Э. Фромма, Н.А. Бердяева, М. Рокича и др.) привлекает внимание исследователей, но этот вопрос фрагментарно освещен по отношению к детям младшего школьного возраста. Одна группа исследователей [Д.Б. Эльконин, Е.В. Субботский, В.С. Мухина, И.С. Кон, Г.А. Цукерман и др.] внесла большой вклад в понимание психологических механизмов общения, дружбы, взаимодействия, социальных ожиданий младших школьников.

Другая группа [Н.В. Бехтерева, К.Д. Кавелин, М.Г. Яновская, Ж. Пиаже, Л.Кольберг, С.Г. Якобсон и др.] занималась разработкой проблем становления морально-нравственных представлений в онтогенезе, в том числе и в младшем школьном возрасте. Данная проблематика на сегодняшний день приобретает особую актуальность, поскольку нравственные ориентации рассматриваются в качестве регулятора успешной социализации развивающейся личности в новых социально-экономических условиях.

В данной работе была предпринята попытка выявить взаимосвязь морально-нравственных представлений младшего школьника с отношениями, ожиданиями, требованиями к сверстникам. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) изучение представлений младших школьников о нравственных чертах характера, идеалах в отношении человека;
- 2) диагностика эмоционального отношения, социальных ожиданий и требований ребенка к одноклассникам;
- 3) выявление взаимосвязи морально-нравственных представлений младшего школьника с отношениями, ожиданиями, требованиями к сверстникам.

Выборочную совокупность составили 347 учащихся вторых классов общеобразовательных школ г. Челябинска.

Эмпирическими методами выступили проективные методики исследования личности: рисунок «Мои одноклассники», рисунок «Идеальный человек», методика «Неоконченные предложения». Кроме того, был применен метод беседы по теме «Определение нравственных понятий». При подготовке диагностического инструментария, а также качественных и количественных методов обработки и интерпретации результатов мы опирались на методические разработки М.В. Киселевой, Л.С. Колмогоровой, Е.С. Романовой, О.Ф. Потемкиной, Е.Л. Солдатовой, И.А. Шляпниковой [4, 5, 6, 7].

На первом этапе исследования диагностировался уровень представлений младших школьников о нравственных чертах характера, идеалах в отношении человека. Анализ результатов позволил условно разделить детей данной выборочной совокупности на три группы: с высоким (28 %), средним (47 %) и низким (25 %) уровнем развития морально-нравственных представлений.

Для решения задачи выявления взаимосвязи морально-нравственных представлений младшего школьника с отношениями, ожиданиями, требованиями к сверстникам мы сочли целесообразным на основе анализа полученных результатов составить психологические портреты детей с разным уровнем морально-нравственных представлений. На наш взгляд, такое представление результатов исследования позволит педагогам наглядно увидеть психологические особенности детей и осознать меру ответственности за проектирование благоприятной социальной ситуации развития ребенка в условиях современной школы.

Дети с высоким уровнем морально-нравственных представлений

Они понимают и истолковывают предложенные базовые морально-нравственные понятия на качественно более высоком уровне, нежели представители двух других групп. Дети обладают большим арсеналом эпитетов и синонимов, описывающих сущность предложенных понятий.

Добрый человек для них – это «хороший, умеющий слушать; тот, кто понимает; всем помогает; сострадает другим; уважает и любит других людей; дружит со всеми; никого не обижает и заботится о других».

А такие понятия как «дружить, друг» они объясняют следующим образом: «понимать друг друга; всегда играть вместе; никогда не ссориться; уважать друг друга; воспринимать друга таким, какой он есть; не бросать в беде; быть честным с другом; любить его».

Относительное большинство детей этой группы идеалом человека (к которому они стремятся) считают «человека-гуманиста», главными качествами которого являются доброта, честность, справедливость, умение сопереживать, готовность прийти на помощь. Также дети признают в качестве идеала человека гуманоида, обладающего сверхчеловеческими способностями.

Детей с высоким уровнем морально-нравственных представлений отличает также стремление добиваться успеха и влияния; уверенность в своих силах, коммуникабельность, желание нравиться другим, высокая самооценка, необходимость признания, а также уравновешенность, желание признания и уважения, веселость, радостные надежды и доброжелательность.

Эти дети выражают положительное отношение к сверстникам и учителю. Большую значимость для них имеет дружба, семья, общение со сверстниками и окружающими людьми. Со стороны этих детей есть стремление к новым людям и знакомствам, и при этом верность старым и прочным дружеским связям. В связи с этим, лидирующим желанием для детей этой группы является желание дружить, иметь много верных друзей; а уже после него (на втором месте) – желание обладать определенными материальными ценностями.

И, наконец, социометрический статус детей, входящих в эту группу, характеризуется тем, что они получили наибольшее количество положительных выборов от своих сверстников и наименьшее количество отрицательных.

Дети со средним уровнем морально-нравственных представлений

Дети данной группы также подробно истолковывают предложенные базовые морально-нравственные понятия, но пользуются при этом меньшим количеством синонимов, что не позволяет им в полной мере раскрыть сущность предложенных понятий.

Добрый человек для них – это тот, кто «делает добро; близкий; всем делится; всем помогает; не обижает других; не злой; дружит со всеми; не врет; всегда выручает».

Такие понятия как «дружить, друг» они истолковывают следующим образом: «выручать, не обижать и защищать; не обманывать; играть вместе; всем делиться; не ссориться».

Идеалом человека для детей этой группы также выступает человек-гуманист. Но в этой группе уже прослеживается и другая явная линия предпочтений в отношении человеческого идеала: «человек-гедонист», главными качествами которого выступают жизнерадостность, любовь к отдыху, комфорту и развлечениям, умение веселиться.

Наряду с положительными характеристиками и качествами (такими как коммуникабельность и доброжелательность), у детей этой группы появляется также желание оградиться от внешних воздействий, характерно преобладание торможения над возбуждением, невмешательство и желание покоя, а также появляется потребность в обороне, вытеснении раздражителей и повышается общий уровень тревожности.

Что касается отношений этих детей со сверстниками и взрослыми, то можно сказать, что они более противоречивые, чем в первой группе: есть сверстники, с которыми отношения хорошие, а есть и те, с которыми отношения не складываются (и дети не прилагают никаких усилий, чтобы изменить сложившуюся ситуацию). В связи с этим, дружеские связи не такие крепкие, как у детей первой группы.

Если проанализировать сферу потребностей этих детей, то на первом месте стоит желание иметь какие-либо материальные ценности (новые игрушки, одежду, велосипед, компьютер); а во вторую очередь значимость приобретают дружба, будущее, учеба, семья.

Кроме этого, необходимо отметить, что дети этой группы получили максимальное количество положительных выборов от своих сверстников, что может быть связано с их дружелюбностью и общительностью.

Дети с низким уровнем морально-нравственных представлений

Базовые морально-нравственные понятия эти дети объясняют упрощенно, с использованием минимального количества определений и синонимов. Наиболее распространенным объяснением предложенных понятий является применение однокоренных слов.

Добрый человек: «Помогает; приглашает в гости; все дает; делится игрушками; не хвастается; не жадный; делает добро».

Дружить, друг: «С кем-то дружить; играть вместе; не обманывать; помогать другу; не драться».

Человеческий идеал в этой группе детей очень разрозненный. Идеал «человек-гуманист» не является преобладающим, он конкурирует с идеалом «человек-воин», главными характеристиками которого являются смелость, храбрость, агрессивность, воинственность. Кроме того, неизменный атрибут рисунков, относящихся к данному идеалу – это оружие, борьба, стрельба. В связи с этим, дети из данной группы чаще других проявляют агрессивность и нетерпимость к окружающим (взрослым или сверстникам). И как следствие – они получили наименьшее из всех групп количество положительных выборов и наибольшее количество отрицательных.

Была обнаружена также высокая потребность этих детей в эмоциональной безопасности, в стремлении укорениться в сообществе единомышленников. Для них характерна более низкая самооценка, нежели у представителей двух других групп, выстраивание барьеров для окружающего мира и людей, высокий уровень тревожности и агрессивности. Кроме того, у детей данной группы можно предположить наличие проблем с выражением общительности и дружелюбия, отсутствие стремления к знаниям и следованию традициям; характерна замкнутость и неуверенность в контактах с окружающим миром.

Что касается отношений со сверстниками и взрослыми, то полученные результаты в этой группе – самые низкие. Дружба и общение являются важными для этих детей, но не преобладающими. Об этом же свидетельствуют и результаты исследования сферы потребностей у детей данной группы: на первом месте стоит желание иметь какие-либо материальные ценности (новые игрушки, одежду, велосипед, компьютер).

Выводы

В отношениях детей друг с другом преобладает ориентация на положительные качества сверстников, позитивные проявления. С этой особенностью связано преобладание положительных выборов детьми друг друга над отрицательными.

Для поведения младших школьников характерно стремление к действию, импульсивность, активность.

Морально-нравственная компетентность детей раскрывается не только во взаимоотношениях детей с другими, но и проявляется во всех сферах жизнедеятельности ребенка.

В младшем школьном возрасте происходит первичное «оформление» идеалов и ценностей в сознании детей как основы для построения жизненных сценариев, положительных стремлений. Идеал еще не является внутренне логичным, целостным, непротиворечивым, глубоко осмысленным образованием. Но в то же время обнаруживается достаточно прочная взаимосвязь между уровнем морально-нравственных представлений детей и идеалом человека, к которому они стремятся.

Библиографический список:

1. Гинецинский, В.И. Индивидуальность как предмет педагогической антропологии / В.И. Гинецинский // Социальная педагогика. – 1991. – № 9. – С. 46–49.
2. Гинецинский, В.И. Проблема структурирования мирового образовательного пространства / В.И. Гинецинский // Педагогика. – 1993– № 3. – С. 10–15.
3. Валицкая, А.П. Философские основания современной парадигмы образования / А.П. Валицкая // Педагогика. – 1997 – № 3. – С. 15–19.

4. Киселева, М.В. Арт-терапия в работе с детьми: руководство для детских психологов, педагогов, врачей и специалистов, работающих с детьми / М.В. Киселева. – СПб.: Речь, 2006. – 160 с.
5. Колмогорова, Л.С. Диагностика психологической культуры школьника: практическое пособие для школьных психологов / Л.С. Колмогорова. – М.: Изд-во Владос-Пресс, 2002. – 360 с.
6. Романова, Е.С. Графические методы в психологической диагностике / Е.С. Романова, О.Ф. Потемкина. – М.: Дидакт, 1992. – 256 с.
7. Солдатова, Е.Л. Эго-идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости / Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». – 2010. – Вып. 10. – № 27(203). – С. 66–74.

[К содержанию](#)

УДК 159.9 + 613.86

КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СПЕЦИФИКИ ОРГАНИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ ПРИ АЛКОГОЛИЗМЕ

А.В. Новохацки, Е.К. Чевардина

Представлены результаты клинико-психологического исследования специфики нарушений психической деятельности при хроническом алкоголизме. Отражена картина нарушений психических функций у больных алкоголизмом при длительном стаже заболевания. Описаны особенности нейропсихологического статуса больных алкоголизмом и характер изменений биоэлектрической активности головного мозга.

Ключевые слова: хронический алкоголизм, органическое расстройство.

Употребление алкоголя является третьим ведущим фактором риска, вызывающим преждевременные случаи смерти и инвалидности в мире. Несмотря на изученность алкогольной зависимости, большое количество проведенных исследований, раскрывающих механизмы патогенеза, алкоголизм остается одной из главных причин смертности и инвалидизации населения.

Наряду с изменениями поведения, характера, и личности, как у мужчин, так и у женщин с алкогольной зависимостью, выявляются общемозговые и микроочаговые симптомы нарушений поражения различных отделов ЦНС. Анализ характера нарушений психических функций и процессов позволяет выделить структуру последствий хронической интоксикации алкоголем, что является необходимой основой для решения задач дифференци-

альной диагностики и выделения мишеней для дальнейшей психокоррекционной работы, интеллектуальных и личностных ресурсов, которые необходимо учитывать при проведении реабилитационных мероприятий.

Применение комплексного подхода с использованием экспериментально-психологических методов, наряду с клиническими исследованиями, позволяет более дифференцированно оценить тяжесть клинической картины болезни, оптимизировать прогнозирование течения болезни.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось на базе ГБУЗ «Челябинская областная клиническая наркологическая больница». Экспериментальная группа включает 25 больных с диагнозом «Хронический алкоголизм. 2 стадия. Запойная форма». Из них 15 мужчин и 10 женщин. Средний возраст испытуемых – 40 лет. Стаж злоупотребления алкоголем более 10 лет.

В исследовании применялись следующие методы:

1. Экспериментально-психологический метод: методика заучивания 10 слов, корректурная проба Анфимова, тест Мюнстерберга, таблицы Шульте, методика «60 слов», методика заучивания 10 пар слов [2].

2. Нейропсихологическое обследование для выделения зоны преимущественного поражения структур головного мозга и более детальной оценки характера нарушений протекания психической деятельности. Нейропсихологическое обследование включало пробы на исследование функций праксиса, всех видов гнозиса, пробы на исследование функции речи и мышления [1].

3. Электроэнцефалографическое исследование (ЭНЦЕФАЛАН-131-03) с проведением стандартных функциональных проб: открывание глаз (ОГ), закрывание глаз (ЗГ), ритмическая фотостимуляция (РФС) в широком диапазоне от 3 до 27 Гц и гипервентиляция (ГВ) до 3 минут.

Результаты исследования. Анализ данных электроэнцефалографического исследования показывает, что у 80 % (20) больных в выборке преобладает низкоамплитудная ЭЭГ. Фоновая активность у всех больных представлена недостаточно организованной альфа-активностью среднего индекса (в среднем до 52 %) наиболее выраженная в затылочных и теменных отведениях. При этом модуляции по амплитуде нечеткие и имеется значительная межполушарная асимметрия (чаще справа). Также для всех больных характерна выраженность бета-активности в передневисочных и фронтальных отделах (F7 F8 Fp1 Fp2 Fz). У всех больных на фоновой записи присутствует медленноволновая активность представленная отдельными группами дельта-волн низкой амплитуды, частотой до 1,3 Гц, без регионарных отличий. При открывании глаз у 48 % (12) регистрируется реакция по общему типу, проявляющаяся четкой депрессией альфа-ритма с последующим его восстановлением (при закрывании глаз) и увеличением мощности. У остальных больных реакция активации выражена нечетко и

не наблюдается значимых изменений альфа-активности. Пробы с ритмической фотостимуляцией у 88 % (22) не сопровождаются значимыми изменениями биоэлектрической активности. Однако у 12 % (3) больных регистрируется пароксизмальная активность в ответ на фотостимуляцию в диапазоне 10–15 Гц. Также общим для всех больных является повышение дельта-активности до значимого уровня на фоне гипервентиляции и ее сохранение в течение всей записи состояния после пробы (до 5 минут). В целом у всех больных по результатам ЭЭГ-исследования диагностировано, преимущественно, умеренное изменение биоэлектрической активности головного мозга регуляторного характера. У большинства больных (84 %) отмечена заинтересованность диэнцефальных структур.

При оценке ориентировки, адекватности и критичности у 20 % (5) испытуемых диагностированы слабо выраженные нарушения ориентировки, проявляющиеся в ошибках при назывании числа (более чем на 2 дня), пропуске важных деталей в анамнезе заболевания. У всех испытуемых выявлены не грубые нарушения адекватности, проявляющиеся навязчивостью, нарушениями чувства дистанции, корригируемые самостоятельно. Также у всех испытуемых имеются умеренно выраженные нарушения адекватности, проявляющиеся в отказах от выполнения задания, излишней навязчивости, которая корригировалась, только после указания психолога.

При оценивании уровня критичности, выявлены 48 % (12) испытуемых имеющих слабо выраженный дефект данной области. Наиболее частые нарушения: отсутствие активных жалоб, снижение (отсутствие) переживания своих дефектов, эмоциональная лабильность, тревожность.

При этом, не критичность у всех испытуемых выражается и в отношении к заболеванию (когнитивном, эмоциональном и поведенческом компонентах) и является одной из первоочередных мишеней для психокоррекционного и психотерапевтического воздействия.

У 80 % (20) испытуемых выявлены нарушения всех видов праксиса. Во всех пробах нарушения проявлялись импульсивностью выполнения, трудностями при усвоении программы двигательного акта, снижением способности к переключению, персеверациями, стереотипиями и дезавтоматизацией движений. В пробах на праксис позы и перенос позы также отмечена зеркальность выполнения проб и соматотопические ошибки. Все нарушения носят, преимущественно, динамический и пространственный характер. При этом, практически всем испытуемым доступна коррекция ошибок при наличии речевого контроля. Помимо данных нарушений у 36 % (9) отмечалась моторная неловкость и наличие поисковых движений, сочетающиеся со снижением кинестетической чувствительности. Подобная симптоматика, по-видимому, связана не столько с нарушениями центрального характера, сколько с нарастанием повреждений периферических нервов и формированием алкогольной нейропатии.

При проведении пробы на исследование предметного гнозиса, были выявлены нарушения у 44 % (11) испытуемых. Ошибки, допускаемые в процессе исследования, включают наличие псевдодиагнозов, дефекты узнавания изображений в усложненных условиях (перечеркнутые, наложенные, зашумленные, незавершенные). Коррекция ошибок была не всегда доступна, при этом фиксировались ошибки всегда психологом, а не испытуемым.

Нарушения пространственного гнозиса выявлены у 24 % (6) испытуемых. Данные результаты включают множественные приблизительные ответы, ошибки по типу зеркальности, импульсивность. У женщин нарушения пространственного гнозиса имеют более выраженную степень проявления, чем у мужчин.

В исследовании акустического гнозиса диагностированы нарушения у 20 % (5) испытуемых. Ошибки, допущенные испытуемыми, включают нарушения акустического внимания, ошибки в ритмических сериях, недооценивание ритмических структур.

При исследовании функций внимания и работоспособности на первый план у всех испытуемых выходят нарушения темпа и эффективности психической деятельности. Так, выполнение корректурной пробы характеризовалось увеличением количества ошибок к концу задания. Время, затраченное на выполнение заданий корректурной пробы и Таблиц Шульце, значительно превышало нормативные показатели. Темп выполнения задания замедленный, вработываемость большинства испытуемых затруднена. При этом отмечается снижение общей работоспособности испытуемых на 25–50 %. У большинства испытуемых наблюдался гиперстенический вариант выполнения проб. Выполнение характеризовалось высоким начальным уровнем, затем резким его спадом и тенденцией к возврату к исходным показателям. Скорость и точность выполнения заданий, также имеет тенденцию к снижению относительно нормативных показателей.

При предъявлении испытуемым 10 слов для запоминания, наблюдались следующие проявления: кривая запоминания имела зигзагообразный характер, на фоне удовлетворительных достижений мнестической функции отмечались ее спады. Такая динамика расстройств памяти отражает формирование органического расстройства.

У большинства испытуемых были определены следующие характеристики во время исследования: снижение продуктивности запоминания в процессе заучивания, повышенная тормозимость следов интерферирующими воздействиями, незначительные контаминации групп запоминаемых единиц, трудности включения, проявляющиеся в низких показателях объема заучивания при первичном предъявлении, персеверации.

При исследовании характера и продуктивности ассоциаций, с помощью методики «60 слов» у 44 % (11) испытуемых диагностированы слабо выраженные нарушения, проявляющиеся в обстоятельности, бедности ассо-

циаций, заторможенности. Наблюдалось увеличение воспроизводимых испытуемым гнезд, что свидетельствует о наличии инертности протекания психических процессов, так же в некоторых случаях гнезда имели малосодержательную окраску (в основном по созвучию). При выполнении испытуемыми проб на понимание сюжетных картин и рассказов, были выявлены трудности вербализации, обеднение речи, сужение словарного запаса. У всех испытуемых возникали разного рода сложности при описании эмоциональной (юмористической) стороны сюжета или рассказа. Метафорический смысл был доступен большинству испытуемых. Так же в некоторых случаях наблюдались признаки симультанной агнозии, характеризующиеся затруднениями испытуемых охватить картину целиком, провести зрительный синтез, т.е. больные описывали различные детали рисунка, но не обнаруживали связи между ними. Нарушения речи, выявленные у больных алкоголизмом, не имеют как таковой системной организации и проявляются, преимущественно, в виде динамических расстройств праксиса в артикуляторной сфере.

У всех больных, независимо от того какой показатель, выявляются нарушения большинства исследованных функций, выраженность этих нарушений нарастает параллельно тяжести органического поражения головного мозга. Анализ выявленных нарушений психической деятельности свидетельствует о том, что у всех обследованных больных в первую очередь выступают дефекты праксиса (пространственного, динамического) и зрительного предметного гнозиса. Таким образом, выявленные нарушения носят не только качественный характер, но и количественный – специфичность нейропсихологического профиля при алкогольной зависимости проявляется его деформацией.

Также для больных с алкогольной зависимостью характерна неустойчивость активного внимания. Нарушение как кратковременной, так и долговременной памяти варьировалось от легкой до умеренной степени. У больных возникала тенденция к опосредованию, они были озабочены нахождением условного обозначения, а в результате воспроизводили слова лишь приблизительно.

Методики, направленные на исследование мышления показывают затруднения испытуемого найти правильную формулировку для обоснования своего принципа действия. Именно трудность вербализации характерна для больных с алкогольной зависимостью.

В ходе исследования были выявлены функциональные нарушения структур 1 блока головного мозга – уровня нижних отделов ствола мозга, о чем свидетельствуют недостаточность внимания, трудности переключаемости. Выявлена функциональная недостаточность лобных структур головного мозга (в результате функциональной недостаточности стволовых структур), о чем свидетельствуют нарушения динамического пракси-

са, сбои в программной организации при выработке условных реакций (задание по инструкции). А также выявляется функциональная недостаточность нижнетеменных и затылочных отделов головного мозга обоих полушарий, о чем свидетельствуют нарушения зрительно-пространственного гнозиса, пространственной организации.

Размытость ощущений, нарушения локализации ощущений, характерное для этих больных свидетельствует о нарушениях диэнцефальных отделов головного мозга. В единичных случаях наблюдаются грубые нарушения тактильных ощущений, что говорит о дисфункции теменных отделов обоих полушарий головного мозга.

Таким образом, нарушения психических процессов и мыслительной деятельности носят в большей степени динамический характер, что, в свою очередь, отражает дефект как общей нейродинамики, так и произвольной регуляции за протеканием психической деятельности. Подобные результаты существенно снижают реабилитационный потенциал больных алкоголизмом и требуют проведения мероприятий в рамках нейрореабилитации еще до полноценной консультативной и психотерапевтической работы с пациентом.

Библиографический список

1. Глозман, Ж.М. Нейропсихологическая диагностика: качественная и количественная оценка данных / Ж.М. Глозман. – М.: Смысл, 2012. – 264 с.
2. Рязанова, А.Ю. Табличный метод психологической диагностики органического расстройства личности при решении задач военно-врачебной экспертизы / А.Ю. Рязанова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – № 31(131). – С. 56–62.

[К содержанию](#)

УДК 159.9.075

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ВИЗУАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА АВТОРОВ С РАЗНЫМ ТИПОМ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Н.А. Нохрина

Был проведен теоретический обзор исследований изучения структуры художественных произведений, определяющих особенности их восприятия. Были рассмотрены исследования, изучающие связь структуры произведений с личностными особенностями авторов. Были выделены критерии оценки формальных признаков фотографии. По результатам проведенного исследования выделяются особенности структуры визуального материала авторов с разным типом переживания.

Ключевые слова: тип переживания, структура произведения, своеобразие выразительных средств, параметры оценки формальных признаков фотографии

Искусство является важным средством для самопознания, открытия многих смыслов, средством для раскрытия потенциала человека. Художественное произведение – это мир, преломленный через творца, мир, который необходимо присутствует в структуре произведения искусства, в структуре художественного образа. Для понимания механизмов воздействия произведений искусства рассмотрим исследования структуры таких произведений, в частности, одно из новых направлений – фотографию как вид визуального искусства.

Целый ряд исследований посвящен определению художественных влияний произведения на психоэмоциональные состояния людей благодаря использованию авторами некоторых общих художественных средств. Исследования формально-структурных, стилевых аспектов произведения проводятся в рамках гештальтпсихологии [1, 2], дифференциальной психологии, нейронной теории творчества, теории эстетической эволюции [9], информационного подхода [7, 10, 11]. Рассмотрим группу факторов, включающую изучение структуры и функционирования произведения, которые определяют особенности восприятия произведений искусства субъектами.

Рассматривая структуру произведения, многие авторы соотносят категории формы и содержания. По мнению Л.Я. Дорфмана имеет смысл рассматривать их вместе, т.к. они могут быть определены только друг через друга. «Форма есть способ существования, выражения и преобразования содержания» [6]. Содержание воплощается в специфике данного конкретного материала, выразительных средств этого произведения, и в нем проявляются особенности, обусловленные спецификой данного вида искусства, его приемов, а также ограничений [3]. Мера ответственности произведе-

дения, по мнению Л.С. Выготского и других исследователей, является мерой мастерства художника, автора произведения, его личностных особенностей, таких как особенности когнитивных стилей, эстетической компетенции, самоактуализации и т.п. [5, 13]. Создавая художественное произведение, автор, учитывая закономерности восприятия, строит его таким образом, чтобы оно оказывало максимальное воздействие на зрителя.

Факторы структуры произведения специально исследуются в гештальт-психологии. Теоретический подход гештальтпсихологии к проблемам художественного восприятия учитывает две группы художественных факторов: во-первых, способы организации формы произведений в аспекте стилизованных структур, и во-вторых, индивидуальные особенности воспринимающих, т.е. определить взаимообусловленность стилизованных структур произведения и личностных особенностей авторов. Р. Арнхейм рассматривает восприятие как познавательный процесс, который носит не пассивный, а активный, созидательный и творческий характер. Каждый акт визуального восприятия представляет собой активное изучение существенных свойств объекта, его визуальную оценку, отбор наиболее важных качеств, создание визуального образа, соотнесение его со следами памяти. Акт восприятия представляет собой визуальное суждение, которое основывается на стимулах, получаемых сетчаткой глаза. Но помимо этого на суждение действует структура произведения. Р. Арнхейм предлагает определять эстетическое совершенство картин с помощью ряда категориальных признаков. Он выделяет ряд шкал, содержащих определенный континуум, а не противоположности-дихотомии. В качестве примеров подобных шкал можно привести следующие: шкала «Простота – сложность»; шкала «Направленность вверх – вниз»; «Тяжесть – легкость»; «Темнота – яркость»; «Открытость – замкнутость»; «Гомогенность – гетерогенность»; «Доминанция целого – доминанция частей»; «Бесконечность – конечность»; «Согласованность – рассогласованность»; «Иерархия – координация». Благодаря работе с данными шкалами можно исследовать эстетические предпочтения конкретных людей, что помогает в изучении вариаций эстетического восприятия [1].

Соотношение особенностей структуры произведения и когнитивных стилей авторов проводились в исследованиях В. Петрова. Он проанализировал произведения контрастных художников, кардинально отличающихся друг от друга по стилю, и выделил параметры оценки этих произведений. Каждый представленный параметр имеет форму бинарной оппозиции, первый полюс которого соответствует аналитическому (левополушарному) стилю, а правый – синтетическому (правополушарному) стилю. Эксперты по выделенным параметрам проанализировали творчество 240 художников. Результаты исследования подтвердили валидность выделенных параметров, по которым можно четко разделить контрастных художников по

их доминирующему стилю. В качестве примеров оцениваемых параметров можно привести следующие: стремление к нормативности – тяготение к своеобразию; строгость формы – свобода формы; лаконизм, аскетизм выразительных средств – богатство, разнообразие выразительных средств; графичность – живописность, колористичность; дискретность изображения – текучесть, наличие переходов между элементами; тяготение к холодным цветам – тяготение к теплым цветам; отсутствие цветовых градаций в рамках одного цвета – тяготение к большому числу цветовых градаций. На основе оценок вычисляется индекс асимметрии, который является надежным инструментом измерения общей стилевой окрашенности творчества изучаемого художника [11].

Будучи прообразом современных визуальных феноменов фотография является одним из наиболее благодатных горизонтов для анализа структуры и семантики изображения, исследования сущности и онтологического статуса изображаемого объекта. Произведения искусства открыты для возможности структурирования личностью опыта собственной жизни. В.Г. Грязева-Добшинская рассматривает особенности воздействия произведений постмодерна. При воздействии произведений постмодерна, создается дилемма эффект незавершенного действия, что открывает личности пространство для внутренней работы, возможность осмысления экзистенциальной ситуации. Это постижение не замыкает человека в культуре, в текстах, а возвращает к жизни, в области на границах культуры, требующих оформления. В этом заключается эволюционный смысл искусства постмодерна – создание структур для постижения личностью собственной экзистенциальной ситуации [8].

Психологические исследования структуры произведений показывают необходимость включения анализа этих структур в логику эксперимента, поскольку влияние изучаемых выразительных средств несомненно оказывает важную роль при восприятии подобных произведений.

Планирование эксперимента

Целью нашей работы выступает изучение особенностей визуального материала авторов с разным типом переживания.

Этапы эксперимента

I этап: на I этапе эксперимента проводилось изучение личностных особенностей фотографов. Выборку фотографов составили учащиеся и выпускники «Фотошколы ЮУрГУ», участвующие в выставках, конкурсах фотографии (76 человек). Проводилась диагностика по следующим методикам: тест Г. Роршаха, Самоактуализационный тест, «Типология личностного выбора», опросник NEO FFI.

II этап: для получения стимульного материала, используемого в дальнейших этапах эксперимента, фотографам было предложено экспериментальное задание: создание серии фотографий (от 2 до 6) по определенным темам, таким как Любовь, Одиночество, Игра, Свобода, Смерть, Жизнь, Власть.

III этап: проводилась комплектация художественных фотографий для предъявления испытуемым. Стимульный визуальный материал был представлен фотографиями двух видов: 1) художественные фотографии профессиональных фотографов, тип переживания которых исследователю неизвестен; 2) авторские фотографии начинающих фотографов и фотографов-профессионалов, тип переживания которых известен.

Методики исследования

1. Тест Роршаха для определения типа переживания субъекта. В рамках психодинамического подхода разработана классификация типов переживания Г. Роршаха. «Тип переживания» определяется на основании соотношения между введенными Г. Роршахом понятиями «интроверсии» и «экстратензии». Главное отличие интроверсивности от экстратензивности заключается в большей зависимости личности от внутренних переживаний, чем от внешних впечатлений. Люди с выраженной интроверсией обладают интеллектуальной активностью и инициативой, стабилизированной аффективностью, с малым кругом общения, но интенсивными контактами, хорошо разбираются в себе, способны к рефлексии, творчеству. Личность с выраженной экстратензией, по мнению Г. Роршаха, высокочувствительна к своему окружению, характеризуется репродуктивным типом интеллекта, лабильной аффективностью, хорошей приспособляемостью к своей среде, эмоциональна, восприимчива, спонтанна в контактах [4].

Различные сочетания установок интроверсии и экстратензии задают четыре типа переживаний: экстратензивный, интроверсивный, амбиэквальный и коартивный [4, 12]. Индивиды с экстратензивным типом переживания характеризуются высоким уровнем экстратензии, низким уровнем интроверсии. Индивиды с интроверсивным типом переживания характеризуются высоким уровнем интроверсии, низким уровнем экстратензии. У индивидов с амбиэквальным, или расширенным типом переживания присутствуют как экстратензивные, так и интроверсивные тенденции. Коартивный или суженный тип переживания (низкий уровень интроверсии и экстратензии) характеризуется бедностью воображения, недостаточным развитием способностей, стереотипностью деятельности [12].

2. Параметры оценки формальных признаков фотографии

Для формулирования параметров оценки формальных признаков фотографии были проанализированы две системы анализа художественных произведений. Р. Арнхейм в своей работе «Искусство и визуального восприятие» приводит систему оценки особенностей структуры визуального материала, и приводит подробное обоснование выделяемых параметров [1]. В. Петровым были проанализированы произведения контрастных художников (наличие аналитического стиля или синтетического стиля) и выделены параметры оценки этих произведений. Оценка производилась экспертами-искусствоведами. Результаты исследования подтвердили валидность выделенных параметров, по которым можно четко разделить контрастных художников по их доминирующему стилю [11].

На основе изученных систем анализа были выделены восемь параметров оценки структуры визуального материала. Эти параметры представляют собой шкалу оценки по 7-бальной системе от 1 до 7 баллов, где оценка «1» означает приверженность одному полюсу, оценка «7» – приверженность противоположному полюсу, а оценки от «2» до «6» – градации. Можно выделить следующие параметры:

1. Тяготение к холодным цветам – Тяготение к теплым цветам.
2. Отсутствие цветовых градаций в рамках одного цвета – Тяготение к большому числу цветовых градаций.
3. Устойчивые объекты – Мобильные, динамичные объекты.
4. Вес (тяжесть в объектах) – Легкость в объектах.
5. Четкие очертания – Размытые очертания.
6. Простота структуры – Сложность структуры.
7. Лаконизм, аскетизм выразительных средств – Богатство, разнообразие выразительных средств.
8. Предметы сгруппированы – Предметы хаотичны.

Представленный авторский визуальный материал был разделен на 4 группы, исходя из установленного типа переживания автора для определения своеобразия его выразительных средств. Оценка фотографий проводилась 5 независимыми экспертами по выделенным параметрам. Был проведен дисперсионный факторный анализ. Расчеты осуществлялись с помощью компьютерных программ «Statistica 6.0» и «Exel».

Результаты исследования

По результатам исследования было установлено своеобразие структуры фотографий в выделенных группах испытуемых. В каждой группе можно выделить 2 фактора, объединяющих те или иные параметры выразительных средств визуального материала.

В группе фотографов с коартивным типом переживания можно выделить следующие факторы (см. табл.1).

Таблица 1

Факторы структуры визуального материала авторов
с коартивным типом переживания

	Фактор 1	Фактор 2
1. Использование цвета		
2. Градации цвета		
3. Устойчивость объектов		
4. Вес объектов		0,800
5. Очертания объектов		
6. Особенности структуры	-0,833	
7. Выразительные средства	-0,896	
8. Сгруппированность предметов	-0,877	

В первый фактор включены такие параметры как простота структуры, лаконизм выразительных средств, сгруппированность предметов. Данный фактор был назван как «Особенности структуры и выразительных средств». Во второй фактор включен такой параметр как легкость в объектах.

В группе фотографов с экстратензивным типом переживания можно выделить следующие факторы (см. табл. 2).

Таблица 2

Факторы структуры визуального материала авторов
с экстратензивным типом переживания

	Фактор 1	Фактор 2
1. Использование цвета		0,714
2. Градации цвета		
3. Устойчивость объектов		
4. Вес объектов		0,761
5. Очертания объектов		
6. Особенности структуры		
7. Выразительные средства	-0,747	
8. Сгруппированность предметов	-0,755	

В первый фактор «Особенности структуры и выразительных средств» были включены такие параметры как лаконизм выразительных средств, сгруппированность предметов. Этот фактор по своему содержанию практически совпадает с фактором в группе авторов с коартивным типом переживания (кроме параметра простоты структуры). Во второй фактор были включены легкость в объектах и тяготение к теплым цветам.

В группе фотографов с интроверсивным типом переживания можно выделить следующие факторы (см. табл. 3).

Таблица 3

Факторы структуры визуального материала авторов
с интроверсивным типом переживания

	Фактор 1	Фактор 2
1. Использование цвета		
2. Градации цвета	-0,825	
3. Устойчивость объектов		
4. Вес объектов		
5. Очертания объектов		
6. Особенности структуры		-0,784
7. Выразительные средства		-0,864
8. Сгруппированность предметов	-0,869	

В первый фактор входят такие параметры как отсутствие цветовых градаций в рамках одного цвета и сгруппированность предметов. Во второй фактор входит простота структуры при лаконизме выразительных средств. Своеобразие структуры, которое отражено в составе выявляемых факторов, в группе авторов с интроверсивным типом переживания наиболее проявлено. Фотографии этих авторов отличаются наличием такой характеристики как сгруппированность объектов при отсутствии цветовых градаций. Содержание второго фактора соотносится с факторами «Особенности структуры и выразительных средств» в других группах.

В группе фотографов с амбиэквальным типом переживания можно выделить следующие факторы (см. табл. 4).

Таблица 4

Факторы структуры визуального материала авторов
с амбиэквальным типом переживания

	Фактор 1	Фактор 2
1. Использование цвета		
2. Градации цвета		
3. Устойчивость объектов		
4. Вес объектов		0,768
5. Очертания объектов	-0,730	
6. Особенности структуры	-0,829	
7. Выразительные средства	-0,739	
8. Сгруппированность предметов		

В фактор «Особенности структуры и выразительных средств» входят такие параметры как четкие очертания, лаконизм выразительных средств и простота структуры. Во второй фактор включен такой параметр как легкость в объектах.

Анализируя своеобразие структуры визуальных произведений у авторов с разным типом переживания, можно сделать следующие **выводы**:

По результатам дисперсионного факторного анализа, в каждой группе визуальных произведений можно выделить два основных фактора. В группе произведений авторов с коартивным, экстратензивным и амбиэквальным типом переживания эти факторы схожи по своему содержанию. В факторе «Особенности структуры и выразительных средств» параметр лаконизм выразительных средств выявляется в этих трех группах. Параметр простота структуры выявляется в фотографиях авторов с коартивным и амбиэквальным типом переживания. Параметр сгруппированности предметов выявляется в группе у авторов с коартивным и экстратензивным типом переживания. В содержание второго фактора в группе фотографий у коартивных, экстратензивных и амбиэквальных авторов входит такой параметр как легкость объектов. При этом в группе экстратензивных авторов к нему добавляется такой параметр как тяготение к теплым цветам.

Наибольшим своеобразием отличается визуальный материал у авторов с интроверсивным типом переживания. В первый фактор входят такие параметры как сгруппированность предметов и отсутствие цветовых градаций в рамках одного цвета. Второй фактор по своему содержанию совпадает с фактором «Особенности структуры и выразительных средств»

Стоит отметить, что параметр устойчивость объектов не вошел в структуру ни одного из факторов рассматриваемых групп. Наиболее информативными оказались такие параметры как легкость объектов, простота структуры, особенности выразительных средств, и сгруппированность предметов.

Таким образом, результаты, полученные на основе факторного анализа, показывают специфику и своеобразие выразительных средств, выявляемых в структуре фотографий авторов с разным типом переживания. Можно предположить, что своеобразие используемых выразительных средств оказывает свое специфическое влияние на их восприятие зрителями и определяет избирательность выбора визуального материала испытуемыми для работы с ним.

Библиографический список

1. Арнхейм, Р. Искусство и визуальное восприятие / Р. Арнхейм. – М.: Прогресс, 1974. – 215 с.
2. Арнхейм, Р. Новые очерки по психологии искусства / Р. Арнхейм. – М.: Прометей, 1994. – 321 с.
3. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
4. Белый, Б.И. Тест Роршаха. Практика и теория / Б.И. Белый. – СПб.: «Дорваль», 1992. – 200 с.
5. Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – М.: Смысл, 1986. – 326 с.
6. Дорфман, Л.Я. Неклассический подход в эмпирических исследованиях искусства / Л.Я. Дорфман, Д.А. Леонтьев, В.М. Петров // Творчество и в искусстве – искусство творчества. – М.: Наука; Смысл. 2000. – С. 15–25.
7. Дриккер, А.С. Художественные эпохи и виды эмоциональных коммуникаций / А.С. Дриккер // Творчество в искусстве – искусство творчества. – М.: Наука, Смысл, 2000. – С. 475–484.
8. Грязева–Добшинская, В.Г. Современное искусство и личность: гармонии и катастрофы / В.Г. Грязева–Добшинская. – М.: Академический проект, 2002. – 402 с.
9. Мартиндейл, К. Генеральная парадигма эмпирической эстетики / К. Мартиндейл // Творчество в искусстве – искусство творчества. – М.: Смысл, Наука, 2000. – С. 36–44.
10. Маслов, С.Ю. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия / С.Ю. Маслов // Семиотика и информатика, 1983. – № 20. – С. 3–34.

11. Петров, В. Черета эпох и эволюция искусства: опыт количественного исследования / В. Петров // Творчество в искусстве – искусство творчества. – М.: Наука, Смысл, 2000. – С. 45–68.

12. Рауш де Траубенберг, Н.К. Тест Роршаха: практическое руководство / Н.К. Рауш де Траубенберг. – М.: «Когито–Центр», 2005. – 255 с.

13. Яценко, Е.Ф. Самоактуализация и субъективное благополучие как социально-психологические проблемы профессионального образования: студенты и преподаватели университета / Е.Ф. Яценко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2012. – № 31. – С. 56–63.

[К содержанию](#)

УДК 159.938

ББК Ю945.1

ДИАГНОСТИКА И РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ СЕРВИСНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Л.П. Паршукова, З.А. Шакурова

Целью работы является более изучение коммуникативной компетентности студентов в процессе обучения в университете, выявление конкретных ее характеристик, важных для менеджера по туризму и сервису. Эксперимент состоял из нескольких этапов. На первом была проведена диагностика коммуникативных характеристик, сформировавшихся у студентов к данному периоду жизни. Результаты первичной диагностики показывают, что до начала занятий по абсолютному большинству показателей наблюдается уровень ниже среднего, либо средний. Второй этап эксперимента посвящен непосредственно проведению учебных занятий по специально разработанной программе. Третий этап заключался в повторной диагностике и обсуждении результатов в группах с неизменным обращением к осознаниям студентами своих изменений. Результаты вторичной диагностики показывают положительную динамику коммуникативных качеств у студентов всех специализаций.

Ключевые слова: психологические особенности работников сервисной сферы; коммуникативные характеристики; эмпатические способности; стратегии поведения.

Необходимость качественной подготовки специалистов в сфере сервиса по-прежнему актуальна. По мнению опытных специалистов, выпускники высших учебных заведений не могут на профессиональном уровне заменить работников сферы обслуживания и туризма в силу слабой практической подготовки [8]. Чтобы эффективно управлять процессом подготовки специалиста, надо четко видеть направление и конечную цель обучения.

Ориентиром могут выступать квалификационные характеристики специалиста, в которых, как правило, достаточно подробно описываются знания, умения и навыки, которые необходимы будущему профессионалу. В зоне нашего интереса находятся психологические особенности работников сервисной сферы. Проведенный нами анализ литературных источников [1, 2, 3, 4, 7, 9] позволил выделить две группы, наиболее часто встречаемых психологических характеристик, необходимых успешному специалисту в различных сферах данной деятельности. Первую группу составляют личностные качества. Перечислим их: позитивная активная позиция, энтузиазм, высокий энергетический потенциал, инициативность, навыки ведения переговоров, навыки общения с людьми, хорошие коммуникационные навыки, навыки межличностного общения, исключительные способности общения с людьми, исключительные экстравертные способности, уверенность и терпимость, способность слушать собеседника, терпеливость, гибкость, любезность. А ко второй группе авторы отнесли профессиональные особенности, делающие работника более результативным. Вот они: восприятие нужд потребителя и умение в наибольшей степени удовлетворить его потребности, желание взять на себя инициативу, способность интерпретировать поведение потребителя, профессиональные навыки общения и ведения переговоров, способность предвидеть и прогнозировать реакции клиента, организаторские способности, знание методов привлечения внимания туристов, навыки руководящей работы, способность решать проблемы, реагировать на жалобы и давать советы, наблюдательность, предупредительность, вежливость, способность оказывать на клиента воздействие, приносящее взаимную пользу; умение избегать недоразумений и конфликтов, строить эффективные личные и деловые взаимоотношения с клиентами, легко менять деловые отношения в нужную сторону. Можно заметить, что списки личностных и профессиональных характеристик по многим качествам совпадают. Возможно, это связано с тем, что успешный специалист данной сферы часто «работает личностью», а не только профессиональными знаниями и навыками. Это предположение находит подтверждение в статье Лагусева Ю.М. [6]. По его мнению, работнику сферы туризма необходимо развивать в себе следующие способности: «правильно видеть ситуацию; оценивать внутреннее состояние другого человека; вызывать у другого человека интерес, способность к оказанию воздействий в соответствии с индивидуальностью человека; находить нужный стиль общения, способ подачи нужного материала; правильно настраивать человека, вселять в него чувство уверенности, успокоенности (или, наоборот, неуспокоенности), решимости, стимулировать к самосовершенствованию; вызывать к себе уважение, неформальное признание, завоевывать авторитет; способность к познанию себя, другого человека, мира духовного и материального; стремление к приключениям, адаптацию к различным непредвиденным обстоятельствам, неожиданностям». Проведенный нами анализ показал,

что к коммуникативным качествам специалистов в области сервиса предъявляются высокие требования. Но зачастую, эти качества представлены авторами в обобщенном варианте, например, «специалист должен обладать коммуникативными навыками» [2], и не указывается, набор каких именно характеристик необходим работнику данной сферы.

Целью нашей работы является более детальное изучение коммуникативной компетентности студентов в процессе обучения в университете, выявление конкретных ее (компетентности) характеристик, важных для специалиста данной сферы. Причем, особое внимание уделяется чувственной, эмоциональной сфере человека и способности ее регулировать. Такой акцент объясняется спецификой контакта менеджера по туризму и клиента. Люди, вступая во взаимодействие, например, с турагентом, настроены на отдых (или лечение, временное проживание), они стремятся к эмоциональному комфорту, получению удовольствия, улучшению психического и физического самочувствия и т.п. Поэтому успешному специалисту важно обладать высоким уровнем эмоциональной саморегуляции, способностью осознавать свое эмоциональное состояние в каждый момент общения, гибкостью поведения, что способствует созданию благоприятного психологического климата в ситуации общения. Профессионал способен определить психологический настрой клиента, его душевное состояние, психологическое самочувствие и тем самым создать и поддерживать хорошее настроение клиента. Поэтому важно умение вести себя спокойно и непринужденно, сосредоточить все внимание на клиенте, улыбаться и поддерживать контакт глаз, подчеркивать заинтересованность в беседе, положительно отзываться о личности клиента, показывать собственное уважение коллег по работе. Одним из решающих факторов, влияющих на эффективность продаж туристского продукта (или оказания других услуг), является способность менеджера создать о себе хорошее впечатление. Для этого нужно находить способы избавиться от напряженности и скованности, указывать на моменты сходства с клиентом, демонстрировать доброжелательность, использовать комплименты, общаться с клиентом в русле его интересов. Тогда он станет воспринимать менеджера как человека заботливого и отзывчивого. Основой для построения доверия у клиента является установление позитивных взаимоотношений и понимания, когда чувства, мысли и интересы людей находятся в гармонии. Это позволяет значительно сократить дистанцию общения и создать близкие, открытые, свободные, надежные и приятные отношения, когда клиент чувствует себя «как дома». Важно обрести психологическое состояние, для которого характерно наличие единения, настроенности на одну волну, взаимной симпатии, непринужденности, взаимопонимания. Люди доверяют тому, кто в чем-то на них похож, не хотят спорить с тем, кто им нравится, понимает его чувства. Все перечисленное выше объясняет, на наш взгляд, выбор методик исследования, связанных с осознанием своего эмоционального состояния и поведе-

ния при взаимодействии с клиентом. Для диагностики необходимых личностных характеристик и особенностей общения были выбраны методики, определяющие уровень эмпатических способностей, «помех» в установлении эмоциональных контактов, особенности поведения в конфликтных ситуациях; основных тенденций поведения в реальной группе, уровень личностного адаптивного потенциала и его составляющих: поведенческой регуляции, коммуникативного потенциала и стремления соответствовать морально-нравственным нормам группы.

В нашем исследовании поставлены две задачи: 1) выявить уровень сформированности коммуникативных характеристик у студентов к началу занятий по данным дисциплинам; 2) определить, какие изменения в особенностях взаимодействия произошли к завершению цикла обучения данным дисциплинам. Исследование коммуникативных характеристик проходило в процессе специально организованных занятий в рамках учебных дисциплин «Психологический практикум», «Психодиагностика». Занятия, направленные на развитие коммуникативного потенциала, проходили в активной форме и включали в себя обсуждения, дискуссии, ролевые и деловые игры, связанные со спецификой различных видов деятельности туристического бизнеса. В эксперименте приняли участие студенты 3 курса специальностей «Социально-культурный сервис и туризм» и «Сервис бытовых машин» (всего 300 человек) факультета «Сервис и туризм» Южно-Уральского государственного университета г. Челябинска. Эксперимент состоял из нескольких этапов. На первом была проведена диагностика коммуникативных характеристик, сформировавшихся у студентов к данному периоду жизни. Второй этап эксперимента посвящен непосредственно проведению учебных занятий по специально разработанной программе. Каждое занятие включает в себя не только отработку необходимых поведенческих приемов, технологий, но и обязательную рефлекссию, обращение к собственным чувствам, потребностям, желаниям, возникающим в процессе выполнения заданий. Для многих студентов знакомство с собственным чувственным миром происходило впервые. Третий этап заключался в повторной диагностике по тем же методикам и обсуждении результатов в группах с неременным обращением к осознаниям студентами своих изменений.

Результаты первичной диагностики показывают, что до начала занятий по абсолютному большинству показателей наблюдается уровень ниже среднего, либо средний. Рассмотрим подробнее. Личностный адаптивный потенциал у 81 % студентов находится в зоне низких значений, а в зону высоких не попал ни один человек; у 55 % – поведенческая регуляция слабо сформирована, а коммуникативный потенциал лишь у 1 % студентов имеет высокий уровень. Диагностика поведения в группе показала, что только 20 % студентов принимают себя как общительного, готового к ак-

тивному взаимодействию с коллегами человека, а большинство (более 40 %) выбирают зависимое или отстраненное поведение. Суммарный показатель эмпатических способностей у 73,6 % студентов находится на низком уровне. Столь же высок и уровень эмоциональных помех общения – 60,6 % участников эксперимента сообщают о наличии эмоциональных барьеров в общении (причем, 16,2 % отмечают крайнюю степень их проявления). Для разрешения конфликтных ситуаций большинство студентов прибегают к стратегии соперничества (15 %), и крайне редко (1,3 %) вступают в партнерские отношения. На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что до начала эксперимента наблюдался явно недостаточный уровень коммуникативной компетентности для успешной профессиональной деятельности. Как уже отмечалось, после курса занятий по специально разработанной программе была проведена вторичная диагностика. Анализ результатов показал, что значимые изменения произошли в 20 из 28 показателей. Различия определялись по T-критерию Стьюдента ($p < 0,05$). Проанализируем полученные результаты. Изменения происходят в показателе личностного адаптивного потенциала, вероятнее всего, за счет повышения коммуникативного потенциала группы и поведенческой регуляции (возрастает процент студентов с высоким уровнем). Более чем, в два раза увеличивается число студентов с высоким уровнем общительности (было 24 %, стало 55 %), происходят изменения в большую сторону показателей зависимость-независимость, принятие-избегание борьбы. Такую динамику можно объяснить приобретением навыков гибких стратегий поведения, что подтверждается результатами методики Томаса о поведении в конфликте. Стратегию соперничества, как единственно возможную, выбирает меньшее количество студентов (9 % против 15 % в начале), снижается показатель избегания (49,7 % отмечают его как редко используемое поведение, а раньше – 27 %), наблюдается тенденция к выбору компромиссного поведения – от 10 % к 14,5 %. У студентов отмечается возрастание эмпатических способностей (табл. 1). По их словам, особенно часто это происходит в ситуациях, когда надо встать на место другого человека или осознанного проявления помощи партнеру по общению. В данном случае важно отметить, что более значимым для нас является не увеличение количества респондентов с высоким уровнем эмпатии, а уменьшение с низким значением. Так, показатель идентификации снизился с 35 % до 18 %, а установка на проявление эмпатии с 23,4 % до 16 %. Предполагаем, что возросшая готовность проявить эмпатию другому связана со снижением эмоциональных помех в общении (было 60 %, стало 52 %).

Произошли изменения в барьерах, связанных с негибкостью и неадекватностью проявления эмоций: более чем в два раза уменьшился процент респондентов, указывающих на наличие данных барьеров. Важным, по нашему мнению, является следующее – уменьшилось количество студен-

тов, отмечающих полное отсутствие эмоциональных помех при взаимодействии, что может говорить о возрастании осознанности и адекватной оценке своего поведения. Значительные изменения произошли в неумении управлять своим эмоциональным состоянием: было 13,3 %, стало 3 % и негибкости в проявлении эмоций: 16,6 % против 6,6 %. Кроме того, вдвое снизился процент тех, кто видит у себя очень большое количество эмоциональных барьеров: с 16,2 % до 8 %.

Таблица 1

Динамика показателей коммуникативных качеств
(процент студентов с низким и высоким уровнем до и после эксперимента)

№	Показатели	Низкий уровень, %		Высокий уровень, %	
		До эксперимента	После эксперимента	До эксперимента	После эксперимента
1	Зависимость	23,1	13,9	24,8	27,1
2	Независимость	25,1	19,5	34,3	35,0
3	Общительность	6,3	3,3	23,6	55,4
3	Принятие борьбы	40,9	24,4	15,2	17,2
4	Избегание борьбы	30,0	21,5	21,5	22,4
5	Установка на эмпатию	23,4	16,2	21,8	24,1
6	Идентификация	35,0	18,8	16,5	20,8
7	Суммарный показатель эмпатических способностей	18,8	10,6	26,4	35,6

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. По абсолютному большинству показателей на начальном этапе наблюдается уровень ниже среднего, либо средний, что говорит о слабой сформированности коммуникативных характеристик и явно недостаточном уровне коммуникативной компетентности для успешной профессиональной деятельности.

2. Результаты вторичной диагностики показывают положительную динамику у студентов всех специализаций.

3. Значительные изменения происходят в показателях, связанных с регуляцией эмоционального состояния (способность поставить себя на место другого, готовность оказать внимание (услугу), поддержку партнеру по общению, снижение уровня эмоциональных помех, осознание эмоциональных барьеров).

4. Более поддаются изменению поведенческие характеристики, связанные с осознанием необходимости гибкого взаимодействия с клиентом.

5. Программа обучения, созданная для развития коммуникативных характеристик студентов, имеет положительный эффект и может иметь дальнейшее применение.

Библиографический список

1. Жукова, М.А. Менеджмент в туристском бизнесе: Учебное пособие для вузов / М.А. Жукова. – М.: КНОРУС, 2006. – 192 с.
2. Зорин, И.В. Профессиональное образование и карьера в туризме: Учебник для вузов по направлению «Менеджмент» / И.В. Зорин, А.И. Зорин. – М.: Советский спорт, 2005. – 525 с.
3. Кибанов, А.Я. Управление персоналом организации: Практикум: Учебное пособие / А.Я. Кибанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 365 с.
4. Косолапов, А.Б. Менеджмент в туристической фирме: Учебное пособие по специальности «Менеджмент организации» / А.Б. Косолапов. – М.: КНОРУС, 2007. – 256 с.
5. Кузин, В.В. Концептуальные основы подготовки кадров по специальности «рекреация и спортивно-оздоровительный туризм» / В.В. Кузин // Теория и практика физической культуры. – 2003. – № 5. – С. 9–11.
6. Лагусев, Ю.М. Подготовка студентов туристского вуза к осуществлению воспитательной деятельности в туризме / Ю.М. Лагусев // Теория и практика физической культуры. – 2002. – № 11. – С. 13–15.
7. Персикова, Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: Учебное пособие / Т.Н. Персикова. – М.: Логос, 2002. – 224 с.
8. Пяткова, С.Г. Взаимодействие вуза и бизнес-сообщества в инновационной системе профессиональной подготовки специалистов индустрии сервиса и туризма / С.Г. Пяткова // Современные проблемы туризма: управление, туристские ресурсы, подготовка кадров / под ред. Н.С. Морозовой // Вестник Российского нового университета. Серия «Туризм и культурное наследие». – 2005. – Вып. 6. – С. 145–152.
9. Руденко, А.М. Психология социально-культурного сервиса и туризма: Учебное пособие для вузов / А.М. Руденко. – Ростов н/Д.: Феникс, 2007. – 313 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.037.1 + 796.412

ББК Ч514 + Ч 516.61

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ У СТУДЕНТОК, ЗАНИМАЮЩИХСЯ АЭРОБИКОЙ С ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИЕЙ

О.Л. Петрожак

Рассматриваются вопросы влияния методов психофизической саморегуляции на психологическое и физиологическое состояние студенток на занятиях аэробики. Коррекционные занятия аэробикой с психофизической саморегуляцией приводят к снижению уровня невротизации.

Ключевые слова: адаптация, интенсификация учебного процесса, психофизиологическое состояние, уровень невротизации.

Усложнение и интенсификация учебно-воспитательного процесса обуславливают повышение требований к психофизическому состоянию организма [2]. Своевременное выявление и оценка особенностей эмоционального состояния, свойств личности, способов реагирования на стрессовую ситуацию, способов предотвращения отклонений в нервно-психической сфере является одним из важнейших направлений психопрофилактической работы [5].

Способность учебных заведений, в том числе, высшей школы решать конкретные задачи в сфере воспитания и охраны и физического и психологического здоровья отражает успешность педагогической деятельности в рамках здоровьесберегающих образовательных технологий [6]. Поэтому так актуально обучение студентов несложным методам психофизической саморегуляции, аутопсихотерапии, аутогенной тренировки, приемам релаксации, а также простейшим методам аутопсихокоррекции. Приемы психофизической саморегуляции, как мобилизующие, так и успокаивающие, необходимы для быстрого перехода из одного состояния в другое, что в современных условиях жизни, с её стремительным темпом благотворно влияют на физическое и психологическое состояние и здоровье учащихся.

На занятиях «аэробики с психофизической саморегуляцией» в ЮУрГУ мы опирались на когнитивно-поведенческую модель (от англ. cognition – мысль, смысл, знание). Общая концепция, которой мы придерживаемся, входит в поведенческую (бихевиоральную) телесно-ориентированную парадигму. Данное направление стремится к преодолению мифов, искажений и фальсификаций. Такое взаимодействие с реальностью ведет к развитию и формированию адаптивных, безболезненных и успешных возможностей в поведении и познании себя.

На уроках использовались проверенные, испытанные известные оздоровительные методики саморегуляции: такие как аутогенная тренировка, прогрессирующая мышечная релаксация Э. Джекобсона и т.п., а также базисные методики саморегуляции, используемые в телесно-ориентированной психотерапии, например, самомониторинг, саморегулирование психоэмоционального состояния и т.д.

Применение данных методик приводит в норму физиологические параметры деятельности организма, служит препятствием возникновению «порочного круга» (изменение дыхания, сердцебиение – тревога за свой организм – усиление беспокойства – соответствующие реакции в организме) за счет достижения спокойствия.

В нашем исследовании мы пытались доказать, что телесно-ориентированные методики служат нормализации психофизического состояния студентов, ведут к уменьшению проявлений психологической дезадаптации.

Основную и контрольную группу составили студентки I–III курсов ЮУрГУ (128 человек), которые занимались в группах «аэробики с психофизической саморегуляцией».

Цель исследования: выявить особенности психофизиологического состояния студенток при адаптации к аэробным нагрузкам в сочетании с психофизической саморегуляцией.

Определение индивидуальных особенностей психологических состояний осуществлялось с помощью опросника невротических расстройств – симптоматический (ОНР-СИ) [3].

Анализ результатов оценки уровня невротичности у студенток показывает, что наиболее низкий уровень у всех групп испытуемых наблюдается по шкалам «сексуальные расстройства», «вегетативные расстройства» и «расстройство сна» (табл.1).

Следует отметить, что достаточно низкий показатель сексуального расстройства у испытуемых как в экспериментальной группе, так и в контрольной (от 0 до 30 баллов), может свидетельствовать о недостаточно правдивых ответах на вопросы анкеты – 23,0 % девушек в экспериментальной и 26,3 % в контрольной группах эти вопросы вообще проигнорировали. В связи с этим для выявления ведущих невротических расстройств, учитывая, что значимых различий между показателями невротических расстройств в исследуемых группах не выявлено, до начала эксперимента мы объединили всех участников исследования в единые группы по уровню невротичности – лица с выявленным низким уровнем невротичности (НУН) – от 0–4-х баллов (в стенах); – средним уровнем невротичности (СУН) – 5–6 баллов; – с высоким уровнем невротичности (ВУН) – 7–10 баллов (рис.1).

Самые высокие показатели продемонстрированы по шкалам «аффективная лабильность», «астенические расстройства», а также «ананкастиче-

ские расстройства» (все по 57,2 %). Но если у первых двух групп эти показатели можно отнести к норме, то в группе с высоким уровнем невротизации представленные расстройства указывают на повышенную эмоциональную возбудимость.

Таблица 1
Показатели опросника невротических расстройств (ОНР-СИ)
на начальном этапе исследования ($M \pm \sigma$)

Уровень невротизации (ОНР-СИ)	Экспериментальная гр.	Контрольная гр.	T-критерий	p
общий показатель (в стенах)	5,52±0,90	5,21±0,81	0,85	>0,05
общий показатель (сырые баллы)	20,92±3,62	19,11±3,25	1,34	>0,05
тревожно-фобические расстройства	18,11±2,32	14,63±2,79	2,12	<0,05
депрессивные расстройства	29,00±4,49	23,11±4,09	2,68	<0,01
аффективная напряженность	25,52±4,13	24,00±4,69	1,58	>0,05
расстройства сна	19,74±3,70	21,84±4,09	1,86	>0,05
аффективная лабильность	36,33±6,17	31,05±5,81	2,32	<0,05
астенические расстройства	32,33±6,32	26,74±5,22	2,41	<0,05
сексуальные расстройства	16,41±2,41	13,42±2,72	1,77	>0,05
дереализационные расстройства	14,56±2,72	18,32±3,40	1,84	>0,05
обсессивные расстройства	20,81±3,74	21,68±4,04	0,87	>0,05
Нарушение социальных контактов	20,15±3,08	19,42±3,36	0,76	>0,05
ипохондрические расстройства	20,30±3,80	19,26±3,03	1,08	>0,05
ананкастические расстройства	31,59±6,64	26,00±4,84	2,61	<0,01
вегетативные расстройства	16,22±3,23	15,47±2,89	0,69	>0,05
возможность наличия эндогенной патологии	0,22±0,04	0,37±0,08	1,65	>0,05
возможность наличия неврологической патологии	0,56±0,11	0,58±0,10	0,66	>0,05

По шкале «аффективная лабильность» выявлено, что девушки не могут эффективно управлять своими эмоциями. Астенические расстройства у испытуемых с высоким уровнем невротичности свидетельствуют о том, что повышенная чувствительность и быстрая истощаемость в нервно-психическом смысле приводят к малой эффективности в деятельности астеников [1]. Следует отметить, что все вышеперечисленные симптомы у данных испытуемых носят эпизодичный характер.

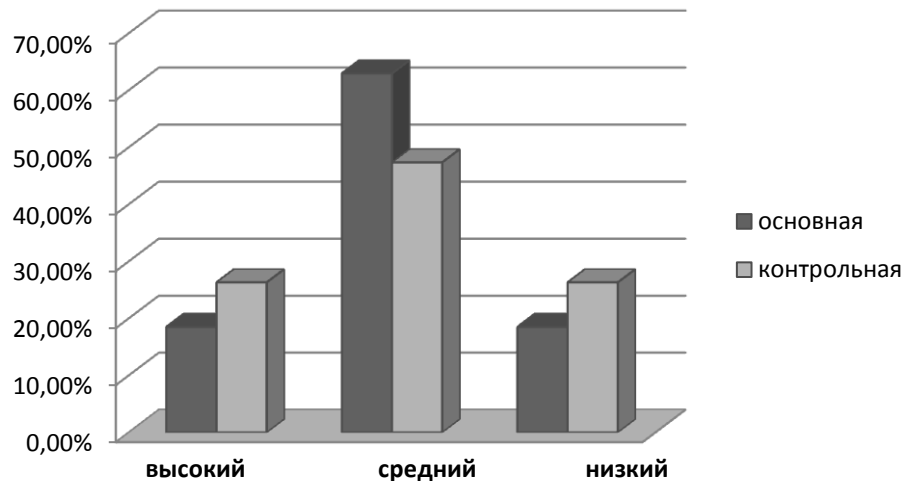

Рис.1. Распределение участников эксперимента по уровню невротизации (онр-си) (%)

Между исследованными группами отчетливая разница проявлений невротичности выявлена по шкале «депрессивные расстройства» (ВУН – 57 % НУН – 8 %). По шкале «нарушение социальных контактов» мы также наблюдаем большое расхождение между группами с низким и высоким уровнями невротизации (ВУН – 48 %; НУН – 0 %). Следует учитывать, что невротический симптом или поведенческая проблема сами по себе диагнозом не являются, так как могут сочетаться с другими симптомами и служить проявлениями любого психиатрического синдрома [4].

В результате проведенного **повторного исследования** (в конце учебного года) было установлено снижение показателей уровня невротизации практически по всем шкалам методики ОНР-СИ у всех групп испытуемых, но в основной группе эти изменения более заметны, чем у студенток контрольной группы. Как показал статистический анализ, в основной группе выявлено улучшение психофизического состояния по следующим показателям: «расстройство сна» (на 43,5 %), «дереализационно-деперсонализационные расстройства» ($p < 0,01$) (на 40,7 %), а также по шкале «возможность наличия неврологической патологии» (на 50,0 %) – значимые различия ($p < 0,05$) (рис.2).

Это связано с тем, студентки, участвующие в эксперименте, более осознанно стали относиться к своему здоровью, а именно: уделять достаточное время сну, чередованию труда и отдыха с применением умений и выработанных навыков различных приемов релаксации и саморегуляции, полученных на уроках аэробики.

Выявлены значимые различия ($p < 0,05$) показателей шкалы «возможности наличия неврологической патологии» в экспериментальной группе. По шкале «возможность эндогенной патологии» значимых различий не выявлено, но тенденция к уменьшению значения данного показателя совершенно очевидна (рис. 3).

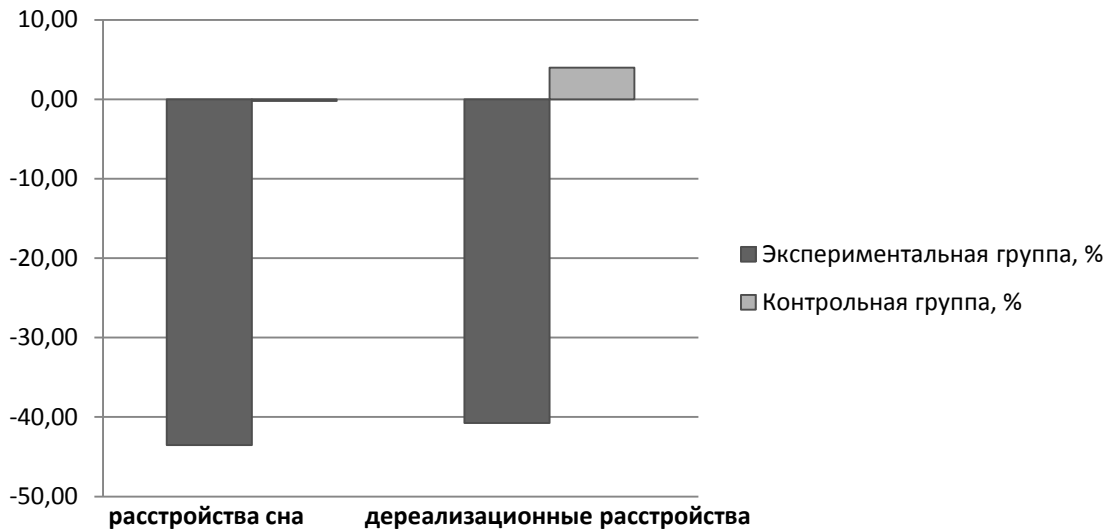

Рис. 2. Динамика показателей уровня невротизации по шкалам «расстройство сна» и «дереализационно-деперсонализационные расстройства» в экспериментальной и контрольной группах (%)

При повторном исследовании в экспериментальной группе число студентов, у которых выявлена «возможность наличия эндогенной патологии» сократилась на 50 %, тогда как в контрольной – на 13,5 %; «возможность наличия неврологической патологии» в экспериментальной группе сократилась на 46,4 %, в контрольной изменений нет (рис. 3).

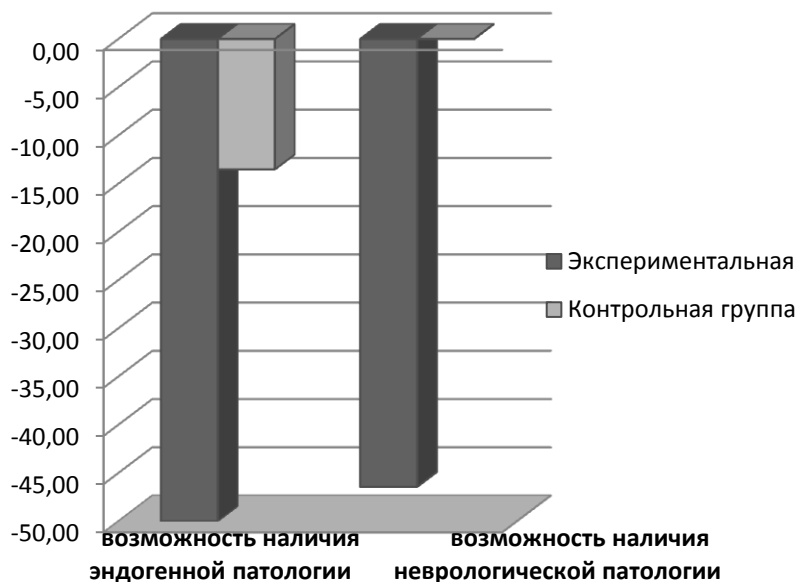

Рис. 3. Динамика показателей уровня невротизации по шкалам «возможности наличия неврологической и эндогенной патологии» в экспериментальной и контрольной группах (%)

Таким образом, в результате комплексного обучающего эксперимента выявлена заметная тенденция в сторону улучшения проявлений отдельных показателей уровня невротических расстройств, а именно: по показателям «расстройство сна», «дереализационно-деперсонализационные расстройства», а также по шкалам «возможность наличия эндогенной и неврологической патологии».

Данные результаты позволяют утверждать, что целенаправленное психологическое воздействие по формированию телесного образа «Я» в рамках урока физического воспитания, в частности, специализации «аэробика с психофизической саморегуляцией», дает положительный эффект в более осознанном подходе следовать здоровому образу жизни, соблюдать режим дня, уделять время восстановлению сил после физических и умственных нагрузок, эмоциональной и физической саморегуляции. Коррекционные занятия аэробикой с психофизической саморегуляцией приводят к снижению уровня невротизации. Умения и навыки саморегуляции обеспечивают эффективность процесса адаптации к возрастающим физическим и умственным нагрузкам в процессе обучения в вузе.

Библиографический список

1. Барнова, М.Н. Клинические особенности невротоподобных состояний / М.Н. Барнова, Е.В. Черносвитов. – Тбилиси, 1990. – 120 с.
2. Иваницкий, А.М. Информационные процессы мозга и психические процессы / А.М. Иваницкий, В.Б. Стрелец, И.А. Корсаков. – М.: Наука, 1984. – 200 с.
3. Компьютерный психодиагностический инструментарий в практической работе психолога. Методическое пособие. – СПб., 2002. – 84 с.
4. Кулаков, С.А. Основы психосоматики / С.А. Кулаков. – СПб: Речь, 2003. – 288 с.
5. Петрова, И.А. Роль массовых психологических исследований в профилактике нервно-психических расстройств у студентов / И.А. Петрова // Психика и тело: научно-практические аспекты взаимодействия психического, физиологического у человека в норме, при донозологических состояниях и патологии: материалы 2-й Всерос науч.-практ. конф. – Тюмень, 6–17 апреля 2010 г. – Тюмень, ВЕКТОР БУК, 2010. – С. 56 – 60.
6. Смирнов, Н.К. Здоровьесберегающие образовательные технологии и психология здоровья в школе / Н.К. Смирнов. – М.: АРКТИ, 2005. – 320 с.

[К содержанию](#)

УДК 159.923

ББК Ю954

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ АСПЕКТ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ВЫБОРУ ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

А.И. Постовалова

Анализируются представления о ценностно-смысловом аспекте готовности личности к профессиональному выбору. Предлагается системный взгляд на структуру готовности к профессиональному выбору личности. Раскрываются закономерности функциональной организации ценностно-смысловых качеств как личностных детерминант готовности к профессиональному выбору.

Ключевые слова: профессиональный выбор, профессиональное самоопределение, готовность к профессиональному выбору, базовые (структурообразующие) качества.

В числе структурных составляющих жизненного становления личности одним из основных является фактор готовности к профессиональному выбору, выражающийся во внутренней активности личности по преодолению внутренних противоречий и реализации творческих планов и программ деятельности. Профессиональный выбор рассматривается нами как «социально обусловленная система ориентирования личности на ближайшую и долгосрочную перспективу» (Е.А. Климов, И.С. Кон, Н.С. Пряжников, Д. Сьюпер, С. Фукуяма и др.) [5, 7]. Ценностно-смысловые качества выражают то, что является для человека наиболее важным и обладает для него личностным смыслом (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев, Т.В. Корнилова) [6]. Их исследования взаимосвязи «смысла жизни и профессиональной деятельности человека» показали, что профессиональная деятельность может занимать разное место в структуре его смысложизненных ориентаций и быть ведущим компонентом структурной иерархии смысла жизни или не быть им [2].

В нашем исследовании была поставлена следующая гипотеза – существует взаимосвязь между степенью готовности к профессиональному выбору и ценностно-смысловыми качествами (осознанность, осмысленность жизни, выраженность профессиональной, эмоциональной направленностей).

Выборка составила 840 человек юношеского возраста. Для данного исследования были использованы методики: 1) «Смысложизненные ориентации» (СЖО) (Д.А. Леонтьев, 1992); 2) тест-анкета «Эмоциональная направленность» (Б.И. Додонов, 1978); 3) анкета «Ориентация» (А.Н. Степанов, 1995); 4) опросник профессиональных предпочтений (ОПП) (Дж. Холланд, 1997).

Сравнительный анализ данных трех групп с различной степенью готовности к профессиональному выбору – высокой (ВСГ), средней (ССГ), низкой (НСГ) – позволил обнаружить достоверные различия ($p < 0,05$; $p < 0,01$; $p < 0,001$) показателей ценностно-смысловых качеств, оказывающих детерминирующее воздействие на готовность к профессиональному выбору. Анализ показателей позволил рассмотреть следующую закономерность: чем выше степень готовности к профессиональному выбору, тем значительнее выражена психодинамическая активность, социальная активность, энергичность, инициативность, способность увлечь других, эстетичность, осмысленность жизни, целенаправленность, устремленность к перспективе, ответственность за свой выбор. На основании полученных данных можно предположить, что в группе с ВСГ к профессиональному выбору чаще встречаются респонденты, которые задумываются о будущей перспективе, профессиональном и личностном самоопределении, более целеустремленные, ответственные за себя и свою жизнь. Смыслоразностные ориентации – это ценности и цели, которые задают направление и границы самореализации личности как субъекта жизненного пути.

Структурный анализ социально-психологических качеств респондентов с разной степенью готовности к профессиональному выбору позволил обозначить различия в структурной организации. Метод χ^2 для сравнения матриц интеркорреляций показал, что матрицы являются статистически достоверно различными при $p < 0,01$; $p < 0,05$. Это математически ($\chi^2_{эмп.} = 769,32$; $\chi^2_{0,05/465} = 553$; $\chi^2_{0,01/465} = 576$; $\chi^2_{табл.} < \chi^2_{эмп.}$) свидетельствует о том, что структуры социально-психологических качеств респондентов с высокой степенью и с низкой степенью готовности к профессиональному выбору являются качественно различными – гетерогенными. Структура социально-психологических качеств респондентов с ВСГ к профессиональному выбору в целом (не в деталях) отлична от структуры социально-психологических качеств респондентов с НСГ к профессиональному выбору. Различия в плане личностных детерминант готовности к профессиональному выбору лежат в структурной организации личностных качеств. В настоящее время существуют исследования, результаты которых в плане изучения интегрированности структуры психологических явлений, близки нашим данным [4].

С целью исследования особенностей структурной организации ценностно-смысловых качеств были проанализированы матрицы интеркорреляций ВСГ и НСГ. В результате расчета «структурных весов» были выявлены базовые, структурообразующие качества.

Результаты исследования раскрывают некоторые закономерности функциональной организации ценностно-смысловых качеств как личностных детерминант готовности к профессиональному выбору. Во-первых, структуры ценностно-смысловых качеств респондентов в группе с ВСГ к профессиональному выбору – это не «хорошо развитые» структуры, это –

другие структуры. Таким образом, с увеличением степени готовности возрастает не только мера интегрированности структур личностных качеств, но сами эти структуры качественно трансформируются. Во-вторых, значение индекса когерентности (ИКС) в группе с ВСГ – в 1,8 раза больше, чем в группе с низкой степенью. В-третьих, индекс дивергентности (ИДС) в блоке формально-динамических качеств в группе ВСГ на 5 баллов больше, чем в группе с НСГ (24 и 19 баллов – соответственно). Такой результат означает, что ИДС как показатель дезинтегрированности, «разобщенности» имеет низкий показатель именно в том блоке качеств, который отражает осмысленность, целеустремленность, удовлетворенность самореализацией, интернальность (см. табл.1).

Таблица 1

Распределение данных когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС), организованности (ИОС) в группах с разной степенью готовности к профессиональному выбору (ПВ)

Группы респондентов	Блоки социально-психологических качеств								
	Формально-динамический			Индивидуально-личностный			Ценностно-смысловой		
	КС	ДС	ОС	КС	ДС	ОС	КС	ДС	ОС
Высокая степень готовности к ПВ	73	4	49	65	0	15	15	5	90
Низкая степень готовности к ПВ	54	9	35	00	1	9	26	9	87
Критерий χ^2	различия статистически недостоверно			достоверно при $p < 0,01$; $p < 0,05$			достоверно при $p < 0,01$; $p < 0,05$		

В-четвертых, индекс организованности (ИОС) в группе ВСГ более высокий, чем в группе НСГ – в 2,1 раза в блоке ценностно-смысловых качеств. Это свидетельствует о значительно большей организованности социально-психологических качеств респондентов ВСГ. В структуре социально-психологических качеств группы респондентов ВСГ явно преобладают интеграционные («организационные тенденции») над дезинтеграционными тенденциями.

Анализ данных показал, что к структурообразующим (базовым) качествам, имеющим больший «структурный вес», в блоке ценностно-смысловых качеств относятся: — «общий показатель осмысленности жизни» (О-Сжо), «цели в жизни» (Ц-Сжо), «процесс жизни» (П-Сжо), «локус-контроля «Я» (Я-Сжо), «локус-контроля-Жизнь» (Ж-Сжо), «художественный образ» (Хо-

О), – в двух группах (НСГ и ВСГ); «знаковая система» (Зн-О), «организатор» (Ор-О) – в группе НСГ; «эстетичность» (Эс-Д) – в группе ВСГ. Все указанные качества являются позитивными, сорганизованными в структуре социально-психологических качеств.

Результаты факторного анализа позволили обозначить факторы – «Активность», «Осознанность жизни», «Чувствительность», обеспечивающие вертикальную связь в системе готовности к профессиональному выбору и взяты нами в качестве основы в изучении системы готовности к профессиональному выбору лиц юношеского возраста (табл. 2).

Таблица 2
Факторы готовности к профессиональному выбору

Выборки	Симптомокомплексы-факторы			
	Активность (ДОД 15,93 %)	Осознанность жизни (ДОД 14,92 %)	Созидательность (ДОД 11,06 %)	Чувствительность (ДОД 9,02 %)
Общая выборка респондентов (факторный анализ 1)	Активность (ДОД 15,93 %)	Осознанность жизни (ДОД 14,92 %)	Созидательность (ДОД 11,06 %)	Чувствительность (ДОД 9,02 %)
ВСГ (факторный анализ 2)	Предпринимательская активность (ДОД 15,7 %)	Осознанность жизни (ДОД 16,3 %)	Созидательность (ДОД 14,06 %)	Рефлексивная чувствительность (ДОД 9,24 %)
НСГ (факторный анализ 3)	Психодинамическая активность (ДОД 16,5 %)	Неосознанная самопрезентация (ДОД 18,7 %)	Созидательность (ДОД 13,03 %)	Инфантильная чувствительность (ДОД 10,13)
ССГ (факторный анализ 4)	Предпринимательская активность (ДОД 17,02 %)	Осознанность жизни (ДОД 14,69 %)	Созидательность (ДОД 13,13 %)	Чувствительность (ДОД 9,62 %)

Выделенный в системе готовности к профессиональному выбору фактор «Активность» подтверждается исследованиями рядом авторов, которые отводят активности важное место в структуре деятельности, «близкое к уровню потребностей, мотивов, которые создают и пополняют ее внутренний энергетический потенциал» (А.Г. Асмолов, Н.А. Бернштейн, А.Ф. Лазурский, В.А. Петровский, В.С. Юркевич) [1]. Исследователь В.Г. Грязева-Добшинская отмечает «явления изменчивости, индивидуальной вариативности субъектов, различные формы неадаптивной активности личности представляют эволюционные ресурсы сообщества и являются ресурсами для субъектов, осуществляющих управление инновациями» [3].

В зависимости от степени готовности к профессиональному выбору в данном факторе, как указывалось ранее, выявлены различия. Они заключаются в континууме факторов: «Предпринимательской активности» подсистем высокой, средней степени готовности соответствует «Психодинамическая активность» подсистемы низкой степени.

Стоит заметить, что фактор «Предпринимательская активность» целесообразно соответствует подсистеме ВСГ, так как показатели, составившие данный фактор, характеризуют стремление к новому, незапланированному – выход за пределы исходных целей. Содержание фактора отвечает представлениям В.А. Петровского о единстве ценностей риска и ценностей осторожности («надситуативная активность»). Для нашего исследования важно то, что подлинная, предпринимательская активность напрямую связана с проблемой выбора, а проблема выбора, в наиболее сложном своем выражении, буквально пронизывает всю теорию и практику профессионального самоопределения (выбор профессии, выбор пути подготовки к профессии и саморазвития, построение карьеры и всей жизни, нравственные выборы...). Свойственный системе низкой степени готовности фактор «Психодинамическая активность» в соотношении с деятельностью обнаруживается как динамическое условие ее становления, осуществления и видоизменения, как свойство ее собственного движения.

Профессиональный выбор сопряжен со стремлением личности к самопознанию, активизации внутренней позиции, поэтому необходимо определять самосознание личности, что и выявляет фактор «Осознанность жизни». Стоит обратить внимание на то, что фактор «Осознанность жизни» имеет наблюдаемые различия в подсистемах разной степени готовности к профессиональному выбору, что свидетельствуют о разной сформированности осмысленности и целеустремленности респондентов.

Фактор «Чувствительность» определяет эмоциональность как личностную черту, позволяющую быть чутким к другим, к явлениям окружающего мира, эмпатийным, отражает способность реагировать на ситуации, имеющие особую значимость для субъекта.

Структурное исследование личностных детерминант готовности к профессиональному выбору доказало существование комплекса взаимосвязанных отличий в организации их структур и влияния на степень готовности к профессиональному выбору. Существование готовности к профессиональному выбору как системы обусловлено функционированием универсального фактора «Созидательность», а другие факторы приобретают специфические различия в зависимости от степени готовности к профессиональному выбору.

Обозначенные факторы готовности к профессиональному выбору «Активность», «Осознанность жизни», «Созидательность», «Чувствительность» созвучны с критериями-факторами высокого уровня самоактуализации – «Осознанное самопринятие», «Осмысленность жизни», «Неадап-

тивная активность», «Доверчивая смелость», «Жизнь как ценность», выявленными в исследованиях Е.Ф. Яценко (2005, 2006, 2007) [8]. Это совпадает с нашим представлением готовности к профессиональному выбору как начального этапа профессионального самоопределения, начальной ступени профессиональной самоактуализации.

Детальный анализ ценностно-смыслового аспекта профессионального выбора лиц юношеского возраста позволяет школьной и вузовской психологической службе выделить ориентиры, облегчающие проведение психодиагностики и выработать адекватную модель консультативной и коррекционно-развивающей работы с учетом ценностно-смысловой компоненты профессионального выбора.

Библиографический список

1. Асмолов, А.Г. Психология личности / А.Г. Асмолов. – М.: МГУ, 1990. – 367 с.
2. Бодалев, А.А. О смысле жизни, его акме и взаимосвязи между ними / А.А. Бодалев // Мир психологии. – 2001. – № 2. – С. 54–58.
3. Грязева-Добшинская, В.Г. Инновационное лидерство: моделирование тенденций активности менеджеров предприятия / В.Г. Грязева-Добшинская // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Психология». – 2010. – № 17. – С. 9–17.
4. Карпов, А.В. Метасистемный подход как методологический принцип психологии / А.В. Карпов // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Психология». – 2006. – №1. – С. 88–101.
5. Климов, Е.А. Психология профессионала / Е.А. Климов. – М.: Изд-во «Институт практической психологии». – Воронеж: НПО «МОДЭК М.: Воронеж, 1996. – 400 с.
6. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 486 с.
7. Пряжников, Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение / Н.С. Пряжников. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 287 с.
8. Яценко, Е.Ф. Особенности смысложизненных ориентаций студентов с разным уровнем самоактуализации на завершающем этапе обучения в вузе / Е.Ф. Яценко, Э.В. Яценко // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Психология». – 2012. – № 31. – С. 25–34.

[К содержанию](#)

УДК 159.92 + 612

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ФЕНОМЕНА ЗДОРОВЬЯ В ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

Л.С. Рычкова

В статье рассматриваются культурологические аспекты феномена психического и физического здоровья. Основопологающие атрибуты здоровья (интегральность, управляемость и др.) представлены во взаимосвязи с концепциями гуманистической философии и психологии, а также личностно-ориентированной и рационально-эмотивной терапии, что является важным условием сохранения и укрепления здоровья и формирования здоровьесберегающей среды.

Ключевые слова: здоровье как феномен культуры, психическое и физическое здоровье, экзистенциально-гуманистическая психология, рационально-эмотивная терапия.

Современный психолог должен обладать высокой интеллектуальностью, осознанием своего предназначения, развитым творческим мышлением, ясным пониманием смысла своей гуманной деятельности, широким кругозором, в который весьма актуально включать проблемы здоровья и здоровьесбережения. Любая сфера психологической деятельности требует постоянного решения логических, гносеологических, аксиологических, этических, философских проблем, связанных с гуманистическим подходом к человеку, решением его не только учебных, смысложизненных, но и вопросов здоровья и здоровьесбережения.

Следует отметить, что в настоящее время проблема здоровья признается высшим приоритетом Российского государства, а здравоохранение получает качественно новый статус – системы жизнеобеспечения и фактора национальной безопасности. В связи с этим необходимы новые типы мировоззренческих ориентаций, обеспечивающих передачу опыта последующим поколениям переход к новым, более совершенным формам социального бытия. Философии образования следует руководствоваться критерием духовной ценности человеческой жизни, быть ориентированной на Истину, Добро, Красоту. Эта установка в значительной степени касается высшей школы и особенно ее наивысшей ступени – магистратуры.

В истории развития концепции здоровья и здоровьесбережения традиционно выделяются несколько исторических периодов: античный период, средние века, новое и новейшее время, современность. В соответствии с этой периодизацией можно выделить наиболее известные подходы к определению и пониманию здоровья. Так, например, древнегреческий мыслитель Платон рассматривал здоровье как благо, способствующее духов-

ному удовлетворению человека, явление, тождественное гармонии. Как только в нас, живых существах, расстраивается гармония, так вместе с тем разлагается природа и появляется страдание [7, 8]. Аристотель определял здоровье как гармонию, наличие превосходных телесных и душевных свойств; считал, что врачебное искусство должно быть направлено на «действие здоровью», на «доставление здоровья», на то, «какой образ жизни вести» [3, 7, 8].

В XV–XVI веках Парацельс рассматривал человека в качестве микрокосма, как частичку макрокосма, а для определения здоровья использовал знания минералогии, которые трансформировались в определенные начала человеческого организма: ртуть соответствовала духу, соль – телу, сера – душе. Здоровье означало нормальное соотношение этих начал. Ф. Бэкон (1561–1626) писал о том, что здоровье – это самое главное человеческое благо, и уточнял, что собственные наблюдения человека за тем, что ему хорошо, а что вредно, есть самая лучшая медицина для сохранения здоровья [7,8]. Вслед за ним Ламетри (1709–1751) отмечал, что здоровье может изменяться благодаря воспитанию и получать из этого источника свойства, которых телесная организация от природы не имеет. В целом, мыслители XV–XVIII веков подчеркивали, что для сохранения здоровья необходимо совершенствовать изучение закономерностей функционирования организма человека [7, 8].

Современная медицина в Уставе Всемирной Организации Здравоохранения определяет здоровье как состояние полного физического, духовного, социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов [6]. Генеральный директор ВОЗ Г.Х. Брутланд считает, что говорить о здоровье в целом, забывая о психическом здоровье, – это все равно, что настроивая инструмент, оставить несколько фальшивых нот [6].

В Уставе ВОЗ говорится о том, что психическое здоровье можно рассматривать как состояние психики индивида, которое характеризуется цельностью и согласованностью всех психических функций организма, обеспечивающих чувство субъективной психической комфортности, способность к целенаправленной и осмысленной деятельности, включая адекватные формы поведения [6].

Рассматривая проблемы здоровья ребенка и подростка можно уточнить, что здоровье это оптимальный уровень достигнутого соматопсихического развития, это позитивная психическая и социальная адаптация ребенка, толерантность его к нагрузкам, возможность к сопротивляемости по отношению к неблагоприятным воздействиям, это его способность к формированию оптимальных адаптационных и компенсаторных реакций в процессе развития и формирования [6].

Исходя из вышесказанного можно считать, что психическое здоровье является социально-значимым феноменом, по уровню и состоянию которого судят о степени развития и благополучия общества.

В соответствии с этой концепцией общественное психическое здоровье можно рассматривать в качестве интеллектуального, нравственного, трудового потенциала нации, определяющего ее способность к развитию. Кроме того, общественное психическое здоровье следует расценивать как фактор национальной безопасности, стабильности, благополучия страны, сохранения и укрепления генофонда нации.

Весьма интересные уточнения к пониманию психического здоровья вносит известный российский психиатр Ю.А. Александровский. Он пишет, что здоровым принято считать человека, у которого гармонично развиваются потенциальные физические и творческие силы, делающие его зрелым, работоспособным и активным членом общества. Предлагает оценивать здоровье по наличию таких критериев как целенаправленность, адекватность, плановость, упорядоченность действий [6]. Александровский Ю.А. сравнивает отечественные подходы к определению психического здоровья с существующими в западной и американской литературе, в частности, ссылается на американского психолога Джексона, который определяет психическое здоровье как состояние, при котором человек доволен собой, правильно относится к другим и способен противостоять жизненным неурядицам [6].

В этом же контексте звучит высказывание древнегреческого философа I века до н.э. Луция Аннея Сенеки, который писал, что при отсутствии психических расстройств, человек должен быть максимально полезен многим людям, если это невозможно, то хотя бы немногим, если это невозможно, то хотя бы ближним, если это невозможно, то хотя бы самому себе [7, 8].

Один из основателей экзистенциальной психологии Эрих Фромм в известной работе «Искусство любви» пишет о том, что быть душевно здоровым это значит освободиться от инфантильных претензий и поверить в свои реальные, хотя и ограниченные силы; быть в состоянии примириться с парадоксом, состоящим в том, что каждый из нас наиважнейшая часть Вселенной и в тоже время – не важнее мухи или былинки; быть способным любить жизнь и вместе с тем без ужаса принимать смерть; переносить неопределенность в важнейших в вопросах, которые ставит перед человеком жизнь и вместе с тем быть уверенным в своих мыслях и чувствах; уметь оставаться наедине с собой и в то же время быть единым целым с каждым собратом на этой земле, со всем живым; следовать голосу своей совести, но не потворствовать себе в самобичевании. Душевно здоровый человек – это тот, кто живет по любви, разуму и вере, кто уважает жизнь – как собственную, так и своего ближнего [9].

Американка, автор книг по [поп-психологии](#) и основатель издательской компании [Hay House](#) Луиза Хей уточняет, что любовь к себе, которая по ее мнению также составляет основу психического здоровья, следует рассматривать не как эгоцентризм, или эгоизм и себялюбие, как это понятие часто интерпретируют в обыденной психологии, а как нечто совсем иное, эмоционально положительное состояние, при котором любовь к себе понимается как уважение своей личности, праздник существования и благодарность Богу (Высшему Разуму, Абсолюту, судьбе, родителям) за подарок жизни. Луиза Хей предлагает конкретные шаги, из которых может складываться состояние любви: я испытываю любовь к самому процессу жизни, радости от того, что жива, красоте, которую я вижу; к другому человеку; к знанию; к процессу мышления, к нашему телу и его устройству, к животным, птицам и всему живому, ко вселенной и тому, как она устроена [4, 7].

Вместе с тем, среди факторов, детерминирующих здоровье, можно выделить такие как генетические, которые могут составлять от 18 до 25 % в уровне здоровья, экологические, которые занимают от 20 до 25 %, факторы, обусловленные развитием и состоянием здравоохранения, составляющие всего от 10 до 15 %. Таким образом, основные факторы, определяющие уровень здоровья конкретного человека обусловлены образом его жизни, их удельный вес определяется в диапазоне 50–52 %. В связи с этим психологу очень важно иметь четкое представление о том, что такое «образ жизни» и, в частности, что понимается под «здоровым образом жизни». Чаще всего в специальной литературе «здоровый образ жизни» определяют как поведение, стиль, способствующий сохранению, укреплению и восстановлению здоровья. Следует отметить, что здоровый образ жизни связан с выбором личностью позитивного в отношении здоровья стиля жизни, что предполагает высокий уровень гигиенической культуры как отдельных социальных групп, так и общества в целом [3, 4, 5].

Для адекватного формирования установок, касающихся здорового образа жизни, имеет смысл обратиться к рассмотрению здоровья – как феномена культуры. Следует сразу отметить, что здоровье человека можно представить как синкретичное соединение заданного человеку при рождении потенциала здоровья и благоприобретенного опыта по сохранению, наращиванию того потенциала, который человек накапливает в процессе своего культурного развития. И именно такой подход дает основание рассматривать здоровье как феномен культуры [4, 5, 7].

Через уровень культуры можно определить отношение человека к себе и окружающему миру во всем его многообразии. При этом вся система отношений личности является источником и одновременно показателем всех совокупных жизненных сил человека и энергетической мощности его организма. Именно культурологический подход дает возможность представить здоровье как личностно-значимую ценность, научиться управлять становлением своего здоровья, как со стороны соматики так и со стороны психики [4, 5, 7].

Эта позиция еще раз возвращает нас к мысли о том что, здоровье можно рассматривать одновременно как феномен природы, подразумевая данный человеку от природы потенциал жизненных сил так и феномен культуры, имея ввиду благоприобретенные новообразования в здоровье в результате собственных действий и усилий.

Рассматривая здоровье с культурологической точки зрения необходимо учитывать несколько важных положений.

Первое. Атрибутивность здоровья – это значит, что здоровье может являться свойством только живого организма, т.к. полная утрата здоровья несовместима с жизнью.

Второе. Понятие интегральности здоровья, которое включает в себя единство здоровья тела, души и разума. Наиболее полно интегральность здоровья отражается в концепциях рационально-эмотивной терапии (РЭТ), разработанной клиническим психологом Альбертом Эллисом в 50-х годах XX века. В частности, РЭТ рассматривает интегративно когниции и эмоции: в норме мышление включает чувства и в некоторой степени диктуется ими, а чувства включают когниции. Кроме того, Эллис подчеркивает, что мышление и эмоции взаимодействуют с поведением: люди обычно действуют на основе мыслей и эмоций, а их действия влияют на мысли и чувства. Следовательно, РЭТ, по определению Эллиса, – это «когнитивно-аффективная бихевиоральная теория и практика психотерапии» [1, 7].

Философские источники РЭТ восходят к философам-стоикам. Эпиктет писал, что людей расстраивают не события, а то, как они на них смотрят. Из современных психотерапевтов предшественником РЭТ был Альфред Адлер. Он был убежден, в том, что поведение человека берет начало в идеях... «Человек не относится к внешнему миру предопределенным образом, как часто предполагают. Он всегда относится к нему согласно своей собственной интерпретации себя и своей настоящей проблем. Именно его отношение к жизни определяет его связи с внешним миром» [1, с. 58].

Третий атрибут здоровья – управляемость. Данный атрибут можно прокомментировать высказыванием известного отечественного хирурга Н.М. Амосова, который писал о том, что, чтобы быть здоровым нужны собственные усилия постоянные и значительные. Заменить их нельзя ничем. Причем человек столь совершенен, что вернуть здоровье можно практически с любой точки его упадка. Только необходимые усилия возрастают по мере старости и углубления болезни [4]. Исходя из концепции управляемости здоровья можно построить логическую цепочку: 1) усилия человека – есть форма его деятельностной активности; 2) деятельностная активность в свою очередь является условием развития личности (чем выше активность, тем интенсивнее развитие); 3) развитие приводит к изменению уровня, сначала развивающейся компоненты системы, а затем всей целостной системы. Чем интенсивнее развитие, тем выше достигнутый

уровень развития в данной области, это может быть культура, интеллект, физическая тренировка, знание и другие сферы, процессы и функции; 4) чем выше уровень развития человека, тем мощнее его потенциал и степень его совершенствования [2, 4, 7].

Таким образом, сознательные и целенаправленные усилия обуславливают управление процессом становления своего здоровья, подтверждением этой концепции может служить метод известного академика Г.Н. Сытина «Словесно-образное эмоционально-волевое управление состоянием» (метод СОЭВУС), а также метод исцеляющих аффирмаций Л.Хей и многие др. [4, 5, 7]. Новое мировоззрение помогает сформировать и рационально-эмотивная терапия, использование которой позволяет стать личности более самоактуализирующейся и счастливой. Основатель РЭТ – Альберт Эллис перечисляет основные характерные черты хорошо функционирующих или самоактуализирующихся людей. Некоторые из них обозначены ниже [1, с. 65].

Самоуправление. Берут на себя первичную ответственность за свою жизнь.

Толерантность. Представляют себе и другим право ошибаться. Даже если им не нравится поведение каких-либо людей, воздерживаются от порицания их как личностей.

Гибкость. Мыслят гибко, готовы к изменениям. Не разрабатывают жестких (ригидных) правил для себя и других людей.

Принятие неуверенности. Признают, что мир нестабилен и в нем много случайностей. Склонны к поддержанию порядка, но не требуют его.

Обязательность. Имеют обязательства перед чем-то, находящимся за пределами их самих. Достигают максимальной реализации своих возможностей, испытывая постоянный всепоглощающий интерес к жизни.

Творческий потенциал и оригинальность. Проявляют склонность к новаторству, творчески подходят к решению как каждодневных, так и профессиональных проблем. Часто имеют по крайней мере один главный творческий интерес.

Научное мышление. Рациональны и объективны. Думая о каком-либо вопросе, придерживаются правил логики, используя научные методы.

Самопринятие. Предпочитают принимать себя безусловно. Не оценивают свой внутренний мир с внешней точки зрения, не уделяют чрезмерного внимания тому, что думают о них другие. Стараются получать удовольствие, а не показывать себя.

Риск. Готовы пойти на рассчитанный риск, чтобы добиться желаемого. Скорее предприимчивы, чем глупы.

Перспективный гедонизм. Гедонисты в поисках счастья и уклонения от боли, однако поддерживают баланс между перспективой и сиюминутной выгодой. Не одержимы стремлением к немедленному вознаграждению.

Отсутствие утопизма. Считают, что совершенство, возможно, недостижимо. Отказываются нереалистично стремиться к полному счастью или к полному отсутствию отрицательных эмоций.

Высокая фрустрационная толерантность. Изменяют те неприятные условия, которые могут изменить, принимают те условия, которые не могут изменить, и видят различие между ними.

Ответственность за нарушение своего душевного равновесия. Берут на себя большую часть ответственности за возникновение своих расстройств, а не занимают оборонительную позицию, обвиняя других людей или социальные условия.

Четвертый атрибут здоровья, динамизм, характеризуется постоянной изменчивостью показателей здоровья под влиянием непрерывных впечатлений, происходящих как в состоянии бодрствования, так и во сне. Следующим, пятым атрибутом здоровья является индивидуальность нормы здоровья. Уникальность каждого человека определяет уникальность норм здоровья, которые имеют тенденцию к постоянному изменению в течение всей жизни, также как и в каждый момент времени.

Специфическая черта здоровья – бесконечность. Поэтому начать заниматься здоровьем можно в любой точке жизни и осуществлять этот процесс до конца жизни.

В концепции здоровья надо иметь ввиду гипотетичность результата. Это обусловлено тем, что никогда нет возможности начать все сначала, повторить уже однажды пройденный путь.

Кроме того следует обратить внимание, что, рассматривая здоровье как феномен культуры, можно трактовать этот феномен через понятие «отношение», ибо именно отношение человека к себе и к окружающему миру во всем его многообразии составляет содержание личности. Правомерность интегративного соединения понятий «отношение» и «здоровье» можно объяснить наличием общих конституирующих компонентов [3, 4, 7].

Во-первых, и «здоровье» и «отношение» – это сила, потенциал человека, данные ему при рождении. Для здоровья этот потенциал проявляется как объем, запас ресурсов его целостного организма, а для отношений, как степень тяготения, устремленности к объекту отношения.

Во-вторых, и здоровье и отношение развиваются, формируются на протяжении всей жизни человека, становясь атрибутами его личности.

В-третьих, и здоровье и отношение являются динамическими свойствами личности, качество которых изменяется в процессе жизни индивида.

В-четвертых, и здоровье и отношение имеют общую субъективную основу, в качестве которой выступает личность человека, как носителя и того и другого.

В-пятых, определяющим фактором становления и здоровья и отношения является сознательная активность субъекта.

В-шестых, уровень развития, а также качество и здоровья и отношений это в значительной степени результат собственных усилий индивида.

Возникновение нового эффективного мировоззрения может происходить при использовании рационально-эмотивной терапии, когда осуществляется замена ригидных (жестких) позиций на гибкие. В соответствии с концепцией А. Эллиса, расстройства в эмоциональной сфере являются результатом нарушений в когнитивной сфере. Эти нарушения в когнитивной сфере Эллис назвал иррациональными установками. Эллис выделяет 4 группы таких установок, которые наиболее часто создают проблемы, о которые следует знать психологам [1,7]:

1. Установки долженствования. Некоторые люди убеждены в том, что в мире существуют некие универсальные установки (принципы), которые, не смотря ни на что, должны быть реализованы. Например, «мир должен быть справедливым», «люди должны быть честными». Такие установки часто выявляются в подростковом возрасте.

2. Установки преувеличения (драматизация, катастрофизация). При этих установках отдельные события, происходящие в жизни, оцениваются как катастрофические вне какой-либо системы отсчета. Катастрофические установки проявляются в высказываниях пациентов в виде оценок, выраженных в самой крайней степени: «ужасно», «невыносимо» и т.п. Например: «Ужасно остаться одному на старости лет».

3. Установка обязательной реализации своих потребностей. В основе этой установки лежит иррациональное убеждение в том, что, для того, чтобы осуществиться и стать счастливым, человек должен обладать определенными качествами. Например: «Я должен быть на высоте в моей профессии, иначе я ничего не стою».

4. Оценочная установка. При этой установке оценивается личность человека в целом, а не отдельные его черты, качества, поступки, т.е. при этом отдельный аспект человека отождествляется с человеком в целом.

В заключении хочется отметить, что психогигиеническое обучение и воспитание с учетом концепций гуманистической философии и психологии является важным условием сохранения и укрепления здоровья и должно носить комплексный и непрерывный характер, побуждать студентов к активным и сознательным действиям, направленным на улучшение физического и психического здоровья, на сознательное участие в формировании здоровьесберегающей среды.

Библиографический список

1. Александровский, А.А. Личностно-ориентированные методы психотерапии / А.А. Александровский. – СПб: Речь, 2000. – 240 с.
2. Грязева-Добшинская, В.Г. Экзистенциально-психологические основания арт-тренингов креативности для лидеров и команд / В.Г. Грязева-Добшинская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – № 31 (131). – С. 32–38.

3. Дереча, В.А. Психология и психопатология личности: учеб. пособие для ВУЗов / В.А. Дереча. – Оренбург: Дизайн-студия, 2006. – 257 с.
4. Марков, В.В. Основы здорового образа жизни и профилактика болезней: Учеб. пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / В.В. Марков. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.
5. Митяева, А.М. Здоровый образ жизни: учеб. пособие для студентов вузов по спец. «Социал. педагогика» / А.М. Митяева. – М.: Академия, 2008. – 144 с.
6. Руководство по социальной психиатрии / под ред. Т.Б. Дмитриевой. – М.: Медицина, 2001. – 506 с.
7. Рычкова, Л.С. Основные направления современной психотерапии: учебное пособие / Л.С. Рычкова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – 157 с.
8. Философия медицины / Ю.Л. Шевченко и др. – М.: ГЭОТАР – МЕД, 2004. – 480 с.
9. Фромм, Э. Искусство любви / Э. Фромм. – Минск: ТПЦ «Полифакт», 1991. – 80 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.187

ББК Ч 448.043

**ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ
АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ 1–3 КУРСОВ
К СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫМ УСЛОВИЯМ**

Н.В. Столярова, И.Р. Стовба, Л.Л. Брехова

Рассматриваются вопросы, связанные с физическим и психическим статусом, которые являются актуальными в контексте адаптации студентов в период обучения в вузе. Уровень физического развития влияет на состояние функциональных систем организма, обеспечивающих жизнедеятельность человека. Уровень психической деятельности интегрально связан с функционированием человека как биосистемы в целом.

Ключевые слова: адаптация, студенты, психофизиологическое состояние, тревожность.

Особенности обучения в высших учебных заведениях страны, с которыми сталкиваются студенты, недавние школьники, накладывают особый отпечаток на деятельность их внутренних органов и гомеостатических систем. В зависимости от того, в какой мере успешно организм студента приспособляется к этим условиям, в такой степени полно реализуются его

интеллектуальные способности и возможности, которые определяют качество усвоения материала по приобретаемой специальности. Приспособление организма к различным факторам среды представляет собой длительный исторический процесс, направленный на формирование адаптивного типа, обеспечивающего целостность и оптимальные условия для его жизнедеятельности. Система биологических адаптации к окружающей среде включает морфологическую, физиологическую и поведенческую адаптацию. Морфологические адаптации, образно выражаясь, лежат на поверхности организма. Физиологические адаптации можно условно разделить на две группы: статические и динамические. Механизм статических адаптации сводится к поддержанию физиологических констант, механизм динамических адаптации заключается в изменении процессов обмена веществ, чтобы максимально уменьшить воздействие вредных факторов. Поведенческие адаптации включают в себя все многообразие форм поведения, направленных на выживание отдельных организмов и вида в целом.

Жизнедеятельность организма в неадекватных условиях требует включения дополнительных механизмов. Процесс жизнедеятельности организма в неадекватных условиях среды с сохранением оптимального соотношения жизненных функций, способности к труду и обучению и есть особый биосоциальный феномен, называемый процессом адаптации. Если выявляется недостаточность компенсаторно-приспособительных механизмов и их нарушение, то возникает новое качество - патология процессов адаптации. Изучение адаптации человека предполагает проведение исследований на различных уровнях, включая субклеточные структуры, клетку, функционирование отдельных органов и систем, состояние организма в целом. Полученные в работах такого направления данные следует интегрировать с изучением особенностей психического состояния, психофизиологии человека.

Целью психофизиологического анализа адаптации человека является познание психологических процессов переработки информации в экстренно измененной среде и физиологических механизмов, лежащих в основе этих процессов. Именно поэтому наряду с психологическим обследованием необходима одновременная регистрация физиологических показателей, отражающих функциональное состояние человека.

Психофизиологические исследования необходимы и актуальны также в связи со следующими обстоятельствами:

1. Психическое состояние в некоторых случаях оказывается первым и крайне чувствительным индикатором изменений, происходящих в организме при его встрече с неблагоприятными факторами и ситуациями. На основании изучения особенностей психического состояния можно, например, осуществить наиболее раннюю диагностику развивающихся профес-

сиональных заболеваний, в то время, когда ещё не устанавливаются какие либо характерные соматические или неврологические признаки патологии.

2. Уровень психической деятельности интегрально связан с функционированием человека как биосистемы в целом. Изменения психического состояния могут быть обусловлены различными факторами. С одной стороны, это социально-психологические факторы, влияние которых на психику находится в диапазоне традиционных воздействий, с другой, влияние изменившихся висцеральных сигналов, отражающих не улавливаемые обычными методами маловыраженные изменения и функционировании внутренних органов. Изменившееся психическое состояние, в свою очередь, влияет на соматическую сферу. Последнее может иметь решающее значение в генезе некоторых заболеваний, прежде всего психосоматического круга, как, например гипертоническая болезнь или бронхиальная астма. Из этого вытекает целесообразность анализа особенностей психического состояния человека в динамике на различных этапах адаптации и возможно более тесной взаимосвязи с исследованиями на других уровнях.

Адаптация как динамический процесс тесно связана с функциональным состоянием организма, которое является характеристикой уровня функционирования систем организма в определенный период времени. Можно полагать, что по качественному признаку набор функциональных состояний у всех людей принципиально одинаков, поскольку задан генетически. Однако имеются существенные индивидуальные различия в выраженности и динамике одних и тех же состояний, что обусловлено особенностями деятельности механизмов регуляции, и в первую очередь, индивидуально-психологическими особенностями личности [1]. Исходя из изложенного, можно сделать следующие предположения:

1) адаптационные способности индивида во многом зависят от его психофизиологических особенностей, определяющих возможность адекватной регуляции функционального состояния организма в разнообразных условиях жизни и деятельности;

2) оценить адаптивные, возможности индивида можно через оценку уровня развития психологических характеристик, наиболее значимых для регуляции психической деятельности и процесса адаптации.

Таким образом, у лиц, обладающих адаптационным потенциалом, более низкий уровень тревожности, более высокий уровень нервно-психической устойчивости, отсутствие проблем в социальной адаптации и сомато-невротических симптомов.

Морфофункциональные характеристики организма определены ДТ, МТ, его поверхностью и формой, а также соотношением трех основных размеров тела – ДТ, МТ и ОГК, характеризующих физическое развитие.

Анализ соотношения МТ с должной массой (ДМТ) показал, что у всех юношей МТ больше ДМТ. У юношей второго и третьего курсов это откло-

нение находилось в пределах нормы ($\pm 15\%$), а у первокурсников оно было чуть выше нормы ($\pm 17\%$). Что касается девушек, то у первокурсниц и девушек третьего курса МТ оказалась меньше ДМТ, а у второкурсниц чуть выше ($\pm 1\%$).

Таблица 1

Антропометрические показатели студентов ($M \pm m$)

Показатели	ДТ (см)	МТ (кг)	ОГК (см)
Юноши 1 курс	174,0 $\pm$ 2,0*	66,8 $\pm$ 4,2	89,4 $\pm$ 1,6
Юноши 2 курса	175,7 $\pm$ 2,8	65,1 $\pm$ 5,0	86,4 $\pm$ 3,6
Юноши 3 курса	179,9 $\pm$ 1,8*	67,7 $\pm$ 4,6	89,9 $\pm$ 1,6
Девушки 1 курса	161,8 $\pm$ 1,2	52,3 $\pm$ 3,8	78,78 $\pm$ 2,0
Девушки 2 курса	160,7 $\pm$ 2,1*	53,5 $\pm$ 4,0	81,4 $\pm$ 2,4
Девушки 3 курса	165,9 $\pm$ 1,4*	52,8 $\pm$ 2,0	81,1 $\pm$ 1,2

Примечание: * $p \leq 0,05$ достоверные различия между студентами разных курсов одного пола.

Оценку общего состояния определяли по методике САН, разработанной сотрудниками Ленинградской военно-медицинской академии.

Таблица 2

Основные статистические характеристики результатов САН у студентов

Показатели	Самочувствие	Активность	Настроение
Юноши 1 курс	5,33 $\pm$ 0,07	5,19 $\pm$ 0,07	5,2 $\pm$ 0,1
Юноши 2 курса	5,35 $\pm$ 0,05	5,08 $\pm$ 0,06	5,26 $\pm$ 0,09
Юноши 3 курса	5,52 $\pm$ 0,07	5,21 $\pm$ 0,09	5,3 $\pm$ 0,08
Девушки 1 курса	5,45 $\pm$ 0,1	5,46 $\pm$ 0,07	5,32 $\pm$ 0,11
Девушки 2 курса	5,51 $\pm$ 0,08	5,44 $\pm$ 0,1	5,5 $\pm$ 0,08
Девушки 3 курса	5,69 $\pm$ 0,1	5,86 $\pm$ 0,08	6,12 $\pm$ 0,13

Из таблицы видно, что самочувствие у юношей от первого курса к третьему улучшилось не значительно на 3,6 %, у девушек на 4,4 %. В результатах определения активности наметилась тенденция уменьшения ее на втором курсе у юношей на 2,2 %, у девушек первого и второго курсов активность была практически одинаковой. К третьему курсу у юношей активность выросла на 2,6 %, а у девушек на 7,8 %. Что же касается настроения, то наблюдалось также увеличение от первого к третьему курсу у юношей на 2 %, девушек на 15 % ($p < 0,001$).

Нами была проведена оценка личностной и ситуативной тревожности студентов 1–3 курсов. Данные результатов оценки представлены в таблице 3.

Таблица 3

Основные статистические характеристики
результатов оценки тревожности студентов

Показатели	Личностная тревожность	Ситуативная тревожность
Юноши 1 курс	35,9 ± 1,97	37,1 ± 1,65
Юноши 2 курса	35,0 ± 1,87	36,6 ± 1,72
Юноши 3 курса	32,6 ± 1,59	32,8 ± 1,60
Девушки 1 курса	37,5 ± 1,64	38,6 ± 2,01
Девушки 2 курса	36,2 ± 1,86	37,5 ± 1,78
Девушки 3 курса	33,4 ± 1,36	36,4 ± 1,74

Из результатов таблицы делаем вывод, что личностная тревожность у юношей снизилась от первого курса к третьему на 10 %, у девушек на 12,3 %. В показателях ситуативной тревожности также наблюдалась тенденция снижения ее от первого к третьему курсам у юношей на 13,1 % ($p < 0,05$), у девушек на 6 %.

Немаловажное влияние на процесс адаптации оказывает цель (мотивация) человека. У студентов четко ориентированная цель – получение диплома, который может обеспечить им карьеру и престиж на родине. Ради достижения этой цели студенты готовы преодолеть разнообразные трудности и приспособиться к среде обитания, иногда ценой своего здоровья.

Библиографический список

1. Баевский, Р.М. Донозологическая диагностика в оценке состояния здоровья / Р.М. Баевский, А.П. Берсенева // Сб. Валеология: Диагностика, средства и практика обеспечения здоровья. – СПб, 1993. – С. 33–48.
2. Димитриев, А.Д. Опыт изучения влияния совокупности средовых факторов на здоровье детского населения / А.Д. Димитриев, Ю.Д. Щербин // Гигиена и санитария. – 1985. – № 6. – С. 33–35.
3. Сауткин, М.Ф. Медико-биологические аспекты физического развития школьников и студентов / М.Ф. Сауткин. – М.: Физкультура и спорт, 1991. – 102 с.
4. Сергиенко, Л.П. Исследование влияния наследственных и средовых факторов на темп развития антропометрических признаков человека / Л.П. Сергиенко, С.В. Алексеева // Методологические основы спортивной морфологии: тезисы симпозиума. – М., 1979. – С. 166–167.

[К содержанию](#)

УДК 378.016:159.9

ББК Ч448.026

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА В ОБУЧЕНИИ ПСИХОЛОГИИ СТУДЕНТОВ НЕПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

С.В. Устьянцева

Статья посвящена анализу и теоретическому обобщению опыта использования художественного фильма в обучении психологии студентов непсихологических специальностей. В статье описаны цели, задачи и формы работы с художественным фильмом в процессе обучения, даны критерии подбора фильмов для учебной работы, показана ценность этой работы.

Ключевые слова: метод обучения психологии, психологический анализ художественного фильма, групповое обсуждение фильма.

Новые информационные технологии открывают большие возможности для использования художественного фильма в учебном процессе. Сейчас в Интернете можно найти практически любой фильм, созданный за историю кинематографа, и посмотреть его дома, в удобное время и бесплатно.

Работа по использованию художественного фильма в процессе обучения психологии началась в 2009 году. За период почти в пять лет удалось сделать следующее. Был накоплен арсенал фильмов для работы по курсу «Психология» для студентов непсихологических специальностей вуза. Осмыслены и продуманы теоретические и методические аспекты этой работы, такие как цели и задачи использования художественного фильма в обучении психологии, критерии подбора фильмов, методика и формы работы с фильмом, сделаны интересные наблюдения и выводы, полезные для последующей работы.

Художественный фильм в обучении психологии может быть использован:

- с целью иллюстрирования теоретических положений лекции, учебника, что проясняет и облегчает понимание, делает его более точным, полным и конкретным;
- для целей контроля понимания учебного материала;
- для формирования и тренировки способности психологического наблюдения, т.е. способности распознавания психологических явлений по их внешним проявлениям;
- для тренировки способности экстраполяции теоретических знаний на конкретные ситуации с целью их объяснения, например, оттолкнувшись от фразы героя «Я из детдома», объяснить его поступки;
- для закрепления знаний.

Работа над фильмом позволяет достигать нескольких учебных целей одновременно, т.е. в комплексе.

Процесс достижение любой из перечисленных целей – это решение ряда стандартных **задач**, таких как:

- подбор фильма;
- выбор формы работы с фильмом и разработка учебного задания;
- организация индивидуального или группового просмотра фильма;
- контроль выполнения задания.

Основными **критериями подбора фильма** для учебной работы являются психологическая достоверность фильма и его соответствие содержанию учебной программы, конкретной учебной задаче. Еще одним не менее важным условием является то, что герои фильма должны быть примерно того же возраста, что и студенты. Сходство возраста дает сходство жизненных ситуаций и проблем, что порождает больше ассоциаций с личной жизнью, облегчает идентификацию, вызывает сопереживание герою [1].

Методика учебной работы с фильмом – это психологический анализ его содержания на основе вопросов, сформулированных преподавателем. От студента требуется интерпретация личности и поступков героев фильма, обнаружение причинно-следственных взаимосвязей между внутренней жизнью героя и его поведением, между личностью героя и его социальным окружением.

Для каких бы целей обучения не использовался фильм, есть только две **формы работы с фильмом**: групповая дискуссия по фильму и индивидуальный психологический анализ фильма в письменной форме, выполняемый дома, с обратной связью на занятии или без неё. Групповая дискуссия на занятии расширяет и углубляет понимание учебной темы, помогает выявить и исправить ошибки и неточности. Индивидуальный психологический анализ фильма больше подходит для текущего контроля понимания или итогового контроля усвоения курса.

Учебное задание – инструкция и вопросы к содержанию фильма – должно содержать четкие указания студентам, как смотреть фильм, на что именно обратить внимание. Вопросы должны соответствовать учебным задачам. Пример инструкции: «Старайтесь смотреть фильм внимательно. Будьте готовы ответить на следующие вопросы (сообщаются вопросы).

По ходу фильма записывайте имена действующих лиц, а также, кратко, свои наблюдения, мысли и чувства, которые будут приходить в голову во время просмотра фильма. Это поможет вам при обсуждении фильма на занятии».

Контроль выполнения учебного задания осуществляется во время обсуждения фильма на занятии, либо когда преподаватель проверяет письменные работы студентов дома, сообщая об их достоинствах и недочетах на очередном занятии.

К настоящему времени автором статьи **накоплен банк из 25 фильмов**, подобранных для работы по курсу «Психология» для студентов непсихологических специальностей. Подобранные фильмы могут быть использованы при работе по следующим общим темам:

- структура личности;
- формирование личности;
- личностная динамика;
- экзистенциальные проблемы личности;
- межличностное взаимодействие, общение и влияние.

Для каждого фильма разработано учебное задание, включающее инструкцию по просмотру фильма и вопросы, на которые необходимо ответить после просмотра. Вот несколько примеров:

Фильм: **Сынок** (Реж. Л. Садилова)

Тема: Формирование личности в семье: состав семьи, стиль отношения к ребенку, роль матери, роль отца.

Вопросы для обсуждения

1. Охарактеризуйте стиль воспитания отцом сына.
2. Какие последствия (черты личности) этого стиля проявились в поведении и поступках сына?

Фильм: **Эксперимент** (Реж. О. Хиршбигель)

Тема: «Личность и ситуация. Влияние ситуации на поведение»

Вопросы для обсуждения

1. Какие условия ситуации, созданной участникам эксперимента, повлекли за собой то поведение героев, которое показано в фильме?
2. Как влияют фактор личности и фактор ситуации на поведение героев фильма?

Фильм: **Повелитель мух** (Реж. П. Брук)

Тема: «Групповая динамика: Лидерство»

Вопросы для обсуждения

1. В чем разница между двумя лидерами?
2. Почему один был успешным лидером, а второй нет?

Поскольку курс «Психология» для студентов непсихологических факультетов очень короток (36 аудиторных часов), то поработать с каждым фильмом на занятии не удастся. Поэтому часть фильмов просто рекомендуется к просмотру.

В течение двух учебных лет (2011–2012, 2012–2013) студенты выполняли **психологический анализ** трех **фильмов** на выбор из предложенного списка, чтобы получить зачет по дисциплине. За это время было прочитано и проанализировано 600 работ, выполненных студентами вторых-третьих курсов приборостроительного, архитектурно-строительного и экономики и управления факультетов ЮУрГУ. Анализ работ проводился с целью понять, как студенты справляются с новой для них задачей, что дает им эта работа в плане развития и приобретения нового опыта, что необходимо изменить или усовершенствовать в этой работе.

Как студенты справляются со своей задачей?

1. Часто прибегают к списыванию. Списывают отзывы, рецензии из Интернета, в которых нет ответов на поставленные к фильму вопросы, но есть описание сюжета, попытки оценить художественные достоинства фильма, работу режиссера, игру актеров. Списывают у своих одногруппников.

2. Отвечая на вопрос, порой дают очень точную характеристику явления: *«гиперопека, граничащая с тиранией»* (о стиле воспитания бабушкой внука, «Похороните меня за плинтусом», реж. С. Снежкин).

3. Нередко ошибаются, не понимают учебный материал: *«...получился асоциально настроенный подросток, неуверенный в себе, недоверяющий и неумеющий общаться, а значит и личности как таковой не сформировалось»* («Волчок», реж. В. Сигарев).

Одной из ошибок является недостаточное понимание причинно-следственных связей:

«...хочется отругать родителей, обвинить школу... Да, «почва неблагоприятная», но это не повод становиться такой же «грязью», в которой растешь ...в школах такое сплошь и рядом, но это же не значит, что оттуда выпускают плохих людей. ...беда главных героинь фильма, ...в легкомысленности. Это можно списать на возраст, от него все беды» («Все умрут, а я останусь», реж. В. Германика).

Связь личностных особенностей с возрастом видна, а с социальными условиями жизни – нет. Возможно, именно непонимание этой связи является причиной того, что часть студентов не принимают остросоциальные фильмы с их *«грязью и пошлостью»*. («Волчок», «Все умрут, а я останусь»). Как правило, если кроме *«грязи и пошлости»* ничего не видно, фильм не нравится. Студенты не могут оценить ни социальной, ни личной значимости фильма.

«Это не реальная жизнь, а враньё. ... все плохо, грязно, ничтожно. ... Ну и что с этим делать? ...фильм ничему не учит, ...» («Все умрут, а я останусь»);

«Что хотел сказать режиссер? Почему он не показал смысл? Сказать что все плохо? Спасибо, мы и так все знали» («Все умрут, а я останусь»).

Если причинно-следственная связь между социальной средой и личностью все же видна, то фильм пробуждает гражданские чувства, видение социальной проблемы и сочувствие героям.

«...все это наш мир, чья-то жизнь, и на все это не нужно закрывать глаза» («Волчок»);

«Этот фильм не должен нравиться или не нравиться, он должен заставить задуматься, куда катится наш мир. Что будет, когда эти дети вырастут? Кем они вырастут?» («Все умрут, а я останусь»).

«...такие фильмы надо снимать, они дают возможность ...понять всю масштабность проблемы, которую надо решать уже сегодня...» («Все умрут, а я останусь»).

4. Причиной ошибочного понимания поведения героя может быть незнание исторических реалий в фильме. В фильме «Папа» (реж. В. Машков) сын предаёт отца. Многие объясняют поступок сына тем, что он не любил отца, поскольку тот был пьяницей и бил его в детстве. На самом деле сын искажил информацию об отце при поступлении в консерваторию, что вскрылось, когда отец приехал навестить сына. Этот поступок грозил ему отчислением и крахом музыкальной карьеры, поскольку в годы Сталинских репрессий, когда происходит действие фильма, это было преступлением.

5. Студенты делятся личным:

много пишут о чувствах, испытанных во время просмотра фильма –

«Иногда видеть то, что происходит, просто невозможно, хочется топтать ногами...» («Похороните меня за плинтусом»),

«...невозможно передать словами, насколько меня потряс этот фильм» («Реквием по мечте», реж. Д. Аронофски);

делятся открытиями –

«Для меня новым и познавательным оказалось то, что положение очень быстро меняет людей» («Эксперимент», реж. О. Хиршбигель);

размышляют о себе –

«Фильм заставил задуматься о своих отношениях с отцом, ведь в них также всё не просто...». («Бронкская история», реж. Р. Де Ниро)

делятся тонкими наблюдениями –

«Правда помимо этого она влюблена и поэтому дура» («Все умрут, а я останусь»);

выражают благодарность –

«...это уникальный фильм, он очень близок ко мне. ...спасибо Вам, без Вас я бы мог прожить, так и не увидев этот фильм!» («Бронкская история»).

Анализ того, как студенты справляются с заданием, позволяет сделать некоторые **методические выводы**.

1. При подготовке задания следует учитывать вопросы о чувствах и отношении к персонажам фильма, ответы на которые помогают лучше понять, как студент понимает фильм.

2. Следует показывать учебную тему в разнообразии конкретных ситуаций, её иллюстрирующих, в контрасте этих ситуаций. Например, при работе над темой «Влияние социальной среды на личностное формирование» важно показать разную среду, не только неблагоприятную, но и благоприятную тоже, чтобы облегчить понимание связи «социальная среда – личность».

3. Необходимо сопровождать некоторые фильмы исторической справкой.

4. При подборе фильма важно прогнозировать его возможную личностную значимость для студента. Что-то лично для себя он должен из него вынести, сделать какое-то открытие, узнать что-то новое.

5. Необходимо найти способ исключить возможность списывания.

Другой формой работы с фильмом в учебных целях является **групповое обсуждение фильма** или **групповая дискуссия**.

Студенты получают учебное задание с названием фильма за две недели до занятия и смотрят фильм на домашних носителях. Идеальный вариант, когда для групповой дискуссии подготавливается подборка эпизодов из фильма и есть возможность их просмотра на занятии. Тогда при трудностях с интерпретацией или конфликте мнений можно повторно просматривать нужный эпизод или серию эпизодов объединенных одним вопросом, обращая внимание студентов на детали содержания фильма, не замеченные, либо не понятые ими.

Ведущим групповой дискуссии по фильму является преподаватель. Основными задачами ведущего являются организация и поддержание дискуссии, ее завершение и подведение итогов. Организуя дискуссию, ведущий устанавливает цели, знакомит участников группы с правилами работы. Основным приемом ведения дискуссии является постановка вопросов. Вопросы побуждают участников группы высказываться. Поддерживая обсуждение, ведущий акцентирует удачные высказывания, дает разъяснения, оказывает эмоциональную поддержку, помогает участникам в трудных ситуациях.

Групповая работа с фильмом дает возможность услышать других участников обсуждения, что

- позволяет каждому обнаружить неполноту или ошибочность собственного понимания фильма;
- обогащает, помогает увидеть и понять то, что сам не увидел и не понял;
- развивает навыки участия в групповой дискуссии: слушать другого, высказываться публично, аргументировать свою позицию, отстаивать свою точку зрения;
- тем, кто боится говорить публично, учебная дискуссия помогает начать учиться – в ситуации конфликта мнений начинают говорить и те, кто привык всегда молчать.

Что ценного дает работа над фильмом для понимания психологии и общего развития студента, чего не дают другие методы обучения? Работа с художественным фильмом, в какой бы форме она не проводилась

- помогает увидеть психологию в жизни – увидеть психологические феномены, которые порой весьма трудно распознаются в жизни по их словесным описаниям;

- дает возможность применить свои знания теории на практике в анализе жизненных ситуаций, тем самым проверить их на правильность и полноту;
- развивает психологическую наблюдательность;
- стимулирует развитие мышления и речи, поскольку не приходится повторять что-то из учебника или лекции, но необходимо думать и формулировать мысль самому;
- способствует лучшему запоминанию информации, поскольку всегда сильно эмоционально окрашена;
- делает занятие более интересным, придавая ему творческий, исследовательский характер;
- развивает способность понимать качественное кино, формирует хороший художественный вкус.

Для преподавателя работа над художественным фильмом как метод обучения психологии имеет свои плюсы и минусы. К плюсам можно отнести то, что она позволяет иметь обратную связь более хорошую, чем при других методах. Эта работа дает возможность лучше узнать студентов – кто они, какие они, в какую почву ложится твоя психология и какими всходами прорастает.

Большим минусом является тот факт, что использование художественного фильма в обучении психологии – очень трудоемкая работа во всех отношениях. Подбор фильма, составление учебного задания, проверка письменных работ отнимают много времени и сил.

Библиографический список

1. Солдатова, Е.Л. Эго-идентичность как системообразующий фактор формирования зрелой личности / Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». – 2010. – Вып.10. – № 27(203). – С. 66 –74.

[К содержанию](#)

УДК 159.972

ББК Ю948.5

ОБЗОР ТЕНДЕНЦИЙ ИЗУЧЕНИЯ НАРУШЕНИЙ РЕЧИ У ПОСТИНСУЛЬТНЫХ ПАЦИЕНТОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ НЕЙРОПСИХОЛОГИИ

Н.С. Харисова, А.В. Астаева

В статье рассмотрены современные тенденции изучения нарушений речи при органических поражениях головного мозга в зарубежной литературе. Приведен сравнительный анализ подходов к изучению афатических расстройств при острых нарушениях мозгового кровообращения и сосудистой патологии в зарубежной и отечественной литературе.

Ключевые слова: нарушение речи, острое нарушение мозгового кровообращения, нейропсихология

В развитии современной нейропсихологии достаточно четко просматриваются два существенно различающихся между собой пути: отечественный (советский и российский) и западный (традиционный для США и Британии). В настоящее время как в России, так и за рубежом актуальной является проблема острых нарушений мозгового кровообращения. Разные патогенетические механизмы мозговых сосудистых патологий приводят к формированию различных по структуре и динамике нейропсихологических синдромов. Около одной трети всех пациентов, перенесших острый инсульт, страдают афазиями [3].

Западная классическая концепция об афазии как о симптоме мозгового поражения зародилась в 1865 г. В то время речь рассматривалась как построенная из многих элементов способность, отличающаяся от мышления, хотя и имеющая к нему отношение (в соответствии с ассоциационистской психологией). Речевой комплекс может быть разбит, как полагали, на свои составные простые части. Обсуждались различные мозговые схемы, имеющие центрипетальную сенсорную и контрифугальную моторную части, напоминающие рефлекторную дугу [4].

Основная масса исследователей проблемы афазии занималась в первую очередь описаниями речевого нарушения больных; во вторую – классификациями и в третью – клинко-анатомическими корреляциями. В зарубежной афазиологии используют преимущественно классификацию Лихтгейма-Вернике. При этом основание для современного перечня афазий было положено еще в XIX веке Дж. Джексоном, который пробовал группировать свои наблюдения нарушенного речевого выражения, ограничиваясь описательными формулировками типа «повторяющееся высказывание» («recurrent utterance») и «случайное высказывание» («occasional utterance»). Однако уже на раннем этапе зарождался иной подход к проблеме, постепенно завоевывающий все большее влияние [2].

В современной зарубежной научной литературе термин «афазия» определяют, в частности, как нарушение коммуникативной способности, которое, как правило, возникает у постинсультных пациентов и сопровождается значительными двигательными расстройствами и ограничениями в сфере социального взаимодействия [6, 9, 11, 12].

В течение последних 10–15 лет в научной периодике большой процент публикаций посвящен проблеме исследования речевых нарушений у пациентов, перенесших инсульт. При этом необходимо отметить, что в западной нейропсихологии методы диагностики составлены с учетом психометрического подхода (стандартизированные процедуры обследования и обработки получаемых данных, наличие возрастных и социально-культурных нормативов), позволяющие получить данные об испытуемом в сравнении со среднестатистической нормой соответствующей выборки [1, 3]. Среди публикаций на тему афатических расстройств у постинсультных пациентов имеют место как экспериментальные исследования, так и теоретические. В периодических изданиях содержатся не столько описания речевого нарушения больных и его классификации, сколько сравнение разных форм афазий с другими нозологиями. Например, описание сходств и различий форм афазии у постинсультных пациентов и пациентов, перенесших черепно-мозговую травму. В некоторых исследованиях приведен сравнительный анализ механизмов возникновения одного и того же симптома в рамках разных нейропсихологических синдромов или неврологических нозологий. Например, британскими учеными в 2006 году был изучен механизм нарушения семантической памяти у постинсультных пациентов и у больных с деменцией [6].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что западная нейропсихология перешла от количественного подхода при изучении нарушений высших психических функций, в том числе и речи, к подходу качественному. В свою очередь, в отечественной нейропсихологии все чаще появляются публикации, посвященные использованию психометрических процедур оценки нарушения психических процессов при органических патологиях головного мозга.

Такая тенденция свидетельствует о взаимной интеграции теоретико-методологических положений в общую концепцию нейропсихологии, что в свою очередь является следствием все большего числа кросс-культурных исследований, обмена опытом между специалистами как российской, так и зарубежной науки.

Несколько позже локус внимания исследователей (как отечественных, так и западных) сместился в сторону изучения путей восстановления высших психических функций у постинсультных больных, о чем свидетельствуют публикации последних лет в неврологических и психологических научных журналах [7, 11]. В публикациях акцент делается на структуру ока-

зания помощи пациентам, перенесшим острое нарушение мозгового кровообращения, принципы организации реабилитационных мероприятий, нейрокогнитивные программы восстановления психических функций.

Согласно исследованиям, проведенным американскими учеными, даже пациенты с серьезными нарушениями речи имеют значительный потенциал для восстановления, особенно в первые 3 месяца после инсульта, у молодых пациентов восстановление отмечается в большей степени, чем у пожилых пациентов [9–11].

В течение последних нескольких лет изучение нарушений высших психических функций, в том числе и речи, проводится с использованием аппаратных нейровизуализационных методов (КТ, МРТ), что позволяет с большей точностью описать и объяснить механизмы возникновения и течения речевого нарушения у пациентов, перенесших инсульт [5, 8, 12]. Но при этом не отмечаются те функциональные расстройства психических процессов, которые могут наблюдаться в ходе качественного анализа нарушений психической деятельности. Соответственно, специалист может наблюдать изменение психической деятельности при отсутствии каких-либо объективных данных об органических повреждениях структур головного мозга.

Таким образом, в результате анализа зарубежных источников литературы в течение последних 10–15 лет можно определить следующие тенденции развития современных исследований нарушения психической деятельности у пациентов с острым нарушением мозгового кровообращения: во-первых, четко определен переход в исследованиях с применением методов нейропсихологической диагностики от количественного подхода оценки нарушений при органических поражениях мозга к качественной интерпретации наблюдаемых дефектов психической деятельности, во-вторых, актуальной является проблема восстановления и реабилитации нарушений высших психических функций у постинсультных больных, в-третьих, использование аппаратных нейровизуализационных методов, позволяющих описать мозговые механизмы того или иного нарушения высших психических функций, которые по своей сути не могут являться равноценной заменой качественной нейропсихологической диагностики.

Библиографический список

1. Астаева, А.В. Нейропсихологическая характеристика нарушений речи при острых нарушениях мозгового кровообращения и проблемы их классификации в отечественной и зарубежной нейропсихологии / А.В. Астаева, Н.В. Епанешникова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2012. – Вып. 16. – № 6. – С. 73–79.
2. Беребин, М.А. К вопросу о качественном и психометрическом подходе в современной нейропсихологической диагностике / М.А. Беребин, А.В. Астаева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – № 32 (132). – С. 19–28.

3. Ермакова, Л.А. Динамика состояния высших психических функций у больных с острыми нарушениями мозгового кровообращения разной этиологии в левой гемисфере / Л.А. Ермакова, Ю.С. Шамуров, Л.П. Свиридова, А.Ф. Василенко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2009. – Вып. 4. – № 5. – С. 25–30.
4. Критчли, М. Афазиология / М. Критчли. – М.: Медицина, 1974. – 233 с.
5. Eaton, Kenneth P. Reliability of fMRI for studies of language in post-stroke aphasia subjects / Kenneth P. Eaton, Jerzy P. Szaflarski, Mekibib Altayea, Angel L. Balle, Brett M. Kisselab, Christi Banks, Scott K. Hollanda // NeuroImage. – 2008. – Vol. 41, Iss. 2. – Pp. 311–322.
6. Jefferies, E. Semantic impairment in stroke aphasia versus semantic dementia: a case-series comparison / E. Jefferies, M.A. Lambon Ralph // Brain. – Vol. 129, Iss. 8. – Pp. 2132–2147.
7. Heiss, W.-D. A proposed regional hierarchy in recovery of post-stroke aphasia / W.-D. Heiss, A. Theil // Brain and Language. – 2006. – Vol. 98, Iss. 1. – Pp. 118–123.
8. Henseler, Ilona. Lesion correlates of patholinguistic profiles in chronic aphasia: comparisons of syndrome-, modality- and symptom-level assessment / Ilona Henseler, Frank Regenbrecht, Hellmuth Obrig // Brain. – 2014. – Vol. 137. – Iss. 3. – Pp. 918–930.
9. Laska, A. Aphasia in acute stroke and rehabilitation outcome / A. Laska, A. Hellblom, V. Murray // J Int Med. – 2001. – Iss. 249 (5). – Pp. 13–22.
10. Lazar, Ronald M. Improvement in aphasia scores after stroke is well predicted by initial severity / Ronald M. Lazar, Brandon Minzer, Daniel Antonello, Joanne R. Festa, John W. Kraukauer, Randolph S. Marshall // Stroke. – 2010. – Vol. 41. – Iss. 7. – Pp. 1485–1488.
11. Seniów, J. New approach to the rehabilitation of post-stroke focal cognitive syndrome: Effect of levodopa combined with speech and language therapy on functional recovery from aphasia / J. Seniów, M. Litwin, T. Litwin, M. Leśniak, A. Członkowska // Journal of the Neurological Sciences. – 2009. – Vol. 283, Iss. 1–2. – Pp. 214–218.
12. Schlaug, Gottfried. The Use of Non-invasive Brain Stimulation Techniques to Facilitate Recovery from Post-stroke Aphasia / Gottfried Schlaug, Sarah Marchina, Catherine Y. Wan // Neuropsychology Review. – 2011. – Vol. 21, Iss. 3. – Pp. 288–301.

[К содержанию](#)

УДК 159.938.3 + 159.923
ББК Ю994 + Ю937

МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ «ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ»

Ю.Е. Черняева

В результате анализа «Компендиума психодиагностических методик России и СССР 1907–2012» было найдено 24 методики, исследующие компоненты психологического благополучия. Предложена классификация методик, проведен анализ особенностей методик и проанализированы их психометрические характеристики.

Ключевые слова: психологическое благополучие, методики, классификация, психометрические характеристики.

Начиная с середины XX века, с развитием экзистенциальной и гуманистической психологии появляются новые понятия, в частности, вводится понятие, одновременно характеризующее степень позитивного функционирования личности и удовлетворенность человеком собственной жизнью – «психологическое благополучие личности».

С середины прошлого века происходит построение ряда оригинальных теорий, описывающих природу и строение психологического благополучия [5, 6]. Кроме того, наряду с развитием теоретической базы, создаются новые методы диагностики психологического благополучия. В настоящий момент разработано более 50 методик. В отечественной психологии разработка понятия «психологическое благополучие личности» началось не так давно, и на данный момент не существует его общепризнанной дефиниции. Под ним подразумевают ряд тождественных по своему значению понятий, таких как «психическое здоровье», «норма», «нормальная и аномальная личность», «позитивный стиль жизни», «эмоциональный комфорт», «качество жизни» и др. [1]. Сообразно теоретическим описаниям данного феномена создаются методики, измеряющие те или иные аспекты субъективного благополучия человека. Однако в нашей стране количество их значительно меньше, нежели за рубежом. В настоящем исследовании был проведен анализ отечественных методик, так или иначе исследующих психологическое благополучие человека.

Работа по поиску методик условно была разделена на три этапа: поиск информации о методиках, классификация найденных методик и анализ качества разработанных методик.

На этапе поиска информации был сформулирован ряд ключевых терминов, описывающих психологическое благополучие: благополучие, удовлетворение, счастье, процветание. Эти термины были использованы при

поиске методик. Поиск проводился в базе данных «Компендиум психодиагностических методик СССР и России 1907-2012». Компендиум состоит из краткого описания более 1400 методик, выпущенных в России и СССР с 1907 года. Происходил поиск ключевых слов по всем поисковым полям базы Компендиума. При совпадении части слова анализировались все поля данной методики. В результате было найдено 24 психодиагностические методики.

Вторым этапом исследования была работа по классификации найденных методик. После качественного анализа компонентов методик были выделены следующие классы методик: методики, исследующие психологическое благополучие как часть некоего большего конструкта; методики, непосредственно изучающие только психологическое благополучие; и методики, в которых есть шкалы, соответствующие отдельным компонентам конструкта «психологическое благополучие».

После разнесения всех методик по классам было выделено два дополнительных подкласса: методики, предназначенные для диагностики всех сфер жизнедеятельности человека, и диагностирующие отдельные сферы жизнедеятельности человека. Результаты классификации приведены в таблице 1.

Наибольшее число созданных методик относится к сфере диагностики отдельных параметров психологического благополучия в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Причем, можно выделить несколько сфер жизнедеятельности, в которых производится диагностика: эмоциональное благополучие ребенка в детском саду, эмоциональное благополучие работника, эмоциональное благополучие в семейных отношениях.

Вторым идет класс методик, созданных для диагностики «психологического благополучия» независимо от сферы жизнедеятельности. Его составляют следующие методики: методика диагностики удовлетворённости жизнью, методика «Индекс общего психологического благополучия», шкала психологического благополучия К. Рифф, методика «Индекс жизненной удовлетворенности».

Методика исследования удовлетворённости жизнью может использоваться как «...показатель адаптированности по внутреннему критерию в рамках исследования общей адаптации к жизни» [2]. Методика состоит из 36 утверждений и включает в себя три фактора: «Жизненная включённость», «Потеря направления», «Потеря опоры». У методики проверены содержательная валидность, критериальная валидность, конструктивная валидность и ретестовая надежность. Опросник стандартизирован на выборке 618 человек.

Методика «Индекс общего психологического благополучия» [7] предназначена для оценки эмоциональных расстройств, возникающих вследствие соматических заболеваний. Методика содержит 6 субшкал: тревога, депрессия, самоконтроль, общее здоровье, эмоциональное благополучие, жизненная энергия. Данных о валидности и надежности не найдено.

Таблица 1

Классификация методик, исследующих психологическое благополучие

	Все сферы жизнедеятельности	Отдельные сферы жизнедеятельности
Психологическое благополучие как часть методики	<ol style="list-style-type: none"> 1. Психологические затруднения 2. Ваше самочувствие 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Оценка психологического статуса ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС 2. Методика для диагностики учебной мотивации школьников 3. Рефлексия затруднений в осуществлении профессиональной деятельности практического психолога 4. Тест интерперсональных отношений
Психологическое благополучие	<ol style="list-style-type: none"> 1. Методика диагностики удовлетворённости жизнью 2. Методика «Индекс общего психологического благополучия» 3. Шкала психологического благополучия К. Рифф 4. Методика «Индекс жизненной удовлетворенности» 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Субъективное экономическое благополучие и его измерение
Отдельные параметры психологического благополучия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Опросник субъективного отчуждения 2. Шкала субъективного благополучия 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Тест для определения эмоционального благополучия ребенка в группе детского сада 2. Я, мама и детский сад 3. Анкета для выявления объекта и причин эмоционального неблагополучия ребенка 4. Шкала профессиональной тревожности педагога 5. Изучение удовлетворенности учителей своей профессией и работой 6. Методика диагностики трудовой мотивации 7. Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности 8. Опросник компонентов удовлетворенности трудом 9. Методика «Типовое семейное состояние» 10. Методика диагностики удовлетворенности в значимых отношениях <p>Методика диагностики степени удовлетворенности основных потребностей</p>

Шкала психологического благополучия К. Рифф [3] состоит из шести шкал: автономность, компетентность, личностный рост, позитивные отношения, жизненные цели, самопринятие.

Методика прошла стандартные психометрические процедуры проверки надежности и валидности. Была проведена стандартизация методики.

Методика «Индекс жизненной удовлетворенности» [4] предназначена для измерения наиболее общего психологического состояния человека, определяемого его личностными особенностями, системой отношений к различным сторонам своей жизни. Методика ИЖУ состоит из 20 вопросов, результаты ответов которых сводятся к 5 шкалам, характеризующим различные аспекты общего психологического состояния человека и его удовлетворенности жизнью. Данных о психометрических характеристиках методики не найдено.

Таким образом, основываясь на разных теоретических конструктах, каждая методика представляет уникальную систему измерения «психологического благополучия личности». В связи с различным содержанием, лежащим в основе методик конструктов, несмотря на схожие названия, становится сложным сравнение результатов, полученных в различных исследованиях с применением данных методик. Также следует обратить внимание на тот факт, что только два автора заявляют о проверке психометрических характеристик созданных методик.

В результате предложена классификация методик на основании двух параметров: сфера жизнедеятельности и «полнота» использования конструкта. Наибольшее число методик предназначено для диагностики отдельных компонентов психологического благополучия в различных сферах жизнедеятельности. Для диагностики всех компонентов конструкта «психологическое благополучие» предназначено всего 4 методики, и только в отношении двух из них известны психометрические характеристики.

Библиографический список

1. Батулин, Н.А. Теоретическая модель личностного благополучия / Н.А. Батулин, С.А. Башкатов, Н.В. Гафарова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2013. – Том 6. – № 4. – С. 4–14.
2. Диагностика социально-психологической адаптации личности: Учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – 57 с.
3. Жуковская, Л.В. Шкала психологического благополучия К. Рифф / Л.В. Жуковская, Е.Г. Трошихина // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32. – № 2. – С. 82–93.
4. Митина, Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности / Л.М. Митина. – М.: Изд-во МПСИ, 2003. – С. 192–194.

5. Шевеленкова, Т.Д. Исследование личностного способа существования человека в современном мире (опыт гуманистического направления в зарубежной психологии) / Т.Д. Шевеленкова // Психология личности в условиях социальных изменений. – М.: Институт психологии РАН, 1993. – С. 21–37.

6. Шевеленкова, Т.Д. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) / Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко. – М.: Психологическая диагностика, 2005. – № 3. – С. 95–129.

7. Шкалы, тесты и опросники в медицинской реабилитации / под. ред. А.Н. Беловой, О.Н. Щепетовой. – М: Антидор, 2002. – С. 99.

[К содержанию](#)

УДК 159.923.2

ББК Ю937

ФЕНОМЕН МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ИЗОЛЯЦИИ, ПЕРЕЖИВАЕМОЙ КАК ОДИНОЧЕСТВО: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА

М.А. Чулкова

В статье рассматриваются подходы зарубежных и отечественных авторов к пониманию проблемы межличностной изоляции. Разводятся понятия изоляции, уединения и одиночества. «Одиночество» – это переживания человека (психическое состояние), вызванное его отделенностью, оторванностью от значимого окружения людей. Межличностная изоляция, как проблема, связана с негативной формой переживания одиночества, которая сопровождается неспособностью быть с другими в отношениях. Выделяются два аспекта межличностной изоляции: объективный (наличие ситуации изоляции) и субъективный (отношение человека к собственной изоляции).

Ключевые слова: межличностная изоляция; одиночество; логотерапия; экзистенциальный подход; деятельностный подход.

Проблему межличностной изоляции исследовали представители различных направлений зарубежной персонологии. Так, представители психоаналитического направления (З. Фрейд, Х. Ремшмидт) рассматривали ее через феномены дереализации и деперсонализации.

Для неофрейдистского направления (Г. Салливан, Э. Фромм) характерно изучение проблемы межличностной изоляции через культуральные и межличностные факторы. С точки зрения Г. Салливана, межличностная изоляция – это неспособность человека строить взаимоотношения с другими людьми, с природой, с самим собой. Аналогичную мысль высказывает Э. Фромм, указывая на значимость связи с другими людьми.

Представители феноменологического подхода рассматривают проблему межличностной изоляции через феномен одиночества. В их представлениях, одиночество означает слабую приспособляемость индивида к внешним условиям. Согласно К. Роджерсу, на личность оказывают влияние не ранние детские впечатления, а содержание опыта одиночества. Это существенным образом отличает его взгляды от взглядов сторонников психодинамической теории.

В экзистенциальном направлении понятиям изоляции и одиночества присваивается особый смысл. Считается, что сам характер человеческого существования подразумевает драматизм отчуждения и одиночества, изначально присущий человеку. Следовательно, было бы бессмысленным ставить задачу «снять» у человека одиночество, скорее, необходимо дать ему возможность осознать свое одиночество, пережить его. Изоляция и переживаемое при этом чувство одиночества является условием для развития и становления личности (К. Ясперс, В. Франкл, И. Ялом и др.).

В отличие от западных философских и психологических научных школ, которые вели интенсивное системное и полиаспектное исследование феномена межличностной изоляции, отечественные психологические школы, опиравшиеся на деятельностный подход, не могли в принципе рассматривать изоляцию, так как данное явление не свойственно общественно-историческому пониманию природы психического. Интерес к данной проблеме со стороны отечественных исследователей появился лишь в последние несколько десятилетий.

Изучение феномена изоляции в отечественной психологии проводилось по двум направлениям: 1) проблема психического состояния в экстремальных ситуациях (О.А. Кузнецов, В.И. Лебедев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, Н.Ю. Хрящева, С.Г. Юрских и др.); 2) исследование изоляции в психолого-педагогическом аспекте (В.В. Абраменкова, Я.Л. Коломенский, И.С. Кон, Н.А. Николаева С.Г. Малышева, В.С. Мухина, А.Б. Орлов и др.). В рамках исследований второго направления были получены эмпирические факты, подтверждающие, что межличностная изоляция как одиночество наиболее остро переживается в юношеском возрасте и оказывает существенное влияние на формирующуюся самооценку.

В.В. Абраменкова, В.С. Мухина, А.Б. Орлов и др. выделяют проблему взаимосвязи обособления и способности к идентификации. Посредством идентификации в этот период происходит активное усвоение ценностных ориентаций общества, формируется мировоззрение, посредством же обособления подросток защищает свое «Я» [1, 10].

Несмотря на существенные достижения отечественных и зарубежных исследователей, необходимо отметить, что феномен межличностной изоляции изучен к настоящему времени недостаточно. Во-первых, существуют разногласия в определении самого понятия межличностной изоляции. Во-вторых, недостаточно изучены ее причины, факторы и условия проявления в юношеском возрасте.

Понятия «уединенность» («уединение») и «одиночество» долгое время использовались как синонимы.

Для того чтобы определить собственную позицию в существующем пересечении понятий, рассмотрим содержание каждого из них в отдельности.

Понятие «отчуждение» впервые было использовано З. Фрейдом для объяснения патологического развития личности в чуждой и враждебной его естественной природе культуре. Феноменологически оно выражалось в невротической потере субъектом чувства реальности происходящего (дереализации) или в утрате своей индивидуальности (деперсонализации). Через феномены дереализации и деперсонализации рассматривают проблему отчуждения И.С. Кон и Х. Ремшмидт.

Так и для С.Л. Рубинштейна: «Отчужденный человек – это человек, не способный соотнести себя с тем, от чего он отчужден. Это может быть природа, другой человек, а также он сам. Это нецеленаправленный, слабый, неустойчивый, «маленький человек». [11, с. 378]. Основные проблемы человека, человеческой жизни рассматриваются С.Л. Рубинштейном через обращение к глубинным, в том числе и нравственным основаниям, через самореализацию личности, как предмет отношения к ним человека.

Понятие «обособленность» («обособление») часто используется в трудах отечественных психологов – Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и их многочисленных учеников. Эти ученые рассматривали личность с позиции присвоения материальной и духовной культуры, накопленной человечеством в ходе исторического развития (уподобление одного индивида другому), а также с позиции сохранения, отстаивания присвоенной духовной культуры (обособление индивида от других людей). Посредством идентификации в этот период происходит активное усвоение ценностных ориентаций общества, формируется мировоззрение, посредством обособления молодой человек отстаивает – защищает – свое «Я» [7]. В.В. Абраменкова считает, что механизм становления развивающейся личности также является двуединым процессом, суть которого заключается в ассимиляции социального опыта (идентификации) и его последующей селекции (обособлении) [1].

Трактовку понятия «одиночество» можно встретить в работах В. Садлера и Т. Джонсона, которые определяли его как переживание, вызывающее комплексное и острое чувство, которое отражает определенную форму самосознания, и показывает раскол основной, реальной сети отношений и связей внутреннего мира личности [5].

Э. Фромм выделяет два вида одиночества – физическое и моральное. «Моральное одиночество так же невыносимо, как и физическое, более того, физическое одиночество становится невыносимым лишь в том случае, если оно влечет за собой одиночество моральное» [14, с. 312]. В юности нередко встречается обостренное чувство одиночества, которое, как считает Э. Фромм, если оно длится долго и не исчезает с переходом в новый возраст, может привести к психическому разрушению.

На основании всех рассмотренных трактовок можно сделать промежуточный вывод о том, что межличностная изоляция представляет собой серьезную проблему в том случае, когда вынужденное отчуждение (обособление) сопровождается болезненным переживанием одиночества.

Более подробное рассмотрение эмоциональных реакций и состояний, сопутствующих переживанию одиночества, содержится в работах Мустакаса, Янга, а также Рубинстайна и Шейвера. Мустакас (1959) к эмоциям, вызванным состоянием одиночества, относит: страх, чувство вины, депрессию, раздражение. Рубинстайн и Шейвер добавили к ним отчаяние, гнев, самоуничижение. Янг (1982) выделяет следующие признаки у людей, переживающих одиночество:

- неспособность к уединению вызывает ощущение скуки и пустоты;
- из-за низкого самоуважения, неудовлетворительного прошлого опыта появляется печаль и чувство безнадежности;
- коммуникативная неуклюжесть в сочетании с низкой эмпатией и неопределенностью в оценке собственных чувств ведет к разочарованию, обманутым ожиданиям;
- недоверие к другим людям ведет к озлобленности;
- неспособность завязывать глубинные личностные отношения переживается в виде бессилия и боязни эмоциональной близости.

Из предшествующего анализа следует, что для определения межличностной изоляции требуется еще раз уточнить, как соответствующий феномен соотносится с феноменами уединения и одиночества. В решение данного вопроса существенный вклад внесли работы отечественных психологов О.Б. Долгиновой (2000), а также С.В. Малышевой и Н.А. Рождественской (2001).

О.Б. Долгинова разводит понятия «одиночество», «изоляция», «уединение» следующим образом: «Отличие изоляции от одиночества связано с тем, что изоляция – это ситуация, а не психическое состояние, причем та ситуация, при которой эмоциональная оценка необязательно негативная. Примером изоляции могут служить описания жизни монахов-отшельников [2].

С.В. Малышева и Н.А. Рождественская трактуют одиночество как негативное переживание, возникающее в результате неудовлетворения потребностей в разделении чувств, общении и понимании человека значимыми людьми [12].

С учетом всех рассмотренных точек зрения, можно дать определение межличностной изоляции и сопутствующих ей явлений.

Межличностная изоляция – это физическая отстраненность от других людей (добровольная либо вынужденная), сопровождающаяся переживанием одиночества.

Добровольная физическая отдаленность соответствует понятию «уединение». Под «одиночеством» следует понимать переживания человека (психическое состояние), вызванные его отделенностью, оторванностью от значимого окружения, сообщества людей, исторической реальности.

Таким образом, межличностная изоляция – это феномен, который включает два аспекта: 1) объективный – физическая отдаленность человека от общества (вынужденная либо добровольная); 2) субъективный – переживание одиночества (негативное либо позитивное). Межличностная изоляция, как проблема, связана с негативной формой переживания одиночества, которая сопровождается неспособностью быть с другими в отношениях.

Исходя из сформулированного определения межличностной изоляции, очевидно, что для дальнейшего изучения содержания данного феномена необходимо определить структуру и виды межличностной изоляции. Для этого, в первую очередь, обратимся к работам двух авторов (Р. Вейса и И. Ялома), которые предприняли попытки классифицировать проявления межличностной изоляции.

Р. Вейс, представитель психоаналитического направления в психологии личности, выделяет социальную и эмоциональную изоляцию. И. Ялом выделяет три вида изоляции: 1) межличностную; 2) внутриличностную; 3) экзистенциальную. Межличностная изоляция, обычно переживаемая как одиночество, – это изоляция от других индивидуумов. Внутриличностная изоляция – это процесс, посредством которого человек отделяет друг от друга части самого себя [15].

Приведенные классификации не только не противоречат сформулированному нами определению межличностной изоляции, но и подтверждают правомерность схемы, разработанной автором и приведенной на рис. 1.

Рис. 1. Структура и виды межличностной изоляции

Исходя из представленной схемы, очевидно, что добровольная изоляция способствует саморазвитию, процессам переосмысления и выбору жизненных ориентиров. Последствия вынужденной изоляции могут быть разными, в зависимости от субъективного отношения человека к сложившейся ситуации – отсутствия, либо наличия переживания одиночества.

В первом случае активизируется механизм психологической защиты личности, который проявляется в форме ухода от реальности. Во втором – имеют место деструктивные процессы, связанные с проявлением агрессивных реакций, как в отношении себя, так и в отношении окружающих; либо процессы конструктивные, во многом сходные с процессами, происходящими в случае добровольной изоляции (уединения).

Библиографический список

1. Абраменкова, В.В. Проблема отчуждения в психологии / В.В. Абраменкова // Вопросы психологии. – 1990. – № 1. – С. 5–12.
2. Долгинова, О.Б. Изучение одиночества как психологического феномена / О.Б. Долгинова // Прикладная психология. – 2000. – № 4. – С. 28–36.
3. Кон, И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание / И.С. Кон. – М.: Политиздат, 1964. – 335 с.
4. Кон, И.С. Психология юношеского возраста / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1979. – 175 с.
5. Лабиринты одиночества: сб.ст.: пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – 624 с.
6. Малышева, С.В. Особенности чувства одиночества у подростков / С.В. Малышева, Н.А. Рождественская // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 2001. – № 3. – С. 63–68.
7. Мухина, В.С. Проблема генезиса личности / В.С. Мухина. – М.: МГПИ, 1985. – 103 с.
8. Николаева, Н.А. Понимание и переживание изолированности в юношеском возрасте: дис...канд. психол. наук / Н.А. Николаева. – М., 1999. – 131 с.
9. Орлов, Ю.М. Самопознание и самовоспитание характера / Ю.М. Орлов. – М.: Педагогика, 1987. – 224 с.
10. Подросток на перекрестке эпох: проблемы и перспективы соц.-психолог. адаптации подростков / под ред. С.В. Кривцова. – М.: Генезис, 1997. – 288 с.
11. Рождественская, Н.А. Как понять подростка / Н.А. Рождественская. – М.: Роспедагентство, 1995. – 75 с.
12. Рождественская, Н.А. Образ «Я» и образ сверстника у подростков с высоким и низким уровнями восприятия социальной поддержки / Н.А. Рождественская. – 2006. – № 4. – С. 52–56.

13. Ремшмидт, Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности / Х. Ремшмидт. – М.: Мир, 1994. – 320 с.

14. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1986. – 238 с.

15. Ялом, И.Д. Экзистенциальная терапия: пер. с англ. / И.Д. Ялом. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 512 с.

[К содержанию](#)

УДК 159.923

ББК Ю937.4

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА

И.А. Шляпкина

По результатам проведенного теоретического и эмпирического исследования выявлены структурные особенности личностной зрелости взрослого человека. Установлено, что структура личностной зрелости образована системой взаимосвязей между личностным, рефлексивным и функциональным компонентами. Выявленные взаимосвязи отражены в модели личностной зрелости.

Ключевые слова: личностная зрелость; эго-идентичность; смысложизненные ориентации; ценности.

Проблема зрелости человека – комплексная проблема научного знания психологии, биологии, медицины, социологии, философии и других наук о человеке. В психологической науке наиболее важным, но, вместе с тем, и наиболее сложным и менее исследованным из всех аспектов зрелости, по признанию многих авторов, является личностная зрелость.

Целью нашего исследования было выявить взаимосвязь личностной зрелости и эго-идентичности на уровне структурных особенностей и закономерностей функционирования.

Первоначально по итогам теоретического анализа проблемы взаимосвязи эго-идентичности и личностной зрелости была разработана теоретическая модель конструкта личностной зрелости [4, 6]. Согласно модели, структурно личностная зрелость образована тремя компонентами: личностным, рефлексивным и функциональным.

Базовыми составляющими личностного компонента являются система ценностей и направленность личности. Центральным элементом рефлексивного компонента личностной зрелости является достигнутая эго-идентичность. Функциональный компонент включает способность к саморегуляции, самоактуализации, самореализации и т.д., образующие вместе интегральную способность личности к самоорганизации.

Таким образом, дальнейшее решение задачи эмпирического исследования структурных особенностей личностной зрелости осуществлялось через обнаружение взаимосвязей между составляющими указанных теоретически выделенных компонентов личностной зрелости.

Для исследования системы взаимосвязей использовался метод эксплораторного факторного анализа.

Следует уточнить некоторые процедурные особенности факторного анализа:

1. Факторизации подвергались только шкальные оценки, общие показатели по методикам не включались в факторный анализ. Это обусловлено требованием о недопустимости функциональных зависимостей между факторизуемыми переменными.

2. Перед факторизацией проводилась первоначальная статистическая проверка данных на применимость факторного анализа к выбранным переменным (критерий Кайзера – Мейера – Олкина, КМО) и на многомерную нормальность (тест сферичности Барлетта).

3. Факторы извлекались с помощью метода максимального правдоподобия. В связи с предположением о коррелируемости факторов для вращения использовался метод косоугольного вращения факторов Direct oblimin.

4. Для принятия решения о количестве факторов использовались формальные (критерий Кайзера, критерий «каменистой осыпи» Р. Кеттелла, статистическая оценка «качества подгонки» (goodness-of-fit test на основе критерия χ^2)) и содержательный критерии. Окончательное решение о количестве факторов принималось на основе содержательной интерпретации факторов, выбирались те факторные решения, которые имеют понятную теоретическую и логическую интерпретацию.

5. При интерпретации факторов в качестве значимых рассматривались факторные веса $>0,4$.

6. Факторизации подвергались данные трех психодиагностических методик: «Опросник терминальных ценностей» (ОТеЦ, И.Г. Сенин) [2]; «Тест статусов и структуры эго-идентичности» (СЭИ-тест, Е.Л. Солдатова) [3]; «Тест смысловых ориентаций» (СЖО, Д.А. Леонтьев) [1].

По результатам факторного анализа данных ($N=356$) в качестве наиболее оптимального было выбрано четырехфакторное решение: КМО=0,892; по тесту Барлетта $p<0,001$; по тесту goodness-of-fit $p=0,165$; доля объясняемой дисперсии ДОД=65,2 %.

Полученное факторное решение представлено в табл. 1 (приведены значения переменных с факторными весами $>0,4$).

Из таблицы 1, видно, что фактор 1 включает в себя показатели теста смысловых ориентаций, фактор 2 – показатели достигнутой эго-идентичности, факторы 3, 4 – ценностные переменные.

Таблица 1

Факторное отображение структуры личностной зрелости

Показатели	Факторные нагрузки			
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Локус – жизнь	.900	–	–	–
Цели	.889	–	–	–
Результат	.885	–	–	–
Локус – Я	.826	–	–	–
Процесс	.792	–	–	–
Сила эго	–	.885	–	–
Ответственность за выбор	–	.881	–	–
Соответствие себе	–	.787	–	–
Осознанность жизненного пути	–	.761	–	–
Эмоциональная зрелость	–	.641	–	–
Принятие настоящего	–	.612	–	–
Осознанность ценностей	–	.600	–	–
Духовное удовлетворение	–	–	.708	–
Развитие себя	–	–	.694	–
Креативность	–	–	.585	–
Активные социальные контакты	–	–	.569	–
Сохранение собственной индивидуальности	–	–	.446	–
Достижения	–	–	.423	–
Высокое материальное положение	–	–	–	.602
Собственный престиж	–	–	–	.504
Доля суммарной дисперсии, %	22,7	18,2	16,4	7,9
Название фактора и его соотнесенность с компонентами теоретической модели личностной зрелости	Осмысленность жизни (Ф)	Достигнутая эго-идентичность (Р)	Ценности духовного удовлетворения и развития (Л)	Ценности материального благополучия и престижа (Л)

Условные обозначения: Л, Р и Ф – компоненты личностной зрелости: Л – личностный, Р – рефлексивный, Ф – функциональный; «–» – факторные нагрузки меньше 0,4.

Исходя из содержательного наполнения, фактор 1 может быть обозначен как «Осмысленность жизни» и отнесен к функциональному компоненту личностной зрелости, фактор 2 – «Достигнутая эго-идентичность» – соответствует рефлексивному компоненту личностной зрелости.

Факторы 3 и 4, включают ценностные переменные, но имеют разное содержание. В факторе 3 наибольшие факторные веса имеют ценности духовного удовлетворения и развития себя, они характеризуют человека как направленного на самосовершенствование и получение внутреннего удовлетворения от реализации во всех сферах жизни. В соответствии с ведущими ценностями фактор 3 можно обозначить как «Ценности духовного удовлетворения и развития». Ценности, свидетельствующие о преимущественной направленности на достижение материального благополучия (ценность высокого материального положения) и завоевание признания в обществе за счет следования определенным социальным требованиям (ценность социального престижа), выделились в отдельный фактор 4. В соответствии с характером ценностей фактор 4 можно обозначить как «Ценности материального благополучия и престижа».

Таким образом, личностный компонент личностной зрелости представлен в полученной факторной структуре двумя факторами – «Ценности духовного удовлетворения и развития» и «Ценности материального благополучия и престижа», рефлексивный компонент – фактором «Достигнутая эго-идентичность», функциональный компонент – фактором «Осмысленность жизни».

О структурных особенностях личностной зрелости свидетельствуют коэффициенты корреляции между выделенными факторами (табл. 2).

В ячейках табл. 2 для каждой пары факторов приведены коэффициенты корреляции между факторами.

Как следует из табл. 2, близкие к 0 корреляционные связи обнаружены между факторами «Осмысленность жизни» и «Ценности материального благополучия и престижа» и между факторами «Достигнутая эго-идентичность» и «Ценности духовного удовлетворения и развития». Между остальными факторами обнаружены тесные корреляционные связи.

Фактор «Осмысленность жизни» имеет положительные корреляции с факторами «Достигнутая эго-идентичность» ($r=0,482$; $p<0,001$) и «Ценности духовного удовлетворения и развития» ($r=0,192$; $p<0,001$). Также положительной корреляционной связью объединены оба ценностных фактора – «Ценности духовного удовлетворения и развития» и «Ценности материального благополучия и престижа» ($r=0,502$; $p<0,001$). Отрицательная корреляция обнаружена между факторами «Достигнутая эго-идентичность» и «Ценности материального благополучия и престижа» ($r=-0,310$; $p<0,001$).

Таблица 2

Факторная корреляционная матрица

Факторы	Фактор 1: Осмысленность жизни	Фактор 2: Достигнутая эго-идентичность	Фактор 3: Ценности духовного удовлетворения и развития	Фактор 4: Ценности материального благополучия и престижа
Фактор 1: Осмысленность жизни	1	.482***	.192***	.026
Фактор 2: Достигнутая эго-идентичность	–	1	–.020	–.310***
Фактор 3: Ценности духовного удовлетворения и развития	–	–	1	.502***
Фактор 4: Ценности материального благополучия и престижа	–	–	–	1

Условные обозначения: уровень значимости: *** – $p \leq 0,001$; ** – $p \leq 0,01$; * – $p \leq 0,05$.

На основе полученного факторного решения с учетом содержания выделенных факторов и корреляций между ними была построена обобщенная модель структуры личностной зрелости, отражающая взаимосвязи между всеми компонентами личностной зрелости (рис. 1).

Элементы модели на рисунке представляют собой факторы, взаимосвязи между ними основаны на показателях коэффициентов корреляции между факторами.

Как видно из рис. 1, между всеми выделенными в результате теоретического анализа компонентами личностной зрелости (личностным, рефлексивным и функциональным) существуют корреляционные связи, что говорит об их включенности в структуру личностной зрелости. Понимание специфики этих взаимосвязей важно для уточнения содержания и структурных особенностей личностной зрелости. Рассмотрим выявленные корреляции более детально.

Положительная взаимосвязь между достигнутой эго-идентичностью и осмысленностью жизни вполне закономерна и подтверждает теоретический конструкт. Достигнувший эго-идентичности человек, пройдя путь самосознания, формирует собственную систему ценностей, целей и убеждений, которая и обеспечивает чувство осмысленности и направленности

жизни. Не случайно G. Adams and S. Marshall выделили такую функцию эго-идентичности как обеспечение смысла и направленности обязательств, целей и ценностей [7].

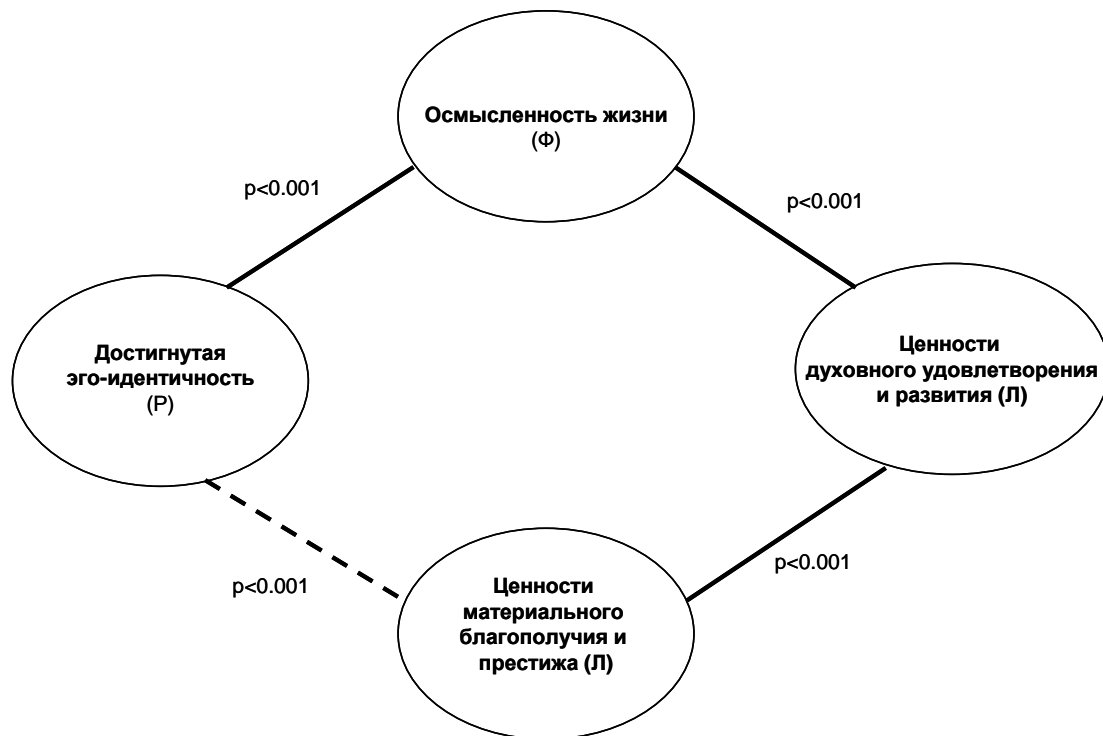

Рис. 1. Структура личностной зрелости
(условные обозначения: Л, Р и Ф – компоненты личностной зрелости:
Л – личностный, Р – рефлексивный, Ф – функциональный;
— — — — — положительная корреляционная связь; - - - - - отрицательная
корреляционная связь; « $p < \dots$ » – уровень значимости корреляционной связи)

Интересна отрицательная корреляционная связь достигнутой эго-идентичности с ценностями материального благополучия и престижа. Она может объясняться следующим. Достигнутая эго-идентичность предполагает формирование внутренней автономной позиции, которая проявляется в опоре на собственные ценности и в преимущественной реализации собственных устремлений. Такая автономная позиция не согласуется с направленностью на достижение общественного признания, престижа, поскольку это требует от личности следования, скорее, социальным требованиям, нежели собственным убеждениям. Анализируя отрицательную взаимосвязь достигнутой эго-идентичности с ценностями престижно-прагматической направленности, можно также провести параллель с идеей Э. Фромма о том, что психологическая зрелость личности связана с модусом бытия, с реализацией своих способностей и потенций, а не с модусом обладания, приобретения и произведения чего-то материального и полезного [5].

Однако, в связи с этим, обращает на себя внимание отсутствие прямой связи достигнутой эго-идентичности с другим ценностным фактором – с «Ценностями духовного удовлетворения и развития» ($r = -0,02$; $p > 0,05$).

То есть данные свидетельствуют о том, что достигнутая эго-идентичность в большей степени связана с отсутствием стремления к реализации ценностей престижа и материального благополучия, нежели с направленностью на развитие и получение духовного удовлетворения.

Похожая тенденция характеризует взаимосвязь фактора «Осмысленность жизни» с ценностными факторами. Высокий уровень осмысленности и управляемости жизни, удовлетворенности самореализацией в большей степени связан со значимостью для личности ценностей развития, и только опосредованно – со значимостью ценностей престижа и материального благополучия.

Рассматривая весь комплекс связей – «Осмысленность жизни» – «Ценности духовного удовлетворения и развития» – «Ценности материального благополучия и престижа» – «Достигнутая эго-идентичность», можно прийти к двум заключениям. Во-первых, в структуре личностной зрелости отмечается достоверная положительная взаимосвязь между рефлексивным и функциональным компонентами, которые представлены, соответственно, достигнутой эго-идентичностью и способностью осмысленно управлять своей жизнью. Во-вторых, специфика взаимосвязи ценностных переменных с рефлексивным и функциональным компонентами личностной зрелости позволяет предположить, что для достижения личностной зрелости важна не столько определенная ценностная направленность личности, сколько баланс в мотивационной сфере, особая организация системы ценностей, в которой внутренне ориентированные ценности развития и духовного удовлетворения сочетаются с внешне ориентированными ценностями престижа и материального благополучия.

Исходя из полученной эмпирическим путем модели структуры личностной зрелости, можно ожидать, что изменение баланса в сторону преимущественной направленности на самосовершенствование, самореализацию и получение духовного удовлетворения от жизни в большей степени согласуется с личностной зрелостью, поскольку напрямую связано с высоким уровнем осмысленности жизни. В то же время преобладание престижно-прагматической мотивации, скорее всего, в меньшей степени согласуется с личностной зрелостью, поскольку связано со снижением показателей достигнутой эго-идентичности.

Библиографический список

1. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. – 2-е изд. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
2. Сенин, И.Г. Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ): руководство / И.Г. Сенин. – Ярославль: Психодиагностика, 1991. – 19 с.

3. Солдатова, Е.Л. Психологическое содержание нормативных кризисов развития личности взрослого человека / Е.Л.Солдатова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Психология». – 2008. – № 31 (131). – С. 39–47.

4. Солдатова, Е.Л. Эго-идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости / Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». – 2010. – Вып. 10. – № 27(203) – С. 66–74.

5. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 313 с.

6. Шляпникова, И.А. Взаимосвязь эго-идентичности и личностной зрелости: автореферат дис. ... канд. психол. наук / И.А.Шляпникова. – Челябинск, 2010. – 26 с.

7. Adams, G.R. A developmental social psychology of identity: understanding the person in context / G.R. Adams, S. Marshall // Journal of Adolescence. – 1996. – No. 19. – Pp. 1–14.

[К содержанию](#)

УДК 159.923.07+616.5:159.938

ББК Ю94

КОЖНЫЕ БОЛЕЗНИ: ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПАТОГЕНЕЗА

А.В. Штрахова

Представлены результаты теоретического анализа базовых положений психоаналитического направления в психологии применительно к задаче изучения кожных заболеваний как достоверной модели психосоматических расстройств. С психоаналитических позиций описаны функции кожи в норме и при патологии, объяснены основные клинические симптомы заболеваний, уделено внимание психологии телесности как одной из теорий психодинамической направленности, применительно к задачам психологического исследования больных с кожными заболеваниями.

Ключевые слова: психосоматические расстройства, психодинамика, психология телесности, телесный образ я, границы телесности.

Кожная патология (дерматозы) является одними из заболеваний, приносящих не только телесные страдания, но и психологический дискомфорт. Характерная клиника этих расстройств, протекающая с зудом, поражением не только закрытых от внешнего взгляда, но и открытых участков кожи упорным, имеющая хронический и рецидивирующий характер, часто сопровождается невротическими расстройствами, снижением или утратой трудоспособности, социальной дезадаптацией и ухудшением качества жизни больных.

Больные достаточно часто связывают появление заболевания с психогенными и психотравматическими факторами, а также психосоциальными факторами, прежде всего – особенностями межличностных отношений, особенно в детском возрасте (отношений с матерью, разлукой с ней, или, наоборот, появлением людей, имеющих для больных большую эмоциональную притягательность и др.).

Вышеизложенное подчеркивает актуальность исследования психосоматического аспекта таких заболеваний, наиболее типичные из которых, например, атопический дерматит, справедливо признается как типичная модель психосоматического страдания [1, 2].

В психоанализе одним из ключевых факторов этиопатогенеза психосоматических расстройств, и кожных заболеваний, в частности, признается наличие эмоционального конфликта, специфика психологической структуры личности и динамики ее отношений и другие важных в психодинамическом плане факторы [2].

С позиций психоанализа выделяются четыре базовых (имеющих значение для развития дерматозов) функции кожи:

1) покровный слой организма, выполняющий защитную функцию. Воспринимая внешние и внутренние стимулы, трансформируя их. При этом вазомоторные реакции кожи выполняют роль своеобразной «брони» против вытесненных импульсов, что может являться пусковым фактором появления дерматозов;

2) кожа как важная эрогенная зона, которая в ответ на повторяющееся неоднократное вытеснение либидонозной потребности претерпевает изменения, которые могут рассматриваться как внешние соматические эквиваленты конфликта;

3) кожа как видимая поверхность организма, на которой происходит выражение конфликтов, связанных с эксгибиционизмом (проявления бессознательных конфликтов, обнаруживаемые в фобиях по поводу своей внешности, необходимости общения и публичности);

4) кожа как поверхность для отображения соматических эквивалентов тревоги, формирующейся вследствие неспособности человека адекватно отреагировать собственное напряжение, что амбивалентно вызывает потребность отвержения ее и необходимость защиты от нее, а также появление зуда как ответа на нарушения «психодинамического» равновесия [2, 6, 9].

Основываясь на базовом положении теории Ф. Александера о ведущей роли в патогенезе психосоматических заболеваний всеобщих и, в то же время, специфичных неосознанных эмоциональных конфликтов, следует признать, что в случае дерматозов, сопровождающихся саморасчесами, специфическим (как в психодинамическом, так и патогенетическом понимании) фактором должно рассматриваться подавление агрессивных и сексуальных тенденций при невозможности самостоятельно контролировать собственные эмоциональные устремления [1]. С такой точки зрения, зудя-

щие дерматозы являются достаточно информативной иллюстрацией другого положения теории Ф. Александера – включение врожденных либо приобретенных патофизиологических расстройств в патогенетические механизмы психосоматических нарушений в качестве «промежуточного» звена – между сугубо психологическими (в частном случае – специфическими эмоциональными конфликтами) и сугубо соматическими механизмами. Влияние этого промежуточного звена, объединяющего в себе физиологические и нервно-психические связи регуляции деятельности организма, провоцируется и поддерживается, с одной стороны, психогенными факторами, и с другой стороны, при длительной ретенции, приводит к реальным морфологическим изменениям органа [8]. Именно психофизиологический фактор поддерживает существование известного в клинической практике «порочного круга» взаимосвязи симптомов. В частности, при дерматозах постоянное расчесывание под воздействием стресса ведет к изменению структуры и целостности кожного покрова, а также кожной чувствительности к внешним раздражителям [5], что, в свою очередь, добавляет соматический компонент к ранее сформировавшемуся психологическому стимулу для расчесывания.

Представляется, что именно психодинамический подход к оценке функций кожи, выявление специфического эмоционального конфликта и психодинамических механизмов подавления импульсов сексуальности, тревоги и враждебности позволяет обоснованно рассматривать специфическую роль психофизиологического фактора в поддержании формирующегося при нейродермите «порочного круга», основанного на действии механизмов «десоматизации – ресоматизации».

Психодинамические представления о мультифакторной природе этих расстройств содержат в себе точку зрения на то, что расчесывание при таких дерматитах представляет собой эротизированный способ справиться с агрессией [4]. При этом расчесывание не всегда вызвано зудом, а является своеобразной моторной разрядкой состояния психогенного эмоционального напряжения. Такое расчесывание на фоне отсутствия зуда, тем не менее, может спровоцировать появление зуда как за счет механических повреждений, так и за счет актуализации механизмов описанного выше «порочного круга». В некоторых случаях пациенты «совершенствуют» свою «технику расчесывания», с помощью которой вызывают ощущение умеренной боли, сопряженной с появлением переживания чувства удовольствия, что может быть проинтерпретировано как эквивалент мастурбации.

Существует мнение, что некоторые дерматозы могут быть связаны с кожной эротикой, поскольку особенно часто возникают и рецидивируют там, где почву для них подготовила конституционально повышенная эротичность [5]. При этом зуд и расчесывание предоставляют возможность для кожного эротического удовлетворения, а применение мази также может быть направлено на удовлетворение эротических потребностей [13].

На примере психоаналитических представлений о роли кожи в формировании расстройств психосоматического спектра прослеживается специфика многих аспектов человеческой сексуальности. Так, оральная эротика в генезе кожных расстройств проявляется на первом году жизни, поскольку либидинизация кожных покровов приводит у ребенка к усилению потребностей, в удовлетворении которых он получает от матери отказ. Значение анальной эротики при многих кожных заболеваниях несомненно, поскольку пациенты считают себя «грязными», «испачканными», испытывают потребность отмывать свою кожу, держать ее в чистоте. Расчесывание приводит к появлению амбивалентных ощущений мучительной болезненности и, одновременно, чувства удовольствия, которые дополняются выполняющими роль наказания представлениями о себе неприглядном или уродливом человеке.

При таком варианте патогенеза кожных заболеваний как психосоматического расстройства очевидно проявляются садомазохистские тенденции, присутствующие почти у всех пациентов с зудящими дерматозами. Так, внезапное возникновение псориаза может наблюдаться у лиц с обращенными против собственного Эго садистическими импульсами, при том, что псориаз, собственно, не является «конверсионным симптомом», поскольку при этом не получившие разрядки конкретные садистические усилия воздействуют на кожу через нарушение химических и нервных процессов в коже. Кожные симптомы при псориазе также могут также рассматриваться как отступление к пассивности, а с учетом их традиционной локализации – к мазохистскому эксгибиционизму симптомов [4]. В тоже время такие пациенты стремятся избежать демонстрации пораженных областей кожи, что свидетельствует не только о наличии у них сформированного повышенного чувства стыда, но и имеющейся у них выраженной защите от эксгибиционистских тенденций.

Пациентам с дерматозами присущи переживания подавляемой ими импульсов враждебности по отношению к своим семьям, чувство своей неадекватности, депрессивности, нервность и беспокойство, причем такие испытываемые чувства и переживания оказывают негативное влияние на состояние кожных покровов [2].

В психоаналитической литературе в числе психосоматических факторов этиопатогенеза кожных заболеваний рассматриваются вытеснение агрессивных импульсов и фрустрация конкурентных установок. При этом центральное место занимает проблема расчесывания как специфический (с психосоматических позиций) фактор этиопатогенеза и клиники кожных заболеваний, проявляющаяся представлениями о зуде и его подавлении как исполнении функции регуляции вытесненной агрессии, тревоги или сексуальности [12].

С психодинамических позиций кожные заболевания могут рассматриваться не только как пример своеобразного «крика о помощи» в связи с неудовлетворенной потребностью в близком объекте, но и как проявления бессознательного подтверждения потребности в сохранении границ тела, в разграничении между индивидуумом и другим, в сохранении барьера от риска слияния с ним, и как защита от бессознательной фантазии быть поглощенным.

В отечественной клинической психологии кожные заболевания часто рассматриваются с позиций психологии телесности, теоретические положения которой также во многом имеют психоаналитическую природу [3, 7], подходов к исследованию образа физического «Я», образа тела, его границ и границ «Я», интерпретируемых в рамках психодинамической парадигмы [10, 11, 12].

Широко встречающийся в литературе по проблеме термин «образ тела» («Body image») оказывается тесно связанным с представлениями о границах тела (в частном случае – с границами образа тела) как определенными формами первичных интериоризаций, определяющих способы реагирования субъекта на стимулы внешнего мира. Основной функцией границы образа тела при этом является защита от окружающей среды, и в частности, защита Эго от внешних «посягательств». Классические исследования в зарубежной клинической психологии показывают, что характеристики отчетливости границ образа тела можно рассматривать как своеобразные координаты, в системе которых происходит организации как телесного опыта, так и всего опыта и поведения в целом [12].

При этом важным отправным моментом такого рода клинико-психологического исследования является предположение о том, что границы телесности у больных заболеваниями кожи, с одной стороны, определяются психосоматическим вариантом взаимодействия субъекта с окружающим миром, и с другой стороны, влияют на характер психосоматического функционирования пациентов.

Следует отметить, что представления о границах телесного образа «Я» и сами эти границы не совпадают с границей физического тела, очерченной кожей. Осознание границ своего тела является первой ступенью индивидуализации. Психическое развитие человека есть, по сути, выстраивание «второй кожи» и формирование пространства между первой и второй кожей, т.е. психологической границы [3, 7].

Такая граница не должна полностью изолировать тело, ибо при этом устраняется ее посредническая функция между телом и средой. Обычно границей телесности становится определенный телесный конструкт, берущий на себя функцию перехода-препятствия между пространством тела и средой, не имеющий четких анатомических коррелятов.

В целом принято считать, что границы «Я» необходимы для нормального существования и функционирования личности, ее контакта с окружающим миром. Они отделяют, защищают человека от окружающей среды и в то же время соединяют, обеспечивают взаимодействие между ними.

В связи с вышеизложенным особое значение имеет изучение представлений об образе «Я» и границах телесности у больных с заболеваниями кожи. Кожу как морфологическую структуру, фиксирующую внешнюю поверхность тела, можно рассматривать как форму «объективации» и «морфологизации» внешней границы телесности. В топологическом плане кожа (кожная оболочка) является определенным «геометрическим местом точек», плоскостью, в пределах которой заканчивается человеческое тело и начинается окружающая среда. При этом для субъекта и функционирования его психического аппарата кожа может принимать определенное символическое значение: с одной стороны, она защищает его от внешних влияний и факторов, и с другой стороны, служит средством контакта и коммуникации [9, 10].

В зависимости от состояния мира и состояния субъекта психологическая граница приобретает признаки своеобразного «функционального органа», сформированного усилиями самого человека в процессе его жизненного пути в результате непрерывного динамического процесса установления границы между собой и внешним миром, исключающий возможность статичного переживания в отношении своей кожи.

Таким образом, кожное заболевание, с одной стороны, препятствует физическому и личностному проникновению психотравматизирующего фактора, а с другой, обнажает и разрушает границы тела, и, в определенном смысле, трансформирует образ «Я», иллюстрируя беззащитность и подверженность («проницаемость») субъекта психогенному воздействию. При этом болевой фактор кожных заболеваний в патогенетическом плане несколько отличается от такового при других психосоматических расстройствах (боль вызывается не столько собственно болезнью, сколько интенсивным расчесыванием кожи). Тем не менее, с позиций психологии телесности, ощущение боли имеет центральное значение в возникновении и развитии кожных заболеваний, поскольку оказывает содействие в очерчивании для субъекта его телесных границ, следовательно, имеет отношение к понятию «окутывания Я объектом».

Как следствие, с таких позиций кожные заболевания могут рассматриваться как проявление определенной психологической неспособности решать проблемы, возникающие в ситуации неудовлетворенности потребности в значимом объекте, а также как своеобразное бессознательное феноменологическое подтверждение нарушения границ тела, разграничивающих субъекта от других, проявление прорыва барьера, защищающего от слияния и бессознательной фантазии быть поглощенным.

Таким образом, рассматриваемые с психоаналитических позиций значимые для развития дерматозов базовые функции кожи (выполнение функций защиты, локального отображения эквивалентов тревоги и выражение связанных с эксгибиционизмом конфликтов, участие в эрогенной стимуляции) могут быть адекватно включенными в мультифакторную систему этиопатогенеза психосоматических вариантов таких расстройств. При этом особое внимание специфической для кожных заболеваний проблеме расчесывания, в рамках которой зуд и его подавление рассматривается как исполнение функции регуляции вытесненных импульсов.

Библиографический список

1. Александер, Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение / Ф. Александер; пер. с англ. С. Могилевского. – М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2002. – 352 с.
2. Аммон, Г. Динамическая психиатрия / Г. Аммон. – СПб.: Институт им. В.М. Бехтерева, 1995. – 200 с.
3. Бескова, Д.А. Клинико-психологические характеристики внешней и внутренней границ телесности (на модели соматофорных расстройств): дис. ... канд. псих. наук / Д.А. Бескова. – М.: МГУ им. Ломоносова, 2006. – 220 с.
4. Задгер, И. Эротика кожи, слизистой и мышц / Исидор Задгер // Психология и психопатология кожи: тексты. – Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011. – С. 7–40.
5. Масэф, Г. Психодинамика при состояниях зуда / Г. Масэф // Психология и психопатология кожи: тексты. – Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011. – С. 134–141.
6. Миллер, М. Психодинамические механизмы в случае нейродермита / М. Миллер // Психология и психопатология кожи: тексты. – Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011. – С. 76–94.
7. Тхостов, А.Ш. Психология телесности / А.Ш. Тхостов. – М.: Смысл, 2002. – 287 с.
8. Шилдер, П. Заметки о психофизиологии кожи / П. Шилдер // Психология и психопатология кожи: тексты. – Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011. – С. 41–55.
9. Штрахова, А.В. Психосоматические аспекты нейродермита, телесный образ «Я» и его границы у больных с атипичными дерматитами. Сообщение 1 / А.В. Штрахова, А.Р. Харисова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2013. – Т. 6. – № 3. – С. 101–109.
10. Штрахова, А.В. Телесный образ «Я» и его границы у больных с атипичными дерматитами. Сообщение 2 / А.В. Штрахова, А.Р. Харисова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2014. – Т. 7. – № 1. – С. 103–111.

11. Greenhill, M., Finesinger, J. Neurotic symptoms and emotional factors in atopic dermatitis // Arch. Derm. Syph. – 1942. – Vol. 46. – Pp. 187–193.

12. Fisher, S. Body image and personality / S. Fisher, S.E. Cleveland. – Princeton: Van Nostrand, 1958.

13. Miller, M.L. Psychodynamic mechanisms in a case of neurodermatitis // Psychosomatic Medicine. – 1948. Vol. X. – Pp. 309–316.

[К содержанию](#)

УДК 159.9.072

ББК Ю98

ЦЕННОСТНЫЕ И КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Е.Г. Щелокова

В публикуемой работе рассмотрена проблема проведения кросс-культурных исследований на примере изучения ценностных и карьерных ориентаций студентов российских и британских вузов. Представлены данные по кросс-культурной валидации методики «Аксиологический тест личностных ценностей». На основе результатов пилотажного исследования показано, что карьерные предпочтения студентов изучаемых этнокультурных групп имеют как сходства, так и различия, что может быть объяснено влиянием экономических и социокультурных факторов, определяющих карьеру как комплексный социально-психологический феномен.

Ключевые слова: личностные ценности, карьерные ориентации, культура, психодиагностика, кросс-культурное исследование.

Сложность проведения кросс-культурных исследований обусловлена наличием проблем, связанных с методологическими и процедурными аспектами психологической диагностики. Вместе с тем, актуальность данных исследований с каждым годом возрастает: происходит глобализация рынка мировой экономики, расширяется рынок потребителей тестов, желающих сравнивать показатели разных культурных групп (например, при управлении многонациональной компанией), растет академическая мобильность. Для уральского региона, в целом, и нашего университета, в частности, последняя из указанных тенденций представляет особую значимость, так как международная деятельность вуза (удельный вес иностранных учащихся в общей численности студентов) в настоящее время является одним из показателей эффективности российского вуза [5].

Предметом кросс-культурных исследований выступают особенности психической организации людей с точки зрения ее детерминации социокультурными факторами, специфичными для каждой из сравниваемых этнокультурных общностей. По мнению одного из специалистов по кросс-культурной психологии F. Van de Vijver, достаточно сложно изучать культуру с методологической точки зрения, поскольку это предполагает решение вопросов, связанных с отклонениями и эквивалентностью [6]. Под отклонениями понимается наличие мешающих факторов, которые ставят под сомнение сравнимость оценок, полученных в разных культурных группах, а под эквивалентностью – сравнимость оценок, полученных при тестировании в различных культурных группах [12]. К настоящему времени в психологии предложены подходы и технологии повышения кросс-культурной валидности проводимых исследований. Так, международной комиссией по тестированию выработаны принципы, представляющие собой перечень предложений и рекомендаций по проведению кросс-культурного исследования на самом высоком уровне [по 6].

В рамках стажировки, проходившей в соответствии с планом реализации программы развития Южно-Уральского государственного университета на период 2010–2019 гг., на базе лаборатории «International Laboratory for Interdisciplinary Investigations into Individual Differences in Learning» (InLab, Goldsmiths University of London) было проведено кросс-культурное исследование с целью изучения личностных особенностей, мотивационных предпочтений, ценностных и карьерных ориентаций иностранных студентов как детерминантов успешной адаптации к новой образовательной среде. Одна из задач исследования заключалась в сравнении ценностных и карьерных ориентаций студентов университетов в различных социокультурных условиях (на примере России и Великобритании как культур противоположного типа по критериям индивидуализма/коллективизма, маскулинности/фемининности, дистанции по отношению к власти и избегания неопределенности [11]).

Эмпирическую базу исследования составили две социокультурные группы: российские и британские студенты. Первую группу составило 674 будущих специалиста разных профессиональных подготовок университетов г. Челябинска в возрасте 17–25 лет, из них 291 юноша и 382 девушки. Вторая группа представлена студентами технических и гуманитарных направлений, обучающихся в Лондоне в университетах Goldsmiths, Queen Mary, Brunel, New York University in London. Объем выборки: 31, из них 12 мужчин и 19 женщин в возрасте от 18 до 34 лет (средний возраст – 21,35 лет).

В исследовании были выдвинуты следующие гипотезы: 1) существуют кросс-культурные различия в ценностно-смысловой сфере личности у российских и британских студентов; 2) российские и британские студенты

имеют схожие карьерные предпочтения (по степени предпочитаемости: управление, мастерство, предпринимательство, служение); 3) как у российских, так и у британских студентов карьерная направленность «карьера вверх» связана с социально-прагматическими ценностями, а «карьера вглубь» – с духовно-нравственными.

Методами сбора данных выступило тестирование с использованием следующих опросников: «Карьерные ориентации» Н.Н. Мельниковой (для русскоязычной выборки) и «Career anchors» Е. Schein (для англоязычной выборки), «Аксиологический тест личностных ценностей» А.В. Капцова (АТЛЦ; на русском и английском языках, в адаптации автора теста – [4]). В качестве методов обработки и интерпретации данных выступили корреляционный, факторный и качественный анализы.

Первым этапом анализа данных выступила процедура кросс-культурной валидизации АТЛЦ, поскольку данные об использовании методики на зарубежной выборке отсутствуют. Результаты расчетов надежности (коэффициент α -Кронбаха) и внутренней валидности (средний коэффициент корреляции пунктов с результирующей шкалой) отражены в таблице 1.

Таблица 1

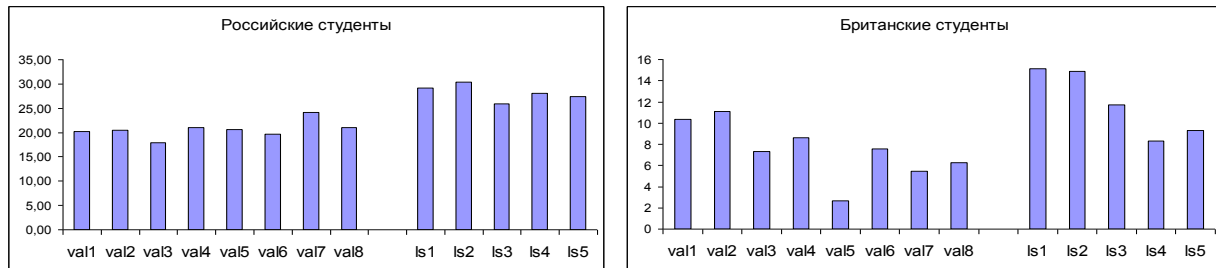
Психометрические характеристики методики АТЛЦ (n=31)

Субшкалы теста	val1	val2	val3	val4	val5	val6	val7	val8	ls1	ls2	ls3	ls4	ls5	sd
Надежность	.82	.81	.74	.77	.60	.67	.71	.69	.77	.80	.78	.72	.79	.53
Внутренняя валидность	.50	.47	.38	.42	.25	.29	.34	.33	.29	.35	.33	.26	.33	.11

Условные обозначения: **val** – жизненные ценности: **val1** – саморазвитие, **val2** – духовное удовлетворение, **val3** – креативность, **val4** – социальные контакты, **val5** – престиж, **val6** – достижения, **val7** – материальное положение, **val8** – сохранение индивидуальности; **ls** – жизненные сферы: **ls1** – профессиональная жизнь, **ls2** – обучение и образование, **ls3** – семейная жизнь, **ls4** – общественная жизнь, **ls5** – увлечения; **sd** – показатель социальной желательности.

Как видно из таблицы 1, результаты проверки методики АТЛЦ показали ее достаточную надежность (критическое значение надежности есть только у ценности престижа, а остальные шкалы превышают нормальный уровень 0,6) и кросс-культурную валидность, поскольку одни и те же утверждения с приемлемой частотой ($> 0,2$) входили в одни и те же факторы в разных этнокультурных выборках. Остается проблемной шкала социальной желательности, но она не несет информационной нагрузки, кроме той, что у британских студентов чрезмерно завышена шкала социальной желательности – намерение российских психологов изучить их ценности очень взволновало их. Тем не менее, объем выборки (n=31) не позволяет считать

процедуру кросс-культурной валидизации АТЦЛ завершённой (не соблюдены все требования стандарта, предъявляемых к психодиагностическим методикам [1, 8]) и, к сожалению, сравнить результаты российских и британских студентов пока не представляется возможным, так как отсутствуют инструменты стандартизации методики. На данном этапе исследования сравнение выборок возможно на основе анализа иерархического профиля ценностей и жизненных сфер разных групп (см. рис.).

Показатели личностных ценностей и жизненных сфер
российских и британских студентов
(условные обозначения: те же, что к таблице 1.
Значения показателей указаны в сырых тестовых баллах)

У российских студентов 1-е место в рейтинге ценностей занимает материальное положение, 2-е – взаимоотношения, 3-е – сохранение индивидуальности, 4-е – престиж, 5-е – духовное удовлетворение, 6-е – саморазвитие, 7-е – достижения, 8-е – креативность. По нашему мнению, первостепенная значимость ценности материального положения современных студентов скорее характеризует их не со стороны личностных особенностей, а отражает общее состояние нашего государства на данном этапе развития. Стоит обратить внимание на ценность креативности (стремление к реализации своих творческих возможностей, внесению изменений во все сферы своей жизни), которая занимает последнее место в иерархии личностных ценностей российских студентов. Данный факт можно объяснить тем, что Россия относится к культурам с высоким избеганием неопределенности, для которых характерно восприятие ситуации неопределенности как угрозы, высокий уровень стресса, тревожности, нетерпимость к новым идеям, стабильность места жительства и работы [11], более низкие показатели здоровья и субъективного благополучия [2, 10].

В отличие от российских у британских студентов на 1-ом месте определяется духовное удовлетворение, на 2-ом – саморазвитие, на 3-ем – взаимоотношения, на 4-ом – достижения, на 5-ом – креативность, на 6-ом – сохранение индивидуальности, на 7-ом – материальное положение, на 8-ом – престиж. Однако это результаты пилотажного исследования, недостаточного по количеству выборки. Тем не менее, они показывают, что даже у данной немногочисленной группы выборы почти противоположны выборам российских студентов (рис.). Для британских студентов такая цен-

ность, как материальное положение, не является самой важной, как для российских студентов. Они могут себе позволить больше думать о моральном удовлетворении от совершаемой деятельности, саморазвитии, социальной активности, достижениях и креативности, в отличие от российских студентов, у которых креативность как ценность занимает последнее место из восьми позиций. В группе студентов из Великобритании последнее место в рейтинге личностных ценностей занимает престиж, означающий стремление к признанию, уважению и одобрению со стороны других, а также честолюбие как категоричность в ситуации взаимодействия с людьми меньшего статуса [4]. Полученные результаты согласуются с представлениями об англоязычных странах как культурах индивидуалистского типа с малой дистанцией власти [11]. Наряду с отличиями обнаружено сходство: обе группы объединяет желание устанавливать социальные контакты и строить конструктивные взаимоотношения. Перспективно было бы именно на этом этапе возрастного и профессионального развития обеспечить нашим студентам возможности академической мобильности, осуществления профессиональных контактов, сближения культур, знакомства с другими университетами по программе стажировок. Есть позитивные изменения в этом направлении как со стороны университетов (установление международных контактов, программы обмена студентов, стажировки профессорско-преподавательского состава), так и со стороны государства. Так, 2014 год официально признан перекрестным годом культуры Великобритании в России, целью которого является развитие культурного обмена между странами. Именно посредством сотрудничества в культурной сфере организаторы Года Великобритании в России 2014 планируют способствовать укреплению отношений между правительствами, международными организациями и между отдельными жителями двух государств [7].

При сравнении групповых профилей показателей жизненных сфер следует отметить, что у российских студентов все сферы занимают практически равную долю в организации жизни, за исключением сферы семейной жизни (5-ое, последнее место в иерархии), что может быть объяснено материально непростым положением большей части современной молодежи. В группе британских студентов более значимы сферы профессиональной жизни и обучения, выступающие «фаворитами» на фоне остальных. Можно предположить, что у британских студентов в большей мере развита способность расстановки приоритетов в решении жизненных задач: на этапе обучения в университете они более ориентированы на получение качественного образования как залога их будущей профессиональной карьеры, уделяя меньше внимания прочим жизненным сферам (семья, увлечения, общественная деятельность). На основе проведенного пилотажного исследования можно заключить, что дальнейшая кросс-культурная валидизация и стандартизации методики АТЛЦ представляется перспективным направлением.

Карьерные ориентации, являясь частью общей ценностной структуры личности, также представляли научный интерес данного исследования. На этапе его планирования мы предполагали, что российские и британские студенты имеют схожие карьерные предпочтения. Несмотря на очевидное различие изучаемых культур, предположение о схожести карьерных ориентаций было основано на тенденции модернизации российского общества (переход от плановой к рыночной экономике) и системы высшего образования (популяризация управленческих и экономических специальностей), а также явлении культурной ассимиляции западных ценностей в современном российском обществе. «Культура успеха», характерная для западных стран, аккумулируясь в национальном сознании россиян, проявила себя в следующей иерархии карьерных ориентаций будущих специалистов (по степени их предпочтительности): управление, мастерство, предпринимательство, служение [9]. Сравнительные результаты показателей карьерных ориентаций российских и британских студентов отражены в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительные результаты показателей карьерных ориентаций
студентов российских и британских университетов

Показатели		Студенты России		Студенты Великобритании	
		М	Рейтинг	М	Рейтинг
Общие шкалы для разных культур	Управление	12,42	1	11,97	4
	Предпринимательство	10,52	3	13,00	3
	Служение	10,36	4	15,00	1
	Мастерство	10,94	2	14,72	2
Шкалы второго порядка	Карьера вверх	22,95	1	24,97	2
	Карьера вглубь	21,31	2	29,72	1

Согласно данным, представленным в таблице 2, гипотеза № 2, заявленная в нашем исследовании, не подтвердилась. Как оказалось, российские и британские студенты имеют различные карьерные предпочтения: российские студенты более ориентированы на карьерное продвижение в социально-должностной иерархии (вектор развития «карьера вверх»), а британские студенты – на профессиональное развитие и достижение общественно-значимых результатов в своей трудовой деятельности (вектор развития «карьера вглубь»). У российских студентов карьерная успешность ассоциируется прежде всего с высокой руководящей должностью, что может быть связано с ценностной перестройкой в современных условиях развития российского общества. Образ успешного обеспеченного человека, пропагандируемый в СМИ и вместе с тем не имеющий собственной культурно-исторической основы, вызывает у современной молодёжи желание иметь высокий статус и легкие деньги, которое не всегда подкреплено

стремлением развивать соответствующие профессиональные компетенции [3]. В этом плане преподавателям университета необходимо вести психолого-педагогическую работу со своими студентами по усвоению ценностно-смысловых оснований будущей профессии, хотя сейчас это звучит наивно и утопически, так как российское общество сильно отличается от западного по уровню жизни.

Гипотеза № 3, заявленная в исследовании, также не подтвердилась. Опираясь на результаты исследования ценностно-смыслового аспекта карьерной направленности российских студентов [9], мы предполагали, что и у британских студентов карьерная направленность «карьера вверх» связана с социально-прагматическими ценностями, а «карьера вглубь» – с духовно-нравственными. Корреляционный анализ результатов пилотажного исследования показал другую тенденцию. У студентов, обучающихся в Великобритании, вектор развития карьеры «вглубь» связан с прагматической направленностью личности: ценностями «материальное положение» ($r=.468$, $p\leq.05$) и «сохранение индивидуальности» ($r=.450$, $p\leq.05$), а карьерный вектор «вверх» – как с прагматической, так и с гуманистической направленностью личности: ценностями «престиж» ($r=.501$, $p\leq.05$), «взаимоотношения» ($r=.423$, $p\leq.05$), «саморазвитие» ($r=.411$, $p\leq.05$), «духовное удовлетворение» ($r=.467$, $p\leq.05$). Для объяснения полученных результатов необходимы дальнейшие исследования, однако на данном этапе можно предположить, что современная российская молодежь под влиянием пропаганды западного образа жизни заимствовала только внешнюю атрибутику карьерного успеха, без понимания и принятия целей, ценностей и традиций другой культуры. Так, ценности, выраженные в эквивалентном вербальном отношении, в разных культурах понимаются по-разному и имеют особый коннотативный смысл, непосредственно доступный лишь носителям данной культуры. Ассимиляция ценностей, норм и традиций иной культуры требует приложения больших психических усилий в процессе адаптации личности к новой социокультурной среде [6, 11, 12].

Таким образом, результаты проведенного пилотажного кросс-культурного исследования позволили определить ценностные и карьерные ориентации российских и британских студентов. Британских студентов отличают ценности духовного удовлетворения, саморазвития, социальных контактов и креативности, российские студенты ценят прежде всего материальное положение, социальные контакты, сохранение индивидуальности и престиж. Сходство групп проявляется в желании устанавливать социальные контакты и строить конструктивные взаимоотношения. Отсюда, к перспективным направлениям повышения качества современного высшего образования можно отнести обеспечение для студентов возможности академической мобильности, осуществления профессиональных контактов, сближения культур, знакомства с другими университетами по программе международных стажировок.

Важной характеристикой ценностно-смысловой сферы личности является карьерная направленность, которая отличается у российских и британских студентов, что может быть объяснено влиянием экономических и социокультурных факторов. Российские студенты преимущественно ориентированы на управление и мастерство, британские студенты – на служение и мастерство. Сходство обнаружено в желании студенчества, независимо от места обучения и проживания, осваивать профессиональную деятельность на качественном уровне. Со стороны политики государства, университета и конкретных преподавателей важно поддерживать и развивать данную ориентацию у современной молодежи.

У российских студентов карьерная направленность «карьера вверх» связана с социально-прагматическими, а у студентов британских вузов – и с социально-прагматическими, и с духовно-нравственными ценностями, и в социально-психологической природе обнаруженных явлений предстоит еще разобраться. Тем не менее с высокой степенью вероятности можно заключить, что в различии карьерных ориентаций разных этнических группы мы обнаруживаем культурно обусловленный характер карьеры как социально-психологического феномена.

Благодаря организации университетом международной стажировки и готовности к сотрудничеству со стороны зарубежных коллег (лаборатории InLab на базе Goldsmiths University of London) мы получили опыт проведения кросс-культурных исследований в соответствии с этическими требованиями международного психологического сообщества. В качестве этапов проведения исследований можно отметить: составление проекта научного исследования (Research Project) и его одобрение этическим комитетом университета (Ethical Approval Form), подготовка описания проекта для участников исследования (Participant Information Letter) и формы согласия участника исследования с объяснением его прав и свобод (Consent Form), составление унифицированного протокола инструкций (Standardized Instructions Protocol), форма обратной связи после прохождения исследования (Debrief Form). Соблюдение этических принципов и норм является обязательным и первоочередным условием планирования и проведения кросс-культурных психологических исследований, выступающих одним из приоритетных направлений развития современной психологии.

Библиографический список

1. Батурин, Н.А. Технология разработки тестов: часть II / Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2009. – Вып. 7. – № 42 (175). – С. 11–25.
2. Бочарова, Е.Е. Субъективное благополучие и социальная активность личности в различных социокультурных условиях / Е.Е. Бочарова, Л.Е. Тарасова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 8 (16). – URL: <http://www.sisp.nkras.ru/>.

3. Завалишина, Д.Н. Методологический аспект смысложизненной ценности профессионального труда / Д.Н. Завалишина // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: в 2 ч. / под ред. А.А. Бодалева и др. – М.: Смысл, 2004. – Часть 1. – С. 167–171.
4. Капцов, А.В. Аксиологическая направленность личности: руководство по применению теста / А.В. Капцов, Л.В. Карпушина. – Самара: ИПК «Содружество», 2007. – 44 с.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 августа 2013 г. N 662 г. Москва «Об осуществлении мониторинга системы образования». – URL: <http://government.ru/docs>.
6. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 718 с.
7. Распоряжение о проведении Года российской культуры в Великобритании и Года британской культуры в России. – URL: <http://президент.рф/документы/17853>.
8. Стандарт требований к психодиагностическим методикам. – URL: <http://cc.psytest.ru/>.
9. Щелокова, Е.Г. Ценностно-смысловое содержание карьерной направленности: дис. ... канд. психол. наук / Е.Г. Щелокова. – Челябинск, 2012. – 243 с.
10. Яценко, Е.Ф. Самоактуализация и субъективное благополучие как социально-психологические проблемы профессионального образования: студенты и преподаватели университета / Е.Ф. Яценко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2012. – Вып. 18. – № 31 (290). – С. 56–63.
11. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001, 596 p.
12. Van de Vijver, F.J.R., Chasiotis, A., & Breugelmans, S.M. (Eds.) (2011). Fundamental questions of cross-cultural psychology. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, pp. 9–35.

[К содержанию](#)

УДК 159.964.2

ББК Ю937

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЧИВОСТИ ОЦЕНОК В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОЦЕНИВАЮЩИХ ЛЮДЕЙ

Ю.Л. Юсупова

В статье дается понятие изменчивости оценок, определены индивидуальные особенности, влияющие на процесс оценивания. По результатам проведенных исследований были выявлены личностные особенности людей, обладающих высокой или низкой изменчивостью.

Ключевые слова: изменчивость, оценивание, личностные особенности.

Изменчивость оценок понимается, с одной стороны, как свойство оценок, с другой стороны, как индивидуальный способ оценивания. Под изменчивостью в данной статье понимается общее свойство всех видов оценок изменять степень выраженности оцениваемого свойства за счет изменений, происходящих в предмете оценки, оценочном основании, в процессе их сравнения и форме выражения оценок.

Изменчивость необходима для обеспечения адекватности оценок и благополучия жизнедеятельности человека, так как изменчивость оценок зависит от многих факторов, то их необходимо контролировать для получения адекватных или точных оценок.

При оценивании сильное влияние на процесс оценивания оказывает личностные и интеллектуальные свойства оценщика [1].

Значимость индивидуальных особенностей субъекта оценивания для процесса оценивания обусловлена тем, что человек, личностные особенности которого подвергаются оценке, является не только объектом оценивания, но и субъектом деятельности, субъектом отношений, что часто упускается из виду. Это приводит к проблемам, связанным с нарушением границ, «вторжением» в личное пространство другого человека; с принятием человеком тех оценок, которые выносят специалисты по поводу его личности и деятельности; с использованием полученной информации в «позитивном» для этого человека ключе.

Кроме того, при оценке личностных особенностей другого человека субъект оценки не только отражает отношения между объектом оценивания и обществом, но и включается в сходные по своей природе отношения с оцениваемым объектом. По этой причине не исключена возможность «акцентуирования» его индивидуальных особенностей, влияющих на процесс оценивания и снижающих точность полученного результата [1].

Актуальность проблем этой группы была отмечена в рамках апробации диагностической процедуры измерения точности оценивания, проводимой под руководством И.В. Выбойщик [2].

Исследования, посвященные изучению индивидуальных особенностей, встречаются при изучении социальной перцепции, атрибуции, стереотипизации.

Принимая во внимание роль оценивания в общей системе психического функционирования можно выделить несколько групп наиболее очевидных факторов, влияющих на его формирование: 1) устойчивые особенности личности; 2) устойчивые способы переработки информации; 3) устойчивые способы организации эмоциональной жизни.

Ильин Е.П. отмечает, что на оценивание влияет личностная тревожность людей. Так, высокая тревожность проявляется в тенденции оценивать явления, предметы, события, объективно не опасные, как угрожающие, что приводит к смещению полюса оценки в сторону негативной валентности [4].

Юн Г и др. в исследовании посвященном точности оценивания обнаружили, что в зависимости, что доброжелательность, терпимость и доброта влияет на оценки и приводит к завышению оценок [5].

В целом, можно сказать, что субъективный фактор при профессиональной оценки личностных свойств является ключевым [1]. К факторам, влияющим на процесс оценивания, могут относиться те, что влияют на отношение к объекту и определенным образом влияют на его восприятие. Недостаточность информации на эту тему служит аргументом в пользу актуальности темы данного исследования.

Несмотря на то, что сама по себе изменчивость имеет отношение к постоянным изменениям в оценках, индивидуальная изменчивость, скорее всего, устойчивая характеристика. Существует некоторая стилевая индивидуальная особенность, как склонность часто или редко менять оценки.

Метод исследования. Для определения зависимости изменчивости оценок от личностных особенностей был использован «стимульный материал» методической процедуры измерения точности оценок. Испытуемым было предложено просмотреть видеосюжет – интервью с девушкой, после чего они оценивали девушку, представленную на видеосюжете по пяти характеристикам: открытость; общий уровень интеллекта; эмоциональная устойчивость; независимость; сознательность.

Затем испытуемым последовательно предъявлялись единицы информации, описывающие девушку, после чего они снова ее оценивали. В результате были получены оценки по пяти характеристикам в пяти замерах.

Изменчивость оценок определялась путем определения количества изменений оценок каждого качества от замера к замеру. Были подсчитаны суммы изменений по всем пяти оцениваемым качествам.

Личностные особенности изучались с помощью Калифорнийского психологического опросника CPI и личностного многофакторного опросника Р. Кеттелла. С помощью дисперсионного анализа были изучены те личностные особенности, которые влияют на изменчивость оценок.

Результаты исследования. Таблица 1 дает представление о том, какие личностные особенности влияют на изменчивость оценок. Из таблицы видно, что изменчивость оценок зависит от таких личностных особенностей как способность к статусу, общительность, уверенность в социальном взаимодействии, чувство благополучия, терпимость, стремление к достижению через независимость, интеллектуальная эффективность и женственность.

Таблица 1

Дисперсионный анализ влияния
личностных особенностей на изменчивость оценок

Личностные особенности	Значения F	Уровень значимости
Cs* (способность к статусу)	6,304	0,004
Sy (общительность)	4,126	0,023
Sp (социальный облик)	3,662	0,034
Wb (чувство благополучия)	4,147	0,048
To (терпимость)	4,500	0,040
Ai (достижение через независимость)	3,882	0,028
Ie (интеллектуальная эффективность)	3,582	0,037
Fe (женственность)	3,372	0,044

Для того чтобы провести анализ влияния каждого фактора на изменчивость, рассмотрим зависимость изменчивости оценок от личностных особенностей. На рисунке 1 представлены личностные особенности, определяющие качество межличностной коммуникации и интеллектуальную эффективность.

Таким образом, результаты дисперсионного анализа свидетельствуют о том, что изменчивость оценок существенно выше у людей с низкими значениями по шкалам Cs, Sy, Sp, Ai, Ie. А также статистически подтвержден вывод о том, что чем выше выраженность этих личностных особенностей, тем ниже изменчивость оценок у человека.

Большая часть личностных особенностей относится к классу, который измеряет уверенность в себе, властность, самоуверенность и межличностную адекватность (Cs, Sy, Sp, Wb) и часть относится к классу, измеряющему потенциал достижения цели и интеллектуальной эффективности (Ie, Ai). Эти особенности определяют стремление человека к адекватности и эффективности межличностного общения и достижению в академической или интеллектуальной области.

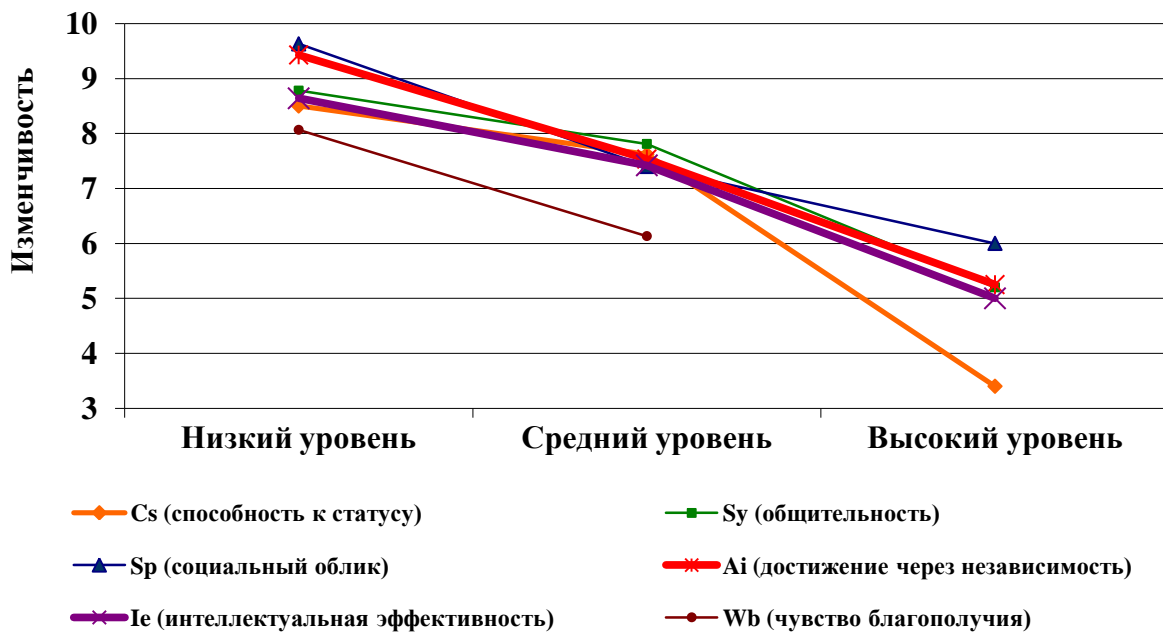

Рис. 1. График зависимости изменчивости оценок от выраженности личностных особенностей, выявленных с помощью опросника CPI (Cs, Sy, Sp, Ai, Ie)

Как видно из рисунка 1, низкие значения по всем перечисленным шкалам соответствуют высокому уровню изменчивости, а более высокие соответствуют низкому уровню изменчивости.

Из этого следует, что человек, который склонен часто менять оценки личностных качеств других людей сам обладает следующими личностными особенностями:

- 1) апатичный, стеснительный, мягкий, простой, медлительный, ограничен в интересах, неловкий в социальных ситуациях;
- 2) послушный, непритязательный, пассивный в своих установках, внушаемый, подверженный влиянию чужих реакций и мнений;
- 3) терпеливый, сдержанный, нерешительный, колеблющийся при принятии решения, педантичный;
- 4) нечестолюбивый, зажатый в мышлении и поступках, неуклюжий, осторожный.

Высокий уровень изменчивости в оценке личностных качеств связан с неуверенностью в себе и недоверием к своим оценкам. Поэтому люди с высоким уровнем изменчивости больше ориентируются на внешнюю информацию об объекте и подвержены сторонним мнениям и оценкам, что связано с тем, что им легче изменить свою оценку, чем доказывать свою точку зрения. С другой стороны, так как оценки влияют на принятие решения, то чем больше люди неуверенны в своих оценках, и чем чаще они их меняют, тем сложнее им принять одно решение.

Человек, который склонен редко менять свои оценки, обладает следующими личностными особенностями:

- 1) честолобивый, стремящийся сделать карьеру, находчивый, разносторонний;
- 2) открытый, эффективный в общении, предприимчивый, оригинальный;
- 3) проворный, спонтанный, разговорчивый, уверенный в себе, экспрессивный.

Низкий уровень изменчивости у таких людей можно объяснить через несколько аспектов. В их жизни важное место занимает общение, и они стремятся быть эффективными во всех сферах деятельности, как следствие, они интересуются многими вопросами, занимают активную жизненную позицию, имеют много социальных контактов. Людям с выраженными социальными способностями лучше удастся построение карьеры, реализация в деятельности и жизни. Возможно, они обладают дифференцированным и широким оценочным основанием, которое позволяет им тонко улавливать мельчайшие детали в поведении человека, соотносить их с опытом, и оценивать людей. Такие люди уверены в себе, они знают, что способны понимать людей, и как следствие редко меняют не только свои оценки, но и свое, принятое однажды решение.

Интересно, что данные согласуются с данными, полученными при изучении оценочного стиля, где людям с высокой изменчивостью свойственен демократичный стиль руководства, а людям с низкой изменчивостью свойственен авторитарный стиль руководства [3].

Исходя из полученных данных, высокий уровень изменчивости у людей зависит также от личностных особенностей, связанных с потенциалом достижений целей и интеллектуальной эффективностью. Закономерность зависимости изменчивости от личностных качеств следующая: чем ниже значения шкал «достижение через независимость» и «интеллектуальная эффективность», тем выше изменчивость.

Исходя из данных, люди с высоким уровнем изменчивости обладают следующими личностными особенностями:

- 1) подавленный, тревожный, осторожный, неудовлетворенный, податливый, не способен к самоанализу;
- 2) путанный, беспечный, защищенный, нечестолобивый, поверхностный, стереотипное мышление, недостаток самодисциплины.

Люди с низким уровнем изменчивости обладают следующими личностными особенностями:

- 1) волевой, независимый, доминирующий, требовательный, зрелый, предусмотрительный;
- 2) эффективный, способный, прогрессивный, основательный, ясно мыслящий, интеллигентный, планирующий.

Данные подтверждают, что более авторитарные, требовательные и уверенные в себе люди редко меняют свои оценки, это связано и с тем, что они больше доверяют себе и мало внимания обращают на мнение других людей.

Также была обнаружена зависимость изменчивости оценки от таких личностных особенностей как То (терпимость) и Fe (женственность).

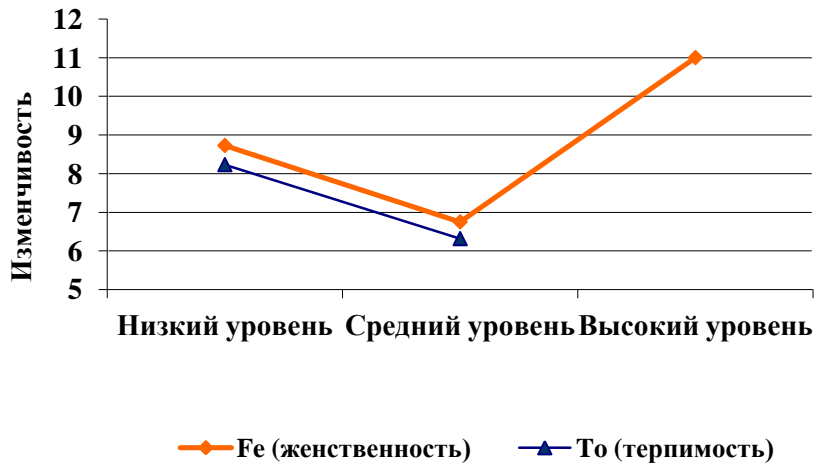

Рис. 2. Средние значения шкал CPI (Fe, To) в зависимости от уровня выраженности изменчивости оценок

Как видно из рисунка 2, более высокий уровень изменчивости у людей, с высокими значениями по шкале «Женственность». То есть при высокой изменчивости с большой долей вероятности проявляются чуткость, терпимость, сдержанность, искренность, сочувствие и уважительное отношение к другим.

Более низкий уровень изменчивости у людей со средними значениями шкалам «Женственность» и «Терпимость», но в целом изменчивость у них не слишком низкая – они скорее более адекватны в своих оценках. То есть они меняют оценки в зависимости от ситуации, тех людей, с которыми они общаются и значимости тех аспектов личности, которые они оценивают. Это отражается и в среднем уровне значений по шкалам «Женственность» и «Терпимость», что показывает, что они обладают как мужскими, так и женскими интересами. Кроме того и в поведении они могут проявлять и мягкость и твердость, и сентиментальность и агрессивность, и терпимость и реализм.

С помощью многофакторного дисперсионного анализа, позволяющего изучить влияние нескольких факторов на изменчивость, было оценено главное влияние каждого фактора личностных особенностей, определенных с помощью 16PF. Определено, что изменчивость оценок зависит от таких личностных особенностей как и спокойствие-тревожность. На рисунке 3 отображено, каким образом изменчивость зависит от значений фактора «О».

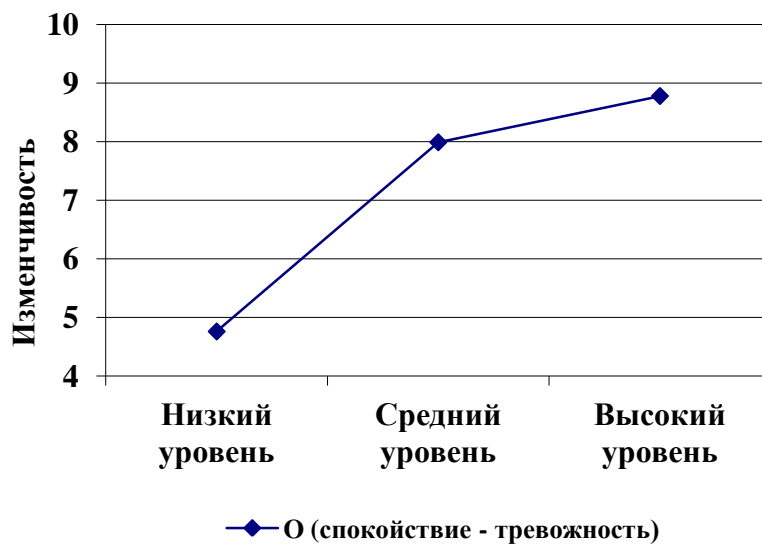

Рис. 3. Средние значения факторов опросника 16 PF CPI (E,O) в зависимости от уровня выраженности изменчивости оценок

Более высокий уровень изменчивости у людей, обладающих высокими значениями по фактору «спокойствие-тревожность».

Низкий уровень изменчивости характерен для людей с низкими значениями по факторам «спокойствие-тревожность».

Проведенный анализ позволяет выделить комплекс свойств личности субъекта, приводящий к высокой и низкой изменчивости оценок личностных особенностей других людей.

Люди с высокой («конформные») и низкой («авторитарные») изменчивостью оценок отличаются по следующим биполярным свойствам личности: независимость – зависимость, уверенность в себе – неуверенность в себе, активность – пассивность, безмятежность – тревожность, честолюбие – отсутствие честолюбия, энергичность – апатичность, эффективность в общении – неэффективность в общении, нечувствительность к одобрению и порицанию – чувствительность к одобрению и порицанию.

В целом, человек, который часто меняет оценки, склонен ориентироваться на «чужую» информацию больше чем на собственный опыт восприятия, поэтому метафорично они названы «конформные».

Также существуют специфические свойства для людей с различными уровнями выраженности изменчивости оценок.

«Конформные» обладают следующими специфическими особенностями: терпение, склонность колебаться при принятии решения, осторожность, склонность к подавленному состоянию, напряженность, неудовлетворенность, низкий самоконтроль.

В целом можно сказать, что личностные характеристики, которые увеличивают тенденцию к изменчивости, во многом облегчают «работу» ситуативных факторов, например, уменьшают порог критичности и тем самым делают границы оценок проницаемыми и изменяемыми.

Говоря о низкой изменчивости человека можно отметить, что как и высокая изменчивость она может мешать адекватной адаптации. Кроме того, низкая изменчивость свойственна людям, которые имеют тенденцию больше ориентироваться на свой внутренний мир и тем, кто чрезмерно контролирует свои проявления.

Склонность человека изменять оценки под влиянием различных факторов является устойчивой индивидуальной особенностью человека. Люди с высоким и низким уровнями изменчивости оценок отличаются друг от друга комплексом свойств личности. Высокая изменчивость оценок субъекта определяется ориентированностью на внешнюю информацию об объекте и подверженностью сторонним мнениям и оценкам. Низкая изменчивость оценок субъекта определяется ориентированностью на собственное мнение, чрезмерным контролем своего поведения и требовательностью к другим.

Библиографический список

1. Батулин, Н.А. Изменение оценок под влиянием различных факторов / Н.А. Батулин, Ю.Л. Юсупова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». – 2008. – № 33 (133). – Вып. 3. – С. 4–17.
2. Выбойщик, И.В. Оценочный стиль как один из факторов точности оценивания / И.В. Выбойщик // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». – 2008 – Вып. 2. – № 32 (132). – С. 29–36.
3. Выбойщик, И.В. Разработка подходов к изучению точности профессиональной экспертной оценки / И.В. Выбойщик, Д.В. Иноземцев, Г.В. Карлышев, Ю.Л. Юсупова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». – 2010. – Вып 8. – № 4 (180). – С. 58–62.
4. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
5. Yun, G.J. Rater personality, rating format, and social context: implications for performance appraisal ratings / G.J. Yun, L.M. Donahue, N.M. Dudley, L.A. McFarland // International Journal of Selection and Assessment. – 2005. – № 13 (2). – Pp. 97–107.

[К содержанию](#)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

УДК 378.016:81 + 81'25:004

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

К.С. Большакова

Рассмотрены возможности применения информационных технологий на занятиях по подготовке переводчиков на международном факультете ЮУрГУ. Применение новых технологий позволяет расширить набор методов обучения, повысить мотивацию студентов и эффективность образовательного процесса.

Ключевые слова: информационные технологии; лингафонный кабинет; устный перевод: LMS Moodle.

Последние десятилетия характеризуются интенсивными изменениями в жизни человечества, обусловленными новыми возможностями сферы коммуникаций. Прогресс в области информатизации привел к изменению форм предоставления образовательных услуг. В связи с этим повышение эффективности образования невозможно без внедрения и использования новых форм обучения. Важную роль здесь играет активное внедрение современных информационных технологий, позволяющих расширить использование технических средств и образовательных методик, находить новые решения в развитии методологической, организационной и технологической баз системы образования.

Использование информационных компьютерных технологий в образовании способствует повышению качества подготовки специалистов в условиях информатизации и компьютеризации различных сфер деятельности.

Однако сфера применения компьютерных технологий на занятиях по переводу довольно ограничена в связи с большой творческой составляющей процесса перевода. В целом, работу переводчика сегодня невозможно представить без использования компьютера и других технических устройств, но их использование носит чисто утилитарный характер – в текстовых редакторах набирается текст перевода, варианты перевода слов и выражений отслеживаются в электронных словарях, возможности интернета используются для поиска информации, релевантной теме оригинального текста. Но в итоге перевод – это результат осмысливания и переработки содержания текста интеллектуальными силами переводчика, без знаний и умений которого невозможно получить качественный продукт. Другими словами, перевод никогда не сможет осуществляться автоматически, без участия человека. Это подтверждается тем фактом, что в наш век стремительного развития технологий электронный перевод представляет собой нечто нечитаемое и мало похожее на текст в целом, и ни одна из существующих

ших программ автоматического перевода не приблизилась хоть немного к тому качеству перевода, которое достигается грамотными переводчиками.

На факультете функционирует лингафонный кабинет, в котором установлены современные компьютеры с лицензионным программным обеспечением, позволяющим использовать новые технологии и методы обучения. В целом использование информационных технологий позволяет:

- 1) изучить за одно занятие достаточно большой материал, избежать механической записи информации;
- 2) более разнообразно организовать самостоятельную работу студентов;
- 3) повысить качество и эффективность усвоения знаний.

Для проверки текущих знаний студентов используется программа AST-test, в которой преподавателями факультета создана обширная база тестов по всем изучаемым курсам. Тестовый комплекс имеет двойное значение: первое – он выполняет контрольную функцию, объективно оценивая знания студентов, полученные в ходе образовательного процесса; второе – выступает в качестве тренинга, в результате чего структурируется представление студента о содержании учебного материала. Знакомство студентов с данным комплексом в рамках обучения позволяет подготовить их к дальнейшему повышению квалификации на дистанционных курсах.

Второй обучающий элемент – это проведение занятий с мультимедийным сопровождением, что дает следующие преимущества:

- 1) четкое структурирование материала;
- 2) акцентирование внимания на наиболее важной информации;
- 3) более рациональное использование учебного времени в связи с повышением динамичности изложения материала.

Третье, и основное направление работы в лингафонном кабинете – это работа в программе Sanako, позволяющей организовывать разнообразные формы работы студентов на занятии как индивидуально, так и в парах и в группах. В ходе занятий по переводу самым актуальным режимом работы программы является виртуальный магнитофон. Он позволяет прослушивать аудиофайлы, записывать речь, а также выполнять оба действия одновременно. На занятии по переводу преподаватель предлагает студентам подготовленный аудио или видеофрагмент. Пользуясь виртуальным магнитофоном, учащиеся записывают собственные переводы. Данная возможность максимально приближает процесс обучения к реальной профессиональной деятельности. Один из студентов может назначаться преподавателем на роль действующего переводчика, его перевод записывается на компьютер преподавателя и предъявляется классу для анализа. Группа производит обсуждение перевода, рассматривая его с разных точек зрения, студенты указывают на ошибки, предлагают свои решения и варианты, ведется поиск наилучшего варианта. Обсуждение ведется большей частью самими студентами, но под наблюдением и руководством преподавателя. В конце обсуждения преподаватель может обобщить ошибки, дать пути их

решения или указать на ошибки, не выявленные группой. Таким образом, принятие правильных переводческих решений происходит самими студентами, но под руководством преподавателя, который и обеспечивает их правильность. В таких обсуждениях студенты вскрывают причины собственных ошибок, видя типичные ошибки других, стараются избежать их в своих переводах. У обучаемых устному переводу развивается навык принятия самостоятельных правильных решений и способность критически относиться к переводам, как к своим, так и чужим. Такой подход во многом позволяет избежать проблемы неприятия критики своего перевода учащимися. Другим требованием к устному переводу является умение без напряжения воспринимать на слух иноязычную речь. Для развития этого навыка может быть рекомендован письменный перевод звукозаписи. Преимущество этого упражнения в том, что проводится оно в рамках самостоятельной работы студента с индивидуальным темпом усвоения обучаемого. Кроме того, студенты имеют возможность постепенно научиться слушать людей с различной манерой говорения и различным произношением [1].

Как видно из всего вышеописанного – лингафонный кабинет это мощное средство для автоматизации и контроля над учебным процессом, позволяющее значительно повысить качество проводимых занятий. Занятия по переводу с использованием лингафонного кабинета значительно улучшают восприятие учебной программы, повышают мотивацию в обучении, что, в свою очередь, способствует формированию более продвинутых навыков.

Хотелось бы отметить, однако, что времени, выделяемого программой обучения, крайне недостаточно для качественной подготовки переводчиков. В связи с необходимостью охватить большое число тем для заполнения метаязыковой парадигмы переводчика в сфере профессиональных коммуникаций и разнообразием тренируемых форм перевода, возможности расширения специальных компетенций ограничены. Заполнить этот пробел можно с помощью применения систем дистанционного обучения, в частности системы Moodle. Moodle относится к классу LMS ([Learning Management System](#)) – систем управления обучением. Основной учебной единицей Moodle являются учебные курсы. В рамках такого курса можно организовать:

- 1) взаимодействие обучающихся между собой и с преподавателем. Для этого могут использоваться такие элементы как: форумы, чаты;
- 2) передачу знаний в электронном виде с помощью файлов, архивов, веб-страниц, лекций;
- 3) проверку знаний и обучение с помощью тестов и заданий. Результаты работы обучающиеся могут отправлять в текстовом виде или в виде файлов;
- 4) совместную учебную и исследовательскую работу обучающихся по определенной теме, с помощью встроенных механизмов wiki, семинаров, форумов и других [2].

Moodle – это свободное программное обеспечение с лицензией GPL, что дает возможность бесплатного использования системы, а также ее безболезненного изменения в соответствии с нуждами образовательного учреждения и интеграции с другими продуктами. Благодаря своим функциональным возможностям система приобрела большую популярность и успешно конкурирует с коммерческими LMS. Moodle используется более чем в 30 000 учебных заведений по всему миру и переведена почти на 80 языков, в том числе и на русский. Использование системы в процессе подготовки переводчиков позволяет:

- 1) изучать материалы курса в режиме он-лайн в удобное для студентов время и в любом удобном для них месте;
- 2) расширять навыки самообразования студентов;
- 3) дает студентам возможность контролировать темп и успешность прохождения курса;
- 4) наладить сотрудничество студентов друг с другом в рамках изучения курса, подобно системе обмена информацией переводчиков-профессионалов;
- 5) наладить более эффективное общение преподавателя со студентами через систему обмена сообщениями и комментариев;
- 6) адаптироваться к современным технологиям дистанционного образования.

LMS Moodle содержит обширный инструментарий для представления учебно-методических материалов курса, проведения теоретических и практических занятий, организации учебной деятельности студентов как индивидуальной, так и групповой. К сожалению, эффективное применение этой технологии потребует больших временных затрат на подготовку материала и планирование коммуникационных процессов с использованием различных информационных средств [3]. Поэтому для успешного внедрения системы комбинированного обучения (очного – на занятиях по переводу и дистанционного – курсов по переводу, разработанных в системе Moodle) потребуется масштабная профессиональная переподготовка преподавателей.

Библиографический список

1. Латышев, Л.К. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе / Л.К. Латышев, В.И. Проворотов. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 135 с.
2. URL: <http://www.moodle-center.ru/moodle>.
3. Марутян, М.Б. Использование ИКТ в организации процесса подготовки переводчиков на базе языковых факультетов / М.Б. Марутян. – URL: <http://www.lib.tsu.xn--rumminfo-ux3d/000349304/19/image/19-089.pdf>.

[К содержанию](#)

УДК 81'255.4

ПЕРЕВОД СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ В СПЕЦИАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

К.Ю. Буздалина, Е.Е. Щелканова

Данная статья рассматривает особенности письменного перевода стилистически маркированных единиц в научно-публицистическом тексте. Проанализированы три группы данного разряда лексики: собственно лексемы, фразеологические единицы, образные средства. Обоснована необходимость сохранения экспрессии при передаче подобных единиц в указанном контексте.

Ключевые слова: специальный текст; научный текст; научно-публицистический текст; стилистически маркированные единицы; переводческая компенсация.

Письменный перевод специальных текстов является одним из наиболее востребованных видов профессионального перевода. Любой специальный текст выполняет не только информационную функцию, но и интеллектуальную, а также когнитивную. Это предполагает, что знание, представленное в качестве связного текста, содержит как объективное изложение фактической информации, так и ее субъективное восприятие, которое может находить свое отражение в мировоззренческих оценках, эмотивных элементах и т.д.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении особенностей письменного перевода специального текста. Специфика такого перевода заключается в том, что в отличие от других видов перевода он не основывается на импровизации, спонтанности, а является более обдуманым, стилистически выдержанным, авторским.

Описывая методы перевода, некоторые исследователи считают, что главное – это поиск удачных переводческих решений и подбор и применение соответствующих переводческих трансформаций. Опираясь на мнение Алексеевой Л.М., мы рассматриваем перевод не как простую манипуляцию с текстом оригинала или замену одного текста другим, а как сложный мыслительный процесс, строящийся на рефлексии. И, таким образом, текст перевода всегда оказывается процессом создания нового текста, а не воссоздания исходного [1].

Особенности перевода специального текста мы рассмотрим на примере статей раздела информационных технологий электронной версии журнала Economist [2].

Прежде чем мы перейдем непосредственно к анализу, необходимо определить, что мы понимаем под специальным текстом и стилистически маркированными единицами.

В первую очередь под понятие специального текста попадает научный текст. Его характерными особенностями, как принято считать, являются информативность (содержательность), логичность (строгая последовательность, четкая связь между основной идеей и деталями), точность и объективность, ясность и понятность.

Особую группу специальных текстов образуют научно-публицистические тексты, представляющие анализ и обобщение достижений современной науки и техники, что является актуальным в свете популяризации научных знаний. Поскольку данный вид текстов тяготеет к аналитико-обобщённому изложению, но вместе с тем обладает экспрессивным и ярко оценочным компонентом, для него характерны следующие особенности: специальная терминология, средства речевой экспрессии (стилистические приемы), иностилевые экспрессивные включения (элементы разговорного и литературно-книжного стиля). Таким образом, стилистически маркированные лексические средства являются одним из важных компонентов таких текстов, на который необходимо обращать пристальное внимание в процессе перевода.

Большой вклад в исследование стилистически маркированной лексики в английской научной речи внесла Н.М. Разинкина. Она считает, что «композиционное объединение разностильных средств выражения особенно отчетливо выступает в лексике, для определенных слоев которой вообще характерны оценочные оттенки» [3]. Ученый выделяет группы стилистически окрашенных прилагательных, наречий, существительных и глаголов, а также фразеологические единицы и элементы художественной речи (метафоры, иронии, сравнения).

Отталкиваясь от данной классификации, мы выделяем следующие пласты стилистически маркированных единиц: стилистически окрашенные лексемы, фразеологические единицы и образные средства.

К стилистически окрашенным лексемам мы относим слова, принадлежащие к разным частям речи (имена существительные, имена прилагательные, наречия, обладающие положительной или отрицательной оценочной коннотацией, слова с ярко выраженной эмотивной коннотацией) и разным разрядам лексики (разговорный (сленгизмы, профессионализмы и т.д.) и литературно-книжный (устаревшие слова, неологизмы, поэтизмы, сокращения)). Сложности перевода таких единиц могут возникать из-за многообразия трактовок их значений, приобретения ими новых, контекстуальных значений.

Информационные технологии являются источником пополнения словаря, обогащая язык неологизмами (*m-health*, *I-health* – *мобильное здравоохранение*), сокращениями (*m-app* – *мобильное приложение*, *techie* – *технарь*), разговорными единицами (*geek* – *компьютерщик*, *IT guys* – *айтишники*).

Фразеологические единицы, на наш взгляд, представляют собой особый пласт стилистически маркированной лексики. Появляясь в текстах разной жанрово-стилистической принадлежности, они всегда приковывают к себе внимание читателя. Их употребление в рамках научно-публицистического текста приносит элемент неожиданности и способствует облегчению восприятия информации. Трудности могут возникнуть при их переводе, т.к. необходимо сохранить стилистическое богатство текста оригинала.

Рассмотрим некоторые примеры:

Keeping an eye on glucose levels! Слезами делу ПОМОЖЕШЬ!

Исходный фразеологизм “to keep an eye on smth” не является образным, а переводчик выбирает в качестве аналога поговорку, которую он обыгрывает, опираясь на контекст, и к тому же усиливает образность графически.

If they are breached, the head of IT carries the can. В случае проникновения отдуваться будет глава ИТ-отдела.

Перевод устойчивого словосочетания “to carry the can” не вызывает затруднений, так как контекст научно-публицистического текста позволяет сохранять экспрессию при переводе этой единицы, имеющей в словаре помету «сленг».

Образные средства, встречающиеся в английском научном тексте, как правило, считают случайными вкраплениями, абсолютно не вписывающимися в контекст научного стиля изложения. Данная точка зрения, на наш взгляд, отчасти справедлива по отношению к русскому научному и даже научно-публицистическому тексту. Но есть исследователи, которые полагают, что появление образных слов и выражений в английском научном тексте является вполне обоснованным и еще раз подтверждает мысль о взаимопроникновении различных слоев лексики английского языка [4]. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности сохранения экспрессии при переводе таких стилистических приемов, как метафора, метонимия, игра слов, эпитет, аллюзия. Перевод такой лексики интересен, прежде всего тем, что переводчик свободен в выборе того или иного переводческого решения.

Одним из наиболее часто встречающихся образных средств является метафора. В английском научном тексте широко используется языковая (неоригинальная) метафора, обладающая устойчивым (фиксируемым словарем) характером и не вызывающая у читателей каких-либо дополнительных образов или эмоционально окрашенных ассоциаций. Использование речевой (оригинальной) метафоры в английском научном тексте строго ограничено, так как, вызывая у читателей целый ряд ассоциаций, она может отвлекать от собственно научной, логически последовательной аргументации, детального описания особенностей изучаемого предмета или явления. В научно-публицистическом тексте, являющемся объектом нашего исследования, применение такой метафоры оправдано. Ее перевод может вызвать затруднения, так как в отличие от случая с научным текстом переводчик должен прибегать к какому-либо иному способу перевода, нежели нейтрализация.

Проанализируем конкретные примеры перевода метафоры:

Surfing a digital wave, or drowning?

Поймали цифровую волну или вот-вот пойдут ко дну?

Данный пример демонстрирует оригинальное переводческое решение: автор не только сохраняет исходный образ, но и усиливает экспрессию применением рифмы.

Подобное наблюдаем и при переводе следующего предложения:

Their IT organisations were in real danger from a digital tsunami.

На их ИТ-компании вот-вот могло обрушиться цифровое цунами.

Проанализированные выше примеры позволяют сделать вывод о том, что проникновение информационных технологий во все сферы жизни ассоциируется со стихией воды.

Burberry, a posh British fashion chain, has dressed itself in IT from top to toe.

Burberry, британская сеть модной одежды и аксессуаров класса люкс, буквально разоделась в бит и байт.

В этом случае метафора поддерживается устойчивым выражением, в котором содержится аллитерация. При переводе сохраняется не только образность, но и аллитерация, и все это усиливается ритмом.

Кроме того, в научно-публицистическом тексте встречаются примеры и других образных средств:

- зевгма: *Firms that aspire to make serious money in m-health will need plenty of patience and deep pockets.* В своем стремлении к высоким доходам от индустрии мобильного здравоохранения компаниям придется запастись терпением и раскошелиться.

В русском языке зевгма, как правило, считается нарушением языковой нормы, поэтому в целях сохранения экспрессии и соблюдения правил русского языка переводчику приходится прибегать к приему компенсации, используя лексические единицы, принадлежащие к разговорному стилю.

- оксюморон: *Surgeries may be flooded with the “worried well”.* Возможен наплыв пациентов-ипохондриков, беспокоящихся по пустякам.

Для перевода собственно оксюморона переводчик прибегает к описательному переводу, а для сохранения экспрессии использует добавление разговорной лексемы «ипохондрик».

- игра слов: *health and appiness – I-болит! Iprochondria – I-похондрия.*

Данные единицы переведены с применением графических стилистических средств, использование которых оправдано контекстом. Текст описывает инновационные мобильные технологии в здравоохранении.

- эпитеты: *impatiant marketers – Маркетологи не ждут! Ill-equipped clinics – бедные больницы, a breathtaking \$2.8 billion each year – ... ежегодно перечислять баснословные суммы в размере 2,8 миллиарда долларов.*

Перевод данных эпитетов показывает, что переводчик не просто стремится к сохранению экспрессии, а в какой-то степени даже усиливает ее добавлением аллитерации («бедные больницы»), изменением грамматической конструкции («Маркетологи не ждут!»).

Таким образом, перевод стилистически маркированных единиц в научно-публицистическом тексте предполагает максимальное сохранение экспрессии, в случае невозможности этого – применение приема переводческой компенсации.

Библиографический список

1. Алексеева, Л.М. Объект и предмет современного переводоведения / Л.М. Алексеева // Вестник Пермского государственного университета. Иностранные языки и литература. – 2008. – № 5. – С. 85–90.
2. URL: <http://www.economist.com/>.
3. Разинкина, Н.М. Стилистика английской научной речи / Н.М. Разинкина. – М.: Либроком, 2009. – 216 с.
4. Петрова, Г.Г. Лексико-стилистические трансформации в англо-русском научно-техническом переводе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Г. Петрова. – М., 2004 – 18 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.025.7

ПРИЕМЫ И СТРАТЕГИИ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

И.В. Глухова

Педагогическая технология развития критического мышления у студентов представлена как эффективный способ формирования компетенций будущего специалиста. Рассмотрены понятие, принципы, этапы развития критического мышления и приемы их реализации.

Ключевые слова: компетентностный подход, педагогическая технология, критическое мышление.

Современный этап развития высшего образования предполагает качественное изменение подходов к определению его содержания. Это связано с формированием новой концепции высшего образования, в основе которой лежит идея развития личности студента, то есть, включение механизмов развития личности в процесс усвоения знаний. «Не просто усвоение знаний, а умение их творчески применять для получения нового знания, развитие самостоятельного критического мышления – вот проблема, реализация которой требует принципиально иного взгляда, как на технологию обучения, так и на теорию» [1, с. 9].

Актуальность задачи развития личности студента обусловлена также тем, что в настоящее время исходный уровень знаний абитуриентов ниже уровня знаний абитуриентов начала 90-х годов. Студенты первого курса не умеют выделять главную и второстепенную информацию, систематизировать и обобщать материал, логично выстраивать его, не способны к анализу и синтезу. Поэтому необходимо создавать и использовать такие методики и технологии обучения, которые предусматривали бы возможность развития у выпускников школ элементарной общеметодологической культуры и научного мировоззрения и доведения его до уровня, минимально необходимого для обучения в вузе [1].

В отечественной педагогике широко используется понятие «инновационное образование», которое ориентировано не столько на передачу знаний, которые постоянно устаревают, сколько на овладение базовыми компетенциями, позволяющими затем, по мере необходимости, приобретать знания самостоятельно.

Одним из способов максимально эффективного решения этой задачи может стать формирование критического мышления студентов. Развитие умений учащихся «ориентироваться» в современном информационном поле, оценивать уровень достоверности получаемой информации и вырабатывать свои собственные независимые суждения – важная задача современного образования, которая заявлена в современных образовательных документах.

В федеральном компоненте государственного образовательного стандарта указано, что для приобретения опыта разнообразной деятельности, опыта познания и самопознания, подготовки к осознанному и ответственному выбору жизненного и профессионального пути студенты должны научиться: самостоятельно ставить цели и определять пути их достижения; самостоятельно оценивать и регулировать свою деятельность. Именно эти компетенции формируются в процессе развития критического мышления.

Педагогический словарь под редакцией Г.М. Коджаспирова определяет критическое мышление как способность анализировать информацию с позиций логики, умение выносить обоснованные суждения, решения и применять полученные результаты, как к стандартным, так и нестандартным ситуациям, вопросам и проблемам.

В Толковом словаре по психологии под критическим мышлением понимается когнитивная стратегия, состоящая в значительной степени из непрерывной проверки и испытания возможных решений относительно того, как выполнять определенную работу.

Д. Халперн предлагает следующее определение критического мышления: «Использование таких когнитивных навыков и стратегий, которые увеличивают вероятность получения желаемого результата. Отличается взвешенностью, логичностью и целенаправленностью» [5, с.15]. Как лич-

ностное качество, критическое мышление интегрировано в каждый из других видов мышления, влияет на их логику, качество, целостность, взаимосвязь; служит связующим звеном между всеми типами и видами мышления, поведения; является одним из элементов менталитета индивида, социума, общества.

Студенты, обладающие навыками критического мышления, находят собственное решение проблемы и подкрепляют это решение разумными, обоснованными доводами. Они также осознают, что возможны иные решения той же проблемы, и стараются доказать, что выбранное ими решение логичнее и рациональнее других.

Рассмотрим основные принципы, которые характеризуют процесс развития критического мышления [4]:

– выявление и оспаривание предположений: можно задать специальные вопросы, проясняющие детали; изучить, на основе чего сделан вывод, и проанализировать являются ли различные стороны данного вывода фактами или предположениями;

– проверка фактической точности и логической последовательности: насколько фактически точна информация? Является ли доказательство логическим и последовательным или в рассуждении есть ошибка;

– рассмотрение контекста: получая новую информацию, критически мыслящий человек всегда задает себе вопрос о том, в каком контексте данная информация имеет смысл. Он анализирует, может ли эта информация быть применена в любой ситуации или только в особых условиях;

– изучение альтернатив: упрощение сложной информации, новая постановка проблемы, «мозговой штурм» и другие.

И.О. Загашев и С.И. Заир-Бек [2] считают, что развитие критического мышления у студентов предполагает следующие этапы: вызов, осмысление новой информации и рефлексия.

В процессе реализации первого этапа важно дать студентам возможность высказывать свою точку зрения по поводу изучаемой темы свободно, без боязни ошибиться и быть исправленным преподавателем; фиксировать все высказывания, так как на данном этапе нет «правильных» и «неправильных» высказываний; сочетать индивидуальную и групповую работу. Индивидуальная работа позволит каждому студенту актуализировать свои знания и опыт; групповая – услышать другие мнения, изложить свою точку зрения без риска ошибиться. Обмен мнениями способствует выработке идей, которые часто являются неожиданными и продуктивными; появлению интересных вопросов, поиск ответов на которые будет стимулировать студентов к изучению нового материала. На данном этапе используются следующие методы и приемы: составление списка «известной информации», рассказ-предположение по ключевым словам, графическая систематизация материала, перепутанные логические цепочки, «мозговой штурм», проблемные вопросы и т.д.

Роль преподавателя на этом этапе состоит в том, чтобы стимулировать учащихся вспомнить то, что они уже знают по изучаемой теме, способствовать бесконфликтному обмену мнениями в группах, фиксации и систематизации информации, полученной от студентов. На этапе осмысления содержания студенты работают с новой информацией; сопоставляют ее с уже имеющимися знаниями и опытом; акцентируют свое внимание на поиск ответов на появившиеся вопросы; стремятся отследить сам процесс знакомства с новой информацией, обратить внимание на то, что именно их привлекает, какие аспекты менее интересны и почему; готовятся к анализу и обсуждению услышанного или прочитанного. На этом этапе возможно использование таких приемов, как «инсепт»; «фишбоун», «идеал», ведение различных записей типа двойных дневников, бортовых журналов; поиск ответов на поставленные в первой части занятия вопросы. Работа проходит в парах или индивидуально.

Преподаватель на этапе осмысления может быть непосредственным источником новой информации, и тогда его задача состоит в ясном и привлекательном изложении данной информации. Преподаватель также отслеживает степень активности работы и внимательности при работе с текстом.

Рефлексивный анализ направлен на прояснение смысла нового материала, построение дальнейшего маршрута обучения (это понятно, это непонятно, это интересно и т.д.). Этот анализ имеет словесную форму, устную или письменную, так как в процессе вербализации хаос мыслей, возникающий в сознании на стадии осмысления, структурируется, превращаясь в новое знание. Устная форма рефлексивного анализа предполагает диалог между одним учеником и учителем, диалог между двумя учениками, отдельные реплики со стороны разных учеников, возврат к ключевым словам, верным и неверным утверждениям, беседу или обсуждение, игровые методы, круглый стол. Письменная форма включает анкетирование и опросы с использованием различных методик (ответы на вопросы, открытые предложения, выбор из предложенных вариантов, расстановка по степени важности, согласие или несогласие с утверждениями), графические, схематические способы представления информации в виде таблиц, графиков, диаграмм, кластеров, творческие задания (синквейн, эссе, письмо, сочинение).

В процессе обмена мнениями по поводу прочитанного или услышанного студенты имеют возможность осознать, что один и тот же текст может вызывать различные оценки, отличающиеся по форме и по содержанию. Некоторые из суждений других учеников могут оказаться вполне приемлемыми для принятия их, как своих собственных. Другие суждения вызывают потребность в дискуссии. На данном этапе возможно использовать следующие виды работы: заполнение кластеров, таблиц; установление причинно-следственных связей между блоками информации; возврат

к ключевым словам, верным и неверным утверждениям; ответы на поставленные вопросы, организация устных и письменных круглых столов, дискуссий; написание творческих работ; исследования по отдельным вопросам темы и т.д. Работа проходит в парах или группах.

В.П. Беспалько, В.В. Боголюбов, М.В. Кларина, В.М. Монахов и другие исследователи рассматривают развитие критического мышления как педагогическую технологию, то есть, феномен, возникший как результат взаимодействия новейших тенденций в развитии педагогической теории и практики, который сосредотачивает в себе возможность решения многих задач, а самое существенное – может помочь в личностном совершенствовании самого педагога-воспитателя, формировании в нем таких качеств, как толерантность, искренность, креативность [3]. Необходимость педагогических технологий обусловлена появлением в образовании новых идей: признания и понимания чужой точки зрения, уважения личности, организации сотрудничества, самовыражения в деятельности, в творчестве. Педагогический энциклопедический словарь определяет педагогическую технологию как «совокупность средств и методов воспроизведения теоретически обоснованных процессов обучения и воспитания, позволяющих успешно реализовать поставленные образовательные цели.

Технология развития критического мышления имеет свои особенности: интерактивное включение студентов в образовательный процесс, акцент на их самостоятельность; поиск аргументов для решения проблемы; не принятие сведений на веру; поиск аргументированных ответов происходит на основе рефлексии. Применение данной технологии позволяет целенаправленно двигаться к прогнозируемому конечному результату, а именно, воспитанию критически мыслящего человека, думающего, анализирующего, умеющего увидеть проблему и найти рациональные пути ее решения.

Библиографический список

1. Полат, Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 368 с.
2. Пшонковская, И.А. Стратегии развития критического мышления в парадигме текстологической эвристики [Электронный ресурс] / И.А. Пшонковская // ИТО-2005 / Секция VIII: Интеллект технологии в образовании. – URL: <http://ito.edu.ru/index.html>.
3. Широкова, Е.Ф. Будущему педагогу-воспитателю о личностно-ориентированном педагогическом взаимодействии «Педагог-воспитанник» (теоретический, методико-технологический аспекты): Учебно-методическое пособие / Е.Ф. Широкова, под ред. В.А. Слостенина. – 2 изд., дополн., перераб. – М.: Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. – 298 с.

4. Feldman, R. Thinking Critically [Электронный ресурс] / R. Feldman, S. Schwartzberg. – New York, 1990. – URL: http://www.prof.msu.ru/publ/bo-ok6/c62_03.htm.

5. Halpern, D.F. Thought and Knowledge. An Introduction to Critical Thinking / D.F. Halpern. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1996.

[К содержанию](#)

УДК 378.02 + 378.014

КОММУНИКАТИВНО-ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ МЕДИАОБРАЗОВАННОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Е.С. Гуняшова

Статья посвящена вопросам медиаобразования, рассматриваются его определения и роль в современном образовании. Автор предлагает коммуникативно-тезаурусный подход в качестве теоретико-методологической стратегии развития медиаобразованности у студентов.

Ключевые слова: обучение, медиаобразованность, коммуникативный подход, тезаурус.

Как часть демократического общества медиаобразование, напрямую связанное с культурой, педагогикой, политикой и правами человека, призвано обеспечить современное общество медиаграмотными специалистами, т.е. такой аудиторией, которая бы понимала законы и язык аудиовизуальных средств массовой информации, умела выстроить информационную защиту от экспансии низкопробной массовой культуры.

Сегодня медиа – один из основных факторов социализации молодого поколения. Объект воздействия потока сообщений – не столько отдельный индивид, сколько сознание и поведение больших групп людей, составляющих аудиторию того или иного конкретного средства массовой коммуникации.

Средства массовой коммуникации выполняют следующие социально-воспитательные функции: информационную, воспитательную, образовательную, социально-управленческую, рекреативную, релаксационную.

Так, образовательная функция – это сообщение людям знаний, позволяющих оценивать и упорядочивать сведения, полученные из других источников, и ориентироваться в сложном потоке информации. Воспитательная функция заключается в передаче образцов жизни, примеров поведения, в пропаганде ценностей, отношений к миру, людям, к самому себе, в приобщении к культуре и искусству, к этическим, правовым, идеологи-

ческим и прочим нормам современного общества. Воспитательное и образовательное воздействие медиа сегодня сопоставимо или превышает влияние традиционной контактной педагогики [5].

Однако в наших учебных программах существует определенная путаница между понятиями «медиакультура», «медиаобразование», «информатика», «информатизация», «информационные технологии». Одна из причин – то, что процесс постепенного оснащения отечественных вузов и школ компьютерами, начавшийся с конца 1980-х годов, а затем и подключение их к Интернету – с середины 1990-х годов – практически не был подкреплен модернизацией технического оснащения педагогической, продолжающей владеть нищенское существование и практически выпавшей из процесса осмысления всего того, что было связано с информационными технологиями. Наука же сосредоточилась на осмыслении предмета информатики, который внедрялся в учебный процесс, чаще всего без учета важности неразрывной связи информационных технологий и педагогических целей.

В материалах ЮНЕСКО за 1984 г. дается следующее определение «медиаобразования»: «Обучение теории и практическим умениям для овладения современными средствами массовой коммуникации, рассматриваемыми как часть специфической и автономной области знаний в педагогической теории и практике. Его следует отличать от использования СМК как вспомогательных средств в преподавании других областей знаний».

«Российская педагогическая энциклопедия» определяет медиаобразование как направление в педагогике, выступающее за изучение закономерностей массовой коммуникации (прессы, ТВ, радио, кино, видео и др.). Основные задачи медиаобразования: подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации, научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику, овладеть способами общения на основе небальных форм коммуникации с помощью технических средств.

В наши дни также распространено более широкое понимание медиаобразования – не только как определенного компонента школьного или вузовского образования, но и как долговременной общественно-просветительской деятельности, распространяемой на детей и взрослых. Его сторонники понимают под медиаобразованием прежде всего непрерывное развитие личности в обществе. Важность воспитания активных и информированных граждан, формирования новой культуры общения со СМИ, которая способствовала бы органичному вхождению россиян в «информационное общество», возрастает по мере распространения новейших компьютерно-сетевых коммуникаций.

В современных трактовках медиаобразования упор делается на формирование у аудитории СМИ способности к активному, осмысленному усвоению медийного содержания, основанной на знаниях о сущности, спе-

цифике и целях массовых коммуникаций. Все большее внимание уделяется развитию самостоятельного критического мышления по отношению к средствам массовой информации, на приобретение практических навыков в выявлении ложных сведений и искажений в получаемой информации, на выработку стойкого иммунитета против манипулятивного влияния СМИ, на обогащение социального опыта аудитории в практике общения с печатной и электронной продукцией.

Этому способствует ознакомление широкой аудитории с социальной ролью и механизмами функционирования масс-медиа, с нормами и правилами профессиональной этики журналистов и других творческих работников СМИ, жанрами журналистики и т.д. Медиаобразование призвано выработать культуру рационального освоения медийного содержания, развивать социальную активность граждан.

В выработке новой информационной культуры россиян, то есть медиакультуры, должны участвовать не только государственные институты образования и просвещения, но и общественные структуры, СМИ, располагающие большим потенциалом распространения знаний. Так, особая область журналистики – медиакритика – призвана органично дополнять усилия образовательных и просветительских институтов в формировании общественной культуры рационально-критического анализа и адекватного восприятия содержания СМИ, в развитии гражданской активности по отношению к печатной и электронной прессе. В то время как концепции медиаобразования концентрируются на развитии познавательных способностей аудитории, на совершенствовании восприятия ею медийного содержания, но не предусматривают деятельность по формированию альтернативного содержания. Во многом родственная медиаобразованию и способная участвовать в реализации его целей, медиакритика сводится к выполнению задач «интеллектуальной самообороны» общественности в то же время не лежащих в основе наиболее радикальных идей медиаобразования.

Возможности XX–XXI веков в области взаимодействия и общения разных стран, и в том числе общения различных культур, с помощью медиа постоянно расширяются (в начале века это были пресса, радио, кинематограф; затем телевидение, видео; и наконец, разветвленные компьютерные сети, Интернет, DVD и т.д.). Открываются новые перспективы для дальнейшего сотрудничества культур, наций, народов (в области медиаобразования в частности). Собственное видение человеком произведений мировой культуры, в том числе и медиакультуры, постоянный диалог на микро- и макроуровнях, позволяют человеку стать центром «художественного видения». Современные медиа имеют огромные потенциальные возможности для повышения общекультурного и образовательного уровня личности, свободного диалогового общения с жителями из самых отдаленных уголков мира: обмен информацией, «виртуальные» путешествия по странам и континентам, «экскурсии» в известнейшие музеи и галереи

мира, знакомство с шедеврами мировой культуры, библиотеками и т.д. Все это создает реальные условия для самообразования, повышения квалификации, расширения кругозора, развития самостоятельного мышления, творческих способностей и т.п.

Современное российское медиаобразование наиболее активно развивается на материале прессы, телевидения, кинематографа, видео, современных мультимедийных технологий, включая Интернет. Проблемы, связанные с современным репертуаром экранных искусств (насилие, коммерческий характер и т.д.), постоянно расширяющийся диапазон медиа, обостряют интерес к медиаобразованию, настоятельно требуют применения широкого спектра форм и методов работы с медиатекстом. Наиболее эффективными являются методические подходы к медиаобразованию, циклы занятий, применяемые путем интеграции в учебные предметы, факультативных занятий, либо спецкурсов.

Все более пристальное внимание в мире уделяется актуальным организационным и экономическим аспектам развития мировых массовых коммуникаций, проблемам информационной политики и медиарегулирования в разных странах.

Интерес вызывают новейшие экономические тенденции эволюции печатной и электронной прессы – в частности, актуальные вопросы развития рекламной деятельности медийных организаций, тенденции экономики массмедиа, её влияние на деятельность коммуникаторов. Интерес исследователей к проблематике медиаменеджмента – управления медийными организациями с учетом потребностей рынка и с применением маркетинговых технологий. В условиях информационного рынка исследования медиаэкономики и медиаменеджмента (в рамках новых для России областей науки о массовых коммуникациях) приобрели чрезвычайно большое значение. Познание экономических механизмов функционирования массмедиа важно не только для выявления объективных характеристик многосложных процессов, происходящих в медийной сфере в условиях рынка, но и для научно обоснованной критики углубляющейся экономизации массово-информационной деятельности, её прогнозируемых перспектив, долгосрочных социальных и культурных последствий.

В качестве теоретико-методологической стратегии развития медиаобразованности студентов вузов нами избран коммуникативно-тезаурусный подход.

Коммуникативный, функционально-деятельностный подход, столь актуальный в современной языковедческой науке, является, на наш взгляд, необходимым компонентом. В случае, когда действием является создание / инициирование текста / коммуникативного акта, определение наличия / отсутствия прямого противоправного умысла и его содержания переводится

в плоскость выявления коммуникативной стратегии текста и ее главных составляющих: коммуникативной цели и коммуникативной перспективы.

Как отмечает Е.В. Ключев, «если в ходе коммуникации действительно могут быть созданы условия для достижения соответствующих результатов во внеязыковой действительности», правомерно считать, что «коммуникативный акт имеет не только коммуникативную цель, но и коммуникативную перспективу, рассматриваемую как возможность вызвать желаемые последствия в действительности».

Коммуникативная цель обучения предполагает достижение обучаемыми «сформированности коммуникативной компетенции, необходимой для квалифицированной и творческой деятельности в различных сферах и ситуациях делового сотрудничества, совместной производственной и исследовательской работы» [1].

В то же время в современном обществе происходит интенсивная концентрация теоретического знания, оно становится основой изменений в производстве, а в конечном итоге – в обществе. Идет формирование новой интеллектуальной технологии. Новейшие математические методы, основанные на компьютерном линейном программировании позволяют использовать моделирование, разработку сценариев, системный анализ, управленческие разработки для выявления оптимальных способов разрешения проблем подготовки специалистов-менеджеров. (Еляков А., 2001). Доминирующей ценностью в обществе становится высокий уровень образования работников, обусловленный широким распространением чрезвычайно быстро обновляющихся информационных технологий и интенсивным информационным обменом на международном, региональном и национальном уровнях. Эти процессы определяют конкретные требования к уровню образованности, профессиональной компетентности менеджера.

Первоначальная конкретизация целей проектирования содержания педагогической подготовки осуществима на уровне учебной дисциплины. Она заключается в определении требований к конечному результату обучения и выражается в наборе учебных предметов, содержащих необходимую учебную информацию. Формой представления такой информации является учебный план образовательного учреждения, реализующего профессиональное образование будущих менеджеров.

В этом контексте перспективным представляется построение учебного плана и учебных программ подготовки преподавателей, базирующихся на тезаурусе. При этом могут использоваться информационно-поисковые (ИПТ) и логико-категориальные (ЛКТ) тезаурусы.

Метод построения ИПТ и ЛКТ, основанный на анализе новейшей литературы, позволяет считать тезаурус объективно отражающим сущность и перспективы развития специальности, так как документальный информационный поток, на основе анализа которого строится тезаурус, формирует

ся практически бесконечным числом участников научной коммуникации в данной области знаний. Таким образом, содержание подготовки преподавателей, спроектированное на основе тезауруса, будет объективно и адекватно отражать в каждый конкретный момент времени требуемый уровень, содержание и характер профессионально-педагогической деятельности преподавателя [2].

Тезаурус содержит понятия всех уровней иерархии, что позволяет осуществить составление объективной рабочей программы, дает возможность распределять учебное время таким образом, чтобы дисциплинам низших иерархических уровней, содержание которых изменяется значительно быстрее, выделялось меньше времени. Тезаурус может встраиваться в экспертную систему, которая в этом случае (будучи снабжена средствами обучения) может использоваться как автоматизированная обучающая система.

Представление базы данных в виде тезауруса позволяет разработать стройную концепцию ступенчатого образования будущих менеджеров. Основанием для использования тезауруса в педагогической практике является аналогия между учебным процессом и совокупностью семантических процессов, происходящих в некоторой языковой среде. Эта языковая среда образована множеством элементарных понятий (законов, теорий, методов, проблем, научных фактов) и связей между ними (конкретизация, интерпретация. Формализация, моделирование, аналогия, синтез, анализ, абстракция, индукция, дедукция и т.д.), а также совокупностью вложенных друг в друга структур: элементарные понятия, элементарные структуры из элементарных понятий и т.д.

В педагогике понятие «тезаурус» связывают с информационно-семантической моделью обучения. Каждый индивидуум обладает собственным понятийным психологическим тезаурусом – тезаурусом личности. Расширение тезауруса личности обучающегося при включении в него новой информации интерпретируются Л.Т. Турбовичем как обучение.

В работе В.И. Гинецинского предлагается модель факторов регуляции учебно-познавательной деятельности. Центральным объектом в данной модели является тезаурус, который «служит информационным хранилищем накапливаемого опыта, отдельные уровни и компоненты которого могут актуализироваться под влиянием внешних воздействий (условий)» [3]. В содержании тезауруса разграничиваются два типа образований: образы (операнды) и операции. Процесс обучения представляется как процесс расширения и реструктурирования тезауруса.

В этом курсе интересен подход Л.В. Макаровой по обоснованию логико-категориальных тезаурусов и их практическому применению [4]. Предлагается методика объективного отбора содержания образования и выделения «ядра» предметной области на основе информационно-поисковых тезаурусов, модель представления знаний в виде логико-катего-

риальных тезаурусов. Так, пакет прикладных программ «Тезаурус» позволяет создать продукционную базу знаний на основе информационно-поисковых и логико-категориальных тезаурусов. Другая система, по утверждению автора, позволяет оценивать уровень сформированности знаний, делать прогноз дальнейшего педагогического процесса и осуществлять управление содержанием образования.

Разграничивая понятия «информационно-поисковый тезаурус» и «логико-категориальный тезаурус», автор считает, что первый лишь делит терминопле (предварительно отобранное множество понятий) на отдельные области, а второй – устанавливает их логическую и функциональную взаимосвязь [4]. При этом построение информационно-поисковых тезаурусов рассматривается как этап построения логико-категориальных тезаурусов. Тезаурус определяется как множество дескрипторов и связей между ними, т.е. позволяет описывать процесс обучения на уровне «учебных элементов».

Представление знаний с помощью тезауруса позволяет моделировать как процессы вывода новых знаний, так и процессы принятия решений с помощью так называемого коммуникационного блока, так как тезаурус явным образом отражает структуру предметной области и методы передачи знаний о ней обучающимся. Конкретной обучающей системе соответствует сеть траекторий на тезаурусе, формируемая объективными методами, не опирающимися на мнение какого-либо коллектива экспертов. Сравнение обучающих систем сводится к измерению степени топологической эквивалентности двух сетей, что также может осуществляться вполне объективно с использованием соответствующего аналитического аппарата.

Тезаурус дает возможность однозначного описания содержания образования, определяемого образовательной программой, так и анализа возможных последствий реализации образовательной программы. Прогнозирование результатов реализации программы начинается с топологического анализа сети траекторий на тезаурусе. На втором этапе построения прогноза выявленная совокупность топологических характеристик (совокупная длина траектории, степень ветвления, распределение элементарных ячеек по зонам и уровням и т.д.) преобразуется с использованием аппарата логики антонимов в собственно прогноз последствий реализации образовательной программы.

Использование тезауруса и основанных на нем методик проектирования содержания учебной дисциплины позволяет диагностично задавать результаты обучения и, следовательно, оптимизировать процесс подготовки и повышения квалификации преподавателей в системе последиplomного образования.

Проектирование содержания обучения преподавателей на основе тезауруса позволит четко выделить структурно-логические основания учебных дисциплин, круг базовых понятий, выделить и оптимальным образом ис-

пользовать межпредметные и межцикловые связи, обеспечить преемственность и целостность учебного содержания, что позволит повысить эффективность обучения и создаст возможности для постепенного перехода к непрерывному проектному образованию.

Библиографический список

1. Ахметова, Д.З. Преподаватель вуза и инновационные технологии / Д.З. Ахметова, Л.И. Гурье // Высшее образование в России. – 2001. – № 4. – С. 89–95.
2. Гурье, Л.И. Проектирование педагогической подготовки преподавателя технического вуза на основе тезауруса / Л.И. Гурье // Инженерная педагогика. Сб. научн. статей. – М.: МАДИ, 2001.
3. Ильин, Г. Проектное образование и становление личности / Г. Ильин // Высшее образование в России – 2001. – № 4. – С. 85–88.
4. Макарова, Л.В. Преподаватель: методы деятельности и аттестация / Л.В. Макарова. – М., 1992. – 162 с.
5. Программа по иностранным языкам для вузов неязыковых специальностей. – М.: МГЛУ, 2000.

[К содержанию](#)

УДК 81'42 + 81'36

ОСНОВНЫЕ РУССКИЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Ю.А. Дудина

В данной статье представлен краткий анализ употребления и выделения специализированных союзов, выражающих отношения реального и ирреального сравнения.

Ключевые слова: сравнительный союз, реальная модальность, ирреальная модальность, сложноподчиненные предложения сравнительного типа.

Система союзов, соединяющих простые предложения в составе сложноподчиненных сравнительного типа, сформировалась к XIX веку, претерпев значительные изменения в процессе исторического развития.

В сравнительных конструкциях выделяются прямое и косвенное сравнения. Примерами прямого сравнения содержания обеих частей сложного предложения могут быть:

1) сравнение, доходящее до полного отождествления действий разных субъектов или одного и того же субъекта, см. соответственно 1 и 2 примеры: 1) *Вы утешаете нас под старость, как мы утешали вас в детстве*

(Стельмах); 2) *На деревне и на дворе стали перекликаться ранние петухи, как они обыкновенно перекликаются в жаркие грозовые ночи* (Л.Толстой);

2) сравнение двух хотя и не тождественных, но близких между собой действий: *Век скоростей, науки, механизации, автоматизации и счетных устройств ни в коей мере не снимает с человека его обязанностей творца, так же как самая умная техника не упраздняет работу мысли и рук, а значит – творчества* (Беляева);

3) сравнение двух несовместимых фактов, из которых один отвергается, чтобы утвердить другой, противоположный: *Лучше вылепить новую статую, чем разбить, даже с самыми высокими побуждениями, старую, некогда созданную* (Эренбург);

4) сравнение, устанавливающее несходство, полную противоположность предметов по их признакам: *По коридору шла женщина лет сорока и с ней девчушка похожая на мать, и в то же время совсем другая, непохожая, как молодость не похожа на зрелость, весна на осень, цветок яблони на яблоко* (Акимова);

5) сопоставление признаков, действий, состояний, степень проявления которых взаимно обусловлена: *Чем ребята старше, тем больше спрос с самого себя* (Вигдорова). Значение реальной модальности выражают союзы: простые одиночные «как», «чем», «нежели», иногда «что», двойные союзы «как... так (и)», «чем...тем» и составные «так же как», «точно так же как», «точно как будто», «точно как», «равно как (ровно как)», «как бы», «подобно тому как». Последний иногда принимает форму двойного «подобно тому как... так (и)».

Однако возможно и косвенное сравнение, при котором явление, названное в главном предложении, нельзя уподобить, сопоставить и противопоставить явлению, названному в придаточном предложении.

К сравнительным союзам ирреальной (гипотетической) модальности относятся союзы «будто», «как будто», «будто бы», «как если бы», «точно», «точно бы», «словно», «словно бы», «как будто бы», «точно как», «словно как», «как».

Сравнение в предложениях с союзами ирреальной модальности строится так, как будто пропущено одно звено. Например: *Соня молча смотрела на своего гостя и даже начала наконец дрожать в страхе, точно стояла перед судьей и решителем своей участи* (Достоевский). Смысл сравнения сводится не к непосредственному уподоблению действий «дрожать в страхе» – «стоять перед судьей» (такое уподобление невозможно), а к опосредованному, косвенному: *Она дрожала в страхе, как дрожат люди, когда стоят перед судьей*.

Союзы нереальной модальности в основном являются между собой полными лексическими синонимами, почти всегда взаимозаменяемы, образуют одно семантическое поле, различаясь только дополнительными лексическими оттенками значений.

В древнерусском языке употреблялись сравнительные союзы церковнославянского происхождения «якоже», «яко» и «аки» («акы»), причем союз «якоже» использовался для выражения сравнительно-сопоставительных отношений, тогда как союзы «яко» и «аки» («акы») были многозначными, могли оформлять и сравнение образного типа, следовательно, собственно-сравнительные предложения, и сравнительно-сопоставительные предложения. Эти союзы являлись принадлежностью повестей «книжного типа» [1].

Таким образом, уже в древнейших памятниках наметилось деление средств связи в сравнительных предложениях в соответствии с их значением на союзы реальной и ирреальной модальности, или союзы достоверного и недостоверного сравнения [2].

Наряду с союзами церковнославянскими по происхождению в древнерусском языке функционировал русский союз «как». Начало его употребления в форме «како» зафиксировано в первой Новгородской летописи по Синодальному списку. В форме «как» этот союз употреблялся в деловой письменности древнерусского языка, но значительное распространение, по данным И.Ф. Палевской, получил в XVI–XVII веках [3].

В.К. Сорокина отмечает, что в этот период на долю «как» приходится 27 % употреблений [4]. А к XVIII веку этот союз становится ведущим в выражении сравнительно-уподобительного и сравнительно-сопоставительного значений [5]. Во второй половине XVIII века «как» выполняет функции всех трех древнерусских союзов: «яко», «якоже», «аки» [6].

Союз *как* стал основным компонентом, на базе которого в XVIII веке формировались составные сравнительные союзы «так же как», «точно так же как», «подобно тому как», «подобно как», «равно как», «так как», выражающие сравнительно-уподобительные отношения [7]. Однако союз «так как» в роли сравнительного использовался недолго. Уже в XVIII веке у него начинает развиваться причинное значение, которое и становится основным [8].

Союз «подобно как» получил более широкое распространение, но ко второй половине XIX века он совершенно вытеснен союзом «подобно тому как», который употребляется и в современном русском литературном языке [9].

Самый старый сравнительный союз «нежели» был образован в древнерусском языке путем соединения частиц «не», «же», «ли» и впервые отмечен в источниках XI века. Вплоть до второй половины XVIII века он являлся ведущим в выражении сравнительно-объектного и сравнительно-противительного значений [6].

Первые употребления союза «чем» в памятниках древнерусского языка XIV–XVII веков, по данным Н.А. Широковой, встречаются в сравнительно-противительном значении. В сравнительно-объектном значении этот союз начинает функционировать в начале XVIII века [6]. Как указывает А.Н. Сте-

ценко, союз «*чем*» в XVI–XVII веках был характерен для разговорной речи [10]. К XIX веку «*чем*» начинает вытеснять «*нежели*» из языка художественной литературы, все еще уступая по употребительности этому союзу в научном и официально-деловом стиле [6].

Четвертый по употребительности в современном русском языке двойной союз «*чем...тем*» отмечается впервые как одно из средств связи, появившихся в XVIII веке и выражавших идею пропорционального соответствия [6]. По свидетельству В.И. Кодухова, первоначально этот союз употреблялся в форме «*тем...чем*», но уже во второй половине XVIII века модель «*чем...тем*» составляла 80 % употреблений, а породившая ее модель «*тем...чем*» только 20 % [11].

Из вышесказанного следует, что союзы реальной модальности «*как*», «*нежели*», «*чем*» являются наиболее древними по происхождению и наиболее продуктивными в языке XII–XVIII веков.

Позднее появляются союзы ирреальной модальности «*как бы*», «*будто*», «*точно*», «*словно*», «*будто бы*», «*как будто (бы)*», «*как если бы*» и др.

В древнерусском языке сравнительные союзы ирреальной модальности употреблялись очень редко, в этой функции отмечены старославянские по происхождению союзы «*яко бы*», «*аки бы*» [6], в старорусском языке – «*яко*», «*якоже*», «*аки*», «*как*», «*что*» и «*будто*», причем последние три зафиксированы в контексте, отмеченном элементами живого разговорного языка [4].

Со второй половины XVIII века наблюдался процесс появления и активного распространения большинства союзов гипотетического сравнения – «*как бы*», «*как будто*», «*будто бы*», «*словно*», «*ровно*», «*точно*» и др. [10].

Раньше других среди этих союзов стал использоваться союз «*как бы*». В публицистике и деловом стиле речи он изредка встречался уже в XVI веке [6].

В середине XVII века отмечены первые употребления союза «*будто*» в повествовательной литературе. В начале XVIII века он уже встречается в драматических произведениях [6].

В XVIII веке первое место по употребительности приобретают союзы «*будто*», «*как будто*» и остаются ведущими в группе союзов ирреального сравнения до сих пор. Реже встречаются «*словно*» и «*точно*». Позднее остальных стали употребляться союзы «*чем если бы*» и «*как если бы*». Единичные случаи их использования в художественной литературе известны в конце XVIII века, в XIX веке они также не продуктивны. В XX веке количество конструкций с союзом «*как если бы*» заметно возрастает, причем они проникают, по свидетельству А.П. Сазонова, во все стили современного русского литературного языка [12].

В общих чертах система сравнительных союзов сложилась к началу XIX века, однако внутри ее происходили изменения в течение всего иссле-

дуемого периода: одни союзы становились более употребительными, другие, наоборот, уходили из языка. Изменилось соотношение союзов реальной и ирреальной модальности: в 20–30-х годах XIX века преобладали союзы реального сравнения, а в 70–90-х годах XIX века преобладает употребительность союзов гипотетического сравнения, в конце XX века употребительность союзов реального и ирреального сравнения была примерно равной. По данным нашего исследования, в начале XIX века 29,7 % союзов от общего числа – союзы гипотетического сравнения, на рубеже XIX–XX веков союзы ирреальной модальности увеличивают свою продуктивность в 1,8 раза (52,1 % употреблений), а к концу XX века их употребительность по сравнению с первым периодом возрастает в 1,7 раза.

Происходит снижение продуктивности союза *«чем»* в 1,4 раза, произошел сдвиг с употребительности союза в преимущественно сравнительно-противительном значении к употребительности в преимущественно объектном значении, что связано с развитием специализированного союза *«вместо того чтобы»* для выражения сравнительно-противительного значения. Существенно снижается употребительность союза *«нежели»* (синонима *«чем»* в сравнительно-объектном и сравнительно-противительном значении), который в конце XX века получает стилистическую маркированность. Мало употребительный во все временные периоды союз *«так же как»* проявляет тенденцию к увеличению употребительности, что свидетельствует о его растущем потенциале. Синонимичный ему многозначный сравнительно-уподобительный и сравнительно-сопоставительный союз *«точно так же как»* вытесняется из языка, вероятно, из стремления языковой личности к экономии речевых усилий, а синонимичный ему в сравнительно-сопоставительном значении союз *«равно как»* закрепляется преимущественно в официально-деловом стиле.

В XVII веке ограниченный в употреблении сравнительно-сопоставительный союз *«подобно тому как»* обнаруживает тенденцию к увеличению употребительности, поскольку в развернутых, сложных синтаксических структурах помогает уловить основное содержание выражаемой мысли более четко, чем при наличии в конструкции союза *«как»* с тем же значением. Союз *«как»* во всех временных срезах выступает основным средством выражения сравнительно-сопоставительных отношений. Частотность употребления двойного сравнительно-сопоставительного союза *«как...так (и)»* невелика, но стабильна на протяжении всего исследуемого периода. Интенсивное развитие претерпевает союз *«будто»*, продуктивность которого от первого периода к третьему увеличивается в 8,4 раза. Он становится на сегодняшний день самым употребительным союзом после союза реальной модальности *«как»*. Употребительность союза связана с его многозначностью, способностью выражать все оттенки ирреального сравнения. За исследуемый период употребительность союза *«словно»* вы-

росла в 6,3 раза. Как и союз «будто», он обладает широким семантическим диапазоном. Синонимичный ему союз «точно» отличается от него стилистической окраской. На рубеже XIX–XX веков наблюдается необычайный всплеск его употребительности, что связано с демократизацией языка литературы этого периода. В конце XX века он уступает в употребительности союзам «будто», «словно». Союзы «как будто», «как будто бы», «точно как», «словно как», «точно как будто», «будто бы», «как бы» выходят из употребления в связи с их модальной избыточностью. Их употребительность в начале XIX века объяснима отсутствием четкого осознания языковой личностью ирреальности значения союзов «будто», «точно», «словно». В связи с этим существует необходимость усиления другим союзом и частицей бы их ирреального значения. Растет употребительность союза «как если бы», выступающего в качестве специализированного средства выражения сравнительно-условного значения.

Сравнительный союз «что» известен с XV века, хотя уже в XVI веке употребление сравнительных конструкций с этим союзом было ограниченным [12, 10]. В памятниках XVII века он становится широко распространенным в народных повестях – в «Хождении на Восток» Котова, в просторечных контекстах «Жития протопопа Аввакума» [6].

Итак, современная система сравнительных союзов в основном сложилась к началу XIX века. То, что она образовалась на базе средств исконно русского, разговорного происхождения, свидетельствует о собственно русской основе синтаксического строя современного русского языка. Союзы являются главным средством связи частей СПП, выразителями семантических и структурных отношений между главным и придаточным предложениями. В особенности важно проследить динамику развития союзов, поскольку их количественные и качественные трансформации являются ярким свидетельством изменений в синтаксических связях и отношениях внутри системы языка.

Ф.П. Филин очень точно отметил ведущую роль союзов в исследовании языковых изменений: «Развитие союзов представляет собой своего рода лакмусовую бумажку, показывающую, откуда язык черпает свои средства, в каком направлении он совершенствуется» [13].

Библиографический список

1. Широкова, Н.А. Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения / Н.А. Широкова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 1966. – 177 с.
2. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
3. Палевская, М.Ф. Союзы сравнения / М.Ф. Палевская // Учен. зап. Тираспольского гос. пед. ин-та. – Вып 7. – Тирасполь, 1958. – С. 173–188.

4. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения / ред. В.И. Борковский. – М.: Наука, 1973. – 359 с.
5. Кодухов, В.И. Сложноподчиненные предложения с союзом и союзным словом как в русском языке второй половины XVIII века / В.И. Кодухов // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. 268. – Л., 1954. – С. 173–181.
6. Широкова, Н.А. Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения / Н.А. Широкова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 1966. – 177 с.
7. Стриханова, Л.В. Союзы в сравнительно-компаративных конструкциях / Л.В. Стриханова // Синтаксис сложного предложения. Межвуз. сб. – Калинин, 1978. – С. 94–113.
8. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.-Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
9. Бунина, М.С. Из наблюдений над сложными предложениями, соединенными составными союзами, в современном русском литературном языке / М.С. Бунина // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. Т. 33. – Кафедра русского языка. Вып. 3. – М., 1954. – С. 103–110.
10. Стеценко, А.Н. Исторический синтаксис русского языка / А.Н. Стеценко. – М.: Высш. шк., 1977. – 352 с.
11. Кодухов, В.И. Сложноподчиненное предложение в современном русском литературном языке второй половины XVIII века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.И. Кодухов. – Л., 1967. – 46 с.
12. Сазанов, А.П. Союз как если бы в русском языке / А.П. Сазанов // Рус. яз. в шк. – 1962. – № 6. – С. 8–10.
13. Филин, Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981. – 327 с.

[К содержанию](#)

УДК 81:32 + 81'24

СПОСОБЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ С АГРЕССИВНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н.Н. Кошкарлова

Статья посвящена анализу способов речевого воздействия с агрессивным прагматическим потенциалом в межкультурном политическом пространстве. Материалом для исследования выбраны тексты политических интервью. В работе анализируются такие стратегии речевого воздействия, как угроза, оскорбление и упрёк.

Ключевые слова: речевое воздействие, межкультурное политическое пространство, угроза, оскорбление и упрёк.

Наиболее адекватный подход к анализу речевого воздействия сформулирован в отечественной психолингвистической школе, или в теории речевой деятельности. Положения о речевом воздействии, выработанные в данной теории становятся наиболее уместными при анализе текстов, функционирующих в межкультурном политическом пространстве. Термин *межкультурное политическое пространство* мы определяем как область взаимодействия субъекта, объекта и наблюдателя, представляющих разные национально-культурные сообщества, с неременной вербализацией средствами языка, реализацией в тех или иных жанрах политической коммуникации и различной модальностью как следствия напряжённого или толерантного отношения коммуникантов друг к другу.

В сфере политической коммуникации одним из самых продуктивных и традиционных диалогических жанров является интервью, для анализа которого мы считаем необходимым использовать принципы теории речевой деятельности. В соответствии с этой теорией речь обслуживает общение, в процессе которого коммуниканты, регулируя поведение друг друга, осуществляют своё сотрудничество для организации совместной деятельности. На наш взгляд, сотрудничество в процессе общения или речевое воздействие в ходе коммуникации осуществляется при помощи многочисленных способов, среди которых нам хотелось бы выделить следующие: 1) угроза; 2) оскорбление; 3) упрёк. Таким образом, в настоящем исследовании мы обращаемся к способам речевого воздействия, обладающим агрессивным прагматическим потенциалом, то есть функционирующим в рамках конфликтного дискурса. Конфликтный дискурс понимается как деструктивная деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения в конфликтной коммуникации,

речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание соответствующего поведения коммуникантов, в ходе чего происходит актуализация их национального и культурного опыта с установлением отношений определённой тональности (в случае конфликтного дискурса эти отношения будут носить деструктивный характер).

Угроза, оскорбление, упрёк представляют самостоятельные стратегии речевого воздействия (в нашем случае, в конфликтном дискурсе). Данные стратегии речевого поведения в конфликтном типе вербального поведения располагают определённым набором речевых тактик. Угроза, оскорбление, упрёк получают определённое воплощение на всех уровнях языка и порождают соответствующие речевые реакции. В рамках науки об эффективном общении важно изучение подходящего, адекватного способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации.

В нашем понимании угроза представляет собой способ речевого воздействия, реализующий агрессивный потенциал при функционировании в рамках конфликтного дискурса. Принимая во внимание триаду, согласно которой конфликт является источником речевой агрессии (а та порождает коммуникативный конфликт), угроза может быть началом речевой агрессии, ответной реакцией на вербальную агрессию или эмоциональной реакцией.

Угроза как начало речевой агрессии имеет место в том случае, когда адресант желает добиться конечного результата через возбуждение страха у другого человека. Н.В. Хохлова [6] отмечает, что такое поведение может объясняться природной агрессивностью человека или исключительностью ситуации, в которой угроза представляется говорящему единственным эффективным способом достижения цели.

Угроза как защитная реакция имеет место тогда, когда адресант отвечает на физическое или вербальное действие, посягающее на интересы человека. По замечанию Н.В. Хохловой [6], в этом случае действует механизм психологической «самореабилитации»: большинство людей не хотят признать, что в том или ином случае ведут себя агрессивно, а оправдывают своё поведение и представляют его как обоснованное.

Угроза как эмоциональная реакция не связана с какими то ни было мыслительными операциями. В большинстве случаев подобный вид угрозы направлен на того, кто вообще не причастен к возникновению эмоций враждебности. Н.В. Хохлова [6] указывает, что эмоциональное напряжение в случаях подобного рода настолько велико, что говорящий забывает о неспособности слушающего воспринять его слова (например, животное или младенец).

Угроза как способ речевого воздействия по некоторым параметрам пересекается и сближается со схожими речевыми актами, несущими в себе агрессивный потенциал. К подобным речевым актам относятся: обещание, требование, предупреждение и сообщение. В.О. Мулькеева [4] все случаи

эксплицитного выражения угрозы разделяет на следующие группы: 1) угрозы с объявлением абстрактных последствий, не уточняющих их характер и серьезность опасности для адресата; 2) угрозы с обещанием применить физическую силу; 3) угрозы с использованием оскорбления; 4) угрозы с обещанием информировать третье лицо о каких-либо действиях адресата. Помимо случаев прямого выражения угрозы, данный способ речевого воздействия может быть представлен и косвенно. В.О. Мулькеева [4] способы косвенного оформления тактики угрозы классифицирует следующим образом: 1) демонстрация адресантом своего физического или морального превосходства над противником с целью его устрашения; 2) изменение субъекта речевого действия; 3) изменение конкретной референции на неопределённую; 4) использование вежливой формы, когда значение угрозы выявляется из контекста.

Не вызывает сомнения тот факт, что не все из перечисленных выше способов выражения угрозы как инструмента речевого воздействия имеют место в средствах массовой информации как сфере реализации конфликтного дискурса. Использование данного способа речевого воздействия зависит, по нашему мнению, от следующих условий: 1) уровень (или то, что в английской терминологии, называется «качество») издания, в котором работает журналист; 2) степень культуры и образованности самого репортера, которая несомненно откладывает отпечаток на использование работником редакции тех или иных коммуникативных стратегий и тактик; 3) использование определенных речевых стратегий и тактик ограничено уголовным наказанием, которое может стать следствием некорректного использования тех или иных лексических единиц при оценке действий определенных политических партий, группировок, государственных деятелей и т.д.

Как показывает анализ языкового материала, в современных средствах массовой информации наиболее часто используется не угроза, а предупреждение как способ речевого воздействия. Предупреждение, на наш взгляд, также может обладать некоторым агрессивным потенциалом, так как, по мнению Н.В. Хохловой [6], существует две разновидности данного речевого акта: этикетная и конфликтная. Семантические различия между двумя видами предупреждения автор видит в следующем: эмоциональное состояние автора этикетного предупреждения характеризуется нейтральностью; для автора конфликтного предупреждения первостепенным является карательное действие. Не вызывает сомнения тот факт, что современные политики не эксплицируют свои намерения наказать своих оппонентов за недостойное поведение на политической арене, однако предупреждение о возможных негативных последствиях для несогласных с проводимым главой государства курсом не лишено деструктивного и агрессивного начала. Так, например, в интервью тогда ещё Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина ведущему американского телеканала «Си-Эн-Эн» Лари Кингу (2 декабря 2010 г.) интервьюер так выразил своё отноше-

ние к попыткам американских коллег вмешаться или повлиять на процесс управления в нашей стране: *И когда мы говорим нашим американским коллегам о том, что есть системные проблемы в этой сфере, мы слышим: «Вы к нам не лезьте. У нас так сложилось, так и будет». Мы не лезем, но я хочу и **нашим коллегам посоветовать**: и вы к нам не лезьте. Это суверенный выбор российского народа. Российский народ сделал однозначный выбор в сторону демократии в начале 90-х годов. И с этого пути не свернет. В этом никто не должен сомневаться. В этом сама Россия заинтересована. И мы, безусловно, пойдём по этому пути [7].* В данном случае речевое воздействие на адресата и аудиторию осуществляется при помощи предупреждения в форме совета и одновременной уверенности в правильности выбранного курса и желания следовать намеченному плану. Таким образом, угроза и предупреждение как её разновидность являются способами речевого воздействия с целью побудить адресата выполнить определённое действие и представить ситуацию с возможными негативными последствиями в случае отказа выполнять установленные правила.

Перейдем к исследованию оскорбления, которое В.Г. Кусов [3] определяет как иллокутивный речевой акт, результатом которого является вынесение оценки о моральном поведении или даже проступке адресата. При оскорблении происходит понижение социального статуса адресата путем морального воздействия на его интеллектуальную деятельность. Оскорбление может реализовываться через следующие речевые акты: 1) совет; 2) угроза; 3) шантаж; 4) хамство; 5) недоверие.

Рассмотрим, каким образом осуществляется воздействие в каждом из перечисленных способов. Совет предполагает установление временной иерархической системы добровольного подчинения (в этом случае оскорбительным становится отсутствие возможности парировать неподходящие доводы адресанта, обладающего более высоким социальным статусом). В случае угрозы адресат морально подавлен и вынужден следовать указаниям адресанта (оскорбительно незаслуженное подавление интеллектуальной составляющей сознания адресата). Оскорбление при шантаже заключается в невозможности реализации своей свободы действия (оскорбительно незаслуженное лишение реализации своего права на свободу выбора действий). Хамство предполагает немотивированное нарушение правил общественной нравственности, выражающееся в сознательном пренебрежении нормативами речевого поведения (оскорбительным является направленность на пренебрежение общественностью значимостью правил поведения). Стратегия недоверия подается завуалировано, и ее смысл раскрывается через некоторое время, когда выясняются главные обстоятельства события, и адресат осознает свою социально-профессиональную несостоятельность (оскорбительно отсутствие правдивых объяснений и невозможность оправдать себя).

По нашим наблюдениям, в современных интервью при реализации оскорбления как способа речевого воздействия анализируемый агрессивный речевой акт может реализовываться в следующих значениях: 1) сам поступок, направленный на понижение социального статуса оппонента; 2) речевые средства, адресованные объекту оскорбления; 3) проявление враждебности против государства; 4) обида на какое-то действие, совершенное оппонентом (третьи лицом); 5) неудовлетворенность существующим положением дел; 6) оценка чьих-либо действий (констатация факта) как оскорбительных; 7) юридическая оценка того или иного события.

Рассмотрим приёмы семантизации описанных выше значений оскорбления как агрессивного речевого акта. Вероятнее всего, совершение поступка с целью понижения социального статуса оппонента (или третьего лица) в современных политических интервью проявляется уже в самом факте описания или характеристики действий адресата оскорбления как неадекватных, несоответствующих общепринятым нормам, противоречащих мировым стандартам. Поступок подобного рода в речевом плане проявляется в особом наборе языковых средств, которые деструктивно воздействуют на процесс коммуникации в анализируемой нами области человеческой деятельности. Так, например, еще на посту Президента России Владимир Путин в интервью американским журналистам [8], иллюстрируя положение о политике двойных стандартов, приводит в пример ситуацию с Зелимханом Яндарбиевым, включенным в список международных террористов и проживающего сейчас в Катаре. В. Путин так характеризует этого человека: *«И у нас есть примеры и сведения о том, что американские чиновники встречаются с людьми такого же сорта, с подонками»*.

Проявление враждебности против государства может не манифестироваться в особом наборе языковых средств в силу стремления глав государств к максимально толерантному общению и сохранению стабильных отношений между странами. Однако обида на действия того или иного государства, неудовлетворенность существующим положением дел может выражаться через особые синтаксические средства, обращение к журналистам как представителям своей державы, сравнением (не всегда в пользу адресата оскорбления) с другими государствами и цивилизациями. В интервью Владимира Путина журналу Time тогда еще Президент России так описывает проблему в отношениях между Россией и США: *«Но, во-первых, почему вы решили, что ваша цивилизация самая лучшая? Есть гораздо более древние цивилизации, чем американская. А во-вторых, нам тихо дают понять, на ухо шепчут: «Мы вас готовы принять, но вы имейте в виду, что у нас патриархальная семья, и мы здесь старшие, и вы нас слушаетесь»* [9]. Не вызывает сомнения тот факт, что различные значения оскорбления как агрессивного речевого акта не существуют разрозненно, а реализуются только в их совокупности и единстве. Мы полагаем, что проявление враждебности против государства, обида на какое-то действие оп-

понента или третьего лица, неудовлетворенность существующим положением дел, оценка чьих-либо действий как оскорбительных настолько близки в плане репертуара средств их семантизации, что иногда очень сложно провести грань между тем или иным значением оскорбительного речевого действия. В том же интервью Владимира Путина журналу Time интервьюируемый так характеризует представителей прессы (естественно, не называя конкретных имен): *Но должен Вам откровенно сказать, хотите – печатайте, хотите – нет, Вы и сами об этом знаете: есть люди, которые очень ангажированы, несмотря на всю свободу западной, в том числе американской прессы. Они просто отрабатывают деньги, которые им платят хозяева, и не хотят ссориться со своим начальством* [9].

По нашему мнению, юридическая оценка тех или иных действий как оскорбительных характерна лишь для интервью на специальные темы и крайне редко встречается в беседах по политическим и общественным проблемам, так как вопросы юридической практики – это прерогатива специалистов другого профиля.

Упрёк определяется А.Л. Фёдоровой [5] как косвенное выражение эмоционально-оценочного отношения говорящего к партнёру по коммуникации, обусловленное имевшим место в прошлом или наблюдаемым в момент акта коммуникации поведением собеседника, как не соответствующим обще- и частнокультурным морально-этическим представлениям и нормам, существующим в сознании представителей данного конкретного национально-лингво-культурного сообщества, так и выходящим за рамки индивидуальных представлений говорящего о должном и подобающем. Как показывает анализ языкового материала, упрёк представляет не только косвенное, но и прямое выражение эмоционально-оценочного отношения говорящего либо к партнёру по коммуникации, либо к самому себе. В последнем случае мы говорим о самоупрёке, когда субъект и объект оценки совпадает. Т.А. Давыдова [1] отмечает, что самоупрёк относится к одному из видов интериоризированных речевых действий, которые не требуют непосредственной словесной отдачи, а рассчитаны на психологическую реакцию со стороны другого лица. Причины, вызывающие упрёк и самоупрёк, могут быть различными. А.Л. Фёдорова [5] указывает, что упрёк обусловлен имевшим место в прошлом или наблюдаемым в момент акта коммуникации поведением собеседника, как не соответствующим общепринятым, частнокультурным, индивидуальным морально-этическим представлениям и нормам, существующим в сознании представителя данного конкретного национально-лингво-культурного сообщества. Самоупрёк вызывается следующими причинами: качества собственной личности, которые представляются субъекту неподобающими в той или иной ситуации; собственное действие/бездействие, повлекшее к созданию той или иной ситуации; раскаяние за совершенный поступок и желание изменить ситуацию в лучшую сторону.

Специфика организации процесса коммуникации в определённой лингвокультуре откладывает свой отпечаток на существование деструктивных форм общения. Принадлежность интервьюера и интервьюируемого к разным национально-лингво-культурным сообществам играет, на наш взгляд, важную роль при анализе упрёка как способа речевого воздействия. Различия в степени владения знаниями и представлениями у членов разных этно-социумов не может не отложить отпечаток на восприятие одной и той же ситуации партнёрами по коммуникации, принадлежащими к разной культуре. Как следствие – непонимание проблемы инокультурным партнёром и упрёк со стороны его собеседника. Так, например, в уже анализируемом интервью В.В. Путина журналу Time журналист интересуется у Президента России, может ли он повлиять на американские выборы (вопрос был задан уже ближе к середине интервью). В.В. Путин отвечает: *Я вижу, что Вы ничего не поняли. Принцип нашей работы заключается в том, что мы считаем вредным вмешиваться во внутренние дела других стран. Мы и себе не позволяем и не позволим вмешиваться, но и в дела других стран вмешиваться не собираемся* [9]. В другом месте этой же беседы на вопрос о месте России через 30–50 лет В. В. Путин упрекает журналиста за отказ от желания уйти от периода «холодной войны»: *Видите, Вы никак не можете, мы с вами никак не можем уйти от периода 'холодной войны и супердержавного мышления'* [9]. В данном случае упрёк выражен в вполне корректной и толерантной форме с использованием собирательного «мы».

Следовательно, диалогическое взаимодействие с агрессивным потенциалом упрёка партнёров различных национальностей характеризуется прагматическим и когнитивным очуждением, так как, по замечанию П.Н. Донца [2], основным дифференциальным свойством межкультурной коммуникации по отношению к обычной, внутрикультурной коммуникации выступает контакт с «чужим» – с «чужим» коммуникантом, текстом, кодом, ситуацией. Не вызывает сомнения тот факт, что последствия этого контакта будут иметь негативный характер в случае деструктивных форм взаимодействия. Прагматическое очуждение при диалогическом взаимодействии с агрессивным потенциалом упрёка проявляется в пониженной или завышенной оценке чуждых феноменов (в некоторых случаях одних и тех же феноменов, но рассмотренных представителями различных культур с присущей им точки зрения), когнитивное очуждение реализуется в неполном знании о чуждых феноменах (или нежелании иметь полное представление о тех или иных феноменах, универсальных для различных общностей).

Проанализированные нами случаи выражения угрозы, оскорбления и упрёка во многих случаях являются когнитивными маркированными, то есть они не выражены эксплицитно с помощью лексических, граммати-

ческих и других языковых показателей, что требует от исследователя дополнительных усилий при классификации тех или иных высказываний как деструктивных и обладающих агрессивным потенциалом.

Библиографический список

1. Давыдова, Т.А. Роль упрёка в межличностном общении / Т.А. Давыдова. – URL: <http://www.lingvomaster.ru>.
2. Донец, П.Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм: дис. ... д-ра филол. наук / П.Н. Донец. – Харьков, 2004. – 367 с.
3. Кусов, Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дис. ... канд. филол. наук / Г.В. Кусов. – Краснодар, 2004. – 245 с.
4. Мулькеева, В.О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: дис. ... канд. филол. наук / В.О. Мулькеева. – СПб., 2005. – 190 с.
5. Фёдорова, А.Л. Речевая стратегия упрёка: лингвокогнитивный подход (на материале немецкого, английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / А.Л. Фёдорова. – Уфа, 2004. – 187 с.
6. Хохлова, Н.В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Хохлова. – Самара, 2004. – 198 с.

Источники

7. Интервью Владимира Путина ведущему американского телеканала «Си-Эн-Эн» Ларри Кингу. – URL: <http://premier.gov.ru/events/news/13147/>.
8. Интервью Владимира Путина американским журналистам (20 сентября, 2003 г.). – URL: <http://www.newsru.com/world/29sep2003/inter.html>.
9. Интервью Владимира Путина журналу Time. – URL: <http://news.mail.ru/politics/1532465/>.

[К содержанию](#)

УДК 37.013 + 378.02:81

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Н.Н. Кузьмина, М.Г. Кузьмин

В данной статье рассматривается педагогическое творчество. Самой распространенной и наиболее интересной формой педагогического творчества является игра. Предлагается игра на тему «Собрание менеджеров фирмы» на уроках английского языка, где студенты должны активно проявить свою позицию в продуктивной деятельности, основанной на самостоятельном принятии решений.

Ключевые слова: педагогическое творчество, игра, общечеловеческие ценности, продуктивная деятельность.

Педагогическое творчество при обучении и воспитании играет немаловажную роль: от того насколько преподаватель заинтересует студентов темой, насколько интересно преподаст или представит к размышлению материал, будут зависеть результаты обучения и воспитания. Самой распространенной и наиболее интересной формой педагогического творчества является игра.

При формировании общечеловеческих ценностей у студентов – будущих менеджеров, происходящем в рамках высшего образования на уроках английского языка, необходимо особо подчеркнуть здесь то, что ценностное самоопределение теснейшим образом связано с самоопределением профессиональным. Основу профессионального самоопределения составляют профессионально целесообразные общечеловеческие ценности. Игра в данном случае будет являться, своего рода, имитацией профессиональной ситуации, в которой и будут проявляться и закрепляться усвоенные общечеловеческие ценности.

Принято считать, что играют только маленькие дети, но практика показывает, что с наибольшим желанием играют и студенты, а значит, проявляют больше заинтересованности, следствием чего является большая результативность в воспитании.

Проблема воспитания профессиональных качеств у студента, воспитание у него общечеловеческих ценностей может быть рассмотрена с позиций изучения иностранного языка, посредством сравнения культур, выявления общих аспектов обобщения. Наиболее интересные организационные формы, используемые в преподавании иностранного языка: микроконференции; ролевые и деловые игры и др. Их суть вытекает из сути гуманного ориентированного образования: предоставить возможность студентам реализовать свои сущностные свойства и при этом ограничить эти проявления социальными рамками.

Активно проявить свою позицию студенты могут лишь в продуктивной деятельности, основанной на самостоятельном принятии решений. Самостоятельное принятие решений согласно внутренней позиции является внешним проявлением сложившихся социальных ориентаций. В образовательном процессе соответствующей формой являются деловые и ролевые игры, в которых студент имитирует свою профессиональную деятельность. Главный замысел состоит в том, что в играх требуется каким-то образом выразить свою позицию и принять решение, в котором выразиться какое-то отношение к социальным аспектам управленческой деятельности, а, возможно, пренебрежение этими аспектами [1].

Пример. Название игры: «Собрание менеджеров фирмы»

1. Преподаватель знакомит студентов с заданной проблемной ситуацией, связанной с их возможной дальнейшей профессиональной деятельностью. В частности: выпускник ЮУрГУ работает главным менеджером в фирме. Подчиняется непосредственно правлению фирмы. В подчинении у главного менеджера находятся: старшие менеджеры в различных областях компании (маркетинг, общественные отношения, финансы, производство и т.д.) или служащие компании.

Проблемы для обсуждения выдвигаются следующие:

- низкий уровень продаж;
- плохая работа локальной сети;
- пути выхода на мировой уровень (если возможно);
- пути привлечения новых покупателей;
- удержание старых клиентов;
- проекты новой продукции.

2. Задачи, стоящие перед участниками игры

Главный менеджер должен добиться повышения уровня продаж, создание единой локальной сети, установить пути выхода на мировой уровень (если возможно), выбрать наилучшие способы привлечения новых и удержания старых покупателей, рассмотреть проекты новой продукции.

Все эти вопросы решаются на собрании менеджеров фирмы во главе с главным менеджером. Каждый из присутствующих отстаивает свою позицию согласно с функцией своей должности, предлагая свой вариант решения данной проблемы в процессе дискуссии.

На заключительном этапе деловой игры участники должны прийти к единому мнению по проблемам стоящим перед ними. Если этого не происходит, каждый должен представить аргументированное объяснение своего несогласия.

3. Роли распределяются преподавателем с учетом уровня знаний, сформированности навыков и умений владения иностранным языком, личностных качеств обучаемых. Для того чтобы участнику деловой игры было легче «войти в роль», задание выдается заранее.

Предлагаются вопросы для исполнителей ролей:

1. С каким типом личности каждый из исполнителей роли имеет дело?
2. Почему ваш партнер по игре ведет себя так, а не иначе? Есть ли ваша вина в его поведении? Какая?
3. Каким образом каждый из исполнителей разрешил бы конфликтную ситуацию? Назовите этапы ваших действий.
4. Как вы предпочитаете себя вести в межличностном общении?
5. Всегда ли вы стараетесь позитивно себя вести по отношению к партнеру?

Студентам предлагается заранее подготовить текст своего выступления. При этом преподавателем даются ключевые слова и выражения в помощь студенту. Обсуждение стоящих перед участниками проблем ведется на английском языке.

В случае необходимости согласно правилам преподаватель может приостановить игру и назначить обсуждение конкретного ее этапа.

В заданной, моделирующей профессиональную деятельность специалиста ситуации, каждый из участников может выразить свое отношение к происходящему, т.е. к социальным аспектам профессиональной деятельности, используя свои лингвистические и психологические знания.

Игра является заключительным этапом в схеме: содержание образования – воспитание позитивного отношения к общечеловеческим ценностям – форма проявления реального ценностного отношения.

Таким образом, при изучении каждой темы, подобранной в воспитательных целях, целесообразно вводить в учебный материал не только лингвистические конструкции, которые инвариантны и включают следующие языковые единицы: слово; словосочетание; идиомы; пословицы, поговорки, предложения; тексты; сверхфразовые единства, но и на заключительном этапе обязательно проводить игру как кульминацию, где студенты показывают уровень сформированности общечеловеческих ценностей [2].

Библиографический список

1. Артемов, В.А. Психология обучения иностранным языкам / В.А. Артемов. – М.: Просвещение, 2001. – 307 с.
2. Богданова, О.С. Влияние методики обучения иностранному языку на совершенствование нравственных качеств учащихся / О.С. Богданова // Обучение чтению и устной речи в средней школе. – Иркутск, 2003. – С. 35–40.

[К содержанию](#)

УДК 81'42 + 82-3

ЦВЕТОФОНИКА КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Н. MANTEL “AN EXPERIMENT IN LOVE”

М.С. Кулакович

По результатам проведенного анализа текста Н. Mantel “An Experiment in Love” рассмотрена характеристика персонажей с помощью метода цветофонии. Показана взаимосвязь между цветом и личностными особенностями героев. Установлено, что данный метод может использоваться как дополнительный способ раскрытия образов персонажей.

Ключевые слова: цвет, цветофоника, персонаж, характеристика.

На протяжении всей истории цвет всегда влиял на человека. Предпочтение одного цвета другому отражает не только психологические особенности личности, но и в известной мере объясняет функционирование головного мозга. Объяснение такой связи лежит в ранней эпохе существования человечества, во влиянии цветов природы на индивидуума. Таким образом, характеристика героев художественного произведения посредством цвета раскрывает их психологическую сущность и глубинные мотивы поведения.

Для объяснения взаимосвязи между цветом и образами персонажей необходимо изучить теорию цветофонии. Цветофоника – это наука, изучающая влияние цвета на все сферы жизнедеятельности человека. Цвет оказывает одновременно и физическое, и психическое воздействие. Как, например, улучшает настроение, умиротворяет, повышает кровяное давление, усиливает сердцебиение. Кроме того, каждый цвет имеет несколько значений [1].

Белый цвет вызывает положительные эмоции, это цвет спокойствия, чистоты, одиночества, духовности и концентрации. Он вдохновляет, дает свободу выбора и возможность снятия препятствий.

Синий – цвет расслабленности, меланхолии и задумчивости. Он создает атмосферу безопасности и доверия. В то же время, это цвет творчества, размышления над смыслом жизни и бытия. Синий цвет вызывает духовные переживания.

Серый цвет соединяет в себе противоречивые качества серого и белого цветов. Таким образом, с одной стороны, это цвет скуки, депрессии, застывшей реальности. С другой стороны, это цвет интеллекта, рассудительности и взвешенных решений.

Черный цвет загадочен, он вызывает любопытство и одновременно пугает. Это цвет тайны, тишины и вечности. В то же время, это цвет бунта и стихии. Но это не добровольное, а внушаемое другими людьми или обстоятельствами чувство.

Красный цвет олицетворяет власть, опасность, страсть, стремление к победе, постоянное движение и энергию, максимальность в чувствах. Это цвет предполагает активность во всем, дает силы для свершений. Оттенки красного означают любовь к жизни, индивидуальность, чувствительность, фанатизм.

Зеленый цвет и его оттенки означают жизнь, развитие, гармонию. Он сближает людей с природой и друг с другом. Этот цвет выражает отношение к самому себе, символизирует новые начинания.

Коричневый цвет – цвет земли, осени, страха, скуки, консерватизма и усердия. Этот цвет символизирует стабильность, практичность и ответственность. Он ассоциируется с ностальгией и меланхолией. В коричневом цвете сосредоточена жизненная сила, которая растратила свою активность.

Желтый – яркий, радостный, стимулирующий цвет оптимизма. Он ассоциируется с интеллектом, новыми идеями и принятия решений. Этот цвет символизирует интуицию и сообразительность [2].

В романе Н. Mantel “An Experiment in Love” три главных героини – Кармел, Карина и Джулианна. Родной город и дом Кармел описаны использованием следующих цветов – синий, белый, зеленый, розовый, желтый, малиновый и сливовый (“Under the factory walls of plum-coloured brick...”, “Our pillowcases were embroidered, white-on-white, with rambling roses...”, “Her (mother) hair was graying...”, “Her eyes were alert, green like green glass...”, “...walk in the hills, rambling along the bridle paths in clear green air”, “I washed at the kitchen sink, using a pink cake of soap...”, “We rolled downhill, guided by the mill chimneys and their strange Italianate architecture – yellow brick and pink brick – and everywhere black vistas fell away...”, “We passed the Irish club, and the florist’s with its small stiff pink-and-white carnations in a bucket...”, “...there were whinberry pies oozing juice like black blood”, “the lethargic bonfire put out its tongues: reaching, dull crimson...”, “Another rocket rose, flipped, shot out a trail of subdued white stars...”) [3]. Эти цвета означают противоречивое отношение Кармел к своему прошлому. Темные цвета символизируют проблемы с родителями, депрессию, неопределенность будущего. Яркие цвета отражают любовь к дому и детские воспоминания.

В образе самой Кармел преобладают такие цвета, как белый, черный, красный, бежевый, розовый и небесно-голубой. (“I caught a glimpse of a photograph, the black-and-white photograph that the hall had requested”, “I leant against red brick, like a person waiting for a firing squad”, “...tears ran out of my eyes and made jagged patches on the sleeves of my new beige raincoat”, “It is a sky-blue dress, and otherwise plain...”, “My favourite marble was a cold colour, its iris pebble-grey with the merest hint of blue”, “...on my collars she sewed red admiral butterflies...”, “White sheets, virgins”, “That winter was mild, and so I wore my pale shower-proof until Bonfire Night...”, “I cry out that

I want my hair cut off, short like other people's and pinned back with a big black kirby grip or a pink plastic slide...") [3]. Эти цвета означают самоуверенность, самодостаточность, осознание человеком собственной силы. Но в то же время, это цвета одиночества и противопоставления окружающему миру.

Джулианна, подруга Кармел, описана с использованием ярких цветов – красный, белый, голубой. ("Julianne crossed the room, picked up my packet of cigarettes, and fitted one into her full red mouth", "Put up a large hand to touch her own hair, silky hanks the colour of butter-scotch", "But Jule signaled to me with her big white hand, as if to indicate truce", "But a curtain dropped behind her extravagantly blue eyes") [3]. Эти цвета раскрывают такие черты характера героини, как грубость, оптимизм, ответственность, надежность.

Образ Карины включает такие цвета, как желтый, белый, голубой, розовый, красный, коричневый, черный, темно-синий. ("She is wearing a yellow cardigan, yellow and fluffy, the colour of a new chicken...", "Her plaits are fat and bound with white ribbon...", "from the braids and all around her head tiny threads or wires of hair stand out, white-blonde, quivering", "Karina's house was just up the street from mine, just up Curzon Street. The houses on Curzon Street were made of red brick", "...a shirt-style blouse that was meant to be white but which looked yellow under the classroom's lights...", "Her pleated skirt was royal blue – superior to navy...", "Karina's skin was like a pink peach...", "Her pale blue eyes look straight ahead...", "Her eyes (Karina's mother) were like black grapes...", "One pair burgundy: one pair a deep burnished chestnut: one pair black...", "... and slosh water into the vast brown teapot...") [3]. Эти цвета противопоставлены друг другу и отражают противоречивый характер героини. В ее образе на первый план выходят такие качества, как общительность, честность, доброта. Но на самом деле в характере героини преобладают лицемерие и жестокость.

Таким образом, изучив текст романа и рассмотрев образы главных героинь с помощью метода цветофонии, можно сделать вывод, что цветовые характеристики героинь раскрывают их личные качества, отношение к людям, окружающему миру и друг другу, дают возможность читателям понять психологические мотивы поведения героинь и особенности их внутреннего мира.

Все вышесказанное дает право утверждать, что наряду с характеристиками героев с помощью стилистических средств, характеристика с учетом цветов в полной мере соответствует главным героиням романа и может рассматриваться как дополнительный способ раскрытия образов персонажей.

Библиографический список

1. Артемова, А. "Colour" Phrases. Цвет в английских идиомах: учебное пособие / А. Артемова, О. Леонович. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. – 63 с.

2. Люшер, М. Цвет вашего характера / М. Люшер. – Рипол классик, 1997. – 238 с.
3. Mantel, H. An Experiment in Love / H. Mantel. – Viking, 1995. – 311 p.

[К содержанию](#)

УДК 81'38 + 81'36

КОМПОЗИЦИОННО-ТЕКСТОВАЯ ОСНОВА НАУЧНОГО СТИЛЯ

Е.А. Немирова

Статья посвящена изучению композиционно-текстовой основы научного стиля. В статье рассмотрены лексические, морфологические и синтаксические средства, используемые в научных текстах и приведены примеры их использования.

Ключевые слова: научный стиль, точность, термин, терминологичность, лексические морфологические и синтаксические средства.

Особенности использования языковых средств разных уровней в научном стиле связаны с его стилеобразующими признаками. Отличительной особенностью научного стиля является широкое использование неязыковых знаков. Так, стилеобразующий признак – точность может реализоваться такими нелинейными знаками, как схемы, графики, чертежи, диаграммы, формулы. Некоторые из этих знаков носят иконический характер, т.е. своим внешним видом дают наглядное представление об описываемых предметах и явлениях. Краткость изложения достигается частым использованием цифр, условных символов, специальных обозначений, комбинаций слова и символа (*rayons X*).

Таким образом, с семиотической точки зрения научный язык представляет собой гетерогенное явление. Отсутствие синонимии, омонимии и полисемии, однозначность, являющиеся идеалом для термина, достигаются в символическом языке. Символический язык в принципе допускает «перевод» на естественный язык, иными словами, он обладает метасемиотической функцией. В этом отношении научно-технический язык представляет собой уникальное в своем роде явление.

Такой признак научного стиля, как точность, реализуется, прежде всего, терминологичностью текста. Термин – это слово или словосочетание, «являющееся названием предмета или явления, относящегося к специальной области науки или техники» [3]. Каждая наука имеет свою терминологию. В то же время ряд терминов являются общими для нескольких наук. Например, термины, широко используемые в тонных науках: *pombre, équation, fonction, élément, substance, unité* и др. Одним из важных требова-

ний, предъявляемых к терминам, – однозначность. Однако на практике таких терминов не так много. Отступление от однозначности проявляется в полисемии терминов, в наличии у них омонимов и синонимов.

Термины, отличающиеся своим стремлением к однозначности и создающие такой признак научного стиля, как точность, имеют и другое свойство – краткость [4]. При создании термина стремятся к тому, чтобы он был по возможности кратким. Термины достаточно часто представляют собой словосочетания атрибутивного типа. Такие термины позволяют с наибольшей полнотой выделить самые существенные признаки терминируемых понятий. Однако эти термины неэкономны в языковом плане. Повторение многокомпонентных терминов в тексте делает его громоздким. Стремление к сжатости изложения приводит к элиминированию определенных компонентов терминологического словосочетания: *générateur à tension alternative haute fréquence – générateur HF, laser générateur des rayons X – laser X*.

Сокращения и аббревиатуры также являются распространенными средствами реализации краткости изложения в научно-техническом тексте. Основным типом составных терминов являются двучленные именные словосочетания, представляющие собой устойчивые единицы: *le champ de gravitation, la force attractive ...*

Важным требованием, предъявляемым к терминологии, является ее соответствие определенному узусу, принятому в данной области науки. Особенно это касается гуманитарных наук.

Говоря о морфологических средствах научного текста, следует заметить, что употребление временных форм глагола в научном языке характеризуется широким использованием настоящего вневременного [3]. Это связано с необходимостью характеризовать свойства и признаки исследуемых явлений, которые изучаются и описываются во вневременной перспективе. В лингвистическом плане это приводит к значительному сокращению временных форм.

Формы будущего времени, которые могут быть использованы в научном тексте, также обладают вневременной значимостью. Они могут быть использованы, например, в инструкциях по эксплуатации: *En agissant sur le bouton moleté placé à l'extrémité de la règle, on amenera l'image projetée d'un trait de cette règle...*

Из неличных форм глагола наибольшее распространение в научной речи получили инфинитив и причастия прошедшего и настоящего времени. Инфинитив используется также в функции повелительной формы: *Chauffer le ressort au rouge cerise et le tremper directement dans l'huile froid*.

Средством конденсации изложения служат пассивные конструкции. Сжатость в данном случае достигается за счет опущения субъекта действия и перенесения внимания на само действие. Высокая частотность употребления пассивной конструкции в языке техники связана со стремлением к объ-

ективности выражения при описании, например, технических операций, что приводит к устранению субъектных моментов в процессе коммуникации, к отходу на второй план субъекта высказывания: *La jauge à rayons X décrite précédemment correspond à un équipement destiné à la mesure de bandes.*

Сжатость на морфологическом уровне достигается за счет номинативного характера изложения – предпочтительно именном оформлении процесса или действия. Устранение глагола увеличивает информативную нагрузку имени. К тому же преобладают имена с абстрактным значением *mouvement, action, état, influence.*

Употребление в научном стиле лица глаголов также имеет свои особенности. Формы 2-го лица единственного и множественного числа практически не используются. Форма 1-го лица единственного числа встречается редко. Местоимение же 1-го лица множественного числа (мы) имеет специфическое употребление «авторское мы». Использование «мы» вместо «я» служит целью придать речи более объективный, отвлеченно-обобщенный характер [2]: *Nous parvenons ainsi à un tableau d'ensemble stimant le nombre de sociétés concernées sur la base des rapports des assemblées générales des groupes.*

Наряду с «мы» для научного стиля характерно использование безличной формы глагола. Субъект в данном случае неизвестен, неконкретен. Таким образом, к неопределенно-личному значению примешивается обобщение. Безличная форма выступает в письменной речи в качестве эквивалента повелительной формы: *Il faut vérifier que les fils de ligne soient connectées à la boîte à bornes située derrière la machine, au bas du socle.*

Наряду с лексикой и морфологией синтаксис научного стиля также имеет свои особенности. Синтаксические средства служат для выражения логичности и последовательности изложения, для выражения аргументации содержания, строгой мотивировки его звеньев [1]. В научно-технических текстах преобладают двучленные предложения, поскольку они наиболее адекватно выражают логическое суждение. Необходимость выразить часто очень сложные логические отношения между фактами, явлениями, событиями влечет за собой употребление сложных фраз с сочинительными и подчинительными отношениями. С логической природой научного языка связано частое употребление многочисленных сочинительных и подчинительных союзов, а также вводных слов, особенно таких, которые устанавливают логические связи и последовательности мыслей *d'abord, ensuite, primo, secundo, ainsi, donc...*

По коммуникативному типу большинство предложений в научно-техническом тексте являются повествовательными, вопросительные и восклицательные предложения встречаются редко. Среди простых фраз распространены конструкции с именным перечислением. Такие конструкции отличаются компактностью и логической ясностью, их использование обу-

словлено номинативным характером научного стиля, т.е. преобладанием существительных и ослаблением семантической роли глагола.

В научно-технических текстах широко используются причастные и инфинитивные конструкции, которые позволяют экономно выразить различные логические отношения: последовательности, подобия, способа и образа действия, причины и т.д.

Например: *Après avoir effectué les réglages d'entrefer des contacts, vérifier le voltage d'ouverture des contacts du disjoncteur-conjoncteur.* В данном случае инфинитивная конструкция выражает последовательность.

Как уже говорилось, одним из признаков научного текста является сжатость. На синтаксическом уровне сжатость достигается за счет использования свернутых конструкций (причастных, деепричастных, инфинитивных оборотов и др.) Помимо этого сжатость достигается также использованием в качестве любого члена предложения субстантивных определительных групп – сочетание существительного или другой субстантивированной части речи со всеми относящимися к нему непосредственно или опосредованно определениями.

Пример: *Acclamée par les physiciens comme un événement de première grandeur, la découverte du gluon, particule élémentaire qui permettrait de comprendre enfin comment s'effectue la cohésion entre particules à interactions fortes, n'en a pas moins laissé perplexe.*

В научных текстах невелико число определительных придаточных предложений. Как правило, они регулярно заменяются их функциональными эквивалентами – причастными определительными конструкциями. Увеличение числа данных конструкций связано с конденсированностью научного изложения.

Чрезвычайно действенным средством увеличения семантической емкости научного текста является постпозитивное обособленное приложение, присоединяясь к определяемому слову самым экономным способом – соположением, приложение создает возможность дополнительной характеристики определяемого. Таким образом, один и тот же объект, имея в предложении два имени, получает как бы два центра своей характеристики, что значительно увеличивает семантическую емкость текста. Например: *Un plasma, mélange de noyaux et d'électrons libres en perpétuel mouvement.*

Одним из самых экономных средств выражения определительной связи, имеющей предикативный оттенок, является инфинитивное определение. Нередко можно встретить употребление двух, трех и более однородных инфинитивных определений: *Les possibilités de vivre et de travailler dans l'espace.*

Таким образом, рассмотрев научно-технический текст с точки зрения использования языковых средств, можно сделать вывод, что выбор лексических, морфологических и синтаксических средств напрямую связан с основными характеристиками научного стиля, такими как точность, логичность, обобщенность, сжатость изложения.

Библиографический список

1. Волнина, И.А. О специфике научного стиля / И. А. Волнина // Язык и стиль научной литературы. Теоретические и прикладные проблемы. – М.: Наука, 1977. – С. 26–34.
2. Котюрова, М.П. О выражении субъекта в научной речи / М.П. Котюрова // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М.: Наука, 1968. – С. 43–58.
3. Кузнецов, В.Г. Функциональные стили современного французского языка. Публицистический и научный / В.Г. Кузнецов. – М.: Либроком, 2011. – С. 126–131.
4. Лотте, Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики / Д.С. Лотте. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – С. 72–75.

[К содержанию](#)

УДК 378.03 + 378.04

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ПОКОЛЕНИЯ Y»

С.Г. Нестерцова

В статье предпринята попытка раскрыть природу нового поколения молодежи, оказывающую влияние на обучение и адаптацию студентов в вузе. Отмечается, что поколение Y имеет иные, по сравнению с предыдущими поколениями, требования к образованию, стандарты общения и ценности. Обращается внимание на необходимость поиска релевантных форм обучения с учетом индивидуально-психологических характеристик и познавательных возможностей нового поколения (на примере обучения иностранному языку).

Ключевые слова: поколение Y, теории поколений, процесс обучения, поколенческие «ценности», личность, общение.

Современные студенты, с которыми работают преподаватели вузов, отличаются от студентов предыдущих поколений с точки зрения их стиля мышления, ценностных ориентаций и восприятия мира. Они родились в мире информационных технологий, предпочитая решение мультизадач, а не решение одной задачи. В большинстве своем их привлекает видео ролик, снятый другом или тот, что предлагают социальные сети, а не тот материал, который предлагает преподаватель. Это поколение имеет различные названия: «поколение Миллениума», «поколение некст», «сетевое поколение», «поколение Y» и др. Мы выбираем из всех них – поколение Y.

На основе анализа природы поколения Y, ведется поиск новых стиля общения и методик преподавания. Очевидно, что старые методики и методические приемы, когда преподаватель выступал в роли «мудреца», сегодня не дают должного эффекта, т.к. эпоха современности – эпоха глобальной коммуникации. Опытные преподаватели отмечают, что ценности современных обучающихся не совпадают с традиционным изложением образовательных курсов и методик и преподавания – преподаватель, придерживающийся учебника, воспринимается как несовременный (неоригинальный, устаревший). Поэтому, успешность педагога зависит от многих факторов, в том числе и от способности адаптировать материал под потребности современного студента.

Исследования показывают, что большинство обучающихся (71 %) не вовлечены в происходящее на занятиях, и говорят о «скучном» и «очень скучном» времяпрепровождении [4].

По данным Национальной Академии Наук США (NAS Recruitment Communications) на 2006 год «поколение Y» составляло 20 % населения мира. По данным Федеральной службы государственной статистики России в 2012 году представителей этого поколения в России более 30 миллионов человек, что составляло 21 % всего населения нашей страны. Так как большинство людей, принадлежащих к «поколению Y» – это молодые люди, будет справедливым сказать, что большинство из них являются школьниками и студентами различных форм обучения [3].

В связи с этим возникает необходимость понимания особенностей «поколения Y» и обратиться к теории поколений, появившейся в 1991 году, основателями которой принято считать американских ученых Нейла Хоува и Уильяма Штрауса [1]. Проанализировав историю США, они выявили временные периоды, в течение которых большинство людей, вне зависимости от разницы в возрасте, оказывается носителями сходных ценностей. Именно термин «ценности» лежит в основе теории поколений.

По мнению социологов, поколенческие ценности формируются у ребенка до 12–14 лет под влиянием общественных событий (политических, экономических и социальных), определяющих темп и иные характеристики технического прогресса, а также семейного воспитания. Согласно этой теории, промежуток времени, в течение которого рождаются представители одного поколения, составляет около 20 лет [1]. Адаптацию теории поколений для России в 2003–2004 году выполнила команда под руководством Евгении Шамис – координатора проекта Regenerations [2]. Основные этапы поколений и характеристики поколений можно представить следующим образом:

- 1943–1963 – поколение «беби-бумеров». События, сформировавшие их мировоззрение, это советская «оттепель», покорение космоса, догматизм, лозунг «СССР – мировая супердержава», «холодная война», еди-

ные стандарты обучения в школах. Ценности этого поколения: оптимизм, время коллективизма, командный дух и одновременно заинтересованность в личностном росте и вознаграждении.

- 1963–1984 – поколение X. События, сформировавшие ценности: продолжение «холодной войны», перестройка, СПИД, наркотики, война в Афганистане. Основные ценности: готовность к изменениям, возможность выбора, глобальная информированность, техническая грамотность, индивидуализм, стремление учиться в течение всей жизни, неформальность взглядов, поиск эмоций, прагматизм, равноправие полов и надежда на себя.

- 1984–2000– поколение Y. События, сформировавшие ценности: распад СССР, теракты и военные конфликты, развитие цифровых технологий. Ценности: глубокая вовлечённость в цифровые технологии, деидеологизированный патриотизм, оптимизм и самоуверенность, нацеленность на результат и вознаграждение сегодня («здесь и сейчас») и снижение личной ответственности.

- 2001–2023 – поколение Z, пока мало исследованное.

Выделим основные особенности представителей поколения Y, которые следует учитывать, на наш взгляд, преподавателю в процессе обучения.

1. Глубокая вовлечённостью в цифровые технологии

Современная молодежь не представляет себя без компьютеров и Интернета, и поэтому воспринимает информационные технологии как неотъемлемую часть своей жизни. Проводимые исследования показывают, что молодые люди абсолютно уверены в том, что вики, блоги и чаты могут быть чрезвычайно полезны в обучении, а информацию можно найти в Интернете за считанные минуты, вместо того, чтобы читать учебники. Представители поколения Y иначе воспринимают информацию – все должно быть ярким, зрелищным, наглядным. Они привыкли к экспрессивной графике и цвету, как отмечают педагоги, у современных детей форма преобладает над содержанием. Студенты все чаще и чаще предпочитают он-лайн курсы занятиям в аудитории.

Следовательно, одним из требований образовательных программ нового поколения является интерактивная составляющая, которая должна быть не менее одной трети. К возможным способам реализации этого требования можно отнести: создание вики-сайтов, веб-квестов, использование видеороликов из Интернета или снятых самими студентами, дискуссии, мозговой штурм, кейс-метод. Даже традиционные грамматические и лексические задания воспринимаются студентами с гораздо большим интересом, если они представлены в интерактивном формате.

2. Зависимость от «обратной связи»

Поколение Y получает значительное количество «обратной связи» из различных источников. Все начинается с родителей, которые планировали «великое» будущее своих детей и зачастую не сомневались в том, что их

ребенок обладает неординарными способностями. Это способствовало тому, что поколение Y – самое ориентированное на ребенка поколение во всей истории нашего общества. В то же самое время, часы, проведенные с чатах с друзьями, сделали это поколение очень зависимым от мнения сверстников.

Каким образом преподаватели могут отвечать потребностям поколения Y в «обратной связи»? Прежде всего, преподаватели должны ясно объяснять, что нужно делать студентам, чтобы усвоение материала проходило лучше и легче. Поколение Y не восприимчиво к внушениям и замечаниям. Вместо этого, оно предпочитает искреннюю обеспокоенность преподавателя успехами и неудачами в обучении.

Исправление ошибок – это тоже вид «обратной связи», которую мы предлагаем студентам. Для исправления ошибок мы были обучены таким техникам, как перефразирование, уточняющий вопрос, металингвистическая подсказка. Сейчас нам нужно помнить о том, что чем больше мы побуждаем студентов самостоятельно находить свои ошибки и ошибки своих одноклассников, тем эффективнее процесс обучения поколения Y. Поскольку это поколение предпочитает обдумать и найти ответ самостоятельно, вместо того, чтобы его предложил преподаватель. Исходя из этих особенностей, наиболее эффективный способ исправления ошибок будет тогда, когда педагог фиксирует наиболее частые ошибки в течение занятия, а затем в конце занятия записывает их на доске, давая студентам время найти и исправить допущенные в речи ошибки.

3. Скорость обучения

Под «скоростью обучения» понимается не только количество дней, часов, минут, инвестированных в обучение, но и то, что педагоги должны ускорять само содержание обучения, поскольку поколение «до 30-ти лет» обрабатывает и усваивает информацию очень быстро. Поколение Y предпочитает «работать умнее», вместо того, чтобы «работать на износ» (как их родители). Они верят, что это возможно, т.к. новые технологии делают их более эффективными. Нынешнее поколение верит в то, что может трудиться гораздо лучше, не жертвуя своей личной жизнью и временем. Подача информации должна происходить быстрее, времени на решение задач необходимо давать меньше, получать результаты, анализировать их и реагировать на них надо сразу же.

4. Мультизадачность

Наше новое поколение растет, выполняя домашние задания «под мерцающий экран» и делая практически все остальное под музыку в плеере. Они чувствуют себя достаточно комфортно, выполняя несколько задач одновременно. Рутинная – самый худший враг этого поколения. Стремление к удовольствию в любой деятельности, сильная мотивация к содержательности, интересности работы – вот что отличает поколение Y. Именно поэтому урок должен включать в себя такие инструменты, как игры, интерактивные динамические задания и симуляции.

5. Поощрение

Представители поколения Y готовы работать, если знают, что получат признание и вознаграждение за свои труды. Примером такого вознаграждения может служить система «автоматических» зачетов, как признание добросовестной работы студента в течение семестра. Как показывает опыт, такая система поощрения вызывает положительную мотивацию студентов и побуждает их активно работать в течение всего периода обучения, что является одним из основных факторов успеха при изучении иностранных языков.

Поколение Y – непростое, но очень интересное. Поверхностность и непостоянство этого поколения – это реакция на неопределенность и рискосгенность, диктуемые самим временем организации их жизнедеятельности. Они боятся планировать надолго, избегают больших и трудных задач, так как убеждены, что быть уверенным в завтрашнем дне практически невозможно. Поэтому, прежде всего, преподаватели должны не возмущаться по поводу «безразличия» студентов, а пытаться вовлечь их в процесс обучения. Другими словами, преподаватели должны понять природу этого поколения и применять образовательные технологии, которые будут работать в данном случае. Прекрасным примером в этом плане может служить вовлечение студентов в разработку содержания отдельных тем изучаемой дисциплины, выбор вопросов, которые были бы интересны им для обсуждения. Как показывает опыт, студенты с большим уважением относятся к преподавателям, которые прислушиваются к их мнению.

Одна из ценностей поколения Y – самореализация, которая не возможна без обучения, поэтому представители этого поколения любят учиться и всегда открыты новому. Если преподавателям удастся использовать эту активность и любовь к обучению и технологиям, то эффект от таких занятий будет на порядок выше. Таким образом, работая со студентами поколения Y, важно не только знать и понимать их природу, но и использовать соответствующие стратегии обучения.

Библиографический список

1. Howe, Neil; Strauss, William (1991). Generations: The History of America's Future 1584–2069. William Morrow and Company. – p. 14.
2. URL: <http://old.e-xecutive.ru/>.
3. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography.
4. Правдина, М.А. Стили преподавания и вовлеченность студентов ГУ ВШЭ в процесс обучения: оценка позитивных эффектов / М.А. Правдина // Центр внутреннего мониторинга. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

[К содержанию](#)

УДК 378.014 + 378.14

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД КАК СПОСОБ ИННОВАТИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Т.В. Тарханова

Продемонстрирован инновационный потенциал интегративного подхода в процессе преподавания иностранных языков в высшей школе с целью модернизации современного образования. Выявлены наиболее эффективные формы и методы создания интегрированных курсов на базе английского языка.

Ключевые слова: инноватизация; интегративный подход; междисциплинарная интеграция; мотивация.

Приоритетное развитие сферы образования – объективная закономерность современной цивилизации. Специфика нынешнего этапа общественных трансформаций состоит в необходимости опережающего развития образования и оперативной подготовки нового поколения кадров, обладающих адаптационной мобильностью, а также высокой общей культурой, побуждающей ее носителей к саморазвитию и самообучению, к творческой самореализации. Путь решения данной задачи лежит через модернизацию и инноватизацию системы подготовки кадров [2, с.1]. Нам представляется, что одним из способов инноватизации системы образования является интеграция. Актуальность данного направления определяется, с одной стороны, интенсификацией процесса гуманизации образования, а с другой – интегративным характером развития науки, техники и производства, определившим потребность современного общества в специалистах широкого профиля, владеющих системными и функциональными знаниями о мире, месте и роли в нем человека и обладающих творческим, системным стилем мышления [1].

Преподавание английского языка в высшей школе предоставляет широкие возможности для интеграции различных компонентов учебного процесса: содержания образования; форм, методов и средств обучения; реализацию междисциплинарных связей. Осуществить интеграцию учебного процесса в ходе преподавания английского и других иностранных языков возможно посредством интегрированных курсов. Специфика иностранного языка как предмета обучения предоставляет практически неограниченные мотивационные стимулы. Усваивая иностранный язык, обучаемые не получают знаний об окружающей действительности, поскольку язык является средством выражения мыслей об окружающей действительности. Сама же окружающая действительность – предмет изучения других дисциплин, принадлежащих к различным наукам. Все эти дисциплины способны выступить в качестве повода для коммуникативной деятельности, что создает

благоприятные условия для практического применения языка, следовательно, межпредметная интеграция способна стимулировать интерес к изучению иностранного языка. Создание интегрированных курсов следует рассматривать как перспективное направление модернизации современного образования. Интегрированные курсы строятся на основе слияния двух-трех предметов или объединения отдельных тем в интегрированные блоки. Интегрированные курсы по иностранным языкам имеют очевидные преимущества: за определенную единицу времени студенты получают знания не только по иностранному языку, но и по нескольким предметам в комплексе, что позволяет формировать у них целостную картину мира; при этом повышается мотивация и познавательный интерес студентов к предмету. Интегрированные уроки служат развитию памяти, внимания, воображения, мышления и коммуникативных способностей обучаемых. Реализация интегрированного подхода к образованию способствует развитию творческого потенциала преподавателя, поскольку данный метод требует мобилизации креативных способностей его последователей.

В качестве примера подобного курса можно назвать интегративный курс страноведения, используемый в процессе обучения бакалавров направления подготовки 031900 «Международные Отношения» [3]. Данный курс – пример воплощения междисциплинарной и внутридисциплинарной интеграции. Междисциплинарная интеграция предполагает объединение дисциплин, включенных в различные образовательные области. В рамках курса «Страноведение» студенты оперируют понятиями и фактологической информацией из таких областей знаний, как: география, экономика (макроэкономика и микроэкономика), менеджмент, социология, политология, демография, культурология, бизнес-культура. Внутридисциплинарная интеграция – есть не что иное, как использование различных форм, методов и средств обучения. Преподавание английского языка, и страноведения в частности, предоставляет практически неограниченные возможности для внутридисциплинарной интеграции. На занятиях по страноведению студенты развивают практические навыки в различных видах речевой деятельности: пересказ содержания просмотренного по ключевым словам; краткое изложение видеороликов; обсуждение просмотренного в парах и группах. Опыт преподавания данного курса дает возможность утверждать, что популярными у студентов и весьма эффективными видами речевой деятельности являются, на наш взгляд, групповая дискуссия и деловая игра. Подготовка к деловой игре или дискуссии формирует у студентов ряд ключевых навыков: поиск, анализ и обобщение информации, полученных из научных источников; умение аргументировать и вести дискуссию на английском языке; выявлять слабые и сильные стороны явлений и грамотно оформлять свои мысли в соответствующих речевых актах. Вполне естественно, при подготовке к дискуссии и другим видам учебной деятельно-

сти, обучающиеся семантизируют тематическую лексику при выполнении лексических упражнений: правильная выборка, соотнесение лексических единиц с их словарными дефинициями, заполнение пропущенных частей предложения и текста, перифраз, верные/неверные утверждения, ответы на вопросы. Обучающиеся получают знания по лингвистическим проблемам: синонимия, антонимия, омонимия, языковая политкорректность, морфология, авторские стилистические приёмы. Все перечисленные аспекты формируют у студентов системный подход к изучению фактов языка, что, в свою очередь, следует рассматривать как необходимую предпосылку для осознанного, грамотного владения иностранным языком. Интегративный курс «Страноведение» развивает также у студентов навыки проведения презентаций, являющихся одним из базовых умений в современном деловом мире.

Страноведение – это не единственный учебный курс, предоставляющий неограниченный потенциал для интеграции в процессе преподавания английского языка. По сути, любой аспект иностранного языка, преподаваемый на Международном факультете, следует рассматривать как возможность для интегрирования, будь это практика устной и письменной речи, профессионально ориентированный перевод, деловой английский язык, деловая переписка.

В соответствии с действующим ФГОС основная образовательная программа по иностранным языкам предусматривает два уровня преподавания английского языка: общий и иностранный язык в профессиональной деятельности [4]. Подобный подход к формированию навыков владения иностранным языком способствует внедрению интеграции в учебный процесс. Одна из общепрофессиональных компетенций бакалавра в области международных отношений предписывает необходимость активного владения, как минимум, двумя иностранными языками и умение применять иностранные языки для решения профессиональных вопросов (ПК-2). Достижение указанной цели возможно только при интегрировании блока английского языка и специализированных блоков. На занятиях по английскому языку изучаются следующие темы: «Дипломатия и международные отношения», «Проблема национальной идентичности», «Искусство публичных выступлений», «Лидеры и лидерство», «Политкорректность и её языковые средства выражения», «Государственная служба», «Конфликты и методы их разрешения». Все перечисленные темы входят в сферу профессиональной подготовки будущих специалистов в области международных отношений и включены в программы общеобразовательной и профессиональной подготовки бакалавров направления «Международные отношения». При изучении данных тем скрупулёзно обсуждаются концептуальные моменты. Формы обсуждения разнообразны: выявление основных моментов содержания; передача содержания по ключевым словам; обсужде-

ние изученного материала в малых группах; интервьюирование; групповые дискуссии; ролевые игры; презентации, написание эссе, исследование современного состояния проблемы с привлечением Интернет-ресурсов. Студенты также выполняют научные исследования в пределах изучаемых тем. Результатом научной работы является участие в научных студенческих конференциях, ежегодно проводимых на Международном факультете, и публикация статей в сборнике «Studium Juvenis» для студентов и аспирантов. Таким образом, достигается интеграция не только содержания образования, но и форм и методов проведения занятий.

Интеграция учебного процесса предъявляет высокие требования к преподавателю высшей школы. Преподаватель должен обладать целым спектром педагогических знаний и умений: уметь диагностировать цели обучения; быть в состоянии выявить системные связи между различными академическими дисциплинами; уметь структурировать учебный материал. Весьма важным представляется владение интерактивными технологиями обучения, такими, как практические групповые и индивидуальные упражнения; групповая дискуссия; мозговой штурм; ролевые и деловые игры, мультимедийные средства обучения, интерактивные тесты.

В случае успешной реализации интегрированного подхода достигаются актуальные цели современной системы образования. Среди первоочередных задач отметим, прежде всего, повышение качества образования за счёт повышения эффективности учебного процесса, поскольку за определённую единицу времени выдаётся большее количество информации. Несомненным достоинством подобного подхода является создание учебных технологий, в частности, мультимедийных курсов. Подобная методология обучения облегчает создание системы контроля качества образования, что является одной из основных задач педагогики. Интегрированный подход позволяет также сформировать устойчивую мотивацию студентов, а, следовательно, повысить их общекультурный и общеобразовательный уровень.

Библиографический список

1. Гребенников, А.В. Интегративные дисциплины: содержание и функции / А.В. Гребенников // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 13.00.00 Педагогические Науки. – URL: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=14>.
2. Кольчугина, М.Б. Нацпроект «Образование»: инноватизация подготовки / М.Б. Кольчугина. – URL: <http://finanal.ru/009>.
3. Тарханова, Т.В. Интегративный курс «Страноведение» в системе подготовки студентов на Международном факультете / Т.В. Тарханова // Наука ЮУрГУ. Секции экономики, управления и права: материалы 63-й науч. конф. Т. 1. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2011. – С. 226–229.

4. Федеральный Государственный Образовательный Стандарт высшего Профессионального Образования по направлению подготовки 031900 Международные отношения. – М.: Минобр РФ. – 27 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.146

ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ ВУЗА

Ю.А. Юртаева

В статье дано авторское понимание сущности и структуры познавательного потенциала, определены критерии и показатели его оценки, особое внимание уделено актуализации и описанию системы оценки развития познавательного потенциала студентов вуза.

Ключевые слова: потенциал; познавательный потенциал; критерии и показатели оценки.

Актуальность развития познавательного потенциала студентов вуза неразрывно связана с обоснованием и определением самого понятия «потенциал», которое сегодня повсеместно используется в различных областях. В естественных науках – потенциал зажигания, ионизации; в социологии – потенциал общества, группы; в экономике – трудовой, производственный потенциал и т.д.

В наиболее общем плане «потенциал» определяется как «источник возможностей, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи или реализации конкретной цели; ресурсы отдельного человека, общества, государства в определенной области [1, с. 705].

Согласно точке зрения М.С. Кагана [3], в отношении к человеку принято выделять пять основных видов потенциалов: гносеологический или познавательный (наличие и объем знаний), аксиологический (личностные ценности), творческий (что и как он созидает), коммуникативный (сфера общения) и художественный (художественные ценности и потребности).

Изучение научно-педагогической литературы подтверждает, что нет единства в интерпретации сущности понятия познавательный потенциал. В настоящей работе мы будем придерживаться точки зрения И.Г. Липатниковой и Т.Б. Ванеевой, согласно которой познавательный потенциал рассматривается как неотъемлемое качество личности, влияющее на возможности обучающихся в освоении познавательной деятельности, имеющее сложную структуру и выступающее как совокупность, взаимодейст-

вие, взаимопроникновение нескольких составляющих [2]. Тем не менее, в отношении структуры этих составляющих мы не вполне согласны с вышеназванными учеными, поэтому представим свой вариант.

Познавательный потенциал включает в себя следующие компоненты:

- общая эрудиция (личностный объем и качество информации);
- психологические свойства личности, связанные с познавательной деятельностью студента (активность, самостоятельность, рефлексия);
- индивидуальные характеристики и особенности (наличные возможности различных видов памяти, внимания, мышления; способности к обучению и развитию);
- ценностно-эмоциональная сфера (актуальность и ценность новых знаний, познавательные потребности и мотивы, познавательный интерес);
- объем и вариативность общеучебных умений.

Развитие познавательного потенциала неразделимо от общего развития личности. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой развитие определяется как процесс естественного изменения из одного состояния в другое, более совершенное; переход от предыдущего качественного состояния к последующему, от простого к сложному, от низшего к высшему.

Анализ научно-практической литературы показывает, что развитие познавательного потенциала можно рассматривать в различных плоскостях: как систему, как процесс и как результат.

Под системой следует понимать стандартизированную программу, ориентированную на формирование требуемых характеристик личности.

Если развитие трактовать как процесс, то в данном случае правомерным будет определить его как движение от существующих познавательных потенциалов до высших уровней, где внешнее (среда, образование) всегда оказывает влияние на внутреннее (личностные способности, знания, умения, убеждения, потребности) [2].

В случае если развитие – это результат, то тогда развитие потенциала есть не что иное, как реализация потенциальных возможностей личности, которая достигается в процессе разрешения диалектического противоречия между наличными условиями, ситуациями, интересами и намерениями личности, представлениями личности о собственных возможностях и о самом себе в целом и реальностью [2].

Для мониторинга происходящих изменений в познавательном потенциале студентов важен контроль и оценка достижений студентами поставленных целей и решения поставленных задач.

Существующая система контроля знаний студентов высшей школы в настоящее время находится в некоем противоречии с современными требованиями подготовки специалистов высокой квалификации. Данное противоречие выражается в том, что существующая система контроля активизирует у большинства студентов мотивацию «избегания неудач», а не «мотивацию достижения».

Если проанализировать существующую систему оценки развития потенциала студентов, то она вообще отсутствует. Однако в связи с новыми стандартами данную проблему необходимо решать, так как потенциал студентов относится к мета-компетенциям, а именно их и призвана развивать высшая школа.

Мы полагаем, что одним из возможных вариантов разрешения имеющихся противоречий и ограничений в традиционной системе контроля и оценки – это применение рейтинговой системы.

В переводе с английского рейтинг – это оценка, некая количественная характеристика какого-либо качественного понятия. Как правило, под рейтингом имеется в виду кумулятивная оценка или оценка с учетом предыдущего опыта обучения.

В практике современного вуза рейтинг – это некоторая величина, которая обычно выражена по многобальной шкале, (например, 20-балльной, 50-балльной или 100-балльной). Данное число интегрально отражает успеваемость и знания студента по одному или нескольким предметам в течение определенного периода обучения (семестр, год и т.д.) [4].

Выделяют следующие разновидности рейтинга:

- рейтинг по дисциплине, отражающий текущую работу студента, а также результаты по этому предмету на экзамене или зачете;

- совокупный семестровый рейтинг, учитывающий успеваемость студента по всем дисциплинам в данном семестре;

- заключительный рейтинг за цикл родственных дисциплин, изучаемых в течение конкретного периода;

- интегральный рейтинг за определенный период обучения, отражающий совокупную успеваемость студента в течение какого-то периода обучения.

Как правило, в целях удобства вычисления рейтинги выражаются по 100 балльной шкале, при чем перевод рейтинга в четырех балльную оценку может рассчитываться по специально разработанной шкале, например: от 1 до 49 – неудовлетворительно (2), от 50 до 69 – удовлетворительно (3), от 70 до 84 – хорошо (4), от 85 до 100 – отлично (5).

Характерной особенностью рейтинговой системы выступает вариативность ее некоторых показателей внутри вуза. Этими показателями могут быть:

- максимальное и зачетное число очков за каждую контрольную работу;

- выполнение контрольных мероприятий в срок;

- оценка активности студента на занятии;

- соблюдение графика и точности выполнения домашних заданий;

- участие в НИРСе;

- учет посещаемости занятий.

На наш взгляд, представляется целесообразным определить обязательные параметры и комплементарные (дополнительные). Подобное разграничение позволит студентам повысить свой рейтинг за счет необязательных контрольных мероприятий, например, участие в проекте, олимпиаде, научно-практической конференции и т.д.

Бесспорно, одним из основных принципов в рейтинговой системе оценки выступает объективность, поэтому все существующие и применяемые на практике правила оценки студентам озвучиваются заранее, и они не изменяются в течение семестра.

По мнению ряда специалистов, данная система является слишком простой и одноплановой, в связи с чем предлагается учитывать не один, а два, три, пять параллельных рейтингов по каждому предмету, что в совокупности составит фактическое представление о знаниях студента отдельно по теории и практике, справедливо отразит его способности к воспроизведению, переносу и трансформации наличных знаний.

Данное обстоятельство всецело соотносится с компетентностным подходом, который в современных условиях является основополагающим в системе высшего профессионального образования. Таким образом, учет и отбор мета компетенций и специальных компетенций, необходимых в процессе прохождения студентами учебной программы, позволит нам получить многомерную систему рейтинговых оценок.

В этой связи полагаем уместным разработать специальную матрицу изучения учебной программы, где будут представлены обязательные для специалиста компетенции, а также образовательные дисциплины. В квадратах пересечения будут отражаться в виде + степень внимания на соответствующей дисциплине определенной компетенции. Это могут быть +, ++ или +++.

На основе общей матрицы создаются матрицы требуемой оценки какого-либо развития, в нашем случае – познавательного потенциала. Для этого мы создаем аналогичную матрицу, но уже для каждого предмета. Например, для дисциплины «Основы теории изучаемого языка» фрагмент такой матрицы представлен следующим образом (табл.).

Таблица

Фрагмент системы оценки развития
познавательного потенциала студентов в вузе

Аспекты дисциплины познавательный потенциал	Теоретическая грамматика английского языка	Лексикология английского языка	Стилистика английского языка
Общая эрудиция	+	+	+
Познавательные умения	+++	+++	+++
Познавательная активность	++	++	++
Познавательная потребность	++	++	++
Познавательные способности	+	+	+
Познавательная самостоятельность	+++	+++	+++

В таблице отражено внимание, которое уделяется развитию познавательного потенциала студентов по каждому из аспектов, составляющих данную дисциплину, т.е. максимально возможный балл. Далее в соответствии с этим вычисляются баллы за весь предмет. К примеру, для удобства мы берем 100 баллов. В итоге за каждый полученный студентом «+» зачитывается 0,5 балла, затем все баллы суммируются. Учет заработанных баллов ведется в электронном журнале, который преподаватель регулярно ведет, отмечая после каждого занятия успехи и неудачи студентов. Поэтому в дневнике рейтинговой оценки есть и «-», и «+». Каждый полученный минус является основанием для снятия 0,5 балла.

По завершению пилотного проекта, была установлена прямопропорциональная зависимость между рейтинговой оценкой качества усвоения учебного материала и рейтинговой оценкой развития познавательного потенциала. Погрешность составили до 5 баллов, что не существенно.

Подводя итоги, можно с уверенностью констатировать, что рейтинговая оценка развития познавательного потенциала студентов достаточно эффективна, поскольку отражает текущие достижения студентов и тем самым активизирует их самостоятельную работу, способствует развитию их потенциальных возможностей, более объективно оценивает все аспекты работы студентов, создает основу для дифференцирования студентов, что особенно важно при переходе на многоуровневую систему обучения, позволяет получать детальную информацию о развитии познавательного потенциала студентов вуза.

Библиографический список

1. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – 4-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 1999.
2. Липатникова, И.Г. Понятийный аппарат познавательного потенциала студентов высших учебных заведений / И.Г. Липатникова, Т.Б. Ванеева // Вестник ТУПУ. – 2009. – Вып. 10 (88).
3. Каган, М.С. Человеческая деятельность / М.С. Каган. – М., 1974. – 328 с.
4. Рейтинг в учебном процессе вуза, межвузовский сборник, Опыт. Проблемы. Рекомендации / под ред. И.И. Барсукова и др. – М., 1992.

[К содержанию](#)

ФИЛИАЛ В г. АША

УДК 334.7(470.5) + 338.45:669(470.5)

**ОЦЕНКА ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА УРАЛА**

Ю.А. Дорошенко

В статье приведена оценка интеграционного потенциала металлургического комплекса Урала на основе разработанной системы целостных характеристик. Системное представление целостных характеристик объекта позволяет объективно судить о качественном состоянии отрасли с разным уровнем интеграции. Учет этого фактора позволяет более детально отслеживать развитие интеграционных процессов и вносить необходимые коррективы в случае необходимости.

Ключевые слова: интегрированные структуры, системный подход, металлургический комплекс.

Образование крупных промышленных объединений – ярко выраженная тенденция последних десятилетий экономических преобразований в России. Примером их является металлургический комплекс Уральского федерального округа (УрФО), включающий в себя предприятия черной и цветной металлургии, сосредоточенных главным образом на двух территориях – в Свердловской и Челябинской областях.

Анализ показателей деятельности металлургических предприятий свидетельствует, что их объединение в интегрированные структуры оказывает огромное влияние на эффективность работы. Предприятия УрФО, работающие в составе интегрированных структур, являются прибыльными, постоянно наращивают объемы производства, оказывают положительное влияние на социально-экономические процессы в регионе и обеспечивают высокий уровень доходов работников.

Вместе с тем, необоснованная интеграция может привести к негативным последствиям. Поэтому очень важно знать не только необходимость такого слияния, но и его степень. Основным инструментом решения важнейшей социально-экономической проблемы должен служить математический анализ. Его использование на основе системного подхода позволяет определить эффективность создания объединений с различной степенью интегрированности. Это дает возможность оценить не только общее состояние, но и выявлять особенности и различия свойственные объединенным объектам в рыночной экономике.

Значительной проблемой при оценке последствий интеграции является выбор характеристик ее эффективности. Сложность и многогранность эко-

номической категории эффективности производства невозможно выразить одним показателем. Всесторонняя оценка уровня эффективности производства возможна лишь при помощи системы органически взаимосвязанных показателей, представляющих все стороны деятельности объекта.

Показатели эффективности производства можно разделить на простые и обобщающие (целостные) характеристики. Целостной принято называть характеристику, которая присуща целому объекту, но отсутствует у составляющих ее элементов, либо она есть и у элементов, и у объекта в целом, но для последнего эту характеристику нельзя определить, зная только соответствующие характеристики элементов объекта.

Они сами по себе несут мало информации для познания сущности функционирования предприятия. Считается, что описание простых характеристик является прелюдией к изучению собственно экономических качеств – целостных характеристик объекта. Его существование определяется множеством различных целостных характеристик и множеством отношений между ними, отражая через них концепцию самосохранения объекта [1].

Построение обобщающих характеристик эффективности производства – один из наиболее сложных вопросов статистической методологии. Предложенные в литературе подходы к его решению можно свести к следующим трем направлениям: 1) выделение из числа частных показателей одного решающего, главного; 2) расчет обобщающего показателя на основе взаимозаменяемости ресурсов; 3) построение балльных оценок эффективности на основе методов многомерного анализа.

При всех положительных качествах у большинства методов перечисленных направлений расчеты затруднены и зачастую носят условный характер.

Цель исследования. Оценить интеграционный потенциал металлургического комплекса Урала.

Материал и методика исследований. Материалом исследования явились данные о деятельности металлургического комплекса Свердловской и Челябинской областей [2, 3].

Для каждой из ранее выделенных подсистем базовых показателей, были разработаны 18 целостных характеристик, из которых первые девять отражают внешнее, а остальные – внутреннее состояние структуры элементов подсистем [4].

Результаты исследований. Анализ эффективности разного уровня объединения подразумевает установление порядка целостных характеристик простых производственно-экономических показателей металлургических комплексов Свердловской и Челябинской областей и их объединения (рис. 1).

Согласно принципу очередности (справа – налево) можно сформировать [5] из них три равночисленные группы подсистем целостных характеристик. Первая группа содержит: 10, 20, 7, 11, 9, 4 и 17 подсистемы, где

представлено 28,6 % объединенного комплекса Урала. Во второй группе присутствуют: 5, 6, 12, 2, 15, 1 и 13 подсистемы или 42,9 % объединенного комплекса Урала. В третьей: 21, 8, 14, 3, 16, 19 и 18 или 71,4 % объединенного комплекса Урала. Используя гипотезу, что рост доли интеграции улучшает экономическую эффективность всего комплекса, будем считать, что первая группа определяет низкое качество, вторая группа – удовлетворительное и третья – высокое качество интеграции.

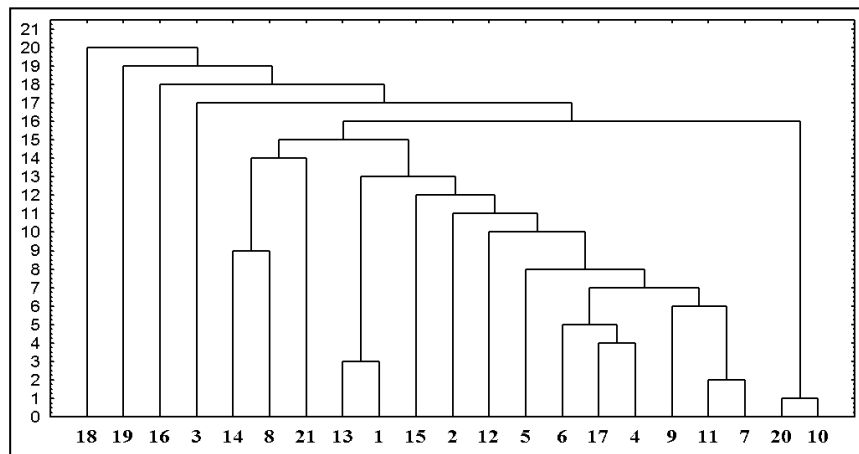

Рис. 1. Дендрограмма целостных характеристик подсистем базовых показателей металлургического комплекса Челябинской (1–4) и Свердловской области (5–11), Урала (12–21)

Следует обратить внимание на следующие особенности, характеризующие целостные характеристики металлургического комплекса, определяющего низкое качество интеграции:

- степень приоритетности системообразующих свойств у целостных характеристик подсистем первого эшелона в 2,5 раза выше системоразрушающих. Стремление к системообразованию у внешних характеристик в 2,09 раза выше, чем у внутренних;

- элементами запуска подсистем первого эшелона выступают: «Стабильность элементов подсистемы» → «Количество элементов в подсистеме» → «Нагрузка на элемент подсистемы» → «Энергоемкость элементов подсистемы»; во втором эшелоне: «Стабильность элементов подсистем» → Различие структур «процесс»;

- итоговыми, а значит, проблемными показателями в первом эшелоне были: «Вариабельность элементов подсистемы → Активность структур «процесс» → «Реализация цели подсистем» → Различие структур «процесс»; во втором эшелоне: «Количество элементов в подсистеме» → Энергоемкость элементов подсистемы.

В системе целостных характеристик первого эшелона металлургического комплекса Урала удовлетворительного качества присутствует четыре системообразующих признака, что составляет 22,3 % от общего числа.

Сила их влияния уменьшается согласно схеме: Активность структур «ресурс-продукт» (-3,622) → Вариабельность элементов подсистемы (-1,041) → Эффективность деятельности подсистем (-0,683) → Реализация цели подсистем (-0,170). Индекс различия между ними составил 21,3 раз. Отношение внешние/внутренние характеристики 1,91 раз.

Системоразрушающими являются 14 характеристик. Сила их влияния возрастает согласно схеме: Различие структур «процесс» (0,416) → Отклонение элементов подсистемы от нормального распределения (0,822) → Взаимосвязь структур «объект» (1,372) → Активность структур «объект» (1,805) → Активность структур «процесс» (2,900) → Стабильность подсистем (2,999) → Различия между подсистемами (3,121) → Взаимосвязь структур «процесс» (3,273) → Количество элементов в подсистеме (3,348) → Взаимосвязь структур «ресурс-продукт» (3,406) → Различие структур «объект» (3,601) → Энергоемкость элементов подсистемы (3,650) → Нагрузка на элемент подсистемы (4,550) → Различие структур «ресурс-продукт» (5,277). Индекс различия между ними составил 12,7 раз. Отношение внешние/внутренние характеристики 0,84 раз.

Для этого уровня выделены следующие особенности, характеризующие целостные характеристики металлургического комплекса удовлетворительного качества интеграции:

– степень приоритетности системоразрушающих свойств у целостных характеристик подсистем первого эшелона в 7,35 раза выше системообразующих. Стремление к системообразованию внешних характеристик в 2,27 раза выше, чем у внутренних;

– элементами запуска подсистем первого эшелона выступают: «Активность структур ресурс-продукт» → Различия между подсистемами → Взаимосвязь структур «ресурс-продукт» → Реализация цели подсистем → Различие структур «процесс»; во втором эшелоне: «Взаимосвязь структур процесс» → «Взаимосвязь структур ресурс-продукт»;

– итоговыми, а значит проблемными, показателями в первом эшелоне были: «Энергоемкость элементов подсистемы» → Взаимосвязь структур «процесс» → Количество элементов в подсистеме → Взаимосвязь структур «объект» → Различие структур «объект»; во втором эшелоне: Энергоемкость элементов подсистемы → Количество элементов в подсистеме.

Анализ подсистем целостных характеристик третьей группы, определяющей высокое качество интеграции металлургического комплекса, свидетельствует, что она представлена 12 системообразующими признаками, что составляет 66,7 % от общего числа.

Сила их влияния уменьшается согласно схеме: Активность структур «процесс» (-3,309) → Взаимосвязь структур «объект» (-2,455) → Количество элементов в подсистеме (-1,640) → Нагрузка на элемент подсистемы (-1,232) → Различие структур «объект» (-1,068) → Эффективность дея-

тельности подсистем (-0,933) → Различие структур «ресурс-продукт» (-0,863) → Активность структур «объект» (-0,839) → Отклонение элементов подсистемы от нормального распределения (-0,498) → Взаимосвязь структур «процесс» (-0,482) → Различие структур «процесс» (-0,395) → Взаимосвязь структур «ресурс-продукт» (-0,352). Индекс различия между ними составил 9,4 раза. Отношение внешние/внутренние характеристики 0,44 раза.

Системоразрушающими являются 6 характеристик или 33,3 %. Сила их влияния возрастает согласно схеме: Реализация цели подсистем (0,258) → Различия между подсистемами (0,556) → Стабильность подсистем (0,741) → Вариабельность подсистем (0,796) → Энергоемкость элементов подсистемы (1,096) → Активность структур «ресурс-продукт» (1,331). Индекс различия между ними составил 5,16 раз. Отношение внешние/внутренние характеристики 2,51 раз.

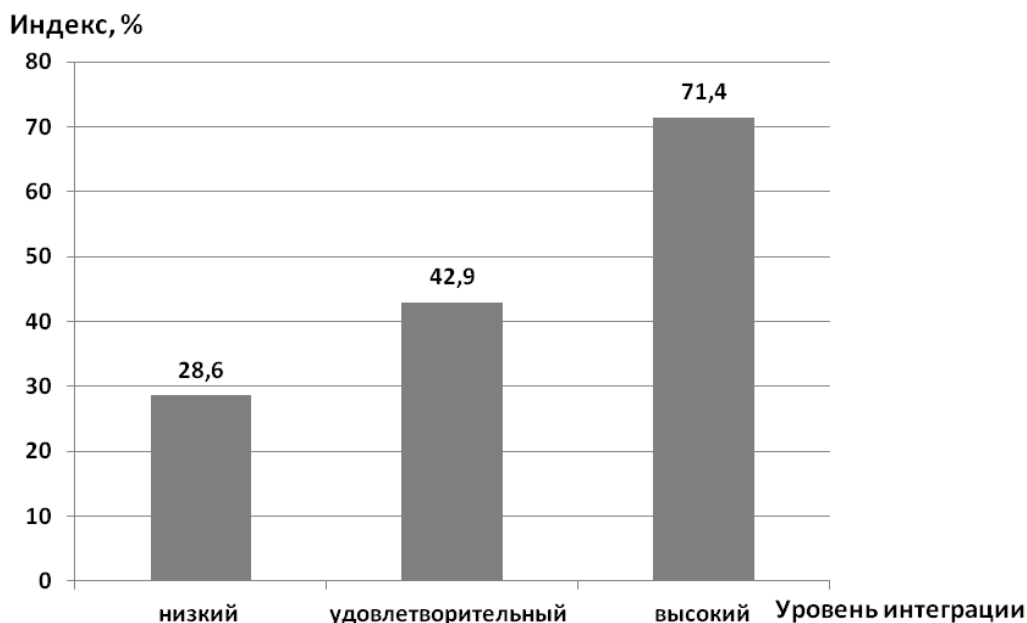

Рис. 2. Индекс внешних и внутренних целостных характеристик металлургического комплекса Урала в зависимости от уровня интеграции

На этом уровне следует выделить следующие особенности, характеризующие целостные характеристики металлургического комплекса Урала высокого качества интеграции:

– степень приоритетности системообразующих свойств у целостных характеристик подсистем в 2,94 раза выше системоразрушающих. Стремление к системообразованию внешних характеристик подсистем в 5,7 раза меньше, чем у внутренних. Степень приоритетности системоразрушающих свойств у целостных характеристик подсистем второго эшелона в 2,43 раза выше системообразующих;

– элементами запуска подсистем первого эшелона выступают: Различия между подсистемами → Энергоемкость элементов подсистемы → Количество элементов в подсистеме → Различие структур «объект», во втором эшелоне: Энергоемкость элементов подсистемы → Реализация цели подсистем, в третьем: Энергоемкость элементов подсистемы;

– итоговыми, а значит, проблемными показателями в первом эшелоне являются: «Стабильность подсистем» → Реализация цели подсистемы → «Активность структур объект» → Эффективность деятельности подсистем, во втором эшелоне: Активность структур «объект» → Различие структур «объект», в третьем – Реализация цели подсистем.

Обобщая результаты, рассмотрим некоторые общие закономерности изменения уровня эффективности функционирования металлургического комплекса Урала (рис. 2).

Хорошо видно, что с увеличением уровня интеграции возрастает индекс внешних и внутренних целостных характеристик металлургического комплекса Урала. В итоге возрастает число эшелонов пирамиды объекта, уменьшается количество вне структурных элементов. Следовательно, предложенный подход позволяет не только дать оценку последствий интеграции, но и обнаружить риски, свойственные процедуре создания интегрированных структур.

Библиографический список

1. Ерина, А.М. Математико-статистические методы изучения экономической эффективности производства. / А.М. Ерина. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 192 с.
2. Козицын, А.А. Производственная интеграция как основа повышения экономической безопасности региона / А.А. Козицын. – Екатеринбург, 2006. – 364 с.
3. Мызин, А.Л. Состояние металлургического комплекса Урала в преддверии вступления России в ВТО / А.Л. Мызин, А.А. Куклин, А.А. Козицын // Экономика региона. – 2005. – № 3. – С. 142–152.
4. Гизатуллин Х.Н. Математико-статистический анализ производственно-экономических показателей металлургического комплекса Урала / Х.Н. Гизатуллин, А.А. Самотаев, Ю.А. Дорошенко // Экономика региона. – 2008. – № 4. – С. 173–187.
5. Самотаев, А.А. Экономика ресурсного обеспечения сельских производственных систем в федеральных округах РФ / А.А. Самотаев, Е.В. Сазонова // Материалы I Всероссийского симпозиума по региональной экономике. Том 1. Направления и проблемы развития современной теории и методологии региональной экономики: инструментарий и методы прогнозирования регионального развития. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. – С. 226–229.

[К содержанию](#)

УДК 338.43

ФОРМАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Ю.А. Дорошенко, Л.А. Исенко

В статье приведена схема обоснования стратегии и тактики инновационного процесса. Построена математическая модель, позволяющая выбрать оптимальное направление для того, чтобы создать «критическую массу» инноваций в АПК.

Ключевые слова: инновации, математическая модель.

В последние десятилетия организационно-экономические мероприятия по обеспечению инновационного развития АПК активно разрабатывались в отечественной экономической теории. Стратегия инноваций может опираться на разнообразный современный инструментарий, разработанный для управления экономическими системами и получивший в последнее время наибольшее признание: теория экономических кластеров, программно-целевого метода. Считается, что они способны решить многие проблемы аграрного сектора регионов, в том числе и низкой инновационной активности. Но следует иметь в виду, что большая часть этих методов предназначена для управления развитием экономических систем уровня региона, отрасли, как минимум, крупного предприятия. Что касается инструментария, предназначенного для уровня мелких и средних товаропроизводителей, то его набор более скромный. Можно упомянуть методы «расширки «узких мест», синергизма управленческих решений, некоторых других.

Появилось немало работ, посвящённых вопросам, непосредственно не относящимся к инновационному процессу, но тесно с ним связанным – кредитования, лизинга техники. Вместе с этим, ряд важных вопросов функционирования инновационного механизма рассмотрены недостаточно полно.

Цель работы. Среди вопросов, на которые необходимо ответить при разработке инновационной стратегии предприятия – чему отдать предпочтение, с тем, чтобы создать «критическую массу» инноваций, способную к значительным положительным сдвигам во всей экономической системе – целому комплексу нововведений или одному – двум, но крупным. По сути, это вопрос о выборе направлении развития предприятия.

Методика исследования. На наш взгляд, эффективным инструментариём выбора направлений инвестиций является моделирование, основанное на методологии системного анализа [1].

Результаты. Уже достаточно давно системный анализ был элементом разработки стратегии и тактики развития сельхозпредприятия. О месте системного анализа в этом процессе можно судить по следующей структурной схеме (рис. 1). На ней проблема рассматривается на уровне региона, муниципального района. Общие выводы затем уточняются для отдельных предприятий.

Рис. 1. Структурная схема

Очевидно, что после соответствующей адаптации эта схема вполне применима и для обоснования стратегии и тактики инновационного процесса.

Одним из наиболее основательно разработанных инструментов решения задач по планированию использования ограниченных ресурсов – модель, основанная на линейном программировании. Этот инструмент используется для управления аграрными процессами и системами практически с момента его доведения до состояния пригодности для решения прикладных задач. Наибольший интерес представляют задачи оптимизации специализации аграрной хозяйственной системы, определения наилучшей структуры посевов, оптимального распределения удобрений по полям и культурам, тракторов и сельхозмашин. Имеется обширная методическая и учебная литература [2, 3].

Несмотря на то, что за более чем полувековой период, прошедший со времени начала практического использования линейного программирования для оптимизации использования ресурсов в сельском хозяйстве появилось большое количество других методов математического моделирования производственных процессов, этот старый инструмент не утратил своей практической ценности. Это связано, с одной стороны, с достаточной аде-

кватностью получаемых решений реальным экономическим ситуациям, с другой – с простотой использования в условиях появления пакетов прикладных программ для персонального компьютера. Структурная схема оптимизационной модели, позволяющая понять последовательность работы приведена на рисунке 2.

Рис. 2. Этапы разработки экономико-математической модели «Выбор инновационных приоритетов развития сельскохозяйственной организации»

Использование оптимального программирования в качестве инструмента обоснования инновационной программы сельхозпредприятия имеет некоторые особенности, связанные с тем, что детализация системы переменных и ограничений должна существенно отличаться от указанных в моделях оптимизации производственной структуры, машинно-тракторного парка и др., используемых в качестве ближайшего аналога. Должны быть свои отличия и в подготовке исходной информации.

Среди вопросов, на которые необходимо ответить при разработке инновационной стратегии предприятия – чему отдать предпочтение, с тем, чтобы создать «критическую массу» инноваций, способную к значительным положительным сдвигам во всей экономической системе [4] – целому комплексу нововведений или одному – двум, но крупным. По сути, это во-

прос о выборе направлении развития предприятия. На наш взгляд, эффективным инструментарием выбора направлений инвестиций является моделирование, основанное на методологии системного анализа. Очевидно, что после соответствующей адаптации этот инструмент вполне применим и для обоснования стратегии и тактики инновационного процесса.

Модель в виде системы линейных уравнений и неравенств сформулирована следующим образом.

Найти значения x_{iklm} , при которых:

$$f(x) = \sum_{i=1}^I \sum_{k=1}^K \sum_{l=1}^L \sum_{m=1}^M c_{iklm} \cdot x_{iklm} \rightarrow \max. \quad (1)$$

Использование j -го вида производственных ресурсов должно соответствовать неравенству:

$$\sum_{j=1}^J \sum_{i=1}^I \sum_{k=1}^K \sum_{l=1}^L \sum_{m=1}^M b_{jiklm} \cdot x_{jiklm} - B_j \leq 0. \quad (2)$$

Условие соблюдения заданного чередования культур в севообороте:

$$x_i - x_{(i+n)} \geq (\leq; =) 0. \quad (3)$$

Условие неотрицательности переменных:

$$x_{iklm} \geq 0. \quad (4)$$

где i – индекс культур и предшественников;

k – индекс технологий обработки почвы;

l – индекс сортов;

m – индекс использования навигационного оборудования;

n – индекс при ограничениях (видах ресурсов);

x_{iklm} – искомое количественное значение i -й культуры, возделываемой по k -й технологии обработки почвы, l -й группы сортов, m -й группе использования навигационного оборудования;

q_{iklm} – значение производства продукции в натуральном выражении i -й культуры, возделываемой по k -й технологии обработки почвы, l -й группы сортов, m -й группе использования навигационного оборудования;

c_{iklm} – значение условного чистого дохода при производстве продукции i -й культуры, возделываемой по k -й технологии обработки почвы, l -й группы сортов, m -й группе использования навигационного оборудования;

b_{jiklm} – удельный расход j -го ресурса на единицу площади i -й культуры, возделываемой по k -й технологии обработки почвы, l -й группы сортов, m -й группе использования навигационного оборудования;

B_j – предельное количество j -го ресурса;

l_i – коэффициент пропорциональности между культурами севооборота.

Предлагаемая модель базируется на основе упомянутых выше работах ряда авторов по оптимизации отраслевой структуры сельхозпредприятия, но отличается от неё детальным исследованием отраслевых пропорций, что обусловлено выбранной узкой специализацией и более детальным описанием технологий.

Проверка основных качественных характеристик модели (адекватности по важным свойствам, чувствительности к исходным данным, устойчивости решений – робастности и др.) подтвердила её пригодность для решения избранной задачи.

Библиографический список

1. Ерина, А.М. Математико-статистические методы изучения экономической эффективности производства / А.М. Ерина. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 192 с.
2. Козицын, А.А. Производственная интеграция как основа повышения экономической безопасности региона / А.А. Козицын. – Екатеринбург, 2006. – 364 с.
3. Мызин, А.Л. Состояние металлургического комплекса Урала в преддверии вступления России в ВТО / А.Л. Мызин, А.А. Куклин, А.А. Козицын // Экономика региона. – 2005. – № 3. – С. 142–152.
4. Гизатуллин Х.Н. Математико-статистический анализ производственно-экономических показателей металлургического комплекса Урала / Х.Н. Гизатуллин, А.А. Самотаев, Ю.А. Дорошенко // Экономика региона. – 2008. – № 4. – С. 173–187.
5. Дорошенко, Ю.А. Системный анализ интегрированных структур (теория и алгоритм). Монография. / Ю.А. Дорошенко, А.А. Самотаев. – Челябинск: ЧГАА, 2013. – 292 с.
6. Багриновский, К.А. Экономико-математические методы и модели / К.А. Багриновский, В.М. Матюшок. – М., РУДН, 1999. – 315 с.
7. Гатаулин, А.М. Математическое моделирование экономических процессов в сельском хозяйстве: учебник / А.М. Гатаулин, Г.В. Гаврасов, Т.М. Сороким. – М.; СПб., ИТК Гранит, 2009. – 271 с.
8. Соколов, К.О. Инновационное развитие АПК, его сущность и особенности / К.О. Соколов // Голиковские чтения. Сборник трудов / отв. ред. А.Ю. Даванков. – Челябинск: ЧелГУ, 2011. – № 7. – С. 219–224.
9. Сазонова, Е.В. Экономика региона: анализ и управление сельскохозяйственным производством / Е.В. Сазонова // Инжиниринг, инновации, инвестиции: сборник научных трудов. – Челябинск: ЧНЦ РАЕН, 2011. – С. 157–163.

[К содержанию](#)

УДК 378.016: 808.5 + 378.018

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ НЕГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

В.И. Казакова

Статья посвящена проблеме развития речевой культуры студентов высшего учебного заведения на основе систематизации понятий теории культуры речи с опорой на Федеральную целевую программу «Русский язык». Представлены данные исследования нормативного аспекта речи обучающихся технических направлений.

Ключевые слова: речевая культура, правильность, норма, коммуникативные качества, точность, логичность, речевые ошибки.

Русский язык как государственный является важнейшим, по существу – главным, инструментом управления во всех областях государственной и общественной жизни, средством формирования гражданского и национального самосознания, воссоздания и развития культуры, основой нашей многонациональной страны.

Современный подход к подготовке специалистов с высшим образованием, особенно тех, кто пользуется словом как основным инструментом своей профессии, предъявляет серьезные требования к коммуникативной культуре личности, органично включающей в себя культуру речи. Все это ставит перед высшим образованием задачу усиления работы по развитию у выпускников вуза культуры речи как основной части их коммуникативной и общей культуры. Эти требования отражены и в нормативных документах по образованию: в законе РФ «Об образовании», «Национальной доктрине образования до 2025 года»; Проекте Федерального закона от 2001 года «О русском языке как государственном языке Российской Федерации» и Постановлении № 483 от 27.07.2001 «О Федеральной целевой программе «Русский язык».

Федеральная целевая программа констатирует: «...в сфере функционирования русского языка возникают особенно серьезные проблемы. Основными из них являются резкое снижение общей и речевой культуры, нарушения грамматических и лексических норм, обеспечивающих правильность, точность, образность и художественную ценность письменной и устной речи» [3].

Подлинная культура речи предполагает достаточно высокий уровень общей культуры человека, сознательную любовь к языку, культуру мышления. Вершиной речевой культуры является литературный язык, «обработанный мастерами слова» (А.М. Горький).

Теоретическими и практическими проблемами культуры речи занимались видные ученые: Б.Н. Головин, Т.А. Ладыженская, Л.И. Скворцов, Е.Н. Ширяев и др. Современное определение культуры речи дает Е.Н. Ши-

ряев: «Культура речи (культура владения языком) – это такой выбор и такая организация языковых средств, которые с учетом ситуации общения и при соблюдении собственно языковых, коммуникативных и этических норм позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных целей» [2].

По мнению С.И. Ожегова, «высокая культура речи – это умение правильно, точно и выразительно передавать свои мысли средствами языка». (Б.Н. Головин, 1998: 10). Центральное понятие культуры речи – правильность, то есть соблюдение норм современного русского литературного языка. Под литературно-языковой нормой понимаются «принятые в общественно-языковой практике образованных людей правила произношения, словоупотребления, использование традиционно сложившихся грамматических, стилистических и других языковых средств» [4].

Проведенное нами исследование в филиале «ЮУрГУ» г. Аши позволило выявить речевые ошибки, которые говорят о несоблюдении норм литературного языка: акцентологические ошибки (71 %): ошибки, связанные с порядком слов в предложении (49 %); колебания в роде и склонении некоторых разрядов имен существительных (37 %); ошибки в построении предложений с деепричастным оборотом (19 %) (процент неверно выполненных заданий от общего числа испытуемых).

Кроме этого, опыт работы со студентами показывает, что список речевых ошибок можно продолжить. Это и склонение сложных имен числительных, незнание многих средств языковой выразительности, невладение фразеологической нормой, стилистически не мотивированное использование англоязычных заимствований и жаргонизмов.

Говоря о культуре речи, нельзя сводить ее только к правильности. Культура речи заключается в умении найти точное средство, наиболее доходчивое, уместное и выразительное. Это и есть коммуникативные качества речи, которые Б.Н. Головин определяет как «реальные свойства ее содержательной или формальной стороны». (Б.Н. Головин, 1988: 125).

Точность – одно из коммуникативных качеств, которое характеризует речь со стороны ее содержания. Точность формируется на основе связи речи с действительностью и мышлением через соотнесение семантики речи с выражаемой ею информацией. В связи с этим выделяют два вида точности: предметную, которая опирается на связь речь – действительность, и понятийную, в основе которой связь речь – мышление. Точность предметная и понятийная взаимосвязаны так же, как связаны предмет и понятие о нем. Созданию точной речи способствуют конкретные лингвистические средства: удачный выбор синонима из синонимического ряда, четкое разграничение омонимов, паронимов и полисемии.

Наше исследование свидетельствует о том, что многие студенты не различают паронимы (67 %), не всегда удачно употребляют антонимы и омонимы (43 %), четко разграничивают полисемию (27 %).

Логичность как коммуникативное качество речи, как и точность характеризует речь со стороны ее содержания. Если точность оценивает соотношение целостной семантики речи со смыслом текста, то логичность характеризует структуру речевой семантики, ее организацию. Б.Н. Головин выделяет условия логичности на уровне высказывания и на уровне связного текста. В работе с обучающимися выявилось, что затруднения вызывают соблюдение условий на уровне текста, а именно: обозначение переходов от одной мысли к другой (58 %), членение текста на абзацы (43 %), трехчастное построение текста или композиция (27 %), выражение логических связей и отношений между частями текста с помощью служебных слов – предлогов, союзов, частиц (15 %).

Логичность как и точность является базой формирования других коммуникативных качеств: доступность, действенность, уместность. Логичная речь хорошо передает структуру мысли, значит, она доступна, и потому действенна. Если степень логичности и ее характер соответствуют речевой ситуации, речь будет уместной.

Богатство речи как ее коммуникативное качество, по мнению Б.Н. Головина «многослойно, и нужно различать в совокупном речевом богатстве богатство лексическое, семантическое, синтаксическое, интонационное, богатство организации и динамики языковых средств речи» [1]. Необходимость в этом коммуникативном качестве и его характеристика зависят от функционального стиля. Также и коммуникативное качество выразительности речи (экспрессивности) характерно не для каждого стиля.

Коммуникативное качество чистоты речи связывается обычно с отсутствием в ней внелитературных элементов языка (прежде всего диалектных, просторечных, жаргонных слов и словосочетаний) и слов, оборотов речи, отвергаемых нормами нравственности [1]. Чистота речи соотносится с манерой, тактом говорящего. Поэтому данное качество связано как с коммуникативной, так и с этико-эстетической нормой.

Все вышеназванные качества речи присущи культурной речи, соответствуют второму уровню речевой культуры, т.е. речевому мастерству, о котором говорил С.И. Ожегов.

Анализ литературы и опыт работы в вузе показали, что проблема развития культуры речи остается актуальной. Культура речи содержит три составных компонента: нормативный, коммуникативный и этический. В нашем исследовании был изучен, в основном, нормативный аспект, и только частично – коммуникативный. Полученные данные свидетельствуют, что уровень культуры речи у большинства студентов сформирован явно недостаточно и требует дальнейшего развития в процессе обучения в вузе.

Библиографический список

1. Головин, Б.Н. Основы культуры речи: учеб. для вузов по спец. «Русский язык и литература» / Б.Н. Головин. – М., 1988.

2. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Я.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М., 2003.
3. Постановление правительства РФ № 483 от 27.07.2001 «О Федеральной целевой программе «Русский язык» // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 августа 2001 г. – № 32. – Ст. 3327.
4. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая российская энциклопедия, 1997.

[К содержанию](#)

УДК 378.031+378.14

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛГОРИТМА В ФОРМИРОВАНИИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ РЕШЕНИЯ КОМБИНАТОРНЫХ ЗАДАЧ)

И.Г. Калинин

В современной педагогике проблема формирования математической компетенции у обучающихся на сегодняшний день остается широко обсуждаемой и практически не разрешенной. В статье рассматривается алгоритм решения комбинаторных задач, использование которого будет способствовать формированию математической компетенции у студентов вуза.

Ключевые слова: математическая компетентность, математическая компетенция, профессиональная компетентность комбинаторная задача, алгоритм.

Математическое образование является одним из базовых элементов системы профессиональной подготовки бакалавров техники и технологии в вузах. Математика – не только учебная дисциплина, но и инструмент анализа профессиональной деятельности, организации и управления технологическими процессами. Изучение математики интеллектуально обогащает студента, развивая гибкость и строгость мышления, необходимые для будущего бакалавра. Математическая компетентность – одно из важных качеств, необходимых бакалавру, что в свою очередь, является одной из главных составляющих профессиональную компетентность [2].

Понятие «математическая компетентность» изучено достаточно широко. Различные аспекты определения и формирования математической компетентности нашли отражение в диссертационных исследованиях В.А. Плаховой (у студентов технических вузов), Л.К. Иляшенко (для будущего инженера), С.А. Шунайловой (для будущих менеджеров наряду с экономической компетенцией); опыт развития математической компетентности студентов технических вузов описывает М.Л. Палеева. В работе Н.Г. Хадыровой математическая компетентность определяется как системное свойство лично-

сти и субъекта, характеризующее его глубокую осведомленность в предметной области знаний, личностный опыт субъекта, нацеленного на перспективность в работе, открытого к динамичному обогащению, способного достигать значимых результатов и качества в математической деятельности [4].

Е.М. Петрова [3] под математической компетентностью понимает целостное образование личности, отражающее готовность к изучению дисциплин, требующих математической подготовки, а также способность использовать математические знания для разрешения различного рода практических и теоретических проблем и задач, встречающихся в профессиональной деятельности.

В соответствие с концепцией формирования комплекта программ математических дисциплин цикла МиЕН для ФГОС 3-го поколения в части предметно-социальных компетенций бакалавр должен иметь глубокие знания базовых математических дисциплин и проявлять высокую степень их понимания, знать, уметь и использовать на соответствующем уровне. Например, методы теории вероятностей и математической статистики.

В системе высшего профессионального образования «Комбинаторика» является необходимым, базовым разделом математики для изучения теории вероятностей. Первоначальные знания основных понятий, формул, умения и навыки решения комбинаторных задач обучающиеся получили в старших классах средней образовательной школе. В связи с этим с целью повторения, систематизации и углубления имеющихся знаний, умений и навыков нами был разработан алгоритм, позволяющий решать элементарные комбинаторные задачи (т.е. задачи на применение одной формулы).

При решении многих практических задач из некоторой совокупности объектов приходится выбирать элементы и составлять из них комбинации, обладающие теми или иными свойствами. Такие задачи называются комбинаторными. Для решения элементарной комбинаторной задачи, используется одна из шести основных формул комбинаторики. Основная трудность при решении таких задач – это правильный выбор формулы.

Общую элементарную задачу комбинаторики можно сформулировать следующим образом: «Сколько различных комбинаций можно составить из элементов данного множества?». В зависимости от условия конкретной задачи в роли комбинации могут выступать подмножество, упорядоченное множество или кортеж. Эти понятия являются базовыми в определениях основных формул комбинаторики, предлагаемых Н.Я. Виленкиным и др. в учебнике «Алгебра и математический анализ для 11 классов» [1]. Анализируя внутреннее содержание этих понятий можно составить их сравнительную характеристику, представленную в таблице.

Для выбора правильного пути решения задачи необходимо ответить на элементарные вопросы. «Важен порядок элементов в комбинации?», «Могут элементы в комбинации повторяться?». После ответов на эти вопросы можно однозначно определить вид комбинации. Если каждая комбинация является подмножеством данного множества, то необходимо применить

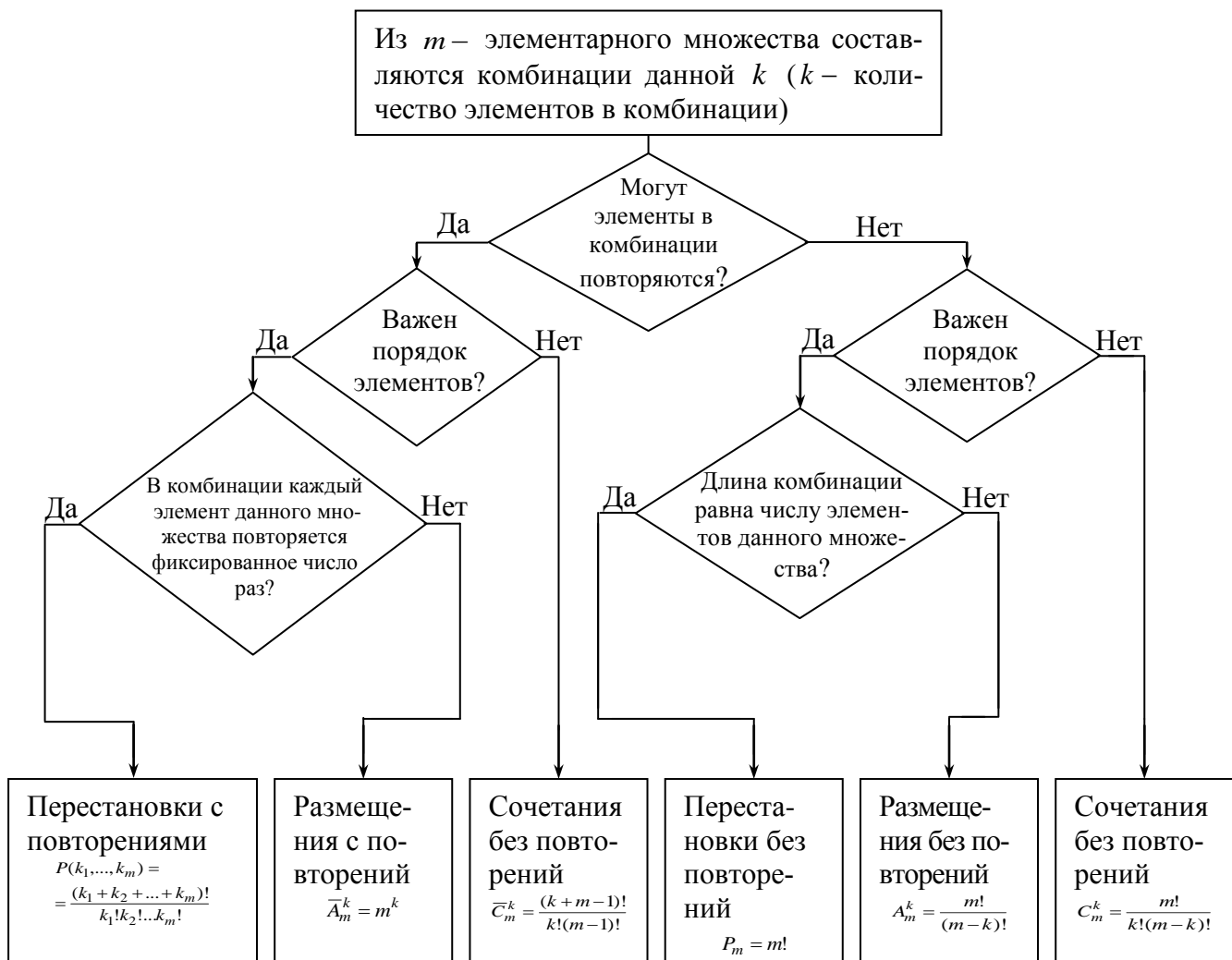
формулу сочетания без повторений. Если комбинация – это упорядоченное множество или кортеж, то необходимо ответить на вопрос, уточняющий: сколько раз каждый элемент данного множества может войти в комбинацию. В зависимости от положительного или отрицательного ответа на поставленный вопрос однозначно определяется одна из формул. Возможен последний вариант в решении комбинаторных задач, когда комбинация не является ни подмножеством, ни упорядоченным множеством, ни кортежем. В этом случае применяется формула сочетания с повторениями.

Таблица

Сравнительная характеристика понятий

	МНОЖЕСТВО	КОРТЕЖ	УПОРЯДОЧЕННОЕ МНОЖЕСТВО
ПОРЯДОК ЭЛЕМЕНТОВ	НЕ ВАЖЕН	ВАЖЕН	ВАЖЕН
ПОВТОРЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ	НЕ ПОВТОРЯЮТСЯ	ПОВТОРЯЮТСЯ	НЕ ПОВТОРЯЮТСЯ

Все вышеизложенное можно систематизировать и представить в виде алгоритма.

Рассмотрим решения элементарных комбинаторных задач по алгоритму.

Задача 1. Сколько 5-значных номеров можно составить из девяти цифр: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9?

Решение: 1. Из 9-элементного множества составляем комбинации (пятизначные телефонные номера), то есть $m=9$, $k=5$.

2. Могут ли в каждой комбинации элементы повторяться? Да, так как существуют номера 23393, 15251, 63911 и т.д.

3. Важен порядок элементов в комбинации? Да, так как номера, состоящие из одних и тех же цифр, но взятых в разном порядке, отличаются друг от друга. Например: 12345, 51234.

4. В каждой комбинации цифра должна повторяться фиксированное число раз? Нет, так как этого требования нет в условии задачи.

5. Таким образом, следуя по алгоритму, однозначно определяется формула $\bar{A}_m^k = m^k$, которая дает ответ на вопрос задачи, то есть $\bar{A}_9^5 = 9^5$.

Задача 2. Сколькими способами можно выбрать из 40 учеников, старосту, заместителя и физорга.

Решение: 1. Из 40-элементного множества ($m=40$) составляем комбинации длиной $k=3$.

2. Могут элементы в комбинации повторяться? Нет, т.к. один и тот же ученик не может занимать более одной должности.

3. Важен порядок элементов? Важен, т.к. будут отличаться комбинации: (Петров – староста, Иванов – заместитель, Сидоров – физорг) и (Сидоров – староста, Иванов – заместитель, Петров – физорг).

4. Длина комбинации равна числу элементов данного множества? Нет, т.к. $m \neq k$ по условию задачи.

5. Таким образом, следуя по алгоритму, однозначно определяется формула $A_m^k = \frac{m!}{(m-k)!}$, которая дает ответ на вопрос задачи, т.е.:

$$A_{40}^3 = \frac{40!}{(40-3)!} = 59280.$$

Задача 3. Сколько различных «слов» можно получить, переставляя буквы в слове «математика»? Под «словом» понимается набор букв.

Решение: 1. В слове «математика» 6 различных букв, поэтому данное множество состоит из 6 элементов ($m=6$), из которых составим комбинации длиной $k=6$.

2. Могут элементы в комбинации повторяться? Могут, т.к. в «слове» должно быть 2 буквы «М», 3 буквы «А», 2 буквы «Т».

3. Важен порядок элементов? Да, переставляя хотя бы две буквы, получаем новое «слово».

4. В комбинации каждый элемент данного множества повторяется фиксированное число раз? Да, т.к. это определено в условии задачи.

5. Таким образом, следуя по алгоритму, однозначно определяется формула $P(k_1, k_2, \dots, k_m) = \frac{(k_1 + k_2 + \dots + k_m)!}{k_1! \cdot k_2! \cdot \dots \cdot k_m!}$, которая дает ответ на вопрос задачи, т.е.:

$$P(2, 3, 2, 1, 1, 1) = \frac{(2 + 3 + 2 + 1 + 1 + 1)!}{2! \cdot 3! \cdot 2! \cdot 1! \cdot 1! \cdot 1!} = 151200.$$

Использование представленного алгоритма при решении комбинаторных задач способствует формированию у студентов вуза умения логично рассуждать, мыслить от частного к общему и наоборот (математическая индукция и дедукция), что является составной частью математической компетенции.

Библиографический список

1. Алгебра и математический анализ для 11 класса: учеб. пособие для учащихся шк. и кл. с углубл. изуч. математики / Н.Я. Виленкин, О.С. Ивашев-Мусатов, С.И. Шварцбурд. – 6-е изд. – М.: Просвещение, 1998. – 288 с.

2. Зеер, Э.Ф. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк // Высшее образование в России. – 2005. – № 4.

3. Петрова, Е.М. Понятие «математическая компетентность будущего специалиста технического профиля» в контексте компетентностного подхода / Е.М. Петрова // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 1. – URL: <http://www.science-education.ru/101-5504/>.

4. Хадырова, Н.Г. Методическая система становления готовности будущих учителей к формированию математической компетентности школьников: дис. ... канд. пед. наук / Н.Г. Хадырова. – Волгоград, 2004. – 179 с.

[К содержанию](#)

УДК 519.837 + 659.1:517.977.5

ОБ ОДНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ РЕКЛАМНЫМ БЮДЖЕТОМ

К.Н. Кудрявцев

В работе рассматривается многошаговая модель оптимального управления рекламным бюджетом фирмы-монополиста, продвигающей на рынок две различные марки одного товара.

Ключевые слова: монополия, рекламный бюджет, оптимальное управление, многошаговая игра.

Вопросы оптимального планирования рекламного бюджета на монополизованных или олигополистических рынках изучались в работах многих зарубежных авторов. Наиболее известны из них (ставшие уже классическими) модели, построенные в [1] Sorger, [2] Sethi. Однако, как правило, все рассматриваемые модели предполагают непрерывную во времени динамику. Однако выделение бюджета на проведение рекламной кампании

происходит в отдельные – дискретные моменты времени, точно также как и сами рекламные акции проводятся точно (то есть тоже дискретно). Следовательно, многошаговая дискретная математическая модель будет более точно описывать динамику управления расходами на рекламу, чем ее непрерывный вариант.

В работе рассматривается рынок, на котором монопольно доминирует одна фирма, продвигающая две марки одного и того же продукта. Примером такого рынка может являться рынок прохладительных напитков, на котором действует один производитель – монополист (например, Соса-Сола), поставляющая потребителям два вида напитков Кока-Колу и Спрайт. Изменение доли рынка x_i , занятого напитком i ($i=1,2$) описывается системой из двух разностных уравнений:

$$\begin{aligned} x_1(t+1) &= (1-\delta)x_1(t) + \rho u_1[t]\sqrt{1-x_1(t)} - \rho u_2[t]\sqrt{1-x_2(t)} + \frac{\delta}{2}, \\ x_2(t+1) &= (1-\delta)x_2(t) - \rho u_1[t]\sqrt{1-x_1(t)} + \rho u_2[t]\sqrt{1-x_2(t)} + \frac{\delta}{2}, \end{aligned} \quad (1)$$

где момент времени $t=0,1,\dots,T-1$. Доля рынка $x_i(t+1)$, занятая продуктом i ($i=1,2$) в момент времени $t+1$ зависит от доли рынка, принадлежащей этому товару в предыдущий момент времени $x_i(t)$ и средств $u[t]=(u_1[t], u_2[t])$, затраченных на рекламную компанию.

В (1) управление рекламным бюджетом i -го продукта ($i=1,2$) задается как $u_i[t]$ – объем средств, выделяемой на рекламную компанию продукта i в момент времени t , параметр δ – коэффициент падения доли рынка продукта i в следующий момент времени, если компания отказывается от расходов на его рекламу, постоянная ρ – коэффициент чувствительности рынка к рекламе. В силу доминирования компании на рынке, в любой момент времени t выполняется равенство $x_1(t) + x_2(t) = 1$. Заданы начальные условия $x_i(0) = x_{i0}$ ($i=1,2$).

Принимая решения о выделении средств на проведение рекламной компании продукта i ($i=1,2$), ЛПР (лицо, принимающее решение) стремится максимизировать функционал:

$$J_i(x, u_i) = \frac{m_i x_i(T)}{(1+r)^T} + \sum_{k=0}^{T-1} \frac{m_i x_i(k) - c_i u_i^2[k]}{(1+r)^k}. \quad (2)$$

В (2) константа r представляет собой ставку дисконтирования, m_i и c_i – коэффициенты, переводящие долю рынка x_i и управление u_i в их «денежные» эквиваленты.

Увеличивая значение функционала (2), ЛПР с одной стороны стремится увеличить свою долю рынка, а с другой не допустить «непропорционально

больших» расходов на проведение рекламной компании. В тоже время, все «доходы» и «расходы» дисконтированы к начальному моменту времени.

Процесс управления рекламным бюджетом может быть смоделирован с помощью кооперативной многошаговой игры двух лиц с побочными платежами, которая задается кортежем:

$$\langle \{1,2\}, \Sigma, \{U_i\}_{i=1,2}, \{J_i(x,u)\} \rangle. \quad (3)$$

В (3) динамика управляемой системы Σ описывается системой разностных уравнений:

$$\begin{aligned} x_1(t+1) &= (1-\delta)x_1(t) + \rho u_1[t] \sqrt{1-x_1(t)} - \rho u_2[t] \sqrt{1-x_2(t)} + \frac{\delta}{2} \\ x_2(t+1) &= (1-\delta)x_2(t) - \rho u_1[t] \sqrt{1-x_1(t)} + \rho u_2[t] \sqrt{1-x_2(t)} + \frac{\delta}{2}, \\ x_1(0) &= x_{10}, \quad x_2(0) = x_{20}, \end{aligned} \quad (4)$$

при этом:

$$x_1(t) + x_2(t) = 1.$$

Время t принимает дискретные значения $0, 1, \dots, T-1$, стратегия игрока i (выбор размера рекламного бюджета для товара i) представляет последовательность применяемых им во все моменты времени управлений $u_i = (u_i(0, x), u_i(1, x(1)), \dots, u_i(T-1, x(T-1)))$. Функционал (2) представляет собой функцию выигрыша игрока i .

В качестве решения игры (3) разумно использовать понятие дележа. Такое решение позволит компании с одной стороны максимизировать выигрыш, а с другой, не допустить слишком больших затрат на рекламную компанию каждого из продвигаемых товаров.

Используя модификацию метода динамического программирования, предложенную в [3], для игры (3) был построен дележ, и ситуация $u^* = (u_1^*, u_2^*)$, $u_i^* = (u_i^*(0, x), u_i^*(1, x(1)), \dots, u_i^*(T-1, x(T-1)))$ ($i=1,2$), доставляющая этот дележ. А именно:

$$u_1^*[t] = \begin{cases} \frac{\alpha_{t+1} - \beta_{t+1}}{2c_1(1+r)} \rho \sqrt{x_2(t)}, & \alpha_{t+1} \geq \beta_{t+1} \\ 0, & \alpha_{t+1} < \beta_{t+1} \end{cases},$$

$$u_2^*[t] = \begin{cases} 0, & \alpha_{t+1} \geq \beta_{t+1} \\ -\frac{\alpha_{t+1} - \beta_{t+1}}{2c_2(1+r)} \rho \sqrt{x_1(t)}, & \alpha_{t+1} < \beta_{t+1} \end{cases},$$

где константы α_t и β_t определяются из рекуррентных формул:

$$\alpha_t = \begin{cases} m_1 + \frac{\alpha_{t+1}(1-\delta)}{1+r}, & \alpha_{t+1} \geq \beta_{t+1} \\ m_1 + \frac{(\alpha_{t+1} - \beta_{t+1})^2}{4c_2(1+r)^2} \rho^2 + \frac{\alpha_{t+1}(1-\delta)}{1+r}, & \alpha_{t+1} < \beta_{t+1}, \end{cases}$$
$$\beta_t = \begin{cases} m_2 + \frac{(\alpha_{t+1} - \beta_{t+1})^2}{4c_1(1+r)^2} \rho^2 + \frac{\beta_{t+1}(1-\delta)}{1+r}, & \alpha_{t+1} \geq \beta_{t+1} \\ m_2 + \frac{\beta_{t+1}(1-\delta)}{1+r}, & \alpha_{t+1} < \beta_{t+1}, \end{cases}$$

при этом $\alpha_T = m_1$, $\beta_T = m_2$.

С помощью численного эксперимента в пакете Maple была построена реализация оптимального управления и дележа в модельном примере.

Библиографический список

1. Sorger, G. Competitive Dynamic Advertising: A Modification of the Case Game // Journal of Economic Dynamics and Control – V. 13 (1): 1989. – Pp. 55–80.
2. Prasad, A.; Sethi, S.P. Competitive Advertising under Uncertainty: Stochastic Differential Game Approach // Journal of Optimization Theory and Applications – V.123 (1): 2004. – Pp. 163–185.
3. Жуковский, В.И. Уравновешивание конфликтов и приложения / В.И. Жуковский, К.Н. Кудрявцев. – М.: URSS, Ленанд, 2012. – 304 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.031.4 + 378.014

РОЛЬ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

О.В. Лазорак

В статье показана роль гуманитарных дисциплин в формировании личности студентов технических специальностей. Проанализировано содержание ФГОС ВПО по направлениям подготовки 150400 Metallургия, 151000 Технологические машины и оборудование и 220400 Управление в технических системах (квалификация (степень) «Бакалавр»).

Ключевые слова: гуманитарные дисциплины; студенты технических специальностей университета; формирование личности, компетенции.

Интеграция России в европейское образовательное пространство, курс государства на повышение качества инженерно-технического образования приводит к осознанию необходимости формирования гуманитарной направленности личности у студентов технических специальностей университета. Возрастает понимание роли гуманитарных дисциплин в формировании базовых и социальных компетенций будущих инженеров. В концепции совершенствования высшей технической школы смыслообразующей должна стать идея университетского образования, способного обеспечить в рамках учебного процесса интеграцию естественнонаучных, технических и гуманитарных знаний, ориентированных в своей совокупности на формирование творческого и личностного потенциала будущих специалистов.

Гуманитарная подготовка будущего специалиста формирует его личностные качества, умение строить свой жизненный мир и отношения сотрудничества. Поскольку дисциплины технического цикла не поднимают вопросов смысла жизни, гуманитарная направленность в образовании студентов технических специальностей университета является чрезвычайно актуальной. Гуманитарная подготовка будущего специалиста формирует его личностные качества, умение строить свой жизненный мир и отношения сотрудничества. Дисциплины гуманитарного цикла учат студентов не изобретать смыслы, не создавать их самим, а искать и находить [1].

Студенты технических специальностей изучают такие предметы, как философия, культурология, социология, русский язык и культура речи, история, иностранный язык, психология и педагогика, политология, правоведение. Данные дисциплины не только дают определенные знания, необходимые будущему специалисту в его профессиональной деятельности, но и учат, размышлять, способствуют общекультурному и профессиональному росту, развивают личностные качества и ценностные ориентации.

Гуманитарные дисциплины являются человекоформирующими и системообразующими, так как все гуманитарные дисциплины, предусмотренные стандартами высшего профессионального образования, имеют своей целью сформировать общую культуру будущего специалиста, ориентированную на общечеловеческие ценности. Без культурного облика личности и ее интеллекта нет настоящего специалиста.

Анализ ФГОС ВПО по направлениям подготовки 150400 Металлургия [2], 151000 Технологические машины и оборудование [3] и 220400 Управление в технических системах [4] (квалификация (степень) «Бакалавр») показал гуманитарную направленность общекультурных и профессиональных компетенций:

- способность логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь;
- способность к кооперации с коллегами, работе в коллективе;
- готовность к использованию этических и правовых норм, регулирующих отношение человека к человеку, обществу, окружающей среде, основные закономерности и формы регуляции социального поведения, права и свободы человека и гражданина при разработке социальных проектов, демонстрируя уважение к людям, толерантность к другой культуре, готовность к поддержанию партнерских отношений;
- способность находить организационно-управленческие решения в нестандартных ситуациях и готовностью нести за них ответственность;
- способность стремиться к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства;
- способность критически оценивать свои достоинства и недостатки, намечать пути и выбирать средства развития достоинств и устранения недостатков;
- способность осознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности;
- использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач, анализировать социально-значимые проблемы и процессы;
- способность владеть одним из иностранных языков на уровне не ниже разговорного;
- способность владеть средствами самостоятельного, методически правильного использования методов физического воспитания и укрепления здоровья, готовностью к достижению должного уровня физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности;
- способность уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия;

- способность понимать движущие силы и закономерности исторического процесса; роль насилия и ненасилия в истории, место человека в историческом процессе, политической организации общества;
- способность понимать и анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы;
- способность осуществлять сбор и анализ научно-технической информации, обобщать отечественный и зарубежный опыт в области средств автоматизации и управления, проводить анализ патентной литературы;
- готовность участвовать в составлении аналитических обзоров и научно-технических отчетов по результатам выполненной работы, в подготовке публикаций по результатам исследований и разработок;
- способность осуществлять деятельность, связанную с руководством действиями отдельных сотрудников, оказывать помощь подчиненным;
- умение проводить мероприятия по профилактике производственного травматизма и профессиональных заболеваний;
- использовать принципы производственного менеджмента и управления персоналом;
- уметь организовывать работу коллектива для достижения поставленной цели и др.

Общекультурные и профессиональные компетенции, заявленные как обязательные для овладения при подготовке технического специалиста в университете, требуют создания определенных условий для реализации. Должны быть созданы такие условия в вузе, при которых содержание, структура и методы обучения и воспитания в совокупности отражали бы процессы, происходящие на уровне культуры в целом. Эти условия предполагают использование исторического опыта, богатых духовных и общекультурных традиций, достижений мировой науки и техники.

В связи с этим подтверждается актуальность формирования гуманитарной направленности личности студентов технических специальностей в процессе обучения в университете, понимания ими значимости и роли гуманитарных дисциплин в формировании их личности.

Библиографический список

1. Лазорак О.В. Гуманитарная направленность в образовании студентов технических специальностей: экзистенциальный аспект / О.В. Лазорак // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 10 (часть 8). – С. 1801–1805.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 150400 Металлургия (квалификация (степень) «Бакалавр»). – М.: Министерство образования РФ, 2009. – 14 с.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 151000 Технологические машины и оборудование (квалификация (степень) «Бакалавр»). – М.: Министерство образования РФ, 2009. – 28 с.

4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 220400 Управление в технических системах (квалификация (степень) «Бакалавр»). – М.: Министерство образования РФ, 2009. – 28 с.

[К содержанию](#)

УДК 658.1 + 338.2 + 338.45

АКТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

С.А. Меденков

В работе обобщены современные представления об организации вообще и о роли организаций в жизни человека. Отмечены основные признаки организации и отражено влияние каждого признака на деятельность организации. Отражены особенности человеческого ресурса, его роль в организационной деятельности, возможные структуры управления персоналом и представлены необходимые функции успешной компании, работающей в условиях рыночных отношений.

Ключевые слова: организация, человеческий ресурс, организационная структура, функциональная деятельность.

Современные успехи человека напрямую связаны с развитием организаций. Организации окружают современного человека на протяжении всей его жизни, в организациях – детских садах, школах, институтах, учреждениях, клубах, партиях – большинство из нас проводит львиную долю своего времени. Организации, называемые предприятиями, создают продукцию и услуги, потребляя которые, человеческое общество живет и развивается; другие организации, называемые государственными учреждениями, определяют порядок жизни в обществе и контролируют его соблюдение; третьи организации, называемые общественными, являются средством выражения наших взглядов и интересов. В конце XX века организация стала фактически универсальной формой общественной жизни, а всестороннее развитие человеческой мысли – технической, технологической, управленческой, теологической – сделали человека человеком организации [1].

Организацией называют объединение людей, совместно работающих для достижения определенных целей. У них существует несколько общих признаков:

- наличие целей деятельности;
- существование устойчивых связей между членами организации и правил, определяющих порядок этих взаимоотношений (организационная структура и культура);

- постоянное взаимодействие с окружающей (внешней) средой;
- использование ресурсов для достижения организационных целей.

В своей деятельности организации руководствуются набором целей, различающимся как по содержанию, так и с точки зрения временной перспективы. Можно выделить три основных вида организационных целей: базисные принципы (ценности), стратегические задачи и краткосрочные планы. Базисные цели организации являются наиболее устойчивыми и остаются неизменными в течение длительного периода времени, обеспечивая преемственность и стабильность в ее развитии.

Стратегические задачи вырабатываются организацией на основании анализа возможностей развития, предоставляемых внешней средой, и потенциала самой организации с учетом базисных целей ее существования. То есть, это – планы реализации базисных целей в конкретных условиях функционирования организации. Стратегические задачи включают в себя конечную цель, временной интервал и способ достижения цели.

Для достижения целей в рыночных условиях, характеризующихся на современном этапе быстро меняющимися потребностями (ценностями) потребителей, обостряющейся конкуренцией, постоянно изменяющимися другими факторами внешней среды, да, и изменением самих достигаемых целей, любой организации необходимо выполнять ряд функций.

Управление людьми представляет собой компонент управления любой организацией, наряду с управлением материальными и природными ресурсами. Однако по своим характеристикам люди существенно отличаются от любых других используемых организациями ресурсов, а следовательно, требуют особых методов управления. Специфика человеческих ресурсов состоит в следующем. Во-первых, люди наделены интеллектом, их реакция на внешнее воздействие (управление) – эмоционально-осмысленная, а не механическая, а, значит, процесс взаимодействия между организацией и сотрудником является двусторонним. Во-вторых, люди способны к постоянному совершенствованию и развитию. В современных условиях познавательного, научно-технического, информационного, технологического, организационного, управленческого прогресса способность сотрудников к постоянному совершенствованию и развитию представляет собой наиболее важный и долговременный источник повышения эффективности деятельности любой организации. В-третьих, трудовая жизнь человека продолжается в современном обществе 30–50 лет. Следовательно, отношения человека и организации могут носить долговременный характер. В-четвертых, в отличие от материальных и природных ресурсов, люди приходят в организацию осознано, с определенными целями и ожидают от организации взаимности в реализации этих целей. Удовлетворенность сотрудника взаимодействием с организацией является таким же необходимым условием продолжения этого взаимодействия, как и удовлетворенность организации [2].

Достижение организационных целей предполагает совместную работу людей, являющихся сотрудниками организации. Каждая организация нуждается в координации этого взаимодействия, установлении определенного внутреннего порядка. Этот порядок проявляется в форме организационной структуры и организационной культуры. Организационная структура является формальным средством организации сотрудников любого учреждения. Помимо этого в каждой организации существует особая организационная культура, т.е. ценности и поведенческие нормы, разделяемые ее сотрудниками. Существует несколько уровней организационной культуры. Некоторые компании излагают свои базисные ценности в виде кредо. Ценности являются чем-то нематериальным, воспринимаемым сотрудниками через весь комплекс их взаимодействия с организацией: работу, общение с руководителями, коллегами и подчиненными, чтение внутренних изданий и т.д. Однако влияние организационной культуры на результаты очень велико – в случае несоответствия организационных целей или ее структуры ценностям и поведенческим нормам сотрудников возникает внутренний конфликт, который может перерасти в глубокий кризис.

Тем не менее, нас будет интересовать именно формальная сторона деятельности организации. Организационная структура определяет соотношение (взаимоподчиненность) между функциями, выполняемыми сотрудниками организации. Она проявляется через разделение труда, создание специализированных подразделений, иерархию должностей, внутриорганизационные процедуры и является необходимым элементом эффективной организации, поскольку придает ей внутреннюю стабильность и позволяет добиться определенного порядка в использовании ресурсов.

Традиционно под организационной структурой понимается прежде всего принцип, положенный в основу разделения труда. Многие организации построены по принципу разделения обязанностей между функциональными подразделениями, отвечающими за одно из направлений деятельности – производство, финансы, закупки, персонал. Такая организация называется функциональной. Другой тип организационной структуры называется продуктовым, поскольку в основу разделения труда положена производимая продукция или оказываемые услуги.

В послевоенные годы, особенно в связи с развитием многонациональных корпораций, широкое распространение приобрел так называемый дивизионный тип организационной структуры. Основу такой организации составляют дивизионы, организованные по географическому или продуктовому принципу и представляющие собой в значительной степени автономные центры прибыли внутри компании. Корпоративное руководство принимает решения об общей стратегии развития организации, распределяет капиталовложения и контролирует их использование с помощью аппарата функциональных специалистов. Дивизионы разрабатывают собственную бизнес-стратегию использования выделенных им ресурсов и осу-

шествляют деятельность по ее реализации. Матричная организационная структура, которая призвана преодолеть характерные для традиционных организационных форм недостатки, представляет собой их «гибрид». Матричная организация объединяет работу функциональных специалистов с существованием продуктовых подразделений – эксперты из функциональных отделов закрепляются за одним или несколькими продуктовыми подразделениями и оказывают поддержку их сотрудникам. Специалист по компенсации, например, одновременно будет выполнять функции специалиста по управлению персоналом для подразделений и ведомств. В последние годы в связи с ускорением научно-технического прогресса и усилением конкуренции и необходимостью быстрой реакции компаний на изменения в конкурентной среде многие специалисты заговорили о проектной организации. В такой организации не существует жестко закрепленного разделения труда между подразделениями по функциональному или продуктовому принципу, сотрудники объединяются во временные группы, работающие над реализацией конкретного проекта.

Группы существуют ровно столько, сколько живет проект. Сотрудники могут одновременно являться членами нескольких групп, работающих над разными проектами. Проектная организация не существует в чистом виде, однако этот метод организации широко используется современными консультационными, информационными и другими компаниями, работающими на динамичных рынках.

С точки зрения выполняемых функций сотрудники организации традиционно подразделялись на три основные категории – руководителей, специалистов и исполнителей. Руководители распоряжаются ресурсами организации и принимают решения об их использовании. Специалисты не обладают административной властью, но являются экспертами в определенной области и оказывают помощь руководителям в процессе принятия решений. Исполнители претворяют в жизнь решения руководителей, непосредственно реализуют планы организации. Разделение на три приведенные выше категории условно, поскольку очень редко можно найти «чистого» руководителя, специалиста или исполнителя, большинство сотрудников соединяет все три роли (правда, в различной степени), однако оно имеет смысл для характеристики различных функций, выполняемых сотрудниками организации.

В небольших частных компаниях, в которых гипертрофирована роль первого руководителя, зачастую являющегося собственником компании, структура может отражать собственное видение хозяина на процесс управления. Поэтому организационная структура такой организации, особенно при авторитарном стиле управления, может не только не соответствовать какому либо из общеиспользуемых типов, но и вообще не способствовать достижению целей, которые, в свою очередь весьма не конкретно сформулированы и не озвучены персоналу.

Тем не менее, не зависимо от того, какую организационную структуру использует предприятие для осуществления своей основной деятельности, существует ряд функций, которые должна выполнять любая организация при работе в условиях рыночных отношений для того, чтобы быть успешной, не зависимо от того, коммерческая она или нет. Успешность фирмы общепринято определяется способностью фирмы, а точнее ее персоналом, добиваться поставленных целей [3].

Безусловно, главной функцией любой организации является управление персоналом, поскольку организация и есть группа людей, совместно работающих для достижения общих целей. Только персонал, получающий удовлетворение от своей работы способен с максимальной эффективностью достигать цели компании. Второй по важности и значимости функцией, особенно для коммерческих фирм, в условиях рынка должен стать маркетинг, который на современном этапе уже полноправно становится маркетинг менеджментом [4] с его стратегическим планированием, направленным на выявление и предоставление ценностей потребителю. Для экономического обоснования реальности стратегических целей необходимо спланировать оперативную деятельность: рассчитать экономическую эффективность используемого капитала, разработать текущие планы, обеспечивающие достижение поставленных целей, выполнить бизнес-планирование для инвестиционного капитала. Таким образом, экономическая функция, базирующаяся на бухгалтерском и управленческом учете, призвана дать ответ на вопрос об экономической целесообразности производственной деятельности. Только после положительного ответа на предыдущий вопрос свое искусство может демонстрировать функция финансового менеджмента, без которой в любом ее проявлении не обойтись ни одной организации. Тем более, что она во многом обеспечивает успешную реализацию следующей производственной функции. Именно она обеспечивает реализацию оперативного планирования и достижение стратегических целей. После выполнения запланированного задания должна быть выполнена не менее важная функция контроля, которая заключается в сравнении запланированных и фактических производственных, экономических, финансовых результатов. Именно функция контроля позволяет правильно оценить уровень достижения целей, выявить отклонения от намеченного, разобраться в причинах несоответствия и внести необходимые корректировки [5]. Завершающей первый цикл и начинающей следующий функциональный цикл является функция сбыта. В этой гармоничной и завершенной цикличности функциональной деятельности организации заложена философия успеха компании целенаправленная деятельность которой ориентирована на удовлетворение возрастающих потребностей потребителя в постоянно изменяющихся внешних условиях.

Библиографический список

1. Мильнер, Б.З. Теория организации / Б.З. Мильнер – М.:ИНФРА, 2000. – 480 с.
2. Валуев, С.А. Организационный менеджмент / С.А. Валуев, А.В. Игнатьева. – М.: Изд-во «нефть и газ», 1993. – 168 с.
3. Аммосов, Ю. К всеобщей истории успеха / Ю. Аммосов // Эксперт. – 2002. – № 44. – С. 64 – 68.
4. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер – СПб: Питер Ком, 1999. – 896 с.
5. Беме, Г. Делегирование полномочий и ответственности: замещение, консультирование, контроль / Г. Беме, С. Календжян. – М.: МЕЛАП, 2002. – 264 с.

[К содержанию](#)

УДК 658.1 + 338.45

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С.А. Меденков

В работе рассмотрены основные понятия, формирующие современное представление об инфраструктуре промышленности и рыночной инфраструктуре. Отмечено реальное состояние инфраструктуры российских промышленных предприятий с их особенностями на современном этапе развития рыночных отношений. Подчеркивается острая необходимость формирования рыночной инфраструктуры и налаживания тесного взаимодействия промышленности, имеющей свою собственную инфраструктуру, с нарождающейся рыночной инфраструктурой. В результате анализа некоторых исследований определено как актуальнейшее направление формирования рыночной инфраструктуры развитие образовательного комплекса.

Ключевые слова: рыночная и промышленная инфраструктура, объекты инфраструктуры, факторы развития, взаимодействие промышленности и инфраструктуры.

По мере укрепления рыночных отношений в Российской Федерации и преодоления последствий кризиса переходного периода в основных отраслях экономики, повышается роль инфраструктурного обеспечения как неотъемлемого фактора воспроизводства.

Под инфраструктурой в целом понимается комплекс производственных и непроизводственных отраслей, обеспечивающих условия воспроизводства: дороги, связь, транспорт, образование, здравоохранение [1].

В этой связи выделяют виды инфраструктуры: рынка; товарного рынка; финансового рынка; основную производственную; информационную; рынка труда; сферы услуг и т. д.

Перечисленные виды инфраструктуры носят общий характер и приемлемы для любой отрасли народного хозяйства. Вместе с тем, промышленность имеет свои особенности, которые должны быть учтены в ее инфраструктурном обеспечении. Так, например, следует остановить технологическую деградацию российской промышленности, не допустить, чтобы этот процесс стал необратимым, прежде всего, в отраслях, высококонкурентных на мировом рынке, – авиакосмической, лазерной, атомной промышленности, судостроении, космических услугах, разработке программного обеспечения, нанотехнологий.

Под инфраструктурой развития предприятий промышленности понимается условно обособленный комплекс хозяйствующих субъектов и некоммерческих учреждений, содействующих осуществлению эффективной промышленной политики на передовой научно-технической базе, обновлению совокупного потенциала и созданию условий устойчивого конкурентоспособного функционирования в условиях динамики внешней среды на основе разработки и применения современных научно-обоснованных методов управления.

Глобализация и конкуренция, достижения научно-технического прогресса и возрастающий характер нестабильности внешней среды вынуждают предприятия обратить особое внимание на условия взаимодействия с объектами инфраструктуры, которые во многом способствуют повышению устойчивости функционирования и поддержанию воспроизводственного процесса. Ранее основными факторами успешной деятельности предприятий промышленности рассматривались снижение потерь и себестоимости, масштаб производства и рост производительности труда, контроль и учет. В современных условиях на первый план выходят умение руководителей определить закономерность изменения ситуации на рынке и заблаговременно среагировать на нее, выявить неудовлетворенный спрос и удовлетворить его, создать новую потребность на основе конкурентных возможностей и, тем самым, опередить соперников. Предприятия вынуждены гибко приспосабливаться к непрерывно изменяющимся условиям внешней среды, перестраивать свою политику и оргструктуру, видоизменять и оптимизировать в каждый момент времени свои взаимоотношения с деловыми партнерами.

Необходимость формирования инфраструктуры развития промышленности предопределяется несколькими обстоятельствами [2]:

1. Общественное производство в целом состоит из ряда подсистем, которые включают в себя различные отрасли, учреждения и предприятия, связанные между собой ресурсными, экономическими, управленческими, технологическими, кадровыми, финансовыми, и другими узлами. В свою очередь, подсистемы включают базовые отрасли (в том числе промышленность) и предприятия, осуществляющие профильные виды деятельности, а также из различных учреждений и хозяйствующих субъектов, которые выполняют вспомогательные, дополнительные или обслуживающие функции, и поэтому относимые к инфраструктуре. Основные и инфраструктурные элементы подсистемы также связаны между собой ресурсами и многообразными экономическими отношениями. Эти связи в конечном итоге проявляются как взаимные интересы, или противоположные, взаимоисключающие. Поэтому в любом обществе одной из важнейших его задач заключается в постоянном отслеживании и разрешении этих противоречий как между подсистемами, так и внутри их, т. е. согласовании и сочетании интересов в рамках данного хозяйственного комплекса.

2. Промышленность выступает как один из важнейших подкомплексов общественного производства, значение которой во все времена и во всех странах было неоспоримо, поскольку именно здесь решаются насущные, жизненно важные проблемы социально-экономического развития. Промышленность является «инфраструктурообразующей» отраслью по следующим признакам:

- промышленность обеспечивает значительную долю потребностей народного хозяйства и населения в разнообразных продуктах, и в общем товарообороте ряда стран ее продукция занимает ведущее положение;
- промышленные предприятия выступают как важнейшие потребители продукции (работ, услуг) других отраслей и сфер народного хозяйства, способствуя их развитию;
- сами предприятия промышленности являются основными поставщиками продукции для предприятий многих отраслей и на экспорт;
- предприятия промышленности имеют широкие возможности для создания новых рабочих мест;
- предприятия промышленности выступают не только в качестве производственных, но также и особых социальных ячеек общества, участники которых формируют особый образ жизни, сказывающийся на образе жизни всего общества.

В то же время, если особенности управления промышленным производством исследованы достаточно детально еще со времен Ф. Тейлора [3], то управление инфраструктурой в научной литературе разработано недостаточно. Можно привести и целый ряд других положений, говорящих в пользу значения промышленности и ее инфраструктуры в экономической и социальной жизни любого общества [4].

3. В историческом плане общественное производство претерпевает значительные изменения, совершенствуясь или деградируя. Состав, структура и связи общественного производства при этом меняются, что приводит к ликвидации одних, модернизации других и образованию третьих основных отраслей и других объектов. При этом происходят соответствующие изменения и в объектах инфраструктуры. Основное влияние на этот процесс оказывают факторы разделения и кооперации труда, развитие производительных сил.

4. На современном этапе развития экономики регионов все более проявляются узкие места в развитии инфраструктуры, сдерживающие рост республиканской промышленности, что во многом обусловлено последствиями переходного периода и недостаточного внимания к проблемам формирования инфраструктуры. Научный анализ процессов реформирования экономики приводит к выводу о том, что комплекс мер по стабилизации экономики должен включать и меры, обеспечивающие также пропорциональное развитие инфраструктуры промышленности.

5. Международные сопоставления уровня экономического развития России с другими странами и анализ истории развития отдельных стран показали важную роль инфраструктуры промышленности в обеспечении экономического роста. Промышленность обладает внутренними движущими силами и факторами саморазвития, в трудные периоды: в военные и послевоенные годы, в период реформ, именно промышленность способна не только создать условия для самовосстановления и дальнейшего саморазвития, но и способствовать восстановлению и развитию всех остальных подкомплексов общественного производства.

Промышленность и инфраструктура развития предприятий промышленности являются важнейшими элементами воспроизводственного процесса промышленности, который, с одной стороны, представляет собой подсистему общественного воспроизводства, а с другой – интегрирует единичные воспроизводственные процессы на уровне промышленных предприятия и инфраструктурных объектов, формируя тем самым условия для комплексного развития экономики региона.

Инфраструктура развития промышленности имманентна в целом рыночному информационно-экономическому механизму, который со временем должен полностью изменить инфраструктуру развития промышленности.

Обобщая рассмотренные выше теоретические аспекты и подходы к исследованию инфраструктуры развития промышленности и, учитывая новые аспекты ее содержания, вызванные закономерностями мировой хозяйственной динамики, можно сформулировать следующий вывод: экономическое содержание современной инфраструктуры [5], обусловлено ею и порождается ею. Однако инфраструктура развития предприятий промышленности не копирует инфраструктуру рынка, она имеет ряд отличительных признаков.

Для совершенствования процессов взаимодействия промышленности и инфраструктуры необходим современный органический, системный рыночный подход. Основа структуры развития промышленности состоит в ее функциональной сопряженности и системном взаимодействии ее субъектов с предприятиями промышленности в целях осуществления эффективной промышленной политики на передовой научно-технической базе, обновления совокупного потенциала и создания условий устойчивого конкурентоспособного функционирования в условиях динамики внешней среды на основе разработки и применения современных научно-обоснованных методов управления. Для успешной реализации этой задачи должны комплексно развиваться следующие элементы инфраструктуры национальной экономики: промышленная инфраструктура (дороги, аэропорты, НИИ, центры подготовки и переподготовки кадров), мягкая инфраструктура (развитие программного обеспечения, средств передачи информации), рыночная инфраструктура (развитость рынка ценных бумаг, наличие бирж, институциональных инвесторов), правовая инфраструктура (наличие барьеров для организации бизнеса, доступ к правовой информации, стабильность законодательства).

Следует отметить, что в экономике ведущих стран мира наблюдается устойчивая тенденция возрастания роли наукоемких, ресурсосберегающих технологий и производств. Свидетельством доминирования такого направления экономического развития является, с одной стороны, тот факт, что самыми дорогими компаниями мира, чьи акции котируются на фондовом рынке, являются не крупнейшие ресурсодобывающие и перерабатывающие предприятия, а те, которые специализируются на интеллектуальной, наукоемкой, высокотехнологичной продукции, и с другой стороны, – стабильно снижающееся удельное потребление энергоносителей на единицу продукции и цен на них.

С 1990-х годов во всех развитых странах реализуется активный поиск социальных и организационных изменений, которые смогут открыть пути к новым формам образа жизни и потребления, а также позволят ослабить или полностью снять институциональные барьеры на дороге распространения новых технологических усовершенствований.

В нашей стране проблемы создания высоких технологий и использования накопленного научно-технического, производственного, интеллектуального и кадрового потенциала длительное время решались не самым эффективным образом, результатом чего стало технологическое отставание по ряду определяющих направлений развития науки и техники (электроника, биотехнологии и др.). Таким образом, эти проблемы, будучи актуальными всегда, приобрели особую значимость в настоящее время и играют роль стратегии развития экономики.

Практически эта стратегия должна обеспечивать перевод экономики на траекторию устойчивого роста, а для ее реализации необходимо выработать эффективную научно-промышленную политику – основу единой государственной концепции долгосрочного социально-экономического развития.

Ядром новой научно-промышленной политики должна стать система мер, обеспечивающих прогрессивные структурно-технологические сдвиги в продвижении самого передового технологического уклада. Вытеснение старых укладов новым стимулирует экономический рост, ускорение технологических сдвигов и темпов роста экономики, повышение конкурентоспособности товаров на внутреннем и мировом рынках.

В настоящее время успешное развитие инновационной инфраструктуры во многих странах связывают с интеграционными процессами.

Положительную интегрирующую роль в развитии инновационной инфраструктуры играет создание различных инновационных союзов и ассоциаций.

Инновационная структура экономики как специализированная часть национальной хозяйственной системы включает:

- 1) научно-исследовательские организации, университеты, конструкторские бюро;
- 2) инфраструктуру поддержки – сервисные, консалтинговые компании, венчурные фонды, научно технологические парки, правительственные учреждения типа Комитетов по науке и технологиям;
- 3) собственно инновационные компании.

Инновационные компании в отличие от компаний, занимающихся инновациями, к числу которых относятся практически все компании в современных условиях интенсивной конкуренции, представляют собой компании, созданные и функционирующие для реализации научных разработок. Другими словами можно говорить, что если для обычной компании целью функционирования является производство продукции, а инновации являются средством повышения конкурентоспособности продукции и компании в целом, то для инновационных компаний целью является практическая реализация новых научных результатов, которая осуществляется на основе производства новой, наукоемкой продукции.

Очевидно, что не все сегменты инфраструктуры оказывают одинаковое влияние на экономический рост. Большая часть экспертов утверждает, что наибольшее воздействие на экономический рост среди прочих отраслей производственной инфраструктуры оказывает дорожная сеть.

Однако в единственном исследовании, включающем как материальную, так и социальную инфраструктуру, утверждается, что образовательная инфраструктура оказывает на экономический рост еще более сильное влияние, чем дорожная сеть [6].

Безусловно, о каком бы факторе развития производства или инфраструктуры мы ни говорили, все равно решающим фактором останутся кадры. Для решения вышеперечисленных задач развития экономики и общества необходимо подготовить персонал, способный осознать необходимость этого развития, разобраться в «завтрашних» насущных задачах и способного решать их с учетом постоянных внешних и внутренних перемен.

Поэтому первостепеннейшей особенностью развития инфраструктуры на современном этапе является совершенствование образовательного сектора инфраструктуры, направленного на подготовку мощного научно-технически, системно, инновационно, управленчески подготовленного персонала, способного решать постоянно нарастающие и изменяющиеся задачи развития.

Библиографический список

1. Большой экономический словарь / под ред. И.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 1999. – С. 315.
2. Зайцев, В.П. Проблемы, возникающие при промышленном внедрении ноу-хау / В.П. Зайцев // Инновации. – 2007. – № 4.
3. Тейлор, Ф.У. Принципы научного менеджмента / Ф.У. Тейлор. – М.: Контролинг, – 1991.
4. Пчелинцев, О.С. Региональная политика в системе устойчивого развития / О.С. Пчелинцев – М.: Наука, 2004.
5. Велиева, И.А. Статья рынком / И.А. Велиева, О.С. Гришина // Эксперт. – 2007. – № 17.
6. Аузан, В. От Госплана до наших дней / В. Аузан, Т. Гурова // Эксперт. – 2002. – № 20. – С. 58–61.

[К содержанию](#)

УДК 378.014(470)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.И. Попов

В результате анализа литературы по затрагиваемой тематике обозначены негативные тенденции трансформации системы образования. Этапы проведения основных мероприятий согласно концепции развития образования. Показана необходимость учёта негативных тенденций в формировании политики в области высшего образования.

Ключевые слова: система образования, институциональные изменения, программа развития образования.

Будучи одним из важнейших факторов формирования человеческого капитала современная система образования пристально изучается экономической наукой. Находящиеся в динамике экономики современных государств требуют совершенствования существующих экономических институтов. Место и роль любой страны, её конкурентоспособность на мировых

рынках зависят прежде всего от качества подготовки специалистов и от тех институциональных условий, которые страна создает для проявления и реализации интеллектуального потенциала нации.

Потребность в трансформации российской системы образования разделяют практически все общественно-политические силы. Она вытекает из необходимости приведения всех систем и подсистем экономики в соответствие с современными требованиями и обеспечения перехода к постиндустриальному обществу [3]. Из важнейших целей этой трансформации является создание такой образовательной системы, в рамках которой молодые поколения будут овладевать профессиями, пользующимися спросом на рынке труда, и знаниями, которые помогут им продуктивно участвовать в жизни демократического общества.

Современная институциональная и организационная структура российского высшего образования сталкивается как с трудностями, касающимися как процесса формирования самих институтов, а именно экзаптацией многих импортируемых и выращенных рыночных институтов, так и с другой стороны своей встроенности в институциональную структуру общественного сектора [1].

В последние годы принят ряд правительственных документов, определяющих перспективы развития отечественной системы образования. Это и Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г., и Федеральная программа развития образования на 2013–2020 гг. [4].

Согласно государственной программе развития российского образования до 2025 г., от 15 мая 2013 г., образование предполагается реформировать в три этапа.

На первом этапе (2013–2015 гг.) основные мероприятия программы направлены на создание на всех уровнях образования условий для равного доступа граждан к качественным образовательным услугам, обеспечение вывода инфраструктуры школьного образования на уровень, отвечающий современным требованиям.

На втором этапе (2016–2018 гг.) планируется реализовывать мероприятия для обеспечения нового качества и конкурентоспособности российского образования, а также на распространение лучших практик из регионов-лидеров на все регионы страны. Планируется, что переход на эффективный контракт с педагогическими работниками, модернизация системы педагогического образования и повышения квалификации обеспечат на этом этапе качественное обновление педагогического корпуса. На этом же этапе планируется сформировать основные компоненты целостной национальной системы оценки качества образования, которая должна стать основой саморегуляции системы образования и деятельности отдельных институтов. Речь идет о формировании с участием общественности независимой системы оценки качества работы образовательных организаций, включая

введение публичных рейтингов их деятельности. Планируется, что уже на этом этапе во всех регионах будут сформированы современные сети организаций общего, дополнительного и профессионального образования.

На третьем этапе (2019–2020 гг.) реализации программы акцент будет сделан на развитии сферы непрерывного образования, развитии образовательной среды, дальнейшей индивидуализации образовательных программ. Планируется, что в результате мероприятий этапа сеть образовательных организаций, федеральные государственные образовательные стандарты, система информационной открытости и оценки учебных достижений будут обеспечивать максимальные возможности для выбора и реализации индивидуальных образовательных траекторий.

Можно сказать, что проблема реформы образования распадается на несколько основных направления. Из которых на наш счет выберем два наиболее важных. Это, во-первых, реформа образовательного процесса и реформа системы оплаты труда работников бюджетной сферы. При существующей системе нельзя рассчитывать на существенное наращивание человеческого капитала, который в принципе определяет перспективы развития всей экономики. Многие исследователи отмечают, что наиболее важным ресурсом экономики является человеческий ресурс, обладание которым в масштабах страны определяет ее позицию в мире.[2] Конечно, важен еще фактор использования данного ресурса, то есть насколько государство может дать людям возможность реализации накопленного потенциала. Однако в случае растраты этого потенциала на его восстановление могут уйти годы, а первую проблему можно решить в значительно более короткие сроки. Итак, при бездействии в данном направлении конкурентоспособность РФ в мире ежегодно будет уменьшаться. В соответствии с этим возможно предложить ряд мероприятий:

- 1) реальное повышение зарплаты и ужесточение требований к преподавателям и привлечение специалистов для преподавания из реальных отраслей экономики;
- 2) борьба с коррупцией в профессорско-преподавательской среде;
- 3) инвестиции в материальную базу образования (здания, спортивные сооружения, компьютерное оборудование и т.д.);
- 4) совершенствование методов преподавания с учетом специализации, необходимость оценки учебников независимыми специалистами.

В результате анализа литературы по реформированию текущего состояния были выделены ряд негативных тенденции в процессе трансформации системы образования указывающих на концепции существующую неопределенность в концепции развития высшего образования, что необходимо учитывать при разработке политики в области образования.

Библиографический список

1. Вольчик, В.В. Отбор и экзаптация институтов: роль групп специальных интересов / В.В. Вольчик, И.В. Бережной // В кн. Архипов А.Ю., Кирдина С.Г. и Мартишин Е.М. (ред.) Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения. Глава 8. – Спб.: Алетея, 2012.
2. Вольчик, В.В. Реформирование российской системы высшего образования / В.В. Вольчик // Terra Economicus. – 2013. – № 11. – С. 94.
3. Клячко, Т.Л. Образование в России: основные проблемы и возможные решения / Т.Л. Клячко. – М.: Издательский дом «Дело», 2013. – С. 39
4. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. – URL: <http://минобрнауки.рф/документы/3409>.

[К содержанию](#)

УДК 338.43 + 332.1

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ ОВОЩАМИ И КАРТОФЕЛЕМ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Е.В. Сазонова, Л.В. Алферова

В работе обосновываются основные направления развития овощекартофельного подкомплекса Челябинской области с учетом дефицита отдельных видов овощной продукции. Разработан прогноз обеспеченности населения области картофелем, овощами и продуктами их переработки.

Ключевые слова: продовольственная безопасность.

Потребление овощей населением РФ не соответствует медицинским нормам ни по общему объёму, ни по ассортименту. Это обусловлено недостаточным производством овощей крупными товаропроизводителями, низкой товарностью хозяйств населения, значительными потерями в процессе хранения, неэффективностью товаропроводящих сетей. Определённые положительные сдвиги, имеющие место после 2000 г., пока ещё явно недостаточны для того, чтобы добиться самообеспечения овощами и картофелем, и в особенности продуктами их переработки.

Несмотря на то, что проблема ясна, она ещё не подвергалась системному экономическому анализу в современных условиях. Подобные работы, выполнявшиеся в период плановой экономики, сейчас в основном уже утратили своё значение. Исследования, проведённые в других регионах, имеют очевидную ценность, но всё же не могут быть применены без адаптации ввиду специфики местных природных, экономических, демографических и иных условий.

На основании изложенного цель исследований состоит в обосновании направлений развития овощекартофельного подкомплекса Челябинской области.

Задачи исследований:

- 1) обосновать основные направления развития овощекартофельного подкомплекса Челябинской области с учетом дефицита отдельных видов овощной продукции;
- 2) разработать прогноз обеспеченности населения области картофелем, овощами и продуктами их переработки.

Объектом исследования является овощекартофельный продуктовый подкомплекс Челябинской области.

Предметом исследования являются экономические аспекты функционирования овощекартофельного подкомплекса.

Методы исследования. Основным методом исследования является системный подход, принципы которого заключается в рассмотрении объекта исследований (в нашем случае – овощекартофельного продуктового подкомплекса) как сложной системы, подсистемами которой являются отдельные сектора и отрасли, между которыми существуют потоки информации, ресурсов и продукции; одновременно с этим сам овощекартофельный продуктовый подкомплекс региона рассматривается, как элемент системы более высокого иерархического уровня – АПК Челябинской области, для которого общеэкономические, юридические и другие условия народного хозяйства Российской Федерации рассматриваются как внешняя среда. Кроме того использовались расчетно-конструктивный и регрессионные методы.

Результаты исследования. Адекватному пониманию проблемы продовольственного обеспечения населения способствует её рассмотрение в рамках представлений о продовольственном комплексе, как системы, и продуктовых подкомплексах, как подсистем этой системы. Представление о множестве разнонаправленных связей в исследуемой системе, объективное познание внутреннего единства и относительной индивидуальности и самостоятельности её частей, изучение данной системы в развитии и причин этого развития в отношении продуктовых подкомплексов изложено в работах Е. Серовой и И. Храмовой [1], И.Н. Корабейникова и К.В. Штудента [2] и др.

При оценке ёмкости регионального рынка производства картофелеовощной продукции нами учитывались три фактора: сложившиеся потребности крупных потребителей и населения по группам (возраст, место жительства), тенденции их изменения; баланс производства и реализации; ввоз/импорт и вывоз/экспорт, перспективы импорзамещения местной продукцией.

Ниже приведён баланс основных овощей и картофеля по региону на 2018 г. (табл. 1). Прогноз потребности в овощах и картофеле на 2018 г. построен с учётом норм душевого потребления, уточненных Институтом питания РАМН [3] и прогнозов численности населения, содержащегося в «Стратегии социально-экономического развития Челябинской области до 2020 года» [4].

Производство принято на сложившемся уровне 2007–2011 гг. [5].

Результаты расчётов объемов производства и потребления продукции дают основания считать, что региональный рынок насыщен картофелем, огурцом, свёклой и морковью.

По другим культурам несбалансированность производства и потребления чрезвычайно высока. Особенно это относится к капусте и зеленым культурам.

Таблица 1

Прогноз потребности населения Челябинской области в овощах и картофеле на 2018 г. с учётом норм потребления Института питания РАМН

Показатель	Норма, кг/чел. в год	Варианты прогноза потребности населения Челябинской области, т			Прогноз производ- ства, т	Саль- до, т
		1	2	среднее		
Численность населения, тыс. человек	–	3544	3486	3515	–	–
Баклажан и перец	3,5	12404	12201	12303	–	–
Зеленый горошек и фасоль	8,5	30124	29631	29878	–	–
Капуста всякая	45,0	159480	156870	158175	94095	–64080
Лук и чеснок	8,0	28352	27888	28120	24000	–4120
Морковь	8,0	28352	27888	28120	52275	24155
Огурец	11,5	40756	40089	40423	76670	36248
Патиссон и кабачок	4,0	14176	13944	14060	–	–
Помидоры	28,5	101004	99351	100178	97580	–2598
Столовая свекла	8,0	28352	27888	28120	38335	10215
Зеленые: салат, укроп и др.	7,0	24808	24402	24605	6970	–17535
Прочие овощи (спаржа, ревень, сахарная кукуруза, сельдерей, пастернак и др.)	22,5	79740	78435	79088	–	–
Итого овощей	130,0	460720	453180	456950	389925	–67025
Картофель	118,0	418192	411348	414770	417155*	2385

*С учётом выхода продовольственной фракции (50 % от валового производства).

В прогнозе можно выделить следующие основные изменения сложившихся тенденций.

Дефицит некоторых видов овощей будет существенно уменьшен благодаря выходу на проектную мощность вводимых тепличных комбинатов, на которых в 2015 г. будет производиться 22,4 тыс. т овощей и, что особенно важно, таких дефицитных в рационах населения, как перец сладкий, салаты и другие зеленные культуры.

Проблема обеспечения луком может быть решена путём освоения современных технологий в сельхозорганизациях (однолетняя культура, капельное орошение).

Часть дефицита овощей могут покрыть китайские производители и хозяйства населения. Но, на наш взгляд, наиболее рациональное решение проблемы – это организация производства некоторых видов овощей в передовых фермерских хозяйствах, так как развёртывание крупного производства нетрадиционных овощей в сельхозорганизациях малоперспективно: отсутствует опыт выращивания и хранения, малые объёмы производства им невыгодны, а большие рискованны: нет гарантированного сбыта в области, поставка же в другие региональные рынки сопряжена с ограниченным сроком хранения и трудностями организации логистики.

Для получения прогнозного ряда с учетом предполагаемых изменений построим линейные корреляционно-регрессионные модели. Вид полученных уравнений регрессии и коэффициенты корреляции приведены в таблице 2, а результаты экстраполяции ряда на 2018 г. – в таблице 3.

Таблица 2

Уравнения регрессии, характеризующие динамику валовых сборов овощей и картофеля

Культура, группа культур	СХО и К(Ф)Х	Хозяйства населения
Картофель	$y=50,39+6,36*t; r=0,657$	$y=478,34+23,51*t; r=0,524$
Овощи открытого грунта	$y=35,30+2,31*t; r=0,597$	$y=207,43+6,40*t; r=0,772$
Овощи закрытого грунта	$y=12,02+1,09*t; r=0,628$	–

Количество овощей, которое может быть произведено в 2018 г. согласно прогнозу, почти покрывает дефицит в 67 тыс. т. Отрицательное сальдо по овощам снизится до 11,7 тыс. т, или 2,6 % от потребности. По картофелю может даже возникнуть излишек в количестве 130 тыс. тонн (в пересчёте на продовольственную фракцию).

Таблица 3

Прогноз валовых сборов картофеля и овощей на 2018 г.

Наименование показателей	Овощи открытого грунта		Овощи закрытого грунта	Картофель	
	СХП и К(Ф)Х	хоз-ва насел.	СХП и К(Ф)Х	СХП и К(Ф)Х	хоз-ва насел.
Среднее за 2007–2011 гг.	58,92	298,04	25,11	113,55	788,43
Прогноз на 2018 г.	79,10	334,16	32,02	171,29	925,02
Прогноз в % к ср. за 2007–2011 гг.	134,3	112,25	127,5	150,8	117,3

Очевидно, что в отношении производства большинства видов овощей проблема может быть решена с привлечением относительно небольших дополнительных ресурсов (в основном за счёт оборотных средств). Более сложным представляется вопрос с хранением, предпродажной подготовкой и переработкой овощей и картофеля.

Приведём расчёт ёмкости данного рынка. Численность населения Челябинской области – 3485 тыс. человек. Доля населения, регулярно покупающего картофель и овощи в предприятиях розничной торговли (супермаркетах, специализированных магазинах и ларьках) – 15 %, всего 522 тыс. человек. Медицинская норма потребления картофеля – 118 кг.

Таким образом, потребление всей группой покупателей предприятий розничной торговли может составить 62000 тыс. тонн, в том числе, предположительно:

- без переработки 40 %, всего 24800 тонн;
- после первичной переработки – 50 %, всего 31000 тонн;
- после глубокой переработки (чипсы, снеки, пеллеты, обезвоженное пюре, фри шоковой заморозки и т.д.) – 10 %, всего 6200 тонн.

Сельхозпредприятиями может быть поставлено в торговую сеть в подготовленном виде 1/3 от закладываемого для зимней реализации продукта, или всего 16500 тонн без учёта потерь. Таким образом, поставка мытого расфасованного картофеля в торговую сеть прочими организациями, помимо сельскохозяйственных, может составить 14500 т.

Потребность регионального рынка в картофелепродуктах глубокой переработки, оценённая выше в 62000 тонн, в настоящее время частично покрываемая за счёт завоза извне (импорта, поставок из других регионов), также может быть удовлетворена путём организации в регионе собственного производства.

Перспективы развития материальной базы хранения овощей зависит от конкретного вида овощей.

В качестве потребителей белокочанной капусты в наших расчётах принято 50 % городского населения. При этом мы исходили из представлений о том, что относительно небольшая часть горожан и не всё сельское население выращивают капусту на садово-огородных и приусадебных участках. При численности городского населения 2686 тыс. чел., численность потребителей капусты составит 1343 тыс. чел. При медицинской душевой норме 17 кг в год общая потребность в продукте будет примерно равна 23 тыс. тонн. Таким образом, при среднегодовом производстве в сельхозорганизациях около 26 тыс. тонн получаемого урожая хватит для удовлетворения потребностей по медицинским нормам на весь сельскохозяйственный год (от уборки до уборки). Но, в действительности, к концу периода хранения (май) потери продукции достигают 15–20 %, создавая дефицит продукта. Поэтому, ввиду исчерпания заготовленных запасов свежей капусты собственного производ-

ства, до начала уборки местного урожая ранних сортов, т. е. в период с мая по июль включительно, завозится 6–8 тыс. тонн из-за рубежа.

Потребность населения области в столовой свёкле полностью покрывается местным производством. Корнеплоды этой культуры имеют плотные прочные покровные ткани, а потому хорошо хранятся вплоть до уборки нового урожая. Хранение столовой свёклы в целом обеспечивается в хранилищах сельхозорганизаций и населения.

Как и свёкла, морковь выращивается в Челябинской области в количестве, превышающем потребность населения. Но, в отличие от первой, морковь хранится значительно хуже. Ёмкость хранилищ для длительного хранения может быть определена из расчёта 3-месячной потребности 50 % городского населения региона. Приняв годовую душевую потребность в корнеплоде равной 8 кг и численность населения городов области в 2686 тыс. чел., потребность составит 2700 т.

Лук хранится при значительно более высокой температуре и низкой влажности по сравнению с капустой и овощными корнеплодами. Поэтому для хранения лука, как правило, необходимо возводить отдельные хранилища. Объём хранения лука можно определить, исходя из 6-месячной потребности 50 % городского населения при годовом душевом потреблении 8 кг. При годовой потребности городского населения, равной 21 тыс. тонн, сельхозорганизации и фермерские хозяйства региона производят лишь 6 тыс. тонн, или 30 % потребности. Остальное количество завозится из других регионов и продаётся на рынках.

Дефицит производства в 15 тыс. тонн должен покрываться за счет импорта. Так как часть населения отдаёт предпочтение осенним заготовкам и хранению лука в домашних условиях, то объём хранилищ может быть уменьшен на 50 %, или до 7,5 тыс. тонн.

В заключение отметим, что часть расчётов строятся на допущениях, основанных на экспертных оценках. Это относится, прежде всего, к определению предпочтений и привычек населения, распределению численности социальных групп по этим признакам, участию государства в регулировании доходности сельхозорганизаций с учетом особенностей продовольственного рынка [3].

Выводы

1. Продовольственный рынок Челябинской области обеспечен картофелем местного производства. Обеспеченность овощами в целом не превышает 65 % от медицинской нормы. Потребление овощей подвержено сильным сезонным колебаниям.

2. Основным производителем картофеля и овощей открытого грунта в регионе являются хозяйства населения; крупные специализированные сельхозорганизации и фермерские хозяйства производят около 10–20 % этих видов продукции.

3. Ожидаемые направления развития рынка – повышение удельного веса потребителей, приобретающих товары в продовольственных магазинах, особенно в сетевых супермаркетах при сокращении самообеспечения и покупок на рынках. Это повлечёт за собой повышение спроса на овощи и картофель, прошедшие первичную (предпродажную) подготовку – очистку, мытьё, сортировку и фасовку.

4. Прогноз развития отрасли, выполненный с использованием расчётно-конструктивного и регрессионного методов, позволяет сделать вывод, что в 2018 г. потребность в овощах и картофеле, соответственно составляющая 417 и 415 тыс. тонн, может быть удовлетворена в основном за счёт местного производства. Более того, область будет иметь возможность отгрузить в другие регионы страны или в страны СНГ до 130 тыс. т картофеля.

Библиографический список

1. Серова, Е. Структура и функции агропродовольственных рынков в России / Е. Серова, И. Храмова // Вопросы экономики. – 2000. – № 7. – С. 45–66.

2. Корабейников, И.Н. Организационно-методические основы обеспечения продовольственной безопасности региона / И.Н. Корабейников, К.В. Штудент // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 3 (43). – С. 239–242.

3. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. № 593н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rosminzdrav.ru/12079471>.

4. Постановление Законодательного Собрания Челябинской области от 25 октября 2007 г. N 890 «О принятии Стратегии социально-экономического развития Челябинской области до 2020 года» (в ред. Постановлений Законодательного Собрания Челябинской области от 28.08.2008 N 1325, от 27.09.2012 N 1149) [Электронный ресурс]. – URL: <http://mininform74.ru/Upload/files/Стратегия.pdf>.

5. Основные показатели развития агропромышленного комплекса Челябинской области в 2006–2011 гг.: Стат. сб. – Челябинск, Облстат, 2012. – 112 с.

6. Васильевский, А.Б. Совершенствование государственного регулирования доходности сельхозорганизаций с учетом особенностей продовольственного рынка / А.Б. Васильевский, Н.А. Смирнова // Торгово-экономические проблемы регионального бизнес-пространства: сборник материалов X Международной научно-практической конференции, 23 мая 2012 г. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – С. 46–55.

[К содержанию](#)

УДК 378.244

ГОТОВНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ИХ ВОСТРЕБОВАННОСТИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Е.В. Сазонова

В статье раскрываются проблемы с востребованностью выпускников вуза при трудоустройстве на предприятия отрасли. Используя анализ социально-экономического развития федеральных округов Российской Федерации, теорию и практику структурного анализа экономических систем, алгоритм подготовки кадров в сфере услуг в системе образования, закономерности и резервы выхода из экономического кризиса, процессы моделирования экономических систем решается данная проблема через последовательную актуализацию задач исследования.

Ключевые слова: востребованность, молодой специалист, интеграция, организационно-экономический механизм, система отраслевой подготовки, воспроизводство, человеческий капитал.

Одной из актуальных проблем инновационной экономики является современная подготовка высококвалифицированных кадров, обладающая соответствующими профессиональными компетенциями и отвечающими требованиям реального сектора экономики, научно-технического прогресса и инновационным технологиям производства.

Однако на рынке труда присутствует такая проблема, которая характеризуется, с одной стороны, большим количеством выпускников, которые обладают компетенциями в соответствии с государственным стандартом профессиональной подготовки, а с другой стороны низкой востребованностью этих выпускников на предприятиях отрасли.

В этих условиях для повышения уровня востребованности выпускников необходимо исследовать проблему со всех сторон и развить партнерские отношения двух заинтересованных сторон и объединить их усилия интеграционными процессами.

Актуальность этой задачи возрастает в условиях развития социально-экономической системы, когда вопросы занятости выпускников, снижения уровня безработицы среди молодого поколения рассматриваются не только как условия повышения эффективности региональной экономики, но эффективности деятельности вузов и предприятий. Указанные обстоятельства обусловили актуальность темы исследования, ее важность для обеспечения государственной политики, определили выбор направления исследования.

С этой точки зрения интерес представляют работы таких авторов, как Л.И. Абалкин, Е.Г. Антосенков, В.Я. Афанасьев, Е.В. Белкин, В.С. Буланов, И.Ю. Безгребельная, М.И. Воейков, Н.А. Волгин, Е.В. Галаева,

Н.Н. Гриценко, А.Я. Долгова, А.Ф. Зубкова, Д.М. Карпухин, Е.Д. Катульский, В.Я. Кибанов, Р.П. Колосова, В.Г. Костаков, Л.А. Костин, А.Э. Котляр, В.В. Куликов, В.Г. Макушин, И.С. Маслова, К.И. Микульский, Е.А. Митрофанова, А.А. Никифорова, В.А. Павленков, В.И. Плакся, Ф.Т. Прокопов, Н.М. Римашевская, В.Д. Роик, В.М. Свистунов, Н.И. Сидоров, Г.Э. Слезингер, Л.С. Чижова и другие.

Разработка экономических проблем развития системы профессионального образования и его реформирования рассматривалась в трудах Ю. Винслава, Ю.Е. Волкова, А.И. Вольских, Л.Ф. Лебедевой, Д.С. Львова, В.И. Марцинкевич, Н.М. Розановой, М.В. Шмакова, А.И. Шохина и другие.

Проблема формирования человеческого потенциала и обоснования его роли в современной экономике значительная роль отводится таким зарубежным ученым, как А. Маслоу, Л. Портер, П. Рейг, Т. Шульц и другие.

Безусловно, отечественными и зарубежными авторами рассматривались разные аспекты, связанные с воспроизводством человеческого капитала [1, 2]. Однако недостаточно полно отражены процессы интеграции разных общественных институтов в процессе профессиональной подготовки кадров и повышения уровня востребованности молодых специалистов на предприятиях отрасли.

Хотя взаимодействие рынка труда, реального сектора экономики и вузов, занимающихся подготовкой кадров стали предметом многих исследований в отечественной экономической науке [3, 4], однако поиск путей обеспечения высокого уровня востребованности выпускников на предприятиях отрасли оказался недостаточно плодотворным. Вместе с тем вопросы организационной и экономической интеграции этих рыночных институтов не получили должного внимания и не стали предметом всесторонней и глубокой проработки учеными-экономистами. Убедительным свидетельством этого является недоиспользование механизмов интеграции со стороны властей всех уровней.

Используя анализ социально-экономического развития федеральных округов Российской Федерации, теорию и практику структурного анализа экономических систем, алгоритм подготовки кадров в сфере услуг в системе образования и закономерности и резервы выхода из экономического кризиса [2, 5] необходимо решить определённый круг задач, которые послужат решению вышеназванных проблем.

К таким задачам можно отнести:

- 1) раскрыть роль интеграции вуза и предприятий в подготовке персонала;
- 2) обобщить практику воспроизводства человеческого ресурса в условиях интеграции предприятий и рынка образовательных услуг;
- 3) оценить результативность применения компетентностного подхода в профессиональном образовании, и определить пути его модернизации с учетом требований реального сектора экономики к инновационной и технологической составляющей производственных процессов;

4) определить сущность интеграции вузов и предприятий в отраслевой системе подготовки персонала, сформулировать основные принципы интеграции этих институтов;

5) показать роль субъектов интеграции предприятий и вузов;

6) раскрыть роль государства в содействии созданию и функционирования интеграции предприятия и вуза на разных уровнях;

7) разработать организационно-экономический механизм интеграции предприятий и вузов на региональном уровне и определить основные направления его развития;

8) обосновать важность и необходимость стимулирования развития отраслевых систем профессионального обучения как непосредственного инструмента интеграции предприятий и вузов.

9) раскрыть содержание интеграции как совокупности определенных правовых норм и организационно-экономического механизма, способствующих достижению высокого уровня востребованности выпускников вуза во время их трудоустройства

10) обосновать целесообразность и важность интеграции, как необходимой организационно-экономической предпосылки развития человеческого капитала, отвечающего требованию региональной экономики формированию воспроизводства инновационных трудовых ресурсов;

11) доказать важность взаимодействия всех субъектов интеграции предприятий и вузов развития человеческого капитала в соответствии с потребностями и перспективными программами социально-экономического развития региона;

12) обосновать необходимость статистической оценки и анализа, действующих в регионе отраслевого обучения как важной составляющей регионального образовательного комплекса и исходной базы для воспроизводства кадров;

13) разработать методику расчета экономической эффективности механизма интеграции вуза и предприятия в процессе подготовки кадров для промышленности.

Решение вышеназванных задач приведет к выявлению сущности интеграции вуза и предприятия в процессе подготовки кадров и обоснованию организационно-экономического механизма её реализации. Выполнение этой цели приведёт к повышению уровня востребованности молодых специалистов в процессе трудоустройства на предприятиях отрасли.

Библиографический список

1. Дорошенко, Ю.А. Структурный анализ экономических систем (теория и практика): Монография / Ю.А. Дорошенко. – Тюмень: Ист Консалтинг, 2010. – 300 с.

2. Дорошенко, Ю.А. Закономерности и резервы выхода из экономического кризиса / Ю.А. Дорошенко, А.А. Самотаев, Е.В. Сазонова // Торговля как фактор устойчивого развития экономики региона. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Челябинского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета (18 марта 2011 года). – Челябинск, ЧИ (Ф) РГТЭУ, 2011. – С. 165–169.

3. Токманев, С.В. Алгоритм подготовки кадров в сфере услуг в системе образования / С.В. Токманев, О.А. Шлегель // Первая международная научно-практическая конференция «Наука – промышленности и сервису», секция № 7 «Информационные системы на предприятиях сервиса». ТГУС. – 2006. – С. 56–59.

4. Токманев, С.В. Характеристика кризисов, цикличности и текущего экономического кризиса / С.В. Токманев, О.В. Изразова, Е.С. Сидорова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Инновационные направления развития экономики социальной сферы». Сборник трудов под ред. Люлькова Р.Н. – Тольятти: ТФРГСУ, «Печатное дело», 2009. – С. 56–72.

[К содержанию](#)

УДК 378.147 + 378.016:669

**ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ
«МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ТЕПЛОТЕХНИКА»**

Н.С. Хардукаш, В.А. Храпцов

Рассмотрены возможности использования презентации при изучении дисциплины металлургическая теплотехника направления подготовки «Металлургия» при изучении темы «Конструкция дуговой сталеплавильной печи и выплавка стали в ней», а также применение программы MathCad для расчета материального баланса продуктов горения газообразного смешанного топлива.

Ключевые слова: информационные технологии, презентация, MathCad, теплотехника, курсовая работа по теплотехнике.

В период бурной информатизации общества для развития человека приобретают значимость умение собирать необходимую информацию, умение выдвигать гипотезу, делать выводы и умозаключения, использовать для работы с информацией новые информационные технологии.

Информационные технологии можно использовать при ознакомлении студентов с новым материалом, так же их можно использовать для закрепления и повторения изученного. В частности, на уроке металлургическая теплотехника информационные технологии служат не только для разнообразия на уроке, но и для того, чтобы учебный материал обладал большей наглядностью, был более понятен.

Информационная технология – это совокупность методов, производственных процессов и программно-технических средств, объединенных в технологическую цепочку, обеспечивающую сбор, обработку, хранение, распространение и отображение информации с целью снижения трудоемкости процессов использования информационного ресурса, а также повышения их надежности и оперативности.

Современная система образования предусматривает использование самых различных инновационных технологий. Это дает два основных преимущества – качественное и количественное.

Качественно новые возможности очевидны, если сравнить словесные описания с непосредственно аудиовизуальным представлением.

Количественные преимущества выражаются в том, что среда мультимедиа много выше по информационной плотности.

При использовании информационных технологий в процессе обучения происходит существенное изменение учебного процесса:

- переориентация на развитие мышления, воображения как основных процессов познания, необходимых для качественного обучения;
- обеспечивается эффективная организация познавательной и самостоятельной деятельности студентов;
- проявляется способность к сотрудничеству, самосовершенствованию, творчеству и др.

На занятиях дисциплины «металлургическая теплотехника» используются различные виды информационных технологий: презентации и программа MathCad. Презентации позволяют наглядно и доступно объяснить студентам материал, а программа MathCad – избежать ошибок при расчете материального баланса продуктов горения газообразного топлива.

Презентация является информационным обеспечением фронтальной работы преподавателя с аудиторией и состоит из слайдов. Основные формы данной информации – текст, рисунки, чертежи печей.

Опыт применения электронных презентаций, выполненных в программе Power Point, показал, что повышается качество занятия. Компьютерные презентации – это самые современные технологии представления информации. Формы и место использования презентации на уроке зависят от содержания этого урока, от цели, которая ставится на уроке. При изучении нового материала использование презентации позволяет иллюстрировать учебный материал.

Курс дисциплины «металлургическая теплотехника» является основной дисциплиной профессионального цикла базового образования в технических университетах. В настоящее время его содержание и программы определены Стандартом высшего технического образования. Для реализации изложенных там требований традиционные методы обучения должны быть существенно скорректированы.

В качестве примера эффективного использования новейших информационных технологий (презентации MS Power Point) приводится мультимедийная лекция по теме «Назначение, конструкция и работа современных ДСП», предназначенная для студентов третьего курса по направлению подготовки «Металлургия». Лекция рассчитана на 2 академических часа. Она представляет собой презентацию и содержит необходимые определения, таблицы, графики процессов, иллюстрации основных частей конструкции ДСП и выводы.

В начале лекции даны основные назначения ДСП. Студенты воспринимают информацию и зрительно, и на слух. По статистике, такой способ восприятия информации наиболее эффективен при обучении.

Затем на графиках и рисунках раскрывается конструкция и принцип работы ДСП.

Особенностью данной мультимедийной лекции является ее универсальность и возможность использования как для чтения аудиторных лекций, так и как компонента дистанционного обучения.

Другим примером использования информационных технологий является применение для расчетов пакета математического моделирования Mathcad.

Mathcad является интегрированной системой для автоматизации математических расчетов – в него интегрированы средства символьной математики, что позволяет решать задачи не только численно, но и аналитически, используя встроенный символьный процессор, являющийся фактически системой искусственного интеллекта.

Одно из основных его преимуществ то, что на сегодняшний день он единственная математическая система, в которой описание решения задач дается в привычной форме математических формул, символов и знаков, а также путем обращения к специальным функциям.

Включенные в документ Mathcad формулы автоматически приводятся к стандартной научно-технической форме записи. Комментарии, описания и иллюстрации размещаются в текстовых блоках, которые игнорируются при проведении расчетов.

Если все значения переменных известны, то для нахождения числового значения выражения (скалярного, векторного или матричного) надо подставить все числовые значения и произвести все заданные действия. В программе Mathcad для этого применяют оператор вычисления. В ходе вычисления автоматически используются значения переменных и определения

функций, заданные в документе ранее. Удобно задать значения известных параметров, провести вычисления с использованием аналитических формул, результат присвоить некоторой переменной, а затем использовать оператор вычисления для вывода значения этой переменной. Изменение значения любой переменной, коррекция любой формулы означает, что все расчеты, зависящие от этой величины, нужно проделать заново. Такая необходимость возникает при выборе подходящих значений параметров или условий, поиске оптимального варианта, исследовании зависимости результата от начальных условий. Электронный документ, разработанный в программе Mathcad, готов к подобной ситуации. При изменении какой-либо используемой формулы Mathcad автоматически производит необходимые вычисления, обновляя изменившиеся значения.

Для более сложных задач система Mathcad позволяет облегчить реализацию алгоритмов линейного программирования, совместить средство решения с итоговым отчетом, легко перестраиваемым на другие подобные задачи.

Объединение текстового с вычислительным ядром позволяет готовить активные электронные документы с высоким качеством оформления (как и в редакторе Word), способные выполнять расчеты с наглядной демонстрацией результатов. Итоговые документы могут трансформироваться в файлы форматов rtf и html и использоваться в пакете MS Office и в интернете.

При расчете материального баланса продуктов горения топлива в курсовой работе по дисциплине «металлургическая теплотехника» у студентов возникали трудности и получалась большая математическая погрешность. При этом уходило очень много времени для нахождения этой ошибки. Использование программы Mathcad позволило студентам избежать ошибок при введении своих данных и получить более точные результаты. При этом математическая погрешность расчетов уменьшилась с 5 % до 1–2 %, что соответствовало заданным требованиям.

Расчет материального баланса продуктов горения газообразного смешанного топлива

$$W := 40$$

$$X_{v1} := \frac{100}{100 + 0.1242 \cdot W}$$

$$X_{v1} = 0.953$$

$$X_{vH_2O} := 0.1242 \cdot W$$

$$X_{vH_2O} = 4.968$$

Состав природного газа:

$$X_{spCO_2} := 0.2$$

$$X_{spN_2} := 0$$

$$X_{spCH_4} := 2.2$$

$$X_{spC_2H_6} := 94$$

$$X_{spC_3H_8} := 2.5$$

Состав доменного газа:

$$X_{sdCO_2} := 10.5$$

$$X_{sdCO} := 27$$

$$X_{sdCH_4} := 1.3$$

$$X_{sdH_2} := 2.5$$

$$X_{sdN_2} := 58.7$$

$$X_{spC4H10} := 0.7$$

$$X_{spC5H12} := 0.4$$

Состав влажных газов

Природный газ:

$$\begin{aligned} X_{vlpCO2} &:= X_{spCO2} \cdot X_{vl} & X_{vlpCO2} &= 0.191 \\ X_{vlpN2} &:= X_{spN2} \cdot X_{vl} & X_{vlpN2} &= 0 \\ X_{vlpCH4} &:= X_{spCH4} \cdot X_{vl} & X_{vlpCH4} &= 2.096 \\ X_{vlpC2H6} &:= X_{spC2H6} \cdot X_{vl} & X_{vlpC2H6} &= 89.551 \\ X_{vlpC3H8} &:= X_{spC3H8} \cdot X_{vl} & X_{vlpC3H8} &= 2.382 \\ X_{vlpC4H10} &:= X_{spC4H10} \cdot X_{vl} & X_{vlpC4H10} &= 0.667 \\ X_{vlpC5H12} &:= X_{spC5H12} \cdot X_{vl} & X_{vlpC5H12} &= 0.381 \end{aligned}$$

Доменный газ:

$$\begin{aligned} X_{vldCO2} &:= X_{sdCO2} \cdot X_{vl} & X_{vldCO2} &= 10.003 \\ X_{vldCO} &:= X_{sdCO} \cdot X_{vl} & X_{vldCO} &= 25.722 \\ X_{vldCH4} &:= X_{sdCH4} \cdot X_{vl} & X_{vldCH4} &= 1.238 \\ X_{vldH2} &:= X_{sdH2} \cdot X_{vl} & X_{vldH2} &= 2.382 \\ X_{vldN2} &:= X_{sdN2} \cdot X_{vl} & X_{vldN2} &= 55.922 \end{aligned}$$

Низшая температура сгорания газов:

$$Q_{php} := 358 \cdot X_{vlpCH4} + 636 \cdot X_{vlpC2H6} + 913 \cdot X_{vlpC3H8} + 1185 \cdot X_{vlpC4H10} + 1465 \cdot X_{vlpC5H12}$$

$$Q_{php} = 6.123 \times 10^4$$

$$Q_{phd} := 127.7 \cdot X_{vldCO} + 108 \cdot X_{vldH2} + 358 \cdot X_{vldCH4}$$

$$Q_{phd} = 3.985 \times 10^3$$

Состав смеси газа:

$$\begin{aligned} Q_{smesh} &:= 16000 & a &:= \frac{Q_{php} - Q_{smesh}}{Q_{php} - Q_{phd}} & a &= 0.79 \\ X_{smCO2} &:= X_{vldCO2} \cdot a + X_{vlpCO2} \cdot (1 - a) & X_{smCO2} &= 7.943 \\ X_{smCO} &:= X_{vldCO} \cdot a & X_{smCO} &= 20.323 \\ X_{smCH4} &:= X_{vldCH4} \cdot a + X_{vlpCH4} \cdot (1 - a) & X_{smCH4} &= 1.418 \\ X_{smH2} &:= X_{vldH2} \cdot a & X_{smH2} &= 1.882 \\ X_{smN2} &:= X_{vldN2} \cdot a & X_{smN2} &= 44.184 \\ X_{smC2H6} &:= X_{vlpC2H6} \cdot (1 - a) & X_{smC2H6} &= 18.796 \\ X_{smC3H8} &:= X_{vlpC3H8} \cdot (1 - a) & X_{smC3H8} &= 0.5 \\ X_{smC4H10} &:= X_{vlpC4H10} \cdot (1 - a) & X_{smC4H10} &= 0.14 \\ X_{smC5H12} &:= X_{vlpC5H12} \cdot (1 - a) & X_{smC5H12} &= 0.08 \\ X_{smH2O} &:= X_{vlH2O} \cdot a + X_{vldH2O} \cdot (1 - a) & X_{smH2O} &= 4.968 \end{aligned}$$

Расход кислорода при коэффициенте расхода воздуха

$$n := 1$$

$$V_{IO2} = 0.01 \cdot \left[0.5 \cdot (X_{smCO} + X_{smH2}) + \left(1 + \frac{4}{4}\right) \cdot X_{smCH4} + \left(2 + \frac{6}{4}\right) \cdot X_{smC2H6} + \left(3 + \frac{8}{4}\right) \cdot X_{smC3H8} + \left(4 + \frac{10}{4}\right) \cdot X_{smC4H10} + \left(5 + \frac{12}{4}\right) \cdot X_{smC5H12} \right]$$

$$V_{IO2} = 0.838$$

Расход сухого воздуха:

$$k := 3.762 \quad n := 1.05$$

$$V_v := n \cdot (1 + k) \cdot V_{O_2} \quad V_v = 4.189$$

Состав продуктов сгорания:

$$V_{CO_2} := 0.01 \cdot (X_{smCO_2} + X_{smCO} + X_{smCH_4} + 2 \cdot X_{smC_2H_6} + 3 \cdot X_{smC_3H_8} + 4 \cdot X_{smC_4H_{10}} + 5 \cdot X_{smC_5H_{12}})$$

$$V_{CO_2} = 0.697$$

$$V_{H_2O} := 0.01 \cdot (X_{smH_2O} + X_{smH_2} + 2 \cdot X_{smCH_4} + 3 \cdot X_{smC_2H_6} + 4 \cdot X_{smC_3H_8} + 5 \cdot X_{smC_4H_{10}} + 6 \cdot X_{smC_5H_{12}})$$

$$V_{H_2O} = 0.693$$

$$V_{N_2} := 0.01 \cdot X_{smN_2} + n \cdot k \cdot V_{O_2} \quad V_{N_2} = 3.751$$

$$V_{O_2} := (n - 1) \cdot V_{O_2} \quad V_{O_2} = 0.042$$

$$V_{ns} := V_{CO_2} + V_{H_2O} + V_{N_2} + V_{O_2} \quad V_{ns} = 5.183$$

Процентный состав продуктов сгорания:

$$CO_2 := \frac{V_{CO_2}}{V_{ns}} \cdot 100 \quad CO_2 = 13.455$$

$$H_2O := \frac{V_{H_2O}}{V_{ns}} \cdot 100 \quad H_2O = 13.362$$

$$N_2 := \frac{V_{N_2}}{V_{ns}} \cdot 100 \quad N_2 = 72.374$$

$$O_2 := \frac{V_{O_2}}{V_{ns}} \cdot 100 \quad O_2 = 0.808$$

Плотность продуктов сгорания:

$$CO_2 := 1.964 \quad C_3H_8 := 1.964$$

$$CO := 1.250 \quad C_4H_{10} := 2.589$$

$$CH_4 := 0.714 \quad C_5H_{12} := 3.1214$$

$$H_2 := 0.089 \quad H_2O := 0.804$$

$$N_2 := 1.250 \quad O_2 := 1.429$$

$$C_2H_6 := 1.339$$

Материальный баланс

(Поступило, кг)

$$m_{CO_2} := \frac{X_{smCO_2}}{100} \cdot CO_2 \quad m_{CO_2} = 0.156$$

$$m_{CO} := \frac{X_{smCO}}{100} \cdot CO \quad m_{CO} = 0.254$$

$$m_{CH_4} := \frac{X_{smCH_4}}{100} \cdot CH_4 \quad m_{CH_4} = 0.01$$

$$m_{H_2} := \frac{X_{smH_2}}{100} \cdot H_2 \quad m_{H_2} = 1.675 \times 10^{-3}$$

$$m_{N_2} := \frac{X_{smN_2}}{100} \cdot N_2 \quad m_{N_2} = 0.552$$

$$m_{C_2H_6} := \frac{X_{smC_2H_6}}{100} \cdot C_2H_6 \quad m_{C_2H_6} = 0.252$$

$$m_{C_3H_8} := \frac{X_{smC_3H_8}}{100} \cdot C_3H_8 \quad m_{C_3H_8} = 9.818 \times 10^{-3}$$

$$m_{C4H10} := \frac{X_{smC4H10}}{100} \cdot C4H10 \quad m_{C4H10} = 3.624 \times 10^{-3}$$

$$m_{C5H12} := \frac{X_{smC5H12}}{100} \cdot C5H12 \quad m_{C5H12} = 2.497 \times 10^{-3}$$

$$m_{H2O} := \frac{X_{smH2O}}{100} \cdot H2O \quad m_{H2O} = 0.04$$

Итого:

$$S1 := m_{CO2} + m_{CO} + m_{CH4} + m_{H2} + m_{N2} + m_{C2H6} + m_{C3H8} + m_{C4H10} + m_{C5H12} + m_{H2O}$$

$$S1 = 1.282$$

$$\text{воздух} \quad V := V_v \cdot 1.29 \quad V = 5.404$$

Всего: $ITOG := S1 + V \quad ITOG = 6.685$

(Получено, кг)

$$m_{pCO2} := V_{CO2} \cdot CO2 \quad m_{pCO2} = 1.37$$

$$m_{pH2O} := V_{H2O} \cdot H2O \quad m_{pH2O} = 0.557$$

$$m_{pN2} := V_{N2} \cdot N2 \quad m_{pN2} = 4.689$$

$$m_{pO2} := V_{O2} \cdot O2 \quad m_{pO2} = 0.06$$

$$S2 := m_{pCO2} + m_{pH2O} + m_{pN2} + m_{pO2} \quad S2 = 6.675$$

$$\Delta := \frac{(ITOG - S2)}{S2} \cdot 100 \quad \Delta = 0.153$$

Таким образом, использование информационных технологий при изучении дисциплины «металлургическая теплотехника» позволяет:

- 1) представить лекционный материал в разных формах и видах, что дает более полное и качественное усвоение информации;
- 2) облегчить с помощью программы Mathcad процесс расчета материального баланса продуктов горения газообразного топлива, минимизировать погрешности и отследить изменение конечного результата при различных составах газообразного топлива.

Библиографический список

1. Захарова, И.Г. Информационные технологии в образовании / И.Г. Захарова. – М.: Академия, 2003. – 192 с.
2. Лазарев, Д. Презентация: Лучше один раз увидеть! / Д. Лазарев. – М.: «Альпина Паблишер», 2011. – С. 142.
3. Кирьянов, Д.В. Самоучитель Mathcad 2001 / Д.В. Кирьянов. – СПб.: БХВ-Петербург, 2002. – 544 с.

[К содержанию](#)

ФИЛИАЛ В г. НИЖНЕВАРТОВСК

УДК 347 + 34.02(09)

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА**

Н.А. Семерьянова

Рассматриваются проблемы правового дискурса в историческом контексте. Трудности уяснения и понимания текстов правовых документов, их трактовки и разрешения противоречий.

Ключевые слова: дискурс; толкование; интерпретация; правовые тексты.

Как только та или иная политическая сила навязывает исторические конструкции вместо повседневных верований, наступает «переоценка всех ценностей».

Б. Паскаль [1]

С целью преодоления расстояний между говорящим и реципиентом несколько тысячелетий назад была изобретена письменная форма языка. Историческими носителями информации выступали наскальные рисунки, глиняные дощечки, папирусы, береста, камни и др. Экономическое и научно-техническое развитие общества привело к более совершенным формам языка и дискурса – печатным, телефонным, электронным. Меняются формы носителей, широкое распространение получают дискурсы в социальных сетях интернета. Такие в нашу жизнь «семимильными шагами», в частности, интернет-форумы, в том числе правовые, на которых обсуждаются те или иные проблемы права. Дискурсанты, зачастую, неправильно определяют ту или иную юридическую терминологию, что способствует ложному, искаженному толкованию нормативно-правовых актов, либо путанице в их применении. Различное толкование юридических текстов вызывает оживленные дискуссии в научной среде. Целью дискурса является получение истинно верного понимания, т.е. понимания, как универсальной формы изучения действительности, постижение и реконструкции смыслового содержания явлений реальности.

В этой связи интересно рассмотреть исторический аспект правового дискурса, выяснить, известны ли факты искажения или неверного понимания правовых текстовых документов, их трактовки и разрешения противоречий? Рассмотрим самые распространенные правовые термины, такие как, «закон» и «вина».

Закон (*lex*) в понимании античной традиции, во-первых, есть письменно зафиксированный приказ народа, принятый народным собранием, подтверждённый клятвой, в силу которой он становится обязательным для всех римских граждан; во-вторых, античная традиция определяет закон как способ обеспечения принудительной силы [2].

Следовательно, термин «закон» несет в себе дуализм понимания, как объективной формы документа и обязанности повиноваться – в качестве содержания акта. Таким образом, сложились два подхода в понимании термина «закон», одни считали его приказом народа, другие же способом принуждения. Подобные подходы приводили к жарким дискуссиям в римском архаическом сообществе.

Противоречия в понимании исторических текстов были выявлены русским ученым XIX века В.И. Модестовым. В процессе исследования римской письменности, ученый занимался и разработкой вопроса о *libri sacri* (*sacrorum*), *saerimoniarum*. Он изучил сочинения различных авторов, исследуя формулы молитв, посвящений и обетов. Эти книги включали правила отправления культов и *Indigitamenta*. Несмотря на то, что они уже были изучены, Модестов В.И. дает им самостоятельное толкование. Он объясняет значение термина *Indigitamenta* как текст содержащий имена богов и чин служения им. В данной книге, по его мнению, содержится тонкий анализ отрывочных показаний авторов, зачастую небрежно употреблявших термины (*commentarii*, *libri*, *annals pontificum*, *libri sacri* и т.п.), то в общем смысле «сочинение», то указывая на специальное их значение [3].

Интересный пример содержится в трудах С. Бергера о толковании и интерпретации Библии, в частности, термина «закон», при ее переводе с латинского языка в Средневековой Европе. Ни одна книга, отмечает автор, не может соперничать с Библией по части влияния на средневекового человека. Между тем в Западной Европе образы и идеи Библии вошли в общественное сознание благодаря переводу Иеронима и в избранном им смысловом облачении, так что терминология Вульгаты оказывала мощное воздействие на любое письменное творчество той эпохи, и юридические тексты не исключение [4].

Понятийный аппарат законов, трактатов, деловых документов и других средневековых памятников, формировался на основе изучения разных текстов, в том числе и собственно юридических. Влияние правовой лексики латинской версии Библии и характерных для нее форм и средств выражения было огромным. Интересно высказывание W. Ulmanna: «можно лишь сожалеть о том, что среди множества исследований об изучении Библии в Средние века и ее влиянии на язык, стиль и мировоззрение средневековых писателей (в основном богословов) очень мало публикаций о ее воздействии на творчество ученых юристов и повседневную практику писцов, оформлявших на чужой для клиентов латыни сделки, завещания и другие документы, небезынттересные историку права» [5].

Конечно, перевод Иеронима небезгрешен, но, принимая во внимание не только «объективные трудности», но и многообразие стоявших перед ним задач, никак не сводимым к чисто академическим, его нельзя не признать очень добротным. Допущенные им отступления от оригинала сравнительно невелики. Его ошибки в переводе обусловлены религиозными, а не филологическими причинами. Так, говоря о «законных правах граждан», он понимал, что ключевое римское понятие *ius* с трудом применимо к библейским реалиям. В книге Есфири Иероним однажды обронил выражение *leges ac iura maiorum*, что скорее стоит понимать как «законы и судебные обычаи предков» нежели «законы и права предков»[5].

Из приведенного примера следует, что значение той или иной терминологии интерпретировалось под влиянием фактов современной реальности. Толкователь, переводчик поставлен в зависимость от существующего образа жизни, от уклада общества, от религиозных веяний. И в Средневековой Европе, где действует незыблемый примат религиозных устоев, и речи не может идти о римском понимании закона, как «приказа народа» или «права народа», отсюда и иное интерпретированное изложения текста Библии в угоду сложившемуся правопорядку.

Существуют и такие понятия, этимология которых до настоящего времени остается неизвестной. К такой группе понятий можно отнести латинский термин *culpa* (вина). О данной проблеме говорит, А.И. Солопов, по мнению которого первоначальное существительное *culpa* не имело отношения к праву, обозначая этическое понятие («чувство ответственности за содеянные поступки, чувство вины»); в свою очередь, прежде чем стать этическим понятием, *culpa* было экономическим термином обозначающим «денежный долг» [6]. Следовательно, самый распространенный сегодня правовой термин в процессе развития гражданского общества понимался по-разному.

В этой связи можно обозначить следующие исторические проблемы правового дискурса. Во-первых, это различное понимание одного и того же термина дискурсантами. Во-вторых, при едином подходе к пониманию правового термина, его свободная интерпретация, подгоняемая под существующие социальную и культурную реальности. В-третьих, постоянное изменение сущности научных понятий, как причина не исследованности этимологии правовых терминов.

Библиографический список

1. Паскаль, Б. Мысли / Б. Паскаль. – М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. 60 (294). – С. 94.
2. Кофанов, Л.Л. Понятия *lex* и *ius* в Римском архаическом праве / Л.Л. Кофанов. – М.: Спарк, 2003. – С. 40.

3. Маяк, И.Л. Жреческие документы и формулы: проблемы достоверности источников в русской науке (XIX – начало XX в.) / И.Л. Маяк. – М.: Спарк, 1999. – С. 71.

4. Berger, S. Histoire de la Vulgate pendant les premiers siècles du Moyen Age. P. 1893. Цит. по И.С. Филиппов. Римское право и Вульгата: право, закон, справедливость / S. Berger. – М.: Спарк, 1999. – С. 145.

5. Ullmann, W. The Bible and the Principles of Government in the Middle Ages / la Bibbia nell'alto medioevo. Spoleto, 1963. Pp. 181–228. Цит. по И.С. Филиппов / W. Ullmann. – М.: Спарк, 1999. – С. 146.

6. Солопов, А.И. Этимология и первоначальное значение латинского culpa / А.И. Солопов. – М.: Спарк, 1998. – С. 82–83.

[К содержанию](#)

УДК 378.014

ОБ АКТУАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ ПЕРЕВОДА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ В ФОРМАТ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

И.Г. Рябова

Инновационный характер образования становится важнейшим инструментом в его конкуренции с другими социальными институтами. В современной социально-экономической ситуации не только содержание, но и формы, технологии обучения важны для создания позитивной ориентации молодёжи на образование. Развитие новых методов и каналов образования становится настоятельной необходимостью. Повышение качества, доступности, эффективности образования, его непрерывный и инновационный характер, рост социальной мобильности и активности молодёжи, её включённости в различные образовательные среды делают систему образования важным фактором обеспечения национальной безопасности России, роста благосостояния её граждан.

Ключевые слова: воспитание, образовательные технологии, портфолио, методы обучения.

Современный этап процесса образования и воспитания в высшей школе характеризуется интенсивным поиском нового в теории и практике. Этот процесс обусловлен рядом противоречий, главное из которых – несоответствие традиционных методов и форм обучения и воспитания новым тенденциям развития системы образования нынешним социально-экономическим условиям развития общества, породившим целый ряд объективных инновационных процессов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что переход России на рыночные отношения поставил перед системой профессионального образования новые цели, решение которых видится в глубоких преобразованиях системы профессионального образования.

Под инновациями в образовании понимается процесс совершенствования педагогических технологий, совокупности методов, приемов и средств обучения. В настоящее время инновационная педагогическая деятельность является одним из существенных компонентов образовательной деятельности любого учебного заведения. И это не случайно. Именно инновационная деятельность не только создает основу для конкурентоспособности того или иного учреждения на рынке образовательных услуг, но и определяет направления профессионального роста педагога, его творческого поиска, реально способствует личностному росту воспитанников. Поэтому инновационная деятельность неразрывно связана с научно-методической деятельностью педагогов и учебно-исследовательской воспитанников.

В педагогическом процессе инновационные методы обучения предусматривают введение новшеств в цели, методы, содержание и формы обучения и воспитания, в совместную деятельность преподавателя и учащегося. Эти инновации могут быть специально спроектированными, уже разработанными или вновь появившимися благодаря педагогической инициативе.

Главной задачей высшего учебного заведения на современном этапе является подготовка специалистов, способных нестандартно, гибко и своевременно реагировать на изменения, которые происходят в мире. Поэтому для подготовки студентов к профессиональной деятельности в будущем и используются **инновационные методы обучения в вузе.**

Метод портфолио (Performance Portfolio or Portfolioc Assessment) – современная образовательная технология, в основе которой используется метод аутентичного оценивания результатов образовательной и профессиональной деятельности. Данный метод чаще всего соотносят со сферой образования, хотя в широком смысле этого понятия он применим для любой практико-результативной деятельности. По видам практико-результативной деятельности в вузе различают портфолио образовательное и портфолио профессиональное.

Метод проблемного изложения – метод, при котором педагог, используя самые различные источники и средства, прежде чем излагать материал, ставит проблему, формулирует познавательную задачу, а затем, раскрывая систему доказательств, сравнивая точки зрения, различные подходы, показывает способ решения поставленной задачи. Студенты как бы становятся свидетелями и соучастниками научного поиска.

Метод проектов – система обучения, при которой учащиеся приобретают знания и умения в процессе планирования и выполнения постепенно усложняющихся практических заданий-проектов.

Проблемно-поисковые методы обучения (усвоение знаний, выработка умений и навыков) осуществляются в процессе частично поисковой или исследовательской деятельности обучаемых; реализуется через словесные, наглядные и практические методы обучения, интерпретированные в ключе постановки и разрешения проблемной ситуации.

Научно-исследовательская работа студентов, встроенная в учебный процесс – такие работы выполняются в соответствии с учебными планами и программами учебных дисциплин в обязательном порядке; результаты всех видов научно-исследовательской деятельности студентов, встроенной в учебный процесс, подлежат контролю и оценке со стороны преподавателя.

Проблемное обучение – 1) технология, направленная в первую очередь на «возбуждение интереса». Обучение заключается в создании проблемных ситуаций, в осознании и разрешении этих ситуаций в ходе совместной деятельности обучающихся и преподавателя при оптимальной самостоятельности студентов и под общим направляющим руководством преподавателя; 2) активное развивающее обучение, основанное на организации поисковой деятельности обучаемых, на выявлении и разрешении ими реальных жизненных или учебных противоречий. Фундаментом проблемного обучения является выдвижение и обоснование проблемы (сложной познавательной задачи, представляющей теоретический или практический интерес).

Практико-ориентированные проекты – особенность данного типа проектов состоит в предварительной постановке чёткого, значимого для студента, имеющего практическое значение результата, выраженного в материальной форме. Разработка и проведение данного типа проектов требует детальности в проработке структуры, в определении функций участников, промежуточных и конечных результатов. Для данного типа проектов характерен жёсткий контроль со стороны координатора и автора проекта.

Творческие проекты – их особенность заключается в том, что они не имеют заранее определённой и детально проработанной структуры. В творческом проекте преподаватель (координатор) определяет лишь общие параметры и указывает оптимальные пути решения задач. Необходимым условием творческих проектов является чёткая постановка планируемого результата, значимого для студентов. Творческие проекты стимулируют максимальную активизацию познавательной активности обучаемых, способствуют эффективной выработке навыков и умений работы с документами и материалами, умений анализировать их, делать выводы и обобщения.

Лекция-визуализация – при чтении лекции-визуализации соблюдается принцип наглядности; лекция представляет собой информацию, преобразованную в визуальную форму. Видеоряд, будучи воспринятым и осознанным, может служить опорой адекватных мыслей и практических действий. Видеоряд должен не только иллюстрировать устную информа-

цию, но и сам быть носителем содержательной информации. При подготовке к лекции содержание должно быть перекодировано в визуальную форму. Важно соблюдать: визуальную логику и ритм подачи материала, дозировку, стиль общения.

Инновационные методы позволили изменить и роль преподавателя, который является не только носителем знания, но и наставником, инициирующим творческие поиски студентов.

Представляется, что научная основа преподавания – это тот самый фундамент, без которого невозможно представить современное образование. Именно такое образование повышает личностную, а в будущем – профессиональную самооценку выпускника, передает ему значительную часть культурных и социальных стандартов общества. Результаты качественного высшего образования – это не просто грамотность, приближенная к той или иной профессии. Это сочетание образованности и поведенческой культуры, формирование способности самостоятельно и квалифицированно мыслить, а в дальнейшем самостоятельно работать, учиться и переучиваться. Именно из этого исходят сейчас современные представления о фундаментальности образования.

Как следует из сказанного, инновации – это прямой путь интеграции образования, науки и производства, адекватный экономике знаний. Одновременно инновации во всех аспектах: организационном, методическом и прикладном – это основной инструментальный улучшения качества образования.

Библиографический список

1. По материалам Специализированного образовательного портала Инновации в образовании [Электронный ресурс]. – URL: <http://sinncom.ru>.
2. По материалам интернет-журнала «Эйдос» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eidos.ru/journal>.
3. По материалам сайта Открытый класс, сетевые образовательные сообщества, Суворина В.Г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.open-class.ru>.

[К содержанию](#)

УДК 378.025.7

ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

О.А. Федоренко

Статья рассматривает необходимость формирования и развития таких навыков критического мышления у студентов неязыкового вуза, как анализ, синтез, оценка, решение проблем, умозаключение, являющихся элементами профессиональной компетенции будущего специалиста. Описываются стратегии и технологии критического мышления.

Ключевые слова: критическое мышление, таксономия, анализ, синтез, оценка, компетенция.

Образование в современной России с каждым годом становится все разнообразнее; содержание, подходы, идеи стали более информативными, а требования к выпускникам вузов более высокими. Сама концепция модернизации российской высшей школы указывает на необходимость подготовки высококвалифицированного, конкурентоспособного специалиста, обладающего высокой мобильностью, компетентностью, критическим мышлением.

К сожалению, тот объем знаний, который молодые люди могут усвоить за годы обучения в школе и вузе, недостаточен. Только 39 % 17-летних людей умеют находить нужную информацию, упорядочивать ее и правильно истолковывать. Современное состояние общества, динамика социального прогресса, каждодневно увеличивающийся объем все новой информации требуют от современного человека умения извлекать из огромного количества информационных потоков те знания, которые помогут ему занять достойное место в социуме, максимально раскрыть свои созидательные способности, внести свой вклад в развитие общества и стать уважаемой личностью.

В связи с этим первостепенной задачей становится формирование умений анализировать, усваивать новую информацию, критически мыслить, что в совокупности является необходимым условием сравнительно безболезненной адаптации человека к стремительно изменяющимся современным условиям жизни. Формирование критического мышления студентов современного вуза позволит будущим специалистам легко приспособиться к современному информационному пространству, а умение понимать и анализировать информацию на иностранном языке позволяет достичь этой цели. В связи с этим, в системе высшего профессионального образования возникает необходимость создания условий для развития критического мышления в процессе обучения иностранному языку.

Для успешного обучения в вузе необходим довольно высокий уровень интеллектуального развития, эрудиции, памяти, умение логически мыслить. Критически мыслить – значит знать правила логики и следовать этим правилам. Критическое мышление не должно сводиться к негативным суждениям и критике, напротив, оно предполагает разумное рассуждение и рассмотрение разнообразия подходов. Критичность мышления, т.е. склонность к сомнению, формируются в человеке по мере расширения границ его познаний окружающего мира. «Критическое» в данной ситуации эквивалентно «аналитическому», нацеленному на познание и анализ. Критичность мышления позволяет человеку анализировать объем информации, отбирать нужные факты, логически их переосмысливать, делать умозаключения. При обучении студентов иностранному языку в вузе необходимо учитывать специфику их будущей деятельности: умение работать с потоками информации, полученной из разных источников не только на русском, но и на иностранном языке. Преподаватель иностранного языка, использующий технологию критического мышления, должен понимать, что его работа будет эффективной и результативной, если будет подобран материал, способствующий развитию критического мышления и методика подачи этого материала.

В современной литературе можно встретить много различных определений критического мышления. Исторически оно выступало как наиболее практически ориентированное и значимое с педагогической точки зрения. Это использование когнитивных техник или стратегий, которые увеличивают вероятность получения желаемого конечного результата [3]. В начале XX века Дж. Дьюи говорил о критическом мышлении, считая его синонимом рефлексии. Он считал, что путем упражнений можно научить человека конструктивно мыслить и видел в этом главную задачу образования [2].

Обучение критическому мышлению в большинстве школ и колледжей США основывается на таксономии педагогических целей, разработанной в середине прошлого столетия группой американских ученых под руководством Б. Блума [1]. Он считал, что существуют навыки мышления низкого (знание и понимание) и высокого порядка (применение, анализ, оценка, синтез) (рис.1). Большинство мыслительных процессов, характерных для учебной деятельности, соответствуют уровням знания и понимания, которые являются наиболее простыми в мыслительной деятельности, а также являются основой для мыслительных умений высокого порядка. С каждым последующим уровнем мыслительные умения становятся все сложнее. На 1 курсе обучения иностранному языку уровень сложности подачи материала возрастает от «простого» к «сложному», т.е. от повторения школьного материала к более сложному, вузовскому. Получая новую информацию, студенты должны научиться рассматривать ее с различных точек зрения, анализировать, делать выводы относительно ее ценности и точности.

Рис. 1. Таксономия Б. Блума

На занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе необходимо привлекать информационный материал, анализируя который обучающийся должен осознавать, что изучение иностранного языка связано в первую очередь с его личностью и интересами. Важно учитывать образовательный и культурный уровень студента при формировании умений критического мышления. Важно также мотивировать студента к повышению уровня лингвистической, социолингвистической и межкультурной компетенции. На первом курсе это обычно страноведческий материал с элементами профессиональных тем, на старших курсах это уже тематика языка для специальных целей, т.е. профессионально-ориентированный материал.

Технологию критического мышления составляют три основные стадии:

- вызов (*evocation*) – предоставить обучающемуся проанализировать то, что он уже знает, пробудить интерес к получению новой информации;
- осмысление содержания (*understanding, realizing of meaning*) – получение новой информации; обучающиеся активно продолжают сами формулировать цели-мотивы; постановка целей в процессе знакомства с новой информацией накладывается на уже имеющиеся знания;
- рефлексия (*reflection*) – осмысление, рождение нового знания; информация, которая была ранее усвоена, превращается в собственные знания; рефлексивный анализ и синтез направлены на прояснение новой информации и дальнейшее обучение.

Поскольку основной целью обучения иностранному языку является речемыслительная деятельность обучающихся, то все задания должны иметь проблемный характер. При этом весь учебный процесс необходимо структурировать и строить так, чтобы у студентов постоянно возникало желание высказаться, выразить свою точку зрения.

На стадии вызова студенты выясняют, что знают по новой теме и какие на какие вопросы им предстоит ответить, т.е. систематизируют информационный материал. Преподаватель, используя такие приемы как мозговой штурм, прогнозирование содержания, постановка проблемных вопросов и др., про-

буждает интерес к изучаемой теме, активизирует их познавательную деятельность. Студенты могут работать индивидуально, в парах или в мини-группах, обсуждая вопросы, делая предположения, расширяя свои знания по данной теме в ходе обсуждения и определяя, на что им нужно обратить особое внимание. Таким образом, учащиеся сами ставят перед собой цели обучения, создавая внутренний мотив к учению. Преподаватель при этом играет роль контролирующего наблюдателя.

На стадии осмысления студенты знакомятся с новой информацией, которая может быть представлена в виде учебного текста или аутентичной статьи, аудио или видеоматериала. Эта стадия занимает наибольшее количество учебного времени. Студенты в процессе восприятия нового материала активно работают, отслеживают понимание информации, что очень важно на этой стадии и является необходимым условием развития критического мышления. Роль преподавателя заключается в поддержании интереса к теме и активности учащихся. Для активизации познавательной деятельности студентов преподаватель может использовать особые приемы активизации внимания и стимулирования критического осмысления такие как: проблемные вопросы, графическое представление материала, визуализация материала, комментарии.

На стадии рефлексии студенты учатся анализировать полученную информацию, устанавливая причинно-следственные связи между блоками информации, сравнивают, что нового они узнали. Учащиеся вовлекаются в дискуссии, мини-конференции, ролевые игры, различные творческие работы (презентации, написание эссе, докладов, решение конкретных ситуаций case-study). Во время этой деятельности студенты выслушивают аргументы, выражают свое согласие или несогласие по обсуждаемым проблемам, т.е. обмениваются мнениями, оценивая свои приобретенные знания и опыт со знаниями и опытом других студентов. Формирование умений критического мышления происходит наряду с формированием коммуникативных умений в процессе обучения всем аспектам языка. Обучая иноязычной речи необходимо нацеливать студентов на критическое восприятие информации при чтении, аудировании, говорении и письме. При чтении и аудировании преподаватель должен мотивировать студентов прогнозировать, оценивать мысли и позицию автора, сравнивать со своими мыслями, выбирать главное, делать выводы. Для формирования умений критически оценивать информацию студентам можно предложить следующие задания: прочтите статью и найдите аргументы «for» и «against»; дайте аргументы «за» и «против» данного решения проблемы; найдите положительные и отрицательные стороны ситуации; обсудите в парах или мини-группах, как можно решить проблему; обсудите в способы решения проблемы, которые вам удалось найти, и оцените их. Для этих целей можно использовать учебник For and Against (L.G. Alexander).

Процесс формирования и развития критического мышления сложный, требующий больших усилий, как со стороны преподавателя, так и студентов. Применение описанных выше стратегий, приемов и заданий на занятиях иностранного языка подготовят студентов к осознанному восприятию информации, научат обрабатывать материал, применяя аналитические методы, сформируют навык критически оценивать новую информацию и находить ей нужное применение. Все эти умения и навыки являются важными составляющими профессиональной компетенции будущих выпускников. Таким образом, развитие критического мышления у студентов неязыкового вуза на занятиях по иностранному языку способствует не только формированию коммуникативной компетенции, но и расширению мыслительных компетенций для эффективного решения социальных, научных и практических проблем.

Библиографический список

1. Bloom, B.S., (Ed.). 1956. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals: Handbook I, cognitive domain. New York: Longman.
2. Дьюи, Дж. Психология и педагогика мышления. (Как мы мыслим) / Дж. Дьюи; пер. с англ. Н.М. Никольской. – М.: Лабиринт, 1999. – 192 с.
3. Халперн, Д. Психология критического мышления / Д. Халперн. – СПб., 2000. – 325 с.

[К содержанию](#)

УДК 378.147.88

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРАКТИК

Е.А. Зверева

Производится определение оптимальной информационной обеспеченности студента для повышения эффективности проведения практики. Представлены выявленные требования к информационному сопровождению практик, содержанию рабочей программы и пример выполнения индивидуального задания на практику.

Ключевые слова: практика; информационное сопровождение, рабочая программа, техническое задание.

Многолетний опыт выпускающей кафедры «Информатика» в филиале Южно-Уральского университета в г. Нижневартовске, показал, что практическая подготовка специалистов в условиях реального производства была и остается одной из самых актуальных.

Проблема определила цель исследования – определить оптимальные содержание и методику руководства практикой студентов технических направлений на выпускающей кафедре.

Объект исследования – практика студентов.

Предмет исследования – подготовка специалистов инженерных специальностей.

Гипотеза исследования – определение оптимальной организационной и информационной обеспеченности студента будет способствовать повышению эффективности производственной практики, если: выявлены принципы организации производственной практики, раскрывающие её особенности.

Для достижения цели исследования и проверки выдвинутой гипотезы были поставлены следующие задачи исследования:

- 1) определить значимость методического обеспечения практики;
- 2) определить этапы практики будущего специалиста;
- 3) разработать информационное сопровождение, способствующее качественному проведению практики;
- 4) провести анализ удовлетворенности организацией практики.

Подробнее остановимся на решении одной из задач – разработки информационного сопровождения практик.

Для организации любого вида практик (учебной, производственной, преддипломной) необходимо наличие информационного сопровождения.

В ходе исследований выявлены требования к информационному обеспечению практик: необходимость технической поддержки информационного обеспечения студенческих практик; доступность информационного обеспечения в процессе прохождения практики студентами; техническая и технологическая подготовленность студента к взаимодействию с информационным обеспечением; опыт взаимодействия студента с информационным обеспечением; целесообразное взаимодействие студента с информационным обеспечением практики, с учетом реальных потребностей клиента и учебных задач практики; оперативность получения информационного обеспечения для выполнения студентами-практикантами профессиональных задач и учебных заданий практики.

Основным документом, регулирующим проведение того, или иного вида практики является рабочая программа.

Требования к содержанию отдельных компонентов РПП зависят от вида и назначения практики и отражают содержание подготовки по специальности/направлению.

РПП должна быть разработана в соответствии с требованиями, установленными ФГОС по соответствующему направлению подготовки:

– определять цель прохождения практики и обеспечивать необходимую связь ее с соответствующими дисциплинами профилей, специальностей (специализации);

– соответствовать целям и задачам, определенным для каждого вида практики;

- формировать определенные общекультурные и профессиональные компетенции обучающегося;
- учитывать при проведении практики основные перспективные направления развития изучаемой науки, техники и технологии;
- включать образовательные, научно-исследовательские и научно-производственные технологии, используемые на практике;
- определять объем и содержание учебной нагрузки практики, отражающие требования по организации, проведению и отчетности по практике, в том числе самостоятельной работы студентов (СРС), форму промежуточной аттестации (зачет, зачет с оценкой) в соответствии с рабочим учебным планом [1].

Последние требование реализуется в соответствии с применением поэтапной технологии проведения и организации практики (рис.).

Ключевым этапом прохождения практики студентов является выполнение индивидуального задания. Для его качественного выполнения руководитель практики от вуза разрабатывает методические указания, являющиеся частью информационного сопровождения практики.

№ п/п	Разделы (этапы) практики	Виды учебной работы, на практике включая самостоятельную работу студентов и трудоемкость (в часах)	Формы текущего контроля
1	Подготовительный этап	Участие в установочной конференции по практике, получение задания на практику	Получение необходимой документации
		Изучение структуры предприятия, знакомство с ее внутренним распорядком	Дневник практики
		Инструктаж по технике безопасности на рабочем месте	Дневник практики
2	Основной этап	Сбор и обработка информации	Дневник практики
		Работа с технической литературой	
3	Заключительный этап	Выполнение заданий (в том числе индивидуального задания) руководителей практики от Вуза и предприятия	Сдача отчета
		Подготовка отчета по результатам прохождения практики	
		Участие в итоговой конференции	Защита отчета

Объем и содержание учебной нагрузки практики

В качестве примера рассмотрим методические указания на выполнение одного из возможных видов индивидуального задания учебной практики студентов 2 курса направления «Информатика и вычислительная техника» – разработку технического задания. Базой для выполнения данного индивидуального задания является предприятие, за которым закреплен студент на практику, и задачи на разработку ПО выявленные в ходе прохождения практики.

Техническое задание представляет собой документ, в котором сформулированы основные цели разработки, требования к программному продукту, определены сроки и этапы разработки и регламентирован процесс приемно-сдаточных испытаний.

Разработка технического задания регламентировано ГОСТ 19.201-78. Единая система программной документации. Техническое задание. Требования к содержанию и оформлению [2] и должно содержать следующие разделы:

- 1) введение;
- 2) наименование и область применения;
- 3) основание для разработки;
- 4) назначение разработки;
- 5) технические требования к программе или программному изделию;
- 6) технико-экономические показатели;
- 7) стадии и этапы разработки;
- 8) порядок контроля и приёмки;
- 9) приложения.

В зависимости от особенностей программы или программного изделия допускается уточнять содержание разделов, вводить новые разделы или объединять отдельные из них. При необходимости допускается в техническое задание включать приложения.

В случаях, если какие-либо требования, предусмотренные техническим заданием, заказчик не предъявляет, следует в соответствующем месте указать «Требования не предъявляются».

Пример технического задания

1. Введение

Работа выполняется в рамках проекта «Автоматизированная система оперативного контроля параметров и управления агрегатами пожаротушения ОАО «Юграмонтажавтоматика»».

2. Основание для разработки

2.1. Основанием для данной работы служит договор № 1064 от 5 ноября 2013 г.;

2.2. Наименование работы:

«Модуль пожаротушения ОАО «Юграмонтажавтоматика»»;

2.3. Исполнители: ОАО «Практика+»;

2.4. Соисполнители: нет;

3. Назначение разработки

Создание модуля для контроля и параметров и управления агрегатами пожаротушения ОАО «Юграмонтажавтоматика»;

4. Технические требования

4.1. Требования к функциональным характеристикам;

4.1.1. Состав выполняемых функций;

Разрабатываемое ПО должно обеспечивать:

- измерение и отображение в цифровой форме технологических параметров в виде отдельных величин или в виде взаимосвязанных величин по вызову оператора;
- формирование трендов по основным технологическим параметрам;
- вывод основных технологических параметров и состояния оборудования на мнемосхемы;
- автоматическое управление технологическими агрегатами (насосами, задвижками), согласно с заданными алгоритмами управляющих контроллеров;

- обнаружение, оперативное отображение, регистрация, сигнализация отклонений технологических параметров и показателей состояния оборудования за установленные пределы;
- обнаружение и регистрация аварийных и предаварийных ситуаций, пожара.

4.1.2. Организация входных и выходных данных

Исходные данные в систему поступают в виде значений с датчиков, установленных в помещениях. Эти значения отображаются на компьютере диспетчера. После анализа поступившей информации оператор диспетчерского пункта устанавливает необходимые параметры для устройств, регулирующих отопление и вентиляцию в помещениях. Возможна также автоматическая установка некоторых параметров для устройств регулирования.

Основной режим использования системы – ежедневная работа.

4.2. Требования к надежности

Для обеспечения надежности необходимо проверять корректность получаемых данных с датчиков.

4.3. Условия эксплуатации и требования к составу и параметрам технических средств

Для работы системы должен быть выделен ответственный диспетчер.

Требования к составу и параметрам технических средств уточняются на этапе эскизного проектирования системы.

4.4. Требования к информационной и программной совместимости

Программа должна работать на платформах Windows 7.

4.5. Требования к транспортировке и хранению

Программа поставляется на флеш-носителе информации. Программная документация поставляется в электронном и печатном виде.

4.6. Специальные требования:

- дружественный интерфейс программного обеспечения;
- интеграция отдельно разработанных модулей системы;
- программно-инструментальные средства разработки по выбору.

5. Требования к программной документации

Основными документами, регламентирующими разработку будущих программ, должны быть документы Единой Системы Программной Документации (ЕСПД): руководство пользователя, руководство администратора, описание применения.

6. Технико-экономические показатели

Эффективность системы определяется удобством использования системы для контроля и управления основными параметрами пожаротушения помещений предприятия, а также экономически окупаемой.

7. Порядок контроля и приемки

После передачи Исполнителем отдельного функционального модуля программы Заказчику последний имеет право тестировать модуль в течение 2 недель. После тестирования Заказчик должен принять работу по данному этапу в соответствии с актом сдачи-приемки либо оформить отказ с

указанием причины в письменном виде. В случае обоснованного отказа Исполнитель обязуется доработать модуль.

8. Календарный план работ

Таблица

Календарный план работ

№	Название этапа	Сроки этапа	Чем заканчивается этап
1	Создание технического проекта системы	ДД.ММ.ГГ-ДД.ММ.ГГ	Технический проект
2	Создание рабочего проекта ПО. Реализация. Пробное внедрение	ДД.ММ.ГГ-ДД.ММ.ГГ	Рабочий проект. Программная документация. Акт сдачи-приемки
3	Тестирование, отладка и внедрение.	ДД.ММ.ГГ-ДД.ММ.ГГ	Готовая АСУ пожаротушения, установленная в диспетчерском пункте. Программная документация. Акт сдачи-приемки работ

Приведенный пример выполнения индивидуального задания позволит студентам выстроить траекторию работы относительно выполнения подобного индивидуального задания во время практики и позволит достичь поставленных задач практики.

В заключении хотелось бы отметить, что в ходе экспериментального исследования, проводимого на базе выпускающей кафедры «Информатика» филиала Южно-Уральского университета в г. Нижневартовске, была проведена диагностика готовности студентов к практике и их взаимодействие с информационным обеспечением, выявлены принципы организации производственной практики, определена оптимальность информационной обеспеченности студента как средства повышения эффективности производственной практики разработаны УМК практик, включающие программы практик, рекомендации методического характера.

Библиографический список

1. Программа учебной практики студентов направления 230100 «Информатика и вычислительная техника» / сост. Е.А. Зверева. – Нижневартовск: ф-л ЮУрГУ, 2013. – 13 с.

2. [ГОСТ 19.201-78. Единая система программной документации. Техническое задание. Требования к содержанию и оформлению.](#)

3. Молодцов, М.В. Управление практиками и трудоустройством студентов на кафедре / М.В. Молодцов. – URL: <http://connect.susu.ac.ru/p83561425/>.

4. Стандарт университета. Практика и трудоустройство студентов. СМК СТУ 2.0-2006/. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2006.

[К содержанию](#)

ФИЛИАЛ В г. ОЗЕРСК

УДК 347.627.2

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ
ПРИ ПРИЗНАНИИ БРАКА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ**

Д.Ю. Гришмановский

В статье рассматриваются вопросы, возникающие при признании брака недействительным в силу обстоятельств, предусмотренных российским законодательством. Анализируются правовые нормы гражданского и семейного законодательства Российской Федерации, непосредственно связанные с процедурой признания брака недействительным. Автор аргументирует свою позицию и высказывает свою точку зрения по проблемам, возникающим при применении анализируемых норм.

Ключевые слова: брак, недействительный брак, признание брака недействительным, семейный кодекс.

Основания недействительности брака названы в ст. 28 Семейного кодекса Российской Федерации (Далее – СК РФ), к их числу относятся:

- недостижение брачного возраста;
- нарушение принципа добровольности вследствие понуждения, обмана, заблуждения; невозможность в силу своего состояния здоровья в момент регистрации брака понимать значение своих действий или руководить ими;
- несоблюдение препятствий к браку;
- фиктивность брака;
- наличие венерической болезни, ВИЧ-инфекции, о которых не знал другой супруг.

Недостижение брачного возраста: в силу ст. 13 СК РФ брачный возраст устанавливается в восемнадцать лет.

При наличии уважительных причин органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступление в брак лицам, достигшим возраста шестнадцати лет.

Порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет, могут быть установлены законами субъектов РФ.

Таким образом, поскольку семейное законодательство находится в совместном ведении РФ и субъектов РФ, брачный возраст, установленный ст. 13 СК РФ, может быть снижен законами субъектов РФ до четырнадцати лет при наличии исключительных обстоятельств.

Юридически значимым обстоятельством будет недостижение брачного возраста и отсутствие разрешения органов местного самоуправления на заключение брака.

Отметим, что в силу ст. 29 СК РФ суд может отказать в иске о признании брака недействительным, если этого требуют интересы несовершеннолетнего супруга, а также при отсутствии его согласия на признание брака недействительным. То есть круг юридически значимых обстоятельств расширяется.

Понятие интереса в современных условиях имеет особое значение. Об этом свидетельствует, в частности, употребление данного термина во многих нормах Семейного кодекса (ст. ст. 23, 24, 29, 39, 54, 56, 64, 65, 66, 68, 72, 73, 102, 122, 125 и др.) [2]. Как и субъективные права, интерес является объектом правовой охраны.

Нарушение принципа добровольности в результате понуждения, обмана, заблуждения или невозможность в момент заключения брака понимать значение своих действий является одним из обстоятельств, признаваемых основанием недействительности брака.

Нарушение добровольности возможно по двум причинам:

- 1) принуждение, обман, заблуждение;
- 2) состояние здоровья, исключающее осознание происходящего.

Обе причины подтверждают неправильное формирование воли. В первом случае – в результате воздействия со стороны других лиц, во втором случае – в силу психического состояния здоровья.

Другим обстоятельством, влекущим недействительность брака, является несоблюдение препятствий к браку: наличие другого нерасторгнутого брака, близкое родство, недееспособность. Другой нерасторгнутый брак должен иметь юридическую силу.

Близкое родство как обстоятельство, имеющее значение, означает происхождение лиц от одного либо обоих кровных предков. Степень родства определяется числом рождений. К родственникам относятся лица по восходящей и нисходящей линиям (дед, бабушка, их дети, внуки и наоборот), а также родственники по боковой линии (братья и сестры), в том числе двоюродные, полнородные и неполнородные. Полнородные имеют обоих общих родителей, неполнородные могут быть единокровными и единоутробными. Единокровные имеют общего отца, единоутробные – общую мать. Эти обстоятельства и следует выяснить в судебном заседании.

Усыновленные и усыновители – эти лица приравнены к родственникам по происхождению. Это обстоятельство подлежит доказыванию при оспаривании брака по такому основанию.

Недееспособность в момент заключения брака также свидетельствует о недействительности брака.

Наличие венерической болезни и ВИЧ-инфекции подлежит доказыванию одновременно с обстоятельством, состоящим в том, что другому супругу этот факт неизвестен.

Фиктивность брака означает отсутствие у лиц, вступающих в брак, намерений создать семью (у одного из них). Об этом могут свидетельствовать различные обстоятельства: поведение до заключения брака, в момент заключения брака, после заключения брака. Состав, характер поведения определяются конкретным делом, конкретной ситуацией.

Причем брак может быть признан действительным, если к моменту рассмотрения дела отпали те обстоятельства, которые в силу закона препятствовали его заключению.

Суд не может признать брак фиктивным, если до рассмотрения дела судом супруги создали семью.

Следует также иметь в виду, что расторгнутый брак также есть препятствие для признания его недействительным, за исключением брака, заключенного между близкими родственниками и лицом, которое состоит в другом нерасторгнутом браке.

В этих двух случаях расторгнутый брак может быть признан недействительным.

Рассмотрим последствия недействительности брака для добросовестного и недобросовестного супруга.

Общие положения о последствиях недействительности сделки закреплены в ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации (Далее – ГК РФ). Кроме того, в других нормах ГК РФ могут быть установлены иные последствия недействительности. Недействительный брак, как и всякая недействительная сделка, является неправомерным действием. Недействительность сделки является основанием для двусторонней либо односторонней реституции или не влечет никакой реституции. Двусторонняя реституция означает, что каждая из сторон обязана возвратить другой стороне все полученное по сделке, а в случае невозможности – возвратить полученное в натуре или возместить его стоимость в деньгах. Такое последствие возможно при отсутствии умысла на нарушение закона у обеих сторон. Односторонняя реституция характеризуется тем, что все полученное по сделке должно быть возвращено одной стороне, не допустившей нарушения требований закона (добросовестной), а полученное другой взыскивается в доход государства (ст. 179 ГК РФ). Если сделка совершена с целью, противной основам правопорядка и нравственности, все полученное по сделке взыскивается в доход государства (ст. 169 ГК РФ), реституция не допускается.

Согласно ст.ст. 171, 178 ГК РФ наряду с общими последствиями недействительности возможны последствия в виде возмещения реального ущерба. Расчеты при возврате имущества из незаконного владения производятся по

правилам ст. 303 ГК РФ. Недействительность не исключает применения ст.ст. 1103, 1107 ГК РФ, регламентирующих неосновательное обогащение [3].

При применении последствий недействительности следует иметь в виду Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П[1].

Последствия недействительности брака имеют свои особенности.

Поскольку признание брака недействительным производится только судом (п. 2 ст. 27 СК РФ), можно заключить, что недействительный брак относится исключительно к оспоримым сделкам (п. 1 ст. 166 ГК РФ).

Отличительной особенностью последствий недействительности оспоримой сделки является то, что они могут наступить лишь в случае, если требование о признании сделки недействительной исходит от лица, уполномоченного обращаться в суд с таким иском. Будучи совершенной, такая сделка порождает права и обязанности, но, будучи оспорена, она может быть признана судом как недействительной (полностью или в части), так и действительной. Например, обстоятельства, устраняющие недействительность брака, перечислены в ст. 29 СК РФ. В любом случае суд не вправе по собственной инициативе применить последствия недействительности оспоримой сделки (п. 2 ст. 166 ГК РФ).

Применительно к браку последствия его недействительности могут быть применены судом лишь по иску лица, имеющего право требовать признания брака недействительным (ст. 28 СК РФ). Наряду с общими последствиями недействительности брака по гражданскому праву (недействительный брак не порождает прав и обязанностей супругов и признается недействительным со дня его заключения – п. 1 ст. 30, п. 4 ст. 27 СК РФ), законом предусмотрены специальные нормы, которые сведены в ст. 30 СК РФ.

В соответствии с ними к имуществу, приобретенному совместно лицами, брак которых признан недействительным, применяются положения Гражданского кодекса РФ о долевой собственности. Брачный договор, заключенный супругами, признается недействительным (представляется, что последствия недействительности брачного договора должны определяться по правилам ст. 167 ГК РФ, устанавливающей общие правовые последствия недействительности сделки). Признание брака недействительным не влияет на права детей, родившихся в таком браке или в течение трехсот дней со дня признания брака недействительным (п. 2 ст. 48 СК РФ).

Признание брака недействительным влечет аннулирование без принятия судом дополнительного решения и некоторых других прав супругов:

- права на ношение фамилии, принятой при государственной регистрации заключения брака;
- права пользования жилой площадью другого супруга при вселении в нее после заключения брака;
- права наследования по закону после смерти супруга;
- права на пенсию по случаю потери кормильца.

Из указанных специальных норм предусмотрены исключения, целью которых является защита на уровне федерального закона прав супруга, права которого нарушены при заключении недействительного брака (добросовестного супруга).

В частности, суд вправе признать за добросовестным супругом право на получение от другого супруга содержания в соответствии со статьями 90 и 91 СК РФ, а в отношении раздела имущества, приобретенного совместно до момента признания брака недействительным, вправе применить положения, установленные статьями 34, 38 и 39 СК РФ, а также признать действительным брачный договор полностью или частично. Добросовестный супруг вправе требовать возмещения причиненного ему материального и морального вреда по правилам, предусмотренным гражданским законодательством (п. 4 ст. 30 СК РФ).

Кроме того, добросовестный супруг вправе при признании брака недействительным сохранить фамилию, избранную им при государственной регистрации заключения брака (п. 5 ст. 30 СК РФ).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что правовое значение института недействительности брака в семейном праве заключается в том, что он дает возможность прекратить правоотношения между супругами, возникшие из факта государственной регистрации заключения брака, именно со дня заключения брака, и таким образом как бы вернуть супругов в правовое положение, существовавшее до заключения брака. В результате решения суда о недействительности брака он считается как бы несуществовавшим вообще, и соответственно у граждан, состоявших в нем, в соответствии с п. 1 ст. 30 СК РФ не возникает ни личных, ни имущественных прав и обязанностей, как это имеет место в действительном браке.

Библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 N 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского Кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» // Российская газета. – 26.04.2003.

2. Федеральный закон от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ «Семейный кодекс Российской Федерации»: [принят Гос. думой 8 дек. 1995] // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16. – Статья 44 с изменениями и дополнениями от 31 января 2014 года.

3. Федеральный закон от 30 ноября 1994 N 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)»: [принят Гос. думой 21 окт. 1994] // Собрание законодательства РФ. – 1994. – 05 декабря. – № 32. – Ст. 3301. – Статья 168 с изменениями и дополнениями от 02 ноября 2013 года.

[К содержанию](#)

УДК 343.988

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А.В. Майоров

В статье рассматривается международный опыт защиты жертв преступлений. Анализируется виктимологическая система предупредительных мер в зарубежных странах. Раскрываются основные способы защиты жертв преступлений, применяемые в рамках виктимологической профилактики в странах Запада. Высказывается авторская позиция о необходимости изучения опыта зарубежных стран по обеспечению виктимной защищенности.

Ключевые слова: жертва преступления, виктимологическая защита, защита жертв преступлений, международный опыт.

В настоящее время международный опыт защиты жертв преступлений не утратил актуальности, так как в силу более высокой степени демократизации общества, гуманности права и устоявшейся идеологии учение о жертве преступления – виктимология, является более прогрессивным и притягательным для подражания и внедрения в отечественной правоохранительной и предупредительной деятельности. По мнению профессора В.И. Задорожного, роль такого направления организации предупреждения преступлений, как внедрение зарубежного опыта виктимологической профилактики, не ослабевает также и в силу продолжающегося процесса интернационализации и усиления признаков транснациональности преступности [2, с. 154].

Как отмечают многие исследователи, виктимологическое направление предупреждения преступлений в прошлом веке активно развивалось в странах Западной Европы (Германии, Швейцарии, Швеции, Италии и др.), а также в США, Канаде, Японии. В этих странах происходила активная разработка не только теоретических проблем виктимологии, но и практических аспектов этого направления в целях совершенствования.

За последние тридцать–сорок лет в странах Западной Европы и Северной Америки под влиянием идей ведущих ученых-виктимологов и различных общественных деятелей сформировалась сложная полисубъектная система управления социальными процессами виктимизации как населения в целом, так и отдельных социальных групп. Эта система представляет собой комплекс практических мер по преобразованию социальных отношений в соответствии с целями девиктимизации личности, снижения для социума негативных последствий криминальных эксцессов, воспроизводства режима законностей и принципа справедливости. Данные меры реализуются посредством разнообразных форм и методов воздействия на социальные факторы виктимизации, а также посредством проведения комплексной поствиктимизационной профилактики с целью предотвратить вторичную и рецидивную виктимизацию личности. В то же время викти-

монологическая профилактика на Западе – это один из элементов механизма саморегуляции общества, обеспечивающий подчинение действий разнообразных субъектов нормам права и морали [1, с. 158].

Анализ специальной литературы и зарубежных источников позволяет сделать вывод о том, что мировое сообщество более полувека наряду с изучением личности преступника детально исследует личность жертвы преступления и факторы, в силу которых эта личность стала таковой.

Так, например, в Германии долгое время считалось, что предупреждение преступлений является неприоритетным направлением полицейской работы просто потому, что само наличие аппарата полиции действует как фактор, сдерживающий преступность. Однако, начиная с 60-х годов прошлого века, правоохранительными органами стала широко практиковаться целенаправленная работа с общественностью, ориентирующая граждан на самозащиту. В учебных заведениях полиции Германии преподается специальный курс по основам виктимологии, читаются лекции и ведутся семинары по применению положений этого курса в полицейской практике. В стране широко практикуется консультирование населения о способах технической защиты имущества от воров, а также обучение тому, как грамотно действовать, чтобы не стать жертвой преступления. Меры виктимологического характера реализуются на всех уровнях, наряду с государственными программами существует множество частных программ помощи жертвам преступлений. В них детально анализируются изменения в законодательстве и судебной практике, касающиеся вопросов обеспечения безопасности и социальной помощи лицам, пострадавшим от преступных посягательств.

В Германии существует разветвленная система возмещения ущерба, нанесенного жертвам насилия, которые имеют право на получение от государства компенсации в соответствии с «Законом о возмещении жертвам нанесенного ущерба» [2, с. 154]. Денежная компенсация за причинение нематериального ущерба согласно немецкому «Закону о возмещении жертвам причиненного ущерба» не выплачивается. Такие пробелы в законодательстве устраняются существующей системой частных, государственных и специальных фондов, которые ежегодно получают на эти цели от Федерального министерства юстиции необходимые денежные средства. Заслуживает внимания тот факт, что во время уголовных процессов права жертвы преступления охраняются не только со стороны прокурора, жертвы тяжких преступлений имеют собственного адвоката, расходы на содержание которого берет на себя государство [2, с. 156].

В Великобритании разработаны минимальные стандарты криминальной безопасности, широко практикуется привлечение населения к сотрудничеству с полицией (патрулирование, дежурство в наиболее криминогенных районах), развивается виктимологическое направление предупреждения преступлений. Оно не требует больших материальных затрат и реализует присущее всем людям стремление к самозащите. В Великобритании

оказание помощи лицам, пострадавшим от преступлений, является составной частью уголовной политики государства. Более того, правительством страны разработана Программа помощи жертвам преступлений. В последнее время написано множество популярных статей и пособий на тему «Как защитить себя, свою семью, свое жилище и свою собственность от преступных посягательств», созданы программы защиты потерпевших и свидетелей по уголовным делам, сформированы ассоциации потерпевших от преступлений. Повсеместно развиваются так называемые ассоциации соседей, члены которых патрулируют микрорайоны и поселки и при необходимости вызывают полицейские патрули.

Во всех учебных заведениях – от начальной школы до вузов – проводятся занятия по «Прикладной виктимологии». Желающие могут не только прослушать лекции, но и пройти специальный тренинг, освоить приемы самозащиты и выработать навыки оптимального поведения в экстремальных ситуациях.

В Соединенных Штатах Америки программы специализированной помощи охватывают широкий круг жертв преступлений, включают в себя оказание необходимой медицинской и психологической помощи, материальную поддержку для наиболее нуждающихся, услуги правового характера, в том числе опеку над потерпевшими в период следствия и судебного процесса. Существуют три модели превентивной деятельности: модель общественных учреждений, модель безопасности индивидуума и модель воздействия через окружающую среду. Виктимологический аспект предупреждения преступлений реализуется через модель безопасности индивидуума. На федеральном и местном уровнях разрабатываются программы предупреждения преступности. В некоторых штатах участие в укреплении правопорядка принимают граждане, которым также выдается вознаграждение за информацию, имеющую оперативно-профилактическое значение.

В США огромное внимание уделяется превентивным мерам, направленным на предупреждение насилия в обществе. Так, федеральная программа нравственного оздоровления американского общества включает в себя следующие элементы: формирование ненасильственных установок и навыков у подрастающего поколения; поддержку местных общин в предотвращении насилия; пресечение насаждения расовой и культурно-национальной розни; ограничение распространения оружия среди американских граждан; идеологическое и материальное стимулирование оздоровления семейного образа жизни; рекомендации средствам массовой информации по сокращению рекламы насилия и проведению пропаганды, способствующей сокращению насилия; проведение научных исследований, посвященных выявлению условий, в которых предупреждение преступлений осуществляется наиболее успешно.

Япония представляет интерес в плане предупреждения преступности на местном уровне и участия населения в пресечении преступлений. Действенная система предупреждения правонарушений на муниципальном

уровне позволяет эффективно и системно осуществлять предупреждение преступности в жилом секторе, на улицах и в учебных заведениях, в которых организована работа многочисленных студенческих, молодежных и женских организаций. Повсеместно на хорошем уровне поставлено оповещение полиции о правонарушениях, свидетелями или жертвами которых стали граждане.

Виктимологическими исследованиями в Японии, занимаются не только юридические, но полицейские научно-исследовательские институты, имеющие специальные лаборатории психологии, воспитательной работы, которые изучают личность и поведение потерпевших, ущерб, понесенный ими, формы взаимоотношения жертвы с правонарушителями. Периодически проводятся международные семинары, симпозиумы, конгрессы. Совершенствуется законодательство об уголовно-правовой защите и материальной помощи жертвам преступлений.

В исследовательском плане представляется интересным опыт Италии, Канады, Израиля и других стран по профилактике и предупреждению насильственных преступлений, особенно связанных с проституцией, торговлей людьми и рабством. Указанные страны являются пунктом доставки и транзита жертв торговли людьми в целях сексуальной и трудовой эксплуатации, в том числе на территории других стран и стран Европейского Союза. Во всех этих странах полиция проводит публичную просветительскую кампанию, выпуская и распространяя листовки и другую печатную информацию на различных языках мира о проблеме торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации на коммерческой основе. К распространению печатной продукции виктимологического содержания широко привлекаются граждане. В ряде случаев создаются так называемые контрольные посты вокруг выявленных зон повышенной преступной активности, особенно в ночное время. По результатам этой работы полицией в адрес руководителей ряда заинтересованных министерств и ведомств направляются предложения о принятии мер по урегулированию ситуации, а также о рассмотрении вопроса о целевом выделении финансовых средств для улучшения ситуации в рамках ныне существующих, а также перспективных программ. Организовано взаимодействие полиции с различными правозащитными и общественными организациями (национальными институтами уполномоченных по правам человека), потенциал и авторитет которых используется для защиты прав и свобод граждан страны и иностранцев, способствует развитию образования и правового просвещения в области прав человека, форм и методов их защиты.

Анализируя опыт работы различных международных организаций виктимологической направленности, можно выделить основные четыре позиции: организационную структуру, отношения с другими организациями виктимологического профиля, характер объекта предоставляемой помощи, приоритетные направления преступлений, по которым ведется работа.

Характеризуя организационную структуру, следует отметить добровольные неправительственные организации и организации, в работе которых в той или иной форме участвует государство. Последние существуют в Испании, Бельгии и Германии. Однако они представляют собой исключение: подавляющее большинство программ помощи жертвам в странах Запада обеспечено негосударственными организациями и агентствами, которые зачастую получают значительную финансовую помощь от государства. Так, в Нидерландах принята система прямого государственного финансирования общественных виктимологических фондов, в Германии определенные налоги или штрафы могут идти непосредственно на финансирование помощи и компенсационных выплат жертве [3].

Для координации деятельности виктимологических организаций по защите прав жертв преступлений, в ряде стран Запада создаются общенациональные органы, комитеты, советы и т.п., которые обеспечивают соответствие работы фондов и организаций национальным стандартам благотворительной деятельности, разрабатывают методические рекомендации по совершенствованию виктимологической пропаганды, собирают и обобщают наиболее интересный опыт, обеспечивают связь общественных организаций с государственными структурами и способствуют установлению контактов с аналогичными организациями за рубежом.

Среди государственных органов, с которыми виктимологические организации осуществляют систематическое взаимодействие, центральное место занимает полиция. Так, конструктивные отношения с полицией везде трактуются как ключевое условие оказания эффективной помощи жертве преступления.

Известно, что на международном уровне вопросам защиты жертв преступлений уделяется очень серьезное внимание, в том числе в странах Запада эти проблемы решаются на государственном уровне. Развитие организационных структур виктимологической системы защиты жертв преступлений, ее научно-исследовательской базы, нормативно-правовых основ, уровня ее финансирования, а также степень позитивного восприятия обществом, позволяет судить о том, что виктимная безопасность [4, с. 47.] (защита жертв преступности) в Российской Федерации находится на первых этапах своего развития. Вместе с тем, изучение и анализ международного опыта в этой области и его научно обоснованная корректировка применительно к современным социальным условиям в России позволит преодолеть имеющийся разрыв и повысить правовой и социальный уровень защиты жертв преступлений (потерпевших).

Библиографический список:

1. Варчук, Т.В. Виктимология: учеб. пособие / Т.В. Варчук, К.В. Вишневецкий; под ред. С.Я. Лебедева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 191 с.

2. Задорожный, В.И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук / В.И. Задорожный. – М., 2007. – 606 с.

3. Вишневецкий, К.В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: монография / К.В. Вишневецкий. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 295 с.

4. Воронин, Ю.А. Виктимная безопасность: терминологическая интерпретация / Ю.А. Воронин, А.В. Майоров // Криминологический журнал БГУЭП. – 2014. – № 1. – С. 43–48.

[К содержанию](#)

УДК 343.93/.94

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

К.И. Попов

Современные компьютерные системы охватывают практически все сферы социальной структуры, науки и экономики. Доступность информационных ресурсов, высокая скорость обработки данных – все это способствует интеграции информационных технологий в жизнедеятельность человека. В связи с этим борьба с преступностью в сфере компьютерной информации приобрела характер международного масштаба.

В статье рассматривается: глобальная компьютеризация современного общества, личность преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации и характеристика лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: компьютерная информация, личность преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации, характеристика лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации.

Современный этап развития технологий характеризуется тем, что информационные потоки беспрепятственно преодолевают государственные границы, свободно циркулируют в информационном пространстве, значительно расширившимся за счет совершенствования вычислительной техники.

Сегодня возросли возможности сбора, обработки, хранения и передачи информации, а также доступа к ней. Вполне объективно можно говорить об увеличении воздействующего характера информации на развитие различных сфер человеческой деятельности. Налицо и новые формы коммуникационного обмена между социальными субъектами: развитие новых информационных технологий, мультимедийных средств, а также технологий доставки информации.

Современные экономические, культурные и политические отношения невозможны без индустрии связи. В этой сфере с каждым годом обостряется конкуренция, а операторы для достижения максимальной стабильности бизнеса ориентируются на предоставление как можно более полного комплекса услуг.

Россия все больше интегрируется в мировое сообщество, что побуждает её развивать собственную инфраструктуру связи в рамках общемировых тенденций. Мы стремительно приближаемся к ситуации, когда сетевые и мобильные (беспроводные) устройства, способные работать круглые сутки, для многих людей станут главным средством общения с внешним миром. В ближайшие годы основными движущими силами на этом рынке, одним из условий успешного развития которого по-прежнему является необходимость расширения полос частот, улучшение качества предоставляемых услуг связи и приток инвестиций, останутся телерадиовещание, Интернет и мультимедийные услуги [1, с. 205–206].

Информационная Эра привела к драматическим изменениям в способе выполнения своих обязанностей для большего числа профессий. Теперь нетехнический специалист среднего уровня может выполнять работу, которую раньше делал высококвалифицированный программист. Служащий имеет в своем распоряжении столько точной и оперативной информации, сколько никогда не имел. Но использование компьютеров и автоматизированных технологий приводит к появлению ряда проблем для руководства организацией. Компьютеры, часто объединенные в сети, могут предоставлять доступ к колоссальному количеству самых разнообразных данных. Поэтому люди беспокоятся о безопасности информации и наличии рисков, связанных с автоматизацией и предоставлением гораздо большего доступа к конфиденциальным, персональным или другим критическим данным. Увеличивается число компьютерных преступлений, что может привести в конечном счете к подрыву экономики. И поэтому должно быть ясно, что информация – это ресурс, который надо защищать. Ответственность за защиту информации лежит на низшем звене руководства. Но также кто-то должен осуществлять общее руководство этой деятельностью, поэтому в организации должно иметься лицо в верхнем звене руководства, отвечающее за поддержание работоспособности информационных систем. И так как автоматизация привела к тому, что теперь операции с вычислительной техникой выполняются простыми служащими организации, а не специально подготовленным техническим персоналом, нужно чтобы конечные пользователи знали о своей ответственности за защиту информации. Одной из причин возникновения компьютерной преступности явилось информационно-технологическое перевооружение предприятий, учреждений и организаций, насыщение их компьютерной техникой, программным обеспечением, базами данных. Другая причина, реальная возможность получения значительной выгоды за противоправные деяния с использовани-

ем ЭВМ. Появилась заманчивая возможность как бы обменивать продукт своего неправомерного труда на иные материальные ценности.

Актуальность проблемы состоит в том, что техническими методами вести борьбу с компьютерными преступлениями невозможно, потому что сам «преступник», совершающий компьютерные преступления является высоким «профессионалом» в области компьютерных знаний и различные защитные программы для него известны и могут быть «взломаны» им без особого труда. Поэтому, ситуация сложившаяся в обществе, потребовала принятия норм уголовного права, которые предусматривали бы ответственность за совершение преступлений в сфере компьютерной информации [2].

Согласно Большой юридической энциклопедии, личность преступника – лицо, которое совершило преступление, в котором проявила его антиобщественная направленность, влияющая в сочетании с внешними условиями и обстоятельствами на характер преступного поведения.

Личность представляет собой индивидуальное выражение социально-значимых свойств, индивидуальную форму отражения бытия и духовных условий общества. С уголовно-правовой позиции личность преступника – лицо, совершившее преступление и признанное судом виновным.

Структура личности преступника включает в себя биофизиологические, социально-демографические, психологические, нравственные, социально-ролевые и уголовно-правовые признаки.

Биофизиологические признаки – это пол, возраст, состояние здоровья, особенности физической конституции, природные свойства нервной системы.

Психологические характеристики людей имеют генетический характер, от которых зависит то, что индивид берет из окружающей среды, конкретных условий жизни и воспитания, а также других обстоятельств, с которыми ему приходится сталкиваться. Важным условием является степень активного сопротивления негативным явлениям окружающей среды.

Социально-демографические признаки – это пол, возраст, образование, социальное положение и происхождение, род занятий, национальная и профессиональная принадлежность, семейное положение, уровень материальной обеспеченности, принадлежность к городскому или сельскому населению.

Возраст преступников позволяет судить об интенсивности проявления криминогенной активности и особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп.

Образовательный и интеллектуальный уровень определяют характер преступления.

Третью часть всех преступников составляют лица, не занятые общественно-полезным трудом.

Важное значение имеют семейное положение, уровень материальной обеспеченности, место жительства.

Нравственные и психологические характеристики позволяют познать внутреннее содержание личности – ее мировоззренческие и нравственные черты и свойства, взгляды, убеждения и ценностные ориентации.

Человек становится личностью тогда, когда у него выработана определенная мировоззренческая позиция.

Соотношение социальных и биологических факторов в возникновении и дальнейшем развитии преступного поведения имеет теоретическое и практическое значение: отклонения в ту или иную сторону определяют цели и методы борьбы с преступностью.

Соотношение социального и биологического в поведении человека не является постоянным. Оно различно в начальной стадии развития человека, ведущей к акту сознательного поведения; в процессе развития конкретного организма и жизни индивидуума; в процессе общественного развития.

В начальной стадии развития человека важно установить, действуют ли на данном этапе какие-либо биологические факторы, которые смогут повлиять на развитие личности в криминогенном направлении.

При этом необходимо учитывать генетические (наследственные), экологические (влияние внешней среды) и индивидуальные факторы.

При изучении причин конкретного преступления не следует избегать всего, что относится к биологической структуре личности преступника.

В процессе формирования личности биологический элемент выражен гораздо слабее, чем в начальной стадии развития человека, а социальный – значительно сильнее.

Существенное значение имеют пол, возраст, состояние физического и психического здоровья, а также наличие патологических отклонений.

Наибольшее влияние на формирование личности оказывают возрастные признаки. На разных возрастных этапах социальная среда воздействует на личность неодинаково. Незрелость нервной системы в раннем возрасте, неподготовленность организма ко многим психическим проявлениям, неумение реально оценить возможные последствия при неблагоприятных обстоятельствах могут способствовать совершению преступления.

При зарождении преступного намерения и реализации преступного замысла взаимодействуют 2 социальных фактора: конкретная жизненная ситуация, имеющая значение для повода к совершению преступления, и личность преступника со сложившейся криминогенной мотивацией.

В поведение человека включаются воля, творчество, эмоциональная сфера. Для индивидуальной поведенческой реакции значение имеют особенности биологии человека [3, с. 285–286].

Компьютерный преступник обладает не просто знаниями в области компьютерных технологий, он обладает специальными, достаточно глубокими знаниями, позволяющими ему прокладывать себе путь сквозь любые защитные и оградительные механизмы.

Основное свойство компьютерной информации – полная идентичность копии и оригинала – вроде бы никаких прямых выходов на личность преступника не имеет. Но, так как копия имеет в большинстве случаев ценность, эквивалентную ценности оригинала, необходимость в завладении собственно оригиналом отпадает. Достаточно лишь любым способом сделать копию. При этом факт копирования может быть вообще никак не зафиксирован, поэтому и факт посягательства как бы отсутствует. Так и бывает в большинстве реальных случаев посягательства на компьютерную информацию. Следовательно, налицо повышенная безнаказанность подобного рода преступлений и, соответственно, преступников, их совершающих. Поэтому компьютерному преступнику практически не надо бояться подозрений, неожиданных визитов представителей «органов» и тому подобных неприятностей. Компьютерный преступник – это человек, профессионально занимающийся своей деятельностью практически без риска быть уличённым в чём-либо незаконном. Он свободен от сонма страхов, которые преследуют воров, убийц и иных «мирских», некомпьютерных криминальных элементов. Это – «технический» портрет компьютерного преступника, отвлечённый от конкретной личности. Компьютерная преступность – явление настолько новое в жизни человечества, что говорить что-либо конкретное просто невозможно – не накопилось ещё достаточно информации и практического опыта. Но этот «портрет» вполне может стать ориентиром в борьбе с компьютерной преступностью, он позволяет выделить основные черты, присущие личности компьютерного преступника независимо от того, кто его родители, в какой социальной среде он вырос, сколько ему лет или был ли он ранее судим за иные преступления [4].

В результате своей деятельности компьютерные преступники присваивают деньги с кредитных карточек и информацию, которая циркулирует в сетях, различные сведения, хранящиеся на не принадлежащих им компьютерах, посягая на информацию, имеющую сугубо конфиденциальный характер. Например, в сентябре 2000 года Web-сайт Western Union оставался неработоспособным в течение пяти дней после того, как компьютерным преступникам удалось взломать защиту и похитить конфиденциальную кредитную и дебетовую информацию о 15,7 тысячи клиентов – держателей кредитных карт этой компании, пользующихся услугами Western Union для перевода своих средств через Интернет. Причём задачу компьютерным преступникам облегчили сами сотрудники компании Western Union, оставив незащищённой компьютерную систему во время проведения рутинных профилактических работ, что официально подтвердили представители самой компании. Во избежание мошенничества Western Union уведомила Visa и MasterCard о номерах украденных кредитных карт, а также фирмы, принимающие эти кредитки и самих держателей карт. Представитель Western Union Питер Зиверц, утверждал, что после восстановления Web-

сайта компания полностью уверена в его безопасности, так как для этого предприняты «все необходимые действия, какие только можно».

Во время предварительного слушания 27-летний Макс Рей Батлер, также известный как Макс Вижен, был обвинен в незаконном доступе в незаконном доступе в защищённые компьютеры и нанесении им ущерба. В марте Батлер уже обвинялся в электронном взломе и нанесении вреда сотням компьютеров, а также в попытке выманить персональные пароли у 477 пользователей калифорнийского Интернет-провайдера Aimnet. В совокупности совершенные Максом Виженом компьютерные преступления квалифицируются как уголовные и предполагают отбытие пятилетнего заключения, а также уплату штрафа в размере 250 тысяч долларов с обвиняемого [5, с. 27–28].

Лица, совершающие преступления в сфере компьютерной информации характеризуются в юридической литературе как профессионалы высокого класса, использующие свои интеллектуальные способности для разработки способов преступных посягательств на компьютерную информацию (преимущественно «взломов» систем компьютерной защиты и безопасности). Иногда их ещё называют компьютерными хулиганами. В качестве основных признаков, указывающих на совершение компьютерных преступлений именно этой группой лиц, выделяются:

- отсутствие целеустремлённой, продуманной подготовки к преступлению;
- оригинальность способа совершения преступления;
- использование в качестве орудий совершения преступления бытовых технических средств и предметов;
- непринятие мер к сокрытию преступления;
- факты немотивированного озорства.

Помимо профессиональных взломщиков компьютерных сетей и программ («кракеров»), в числе лиц, совершающих компьютерные преступления, выделяют:

- лиц, не обладающих серьёзными познаниями в области программирования и компьютерной техники, имеющих лишь некоторые пользовательские навыки работы с ЭВМ. Как правило, их действия направлены на уничтожение, блокирование, модификацию, копирование нечем не защищённой информации (например, если компьютер не имеет пароля доступа или пароль известен широкому кругу лиц);

- лиц, имеющих психические отклонения. К их числу относят лиц, страдающих различными компьютерными фобиями. Эта категория заболеваний связана с нарушениями в информационном режиме человека под воздействием внешних или внутренних дестабилизирующих факторов как врождённого, так и приобретённого свойства [6].

Как известно, каждый конкретный метод совершения компьютерного преступления представляет собой набор специфических действий право-

нарушителя по проведению необходимой подготовки к преступлению, совершению самого преступления с использованием электронно-вычислительных средств и дальнейшей маскировки преступления. Компьютерные правонарушители до, в момент и после совершения своих деяний оставляют хотя бы минимальные улики, которые затем предоставляют соответствующим специальным службам возможность восстановления обстановки и обстоятельств произошедшего, а также дают представление об отличительных чертах преступного поведения правонарушителя и данные относительно его личности.

Так кто же он, типичный компьютерный преступник?

В России, как показывают статистика и проведенные отечественными специалистами исследования, до 20 % от общего числа компьютерных преступников олицетворяют собой некий стереотип. В соответствии с ним компьютерный преступник – это гражданин страны примерно 18–20 лет, выросший в российской семье со средним достатком, обладающий неряшливой причёской, в очках, молчаливый, замкнутый и рассеянный, увлечённый компьютерной техникой и игнорирующий события в окружающем мире.

Остальные 80 % компьютерных преступников либо полностью, либо частично отличаются от приведенного описания, и их можно подразделить на группы следующим образом. Около 20 % технократов, то есть людей буквально «молящихся» на компьютер и электронную технику в целом, о которых иногда говорят «не от мира сего». Порядка 40 % «крепкого середняка», знающего свое дело, но «звезд с неба не хватающего». И примерно 20 % компьютерной элиты, представляющий собой законченный продукт рыночных отношений, знающей себе и своим знаниям истинную цену.

Последняя и частично вторая группа превратили увлечение в доходное дело, обладают не только общими знаниями в области информационных технологий, но и специальными навыками и наработками в плане обращения со средствами вычислительной техники, программным обеспечением, компьютерными системами и сетями, которые позволяют им преодолевать защиту компьютерных систем.

Именно «компьютерная элита» является движущей силой как в законопослушной деятельности в сфере высоких информационных технологий, так и в области компьютерной преступности.

Интересно, а к какой группе следует отнести такую незаурядную личность, как индус Анкит Фадиа? Так же, как и миллионы его сверстников во всем мире, индийский подросток Анкит любит слушать музыку, смотреть сериал «Секретные материалы» и собирать фотографии знаменитых актеров, звезд Голливуда. Как и миллионы подростков непосредственно в современной Индии, он целиком захвачен всем тем, что связано с вычислительной техникой.

Исключительно ради забавы он регулярно взламывает различные Web-сайты. Кроме того, 16-летний подросток стал автором довольно незаурядного справочника по всемирному киберпространству. На то, чтобы написать этот 600 страничный опус «Неофициальное руководство этичного электронного взлома» (The Unofficial Guide to Ethical Hacking), Анкит Фадиа потратил часть своих летних каникул. Наряду с описанием различных методов информационного пиратства и вредоносных компьютерных программ, в руководстве приводятся способы защиты от действий электронных злоумышленников.

У Анкита прослеживается даже собственная философия или, если хотите, выработана несколько противоречивая, но, безусловно, своя жизненная позиция. Как считает юный автор книги, чтобы защититься от электронного взлома, нужно знать, как действуют компьютерные преступники, и в наш век высоких технологий быть одним из них просто необходимо. Однако свое будущее Анкит Фадиа видит связанным с работой в IT-секторе и собирается, получив соответствующее, образование, создать собственную фирму, занимающуюся разработкой систем компьютерной безопасности [5, с. 47–48].

Таким образом, характеристика лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации, представляет собой комплекс сведений о личности вероятного преступника, его психологических, половозрастных и иных особенностях, вероятных мотивах преступления, поведенческих признаках, проявляющихся при подготовке, совершении преступлений и сокрытии следов содеянного.

Библиографический список

1. Рассолов, И.М. Информационное право: учебник / И.М. Рассолов. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. – 440 с.
2. Криминалистический анализ личности преступника [Электронный ресурс]. – URL: <http://stud24.ru/>.
3. Большая юридическая энциклопедия. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 688 с.
4. Преступления в сфере компьютерной информации: криминологический анализ личности преступника [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ronl.ru/referaty/obshaya_psihologiya/2345/.
5. Конявский, В.А. Компьютерная преступность. В 2 т. Т.1. / В.А. Конявский, С.В. Лопаткин. – М.: РФК-ИмиджЛаб, 2006. – 560 с.
6. Личность преступников, совершающих преступные деяния в сфере компьютерной информации, создания, использования и распространения вредных программ ЭВМ [Электронный ресурс]. – URL: <http://shpargalki.ru/news/4716.html>.

[К содержанию](#)

УДК 34.01(470)

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

О.А. Пучков

В статье рассматриваются существующие точки зрения о правовой идеологии в российской правовой системе. Высказывается авторская позиция проблемы по поводу функционирования правовой идеологии. Рассматриваются носители правовой идеологии, ее влияние на поведение индивида и роль государства в ее формировании.

Ключевые слова: правовая система, правовая идеология, оценка правовых явлений, правопорядок.

1. Обозначим наше видение некоторых актуальных проблем правовой идеологии в современных условиях. Для российской правовой системы сохраняется потребность в выработке общего для всех способа оценки правовых явлений окружающего мира, поскольку такая ситуация повышает эффективность правового регулирования.

2. Правовая идеология формулирует у индивидов (субъектов правовой системы) общий подход и общий стандарт восприятия, которая усиливается действием правовых норм (представляющих из себя, как известно, стандарт поведения). В результате правовая идеология формирует в сознании индивида типичную картину мира правовых явлений, иногда упрощенную и априорную. Например, это такие правовые максимы как «сильное государство – это государство, защищающее своих граждан за рубежом», «права личности не есть только права, выраженные в законах», «право – это то, что предполагает ответственность и санкцию» [1] и т.д.

3. Носитель правовой идеологии – это любой индивид, способный осознать свой правовой интерес, артикулировать его и адаптировать его к законодательству, действующему в обществе, соотнести свой интерес с групповым и общественным. Идентичность и определенная «синхронность» индивидуальных и общественных интересов приводит к единству взглядов, идей, понятий, концепций. Формируется доминирующая в обществе идеология, которую разделяют (считают «своей») большинство членов гражданского общества. Следовательно, отдельные граждане не только являются носителями правовых идей, но и субъектами их защиты и реализации. Однако, возможна ситуация, когда члены общества не разделяют ценностей, защищаемых правовой идеологией, и имеют интересы, которые не совпадают с интересами общества и государства. Такая ситуация чревата возможностью правонарушений. Влияет ли правовая идеология на правовое поведение, которое подразумевает и правонарушения? На наш взгляд, эта проблема требует специального изучения.

В этой связи, напомним, что в юридической науке правовое поведение подразумевает два варианта: правомерное поведение и правонарушение. Эта точка зрения является доминирующей в правовой науке [2].

4. Действие правовой идеологии основывается на её нормативности, включенности в правовую систему, способности быть регулятором правовой жизни индивида. Она оказывает воздействие на волю и сознание людей, но в отличие от права – регулятора общественных отношений, правовая идеология оказывает это влияние разными способами: моральными, ценностными, нормативными и даже чувственными (правовые установки, ожидания, правовые устремления и т.п.). Отсюда у правовой идеологии наблюдаются разные способы воздействия на правовое поведение индивида: информационное, адаптационное, ценностное, мотивационное, нормативно – обязывающее.

5. Способ перевода правовой идеологии на индивидуальный уровень связан как с индивидуальным опытом индивида в правовой действительности, так и с воздействием коллективных правовых установок [3], циркулирующих в правовой системе.

6. Влияние правовой идеологии на правовое поведение индивида, во-первых, не может быть только государственным, но также и групповым, и, во-вторых, государственная или общественная правовая идеология не действует на личность непосредственно, то есть путём предписания исполнить позитивную норму права, поскольку «сознание, воля, желание придают человеческим действиям целевую, ценностную направленность. Она позволяет ответить на вопрос, почему при наличии одинаковых социальных условий поведение разных людей и даже одного и того же человека так многообразно». В таком случае, законодатель, конструируя правовую норму на основе государственной правовой идеологии, должен соотносить её критерии и функции с этими важными аспектами реализации правовой идеологии. Нам представляется, что степень научной разработанности данной проблемы пока явно недостаточна, что объективно влияет на эффективность функционирования правовой системы в конечном счете.

7. Правовая идеология в отношении правонарушителей способна выполнять ту же роль, что и правовая информация в целом. В случае совершения правонарушения субъект может воспользоваться ею, но не использует ее либо вследствие правовой не информированности, либо (в случае знания права) в связи с радикальным расхождением в базовых ценностях, исповедуемых правом и правовой идеологией и правонарушителем. Влияние правовой идеологии зависит как от характера правонарушения, так и личности правонарушителя, а также от нормативного содержания того конкретного закона, который был нарушен. Для большинства случаев противоправных действий влияние правовой идеологии на правонарушителя минимально.

Библиографический список

1. Курильски-Ожвэн, Ш. Образы права в России и Франции / Ш. Курильски-Ожвэн, М.Ю. Арутюнян, О.М. Здравомыслова. – М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982; Пьянов, Н.А. Правовое поведение: понятие и виды / Н.А. Пьянов // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 4. – С. 12–17.
3. Кваша, А.А. Правовые установки граждан: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Кваша. – Ростов н/Д., 2002. – 160 с.

[К содержанию](#)

ФИЛИАЛ В г. СНЕЖИНСК

УДК 1:24(091) + 811.211'25

**О ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА САНСКРИТСКОГО
ФИЛОСОФСКОГО БУДДИЙСКОГО ТЕКСТА**

С.Б. Березной

В статье автор рассматривает проблемы, возникающие при переводе буддийской философской терминологии. Автор подвергает критике ряд переводческих шаблонов. А именно: замена санскритских терминов на европейские философские термины, неизбежно искажающая суть буддийских философских воззрений, приводящая к возникновению «параллельных» текстов вместо адекватных переводов. Автор настаивает на необходимости сохранения при переводе в тексте всей основной философской санскритской лексики, истолковываемой при этом, по возможности, многовариантным образом.

Ключевые слова и фразы: перевод, санскритская терминология, буддийская философия, буддология, текст.

Выдающийся отечественный исследователь буддийской философии Ф.И. Щербатской о трудностях перевода санскритских научных текстов высказался таким образом: «Перевод санскритских научных сочинений дело весьма трудное и новое. Сочинения эти написаны особым стилем, имеющим мало общего со стилем поэтической и повествовательной литературы. Они, кроме того, оснащены особыми техническими терминами, значение которых не всегда легко угадать» [12, с. 56]. Эти слова были написаны в начале XX века, но они актуальны и поныне. Причём Ф.И. Щербатской подбирает точное и честное слово, характеризующее сам метод истолкования санскритских терминов, – это слово «угадать»! Европейская буддология, таким образом, по ясно выраженному признанию своего классика, имеет дело с угадыванием как с методом перевода терминологии санскритских научных текстов. Когда же предметом исследования становятся именно философские произведения, трудности ещё более возрастают, так как согласно Ф.И. Щербатскому: «Переводчику то и дело приходится сталкиваться со словами, ему хорошо известными, употреблёнными для обозначения каких-то понятий, которые, очевидно, не имеют ничего общего с обыкновенным значением слова» [12, с. 57]. И это, безусловно, так. Но я не могу согласиться с тем способом, с помощью которого Ф.И. Щербатской пытается разрешать все трудности в своей переводческой деятельности. Он декларирует определённый познавательно-истолковательный принцип, заимствованный им из тех требований, которые В. Соловьёв предъявлял к собственным переводам творений Платона. Этот

принцип Ф.И. Щербатской попытался применить при переводе сочинения Дхармакирти «Nyāyabindu», переводимого им как «Учебник логики», с толкованием на него Дхармоттары [12]: «Мы... старались по мере возможности проникнуть в мысль автора в полном ее объеме и передать ее на русском языке так, как передал бы ее сам автор, если предположить, что ему пришлось бы писать на этом языке» [12, с. 58]. Но то, что Ф.И. Щербатской формулирует здесь в качестве методологического принципа, попросту не осуществимо. И почему это так? Дело в том, что Ф.И. Щербатской не обладает йогически-созерцательным опытом Дхармакирти, он получил принципиально иное образование, он живёт в условиях совершенно иной культуры и в совершенно иную эпоху. Полагаю, что Ф.И. Щербатской и Дхармакирти – люди по своему умственно-духовному состоянию настолько разные, что между ними пролегает если не пропасть, то, по крайней мере, некое труднопреодолимое культурно-ментально-временное расстояние. И тот, кто полагает иначе, пусть докажет, что русский профессор XX века и индийский буддийский мыслитель VII века – это, если и не одно существо, то, по крайней мере, единомышленники. Или, может быть, Ф.И. Щербатской обладал одним из пяти «абхиджня» (санскр. раñса abhiññās), одним пяти «высших знаний», «чудесных способностей» [9, с. 489; 12, с. 8–9] – а именно «парачитта-джняна» (санскр. paracitta-jñāna), то есть «знанием иных умов, способностью знать мысли и намерения других существ»? А как иначе может русский профессор передать мысль индийского автора на русском языке так, как её передал бы сам автор?

Но как же тогда переводить буддийские философские тексты, если различия между существами и эпохами велики? Но сначала надо определиться с тем, что же такое буддийская философия? Буддийская философия – это тексты по Абхидхарме. Слово «Абхидхарма» (санскр. abhidharma, пали abhidhamma) переводится как «высшая дхарма», то есть «высшее Знание», или как «то, что ведёт к дхарме», то есть к Знанию. Абхидхарма – это онтология и гносеология буддизма, это и буддийская сотериология, учение о спасении от страданий, вызываемых пребыванием в причинно-следственной, телесно-временной реальности, то есть в том, что в буддизме именуется «сансарой». Проблема перевода буддийских философских текстов заключается в том, что они таят в себе ряд трудноразрешимых герменевтических проблем и при интерпретации их совершенно необходимо уделять особое внимание сложнейшей смысловой игре многообразных слов и предложений этих текстов. Но многие буддологи читают древние и современные буддийские тексты так, будто они не представляют собой никаких герменевтических проблем и не уделяют никакого внимания семантическим, синтаксическим, этимологическим загадкам буддийских текстов. Например, общепринятым является шаблонное приписывание санскритскому термину «шуньята» (śūnyatā) значения «пустота», (англ.) «empty-

ness», «voidness». Например, санскритскому термину «акаша» (ākāśa) обычно приписывается значение «пространство», «пространство (пустое)», (англ.) «space», «space (empty)». Понятие «виджняна» (vijñāna) переводят исключительно как «сознание». Понятие «атман» (ātman) переводят как «душа» или как «эго, индивидуальное я», «анатман» (anātman) – как «не-я», «отсутствие души». А чего стоит распространённое буддологическое истолкование ключевого для всей системы буддийских воззрений понятия «нирвана» (nirvāṇa)! Несмотря на то, что представители традиционных буддийских конфессий рассматривают нирвану как нечто в высшей степени положительное, привлекательное и сверхценное [2, с. 226–227; 5, с. 42–43], нирвана понимается многими буддологами как некий род «вечной смерти» – когда уставшее от сансарных перерождений живое существо достигает вечного покоя нирваны, то есть, по их мнению, уходит в «небытие» и впадает в состояние «вечной смерти». Такого рода воззрения, впрочем, с рядом существенных оговорок, приписываются, например, Ф.И. Щербатским последователям ранних направлений буддийской философии – вайбхашикам [11, с. 225–227] и саутрантикам [11, с. 228–229]. Ссылок из буддологических текстов, где имеет место подобное однозначное и беспроblemное словоупотребление, можно привести множество, как на русском, так и на английском языке – главном языке современной буддологии. Такого рода переводы терминов и текстов на основе такого рода переводов слов не просто некорректны. По причине своей историко-философской неопределённости, безликости и отсутствия какой-либо связи с духом и сутью изначального санскритского слова и текста они вообще не могут быть рассмотрены в качестве перевода. Это некие «параллельные» тексты, создание которых было как-то навеяно «исходниками» – текстами, предназначенными для перевода. Приведу пример такого «параллельного» текста: «Категории – это объекты познания. Их семь, и [они] именуется: субстанции, атрибуты, движения, универсалии, партикулярии, присущность, небытие» [10, с. 316]. При всём уважении к научной разносторонности и научной состоятельности переводчика – В.К. Шохина – к процитированным предложениям его перевода возникают вопросы: какого философского направления этот текст, в рамках какой философской традиции он создан? Кто автор исходного текста? Буддист, индуист, перипатетик, католический схоласт? И какое отношение эти две русские фразы имеют к индийской философии? Ибо терминология, используемая переводчиком настолько неопределённо универсальна, что может использоваться для «изложения» (понятие «перевод» здесь, на мой взгляд, не вполне уместно) воззрений мыслителей и философских школ разных эпох и культур. Неужели автором приведённых высказываний мог бы быть вайшешик Шивадитья (XII в.), а цитата взята из его трактата «Саптападартхи» («О семи категориях»), как об этом сказано в книге В.К. Шохина [10, с. 316–337]?!

Причём, из всех приведённых в процитированном тексте понятий переводчик в своём комментарии дал пояснение только к последнему: «небытие» – это *abhāva*. Какие санскритские слова запрятаны за «универсалиями», «партикуляриями» и проч. остаётся только догадываться. И непонятно: а для кого сделан такой перевод? И что могут почерпнуть из такого перевода те, кто изучает индийскую философию? Те, кто всерьёз изучает индийскую философию, явно захотят увидеть переводимые санскритские термины; те же, кто прочитает его в ознакомительно-поверхностных целях, не поймут, что же в этом тексте специфически индийско-философского.

Исследователь В.Б. Коробов весьма сурово высказывается в отношении языка, с помощью которого многие буддологи осмысливают буддийские доктрины. Он совершенно справедливо отмечает наличие следующего печального факта: «В обилии встречающиеся... на страницах буддологических сочинений слова «личность», «я», «индивидуальность», «мышление», «сознание», по существу, являются скрытыми лакунами, которые читатель склонен заполнять наиболее туманными и смутными из всех имеющихся у него представлений» [3, с. 90]. Это, действительно, так. Буддологические работы создают иллюзию, что с буддийской философией всё уже ясно, что глубокомысленные толкования европейских авторов разрешают все её проблемы и объясняют все её тонкости. При этом мы имеем дело с мировой религией, которой не менее двух с половиной тысячелетий, с самобытными и тщательно разработанными религиозно-философскими традициями, которым более полутора-двух тысячелетий и изучение которых европейскими учёными только начинается. Большинство буддологов даже не задаёт вопросы к буддийским понятиям и текстам, явным образом основываясь по отношению к ним на «методологической позиции» всезнайства и принципиальной общепонятности текстуального материала.

Выдающийся российский исследователь буддийской философии О.О. Розенберг в своей книге «Проблемы буддийской философии», говоря о сложностях перевода основополагающих понятий буддийской Абхидхармы, высказывается по поводу малой эффективности этимологического прочтения философских терминов: «Термины как таковые являются отчасти словами обыденного языка с более или менее изменённым значением, отчасти же техническими выражениями, не встречающимися в обыденном языке. Поскольку термины заимствованы из обыденного языка, этимологическое их значение мало или вовсе не может способствовать пониманию их философского значения в системе...» [8, с. 105]. С данным мнением О.О. Розенберга я не вполне согласен. Его утверждение, что термины «являются отчасти словами обыденного языка с более или менее изменённым значением, отчасти же техническими выражениями, не встречающимися в обыденном языке», по отношению к терминам буддийской философии не вполне применимо. Данное утверждение гипотетично и бездоказательно. Впрочем, следует заметить, что большинство отечественных и зарубежных

буддологов проблемами лексикологии и этимологии буддийских философских терминов вообще не интересуется. Лексикологические же и этимологические изыскания в отношении санскритских философских терминов, на мой взгляд, просто необходимы и могут пролить свет на подлинный смысл и даже на потаённую суть этой терминологии. Так, в качестве дополнительного инструмента для перевода санскритских терминов, естественно, при этом, не переоценивая его значения, можно рассматривать интересную особенность санскритской лексики – многие санскритские слова представляют собой, буквально говоря, шарады. Шарада – это: «загадка, в которой загаданное слово делится на несколько составных частей, каждая из которых представляет собой отдельное слово» [6]. Такого рода языковой феномен, представляющий собой определённую лексикологическую, этимологическую проблему, может быть замечен в той или иной степени, вероятно, во многих языках, но санскриту он свойственен особенно. Прочитаем ряд слов «по слогам», приводя сначала значения этих слов, наличествующие в санскритских словарях, а затем, после тире, приводя значения этих слов на основе интерпретации слогов, значения которых также взяты из санскритских словарей [4; 14].

Итак: «асура» (asura), древнее именование божеств, – (asu-ra), «обладающий жизнью, дыханием, [жизненной силой]»; (a-sura), «не божество», в ведийскую и пост-ведийскую эпоху это именование могущественных демонов, противников божеств, deva. «Нара» (nara, также nar), «человек», – (na-ra), «не обладающий [предположительно: жизненной силой, подлинной жизнью]», но помимо отрицательной приставки na в санскрите есть отрицательная приставка mā со значением запрета и полного отрицания, поэтому, возможно, степень «необладания жизненной силой» в слове na-ra подразумевается как не полная, – так, когда говорят «неимущие», подразумевают «малоимущие». «Мара» (māra), «убивающий», именование злого духа, – (mā-ra), «полностью не обладающий [предположительно: жизненной силой, подлинной жизнью]», то есть упырь. «Нарака» (naraka), «ад» – (na-ra-ka), «не обладающий ka», ka – «имя собственное многих Богов, солнце, душа, тело, время; радость, веселье, вода, голова», то есть всего этого нет в аду. «Виджняна» (vijñāna), «способность познавать», «сознание», – (vi-jñāna), «птица-знание», то есть сознание, познавательная активность уподобляется птичьему полёту. «Нирвана» (nirvāṇa), состояние освобождения от сансары, – (nir-vā-ṇa), «прекращение дуновения [ветра мирского] знания», «прекращение связи с [мирским] знанием»; (nir-vā-aṇa) – «прекращение дуновения [ветра] незнания», «прекращение связи с незнанием»; (nirvā-ṇa) – «тушить [мирское] знание»; (nirvā-aṇa) – «тушить незнание»; (nir-vāṇa) – «без стрелы», то есть это состояние, когда стрела из тела раненого извлечена и он оправился от раны. «Бхава» (bhāva), «существование», синоним сансары, – (bhā-va), «светить немного», «как бы быть». «Дукха» (duḥkha), «горе, зло», – (duḥ-kha), «дурное, неправильное

небо», «дурное, неправильное воздушное пространство». «Сукха» (sukha), «покой, доброта, счастье, радость», – (su-kha), «хорошее, прекрасное небо», «хорошее, прекрасное воздушное пространство», «обладать силой неба, воздушного пространства», «обладать верховной властью [над] небом, воздушным пространством».

В связи с чем возникают закономерные вопросы: кто это сделал и как? или этого никто не делал и данное языковое явление обладает стихийной природой самовозникновения? – которые по крайней мере пока придётся оставить без ответа. И это, следует подчеркнуть, важнейшие понятия буддийской и вообще индийской философии – её онтологии, гносеологии, сотериологии. Очевидно, что слоговое письмо в санскрите – не случайность и не произвол древнеиндийских брахманов-языковедов. Почти каждый слог в санскрите обладает своим собственным значением, те же слоги, значения которых в словарях отсутствуют, возможно, обладали изначально такими значениями, но они утрачены. Полагаю, что «послоговые» прочтения всех санскритских философских терминов необходимы, хоть и не во всех случаях такие прочтения возможны, и именно они и могут дать представление об исконном смысле этих терминов, и результатами этих прочтений необходимо, если не руководствоваться при переводе, то по меньшей мере их следует учитывать.

Таким образом, при переводе буддийских философских текстов не следует пренебрегать исследованием семантики и этимологии санскритских терминов. Переводить и истолковывать необходимо всю санскритскую терминологию, указывая при этом в скобках в тексте или в постраничных сносках все ключевые санскритские термины. Причём я не предлагаю здесь ничего принципиально нового – так поступали и поступают многие исследователи буддийской философии, здесь можно указать на Л. де ла Валле Пуссена, К. Линдтнера, М. Бойсверта, на некоторые из работ Ф.И. Щербатского, на учёных XXI века – Бхиккху КЛ Дхаммаджоти (Bhikkhu KL Dhammajoti), Лью Джу Чонга (Liew Jew Chong) и многих других. С. С. Дэвидсон подчёркивая, что великий тхеравадинский учёный монах Махатеро Леди Саядав написал свою работу об осознанном дыхании на бирманском языке, но с использованием множества палийских терминов, поясняет, почему тот поступал именно так: «Он всегда считал это очень важным в переводах и исследованиях, поскольку любое сомнение, которое может возникнуть при переводе, снимается палийскими терминами и разъяснениями их значения, что позволяет сохранить ясный и определённый смысл, который может отличаться в различных контекстах, где эти слова используются» [7, с. 10]. Соответственно, верно и обратное: неиспользование оригинальных буддийских терминов, палийских или санскритских, в исследовании или при переводе, ведёт к неясности и неопределённости переведённого текста, к его сомнительности. Однозначная замена санскритского термина русским, английским и т.д., без упоминания

санскритского оригинала, вводит в заблуждение и является той самой «лакунизацией» терминологии, о которой и говорит В.Б. Коробов. Но, если мы занимаемся научным изучением буддийской философии, необходимо в первую очередь обратиться к скрупулёзному, подробнейшему терминологическому анализу буддийской философской литературы. И именно на этом анализе, как на фундаменте, строить своё дальнейшее исследование.

Но я предлагаю и некоторое новшество – переводы санскритских текстов могут и должны быть многозначными, то есть одно и то же высказывание на санскрите можно переводить по-разному, создавая два и более вариантов перевода, что будет адекватным решением проблемы несомненной многозначности буддийского философского текста. Кроме того, желательно в сносках или прямо в тексте приводить развёрнутые списки словарных значений всех или по крайней мере основных санскритских понятий переводимого текста, дабы предоставить возможность вдумчивому читателю поработать над изучаемым им текстом, проверить адекватность предлагаемого переводчиком перевода. Полнота подстрочника к переводу даже может предоставить возможность самому читателю предложить собственные варианты перевода данного текста. И при этом не надо питать иллюзий, по причинам на которые было указано ранее, что мы можем выразить мысль Васубандху или Дхармакирти или любого иного индийского буддийского автора на русском языке именно так, как её выразил бы сам этот автор. Но мы можем постараться приблизиться в той мере, объём которой, впрочем, не ясен нам самим, к тому пониманию текста, которым обладал его индийский буддийский автор. И этот факт неизбежной ограниченности нашего понимания следует признать.

Согласно немецкому философу XX века Г.-Г. Гадамеру, главное в деле прочтения философского текста – это не историческо-философское прояснение отдельных понятий, но возобновление мыслительного напряжения, «которое дает о себе знать на разрывах философского словоупотребления, где понятие «коробится» под усилием мысли» [1, с. 41–42]. Очевидно, что и творцы буддийской философии занимались своим творчеством не в духе научно-технического (т.е. описательно-ремесленного) подхода к осмыслению сути языка и жизни, но, не дробя язык на формы «обыденного», «философского» и так далее, просто жили в духе истины. И о прочной связанности подлинного философского языка с живой речью хорошо и правильно, думается, высказался Г.-Г. Гадамер: «...идеал философского языка – не максимальная отрешенность приведенной к терминологической однозначности номенклатуры от жизни языка, но восстановление связи понятийного мышления с языком и с совокупностью присутствующей в языке истины» [1, с. 43]. Выражением полного согласия с процитированным высказыванием Г.-Г. Гадамера мне и хотелось бы завершить свой доклад.

Библиографический список

1. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. – М., 1991. – 367 с.
2. Далай-лама. Все, что вы хотели спросить у Далай-ламы / Далай-лама, Раджив Мехротра. – М., 2011. – 256 с.
3. Коробов, В.Б. Опыт функционального описания буддийской дхьяны / В.Б. Коробов // Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока: сб. науч. ст. – Новосибирск, 1990. – С. 89–103.
4. Кочергина, В.А. Санскритско-русский словарь / В.А. Кочергина. – М., 1978. – 943 с.
5. Ньянатилока. Слово Будды / Ньянатилока. – СПб., 2002. – 108 с.
6. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 2003. – 1200 с.
7. Осознанное дыхание и теория дхамм / пер. с англ. Д. Устьянцева. – М., 2012. – 160 с.
8. Розенберг, О.О. Труды по буддизму / О.О. Розенберг. – М., 1991. – 295 с.
9. Собрание основоположений Закона («Дхарма-санграха») / пер. с санскр., вступл. и комм. В.П. Андросова // Буддизм Нагарджуны. – М., 2000. – С. 451–608.
10. Шохин, В.К. Школы индийской философии. Период формирования / В.К. Шохин. – М., 2004. – 415 с.
11. Щербатской, Ф.И. Избранные труды по буддизму / Ф.И. Щербатской. – М., 1988. – 427 с.
12. Щербатской, Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов / Ф.И. Щербатской. – СПб.: Аста-пресс Ltd, 1995. – Ч. 1. – 395 с.
13. Encyclopedia of Buddhism / edited by Robert E. Buswell, 2004. – 1040 p.
14. Monier-Williams, M. A Sanskrit-English Dictionary / M. Monier-Williams. – Delhi, 1997. – 1367 p.

[К содержанию](#)

УДК 378.016:81

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА НЕЯЗЫКОВЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ

О.В. Лепаловская

Статья посвящена проблеме низкого уровня мотивации студентов к изучению предмета «Иностранный язык». Рассматривается роль учебной мотивации, а также особенности ее формирования у студентов.

Ключевые слова: иностранный язык, мотивация, учебная мотивация, мотивы, внутренняя и внешняя мотивация.

Сегодня становится совершенно очевидным, что в современном мире на рынке труда наиболее востребованными являются специалисты, свободно владеющие иностранными языками.

Кроме того, в соответствии с требованиями ФГОС, знание иностранного языка является одной из тех компетенций, которыми должен владеть современный выпускник.

Однако, не смотря на все это, языковая подготовка выпускников неязыковых направлений оставляет желать лучшего.

Одной из основных причин, влияющих на качество знаний иностранного языка у студентов, является отсутствие у них необходимой мотивации к изучению. Проблема формирования этой мотивации является одной из наиболее актуальных в современном образовании.

Существует множество подходов к определению понятия «мотивация» и методам ее изучения. Так, согласно В.К. Вилюнасу, мотивация – это совокупная система процессов, отвечающих за побуждение и деятельность [2, с. 64]. Е.П. Ильин считает мотивацией психический процесс, преобразовывающий внешние воздействия во внутреннее побуждение [4, с. 64]. И.А. Зимняя, определяет мотивацию как 1) совокупность побуждений, вызывающих и определяющих активность; 2) процесс образования, формирования мотивов, характеристика процесса, который стимулирует и поддерживает поведенческую активность на определенном уровне [3, с. 64].

Таким образом, мотивация – это побудительный процесс, управляющий поведением человека, определяющий его способность к реализации тех или иных потребностей.

Как частный вид мотивации выделяют учебную мотивацию. К. Маркова, Т.А. Матис, А.Б. Орлов под мотивом учебной деятельности понимают направленность учащегося на отдельные стороны учебной работы, связанную с внутренним к ней отношением [5, с. 64]. Б. Вернер главной задачей мотивации учения считает такую организацию учебного процесса, которая максимально способствует раскрытию внутреннего мотивационного потенциала личности студента [6, с. 140].

К факторам, оказывающим влияние на учебную мотивацию, относят образовательную систему; образовательное учреждение, организацию образовательного процесса, специфику учебного предмета, а также субъективные особенности преподавателя [5, с. 57].

Структура учебной мотивации имеет достаточно сложную структуру. Б. Вернер [6] выделяет следующие мотивы, которые являются компонентами учебной мотивации:

- гражданский (учение как подготовка к будущей жизни в обществе);
- познавательный (приобретение знаний и навыков);
- социальной идентификации с преподавателем (соответствует требованиям преподавателя и высоких учебных достижений студентов);
- социальной идентификации с родителями (соотносится с ожиданиями родителей в области учебы и поведения);
- переживания (связан с привлекательностью учебного материала, его разнообразием и занимательностью);
- материальный (учение как предпосылка материальной обеспеченности в будущем);
- значения (приобретение и поддержание высокого социального престижа среди сверстников).

Учебная деятельность побуждается разнообразными мотивами, одни из которых являются ведущими для студента, а другие – второстепенными. Ведущие мотивы – это внутренние мотивы, связанные с личностным значением учебной деятельности для студента, в то время как второстепенные, внешние, обусловлены внешними факторами.

А.К. Маркова выделяет познавательные и социальные мотивы учебной деятельности. В познавательной мотивации она выделяет следующие уровни: широкие познавательные мотивы (ориентация на овладение новыми знаниями и фактами); учебно-познавательные мотивы (направленность на усвоение способов самостоятельного приобретения знаний); мотивы самообразования (приобретение дополнительных знаний с целью построения программы самосовершенствования). К социальным мотивам она относит следующие уровни: широкие социальные (долг и ответственность, понимание социальной значимости учения); узкие социальные или позиционные мотивы (стремление занять определенную позицию в отношениях с окружающими, получить их одобрение); мотивы социального сотрудничества (ориентация на разные способы взаимодействия с другими людьми) [5, с. 52].

Проблема формирования мотивации студентов к изучению иностранного языка вызывает постоянный интерес ученых и преподавателей высшей школы. Это связано с необходимостью повышения уровня иноязычной подготовки будущих специалистов и потребностью в разработке методик, способствующих формированию мотивации к изучению иностранного языка у студентов.

Среди факторов, затрудняющих формирующее развитие внутренней мотивации студентов, отмечают следующие: низкий уровень языковой подготовки, полученной в школе, отсутствие мотивов учебной деятельности и навыков самостоятельного приобретения знаний; недостаточный уровень владения преподавателем современными образовательными технологиями.

При устном опросе студентов, нами был сделан вывод о том, что подавляющая часть студентов при изучении иностранного языка в вузе движима социальным мотивом («нужно по учебной программе»). То есть можно сказать, что процесс учебы для них – вынужденный. Небольшая часть студентов указывает на мотив самоутверждения («стать хорошим специалистом»). И лишь немногие студенты имеют внутреннюю мотивацию – изучают иностранный язык, потому что это им нравится.

Студентами в основном движут внешние мотивы, при этом присутствует значительная доля негативной мотивации («для того, чтобы не отчислили», «чтобы не поставили двойку»). При этом, возникает некое противоречие, поскольку престиж владения иностранным языком и его важность в общественной жизни выросли, и, казалось бы, положительной мотивации должно быть больше.

Абсолютно ясно, что назрела необходимость в принятии определенных действий, направленных на стимулирование у студентов внутренней мотивации. То есть необходимо создавать такие условия, при которых у учащихся возникает личная заинтересованность и потребность в изучении иностранного языка.

Поскольку внутренняя мотивация является наиболее важной для человека, напрямую определяющей успешность учебной деятельности, основная задача преподавателя иностранного языка состоит в обеспечении условий перехода студентов от внешней мотивации к внутренней при изучении иностранного языка, а также в создании развивающей образовательной среды, в которой каждый студент мог бы реализовать свои возможности и потребности в изучении иностранного языка.

В качестве основного способа повышения мотивации студентов и эффективности занятий по иностранному языку специалисты считают введение современных технологий и активных методов обучения в образовательный процесс по иностранному языку на всех этапах подготовки и проведения занятий.

Среди большого многообразия имеющихся сегодня в теории и практике активных методов обучения особенно выделяются:

1) «кейс технологии». Это обучение на основе конкретных учебных ситуаций. Непосредственной целью кейс-метода является совместное обсуждение и анализ ситуации группой студентов, выработка практического решения с последующим выбором лучшего в контексте поставленной проблемы;

2) рефлексия как метод самопознания. Представляет собой такую организацию учебного процесса, при которой обучающийся тщательно размышляет над своей деятельностью, особенно в отношении возможности применить полученные знания в реальной жизненной ситуации, при этом он находится под руководством опытного преподавателя;

3) метод проектов. Разновидность игрового метода, имеющий, как результат коллективной групповой деятельности, конечный продукт.

При использовании подобных методов обучения, возникает более высокий уровень эмоциональной составляющей в процессе изучения иностранного языка. Процесс обучения иностранным языкам начинает носить все более креативный характер, способствуя развитию познавательной самостоятельности студентов. Подобная работа студентов, непосредственно перекликающаяся с их насущными интересами, стимулирует мотивацию к изучению иностранного языка за счет наглядности применения полученных знаний в ситуациях, приближенных к реальной жизни.

Библиографический список

1. Букина, А.Н. Воспитание и мотивация учебной деятельности студентов / А.Н. Букина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1994. – С. 103.
2. Вилюнас, В.К. Теория деятельности и проблема мотивации / В.К. Вилюнас. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – С. 191–200.
3. Зимняя, И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И.А. Зимняя. – М.: Просвещение, 1991. – С. 124.
4. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2000. – С. 65, 68, 253.
5. Маркова, А.К. Мотивация учения и ее воспитание у школьников / А.К. Маркова, А.Б. Орлов, Л.М. Фридман. – М., 1983. – С. 64.
6. Werner, V. A theory of motivation for some classroom experiences // Journal of Educational Psychology. – 1999. – 240 p.

[К содержанию](#)

УДК 902.3 + 739.2(09)

О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ КИЧИГИНСКОЙ ЗООМОРФНОЙ ГРИВНЫ

М.П. Чубаева

В статье автор проводит стилистический анализ зооморфной гривны, найденной в с. Кичигино в 2007 г., приводит аналогии из других регионов и делает вывод о стилистической принадлежности гривны к скифо-сибирскому звериному стилю.

Ключевые слова: Скифо-сибирский звериный стиль, Кичигино, гривны, кочевники, ранний железный век.

На протяжении всей своей истории, человек стремился познать мир, и реализовывая свой творческий потенциал, он создавал произведения искусства. Пытаясь понять смысл природных явлений, творец, повторяя увиденные в окружающей среде формы, создавал обыденные вещи, наполненные мифологическим содержанием.

Все произведения декоративно-прикладного искусства вплоть до настоящего времени украшались символическими изображениями, принося в обычные вещи, не только эстетическую, но и защитную функцию. Любой предмет, а в особенности предметы личного пользования, создавали в виде почитаемых персонажей или знаков, обозначающих их.

В данной статье будет рассмотрена единственная зооморфная гривна найденная в 2007 г. в Челябинской области в Южноуральском районе в селе Кичигино (курган 3, могильная яма 5) и датированная V–IV вв. до н.э. [1]. В настоящее время предмет хранится в Челябинском областном краеведческом музее (рис.).

Кичигино I кург. 3, мог. 5, гривна

В I тыс. до н.э. территорию Южного Урала и Евразии населяли кочевые племена со схожей культурой, а также бытом и мировоззрением. Эти этнические образования, называемые общностью культур скифского облика или скифо-сибирским миром, имели три общих признака, называемые «скифской триадой», в которую входило оружие, конская упряжь и скифо-сибирский звериный стиль [5].

Кочевые племена, создавшие удивительное явление в мировом искусстве, как скифо-сибирский стиль, не имели точных аналогий или источников заимствования. Само понятие стиль, многозначно, но оно обозначает, прежде всего, цельность, общность художественных форм и образной системы. Интересующий нас скифо-сибирский стиль характеризующийся, прежде всего, господством зооморфных образов, обладал длительным и устойчивым бытованием строгих форм и канонов изображения животных, причем только трех видов: хищники, копытные и птицы. Некоторые исследователи, например, Раевский Д.С., Мартынов А.И., связывают их с тремя зонами мироздания: нижний мир (подземный) – хищники, земноводные, средний мир – копытные, мир живых, верхний (небесный) – птицы [4]. Существовал канон и в изображении поз животных, использовался только ограниченный набор, зависящий от вида. Добавляя мифологического содержания в изделия, мастер сознательно преувеличивал «важные» детали: когти, зубы, уши, глаза. Уникальным для стиля был орнаментализм и стилизация в моделировке поверхности тела – детали составлены из сходящихся под углом плоскостей, образующих грани.

Гривна, датированная V–IV вв. до н.э. и найденная на территории Южного Урала, является произведением сарматских мастеров, заимствовавших культуру и искусство предшествующих им савроматов. С приходом новых этнических групп, искусство приобрело новые формы. Например, появляется такой вид нательного украшения как гривна, представляющая собой спираль в один или несколько оборотов.

Кичигинская гривна, произведение переосмысленного и измененного скифо-сибирского стиля, представляет собой эллипсоидное кольцо в полтора оборота, на конце которой находятся изображения припавших к земле хищников, возможно волков, образа характерного для территории бытования савроматов. Стилизованное зооморфное изображение, не позволяет точно определить вид животного, только поза – припавшего к земле, говорит о том, что это хищник. Композиционно хищники расположены посередине гривны. В декорировании изделия, имеющего сложный орнамент, видятся отличительные черты преобразованного стиля. Бедро и плечо обозначены спиралями, символизировали солнце, зарождение жизни, бесконечность. Поверхность всего тела зверя дополнительно украшена горизонтальными ритмическими линиями, что имитирует дополнительные спирали вокруг стержня. Голова волка имеет округлую форму с продолговатой пастью, которая также обозначена спиралью. Глаз миндалевидный, нижний край глаза декорирован тремя вертикальными линиями.

Гривна выполнена путем обкладки золотым листом бронзовой круглой в сечении проволоки. Гривна состоит из основы, ее составляет гладкое полукольцо, и зооморфных окончаний, составленных из двух половин с бронзовой основой между ними. Диаметр проволоки в сечении составляет 0,5–0,6 см.

Таким образом, стилеобразующими признаками является миндалевидный глаз, оформление бедра, лопатки и пасти спиральными завитками и рельефные полосы на всем поле изображения.

При внимательном рассмотрении шейного украшения, выявления стилеобразующих признаков и сравнении их с изделиями более ранних образцов скифо-сибирского стиля, мы видим, насколько они различны, даже при заимствовании художественной формы. Королькова Е.Ф. выделяет в изображениях савроматских хищников следующие стилистические и иконографические особенности: преобладание волчьих образов, позы лежащего или «припавшего к земле» хищника, удлиненность пропорций, вытянутость морды, подчеркивание устрашающих черт животного – оскаленная пасть, огромные когти, орнаментальная трактовка поверхности тела в виде ритмических линий. Происхождение таких черт Королькова связывает с регионами Южной Сибири, Алтая и Средней Азии [2]. Как мы видим, гривна из Кичигинского кургана выполнена с долей стилизации и условности на это указывает отсутствие в изображении лап животного, выделена только голова, бедро и лопатка. Отсутствие у гривны стилеобразующих черт, а именно нет акцентировки мировоззренческих «важных» частей тела – устрашающей пасти с клыками, лап с когтями, отсутствие в декорировании поверхности тела сходящихся под углом плоскостей и замена всего этого на декоративные элементы – спиральные завитки и ритмические рельефные линии, говорит о том, что гривна выполнена носителями совсем другой культуры.

Наиболее близкими аналогиями являются гривны из Ставропольского (Казинского) клада [3]. Три гривны из Ставропольского клада имеют общие черты, но одна из них № 2 наиболее близка Кичигинской. Ставропольскую и Кичигинскую гривну объединяет поза хищника – припавшего к земле (передние и задние ноги расположены под туловищем и образуют единую линию), удлиненные, вытянутые пропорции, наличие спиральных завитков на бедрах и лопатке, ритмичные рельефные полосы на туловище животного, параллельные горизонтальные полосы над лопаткой. Около глаза у хищников есть небольшая линия. Автор статьи Королькова Е.Ф. утверждает, что предметы из Казинского клада связаны с восточными районами, а именно с территорией Южного Урала. Этот вывод сделан формальным анализом и сравнением стилеобразующих черт гривен с различными изделиями, происходящих с других регионов.

М.И. Ростовцев отмечает схожесть Ставропольских гривен с золотой гривной из 1 Прохоровского кургана, подчеркивая при этом иранский источник таких украшений. Артамонов М.И. видел близкие аналогии гривнам в предметах савроматского времени, а именно длинномордые оскалившиеся хищники из с. Абрамовка (рукоять нагайки) и Пятимаров 1. Королькова Е.Ф. приводит следующие аналогии: золотая бляшка из Суловского могильника в Нижнем Поволжье, изделия из Филипповских курганов [1, 8], с территории Алтая также приведены аналогии, это зооморфные окончания с деревянными резными фигурками хищников, которые украшали гривны из курганов Уландрыка. Все аналогии датированы V–IV вв. до н.э.

Сравнивая аналогии, приведенные выше, можно сказать, что Кичигинская гривна стилистически входит в круг этих памятников.

Таким образом, Кичигинскую гривну можно отнести к скифо-сибирскому звериному стилю только по использованию зооморфных мотивов, которые стали постепенно превращаться в орнамент, а затем и вовсе исчезли.

Зооморфная гривна, предмет творчества мастеров кочевых племен, является народным искусством. В ней отражено, прежде всего, мифологическое понимание образа хищника, как олицетворения силы, мужества, опасности и успеха в достижении поставленных целей. Предметы народного искусства не возможны без утилитарного применения. Здесь магические функции соединены с художественно-бытовыми. Большинство сохранившихся ювелирных произведений скифо-сибирского стиля являлись символами наличия власти, высокого статуса владельца. По археологическим данным, нам известно, что гривна принадлежала пожилой женщине, в могиле которой находились предметы оккультного характера – зеркало, бронзовый котелок, железные ножи, шило и др. Наличие в могиле этих предметов указывает нам, что женщина при жизни имела не только возможную политическую власть, но и обладала властью отправления различных культов.

Библиографический список

1. Боталов, С.Г., Новый памятник кочевой знати IV в. до н. э. в Южном Зауралье / С.Г. Боталов, А.Д. Таиров // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: «Маргулановские чтения – 2008»: сб. статей. – Караганда, 2009. – С. 24–30.

2. Королькова, Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности: монография / Е.Ф. Королькова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 272 с.

3. Королькова, Е.Ф. О возможности атрибуции Ставропольского (Казинского) клада / Е.Ф. Королькова // АСГЭ: сб. науч. тр. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 1995. – Вып. 32. – С. 77–89.

4. Мартынов, А.И. О мировоззренческой основе искусства скифо-сибирского мира / А.И. Мартынов // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология: сб науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Наука, 1987. – С. 13–25.

5. Переводчикова, Е.В. Языки звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи: монография / Е.В. Переводчикова. – М.: «Восточная литература» РАН, 1994. – 206 с.

6. Переводчикова, Е.В. Произведения скифского звериного стиля из 1-го Филипповского кургана в контексте искусства кочевников Южного Урала / Е.В. Переводчикова, А.Д. Таиров // Нижневолжский археологический вестник: сборник статей. – 2010. – Вып. 11 – С. 198–212.

7. Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопов Филипповских курганов): каталог / под общ. науч. ред. Л.Т. Яблонского. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2008. – 144 с.

8. Таиров, А.Д. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) / А.Д. Таиров, С.Г. Боталов, М.Л. Плешанов // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» Оренбург, 21–25 апреля 2008 г.: сб. статей / отв. ред. Л.Т. Яблонский. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. – С. 139–145.

[К содержанию](#)

УДК 378.041 + 378.147.88

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ И ФГОС ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Е.Ю. Орлова, О.В. Пушкарева

Исследовано понятие самостоятельной работы студентов с позиций федерального государственного стандарта нового поколения, виды самостоятельной работы, ее значение в образовательном процессе.

Ключевые слова: самостоятельная работа студента, ФГОС, компетенция.

Самостоятельная работа студента (СРС) в традиционном понимании это деятельность в процессе обучения в аудитории и во внеаудиторное время, выполняемая по заданию преподавателя, под его руководством, но без его непосредственного участия.

Цель СРС – это систематическое изучение дисциплин в течение семестра, закрепление и углубление полученных знаний, умений и навыков, подготовка к предстоящим занятиям, а также формирование культуры умственного труда и самостоятельности в поиске и приобретении новых знаний. СРС в педагогической литературе трактуется как метод обучения, при кото-

ром познавательная деятельность протекает в полном соответствии с индивидуальными особенностями, уровнем образования, опытом, в специально созданных для этого организационных условиях; как планируемая учебная, самообразовательная или научная работа, выполняемая студентами по заданию преподавателя и при его помощи; как вид учебной деятельности, выполняемый учащимся без непосредственного контакта с преподавателем или управляемый преподавателем опосредованно через специальные учебные материалы; и, наконец, как творческая деятельность студентов, направленная на приобретение ими новых знаний и навыков [2, 3, 4, 5, 6, 10 и др.].

СРС позволяет снять противоречие между средним уровнем восприятия и усвоения учебного материала в группе и индивидуальными возможностями студента. Позволяет ликвидировать пробелы в знаниях. СРС играет также заметную роль в формировании личности будущего специалиста и бакалавра.

СРС бывает аудиторная, в присутствии преподавателя, который дает задания и помогает студентам их выполнять. Бывает внеаудиторная СРС, учебная, научная.

Характер СРС может быть репродуктивным (самостоятельное прочтение, конспектирование учебной литературы и др.), познавательно-поисковым (подготовка презентаций и выступлений, выполнение домашних заданий, написание рефератов, контрольной, курсовой работы) и творческим (подготовка эссе, выполнение специальных творческих заданий, подготовка дипломной работы и др.). Это зависит от методов СРС.

Формы и виды СРС:

- самостоятельное ознакомление с лекционным материалом, представленным на видео-, аудио-, CD-носителях (электронные лекции);
- собеседование (консультация), если его проводят студенты между собой или с другим преподавателем в рамках деловой игры, проекта во внеаудиторное время;
- практическое занятие (например, подготовка самостоятельной аналитической работы), если студент работает один, выполняя конкретное задание во внеаудиторное время;
- тестирование, если оно проводится в компьютерном классе в индивидуальном режиме во внеаудиторное время;
- кейс-стади, если ознакомление с ситуацией и подготовка ответов на проблемные вопросы проводятся во внеаудиторное время с последующим обсуждением кейса в аудитории;
- изучение рекомендуемых информационных источников с последующим реферированием, конспектированием; ответом на поставленные вопросы; выполнением письменных заданий (эссе, реферата, курсовой работы); а также с подготовкой устных докладов, презентаций;
- поиск информации по теме с последующим устным представлением в аудитории, письменным изложением, использованием для выполнения конкретного задания, расчета.

Отдельно можно выделить самообучение, интерактивное самообучение, диалогическое самообучение и самостоятельную аналитическую работу.

Самообучение – модель образования, в которой собственная самостоятельная самоуправляемая учебная деятельность обучающегося является главной, ведущей, а деятельность преподавателя содействующей, способствующей эффективному обучению. Самообучение как образование может выходить за рамки обязательного обучения. Содержание самообразования может быть связано с профессиональной образовательной программой, дополнять ее и касаться совершенно других аспектов развития студентов. Самообразование любого содержания оказывает влияние на человека и развивает, в том числе, те стороны его личности, которые могут оказаться полезными в его профессиональной деятельности.

Внеаудиторная СРС (ВСРС) происходит без присутствия преподавателя. Здесь многое зависит от готовности студента к ВСРС вообще (компетенций самоуправления, знания материала, активности, целеустремленности). Готовность к ВСРС включает направленность на нее личности студента, образованность, владение общеучебными компетенциями, наличие определенных личностных качеств.

СРС может быть организована разными методами. Современные требования к методам учебно-педагогического взаимодействия – их активный и интерактивный характер. Интерактивное образование – модель обучения, в которой осуществляется постоянное взаимодействие преподавателя и обучающихся (в том числе и между собой) в течение всего процесса обучения, реализуется постоянный мониторинг учебной деятельности обучающегося, целенаправленный распределенный текущий контроль. В интерактивном обучении, по сравнению с традиционными технологиями, меняется роль преподавателя. Его активность уступает место активности самих обучаемых, задача же преподавателя – управление процессом обучения и развития, организация взаимодействия обучающихся, создание условий для их инициативы и творческого поиска эффективных решений в конкретных ситуациях. Здесь возрастает значимость самостоятельной работы студента и самостоятельности как черты личности, которая также развивается, формируется в студенческие годы.

Диалогическое образование – модель самообучения, основанная на прямом, индивидуализированном, двухстороннем взаимодействии преподавателя и обучающегося. В этом случае приоритетным является собственная самостоятельная учебная деятельность обучающегося, а преподавание ведется в форме консультаций.

Самостоятельная аналитическая работа имеет цель – научиться осмысливать полученные теоретические знания и уметь применять их на практике, анализируя статистические данные и периодические издания по изученному вопросу и излагая сделанные выводы.

ФГОС третьего поколения определяет виды деятельности, к которым готовится будущий бакалавр. Например, бакалавр по направлению подготовки 270800 Строительство готовится к следующим видам профессиональной деятельности: «изыскательская и проектно-конструкторская; производственно-технологическая и производственно-управленческая; экспериментально-исследовательская; монтажно-наладочная и сервисно-эксплуатационная» [1]; бакалавр по направлению подготовки 030900 Юриспруденция «готовится к следующим видам профессиональной деятельности: нормотворческая; правоприменительная; правоохранительная; экспертно-консультационная; педагогическая (преподавание правовых дисциплин в образовательных учреждениях, кроме высших учебных заведений)» [1]. В области каждого вида деятельности бакалавр должен уметь решать профессиональные задачи, требующие наличия специфических компетенций и самостоятельности.

В ФГОС сформулированы компетенции, которые предполагают в своем компоненте содержания самостоятельность (умение самостоятельно мыслить, действовать, руководить другими людьми). Это и общекультурные компетенции, и профессиональные, компетенции, предполагающие самостоятельность в организации работы других людей.

ФГОС третьего поколения, например, для направления «Строительство» предполагает формирование следующих умений: **самостоятельно** вести анализ и осмысление принципиальных вопросов мировоззрения, постоянно находившихся в поле внимания философов, и глубоко волнующих людей (общекультурные компетенции), **самостоятельно** использовать математический аппарат, содержащийся в литературе по строительным наукам, расширять свои математические познания (профессиональные компетенции); для направления «Юриспруденция»: умение **самостоятельно** осваивать прикладные экономические знания, необходимые для работы в конкретных сферах юридической практики (общекультурные компетенции); способность управлять **самостоятельной** работой обучающихся (профессиональные компетенции) [1].

Как видим, «самостоятельность» отдельно выделяется как компонент и общекультурных компетенций, и профессиональных. Если она не выделяется особо, то предполагается (ОК: «владение культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения; умение критически оценивать свои достоинства и недостатки, намечать пути и выбирать средства развития достоинств и устранения недостатков; стремление к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства») [1].

В ФГОС ВПО определена также структура ООП (основной образовательной программы) бакалавриата.

В структурной единице ООП «Учебные циклы и проектируемые результаты их освоения» специально указываются компетенции, в компоненте которых содержатся умения и навыки, предполагающие самостоятельность будущего бакалавра.

В ООП определена общая трудоемкость ее и отдельных разделов. Описаны и регламенты для СРС. В п.7.6. ФГОС ВПО говорится: «Максимальный объем учебных занятий обучающихся не может составлять более 54 академических часов в неделю, включая все виды аудиторной и внеаудиторной (самостоятельной) учебной работы по освоению основной образовательной программы и факультативных дисциплин, устанавливаемых вузом дополнительно к ООП и являющихся необязательными для изучения обучающимися» [1]. Если соотнести это требование с общей трудоемкостью ООП, указанной в ФГОС, это означает, что СРС вне аудиторных занятий должна занимать примерно столько же времени, сколько и аудиторная работа студентов.

В ООП (в учебном плане направления (профиля) подготовки) СРС указана как организационная форма обучения, наряду с лекциями, практическими занятиями, семинарами, лабораторными работами, практиками. Когда мы говорим о СРС в этом смысле, она включает только внеаудиторную работу студентов (ВСРС, УИРС, НИРС) [9, 11, 12, 15, 16 и др.].

В широком же смысле в СРС включается и работа студентов на занятиях, во время практик, при написании выпускных работ.

В ФГОС есть новые требования к тому, какие методы учебно-педагогического взаимодействия предпочтительны и даже обязательны. «7.3. Реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбора конкретных ситуаций, психологических и иных тренингов) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. В рамках учебных курсов должны быть предусмотрены встречи с представителями российских и зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов» [1].

Эти методы и формы заложены в шаблон рабочей программы дисциплины и обязательны для выполнения всеми преподавателями.

Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, определяется главной целью ООП бакалавриата, особенностью контингента обучающихся и содержанием конкретных дисциплин, и в целом в учебном процессе они должны составлять не менее 20 процентов аудиторных занятий. Занятия лекционного типа для соответствующих групп студентов не могут составлять более 40 процентов аудиторных занятий» [1].

Поскольку СРС большей частью происходит не на учебных занятиях, а задачи воспитания и развития решаются в социальном общении студента,

ФГОС предусматривает обязанность вуза «сформировать социокультурную среду, создать условия, необходимые для всестороннего развития личности» [1]. Это относится в большей степени к работе кураторов, заместителей деканов по воспитательной работе.

Студент должен быть обеспечен пакетом методических рекомендаций по организации, проведению и выполнению самостоятельной работы. В ФГОС четко регламентирует методическое обеспечение СРС. «Основная образовательная программа должна обеспечиваться учебно-методической документацией и материалами по всем учебным курсам, дисциплинам (модулям) основной образовательной программы. Содержание каждой из таких учебных дисциплин (модулей) должно быть представлено в сети Интернет или локальной сети образовательного учреждения. Внеаудиторная работа обучающихся должна сопровождаться методическим обеспечением и обоснованием времени, затрачиваемого на ее выполнение» [1].

Многие факультеты сегодня создают информационные порталы, в которых ведется учет всех видов СРС, на занятиях и внеаудиторной деятельности. Даже если такого портала не существует, студент должен иметь возможность найти всю необходимую информацию в библиотеке, путем поиска электронных ресурсов, о чем тоже указано во ФГОС: «Каждый обучающийся должен быть обеспечен доступом к электронно-библиотечной системе, содержащей издания по основным изучаемым дисциплинам и сформированной по согласованию с правообладателями учебной и учебно-методической литературой» [1].

Есть контрольные цифры, которые позволят обеспечить студентам свободный доступ к источникам (не менее чем для 25 процентов обучающихся); укомплектованность и/или электронными изданиями основной учебной литературы по дисциплинам базовой части всех циклов не менее 25 экземпляров таких изданий на каждые 100 обучающихся. В СРС студенты используют учебную, методическую и научную литературу, которую они могут подбирать самостоятельно, а некоторые источники им рекомендуют преподаватели. Их включают в списки дополнительной литературы, и они также должны быть в библиотеке университета «в расчете 1–2 экземпляра на каждые 100 обучающихся» [1]. При этом «электронно-библиотечная система должна обеспечивать возможность индивидуального доступа для каждого обучающегося из любой точки, в которой имеется доступ к сети Интернет» [1].

Библиографический список

1. Федеральные государственные стандарты ВПО // Российское образование. Федеральный портал. – URL: <http://www.edu.ru/db/portal/spe/3v/220-207m.htm>.
2. Беляева, А. Управление самостоятельной работой студентов / А. Беляева // Высшее образование в России. – 2003. – № 6. – С. 105–109.

3. Емельянов, В. Студенты об адаптации к вузовской жизни / В. Емельянов // Социологические исследования. – 2001. – № 9. – С. 77–82.
4. Зелеева, В.П. Совершенствование работы кураторов студенческих групп / В.П. Зелеева // Разработка модели системы воспитания в высшем учебном заведении. Отчеты о научно-исследовательской работе. – Казань: Из-во КГУ, 2000. – С. 20–26.
5. Жуков, А.Е. Организация самостоятельной работы студентов в высшей школе. Дидактические средства, технологии, программы: монография / А.Е. Жуков, А.В. Симоненко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
6. Кибанов, А.Я. Организация самостоятельной работы студентов: учебное пособие / А.Я. Кибанов, Н.И. Заичкин, Т.В. Лукьянова и др.; под ред. А.Я. Кибанова. – ГУУ. – М., 2006. – 136 с.
7. Ковалева, Т. М. Профессия «тьютор» / Т.М. Ковалева, Е.И. Кобыща, С.Ю. Попова (Смолик), А.А. Теров, М.Ю. Чередилина. – М.–Тверь: СФК-офис, 2012. – 246 с.
8. Методические рекомендации для эксперта по анализу содержания и качества подготовки по основной образовательной программе (направлению и специальности) высшего учебного заведения. – М.: Государственная инспекция по аттестации учебных заведений России при Министерстве образования Российской Федерации, 2002. – 22 с.
9. Организация, формы и методы проведения учебных занятий и самостоятельной работы: требования, условия, механизмы: учебно-методическое пособие / под ред. Н.А. Волгина, Ю.Г. Одегова. – М.: Изд-во Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова, 2004.
10. Первокурснику – об университете / сост. Г.Л. Козлова; ГУУ. – М., 2004.
11. Положение «О научно-исследовательской работе студентов в Южно-Уральском государственном университете». – URL: <http://info.susu.ac.ru/>.
12. Соловьева, Н.Н. Основы подготовки к научной деятельности и оформление ее результатов (для студентов и аспирантов) / Н.Н. Соловьева. – М.: АПКИПРО, 2001.
13. Смолянинова, О.Г. Инновационные технологии обучения студентов на основе метода Case Study / О.Г. Смолянинова // Инновации в российском образовании: сб. – М.: ВПО, 2010.
14. Ситуационный анализ, или анатомия Кейс-метода / под ред. Ю.П. Сурмина. – Киев: Центр инноваций и развития, 2012.
15. Смолкин А.М. Методы активного обучения / А.М. Смолкин – М.: Высшая школа, 1991. – 176 с.
16. Франциферов, Ю.В. От реферата к курсовой, от диплома к диссертации: практическое руководство по подготовке, изложению и защите научных работ / Ю.В. Франциферов, Е.П. Павлова – М.: Книга-сервис, 2003.
17. URL: <http://www.surgpu.ru/news/kompyuternaya-simulyatsiya-kak-interaktivnaya-forma-obucheniya#ixzz2Zkk8IUrl>.

[К содержанию](#)

НАУКА ЮУрГУ
Материалы 66-й научной конференции
СЕКЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Текстовое электронное издание

51,7 Мб
1 оптический компакт-диск

Компьютерная верстка электронной версии *Е.В. Федоровой*
Дизайн обложки диска *А.С. Шахрай*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано к использованию 09.07.2014.
Тираж 100 экз. Заказ 251.

454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76